КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЯНВАРЬ
1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVI, 1897 г. Январь.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССИИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** 1—31

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** 32—91

НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА. **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . 112—124

IV. СВОДЪ ДАННЫХЪ О ЯНѢ ОРЫШЕВСКОМЪ, ЗАПОРОЖСКОМЪ ГЕТМАНѢ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ. **А. Стороженка** . . . . 125—145

VI. ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. **А. Л.** . . . . 145—150

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. б) Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи въ Лебединѣ. в) Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго. **Н. Ѳ. Сумцова** г) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Сообщилъ **О. Л.** д) Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату 25 февраля. 1821 г. Сообщилъ. **Н. М.** е) Рубанъ Василій Григорьевичъ **А. Л.** ж) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г **А. Лазаревскаго.** з) Чаша Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** и) Черниговская губернская ученая архивная коммиссія і) Общество изслѣдователей Волыни. **Н. Бѣляшевскаго.** 1—20

II. БИБЛІОГРАФІЯ а) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. **В. Науменка.** б) Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. **Н. М.** в) Записки наукового товариства імени Шевченка. Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIII. **Н. М** г) Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). **И. Каманина.** д) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. **И. Каманина.** 21—30

ОБЪЯВЛЕНІЯ 1—26

Дозволено цензурою Кіевъ, 2 января 1897 года.

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА I.

Судьба шляхетства въ гетманщинѣ послѣ революціи 1648 г.—Условія развитія новаго панства.—Просьбы объ уравненіи козацкихъ старшинъ съ русскими табельными чинами.—Наказы депутатамъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія.—Объединительная политика Екатерины II до 1781 г.

Когда „Новый Моисей“ вызволилъ украинское козачество и простонародье изъ подъ панскаго ярма, въ Малороссіи возникла своего рода демократическая республика, при которой существованіе шляхты, какъ сословія, надѣленнаго особыми привилегіями и преимуществами, стало неумѣстнымъ. Къ тому же и шляхты этой осталось мало: королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссесоры и офиціалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654-й годъ засталъ на Украинѣ всего на всего 300 представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Не смотря на то, что ихъ имущественныя и сословныя права были обезпечены договоромъ съ московскимъ царемъ, а подневольный трудъ подданныхъ гарантированъ имъ гетманскими универсалами „подъ строкгимъ каранемъ войсковымъ“ [1]), уцѣлѣвшіе отъ народной мести шляхтскіе недобитки

[1]) Универсалъ Б. Хмельницкаго „З Илѣя“ отъ 31 іюля року 1654 Нѣжинскому полковнику Шумейку дозволяетъ „всей шляхтѣ до своихъ маетностей и староствъ пріежжатъ и оселѣватся“, а поспольству вмѣняетъ въ обязанность отдавать

не только не могли возвратить былого командующаго положенія, но и удержаться въ качествѣ отдѣльнаго сословія. Съ крушеніемъ затѣй Выговскаго ихъ дѣло стало окончательно проиграннымъ. При новыхъ условіяхъ, когда порода сама по себѣ представляла грошевую цѣнность, а власть и значеніе зависѣли исключительно отъ личныхъ способностей или богатства, представителямъ благороднаго сословія, чтобы какъ-нибудь выбиться изъ сѣрой толпы, оставалось плюнуть на свои гербы и дѣлать тоже, что и другіе: воевать, либо торговать. Такъ именно и поступили уцѣлѣвшіе шляхтичи. Шляхетство, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошло въ составъ козачества и быстро растворилось въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацкаго батька" о немъ, какъ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ военной республикѣ, какою стала Малороссія, главное значеніе должно было получить военное сословіе—козачество. Изъ него то и суждено было выдвинуться тому командующему классу, который явился замѣстителемъ шляхты и, мало по малу присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества, получилъ наконецъ юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства. Это былъ классъ „значныхъ" козаковъ, изъ котораго обыкновенно выходили кандидаты на уряды и достоинства.

своимъ панамъ десятую копу: „кождый нехай изъ своего тешитъ: козакъ нехай своего гледитъ и изъ своихъ вольностей постерегаетъ, а до тихъ, которіе не есть приняты до реестру нашего, абы дали покой и въ засѣвкахъ, которіе на ланахъ панскихъ збожье лѣта военного позосѣвали, збожье теперъ позоровали, аби десятую копу дали". Цитируемъ по очевидно испорченной копіи, находящейся въ принадлежащемъ библіотекѣ Харьковскаго университета рукописномъ сборникѣ („Собраніе рѣдкостей", стр. 207—210). Думаютъ, что „послушенство" стало вмѣняться въ обязанность панскимъ подданнымъ только при преемникахъ Хмельницкаго. Очевидно это не совсѣмъ вѣрно. Кромѣ приведенной выдержки, которую, пожалуй, можно и заподозрить, ссылаемся на универсалъ того же Хмельницкаго отъ 17 іюня 1656 г. на маетности Спасскому монастырю: „селяне всѣ абы всякое послушенство отдавали, безъ всякихъ непослушенствъ и турбацій". (Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи; въ „Чтен. въ Историч. Общ. Нестора лѣтописца", кн. V, отд. III, стр. 56).

Украинскій народъ съ половины XVII столѣтія началъ новый періодъ своей исторіи отрицаніемъ аристократическаго порядка вещей, а черезъ 100 лѣтъ пришелъ къ полному подчиненію этому самому порядку. За эти 100 лѣтъ внутренняя жизнь малорусскаго общества проходила, можно сказать, совсѣмъ изолированно отъ внѣшнихъ воздѣйствій. Великая Россія вовсе не навязывала гетманщинѣ своего общественнаго строя. Скорѣе какъ разъ на оборотъ: были случаи, когда русское правительство опиралось на чернь, были случаи, когда оно брало на себя даже защиту этой черни отъ властолюбивыхъ притязаній командующаго класса. Передѣлывать малорусское общество на свой образецъ русское правительство стало только во второй половинѣ XVIII вѣка, когда само это общество успѣло уже организоваться на крѣпостническій ладъ. Воздѣйствовать на малорусскія внутреннія отношенія Великороссія могла развѣ только примѣромъ своего внутренняго строя, но и этотъ примѣръ былъ примѣромъ только для тѣхъ, кто стоялъ на верху общественной лѣстницы, а для низшихъ слоевъ населенія, для поспольства какого-нибудь Пирятина или Золотоноши, онъ былъ не видимъ и не понятенъ. Гораздо большее вліяніе должна была оказать аристократическая Польша. Она передала гетманщинѣ свои шляхетскія и крѣпостническія традиціи, свою культуру и, главнѣе всего, свои шляхетскіе законы.

Само собою понятно, что такого рода внѣшнихъ воздѣйствій недостаточно для того, чтобы среди общества, настроеннаго, повидимому, вполнѣ демократически, вызвать къ жизни особый привилегированный, господствующій надъ массою, классъ. Зародился онъ самъ, безъ внѣшнихъ воздѣйствій, зародился, очевидно, потому, что въ самомъ этомъ обществѣ были условія, вызывающія его появленіе на свѣтъ. Какая внѣ общества стоящая сила вызвала къ жизни „Чумазаго“?. А между тѣмъ онъ родился, развился, окрѣпъ, покоряетъ подъ нозѣ и грозитъ. Малорусскій панъ, только что выбившійся изъ среды рядового козачества и всѣми правдами и неправдами умножающій свои прибытки,—это тотъ же „Чумазый“. Разница не въ типѣ, а въ окружающихъ его условіяхъ. Для пана они были много благо-

пріятнѣе, чѣмъ для „Чумазиго“. „Чумазый“ долженъ выдерживать постоянную борьбу съ сословіемъ, которому онъ идетъ на смѣну; малорусскому пану тратить силу на такую борьбу не приходилось, потому что еще при козацкомъ батькѣ онъ купно съ другими сѣромахами, такими же точно, какимъ въ то время былъ онъ самъ, „загналъ ляшкивъ за Нѣманъ, за Вислу“, и съ тѣхъ поръ забылъ о нихъ думать. Противъ „Чумазаго“—законъ, запрещающій ему, по крайней мѣрѣ, юридически оформить свои владѣльческія отношенія къ закабаленному имъ люду; малорусскому пану, наоборотъ, законъ только благопріятствовалъ: разъ онъ фактически сталъ владѣльцемъ и рыцаремъ, такимъ же точно, какъ и его предмѣстникъ—урожденный шляхтичъ, его юридическія права должны стать тѣми же самыми, какими пользовался шляхтичъ. Это подтверждалъ ему и законъ, самый настоящій писанный законъ. Законъ, доставшійся малорусскому обществу отъ дореволюціоннаго періода, зналъ только одно сословіе, находившееся въ условіяхъ, сходныхъ съ условіями пана,—шляхетство, значитъ, и состояніе, пана не могло подойти подъ иныя нормы закона кромѣ тѣхъ, которыя установлены для шляхетства: другихъ нормъ не было. Къ тому же и толкователи закона были такіе же выбившіеся изъ толпы паны, и не въ ихъ интересѣ было толковать законъ въ невыгодную для себя сторону.

„Чумазый“—въ большинствѣ случаевъ только сила, но не власть.

Малорусскій панъ былъ самою настоящею властью,—властью, больше которой не бываетъ: онъ былъ и судья, и администраторъ, и военачальникъ. Правда, такую огромную власть давалъ ему свободный выборъ его же согражданъ, но вѣдь и „Чумазый“, если попадаетъ въ „излюбленные люди“, то попадаетъ только по свободному выбору. Причины, почему свободный выборъ останавливается на такихъ именно типахъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковы.

Если ограничиться только указанными условіями, то и тогда нельзя не признать ихъ крайне благопріятными для выдѣленія надъ обществомъ особаго командующаго класса, а вѣдь кромѣ

указанныхъ условій были и другія, способствующія тому же процессу.

Процессъ совершался быстро. Мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники присваивали себѣ права настоящей шляхты. Къ концу перваго пятидесятилѣтія пореволюціоннаго періода мы застаемъ ихъ владѣльцами населенныхъ имѣній, имѣющими право на „налетитое послушенство" подданныхъ; они судятся шляхетскимъ правомъ, выбираютъ изъ своей среды урядниковъ на всѣ должности въ краѣ, не платятъ налоговъ и не несутъ общенародныхъ повинностей, ихъ дѣти пользуются особыми преимуществами по службѣ, а образованіе даетъ имъ возможность и по внѣшности, и по развитію превратиться въ особую породу, рѣзко отличную отъ рядового козачества и посполья.

Въ составъ новаго панства вошли многіе изъ уцѣлѣвшихъ недобитковъ шляхетскаго происхожденія, вошли и великорусскіе дворяне изъ числа козацкихъ начальниковъ, получившихъ свою нобилитацію въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе въ огромномъ большинствѣ командующій классъ не могъ имѣть никакихъ претензій на благородство. Да и не имѣлъ: ни шляхетствомъ, ни дворянствомъ онъ въ то время себя не называлъ, скромно оставляя для себя названіе старшины или знатнаго товариства, да и мудрено было присваивать себѣ шляхетское званіе людямъ, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду. О малороссійскомъ шляхетствѣ не упоминало и само правительство: гетманскія статьи конца 17 и начала 18 столѣтій знаютъ только старшину, знатныхъ, начальныхъ или заслуженныхъ людей, знатныхъ козаковъ. О шляхтѣ въ Малороссіи въ то время совсѣмъ забыли.

Терминъ шляхетство вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины; внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда-то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту.

Теперь замѣчаются уже попытки закрѣпить на законномъ основаніи этотъ терминъ за командующимъ классомъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ",

считали возможнымъ, кромѣ лицъ, имѣющихъ по дипломамъ и грамотамъ право на дворянское или шляхетское достоинство, признать шляхтой: старшину воинскаго всякаго званія, считая снизу отъ сотничаго до самыхъ высшихъ чиновъ малороссійскихъ, которые сами за свои службы пожалованы указомъ въ воинскіе чины или вольнымъ избраніемъ, по силѣ указовъ же оные получили, затѣмъ дѣтей и потомковъ гетманскихъ, старшины генеральной, полковничьихъ и прочихъ знатныхъ чиновъ, людей малороссійскихъ даже до сотничьихъ и, наконецъ, всѣхъ тѣхъ, которые были и суть въ званіи бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тверже становились права командующаго класса, а вмѣстѣ съ тѣмъ росли и его претензіи. Къ концу перваго столѣтія со времени народной революціи, упразднившей привилегіи, Малороссія готова была превратиться въ маленькую Польшу, управляемую классомъ, надѣленнымъ тѣми же самыми привилегіями, противъ которыхъ такъ энергично боролся малорусскій народъ въ пору революціи. Для того, чтобы этотъ классъ могъ превратиться въ настоящую шляхту, ему оставалось только возстановить старошляхетскія формы въ области управленія и суда, а затѣмъ получить и формальное признаніе своихъ шляхетскихъ правъ со стороны верховной власти. Возстановленіе формъ началось въ области судоустройства. 1670 году былъ пребразованъ генеральный судъ на манеръ стариннаго шляхетскаго трибунала, съ судьями-депутатами, выбираемыми отъ каждаго изъ 10 полковъ. Къ этому времени вполнѣ созрѣваетъ среди командующаго класса мысль о необходимости возстановленія уничтоженныхъ революціей старошляхетскихъ институтовъ. Гетману подаются просьбы о возстановленіи въ Малороссіи судовъ „по точной силѣ правъ малороссійскихъ", т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ они установлены шляхетскимъ статутомъ[1]). На Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г. раздаются уже жалобы на преобладаніе въ краѣ военной силы, вслѣдствіе чего права шляхетства оказались переведенными и изглаженными изъ памяти.

[1]) Архивъ Малор. Кол. № 3364.

„Гражданскія дѣла у насъ,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ Глуховскаго съѣзда,—совсѣмъ не на такомъ основаніи, какими оныя были во время бытности нашей подъ республикою польскою и на какомъ мы приняты подъ державу россійскую. Были у насъ суды земскіе, градскіе, подкоморскіе и прочіе къ содержанію правосудія и порядка учрежденные мѣста и чины, были у насъ сеймы или генеральныя рады, на которыхъ мы всѣ общія и важнѣйшія дѣла рѣшали, а новыя учрежденія дѣлали. Но гдѣ оныя нынѣ? Переведены и выглажены изъ памяти нашей, какъ будто ихъ никогда не бывало. Сіе произошло оттого, что умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возросла и почти все себѣ присвоила воинская сила. Итакъ, надлежитъ намъ стараться, чтобы учредить всѣ тѣ чины и достоинства, которые управляютъ гражданскими дѣлами, на всемъ томъ основаніи, какъ повелѣваютъ права наши“...[1]).

На съѣздѣ 1763 года малорусскій командующій классъ рѣшительно высказывается въ пользу возвращенія къ дореволюціонному порядку, когда шляхта правила страной и законодательствовала на сеймахъ, а гетманъ и старшины только начальствовали надъ войскомъ.

Въ этомъ смыслѣ было составлено и прошеніе къ государынѣ, въ которомъ идеалы командующаго класса выставлялись, какъ самое законное право, установленное договоромъ Хмельницкаго.

Прошеніе царицѣ не дало никакихъ положительныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе ближайшимъ послѣдствіемъ Глуховскаго съѣзда было возстановленіе земскихъ, гродскихъ и подкоморскихъ судовъ. Правда, суды эти были возстановлены не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ узаконено Статутомъ, но все же для командующаго класса это было замѣтнымъ шагомъ впередъ по пути къ осуществленію шляхетскихъ идеаловъ: подсудность статутовымъ шляхетскимъ судамъ и право избранія судей изъ среды своей давали новую опору его притязаніямъ на шляхетское достоинство. Съ этихъ поръ командующій классъ оконча-

---

[1]) „Кіев. Старина“ 1882 г. стр. 119—125.

тельно присваиваетъ себѣ наименованіе шляхетства: такъ называется онъ и въ оффиціальныхъ документахъ, подъ такимъ именемъ фигурируетъ онъ и въ собраніяхъ для выбора депутатовъ въ Екатерининскую коммиссію 1767 г; какой-нибудь сотникъ или возный уже не участвуетъ въ собраніяхъ рядового товариства, а подписывается на шляхетскомъ наказѣ: онъ уже не козакъ, а шляхтичъ. Въ Черниговскомъ наказѣ такіе сотники и возные уже жалуются на то, что имъ приходится судиться въ однихъ судахъ съ рядовыми козаками, и требуютъ для себя особаго шляхетскаго суда [1]). Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы вопросъ о томъ, кто именно имѣетъ право принадлежать къ шляхетству, былъ въ это время достаточно выясненнымъ. Составители „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ", считали шляхтой всѣхъ козачьихъ урядниковъ до сотника включительно, а также бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей. Къ шляхетству они причисляли также: „духовнаго чина персонъ, такожде бѣлыхъ священниковъ и діаконовъ съ ихъ потомками, по посвященіи ихъ рожденными; тѣхъ, которые, оставя римскій и другіе христіанскіе законы, приняли и принимать будутъ христіанскаго греко-россійскаго исповѣданія вѣру, потому жъ и ихъ потомковъ сей вѣры родившихся, и тѣхъ, которые изъ невѣрныхъ, а именно изъ жидовъ, турокъ и татаръ тую-жъ греческую вѣру и святое крещеніе приняли и принимать будутъ, и ихъ потомковъ по святомъ крещеніи рожденныхъ [2]). О принадлежности къ шляхетству рядовыхъ козаковъ такимъ образомъ уже въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія не было и рѣчи, а между тѣмъ оказывается, что даже въ 60-ые и 70-ые годы это былъ еще вопросъ спорный, и рѣшали его различно. Въ 1765 г. въ Гадячскомъ полку открыла свои дѣйствія коммиссія генеральной ревизіи. Для веденія дѣла ей необходимо было имѣть свѣдѣнія о всѣхъ живущихъ на территоріи полка чиновникахъ и шляхетствѣ. Обратились, конечно, къ мѣстному полковому начальству. Начальство отвѣтило, но отвѣтило такъ,

---

[1]) Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общ. т. 68, стр. 234.

[2]) Права, по котор. судится Мал. Нар. стр., 834—835.

какъ, повидимому, можно было отвѣтить только 50—60 лѣтъ назадъ. Ссылаясь на цѣлый рядъ артикуловъ, гетманскихъ статей и указовъ, полковая канцелярія доказывала, что шляхетствомъ должны быть признаны всѣ козаки, даже и подпомощники, а также все духовенство съ его потомствомъ [1]). Хотя такое обобщеніе и было по тому времени уже черезчуръ смѣлымъ, тѣмъ не менѣе распространеніе шляхетскихъ правъ на рядовыхъ козаковъ мы видимъ и въ другихъ случаяхъ. Не говоря уже о томъ, что рядовые козаки судились въ шляхетскихъ земскихъ судахъ, мы постоянно встрѣчаемъ ихъ въ качествѣ „стороны" (понятыхъ) при возномъ, хотя по Статуту такого рода обязанности возлагались только на шляхту [2]). Въ избирательныхъ собраніяхъ 1763—1780 г. не рѣдко участвовали сотенные писари и старшины, т. е. лица, стоявшія на служебной лѣстницѣ гораздо ниже сотниковъ, коими, по мнѣнію составителей „Правъ", долженъ былъ заканчиваться кругъ козацкихъ чиновъ, имѣющихъ право на шляхетское достоинство. [3]) Высшее краевое правительство этого времени жаловалось, что въ Малороссіи, „вовсе въ противность арт. 1 розд. 4 Статута, выбираются въ земскіе уряды и изъ людей козачьей и поселянской породы" [4]). Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи былъ и вопросъ о шляхетскихъ правахъ духовенства. Мы видѣли уже, что составители „Правъ" причисляли его къ шляхетству. За это былъ не только обычай, но, повидимому, и кой-какія законныя основанія. Не говоря уже о Статутѣ, равняющемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовенство съ шляхетствомъ, духовенство для подкрѣпленія своихъ притязаній ссылалось обыкновенно на указъ 1734 г., которымъ велѣно: „поповскихъ дѣтей, кои пожелаютъ Е. И. В. отправлять службу, опредѣлять для отправленіи той службы въ значковые товарищи [5]), а значковые товарищи были уже членами командующаго класса, значитъ шляхетствомъ. На

---

[1]) „Собраніе рѣдкостей", рукописный сборникъ библіотеки Харьковск. унив., стр. 834—835.

[2]) Архивъ Мал. Кол. №№ 3364 и 8821 и „Кіевск. Стар." 1884, № 1?, стр. 694.

[3]) Архивъ Мал. Кол. № 20639.

[4]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 43, стр. 218.

[5]) „Кіевск. Стар." 1888 г., № 1, отд. 3, стр. 28—29.

практикѣ, однако, съ духовнымъ шляхетствомъ церемонились очень мало. Отъ того же 1734 г.,—въ которомъ состоялся благопріятный для духовенства указъ, до насъ дошло слезное прошеніе „велебному господину, ясне въ Богу преосвященному архіепископу Кіевскому, Галицкому и всея Малія Россіи", подписанное восемью глуховскими священниками съ протопопомъ и намѣстникомъ во главѣ. Въ немъ духовные шляхтичи жаловались: въ здѣшней Глуховской протопопіи многихъ священниковъ и вдовствующихъ попадей въ самыхъ малыхъ челобитческихъ дѣлахъ мимо духовное правленіе берутъ насильно въ ратушь Глуховскую, посылая за оными нарочныхъ съ инструкціями и противно указовъ, въ Св. Синодѣ состоявшихся, въ оной ратушѣ допрошуютъ и держатъ подъ карауломъ, отчего въ церквахъ святыхъ чинится въ надлежащемъ священнослуженіи упущеніе, а приходскимъ людямъ въ духовныхъ обрядахъ не малая трудность и бѣдствіе. Къ тому жъ посылаемые съ оной ратуши нарочные съ инструкціями въ насильномъ священниковъ взиманіи дѣлаютъ имъ поруганіе и безчестіе... Причетниковъ, дьяковъ, пономарей, поповскихъ дѣтей,—которые живутъ на отчизныхъ грунтахъ, положено въ общій посполитскій окладъ и велѣно высылать на линію, почему они должны были нанимать за себя другихъ [1]... Тѣмъ не менѣе мы видимъ не рѣдкіе случаи признанія шляхетскихъ правъ и за духовенствомъ. Съ 1763 г. во время выборовъ по земству „духовные владѣльцы" являлись такими же избирателями, какъ и прочее шляхетство. Со времени учрежденія Коллегіи избирательныя права духовныхъ, особенно „нижняго чина", т. е. простыхъ поповъ и діаконовъ, подверглись сомнѣнію. По поводу однихъ выборовъ въ 1775 г. Малороссійская Коллегія издала даже указъ, коимъ участіе въ выборахъ нижнихъ чиновъ духовенства было признано не законнымъ. Однако, не смотря на такой взглядъ высшаго краеваго правительства, участіе духовенства въ шляхетскихъ выборахъ продолжалось до самаго введенія въ краѣ общерусскихъ порядковъ [2]. Нельзя сказать, чтобы среди самого командующаго класса

[1]) Архивъ Мал. Кол. № 30517.

[2]) Архивъ Мал. Колл. № 3932; „Кіев. Стар.", 1884, № 12, стр. 693.

царило единодушіе въ вопросѣ о шляхетскихъ правахъ всѣхъ членовъ этого класса. Въ разсматриваемый нами періодъ этотъ щекотливый вопросъ вызывалъ массу недоразумѣній и споровъ. Потомки гербованныхъ шляхтичей, припрятавшихъ въ оные дни свои шляхетскіе документы, съ наступленіемъ лучшихъ временъ вытаскиваютъ ихъ на свѣтъ и съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваютъ при каждомъ удобномъ случаѣ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы, а отъ благороднаго шляхетства полскаго". Въ судебныхъ процессахъ того времени мы очень часто встрѣчаемъ такъ наз. „збиванье позву" подъ предлогомъ сомнѣнія въ шляхетствѣ противника: какой-нибудь бунчуковый товарищъ отказывается отвѣчать по позву значковаго товарища, ссылаясь на то, что его противникъ не шляхтичъ, а мужичій сынъ [1]). По свидѣтельству Румянцева, при выборахъ депутатовъ въ коммиссію для сочиненія новаго уложенія „не обошлося безъ того ни одно собраніе, чтобы кто либо въ началѣ онаго не всталъ, укоряя другого не быть шляхтичемъ, а таковой раздраженный имѣлъ готовую генеалогію всѣмъ самознатнѣйшимъ вельможамъ, обыкновенно начиная родъ ихъ вести или отъ мѣщанина, или отъ жида".

Какъ бы то ни было, ко времени прекращенія автономной жизни Малороссіи, ея командующій классъ достигъ почти всѣхъ тѣхъ правъ, коими обладало настоящее шляхетство. Правда, процессъ дифференціаціи его еще не закончился, рѣзкая демаркаціонная черта между какимъ-нибудь значковымъ товарищемъ и простымъ козакомъ или поповичемъ не была еще установлена, но она и не могла установиться сама собою, безъ особаго распоряженія свыше. Такое распоряженіе, узаконяющее результаты столѣтнихъ стараній, и было чаяніемъ командующаго класса. Ему, повидимому, предстояло два исхода: или возвратиться въ настоящую шляхту со всѣми ея политическими правами, или стать русскимъ дворянствомъ. Первое, конечно, было далеко заманчивѣе второго; не даромъ же такъ мечтали о сеймикахъ и сеймахъ члены глуховскаго съѣзда 1763 г. Но и теперь, какъ и во времена Вы-

[1]) Архивъ Мал. Колл. № 870.

говскаго, мечты оказались мечтами. За спиной у новаго малороссійскаго шляхетства стояла не Польша, а монархическая Россія. Поневолѣ приходилось предпочесть синицу журавлю. Къ тому же и созерцать этого журавля въ небѣ былъ способенъ далеко не всякій, а только избранные.

Нельзя сказать, чтобы состояніе русскаго дворянина было особенно заманчивымъ для лицъ, пользовавшихся шляхетскими правами. Ни въ 17 столѣтіи, когда дворянъ били батожьемъ, ни потомъ, въ 18, когда ихъ отдали въ муштру къ нѣмецкимъ инструкторамъ и на всю жизнь запрягли въ государственное тягло, не видно со стороны украинцевъ большого желанія сопричаститься правамъ и обязанностямъ высшаго сословія имперіи. Даже въ первые годы Екатерининскаго правленія Малорусскій командующій классъ предпочиталъ свои права и преимущества правамъ русскаго дворянства. „Мы такіе имѣемъ законы, которые только вольный и благородный на свѣтѣ народъ имѣть можетъ", восклицалъ въ 1763 году одинъ изъ ораторовъ глуховскаго съѣзда. „Когда малороссійскому шляхетству,—разсказываетъ А. И. Чепа,—сказали о сочиненныхъ новыхъ законахъ, изъ нихъ стародубовскіе и нѣжинскіе, опасаясь, повидимому, неосновательно, подвергнуться состоянію русскихъ дворянъ, сочли за лучшее быть въ оковахъ, нежели согласиться на оные" [1]). Оно и не удивительно. Командующій классъ присваивалъ себѣ права шляхетства, а права эти были очень широки. Вспомнимъ хотя бы то краткое перечисленіе шляхетскихъ правъ и вольностей, какое сдѣлано было Г. Полетикой въ засѣданіи коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. „1) Правленіе дѣлъ въ Малой Россіи по силѣ высочайшей государевой власти должно зависѣть отъ шляхетства; 2) шляхетство имѣетъ право установлять, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о подтвержденіи оныхъ; 3) отъ шляхетства и другихъ тамошнихъ чиновъ зависятъ дѣла всякія, внутреннія учрежденія, какъ то наложеніе и снятіе податей и всякаго званія поборовъ и проч.; 4) въ тамошніе гражданскіе и воинскіе чины выбираются чинов-

[1]) „Кіевск. Стар." 1893 г., № 1, стр. 54.

ники вольными голосами, каковые не могутъ быть производимы кромѣ природныхъ малороссійскихъ шляхтичей; 5) шляхтичъ, помѣстье свое имѣющій, не можетъ быть иманъ и въ заключеніе посаженъ въ какихъ бы то ни было преступленіяхъ, ниже самыхъ уголовныхъ, выключая, если онъ пойманъ на самомъ дѣлѣ, а во всѣхъ таковыхъ преступленіяхъ зовется въ судъ, судимъ бываетъ по предписанному въ законахъ порядку и по осужденіи уже, если онъ смерти или какого наказанія достоинъ, безъ всякаго пощадѣнія поступаемо бываетъ съ нимъ по законному положенію; 6) шляхетство надъ своими подданными во всѣхъ дѣлахъ имѣетъ свой судъ и расправу; 7) имѣетъ свободу выѣхать въ чужіе края безъ всякаго дозволенія и имѣніе, кому хочетъ, продать или записать можетъ; 8) распоряжаетъ при жизни своей своими движимыми и недвижимыми, родовыми и благопріобрѣтенными имѣніями по своей волѣ, такъ что и самыхъ ближайшихъ сродниковъ отъ оныхъ отдалять, а постороннихъ укрѣплять можетъ; 9) имѣетъ свободное употребленіе всѣхъ пользъ и прибылей, какія только въ имѣніи и изъ имѣнія своего получить можетъ, такъ что всякаго рода крупицы или руды, соляные растворы и другія пріобрѣтенныя принадлежатъ тому шляхтичу, чье имѣніе; 10) имѣнія шляхетскія не должны быть обложены никакими податьми и оброками, кромѣ самой малой подати съ земли, т. е. по два гроша польскихъ съ населенной волоки, которая составляетъ безъ мала 20 десятинъ, а гдѣ волокъ нѣтъ,—по одному грошу съ дыму; 11) имѣетъ вольность передѣлывать свои произращенія и безпошлинно оными, также скотомъ и всякими домашними вещьми, внутрь и внѣ государства торговать, такимъ же образомъ и нужныя для своего содержанія вещи и товары безпошлинно изъ другихъ земель выписывать можетъ; 12) если бы кто изъ иностранныхъ, живучи въ имѣніяхъ шляхетскихъ, безъ наслѣдниковъ умеръ, то всѣ его пожитки принадлежатъ шляхтичу, а не государственной казнѣ; 13) въ имѣніяхъ шляхетскихъ не можетъ имѣть постоевъ и квартиръ войско, а должно имѣть оныя въ городахъ и имѣніяхъ государственныхъ; 14) домъ шляхетскій предохраненъ отъ всякой наглости и насилія, такъ что и самые преступники въ голов-

ныхъ дѣлахъ безъ согласія хозяина изъ онаго взяты быть не могутъ, а должны быть позваны въ судъ; 15) шляхетство имѣетъ свободную рубку дровъ и ловленіе звѣрей въ лѣсахъ, а рыбъ въ рѣкахъ и озерахъ государевыхъ[1]).

Если отъ этого длиннаго перечня отбросить то, чѣмъ малорусскій командующій классъ никогда не пользовался въ дѣйствительности, то и тогда останется на его долю такое богатство правъ и вольностей, какое русскому столбовому дворянину, особенно до 1785 года, могло грезиться только во снѣ. Отъ добра добра не ищутъ, а потому и малорусскому пану не было никакихъ разумныхъ побужденій желать замѣны своихъ широкихъ правъ правами русскаго дворянства.

Правда, отдѣльныя личности среди командующаго класса, какъ, вѣроятно, и весь этотъ классъ, были очень не прочь получить дворянское достоинство, но только съ тѣмъ, чтобы не терять и своихъ „національныхъ“ шляхетскихъ правъ. Дворянскія права равняли ихъ съ гербованными шляхтичами, обезпечивали имъ болѣе спокойное „уживаніе“ ихъ добръ и маетностей, давали возможность владѣть не только подданными, но и крѣпостными и воспитывать дѣтей въ русскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ: преимущества, конечно, очень завидныя, но за то и обязанности, сопряженныя съ дворянскимъ званіемъ, были далеко не легкими. Командующему классу, привыкшему къ болѣе свободному положенію, хотѣлось получить только права, не принимая на себя обязанностей.

Вотъ почему и во весь періодъ тяглаго состоянія русскаго дворянства мы не замѣчаемъ въ высшемъ классѣ малорусскаго общества стремленія къ превращенію въ дворянство. Въ теченіе этого періода мы встрѣчаемъ неоднократныя просьбы со стороны малорусскихъ козацкихъ старшинъ о сравненіи ихъ чиновъ съ русскими табельными чинами, но это вызывалось не желаніемъ превратиться въ дворянъ, а только стремленіемъ гарантировать себя отъ „всекрайнѣйшаго упослѣженія“ при столкновеніяхъ съ великорусскими военными и гражданскими властями. А это было

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 465—469.

очень и очень необходимо. Бригадиръ Вельяминовъ кричалъ на Полуботка: „Я президентъ и бригадиръ, а ты что?“ А Полуботокъ былъ наказной гетманъ, первое по тому времени лицо въ Малороссіи. Минихъ ругалъ членовъ генеральнаго суда канальями, которыхъ слѣдуетъ повѣсить или, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, а совсѣмъ уже не важная птица, подполковникъ Львовъ,не смотря на свою подчиненность гетману, знать не хотѣлъ гетманскихъ универсаловъ [1]). Г.г. россійскіе оберъ-офицеры при разныхъ командировкахъ не соглашались быть въ товарищахъ съ войсковыми канцеляристами, сыновьями знатныхъ чиновниковъ, „содержимыми въ всегдашней обсерваціи“, а считали таковыхъ не болѣе, какъ ротными писарями [2]). Во время турецкой Компаніи генералъ-поручикъ Загряжскій считалъ генеральнаго обозного за полуполковника, бунчуковыхъ товарищей—вахмистрами [3]), а послѣдній драгунъ, по увѣренію автора „Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ“, гонялъ плетью лучшаго малороссійскаго чиновника [4]). Чтобы обезпечить себя отъ такого „упослѣженія“, малороссійскимъ старшинамъ необходимо было добиться точнаго, установленнаго закономъ, уравненія своихъ чиновъ съ русскими табельными. Вопросъ объ этомъ поднимался нѣсколько разъ.

Такъ, въ 1733 году, по прошенію гетмана Апостола, „въ Габинетѣ“ было постановлено на этотъ счетъ такое мнѣніе: гетманъ—генералъ полный; генеральному обозному надлежитъ имѣть рангъ генералъ-маіора или бригадира. Двое судей генеральныхъ, одинъ подскарбій, одинъ писарь, два эсаула, одинъ хорунжій, одинъ бунчучный имѣютъ быть въ рангахъ полковническихъ. Что касается 10 полковниковъ, то о нихъ „Габинетъ“ постановилъ: „понеже блаженной памяти Государь Императоръ Петръ I изволилъ опредѣлить въ тѣ полки изъ россійскихъ офицеровъ подполковниковъ, изъ которыхъ и нынѣ одинъ въ черниговскомъ полку Михайло Богдановъ въ Польшѣ при

1) Дневникъ Марковича, стр. 394.
2) Собраніе рѣдкостей, стр. 311—315.
3) Дневникъ Марковича, стр. 416.
4) Чт. Общ. И. и др. россійск. ч. 4, кн. 1, отд. 2, стр. 19.

командѣ, того ради, мнится, меньше того подполковника ранга полковникамъ малороссійскимъ быть не можно, понеже у нихъ въ полкахъ городовъ по десять и больше". Бунчуковыхъ товарищей въ то время числилось болѣе 100 человѣкъ. Принимая во вниманіе, что они „происходятъ изъ первостатейныхъ малороссійскихъ, братья и дѣти и внучата гетманскіе, обозныхъ и другой генеральной старшины, а иные—оставшіесь отъ польскаго владѣнія и россійскіе шляхтичи", „Габинетъ" постановилъ дать имъ рангъ маіорскій, или капитанскій. Полковникамъ компанейскихъ полковъ, эсаулу и хорунжему генеральной артиллеріи, полковымъ обознымъ, судьямъ, писарямъ, асауламъ и хорунжимъ рѣшено было дать рангъ капитанъ-поручика, сотникамъ быть противъ подпоручика или прапорщика, а сотенной старшинѣ (атаману, хорунжему, эсаулу и писарю)—быть противъ вахмистровъ [1]). Мнѣніе это было подписано канцлеромъ Головнинымъ, вице-канцлеромъ Остерманомъ, д. т. с. Курбатовымъ, т. с. Стефановымъ и совѣтникомъ Курбатовымъ, но утвержденія не получило.

По позднѣйшимъ разсказамъ, Апостолъ остался недоволенъ генераль-аншефствомъ, а потому и не просилъ объ утвержденіи мнѣнія Габинета высочайшею властью. Въ 1742 г. встрѣчаемъ новую просьбу объ уравненіи чиновъ. Черезъ депутатовъ отъ малороссійскаго народа, отправленныхъ ко двору Елизаветы Петровны, малороссійскіе старшины подали въ сенатъ челобитье объ опредѣленіи имъ ранговъ противъ членовъ состоящихъ въ регулярствѣ [2]). Около того же времени работавшая въ Глуховѣ коммиссія по кодефикаціи малороссійскихъ правъ составила полную табель степеней малороссійской службы [3]). Коммиссія, какъ видно, желала, чтобы эта табель была принята во вниманіе при обсужденіи старшинскаго челобитья, однако ея работа

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 211—212; „Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій съ раздѣленіемъ по матеріямъ на 19 частей. Собрано при Правит. Сенатѣ, по малороссійской экспедиціи. 1786: ч. 14. (Изъ рукописей покойнаго проф. Кистяковскаго).

[2]) Права, по которымъ судится Малор. народъ; стр. 837.

[3]) Ibid. стр. 839.

пропала даромъ: ни челобитье, ни „прости“ правной коммиссіи ходу не получили. Въ 1750 году мы застаемъ членовъ генеральной канцеляріи занятыми собираніемъ свѣдѣній о гетманскомъ достоинствѣ и о прочихъ малороссійскихъ чинахъ. Принимались во вниманіе не только архивныя справки, но и сказки старшинъ.

Этимъ дѣломъ, по порученію гетмана, занимались Горленко, Мих. Скоропадскій, Безбородко, Валкевичъ и Ханенко. Собираніе справокъ тормозилось дурнымъ состояніемъ архива, разбитаго по случаю пожара, и болѣзнью Ханенка. Въ концѣ концовъ, требуемыя свѣдѣнія все-таки собрали и изъ нихъ составили „Экстрактъ“ [1]).

Въ 1751 году гетману было объявлено изъ Иностранной коллегіи о высочайшемъ соизволеніи на пожалованіе малороссійскимъ чиновникамъ ранговъ [2]), но, судя по всему, и на этотъ разъ желанія старшины не увѣнчались успѣхомъ, потому что уже въ 1756 году мы вновь встрѣчаемся съ ходатайствомъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ табельными. На этотъ разъ гетманомъ была представлена центральному правительству цѣлая табель о рангахъ, съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ малороссійскихъ чиновъ и указаніемъ ихъ класса. Всѣхъ классовъ въ табели, если считать козаковъ, жолдаковъ и пушкарей, отнесенныхъ къ послѣднему классу, 12. Гетманъ въ ней не упомянутъ, вѣроятно, потому, что ему хлопотать было не о чемъ: по именному указу государыни онъ былъ генералъ-фельдмаршаломъ. Къ первому классу въ табели 1756 года отнесенъ генеральный обозный, ко второму—судьи и подскарбій, къ 3-ему—писарь, хорунжій, асаулъ и бунчучный; полковники поставлены въ 4 классѣ, въ 5-мъ: бунчуковые товарищи, асаулъ генеральной артиллеріи, полковники охочекомонныхъ полковъ, писарь генеральнаго суда и старшій канцеляристъ генеральной канцеляріи; въ 6-мъ: хорунжій генеральной артиллеріи, полковые судьи и обозные охочекомонныхъ полковъ: въ 7-мъ: полковые писари, асаулы и хорунжіе и переводчикъ генеральной канце-

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 213—214.

[2]) Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 26[illegible]

ляріи; въ 8-мъ: сотники, войсковые канцеляристы, писари и атаманъ генеральной артиллеріи, асаулы, хорунжіе и писари охочекомонныхъ полковъ; въ 9-мъ: значковые товарищи, писари судовъ полковыхъ, капитанъ жолдацкій, атаманы сотенныхъ городовъ и сотники или ротмистры охочекомонныхъ полковъ; въ 10-мъ: атаманъ жолдацкій, сотенные асаулы, хорунжій и писари, полковые канцеляристы, хорунжій и атаманы полковыхъ артиллерій и сотенная компанейская старшина; въ 11-мъ: атаманы куринные, городничіе сотенныхъ городовъ и атаманы сельскіе; къ 12-му классу отнесены рядовые козаки, жолдаки, пушкари и компанейцы [1].

Какъ ни благосклонно относились въ то время въ Петербургѣ ко всѣмъ представленіямъ, идущимъ изъ Глухова, тѣмъ не менѣе въ этомъ вопросѣ центральное правительство медлило и замѣтно колебалось сдѣлать рѣшительный шагъ. И при Елизаветѣ малорусскимъ старшинамъ не удавалось достигнуть сравненія своихъ чиновъ съ табельными, а ихъ шляхетскія права продолжали игнорироваться такъ же, какъ они игнорировались и раньше. Въ это, напр., время (1761 г.) было подтверждено, что малороссіяне не имѣютъ права поступать въ шляхетскій кадетскій корпусъ, потому что онъ учрежденъ для дворянъ, а въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ [2]. Съ точки зрѣнія сената, дворянами были только тѣ немногіе изъ малороссіянъ, которые получили дворянскія права по Высочайшему пожалованію или дослужились въ русскихъ регулярныхъ полкахъ и въ канцеляріяхъ до чиновъ, дающихъ потомственное дворянство. Положеніе дѣлъ было таково, что малорусскому командующему классу приходилось только плакаться на покойнаго Апостола за то, что онъ не согласился съ мнѣніемъ „Габинета“.

А между тѣмъ, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чаще и чаще самимъ великороссамъ приходилось вступать въ тѣ или другія отношенія съ малороссами. Малороссійскому шляхетству

---

1) Собраніе рѣдкостей, стр. 235—239.

2) На практикѣ, впрочемъ, это распоряженіе не исполнялось. Для принятія малорусскаго ребенка въ кадетскій корпусъ требовались не документы о шляхетскомъ званіи, а только свидѣтельство двухъ „безсумнительныхъ шляхтичей“ о томъ, что онъ изъ природнаго малор. шляхетства.

приходилось встрѣчаться съ россійскими штабъ и оберъ-офицерами и генералитетомъ уже не только въ Малороссіи, но и въ Москвѣ и Петербургѣ. Многіе изъ украинцевъ попадали въ Великую Россію на постоянное жительство, многіе поступали на службу въ русскіе регулярные полки. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ неизмѣнно возникалъ вопросъ: какими правами должно пользоваться поступающее на службу лицо,—считать ли его шляхтичемъ, или, что тоже, дворяниномъ, или нѣтъ, да и какъ отличить шляхтича отъ не-шляхтича, если ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ никакихъ свѣдѣній объ этомъ доискаться не возможно? До сихъ поръ въ герольдіи имѣлись свѣдѣнія только о тѣхъ лицахъ изъ малороссійскаго шляхетства, которыя получили права русскихъ дворянъ. 18 января 1762 года графъ Романъ Воронцовъ докладывалъ сенату, что вслѣдствіе отсутствія въ герольдіи точныхъ свѣдѣній о малороссійскомъ шляхетствѣ, при пріемѣ малороссіянъ въ военную и штатскую службу простолюдины не рѣдко присваиваютъ себѣ шляхетское названіе и пользуется вслѣдствіе этого преимуществами, свойственными благородному дворянству. Для пресѣченія такого злоупотребленія Воронцовъ предлагалъ сосредоточить въ герольдіи свѣдѣнія о малороссійскихъ дворянскихъ фамиліяхъ съ точными доказательствами о ихъ шляхетствѣ и съ показаніемъ полученныхъ тѣмъ шляхетствомъ грамотъ отъ польскихъ королей или отъ россійскихъ государей. Предложеніе Воронцова было одобрено государемъ, вслѣдствіе чего гетману была послана особая грамота съ повелѣніемъ составить списки малороссійскаго шляхетства и вмѣстѣ съ доказательствами препроводить въ герольдію [1]). Имѣла ли эта грамота какія-нибудь послѣдствія и точно ли началось въ Малороссіи составленіе списковъ шляхетскихъ родовъ,—не знаемъ. Полагать надо, что вступленіе на престолъ „Семирамиды Сѣвера“ заставило забыть и это распоряженіе ея предмѣстника, точно такъ же, какъ были забыты и многія другія. Къ тому же и вспоминать о немъ для малороссовъ не было никакой выгоды: вѣдь дипломированныхъ дворянъ и шляхтичей

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 420.

среди командующаго класса было не много. Насколько можно судить по позднѣйшему отзыву (наказу Старобудовскаго шляхетства), командующій классъ считалъ для себя это распоряженіе даже обиднымъ, такъ какъ де имъ „наведено о здѣшнемъ шляхетствѣ не малое сумнительство, которое тѣмъ для онаго тягостнѣе, что въ нынѣшнее время подлиннаго на то доказательства сыскать многотрудно“: „въ Малой Россіи,—объясняло шляхетство,—герольдіи не было, какія жъ у кого имѣлись привилегіи, онія, за происходившими въ послѣднихъ годахъ частими военними нахожденіями, между коими не токмо всѣ домы шляхетскіе, но и города подвержены были разоренію и сожженію, утеряны и истреблены и нынѣ весьма рѣдко въ кого сыскиваются, а паче что и Мазепа при забраніи всей архивы во время его измѣны, многіе также давніе привилегіи и грамоты да и другіе писменніе виды съ Малой Россіи зъ собою увезъ, и оные безвѣстно пропали; после такихъ чрезъ нѣсколько лѣтъ продолжавшихся разныхъ военныхъ разореній едва найдется какая фамилія, которая понынѣ могла удержать стариннія свои владѣніи, но оныя отъ предковъ ихъ продажею и другими случаями отойшли, а съ нынѣшнихъ ихъ потомковъ иныи пріобрѣли себѣ другія добра, а протчіе остаются въ нищетѣ и переименованы“ [1]). Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что желать осуществленія распоряженій центральнаго правительства было совсѣмъ не въ интересахъ командующаго класса.

Во всякомъ случаѣ грамоту Петра Өедоровича слѣдуетъ отмѣтить, какъ первую попытку правительства регулировать сословный вопросъ въ Малороссіи.

Кратковременное правленіе Петра III имѣло громадное значеніе въ исторіи русскаго дворянства, освобожденнаго имъ отъ неудобоносимаго ярма обязательной службы государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказало и свою долю вліянія на сближеніе съ дворянствомъ малорусскаго командующаго класса. Послѣ манифеста о вольности дворянской положеніе великорусскаго дворянина не могло уже казаться такимъ тяжелымъ, какимъ до сихъ

---

[1]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 68, стр. 190—191.

поръ представлялось оно украинскому панству. Тѣмъ не менѣе и послѣ этого командующій классъ не обнаруживаетъ желанія перемѣнить свои шляхетскія права и вольности на преимущества русскаго дворянства: и теперь, какъ и раньше, въ просьбахъ малорусскаго шляхетства замѣтно желаніе воспользоваться только преимуществами дворянскаго званія, удерживая за собою всѣ права и привилегіи, свойственныя шляхетству.

А просьбы возобновились почти съ началомъ новаго царствованія. Въ 1763 году малороссійскіе старшины и шляхетство вмѣстѣ съ гетманомъ обратились къ новой государынѣ съ ходатайствомъ все о томъ же уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великорусскими. Говорятъ, царица, получивъ эту просьбу отъ малорусскихъ депутатовъ, много смѣялась, тѣмъ не менѣе дѣло не было оставлено втунѣ. Вопросъ объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ былъ переданъ на разсмотрѣніе „собранія, въ коемъ происходилъ совѣтъ о вольности дворянской“ [1]. Довести его до конца, однако, и на сей разъ не удалось. Совѣтъ, какъ извѣстно, вскорѣ былъ распущенъ, и вопросъ о малороссійскихъ чинахъ опять сняли съ очереди.

Въ 1767 году командующему классу дали полную возможность высказать свои желанія и нужды. На этотъ разъ желанія высказаны были въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ въ предыдущихъ ходатайствахъ. Шляхетскіе наказы просятъ уже не только объ уравненіи малорусскихъ чиновъ съ великороссійскими, но и о предоставленіи всему командующему классу всѣхъ тѣхъ преимуществъ и выгодъ, какими пользовалось русское дворянство. Вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе опредѣленно выражается въ шляхетскихъ наказахъ и желаніе удержать за собой всѣ тѣ привилегіи и вольности, какими оно до сихъ поръ пользовалось на основаніи „правъ малороссійскихъ“. Отречься отъ этихъ правъ не согласно было даже черниговское шляхетство, а вѣдь извѣстно, что черниговцы могли написать въ своемъ наказѣ и то, чего имъ совсѣмъ не хотѣлось писать. Желаніе пользоваться привилегіями русскаго дворянства и въ тоже время

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 303—304.

не терять преимуществъ шляхетскаго званія усматривается почти въ каждомъ наказѣ. Глуховское шляхетство просило, чтобы „къ достыженію прославленія и въ чынахъ равенства“ его велѣли „присоедынить къ россійскому дворянству и запысать въ герольдію на вѣкы дворянамы“ и дозволили ему „на такомъ основаніи, какъ россійскому дворянству, гдѣ пожелаетъ, службу имѣть и пользоваться всѣми жалованными и купленными добрами“; въ то же время оно напоминаетъ о своихъ стародавнихъ правахъ и привилегіяхъ и проситъ имъ подтвержденія [1]).

Нѣжинское и Батуринское шляхетство, указывая на „сумнительство“ о породѣ малороссійскаго командующаго класса, просило „къ прекращенію таковыхъ сумнѣній и къ пресѣченію впредь простонароднымъ присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды, къ сему достоинству принадлежащія“, указать написать въ списокъ шляхетства всѣхъ тѣхъ, которые сами или предки ихъ въ чинахъ военныхъ и штатскихъ малороссійскихъ вѣрно предкамъ Е. В. или самымъ Е. В. служили и служатъ, и обще съ оставшимися здѣсь россійскими знатными фамиліями, такожъ съ получившими сіе достоинство отъ королей полскихъ и отъ царей всероссійскихъ, принять въ сообщество дворянъ россійскихъ, утвердивъ на вѣки имъ свободу въ покупкѣ, продажѣ, закладѣ и уступкахъ между собою недвижимыхъ имѣній, въ выходѣ въ иностраннія земли для службы, наукъ и житья тамо, въ принятіи и оставленіи военной и штатской службъ и во всѣхъ тѣхъ выгодахъ и преимуществахъ, которыми въ прочихъ просвѣщенныхъ областяхъ благородное шляхетство ползуется“. Не смотря на столь явно выраженное желаніе попасть „въ сообщество дворянъ россійскихъ“, шляхетство не думаетъ, однако, отказываться отъ тѣхъ вольностей и привилегій, которыми оно уже пользовалось „по силѣ правъ малороссійскихъ“. Это какъ нельзя лучше видно изъ перваго пункта его наказа: „предписываемъ вамъ,—поручаетъ оно своему депутату,—изъявить Е. И. В. нашу всеподданнѣйшую просьбу, чтобы мы, яко равніе къ равнимъ, свободніе къ свободнимъ и яко бывшій изъ древле истинній, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. 68, стр. 128.

тѣлу въ сообщество единаго закона присовокуплены были, *оставляя намъ на вѣкы всѣ отмѣнныя выгоды и волности, которыми по прежнимъ правамъ и прывилегіямъ мы до сего ненарушимо ползовались и ползуемся*, изобразивъ онія для вѣчнаго храненія и исполненія и въ новь сочыняемихъ законахъ, на мѣстахъ приличныхъ"[1]). Переяславское шляхетство жалуется на пренебреженіе къ нему и на „вредительныя сумнительства" о его породѣ, проситъ о составленіи шляхетскихъ списковъ и о уравненіи его съ великорусскимъ дворянствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забываетъ напомнить и о сохраненіи за собою на вѣки „всѣхъ отмѣнныхъ волностей и выгодъ" по прежнимъ правамъ и привилегіямъ. Въ кіевскомъ наказѣ читаемъ ту же просьбу объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ и о сохраненіи за шляхетствомъ всѣхъ стародавнихъ отмѣнныхъ вольностей и выгодъ. Погорское шляхетство начинаетъ первый пунктъ своего наказа съ перечисленія шляхетскихъ правъ, а заканчиваютъ его просьбой „всѣхъ и во всякомъ чину и достоинствѣ нынѣ находячыхся, въ потомство наше,... всемилостивѣйше пожаловать противъ россійскаго дворянства щытатся, а при томъ не обидными по чинамъ пожаловать классами"[2]). Гадячское, Полтавское и Миргородское шляхетства не особенно безпокоились объ уравненіи съ великорусскимъ дворянствомъ, но за то энергично настаивали на утвержденіи своихъ „правъ, прежнихъ обыкновеній, вольностей и преимуществъ" и просили „прежнія привилегіи и статьи Богдана Хмельницкаго, на которыхъ онъ съ народомъ малороссійскимъ приступилъ подъ державу Всероссійскую, внесть и напечатать въ генеральное уложенье ко извѣстію и непремѣнному содержанію на вѣчное время"[3]). Прилуцкое шляхетство просило содержать его въ чести дворянской и въ тоже время хлопотало о подтвержденіи всѣхъ старинныхъ правъ и привилегій[4]), а черниговцы, желая присовокупиться, „яко равные къ равнымъ, свободніе къ свободнимъ", къ великорусскому дворянству, все-таки настаивали на сохраненіи за ними всѣхъ отличныхъ выгодъ и воль-

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ., т. 68, стр. 136.
[2]) Ibid. 206.
[3]) Сб. Имп. Р. И. Общ., т. 68, стр. 217.
[4] Ibid., стр. 224, 227.

ностей, которыми по прежнимъ правамъ и привилегіямъ они до сего ненарушимо пользовались, изобразивъ оныя для точнаго храненія и исполненія и въ новосочиняемыхъ законахъ на мѣстахъ приличныхъ [1]).

Стремленіе на всегда удержать за собою стародавнія вольности и привилегіи „по силѣ правъ малороссійскихъ" рѣзко обнаружилось и въ засѣданіяхъ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. При обсужденіи въ коммиссіи проекта правамъ благородныхъ депутатъ Кіевскаго шляхетства Золотницкій требовалъ дополнить 43 статью проекта въ томъ смыслѣ, что малороссійское шляхетство, въ разсужденіи его мѣста, остается на прежнихъ своихъ правахъ и привилегіяхъ, но если кто изъ него будетъ въ великорусской службѣ, тотъ пользуется уже и преимуществами россійскаго дворянства [2]). Депутатъ Лубенскаго шляхетства Гр. Полетика, выслушавъ и обсудивъ проектъ правамъ благородныхъ, рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ согласиться на вновь сочиненныя дворянскія права, ибо они имѣютъ великія несходства и недостатки съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и требовалъ дополнить 43 статью проекта примѣчаніемъ, что малороссійское шляхетство должно остаться при всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, вольностяхъ и свободахъ [3]). Нѣсколько позже, убѣдившись, что имъ отъ коммиссіи ждать нечего, депутаты подали прошеніе царицѣ, въ которомъ уже не упоминали объ уравненіи съ россійскимъ дворянствомъ, а исключительно добивались подтвержденія старинныхъ правъ и привилегій [4]).

Шляхетскіе наказы свидѣтельствуютъ о полномъ развитіи у командующаго класса сознанія своей сословной обособленности отъ той среды, изъ которой онъ вышелъ. Кромѣ лубенскаго шляхетства, признававшаго шляхетскія права и за рядовымъ козачествомъ и не желавшаго никакихъ перегородокъ между старшиной и рядовиками [5]), весь командующій классъ выразилъ

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. т. 68, стр. 235.
[2]) Сб. И. Р. И. О., т. 36, стр. 338.
[3]) Ibid., стр. 356.
[4]) Наказы малор. депутатамъ, изд. „Кіевск. Стар." стр. 177—8.
[5]) Ibid., стр. 163.

единодушное желаніе замкнуться въ отдѣльное сословіе, отгороженное отъ остального населенія высокимъ барьеромъ для устраненія „сумнительствъ“ о шляхетскомъ происхожденіи и къ „пресѣченію впредь простонароднымъ присваивать безъ заслугъ преимущества и выгоды сему достоинству принадлежащія“, шляхетство предлагало установить шляхетскіе списки [1]) и запись въ герольдію: сіе, по мнѣнію шляхетства, сходно будетъ съ договорами, постановленными съ гетманами Игнатіевимъ, Самойловичемъ и Мазепою. Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ въ эти списки должны войти и всѣ козацкіе старшины [2]), которыхъ шляхетство просило пожаловать „необидными по чинамъ классами“.

Шляхетствомъ, по мнѣнію старогородцевъ, должны быть признаны: „1) которіе представять о шляхетствѣ своемъ грамоты, привилегіи и другія доказательства; 2) которимъ высочайшими грамотами пожалованы и гетманскими универсалами либо правительствующаго сената за службы войсковіе наданы деревни, мелницы, дворы и протчія угодья; 3) кои нынѣ въ чинахъ и старшинахъ за свои и предковъ своихъ войсковыя службы состоять, и коихъ предки въ чинахъ же здѣшнихъ прежде были и въ вѣрности жизнь свою окончили“. Въ нѣкоторыхъ наказахъ шляхетство намѣчало для себя и сословную организацію: оно желало организоваться въ шляхетскія общества съ предводителями во главѣ на случай, „если бы послѣдовали отъ верховной власти каковыя повелѣнія, принадлежащія до общаго дворянъ разсужденія и положенія“. Шляхетскія общества должны получить право принимать въ свою среду новыхъ членовъ или отвергать ихъ; безъ ихъ согласія никто не имѣетъ права пріобрѣсть деревню, мельницу или какое-нибудь угодье... [3]).

Желанія шляхетства касательно уравненія въ правахъ съ русскимъ дворянствомъ, записи въ герольдію, пожалованія козацкихъ старшинъ „классами“ шли на встрѣчу объединительнымъ планамъ центральнаго правительства. Семирамида Сѣвера пре-

---

[1]) Сб. И. Р. И. Общ.. т. 68, стр. 128, 136, 148, 175, 191, 236.

[2]) Ibid. 136, 148, 175, 191, 236.

[3]) Ibid., стр. 144, 153, 238.

красно понимала, какую важную роль въ дѣлѣ объединенія могутъ играть эти „классы" и уравненіе чиновъ и правъ, и не скупилась на уступки желаніямъ командующаго класса. Впослѣдствіи, съ учрежденіемъ малороссійской коллегіи, ея малорусскіе члены были пожалованы крупными табельными чинами. Въ 1767 году командующій классъ получилъ право выбирать себѣ предводителей точно также, какъ и великорусскіе дворяне, а въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія шляхетскіе депутаты заняли мѣсто на ряду съ русскимъ дворянствомъ. Въ томъ же году послѣдовало и другое важное распоряженіе, заслуживающее быть отмѣченнымъ, какъ шагъ по пути къ уравненію командующаго класса съ русскимъ дворянствомъ. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 мая 1767 года на имя малороссійскаго генералъ-губернатора Румянцева было приказано доставить къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ, дѣтей обоего пола изъ лучшихъ малороссійскихъ фамилій [1]. Шагъ очень замѣтный, особенно если вспомнить, что всего шесть лѣтъ назадъ, въ 1761 г., сенатъ запретилъ принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малороссіи дворянъ нѣтъ.

Выразителемъ объединительной политики Екатерины явился и главный представитель центральнаго правительства въ краѣ, гр. Румянцевъ. Онъ, какъ и государыня, очень охотно признавалъ за малорусскимъ командующимъ классомъ дворянскія права Отправляя по порученію Екатерины малорусскихъ паничей въ корпусъ, онъ не стѣснялся тѣмъ, что многіе изъ нихъ не могутъ доказать свое благородство никакими документами. „Въ прежнія времена господствовавшей здѣсь простоты,—писалъ онъ государынѣ,—когда всякаго состоянія житель искалъ имени козака, случалось и сіе, что самые генеральные старшины, оставя свои степени, становились въ войскѣ нижними начальниками, взирая на соединенныя съ тѣмъ выгоды, которыя предпочитаемы были всякой славѣ, то въ семъ общемъ смѣшеніи затмилось благородство многихъ фамилій. Выборъ изъ козаковъ во всѣ войско-

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. I, смѣсь, стр. 150—151.

вые чины подкрѣплялъ тѣмъ паче сей непорядокъ и препятствовалъ быть на сей случай когда либо лучшему разбору. Посему прародители нынѣшнимъ своимъ потомкамъ не тщились оставить доказательство своего происхожденія, не видѣвъ въ томъ никакой тогда пользы, хотя многіе изъ нихъ отъ польскаго шляхетства во время присоединенія сей земли къ Россіи и послѣ того уже подъ державу всероссійскихъ монарховъ пришли [1]). Подъ такимъ объясненіемъ охотно подписался бы любой изъ представителей командующаго класса: оно какъ нельзя болѣе отвѣчало его стремленіямъ къ уравненію „въ честяхъ и преимуществахъ" съ родовымъ дворянствомъ.

Изъ другого любопытнаго документа, „Записки о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно", усматриваемъ, что Румянцевъ раздѣлялъ идеи шляхетства и относительно пожалованія малороссійскихъ старшинъ „классами". Онъ считалъ необходимымъ, чтобы всѣмъ „коронным̄ъ служителямъ, а особливо военнымъ, опредѣлены были степени, а по тѣмъ жалованье, и въ произвожденіи въ чины, сходственно съ прочими Россійской имперіи, по заслугамъ, достоинству и старшинству, исключая земскихъ и магистратскихъ, поступаемо было" [2]). Въ то же время генералъ-губернаторъ считалъ нужнымъ произвесть и разборъ малороссійскаго шляхетства, отдѣливъ должнымъ образомъ овецъ отъ козлищъ. Козлища, какъ и въ шляхетскихъ наказахъ,—козаки и вообще люди простонародной породы. „Въ дворянское достоинство,—писалъ онъ въ той же „запискѣ",—по правамъ и установленіямъ, особливо по арт. 26 розд. 3, равнымъ образомъ и по гетманскимъ статьямъ, жаловать за знаменитыя услуги, по удостоеніямъ, оставлено единственно власти государевой, но здѣсь и самые козаки (не выключая тѣхъ, кои изъ мужиковъ, по пріобрѣтенному женитьбою или инымъ какимъ либо образомъ грунту, въ козаки выходятъ) въ семъ достоинствѣ почитаются, пользуясь въ судахъ однимъ правомъ и дво-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и др., 1861, кн. I, смѣсь, стр. 151.

[2]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., кн. V, отд. III, стр. 103.

рянамъ токмо свойственными преимуществами и будучи вездѣ по судамъ такъ, какъ и сами себя называя, шляхтичами. Нерѣдко же, къ сожалѣнію, оказывается, что въ Малой Россіи по временамъ и обстоятельствамъ люди простонародные перемѣняютъ себѣ названіе и присваиваютъ часто себя, по волѣ и желанію, къ знатнымъ и благороднымъ фамиліямъ,—поступокъ вездѣ индѣ не токмо недозволенный, но и непростительный". Въ виду этого, генералъ губернаторъ находилъ необходимымъ „разсмотрѣть и розыскать, откуда сіе злоупотребленіе взяло прямо свое начало, и потомъ разсудить, кому точно по правамъ симъ преимуществомъ пользоваться, въ чемъ оное состоитъ, кого, безъ предосужденія сей степени, по заслугамъ, тому удостоить можно и какимъ способомъ пресѣчь вышеобъявленныя самозванія"[1]).

Согласно желанію Румянцева, вопросъ о малороссійскомъ шляхетствѣ былъ трактованъ и въ Коллегіи. Мнѣніе свое по этому предмету Коллегія высказала въ наказѣ члену своему Натальину, бывшему представителемъ Коллегіи въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Коллегія находила, что въ сходство правъ, въ дворянствѣ сочтены быть должны имѣющіе на то грамоты и по нынѣ сіе достоинство безъ преткновенія сохраняющіе, а достойными того, по мнѣнію Коллегіи, могутъ быть тѣ, кои заслужили отличныя государскія милости, пожалованіе деревнями и чинами генеральныхъ старшинъ и полковниковъ и тѣ, которыхъ предки въ тѣхъ и другихъ степеняхъ старшинскихъ отъ третьяго рода были; самозванія же ради разныхъ непозволительныхъ употребленій запретить, а всѣмъ прочимъ, дворянскаго достоинства не имѣющимъ, владѣльцамъ именоваться земствомъ[2]).

Возбужденный Румянцевымъ вопросъ, кто изъ малороссіянъ имѣетъ право пользоваться шляхетскими привилегіями, обсуждался и въ Коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія. Мнѣніе Коллегіи по этому вопросу вызвало здѣсь нѣсколько замѣчаній со стороны „патріота" Полетики. Соглашаясь въ

---

[1]) Чт. въ Общ. Нестора Лѣт., кн. V, отд. III, стр. 106.

[2]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858, кн. III, отд. V, стр. 62.

принципѣ со взглядами Коллегіи, лубенскій депутатъ предлагалъ, однако, свой планъ разбора шляхетства, отличный отъ плана Коллегіи. По мнѣнію Полетики, шляхетствомъ въ Малороссіи должны быть признаны, во-первыхъ, тѣ, кто представитъ дипломъ на шляхетское званіе отъ польскихъ королей или привилегіи и крѣпости на шляхетскія свои имѣнія, а также грамоту русскихъ государей на дворянство или на недвижимыя имѣнія, которыя получены за знатныя службы въ вотчины; затѣмъ шляхетскія права должны быть признаны за выходцами изъ Польши, Литвы, Венгріи, Сербіи и Волошской земли, которые были у себя на родинѣ шляхтичами и могутъ утвердить свое шляхетство различными доказательствами; вся козацкая старшина, хотя бы она не имѣла ни грамотъ, ни дипломовъ, по мнѣнію Полетики, имѣетъ къ шляхетству неоспоренное право, ибо въ Зборовскихъ гетмана Хмельницкаго, учиненныхъ съ республикою Польскою, договорахъ, между прочимъ, заключено, чтобы помянутая старшина по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жила яко шляхта. Затѣмъ Полетика находилъ необходимымъ допустить къ доказательству своихъ шляхетскихъ правъ всѣхъ, кто захочетъ, даже и простыхъ козаковъ: при польскомъ владѣніи въ Малороссіи было очень много шляхтичей, не имѣющихъ ни гербовъ, ни дипломовъ, да и теперь могутъ сыскаться между самыми бѣдными воинскаго чина людьми, которые родъ свой ведутъ отъ древнѣйшаго шляхетства. Всѣмъ имъ слѣдуетъ дать свободу по силѣ статутоваго права, розд. 3 арт. 10, доводить своего шляхетства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ шляхтичей съ отцевской и двухъ съ материнской стороны, которые бы присягою утвердили, что ищущій шляхетства есть природный и настоящій шляхтичъ, а если сей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему двухъ постороннихъ шляхтичей. „Сія справедливость,—говорилъ Лубенскій депутатъ,—тѣмъ меньше малороссійскому шляхетству отречена быть можетъ, что бывшія по земскимъ и гродскимъ судамъ шляхетскія доказательства въ воеводствахъ Кіевскомъ, Браславскомъ и Черниговскомъ во время бывшей у Поляковъ съ Хмельницкимъ войны, сожжены, что доказываетъ конституція сейма, бывшаго въ Вар-

шавѣ въ 1654 году, которая сей же самый доводъ о шляхетствѣ утверждаетъ [1]).

Разборъ шляхетства, задуманный Румянцевымъ, осуществился значительно позже, спустя почти 20 лѣтъ, а пока примѣнялись частичныя мѣры, способствующія фильтраціи благороднаго сословія и отдѣленію отъ него грубыхъ элементовъ. Мы уже видѣли, какъ неодобрительно относилось высшее краевое правительство къ участію въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ людей козачьей и поселянской породы, равно какъ и представителей духовенства нижняго чина. Добиться осуществленія своихъ желаній Глуховскому правительству не вполнѣ удалось, но за то его указы способствовали установленію болѣе строгихъ взглядовъ на породу и достоинство шляхетскаго сословія. Не удалось ему достигнуть сразу и уравненія малороссійскихъ урядниковъ съ табельными великороссійскими чинами, но за то удалось подготовить для этого почву путемъ частичныхъ производствъ отдѣльныхъ старшинъ въ тотъ или другой чинъ табели о рангахъ. Такія производства въ первый періодъ управленія Румянцева Малороссіей (до 1781 года) очень не рѣдки. Они незамѣтно, но вѣрно дѣлали свое дѣло къ обоюдному удовольствію какъ командующаго класса, такъ и центральнаго правительства.

Какъ смотрѣлъ на это Румянцевъ,—видно изъ письма его къ князю Вяземскому отъ 3 мая 1774 года. Здѣсь онъ доказывалъ, что пожалованіе малороссійскаго шляхетства „классами" является не только актомъ справедливости, но и разумной политики: въ прежнее время,—объяснялъ онъ,—малороссійскіе чиновники пользовались за свою службу имѣніями, приносившими большіе доходы, и чинами, въ сей землѣ довольно почитаемыми, не имѣя надобности въ жалованьѣ; теперь они имѣній за службу уже не получаютъ, но служатъ также ревностно, а потому и награжденіе ихъ классными чинами является вполнѣ справедливымъ. Къ тому же въ послѣднее время они возъимѣли ревность о равенствѣ съ великороссійскими, а табельные чины могутъ при-

---

[1]) Чт. Общ. Ист. и др. 1858 г., кн. III, отд. V, стр. 91—92.

вязать ихъ къ Россіи и возбудить патріотизмъ къ общему отечеству[1]). А какъ смотрѣло на табельные чины само малороссійское шляхетство,—явствуетъ хотя бы изъ дневника С. И. Лашкевича. Этотъ богачъ, предводитель и важный по своей округѣ панъ, долго и усердно хлопочетъ о полученіи „россійскаго чина", предпринимаетъ даже спеціально съ этою цѣлью дорогую и трудную поѣздку въ Москву, настойчиво пробуетъ всѣ „Каналы" и, наконецъ, при назначеніи въ 1781 году на должность предсѣдателя Новгородъ-Сѣверскаго верхняго земскаго суда, добивается желаемаго и становится надворнымъ совѣтникомъ[2]).

Объединительная политика „малороссійскаго шефа" успѣшно дѣлала свое дѣло. Къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія мѣстный командующій классъ былъ уже достаточно подготовленъ къ превращенію въ благородное россійское дворянство. А когда правительство предоставило наконецъ ему всѣ преимущества дворянскаго званія, а само дворянство подняло на высоту привилегій командующаго класса, противиться превращенію не было уже никакихъ разумныхъ основаній.

Для малорусскаго командующаго класса наступилъ теперь послѣдній фазисъ его сословной эволюціи.

Д. Миллеръ.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, (рукописный сборникъ, принадлежащій библіотекѣ Харьковскаго университета), листъ 189.

[2]) „Кіевская Старина, 1887, № 12, стр. 701.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.[1]

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ:

I.

Безбрежная, дикая степь мертва и пустынна; укрылась она бѣлымъ саваномъ и раскинулась бѣлою скатертью кругомъ, во всю ширь глаза; снѣжный пологъ то мелкою рябью лежитъ, то вздымается въ иныхъ мѣстахъ небольшими сугробами, словно застывшими волнами въ разыгравшуюся погоду. Кое-гдѣ, на близкомъ разстояніи, торчатъ изъ-подъ снѣга засохшіе стебли „холодка", „будяковъ", „мышія" или вырѣзываются волнистыя бахромки полегшей „тырсы" и „ковыля"; между ними мелькаютъ вблизи легкіе отпечатки различныхъ звѣриныхъ слѣдовъ. А тамъ дальше, до конца края, однообразно и тоскливо бѣло. Сѣрое, свинцовое небо, кажется отъ этого мрачнымъ, а конецъ горизонта еще больше темнѣетъ, рѣзко выдѣляя снѣжный рубежъ. Ни пути, ни тропы, ни звука! Только вольный вѣтеръ свободно гуляетъ себѣ по вольной, незаполоненной еще рукою человѣка степи, да разыгрывается иногда въ буйную удаль—метель.

Ничтоженъ кажется человѣкъ среди этой безпредѣльной, нелюдимой пустыни! Чернѣющая, невѣдомая даль щемитъ ему сердце тоскою, низкое небо давитъ тяжелымъ шатромъ, а срывающіеся вздохи уснувшей на время метели леденятъ и морозятъ надежду; но на широкомъ лонѣ этой раздольной въ розмахѣ степи-пустыни воспитался и дерзкій въ отвагѣ сынъ ея—запорожскій козакъ; вольный, какъ вѣтеръ, необузданный, какъ буранъ, безстрашный, какъ туръ, онъ мчится по этому безбрежному—то бѣлому, то зеленому—морю, и любо ему перевѣдаться своею „выкоханною" силой и съ лютымъ

[1]) Этотъ романъ М. Старицкаго былъ напечатанъ въ газетѣ „Московскій Листокъ", подъ заглавіемъ „Богданъ Хмельницкій"; теперь же онъ совершенно переработанъ и дополненъ для журнала М. П. Старицкимъ и Л. М. Старицкой.

звѣремъ, и съ татариномъ, и со всякимъ врагомъ его волюшки; ничто ему не страшно: ни желѣзо, ни вьюга, ни буря, ни самая смерть, а страшна ему лишь неволя, и ей то онъ не отдастся во вѣки живымъ; не поймать его, какъ буйнаго вѣтра въ степи, и не сковать его, какъ бурнаго моря...

По этой дикой пустынѣ, поздней осенью 1638 года ѣхало два всадника. Одинъ изъ нихъ, рослый и статный, широкій въ плечахъ, съ сильно развитою и выпуклою грудью, былъ одѣтъ въ штофный темно-малиноваго цвѣта жупанъ, плотно застегнутый серебрянными „гудзиками" и широко опоясанный шелковымъ поясомъ, за которымъ съ двухъ сторонъ торчало по богатому турецкому пистолету. Сверхъ жупана надѣтъ былъ на немъ кунтушъ, подбитый чернымъ барашкомъ и покрытый темно-зеленымъ фряжскимъ сукномъ. Широкіе, какъ море, синіе штаны лежали пышными складками и были вдѣты въ голенища сафьянныхъ сапогъ, съ серебряными каблуками и „острогами". У лѣваго бока висѣла кривая въ кожаныхъ ножнахъ сабля. Сверхъ всей одежи у козака была на „опашъ" накинута изъ толстой баи бурка-керея съ красиво расшитою „видлогою", а на голову была надѣта высокая шапка изъ чернаго смушка съ краснымъ висячимъ верхомъ, украшеннымъ золотою кистью. Лицо у козака было мужественно и красиво: высокій, благородно изваянный лобъ выдѣлялся, отъ синѣющихъ на подбритыхъ вискахъ тѣней, еще рельефнѣе своею выпуклостью и бѣлизной; рѣзкими дугами лежали на немъ темныя брови, подымаясь у переносья чуть-чуть вверхъ и придавая выраженію лица какую-то непреклонную силу; умные, каріе, узко прорѣзанные глаза горѣли мѣняющимся огнемъ, сверкая то дивною удалью, то злобой, то теплясь вкрадчивой лаской; нѣсколько длинный, съ едва замѣтною горбинкой носъ изобличалъ примѣсь восточной крови, а рѣзко очерченныя губы, подъ опущенными внизъ небольшими черными усами, играли шляхетскою нѣгой. Сквозь смуглый тонъ гладко выбритыхъ щекъ пробивался густой, мужественный румянецъ и давалъ козаку на видъ не болѣе 35—37 лѣтъ. Подъ всадникомъ выступалъ крупный, породистый аргамакъ, весь серебристо-бѣлый, лишь съ черною галкой на лбу.

Нѣсколько дальше за нимъ ѣхалъ другой путникъ на крѣпкомъ рыжемъ конѣ „бахматѣ"; съ могучей шеи его спадала почти до колѣнъ густая, волнистая грива; толстыя широкопытныя ноги были опушены волохатою шерстью. На широкой спинѣ этого „румака" сидѣлъ въ простомъ козачьемъ сѣдлѣ еще совсѣмъ молодой хлопецъ, лѣтъ 16—18 не больше. Одѣтъ онъ былъ сверхъ простого жупана въ „бай-баракъ", покрытый синимъ сукномъ и отороченный сѣрымъ барашкомъ, подпоясанъ былъ кожанымъ ремнемъ,

а на головѣ у него надѣта была „сивая" шапка. У молодого всадника, слѣва на поясѣ, висѣла тоже кривая сабля, а за спиною болтался въ чехлѣ длинный мушкетъ. Съ перваго же взгляда можно было хлопца признать за татарчонка. Смуглый цвѣтъ лица, вороньяго крыла вьющійся кольцами волосъ, узко прорѣзанные глаза и широкія скулы... но въ прямомъ, какъ струна, носѣ и тонкихъ губахъ была видна примѣсь украинской крови.

Начинало темнѣть. Вѣтеръ усиливался и срывалъ снизу снѣжную пыль, заволакивая темную даль бѣлесоватымъ туманомъ. Вдали поднялись тучею черныя точки и долетѣлъ отзвукъ далекаго карканья.

— Должно быть, батьку, жилье тамъ,—отозвался нѣсколько дрожащимъ голосомъ хлопецъ,—ишь, какъ „гайворонье" играетъ.

— Надъ падалью или надъ трупомъ—строго взглянулъ въ указанную сторону козакъ,—а то, вѣрнѣе еще, на погоду: чуютъ „заверюху".

— Куда же мы отъ нея укроемся?—робко спросилъ хлопецъ, оглядывая безнадежно темнѣющую, мертвую даль.

— А ты уже и струсилъ?—укорилъ старшій.—Эхъ, а еще козакомъ хочешь быть!

— Я, батько, не боюсь,—обидѣлся хлопецъ и молодцевато привсталъ на сѣдлѣ.—Развѣ подъ Старицею не скакалъ я рядомъ съ тобою, развѣ не перебилъ этою саблей вражье копье, что гусаринъ было направилъ въ кошевого, пана атамана Гуню?

— Вѣрно, вѣрно, мой сынку, прости на словѣ; ты уже познакомился съ боевою славой, попробовалъ этой хмѣльной браги и не ударилъ лицомъ въ грязь,—улыбнулся козакъ, и глаза его засвѣтились ласкою.

— А чего мнѣ съ вельможнымъ паномъ страшиться? Вѣдь переправилъ же подъ Бужинымъ въ душегубкѣ на тотъ бокъ Днѣпра? И чорта пухлаго не испугаюсь, не то что! А за батька Богдана вотъ хоть сейчасъ готовъ всякому вырвать глаза!

— Спасибо тебѣ, „джуро" мой вѣрный,—я знаю, что ты меня любишь, и тебѣ я вѣрю, какъ сыну.

— Да какъ же мнѣ и не любить тебя, батьку? Отъ смерти спасъ... свѣта далъ... пригрѣлъ, словно сына... Хоть и татарчукомъ меня дразнятъ, а татарчукъ за это и живымъ ляжетъ въ могилу.

— Что дразнятъ? Начхай на то! Развѣ у тебя не такая душа, какъ у всѣхъ насъ, грѣшныхъ? И мать у тебя наша, украинка, изъ Крапивной; я сестру ея старшую, твою тетку, Катерину, знавалъ... Славная была козачка,—земля надъ нею перомъ,—не да-

лась живой въ руки татарину. Да и ты уже крещенъ Алексіемъ, только вотъ я все по старому величаю тебя Ахметкой.

— Ахметка лучше, а то я на Алексія и откликаться не сталъ бы,—весело засмѣялся „джура".

Лошади пошли шагомъ; козакъ Богданъ, какъ называлъ его хлопецъ, о чемъ-то задумался и низко опустилъ на грудь голову, а у молодого хлопца отъ похвалы и теплаго слова батька заискрились радостью очи и заиграла юная кровь.

— А у меня таки, признаться, батьку, ушла было тогда въ пятки душа, впервые вѣдь вотъ что:—началъ снова весело „джура", почтительно осаживая коня.—Какъ спустились мы по буераку къ Старицѣ рѣчкѣ, а за дымомъ ничего и не видно, только грохочетъ громъ отъ „гарматъ", ажъ земля дрожитъ, да раздаются вблизи гдѣ-то крики: „бей хлоповъ!" У меня, какъ будто мурашки побѣжали за шкурой, и холодъ приподнялъ чуприну .. А когда батько гукнулъ „на погибель ляхамъ", и кони наши, какъ бѣшенные, рванулись вихремъ впередъ, такъ куда у меня и страхъ дѣвался—въ ушахъ зазвенѣло, въ глазахъ пошли красные круги, а въ головѣ заходилъ чадъ... и я уже не чуялъ ясно, гдѣ я и что я, а только махалъ отчаянно саблей... Передо мной, какъ въ дыму, носились рейстровики и запорожцы, паны отоманы, Бурлій, Пешта... мелькали цѣлыя полчища латниковъ и драгунъ, какой-то хмѣльной разгулъ захватывалъ духъ и заставлялъ биться отвагою сердце!...

— Молодецъ юнакъ!—одобрительно улыбнулся козакъ и, осадивъ коня, потрепалъ по плечу своего „джуру",—будетъ съ тебя „лыцарь"... душа то у тебя козачья, много удали, только бы поучиться еще, да на Запорожьѣ побыть.

— Эхъ, кабы!—вздохнулъ хлопецъ и потомъ серьезно спросилъ:—Батьку Богдане, а чего мы помогли тогда нашимъ, а потомъ и оставили ихъ? Вѣдь, сказывали, что на нихъ шелъ еще князь Ярема?

— Все будешь знать, скоро состарѣешься,—буркнулъ подъ носъ козакъ, поправивъ рукою заиндивѣвшіе усы,—мы и такъ тамъ очутилились случайно, „ненарокомъ", не зная, что и къ чему,—сверкнулъ онъ пытливымъ взглядомъ на хлопца.

— Какъ не знали?—наивно изумился тотъ,—да помнишь-же, батько, какъ въ шинкѣ ты подбилъ запорожцевъ на „герцъ", чтобы помогли нашимъ? И не диво ль? Просто ажъ смѣхъ беретъ,—восторгался при воспоминаніи „джура", - всего на всего десять человѣкъ, а какъ гикнули, да бросились съ боку въ дыму, смѣшали къ черту лядскую конницу, а наши пиками пугнули ее... Кабы не ты, батько,

то кто его знаетъ, лядская сила больше была, одолѣла бы, а ты вотъ помогъ...

— Слушай, Ахметка!—ласковымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушительнымъ тономъ осадилъ Богданъ хлопца,—объ этомъ, объ нашемъ „герцѣ", нужно молчать и никому, понимаешь, никому не признаваться: насъ не было тамъ сроду и баста!—уже повелительно закончилъ Богданъ.

Хлопецъ взглянулъ, недоумѣвая, на батька и прикусилъ языкъ.

— А что мы выѣхали изъ дому и плутаемъ по степи, такъ то по коронной потребѣ—понимаешь?—внушительно подчеркнулъ Богданъ.

— Добре, а куда же мы ѣдемъ, чтобъ знать?—тихимъ, почтительнымъ голосомъ, спросилъ „джура",—послѣ рѣчки Орели третій день ни жилья, ни дубравы, а только голая, клятая степь...

— Увидишь, а степи не гудь: теперь-то она скучна, вѣрно, а вотъ поѣдешь лѣтомъ, не нарадуешься: море моремъ, такъ и играетъ зелеными волнами, а вездѣ-то—стрекотаніе, пѣніе и жизнь: косули, куропатки, стрепета и всякая дичь просто кишмя кишатъ... А духъ, а роскошь, а воля! Эхъ, посмотришь, распахнешь грудь, да такъ и понесешься на встрѣчу буйному вѣтру, либо татарину... И конца, краю той степи нѣтъ, тѣмъ-то она и люба, и пышна.

Между тѣмъ въ воздухѣ уже слышались тяжелые вздохи пустыни; вѣтеръ крѣпчалъ и, перемѣнивъ направленіе, сдѣлался рѣзкимъ. На всадниковъ слѣва понеслись съ силою мелкіе, блестящіе кристаллики и словно иглами начали жечь имъ лица.

— Эге-ге!—замѣтилъ старшій козакъ, потерши поблѣднѣвшую щеку,—никакъ поднялся „москаль" (сѣверный вѣтеръ), этотъ заваритъ кашу и надѣлаетъ бѣдъ! И что за напасть! Отродясь не слыхивалъ, чтобъ въ такую раннюю пору да ложилась зима, да еще гдѣ? Эхъ, не къ добру! Стой ка, хлопче!—пересунулъ онъ шапку и остановилъ коня,—осмотрѣться нужно и сообразить.

Прикрывъ ладонью глаза, осмотрѣлъ онъ зорко окрестность; картина не измѣнилась, только лишь даль потемнѣла, да ниже насунулось мрачное небо.

Онъ нагнулся потомъ къ снѣжному пологу и началъ внимательно разсматривать стебли бурьяна и другихъ злаковъ, разгребая для этого руками и саблею снѣгъ.

— Ага!—замѣтилъ онъ радостно послѣ долгихъ поисковъ:— вотъ и „катранъ" уже попадается: стало быть, недалеко или балка съ водою, или „гаекъ", а то и Самара, наша любая рѣчка. Не журись, хлопче!—закончилъ онъ весело, отряхивая снѣгъ.

Кони тихо стояли и, опустивъ головы, глотали снѣгъ да вздрагивали всею шкурой.

— Постой-ка! Нужно еще слѣды разсмотрѣть,—прошелъ нѣсколько дальше Богданъ и смелъ своею шапкой верхній, недавно припавшій снѣжокъ.—Такъ, такъ, всѣ туда пошли, гдѣ и гайворонье: значитъ, тамъ для нихъ лазъ,—тамъ и спрятъ, значитъ, туда и прямовать,—порѣшилъ козакъ и вернулся къ „джурѣ".

— Ну, вотъ что, хлопче!—обратился онъ къ нему,—достань-ка фляжку, отогрѣть нужно козацкую душу, да и коней подбродить,—промерзли; намъ вѣдь до полныхъ сумерокъ нужно быть тамъ, гдѣ каркаетъ проклятое воронье.

Хлопецъ досталъ солидную фляжку и серебряный „штучный" стаканъ; но козакъ взялъ только фляжку, замѣтивъ, что душа мѣру знаетъ.

Отпивъ изъ фляги съ добрый ковшъ „оковитой" горилки, Богданъ добросовѣстно крякнулъ, отеръ рукавомъ кунтуша усы, приказалъ джурѣ выпить тоже хотя бы стаканъ.

— Не много ли, батьку?—усумнился было хлопецъ, мѣряя глазами посудину.

— Пустое. Подъ заверюху еще мало,—успокоилъ его Богданъ—нужно же запастись топливомъ. А теперь вотъ передай сюда фляжку, нужно и коней подбодрить хоть немного. Охляли и промерзли добряче. Да вотъ еще что, достань-ка изъ „саквовъ" краюху хлѣба да сало; побалуемъ свою душу, да и въ путь!

Хлѣбъ и сало были поданы, и Богданъ, раздѣливъ послѣднее поровну между собою и хлопцемъ, отрѣзалъ для обоихъ по доброму куску хлѣба, а остальную краюху разломилъ пополамъ.

Онъ налилъ потомъ стаканъ водки и, задорно присвистнувъ, крикнулъ: Бѣлашъ!

Благородное животное вздрогнуло, весело заржало и, подбѣжавъ къ козаку, вытянуло голову и мягкія губы.

— Горилки хочешь? Что-жь, и слѣдъ: заслужилъ!—ласково потрепалъ онъ лѣвою рукой коня по шеѣ, а потомъ, взявши за удила, раскрылъ ему ротъ; хотя животное и мотало немного головой, но тѣмъ не менѣе проглотило стаканъ водки и начало весело фыркать, да бить копытомъ снѣгъ. Давши такую же порцію и другому коню, Бахмету, Богданъ намочилъ водкою полу своей бурки и протеръ ею обоимъ конямъ и ноздри, и морды, и спины, а потомъ уже далъ каждому по краюхѣ хлѣба.

— Ну, подживились, хлопче,—бодро поправилъ поясъ и заломилъ шапку Богданъ,—а теперь закурить нужно „люльку", чтобъ дома не „журились".

Отвязалъ онъ отъ пояса богато расшитый кисетъ, набилъ маленькую трубочку и, пустивъ клубъ дыма, поставилъ ногу въ широкое стремя.

— А ну, хлопче, въ сѣдло и гайда въ перегонку съ вѣромъ!

Козаки сѣли на коней, пригнулись къ лукамъ своихъ сѣделъ, гикнули и понеслись въ мрачную даль, сверля ее по безграничной снѣжной равнинѣ; слышался среди сближающихся завываній только тяжелый храпъ лошадей, да мѣрный хрустъ ломавшагося подъ копытами снѣга.

Вѣтеръ, усиливающійся ежеминутно, дулъ имъ теперь уже въ спину; впереди и по бокамъ лихихъ всадниковъ, опережая, неслись вихри снѣжной крутящейся пыли; мелькавшіе сугробы сливались въ неопредѣленную муть, даль покрывалась тьмою, а вѣтеръ крѣпчалъ и крѣпчалъ.

Какъ ни были неутомимы кони козачьи, но есть и предѣлъ для напряженія силы. Метель съ каждымъ мгновеніемъ свирѣпѣла сильнѣй и сильнѣй, глубокіе пласты рыхлаго снѣгу ложились съ неимовѣрною быстротой одинъ на другой, образовывая цѣлыя горы наносовъ, по которымъ уже невозможно было бѣжать измученнымъ конямъ; они брели въ нихъ по колѣни, проваливались въ иныхъ мѣстахъ и по брюхо; бока у нихъ тяжело ходили, дымясь, ноги дрожали.

— Нѣтъ, баста,—крикнулъ Богданъ и слѣзъ съ своего Бѣлаша,—не пересилишь, пусть хоть вздохнутъ, да и мы, кажись, не туда, куда слѣдуетъ, ѣдемъ. Вѣтеръ дулъ, вѣдь, сначала въ затылокъ, а теперь въ правую щеку, или онъ, бѣсовъ сынъ, водитъ, или мы сбились.

— Ничего не видно,—послышался дрожащій голосъ хлопца,—бьетъ и въ глаза, и въ ротъ, дышать не даетъ; я рукъ и ногъ уже не чую.

— Пройтиться нужно,—подбодрялъ хлопца козакъ,—ты не плошай, не поддавайся, а то эта клятая вьюга „зàразъ“ сцапаетъ, вѣдь она, что вѣдьма съ Лысой горы...

И козаки, держа за узды коней и перекликаясь, побрели по снѣгамъ.

— Не журись, не печалься, хлопче, скоро будетъ и балка,—покрикивалъ громко Богданъ,—а въ каждой балкѣ уже не безъ лозы и не безъ вербы... а подъ ними во вьюгу чудесно, тепло, да уютно и „люльку“ даже закурить будетъ можно...

Но „джура“ не могъ уже двигаться.

— Не могу больше идти,—схватилъ онъ за полу Богдана,—силъ нѣтъ, ноги подкашиваются, лечь хочется, отдохнуть...

— Что ты, дурень?—удержалъ его за руку Богданъ,—околѣешь такъ; вотъ лучше что,—остановился онъ, тяжело дыша и обирая рукою съ усовъ цѣлыя горсти снѣга,—правда, что дальше идти какъ будто и не подъ силу; разозлилась здорово степь, вѣрно за то, что позволяемъ топтать ее татарамъ да „бузувѣрамъ", —не хочетъ насъ защитить, такъ сдѣлаемъ мы себѣ сами „халабуду" козачью, пересидимъ въ ней погоду—вотъ кстати и маленькая балочка,—побрелъ онъ по небольшому уклону въ сугробы и остановился у занесенныхъ кустовъ, затѣмъ притянулъ къ себѣ поникшую голову Бѣлаша, обнялъ ее и поцѣловалъ въ заиндивѣвшую щеку:

— Ну, товарищъ мой вѣрный, сослужи ка мнѣ службу!

Онъ распустилъ подпруги своему Бѣлашу и Бахмету, такъ какъ хлопецъ окоченѣвшими руками ничего не могъ уже сдѣлать, ударилъ широкою ладонью коней по спинамъ и какъ-то особо присвистнулъ; привычные и послушные козачьи друзья сразу согнули колѣни и улеглись мордами внутрь. Богданъ снялъ съ себя широчайшую бурку, укрылъ ею животныхъ, немного приподнявъ по срединѣ и тѣмъ образовавъ небольшой импровизированный шатерчикъ. Снѣгъ сразу же набилъ съ тылу высокій бугоръ, подъ которымъ у лошадиныхъ брюхъ и улеглись наши путники.

Въ закрытой отъ вѣтра и непогоды снѣжной берлогѣ, обогрѣтой еще дыханіемъ, путникамъ нашимъ стало сразу тепло. Морозъ впрочемъ и въ степи былъ не великъ; но рѣзкій сѣверный вѣтеръ пронизывалъ тамъ насквозь, билъ цѣлыми тучами жгучихъ иглъ, обледенялъ лицо, руки и насыпалъ за шею морозную пыль: здѣсь-же, напротивъ, было затишье, и дыру наполнялъ теплый паръ; только за сугробомъ слышались дикія, визгливыя завыванія разгулявшейся метели.

— Ты только не дремай, хлопче,—дергалъ джуру Богданъ,— вотъ хлебни еще „оковитой", согрѣешься... да знай двигай и руками и ногами—не то окоченѣютъ.

— Тутъ, батьку, тепло,—укладывался кределемъ хлопецъ,— только вотъ руки „подубли".

— Ты ихъ за пазуху... а на тепло не очень-то обезпечайся: обманчиво, одуритъ; а вотъ хлебни лучше,—протянулъ онъ ему фляжку,— сразу дрожь пройдетъ, только не спи!

Выпили „оковитой" и батько, и джура; побѣжала она по жиламъ теплой струй и размягчила кочонѣвшіе члены.

Кони тоже почувствовали себя недурно: перестали судоржно вздрагивать и, принявъ удобныя позы, похрапывали отъ удовольствія.

— Не спи-же, не спи! дергалъ за плечо Ахметку Богданъ:— да дай сюда руки! И онъ принялся тереть до боли до криковъ

пальцы хлопца.—Вотъ это и „гораздъ", что кричишь... это разчудесно!—усердствовалъ Богданъ,—а ноги вотъ сюда подложи, подъ брюхо коню, вотъ такъ... да обвернись хорошо буркой, а я еще прилягу „сбоку".

— Хорошо, хорошо... шепталъ Ахметка, потягиваясь и чувствуя, какъ сладкая истома обвивала все его тѣло.

Долго еще подталкивалъ Богданъ локтемъ хлопца, прижимаясь къ нему; но потомъ и его руку начала сковывать лѣнь: усталость брала свое... вѣки тяжелѣли... мысли путались... Сквозь черную тьму мерцало какое-то мутное пятно, то расширяясь кругами до громаднаго щита, то съуживаясь до точки. Что это? Мерещится ему или въ явь? Нѣтъ, онъ ясно видитъ цѣлую анфиладу роскошныхъ залъ, съ литыми изъ серебра сводами, со стѣнами, разубранными въ глазетъ и парчу, съ сотнями тысячъ сверкающихъ каменьевъ, съ зеркальными полами, отражающими въ себѣ сказочное великолѣпіе... Это должно быть палацъ канцлера—мелькаетъ въ головѣ Богдана,—и онъ осторожно идетъ по этому стеклянному льду и любуется своимъ изображеніемъ. Вонъ онъ, опрокинутый внизъ, статный, молодой, полный расцвѣтающихъ силъ, словно собрался подъ вѣнецъ! Только нѣтъ, улыбнулся онъ, и изображеніе ему ласково подмигнуло: теперь онъ красивѣе, пышнѣе, нараднѣй: бархатъ, парча, златоглавъ, перья, самоцвѣты, а съ плечъ спускается не то мантія, не то саванъ. За нимъ такая блестящая свита... Богданъ оглянулся; но пышные покои были пусты, и только его королевская фигура отражалась въ боковыхъ зеркалахъ.

Дивится онъ и не понимаетъ, что съ нимъ? И жутко ему стоять одиноко въ этомъ волшебномъ дворцѣ и какое-то сладкое чувство подступаетъ трепетомъ къ сердцу. Изъ дальнихъ залъ доносятся звуки чарующей музыки,—плачутъ скрипки, жемчугами переливаются флейты. Богданъ идетъ на эти звуки... Прозрачныя тѣни плывутъ тихо за нимъ...

Вотъ и конецъ залы, рядъ мраморныхъ блестящихъ колонъ, а за ними волнуется, черная бархатная съ серебряными крестами занавѣсь. Прислушивается онъ—музыка уже не музыка, а какой-то заунывный стонъ, безконечные переливы дикихъ рыданій...

Богданъ невольно задрожалъ и повернулся, чтобы уйти, убѣжать назадъ; но вмѣсто сверкающей огнями залы, за нимъ лежалъ теперь гробовой мракъ, а ноги словно приросли къ полу.—Нѣтъ, ты не уйдешь „лайдакъ!"—кричитъ откуда-то рѣзкій пронзительный голосъ:—попался, „пся кревъ", въ мои лапы!

Богданъ догадывается, кому принадлежитъ этотъ голосъ, и его охватываетъ леденящій ужасъ.

Вдругъ занавѣсь заколыхалась и взвилась: передъ Богданомъ открылась мрачная комната съ тяжелыми сводами; красноватый свѣтъ падалъ откуда-то сверху и ярко освѣщалъ высокое возвышеніе, на которомъ сидѣли „ясноосвѣцонные“ сенаторы; посреди ихъ возсѣдало какое-то ужасное чудовище. Богданъ взглянулъ и задрожалъ съ ногъ до головы: онъ узналъ его!

Сморщенное, изношенное лицо чудовища было зелено, глаза горѣли, какъ карбункулы, во рту двигался раздвоенный языкъ. Богданъ догадался, что это должна быть „посольская изба“...

— Куда ты, песъ, ѣздилъ, а?—уставилось въ него глазами чудовище; кровавыя искры отдѣлились отъ нихъ и впились въ его сердце: —отвѣчай, бестія!

Обида глубоко уязвила Богдана. Онъ порывается обнажить саблю, но рука виситъ неподвижно, какъ плеть; онъ хочетъ бросить въ глаза чудищу дерзкое слово, но языкъ его потерялъ гибкость, одеревенѣлъ и произноситъ оборванымъ, глухимъ голосомъ лишь слово—Кодакъ! Кодакъ! Кодакъ! Хохочетъ чудовище и сенаторы, закаменѣвшіе на своихъ мѣстахъ, тоже хохочутъ, не вздрогнувши ни однимъ мускуломъ; но нѣтъ, это не хохотъ... это какіе-то дикіе, клокочущіе звуки.

— Какъ-же ты, шельма,—кричитъ чудовище,—ѣхалъ въ Кодакъ, а попалъ назадъ къ Старицѣ, къ этимъ бунтарямъ?!

Богданъ чувствуетъ, что подъ нимъ шатается земля; но собравъ всѣ усилія, еще надменно спрашиваетъ:—кто-же меня тамъ видѣлъ?

— Позвать!—взвизгнуло чудовище. Страшный визгъ его голоса ударилъ плетью въ уши Богдана и помутилъ мозгъ.

Отворилась потайная дверь и глянула на всѣхъ чернымъ зѣвомъ; послышалось бряцанье цѣпей, и изъ мрачной дыры, вслѣдъ за повѣявшимъ оттуда промозглымъ холодомъ, начали появляться блѣдныя изможденныя фигуры, забрызганныя кровью, съ отрубленными руками, съ выколотыми глазами, съ висячими вокругъ шеи кровавыми ремнями... Попарно выходили эти ужасныя тѣни и становились вокругъ Богдана. И диво! Здѣсь стояли не только его друзья: Гуня, Острянинъ, Филоненко, Богунъ, Кривоносъ, но и давно сошедшіе въ могилу страдальцы: Наливайко, Косинскій, Тарасъ.

— А ну, отрекись! —зашипѣло раздвоенымъ языкомъ позеленѣвшее еще больше чудовище:—друзья это твои, или нѣтъ?

Какое-то новое жгучее чувство вспыхнуло въ груди Богдана: въ немъ была и страшная ненависть къ засѣдавшимъ этимъ врагамъ, и безконечная жалость къ страдальцамъ, и отчаянная рѣшимость.

— Да, это мои друзья, мои братья,—произнесъ онъ громко и окинулъ вызывающимъ взглядомъ засѣдающихъ гадинъ.

— Досконально!—потерло съ змѣинымъ шипѣньемъ руки чудовище,—на колъ его!

— На колъ!—отозвались глухо сенаторы.

— Что жъ, хоть и на колъ!—выступилъ Богданъ дерзко впередъ:—всѣхъ не пересадишь! А за каждымъ изъ насъ встанутъ десятки, тысячи, и польется тогда рѣкой ваша шляхетская кровь! Вы пришли къ намъ, какъ разбойники, ограбили людъ, забрали вольный край и истребить желаете наше племя... но жертвы не падаютъ даромъ:—за ними идетъ возмездіе!

— На колъ! На пали!—неистово закричало и забрызгало пѣной чудовище, топая ногами.

— На колъ! На пали! — зарычали сенаторы.

Вдругъ среди поднявшагося гама раздался чей-то мелодическій голосъ:—на Бога! На святую Матерь!

Всѣ оглянулись.

Въ темной нишѣ направо стояло какое-то дивное граціознѣйшее созданіе. Ожила ли это высѣченная изъ нѣжнаго мрамора статуя, слетѣлъ ли въ этотъ вертепъ свѣтозарный ангелъ небесный,—Богданъ не могъ понять: онъ сознавалъ только одно, что такой красоты, такой обаятельной прелести не видѣлъ никогда и не увидитъ во вѣки.

Блѣдное личико ея было обрамлено волнистыми пепельными волосами; тонкія, темныя брови лежали изящной дугой на нѣжноматовомъ лбу; изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ смотрѣли большія, синія очи. Черты лица дышали такой художественной чистотой линій, такимъ совершенствомъ, какое врѣзывается сразу даже въ грубое сердце и не изглаживается до смерти.

Неизъяснимо-сладкое чувство наполнило грудь Богдана, сжало упоительнымъ трепетомъ сердце и смирило пылавшую ярость.

— На колъ! и ее на колъ!—бросилось чудовище къ паннѣ.

— Ай!—вскрикнула она и протянула руки къ Богдану.

— За мною, братья! Бей ихъ, изверговъ!—гаркнулъ онъ страшнымъ голосомъ и бросился съ саблей на чудовище.

Сорвали мертвецы съ себя цѣпи и кинулись, скрежеща зубами, вслѣдъ за Богданомъ.

Все закружилось въ борьбѣ. Брызнула горячая кровь и наполнила весь покой липкими лужами... Раздалось дикое ржаніе, вотъ оно перешло въ страшные удары грома: засверкали молніи, упали разбитыя окна, и сквозь черныя отверстія ворвался холодный леденящій вѣтеръ. Пошатнулись стены палаца и со страш-

ной тяжестью упали на голову плавающаго въ крови Богдана. Онъ вскрикнулъ предсмертнымъ, отчаяннымъ крикомъ и... проснулся.

Богданъ дѣйствительно чувствовалъ въ головѣ боль и не могъ подвинуть рукой, чтобы ощупать болѣвшее мѣсто; ноги тоже не слушались его и лежали какими-то деревяшками; самочувствіе и сознаніе медленно возвращались.

Неподвижно лежа, замѣтилъ только онъ, что чрезъ протаявшее отъ дыханія отверстіе проглядывало уже блѣдное небо, и вся ихъ берлога свѣтилась нѣжнымъ, голубовато-фіолетовымъ тономъ... Бѣлашъ, поднявши голову, силился привстать на переднія ноги и нетерпѣливо ржалъ; Бахметъ протягивалъ къ нему заиндивѣвшія, толстыя губы...

Богданъ скользилъ по спинѣ этихъ знакомыхъ фигуръ соннымъ взглядомъ, не отдавая еще себѣ отчета: и образы, и впечатлѣнія сна переплелись у него въ какія-то смутныя арабески, въ которыхъ дремлющее сознаніе разобраться еще не могло: то рисовался ему прозрачными, волнующимися линіями чудный, улетающій образъ, то проносилось тѣнью блѣднѣвшее уже воспоминаніе о чудовищномъ судѣ и о пеклѣ... наконецъ, брошенный взглядъ на Ахметку заставилъ очнуться Богдана. Онъ сдѣлалъ неимовѣрное усиліе и приподнялся, присѣлъ, а потомъ началъ двигать энергичнѣй и чаще руками: оказалось, что они только окоченѣли, а не отмерзли.

Богданъ бросился къ Амхеткѣ и началъ тормошить его; послѣдній, защищенный еще лучше отъ холода, только потягивался и улыбался сквозь дрему.

— Вставай, вставай, хлопче!—трясъ Богданъ его за плечо...

— А что, батьку?—открылъ широко „джура" глаза и присѣлъ торопливо.

— Ну, живъ, здоровъ?—осматривалъ его тревожно Богданъ.

— А что мнѣ, батьку? Выспался всласть...

— А ну-ка, задвигай руками и ногами...

— Ничего... дѣйствуютъ!—вскочилъ онъ и сдѣлалъ нѣсколько энергичныхъ пируэтовъ.

Нѣжный потолокъ шалаша разлетѣлся и обдалъ обоихъ путниковъ сыпучимъ снѣгомъ.

— Да ну тебя... годи! И безъ того продрогли, а онъ еще за шею насыпалъ добра... Ну, молодцы мы съ тобой, Ахметка,— ударилъ онъ его ласково по плечу,—ловко пересидѣли ночь, да еще какую клятую—шабашъ вѣдьмовскій! Таки изъ тебя будетъ добрый козакъ, ей-Богу!

— Возлѣ батька всякъ добрымъ станетъ...

— Ну, ну, молодецъ! Славный „джура“,—притиснулъ его къ груди Богданъ.—А стой, братецъ, стой...—обратилъ онъ теперь вниманіе на совсѣмъ побѣлѣвшія уши у хлопца,—болятъ?—дотронулся до нихъ онъ слегка.

— Ой, печетъ!—ухватился и Ахметка за ухо.

— Неладно... отморозилъ...,—покачалъ головою Богданъ,—вчера бы снѣгомъ растереть, а теперь поздно... такъ и останешься значенный.. мороженый...

— Что-жъ онѣ, отпадутъ, батько?—огорчился „джура“.

— Нѣтъ, пустое... только бѣлыми останутся... а „загоимъ“ то мы ихъ „заразъ“... Вали эту халабуду, выводи коней... да отряхни и перекинь мнѣ керею!

Вывели изъ этого сугроба козаки коней, обмахнули имъ спины отъ снѣга и пробѣгали ихъ взадъ и впередъ.

— А ну, хлопче, разрѣжь теперь подушку въ моемъ сѣдлѣ,—улыбнулся Богданъ,—тамъ у меня хранится такой запасъ, который только можно тронуть въ минуту смертельной нужды... Голодали мы и кони въ пути, да нѣтъ,—его я не тронулъ, а вотъ теперь насталъ часъ,—выбились изъ послѣднихъ силъ: смертельная нужда подкрѣпиться, чтобы двинуться въ путь... А и путь теперь не малый: загнала насъ „заверюха“ чортъ его знаетъ куда?...

Ахметка распоролъ подушку; она была набита отборной пшеницей, а на самомъ днѣ, въ сверткѣ лежали тонкіе ломти провяленной свинины и кусокъ сала... Богданъ имъ сейчасъ вытеръ Ахметкѣ уши.

Дали потомъ козаки конямъ по доброй „гелеткѣ“ пшеницы, выпили сами по кухлику „оковитой“, закусили свининой и, подбодрившись, отправились въ путь.

Небо было чисто; отъ вчерашнихъ снѣжныхъ, свинцовыхъ тучъ не осталось на немъ ни клочка, ни пряди. Вѣтеръ совершенно упалъ, и въ тихомъ, слегка морозномъ воздухѣ плавала да сверкала алмазными блестками снѣжная пыль.

Когда Богданъ, сдѣлавши нѣсколько круговъ, остановился и началъ всматриваться въ даль, чтобы выбрать вѣрное направленіе, солнце уже было довольно высоко и обливало косыми лучами просторъ, блиставшій теперь дорогимъ серебромъ, усѣяннымъ самоцвѣтами да брилліантами; на волнистой поверхности и наносныхъ холмахъ лежали прозрачныя голубыя и свѣтло-лиловыя тѣни, освѣщенныя же части блистали легкими розовыми тонами, отливавшими на изломахъ нѣжною радугой; ближайшія кусты и деревья оврага увѣшаны были гроздями матоваго серебра, а стебли нагнувшихся

злаковъ сверкали причудливымъ кружевомъ, унизаннымъ яхонтами и хризолитами. Вся глубокая даль отливала алымъ заревомъ, а надъ этой безбрежной равниной, полной сказочнаго великолѣпія и дивной красы, высоко подымался чистый небесный сводъ, сіявшій при сочетаніяхъ съ серебромъ еще болѣе яркой лазурью. Вѣтеръ, истомленный дикою удалью, теперь совершенно дремалъ. Въ воздухѣ, при легкомъ морозѣ, уже чуялась мягкость. Онъ былъ такъ прозраченъ, что дальніе горизонты, не покрытые мглой, казались отчетливыми и яркими; при отсутствіи выдающихся предметовъ для перспективы, разстояніе скрадывалось; только широкій размахъ порубежной дуги этой площади давалъ понятіе о необъятной шири очарованной волшебнымъ сномъ степи.

Богданъ осмотрѣлся еще разъ внимательнѣе кругомъ; въ одномъ мѣстѣ справа, на краю горизонта онъ замѣтилъ вмѣсто алаго отблеска едва замѣтный для глазъ голубоватый рефлексъ.

— Да, это такъ,—подумалъ онъ вслухъ,—это приднѣпровскія горы—вѣрно! Правѣй держи!—обратился онъ къ джурѣ, показывая рукою въ даль.—Вонъ, гдѣ нашъ батько Славута!

Хлопецъ повернулъ за Богданомъ и удивился, что его батько ни „люльки“ не закурилъ, ни пришпорилъ коня.

А Богданъ тихо ѣхалъ, свѣсивши на грудь голову, погрузясь въ глубокія думы. Зловѣщій сонъ снова вставалъ передъ нимъ неясными обликами...

„Что-то теперь Гуня,—думалось ему,—уйдетъ ли отъ силъ короннаго гетмана? Позиція у него важная—съ одной стороны Днѣпръ, съ другой Старица, да и окопался хорошо; а ко всему и голова у моего друга Дмитра не капустяная,—боевое дѣло знаетъ досконально, не бросится, очертя голову, въ огонь, а хитро да мудро разсчитаетъ, а тогда уже и ударитъ съ размаху. Третій уже мѣсяцъ Потоцкій о его таборъ зубы ломаетъ и не достанетъ, ждетъ на помощь Лубенскаго волка Ярему, а ужь и лютъ-же за то: всѣ неповинныя села кругомъ миль на пять выжегъ и вырѣзалъ до души, не пощадивъ ни дитяти, ни старца. Охъ, обливается кровью родная земля, а небо такъ вотъ и горитъ отъ пожаровъ, а спасенія не даетъ. Добре, что Филоненко прорвался, такъ теперь Гунѣ подвезено и припасовъ, и снарядовъ, и пороху,—отсидится съ мѣсяцъ смѣло, а какъ только росталь пойдетъ, а она непремѣнно будетъ, да еще какая послѣ ранняго снѣга—весна вторая,—такъ и Потоцкій увязнетъ, и Вишневецкій утонетъ,—вотъ этимъ временемъ нужно воспользоваться, чтобъ подготовить знатнѣйшую помощь, поширить дѣло. Эхъ, кабы одна только рѣшительная удача, и рейстровики пристали-бъ, и „поспольство“; а то вѣдь всякъ, послѣ та-

кихъ славныхъ вспышекъ борьбы, закончившихся кровавою расправой, какъ съ Павлюкомъ, Скиданомъ, Томиленкомъ,—всякъ опасается: страшна и несокрушима вѣдь мощь вельможной нашей Рѣчи Посполитой; всѣ сосѣди: и Швеція, и Семиградія, и Молдавія, и расшатанное Московское царство не смѣютъ противъ нея не то руки, а и голоса поднять,—такъ какъ же козакамъ одинокимъ съ нею справиться? Еще, если бы было межъ ними единство, если-бы единодушно всѣ встали, то помѣрались бы; а то рейстровые изъ-за личныхъ выгодъ, изъ-за панскихъ „обицянокъ" подымаютъ руки на своихъ братьевъ, а черезъ то и погибли въ нечеловѣческихъ мукахъ лучшія души козачьи—Лобода, Наливайко, Тарасъ Трясыло, Сулима... Эхъ, мало ли ихъ, нашихъ мучениковъ! Можетъ и мнѣ предстоитъ скоро или на колъ угодить, или на „колесо катовое"! Ускользну-ли?... „Будьте хитры и мудры, какъ зміи",—иначе противъ необоримой силы и дѣйствовать нельзя... Но трудно, охъ какъ трудно иной разъ бываетъ и скрыть слѣды! Ужь сколько разъ на меня сыпались тайные доносы, подымались подозрѣнія; но Господь мой хранитъ меня во вся дни смятеній и бурь,—и козакъ поднялъ къ ясному небу горящія радостнымъ умиленіемъ очи.—Да будетъ и теперь надо мною десница Твоя!.. Многіе вельможные паны за меня руку держатъ... И правда, развѣ бы я не хотѣлъ, чтобъ въ краѣ родномъ былъ для всѣхъ миръ? Но за то, сколько есть и злобныхъ завистниковъ!... Находятся же такіе, что меня именуютъ „обляшкомъ"!... Дурни, дурни! Не подставлять же мнѣ зря подъ обухъ голову, а если отдавать ее, такъ хоть недаромъ... Теперь вотъ надежда на Гуню: смѣлѣй можно дѣйствовать, sine timore, рискуя конечно, съ оглядкой.—Богданъ нервно вздрогнулъ; опять пронесся въ его голоеѣ допросъ звѣря...—Вздоръ! произнесъ онъ вслухъ:—„Сонъ мара, а Богъ—вира!" Порученіе къ Конецпольскому оправдываетъ мой выѣздъ,—а „заверюха"—промедленіе... А вотъ, если бы изъ Кодака удалось завернуть въ Сѣчь; тамъ вѣдь только черезъ пороги... при оттепели это плевое дѣло, а запоздаю обратно—опять та же оттепель да разливы рѣкъ виноваты!... Дома то на всякій случай Золотаренко предупрежденъ... Эхъ, если бы удалось еще поднять хоть съ пять „куреней", да отразить первый натискъ, важно бы было! Что же? Все въ руцѣ Божьей.. Мы за Его святую вѣру стоимъ,—неужели же Онъ отдастъ насъ на разореніе панскому насилію, на погибель? Неужели исчезнетъ и доблестное имя козачье?

Богданъ почувствовалъ щемящую тяжесть въ груди, словно не могъ въ его сердцѣ помѣститься приливъ страшной тоски и обиды. Да, вездѣ теперь, куда ни глянь,—одно горе, одно ненавистничество, и давнихъ свѣтлыхъ радостей уже не видать!

Ему вдругъ вспомнилось далекое дѣтство. Словно изъ тумана вынырнула низкая комната, вымазанная гладко, выбѣленная чисто, съ широкимъ дубовымъ „сволокомъ“ на срединѣ. На этомъ „сволокѣ“ висятъ длинныя нитки вяленыхъ яблокъ и грушъ; отъ нихъ въ свѣтлицѣ стоитъ тонкій духъ, смѣшанный съ запахомъ меду; гдѣ то жужжитъ уныло пчела. Въ небольшія два окна, сквозь зеленоватыя круглыя стекольца, въ оловянныхъ рамахъ, пробиваются цѣлымъ снопомъ золотые лучи; вся свѣтлица горитъ отъ нихъ и улыбается весело, а сулеи и фляги играютъ радужными пятнами на „лежанкѣ“. У окна сидитъ молодая еще, но согнутая отъ горя „господыня“, въ атласномъ голубомъ уборѣ — „корабликѣ“; съ головы ея до самаго полу спускается легкими, дымчатыми волнами „намитка“ или фата; на худыхъ плечахъ виситъ, словно ряса, длинный адамашковый „кунтушъ“, а на колѣняхъ лежитъ кудрявая головка молодого, кароокаго хлопца. Пани, нагнувшись, гладитъ сухой рукой по кудрямъ; солнечный свѣтъ лежитъ яркимъ пятномъ на ея блѣдной щекѣ, а на кроткія и безконечно-добрыя очи набѣгаютъ слеза за слезой и скатываются хлопцу на шею.

— Дитятко мое! Богдасю мой любый! Уѣдешь ты далеко, далеко отъ своей матери, отъ „неньки“: кто тебя приласкаетъ на чужбинѣ, кто тебѣ головку расчешетъ, кто тебя накормитъ, одѣнетъ? Охъ, сынку мой, единая утѣха моя!

Хлопецъ упорно молчитъ, нахмуривши брови; только порывистыя лобзанія рукъ и колѣнъ у своей дорогой „неньки“ обличаютъ его внутреннее волненіе.

— Не давай, коли жалко, меня въ бурсу. Не пускай изъ нашего хутора, изъ Субботова.

— Развѣ моя воля, сыночку мой, соколе ясный? Цѣлый вѣкъ прожила въ тоскѣ да одиночествѣ: батько твой, панъ Михайло, то въ бояхъ то на „герцахъ“, то на охотахъ, на добычничествѣ... Ты только, дитя мое дорогое да любое, и былъ единой мнѣ радостью, а вотъ и ту отнимаютъ

Разливается мать въ тоскѣ да печали, и сына тоже начинаетъ одолѣвать горе, а въ дверяхъ уже стоитъ отецъ, привлеченный вздохами да причитаніями; изъ-подъ нависшихъ бровей глядятъ угрюмые, черные, пронзительные глаза; пышные съ просѣдью усы висятъ на самой груди; чуприна откинулась назадъ, открывъ широко спереди лобъ и подбритую кругомъ голову.

— Что ты, бабо, хлопца смущаешь? — крикнулъ онъ, притопнувъ ногой. — А ты, „мазунъ“, уже и раскисъ? Что же тебѣ хотѣлось бы вѣкъ дурнемъ быть, да сидѣть у пазухи сосуномъ?

Заслышавъ грозный голосъ отца, хлопецъ сейчасъ же оправился и, смотря внизъ, угрюмо отвѣтилъ:

— Я козакомъ хочу быть, а не дьякомъ.

— Дурней въ козаки не принимаютъ, дурнями только „тыны“, подпираютъ,—возразилъ ему батько, а потомъ обратился снова къ женѣ, что стояла покорно, сдерживая всѣми силами слезы:—ты бы, какъ мать, должна была радоваться, что въ твоемъ болванѣ принимаютъ лестное участіе такіе вельможи, какъ князь Сангушко, его крестный батько; ты бы должна еще стараться, чтобы крестникъ не ударилъ лицомъ въ грязь, а выросъ бы такимъ разумнымъ да удалымъ, чтобъ въ носу имъ всѣмъ закрутило, чтобъ всякаго шляхтича за поясъ заткнулъ, чтобы и свой, и чужой кричали: ай, да сотниковъ сынъ!“

— Изведется онъ отъ этой науки,—пробовала возразить мать,—безъ присмотру, безъ материнскаго глазу.

— Э, что съ бабою толковать! Правда, сынку,—улыбнулся старый козакъ,—будешь учиться добре, на злость всѣмъ гордымъ панамъ?... Я еще тебя послѣ бурсы и въ Ярославль отдамъ Галицкій, въ высшую школу, и въ Варшаву свезу, знай молъ нашихъ! Что-жь? Одинъ сынъ, а достатки, слава Богу, есть. А потомъ и въ Сѣчь, до „батька Луга“. Такимъ лыцаремъ выйдешь, что ну! Атаманомъ будешь... кошевымъ!

— Лыцаремъ хочу быть, тато,—бросился къ отцу хлопецъ,—только вотъ матери жаль!

И вновь эта давняя жалость и жажда нѣжной, любящей ласки острою болью отозвались въ груди Богдана.

И опять перенесли его думы въ далекую юность. Мрачное зданіе... Стрѣльчатыя, высокія окна... Готическіе своды... На партахъ, въ жупанахъ, кунтушахъ и кафтанахъ, засѣдаютъ молодыя, надменныя лица... За каѳедрой стоитъ въ сутанѣ высокая, строгая фигура, съ худымъ, бритымъ совершенно лицомъ и пробритою кругло макушкой; широкія, грязнаго цвѣта брови сдвинуты, на тонкихъ губахъ змѣится улыбка.

— Единая каѳолическая вѣра есть только правдивая и истинная вѣра на свѣтѣ,—отчеканиваетъ фигура отчетливымъ, сухимъ голосомъ по латыни,—она только есть спасеніе, она только возвышаетъ умъ и наше сердце, она только облагораживаетъ душу. Вѣрные сыны ея призваны въ міръ совершенствоваться, духомъ возвышаться надъ всѣми народами и властвовать надъ міромъ; имъ только и предопредѣлены Всевышнимъ Зиждителемъ власть и господство, имъ только и отмежованы наслажденія и блага земныя, сообразно усердію и безусловной преданности святѣйшему папѣ и его служителямъ.

Всѣ же остальные народы погружены въ мракъ язычества, а особливо еретики, именующіе себя въ ослѣпленіи христіанами; они Богомъ отвержены и обречены нести вѣчно ярмо невѣжества и рабства...

На партѣ, прямо противъ лектора, сидитъ стройный юноша, съ едва темнѣющимъ пухомъ на верхней губѣ; глаза его сверкаютъ гнѣвнымъ огнемъ, щеки пылаютъ отъ страшнаго усилія сдержать себя и скрыть боль и обиду; онъ кусаетъ себѣ до крови ногти и все-таки, не выдержавъ, спрашиваетъ лектора дрожащимъ голосомъ:

— Какъ же, велебный наставникъ, милосердный Богъ можетъ обречь цѣлые народы на погибель, коли Всевышній—„Богъ любы есть?"

— „Тасе", несчастный!—раздается съ каѳедры шопотъ,—твои ослѣпленныя схизмою очи не могутъ прозрѣть божественной истины.

— Еще смѣетъ разсуждать, хлопъ! —замѣтилъ кто-то презрительно-тихимъ шопотомъ сзади.

— Тоже, пускаютъ межъ вельможную шляхту схизматское „быдло"!...—откликнулся сдержанный ропотъ.

— Снисхожденія, благородные юноши, нужно больше къ заблудшимъ овцамъ,—кротко улыбается, поднявши очи „горѣ", велебный наставникъ,—величіе истины, разливающей благо, само побѣдитъ непокорнаго.

У оскорбленнаго юноши выступаютъ на глаза слезы; но онъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ сдерживаетъ ихъ, бросивъ на товарищей вызывающій, ненавистливый взглядъ.

— Да, гордое панство,—заволновался снова козакъ,—ужь такое гордое, какого нѣтъ и на свѣтѣ! Ужь, коли ясный король почитается только, какъ стражъ ихъ своеволія, такъ что же для него козаки? Наша рыцарская доблесть, наши заслуги отечеству ему ни во что! Вельможное шляхетство считаетъ насъ такими же хлопами, какъ „посполиство", какъ чернь... не даетъ намъ правъ держать поселянъ на землѣ... ненавидитъ еще насъ, какъ схизматовъ... хочетъ стереть съ лица земли. А простому люду еще того хуже! Не за рабовъ даже, за „быдло", считаетъ его всесильное панство! Отнимаетъ не только волю, а и послѣднюю прадковскую „споконвѣчную" землю. Муки, казни, пытки повсюду.—И нѣтъ краю этой ненависти, а гордости сатанинской—предѣла! Чтобы добиться ласки шляхетской, нужно отступиться отъ народа, измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ и стать гонителемъ благочестія... Ахъ, и неужели нельзя найти исхода этой кровавой враждѣ, нельзя водворить хоть какого-либо мира, порядка? Вѣдь безъ насъ имъ не защитить ни границъ, ни себя отъ грабежа и разгрома татарскаго, а они, безумные слѣпцы, хотятъ отсѣчь себѣ правую руку! Разумные дальнозорцы,

какъ Ланскоронскій, Дашкевичъ и Дмитро Вишневецкій, байда нашъ любый, тѣшились козачествомъ, множили его на славу и силу отечества, а вотъ черезъ этихъ клятыхъ іезуитовъ и пошли на насъ гоненія со временъ Жигмонта, все больше черезъ вѣру да черезъ алчность пановъ, которымъ мы пугаломъ стали!

Давняя обида опять зажгла давнюю рану и вернула мысль Богдана къ дѣйствительности; теперь они, эти вельможи, королевичи, еще стали необузданнѣе и въ высокомѣріи, и въ злобѣ—даже сами себя готовы грызть ради наживы...

А меня, если бы поймали они въ моихъ завѣтныхъ желаніяхъ, если бы догадались... о, растерзали бы съ адскимъ хохотомъ, съ пѣной у рта; но нѣтъ, будетъ же нашимъ бѣдамъ конецъ, надежда шевелится въ груди и крѣпнетъ въ помощь Господнюю вѣра.

— Батько, смотри!—прервалъ вдругъ у козака теченіе мыслей Ахметка, указывая пальцемъ впередъ.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого оклика, отрезвился отъ мечтаній и думъ и обвелъ глазами окрестность.

По діагонали, черезъ взятый ими путь, пролегала хотя и присыпанная свѣжимъ снѣжкомъ, но замѣтная широкая полоса, сбитая копытами коней, а въ дали, на протяженіи этого „шляха", виднѣлась какая-то вѣха; она, словно игла, темнѣла на фіолетовой лентѣ, облегавшей уже съ правой стороны горизонтъ; заходящее солнце розовыми бликами выдѣляло неровности горъ.

— Кто бы это проѣхалъ по направленію къ Днѣпру?—вскрикнулъ изумленно Богданъ, присматриваясь къ слѣдамъ,—татары? Нѣтъ, копыта у ихъ коней пошире и не кованы... да и чего бы имъ держать путь къ крѣпости? Наши? Уходили, можетъ быть... прорвались? Такъ нѣтъ; наши не такою „батавой" идутъ. Кто же это? Что за напасть?

Тяжелое предчувствіе сжало сердце козака и побѣжало холодомъ по спинѣ; онъ нахмурилъ брови, подумалъ еще съ минуту и, крикнувъ „гайда!", помчался къ зловѣщей вѣхѣ.

Бѣлашъ летѣлъ, отбрасывая задними ногами комья пушистаго снѣга. Чернѣвшая вдали на бѣломъ фонѣ игла видимо увеличивалась и принимала форму булавки; на вершинѣ ея вырѣзывалось какое-то темное яблоко... Богданъ устремилъ на него встревоженный взглядъ и затрепеталъ, предугадывая роковую дѣйствительность... Съ каждымъ скачкомъ лошади глаза у козака расширялись отъ напряженія, и онъ, наконецъ, угадалъ, убѣдился... Да, это была дѣйствительно вздернутая на шестѣ голова запорожца, еще хорошаго Богданова товарища въ Сѣчи, Грицка Косыря. На блѣдномъ,

замерзшемъ лицѣ застыла презрительная улыбка; мертвыя очи смотрѣли мутно въ безбрежную степь.

Богданъ остановился у шеста, какъ вкопаный, и снялъ передъ головою своего „побратыма“ высокую шапку; Ахметка сдѣлалъ тоже, осадивъ за батькомъ коня.

— Такъ вотъ какъ, друже, встрѣтились мы!—облегли тяжелыя думы Богдана,—а давно ли разстались подъ Старицей? Значитъ, все погибло: таборъ разграбленъ, разбитъ, и Потоцкій развозитъ свои трофеи—буйныя запорожскія головы по селамъ, по шляхамъ, да по перекресткамъ. Несомнѣнно теперь, что прошедшій отрядъ—не какой другой, какъ лишь польскій—гусары либо драгуны... и направляются, вѣроятно, къ Кодаку съ радостною вѣстью, чтобы съ этого чортоваго гнѣзда громить Запорожье... Конецъ, конецъ и мечтамъ, и нашей замученной волѣ! Всѣ усилія истощены; истинные герои, славные рыцари или пали на кровавомъ пиру, или истерзаны на пыткахъ... а народъ, несчастный, забитый народъ, безропотно, безпомощно пойдетъ теперь въ ярмѣ „орать“ не свою, а чужую землю...

А друзья—Богунъ, Чарнота, Кривоносъ, Нечай?... спаслись, или погибли? Повернуть домой, развѣдать, помочь имъ,—кружились вихремъ въ головѣ его мысли,—а тутъ Конецпольскій... А, будьте вы прокляты! Помочь, но какъ?... Рвется на куски сердце... Сотня ножей впилась въ грудь—и нѣтъ исхода... О, это роковое безсиліе, этотъ рабскій позоръ! Да разбить себѣ башку легче... Только... только не даромъ!—глянулъ онъ свирѣпо, вызывающе въ серебристую даль, и снова приливъ отчаянія охватилъ его:—неужели же всѣ надежды поблекли и, какъ листья, развѣялись вѣтромъ?—опустилъ козакъ голову на богатырскую грудь и уставился неподвижно глазами въ широкое стремя. Заходящее солнце, какъ огромный яхонтъ, опускалось за алѣющую полосу дали и обливало багрянцемъ контуръ могучей фигуры всадника и нѣкоторыя мѣста торчавшей головы на шестѣ. Застывшія на ней темно-красныя пятна теперь горѣли подъ лучами заходящаго солнца кровавымъ огнемъ и призывали товарища къ мести.

Богданъ вздрогнулъ въ порывѣ подступившаго остраго чувства и, сдвинувши сурово брови, повернулся къ Ахметкѣ, а тотъ стоялъ въ ужасѣ, вперивъ глаза въ мертвую голову.

— Слѣзай, хлопче, съ коня!—сказалъ Богданъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ,—выроемъ вонъ тамъ, подальше, яму, да похоронимъ честно голову добраго, славнаго козака, положившаго ее за край родной, за народъ и за вѣру!

Шагахъ въ пятидесяти разгребли снѣгъ козаки и выбили саблями въ мерзлой землѣ глубокую ямку, а потомъ, поваливъ шестъ, сняли почтительно съ него голову; съ мрачною торжественностью принесъ ее къ могилкѣ Богданъ и, поцѣловавъ въ занѣмѣвшія уста, произнесъ растроганнымъ, дрожавшимъ отъ внутреннихъ слезъ голосомъ:

— Прощай, товарищъ, на вѣки! Разскажи Богу тамъ, какъ знущаются надъ нами паны!—и, перекрестивъ голову, бережно опустилъ ее въ глубь и засыпалъ землею, а Ахметка утопталъ ее и все мѣсто забросалъ толстымъ слоемъ снѣга.

Молча вернулись козаки къ своимъ конямъ, молча сѣли въ высокія сѣдла и молча двинулись въ путь.

Богданъ пустилъ Бѣлаша вольно и съ напряженнымъ челомъ рѣшалъ существеннѣйшій для него въ данную минуту вопросъ: куда ѣхать? Возвратиться скорѣе въ Субботовъ, домой, такъ какъ тамъ, при разгулѣ и своеволіи побѣдителей, всякая бѣда можетъ стрястись... но явиться, не исполнивши порученія, опасно: не будетъ возможности доказать, гдѣ находился, а слѣдовательно не будетъ возможности и опровергнуть доносы. Но и въ Кодакъ явиться теперь,— такъ, пожалуй, угодить можно въ волчью пасть... Не дернуть-ли прямо на Запорожье? Извѣстить братчиковъ о постигшемъ ударѣ и предупредить возможное со стороны враговъ нападеніе? Во всякомъ случаѣ нужно воспользоваться наступающею ночью, доскакать до Днѣпра, а тамъ густыя лозы да камыши дадутъ уже „пораду“— совѣтъ... Гайда!—крикнулъ козакъ и помчался вихремъ впередъ, а за нимъ двинулся съ мѣста въ карьеръ и Ахметка.

Ночь медленно уже наступала; вся даль покрывалась сизыми, мутными тонами; на лиловато-розовомъ небѣ къ закату блестѣлъ уже свѣтлый серебрянный серпъ, а на темной синевѣ купола начинали робко сверкать блѣдные, дрожащіе огоньки.

Прошелъ часъ, а козаки все еще бѣшено мчались впередъ, измѣнивъ нѣсколько первоначальное направленіе. Мѣстность изъ совершенно гладкой равнины начала переходить въ холмистую плоскость, пересѣкаемую продольными балками.

Козаки поѣхали шагомъ; нужно было дать передохнуть взмыленнымъ лошадямъ и осмотрѣть внимательнѣе мѣстность; но послѣдняя ничего новаго не представляла: вездѣ было безлюдно, безслѣдно, безмолвно; небо только начало крыться какимъ-то бѣлесоватымъ туманомъ; козаки пустили наконецъ рысцой коней и даже закурили „люльки“. Показалась впереди глубокая впадина.

— Рѣчка Самара, хлопче! Теперь уже все равно, что и дома!

И Богданъ направилъ туда коня; но не успѣлъ онъ еще спуститься въ оврагъ, какъ вдали, между какими-то темными очертаніями, показались огоньки.

Богданъ поворотилъ коня и шепнулъ Ахметкѣ: „назадъ“, но уже было поздно: съ двухъ сторонъ изъ-за сугробовъ приближались къ нашимъ путникамъ всадники и отрѣзывали отступленіе.

— Кто ѣдетъ?—окрикнулъ ближайшій.

— Войсковой писарь рейстровиковъ,—отвѣтилъ Богданъ.

— А! Козакъ! Бунтовщикъ! Берите его, шельму!—крикнулъ „намѣстникъ“ драгунскій,—и того и другого „лайдака“!

Ахметка было выхватилъ изъ ноженъ саблю, но Богданъ остановилъ его.

— Брось, сопротивляться не къ чему; мы королевскіе слуги, насъ тронуть не посмѣютъ.

— Если пану угодно меня арестовать,—поднялъ голосъ Богданъ,— то вотъ моя сабля; но я думаю, что посолъ короннаго гетмана, а слѣдовательно и Рѣчи Посполитой, есть неприкосновенная особа и для враговъ, а не то, что для своихъ же согражданъ.

— Ахъ, онъ быдло! Еще о правахъ заговорилъ!—подъѣхалъ второй всадникъ.—Дави ихъ всѣхъ, собакъ, сади ихъ на колъ! На морозѣ это выйдетъ важно; а если у него есть какія бумаги—отнять.

— Нѣтъ только здѣсь, въ этой проклятой степи, никакого дерева, чтобы вытесать колъ, вотъ что досадно!—осмотрѣлся кругомъ всадникъ въ драгунскомъ ментикѣ съ откидными рукавами.

— Такъ отрубить головы и псу, и щенку, да и концы въ воду,—замѣтилъ подъѣхавшій третій,—а то надоѣло по морозу ѣхать дозоромъ.

— Да, пора бы до „венгржины“,—подхватилъ первый.

— У князя Яремы ее не потянешь,—вздохнулъ второй,— „ни вина, ни женщинъ“! Развѣ у пана Ясинскаго.

— Найдется, панове!—кивнулъ головою первый „намѣстникъ“:—только скорѣй!... А ну, слѣзай съ коня и подставляй башку, хлопъ!

Ахметка, блѣдный, съ искаженными чертами лица, дрожалъ, какъ осиновый листъ; но Богданъ спокойно сидѣлъ на конѣ, ухватясь за эфесъ сабли. Простившись мысленно со всѣмъ ему дорогимъ и поручивъ Богу грѣшную душу, онъ рѣшился дорого продать свою жизнь.

— Опомнитесь, панове,—попробовалъ было онъ еще въ послѣдній разъ образумить безумцевъ,—вѣдь ясновельможный гетманъ Конецпольскій не потерпитъ насилія надъ своимъ личнымъ посломъ и отомститъ своевольцамъ жестоко.

Подъѣхавшіе вновь всадники при этомъ имени нѣсколько смутились и осадили коней назадъ, но запальчивый и подвыпившій панъ „намѣстникъ“ вспылилъ еще больше.

— А, сто чертей тебѣ въ глотку съ вѣдьмой въ придачу! Еще грозить вздумалъ! Долой съ коня! Рубить ему, собакѣ, и руки, и ноги, и голову!—уже кричалъ, размахивая саблей, драгунъ.

Но любитель кола пріостановилъ это распоряженіе.

— Нѣтъ, братъ, жаль такъ легко съ ними покончить,—на колъ посадить интереснѣе; я уже для этой потѣхи пожертвую дышло отъ моей походной телѣги.

— А коли на колъ, на „палю", такъ согласенъ; тащите ихъ къ табору!

У Богдана мелькнула теперь, хотя и слабая, надежда на спасеніе, а потому онъ и допустилъ повести свою лошадь за поводъ; Ахметка и не думалъ уже о сопротивленіи, а тупо коченѣлъ на сѣдлѣ.

II.

Таборъ былъ недалеко за снѣжнымъ, высокимъ сугробомъ. Два „жолнера" поспѣшили отцѣпить дышло отъ крайняго воза и начали изъ него приготовлять колья. Слухъ о поимкѣ козаковъ распространился быстро по табору, а предстоящая казнь привлекла любопытныхъ. Но между одобрительными отзывами послышались и такіе: „Что же, панове, не въ диковину намъ этихъ псовъ мучить, а заставить бы ихъ лучше показать прежде дорогу, а то мы изъ этой проклятой степи и выбраться не сможемъ!"

— Да, такъ; пусть покажутъ дорогу!—спохватились и другіе.

Въ таборѣ поднялась суета.

Плѣнники сидѣли все еще на коняхъ, окруженные увеличивающейся толпой. „Намѣстникъ" съ товарищами завернулъ въ палатку подкрѣпиться „венгржиной", а „жолнеры" приготовили два кола, вбили ихъ въ мерзлую землю и ждали дальнѣйшихъ распоряженій. Наконецъ, подбодренный „намѣстникъ" крикнулъ изъ палатки.

— Тащите съ сѣделъ „быдло"! Сорвать съ нихъ одежу и въ мою палатку отнесть, а ихъ, голыхъ на колъ!

Но не удалась бы палачамъ надъ козаками такая потѣха; Богданъ уже выхватилъ было правою рукой саблю, а лѣвою кинжалъ, какъ вдругъ прибѣжавшій гайдукъ прекратилъ готовую вспыхнуть послѣднюю смертельную схватку.

— „Яснооcвѣцоный" князь требуетъ немедленно взятыхъ плѣнныхъ къ себѣ и гнѣвенъ за то, что ему о нихъ не доложено!—крикнулъ онъ громко.

Наступило молчаніе; смущенная толпа мгновенно отхлынула, и у храбраго „намѣстника“ зашевелилась чуприна.

— Ведите ихъ, отобравши оружіе,—распорядился онъ уже пониженнымъ тономъ,—а я самъ объяснюсь.

Богданъ съ достоинствомъ отдалъ свою саблю и пошелъ за гайдукомъ впередъ, а Ахметку повели „жолнеры“.

Походная палатка князя Іереміи Вишневецкаго отличалась царственною скромностью; зимній пологъ ея былъ покрытъ грубымъ сукномъ и подбитъ лишь горностаемъ, а сверху замыкала его золотая корона. У входа на приподнятыхъ полахъ были вышиты чистымъ золотомъ и шелками великолѣпные княжескіе гербы (на красномъ фонѣ золотой полуторный крестъ и на красномъ же фонѣ всадникъ); тамъ же у входа водружена была и хоругвь, при которой на стражѣ стояли съ саблями на голо латники.

Обнаживъ голову передъ княжьей палаткой, Богданъ вошелъ въ нее съ подобающею почтительностью и съ нѣкоторымъ волненіемъ: его какъ-то коробило предстать предъ грозныя очи уже прославившагося своею необузданною лютостію магната, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желательно было ближе увидѣть доблестнаго, храбраго воина, красу польскихъ витязей.

Въ глубинѣ обширной палатки, освѣщенной высокими консолями въ двѣнадцать восковыхъ свѣчей, на походной складной деревянной „канапѣ“, покрытой попоной, сидѣлъ молодой еще, худой и невысокій мужчина; по внѣшнему виду въ немъ съ перваго взгляда можно было признать скорѣе француза, а не поляка. Продолговатое, сухое и костлявое лицо его было обтянуто плотно темною съ желтыми пятнами кожей, придававшей ему мертвую неподвижность; надъ выпуклымъ, сильно развитымъ лбомъ торчалъ посрединѣ клокъ черныхъ волосъ, образуя по бокамъ глубокіе мысы; вся же голова, низко остриженная, была менѣе чернаго, а скорѣе темно-каштановаго тона. Изъ-подъ широкихъ, прямыхъ, почти сросшихся на переносьѣ бровей смотрѣли пронизывающимъ взглядомъ холодные, неопредѣленнаго цвѣта глаза, въ которыхъ мелькали иногда зеленые огоньки; въ очертаніяхъ глазъ и бровей лежали непреклонная воля и безстрастное мужество; правильный съ легко-раздувающимися ноздрями носъ обличалъ породу, а нафабренные и закрученные высоко вверхъ усы, вмѣстѣ съ острою черною бородкой придавали физіономіи необузданную дерзость; но особенно непріятное впечатлѣніе производили тонкія крѣпко сжатыя губы, таившія въ себѣ что-то зловѣщее.

Молодой вождь былъ одѣтъ въ простую боевую одежду. Сверхъ кожанаго, изъ лисьей шкуры, съ шнурами, камзола надѣта была

дамасской стали кольчуга, стянутая кожанымъ поясомъ; на плечахъ, вокругъ шеи, лежалъ тарелочкой холщевый воротникъ, отъ бѣлизны котораго цвѣтъ волосъ казался еще болѣе чернымъ; у лѣваго бока висѣла драгоцѣнная „карабела", а ноги, обутыя въ желтые сафьянные сапоги, тонули въ роскошной медвѣжьей шкурѣ, разостланной у „канапы"; огромная голова звѣря съ оскалившейся пастью грозно смотрѣла стеклянными глазами на входъ.

Возлѣ князя на небольшомъ складномъ столикѣ стоялъ золотой кубокъ съ водою. Два молодыхъ шляхтича, „товарищи" панцырной хоругви, въ дорогихъ драгунскихъ костюмахъ, Грушецкій и Заремба, стояли почтительно позади. Тамъ же водружены были и два бунчука.

Въ лицѣ и во всей фигурѣ Іереміи Вишневецкаго разлито было безграничное высокомѣріе и презрительная надменность. Онъ вонзилъ пронзительный взглядъ въ вошедшаго козака и молчалъ. Богданъ, застывши въ глубокомъ поклонѣ, съ прижатою у груди правой рукой и съ нѣсколько откинутой съ шапкою лѣвой, стоялъ неподвижно и изъ-подъ хмурыхъ бровей изучалъ зорко противника.

Длилось томительное молчаніе.

— Кто есть?—наконецъ прервалъ его сухимъ и непріятнымъ голосомъ Вишневецкій.

— Войсковой писарь, ясноосвѣцоный княже,—отвѣтилъ съ достоинствомъ и полнымъ самообладаніемъ козакъ.

— Откуда, куда и зачѣмъ?

— Изъ Чигирина въ Кодакъ, съ бумагами къ ясновельможному пану гетману.

— Доказательства?

— Вотъ онѣ, ваша княжья милость!—подалъ ему Богданъ съ поклономъ пакетъ.

Вишневецкій сломалъ восковую печать на пакетѣ, предварительно изслѣдовавъ ее опытнымъ взглядомъ, и внимательно началъ просматривать бумаги.

— Однако, девятый день въ пути. Развѣ Чигиринъ такъ далеко?—ожегъ онъ козака зеленымъ огнемъ своихъ глазъ.

— Два раза вьюга сбивала съ дороги и кони изъ силъ выбились,—отвѣтилъ тотъ спокойнымъ тономъ, совершенно овладѣвши собой.

— Пожалуй, возможно,—согласился князь,—насъ тоже она ужасно трепала и загнала проводниковъ безъ вѣсти. А „вацпанъ" знаетъ путь? Можетъ провесть и насъ тоже въ Кодакъ?

— О, степь, ясный княже, мнѣ отлично знакома и Кодакъ отсюда долженъ быть не далеко.

— О? Досконально!—вскинулъ на Грушецкаго и Зарембу князь глазами и заложилъ ногу на ногу:—Такъ войсковой писарь его мосць,—пробѣгалъ глазами онъ по строкамъ,—а, Хмельницкій... Хмельницкій? Знакомая фамилія... Да! Какой-то Хмельницкій убитъ, кажись, подъ Цецорою, при этой позорной битвѣ, гдѣ безвременно погибъ и гетманъ Жолкѣвскій...

— Это мой отецъ, ясный княже, Михаилъ Хмельницкій. Я самъ былъ въ дыму этой битвы, позорной развѣ по измѣнѣ или трусости венгровъ, но славной по доблести и удали войскъ коронныхъ. Какъ теперь вижу благороднаго раненаго гетмана: блѣдный, обрызганный кровью, съ пылающимъ отвагою взоромъ, онъ крикнулъ: „Намъ измѣнили, но мы умремъ за отчизну, какъ подобаетъ вѣрнымъ сынамъ!"—и ринулся въ самый адъ бушующей смерти. Мой отецъ желалъ удержать его, принималъ на свой мечъ и на свою грудь сыпавшіеся со всѣхъ сторонъ удары. Я былъ тутъ-же и видѣлъ, какъ за любимымъ гетманомъ бросились всѣ съ безумной отвагой и ошеломили отчаяннымъ натискомъ даже многочисленнаго врага; но что могла сдѣлать окруженная горсть храбрецовъ? Она прорѣзала только кровавую дорогу въ безконечной вражьей толпѣ и полегла на ней съ незыблемой славой. Я помню еще, какъ мой отецъ изрубленный палъ, открывъ грудь благороднаго гетмана, а дальше стянулъ мнѣ шею арканъ, и я очнулся въ турецкой неволѣ...

Богданъ проговорилъ это искреннимъ, взволнованнымъ голосомъ, воскресая врѣзавшуюся въ память картину, и видимо даже тронулъ стальное сердце князя-героя. Въ его взглядѣ изчезли зеленые огоньки.

— Въ неволѣ?—переспросилъ Вишневецкій:—Гдѣ же и долго ли?

— Два года. Сначала въ Скутари, а потомъ въ Карасубазарѣ. Меня выкупилъ изъ неволи крестный отецъ, князь Сангушко; хлопоталъ и канцлеръ коронный, ясновельможный панъ Осолинскій.

— Вотъ что! Такъ панъ писарь былъ при Цецорѣ и сражался за славу нашей отчизны? Завидно! Но сталъ ли бы онъ и теперь съ такимъ же пыломъ сражаться за ея мощь?

— За мою родину и отечество я беззавѣтно отдамъ свою голову,—сказалъ съ чувствомъ, поднявши голосъ, Богданъ.

— Къ чему же здѣсь родина?—прищурилъ глаза Вишневецкій.

— Родина есть часть отечества, а цѣлое безъ части немыслимо,—отвѣтилъ Богданъ.

— Вацпанъ, какъ видно, силенъ въ элоквенціи. Гдѣ воспитывался?

— Сначала, княже, въ кіевскомъ братствѣ, а потомъ въ іезуитской коллегіи.

— То то, видно сразу и въ словахъ, и въ манерѣ нѣчто шляхетское, „эдукованное“, а не хлопское. Я припоминаю и самъ теперь пана,—перемѣнилъ онъ вдругъ рѣчь съ польскаго языка на латинскій,—встрѣчалъ въ Варшавѣ у великаго канцлера литовскаго Радзивилла и даже, помнится, за-границей.

— Да, я имѣлъ честь быть по порученіямъ яснѣйшаго короля въ Парижѣ,—отвѣтилъ тоже по-латыни Богданъ.

— По порученіямъ личнымъ или государственнымъ?

— Найяснѣйшій король свои интересы сливаетъ съ интересами Посполитой Рѣчи.

— Дай Богъ!—задумался на минуту Вишневецкій и потомъ, какъ бы про себя, добавилъ:—Во всякомъ случаѣ, это доказываетъ довѣріе къ его мосцѣ и короля, и сената, что заслуживаетъ большой признательности.

— Клянусь Святою Дѣвой, что эта сабля...—ударилъ въ лѣвый бокъ по привычкѣ Богданъ, и, ощутивъ пустоту, смѣшался и покраснѣлъ.

— А гдѣ-же твоя сабля?—спросилъ, изумясь, Вишневецкій.

— Арестована, ясный княже.

— Кѣмъ и за что?

— Княжьимъ подвластнымъ... для приспособленія меня къ колу.

— Вотъ какъ! Безъ моего вѣдома? Подать мнѣ сейчасъ саблю пана писаря!—крикнулъ по-польски князь, и Заремба бросился къ выходу.—Да доложить мнѣ,—добавилъ онъ вслѣдъ,—кто тамъ безъ меня дерзаетъ распоряжаться?

Черезъ минуту влетѣлъ Заремба и, подавая князю саблю, сообщилъ, что распорядился панъ „намѣстникъ“ Ясинскій и что онъ хочетъ объясниться.

— Поздно! Исключить его изъ хоругви!—сухо сказалъ, разсматривая саблю, князь Ярема.—Добрая „карабела“, дорогая и по рукояткѣ, и по клинку.

— Для меня она безцѣнна,—замѣтилъ Богданъ:—это почетный даръ всемилостивѣйшаго нашего короля Владислава, когда онъ еще былъ королевичемъ, за мои боевыя заслуги подъ Смоленскомъ и подъ Москвою.

— Такъ храни-же эту драгоцѣнность,—передалъ князь саблю Богдану,—и обнажай ее честно на защиту отчизны противъ всѣхъ враговъ, гдѣ-бы они ни были.

— Богъ свидѣтель,—поцѣловалъ Богданъ клинокъ сабли, дотронувшись рукой при низкомъ поклонѣ, до полы княжьяго кунтуша:—я обнажу ее безъ страха на всякаго врага, кто-бы онъ ни былъ, если только посягнетъ на нашу свободу и благо...

— Свобода Рѣчи Посполитой незыблема!—перебилъ Іеремія, возвысивъ свой голосъ, зазвучавшій непріятными высокими нотами: — Бунтовщики теперь уничтожены; гидрѣ срѣзана голова, и я размечу всѣ корни козачества — этого безумнаго учрежденія моего безумнаго предка... Я размечу, прахомъ развѣю,—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—и заставлю забыть это проклятое имя!... Но я и вельможи, карая измѣнниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаемъ отличить, наградить и выдвинуть вѣрныхъ коронѣ и отчизнѣ сыновъ, желаемъ лучшіе роды преданнѣйшихъ слугъ возвысить даже и до шляхетства, если, конечно, они поступятся своею дикостью и заблужденіями... Надѣюсь, что панъ писарь, при своей „эдукаціи", потщится заслужить эту честь.

Богданъ отвѣтилъ глубокимъ поклономъ, не проронивъ ни одного слова.

— Еще только остается разгромить и уничтожить это волчье логовище—Запорожье,—продолжалъ Вишневецкій, отхлебнувъ изъ кубка воды:—тогда только можно будетъ спокойно уснуть.

— Тогда-то, осмѣлюсь возразить, ясноосвѣцонный княже,— вздохнулъ Богданъ глубоко,—и не будетъ ни на минуту покоя: орда безвозбранно будетъ врываться въ предѣлы отечества, будетъ терзать окраины, обращать въ пепелъ панскія „добра" и въ концѣ концовъ дерзнетъ посягнуть и на самое сердце обездоленной Польши.

— Мы воздвигли твердыню Кодакъ, и невѣрные „азіаты" не посмѣютъ переступить этотъ порогъ,—надменно сказалъ Вишневецкій.

— Твердыня имѣетъ значеніе лишь для своихъ, а низовья Днѣпра и границы въ широкой степи беззащитны,—убѣдительнымъ тономъ поддерживалъ Богданъ свою мысль, —только буйные шибайголовы—запорожцы, сыны этой дикой пустыни, могутъ противостать быстротой и отвагой такимъ-же дикимъ степовикамъ.

— А мою карабелу и мои хоругви вацпанъ забываетъ?— раздражаясь, брязнулъ саблею князь.—Объ эту скалу,—ударилъ онъ рукою въ свою грудь,— разобьются всѣ полчища хана.

— Да, ясноосвѣцоный князь—единый Марсъ на всю Польшу; такъ неужели же знаменитѣйшій вождь и сынъ славы, имя котораго можетъ потрясти и самую Порту, согласится стать только сторожемъ для спокойствія завидующихъ ему магнатовъ.

— Вацпанъ не глупъ,—прищурился и искривилъ улыбкою ротъ Вишневецкій,—но пора; мы отдохнули довольно... Въ походъ!— крикнулъ онъ, и Заремба полетѣлъ передать распоряженіе.—На-

дѣюсь, ты и ночью не собьешься съ пути?—обратился онъ къ Богдану.

— Пусть ваша княжеская милость будетъ спокойна,—поклонился козакъ.

— Ну, ступай и распорядись,—ударилъ его по плечу дружески Вишневецкій,—а—когда благополучно возвратимся, то я предлагаю тебѣ у себя службу.

— Падаю до ногъ за честь, ясный княже!—приложилъ сердцу руку Богданъ и, наклонивъ почтительно голову, вышелъ изъ палатки.

Весь лагерь былъ въ суетѣ и движеніи;—палатки укладывались, въ телѣги запрягали коней, драгуны подтягивали подпруги у сѣделъ, гусары строились, пушкари хлопотали возлѣ „арматы"... все снималось съ мѣста торопливо, но безъ крику и замѣшательства, а въ строжайшемъ, привычномъ порядкѣ.

Не успѣлъ Богданъ сѣсть на своего Бѣлаша и ободрить Ахметку, какъ раздался крикъ вскочившаго на коня князя— „гайда",—и все войско стройно двинулось за нимъ.

Богданъ долженъ былъ ѣхать впереди, между приставленными къ нему латниками. Всѣ послѣднія событія совершились такъ быстро, что онъ еще не могъ ни разобраться въ мысляхъ, ни оцѣнить своего положенія, ни уяснить, отчего у него въ груди стояла тупая, давящая боль? Одно только поднимало въ немъ силы: сознаніе, что пока отъ кола онъ ушелъ.

Вдругъ, проѣзжая мимо обоза, онъ увидѣлъ козаковъ, прикованныхъ къ повозкамъ цѣпями; между ними онъ узналъ и своихъ двухъ товарищей по многимъ сѣчамъ и по послѣдней—Бурлія и Пешту. Облилось кровью отъ жалости сердце козака, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сжалось отъ подступившаго холода.

— Ба! Смотри, Хмель здѣсь!—отозвался Бурлій.

— Вѣрно, онъ—и въ почетѣ!—прошипѣлъ Пешта.

— Вотъ такъ штука! Ловкачъ!—засмѣялся первый.

— Удеру и я ему штуку!—крикнулъ второй.

Ни живъ, ни мертвъ, ударилъ Богданъ „острогами" коня и вынесся съ отрядомъ впередъ... Нѣсколько мгновеній онъ не могъ прійти въ себя, пораженный этой новой, неотвратимой опасностью; но движеніе окружавшихъ его войскъ, стукъ конскихъ копытъ, шорохъ оружія заставили его скоро вернуться къ дѣйствительности, и весь ужасъ его положенія всталъ передъ нимъ съ новой силой.

Что дѣлать?.. Что предпринять?!. Сквозь скрипъ телѣгъ и стукъ конскихъ копытъ до слуха Богдана доносилось мѣрное позвякиваніе цѣпей, и этотъ мрачный, зловѣщій лязгъ, словно погребаль-

ный колоколъ, аккомпанировалъ движенію его мыслей. Онъ зналъ, безъ сомнѣнія, какая участь ожидаетъ завтра его братьевъ, друзей; онъ зналъ, что вѣсть о его появленіи въ лагерѣ Вишневецкаго, не въ цѣпяхъ, а на свободѣ и даже съ нѣкоторымъ почетомъ, облетѣла уже всѣхъ плѣнниковъ, и что всѣ товарищи объясняютъ это его измѣной. „Но тѣ, всѣ остальные? – думалось ему,—пусть... пусть кричатъ, и бранятъ и проклинаютъ!... Хотя это и тяжко, охъ, какъ тяжко; но пожалуй, на руку: такой взрывъ негодованія будетъ лучшею рекомендаціей для Яремы. Но если Пешта и тотъ вздумаютъ исповѣдаться передъ смертью, да разсказать, какой неизвѣстный воинъ помогъ и Гунѣ, и Филоненку? А!"—передвинулъ Богданъ шапку и почувствовалъ, что волосы начинаютъ у него на головѣ шевелиться.

Умереть такъ рано и такъ глупо, смертью позорной, безславной... и это ему, когда онъ чувствуетъ въ груди столько энергіи и силы, когда у него еще столько жизни впереди! Необоримое желаніе жизни охватило все его существо... Нѣтъ, онъ долженъ выгородить себя!.. Но какъ? Не шепнуть ли Яремѣ, чтобъ покончилъ съ опасными плѣнниками скорѣе? Что значитъ день жизни... не лишнія ли мученія?—Но нѣтъ, нѣтъ! Retro satanos, retro satanos!—прошепталъ онъ поспѣшно, крестясь подъ „кереей".—О, до какихъ звѣрскихъ мыслей можетъ довести это безсильное, униженное состояніе! Однако, надо же рѣшаться на что-нибудь: время идетъ и разсвѣтъ недалеко... Уйти? Нѣтъ, мнѣ не дадутъ сдѣлать и шагу... А, можетъ быть, удастся спасти,—сверкнула у него надежда,—хотя тѣхъ двухъ? Попробовать, но какъ? Единый Господь, прибѣжище мое и защита!—задумался Богданъ и началъ исподволь замедлять шаги своего коня и отставать къ обозу. Люди сидѣли и дремали въ сѣдлахъ, такъ что маневровъ его не замѣтилъ никто; наконецъ, послѣ томительнаго получаса Богдану удалось поравняться съ одной изъ первыхъ телѣгъ.

— Ты тутъ, Пешто?—тихо обозвалъ онъ одного изъ сидѣвшихъ въ возу.

Опущенная голова поднялась, и на Богдана взглянула пара узкихъ и косо прорѣзанныхъ глазъ; взглядъ этотъ былъ полонъ затаенной ненависти и презрѣнія.

— А что, братъ „зрадникъ",—громко произнесъ онъ,—полюбоваться пріѣхалъ, какъ товарищей на колъ сажать будутъ?

И Богданъ замѣтилъ въ темнотѣ, какъ блеснули желтые бѣлки Пешты и тонкія губы искривились подъ длинными усами.

— Тише, молчи!—прошепталъ Богданъ.—Самъ попался... чуть на колъ не угодилъ... Пощадили, чтобъ указалъ дорогу...

ѣдемъ въ Кодакъ... все сдѣлаю, чтобъ спасти... Надѣюсь; только молчи, ни слова!

— А какъ сбрешешь, обманешь?—переспросилъ Пешта.—Смотри, погибнемъ мы, такъ и тебѣ не уйтти.

На другихъ телѣгахъ, которыя медленно двигались въ темнотѣ, не слышали переговоровъ Богдана. Подъ мрачнымъ и низкимъ небомъ онѣ тянулись на фонѣ бѣлесоватаго снѣга смутною, громыхающею цѣпью; кое-кто изъ козаковъ сидѣлъ, опустивши голову, кое-кто лежалъ, а кое-кто, прикованный цѣпью за шею, шелъ за телѣгой... Не раздавалось ни стоновъ, ни криковъ, ни воплей, а какое-то холодное, молчаливое равнодушіе царило надъ ними... Казалось, что это тянулась передъ ними не прощальная, послѣдняя ночь, а медленно разворачивалась ихъ безрадостная, горькая жизнь, такая-же мрачная и суровая, какъ эта холодная, темная степь.

Богданъ тихо вздохнулъ.

— А что панъ дѣлаетъ здѣсь?—раздался у него за спиной непріятный и рѣзкій голосъ Ясинскаго.

Богданъ вздрогнулъ, но отвѣтилъ спокойно:

— А бунтарей хотѣлъ посмотрѣть.

— Удивляюсь пану; я думаю, онъ видѣлъ ихъ ближе и чаще, чѣмъ мы, а, можетъ, нашлись и соратники?

— Панъ шутитъ, конечно, какъ шутилъ и съ коломъ,—уязвилъ его, овладѣвая собою, Хмельницкій,—вѣдь, я не такъ глупъ, чтобъ подъѣзжалъ для улики, если бы таковые тутъ были,—вѣдь иначе меня бы исключили сейчасъ изъ хоругви!

— У, сто двадцать чертовскихъ хвостовъ и пану-ехидѣ, и всѣмъ вамъ въ зубы!—прошипѣлъ ему вслѣдъ Ясинскій, закусывая усъ.—Погоди, ужъ я тебя выслѣжу, доѣду!

Между тѣмъ ночь близилась къ концу. Фигуры всадниковъ вырѣзывались яснѣе и яснѣе; посвѣтлѣло и свинцовое, низко нависшее небо. Предразсвѣтный холодъ пробиралъ до костей. Лица казались грязными и желтыми. Сырой, противный вѣтеръ подымалъ гривы лошадей и пробирался подъ плащи и въ рукава. Кое-гдѣ среди всадниковъ слышалось короткое проклятіе... а тамъ, въ концѣ обоза, раздавался все тотъ же однообразный, томительный лязгъ.

— „Ясноосвѣцоный“ князь требуетъ къ себѣ пана—раздался около Хмельницкаго голосъ молодого оруженосца.

Богданъ выѣхалъ изъ толпы, пришпорилъ коня и черезъ минуту почтительно остановился подлѣ князя.

— Ну, что же, вацпане,—обратился къ нему въ полуоборотъ Вишневецкій,—скоро ли до Днѣпра?

— Какъ ѣхать, ясный княже?—поклонился Хмельницкій.

— По-Яремовски.

— Черезъ часъ ваша княжья милость остановится на берегу.

— А скажи мнѣ, откуда ты степь такъ хорошо знаешь?— спросилъ его какъ-то отривисто Вишневецкій, бросая изъ-подъ бровей стальной взглядъ.

— По порученіямъ ѣздилъ не разъ.

— Но... конечно, вацпанъ и въ Сѣчи бывалъ, и съ „дьяблами“ якшался?

— Не былъ бы иначе козакомъ, ясный княже.

— Люблю, кто говоритъ правду смѣло.

Князь продолжалъ двигаться впередъ; за нимъ въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ и Хмельницкій, приближаясь при разговорѣ и отставая при молчаніи.

Теперь, при совсѣмъ уже разсвѣтшемъ небѣ, эти двѣ фигуры выдѣлялись совершенно ясно. Рыжій, сухощавый арабскій конь князя нервно выступалъ впереди,—казалось онъ ежеминутно готовился подняться впередъ; самъ всадникъ выражалъ признаки живѣйшаго нетерпѣнія; онъ то подергивалъ рукою вверхъ опускавшійся отъ сырости усъ, то бросалъ по сторонамъ пытливые взгляды. Бѣлый конь Хмельницкаго выступалъ спокойно и величаво; осанка всадника дышала такою же увѣренностью, лицо, казалось, застыло въ сосредоточенномъ выраженіи, но въ глазахъ, въ глубинѣ, горѣлъ такой острый и жгучій огонь, что если бы холодный взоръ Іереміи встрѣтился съ нимъ, онъ бы позеленѣлъ отъ злобы. Эта холодная зимняя ночь запала въ душу Богдана, и ему казалось, что звукъ козацкихъ оковъ будетъ звучать въ ней теперь навсегда.

— А!—спохватился вдругъ Іеремія,—Отъ Кодака далеко-ль до Сѣчи?

— Сухимъ путемъ, пане княже, въ обходъ—дня два, а то и больше,—приблизился Богданъ, сдавивъ шенкелями коня,—дорогъ нѣтъ... овраги... горы... болота... А если Днѣпромъ, черезъ пороги, то десять часовъ только ходу.

— Сто „дьябловъ“! Это бѣшеная скачка по бѣшенымъ волнамъ.

— Да, бѣшеная и опасная... и то только въ половодье, а въ прочее время года она почти невозможна: подводныя скалы и камни на каждомъ шагу сторожатъ дерзкую „чайку“.

— „Пекельное“ мѣсто! Оттого его вѣрно черти и выбрали?

— Но эти черти могутъ быть страшны для враговъ Посполитой Рѣчи, а не для отечества.

— Надѣюсь, теперь не страшны,—зло засмѣялся князь скрипучимъ, сухимъ хохотомъ,—я сбилъ имъ рога.

— Они могутъ быть преданы, клянусь, пане княже,—душевнымъ голосомъ пробовалъ тронуть князя Богданъ,—сердце козачье признательно и благородно..

— Лживо, вѣроломно!—перебилъ Вишневецкій.

— Если и бывали такіе печальные случаи, ясный княже, то козаки въ этомъ брали примѣръ у своихъ вельможныхъ наставниковъ.

— Что-о?—вскипѣлъ князь.

— Ваша княжеская милость проститъ... Я грубъ, быть можетъ, и не умѣю прикрасить правды притворною лестью; но почему же все козачество и весь нашъ народъ не повѣритъ никакимъ клятвамъ кононниковъ, ни ихъ цѣлованью креста, а повѣритъ лишь одному слову князя Яремы? Потому что князь Ярема никогда въ жизни его не ломалъ, потому что его слово и на землѣ, и у Бога святыня!

— Такимъ и должно быть шляхетское слово!—сказалъ торжественно мягкимъ тономъ Ярема, польщенный и покраснѣвшій даже отъ удовольствія. Слова козака помазали его душу нѣжнымъ, душистымъ елеемъ, и у него промелькнула невольная мысль: однако, мнѣ не приходило въ голову, что между хлопами могутъ быть такіе цѣнители!

— Но таково ли оно у другихъ вельможныхъ пановъ,—ясноосвѣцоный князь хорошо знаетъ... потому-то, хотя всякъ изъ насъ трепещетъ при имени князя Яремы, но за то—за одно его ласковое слово всякъ отдастъ и жизнь... Пусть попробуетъ ваша княжья милость оказать милосердіе, и онъ пріобрѣтетъ такихъ вѣрныхъ слугъ, какихъ ему не купить за деньги.

— Можетъ быть; твоя прямота мнѣ по сердцу; но пощадить этихъ гнусныхъ хлоповъ, бутовщиковъ и измѣнниковъ—это невозможная жертва.

— Римъ только тогда окрѣпъ въ своемъ величіи, когда началъ щадить плебеевъ,—тихо и вкрадчиво вставилъ Хмельницкій.

Вишневецкій угрюмо молчалъ и всматривался въ яснѣвшую даль, гдѣ виднѣлись уже сизою лентой въ туманѣ луга. Хмельницкій не спускалъ съ него испытующихъ глазъ; надежда начинала шевелиться въ душѣ.

— Нѣтъ, этихъ мерзавцевъ... это рабское племя... servum pecus... истребить нужно,—буркнулъ какъ бы самъ себѣ Ярема,—да и можетъ ли изъ этихъ гадюкъ выбраться преданный?

— Ваша княжеская милость можетъ убѣдиться... Я головой ручаюсь за Бурлія, за Пешту,—началъ было Богданъ, но прикусилъ языкъ, замѣтивъ зловѣщее выраженіе глазъ у Яремы.

Не долго, впрочемъ, продолжалось грозное молчаніе. Вишневецкій обернулся назадъ и крикнулъ:

— А, ну, гайда по-Яремовски!

Этому приказу обрадовался Хмельницкій; онъ безъ словъ вонзилъ „остроги" въ бока коню и быстро помчался впередъ.

Начиналъ падать мелкій дождикъ; снѣгъ покрывался тонкою, блестящею корой, которая проламывалась подъ копытами, но, не смотря на трудность движенія, Бѣлашъ несъ своего хозяина все впередъ и впередъ.

— Племя рабовъ! Племя рабовъ!—слетѣло нѣсколько разъ со сжатыхъ устъ Богдана.—Но если встанутъ рабы,—горе патриціямъ тогда!

Уже глазъ его различалъ между сизыхъ и бѣлыхъ тоновъ темную полосу рѣки, уже начали направо и налѣво попадаться торчащіе камни, путь становился неровнымъ, обрывистымъ и требовалъ большой осторожности при движеніи,—а вотъ и крутой спускъ. Богданъ поѣхалъ шагомъ и черезъ нѣсколько минутъ остановился на обрывистомъ берегу. У ногъ его развернулась величественная картина. Могучая рѣка, сдавленная каменными берегами, дѣлала въ этомъ мѣстѣ рѣзкій поворотъ на югъ и съ дикимъ ропотомъ билась о заступавшія ей преграды. Тамъ, вверху, гдѣ за колѣномъ она сливалась съ горизонтомъ, виднѣлось поле вздувшагося, посинѣвшаго льда, здѣсь же клокотали и вздымались холодныя, сѣрыя волны, стремясь бѣшено на югъ; неуклюжія льдины сталкивались другъ съ другомъ, и ихъ зловѣщее шуршаніе доносилось ясно до слуха.

На противоположномъ берегу угрюмой рѣки вырѣзывалась на выдававшемся скалистомъ берегу такая же угрюмая, какъ свинцовыя волны, и такая же мрачная, какъ нависшее небо, каменная громада. Богданъ сразу узналъ крутой берегъ, но это выросшее на немъ каменное страшилище?... Откуда оно? Какъ появилось? Какъ посмѣло усѣсться здѣсь на порогѣ къ ихъ вольной волѣ?

Конечно, онъ слыхалъ не разъ объ этой воздвигнутой вновь твердынѣ; но видъ ея здѣсь, воочію, поразилъ его до глубины души.

Молча стоялъ Богданъ, какъ окаменѣлый,—и глаза его не могли оторваться отъ грозныхъ стѣнъ: онѣ подымались, словно изъ воды, волны набѣгали и бились о нихъ, но плескомъ своимъ не достигали ихъ подножія; только клочки грязной пѣны и спутанныхъ водорослей покрывали скалистые берега этой твердыни. Грозный четыреугольникъ острымъ ребромъ врѣзывался въ пучину и мрачно смотрѣлъ своими бойницами на оба колѣна рѣки; громадныя, темныя четыреугольныя же башни подымались надъ нимъ высоко и

сурово господствовали надъ окрестностью; флаги ихъ, теребимые вѣтромъ, кичливо развѣвались надъ массой бушующей воды, а издали съ юга доносился глухой, угрожающій рокотъ,—это ревѣлъ Кодацкій порогъ.

Прискакалъ и князь Іеремія; онъ осадилъ своего коня и также застылъ въ восторгѣ; но не широкая картина плѣнила его, а мрачныя башни-твердыни.

— Ну, что?—обратился онъ, наконецъ, къ Богдану,—залюбовался вацпанъ фортецой?

— Заслушался рева пороговъ, ясноосвѣцоный княже,—отвѣтилъ Богданъ.

— Ха, ха, ха!—коротко усмѣхнулся Вишневецкій.—Всѣ пороги твои передъ этимъ порогомъ—ничто!—показалъ онъ рукою на крѣпость.—Попробуй-ка, вацпанъ, мимо пройти.

Богданъ молчалъ.

— Однако,—вскрикнулъ Вишневецкій,—какъ намъ переправиться?

— Черезъ Днѣпръ здѣсь невозможно, ясный княже, а пологаю вверхъ за милю, у старой Самары, или паромомъ, или, быть можетъ, по льду.

— А! Двѣсти перуновъ! Тащиться кругомъ, когда здѣсь рукою подать!

— Другого способа не вижу,—замѣтилъ Хмельницкій,—здѣсь паромовъ нѣтъ, а какъ же переправиться возамъ, войскамъ, арматѣ?

— Ну, обозъ... но я?—нетерпѣливо и рѣзко воскликнулъ Вишневецкій,—неужели здѣсь не сыщется ни одной дырявой лодки?

— Я поищу; смѣю увѣрить княжью мосць, что, если хоть одна притаилась здѣсь, я приволоку ее сюда!

Богданъ слѣзъ съ коня, отдалъ его Ахметкѣ и спустился внизъ.

Приблизился и обозъ и, получивъ приказаніе, отправился вверхъ по берегу Днѣпра.

А Іеремія все стоялъ, ожидая появленія Богдана. Черезъ нѣсколько минутъ показался послѣдній въ сопровожденіи дѣда-рыбака.

— Я привелъ къ вашей княжеской милости вотъ „дида рыбалку"; у него есть здѣсь у берега два челна: одинъ—негодная душегубка, а другой—небольшой „дубокъ" на три гребки, человѣкъ на двадцать; но дѣдъ говоритъ, княже, что въ такое время и въ такой вѣтеръ безумно-опасно перерѣзать Днѣпръ у самого носа порога.

— Такъ, такъ, вельможный пане,—кивнулъ головою и дѣдъ съ длинными сѣдыми усами и однимъ лишь клокомъ серебристыхъ

волосъ на совершенно обнаженномъ черепѣ,—сердитъ сегодня нашъ „дидъ“, ажъ пѣнится, да лютуетъ.

— Почему? - усмѣхнулся Іеремія, обратясь къ Хмельницкому.

— Порогъ реветъ, —понизилъ голосъ Богданъ.

— Реветъ? И думаетъ испугать Іеремію?—вскинулъ тотъ на Богдана холодные, надменные глаза и крикнулъ громко и непріятно:—Гей, хлопцы, готовьте „дубокъ“!

— Ой, пане, —закачалъ головою старый рыбакъ,—какъ бы бѣды не приключилось! Вѣдь тутъ нужно на весла такихъ сильныхъ, да опытныхъ рукъ, какія врядъ ли у пана найдутся, а на корму нужно знающаго, да крѣпкаго человѣка, съ немалой отвагой.

— Ахъ, ты, старый песъ, хамское быдло! Чтобы у князя Яремы не было такихъ храбрецовъ? А, я покажу тебѣ!.. Гей,— обратился онъ къ подъѣхавшимъ латникамъ и драгунамъ,—кто изъ васъ сядетъ на весла со мной въ лодку? Мнѣ нужно отважныхъ силачей.

Всадники смѣшались, начали перешептываться, указывая на клокочущую стремнину, и нерѣшительно топтались на мѣстѣ.

— Ну!—крикнулъ, побагровѣвши, нетерпѣливо Ярема:—Я жду, или ихъ нѣтъ?

Выѣхали впередъ шесть всадниковъ; видъ ихъ былъ по истинѣ богатырскій и вселялъ довѣріе къ ихъ силамъ; за первыми шестью двинулись смѣло и остальные, но Вишневецкій остановилъ ихъ грознымъ жестомъ.

— Назадъ! Ненужно и поздно!—презрительно крикнулъ онъ и началъ осматривать шестерыхъ.—Ты и ты, да товарищъ панцырной хоругви на весла!—указалъ онъ на двухъ здоровенныхъ жолнеровъ и на пана Зарембу.—Коня къ обозу—соскочилъ онъ съ сѣдла,—и за мною къ этому „дубку“! А вацпанъ, вѣроятно, не желаетъ дразнить свой порогъ?—обратился Вишневецкій къ Богдану, прищуривъ глаза.

— Напротивъ, я хотѣлъ предложить княжьей милости быть рулевымъ,—поклонился Богданъ:—гдѣ пройдетъ князь Іеремія, тамъ безопасны всѣ пути.

— Такъ,—сжалъ брови Вишневецкій и, протянувъ величественно руку въ ту сторону, откуда доносился глухой ревъ Кодака, произнесъ рѣзко и злобно:—клянусь своимъ патрономъ, мы сметемъ всю эту сволочь, какъ буря сметаетъ придорожную пыль!

— Я бы просилъ мосци князя,—замѣтилъ сдержаннымъ голосомъ Хмельницкій,—не слишкомъ отягчать „дубокъ“.

— Насъ поѣдетъ только пятеро,—кивнулъ князь головою,— да вотъ шестого захватить нужно—этого старого пса! Взять его и выбросить за бортъ посрединѣ! Ѣдемъ!

Молча двинулись всѣ за княземъ къ Днѣпру, поручая души свои единому Господу Богу.

Когда челнъ стоялъ у берега, разстояніе до Кодака казалось недалекимъ, но когда отчалилъ „дубокъ“, и смѣлые пловцы очутились среди рвущихся, бушующихъ волнъ, Кодакъ показался такимъ далекимъ, а Днѣпръ такимъ безконечно широкимъ, что холодный ужасъ сжалъ не одно сердце. Не испытывали страха только два человѣка: князь Іеремія и Богданъ.

Іеремія стоялъ на носу. Его короткій сѣрый плащъ развѣвалъ вѣтеръ; руки были скрещены на груди. Лица его не было видно; онъ стоялъ спиною, но по увѣренной и безпечной осанкѣ видно было, что опасность пути даже не приходила ему на умъ.

Богданъ сидѣлъ на кормѣ, опираясь на весло. Въ безстрашномъ взорѣ его горѣлъ мрачный огонь; у ногъ козака помѣщался дѣдъ и подслѣповатыми глазами равнодушно смотрѣлъ въ темную бездну. Громадныя льдины ежеминутно грозили опрокинуть челнъ, и требовалась рѣдкая смѣлость и умѣнье, чтобы лавировать среди нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвигаться впередъ. А снизу доносился грозный ревъ и, казалось, онъ подавалъ дружескій голосъ Богдану, и этотъ голосъ твердилъ козаку все одно и одно: „спусти челнъ, отдай мнѣ мою добычу... я вашъ вѣрный другъ... я вамъ помогу“... и отъ этой мысли кровь приливала къ лицу козака и въ головѣ раздавался неотвязный шумъ.—Да, видѣть ужасъ смерти на этомъ холодномъ, блѣдномъ, безстрастномъ лицѣ, услыхать этотъ металлическій голосъ съ жалкимъ воплемъ о помощи и крикнуть ему надменно: „ты, что народы сметаешь, неужели не можешь пороговъ смести?“—О, за такое мгновенье можно полъ-жизни отдать! Но самъ онъ? Эхъ, разъ мать родила, разъ и умирать въ жизни... да можетъ еще и смилуется батько... Но прочь, прочь, безумныя мысли,—провелъ Богданъ рукою по лбу,—онѣ достойны лишь юноши, а не зрѣлой козацкой головы! Однимъ несдержаннымъ взмахомъ порвать сразу такъ долго возводимое зданіе и утерять на вѣки довѣріе шляхты... Нѣтъ нѣтъ! Пока здѣсь крѣпокъ разсудокъ—въ ножны мой гнѣвъ!

Между тѣмъ двигаться дальше становилось все опаснѣе и опаснѣе. Вѣтеръ крѣпчалъ; льдины взбирались одна на другую, волны подымались и падали съ глухимъ и затаеннымъ ревомъ, и сѣдая щетина подымалась на нихъ. Лодка шаталась и трещала, гребцы оказались хотя и сильными, но совершенно неумѣлыми людьми. Весла подымались и опускались не разомъ, перескакивали, путались; не получая равномѣрныхъ и вѣрныхъ толчковъ, лодка двигалась какими-то зигзагами. Кромѣ того, съ каждымъ ударомъ разъяренной

волны покидало гребцовъ и мужество. У одного изъ нихъ отъ неумѣлаго усердія переломалось весло: — Насъ сноситъ, — крикнулъ онъ, полный ужаса, держа въ рукѣ круглый обломокъ.

— Нѣтъ силы бороться съ теченьемъ!—крикнулъ другой.

И въ тонѣ этого крика храбраго жолнера было столько ужаса, что самъ Іеремія обернулся. Дѣйствительно, у выбившихся изъ силъ гребцовъ весла выпадали изъ рукъ; одинъ только Заремба, зажмуривъ глаза, все еще старался грести, но теченіе съ неудержимою силой уносило челнокъ внизъ. Козацкая крѣпость оставалась уже высоко за нимъ.

— Клянусь св. Папой,—крикнулъ Іеремія,—намъ угрожаетъ гибель! Вацпане, что это значитъ?—обратился онъ къ Богдану, сжимая брови, хватаясь за эфесъ.

— Теченіе сноситъ, устали гребцы, — коротко отвѣтилъ Богданъ.

— Я ихъ вышвырну за бортъ и самъ сяду на весла!—двинулся, пошатнувшись, Іеремія.

— Напрасно, ясный княже: здѣсь отвага не пособитъ горю.

— Но что-же дѣлать?

— Напрячь всѣ силы и хладнокровіе,—прищурилъ глаза Богданъ, налегая на весло; но, не смотря на всѣ усилія, ему не удавалось повернуть лодку: вода за кормою и пѣнилась, и вставала грозной волной.

Благодаря послѣднимъ усиліямъ рулевого, они еще держались на одномъ уровнѣ; но каждое мгновенье теченіе грозило снести ихъ, какъ соринку, внизъ на порогъ.

— Нѣтъ, сноситъ, сноситъ! — позеленѣлъ Вишневецкій, и желтыя пятна на щекахъ его стали бѣлыми.—Спускайтесь внизъ... къ берегу... мы бросимся вплавь! —крикнулъ онъ, скидая панцырь на дно.

— Стой, княже! Погибнешь!—раздался вдругъ металлическій голосъ Хмельницкаго. Онъ стоялъ во весь ростъ, передавая „диду" рулевое весло. Шапку его сорвалъ вѣтеръ; лицо было блѣдно; на лбу между бровей легла глубокая складка; глаза изъ-подъ черныхъ рѣсницъ горѣли отважнымъ огнемъ. Во всей осанкѣ его было столько гордой смѣлости и силы, что Іеремія не узналъ въ немъ того дипломата-козака, который такъ почтительно разговаривалъ съ нимъ. Прекрасенъ былъ козакъ въ это мгновенье, и Вишневецкій невольно воскликнулъ въ душѣ: „король!"—и въ то же самое мгновенье въ глубинѣ ея шевельнулась какая-то смутная вражда.

А голосъ Богдана раздавался, между тѣмъ, коротко и рѣзко:— Гребцы долой! Пересѣсть на корму! На весла пусти!

Этотъ увѣренный, могучій голосъ, казалось, ободрилъ гребцовъ. Весла дружно поднялись въ воздухѣ и упали въ лодку. Передовые гребцы перешагнули въ кормѣ. Богданъ распахнулъ свой кунтушъ, однимъ движеніемъ сбросилъ его на дно челна, поднялъ глаза къ свинцовому небу, перекрестился широкимъ козацкимъ крестомъ и опустился на переднюю скамью.

— Ну, батько-Славута, не выдавай!—крикнулъ онъ громко и поднялъ весла.

Какъ крылья могучей птицы, широко взлетѣли длинныя весла и съ шумомъ упали на кипящую поверхность рѣки. Съ силою откинулся козакъ, затрещали гребки, вздрогнулъ „дубокъ", и покачнулись всѣ отъ короткаго толчка. Еще и еще разъ поднялись и ударили по кипящей водѣ весла; не брызги, а сѣдая пѣна клочьями полетѣла съ нихъ, — и „дубокъ" со стономъ двинулся впередъ.

— Гей, пане Зарембо,—раздался снова зычный голосъ Богдана,— на вторую гребку! Налягь!...

Вѣтеръ рванулъ высокую волну и обдалъ ею гребцовъ.

— Добре!—раздался одобрительный крикъ дѣда съ кормы,— добре, козаче, такъ добре, что ажъ весело!

— Гей, кто тамъ, распахните мнѣ грудь!—махнулъ Богданъ головою ближайшему жолнеру.

Отъ чрезмѣрныхъ усилій на лбу у Богдана выступили капли крупнаго пота, могучая грудь подымалась сильно и тяжело, но лицо было блѣдно и спокойно, а голосъ, и сильный, и рѣзкій, какъ звонъ металла, раздавался сквозь ревъ бури, сквозь грозный шумъ Кодака...

Изъ крѣпости между тѣмъ замѣтили безстрашныхъ пловцовъ. На широкихъ валахъ столпились изумленные воины, слѣдя за отчаянною борьбой челнока... Порывы вѣтра доносили къ нимъ ободряющіе крики Богдана; изъ глубины пѣнящихся волнъ раздавалось увѣренно и смѣло: „Гей, пане, налягь!" Вотъ налетѣла волна, скрылся на мгновенье челнокъ и снова взлетѣлъ на ея вершину. Прошло нѣсколько тягостныхъ минутъ, и лодка перелетѣла бурную середину рѣки и понеслась наискось къ Кодаку.

Когда „дубокъ" ударился носомъ о кручу, и Іеремія вышелъ на берегъ, его встрѣтила тамъ цѣлая процессія.

Подъемныя ворота замка были спущены. Впереди всѣхъ стоялъ старикъ наружности видной и величавой. Сѣдая борода обрамляла полное и свѣжее лицо; изъ-подъ сѣдыхъ бровей глаза глядѣли разумно и гордо. На брови была надвинута соболья шапка со страусовымъ перомъ; кунтушъ, подбитый соболями, спускался съ плечъ.

За магнатомъ стояли отдѣльно еще двѣ фигуры, обратившія на себя вниманіе прибывшихъ. Одна изъ нихъ была въ одѣяніи ксендза; на головѣ ея была обыкновенная черная, іезуитская шляпа съ широкими полями. Возраста этой личности нельзя было опредѣлить потому, что, хотя въ жидкихъ черныхъ волосахъ, выбивавшихся изъ-подъ шляпы, не виднѣлось сѣдины, но желтая кожа, покрывавшая худое, бритое лицо, была вся въ морщинахъ. Носъ іезуита напоминалъ носъ птицы, а глаза, быстрые и желтые, пытливо разсматривали изъ-подъ полей широкой шляпы новоприбывшихъ гостей.

Другой спутникъ магната былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста мужчина, въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ; бѣлый воротникъ лежалъ вокругъ его шеи; въ рукѣ онъ держалъ сѣрую шляпу съ такимъ же перомъ. И по лицу, и по костюму, въ немъ можно было сразу признать иностранца. За ними стройною стѣной стоялъ гарнизонъ крѣпости, съ комендантомъ во главѣ.

— Te Deum laudamus! — напыщенно воскликнулъ іезуитъ, воздѣвая къ небу руки, когда нога Іереміи коснулась земли.

— Привѣтствую тебя, побѣдителя побѣдителей! — обратился къ Вишневецкому сѣдой магнатъ и остановился на мгновенье: магнатъ заикался и выговаривалъ слова съ трудомъ. — Отнынѣ ты сталъ побѣдителемъ не однихъ только смертныхъ, но и грозныхъ стихій!

Іеремія надменно поклонился, обнажилъ голову и отвѣтилъ коротко и сурово, показывая на Богдана:

— Но нынѣ побѣда принадлежитъ по праву не мнѣ, а ему.

Всѣ оглянулись и увидѣли стоявшаго во весь ростъ въ лодкѣ могучаго козака; лицо его пылало отъ жара, а глаза горѣли гордымъ огнемъ.

III.

Въ чистой комнатѣ комендантскаго дома ярко горѣли въ очагѣ сухія, огромныя дрова. Не смотря на денную пору, въ ней не было свѣтло, потому что небольшія, узкія окна, пробитыя почти подъ потолкомъ, пропускали немного мутнаго свѣта; за то отблески громаднаго пламени играли на сѣрыхъ стѣнахъ, и живительная теплота огонька наполняла всю комнату. Убранство ея такъже было сурово и строго, какъ и внѣшній видъ комендантскаго дома. Неуклюжіе, дубовые стулья съ высокими дубовыми спинками, усаженными мѣдными гвоздями, стояли вокругъ стола. Нѣсколько кабаньихъ и лосьихъ головъ да нѣсколько кривыхъ сабель и „гаковницъ“ - пищалей

украшали сѣрыя каменныя стѣны. Небольшая компанія сидѣла у стола. Во главѣ всѣхъ помѣщался вельможный магнатъ, великій коронный гетманъ, главнокомандующій и вмѣстѣ военный министръ, Конецпольскій. Шапки теперь не было на его головѣ, и сѣдые волосы волнисто падали кругомъ, обрамляя высокій и умный лобъ; хотя лицо было все въ морщинахъ, но щеки гетмана покрывалъ сомнительно-тонкій румянецъ, а борода его была тщательно завита и надушена. Гетманъ спокойно поглаживалъ ее, больше слушая, чѣмъ говоря. Князь Іеремія сидѣлъ въ полъ-оборота, закинувши ногу за ногу, и нетерпѣливо подкручивалъ вверхъ свой черный усъ.

Остальные собесѣдники сидѣли почтительно и молчаливо; это были—шляхтичъ въ иноземной одеждѣ—французъ Бопланъ, іезуитъ и панъ Грундзинскій, комендантъ Кодака. Со стола были убраны всѣ блюда, и только металлическіе кувшины да высокіе кубки стояли на немъ.

Разговоръ велся горячо.

— Такъ,—говорилъ отрывисто Іеремія,—козаковъ мы разбили,—мало!—уничтожили, стерли съ лица земли! Все же справедливость отдать имъ надо: подлы, измѣнчивы, но дерутся, какъ дикое звѣрье! Побѣда досталась не дешево. Если-бъ не мои гусары, не знаю, не сидѣлъ ли бы теперь гетманъ Потоцкій у Острянина на колу?

Вишневецкій понизилъ голосъ, и лицо его искривила презрительная гримаса:

— Вѣчно пьяный, разрушающійся старикъ!

— Однако,—замѣтилъ Конецпольскій,—панъ гетманъ польный храбръ и свою доблесть свидѣтельствовалъ не разъ.

— Такъ, панъ гетманъ храбръ,—усмѣхнулся гадливо Іеремія,—но только съ женщинами, а доблесть свою выказалъ лишь въ томъ, что выжегъ всѣ села въ окрестности на семь верстъ и тѣмъ самымъ лишилъ насъ фуража и припасовъ.—Князь отбросилъ голову.—Ха, ха! За такую храбрость я и хорунжаго не хвалю! Подъ Голтвою,—продолжалъ онъ,—они нагоняютъ Острянина. Открыли огонь, заготовили планъ двойного нападенія,—и что же думаетъ коронный гетманъ? Поляки разбиты, во всемъ войскѣ громадный уронъ, семь хоругвей и двѣ нѣмецкихъ роты уничтожены въ лоскъ.

Іеремія остановился, окинувши всѣхъ присутствующихъ короткимъ взглядомъ.

— А мнѣ доносили совсѣмъ иначе,—заговорилъ, запинаясь, гетманъ.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся рѣзко и презрительно Іеремія, отбрасываясь на спинку своего стула:—Доносили!... Я панству скажу

еще лучше! Острянинъ ушелъ. По дорогѣ къ нему спѣшилъ Путивлецъ, ведя вспомогательное войско и припасы. Перехватываютъ его, осаждаютъ, принуждаютъ къ сдачѣ, рубятъ головы всѣмъ до единаго,—и все-таки не рѣшаются ударить на безпомощнаго Острянина! А?!—вскинулъ онъ снова на всѣхъ свои свинцовые глаза и ударилъ тяжелою рукой по столу.—Іеремію зовутъ! Гетманъ безъ Іереміи не рѣшается открыть битвы.

— Не знаю, чему дивится княжья мосць: мужество князя извѣстно по всей Польшѣ,—замѣтилъ сдержанно Конецпольскій.

— И не только въ Рѣчи,—вставилъ иноземецъ,—но и въ другихъ государствахъ.

— И мы оправдали эти слухи!—самодовольно усмѣхнулся князь, прикасаясь къ кубку губами.—Только что прибыли въ обозъ, сейчасъ и двинулись на Острянина. Узнаемъ, что къ нему тянутся еще вспомогательныя войска. Разсылаемъ повсюду ватаги. Гетману удается наскочить на отрядъ Сикирявого. Ну, и что-жь думаетъ панство? Гетманъ оказывается такимъ вѣжливымъ магнатомъ, что хлопъ отбивается отъ поляковъ и въ глазахъ его уходитъ къ Острянину.

Іеремія промолчалъ мгновенье и продолжалъ снова съ возрастающимъ ядомъ въ словахъ:

— Но мы, тысяча дьябловъ, мы не были такъ милосердны! Другой отрядъ натолкнулся на насъ. Загоняемъ въ болото и затѣмъ вытягиваемъ каждаго хлопа по одиночкѣ и рѣжемъ, какъ добрый поваръ цыплятъ.

— Да, князь-то кулинаръ извѣстный,—вставилъ съ ѣдкимъ смѣхомъ гетманъ.

Усмѣхнулись и присутствующіе, а князь продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Подъ Жовниномъ настигаемъ его... оказывается,—становится таборомъ. Начинаемъ битву, успѣхъ на нашей сторонѣ. Что-жъ дѣлаетъ гетманъ? Ха, лучшаго предводителя нельзя было избрать! Три хоругви, три его лучшихъ хоругви, попадаютъ въ козацкій таборъ; полковники сомкнули кругъ, и они остаются тамъ... въ западнѣ. Кто выручай? Іеремія! И клянусь честью,—вскрикнулъ онъ, тяжело опуская кубокъ на столъ,—мы ихъ выручили; но это досталось намъ не легко. Два раза налеталъ я на таборъ, и дважды отбивали меня козаки; но въ третій разъ собралъ я всѣ свои силы и ударилъ въ самое сердце. Не выдержали они, расчахнулись: врываемся въ таборъ и выводимъ польскія хоругви назадъ.

— Хвала достойному рыцарю!—воскликнулъ Конецпольскій.—Твое здоровье, княже!—добавилъ онъ, подымая высоко полный кубокъ.

Князь чокнулся своимъ.

— Да будетъ трижды благословенно небо, за то, что посылаетъ отчизнѣ такого сына!—съ пафосомъ произнесъ іезуитъ.

Всѣ кубки потянулись къ князю. Когда поднявшійся звонъ и заздравныя восклицанія умолкли немного, гетманъ снова обратился къ князю:

— Однако, продолжай, пане-княже: твой разсказъ интересенъ.

— Такъ, настаиваю назначить рѣшительную битву; моментъ прекрасный... въ лагерѣ хлоповъ безпорядки... смѣна атамана. Гетманъ не согласенъ, рѣшается выждать. Мои воины теряютъ терпѣніе. Чего ждемъ? Подкрѣпленій, которыя ведетъ осажденнымъ Скиданъ. Наконецъ, перехватываемъ его, уничтожаемъ, и все-таки битва не назначается! А на слѣдующій день новый атаманъ, хлопъ Гуня,—тысяча и двѣ вѣдьмы ему въ зубы,—вскрикнулъ Іеремія, ударяя кулакомъ по столу,—уходитъ при нашихъ глазахъ. Да какъ уходитъ? Такому отступленію поучиться и нашимъ панамъ. Словно ежъ, поднявшій тысячу иглъ. Бѣшенство охватываетъ меня. Рѣшаюсь дѣйствовать самъ. Мои драгуны узнаютъ, что къ Гунѣ приближается Филоненко, ведетъ много силъ. Поджидаемъ его и встрѣчаемъ на берегу Днѣпра добрымъ фейерверкомъ изъ мушкетовъ и пушекъ. Но прорывается, шельма! Какой-то дьяволъ тайно помогалъ ему. Уходитъ изъ моихъ рукъ... Ну, если бы я нашелъ только этого „доброчинца“,—сверкнулъ Іеремія глазами,—о, посидѣлъ бы онъ у меня на колу! Осаждаемъ козацкій лагерь, томимъ ихъ штурмами, налетами и, разгромивши въ конецъ, заставляемъ сдаться и тѣмъ кладемъ возстанію конецъ.

— Слава, слава вельможному князю!—зашумѣли присутствующіе, наполняя снова высокіе кубки.

— Во всѣхъ тѣхъ слезныхъ бумагахъ, которыя хлопы присылали намъ, они просили возвращенія старыхъ правъ и водворенія греческой вѣры. Гетманъ сказалъ: victor dat leges! А я скажу: пока живъ князь Іеремія, этому не бывать никогда! Бунтовщиковъ не защищаютъ законы! Греческой схизмѣ не торжествовать.

— Сынъ мой,—поднялся іезуитъ, простирая руки надъ княземъ,—благословеніе Господне на тебѣ! Ты—истинный сынъ католической вѣры.

— Такъ, отецъ мой,—отвѣтилъ съ дикимъ восторгомъ князь, и лицо его засвѣтилось какою-то фанатическою ненавистью.—Клянусь, что по крайней мѣрѣ въ моихъ владѣніяхъ схизмѣ не бывать!

— Но мосци-князю обратить ихъ не удастся,—возразилъ Конецпольскій.—Хлопы упорны и за свою схизму держатся больше, чѣмъ за свою жизнь.

— О,—поднялъ глаза къ потолку іезуитъ,—панъ гетманъ правъ: обратить заблудшихъ схизматовъ тяжело и трудно, но за то, какая побѣда для неба, какая награда на небесахъ!

— И оно такъ будетъ!—крикнулъ Іеремія, подымаясь съ мѣста.—Будетъ, именемъ своимъ клянусь!...

Между тѣмъ изъ другой, менѣе парадной избы комендантскаго дома раздавались также военные крики и заздравные тосты; тамъ, по приказу гетмана, комендантъ крѣпости угощалъ начальниковъ княжескихъ хоругвей и Богдана. За дубовымъ столомъ, обильно уставленнымъ яствами и винами, сидѣла веселая компанія. Изъ подозрительнаго козака Богданъ сдѣлался въ глазахъ ихъ преданнѣйшимъ героемъ. Всѣ наперерывъ старались показать ему свое расположеніе и восторгъ передъ его отвагой. Пили за здоровье коронкаго гетмана, за здоровье князя, за славу Рѣчи Посполитой и за здоровье спасителя-козака. Но большихъ усилій стоило Богдану скрывать свое волненіе. Однако ни по его веселой улыбкѣ, ни по удачнымъ и тонкимъ отвѣтамъ никто бы не могъ судить о томъ, какая тревога терзала сердце козака, а въ головѣ его неотвязно, неотразимо стояла все одна и та же грозная мучительная мысль: „еще часъ-другой, и плѣнныхъ ввезутъ въ замокъ, и, если ему не удастся вырвать тѣхъ двухъ изъ рукъ князя, онъ пропалъ навсегда".

Когда пирующіе совершили достодолжныя возліянія Бахусу и нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли заснуть на лавкахъ, Богданъ вышелъ незамѣтно изъ избы въ широкій проѣздъ, который раздѣлялъ домъ коменданта на двѣ половины. Изъ парадной хаты слышался рѣзкій голосъ князя: „О, если-бъ я зналъ, какой это „доброчинецъ" помогалъ Филоненку, посидѣлъ-бы онъ у меня на колу!" Эту фразу ясно услышалъ Богданъ; невольная дрожь пробѣжала по тѣлу козака, и онъ вышелъ поспѣшно на замковый дворъ. Кругомъ небольшого пространства, занимаемаго дворомъ, подымался высокій земляной валъ, увѣнчанный зубчатою каменною стѣной; она была на столько широка, что четверка могла свободно проѣхать на ней. Вдоль всего вала пробиты были въ стѣнѣ узкія амбразуры, и неуклюжія мѣдныя пушки просовывали въ нихъ свои длинныя жерла. Подъ валами съ внутренней стороны устроены были длинныя и низкія зданія,—конюшни, склады пороховые и помѣщенія для гарнизона.

По четыремъ угламъ крѣпости подымались четыре грозныя башни, сложенныя изъ сѣрыхъ каменныхъ глыбъ. Каждая изъ нихъ дѣлилась на четыре яруса; изъ узкихъ бойницъ вытягивались все тѣ же зеленоватыя жерла пушекъ. Часовые стояли у подъемныхъ мостовъ, на башняхъ и на валахъ.

Грозно глядѣли на Богдана бойницы и башни; грозно подымались неприступные валы и зубчатыя стѣны, и все это, казалось, говорило надменно: „Довольно, оставьте! Вамъ уже не подняться никогда!"

Нѣсколько минутъ Богданъ стоялъ неподвижно, погруженный въ свои тревожныя думы: здѣсь своя жизнь на волоскѣ,—правда, услуга князю даетъ еще надежду; но если онъ не захочетъ помиловать? Если Пешта и Бурлій... А!—провелъ Богданъ по головѣ, словно хотѣлъ прогнать изъ нея эти ужасныя мысли,—А тамъ-то, тамъ что теперь дѣлается? Лютуетъ Потоцкій: казни, муки, кары... Несчастный людъ въ когтяхъ этого изверга... А товарищи—Богунъ, Кривоносъ, Нечай, Чарнота? Ахъ поскорѣе-бы выбраться отсюда туда... въ Чигиринъ...

Громкій голосъ, раздавшійся надъ самимъ ухомъ, заставилъ его очнуться.

— Ба!—услыхалъ онъ,—да никакъ это ты, сватъ Хмельницкій?

И дородный, щеголеватый шляхтичъ весело опустилъ руку на его плечо.

Богданъ вздрогнулъ отъ неожиданности; но, взглянувъ на шляхтича, также постарался вызвать на своемъ лицѣ улыбку.

— Сватъ Чаплинскій! А ты какимъ образомъ здѣсь въ Кодакѣ? Какой бѣсъ дернулъ тебя колесить по степи въ этакую непогодь?

— Я съ гетманомъ; состою въ свитѣ его ясновельможности... Однако, Фортуна и Викторія, какъ я слышалъ, думаютъ, кажется, избрать тебя своимъ возлюбленнымъ! Но,—подмигнулъ шляхтичъ бровью,—двумъ женщинамъ, сватъ, угодить тяжело! Сто тысячъ чертей! Такая услуга князю! Теперь проси только милостей: Іеремія скупиться не любитъ!

— А какихъ мнѣ милостей?—гордо усмѣхнулся Богданъ.—Хвала Богу, все имѣю, добра на козацкую душу хватитъ.

— Вѣрно, счастье, счастье тебѣ, сватъ, — ударилъ его снова по плечу Чаплинскій; но завистливое выраженіе мелькнуло на мгновенье въ его глазахъ.—Что и говорить, знаютъ тебя всѣ, на всю округу, да и гетманъ, сказываютъ, довѣряетъ тебѣ много своихъ дѣлъ.

— Благодареніе Богу, довелось совершить нѣсколько маловажныхъ услугъ его ясновельможности, и онъ, дай Богъ ему вѣкъ здравствовать, не забываетъ меня.

— О, такъ, такъ!—воскликнулъ съ преувеличеннымъ чувствомъ шляхтичъ, подымая къ небу зеленоватые, выпученные глаза.—

Его милость коронный гетманъ — первый рыцарь нашей отчизны! — воскликнулъ онъ умышленно громко и затѣмъ, перемѣнивши сразу голосъ, продолжалъ веселымъ и фамиліарнымъ тономъ: — Однако, что же мы стоимъ съ тобою сватъ, на холодѣ? Я тебя за тѣмъ и искалъ, чтобы угостить славнымъ медкомъ, какого ты врядъ-ли отвѣдывалъ. А, думаю, вкуса къ нему панъ-писарь не потерялъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ приближеннымъ Фортуны? Вѣдь женщины и вино такъ же неразрывно связаны между собою, какъ объятія и поцѣлуи. Ха, ха! — разразился онъ самодовольнымъ смѣхомъ, — и, какъ второе порождаетъ первое, такъ и первое ведетъ ко второму, — ergo, будемъ счастливы для того, чтобы пить, и будемъ пить для того, чтобы быть счастливыми... — и, не дожидаясь отвѣта Богдана, шляхтичъ подхватилъ его подъ руку и пошелъ по направленію къ одной изъ замковыхъ избъ.

Когда кубки были уже два раза осушены и подняты, панъ Чаплинскій откашлялся, отеръ свои торчащіе усы бархатнымъ рукавомъ кунтуша и обратился съ заискивающею улыбкой къ Богдану:

— Да, такъ ты, сватъ, вошелъ теперь въ милость и дальше пойдешь. Чѣмъ Фортуна не шутитъ? Она вѣдь женщина, а законы писаны не для нихъ. Еще и наказнымъ гетманомъ станешь.

— Богъ съ тобою, сватъ, — усмѣхнулся Богданъ, расправляя усы, — куда намъ безправнымъ козакамъ: это вамъ, пышной шляхтѣ!

— Хе, хе! — кивнулъ головой Чаплинскій, — какой ты тамъ, пане-свате, козакъ? Знаю я тебя, знаю! Да ты только шепни теперь князю Яремѣ и нобилитацію получишь. Да вотъ я, хотя и шляхтичъ, да еще такого высокаго герба, а — рыцарское слово, — нѣтъ у меня лучшаго друга, какъ ты...

— Хитрая лиса! — подумалъ Богданъ и отвѣтилъ вслухъ: — И ты въ этомъ не ошибаешься, сватъ, — нѣтъ той услуги, которую я бы не оказалъ тебѣ.

— Во-во-во! — вскрикнулъ шляхтичъ съ оживленнымъ лицомъ, — словно былъ со мною въ пеклѣ! Я только что хотѣлъ просить тебя помочь мнѣ въ маленькомъ дѣлѣ.

— Жалѣю, что оно небольшое.

— Тѣмъ лучше: ловлю товарища на словѣ. Вотъ видишь-ли, у гетмана много новыхъ пустошей, такъ я-бы хотѣлъ того, дозорцей... ну, а ты, сватъ... того... при случаѣ замолви вельможному слово за меня...

— Тысячу словъ для друга, — протянулъ Богданъ Чаплинскому руку.

— Ну, а я тебѣ, сватъ, тоже услужу когда-нибудь въ дѣлѣ, знаешь, manus manum, — подмигнулъ Чаплинскій, и, потрясши руку

Богдана, наполнилъ снова оба кубка,—ну, а теперь, выпьемъ еще, сватъ!

Богданъ чокнулся съ своимъ уже развеселившимся шляхтичемъ и произнесъ вскользь небрежнымъ тономъ:—Эхъ, досада мнѣ, пане свате, такая досада, что, кажись, коня своего любимаго отдалъ-бы, чтобы избавиться отъ нея...

— А что тамъ сталось? Какая досада?! Edite, bibite, да и все тутъ!—стукнулъ Чаплинскій кубкомъ по столу.

— Вотъ видишь-ли, среди плѣнныхъ князя попались два товарища моихъ, людей нашихъ, знаешь... ужь какъ они, сердечные, въ лагерь Гуни забрались,—дивиться надо. Только князь, накрывши ихъ сѣтью, рѣшилъ прикончить всѣхъ. А мнѣ эти два—во, какъ нужны! Думаю просить за нихъ князя. Такъ не скажешь-ли ты тоже за нихъ словечко? Вѣрные люди, ручаюсь за нихъ головой!

— О, всенепремѣнно!.. Росъ съ ними, жилъ съ ними, козаковъ подлыхъ вмѣстѣ локшили, слово гонору, какъ честный дворянинъ!—заговорилъ уже заплетающимся языкомъ Чаплинскій.

Вдругъ дворъ крѣпости наполнился сильнымъ шумомъ; раздался сухой грохотъ колесъ по замерзлой землѣ и звонъ желѣзныхъ цѣпей. При этомъ звукѣ въ глазахъ Богдана мелькнулъ какой-то затаенный огонекъ, мелькнулъ на мгновенье и угасъ.

— Что это?—изумился Чаплинскій.

— Плѣнные князя,—отвѣтилъ Богданъ.

— А, бунтари!—покачнулся Чаплинскій, подымаясь съ своего мѣста и опрокидывая деревянную скамью.—Любопытно взглянуть на это быдло. Пойдемъ!

Ничего не отвѣтилъ Богданъ на эти слова и, только надвинувши шапку, быстро прошелъ впередъ.

Въ сѣняхъ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько гетманскихъ и княжескихъ поручниковъ.

На широкій дворъ одна за другой въѣзжали телѣги съ закованными плѣнниками. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были едва наброшены свитки и сквозь разорванную рубаху то тамъ, то сямъ виднѣлась красная, мерзлая грудь; другіе сидѣли просто въ однѣхъ лишь рубахахъ, синіе, окоченѣвшіе, съ цѣпями на рукахъ. Кое-гдѣ виднѣлась обмотанная тряпками голова или окоченѣвшая нога. Среди первой повозки лежалъ умершій по дорогѣ, не снятый съ воза козакъ. Его незакрытые, застывшіе глаза съ какимъ-то широкимъ ужасомъ глядѣли на свинцовое небо. Товарищи сбились на возу въ кучу, стараясь не прикоснуться къ его мертвому, холодному тѣлу.

Замковая прислуга и гарнизонъ размѣстились на валахъ замка; насмѣшки и остроты раздавались со всѣхъ сторонъ.

— Фу ты, вѣтеръ какой пронзительный!—сказалъ Чаплинскій, кутаясь въ свой кунтушъ.—Дуетъ, словно бравый драгунъ въ трубу. И къ чему это князь бралъ столько плѣнныхъ?

— Хотѣли выпытать у нихъ кое-что,—отвѣтилъ молоденькій хорунжій,—но вѣдь эти хлопы упрямы, какъ бараны: у нихъ скорѣе вырвешь языкъ, чѣмъ лишнее слово.

— Совершенное быдло!—бросилъ презрительно Чаплинскій.

По мѣрѣ того, какъ въѣзжали повозки, возростали шутки и остроты.

Шумъ въѣзжающихъ повозокъ услышанъ былъ и въ парадномъ залѣ комендантскаго дома.

— Это что за шумъ?—изумился Конецпольскій.

— Мои плѣнные,—отвѣтилъ Іеремія,—послѣдніе остатки козацкихъ войскъ.

— О, не послѣдніе!—возразилъ гетманъ.—Они, говорятъ, собрались теперь на Запорожьѣ въ чрезвычайномъ числѣ.

— На Запорожьѣ? Объ этомъ-то именно я и хотѣлъ переговорить съ гетманомъ,—перебросилъ Іеремія ногу за ногу и началъ говорить, подкручивая свой тонкій усъ:—время теперь удобное, хлопство мы разгромили; покуда они еще не успѣли оглянуться, надо разбить ихъ главное гнѣздо; со мною отборныя силы... драгуны, гусары, армата. Такъ! для этого я и спѣшилъ въ Кодакъ, чтобы предложить пану коронному гетману соединиться и двинуться вмѣстѣ на нихъ.

— Какъ?—изумился гетманъ.—Его мосць князь предлагаетъ двинуться на Запорожье сейчасъ, не дожидаясь весны?

— Мое правило: ошеломлять врага быстротой.

— О, нѣтъ,—возразилъ Конецпольскій,—опытъ мой совѣтуетъ мнѣ всегда брать въ друзья осторожность: этотъ другъ не измѣняетъ никогда. Прошу тебя, княже, повремени: въ Чигиринѣ мы соберемъ сеймикъ.

— А покуда мы будемъ собирать сеймы и рѣшать давно рѣшенныя дѣла,—ѣдко перебилъ Іеремія,—хлопы снова сплотятся воедино, и снова возгорятся бунты?

— Послѣднее пораженіе не дастъ имъ поправиться скоро, да и, главное, отправиться теперь на Запорожье съ войскомъ нѣтъ никакой возможности.

— Почему?

— Водою нельзя, сухимъ путемъ еще того хуже. Надо дожидаться весны.

— Великому гетману передали, вѣроятно, невѣрные слухи,— порывисто заговорилъ Іеремія, покручивая свою острую бородку,— насчетъ этого мы получимъ сейчасъ самыя вѣрныя извѣстія... Гей, позвать мнѣ пана-писаря!—скомандовалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Богданъ въ сопровожденіи Чаплинскаго вошелъ въ комнату. Чаплинскій остановился у порога, а Богданъ прошелъ впередъ.

— Поднести вацпану кружку вина!—скомандовалъ Іеремія.

Слуга наполнилъ кубокъ и подалъ его пану писарю.

Богданъ поднялъ его высоко и произнесъ голосомъ звучнымъ и громкимъ:—Здоровье его величества, всей Рѣчи Посполитой и ея „оборонцевъ"!

Всѣ наклонили головы; но тостъ, казалось, пришелся не по душѣ.

Выпивши и передавши слугѣ кубокъ, Богданъ поклонился и вручилъ Конецпольскому пакетъ и письмо.

— А, рейстровые списки!—произнесъ гетманъ, сломалъ восковую печать, просмотрѣлъ листъ, пробѣжалъ письмо глазами и обратился весело къ Богдану:—Ну, я радъ видѣть тебя, вацпане; радъ услышать о томъ, что мой воинъ принесъ такую услугу князю, и радъ тѣмъ паче, что мужество твое не ослабѣло!

Хмельницкій поклонился.

— Присоединяюсь къ мнѣнію князя,—произнесъ громко и небрежно Вишневецкій,— вацпанъ показалъ сегодня свою отвагу и, надѣюсь, онъ покажетъ намъ ее и при болѣе важномъ случаѣ.

— Осмѣливаюсь возразить Его Княжьей Милости,—произнесъ Богданъ, и брови Іереміи непріязненно сжались при этихъ словахъ,— осмѣливаюсь возразить,—продолжалъ Богданъ спокойно,—что болѣе важнаго случая въ своей жизни я не предвижу, ибо можетъ ли сравниться уничтоженіе даже цѣлаго непріятельскаго войска со спасеніемъ славнѣйшаго защитника отчизны?

Чело Іереміи разгладилось; высокомѣрная улыбка пробѣжала по лицу.

— Вацпанъ находчивъ,—вскрикнулъ онъ весело,—и вовремя напомнилъ объ услугѣ: Іеремія въ долгу не останется и не забудетъ награды.

Какое-то насмѣшливое выраженіе мелькнуло на минуту въ глазахъ Богдана, но онъ отвѣтилъ спокойно:

— Похвала такихъ доблестныхъ рыцарей—лучшая награда для козака; но въ этотъ разъ я позволяю себѣ обратиться къ княжеской милости съ одной просьбой.

Богданъ остановился.

— Проси,—произнесъ Іеремія высокомѣрно, отбрасываясь на спинку своего кресла.—У князя Іереміи хватитъ власти, чтобы удовлетворить твою просьбу.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Среди плѣнныхъ яснѣйшаго князя попались два вѣрныхъ, покорныхъ козака,—Пешта и Бурлій; я ихъ знаю, я могу поручиться за нихъ, какъ за вѣрныхъ слугъ отчизны и короля, и хотѣлъ бы просить князя объ освобожденіи ихъ.

— Вѣрныхъ слугъ!—холодно усмѣхнулся Вишневецкій.—Какъ же это они очутились въ одной шайкѣ съ бунтовщиками?

— Они торопились сообщить князю о приближеніи Филоненка и были сами схвачены имъ въ плѣнъ и приведены въ козацкій станъ.

— Почему же они до сихъ поръ молчали объ этомъ?

— Говорили; но никто не донесъ ихъ словъ до княжескихъ ушей.

— А кто и теперь поручится за справедливость ихъ?

— Я,—отвѣтилъ Богданъ, отступая назадъ:—вотъ этою головой.

— Если мое скромное свидѣтельство можетъ что-нибудь значить для его княжеской милости, то я прибавляю тоже,—говорилъ, кланяясь, Чаплинскій,—что у этихъ двухъ вѣрныхъ рыцарей кромѣ наружности, нѣтъ ничего общаго съ быдломъ.

Іеремія молчалъ.

— Что-же, княже?—вступился и Конецпольскій.—Хмельницкаго я знаю; бунтовшиковъ онъ не станетъ защищать.

Іеремія смѣрилъ Богдана взглядомъ съ ногъ до головы и произнесъ сквозь зубы:—Я не люблю прощать; но далъ тебѣ слово, а слово Іереміи—законъ: твои козаки свободны... Пане Заремба,—обратился онъ къ одному изъ своихъ офицеровъ,—передать мой приказъ!

— И ваша княжеская милость найдетъ въ нихъ самыхъ вѣрныхъ, преданныхъ слугъ,—поклонился Богданъ; лицо его осталось спокойно, тогда какъ въ груди вспыхнуло цѣлое пламя жизненныхъ силъ: снова свободенъ, безопасенъ! И сколько славныхъ лѣтъ, сколько дѣлъ впереди! О, скорѣе бы изъ этого Кодака! Скорѣе-бы въ Чигиринъ, на Украину! Пока у козаковъ умныя головы на плечахъ еще погибло не все!

— Однако, къ дѣлу—прервалъ его размышленія Вишневецкій.—На Сѣчь теперь добраться возможно?

— Одному человѣку, но войску никогда.

— Какъ? Мои гусары!

— Законы природы для всѣхъ равны: до весны въ Запорожье не проникнетъ никто.

— Вотъ видишь ли, княже, потому я и прошу тебя еще разъ: отложи свои планы на время, ѣдемъ вмѣстѣ со мной, сдѣлай мнѣ честь, посѣти мой домъ. Письмо отъ сына заставляетъ меня еще поторопить свой отъѣздъ, и я надѣюсь, что, собравшись въ Чигиринѣ, мы рѣшимъ, когда и какъ назначить походъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ коротко Іеремія.—Пусть будетъ такъ. Я ѣду съ паномъ гетманомъ, но подъ однимъ условіемъ, что этимъ мы только откладываемъ разгромъ Запорожья, а такъ или иначе оно погибнетъ, ибо уже ударилъ его смертный часъ.

Громадное, обуглившееся полѣно обвалилось въ очагъ, и цѣлый фонтанъ огненныхъ искръ поднялся къ верху, наполнивъ комнату красноватымъ свѣтомъ, и на фонѣ этого зарева вырѣзалась вдругъ передъ княземъ черная фигура козака, съ плотно сомкнутыми устами, съ бровями, сжатыми надъ переносицей, и въ этомъ огненномъ сіяніи она показалась Іеремiѣ зловѣщею и мрачною, и спокойный видъ ея поднялъ въ душѣ князя безпричинный, непонятный гнѣвъ...

Конецпольскій продолжалъ доказывать:

— Не вижу даже и причины такъ опасаться Запорожья; съ тѣхъ поръ, какъ построена эта твердыня, повѣрь, княже, объ нее сломаютъ зубы дикіе волки!

— Однако, они уже разъ ее порѣшили,—усмѣхнулся ѣдко Іеремія.—Мнѣ помнится, что козакъ Сулима разъ уже сжегъ Кодакъ.

— Но старый Кодакъ не имѣетъ ничего общаго съ этимъ.

— Осмѣлюсь доложить княжеской свѣтлости,—произнесъ и иноземецъ,—твердыня выстроена по всѣмъ послѣднимъ образцамъ. Она можетъ выдерживать осаду стотысячнаго войска и безъ измѣны взять ее нельзя никогда.

— Князь еще не видѣлъ крѣпости,—продолжалъ Конецпольскій.—Но если онъ осмотритъ всѣ укрѣпленія, то перемѣнитъ свое мнѣніе,—ручаюсь въ томъ.

— Охотно, охотно!—согласился Іеремія,—но,—здѣсь князь остановился, точно его голову осѣнила какая-то блестящая мысль, и вдругъ все его блѣдное лицо освѣтилось злобной улыбкой,—но она не вполнѣ закончена,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—и не имѣетъ угрожающаго вида.

Нѣкоторое молчаніе послѣдовало за словами князя,—до того онѣ показались присутствующимъ непріятными и необъяснимыми

— Несогласенъ съ княземъ,—съ досадою проговорилъ Конецпольскій,—и еслибъ терпѣло время, я предложилъ бы князю заставить своихъ драгунъ штурмовать крѣпость и, бьюсь объ закладъ на сотню турецкихъ коней, они остались бы подъ стѣнами вплоть до самой весны.

— Крѣпость неприступна,—повторилъ снова Бопланъ.

— А я все таки остаюсь на своемъ,—также медленно отчеканилъ Іеремія, наслаждаясь всеобщимъ недовольствомъ,—и если панъ коронный гетманъ позволитъ мнѣ, я хочу указать и исправить ошибку.

— Весьма радъ,—холодно произнесъ Конецпольскій,—но боюсь, что затѣя князя задержитъ нашъ путь.

— О, нѣтъ,—съ надменной улыбкой поднялся князь,—Іеремія не заставляетъ себя ждать никогда!

Присутствующіе молчали; досада на чрезмѣрную гордость князя наполняла всѣ сердца.

— Я только отдамъ приказаніе,—и Іеремія направился было къ двери, но, замѣтивши Богдана, остановился, и снова дьявольскій огонекъ вспыхнулъ въ его свинцовыхъ глазахъ.— Панъ писарь,—обратился онъ къ нему,—я нахожу, что пощада двухъ козаковъ слишкомъ малая награда для тебя,—слѣдуй за мной!

На узкомъ заднемъ дворѣ крѣпости, заключенномъ въ треугольномъ выступѣ стѣны, все было приготовлено къ казни. Посрединѣ стоялъ толстый дубовый пень; отъ него велъ жолобъ для стока крови; на пнѣ лежалъ блестящій и тяжелый бердышъ. Громаднаго роста жолнеръ съ звѣрски-идіотскимъ лицомъ и сдавленною сзади рыжеватою головой, расхаживалъ по двору. Стулъ для князя покрытъ былъ медвѣжьею шкурой. Съ сѣраго неба падалъ едва замѣтный, мелкій, холодный снѣжокъ.

Дубовыя ворота, сдѣланныя въ срединѣ комендантскаго дома распахнулись на двое, и окруженные гарнизономъ появились плѣнные. У нѣкоторыхъ изъ нихъ были такъ сильно отморожены ноги, что они не могли идти и ихъ тащили жолнеры.

Іеремія бросилъ на нихъ полный презрѣнія и ненависти взглядъ; но ни взглядъ князя, ни блескъ тяжелаго бердыша, казалось, не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія: они шли и останавливались безучастно и понуро, свѣсивши чубатыя головы на грудь. Нѣкоторые изъ нихъ кутались въ дырявыя свиты, точно хотѣли согрѣться хоть въ послѣднюю минуту жизни.

— Начинай!—подалъ знакъ князь, вытягивая ноги на медвѣжьей полости.

Жолнеры стали въ два ряда.

Плѣнныхъ установили по порядку. Палачъ приподнялъ бердышъ, провелъ рукою по его острому лезвію и, точно пробуя силу своей руки, тряхнулъ имъ въ воздухѣ нѣсколько разъ. Стальная молнія блеснула и угасла. Пару переднихъ плѣнныхъ развязали и сняли съ нихъ цѣпи.

— Вести по одиночкѣ!—скомандовалъ хорунжій.

Двое жолнеровъ подошли и хотѣли схватить подъ руки перваго козака; но онъ оттолкнулъ ихъ съ силой и, расправивши могучія плечи, крикнулъ молодымъ, ожившимъ голосомъ:

— Покуда ногъ не отбили, самъ съумѣю пойти!

Отступились жолнеры; козакъ сдѣлалъ нѣсколько смѣлыхъ и твердыхъ шаговъ; взглядъ его скользнулъ по бердышу и поднялся къ сѣрому небу; онъ осѣнилъ себя широкимъ крестомъ и склонилъ было уже голову, какъ вдругъ раздался рѣзкій крикъ со стороны князя:

— Стой! Спросить его въ послѣдній разъ!

Козака подняли. Хорунжій подошелъ къ нему.

— Гей, хлопе, послушай; ты, кажется, еще молодъ,—началъ онъ:—Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ, скажи намъ: куда скрылся Гуня? Кто главные защитники бунта? Много ли еще осталось бунтарей и гдѣ они?

Молодое лицо козака было истомлено и блѣдно; въ глазахъ, завалившихся и окруженныхъ черною тѣнью, горѣлъ послѣдній лихорадочный огонь жизни. Козакъ поднялъ голову и усмѣхнулся, и усмѣшка эта была такъ ужасна, что хорунжій отступилъ назадъ. Казалось, козакъ собирался сказать свое послѣднее слово и вложить въ него все презрѣніе, всю ненависть, всю вражду...

— Ты хочешь знать, куда скрылся Гуня?—заговорилъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ ненависти и презрѣнія, словно натянутая струна,—не знаю; но знаю, что онъ внѣ вашей погони, и скоро налетитъ къ вамъ снова чернымъ орломъ! Ты спрашиваешь, кто главные защитники возстанія? Искать ихъ тебѣ не трудо: вотъ они!—протянулъ онъ руку, указывая на князя.—И много осталось ихъ еще тамъ!—указалъ онъ на сѣверъ.

— Молчи, „пся-кревъ!“—крикнулъ хорунжій, хватаясь за саблю; но козакъ продолжалъ еще громче:

— А на третій вопросъ твой отвѣтить мнѣ еще легче: кипитъ мятежемъ вся Украйна! И ты, княже, прими мой послѣдній совѣтъ: не ѣзди темнымъ лѣсомъ—за каждымъ деревомъ таится вооруженный козакъ; не ходи надъ ярами—въ каждомъ изъ нихъ сотня сидитъ; не спи въ своемъ замкѣ, потому что всюду, теперь или позже, а они отыщутъ тебя и всюду месть ихъ обрушится на твою голову!

— Руби!—закричалъ Іеремія шипящимъ голосомъ, подымаясь съ мѣста и опуская руку внизъ.

Сверкнулъ въ воздухѣ бердышъ, раздался короткій съ мягкимъ хряскомъ стукъ, и покатилась отрубленная голова съ временной плахи къ княжьимъ ногамъ. Вѣки ея судорожно вздрогнули, короткій взглядъ омертвѣлыхъ глазъ остановился еще разъ на Богданѣ и угасъ навсегда. Іеремія оттолкнулъ отъ себя мертвую голову концомъ сапога, а хорунжій подхватилъ ее за длинный чубъ и, потрясая нею передъ плѣнными, крикнулъ рѣзко:

— Кто хочетъ сознаться, говори: князь обѣщаетъ жизнь!

Но молчали упорно козаки.

— Рубить ихъ безъ пощады!—махнулъ рукой Іеремія,... и потянулись плѣнные чередой.

Каждый изъ нихъ, подходя, подымалъ глаза къ свинцовому небу, крестился широкимъ крестомъ и спокойно опускалъ удалую голову на дубовый пень.

Безмолвный и блѣдный стоялъ Хмельницкій; глаза его не отрывались отъ окровавленнаго пня, а рука сжимала эфесъ сабли все сильнѣй и сильнѣй. Отъ этого запаха свѣжей, дымящейся крови дикое, звѣрское желаніе пробуждалось въ его душѣ... Вырвать топоръ у палача, расправить могучія плечи и вонзить холодное желѣзо въ этотъ холодный, надменный княжескій лобъ... Да, это счастье... а дальше что?... Сложить также покорно голову на плаху... подъ этимъ безпросвѣтнымъ небомъ, въ этой зловѣщей тишинѣ... Нѣтъ, нѣтъ! Терпѣніе! Пусть натягиваютъ тетиву, чтобъ взвилась стрѣла грознѣй и сильнѣй!

— Кажется, пану-писарю это зрѣлище не по вкусу?—обратился къ козаку Іеремія, поварачивая холодные, оловяные глаза.

— Напротивъ, я благодаренъ ясному князю,—отвѣтилъ Богданъ, и голосъ его показался ему самому незнакомымъ,—такъ глухо и мрачно прозвучалъ онъ:—видъ этихъ труповъ закаляетъ во мнѣ козака.

Отъ разлившейся лужи крови подымался теплый, сырой паръ; худыя, полудикія замковыя собаки жадно лизали ее, тихо рыча другъ на друга и подымая къ верху жесткую, сбившуюся шерсть; топоръ стучалъ коротко и тупо; мелкій, бѣлый снѣжокъ посыпалъ склоняющіяся головы; вѣтеръ злобно трепалъ на башняхъ кичливые флаги; за стѣною ревѣлъ и стоналъ взбунтовавшійся Днѣпръ...

Когда жолнеры подтащили къ плахѣ послѣдняго козака съ отмороженными ногами, Іеремія поднялся съ мѣста и, подозвавши къ себѣ знакомъ хорунжаго, сказалъ ему нѣсколько тихихъ словъ.

— Убрать эту падаль,—показалъ онъ затѣмъ на кучу труповъ,—и черезъ полчаса въ походъ!

Коронный гетманъ, комендантъ Грондзинскій, Бопланъ и свита уже поджидали князя для осмотра Кодака. Князя повели по всѣмъ кладовымъ и складамъ оружія, по всѣмъ подпольямъ и башнямъ, наконецъ, поднялись на валы. Валы эти со стѣнами не представляли прямой линіи, напротивъ, они выступали между башнями острымъ треугольникомъ впередъ, такъ что, въ случаѣ осады, гарнизонъ замка встрѣчалъ осаждающихъ перекрестнымъ огнемъ изъ башенъ и изъ бойницъ стѣнъ. И гетманъ, и Бопланъ, указывая князю на всѣ эти послѣднія ухищренія, расхваливали ему неприступность Кодака. Но молчалъ на все Іеремія, и только саркастическая улыбка кривила его надменное лицо.

Конецпольскій нахмурился, а этого, казалось, только и ждалъ Іеремія.

— А гдѣ же Хмельницкій?—спросилъ недовольнымъ голосомъ гетманъ, останавливаясь на валу.

— Онъ въ хатѣ съ освобожденными козаками,—низко поклонился Чаплинскій, выскакивая впередъ.

— Позвать сюда! А освобожденные ѣдутъ съ нами. Выдать имъ изъ обоза коней.

Поспѣшно, желая показать побольше усердія, спустился Чаплинскій съ вала, задѣвая и толкая жолнеровъ по пути.

— Когда думаетъ выѣхать панъ писарь?—обратился къ Хмельницкому гетманъ, когда тотъ почтительно остановился передъ нимъ.

— Управившись, ясновельможный гетмане...

— Нѣтъ, поѣдешь съ нами, ты мнѣ нуженъ теперь... есть дѣла по маетностямъ.

— Но, ваша ясновельможность, я думалъ дополнить списки тѣмъ реестровымъ, которые прикомандированы были сюда, наконецъ, мои кони устали, человѣкъ истомился въ пути...

Но гетманъ оборвалъ его сурово:

— Пустое! Списки успѣешь! Пану дадутъ коней изъ моего обоза и сегодня же, сейчасъ, ты выступаешь съ нами въ путь.

Безсильная злоба охватила Богдана. Все должно рухнуть, все порваться должно! Ѣхать съ ними? Это три... четыре... пять дней проволочки... гетманъ можетъ задержать еще въ Чигиринѣ... А тѣмъ временемъ Потоцкій не ждетъ... Богунъ... Кривоносъ... товарищи, братья!! Можно было бъ спасти... перепрятать... но теперь—погибло все!—О, Боже, да неужели же нельзя этого избѣгнуть? Два дня свободы, только два дня, и многое можетъ свершиться, многое можно

предотвратить! Онъ стоялъ, какъ окаменѣлый на мѣстѣ, не зная еще, на что рѣшиться, что предпринять...

А внизу, во дворѣ крѣпости, уже строились войска Іереміи, укладывались слуги гетмана, приготовляли громоздкой гетманскій рыдванъ.

— *Я попросилъ бы ясновельможнаго князя осмотрѣть еще сѣверную башню,—обратился къ Іереміи Бопланъ.*

— О, съ удовольствіемъ!—*согласился* Іеремія, пропуская гетмана впередъ.

Богданъ взглянулъ по направленію удаляющихся магнатовъ и вдругъ замѣтилъ, въ одной изъ амбразуръ сѣверной башни, знакомое, черномазое лицо. Сдѣлавъ видъ, что онъ слѣдуетъ за свитой вельможъ, онъ незамѣтно приблизился къ узкому окну.

— Ахметка, стой, не шевелись! Слушай, что я тебѣ буду говорить!— зашепталъ Богданъ, не поварачивая головы къ амбразурѣ и дѣлая видъ, что глядитъ на широкій Днѣпръ.—Не пророни ни единаго слова, минуты не ждутъ!

— Что случилось, батьку?—прошепталъ Ахметка, взглянувши на блѣдное, взволнованное лицо Богдана.

— Молчи! Несчастіе!... Не поварачивай ко мнѣ головы,— говорилъ Богданъ отрывисто и тихо,—гетманъ велитъ мнѣ ѣхать съ собою. Скажись больнымъ, выкрадись, убѣги изъ крѣпости. Я могу замѣшкаться съ ними... Скачи что есть духу въ Субботово... не жалѣй коня... упадетъ, купи другого... Передай Золотаренку и Ганнѣ... охъ, да они ужъ это сами знаютъ,—что гетманъ разбилъ Гуню, что Потоцкій лютуетъ, безумствуетъ въ бѣшеныхъ казняхъ. Друзья наши въ опасности... пусть сдѣлаютъ, что возможно... подкупятъ... перепрячутъ... спасутъ. На деньги!—говорилъ онъ сбивчиво, торопливо, развязывая дрожащими руками „чересъ" и высыпая въ пригоршни Ахметкѣ кучу золотыхъ,—пусть берутъ еще дома.. пусть ничего не жалѣютъ... Торопись... Помни,— исполнишь мое порученіе, будешь мнѣ сыномъ по смерть! Но я вижу, Іеремія выходитъ изъ башни... Уходи, только не сразу; поглазѣй еще по сторонамъ.

— Ну, что, мой княже,—остановился Конецпольскій, окидывая самодовольнымъ взглядомъ башни и валы,—неужели же и послѣ всего этого, ты скажешь, что крѣпость не грозна и не испугаетъ враговъ?

— Д-да,—покачнулся Іеремія съ насмѣшливой улыбкой,— крѣпость хороша; но я остаюсь при своемъ.

— Въ такомъ случаѣ, князь превосходитъ всѣхъ, не только въ военномъ искусствѣ, но и въ инженерномъ,—съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ отвѣтилъ Конецпольскій,—я право удивля-

ляюсь,—ѣдко прибавилъ онъ, опираясь на дорогую трость,—почему бы мосци-князю самому не заняться постройкой крѣпостей.

— О, нѣтъ, у меня еще есть на столько отваги, что въ это бурное время такое мирное занятіе,—подчеркнулъ Іеремія,—мнѣ не по душѣ! Но исправить чужую ошибку могу съ удовольствіемъ,—потеръ онъ весело руки,—и съ дозволенія пана короннаго гетмана я отдамъ приказъ.

Іеремія хлопнулъ три раза въ ладоши, и вдругъ на всѣхъ валахъ, на всѣхъ вершинахъ башенъ, показались вразъ, точно по мановенію волшебства, жолнеры князя съ длинными шестами въ рукахъ. На вершинахъ шестовъ наколоты были какіе то странные шары. Богданъ взглянулъ и догадался сразу.

Нѣсколько ударовъ топора—и рядъ шестовъ утвердился правильною аллеей на стѣнахъ.

— Ну, что?—самодовольно обвелъ Іеремія рукою всѣ крѣпостные валы.—Не правъ-ли я былъ? А? Скажи-ка, панъ инженеръ? Вотъ видишь и воинъ можетъ указать ошибку!

— Признаюсь, князь остроуменъ,—кисло отвѣтилъ Конецпольскій.

— О, за указаніе ясносвѣцонаго князя я благодаренъ его свѣтлости навсегда,—склонился, обнажая голову Бопланъ.—Князь сказалъ послѣднее слово,—намъ остается только восхищаться.

И дѣйствительно, восторженныя восклицанія посыпались со всѣхъ сторонъ.

— Великолѣпно! Досконально!—выкрикивалъ, раскачиваясь отъ грузнаго смѣха, дородный хорунжій:—Сады Семирамиды въ сравненіи съ этою аллеей—ничто!

— Ха, ха, ха!—раздался другой голосъ.—Я нахожу, что для этого „падла" князь сдѣлалъ даже слишкомъ высокую честь!

— Вознесъ ихъ превыше всѣхъ!—покатился отъ смѣха и панъ Чаплинскій, протискиваясь ближе впередъ.

Новыя шутки и остроты панскія покрыли его голосъ.

Неподвижно торчали на шестахъ козацкія головы. Смерть уже покрыла ихъ лица сѣроватымъ, безжизненнымъ оттѣнкомъ. Глаза ихъ были закрыты, сомкнуты губы. Длинные чубы свѣсились внизъ. Величавое спокойствіе смерти уже разлилось на ихъ застывшихъ чертахъ. Казалось, онѣ слушали всѣ эти панскія шутки такъ равнодушно, такъ безучастно...

Богданъ догадался сразу, къ чему рубилъ Іеремія головы; но ни самая казнь, ни эта жестокая шутка не ошеломили его такъ, какъ одно маленькое и, казалось-бы, незначительное для козака проис-

шествіе. Когда жолнеръ прошелъ мимо него съ отрубленною козацкою головой, Богданъ поднялъ глаза и съ ужасомъ узналъ въ ней лицо перваго молодого, смѣлаго козака. При вбиваніи шеста въ землю, голова покачнулась; чтобы утвердить неподвижнѣе, жолнеръ ударилъ по ней топоромъ и вдругъ тяжелая капля полузастывшей крови медленно выплыла на лобъ, тихо скатилась по мертвому лицу и упала на руку Богдана.

Кто знаетъ, прикосновеніе ли этой холодной капли крови, точно вопіявшей о мщеніи, или долгое молчаніе, или безсильная злоба, но все это пробуждало въ душѣ Богдана властнѣй и властнѣй долго сдерживаемую бурю... Холодная капля расплывалась на рукѣ въ кровавое пятно, казалось, оно жгло насквозь его руку, и глаза козака глядѣли всѣ мрачнѣй и мрачнѣй.

Передъ нимъ разливался стальной, нахмуренный Днѣпръ. На западѣ небо прояснилось и нѣжныя розовыя полосы пробились среди порѣдѣвшихъ облаковъ, въ воздухѣ стало тихо, пахнуло тепломъ. Тамъ, далеко, на югѣ, виднѣлась гряда сѣрыхъ, покрытыхъ пѣной камней. Вдругъ среди свинцовыхъ волнъ рѣки Богданъ замѣтилъ какіе-то странные предметы, плывущіе внизъ. Зорко взглянулъ онъ въ ту сторону и узналъ ихъ. Это были трупы казненныхъ козаковъ; они плыли внизъ по теченію, распростерши мертвыя руки, направлялись такъ безстрашно, такъ равнодушно туда, гдѣ бушевалъ грозный порогъ.

„Плывите, плывите, печальные вѣстники, —тихо прошепталъ Богданъ, чувствуя, какъ сжимаетъ ему сердце чья-то невидимая, но могучая рука.—Плывите, беззащитные братья, и если не я, то несите хоть вы запорожцамъ кровавую, смертную вѣсть“.

А гетманъ съ княземъ также залюбовались открывшимся видомъ, и вся свита умолкла, боясь прервать торжественную тишину.

Князь горделиво скрестилъ на груди руки; лицо гетмана было величественно и спокойно. Вся широкая сѣроватая равнина, и Днѣпръ, и пороги казались такими беззащитными, такими подвластными съ этой грозной вышины.

Наконецъ, гетманъ прервалъ молчаніе.

— Позвать сюда старшинъ реестровыхъ!—повелительно скомандовалъ онъ.

Тихо и почтительно поднялись на валъ одинъ за другимъ молчаливые старшины и остановились передъ гетманомъ. Богданъ присоединился къ нимъ.

— Да, —отозвался, наконецъ, князь, —сознаться долженъ: крѣпость недоступна. Ты превзошелъ себя, панъ-инженеръ,—проговорилъ онъ свысока, протягивая Боплану руку.

— Я сдѣлалъ, что могъ,—скромно склонился тотъ,—что было въ человѣческихъ силахъ.

— Ну, и на этотъ разъ онѣ оказались велики,—милостиво произнесъ гетманъ, также протягивая Боплану руку.—Прими мою благодарность: ты оправдалъ мои надежды.

—О,—вскрикнулъ Бопланъ,—клянусь честью, Небо подтвердитъ намъ ихъ! И легче было упасть іерихонскимъ стѣнамъ, чѣмъ стѣнамъ Кодака!

Козаки стояли строго и сурово, и ни одна улыбка не кривила ихъ мрачныхъ, покорныхъ лицъ.

Гетманъ выждалъ мгновеніе и когда утихли восклицанія, обратился къ козакамъ, указывая рукою на грозныя укрѣпленія, на строющіяся внизу войска и на широко распростершуюся у ногъ ихъ безлюдную даль.

— Ну, что, панове ко̀заки, какъ нравится вамъ Кодакъ?

— Да еще съ этими бунчуками на челѣ?—презрительно усмѣхнулся Ярема, указывая на рядъ срубленныхъ головъ.

Козаки молчали. Никто не проронилъ ни слова. Мрачно молчалъ и Богданъ.

— Что-жь молчишь ты, панъ писарь войсковый?—медленно, наслаждаясь впечатлѣніемъ своихъ словъ, обратился къ Хмельницкому гетманъ.

И вдругъ преобразился Богданъ.

И долгое молчаніе и холодная сдержанность въ одно мгновеньѐ слетѣли съ него. Онъ стоялъ передъ гетманомъ увѣренный и могучій, съ огненными глазами, съ величественно заброшенною головой. Презрительная усмѣшка освѣтила его лицо.

— „Manu facta, manu destruo“;—гордо отвѣтилъ онъ.

Это длилось всего одно мгновенье. Богданъ снова овладѣлъ собою, но было ужъ поздно: зловѣщимъ ударомъ колокола прозвучало надменное слово.

Гетманъ смѣрилъ Богдана глазами и, не произнесши ни слова, повернулся и прошелъ впередъ. За нимъ двинулась вся свита. Лицо князя освѣтила злорадная улыбка: казалось, отвѣтъ Богдана пришелся ему по душѣ.

— Гм!—произнесъ онъ многозначительно,—панъ писарь не боязливъ!

Гетманъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и произнесъ небрежно, не оборачивая къ Богдану головы:

— Панъ писарь можетъ остаться въ Кодакѣ.

Сначала эти слова обрадовали Богдана: онъ значитъ свободенъ и можетъ летѣть... Но это было только мгновенье; а слѣдующее принесло ему сознаніе, что гетманъ разгнѣванъ, что онъ не проститъ обиды...

Ошеломленный стоялъ Богданъ. Злоба, досада за свою несдержанность бурно охватили его. Страшное опасеніе гнѣва гетмана, и послѣдствія своихъ словъ мучительно зашевелились въ его душѣ.

А между тѣмъ со двора уже выкатилъ рыдванъ гетмана проскакалъ и Іеремія въ сопровожденіи своихъ драгунъ, послѣдніе жолнеры арьергарда выступили со двора.

Разсуждать было некогда... Быстро спустился Богданъ со стѣны... Будь, что будетъ дальше, а теперь онъ свободенъ, и пока еще въ рукахъ эта свобода, надо летѣть поскорѣе въ Субботовъ... сдѣлать все возможное... А тамъ,—рѣшилъ поспѣшно Богданъ,—поручимъ себя еще доселѣ не измѣнявшей фортунѣ: довлѣетъ бо каждому дневи злоба его!

Быстро спустился Богданъ со стѣны. Въ глубинѣ двора онъ замѣтилъ коменданта крѣпости, горячо разговаривавшаго съ какимъ то драгуномъ; лица этого послѣдняго онъ не могъ разсмотрѣть, такъ какъ тотъ стоялъ къ нему спиною. Разговоръ велся тихо; однако, до слуха Богдана долетѣли нѣсколько разъ слова: „заговоръ“ и „король“. Богданъ не обратилъ на это вниманія: онъ вспомнилъ, что далъ Ахметкѣ распоряженіе немедленно ѣхать, а потому торопился найти его поскорѣе, чтобы сообщить ему, что и самъ поскачетъ немедленно съ нимъ. Но, проходя торопливо мимо коменданта, онъ вдругъ былъ неожиданно остановленъ имъ.

— Прошу пана снять свою саблю и вручить ее мнѣ!

— Что?—произнесъ Богданъ, отступая.—Я не понимаю пана...

— Именемъ короля и рѣчи Посполитой, я арестую пана и панскаго служку!—отвѣтилъ спокойно комендантъ.—Всякое сопротивленіе будетъ напраснымъ, потому и приказываю пану отдать мнѣ саблю и безпрекословно слѣдовать за мной. А вы,—обратился онъ къ двумъ дюжимъ жолнерамъ,—свяжите мальчишку и бросьте въ башню!

— Хорошо!—проговорилъ Богданъ, задыхаясь отъ гнѣва.—Панъ чинитъ насиліе, и за такое насиліе панъ отвѣтитъ коронному гетману не далѣе завтрашняго дня!

— „О, о томъ, что будетъ завтра, не спрашивай, другъ, никогда!“—продекламировалъ за его спиной чей то насмѣшливый голосъ.

Богданъ оглянулся и увидалъ злобное, искаженное торжествующею улыбкой лицо Ясинскаго.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

III. Александръ Михайловичъ Марковичъ.

(р. 1790†1865).

Говоря раньше („Кіев. Стар.“ 1894 г., декабрь) о старшемъ братѣ А. М. Марковича, Яковѣ Михайловичѣ, авторѣ „Записокъ о Малороссіи“, мы сказали нѣсколько словъ объ отцѣ и дѣдѣ ихъ. Сказали мы тамъ, что изъ сыновей Михайла Яковлевича М—ча старшій Яковъ и младшій Александръ—съ раннихъ уже лѣтъ, вѣроятно, по наслѣдству отъ дѣда (автора извѣстнаго „Дневника“), обнаружили учено-литературныя наклонности. Теперь, приступая къ очерку жизни и дѣятельности Александра Михайловича М—ча, мы должны сказать, что авторство его мало извѣстно въ печатной литературѣ. Напечатана его *Записка о малорусскомъ дворянствѣ*, но и она появилась въ изданіи, извѣстномъ только спеціалистамъ. Позже А. М. сталъ извѣстенъ, какъ издатель „Дневныхъ Записокъ“ своего дѣда Якова М—ча. Встрѣчаются еще небольшія статьи А. М—ча въ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ журналахъ. Вотъ и вся литературно-печатная извѣстность А. М—ча. А между тѣмъ онъ писалъ много и началъ свое писательство въ возрастѣ еще юношескомъ. Первоначально писательство это выразилось въ его „Ежедневныхъ Запискахъ“, которыя начинаются уже съ 1806 года; затѣмъ, явились литературныя работы и въ болѣе опредѣленной формѣ. Но всѣ эти работы А. М-ча остались въ рукописяхъ; видимо, что ав-

торъ не думалъ о печатаніи, а писалъ для того только, чтобы перенести на бумагу результаты своего пытливаго ума по тому или другому вопросу. Поэтому, вѣроятно, большинство работъ А. М—ча остались неоконченными. Но ближайшее знакомство съ оригинальною и привлекательною личностью А. М—ча можно получить только изъ этихъ его литературныхъ работъ, почему въ настоящемъ очеркѣ мы и приводимъ болѣе или менѣе значительныя изъ нихъ выписки. Не сомнѣваемся, впрочемъ, что выписки изъ „Записокъ“ А. М. представляютъ собою любопытный матеріалъ для исторіи культуры въ Малороссіи начала настоящаго вѣка.

I. Родители Александра Михайловича. Заботы матери. Первоначальное обученіе сначала въ семьѣ Кочубеевъ, а потомъ въ Харьковѣ. Служба у черниговскаго губернатора и отставка. Отрывки изъ „Записокъ“ А. М. Марковича и выраженные въ нихъ идеалы его.

Ал. М—чъ родился, какъ уже было сказано, въ 1790 г., а въ декабрѣ 1793 г. отецъ его заболѣлъ „параличемъ“ и „тринадцать лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги“. Все бремя заботы о дѣтяхъ и хозяйствѣ пало на мать, Настасью Петровну, которая и вела, со времени болѣзни мужа, дѣла семьи. Объ этой замѣчательной во многихъ отношеніяхъ женщинѣ въ дневникѣ младшаго ея сына читаемъ слѣдующее: „Сентября 20 (1824 г.) скончалась мать моя на 70-мъ году своей жизни. На третій день пріѣзда моего изъ Пбурга, 30 марта, въ ночи, получила она, какъ называютъ, повсемѣстной, несовершенной апоплексической ударъ, каковый возобновлялся въ теченіе болѣзни четыре раза, и четвертый прекратилъ ея жизнь. Сіе злосчастіе давно приготовляемо было ея слабостію, къ которой привели ее не столько лѣта, сколько великія и многія претерпѣнныя ею несчастья. Въ Малороссіи, въ обширномъ кругу ея знакомыхъ, когда хотѣли представить кого въ примѣръ великихъ несчастливцевъ, то всегда ее вспоминали. Начало бѣдствій сихъ началось параличемъ отца моего, который 13-ть лѣтъ лежалъ въ постели, лишенный употребленія языка, правой руки и правой ноги. Въ то время, когда мать моя возила больного, гдѣ только могла ожидать ему помощи и нигдѣ

оной не находила, въ то время множество старыхъ важныхъ тяжебныхъ дѣлъ, оставшихся отцу моему частію по наслѣдству, не давали ей ни одного дня покою. Къ сему и восемь дѣтей не мало требовали ея попеченій. Въ теченіе 20-ти лѣтъ отъ начала болѣзни ея мужа, лишилась она: зятя своего Лизогуба, мужа старшей дочери [1]), самого достойнаго человѣка, на третій годъ женитьбы его, потомъ—старшей дочери, которая умерла отъ скорби по мужѣ. Остались двое сиротъ, дочь и сынъ. Они воспитывались при ней. Дочь, прекрасная и любезная, вышла замужъ и умерла на пятый мѣсяцъ замужества; сынъ еще прежде за годъ взошелъ на небо... Еще при жизни мужа, горшей смерти, лишилась она старшаго сына 28 лѣтъ, самымъ несчастнымъ образомъ [2]). На него она полагала всю надежду свою. Въ преклонныхъ уже лѣтахъ потеряла она третью свою дочь Похвисневу, мать пяти малолѣтнихъ дочерей. Потомъ настигли важныя тяжебныя потери; по симъ тяжбамъ братъ мой и я должны были годы проживать въ Петербургѣ, угрожаемые совершеннымъ разстройствомъ нашего состоянія. Мать моя была добродѣтельна, благочестива, совершенно безкорыстна, благодѣтельна, не прихотлива. Въ продолженіе своей тягостной и продолжительной болѣзни она ни слова не изрекла, но часто очень повторяла: Господи, помилуй мя грѣшницу!"

Вотъ эта то мать и заботилась о воспитаніи Ал. М—ча. Первоначальное обученіе русской грамотѣ А. М. получилъ, конечно, дома, въ Сварковѣ, причемъ обученіе это могло происходить подъ ферулою какого нибудь мѣстнаго дьячка или домашняго слуги... Сосѣдъ и сверстникъ А. М—ча, Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ Запискахъ: „русской грамотѣ училъ меня сперва камердинеръ отца Петръ Бѣлый, онъ же училъ меня играть на скрипкѣ. Потомъ я учился русскому языку у отставнаго морскаго офицера Македонскаго..." Такихъ же пер-

---

[1]) Въ замѣткахъ о времени рожденія и смерти членовъ своей семьи, у А. М—ча отмѣчено: „Дочь Мих. и Наст. (Марковичей) Анна род. 1775 г., въ супруж. выдана за В. П. Лизогуба 1793 г., умре 1796 г., декабря 16; мужъ же умре 1796 г., февр. 1. У нихъ дѣти: Евдокія, р. 1794, Петръ, р. 1795".

[2]) Якова Михайловича.

воначальныхъ учителей могъ имѣть и А. М.—Дальнѣйшее обученіе А. М—ча происходило въ семьѣ В. В. Кочубея, тогдашняго глуховскаго „маршала", жившаго въ с. Ярославцѣ. Къ двумъ младшимъ сыновьямъ послѣдняго, дядя ихъ Викторъ П—чъ Кочубей (впослѣдствіи князь) въ 1799 г., прислалъ изъ Петербурга гувернеромъ аббата Фромана, который прожилъ въ Ярославцѣ три года (1799—1802). Одинъ изъ учениковъ этого Фромана, тотъже Арк. В. Кочубей пишетъ въ своихъ „Запискахъ": „Во время пребыванія Фромана у насъ, въ Ярославцѣ, образовался какъ бы институтъ; многіе изъ нашихъ родственниковъ и сосѣдей были очень обязаны моимъ родителямъ за возможность въ то трудное время дать хорошее воспитаніе своимъ дѣтямъ. Въ числѣ прочихъ дѣтей, воспитывавшихся вмѣстѣ съ нами, я люблю вспоминать объ Александрѣ Михайловичѣ Марковичѣ" [1]). Въ 1802 г. Ярославецкій „институтъ" разстроился, такъ какъ молодыхъ Кочубеевъ увезли для дальнѣйшаго воспитанія въ Петербургъ. Везти въ Петербургъ и А. М—ча должно быть не было достаточно средствъ и его отвезли для дальнѣйшаго ученія въ Харьковъ, въ тамошнее „главное казенное училище". Интересно, что въ самомъ нач. XIX в. старый центръ южнорусскаго просвѣщенія, Кіевъ, уступаетъ мѣсто только что возникавшему новому—Харькову. Въ Харьковъ, а не въ Кіевъ, стало отдавать малорусское дворянство своихъ дѣтей для обученія ихъ въ средней школѣ [2]). О харьковскомъ ученіи А. М—ча говорятъ сохранившіяся въ его бумагахъ два „свидѣтельства". Въ первомъ читаемъ: „По мѣрѣ возраста, понятія, прилежанія къ начальнымъ учебнымъ предметамъ и благонравнаго поведенія, дано сіе свидѣтельство Харьковскаго главнаго казеннаго училища ученику Александру Марковичу въ день публичнаго испытанія. Харьковъ. Іюля 1 дня, 1803 года. Директоръ Θеодоръ

---

[1]) Записки Аркадія Васильевича Кочубея. 1790—1873. Спб. 1890. 8 д. л., стр. 18.

[2]) См. другой примѣръ: образованный В. Гр. Полетика, желая помѣстить своего сына въ среднюю школу, обращается (въ 1810 г.) къ тогдашнему „визитатору" харьк. учебн. округа Тимковскому и проситъ его—указать лучшую въ Харьковѣ среднюю школу. Кіевск. Ст. 1893 г., апр., 153.

Кудринскій"[1]). *Въ* другомъ свидѣтельствѣ значится: „Бывшему у меня Черниговской губерніи, Глуховскаго повѣта, ученику Александру Михайловичу Марковичу въ томъ, что онъ находился въ домѣ моемъ, въ пансіонѣ, и ходилъ въ публичное училище, гдѣ онъ какъ отличнымъ и честнымъ благороднымъ своимъ поведеніемъ заслуживалъ отъ всѣхъ начальниковъ своихъ и отъ меня всегда особенное вниманіе и похвалу; *былъ всѣми любимъ* и служилъ своимъ товарищамъ хорошимъ примѣромъ въ благонравіи. Въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи и другихъ наукахъ получилъ отличные успѣхи, въ чемъ ему сіе свидѣтельство по справедливости дано 1806 года, іюня 1 дня. Харьковской гимназіи нѣмецкаго языка учитель титулярный совѣтникъ Федоръ Олденборгеръ".— Упоминаемое въ этомъ свидѣтельствѣ „публичное училище" было, полагать нужно, тогдашняя гимназія. На этомъ училищѣ воспитаніе А. М—ча и окончилось, такъ какъ черезъ годъ послѣ этого онъ уже поступилъ на службу въ Черниговское губ. правленіе, какъ видно изъ слѣдующаго опредѣленія послѣдняго: „1807 г., іюля 15 дня. Черниговское губ. правленіе, слушавъ прошеніе дворянина А—ра М—ча Марковича къ здѣшнему гражданскому губернатору, а отъ него въ сіе правленіе къ опредѣленію переданное, что по окончаніи наукъ *въ училищѣ Харьковскомъ*, желаетъ онъ продолжать статскую службу, почему проситъ опредѣлить его къ дѣламъ здѣшняго гражданскаго губернатора... Приказали: помянутаго Марковича по желанію его опредѣлить къ дѣламъ губ. правленія съ оставленіемъ по части гражд. губернатора и, въ поощреніе къ ревностнѣйшему продолженію службы, дать званіе губернскаго регистратора..." О зачисленіи на службу А. М—ча просила тогдашняго черниговскаго губернатора бар. Френсдорфа мать его, какъ это видно изъ письма къ ней губернатора: „Имѣвъ честь получить почтенное письмо ваше о желаніи сына вашего вступить въ службу, пріятнымъ себѣ удовольствіемъ поставилъ оказать со стороны

---

[1]) Текстъ „свидѣтельства" печатный. Главное Нар. Училище въ 1805 г. было переименовано въ гимназію, нынѣ называемую Первою Харьк. гимназіей.

моей содѣйствіе къ удовлетворенію такова желанія его, и исполняя сіе, надѣюсь, что Ал. М—чъ въ продолженіи начатой службы окажетъ свое усердіе и ревность..." Поступилъ на службу А. М., повидимому, для того только, чтобы „числиться" и получить необходимые для дальнѣйшей службы начальные чины. Числился А. М. въ канцеляріи черниговскаго губернатора до февраля 1812 г., когда вышелъ въ отставку, заслуживъ чинъ коллежскаго регистратора. Въ выданномъ при этомъ А. М. „аттестатѣ", между прочимъ, значилось, что онъ „*по окончаніи имъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ*, былъ опредѣленъ къ дѣламъ губернатора въ іюлѣ 1807 г." и проч. Видимо, что свѣдѣніе о харьковскомъ университетѣ включено было въ исторію воспитанія А. М—ча произвольно [1]), но передѣлка харьковскаго „училища" въ университетъ указываетъ, что и въ чиновничьей средѣ ученіе въ университетѣ являлось желательнымъ отличіемъ... Хотя М—чъ въ университетѣ и не учился, но образованіемъ обладалъ солиднымъ. Степень этого образованія видна изъ сохранившихся въ его бумагахъ разнаго рода замѣтокъ, которыя въ тетрадкахъ озаглавлены такъ: „*Смѣси или Записки ежедневныя въ 1806, 1808, 1809 и 1810 годахъ. Черниговъ*". Эти „Смѣси" не заключаютъ въ себѣ, въ тѣсномъ смыслѣ, ни дневника, ни мемуаровъ, а представляютъ—отрывочныя размышленія или разсужденія по тому или другому вопросу, который встрѣтился ихъ автору,—или при чтеніи книги, или же изъ житейскаго случая.—Вотъ начало этихъ „Смѣсей".—„Иногда самая громкая похвала не такъ много скажетъ, какъ простая, искренняя. Я всегда любилъ читать Лафонтеновы басни и ту изъ нихъ, которая мнѣ нравилась, я замѣчалъ листочкомъ. Чрезъ двѣ недѣли я увидѣлъ, что почти всѣ басни были замѣчены. Нѣтъ другихъ басенъ столь пріятныхъ, какъ Лафонтеновы. Одинъ французскій литераторъ, *разговаривая со мною* о французской словесности, между прочимъ о Лафонтеновыхъ басняхъ сказалъ: Lafontaine a donné aux fables d'Esope un habit de dimanche (Лафонтенъ одѣлъ Езоповы басни въ праздничное платье)". Это была первая замѣтка М—ча,

[1]) Харьковскій университетъ открытъ въ январѣ 1805 г.

записанная имъ въ 1806 г. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ: „Я читалъ французскую книгу Recueil d'histoires etc. Выпишу изъ ней слѣдующія мысли Шамфора. Въ семъ свѣтѣ болѣе глупыхъ, нежели мудрыхъ, и самой мудрой имѣетъ болѣе глупости, нежели благоразумія.—Перемѣна моды есть подать, которую налагаетъ бѣдной на хвастовство богатаго.—Слава состоитъ въ томъ, чтобъ насъ знали тѣ, которыхъ мы не знаемъ". Тутъ же, къ этимъ „запискамъ" М. иногда прибавляетъ и свои замѣчанія. Напр., „Берозъ говоритъ, что Вавилоняне назначали особливыхъ пять дней въ году, въ которые невольники заступали мѣсто господъ своихъ, имѣя право повелѣвать ими. *Надобно бы возобновить этотъ древній обычай для нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ*". Затѣмъ, въ 1808 г., М. записываетъ, повидимому, собственныя мысли.—„Князь N, смѣясь *съ одного* человѣка, сказалъ: il ne sait pas même parler français! Эти слова стоютъ быть записанными".—„Не должно взыскивать излишне строго съ подчиненныхъ за ихъ малѣйшіе проступки, а тѣмъ болѣе еще безпрестанно браниться и кричать на нихъ. Чрезъ это безпорядки ни мало не уменьшаются, ибо люди постепенно такъ привыкнутъ къ брани, что даже внимать тому не будутъ".—„Я часто жалѣю, почему я не жилъ во время Жанъ-Жака или почему онъ не живетъ теперь; съ какимъ бы восторгомъ посвятилъ я всѣ минуты моей жизни сему великому философу, съ какимъ бы удовольствіемъ служилъ ему и исполнялъ его желанія! Только всегда при воспоминаніи объ этомъ въ воображеніи безпокоюсь, что творецъ Елоизы не удостоилъ бы, можетъ быть, меня своею довѣренностью и дружбою" [1]). Эта замѣтка черезъ 12 лѣтъ послѣ ея написанія вызвала у М—ча другую, уже совершенно иного характера: „Время энтузіазма проходитъ. Прочитавъ сіи записки 1821 года (т. е. въ 1821 г.), я смѣялся сему. Теперь бы я ни за что не захотѣлъ не только быть слугою Жанъ-Жака, но даже ни его другомъ. Это былъ сумасбродъ краснорѣчивый, славный сочиненіями и безславный своимъ нравомъ, поступками и душею".

---

[1]) Къ этой замѣткѣ, записанной въ 1808 г., добавлено въ выноскѣ слѣдующее: „Примѣчаніе. 27 марта, 1809. Это написалъ я прежде, нежели начиталъ, что Руссо жалѣлъ, зачѣмъ онъ не могъ быть слугою у Фенелона".

Слѣдующія „записки“ сдѣланы въ 1809 г.—„Многіе господа говорятъ на людей своихъ: вотъ ихъ слушать!—въ такихъ разахъ, когда подлинно господинъ можетъ послушать своихъ слугъ“.—„*Я намѣренъ былъ сочинить комедію*, въ которой я хотѣлъ представить мѣщанскіе обычаи и между прочимъ слѣдующее: двѣ женщины собираются итти на погребеніе (на похороны); одна спрашиваетъ у другой: какое надѣть ей платье?—та совѣтуетъ—штофное... Охъ, нѣтъ, матушка, пусть уже то остается на другой разъ, когда дождемъ погребать такую то (знатнѣе родомъ мѣщанку). Извѣстно, что они собираются на погребеніе, какъ на балъ“.—„Губернаторъ С. У. (Слободско-украинскій?) былъ въ очень худомъ положеніи, даже близокъ къ потерѣ своего мѣста. Жена его, которая и теперь довольно хороша, поѣхала въ П-ъ и будучи отмѣнно расторопливa, успѣла дурныя обстоятельства своего мужа исправить. Возвращаясь уже въ Х., она въ проѣздъ свой чрезъ Москву была приглашена въ одинъ домъ на обѣдъ, гдѣ былъ и г. N., прежде генералъ-прокуроръ. За столомъ гж. Б. (Бахтина?) съ удовольствіемъ разсказывала объ успѣхѣ, который получила по дѣламъ своимъ въ П—ѣ. Г. N., который имѣлъ какую-то досаду на мужа ея, началъ очень колко шутить нащотъ того, какъ молодыя прекрасныя женщины могутъ скоро успѣвать въ свою пользу. „Не всегда однако-жъ, м. государь“, отвѣчала г-жа Б., „въ то время, какъ ваше в. пр-во были генералъ-прокуроромъ, я была и моложе, и красивѣе, но ничѣмъ этимъ не могла бы успѣть въ своемъ дѣлѣ, если бы не помогли десять тысячъ, которыя вамъ я подарила“.

Засимъ обращаетъ на себя особое вниманіе слѣдующая запись *девятнадцатилѣтняго* М-ча. „Въ Малороссіи прошедшаго году (1809 г.) умеръ одинъ извѣстный человѣкъ, полковникъ Д. И. Ш. Имѣя 600 душъ, онъ завелъ театръ у себя въ домѣ, которой состоялъ изъ 200 актеровъ обоего пола, изъ собственныхъ его крестьянъ. Они играли хорошо, одѣвались богато, были воспитаны всѣ, особливо актрисы были ловки, знали искусства, играли, пѣли, говорили на иностранныхъ языкахъ. Что должно было бы ему это стоить? Сверхъ того онъ жилъ великолѣпно, у него бывали часто большія и блистательныя собра-

нія... И не смотря на все это, онъ оставилъ послѣ своей смерти, сверхъ имѣнія, пильный заводъ въ 30000 р., выстроилъ прекрасные дома въ деревнѣ. Умирая же, отпустилъ на свободу около 200 душъ (т. е. актеровъ и актрисъ), подаривъ имъ всю наличность въ домѣ, стоющую до 20000 р. Должно ли сказывать, гдѣ онъ нашелъ ключъ къ богатству?... Многіе говорили и говорятъ о немъ съ удивленіемъ;—не спорю, что онъ имѣлъ большую расчотливость и большое искусство, но чтобы онъ сдѣлалъ великое дѣло—не могу сказать [1]), лишивъ родителей столькихъ дѣтей, развративъ болѣе ста дѣвокъ, разстроивъ и разоривъ нѣсколько благородныхъ домовъ,—подлинно есть предосудительное дѣло, но не хорошее".

Говоритъ здѣсь М-чъ о Дм. Ив. Шираѣ (адъютантѣ фельдмаршала кн. А. М. Голицына), который въ своей Спиридоновой Будѣ (новозыбковск. у.) устроилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ такой театръ, что привлекъ къ себѣ вниманіе даже тогдашняго генер.-губернатора кн. Куракина [2]). Для насъ интересно заключеніе М-ча о Шираевомъ театрѣ... Предосудительнымъ и не хорошимъ дѣломъ называетъ эту помѣщичью забаву, а въ данномъ случаѣ едвали не аферу, *девятнадцатилѣтній* юноша, выросшій среди такихъ же „помѣщиковъ", какимъ былъ и Ширай... Любопытно сравнить съ отзывомъ М-ча о театрѣ Ширая отзывъ того же времени русскаго писателя (кн. Шаликова), посѣтившаго Спиридонову Буду въ 1803 г. и записавшаго въ свое „Путешествіе въ Малороссію" (I, 85) слѣдущую тираду о тамошнихъ актрисахъ: „въ заключеніе скажу, что помѣщикъ Буды *благотворитель*: всѣ сіи плѣняющія васъ существа, о которыхъ печется онъ, *какъ отецъ о дѣтяхъ*, извлечены имъ изъ ничтожества, тоесть изъ крестьянскаго состоянія.—Судите же, какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала"!...

---

[1]) „Дѣйствіе, основанное прямо на добродѣтели, могу назвать только великимъ. Д. И. Ш. поправилъ нѣсколько свой поступокъ тѣмъ, что отпустилъ на волю актеровъ и актрисъ". Примѣч. Ал. М. М-ча.

[2]) См. объ этомъ театрѣ въ Кіевск. Стар. 1892 г., февр., 256, гдѣ между прочимъ разсказано и о томъ,—какимъ образомъ Ширай извлекалъ доходы изъ своего театра.

Продолжаемъ выписки изъ тетрадки 1809 г.

„Г. Туманскій въ изданіи своемъ *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* (1787) дѣлаетъ очень замысловатый прощальный комплиментъ своимъ читательницамъ: „Сколь часто желалъ я быть на мѣстѣ сихъ листочковъ, которые вы, любезнѣйшія читательницы, удостоивали своимъ вниманіемъ!" (№ 52, стр. 198). Какъ ни лестно должно быть это привѣтствіе для женщинъ, но все простительно будетъ, есть ли онѣ нѣсколько подосадуютъ на сочинителя за слѣдующія слова: *Дай, небо, чтобъ всѣ ваши любовники*, дабы васъ взбѣсить, *осуждены были на скромность*! (стр. 20) *Не многія изъ васъ, государини мои, столько умѣрены, чтобъ держать одного любовника*" (стр. 21). Но полно, мы боимся, чтобъ женщины, увлеченныя любопытствомъ, не заглянули какъ нибудь на 12, 13, 14 и 15 страницы сей книжки и чтобъ не захотѣли отмстить—Соломону, *отвращающему* очи не видѣти суеты".

„Я очень рѣдко плѣняюсь, какъ бы кто хорошо ни говорилъ пофранцузски, но за то отъ чего съ такимъ вниманіемъ слышаю, когда какая нибудь дѣвушка, напр. Т. или Б. говорятъ порусски, отъ чего разговоры ихъ такъ пріятны, отъ чего, говоря о самыхъ маловажныхъ вещахъ, онѣ плѣняютъ! Не отъ того ли, что онѣ не знаютъ по французски?—Я думаю... Когда слышу ихъ, то всегда доволенъ, что онѣ такъ... несчастливы [1]), что не разумѣютъ языка моды или, лучше сказать, вѣтренности".

„Въ городѣ Н. (Новозыбковѣ?) одинъ мѣщанинъ за маленькій кусокъ земли, не болѣе 10-ти аршинъ въ длину, получаетъ каждый годъ по 500 р... Какимъ образомъ? спросятъ съ торопливостью трудолюбивые хозяева.—Извольте, открою тайну! Въ смежности съ этимъ мѣстечкомъ находится кладбище раскольниковъ, всякій годъ мѣщанинъ принимается на своемъ 10-ти аршинномъ пространствѣ земли засѣвать табакъ и всякой годъ суевѣрные раскольники даютъ ему 500 р., чтобы не сѣялъ.—Предлагаю вамъ, государи мои, вѣрное средство обогатиться [2])".

---

[1]) „Многіе почли бы нещастіемъ, если бы не знали по французски". (Примѣч. А. М. М-ча).

[2]) Ср. Опис. Ст. Малороссіи, I, 445.

Изъ „Записокъ" 1810 г. „Сегодня нечаянно я вздумалъ прочитать критику Макарова на книгу Шишкова „Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка" и нашелъ, что самые критики ошибаются, напримѣръ: говоря *о худыхъ писателяхъ, которые, употребляя иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ, заключаетъ: такихъ людей очень, очень много, по щастію никто не подражаетъ имъ!* Чтоже иное значатъ слова: *очень много*, какъ не то, что такимъ людямъ подражаютъ; въ противномъ случаѣ было бы ихъ *немного.* Далѣе, замѣчая нѣсколько грубыя слова сочинителя „Разсужденія" нащотъ писателя и означая должности критика, нарушилъ самъ важнѣйшую—справедливость [1]); забылъ, что сочинитель „Разсужденія" именно говоритъ не то, чтобъ питаться славянскимъ языкомъ, но утверждаетъ только, что оной есть единственный и вѣрнѣйшій источникъ, изъ коего мы почерпать можемъ истинное знаменованіе словъ, что конечно не оспоримо.— Макаровъ истощилъ въ сей книжкѣ всю свою ученость и не доказалъ ничего".—„Господинъ У-цъ (Уманецъ?) есть странный человѣкъ, однако очень любезный. Вся жизнь его и поступки дали бы обильную матерію сочинителю написать романъ довольно пріятный. Въ самомъ цвѣтѣ своихъ лѣтъ, онъ женился на одной женщинѣ, бывшей любовницею у фельдмаршала N., отъ котораго она имѣла деньги и вещи хорошей цѣны и притомъ 1000 рублей ежегодной пенсіи. Я не знаю, кому тутъ болѣе изъ нихъ должно удивляться: господину ли У-цу, который женился на женщинѣ лѣтъ въ 50-тъ, или госпожѣ У-ой, которая въ такихъ лѣтахъ вышла замужъ по сердцу? Слѣдствіемъ этого соединенія было то, что господинъ У-цъ прожилъ почти все имѣніе своей супруги; однако къ чести его должно сказать, что онъ никогда съ нею дурно не обходится; очень уважаетъ, но только имѣетъ одну слабость, именно любитъ *волочиться.* Онъ всегда веселъ, здоровъ отмѣнно; жена его тоже не совсѣмъ печальна. Г. У-цъ человѣкъ совершенно простой, не терпитъ принужден-

---

[1]) „Доказательство тому видѣть можно на 181, 184, 187, 188, 197 страницахъ сочиненія его 1-го изд." Примѣч. М—ча.

ній, къ губернатору ходитъ въ байковомъ сертукѣ; всегда охотно бываетъ въ дружескихъ собраніяхъ; любитъ пріятелей, женщинъ, музыку, а всего болѣе природу. Онъ жилъ верстахъ въ 10 отъ нашей деревни (Сваркова). Сестры мои, наслышавшись объ немъ, какъ о чудѣ, желали очень его видѣть, но сколько я ни упрашивалъ его, онъ ни какъ не пріѣзжалъ, все обѣщая однако-жъ; надобно сказать, что онъ былъ застѣнчивъ и не любилъ вновь знакомиться. Я расхвалилъ мѣстоположеніе нашей деревни, и въ самомъ дѣлѣ не лгалъ; ему всѣ о томъ столь много говорили, что г. У-цъ возымѣлъ большое желаніе быть въ деревнѣ С. и осмотрѣть всѣ мѣста. Чрезъ нѣсколько времени, кто то по ошибкѣ сказалъ ему, что всѣ уѣхали изъ деревни нашей; онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и въ одинъ день одѣвается въ куртку, садится на бѣдную лошадь и ѣдетъ въ С. Взъѣзжаетъ на средину двора, останавливается и смотритъ на фасадъ нашего дому... Между тѣмъ сестры мои увидѣли его изъ окошекъ и удивлялись, что за человѣкъ, который около полчаса смотритъ столь неподвижно на домъ; послали слугу спросить о томъ... Посудите о ужасѣ У-ца, когда узналъ онъ, что его обманули!... „Не говори, другъ мой, что я У-цъ"... отвѣчалъ онъ слугѣ и—давай Богъ ноги... Удивляясь странной такой новости и смѣшному одѣянію *неизвѣстнаго*, весь дворъ взволновался: музыканты, лакеи, всѣ толпой его преслѣдовали, говорили, смѣялись—и г. У-цъ, проклиная все на свѣтѣ, особливо медленность своей лошади, уѣхалъ изъ деревни С., неоглядаясь.—Я вспомнилъ еще другой случай, говоря объ немъ: въ городѣ N получили указъ о наборѣ рекрутъ; это подало поводъ говорить, какъ тяжело разлучаться доброму помѣщику съ добрыми крестьянами... „Я воображаю", говорилъ г. У-цъ, „плачъ матерей, сѣтованія родныхъ... О слава Богу, что я не имѣю крестьянъ!" вскричалъ онъ съ такимъ искреннимъ и трогательнымъ видомъ, который меня плѣнилъ [1]).

---

[1]) Сбоку позднѣйшая приписка М-ча: „Старѣя, научаюсь. Г. У-цъ есть ничто иное, какъ старой и любезной проказникъ, который хочетъ одурять другихъ, но котораго философіи никто уже не вѣритъ".

„Въ русскомъ переводѣ „Уединенныхъ прогулокъ“ Ж. Ж. Руссо 1802 года, нахожу слѣдующія слова и выраженія: *худость, глубина рощи, общежительныя страсти и печальная ихъ свита, подорванная надежда* и проч. и проч.“

„Господинъ Б. читалъ свои стихотворенія, довольно пріятныя, которыхъ однакожъ не печатаетъ; я замѣтилъ слѣдующій хорошій стихъ:

„Сѣдина—дружбѣ не помѣха“.

Засимъ имѣется небольшая тетрадка (12 стр. 4 д.) съ надписью „Дневныя записки. 1811“.—Вотъ отрывки изъ этой тетрадки.

„Ипполитъ Федоровичъ Богдановичъ, столь пріятный стихотворецъ и самыхъ добрыхъ качествъ человѣкъ, былъ очень страненъ въ обществѣ. Онъ до самой смерти влюблялся. Дѣвушка, которая ему нравилась, должна была слушать нѣсколько часовъ о расположеніи, какъ проводить будетъ онъ вмѣстѣ съ нею жизнь, о хижинѣ бѣдной, но счастливой любовью взаимной, о маленькомъ стадѣ, о ручейку и проч. Онъ былъ очень непостояненъ. Мнѣ разсказывали одинъ анекдотъ про него. Г-нъ Захаржевскій имѣлъ двухъ племянницъ, которымъ давалъ хорошее приданое; онъ предложилъ Богдановичу жениться на старшей. Предложеніе было принято; сдѣлали условіе, положили день свадьбы. Въ самый день вѣнчанія, поутру, Богдановичъ входитъ въ спальню къ Захаржевскому и говоритъ: „Вы равно, конечно, любите своихъ племянницъ.—Конечно, онѣ для меня обѣ любезны.—Слѣдовательно для васъ все равно будетъ,—женюсь ли я на старшей или на меньшой; отдайте за меня меньшую: она мнѣ болѣе нравится.—Захаржевскій такъ разсердился, что просилъ его выѣхать изъ дому“.

„Въ мое время два писателя сдѣлали ощутительную перемѣну въ слогѣ россійскаго языка и имѣли много подражателей. Первый—Карамзинъ, который, начитавшись много всякихъ иностранныхъ писателей, взялъ ихъ за образецъ для россійскаго слога; онъ ввелъ цѣлые составы рѣчи, многія слова, соображаясь съ иностранными языками, болѣе съ французскимъ.

Многіе критиковали его и говорили, что онъ въ иныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій пишетъ или не понятно, или слишкомъ замысловато, или противъ свойствъ языка и проч. Не смотря на сіи погрѣшности, онъ всегда заслуживаетъ помѣщенъ быть въ числѣ лучшихъ нашихъ писателей... Другой сочинитель есть творецъ „Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ", который доказалъ неблагоразумное употребленіе многихъ реченій съ иностранныхъ языковъ взятыхъ... Онъ увѣщевалъ насъ почерпать знаніе и красоты изъ языка славенскихъ книгъ, доказывая, что онъ есть единый къ сему источникъ. Мнѣ кажется, что одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ ему (противъ него?) было, что лучшіе писатели наши не принялись за сію новость: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Капнистъ и многіе другіе—и безъ введенія сей странной новости, умѣли сдѣлать сочиненія свои прекрасными. Послѣ изданія сей книги сочинитель навлекъ себѣ много непріятелей, но за то сколько онъ пользы надѣлалъ: самые охотники до чужеязычія перестали употреблять многія выраженія нелѣпыя... Сказать правду, эта книга для всякаго, кто упражняется въ словесности, необходимо нужна. Я такъ уважаю сочинителя ея и его книгу, что еслибъ я имѣлъ Даріевъ драгоцѣнный ящикъ, то думаю, что спряталъ бы туда его сочиненія. Можетъ быть потому они для меня дороги, что я имъ очень много обязанъ" [1]).

„1812. Г-нъ Судьенко [2]), когда сдѣлался слабъ здоровьемъ, то искалъ мѣста завременно, гдѣ бы велѣть себя похоронить. Пріѣхавши къ графу Завадовскому (въ Лячичи?), своему знакомому, онъ просилъ его показать склепъ, гдѣ хоронили его фамилію, но вошедши туда, онъ очень скоро оттуда вышелъ, говоря: „о нѣтъ! здѣсь сыро, очень сыро!"

---

[1]) „Въ 1821. Все проходитъ. Такъ и мое почтеніе излишнее къ автору Разсужденія и къ сочиненіямъ его прошло нѣсколько". Примѣч. А. М. М—ча.

[2]) Рѣчь идетъ, повидимому, объ Осипѣ Степановичѣ Судьенкѣ, который за частную службу у кн. Безбородка получилъ большіе чины. См. книгу Григоровича „Князь Безбородко", I, 378, 481 и др.

Послѣ замѣтокъ 1812 года слѣдуетъ семилѣтній перерывъ[1]) и затѣмъ имѣется нѣсколько замѣтокъ уже за 1819 г., особенно интересныхъ по нѣкоторымъ *признаніямъ* М—ча о себѣ самомъ, о своемъ характерѣ.

„Октября 31 (1819). Сегодня я читалъ XL № „Сына Отечества,“ въ коемъ помѣщена весьма важная статья: *Описаніе Гофвильскаго института для бѣдныхъ.* Я считаю, что сіе заведеніе лучше и дешевлѣе всѣхъ другихъ. *Я долженъ стараться сдѣлать въ своихъ деревняхъ что нибудь подобное.* Имя основателя Феленбергъ, а учитель сего института Верли. Имена почтенныя, которыя должно помнить болѣе именъ многихъ министровъ и профессоровъ“.

„Ноября 21. Я читалъ повѣсть—*Ожесточенный.* Шиллеръ зналъ сердце человѣческое. Чтеніе сей повѣсти возродило во мнѣ многія мысли. Увы! сколь легко сдѣлаться преступникомъ! Кажется, честолюбіе, любовь, ревность, страхъ, стыдъ, ярость—всѣ сіи страсти въ одну минуту честнаго человѣка могутъ сдѣлать злодѣемъ...“.

„Я заслуживаю осужденіе за свое малодушіе. Самое ничтожное происшествіе приводитъ меня иногда въ страхъ и причиняетъ мнѣ безпокойство. Мысль о могущемъ послѣдовать мнѣ несчастіи повергаетъ меня въ грусть. Правда, я много потерпѣлъ, много имѣлъ непріятностей, много разъ имѣлъ несчастіе оплакивать потерю своихъ родныхъ; но все это не можетъ оправдать меня. Не должно бояться ни судьбы,—а еще менѣе людей. Правда, что какъ судьба, такъ и люди часто намъ враждебны; но страхъ насъ отъ нихъ не защититъ... Не долженъ ли я вознестись передъ презрѣнными людьми, желающими сдѣлать вредъ ближнему своему, и показать имъ, что стрѣлы ихъ вотще пропадаютъ? И чего они могутъ меня лишить?... У меня сомнительная важная тяжба, я могу потерять имѣніе, но должно умѣть лишаться равнодушно того, что не составляетъ истиннаго блаженства. Со мною можетъ случиться несчастіе, но какое

[1]) А можетъ быть перерыва и не было, а лишь затерялись или уничтожились тетрадки за это время. Домъ А. М. М—ча въ Сварковѣ горѣлъ уже во время его старости...

несчастье на свѣтѣ есть, котораго бы великодушіе и благоразуміе не могли снесть? Ко всему должно быть готову. Сегодня богатъ, завтра бѣденъ, сегодня веселъ, здоровъ, завтра печаленъ, сломалъ ногу или руку. Баронъ Френсдорфъ (бывшій черниговскій губернаторъ) всталъ поутру здоровъ и спокоенъ—входитъ человѣкъ, разсѣкаетъ ему голову саблею и даетъ ему 12 ранъ. Черезъ двѣ минуты онъ скончался. Всего можно ожидать и ничего не должно опасаться. Одно несчастіе только важно—для немногихъ, однакоже: потеря добраго имени. Но мудрый человѣкъ, видя несправедливыя сужденія людей, не огорчится, есть ли—лишаютъ его добраго имени невинно. Онъ утѣшится тѣмъ, что самъ собою доволенъ. Вотъ единственное счастье человѣка, прочное, неотъемлемое, находимое какъ въ обществѣ, такъ и въ нищетѣ, въ чертогахъ и въ тюрьмахъ, при здоровьи и въ болѣзни. Его должно опасаться лишиться,—всѣ прочія заботы принадлежатъ малодушнымъ. Боже мой! Научи меня бояться одного Тебя и не бояться болѣе ничего!".

„27 ноября. Въ семъ году, февраля „ " числа, лишился я сестры своей Федосьи Михайловны Похвисневой, урожденной Марковичевой. Она оставила пять дочерей, изъ которыхъ старшей 7-й годъ. Потеря несказанная для мужа, дѣтей и насъ всѣхъ родныхъ ея... Она была добрая дочь, добрая жена, истинная христіанка, добрая госпожа. Она любила бы враговъ своихъ, еслибы ихъ имѣла. Какъ бы я счастливъ ни былъ, я никогда не буду счастливъ совершенно. Никогда душа моя не будетъ полна радости. Мнѣ всегда будетъ чего-то недоставать... Я потерялъ сестру-друга, болѣе,—я потерялъ часть самого себя".

Приведенныхъ отрывковъ изъ „Записокъ" М—ча достаточно, чтобы получить довольно полное представленіе о его личности въ молодые годы. Какъ видно, М—чъ много читалъ и много думалъ, при чемъ выборъ книгъ и тѣ мысли, которыя у него рождались при чтеніи, указываютъ, что это былъ человѣкъ, повидимому, не имѣвшій ничего общаго съ средою, въ которой онъ жилъ... Это былъ юный философъ, искавшій истины.. Уже одно появленіе такого человѣка среди полуобразованнаго малорусскаго общества начала настоящаго вѣка представляетъ любопытное яв-

леніе... Въ М—чѣ мы видимъ исключительнаго человѣка, но тѣмъ не менѣе не могъ же онъ не вліять на ту среду, съ которою находился въ постоянномъ общеніи. Поэтому для насъ въ высшей степени интересенъ вопросъ:—куда М—чъ направлялъ свою умственную дѣятельность?

Приведенные отрывки изъ „Записокъ" М—ча указываютъ, что онъ уже и въ молодости, интересуясь общественною жизнью, старается осмыслять тѣ или другія ея явленія. Это направленіе остается у М—ча и въ послѣдующее время, при чемъ онъ строго слѣдилъ за собою, боясь поспѣшныхъ заключеній... Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытный фактъ въ молодой литературной работѣ М—ча, въ его „Похвальномъ словѣ графу Румянцову-Задунайскому", сохранившемся въ рукописи. На послѣдней имѣется слѣдующая надпись: „начато сочиненіемъ 1811 года, переписано четыре раза до генваря 6-го 1813 г. Сіе же переписано въ 5-й разъ 1820 г., генваря 7".

Это „Слово", навѣянное, быть можетъ, чтеніемъ Карамзинскаго похвальнаго слова Екатеринѣ II, представляетъ собою одно лишь упражненіе въ „высокомъ слогѣ" двадцатилѣтняго автора. Выпишемъ мѣста, относящіяся къ превознесенію заслугъ Румянцова по управленію Малороссіей, о которомъ авторъ похвальнаго слова долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе близкія къ дѣйствительности свѣдѣнія... „Императрица, имѣя намѣреніе перемѣнить образъ управленія Малороссіи, искала мудраго чиновника, кому бы могла поручить исполненіе сего важнаго предпріятія. Она поручила сіе Румянцову и ввѣрила его управленію сей край. Вамъ извѣстно, граждане, что всякая перемѣна старыхъ обычаевъ, обрядовъ и установленій, хотя бы она была весьма благоразумна, влечетъ за собою недовольство большей части народа, потому что всегда мы жалѣемъ о томъ, чего лишаемся, мало есть мудрыхъ, которые могутъ провидѣть пользу отъ преобразованія; прочіе же, не разбирая ни пользы, ни вреда, только ропщутъ. Къ славѣ Румянцова довольно будетъ сказать, что скоро престали роптать недовольные, скоро увидѣли въ немъ мужа, коему благополучіе ввѣренныхъ ему жителей было первою заботою; увидѣли пресѣченными безпорядки, новыя мудрыя уста-

новленія, увидѣли и его попеченіе о доставленіи различныхъ выгодъ, прилѣжныя ходатайства у престола, справедливость и безпристрастіе въ судѣ, неусыпное трудолюбіе, снисхожденіе къ просящимъ, защиту угнетеннымъ" и т. д. Затѣмъ авторъ подробно разсказываетъ военные подвиги Румянцова, его ссору съ Потемкинымъ и послѣдовавшее „удаленіе въ простую хижину". Заканчивается „слово" слѣдующей тирадой: „Уже 20 лѣтъ, какъ смерть похитила Румянцова, но его подвиги кажутся намъ, какъ будто вчера были... Рядъ столѣтій исчезнетъ во мракѣ вѣчности, но каждый истинный россіянинъ съ благоговѣніемъ приблизится къ гробу его и, наклонясь своимъ челомъ, скажетъ:

Не только славный лишь войной,
Здѣсь скрытъ великій мужъ драгой".

Похвальное слово Румянцову, написанное въ 1811 году, повидимому, очень занимало его автора, который пять разъ его переписывалъ (конечно, послѣ исправленій); въ послѣдній разъ „Слово" снова переписано было въ январѣ 1820 г. Но ровно черезъ годъ послѣ этого, въ январѣ 1821 г., М—чъ, на тщательно переписанной своей работѣ, дѣлаетъ такую надпись: „Разсмотрѣвъ безпристрастно дѣла и свойства Румянцова *и справясь съ совѣстію*, я удостовѣрился, что Румянцовъ былъ искусный и великій полководецъ, но не великій человѣкъ, что онъ былъ завистливъ, гордъ, высокомѣренъ, любострастенъ, льстецъ, скупъ и корыстолюбивъ—слѣдовательно плѣнникъ страстей самыхъ низкихъ, слѣдовательно малый душею. Одинъ же великій человѣкъ заслуживаетъ похвальное слово. Ненужно мнѣ доказывать сихъ обвиненій, потому что я не говорю предъ публикою, для меня же одного довольно сердечнаго удостовѣренія. Надпись же сія сдѣлана для того, чтобы тотъ, кто по случаю, по смерти моей, найдетъ сію рукопись, не думалъ, что я навсегда остался въ заблужденіи или рабски хвалилъ человѣка, не заслуживавшаго того. 1821 г., генваря 13. С. Сварковъ. Александръ Марковичъ".

Боясь *упрековъ совѣсти*, М., вмѣсто „похвальнаго слова", произноситъ надъ своимъ героемъ строгій судъ и, быть можетъ,

черезъ-чуръ строгій... Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ приговорѣ мы видимъ судью-идеалиста, которымъ М—чъ оставался, значитъ, еще и въ тридцать лѣтъ.

Годы возмужалости дали М—чу бо́льшій опытъ въ познаніи людей и ихъ дѣлъ, но оставили его тѣмъ же идеалистомъ, какимъ видимъ его и въ юности. Пошлость жизни, повидимому, не касалась его...—Полное міровоззрѣніе 30-тилѣтняго М—ча видимъ въ рукописномъ его отрывкѣ—*О благородствѣ чувствованій*, съ помѣтою: „7 октября 1820. Москва". Тутъ мы читаемъ: „Благородство происхожденія требуетъ и благородства души. Мы не удивляемся, видя простолюдиновъ, нарушающихъ правила чести; но есть ли кому заслуги предковъ или собственныя—даровали отличное мѣсто въ обществѣ людей, есть ли такой человѣкъ сдѣлаетъ поступокъ противный благородству, тогда онъ обращаетъ на себя общее негодованіе; тогда мы вспоминаемъ породу его или степень занимаемую имъ, для того только, чтобы изъявить большее къ нему презрѣніе. Безъ сомнѣнія, и простолюдины бываютъ благородны; нѣкоторые изъ нихъ, не зная, что такое честь или великодушіе, являли чувства, поступки, достойные величайшихъ людей. Тѣмъ болѣе должны быть таковыми тѣ, которыхъ слава предковъ, воспитаніе, примѣры хорошаго общества, чтеніе, бесѣда мудрыхъ и размышленіе могли научить распознавать добро и зло. Что только у первыхъ бываетъ случайностью, то должно быть всегдашнею принадлежностью послѣднихъ... Хотя нельзя спорить, чтобы въ особенности на людяхъ благороднаго происхожденія не лежала обязанность показывать въ чувствованіяхъ, словахъ и поступкахъ своихъ благородство духа, нѣкоторые однако же, есть ли же не говорятъ, то покрайней мѣрѣ думаютъ, что высокое званіе даетъ имъ право быть хуже другихъ и позволяетъ имъ то, что запрещено прочимъ состояніямъ. Какъ будто есть на свѣтѣ званіе, которое даетъ привилегію нарушать законы? Они, конечно, полагаютъ, что быть добродѣтельнымъ есть повинность того же класса людей, который обязанъ платить подати и обрабатывать землю. Сколь бы несчастливъ былъ родъ человѣческій, есть ли бы сіе мнѣніе было принято! Свѣтъ состоялъ бы только изъ зло-

дѣевъ и жертвъ ихъ, и общество людей походило бы на общество звѣрей, въ которомъ одни слабые имѣютъ причину страшиться"...

„Неустрашимость составляетъ главное свойство благороднаго характера. Не одни воины являли неустрашимость, не въ сраженіи только потребна она, но и въ различныхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни. Князь Долгорукій, который разорвалъ указъ Петра I, полковникъ Полуботко, который спокойствію и изобилію предпочелъ темницу, защищая права своего отечества; Енгельгартъ, котораго ужасъ казни не принудилъ нарушить присяги государю, конечно, были герои"...

„Сколько есть людей, которые все благородство, какъ и всю славу, полагаютъ въ томъ, что имѣютъ хорошаго повара, знакомство съ случайными или съ любимцами ихъ, абонированное кресло въ первомъ ряду и тому подобное! Правда, что сія слава погребается въ одномъ гробѣ съ ними, но число искателей ея не уменьшается"...

Всѣ эти раздумья являлись у М—ча, конечно, послѣдствіемъ чтенія, когда та или другая родившаяся мысль требовала по его характеру—воплощенія на бумагѣ.—Любовь къ чтенію и пытливый умъ М—ча отъ общаго знакомства съ тогдашней обиходной литературой—обратились и къ литературѣ, касавшейся родины. Фоліанты дѣдовскаго „Дневника", находившагося въ обладаніи М—ча, и небольшая книжка, полная теплаго интереса къ Малороссіи, написанная безвременно погибшимъ братомъ его, должны были привлечь къ былымъ судьбамъ родины и вниманіе М—ча. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ вслѣдъ за симъ.

Ал. Лазаревскій.

НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА.

Въ одной московской газетѣ П. А. Безсоновъ недавно (въ ноябрѣ 1896 г.) заявилъ, что онъ собралъ, проживая въ Харьковѣ, множество малорусскихъ пѣсенъ, записалъ со словъ бандуристовъ старинныя думы, и теперь дѣло за издателемъ, который далъ бы возможность г. Безсонову повѣдать міру сдѣланныя имъ въ Харьковѣ открытія, при общемъ равнодушіи людей науки къ памятникамъ русскаго слова, къ словесности дорогаго для сердца П. А. Безсонова малорусскаго народа, дорогаго тѣмъ болѣе, что самъ г. Безсоновъ происходитъ отъ какого-то малоросса, по одному сообщенію г. Безсонова отъ св. Димитрія Ростовскаго (Туптала), по другому его же сообщенію отъ Гедеона Балабана. Все это изложено чрезвычайно многословно, витіевато, мѣстами загадочно, мѣстами просительно, мѣстами укорительно и даже жалобно.

Чего же мы—сонливые, лѣнивые и нерадивые можемъ ждать отъ г. Безсонова? Какія новыя перспективы могутъ быть имъ открыты? Отвѣтить не трудно. Г. Безсоновъ не новичекъ, и его наука, особенно кругъ его свѣдѣній и симпатій въ предѣлахъ южнорусской исторіи и этнографіи, давно уже опредѣлился. Мы взяли на себя тяжкій трудъ пересмотрѣть многоглаголивыя предисловія г. Безсонова къ сборникамъ Кирѣевскаго и Рыбникова, прочли длинную статью „Мнимый туранизмъ русскихъ“ въ Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1885 кн. II, стихотворенія въ аксаковской „Руси“, и для насъ вполнѣ опредѣлилась „новая наука“ г. Безсонова. Мы ее сгруппируемъ въ нѣсколькихъ пикантныхъ положеніяхъ. Сдѣланныя въ текстѣ

ссылки относятся преимущественно къ „Мнимому туранизму". Въ частности заглавіе не сочинено нами, а взято изъ рецензіи Якушкина.

Около тридцати лѣтъ назадъ П. И. Якушкинъ писалъ: „Мы можемъ надѣяться, что новая наука, составленная г. Безсоновымъ, скоро явится на свѣтъ; начало уже положено въ 4 выпускѣ „Калѣкъ перехожихъ" въ статьѣ подъ названіемъ „Къ читателямъ". Но я серіозно опасаюсь, продолжаетъ Якушкинъ, что эта наука Петра Алексѣевича окажетъ совершенно медвѣжью услугу... такъ хитро онъ подходитъ. (Сочин., изд. 1884 г., стр. 474).

Г. Безсоновъ вездѣ говоритъ отъ лица „современной науки", какъ вполнѣ аккредитованное ею лицо, единственный представитель „современной науки"; напримѣръ: „Какъ нынѣ доказано наукою, исторія Адама воспроизведена изъ эпохи племени Адовъ" (стр. 111), или: „извѣстно для современной науки, что древніе Ады или Уды не коснулись центра нынѣшней Россіи" (121).

„*Новая наука*" г. Безсонова—чудное созданіе, передъ которымъ творенія Лукашевича о происхожденіи славянскихъ языковъ изъ еврейскаго, Красускаго о старшинствѣ малорусскаго языка надъ санскритскимъ, греческимъ и латинскимъ языками—меркнутъ по силѣ авторскаго воображенія.

„*Новая наука*" г. Безсонова построена на какомъ-то таинственномъ „образѣ дѣвы". Много страницъ посвящено этой новооткрытой „дѣвѣ", причемъ повѣствованіе г. Безсонова о „дѣвѣ" представляетъ смѣсь поэзіи и прозы, обильно риѳмами и эпитетами. „Въ исторіи самой семьи", говоритъ г. Безсоновъ, „на поприщѣ реальной дѣйствительности и въ ея творческомъ выраженіи обрядомъ и словомъ свадьбы одинаково обрисовывается и выступаетъ передъ нами яркій образъ дѣвы, по всѣмъ ступенямъ развитія ея собственнаго и развитія представленій о ней, какъ жила и живетъ она въ окружающей средѣ, какъ ее поставила и какъ ее понимаетъ самая среда. Здѣсь представляется намъ рельефно, воочію и въ слухъ, положеніе, значеніе и пониманіе женщины вообще, женщины просто или вся-

кой; далѣе выработанная высокая роль и добытое сознаніе объ ея началахъ или идеалѣ,—въ замкнутости ключей дѣвства (?), недоступности, таинственности, важности, въ очарованіи и привлекательности, однимъ словомъ, значеніе и роль дѣвы, какъ самобытнаго и, скажемъ, спеціальнаго явленія и существа въ мірѣ человѣческомъ" (стр. 9). Г. Безсоновъ наполняетъ своими разглагольствованіями о дѣвѣ шесть страницъ въ рядъ, потомъ нѣсколько разъ возвращается къ ней, связываетъ при этомъ съ именемъ дѣвы былинную Лебедь бѣлую, названія рѣкъ Двины, Эльбы и Днѣстра, полумиѳическихъ Любушу и Ольгу. Передъ глазами читателя „дѣва" носится какъ призракъ, заполоняетъ собой всѣ данныя исторіи, миѳологіи и лингвистики; то она сидитъ „на престолѣ или на горней вершинѣ земнаго міра", то „сходитъ съ высоты, покорная волѣ батюшки, увѣщанію матушки", то является „дѣвою судною", то „надъ ней нависаетъ роковой приговоръ и ей сужденъ суженый", то она должна „принести жертву собственной честью, чистотой, невинностью, стыдливостью" (стр. 13). „Кто виноватъ здѣсь"? патетически восклицаетъ г. Безсоновъ, и поспѣшно отвѣчаетъ: „Виновата она сама своимъ возрастомъ, красотою, приманкою прелести, очарованіемъ, виновата чувствомъ любви, простертымъ въ мірѣ, зашевелившемся въ личномъ сердцѣ". Паѳосъ г. Безсонова все ростетъ, раздувается: „Дѣва—въ трепетѣ, въ слезахъ, невинная добровольная мученица всесильной натуры (!). Подняты высоко чувства, мысли и рѣчи всѣхъ присутствующихъ... Подлинное таинство изъ таинствъ, драма изъ драмъ, торжество жизни текущей, зеркало доисторической, завѣтъ будущей" (стран. 14). Г. Безсонова нужно читать въ подлинникѣ, чтобы понять всю прелесть его „дѣвы".

„*Новая наука*" г. Безсонова открываетъ какое-то „общее" туранское племя Утовъ или Адовъ, „племя давнее, могучее и самое энергическое" (стр. 95). „Кромѣ отношенія къ Аріямъ Уды имѣли близкое отношеніе и къ Семитамъ; съ ними связано по корню названіе и лицо Іуды" (стр. 127). „Все различіе отъ будущаго, земледѣльческаго и народнаго, составляло (?) въ томъ, что это были начала, все это было переходнымъ звеномъ, не

стойкимъ, не осѣдлымъ; все это было на возу, на животныхъ, и съ животными вокругъ, все вмѣстѣ безпрерывно передвигалось, измѣнялось, отъ центра бѣжало и къ нему возвращалось для новаго движенья, центробѣжно и центростремительно вмѣстѣ, стало быть вращательно и кругообразно. „Племя кружилось въ своемъ безысходномъ кругѣ, „какъ кружилось само сознаніе въ броженіи стихій; то было послѣ линій движенія звѣроловнаго, пастушескаго и дикаго, первое опредѣленное явленіе круга; но еще не было ни угловъ, ни квадрата, являющагося въ земледѣліи и вмѣстѣ съ народомъ; вырабатывались болѣе фигуры, чѣмъ тѣла; тѣло оставалось еще физическимъ, въ процессѣ натуральномъ, а тѣло или корпусъ организма народнаго только слагались и назрѣвали. Иные и совсѣмъ остановились на этомъ моментѣ, кристаллизировались въ фигурахъ кочевья; другіе" (стран. 34)... потеряютъ терпѣніе читать далѣе, если только продолжать выписку, а выписать не трудно изъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ, залитыхъ сверху до низу подобнаго рода разглагольствованіями объ Адахъ и Удахъ. Г. Безсоновъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что предполагаемые имъ Уды—„племя давнее", жившее за нѣсколько тысячелѣтій до Рожд. Христова, подробно говоритъ объ ихъ жизни, жилищахъ, одеждѣ и даже наружности; „Носъ прямъ. Глаза не велики, не растянуты, есть и сѣрые, но больше карые; сухощавы и поджары, выносливы воздержны, полнокровны, круглолицы, даже румяны, какъ баре, господа". (98). Г. Безсоновъ даже знаетъ, что Уды носили „шапки и шапочки, скроенныя и сшитыя изъ полосъ, острымъ концомъ полосъ къ верху и съ завершеніемъ на маковкѣ шишечкой" (стр. 41). Г. Безсоновъ очень обязательно предлагаетъ читателямъ не только археологію и этнологію Удовъ, но даже ихъ исторію. „Писателямъ (??)", говоритъ онъ, „разумѣется, знакомы выводы современной науки, что... Уды и Ады, въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими народами, были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ (?) походомъ Египтянъ XIV вѣка, при Сезострисѣ, сглажены Басками и Гебрами, вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріянъ и Боевъ, такъ что къ приходу славянъ вся означенная мѣстность (т. е. Россія)

давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ Туркизма“ (стр. 57). Такова печальная судьба „прадревнихъ“ „круглолицыхъ“ и „румяныхъ“ Удовъ, носившихъ шапочки съ шишечкой на маковкѣ. Бѣдные Уды! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что до г. Безсонова дошли ихъ „шапки и шапочки“, „прямой носъ“ и „сѣрые, большіе карые глаза“. Любопытно было бы узнать, какой художникъ изъ Басковъ, Гебровъ или Боевъ передалъ г. Безсонову цвѣтъ удскихъ глазъ, и въ какой формѣ, масляными красками или акварелью.

„*Новая наука*“ г. Безсонова открываетъ еще какого-то тура. На многихъ страницахъ говорится о турѣ, но при всемъ томъ я рѣшительно не понялъ, что это за чудный звѣрь и каково его значеніе въ славянской этнографіи. Могу только замѣтить, что г. Безсоновъ туромъ *объясняетъ* безчисленное множество историческихъ и филологическихъ явленій. У г. Безсонова туръ переплетается съ тигромъ, съ Таврами, съ Этрусками, бросается на читателя съ каждой страницы, и въ концѣ концовъ читатель подавленъ туромъ.

„*Новая наука*“ г. Безсонова чрезвычайно упрощаетъ филологію. Весь безконечный лингвистическій міръ, всѣ формы и слова въ языкахъ индо-европейскихъ, семитическихъ и монголо-тюркскихъ г. Безсоновъ можетъ вывести и дѣйствительно выводитъ изъ Дѣвы, Адовъ и Тура. Ады и Туръ—два кита, на которыхъ держится археологія, этнографія, этнологія и филологія г. Безсонова. Буй-туръ въ Словѣ о полку Игоревѣ отождествляется съ британскимъ Артуромъ (ярый туръ) и все это возводится къ туру (стр. 101); кентавръ=коне-туръ, коне-быкъ (стр. 101); Этруски, Туррены, Туссагеты, Туринги, Тирольцы, Турки—„конечно изъ помянутаго тура“ (стр. 107). „Имя татаръ“, говоритъ г. Безсоновъ, „редупликація или удвоеніе корня тр, являющагося уже въ извѣстныхъ намъ наименованіяхъ тигръ, туръ, тавръ“ (стр. 110). Адамъ, Аккадъ, Аяксъ=Яковъ, Іудеи—все это происходитъ отъ Адовъ или Удовъ (стр. 101, 105, 106). „Якуты—прямое соединеніе Яковъ и Уты“ (стр. 106). Недурны другія филологическія словопроизводства г. Безсонова, напримѣръ: „Амазонка отъ манъ-женъ, т. е. соединеніе во едино

мужчины и женщины" (стр. 10). Этрусскія Вейи—наши Вежи, Бѣлыя Вежи" (стр. 36). Египетское слово кушиты происходитъ отъ славянскаго кочевать; сюда же отнесенъ и козацкій кошъ, кошевой (37). „Гареммъ—отъ горѣть" (44). Шатъ-Эль-Арабъ названъ такъ потому, что Арабы тамъ шатаются, кочуютъ (стр. 38). Чердакъ—„чудная, божественная вышина",—изъ чар—чаровать и даг—горѣть (47). Величественное словопроизводство г. Безсонова льется потокомъ, безъ ссылокъ, безъ цитатъ, льется неудержимо и неоспоримо. Часто нѣтъ простаго соглашенія между словами, связи между предложеніями. Обычны такія выраженія, какъ „составляло въ томъ" (34), „горцевскій" видъ (131), „глаза, густѣющіе" (131).

„*Новая наука*" г. Безсонова разъясняетъ, что „наступившее обособленіе вѣтви, извѣстной позднѣе подъ Великорусскою отъ Словянъ вообще и прочихъ (?) Русскихъ, послѣдовало, какъ извѣстно (!), 1) начиная съ Придунайской и южной или Скитской (скиѳы—Скиты отъ скитаться) эпохи постепеннымъ движеніемъ колонизаціи на сѣверо-востокъ нынѣшней территоріи, 2) позднѣе и сильнѣе, на глазахъ положительной исторіи, наплывомъ изъ Полей и Кіевской области... Въ первомъ случаѣ организмъ сходившейся Великой Россіи совершенно обезпеченъ былъ на Востокѣ и Юго-востокѣ отъ какого либо давленія Тюрко-Монгольской формаціи сплошною массою и сильною группою передовыхъ Мидо-Персовъ, въ лицѣ Аланъ, Сарматовъ"... Г. Безсоновъ разузналъ, что во всякомъ случаѣ, по всѣмъ памятникамъ (?), это (Аланы, Сарматы) была вѣтвь высоко нравственная и способнѣйшая къ цивилизаціи" (стр. 57—58). На слѣдующей, 59 страницѣ г. Безсоновъ добавляетъ: „Помянутому историческому наплыву (великорусскаго) населенія съ юга предшествовало въ промежуткѣ появленіе на Востокѣ и Юго-Востокѣ Россіи Арабовъ. Русь и Арабы, чувствуя обоюдную мощь и независимость, свободно сносились въ международныхъ дѣлахъ... Арабы описывали русскіе нравы и обычаи, но присваивая ихъ себѣ... Сами же они были чистокровные семиты... Кочевой бытъ тогдашнихъ Арабовъ уступалъ явно народному и земскому... Объ Исламизмѣ ихъ и о вліяніи его на Русскихъ не можетъ

быть и рѣчи,—до вѣры и религіи не доходило въ сношеніяхъ“ (стр. 60). Очевидно, для г. Безсонова все явно, и все ему извѣстно, и самый исламизмъ отнесенъ здѣсь ко времени задолго до появленія Магомета. Г. Безсоновъ питаетъ отвращеніе къ цифрамъ, къ точной хронологіи. Встрѣчаются только громадные періоды времени, „прадревніе“ народы, выраженія „древнѣе, позднѣе“. Вообще, хронологія имѣетъ древне-индусскій характеръ, таинственная, туманная, гиперболическая, выражается не математическими знаками, а сравнительными и превосходными степенями именъ прилагательныхъ.

„*Новая наука*“ г. Безсонова при полномъ отрицаніи какихъ-либо монголо-тюркскихъ вліяній на великоруссовъ, будто-бы стоявшихъ подъ защитой и за оградой „высоко-нравственныхъ Алановъ и Сарматовъ“, переноситъ туранизмъ на Русь Южную и Западныхъ Славянъ. Г. Безсоновъ говоритъ, что древніе Ады или Уды покрывали нѣкогда весь Югъ Россіи, отъ Татръ до Дона, и отъ нихъ, а отчасти отъ позднѣйшихъ татаръ и турокъ, малороссіяне унаслѣдовали лицевыя очертанія и нравственный характеръ. Характерными чертами малорусскаго туранизма г. Безсоновъ считаетъ будто бы свойственное малороссіянамъ „лицо плоское, какъ доска“, „смачный (!) и широкій носъ“, „глаза съ узкимъ разрѣзомъ и на оконечностяхъ стрѣльчатые“, „приземистую статуру“, „голосъ тенористый, переходящій въ козла“ (!), „взвизгиваніе при началѣ рѣчи“, „медленность походки до воловъ съ ихъ шагомъ и скрипучею телѣгою“, „упрямство, упорство, неповоротливость, лѣнь, скрытность, хитрость, значительную обидчивость“. Въ число характерныхъ признаковъ малорусскаго туранизма г. Безсоновъ вставилъ „вишневенькій садокъ съ грушами (!) вмѣсто лѣса и парка, отвращеніе къ гвоздямъ въ сапогахъ (стр. 132), отвращеніе отъ мытья тѣла и бани“ (стр. 122). „Сюда же относится“, продолжаетъ г. Безсоновъ, „у Малоруссовъ обычай, въ простомъ народѣ, не умываться, а лишь обтираться мокрымъ полотенцомъ, не употреблять носовыхъ платковъ (!) и по долгу не сморкаться“ (стр. 122 см. примѣчаніе). Г. Безсоновъ своей характеристикѣ малороссовъ предпослалъ слѣдующее замѣчаніе: „Насъ, по дѣятельности нашей

и профессіи, конечно не заподозрятъ въ недостаткѣ сочувствія или должной оцѣнки достоинствъ ни относительно Южноруссовъ, ни какого-либо Славянства" (стр. 120). Чтобы снять съ себя подозрѣніе въ національномъ пристрастіи, г. Безсоновъ на 132 стр. доводитъ до свѣдѣнія читателя, что его „личный" предокъ Гедеонъ Балабанъ, и замѣчаетъ при этомъ, что и у Гедеона Балабана, судя по портрету, „глаза узкіе, поперечно растянутые и на оконечностяхъ стрѣльчатые".

„*Новая наука*" г. Безсонова обогащаетъ археологію и исторію великими открытіями, даже въ отдѣльныхъ подробностяхъ, частностяхъ, напримѣръ: „Турки *во сто разъ* болѣе переняли отъ южныхъ славянъ, чѣмъ славяне отъ турокъ" (62). „Во сто разъ" подчеркнуто самимъ г. Безсоновымъ, должно быть въ знакъ точности счета.—„Наши скопцы—наслѣдники прадревнихъ галловъ" (38).—Г. Тверь—колонія Тиверцовъ" (стр. 107). „Судъ Любуши—прелестнѣйшій цвѣтокъ народной поэзіи чеховъ на зарѣ исторической жизни (12). „Прадревній" профессоръ Безсоновъ, очевидно, не читалъ и даже не слышалъ, что Судъ Любуши—памятникъ поддѣльный, по отзывамъ самихъ чешскихъ ученыхъ.

„*Новая наука*" г. Безсонова отличается своеобразнымъ патріотизмомъ. Г. Безсоновъ начинаетъ исторію славянъ съ вавилонскаго столпотворенія и отъ потопа, ведетъ ихъ изъ-подъ Арарата въ Хорасанъ, гдѣ является богъ Хорсъ, откуда идутъ наименованія Хевсуровъ, Херсонеса, Хереса, затѣмъ наполняетъ славянами весь старый свѣтъ, Кавказъ, Сирію, Испанію; Кто не признаетъ тождества сирійскаго Кадеша и испанскаго Кадикса съ славянскимъ Гданскомъ (Данцигомъ), кто не считаетъ Кушитовъ „шатунами въ шатрахъ" (38), тотъ въ глазахъ г. Безсонова неблагонамѣренный человѣкъ. Чтобы уловить соль патріотизма, я приведу разсужденіе г. Безсонова о происхожденіи русскаго сказочнаго Таракашки, Тараканчика отъ древнегреческаго Геракла: „Предчувствуемъ восклицаніе, говоритъ г. Безсоновъ,—вы смѣло обращаетесь съ древностью, какъ будто она сейчасъ у васъ подъ рукою, до того, что какого нибудь Таракашку сопоставляете съ величественнымъ Геракломъ! Да, мы

дѣйствуемъ смѣло, но по убѣжденію въ началахъ, однородныхъ для всякаго историческаго народа, тѣмъ болѣе индо-европейскаго мы не развѣнчиваемъ древнихъ героевъ, а вѣнчаемъ и нашихъ бѣдняковъ, понесшихъ за насъ тяжкіе труды развитія, насъ выдвинувшихъ, насъ сложившихъ народомъ. Для русскаго Иванъ и какой нибудь Таракашка ближе Геракла, не менѣе его сдѣлали, не подлежатъ забвенію. Кто же, слѣдя за ними, даже въ оболочкѣ шутливой сказки, не почувствуетъ боли отъ ихъ страданій, тяжести отъ трудовъ ихъ, радости отъ ихъ спасенія? Развѣ тотъ, кто въ тысячелѣтней древности народа слышитъ все еще безсвязный лепетъ младенца, видитъ праздный наборъ какихъ-то образовъ какого-то безцѣльнаго творчества, желающаго подшутить надъ міромъ, надъ собою и надъ нами. Да, мы не пугаемся и приближаться къ древности, и смотрѣть ей прямо въ лицо. Сѣдая и вѣковая, она и отдаленна тысячелѣтіями, и столь же близка намъ, если соединяетъ насъ съ нею жизнь, если соединяетъ духъ и разумъ, для которыхъ тысяча лѣтъ какъ день единъ. Можно не только что къ отдаленной древности, можно и къ своему собственному народу стать въ такое отношеніе, что онъ будетъ совсѣмъ чуждый, далекій-далекій, и безсмысленный, и непонятный, а наша оторванная личная жизнь будетъ вращаться въ кругу эгоистическихъ интересовъ, въ самодовольствѣ самосозданной фантасмагоріи или грубаго пользованія всѣмъ окружающимъ какъ средствомъ забыться. Можно же стать и въ такое отношеніе, когда глубочайшее начало народное будетъ громко отзываться въ душѣ отдѣльнаго человѣка, тепло согрѣвать ее, ясно освѣщать мракъ ея невѣдѣнія" (Пѣсни Рыбникова, II, Примѣч. Безсонова CLXV). Нельзя не порадоваться за г. Безсонова, столь воспріимчиваго и чувствительнаго, что сказочные Иванушка Дурачокъ и Тараканчикъ „громко отзываются въ его душѣ, тепло согрѣваютъ ее и ясно освѣщаютъ мракъ его невѣдѣнія". „Такое отношеніе (къ древности) дается искренней простотѣ, говоритъ далѣе г. Безсоновъ, и мы согласились бы вполнѣ съ г. Безсоновымъ, если бы за его „простотою" не скрывалось подозрительныхъ намековъ на что-то и кого-то. Видно, многоглаголивый г. Безсоновъ не всегда пишетъ

„спроста“. Видно, его „личная жизнь вращается“ не только „въ самодовольствѣ самосозданной фантасмагоріи“, но и „въ кругу эгоистическихъ интересовъ“. Видно, „боли и страданія“ Тараканчика, „тяжесть его трудовъ“ не оказали на г. Безсонова достаточнаго вліянія.

„*Новая наука*“ г. Безсонова обнаруживаетъ неслыханное и неимовѣрное самохвальство. Г. Безсоновъ прямо заявляетъ: „нашъ взглядъ отличается безпристрастіемъ и спокойствіемъ положительнаго знанія, связывается съ достоинствомъ науки“ (стр. 134). Неоднократно, по разнымъ поводамъ г. Безсоновъ бросаетъ пыль въ глаза читателя заявленіемъ „наша дѣятельность и наша профессія“, нигдѣ въ точности не уясняя, въ чемъ состоятъ эти дѣятельность и профессія. Созидая новую науку на Дѣвѣ, Удахъ и Турѣ и не находя нигдѣ ни отклика, ни сочувствія, г. Безсоновъ усвоилъ самое презрительное отношеніе и къ наукѣ, и къ ея представителямъ. Въ особенности высокомѣрно онъ отзывается о нѣмецкихъ „спеціалистахъ“, причемъ ковычки надъ словомъ „спеціалистахъ“ у Безсонова указываютъ на его отрицаніе нѣмецкой науки вообще, на то, что кромѣ славянской науки и единственнаго спеціалиста въ ней г. Безсонова, нѣтъ въ мірѣ никакого другаго знанія, ниже его выразителей и носителей. Излагая свою Дѣву, г. Безсоновъ восклицаетъ: „Нужно только удивляться, какъ весь этотъ широкій, величавый, прекрасный и громкій міръ европейская цивилизація свела въ скорлупу, засушила безумнымъ нарядомъ, лишила славы, мелодіи, музыки и всего творчества, обнажила отъ драматическаго дѣйствія, упростила простотою физическихъ и матеріальныхъ условій и коммерческаго договора. Но еще удивительнѣе, что мы сами у себя не знаемъ своего наслѣдія и богатства; какъ, изучая при случаѣ, мы бѣдны мыслью и пониманіемъ, довольствуемся жиденькою книжкой, срисовываемъ въ нее значки и буквы исторической жизни, кое какія формы обряда и кое-какія толкованія изъ сочиненій нѣмецкихъ „спеціалистовъ“ (стр. 14 — 15). Нужно только заглянуть въ авгіевы конюшни,—примѣчанія г. Безсонова къ былинамъ въ сборникахъ П. Кирѣевскаго и Рыбникова, чтобы насчитать десятки

ругательныхъ и презрительныхъ отзывовъ о русскихъ ученыхъ, Викторовѣ, О. Ѳ. Миллерѣ, И. В. Ягичѣ и др. столь же почтенныхъ и заслуженныхъ труженикахъ науки. Въ 1 кн. „Русской Бесѣды" 1860 г. Безсоновъ называетъ извѣстнаго библіографа, нынѣ покойнаго Викторова „бездарностью, которая на досугѣ плететъ паутину въ тиши своей неученой кельи". О профессорѣ О. Ѳ. Миллерѣ г. Безсоновъ отзывался еще изысканнѣе: „О. Ѳ. Миллеръ, пылкій студентъ, ревностно штудирующій народное творчество въ слѣдъ за каждымъ новымъ нашимъ открытіемъ (безсоновскимъ!!), изданіемъ и указаніемъ, привыкшій судить in verba magistri употребленіемъ нашихъ (безсоновскихъ!!) терминовъ и выводовъ, какъ своихъ" (Пѣсни Кирѣевскаго IV, изд. 2, стр. 170). „Г. Ягичъ," замѣчаетъ г. Безсоновъ, „подобный ему (т. е. О. Ѳ. Миллеру) геній" (ibid. 171).—Приведемъ еще одинъ перлъ самохвальства. Всему ученому міру извѣстно, чѣмъ былъ, что сдѣлалъ для науки Яковъ Гриммъ. Это была громадная плодотворная сила въ сферѣ человѣческихъ познаній. Въ примѣчаніяхъ ко 2 т. Сборника былинъ Рыбникова на стр. CXCVII г. Безсоновъ обвиняетъ „представителя филологовъ" Гримма въ какомъ-то „скачкѣ" и замѣчаетъ при этомъ: „Всякой безпристрастный согласится, что наши выводы, при всей ихъ скромности, нѣсколько послѣдовательнѣе."

Г. Безсоновъ осмѣливается хвастать своими изданіями пѣсенъ и своими примѣчаніями къ нимъ. Да сохранитъ насъ Господь Богъ отъ той чести, какую стяжалъ себѣ г. Безсоновъ своими сборниками пѣсенъ, въ особенности сборникомъ П. В. Кирѣевскаго и Каликами перехожими. Здѣсь мы оставляемъ перо, и предоставляемъ говорить П. И. Якушкину.

„Изданіе пѣсенъ Кирѣевскаго," писалъ Якушкинъ, „идетъ непутно и *страшно подозрительно*" (Сочин., стран. 470). Что П. И. Якушкинъ разумѣлъ подъ загадочнымъ выраженіемъ „страшно подозрительно", видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Родственники ли, друзья ли П. В. Кирѣевскаго, никто не имѣлъ права его трудами позволить дѣлать имя кому-нибудь: это грѣхъ не только передъ памятью Петра Васильевича, но это уголовное преступленіе передъ обществомъ. Какъ могло Общество лю-

бителей русской словесности или кто другой позволить приписать труды покойника живому человѣку, на томъ основаніи, что покойникъ умеръ и ему не надобны блага мірскія, а живому человѣку, хоть бы этотъ человѣкъ былъ и П. А. Безсоновъ, отдать труды покойника для прославленія своего имени? Позволить на первыхъ же строкахъ трудовъ покойника обругать всю дѣятельность его!“ (стран. 471).

По поводу изданія „Каликъ перехожихъ“ Якушкинъ писалъ: „Г. Безсоновъ, какъ трудолюбивый жукъ, со всякой дряни собираетъ все, что ему надобно... Сюда вошелъ и мѣсяцесловъ въ стихахъ, вѣроятно, войдетъ ариѳметика, оды Державина, Шатрова. Собравъ многое множество стиховъ, г. Безсоновъ объявилъ въ газетѣ „День“, что „я-де П. А. Безсоновъ собралъ до тысячи стиховъ, да денегъ нѣтъ, издать не могу, такъ сокровище и пропадаетъ!

Не соблаговолитъ ли кто дать денегъ на изданіе этихъ сокровищъ?! „С.Петерб. Вѣдомости“ повторили это объявленіе, и подписка шла такъ быстро и успѣшно, что совершенно доказала сочувствіе русскаго общества къ изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ... Всѣ думали, что г. Безсоновъ въ первой же книжкѣ, выпущенной по подпискѣ, запоетъ:

А мы, нищая братія,
Мы убогіе люди,
Должны Бога молити,
У Христа милости просити
За поящихъ, за кормящихъ,
Кто насъ поитъ и кормитъ,
Обуваетъ,—одѣваетъ!

А Петръ Алексѣевичъ Безсоновъ, вмѣсто этой жалобной пѣсни „Каликъ перехожихъ“, какъ хватитъ въ первой же книжкѣ, въ первый же стихъ:

Патріархи тріумствуйте,
Со пророки ликовствуйте,
Со святыми торжествуйте!
Приведутся дѣвы... (IV вып., стр. 1.).

А чего тутъ ликовать?!.. Ликовать, не ликовать одному Петру Алексѣевичу Безсонову, а подписчики-то на „Каликъ

перехожихъ", чай, заплакали, когда денежки ихъ загули!" (Сочинен. Якушк. стран. 479).

Можетъ быть, также неблагосклонные отзывы Якушкина о Безсоновѣ были вызваны личными отношеніями? Нельзя думать. Столь же неблагопріятно отозвались о Безсоновѣ А. А. Котляревскій, А. И. Кирпичниковъ, И. В. Ягичъ, А. Н. Пыпинъ, Ѳ. И. Буслаевъ. Въ статьѣ уважаемаго Ѳ. И. Буслаева о русскомъ богатырскомъ эпосѣ въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстника 1862 г., написанной по поводу сборниковъ Кирѣевскаго и Рыбникова и примѣчаній къ нимъ г. Безсонова, на стран. 15 читаемъ: „Надо опасаться, чтобы наша нѣмецкая образованность, вооруженная чиномъ и другими привиллегіями, не отнеслась къ народности, какъ къ выгодной добычѣ, и чтобы изъ вопроса о нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи народныхъ массъ не сдѣлала для себя ловкой спекуляціи".

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Сводъ данныхъ о Янѣ Орышевскомъ, запорожскомъ гетманѣ временъ Стефана Баторія[1]).

Вопросъ о такъ называемой регуляціи запорожскаго козачества при королѣ Стефанѣ Баторіи (1576—1586) остается до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ темныхъ и загадочныхъ вопросовъ исторической науки. Мы не имѣемъ достаточнаго количества твердыхъ данныхъ, чтобы окончательно рѣшить его въ ту или другую сторону. Пока несомнѣнно одно: большія войны, которыя велъ Баторій съ Москвою за обладаніе Инфлянтами, требовали значительныхъ военныхъ силъ и для нихъ нельзя было ограничиться старинньмъ способомъ „посполитаго рушенія" въ случаѣ войны,—тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по пріемамъ боевыхъ дѣйствій не соотвѣтствовали требованіямъ военнаго искусства временъ Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторій военныя силы Польши. „Цвѣтущіе люди и добрые кони", говоритъ Андрей Лубенецкій[2]), „составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ пышныхъ коняхъ Баторій засталъ такое военное снаряженіе, какое нѣкогда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось про-

---

[1]) Статья эта была читана, какъ рефератъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, 28 января 1896 г.

[2]) См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rękopismów zakładu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rękopismie i życiu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843. Стр. 110—111. Лубенецкій род. около 1550 г., умеръ въ 1622 г.

тивъ огнестрѣльнаго оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое сидѣнье, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три теперешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастнаго рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кромѣ того принадлежностями вооруженія были: *паижъ* или тяжелая *тарча* (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиньихъ перьевъ; *шишакъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣнчанный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грузно и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность—деревянныя *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшнихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся пикой, подвязывался прапоръ (маленькій флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять", продолжаетъ Лубенецкій. „Тѣмъ не менѣе польскіе рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосвѣтскому*,—какъ при выступленіи въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не нравилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польскіе пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждые шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко—ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры; фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону, а потомъ—подъ Гданскомъ". Прибавимъ къ этому, что старосвѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствіемъ дисциплины и по своему громоздкому вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско засталъ Ба-

торій въ Польшѣ! Между тѣмъ ему нужны были постоянныя, пріученныя къ военной дисциплинѣ войска, которыя были бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованіями тогдашней военной тактики. Баторій повсюду искалъ матеріала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и предоставлять въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ [1]); онъ обращался заграницу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ [2]), нѣмецкихъ райтаровъ и ландскнехтовъ [3]), шотландскихъ пѣхотинцевъ [4]); онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбранцами или лановой пѣхотой [5]); наконецъ, онъ обратилъ вниманіе и на запорожское козачество, какъ на превосходный, наполовину готовый, военный матеріалъ. Къ этому времени въ низовьяхъ Днѣпра, за порогами, почти сложилось уже нѣчто среднее между военнымъ орденомъ и промышленною артелью,—своеобразное общество, составленное изъ пришельцевъ, которые собирались туда со всѣхъ концовъ польско-литовскаго государства и даже изъ сосѣднихъ странъ. Баторій не хотѣлъ и на будущее время оставлять запорожское козачество въ роли грандіозной разбойнической шайки, постоянно нападающей на сосѣднія татарскія, турецкія и валашскія владѣнія и вызывающей дипломатическія недоразумѣнія съ сосѣдями, а предполагалъ организовать изъ него правильное войско, которое могло бы съ пользой послужить ему въ борьбѣ съ Москвою. Мысль эта не была новой. Еще въ 1502 году существовали козачьи роты изъ запорожцевъ русскаго и татарскаго

---

[1]) См. Źródła dziejowe, t. IV, 1877, стр. 165, № 96; t. VIII, стр. 232.

[2]) См. напр. Źr. dz. t. IX, b, стр. 156, статьи расхода 1576 г.: in conductionem *militum Hungarorum* in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et peditibus *Ungaris*; emptio panni peditibus *Ungaris.*

[3]) См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: peditibus *Germanis Lanczknechtis*; peditibus dictis *Knechty*, стр. 156—in equites *Germanos* 50 *raithary* dictos.

[4]) См. тамъ же, стр. 294: „Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana bywała".

[5]) См. Górski, Historya piechoty polskiej, Kraków 1893, стр. 23, § 8.

происхожденія, которыя служили великому князю Литовскому подъ начальствомъ Щура и князя Дмитрія[1]). Въ 1524 г. Сигизмундъ I хотѣлъ обратить запорожцевъ къ себѣ на службу и предполагалъ выдавать имъ жалованье „пѣнязями" и „сукнами" [2]). Возникала эта мысль и при Сигизмундѣ-Августѣ. Одно время старшимъ начальникомъ надъ служившими правительству запорожцами былъ проживавшій въ Бѣлой Церкви шляхтичъ Янъ Бадовскій [3]). Очень можетъ быть, что Баторія вновь натолкнули на мысль утилизировать запорожское козачество для королевской службы тѣ запорожскіе депутаты, которые явились лично привѣтствовать его со вступленіемъ на престолъ, въ маѣ 1576 года. До насъ дошли ихъ имена; это были: Иванъ Северный, Хведоръ Захвостый, Семенъ Поховскій и Марко Винницкій. Король, какъ видно, принялъ ихъ благосклонно и подарилъ каждому по 15 флориновъ деньгами и по 6 локтей лionскаго сукна [4]) Позднѣе ханъ крымскій настойчиво совѣтовалъ королю Стефану обратить запорожцевъ на королевскую службу и въ 1578 г. въ инструкціи послу Мартину Броневскому отъ 4 апрѣля король велѣлъ передать хану относительно запорожцевъ: „Pokosztujem też tego, jeśli ich możem do siebie przyzwać, ale jednak za to nie przyrzekamy, aby się ich część do Moskwy udać nie mia-

---

[1]) См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 1, документъ № 1. Упоминаемый въ немъ князь Дмитрій не могъ быть *Вишневецкимъ*, какъ сказано въ предисловіи къ этому тому актовъ (стр. 26), потому что князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, казненный въ Константинополѣ въ 1563 году, въ 1502 году могъ быть развѣ только младенцемъ. Другаго князя Дмитрія Вишневецкаго въ эту эпоху не было.

[2]) См. Чтенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, книга 8-я, Кіевъ 1894 г., ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго", стр. 81, прим. 2.

[3]) См. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, С.-Петербургъ 1865, стр. 165, докум. № 149.

[4]) См. Żr. dz. t. IX (1881), a, стр. 80: „Boristenis Kozakom, personis 4 videlicet: Iwano Sewerny, Chwiedoro Zachwosthy, Szemiono Pochowsky, Marco Winniczky loco expeditionis illorum de gratia S. Mtis R. dati singulis per f 15, fac. f. 60. Eisdem panni Lundinensis per uln. 6, a Conrath percepti, facit uln. 24, per gr. 34, fac. f. 27. gr. 6".

ѣа [1])". Во всякомъ случаѣ у короля начались постоянныя сношенія съ Запорожьемъ. Главными агентами короля для этихъ сношеній были: шляхтичъ Янъ Орышевскій и венгерецъ Янчи Бегеръ. Они нѣсколько разъ ѣздили на Запорожье и Янчи Бегеру осенью 1578 года удалось склонить запорожцевъ послать къ королю вторичную депутацію, которую онъ самъ и сопровождалъ [2]). Въ составъ ея вошли: Андрей Лиханскій, Иванъ Подолянинъ, Матвѣй Дидъ, Иванъ Клюкъ и Филиппъ Кольруша [3]). Они получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ, а потомъ еще по 8 локтей сукна на два армяка. Очевидно, при этихъ взаимныхъ сношеніяхъ короля и запорожцевъ были выработаны условія, на которыхъ запорожцы соглашались отдать свои услуги королю. Кажется, что средней платой для рядоваго козака было: 15 флориновъ деньгами и 4 литовскихъ аршина сукна на одежду въ годъ [4]). Коннымъ назначалось больше жалованья. Если, придерживаясь таблицы проф. Павинскаго [5]), перевести эту сумму на наши деньги, то при теперешней цѣнѣ серебра 15 флориновъ равняются почти двадцати рублямъ, а 4 аршина сукна стоятъ болѣе 9 рублей [6]); такимъ образомъ рядовой пѣшій запорожецъ на службѣ у Баторія могъ получать въ годъ жалованья около 30 руб. по нынѣшнему курсу серебра. Съ тѣхъ поръ во все время королевствованія Сте-

---

[1]) См. Muzeum Konstantego Świdzińskiego, Tom V i VI, Warszawa 1881 страв. 37.

[2]) См. Żr. dz. t. IX, a, стр. 216. „Janczemu Begier, qui cum Nizovis Leopolim venerat, de gratia S. Mtis R. ad literas Mtis ejusdem dati f. 25".

[3]) Въ Żr. dz. t. IX, a, стр. 216 имена и фамиліи запорожцевъ записаны такъ, какъ мы ихъ привели. Въ универсалѣ Баторія отъ 16 сентября 1578 года (Muz. Św. V i VI, стр. 336), Дидъ названъ Федоромъ (вм. Матвѣя), а Филиппъ Кольруша *Козой*, а не Кольрушей.

[4]) „Servitium eisdem (militibus Boristhenis Nizovii dictis) indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quamlibet *pro anno integro* per 15 flor. et panni Lundinensis cuilibet per ars. litv. 4". См. Górski. Hist. piech. pol 1893, стр. 242, прим. № 37. *Флоринъ* это та же монета, что и *злотый*.

[5]) См. Żr dz. t. VIII (1881), стр. 457.

[6]) Литовскій аршинъ тоже, что литовскій локоть=$14^5/_8$ вершкамъ. Цѣна локтя ліонскаго сукна показана въ одной записи: 1 фл. 18 гр. (Żr. dz. IX, a, 216), что составляетъ на наши деньги около 2 р. 35 к. Иногда сукно стоило и дешевле: напр. 1 фл. 4 гр. (ib. a, стр. 80).

фана Баторія, запорожскіе отряды, конные и пѣшіе, служили въ рядахъ польскихъ войскъ. Они назывались *ротами* или по-латыни: *comitiva*. Строились пѣхотныя роты продолговатыми четыреугольниками по 50 рядовъ, состоявшихъ изъ 10 человѣкъ каждый. Начальникъ роты назывался поручникомъ; при немъ состояла свита въ 30 человѣкъ. Вооруженіе составляли пики и ружья. Конные отряды были меньше, не болѣе 100 человѣкъ въ каждомъ. Они употребляли кривыя сабли, а вмѣсто ружей—луки (сагайдаки); луки предпочитались потому, что громъ ружейныхъ выстрѣловъ пугалъ лошадей. Въ 1579—81 г.г. запорожскіе отряды участвовали въ походахъ къ Полоцку, Великимъ Лукамъ и Пскову; въ 1582—1586 г.г. они прикрывали Подолію и Украйну отъ нападеній Татаръ—ab incursionibus Tartarorum, какъ говорятъ акты того времени.

Интересно ближе ознакомиться съ тѣми людьми, которые были въ этомъ случаѣ исполнителями воли Баторія. Янъ Орышевскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, родиной его было селеніе Орышевъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, по которому онъ и получилъ фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по Бялой, Стржелецкими по Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. На исторической сценѣ онъ появляется во второй годъ королевствованія Стефана Баторія т. е. въ 1577 году Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и универсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передней королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова или Варшавы, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, присмотрѣться къ людямъ, ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, пріобрѣсти внѣшній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *cubicularii missiles* (по-

русски можно перевести: постельничьи на посылкахъ) и число ихъ доходило до 40 и болѣе человѣкъ[1]). Въ званіи такого постельничаго на посылкахъ появляется въ первый разъ и нашъ Янъ Орышевскій. Въ апрѣлѣ 1577 года король посылаетъ его изъ Иновроцлавля къ ѣхавшему посломъ въ Турцію Дзѣржку передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторопиться съ отъѣздомъ въ Константинополь[2]). Какъ видно, Орышевскій сразу понравился королю и показалъ себя способнымъ и дѣльнымъ исполнителемъ порученій, потому что въ томъ же году ему было дано болѣе трудное и самостоятельное порученіе—отвезти королевскія письма разнымъ лицамъ на Волыни и проѣхать на Днѣпръ къ запорожцамъ. На путевые расходы ему была выдана большая по тому времени сумма въ 80 флориновъ[3]). Вѣроятно, въ это путешествіе Орышевскій познакомился съ роскошной природой Подоліи и захотѣлъ пріобрѣсти въ ней земельную собственность, потому что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлыя урочища въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урочище Копыстеринъ на р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ, между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урочища Гайсинъ[4]) и Гоголевъ при ручьѣ Собъ за р. Бугомъ. Оба урочища остались выморочными

---

[1]) Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *cubiculariis missilibus* ихъ поименовано 43 человѣка. См. Żr. dz., t. IX, a, стр. 60.

[2]) См. Żr. dz., t. IX, b, стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Ioannem Oryszewski ex Inowladislawia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Armenum e Leopoli accipiat. qui perferat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160".

[3]) См. Żr. dz., t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suae Mtis.. eunti fl. 80". Съ этой поѣздкой Орышевскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензіей шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Баторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-русски. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашой Королевское Милосты, пана *Оришевского*, братей нашой найменшымъ слугомъ и подданымъ Вашой Королевское Милосты *писмомъ полскимъ* писаные"... Шляхта ссылается на условія уніи Литвы съ Польшей и проситъ короля на будущее время писать къ представителямъ ея „*рускимъ писмомъ*". См. Acta historica res gestas Poloniae illustrantia T. XI, Kraków 1837, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 іюля 1577 г.

[4]) Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышевскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано, что пожалованіе дается, чтобы наградить Орышевскаго за величайшую вѣрность и усердіе и чтобы на будущее время побудить его быть еще болѣе ревностнымъ и исполнительнымъ при отправленіи королевской службы[1]). Но, очевидно, сельскохозяйственныя занятія въ имѣніи, расположенномъ на Татарскомъ пограничьи, надъ самымъ Кучманскимъ шляхомъ, по которому татарскіе загоны пробирались въ Польшу, не привлекли молодаго владѣльца. Не замѣтно ни малѣйшаго слѣда такого рода дѣятельности. Напротивъ, Орышевскій продолжаетъ оставаться при королевскомъ дворѣ. Его первая миссія къ запорожцамъ (ad Boristenum) въ 1577 году, вѣроятно, удовлетворила короля, потому что въ томъ же сентябрѣ (diebus Septembris) слѣдующаго 1578 года онъ опять посылается съ королевскими распоряженіями по поводу дѣла Константина Волоха (Лакусты) къ запорожцамъ, къ бискупу Каменецкому, къ старостамъ Черкасскому, Барскому и Брацлавскому, къ каштеляну Люблинскому, къ самому Константину и проч. [2]).

Между тѣмъ наступили болѣе важныя обстоятельства. Лѣтомъ 1579 года открылась война съ Москвой, окончившаяся паденіемъ Полоцка и другихъ московскихъ крѣпостей. Выше было указано, что агентами Баторія подготовлено было участіе въ ней запорожцевъ. Согласно королевскому универсалу отъ 16 сентября 1578 года[3]) сформированъ былъ отрядъ изъ запорож-

---

[1]) См. Записки науковаго товариства имени Шевченка т. VIII (за 1895 годъ кн. 4-я) отдѣлъ „Miscellanea", стр. 5—8.

[2]) См. Żr. dz. t. IX, a, стр. 200: „*Ioanni Oriszewski* ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachy, item ad rmum episcopum Camenecen., capitaneum Czerkasten., Baren., Braclavien., palatinum Lublinen item ad Constantinum Walach, Ianczy Begier cum literis Mtis R. misso, fl. 80".

[3]) Напечатанъ въ Muzeum Świdzińskiego, t. V i VI, W. 1881, стр. 336—338 подъ № 160. Договоръ съ Низовцами изложенъ также въ письмѣ ксендза Яна Піотровскаго къ коронному маршалу Андрею Опалинскому (См. Acta Hist. t. XI 1887, стр. 144—145) и въ современной записи на латинскомъ языкѣ (См. Górski, Historya piechoty polskiej, 1893, стр. 242—243, прим. № 37).

цевъ въ 530 человѣкъ, который долженъ былъ начать вою службу съ 6 декабря 1578 года (а festo sancti Nicolai). П у-пившіе на службу низовцы должны были принести присягу на вѣрность королю. Во главѣ низовскаго отряда (dux supremus) поставленъ былъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, каштелянъ Брацлавскій, староста Черкасскій. Затѣмъ организо-но было нѣчто въ родѣ теперешняго штаба. Чѣмъ-то въ родѣ помощника командира части назначенъ былъ Янъ Орышевскій съ титуломъ поручника (по-латыни: superintendens). Для веденія письменныхъ дѣлъ и денежнаго счетоводства былъ назначенъ венгерецъ Янчи Бегеръ съ титуломъ писаря (по-латыни: notarius). Этотъ отрядъ участвовалъ во многихъ походахъ противъ Москвы, но почему то князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій имъ не предводительствовалъ, а стоялъ во главѣ его Орышевскій, который въ современныхъ источникахъ именуется часто и по-народному: гетманомъ. Райнольдъ Гейденштейнъ въ своей „Исторіи Польши", разсказывая о второй московской войнѣ 1580 года, такимъ образомъ описываетъ одинъ изъ походовъ Орышевскаго: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышевскаго вторглись съ другой стороны въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и вдоперекъ, сожгли нѣсколько городковъ и замковъ. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка съ большою добычею вернулись домой" [1]). Термины: *поручникъ* и *гетманъ* по отношенію къ Орышевскому чередуются въ источникахъ такимъ образомъ, что трудно думать, чтобы они обозначали два различныя служебныя положенія. Скорѣе можно объяснить примѣненіе ихъ оффиціальнымъ и народнымъ употребленіемъ того и другаго слова. *Поручникъ*—терминъ чисто оффиціальный, усвоенный польскимъ дѣловымъ языкомъ, а *гетманъ*—терминъ болѣе народный, бывшій въ ходу между низовцами для обозначенія вождей и занесенный въ Польшу и Русь изъ Чехіи послѣ гусситскихъ войнъ (отъ чешскаго hejtman=нѣмец. Hauptmann, главный человѣкъ, голова).

---

[1]) См. Rajnolda Hejdensztejna, Dzieje Polski. Т. II, Petersburg 1857 стран. 40.

Устраивая запорожскій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтеміровѣ [1]). Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги: Бартошъ Мейеръ, Генрикъ Геллеръ, Михаилъ Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ [2]). Содержались при войскахъ и фельдшера (barwierze).

До насъ дошелъ одинъ изъ именныхъ списковъ того отряда, которымъ командовалъ Орышевскій [3]) Это именно списокъ отъ 30 марта 1581 года, составленный по случаю раздачи жалованья и суконъ за истекшую четверть года (съ 1-го января по 1-е апрѣля), привезенныхъ и розданныхъ Севастіаномъ Недзвѣцкимъ, слугою Станислава Дроевскаго, каштеляна перемышльскаго, казначея русскихъ земель. Гдѣ стоялъ въ это время отрядъ и происходила раздача денегъ и суконъ, въ документѣ прямо не упомянуто, но, судя по тому, что подъ спискомъ подписался Янъ Черскій, подстароста Черкасскій, можно думать, что въ Черкасахъ, какъ и предназначено было по уговору. Отрядъ состоялъ, кромѣ самого Орышевскаго, изъ пятисотъ тридцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 50 атамановъ или десятниковъ. Въ отрядѣ числились нѣкоторые почтенные воины, представлявшіеся въ 1578 году во Львовѣ королю Стефану въ качествѣ депутатовъ. Таковы: Матвѣй Дидъ, Андрей Лиханскій и Иванъ Подолянинъ. Затѣмъ мы находимъ здѣсь людей изъ всѣхъ мѣстностей польско-литовскаго государства. Преобладающее большинство козаковъ происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канева (14 чел.), изъ Бѣлой Церкви (8 чел.), изъ Кіева (13 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Остра (4 чел.),

---

1) См. Путевыя записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. 1873. Стр. 24.

2) См. Górski. Hist. piech. pol. 1893, стр. 23. Луценбергеръ получалъ по 2 флорина въ недѣлю. Żr. dz. IX, a, стр. 60.

3) Напечатанъ дважды: въ Żródła dziejowe, t. XX, 1894, стр. 154—164 и у Гурскаго, Hist. piech. pol. 1893, стр. 243—244 (здѣсь не сполна).

изъ Рогачева (2 чел.), изъ Быхова (8 чел.), изъ Могилева (11 чел.), изъ Тетерина (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горокъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Чечерска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.), изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянъ (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.), изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пинска (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.), изъ Минска (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Борисова (1 чел.), изъ Тризовки (1 чел.), изъ Бобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный контингентъ давали города и мѣстечки Волыни: Вишневецъ (4 чел.), Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел), Красиловъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звягель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владиміръ (3 чел.), Литовижъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковель (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Берестечко (1 чел.), Дермань (1 чел.) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольскіе города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Винница (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмѣльникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Запорожья Галиціи: изъ Коломыи (2 чел.), изъ Бучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаража (1 чел.), изъ-подъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаются и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Ковно (2 чел.), Городокъ (5 чел.)[1], Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовскихъ, волынскихъ, подольскихъ и галицкихъ (преимущественно русскаго происхожденія)—отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москвитяне (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондратъ и Иванъ съ Волги, Волохи (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣмцевъ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Кафы. Польскій элементъ былъ достаточно представленъ шляхтичами, составлявшими свиту Орышевскаго, и нѣкоторыми коза-

---

[1]) Витебск. губ.

ками изъ Познани, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Сандоміра, Грубешова и др. При нѣкоторыхъ именахъ не отмѣчено, откуда родомъ были ихъ носители, но вмѣсто этого обозначена спеціальность даннаго лица: Матисъ фельдшеръ (balwiers), Тишко портной (krawiec), Денисъ баккалавръ (bacalaureus).

Изложеннымъ документомъ вполнѣ подверждается характеристика запорожцевъ, сдѣланная однимъ изъ секретарей Баторія Райнольдомъ Гейденштейномъ: „Слетались туда (на Запорожье) за непріятельской добычей всѣ охотники до грабежа или осужденные за преступленія, и всѣ тѣ, которые на родинѣ остались внѣ закона по бѣдности, по несчастьямъ или преступленіямъ. Были тутъ и Поляки, и Литвины. Когда не было войны, то уходила туда и шляхетская молодежь, страдавшая отъ бездѣятельности и стремившаяся испробовать свое мужество. Большая часть этихъ людей жила рыболовствомъ и разбоемъ. Нападали на каждаго, съ кого разсчитывали по-больше содрать; но такъ какъ между ними преобладали христіане, то болѣе всего надоѣдали Татарамъ, а Польшѣ зачастую были въ помощь. Такъ такъ они занимали нижнія части р. Днѣпра, на самой южной границѣ Польши, то назывались Низовцами; иные называли ихъ козаками—именемъ, которое обозначало людей, конныхъ и пѣшихъ, которые самовольно собираются на границахъ для разбоя и нападенія на чужія края. Вскорѣ они прославились многочисленностью и мужествомъ“ [1]).

Въ походѣ 1581 года къ Пскову Орышевскій лично, по-видимому, не участвовалъ. Въ дневникѣ Піотровскаго есть указаніе, что въ іюлѣ 1581 г. онъ былъ на Низу среди запорожцевъ и доносилъ королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ [2]).

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Орышевскій въ послѣдующіе годы. Во всякомъ случаѣ онъ оставался гетманомъ надъ отрядомъ запорожцевъ, служившихъ королю. Въ іюнѣ 1584 г. для отряда этого заготовлено было сукно, сохра-

---

[1]) См. Rajnolda Hejdensztejna Dzieje Polski, T. I, Pet. 1857, стр. 285.

[2]) См. X. Jan Piotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Pskôw. Wydał A. Czuczyński. W Krakowie 1894. стр. 31: „Bieg wypadków wypisuje *Orzíszowski* Królowi, co porucznikiem Niżowców jest.“

нявшееся въ г. Луцкѣ въ церкви св. Іоанна Богослова.[1]) Въ эти годы онъ не упоминается въ числѣ „постельничихъ" короля Баторія, но и на Запорожьи ничѣмъ выдающимся не проявляетъ своей дѣятельности. Такъ какъ наступили болѣе мирныя времена (6 января 1582 г. былъ заключенъ запольскій миръ съ Москвой) и король занялся внутренними дѣлами, то дѣятели военные какъ-то стушевываются въ источникахъ и современники проходятъ ихъ молчаніемъ.

Въ 1586 году Орышевскій опять появляется въ источникахъ по совершенно частному поводу. Князь Матвѣй Войничъ Воронецкій, намѣстникъ воеводы Кіевскаго, по письменному приказанію своего воеводы, князя Константина Острожскаго, основалъ на Старомъ Городѣ около Софійскаго собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившіеся слобожане начали торговать безпошлинно крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду Кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронецкій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составлявшей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ каждаго хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, або на початку мяно аренду давати." Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1586 года князь Воронецкій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ произвести нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у вознаго). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ

---

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 14—15, документъ № 6.

Его Королевской Милости *пану Орышевскому, гетману запорожскому*. Орышевскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ дей его милость панъ гетманъ обѣщался устне передъ его королевскою милостью сознати тое наше оповедане“ [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Орышевскій продолжалъ носить званіе запорожскаго гетмана и въ 1586 году. Почему онъ очутился въ это время въ Кіевѣ, мы не можемъ объяснить. Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября нанесена была имъ обида, а $^{2}/_{12}$ декабря умеръ въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.

Конвокацiйный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля 1587 года. Орышевскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставлялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большимъ чудакомъ: одѣтъ онъ былъ *по-гречески*, а когда читали изложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усѣлся прямо на землю *по-турецки* т. е. поджавши ноги [2]). Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Днѣпръ и извѣщать о появленіи непріятеля, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышевскій [3]). Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1587 г.), то онъ подтвердилъ за Орышевскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе [4]).

Послѣ этого онъ опять исчезаетъ на нѣкоторое время изъ нашихъ глазъ. Вновь появляется онъ въ 1590 году. 25 іюля 1590 года король Сигизмундъ III издалъ универсалъ, въ которомъ поручалъ старостѣ Снятинскому Николаю изъ Бучача Язловецкому и поручнику его *Яну Орышевскому* набрать от-

---

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256: документъ № 35.

[2]) См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 33.

[3]) См. тамъ-же стр. 37: „Nad nimi przełożyć Pana Oryszewskiego.“

[4]) См. печатаемый ниже документъ.

рядъ въ 1.000 человѣкъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія украинскаго своеволія и для удержанія пограничныхъ людей отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія отряда назначалось урочище Кременчукъ на Днѣпрѣ, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе изъ бревенъ, спущенныхъ водою внизъ по Днѣпру изъ выше лежащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній[1]). Изъ этого универсала видно, что въ это время Орышевскій потерялъ уже свое первенствующее положеніе на Запорожьи и долженъ былъ вернуться вновь на королевскую службу въ качествѣ *поручника* при старостѣ, каковымъ онъ былъ въ 1579 г. при князѣ Михаилѣ Александровичѣ Вишневецкомъ, старостѣ Черкасскомъ.

Хотя Орышевскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 года, когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе 15 лѣтъ его жизни мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ. Единственный слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятникѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографіи Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegio S. R. M. W Krakowie. W Drukárni Iákubá Sibeneychera, Roku Panskiego 1597[2])“. Изложеніе событій въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущественнаго заступника, королю Сигизмунду III. Исторія этой книги хорошо извѣстна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1575 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземплярѣ

---

[1]) См. Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. III, т. 1, Кіевъ 1863, стр. 28—31, докум. № 11.

[2]) См. Wierzbowski, Bibliographia polonica XV ac XVI ss. vol. I, Varsoviae 1889, стр. 141, № 638.

ея не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na ssesc wiekow á ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych historij, ták w swyętym pismye yáko w prostym s Kosmografią nową y rozmáitemi Krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yáko krzesciyánskimi, w ktorey też żywoty Papyeskye Ceserskye, y krolow inych tákyeż Ksyążąt, od początku swyátá áż do tego roku ktory sye pisse 1554. Myedzy ktoremi też nássá Polska yest z osobná położoná, y swyátá nowego wypisánye. Dostáteczniyey niż pierwssa spisána y pilnyey figurámi ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowana w Krakowye przez Hieronimá Schárffenbergá. Roku Pańskiego 1554 [1])". Это изданіе посвящено королю Сигизмунду—Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроники, напечатанное въ Краковѣ въ типографіи Матвѣя Зибенейхера. Заглавіе ея мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигизмунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроники Свѣта" Мартинъ Бѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать объ этомъ", говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдуя указанной мною дорогѣ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на тюфякъ [2])". Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ— Іоакимъ Бѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ наново передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроники Свѣта" Мартина Бѣльскаго и издалъ ее въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Марти-

---

[1]) См. Wierzb. Bibl. pol., Vol. I, стр. 32, № 144.

[2]) См. Wiszniewskiego, Historya literatury polskiéj. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

номъ Бѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Бѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственнаго признанія Мартина Бѣльскаго мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояніи уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, событія 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стиля, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроники Свѣта" (въ 8-ой книгѣ) и „Хроники Польской" видно, что эти хроники написаны разными лицами [1]). Въ „Хроникѣ Польской", авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Бѣльскому, вслѣдъ за заимствованнымъ у Горецкаго разсказомъ о происходившей въ 1574 г. войнѣ волошскаго господаря Ивони съ Турками вставлено отдѣльной главой сказаніе „О козакахъ", написанное со словъ родственника автора по отцу *Яна Орышевскаго* (o czym słyszalem dosyć mądrze mowiąc Iana Oryszowskiego stryica mego [2]), который продолжительное время былъ у Запорожцевъ гетманомъ (ktory Hetmanem bywał u Kosakow przez czas niemały). Изъ этого указанія какъ будто можно заключить, что Орышевскій въ то время, когда Іоакимъ Бѣльскій записывалъ его разсказы, оставилъ уже свою службу на пограничьи и отдыхалъ на родинѣ среди родныхъ, переживая прошедшее только въ воспоминаніяхъ. А было что разсказать о своихъ приключеніяхъ человѣку, почти 20 лѣтъ проведшему въ постоянныхъ походахъ или среди разгульнаго сборища, образовавшагося на пограничьи двухъ міровъ: христіанскаго и мусульманскаго, въ эпоху наиболѣе героической борьбы между ними. Послѣ всего сказаннаго и самое повѣствованіе Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ" получаетъ особенное значеніе, какъ свидѣтельство очевидца, гово-

---

[1]) См. Wiszn. Hist. lit. pol., Tom VII, 1845, стр. 420—438, и статью Собѣщанскаго „O życiu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich въ книгѣ „Ioachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj", Warszawa 1851.

[2]) „Stryjcami" называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Słownik rzeczy starożytnych opracował G (loger). Kraków 1896 г., стр. 340—341.

ившаго не по слухамъ, а на основаніи продолжительныхъ личныхъ наблюденій [1]).

Въ заключеніе нѣсколько словъ о другомъ дѣятелѣ по сношеніямъ Стефана Баторія съ запорожцами—о Янчѣ Бегерѣ.

Судя по имени и фамиліи это былъ венгерецъ, одинъ изъ тѣхъ земляковъ короля Стефана Баторія, которые пришли съ нимъ изъ Венгріи и раздѣляли его труды по управленію Польшею. Янчи Бегеръ или Бегель (фамилія его пишется въ источникахъ двояко) появляется въ изданныхъ доселѣ документахъ съ іюня (Diebus Iunii) 1578 года. Онъ также состоитъ въ числѣ „постельничихъ на посылкахъ" (cubicularius missilis). Его посылали съ королевскими письмами то въ Перекопскую Орду, то въ Черкасы, то къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ польскіе города (Люблинъ и др.) [2]). Онъ сопровождалъ тѣхъ запорожцевъ, которые приходили къ Баторію во Львовъ осенью 1578 г., за что король наградилъ его 25 флоринами. Въ концѣ 1578 г. (съ ноября) и въ 1579 г. онъ былъ писаремъ (notarius) въ отрядѣ запорожскихъ козаковъ, поступившихъ на королевскую службу. Очевидно, на его обязанности лежали: веденіе списковъ состоящихъ на службѣ лицъ, раздача имъ жалованья и суконъ, веденіе приходо-расходныхъ книгъ

---

[1]) Разсказъ Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ" былъ напечатанъ въ русскомъ переводѣ съ нѣкоторыми *пропусками* на страницахъ „Кіевской Старины" (т. IX 1884, стр. 604—606, въ текстѣ статьи г. Падалки „Происхожденіе Запорожскаго козачества"). Переводъ г. Падалки ошибочно передаетъ нѣкоторыя выраженія повѣствователя. Напр. фраза: „ci ludzie na Nisie pospolicie bawią sie łowieniem ryb" значитъ: „эти люди на Низу *обыкновенно* занимаются рыбной ловлей"; между тѣмъ г. Падалка переводитъ: „Козаки —посполитые люди на Низу". Выраженіе „na bespiecznym mieyscu" (въ безопасномъ мѣстѣ) г. Падалка переводитъ: „въ секретномъ мѣстѣ". „Przy strzelbie" значитъ: „*при орудіяхъ, при пушкахъ*", а не „на стражѣ", какъ думаетъ г. Падалка. Другихъ неточностей не перечисляемъ. Повѣствованіе Іоакима Бѣльскаго „О козакахъ" повторялось потомъ многими позднѣйшими польскими хроникёрами, напримѣръ, Гвагниномъ (изд. 1611 г.) и др., и скоро сдѣлалось общимъ литературнымъ мѣстомъ.

[2]) См. Żr. dz. t. IX (1881), a, стр. 195: „Ioanni Begiel ad Hordam caesaris Przekopscensis propter inspiciendum comitatum illius ad fines regni Poloniae proficiscencium, et ut Mtem R. quam citissime certiorem faciat tal. 44, per gros. 34, fl 49—26. Стр. 198: Diebus Julii... Ianczy Begiel in Czerkasy, cum literis S. Mtis R. item universalibus contributionum publicarum ad exactores misso, Leopoli expedito, fl. 30"

и пр [1]). Въ 1580 г. онъ былъ опять въ числѣ „постельничихъ" и ѣздилъ съ королевскими письмами на Днѣпръ и къ Татарамъ [2]). Въ 1581 г. его посылали съ письмомъ короля къ запорожцамъ [3]). Въ 1582 г. онъ возилъ письма къ Зборовскому и къ Замойскому [4]). Въ 1583 году Янчи Бегеръ былъ посланъ въ распоряженіе канцлера и гетмана Яна Замойскаго и затѣмъ присутствовалъ все время при формированіи войскъ для экспедиціи противъ Татаръ [5]). Онъ участвовалъ въ походѣ козаковъ подъ Ягорлыкъ и Тегинь, хотя, повидимому, походъ этотъ состоялся безъ вѣдома и воли короля. По возвращеніи изъ похода козаки требовали для себя квартиръ у подольскихъ пановъ. Янчи Бегеръ поддерживалъ почему-то требованія козаковъ и на него жалуется въ письмѣ къ королю князь Янушъ Збаражскій, воевода Браславскій, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Ja przedtem skarżę na Janczego, iż gwałtem sobie przystawstwa (квартиры) był pozabierał i szkody niemale poczynił" [6]). Послѣ 1583 года мы не встрѣчаемъ болѣе имени Янчи Бегера въ изданныхъ доселѣ источникахъ.

А. Стороженко.

---

[1]) См. Żr. dz. t. IX (1881), a, стр. 203: „Ianus Beger, *notario Nizoviorum*, Lublinum ad deducendum pannum, tandem Praemisliam ad dnm. castell. Praemislien dispensatorem contributionum publicarum in palatinatu Russiae, inde in Czerkaszy ad solutionem Nisowiis 500 personis f. 50."—„Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czerkassiam, ibidemque ad quietationem (подъ квитанцію) Ianczi Begier, *notarii eorundem*, dati sunt 3 750 fl., eisdem pannum Lundiense juxta litteras S. R. M. stamina 57 per. 37/[6], fac. flor. 2. 118/[15]." См. Górski, Hist. piech. pol., 1893. стр. 242, прим. № 37.

[2]) См. Żr. dz t. IX (1881), b. стр. 9: „Ioanni Begier *cubiculario* ad Boristenes ac Tartaros ex conventione regni generali Warsoviae in negotio S. Mtis R. misso flor. 80."

[3]) См. Żr dz t. IX (1881), b, стр. 48: „Ianczy Begier Wolhinium *ad Nizovios* cum literis S. Mtis R. Warsoviam in anno 1581 misso, fl. 11—6". Ср. стр. 55.

[4]) См. Żr. dz t. IX (1881), b, стр. 86.

[5]) См. Żr. dz. t. IX (1881), b, стр. 120: „Ianćzo Beggier od magnum dum cancellarium et supremum campiductorem regni misso eundemque penes, per totum conscriptionis erga Tartaros exercituum tempus praesenti, de gratia Mtis R dat. fl. 25".

[6]) См. Acta histor. t. XI (1887), стр. 403—404, докум. № 155. Ср. Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Batorego z rękopismów Albertrandego W Krakowie 1860, стр. 264—265.

Приложеніе[1]).

Zygmunt Treti Bożu miłostyiu korol polski etc: Oznaymuiemo tym lystom naszym wsim wobec y kożdomu zosobna, komu to wedaty nałeżyt, iż szto iesmo z łaski naszoie krolewskoie za chodnyie służby urodzonemu Petrowi Swirskomu żołnirowi naszomu dały dobra naszyie kroławskije w woiewodztwi Bracławskim Haysyn nazwanyie w uroczyskach y pewnych hranycach czerez nas w prywileiu naszom zoszłomu urodzonomu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu dozorom y kosztom swoim twerzu zamoczok założywszy mesteczko osadył y dozel osażaiet ludmi wolnemy usyłuiet pomnażaiuczy w tym oboronu panstw y pożytkow naszych reczy pospolitey, czoho my buduczy ponim wdiacznyie y choteczy bułszy znak łaski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu ieho a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszych na tych że dobrach naszych Haysynie daiemo y daruiemo prawo dożywotnie malżonce ieho urodz. Jadwidze Rohozinskoy (z domu też swoieho nam y Reczy pospolitoy dobre zasłużonoho) za kotorym to spelnym prawom dozywotnim prereczonyie małżonkowie tyiże dobra miasteczko Haysyn z gruntami u łyste naszem Oryszewskim danymy to iest menowyte naprod po dorohu, kotoraja łeżyt z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy toju ryczkoju Bohuszoju do ryki Sobu hranici y potuju ryczku Bohuszu z druhoie strony hranyci ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobu ryki y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczky, kotoruju zowiut Kublicz, kotoraia wpadaiet w Sob protyw Kuny toja ryczka Kublicz w werch iduczy aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca hde w Kublicz wpadaiet u werch iduczy Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołom Byłykowym Potokom aż do Uniczy ryczki a od Uniczy dołom Suchym w werch podle Werbiczowa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju aż do Sobu ryki powyszczey Bohuszy ryczki szto w Sob wpadaiet z druhoie storony ze wszelakimy należytosciamy y pozytkamy, tak wspolnie, iako y rozdelnie majut

---

[1]) За указаніе настоящаго документа приносимъ искреннюю благодарность проф. В. Б. Антоновичу.

y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn za nas y potomkow naszych deržaty y ich spokoynie używaty do ostatnieho kresu żywota swoieho, pozwalaiuczy im tym listom naszym w prereczonym miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisara, wradmeski prysiażny postanowyty y zawedaty, takžė jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowyty y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateley tamesznych prylehlych waruiuczy tož teje pylne aby meszczane y poddanyie tamesznije bezwoli y wedomosty hetmanow naszych y deržawcy swoieho niczoho swowolnoho tak z postronnymi iako y z tutecznemi nie poczynali, ani sia ważyli, ałe wowsim sia iako wernyie poddanyie ku nam y Reczypospolitoie, także deržawcy swoiemu prystoynie sprawowali y zachowali, prawa naszyie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiuczy tymže listom naszym, kotory dla lepszyie wery y twerdosty rukoiu naszoju podpysawszy peczat koronnoju k niemu prytysnuty roskazały iesmo. Pisan w Warszawe na seymie wałnym koronnym, roku tysiacza sześćsot piatoho, mesaca marca wtoroho dnia, panowania krolestw naszych polskoho osmnatciatoho, a szwedzkoho dwenatciatoho roku. Sigismundus rex. Zachariasz Jełowicky sekretarz y pisarz. (Кн. Кіев. Центр. Арх. № 4633, л. 15).

ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО.

Сорокъ лѣтъ назадъ издана была въ Кіевѣ небольшая книжка подъ такимъ заголовкомъ — *Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I* [1]). О значеніи этой книжки далъ въ свое время подробный отзывъ Максимовичъ (Соч., I, 230—247), сурово при этомъ замѣтившій излишнюю ревность издателя въ перечисленіи разночтеній въ спискахъ лѣтописей... Но дѣло въ томъ, что издатель крошечнаго томика „Лѣтописей" былъ юноша, къ которому трудно было предъявлять особыя требованія... Это былъ одинъ изъ младшихъ сыновей борзенскаго средней руки „пана", который понимая практическую пользу образованія, направлялъ своихъ сыновей то въ университеты, то въ кадетскіе корпуса. Университетское образованіе получилъ и одинъ изъ старшихъ его сыновей—В. М. Б—ій, бывшій редакторъ „Основы". Будущій издатель „Лѣтописей" учился въ кадетскомъ корпусѣ, но ученія не кончилъ, причемъ, оставивъ корпусъ, поселился у П. А. Кулиша (женатаго на сестрѣ Б—аго). Эта совмѣстная жизнь съ человѣкомъ, который тогда пламенно изучалъ исторію и этнографію Малороссіи, имѣла большое вліяніе на юнаго борзенца: онъ понемногу входилъ въ кругъ этого изученія и въ 20-ть лѣтъ сталъ уже настойчиво интересоваться былымъ своей родины.—Желая пристроиться къ какому нибудь дѣлу, Н. М—чъ въ 1854 г. поступилъ на службу въ черниговское губ. правленіе и, сообразно своимъ вкусамъ, сталъ заниматься въ редакціи губ. вѣдомостей, редакторомъ которыхъ тогда былъ добрый и покладистый

[1]) Кіевъ 1856 г. 16° IX+162 стр.

П. Я. Ростовцовъ (умеръ витебскимъ губернаторомъ). Этотъ редакторъ, будучи черниговскимъ уроженцемъ и человѣкомъ университетскимъ, ничего не имѣлъ противъ печатанія въ губернской газетѣ всяческаго матеріала по исторіи края. Кромѣ историческихъ актовъ, здѣсь печатались пѣсни, пословицы, сказки... Тутъ же началось печатаніе и басенъ Л. И. Глѣбова.

Н. М—чъ, назначенный на должность „помощника редактора", сдѣлался дѣйствительнымъ и ревностнымъ помощникомъ Ростовцова; а когда послѣдній вскорѣ затѣмъ оставилъ Черниговъ, то Н. М. сталъ править должность редактора (съ половины 1854 и до половины 1855 г.) Въ это же время Н. М. принималъ участіе въ изданіи въ 1854 г. Метлинскимъ „Сборника малороссійскихъ пѣсенъ"; участіе это выразилось какъ помѣщеніемъ въ сборникѣ части собранныхъ имъ пѣсенъ, такъ и въ напечатаніи (въ приложеніи къ сборнику) наставленія — ка́къ записывать пѣсни. Редакторство губерн. вѣдом. Н. М—ча продолжалось недолго. Перемѣна лица, которому подчиненъ былъ надзоръ за газетою, была тому причиною. Съ начала 1855 г. черниговскія губ. вѣд. сразу обѣднѣли содержаніемъ. Объ этомъ обѣднѣніи Н. М. писалъ намъ въ мартѣ 1855 г.—„Вѣдомости наши лишены интересныхъ статей и матеріаловъ и наполняются всякою дрянью по желанію вице-г-ра, человѣка совершенно неученаго. Въ изданіи ихъ я играю страдательную роль. Актовъ и другихъ матеріаловъ, этнографическихъ статей, сообщаемыхъ священниками, в. г—ръ терпѣть не можетъ и поэтому запретилъ печатать все это. Прошедшимъ годомъ завершилось *славное* изданіе губ. вѣд. Теперь газета ползетъ, какъ ракъ, назадъ. Очень и очень грустно!" Дѣйствительно, съ 1855 г. въ черниговской газетѣ стали печататься статейки въ родѣ слѣд.—„Полезное употребленіе кислыхъ водъ, остающихся на стеариновыхъ заводахъ", „Отзывъ иностраннаго знатока о состояніи статистическихъ свѣдѣній о Россіи", „Какъ уничтожать постоянный холодъ въ ногахъ" и т. п. Отъ такой литературы у Н. М. пропала охота къ редакторству и онъ оставилъ службу. Но литературные его вкусы въ это время уже ясно опредѣлились, и въ сентябрѣ 1855 года онъ намъ писалъ: „До́ма я прожилъ до сентября; собралъ до

сотни пѣсенъ, пословицъ, загадокъ и т. п. Неизданныхъ думъ и пѣсенъ у меня въ настоящее время болѣе 800. Въ ноябрѣ я приступлю къ изданію важнѣйшихъ и лучшихъ изъ нихъ; такимъ образомъ у меня должна выйти книга листовъ въ 20—25. Я издамъ ее поаккуратнѣе и роскошнѣе Метлинскаго. Надѣюсь, что и внутренними достоинствами она не уступитъ изданію Метлинскаго". Намѣренію этому однакожъ не суждено было осуществиться. Н. М. увлекся—съ одной стороны—мыслью о поступленіи въ одинъ изъ полковъ тогда образованныхъ малороссійскихъ козаковъ, а съ другой—лѣтописями... „Козачество помѣшало мнѣ издать пѣсни (писалъ онъ въ к. декабря 1855 года, изъ Кіева). Свой сборникъ я уступилъ зятю (г. Кулишу)... Въ этомъ мѣсяцѣ я началъ печатать „Южнорусскія лѣтописи". Первый томъ будетъ заключать въ себѣ 4—5 хроникъ и 2—3 пьесы, имѣющія значеніе лѣтописей... Приготовивъ къ печати лѣтописи, займусь сочиненіемъ о старинныхъ зданіяхъ, одеждахъ, утвари, оружіи и проч.. также, домашнимъ бытомъ народа, касаясь болѣе внѣшней стороны и преимущественно прошедшаго. Это я сдѣлаю потому, что этотъ предметъ у насъ, можно сказать, не тронутъ, за неимѣніемъ данныхъ; а послѣднихъ у меня достаточно для того, чтобъ положить начало дѣлу. За этотъ трудъ наши художники скажутъ мнѣ великое спасибо...". Изданіе „Лѣтописей" не помѣшало Н. М—чу осуществить мысль о козачествѣ. Въ к. марта 1856 года онъ намъ писалъ: „Оттак-б! Наконецъ 31 генваря меня утвердили въ козакахъ, въ 5-й полкъ. На дняхъ я выбираюсь изъ Кіева... Лѣтописи мои должны выйти на дняхъ..." Окончивъ печатаніе своего сборника лѣтописей, Н. М—чъ поѣхалъ было въ свой полкъ, но полки эти скоро были распущены и, вмѣсто козачества, Н. М. осѣлся въ своемъ хуторѣ, подъ Борзною. Отсюда собирался онъ совершить поѣздку по Малороссіи для собиранія матеріаловъ по этнографіи и археологіи, но этотъ планъ ему не удалось почему-то осуществить. Въ письмѣ (ноябрь 1857 г.) онъ говоритъ: „По Вкраини я зовсимъ не издывъ. Тильки двичи бувъ у молодого Тарновського. У іого вже чималенькый музей нашой старовины; іе й гарматы! Тилькы мало кныжокъ та шпаргаливъ. Хоче купыть архивъ

Марковича [1]), дакъ той проситъ безбожну цину: якій іому чортъ дасть не тильки 5, да и 2 тысячи карбованцивъ?... Тарновській хоче зибрать уси книжки, у которихъ писано про нашу краину, и—збере! а намъ треба допомагать іому у такому доброму дили. Для тихъ книжокъ и усякои старовины винъ муруе камяницу на пречудовному мисци... Зимою, якъ Богъ поможе, буду друковать другий томъ „Южнорусскихъ лѣтописей". А чи знаете, якый здоровенный збирныкъ думае друковать Опанасъ Василіовичъ Марковичъ у Кулишовій друкарни? Може тисячъ зъ двадцять!". А въ маѣ 1858 года о сборникѣ Марковича Н. М—чъ писалъ уже другое—„Одъ п. Опанаса Васил. Марковича я маю принять до рукъ сборникъ пословиць тысячъ у пятнадцять, для видання. Якъ то справлюсь..."

Но послѣ того какъ Н. М—чъ осѣлся у себя въ хуторѣ, охота его къ разнымъ учено-литературнымъ начинаніямъ стала остывать... Сколько мы знаемъ, это охалажденіе происходило отъ двухъ причинъ. Получивъ въ это время, по дѣлежу съ братьями, свою часть земли, Н. М. занялся приведеніемъ ея въ порядокъ, при чемъ, отдавая дань стародавнимъ особенностямъ своей родины, спорилъ съ сонаслѣдниками за пустяки... Въ особенности съ однимъ изъ зятьевъ—у него доходило до повторенія въ лицахъ исторіи Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича... Другая причина была серьезнѣе. Начавъ пробовать себя въ подготовкѣ нѣкоторыхъ учено-литературныхъ работъ, Н. М—чъ увидѣлъ свою полную неподготовленность къ нимъ... Отсутствіе образованія сказывалось самолюбивому Н. М—чу на каждомъ шагу... Не зная что съ собой дѣлать, Н. М—чъ продолжалъ сидѣть въ своемъ хуторѣ, пока не обсѣлся въ немъ совсѣмъ... Впрочемъ, юношескія стремленія въ немъ не умерли. Продолжая интересоваться родною стариною, Н. М—чъ постоянно пополнялъ свою библіотеку книгами по исторіи и этнографіи Малороссіи. Но главное его вниманіе сосредоточено было на собираніи всевозможнаго матеріала по малорусскому фольклёру. Находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, Н. М—чъ *всю жизнь свою* записывалъ (на отдѣльныхъ карточкахъ) пѣсни, слова, обычаи, техническія на-

[1]) Рѣчь идетъ объ архивѣ Н. А. Маркевича, поступившемъ впослѣдствіи въ Румянцовскій Музей.

званія разныхъ ремеслъ и производствъ... Однимъ словомъ, онъ записывалъ *все* то, въ чемъ видѣлъ особенности быта своей родины въ самомъ обширномъ смыслѣ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что Н. М—чъ хорошо зналъ малорусскій языкъ, былъ близокъ къ народу и отличался чрезвычайною точностью. При такихъ обстоятельствахъ онъ накопилъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для изученія народной жизни въ лѣвобережной Малороссіи. Въ настоящее время этотъ матеріалъ хранится у бездѣтной вдовы Н. М—ча, женщины понимающей его значеніе и цѣну, но—а затѣмъ то что?... Неужели суждено этому матеріалу погибнуть? Оставилъ Н. М—чъ и порядочную библіотечку, въ которой, кромѣ новѣйшихъ книгъ о Малороссіи, есть книги о послѣдней и латино-польскія XVII в., есть и старопечатныя брошюры черниговской и н.-сѣверской типографій, пріобрѣтенныя имъ изъ старѣйшей черниговской библіотеки, преимущественно мѣновымъ способомъ—за бутылки рому... Есть въ этой библіотечкѣ кое-какія и рукописи, но особенно важныхъ нѣтъ. Говоря о литературныхъ работахъ Н. М—ча, мы забыли упомянуть, что въ первые годы изданія „Кіевской Старины" возбудилась было у него охота къ сотрудничеству въ ней, и онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ двѣ статьи: одну, о Шевченкѣ—по воспоминаніямъ разныхъ лицъ, (1882 г., № 10), а другую—Отрывки и замѣтки о малорусской старинѣ (1884 г., № 5).

Въ заключеніе, два слова о личвости Н. М—ча. Это былъ человѣкъ безусловной честности, но вслѣдствіе своей недовѣрчивости къ людямъ, малосообщительный. Поэтому, въ общественныхъ дѣлахъ Н. М—чъ почти не принималъ активнаго участія, хотя всегда интересовался ими. Вся сорокалѣтняя жизнь, сначала въ глухомъ хуторѣ, а потомъ въ глухомъ уѣздномъ городѣ (Борзнѣ), проведена была имъ преимущественно за книжными занятіями... Умеръ Н. М—чъ 11 іюня 1896 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду (род. въ 1833 г.), и похороненъ на одномъ кладбищѣ съ другимъ борзенцемъ—Викт. Ник. Забѣлою.

Почтимъ же памятью человѣка, горячо любившаго родину и посильно ей служившаго до конца дней своихъ.

Августъ 1896 г. А. Л.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. Покойный Н. А. Ригельманъ, хорошо извѣстный въ Кіевѣ по своей дѣятельности, въ 1846 г. служилъ въ канцеляріи кіевскаго генералъ-губернатора и, по порученію коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, занимался разсмотрѣніемъ разныхъ старыхъ документовъ. Это повело къ знакомству съ Н. И. Костомаровымъ, въ то время адъюнктомъ при кіевскомъ университетѣ, и П. А. Кулишомъ, который былъ въ Кіевѣ въ февралѣ 1847 г., проѣздомъ заграницу, куда былъ командированъ академіею наукъ для изученія славянскихъ языковъ. Н. А. Ригельманъ во время прежнихъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ имѣлъ случай встрѣчаться и бесѣдовать съ Ганкою въ Прагѣ и Штуромъ въ Пресбургѣ и естественно желалъ облегчить молодому, начинающему ученое поприще Кулишу его задачу. Таково, сколько извѣстно по устнымъ преданіямъ, происхожденіе предлагаемыхъ ниже двухъ писемъ, черновыя которыхъ мы имѣли возможность получить отъ сына покойнаго Н. А. Ригельмана. Судя по приложенной къ черновкамъ замѣткѣ, письма эти не дошли по назначенію, такъ какъ были отобраны отъ П. А. Кулиша, а затѣмъ и самъ Ригельманъ долженъ былъ давать по нимъ подробныя показанія и чуть-ли не былъ даже подвергнутъ обыску и строгому надзору по подозрѣнію въ принадлежности къ мнимому кирилло-меѳодіевскому славянскому обществу. Черта времени любопытная! Было-бы очень желательно въ цѣляхъ возстановленія истинной исторіи зарожденія славянскихъ интересовъ въ Кіевѣ, чтобы лица, имѣющія болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ, подѣлились ими съ читателями.—*Ред.*

1) *Къ Ганкѣ.* Милостивый Государь, Вячеславъ Вячеславовичъ! Пользуюсь отъѣздомъ г. Кулѣша къ вамъ, въ вашу славянскую семью, чтобы напомнить и о себѣ и доказать, что всякій истинно-русскій, хотя-бы нѣсколько дней имѣлъ отраду знать васъ, уже навсегда сохранитъ это воспоминаніе, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній своей жизни, куда-бы потомъ ни забросила его судьба и обстоятельства. Много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ родственно дружески принимали меня въ своемъ музеѣ, а между тѣмъ эти минуты такъ живо сохранились въ моей памяти, и съ такою же благодарностью я вспоминаю о нихъ, какъ бы это было вчера. Нужно-ли говорить, съ какимъ участіемъ мы слѣдимъ за успѣхами народности и славянскаго развитія, какіе дѣлаютъ ваши соотечественники, и съ какою жадностью мы ловимъ извѣстія о нихъ, хотя, къ сожалѣнію, рѣдко и отрывочно до насъ доходящія. Что въ особенности отрадно видѣть въ умственномъ движеніи славянъ западныхъ,—это теплоту сердца, души, которая въ немъ проявляется, обхватывая весь народъ своими благотворными лучами, христіанскую любовь къ простому классу, которая внушаетъ вамъ столько разныхъ средствъ къ его образованію и возвышенію нравственному. Можно-ли безъ глубокаго уваженія смотрѣть на людей, посвятившихъ себя воспитанію этой меньшей братіи нашей, и по истинѣ велика будетъ заслуга славянства, если оно внесетъ въ жизнь чувство нашего общаго братства и духовнаго равенства. Въ этомъ вы, славяне запада, опередили насъ, восточныхъ; но не думайте, чтобы и мы оставались недвижимы и нечувствительны: и надъ нами возстаетъ заря славянскаго свѣта и народной любви.

Господинъ Кулѣшъ, извѣстный уже своими трудами въ нашей литературѣ, сообщитъ вамъ подробнѣе отрадныя явленія нашего литературнаго и умственнаго кругозора. Одно изъ отраднѣйшихъ есть дѣятельность Бодянскаго, проявляющаяся въ Чтеніяхъ московскаго историческаго общества. Это изданіе достойно привлекаетъ болѣе и болѣе общее вниманіе. Но въ послѣднее время мы понесли и важныя потери. Злая судьба отняла у насъ нѣсколько благороднѣйшихъ дѣятелей: Прейса, Линовскаго, обѣщавшаго много хорошаго своимъ благороднымъ стремленіемъ, Языкова, который, кромѣ поэтическаго достоинства, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствователей въ кругу московскихъ писателей и одушевлялся истинною любовью къ своему отечеству. Къ числу свѣтлыхъ надеждъ принадлежитъ изданіе въ Москвѣ Русскаго Вѣстника Чижовымъ съ будущаго года. Это будетъ самостоя-

тельный русско-славянскій журналъ, и мы всѣ просимъ нашихъ западныхъ братьевъ не отказать ему въ своемъ живомъ содѣйствіи.

Еще въ прошломъ году, чрезъ господина Зубрицкаго, я препроводилъ къ вамъ остальныя деньги по званію члена чешской ма... (*неразборчиво,—вѣроятно,* матицы), но до сихъ поръ не получаю ея изданій за 1846 годъ. Покорнѣйше прошу васъ навести объ этомъ справку и побудить Кронберга къ высылкѣ ихъ въ Кіевъ черезъ Зубрицкаго и купца Гартенштейна въ Бродахъ.

Поручая вашей обычной пріязни нашего соотечественника, вполнѣ ея заслуживающаго, я прошу принять отъ меня «Исторію христіанства въ Россіи до Владиміра» и дать мнѣ маленькое мѣсто въ вашемъ воспоминаніи.

Отъ глубины души вамъ преданный и покорный слуга Николай Ригельманъ.

Кіевъ, 25 февраля 1847 года.

2) *Къ Штуру.* Любезный господинъ Штуръ! Давно уже вы не слышали обо мнѣ и можетъ быть предполагаете, что я, переселясь на свою родину, попавши въ кругъ обыкновенной и мелочной жизни, утратилъ воспоминаніе о времени, проведенномъ съ вами и съ прочими западными братьями. Если вы такъ думаете, то вы несправедливы ко мнѣ, потому что я не менѣе присутствую душею между вами, какъ и прежде; не моя вина, если на мои письма я не получилъ отъ васъ ни одного отзыва. Я не приписываю этого вашему невниманію, а тому, что наши письма никогда не доходятъ въ Венгрію. Такъ точно я писалъ въ Быстрицу Кузьмани, послалъ ему нѣсколько напѣвовъ украинскихъ, то есть, ноты, зная, что онъ собираетъ славянскія мелодіи, но также не получилъ отъ него никакого отзыва. Доколѣ будетъ существовать между нами эта китайская стѣна?! Доколѣ всѣ наши усилія къ умственному размѣну будутъ сокрушаться о недостойныя преграды, поставляемыя людьми недостойными?! Пора-бы серьезно приняться за уничтоженіе ихъ, и мнѣ кажется, что вы одни, съ вашими добрыми намѣреніями, съ силою вашего духа могли-бы это сдѣлать. Не удивительно-ли, что подобное явленіе оказывается именно въ вашей землѣ, называющей себя свободною, между тѣмъ, какъ мы можемъ имѣть сообщеніе съ людьми, живущими въ деспотической Австріи. Только отрывочныя и очень недостаточныя извѣстія доходятъ до насъ о вашей дѣятельности, но судя и по этимъ отрывкамъ я съ истинною отрадою вижу, какъ вы преуспѣваете на вашемъ бла-

гомъ поприщѣ, какъ вы заботитесь о воспитаніи нравственномъ вашего народа, въ томъ истинномъ убѣжденіи, что въ наше время образованіе есть единственная сила народа, неотъемлемая, существенная, которая рано или поздно непремѣнно возвыситъ его надъ другими. Въ этомъ смыслѣ не только славянству, но и каждому нельзя безъ истиннаго утѣшенія слѣдить за вашими благими начинаніями.

Нашъ соотечественникъ, г. Кулѣшъ, уже извѣстный своими замѣчательными заслугами въ отношеніи къ Украйнѣ, котораго просимъ васъ принять съ обычною вамъ братскою любовью, сообщитъ вамъ обстоятельныя извѣстія о нашей словесности современной и о движеніи жизни нашего отечества. Я же могу передать вамъ только печальное извѣстіе о смерти Языкова, котораго вы вѣрно знали по сочиненіямъ. Это большая потеря, потому что въ послѣднее время Языковъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ двигателей достойнаго круга молодыхъ литераторовъ [1]). Мы надѣемся, что съ будущаго года Чижовъ, котораго вы знаете, станетъ издавать въ Москвѣ «Русскій Вѣстникъ». Извѣстныя вамъ доблестныя качества издателя дѣлаютъ почти несомнѣнными наши ожиданія всего хорошаго отъ этого изданія. Это будетъ явленіе замѣчательное въ нашей словесности, если только Чижову удастся исполнить его сообразно своимъ предположеніямъ. Дай-то Богъ!

Посылаю черезъ господина Кулѣша стихотворенія Кольцова, замѣчательнѣйшее что вышло въ послѣднее время въ области нашей поэзіи, и описаніе московской оружейной палаты, изъ котораго вы ознакомитесь съ бытомъ нашихъ древнихъ царей. Примите эту ленту въ знакъ памяти сердца. Обнимаю васъ отъ души. Я просилъ г. Кулѣша купить мнѣ нѣкоторыя книги,—посовѣтуйте ему и дайте наставленіе, какъ бы завести сношенія. Обнимаю васъ. Николай Ригельманъ.

Кіевъ, 24 февраля 1847 г.

Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи, въ Лебединѣ. *(Изъ разсказовъ старожила).* Это было въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ. Былъ лѣтній жаркій день. Часа въ 4 послѣ обѣда сидѣлъ я у своего дѣда на крылечкѣ и еще двое постороннихъ; пили чай. Въ этомъ же дворѣ у дѣда въ другомъ

[1]) Н. А. Ригельманъ—воспитанникъ московскаго университета.—*Ред.*

домѣ помѣщался земскій судъ. Мелкое чиновничество: канцеляристы, подканцеляристы, архиваріусы, чиновники, какъ они себя величали, сидѣли на крыльцѣ около суда. Кто курилъ трубку, а кто заряжался табакомъ изъ тавлинки, нѣкоторые стояли; впереди стоялъ подканцеляристъ К. и страшно важничалъ. Въ это время вошелъ во дворъ какой-то господинъ, представительный и щегольски одѣтый, подошелъ къ стоявшему впереди подканцеляристу К. и спросилъ:—«Скажите, любезнѣйшій, гдѣ живетъ городской голова?»—«Я не любезный, а чиновникъ и дворянинъ»—отвѣчалъ тотъ съ большой важностью.

— «Большой и очень важный должно быть чиновникъ».

«Да! большой и очень важный, скоро получу чинъ коллежскаго регистратора, а ты кто такой?»—«Не тебѣ у меня спрашивать»—сказалъ пришедшій, поворотился и хотѣлъ уйти... Подканцеляристъ, ожидающій чина коллежскаго регистратора, обратившись къ товарищамъ, громко сказалъ:—«Господа! у насъ есть секретная бумага; разыскиваютъ какого то чиновника, укравшаго казенныя деньги и убѣжавшаго—это должно быть онъ». Моментально схватилась вся эта братія; были между ними нѣкоторые подвыпившіе, такъ какъ корчемная водка всегда водилась въ судѣ; бросились къ пришедшему и закричали: «въ полицію! ты безпаспортный, бѣглый; господа! берите его!» У пришедшаго былъ въ рукахъ длинный, толстый черешневый чубукъ; увидѣвши, что дѣло принимаетъ не шуточный оборотъ, онъ отошелъ немного и сказалъ:—«не подходите, а если кто подойдетъ и тронетъ меня—отвѣдаетъ чубука».—«Въ полицію! въ полицію!»—кричала орава, окруживши его со всѣхъ сторонъ. «Пойдемте въ полицію!»—сказалъ пришедшій. Полиція недалеко была отъ дома. Пришли въ полицію,—тамъ никого не оказалось.—«Къ городничему, къ городничему!»—кричали расхрабрившіеся чиновники: «Ведите его къ городничему!»

Квартира городничаго находилась на базарной площади. Уличные мальчики, зѣваки всегда найдутся. Въ нѣсколько минутъ набралось около этого позорища пропасть народу. Кто-то пустилъ молву, что поймали бѣглаго, бѣжавшаго изъ Сибири, съ фальшивыми бумажками, ассигнаціями—какъ ихъ тогда называли. Дошла вѣсть до бабъ, продающихъ на базарѣ бублики и булки. Побросавши свою худобу, бабы побѣжали и присоединились къ кучѣ народа, окружавшаго господина съ чубукомъ. Все сборище двинулось къ городничему.

Пріѣзжій шелъ впереди, а за нимъ канцеляристы, которые шумѣли и разсказывали, кого они поймали; но когда приближались

слишкомъ близко къ нему, онъ останавливался, поворачивался къ нимъ и говорилъ: «отойдите!» Если это не помогало, онъ отмахивался чубукомъ, какъ проходящій по улицѣ, когда на него нападаетъ стая собакъ. Предосторожность эта была не лишняя: чиновники, народъ молодой, въ большой азартъ пришли и сильно напирали на обороняющагося господина. У нѣкоторыхъ явилась надежда, что они за свое дѣяніе получатъ награду. Когда подошло все это сборище къ квартирѣ городничаго, на шумъ и крикъ на улицѣ городничій отворилъ окно и, увидѣвши толпу, спросилъ, что это такое?

Осерчавшая братія писцовъ кричала, что поймали безпаспортнаго бѣглаго чиновника.

Пріѣзжій подошелъ къ городничему и отрекомендовался: «Чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, статскій совѣтникъ Марковичъ», а затѣмъ, обратившись къ толпѣ, показалъ рукою и сказалъ городничему:

«Скажите, пожалуйста, что это у васъ за порядки? Посреди дня, въ центрѣ города, нападаютъ на человѣка чуть не разбоемъ. Хорошо, что у меня былъ чубукъ, и я могъ отбиваться отъ этихъ ярыгъ, какъ отъ собакъ. Если со мной продѣлали такое насиліе, то чтó могутъ продѣлать съ какимъ нибудь пріѣзжимъ, мѣщаниномъ, или другимъ человѣкомъ попроще. Я отсюда поѣду въ Харьковъ и передамъ лично начальнику губерніи, а пріѣхавши въ Петербургъ и г. Министру о такихъ насиліяхъ, какія совершаются въ вашемъ городѣ».

Городничій струсилъ, а у подканцеляристовъ и душа ушла въ пятки. Городничій закричалъ на нихъ:— «Ахъ вы, тупорылые пьяницы! разбойники! Десятскіе, ловите ихъ, да ведите въ холодную! Я сейчасъ же донесу губернатору». Но несчастные «тупорылые» бросились убѣгать, только не въ судъ, а по огородамъ, чтобы спрятаться въ бурьянахъ.

Городничій извинился передъ пріѣзжимъ, просилъ къ себѣ въ домъ на чашку чаю. Тутъ пріѣзжій объяснилъ, что онъ пишетъ исторію Малороссіи, ѣздитъ по городамъ, ищетъ, нѣтъ-ли гдѣ старыхъ документовъ, заѣхалъ въ Лебединъ и думалъ, не найдется ли въ городскомъ архивѣ какихъ нибудь документовъ изъ эпохи войны Петра Великаго съ Карломъ XII, или иныхъ, относящихся до исторіи Малороссіи.

Городничій объяснилъ ему, что старые архивы и документы погорѣли во время большого пожара, бывшаго въ 1818 году, когда погорѣла лучшая часть города, а въ томъ числѣ и присутственныя мѣста.—Съ тѣмъ историкъ Малороссіи и уѣхалъ.

Къ предстоящему юбилею „Энеиды" И. П. Котляревскаго. По слухамъ, къ предстоящему столѣтію со времени напечатанія «Энеиды» И. П. Котляревскаго готовится рядъ статей. Нельзя не пожелать, чтобы слухи эти оправдались, тѣмъ болѣе, что научная литература о Котляревскомъ довольно бѣдна, если не считать единственной крупной и цѣнной монографіи о Москалѣ Чаривникѣ проф. Н. П. Дашкевича. Въ особенности желательно изученіе Энеиды со стороны историко-литературной, этнографической и филологической; по всей вѣроятности, такое изученіе и осуществится въ ближайшемъ будущемъ. Съ своей стороны считаемъ небезполезнымъ заранѣе замѣтить, въ видѣ предупрежденія, что къ самому тексту «Энеиды» нужно относиться съ большою осторожностью, въ особенности въ новыхъ изданіяхъ. Дѣло въ томъ, что, повидимому, были допущены значительныя измѣненія текста, передѣлки и пропуски. До какой степени разнится текстъ Энеиды по изданіямъ, я иллюстрирую нижеслѣдующими выборками разночтеній по двумъ изданіямъ, Харьковскому—1842 г. и Кіевскому—1878 г. Разночтенія эти такъ многочисленны и главное такъ значительны, что всякое научное изученіе Энеиды Котляревскаго должно быть отложено до критическаго опредѣленія основнаго текста, до выдѣленія всѣхъ поддѣлокъ и фальсификацій.

1842: Удавсь на всее зле проворный.
1878: На лыхо здався винъ проворный.

—

1842: Эней бувъ тяжко не по сердцю
Юнони, все іи гнивывъ,
Здававсь гирчійшій ій видъ перцю...
1878: Эней болячка бувъ Юнони,
Якъ жорна серце ій давывъ,
Бо бувъ тугійшій видъ супони...

—

1842: Пошлы на його лыхо злее,
Щобъ люде вси, що при Энеи
Послизлы, и щобъ винъ и самъ...

1878: Пошли ты въ море злую тучу,
Щобъ всю Энейску челядь сучу
Пустить на дно и зъ нымъ къ чортамъ...

—

1842: За сее жъ дивку чорнобрыву
Смачную...
1878: Товстеньку...

—

1842: А Евръ въ поденщикы нанявся.
1878: А Евръ у винныкы нанявся.

—

1842: Въ триста его къ чортамъ загнать.
1878: Загнать въ багно его къ чортамъ.

—

1842: Нептунъ издавна бувъ драпичка,
Почувъ Энеевъ голосокъ,
Шатнувся заразъ изъ запичка —
Пивъ копы для его кусокъ...
1878: Нептунъ дочувсь въ скляныхъ будынкахъ,
Що пробу закричавъ Еней
Винъ въ жинчиныхъ метнувсь патынкахъ,
Мовъ китъ отъ сала до дверей.

—

1842: Венера не послидня шльоха
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачила, що такъ полоха...
1878: Венера, якъ на все швидкая,
Проворна, врагъ іи не взявъ,
Побачила, що такъ лякае.

—

1842: Зевесъ тоди кружавъ сывуху
И оселедцемъ заидавъ
1878: Зевесъ тоди лыгавъ вишневку,
Маковныками заидавъ...

—

1842: Охъ, доцю, ты моя голубко!
1878: Охъ, донько, ты моя голубко!

—

1842: Щобъ на пути не ослабилы
1878: Щобъ на дорози не замлилы

—

1832: И нужи повна очкурня,
Охлялы, ниби въ дощъ щеня...
1878: Пропущенъ второй стихъ.

—

1842: И илю симьяну макуху...
1878: И илю юрду и макуху...

—

1842: Лемишку, зубци...
1878: Лемишку, хляки...

—

1842: Эней и самъ такъ розгулявся,
Якъ на аркани жеребецъ,
Що трохы не увередывся,
Пишовши съ Гандзею въ танецъ.
1878: . . . .
Зъ Дидоною за руки взявся.

—

1842: По фылыжанци пиднеслы
1878: По кухлику имъ пиднеслы...

—

1842: Штаны и пару чобитокъ
1878: Галанци й пару чобитокъ...

—

1842: Троянцы добре тамъ курилы...
1878: Троянцы лыхо тамъ курилы...

—

1842: Ажъ розумъ весь свій погубили,
1858: Ажъ глуздъ...

—

1842: Въ огонь лахмитя положивши .
1878: Въ огонь одежу...

—

1842: У неи на городи
Въ костри на зиму очеретъ;
Хоть се не по царской породи,
Та дежъ взять дровъ, колы все степъ.
1878: Стоявъ въ Дидони у загони
Зъ кизяку складеный кирпычъ,
Зимою имъ топили пичъ,
Въ костри бувъ сложеный, сухенькій,..

Всѣ эти выборки сдѣланы нами лишь изъ одной первой части Энеиды, при чемъ мы пропустили рядъ мелкихъ разночтеній—гидкій вмѣсто скверный, чорта вмѣсто сатаны и т. д.

Въ итогѣ получается масса разночтеній, мѣстами весьма крупныхъ. Фальсификація смѣлая и часто умѣлая, но кое-гдѣ неудачная, Замѣтна узкая тенденція, претендующая сдѣлать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ. Къ чему, напр., штаны замѣнены галанцами? Замѣна неудачная. Галанци носили панскіе козачки (изъ голландскаго сукна, fein holländisch, откуда фалендышъ). Образъ Нептуна въ изданіи 1842 гораздо лучше обрисованъ, чѣмъ въ изданіи 1877 г.; тоже въ мѣстахъ объ очеретѣ, какъ степномъ топливѣ и др. То, что въ изданіи 1842 г. Зевесъ пьетъ сивуху и заѣдаетъ селедкой, лучше отвѣчаетъ общему характеру поэмы, чѣмъ питье вишневки и заѣданіе маковниками. Въ общемъ непріятно поражаетъ самый фактъ фальсификаціи, и весьма желательно, чтобы Котляревскій былъ очищенъ отъ нея.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Это стихотвореніе найдено нами въ альбомѣ умершей еще въ 1859 г. малороссійской помѣщицы Ульяны Степановны Ловцовой, по первому мужу Сулиминой, учредительницы извѣстнаго въ Кіевѣ «Сулимовскаго дома». Она была сосѣдкой Гребенки по имѣнію, такъ какъ, въ числѣ другихъ помѣстій, ей принадлежала въ пирят. у., полт. губ. дер. Марьяновка, смежная съ дер. Гребенчинымъ-Яромъ. По отзывамъ знавшихъ ее лицъ, У. С. Ловцова была образованная женщина, любившая водить, во время зимняго проживанія въ Петербургѣ, знакомство съ писателями и учеными, наприм. съ извѣстнымъ Стасовымъ, переписка съ которымъ и теперь хранится у ея наслѣдниковъ. Въ Петербургѣ же часто бывалъ у нея и Гребенка, въ то время состоявшій тамъ на службѣ.

Давно уже я не писалъ стиховъ.
Прошелъ мой сонъ поэзіи прекрасной!.
Мнѣ жить теперь тепло и ясно,
Но не видать уже волшебныхъ сновъ...
А было время—пѣлъ я мотыльковъ
И пышный садъ украинской природы,
Мнѣ нравились лазоревыя воды
И въ небѣ строй летучихъ облаковъ,
И плакалъ я, когда пѣвецъ свободы,
Слѣпой *кобзарь* мнѣ пѣлъ про козаковъ.
Но сонъ прошелъ, тотъ сонъ краснорѣчивый,—
Хоть, можетъ быть, онъ былъ и безтолковъ.

Проснулся я: кругомъ такъ суетливо
Хлопочетъ нашъ индустріальный вѣкъ;
Торгуетъ всѣмъ—и смотритъ горделиво
На брата современный человѣкъ...
Да, числъ ряды поэзію смѣнили,
И многіе, что прежде ей служили,
Въ коммерческій пустились оборотъ!.
Къ тому нашъ вѣкъ, какъ видите, идетъ;
И право, странно въ чудномъ вѣкѣ этомъ
Хоть въ шутку быть мечтательнымъ поэтомъ.
Простите жъ мнѣ мой стихотворный бредъ
И тамъ когда-нибудь, въ садахъ Украйны,
Вы вспомните, что есть у васъ сосѣдъ,
Который былъ ошибкою, случайно,
На смѣхъ людямъ, какъ говорятъ, поэтъ.

Е. Гребенка.

1846 г., сентября 10,
Петербургъ.

Сообщилъ О. Л.

Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату, 24 февраля 1821 г. [1]. Дорогой братецъ! Не могу упустить настоящаго случая, чтобы не написать тебѣ нѣсколько словъ. Какъ твое собственное, такъ и дорогаго дяди и любимаго отца рѣшеніе заключается въ томъ, чтобы ты остался въ духовномъ званіи. Это намѣреніе заслуживаетъ похвалы; но необходимо сдѣлаться способнымъ къ выполненію его. Твои молодые годы еще даютъ тебѣ достаточно времени приготовиться къ этому; не такъ, какъ представляется нѣкоторымъ изъ утопающаго въ утѣхахъ сословія (nie tak iak niektórym się zdaie w roskoszy opływaiącego stanu). Приготовленіе это зависитъ не только отъ украшенія памяти и разума различными какъ теологическими, такъ и другими науками и познаніями: но также отъ усвоенія любезной, приличной и всѣмъ пріятной внѣшности. Священники (kapłani) должны служить примѣромъ и образцомъ для другихъ; не только убѣжденіемъ, но даже самой внѣшностью должны ихъ привлекать. Трудно привлечь своимъ поученіемъ тому, кто самою внѣшностью отталкиваетъ ихъ отъ себя и заставляетъ

[1] Подлинникъ письма, писаннаго по польски и сообщаемаго здѣсь въ переводѣ, находится въ б—кѣ А. М. Лазаревскаго. Авторъ письма, какъ извѣстно, умеръ въ 1869 году.

чуждаться (zniechęca). Старайся поэтому, дорогой братецъ, избавиться отъ заиканія, которое не только неріятно въ общеніи съ посторонними, но даже служитъ каноническимъ препятствіемъ для сана священника; того угнетеннаго состоянія, которое дѣлаетъ тебя какъ бы чужимъ въ каждомъ обществѣ. Отъ перваго ты освободишься частымъ чтеніемъ книгъ вслухъ и разговоромъ; отъ втораго же—путемъ непринужденнаго обращенія и бесѣды съ другими, а особенно свѣтскими людьми.—Я обѣщалъ выслать тебѣ богословіе на польскомъ языкѣ. Не сдержалъ и теперь не исполняю своего обѣщанія, потому что здѣсь нѣтъ ни одного, которое заслуживало-бы того, чтобы сдѣлать тебѣ этотъ подарокъ. Достаточно, если будешь изучать и читать какъ русскія богословскія книги, которыя есть у дяди, такъ и катехизисы; особенно же если-бы ты могъ добыть римскій катехизисъ (katechizmu Rzymskiego), пользоваться которымъ я болѣе всего совѣтовалъ-бы тебѣ. Брось на нѣкоторое время свѣтскія книги и возьмись со всѣмъ усердіемъ за тѣ, которыя для тебя неизбѣжно и единственно нужны; ибо въ противномъ случаѣ увѣряю тебя, что въ теченіи года не получишь священства. Вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ написать, побуждаемый братской любовью и тою привязанностью, съ которою обѣщаю неизмѣнно остаться нелицемѣрнымъ и искренно любящимъ тебя братомъ...

О. Іосифъ Діаконъ.

Дня 25 февраля 1821 года. Жидичинъ [1]).

P. S. Навыкай также при дядѣ къ церковнымъ обрядамъ и молитвамъ, ибо ихъ нельзя усвоить иначе, какъ путемъ долгаго употребленія и практики.

Сообщилъ **Н. М.**

Рубанъ Василій Григорьевичъ. Годъ съ небольшимъ назадъ минуло сто лѣтъ со дня смерти (24 сентября 1795 г.) В. Г. Рубана, издателя двухъ книжекъ, изъ которыхъ впервые могла познакомиться съ Малороссіей тогдашняя русская читающая публика. Р—нъ родился 14 марта 1742 г., въ Бѣлгородѣ, но родомъ былъ, кажется, изъ настоящей полтавской губ., гдѣ, около Ромна, Рубаны жили еще и въ недавнее время. Окончивъ кіевскую дух. академію, Р—нъ отправился въ Петербургъ и здѣсь началъ прокладывать себѣ дорогу

[1]) Мѣстечко Луцкаго у. Волынск. губ.

писаніемъ *одъ*, на которыя тогда была большая мода. Рожденіе, бракъ, смерть знатныхъ лицъ—требовали одъ. Уже въ 1767 г. была напечатана Р—номъ—«Ода на кончину графини В. А. Шереметевой». Въ слѣд. году является его ода «На день рожденія императрицы Екатерины II»; въ 1770 г. такая же ода—«Императрицѣ Екатеринѣ II на прививаніе оспы» и т. д. Вѣроятно, при помощи этихъ одъ Р—нъ уже въ 1774 г. дѣлается секретаремъ кн. Потемкина, при которомъ онъ затѣмъ состоялъ до его смерти. Въ это же время, кажется, онъ занималъ должность и переводчика военной коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ.

Въ к. 1775 г. прибылъ въ Петербургъ, рекомендованный Румянцовымъ императрицѣ, молодой Безбородко и занялъ видный постъ ея секретаря («у принятія челобитень»). Вѣроятно знакомый съ Рубаномъ еще на родинѣ, Безбородко, кажется, задумалъ воспользоваться литературными наклонностями земляка—для написанія «исторіи малороссійской». Въ августѣ 1776 г. секретарь императрицы просилъ отца прислать ему книгъ (т. е. рукописей) по исторіи Малороссіи, говоря что «сіи всѣ книги здѣсь тѣмъ нужнѣе, что *находятся люди, кои вознамѣрились издать исторію малороссійскую*». А въ слѣдующемъ году была напечатана Рубаномъ «Краткая лѣтопись Малыя Россіи» [1]. Посылая эту книгу отцу, Безбородко писалъ: «къ изданію сея книги *поострилъ я г. Рубана не одними совѣтами*, но и въ разсужденіи различныхъ послѣднихъ временъ и самыми достовѣрными извѣстіями, отъ меня ему сообщенными. Сожалѣть только надобно, что онъ поспѣшилъ нѣсколько печатаніемъ предъидущихъ листковъ, въ которыхъ многія противу подлинности ошибки изъять, да и въ разсужденіи различныхъ нужныхъ умолчанныхъ обстоятельствъ, распространиться я не преминулъ бы. Малое сіе сочиненіе служитъ теперь къ намѣреваемому *нами* изданію полной малороссійской исторіи... [2])». Но намѣреніе Безбородка и Рубана не исполнилось; первому скоро стало

---

[1]) Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1777 годъ, съ изъявленіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и проч. Издана Вас. Григ. Рубаномъ г. колл. ассес. и вольн. россійскаго собранія при императ. моск. универс. членомъ. Спб. 1777. Въ 16-ю д. л. 242+LX стр. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки и проч., изд. В. Г. Рубаномъ и проч. Спб. 1777. Въ 16-ю д. л. 118 стр. (Въ продажѣ, обыкновенно, обѣ книжки переплетены вмѣстѣ). Обѣ книжки посвящены гр. П. А. Румянцову.

[2]) „Князь Безбородко“, Григоровича, I, 45—46.

некогда, а второй, видимо, самъ ничего не могъ сдѣлать. Но за то въ 1778 г. Рубанъ напечаталъ «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ» знаменитаго своего земляка Василія Григоровича-Барскаго. Книга эта была издана на счетъ кн. Потемкина, который, повидимому, очень интересовался христіанскимъ востокомъ. Въ томъ же 1778 г. Рубаномъ былъ напечатанъ «Любопытный Мѣсяцословъ», изъ котораго мы узнаемъ, что въ это время его издатель былъ «правящимъ должность директора надъ новороссійскими училищами». Слѣдовательно, Потемкинъ считалъ Рубана настолько образованнымъ человѣкомъ, что поручилъ ему насажденіе училищъ въ зачинавшемся Новороссійскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній объ этой дѣятельности Рубана пока не обнародовано, если они сохраняются еще въ какомъ либо архивѣ. Такимъ образомъ, намъ извѣстна только литературная дѣятельность Р—на, выразившаяся въ изданіи нѣсколькихъ книгъ и въ напечатаніи множества одъ и дифирамбовъ, перечисленныхъ Сопиковымъ въ его каталогѣ. Послѣ изданія въ 1777 г. двухъ книжекъ о Малороссіи, Р—нъ болѣе къ ней не возвращался. Повидимому, къ Малороссіи Рубанъ обратился въ своихъ писаніяхъ только благодаря вліянію Безбородка; самъ онъ ею не интересовался. Умеръ Р—нъ въ Петербургѣ, какъ сказано, 24 сентября 1795 г.[1]).

А. Л.

Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г.? Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза—Ефрона, въ статьѣ объ Аф. В. Марковичѣ, г. Сумцова, между прочимъ напечатано: «Служа въ Немировѣ, М—чъ *приготовилъ для печати* обширный и весьма цѣнный въ научномъ отношеніи сборникъ малорусскихъ пословицъ: «Украинскіе приказки», *изданный* Мих. Симоновымъ въ 1864 году, въ Петербургѣ, подъ псевдонимомъ Номиса... На авторство М—ча въ составленіи сборника указано въ галицкой газ. «Правда» и потомъ въ «Исторіи» Огоновскаго. А. Н. Пыпинъ въ «Исторіи русск. этнографіи» считаетъ главнымъ составителемъ Номиса, *но, повидимому, М—чу надо отдать предпочтеніе, такъ какъ онъ не только далъ много матеріала, но и планъ для изда-*

---

[1]) См. Русск. Стар. 1896 г., ноябрь, стр. 467—471, гдѣ напечатаны письма архіеп. Георгія Конисскаго къ Рубану.

нія...» Что говорится въ «Правдѣ»—мы не знаемъ, а у Огоновскаго дѣйствительно сказано, что М—чъ, находясь въ Немировѣ, «впорядкувавъ сборникъ приказокъ», который «выдавъ» Михайло (sic) Симоновъ.—Но что же говорится въ самой книгѣ, о которой идетъ рѣчь?—Заглавіе ея такое: «Украински приказки, присливья и таке инше. Збирники О. В. Марковича и другихъ. *Спорудивъ* М. Номисъ». Затѣмъ, книга имѣетъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ Матвѣй Терентьевичъ Симоновъ (Номисъ), перечисливъ полученные имъ сборники (причемъ *главнымъ* называетъ сборникъ А. В. М—ча), *подробно излагаетъ свой редакторскій планъ изданія* и въ заключеніе проситъ «выбачить ему» за то, что̀ не такъ *имъ* сдѣлано... По какому же основанію можно говорить, послѣ этого, что не М. Т. Симоновъ былъ «главнымъ составителемъ (т. е. редакторомъ) сборника» и что «Марковичу нужно отдать предпочтеніе, *такъ какъ онъ далъ планъ изданія»*?—Вѣдь не самозванно же М. Т. Симоновъ говоритъ въ предисловіи о *своей* редакторской работѣ, о *своемъ* планѣ изданія и *себя* называетъ редакторомъ («спорудывъ») сборника, а не издателемъ... А если такъ, то значитъ «планъ для изданія» этого сборника принадлежитъ не Марковичу, а Симонову, при чемъ утверждать противное можно лишь въ томъ случаѣ, если *голословной* фразѣ галицкаго ученаго давать бо̀льшую вѣру, чѣмъ ясному и подробному предисловію самого редактора сборника.

Къ нашему возраженію противъ странной догадки г. Сумцова можно, пожалуй, добавить и то, что намъ *доподлинно* извѣстно, что М. Т. Симоновъ получилъ отъ Марковича не «сборникъ приготовленный для печати», а—ворохъ тетрадокъ, листковъ, кусочковъ бумаги, исписанныхъ наскоро и часто не разборчиво... Ни о какомъ «планѣ изданія» тутъ и рѣчи не могло быть [1])...

Но, разумѣется, и безъ этого свѣдѣнія нельзя было говорить, что не М. Т. Симонову принадлежитъ планъ изданія.

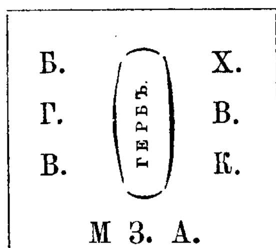
Страннымъ, однако жъ, должно показаться, здравствующему въ своемъ лубенскомъ уединеніи, М. Т. Симонову отрицаніе *очевиднаго* его «авторства въ составленіи» указаннаго сборника...

Ал. Лазаревскій.

---

[1]) Марковичъ собирался было издавать свой сборникъ въ 1857 г., но уже въ 1858 г. предлагалъ его *для изданія* юному Н. М. Бѣлозерскому... См. въ этой же книжкѣ статью „Памяти Н. М. Бѣлозерскаго“, стр. 146.

Чаша Богдана Хмельницкаго. На кіевскомъ антикварномъ рынкѣ появилась *чаша Богдана Хмельницкаго*, представляющая собою серебряный сосудъ, формою и величиною почти такой же какъ тѣ чашки, которыя подаютъ къ самовару для мытья стакановъ. Принадлежность чаши Б. Хм—ому указываетъ гербъ съ его иниціалами, вырѣзанный около верхняго борта сосуда. Какъ гербъ, такъ и иниціалы составляютъ *точнѣйшую копію* герба и иниціаловъ, имѣющихся на портретѣ Б. Хм—аго, гравированномъ Гондіусомъ въ 1651 г. Иниціалы на этомъ портретѣ имѣютъ такой видъ:

Тоже самое, до мелкихъ подробностей, видимъ мы и на чашѣ.

Въ принадлежности чаши Б. Хм—ому можно сомнѣваться, такъ какъ время рѣзьбы герба и иниціаловъ едва ли можетъ относиться къ полов. XVII в. Судя по внѣшнимъ признакамъ этой рѣзьбы, она можетъ быть отнесена и къ к. XIX вѣку...

Окончательное рѣшеніе вопроса о подлинности надписи должно принадлежать, конечно, знатокамъ этого дѣла, причемъ всетаки находящійся на портретѣ Гондіуса—гербъ съ иниціалами имѣть имъ въ виду слѣдуетъ...

Просятъ за чашу, будто бы, три тысячи рублей.

А. Л.

Черниговская губернская ученая архивная коммиссія открыта 14 ноября прошлаго года, какъ извѣщаетъ о томъ мѣстная газета (Черниг. губ. вѣд., 1896, № 972). Къ сожалѣнію, при этомъ не сообщается персоналъ этой коммисіи, а въ немъ вся сущность дѣла и заключается. Успѣхъ дѣятельности коммисіи всецѣло будетъ зависѣть отъ удачнаго состава ея дѣятелей.

---

[1]) Очень хорошо сдѣланная копія гравюры Гондіуса имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ портретовъ малорусск. дѣятелей, покойнаго Беца.

Общество изслѣдователей Волыни. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ мы говорили объ учрежденіи и дѣятельности недавно основаннаго Волынскаго Церковно-археологическаго Общества. Теперь мы имѣемъ случай снова вернуться къ Волыни — передъ нами лежитъ «Проектъ устава Общества изслѣдователей Волыни». Проектъ этотъ настолько интересенъ, какъ по широтѣ замысла, такъ и по правильности постановки дѣла, что мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ познакомить съ нимъ читателей Кіевской Старины. Проектъ разбитъ на нѣсколько отдѣловъ, которымъ мы и будемъ слѣдовать.

Остановимся подольше на первомъ отдѣлѣ, гдѣ находимъ свѣдѣнія о цѣли и правахъ проектируемаго общества. Лучше всего будетъ, если мы приведемъ почти цѣликомъ всѣ параграфы этого отдѣла.

§ 1. Общество изслѣдователей Волыни имѣетъ цѣлью разностороннее изученіе Волыни и вопросовъ съ таковымъ соприкасающихся, а также ознакомленіе съ краемъ, его прошлымъ, его условіями жизни, нуждами и прочее; почему изученію подлежитъ не только территорія нынѣшней Волынской губерніи, но и вообще мѣстности старой Волынской земли и Волынскаго княжества. Слѣдовательно, въ трудахъ Общества помѣщаются изслѣдованія, основанныя на данныхъ не одной только Волыни, но и сосѣднихъ мѣстностей, если эти данныя способствуютъ изученію Волыни и шире и глубже разъясняютъ вопросы, соприкасающіеся съ таковымъ.

§ 2. Для достиженія поставленной цѣли Общество имѣетъ право на нижеслѣдующее.

1) Устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія, о времени, мѣстѣ и предметѣ занятій которыхъ доводится заблаговременно до свѣдѣнія г. Волынскаго губернатора.

2) Открывать платныя и безплатныя чтенія, испрашивая каждый разъ разрѣшеніе подлежащихъ властей и съ соблюденіемъ всѣхъ, установленныхъ для того, правилъ и распоряженій Правительства.

3) Собирать и пріобрѣтать коллекціи по разнымъ отраслямъ знанія для Волынскаго музея, который долженъ быть открытъ для публики.

4) Имѣть свою библіотеку, какъ подспорье для работъ членовъ Общества.

5) Устанавливать охрану памятниковъ старины, рѣдкихъ экземпляровъ фауны и флоры, а также мѣстъ, гдѣ рельефно выражено строеніе земли, достопримѣчательностей природы и прочее.

6) Печатать свои труды въ видѣ отдѣльныхъ или періодическихъ изданій.

7) Доставлять своимъ членамъ средства для производства изысканій на мѣстѣ.

Опуская §§ 3 и 4, гдѣ говорится о дипломахъ, выдаваемыхъ членамъ, о правѣ Общества ходатайствовать о перемѣнѣ устава и о печати, переходимъ къ слѣдующему.

§ 5. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества, оно раздѣляется на четыре секціи:

1-я, *Естественныхъ наукъ*, съ отдѣлами—фауны, флоры, минералогія, геологія, палеонтологія, физическая географія, метеорологія, географія и т. п.

2-я, *Антропологическая*, съ отдѣлами—антропологія, этнографія, народная медицина, статистика населенія, обычное право, народная словесность, діалектологія и т. д.

3-я, *Экономическая*, съ отдѣлами—бытъ населенія (экономическій), сельское хозяйство, лѣсоводство, садоводство, хмелеводство, огородничество, скотоводство, птицеводство, пчеловодство, рыболовство и охота, ремесла, кустарное дѣло, промыслы, технологія, промышленность, торговля, статистика (экономическая) и т. п.

4-я, *Историческая*, съ отдѣлами—исторія политическая и бытовая, архивовѣденіе, археографія, археологія, нумизматика, геральдика и т. д.

§ 6. Общество считается существующимъ, пока функціонируетъ хотя-бы одна изъ его секцій.

Во второмъ отдѣлѣ заключаются свѣдѣнія о составѣ Общества. Во главѣ стоятъ предсѣдатель и совѣтъ. Совѣтъ состоитъ изъ предсѣдателя, вице-предсѣдателя и предсѣдательствующихъ въ секціяхъ. Затѣмъ идутъ обычныя подраздѣленія членовъ на почетныхъ, дѣйствительныхъ и соревнователей. Въ этомъ отдѣлѣ замѣчанія могутъ вызвать нѣкоторые изъ параграфовъ, гдѣ говорится о предсѣдателѣ и вице-предсѣдателѣ. Именно, § 24—«Предсѣдатель и вице-предсѣдатель выбираются общимъ собраніемъ на *два* года изъ дѣйствительныхъ или почетныхъ членовъ» и § 25—«Одно и то-же лицо не можетъ быть избираемо предсѣдателемъ или вице-предсѣдателемъ болѣе *трехъ* разъ подрядъ».

Если нельзя ничего сказать противъ избранія предсѣдателя черезъ 2 года, то нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ ограниченіе избранія не болѣе трехъ разъ подрядъ; мы не знаемъ какими соображеніями руководствовались составители проекта устава, помѣщая этотъ параграфъ, намъ онъ кажется излишнимъ: если предсѣдатель окажется несоотвѣтствующимъ своему положенію, то вѣдь черезъ 2 года его можно смѣнить, если же онъ будетъ у мѣста, то зачѣмъ-же ограничивать его дѣятельность 6-ти-лѣтнимъ срокомъ, или дѣлать перерывы въ этой дѣятельности? Вѣдь есть много примѣровъ, что предсѣдатели съ успѣхомъ выполняютъ свои обязанности и въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ подрядъ.

3-й отдѣлъ—о собраніяхъ. Не менѣе одного раза въ годъ должно собираться общее собраніе—для выслушиванія отчетовъ, выборовъ и т. п.; на тѣхъ-же общихъ собраніяхъ могутъ быть дѣлаемы и научныя сообщенія, имѣющія общій интересъ; посторонняя публика допускается на эти собранія «по рекомендаціи членовъ, но съ разрѣшенія предсѣдателя» (§ 44),—и это ограниченіе представляется намъ излишнимъ: не лучше ли принять обычный порядокъ, раздѣливъ собраніе на закрытое и открытое, и предоставить публикѣ доступъ на послѣднее безъ всякихъ рекомендацій и разрѣшеній? Тѣмъ болѣе, что дальше, гдѣ говорится о засѣданіяхъ секцій, слово «публика» не встрѣчается, и на ея долю остается только 1-й пунктъ § 2-го (см. выше). Почему-бы не открыть доступъ публикѣ и на засѣданія секцій?

4-й отдѣлъ—о музеѣ. «При обществѣ состоитъ музей, именуемый Волынскимъ музеемъ, изъ отдѣловъ, отвѣчающихъ секціямъ, т. е. естественно-историческаго, антропологическаго, экономическаго и историческаго».

5-й—о библіотекѣ.

6-й—объ изданіяхъ: Общество издаетъ періодическій журналъ «Труды Общества изслѣдователей Волыни»; нѣкоторыя рукописи могутъ быть печатаемы и отдѣльно.

7-й—о публичныхъ чтеніяхъ; здѣсь говорится о порядкѣ устройства чтеній при помощи общества.

8-й—средства: обычные членскіе взносы, пожертвованія и т. п.

При пересказѣ послѣднихъ отдѣловъ, мы опускали подробности, такъ какъ онѣ касались общеизвѣстныхъ параграфовъ, помѣщаемыхъ въ уставахъ всѣхъ вообще ученыхъ обществъ. Въ заключеніе приведемъ послѣдній параграфъ: «Все имущество Общества, въ случаѣ

ликвидаціи дѣлъ его, поступаетъ въ собственность Житомирской русской публичной библіотеки».

Въ нашихъ замѣчаніяхъ мы коснулись мелкихъ частностей; въ общемъ же уставъ представляется стройнымъ, выдержаннымъ. Имѣющее возникнуть общество будетъ носить областной характеръ, что дастъ ему возможность, не разбрасываясь, сосредоточить всѣ силы на опредѣленномъ раіонѣ, глубже и разностороннѣе изучить этотъ послѣдній. Задачи общества широки и разносторонни,—это обстоятельство, въ связи съ отдаленностью Волыни отъ центровъ, съ отсутствіемъ въ ней высшихъ учебныхъ заведеній, а вслѣдствіе этого и малымъ контингентомъ ученыхъ силъ, можетъ дать поводъ къ сомнѣнію въ успѣшномъ выполненіи широкихъ плановъ, предначертанныхъ въ уставѣ. Но, повидимому, и сами составители проекта устава не питаютъ себя несбыточными надеждами,—не даромъ они помѣстили параграфъ, гдѣ говорится, что общество функціонируетъ, если существуетъ даже одна какая-ниб. секція: Затѣмъ, широкая постановка дѣла даетъ возможность большему числу лицъ принять участіе въ общей работѣ; нужно также принять во вниманіе и то, что въ послѣднее время замѣчается приливъ интеллигентныхъ силъ въ провинцію, да и сама провинція начинаетъ оживать, поэтому, хотя пессимизмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и бываетъ полезенъ, мы, на этотъ разъ, оставимъ его въ сторонѣ.

Настоящій уставъ, по полнотѣ и выработанности, можетъ служить образцомъ и для другихъ областей, конечно съ соотвѣтствующими сообразно съ мѣстными условіями измѣненіями; не лишнимъ было бы также, по нашему мнѣнію, имѣть его въ виду и по отношенію къ учреждаемому въ Кіевѣ обществу съ музеемъ при немъ.

Н. Бѣляшевскій.

Поправка. Въ октябрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1896-й годъ, въ выноскѣ на стр. 115, строка 5-я, вмѣсто αὑτόν слѣдуетъ читать αὐτόν.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. *Спб. 1896, стр. 1—195; 1—29; 1—73.*

Въ предлагаемомъ вниманію читателей Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ, кромѣ обычныхъ свѣдѣній о личномъ составѣ, объ участіи Библіотеки въ юбилейныхъ торжествахъ, о внутреннемъ устройствѣ ея, о средствахъ содержанія (годовой бюджетъ 94373 р. 25 к.), о пользованіи библіотекой и о прочихъ статистическихъ данныхъ, самыми важными отдѣлами являются: глава о пріобрѣтеніяхъ библіотеки и въ приложеніяхъ—письма С. П. Шевырева къ Гоголю.

Въ главѣ о пріобрѣтеніяхъ библіотеки отмѣтимъ тѣ рукописи, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ цѣлямъ и задачамъ нашего журнала, т. е. къ нашему югу Россіи, и которыя нами были разсмотрѣны въ подлинникахъ при посѣщеніи библіотеки. Цѣнную коллекцію представляетъ собраніе рукописей Ѳ. И. Буслаева, среди которыхъ указанъ южно-русскій хронографъ, какъ сказано въ отчетѣ, одинаковой редакціи съ лѣтописью Боболинскаго. Лѣтъ десять назадъ мы имѣли случай сличить подобный-же хронографъ съ этой лѣтописью Боболинскаго и старались доказать, что наименованіе «лѣтопись Боболинскаго» совершенно неточное, такъ какъ Боболинскій былъ, очевидно, только переписчикомъ той рукописи, которая въ половинѣ 17-го вѣка сложилась у насъ на югѣ въ особую редакцію хронографовъ, извѣстную пока въ немногихъ спискахъ [1]). Списокъ изъ коллекціи Ѳ. И. Буслаева интересенъ тѣмъ, что онъ сохранился въ полномъ видѣ, особенно въ прибавочныхъ частяхъ: хроника русская и литовская (Отчетъ, стр. 13; Публ. Библ.: F, IV, 727, т. 1 и 2).

[1]) См. Ж. М. Н. П. 1885 г. № 5 „Хронографы южно-русской редакціи“. В. Наумовка.

Изъ частныхъ приношеній болѣе другихъ интересны:

1) Сборникъ, писанный скорописью нѣсколькихъ почерковъ преимущественно малороссійскаго письма середины XVIII вѣка. Рукопись эта представляетъ нѣчто въ родѣ руководства для писанія писемъ методами, установленными приличіями того времени; это своего рода «Приклады, како пишутся комплименты разные» эпохи Петра I. Въ рукописи имѣются привѣтствія отъ бывшихъ учениковъ учрежденной Ѳеофаномъ Прокоповичемъ Карповской школы къ кабинетъ министру князю А. М. Черкасскому. Тутъ же есть письма, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ жизни Ѳеофана; два изъ нихъ напечатаны С. Н. Браиловскимъ въ Журналѣ Мин. Народ. Просв. 1893 года (№ 6), а третье, почему то пропущенное г. Браиловскимъ, помѣщено теперь въ «Отчетѣ» (стр. 106). Находимъ въ этомъ сборникѣ и поздравительное письмо малороссіянъ къ гр. А. Разумовскому при пожалованіи его въ рейсъ-графское достоинство, а также и отвѣтъ послѣдняго 28 іюня 1744 года. Между прочимъ, въ сборникѣ есть и такіе перлы: «Поздравленіе нѣкотораго надворнаго къ нѣкоторому кавалеру, который тайнымъ совѣтникомъ учиненъ»; или «сожалѣтельное писаніе къ нѣкоторому министру, у котораго жена умре»; или «благодарное писаніе нѣкотораго студента къ отцу своему за присланный вексель или переводное въ деньгахъ письмо»; или еще: «поздравительное писаніе къ женскому полу въ день ея именинъ». (Отчетъ, стр. 103—107; Публич. Библ. Q, XVII, 207.

2) Каталогъ, или лѣтописаніе изъ бытности архіереевъ россійскихъ; скоропись средины 18-го вѣка. Тутъ въ главѣ 28-й помѣщенъ перечень архимандритовъ кіево-печерскаго монастыря (Пуб. Биб. F, I, № 716).

3) «Псальмы Давида пророка и царя, игранныя имъ на гусляхъ, также и псальмы разнымъ праздникамъ и на различные войны, происходящіе при блаженной вечно достойной памяти Государя Императора Петра I, сочиненные въ Украине и поемые на ихъ штиле» (Отчетъ, стр. 108; Публ. Библ. Q, XIV, № 130). На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе въ раскрашенномъ видѣ царя Давида съ гуслями. Вначалѣ помѣщено девять стихотворныхъ переложеній псалмовъ Давида. Затѣмъ идутъ «псалмы поемыя на разныхъ потребахъ»; всѣхъ ихъ 38. Здѣсь находимъ псальмы на праздники Господскіе, Богородичные, въ честь Спасителя, Божіей Матери, арх. Михаила. Наконецъ, идутъ псальмы воинскія о различныхъ войнахъ» числомъ че-

тыре. Изъ нихъ первая и самая интересная слѣдующая, списанная нами съ подлинника:

Лементуетъ[1]) Украина изъ великимъ жалемъ,
А будучи наполнена смуткомъ и печалемъ
Припевъ: Охти мне, беда мне, что я учинила,
Охти мне, беда мне, что я приступила.
На короля, своего пана, руки подымала,
Не разъ, не два и не десять съ нимъ ся воевала.
Охти мне...
Взявши едность и премирье и съ татарскимъ ханомъ,
Составивши товарищество съ проклятымъ поганымъ.
Охти мне...
Съ которыми то поганцы такъ я учинила,
Места, села и подворія огнемъ попалила
Охти мне...
Православныхъ христіанъ давала въ неволю
Имаючи по дубровахъ и по чистомъ полю.
Охти мне...
Братство мило, любовное съ паны солтанами,
Ведутъ братовъ повязаныхъ руки арканами
Охти мне...
Отецъ и мать свое дитя на руки хапаетъ,
Оставивши вся маетки, отъ страху втекаетъ.
Охти мне...
Реки кровавыя потоками идутъ,
Души невинныя безъ споведи гинутъ.
Охти мне...
Не одинъ я монастырь добрый излупила,
Не одну же и церковь огнемъ испалила.
Охти мне...
Не *(неразобрано)* предомною мертвыи во горобахъ,
Не скрылыся и тыя детки, що въ матернихъ утробахъ.
Охти мне...
Разогнала люды всюды, по разныхъ сторонахъ,
Полно въ Крыму и въ Москве и во всехъ городахъ.
Охти мне...
Хочъ кто хотелъ упокою, не дала сидети,
Не машъ ласки ни мешканя ни въ единомъ повѣте.
Охти мне...
На остатокъ оставивши кролевско панство,
Поддавшися Московскому въ вечное подданство
Охти мне...
Поддалася-бъ турецкому, лечъ (?) не гараздъ будетъ,
И такъ мене проклинаютъ вкраинскіе люде
Охти мне...

---

[1]) Въ Отчетѣ напечатано: „Дементуетъ"; мы думаемъ, что наше чтеніе правильнѣе по смыслу, а рукопись даетъ право читать первую букву *Л*, а не *Д*.

Скубуть мене со всехъ сторонъ. завжды сама бачу,
Затинають (*неразобрано*), якъ цыганску клячу.
Охти мне...
Вернулася бъ до короля, любъ не схощетъ приняти,
Знову восхощуть ляхи зъ нами жартувати
Охти мне...
Волю буду Московскому царю голдовати,
И за его помощію мушу содержати.
Охти мне...
Жебы жили и сиделя вкраинскія дети
И въ тихости, и въ радости спокойне не веки.
Охти мне..,

4) Родословная книга дворянскимъ родамъ черниговскаго намѣстничества, сочиненная и подписанная губернскимъ дворянства предводителемъ и уѣздными дворянскими депутатами 1788 года. Въ этихъ спискахъ, расположенныхъ по шести частямъ дворянской родословной книги, даются свѣдѣнія о каждомъ лицѣ: 1) Имя и прозвище и его лѣта; 2) холостъ или женатъ и на комъ, или вдовъ; много-ли дѣтей и имена ихъ; 4) сколько за нимъ по послѣдней ревизіи наслѣдственныхъ, или купленныхъ, или въ приданое полученныхъ обоего пола душъ нынѣ состоитъ; 5) въ уѣздѣ ли живетъ, или въ отлучкѣ; 6) какого онъ чина; 7) въ какой именно службѣ или въ отставкѣ. (Отчетъ, стр. 110; Публ. Библ.: F, IV, № 719).

5) Родословная дворянская кіевскаго намѣстничества книга, совершенно тоже представляетъ, какъ и только что упомянутая, и составлена также въ 1788 г. (Публ. Библ. F, IV, № 720).

6) Стишной прологъ за сентябрьское полугодіе. Писано полууставомъ южнорусскаго письма к. XVI вѣка. (Отчетъ, стр. 153—155; Публ. Библ. F, I, № 716).

Всѣ библіографическія указанія сдѣланы въ «Отчетѣ» за 1893 годъ съ такою же точностью и полнотою, какъ и въ прежніе годы, чтó не разъ уже отмѣчено было на страницахъ нашего журнала.

В. Науменко.

Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. *(Поѣздка Іосифа II въ Галичину и Буковину и ихъ значеніе для послѣдней. Стр. 116).*

Исторія присоединенія Галичины и Буковины къ австрійскимъ владѣніямъ достаточно извѣстна. Менѣе извѣстны первыя попытки

австрійскаго правительства организовать ново-присоединенныя провинціи сообразно съ господствовавшими въ то время началами государственнаго устройства.

Въ этомъ отношеніи названный трудъ г. Полека не лишенъ значенія. Въ связи съ разсказомъ о четырехъ поѣздкахъ Іосифа II въ эти провинціи, отнятыя у Польши и Турціи, авторъ приводитъ выдержки изъ современныхъ записокъ императора, дѣятельно вмѣшивавшагося въ разрѣшеніе вопроса о будущемъ ихъ устройствѣ, а въ приложеніяхъ даетъ рядъ цѣнныхъ выписокъ изъ оффиціальныхъ докладовъ и мнѣній по тому же предмету. Читатель можетъ извлечь отсюда рядъ новыхъ свѣдѣній объ интеллектуальномъ, экономическомъ и моральномъ состояніи названныхъ провинцій въ послѣдней четверти XVIII в., особенно Буковины, на которую авторомъ обращено особое вниманіе. Положеніе земледѣлія, промышленности, отношенія землевладѣльцевъ и духовенства къ крестьянамъ, финансовые порядки страны обрисованы въ оффиціальныхъ докладахъ съ полнотою, для того времени замѣчательною, и данныя эти составляютъ цѣнный вкладъ во внутреннюю исторію области.

Вопросъ о дѣйствительномъ «инкорпорированіи» Буковины въ свое время, какъ видно, представлялъ не легкую задачу для вѣнскихъ централистовъ, но принятіе рѣшительныхъ мѣръ въ этомъ направленіи сдерживалось главнымъ образомъ соображеніями экономіи. Желательно было извлечь изъ страны возможно больше въ цѣляхъ военныхъ и фискальныхъ и истратить на это возможно менѣе. Къ этому, въ существѣ, и сводятся всѣ многорѣчивыя и дѣловитыя разсужденія современныхъ чиновниковъ и самого Іосифа II на тему о томъ, слѣдуетъ-ли подчинить провинцію военному или «политическому» управленію, надо-ли разбить ее между Седмиградіемъ и Галичиной, или-же лучше образовать изъ нея, отдѣльную область и т. п.

Еще въ февралѣ 1781 г. гр. Блюмсгенъ, первый гофканцлеръ, рекомендовалъ трактовать Буковину, какъ особую область, сообразуясь съ ея нравами и обычаями, привлекать мѣстныхъ людей къ общественной службѣ и такимъ образомъ пріобрѣсть склонность и довѣріе со стороны «молдавской націи», разумѣется «по возможности» (стр. 31). Іосифъ II готовъ былъ согласиться съ этимъ, но для него главная задача заключалась въ томъ, чтобы «возможно легче и дешевле удержать страну на будущее время и притомъ извлечь изъ нея надлежащую выгоду для aerarium.» Сообразно съ этимъ проектиро-

ваны были и неизбѣжныя на первое время «реформы», въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе странная мысль соединить въ болѣе или менѣе крупные поселки пастуховъ-крестьянъ, жившихъ большею частью разбросанными хуторками или починками и довольно легко оставлявшихъ свои селидьбы въ поискахъ за лучшими условіями существованія.

По обычаю, отысканъ былъ и доброволецъ изъ мѣстныхъ обывателей, свѣдѣніями котораго признано было за благо воспользоваться въ этой реформаторской работѣ. Это нѣкто Василій Балчъ, «бояринъ и депутатъ Буковины», какъ онъ именуетъ себя, или попросту протоколистъ или даже копіистъ придворнаго военнаго совѣта, назначенный въ составъ послѣдняго въ іюнѣ 1783 г. по повелѣнію императора, какъ лицо знакомое съ мѣстнымъ языкомъ и особенностями. Въ приложеніяхъ (79—88) приведена характерная оффиціальная записка этого свѣдущаго человѣка о нуждахъ его родины, любопытная между прочимъ и потому, что изъ нея вѣнскіе администраторы частью почерпали свою мудрость. Какъ бывшій членъ консисторіи, Балчъ особенно подробно занятъ, въ духѣ времени, вопросомъ о монастырскихъ имуществахъ, дабы уязвить съ самой существеной стороны «это безнравственное, суевѣрное и жестоковыйное (halsstarrig) монашеское племя» (83). Балчъ рекомендуетъ систему, принятую въ то время въ Россіи, но совѣтуетъ вводить ее постепенно, чтобы не возникло волненій въ «черни», которая по своему легкомыслію можетъ увидѣть въ этомъ посягательства на свою вѣру. Разумѣется, этотъ «представитель» признаетъ буковинскихъ мужиковъ лѣнтяями, лжецами, непочтительными къ своимъ господамъ, привыкшими исполнять свои незначительныя повинности только при условіи брани и колотушекъ (84). Непочтительность къ господамъ выражается главнымъ образомъ въ томъ, что при спорахъ съ ними крестьяне прямо обращаются къ господарю и легко получаютъ отъ него разрѣшеніе выселяться въ другія мѣста и т. п. Необходимо поэтому прикрѣпить ихъ къ опредѣленному мѣсту: устроить колоніи и т. д. Само собою разумѣется, что эта злокачественная записка сервильнаго копіиста-боярина снабжена фразами о благѣ общества и благосостояніи гражданъ.

Н. М.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Выходять у Львові під редакциєю Михайла Грушевського. Том XIII (1896, кн. V), стр. 182*[1]).

Въ настоящемъ томѣ г. А. Кониській продолжаетъ интересную біографію Т. Г. Шевченка (стр. 1—76). Нынѣ предложенъ обзоръ событій внѣшней и внутренней жизни поэта съ 17 ноября 1850 г. по 2 августа 1857 г., т. е. за время пребыванія Ш. въ Новопетровскомъ фортѣ, на восточномъ берегу каспійскаго моря. Настоящій очеркъ, носящій заглавіе: «Вторая ссылка Т. Шевченка» отличается обычными достоинствами принадлежащей перу г. Конискаго біографіи: точнымъ критическимъ изученіемъ спорныхъ или недостаточно выясненныхъ подробностей, живымъ, образнымъ и легкимъ изложеніемъ. Авторъ тщательно собралъ разбросанныя извѣстія, опубликованныя въ давнихъ и мало доступныхъ нынѣ изданіяхъ, и кромѣ того имѣлъ возможность пополнить эти свѣдѣнія данными новыми, почерпнутыми изъ личной переписки своей съ г—жей Усковой, женой коменданта Новопетровскаго форта.. Превосходно обрисовано душевное состояніе поэта во время затянувшагося неожиданно вопроса объ амнистіи. Авторъ вновь повторяетъ ошибочное, на нашъ взглядъ, мнѣніе о случайномъ происхожденіи извѣстной резолюціи имп. Николая I, воспретившаго поэту не только писать, но и рисовать.

Г. Миронъ Кордуба въ своемъ историческомъ очеркѣ: «Первое славянское государство» (1—20) даетъ живой и весьма интересный очеркъ извѣстій о первомъ появленіи славянъ на исторической сценѣ, отношеніяхъ югозападныхъ славянскихъ племенъ къ аварамъ, возстаніи противъ послѣднихъ, основаніи государства Само, борьбѣ съ франками и внутреннемъ устройствѣ этой державы. Авторъ рѣшительно высказывается за славянское происхожденіе Само, несмотря на категорическое заявленіе Фредегара о томъ что Само былъ «natione Frankos.» По мнѣнію г. Кордубы, это выраженіе слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что Само жилъ въ границахъ франконскаго государства; для означенія же племенной принадлежности Фредегаръ употребилъ-бы слово «genus», «ex genere», какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Этотъ доводъ едва-ли можно признать рѣшающимъ, тѣмъ болѣе, что у того же Фредегара Теодорикъ оказывается и «na-

---

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 12 томовъ „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., №№ 11 и 12, 1896 г., № 2, 5 и 10.

tione Gothus» и «natione Macedonis». Напрасно также авторъ хоронитъ норманнскую теорію. На нашъ взглядъ, съ нею придется еще очень долго считаться, и хоронить ее нѣтъ достаточнаго основанія.

Д-ръ О. Ч. въ статьѣ «Случай vesaniae melancholicae» подробно описываетъ фактъ полнаго выздоровленія больной этой болѣзнью послѣ самоповѣшенія и указываетъ на возможность искусственнаго содѣйствія къ переходу хроническихъ психическихъ разстройствъ въ острыя, легче поддающіяся леченію.

Въ отдѣлѣ библіографіи предложенъ обзоръ и оцѣнка 25 книгъ и брошюръ, касающихся исторіи южной Руси, и кромѣ того вкратцѣ изложено содержаніе статей въ 14 періодическихъ русскихъ изданіяхъ за 1895 г., въ томъ числѣ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ.

Н. М.

Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). I. *Харьковъ 1896 г., стр. 304, in-16.*

Авторомъ, по его словамъ, давно задумано систематическое обозрѣніе внутренняго быта Слободской Украины, но сдѣлать такое обозрѣніе въ настоящее время, при недостаточномъ количествѣ сырого матеріала, представляется невозможнымъ; волей-неволей ему приходится ограничиться выпускомъ въ свѣтъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, чтобы составить изъ нихъ цѣльную бытовую картину Харьковщины. Таково происхожденіе настоящей книжки. Въ нее вошли: 1) «Наказы харьковскаго дворянства въ Екатерининскую коммиссію 1767 г.», въ которыхъ нашли себѣ выраженіе различныя стороны тогдашней краевой жизни; ярче всего отразились въ нихъ интересы соціальные и экономическіе, несравненно слабѣе духовные и, можно сказать, совершенно отсутствуютъ политическіе; въ основѣ наказовъ лежатъ исключительно интересы сословные дворянства и городовъ (крестьяне и духовенство вовсе не участвовали); сравнивая наказы слободско-украинскаго дворянства съ дворянскими наказами другихъ губерній, авторъ находитъ, что наибольшее сходство по своему содержанію они имѣютъ съ малороссійскими; но эти послѣдніе далеко превосходятъ ихъ опредѣленностью, ясностью пожеланій во всѣхъ отношеніяхъ и особенно въ политическомъ и культурно-просвѣтительномъ.

Вторая статья разсматриваемаго сборника посвящена характеристикѣ общественной дѣятельности Харьковскаго городского головы Егора Егоровича Урюпина, служившаго городу съ 1787 г., когда онъ былъ избранъ въ бургомистры магистрата. Въ личности Урюпина мы встрѣчаемъ типъ безкорыстнаго, честнаго и энергическаго представителя городскихъ интересовъ; не смотря на невысокое свое образованіе, онъ понималъ значеніе его для города и оказалъ большія услуги дѣлу учрежденія въ Харьковѣ университета; этому то дѣлу послужили и «два культурныхъ дѣятеля изъ среди Харьковскаго духовенства» (третья статья сборника)—протоіереи Василій Ѳотіевъ и Андрей Самборскій; первый былъ преподавателемъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ, а второй—законоучителемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей; отличительною чертою ихъ дѣятельности является забота о нравственномъ и умственномъ развитіи и совершенствованіи Общества.

Изъ сказаннаго видно, что авторъ задался счастливой мыслью изобразить положительные типы прошлаго, тѣ свѣтлыя личности, которыя содѣйствовали общественному прогрессу; чтеніе книжки г. Багалѣя производитъ бодрящее впечатлѣніе, чувствуется отрада при мысли, что не все то въ прошломъ было черно и грязно, что такъ любятъ изображать наши бытописатели; она также приводитъ къ сознанію необходимости выдвигать изъ мрака вѣковъ тѣни людей, стремившихся къ высокимъ идеаламъ въ своей жизни: если отрицательные типы говорятъ, чѣмъ мы не должны быть, то положительные прямо побуждаетъ насъ дѣлать то, хотя и немногое, полезное, какое возможно каждому въ его время.

И. Каманинъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. *Спб. 1895 in-8. Стр. I—XIX; 706—107.*

Въ ряду изданій Русскаго Историческаго Общества «Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ иностранными государствами: Польско-Литовскимъ, Крымомъ, Ногаями и Турціею, занимаютъ видное мѣсто; сношеніямъ съ Польско-литовскимъ государствомъ посвящены томы: 35, 59 и 70, а сношеніямъ съ Крымомъ, Ногаями и Турціей—томы 41 и настоящій, выше означенный. Интересъ и важность этихъ «памятниковъ дипломатическихъ сношеній»

заключаются въ томъ, что въ нихъ нерѣдко упоминается о территоріи и населеніи южной Руси, да еще въ такой отдаленный періодъ, какъ XV-й и XVI-й вѣка, для которыхъ оффиціальныхъ документовъ крайне мало у насъ. Томъ 41 обнимаетъ переписку между Россіей и Крымомъ за 1487—1508 гг. и настоящій—за 1508—1521 гг., за время правленія великаго князя Василія III. Главная цѣль сношеній великаго князя съ ордами состояла въ томъ, чтобы добиться заключенія союза противъ Литовскаго государства, а со стороны крымскаго царя—чтобы добиться освобожденія изъ Московскаго плѣна крымскаго царевича Абдулъ-Летифа и получить помощь противъ Астраханскаго царства, сношенія же съ Турціей ограничивались большею частью торговыми дѣлами. Въ перепискѣ мы встрѣчаемъ и «черкасцевъ» («народъ на Днѣпрѣ», по опредѣленію редакторовъ изданія);» они то сами дѣлаютъ нападенія на крымскіе города, то подвергаются нашествію крымской орды, которая старается захватить самый г. Черкасы. Въ томъ же положеніи по отношенію къ ордѣ стоитъ и Кіевъ. Кромѣ Черкасъ, Кіева и Подоліи, о мѣстностяхъ правобережной Украины мы не находимъ упоминаній, тогда какъ многіе города лѣвобережной нерѣдко встрѣчаются въ перепискахъ. Такимъ образомъ настоящій томъ является новымъ и важнымъ источникомъ для исторіи южной Руси; для исторіи же Крыма—первостепеннымъ. Онъ изданъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова теперь уже умершаго и Г. Ѳ. Штендмана, снабдившихъ томъ обстоятельными личнымъ и географическимъ указателями.

И. Каманинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень.—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ.—Гріхъ и покаяння.—Пальвода XVIII столитття) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: *Одесса*, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать

важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

—ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ—

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. **52**

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(ПО ОБРАЗЦУ ДОРОГИХЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ИЗДАНІЙ).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ

дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш, ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Сганицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣстъ.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—

Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-Й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.
(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

где помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».
3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО".

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА"

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4 **ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.** 2

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества", въ 1897 году, могутъ полуичть новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ"

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аеонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости"

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ —„	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА"

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Національзація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—2

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.

IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.

VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій учен й литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П Ск--скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому пр свѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (**безъ измѣненія объема и состава книжекъ**). **Разсрочка** для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно ,за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославкихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «**отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства**» открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца	2 р. 60 к.
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ"

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{8}|_{20}$ февр. 1884 г., подписка какъ на Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академій: за $18^{37}|_{38}$ г. (т. I), $18^{41}|_{42}$ (V), $18^{47}|_{48}$ (XI), $18^{48}|_{49}$ (XII), $18^{51}|_{52}$ (XV), $18^{53}|_{54}$ (XVII), $8^{54}|_{55}$ (XVIII), $18^{55}|_{56}$ (XIX), $18^{56}|_{57}$ (XX), $18^{57}|_{58}$ (XXI), $18^{60}|_{61}$ (XXIV), $18^{61}|_{62}$, (XXV), $^{63}|_{64}$ (XXVII), $18^{64}|_{65}$ (XXVIII) $18^{65}|_{66}$ (XXIX), $18^{66}|_{67}$ (XXX), $18^{67}|_{68}$ (XXXI), $18^{68}|_{69}$ (XXXII), $18^{69}|_{70}$ (XXXIII), $18^{70}|_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана кареагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Ц на каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимають участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—2

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченныхъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ",

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи. *Примѣч.* Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное,

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6** р. **50** к; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6** р. **50** к.

б) За оба журнала **8** (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала 10 (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11** р. **50** к.; за каждые отдѣльно **7** (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ*.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50

Съ доставкою въ Харковѣ:

10 —	9 50	9 —	8 35	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры. 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для г.г. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздиковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Алексадрочъ.*

3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ“

и газету „Недѣльная Хроника Восхода“.

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ“ и газета „Недѣльная Хроника Восхода“ будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода“, между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко —Письма о старомъ

и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Амни—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ"). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала *«Восходъ»* и газеты *«Недѣльная Хроника Восхода»* 10 р., на полгода 6 р., за 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающхся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—1

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ 4 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . 1 р. главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспенденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой гла-

зированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго;

4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виринiуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**;

для иногороднихъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выпи ывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель **Я. Гуревичъ**

3—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1897 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Открыта подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1897 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**, Кузнечная, № 14.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895 и 1896 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—94 г. по **1 р.**

Издатель **К. М. Гамалѣй.** Редакторъ **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый.** *(Окончаніе слѣдуетъ).*	151—175
II.	КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. . .	176—187
III.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . .	188—220
IV.	ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . .	221—274
V.	ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ. III. Александръ Михайловичъ Марковичъ. **Ал. Лазаревскаго.**	275—310
VI.	КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ. Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г. **Н. Бѣляшевскаго.** . . .	311—328
VII.	ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ. (Некрологъ). **В. Науменка**	329—344
VIII.	И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ. (Некрологъ).	345—346
IX.	ВИДЪ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ, АКВАРЕЛЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА (1846 г.). (Къ рисунку).	347—350

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Мелочи изъ жизни Шевченка. б) Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. Сообщилъ **Н. М.** в) Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Сообщилъ **Н. М.** г) Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. **Ор. Левицкаго.** д) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. **А. Л.** е) Документъ изъ эпохи «панованья Войска Запорожскаго» въ Малороссіи. Сообщилъ **О. Л.**	31—43
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 9-й. **И. Каманина.** б) Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes. Vingt-puatre gravures hors texte. Paris, 1896. **Н. М.** в) Б. С. Давидовичъ. Судьба православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). **К. Х—ча.** г) Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. д) Dr. Alfred Halban. Zur geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. **Н. М.** е) 1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ. Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организаціи и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. **Н. М.** ж) Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. **Н. М.**	44—62
	ПРИЛОЖЕНІЕ: Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка.	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—18

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1897.

Дозволено цензурою Кіевъ, 1 февраля 1897 года.

Видъ Почаевской Лавры.

Снимокъ съ акварели Т. Г. Шевченка (1846 г.).

И стежечка де ти ходила
Колючимъ терномъ поросла.

Т. Шевченко

21. августа
1859. Въ Качановки.

Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами.

(Съ примѣчаніями М. К. Чалаго).

I.

Помѣщаемое здѣсь письмо Т. Г. Шевченка къ Ѳ. М. Лазаревскому въ Оренбургъ, безъ означенія года и мѣсяца, несомнѣнно относится къ первымъ годамъ томительнаго существованія поэта въ Ново-петровскомъ укрѣпленіи. Около этого времени, именно въ 1852 г., Ѳедору Матвѣевичу удалось побывать въ Петербургѣ, откуда онъ привезъ много свѣжихъ новостей и поклоновъ Тарасу отъ земляковъ, а отъ братьевъ своихъ Василія и Михаила Матвѣевичей малую-толику деньжатъ, которыя очень пригодились нашему изгнаннику на новосельѣ. Письмо Ш—ка извѣщаетъ Ѳедора Матвѣевича о полученіи посылки; оно, повидимому, писано въ два пріема съ незначительными помарками.

Заграй мени дудныку на дуду —
Нехай свого лышенька забуду.

„Сыроти на чужини и сухаръ хлибомъ стане. То такъ и мени оце ваше письмо. Булы вы, якъ здорови пишете у Петербурси, не питаю васъ, що вы тамъ бачилы, а тилько дякую васъ за те, що привезлы мени поклонъ отъ Василія Езучевскаго [1]) и

[1]) Василій Осиповичъ Езучевскій — Оренбургскій пріятель Ш—ка, частенько присылавшій ему субсидіи. Уроженецъ конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи, землякъ братьевъ Лазаревскихъ. Дѣду его и отцу принадлежали: с. Старая и хутора Степной и Песочный, купленные у А. К. Разумовскаго.

одъ братьевъ вашихъ—спасыби имъ, що не забувають мене на чужини, а надто Михайлови спасыби за гроши. Пошлы Господы доброго здоровья Левицкому [1]). Спасыби вамъ, шо вы про його написалы. А башкирскій офицеръ [2]) що я вамъ рекомендовавъ повинно буть умеръ, колы винъ до васъ не ходыть, а якъ не вмеръ, то певно одуривъ, а ще й казаньского университету.

Богато де-чого мени треба бъ було написать до васъ, та николе. Выбачъ мени ради св. Ѳедора Тырона, шо я до тебе на швыдку пишу. Сегодни пошта прыйшла, а завтра одходыть. Ш [3])."

Письмо Ѳ. М. Лазаревскаго изъ Петербурга, куда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ службы, относится къ 1857-му году; а служилъ онъ тогда управляющимъ конторой удѣльнаго вѣдомства орловской губерніи. Желая свидѣться съ Тарасомъ послѣ 7-милѣтней разлуки, онъ завернулъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ временно находился тогда поэтъ, но къ сожалѣнію не засталъ его дома.

8 декабря С. Петербургъ.

„Жаль, жаль, жаль, милый мій друже, що тебе понесло въ Балахну [4]) именно въ тотъ день какъ мнѣ пріѣхать въ Нижній. Но если ты проживешь въ Нижнемъ еще съ мѣсяцъ, то я не теряю надежды видѣться тамъ съ тобою. Тогда уже надывимся одынъ на другого и наговоримся. Теперь, на дняхъ, я поѣду

---

[1]) С. П. Левицкій—товарищъ Ѳ. М. Л—го по черниговскому гимназіи и сослуживецъ по Оренбургу, перешедшій на службу въ Петербургъ въ 1849 г. О немъ будетъ сообщено болѣе подробно въ свое время.

[2]) Башкирскій офицеръ этотъ случайно познакомился съ Ш—мъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, откуда онъ отправился въ Оренбургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ него къ Лазаревскому.

[3]) Въ этомъ знакѣ должно подразумѣвать иниціалы поэта: сверху — Тарасъ, снизу—Щевченко.

[4]) Въ дневникѣ Ш—ка подъ 23 сентября 1857 г. записано: „Н. А. Брылкинъ ѣздилъ въ Балахну съ мастеромъ Стремомъ, американскимъ инженеромъ, посмотрѣть строющійся тамъ пароходъ и баржи для компаніи „Меркурій“: отъ нечего дѣлать и я напросился имъ сопутствовать“. Балахна—поселокъ на Волгѣ, въ 5 вер. ѣзды отъ Нижняго. Это была одна изъ главныхъ верфей на берегахъ Волги, то же что на Окѣ Дѣдново. Брылкинъ главный компаньонъ Пароходнаго Общества „Меркурій“.

въ Малороссію навѣстить сироту-мать, а оттуда мабуть що черезъ Нижній поѣду кое-куда по службѣ. Скажи объ этомъ Кеберу[1]), колы ты зъ нымъ познакомився. Поклонись низенько Владиміру Ивановичу[2]) и скажи, що буду писать йому не забаромъ, а колы скоро прійдется ихать черезъ Нижній, то писать не буду, а самолично переговорю о чемъ треба.

Обнимаю и цилую тебя одъ всей щирой души

твій всегда Ө. Лазаревскій.

Михайло хлопочеться о чимъ треба[3])".

20 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

„Сегодня Графиня прислала ко мнѣ Сѣраковскаго[4]), чтобы я пріѣхалъ непремѣнно къ ней. Графиня присылала за мною, чтобы объявить, что, по просьбѣ графа Өедора Петровича, тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ (подъ надзоромъ полиціи), подъ руководствомъ графа Ө. П. для продолженія изученія живописи при академіи художествъ. Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бъ ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно больше добра) и проситъ тебя, чтобы ты поспѣшилъ, а главное не обижался условіями, потому что это только форма. Она говоритъ, что ты долженъ представиться Президенту (Ея Высочеству) академіи, что тобою интересуются теперь всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда... искренно скажу тебѣ, что я радъ не потому только (какъ и всѣ, которые знаютъ тебя только по слуху даже), что увижу тебя, но что ты здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе для себя и другихъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи... Гр. Ө. П—чъ просилъ Ея Высочество и Она докла-

---

[1]) Густавъ Васильевичъ Кеберъ, большой пріятель Ө. М. Лазаревскаго.

[2]) В. И. Даль—знакомый Л—го по Оренбургу, гдѣ онъ находился въ 50-хъ годахъ.

[3]) Въ это время М. М. Лазаревскій черезъ графиню А. И. Толстую и др. вліятельныхъ лицъ сильно хлопоталъ о дозволеніи Шевченку жить въ столицѣ. Хлопоты его увѣнчались наконецъ успѣхомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ помѣщенное ниже письмо М. М—ча къ поэту.

[4]) Извѣстный дѣятель 1863 г., возвращенный изъ ссылки раньше Ш—ка и находившійся въ тоже время въ военной академіи.

дывала, о чемъ Ѳ. П. третьяго дня получилъ письмо отъ Адлерберга, который извѣщаетъ, что объ этомъ сообщено Долгорукову для извѣщенія нижегородскаго губернатора. Графиня проситъ тебя немедлить, чтобы застать выставку и скорѣе явиться къ Президенту, чего будто она хочетъ. Поспѣшай же! Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 руб., на дорогу станетъ, а то и здѣсь деньги нужны. Пріѣзжай же скорѣе. Наговоримся при свиданьи. Если не сейчасъ выѣдешь, то пиши графинѣ и графу.

До скораго свиданія

Весь твой Мих. Лазаревскій".

II.

Письмо Штернберга къ Т. Г. Ш—ку относится къ 1842 г. Помѣщаемъ его здѣсь полностію, такъ какъ въ книгѣ „Жизнь и произведенія Т. Ш—ка", изд. 1882 г. напечатанъ только незначительный изъ него отрывокъ.

Римъ 1842 г. іюля не помню какого.

„Здравствуй, любезный Шевченко! Давно братъ, очень давно мы съ тобой не видались. Время то и не такъ велико—два года, а много съ тѣхъ поръ перемѣнилось: того уже не стало, та замужъ вышла, а другой овдовѣлъ и т. д. Все старая пѣсня—это ужъ въ порядкѣ вещей. Боже мой! Хоть бы заглянуть туда, что тамъ у васъ подѣлывается. Ты вообрази, что кромѣ твоего письма, никакого извѣстія изъ Петербурга не имѣю. Правда, я самъ виноватъ: я лѣнивъ писать, но все таки писалъ. Меня болѣе всего удивляетъ, что дядя ко мнѣ не пишетъ. Ужъ я не знаю, писать ли опять? Письма такъ дороги. Только прошу тебя, любезный Шевченко, не думать, чтобы я могъ забыть друзей моихъ: это было бы также не благодарно, какъ забыть человѣка, который мнѣ сдѣлалъ добро. Это еще болѣе: добро можно сдѣлать по какому нибудь стороннему побужденію, а быть другомъ человѣку, дѣлить съ нимъ горе и радость—для этого нужно имѣть истинно добрую и чувствительную душу. Благодарю тебя отъ души за письмо, которое ты мнѣ прислалъ

съ Орловымъ; оно меня очень обрадовало: я живо вспомнилъ нашу петербургскую жизнь и милое семейство Шмита, которое ты въ малыхъ чертахъ такъ живо представилъ. Но жаль очень бѣдную Наташу—милое было дитя. Много, много хотѣлъ бы тебѣ сказать, да вотъ уже Василій Ивановичъ собирается въ дорогу. Прощай, любезный Ш—ко! будь здоровъ! И дай Богъ тебѣ успѣхъ, чтобы скорѣе быть къ намъ. Василій Ивановичъ тебѣ поможетъ. Идемъ провожать его. Твой Штернбергъ".

Упоминаемый въ письмѣ Василій Ивановичъ—никто иной, какъ почтенный конференцъ-секретарь академіи художествъ Григоровичъ, привезшій Ш—ку это письмо изъ Италіи.

„Василій Ивановичъ, писалъ Ш—ко къ Тарновскому (Г. С—чу) вернулся изъ Италіи ще товщій, якъ бувъ и розумнійшій и добрійшій".—Судя по тому, что Штернбергъ ожидалъ пріѣзда Тараса въ Римъ, можно думать, что была возможность попасть ему заграницу и вѣроятно, при бóльшемъ съ его стороны стараніи и съ помощію протекціи со стороны Брюлова и Григоровича, онъ могъ быть отправленъ въ Италію, о чемъ спустя три года такъ сильно заботились его друзья-украинцы въ роковомъ 1847 году. Но развязавшись съ академіей, т. е. получивши степень свободнаго художника, онъ только и думалъ о поѣздкѣ въ Малороссію.

Въ 1838 году Штернбергъ гостилъ въ с. Кочановкѣ у Г. С. Тарновскаго и нарисовалъ тамъ лучшую свою картину „Освященіе Пасокъ", а въ 1840 году участвовалъ въ экспедиціи Перовскаго къ предѣламъ Хивы, и плодомъ этого были высоко художественные типы инородцевъ оренбургскаго края; въ томъ же 40 году онъ вмѣстѣ съ Айвазовскимъ отправленъ въ Италію. Штернбергъ привезъ изъ Малороссіи множество рисунковъ, приводившихъ въ восторгъ не одного энтузіазта Ш—ка, но и болѣе строгихъ цѣнителей, въ числѣ коихъ первое мѣсто занималъ знаменитый Брюловъ. Т. Г—чъ въ одной изъ своихъ русскихъ повѣстей сдѣлалъ характеристику картинъ своего пріятеля:

„На первомъ планѣ—вѣтряная мельница, пара воловъ около телѣги, наваленной мѣшками—какая прелесть! очей не отве-

дешь“ Или: „подъ тѣнью развѣсистой вербы, у самаго берега, бѣленькая, соломой крытая хатка—вся отразилась въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Подъ хаткою старушка, а на водѣ утки плаваютъ—вотъ вся картина, а какая полная, живая картина“.

III.

Письма княжны В. Н. Репниной къ Т. Г. Шевченку.

Знакомство поэта съ семействомъ бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина началось въ первый его пріѣздъ въ Малороссію въ 1843 году по слѣдующему обстоятельству: задушевный пріятель Репниныхъ Алексѣй Васильевичъ Капнистъ, желая имѣть портретъ князя и узнавъ о пріѣздѣ въ полтавскую губернію талантливаго живописца Шевченка, привезъ его въ Яготинъ, и, когда портретъ былъ успѣшно оконченъ, художника просили остаться въ домѣ Репниныхъ на болѣе продолжительное время, и Т. Г—чъ провелъ здѣсь всю почти осень 1843 и половину зимы, 1845 г.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ важными заслугами князя Репнина, въ отношеніи малороссійскаго края, тотъ пойметъ то глубокое чувство уваженія, какое питалъ Шевченко къ тому, кто

И на чредѣ великой не забылъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ*.

Поэтъ нашъ страстно привязался къ просвѣщенному и гостепріимному семейству князя, а къ умной, образованной, въ то время 33 лѣтней княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ онъ питалъ какое-то особенное благоговѣніе, близкое къ обожанію. Обладая серьезнымъ образованіемъ и неистощимой добротой души, княжна В. Н—на съ высоты своего общественнаго положенія снизошла къ плебею Шевченку на степень дружескихъ, чисто братскихъ отношеній. Съ истинно женскимъ инстинктомъ, она сразу отгадала значеніе Кобзаря для Малороссіи и своими высоконравственными и глубоко религіозными посланіями старалась направить его на истинный путь, съ котораго онъ былъ нерѣдко

совращаемъ полтавскими и черниговскими безобразниками. Чувства, питаемыя къ ней, поэтъ выразилъ въ посвященіи ей стихотворенія „Тризна", написаннаго имъ въ 1843 году.

Въ половинѣ января 1844 года Ш—ко отправился въ Петербургъ и прожилъ тамъ до апрѣля 1845 года. О пребываніи его за это время въ столицѣ, по неимѣнію матеріаловъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго, такъ какъ отвѣтныя письма поэта къ княжнѣ погибли безвозвратно. Единственный источникъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть немногія свѣдѣнія изъ этого періода—это письма княжны В. Н. Такъ какъ въ первомъ нашемъ изданіи (Жизнь и произведенія Т. Шевченка 1882 г.) помѣщены незначительные отрывки только изъ нѣкоторыхъ изъ 12 писемъ ея, то мы считаемъ необходимымъ помѣстить ихъ теперь вполнѣ.

1.

17 мая 1844 г. Яготинъ.

„Благодарю васъ за ваше порученіе[1]). Оно доказываетъ мнѣ, что вы насъ не вовсе забыли. Душевно пріятно мнѣ было читать, что вы занимаетесь и съ успѣхомъ. Я надѣюсь со всѣми читающими ваши произведенія, что и перо не будетъ лежать въ бездѣйствіи: это было бы ужасное преступленіе. Вашимъ же словцомъ я выскажу вамъ добрый совѣтъ: „не погашай свое свѣтило!".

Никто изъ насъ не ѣдетъ заграницу; всѣ мы это лѣто на старомъ мѣстѣ, а что будетъ—одинъ Богъ знаетъ. Лишь письменно могу передать поклонъ вашъ нашему другу, котораго имя вы уже забыли; Алексѣя Васильевича (Капниста) вы назвали Василіемъ. Недѣлю тому назадъ онъ оставилъ Яготинъ,

---

[1]) Порученіе касалось распродажи „Тризны".

[2]) Перефразировка стиха изъ стихотвор. „Тризны":

Не погасай мое свѣтило!
Туманъ душевный разгоняй,
Живи меня твоею силой,
И путь тернистый, путь унылый,
Небеснымъ свѣтомъ озаряй!...

отправляясь заграницу. Да благословитъ Господь путь его и да возвратитъ его всѣмъ намъ этого рѣдкаго человѣка! Онъ ожидаетъ отъ васъ отвѣта.

Родители мои и Глафира[1]) шлютъ вамъ душевный поклонъ. Прощайте, Тарасъ Григорьевичъ! Желаю вамъ отъ искренняго сердца счастія и успѣха".

Княжна В. Н—на не только сама своими письмами будила въ поэтѣ благороднѣйшія стремленія, заглушаемыя часто вліяніемъ лицъ, не стоившихъ его дружбы, но старалась направить къ той же цѣли и другихъ, которые бы своимъ авторитетомъ могли сколько-нибудь на него подѣйствовать. Такъ, по ея просьбѣ А. В. Капнистъ, не дождавшись случая поговорить съ Ш—мъ, написалъ ему въ Петербургъ:

„Крайне сожалѣю, что не имѣлъ удовольствія видѣться съ вами, любезный Т. Гр. Не дождавшись васъ въ Ковалевкѣ, я думалъ найти васъ у себя, возвратясь изъ Яготина, но вы проскользнули, „якъ вьюнъ скризь вершу".

Что ближе у меня на душѣ, о томъ повѣдаю вамъ. Мнѣ поручено просить васъ не заѣзжать, какъ вы предполагали, къ Закревскому[2]), а главное не писать къ нему ни подъ какимъ предлогомъ. Я знаю васъ и совершенно увѣренъ, что вы свято и ненарушимо это исполните. Не огорчайтесь, добрый Т. Г—чъ, моею откровенностію: она не изъ дурного источника. Если вспомните мои слова, то признаете меня въ правѣ говорить вамъ съ искренностію. Временное увлеченіе исчезаетъ какъ дымъ, но не рѣдко пятна остаются не выводимыя и помрачаютъ душу, отзывающуюся въ совѣсти. Я разсчитываю на твердость вашего характера и думаю, что вы исполните просьбу мою не для меня. Благодарю васъ за трудъ, который вы для меня приняли, онъ будетъ мнѣ напоминать душою уважаемаго старца и

---

[1]) Глафира Ивановна Дунина-Борковская, жившая въ домѣ Репниныхъ.

[2]) Отставной гусаръ, старшина „Общества мочемордія", носившій титулъ „высокопьянѣйшества". (См. Жизнь и произв. Ш—ка стр. 38)

вмѣстѣ добраго моего земляка[1]). Примите искреннее прилагаемое приношеніе и вѣрьте чувствамъ душевно преданнаго

Алексѣя Капниста".

2.

19 іюня 1844 г. Яготинъ.

„Я взялась за перо не для того, чтобы бранить васъ, а напротивъ, чтобы утѣшить васъ сколько нибудь. Отъ грустнаго вашего письма навернулись слезы на глазахъ. Я такъ хорошо понимаю, что въ васъ происходитъ, я такъ много думаю о томъ, что васъ теперь такъ болѣзненно занимаетъ... переносите ужасныя испытанія и да поможетъ вамъ Господь! Никто, я думаю, какъ я, такъ горько не жалѣетъ объ васъ, не присоединяетъ своихъ желаній къ вашимъ... дай Богъ, чтобы вамъ во всемъ былъ успѣхъ! О, не откажите увѣдомить меня, когда вы будете совершенно спокойны, на счетъ братьевъ вашихъ: я не смѣла васъ о нихъ и спрашивать, не разъ собиралась, но всегда слова замирали на устахъ. Доля ваша плачевна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ восхитительна! Оставьте злыхъ людей, живите и дѣйствуйте для друзей вашихъ и для возвышенныхъ сердецъ, которыя поймутъ васъ всегда.

И здѣсь мало кто оцѣнилъ вашу „Тризну". Одинъ экземпляръ я послала въ Одессу Стурдзѣ, умному, благочестивому, съ восточнымъ воображеніемъ человѣку, и съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ него отвѣта. Надѣюсь скоро прислать вамъ итогъ моей продажи. Н. А. Маркевичъ, которому я отправила 10 экземпляровъ, прислалъ мнѣ вчера должныя деньги и написалъ мнѣ на счетъ васъ и поэмы вашей такъ миленько, что я ожидаю его съ удовольствіемъ. Отъ другихъ коммиссіонеровъ нѣтъ еще отзывовъ. Сама же я въ моемъ экземплярѣ возстановила все то, что не было пропущено цензурой, также и въ томъ, что былъ посланъ въ Одессу, дабы Стурдза васъ узналъ всего.

Недавно я была въ Полтавѣ. О какъ мы восхищались съ Глафирой прекрасными видами, стоющими вниманія художника! Жаль, что она доселѣ не можетъ никуда двинуться; не въ моей

[1]) Рѣчь идетъ о написанномъ Ш—мъ для Капниста портретѣ князя.

власти расторгнуть препоны, препятствующія ей переселиться въ такое мѣсто, гдѣ бы она могла безпрепятственно посвятить себя усовершенствованію своего драгоцѣннаго дара, но я уповаю и на все надѣюсь[1]).

О если я когда нибудь желала богатства, то теперь, мой добрый поэтъ, теперь, когда я еще разъ прочла унылое письмо ваше. Съ какою чистою радостью я воспользовалась бы правомъ сестры предложить вамъ *мое*, чтобы окончить это ужасное дѣло, васъ занимающее нынѣ. (Дѣло касалось выкупа родныхъ поэта изъ крѣпостного состоянія). Но нѣтъ *моего*, нѣтъ ничего драгоцѣннаго, и я все продала бы, все было бы ваше. Помните, что я говорила вамъ однажды, что одно изъ ужасныхъ испытаній сердца—это *немощь дружбы*. Радъ бы помочь другу—и не можешь; остается одна молитва.

Итакъ, вы рѣшаетесь печатать „Слѣпую",—какъ я рада! Полагаю, что вы кое-что измѣнили: я нахожу, что тамъ, гдѣ говорится о любви атаманскаго сына, есть какая то темнота. Когда вы были у насъ, я хорошо не разобрала впечатлѣнія, а сочувствіе, возбужденное красотами природы, драматическимъ концомъ поэмы вашей, помѣшало мнѣ ясно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что казалось недоступнымъ моему пониманію; теперь же передаю вамъ свои замѣчанія довольно запутанно, но полагаю, что вы меня поймете. Посвященіе прекрасно и гармонируетъ съ содержаніемъ милой Оксаночки.

Я непремѣнно примусь за малороссійскій языкъ: я хочу наслаждаться всѣми вашими цвѣтами и представляю, какъ будетъ грудь болѣть отъ чтенія... „Совы". Вы избрали одинъ изъ тѣхъ случаевъ, изъ которыхъ поэтъ и такой, какъ вы, можетъ извлечь глубокое, раздирающее... (конецъ письма не сохранился).

3.

3 іюля 1844 г. Яготинъ.

При семъ посылаю вамъ, Т. Г. 23 цѣлковыхъ за 50 экземпляровъ „Тризны" и съ радостію пользуюсь этимъ случаемъ,

---

[1]) Глафира Ивановна обладала замѣчательнымъ талантомъ. Она рисовала подъ руководствомъ Ш—ка во время его пребыванія въ Яготинѣ.

чтобы покалякать съ вами. По полученіи вашего письма я часто молилась за васъ или лучше сказать за успѣхъ вашего дѣла. Съ какимъ нетерпѣніемъ буду ожидать извѣстія отъ васъ! Я надѣюсь на дружбу вашу и увѣрена, что вы поспѣшите обрадовать меня письмомъ, какъ скоро только вы сами будете покойны.

Что сказать вамъ про насъ всѣхъ? Папа уѣхалъ въ Сѣдневъ съ Глафирой на прошлой недѣлѣ. Мы здѣсь всѣ здоровы, исключая бѣдной Тани (сестра Глафиры—Татьяна Ив. Псёлъ), которая ужасно страдала. Она вамъ кланяется. Мы живемъ уединенно, никого не видимъ, ни о комъ ничего не слышимъ. Когда увижусь съ М. Д. Селецкой, то спрошу у нея, всѣ ли проданы экземпляры „Тризны". Можетъ быть въ день Петра и Павла у Татьяны Густафовны (Вальховской) она успѣла помѣстить довольно большое количество ихъ. Мосевка (имѣніе Вальховской), напоминаетъ мнѣ грустныя минуты, въ которыя искренняя моя къ вамъ привязанность давала мнѣ и желаніе и даже право говорить вамъ правду, что я, однакожъ, не приводила въ исполненіе, потому что я васъ большею частію въ тѣ именно минуты находила неискреннимъ и ненастроеннымъ на мой ладъ, но больше показывающимъ видъ, что я вамъ надоѣла, какъ горькая рѣдька и что роль совѣсти вашей, которую я себѣ присвоила, вамъ казалась непозволеннымъ завоеваніемъ—просто присвоиваніемъ. И сколько разъ святая истина,—которую никакъ не могу согласиться назвать суровою, хотя бы и была очень строгою,—сколько разъ она рвалась изъ души моей на уста, желая, надѣясь иногда, что будетъ доступна душѣ вашей, что будетъ принята, какъ лучшее доказательство сестриной попечительности, что не смотря на орудіе, напоминающее намъ о цѣли жизни нашей и о надеждахъ вѣчныхъ—орудіе слабое и грѣховное,—вы бы съ молитвою въ сердцѣ и съ сильною волею принялись за перевоспитаніе свое, улучшивъ, освятивъ съ помощію благодати Господней, все прекрасное, все святое, все великое, дарованное вамъ столь щедро, и искоренивъ пагубный порокъ, который клонитъ васъ долу. О не говорите, что на васъ нападаютъ люди: здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обви-

нители. Я не сужу о васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но я со смѣлостію, которую должна бы имѣть гораздо прежде, ибо давно уже въ числѣ друзей моихъ, говорю вамъ, какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я васъ видѣла такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда... Простите моей искренности, простите моей докучливости! Поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ. Но довольно.

Забыла въ предыдущемъ письмѣ сказать вамъ, что я очень обрадовалась вашему доброму расположенію къ моей „Дѣвочкѣ"[1]). Если будете весною къ намъ, то я дамъ, можетъ быть, ея продолженіе. Не пугайтесь моимъ письмомъ. Впередъ и очень долго не буду вамъ писать. Завтра надобно послать вамъ деньги и этотъ случай причина моему письму, которое будетъ, надѣюсь, принято вами, какъ оно написано, т. е. съ чувствомъ братскаго радушія. Прощайте!

Искренно преданная В. Репнина.

4.

22 окт. 1844 г. Яготинъ.

Вамъ непремѣнно надобно прислать мнѣ двѣ программы вашей „Живописной Украины", дабы возможно было произвесть подписки во время выборовъ въ Полтавѣ и Черниговѣ въ сентябрѣ и октябрѣ. Алексѣя Васильевича еще нѣтъ, но я писала о намѣреніи вашемъ къ Глафирѣ, которая еще въ Седневѣ у Лизогубовъ, близь Чернигова. Она одобряетъ вашу мысль и надѣется на выборы, но программа непремѣнно нужна. На будущей недѣлѣ папа и Глафира вѣрно возвратятся. Соскучилась я безъ нихъ. Здѣсь у насъ все больныя: маменькина невѣстка, Таня, да еще добрая и милая Василиса Егоровна Балабина, съ которою я очень бы желала васъ познакомить. Я ее назвала ландышемъ: таже бѣлизна, таже величавость, таже неизвѣстность, таже тѣнистая и уединенная жизнь. Она читала вашу „Слѣпую" и оцѣнила ее—истинно поэтическое чутье! Она здѣсь по случаю болѣзни; ее лѣчитъ М. Фишеръ.

---

[1]) Повѣсть, принадлежащая перу княжны В. Н. См. восторженный отзывъ о ней въ книгѣ „Жизнь и произв." стр. 42.

О какъ искренно я желаю вамъ успѣха для вашего святаго дѣла! Не унывайте, трудитесь и приложите все ваше старанiе, а мы здѣсь будемъ стараться помогать вамъ, сколько будетъ возможно.

Сколько недѣль, какъ это письмо начато—и все мнѣ нельзя было окончить. Яготинъ превратился въ совершенный лазаретъ, въ которомъ я, однако жъ, не участвую и по этой причинѣ не имѣю свободнаго времени, потому что ночую то у невѣстки, то у маменьки. Послѣдняя теперь не на шутку больна. Слава Богу, что доктора не находятъ никакой опасности. На дняхъ мы получили печальное извѣстiе, что зять Кривцовъ скончался. Бѣдная моя сестра одна въ тамбовской губернiи и мнѣ нельзя къ ней летѣть, потому что нездоровье маменьки меня здѣсь приковало.

Не хочу болѣе откладывать отправленiя этого письма, чтобы вы поспѣшили съ высылкою программы, которая, къ несчастью, опоздаетъ къ полтавскимъ выборамъ, но будетъ намъ полезна на Черниговскихъ. Капниста скоро ожидаютъ. Если только будетъ свободная минута, то буду писать къ Галагану на счетъ „Живописной Украины". Отъ Закревскихъ ничего не получала. Ваше несчастье, что вы связались съ этими пустыми людьми. Куда бы лучше для духовнаго вашего человѣка сблизиться съ Капнистомъ и его женою, такъ богато одаренными и умомъ, и истиннымъ просвѣщенiемъ, и душою. Нельзя ли понять изреченiе: „вино веселитъ сердце человѣка" въ духовномъ смыслѣ? О да, малодушiе есть ужасное несчастiе! Но и то уже много, что вы себя знаете; остается не лелѣять сознанную слабость, а вооружиться противъ нея. Орудiя: вѣра, полезныя занятiя и общество чистое, святое, изящное. Отчего вы всегда упоминаете о Мосевкѣ? Скажите, не называетъ ли вамъ совѣсть и другихъ мѣстъ, гдѣ вы малодушно увлекались недостойнымъ и недостойными? Не сердитесь на вѣчныя мои проповѣди: я васъ слишкомъ искренно люблю, чтобы не говорить правды. Но простите! Да будетъ въ душѣ вашей свѣтъ! В. Р.

5.

24 сентября 1844 г. Яготинъ.

Нѣсколько дней тому назадъ я получила отъ Закревскихъ, чрезъ М. Д. Селецкую, три гравюры. Честь и слава, честный труженикъ! Да благословитъ Господь вашъ подвигъ! Сегодня получила маленькое письмецо ваше, за которое благодарю. Больно мнѣ, что такъ часто покушаются люди пошатнуть въ васъ вѣру въ доброе и святое. Не дай Богъ, чтобы имъ удалось! На будущей недѣлѣ ожидаемъ Алексѣя Васильевича. Съ нимъ буду говорить объ васъ подробно. Прощайте, добрый поэтъ! Не покидайте ни пера, ни кисти, идите чистой, святой тропой и да осѣнитъ Господня благодать васъ!

Вамъ искренно преданная В. Репнина.

6.

Ахъ, какъ вы несносны, Т. Г.! вотъ прошло двѣ почты и не привезли мнѣ обѣщанныхъ билетовъ вашего дѣла, а всѣ желаютъ программы. Въ Полтавѣ взялась начальница института сдѣлать подписку и такъ какъ ея зять одинъ изъ начальниковъ корпуса, то есть надежда, что это дѣло пойдетъ тамъ хорошо. Объ этомъ будутъ хлопотать и въ Одессѣ, гдѣ находится знакомый вамъ Графъ де Бальманъ. Сегодня же писано въ Одессу знакомому Писаревыхъ, что бы онъ ихъ употреблялъ въ Кіевѣ. То же самое порученіе дано и въ Харьковѣ Основскому. Вотъ подъѣдетъ Алексѣй Васильевичъ—онъ намъ поможетъ. Бѣдный! его ожидаетъ большая горесть: братъ его Семенъ почти скоропостижно скончался въ Полтавѣ, оставивъ огромное семейство.

Прощайте, Т. Г. Не медлите высылкою билетовъ, если вы ихъ еще не отправили. Сегодня я только о томъ и могу писать къ вамъ. Поздно. Пора ложиться. Да будетъ Господь съ вами!

Преданная вамъ В. Репнина.

P. S. Неужели Григоровичъ такъ дурно поступилъ съ Вами?

7.

10 ноября 1844 г. Яготинъ.

Наконецъ билеты и гравюры въ рукахъ моихъ. Сегодня же отправлено 10 въ Полтаву и три гравюры; 10 въ Черниговъ

и три гравюры. Съ слѣдующею же почтой отправлю 10 остальныхъ къ Галагану. Но что такое 30 билетовъ? Надо было прислать ихъ сотнями. Какіе же вы несносные! И что это за перемѣна? На мѣсто 10 экземпляровъ—шесть, на мѣсто 10 рублей—три рубля. Что это вы сдѣлали? Я всѣмъ писала собирать по пяти рублей съ выпуска. Пишите же и растолкуйте мнѣ эту путаницу.

Нѣтъ Капниста! Право я боюсь, чтобы съ нимъ что нибудь не случилось. Нѣтъ сестры моей и брата также нѣтъ. Маменька все больна. Папа слабъ и часто страдаетъ. Мрачно, грустно у насъ... хоть бы удалось для васъ сдѣлать что нибудь. Въ Полтавѣ хорошій мой знакомый обѣщаетъ хлопотать: въ Одессѣ также будутъ. Изъ другихъ мѣстъ не имѣю еще отвѣтовъ. Въ пятницу буду писать Графу Головкину, любителю хорошаго. Прощайте добрый поэтъ! Спѣшу. Всѣ спятъ; вѣтеръ свищетъ. О если бы я была поэтъ! (кажется, женщинъ лишили права быть и тѣмъ и другимъ, ибо нельзя въ женскомъ родѣ сказать эти два слова), то я протягиваю вамъ руку просто и по дружески. Вѣрьте искренней дружбѣ къ вамъ В. Репнина.

8.

13 декабря 1844 г. Яготинъ.

Бога ради, пришлите мнѣ на первый разъ хоть сто экземпляровъ вашей „Украины“. Я уже получила за нѣсколько деньги, желаютъ ихъ, а время проходитъ безъ удовлетворенія. Я получила вчера грустное ваше письмо, да конечно и не забыла 9 ноября. Грустное письмо сжало мое уже сжатое сердце опасною болѣзнью папеньки. Съ будущей почтой я буду писать подробно. Пришлите „Украину“. Молитесь, не унывайте, вѣрьте въ меня, не увлекайтесь дурными вашими знакомыми.

Искренно преданная вамъ В. Репнина.

9.

20 декабря 1844 г. Яготинъ.

Не знаю, удастся ли мнѣ написать вамъ хоть немного подробно, мой добрый Т. Г.? Я сижу у папы, который все еще боленъ. Ваши листы произвели на меня плачевное впечатлѣніе

я такъ радовалась вашему полету, но вотъ вы уже опять опустили крылышки и упали всѣ тяжестію вашего малодушія на землю. (Не сердитесь, все позволено искренней дружбѣ).

Живите душу, во первыхъ тѣмъ, что Богъ никогда не оставляетъ уповающихъ на него до конца, во вторыхъ, что если вы имѣете многихъ недоброжелателей въ Петербургѣ, а можетъ быть и здѣсь, то вы можете считать себя счастливымъ, что многія честныя и теплыя души желаютъ вамъ добра. Наконецъ, цѣль ваша должна живить васъ, должна сдѣлать васъ скупымъ, расчетливымъ до ея достиженія. У меня рублей 800,—что же это такое? Капля воды въ морѣ. Не спите, пришлите мнѣ какъ можно скорѣе сто экземпляровъ, а потомъ, съ помощью Божіей, можно будетъ мнѣ еще и еще отъ васъ потребовать. Я съ неудовольствіемъ слышала отъ брата моего, что на дняхъ былъ у него Закревскій, который отъ васъ получилъ письмо. Я надѣялась было, что вы уже не въ перепискѣ съ нимъ. Я этого знакомства очень боялась для васъ. Любите, сколько вамъ угодно Капниста, Бурковскаго, Галагана, Вл. Лукашевича, съ ними все хорошее, благородное, находящееся въ васъ, разовьется болѣе и болѣе; вамъ будетъ хорошо и всѣмъ вашимъ искреннимъ друзьямъ радостно. Съ какимъ благоразуміемъ и вмѣстѣ теплымъ сочувствіемъ цѣнилъ А. Лизогубъ ваши малороссійскія піесы и какъ я сожалѣю, что вы не знакомы лично съ нимъ. Обрадуйте его и всѣхъ любителей малороссійскаго языка вашей „Совой“.

Что сказать вамъ о Капнистѣ? Я его видѣла только мелькомъ, онъ, по случаю смерти брата, все жилъ въ Полтавѣ и на дняхъ пріѣзжалъ къ намъ, и хотя онъ пробылъ здѣсь два дня, я почти его не видала. Я надѣюсь, потому что надежда никогда меня не оставляетъ, что можетъ быть, при первомъ его посѣщеніи мнѣ удастся съ нимъ побесѣдовать о многомъ, въ числѣ котораго и вы будете не изъ послѣднихъ темъ. Не пора ли мнѣ оставить эти строки. Прощайте! Не унывайте, ради Бога, ради душевнаго вашего спокойствія, вы должны достичь своей цѣли.

Впередъ же! И да поможетъ вамъ Господь преданная В. Репнина.

10.

10 января 1845 г. Яготинъ.

Мой добрый и грустный пѣвецъ! Выплачьте пѣсню въ память человѣку, котораго вы такъ умѣли любить и уважать. Моего добраго отца нѣтъ уже между нами! Послѣ долговременной и тяжкой болѣзни, изнуренный ужасными страданіями, онъ отдалъ Богу свою душу 7 января. Вы поймете пустоту Яготина. Я начала было писать съ дороги въ Прилуку, куда мы повезли священные остатки его, т. е. въ Густынскій монастырь: это было его желаніе. Тамъ возобновляются церкви, и одну маменька хочетъ возобновить надъ нимъ. Сестра оставалась при маменькѣ, а я съ Глафирой и братомъ, да еще съ нѣсколькими друзьями, повезли трупъ моего добраго папеньки въ послѣднее его жилище. О, Тарасъ Григорьевичъ, мой добрый другъ! Какъ передать вамъ всѣ эти вѣковыя минуты, черезъ которыя мы прошли въ эти дни?...

22 февраля (продолженіе)

Болѣе мѣсяца, какъ это письмо написано, да не удалось окончить его. Я хотѣла было разсказать вамъ подробно болѣзнь папеньки, его послѣдніе дни, его тихую, спокойную смерть, благодатное выраженіе его истинно ангельскаго лика, когда онъ уже лежалъ безъ жизни для всѣхъ, но для насъ еще такъ исполненъ жизни, потому что все, принадлежащее любимой душѣ, наполнено для сердца жизнью, таинственною, краснорѣчивою. Я хотѣла сказать вамъ, какъ земляки ваши показали себя по всей дорогѣ, какъ въ Прилукѣ добрый народъ отпрегъ лошадей и на себѣ, въ ужасную метелицу, повезъ сани, на которыхъ стоялъ гробъ, черезъ весь городъ. Я хотѣла много вамъ сказать, но некогда. Къ тому же я какъ бы замерла отъ всего происшедшаго. Я чего то жду и чего то страшусь... Глафира, осѣненная благодатію, развившей ея чувства, въ этомъ случаѣ, какъ обыкновенно не бываетъ въ столь юныхъ лѣтахъ, удивительно удачно схватила выраженіе лица папы, къ великому нашему утѣшенію, нарисовала его портретъ въ натуральной величинѣ и на дняхъ приступитъ къ живописи, ибо она хочетъ

сдѣлать его масляными красками; она же будетъ дѣлать и образа въ церкови. Ей нужны матеріалы, и мы адресуемся къ вамъ, чтобы вы сами ихъ выбрали; прилагаю и реестръ. Она проситъ на счетъ кистей. Деньги вы получите отъ Василевскаго, которому пишу, чтобы онъ на требованіе ваше вручилъ вамъ, сколько будетъ нужно. Я получила доброе ваше письмо, получила и „Украину". Есть у меня вашихъ денегъ 105 руб. асс. и 30 рублей серебромъ. Прислать вамъ ихъ или ожидать большаго прихода? Сколько я могла понять вашу „Хустоньку", она мнѣ и землякамъ вашимъ очень понравилась. Прощайте! Въ другой разъ буду писать больше. Да хранитъ васъ Господь! Полюбите, съ помощію молитвы, правду: это единственный якорь спасенія для насъ бѣдныхъ. Правда озаряетъ совѣсть, научаетъ, какой путь избрать, какую язву исцѣлить, отчего отказаться и къ чему примѣниться. Правда—Богъ! Преданная вамъ В. Р.

P. S. При семъ прилагается реестръ красокъ и кистей.

11.

6 марта 1845 г. Яготинъ.

Что съ вами, что отъ васъ ни слова нѣтъ? Тогда какъ вы навѣрно знаете, что нѣтъ уже между нами моего добраго папа? Налету къ вамъ пишу. Надѣюсь, что вы получили мое письмо, въ которомъ просила васъ о покупкѣ красокъ для Глафиры? Сдѣлайте одолженіе, отправляйтесь къ В. О. Балабиной и представьте ей свой счетъ. Благодарю за дружескую услугу. Нѣтъ времени побольше писать. Я не очень здорова и спѣшу не опоздать на почту. Прощайте! да будетъ съ вами Господь! В. Р.

12.

20 марта 1845 г. Яготинъ.

Что съ вами, Т. Г? Я не понимаю вашего молчанія или я его понимаю грустно. Здоровы ли вы? На хорошей ли дорогѣ? Пишите ко мнѣ. Навѣрно и на вашихъ глазахъ навернулись слезы, услышавъ, что нѣтъ уже папеньки, и вы вспомнили объ Яготинѣ, гдѣ теперь завѣтное мѣсто добраго старца пусто и ничѣмъ не замѣнится. О; навѣрно и вашей душѣ захотѣлось

сказать моей слова дружбы и сочувствія... Живы ли вы? Я не понимаю вашего молчанія. Всегда, во всякомъ случаѣ, молитва моя будетъ изливаться предъ престоломъ Всевышняго за васъ. Простите! Душевно преданная В. Репнина".

Судя потому, что послѣднія два письма В. Н—ны остались безъ отвѣта, можно съ увѣренностью сказать, что Ш-ко былъ уже на пути въ полтавщину, до которой по тогдашнимъ весеннимъ дорогамъ, съ разливомъ рѣкъ и невылазною грязью, добраться было изъ Питера нелегко.

Изъ напечатанныхъ здѣсь писемъ княжны Репниной можно вывести заключеніе, что главнымъ побужденіемъ поэта отправиться въ столицу было задуманное имъ изданіе „Живописной Украины", для котораго онъ успѣлъ собрать довольно матеріалу во время пребыванія въ Малороссіи. Цѣль этого превосходнаго изданія прекрасна; но къ сожалѣнію оно остановилось на первомъ же выпускѣ. Недоступная по цѣнѣ для большинства украинцевъ „Живописная Украина" досталась однимъ богачамъ-помѣщикамъ, и то благодаря содѣйствію дружеской руки.

Изъ тѣхъ же писемъ княжны мы узнаемъ, что настроеніе души поэта во все время пребыванія его въ Петербургѣ въ 1844—45 году было печальное, вслѣдствіе какихъ-то неудачъ, противодѣйствій со стороны недоброжелателей и т. п. Такое мрачное настроеніе, какъ можно догадываться, главнымъ образомъ происходило отъ неотступно мучившей его мысли, что его родные находились въ крѣпостномъ состояніи и что онъ безсиленъ помочь имъ. Безсильною въ этомъ случаѣ оказалась и великодушный другъ его Варвара Николаевна, которая готова была принесть всевозможныя жертвы „для этого ужаснаго дѣла" (см. письмо 2-е).

Грустное состояніе души поэта еще болѣе усилилось отъ несбывшейся надежды—быть отправленнымъ стипендіатомъ за границу, о чемъ писалъ ему Штернбергъ еще въ 1842 году. Люди, на которыхъ онъ возлагалъ свои упованія, какъ надо полагать, отнеслись къ его пламенному желанію неблагосклонно. Но едва ли конференсъ-секретаря Академіи Художествъ Григоровича и самое конференцію можно винить за то, что она

не послала въ Италію своего, правда, даровитаго, но непредставившаго ни одной капитальной работы воспитанника, за которую можно было бы присудить ему большую золотую медаль, дающую право на такое важное преимущество. И. М. Сошенко, журившій когда-то своего вѣтреннаго земляка за небрежное отношеніе его къ живописи, еще разъ пропѣлъ ему свою старую пѣсню, при свиданіи съ нимъ въ Нѣжинѣ, въ 1846 году: „а що бачъ, я тоби казавъ: покинь вирши! отбы й бувъ за границей!“

Ко времени пребыванія Шевченка въ Петербургѣ въ 1844—45 году относится два письма поэта къ Бодянскому и отвѣтъ на нихъ. Письма Тарасовы напечатаны въ 1883 г. въ Р. Старинѣ, а отвѣтъ на нихъ Бодянскаго нигдѣ не напечатанъ.

Содержаніе писемъ Ш—ка заключаетъ въ себѣ просьбу поэта отдать на комиссію московскому книгопродавцу двѣ брошюрки: „Тризну“ и „Гамалія“, причемъ сообщаетъ ему о задуманномъ имъ изданіи „Живописной Украины“ и проситъ Бодянскаго принять на себя трудъ составленія текста къ историческимъ картинамъ. На два письма Тарасовы Бодянскій собрался отвѣтить только 25 октября.

„Эгежъ, эге! То дуже погано, колы чоловикъ почне хату становиты, а глядь—чортъ-ма матеріалу. Такъ и тутъ, пане добродію: безъ грошенятъ, та ще въ Питери, що небудь робить дуже погано. Пославъ бы я вамъ що небудь за ваши кныжки, алежъ колыбъ то воны продалыся, а тожъ сёгодни бувъ у того кныжныка, которому ихъ виддавъ, а винъ каже, що нихто ничогисенько не питае по цёму товару. Тилько бъ то и продано, що штукъ симь—висимь усёго гуртомъ, неспытавъ которыхъ: чи тыхъ, що по копи, чи що меньше, а колыжъ по копи, то не дуже багацько того дыва. Напишить мени, чи ничого то, щобъ тилько ихъ выслаты, чи може подождаты до вашого пріизду сюды, тоди вже визьмете сами ихъ скилько ихъ ни буде, чи то съ прикладомъ, чи безъ прикладу.

А що до литописи, то іи вже не маю у себе теперечки. Нависный хозяинъ взявъ іи къ соби, побачивши, що зъ нею не

можна нашого брата такъ дурити, якъ бы ёму хотилось. Не знаю, що и якъ зъ нею почне, знаю тилько, що на дурныцю нихто никому не стане робыты, а тымъ бильше у московщини.

По сій мови, бувайте здорови! До баченья зо мною, якъ то кажете, у Москви. Вашъ щирій землякъ Бодянскій".

IV.

Письма Княжны В. Н. Репниной къ М. К. Чалому по поводу изданія матеріаловъ для біографіи Шевченка.

Приступивъ къ изданію собранныхъ мною матеріаловъ для біографіи Т. Г. Шевченка и зная о весьма близкихъ отношеніяхъ покойнаго поэта къ семейству Репниныхъ, я обратился въ концѣ 1880 года съ письмомъ къ княжнѣ В. Н—нѣ, прося ее сообщить мнѣ все, что ей извѣстно о Шевченкѣ. Главнымъ образомъ мнѣ желательно было получить отъ нея письма Т. Г—ча къ ней 1844—45 года. На письмо мое княжна отвѣтила нижеслѣд. письмомъ.

1.

Москва 10 Января 1881.

М. Г. Многоуважаемый Михаилъ Корнѣевичъ.

Въ память Шевченка протягиваю вамъ руку—но увы! не руку помощи, потому что не имѣю ни одного письма его у себя. Когда онъ былъ арестованъ, кажется въ 1847 году на берегу его любимаго Днѣпра, мнѣ дали знать изъ Кіева, что въ Яготино будетъ флигель-адъютантъ, чтобы освидѣтельствовать мои бумаги, то хотя въ письмахъ Шевченка ничего не было предосудительнаго, я не хотѣла подвергать ихъ хладному разбирательству и не желала также ихъ уничтожить и я ихъ отдала на сохраненіе доброму знакомому, который къ удивленію моему и забылъ про нихъ!

У меня находится портретъ Ш—ка, сдѣланный имъ самимъ, снимокъ съ его же рисунка хаты, въ которой онъ родился, и печатанная маленькая поэма „*Тризна*" на великорусскомъ языкѣ, посвященная мнѣ, но со многими пропусками, по

милости цензуры. Оригиналъ же Тризны, его рукой написанный, также былъ данъ мною на храненіе, вмѣстѣ съ письмами.

Въ скоромъ времени я пришлю вамъ портретъ, хату и печатанную Тризну, и если вы не возвратите ихъ до моей смерти (мнѣ 73-й годъ), то пусть они останутся вашимъ достояніемъ, какъ уважаемому мною цѣнителю Ш—ка.

Крайне сожалѣя, что не могу удовлетворить ваше желаніе пополнить рукописями и письмами предпринятую вами біографію Ш—ка, и благодаря васъ искренно и за письмо ваше, и за присланную вашу рѣчь надъ гробомъ этого геніальнаго горемыки, остаюсь, многоуважаемый М. К., съ истиннымъ почтеніемъ и душевнымъ сочувствіемъ всегда готовая къ услугамъ вашимъ Варвара Репнина".

Спустя нѣсколько дней послѣ полученія этого письма, мною получены: портретъ (приложенный къ изданной мною книгѣ „Жизнь и произведенія Т. Шевченка" 1882 г.), хата и печатная поэма „Тризна".—Затѣмъ на посланную мною при письмѣ книгу я получилъ второе письмо.

2.

М. Г. М. К—чъ! Простите меня, что я замедлила отвѣтомъ на ваше письмо отъ 28 іюля и благодарностью за дорогой подарокъ вашей книги, я ее прочитала съ увлеченіемъ и грустью. Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній, по поводу вашего изданія: на стр. 40-й, разсказывая о запискѣ П. А. Лукашевича, есть неточность. Когда Ш—ко упрекнулъ его, что онъ проповѣдуетъ одно, а дѣйствуетъ напротивъ, Лук. отвѣтилъ на смятой, заверточной бумагѣ: „у меня такихъ какъ тотъ, который привезъ тебя ко мнѣ (а это былъ родной братъ Ш—ка) триста". Этимъ напоминаніемъ, что его братъ крѣпостной, Лукашевичъ уязвилъ чуткую душу Кобзаря—и онъ разрыдался. На 1-й строкѣ 41 стран. вы пишете, что „Князь Николай Васильевичъ Репнинъ пригласилъ Ш—ка въ Яготинъ", слѣдовало написать Николай Григорьевичъ—мой отецъ, а Николай Васильев.—его внукъ, тогда 9-лѣтній мальчуганъ, теперь же предводитель дворянства Кіевской губерніи. На 60-й стр.

вы говорите, что Ш. обязанъ моей матери назначеніемъ учителемъ живописи въ Кіевскій университетъ—это справедливо; но несправедливо, что она была двоюродная сестра Уварова, ибо его жена была родная сестра моей матери и обѣ рожденныя Разумовскія. Далѣе гр. А. Ѳ. Орловъ, потомъ князь, вовсе мнѣ не родственникъ, а его родной племянникъ, женившись на моей родной племянницѣ Кривцовой, узнавъ отъ меня о непріятномъ посланіи его дяди ко мнѣ, сказалъ ему объ этомъ, а тотъ отвѣтилъ: „хоть убей меня я не помню этого“.

Еще одно замѣчаніе и—я оставлю васъ въ покоѣ: Къ чему вы помѣстили выдержку какого-то П. М—са на 79 стран. отъ 29 строки до 35? Вы сами говорите, что никто не подтвердилъ этого гнуснаго разсказа (дѣло идетъ объ извѣстномъ рисункѣ поэта). Я же знаю, что Ш—ко прислалъ А. П. Лизогубу свой портретъ въ солдатскомъ мундирѣ съ одной ногой носкомъ вверхъ и подписалъ подъ нимъ: „отъ якъ бачите“.

Простите за скучное письмо. Можетъ быть, по мѣрѣ того какъ поступятъ къ вамъ новые матеріалы, вы напишете еще книжку объ нашемъ бѣдномъ страдальцѣ поэтѣ. Въ октябрѣ я надѣюсь вамъ выслать 6 писемъ (копіи), написанныя ко мнѣ изъ ссылки, которыя недавно были возвращены мнѣ самымъ неожиданнымъ случаемъ. Письма же, которыя онъ писалъ ко мнѣ, будучи свободнымъ, кажется несомнѣнно пропали, но они не такъ были интересны, какъ писанныя изъ ссылки.

Очень прискорбно, что земляки Ш—ка, изъ которыхъ многіе его *спаивали*, не щадя его дивнаго дара, такъ скоро его забыли и вмѣсто всего того, что обѣщали исполнить въ память его, удовольствовались тѣмъ, что поставили на его могилу деревянный крестъ, теперь, какъ вы написали, догнивающій. Чтобы хотя отчасти исправить эту, увы, ничѣмъ непростительную легкомысленность, надобно бы непремѣнно поставить на могилу Ш—ка мраморный крестъ.

Какъ вамъ ни трудно разстаться съ портретомъ Ш—ка, я прошу васъ его мнѣ возвратить, также и хату, которую не онъ рисовалъ, а я срисовала изъ его книжки, гдѣ было нѣсколько набросковъ, имъ сдѣланныхъ.

Еще разъ благодарю за книжку и желаю вамъ отъ искренняго сердца всего лучшаго. Всегда готовая къ услугамъ В. Репнина.

17 августа 1882 г. Москва.

3.

М. Г. М. К. простите меня, что я такъ долго не отвѣчала на послѣднее письмо ваше. 1-го декабря вышлю вамъ копіи съ драгоцѣнныхъ писемъ Ш—ка изъ ссылки. Я нахожу, что портретъ его можно продавать *лишь* съ тѣмъ, чтобы умножить туго собираемую сумму для замѣны сгнившаго креста; недавно читала, что этотъ крестъ окончательно разрушенъ и могила осыпалась. Если это правда, то я могла бы прислать немного денегъ, чтобы замѣнить разрушенный крестъ такимъ же деревяннымъ, лишь для того, чтобы вспомнили мѣсто могилы Ш—ка; а весной можно будетъ, коли Богъ дастъ, поправить могилу и водрузить гранитный крестъ. Какъ вы думаете, кому можно бы было поручить это временное исправленіе могилы? Прошу васъ сообщить мнѣ адрессъ Ѳ. М. Лазаревскаго. Примите увѣреніе и проч. В. Репнина.

13 ноября 1882 Москва.

4.

Москва 5 янв. 1883 г.

М. Г. Благодарю васъ за присылку портрета Ш—ка и его хаты. Со временемъ и то и другое возвратится къ вамъ. Я слышала съ большимъ удовольствіемъ, что полтавское земство въ послѣднемъ своемъ засѣданіи положило дать 500 руб. на поправку могилы Ш—ка; до весны, прежде которой нельзя будетъ приняться за это дѣло, дастъ Богъ еще собрать денегъ. Какъ скоро вы приступите ко второму изданію біографіи Ш—ка, я вышлю вамъ его письма изъ ссылки. Примите выраженіе моего сочувствія къ вашимъ трудамъ. Съ истиннымъ почтеніемъ В. Репнина.

5.

Москва 22 марта 1883 г.

Вотъ вамъ копіи съ писемъ Шевченка изъ ссылки. Они такъ васъ обрадуютъ, почтеннѣйшій М. К., что заставятъ васъ простить мнѣ неудовлетворительные отвѣты на ваши вопросы. Я получила письмо отъ Ѳ. М. Лазаревскаго, которому хочу сегодня отвѣчать. Простите и дай Богъ вамъ успѣха для 2-го изданія вашего. Съ истиннымъ сочувствіемъ готовая къ услуг. В. Р.

6.

Москва 2 августа 1883 г.

Я надѣюсь, что вы, М. Г., получили письма Шевченка и что вы были довольны, прочитавъ ихъ; послѣ смерти моей вы получите оригиналы и портретъ Тараса. Но не о немъ теперь. Я узнала, что Полтавское земство собрало сумму для приведенія въ порядокъ его могилы и что г. Тарновскій этимъ также занимается. Съ своей стороны я вручила здѣсь въ Москвѣ моему племяннику Кн. Репнину собранную маленькую сумму, которую онъ отправитъ въ земство.

Если вы одолжите меня отвѣтомъ, то надѣюсь, что вы напишете мнѣ, что сдѣлано и что будутъ дѣлать съ могилой незабвеннаго Тараса и скоро ли вы издадите новую о немъ книгу.

Съ истиннымъ почтен. и проч. В. Репнина.

P. S. Я перешла на новую квартиру, на малую Спиридоновку, домъ Левенцовой.

Сообщ. **М. Чалый.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

История зарожденія и развитія идей о славянской взаимности, отразившихся и въ Кіевѣ конца 40-хъ годовъ въ извѣстной неосуществившейся попыткѣ составить кружокъ „Кирилло-Меѳодіевскаго общества“, еще ждетъ своего изслѣдователя. Случайно опубликованные уже матеріалы даютъ мало для разъясненія истинной исторіи этого идеалистическаго умственнаго движенія. Недоступность для широкой публики матеріаловъ архивныхъ заставляетъ думать, что эта исторія еще нескоро получитъ полное и достовѣрное освѣщеніе. Правда, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г. (№ 7) опубликованъ весьма интересный докладъ графа Орлова имп. Николаю I о бывшемъ въ Кіевѣ покушеніи на образованіе общества „славянистовъ“, но спеціальность задачи доклада не позволила автору его подробно коснуться идей, которыя руководили кіевскими „славянистами“ въ ихъ мечтательныхъ проектахъ, не получившихъ осязательной формы и оставшихся, какъ извѣстно, въ зачаточномъ состояніи. Здравый смыслъ графа Орлова далъ надлежащую оцѣнку этой попыткѣ со стороны формально-юридической, заставилъ его признать, что въ дѣйствительности никакого общества славянистовъ не существовало, что Костомаровъ, Гулакъ и В. Бѣлозерскій лишь мечтали объ этомъ ученымъ образомъ, но въ чемъ собственно заключались эти ученыя мечтанія трехъ юношей—донынѣ покрыто довольно густымъ туманомъ.

Въ переданныхъ редакціи сыномъ покойнаго Н. А. Ригельмана черновыхъ замѣткахъ и копіяхъ разныхъ писемъ найдена

записка, или скорѣе проектъ записки, которая способна пролить нѣкоторый свѣтъ на умственныя настроенія кружка „славянистовъ“. Редакція тѣмъ охотнѣе даетъ мѣсто выдержкамъ изъ этой записки, что въ ней есть нѣсколько замѣчаній, посвященныхъ Т. Г. Шевченку. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, записка составлена была по замѣткамъ лица, близко стоявшаго къ кіевскимъ „славянистамъ“ 40-хъ годовъ; покойный Н. А. Ригельманъ, какъ видно изъ писемъ его къ Ганкѣ и Штуру („Кіев. Стар.“ 1897 г. № 1), живо интересовался въ то время славянскимъ вопросомъ и повидимому собиралъ матеріалы для его исторіи. Какъ кажется, записку слѣдуетъ отнести къ 1847 или 1848 году.

„Уставъ славянскаго общества составленъ на основаніи разныхъ сочиненій, дѣйствовавшихъ на ихъ воображеніе, а также по примѣру тѣхъ учено-литературныхъ обществъ, которыя существуютъ у чеховъ, лужичанъ и сербовъ. Общество это существовало только въ мысли, а не на дѣлѣ, и никто не принимался за его учрежденіе и распоряженіе. Названіе „общество“ употреблено было не въ томъ смыслѣ, какой именно оно имѣетъ, и притомъ человѣкомъ, который даже не понималъ подозрительнаго значенія этого слова. Подъ обществомъ разумѣется большое число людей, связанныхъ между собою чѣмъ-либо однимъ для всѣхъ ихъ общимъ. Но задумано общество однимъ, когда же къ этому слову прибавлено было „Св. Кирилла и Меѳодія“, причастныхъ было трое—Костомаровъ, Гулакъ и Бѣлозерскій. На дальнѣйшее число оно не распространялось, ибо они скоро увидѣли несообразность и неопытность своихъ мыслей. Они заблуждались на время, и вотъ путь сего заблужденія.“

„Жизнь человѣческая бѣдна безъ дѣятельности; но отъ того, какое направленіе приметъ дѣятельность, и жизнь человѣка становится правильною или неправильною, полезною или вредною. Горе молодому человѣку, если какая-нибудь мысль привьется къ нему въ то время, когда онъ еще слишкомъ неопытенъ и не въ состояніи понять и обсудить ее основательно. Тогда дѣятель-

ность его уподобляется колосу, обвитому негоднымъ растеніемъ: онъ мало по малу хилѣетъ, теряетъ свою силу, и, если благодѣтельная рука не избавитъ его отъ вредоноснаго привитка, вмѣсто того, чтобы принести плодъ, становится безполезной соломой".

„Будучи студентомъ, онъ (?) читалъ съ большимъ вниманіемъ все, что относилось къ славянамъ, и такимъ образомъ постепенно знакомился съ исторіею, литературою и языкомъ славянскихъ племенъ. Его восхищало воодушевленіе, съ которымъ они стараются возродить свою народность, и всякій порывъ поэта или ученаго къ поддержанію ихъ въ этомъ стремленіи радовалъ его. Наконецъ, ему стала извѣстна идея панславизма, и она до такой степени его восхитила, что онъ предался ей всѣмъ сердцемъ. Онъ читалъ разсужденія pro и contra онаго въ французскихъ, нѣмецкихъ и нашихъ журналахъ и долго не зналъ, на чемъ остановиться. Наконецъ, онъ сдѣлался поборникомъ панславизма, и такъ объяснялъ себѣ его значеніе: Панславизмъ есть соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ въ одну общую семью, которая, будучи воодушевлена любовію къ человѣчеству, должна развить въ средѣ своей христіанскія правила жизни, примѣнить ихъ къ обществу и такимъ образомъ принести новый элементъ и, такъ сказать, дать новый толчекъ для всемірной дѣятельности. Посему всякое препятствіе къ полюбовному соединенію славянъ должно быть отвергаемо. Къ таковымъ препятствіямъ относились: а) Вліяніе чуждыхъ племенъ на славянъ, вредное въ томъ отношеніи, что славяне не могутъ подать другъ другу руку помощи и забываютъ свое общее родство и народность; б) происходящее оттого разъединеніе и вражда славянскихъ племенъ; в) разность религій, ими исповѣдуемыхъ; г) непросвѣщенность и недѣятельность многихъ членовъ общества".

„Вслѣдствіе сего: а) должно стараться отдалять вліяніе чужеземныхъ идей, исполненныхъ космополитизма и противныхъ славянскимъ чувствамъ; б) утверждать въ славянскихъ племенахъ сознаніе ихъ общей народности. Отъ этого произошло недовольство многими мыслями, встрѣчаемыми въ нѣкоторыхъ нашихъ журналахъ, уничтожающими народное чувство,—и жела-

ланіе собирать матеріалы, относящіеся къ изученію Малороссіи.—Должно стараться поселить согласіе и любовь между племенами, раздружившимися отъ стеченія обстоятельствъ; в) разъяснить вопросъ о первоначальномъ введеніи христіанской вѣры у славянъ и показать древнѣйшее исповѣданіе ими вѣры греческой, къ которой склонились сами протестанты, какъ въ прежнее, такъ и въ новѣйшее время, по причинѣ ея неискаженности, сохранившейся отъ временъ апостольскихъ, и духа любви, который въ ней преобладаетъ; г) заботиться о распространеніи правильныхъ свѣдѣній и образованности и возбуждать къ дѣятельности ученой или гражданской тѣхъ, кои, имѣя для этого способности, симъ пренебрегаютъ".

„Въ это время онъ былъ нездоровъ и началъ думать о томъ, какимъ образомъ скорѣе увидѣть исполненіе своихъ желаній касательно славянъ; тогда же, раздосадованный какою-то выходкою противъ славянъ и Малороссіи въ „Библіотекѣ для Чтенія", въ ипохондрическомъ расположеніи духа написалъ онъ небольшую статью, навлекшую на него сомнѣніе [1])".

„Здѣсь есть желаніе равенства, навѣянное французскими идеями, и вмѣстѣ потребность дѣйствовать въ духѣ кротости и миролюбія, свойственныхъ его характеру. Неестественное настроеніе, въ которомъ находились его мысли, не могло оставаться на долгое время, и какъ только опытность и познанія историческія расширились, онъ увидѣлъ, что въ его образѣ мыслей было много мечтательнаго и дѣтскаго, и они начали опадать, какъ увядшіе листья; онъ увидѣлъ, что думать такъ, какъ онъ думалъ, значитъ желать, чтобы исторія совсѣмъ измѣнила свой ходъ, что́ невозможно по причинѣ непреложныхъ законовъ, лежащихъ въ ея основѣ. Тогда мысль его обратилась въ другую сторону. И хотя и въ то время онъ былъ слишкомъ неоснователенъ и неопытенъ, но по крайней мѣрѣ избралъ для себя цѣль, которая была ближе и къ нему, и къ исполненію. Онъ обратилъ больше вниманія на себя самого и началъ прилагать ста-

---

[1]) Въ рукописи примѣчаніе карандашемъ: „Какая сія статья? и гдѣ напечатана? Надо раздобыть". *Ред.*

равія объ исправленіи своихъ собственныхъ недостатковъ и о томъ, чтобы дары христіанскаго ученія и просвѣщенія передавать другимъ, съ коими будетъ поставленъ въ соприкосновеніе. Однакожъ чувство любви ко всѣмъ славянамъ вообще и къ русскимъ въ особенности его не оставляло, но сдѣлалось тише и натуральнѣе, и онъ боялся уже заниматься мечтательными предположеніями, ни къ чему не ведущими".

„Въ это время онъ познакомился съ Костомаровымъ и Гулакомъ, которые подобно ему занимались изученіемъ славянскаго міра по разнымъ отраслямъ, и идея панславизма равно ихъ занимала. Мало по малу разговоры ихъ склонились къ славянскимъ, и общая любовь къ нимъ воодушевила и соблазнила ихъ другъ съ другомъ. Ихъ особенно досадовало то равнодушіе къ родственнымъ племенамъ, которое замѣчали въ своихъ журналахъ, и неразумѣніе славянскаго вопроса, встрѣчаемое въ обществѣ; но они радовались, что наше правительство знаетъ это и повидимому покровительствуетъ славянскому движенію. Они согласились въ средствѣ, которое должно избрать для того, чтобы поселить въ русскихъ сочувствіе къ славянамъ и къ ихъ идеѣ: составить между собою дружескій союзъ, который бы старался дѣйствовать на читателей, ознакомляя ихъ съ славянами, и въ воспоминаніе этого носить кольца или образа съ изображеніемъ просвѣтителей славянъ христіанскою вѣрою. Буквы для написанія именъ избраны Костомаровымъ глаголитскія, какъ древнѣйшія. Но это не считалось необходимымъ условіемъ, ибо заключало въ себѣ нѣчто подозрительное: они же не думали скрываться, но говорить объ этомъ во всеуслышаніе не рѣшались, опасаясь осмѣянія, какимъ обыкновенно встрѣчаютъ людей и особенно молодыхъ, которые хотятъ произвести нѣчто новое. Имѣлъ ли кто подобное кольцо или образъ, неизвѣстно."

„Они думали, что правительство одобритъ ихъ собранія, цѣлью коихъ въ это время не было ничего противнаго. Особенно ихъ интересовала мысль о соединеніи славянъ въ единое государство съ одною при томъ господствующею религіею, и они создавали въ своемъ воображеніи разныя средства, какія могли бы привести ее въ исполненіе. Одна Россія, говорили

они, способна совершить такой переворотъ и не убоится стать лицомъ къ лицу съ остальною Европою. Для этого необходима только твердая воля и умъ сильный, который бы могъ направить ея дѣйствіе смѣло и прямо къ цѣли, слѣдовательно, одинъ только нынѣ царствующій Императоръ можетъ совершить это важное дѣло. Иногда имъ казалось, что это непремѣнно при нихъ сбудется, а иногда предполагали, что государю не угодно будетъ подать теперь руку спасенія страждущимъ племенамъ славянскимъ, потому что его вниманіе устремлено на внутреннее устройство собственнаго государства, что слѣдовательно, дѣятельность его чрезвычайно обширна".

„Поэтому, думали они, слѣдуетъ устремить на этотъ предметъ свое стараніе и дѣйствовать научнымъ путемъ—имъ, занимающимся наукою и принявшимъ на себя обязанность наставителей. Единственнымъ средствомъ они для сего предполагали воодушевленіе всѣхъ славянъ, и русскихъ въ особенности, этой идеей, распространяемой во всѣхъ слояхъ общества посредствомъ просвѣщенія. Они думали, что если народы славянскіе почувствуютъ сильно потребность братскаго соединенія, то оно должно само собою совершиться, ибо иностранныя державы увидятъ явную невозможность удержать моральное стремленіе славянскихъ племенъ и сами собою уступятъ то, чѣмъ завладѣли во время бѣдствій, постигавшихъ славянскіе народы въ разныя эпохи."

„Такое теченіе мыслей привело ихъ къ той, что главнымъ препятствіемъ къ распространенію у славянъ образованности, долженствовавшей развить въ нихъ сознаніе взаимнаго братства, они почитали крестьянство, которое нигдѣ не представляется въ такомъ видѣ, какъ въ Малороссіи. Право владѣнія крестьянами они считали вредомъ для государства, и имъ казалось, что правительство старается болѣе и болѣе ограничить, смягчить это право, и не проминуетъ случая, когда можетъ освободить крѣпостныхъ. Они думали, что обязанность помѣщиковъ и всякаго имѣющаго средства—какъ по человѣколюбію, такъ и для взаимной выгоды—облегчать положеніе крестьянъ, заводя для нихъ школы, сообразныя съ ихъ земледѣльческимъ бытомъ, на что

правительство не можетъ употреблять суммъ, которыя бы не восполнились; для казенныхъ же крестьянъ заведены школы. Они всегда думали, что правительство невпримѣръ великодушнѣе общества; они полагали, что ихъ стремленія, проистекающія единственно изъ любви къ человѣку, найдутъ у него покровительство; что имъ слѣдуетъ только писать полезныя для народа сочиненія, а оно распространитъ ихъ. Они основывались на томъ, что издаются „Сельское Чтеніе" и другія книги для простонародья, заводятся для него пріюты, и онъ такъ былъ въ этомъ увѣренъ, что, не смотря на свою неопытность, написалъ начерно проектъ просьбы о заведеніи въ Полтавѣ школы для дѣтей, взятыхъ изъ селеній, въ которой бы обучали закону божію, ремесламъ простымъ, земледѣлію и соприкосновеннымъ съ нимъ свѣдѣніямъ, полезнымъ для домашней сельской жизни, съ тою цѣлію, чтобы обучавшійся, по окончаніи курса, возвратился въ свой домъ и къ занятіямъ своего состоянія, но съ болѣе основательными свѣдѣніями, которыя бы представили ему возможность извлечь больше удобствъ и выгодъ въ своемъ быту. Этотъ проектъ начинается слѣдующими словами: „Благодѣтельнѣйшая цѣль правительства ввести мало по малу образованіе въ бытѣ низшаго класса народа, полезное въ его домашней и сельской жизни, не можетъ быть достигнута вдругъ по причинѣ огромныхъ требованій и недостатка въ дѣятеляхъ-образователяхъ". Эта мысль показываетъ, что онъ не почиталъ противнымъ правительству стараніе о введеніи образованности въ простой народъ; притомъ онъ намѣревался представить сей проектъ въ палату гос. имуществъ и, въ случаѣ дозволенія, собирать пожертвованія не только денегъ, но и матеріаловъ, потребныхъ для устройства маленькой школы; но ему отсовѣтовали это какъ безполезное и неудобоисполнимое".

„Чѣмъ болѣе они пріобрѣтали опытности, тѣмъ болѣе увѣрялись въ несообразности своихъ понятій; они видѣли, что общество не можетъ сочувствовать имъ: и ихъ мысли становились правильнѣе, желанія умѣреннѣе и основательнѣе. Названіе „общество" для нихъ исчезло и даже сдѣлалось смѣшно, ибо не имѣло никакого примѣненія. Костомаровъ по свойству своего

характера, наклоннаго къ строгому изслѣдованію исторіи, обращалъ ихъ вниманіе на изученіе фактовъ и совѣтовалъ бросить славянскую хвастливость; Гулакъ, будучи характера серьезнаго и укрѣпленнаго нѣмецкою ученостью, требовалъ, чтобы Костомаровъ доказывалъ свои мысли фактами: и они соглашались съ нимъ въ томъ, что русскій народъ является въ своей исторіи съ характеромъ мощнымъ и что слѣдуетъ предоставить движеніе славянскихъ племенъ исторіи, коей теченіе долженъ указать представительствующій и предводительствующій имъ народъ русскій. Они согласны были, наконецъ, въ томъ, что для правильности идей необходимо твердое познаніе фактовъ и близкое знакомство съ характеромъ народа, съ его установленіями, поэзіею, нравами и обычаями и проч., и они стали подвергать историческую жизнь славянъ строгому критическому разбору и серьезнѣе заниматься изученіемъ славянскихъ народовъ. Первымъ и главнымъ средствомъ къ этому—языкъ изучаемаго народа, и такъ какъ малорусскій языкъ былъ изъ незнакомыхъ къ нимъ ближайшимъ, то они обратились къ занятію онымъ. Съ этимъ соединилось изученіе русской исторіи, и ихъ стали занимать всѣ подробности древней ея части: они, можно сказать, погрузились тогда въ имена и факты".

„Въ такомъ расположеніи были ихъ умы, когда Марковичъ и Навроцкій познакомились ближе съ Костомаровымъ, ибо съ двумя другими[1]) они были знакомы прежде. Но М. и Н. не сочувствовали тому интересу, какой возбуждали у трехъ друзей славяне, ибо никто, кромѣ сихъ трехъ, не занимался славянствомъ Они въ ту пору находились посреди толковъ трехъ ученыхъ о норманнахъ и варягахъ, о язывахъ, берендѣяхъ, торкахъ и другихъ народахъ, нѣкогда населявшихъ нынѣшнія земли,—чтб ихъ мало интересовало. У М. и Н. была только любовь къ родной странѣ, къ языку ея и поэзіи, и вообще ко всему родному и къ наукѣ, ихъ занимало объясненіе религіозныхъ и нравственныхъ истинъ; славянъ же они не знали и потому не могли

[1]) Надо думать, съ Гулакомъ и В. Бѣлозерскимъ.—*Ред.*

сочувствовать вполнѣ воодушевленію, съ которымъ о нихъ говорили три ученые друга."

„Одинъ изъ друзей скоро былъ вызванъ въ Полтавскій корпусъ [1]); Костомаровъ отъ продолжительныхъ и непрерывныхъ занятій заболѣлъ и, по совѣту врачей, отправился для излеченія морскими ваннами въ Одессу. Они разстались охладѣвшіе къ славянской идеѣ и только думали объ изученіи фактическомъ, о собственномъ нравственномъ совершенствованіи и о вѣрномъ выполненіи своихъ обязанностей. Вниманіе ихъ наиболѣе было устремлено теперь къ человѣколюбію и наукѣ".

„Что касается до самобытности славянскихъ племенъ, бывшей предметомъ сужденія трехъ друзей, то ея не представляли политически отдѣльною въ каждомъ, а чѣмъ то подобнымъ тому, какъ семьянинъ въ родной семьѣ, въ которой онъ и зависимъ отъ другого старшаго члена, и вмѣстѣ независимъ по тѣмъ правамъ, какія даетъ ему любовь старшаго. Объ отдѣльной самобытности Малороссіи никто изъ славянистовъ не мечталъ. Желали того только, что пояснено выше, именно освобожденія крестьянъ, просвѣщенія, любви къ своему языку и процвѣтанія литературы. Въ этомъ они полагали самобытность всякаго народа. У славянистовъ желанія склонялись на сторону моральную и отнюдь не къ матеріальной. Просвѣщеніе считали предохранительнымъ средствомъ противъ кровопролитія и насилія. Духъ кротости и миролюбія христіанскаго составлялъ всегда главную заботу славянистовъ, и на многія возстанія народныя въ земляхъ славянскихъ они смотрѣли, какъ на дѣйствія враждебной и вредной для славянъ политики чужеземцевъ. Необразованный человѣкъ, съ грубыми чувствами и понятіями, въ порывѣ гнѣва ужаснѣе звѣря. Мысль о горестныхъ послѣдствіяхъ необразованности раздраженнаго человѣка выражена и въ посланіи къ землякамъ у Шевченка, гдѣ онъ говоритъ: „ибо необразованное око заглянетъ въ вашу душу слишкомъ глубоко." Посему учрежденіе школъ было общимъ желаніемъ всѣхъ, раз-

---

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о В. Бѣлозерскомъ, впослѣдствіи редакторѣ „Основы". *Ред.*

мышлявшихъ о пользѣ общей; особыхъ плановъ, по которымъ бы устраивались школы, не было; содержаніе книгъ, назначенныхъ для простого народа, тоже не было опредѣлено, и денегъ не собиралось, такъ какъ учрежденіе школъ оставалось только предположеніемъ, которое не могло исполниться".

„Нельзя навѣрное опредѣлить ни начала, ни времени учрежденія общества славянистовъ, ни указать, кто желалъ именно того или другого. Приблизительно можно назначить конецъ 1844 и 1845 г.; въ послѣдующее время идеи принимали болѣе правильный ходъ. Никто не наставлялъ и ни отъ кого не учились: мысли были приведены въ движеніе одними учеными занятіями, касающимися славянъ. Въ настоящую эпоху, ни одно занятіе не могло быть столь близко: оттого оно и подѣйствовало сильно на воображеніе. Общество славянистовъ никогда не заключало въ себѣ никакихъ намѣреній, противныхъ государственному порядку. Неправильныя мысли оставались всегда мыслями— не болѣе, и то—въ самомъ маломъ кругу. Если же извѣстныя идеи и были приняты нѣсколькими молодыми людьми, то это произошло единственно оттого, что они не понимали еще той истины, что теорія и практическая дѣйствительная жизнь идутъ совсѣмъ различными путями; при томъ же, всѣ ихъ стремленія ограничивались одною наукой и литературой, которыя и породили панславистическія идеи, да умственными, никогда на дѣлѣ неоказавшимися, заботами о потребности образовать низшій классъ народа. Изъ этого единственно научнаго источника проистекали и къ нему же возвращались всѣ стремленія славянистовъ".

„Дѣйствія Костомарова, имѣвшія кажущееся отношеніе къ задачѣ отщества, состояли въ томъ только, что онъ старался поселить въ ученикахъ своихъ любовь къ родственнымъ славянскимъ племенамъ, основанную на безпристрастномъ судѣ о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Это, нужно замѣтить, составляло самую малую часть его дѣятельности. Два года былъ онъ учителемъ гимназіи и нѣсколько мѣсяцевъ преподавалъ русскую исторію въ университетѣ. Онъ велъ жизнь уединенную, посвященную прилежнѣйшему изученію историческихъ матеріаловъ и при-

личную человѣку, совершенно преданному наукѣ, составлялъ лекціи по части всеобщей и преимущественно русской исторіи, въ преподаваніи коей имъ было принято за правило не вводить собственныхъ придуманныхъ идей, а представлять лишь живо картину прошедшаго, самые факты исторіи. Выполненіе учительской должности безукоризненнымъ образомъ онъ считалъ своею священною обязанностью, и ничто не могло отвлечь его отъ урока. Въ характерѣ Костомарова была та особенность, что онъ, въ противорѣчіе съ ему свойственнымъ, строго-критическимъ изслѣдованіемъ фактовъ, какъ бы нарочно увлекался какою нибудь, иногда самою обыкновенною идеей, которую онъ хотѣлъ себѣ уяснить, и, доводя, въ своемъ воображеніи, оную до крайности, оставлялъ ее какъ безполезную. Отъ этого, напримѣръ, произошло то, что онъ захотѣлъ видѣть свое сочиненіе „Миѳологія славянъ“ напечатаннымъ церковно-славянскими буквами, а потомъ самъ жалѣлъ объ этомъ. Къ концу сего времени онъ видимо становился серьезнѣе и осторожнѣе и одушевлялся для учено-литературной дѣятельности. Ни съ кѣмъ, кромѣ Гулака и В. Бѣлозерскаго, Костомаровъ не сближался“.

„Гулакъ преимущественно занимался юриспруденціею; первоначально изучалъ римское и германское право, а потомъ законодательство и вообще жизнь славянскихъ народовъ. Изъ дерптскаго университета онъ вынесъ рѣдкія познанія, любовь къ ученымъ занятіямъ и нѣмецкую честность и порядочность. Онъ желалъ, чтобы все существующее вытекало изъ логическихъ законовъ, и осуждалъ всякій поступокъ, который не подходилъ подъ оные. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ выражалась необыкновенная скромность и благоразуміе, свойственныя его характеру; поступки его были напечатлѣны честностію и уваженіемъ къ праву каждаго человѣка на обходительное съ нимъ обращеніе. Сужденіе свое онъ предлагалъ съ величайшею осторожностью и безъ всякой самоувѣренности, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ справедливости онаго. Гулакъ не старался о томъ, чтобы распространить идеи, которыя его занимали, а больше заботился о томъ, чтобы объяснять ихъ для самого себя: съ этою цѣлью онъ и хранилъ бумаги, заключавшія въ себѣ предметы, на кои умъ

его нѣкогда устремлялся. Выполненіе закона онъ считалъ непреложнымъ".

„Шевченко, сколько можно было замѣтить въ короткія съ нимъ встрѣчи, всегда являлся какъ поэтъ-сирота, испытавшій въ жизни много горя и, кажется, еще болѣе страдавшій въ себѣ самомъ. Онъ видимо мучился своимъ положеніемъ и, по временамъ, старался погрузиться въ забытье, употребляя горячіе напитки. Въ послѣднее однакожъ время онъ сталъ внимательнѣе замѣчать свои недостатки и заботился о своемъ образованіи. Отъ него почти никогда нельзя было услышать собственнаго его стихотворенія; иногда только онъ начиналъ произносить самъ для себя какіе либо стихи и обыкновенно оканчивалъ словами— не знаю! Едва ли кто слышалъ отъ него какое нибудь патріотическое (?) желаніе или убѣжденіе; онъ не старался никого привлекать на свою сторону. Онъ болѣзновалъ только надъ положеніемъ крестьянъ и выражалъ свою досаду на помѣщиковъ, или разсказывая какой нибудь смѣшной анекдотъ, или съ горькимъ смѣхомъ произнося отрывистую фразу. Иногда онъ говорилъ: „я ничóго нехóчу—тилькы щобъ люде свого не цуралысь". Любилъ онъ пѣть малороссійскія пѣсни, которыя ставилъ выше всѣхъ своихъ произведеній; часто пѣлъ онъ и русскія и восхищался ими. Можно думать, что онъ не имѣлъ никакихъ дерзкихъ намѣреній и въ естественномъ состояніи не сочувствовалъ тому, что написалъ подъ вліяніемъ печальнаго расположенія духа". Съ лѣтами онъ, безъ сомнѣнія, весьма бы перемѣнился; сердце у него доброе, но невоспитанное и несчастное и, быть можетъ, самъ онъ причиною своего несчастія".

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА II[1]).

Рескриптъ 26 октября 1781 г.—Указъ 3 мая 1783 г.—Преобразованіе козачьихъ полковъ въ регулярные.—Шляхетскія права и дворянская грамота.—Депутатскія собранія. Затрудненія въ разборѣ дворянства.—Разъясненія Румянцева.—Дворянскія родословія.

Съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія объединительная политика правительства, ограничивавшаяся до сихъ поръ частичными мѣрами и полумѣрами, дѣлаетъ рѣшительный шагъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи вводится учрежденіе о губерніяхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и шляхетство въ области мѣстнаго самоуправленія получаетъ всѣ тѣ права, какими въ Великой Россіи пользовалось только родовое дворянство. Въ рескриптѣ Румянцеву отъ 26 октября 1781 г. читаемъ: „Выборъ въ дворянскіе засѣдатели совѣстныхъ и верхнихъ земскихъ судовъ, въ предводители, въ уѣздные судьи и дворянскіе засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ, по точной силѣ учрежденій нашихъ, принадлежитъ дворянству, вотчины и помѣстья свои въ тѣхъ губерніяхъ имѣющему, такъ, какъ и избираемые изъ нихъ же должны быть, не препятствуя тѣмъ изъ нихъ выбраннымъ, кои хотя и въ тамошней военной службѣ находятся, но отъ оной въ земскую перейти пожелали бы“. „Дворянствомъ, вотчины и помѣстья

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 1.

свои имѣющимъ", оказался въ Малороссіи именно тотъ классъ, который именовалъ себя шляхетствомъ; къ нему то и перешли всѣ тѣ права, которыя учрежденіе о губерніяхъ предоставляетъ только дворянамъ. Шляхетство было допущено къ выборамъ во всѣ должности, замѣщеніе коихъ, по закону, зависѣло отъ дворянства, и въ этомъ отношеніи достигло полнаго уравненія съ высшимъ сословіемъ имперіи. Введеніе въ дѣйствіе учрежденія о губерніяхъ осуществило и другое давнишнее желаніе шляхетства,—желаніе выдѣлиться въ особое сословіе. До сихъ поръ шляхтичъ, даже гербованный, судился въ одномъ судѣ съ какимъ-нибудь козацкимъ подпомощникомъ, и передъ лицомъ украинской Өемиды и тотъ, и другой были одинаково равноправными шляхтичами; съ введеніемъ новыхъ учрежденій шляхетство получило свой сословный судъ, въ которомъ уже не было мѣста людямъ козацкой и простонародной породы: для нихъ существовали теперь нижнія расправы. Обособленію шляхетства способствовалъ и обѣщанный рескриптомъ разборъ его правъ. „А какимъ образомъ о разборѣ дворянства поступать—гласилъ высочайшій рескриптъ—мы сообщаемъ вамъ для руководства и для наставленія тамошнихъ дворянскихъ предводителей съ ихъ обществомъ заготовленный нами проектъ главы о дворянствѣ, въ которомъ ясно и подробно описаны всѣ тѣ качества и достоинства, которыя ко утвержденію благородства служатъ и кои вы для такого употребленія прикажите выписать и сообщить имъ" [1]). Осуществлялось такимъ образомъ то, о чемъ шляхетство ходатайствовало еще 15 лѣтъ назадъ черезъ своихъ депутатовъ въ Коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Обѣщанный рескриптомъ разборъ долженъ былъ окончательно обособить шляхетство отъ остальныхъ слоевъ населенія, предоставивъ въ его исключительное пользованіе всѣ законныя права и привилегіи благороднаго сословія, на которыя до сихъ поръ имѣли дерзость посягать иногда и люди простонародной породы.

Какъ производился разборъ шляхетства, объ этомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, а пока остановимся на другихъ

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 114; Полн. Собр. Зак., т. XXI, ст. 15265.

распоряженіяхъ правительства, оказавшихъ вліяніе на превращеніе командующаго класса въ дворянство. Такими распоряженіями были: указъ 3 мая 1783 г., запретившій малорусскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто, и указъ 28 іюля 1783 г. о преобразованіи малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ регулярные.

Малорусское крестьянство уже давно находилось въ полной зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, тѣмъ не менѣе это были только „подданные", а не крѣпостные. Посполитый, отбывавшій на своего пана всякія „работизны и послушенства", пользовался, однако, правомъ въ любое время оставить своего владѣльца и избрать иное мѣсто жительства. Правда, это право было ограничено разными стѣснительными условіями, сводившими его почти къ нулю [1]), тѣмъ не менѣе оно существовало, и юридически посполитый считался все-таки свободнымъ человѣкомъ. Это признавало за нимъ неоднократно и само центральное правительство, не далѣе какъ въ 1763 г. подтвердившее малороссійскому народу право вольнаго перехода. Для малорусскаго панства право владѣнія крѣпостными людьми было самой завидной изъ привилегій русскаго дворянства: объ этомъ краснорѣчиво ораторствовали представители шляхетства на Глуховскомъ съѣздѣ 1763 г., объ этомъ ходатайствовали они въ то время и передъ центральнымъ правительствомъ, доказывая, что закрѣпощеніе подданныхъ будетъ только возстановленіемъ древнихъ правъ и вольностей малороссійскаго народа [2]). Теперь само правительство предоставляло эту привилегію въ руки шляхетства и такимъ образомъ равняло его съ столбовымъ русскимъ дворянствомъ. Указъ 3 мая 1783 г. сдѣлалъ козацкихъ старшинъ такими же точно помѣщиками, какими были потомки лицъ, записанныхъ въ боярскія книги.

Въ томъ же 1783 г. осуществилось и другое давнишнее желаніе малороссійскаго шляхетства—о пожалованіи его „необидными по чинамъ военнимъ и статскимъ классами". При пре-

---

[1]) „Кіев. Стар"., 1885 г., № 7, стр. 477.
[2]) „Кіевская Старина" 1883, № 6, стр. 317 и слѣд.

образованіи малороссійскихъ козацкихъ полковъ въ карабинерные, было велѣно находящихся въ малороссійскихъ полкахъ чиновниковъ, которые захотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства найдены будутъ способными, смотря по степенямъ и заслугамъ, опредѣлить штабъ-и оберъ-офицерами, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ чинами потому же, или же по ихъ желанію препроводить для опредѣленія къ дѣламъ [1]), а въ слѣдующемъ 1784 г. предписано было прежнихъ малороссійскихъ чиновъ болѣе не давать [2]). Въ результатѣ получилось массовое переименованіе козацкой старшины въ русскіе табельные чины. Оставшіеся въ военной службѣ полковые асаулы, хорунжіе и писари становились теперь ротмистрами, сотниками, поручиками, войсковые товарищи корнетами, а значковые товарищи и сотенная старшина—унтеръ-офицерами. Тѣ изъ старшинъ, которые не захотѣли остаться въ регулярствѣ, выпущены были въ абшидъ съ повышеніемъ однимъ чиномъ: бунчуковые товарищи и полковые обозные—премьеръ-маіорами, полковые хорунжіе, асаулы и писари—секундъ-маіорами, сотники—ротмистрами, а войсковые товарищи и сотенная старшина—корнетами. Бывшіе полковники выпущены въ отставку съ бригадирскими чинами. Что касается тѣхъ старшинъ, которые пожелали переименоваться въ табельные чины къ статскимъ дѣламъ, то и они производились примѣнительно къ военнымъ, хотя, впрочемъ, далеко не всегда однообразно: полковые, напр., писари и асаулы производились въ коллежскіе ассесоры и въ титулярные совѣтники, между тѣмъ какъ равные съ ними по служебному положенію полковые хорунжіе—въ коллежскіе регистраторы, сотники и войсковые товарищи дѣлались иногда титулярными совѣтниками, а иногда только губернскими секретарями [3]). Какъ бы то ни было, „классами“ были пожалованы всѣ, кто только имѣлъ къ этому охоту. Табельные чины раздавались даже тѣмъ, кто не имѣлъ на это ни малѣйшаго права. Авторъ воспоминаній, изданныхъ не для публики, разсказываетъ,

[1]) Ригельманъ, ч. IV, стр. 52.

[2]) Полн. собр. Зак. т. XXII, № 16117.

[3]) Чтенія Общ. истор. и др. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 103, 107.

что секретарь Румянцевской канцеляріи Дубовикъ, пользуясь довѣріемъ вельможи, между другими неблаговидными изъ корыстныхъ видовъ дѣйствіями, имѣлъ спекуляцію такого рода: кто изъ малороссійскихъ козаковъ могъ взнести ему сто серебряныхъ цѣлковыхъ, тому давалъ онъ (разумѣется, за подписью Румянцева) патентъ на чинъ корнета. Хотя деньги были тогда дороги и трудно было собрать простому козаку такую сумму отъ землепашества, но нѣкоторые изъ козачества не упускали благопріятнаго случая получить внѣ службы оберъ-офицерскій чинъ" [1]. При такихъ условіяхъ непереименованными остались только тѣ, кто почему либо не могъ просить переименованія или не хотѣлъ „по привязанности къ національнымъ малороссійскимъ чинамъ". Такимъ образомъ въ теченіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ малорусское шляхетство достигло полнаго уравненія „въ честяхъ и преимуществахъ" съ родовымъ великорусскимъ дворянствомъ: оно участвовало въ дворянскихъ выборахъ, владѣло крѣпостными мужиками и носило такіе же табельные чины, какъ и настоящее служилое дворянство.

Уравненіе „въ честяхъ и преимуществахъ" не могло еще, однако, окончательно пріобщить шляхетство, „въ сообщество единаго тѣла" съ русскимъ дворянствомъ. Причиной этому была, какъ объясняетъ *А. И. Чепа*, „разность не малая" въ правахъ и привилегіяхъ шляхетства и дворянства [2]. „Малороссійскія права", на которыя такъ любилъ ссылаться командующій классъ, были гораздо шире тѣхъ правъ, коими пользовалось русское дворянство. Для того, чтобы эта „разность" могла стереться, нужно было поднять русское дворянство до высоты шляхетскихъ привилегій. Это сдѣлала дворянская грамота 1785 г.

Чтобы понять, какую важную роль сыграла дворянская грамота въ дѣлѣ сліянія малорусскаго шляхетства съ русскимъ дворянствомъ, нужно разсмотрѣть, каковы были шляхетскія права и привилегіи и что дала дворянству грамота 1785 г.

Начнемъ съ шляхетскихъ правъ и привилегій. Шляхетство, по Статуту, есть высшее сословіе въ государствѣ; юридическія

[1] „Кіевская Старина"; 1895, № 5, стр. 220—221.

[2] Ibid, 1893, № 1, стр. 54.

права всѣхъ его членовъ „отъ высшаго до низшаго стану“ совершенно одинаковы, не смотря на различія въ общественномъ и имущественномъ положеніи (1 арт. 1 розд.). Шляхетское званіе—званіе наслѣдственное: по 20 арт. 3 розд. шляхтичъ шляхтитъ жену не шляхтянку и родившихся отъ нея дѣтей. Доступъ въ шляхетство людей простой породы допускается только за важныя военныя заслуги, и нобилитація такихъ лицъ, согласно конституціи 1588 г., производится только во время сейма съ соизволенія государя и сенаторской избы [1]). По статуту шляхетское достоинство утрачивается только въ исключительныхъ случаяхъ. Имъ не могутъ пользоваться: государственные измѣнники, убѣжавшіе въ непріятельскую землю (6 арт. 1 розд.); выволанцы, какъ люди лишенные всякаго покровительства законовъ, (5 арт. 11 розд.); лица, побывавшія въ рукахъ палача (57 арт. 11 розд.); бѣглецы съ поля сраженія (4 арт. 2 розд.) и тѣ безземельные шляхтичи, которые лишены чести за самовольный уходъ изъ войска (10 арт. 2 розд.); временная утрата шляхетства установлена статутомъ для тѣхъ шляхтичей, кои стали бы заниматься въ городахъ мѣщанскимъ ремесломъ или торговлей, но до тѣхъ только поръ, пока шляхтичъ занимается мѣщанскимъ дѣломъ (25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ судится только шляхетскимъ судомъ; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находится въ служебной зависимости отъ другого шляхтича, этотъ послѣдній имѣетъ право судить его только „засадивши при собе шляхту людей добрыхъ“ (арт. 11 розд. 3). Безъ судебнаго приговора шляхтичъ не только не можетъ быть лишенъ жизни, чести или имѣнія, но даже и арестованъ (если онъ имѣетъ осѣдлость), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ пойманъ на „горячемъ учинкѣ“ (10 арт. 3 розд. и 30 арт. 4 розд.). По Статуту никто не карается безъ суда даже за измѣну государству или преступленіе противъ „персоны господарской“ (2 арт. 1 розд.). Согласно конституціи 1565 г. дѣла о чести судятся самимъ королемъ на сеймѣ (28 арт. 1 розд. и 46 арт. 3 розд.), а по конституціи 1454 г. ни

[1]) Экстрактъ изъ указовъ, инструкцій и учрежденій., ч. X. О преимуществахъ и имѣніяхъ шляхетства.

отъ одного шляхтича не можетъ быть отобрано имущество, пока онъ не осужденъ правомъ. За свое преступленіе шляхтичъ отвѣчаетъ только самолично: ни жена за мужа, ни братъ за брата наказанію не подлежатъ; исключенія изъ этого правила допускаются только по дѣламъ объ „ображеньѣ маестату" верховной власти или измѣнѣ государству (18 арт. 1 розд.). Статутомъ установлены самые разнообразные и притомъ варварскіе способы смертной казни, тѣмъ не менѣе тѣлесное наказаніе въ тѣхъ позорящихъ формахъ, какія признаны Уложеніемъ, въ примѣненіи къ шляхетству совсѣмъ не допускается, равно какъ и пытка. Что касается смертныхъ приговоровъ, то для приведенія ихъ въ исполненіе Статутъ не требуетъ апробаціи верховной власти; коррективомъ къ этому являлись для малороссійскаго шляхетства и старшины договорныя гетманскія грамоты: по 12 пункту статей Юрія Хмельницкаго мѣстное правительство не имѣетъ права казнить смертью начальствующихъ лицъ безъ царскаго указа; тоже подтверждено въ 16 пунктѣ инструкцій резиденту Наумову и въ рѣшительныхъ пунктахъ 1728 г. Шляхтичъ не былъ избавленъ отъ обязательной военной службы, но эта служба была для него только временной повинностью: являлся онъ на службу только по распоряженію сейма (1 арт. 2 розд.) и по окончаніи войны вновь становился свободнымъ гражданиномъ, не связаннымъ никакими служебными обязательствами. Шляхтичу былъ дозволенъ свободный выѣздъ въ чужіе края, не состоявшіе во враждебныхъ отношеніяхъ съ его отечествомъ „для набитья наукъ, въ письмѣ цвиченья и учинковъ рицерскихъ и теж будучи неспособного здоровья своего для лекарствъ" (16 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпрепятственно исповѣдывать ту или другую религію по своему усмотрѣнію (3 арт. 3 розд.).

Шляхетское имѣніе находится въ полномъ распоряженіи владѣльца: онъ имѣетъ право дарить, продавать, завѣщать и вообще, какъ хотѣлъ, „шафовать" не только благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, но и родовымъ (41 арт. 3 розд.); въ случаѣ его смерти его имѣніе безпрепятственно переходитъ къ его наслѣдникамъ (17 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣетъ право селить

на своихъ земляхъ мѣстечки и заводить торги (29 арт. 1 розд.). Онъ можетъ купить себѣ домъ въ городѣ, но занятіе ремесломъ или торговлей лишаетъ его шляхетства до тѣхъ поръ, пока онъ занимается ими (49 и 25 арт. 3 розд.). Шляхтичъ имѣлъ право безпошлинно провозить продукты собственнаго хозяйства, а также и товары, купленные для своего домашняго обихода (не для торговли) (30 арт. 1 розд.). Свои имѣнія шляхетство имѣетъ право экплуатировать на поверхности и въ нѣдрахъ, какъ угодно (2 арт. 3 розд.). Шляхетскій домъ въ городѣ свободенъ отъ постоя (49 арт. 3 розд.). Шляхетскія имѣнія съ ихъ подданными свободны отъ податей и всякихъ натуральныхъ повинностей (20 арт. 3 розд.); по привилегіи кіевской землѣ 1569 г. съ панскихъ имѣній взимается подать только въ размѣрѣ 2 грошей польскихъ съ жилой уволоки, а гдѣ уволокъ нѣтъ,—по грошу съ дыма; по 29 арт. 3 розд. Статута количество поборовъ съ панскихъ имѣній опредѣляется самимъ же шляхетствомъ на вальномъ сеймѣ. Панскіе подданные, даже за проступки постороннихъ лицъ, судятся ихъ владѣльцемъ и только въ случаѣ отказа владѣльца въ удовлетвореніи потерпѣвшаго или недовольства его владѣльческимъ судомъ, дѣло переносится въ общія судебныя установленія (48 арт. и 4 розд. и 32 арт. 11 розд.) Уряды, достоинства и имѣнія не могутъ быть даваемы чужеземцамъ (12 арт. 3 розд.) или людямъ не шляхетскаго происхожденія. Безъ суда и разбора дѣла шляхтичъ не можетъ быть лишенъ своего уряда или достоинства (14 арт. 3 розд.); это правило отчасти нашло себѣ подтвержденіе и въ гетманскихъ статьяхъ: по 7 пункту статей Ю. Хмельницкаго гетманъ не можетъ собственною властью отставлять полковниковъ; по 11 пункту статей Мазепы онъ не можетъ безъ царскаго указа мѣнять генеральной старшины; тоже подтверждено инструкціей Наумову и рѣшительными пунктами 1728 г. Шляхетству всецѣло предоставлено было право сословнаго суда, какъ въ низшихъ инстанціяхъ, такъ и въ высшихъ: оно выбирало подкоморыхъ (1 арт. 9 розд.), земскихъ судей, подсудковъ, писарей и возныхъ (1 арт. 4 розд.), а также депутатовъ въ главный трибуналъ. Ему принадлежатъ широкія политическія права. Оно обсуждало на повѣто-

выхъ сеймикахъ не только мѣстныя, но и общегосударственныя нужды и выбирало пословъ въ сеймъ (6 арт. 3 розд.), которые обязаны были по возвращеніи домой отдавать на сеймикахъ отчетъ шляхетству въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій (9 арт. 3 розд.).

На вальныхъ сеймахъ шляхетство въ лицѣ своихъ депутатовъ, законодательствовало и опредѣляло налоги, объявляло войну и заключало миръ (15 арт. 3 розд. и 2 арт. 2 розд.), а на элекційныхъ избирало даже главу государства (2 арт. 3 розд.).

Таковы были шляхетскія права и вольности, на которыя изъявлялъ притязанія малорусскій командующій классъ. Посмотримъ теперь, каковы были права и вольности русскаго дворянства, дарованныя ему грамотой 1785 г.

Какъ и Статутъ, дворянская грамота признаетъ дворянское достоиство наслѣдственнымъ, передаваемымъ женѣ и дѣтямъ. Отнимается оно только за важнѣйшія преступленія: нарушеніе клятвы, измѣну, разбой, воровство, лживые поступки, преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, и за подстрекательство къ такимъ преступленіямъ. Дворянинъ не можетъ быть лишенъ чести, жизни, дворянскаго достоинства и имѣнія иначе, какъ по суду, а судится онъ только односословниками; судебный приговоръ надъ дворяниномъ, сопряженный съ лишеніемъ его дворянства, чести, или жизни, входитъ въ законную силу только послѣ аппробаціи его государемъ. Дворянинъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія; въ военной службѣ, хотя бы онъ былъ и нижнимъ чиномъ, его наказываютъ какъ оберъ-офицера. Дворянству дана свобода отъ обязательной службы государству, съ тою, впрочемъ, оговоркою, что въ важныхъ случаяхъ оно все таки обязано являться на службу по призыву правительства; къ тому же нигдѣ не служившій дворянинъ лишается права на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, предоставленномъ дворянству. Дворянству дозволенъ выѣздъ въ чужіе края и поступленіе на службу союзныхъ Россіи государствъ. Дворянинъ имѣетъ право по собственной волѣ распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, что же касается наслѣдственнаго имѣнія, то въ этомъ отношеніи воля его огра-

ничена закономъ. Наслѣдственное дворянское имѣніе, въ случаѣ осужденія его владѣльца за важное преступленіе, переходитъ къ его наслѣдникамъ. Дворянству принадлежитъ право покупать деревни, продавать продукты своего хозяйства, имѣть у себя въ деревняхъ фабрики и заводы, заводить, съ вѣдома губернскаго начальства, въ своихъ имѣніяхъ мѣстечки и въ нихъ торги и ярмарки. Дворяне могутъ покупать дома въ городахъ, „въ оныхъ заниматься рукодѣліемъ" и, по желанію, пользоваться городовымъ правомъ. Дворянамъ дозволяется продавать оптомъ, даже и за границу, произведенія своего хозяйства или заводовъ и фабрикъ. Они имѣютъ безусловное право экплуатировать принадлежащія имъ имѣнія не только на поверхности, но и въ нѣдрахъ. Дворянскій домъ въ деревнѣ свободенъ отъ постоя, а самъ дворянинъ изъемлется отъ личныхъ податей и повинностей.

Таковы личныя преимущества дворянъ, установленныя грамотою 1785 г. Ими, однако, не исчерпываются „выгоды" дворянскаго состоянія. Дворянская грамота собираетъ разсѣянныхъ по своимъ деревнямъ помѣщиковъ и организуетъ изъ нихъ въ каждой губерніи дворянскія общества. Дворянамъ предоставлено право собираться въ опредѣленные сроки для выборовъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, для выслушиванія предложеній начальства и разсужденія о своихъ сословныхъ нуждахъ. Право голоса въ собраніяхъ ограничено возрастомъ, имущественнымъ и служебнымъ цензомъ. Опороченный судомъ или сомнительный въ нравственномъ отношеніи дворянинъ можетъ быть исключенъ изъ собранія по его постановленію. Собранія дворянъ выбираютъ уѣздныхъ и губернскаго предводителей, засѣдателей верхняго земскаго и совѣстнаго судовъ, уѣзднаго или окружнаго судью и земскаго исправника, засѣдателей уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ и депутатовъ для составленія родословной книги. Дворянское собраніе имѣетъ право представлять генералъ-губернатору о своихъ общественныхъ нуждахъ и пользахъ и дѣлать черезъ депутатовъ представленія и жалобы какъ сенату, такъ и государю. За законностью постановленій дворянства слѣдитъ губернскій стряпчій. Собраніе дворянства не подлежитъ аресту. Для попеченій о дворянскихъ сиротахъ и вдовахъ при

каждомъ уѣздномъ судѣ состоитъ дворянская опека, предсѣдатель которой—предводитель, а члены—судья и его засѣдатели [1]).

Если сравнить шляхетскія права съ тѣми правами, которыя были даны дворянству грамотой 1785 г., то, конечно, перевѣсъ останется на сторонѣ первыхъ. Вспомнимъ хотя бы политическія права шляхетскаго сословія, его исключительное право на занятіе всѣхъ урядовъ и достоинствъ, право не быть безъ суда лишеннымъ занимаемой должности, не подвергаться аресту безъ судебнаго приговора, судить и наказывать своихъ крестьянъ, распоряжаться по произволу родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ, свободу шляхетскихъ имѣній отъ налоговъ и натуральныхъ повинностей... Но для того, чтобы правильно смотрѣть на дѣло, нужно вспомнить также и то, что многими и многими изъ этихъ правъ малороссійскій командующій классъ совсѣмъ не пользовался въ дѣйствительности. Политическія права шляхетства были въ дѣйствительности только журавлемъ въ небѣ, о которомъ могли мечтать развѣ завзятые идеологи: шляхетство уже давно привыкло безропотно подчиняться всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ отъ „вышней команды", къ тому же большинство его состояло не изъ „патріотовъ" въ родѣ Полетики, а изъ самыхъ заурядныхъ сотниковъ, возныхъ, полковыхъ старшинъ, для которыхъ хозяйственные и имущественные интересы были гораздо дороже права разсуждать о законахъ и управленіи: для большинства свобода винокуренія была во всякомъ случаѣ выше свободы политической. Исключительнаго права на занятіе урядовъ малорусское шляхетство никогда не имѣло, а крестьянъ своихъ, такъ же, какъ и русское дворянство, судило только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не пахло „криминаломъ" [2]).

Къ раздачѣ земель и достоинствъ „чужеземцамъ" оно уже давно привыкло: не одинъ Меньшиковъ сталъ малороссійскимъ помѣщикомъ, и не одинъ Толстой попалъ въ малороссійскіе полковники. Свободы вѣроисповѣданія шляхетству вовсе не было нужно: все оно было православнымъ. Такимъ образомъ, если

---

[1]) Жалованная грамота дворянству и городовое положеніе. Изд. типогр. Пр. Сената. Москва 1804., стр. 1—15.

[2]) Права, по которымъ судится мал. народъ, стр. 52.

исключить изъ шляхетскихъ правъ все то, чѣмъ малорусское шляхетство въ дѣйствительности не пользовалось, то и останется почти та сумма „преимуществъ и выгодъ", какая дарована была русскому дворянству грамотой 1785 г. Игнорировать этими „выгодами" малорусскому шляхетству было нельзя, хотя бы потому, что права, дарованныя дворянству Высочайшей грамотой, обѣщали быть гораздо болѣе устойчивыми, нежели шляхетскія права, нарушаемыя сплошь и рядомъ. Къ тому же и сами эти права на законномъ основаніи принадлежали только небольшой части шляхетства, тѣмъ немногимъ потомкамъ родовыхъ шляхтичей и дворянъ, которые могли представить „безсумнителныя" доказательства своего благороднаго происхожденія, а большинство, вышедшее изъ козацкой толпы, строило свои притязанія на крайне шаткихъ аргументахъ: ссылались обыкновенно на то, что козацкая старшина есть именно тотъ „рыцарскій станъ", который Статутъ сравниваетъ въ правахъ и преимуществахъ съ родовымъ шляхетствомъ. Ссылались на какую-то таинственную статью Зборовскаго трактата, въ которой будто бы заключено, „чтобы старшина войска запорожскаго по мѣстамъ и повѣтамъ королевства польскаго жили яко шляхта" [1]). Ссылались на 6 статью договора Многогрѣшнаго и 4 статью Мазепы, въ которыхъ только и сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ въ той же дворянской чести изволилъ пожаловать". Аргументы очень сомнительные, изъ которыхъ врядъ ли можно сдѣлать выводъ въ пользу шляхетскихъ правъ старшины.

---

[1]) Наставленіе выборному отъ Мал. Колл. въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія г. колл. совѣтнику и члену той же коллегіи Дм. Наталину и возраженіе депутата Григорія Полетики на оное наставленіе, Чт. Общ. ист. и др. 1858 кн. 3, отд. V, стр. 91. „Зборовскій договоръ, въ польской редакціи и въ русскомъ переводѣ напечатанный 3 томѣ „Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ" № 137, ни словомъ не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ. А между тѣмъ на него неизмѣнно ссылались всѣ защитники дворянскихъ правъ старшины, начиная съ Полетики и кончая Репнинымъ. Непонятное недоразумѣніе!

При такихъ условіяхъ малорусскому шляхетству не было никакихъ разумныхъ основаній отказываться отъ „преимуществъ и выгодъ“, предложенныхъ ему дворянской грамотой.

И оно не отказывалось. Благоразумные люди, успѣвшіе оцѣнить выгоды дворянскаго званія, успѣли „промыслить“ себѣ дворянство еще за нѣсколько лѣтъ до изданія дворянской грамоты. „Васъ поздравляю искреннѣйше и усерднѣйше новымъ дворянствомъ: промыслили вы благовременно“, писалъ въ 1782 году знаменитый Георгій Конисскій своему бывшему питомцу Г. А. Полетикѣ [1]). Не знаемъ, много ли было изъ среды шляхетства лицъ, благовременно промысливших себѣ дворянское званіе, но какъ только открылись въ Малороссіи дворянскія депутатскія собранія, претендентовъ на это званіе явилась масса. Разборъ дворянства, предписанный рескриптомъ 26 октября 1781 года, долженъ былъ начаться тотчасъ же по введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ. Выписки изъ высочайшаго проекта о дворянствѣ были сообщены для наставленія предводителямъ еще 5 и 13 декабря того же 1781 г., но дворянскія коммиссіи состоялись только въ 1784 г. „Губернскіе предводители дворянства,—разсказываетъ А. Марковичъ,—потребовали отъ уѣздныхъ доставленія дворянскихъ списковъ, по составленіи которыхъ они должны были въ каждомъ уѣздѣ со всѣми дворянами и шляхетствомъ избрать депутата для разбора дворянства“ [2]). По дошедшему до насъ ордеру къ Новгородъ-Сѣверскому предводителю дворянства Миклашевскому отъ 29 марта 1784 года, дѣло представляется нѣсколько иначе. Дворянское общество каждаго уѣзда выбирало изъ своей среды 3—4 депутатовъ, „особъ извѣстнѣйшихъ и почетнѣйшаго рода, дворянскаго достоинства“; депутаты эти являлись въ губернскій городъ и здѣсь составляли дворянскіе списки, которые передавались губернскому предводителю. Имъ то вмѣстѣ съ уѣздными депутатами и производился разборъ дворянскихъ доказательствъ [3]).

---

[1]) „Кіев. Стар., 1895, № 5, страница 239.

[2]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, изд. съ Высочайшаго соизволенія при статистическомъ отдѣленіи совѣта М. В. Д. С.-Петербургъ 1841, отд. IV, страница 7.

[3]) Собраніе рѣдкостей, стр. 146.

Дѣятельность малороссійскихъ депутатскихъ собраній 80-хъ и 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ наши дни стала своего рода притчею во языцѣхъ. Повѣсть о ихъ злоупотребленіяхъ неизмѣнно повторяется во всѣхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, касающихся вопроса о малороссійскомъ дворянствѣ. Въ основу сужденій и выводовъ кладутся обыкновенно „Замѣчанія, до Малой Россіи принадлежащія", которыя, несмотря на видимую тенденціозность ихъ автора, признаются за непреложное свидѣтельство истины. А „замѣчанія" рисуютъ цѣнителей дворянскихъ правъ шляхетства въ самомъ непривлекательномъ видѣ. По разсказу ихъ анонимнаго автора, при первомъ открытіи коммиссій для разбора дворянства въ нихъ „выбираемы были депутаты такіе, которыхъ дворянское достоинство какъ природою, такъ и чинами неоспоримо было; но въ послѣдующее время стали въ сіе важное званіе вступать и такіе люди, которые въ виду всѣхъ были купцы, или простые козаки, и разными происками получили чинъ войсковаго или бунчуковаго товарища, или полковой старшины, называли себя дворянами и вступали въ такъ деликатную и важную должность, что стали дѣлать дворянскому достоинству разборъ, по которому они и сами не могли симъ званіемъ пользоваться... Большая часть доказывающихъ свое достоинство бросилась за границу, въ бывшую Польшу, и посредствомъ жидовъ покупала у поляковъ на оное свидѣтельства, причисляя себя къ такимъ фамиліямъ, которыхъ въ Польшѣ нѣтъ и не бывало; многіе жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги таковыя свидѣтельства, и коммиссіи, безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ, ихъ принимали; многіе простые козаки и самые казенные и владѣльческіе крестьяне поступили симъ обманнымъ образомъ въ дворяне, а депутаты сдѣлали себѣ черезъ то хорошій доходъ, такъ что многіе на оные напрашивались. Словомъ сказать, изъ сего важнаго и святаго дѣла сдѣлалось торжище и лавка, и депутаты, набравъ изъ коммиссій съ пробѣломъ дворянскихъ грамотъ, оными торговали. Говорятъ, что о таковомъ злоупотребленіи былъ въ бывшей новгородъ-сѣверской губерніи на депутата Сахновскаго, въ Сосницкомъ повѣтѣ, въ с. Деговѣ проживающаго, доносъ, кото-

рый будто бы, въ казенной малороссійской палатѣ и по нынѣ неоконченнымъ лежитъ. Невозможно себѣ тѣхъ представить беззаконій, какія въ семъ случаѣ произошли: сапожники, кузнецы, мясники и другіе подобные симъ мастеровые, издревле въ семъ званіи бывшіе и подушнымъ и другимъ окладомъ изстари обложенные, теперь дворянами называются, продолжая при томъ свое ремесло. Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи нынѣ сто тысячъ дворянъ считается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ и сотой доли не было и быть не могло" [1]).

Сдѣланная авторомъ „Замѣчаній" характеристика качественнаго состава депутатскихъ собраній подтверждается и еще однимъ документомъ, дошедшимъ до насъ отъ того же времени; но этотъ документъ только сатира, правда, очень удачная, но все же сатира. Въ ней выведенъ депутатъ переяславскаго шляхетства Пляцинскій, котораго авторъ и заставляетъ разсказать свою біографію [2]). Пляцинскій—бывшій подданный переяславскаго полковника Сулимы; по освобожденіи отъ подданства получилъ онъ чинъ значковаго товарища; нигдѣ не служа въ дѣйствительности и занимаясь исключиоельно „шинковымъ промысломъ", Пляцинскій черезъ нѣсколько лѣтъ становится войсковымъ товарищемъ, а когда къ шинковому дѣлу онъ присоединилъ торговлю рыбой и солью, получаетъ чнпъ полковаго асаула, а еще нѣсколько времени спустя производится въ секундъ-маіоры. „Въ нынѣшнемъ моемъ уже маіорскомъ чинѣ,—разсказываетъ Пляцинскій,—по всеприлежнѣйшему моему для удобнѣйшей доправки шинковыхъ долговъ старанію, выбранъ былъ я въ нижній земскій судъ засѣдателемъ, но за многіе мои непорядки и противозаконные поступки по указу Правительствующаго Сената отъ сей должности отрѣшенъ, почему мнѣ быть въ дворянскомъ собраніи вовся невозможно". Пляцинскій не хочетъ, однако, торговать дворянскими грамотами, какъ дѣлали депутаты автора „Замѣчаній", а напротивъ, проситъ объ увольненіи отъ депу-

---

[1]) Чт. Общ. ист. и древн. 1884 г., кн. I, отд. II, стр. 19.

[2]) Въ „Собраніи рѣдкостей", коимъ мы пользовались, Пляцинскій названъ Климовичемъ, а прошеніе его адресовано д. с. с. гражданскому малороссійскому губернатору и кавалеру М. П. Миклашевскому. (Собраніе рѣдкостей, страница 707—721).

татской должности, въ которую онъ выбранъ „противъ воли и чаянія". Онъ пишетъ, что не можетъ себѣ и представить, какъ можно ему оставить излюбленный шинковой промыслъ и сидѣть въ дворянскомъ собраніи, гдѣ „вмѣсто представляющихся мнѣ всегда бутылокъ, кружекъ, стакановъ и чарокъ долженъ я видѣть на столѣ чернильницы, пѣсошницы и бумаги, а вомѣсто ярманковаго и торговаго народнаго шума—чтеніе секретаремъ дѣлъ, вомѣсто же того, что тамъ спрашиваютъ, почему кварта горѣлки, а тутъ только одинъ секретарь будетъ спрашивать, какую наложить резолюцію" [1]).

Автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ", ни въ коемъ случаѣ невозможно заподозрить въ безпристрастіи; его тенденціозность, его повальное охужденіе всего того, чѣмъ Малая Россія въ то время отличалась отъ Великой, читаются въ каждой строкѣ его „Замѣчаній". Если ему повѣрить, то окажется, малороссійская губернія „въ добронравіи, въ просвѣщеніи, въ общежитіи, въ хозяйствѣ, въ торговлѣ, въ рукодѣліи и во всемъ благоустройствѣ отъ всѣхъ прочихъ губерній отстала и во всемъ ихъ хуже"; что „между малороссіянами во всякомъ званіи или вовся нѣтъ, или очень мало дружества, родственнической любви и связи"; что „малороссіяне вообще спесивы, надуты и непривѣтливы, особливо тѣ, которые подлаго состоянія. безъ всякой службы и безъ всякихъ заслугъ, одними деньгами и подарками, въ дворянство вышли: они только или страха ради или по надобности и нуждѣ покорны и низки"; что простой народъ къ лѣности и праздности отмѣнно склоненъ"; что всѣ привилегіи, прерогативы, преимущества и права" малороссіянъ состояли въ томъ, что ихъ гетманы за одно оскорбленіе его ливреи сѣкли плетьми, а драгуны презирали и нагайками гоняли.

При такихъ условіяхъ вѣрить на слово разсказу автора „Замѣчаній" довольно рисковано, а тѣмъ менѣе, конечно, можно придавать значеніе „историческаго документа" пресловутому прошенію Пляцинскаго. Намъ думается, что разсказъ о злоупотребленіяхъ малороссійскихъ депутатскихъ собраній можетъ быть

[1]) „Кіевская Старина", 1888, № 1, отд. III, стр. 26—28.

принятъ только послѣ тщательной провѣрки всѣхъ относящихся къ этому вопросу документовъ, при чемъ, конечно, не должны быть забыты и обстоятельства мѣста и времени, при которыхъ совершался разборъ малороссійскаго дворянства.

Документальную провѣрку дѣятельности депутатскихъ собраній мы оставляемъ будущимъ изслѣдователямъ этого вопроса, для которыхъ болѣе доступны архивы дворянскихъ собраній, а объ обстоятельствахъ, при коихъ происходилъ разборъ дворянства, скажемъ нѣсколько словъ на основаніи имѣющагося у насъ матеріала.

Для руководства малороссійскихъ депутатскихъ собраній былъ присланъ въ 1781 г., „проектъ главы о дворянствѣ", а въ 1785 году этотъ же проектъ былъ включенъ въ жалованную грамоту. Здѣсь мы находимъ цѣлый рядъ правилъ, по какимъ доказательствамъ то или другое лицо можетъ быть признано дворяниномъ, но нѣтъ ни одного правила, спеціально предназначеннаго для разбора малороссійскаго дворянства. А такія правила для малороссійскихъ депутатовъ были болѣе чѣмъ необходимы въ виду того хаотическаго состоянія, въ какомъ находился въ то время сословный вопросъ въ Малороссіи [1]). Шляхетствомъ здѣсь считались, какъ мы видѣли, не только родовые шляхтичи и дворяне, но и всѣ малороссійскіе урядники и ихъ потомки, все бѣлое духовенство съ его потомствомъ, и, наконецъ, даже козаки выборные и подпомощники. Съ открытіемъ дѣйствій депутатскихъ собраній на дворянство заявили претензію всѣ, кто только пользовался до сихъ поръ шляхетскими преимуществами „по силѣ правъ малороссійскихъ". Иначе, конечно, и быть не могло. Быть или не быть дворяниномъ составляло для всякаго вопросъ не только тщеславія, но и первѣйшей жизненной важности. Дворянство было по тому времени особенная порода людей: оно пользовалось свободой отъ службы, свободой отъ позорныхъ наказаній, свободой отъ податей и личныхъ повинностей, правомъ владѣть крѣпостными людьми.

[1]) Необходимость спеціальныхъ правилъ для разбора малороссійскаго дворянства признавалъ и самъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ„. Чтеніе Общест. Ист. и др. 1848 года, книга I, отд. II, стр. 23—24.

На его сторонѣ были всѣ права и преимущества, а у тѣхъ, кто не принадлежалъ къ нему, не было никакихъ правъ; это была безправная „подлость", гарантированная отъ насилій и произвола иногда даже менѣе, чѣмъ въ наши дни преступникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія. Людямъ, привыкшимъ къ привилегированному положенію, предстояло на вѣкъ, съ настоящимъ и будущимъ потомствомъ, потонуть въ морѣ безправія; удивительно ли, что они изъ всѣхъ силъ старались удержаться на поверхности? Доказывая свое дворянство, они отстаивали не только свои командирскія, но и человѣческія права. При такихъ условіяхъ въ претендентахъ на дворянство не могло, конечно, быть недостатка.

Само собою понятно, что на ряду съ гербованнымъ шляхетствомъ пожелала превратиться въ дворянство вся козацкая старшина. Право свое на дворянство она доказывала патентами на чины, универсалами, а иногда и грамотами на маетности, купчими, закладными, свидѣтельствами 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда. Духовенство тоже представляло свои аргументы, которыми старалось доказать свое несомнѣнное право на дворянское званіе. До насъ дошло прошеніе, поданное священникомъ м. Смѣлаго Дичковскимъ Конотопскому уѣздному предводителю Шкляревичу, въ которомъ проситель на основаніи цѣлаго ряда цитатъ изъ ветхаго и новаго завѣтовъ и „отъ гражданскихъ законовъ" (даже Морскаго устава) силится доказать, что попы—настоящіе дворяне, а въ заключеніе проситъ „для чести и свободнаго владѣнія имѣніемъ и людьми и для безнуждная провожденія и продолженія благородной жизни записать его съ фамиліей между шляхетствомъ" [1]). Точно такъ же, какъ Дичковскій, смотрѣло на себя и все духовенство. Къ этому именно относятся „Пункты о духовныхъ чинахъ и ихъ дѣтяхъ бѣлаго священства", гдѣ доказывается, что все священство и его потомки должны быть признаны дворянами, ибо они всегда пользовались шляхетскими вольностями и свободой, судомъ, имѣніемъ, честью и достоинствомъ, равно какъ и голов-

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 335—340.

щина и безчестіе взимались за нихъ, какъ за природныхъ шляхтичей. Къ тому же духовные чины, по объясненію составителей „Пунктовъ", присутствовали и при важныхъ политическихъ актахъ, при договорахъ гетмановъ и въ разныхъ коммиссіяхъ, избираемыхъ для общенародной малороссійской пользы и нужды, а на статьяхъ Самойловича подписывались даже выше сотниковъ; не былъ, конечно, забытъ „Пунктами" и указъ 1734 г., которымъ велѣно поповскихъ дѣтей принимать въ военную службу значковыми товарищами, точно такъ же, какъ и важное обстоятельство, что по закону духовныя правленія „сообщаются" съ верхними и уѣздными судами промеморіями, а не репортами [1]).

Многіе разночинцы, козаки, попы просили внесть ихъ въ родословную книгу на основаніи свидѣтельства 12 человѣкъ несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ и сами просители вели благородную жизнь и состояніе, сходно съ дворянскимъ названіемъ, хотя въ дѣйствительности и дѣдъ, и отецъ да и самъ проситель были козаками. Если дворянскія собранія отказывались по такимъ свидѣтельствамъ признавать просителей дворянами, дѣло не рѣдко переносилось въ герольдію. Въ Лубенскомъ повѣтѣ жительствовалъ нѣкій Омельяненко, у котораго сыновья дослужились до войсковыхъ товарищей. При открытіи дѣйствій депутатскихъ собраній Омельяненко задумалъ сдѣлаться дворяниномъ. Онъ представилъ въ кіевскую коммиссію свидѣтельство 12 штабъ-и оберъ-офицеровъ о томъ, что отецъ и дѣдъ его вели благородную жизнь и служили *воинско* и что самъ онъ былъ сотеннымъ повѣреннымъ при выборѣ депутата отъ Лубенскаго полка въ коммиссію для составленія проекта новаго уложенія. Депутатское собраніе нашло доказательства Омельяненка недостаточными и отказало ему. Омельяненко пожаловался собранію дворянства, но и здѣсь получилъ отказъ. Тогда онъ перенесъ дѣло въ герольдію, которая признала свидѣтельство 12 дворянъ законнымъ доказательствомъ и потребовало отъ Кіевской Коммиссіи объясненій о причинѣ отказа [2]).

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 321—334.
[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 173—180.

Дворянскаго званія добивались и многіе другіе разночинцы. Они въ видѣ доказательствъ представляли купчія, закладныя или рядныя на шляхетское имѣніе, дворъ, покосъ, ниву, лѣсокъ или мельницу. Выданы были эти документы лицами несомнѣнно шляхетскаго происхожденія, но выданы козаку, попу или разночинцу. Другіе представляли въ видѣ доказательствъ разрѣшенія гетмановъ или полковниковъ на устройство мельницъ, рудень и т. п. Наконецъ, являлись и перекресты изъ жидовъ и тоже требовали признать ихъ дворянами, ссылаясь на 7 арт. 12 розд. Статута. Разобраться во всемъ этомъ депутатскимъ собраніямъ было очень трудно. Правила, предложенныя дворянской грамотой для разбора, могли не вызвать недоразумѣній только въ Великой Россіи, гдѣ различіе сословій установилось вѣками, а каждый чинъ имѣлъ свои опредѣленныя права и преимущества до выѣзда и ливреи включительно. Въ Малороссіи дѣло было поставлено совсѣмъ иначе. Здѣсь дипломы на шляхетство могли сыскаться у самыхъ бѣдныхъ козаковъ, никогда не поднимавшихся изъ среды рядового товариства; попъ могъ быть сыномъ или братомъ родового шляхтича или важнаго войсковаго урядника; шляхетское имѣніе могло перейти не только къ шляхтичу или козацкому чиновнику, но и къ рядовому козаку или даже посполитому, а чинъ, полученный въ малороссійской козацкой службѣ, былъ чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ. Правилъ о томъ, какой чинъ малороссійской службы какому соотвѣтствуетъ табельному чину, не было установлено, и депутатскимъ собраніямъ приходилось въ этомъ случаѣ примѣняться только къ производству козацкихъ старшинъ при обращеніи малороссійскихъ полковъ въ регулярные. Если войсковые товарищи или сотники, служившіе въ 1783 г., попали въ оберъ-офицеры, а значитъ и въ дворяне, то отчего же не признать дворяниномъ такого же войсковаго товарища или сотника, не успѣвшаго почему либо получить табельный чинъ? И депутатскія собранія признавали дворянами лицъ, представившихъ патенты на малороссійскіе чины, ибо по 3 пункту 92 статьи дворянской грамоты „патенты на чины, къ коимъ присвоено дворянское достоинство“, считаются доказательствомъ

дворянства. „Купчія, закладныя, рядовыя и духовныя о дворянскомъ имѣніи“ считаются по дворянской грамотѣ доказательствами дворянства; отчего же не признать ихъ доказательствами дворянства какого-нибудь козака или попа, если и попъ, и козакъ до сихъ поръ пользовались такими же правами, какъ и урожденный шляхтичъ? Свидѣтельство 12 человѣкъ благородныхъ установлено дворянской грамотой; какъ же можно игнорировать это свидѣтельство, если оно признается закономъ? Жидъ-перекрестъ ссылается на Статутъ и проситъ признать его дворяниномъ, и отказать ему сомнительно, ибо Статутъ для Малороссіи основной законъ,—законъ, не отмѣненный и съ введеніемъ учрежденія о губерніяхъ.

Трудность въ разборѣ малороссійскаго дворянства увеличивалась и еще однимъ обстоятельствомъ. Въ 1782 г. въ Малороссіи была произведена ревизія, но произведена очень неправильно, а въ 1783 г. послѣдовалъ извѣстный указъ, повелѣвающій каждому изъ малороссійскихъ поселянъ остаться въ томъ званіи, въ которомъ онъ по послѣдней ревизіи записанъ. Вскорѣ, однако, оказалось, что нѣкоторые изъ посполитыхъ были укрѣплены за лицами, не имѣющими правъ владѣть крѣпостными людьми—напр., за купцами, мѣщанами и т. п., а другіе—за лицами, дворянскія права которыхъ были опредѣлены недостаточно: за попами, сотенными старшинами, значковыми товарищами и даже рядовыми козаками. Въ виду такихъ обстоятельствъ, 17 января состоялся сенатскій указъ, коимъ предписывалось: крестьянъ, записанныхъ по послѣдней ревизіи за купцами, мѣщанами и другими людьми, которые ни по какимъ законамъ ихъ собственными почтены быть не могутъ, отобравъ ихъ желаніе, написать или въ купечество, или въ мѣщане, или въ число государственныхъ крестьянъ [1]; что же касается лицъ, шляхетскія права коихъ не выяснены, то о нихъ мѣстное начальство поручило сдѣлать разборъ предводителямъ и депутатамъ, съ цѣлью точнаго опредѣленія ихъ сословныхъ правъ [2].

---

[1]) Полное соб. зак. т. XXII, № 15907.

[2]) Матеріалы для статист. Россійск. имперіи. Спб. 1841, отд. IV, стр. 7.

Такимъ образомъ въ депутатскія собранія поступила цѣлая масса дѣлъ о дворянствѣ низшихъ чиновъ козацкой старшины и духовенства.

Благодаря неправильностямъ ревизіи, въ депутатскія собранія бросилась также цѣлая масса лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Въ 1784 году митрополитъ Самуилъ Миславскій жаловался, что многіе митрополіи его священно—и церковно-служители и ихъ дѣти записаны по ревизіи, при чемъ иные въ вѣдомостяхъ, ихъ состоянію несвойственныхъ, а другіе записаны вдвойнѣ. Въ г. Острѣ, напр., были записаны въ окладъ дѣйствительно служащіе дьячекъ, пономарь, священническія дѣти Якимовичи, обучающіяся въ академіи, и сама вдова попадья Якимовичева. Многіе изъ духовенства, попавшіе въ ревизію, стали заявлять о своемъ дворянствѣ, иные голословно, а иные—ссылаясь на свидѣтельства дворянскихъ предводителей[1]). Права всѣхъ такихъ претендентовъ тоже должны были подвергнуться разбору депутатскихъ собраній.

Тоже самое случилось и со многими козацкими старшинами и ихъ потомками. Черниговская, напр., Казенная Палата указывала на неправильное внесеніе въ 40-алтынный окладъ по г. Хоролу войскового товарища П. Устимовича и сама просила разрѣшенія объ исключеніи его изъ подушнаго оклада[2]). Таже Палата доносила о включеніи въ окладъ сотеннаго атамана Мицкевича, дворянской породы, котораго, по ея мнѣнію, слѣдуетъ освободить отъ оклада, какъ только онъ будетъ внесенъ депутатскимъ собраніемъ въ родословную книгу. Кіевская Казенная Палата рапортовала Румянцеву, что по Кіевской губерніи есть многіе, жалующіеся на неправильное внесеніе въ окладъ и доказывающіе свои права на дворянство, а Кіевскій предводитель дворянства Капнистъ просилъ не взыскивать податей съ дворянъ, попавшихъ при ревизіи въ подушный окладъ. Самъ генералъ губернаторъ соглашался, что ревизія 1782 г. была произведена далеко не удовлетворительно. Въ одномъ изъ своихъ предложеній Черниговской Казенной Палатѣ онъ реко-

---

[1]) Собр. рѣдк., 147—153.

[2]) Ibid, стр. 189—190.

мендовалъ исключить изъ ревизіи нѣсколько фамилій, которыя, по его мнѣнію, принадлежали къ благороднымъ. Въ 1784 г. онъ указывалъ, что при сочиненіи ревизіи нѣкоторые изъ самыхъ почетнѣйшихъ фамилій оказались записанными своими ближайшими родственниками въ число ихъ подданныхъ, а иные въ козачье званіе [1]). Одинъ, напр., шляхтичъ извѣстной фамиліи оказался записаннымъ за своею родною сестрою, состоявшею въ замужествѣ за нѣкіимъ войсковымъ товарищемъ [2]). Въ 1790 г. шляхтичей, записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ, по одной Новгородъ-Сѣверской губерніи числилось 83 человѣка [3]).

Слухи о неправильныхъ дѣйствіяхъ при ревизіи дошли и до Петербурга, какъ это видно изъ письма Румянцева къ Вяземскому отъ того же 1784 г. Здѣсь тоже толковали о томъ, что на Украйнѣ многіе вольные люди и козаки попали въ крѣпостную зависимость и съ изданіемъ указа 3 мая 1783 г. окончательно потеряли право на свободу, ибо суды, ссылаясь на этотъ указъ, отказываютъ всѣмъ ищущимъ свободы изъ крѣпостей. Знали въ Петербургѣ и о случаяхъ уклоненія отъ записи въ ревизію. Нѣкоторые, напр., войсковые и значковые товарищи перешли въ мѣщанство и пользовались мѣщанскимъ и купеческимъ правомъ, тѣмъ не менѣе ни себя, ни дѣтей своихъ въ магистратскую ревизію не внесли, а другіе, мѣщане родомъ, выпросили себѣ небольшіе малороссійскіе чины и на основаніи этого не хотѣли записывать въ подушный окладъ даже тѣхъ своихъ дѣтей, кои родились до полученія чина [4]).

Словомъ, положеніе дѣлъ было таково, что по неволѣ приходилось обращаться къ высшему начальству съ просьбой развязать запутанный ревизорами Гордіевъ узелъ. Румянцевъ донесъ о затрудненіяхъ, вызванныхъ ревизіей, Сенату, а Сенатъ предписалъ Румянцеву изслѣдовать права лицъ, неправильно попавшихъ въ ревизію, а относительно дворянъ донести, почему

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 186—188.

[2]) Матер. для статистики Росс. имп., IV, стр. 8.

[3]) Собраніе рѣдкостей, стр. 285

[4]) Собраніе рѣдкостей, стр. 157—158.

они попали въ окладъ и записаны ли они въ родословную книгу. Въ результатѣ получилось предложеніе предводителямъ и депутатскимъ собраніямъ разобрать права лицъ, ищущихъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ [1]).

Ищущихъ явилась масса. Пока крѣпостное право не было окончательно узаконено, лица, попавшія изъ привилегированнаго положенія въ подданные или подсусѣдки, не чувствовали еще всей тяжести своего положенія, а при сочиненіи ревизіи многіе по малому письменству могли и совсѣмъ не знать, въ какую графу ревизіальныхъ книгъ ихъ записали. Но когда въ 1783 г. они узнали, что свобода, а стало быть и возможность возвращенія въ прежнее состояніе, для нихъ утрачены на вѣки; когда по всей странѣ у хлѣборобовъ „исчезли мирныя утѣхи, игрива рѣзвость, пляски, смѣхи, веселыхъ пѣсенъ гласъ умолкъ", тогда и недавнимъ привилегированнымъ пришлось вспомнить о своихъ привилегіяхъ. Точно также и всѣ небольшіе панки и пидпанки изъ значковыхъ и сотенной старшины, до сихъ поръ вѣрившіе въ святую неприкосновенность козацкихъ привилегій и безъ опасеній за будущее заявлявшіе ревизорамъ о своей принадлежности къ козацкому званію, послѣ Сенатскихъ распоряженій о правахъ разночинцевъ увидѣли, что дворяне одно, а они совсѣмъ другое. Привилегированнымъ, подошедшимъ „пидъ панивъ", грозило вѣчное „крѣпацство", панкамъ, не попавшимъ въ дворяне, грозила опасность на вѣки потерять свое панство. И тѣмъ и другимъ оставался одинъ выходъ изъ труднаго положенія. По приказу начальства двери депутатскихъ собраній для нихъ не были закрыты. И они бросались въ эти открытыя двери толпою.

При такихъ условіяхъ въ ходъ могли, конечно, быть пущены всяческія доказательства, и настоящія, и фальшивыя, и „безсумнительныя", и наводящія на сомнѣніе. Не нужно, однако, думать, будто бы депутатскія собранія при разборѣ этихъ доказательствъ руководились только собственными своими соображеніями. Въ затруднительныхъ случаяхъ губернскіе предводители очень часто обращались къ генералъ-губер-

---

[1]) Ibid, стр. 143—145.

натору за разъясненіями, которыми и руководились въ своей послѣдующей дѣятельности. Иногда и самъ генералъ-губернаторъ, замѣчая тѣ или другія неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ, давалъ имъ совѣты и наставленія. Въ 1784 г., напр., въ кіевской губерніи были внесены въ 4-ю и 5-ю части родословной книги почти всѣ безъ изъятія иностранные роды, не исключая и мастеровыхъ, о дворянствѣ коихъ, повидимому, врядъ-ли могло даже возникнуть у кого-нибудь предположеніе. Румянцевъ узналъ объ этомъ и, упреждая могущія послѣдовать впредь непріятности, разъяснилъ губернскому предводителю, кого именно изъ иностранцевъ, по силѣ высочайшаго проекта о дворянствѣ, слѣдуетъ признавать въ дворянскомъ достоинствѣ [1]). Въ другомъ случаѣ депутатскія собранія спрашивали у него разъясненія по такимъ вопросамъ: имѣютъ ли право на дворянское достоинство земляне или бояре, представляющіе въ видѣ доказательствъ грамоты на земли и имѣнія отъ польскихъ королей? Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство польскихъ урядовъ за доказательство шляхетскихъ правъ, дающихъ дворянское достоинство? Слѣдуетъ ли считать доказательствомъ свидѣтельство 12 польскихъ шляхтичей, утвержденное ихъ печатями? На всѣ эти вопросы отъ Румянцева былъ полученъ утвердительный отвѣтъ, при чемъ по вопросу о свидѣтельствѣ 12 шляхтичей генералъ-губернаторъ разъяснилъ, что такое свидѣтельство должно быть удостовѣрено урядникомъ [2]). Нѣкоторые изъ перекрестовъ жидовъ „нижняго чина" и лица, оставшіяся въ козакахъ и безъ чиновъ, ссылаясь на 7 арт. 12 разд. Статута, хлопотали о дворянствѣ. Депутатскія собранія были въ нерѣшительности и спрашивали Румянцева. Отвѣтъ былъ полученъ такой, что при разборѣ дворянства депутаты обязаны руководиться только высочайшей грамотой 1785 г. и больше никакихъ законовъ не примѣнять. Дворянства добивались многіе разночинцы, представлявшіе въ видѣ доказательствъ купчія, закладныя или рядныя на дворянское имѣніе, лѣсокъ или мельницу, точно также многіе представляли гетман-

[1]) Собр. рѣдкостей, стр. 159—160.

[2]) Собраніе рѣдкостей, стр, 165—167.

скія и полковничьи дозволительныя свидѣтельства на устройство мельницъ, рудень и гутъ. О такихъ претендентахъ депутатскія собранія тоже просили разъясненій, и генералъ-губернаторъ рекомендовалъ имъ не признавать такого рода доказательствъ достаточными, если сами просители принадлежатъ къ разночинцамъ. Многіе доказывали свое дворянство, ссылаясь на шляхетство матери: отецъ былъ „простонародной породы, а мать— шляхетской; за ней было шляхетское имѣніе, коимъ просители и по сіе время владѣютъ. Румянцевъ разъяснилъ, что одно благородное происхожденіе матери не даетъ еще дворянства рожденнымъ отъ нея дѣтямъ, что же касается имѣнія, то оно, по закону, должно перейти къ лицамъ дворянскаго происхожденія. Въ видѣ доказательства на дворянство депутатскимъ собраніямъ очень часто предлагалось свидѣтельство 12 несомнѣнныхъ дворянъ о томъ, что отецъ и дѣдъ просителя вели благородную жизнь и состояніе, сходное съ дворянскимъ названіемъ. Дворянскія собранія сомнѣвались, можно ли по такимъ доказательствамъ признавать просителей дворянами. Румянцевъ, конечно, не могъ отвергнуть свидѣтельства 12, какъ установленнаго высочайшей грамотой, тѣмъ не менѣе совѣтовалъ депутатамъ освѣдомляться у свидѣтелей, понимаютъ ли они, что такое благородная жизнь, служба и состояніе, а если кромѣ свидѣтельства двѣнадцати есть еще какія-нибудь доказательства, то тогда и свидѣтельства не нужно. Точно также и дворянскія коммиссіи не знали, можно ли признавать дворянами разночинцевъ по свидѣтельству малороссійскихъ дворянъ о томъ,что предки ихъ въ Малороссіи были шляхтой, не обозначая, какой именно, или что предки ихъ были въ Польшѣ шляхтой „безъ свидѣтельства тамошней націи". Такія свидѣтельства Румянцевъ признавалъ „не обстоятельными".

Не знаемъ, давалъ ли генералъ-губернаторъ какія нибудь разъясненія по вопросу о томъ, кто именно изъ низшихъ малороссійскихъ чиновъ имѣетъ право на дворянское званіе. Повидимому, депутатскія собранія вопроса объ этомъ не возбуждали, но въ дѣйствіяхъ [1]) своихъ, насколько мы знаемъ, руководились

[1]) Собраніе рѣдкостей. стр. 170—173.

все-таки распоряженіемъ того же Румянцева, даннымъ по одному частному случаю. При введеніи въ краѣ учрежденія о губерніяхъ возникъ вопросъ, какому суду должны подлежать нижніе чины козацкой старшины: значковые товарищи, возные, сотенные старшины, войсковые и полковые канцеляристы. Черниговскій губернаторъ Милорадовичъ хотѣлъ подчинить ихъ, на ряду съ козаками, коронными и ранговыми помощниками и вообще разночинцами, суду нижнихъ расправъ. Румянцевъ нашелъ такое распоряженіе незаконнымъ. Въ письмѣ къ Милорадовичу отъ 11 декабря 1781 года онъ указывалъ, что войсковые и полковые канцеляристы происходятъ изъ шляхетства и чиновниковъ и при старыхъ порядкахъ поступали изъ канцелярій въ „ротные чины“ военные и земскіе; возные, согласно Статуту, выбираются изъ шляхетства, что же касается до значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, то и они не могутъ быть подсудны расправамъ, ибо опредѣлялись „изъ полковничьихъ нижнихъ чиновъ дѣтей“. По разъясненію Румянцева, „всѣ таковые чиновники должны пребывать въ томъ состояніи, изъ котораго они въ тѣ службы опредѣлились, и таковое породы ихъ состояніе принадлежитъ разбору предводителей шляхетства“ [1]). Депутатскими собраніями распоряженіе это толковалось въ томъ смыслѣ, что и низшіе чины козацкой старшины имѣютъ право на дворянское званіе. О высшихъ войсковыхъ товарищахъ, сотникахъ и т. д. вопроса въ то время никѣмъ не возбуждалось: одно переименованіе ихъ въ оберъ-офицерскіе чины устраняло всякое сомнѣніе въ ихъ благородствѣ.

Что касается „духовнаго чина“, то и его претензіи на дворянское достоинство нерѣдко находили себѣ защитника въ лицѣ генералъ-губернатора. Въ 1784 году коммиссія о разборѣ дворянства новгородсѣверской губерніи сомнѣвалась, можетъ ли она признать дворяниномъ переяславскаго протопопа Корнилія Родзимовскаго по урядовому свидѣтельству польскихъ родственниковъ его и другихъ шляхтичей, удостовѣренному подписью польскаго посла при русскомъ дворѣ Ржевусскаго. Такое же сомнѣніе бы-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 97—99.

ло выражено коммиссіею и по дѣлу священника И. Воланскаго, въ доказательство дворянскихъ правъ предъявившаго патентъ на чинъ войсковаго товарища, въ коемъ онъ, Воланскій, состоялъ до принятія священства. Коммиссія объясняла генералъ-губернатору, что и о другихъ духовныхъ примѣрныя дѣла вступили. Румянцевъ отвѣтилъ коммиссіи, что такія свидѣтельства и патенты должны быть признаны „найдоказательнѣйшими", тѣмъ болѣе, что въ Малороссіи прежде сего въ духовный чинъ вступали изъ знатнѣйшихъ шляхетскихъ фамилій и чиновъ [1]). Точно также вступался Румянцевъ и за владѣльческія права духовенства. Въ 1787 году намѣстникъ протопопіи Ичанской священ. Романъ Яжевскій жаловался ему, что казенная палата, ссылаясь на указъ сената 20 января 1784 года, отбираетъ отъ него его крѣпостныхъ, всего 35 душъ. Румянцевъ нашелъ нужнымъ сдѣлать по этому поводу „примѣчаніе" черниговскому намѣстническому правленію, что тутъ де „духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдственно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство" [2]). Вслѣдствіе такихъ причинъ Румянцевымъ было даже предложено депутатскимъ собраніямъ завесть особую графу въ родословныхъ книгахъ, куда бы могли записываться тѣ дворянскіе роды, которые признаны дворянами изъ духовенства [3]).

„Дворянскія коммиссіи,—разсказываетъ А. Марковичъ,—вносили въ родословныя книги по грамотамъ, отъ россійскихъ государей на дворянство или отъ польскихъ королей на шляхетство даннымъ, и по чинамъ прежней малороссійской службы" [4]). Грамотъ россійскихъ государей у шляхетства было немного. Изъ старыхъ старшинскихъ фамилій, нобилитованныхъ московскимъ правительствомъ еще въ 17 ст. (Забѣла, Гречаный, Горленко, Дворецкій, Многогрѣшный, Вятязенко, Апостолъ, Ярмоленко, Гвинтовка, Гамалѣя, Острянинъ, Шійкевичъ), къ концу 18 ст. сохранились только не многія (кажется, только Горленки, За-

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 161—163.
[2]) Собраніе рѣдкостей, стр. 551.
[3]) Книга о дворянахъ и старыхъ малор. чинахъ, л. 152.
[4]) Матеріалы для статист. Россійской имперіи ч. IV, стр. 8.

бѣлы да Гамалѣи, при чемъ и эти послѣдніе, какъ видно, не были прямыми потомками Григорія Гамалѣи [1]). Небольшое число фамилій было возведено въ дворянство въ 18 ст. (Лизогубы, Кандыбы, Марковичи), а нѣкоторые, тоже немногіе, дослужились дворянства въ русскихъ табельныхъ чинахъ. (Гр. Бороздна, пожалованный изъ камеръ-лакеевъ въ поручики; Каченевскій, Рубановскій, Божко, Чижевскій—изъ придворныхъ пѣвчихъ и др.). Немного было и такихъ счастливцевъ, у которыхъ какимъ-нибудь чудомъ уцѣлѣли документы на шляхетское достоинство или имѣніе отъ наияснѣйшихъ королей польскихъ (Рубцы, Бороздны, Богуши, Бутовичи, Случановскіе, Бакуринскіе). Большинству приходилось основывать свои доказательства на чинахъ старой малороссійской службы, или же измышлять какую нибудь особенную генеалогію при посредствѣ документовъ сомнительнаго достоинства. Что такія генеалогіи въ то время точно сочинялись,—прекрасно видно хотя бы изъ письма Г. А. Полетки къ Я. А. Гамалѣѣ. Изъ него явствуетъ, что малороссійскій „патріотъ" сочинялъ родословіе Гамалѣевъ и очень хлопоталъ, чтобы всѣ Гамалѣи „согласно свое родословіе расположили". Изъ этого же письма видно, что среди малороссійскаго дворянства находились лица, не брезгавшія даже явнымъ извращеніемъ фактовъ, лишь бы придать своему роду блескъ особливой знатности и благородства. Такъ, Михаилъ Гамалѣя желалъ, во чтобы то ни стало, вывесть свой родъ отъ извѣстнаго Григорія Гамалѣя, получившаго дворянство въ Москвѣ въ 1665 году. Несмотря на то, что этотъ Григорій умеръ бездѣтнымъ, и такимъ образомъ приписаться къ нему въ потомство было мудрено; не смотря на то, что остальные Гамалѣи, ближайшіе родственники Михаила, выводили свой родъ отъ какого-то польскаго шляхтича, Михаила Гамалѣя упорно стоялъ на своемъ, а для того, чтобы „закрыть свои ложныя повѣсти", собирался подать свое родословіе не въ Новгородъ-Сѣверское депутатское собраніе, гдѣ разбирались доказательства остальныхъ Гамалѣевъ, а въ Курское [2]) Просмат-

[1]) „Кіев. Стар." 1893, № 6, стр. 501—503.

[2]) „Кіев. Стар." 1893, № 5, стр. 502.

ривая родословія малороссійскихъ дворянъ, нельзя не замѣтить во многихъ изъ нихъ значительной доли генеалогическаго тумана, способнаго вызвать сомнѣнія даже и не у скептика. Бѣлецкіе-Носенки, напр., вели свой родъ отъ Дрогицкаго и Мѣльницкаго старосты, князя Юрія Носа и князя Александра Носа [1]), Карновичи—отъ княжеской фамиліи, нѣкогда владѣвшей г. Карновымъ, въ Верхней Силезіи, и затѣмъ переселившейся въ Венгрію [2]); Капнисты — отъ какого-то графа Капниссія, кавалера св. Марка [3]), Рославцы — отъ Ходкевичей, Кочубеи — отъ татарскаго мурзы, Афендики — отъ какого то знатнаго молдавана, а такая чисто малорусская фамилія, какъ Иваненки, старалась сдѣлать своимъ родоначальникомъ нѣкоего мифическаго волоха, будто бы бывшаго въ дни оны Дубоссарскимъ гетманомъ, Ивана Богатаго Іоненка [4]), Апостолы считали себя потомками волошскихъ бояръ [5]), Милорадовичи—графовъ Охмулкевичей изъ Рагузской республики [6]); Марковичи вели свой родъ изъ Сербіи, откуда они потомъ попали въ число Волынской шляхты [7]); Гоголи—отъ гетмана Евстафія Гоголя [8]); Скоропадскіе—изъ Польши, причемъ въ числѣ своихъ предковъ указывали какого-то мифическаго „референдарія надъ тогобочною Украиною" [9]); Стороженки—отъ старшаго полковника войскъ запорожскихъ, „древняго дворянина Малыя Руси" Андрея Стороженка [10]). Разумѣется, чѣмъ аристократичнѣе была та или другая фамилія, тѣмъ больше знатности старалась она придать и своимъ предкамъ. Потомки, напр., лемешовскаго козака Грицька Розума придумали себѣ происхожденіе отъ Ро-

---

[1]) Русская родословная книга, изданіе „Русской Старины", часть I, страница 137.

[2]) Ibid, стр. 188 и 376.

[3]) Русская родословная книга, ч. 2, стр. 6.

[4]) Вѣстникъ Европы, 1891, № 8, стр. 557.

[5]) Русская родословная книга, ч. 1, стр. 122.

[6]) Общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, ч. 3, № 109.

[7]) Русская родосл. книга, ч. 1, стр. 225.

[8]) Ibid, ч. 1, стр. 149.

[9]) Ibid, ч. 1, стр. 294 и Вѣст. Евр. 1891 г. № 8, стр. 557.

[10]) Ibid, ч. 1, стр. 303.

жинскихъ [1]), а такая чисто простонародная фамилія, какъ Безбородки, какимъ-то чудомъ оказалась по прямой линіи потомствомъ польскихъ шляхтичей Ксенжицкихъ [2]). Большинство дворянскихъ фамилій, доказывавшихъ свое происхожденіе „не отъ здѣшней простонародной породы", выводили свои роды отъ польскаго шляхетства. Изъ фамилій, попавшихъ въ первыя четыре части „Общаго гербовника", потомками польскаго шляхетства значатся: Судіенки, Полетики, Безбородки, Разумовскіе, Гудовичи, Искрицкіе, Кандыбы и даже Худобріи [3]). Даже Будлянскіе, простонародное происхожденіе которыхъ было у всѣхъ на виду, и тѣ старались доказать свое родство съ польскою шляхтой. Въ 1784 г. одинъ изъ Будлянскихъ, представляя доказательства своего дворянства въ Черниговское депутатское собраніе, заявлялъ, что онъ „имѣетъ совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ тамо существуетъ и гербомъ печатается, но доказательства о томъ письменнаго теперь за краткостью времени онъ, Будлянскій, представить не можетъ" [4]). Не знаемъ, какъ раздобывали украинскіе паны документы, удостовѣряющіе о ихъ шляхетскомъ происхожденіи, и точно ли „жиды вывозили подрядомъ изъ Польши за деньги" нужныя имъ свидѣтельства, какъ утверждаетъ авторъ „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ"; но что среди нихъ были лица, разыскивавшія по ту сторону Днѣпра доказательства своего родства съ польскимъ шляхетствомъ,—это несомнѣнно. „Тебѣ, Васинька,—пишетъ Г. А. Полетика сыну въ Витебскъ, особливо приказываю, справляйся, пожалуй, у всѣхъ, у кого можешь, нѣтъ ли гдѣ въ Литвѣ нашей фамиліи, или въ гербовникахъ, если есть какіе особливые на Литву. Только справляйся твердо и достовѣрно. Сіе мнѣ нужно для важныхъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ и для будущей вашей пользы" [5]). При-

---

[1]) Общій гербовникъ, ч. 1 № 21.

[2]) Ibid, ч. 1, № 29.

[3]) Общій гербовникъ, ч. 3 № 97, ч. 4, № 127, ч 1, № 29 и 21, ч. 4 №№ 127, 8, 135, 133, 13.

[4]) Записка Черн. Губ. статистич. комитета, кн. 2, стр. 134.

[5]) „Кіевская Старина", 1893, № 6, стр. 499.

мѣру Полетики слѣдовали, конечно, и другіе: не даромъ же у стольких фамилій оказались документы, свидѣтельствующіе о происхожденіи отъ польскаго шляхетства. Очень можетъ быть, что депутатскія собранія дѣйствительно принимали такіе документы „безъ изслѣдованія и увѣренія нашихъ министровъ, въ Варшавѣ тогда бывшихъ", но винить ихъ за это все таки трудно. Мы уже видѣли, что губернскіе предводители запрашивали по этому вопросу разъясненій генералъ-губернатора, которыми и руководились при разборѣ дворянскихъ доказательствъ; а генералъ-губернаторъ признавалъ достаточными доказательствами не только удостовѣренія польскихъ урядовъ, но и свидѣтельства 12 шляхтичей, въ подкрѣпленіе коихъ требовалъ не „увѣренія министровъ", а только простой подписи надлежащаго уряда.

Доказательства о происхожденіи отъ польскаго и вообще иностраннаго шляхетства были только у незначительнаго меньшинства, большинство же основывало свои претензіи на чинахъ прежней малороссійской службы. Дворянскимъ коммиссіямъ предлагались патенты и универсалы на чины или на маетности, если же не хватало подлинныхъ документовъ, то въ ходъ пускались копіи, выписки изъ разныхъ старыхъ дѣлъ, въ которыхъ предокъ просителя названъ тѣмъ или другимъ козацкимъ урядникомъ, а въ подкрѣпленіе представлялось свидѣтельство 12 шляхтичей. Въ 1787 г. Кіевское дворянское собраніе внесло во 2-ую часть родословной книги титулярнаго совѣтника Нестеровскаго и братьевъ его, неслужащихъ Григорія и Ивана. Въ видѣ доказательства Нестеровскими представлена была выписка изъ стараго дѣла сотенной Трехтемировской канцеляріи—„листъ" переяславскаго полковника Тамары къ сотнику Рустановичу по спору о сѣножати, выкошенной нѣкіимъ Несторомъ Несторовскимъ, который въ этомъ „листѣ" названъ знатнымъ товарищемъ войсковымъ; затѣмъ тоже вѣроятно въ качествѣ доказательства, представлена была выпись изъ Переяславскаго уѣзднаго суда, изъ коей было видно, что за Нестеровскимъ числится имѣніе, принесенное ему въ приданое женою изъ рода Думитрашковъ, и, наконецъ, свидѣтельство 12 „безсумнительныхъ" шляхтичей, что проситель Нестеровскій и братья его суть дѣй-

ствительно потомки упомянутаго въ „листѣ“ Тамары знатнаго войскового товарища Нестора Нестеровскаго [1]. Такія доказательства, какія были представлены Нестеровскимъ, малороссійскими депутатскими собраніями принимались очень часто, и не только въ описываемое нами время, но и значительно позже, какъ это оффиціально засвидѣтельствовано указомъ 20 марта 1835 г. Въ оправданіе своихъ дѣйствій собранія ссылались обыкновенно на наставленія дворянской грамоты: „доказательства благородства суть многочисленны и болѣе зависятъ отъ испытанія древности, прилежнаго изысканія и разсмотрѣнія доказательствъ, нежели отъ новыхъ предписаній.“ „Точное правосудіе не дозволяетъ исключить ни единаго доказательства котораго рода инако, какъ тутъ, гдѣ слово закона доказательство таковое опровергаетъ“.

Ближайшее будущее показало, что „слово закона“ толковалось малорусскими депутатскими собраніями болѣе снисходительно, чѣмъ этого желало само правительство.

Д. Миллеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

---

[1]) Собраніе рѣдкостей, стр. 562—563. Въ видѣ примѣра, какія иной разъ представлялись въ дворянскія коммиссіи доказательства, приводимъ слѣдующій курьезный документъ, предложенный Новгородъ-Сѣверскому депутатскому собранію однимъ козакомъ, хлопотавшимъ о дворянствѣ: „Его царского пресвѣтлаго величества войска запорозскаго гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Тоби, скурвому сину, Василію Салогубу, нехай буде вѣдомо, ижъ доносилъ намъ жалобливе панъ Антонъ Трохимовичъ, сотникъ Сребрянскій, же ты зъ своеи мужицкои глупости поважаешъ не легце нашъ рейментарскій указъ по жалобѣ его жъ, пана сотника, пред симъ въ позовномъ лістѣ до тебе выраженній, не тилко овецъ ему по уговору не отдалесъ, але и предъ судъ войсковій енералній до насъ в обозъ не сталесъ, зачимъ, умыслнѣ посилаючи отъ боку нашего посланного, приказали ему конечне тебе, якъ собаку, за шию взявши и въ колоду забивши, примкнути до обозу, гдѣ за таковую свою упорчивость и противъ зверхности нашей непослушаніе не тилко ту тысячу талярій безъ опустне заплатишъ, але и знатного кіевого караня неувойдешъ, декляруемъ непремѣнно. Данъ въ таборѣ подъ Самарью Августа 11 року 1711. Вышеименованный гетманъ рука власна.“ (Собраніе рѣдкостей, стр. 208.)

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

IV.

Недалеко отъ Чигирина, въ шести верстахъ не болѣе, живописно раскинулся по пологому берегу Тясмина поселокъ Субботовъ. Рѣчка, извиваясь капризно, льнетъ къ сѣдымъ вербамъ, обступившимъ ее съ двухъ сторонъ, и прячется иногда совершенно подъ ихъ густыми, нависшими вѣтвями, сверкая потомъ, неожиданно, свѣтлымъ плесомъ; опрятныя бѣлыя хатки, кокетничая новыми соломенными, золотистыми крышами, разбѣгаются просторно подъ гору и выглядываютъ игриво изъ-за вишневыхъ „садкивъ". Дальше за пригоркомъ виднѣется синій куполъ церкви съ золотымъ крестомъ и четырехъ-угольная, на колонкахъ, верхушка звонницы, а ближе, за длинной греблей и мостикомъ, на широкомъ выгонѣ, стоитъ заѣзжая корчма. Строеніе отличается отъ прочихъ хатъ и величиною, и широкою въѣздною „брамою", и высокою, крытою тесомъ крышей. Надъ „брамой" прилажена нехитрая вывѣска; на одномъ пруту качается привѣшенная пустая фляжка, а на другомъ пучекъ „шовковой травы". Широкій въѣздъ ведетъ въ довольно просторный крытый дворъ и раздѣляетъ зданіе на двѣ неровныя половины: направо отъ „брамы" неуклюже торчитъ узенькая дверь отъ арендаторскаго жилья, полнаго подушекъ, бебеховъ, жиденятъ и разящаго запаха чеснока; налѣво же открывается болѣе широкая дверь въ обширную, но грязную комнату, составляющую и пріютъ для проѣзжающихъ, и ресторанъ, и мѣстный сельскій клубъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 1.

Закоптѣлыя стѣны во многихъ мѣстахъ ободраны до глины, а то и до деревянныхъ брусковъ, которые кажутся обнаженными ребрами; потолокъ совершенно черенъ; двери притворяются плохо, а надъ ними виситъ излюбленная картина, изображающая козака „Мамая", благодушно распивающаго „оковыту горилку" подъ дубомъ, къ которому привязанъ конь. Вдоль стѣнъ тянутся широкія „лавы" (скамьи), возлѣ которыхъ расположены столы. Двѣ бочки стоятъ на брусьяхъ въ углу; въ одной изъ нихъ въ верхнюю втулку вставленъ „ливеръ" (родъ насоса безъ поршня, для втягиванья жидкости ртомъ). Черезъ узкія, но довольно высокія окна съ побитыми и заклеенными бумажками стеклами проникаетъ мало свѣта, отчего помѣщеніе кажется еще болѣе мрачнымъ.

Наступалъ уже вечеръ, а посѣтителей никого еще не было; только въ самомъ углу за стойкой сидѣлъ хозяинъ заведенія, Шмуль, съ своею супругою Ривкой и, тревожно прислушиваясь и оглядываясь назадъ, велъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ таинственную бесѣду.

— Ой, худо, любуню, вей миръ, какъ погано! Слухъ идетъ, что паны козаковъ разбили, совсѣмъ разбили, на ферфалъ!

Поблѣднѣла Ривка и всплеснула руками, а потомъ, подумавши, замѣтила:

— А намъ-то что? Какой отъ этого убытокъ?

— Какой? А такой, что, того и смотри, или козаки, уходя, разорятъ, или паны, гнавшись за ними, сожгутъ... Ой, вей, вей!...

— Почему жъ, ты, Шмуликъ мой, думаешь, что сюда они прибѣгутъ? Тутъ всегда было тихо... а панъ писарь войсковой такое лицо...

— Но, мое золотое яблоко, что теперь значитъ панъ писарь? Тьфу! и больше ничего! Что онъ можетъ? И разбойники-козаки на него начхаютъ, и вельможное панство на „табаку" сотретъ... И задля-чего эти козаки только бунтуютъ? Сидѣли бы смирно, и все было бы хорошо, тихо, спокойно—и „гандель" бы добрый былъ и „гешефтъ" отмѣнный... А то ахъ, ахъ!

— Да, что ты, Шмуликъ-котикъ, такъ побиваешься? Если козаки свиньи, то имъ и худо, а если сюда наѣдутъ паны, то намъ будетъ еще больше доходовъ; паны вѣдь безъ нашего брата не обойдутся.

— Хорошо тебѣ это говорить, а развѣ не знаешь, что для пана закона нѣтъ: что захочетъ—давай, а то заразъ повѣситъ,—что ему жидъ? Меньше пса стоитъ...

— А развѣ хлопъ лучшій? Та же гадюка!...

— То-то-жъ! Такъ я думаю, любуню, вотъ что: и дукаты, и злоты, и всякое добро, запрятать... закопать гдѣ нибудь въ незамѣтномъ мѣстѣ, чтобъ не добрались... и то не откладывая, а сегодня ночью... ахъ, вей, вей!

— Такъ, такъ, „гитъ!" Вотъ тутъ забирай деньги,—начала она суетливо отмыкать ящики и вынимать завязанные мѣшочки; Шмуль торопливо ихъ принялъ въ укладистые карманы своего длиннаго „лапсердака", повторяя шопотомъ: „цвей, дрей, фиръ"... Въ корчмѣ уже было темно.

Вдругъ скрипнула дверь, и въ хату вошли въ „кереяхъ" съ „видлогами" (родъ бурки съ капишономъ), звякая скрытыми подъ полами саблями, какіе то люди, страшные великаны, какъ показалось Шмулю, и непремѣнно „розбышаки".

— Ой! ферфалъ!—вскрикнулъ жидъ и прилегъ на стойку, закрывая ее своими объятіями, а Ривка отъ перепугу какъ стояла, такъ и сѣла на полъ.

Пять фигуръ между тѣмъ остановились среди хаты, не зная въ темнотѣ, куда двинуться; прошла долгая минута; слышалось только тяжелое дыханіе вошедшихъ, очевидно усталыхъ отъ далекой дороги.

— А кто тутъ?—раздался, наконецъ, довольно грубый голосъ.— Конямъ корму, а намъ чего либо промочить горло...

— На Бога, панове!—дрожащимъ голосомъ взмолился Шмуль,— я человѣкъ маленькій... бѣдный! Меня и муха можетъ обидѣть! У меня и шеляга за душой нѣтъ... чтобъ я своихъ дѣтей не увидалъ...

— Да что ты, бѣлены облопался, что ли?—съ досадою прервалъ его тотъ же голосъ:—Съ чего ты „заквилилъ", жиде? Говорятъ тебѣ, дай конямъ овса и сѣна, а намъ „оковитой".

— За̀разъ, за̀разъ, ясновельможные паны козаки,—оправился Шмуль, успокоившись нѣсколько на счетъ своихъ гостей,—тутъ все такіе слухи... думалъ,—паны-шляхта... Гей, любуню, зажги „каганецъ" панамъ козакамъ, а я сейчасъ опоряжу ихъ коней... Да наточи доброй „оковитой" кварты двѣ... Прошу покорно, паны козаки,—кланялся часто Шмуль, сметая рукою со стола пыль и грязныя лужи.

Вспыхнулъ мутнымъ свѣтомъ „каганецъ" и освѣтилъ грязную облупленную хату. Козаки усѣлись за дальній столъ, не снимая шапокъ и „керей", и закурили „люльки". Ривка, со страхомъ присматриваясь къ нимъ, поставила на столъ большую мѣдную посудину съ водкой и нѣсколько зеленоватыхъ стакановъ.

— Чабака или тарани прикажете, панове?—спросила она, поклонившись.

— Тарани,—отвѣчалъ младшій.

Первый, окликнувшій жида, усѣлся въ самый уголъ и, проглотивъ къ ряду три стакана горилки, склонилъ голову на жилистыя руки и задумался. Длинные, полусѣдые усы его, спустились внизъ и легли пасмами на столѣ; правое ухо дважды обвилъ черный клокъ волосъ—„оселедецъ"; изъ-подъ нахмуренныхъ, широкихъ, косматыхъ бровей, смотрѣли остро въ глубокихъ орбитахъ глаза и метали иногда зеленоватыя искры. Суровое, загорѣлое, въ легкихъ морщинахъ лицо казалось вылитымъ изъ темной бронзы; наискось на немъ зіялъ отъ правой брови почти до лѣвой стороны подбородка широкій, багроваго цвѣта, шрамъ, свернувшій на сторону половину носа, за что и прозвали козака Кривоносомъ. Этотъ шрамъ, уродуя лицо, придавалъ ему какую то отталкивающую свирѣпость. Другой же, младшій, съ правильными, красивыми чертами лица, былъ совершеннымъ контрастомъ своему сосѣду и производилъ впечатлѣніе родовитаго весельчака-пана; только въ темно-синихъ глазахъ его свѣтилась не панская изнѣженность, а отвага и непреклонная воля. Ему весельчаки, юмористы товарищи, вѣроятно, въ насмѣшку за бѣлизну дали прозвище Чарноты.

Остальные гости прятались какъ-то въ тѣни; но догадаться было не трудно, что всѣ они принадлежали къ козачьему сословію и даже къ старшинѣ: это было видно и по краснымъ верхамъ съ „кытыцями" ихъ шапокъ, и по кунтушамъ „кармазинового"—ярко-малиноваго цвѣта, выглядывавшимъ изъ-за „керей", и по дорогому оружію. Каждый изъ козаковъ молча наливалъ себѣ стаканъ водки, подносилъ подъ нависшіе усы, опрокидывалъ, потомъ, причмокивая и сплевывая на сторону, затягивался „люлькой", пуская клубы дыма; одинъ только бѣлый Чарнота занялся, между прочимъ, таранью, а другіе и не дотронулись.

Послышались подъ окнами шаги и бодрые голоса; дверь отворилась, и въ хату шумно и безцеремонно, какъ въ привычное пристанище, вошло нѣсколько поселянъ; они за-панибрата поздоровались съ Шмулемъ и потребовали себѣ меду и пива, а иные горилки.

Шмуль, обрадованный, что подошли свои и избавили его отъ сообщества самъ-на-самъ съ молчаливыми таинственными гостями, подбодрился и веселѣй забѣгалъ отъ бочки къ столу и отъ стола къ бочкѣ; онъ съ усиліемъ, такъ, что даже пейсы тряслись, вытягивалъ ртомъ изъ „ливера" воздухъ, вслѣдствіе чего приборъ наполнялся жидкостью; быстро вынувъ его изъ бочки, Шмуль затыкалъ нижнее отвер-

стіе ливера пальцемъ, подносилъ его въ такомъ видѣ къ столу и наполнялъ требуемымъ напиткомъ стаканы.

— А что, какъ, панове, умолотъ хлѣба?—полюбопытствовалъ Шмуль.

— Добрый,—отвѣтилъ ему, крякнувъ, приземистый поселянинъ въ сѣрой свиткѣ и съ бѣльмомъ на глазу,—пшеница выдаетъ слишкомъ семь мѣрокъ, а жито ажъ девять.

— Ай, ай, „гитъ!"—зацмокалъ губами корчмарь.

— Что и толковать, земли здѣсь „цѣлинныя", жирныя,—какъ отвалишь „скибу", такъ ажъ лоснится,—замѣтилъ другой въ какой то мѣховой курточкѣ.

— Важный грунтъ,—поддержалъ и третій, уже пожилыхъ лѣтъ,—нигдѣ во всей округѣ такихъ урожаевъ нѣтъ, какъ на низинахъ нашего пана писаря Хмеля: сегодня я сбилъ копы двѣ овса, такъ вѣрите, чтобъ меня крестъ убилъ, коли не будетъ семи „корцевъ".

— Гевултъ!—затрясъ пейсами Шмуль.

— Та дай пану Хмелю вѣкъ долгій,—не обманулъ: и грунты оказались добрячими, и самъ онъ хорошимъ козакомъ.

Кривоносъ толкнулъ локтемъ Чарноту и подмигнулъ однимъ глазомъ сосѣду.

— Такого пана поищи, вотъ что!—поддержалъ старикъ.—Живетъ нашъ Хмель съ нами „подсусидками", такъ дай Боже, чтобы другой старшина хоть въ половину такъ обходился: пала ли у тебя „шкапа"—возьми господскую на отработокъ, нѣтъ ли молока дѣткамъ—иди въ панскій дворъ смѣло, къ Ганнѣ.

— Ужъ эта Ганна!—засмѣялся лупоглазый съ бѣльмомъ.—Просто идешь, какъ въ свои коморы и баста!

— Заболѣетъ ли кто на хуторѣ—уже она тамъ: ночь ли, день...—продолжалъ старикъ.

— На что и знахарки—такая печальница-„упадница",— кивнули головами и другіе селяне.

— Антикъ душа!—мотнулъ бородой даже жидъ и побѣжалъ въ свою половину къ Ривкѣ, куда заходили и бабы.

— Кто это—Ганна, человѣче добрый?—отозвался съ дальняго угла Кривоносъ.—Жинка этому вашему Хмелю?

— Нѣтъ, козаче, не жинка,—отвѣтилъ старикъ,—а родичка будетъ, сестра хорунжаго Василя Золотаренка, коли знаешь,—изъ Золотарева,—вонъ, что на Цыбулевкѣ, мили за четыре отсюда. Она еще панна, живетъ тутъ при семьѣ, дѣтей писарскихъ досматриваетъ, господарюетъ, а жинка Богданова, дочка Сомка, безъ ногъ

лежитъ уже почитай лѣтъ пять: послѣ родовъ перепугалась татаръ.

— Вонъ оно что!—протянулъ Кривоносъ.

— Что-же этотъ панъ писарь большіе чинши беретъ за Божью-то, предковскую землю?—вмѣшался въ разговоръ и Чарнота, прищуривъ лукаво глаза.

— Какіе тамъ чинши? Этъ!—махнулъ рукою „Кожушокъ".

— Грѣхъ слова сказать,—закурилъ „люльку" пучеглазый и молодцевато плюнулъ угломъ рта далеко въ сторону.—Двѣнадцать лѣтъ ни снопа, ни гроша не давали, а теперь платимъ десятину, да и то въ неурожайные годы льгота.

— Вѣрно,—подхватилъ и „Кожушокъ", заерзавъ на скамейкѣ и подергивая плечами.—И бей меня Божья сила, коли на его земли не переселятся со всѣхъ околицъ, потому—приволье.

— По-божьему, по-божьему, козаче,—мотнулъ головой и старикъ, отдирая зубами кожку съ хвоста копченой тарани.—Такой чиншъ можно вѣкъ цѣлый платить, не почешешься. Вѣдь пріими въ резонъ, что лѣсъ на постройки отпустилъ даромъ.

— А онъ, небойсь, заплатилъ за него, что-ли?—замѣтилъ злобно Кривоносъ.

— Хотя-бы не заплатилъ, такъ заслужилъ—и батько его, Михайло, и самъ онъ!—старикъ бросилъ на полъ обглоданный хвостикъ и утеръ полою усы.—А это, брате-козаче, все равно: ужъ не даромъ же, а за „послуги" отмежевалъ ему покойный Даниловичъ такой ласый кусокъ. А нашему пану Богдану еще король подарилъ всѣ земли за Тясминомъ; за три дня на конѣ не объѣдешь.

— Про большія услуги Хмеля слыхали, и слѣдуетъ за нихъ наградить его; только вотъ что мнѣ чудно, что благодарятъ то чужимъ добромъ...

— Что то мудрено,—уставился на Кривоноса старикъ.

— На догадъ бураковъ, чтобы дали капусты,—захохоталъ пучеглазый, а за нимъ и другіе.—Только вотъ не къ нашему батьку рѣчь: такихъ пановъ „дидычей" подавай намъ хоть копу,—и заступникъ онъ нашъ и совѣтчикъ... А что земля, такъ ея вольной безъ краю!

— Вонъ оно что!—протянулъ и старикъ.—Только какъ ни прикинь,—своя-ли старшина надѣлила, взялъ-ли самъ „займанщину", а коли уже приложилъ къ землѣ руки, то, значитъ, она твоя.

— Такъ, стало быть, и ляхи, эти чертовы королята,—сверкнулъ глазами Чарнота,—коли разсѣялись на нашихъ родовыхъ земляхъ и приложили къ нимъ свои плети, такъ уже и „дидычами"-властителями стали? Увидите, сколько вольныхъ этихъ земель паны вамъ оставятъ.

— Не объ нихъ рѣчь...

— То-то, что не объ нихъ!—ударилъ Кривоносъ кулакомъ по столу такъ, что стаканы всѣ подскочили съ жалобнымъ звономъ.

— Стой, разольешь!—подхватилъ съ испугомъ Чарнота мѣдную посудину и присунулъ къ себѣ подъ защиту.

— Вотъ это-то и горько, и больно,—зарычалъ Кривоносъ,— что всякъ изъ васъ, какъ только добрался до теплой печи, да до бабы, такъ и плюнулъ сейчасъ на весь свѣтъ: что ему родной край? „Моя хата съ краю—ничего не знаю!" А вотъ увидите скоро, какъ ваша хата съ краю? Легко смотрѣли, когда сюда исподволь заползали вороги наши клятые и по вѣрѣ, и по „пыхѣ", и по панству,—прошипѣлъ Кривоносъ,—а теперь вотъ, какъ они раскинули кругомъ паутину, да вбились въ силу, облопались нашего добра,—такъ и старыхъ господарей вонъ... и ничего не подѣлаешь! Эхъ!—заскрежеталъ онъ зубами и отвернулся.

Всѣ какъ будто сконфузились и притихли.

— Что и толковать, козаче,—тихо отозвался, наконецъ, старикъ,—вороги-то они наши точно, да какъ справиться?

— А вотъ какъ,—схватился Чарнота и взялъ стоявшій въ углу вѣникъ,—смотри старина; по прутику-то какъ легко ломается... хрусь, да хрусь! А ну-ка, попробуй переломить всѣ разомъ .. а? То-то!—швырнулъ онъ вѣникъ подъ печку.

Почесали затылки поселяне и одобрительно покачали головами.

— Хе, хе, хе! Ловко!—почесалъ затылокъ себѣ лупоглазый.— Только вотъ, пока мы надумаемся собираться въ вѣникъ, такъ насъ по одиночкѣ и переломаютъ.

— И добре сдѣлаютъ!—зашипѣлъ яростно Кривоносъ,—такъ и слѣдъ! Когда другіе подставляли за васъ свои головы, такъ вы сидѣли за печкой, или возились съ бабьемъ,—ну, а теперь и танцуйте! Дождетесь, гречкосѣи, что васъ самихъ запрягутъ паны въ плугъ... Попомните мое слово,—дождетесь!

— Храни Богъ, козаче,—встряхнулъ сѣдымъ „оселедцемъ" дѣдъ:—оно точно, что паны укореняются въ нашей землѣ... и про нашихъ даже слухъ идетъ, а про ляховъ и толковать нечего... да что противъ нихъ подѣлаешь? За ними сила, а сила, говорятъ, солому ломитъ. Конечно, „шановный добродій" правъ, что кабы всѣ разомъ супротивъ этой силы... да, выходитъ, слабъ человѣкъ: и до земли его тянетъ, и до своего угла и до покою... Потому-то и сидитъ въ „закутку", пока не доймутъ, не „дошкулятъ"...

— Эхъ, народъ!—ударилъ Кривоносъ по столу кухлемъ,—а еще христіане! Братья гибнутъ... врагъ сатанѣетъ... звѣремъ пе-

кельнымъ стаетъ, надъ всѣмъ издѣвается, „знущается“, всѣхъ терзаетъ,—а они...—козакъ отвернулся, склонилъ на руку голову и началъ дышать тяжело.

Всѣ замолчали, подавленные правдой этихъ словъ.

— Ой, такъ, такъ! —засуетился, послѣ долгой паузы, „Кожушокъ“—что и говорить—подло: всякъ вотъ только за себя...

— Да что-жъ ты, братъ, противъ силы?—уставился на „Кожушка“ пучеглазый,—паны со всѣхъ сторонъ такъ и лѣзутъ, такъ и прутъ...

— Что-о?!—вскрикнулъ задорно Чарнота:—а вотъ, хоть бы по прутику ломать эту силу: завелся панокъ—трахъ! и „нема“... приползла гадина—трахъ! и „чортма“!

— Ага! переглянулись значительно поселяне,—этакъ то... оно конечно... способъ добрячій. .

— Да мы не за пановъ, чтобъ имъ пусто было,—началъ было пучеглазый, но увидя входившаго жида, замялся:—а мы за своего Хмеля, потому что, козаче, душа человѣкъ... однимъ словомъ—„друзяка“ и шабашъ!

— Такъ, что на него и положится можно?—спросилъ Чарнота, подмигивая Кривоносу.

— Какъ на себя, какъ на свою руку!—отвѣтили всѣ.

— Ну, а гдѣ же онъ теперь, дома?

— Кажись, нѣтъ,—отозвался „Кожушокъ“.

— А куда-же „посунулъ“?

— По войсковымъ, вѣрно, дѣламъ.

— Ой-ли?

— Да разно говорятъ...—замялся, косясь на дѣда, пучеглазый.

— Мало-ли что брешутъ, не переслушаешь,—нахмурился дѣдъ,—а что дома нѣтъ, такъ правда: я сегодня самъ былъ во дворѣ.

— Неудача,—шепнулъ Кривоносу Чарнота.

— Благоденственнаго житія и мирнаго пребыванія,—загремѣла вдругъ у дверей октава и заставила всѣхъ обернуться.

У порога стоялъ въ длинной свитѣ, подпоясанный ремнемъ, средняго роста, но атлетическаго сложенія новый субъектъ, очевидно изъ причта; красное угреватое лицо его было обрамлено всклокоченной бородой грязно-краснаго цвѣта, а на головѣ торчала цѣлая копна рыжихъ волосъ; большія уши и на-выкатъ зеленые глаза придавали его физіономіи выраженіе филина.

— А! Звонарь изъ Золотарева! Чаркодзвонъ! Вепредавъ!—послышались радостныя восклицанія изъ кружка поселянъ.

— Азъ есмь!—подвинулся грузно къ своимъ знакомымъ звонарь, и, поздоровавшись, провозгласилъ громогласно:—Жажду!

— Гей, Шмуле,—засуетился Кожушекъ,—наливай пріятелю въ „кухоль" полкварты.

Шмуль прибѣжалъ сразу на зовъ и поднесъ съ привѣтливою улыбкой звонарю требуемую порцію.

— Во здравіе и во чревоугодіе,—произнесъ тотъ торжественно и, не переводя духу, выпилъ весь кухоль до дна.

— Эхъ, важно пьетъ, братцы,—не удержался отъ восторга Чарнота,—чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ и корца меду не нюхать, если не важно; такихъ добрыхъ „піяковъ" поискать теперь! „Почоломкаемся", дяче: съ такимъ пріятелемъ любо!—всталъ онъ и, обнявъ звонаря, поцѣловался на крестъ съ нимъ трижды.

— А что, дяче, не выпьешь-ли и со мной для знакомства „михайлика" [1]?

— Могу, во вся дни живота моего,—крякнулъ звонарь.

— Го-го! Не выдастъ!—загоготали селяне,—только не на пусто... капусты бы, соленыхъ огурцовъ...

— Тащи все сюда, жиде!—крикнулъ Чарнота, любуясь новымъ знакомцемъ.—Вотъ фигура, такъ надежная! Фу-ты, какая ручища!... Этакою погладить пана ляшка, такъ останется доволенъ!

— Что тамъ пана?—пожалъ пучеглазый плечами,—онъ вепря кулакомъ успокоилъ!

— Что ты?

— Ей-Богу! Взялъ я его разъ выгонять звѣря; онъ такъ съ голыми руками и пошелъ... Только гдѣ ни возьмись одинецъ, да ему прямо подъ ноги; шарахнулся дякъ въ сторону, да какъ лупанетъ его кулакомъ въ голову, такъ кабанъ заоралъ только рыломъ.

— Молодецъ! И такой лыцарь только въ звоны звонитъ?

— Луплю во славу Божію,—икнулъ звонарь,—но могу лупить и во славу человѣческую...

— Чокнемся же, брате,—передалъ ему „кухоль" Чарнота, и оба пріятеля, прильнувъ губами къ посудинѣ, не отняли ихъ, пока не осталось и капли горѣлки.

— Лихо! Пышно!—послышались одобренія со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ выискалъ таки Иванъ товарища себѣ,—замѣтилъ Кривоносъ,—этотъ, пожалуй, выдудлитъ бочку.

— Нѣтъ, пане отамане,—покачалъ головою, глотая капусту, звонарь,—человѣкъ бо есть не скотина, больше ведра не выпьетъ.

Расходился Чарнота, увлекшись обнаруженною у звонаря способностью къ доблестнымъ подвигамъ, и подсѣлъ уже совсѣмъ къ

---

[1]) Такъ въ сѣчи называлась большая стопа.

кружку новыхъ знакомыхъ; появились на столѣ и огурцы, и капуста, и тарань, „коновки“ пива и меду,—и пошелъ пиръ горой; жидокъ только бѣгалъ по корчмѣ и потиралъ руки; полы его „лапсердака“ развѣвались, что крылья вампира, а пейсы игриво тряслись. Возгласы, хохотъ, заздравицы стояли такимъ пестрымъ шумомъ, въ которомъ трудно было разобрать слово; нѣкоторые начинали уже пѣть, другіе перебивали, пока не возгласилъ звонарь зычнымъ голосомъ „вонмемъ“ и, откашлявшись, началъ:

„Ой, ударю въ звоны я,
Да возьму колодія!“

А собесѣдники подхватили:

„Звоны мои—бовъ та бовъ,
А я—до ляховъ-пановъ!“

Звонарь пьянымъ голосомъ запѣвалъ, размахивая бутылкою, словно камертономъ, а хоръ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ подхватывалъ „звоны мои бовъ та бовъ“, варіируя послѣднюю строфу различными вставками.

А Кривоносъ, подвинувшись къ своимъ товарищамъ, не обращалъ вниманія на стоящій въ корчмѣ гвалтъ и что-то горячо говорилъ, ударяя по столу кулакомъ. Въ сдержанномъ голосѣ, клокотавшемъ злобой, прорывались иногда то проклятія, то угрозы, то брань:

— А этотъ Гуня? Ежа бы ему противъ шерсти въ горлянку! Сдаваться! Да еще кому?—Собакѣ бѣшеной! Вотъ и сдались,—лихорадка имъ всѣмъ! Самъ то удралъ, а вы теперь и цѣлуйтесь. А!—кусалъ онъ до крови кулакъ и металъ изъ своихъ глазъ искры...

— Да вѣдь не сила была держаться,—вздохнули товарищи.

— Можно было... съ голоду не пухли... конины вволю... а о таборъ нашъ поломалъ бы зубы, не то что пропойца Потоцкій, а и самъ дьяволъ Ярема,—этотъ антихристъ проклятый, перевертень, обляшекъ, Іуда!... Вотъ теперь, когда распустило, и потанцовали бы у меня ляшки: я ихнихъ гусаровъ и драгонію загналъ бы по брюхо въ грязь, да и сажалъ бы потомъ паничей, какъ галушки, на копья.

— Да, теперь бы съ ними справиться легче.

— То-то! Но пусть моя мать мнѣ на томъ свѣтѣ плюнетъ въ глаза, пусть батько выврветъ мнѣ усъ, пусть моя горлица, мои дѣти... если я не отомщу этой гадинѣ!... Ухъ, поймать бы мнѣ его...—вотъ ужъ натѣшился бы, такъ натѣшился!

— Трудновато... длинныя у него руки,—покачали головой собесѣдники.

— Богъ не безъ милости, козакъ не безъ доли!—произнесъ съ затаенной отвагой Кривоносъ,—а тутъ вотъ что: Ярема будетъ возвращаться въ Лубны... нужно устроить,—понизилъ онъ голосъ до шепота и началъ уже сообщать что-то на ухо. Товарищи слушали его напряженно, перегнувшись совсѣмъ черезъ столъ, и—то утвердительно кивали чупринами, то разводили руками.

— Братія, вонмемъ!—перервалъ вдругъ пѣніе звонарь.—Я обогналъ на греблѣ псалмопѣвца Степана съ бандурою; какъ мыслите, не запросить ли его сюда, пѣснопѣнія ради?

— Эхъ, да и дурень же ты, пане звонарь!—укорилъ его, покачнувшись, Чарнота,—какъ же ты не сказалъ этого раньше? Да безъ бандуриста и „бенькетъ не въ бенькетъ". Тащи дида сюда на первое мѣсто.

— А такъ, такъ!—подхватили другіе.

— Да я... со духомъ, какъ обухомъ!—рванулся къ двери звонарь и наткнулся на какую-то сгорбленную фигуру.

— Да онъ здѣсь на лицо, братіе,—окликнулся звонарь.—Вотъ сюда, сюда, диду, къ свѣту.

— Давно уже нѣтъ для меня этого Божьяго свѣта,—вздохнулъ дѣдъ, ощупью идя за звонаремъ.

Чарнота вскочилъ навстрѣчу и привѣтавшись съ бандуристомъ, усадилъ его на скамеечкѣ почти среди хаты, а вошедшій за нимъ поводарь незамѣтно и робко улегся за печкой въ углу.

— Чѣмъ же васъ потчивать, диду?—порывались одинъ за другимъ поселяне.—Може, повечерять хотите или подкрѣпиться огнистой?

— Нѣтъ, спасибо вамъ, дѣтки,—не лѣзетъ мнѣ кусокъ въ горло, а окаянной душа не принимаетъ... Развѣ вотъ немного медку—промочить горло... потому что черезъ мѣру горько.

Старецъ съ бѣлой, какъ молоко, бородой тяжело вздохнулъ и поднялъ вверхъ свои серебристыя рѣсницы, и открылись, вмѣсто глазъ, глубокія, зажившія раны.

И благородныя черты страдальческаго лица, и согбенная фигура дряхлаго старца, и переполненный скорбными тонами голосъ произвели на подкутившую компанію сильное впечатлѣніе и заставили всѣхъ сразу присмирѣть и притихнуть.

— А може-бъ вы, старче Божій, спѣли намъ... наставили бы святымъ словомъ,—попросилъ тихо Чарнота, поднося ему въ руки налитый медомъ стаканъ.

— Спѣть то можно, отчего не спѣть, миръ хрещеный, людъ благочестный,—отхлебнулъ онъ нѣсколько глотковъ влаги и отдалъ обратно стаканъ,—наступаютъ-бо такія времена, что и пѣсня за-

мретъ, и веселье потухнетъ и только разнесется стонъ по родной землѣ, да разольются рѣками слезы.

Тяжелый вздохъ послышался въ отвѣтъ на эти пророческія слова.

Дрожащими руками дотронулся старецъ до струнъ, и заныли онѣ тоской-жалобой, зазвенѣли похороннымъ звономъ.

А старецъ, поднявши голову и устремивъ куда-то свои незрячія очи, запѣлъ дребезжащимъ голосомъ, напрягая чаще и чаще свою костлявую, обнаженную грудь:

„Земле Польска, Украино Подольска!
Та вже тому не годъ и не два мынае,
Якъ у христіянскій земли добра немае,
Якъ зажурылась и заклопоталась бидна вдова,
Та то-жь не бидна вдова, то наша ридна земля!"

Съ каждой фразой сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ; въ немъ слышались жгучія слезы, трепетавшія въ безрадостныхъ звукахъ. Поникнувъ головами, сидѣли и слушали поселяне и козаки эту жалобу-пѣсню; она отзывалась стономъ въ ихъ мощныхъ грудяхъ и пригибала чубатыя головы.

Кривоносъ же при первыхъ звукахъ народной думы, словно ужаленный въ самое сердце, встрепенулся и всталъ, снявъ свою шапку. Опершись одною рукою на столъ, а другую сжавши въ кулакъ, онъ закаменѣлъ, подавшись впередъ и понуривъ свою бритую голову съ длиннымъ клокомъ волосъ. Вся его мощная фигура, готовая броситься на врага, выдѣлялась мрачно въ углу. Изъ-подъ сдвинутыхъ косматыхъ бровей сверкали дико глаза; но въ этихъ вспышкахъ огня можно было подмѣтить накипавшую злобу и превышающее мѣру страданіе.

А старецъ вдохновенными словами-рыданіями рисовалъ картину наступившихъ отъ польскихъ пановъ угнетеній: и что земли-грунты отбираютъ, на панщину, на работу, какъ скотъ, гоняютъ, что не вольно уже ни въ рѣкахъ рыбу ловить, ни звѣря въ лѣсу бить, что издѣваются уже надъ вольными козаками не только паны и подпанки, но даже и жиды.

„Тожъ ляхы, мосцивые паны,
По козакахъ и мужикахъ велыки поборы вымышлялы:
Одъ ихъ ключи одбиралы,
Да сталы надъ ихъ домами господарямы:
Хозяина на конюшню одсылае,
А самъ изъ его жоною на подушкы злягае"...

Заскрежеталъ зубами Кривоносъ и, сжавши въ кулаки руки, двинулся на одинъ шагъ впередъ. А въ дверяхъ никѣмъ незамѣченный стоялъ уже новый посѣтитель—молодой красавецъ-козакъ.

Статная, гибкая, фигура его рѣзко отличалась отъ всѣхъ присутствовавшихъ; дорогой, изящный костюмъ лежалъ на немъ красиво и стройно; черты лица его были благородны и дышали беззавѣтной отвагой; орлиный взоръ горѣлъ пылкимъ огнемъ.

А голосъ старца возвышался до трагизма и пророчествовалъ страшную долю:

„Ой наступають презліи, страшніи годыны,
Не пизнае братъ брата, а маты дытыны;
Нехрещени диты будуть вмераты,
Невинчани пары, якъ звири хожаты...
Ой, застогне Вкраина на многія лита...
Та чи й не до кинця свита?“

Оборвалъ дѣдъ аккордъ и склонилъ на грудь дрожащую голову.

Наступило тяжелое, могильное молчаніе; всѣ были подавлены и потрясены думой .. Вдругъ пьяненькій „Кожушекъ“, вѣроятно, желая перебить удручающее впечатлѣніе, робко попросилъ старца:

— А что нибудь бы веселенькое...

Всѣ даже вздрогнули и отшатнулись, какъ отъ чего то гадливаго, а стоявшій у дверей козакъ энергически вышелъ впередъ и возмущеннымъ, взволнованнымъ голосомъ вымолвилъ:

— Будь проклятъ тотъ, кто запоетъ отнынѣ веселую пѣсню; радость и смѣхъ изгнаны изъ нашей растерзанной родины.... стонъ только одинъ раздается у матери-Украины... Пой, старче Божій,— бросилъ онъ въ руку дѣда червонецъ,—пой только такія пѣсни, какія бы рвали наше сердце на части и превращали слезы въ кровавую месть!

— Богунъ!—крикнулъ Кривоносъ, и заключилъ юнака въ свои широкія объятія.

V.

Роскошная усадьба у войскового писаря пана Хмельницкаго! На отлогомъ пригоркѣ стоитъ шляхетскій „будынокъ“. Высокая крыша его покрыта узорчасто гонтомъ, играющимъ на солнцѣ золотистыми отливами ясени; на самомъ гребнѣ крыши и по ребрамъ ея наложенъ изъ того же гонта зубчатый бордюръ; по срединѣ ея, со двора, далеко выступаетъ впередъ „наддашникъ“ надъ „ганкомъ“—крылечкомъ, а съ другой стороны къ саду—такой же „наддашникъ“, только поднятый выше, прикрываетъ небольшой мезонинъ; „наддашники“ заканчиваются плоскимъ зашелеваннымъ отрубомъ съ окошечкомъ и поддерживаются толстыми колоннами; послѣднія опираются на широкія террасы—„рундуки“, огражденныя

по сторонамъ точеною баллюстрадой. Домъ не высокъ, но обширенъ; стѣны его обвальцованы и обмазаны глиной такъ гладко, что и съ штукатуркой поспорятъ, а выбѣлены — словно снѣгъ блестятъ и виднѣются даже съ Чигиринскаго замка. На крышѣ возвышаются двѣ фигурныхъ бѣлыхъ трубы. Окна въ домѣ небольшія и при каждомъ двухстворчатыя ставни; ставни и наличники окрашены въ яркую зеленую краску, а по ней муміей проведены красныя линіи и кружки, изображающіе, вѣроятно, цвѣты; на колоннахъ, тоже по зеленому фону, искусно выведены муміей хитрыя завитушки, а баллюстрада вся выкрашена яркимъ сурикомъ. Внизу, кругомъ дома, идетъ широкая завалинка, блистающая желтой охрой съ синимъ бордюромъ вверху... Да, такимъ „будынкомъ" можно-бъ было похвастать и въ Чигиринѣ!

Дворъ у пана писаря широкій, зеленый. Въ центрѣ его вырытъ колодезь; срубъ надъ нимъ затѣйливо выложенъ изъ липовыхъ досокъ; вблизи сруба стоитъ высокая „соха", а къ верхней распоркѣ ея привѣшенъ на поршнѣ длинный, качающійся рычагъ—„журавель", съ прикрѣпленнымъ къ нему на висячемъ шестѣ ушатомъ—„цебромъ". По краямъ двора стоятъ хозяйскія всякаго рода постройки—амбары, сараи, „стайни", людскія хаты и кухни; всѣ онѣ выстроены по старосвѣтски, прочно, изъ дубовыхъ бревенъ; крыши на нихъ крыты мелкимъ тростникомъ подъ щетку, съ красивыми загривками и „остришками", одна только рубленая комора покрыта, какъ и домъ, гонтомъ. Направо за коморой и амбарами возвышается и господствуетъ надъ всѣми постройками широчайшая крыша „клуни", доходящая почти до самой земли; вокругъ нея рядами стоятъ длинныя скирды и пузатенькіе „стожки" всякаго хлѣба, отливая разными оттѣнками золота, — отъ свѣтло-палеваго жита до темно-красной гречихи. Первый дворъ обнесенъ рѣшеткой съ вычурными воротами, а кругомъ всей усадьбы вырытъ широкій и глубокій ровъ, съ довольно порядочнымъ валомъ, огражденнымъ двойнымъ дубовымъ частоколомъ; это маленькое укрѣпленіе замыкается дубовою же, окованною желѣзомъ „брамой" [1), — необходимая осторожность для тѣхъ смутныхъ временъ.

Но не этимъ славится усадьба Хмельницкаго, а славится она дорогимъ и роскошнѣйшимъ садомъ, заведеннымъ еще покойнымъ отцомъ Богдана, Михайломъ... и садъ этотъ выросъ на чудо, на славу,—такого до самого Кіева не было слышно! И чего только въ этомъ саду не родилось! Яблоки всякихъ сортовъ—бѣлыя, нѣжныя папировки, сочныя съ легкимъ румянцемъ ружовки,

1) Родъ въѣздной башни.

большія зеленоватыя оливки и темно-красныя, широкія цыганки; груши чуднаго вкуса — и краснобочки, и плахтянки, и бергамоты, и зимовки, и глывы... а сливы какія—зеленыя, желтыя, красныя, сизыя... а теренъ, а черешни, а вишни, а всякая еще мелкая ягода?... Господи! И не сосчитать, и не перепробовать всего!

Раскинулся этотъ садъ широко по волнистымъ пригоркамъ и надвинулся кудрявою зеленью къ рѣчкѣ. Передъ „будынкомъ" лежитъ небольшая полукруглая площадка; на ней посрединѣ высоко поднялся вершиной и раскинулся просторно вѣтвями могучій столѣтній дубъ; вокругъ него разбросаны нехитрые цвѣтники—просто гряды со всевозможными простыми цвѣтами: царской бородкой, гвоздиками, чернобровцами, зарей, аксамитками, горошкомъ и обязательными кустами „собачои рожи", высоко подымавшей свои унизанные алыми и розовыми цвѣтами стебли. Всѣ гряды окаймлены бордюрамы изъ барвинка, любистка, канупира и непремѣннѣйшихъ „васылькивъ". Справа и слѣва обнимаютъ цвѣтникъ кусты розъ и сирени, а вдоль стѣны у „будынка" стоитъ рядкомъ кудрявая и нарядная, въ красныхъ гроздьяхъ, рябина. За площадкой уже, къ лѣвой части „будынка" понадвинулся высокой темной стѣной цѣлый „гай"—отрубной лѣсокъ, къ которому примкнулъ разведенный садъ. Прихотливыми группами выступаютъ впереди вѣтвистыя липы, за ними прячутся свѣтлые, широколиственные клены, между которыми темнѣютъ мрачные, раскидистые дубы, а надъ волнистыми вершинами лѣсной шири особняками вырѣзываются вверхъ—то стройный, кокетливый яворъ, то свѣтлый, радостный ясень. Отъ этого задумчиво шумящаго лѣса вѣетъ мрачною глушью и дикою прелестью, а разбѣгающійся широко и просторно, сравнительно низкій, фруктовый садъ производитъ впечатлѣніе отрадной, рѣзвящейся юности. Темными коридорами врѣзываются въ лѣсъ проѣзжія дороги; отъ нихъ змѣятся тропинки по густняку, а по саду протоптаны тоже немного шире тропинки, безъ всякой симметріи и плана, а просто по прихоти и хозяйскимъ потребностямъ,—то къ пасѣкѣ, помѣщающейся на южномъ склонѣ, то къ сушнѣ, то къ огородамъ, то къ Тясмину; нѣкоторыя изъ этихъ тропинокъ обсажены кустами различныхъ ягодъ, а другія вьются между густымъ вишнякомъ и высокимъ терновникомъ. Только въ самомъ низу, у рѣки, идетъ широкой дугой природная тѣнистая аллея; съ одной стороны окаймляютъ ее высокіе, граціозные тополи, а съ другой, прирѣчной—мягкіе контуры задумчивыхъ ивъ, перемѣшанныхъ съ вѣчно дрожащей осиной и стыдливой калиной.

Послѣ дикой шутки природы, нагнавшей въ первыхъ числахъ октября неслыханную для южныхъ странъ зиму, наступило вдругъ

бабье лѣто: возвратилось тепло, растаялъ безвременный снѣгъ, и оживилась прибитая холодомъ зелень. Стоялъ теплый роскошный день, одинъ изъ тѣхъ дней, какими даритъ насъ иногда осень. Солнце склонялось къ закату, обливало розовымъ свѣтомъ садъ и мягкія дали, и рдѣло на сухой верхушкѣ осокора, поднявшейся властно надъ всѣми деревьями гая; теплые лучи его трогательно ласкали и грѣли, какъ прощальные поцѣлуи возлюбленной.

На широкой ступени крыльца сидѣла молодая дѣвушка, нагнувшись надъ лежавшимъ у нея на колѣняхъ „хлопчикомъ", лѣтъ четырехъ. Ея наклоненная головка особенно выдавала сильно развитый лобъ, на которомъ характерно и смѣло лежали пьявками,—какъ выражается народъ,—черныя брови. Чрезмѣрно длинныя, стрѣльчатыя рѣсницы закрывали совершенно глаза и бросали косую полукруглую тѣнь на блѣдныя щеки. Темные волосы еще болѣе оттѣняли матовую блѣдность лица; они были зачесаны гладко и заплетены въ одну косу, что лежала толстой петлей на спинѣ, перегнувшись черезъ плечо на колѣни; въ конецъ ея была вплетена алая лента. На строгихъ чертахъ лица дѣвушки лежала привычная дума и дѣлала выраженіе его немного суровымъ; но когда она поднимала свои большіе сѣрые глаза, то они лучились такою глубиной чувства, отъ которой все лицо ея озарялось кроткою прелестью.

Хлопчикъ въ синихъ шароварахъ и бѣломъ суконномъ кунтушикѣ лежалъ съ закрытыми глазами; красноватыя вѣки его сквозили на солнцѣ, а личико было золотушно-зеленаго цвѣта.

Изъ отворенныхъ дверей слышится молодой голосъ, читающій какую-то славянскую книгу; его поправляетъ почти черезъ слово другой—старческій, хриплый.

— „И ре-че онъ, бысть мнѣ во спа...ніе",—раздается въ свѣтлицѣ.

— Не „во спаніе", а „во спасеніе",—досадливо вторитъ ему другой,—не „злягай", паничу, и не сопи... слово титла зри и указку держи сице... ну, слово, покой, азъ—спа ..

— Да я уже намучился... глаза, пане дяче, слипаются.

— Охъ, охъ, охъ!—вздыхаетъ очевидно профессоръ,—рачительство оскудѣваетъ... нужно будетъ просить вельможнаго пана о воздѣйствіи посредствомъ канчука и лозы... Хоть до кахтызмы окончимъ.

И снова раздается тоскливое и сонное чтеніе.

А изъ-за двора доносится стукъ молотильныхъ цѣповъ, скрипъ „журавля" у колодца и какая-то ругань. Тучи голубей, сорвавшись откуда-то, шумно несутся со свистомъ надъ садомъ и, сдѣлавъ въ

воздухѣ большой кругъ, снова устремляются назадъ, вѣроятно, на „токъ". На цвѣтникѣ между грядъ, ходитъ дѣвочка лѣтъ десяти и, собирая сѣмена, поетъ пѣсенку; дѣтскій голосокъ звучитъ ясно, а въ словахъ особенно выразительно слышится: „выступцемъ, выступцемъ!" На дѣвочкѣ баевая, зеленая съ красными усиками корсетка и яркая, шелковая плахта.

— Галю! Царская бородка высыпалась!—повернула она къ дѣвушкѣ свое огорченное личико.

— А я тебѣ говорила, Катрусе,—подняла голову та,—что высыпится: нужно было собирать раньше.

— Галочко, что же дѣлать?—чуть не плачетъ Катря.

— Не огорчайся: я тебѣ привезу изъ Золотарева, сколько хочешь.

— О? Вотъ спасибо! Я на тотъ годъ вездѣ ее насѣю... Какъ я тебя, Галя, люблю!—подбѣжала она вдругъ и обняла Ганну. Да, это была та самая Ганна Золотаренковна, о которой отзывались съ такой похвалой поселяне.

— Геть!—заплакалъ мальчикъ, отстраняя ручонками дѣвочку,—геть къ цолту!

— Юрочко! Гай-гай, такъ сердиться!—строго покачала головой Ганна,—если ты посылаешь Катрю, такъ и я пойду съ нею туда.

— Галю! Я не бу-ду!—уже всхлипывалъ мальчикъ, обнимая ея колѣни и пряча въ нихъ головку.

— Ну, не плачь-же и никогда не бранись,—погладила она его по бѣлокурымъ жидкимъ волосикамъ,—Катруся—твоя сестра, тебѣ нужно любить ее. Ну, полно же, полно, не капризничай! Вотъ смотри, какъ Катруся побѣжала собирать сѣмена. Когда придетъ весна, мы бросимъ ихъ въ землю, а Бозя прикажетъ солнышку пригрѣть—вотъ они и станутъ рости, какъ и ты.

— А я вылосту,—улыбается уже хлопчикъ,—лоскази мнѣ, люба, цаца, казоцку.

— Ну, слушай!

Въ это время съ визгомъ и крикомъ выбѣжали изъ „гаю" мальчикъ и дѣвочка. Дѣвочка лѣтъ восьми бѣжала впереди, вся раскраснѣвшись и растопыривъ ручонки; на лицѣ ея играли страхъ и восторгъ; она, постоянно озираясь назадъ, улепетывала, изображая татарина, и кричала во всю глотку: „Ай, шайтанъ! Козакъ, козакъ!" А мальчикъ, вылитый портретъ дѣвочки, гнался за ней съ азартомъ и подгикивалъ: „Гайда! Не уйдешь, голомозый!". Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ лукъ и стрѣлы, а въ правой—собранный въ петлю шнурокъ; останавливаясь на мгновенье, металъ онъ стрѣлу, и при промахѣ пускался догонять дѣвочку снова.

— Попалъ, въ ногу попалъ!—крикнулъ онъ.—Падай, Оленко: ты ранена, ты мой „бранецъ!“ [1]).

— Нѣтъ, Андрійко, не попалъ!—возражаетъ, убѣгая, Оленка; хоть у нея отъ стрѣлы уже синякъ на ногѣ и страшная боль.

— Такъ вотъ же тебѣ!—съ ожесточеніемъ пускаетъ стрѣлу Андрійко и попадаетъ дѣвочкѣ въ спину.

— Ой—ухватилась та за ушибленное мѣсто и присѣла.

— Андрійко!—съ испугомъ встала Ганна, обнаруживъ свой стройный и высокій ростъ, и пошла быстро къ игравшимъ,—какъ же не грѣхъ тебѣ такъ ударить сестру?

— А почему она не падала?—надувши губы и смотря изъ-подлобья, буркнулъ Андрійко.

— Да для чего же ей падать?

— Я ее ранилъ въ ногу, такъ она и должна была упасть,—убѣжденно доказывалъ онъ,—я бы тогда ее въ плѣнъ взялъ, а если она начала удирать, то я долженъ былъ добить ее... татарина.

— Фу, какъ не стыдно подражать нашимъ ворогамъ!

— Я ее оттого и убилъ... Дидъ говоритъ, что нельзя татарина живымъ пускать... а то онъ убьетъ,—тутъ кто кого.

— Да зачѣмъ же играть въ такую злую игру,—гладила Ганна по головкѣ Оленку и вытирала слезы на ея глазкахъ,—вотъ и обидѣлъ сестру, а вѣдь вы близнята, должны бы сильно любить другъ дружку!

— Я не хотя,—потупился въ землю Андрійко.

— Да, нехотя... а вотъ хорошо еще что въ спину, а если бы въ глазъ? Нельзя играть въ то, гдѣ одинъ обижаетъ другого.

— Я не настоящими стрѣлами, это только „очеретяныя“, смолою налѣпленныя,—оправдывался хлопецъ.

— Все равно, тоже больно бьютъ.

— Такъ я буду накидывать арканомъ, а стрѣлы и лукъ кину,—видимо желалъ помириться Андрійко.

— Мнѣ уже не больно,—бросилась цѣловать Ганну Оленка,—совсѣмъ не больно, Галюню.. Будемъ играть, Андрійку!

— Ну, ну,—повеселѣлъ тотъ,—а то я не хотя... Отбѣгай-же впередъ!

— Осторожнѣе только,—поправила ему Ганна „чуприну“ и пошла обратно къ террасѣ, гдѣ ее на ступенькѣ все ждалъ Юрко.

— А я Галю... не плякалъ,—улыбался онъ, болтая ножками,—а казоцки ждалъ.

---

[1]) Плѣнникъ.

— Вотъ и молодецъ, запорожскій козакъ,—усѣлась Ганна.

А близнята, подхвативъ себѣ еще двѣ пары дѣтей, неслись съ звонкимъ смѣхомъ и радостнымъ крикомъ черезъ бурьяны, черезъ гряды снова въ темный гаекъ.

— Я тебѣ разскажу про недобрую козу,—начала Ганна.—Жилъ себѣ дѣдъ та баба, и былъ у нихъ внучекъ хорошій, хорошій, послушный, а хозяйства всего на всего—только коза. Жалѣютъ всѣ эту козоньку,—поятъ, кормятъ, гулять посылаютъ; а козонька „ме-ке-ке", да „ме-ке-ке"... жалуется, что ее голодомъ морятъ. Вотъ разъ дѣдъ посылаетъ ее.

— А что себѣ думаетъ панна Ганна?—прервалъ разсказъ незамѣтно подошедшій дѣдъ,—что у насъ ульевъ „нема"?...

Сѣдая борода дѣда спускалась до пояса, а изъ-за широкихъ желто-бѣлыхъ нависшихъ бровей еще свѣтились огнемъ черныя очи.

— А для чего же вамъ, дѣду, теперь ульи?

— Хе, для чего? Для роевъ,—усмѣхнулся дѣдъ, покачавъ головою,—вотъ тобѣ, панно, и диво! Господарь нашъ, продли ему Господь вѣку, все козакуетъ, а мы тутъ ему господарюемъ; вотъ солнышко пригрѣло, а муха Божья и взыграла, да сегодня намъ ажъ пять ройковъ прибыло...

— Такъ поздно?—изумилась Ганна.

— А что жъ ты думаешь, панно моя люба, если позднѣе, такъ ни на что и не нужны? Какъ бы не такъ! Не такой дидъ, чтобы имъ „рады" не далъ. Такъ то, моя крале! Вотъ мнѣ и нужно новыхъ штукъ десять ульевъ, да не вербовыхъ, а липовыхъ... Хе, для такой пышной силы липовыхъ!

— Есть у меня, диду, еще пять ульевъ, на чердаку.

— А цто-зе дидъ сдѣлалъ?—дернулъ за рукавъ Ганну, Юрко, укладываясь на ступенькѣ.

— Постой, родненькій мой, я вотъ только...—хотѣла было встать Ганна.

— Что дидъ сдѣлалъ, козаче? А вотъ собралъ, медкомъ накормилъ... Хе! да ты уже никакъ спишь? Чѣмъ козакъ гладокъ? Наѣлся и на бокъ! То-то,—продолжалъ словоохотливый дѣдъ,—поздніе! И поздніе, и ранніе—всѣ нужны: вотъ ты ранняя у меня, а стбишь може сотни позднихъ, а я вотъ поздній, древній, а еще, если гукнутъ кличъ, такъ мы и за раннихъ справимся... Ого-го! Еще какъ!—потрясъ онъ кулакомъ.

— Гдѣ ужъ вамъ!—улыбнулась Ганна.

— Ты съ дида, крале, не смѣйся,—понюхалъ дѣдъ табаку изъ тавлинки,—заходилъ это ко мнѣ человѣкъ Божій, дакъ говоритъ, что вы, диду, избрали благую часть, что у васъ тутъ любо

да тихо, какъ въ ухѣ, а тамъ, говоритъ, на Брацлавщинѣ, стономъ стонъ стоитъ, паны захватываютъ въ свои руки предковѣчныя степи, отнимаютъ отъ нашихъ людей дѣдовское добро... Налетитъ, говоритъ, съ ватагою панъ—и только пепелъ, да кровавыя лужи остаются отъ людскаго поселка.

— Боже правый!—всплеснула руками Ганна.

— То-то, моя „жалобнице!" Такъ если бы сюда, на нашу краину, налетѣли такіе коршуны-лиходѣи, какъ ты думаешь, крале, —я усидѣлъ бы въ пасикѣ? Ого-го! Да коли бъ на дида не хватило кривули, такъ я съ косой бы пошелъ... съ „уликомъ"... Думаешь, не пошелъ бы? Ого!

— Вѣрю, вѣрю, диду,—взглянула на него ласково Ганна,— а вотъ у меня души нѣтъ за дядька Богдана...

— Э, панно,—мотнулъ бородой дѣдъ,—за дядька не бойся; не такой онъ... Козачья душа у Христа за пазухой...

Дѣдъ направился къ калиткѣ, а Ганна повернулась и увидѣла, что на порогѣ свѣтличныхъ дверей стоитъ престарѣлый „професоръ" старшаго сына Богдана, Тимка.

— Ясновельможная панно,—жаловался онъ, держа на широкомъ поясѣ сложенныя руки,—съ юною отраслію славнаго рода вельможнаго панства познанія идутъ зѣло неблагопотребно.

Сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо жалобщика, съ клочковатой бородкой и торчащей косичкой, было крайне комично.

— А что, лѣнится развѣ Тимко?

— Смыкаетъ зѣницы, дондеже не воспрянетъ отъ бремени науки.

— Я, отче Дементій, попрошу его,—улыбнулась Ганна.

— „Наука потребуетъ дрюка", рече Соломонъ мудрый,—поклонился низко професоръ,—впрочемъ, если панская ласка, то просилъ бы сырцу малую толику и свиннаго смальца.

— Идите къ Мотрѣ; она все выдастъ.

„Професоръ" съ низкимъ поклономъ ушелъ, а Ганна обернулась къ Юрку и увидѣла, что головку его поправляла уже сутуловатая, почтеннаго вида старуха, въ длинной, повязанной вокругъ „очипка" и лица бѣлой „намиткѣ", концы которой спускались сзади до самаго долу, и въ темнаго цвѣта „халатѣ"—особаго рода женской верхней одеждѣ, почти исчезнувшей нынѣ въ народѣ.

— Бабусю серденько,—обратилась къ ней Ганна,—а что это Мотря приходила еще за харчами, прибавилось молотниковъ, что ли?

— Какое молотниковъ,—вздохнула старуха,—со всѣхъ концовъ, дальнихъ даже мѣстъ, сбѣгается людъ —то погорѣлый, то отъ висѣлицъ и канчуковъ, то сироты...

— Матерь небесная!—поблѣднѣла Ганна и порывисто встала.— Отнесите Юрка, а я пойду, распоряжусь... всѣхъ нужно устроить, пригрѣть.

— Да, вотъ они и ждутъ тебя.

— Боже! Спаси насъ!—произнесла дрогнувшимъ голосомъ панна и подъ наплывомъ горькихъ тревогъ и тяжкихъ предчувствій, тихо пошла въ людскую, наклонивъ низко голову. „Тамъ въ углу Сулы, думалось ей, теперь напряглись всѣ наши силы, тамъ кладутъ головы за волю борцы, тамъ льется кровь за родную землю, и что же сулитъ намъ судьба? Можетъ, это предвѣстники ея безчеловѣчнаго приговора?“

Прошелъ часъ. Въ саду утихли веселые крики дѣтей, и на „току“ мѣрные удары цѣповъ. Катря два раза относила въ свою свѣтлицу мѣшечки. Солнце начало близиться къ закату.

Отворилась широко дверь на террасѣ и двѣ дюжихъ дѣвки съ плечистымъ парнемъ внесли туда на „топчанчикѣ“ (родъ дивана) больную жену Богдана; не смотря на средніе годы, она выглядывала совсѣмъ старухой.

— Вотъ такъ, впоперекъ поставьте,—попросила тихо больная—да, да... добре теперь, спасибо вамъ; идите, любые.

Несчастная страдалица приподнялась на локтѣ и жадно начала вдыхать живительный воздухъ. Лице ея, изможденное, желтое, болѣзненно напрягалось при поднятіи запавшей грудной клѣтки; подпухшіе глаза блуждали кругомъ, словно спѣша всмотрѣться и насладиться еще разъ знакомыми, родными картинами. А онѣ были дѣйствительно хороши.

Не смотря на позднюю осень, природа еще стояла въ пышномъ уборѣ, хотя и поблекшемъ, но не лишенномъ элегической прелести. Съ террасы открывался широкій просторъ. Высокій, могучій, нѣсколько дикій „гай“ и болѣе правильными группами разсаженный садъ лежали у ногъ полуобнаженные, но переливали еще порѣдѣвшими волнами разноцвѣтной окраски—отъ темной бронзы дуба, до яркаго золота клена и серебра явора; между этими волнами были вбрызнуты и кровавыя пятна. Красно-бурыми лентами алѣли теперь межь полуобнаженной гущиной усѣянныя листьями тропинки. Слѣва сквозь просѣку въ сизомъ туманѣ бѣлыми пятнами и шпилями виднѣлся городъ; прямо внизу, далеко между деревьями, игралъ въ каймѣ изъ „осоки“ Тясминъ, а направо къ запрудѣ, у водяныхъ мельницъ, разливался онъ широкимъ воднымъ пространствомъ. Сквозь косые лучи солнца сверкала радужнымъ дождемъ и бѣлой пѣной вода, спадавшая съ мельничныхъ, высокихъ колесъ; а за мельницами, вдали, разноцвѣтными плахтами лежали сжатыя нивы,

окутанныя синѣющими лугами... Нѣжною красой и раздольемъ вѣяло отъ этихъ мирныхъ луговъ и полей, отъ этой рѣзвой игриво-шумящей рѣки, отъ этого задумчиваго „гайка“ и отъ свѣтлаго, обнявшаго землю высокаго неба,—чарующей прелестью и тихой лаской ложилась эта картина на душу и отгоняла отъ нея мятежныя бури и грозы...

Умилилась и больная.—Боже, какъ тепло и чудесно!—отрывисто шептала она.—Пожелтѣлъ мой садикъ, какъ и я... только онъ все-же пышный, а я... уже и руки сложила,—провела она рукой по глазамъ.—Вонъ яблони, что я съ Богданомъ садила... Какими онѣ были тогда прутиками, а теперь ишь какъ подняли, раскинули вѣтви... А я... вѣрно въ послѣдній разъ садочкомъ любуюсь...

Съ шумомъ вбѣжала Катря и припала къ матери.

— И мама вышла погулять?

— Не вышла, доню, а вынесли,—улыбнулась больная.

— Мамо, мамо,—издали закричали близнята, несясь взапуски на террасу.—Гляньте, какъ насъ причесала Галя!

— Славно, славно!—обняла своихъ дѣтокъ больная.—А гдѣ же ваша Галя?

— А вотъ!—ухватилась Оленка за сподницу поднимавшейся уже на ступеньки Ганны.

— Вотъ, вотъ!—бросился въ объятія и Андрійко.—Галя, любочка, серденько!—ласкались и обнимали ее дѣтки.

— Любятъ они тебя,—умилилась пани, глядя на эту сцену,—да и что мудренаго? Вѣдь ты для нихъ, что мать родная... да еще и поищи такой матери на бѣломъ свѣтѣ...

— Что вы, титочко, вамъ такъ кажется,—конфузилась отъ этой похвалы Ганна,—люблю я ихъ всей душой—это вѣрно...

— И мы Галю любимъ... вотъ какъ!—развела руками Оленка...

— И любите, дѣтки,—продолжала больная, и глаза ея заблистали слезами,—она для васъ вторая мать: Богъ посѣтилъ меня, да и пожаловалъ, послалъ въ утѣшеніе Галю... она васъ до ума доведетъ...

— Ахъ, куда мнѣ!—покраснѣла уже совсѣмъ Ганна и, чтобы замять разговоръ, обратилась къ близняткамъ:—Ну, гайда въ свѣтлицу, тамъ уже „подвечирокъ“ васъ ждетъ.

Съ шумомъ бросились дѣтки къ дверямъ, толкая другъ друга; Катря тоже побѣжала съ ними.

— Не слыхала-ли ты, Галю, чего-либо про Богдана? У меня просто душа „холонетъ“... Такія времена—и ни чутки, ни вѣсти...

— Не тревожьтесь, титочко,—удержала тяжелый вздохъ Ганна; а сама почувствовала, словно ножъ ее ударилъ подъ сердце,—вѣрно по войсковымъ дѣламъ... Богъ милостивъ!

— А все таки, куда-бъ онъ уѣхалъ? Не сказалъ-ли хоть тебѣ?

— Нѣтъ, ничего... мало-ли мѣстъ? Не знаю... Но въ глубинѣ души Ганна знала, гдѣ могъ быть Богданъ: тамъ, гдѣ орлы-бѣлозорцы,—тамъ и онъ! Онъ даже намекнулъ ей; но она его тайны не выдастъ... Только теперь, когда чуются какія-то смутныя вѣсти, а на небѣ собираются тучи, она трепещетъ и боится объяснить себѣ этотъ трепетъ.

— Охъ, всѣмъ-то намъ тяжело,—простонала тоскливо больная,—а ему то, бѣдному и подавно: бѣгай, хлопочи, подставляй голову, а утѣхи никакой! Вѣдь онъ еще молодой и здоровый, а вотъ довелось вдовцомъ быть, чернецомъ: что я ему? Ни мать дѣтямъ, ни жена, ни хозяйка.., а колода только „никчемная“, да и все! Хорошо, что тебя Богъ послалъ...

— Титочко,—подошла и поцѣловала руку Богданихи Ганна,—къ чему такія печальныя думки? Еще выздоровѣете...

— Нѣтъ, моя „квиточко“,—погладила она по щекѣ Ганну,—не вставать мнѣ... а жить такъ—калѣкой, колодой—эхъ, какъ тяжко и нудно! Сама я себѣ надоѣла... Свѣтъ только заступаю. Когда-бы Господь смиловался да принялъ меня къ себѣ... и мнѣ бы легче было, да и всѣмъ.

— Господи! Да что-же вы такое, титочко?—всплеснула Ганна руками, и изъ очей ея брызнули слезы.

— Я обидѣла тебя?! Серденько, рыбонько!—прижала она къ своей груди Ганну.—Я тебя такъ люблю и его, и всѣхъ... я отъ „щирого“ сердца, изъ любви, безъ всякой думки, жалѣючи,—вздохнула она и добавила:—Скажи, однако, чтобъ внесли меня: пора!

Ганна подошла къ черному крылечку, отдала приказаніе прислугѣ, а сама быстро удалилась въ темную липовую прогалинку и, усѣвшись на пнѣ, дала волю слезамъ. Она сама не знала, почему онѣ, крупныя, катились и катились изъ глазъ. Или ей безконечно жаль было безпомощной страдалицы, пережившей давно свое счастье, или ей было больно, что та самоотверженно уступала свое мѣсто другой, или ей страшно было за Богдана, за родину?

Обрывочно и бурно на нее налетали думы, но разобраться въ нихъ она не могла; она чувствовала только, что любитъ здѣсь всѣхъ, а Богдана боготворитъ и вѣритъ въ его могучую силу. Она знала, что въ молитвахъ своихъ о близкихъ первымъ всегда по-

минала его... Да, какъ отъ тревоги по немъ болитъ ея сердце, какъ оно приросло здѣсь ко всему, прикипѣло!...

Ганна сидитъ, сцѣпивши на колѣняхъ руки, и смотритъ въ темнѣющую глубину лѣса. Лицо ея, блѣдное, словно мраморное, какъ бы застыло; на немъ палевыми и лиловыми пятнышками лежатъ тѣни отъ листьевъ, и только на длинной рѣсницѣ дрожитъ жемчужиной слеза.

Вдругъ лицо ея вспыхнуло... поблѣднѣло и она вся двинулась впередъ и застыла въ порывѣ...

Передъ ней стоялъ Богунъ. Темная „керея" падала кругомъ его могучей и статной фигуры; шапка была надвинута низко на черныя брови и придавала необычайно красивому лицу энергію и удаль; но выраженіе его не предвѣщало ничего добраго. Весь пожелтѣвшій садъ горѣлъ теперь червоннымъ золотомъ подъ огненными лучами заходящаго солнца, и на этомъ яркомъ фонѣ темнымъ силуэтомъ стоялъ передъ Ганной козакъ. Она хотѣла броситься къ нему, хотѣла задать ему тысячу вопросовъ; но мрачный видъ козака поднялъ въ ея душѣ страшное предчувствіе: боязнь истины сжала ей горло. Ганна хотѣла сказать слово, и слово не шло у ней съ языка. Богунъ видѣлъ, какъ поблѣднѣла при видѣ его Ганна, какъ расширились ея глаза, какъ занѣмѣла она вся, протянувши къ нему руки... У него почему то особенно дрогнуло сердце, и онъ не рѣшался заговорить. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія. Наконецъ, Ганна овладѣла собой.

— Живъ? Въ плѣнъ взятъ? Убитъ?—едва смогла она выговорить нѣсколько рвущихся словъ.

— Не знаю, панно; я самъ спѣшилъ къ тебѣ разспросить о немъ.

— Боже!—всплеснула Ганна руками.—Но, вѣдь, онъ былъ тамъ? Былъ?

— Да, и оказалъ намъ рыцарскую услугу, а потомъ...—остановился онъ.

— Потомъ?—перебила его Ганна, сжимая до боли руки.

— Онъ исчезъ непримѣтно... уѣхалъ... говорятъ къ Днѣпру.

При этихъ словахъ Ганна почувствовала вдругъ, что съ груди у ней точно камень свалился, и страшная слабость, такая слабость, что Ганна должна была снова опуститься на пень, охватила все ея существо.

— Матерь Божья, слава Тебѣ, слава Тебѣ!—прошептала она упавшимъ голосомъ, чувствуя какъ набѣгаютъ ей на глаза теплыя слезы,—значитъ спасся, уѣхалъ въ Кодакъ...

Наступило снова молчаніе. наконецъ, Ганна, отерла глаза и обратилась къ Богуну, еще смущенная за свои слезы:

— Прости мнѣ, козаче, минутную женскую слабость; страхъ за Богдана, за нашего оборонца... вызвалъ слезы на эти глаза... Но скажи мнѣ, отовсюду доходятъ тревожные слухи... Что случилось? Какимъ образомъ ты здѣсь? Какъ наши бойцы? Снята ли осада?

— Увы!—горько вырвалось у козака,—тамъ погибло все...

Ганна схватилась рукою за голову и отшатнулась назадъ. Упало страшное слово, и никто не рѣшался прервать наступившаго оцѣпенѣнія. Наконецъ, Богунъ заговорилъ горячо и бурно:

— Да, погибло все... но не приди этотъ дьяволъ Ярема, клянусь тебѣ, панно, не стоялъ бы я такъ передъ тобою... Про Голтвянскую битву ты, вѣрно, слыхала. О, какъ разбили мы „польнаго" гетмана! Надо было видѣть, какъ бѣжали обезумѣвшіе отъ страха ляхи! Подъ Лубнами нашъ гетманъ снова даетъ имъ битву. Бой длился цѣлый день; побѣда клонилась на нашу сторону, и если мы не побѣдили, то только черезъ рейстровыхъ козаковъ. Будь трижды проклятъ тотъ день и часъ, когда довелось мнѣ это увидѣть!—вскрикнулъ онъ, сжимая руку:—братья шли противъ братьевъ! И мужество ихъ, Іудъ проклятыхъ, казалось возрастало еще больше при видѣ братней крови!

Ганна тихо простонала и закрыла руками лицо.

— Но Богъ справедливъ,—продолжалъ еще горячѣе козакъ,—и не далъ имъ въ руки побѣды! Мы двинулись дальше, ожидая отовсюду вспомогательныхъ войскъ, а польный гетманъ Потоцкій послалъ къ Яремѣ. Къ намъ шелъ Путивлецъ... Ты знаешь его, панно,—славный былъ, вѣрный козакъ, и доблести великой, и тяжелой руки. Его настигаетъ Потоцкій, окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Долго сражались козаки, долго отбивались—одинъ на двадцать враговъ! Но видитъ Путивлецъ,—не сила—ни пробиться, ни устоять... онъ пишетъ къ польному гетману и проситъ пощады. Гетманъ даетъ рыцарское, „гоноровое" слово—всѣхъ отпустить безнаказанно, если упадетъ его, атамана, голова! О, панно... ты же его знаешь, славнаго Путивльца... Онъ собираетъ на раду всѣхъ и рѣшаетъ самъ, предать себя въ руки гетмана, ради братьевъ. Всѣ хотятъ умереть вмѣстѣ, разомъ... но онъ требуетъ, что для борьбы, для родины они должны купить собѣ жизнь... и пошелъ! Да, если бъ ты видѣла, какъ заплакали кругомъ козаки, прощаясь со своимъ батькомъ,—слезы не перестали-бъ до самой смерти орошать твои очи! А гетманъ,—самъ сатана устыдился бы такой подлости, пусть не знаютъ дѣти его счастья, пусть сынъ его не увидитъ ры-

царской славы во вѣки,—какъ онъ свое гоноровое, гетманское слово сдержалъ! Когда покатилась славная голова Путивльца, и козаки положили оружіе, гетманъ велѣлъ окружить „жолнерами“ беззащитныхъ бойцовъ... и выбилъ, слышишь панно, выбилъ копьями всѣхъ до единаго!

Сдавленный крикъ послышался со стороны Ганны; но Богунъ не слыхалъ его и продолжалъ все горячѣй и горячѣй.

— Приходитъ къ намъ Іеремія, волкъ дикій, чующій носомъ козацкую кровь, и союзниковъ нашихъ всѣхъ перехватываетъ... Раненъ Скиданъ... Погибъ Сикирявый... Бордюгъ! Мы уходимъ, панно, но не бѣжимъ, нѣтъ, а идемъ такой оборонной рукой, что ляхамъ не удается приблизиться къ намъ. О, если бъ ты видѣла, какъ отъ бѣшенства Ярема блѣднѣлъ, получая отовсюду желѣзный отпоръ! Но мы окапываемся, становимся таборомъ около Старицы... Поляки открываютъ штурмъ: самъ Ярема ломаетъ крылья своихъ гусаръ о наши возы. Съ пѣною у рта бросается онъ съ тяжелою „гусаріей“ и стремительною „драгоніей“ на нашъ таборъ; но сколько не налѣталъ этотъ дьяволъ, а прорваться и разорвать нашъ лагерь ему не удалось. Тогда они выстроили громадные валы и втащили на нихъ пушки; ядра ихъ стали достигать до средины нашего табора. Мы съузили его и окопались валами. Они давай томить насъ штурмами, но мы ихъ перехитрили: ночью отрядъ отчаянныхъ удальцовъ вырвался изъ лагеря... Мы смѣшались съ рейстровыми и узнаемъ польскій военный пароль... бросаемся къ ихъ окопамъ.—„Есть ли языкъ?“—спрашиваетъ насъ часовой.—„Есть,—отвѣчаемъ мы,—больше чѣмъ надобно вамъ“—и кидаемся къ ихъ пушкамъ... Тревога поднимается во вражьемъ станѣ; но клянусь, пока они прибѣжали, мы заклепали ихъ пушкамъ затравки навѣки!

Лицо козака загорѣлось молодой удалью и нельзя было не заглядѣться на эту могучую красоту.

— Но что дѣлаетъ отъ безсильной злобы самъ польный гетманъ?—продолжалъ онъ, заскрежетавъ зубами,—будь онъ проклятъ, собака, на вѣки вѣковъ! Посылаетъ войска и на семь верстъ въ окружности выжигаетъ все до тла, вырѣзываетъ безъ сожалѣнія всѣхъ,—стариковъ, женщинъ, неповинныхъ дѣтей... Зарева отъ пожаровъ стоятъ передъ нами... Простой народъ бѣжитъ къ намъ въ таборъ и приноситъ вопли и стоны неповинныхъ людей... А мы,—вскрикнулъ онъ, встряхнувши такъ сильно молодое дерево, что листья посыпались кругомъ,—мы не можемъ броситься изъ табора и растерзать этого страшнаго пса, эту шипящую гадину на тысячи кусковъ!

— Боже, Боже! —вырвалось у Ганны со слезами,—Ты-же видишь все и молчишь...

— Да, панно,—продолжалъ Богунъ,—этотъ звѣрюка съ аспидомъ Яремой разлили потоки неповинной крови, но насъ не сломили. Они открыли самую свирѣпую осаду: къ намъ не допускали никого, а къ нимъ все прибывали и прибывали свѣжіе запасы и войска; отъ ржанія ихъ коней у насъ не слышно было голоса другъ друга. Въ таборѣ поднялся голодъ; его увеличивали прибывавшія массы люду, спасавшіяся отъ убійцъ и грабителей. Эти несчастные въ концѣ концовъ насъ погубили. На всѣ просьбы и уступки Гуни—онъ только молилъ за козачьи права и за пощаду невинныхъ—эти псы отвѣчали лишь усиленными штурмами, и клянусь честью козацкой, что каждый штурмъ имъ дорого стоилъ и не давалъ ни пяди земли! Но голодъ одолѣлъ не насъ, а эту несчастную непривычную голытьбу. Она начала роптать, что дальнѣйшее сопротивленіе—безумство, что оно вызоветъ лишь бо́льшую месть, и просила, требовала, чтобъ мы сдались на вельможную милость. Мы возмущались, сопротивлялись, но „черная рада“ [1])—такъ и порѣшила. Не отстоялъ своей воли на ней Гуня: побоялся, очевидно, измѣны, выдачи старшинъ, а потому, кто рискнулъ своею буйною головой прорваться сквозь цѣпь враговъ, тотъ не подчинился „радѣ“; остальные же сдались на панскую милость.

Козакъ замолчалъ. Молча стояла и Ганна, съ лицомъ блѣднымъ, какъ бы за одно мгновеніе похудѣвшимъ, съ глазами, широко раскрытыми, глядящими съ ужасомъ въ темнѣющую даль.

Съ дальнихъ болотъ подымался сѣроватый туманъ, тишину прерывалъ только тоскливый стонъ ночной птицы, тихо падалъ съ вѣтвей влажный отяжелѣвшій листъ.

— Что дѣлать? Что дѣлать?—слетѣло едва слышно съ побѣлѣвшихъ губъ Ганны.—Неужели погибло все?

— Нѣтъ!—вскрикнулъ Богунъ, энергически хватаясь за саблю, и глаза его сверкнули молніей,—имъ не согнуть насъ! Мы ищемъ Богдана... посовѣтоваться... написать петицію къ королю. Покуда еще осталась хоть капля козацкой крови, борьба будетъ идти не на жизнь а на смерть!

— На смерть! На смерть!—лихорадочно подхватила за нимъ Ганна, поднимая къ небу руки,—и Богъ отъ насъ не отступится!...

По широкимъ ступенямъ крыльца поднялись Ганна съ Богуномъ въ будынокъ. Просторныя сѣни дѣлили его на двѣ отдѣльныя половины: налѣво помѣщались горница и писарня пана Богдана,

[1]) Рѣшеніе черни.

направо была свѣтлица и покои самой пани съ обширною при нихъ хатой, въ которой долгими зимними вечерами, при свѣтѣ „каганцевъ", дивчата и молодицы собирались прясть, мережить сорочки, ткать полотна и ковры Ганна распахнула дубовую одностворчатую дверь и вошла въ большую горницу.

Налѣво отъ двери въ большой печи, имѣвшей нѣчто среднее между очагомъ и „грубкой", пылалъ веселый огонь. Печка вся была обложена зеленоватыми изразцами, на которыхъ были разрисованы яркими красками всевозможныя бытовыя картины: панна въ колымагѣ, дивчына съ прялкой, козакъ на бочкѣ и цѣлое собраніе диковинныхъ, никогда небывалыхъ птицъ, рыбъ и звѣрей. Бѣлыя стѣны комнаты до половины были обвѣшены „коцями" (узкими и длинными ковриками), а между оконъ висѣли длинные персидскіе „кылымы", ковры. Самыя окна были небольшія, поднимавшіяся половиной рамы вверхъ; но всѣ стеклушки въ нихъ были отдѣланы въ круглыя оловянныя гнѣзда; надъ окнами висѣли шитые бѣлоснѣжные рушники. Вдоль стѣнъ шли длинныя рѣзныя дубовыя полки; серебряные кубки, фляжки и тарелки живописно красовались на нихъ. Свѣтъ огня игралъ на блестящей посудѣ яркими пятнами и придавалъ комнатѣ еще болѣе нарядный видъ. У стѣнъ стояли широкія липовыя лавы со спинками, покрытыя краснымъ сукномъ; такіе же маленькіе „дзыглыкы" или „ослончики" (деревянные табуреты), обитые тоже краснымъ сукномъ, стояли вокругъ стола. Весь переднiй уголъ занятъ былъ дорогими иконами; шитыя полотенца, вѣнки изъ сухихъ цвѣтовъ окружали ихъ. Большая серебряная лампада освѣщала темные лики святыхъ красноватымъ свѣтомъ. Подъ иконами стоялъ длинный гостепріимный столъ, покрытый бѣлою скатертью; хлѣбъ и соль лежали на немъ.

Черезъ длину всей комнаты, подъ чисто выбѣленнымъ потолкомъ, посрединѣ тянулся толстый дубовый „сволокъ"—балка, съ вымереженнымъ красивымъ узоромъ. Посреди него снизу вырѣзанъ былъ старинный восьмиугольный крестъ, а подъ нимъ стояли слова: „Року Божого, нароженія Христова 1618, храмину сію збудовалъ рабъ Божій Михаилъ Хмель, подстароста Чигиринскій". Съ одной стороны „сволока" было вырѣзано большими славянскими буквами: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ", а съ другой стороны стояло: „да благословитъ домъ сей десница Твоя".

И на Богуна, и на Ганну пахнуло сразу тепломъ, уютностью и радостью жизни. Двое близнецовъ сидѣли на корточкахъ у каминка, подбрасывая сухія щепочки и дрова; ихъ личики раскраснѣлись отъ жара, и веселый смѣхъ наполнялъ пышную свѣтлицу. Небольшая дверь въ сосѣднюю горенку была открыта; изъ-за нея

виднѣлась широкая, обложенная бѣлыми подушками, кровать; на ней лежала жена Богдана, приподнявшись на локтѣ, стараясь слѣдить за живительнымъ огоньком. Подлѣ нея прикурнула Катря, а въ ногахъ, подперши щеку рукой, сидѣла приходившая къ Ганнѣ старушка.

Богунъ снялъ шапку и керею, поклонился иконамъ, а Ганна обратилась громко къ Богданихѣ, стараясь придать своему голосу веселый тонъ:

— Титочко, посмотрите-ка, я вамъ гостя привела.

— Кого, кого?—всполошилась больная и, увидѣвъ Богуна, вскрикнула радостно:—а! Иванъ! Иди, сыну, сюда!

Богунъ перешагнулъ черезъ порогъ, склонившись подъ низкою дверью. Въ этой маленькой комнаткѣ было затхло и душно: всюду торчали засунутыя за „сволокъ" сухія пахучія травы; пучки ихъ висѣли и по стѣнамъ, и подлѣ иконъ; тамъ же теплилась и лампадка; большія сулеи и маленькія бутылки стояли на окнахъ. Пахло мятой и яблоками.

Богданиха приподнялась на локтѣ къ нему навстрѣчу, а Богунъ склонился къ ея рукѣ.

— Ну, какъ вамъ, титочко? Давно не видѣлъ васъ...

— Что обо мнѣ, сыну!—перебила его прерывающимся голосомъ больная,—съ Богомъ не биться... А вотъ, что съ Богданомъ, не слыхалъ ли ты? Душой вся измучилась. Сердце за него мое перениьло.

— Благодарите Бога, титочко,—съ Богданомъ благополучно: онъ въ Кодакѣ... Вернется вѣрно съ Конецпольскимъ.

— Матерь Божья, Царица Небесная!—подняла больная глаза къ темному лику, крестясь исхудалой рукой.—Ты услышала мою молитву! Ганна, голубко... акаѳистъ бы завтра отслужить!

— Хорошо, титочко,—отвѣтила Ганна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Ну, а ты присядь, мой голубь,—обратилась больная къ Богуну, указывая на „ослончикъ" возлѣ себя,—присядь... ты „издорожился" вѣрно... Да разскажи намъ, что тамъ съ нашими козаками? Вѣсти худыя отовсюду спѣшатъ... Ты вѣрно знаешь... Скажи!

— И вѣсти худыя спѣшили недаромъ!—мрачно понурившись, отвѣтилъ Богунъ.—Погибло все, сдались козаки... Потоцкій и Ярема разгромили таборъ.

Тихій женскій плачъ наполнилъ комнату. Никто не утѣшалъ никого. Старуха плакала, покачивая головой, и маленькая Катря рыдала, прижавшись къ матери; даже „близнятки" со страхомъ прильнули къ Ганнѣ, вытирая кулакомъ глазки. Никто не говорилъ

ни слова; казалось, покойникъ лежалъ на столѣ. Наконецъ, больная отерла глаза и обратилась къ Ганнѣ:

— Что-жъ, Ганнуся, на все Божья воля... Будемъ Его милости просить... А ты приготовь людямъ добрымъ вечѐрю... Идите дѣтки, идите, милые,—проговорила она ласково, кладя дѣтямъ на голову руки,—вечеряйте на здоровье, покуда еще есть хоть кровъ надъ вашею головой.

Подали на столъ высокія свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ, появилась незатѣйливая, но обильная вечеря и пузатыя фляжки меду и вина. Богуна усадили въ передній уголъ; дѣти и старуха-нянька умѣстились по сторонамъ. Дверь скрипнула и въ комнату вошли еще три обитателя: старый дѣдъ-пасѣчникъ, а за нимъ козакъ средняго роста, необычайно широкій въ плечахъ. Одѣтъ онъ былъ очень просто; лицо его было угрюмо и некрасиво; узкіе глаза смотрѣли изподлобья; брови поднимались косо къ вискамъ; сквозь разсѣченную пополамъ верхнюю губу выставлялись большіе лопастые зубы. За козакомъ вошелъ и молодой, лѣтъ 13-ти хлопчикъ, старшій сынъ Богдана, Тимко, ученикъ знакомаго уже намъ профессора. Лицо мальчика было не изъ красивыхъ, совершенно рябое отъ оспинъ и веснушекъ, съ свѣтло-карими, смотрѣвшими остро глазами.

— Ганджа!—изумился Богунъ, при видѣ вошедшаго козака,—какимъ родомъ изъ Сѣчи?

— Далъ слово Богдану... доглядать семью, хуторъ—отвѣтилъ тотъ хриплымъ голосомъ, и затѣмъ прибавилъ, бросая на него изподлобья угрюмый взглядъ,—все знаю... не говори ничего...

Богунъ вздохнулъ тяжело и отвернулся; его взглядъ упалъ на молодаго хлопца, что неуклюже стоялъ возлѣ стола, словно не въ своей одежѣ.

— Тимошъ? Ей-Богу, не узналъ,—обнялъ Богунъ покраснѣвшаго „хлопца“.

Ужинъ начался въ мрачномъ молчаніи. Ганджа ѣлъ много и скоро, пилъ и того больше; изъ остальныхъ почти никто не прикасался ни къ пищѣ, ни къ питью.

— Нужно въ частоколѣ перемѣнить двѣ пали,—не подымая головы, обратился къ Ганнѣ Ганджа,—осматривалъ, подгнили двѣ совсѣмъ.

— Ну что-жъ, тамъ есть дерево.

— Не годится... нужно дубъ... срубить въ „гаѣ“.

— Тутъ жалко, а въ круглякѣ?

— Далеко... нужно заразъ.

— Тамъ, отъ рова, есть какъ разъ такой,—угрюмо замѣтилъ Тимко.

— Жалко, Тимосю.

— Не срубимъ—еще жальче будетъ,—коротко возразилъ Ганджа, выпивая свой кубокъ,

— О, Господи, Господи, Господи!—прешептала старуха, покачивая головой.

Снова наступило молчаніе, перерываемое только тихими стонами больной.

— Да еще мнѣ съ коморы... пищалей,—снова обратился Ганджа,—нужно раздать...

— И мнѣ Ганно, и мнѣ,—оживился дѣдъ,—даромъ, что я старый, а еще постоять съумѣю... Ого-го! Будутъ они знать, мучители проклятые!—дѣдъ задрожалъ и смахнулъ съ глаза поспѣшно слезу.—Я имъ, псамъ, ульями разсажу головы!

Всѣ молчали.

Андрійко уронилъ ложку; всѣ переглянулись, и опять—то же суровое молчаніе.

— Ганджа!—обратился къ нему Богунъ,—я остаюсь на ночь въ хуторѣ.

— Добре,—взглянулъ на него многозначительно Ганджа,—но при людяхъ не ходи... Разосланы „батавы"... хватаютъ.

— Проклятіе!—прошипѣлъ Богунъ, ударяя кулакомъ по столу.

Настало молчаніе, да такъ и не прорвалось до конца вечери.

— Дай мнѣ, Ганно, ключъ отъ погреба,—заявилъ Ганджа, уже подымаясь отъ стола,—выкатить пороху боченокъ, свинцу...

— Я съ дядькомъ пойду,—сказалъ не то съ просьбой, не то заявилъ лишь Тимошъ.

Ганна молча согласилась, молча сняла ключъ и молча передала черезъ Тимоша Ганджѣ; тотъ нахлобучилъ на брови шапку и вышелъ въ сопровожденіи дѣда и хлопца.

Помолилась старуха на образъ и, взявши за руки дѣтей, хотѣла ихъ увести, но маленькій Андрійко заартачился.

— Я не пойду спать... я не пойду до „лижка"..., я къ козакамъ хочу.

— Что ты, блазень? Спать пора... и то засидѣлся,—проворчала коротко старуха.

— Не хочу!—упорствовалъ капризно Андрійко.—Тимка пустили, и я пойду оборонять. Галю, Галюсю!—подбѣжалъ онъ къ Ганнѣ,—пусти меня къ дядькѣ Ивану ляховъ бить!

— А ихъ же какъ оставишь однихъ? вмѣшался Богунъ, погладивъ хлопчика по головкѣ.

— Да, насъ некому защищать здѣсь,—улыбнулась и Галя.

— Такъ я,—подумалъ нѣсколько хлопчикъ,—останусь здѣсь возлѣ тебя, а все-таки,—упорно онъ топнулъ ногою,—все-таки, бабусю, спать не пойду... я буду цѣлую ночь стеречь Галю... вотъ только захвачу лукъ и стрѣлы.

— Ишь, что выдумалъ,—начала было няня; но Галя подмигнула ей бровью.

— Оставьте его,—сказала она,—онъ козакъ,—и когда хлопчикъ побѣжалъ за оружіемъ, добавила:—онъ уснетъ сейчасъ... я его принесу.

Няня, покачавъ головой, вышла. Двѣ черноволосыхъ дѣвушки убрали со стола вечерю, оставивъ Богуну лишь фляжку да кубокъ.

Ганна подвинула къ огню высокій „дзыглыкъ", а вернувшійся съ лукомъ и стрѣлами Андрійко усѣлся на скамеечкѣ у ея ногъ. Лицо ея было печально и блѣдно, но ни тѣни страха не отражалось на немъ: Богунъ склонилъ голову на руку и, казалось, думалъ о чемъ то горько и тяжело; огонь отъ каминка освѣщалъ ихъ. Такъ тянулись мучительныя безмолвныя минуты.

— Что-жъ,—произнесъ, наконецъ, Богунъ, подымая голову,—снова бѣги отсюда... являйся лишь по ночамъ, какъ пугачъ, сторонись свѣта Божьяго и добрыхъ людей!

— Куда-жъ ты, козаче, поѣдешь?—подняла на него Ганна свои глубокія, сѣрыя очи.

— На Запорожье, панно: одна у меня родина, одна матерь, одинъ пріютъ!—съ горечью воскликнулъ козакъ.

Ганна молчала, рука ея задумчиво скользила по волосамъ ужъ дремавшаго ребенка.

А Богунъ продолжалъ съ возрастающей горечью:

— И нѣтъ у меня, панно, на цѣлой Украйнѣ теплаго своего „кутка"... Вотъ я гляжу на тебя и вспоминаю; была, вѣдь, когда-то и у меня мать, гладила и она когда-то такъ головку малаго сына... Только не помню я ни батька, ни матери... убили ляхи... все отняли, псы проклятые,—и радость, и волю, и права!

Красивая голова козака опустилась на грудь.

— Гдѣ же ты выросъ, козаче, и какъ?—тихо спросила Ганна.

— Не знаю, кто привезъ меня на Запорожье, панно, только вскормили меня братчики-сѣчовики... Не пѣла надо мной мать нѣжныхъ, жалобныхъ пѣсенъ—звонъ оружія, да „сурмленіе" запорожскихъ трубъ привыкъ я слушать съ дѣтской поры! Не чесала мнѣ „ненька", не мыла головки—чесали мнѣ ее терны густые, да дожди дробные. Не сказывала родная мнѣ тихихъ разсказовъ—ревѣлъ передо мною Славута-Днипро! Не ласку женскую слышалъ я съ дѣтства, а строгій козацкій наказъ!

— За то они научили тебя, козаче, той безпредѣльной отвагѣ,—съ чувствомъ произнесла Ганна,—которая вознесла тебя между всѣхъ козаковъ.

— Такъ, панно, такъ!—вскрикнулъ Богунъ, подымаясь съ лавы, и глаза его загорѣлись молодой удалью, и неотразимо прекраснымъ стало отважное лицо.—Они научили меня не дорожить жизнью и славу козацкую добывать. Съ тѣхъ поръ нѣтъ страха въ этой душѣ. Люблю я летѣть въ „чайкѣ“ подъ свистомъ бури, чтобъ вѣтеръ рвалъ парусъ на клочья и мачтой ралилъ по сѣдой вершинѣ волны. Люблю я мчаться степью въ перегонку съ буйнымъ вѣтромъ... Люблю летѣть въ толпу враговъ впереди войска, гарцовать на кровавомъ пиру, смерти заглядывать въ очи и дразнить безумной отвагою смерть...—Богунъ остановился и перевелъ дыханіе; грудь его высоко подымалась.

Блѣдныя щеки Ганны покрылъ легкій румянецъ; она засмотрѣлась на козака; Андрей, склонивши голову, спалъ у ея ногъ.

— Вотъ видишь ли, козаче, душа твоя вся въ войсковой справѣ,—тихо сказала Ганна; но Богунъ перебилъ ее горько:

— Такъ, панно... Но близкихъ нѣтъ у меня никого.

— Ты говоришь о близкихъ,—поднялась стремительно Ганна,—что близкіе люди, когда вся Украйна протягиваетъ къ вамъ, къ тебѣ руки? Что женскія и дѣтскія слезы, когда слезы тысячей бездольныхъ рвутся къ вамъ съ воплями?

— Клянусь Богомъ, ты говоришь правду, Ганно,—вскрикнулъ козакъ, не отводя отъ дѣвушки своихъ восторженыхъ глазъ,—но есть ли гдѣ на цѣломъ свѣтѣ такое чудное сердце, какъ у тебя, Ганно?

— Развѣ я одна?—вспыхнула Ганна.—Всякій долженъ положить сердце за родину...

— Да! Ты права,—поднялъ козакъ къ иконамъ глаза,—все это сердце—для родины, вся кровь до послѣдней капли будетъ литься на погибель іудамъ-врагамъ!... Но въ эту минуту,—заговорилъ онъ болѣе тихо, подходя къ Ганнѣ,—когда мнѣ надо бѣжать отсюда, скрываться въ пустынныхъ ярахъ, бросаться въ новую сѣчу,—въ эту минуту, Ганно, нѣтъ у меня любящей руки, которая обняла бы козацкую голову, положила бы на нее благочестивый крестъ!..

Богунъ стоялъ передъ Ганной, и его отважное и закаленное въ бояхъ лицо было грустно въ эту минуту, а глаза глядѣли печально и мягко.

Ганна тихо подняла на него свои серьезныя, влажныя очи.

Вдругъ въ дубовыя ворота ограды раздалось нѣсколько дерзкихъ, поспѣшныхъ ударовъ... Ганна вздрогнула и застыла на мѣстѣ .. Богунъ обнажилъ свою саблю... Раздался короткій топотъ. Кто-то поспѣшно взбѣжалъ на порогъ. Распахнулась дубовая дверь: на порогѣ стоялъ Ахметка, блѣдный, измученный, съ комьями грязи на жупанѣ и на лицѣ.

— Спасайте! — крикнулъ онъ прерывающимся голосомъ. — Батько схваченъ. . заключенъ въ Кодакѣ!

VI.

У коронного гетмана, каштеляна Краковскаго, Станислава Конецпольскаго, въ его старостинскомъ замкѣ, въ Чигиринѣ, идетъ великое пированіе. Гости размѣщены по достоинствамъ въ разныхъ покояхъ, а самая отборная знать собралась въ трапезной свѣтлицѣ. Комната эта была отдѣлана съ чрезвычайной роскошью, для чего приглашены были гетманомъ знаменитые волошскіе мастера. Довольно обширная комната о трехъ высокихъ стрѣльчатыхъ окнахъ вся отдѣлана дубомъ да ясенемъ, да еще заморскимъ диковиннымъ деревомъ; высокій потолокъ крестами пересѣкаютъ частыя, мережанныя дубовыя балки; образовавшіеся между ними квадраты блестятъ полированнымъ свѣтлымъ ясенемъ съ причудливыми рѣзными бордюрами, фестонами и рельефными наугольниками, а посрединѣ каждаго квадрата виситъ искусно вырѣзанная изъ розоваго дерева виноградная гроздь. Стѣны тоже выбиты ясенемъ, такъ гладко, что пазъ даже незамѣтно, и отливаютъ онѣ нѣжно палевымъ мраморомъ. Вверху вдоль стѣнъ лежитъ широкимъ бордюромъ барельефъ изъ темнаго дуба, изображающій гирлянды фруктовъ, перевитыя виноградной лозой. По стѣнамъ на ясень наложены изъ дорогого орѣха продолговатые медальоны, украшенные сверху гербами; на медальонахъ художественно изображены мозаикой изъ цвѣтного дерева охотничьи сцены. Между этими медальонами торчатъ головы лосьи, косульи, кабаньи. Полъ искусно выложенъ въ узоръ разноцвѣтными изразцами. Съ потолка спускаются двѣ люстры, выточенныя тоже изъ дуба, а въ четырехъ углахъ стоятъ медвѣжьи чучела съ свѣчницами въ лапахъ. На дверяхъ и окнахъ висятъ тяжелыя штофныя занавѣси бронзоваго темнаго цвѣта.

Посрединѣ трапезной свѣтлицы стоитъ длинный столъ, накрытый пятью бѣлоснѣжными скатертями, подобранными фестонами такъ искусно, что всѣ онѣ бросаются сразу въ глаза и даютъ гос-

тямъ знать, что обѣдъ будетъ состоять изъ пяти перемѣнъ. На столѣ блеститъ всякая серебряная и золотая посуда затѣйливыхъ формъ съ барельефами шаловливыхъ похожденій боговъ; посрединѣ въ вычурныхъ хрустальныхъ сосудахъ пѣнится черное пиво и искрится оранжевый легкій медъ, а между ними въ перемежку стоятъ золотые кувшины, съ тонкими длинными шейками; они изукрашены пестрой, въ восточномъ вкусѣ, эмалью и наполнены настоянной на листьяхъ, корняхъ, травахъ и спеціяхъ водкой. Винъ еще нѣтъ: въ старину подавались онѣ уже послѣ обѣда, вмѣсто десерта.

Въ люстрахъ зажжены восковыя свѣчи; у медвѣдей въ лапахъ горятъ тоже свѣчницы, а на столѣ стоятъ еще три массивныхъ золотыхъ канделябра со множествомъ зажженныхъ свѣчей. Пламя ихъ колеблется, трепещетъ на полированныхъ стѣнахъ, лучится въ золотыхъ кувшинахъ и кубкахъ и сверкаетъ алмазами въ граняхъ хрусталя.

За столами, на дубовыхъ стульяхъ съ высокими спинками, увѣнчанными рѣзными гербами, возсѣдаетъ именитое, титулованное панство, а вокругъ столовъ шумно суетится многочисленная прислуга, за которой наблюдаетъ почтенный согбенный дворецкій. Возлѣ каждаго вельможнаго пана стоитъ за спиной еще по одному приближенному клеврету, а подъ столами и между прислугой шныряютъ собаки — и густопсовыя, и волкодавы, и медвѣжатники.

На среднемъ господарскомъ мѣстѣ сидитъ самъ хозяинъ, выглядывающій теперь еще болѣе моложавымъ и свѣжимъ; по правую руку отъ него почетнѣйшее мѣсто занялъ князь Вишневецкій, а по лѣвую—патеръ Дембовичъ,—худая, желтая фигура, въ черной сутанѣ. За княземъ сидитъ молодой щеголь, князь Любомірскій, далѣе—тучный, среднихъ лѣтъ, князь Корецкій, комисаръ запорожскихъ войскъ Петръ Комаровскій и инженеръ Бопланъ; за патеромъ сидятъ: серьезный и симпатичный воевода панъ Калиновскій, пожилыхъ лѣтъ съ слащавою улыбкой черниговскій подкоморій Адамъ Кисель, изрытый оспой Чарнецкій, ротмистръ Радзѣевскій и другая вельможная шляхта, удостоенная почетнаго мѣста за этимъ столомъ. Теперь одежда на всѣхъ сотрапезникахъ играетъ яркостью цвѣтовъ венеціанскаго бархата, турецкаго „блаватаса", московскаго „златоглава", блистаетъ золотомъ, искуснымъ шитьемъ, сверкаетъ драгоцѣнными камнями на запястьяхъ. Шумъ стоитъ необычайный въ этомъ трапезномъ покоѣ: паны спорятъ, брязцаютъ оружіемъ; слуги толкаются, роняютъ посуду и ругаются вслухъ; собаки рычатъ и грызутся за брошенные куски со стола.

На столѣ вовсе нѣтъ нашихъ современныхъ горячихъ щей, борщей, суповъ и т. д., а навалено грудами на серебряныхъ полумискахъ и мискахъ всякаго рода и приготовленія мясо, медвѣжьи и вепрьи окорока, поросята, маринованная бужанина, отварная въ острой чесночной подливкѣ баранина, воловьи языки подъ сливами, курятина подъ „сафоркою“ и сало. Гости тащатъ руками облюбованные куски на свои тарелки и распоряжаются ими при помощи ножа, исключительнѣе—пальцевъ; недоѣденные куски бросаютъ собакамъ, а излишніе передаютъ своимъ клевретамъ.

— Что же это, дорогіе гости мои, вельможное панство, „келеховъ“ (чаръ) вы не трогаете?—привѣтливо обращается ко всѣмъ гостепріимный хозяинъ.—„Вѣкъ нашъ круткій, выпіемъ вудки.

— Правда, правда!—отозвались кругомъ.—За здоровье ясновельможнаго пана гетмана и каштеляна!—поднялись „келехы“ вверхъ.

— И за ваше, пышное панство,—улыбается всѣмъ хозяинъ и опоражниваетъ солидную чару.—Что же князь не дѣлаетъ чести моимъ поварамъ?

— Да я, ясновельможный пане Краковскій, плохой ѣдокъ... А его гетманская мосць не знаетъ еще, какой результатъ послѣдуетъ въ сеймѣ на петиціи козаковъ?

— Вѣроятно, откажутъ.

— А намъ на сеймикахъ нужно подготовить...

— Конечно... Но отвѣдай, княже, „вепржинки“,—подложилъ два куска Конецпольскій,—поросятина сама себя хвалитъ... А ваша велебность?

— Я занялся бужанинкой, ясновельможный гетмане: не о единомъ бо хлѣбѣ...

— А панъ подкоморій что же такъ плохъ?—обратился хозяинъ и къ Киселю.

— Вниманіе ясновельможнаго пана гетмана дороже для меня всѣхъ снѣдей,—отвѣтилъ тотъ сладко:—подобно источнику въ пустынѣ, оно насыщаетъ душу величіемъ чести, а сердце—преданнѣйшими чувствами къ ясной мосци...

— Спасибо, пане; однако, нельзя же обижать и утробу.

— Она, ваша ясновельможность, не будетъ забыта: въ гетманскомъ замкѣ обиліе неисчерпаемое, а панское гостепріимство и щедроты извѣстны на всю корону.

Вишневецкій поморщился отъ такихъ хвалебныхъ гимновъ хозяину и, бросивъ презрительный взглядъ въ сторону Киселя, обратился къ Любомірскому, кормившему въ это время собаку.

— Отличная борзая! Гдѣ его княжья мосць добылъ такого?

— У одного мурзы, княже; песъ беретъ волка съ налету... по силѣ и по быстротѣ не имѣетъ соперника.

— Но...— откинулся назадъ Вишневецкій и подкрутилъ усъ,— князь не знаетъ еще моей псарни... А любопытно, что взялъ за пса мурза?

— Пустое,—двадцать хлопокъ на выборъ.

— Ай, ай!—покачалъ укоризненно головой Конецпольскій — такое пренебреженіе къ прекрасному полу!

— Прекрасный полъ? Ха, ха!—разразился смѣхомъ князь Любомірскій,—панъ гетманъ обижаетъ нашихъ дамъ, называя такъ подлое быдло.

— Князь еще молодъ, и въ этомъ случаѣ опытность, конечно, за мной: булка можетъ пріѣсться и взамѣнъ ея изрѣдка кусокъ ржаного хлѣба превкусенъ... Неправда ли, панове?

— Правда, правда!—оживились многіе, а патеръ, вспыхнувъ, скромно и невинно опустилъ долу очи.

Шумъ, крики, хохотъ и плоскія остроты перемѣшались со стукомъ стульевъ и звономъ стакановъ.

Конецпольскій задумался; Кисель вздохнулъ, а Радзіевскій, пожавъ плечами, обратился тихимъ шепотомъ къ сосѣду.

Первая скатерть была снята, а на чистую вторую принесены были и разставлены рыбныя блюда: въ серебряномъ массивномъ корытѣ, на пряномъ гарнирѣ, лежалъ угрюмо осетръ; въ позолоченныхъ, фигурныхъ лоханкахъ пышилась и парилась стерлядь; на „полумискахъ", въ сладкой, красной фруктовой подливкѣ, оттопыривали важно бока коропы; на большихъ сковородахъ нѣжились въ подрумяненной сметанѣ караси, а на изразцовой длинной доскѣ лежала огромная фаршированная по-жидовски щука.

— Ясное панство,—угощалъ радушный, любившій и самъ покушать, хозяинъ: обратите вниманіе на это чудовище,—указалъ онъ на осетра,—изъ Кодака гость; теперь у меня ихъ ловятъ тамъ и въ бочкахъ сюда доставляютъ живьемъ.

— Попробуемъ, попробуемъ,—раздались голоса,—этого козацкаго быдла!...

— Присмирѣло, небось, ударившись о кодацкія стѣны,—замѣтилъ комисаръ Комаровскій.

— О, certenement! Онѣ отшибутъ хвостъ,—добавилъ самодовольно Бопланъ.

— А безхвостые попадаютъ въ гетманскія бочки,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій.

— И служатъ лишь для утучненія шляхетскихъ тѣлесъ,—подмигнулъ Любомірскій на Корецкаго, уписывавшаго осетра.

— Ха, ха, ха! Браво, браво, княже!—загремѣло кругомъ,—великая за то слава коронному гетману, пану хозяину!

Кодакъ составлялъ гордость и больное мѣсто для гетмана, а потому съ особенно ласковою улыбкой поблагодарилъ онъ за доброе слово пышныхъ гостей; но надменному Вишневецкому это хвастовство Кодакомъ не понравилось; пятнистое лицо его искривилось злобной улыбкой, и онъ, прищуривъ высокомѣрно глаза, ѣдко замѣтилъ:

— Не выловить Кодаку осетровъ, пока не явлюсь на Низы я съ своими баграми и неводомъ!

— Княжья удаль и храбрость извѣстны,—мягко отвѣтилъ хозяинъ.—Но Марсъ теперь къ намъ не взываетъ, а взываетъ лишь Бахусъ.. И этого веселаго божка намъ нужно почтить, пышное панство, тѣмъ болѣе, что и вѣкъ нашъ не „длугій", то и выпьемъ по „другій"... За здоровье моего почтеннаго гостя и славнаго рыцаря, яснаго князя Вишневецкаго!—поднялъ онъ „келехъ".

— Виватъ, виватъ!—зашумѣла шляхта и полѣзла чокаться съ княземъ; но тотъ отвѣчалъ холодно, не осиливъ еще вспыхнувшей злобы.

Сняли слуги вторую скатерть и уставили столъ третьей перемѣной блюдъ. Появились въ глубокихъ мискахъ и чашахъ разные соусы, паштеты, каши, пироги, вареники, бигосы и крошеное въ кваскѣ сало. За третьей скатертью слѣдовала уже главная перемѣна—жаркія; здѣсь уже фигурировала больше всякаго рода дичь: лосина, сайгаки, зайцы, дрохвы, стрепеты, утки и гуси. Все это было искусно зажарено и изукрашено диковинно хитро. Къ жаркому поданы были цѣлыя вазы разныхъ соленій и маринадовъ.

И третья, и четвертая перемѣны были такъ лакомы для гостей, что они приберегали особенно для нихъ свой аппетитъ, поддерживая его спеціальными настойками, и таки одолѣли, наконецъ, все и молча теперь отдувались, обливаясь потомъ.

Изъ дальней свѣтлицы доносилось уже нестройное пѣніе.

„Сидѣла голубка на соснѣ,
Запѣла голубка по веснѣ:
„Охъ, охъ!
Кто не любитъ князь-Яремы,
Его жонки Розалемы,
То пусть бы издохъ!"[1])

[1]) Польская пѣсенка того времени.

Снявъ четвертую скатерть и убравъ всю посуду, слуги поставили среди стола огромные золотые жбаны и хрустальные кувшины, наполненные старымъ венгерскимъ, дорогимъ рейнскимъ, золотистою малагой, а между ними размѣстились скромно украшенныя вѣковымъ мохомъ и плесенью бутылки литовскаго меду. Поставивъ передъ каждымъ гостемъ еще по два золотыхъ кубка, слуги, наконецъ, совершенно удалились изъ этой свѣтлицы; одинъ лишь дворецкій остался у дверей для выполненія панскихъ желаній.

— Ну, мои дорогіе гости, теперь и до „венгржины“,—налилъ Конецпольскій сосѣдямъ и себѣ кубки.—Еще дѣдовская, изъ старыхъ погребовъ... Сдѣлаемъ же возліяніе румяному богу. Эхъ, подобало бы сіи жертвоприношенія творить совмѣстно съ усладительницами нашей бренной жизни; но я здѣсь по походному, въ пустынѣ, въ „халупѣ“, и лишенъ очаровательныхъ фей...

— Я, напротивъ, этому обстоятельству радъ,—замѣтилъ сухо Ярема,—вино и женщины, панове, у насъ становятся, кажется, единственнымъ кумиромъ, и я боюсь, чтобъ ему въ жертву не была принесена наша отвага и доблесть!

— Во вѣки, княже!—брязнули въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сабли.

— Да хранитъ ее Богъ!—попробовалъ патеръ вино и одобрительно почмокалъ губами.

— Въ моихъ погребахъ лучшее,—шепнулъ Любомірскій Яремѣ.

— При томъ Марсъ любовался Венерой,—поднялъ гетманъ свой кубокъ,—и отъ этого его мечъ не заржавѣлъ. Такъ за красоту, панове, и за мужество, за этотъ вѣчный прекрасный союзъ!

— За нихъ, за нихъ и за нашъ добрый, веселый „гуморъ!“,—раздались вокругъ голоса.

— И за наше добродушіе и врожденную истымъ шляхетскимъ родамъ милость!—добавилъ Кисель.

— Великую истину изрекъ панъ,—одобрилъ Киселя молчавшій до сихъ поръ Калиновскій.

— Тѣмъ паче,—заключилъ Радзіевскій,—что ласка Фортуны располагаетъ къ кичливой гордынѣ и злу.

Конецпольскій сочувственно наклонилъ голову; остальные крикнули „виватъ“ и осушили весело кубки.

Поднялся говоръ и смѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и хвастовство другъ передъ другомъ оружіемъ, погребами, конями и псами.

— Рекомендую вашимъ вельможностямъ и малагу,—угощалъ радушный, привѣтливый гетманъ,—маслянистa и ароматна... Отвѣдайте, ваша велебность... Теперь вѣдь мы можемъ предаваться съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ земнымъ радостямъ, ибо, благодаря его княжьей мосци, гидрѣ мятежа срѣзаны головы...

— Не все, ваша мосць, панъ Краковскій: есть еще одна голова на Запорожьѣ, и повторяю тысячу разъ вамъ, панове,—застучалъ ножемъ по столу князь Ярема, поднявъ до рѣзкихъ нотъ голосъ,—пока эта голова не отсѣчена, не знать коронѣ покоя. Змій этотъ мятежный живучъ, у него на мѣсто отрубленныхъ головъ выростаютъ новыя...

— Плетями ихъ, „канчуками“ собьемъ,—отозвались нѣкоторые изъ подвыпившей шляхты,—какъ съ лопуха листья!

— Ха, ха! Какъ вы самонадѣянны—презрительно засмѣялся Ярема,—воображаете козака клочьемъ... Да у этихъ собакъ такіе волчьи зубы, что и медвѣдей изорвать могутъ. Мало ли пролито черезъ нихъ благородной шляхетской крови, въ пекло бы ихъ всѣхъ, къ сатанѣ въ ступу! Такъ это хваленое добродушіе, — ожегъ онъ Киселя стальнымъ, злобнымъ взглядомъ,—нужно по боку, къ „дьяблу“, а поднять слѣдуетъ желчь, пока она не смоетъ съ лица земли этихъ шельмъ!

— Dominus vobiscum—произнесъ набожно патеръ и прибавилъ, нагнувшись къ гетману,—малага дѣйствительно отмѣнна, ей позавидовали бы и въ Римѣ.

— Смыть, разгромить и прахъ развѣять!—забряцали саблями многіе.

— Veni, vidi, vici и баста!—крикнулъ кто то изъ юныхъ.

— На погибель быдлу!—поддержалъ и князь Любомірскій.

Въ сосѣдней свѣтлицѣ поднялся шумъ; послышались брань и угрозы. Дворецкій, по зн ку гетмана, выбѣжалъ, захвативъ надворныхъ атамановъ, охладить разгоряченныя головы.

— Мое мнѣніе на этотъ счетъ мосця князь знаетъ,—съ достоинствомъ поднялъ голосъ гетманъ, и всѣ притихли.—Я глубоко убѣжденъ, что козаки... да, что козаки—наше храброе войско, и уничтожать ихъ—значитъ... значитъ—себѣ обрѣзывать крылья. Слѣдуетъ сократить, покарать, зауздать, поставить нашихъ вѣрныхъ начальниковъ, что я и сдѣлалъ,—указалъ онъ на Комаровскаго, который при этомъ поклонился.—Но Запорожье,—это... это нашъ пограничный оплотъ.

— Я размечу это чортово гнѣздо!—дернувъ стуломъ, синѣя и нервно дыша, крикнулъ Ярема.

— И этимъ бы причинилъ князь несчастье отчизнѣ,—загорѣлся огнемъ и Конецпольскій.—Нельзя истребить нашу лучшую пограничную стражу... да... лучшую. Она еще сослужитъ намъ службу, а разметать—это... это открыть татарамъ всю нашу грудь.

— Построить другой Кодакъ на мѣстѣ ихъ гадючьяго гнѣзда,—шипѣлъ Ярема,—третій, четвертый...

— Если бы князю удалось заковать даже Днѣпръ,—снисходительно улыбнулся Конецпольскій,—то какими... какими цѣпями перегородитъ онъ Буджакскія степи?

— Моими гусарами, драгунами,—съ пѣною у рта уже рычалъ князь.

— До первой погибели въ пустынѣ,—процѣдилъ гетманъ.

— Вѣрно, какъ Бога „кохамъ“,—присовокупилъ Калиновскій,—наши не могутъ переносить пустынныхъ лишеній, а граница такъ безпредѣльна... Врагъ прорвется вездѣ.

— И тогда, княжья мосць,—замѣтилъ отдуваясь, Корецкій,—всѣ наши благодати обратятся лишь въ одно воспоминаніе.

— Никогда!—ударилъ по столу рукой князь.—Я за свою шкуру не боюсь и отстоять ее съумѣю... Только у страха глаза велики ..

— Не у страха, мосци-княже,—замѣтилъ сдержанно гетманъ,—а у благоразумія.

— Родные братья,—даже отвернулся Ярема.

— Не безумная отвага и ненависть,—уже дрожалъ Конецпольскій,—созидаетъ царства... созидаетъ и упрочаетъ благо... Нѣтъ! здѣсь нужны не запальчивость, а проницательность и благоразуміе... Вѣдь князь и вы, шляхетные панове, не должны забывать, что вѣдь это... это не завоеванная страна, а перешедшая добровольно... вмѣстѣ... Литва и она... И эти козаки и хлопы тутъ, до насъ, были у себя хозяевами.

— Да продлитъ Богъ вѣкъ его гетманской мосци—сказалъ съ чувствомъ Кисель.

Послышался и сочувственный, и непріязненный шепотъ.

— Гетманъ, кажется,—прищурилъ Іеремія глаза,—къ своей булавѣ желаетъ присоединить и трибунскую палицу.

— Я, княже, не заискиваю у плебса,—гордо отвѣтилъ гетманъ, поблѣднѣвъ даже подъ румянами,—но... но... не одному врагу, но я и правдѣ привыкъ смотрѣть прямо въ глаза... Да, хозяевами были, это намъ нужно помнить и въ нашихъ же интересахъ дѣйствовать осторожнѣе, не раздражать... Мятежниковъ мы усмирили, но корня мятежа—нѣтъ! Онъ кроется именно въ томъ, именно... что вотъ они были хозяевами. Мы несемъ сюда свѣтъ и жизнь, и потому владычество должно принадлежать намъ; но мы должны помнить, да... помнить, что они были хозяевами, а потому,—заикался все больше и задыхался гетманъ,—а потому и имъ должны оставлять крохи, успокоить строптивыхъ, усыпить, обласкать и поднять надежныхъ, вѣрныхъ, нобилитировать, да... да исподоволь приручать, избѣгая насилія.

— Политика вельможнаго гетмана,—улыбнулся одобрительно патеръ,—весьма тонка и остроумна; она рекомендуется и нашимъ безсмертнымъ Лойлой; но она медлительна, а въ иныхъ случаяхъ...

— Это смерть!—оторвалъ князь Ярема.

Одобрительный въ пользу гетмана говоръ снова притихъ; но Конецпольскій продолжалъ смѣло:

— Иначе мы истощимъ силы въ „домовой“ борьбѣ и если задавимъ козаковъ, то. . то... татары, Москва... нахлынутъ, и... и... защищать будетъ некому.

— Развѣ, кромѣ этихъ собакъ, нѣтъ подъ вашими хоругвями храбрецовъ? Если нѣтъ, такъ у меня ихъ хватитъ на всѣхъ!—ударивъ себя въ грудь, гордо обвелъ рукою Вишневецкій собраніе.

— Никто не сомнѣвается въ вашихъ храбрецахъ, княже,—задыхался совсѣмъ Конецпольскій,—но это. . это... не даетъ пану права сомнѣваться и въ нашихъ!

Всѣ смутились и замолчали. Князь Ярема почувствовалъ себя тоже неловко и съ досады крутилъ свою бородку.

— Въ войнѣ съ дикими ордами, позволю себѣ замѣтить и я,—началъ Кисель тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, воспользовавшись общимъ молчаніемъ,—беретъ перевѣсъ не храбрость, а знаніе врага, изученіе всѣхъ его уловокъ и хитростей,—такъ сказать, полное уподобленіе природы своей природѣ врага. Такое уподобленіе, панове, пріобрѣтается не сразу, а десятками лѣтъ... Какъ пересаженное съ полуденныхъ полей древо гибнетъ среди чуждой ему пустыни, такъ гибли бы непривычные къ степямъ новые воины... и сколько бы пало жертвъ, дорогихъ для отчизны! А между тѣмъ сыны этихъ степей—козаки...

— Да, вотъ ихъ и подставлять подъ удары татарскихъ сабель и стрѣлъ,—прервалъ Любомирскій,—а не шляхетныхъ рыцарей польскихъ!

— Почаще бы ихъ, именно, въ самый огонь!—зарычалъ Чарнецкій.

— Досконально! „Кохаймося“!—послышались крики, и болѣе разгоряченныя головы полѣзли чокаться кубками и обниматься.

— Да, „кохаймося“!—поднялъ кубокъ Кисель,—пусть будетъ межъ нами миръ и любовь, пусть они породятъ у насъ кротость и снисхожденіе къ побѣжденнымъ... къ меньшей братіи... Она за это воздастъ намъ сторицею. Теперь открывается, вельможное панство, новая Америка... Въ нѣдрахъ этихъ земель, не вѣдавшихъ желѣза, кроются неисчерпаемыя животворныя силы... и если эти пространства заселятся нашимъ трудолюбивымъ народомъ, то широкими рѣками потечетъ къ намъ млеко и медъ.

— Вельможный панъ правъ,—эта мысль должна руководить всѣми нами!—дружно заговорило шляхетство, затронутое въ своихъ интересахъ.

— Она озабочиваетъ меня, — замѣтилъ Конецпольскій, —а равно и Корону.

— Разумѣется, теперь нужно вельможной шляхтѣ захватывать пустоши,—отозвался Чарнецкій,—и заселять ихъ хлопами.

— Пся кревъ!—вскрикнулъ снова Ярема, теряя самообладаніе,—расплаживать этихъ схизматовъ?

— О, sancta veritas!—всплеснулъ патеръ руками, сложивъ ихъ молитвенно.—Невѣрные схизматы не могутъ быть ни гражданами, ни охранителями Рѣчи-Посполитой, матери вѣрныхъ святѣйшему престолу сыновъ, носительницы благодатнаго святаго католицизма,—не могутъ, ибо они въ глубинѣ души, пока не примутъ латинства, враги ей и могутъ продать ее всякому съ радостію.

— Еще-бы!—отодвинулся отъ стола съ шумомъ Ярема.

— Велебный отче!—обратился Кисель къ патеру, взволнованный и оскорбленный.—Называя всѣхъ схизматовъ невѣрными сынами отечества, вы оскорбляете бóльшую половину его подданныхъ и оскорбляете невинно! — возвысилъ онъ голосъ.—Во мнѣ горитъ и чувство личной обиды, и чувство любви къ великому отечеству, которое вы желаете разодрать на два стана. Я ручаюсь сѣдою головой, что вражды этой между народами нѣтъ, а создаютъ и разжигаютъ ее служители алтаря кроткаго и милосерднаго Бога.

Послышались глухіе, враждебные возгласы: „Ого, схизматъ!“

— Да, я схизматъ, я греческаго благочестія сынъ,—окинулъ смѣло глазами всѣхъ черниговскій подкоморій,—и не измѣню, какъ другіе, вѣрѣ моихъ предковъ.

При этомъ словѣ, какъ ужаленный, вскинулся князь Ярема, ухватившись за эфесъ сабли.

— Не измѣню!—почти вскрикнулъ Кисель.—Но я люблю искренно нашу общую мать Рѣчь Посполитую, люблю, можетъ быть, больше, чѣмъ вы! Да, я ей желаю мира, спокойствія, процвѣтанія, блага. Какъ солнце одно для земли, такъ и Богъ единъ для вселенной; какъ солнце одинаково свѣтитъ для добрыхъ и злыхъ, и всѣхъ согрѣваетъ, такъ и Творецъ небесный есть источникъ лишь милосердія и любви. Какъ же мы можемъ призывать всесвятое имя Его на вражду и на брань противъ братьевъ?

— Ради спасенія заблудшихъ овецъ,—смиренно возразилъ патеръ,—и ради снисканія имъ царствія небеснаго...

— Не заботьтесь, велебный отче, о чужихъ душахъ: пусть каждая сама о себѣ печется!

— О, слѣпое упорство!—воздѣлъ высоко патеръ руки и опустилъ на грудь отяжелѣвшую отъ вина голову.

— Панове!—воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ Кисель.—Святѣйшіе іерархи молятся о братскомъ примиреніи христіанъ, а мы насиліемъ сѣемъ, на радость сатанѣ, злобу. Изъ великой мысли братскаго единенія церквей создаемъ варварскую, ненавистную тиранію.

— Огнемъ и мечемъ!—схватился съ мѣста, ударивъ о полъ саблей, Ярема; ударъ былъ такъ бѣшенъ, что ближайшій кувшинъ съ малагой упалъ, разливъ по скатерти драгоцѣнную влагу.—Довольно я здѣсь наслушался кощунствъ надъ моей святой вѣрой и обидъ величію моей отчизны!

Сдержанная злоба теперь вырвалась изъ удилъ и съ пѣной и свистомъ вылетала сквозь посинѣвшія губы; по лицу у Яремы бѣгали молніи, глаза сверкали фанатическимъ огнемъ, рука была готова обнажить мечъ. Всѣ непроизвольно отшатнулись отъ стола; нѣкоторые ухватились за сабли, и только головы немногихъ лежали уже безчувственно на столѣ.

— Конечно, панове, вамъ дороже всего своя шкура,—побагровѣлъ Вишневецкій, при чемъ пятна на его лицѣ сдѣлались синими,—оттого вы и слушаете искушенія, а я вотъ клянусь,—поднялъ онъ правую руку,—или всѣ церкви въ своихъ маетностяхъ обращу въ костелы, или пройдусь огнемъ и мечемъ по схизматамъ, приглашу вмѣсто нихъ на свои земли поляковъ, нѣмцевъ, жидовъ; но ни одинъ схизматскій колоколъ не зазвонитъ въ моихъ владѣніяхъ!

— И за сей подвигъ отпуститъ святѣйшій отецъ всѣ грѣхи твои, княже!—провозгласилъ съ умиленіемъ патеръ, поднявши очи горѣ.

А князь порывисто продолжалъ. Въ религіозномъ экстазѣ его стальной голосъ смягчился, и въ сухихъ глазахъ заблестѣла влага.

— Теперь, сломивши врага, позаботимся сначала, панове, не о своей утробѣ, а о благѣ великой нашей католической церкви, которая одна только можетъ сплотить нашу отчизну. Отбросимъ-же личныя выгоды и соблазны, а употребимъ всѣ наши усилія для расчищенія путей въ дебряхъ схизмы, чтобы могли по нимъ проникнуть изъ Рима лучи и озарить свѣтомъ заблудшихъ; тогда только водворится золотой миръ, тогда только отдохнетъ наша отчизна.

— Благословенно чрево, родившее тебя, княже,—сказалъ съ пафосомъ патеръ, воздѣвъ набожно руки.—Самъ святѣйшій отецъ преклонился бы передъ священнымъ огнемъ, пылающимъ въ твоемъ доблестномъ сердцѣ. Да будетъ оно благословенно во вѣки! —возложилъ онъ руки на склоненную голову Вишневецкаго.

— Клянусь!—произнесъ тотъ дрогнувшимъ голосомъ, обнаживъ драгоцѣнную саблю.—Это сердце и мечъ принадлежатъ лишь моей вѣрѣ и отчизнѣ, которую съ ней я сливаю, и я не остановлюсь ни передъ чѣмъ для торжества ихъ славы.

— Amen!—заключилъ торжественно патеръ.

Настало тяжелое молчаніе. Всѣ были подавлены грозною минутой и не замѣтили, какъ тревожно изъ комнаты вышелъ дворецкій.

Іеремія тяжело опустился на стулъ и, склонивъ голову на руку, устремилъ куда-то пронзительный взглядъ. По лицу его пробѣгали судорги: онъ страдалъ видимо отъ пожиравшаго его внутренняго огня.

Длилась минута тяжелаго молчанія. Дикій, мрачный, но искренній фанатизмъ князя упалъ на всѣхъ неотразимою, подавляющею тяжестью и разбилъ игривое настроеніе; не раздѣлявшіе такой демонской злобы, во имя Христа, были огорчены этою выходкой, а раздѣлявшіе находили ее во всякомъ случаѣ неумѣстной и разстраивающей общее веселье... Всѣ чувствовали себя какъ-то неловко и желали отдѣлаться отъ гнетущаго замѣшательства.

Вошелъ дворецкій и доложилъ, что какая-то панна настоятельно желаетъ видѣть ясновельможнаго гетмана.

— Меня?—очнулся и удивился гетманъ.—Панна?

— Это любопытный сюрпризъ,—улыбнулся князь Любомірскій.

Послышался сдержанный смѣхъ. Всѣ лица сразу оживились, обрадовшись случаю, могущему возстановить утраченное расположеніе духа, и случаю при томъ весьма пикантному.

— Да ты сказалъ ли этой паннѣ, что я теперь занятъ и никого по дѣламъ не принимаю? У меня такіе дорогіе гости,—искусственно раздражался Конецпольскій, желая подчеркнуть особое свое уваженіе къ сотрапезникамъ.

— Сказывалъ, ваша гетманская милость; но панна просто гвалтомъ желаетъ явиться къ его мосци.

— Что такое?—растерялся даже Конецпольскій.

— Не смущайтесь, ваша мосць, пане Краковскій. Мы не помѣшаемъ... Вѣдь правда, ясное панство,—подмигнулъ ехидно всѣмъ Любомірскій,—мы можемъ на нѣкоторое время отпустить пана гетмана въ отдѣльный покой, для пріятныхъ дѣлъ службы. Обязанность, видимо, неотложная! Ну, а мы здѣсь, панове, совершимъ возліяніе богинѣ Кипридѣ, да ниспошлетъ она и кудрямъ серебристымъ...

— Долгіе годы сладостей жизни!—подхватило большинство развеселившихся вновь собутыльниковъ.

— Благодарю, пышные гости,—улыбнулся Конецпольскій таинственно и самодовольно, покраснѣвши даже кстати, какъ ему показалось.—Но здѣсь я предвижу, такъ сказать, не шалость про казника-божка, да... а нѣчто другое, и въ доказательство я приму при васъ эту панну... Вводи просительницу сюда—отдалъ онъ приказаніе дворецкому.

— Браво, браво!—встрепенулись многіе и начали молодцовато приводить въ порядокъ костюмъ, оружіе, волосы и усы.

— Это десертъ намъ, панове,—потеръ себѣ хищно руки Корецкій.

— Благовѣстница—блондинка, непремѣнно блондинка,—замѣтилъ, поправляя костюмъ, весь залитый въ бархатъ и золото ротмистръ,—съ небеснаго цвѣта глазами и ангельскимъ взоромъ,—divina celesta!

— „Слово гоноре“,—возразилъ, подкручивая усики, блѣдный шляхтичъ, съ заспаннымъ лицомъ,—шатенка, мягкая, сочная, какъ груша „глыва“.

— Нѣтъ, пане, „на-закладъ“,—блондинка!

— Шатенка, „якъ маме кохамъ“, на что угодно.

— Стойте, панове,—вмѣшался князь Любомірскій,—я помирю васъ: ни то, ни другое, а жгучая брюнетка съ украденнымъ у солнца огнемъ,—таковъ долженъ быть выборъ ясновельможнаго гетмана.

— Браво, браво!—захлопалъ Корецкій.—За неувядаемую силу Эрота и за торжество вѣчной любви!

— Виватъ!—поднялись кубки вверхъ съ веселымъ хохотомъ и радостными восклицаніями; послѣднія заставили вздрогнуть и дремавшаго уже было патера.

Въ это время дворецкій остановился на дверяхъ, отдернувъ портьеру, и на темно-бронзовомъ фонѣ появилась стройная женская фигура, съ чрезвычайно блѣднымъ лицомъ и огромными выразительными глазами; изъ-подъ черныхъ рѣсницъ они теперь горѣли агатомъ, а въ выраженіи ихъ отражалось столько тревоги и скорби, что игривое настроеніе небрежно размѣстившейся группы оборвалось сразу.

— Чѣмъ могу служить паннѣ?—привсталъ вѣжливо Конецпольскій и сдѣлалъ пухлою рукою жестъ, приглашающій ее сѣсть.— И съ кѣмъ имѣю честь...

— Я сотника Золоторенка сестра... Живу теперь въ родной мнѣ семьѣ войскового писаря Богдана Хмельницкаго,—промолвила та отрывисто, высоко вздымая стройную грудь и жмурясь немного отъ сильнаго блеска свѣчей; она стояла неподвижно, какъ статуя,

не замѣтивъ гетманскаго жеста, или не желая воспользоваться его приглашеніемъ.

— Золотаренко... Золоторенко...—почесалъ себѣ переносье гетманъ.—Помню: изъ Золотарева? Да, такъ, такъ. Ну, я слушаю панну.

— Простите, что я перервала вашъ пиръ,—нѣсколько оправилась Ганна,—но меня сюда привели...—запиналась она—возмутительная несправедливость и грубое насиліе, что творится въ славной Рѣчи-Посполитой надъ доблестными гражданами и вѣрными вашей гетманской милости слугами...

— Гдѣ? Что? Надъ кѣмъ?—спросилъ встревоженный гетманъ.

Князь Ярема тоже очнулся и остановилъ на блѣдной паннѣ свой взглядъ. Гости переглянулись и присмирѣли совсѣмъ.

— Въ Кодакѣ, надъ войсковымъ панскимъ писаремъ: тотчасъ послѣ отъѣзда вашей гетманской милости Богдана Хмельницкаго арестовалъ комендантъ и бросилъ связаннымъ въ подземелье, какъ какого-либо невѣрнаго „поганца", или какъ пса!—уже громче звучалъ ея голосъ, и въ немъ дрожало струной чувство оскорбленнаго достоинства.

— За что? По какому праву?—спросили разомъ князь Ярема и гетманъ.

— Ни по какому и ни за что!—отвѣтила, одушевляясь больше и больше, панна Ганна,—и самъ комендантъ не сказалъ дядьку причины, да и не могъ; развѣ вельможный панъ гетманъ и ясный князь не знаетъ этого доблестнаго „лыцаря"? Онъ преданъ отчизнѣ и шляхетному панству... Скажите, пышные панове, я обращаюсь къ вашему гонору!

Большинство одобрительно зашумѣло; только весьма немногіе прикусили языкъ и молчали.

— Удивительно! Это какая-то злобная интрига,—продолжалъ гетманъ,—но правда ли? Мнѣ, что-то, не вѣрится, чтобъ безъ моего приказа... да, именно, безъ приказа... и мой же подвластный на моего, такъ сказать, слугу наложилъ руку! Вѣдь это, это...

— Къ сожалѣнію, истинная правда.

— Да кто ее принесъ?

— Ахметка, слуга Богдана; при немъ связали пана писаря и повели въ „лёхъ"... А Ахметка, котораго хотѣли было бросить въ яму, какъ-то ушелъ и прискакалъ сюда сообщить о злодѣйскомъ насиліи надъ его паномъ.

У Ганны дрожалъ уже голосъ, а на глазахъ блестѣли слезы: сердечное волненіе и тревога боролись видимо съ мужествомъ.

— Значитъ, правда!—возмутился уже и Конецпольскій.—Но какая дерзость, какая наглость! Безъ моего вѣдома...

— Предполагать нужно что-нибудь экстренное,—вмѣшался Чарнецкій,—и вѣроятно панъ Гродзицкій не замедлитъ сообщить вашей гетманской мосци причины.

— Положимъ, но однако, все-таки—отрывисто и заикаясь, соображалъ Конецпольскій.

Но Ганна перебила его, испугавшись, что замѣчаніе Чарнецкаго успокоитъ гетманскую совѣсть и заставитъ ожидать полученія отъ Гродзицкаго разъясненій.

— Я знаю, ясновельможный гетмане, эти причины: мнѣ Ахметка передалъ ихъ... Панъ Ясинскій, бывшій войсковый товарищъ у „ясноосвѣцонного“ князя, уволенный его княжескою милостью за самоуправство, которое хотѣлъ онъ учинить надъ Богданомъ, теперь иститъ за свою отставку: взвелъ коменданту на дядька какую-то нелѣпую клевету, а тотъ захотѣлъ показать свою власть... обласкалъ Ясинскаго, а вашего войскового писаря связалъ и бросилъ на муки.

— Да, я подтверждаю гетманской мосци,—вскипѣлъ задѣтый Ярема,—что Ясинскаго я вышвырнулъ изъ своей хоругви за наглое нарушеніе дисциплины и превышеніе власти... Я не за хлоповъ-схизматовъ,—перевѣшай онъ тысячи ихъ, не поведу усомъ,—а за дисциплину и подчиненіе: это первыя условія силы войска. А этотъ Ясинскій, при бытности моей въ лагерѣ, безъ доклада осмѣлился было сажать на колъ и кого? Служащаго въ коронныхъ войскахъ гетманскаго писаря... И безъ всякой причины, безъ всякой, говорю пану, а съ пьянаго толку, какъ удостовѣрился я лично. Удивляюсь и весьма удивляюсь, какимъ образомъ гетманскій подчиненный даетъ пріютъ у себя изгнаннымъ мною служащимъ?

— Я этого не зналъ,—смѣшался неловко гетманъ,—это, конечно, дерзко... да, дерзко! Развѣ Ясинскій скрылъ...

— Конечно, вѣроятно скрылъ... Кто же можетъ знать?—началъ было снова защищать коменданта Чарнецкій.

— Неправда, пане!—вскрикнулъ Ярема рѣзко, повернувшись на стулѣ.—Если Ясинскій и промолчалъ, то все мое „атаманье“ объ этомъ болтало: мое распоряженіе подтянуло ихъ всѣхъ! А Гродзицкій это въ пику... Мы, стоящіе наверху,—обратился снова къ гетману князь,—должны уважать распоряженія одинъ другаго, иначе мы допустимъ въ войскахъ такую распущенность и разнузданность, что ихъ будутъ бить не только козаки и татары, а самые даже подлые хлопы!

— Конечно, мосци-княже, конечно,—поспѣшилъ словно оправдаться панъ-гетманъ,—этому Гродзицкому влетитъ... а Ясинскій нигдѣ въ моихъ полкахъ не будетъ.

Князь Ярема поблагодарилъ гетмана гордымъ наклоненіемъ головы. У Ганны глаза заискрились радужною надеждой при такомъ благопріятномъ для нея расположеніи духа владыкъ. Она ступила шагъ впередъ и дрожащимъ отъ радости голосомъ прибавила:

— Неужели великій и славный гетманъ замедлитъ протянуть свою мощную руку вѣрному слугѣ, придавленному заносчивымъ своеволіемъ и черною местью врага?

Красота и сила экспрессіи всей фигуры просительницы, ея лучистые, сіяющіе глаза, пылающія отъ волненія щеки въ этотъ мигъ дѣлали панну просто красавицей и приковывали къ ней взоры восхищенныхъ зрителей.

Конецпольскій тоже залюбовался и сразу не смогъ ей отвѣтить, а Ганна, переведя духъ, продолжала, увлекаясь до самозабвенія:

— Развѣ долголѣтней службой отечеству не доказалъ Богданъ своей преданности? Развѣ онъ былъ уличенъ когда либо въ измѣнѣ, предательствѣ или лжи? Развѣ безкорыстіемъ и правдой не заслужилъ себѣ вѣры? Развѣ не оказалъ своимъ свѣтлымъ умомъ многимъ и многимъ услугъ? Развѣ безчисленными бѣдами, испытанными имъ при защитахъ отчизны, не купилъ онъ защиты себѣ? Развѣ онъ, отважный и доблестный, не несъ своей головы всюду въ бой за благо и честь великой Рѣчи-Посполитой? Развѣ онъ запятналъ чѣмъ-либо славный рыцарскій мечъ, дарованный яснѣйшимъ крулемъ за храбрость? И вотъ, у него теперь этомъ славный мечъ отнятъ, а самъ борецъ связанъ, опозоренъ и ввергнутъ въ адское мѣсто, гдѣ холодъ, и голодъ и мракъ подорвутъ на смерть его силы, полезныя для отечества и для васъ, вельможная и пышная шляхта!

Ганна оборвала рѣчь и стояла теперь, трепетная и смущенная, сама не сознавая, какъ она отважилась столько сказать? Правда, у нея, во все время пути къ Чигирину, толпились тысячи мыслей про заслуги Богдана для отчизны, про его значеніе для родины, про его великія доблести, про его высоко одаренную Богомъ натуру, про то уваженіе и любовь, которыя всѣ должны, обязаны ему показывать, благоговѣть даже передъ нимъ и беречь его, какъ зѣницу ока,— все это вихремъ кружилось въ ея головѣ, жгло сердце, окрыляло волю, но вмѣстѣ съ тѣмъ подкрадывался къ ней и ужасъ, что она ничего не съумѣетъ, не сможетъ сказать, что ее засмѣетъ панство, и она, пожалуй, еще разрыдается—и только. Эти два теченія мыслей поднимали въ ней страшную, мучительную борьбу, которая подъ конецъ нашла себѣ исходъ въ одной короткой, безмолвной молитвѣ:

„Господи, утверди уста мои! Укрѣпи меня, Царица небесная! Открой имъ сердца!“ Съ молитвой она вошла и въ эту свѣтлицу, исполненную разнузданнаго и грубаго веселья насыщенной плоти. Страшный блескъ ослѣпилъ ее, неулегшійся хохотъ оледенилъ кровь, и она, блѣдная, закрывъ рѣсницами очи, только шептала молитву... и вдругъ, послѣ первыхъ, пламенемъ скользнувшихъ минутъ, у нея радугой засіяло въ душѣ, что Господь услышалъ мольбу, смирилъ гордыню враговъ, открылъ ихъ сердца, и она дерзнула передъ этимъ пышнымъ собраніемъ словомъ, и слово это само какъ-то вылилось въ сильную рѣчь.

А рѣчь дѣйствительно произвела на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе.

— Досконально! Пышно!—послѣ долгой паузы послышались робкіе хвалебные отзывы съ разныхъ сторонъ.

— Демосѳенъ, „до правды“, панове, Демосѳенъ!—отозвался до сихъ поръ молчавшій Доминикъ Заславскій, обозный „кварцянаго“ [1]), войска, среднихъ лѣтъ, но дородства необычайнаго, конкуррирующаго съ паномъ Корецкимъ; Заславскій до сихъ поръ былъ занятъ сосредоточенно и серьезно насыщеніемъ своего великаго чрева, и только появленіе и рѣчи панны Ганны могли разбудить его пищеварительное спокойствіе.

— Illustrissime! — не воздержался отъ похвалы и патеръ, старавшійся въ истомѣ приподнять красныя вѣки.

— Все это сильно потому, — подчеркнулъ ротмистръ Радзѣевскій,—что справедливо и искренно, отъ души!

— Я это подтверждаю,—отозвался, наконецъ, и князь Ярема. Его гордую душу всегда подкупала отвага, а здѣсь она, въ чудномъ образѣ этой панны, была обаятельна.—Этотъ писарь Хмельницкій уменъ и храбръ несомнѣнно.

— Да, да, князь совершенно правъ,—заволновался и Конецпольскій,—это доблестный воинъ и полезный, такъ сказать, а... весьма полезный для насъ человѣкъ,—въ это время въ головѣ Конецпольскаго мелькнули необозримыя плодородныя пустоши,—я его лично знаю: и преданный, испытанный. Такихъ именно нужно защищать и отличать. Я къ другимъ тоже строгъ, и желаю затянуть удила строптивому и бѣшенному коню... да, затянуть, но преданныхъ нужно поощрять.

— Да наградитъ Богъ ясновельможнаго пана гетмана,—произнесла восторженнымъ голосомъ Ганна; у нея на днѣ души трепетала радость, а глаза застилалъ какой-то туманъ.

---

[1]) Войско, содержавшееся на четвертую часть дохода изъ Старостинскихъ имѣній.

— Не безпокойся, панно,—отвѣтилъ ей Конецпольскій.— Отважное участіе въ судьбѣ писаря, панскаго родича, Богдана, и похвально, и трогательно. Я напишу наказъ и съ первою оказіей пошлю въ Кодакъ.

— На Бога!—прервала рѣчь гетмана Ганна, всплеснувши руками и застывши въ порывистомъ движеніи,—не откладывайте вашей благодѣтельной воли ни на одинъ день, ни на часъ... Злоба и зависть не спятъ: они злоупотребятъ своимъ произволомъ, не остановятся, быть можетъ, даже передъ пыткой, передъ истязаніемъ, и тогда гетманское милосердіе опоздаетъ.

— Она права,—замѣтилъ Ярема.—Разъ самоволецъ Ясинскій допущенъ и обласканъ, то всего можно ожидать.

— Я ихъ скручу,—ударилъ по столу кубкомъ панъ гетманъ,—и немедленно же.

— Молю ясновельможнаго пана,—добавила Ганна—дайте мнѣ сейчасъ гетманскій наказъ: я его поручу надежнымъ рукамъ и пошлю немедленно.

— Хорошо,—улыбнулся ласково Конецпольскій, тяжело подымаясь со стула,—хотя и непріятно мнѣ оставить на время моихъ пышныхъ гостей, но—ce que la femme veut, Dieux le veut!

За замковою „брамой“, во мракѣ осенней, непроглядной ночи, двигалась нетерпѣливо и порывисто какая-то тѣнь; она останавливалась иногда у массивныхъ воротъ, прислушиваясь къ долетавшимъ звукамъ разгула, и снова, ударивъ кованымъ каблукомъ въ землю и брякнувъ саблей, продолжала двигаться вдоль высокихъ зубчатыхъ „муровъ“. Невдалекѣ гдѣ-то ржали и фыркали кони.

— Перевертни! Вражье отродье!—раздался наконецъ звучный, хотя и сдержанный молодой голосъ.—И какъ разсчитывать на панскую милость! Да опи смердящему псу сострадать скорѣй будутъ, чѣмъ нашему брату! Нѣтъ на нихъ упованія! Вотъ только на что единая и вѣрная надежда!—потрясъ говорившій съ угрозою саблей.—Эхъ, только бы собрать удальцовъ-юнаковъ!... Свистну посвистомъ, гикну голосомъ молодецкимъ, и полетимъ тебя, Богдане нашъ любый, спасать... Костьми ляжемъ, коли не выручимъ, а ужъ и ляжемъ, то не даромъ! Только время идетъ. Каждая минута дорога... Они еще ее тамъ задержатъ... Проклятіе! Скорѣй туда! А если хоть тѣнь одна обиды... то попомнятъ псы Богуна!—и онъ стремительно бросился къ „брамѣ“ и началъ стучать эфесомъ сабли въ желѣзную скобу воротъ.

Въ это время послышался приближающійся топотъ нѣсколькихъ лошадей и показались въ темнотѣ безформенные силуэты всадниковъ. Богунъ остановился и началъ вглядываться въ непроницаемую тьму. Послышался тихій крикъ филина; Богунъ откликнулся пугачемъ.

— Ты? Ганджа?—спросилъ онъ тихо у приблизившагося всадника.

— Я самый,—отвѣтилъ тотъ хрипло.

— А еще кто?

— Семеро надежныхъ... Коней четырнадцать... и твой... и припасы...

— Спасибо, добре! Значитъ и въ путь?

— Конечно. Тутъ и дѣдъ управится съ селянами, а тамъ бѣда: вонъ кто въ неволѣ! Тысяча головъ за ту голову!

— Такъ, соколъ мой, такъ! А тутъ вотъ панну Ганну, кажись, задержали ироды, выходцы изъ пекла... Пойдемъ, братъ, спасать!

— Вмигъ! Готовъ!—соскочилъ Ганджа съ лошади и сталъ вмѣстѣ съ Богуномъ стучать въ ворота.

Наконецъ, форточка въ нихъ отворилась, и привратникъ впустилъ козаковъ въ „браму", но вторыхъ воротъ во дворъ не отперъ, а послалъ оповѣстить пана „дозорца", такъ что козаки очутились взаперти, досадуя на свою непростительную оплошность.

Между тѣмъ со стороны города подъѣхала къ „брамѣ" повозка; изъ нея выскочилъ знакомый намъ хлопецъ Ахметка, а за нимъ встала и другая кряжистая и объемистая фигура.

— Гей, паны козаки!—обратился Ахметка къ стоявшимъ вдали всадникамъ,—здѣсь панъ Богунъ и дядько Ганджа?

— Тутъ были,—послышался отвѣтъ,—да пошли, кажись, въ „браму".

— Ладно. Такъ подождемъ, пока выйдутъ.

— Аминь!—раздалась и покатилась октава,—но бдите, да не внидите въ напасть!

Звонарь и Ахметка подошли ближе къ воротамъ и остановились въ ожиданіи.

— Такъ выросла, пане дяче, ваша доночка Оксанка?—заговорилъ тихо Ахметка.

— Выросла, хлопче, зѣло; все тебя вспоминаетъ, какъ купно съ ней созидалъ гребли, млиночки...—рокотала октава.

— Да мнѣ вотъ не довелось съ полгода быть тамъ,—засмѣялся хлопецъ,—а то вѣдь, прежде бывало часто ѣзжалъ и гостилъ... привыкъ очень къ дѣткѣ, какъ къ сестренкѣ родной,

ей-Богу! Передайте ей, что Ахметка соскучился... гостинца привезетъ... въ черные глазки поцѣлуетъ...

— Да, вотъ гостинца... подобало-бы: она дитя малое, такъ гостинца бы надлежало...

— Не приходилось въ городѣ бывать... А что у нея волосики все курчавятся?

— Суета суетъ!... Вотъ гостинца бы...

— Стойте, пане дяче,—вспомнилъ Ахметка,—хоть купить не купилъ, да „купила“ добылъ... Такъ вотъ передайте моей любой крошкѣ три червонца.

— Велелѣпно!—сжалъ дьякъ золото въ мощной длани.

— Только, пане-дяче,—замялся Ахметка,—передайте ей, а не Шмулю...

— Да не смущается сердце твое...

— Нате вамъ лучше для этой надобности еще дукатъ.

— Всякъ даръ совершенъ,—опустилъ дьячекъ въ бездонный карманъ четыре червонца,—а ты славный хлопецъ... и восхвалю тя во вѣки... И Оксанѣ скажу, чтобы всегда помнила и любила,—истинно глаголю, аминь!

Зазвенѣли ключи, отворились ворота, и изъ нихъ вышла Ганна, въ сопровожденіи Богуна и Ганджи; она держала бумагу въ рукахъ, и въ темнотѣ, по быстрымъ, энергическимъ движеніямъ дѣвушки, можно было замѣтить ея возбужденное состояніе.

— Спасла! Господь мнѣ помогъ! Онъ сохранилъ для насъ это сердце, и вотъ гдѣ спасеніе!—Махала она радостно бумагой и прижимала ее къ груди.

— Если ты, панно, могла своимъ словомъ пробить эти каменныя сердца, то ты всесильна!—сказалъ восторженно Богунъ.

— И колдуну такая штука не по плечу,—крякнулъ Ганджа.

— Не я, панове, не я... а заступница наша Пречистая Матерь: Ей я молилась, и моя грѣшная молитва была услышана,—значитъ, еще не отвратили Небесныя Силы отъ насъ очей, а коли Богъ за насъ, такъ и унывать нечего!

— Правда, святая правда!—съ чувствомъ промолвилъ Богунъ.

— Панове, нужно спѣшить...—заторопилась Ганна,—и летѣть туда, не теряя минуты. Кому довѣрить бумагу, кто повезетъ?

— Я,—отозвался твердо Богунъ,—дай мнѣ, панно, ее, и скорѣе голову мою сорвутъ съ плечъ, чѣмъ вырвутъ эту бумагу.

— Лучшаго хранителя не найти,—передала Ганна пакетъ,—но неужели по степи панъ „лыцарь“ поѣдетъ одинъ?

— Нѣтъ, со мной ѣдетъ Ганджа и пять козаковъ.

— И я еще съ паномъ „лыцаремъ" ѣду,—отозвался, гарцуя уже на конѣ, Ахметка.

— Да куда тебѣ,—возразилъ Богунъ,—взадъ и впередъ крестить степь, не слѣзая съ коня и безъ отдыха, вѣдь просто свалишься.

— Что-о?—вскрикнулъ Ахметка,—чтобы я оставилъ на другихъ своего батька, когда онъ въ опасности? Никогда! Ахметка съ радостью издохнетъ за батька, а его не покинетъ!

— Дай мнѣ твою голову, любый,—подошла Ганна и, обнявши, поцѣловала наклоненнаго хлопца въ чело.—Да хранитъ Богъ твое золотое сердце и да наградитъ тебя за твою преданность и любовь!

— А меня панна не поблагословитъ?—спросилъ тихо Богунъ, наклонивъ свою буйную голову.

Ганна подняла глаза къ беззвѣздному небу и тихо коснулась устами козачьей удалой головы.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ.

III. Александръ Михайловичъ Марковичъ [1]).

(р. 1790†1865).

II. Интересъ къ прошлому своей родины.—Чтеніе дѣдовскаго дневника.—Отзывъ о водевилѣ „Козакъ-стихотворецъ“.—Изданіе бумагъ изъ семейнаго архива.—Отрывки изъ „Описанія Малороссіи“.—„Малороссійская свадьба“.—Выборная служба.—„Записка о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“.—Представленіе объ уничтоженіи „маршалковско-коммисарскаго суда“.

Кругъ чтенія М—ча не ограничивался одною тогдашнею печатною литературою. Довольно рано онъ началъ интересоваться доставшимися ему въ наслѣдство фоліантами дѣдовскаго дневника, впослѣдствіи имъ изданнаго. Дневникъ дѣда М—чъ началъ читать со второго десятилѣтія настоящаго столѣтія, причемъ чтеніе это происходило систематически. Это мы видимъ хотя бы изъ того тома дневника, въ которомъ описаны годы 1731—1736 [2]). На этой рукописи имѣется замѣтка М—ча: „началъ читать 1 іюля 1819. Окончилъ читать 19 августа 1819“. Систематическое чтеніе М—чемъ рукописи видно изъ непрерывнаго ряда его замѣтокъ, написанныхъ чернилами сбоку листовъ. Замѣтки заключаютъ въ себѣ сокращенныя свѣдѣнія о томъ или другомъ упоминаемомъ въ дневникѣ фактѣ, служа такимъ

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 1.

[2]) Рукопись въ листъ, 271 полулистовъ мелкаго письма. Весь Дневникъ Якова М—ча состоитъ изъ десяти томовъ.

образомъ указателемъ содержанія. Во всякомъ случаѣ, изъ отмѣтокъ о времени чтенія дѣдовскаго дневника мы видимъ, что къ тридцатилѣтнему своему возрасту М—чъ хорошо былъ съ нимъ знакомъ, а слѣдовательно хорошо былъ знакомъ и съ бытомъ своей родины въ XVIII в. Эта область историческаго знанія была почти невѣдома тогдашнимъ историкамъ Малороссіи (Бант.-Каменскому, Мартосу...), такъ какъ ничего подобнаго дневнику Якова М—ча въ тогдашней печатной литературѣ не было, да и впослѣдствіи явилось не скоро.—Изъ чтенія дѣдовскаго дневника М—чъ обязательно знакомился со всѣмъ частнымъ и общественнымъ строемъ жизни своихъ предковъ и мало по малу становился такимъ знатокомъ бытовой исторіи Малороссіи, какихъ тогда положительно не могло и быть. Къ этому нужно добавить, что М—чъ хорошо зналъ и обыденную жизнь современной ему Малороссіи. Историко-этнографическія особенности послѣдней ему до мелочей были знакомы. Въ этомъ отношеніи очень любопытно то впечатлѣніе М—ча, которое онъ вынесъ, впервые увидѣвъ на столичной сценѣ извѣстный водевиль кн. Шаховскаго „Козакъ-стихотворецъ“. Замѣтивъ въ водевилѣ бросавшіяся въ глаза отступленія отъ условій мѣстной жизни, М—чъ немедленно хотѣлъ указать публикѣ бытовыя несообразности, которыми авторъ наполнилъ свое произведеніе, и съ этою цѣлью замѣчанія свои изложилъ въ письменной формѣ, вѣроятно, разсчитывая „письмо“ это напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ. Однако-жъ оно осталось ненапечатаннымъ, и мы приводимъ его здѣсь, въ видѣ отзыва тогдашняго знатока о тѣхъ несообразностяхъ, которыя введены въ водевиль, какъ мѣстныя особенности.— „М. г.! Я пріѣхалъ недавно въ Москву по надобности и въ первый разъ навѣку своемъ попалъ въ большой городъ. Вы можете себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ разсматривалъ я здѣсь все то, что для меня было ново. Между прочимъ театръ наиболѣе обратилъ мое вниманіе. Но что почувствовалъ я, когда въ объявленіи 15 сентября между дѣйствующими лицами увидѣлъ я повѣтоваго писаря, *ибо я самъ земскій писарь* одного изъ повѣтовыхъ (уѣздныхъ) судовъ малороссійской полтавской губерніи.

Бѣгу въ контору, беру билетъ, въ мѣста за креслами, и объявленіе (афишу?), и возвращаюсь домой. Я ожидалъ, признаюсь, съ нетерпѣніемъ назначеннаго времени, чтобы видѣть какимъ образомъ будутъ представлять меня. Разбирая однако же объявленіе, я не понималъ, почему повѣтовый писарь названъ въ ономъ Грицкомъ, тогда какъ *у насъ* всякого повѣтоваго писаря называютъ по имени и отчеству, какъ дворянина и чиновника, служащаго по выборамъ дворянства. Сіе недоумѣніе еще болѣе возбуждало мое любопытство. Наконецъ я въ театрѣ. Пріятная музыка напоминаетъ мнѣ *родимую сторону*. Поднимается занавѣсъ. Являются Маруся, князь и деньщикъ его; но мнѣ не они были надобны; мнѣ нуженъ былъ повѣтовый писарь... Каково было мое изумленіе, когда вмѣсто повѣтоваго писаря выглянула въ окошко отвратительная фигура въ бѣлой рубашкѣ, а потомъ та же самая фигура появилась въ красныхъ сапогахъ и въ красномъ платьѣ, съ чуприною, коверкаясь какъ обезьяна и кланяясь униженно мужику Прудіусу. Видно сочинитель не заглядывалъ въ *статутъ*, не знаетъ, что повѣтовый писарь всегда избирался изъ дворянъ и чиновниковъ, что должность его была совсѣмъ другая, а не та, какую возложилъ на него сочинитель комедій. Полно!—это значитъ много требовать. Зналъ ли г. сочинитель что́ есть повѣтъ?... Были ли и тысяцкіи въ Малороссіи, объ этомъ я не спорю, ибо *не знаю*, только безъ справки не повѣрю г. сочинителю, потому что мнѣ кажется по всему, что Малороссія для автора лежитъ въ тридевятой землѣ, въ тридесятомъ царствѣ. Но покорнѣйше васъ, м. г., прошу позволить мнѣ для чести своей сообщить всѣмъ и каждому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что ни одинъ повѣтовый писарь во всей Малороссіи не похожъ на Грицка, и никогда не былъ похожъ, и что поступки ихъ никакъ не могутъ быть сходны съ поступками сего чудовищнаго Грицка. Правда, что въ этой комедіи все само на себя не похоже, но до того нѣтъ мнѣ дѣла"...

Въ этомъ письмѣ мы видимъ протестъ малоросса противъ извращенія чертъ его общественнаго быта въ литературѣ. Послѣдняя, какъ видно, не затруднялась изображать секретаря уѣзднаго суда 20-хъ годовъ—„въ красномъ платьѣ и красныхъ са-

погахъ", предполагая, что „повѣтовые писари" это—какой-нибудь остатокъ козаччины, въ одеждѣ которыхъ поэтому красный цвѣтъ долженъ преобладать. Появленіе „чудовищнаго Грицька" на сценѣ вызывало, конечно, полное удовольствіе зрителей... Но такое извращеніе особенностей мѣстнаго быта у М—ча вызвало протестъ, вѣроятно единственный между тогдашними зрителями...

За симъ обращаемся къ перечисленію и пересмотру учено-литера́турныхъ работъ М—ча, касавшихся Малороссіи.

Изданіе бумагъ семейнаго архива. Въ Украинск. журн. 1824 г., въ 2-хъ книжкахъ, (№ 19—20, стр. 43—55, и № 21, стр. 128—136) подъ заголовкомъ „*Малороссійская старина*", напечатано девятъ документовъ съ поясненіемъ, что они представляютъ „копіи съ подлинныхъ бумагъ". Сдѣланныя къ „Старинѣ" примѣчанія подписаны буквою *М*, подъ которою несомнѣнно слѣдуетъ разумѣть А. М. М—ча, такъ какъ напечатанныя бумаги, видимо, взяты были изъ Сварковскаго архива, обладателемъ котораго въ это время былъ онъ, А. М. М—чъ. Напечатанныя бумаги касались бытовой исторіи Малороссіи. Начитавшись дѣдовскаго дневника, М—чъ понималъ цѣну подобныхъ бумагъ, какъ объяснительныхъ документовъ по исторіи народной жизни Малороссіи. Появленіе „Малороссійской старины" было, во всякомъ случаѣ, первымъ опытомъ обнародованія бумагъ семейнаго архива, при чемъ очень интересенъ и выборъ ихъ: это не жалованныя грамоты и не универсалы, которыми любили хвалиться потомки козацкой старшины, а документы историческіе, поясняющіе общественный и частный бытъ этой старшины. По рѣдкости Укр. Ж—ла перечисляемъ эти бумаги. 1. Универсалъ Ю. Хмельницкаго, 1661 г., какому то „Омельяновѣ Цвѣчевскому, который презъ лѣтъ двадцать въ неволѣ былъ турецкой", на грунта, отошедшіе, во время его плѣна, въ чужое владѣніе. 2. Универсалъ Мазепы 1704 г., объ уплатѣ въ „войсковой скарбъ" „арендовой раты", съ объясненіемъ, что „скарбецъ войсковый велми есть истощанлій черезъ уставичные и значнедѣючіеся росходы". 3. Универсалъ Скоропадскаго, 1720 г., съ приказомъ козакамъ м. Веремѣ-

евки, чтобы они „не заглядаючися на власть п. Галагана, полковника прилуцкого, и не страхаючися его похвалокъ, нашихъ, гетманскихъ, указовъ слухали"... 4. Универсалъ того же гетмана, 1710 г., „Татьянѣ Васильевой Кулябковнѣ" съ подтвержденіемъ на хуторъ „ведлѣ села Бурумлѣ". 5. Письмо гетм. Скоропадскаго къ полковнику лубенскому Марковичу [1]) о переписи купцовъ луб. полка, „гендлюючихъ" съ Шліонскомъ, Гданскомъ и Кролевцомъ (Кенисбергомъ), „пенкою, смалчугою, саломъ, воскомъ" и проч., съ тѣмъ, чтобы эти товары впредь—„до пристаней на Балтійскомъ морѣ найдуючихся провадили", подъ страхомъ смертной казни. 6. Письмо гетм. Скоропадскаго къ зятю Марковичу, 1712 г., съ извѣстіемъ о смерти тестя. 7. Письмо луб. полк. писаря Степана Савицкаго къ Якову М—чу, изъ Спб., 1718 г. и 8. Письмо луб. полковника Петра Апастола къ тому же Якову М—чу, 1743 г. Особенно интересны три послѣднія письма. Въ письмѣ къ Андрею Марковичу о смерти тестя, Скоропадскій, выражая свое сожалѣніе, что не могъ быть „при концу житія" его, добавляетъ, что „особливе Настуся (гетманша) на серцу доживотне поносити муситъ, же и остатнего зъ живыхъ устъ пана (умершаго) благословенія родителского не получила и до отданя винной, по должности своей, услуги на похоронаніе (*sic*) змерлого тѣла прибути не может"... Содержаніе письма Петра Апостола указываетъ, что это былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей въ средѣ малорусской старшины пол. XVIII в. [2]). Подобныхъ писемъ и по настоящее время извѣстно, вь печати, не болѣе двухъ-трехъ. Выборъ напечатанныхъ М—чемъ бумагъ изъ семейнаго архива—едва-ли можно назвать случайнымъ; скорѣе можно допустить, что, познакомившись съ частнымъ бытомъ малорусскаго общества по дѣдовскому дневнику, М—чъ сознательно выбиралъ такіе документы, которые могли служить дополненіемъ къ недоговоренному въ дневникѣ. М—чу принадлежитъ заслуга начинателя въ обнародованіи документовъ изъ частныхъ архивовъ, заслуга тѣмъ бо-

[1]) Письмо означено 1709 г., но это ошибка, тк. кк. Андр. М—чъ сталъ луб. полковникомъ только въ 1714 г.

[2]) Письмо Апостола перепечатано нами въ Русск. Арх. 1875 г., I, 94.

лѣе значительная, что послѣ этого начинанія еще очень долго пришлось ждать, пока семейные архивы были тронуты.

Описаніе Малороссіи. Въ бумагахъ М—ча сохранилось лишь нѣсколько листовъ, указывающихъ, что онъ предполагалъ заняться „описаніемъ Малороссіи". Судя по синей бумагѣ и почерку М—ча, это начинаніе относится къ двадцатымъ годамъ. Сохранились слѣдующіе отрывки, не безъинтересные для исторіи авторства М—ча въ изученіи Малороссіи. а) *Статистическія замѣчанія о Малороссіи.* „Надобно удивляться размноженію жителей въ Малороссіи. Въ теченіи 150 лѣтъ безпрестанно выходятъ изъ нея поселенцы. Слободско-украинская губернія, часть воронежской, земля донскихъ козаковъ, часть курской губерніи, новороссійскій край,—всѣ эти мѣста населены малороссіянами, и между тѣмъ въ самой Малороссіи не замѣтно ни мало уменьшенія народонаселенія. Къ сему умноженію народа, конечно, способствуетъ здоровой климатъ, не курныя избы, но опрятныя, необремененіе работами во время вольнаго перехода, не странническая (?) жизнь поселянъ и лучшая пища, бо́льшее попеченіе о дѣтяхъ и проч.—Климатъ въ степной Малороссіи отмѣнно здоровъ. Вечера лѣтніе восхитительные. Люди и животныя вообще тамъ крупнѣе, нежели въ лѣсной части. Деревянныя строенія тоже отмѣнно долго сохраняются въ цѣлости". б) *О наружномъ видѣ страны.* „Дорога отъ Глухова, пограничнаго города отъ курской губерніи, на Роменъ: какъ скоро вы переѣзжаете Сеймъ, страна похожа дѣлается на степь, хотя несовершенно; иногда выходятъ пространства, покрытыя лѣсами. Дорога отъ мѣст. Хмѣлова до Ромна гориста, но прелестна. Лѣса похожи на сады, и виды прекрасны. Роменъ стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣетъ прелестные виды. Вообще города на Сулѣ: Ромны, Лубны—имѣютъ мѣстоположенія картинныя. За Ромнами проѣзжаешь нѣсколько малозначущихъ городовъ: Лохвицу, Пирятинъ. Тутъ видите вы сіи необозримыя степи, которыя не полагаютъ препонъ ни глазу, ни летучимъ мыслямъ. Мы такъ привыкли видѣть землю воздѣланную, что видъ сихъ тучныхъ пажитей, остающихся въ теченіи вѣковъ въ первобытной своей природѣ, возбуждаетъ въ насъ новыя

мысли. Воображаешь и теперь видѣть сихъ народовъ блуждающихъ, для коихъ сіи степи были домами. Есть еще отдаленныя степи, гдѣ и теперь находятся стада дикихъ коней. Зимою въ новыхъ (?) степяхъ скотъ кормится въ полѣ“... в) *Умственныя способности, смышленность, остроуміе, языкъ малороссіянъ.* „Анекдоты, разказываемые на щетъ простодушія малороссіянъ, сочинены ими самими. Они очень любятъ забавляться сами надъ собою, и русскіе не могли бы такъ искустно оныхъ составить. Сіи анекдоты гораздо предосудительнѣе для великороссіянъ, ибо они всегда представляются въ оныхъ обманщиками. Въ языкѣ ихъ (малороссіянъ) есть множество особенныхъ выраженій, напр., никчемный, нисчимный.—Многіе изъ простыхъ мужиковъ, не будучи грамотны, знаютъ въ какой недѣльный день будутъ подвижные праздники чрезъ цѣлый годъ, когда настанетъ мѣсяцъ; но только грамотные изъ нихъ знаютъ щотъ времени по мѣсяцамъ; прочіе всегда щитаютъ по числу недѣль отъ свѣтлаго праздника или отъ рождества Христова. Если свѣтлый праздникъ бываетъ поздно, они говорятъ, что лѣто будетъ коротко“... г) *Нравы, обычаи и проч. Малороссіи.*—„Когда отецъ или мать приближаются къ кончинѣ, то окружающіе смертный одръ не спять ночи и стараются вывести изъ комнаты дѣтей умирающихъ, утверждая, что умирающіе гораздо тяжелѣе умираютъ, если въ одной комнатѣ съ ними находятся ихъ дѣти. Мысль прекрасная!“

„Въ лѣтнее время большія дороги въ Малороссіи покрыты пѣше шествующими молельщиками, которые идутъ къ св. Афанасію, въ Лубны, или въ Кіевъ. Часто нѣкоторые изъ нихъ, изнуренные путемъ и постомъ, находятъ на сихъ путяхъ свои могилы. Сопутствующіе погребаютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ покойный скончался, и, иногда, посреди дороги вы увидите свѣжую могилу и огромную палку вмѣсто креста. Въ русскомъ народѣ ведется суевѣрное мнѣніе, что въ молодости содѣянные грѣхи можно очиститъ путешествіями ко святымъ въ старости...“

Приведенными замѣтками только и ограничилось начинаніе М—ча относительно описанія Малороссіи. Повидимому, у него не было ни плана, ни матеріала для такой большой работы.

Можетъ быть, въ это время М—чъ началъ другую работу, посвященную изученію бытовой стороны своей родины, озаглавленную „Малороссійская свадьба". Здѣсь, какъ видно, М—чъ хотѣлъ представить въ разсказной формѣ бытъ малороссійскихъ пановъ втор. полов. XVIII в. Работа эта также не окончена, но изъ написанныхъ 4-хъ главъ видно, что она есть результатъ внимательнаго чтенія дѣдовскаго дневника, причемъ авторъ пользовался и живымъ преданіемъ о томъ—ка́къ жили и чѣмъ интересовались его предки. „Малороссійская свадьба" хотя и не кончена, но по бытовымъ своимъ подробностямъ, нынѣ исчезнувшимъ, сохраняетъ значеніе историческаго мемуара и заслуживаетъ изданія, тѣмъ болѣе, что тутъ же М—чъ высказываетъ и личный взглядъ на исторію своей родины.

Рядомъ съ литературною дѣятельностью, съ 1820 г. началъ М—чъ и дѣятельность общественную, которая, при его деревенской жизни, выразилась службою по выборамъ. Въ октябрѣ 1820 г. М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ повѣтовымъ (т. е. уѣзднымъ) судьею, но черезъ годъ и оставилъ эту службу. Затѣмъ, въ 1826 г., М—чъ былъ выбранъ глуховскимъ предводителемъ дворянства [1]), но на этой должности оставался всего

[1]) Вѣроятно, къ этому времени относятся двѣ рѣчи М—ча, найденныя въ его бумагахъ, одна—сказанная (?) въ повѣтовомъ судѣ, а другая—въ „нижнемъ", т. е. въ томъ учрежденіи, которое до 60-хъ годовъ представляло собою теперешнее полицейское управленіе. Приводимъ отрывки изъ обѣихъ рѣчей. Въ повѣтовомъ судѣ М—чъ говоритъ: „М.м. г.г.! Когда помыслю я, что вы, м.м. г.г., занявъ сіи мѣста, приняли на себя обязанность давать судъ, защищать обиженныхъ, вдовъ, сиротъ, сберегать ихъ имущества, быть посредниками въ различныхъ сдѣлкахъ между людьми всѣхъ состояній; когда помыслю, что многотрудное служеніе ваше не только не сопряжено съ выгодами, соотвѣтственными оному, но еще отвлекаетъ васъ отъ семействъ и домовъ вашихъ... то не могу не изъявить предъ вами искреннихъ моихъ привѣтствій и поздравленій съ избраніемъ васъ въ званіе столь великаго почтенія достойное" и проч. Въ рѣчи, обращенной къ исправнику, его помощнику („непремѣнному члену") и становымъ приставамъ, читаемъ слѣдующее, „М.м. г.г.! Привѣтствую васъ съ началомъ служенія, на кое избраны вы довѣріемъ и уваженіемъ согражданъ своихъ. Свою и не только свою, но и другихъ состояній безопасность и охраненіе поручило вамъ благородное дворянство. Вы избраны быть защитниками угнетенныхъ, блюстителями порядка и добрыхъ нравовъ, вамъ поручено сохраненіе народнаго здравія, попеченіе о его (народа?) имуществѣ,

одинъ годъ, такъ какъ въ 1827 г. онъ былъ выбранъ генеральнымъ судьею. Извѣстно, что по указу императора Павла I, (30 ноября 1796 г.) открытыя въ 1782 г., намѣстничества были упразднены, а взамѣнъ ихъ образована была, сначала, одна—малороссійская губернія, а позже (1802 г.) двѣ: черниговская и полтавская. Тогда же было возобновлено и „прежнее судопроизводство"; открытъ былъ и генеральный судъ съ двумя департаментами, въ которыхъ предсѣдательствовали генеральные судьи. Однимъ изъ такихъ судей былъ избранъ и М—чъ. Прослуживъ до конца трехлѣтія въ 1829 г., (М—чъ занялъ должность генер. судьи во второй годъ трехлѣтія, вѣроятно, изъ кандидатовъ), М—чъ былъ выбранъ генер. судьею и на слѣдующее трехлѣтіе, но черезъ полгода, весною 1830 г., подалъ прошеніе объ отставкѣ Генералъ-губернаторомъ въ то время былъ князь Репнинъ. Получивъ просьбу М—ча объ отставкѣ, онъ отвѣчалъ: „желая сколько нибудь содѣйствовать вамъ къ увольненію васъ отъ должности генер. судьи, я отзывался къ Григорію Степановичу Тарновскому, состоящему по васъ кандидатомъ, о вступленіи въ оную, но получилъ отъ него прошеніе, коимъ онъ проситъ, по состоянію его почетн. смотрителемъ борзенскаго повѣтоваго училища, увольненія отъ занятія упомянутой должности... (Посему) я обязанъ буду собрать дворянство для избранія кандидатовъ на генер. судью и потомъ о утвержденіи одного изъ нихъ представить государю императору. Но съ симъ вмѣстѣ обнаружится, что вы оставили занимаемую должность и уѣхали изъ губернскаго города, не получивъ на то отъ меня дозволенія,

поощреніе къ земледѣлію и трудолюбію, прекращеніе насилій, истребленіе нищеты и праздности. Въ васъ найдутъ защитниковъ *бѣдные поселяне,* въ васъ обрящутъ они примирителей въ своихъ распряхъ. Подъ человѣколюбивымъ покровительствомъ вашимъ поживетъ *сей полезный и почтенный классъ народа* въ мирѣ и тишинѣ. Скорымъ разборомъ ихъ дѣлъ и уваженіемъ къ ихъ правамъ и нуждамъ вы водворите въ жилищахъ ихъ спокойствіе" и проч. Рѣчи М—ча не были новостью въ тогдашней Малороссіи: *такія* рѣчи были произносимы гораздо раньше (въ 1803 1805, 1809 г. г.) „маршаломъ Роменскаго повѣта" Вас. Гр. Полетикою. Рѣчи Полетики тогда же были напечатаны въ Вѣстн. Европы. См. Указатель къ этому журналу, Полуденскаго, стр. 15, 32 и 65. Несомнѣнно, что М—чу рѣчи Полетики были извѣстны.

чего вы ни въ какомъ случаѣ сдѣлать были не въ правѣ... Все сіе побуждаетъ меня просить васъ покорнѣйше возвратиться къ должности вашей сколь можно поспѣшнѣе... Вы всегда видѣли, съ какимъ удовольствіемъ я служилъ съ вами и отдавалъ справедливость вашимъ трудамъ и правиламъ, почему я не могу и помыслитъ, чтобы *вражда сосѣдей вашихъ ко мнѣ отклоняла васъ отъ служенія*, а напротивъ надѣюсь немедленнаго исполненія приглашенія моего..." Намекъ въ этомъ письмѣ на причину отставки М—ча нѣсколько объясняется изъ отвѣта послѣдняго, гдѣ онъ писалъ: „относительно подозрѣнія в. с—ва на счетъ причины, побудившей меня отказаться отъ должности, я не опасаюсь объясниться со всею искренностью. Я и братъ мой обязаны сосѣдямъ нашимъ (?) за доброжелательное участіе и вспомоществованіе во время важныхъ тяжебъ, грозившихъ состоянію нашему разстройствомъ. Всякое благородное чувство найдетъ мѣсто въ сердцѣ вашемъ и вы бы конечно осудили бы меня, если бы я не остался имъ за это благодаренъ и не принялъ бы участія въ ихъ радости и огорченіи. Но не признательность моя, ни честь не предписывали мнѣ отказываться отъ должности по происшедшему неудовольствію между в. с—вомъ и ими. Я могу, напротивъ того, смѣло сказать, что я даже имъ не поставлялъ сего причиною моего удаленія отъ должности и что они весьма настоятельно уговаривали меня продолжать службу..." Затѣмъ М—чъ пишетъ, что главная причина его отставки—болѣзнь. На чтó намекалъ кн. Репнинъ въ своемъ письмѣ къ М—чу остается неизвѣстнымъ.—Оставивъ такимъ образомъ въ 1830 г. выборную службу, М—чъ черезъ два года снова согласился ее продолжать. На этотъ разъ онъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ дворянства и оставался на этой должности два трехлѣтія.

Поставленный въ ближайшія отношенія къ оффиціальной жизни черниговскаго дворянства, какъ сословія, М—чъ по своей пытливой природѣ, началъ изучать его исторію и экономическій бытъ. Съ этою цѣлію онъ составилъ слѣдующую для себя программу. *Глава I.* О дворянствѣ малороссійскомъ до перваго разбора, вслѣдствіе высочайшаго проекта о дворянствѣ. Права ихъ.

NB. Здѣсь же и о образованіи сословія козаковъ и правахъ ихъ. *Гл. II.* О дворянскомъ сословіи со времени перваго разбора и въ послѣдующее до настоящаго времени. *Гл. III.* Объ имѣніяхъ дворянскихъ. Какимъ образомъ пріобрѣтались права на владѣніе имѣніями. Различные роды имѣній, владѣльческія, ранговыя, монастырскія и проч. Права имѣній дворянскихъ. Повинности. Наборы посполитыхъ. Причины черезъ повинности. *Гл. IV.* О винокуреніи и свободной продажѣ вина. *Гл. V.* О' прежнемъ состояніи хозяйства, промышленности, торговли въ дворянскихъ имуществахъ. Цѣны. Мѣры. *Гл. VI.* О нынѣшнемъ состояніи хозяйства помѣщичьихъ имѣній.

По этому плану М—чъ началъ подбирать матеріалъ, какъ видно изъ его замѣтокъ, уже въ маѣ 1837 г. Прежде всего, онъ обратился къ дневнику дѣда и сдѣлалъ выписки изъ него, начиная съ 1728 г. и оканчивая 1767-мъ г. Слѣдовательно, М—чъ просмотрѣлъ для этого *весь* дневникъ. Затѣмъ, М—чъ обратился къ черниговскому дворянскому архиву и сдѣлалъ обширныя „выписки изъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія, касающіяся до дворянства“. По времени, эти выписки обнимали собою періодъ съ 1783 г. до 1801 г. включительно, т. е. время, когда происходила регламентація всего русскаго дворянства, какъ сословія. Изъ печатныхъ источниковъ М—чъ пользовался исторіей Мал. Россіи Б.—Каменскаго и „Историч. Извѣст. объ Уніи“ Б.—Каменскаго-отца. Повидимому, еще раньше М—чъ познакомился съ литовскимъ статутомъ и много перечелъ тѣхъ „конституцій“, на которыя Гр. А. Полетика впервые указалъ малорусскому шляхетству, какъ на источникъ де его правъ. Съ такою подготовкою М—чъ приступилъ къ написанію своей „Записки о дворянскомъ сословіи Черниговской губерніи“. Началъ онъ эту „Записку“ съ великокняжескаго періода.—„Извѣстно“, говоритъ М—чъ, „что уже въ позднѣйшее время образовалось въ настоящемъ видѣ въ Россіи дворянское сословіе. Былъ въ самой древней Руси высшій классъ людей, который пользовался правами, которыя и теперь составляютъ права дворянства, т. е. правами, происходящими отъ владѣнія имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ государственною службою; но никогда ни сіи

владѣльцы имѣній, ни люди, находившіеся въ много различныхъ чинахъ и должностяхъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ, не составляли сословія, какъ нынѣ, пользующагося общими правами дворянства... Съ царствованія (*кажется*) императора Петра (В.) снова дворянство вошло только въ употребленіе, какъ названіе сословія... Въ Малой Россіи гораздо прежде составилось сословіе дворянское подъ именемъ шляхетства. Конституціями королей польскихъ дарованы или подтверждены оному права, одинаковыя съ шляхетствомъ польскимъ..." Въ такомъ видѣ началъ было изложеніе своей „записки" М—чъ, но въ печати она значительно сокращена. Повидимому, авторъ нашелъ нужнымъ обойти вопросы спорные и малоразработанные. Но, тѣмъ не менѣе, нужно же было опредѣлить исходную точку его взгляда на дворянство малорусское. Авторъ, повидимому, не сомнѣвался въ тѣсной связи того дворянства, о которомъ говорили польскіе короли въ „конституціяхъ", съ тѣмъ, которое явилось послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г. Во всякомъ случаѣ, записка о малорусскомъ дворянствѣ М—ча для насъ очень любопытна, какъ историческое изслѣдованіе автора, повидимому, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ. Поэтому мы укажемъ главные исходные пункты записки по ея печатному тексту.

„Записка" начинается такъ: „Въ то время, какъ южная часть древней Руси, получившая впослѣдствіи названіе Малороссіи, присоединена была къ Литвѣ, оставались въ семъ краю люди именитые, потомки прежнихъ удѣльныхъ владѣтелей, князья и бояре. Безъ сомнѣнія, есть и теперь дворянскіе роды, принадлежавшіе къ высшему классу людей въ русскихъ княжествахъ; но зависимое положеніе края, разореніе отъ татаръ, войны, притѣсненія чужеземныхъ властителей, гоненія за вѣру—были виною многимъ превратностей въ судьбѣ частныхъ людей и причиною недостатка письменныхъ документовъ, которые бы свидѣтельствовали о состояніи предковъ еще въ періодѣ, предшествовавшемъ владѣльчеству Литвы и Польши. Почти всѣ дворянскіе роды черниговской губерніи ведутъ свое начало или со времени присоединенія Малороссіи къ Польшѣ или со времени

возвращенія первой къ Россіи, а это еще не доказываетъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не были древнѣе. Самыя прозванія, по которымъ слѣдуетъ, кажется, заключать о ихъ польскомъ происхожденіи, могли замѣнить прозванія болѣе древнія: извѣстно, какъ произвольно они перемѣнялись вездѣ и какъ различны бывали иногда даже у дѣтей родныхъ братьевъ. Въ Малороссіи же такому измѣненію способствовало и продолжительное чужеземное господство. Доказательствомъ, что нѣкоторые дворянскіе роды, нынѣ существующіе, ведутъ свое начало отъ временъ, предшествовавшихъ завоеванію (Польшею?), служатъ находящіеся въ дѣлахъ (хотя и немногихъ) подтвердительные на имѣнія польскіе акты, въ которыхъ говорится, что при отдачѣ или размежеваніи тѣхъ имѣній, владѣльцы представляли польскимъ коммисарамъ грамоты отъ великихъ князей русскихъ, предкамъ на ихъ дóбра наданныя [1]). При разборѣ правъ на дворянство были представляемы и другія свидѣтельства о древности происхожденія; но *строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными*". Въ послѣднихъ словахъ мы видимъ, что М—чъ не вѣрилъ тѣмъ документамъ, по которымъ нѣжинскіе мѣщане Тарасевичи происходили будто бы отъ Тараса Трясила, а сосницкіе козаки Троцкіе выводили своихъ предковъ изъ троцкаго воеводства... [2]).

Затѣмъ М—чъ говоритъ, что во время принадлежности Малороссіи къ Польшѣ, высшее сословіе первой именовалось „шляхтою", причемъ права послѣдней назывались „вольностями шляхетскими". Представивъ послѣ этого, на основаніи статута, юридическій очеркъ правъ и обязанностей шляхты, М—чъ, желая слить исторію послѣдней съ дворянствомъ, явившимся въ к. XVIII в., разсказываетъ вкратцѣ исторію приднѣпровскаго козачества. „Когда въ полов. XV в. основалась крымская орда, въ Малороссіи возникло военное сословіе козаковъ запорожскихъ. Долго это сословіе не имѣло ничего опредѣлительнаго и состояло изъ небольшого числа всякаго званія, шляхетскаго и

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, только въ „дѣлѣ" о дворянствѣ Бороздны есть упоминаніе о такихъ грамотахъ, но и то—голословное.

[2]) См. Опис. Ст. Малор., II, 43 и 290.

духовнаго происхожденія, городскихъ и сельскихъ жителей, туземцевъ и чужеземцевъ. Короли польскіе, находя ихъ полезными *пограничными стражами*, дали имъ земли для заселенія и выше днѣпровскихъ пороговъ,—города Каневъ и Трахтемировъ. Тамъ только первоначально и жили они; но впослѣдствіи времени, особенно къ концу XV вѣка, размножилось число ихъ. Во многихъ мѣстахъ воеводства кіевскаго записывались въ козачьи реестры или списки—люди свободные *всѣхъ состояній* и составляли уже не одну запорожскую стражу, а находились при войскахъ польскихъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, подъ названіемъ реестровыхъ. Польское правительство не дозволяло имъ селится повсюду; опредѣлены были для жительства ихъ нѣкоторые города и селенія... Но когда возгорѣлась война за независимость Малороссіи и вся она обратилась въ военную республику, тогда жители всѣхъ городовъ и селеній, безъ различія, начали вписываться въ козачьи списки, оставляя за собою свои имѣнія. *Само собою разумѣется, что для сверженія чужеземнаго ига, высшее сословіе преимущественно приняло* (подняло?) *оружіе.* Не только шляхта грекороссійской, но и римско-католической вѣры участвовала въ войнѣ. Хмельницкій, призывая всѣхъ шляхетныхъ и посполитыхъ людей къ оружію, обратился въ особенности съ воззваніемъ къ шляхетно-урожонымъ козакамъ. *Вѣроятно*, шляхта занимала преимущественно и высшія должности въ войскѣ; однако же и простой реестровый козакъ могъ быть не только полковымъ, но и генеральнымъ старшиною, а, слѣдовательно, и правителемъ края [1]). Въ воинской республикѣ, какою сдѣлалась Малороссія, естественно, что военное званіе взяло верхъ надъ другими и что при производствѣ въ старшины не столько смотрѣли на происхожденіе, сколько на

---

[1]) Первоначально, какъ видно изъ рукописи, М—чъ нѣсколько иначе объяснялъ происхожденіе малорусскаго дворянства: „Права какъ шляхетства, такъ и козаковъ не были рѣзко обозначены и трудно положить между ими различіе. Козаки составились изъ разныхъ состояній, въ томъ числѣ и изъ дворянскаго, и потому безъ сомнѣнія пользовались они и правомъ сего званія. Впрочемъ тогда никто не думалъ ни о важности сихъ правъ и никто не полагалъ препятствія въ пользованіи оными. Воинское званіе взяло по положенію края преимущество предъ прочими...“

заслуги и способности къ военной службѣ. Такимъ образомъ, во время войны и въ продолженіе войскового правленія, многіе изъ реестровыхъ козаковъ, *получивъ званіе старшинъ, сдѣлались владѣльцами имѣній населенныхъ, а потомки ихъ вошли въ дворянское сословіе...* Хотя войсковые старшины пользовались тѣми же и еще большими правами, нежели шляхта (ибо одно военное сословіе избирало войску главнаго начальника, который впослѣдствіи былъ и правителемъ края), однако и при польскихъ короляхъ и еще долго по присоединеніи Малороссіи къ Россіи—шляхетское дворянское достоинство считалось для старшинъ особенною честью... Императоры и императрицы всероссійскіе жаловали малороссіянамъ русское дворянство до временъ Екатерины II; но какъ весь край носилъ названіе *войска козацкаго народа* (курсивъ въ подлинникѣ) и правленіе въ немъ было войсковое, а земскіе суды, избраніе коихъ законъ предоставлялъ шляхетству, не существовали дѣйствительно, то названіе шляхты или дворянства вышло изъ употребленія.... Первыя собранія *шляхетства* были по случаю избранія предводителя и депутата, вслѣдствіе проекта для составленія новаго уложенія. Со временъ жъ учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, шляхетство малороссійское сравнялось, въ правахъ и въ порядкѣ дѣлъ своихъ, съ велико-россійскимъ и составило дворянское сословіе на общихъ государственныхъ установленіяхъ."

Изложивъ исторію образованія дворянскаго сословія въ Малороссіи, М—чъ, по составленному имъ плану, долженъ, былъ сказать о пріобрѣтеніи этимъ сословіемъ правъ на владѣніе имѣніями, а слѣдовательно долженъ былъ коснутся и исторіи крестьянства. По этому поводу М—чъ говоритъ: „Имѣнія, которыя теперь находятся во владѣніи дворянъ, частію пожалованны предкамъ ихъ великими князьями русскими, королями польскими, императорами всероссійскими и гетманами малороссійскими, частію населены ими самими на земляхъ свободныхъ или купленныхъ у людей другихъ сословій, преимущественно же у козаковъ... Независимо отъ воздѣлыванія земли и прочихъ хозяйственныхъ работъ на владѣльцевъ, посполитые платили такъ называемую осенщину, или деньгами или хлѣбомъ съ сохи.

Встрѣчались и другіе сборы, напр.. чиншъ или оброкъ, очковое, пчеловое и проч... Посполитые (т. е. свободные крестьяне (жившіе?) на владѣльческихъ земляхъ) имѣли право вольнаго перехода изъ одного владѣльческаго помѣстья въ другое. Но указомъ 1738 г. велѣно было имъ съ мѣста на мѣсто не переходить, пока войсковая канцелярія перепишетъ не только дворы, но и хаты, а въ хатахъ семьи [1]). По окончаніи переписи, это обстоятельство подало поводъ владѣльцамъ противиться обычному переходу посполитыхъ, считать перешедшихъ бѣглыми и возвращать ихъ себѣ, не смотря на указъ 18 августа 1742 г., гдѣ сказано, „чтобы имъ свободный переходъ съ мѣста на мѣсто имѣть". Впрочемъ, говоря вообще, до указа 1783 г. мая 3 дня, которымъ велѣно свободнымъ крестьянамъ оставаться тамъ, гдѣ внесли ихъ въ ревизію 1782 г., они жили у владѣльцевъ по уговору или по условію, произвольно оставляя одного для другого и только задолжавшихъ позволялось не отпускать до уплаты долга. Достаточные и усердные, напротивъ того, даже покупали грунты, т. е. земли, доселѣ остававшіеся собственностью ихъ въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ... Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Малороссіи скрывалось множество бѣглыхъ людей, хотя великороссійскихъ крестьянъ запрещено было принимать въ малороссійскихъ имѣніяхъ, а великорусскимъ помѣщикамъ—крѣпить малороссіянъ. Всѣ государи издавали объ этомъ строгіе указы, но самое повтореніе указовъ свидѣтельствуетъ уже о частомъ нарушеніи ихъ. И дѣйствительно, владѣльцы имѣли крѣпостныхъ людей, особливо дворовыхъ, пріобрѣтенныхъ ими отъ великороссійскихъ помѣщиковъ, а также взятыхъ въ плѣнъ или купленныхъ (обыкновенно малолѣтками) татаръ и калмыковъ, которые обращались господами своими въ христіанскую вѣру [2])"...

---

[1]) Въ дневникѣ Як. М—ча записано (29 іюня 1738 г.)—„Новымъ образомъ, по указу войск. канцеляріи, велѣно переписывать дворы, а въ хатахъ семьи и чтобъ обыватели съ мѣста на мѣсто не переходили, а наипаче за рубежъ не бѣжали".

[2]) Всѣ эти свѣдѣнія имѣются въ дневникѣ Якова М—ча.

Такимъ образомъ изъ приведенныхъ выписокъ мы видимъ, что М—чъ прежде всего желалъ установить происхожденіе явившагося послѣ 1782 г. въ Малороссіи дворянства отъ той „шляхты", о которой говоритъ лит. статутъ. Но относясь съ свойственною ему добросовѣстностью къ работѣ, М—чъ тутъ же долженъ былъ признать два факта: 1) что при разборѣ правъ на дворянство были представляемы такія „свидѣтельства о древности происхожденія," которыхъ „строгая историческая критика не могла признать основательными" и 2) что потомки тѣхъ „реестровыхъ козаковъ", которые получили во владѣніе населенныя имѣнія, „вошли въ дворянское сословіе". Такимъ образомъ не смотря на то, что „записка" М—ча явилась около 60-ти лѣтъ назадъ, главные ея выводы относительно исторіи малорусскаго дворянства очень близки къ тѣмъ историческимъ знаніямъ по сему вопросу, которыми мы обладаемъ и въ настоящее время. Несомнѣнно, что изъ среды той православиой шляхты, которую застало возстаніе Хмѣльницкаго на лѣвомъ берегу Днѣпра, нѣкоторые „приняли оружіе для сверженія польскаго ига", но это были лишь отдѣльныя личности (Борозды, Рубцы, Бакуринскіе...), а не все „сословіе", о численности котораго—на лѣвомъ берегу Днѣпра—у насъ имѣется и теперь весьма неопредѣленное представленіе... Но за то происхожденіе (хотя части) малорусскаго дворянства отъ козацкой старшины М—чемъ высказано было впервые, при чемъ это положеніе неохотно принимается нѣкоторыми и въ позднѣйшее время...

Относительно „владѣльческихъ" крестьянъ М—чъ въ своихъ краткихъ замѣткахъ сообщаетъ свѣдѣнія правильныя, основанныя главнымъ образомъ на внимательномъ чтеніи дѣдовскаго дневника. Если мы сравнимъ историческія свѣдѣнія М—ча о дворянствѣ и крестьянствѣ съ тѣми, напр., которыя появились у Б.—Каменскаго во 2-мъ изданіи (1830 г.) его Исторіи Малой Россіи, то должны признать, что въ послѣдней имѣются по этому предмету лишь взятыя изъ лит. статута свѣдѣнія безъ всякой ихъ связи съ тѣми сословными группами, которыя явились въ лѣвобережной Малороссіи при гетманахъ. Вторую часть „за-

писки" М—ча составляютъ свѣдѣнія о „разборѣ дворянства", т. е. краткая исторія составленія дворянскихъ списковъ въ Малороссіи. Вся эта часть „записки" основана на тщательномъ изученіи рукописнаго матеріала, хранящагося въ черниговскомъ дворянскомъ архивѣ, и представляетъ собою и до настоящаго времени единственную работу по этому предмету, не обходимую при изученіи образованія въ Малороссіи дворянскаго сословія. Собранныя М—чемъ статистическія свѣдѣнія того времени о дворянскомъ сословіи, не смотря на ихъ краткость, сохраняютъ научную цѣну и теперь, будучи результатомъ ближайшаго знакомства со стороны М—ча съ экономическою жизнью своей родины.

Засимъ, мы, кажется, не преувеличимъ значенія „записки" М—ча въ малорусской исторіографіи, если скажемъ, что она представляетъ собою *изслѣдованіе*, не потерявшее научнаго значенія и теперь [1]).

Предводительская служба дала возможность М—чу также близко познакомиться съ однимъ изъ архаическихъ судебныхъ учрежденій—*маршалковско-комисарскимъ судомъ*, который по лит. статуту составлялъ апелляціонную инстанцію для подкоморскаго или межеваго суда. Маршалковско-коммисарскій судъ, по своему устройству, давалъ возможность тянуть межевые споры десятки лѣтъ... Изложивъ исторію происхожденія этихъ судовъ и крайнее неудобство ихъ процедуры, М—чъ, по должности губ. предводителя дворянства, представилъ, въ январѣ 1835 г., министру вн. дѣлъ объ уничтоженіи означеннаго учрежденія. Повидимому, представленіе это было уважено, такъ какъ затѣмъ рѣшенія марш.-комисарскихъ судовъ болѣе не встрѣчаются [2]).

---

[1]) „Записка" М—ча напечатана въ 1839 г., въ перв. т. „Матеріаловъ для статистики Россійск. импер.", а затѣмъ перепечатана въ 1894 г., въ Черниговѣ, гр. Г. А. Милорадовичемъ, при чемъ въ предисловіи ошибочно сказано, что „записка" въ первый разъ была напечатана въ 1852 г.

[2]) Представленіе М—ча напечат. въ одномъ изъ примѣч. къ Словарю малорусск. старины, Ломиковскаго, Кіевск. Стар. 1894 г., іюль.

III. Оставленіе должности губернскаго предводителя.—Литературныя работы Марковича по исторіи Малороссіи: историческіе очерки г. Глухова и Гамалѣевскаго монастыря.—Изданіе „Дневныхъ Записокъ" Якова Марковича.—Проектъ Марковича объ увольненіи своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.—Участіе его въ губернскомъ комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.—Избраніе уѣзднымъ земскимъ гласнымъ.—Завѣщаніе и смерть. Перечень литературныхъ работъ Марковича по общимъ вопросамъ.

Почти одновременно съ окончаніемъ своей „Записки", М—чъ пересталъ быть губернскимъ предводителемъ. Оставленіе имъ этой должности произошло при обстоятельствахъ исключительныхъ. Осенью 1838 г. оканчивалось второе трехлѣтіе службы М—ча въ должности губернскаго предводителя; но еще въ началѣ іюня этого года онъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Какія причины вызывали эту просьбу, мы незнаемъ, и вообще по этому обстоятельству намъ извѣстно немного. Малороссійскимъ губернаторомъ въ 1838 г. былъ гр. А. С. Строгоновъ. Какъ видно, онъ настолько цѣнилъ служебную дѣятельность М—ча, что проѣзжая въ это время (т. е. послѣ подачи прошенія объ отставкѣ) чрезъ Глуховъ, нарочно видѣлся съ М—чемъ, съ цѣлію отклонить его отъ отставки, при чемъ и получилъ было обѣщаніе—продолжать предводительскую службу. Но спустя нѣкоторое время М—чъ писалъ Строгонову уже другое: „чувствуя въ полной мѣрѣ вниманіе в. с—ва, съ которымъ вы изволили войти въ объясненіе со мною по сему предмету, (т. е. объ отставкѣ), при чемъ я сдѣлалъ извѣстными вамъ причины, заставляющія меня увольниться, мнѣ весьма прискорбно, что я не могу дослужить срока, на который избранъ дворянствомъ, и весьма бы пріятно было продолжать службу подъ начальствомъ вашимъ, и самыя непреоборимыя препятствія могли только меня заставить просить увольненія за четыре мѣсяца до срока. Главнѣйшая есть худое состояніе моего здоровья. Смѣю надѣятся, что в. с—во не усумнитесь въ справедливости словъ моихъ и окажете уваженіе къ моей просьбѣ". Послѣ этого письма прошеніе М—ча объ отставкѣ было отослано въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ отставка была разрѣшена, начались, въ к. сентября, губернскіе выборы, на которые однакожъ М—чъ не поѣхалъ, пославъ заявленіе, что отъ дальнѣйшей службы онъ отказывается.—

Тѣмъ не менѣе, 8-го октября, прибылъ въ Сварковъ изъ Чернигова „нарочный чиновникъ“ и привезъ постановленное 7 октября опредѣленіе дворянскаго губ. собранія о томъ, что „дворянство черниговской губерніи вмѣнитъ себѣ въ особенную честь, если А—ръ М—ловичъ дозволитъ балотировать себя на настоящихъ выборахъ и тѣмъ откроетъ случай доказать ему ту неизлагаемую, неизмѣнную признательность свою, которою дворянство черниговской губерніи не престанетъ быть одушевляемо“. Въ отвѣтѣ своемъ, посланномъ въ Черниговъ 14 октября по эстафетѣ, М—чъ благодарилъ дворянство „за новый знакъ его благорасположенія“, при чемъ добавлялъ: „кратковременная отлучка замедлила отвѣтъ мой до сего времени; полагаю, что выборы кончились, въ противномъ случаѣ, исполненный чувствами глубочайшей признательности, готовый забыть на себя (*sic*), я предоставилъ бы почтенѣйшему дворянству располагать мною по его благоразсмотрѣнію“. Но дворянское собраніе въ ожиданіи отвѣта, повидимому, не закрылось, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ М—чъ былъ выбранъ губернскимъ предводителемъ на третье трехлѣтіе. Согласно закону, выборъ этотъ былъ представленъ въ Петербургъ на утвержденіе. Между тѣмъ просьба М—ча объ отставкѣ, поданная лѣтомъ, была разрѣшена только 20 сентября, о чемъ гр. Строгоновъ увѣдомилъ черниговскаго губернатора въ полов. октября. Это извѣщеніе не остановило однакожъ представленія о выборѣ М—ча губ. предводителемъ на третье трехлѣтіе. Представленіе было отослано министру вн. дѣлъ, но государь не утвердилъ этого выбора. Причины неутвержденія изъ бумагъ М—ча не объясняются; въ послѣднихъ сохранилось лишь письмо, которое М—чъ писалъ, въ октябрѣ 1839 г., гр. Строгонову, тогдашнему министру вн. дѣлъ, принося благодарность за пожалованіе полученнаго въ это время чина. Въ письмѣ этомъ читаемъ: „Ваше с—во! Мнѣ объявлено, что государю императору благоугодно было всемилостивѣйше пожаловать меня въ надворные совѣтники. Какъ я удостоенъ сей высочайшей милости по представленію в. с—ва, то позвольте мнѣ принести вамъ глубочайшую мою за то признательность. Въ этомъ случаѣ я обязанъ двойною благодарностью в. с—ву. Если я приз-

нанъ былъ государемъ императоромъ недостойнымъ занять должность, въ которую избрало меня дворянство, то по крайней мѣрѣ имѣю счастіе видѣть, что не вовсе лишенъ я милости его величества. Но кто понесъ на себѣ всенародное изъявленіе негодованія своего государя, тотъ не долженъ быть ничѣмъ утѣшенъ, пока не будетъ удостовѣренъ, что оправданъ въ глазахъ его величества. Я былъ удостоенъ три раза утвержденія государя императора въ должностяхъ по выбору дворянства, я считалъ это самою лестною наградою на службѣ и послѣ этого—быть признаннымъ недостойнымъ!... Ни то, что я по крайнимъ обстоятельствамъ увольнился прежде наступленія новаго трехлѣтія, ни то что, по лестному для меня убѣжденію дворянства, снова забылъ на свои затрудненія, не могло кажется навлечь на меня гнѣва моего государя. Во всякомъ случаѣ, безропотно покоряюсь волѣ его величества. Вѣрно, если не этимъ, такъ другимъ я заслужилъ гнѣвъ его величества. Государь не можетъ напрасно оскорбить своего подданнаго. Да позволено будетъ только мнѣ сказать, что никогда гнѣвъ государя не падалъ на подданнаго болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго. Имѣя примѣръ въ предкѣ моемъ, оказавшемъ въ смутныя времена Малороссіи вѣрность и непоколебимую преданность достославному прародителю его величества [1]), я при всякомъ моемъ дѣйствіи не имѣю другой цѣли, ни другого желанія, кромѣ того, чтобы нелицемѣрно выполнить мою присягу его величеству не устами только, но и сердцемъ [2]). Какъ прежде, такъ и теперь жизнь мою и все мое счастье не оставилъ бы я принести въ жертву для пользы его величества".

Намъ неизвѣстны причины, по которымъ М—чъ не былъ утвержденъ въ предводительской должности и теперь, по давности событія, едва ли и можно разсчитывать на ихъ объясненіе,

[1]) М—чъ разумѣетъ своего прадѣда Андрея Марковича, который, услыхавъ объ измѣнѣ Мазепы, поспѣшилъ къ Меншикову, подъ Батуринъ, заявить свою „вѣрность", за что поставленъ былъ Глуховскимъ сотникомъ. Опис. Ст. Малор., II, 421.

[2]) За симъ слѣдуетъ зачеркнутая фраза: „тѣ, которые приписали дѣйствіямъ моимъ несвойственныя мнѣ побужденія, конечно не знаютъ, что для меня не только легкой, но и вождѣленной обязанностью было бы"...

если только этотъ случай не описанъ въ какихъ нибудь, еще невѣдомыхъ намъ, того времени мемуарахъ...

Послѣ предводительской службы М—чъ продолжалъ заниматься учено-литературными работами, но дальнѣйшее изученіе малорусской старины было отодвинуто въ сторону; подъ старость М—ча стали болѣе интересовать вопросы публицистическаго характера и преимущественно тѣсно связанные съ бытомъ народа.

Изъ работъ М—ча, сороковыхъ годовъ, относившихся къ малорусской старинѣ, могутъ быть названы двѣ: историческій очеркъ г. Глухова и—„исторія Гамалѣевскаго монастыря". Въ очеркѣ Глухова сохранено много любопытныхъ историческихъ свѣдѣній, о которыхъ М—чъ разсказываетъ, какъ очевидецъ, напр., о зданіи Румянцовской коллегіи, объ уничтоженіи глуховскихъ архивовъ, заключавшихъ въ себѣ оффиціальную исторію Малороссіи XVIII в. [1]).—Другой очеркъ—Гамалѣевскаго монастыря—написанъ М—чемъ, главнымъ образомъ, по бумагамъ семейнаго архива, такъ какъ основательницею м—ря была гетманша Скоропадская,—родная сестра прадѣда автора Андрея Марковича. Исторія Гамалѣевскаго м—ря напечатана архіеп. Филаретомъ Гумилевскимъ въ его „Описаніи Черниговской епархіи" (IV, 19—54), но безъ указанія на авторство М—ча.

Послѣднимъ трудомъ М—ча по исторіи Малороссіи было изданіе имъ „*Дневныхъ Записокъ генер. подск. Якова Марковича*" (Москва 1859. 8 д., 2 части, въ 1-й: XIV+520 и во 2-й: 414 стр.) Въ настоящее время мы знаемъ, что дневникъ своего дѣда М—чъ издалъ съ значительными сокращеніями и съ поновленнымъ языкомъ [2]), но это обстоятельство не особенно важно при оцѣнкѣ того значенія, которое имѣло изданіе этого памятника. Значеніе это было очень велико. Можно сказать, что изданіемъ „Дневныхъ Записокъ" М—чъ снялъ завѣсу съ бытовой исторіи Малороссіи XVIII в. и поставилъ насъ лицомъ къ лицу съ об-

---

[1]) Отрывки изъ очерка Глухова напечатаны нами въ Опис. Стар. Малор. II, 431 и слѣд.

[2]) См. предисловіе къ первой части Дневника Якова Марковича въ изд. „Кіевск. Старины".

щественною и частною жизнью нашихъ предковъ того времени. Въ „Дневныхъ Запискахъ“ мы впервые увидѣли оживотворенными, и гетмановъ (Апостола и Разумовскаго)—и окружавшую ихъ старшину, увидѣли ихъ въ частной, закулисной жизни, о которой до тѣхъ поръ имѣли лишь смутныя свѣдѣнія[1]). Заслуга М—ча въ изданіи дѣдовскаго дневника на столько велика, что если бы онъ литературную свою дѣятельность ограничилъ только напечатаніемъ этого памятника, то уже и за это имя его не было бы забыто въ малорусской исторіографіи.

Въ настоящее время, хотя и начато полное изданіе Дневника Як. Марковича, но, въ виду обширности этого памятника, изданіе это если и будетъ приведено къ концу, то, конечно, очень нескоро, и мы еще долго будемъ пользоваться изданіемъ 1859 г. и помнить заслугу его издателя.

Остальныя литературныя работы М—ча не касались уже исторіи Малороссіи. Ниже (въ „Приложеніяхъ“) мы перечисляемъ всѣ остальныя статьи М—ча, съ коротенькимъ показаніемъ ихъ содержанія. Тутъ мы видимъ нѣсколько статей философскаго содержанія, но большинство ихъ касается быта народа, среди котораго М—чъ жилъ. Заботясь о нуждахъ этого народа и всячески стараясь прійти къ нему на помощь, М—чъ постоянно указывалъ на необходимость развитія въ народѣ грамотности, при чемъ прибавлялъ, впрочемъ, что „обученіе грамотѣ лишь тогда принесетъ народу надлежащую пользу, когда рядомъ съ обученіемъ будетъ идти и *воспитаніе*“. Но говоря о воспитаніи народа, М—чъ тутъ же встрѣчался съ фактомъ, что „воровство между крѣпостными крестьянами распространено болѣе, чѣмъ между свободными“ (т. е. козаками и казенными крестьянами) и тутъ же пояснялъ, что указанный фактъ есть слѣдствіе „самого установленія (т. е. крѣпостнаго состоянія), основаннаго на неправдѣ“... Слѣдуетъ думать, что мысль о *неправдѣ* крѣпостнаго

[1]) Годомъ раньше изданія „Дневн. Запис.“, былъ изданъ Бодянскимъ *Діаріушъ* Н. Ханенка, заключающій въ себѣ тоже цѣнныя свѣдѣнія по бытовой исторіи XVIII в., но этотъ памятникъ ограничивался лишь однимъ годомъ. Полностью *Дневникъ* Н. Ханенка былъ изданъ только черезъ 25-ть лѣтъ послѣ „Дневныхъ Записокъ“ Як Марковича.

права родила у М—ча намѣреніе уничтожить эту неправду по отношенію къ своимъ крестьянамъ. По этому предмету въ бумагахъ М—ча сохранилась копія слѣдующаго „конфиденціальнаго“ отзыва министра вн. дѣлъ гр. Перовскаго къ черниговскому губ. предводителю дворянства, писаннаго 8 мая 1852 г.— „Помѣщикъ черниговской и полтавской губерній надв. сов. Марковичъ представилъ мнѣ проектъ положенія объ увольненіи крестьянъ его изъ крѣпостнаго состоянія, на особыхъ правилахъ, прося исходатайствовать у его императорскаго величества утвержденіе сему проекту.—По сему проекту помѣщикъ Марковичъ предполагаетъ уволить своихъ крестьянъ, въ числѣ 979 рев. душъ, не въ государственные крестьяне, водворенные на собственныхъ земляхъ и не въ обязанные, а въ особое сословіе—вольныхъ поселянъ, живущихъ на земляхъ владѣльческихъ, не испрашивая согласія кредитныхъ мѣстъ, въ коихъ заложено имѣніе въ суммѣ 49250 р. Земля, принадлежащая къ увольняемому имѣнію, остается во владѣніи помѣщика въ количествѣ 4856 дес.; крестьяне же, оставаясь на жительствѣ въ увольняемомъ имѣніи, пользуются данною имъ отъ помѣщика землею за условленныя повинности и работы. Они могутъ пріобрѣтать земли отъ помѣщика и отъ другихъ лицъ, но въ первомъ случаѣ имѣютъ право продать оную только помѣщику и его наслѣдникамъ, а въ послѣднемъ—должны брать отъ помѣщика въ пользованіе землю за особыя повинности. Нежелающій подвергнуться сему условію или не нуждающійся въ землѣ обязанъ искать себѣ другое званіе или другихъ способовъ существованія. Порядокъ исполненія рекрутской повинности остается прежній, съ тѣмъ, что владѣлецъ имѣетъ право освобождать одного въ каждый наборъ по каждому участку... Усматривая, что представленный г. Марковичемъ проектъ содержитъ въ себѣ существенныя отступленія отъ главныхъ началъ увольненія крестьянъ изъ крѣпостного владѣнія (ст. 760—795 и 903—913 св. зак. т. IX) я покорнѣйше прошу, в. пр—во, объявить г. Марковичу, что засимъ я не считаю себя въ правѣ представить проектъ его на высочайшее усмотрѣніе“. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ М—ча

не сохранилось самого проэкта, изъ котораго можно было бы увидѣть его частности.

На сколько М—чъ интересовался осуществленіемъ своего проэкта, это видно изъ слѣдующаго письма, тогда же писаннаго къ нему Д. В. Кочубеемъ (въ то время членомъ государств. совѣта).—„Продолжительное молчаніе мое на письмо ваше могло уже быть принятымъ вами за худое предзнаменованіе и внушить вамъ сомнѣніе на счетъ ожидаемаго рѣшенія дѣла для васъ интереснаго, ибо оно касается устройства будущей судьбы вашихъ крестьянъ. Къ сожалѣнію, ваши предчувствія сбылись, если вы ожидали неудачи.—Въ самомъ началѣ, по полученіи вашего прошенія, я замѣтилъ, что дѣло это встрѣтитъ препятствія и возраженія; не менѣе того, не терялъ надежды, что эти затрудненія будутъ устранены нѣкоторыми измѣненіями въ проектѣ, вами составленномъ, а главныя условія будутъ утверждены, но впослѣдствіи, и то весьма недавно, я убѣдился, что подобнаго рода предположенія, при теперешнемъ духѣ и мысляхъ, не находятъ здѣсь сочувствія, что имъ не довѣряютъ и какъ будто страшатся отъ нихъ вредныхъ послѣдствій. *Нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи эти опасенія не безъосновательны.* Поэтому-то, какъ кажется, привято теперь за правило строго держаться изданнымъ на этотъ случай узаконеніямъ и какъ скоро представленный проектъ не вполнѣ съ оными согласуется, то, не входя въ разборъ онаго, просто отказываютъ. Въ прошломъ году послѣдовало два подобныхъ отказа, а теперь и ваше предположеніе подверглось той же участи и по тѣмъ же причинамъ... Изъ сего легко вы можете заключить, что участіе мое въ ономъ не могло измѣнить общаго направленія, принятаго для дѣлъ сего рода, и что въ настоящее время невозможно было достигнуть желаемой вами цѣли. Я понимаю, что вы не равнодушно примите это извѣстіе, узнавъ, что благія намѣренія ваши не могутъ осуществиться... Впрочемъ, объ этомъ, какъ о многомъ другомъ, мы переговоримъ подробнѣе по прибытіи моемъ на родину".

Письмо Кочубея указываетъ также, что тѣ „опасенія", которыя возбуждали подобные проэкты у правительства, находили

себѣ мѣсто и у „высокопоставленныхъ“ сосѣдей М—ча, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ при просьбѣ объ осуществленіи своего проекта... Обращаясь къ этому проэкту, изъ оффиціальнаго извѣщенія министра мы видимъ, что М—чъ предоставлялъ крестьянамъ только личную свободу, сохраняя за ними однакожъ право на пользованіе землею „за условленныя *повинности и работы*“. Конечно, въ условіяхъ пользованія землею заключалась вся сущность вопроса... Мы не знаемъ, какія мѣры были проэктированы при этомъ на случай неисполненія крестьянами условій, но конечно мѣры такія были указаны, при чемъ примѣненіе ихъ на практикѣ могло приводить къ результатамъ противоположнымъ намѣренію М—ча... Впрочемъ, эти соображенія не уничтожаютъ того факта, что М—чъ готовъ былъ принести значительную матеріальную жертву для уничтоженія у себя „неправды“ крѣпостнаго состоянія...

Черезъ шесть лѣтъ послѣ не осуществившейся мысли М—ча—дать своимъ крѣпостнымъ личную свободу, въ Черниговѣ былъ открытъ „губернскій комитетъ объ улучшеніи и объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ“, въ который вошло по два члена отъ каждаго уѣзда; однимъ изъ членовъ отъ глуховскаго уѣзда былъ выбранъ и М—чъ. Черниговскій комитетъ, наравнѣ съ другими, выработалъ свой „проектъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“, при чемъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій при разсмотрѣніи этого губернскаго проэкта, должны были отправиться въ Петербургъ два члена комитета, по выбору послѣдняго. Въ Черниговѣ этими членами были выбраны М—чъ и В. О. Подвысоцкій. При этомъ слѣдуетъ добавить, что при образованіи губернскихъ комитетовъ,—въ каждый изъ нихъ назначены были правительствомъ особо по два члена—для защиты интересовъ крестьянъ, при чемъ въ черниговскій комитетъ такими членами были назначены Г. П. Галаганъ и В. В. Тарновскій († 1866 г.). Засимъ, при составленіи губернскихъ проэктовъ предоставлено было комитетамъ таковые составить не только *большинству*, но и *меньшинству* комитета, если послѣднее того пожелаетъ. Въ черниговскомъ комитетѣ меньшинство особаго проекта не составляло, ограничившись лишь указаніемъ своихъ

возраженій противъ тѣхъ или другихъ параграфовъ общаго проэкта. Эти возраженія *меньшинства* подписалъ и М—чъ. Затѣмъ, когда въ Петербургѣ рѣшено было пригласить въ редакціонныя коммиссіи по два члена отъ губернскихъ комитетовъ („для представленія нужныхъ объясненій"), то одинъ изъ нихъ долженъ былъ представлять большинство, а другой—меньшинство. При вызовѣ этихъ членовъ въ Петербургъ, М—чъ получилъ отъ губернатора такое приглашеніе: „имѣя въ виду, что в. в—діе избраны въ комитетѣ членомъ для поѣздки въ Петербургъ и что хотя меньшинствомъ черниговскаго комитета не было составлено особаго проэкта положенія, но *вы изволили подписать возраженія, сдѣланныя меньшинствомъ* на нѣкоторыя главы общаго положенія, я имѣю честь увѣдомить васъ, м. г., о распоряженіи г. министра (о пріѣздѣ членовъ въ Петербургъ къ 15 августа 1859 года) и покорнѣйше прошу отправиться къ назначенному сроку въ Петербургъ, для представленія правительству нужныхъ свѣдѣній и объясненій *отъ меньшинства* черниговскаго дворянскаго комитета".

Такимъ образомъ, при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса М—чъ фактически выдѣлился изъ „консерваторовъ..."

По мягкости своего характера, М—чъ не могъ быть въ крестьянскомъ вопросѣ тѣмъ энергическимъ противникомъ „большинства", какими являлись, напр., Галаганъ и Тарновскій, но тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству близкихъ къ М—чу людей, онъ *искренно радовался* освобожденію крестьянъ, а съ бывшими своими крѣпостными разошелся такъ, что добрыя съ ними отношенія у М—ча продолжались и послѣ 1861 года, чему примѣры, какъ лично намъ извѣстно, были очень рѣдки. *Искреннее человѣколюбіе* М—ча чувствовалось всѣми, въ томъ числѣ и бывшими его крѣпостными... Это же человѣколюбіе звучитъ и въ его завѣщаніи, (написанномъ въ 1857 г.), въ которомъ, между прочимъ, М—чъ говоритъ: „Завѣщаю наслѣдникамъ моимъ, извѣстнымъ мнѣ своими благородными качествами [1]), управлять имѣніемъ моимъ на

---

[1]) А. М. М—чъ не былъ женатъ и наслѣдниками его явились родные его племянники.

тѣхъ человѣколюбивыхъ правилахъ, которыми я старался руководствоваться, и сохранять тѣ установленія, какія при мнѣ существуютъ, какъ то: платить за всѣхъ крестьянъ моихъ, какъ доселѣ, всѣ подати, служителямъ моимъ выдавать не менѣе того содержанія деньгами и протчимъ, какое они получаютъ, награждать ихъ за хорошее поведеніе и похвальныя чувства, продолжать содержать въ Сварковѣ больницу для сифилистической и другихъ острыхъ болѣзней, принимать въ оную всѣхъ приходящихъ больныхъ безплатно, содержать въ Сварковѣ и Перервенцахъ сельскія школы[1]), пѣвчихъ для церковнаго пѣнія, фельдшеровъ, оказывать всякое возможное пособіе бѣднымъ болящимъ, и своимъ и чужимъ, и, между протчимъ, снабжать бандажами страждущихъ грыжами, давать положенныя годовыя платки священникамъ и причту, за молебствія и панахиды[2]). Надѣюсь—наслѣдники мои священною обязанностью и достойнымъ удовольствіемъ почтутъ все вышеписанное продолжать исполнять, особенно же содержать въ селѣ Сварковѣ находящуюся больницу для сифилитической болѣзни. Это простое заведеніе, учрежденное достойнымъ памяти дѣдомъ моимъ Яковомъ Марковичемъ, завѣщалъ онъ своимъ наслѣдникамъ содержать, и съ тѣхъ поръ около ста лѣтъ содержалась она бабкою моею, родителями и наконецъ мною. Оно такъ полезно и такъ немного стоитъ, что грѣшно его пренебречь или уничтожить. Всегда болѣе ста больныхъ страдальцовъ и съ тяжкими язвами, въ продолженіе года въ немъ приняты бываютъ и, какъ изъ больничныхъ списковъ видно, почти всегда исцѣляются, по милости Божіей и помощію

---

[1]) Сельская школа въ Сварковѣ такъ заботливо содержалась при А. М—чѣ, что сюда помѣщали своихъ дѣтей и нѣкоторые мѣстные бѣдные дворяне. Эту школу мы видѣли лѣтомъ 1862 года, т. е. черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ, и въ ней ученіе продолжалось *во всемъ на прежнемъ основаніи*: М—чъ продолжалъ платить жалованье учителю и продолжалъ содержать училищный домикъ въ прежнемъ порядкѣ... Это былъ исключительный примѣръ *продолженія прежнихъ добрыхъ отношеній помѣщика къ бывшимъ своимъ крестьянамъ*..

[2]) Въ 1834 году М—чъ установилъ было опредѣленную плату сварковскому причту за требоисправленіе, заключивъ съ причтомъ особый объ этомъ договоръ, при чемъ на эти договорныя отношенія согласились и сварковскіе козаки. См. „Кіев. Стар.“, 1896 г., апрѣль.

великаго угодника его, святителя Николая Мирликійскаго, нашего сельскаго покровителя[1]). Да низведутъ молитвы и благодаренія сихъ болящихъ на владѣльцевъ села Сваркова и на весь сію (т. е. на Сварковъ) благословеніе и милость Господа за пріютъ и исцѣленіе несчастливцевъ, которые безъ того могли бы заражать другихъ, или же сами были бы отвергаемы своими семействами. Мы должны благодарить Господа, что въ фамиліи нашей былъ достойный мужъ, которому пришла такая достойная мысль еще въ то время, когда филантропическія понятія мало были распространены...“

Умеръ А. М. М—чъ 15 декабря 1865 года, при чемъ мѣсяца за три до смерти онъ былъ избранъ уѣзднымъ гласнымъ только что нарождавшагося тогда земства... Несомнѣнно, что если бы М—чъ жилъ нѣсколько позже, то онъ сталъ бы виднымъ земскимъ дѣятелемъ... Земская дѣятельность наиболѣе подходила къ его заботамъ о благѣ ближняго[2]).

Ал. Лазаревскій.

Приложенія[3]).

1) *Совѣты молодымъ дѣвицамъ.* Статья эта состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій: а) О благодати божіей, б) О обязанностяхъ нашихъ къ Богу и т. д.

2) *Правила къ руководству.* Рядъ мыслей по разнымъ вопросамъ обыденной жизни.—«Беречь деньги, но совсѣмъ не то, чтобы только прятать ихъ въ сундукъ. При издержкѣ смотрѣть нѣтъ ли полезнѣе или нужнѣе предмета, на который я бы могъ или долженъ

---

[1]) Одинъ изъ близкихъ родственниковъ М—ча разсказываетъ, что существовавшую въ Сварковѣ больницу для сифилитиковъ А. М. значительно увеличилъ, устроивъ въ ней 24 кровати, при чемъ при больницѣ имѣлся особый фельдшеръ, а докторъ больницу посѣщалъ изъ Глухова. Въ больницу принимались *всѣ приходившіе* больные, хотя бы и изъ чужихъ губерній, при чемъ содержаніе и одежду они получали отъ М—ча.

[2]) Бумаги, по которымъ составленъ настоящій очеркъ, предоставлены были въ наше пользованіе П. Я. Дорошенкомъ, за что и приносимъ ему сердечную нашу благодарность.

[3]) Указываемыя здѣсь статьи расположены, по возможности хронологически.

былъ употребить деньги. Богатый человѣкъ не долженъ быть излишне бережливъ. Онъ долженъ часть своихъ денегъ издержать для общества, для людей, которые живутъ своею работою. Моты полезнѣе даже скупца».—«Старайся во всякомъ случаѣ побѣждать малодушіе, робость, боязливость. Не бойся несчастій, ни смерти. Не имѣй робости передъ начальникомъ или передъ высшими лицами и въ обществахъ, въ которыхъ не привыкъ быть».—«Стараться всегда возможное добро сдѣлать. Самое великое добро, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы все то дѣлать, что послужить можетъ къ исправленію человѣка».—«Беречь время. Игра въ карты»...

3) *О ложности сужденій и мнѣній.*—«Чрезвычайно много зла существуетъ въ семъ мірѣ, потому только, что мнѣнія наши ложны и превратны; весьма много люди сдѣлали и дѣлаютъ вреда не потому единственно, что они сами имѣютъ ложныя заключенія, но и потому, что эти заключенія равно приняты, если не вообще, то значительнымъ большинствомъ...– Нѣтъ ничего для благосостоянія рода человѣческаго вреднѣе, какъ наше неразборчивое удивленіе дѣламъ людей ума необыкновеннаго. Это, вѣроятно, было одною изъ причинъ, породившихъ столько завоевателей, столько коварныхъ министровъ. Что сужденія наши не сдѣлались правильными, доказываютъ еще происшествія недавнихъ временъ. Что мы читаемъ и слышимъ о Наполеонѣ? Человѣкъ, который долженъ бы... (носить?) на себѣ тягость негодованія и презрѣнія народовъ, есть до сихъ поръ идолъ многихъ... Есть люди, которые будутъ утверждать, что появленіе и дѣйствія Наполеона произвели многія добродѣтельныя послѣдствія. Быть можетъ, несчастіе есть великій урокъ, но гораздо лучше, если бы эти послѣдствія пришли позже и сами собою или не отъ причинъ столь тяжкихъ»...

4) *Нѣкоторыя замѣчанія о положеніи малороссійскихъ козаковъ.*—Замѣчанія касаются экономическаго быта козаковъ, при чемъ М—чъ указываетъ тѣ мѣры, которыя могли бы помочь уменьшенію числа бѣдныхъ дворовъ и освободить ихъ отъ зависимости богатыхъ. Замѣчанія написаны послѣ изданія Устава 17 января 1838 года и заключаютъ въ себѣ указаніе на полезность нѣкоторыхъ въ немъ поправокъ.

5) *Разсказы сельскаго жителя.*—(1838). Рядъ мыслей о томъ, въ чемъ заключается счастье людей и отъ чего оно зависитъ. «Всякаго мыслящаго человѣка поразитъ то, что люди, добиваясь такъ собственнаго благополучія и страшась его потерять, такъ мало чувствительны

къ несчастіямъ другихъ, такъ легкомыслены и недоброжелательны въ поступкахъ, и дѣйствіяхъ, и словахъ, могущихъ имѣть вліяніе на счастіе другого и такъ мало заботятся о счастіи тѣхъ, коихъ участь въ ихъ рукахъ. Одного, столь не труднаго, повидимому, правила достаточно было бы, чтобы родъ человѣческій наслаждался большимъ спокойствіемъ и счастіемъ: не дѣлай и не желай того другому, чего себѣ не желаешь.».

6) *Путешествіе за границу въ 1841 и 1842 г. г.*— Во время своей двухлѣтней поѣздки заграницу М—чъ велъ дневникъ, на основаніи котораго и составилъ полный о ней разсказъ, заглавленный—*Путешествіе въ нѣкоторыя европейскія государства въ 1841 и 1842 г.г.* [1]). Въ предисловіи читаемъ: «Въ послѣдніе годы издано, подъ разными названіями, столько путешествій по Европѣ, что приводя свои дорожныя замѣтки въ порядокъ, невольно подумываю, слѣдуетъ ли ихъ *издавать*? Не только для другихъ, но можетъ быть и для себя, не лучше ль было бы оставить ихъ въ рукописи. При томъ, скоро некому будетъ читать путешествій по Европѣ...» Изъ этого видно, что М—чъ свои записки имѣлъ въ виду напечатать; однакожъ и они остались въ рукописи.

Изъ этого «Путешествія» приводимъ небольшой отрывокъ касающійся правобережной Малороссіи.

«Мы выѣхали изъ Кіева 25 мая 1841 года. Дорога хорошая; почти исправная; обсажена красивыми деревьями и часто тополями. Мнѣ показались губерніи, черезъ которыя мы проѣзжали, по строеніямъ и по виду народа, въ хорошемъ положеніи. Лошади крестьянскія однако худы. Работаютъ землю плугами. Народъ въ кіевской и волынской губерніяхъ говоритъ помалороссійски [2]); въ послѣдней однако больше попольски. Есть по дорогѣ богатыя мѣстечка владѣльцевъ и старинные города, на которые можно взглянуть съ любопытствомъ, особенно на остатки и развалины старинныхъ зданій, замковъ костеловъ, укрѣпленій...

Города Новградъ-Волынскій, Острогъ, Дубно, которые мы проѣзжали, наполнены жидами. Иногда подумаешь, что заѣхалъ въ Палестину. Эти жиды, мужчины, женщины, дѣти, всѣ вѣчно на улицахъ, всѣ въ вѣчномъ движеніи. Никого не увидишъ, кромѣ жидовъ.

---

[1]) На 17 листахъ писчей бумаги мелкаго письма.

[2]) Какъ мало знали тогда правобережную *Малороссію* даже такіе образованные лѣвобережные малороссіяне, какимъ былъ М—чъ...

Я думаю, что имъ не совсѣмъ весело: некого обманывать, одуривать, обирать. Нѣтъ нашихъ мужичковъ. За то, надобно видѣть, какое важное происшествіе составляетъ проѣздъ или проходъ кого либо. Все приходитъ въ движеніе, въ суету—нельзя ли чѣмъ поживиться при этомъ случаѣ? Остановишся только наминуту; жиды и жидовки тотчасъ окружатъ васъ: «не нужно ли бритвъ, мыла, ваксы, мѣнять денегъ. Посмотрите то, посмотрите другое, не угодно ли кушать?—у насъ здѣсь все есть, что угодно; недавно гр. Витгенштейнъ у насъ обѣдалъ; всѣ знатные здѣсь останавливаются, если угодно я провожу...» Въ Бродахъ тоже биткомъ набито жидами и тоже все это на улицахъ. Но нигдѣ не представляются они въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ въ таможнѣ. Они безпрестанно переходятъ изъ Россіи въ Австрію и изъ Австріи въ Россію, имѣя въ виду мелкіе выигрыши или выгоды; напр., пойдетъ въ старомъ платьѣ, тамъ его оставитъ и возвращается въ новомъ. Всякія поруганія не только мужчины, но и женщины готовы вытерпѣть, чтобъ только ихъ пропустили туда или оттуда»...

Какъ видно, евреи привлекли особенное вниманіе М—ча, несмотря на то, что онъ былъ постоянный житель Малороссіи, но дѣло въ томъ, что 55 лѣтъ назадъ въ лѣвобережной Малороссіи евреевъ *было еще мало*, даже и въ городахъ...

Переѣхавъ заграницу, М—чъ замѣчаетъ: «У поселянъ одежда родъ нашихъ степовыхъ кафтановъ, ушита тясмами и шнурками. Довольно красиво. Поселянки некрасиво одѣваются. *Видъ здѣшнихъ костюмовъ напоминаетъ мнѣ старинныя одежды у насъ въ Малороссіи*» ..

7) *О нравственной жизни человѣка.* (1844 г.) «Это сочиненіе есть слѣдствіе разговоровъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго участь была близка сочинителю. Разсужденіе о томъ, что есть нѣкоторые предметы постоянныхъ заботъ человѣка, напр. здоровья, счастья, воспитанія, исправленія нравственности и проч. предметовъ первой важности для человѣка въ частности и для человѣчества вообще...» «Что между тѣмъ человѣчество, такъ много заботясь о себѣ, мало преуспѣваетъ». Затѣмъ авторъ излагаетъ свои мысли о томъ, какими способами можно подвинуть самоусовершенствованіе...

8) *Отвѣтъ на задачу, предложенную ученымъ комитетомъ м—ва госуд. имуществъ для конкурса на 1842—43 г.*— «Разсужденіе о настоящемъ состояніи хозяйства у крестьянъ земледѣльцевъ съ объясненіемъ причинъ экономическихъ и нравственныхъ, препятствующихъ развитію его и съ указаніемъ средствъ къ отвращенію оныхъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ—«Краткое, но ясное наставленіе, заключающее въ

себѣ основныя правила земледѣлія, доступныя понятіямъ и средствамъ крестьянъ и принаровленныя къ одной изъ трехъ полосъ Россіи: средней, сѣверной и южной или степной». Сочиненіе это удостоено золотой медали и, кажется, было тогда же напечатано. Для исторіи крестьянскаго быта и хозяйства въ южной Россіи оно не потеряло своего значенія и теперь.

9) *Наставленіе земледѣльцамъ.*—Рядъ указаній, которыя могутъ способствовать улучшенію экономической жизни крестьянъ.—Повидимому, составляетъ дополненіе къ предыдущему.

10) *Земледѣльческій календарь.* (2 листа писчей бумаги)—составленъ въ 1849 г., по просьбѣ Гоголя, который писалъ М—чу:—«Подстрекаемый добротою вашей и расположеніемъ дѣлать пріятное пріятелямъ, безпокою васъ слѣдующею убѣдительною просьбою: составьте для меня маленькой сельской календарь годовыхъ работъ, какъ они производятся у васъ въ черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святого какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства...». Письмо это писано Гоголемъ въ к. іюня 1849 г., изъ Москвы, а 6 декабря онъ благодаритъ М—ча «за календарь[1]». Составленный по этому случаю календарь заключаетъ въ себѣ коротенькій дневникъ народныхъ праздничныхъ обычаевъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, гораздо подробнѣе нынѣ описанныхъ въ сборникахъ Чубинскаго и др.

11) *О распространеніи грамотности,* брошюра, напечатанная въ 1851 г. (М. 8°. 13 стр.) съ объясненіемъ, что эта записка была читана въ засѣданіи (московскаго) общества сельскаго хозяйства, въ

---

[1]) Древн. и Нов. Рос. 1879 г. № 1, 63—64. Письма Гоголя къ А. М. М—чу (числомъ 9), сообщенныя Ф. М. Уманцомъ, который при этомъ приводитъ и коротенькія свѣдѣнія о М—чѣ, съ выдержками изъ его дневниковъ. Относительно этихъ свѣдѣній замѣтимъ, что М—чъ учиться въ С.-Петербургск. университетѣ не могъ уже и потому, что послѣдній былъ открыть только въ 1819 году. Въ одномъ изъ примѣчаній, Ф. М. У—цъ, между прочимъ говоритъ, что А. М. М—чъ „находился въ близкомъ родствѣ съ историкомъ Малороссіи Н. А. Марковичемъ, и постоянно съ нимъ переписывался. Почти каждое письмо историка касается древностей Малороссіи“. Родство А. М. М—ча съ авторомъ Исторіи Малороссіи было очень далекое; оба они были потомки двухъ разныхъ линій и были родичами не ближе какъ въ 8 степ. Письма Н. А. М—ча, о которыхъ говоритъ Ф. М. У—цъ напечатаны въ „Кіев. Стар.“ (1885 года, декабрь, 690), а „древности“ заключаются въ свѣдѣніяхъ о портретѣ предка Марковичей и въ перечнѣ документовъ о М—чахъ. Здѣсь же, между прочимъ, *историкъ* М—чъ называетъ прилуцкаго полковника Дм. Горленка—*зятемъ Мазепы...*

ноябрѣ 1850 г. Высказывая мысли свои о необходимости грамотности въ народѣ, М—чъ говоритъ, что однакожъ «первое при этомъ условіе состоитъ въ томъ, чтобы съ ученіемъ шло нераздѣльно воспитаніе». Возражая противъ тѣхъ, кто говоритъ, что «поселяне» по выходѣ изъ школы забываютъ выученное, М—чъ говоритъ: «если бы это и въ самомъ дѣлѣ было, то и то нельзя сказать, чтобы вовсе безполезно для дѣтей прошло время, въ которое они учились. Но несомнѣнно извѣстно, что развѣ очень немногіе изъ учившихся забываютъ грамоту, а всѣ рады случаю и возможности почитать...» Далѣе М—чъ говоритъ о необходимости обучать и дѣвочекъ, находя, что «онѣ еще большую надобность имѣютъ въ воспитаніи, чѣмъ мальчики», но «для успѣха въ воспитаніи дѣвочекъ, должно непремѣнно имѣть учительницъ...» Желая распространенія школъ по селамъ, М—чъ указываетъ, что заведеніе школъ «владѣльцами» не можетъ быть связываемо съ какою нибудь матеріальною выгодою. «Распространяя грамотность въ своихъ селахъ, владѣльцы имѣли въ виду (т. е. должны имѣть въ виду) только нравственное возвышеніе человѣка, уваженіе къ земледѣльцу, собственное свое удовольствіе...»

12) *О пользѣ ученія и о неохотѣ учиться.*—(Октябрь 1861 г.) Тетрадь въ 12-ть л., заключающая въ себѣ мысли о необходимости просвѣщенія вообще какъ для народа, такъ и для высшихъ классовъ, при чемъ авторъ приводитъ свои соображенія—какими путями удобнѣе всего распространять просвѣщеніе. Засимъ излагается кодексъ нравственнаго воспитанія, основаннаго на религіи, подробное изложеніе истинъ христіанскаго ученія, обязанности гражданскія по отношенію къ обществу и государству, примѣры изъ русской исторіи о лицахъ, отличившихся исполненіемъ гражданскаго долга.—Особенно много распространяется авторъ о необходимости грамотности и воспитанія для народа. По поводу распространенія грамотности М—чъ приводитъ примѣры—съ какою охотою народъ идетъ учиться и говоритъ: «когда въ недавнее время открылись воскресныя школы, то къ великому утѣшенію доброжелательныхъ людей, явились многія доказательства, какъ велико въ народѣ желаніе учиться. Напримѣръ, мальчики и дѣвочки, которые прежде съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали воскресенія или другого праздника, чтобы все время ничего не работать и ничѣмъ не заниматься, спѣшили въ воскресную школу даже гораздо прежде времени, назначеннаго для открытія училища; взрослые молодые люди, находившіеся въ ученіи у ремесленниковъ, къ несчастію обыкновенно провождающіе праздники непорядочно,

также приходили въ классъ. Самъ я видѣлъ солдатъ, сидящихъ рядомъ съ мальчиками за букваремъ; видѣлъ даже земледѣльца женатаго, поселянъ уже взрослыхъ, семейныхъ, неграмотныхъ, которые упрашивали или нанимали мальчиковъ грамотныхъ, чтобъ они учили ихъ азбукѣ. Видѣлъ семьянина приходившаго за 25 верстъ отъ города и нанявшаго въ городѣ квартиру для того, чтобы ходить въ воскресную школу...»

Относительно воспитанія народнаго авторъ указываетъ на значеніе при этомъ «картинъ и другихъ изображеній» и говоритъ: «каждый годъ въ Кіевъ приходитъ много странниковъ и странницъ, которые съ пребольшимъ любопытствомъ разсматриваютъ иконописныя работы, внутри и внѣ храмовъ, и желаютъ узнавать ихъ значеніе. Они обращаются къ незнакомымъ господамъ, прося ихъ разъясненія, или же складываются и договариваютъ монаха или причетника для истолкованія изображеній. Однажды мнѣ случилось видѣть, что на хорахъ нѣкоторое число женщинъ, осматривая мозаичную работу въ Софійскомъ кіевскомъ соборѣ, обратились къ одному господину [1], спрашивая его объясненій. Господинъ, который самъ на это вѣжливо согласился, между прочимъ, указалъ имъ въ мозаикѣ изображеніе пресвятой Дѣвы Маріи, которая прядетъ. Эти женщины съ изумленіемъ услышали о томъ и съ большимъ напряженіемъ старались разсмотрѣть изображеніе и удостовѣрившись въ томъ, весьма были тѣмъ удивлены. Одна изъ нихъ сказала: «вотъ мы грѣшныя скучаемъ и жалуемся, когда намъ надо прясть, а сама Царица Небесная пряла». Господинъ имъ на это сказалъ: «конечно, любезная странница, можно иногда поскучать и пожаловаться, когда вамъ приходится прясть особенно много, но можетъ быть вамъ никогда не приходила мысль о томъ, какое доброе дѣло вы дѣлаете, когда занимаетесь этою работою. Вы трудами своими одѣваете и родителей своихъ, и мужей, и дѣтей...»

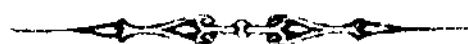
13) *Замѣтки по тюремному дѣлу.*—(1861 г.). Говоря о преступленіяхъ и ихъ причинахъ, М—чъ пишетъ: «Между крестьянами крѣпостными воровство болѣе распространено было, чѣмъ между крестьянами свободными. Это произошло, конечно, не по винѣ владѣльцевъ, но по свойству самого установленія, основаннаго на неправдѣ. Народъ, конечно, чувствовалъ несправедливость и не считалъ за грѣхъ и стыдъ обкрадывать своихъ господъ...» Затѣмъ М—чъ указываетъ, какъ на одну изъ причинъ переполненія тюремъ, на медленность судопроизводства.

---

[1]) По всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ „господинъ" былъ самъ М—чъ, —такъ это на него похоже...

14) *Замѣчанія о народномъ здравіи*—были присланы М—чемъ, въ 1863 г, въ черниговскій губернскій статистическій комитетъ, въ отвѣтъ на извѣщеніе объ избраніи его въ члены комитета. «Удостоенный избраніемъ въ члены черниговскаго статическаго комитета и понимая всю важность науки, которая имѣетъ цѣлію уменьшить сумму бѣдствій человѣчества и прибавить, что возможно къ его благоустройству, я желалъ бы имѣть и болѣе познаній, и болѣе средствъ, чтобы быть въ возможности хотя вмалѣ содѣйствовать комитету въ полезныхъ его занятіяхъ...». Такъ М—чъ благодаритъ комитетъ за избраніе и на первый разъ представляетъ свои «замѣчанія о народномъ здравіи». Въ этихъ замѣчаніяхъ авторъ говоритъ, что «забота первой важности всякаго благоустроеннаго правительства есть охраненіе народнаго здоровья»—Затѣмъ, онъ высказываетъ свои мысли объ уменьшеніи пьянства, о предупрежденіи развитія въ народѣ сифилиса и о помощи больнымъ грыжею, при чемъ М—чъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, по «которымъ народъ подвергается этому можно сказать, несчастью, (грыжамъ) указываетъ на «худое состояніе дорогъ...»

«Замѣчанія» М—ча прежде всего указываютъ на ближайшее его знакомство съ жизнью народа во всѣхъ ея мелочахъ: онъ, напр., разсказываетъ, какія причины чаще всего вызываютъ у крестьянъ воспаленіе легкихъ и т. д.

КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ[1].

Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г.

На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ было рѣшено, какъ уже извѣстно, слѣдующему, XI-му, съѣзду собраться въ Кіевѣ, въ 1899 году. Благодаря энергичной дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества возможно было уже теперь, въ январѣ, устроить засѣданія предварительнаго комитета, на которыя были приглашены депутаты отъ университетовъ и различныхъ ученыхъ обществъ. Засѣданія происходили 4-го, 5-го и 6-го января въ Москвѣ, въ старинномъ зданіи, гдѣ помѣщается Археологическое Общество. Депутатовъ собралось болѣе 50-ти: отъ университетовъ, духовныхъ академій, археологическихъ обществъ, архивныхъ коммиссій, статистическихъ комитетовъ и т. п. Къ сожалѣнію, предварительному комитету пришлось собираться при не совсѣмъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: засѣданія его совпали съ болѣзнью предсѣдателя Мос-

[1]) Подъ такой рубрикой редакція „Кіевской Старины" имѣетъ намѣреніе помѣстить, по мѣрѣ поступленія матеріала, все, что такъ или иначе будетъ касаться предстоящаго съѣзда. Въ виду того большого значенія, какое съѣздъ можетъ имѣть для дѣла изученія и разработки прошлаго Южной Россіи, редакція, помимо помѣщенія свѣдѣній о дѣятельности предварительныхъ комитетовъ по устройству съѣзда, открываетъ страницы журнала для всѣхъ, кто пожелаетъ высказать то или другое мнѣніе, сдѣлать запросъ, предложеніе или затронуть тотъ или другой вопросъ, имѣющій отношеніе къ съѣзду;—все это и будетъ помѣщаться подъ вышеприведенной рубрикой.—*Ред.*

ковскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, по той-же причинѣ не могъ пріѣхать въ Москву и иниціаторъ кіевскаго съѣзда—проф. В. Б. Антоновичъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, не слѣдя день за днемъ за дѣятельностью комитета, мы постараемся указать на то, въ чемъ вообще выразилась эта дѣятельность, а затѣмъ, въ концѣ, перечислимъ вопросы и запросы, предложенные съѣзду.

Дѣятельность комитета открылась избраніемъ предсѣдателя и секретаря. Предсѣдателемъ единогласно избрана гр. П. С. Уварова, секретаремъ—секретарь Московск. Археологич. Общества В. К. Трутовскій; временнымъ предсѣдателемъ—вице-предсѣдатель того-же общества академикъ Д. Н. Анучинъ; подъ руководствомъ послѣдняго и происходили засѣданія комитета.

Прежде всего было приступлено къ выработкѣ правилъ будущаго съѣзда; для руководства взяты правила послѣдняго рижскаго съѣзда и отчасти кіевскаго (1874 г.). Въ общемъ приняты правила рижскаго съѣзда—измѣненія коснулись только нѣкоторыхъ частностей, въ зависимости отъ мѣста будущаго съѣзда. Какъ и рижскій, кіевскій съѣздъ будетъ собираться съ 1-го по 20 августа, при чемъ двѣ первыя недѣли посвящаются рефератамъ, послѣдняя—экскурсіямъ. Подготовительныя работы къ съѣзду будутъ находиться въ вѣдѣніи предварительныхъ комитетовъ; постановлено образовать такой постоянный комитетъ въ Москвѣ и предоставить ему право учреждать по мѣрѣ необходимости мѣстные комитеты. Конечно, необходимо будетъ прежде всего устроить такой комитетъ въ Кіевѣ, и на засѣданіяхъ даже было высказано пожеланіе, чтобы предсѣдателемъ его былъ В. Б. Антоновичъ. Что касается отдѣловъ или секцій, на которыя обыкновенно раздѣляются съѣзды, то рѣшено образовать новую—древностей южныхъ и западныхъ славянъ, съ цѣлью привлечь западныхъ славянскихъ ученыхъ; объ этомъ особенно хлопоталъ депутатъ унив. св. Владиміра проф. Т. Д. Флоринскій; по его предложенію рѣшено заблаговременно разослать приглашеніе этимъ ученымъ, чтобы дать время подготовить рефераты; по заявленію нѣкоторыхъ другихъ членовъ комитета признано желательнымъ участіе въ съѣздѣ также мадь-

ярскихъ и румынскихъ ученыхъ, хотя высказывались и опасенія, чтобы національная рознь этихъ представителей борющихся народностей не отразилась и на дѣятельности съѣзда—опасенія эти, разумѣется, вполнѣ неосновательны. Довольно оживленные дебаты поднялъ вопросъ о выставкахъ при съѣздѣ; нѣкоторыя заявленія по этому поводу, въ формѣ уже принятыхъ рѣшеній (о нихъ—ниже), дали поводъ высказать и другія пожеланія, напр. объ устройствѣ этнографической выставки; постановлено на томъ, что при устройствѣ выставокъ должна быть принята во вниманіе программа съѣзда; программа эта, какъ извѣстно, довольно широка: въ нее входятъ различныя отрасли исторической науки, и все конечно будетъ зависѣть отъ средствъ и силъ мѣстнаго комитета, на который и падетъ вся тяжесть по устройству выставокъ. Наконецъ, нѣкоторыя добавленія внесены въ параграфъ о языкѣ, на которомъ могутъ читаться рефераты; изъ иностранныхъ къ французскому и нѣмецкому добавлены южно-и западно-славянскіе языки.

Проф. В. Б. Антоновичъ, не будучи въ состояніи лично принимать участіе въ предварительномъ комитетѣ, представилъ свои соображенія касательно съѣзда письменно и намѣтилъ рядъ темъ для сообщеній; послѣднія мы приводимъ ниже, теперь-же остановимся на общихъ соображеніяхъ. В. Б. Антоновичъ обращаетъ главное вниманіе на Волынь, основываясь на постановленіи рижскаго съѣзда, гдѣ высказывалось желаніе, чтобы будущій съѣздъ былъ посвященъ главнымъ образомъ изученію Волыни. Что касается раіона, который долженъ войти въ программу изученія, то проф. Антоновичъ считаетъ нужнымъ выйти за границы теперешней Волынской губерніи и присоединяетъ къ ней Холмскую Русь, нѣкогда входившую въ составъ Волынскаго княжества, а также и югъ гродненской губерніи, куда двигалась въ XII и XIII вв. волынская колонизація. Въ теченіе трехъ предстоящихъ лѣтъ, при участіи мѣстныхъ силъ—а силы такія найдутся—путемъ экскурсій, раскопокъ и т. п. проф. Антоновичъ надѣется справиться съ научной подготовкой съѣзда; лично-же онъ обѣщаетъ составить археологическую карту Волыни. Подготовительными работами въ Кіевѣ займется предварительный комитетъ, къ которому проф. Антоновичъ счита-

етъ нужнымъ привлечь и Кіевскую Археографическую Коммиссію. Для предполагаемой къ устройству при съѣздѣ археологической выставки раіонъ взятъ шире—всѣ 5 губерній кіевскаго учебнаго округа; главное руководство по устройству выставки можетъ быть поручено Историческому Обществу Нестора Лѣтописца, которое могло бы войти въ сношеніе съ владѣльцами частныхъ коллекцій, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ другихъ городахъ Южной Россіи; вообще проф. Антоновичъ обѣщаетъ, что выставка можетъ быть полной, дастъ ясное представленіе о древностяхъ юга и не уступитъ напр. выставкѣ рижскаго съѣзда; предполагается также и каталогъ выставки. Скажемъ за одно и о другихъ намѣченныхъ выставкахъ. Проф. В. З. Завитневичъ, депутатъ Кіевской Духовной Академіи и Церковно-археологическаго Общества, заявилъ, что при Академіи предполагается устроить спеціальную выставку церковныхъ древностей, а также палеографическую, старопечатныхъ книгъ и печатей. Библіотекарь унив. св. Владиміра В. А. Кордтъ съ своей стороны предложилъ проектъ устройства въ помѣщеніи университетской библіотеки историко-географической выставки, на которой были бы собраны атласы, карты, планы, виды мѣстностей и т. д. всей Россіи, включая и азіатскія владѣнія, по времени-же—до конца XVIII ст. Проектъ В. А. Кордта представляется намъ слишкомъ широкимъ, а потому и трудно выполнимымъ,—ужъ черезчуръ громадна область, указанная въ проектѣ; мы хорошо знаемъ напр., какихъ усилій, матеріальныхъ средствъ и т. д. потребовало устройство географической выставки въ Москвѣ въ 1892 г., при международномъ археологическомъ съѣздѣ,—тѣмъ труднѣе устройство географической выставки въ Кіевѣ; правда, предполагаемая кіевская по задачамъ нѣсколько уже—она историко-географическая, но именно такого рода матеріалъ и труднѣе добываемъ; и потому, намъ кажется, что съ этимъ дѣломъ, въ принципѣ вполнѣ желательнымъ, полезнымъ и интереснымъ, было бы легче справиться, если ограничить территорію одной Южной Россіей: это находилось-бы въ соотвѣтствіи и съ характеромъ предстоящаго съѣзда. По поводу выставокъ были высказаны пожеланія и болѣе частнаго характера, напр., чтобы

на археологическую выставку поступили нѣкоторые предметы изъ Археологической Коммиссіи, чтобы на той-же выставкѣ находились фотографіи предметовъ, которые по какимъ-либо причинамъ не могли быть выставленными, и т. п.;—всѣ эти и тому подобные вопросы удобнѣе всего конечно будетъ рѣшить предварительнымъ комитетамъ, которые образуются по утвержденіи правилъ съѣзда.

Кромѣ засѣданій, на которыхъ сообщаются рефераты, на археологическихъ съѣздахъ устраиваются также раскопки и экскурсіи—первыя, чтобы дать наглядное представленіе о томъ или другомъ погребальномъ типѣ, практиковавшемся въ данной мѣстности, вторыя—чтобы познакомить пріѣзжихъ членовъ съ характеромъ мѣстности, осмотрѣть достопримѣчательности и т. д. Проф. Антоновича касается и этой стороны будущаго съѣзда; для раскопокъ онъ намѣчаетъ нѣсколько пунктовъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ близость ихъ отъ Кіева, именно: могильникъ у Вышгорода—около 80-ти кургановъ, могильникъ въ Китаевѣ—до 300 кургановъ и могильникъ на Батыевой горѣ надъ Лыбедью—около 100 кургановъ; изъ болѣе отдаленныхъ проф. Антоновичъ указываетъ на могильники у с. Демидова, у г. Переяславля и на Бѣлокняжескомъ полѣ. Оставляя въ сторонѣ эти послѣдніе, такъ какъ за отдаленностью ихъ отъ Кіева (верстъ 30—40) едва ли представится возможность произвести тамъ раскопки, и останавливаясь на первыхъ трехъ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія; намъ кажется, что производить раскопки во всѣхъ трехъ пунктахъ представляется мало интереснымъ, въ виду однообразія похороннаго типа—это относится главнымъ образомъ къ Китаеву и къ Батыевой горѣ; нашъ югъ именно и интересенъ замѣчательнымъ разнообразіемъ встрѣчающихся памятниковъ старины, поэтому было-бы болѣе цѣлесообразнымъ, кромѣ кургановъ, обратить вниманіе и на другія мѣста, гдѣ можно найти древности другого рода; мѣста такія найдутся на территоріи самого Кіева; такъ напр. предметы каменнаго вѣка и даже жилища въ формѣ пещеръ въ изобиліи находятся на возвышенности, составляющей одну изъ сторонъ Кирилловской улицы; изслѣдованія по-

слѣдняго времени показали, насколько богата эта мѣстность въ археологическомъ отношеніи; можно было бы взять какой-ниб. пунктъ ея и во время съѣзда произвести раскопки; такимъ пунктомъ могъ-бы быть напр. крайній сѣверный конецъ этой возвышенности, представляющій изъ себя какъ бы мысъ: лежитъ онъ за Кирилловскими богоугодными заведеніями и здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ, во время осмотра нами этой мѣстности, былъ еще виденъ входъ въ одну изъ пещеръ, повидимому еще ни кѣмъ не тронутую (входъ этотъ теперь засыпанъ осыпавшейся сверху землей), тутъ-же встрѣчались и черепки грубой посуды, раковины, кости и т. п. Такимъ образомъ, здѣсь мы могли бы имѣть памятники каменнаго вѣка; производя-же раскопки кургановъ одного изъ указанныхъ проф. Антоновичемъ могильниковъ имѣли бы памятники языческаго славянства; можно затѣмъ найти мѣсто и для великокняжеской эпохи, и одно изъ такихъ мѣстъ прямо напрашивается на раскопки—говоримъ о сѣверо-восточномъ склонѣ горы Киселевки или Флоровской; ее бы можно было приберечь, оградивъ отъ расхищеній, которымъ она подвергается въ настоящее время, и раскопать во время съѣзда. Въ успѣшности результатовъ раскопокъ сомнѣваться нѣтъ основаній: тутъ вся почва пропитана древностями, очень многія изъ которыхъ представляютъ типичные образцы княжескаго времени. Но и этотъ вопросъ будетъ, разумѣется, детально разобранъ мѣстнымъ предварительнымъ комитетомъ, такъ какъ и самъ проф. Антоновичъ, намѣчая вышеуказанные пункты для раскопокъ, сдѣлалъ это лишь въ формѣ предположенія.

Для экскурсій проф. Антоновичъ намѣчаетъ два пути; во время перваго предполагается посѣтить и осмотрѣть цѣлый рядъ волынскихъ городовъ, лежащихъ по линіи желѣзной дороги или въ недалекомъ разстояніи въ сторону, именно: Бердичевъ, Житоміръ, Дубно, Кременецъ, Почаевъ, Луцкъ, Ковель и Холмъ; второй посвящается кіевской землѣ: по желѣзной дорогѣ черезъ Бѣлую Церковь и Корсунь до Черкассъ, а оттуда пароходомъ вверхъ по Днѣпру, съ остановками въ Каневѣ, Переяславлѣ, Трактоміровѣ, Трипольѣ; проф. Антоновичъ добавляетъ, что для

этихъ экскурсій можно будетъ составить спеціальный путеводитель съ историческими очерками тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя будетъ лежать путь. И эти маршруты экскурсій только лишь намѣчены проф. Антоновичемъ: они подробно будутъ выработаны мѣстнымъ предварительнымъ комитетомъ и могутъ быть и измѣнены; уже и теперь, въ Москвѣ, высказывались предположенія замѣнить напр. вторую экскурсію поѣздкой на Пороги или въ Черниговъ; многое будетъ зависѣть также отъ количества времени, которое останется на поѣздки, отъ числа участниковъ и т. п.,—это все выяснится уже въ теченіе самого съѣзда. Вотъ тѣ общія соображенія, которыя проф. Антоновичъ счелъ нужнымъ предложить предварительному съѣзду.

Упомянемъ также, что проф. Флоринскій, по порученію университета св. Владиміра, заявилъ о полной готовности со стороны университета оказать содѣйствіе съѣзду, предоставленіемъ послѣднему помѣщеній для засѣданій, выставокъ и т. д.

Страннымъ намъ показалось отсутствіе на предварительномъ съѣздѣ представителя отъ комитета по устройству въ Кіевѣ историко-художественнаго музея, и вообще на засѣданіяхъ ни однимъ словомъ не было упомянуто ни объ этомъ музеѣ, ни о предполагаемомъ къ учрежденію въ Кіевѣ новомъ обществѣ любителей древностей и искусствъ; а вѣдь цѣли археологическаго съѣзда съ одной стороны и музея равно какъ общества съ другой должны были-бы находиться въ тѣсной связи...

Переходимъ теперь къ „вопросамъ и запросамъ". „Вопросами" по терминологіи правилъ археологическихъ съѣздовъ именуются предложенныя темы, на которыя предложившій обязывается дать отвѣтъ въ формѣ сообщенія или реферата, „запросами"—темы, которыя предложившій считаетъ нужнымъ заявить, съ цѣлью вызвать отвѣты отъ спеціалистовъ или путемъ совмѣстнаго обсужденія ихъ. Но оказывается, что гораздо легче поставить вопросы и запросы, чѣмъ дать или получить отвѣты на нихъ; результатомъ этого явилась масса такихъ не рѣшенныхъ вопросовъ и запросовъ, которые остались отъ десяти предшествующихъ съѣздовъ. Упорядоченіе этого дѣла и было поставлено на очередь въ засѣданіяхъ предварительнаго съѣзда.

Отъ нѣсколькихъ членовъ поступили различныя предложенія по этому поводу; предлагалось напр. изготовить общій списокъ всѣхъ вопросовъ и запросовъ (это отчасти и было уже сдѣлано къ 8-му съѣзду, но не привело ни къ какимъ результатамъ), предлагалось затѣмъ разсылать спеціалистамъ отдѣльные вопросы; указывалось, что, если нельзя получить прямой отвѣтъ, то хорошо было-бы получить хоть бы матеріалъ, относящійся къ данной темѣ; высказывались разныя мнѣнія и относительно того, на какія изъ темъ слѣдуетъ обратить вниманіе: одни стояли за вновь предложенныя, другіе за то, что бы къ новымъ присоединить и не рѣшенныя темы перваго Кіевскаго съѣзда; предлагалось также изъ всѣхъ темъ выбрать болѣе интересныя и на нихъ обратить исключительное вниманіе. Въ концѣ концовъ было рѣшено, что вообще необходимо принять мѣры къ упорядоченію этого „вопроса о вопросахъ", что же касается формы, въ какой онѣ должны быть осуществлены, то предоставить это усмотрѣнію московскаго и кіевскаго комитетовъ. Болѣе частный характеръ носило предложеніе одного изъ членовъ о мотивировкѣ вновь вносимыхъ вопросовъ и запросовъ.

Приступая къ перечисленію заявленныхъ на кіевскій съѣздъ вопросовъ и запросовъ нужно замѣтить, что, въ виду поздняго полученія приглашеній къ участію въ предварительномъ съѣздѣ, не всѣ изъ приглашенныхъ могли доставить ихъ; въ теченіе трехъ предстоящихъ лѣтъ ихъ будетъ заявлено, несомнѣнно, гораздо больше, а затѣмъ, какъ это показала практика предыдущихъ съѣздовъ, многіе будутъ заявлены уже въ теченіе самого съѣзда; въ этихъ-то послѣднихъ обыкновенно и заключается вся суть, такъ какъ—на что указано выше—значительная часть раньше предложенныхъ попадаетъ въ списокъ „мертворожденныхъ". Мы отмѣтимъ вопросы, спеціально касающіеся Южной Россіи или имѣющіе общій интересъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ длинный рядъ темъ, поставленныхъ проф. *В. Б. Антоновичемъ* и касающихся исключительно прошлаго Волыни въ томъ объемѣ, какой считалъ нужнымъ принять проф. Антоновичъ: 1) Стоянки каменнаго вѣка въ Волынскомъ Полѣсьи, 2) Стоянки каменнаго вѣка въ гористой, за-

падной Волыни, 3) Памятники каменнаго вѣка въ долинѣ рѣки Норыни, 4) Мастерскія каменныхъ орудій на Волыни, 5) Мастерскія пряслицъ изъ краснаго шифера и краснаго желѣзняка въ Волынскомъ Полѣсьи, 6) Мастерскія полированныхъ и отбивныхъ орудій въ Дубенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ, 7) Нѣтъ-ли пещеръ со слѣдами жизни первобытнаго человѣка въ гористой части Волыни?, 8) Нѣтъ-ли мегалитическихъ сооруженій въ гористой, западной Волыни?, 9) Нѣтъ-ли слѣдовъ свайныхъ построекъ въ большихъ озерахъ сѣверной части Владимірскаго и Ковельскаго уу. (озера: Туръ, Свитязь, Пулемецъ, Крымно и др.)?, 10) Найдены ли чашечные камни (pierres à écuelles) на Волыни?, 11) Какія данныя о предметахъ бронзоваго вѣка извѣстны въ западной Волыни, особенно въ бассейнѣ Западнаго Буга?, 12) Похоронные типы каменнаго вѣка, найденные понынѣ на территоріи Волыни, 13) Похоронные типы въ курганахъ Волынской губерніи: а) въ Волынскомъ Полѣсьи, b) въ гористой Волыни, с) въ степной Волыни, d) въ восточной Волыни (земля древлянъ), 14) Похоронные типы въ Холмской землѣ, 15) Похоронные типы въ курганахъ южной части Гродненской губерніи (уѣзды: Брестскій, Кобринскій, Пружанскій, Слонимскій); не возможно-ли было-бы опредѣлить типы кургановъ: ятвяжскій и славянскій, и указать ихъ распредѣленіе и взаимное отношеніе?, 16) Есть-ли на территоріи Волыни курганы скиѳскаго типа и, если есть, то до какой сѣверной широты они простираются?, 17) Гдѣ находился древній городъ „Волынь“ и какіе слѣды его остались понынѣ?, 18) Какіе памятники старины остались отъ городовъ, упоминаемыхъ лѣтописью въ княжеское время: а) Владиміръ, Турійскъ, Камень Коширскій, Мельница, Любомль, Устилугъ, Чарторыйскъ; b) Луцкъ, Дубровица, Степань, Муровица, Дубенъ, Пересопница, Мыльскъ, Перемысль, Дорогобужъ; с) Шумскъ, Торчевъ, Тыхомль; d) Вручевъ, Искорость, Возвягель, Мычекъ, Котельничь, Райгородъ, 19) Опредѣлить мѣстоположеніе волынскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, но нынѣ не существующихъ: Небель, Всеволожъ, Городенъ Волынскій, Гнойница, Выгошевъ, Колодяжинъ и, если возможно, опредѣлить ихъ мѣстоположеніе, то ука-

зать памятники старины, оставшіеся отъ княжескаго времени, 20) Какіе памятники старины княжескаго времени остались въ городахъ Холмской земли (Холмъ, Угрускъ, Верещинъ, Столпіе, Комовъ, Бусовно, Андреевъ)?, 21) Памятники старины княжескаго времени, оставшіеся въ г. Каменцѣ-Литовскомъ, 22) Мѣстоположеніе какихъ Болоховскихъ городовъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи, можетъ быть опредѣлено, и какіе памятники старины отъ нихъ остались, 23) Свѣдѣнія о церкви св. Василія въ Овручѣ, 24) Церкви княжескаго времени въ г. Владимірѣ-Волынскомъ: Успенскій соборъ, церковь св. Василія „Старая Катедра", 25) Какіе замки литовскаго времени остались на Волыни; характеристическія черты этихъ замковъ: фортификаціонные пріемы, контуры укрѣпленій, кладка стѣнъ (Луцкъ, Кременецъ, Острогъ, Корецъ, Клевань и т. д.), 26) Церкви, построенныя въ литовское время; особенности ихъ архитектуры и кладки (Острогъ, Зимно, Нискиничи и т. д.), 27) Могилы соцініанъ въ западной Волыни (такъ наз. „Синготы"), 28) Древнѣйшія синагоги на Волыни XIV—XV ст. (Луцкъ, Любомль), 29) Татарскія поселенія на Волыни, 30) Топографія битвы у Берестечка и оставшіеся отъ нея слѣды, 31) „Шереметьевы валы" и историческое ихъ происхожденіе. Что касается выполненія этой програмы, составленной съ присущей автору систематичностью, то самъ проф. Антоновичъ замѣчаетъ, что для большей части изъ приведенныхъ вопросовъ могутъ быть собраны указанія и составлены рефераты, для нѣкоторыхъ-же (№№ 7, 8, 9, 14, 15, 19) матеріалъ отсутствуетъ, и ихъ нужно поставить въ разрядъ запросовъ; вопросы 13, 18, 19 и 25 слишкомъ обширны, и проф. Антоновичъ поясняетъ, что ихъ можно будетъ расчленить и изъ каждаго составить нѣсколько вопросовъ.

Не мало вопросовъ поставлено также *К. В. Корвинъ-Піотровскимъ;* здѣсь затронуты древности какъ всего Юго-Западнаго края, такъ и въ частности Волыни; можно только пожелать, чтобы у автора хватило энергіи дать отвѣты на нихъ; вопросы эти слѣдующіе: 1) Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Юго-Западномъ краѣ за послѣднее пятидесятилѣтіе, 2) О мѣрахъ къ сохраненію памятниковъ зодчества въ Юго-За-

падномъ краѣ, 3) Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Юго-Западномъ краѣ, 4) Территорія Волыни въ княжеское время, 5) Археологическіе памятники города Луцка, 6) Домъ гетмана Мазепы въ Черниговѣ, 7) Русская и польская генеалогическая литература, 8) Церковно-археологическіе памятники города Владиміра-Волынска и мѣстечка Киселина Волынской губерніи, 9) Городище и т. наз. „Витольдова башня" и „Витольдовый гай" въ с. Большіе Подгайцы луцкаго у. Волынской губ. 10) О нѣкоторыхъ памятникахъ армянской письменности, сохранившихся въ библіотекахъ и архивахъ Западнаго края, 11) Ревизіи и инвентари Волынскихъ замковъ въ XVI и XVII стол.

Съ своей стороны мы поставили два вопроса и два запроса; первый изъ вопросовъ по темѣ тотъ-же, что и первый г. Корвинъ-Піотровскаго; разумѣется, это не помѣшаетъ дѣлу, а наоборотъ—можетъ служить къ пользѣ его; остальные касаются главнымъ образомъ Холмской земли и находятся въ соотвѣтствіи съ программой проф. Антоновича; вопросы: 1) Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Юго-Западнаго края за послѣдніе 25 лѣтъ, 2) Обзоръ археологическихъ изслѣдованій Холмской земли; запросы: 1) Желательно обслѣдовать въ археологическомъ отношеніи берега рѣки Западнаго Буга въ предѣлахъ Волынской, Гродненской, Люблинской и Сѣдлецкой губерній, 2) Желательно, чтобы къ съѣзду была составлена археологическая карта Люблинской и Сѣдлецкой губерній.

Не разбивая вопросы и запросы по спеціальнымъ группамъ, приводимъ ихъ дальше такъ, какъ они были заявлены отдѣльными лицами.

В. А. Городцовъ, занимающійся изслѣдованіемъ дюнныхъ стоянокъ первобытнаго человѣка по берегамъ Волги и Оки, предлагаетъ вопросы, касающіеся темныхъ культурныхъ слоевъ на дюнахъ, являющихся, по мнѣнію г. Городцова, результатомъ выжиганія растительности первобытнымъ человѣкомъ; вопросы: 1) Происхожденіе пепелисто—или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на дюнахъ рр. Волги и Оки, 2) Существуютъ-ли подобные слои на дюнахъ р. Днѣпра и другихъ рѣкъ Южной Россіи, и можно-ли происхожденіе ихъ объяснить одною и тою-же

причиною, какая дѣйствовала въ образованіи культурныхъ слоевъ на рр. Волгѣ и Окѣ?, 3) Древность пепелисто—или углисто-темныхъ культурныхъ слоевъ на рѣчныхъ дюнахъ Россіи.

В. И. Сизовъ, придавая важное значеніе вопросу о погребеніяхъ съ конемъ, которому на прошломъ рижскомъ съѣздѣ былъ посвященъ рефератъ Н. Е. Бранденбурга, ставитъ вопросъ: Опредѣленіе стиля вещей въ курганахъ съ погребеніемъ коней (по р. Роси); другой вопросъ В. И. Сизова касается одной мѣстности, гдѣ въ большомъ числѣ встрѣчаются предметы разнообразныхъ культуръ: каменной, бронзовой, скифской, греческой; формулированъ вопросъ такъ: Культурная исторія урочища Каменка на Днѣпрѣ по находкамъ и раскопкамъ.

Проф. Ѳ. Г. Мищенко и на этотъ разъ темой своего реферата избираетъ Геродота и предлагаетъ вопросъ: Геродотъ, какъ археологъ и этнографъ.

Проф. Э. Р. фонъ-Штернъ ставитъ вопросъ: Очеркъ исторіи Херсонеса и его отношеній къ древней Руси, на основаніи новыхъ археологическихъ открытій, и дѣлаетъ запросъ: Опредѣлить по археологическимъ даннымъ, особенно по находкамъ кладовъ, какъ далеко распространялись въ приднѣпровскій бассейнъ сношенія съ классическими народами, и ихъ вліяніе.

Проф. Д. Я. Самоквасовъ, вопросы: 1) О происхожденіи трупосожженія у Славянъ и 2) О происхожденіи и значеніи крестьянскаго перехода въ древней Россіи.

Проф. В. З. Завитневичъ, запросы: 1) Объяснить происхожденіе названія и опредѣлить границы географическаго распредѣленія Руси: бѣлой, черной и желтой; 2) Установить по курганнымъ раскопкамъ различіе между славянскимъ и литовскимъ типами погребальнаго обряда и указать границу ихъ соприкосновенія въ области р. Нѣмана.

А. Четыркинъ, также запросы: 1) Какимъ путемъ удобнѣе подвинуть впередъ вопросъ о народности племенъ, заселявшихъ среднюю Россію до XI ст.?, 2) Насколько археологическія изслѣдованія подтверждаютъ достовѣрность лѣтописнаго извѣстія о языческомъ похоронномъ обрядѣ Кривичей и Вятичей?, 3)

Можно-ли считать вполнѣ установленнымъ мнѣніе объ обращеніи кожаныхъ денегъ на Руси до XV ст.?...

Цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ и запросовъ касается памятниковъ древняго зодчества и искусства вообще.

Акад. В. В. Сусловъ, вопросы: 1) Главнѣйшія черты русскаго зодчества за всѣ періоды его развитія, 2) Тождественность нѣкоторыхъ формъ въ русскихъ и западныхъ памятникахъ архитектуры, 3) Періодъ упадка русскаго зодчества; запросы: 1) Охарактеризовать отрасли искусства въ древнемъ быту русскаго народа (по вещественнымъ памятникамъ), 2) Постепенное искаженіе памятниковъ русской архитектуры и средства къ ихъ охраненію.

Акад. К. Быковскій, вопросъ: Архитектурные памятники Кіева XI в. и отношеніе ихъ къ сооруженіямъ той же эпохи въ другихъ мѣстностяхъ древней Руси.

Проф. Е. К. Рѣдинъ, вопросъ: Обзоръ русско-византійскихъ памятниковъ искусства, находящихся въ церквяхъ Кіева и найденныхъ на почвѣ его.

Проф. Н. В. Покровскій, запросы: 1) Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ старинной русской архитектуры?, 2) Какія требованія должны быть предъявляемы къ научной реставраціи памятниковъ стариннаго русскаго иконописанія?, 3) Черты русской самобытности въ памятникахъ искусства кіевскаго періода (X—XII в. в.).

Ѳ. И. Титовъ затрагиваетъ одинъ изъ вопросовъ топографіи древняго Кіева: Что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево-Андреевской церкви?

Проф. М. Н. Бережковъ ставитъ вопросъ: Гдѣ мѣстность „Нѣжатиной нивы“, на которой была извѣстная битва 1078 года?

Проф. И. А. Линниченко, вопросъ: Сношенія кіевской Руси (до нашествія татаръ) съ Западной Европой; запросъ: Общій очеркъ сношеній кіевской Руси (до татаръ) съ востокомъ.

Проф. А. Кочубинскій кромѣ вопроса: О названіяхъ нѣкорыхъ пороговъ у Багрянороднаго, предлагаетъ и нѣсколько за-

просовъ: 1) Ономастиконъ Старой Бессарабіи по грамотамъ славяно-русскимъ, 2) Происхожденіе православно-уніатскихъ мадьяръ въ сѣверо-восточной Венгріи, 3) Теорія д-ра Милетича о „Болгарахъ" Трансильваніи, 4) Райцы и Райляне въ нынѣшней сѣверной Бессарабіи.

Найболѣе полно въ вопросахъ и запросахъ обрисовалась настоятельная потребность у насъ въ преобразованіяхъ и въ правильной постановкѣ архивнаго дѣла.

Укажемъ прежде всего на запросъ нижегородской архивной коммиссіи, къ которой присоединилась Ярославская, да по нашему убѣжденію присоединятся и другіе: О выработкѣ общей программы дѣятельности архивныхъ коммиссій.

А. Львовъ, депутатъ архива св. Синода, ставитъ на обсужденіе XI съѣзда слѣдующіе вопросы: 1) Принципъ русскаго законодательства объ архивѣ, 2) Принципы западно-европейскаго и преимущественно французскаго законодательства относительно архивнаго дѣла вообще и въ частности разработки архивныхъ матеріаловъ, 3) Правительственныя и частныя мѣропріятія, обнаружившіяся у насъ за послѣднія десятилѣтія къ урегулированію архивнаго дѣла и результаты этихъ мѣропріятій, 4) Что было бы желательно предпринять нынѣ для болѣе правильной постановки у насъ архивнаго дѣла?

В. Н. Сторожевъ предлагаетъ запросы: 1) Не слѣдуетъ ли принять скорыя и рѣшительныя мѣры по вопросу о предоставленномъ губернскимъ ученымъ архивнымъ коммиссіямъ правѣ оцѣнки архивныхъ документовъ съ точки зрѣнія необходимости одни сохранить, другіе подвергнуть уничтоженію, 2) Выработать пріемы систематическаго и строго научнаго описанія и изданія документовъ центральныхъ и областныхъ учрежденій Россіи XVIII столѣтія, 3) Составить обозрѣніе хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи документовъ, касающихся исторіи Малороссіи вообще и Кіева въ частности, при чемъ желательно, чтобы особенное вниманіе обращено было: а) на дѣла Кіевскаго стола Разряда, малороссійскаго приказа, петровскихъ сената и коллегій, б) на данныя экономическаго быта и в) на точное и окончательное уясненіе отношенія, въ какомъ

находятся изданные Н. И. Костомаровымъ и Г. Ѳ. Карповымъ документы XVII столѣтія къ тѣмъ, которые остались неизданными, и на то, чтобъ характеризованы были самые издательскіе пріемы двухъ названныхъ лицъ. Одинъ вопросъ г. Сторожева касается другой области: Пересмотръ вопроса о существованіи человѣческихъ жертвоприношеній у славянъ и финновъ и сводъ литературныхъ мнѣній по этому вопросу русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ.

Проф. Д. И. Багалѣй, вопросы: 1) О необходимости преобразованія харьковскаго историческаго архива въ центральный, 2) О составленіи историко-археологическихъ словарей губерній и областей Россіи, 3) Двухсотпятидесятилѣтіе г. Харькова, планъ труда и матеріалы для него.

О. И. Левицкій, вопросы: 1) О судьбѣ актовыхъ книгъ, относящихся къ исторіи юго-западнаго края и Малороссіи, 2) Къ исторіи учрежденія центральныхъ архивовъ (Кіевскаго, Виленскаго и Витебскаго).

И. М. Каманинъ, вопросъ: О южно-русской памеографіи.

Проф. Н. И. Петровъ, запросы: 1) Желательны были бы разборъ и приведеніе въ извѣстность содержанія стараго архива Кіевской Духовной Консисторіи, 2) Желательно было бы имѣть ко времени съѣзда описаніе собранія кіево-софійскихъ рукописей, какъ единственно остающихся въ Кіевѣ безъ описанія, 3) Желательны: точная формулировка „спорныхъ вопросовъ по топографіи древняго Кіева“ и особенно относительно плана Кіева 1638 года, возбужденныхъ проф. С. Т. Голубевымъ, и рѣшеніе этихъ вопросовъ, 4) Данныя для исторіи православной Гойской или Гощинской коллегіи на Волыни XVII вѣка, 5) Кіевская старина по древнимъ энколпіонамъ, крестикамъ и образкамъ.

М. М. Плохинскій, запросы: 1) Архивныя данныя о заселеніи нѣмецкими колонистами Бѣловѣжской пустоши, 2) Необходимость составленія объяснительнаго словаря товаровъ, которыми торговали на Руси въ XVII—XVIII в. в., особенно на югѣ.

Ѳ. П. Истоминъ, вопросъ: О началѣ и развитіи книгопечатанія въ Кіевѣ.

Нѣсколькими лицами заявлены вопросы и запросы спеціально по малорусской исторіи.

Проф. Д. П. Миллеръ, вопросы: 1) Права и привилегіи малороссійскаго шляхетства и козацкой старшины въ періодъ гетманщины, 2) Положеніе лѣвобережнаго козачества отъ времени Богдана Хмѣльницкаго до введенія въ Малороссіи учрежденія о губерніяхъ; запросъ: Судебное устройство въ Малороссіи отъ 1648 г. до реформы 1763 г.

В. Эйнгорнъ, вопросы: 1) Малороссійское посполъство въ лѣвобережной украйнѣ по даннымъ переписи 1666 г., 2) Рада полковниковъ при лѣвобережныхъ гетманахъ третьей четверти XVII в., 3) Сношенія Стеньки Разина съ малороссійскимъ козачествомъ, 4) Малороссійскіе купцы на Макарьевской ярмаркѣ и вообще въ Великой Россіи во вторую пол. XVII в., 5) Монетное дѣло въ Малороссіи послѣ ея присоединенія къ Вел. Россіи, 6) Печатные источники исторіи Малороссіи и необходимыя въ настоящее время изданія.

П. Радаковъ, вопросъ: Компуты и ревизіи, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи.

Таврическая Ученая Архивная Коммиссія поставила два вопроса: 1) Объ отношеніяхъ между Крымомъ и малороссійскимъ козачествомъ, 2) О нападеніи Татаръ на Волынь и Подоліе.

Проф. А. И. Маркевичъ, вопросъ: О путяхъ изъ Черноморія ни Волынь и Подоліе въ XIV—XVII в. в.

Д. И. Эварницкій, вопросы: 1) О направленіи трактовъ въ Запорожьи, 2) Объ уцѣлѣвшихъ въ Новороссіи каменныхъ бабахъ.

М. П. Истоминъ, вопросъ: Объ особенностяхъ южно-русской церковной живописи.

Проф. Т. Д. Флоринскій поставилъ 16 вопросовъ; большая часть ихъ касается южныхъ и западныхъ славянъ, нѣкоторые же имѣютъ общее значеніе, именно, вопросы: 1) Научная классификація славянскихъ языковъ и нарѣчій, 2) Значеніе новѣйшихъ наблюденій въ области славянской діалектологіи для рѣшенія вопроса о происхожденіи старославянскаго языка, 3) О вліяніи южнославянскаго эпоса на русскій, 4) О сношеніяхъ южныхъ славянъ съ Русью въ до-турецкую эпоху, 5) О важности состав-

ленія общей программы собиранія и изученія остатковъ старины у славянскихъ народовъ; запросъ: пересмотръ (въ цѣломъ и частяхъ) вопроса о разселеніи Славянъ и образованіи славянскихъ народностей на основаніи новѣйшихъ данныхъ исторической этнографіи и діалектологіи.

Вопросы и запросы *проф. П. В. Владимірова* относятся къ древне-русской письменности, вопросы: 1) Къ какимъ научнымъ выводамъ можно придти по чтеніямъ затруднительныхъ мѣстъ „Слова о Полку Игоревѣ"?, 2) Можно ли указать слѣды неизвѣстныхъ русскихъ сочиненій въ до-монгольскій періодъ на основаніи дошедшей до насъ литературы?, 3) Вопросъ объ объемѣ и характерѣ литературной дѣятельности Нестора Лѣтописца; запросы: 1) Существовали ли въ древней Руси до XV столѣтія правильно организованныя школы и если существовали, то гдѣ искать ихъ слѣдовъ? 2) Какіе переводы съ греческаго и другихъ языковъ были сдѣланы въ предѣлахъ древней Руси до XIV столѣтія?

Проф. Н. П. Дашкевичъ, вопросы: 1) Въ какой степени измышленное лицо Илья Муромецъ? 2) О происхожденіи южно-русскаго козачества; запросы: 1) Установить границу земель Древлянской и Полянской, 2) Древлянскія историческія преданія.

Проф. Е. Ѳ. Карскій, вопросъ: О вліяніи малорусскаго нарѣчія на старое и новое бѣлорусское нарѣчіе.

А. С. Хахановъ, запросы: 1) Поселенія грузинъ въ полтавской и харьковской губерніяхъ, 2) Грузинскія древности въ ризницахъ кіевскихъ храмовъ; запросъ: Отраженіе апокрифовъ въ сказаніяхъ народовъ Кавказа.

Г. Холостьянцъ, вопросы: 1) Армянскія колоніи въ Крыму и въ Юго-западной Руси, начиная съ XI столѣтія, 2) Армяно-турецкія мѣстности Каменецъ-Подольска за XV, XVI и XVII вѣка и значеніе ихъ для исторіи сношеній Польши съ сосѣдями вообще и съ юго-западной Русью въ особенности.

Наконецъ, *В. Кордтъ* ставитъ вопросъ общаго характера: Къ исторіи картографіи Россіи.

Какъ видимъ, приведенный выше списокъ заявленныхъ вопросовъ и запросовъ уже и теперь достаточно великъ и разно-

образенъ; несомнѣнно, что впослѣдствіи къ нему будутъ добавлены новыя темы, какъ напр. этнографическія, которыя въ настоящее время почти совершенно отсутствуютъ. Въ вышеприведенномъ спискѣ мы замѣчаемъ, съ одной стороны, не мало вопросовъ общаго характера: по систематизаціи памятниковъ старины, по исторической этнографіи, діалектологіи и т. д., съ другой—цѣлый рядъ темъ касается мѣстныхъ древностей, въ широкомъ значеніи этого слова, и въ общемъ, если даже не все, что намѣчено, будетъ выполнено, то, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться, что кіевскій съѣздъ сослужитъ не малую службу дѣлу развитія у насъ историческаго знанія...

Н. Бѣляшевскій.

Москва,
12 января, 97 г.

ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ.

(некрологъ).

3 декабря минувшаго 1896 года скончался кіевскій каѳедральный протоіерей *Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ.* Смерть его составляетъ большую утрату какъ для лицъ, близко связанныхъ съ нимъ узами родства и дружбы, такъ и для тѣхъ, кому дороги интересы родного края, блюстителемъ которыхъ въ разныхъ направленіяхъ былъ покойный. Полную оцѣнку его дѣятельности просвѣтительной и ученой дать придется еще не такъ скоро, и во всякомъ случаѣ не на свѣжей еще могилѣ, но общую характеристику ея обязанъ представить всякій органъ печати, такъ или иначе соприкасающійся съ тѣми теченіями, въ которыхъ игралъ роль П. Г. Лебединцевъ. Нашъ журналъ по отношенію къ покойному имѣетъ нѣкоторыя исключительныя обязательства, такъ-какъ не только считаетъ П. Г. Лебединцева въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, но и самое свое возникновеніе ставитъ въ тѣсной связи съ его нравственнымъ обликомъ. Напомнимъ нашимъ читателямъ, что первымъ редакторомъ-издателемъ „Кіевской Старины" былъ родной братъ покойнаго, Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, который, по окончаніи службы своей, чувствуя въ себѣ еще достаточно силъ для работы, обратился къ брату за совѣтами, что бы ему предпринять теперь въ качествѣ свободнаго человѣка. П. Г. Лебединцевъ, неоднократно и раньше толковавшій совмѣстно съ другими любителями изученія своей родной старины о настоятельной

нуждѣ въ изданіи мѣстнаго ученаго органа въ Кіевѣ, но не находившій возможности осуществить этотъ планъ, теперь ухватился за мысль предложить брату употребить свою силу и опытность на организацію и веденіе этого дѣла. Не касаясь пока подробностей, какими сопровождалось возникновеніе нашего журнала, мы скажемъ только, что ободряющій голосъ П. Г. Лебединцева былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ рычаговъ, направившихъ окончательно Ѳеофана Гавриловича на этотъ путь издательства. И вотъ, въ теченіе 15 лѣтъ, покойный Петръ Гавриловичъ постоянно былъ личностью, органически связанной съ интересами нашего дѣла, и, не смотря на многоразличныя свои работы, всегда удѣлялъ часть досуговъ на участіе въ журналѣ. Эти страницы въ его жизни, помимо общаго значенія личности покойнаго П. Г. Лебединцева, обязываютъ насъ, отлагая на будущее время полную оцѣнку его научныхъ трудовъ, касающихся исторіи нашего края, теперь представить хоть краткій очеркъ его жизни и ученой дѣятельности.

Родился П. Г. Лебединцевъ 21 декабря 1819 года въ с. Зеленомъ, звенигородскаго у. кіевской губерніи. Жизнь и воспитаніе въ семьѣ бѣднаго сельскаго священника нашей Украины въ первыя десятилѣтія нынѣшняго вѣка болѣе или менѣе обрисовываются намъ въ типичномъ представленіи, и хотя мы не имѣемъ пока подробныхъ указаній, какъ сложилась личная обстановка жизни П. Г. Лебединцева, но приблизительно можемъ нарисовать себѣ эту картину, зная, что особо выдающихся условій въ данномъ случаѣ не было; поэтому, всѣ лучшіе проблески въ дальнѣйшей судьбѣ Петра Гавриловича относимъ къ талантливой, природѣ его, подтверждающейся и тѣмъ, что вся семья ихъ, состоявшая изъ пяти братьевъ, сумѣла выйти изъ круга обыденности и занять то или другое выдающееся положеніе въ свѣтѣ. На долю Петра Гавриловича выпало пройти обыкновенный для духовенства путь школы начальной въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, гдѣ онъ воспитывался до 1833 года, т. е. до 14 лѣтъ. Это были первые годы существованія училища, въ то время игравшаго роль въ *Каневщинѣ* просвѣ-

тительнаго центра [1]). Затѣмъ, онъ поступилъ въ Кіевскую духовную семинарію, откуда перешелъ, какъ лучшій воспитанникъ, въ Кіевскую духовную академію, которую и окончилъ въ 1843 году съ причисленіемъ къ 1-му разряду.

Первые служебные шаги пришлось П. Г. Лебединцеву совершить въ далекихъ краяхъ отъ родины—въ Орловской духовной семинаріи, куда онъ былъ назначенъ въ октябрѣ 1843 года „учителемъ по 2 классу словесности и соединенныхъ съ нею предметовъ". Получивъ уже здѣсь отъ св. Синода утвержденіе въ званіи *магистра богословія* съ производствомъ класснаго оклада по сей степени, онъ былъ переименованъ въ *профессора* и, сохраняя эту должность, исполнялъ одновременно обязанности помощника инспектора и секретаря семинарскаго правленія. „Какъ уроженецъ Малороссіи и съ юныхъ лѣтъ украинофилъ по воззрѣніямъ и убѣжденіямъ" (такъ говоритъ о немъ свящ. Ѳ. Титовъ [2]), П. Г. Лебединцевъ стремился, конечно, на родину, чего и достигъ черезъ полтора года, такъ какъ въ 1845 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ состоялся переводъ его въ кіевскую семинарію „на классъ логики и психологіи". Впрочемъ, пребывая здѣсь до 1851 года, онъ временами преподавалъ нѣмецкій и французскій языки, а также былъ экономомъ семинаріи и членомъ семинарскаго правленія. Служба его здѣсь, какъ преподавателя, отмѣчается въ отзывахъ бывшихъ воспитанниковъ съ лучшей стороны, что цѣнилось и начальствомъ, выдававшимъ ему разныя награды.

Съ 1851 года рѣзко измѣняется служебное положеніе П. Г. Лебединцева: онъ рукоположенъ во священника къ Преображенской церкви м. Бѣлой Церкви и одновременно назначенъ законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи. О времени пребыванія его здѣсь свидѣтельствуютъ какъ данныя формулярнаго списка о его службѣ, такъ и воспоминанія лицъ, знавшихъ его въ тотъ періодъ; пишущему эти строки, между прочимъ, тоже приходится связывать годы своего отдаленнаго дѣтства съ симпатичнымъ

---

[1]) См. Кіев. Епарх. Вѣд. 1879 и 1880 г.г.

[2]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1897 г. № 1.

обликомъ тогда еще сравнительно молодого священника, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ среди мѣстнаго общества, и гуманнаго, очень симпатичнаго наставника въ гимназіи. Формулярный списокъ, конечно, сухо передаетъ только такіе факты: „съ октября 1851 года по 1 февраля 1854 преподавалъ Законъ Божій безмездно нижнимъ чинамъ въ баталіонной школѣ 6-го сапернаго баталіона и исполнялъ христіанскія требы въ баталіонномъ лазаретѣ; по случаю недоразумѣній, возникшихъ между крестьянами, по распоряженію епархіальнаго начальства былъ командированъ въ разные уѣзды кіевской губерніи для содѣйствія гражданскому начальству во вразумленіи взволнованныхъ крестьянъ, каковое порученіе исполнялъ съ 23 марта по 1 іюня 1855 года". За эти заслуги получалъ онъ отъ начальства разныя награды, помѣченныя въ формулярѣ, и между ними есть одна такая: „въ выраженіе признательности гражданскаго начальства къ особенно усердной и полезной дѣятельности при заведеніи школъ для крестьянскихъ дѣтей, выдано ему 100 р. изъ суммъ, назначенныхъ въ награду лицамъ, отличающимся въ краѣ полезною дѣятельностью". То, что въ казенномъ послужномъ спискѣ указывается съ обычной оффиціальной сухостью, получаетъ нѣкоторое оживленіе въ личныхъ разсказахъ.

Мы воспользуемся для этого напечатанными въ только что вышедшей статьѣ свящ. Ѳ. Титова [1]) матеріалами изъ автобіографической записки П. Г. Лебединцева. „Въ теченіе долгой моей службы,—разсказываетъ онъ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ,—нѣсколько лѣтъ, именно въ 50-хъ годахъ, пришлось мнѣ прожить въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, кіевской губерніи... Странное, гнетущее впечатлѣніе производила она на меня во все время пребыванія моего въ ней. Проѣзжему человѣку эта древняя козачья твердыня не могла показаться чѣмъ либо другимъ, какъ польско-русскимъ мѣстечкомъ. Памятниковъ, слѣдовъ прежней русской жизни не осталось никакихъ. Гдѣ была, по преданію, первая русская церковь, тамъ красовался теперь костелъ; на мѣстѣ другой православной церкви

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1897 г., № 1. „Кіево-Соф. каѳедральный протоіерей Петръ Гавр. Лебединцевъ".

красовался панскій палацъ; отъ замка, много разъ перестраивавшагося, едва виднѣлись остатки валовъ и рвовъ. Графини А. В. Браницкой, оставившей послѣ себя двѣ каменныя церкви вмѣсто семи прежнихъ деревянныхъ, не было уже въ живыхъ; вся экономическая интеллигенція состояла исключительно изъ поляковъ, подъ различными наименованіями: главноуправляющаго, просто управляющаго, маршалковъ и инспекторовъ—двора, сада, мельницъ, псовъ и проч. и проч., а также массы писарей и подписарей; польская рѣчь слышалась въ палацѣ и костелѣ, въ садахъ и павильонахъ, въ экономическихъ канцеляріяхъ и другихъ учрежденіяхъ, въ лавкахъ, заѣздахъ, на базарныхъ площадяхъ и улицахъ. Картину довершали, съ одной стороны, несмѣтныя богатства, роскошь, великолѣпіе, наслажденіе безъ мѣры, покой и праздность безъ конца, и съ другой покосившіяся хатки, загорѣлыя лица и руки, и вѣчный, нескончаемый трудъ. Общее населеніе Бѣлой Церкви простиралось тогда до 20000; изъ нихъ половина жидовъ, горсть поляковъ, остальное православное крестьянство. Но въ средѣ закабаленнаго люда были старики, помнившіе времена златой вольности, едва начинавшейся панщины, большаго простора и довольства. Вызывать ихъ на воспоминанія не представлялось надобности; при моихъ частыхъ сношеніяхъ съ ними, они сами вызывались на разсказы о своей прежней долѣ и многомъ другомъ. Я слушалъ ихъ со вниманіемъ, любопытствомъ и невольнымъ участіемъ, а придя домой, иногда же и на мѣстѣ, записывалъ ихъ разсказы слово въ слово... Тутъ своя исторія, несвязная, неполная, но въ короткихъ простыхъ словахъ слышится иногда больше присутствія угасшей жизни, чѣмъ на десяткахъ страницъ положительной исторіи". Эти строки служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что П. Г. Лебединцевъ еще въ тѣ годы, когда не обнаруживалась въ печати его научная дѣятельность на почвѣ изученія родной исторіи, такъ сказать, окунулся уже въ эту область родиновѣдѣнія и подготовлялъ себя къ будущимъ работамъ въ этомъ направленіи. Одновременно съ этимъ шла у него въ Бѣлой Церкви и другая просвѣтительная дѣятельность на почвѣ народнаго образованія: онъ организуетъ школы для крестьянскихъ дѣтей не только въ

самомъ мѣстечкѣ, но и въ окрестностяхъ. Насколько трудно было въ тѣ времена это дѣло, свидѣтельствуеть другой отрывокъ изъ его автобіографической записки.

„Въ октябрѣ 1859 года“, - разсказываетъ П. Г. Лебединцевъ, — „въ бытность мою благочиннымъ церквей мѣстечка Бѣлой Церкви и законоучителемъ бѣлоцерковской гимназіи, полученъ былъ мною указъ Кіевской духовной Консисторіи, которымъ, во исполненіе предложенія, даннаго Консисторіи высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ бывшимъ кіевскимъ, предписывалось духовенству позаботиться о заведеніи при церквахъ училищъ для обученія дѣтей прихожанъ. *Эта бумага тѣмъ пріятнѣе была для меня, что, опираясь на распоряженіе начальства, я могъ приступить къ исполненію давняго моего желанія, устроить въ своемъ приходѣ училище грамотности, желанія, которое долгое время встрѣчало неудачи.* Занимая уже около 7-ми лѣтъ должность священника въ приходѣ, населенномъ преимущественно крестьянами помѣщичьими, я зналъ всѣ трудности, имѣющія встрѣтиться здѣсь на первыхъ же порахъ, и вмѣстѣ понималъ, что преодолѣніе ихъ въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви, резиденціи главнаго экономическаго управленія, касавшагося 80.000 душъ крестьянъ, благодѣтельнымъ образомъ отзовется во всѣхъ приходахъ того же имѣнія и во многихъ другихъ. Пособіемъ въ этомъ случаѣ могло быть мое независимое по содержанію положеніе, обезпеченное жалованьемъ законоучителя, полное довѣріе прихожанъ и расположенность ко мнѣ самого владѣльца мѣстечка Бѣлой Церкви, графа Владислава В. Браницкаго. Мнѣнія прихожанъ мнѣ были извѣстны, а отчасти вновь провѣрены, мнѣнія лицъ, касавшихся экономическаго управленія, были спрошены и многія оказались далеко не въ пользу народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ этихъ господъ преоткровенно отвѣчалъ: „на что ихъ учить? лучше, якъ мужикъ дурный“. Мнѣ оставалось обратиться первѣе всего къ графу; на благородный и просвѣщенный взглядъ его я могъ больше разсчитывать, тѣмъ болѣе, что графъ Владиславъ В. и братъ его Константинъ В. въ молодости сами практиковались надъ обученіемъ грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ,

учившихся у маргграбія (смотрителя кладовой) Штоквиша. Но при этомъ я положилъ себѣ правиломъ: просить только согласія, а о пособіи не хлопотать. Графъ охотно далъ согласіе на открытіе школы изъ средствъ самихъ же прихожанъ; ничего противъ этого не сказалъ и г. главноуправляющій имѣніемъ, оставленный мною въ невѣдѣніи о полученномъ уже согласіи графа. Можно было приступить къ дѣлу. Въ церковной квартирѣ священника, состоявшаго при моей церкви на діаконской вакансіи, одинокаго и вдоваго, половина дома, состоявшая изъ двухъ комнатъ, оставалась свободною. Ее обдѣлали, устроили скамьи и столы учебные, а нѣкоторые взяты на время изъ гимназіи по благосклонности директора г. Науменко, учебники привезены изъ Кіева на церковную сумму, и 22 ноября, послѣ утрени, я объявилъ въ церкви прихожанамъ-крестьянамъ о своемъ намѣреніи подъ своимъ наблюденіемъ открыть училище 24 ноября, въ день великомученицы Екатерины; въ этотъ день къ обѣднѣ должны были привести дѣтей, желающихъ поступить въ училище. Не смотря на крѣпко морозный день, въ церковь явилось 17 мальчиковъ; послѣ литургіи, родители вмѣстѣ съ ними были отведены въ квартиру будущаго училища, отслуженъ молебенъ, положенный предъ началомъ ученія, и полчаса употреблено на ознакомленіе дѣтей съ азбукой, въ присутствіи родителей. Учебные столы, чистая учебная комната, ласковое обращеніе съ учениками были новостію для родителей и, очевидно, произвели пріятное впечатлѣніе на родителей и на дѣтей; съ каждымъ днемъ число учениковъ прибавлялось, чрезъ 5 дней двѣ училищныя комнаты были уже тѣсны, такъ какъ число дѣтей было уже за 50. Нужно было подумать объ открытіи второго училища и о средствахъ къ содержанію. Графа не было въ Бѣлой Церкви, и я обратился къ г. комиссару или главному управляющему З. и просилъ его о дозволеніи собрать мірскую сходку для совѣщанія о содержаніи училища, при бытности повѣреннаго со стороны экономіи. Г. главноуправляющій сначала отвѣчалъ, что открытіемъ училища не нужно бы спѣшить, но подождать распоряженій правительства, которое уже предположило устройство ихъ по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, что самъ графъ, кото-

рому онъ передавалъ о моемъ намѣреніи, признаетъ это неблаговременнымъ и излишнимъ, потому что въ засѣданіяхъ по крестьянскому дѣлу, гдѣ участвовалъ недавно графъ, уже обсуждены мѣры и средства къ тому. Я объяснилъ, что мнѣніе графа мнѣ извѣстно и согласіе имъ дано, что, наконецъ, я говорю не о будущемъ, а о настоящемъ, такъ какъ училище уже открыто и въ 5 дней переполнилось. Нечего было дѣлать, и З. согласился на созваніе сходки. Сходка состоялась въ воскресенье, 1-го декабря, въ училищной комнатѣ. Избраны три попечителя школы изъ общества, и одному изъ нихъ поручена казначейская должность; для содержанія школы крестьяне согласились прибавить по 20 к. сер. на каждомъ ведрѣ водки, отпускаемой для нихъ изъ питейной конторы, что должно было составить приблизительно до 500 р. сер. въ годъ. Мѣра эта не распространялась на распивочную продажу. Составленъ былъ актъ, подписанный какъ почетнѣйшими прихожанами, такъ и повѣренными со стороны экономіи, и переданъ въ главную экономическую контору. Но мѣра эта сначала до 15 января вовсе не была приводима въ исполненіе по причинамъ, зависящимъ отъ экономіи, а потомъ исполнялась весьма слабо и, наконецъ, по моей просьбѣ, совсѣмъ оставлена. Несмотря на скудость средствъ, съ упованіемъ на промыслъ Божій, постепенно открыты были мною въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви еще двѣ школы, именно 15 декабря въ приходѣ Магдалинской церкви, за р. Росью, и 17 декабря—на урочищѣ Ротку. Наконецъ, я сталъ хлопотать о томъ, чтобы для открытія четвертой школы въ предмѣстіи м. Бѣлой Церкви—Александріи былъ данъ экономическій домъ, находящійся противъ дворца графскаго и, по закрытіи столярни, около 4 лѣтъ остававшійся пустымъ. Хлопоты мои ни къ чему не приводили. Къ счастію, возвратился графъ В. Б.; достаточно было нѣсколькихъ словъ просьбы, и домъ былъ отданъ въ мое распоряженіе. Выборные школьные съ церковнымъ старостой очистили его, выбѣлили и поставили учебные стобы, взятые также изъ гимназіи. Когда было все уже готово, ко мнѣ является одинъ изъ служащихъ въ главной экономіи съ объявленіемъ отъ комиссара, что этотъ домъ не можетъ быть занятъ подъ училище по разнымъ

причинамъ. Я не считалъ нужнымъ останавливаться предъ этимъ запрещеніемъ послѣ согласія владѣльца, и мной даны были повѣстки о днѣ, назначенномъ для открытія училища. 3 февраля я прибылъ съ причтомъ, отслужилъ молебенъ съ освященіемъ воды, окропилъ зданіе и собравшихся дѣтей и началъ ученіе. Изъ числа приведенныхъ дѣтей, здѣсь было 22 мальчика и 7 дѣвочекъ. Дѣвочки въ школѣ были новымъ явленіемъ крестьянскаго быта. Въ теченіе двухъ недѣль число учащихся дѣтей возрасло до 30, включая въ это число и нѣсколько дѣтей, перешедшихъ изъ первой преображенской школы, за отдаленностію отъ нея. Въ продолжавшееся отсутствіе графа, уѣхавшаго въ Кіевъ, получаю между тѣмъ письмо отъ комиссара слѣдующаго содержанія: „Ваше высокопреподобіе, о. Петръ! Имѣю честь извѣстить Васъ, что училище не можетъ болѣе помѣщаться въ экономическомъ домѣ противъ графскаго двора, такъ какъ мальчики, собираясь тамъ во множествѣ, будутъ портить деревья сада и ломать желѣзныя рѣшетки“.—Что же?—подумалъ я. Неужели дѣти медвѣди? Нужно замѣтить, что учащіеся въ александрійскомъ училищѣ всѣ почти дѣти садовниковъ графскихъ и другихъ мастеровыхъ, которые живутъ направо и налѣво отъ училища по линіи сада; а если они не портили прежде сада, когда по цѣлымъ днямъ бродили около сада и въ саду безъ надзора, то можно ли было предположить, что они будутъ вредить обширному саду графскому теперь, когда полдня сидятъ за книгой, да и по выходѣ изъ школы не будутъ лишены надзора учителя, квартирующаго здѣсь же? На такую грустную выходку я не далъ никакого отвѣта, и болѣе меня не безпокоили письмами въ этомъ родѣ. Благопріятный случай далъ мнѣ возможность укрѣпить за училищемъ экономическій домъ. Возвращаясь изъ прихода, подлѣ сада встрѣчаю графа, на прогулкѣ съ дамами пѣшкомъ. Дамы, уставши, хотѣли отдохнуть; я предложилъ графу посѣтить училище; предложеніе охотно принято. Когда графъ вошелъ въ училище, дѣти, безъ всякой подготовки, массой бросились цѣловать его обѣ руки. Графъ благодарилъ дѣтей и меня, полюбопытствовалъ чтеніемъ нѣкоторыхъ и, оставя училище, не призналъ дѣйствительными опасеній экономіи за цѣлость сада. Это

былъ случай тѣмъ болѣе благопріятный, что графъ на другой день утромъ уѣхалъ за-границу. Графъ своимъ посѣщеніемъ, такъ сказать, санкціонировалъ какъ это, такъ и другія училища; на посѣщеніе это я всегда могъ сослаться, какъ на доказательство сочувствія графа дѣлу народнаго образованія.

Такимъ образомъ, въ мѣстечкѣ Бѣлой Церкви мѣстнымъ духовенствомъ, по предложенію высокопреосвященнѣйшаго митрополита Исидора, безъ всякихъ особыхъ пособій и при многихъ затрудненіяхъ, открыто было въ концѣ 1859 и въ началѣ 1860 г. 4 школы для образованія прихожанскихъ дѣтей: къ 1 мая въ первой школѣ было дѣтей 43, во второй—14, въ третьей—9; въ четвертой—29, всего—95"...

Результатомъ этой его работы по организаціи школъ явилось около 100 церковно-приходскихъ училищъ, открытыхъ въ томъ же году въ кіевской епархіи, а затѣмъ и во всемъ юго-западномъ краѣ. Не мѣсто здѣсь дѣлать оцѣнку этихъ школъ, особенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ сложились впослѣдствіи,—для насъ важно въ этомъ случаѣ, что иниціаторомъ дѣла съ наилучшими стремленіями былъ П. Г. Лебединцевъ.

Въ 1860-мъ году П. Г. Лебединцевъ былъ переведенъ въ Кіевъ священникомъ въ Подольскій Успенскій соборъ и законоучителемъ во 2-ую мужскую гимназію. Начиная съ этого момента идетъ безпрерывная *тридцатишестилѣтняя* дѣятельность его въ Кіевѣ, при чемъ довольно часто мѣняются его положеженія: изъ Успенскаго собора онъ перемѣщается въ 1862 г. настоятелемъ Кіево-Печерской Преображенской церкви (Спасъ на Берестовѣ), а въ 1864 г.—въ Николаевскую церковь генералъ-губернаторскаго дома, и наконецъ—въ 1868 г. назначается каѳедральнымъ протоіереемъ въ Кіево-Софійскій соборъ, въ каковой должности оставался онъ до самой кончины. Назначеніе его каѳедральнымъ протоіереемъ совпало съ окончаніемъ 25-ти лѣтія службы по учебному вѣдомству, вслѣдствіе чего онъ и покинулъ законоучительство во 2-ой гимназіи, гдѣ пишущему эти строки пришлось быть его ученикомъ въ теченіе всего гимназическаго курса и сохранить самыя лучшія воспоминанія о лич-

ности почившаго наставника, умѣвшаго всегда съ отмѣннымъ тактомъ выдерживать себя въ роли законоучителя юношества.

Сравнительно широкая область, въ которой пришлось очутиться П. Г. Лебединцеву въ Кіевѣ, сразу открыла ему, кромѣ главныхъ его занятій, цѣлый рядъ параллельныхъ въ разныхъ родахъ общественнаго служенія. Такъ, онъ исполняетъ съ 1861 г. должность наблюдателя церковно-приходскихъ школъ по г. Кіеву, въ томъ-же году становится редакторомъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей"; назначается благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей; въ 1862 г. состоитъ членомъ строительнаго комитета по постройкѣ дома училища для дѣвицъ духовнаго вѣдомства; съ 1863 года назначается членомъ кіевской духовной консисторіи, а также и главнымъ распорядителемъ кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства; въ томъ-же 1863 г. избранъ дѣйствительнымъ членомъ Высочайше утвержденной въ г. Кіевѣ коммиссіи для разбора древнихъ актовъ; въ теченіе двухъ лѣтъ (1864 и 65 г.) состоялъ членомъ комитета по обновленію Спасской церкви; тогда-же опредѣленъ членомъ губернскаго присутствія по обезпеченію духовенства; затѣмъ состоялъ членомъ правленія кіевской семинаріи, членомъ губернскаго церковно-строительнаго присутствія, членомъ комитета общественнаго здравія, членомъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и цензоромъ проповѣдей въ Кіевѣ; былъ также избранъ предсѣдателемъ епархіальнаго съѣзда; съ 1870 по 1873 годъ состоялъ членомъ Высочайше утвержденнаго при Св. Синодѣ комитета для преобразованія духовно-судебной части; съ 1874 года избранъ товарищемъ предсѣдателя церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи. Одновременно съ этой разнообразной дѣятельностью П. Г. Лебединцева отмѣчались его заслуги и тѣми наградами, которыя дошли до высокихъ орденскихъ знаковъ и до сравнительно очень рѣдкаго отличія въ духовенствѣ—Высочайше пожалованной ему въ 1888 году митры. Во всѣхъ только-что отмѣченныхъ положеніяхъ П. Г. Лебединцева дѣятельность его была, такъ сказать, специальною, не выходившею за предѣлы своего духовнаго круга; но рядомъ съ нею шла непрерывно та его работа, которая нахо-

дится внѣ сословныхъ интересовъ, а является достояніемъ жизни общества,—мы разумѣемъ его учено-литературные труды. Какъ выше было сказано, мы не беремся теперь давать полную оцѣнку этой его научной дѣятельности, но желаемъ только въ нѣсколькихъ словахъ сказать объ общемъ ея значеніи.

Изъ словъ, приведенныхъ раньше изъ его автобіографической записки, видно было, что рано заговорило въ немъ чувство любви къ изученію родной исторіи въ различныхъ ея теченіяхъ, и какъ истинный сынъ своей родины, П. Г. Лебединцевъ не мало труда и времени удѣлилъ главнымъ образомъ для уясненія судебъ родного края въ его прошломъ. Если разсмотрѣть обширный списокъ его статей, далеко еще не приведенныхъ вполнѣ въ извѣстность, то можно увидѣть, что громадное большинство изъ нихъ касается нашей Малороссіи, и преимущественно Кіева и кіевщины. Достаточно назвать такіе его труды, какъ „Описаніе Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго Собора“, „Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи“, „Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій Каѳедральный Соборъ“, „Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи“, „Историческія замѣтки о Кіевѣ“, „О возобновленіи стѣнной живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“,—достаточно, говоримъ, назвать эти статьи, и всякій хоть немного изучавшій исторію нашего города долженъ будетъ признать, что эти труды П. Г. Лебединцева никогда не будутъ вычеркнуты изъ списка главныхъ источниковъ по исторіи Кіева; не даромъ всѣ единогласно признаютъ, что П. Г. Лебединцевъ былъ въ послѣднее время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ историческихъ моментовъ въ жизни Кіева и его церковно-археологическихъ памятниковъ. Прибавимъ къ этому рядъ мелкихъ статей, освѣщающихъ тѣ или иные факты изъ жизни старинныхъ монастырей въ краѣ, какъ напр: „Виноградскій Ирдынскій Успенскій монастырь“, „Медвѣдовскій Николаевскій монастырь“, „Чигиринскій Свято-Троицкій женскій монастырь“, „Димитріевскій монастырь, основавный вел. кн. Изяславомъ Ярославичемъ“,—и мы увидимъ, что кропотливое изысканіе въ области нашей старины не пройдетъ мимо трудовъ покойнаго П.

Г. Лебединцева. Замѣтимъ здѣсь кстати, что одна изъ первыхъ печатныхъ статей его касалась тоже нашей мѣстной исторіи, а именно: въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей" 1860 г. № 2-й помѣщена его замѣтка „Дополнительныя свѣдѣнія къ сказанію о мученической кончинѣ Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира" (стр. 47—56). Этими симпатіями покойнаго къ изученію мѣстной старины объясняется и то, что онъ, ставши въ 1861 году редакторомъ только-что основанныхъ по его-же мысли „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", сразу захотѣлъ поставить ихъ на высоту научнаго органа, чего далеко не всегда и не вездѣ достигаютъ другія Епархіальныя Вѣдомости. Значеніе „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" въ первый десятокъ лѣтъ ихъ существованія можетъ въ достаточной степени опредѣлить всякій, кто возьметъ въ руки „Указатель неоффиціальнаго отдѣла за десятилѣтіе изданія ихъ, 1861—1870 г. г." Здѣсь окажутся, кромѣ статей самого редактора, многія статьи по исторіи, древней литературѣ и археологіи, безъ которыхъ не обойдется и впредь человѣкъ, занимающійся бытописаніемъ родной земли.

Вотъ эти-то всѣ ученыя заслуги П. Г. Лебединцева и были вполнѣ объяснимой причиной разновременнаго избранія его почетнымъ членомъ Общества Нестора Лѣтописца, Кіевской Духовной Академіи и Кіевскаго Университета Св. Владиміра. Не можемъ не выразить по этому поводу нѣкотораго удивленія, что всѣ выше указанныя научныя заслуги покойнаго П. Г. Лебединцева не помѣшали составителямъ „Энциклопедическаго Словаря И. А. Ефрона" пропустить его имя совершенно, что, конечно, въ дополнительныхъ томахъ будетъ исправлено. Мы же, заканчивая нашу поминку о своемъ постоянномъ сотрудникѣ и одномъ изъ основателей журнала, выражаемъ увѣренность, что въ ближайшемъ будущемъ станутъ появляться обстоятельныя статьи съ подробной характеристикой, какъ его самого, такъ и его трудовъ, а потому, чтобъ облегчить работу для другихъ, приведемъ теперь списокъ всѣхъ статей и замѣтокъ въ нашемъ журналѣ за все время существованія его, принадлежащихъ перу покойнаго П. Г. Лебединцева.

Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго (Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г.) „Кіев. Стар“. 1882, № 1, 2, стр., 174—192; 386—396.

Нѣкоторыя дополненія и поправки въ біографіи Т. Г. Шевченка. „Кіев. Стар.“ 1882, № 9, 560—567.

Гдѣ подлинникъ Любечской чудотворной иконы Божьей Матери? „Кіев. Стар.“ 1883, № 6, стр. 385—387.

Рецензія на книгу С. Голубева „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія). Т. I. Кіевъ 1883. 1225 стр.“ „Кіев. Стар.“ 1883, № 8, стр. 741—742.

Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? „Кіев. Стар.“ 1883, № 8, стр. 755—757.

Населеніе Кіева въ прошломъ столѣтіи. „Кіев. Стар.“ 1884, № 2, стр. 352—354.

Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. „Кіев. Стар.„ 1884, № 7, 545—546.

Разсказы старыхъ людей о старыхъ временахъ. „Кіев. Стар.“ 1884, № 8, стр. 715—725.

Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго Собора. „Кіев. Стар.“ 1884, № 9, стр. 162—165.

Историческія замѣтки о Кіевѣ. „Кіев. Стар.“ 1884, № 10, стр. 227—253.

Матеріалы для исторіи возникновенія и распространенія штунды въ Россіи. „Кіев. Стар.“ 1884, № 10, стр. 304—320.

Софія—премудрость Божія въ иконографіи Сѣвера и Юга Россіи „Кіев. Стар.“ 1884, № 12, стр. 555—567.

Гдѣ жили первые Кіевскіе митрополиты: въ Переяславѣ или въ Кіевѣ. „Кіев. Стар.“ 1885, № 1, стр. 177—182.

Къ вопросу о началѣ Кіевской Академіи. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). „Кіев. Стар.“ 1885, № 2, стр. 268—281.

Баптизмъ или штунда въ кіевской губерніи. „Кіев. Стар." 1885, № 3, стр. 481—518.

Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника? „Кіев. Стар." 1887, № 2, стр. 383—384.

Объ имени святителя, нетлѣнно почивающаго въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ. „Кіев. Стар." 1887, № 5, стр. 185—189.

Двѣ поправки къ статьѣ „Свадьба Тимоша Хмельницкаго". „Кіев. Стар." 1887, № 6—7, стр. 583—584.

Когда и гдѣ совершилось крещеніе Кіевлянъ при св. Владимірѣ. „Кіев. Стар." 1887, № 9, стр. 175—185.

Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ. „Кіев. Стар." 1887, № 12, стр. 779—782.

Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный князь Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? „Кіев. Стар." 1888, № 5, стр. 259—264.

О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. „Кіев. Стар." 1888, № 6, стр. 265—283.

Святый Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный князь кіевскій. (Лѣтописное сказаніе). „Кіев. Стар." 1888, № 7, стр. 1—15.

Церковь св. Василія. „Кіев. Стар." 1888, № 7, стр. 1—2.

Спасъ на Берестовѣ. „Кіев. Стар." 1888, № 7, стр. 8—11.

Къ статьѣ г. Бѣляшевскаго „Церковище возлѣ дер. Монастырекъ, канев. у. кіевской губ." „Кіев. Стар." 1889, № 1, стр. 213—217.

Рецензія на книгу: „Девятисотлѣтіе русской іерархіи: епархіи и архіереи—988—1888. Сост. по оффиц. и историч. даннымъ Н. Д. Москва 1888. „Кіев. Стар." 1889, № 1, 272—275.

Остатки церквей на развалинахъ древняго Корсуня или Херсонеса, ихъ открытіе и значеніе. (Съ двумя картами). „Кіев. Стар." 1889, № 4, стр. 56—73.

Можетъ ли подлежать сомнѣнію, что открытое во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ изображеніе князя есть древнѣйшее изображеніе св. князя Владиміра. „Кіев. Стар.“ 1889, № 4, 233—236.

По поводу 900-лѣтія Черниговской архіерейской каѳедры. „Кіев. Стар.“ 1892 г., № 9, стр. 350—356, № 10, стр. 1—14.

Михаилъ, митрополитъ Кіевскій XII вѣка. „Кіев. Стар.“ 1892 г., № 12, стр. 325—336.

В. Науменко.

И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ)

11-го января скончался одинъ изъ сотрудниковъ нашего журнала, заслуженный ординарный профессоръ Кіевской Дух. Академіи Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Покойный, сынъ священника минской губ., родился въ 1828 г. Высшее образоваіе И. И. получилъ въ Кіевской Дух. Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1853 г. первымъ магистромъ, и былъ оставленъ баккалавромъ по каѳедрѣ историческихъ наукъ. Въ 1861 г. И. И. былъ возведенъ въ экстраординарные, а въ 1862 г. въ ординарные профессора академіи по каѳедрѣ русской церковной исторіи. Учено-литературная дѣятельность покойнаго была весьма плодовита. Не перечисляя всѣхъ относящихся къ исторіи Южной Руси трудовъ И. И—ча, укажемъ только главнѣйшіе: „Доминиканецъ Яковъ Одровонжъ, мнимый апостолъ земли русской“ (Тр. кіев. дух. ак. 1867, 4, 6, 8). „Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви“. К. 1872 (докторская диссертація). „Свв. Кириллъ и Меѳодій“ (Тр. кіевск. д. ак. 1885, 5—11). „Патр. Іеремія II и кн. К. Острожскій“ (Тр. к. д. ак. 1886, 1). „Судьба славянской церкви въ Моравіи и Панноніи при ученикахъ свв. Кирилла и Меѳодія“ (Тр. к. д. ак. 1886, 3, 5 и 6). „Замѣтка по поводу мнѣнія, будто патр. Іеремія посѣщалъ Кіевъ въ 1588 или 1589 г.г.“ (Тр. к. д. ак. 1885, 12). „Русскій приходскій священникъ-проповѣдникъ XVII в.“ (Тр. к. д. ак. 1861, 4). „Отношеніе

Руси къ церкви римской при св. кн. Владимірѣ" (Тр. к. д. ак. 1863, 2). „Подложное письмо половца Ивана Смеры къ в. кн. Владиміру св." (Тр. к. д. ак. 1876, 6 и 7) „Евреи въ Южн. Руси и Кіевѣ въ X—XII в." (Тр. к. д. ак. 1878, 6 и 9) „О происхожденіи русской вел. княг. Ольги св." („Кіев. Ст." 1889, 7 и 8). „Изслѣдованіе объ иконѣ и церкви Божіей Матери Пирогощей" (Чт. въ ист. общ. Нестора лѣтоп. 1891). Много мелкихъ статей и библіографическихъ замѣтокъ помѣщено было И. И—мъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Покойный былъ въ теченіе многихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ историческомъ обществѣ Нестора-Лѣтописца. Многочисленные ученики и знакомые покойнаго сохранятъ память о немъ, какъ о добросовѣстномъ и талантливомъ преподавателѣ и добромъ, отзывчивомъ человѣкѣ.

Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка (1846 г.).

(къ рисунку).

Прилагая при настоящей книгѣ журнала фототипическій снимокъ съ этой акварели, редакція считаетъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько пояснительныхъ примѣчаній.

Какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко въ 1845—46 гг. состоялъ членомъ-сотрудникомъ Кіевской Археографической Коммиссіи и неоднократно былъ командируемъ въ разныя мѣста Малороссіи и Юго-западнаго края для собиранія народныхъ историческихъ преданій и пѣсенъ, осмотра и срисовыванія монументальныхъ памятниковъ, древнихъ зданій, кургановъ, валовъ и т. под. остатковъ древности. Между прочимъ, въ сентябрѣ 1846 г. съ такимъ же порученіемъ онъ былъ посыланъ въ разныя мѣста кіевской, подольской и волынской губ., причемъ ему вмѣнялось спеціально въ обязанность посѣтить Почаевскую Лавру и срисовать: а) общій видъ лавры, б) внутренность храма и в) видъ на окрестность съ лаврской террасы [1]. Эти (и другіе) рисунки были исполнены Шевченкомъ и представлены главному начальнику Коммиссіи, генералъ-губернатору Д. Г. Бибикову; онъ ихъ одобрилъ и разрѣшилъ литографировать, но, по недостаточности средствъ въ Коммиссіи, они не были изданы и разбрелись по рукамъ. Не такъ давно отысканы четыре акварельныхъ рисунка, изображающіе Почаевскіе виды; въ настоящее время они хранятся

[1]) См. въ февр. кн. „К. Старины“ 1894 г. ст. О. И. Левицкаго „Археологическія экскурсіи Т. Г. Шевченка въ 1845—1846 гг.“

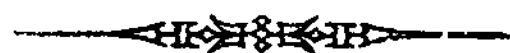
въ историческомъ музеѣ извѣстнаго собирателя южнорусской старины В. В. Тарновскаго. Всѣ они очень изящно исполнены и представляютъ: а) видъ Почаевской Лавры съ южной стороны; б) такой же видъ съ западной стороны; в) внутренній видъ главнаго лаврскаго храма и г) часть лаврской террасы и широко открывающійся съ нея видъ на окрестныя мѣста, между которыми вдали, на возвышеніи, виднѣется по ту сторону границы, въ Галичинѣ, с. Подкамень. Наша фототипія представляетъ снимокъ, на половину уменьшенный, съ первой изъ названныхъ акварелей.

Помимо художественнаго значенія, названныя акварели представляютъ, по нашему мнѣнію, интересъ и историко-археологическій: не забудемъ, что онѣ изображаютъ Почаевскую Лавру въ томъ видѣ, какой она имѣла полвѣка назадъ. Правда, видъ главнаго храма ни въ чемъ существенномъ съ тѣхъ поръ не измѣнился, но нельзя того же сказать о другихъ монастырскихъ зданіяхъ: тамъ, гдѣ на рисункѣ изображена маленькая, своеобразной архитектуры, колоколенка, высится теперь гигантская четырехъ-ярусная колокольня; на мѣстѣ крытыхъ соломою домиковъ выросли громадные каменные корпуса съ номерами для пріѣзжихъ, и т. под. Самый профиль Почаевской горы, столь ясный на нашемъ рисункѣ, теперь, благодаря окружающимъ постройкамъ, значительно замаскированъ, хотя главный монастырскій храмъ попрежнему величаво высится надъ всѣмъ, что его окружаетъ.

И что за диво, что за великолѣпіе этотъ храмъ! Здѣсь все соединилось въ дружныхъ усиліяхъ создать чудо красоты, величія, очарованія: прелестная природа, счастливѣйшее мѣстоположеніе, геніальное искусство, царская щедрость и безмѣрная ревность строителя. Извѣстно сказаніе о построеніи нынѣшняго Почаева. Гордый, своенравный, славившійся причудами польскій магнатъ Николай Потоцкій, ѣдучи въ коляскѣ по полю, въ виду Почаевскаго монастыря, былъ опрокинутъ по оплошности кучера. Взбѣшенный этимъ, онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и направилъ къ груди кучера. При видѣ неизбѣжной смерти, кучеръ, обратившись къ Почаевской обители, воскли-

нулъ: „Матерь Божія Почаевская, спаси меня!“ Пистолетъ щелкнулъ, но не выстрѣлилъ: случилась осѣчка. Трижды Потоцкій наводилъ пистолетъ, трижды кучеръ взывалъ о спасеніи къ Богородицѣ,—и трижды смертоносное орудіе оказалось недѣйствительнымъ въ рукахъ того, кто, обладая всегда самымъ исправнымъ оружіемъ, никогда не испытывалъ ничего подобнаго. Потоцкій былъ изумленъ. „Кому ты, лайдакъ, молился?“—спросилъ онъ кучера. Тотъ объяснилъ. Гордый магнатъ что-то и раньше слыхалъ о Почаевской иконѣ Божьей Матери и совершающихся яко-бы тамъ чудесахъ, но презрительно относился къ этимъ росказнямъ, ибо считалъ уніатскую вѣру „хлопскою“ и не отличалъ ея отъ „схизматицкой“. Теперь это все его заинтересовало. „Веди меня туда!“ велѣлъ онъ кучеру. Что тамъ именно происходило съ своенравнымъ паномъ—преданіе умалчиваетъ, но вернулся оттуда Потоцкій совсѣмъ другимъ человѣкомъ: оставилъ причуды и разгулъ, охладѣлъ къ свѣту, къ роскоши, даже къ семьѣ, и жилъ съ этихъ поръ однимъ лишь чувствомъ пламенной любви къ Почаевской обители и страстнымъ желаніемъ видѣть красоту ея и благолѣпіе. Это случилось около 1760 года. Въ слѣдующемъ году онъ уже высказываетъ, въ письмѣ къ настоятелю, горячее желаніе сдѣлаться инокомъ Почаевскаго монастыря и готовность принести ему въ даръ все состояніе. Онъ оставляетъ латинство и переходитъ въ унію; онъ дорогою цѣною покупаетъ у папы разрѣшеніе развестись съ женою, чтобы безпрепятственно вступить въ монашество, и смущается лишь тѣмъ, что не умѣетъ ни читать, ни писать по русски, и можно ли научиться этому въ преклонныя лѣта. Онъ часто и по долгу проживаетъ въ монастырѣ и въ теченіе трехъ лѣтъ жертвуетъ туда огромныя суммы, свыше полутора милліона злотыхъ. Наконецъ, онъ останавливается на мысли разрушить существовавшія на Почаевской горѣ церкви и зданія и создать новый чудный храмъ, достойный быть жилищемъ Царицы Небесной. Съ этого времени нѣтъ ни мѣры, ни предѣла рвенію и щедрости Потоцкаго. Въ 1771 г. онъ заключаетъ контрактъ съ архитекторомъ Готфридомъ Гофманомъ, и въ томъ же году совершается закладка храма; въ 1775 г. онъ приглашаетъ изъ Львова дру-

гого архитектора, Ксаверія Кульчицкаго, а затѣмъ и третьяго—императорскаго архитектора Поліевскаго. Онъ все еще мало доволенъ планомъ и проектомъ зданія: ему хочется, чтобы храмъ былъ какъ можно красивѣе и величественнѣе, ему хочется великолѣпіемъ постройки превзойти Соломона. Десятки тысячъ его подданныхъ заняты выдѣлкою кирпича, добываніемъ извести, рубкой дерева въ его богатыхъ лѣсахъ, перевозкой матеріаловъ; сотни лучшихъ мастеровъ вызваны имъ изъ разныхъ мѣстъ; желѣзо доставляется изъ Австріи, изъ Станиславовскихъ горныхъ заводовъ, каменныя плиты для половъ—оттуда же, изъ Застѣнковскихъ горъ. Чувствуя себя слабѣющимъ въ силахъ и боясь умереть прежде, чѣмъ постройка храма будетъ окончена, Потоцкій усугубляетъ свою заботливость: велитъ усилить дѣятельность фабрикъ, увеличить число мастеровыхъ, въ помощь архитектору вызвать изъ Львова мурмейстеровъ, не жалѣть трудовъ и средствъ, но какъ можно поспѣшить окончаніемъ постройки. Наконецъ въ 1780 году храмъ былъ освященъ торжественно, хотя работы по внѣшней и внутренней отдѣлкѣ продолжались еще долго. Два года прожилъ послѣ того Потоцкій и имѣлъ утѣшеніе видѣть созданный имъ храмъ Божій. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. и, согласно завѣщанію, похороненъ въ томъ же храмѣ. Его бальзамированное тѣло покоилось въ склепу, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ церковь, и въ этотъ склепъ базиліане дозволяли входить богомольцамъ; но въ 1833 г. склепъ этотъ закрытъ наглухо. Большой портретъ Потоцкаго и теперь хранится въ настоятельскихъ покояхъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Мелочи изъ жизни Шевченка. — Порой самые ничтожные факты изъ жизни людей, извѣстныхъ въ литературѣ или наукѣ, представляютъ интересъ. Въ силу этого соображенія мы и рѣшились въ данной замѣткѣ подѣлиться имѣющимися мелочными фактами, касающимися Т. Г. Шевченка; быть можетъ, почитатели нашего геніальнаго поэта найдутъ въ ней что нибудь новое и не лишенное нѣкотораго интереса.

I. *Въ Потокахъ:*

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, путешествуя по кіевской губерніи въ 1845 году, заѣхалъ въ Потоки (кіевск. губ.), въ имѣніе В. В. Т. Съ дороги онъ сильно усталъ, а потому по пріѣздѣ въ Потоки, прежде чѣмъ посѣтить хозяина, зашелъ въ контору, чтобы отдохнуть и умыться. Такъ какъ это было въ обѣденный часъ, то онъ никого изъ служащихъ въ конторѣ не засталъ; тѣмъ не менѣе онъ туда вошелъ, заперся и легъ на лавкѣ. Возвратившійся конторщикъ былъ пораженъ, нашедши дверь запертой, началъ заглядывать въ окна и, къ своему удивленію, увидѣлъ незнакомаго человѣка, расположившагося въ конторѣ и крѣпко спавшаго. Не зная, что дѣлать, отправился онъ къ хозяину и заявилъ ему о случившемся; тотъ приказалъ оставить незнакомца въ покоѣ и только слѣдить, чтобы онъ не трогалъ на столѣ бумагъ. Тарасъ Григор., выспавшись, умылся, одѣлся и пришелъ къ хозяину. Рекомендуясь, что онъ Шевченко. В. В. Т., уже слыхавши о немъ, т. к. Шевченко въ то время успѣлъ уже пріобрѣсти большую славу, очень обрадовался ему, познакомилъ его съ своей семьей и просилъ остаться нѣкоторое время погостить. Тарасъ Григ., конечно, охотно согласился, полюбилъ обитателей Потокъ, въ особенности же сестру владѣльца Н. В. Т., съ которой крестилъ ребенка у дьяка, и всегда

ее потомъ называлъ «дорога кумася». Живя въ Потокахъ, Тарасъ Гр. писалъ, рисовалъ и много дарилъ своей «кумасѣ» стихотвореній и рисунковъ, въ томъ числѣ подарилъ и свой портретъ, рисованный имъ въ зеркало. Впослѣдствіи, когда его арестовали, то всѣ его знавшіе, въ особенности же тѣ, у которыхъ онъ проживалъ, были напуганы и ожидали обыска. В. В. Т. получилъ отъ правителя канцеляріи ген.-губ. Бибикова, Писарева, увѣдомленіе о могущемъ произойти обыскѣ, отдалъ всѣ имѣвшіяся у него стихотворенія Шевченка своей женѣ, которая ночью зашила ихъ въ тюфякъ; кума же Тараса Григ., желая сохранить всѣ бумаги, полученныя отъ него, уложила ихъ въ ящикъ и зарыла его въ землю въ саду. Прошло тревожное время, и когда все успокоилось, Н. В. Т. поѣхала въ деревню и отрыла свой драгоцѣнный ящикъ съ произведеніями Шевченка. Бумаги и рисунки оказались всѣ цѣлы и долго хранились у нея.

Отдавая всегда, и послѣ возвращенія Шевченка изъ ссылки, всѣ письма и рисунки его одному страстному собирателю всего касающагося Шевченка, этихъ вырытыхъ изъ земли бумагъ она не отдала, и тотъ ничего не зналъ о ихъ существованіи до смерти Н. В. Т., когда оказалось, что онѣ ею были отданы одной родственницѣ, которая въ настоящее время не можетъ ихъ отыскать у себя. Не такъ жаль потери подлинныхъ рисунковъ и рукописей Шевченка, какъ того, что между этими рукописями, можно предположить, находилось окончаніе извѣстнаго только по началу, нигдѣ ненаходимаго и написаннаго именно въ то время произведенія Шевченка «Иванъ Гуссъ». Въ то время пребыванія Шевченка въ Потокахъ, въ честь его была устроена иллюминація въ саду: на верхушкѣ большой березы прикрѣпленъ его вензель, были даже сочинены владѣльцемъ стихи, каждый куплетъ которыхъ оканчивался словами:

„Середъ насъ, середъ насъ
Добрый Тарасъ..."

Любимымъ занятіемъ Тараса Григ. въ Потокахъ было катаніе на паромкѣ на большомъ пруду, въ теплые, лѣтніе вечера при заходящемъ солнцѣ, сопровождавшееся всегда пѣніемъ народныхъ украинскихъ пѣсенъ и особенно его любимой пѣсни «Ой зійды, зійды, зиронька та вечирняя».

Изъ Потокъ Шевченко уѣхалъ недѣли черезъ двѣ, но куда—неизвѣстно.

II. *Въ Качановкѣ* (черниг. губ., борзен. уѣзда).

Здѣсь Т. Г. Шевченко часто и подолгу гостилъ, въ сороковыхъ годахъ, у тогдашняго владѣльца Качановки Г. С. Т., съ которымъ былъ въ перепискѣ, но къ сожалѣнію, послѣ смерти Г. С. Т. найдено было только два письма; въ одномъ изъ нихъ извѣщается о посылкѣ въ Качановку картины Шевченка «Катерина» [1]).

Послѣ ссылки Шевченко въ первый разъ пріѣхалъ въ Качановку въ 1859 г. 21 августа и не засталъ тамъ хозяина, бывшаго владѣльца Потокъ. Но въ Качановкѣ былъ его сынъ, студентъ, который, возвращаясь однажды изъ сада, увидѣлъ идущихъ ему навстрѣчу двухъ человѣкъ, одного въ длинномъ парусиновомъ кобинякѣ, а за нимъ старика дворецкаго, знавшаго Шевченка до ссылки. Сыну владѣльца было только семь лѣтъ, когда Тарасъ Григ. гостилъ въ Потокахъ, но онъ выросъ въ семьѣ, гдѣ почитаніе поэта было, такъ сказать, традиціоннымъ, а поэтому онъ увлекался его поэзіей, много зналъ наизусть его стихотвореній и питалъ глубокое уваженіе къ личности поэта.

Не удивительно поэтому, что, когда подошедшій въ парусиновомъ кобинякѣ назвалъ себя Шевченкомъ, оба бросились другъ къ другу въ объятія. Для Шевченка эта встрѣча съ юношей, котораго онъ когда-то зналъ ребенкомъ, была не менѣе радостна; она напомнила ему былое, какъ и вообще, быть можетъ, самый пріѣздъ его въ Качановку объясняется потребностью души его послѣ сильныхъ потрясеній, при видѣ знакомыхъ мѣстъ, оглянуться на пройденный путь и воскресить въ памяти тѣ дни, которые относились къ иной, болѣе свѣтлой порѣ его жизни. Послѣ обѣда Тарасъ Григ. захотѣлъ погулять въ саду. При выходѣ изъ дому, онъ встрѣтилъ многихъ изъ служителей дворовыхъ, собравшихся повидать Шевченка, такъ какъ они помнили его и любили. Тарасъ Григ. привѣтливо со всѣми здоровался, съ нѣкоторыми обнимался и вспоминалъ о прежнихъ своихъ посѣщеніяхъ Качановки. Въ продолженіе всей прогулки поэтъ былъ задумчивъ и грустенъ; видимо, предъ нимъ проходили картины прошлаго. Въ одномъ особенно живописномъ мѣстѣ, на выступающей къ пруду площадкѣ, среди плоскогорья, онъ сталъ восторгаться видомъ и воскликнулъ: «якъ умру, то тутъ поховайте мене». Этимъ словамъ, конечно, нельзя придавать серьезнаго значенья: они были произне-

---

[1]) Оригиналъ этой картины находится въ коллекціи В. В. Тарновскаго, а фототипическій снимокъ ея приложенъ въ „Кіев. Стар." 1896 г. № 2.

несены подъ впечатлѣніемъ окружавшей его чудной природы. Въ одномъ мѣстѣ сынъ владѣльца попросилъ Тараса Григ. посадить ему на память молодой дубокъ (такъ какъ это было въ Августѣ, то деревцо было выкопано для вѣрной посадки съ землей). Шевченко, посадивъ дубокъ, пожелалъ: Дай Боже, щобъ намъ довелось колы небудь посыдить въ тини его гилья».

Вернувшись изъ прогулки, которая для Тараса Григ. была сплошнымъ переживаньемъ минувшаго, они оба растянулись передъ домомъ на лугу, и студентъ сталъ декламировать поэту его же стихотворенія, еще тогда ненапечатанныя. Тарасъ Григ. многихъ не помнилъ и почти за каждымъ стихомъ удивленно спрашивалъ: «колы це я пысавъ?» И луна взошла, ярко освѣщая все кругомъ, а они все еще лежали на полянкѣ, предаваясь поэзіи и восторгаясь теплой украинской ночью.

Наконецъ, вставая, чтобы идти ужинать, студентъ продекламировалъ Шевченку отрывокъ изъ его стихотворенія:

„Лечу, дывлюся—ажъ свитае,
Край неба палае,
Соловейко въ темнимъ гаи
Сонце зостричае;
Тыхесенько витеръ віе,
Межъ арамы, надъ ставамы
Вербы зеленіють...

— «Видкиля жъ це?» —спросилъ Шевченко и сейчасъ, вспомнивши, спохватился: «Ну, цей сонъ буду я памьятаты, наробывъ винъ мени лыха». Пришедши въ залу, гдѣ былъ накрытъ ужинъ, Тарасъ Григ. попросилъ дать ему альбомъ, выразивъ желаніе написать что нибудь на память о своемъ посѣщеніи Качановки. Альбомъ былъ тотчасъ принесенъ, и Тарасъ Григор. начертилъ въ немъ только двѣ строки:

„И стежечка, де ты ходыла
Колючымъ терномъ поросла“ [1]).

1859 года 21 августа. Качановка.

Невольно приходитъ на мысль, почему Шевченко избралъ именно эти строки, и мы склонны предположить что онѣ являются отраженіемъ того грустно-мечтательнаго настроенія, въ которомъ находился поэтъ, и написаны подъ впечатлѣніемъ прогулки въ саду, гдѣ онъ не

---

[1]) Факсимиле Шевченка двухъ упомянутыхъ строкъ при этой книжкѣ прилагается.

нашелъ уже знакомой и дорогой ему по воспоминаньямъ «стежечки». На слѣдующій день утромъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко принесъ и подарилъ сыну владѣльца нѣкоторые изъ своихъ офортовъ; въ то же утро онъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. По удаленіи войта Сычевскаго, имп. Екатерина II рекомендовала кіевскому генералъ-губернатору Глѣбову внушить кіевскому магистрату отъ себя, чтобы четвертымъ кандидатомъ въ должность войта былъ поставленъ кіевской губернской канцеляріи прокуроръ Пивоваровъ. Внушенія ни къ чему не привели: по словамъ кіевскаго оберъ-коменданта Ельчанинова, передъ выборами будто-бы призваны были въ ратушу старшіе, и чрезъ писаря Давидовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ, въ противномъ случаѣ чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ изгнанъ изъ города [1]).

По этому поводу данъ былъ 3 іюля 1766 г. въ Петергофѣ слѣдующій именной «Указъ нашему генералъ-губернатору Воейкову: Бывшей предъ вами кіевской генералъ-губернаторъ Глѣбовъ представлялъ намъ полученные имъ изъ Кіева отъ тамошняго магистрата выборъ на чинъ новаго войта кандидатовъ и два рапорта отъ генерала-маіора и оберъ-коменданта Елчанинова, изъ коихъ мы съ великимъ неудовольствіемъ усмотрели, что помянутой магистратъ, непозволеннымъ образомъ вмѣшавшись въ сей выборъ, дерзнулъ всѣвать въ мещанъ страхи съ угрозами о избраніи въ число кандидатовъ великороссійскаго нашего подданнаго, чего оному магистрату чинить не надлежало, а потому и почитаемъ мы оной выборъ недобровольнымъ, но изъ принужденія и страха учиненнымъ. Чего ради повелѣваемъ вамъ, собравъ оной магистратъ, при всемъ мещанствѣ къ выбору привилегированномъ объявить, что оной симъ непристойнымъ и дерзкимъ своимъ поступкомъ заслуживаетъ по справедливости нашъ гнѣвъ, а потому и достойное наказаніе; но мы изъ единаго токмо милосердія въ сей разъ вину его всемилостивѣйше прощаемъ, надѣясь, что онъ впредь согласнѣе съ должностію вѣрноподданнаго поступать будетъ. Потомъ посланной при семъ выборъ въ присут-

[1]) С. Соловьевъ, Ист. Рос., т. 17, стр. 28 сл. Цит. у И. Каманина, Послѣдн. годы самоупр. Кіева по магд. пр. въ „Кіев. Стар." 1888 г., сент., стр. 606.

ствіи ихъ изодрать, и приказать согласно намѣренію нашему здѣлать при васъ самихъ новой, которой и прислать къ намъ на апробацію. Екатерина».

Воейковъ 16 августа 1766 г. донесъ императрицѣ, что уже на другой день полученія именнаго указа отъ 3 іюля, т. е. 30 іюля собраны были магистратъ и все къ выбору въ войты привилегированное мѣщанство, «которымъ соизволеніе В. И. В. Всемилостивѣйше мнѣ предписаннымъ образомъ объявлено, прежней ихъ выборъ въ присутствіи всѣхъ изодранъ, а притомъ для новаго выбору 3-е число сего мѣсяца назначено, въ которой день о собраніи всего магистрата и привилегированнаго къ тому мѣщанства присылкою депутата мнѣ знать дано: я въ ратушу поѣхалъ, гдѣ по входѣ въ палату и по обыкновенномъ засѣданіи всѣхъ чиновъ, оные приличными резонами къ начинанію выбора по ихъ древнему обряду побуждены. Вслѣдствіе чего магистратскимъ писаремъ написанъ актъ и требована дача голосовъ, а между тѣмъ по обыкновеннымъ переговоркамъ всталъ одинъ магистратской члѣнъ и на общее всего собранія разсужденіе объявилъ имяна новыхъ четырехъ кандидатовъ, но едва толко успѣлъ оныхъ по порядку назвать, со всѣхъ сторонъ голосъ слышенъ былъ, что всѣ выборомъ довольны, и такъ имяна кандидатовъ въ актъ внесены, а потомъ весь актъ въ слухъ прочтенъ, въ заключеніи котораго паки отзывомъ всего собранія доволствіе оказано. По такомъ доброволно съ общаго согласія учиненномъ выборѣ, актъ оставленъ для подписанія. Симъ образомъ выборъ по соизволенію В. И. В. совершенъ, которой съ подписью всего магистрата и привилегированнаго къ тому мѣщанства, кромѣ отсутственныхъ за собственнымъ промысломъ, 9-го числа сего магистратскими при репортѣ мнѣ поданъ, я имѣю честь оной В. И. В. при семъ на всевысочайшую конфирмацію всеподданнѣйше подносить. В. И. В — ва всеподданнѣйшій рабъ Ѳедоръ Воейковъ».

Какъ извѣстно, выбраны были при изложенныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ слѣдующіе кандидаты: Пивоваровъ, Гр. Козицкій (секретарь графа Гр. Гр. Орлова), Ст. Андріевскій («камардинеръ» при е. и. высочествѣ) и кіевскаго магистрата медовой шафаръ Стефанъ Дмитровичъ. Не лишены интереса подписи на актѣ выбора. Онѣ идутъ въ такомъ порядкѣ: бурмистры (6 душъ); писарь Я. Давидовскій; райцы (3); шафары (6); лавники (6); городничій Ѳ. Донецъ; шафары (8, изъ нихъ 1 неграм.), инстигаторъ, шафары (8, изъ нихъ 5 негр.) инстигаторы (4); урядники (16). Реестровой коргвы мѣщане:

мѣщанъ 10 (изъ нихъ 5 негр.) и урядниковъ 3 (изъ нихъ 1 негр.); цеху кравецкаго цехмистры (6, изъ нихъ 2 негр.); цеху кушнерскаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 негр.); цеху шевскаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 нег.); цеху ковальскаго цехмистры (2, изъ нихъ 1 негр.); цеху ткацкаго цехмистра 2 (1 негр.) и урядникъ 1; цеху рыбальскаго старосты Гр. Забуга и Лукьянъ Богомазъ (оба негр.); цеху музыцкаго цехмистръ Кузьма Печерскій и урядникъ Гр. Глеваскій (оба негр.); цеху перепечайскаго старосты (2, негр.); цеху рѣзницкаго цехмистры (3, изъ нихъ 2 негр.); цеху гончарскаго цехмистры (4, изъ нихъ 3 негр.); цеху бондарскаго цехмистры (2, негр.); малярскаго собранія начальники (2), сотникъ крамарскій Евстафій Лявданскій и 5 посполитыхъ сотниковъ (изъ нихъ 4 неграм.). Всего 113 чел., изъ нихъ 39 неграмотныхъ.

Уже 12 сентября 1766 г. Пивоваровъ былъ утвержденъ импер. Екатериною II въ должности войта,—по тому времени быстрота необычайная. Бумаги по этому дѣлу пересылались изъ Кіева въ столицу съ эстафетами. 9 ноября Пивоваровъ приведенъ къ войтовской присягѣ въ церкви Соборно Успенской Кіево-подольской іереемъ Іоанномъ Левандою, а черезъ 20 дней подалъ онъ Воейкову покорное доношеніе, гдѣ изобразилъ: въ указѣ сената о жалованьи войта ничего не сказано; изъ магистратскихъ доходовъ ему производится въ годъ жалованья «токмо по сту рублевъ съ нѣкоторыми мѣлочными издревле по ихъ магдебурскимъ правамъ обыкновенными доходами; я же будучи прокуроромъ получалъ Ея И. В. жалованья по 400 по 50 рублевъ въ годъ, и такъ естли и мнѣ на томъ сторублевомъ жалованье состоять (что учинить противъ прежде получаемого мною менше и четвертой части), то онымъ по чину своему крайне содержать себя нѣчемъ». Поэтому Пивоваровъ просилъ ходатайства Воейкова о назначеніи ему изъ доходовъ магистратскихъ приличнаго чину жалованья

На запросъ Воейкова магистратъ въ февралѣ 1767 г. донесъ что «по утвержденному высокомонаршими жалованными оному магистрату грамотами 1645 году марта 30 дня королевскому привилегію установлено войту кіевскому давать зъ доходовъ магистратскихъ въ годъ іургелту, то есть денежного годового окладу сто рублей, зъ тѣмъ притомъ означеніемъ, дабы войтъ зъ техъ же ста рублей содержалъ себѣ слугу присаглого и оному платилъ; а къ тому по утвержденнымъ магистрату кіевскому майдебурскимъ правамъ на войтовъ здешнихъ взымаются потюремніе деньги отъ арестанта по десять копеекъ, да по ухвалѣ магистратовой производится здешнимъ войтамъ акциденцій

въ годъ: вина хлѣбного простого двѣстѣ вѣдеръ, меду сыченого четире мѣрницѣ, пива три мѣрницѣ, дровъ сто колодъ съ нагрузомъ, да къ двоимъ праздникамъ Рождеству и Воскресенію Христову чинится обсылка медомъ, пивомъ и мясывомъ по части; цѣною же оныхъ положить нѣкакъ возможно, для того, что онымъ акцыденціямъ цена всякого года бываетъ неровная, иногда болшая, а иногда меншая; сверхъ же того здешніе войты въ состоящемъ въ подгородѣ мѣскомъ Преорки магистратскомъ футорѣ зъ своего капиталу производили винокуреніе и изъ того доволное имѣли пріобрѣтеніе, а особливо и частію сѣнокосу магистратского владѣли, почему и нынѣшнему господину войту какъ въ томъ магистратскомъ хуторѣ оное винокуреніе производить дозволено, такъ и часть сѣнокосу по усмотрѣнію оного магистрата отведена быть имѣетъ».

Воейковъ рѣшилъ: «прав—му сенату, какъ оной войтъ проситъ, представить не иное что, какъ только то, яко о прибавкѣ ему, войту, жалованья хотя резону предъвидить и не могу, однакожъ все оное передать на благоразсмотреніе пр—го сената».

Сенатъ въ іюнѣ 1767 г. нашелъ, что доходы по должности войта «довольно награждаютъ» Пивоварова за прежнее прокурорское жалованье, «а сверхъ того никто не можетъ по справедливости требовать, чтобъ при переводѣ изъ одного места въ другое производилось тоже жалованье, которое онъ будучи въ первомъ месте имѣлъ, но долженъ всякой доволенъ быть и получать тотъ окладъ, которой ему по настоящей его должности слѣдуетъ».

Какъ видимъ, Пивоваровъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, былъ persona gratissima для лицъ, имѣвшихъ возможность вліять на императрицу; уже очень скоро онъ пришелъ въ столкновеніе съ ген. губ. Воейковымъ по вопросу о замѣщеніи должности магистратскаго писаря и совмѣстно съ магистратомъ проявилъ великую по тому времени строптивость въ отношеніи этого представителя власти, о чемъ разскажемъ въ слѣд. книжкѣ.

Сообщ. Н. М.

Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Въ декабрѣ 1797 г. имп. Павелъ I приказалъ, чтобы всѣ начальствующіе губерніями озаботились высылкою воспитательному дому установленнаго привилегіями дохода съ публичныхъ увеселеній и позорищъ, «разумѣя подъ симъ какъ навсегда существу-

ющіе, такъ и временно общественные и въ частныхъ домахъ открываемые театры, съ которыхъ поелику никакого въ нихъ сбора быть не можетъ, то назначить взносъ нѣкоторой суммы съ каждаго представленія».

Въ малороссійской губерніи никакихъ публичныхъ увеселеній и позорищъ не оказалось, о чемъ губернаторъ Миклашевскій и донесъ изъ Чернигова по командѣ. Въ Кіевѣ дѣло обстояло благополучнѣе: комендантъ Вигель увѣдомилъ военнаго губернатора Розенберга въ январѣ 1798 г., что тамъ имѣются слѣдующія увеселенія: театръ во флигелѣ государева дворца, «редута» [1]) въ городскомъ домѣ на Печерскѣ, «въ которомъ италіанецъ представлялъ на стене тень одинъ разъ, и концертъ игранъ одинъ такъ же разъ».

Губернаторъ кіевскій (гражд.) Милашевичъ призналъ соотвѣтственнымъ взыскивать въ пользу восп. дома десятую долю дохода, остающагося отъ увеселеній за вычетомъ расходовъ на музыку и освѣщеніе.

По собраннымъ справкамъ оказалось: содержателемъ театра выручено (за вычетомъ 80 р. 50 к. на музыку и освѣщеніе) 193 р. 60 к.; содержателемъ «редутъ» (за вычетомъ на муз. и осв. 305 р.) 486 р.; «представлятелемъ концерта» (за вычетомъ 12 р. 50 к. музыкантамъ)—40 руб.; представлявшимъ китайскія тѣни (за вычетомъ 40 р. на осв. и музыку)—26 р.—Итого 745 р. 60 к. выручено предпринимателями и отсюда 74 р. 56 к. взыскано въ пользу Спб. воспитательнаго дома.

Сообщ. **Н. М.**

Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. Извѣстный галицкій ученый Д. Зубрицкій, состоявшій въ 1840-хъ годахъ членомъ кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и переписывавшійся со многими изъ тогдашнихъ кіевскихъ ученыхъ, нерѣдко сообщалъ имъ копіи историческихъ документовъ изъ Ставропигіальнаго и другихъ Львовскихъ архивовъ и даже рисунки предметовъ мѣстной старины. Въ числѣ послѣднихъ намъ удалось пріобрѣсти изъ бумагъ, принадлежавшихъ нѣкогда Н. Д. Иванишеву, рисунокъ большого формата, карандашемъ, сдѣланный искусною рукою и представляющій собою точный снимокъ съ исторической картины, хранившейся въ то время въ одной изъ Львовскихъ церквей. Главную часть ея зани-

[1]) Нѣчто въ родѣ клуба.

маетъ видъ г. Львова половины XVII ст.: впереди тянется массивная каменная городская стѣна, съ башнями, бойницами и двумя закрытыми воротами; за нею расположены многочисленныя зданія, преимущественно многоэтажныя, среди которыхъ возвышается пять или шесть католическихъ храмовъ съ необычайно высокими, большею частью крутыми каменными башнями; вдали видны двѣ трехъ-купольныя церкви малорусскаго типа, повидимому деревянныя, а далѣе видъ замыкается откосомъ какой-то высокой горы. Передняя часть картины изображаетъ пустынную равнину, по которой, подъ стѣнами города, проходитъ отрядъ козаковъ Хмельницкаго. Всѣ они верхомъ на лошадяхъ, одѣты въ однообразныя (въ историческомъ отношеніи совершенно вѣрно изображенныя) платья, съ шлыками на головахъ, съ привѣшенными къ лѣвому бедру кривыми саблями и съ длинными, поднятыми вверхъ «спысами», или копьями, къ древкамъ которыхъ прикрѣплены небольшіе прапоры; почти у каждаго изъ козаковъ за плечами виднѣется лукъ. Лица у всѣхъ весьма типичныя, безбородыя, но съ усами. У одного изъ козаковъ свалилась съ головы шапка, и на обнаженномъ черепѣ его видѣнъ изрядной величины «оселедецъ». Среди храбрыхъ «лыцарей» господствуетъ смятеніе: передніе ряды несутся вскачь и съ видимою тревогою оглядываются на отставшихъ товарищей; послѣдніе стараются не отставать, но съ ними творится что-то неладное: одинъ потерялъ шапку и самъ готовъ свалиться съ лошади, другой, уже безжизненный, поверженъ на землю, и рядомъ съ нимъ растянулся замертво и его вѣрный товарищъ—конь. Вокругъ валяются поломанныя сабли и копья. Что бы понять причину происходящаго, надо поднять вглядъ въ самый верхъ картины: тамъ, въ небесной высотѣ изображена Богородица, низвергающая молніи на несчастныхъ козаковъ. Внизу нашего снимка подпись, сдѣланная Зубрицкимъ: «Видъ Львова съ изображеніемъ обратнаго похода гетмана Хмельницкаго зъ козаками мимо стѣнъ города, послѣ осады, 1655 года (смотри Хронику города Львова, 1844 г. заданную, стран. 376). Современная, масленными красками писана картина находится въ паперти Армянской церкви, въ Львовѣ».

Намъ нигдѣ не приходилось читать или слышать, хранится ли и въ настоящее время въ означенномъ мѣстѣ эта любопытная картина. Крайне желательно было бы имѣть о ней подробныя свѣдѣнія, такъ какъ, при всей тенденціозности ея композиціи, въ этой картинѣ мы имѣемъ подлинное и при томъ мастерски исполненное *со-*

временное изображеніе козаковъ Хмельницкаго, со всѣми подробностями ихъ одежды и вооруженія.

Что касается легенды, послужившей сюжетомъ для названной картины, то можно только выразить удивленіе, какъ могло сложиться подобное сказаніе, столь явно противорѣчащее историческимъ фактамъ. Объ осадѣ Хмельницкимъ Львова въ 1655 г. сохранились подробные дневники, веденные Львовскими же обывателями—очевидцами событія (таковы діаріуши: магистратскаго регента Станислава Добѣшовскаго, студента Борженцкаго, трудъ котораго цѣликомъ внесенъ въ лѣтопись львовскаго каноника Яна Юзефовича, и др.). Всѣ они согласно повѣствуютъ, что, послѣ мѣсячной осады, Хмельниц получивъ отъ львовянъ довольно умѣренный выкупъ, дружелюбно простился съ городскими властями и торжественнымъ маршемъ, на глазахъ высыпавшаго на валы и стѣны населенія Львова, прошелъ черезъ Краковское предмѣстье, уводя за собою многочисленные полки козацкаго воинства. И при всей фанатической ненависти къ врагу, львовскіе мемуаристы не могли не любоваться этимъ тріумфальнымъ шествіемъ и оставили подробное его описаніе. При этомъ, конечно, ни о какомъ бѣгствѣ козаковъ, якобы поражаемыхъ небесными стрѣлами, нѣтъ и рѣчи. Даже каноникъ Юзефовичъ, писавшій свою лѣтопись спустя полвѣка послѣ смерти Хмельницкаго и титулующій его не иначе, какъ carnifex, tyrannus, vulpes, fallax и другими бранными эпитатами, на каждой страницѣ своей лѣтописи повѣствующій о самыхъ невѣроятныхъ чудесахъ и знаменіяхъ, ежегодно якобы совершавшихся въ львовской католической епархіи,—даже онъ ни слова не говоритъ о какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ небесныхъ силъ на защиту Львова отъ осаждавшихъ его козаковъ. Любопытно было бы изслѣдовать, откуда же возникла странная легенда, вдохновившая неизвѣстнаго художника—автора названной картины.

Ор. Левицкій.

Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. Выраженное нами сомнѣніе въ авторствѣ гадяцкаго полковника Грабянки лѣтописи, называемой «Дѣйствія презѣльной брани» («Кіевск. Ст.» 1894 г., ноябрь, 297), повидимому, опровергается спискомъ этой лѣтописи 1756 г., находящимся нынѣ въ кіевской публичной библіотекѣ, куда онъ поступилъ вмѣстѣ съ книгами покойнаго М. В. Юзефовича. Вотъ точный заголовокъ этого списка:

«Дѣйствыя презѣлной отъ начала поляковъ крвавой небывалой браны Богдана Хмелницкого, гетмана Запорожского съ поляки за найяснѣйшихъ королей полскихъ Владислава потомъ і Казимира в року 1648 отправоватися начатой и за лѣтъ десять по смерти Хмелницкаго неоконченной, з разныхъ лѣтописцовъ и изъ діароуша на той войнѣ писанного собранная и самобитнихъ старожиловъ свидѣтелствы утвержденная, року 1710, въ градѣ Гадячу, трудолюбіемъ Григорія Грабянки».

Списанна сыя история в градѣ Сорочинцяхъ, року отъ Рождества Христова 1756».

Такимъ образомъ мы имѣемъ несомнѣнный списокъ лѣтописи 1756 года, съ точнымъ указаніемъ на авторство Грабянки. А такъ какъ Грабянка умеръ въ 1737 г., то значитъ сорочинскій списокъ явился менѣе чѣмъ черезъ 20-ть лѣтъ послѣ смерти автора, когда память о послѣднемъ была еще совсѣмъ свѣжа... А если предположить, что сорочинскій списокъ былъ написанъ для тогдашняго сорочинскаго державцы и лубенскаго полковника Петра Даниловича Апостола, человѣка извѣстнаго своею образованностью, то явится еще большая вѣроятность, что авторство Грабянки было несомнѣннымъ фактомъ для его современника и *товарища по рангу.* Кстати, добавимъ, что сорочинскій списокъ кончается 1696-мъ годомъ.

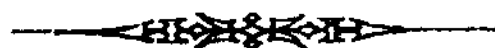
А. Л.

Документъ изъ эпохи „填кованья Войска Запорожскаго" въ Малороссіи. Извѣстенъ старинный обычай, что когда кто-либо изъ прихожанъ жертвовалъ въ церковь евангеліе или другую богослужебную книгу, то при этомъ на поляхъ жертвуемой книги дѣлалась запись съ обозначеніемъ мѣста, времени, именъ жертвователей, названіемъ церкви и ея настоятеля и съ обычнымъ заклятіемъ тѣхъ, кто дерзнулъ бы отобрать или инымъ способомъ отчудить отъ назначенной церкви жертвуемую вещь. Датировались такія записи не только обозначеніемъ года, мѣсяца и числа, но и указаніемъ, за «панованья» какого именно короля (а впослѣдствіи царя или императора) происходило дѣло. Но былъ въ исторіи Малороссіи короткій періодъ, когда она фактически выбилась изъ подданства королю и не вступила еще въ «протекцію» восточнаго царя». Казалось бы, что въ этотъ кратковременный періодъ ея самостоятельнаго государственнаго существованія найболѣе умѣстной была бы формула: «за панованья»

такого-то гетмана; на самомъ же дѣлѣ употреблялась формула: *«за панованья Войска Запорожскаго»*, такъ какъ этимъ терминомъ обозначался военно-республиканскій государственый строй тогдашней Малороссіи, а гетманъ являлся не болѣе, какъ временнымъ представителемъ власти въ родѣ современнаго президента республики. Такая именно формула встрѣтилась намъ въ дарственной записи на старинномъ евангеліи, хранящемся въ преображенской церкви м. Мошенъ, черкасск. уѣзда. Самое евангеліе издано въ Львовѣ, въ братской типографіи, въ 1644 году. На первыхъ листахъ его, внизу, сохранилась слѣдующая старинная запись: «Во имя Отца и Сына и св. Духа, аминь. Я рабъ Божий Петро Копаченко, з жоною своею Вовдотіею и з дѣтками своими на ймя: Василемъ, Якимомъ и Мариею, вымѣнили Евангелие напрестолное за власную працу свою, за золотыхъ к҃ (20), и придали до храму святого Спаса Мошенского *за панованя Войска Запорожского* и за правителства господина отца Иоанна Симоновича[1]); которое евангелие покладаю при помененомъ храмѣ вѣчными часы за отпущене грѣховъ своихъ. А хто бы мѣлъ помененое евангелие отдалити от храму того и от духовного, таковый мѣти будетъ зо мною судъ на страшномъ судѣ. Хто на ономъ евангелии будет читати, прошу мене грѣшного и жону мою и дѣти въ молитвах своих припоминай. Року ҂ах҃нд (1654), мца февраля дня д҃ (4)».

Почти за мѣсяцъ предъ тѣмъ, 8 января, въ Переяславѣ совершился актъ добровольнаго подчиненія Малороссіи царю Алексѣю Михайловичу, но присяга на подданство ему совершилась не одновременно по всей странѣ, и какъ видимъ, въ Мошнахъ въ февралѣ 1654 г. все еще продолжали признавать лишь «панованье Войска Запорожского».

Сообщилъ **О. Л.**

[1]) Рѣчь идетъ о тогдашнемъ приходскомъ настоятелѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. 9-й. *Харьковъ. 1897.*

По заведенному въ послѣдніе годы обычаю, и настоящая книжка «Сборника» открывается некрологическимъ отдѣломъ. Здѣсь мы находимъ теплое слово *Д. И. Багалѣя объ К. Николаѣ Лащенковѣ*, одно перечисленіе работъ котораго показываетъ уже, какого дѣятельнаго члена лишилось въ немъ Общество; помѣщенная же въ настоящемъ томѣ статья покойнаго о. Е. И. Станевичѣ свидѣтельствуетъ и о высокомъ достоинствѣ этихъ работъ. Далѣе слѣдуетъ некрологъ *Д. А. Матова*, молодого талантливаго слависта, родомъ болгарина, связаннаго съ Харьковомъ, какъ съ мѣстомъ своего образованія; некрологъ написанъ *М. Масловымъ;* наконецъ *«Памяти Р. І. Каширенинова»*, преподавателя гимназіи, г. А. Ветуховъ посвятилъ двѣ глубоко-прочувствованныхъ страницы.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію *«Отчета о дѣятельности Харьковскаго Историко-филологическаго Общества за 1895—96 академич. годъ»*. Несмотря на обычный царящій въ этомъ отдѣлѣ хаосъ, при всегдашнемъ мелкомъ, сплошномъ, сѣромъ, точно пасмурный день шрифтѣ, мы хотя и привыкли разбираться въ немъ, но въ этотъ разъ просто были подавлены массой ни для кого неинтересныхъ домашнихъ мелочей Общества. Кому, напр., интересны переписки и разговоры о неудавшемся печатаніи собранія сочиненій Е. С. Гордѣенка, объ обмѣнѣ Общества книгами съ другими учрежденіями и проч.; если заслуживаютъ общественнаго вниманія хлопоты Общества, чтобы могила И. С. Рижскаго не отошла «подъ церкву», то почему важно, что служителю Петру Полозову куплены валенки; вѣдь этакъ пожалуй въ слѣдующей книжкѣ будетъ пояснено, гдѣ, когда и за сколько куплены

валенки и почему не даны были деньги самому Петру Полозову, чтобы онъ могъ выбрать себѣ обувь по ногѣ.

Страница IX отчета служитъ лучшимъ доказательствомъ безпорядочности изложенія: вся стр. VIII и первая строка IX посвящены изложенію подробностей о печатаніи сочиненій г. Гордѣенка, далѣе валенки, рефератъ г. Халанскаго «о членѣ» и въ концѣ страницы чего-то «копія» но отъ кого, кому, зачѣмъ и для чего — неизвѣстно; рѣчь же въ ней идетъ все о томъ же печатаніи сочиненій г. Гордѣенка.

Дѣятельность Общества, на сколько можно было понять изъ «Отчета», выразилась въ слѣдующемъ:

I. Въ ученыхъ засѣданіяхъ, въ которыхъ члены Общества давали доклады о своихъ изслѣдованіяхъ; всѣхъ засѣданій было восемь; изъ нихъ одно административное и семь съ докладами; послѣднихъ было сдѣлано 14; они касались исторіи литературы (7), исторіи языка (1), исторіи церкви (1), каноническаго права (2), международнаго права (1) и биліографіи (2).

II. Въ изданіи обществомъ «Сборника», «Пособія для устройства литературныхъ и научныхъ чтеній», собранія сочиненій Е. С. Гордѣенка.

III. Въ разборѣ представленныхъ сочиненій и присужденіи премій имени А. А. Потебни.

IV. Въ устройствѣ научныхъ чтеній для женщинъ.

V. Въ заботахъ о сохраненіи памятниковъ старины или вообще предметовъ, заслуживающихъ почитанія.

Изъ этого нельзя не видѣть, что дѣятельность Общества широка, разнообразна и по достигнутымъ результатамъ плодотворна, что и отличаетъ Харьковское Общество, придавая ему больше жизненности, интереса и значенія среди другихъ южнорусскихъ ученыхъ обществъ, не проявляющихъ особенной подвижности.

Въ концѣ «Отчета» приложены программы научныхъ чтеній для женщинъ: 1) по Римской исторіи, 2) по общему языкознанію, 3) по русской исторіи, 4) по исторіи Аѳинъ, 5) по исторіи западныхъ литературъ и 6) по исторіи римской поэзіи.

Отдѣлъ изслѣдованій и сообщеній открывается трудомъ г. *Амфіана Лебедева*: *Ѳеоктистъ Мочульскій, архіепископъ [Бѣлгородскій (1786—1899) и курскій (1799—1818)*. Настоящая статья, основанная на неизданномъ ахривномъ матеріалѣ, служитъ какъ бы дополненіемъ къ статьѣ Ѳ. И. Титова объ этомъ же архіепископѣ, написанной ис-

ключительно по печатнымъ источникамъ. Оба автора согласно относятъ архіепископа Θеоктиста къ числу самыхъ выдающихся іерарховъ русской церкви, и мнѣніе это вполнѣ подтверждается приводимыми авторомъ фактами.

Духовно учебныя заведенія были главнѣйшимъ предметомъ заботъ архипастыря; такъ, напр., онъ заботился о полнотѣ преподаванія въ харьковскомъ коллегіумѣ, этомъ высшемъ учебномъ заведеніи Бѣлгородской епархіи; когда же предстояло раздѣленіе этой епархіи, то архіепископъ Θеоктистъ заботился объ устроеніи въ ней другой семинаріи—въ Бѣлгородѣ; кромѣ того, онъ частію возстановилъ, частію открылъ вновь нѣсколько низшихъ духовныхъ училищъ, такъ называемыхъ славяно-латинскихъ школъ, или малыхъ семинарій; наконецъ, преосвященный отнесся съ полнымъ вниманіемъ и къ самымъ начальнымъ, такъ называемымъ славяно-россійскимъ школамъ, побудивъ всѣ духовныя правленія открыть у себя этого рода училища. Въ заботахъ о матеріальной поддержкѣ учебныхъ заведеній, архіеп. Θеоктистъ долженъ былъ прибѣгать и къ частной благотворительности; съ этой цѣлью онъ устраивалъ торжественные акты, годичные и случайные, и предписывалъ учителямъ самимъ сочинять и говорить знатнымъ лицамъ привѣтствія и пріучать къ тому же учениковъ. Распространеніе и развитіе школьнаго образованія имѣлось въ виду ради приготовленія достойныхъ кандидатовъ священства; поэтому, преосв. Θеоктистъ не рѣдко самъ экзаменовалъ ставленниковъ, требовалъ отъ нихъ частыхъ проповѣдей и даже указывалъ имъ домашнія, приличныя ихъ званію занятія, чтобы «отвратить священно—и церковнослужителей отъ противныхъ званію ихъ дѣяній, паче же къ удержанію отъ гнуснаго пьянства». Не менѣе, чѣмъ приходское духовенство, доставляли преосв. Θеоктисту заботъ и монашествующіе—съ ихъ неустроеннымъ житіемъ и распущенными нравами, которые ярко обрисовываются въ приводимыхъ авторомъ цитатахъ изъ старыхъ дѣлъ консисторскаго архива. Въ отношеніи къ самой консисторіи преосв. Θеоктистъ былъ строгій блюститель правильности дѣлопроизводства и судебныхъ рѣшеній. Рѣдкое изъ дѣлъ, производившихся въ консисторіи, оставалось безъ его замѣчаній, при чемъ эти замѣчанія не рѣдко имѣли характеръ внушительныхъ наставленій для самихъ отцовъ консистаріаловъ по поводу полагаемыхъ ими на дѣлахъ мнѣній. Видную сторону архипастырсхой дѣятельности преосв. Θеоктиста составляли заботы о присоединеніи къ церкви сектантовъ и старообрядцевъ, по отношенію къ которымъ онъ всегда принималъ мѣры разум-

ныя и гуманныя. Такая полезная дѣятельность преосвящ. Θеоктиста продолжалась болѣе 30 лѣтъ; съ 1813 года различные недуги ослабляютъ дѣятельность преосв. Θеоктиста; но прекратилась она лишь съ его смертью 16 августа 1817 г.

Не менѣе интересна, чѣмъ вышеизложенная, статья покойнаго о *Николая Лащенкова*: «*Евстафій Ивановичъ Станевичъ*», личность котораго заслуживаетъ вниманія лишь по судьбѣ его книги; онъ былъ уроженецъ г. Нѣжина; воспитывался же въ москов. коммерческомъ училищѣ; по окончаніи курса онъ занялся учительствомъ и литературнымъ трудомъ, который приводитъ его то во враждебныя, то въ дружественныя отношенія къ тогдашнимъ представителямъ литературы; очеркъ этихъ отношеній обстоятельно сдѣланъ авторомъ, также охарактеризовано тогдашнее умственное настроеніе общества, религіозно-мистическое, какъ реакція противъ увлеченій матеріалистическими вѣяніями XVIII вѣка, появившимися въ Россіи еще въ концѣ прошлаго вѣка; это настроеніе во многомъ противорѣчило ученію православной церкви и потому встрѣчало противодѣйствіе со стороны духовенства и даже свѣтскихъ лицъ; но мистицизмъ былъ силенъ своими представителями, и выступавшія на борьбу съ нимъ лица подвергались гоненіямъ и лишеніямъ; въ этой литературной борьбѣ принялъ участіе и Станевичъ написавши книгу: «Бесѣда надъ гробомъ младенца о безсмертіи души тогда только утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи вѣры и церкви». Хотя книга эта сама по себѣ не представляетъ ничего выдающагося и даже бѣдна по содержанію, но выйдя въ самый разгаръ борьбы, она подвергалась запрещенію, а авторъ ея лишенъ былъ мѣста и высланъ изъ Петербурга; съ перемѣною общественнаго настроенія во вторую половину царствованія императора Александра I, книга Станевича получила распространеніе, а автору были возвращены всѣ потерянныя имъ права и возмѣщены убытки. Статья покойнаго о. Н. Лащенкова представляетъ собою серьезный историко-литературный трудъ.

Б. М. Ляпуновъ обозрѣваетъ труды недавно скончавшагося молодого выдающагося слависта «*Д—ра Ватрослава Облака*» по славянской филологіи; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отношеніе и къ памятникамъ древне-русской письменности.

П. П. Короленко помѣстилъ въ настоящемъ томѣ весьма важные «*матеріалы по исторіи войска запорожскаго*, извлеченные изъ дѣлъ Харьковскаго Историческаго Архива» за время съ 1729 по 1773 г. г. Онъ располагаетъ этотъ интересный матеріалъ въ одномъ хро-

нологическомъ порядкѣ, а не по содержанію, отчего пользованіе имъ довольно затруднительно. Совсѣмъ иное значеніе имѣла бы работа г. Короленка, если бы свой архивный матеріалъ онъ расположилъ въ такой системѣ, въ какой изложилъ г. А. Лебедевъ свои данныя о «Ѳеоктистѣ Мочульскомъ». Какъ важны, напр., данныя о козацкомъ самоуправленіи, отношеніи къ нимъ русскаго правительства, объ ихъ землевладѣніи, промышленности и торговлѣ, отношеніи къ татарамъ, внутреннихъ порядкахъ и проч., а между тѣмъ они перемѣшаны и разбиты; будь это все изложено логично, а не хронологично,—получилась бы живая картина запорожской жизни, и изъ нея уже нетрудно было бы сдѣлать и выводы.

Н. И. Алякритскій продолжаетъ обзоръ трудовъ *Н С. Тихонравова* съ 1859—1874 г. по исторіи русской литературы, а г. *М. М. Плохинскій*—составленную имъ опись старыхъ дѣлъ Харьковскаго архива.

Наконецъ, *Н. Ѳ. Сумцову* принадлежитъ въ настоящемъ томѣ цѣлыхъ пять статей: 1) «*Литературная родня разсказа гр. Л. Н. Толстаго* «*Чѣмъ люди живы*; 2) «*Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ*»; 3) «*Жаба и лягушка въ народныхъ повѣрьяхъ и сказаніяхъ*»; 4) *Пожеланія и проклятія*» и 5) «*Личные обереги отъ сглаза*». Въ первой своей статьѣ г. Сумцовъ подбираетъ отовсюду литературную родню къ разсказу гр. Л. Н. Толстаго: «Чѣмъ люди живы»; подборъ показываетъ большую распространенность фабулы разсказа и большія варіаціи ея; авторъ старается оправдать писателя и защитить его отъ обвиненій другихъ критиковъ въ заимствованіи, ибо «народу возвращается его собственное полузабытое литературное достояніе, но возвращается въ художественной обработкѣ».

Во второй статьѣ авторъ дѣлаетъ попытку объясненія нѣкоторыхъ древнихъ пословицъ, указываетъ на заимствованіе другихъ и подтверждаетъ древность употребленія третьихъ; но историческія, общественныя и друг. условія, создавшія тѣ или иныя пословицы и дающія имъ смыслъ, еще предлежитъ изучить и опредѣлить для огромнаго количества пословицъ, даже изъ тѣхъ, которыя приводитъ авторъ.

Что касается до собственно этнографическихъ работъ Н. Ѳ. Сумцова, то къ нимъ, какъ и вообще къ подавляющему большинству такихъ работъ, вполнѣ приложима пословица, что въ нихъ изъ-за деревьевъ лѣса не видно, хотя авторы и очень часто обнаруживаютъ большую начитанность и эрудицію.

Изъ сказаннаго, повторимъ еще разъ, не трудно видѣть, какую большую энергію проявляетъ общество въ изученіи мѣстной старины какъ горячо и безкорыстно заботится оно о расширеніи знаній въ массѣ (хотя только пока среди женщинъ), какъ полны, разнообразны, содержательны и интересны книжки его «Сборника» и какой широкой программы происхожденія держится историко-филологическое Общество — все это даетъ ему право на одно изъ почетныхъ мѣстъ среди другихъ историческихъ обществъ.

И. Каманинъ.

Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes. Vingt-quatre gravures hors texte. Paris, 1896. (Баронъ де-Бай. Кіевъ. Мать городовъ русскихъ). *Стр. 46.*

Эта книжечка — любопытный образецъ французской causerie. По словамъ самого автора, новый трудъ его — рядъ листковъ, вырванныхъ изъ записной книжки туриста. Съ неподражаемой граціей г. де-Бай касается самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ и въ сущности не даетъ ничего. Изученіе Россіи сдѣлало во Франціи значительные успѣхи въ послѣднее время, и разсматриваемая брошюра, къ сожалѣнію, очень мало прибавитъ къ запасу свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, доступному для средняго французскаго читателя..

При вступленіи на русскую почву авторъ рекомендуетъ прежде всего отрѣшиться отъ обычной обстановки «сдѣлаться немножко восточнымъ человѣкомъ». Это значитъ, что чуждую и дружественную страну слѣдуетъ разсматривать лишь съ лучшихъ ея сторонъ, восторгаться ея красотами и опускать то, что могло-бы показаться непріятнымъ, воздерживаться отъ безплодной и излишней критики.

Восхищенія въ книгѣ г. де-Бая дѣйствительно очень много, критика отсутствуетъ, и поставленная задача выполнена авторомъ блистательно. Авторъ восхищается Кіевомъ и Украиной съ желѣзнодорожнаго моста (стр. 6), на стр. 7 разсказываетъ о языческомъ періодѣ Кіева, на стр. 9—11 даетъ пересказъ баллады Пушкина о вѣщемъ Олегѣ, далѣе идутъ языческія похороны (разсказъ Ибнъ Фоцлана и снимокъ картины Семирадскаго), принятіе христіанства въ Кіевѣ и крещеніе въ Херсонесѣ. Въ очеркѣ христіанскаго Кіева (23—26) узнаемъ, что въ жилахъ малороссовъ течетъ кровь не только сѣверянъ, древлянъ и полянъ, но также запорожцевъ, печенѣгъ и

другихъ восточныхъ народовъ. По увѣренію автора, удивительно, до чего значительные слѣды въ Кіевѣ оставило польское владычество. Крупные собственники и промышленники почти не живутъ въ нашемъ городѣ. Въ магазинахъ, гостинницахъ, на улицахъ больше всего встрѣтишь поляковъ и евреевъ. Въ среднемъ классѣ еще замѣтны слѣды польскаго вліянія или реминисценцій козатчины—авторъ лишь затрудняется, чему дать преимущество.

Далѣе слѣдуетъ описаніе Св. Софіи и Владимірскаго храма, съ многочисленными, порядочно исполненными снимками. Описаніе Кіева оканчивается посѣщеніемъ Лавры, гдѣ авторъ поражается живописностью группъ богомольцевъ въ лаврскихъ дворахъ и садахъ.

При такомъ обзорѣ, можно сказать, à vol d'oiseau неизбѣжны конечно маленькія ошибки,—безъ нихъ даже нарушена была-бы цѣльность впечатлѣнія отъ книги г. де-Бая. Такъ напр., Крещатикъ оказывается у него на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходило крещеніе, въ деревенскихъ избахъ и донынѣ крестьяне распѣваютъ былины въ честь кн. Владиміра, Палѣй доставилъ побѣду Петру I надъ союзомъ польскаго пана, іезуита и еврея—арендатора; кисель пошелъ въ ходъ съ эпохи Нестора лѣтописца и т. д.

Не лишено своеобразнаго интереса также описаніе поѣздки въ окрестности Кіева, именно въ Вишенки. «Спустимся на берегъ Днѣпра, гдѣ купаются, по крайней мѣрѣ разъ въ день, всѣ кіевляне. Бани играютъ большую роль въ жизни русскихъ, которые сѣкутъ себя въ водѣ, совершенно какъ во время Нестора, маленькими розгами изъ березы съ листьями». Отсюда и пословица: присталъ какъ банный листъ. Крестьяне на сѣнокосѣ. Костюмъ ихъ восхитителенъ. Крестьяне, въ широчайшихъ панталонахъ, въ вышитыхъ синимъ и краснымъ рубахахъ, бритые, длинноусые—не напоминаютъ ли они о роли, которую игралъ въ этой странѣ тюркскій этническій элементъ? Столь-же живописенъ и костюмъ женщинъ. Судя по описанію автора можно подумать, что онъ видѣлъ ихъ на свадьбѣ, а не на сѣнокосѣ. Импровизированный обѣдъ туристовъ состоитъ изъ мѣстныхъ блюдъ: каши, поросенка, киселя, простокваши и малины. Затѣмъ туристовъ приглашаетъ къ себѣ мѣстный священникъ. «Онъ выразилъ намъ въ трогательныхъ словахъ франко-русскія чувства населенія и волненіе, вызванное убійствомъ г. Карно въ деревнѣ, которая до насъ не видѣла французовъ». Вечерній звонъ призываетъ къ домашнимъ очагамъ разсѣянныхъ по полямъ рабочихъ. Закатъ солнца даетъ автору случай высказать нѣсколько глубокихъ замѣчаній о характерѣ

нашей народной поэзіи, въ которой параллельно воспроизводятся душевныя движенія и виды природы въ гармоническомъ сочетаніи. Оканчивается описаніе стихотвореніемъ Хомякова: «Слава, Кіевъ», и пр.

Настоящая брошюра составляетъ лекцію, прочитанную авторомъ въ Реймсѣ и дважды въ Парижѣ. Сожалѣемъ, что французской публикѣ предлагаются подобные пустяки.

Н. М.

Б. С. Давидовичъ. Судьбы православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). *Рѣчь, читанная на юбилейномъ актѣ Волынской Духовной Семинаріи 1896 года 29 сентября. Посвящается Волынскому Духовенству. Почаевъ. 1896.*

Рѣчь г. Давидовича построена не по избитому и шаблонному типу такъ наз. «юбилейныхъ» ораторскихъ произведеній,—авторъ предпочелъ дать своей задачѣ болѣе разумную постановку; онъ разсматриваетъ столѣтнюю дѣятельность Волынской дух. семинаріи и ея питомцевъ—мѣстнаго духовенства—въ широкой перспективѣ сложныхъ общественныхъ условій жизни края за тотъ-же періодъ. Вслѣдствіе такой постановки брошюра почтеннаго оратора значительно выигрываетъ въ своемъ достоинствѣ, это—живая и поучительная экскурсія въ область прошлаго Волыни за послѣднее столѣтіе. Нарисовавъ общую картину взаимныхъ отношеній между двумя культурными началами, русскимъ и польскимъ, авторъ на фонѣ борьбы ихъ рельефно оттѣняетъ дѣятельность семинаріи—этого перваго (долгое время—и единственнаго) русскаго учебно-воспитательнаго заведенія въ краѣ; и такой вполнѣ научный пріемъ далъ возможность автору совершенно правильно и безъ всякой натяжки оцѣнить по достоинству дѣятельность семинаріи, скромную и не блестящую по внѣшности, но богатую плодотворными результатами. Избѣгая по возможности апріорныхъ построеній, г. Давидовичъ даетъ своему очерку строго фактическую основу; а такъ какъ событія жизни Волыни знакомы ему хорошо до малѣйшихъ подробностей, при чемъ это знаніе, какъ можно судить, пріобрѣтено имъ не ad hoc, а составляетъ давній и постоянно пополняемый умственный капиталъ, то они комбинируются въ легкой и плавной рѣчи, безъ той напряженности, которая обыкновенно сразу же даетъ себя чувствовать въ трудѣ изслѣдователя, такъ сказать,

скороспѣлаго, вызваннаго къ изученію извѣстной области лишь тѣмъ или другимъ внѣшнимъ поводомъ. Широта и просвѣщенность взгляда, полная самостоятельность, а нерѣдко и оригинальность въ оцѣнкѣ факторовъ, создавшихъ и обострявшихъ польско-русскій вопросъ — все это заставляетъ признать брошюру г. Давидовича цѣннымъ историческимъ этюдомъ, хорошо освѣщающимъ основные моменты послѣдняго періода исторіи Волыни. Весьма симпатиченъ гуманный призывъ автора, что «не побѣдные клики, не радость одолѣнія враговъ должны составлять существенную сторону этого (т. е юбилейнаго) торжества. Да будетъ ему чужда и тѣнь человѣконенавистничества и вражды!» (с. 34). Вообще заключеніе написано съ тѣмъ истиннымъ воодушевленіемъ, которое, не имѣя ничего общаго съ напускнымъ юбилейнымъ пафосомъ, оставляетъ впечатлѣніе задушевности.

Не входя въ подробное изложеніе содержанія брошюры г. Давидовича, мы отмѣтимъ нѣкоторыя воззрѣнія автора, которыя кажутся намъ недостаточно обоснованными. Такъ, относительно обратнаго перехода уніатовъ въ православіе, авторъ говоритъ, что народная масса «немедленно заявила свое тяготѣніе къ новому порядку вещей возвращеніемъ къ вѣрѣ предковъ» и что «это движеніе, охватившее весь нашъ край, является дѣломъ чисто-народнымъ» (стр. 7). Это утвержденіе нельзя принять безъ оговорки. Возвращеніе уніатовъ, дѣйствительно, народное дѣло въ томъ смыслѣ, что оно клонилось къ духовной пользѣ народа; но едва ли можно согласиться съ авторомъ, что это движеніе создалось народной массой, зародилось исключительно въ нѣдрахъ ея и велось народомъ по собственной иниціативѣ. Въ цитованной авторомъ статьѣ «Нѣкоторые эпизоды изъ времени возсоединенія уніатовъ» (Русск. Ст., 1894, авг.) сообщено не мало фактовъ (по архивнымъ документамъ), заставляющихъ съ особенною осторожностью давать окончательную оцѣнку этому крупному событію конца XVIII вѣка, и самъ г. Давидовичъ не отрицаетъ, что «дѣло возсоединенія не обошлось безъ шероховатостей» (с. 7). А затѣмъ—трудно согласить съ вышеуказаннымъ утвержденіемъ автора тотъ фактъ, что въ царствованіе Павла I «дѣло возсоединенія пріостановилось», движенія народныя—вовсе не такого характера, чтобы имъ могъ быть положенъ предѣлъ «противодѣйствіемъ со стороны низшихъ агентовъ правительства» (с. 9). Затѣмъ, намъ кажутся нѣсколько преувеличенными похвалы автора народному характеру политики Екатерины II. Политика Екатерины II страдала нѣкоторою непослѣдовательностью именно въ той широкой области отно-

шеній, которыя вызывали вмѣшательство Россіи въ дѣла Польши: вспомнимъ общеизвѣстныя подробности эпохи раздѣловъ, а также народныя движенія въ Рѣчи Посполитой предъ ея паденіемъ.

Что касается основной цѣли автора,—опредѣлить истинную мѣру заслугъ православной школы и духовенства—то она выполнена съ чисто-научнымъ безпристрастіемъ; и было бы весьма желательно, чтобы эта брошюра получила наиболѣе широкое распространеніе среди волынскаго духовенства, какого она вполнѣ заслуживаетъ.

К. Х—чъ.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. *№№ 1—12.*

№ 1. И. И. Малышевскаго. Галицко-русская депутація въ Римъ. (По поводу 300-лѣтней годовщины Брестской уніи. Стр. 30—54.— Подробный разсказъ о депутаціи, отправленной изъ Галиціи въ Римъ для принесенія папѣ «благодарности за его благодѣянія Галицкой Руси, ея церкви, духовенству и народу». Главою депутаціи былъ м. Сильвестръ Сембратовичъ, а участниками—«львовскіе кафедральные крылошане» и другія лица (изъ «свѣтской интеллигенціи» г. г. Барвинскій и Вохнянинъ) въ числѣ свыше 80 челов. Кромѣ подробностей о пребываніи депутаціи въ Римѣ, разсказано о полученіи м. Сембратовичемъ кардинальства. Сюда же должна быть отнесена и другая статья *А. Б—ва, Адресъ римскому папѣ поднесенный галичанами-уніатами по поводу 300-лѣтія уніи, № 2, стр. 284—289.*

Н. И. Петрова. Греческій Екатерининскій монастырь. Стр. 55—112. Поселеніе грековъ въ Малороссіи вообще и въ Нѣжинѣ особенно. Нѣжинское греческое братство. Попытка кіевскихъ грековъ завести въ Кіевѣ тѣ же порядки, какіе завели у себя нѣжинскіе греки. Вопросъ о передачѣ кіевскимъ грекамъ петропавловскаго подольскаго м—ря. Постройка греческой церкви въ 1739—42 г. г. Противодѣйствіе кіевскихъ мѣщанъ. Переименованіе церкви въ м—рь въ 1748 г. Переводъ греческаго монастыря въ 1787 г. въ петропавловскій м—рь. Уничтоженіе послѣдняго пожаромъ въ 1811 году и возвращеніе греческаго м—ря, въ 1828 году, въ зданіе Екатерининской церкви.

Т. ж. И. И. Малышевскаго. Кардинальство галицкаго уніатскаго митрополита Сильвестра Сембратовича. Стр. 145—159. Послѣдовательный разсказъ о встрѣчѣ митрополита во Львовѣ, послѣ по-

лученія кардинальства, и о сказанныхъ при этомъ рѣчахъ, въ томъ числѣ Шараневича, Савчака и друг.

№№ 2 и 3. Н. И. Петрова. Кіевская Рождество-Предтеченская или Борисо-Глѣбская церковь Стр. 252—283 и 334—364. Начало статьи въ «Трудахъ» 1895 года, № 7, стр. 478—508. Возникновеніе церкви авторъ относитъ къ велик.-княж. періоду: «Древняя Борисо-Глѣбская церковь была или «Туровою божницею», упоминаемою въ 1146 году или преемницею ея». По мнѣнію Закревскаго Борисогл—ая ц-вь построена въ 1602 году; но есть указанія, что она существовала если не въ XV вѣкѣ, то въ 1555 году. Соображенія и свѣдѣнія о судьбѣ храма до половины XVII в. Земельныя пріобрѣтенія церкви во второй половинѣ XVII в. «Школа» и «шпиталь». Постройка каменной церкви въ 1691 году полковникомъ Коровченкомъ. Борисоглѣбская церковь и ея судьба до упраздненія въ 1790 году. Подробныя свѣдѣнія о «школѣ» и о «старцахъ шпитальныхъ» Борисогл—ой церкви. Исторія Рожд.-Предт. церкви и ея Борис.-Глѣб. предѣла до настоящаго времени.

№№ 5, 6, 7, 9 и 11. Н. И. Петрова. Историко-топографическіе очерки древняго Кіева. Стр. 102—128, 239—260, 412—452, 9—134 и 364—386. Обширное изслѣдованіе, заключающее въ себѣ пересмотръ и провѣрку заключеній прежнихъ изслѣдователей по исторической топографіи г. Кіева. Пока обслѣдованы слѣдующія мѣстности: Щекавица съ ея окрестностями, Плоская часть или Оболонь, Печерскъ (подробный разсказъ о Печерской Лаврѣ, о ея зданіяхъ и о пустыняхъ Китаевской и Голосѣевской), Старый городъ, (Андреевское и Софійское отдѣленія) [1]). Изслѣдованіе не окончено.

№№ 6, 7 и 9. В. Серебренникова. Кіевская академія съ пол. XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году. (По поводу новооткрытыхъ документовъ). Стр. 217—238, 368—411 и 61—86. Гл. I. Управленіе и списки начальниковъ и наставниковъ. Списки ректоровъ, префектовъ и учителей, 1750—1817. Гл. II. Хозяйственная часть.

№№ 10—11. Ф. И. Титова. Описаніе торжества открытія честныхъ мощей святит. Ѳеодосія Углицкаго. Стр. 203—233 и 309—341.

№№ 10 11 и 12. Свящ. Н. Стеллецкаго. Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I. Стр, 182—

---

[1]) По поводу „Очерковъ“ Н. И. Петрова въ мѣстныхъ газетахъ за 1896 г. появилось нѣсколько статей, изъ которыхъ можно указать статью г. Голубева, Кіевл., № 322 и отвѣтъ Н. И. Петрова, Кіевск. Слово, №№ 3196, 3200 и 3202.

202, 342—363 и 486—526. Біографическій очеркъ по печатнымъ источникамъ, которые перечислены. С—ій родился въ с. Стратилатовкѣ, Ахтырскаго уѣзда, (1732 г) учился въ кіевской академіи; отправленъ былъ для изученія земледѣлія въ Лондонъ, тамъ остался настоятелемъ посольской церкви. Въ 1782 году возвратился въ Россію и былъ назначенъ преподавать законъ Божій великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ. Пребываніе въ Австріи духовникомъ при вел. княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. Возвращеніе на родину. Послѣдніе годы жизни въ Стратилатовкѣ и заботы объ улучшеніи быта тамошнихъ крестьянъ. Умеръ С—ій въ 1815 г., въ Петербургѣ.

Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podolien, Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. ***(Д-ръ А. Гальбанъ. Къ исторіи нѣмецкаго права въ Подоліи, Волыни и Украинѣ). Стр. 135.***

Профессоръ черновицкаго университета д-ръ Гальбанъ былъ командированъ въ 1894 г. австрійскимъ министерствомъ исповѣданій и нар. просвѣщенія въ Петербургъ для изученія матеріаловъ по каноническому праву въ публичной библіотекѣ. Поѣздки въ Кіевъ въ томъ же и слѣдующемъ году дали ему возможность ознакомиться съ нѣкоторыми книгами кіевскаго центральнаго архива при университетѣ и привели его къ мысли сообщить ученой публикѣ результаты этого ознакомленія по спеціальному вопросу о рецепціи нѣмецкаго права въ городахъ южно-русскихъ областей, нѣкогда входившихъ въ составъ Литвы и Польши. По мнѣнію автора, вопросъ этотъ еще недостаточно разработанъ, и существующія уже попытки въ этомъ направленіи, принадлежащія русскимъ изслѣдователямъ, не могутъ удовлетворить германистовъ, для которыхъ вопросъ представляетъ спеціальный интересъ, чуждый задачамъ русскихъ историковъ права. Интересъ этотъ тѣмъ значительнѣе, что нѣмецкое право распространилось и развивалось на южно-русской почвѣ безъ всякой почти опоры въ германской колонизаціи, заимствовано населеніемъ вполнѣ чуждымъ германской національной стихіи, почему процессъ развитія правовыхъ институтовъ и воззрѣній, обрядовыхъ формъ и пріемовъ долженъ былъ получить оригинальную окраску и далеко разойтись съ образцами, выработанными на родинѣ этого права. При краткости времени командировки, сколько-нибудь подробное ознакомленіе съ

обширнымъ матеріаломъ даже кіевскаго архива было невозможно для автора. Поэтому онъ вынужденъ былъ съузить рамки своей работы и задался цѣлью лишь указать на общій характеръ и содержаніе этого матеріала, ознакомить спеціалистовъ съ существенными результатами прежнихъ работъ по данному предмету и намѣтить рядъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи этой литературы и стоящихъ на очереди въ наукѣ исторіи германскаго права.

Съ точки зрѣнія поставленной авторомъ скромной задачи должно признать, что работа г. Гальбана выполнена съ достаточной полнотой и знаніемъ литературы предмета. Разумѣется, отсюда еще неизмѣримо далеко до исчерпывающаго изслѣдованія вопроса, но какъ предварительная общая программа для германистовъ, преслѣдующихъ свои спеціальныя задачи въ области историко-юридическихъ изученій, книга несомнѣнно принесетъ свою пользу иностраннымъ ученымъ, которые пожелаютъ заняться этимъ нелегкимъ вопросомъ. Особаго значенія для изслѣдователей русскихъ книга г. Гальбана, на нашъ взглядъ, имѣть не можетъ.

Въ книгѣ пять главъ. Въ главѣ первой авторъ знакомитъ съ характеромъ матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ, перечисляетъ градскія книги, имѣющія отношеніе къ вопросу, съ указаніемъ годовъ и номеровъ книгъ по инвентарной описи и справедливо указываетъ на неудовлетворительное положеніе дѣла систематическаго описанія архива. Въ главѣ второй («Значеніе нѣмецкаго права въ южнорусскихъ областяхъ») авторъ, на основаніи главнымъ образомъ монографій и статей г. г. Антоновича, Владимірскаго-Буданова, Багалѣя, Грушевскаго, Кистяковскаго, Каманина, Левицкаго, Молчановскаго, Теличенко и др., излагаетъ въ общихъ чертахъ исторію введенія нѣмецкаго права въ городахъ южной Руси и пытается подойти къ разрѣшенію вопроса о значеніи этого права въ смыслѣ поддержки или ослабленія городской автономіи. Авторъ держится мнѣнія, что истина стоитъ посрединѣ между крайними взглядами, что нѣмецкое право имѣло извѣстное организующее значеніе въ городской жизни, но само по себѣ, конечно, не могло предохранить ее отъ упадка, обусловленнаго общими политическими и экономическими причинами. Условія литовско-польской государственности не давали благопріятной почвы для разцвѣта городской общинной жизни и потому крайне несправедливо относить къ винѣ нѣмецкаго права упадокъ городской самостоятельности, наличность которой въ древнѣйшую пору жизни южнорусскихъ городовъ представляется при томъ

же весьма проблематичной. Какъ намъ кажется, такая постановка вопроса невполнѣ правильна. Вопросъ прежде всего заключается въ томъ, имѣло-ли германское право дѣйствительное реальное значеніе въ городской жизни, или же вліяніе его стушевывалось подъ давленіемъ права обычнаго; дѣло идетъ о констатированіи опредѣленныхъ факторовъ правовой жизни, опредѣленіи моментовъ развитія правовыхъ нормъ и институтовъ, для чего требуется детальное изученіе источниковъ. Внѣ этого условія, ни защита, ни порицаніе никакого значенія для уясненія вопроса имѣть не могутъ.

Въ главѣ «объ источникахъ права» авторъ даетъ сжатый очеркъ литературы предмета, пользуясь для этого преимущественно работами Кистяковскаго и Теличенко, монографіями Даргуна о саксонскомъ зерцалѣ, Френсдорфа о Любекскомъ правѣ, Гомейера объ источникахъ германскаго права и нѣк. др. Самостоятельнаго изученія вопроса по источникамъ въ этой главѣ мы не замѣтили, да оно и не требовалось по свойству поставленной авторомъ задачи.

Въ главѣ четвертой («практика городскихъ властей») авторъ, характеризуетъ способы веденія актовыхъ книгъ, примѣненіе и цитаты изъ юридическихъ руководствъ и сборниковъ, предѣлы городской юрисдикціи въ связи съ юрисдикціями старостинской и частновладѣльческой, значеніе и компетенцію войтовскаго уѣзда, роль магистратовъ, цеховъ и судебную процедуру вообще. При такомъ разнообразіи затронутыхъ вопросовъ, авторъ конечно лишенъ возможности освѣтить ихъ исчерпывающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе авторъ постарался ознакомиться съ литературой предмета, разбросанныя указанія которой нерѣдко пополняетъ ссылками на акты, главнымъ образомъ, каменецкихъ гродскихъ книгъ.

Въ заключительныхъ замѣчаніяхъ (глава V) г. Гальбанъ признаетъ недостаточность своихъ изученій въ этой области и отмѣчаетъ нѣсколько вопросовъ, подлежащихъ ближайшему изслѣдованію историковъ права, останавливаясь въ особенности на изученіи взаимнаго вліянія городскаго магдебургскаго и земскаго правъ. Но для этого необходимо предварительно систематическое собраніе относящихся сюда матеріаловъ изъ архивовъ Кіева, Харькова, Москвы, Вильны, Петербурга. Изданный уже матеріалъ до крайности разбросанъ, имѣетъ характеръ случайный, а неудовлетворительное положеніе дѣла архивныхъ описей ставитъ нынѣ почти неодолимыя препятствія такому изученію.

При всей скромности поставленной г. Гальбаномъ задачи и полученныхъ имъ результатовъ, настоящую книгу слѣдуетъ отмѣтить, какъ весьма симпатичное явленіе въ области текущей историко-юридической литературы. Авторъ обѣщаетъ продолжать свои излѣдованія.

Н. М.

---

1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организація и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. *Кіевъ, 1896. (Стр. X+574+21 исполн. проектъ).*

2) И. В. Лещенко. Описаніе Шпиковскаго имѣнія Н. П. Балашева въ подольской губерніи. *Немировъ, 1896. (Стр. LXXXVII+291). in-fol.*

Работа г. Филипченко была предназначена для нижегородской промышленной выставки. Цѣль ея—дать сельско-хозяйственное описаніе одного изъ крупнѣйшихъ (44 тыс. десятинъ) имѣній юго-западнаго края, въ связи съ организаціей его и детальнымъ изложеніемъ способа веденія дѣла во всей его полнотѣ. Предназначенная для цѣлей практическихъ, книга тѣмъ не менѣе даетъ множество разнообразныхъ свѣдѣній, представляющихъ и теоретическій научный интересъ. Таковы—данныя по исторіи имѣнія, топографическое и геологическое описаніе его, климатическій и метеорологическій очеркъ, характеристика населенія и очеркъ путей сообщенія въ предѣлахъ имѣнія (стр. 1—77). Затѣмъ слѣдуютъ весьма обстоятельные очерки отдѣльныхъ отраслей хозяйства въ различныхъ раіонахъ, съ массой данныхъ для характеристики отношеній и долп участія основнаго и оборотнаго капитала и положенія живой рабочей силы, не говоря уже о свѣдѣніяхъ, такъ сказать, техническаго характера, особенно важныхъ для практическихъ сельскихъ хозяевъ. Въ двухъ мѣстечкахъ и 14 селахъ, входящихъ въ составъ имѣнія, съ населеніемъ свыше 68.000 душъ, устроено 18 церковно-приходскихъ школъ и 2 двухклассныхъ народныхъ училища. При Мошенскомъ двухклассномъ училищѣ есть

ремесленное отдѣленіе, а городищенское училище составляетъ приготовительное отдѣленіе низшей сельскохозяйственной школы перваго разряда. Оба эти училища содержатся на средства владѣльцевъ. Въ народныхъ училищахъ обучаются свыше 2 тыс. дѣтей. Съ 1887 г. устроено въ селахъ имѣнія 14 школьныхъ зданій на счетъ владѣльцевъ. Среднее пособіе владѣльцевъ народнымъ школамъ за послѣдніе 5 лѣтъ составляетъ 1790 р. ежегодно. Прошлою зимою въ м. Городищѣ происходили вечернія популярныя чтенія по сельскому хозяйству главнымъ образомъ для служащихъ въ имѣніи. Двѣ больницы въ мѣстечкахъ содержатся частью на проценты съ капитала въ 30000 р., пожертвованнаго покойной владѣлицей имѣнія кн. Е. К. Воронцовой, рожд. графиней Браницкой. Капиталъ этотъ былъ предназначенъ для образованія сельскихъ банковъ. Въ 1894 г. открыто новое помѣщеніе для одной изъ больницъ на 10 кроватей, выстроенное на счетъ владѣльцевъ съ затратою до 14 т. рублей. Ежегодная затрата на содержаніе больницъ составляетъ свыше 8 т. руб.

Отмѣтимъ еще весьма подробныя данныя книги о способахъ найма и количествѣ вознагражденія постоянныхъ и поденныхъ рабочихъ въ разныхъ экономіяхъ имѣнія (157—170, 340—346, 477 сл.), наглядно опровергающія огульные выводы о черезвычайной дороговизнѣ рабочей силы въ свеклосахарныхъ раіонахъ, съ одной стороны, и о лѣности и нерадивости рабочихъ—съ другой.

Сколько извѣстно, въ нашей сельско-хозяйственной литературѣ еще не появлялось описаній, подобныхъ высоко интересной монографіи г. Филипченка. Всесторонняя оцѣнка такихъ капитальныхъ трудовъ, конечно, не можетъ входить въ нашу задачу, и здѣсь достаточн отмѣтить появленіе книги, написанной главноуправляющимъ южными имѣніями г. г. Балашевыхъ.

Описаніе Шипковскаго имѣнія составлено г. Лещенко по порученію московскаго общества сельскаго хозяйства, основано на документахъ конторы имѣнія и имѣетъ преимущественно характеръ техническій. Тѣмъ не менѣе, въ первой части описанія встрѣчаемъ свѣдѣнія и общеинтересныя: таковы—таблицы о количествѣ рабочихъ силъ въ экономіяхъ и стоимости рабочихъ, о числѣ рабочихъ и праздничныхъ дней въ году, подтверждающія выводъ, который получается

и изъ данныхъ монографіи г. Филипченка относительно низкаго уровня заработной платы въ свекловичномъ производствѣ и сравнительно умѣреннаго количества нерабочаго времени. Приведемъ здѣсь одно нелишенное интереса замѣчаніе автора: «нельзя не указать на одну особенность мѣстнаго населенія—это обѣдать рано утромъ (въ 7 часовъ). Существованіе этого обычая объясняють тѣмъ, что женская половина крестьянской семьи, приготовивши съ ранняго утра ѣду и накормивши утромъ же семью, можетъ быть свободна до вечера, работать въ полѣ, огородѣ и т. п. Этотъ обычай усвоенъ и имѣніемъ и имѣетъ то удобство, что рабочіе, пообѣдавши утромъ въ казармѣ, не должны днемъ совершать переходовъ къ обѣду. На обѣденное же (въ 12 час.) время они получають хлѣбъ. Вечеромъ по окончаніи работъ—ужинъ изъ горячей жидкой кашицы («кулишъ») съ саломъ или постнымъ масломъ... Отдыхъ полагается лѣтомъ во время обѣда—1 часъ и въ полдень—$1^1/_2$ часа. Зимой же отдыхомъ служитъ только время ѣды. Въ видахъ поощренія успѣшности труда, хорошимъ годовымъ и сроковымъ рабочимъ выдаются награды деньгами или какими либо принадлежностями костюмовъ: сапоги, рубахи, штаны, матеріи на юпки, платки и т. п.». (Стр. XXXVIII).

Въ дополненіе къ этимъ нѣсколько общимъ замѣчаніямъ г. Лещенка можно сослаться на показанія г. Филипченка (стр. 156), изъ которыхъ видно, что рабочій день лѣтомъ начинается въ 4—5 часовъ утра, что при копкѣ свеклы задѣльные рабочіе весь день остаются обыкновенно безъ горячей пищи и что при всемъ томъ успѣшность труда крестьянъ несравненно выше труда солдатъ, отпускаемыхъ на сельскія работы. «По цѣнѣ она (работа солдатъ) чуть не вдвое дороже мѣстныхъ крестьянъ, а по производительности иногда также вдвое меньше крестьянской, и это фактъ: наши бабы на копкѣ свеклы за поясъ ихъ затыкаютъ: если солдатъ накопаетъ въ цѣлый день 20 пудовъ, то баба рядомъ съ нимъ копаетъ мѣру—45 пудовъ, случаи эти мы констатировали и показывали г.г. офицерамъ. Но вообще говоря, мы считаемъ особымъ несчастьемъ, когда должны прибѣгать къ пришлому, неумѣлому рабочему».

Мы не касаемся техническихъ и финансовыхъ удобствъ, сопряженныхъ съ такой организаціей полевыхъ работъ на свекловичныхъ

плантаціяхъ, но невольно думается, что пора бы законодательству серьезно заняться этимъ вопросомъ съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья.

Н. М.

Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. *Изданіе кіев. губ. статист. комитета. Годъ изданія пятнадцатый. Кіевъ, 1897. (Стр. 8+300+20).*

Въ полезномъ изданіи этомъ находимъ, кромѣ обычныхъ астрономическихъ, календарныхъ и адрессныхъ свѣдѣній, 22 статистическія таблицы, составленныя по оффиціальнымъ даннымъ за 1895 годъ. Здѣсь сведена въ существенныхъ чертахъ поземельная статистика губерніи, статистика населенія, земледѣлія, скотоводства, показано число и распредѣленіе ремесленниковъ, число зданій, отхожіе промыслы крестьянъ и частные конскіе заводы. Конечно, за безусловную точность большинства статистическихъ свѣдѣній о поземельной собственности, площади посѣвовъ, распредѣленіи жителей по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ трудно поручиться, такъ какъ собираніе ихъ, какъ извѣстно, поставлено весьма неудовлетворительно. Винить въ этомъ стат. комитетъ невозможно,—онъ дѣлаетъ, что можетъ, и представленныя имъ данныя удовлетворяютъ элементарнымъ практическимъ потребностямъ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на невысокій уровень послѣднихъ. О преобразованіи губернской статистики въ неземскихъ губерніяхъ давно идутъ толки, но доколѣ не послѣдуетъ сильнаго толчка вслѣдствіе необходимости переоцѣнки доходности и стоимости имуществъ, до тѣхъ поръ и нашей статистикѣ суждено оставаться въ печальномъ положеніи.

Въ справочномъ отдѣлѣ отмѣтимъ обязательное постановленіе кіевскаго генералъ-губернатора для г. Кіева о дворникахъ и инструкцію для послѣднихъ, а также опытъ характеристики сельской жизни по временамъ года (стр. 81—84 и 101—111).

Въ приложеніи находимъ краткій, но толково составленный историческій очеркъ губерніи съ древнѣйшихъ временъ, основанный на

лучшихъ изслѣдованіяхъ и очеркахъ по этому предмету г. г. Антоновича, Грушевскаго, Кивлицкаго, Андріевскаго и нѣк. друг.

Въ общемъ памятная книжка производитъ пріятное впечатлѣніе по тщательности и полнотѣ сводки общеинтересныхъ данныхъ по губерніи.

Н. М.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ—Грихъ и покаяння.—Пальвода XVIII столитта) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: *Одесса*, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА"

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е. Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф В. Лебедева—Національзація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Думасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—

О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В. Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербургскія Вѣдомости"

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій.				Съ казенными приб.	
	на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ —„	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресують: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—3

Годъ въ **1897** году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.

IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.

VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля,

И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями — по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—3

ОБЪ ИЗДАНІИ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Програмы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хозяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: а) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ. «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя

теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда нау и» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго. «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И Оршанскаго. «Письма къ М-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П. Ск—скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «Прибалтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Кореспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена **(безъ измѣненія объема и состава книжекъ). Разсрочка** для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	$^1/_2$ г.		$^1/_4$ г.		1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р.	6 р.		3 р.		1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 »	50 к.	2 »	75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »		4		

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» **выходятъ ежедневно**, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и оригинальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославкихъ Губ. Вѣдомостяхъ» еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый **«отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства»** открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к.
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ"

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{8}|_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей. каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академій: за $18^{37}|_{38}$ г. (т. I), $18^{41}|_{42}$ (V), $18^{47}|_{48}$ (XI), $18^{48}|_{49}$ (XII), $18^{51}|_{52}$ (XV), $18^{53}|_{54}$ (XVII), $8^{54}|_{55}$ (XVIII), $18^{55}|_{56}$ (XIX), $18^{56}|_{57}$ (XX), $18^{57}|_{58}$ (XXI), $18^{60}|_{61}$ (XXIV), $18^{61}|_{62}$, (XXV), $^{63}|_{64}$ (XXVII), $18^{64}|_{65}$ (XXVIII) $18^{65}|_{66}$ (XXIX), $18^{66}|_{67}$ (XXX), $18^{67}|_{68}$ (XXXI), $18^{68}|_{69}$ (XXXII), $18^{69}|_{70}$ (XXXIII), $18^{70}|_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Θ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ пересылкой.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.
Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%;

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к. т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Θ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Θ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—3

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (*воспоминанія* его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и

К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановскій, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для г.г. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздиковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ.*

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогиче-

скіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виринiуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковнославянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе десяти печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—6 р 50 к.;

для иногороднихъ—семь руб.; за-границу—девять руб. Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель **Я. Гуревичъ**

3—2

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ"

и газету „Недѣльная Хроника Восхода".

17-й годъ изданія.

Въ 1897 году журналъ „Восходъ" и газета „Недѣльная Хроника Восхода" будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за-границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода", между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ. А. Я. Гаркави.—У марокскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко.—Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Ами—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ. Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. О. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О. Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке

Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).— Уріель Акоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ"). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.— Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала *«Восходъ»* и газеты *«Недѣльная Хроника Восхода»* 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—2

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ 4 руб.

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . 1 р. главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспенденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

как русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю

или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой глазированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, раз-

сказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—2

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.
Типографія „Корчакъ-Новицкаго", Михайловская ул., домъ № 4.
1897.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

		стр.
I.	**П. А. КУЛИШЪ**.	I
II.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера**. *(Окончаніе слѣдуетъ)*.	351—374
III.	СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. К**.	375—395
IV.	ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго**. *(Продолженіе слѣдуетъ)*. . .	396—451
V.	ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый** *(Окончаніе)*.	452—475
VI.	НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО. . .	476—501
VII.	ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА **В. Г—ка**.	502—508
VIII.	КЪ ИСТОРІИ МѢСТЕЧКА БОРИСПОЛЯ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Стороженка**.	509—518
IX.	КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ВИШНЕВЕЦКІЙ, ПО НАРОДНОМУ ПРОЗВИЩУ БАЙДА. (Къ портрету). **А. Стороженка**.	519—524

ОТДѢЛЪ II-й.

I.	ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Какъ основалась «Кіевская Старина». **А. Л**. б) Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. Сообщ. **Н. М**. в) Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго. **Б. Гринченка**. г) Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. **В. Гавриша**. д) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.	63—78
II.	БИБЛІОГРАФІЯ. а) Новости польской исторической литературы. **А. С**. б) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ. (Подъ редакціею В. Антоновича). **Н. М**. в) Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества Д. И. Эварницкаго. **А. Л**. г) В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. **Н. М**. д) Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. е) Обзоръ журналовъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г.	79—92
	ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. 2) Малороссійская свадьба (1—16).	
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1—6

При мартовской книгѣ прилагается Заглавный листъ и предисловіе къ 3 тому Дневника Марковича.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LVI.

1897 г.

КІЕВЪ.
Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1897

Дозволено цензурою Кiевъ, 4 марта 1897 года.

Dymitr Korybuth Xiaze Wisnio
wiecki Rzadca Wysp Zaporozkich
Pan obrany Hospodar Woloski Znie
siony od Turkow na Haku w Stambu
szy umarl od
rzelany Roku

П. А. КУЛИШЪ

(† 2 февр. 1897 г.).

Какъ уже извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ, 2-го февраля скончался *Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ*, имя котораго слишкомъ громко въ нашей южно-русской культурной жизни послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Редакція нашего журнала считаетъ себя обязанной удѣлить достаточно мѣста для всесторонней оцѣнки дѣятельности такого имени, но не надъ свѣжей еще могилой. Вотъ почему, когда получено было нами лирическое письмо по поводу смерти П. А. Кулиша одного изъ современниковъ его, мы сочли самымъ удобнымъ напечатать теперь это письмо, какъ выраженіе чувства, долженствующаго носить примиряющій характеръ при подведеніи въ такой моментъ итоговъ жизни, исполненной многихъ бурь и треволненій; но, дѣлая это, мы сознаемъ свой долгъ и передъ читателями, и передъ именемъ почившаго—и въ ближайшемъ будущемъ обратимся къ ровной и безпристрастной оцѣнкѣ всѣхъ научныхъ и литературныхъ сторонъ дѣятельности его.—*Ред.*

И такъ отошелъ въ вѣчность и послѣдній изъ знаменитой украинской тріады писателей середины текущаго столѣтія, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ... Миръ праху твоему, многоиспытанная и многонатерпѣвшаяся душа! Наше ли несчастіе, или твоя недоля,—ты, въ послѣдніе годы своей жизни, отвернулся было отъ насъ, понесъ скарбы твоихъ талантовъ не въ родную скарбню, даже относился иногда къ намъ съ жесткимъ и несправедливымъ словомъ; конечно, мы при этомъ не молча слушали тебя... Но мы, та и другая стороны, были тогда современниками, и чего не бываетъ иногда между со-

временниками! Имъ позволительно иногда, а иногда они даже обязаны считаться между собою тычками и щипками, ставить другъ другу много ненужныхъ лыкъ въ строку, приходить въ раздраженіе, что, молъ, иные позволяютъ себѣ смѣть свое мнѣніе имѣть—всего, говорю, бываетъ между современниками! Но теперь ты намъ уже не современникъ и мы тебѣ уже не современники: теперь мы для тебя уже потомство, а потомство мѣряетъ дѣянія отошедшихъ въ вѣчность особыми аршинами, часто не имѣющими ничего общаго съ аршинами современниковъ. По этимъ аршинамъ—потомства аршинамъ—осмѣливаюсь думать, въ концѣ концовъ выйдетъ такъ, что ты усопшій,—нашъ, всецѣло нашъ, не смотря на добровольство твоихъ послѣднихъ лѣтъ въ иныхъ рядахъ... Ты родился и выращенъ на украинской землѣ и отъ украинскихъ родителей; почти всю жизнь ты прожилъ и прахъ твой почіетъ теперь на украинской же землѣ; годы молодости и возмужалости ты радовался и печаловался нашими радостями и печалями, а не какими либо иными; а главное—въ годы разцвѣта нашей литературы, въ пятидесятые, шестидесятые годы—не забвенная эпоха! незабвенные годы!—при твоей находчивости на средства, при твоей головокружительной дѣятельности, и необычайной быстротѣ въ писаніи и, вообще, въ работѣ, ты былъ тѣмъ рогомъ изобилія, изъ котораго сыпались десятки томовъ изданныхъ тобою украинскихъ писателей, твои собственныя беллетристическія статьи, разнаго рода разсказы, письма, сообщенія и т. д. и т. д.; ты былъ тѣмъ центромъ, куда стекались пріѣзжающіе изъ провинціи, пишущіе и непишущіе, за порадою, за родными литературными новостями, куда являлись стоящіе у родной литературы на совѣщанія, обсужденія... Короче сказать, не будь тебя тогда, дорогой покойникъ, на свѣтѣ, въ эпоху разсвѣта нашей литературы, далеко бы въ ней не то было—о, очень и очень далеко!.. Да что! иныя имена вовсе не появились бы въ нашей литературѣ, не будь они вызваны къ бытію тобою... Да, дорогой покойникъ, ты нашъ, нашъ и трижды нашъ! Миръ же праху твоему, еще разъ, да будетъ надъ тобою наша украинская земля перомъ!

М. Номисъ.

7 февраля 1897 г.

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА III[1]).

Дворяне изъ податныхъ сословій и отношеніе къ нимъ мѣстнаго и центральнаго правительствъ въ 80-хъ г. г. прошлаго столѣтія.—Кречетниковъ и малороссійскіе непорядки.—Имѣнія духовенства.—Рапортъ Кречетникова Сенату о дворянахъ, внесенныхъ въ ревизію 1782 г. и указъ 18 декабря 1791 г.—Мѣры противъ претендентовъ на дворянское званіе и вторичный разборъ доказательствъ окладныхъ дворянъ.—Ревизія 1795 г.—Послѣдующая судьба дворянъ, внесенныхъ въ окладъ.

Дворянская грамота предоставила самому дворянскому обществу каждой губерніи разрѣшать вопросъ о принадлежности того или другого рода къ дворянскому сословію. Разборъ дворянства производился депутатскими собраніями, контролируемыми всѣмъ собраніемъ дворянства. Тѣ фамиліи, доказательства коихъ признавались неопровергаемыми, вносились въ родословную книгу и получали грамоты, свидѣтельствовавшія о ихъ принадлежности къ благородному сословію. Вмѣшательство центральнаго правительства въ дѣятельность собраній по разбору дворянскихъ родовъ проявлялось только въ случаѣ жалобъ на неправильныя дѣйствія депутатовъ или и всего дворянскаго собранія.

Такъ было и въ Малороссіи въ первые годы по введеніи общерусскихъ учрежденій. Однако такой порядокъ держался не долго. Въ 1791 г. Сенатъ рѣшительно вмѣшивается въ безкон-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 2.

трольную до тѣхъ поръ дѣятельность малороссійскихъ депутатовъ, и результатомъ этого вмѣшательства явилось исключеніе изъ дворянскаго сословія нѣсколькихъ тысячъ лицъ, ранѣе признанныхъ дворянами. Перуны Сената обрушились главнымъ образомъ на головы тѣхъ злополучныхъ претендентовъ на дворянство, которые при ревизіи 1782 г. попали въ подушный окладъ или „пидъ панивъ".

Мы уже видѣли, что результатомъ неправильныхъ дѣйствій ревизоровъ явилась цѣлая масса просьбъ со стороны лицъ податныхъ сословій и крѣпостныхъ о признаніи за ними дворянскихъ правъ. Просьбы эти поступали въ депутатскія собранія и здѣсь, судя по всему, разрѣшались очень снисходительно. Снисходительно смотрѣло на такихъ претендентовъ и само мѣстное правительство, а въ первые годы—даже и центральное. Какѣ только претенденты доказывали свои права и получали грамоты или замѣняющія ихъ свидѣтельства предводителей, мѣстное начальство дѣлало распоряженіе объ исключеніи ихъ изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе". Въ 1786 г., напримѣръ, Новгородъ-Сѣверская казенная палата выключила изъ оклада нѣкоего Давида Сазонова, какъ представившаго абшидъ на званіе войсковаго товарища и свидѣтельство предводителя о внесеніи въ родословную книгу [1]). По дѣлу сотеннаго атамана Мицкевича, о коемъ черниговская казенная палата доносила, что онъ дворянской породы и въ окладъ внесенъ неправильно, самъ Сенатъ распорядился взыскивать съ Мицкевича подати только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ внесенъ въ родословную книгу, а послѣ этого поступать о выключкѣ его изъ оклада по силѣ дворянской грамоты и взысканныя съ него подати возвратить ему обратно [2]).

Въ 1788 г. Сенатъ приказалъ исключить изъ ревизіи сотеннаго асаула Василія да неслужащихъ Власа и Семена Бѣлановичей, какъ доказавшихъ свое дворянство [3]). Когда до свѣ-

---

1) Собр. рѣд., стр. 565—566.

2) Собр. рѣдк., стр. 189—190.

3) Ibid, стр. 589—590.

дѣнія Сената дошло, что лицъ, неправильно занесенныхъ въ ревизскія книги, въ Малороссіи очень много и что, стало быть, придется исключить изъ государственнаго тягла цѣлую массу ревизскихъ душъ „за выбытіемъ въ дворянское званіе", мѣстному начальству былъ присланъ указъ о томъ, что обо всѣхъ неправильно внесенныхъ въ ревизію 1782 года надлежитъ сдѣлать генеральное положеніе, что же касается исключенія ихъ изъ подушнаго оклада, то, въ виду указа 22 мая 1783 г., учинить этого своею властью Сенатъ не можетъ, а долженъ повергнуть дѣло на благоусмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Генеральнаго положенія, однако, сдѣлано не было, но въ частныхъ случаяхъ дѣла объ исключеніи изъ оклада „за выбытіемъ въ дворянское званіе" тѣхъ или другихъ лицъ повергались на Высочайшее благоусмотрѣніе и рѣшались благопріятно для просителей. Въ 1790 году поручикъ Савва Павловскій просилъ исключить его фамилію изъ подушнаго оклада, ссылаясь на то, что его предки со времени присоединенія Малой Россіи къ Россійской державѣ были шляхтичами, а дѣдъ и отецъ служили значковыми товарищами. Представилъ онъ, конечно, и грамоту отъ Новгородъ-Сѣверскаго дворянскаго собранія, въ коей значилось, что фамилія Павловскихъ записана въ родословную книгу. Сенатъ поднесъ дѣло на резолюцію государыни; 23 ноября 1790 года докладъ сената былъ утвержденъ императрицей, и фамилія Павловскихъ была такимъ образомъ исключена изъ „подлости" [1]).

И депутаты, и сами дворянскія собранія относились къ просьбамъ лицъ, внесенныхъ въ окладъ, какъ мы сказали, очень снисходительно. Въ декабрѣ 1790 года Новгородъ-Сѣверскимъ губернскимъ предводителемъ была представлена генералъ-губернатору вѣдомость о лицахъ „вновь поступившихъ въ дворянство". Изъ нея видно, что къ этому времени въ родословную книгу Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества было внесено:

Изъ прежнихъ дворянскихъ фамилій, попавшихъ въ окладъ . . . . 38 душъ.

Изъ духовенства . . . . 9 „

[1]) Собр. рѣдк., стр. 194—196.

Изъ разночинцевъ . . . . 1095 душъ.
Изъ козаковъ . . . . 4414 „
Изъ куицовъ . . . . 47 „
Изъ мѣщанъ . . . . 241 „
Изъ записанныхъ родственниками своими въ семигривенный окладъ . . . . 83 „
Изъ казенныхъ крестьянъ . . . . 87 „
Изъ свободныхъ, не записанныхъ въ ревизію 4, „
а всего . . . . 5948 душъ [1]).

Какъ видно, и въ другихъ намѣстничествахъ депутаты не предъявляли большихъ требованій къ лицамъ, ищущимъ дворянства изъ крѣпостей и окладовъ. Изъ рапорта генералъ-губернатора Кречетникова Сенату узнаемъ, что по всѣмъ тремъ малороссійскимъ изданіямъ къ концу 1790 г. было внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій—изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ, владѣльческихъ и казенныхъ крестьянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, значилось въ вѣдомостяхъ губернскихъ предводителей, поданныхъ Кречетникову; но насколько эта цифра правильна,—судить трудно. Что къ претендентамъ на дворянство большихъ требованій со стороны депутатовъ не предъявлялось,—это видно и изъ разъясненій Кречетникова депутатскимъ собраніямъ по поводу свидѣтельства двѣнадцати. Оказывается, что депутаты считали одно свидѣтельство 12 дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ дворянскаго происхожденія и по такимъ свидѣтельствамъ вносили просителей въ родословныя книги [2]). Снисходительное отношеніе депутатовъ къ доказательствамъ лицъ, ищущихъ дворянства „изъ подлаго состоянія“, неминуемо должно было вызвать вмѣшательство правительства. Уже одно исключеніе изъ оклада 22 тысячъ ревизскихъ душъ рано или поздно должно было возбудить недовѣріе къ правильности дѣйствій депутатовъ, а тутъ еще присоединились и жалобы. Дѣло въ томъ, что на ряду съ козаками и казенными крестьянами претензію

---

[1]) Ibid. стр. 285.
[2]) Ibid. стр. 381.

на дворянство заявили и многіе изъ панскихъ подданныхъ, ставшихъ съ 1783 года крѣпостными. Доказательства нѣкоторыхъ изъ нихъ были признаны достаточными для внесенія претендентовъ въ родословныя книги. Это, конечно, не могло нравиться владѣльцамъ претендентовъ, ибо вліяли на нихъ имущественные интересы. Inde ira. На депутатовъ и предводителей приносятся жалобы не только мѣстному, но и центральному правительству. Такъ, на новгородъ-сѣверскаго предводителя. Полетику жаловались, что въ 1787 году, будучи губернскимъ предводителемъ, онъ принималъ документы и вообще разныя доказательства о дворянствѣ отъ крѣпостныхъ людей, не требуя отпускныхъ свидѣтельствъ; что при разсмотрѣніи въ дворянскомъ собраніи родословной книги онъ допускалъ въ собраніе такихъ лицъ, о дворянствѣ коихъ было сомнѣніе; что онъ не читалъ по требованію дворянства протоколовъ депутатскихъ собраній, и т. п. Изъ взведенныхъ на Полетику обвиненій генералъ-губернаторъ Румянцовъ призналъ правильнымъ только второе и разъяснилъ по этому случаю предводителямъ, что въ собраніи могутъ быть допускаемы только лица, уже доказавшія свое дворянство, а не тѣ, кои только доказываютъ оное. Другая жалоба на того же Полетику доходила даже до Сената. Въ 1788 г. нѣкоторые владѣльцы жаловались, что Полетика многихъ изъ ихъ крѣпостныхъ внесъ въ родословную книгу, а во время собранія не согласился по ихъ требованію прочесть родословную книгу передъ дворянствомъ. Сенатъ приказалъ на будущее время читать передъ дворянскимъ собраніемъ не только родословную книгу, но и протоколы депутатскихъ коммиссій, ибо только такимъ образомъ и могутъ открыться неправильности въ дѣйствіяхъ депутатовъ [1]).

Ближайшимъ слѣдствіемъ подобныхъ жалобъ было наконецъ то, что Сенатъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи сдѣлать „генеральное положеніе“ касательно лицъ, внесеніе которыхъ въ ревизію 1782 г. возбуждало споры, и въ 1789 г. (указъ 14 іюня) приказалъ малороссійскому начальству представить ему свѣдѣнія

---

[1]) Соб. рѣдк., 591—592.

обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ окладовъ. Исполненіемъ этого указа особенно усердно занялся Тульскій и Калужскій генералъ губернаторъ Кречетниковъ, вступившій въ 1790 году въ исполненіе обязанностей правителя трехъ малороссійскихъ губерній.

Новая метла обыкновенно чисто мететъ. Замѣститель Задунайскаго сразу замѣтилъ непорядки и упущенія въ управляемомъ имъ краѣ. Тотчасъ же по вступленіи въ должность онъ обратилъ вниманіе на множество жалобъ, особенно на нижніе земскіе суды и на исправниковъ, которымъ грозилъ поступленіемъ по силѣ законовъ [1]). Въ томъ же 1790 г. Кречетниковъ предложилъ намѣстникамъ не допускать къ дворянскимъ выборамъ лицъ, не внесенныхъ въ родословныя книги, а дворянскимъ собраніямъ доказывалъ, что предъидущіе выборы въ разныя должности не оправдали довѣрія правительства къ дворянству; въ тоже время намѣстникамъ было поручено напоминать дворянству, чтобы на будущее время выбираемыя дворянствомъ лица болѣе соотвѣтствовали своему назначенію [2]). Отъ предводителей Кречетниковъ требовалъ, чтобы они, въ случаѣ жалобъ, входили въ земскіе суды съ напоминаніями, убѣжденіями и указаніями на строгость законовъ [3]).

При Кречетниковѣ и второстепенныя губернскія власти подтянулись и стали строже слѣдить за исполненіемъ указовъ. Это обнаружилось, между прочимъ, въ усердіи, съ какимъ мѣстныя казенныя палаты стали настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовенства. При Румянцовѣ извѣстный уже намъ указъ 17 января 1784 года, повелѣвающій отобрать крестьянъ у всѣхъ тѣхъ, кто ими, по закону, владѣть не можетъ, исполнялся не особенно энергично, да при тогдашнихъ обстоятельствахъ иначе и нельзя было. Разборъ дворянства еще не былъ оконченъ, а при такомъ условіи не возможно было опредѣлить, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными. Въ 1785 году

[1]) Ibid. стр. 279—282.
[2]) Ibid. 283—284.
[3]) Ibid. стр. 286—287.

казенныя палаты малороссійскихъ губерній потребовали было отъ предводителей свѣдѣній о лицахъ, признанныхъ дворянами. Черниговскій предводитель Горленко представилъ списокъ своихъ дворянъ, но при этомъ заявилъ, что въ его спискѣ есть такіе роды, кои по спискамъ уѣздныхъ предводителей хотя и написаны, но до сего времени доказательствъ еще не подали, а другіе сомнительны, ибо ихъ доказательства еще не полны. Горленко, однако, не объяснилъ, кто именно изъ подданныхъ въ его спискѣ находится подъ сомнѣніемъ, а самой казенной палатѣ рѣшать вопросъ, кто изъ черниговскихъ пановъ имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было мудрено. Въ той же черниговской губерніи значились по ревизскимъ книгамъ крестьяне за дѣтьми бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей и полковой старшины, а между тѣмъ въ предводительскомъ спискѣ владѣльцы этихъ крестьянъ не были упомянуты въ числѣ мѣстнаго дворянства. Затѣмъ оказалось, что нѣкоторыя лица въ ревизіальныхъ книгахъ были записаны значковыми товарищами и сотенными старшинами, а по дворянскимъ спискамъ значились войсковыми товарищами и полковыми старшинами. Оказались наконецъ, крестьяне за непоказанными въ дворянскихъ спискахъ лѣкарями, камердинерами Высочайшаго двора, цольнерами и камерирами банковыхъ конторъ. Что касается другихъ лицъ, не пользовавшихся шляхетскимъ правомъ, то и отъ нихъ отобрать крестьянъ было не такъ-то легко. За нѣжинскаго, напр., грека Венеціанова, владѣвшаго хуторомъ, записаннымъ на имя титулярнаго совѣтника Клобукова, заступался самъ Румянцовъ. Онъ рекомендовалъ намѣстническому правленію, дѣлая исполненіе указовъ правительствующаго сената, наблюдать точное ихъ содержаніе и до кого оно тѣмъ относится, ибо между греками есть и знатнаго рода, такъ, какъ и самъ проситель, и доказательство свое въ надлежащемъ мѣстѣ представить желаетъ [1]).

Точно такъ же трудно было отобрать крестьянъ и отъ духовенства, тѣмъ болѣе, что многіе изъ бѣлаго священства заявили претензію на дворянское званіе. По дѣлу намѣстника

[1]) Собр. рѣдк., стр. 549—550.

Ичанской протопопіи Романа Яжевскаго самъ Румянцовъ высказался, что „тутъ духовные чины почитаемы были въ числѣ шляхетства и, слѣдовательно, всѣмъ тѣмъ могли пользоваться, чѣмъ и все прочее шляхетство. При такихъ условіяхъ духовныхъ владѣльцевъ не безпокоили въ ожиданіи окончанія разбора дворянства. Къ тому же и крестьянъ числилось за ними не такъ уже много. По ревизскимъ, напр., книгамъ 1782 г. за церковно и священно-служителями черниговской губерніи значилось всего 8942 крѣпостныхъ душъ мужскаго и женскаго пола (4451+4491)[1]).

При Кречетниковѣ казенныя палаты малороссійскихъ губерній стали энергично настаивать на отобраніи крестьянъ отъ духовныхъ владѣльцевъ. Онѣ потребовали, чтобы духовенство продало свои имѣнія въ полугодичный срокъ лицамъ, пользующимся дворянскими правами, а въ случаѣ неисполненія этого требованія грозили конфисковать священническія имѣнія въ казну. Противъ владѣльческихъ правъ духовенства казенныя палаты выставляли цѣлый рядъ указовъ: синодскій отъ 22 октября 1722 года, запрещающій лицамъ духовнаго званія имѣть собственные дома; сенатскій отъ 1758 года, по которому лица, не имѣющія правъ на владѣніе, должны продать свои имѣнія въ полугодичный срокъ; наконецъ, указъ Сената 1789 года, согласно которому духовенство не имѣетъ права владѣть недвижимымъ имѣніемъ и людьми. Палатскія распоряженія касались всѣхъ безъ исключенія священно-и церковно-служителей, даже и тѣхъ, кои успѣли себѣ выхлопотать дворянскія грамоты. Въ духовной средѣ начался ропотъ и смятеніе. Черниговскій протопопъ Лѣвицкій съ 23 другими лицами бѣлаго священства принесъ генералъ-губернатору жалобу на дѣйствія черниговской казенной палаты[2]). Не смотря на то, что самъ Кречетниковъ находилъ огульный отборъ духовныхъ имѣній въ казну не совсѣмъ резоннымъ, дѣло перешло въ Сенатъ. Въ 1792 г., вслѣдствіе жалобы депутатовъ отъ малороссійскаго бѣлаго священства Лохвицкаго прото-

---

[1]) Ibid. стр. 505.
[2]) Ibid. стр. 409.

іерея В. Высоцкаго и священника Андрея Левченко, Сенатъ приказалъ отсрочить исполненіе указовъ объ имѣніяхъ духовенства до окончанія разбора малороссійскаго дворянства [1]). До Кречетникова лица изъ податныхъ сословій, признанныя депутатскими собраніями въ дворянствѣ, пользовались дворянскими преимуществами, хотя и продолжали платить подати въ ожиданіи исключенія изъ оклада. Въ случаѣ преступленій они судились и наказывались, какъ дворяне. Кречетниковъ находилъ это незаконнымъ и требовалъ, чтобы лица податныхъ состояній, признанныя дворянами, впредь, до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи ихъ изъ оклада, пользовались правами того состоянія, въ какомъ они записаны по ревизіи [2]). Точно такъ же находилъ Кречетниковъ неправильной выдачу такимъ лицамъ грамотъ на дворянство или замѣняющихъ ихъ свидѣтельствъ губернскаго предводителя; онъ настаивалъ, что разночинцамъ нужнѣе грамоты, чѣмъ свидѣтельства, а грамоты могутъ быть выданы только тогда, когда послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе объ исключеніи ихъ изъ оклада [3]). Свидѣтельства за подписью губернскаго предводителя и дворянскаго секретаря нужны были дворянамъ, не исключеннымъ изъ оклада, при поступленіи въ военную службу. По такимъ свидѣтельствамъ они обыкновенно принимались на службу и въ теченіе службы пользовались всѣми преимуществами дворянскаго званія. Кречетниковъ предостерегалъ предводителей, чтобы они во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій не выдавали свидѣтельствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ командировъ стоявшихъ въ Малороссіи полковъ, что при поступленіи молодыхъ людей въ военную службу дворянскими правами могутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, кои представятъ грамоты о своемъ дворянствѣ [4]).

Кречетниковъ скоро замѣтилъ и послабленія въ дѣйствіяхъ депутатскихъ собраній: онъ обратилъ вниманіе на то, что депутаты не рѣдко признавали дворянами такихъ лицъ, доказа-

---

[1]) Ibid. стр. 593, книга о дворянахъ, л. 152.

[2]) Ibid. стр. 387 388.

[3]) Ibid., стр. 381, 386.

[4]) Ibid. стр. 296—302.

тельства коихъ ограничивались только свидѣтельствами 12 несомнѣнныхъ дворянъ о благородной жизни отца и дѣда просителя; что при внесеніи въ родословныя книги лицъ изъ податныхъ сословій не дѣлалось отмѣтокъ о ихъ записи въ ревизію и окладъ. Это послѣднее обстоятельство имѣло, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень серьезныя послѣдствія.

Въ 1791 г. Кречетниковъ нанесъ малорусскому дворянству чувствительный ударъ, результатомъ коего явилась потеря дворянскихъ правъ для многихъ тысячъ фамилій, до тѣхъ поръ признаваемыхъ за благородныя. Дѣло возникло изъ-за извѣстнаго уже читателямъ указа 14 іюня 1789 г., которымъ было повелѣно представить въ Сенатъ свѣдѣнія обо всѣхъ тѣхъ, кои оказались достойными ко внесенію въ родословныя книги, но еще не исключены изъ оклада. Кречетниковъ потребовалъ доставленія такихъ свѣдѣній отъ губернскихъ предводителей. Оказалось, однако, что изъ дѣлъ депутатскихъ коммиссій требуемыхъ свѣдѣній извлечь было нельзя: при разборѣ доказательствъ просителей о состояніи ихъ въ окладѣ не заботились и справокъ объ этомъ не наводили. Оставалось обратиться въ уѣзды, гдѣ конечно, всѣмъ было извѣстно, кто и какъ попалъ въ дворяне и чѣмъ былъ раньше. Такъ и сдѣлали. „Губернскіе предводители,—разсказываетъ А. Марковичъ,—разослали уѣзднымъ списки лицъ, признанныхъ дворянами безъ неоспоримыхъ доказательствъ на дворянство, и требовали изыскать, кто изъ нихъ состоитъ въ окладѣ. Уѣздные предводители прислали списки сіи, ожидая, что лица, недоставившія требуемыхъ свѣдѣній, не будутъ исключены изъ оклада. Между показанными въ вѣдомостяхъ несравненно большая часть состояла въ козачьемъ окладѣ, немногіе въ купцахъ, мѣщанахъ, крестьянахъ казенныхъ и владѣльческихъ посполитыхъ (какъ еще и въ то время помѣщичьи крестьяне по привычкѣ назывались). Нѣкоторые изъ числа послѣднихъ написаны были по ревизіи за самыми ближними родственниками, напр.: одинъ за сестрою своею, женою значковаго товарища. Генералъ губернаторъ Кречетниковъ, соображая, что доказывающіе дворянство и состоящіе въ окладѣ до Высочайшаго повелѣнія исключены изъ окладовъ быть не могутъ, пред-

писалъ прежде не выдавать имъ грамотъ. Губернскіе предводители представили ему: 1) что многіе изъ окладныхъ доказали свое дворянское происхожденіе документами, которые отвергнуть невозможно; 2) что есть между внесенными въ ревизію такія лица, которыя, очевидно, не выходили изъ дворянскаго состоянія, потому что предки и родъ ихъ и сами они всегда владѣли дворянскими имѣніями, а попали въ окладъ случайно или по ошибкѣ нижнихъ земскихъ судовъ, отобравшихъ въ 1782 году ревизскія сказки не только отъ крестьянъ и козаковъ, но и ото всѣхъ разночинцевъ (какъ-то значковыхъ товарищей, сотенныхъ старшинъ, войсковыхъ и полковыхъ канцеляристовъ), которые, не зная, къ чему приведутъ сіи сказки, давали ихъ безъ противорѣчія, и по нимъ внесены въ ревизію на ряду съ крестьянами своими, съ тѣмъ только различіемъ, что крестьяне значатся въ семигривенномъ, а они въ 40 алтынномъ окладѣ; 3) что коммиссія выдала уже грамоты нѣкоторымъ изъ доказавшихъ дворянство свое лицамъ, для многихъ же другихъ между ними грамоты только лишь изготовлены, и симъ то послѣднимъ обидно будетъ не пользоваться правами, которыя предоставлены первымъ. Кречетниковъ подтвердилъ не выдавать грамотъ, находя опромечтивость дворянскихъ коммиссій крайне предосудительной, но какъ все сіе случилось до прибытія его въ Малороссію, то представилъ обо всемъ Сенату [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Марковичемъ о составленіи списковъ дворянъ изъ податныхъ сословій и о взглядахъ Кречетникова на выдачу такимъ дворянамъ грамотъ, подтверждаются и матеріаломъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Но изъ разсказа Марковича можно сдѣлать тотъ выводъ, будто бы перенось дѣла въ Сенатъ и всѣ дальнѣйшія послѣдствія зависѣли отъ разногласія Кречетникова съ губернскими предводителями касательно выдачи грамотъ дворянамъ, состоявшимъ въ окладѣ. Въ дѣйствительности, было не совсѣмъ такъ. Изъ рапорта Кречетникова Сенату мы узнаемъ, что по полученіи указа Сената отъ 14 іюня 1789 г. съ приказаніемъ представить свѣдѣнія о

---

[1]) Матеріалы для статистики Россійской имперіи, С.-Петерб. 1841, отд. IV, стран. 8—9.

дворянахъ, состоящихъ въ окладѣ, намѣстническія правленія настоятельно требовали отъ губернскихъ предводителей свѣдѣній по этому предмету, но всѣ ихъ просьбы и предложенія остались безъ исполненія. Предводители ссылались на то, что дворянскія родословныя книги еще не приведены къ окончанію, а безъ этого доставить требуемыя свѣдѣнія было невозможно. Когда же, наконецъ, родословныя книги были составлены [1]), намѣстническія правленія вновь возобновили свои требованія. На этотъ разъ изъ Чернигова было получено извѣщеніе, что тамошній губернскій предводитель отказался доставлять требуемыя свѣдѣнія, ссылаясь на то, что „по дворянской коммиссіи никакихъ потребныхъ къ тому даже видовъ нѣтъ“. Свѣдѣнія, какія именно фамиліи и въ какомъ числѣ душъ изъ состоящихъ въ подушномъ или иномъ окладѣ поступили въ дворяне, были затребованы отъ уѣздныхъ предводителей, а для удобства при наведеніи справокъ посланы къ нимъ выписки изъ родословной книги. Нѣкоторыми изъ уѣздныхъ предводителей свѣдѣнія точно были доставлены, но по сличеніи ихъ съ дворянскою родословною книгою „открылись разныя сомнѣнія и невѣрности“: въ иныхъ уѣздахъ въ предводительскія вѣдомости попало много такихъ безчиновныхъ лицъ разнаго званія, коихъ ни въ родословной книгѣ, ни по дѣламъ депутатскаго собранія не значилось, а въ другихъ—многіе безчиновные роды, значившіеся по родословной книгѣ, совсѣмъ не показаны въ предводительскихъ вѣдомостяхъ или же показаны другими фамиліями, чѣмъ тѣ, подъ коими они значатся въ родословной книгѣ. Что касается кіевской родословной книги, то хотя копія съ нея представлена въ губернское правленіе и даже въ Сенатъ, но изъ нея совсѣмъ не видно, кто записанъ въ дворяне изъ податныхъ состояній, а по объясненіямъ губернскаго предводителя, „открыть сіе иззтруднительно, и неудобно“. Изъ Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества требуемыя свѣдѣнія были доставлены въ намѣстническое правленіе, а затѣмъ и въ Сенатъ, но провѣрить ихъ

---

[1]) Въ кіевской губерніи родословная книга была составлена въ 1789 г., въ черниговской—въ 1790, а по новгородъ-сѣверской только вчернѣ (Матеріалы для стат. и др. стр. 10).

по родословной книгѣ намѣстническое правленіе не имѣло возможности, такъ какъ копія съ родословной книги въ правленіе не представлена, а потому и посланная Сенату вѣдомость врядъ ли, по мнѣнію Кречетникова, находится „въ надлежащей аккуратности“. Изъ всего этого генералъ губернаторъ выводилъ заключеніе, что въ дѣятельности малороссійскихъ дворянскихъ коммиссій существуетъ большой безпорядокъ, ибо „если бы съ должнымъ наблюденіемъ правилъ, въ дворянской грамотѣ изображенныхъ, разсматриваемы были доказательства о дворянствѣ таковыхъ состоящихъ въ окладѣ, а притомъ съ надлежащею вѣрностью и аккуратностью продолжаема была по всѣмъ тремъ губерніямъ родословная книга, то не могло бы въ сочиненіи объ оной вѣдомостей встрѣтиться ни затрудненія, ни медленности“. Сомнѣніе въ законномъ и порядочномъ производствѣ дѣлъ въ дворянскихъ коммиссіяхъ возбуждала и слишкомъ крупная цифра лицъ податныхъ состояній, признаннымъ дворянами: губернскіе предводители предъидущаго трехлѣтія, передъ увольненіемъ ихъ отъ должности, показали въ перечневыхъ вѣдомостяхъ генералъ-губернатору, что всего по тремъ малороссійскимъ губерніямъ внесено въ родословныя книги 22702 лица податныхъ сословій: купцовъ, козаковъ, мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ. Но, если даже устранить сомнѣніе по поводу такого безпримѣрно большого числа благородныхъ фамилій, попавшихъ въ податное состояніе, то и тогда нельзя не остаться при убѣжденіи о безпорядкахъ въ дѣлопроизводствѣ коммиссій: и въ самомъ дѣлѣ, если цифра, показанная губерскими предводителями вѣрна, а дѣлопроизводство въ коммиссіяхъ велось, какъ слѣдуетъ, то и по дѣламъ коммиссій это должно быть ясно и вѣрно, а между тѣмъ губерскіе предводители текущаго трехлѣтія, за исключеніемъ Новгородъ-Сѣверскаго, отозвались, что въ открытіи положительнаго числа лицъ податныхъ сословій по родословнымъ книгамъ предстоитъ и затрудненіе, и неудобность.

Таковъ былъ рапортъ Кречетникова. Результатомъ его былъ сенатскій указъ отъ 16 декабря 1791 года, коимъ было велѣно: присланныя изъ Малороссіи свѣдѣнія о тамошнихъ дворянахъ возвратить въ намѣстническія правленія, а губернскимъ предво-

дителямъ малороссійскихъ губерній—вновь разсмотрѣть вмѣстѣ съ депутатами всѣ представленныя состоящими въ окладѣ лицами доказательства о благородствѣ по изображеннымъ во всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамотѣ правиламъ, не упуская ничего въ нихъ предписаннаго, такъ, чтобы ни единый уже человѣкъ, не имѣвъ достаточнаго доказательства, не вошелъ въ число благороднаго дворянства. Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстническимъ правленіямъ и генералъ-губернатору поручалось наблюсти, чтобы затребованныя Сенатомъ въ 1789 г. свѣдѣнія о дворянахъ изъ податныхъ состояній были представлены въ Сенатъ какъ наискорѣе возможно, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, взысканія по законамъ безъ всякаго упущенія[1]).

Кречетниковъ имѣлъ полное право торжествовать: онъ не только добился всего, но и подгадилъ задунайскому герою, котораго онъ тотчасъ же по полученіи указа и извѣстилъ какъ объ открытыхъ имъ, Кречетниковымъ, безпорядкахъ, такъ и о состоявшемся по его же рапорту сенатскомъ распоряженіи[2]). Депутатовъ и предводителей онъ теперь повернулъ по своему. Сперва онъ потребовалъ къ себѣ предводителей для совѣщанія, а затѣмъ велѣлъ имъ вмѣстѣ съ депутатами тотчасъ же съѣхаться въ губернскіе города для пересмотра доказательствъ окладныхъ дворянъ, согласно сенатскому указу[3]). Дѣло это онъ предложилъ окончить въ два года. Начался вторичный разборъ правъ злополучныхъ искателей дворянства изъ податей и окладовъ. На этотъ разъ депутатамъ пришлось сбросить съ себя обычную халатность, да иначе было и нельзя, потому что губернскія начальства ихъ энергично подгоняли. Новгородъ-Сѣверское, напр., намѣстническое правленіе потребовало, чтобы они безвыѣздно жили въ губернскомъ городѣ до тѣхъ поръ, пока не окончатъ порученнаго имъ дѣла[4]). Кречетниковъ, впрочемъ,

---

[1]) Чтен. Общества исторіи и древн. 1861 г., кн. II, отд. V, стр. 128—131 и „Собр. рѣдк.".

[2]) Собр. рѣдк., стр. 181—182.

[3]) Ibid., стр. 432.

[4]) Собр. рѣдк., стр. 435.

не одобрялъ такого чрезмѣрнаго усердія и находилъ, что депутаты могутъ иногда и отдыхать, въ тѣхъ, конечно, случаяхъ, когда это разрѣшено по регламенту. Такъ, въ концѣ января 1792 года онъ извѣстилъ предводителей, что въ праздничное время они имѣютъ право разъѣзжаться по деревнямъ, какъ и прочіе коронные чиновники.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кречетниковъ принялъ свои мѣры для того, чтобы, сколько возможно, сократить число претендентовъ на дворянское достоинство изъ среды лицъ податныхъ сословій. По полученіи сенатскаго указа онъ тотчасъ же (9 января 1792 г.) распорядился объявить сельскимъ начальникамъ: „если кто изъ поселянъ, не происходя изъ предковъ благородныхъ, по одному только обольщенію неблагомысленныхъ людей, отыскивающихъ себѣ корысти, сдѣлаетъ домогательство къ полученію дворянскаго названія, а доказательства, таковымъ представленныя, предъ настоящимъ разсматриваніемъ губернскаго господина предводителя съ дворянскими депутатами окажутся недостаточными, и слѣдовательно вовлеченъ въ заблужденіе, а тѣмъ вмѣстѣ въ напрасную волокиту и разореніе по легкомыслію своему, то, по дошедшему о томъ къ губернскому начальству свѣдѣнію, не только тѣ, кои причиною наклоненія оныхъ къ таковому заблужденію, безъ наказанія и сужденія къ возвращенію всего ими полученнаго не останутся, но и начальники селеній за слабое смотрѣніе и поощреніе къ разоренію подчиненныхъ имъ поселянъ не избѣгнутъ отъ надлежащаго взысканія по законамъ...“ Угрожая ходатаямъ и сельскому начальству „взысканіемъ по законамъ“, Кречетниковъ не забылъ и самихъ претендентовъ: имъ онъ грозилъ полнымъ разореніемъ въ случаѣ „полученія дворянскаго названія“. „Буде кто изъ козаковъ и крестьянъ казенныхъ, находясь въ числѣ обложенныхъ податьми, по неопровержимымъ доказательствамъ, признанъ будетъ достойнымъ ко внесенію въ дворянскую родословную книгу... и получитъ грамоту, тогда долженъ будетъ участки земли, по козачьему или крестьянскому нзаванію владѣемой, какъ и самую усадьбу, подъ строеніемъ дома находящуюся, очистя, оставить въ пользу прочихъ поселянъ, а для того благовременно и приготовили бы таковые себя

къ собранію рода жизни и службы, свойственной благородному названію. Начальники селеній не оставили бъ внушить онымъ предварительно, дабы по невѣдѣнію ихъ не удовлетворились въ томъ, что и получа дворянское званіе, могутъ пользоваться принадлежащими козачьему или крестьянскому состоянію выгодами, которыя оставить непремѣнно должны будутъ въ пользу прочихъ поселянъ" [1]).

Само собою понятно, что распоряженіе генералъ-губернатора не могло не возбудить толковъ и даже ропота. Какъ ни велико было невѣдѣніе податныхъ классовъ въ законахъ, но и они, а особенно, конечно, козаки, не могли не понимать, что иное дѣло—земля казенная, громадская, а иное—крѣпостная, а потому и угроза отобранія земель и даже усадьбъ у лицъ, доказавшихъ свое дворянство, должна была вызвать рядъ недоумѣній и сомнѣній. Можно ли дѣйствительно отобрать землю, набытую власнымъ коштомъ еще дѣда и прадѣда, претендента на дворянство, или и самимъ претендентомъ? Законно ли такое отобраніе? Генералъ-губернатору скоро пришлось убѣдиться, что онъ нѣсколько неловко редактировалъ свое распоряженіе 21 января: двадцать дней спустя послѣ перваго грознаго ордера, онъ выпустилъ новый приказъ съ разъясненіемъ, что распорженіе объ отобраніи земель и усадебъ касается только земель казенныхъ и общественныхъ [2]).

Распоряженіемъ 9 января 1792 г. Кречетниковъ скрутилъ по рукамъ и ногамъ ревизскія души, претендующія на дворянскія права. Пробраться въ дворянскія коммиссіи съ доказательствами своихъ правъ рѣшался теперь только рѣдкій смѣльчакъ, не боявшійся строгихъ заказовъ своего ближайшаго начальства, да и коммиссіи, къ тому же, стали слишкомъ недоступны. Но такъ можно было закрытьротъ только новымъ претендентамъ, что же касается до старыхъ, тѣхъ, что еще до 1791 года были признаны дворянами и даже получили грамоты, то къ нимъ примѣнялся другой способъ. Разборъ доказательствъ рѣшено было, по настоянію Кре-

[1]) Собр. рѣдк., стр. 431—435.
[2]) Собр. рѣдк., стр. 438.

четникова, производить по округамъ. При разборѣ обязано было присутствовать полное собраніе коммиссіи изъ предводителя и депутатовъ. Отъ просителей отбирались свѣдѣнія, кто въ какомъ состояніи записанъ по ревизіи—въ козакахъ, купцахъ, мѣщанахъ или крестьянахъ,—по какому городу или селу и въ какомъ числѣ душъ, и если проситель точно происходитъ отъ дворянъ, то кто послѣдній изъ предковъ пользовался принадлежащими благородному званію правами и почему попалъ въ подлость. Если доказательства просителя всѣмъ собраніемъ или $^2/_3$ его признавались недостаточными, ихъ возвращали просителю, а если достаточными,—то отмѣчали въ вѣдомости, требуемой Сенатомъ. Старыя грамоты, выданныя до 1791 года, приказано было отобрать, а новыя не выдавались никому изъ податныхъ впредь до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада. Собраніе обязано было разсматривать доказательства въ тѣ сроки, кои по учрежденію о губерніяхъ установлены для присутственныхъ мѣстъ [1]).

Обо всѣхъ этихъ строгостяхъ, конечно, знали тѣ, для кого онѣ были предназначены. И вотъ, когда въ губернскій городъ съѣзжались депутаты для пересмотра дворянскихъ родовъ, ревизскія души, неувѣренныя въ неопровергаемости своихъ доказательствъ, ни сами въ коммиссію не явились, ни грамотъ, у кого таковыя имѣлись, не присылали, не смотря на то, что объ явкѣ имъ дѣлались предварительныя оповѣщенія. Въ такихъ случаяхъ ихъ обыкновенно доставляли въ коммиссіи силой. По распоряженію Кречетникова, городничіе и исправники съ пристойной командой солдатъ, согласно списку, данному изъ коммиссіи, высылали податныхъ дворянъ въ депутатское собраніе, которое и производило разборъ ихъ доказательствъ. Высылка производилась по округамъ и, какъ не безъ удовольствія свидѣтельствовалъ Кречетниковъ, очень успѣшно. Если грамоты, выданныя до 1791 г., оказывались неправильными, то объ этомъ публиковалось по губерніи, дабы прекратить возможныя съ документами злоупотребленія, а самыя грамоты отбирались у забра-

---

[1]) Собр. рѣдк., стр. 517—522.

кованныхъ дворянъ и представлялись въ депутатскія собранія къ уничтоженію [1]). Дѣло велось такъ строго и энергично, что къ 1795 году „безсумнительными" дворянами изъ податныхъ было признано только 12597 чел., т. е. немногимъ болѣе половины того числа, какое было внесено въ родословныя книги до 1791 г. [2]). Тѣмъ не менѣе, разбора все таки не удалось закончить, какъ предполагалъ Кречетниковъ. Точно также не удалось и отобрать грамоты у всѣхъ ревизскихъ дворянъ. Еще въ 1804 году остались лица податныхъ состояній, внесенныя въ ревизію 1783 г., у которыхъ были въ рукахъ грамоты прежнихъ дворянскихъ коммиссій. Злополучные окладные дворяне, несмотря на всѣ требованія начальства, ни за что не хотѣли разставаться съ этими драгоцѣнными документами. Въ 1804 году мглинскій городничій получилъ распоряженіе отобрать грамоты у тѣхъ мглинскихъ дворянъ, которые по бумагамъ казенной палаты значились простыми ревизскими душами. Не смотря на всѣ старанія, городничій оказался не въ состояніи исполнить волю начальства, о чемъ и рапортовалъ, куда слѣдуетъ. Мглинскіе обыватели грамотъ городничему не отдали; иные заявили, что сами будутъ хлопотать въ герольдіи о дворянствѣ; другіе отнѣкивались тѣмъ, что грамоты передали родичамъ, а иные увѣряли, что грамотъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ—утеряли. Тогдашній гене-

---

[1]) Собр. рѣдк., 439—443.

[2]) По указанію А. Марковича, послѣ вторичнаго пересмотра черниговская коммиссія признала несомнительными дворянами 2616 лицъ, платящихъ подати, а кіевская 1240 семействъ или 6254 лица (Матер., отд. IV, стр. 9 и прим.). Сколько душъ было признано дворянами послѣ вторичнаго разбора въ Новгородъ-Сѣверскомъ намѣстничествѣ,—объ этомъ мы не имѣемъ прямыхъ указаній, а стало быть не можемъ подвесть и общаго итога для всей Малороссіи. Мы воспользовались указаніями косвенными и свою цифру 12597 вывели такимъ образомъ. Извѣстно, что при ревизіи 1795 г. Черниговская казенная палата включила въ окладъ и тѣхъ дворянъ изъ записанныхъ въ ревизію 1782, кои были признаны въ дворянствѣ при вторич. разборѣ, а такихъ дворянъ, какъ мы уже знаемъ по Марковичу, было 2616 чел. Новгородъ-Сѣверская и Кіевская палата, наоборотъ, такихъ дворянъ въ ревизію не записали. Изъ рапорта Куракина Сенату отъ 1805 г. мы узнаемъ, что такихъ незаписанныхъ въ ревизіи дворянъ было въ Малороссіи 9981. Если къ этой цифрѣ прибавимъ 2616 черниговскихъ дворянъ, попавшихъ въ окладъ, то и получимъ какъ разъ 12597.

ралъ-губернаторъ Малороссіи, князь Куракинъ, обратился въ Сенатъ съ запросомъ, какъ быть съ упорствующими. Сенатъ приказалъ: пропечатать въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ тѣ грамоты, кои, по заявленію мглинскихъ дворянъ, ими утеряны, а дабы на будущее время скорѣе покончить съ вопросомъ, кто дворянинъ и кто нѣтъ, и такимъ образомъ отнять всякій поводъ къ злоупотребленіямъ съ грамотами,—назначить черезъ пропечатаніе въ публичныхъ вѣдомостяхъ шестимѣсячный срокъ для представленія грамотъ въ губернскія правленія, если же кто не представитъ, тотъ теряетъ право искать дворянства и навсегда остается въ податномъ состояніи[1]).

Вторичный разборъ дворянства, произведенный по сенатскому указу 1791 г., не доставилъ еще, однако, дворянскихъ преимуществъ и выгодъ тѣмъ счастливцамъ, которые и послѣ новаго пересмотра ихъ доказательствъ, оказались достойными къ внесенію въ родословныя книги. Ихъ еще долго продолжали „неговать и турбовати“. Дѣло о нихъ было представлено Сенату, гдѣ и застряло на нѣсколько десятковъ лѣтъ. А между тѣмъ, подошла новая ревизія (1795 г.), а вмѣстѣ съ нею возникъ и вопросъ: включать или не включать эти 12597 человѣкъ, значащихся по дѣламъ мѣстныхъ депутатскихъ собраній безсомнительными дворянами. Рѣшали этотъ вопросъ сами казенныя палаты и рѣшали различно. Черниговская казенная палата, руководствуясь извѣстными уже намъ указами Сената 1789 и 1791 г. г., согласно которымъ лица, признанныя въ дворянскомъ достоинствѣ депутатскими собраніями, но состоящія въ окладѣ, не могутъ быть избавлены отъ личныхъ повинностей до Высочайшаго повелѣнія объ исключеніи изъ оклада, записала въ ревизскія книги и тѣ 2616 душъ, которыя были признаны дворянами послѣ вторичнаго пересмотра ихъ доказательствъ, а Кіевская и Новгородъ-Сѣверская палаты, опираясь на 36 статью дворянской грамоты, гласящей, что „благородный самолично изъемлется отъ личныхъ податей“, не включила въ окладъ никого изъ внесенныхъ въ родословныя книги послѣ вторичнаго пересмотра. Такихъ счаст-

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ малороссійскихъ чинахъ, стр. 167—168.

ливцевъ по обоимъ намѣстничествамъ насчитывалось 9981 чел. У нѣкоторыхъ изъ нихъ при этомъ отобраны и казенно-общественныя земли, коими они раньше владѣли, на томъ основаніи, что лица, выбывшія въ дворянство, не имѣютъ права пользоваться выгодами поселянскаго званія [1]).

Свободой отъ личныхъ податей 9981 „безсумнительныхъ" дворянъ пользовались, однако, не долго. Ихъ привилегированное положеніе по сравненію съ 2616 такихъ же „безсумнительныхъ", попавшихъ въ окладъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Всѣ знали, что дѣло о нихъ производится въ Петербургѣ, и только оттуда можетъ получиться окончательное разрѣшеніе спорнаго вопроса. А изъ Петербурга никакого рѣшенія не получалось, но за то шли указъ за указомъ, изъ коихъ можно было вывести такое заключеніе, что постановленія мѣстныхъ дворянскихъ коммиссій о внесеніи того или другого лица въ родословную книгу далеко еще не рѣшаютъ вопроса о принадлежности этого лица къ дворянскому сословію, съ каковою только и соединяется свобода отъ личныхъ податей. Въ Высочайшемъ указѣ 1796 года предписывалось, чтобы „никакое въ государствѣ правительство собою не вводило въ дворяне и не выдавало грамотъ на сіе достоинство". По сенатскому указу отъ 19 марта 1797 г. было велѣно депутатскимъ собраніямъ разобрать представляемыя на дворянство доказательства, но самимъ не рѣшать вопроса о принадлежности того или другого лица дворянскому сословію, а представлять въ герольдію. Въ 1800 г., вслѣдствіе просьбы нѣсколькихъ бѣлорусскихъ дворянъ объ исключеніи ихъ изъ оклада, Сенатъ наводилъ справки, много ли числится въ могилевской губерніи дворянъ, состоящихъ въ окладѣ, и, узнавъ, что такихъ дворянъ тамъ 1096 чел., вновь подтвердилъ депутатскимъ собраніямъ, что они не имѣютъ права рѣшать вопросъ о дворянствѣ лицъ податныхъ состояній, а должны представлять о нихъ въ герольдію [2]). Въ 1801 г. опять подтверждается, что въ дворянство, какъ регалію государскую, никто, кромѣ верховной власти, облекать не можетъ, и предписывается грамотъ на

---

[1]) Книга о дворянахъ и старыхъ мал. чинахъ, стр. 169—171.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 169.

дворянское достоинство безъ Высочайшаго повелѣнія не представлять.

При такихъ условіяхъ привилегированное положеніе 9981, не попавшихъ въ окладъ только по милости чиновниковъ Новгородъ-Сѣверской и Кіевской казенныхъ палатъ, не могло не возбуждать сомнѣній. Въ 1802 г. Черниговская казенная палата представила генералъ-губернатору Куракину вѣдомость о дворянахъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 г., и просила разъясненій, какъ съ ними быть: положить ли ихъ вновь въ окладъ, или ходатайствовать предъ Сенатомъ о Высочайшемъ повелѣніи касательно окончательнаго исключенія ихъ изъ податного званія. Куракинъ рапортовалъ объ этомъ Сенату, а Сенатъ въ 1803 году постановилъ: всѣхъ исключенныхъ изъ ревизіи 1795 г. вновь обложить окладомъ, начиная съ 1803 г.; что же касается принадлежащихъ имъ казенно-общественыхъ земель, то таковыя оставить въ ихъ владѣніи впредь до дальнѣйшаго распоряженія. Мнѣніе Сената было аппробовано государемъ [1]).

Результатомъ этого распоряженія было возвращеніе въ поселянское званіе почти 10 тыс. человѣкъ, привыкшихъ за 8 лѣтъ къ свободѣ отъ податей и личныхъ повинностей. Марковичъ разсказываетъ, что послѣ сенатскаго указа нѣкоторые изъ нихъ были внесены въ окладъ, а другіе остались невнесенными [2]). Врядъ ли, однако, это такъ было. Изъ сенатскаго указа отъ 14 марта 1804 г., послѣдовавшаго по рапорту того же Куракина, мы узнаемъ, что мѣстныя казенныя палаты такъ усердно отнеслись къ указу 1803 г., что обложили окладомъ даже тѣхъ изъ непризнанныхъ дворянъ, которые успѣли получить офицерскіе чины. По представленію Куракина Сенатъ смиловался надъ злополучными поручиками и регистраторами и приказалъ ихъ окладомъ не облагать [3]). Изъ другого рапорта Куракина отъ того же 1804 г. явствуетъ, что казенныя палаты при взысканіи податей съ дворянъ, не внесенныхъ въ ревизію 1795 года, не дѣлали никакого различія между ними и простыми ревизскими

---

[1]) Романовичъ Славатинскій, стр. 53.

[2]) Матеріалы и пр., стр, 9.

[3]) Книга о дворяхъ, л. 165—166.

душами, хотя по сенатскимъ указамъ слѣдовало поступающія съ такихъ дворянъ подати вносить въ особую графу и хранить отдѣльно для возвращенія тѣмъ изъ нихъ, кои будутъ признаны въ дворянскомъ достоинствѣ высшимъ правительствомъ [1]).

Къ счастію своему, злополучные 9981 нашли себѣ заступника въ лицѣ генералъ-губернатора. Мы уже видѣли, какъ хлопоталъ онъ за тѣхъ изъ нихъ, кои вышли въ офицерскіе чины. Въ 1804 г. онъ добился отъ Сената, чтобы подати съ окладныхъ дворянъ записывались отдѣльно, а въ томъ же 1804 году выхлопоталъ для нихъ и другую важную привилегію. При послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ казенныя палаты обратились къ нему съ запросомъ, привлекать ли къ отбытію рекрутской повинности и тѣхъ дворянъ, кои по ревизіи 1795 года показаны выбывшими въ дворянское достоинство. Куракинъ представилъ Сенату, что привлеченіе къ рекрутчинѣ лицъ, по закону избавленныхъ отъ личныхъ повинностей, во всякомъ случаѣ не законно. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ Куракина и постановилъ освободить отъ рекрутчины тѣхъ 9981, кои упомянуты въ указѣ 1803 г., а всѣмъ остальнымъ, которые со времени 4-й ревизіи были въ окладѣ по старому, отбывать рекрутскую повинность на ряду съ прочими поселянами [2]).

Неопредѣленное положеніе окладныхъ дворянъ вызывало не мало и другихъ недоразумѣній, за разъясненіемъ которыхъ приходилось обращаться въ Петербургъ. Такимъ недоумѣннымъ вопросомъ былъ, между прочимъ, и вопросъ, какъ судить такихъ дворянъ по дѣламъ уголовнымъ и о личныхъ обидахъ. Къ 1803 году судился состоящій въ окладѣ дворянинъ Антонъ Ломака за поддѣлку паспорта. Въ виду того, что ни судъ, ни иное начальство не знало, судить-ли Ломаку за это преступленіе какъ дворянина или какъ простолюдина, Куракинъ вошелъ съ представленіемъ въ Сенатъ, по докладу котораго Государь приказалъ судить Ломаку, какъ дворянина [3]). Судя по всему, примѣръ

---

1) Ibid, 163.

2) Книга о дворянахъ, л. 163—164.

3) Книга о дворянахъ, л. 212—213.

этотъ не имѣлъ принципіальнаго значенія, какъ это явствуетъ изъ другого дѣла. Два окладныхъ дворянина, Казановскій и Бабенко, при требованіи съ нихъ казенныхъ или общественныхъ податей, коихъ они, въ качествѣ дворянъ, платить не хотѣли, были чѣмъ то обижены со стороны своихъ односельчанъ. Завелось дѣло „о гвалтовномъ нахожденіи мужиковъ на домы шляхетскіе", которое наконецъ было разрѣшено генеральнымъ судомъ, и на крестьянъ наложено такое взысканіе, какое, по Статуту, слѣдуетъ за обиду человѣка породы шляхетской. Изъ генеральнаго суда дѣло перешло въ Сенатъ, который и разъяснилъ, что дворяне, записанные въ окладъ, до тѣхъ поръ не могутъ пользоваться дворянскими правами, пока ихъ доказательства не будутъ признаны герольдіей. Съ своей стороны герольдія предписала дворянскимъ собраніямъ доставить ей въ самоскорѣйшемъ времени доказательства окладныхъ дворянъ и при этомъ еще разъ подтвердила, чтобы дворянскія собранія не вносили окладныхъ дворянъ въ родословныя книги и не выдавали имъ грамотъ до разсмотрѣнія ихъ герольдіей [1]).

Вообще малороссійскимъ дворянамъ изъ окладныхъ, нужно сказать, очень не повезло. Включеніе ихъ въ ревизію 1782 г. служило для нихъ камнемъ преткновенія и источникомъ безчисленныхъ хлопотъ и огорченій. Герольдія, хотя и требовала отъ депутатскихъ собраній присылки доказательствъ такихъ дворянъ „въ самоскорѣйшемъ времени", но сама разрѣшала дѣла о дворянствѣ крайне медленно. Дѣло, напр., козаковъ Богушей, признанныхъ въ дворянствѣ Черниговскимъ депутатскимъ собраніемъ еще въ 1792 г. (не послѣ вторичнаго ли пересмотра?), было рѣшено герольдіей только въ 1851 году [2]). Что это не единственный случай,—видно уже изъ того, что даже послѣ 1835 года, когда вопросъ о малороссійскихъ дворянахъ былъ окончательно разрѣшенъ законодательнымъ порядкомъ, въ герольдіи лежало многое множество неразсмотрѣнныхъ документовъ претендентовъ на дворянское званіе, начавшихъ свои искательства еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Отношеніе герольдіи

[1]) Ibid., л. 172—174.
[2]) Зап. черниговъ. статист. ком., кн. 2, ст. 53.

къ этимъ документамъ далеко не напоминало снисходительности, съ какою смотрѣли на нихъ въ оны дни члены депутатскихъ собраній малороссійскихъ намѣстничествъ: и времена, и люди были другіе. Мнѣніе о вредѣ перепроизводства дворянскаго сословія стало руководящимъ принципомъ правящихъ сферъ, а политическое значеніе нобилитаціи потомковъ козацкой старшины утратило уже свой raison d' être: малороссіяне давно уже „скинули татарскія и польскія платья и начали говорить, пѣть и плясать по русски“ [1]).

Д. Миллеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1893, № 1, стр. 54.

Свадебныя пѣсни, записанныя въ Подольской губерніи.

„Пѣснь для Малороссіи—все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила“.

Гоголь.

Замѣчаніе безсмертнаго Гоголя о малороссійскихъ пѣсняхъ, сдѣланное болѣе 60-ти лѣтъ тому назадъ, относится и къ свадебнымъ пѣснямъ, и даже въ особенности.

Свадебныя пѣсни въ высокой степени обладаютъ поэтическими и художественными достоинствами, вообще присущими малорусской народной пѣснѣ. Необыкновенная простота (въ лучшемъ смыслѣ слова), глубина и въ то же время реальность мысли и чувства (содержанія); сердечность, нѣжность, задушевность тона, то трогательная, то возвышающаяся до глубокаго религіознаго чувства; богатство и разнообразіе красокъ, взятыхъ изъ окружающей обстановки (здѣсь, такъ сказать, разсыпаны цвѣты сравненій, уподобленій, обращенія къ природѣ—къ вѣтру, мѣсяцу); изящная, музыкальная форма стиха, обиліе, звучность риѳмы и проч.—таковы достоинства, между пр., и свадебныхъ пѣсенъ.

Малорусскія свадебныя—пѣсни это исторія народа по преимуществу.

По замѣчанію изслѣдователей [1]), ни въ какомъ другомъ отдѣлѣ народнаго творчества не уцѣлѣла въ такой старой чис-

[1]) Н. И. Костомаровъ, Семейный бытъ въ произвед. южно-русскаго народнаго творчества, стр. 364—410, въ изд. Литерат. наслѣдіе. Спб. 1890.

тотѣ, не отразилась такъ послѣдовательно—эпоха за эпохой, слой за слоемъ—вся прошедшая многовѣковая жизнь народа. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить и настоящее собраніе свадебныхъ пѣсенъ. Въ нихъ, можно сказать, еще живетъ старый родовой бытъ. Здѣсь и религіозное отношеніе къ водѣ, дереву („гильце", вѣтка дерева въ обрядахъ, т. е. часть вмѣсто цѣлаго), и слѣды охотничьяго быта (упавшее „перо" въ пѣснѣ). Здѣсь и слѣды древняго умыканія—похищенія—невѣсты (война) съ жалобами „на чужую сторону", естественными при разобщенности родовъ, и рядомъ—слѣды позднѣйшей сдѣлки, сговора („згода"), о чемъ свидѣтельствуютъ также „дары"—подарки, имѣющіе значеніе выкупа. Здѣсь и князь съ княгинею—такъ зовутъ жениха и невѣсту въ пѣсняхъ. По свадебнымъ пѣснямъ можно было бы нарисовать цѣлую картину дружинно-княжескаго быта: молодая княгиня въ вѣнкѣ сидитъ за столомъ; у нея обширные дворы, накрытые столы; ее окружаетъ дружина, у которой, между пр., золотые ножи, вилки; съ дружиною своею она отправляется на войну („село звоювали") и т. п. Здѣсь и память о первомъ проникновеніи христіанства изъ Крыма—драгоцѣнное четверостишіе о монахахъ, вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія; и память о татарахъ, продававшихъ людей въ неволю, и о козачествѣ—въ пѣснѣ жениха—„козакъ, на немъ шапочка, какъ макъ". Наконецъ, здѣсь же упоминаніе о писаряхъ, на рынкѣ пишущихъ листы разлуки („разлучени лыста")—быть можетъ память о крѣпостномъ правѣ, о времени „пановъ, па́ньщины", когда нерѣдко разлучали членовъ одной и той же семьи—и т. п. Въ этомъ же смыслѣ свадебныя пѣсни—и отцовская могила. И всѣ эти разнообразныя наслоенія на простой, старой и вѣчно новой, основѣ—выходъ дѣвицы въ замужество, ея думы при этомъ, радость и горе... Невѣста является, такъ сказать, героиней, главнымъ, центральнымъ лицомъ свадебнаго дѣйствія. Въ этихъ же пѣсняхъ высказывается народный взглядъ и на назначеніе женщины въ семейномъ быту:

„До хаты мастильныця (мазальщица),
До коморы ключныця,
Въ поли робитныця".

Въ изученіи памятниковъ народнаго творчества, народнаго духа—дорогъ каждый новый мотивъ, каждая новая черта, каждая, т. ск., крупица, не говоря уже о томъ, что богатый этнографическій матеріалъ заключается большею частью въ изданіяхъ малодоступныхъ или ставшихъ библіографическою рѣдкостью, что открываетъ широкій просторъ для разныхъ компаній лубочниковъ... Съ этой стороны предлагаемыя свадебныя пѣсни подольской губерніи, кромѣ своего главнаго, общаго значенія, могутъ представлять еще особый, чисто *мѣстный* интересъ, какъ отраженіе историко-географическихъ особенностей мѣстной жизни. Если этнографически Подолія (древн. „Понизье") представляетъ единое славянское цѣлое (Уличи и Тиверцы лѣтописей), то географическія условія и историческія судьбы ея неодинаковы. Западная часть Подоліи примыкаетъ къ древней Червонной Руси (Галиція), отъ которой отдѣляется р. Збручемъ, а Восточная Подолія примыкаетъ къ древней землѣ Кіевской. Въ то время какъ въ сѣверной части Подоліи господствовали князья волынскіе, Западная Подолія подчинялась князьямъ Галицкимъ (городъ Львовъ въ пѣсняхъ), а Восточная Подолія—князьямъ кіевскимъ. Послѣ господства Татаръ и Литвы (со второй половины XIV в. князья—братья Коріатовичи), Западная Подолія, по р. Мурафу, уже съ тридцатыхъ годовъ XV столѣтія подпадаетъ подъ власть Польши, тогда какъ для Восточной Подоліи эта власть Польши наступила болѣе чѣмъ на столѣтіе позже—со времени Люблинской уніи [1]). Естественно, поэтому, встрѣтить въ языкѣ Западной Подоліи слѣды вліянія червонорусскаго говора, болѣе частые полонизмы, между тѣмъ какъ говоръ Восточной Подоліи долженъ отличаться сравнительно большею чистотою и близостью къ говору кіевскому. Разумѣемъ болѣе внѣшнія формы языка, акцентъ, потому что никакія посторониія вліянія не коснулись, не нарушили крѣпкой славянской основы. Здѣсь слѣдовало бы еще выдѣлить, т. н., днѣстровское побережье Подоліи—мѣсто соприкосновенія съ румынскою народностью, вліянье которой оказалось, между пр., въ отсутствіи свадебныхъ пѣсенъ.

[1]) П. Н. Батюшковъ, Подолія. Спб. 1890.

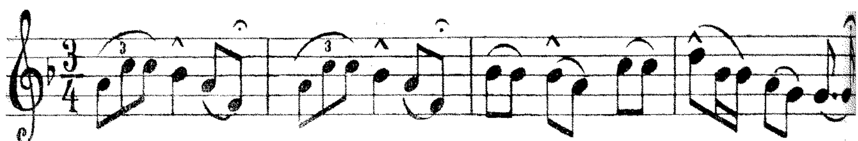
Большинство свадебныхъ пѣсенъ настоящаго собранія относятся къ Западной Подоліи, и только приблизительно четвертая часть ихъ относится къ Восточной Подоліи [1]).

Народный свадебный обрядъ („нашъ законъ", по словамъ одного крестьянина) отличается большою устойчивостью, сохранностью; исполненіе его считается настолько же необходимымъ и важнымъ, какъ и церковный обрядъ.

Малорусское свадебное дѣйствіе—„весилля"—состоитъ изъ трехъ главныхъ актовъ, въ свою очередь подраздѣляющихся на части, и заключенія или эпилога. Пѣсни нашего собранія представляютъ (за исключеніемъ т. н. „Заручинъ" или сговора) съ нѣкоторою полнотою два главнѣйшихъ акта „свадебной трилогіи", именно — дѣвичъ-вечеръ, происходящій обыкновенно въ субботу, и собственно брачное торжество въ день вѣнчанія, обыкновенно въ воскресенье, а также заключительный „эпилогъ"— въ понедѣльникъ и далѣе.

Свадебныя пѣсни поютъ, главнымъ, образомъ, женщины, участвующія въ свадебномъ обрядѣ—дѣвицы, подруги невѣсты („дружки") и замужнія женщины („свахи"). Мотивъ свадебныхъ пѣсенъ, насколько намъ извѣстно, одинаковый, вполнѣ гармонируетъ съ содержаніемъ пѣсенъ и скорѣе проникнутъ оттѣнкомъ грусти.

Свадебный мотивъ можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ.

Ой, матинко—утко, Звывай же ся хутко: Мы ся й узвы валы Всё село звою—валы.

Переходимъ къ послѣдовательному изложенію свадебныхъ обрядовъ и сопровождающихъ ихъ свадебныхъ пѣсенъ.

---

[1]) Свадебныя пѣсни записаны въ 1881 г., со словъ замужней крестьянки села Думаново, каменецкаго уѣзда. По нѣсколько пѣсенъ изъ с. Попелюхи, ольгопольскаго уѣзда. (П.), изъ с. Раковки, гайсинскаго уѣзда. (Р.) и одна изъ нихъ с. Тростянецъ, ямпольскаго уѣзда. (Т.)—Пѣсни записаны звуковымъ способомъ, хотя и болѣе отвѣтственнымъ, но позволяющимъ сохранить оттѣнки мѣстнаго произношенія.

I.

Суббота. Въ домѣ „молодой“ (невѣсты).—Свадебный обрядъ, какъ и каждое дѣйствіе его, начинается благословеніемъ, обыкновенно троекратнымъ. Съ благословенія Бога, Пречистой Матери, отца, матери, старшаго брата, сестры и другихъ родственниковъ, а также съ благословенія „пана старосты“—главнаго распорядителя свадебнаго обряда, „дружки“—подруги невѣсты, дѣвицы—„*увиваютъ, вьютъ вѣнокъ, вѣнки*“, и поютъ соотвѣтствующія пѣсни.—Закручинился степенный староста—съ чего въ субботу вить вѣнки? Отвѣтъ—съ барвинку: „вѣнокъ—крещатый барвинокъ“. Барвинокъ—символъ любви, также какъ рута—символъ дѣвственности. Вынимая изъ сундука барвинокъ, невѣста не можетъ не заплакать... Развѣ я тебѣ не говорила—поется въ обращеніи къ невѣстѣ отъ лица матери—не ходить по воду „до броду“, п. ч. тебѣ измѣнятъ („зрадятъ“) фіялочки, приведутъ къ чужой матери? Невѣста обращается къ отцу, чтобы онъ посмотрѣлъ, какой вѣнецъ купилъ ей милый во Львовѣ.

Пане войче, пани матко, пане брате, пани сестро..., панъ староста!

Шобы-сь ци благословылы
И винець увылы!

Или: Пане старосто,
Просимы благословеньства,
Повтурее и потшеци?
Дзенькуемъ вашéци!

—

Поютъ: А зъ руточкы дви квиточкы,
Благословы, Боже, отець, маты,
Своему дытяти винокъ увываты!
Я батенько такъ мовытъ:
Пречыстая Мате, виночокъ їй увываты.
Ой, матинка такъ мовытъ:
Нехай Богъ благословытъ.
Я братчычокъ такъ мовытъ:
Най тя Богъ благословытъ.
(Я сестрычка, бабуня, цётуня и т. д.)

—

Ой, зажурывся статечный старостовька,
Сь чого мы будемъ въ субботу винкы выты,
За що мы будемъ мидъ горивку пыты?
Ой, е у дружечкы вышневый садочокъ,
У тимъ садочку кресчатый барвиночокъ:
Съ того мы будемъ въ субботу винкы выты,
А за тбе будемъ мидъ-горивку пыты.

—

Ой, винче-жъ мій, винче,
Хрещатый барвинче,
Я-жъ тебе полывала
И въ скрыни замыкала,
Теперъ тебе рушу
Заплакаты мушу. (Р.)

—

Чы я тоби не казала—
Не ходы до броду по воду,
Бо тебе тіи фіалочкы зрадятъ,
До чужои матиноньки препровадятъ?
Я чужа матинонька рано не збудыть:
Тилькы пиде до сосиды—обсудытъ:
Яка въ лиси ковенёчка [1]) гнылая,
Така у мене невисточка другая.

—

Ой, подывыся, мій батеньку, на мене
Не сходыла я такого винця у тебе!
Купывъ мени мій мыленький ви Львови
За сто золотыхъ и за четыре червовыхъ.

—

Замужнія женщины („жинкы") начинаютъ „*вить гильце*", т. е. убираютъ, украшаютъ вѣтку дерева „овсомъ, перомъ, калиною...". Обыкновенно, для этого употребляется вѣтка сосны, такъ какъ свадьбы большею частью происходятъ зимою, отчего гильце называется иногда „*сосна*". Калина—символъ выходящей замужъ женщины. Гильце, по замѣчанію изслѣдователей, имѣетъ символичное значеніе брачнаго вѣнка, но въ нашихъ пѣсняхъ гильце и вѣнокъ не смѣшиваются и стоятъ отдѣльно.

Выйся, гиленько, гарно (т. е. красиво),
Дамо тя межы люды—
Славне гиленько буде!

[1]) Гнилой кусокъ дерева.

Зажурывся статечный староста—
Съ чого мы будемъ гиленько выты,
За що мы будемъ мидъ-горивку пыты?
Горивкы, марнóи горивкы—
Погнивалыся вси жинкы:
Гилéнько увылы—
Ще твои горивкы не пылы!

—

Ой, сосна-сосна, десь росла?
Ой, рослам бо я у лиси,
Пры зелененькимъ гориси,
Гаемъ-Дунаемъ прыплыла,
Тай у молодои (-го) на столи зацвила.

Съ такими же обрядами благословенія растворяютъ и пекутъ т. н. *коровай*, свадебный хлѣбъ--обычай общеславянскій. Вода въ короваѣ изъ „Дуная"—славянской пѣсенной рѣки. Съ короваемъ идутъ въ село, и въ пѣснѣ находимъ обращеніе къ мѣсяцу, чтобы онъ освѣщалъ путь.

Я зъ руточкы дви квиточкы—
Пречыстая Мате,
Коровай росчыняты!

—

Нихто не вгадае—
Що въ нашимъ короваю?
Въ нашимъ короваю
Водыця—зъ Дунаю,
Два збанкы масянкы,
Яйци пидгайци—
Ти въ нашимъ коровайци.

—

Мисяцю рогожéньку,
Свиты намъ дориженьку,
Абесь мо не зблудылы.
Коровай не згубылы.
Мисяцю зъ раю,
Свиты нашему короваю,
Абесь мо не зблудылы,
Коровай не згубылы.

Далѣе слѣдуетъ обрядъ расплетанія и расчесыванія косы. *Расплетаніе косы*—грустная минута для молодой (невѣсты). При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ присутствуетъ и женихъ:

„старшая дружка (свѣтилка?) покрываетъ молодую платкомъ, а молодой (женихъ) открываетъ" (П.). Начинается обычнымъ призывомъ благословенія Бога, отца—матери. Созывается весь „родъ" расплетать косу. Поется о „чернобрывцяхъ" (багрецы), которые посѣяны около Рождества и теперь расцвѣли

Якъ перший разъ,
Якъ Божій часъ—
Благословы, Боже,
И отéць и маты,
Своего дитяти
Рóсу косу росплитаты. (П.)

—

Ой, стану я на былыну,
Крыкну я на родыну:
Сходыся, мій родóчку,
Росплитаты косочку.

—

Було лито, було лито,
Я теперъ—зыма,
Посіяла чорнобрывци
Противу Риздва.
А вже-сь мои чорнобрывци
Процвитаютъ,
А вже-жь мою росу-косу
Росплитаютъ. (П.)

Передъ *расчесываніемъ косы* также „просятъ благословеньства, кланяются, поютъ—„я зъ руточки..." и т. д. Отъ лица невѣсты обращаются къ отцу, матери, брату, просятъ подать щеточку-гребешокъ, чтобы расчесать „росу-косу" подъ вѣнецъ; при этомъ невѣста проситъ не зарвать волосочекъ, не поразить („заразить") ея сердечко... Сравненіе: на дворѣ „деренъ" тешутъ—въ хатѣ косу чешутъ. Молодая сидитъ за столомъ въ вѣнкѣ, какъ „княгиня".

Стань, батеньку (или матинко, братчыку, сестрычко и т. д.), на стильчыкъ.
Подай щиточку-гребинчыкъ,
Росчесаты росу-косу пидъ винчыкъ.
Чешы, батеньку, косу,
Не зорвы волосочка,
Не заразы мого серденька,

Бо воно заражѐне—
Зъ батенькомъ розлучене.

—

На двори дерѐвъ тешутъ,
А въ хати косу чешутъ;
На двори—терныною,
А въ хати—*княгынею.*

—

Ой, ставь, братику, на стилець,
Та подай съ полыци гребинець,
Росчесаты росу-косу пидъ винець. (Р.)

Убранную невѣсту *„въ село выряжаютъ“*, т. е. она отправляется въ сопровожденіи дружекъ въ село звать къ себѣ на свадьбу. Обращаясь къ матери, просятъ снарядить свою дочь изобиліемъ („пóвною“), доброю долею и мелкими слезами... Слѣдуетъ обращеніе къ вѣтру, чтобы онъ развѣялъ „росу-косу“ по шелковому поясу невѣсты, чтобы разнеслась добрая слава („поголóска“). Возвращаясь изъ села, поютъ, что „все село звоювалы“— пригласили родныхъ, сосѣдей, а по другой пѣснѣ „не миновали ни одного („жàдного“) двора“. Невѣста спрашиваетъ мать, есть ли безъ нея порядокъ („ладъ“) въ хатѣ—заметены ли „дворы“, застелены ли „столы“,—проситъ зарѣзать „курочку“, потому что дружечкы хотятъ ѣсть, и желаетъ „добраго вечера“ всѣмъ, кто находится въ домѣ. Невѣстѣ-сиротѣ поютъ, что батенько ея встаетъ изъ гроба *на судъ* („до суду“)...

А зъ руточкы дви квиточкы—
Благословы, Боже, отець и маты,
Своѐму дытяти въ село выражаты.

—

Кланяйся старому и малому
И Богови святому!

—

Ой, вмила-сь, маты, дытятко годуваты,
Ой, вмій же ѐгó на село выряжаты:
Черезъ синонькы—повною-повнонькою,
Черезъ подвирья—доброю доленькою,
Ой, по-за ворота вже тыми колоскамы—
Дрибнымы слезонькамы.

—

Ой, витре, дорогою
За нашою молодою,
Розвій росу-косу
По шовковимъ поясу,
Розвій по волоска,
Щобъ була поголоска.

—

Ой, матинко—утко [1])
Звывай же ся хутко (т. е. скоро);
Мы ся й узвывалы,
Усё село звоювалы,
Всю родыну спросылы—
Блызьку и далекую,
И сусиду блызенькую.
Добрый вечиръ, нéне,
Чы е ладъ безъ мене,
Чы замитани дворы,
Чы застéлени столы
Безъ мене молодои?
Добрый вечиръ тому,
Хто е въ нашимъ дому—
И старому и малому
И Богови святому.
Ой, матинко—утко,
Рижъ *курочку* хутко:
Курочка ся тряскоче,
Дружечкы йисты хочуть.
Добрый вечиръ, маты,
Зъ синей до хаты!
— Бодай здорови булы,
Що за насъ не забулы,
За старого й за малого
И за Бога святого.

—

Митиночко—утко
Выхай же ся хутко,
Бо мы ся вже звыхалы.
Все село звоювалы—
Видъ кола до кола
Не мынулы жáдного двора: (Т.).

—

Закрычалы янгели на неби
Я збудылы батечка во гроби:

[1]) Уменьшит. оконч.— „матинутко".

Вставай, батечку, *до суду*,
Ведуть твое дытяточко до шлюбу.

Наконецъ, слѣдуетъ ужинъ. Молодая „княгиня“ въ вѣнкѣ сидитъ на главномъ мѣстѣ за столомъ. Женихъ непремѣнно въ шапкѣ съ квиткою (цвѣткомъ).

По чимъ ты мене пизнала?
По тоби: сывая шапка на тоби.

Происходятъ танцы, игры, шутки, насмѣши—т. наз. „головиця“ (головка, головной уборъ, вѣнецъ—Даль, Толк. Сл.): парни стараются сорвать съ дѣвушекъ запаски, переодѣваются „за комедіи“, дѣлаютъ „соломляни кони“, танцуютъ „съ лопатою“ и т. д. Этимъ заканчивается суббота въ домѣ невѣсты.

II.

Воскресенье. День вѣнчанья и собственно брачнаго торжества.

Пѣсни *передъ вѣнчаньемъ* („до шлюбу“). Еще дома поютъ: Отворяйтесь, ворота, сирота ѣдетъ вѣнчаться и низко кланяется. По слѣдамъ жениха взошелъ „василекъ“, а по слѣдамъ невѣсты—„мята“—какъ и рута—символъ дѣвственности. Невѣста сравнивается даже съ „ягодой, калиной, малиною“—символы выходящей замужъ женщины. Выберемся пораньше, чтобы не пропалъ нашъ сговоръ („згода“). Просьба къ батюшкѣ, чтобы онъ повѣнчалъ двое дѣтей, жениха и невѣсту.

Отворяйтеся, ворота,
Йде до шлюбу сырота,
Нызенько вона ся кланяе,
Бо матиньки не мае,

—

Кланяйся гоже (хорошо, пригоже. Даль Т. Сл.).
Най тоби Господь допоможе!

—

Въ гай дороженька,
До шлюбу стеженька,—
Куда молоденькый шовъ,

То тамъ васылекъ зійшовъ,
Куда молода йшла,
То тамъ мяточка зійшла.

—

До шлюбу мы йдемо,
Молоду ведемо:
Молода якъ ягода,
Червона, якъ калына,
Солодка, якъ малына.

—

Выбраймося рано,
Шобы намъ шлюбъ дано,—
Не застанемъ попа—
Пропала наша згóда.

—

Ой, попе-попе, батьку нашъ,
А выйды противъ насъ:
Якый въ церковци святый Спасъ—
Звинчай двое дытяточокъ змежы насъ,
Одно дытятко молодый (имя)
Друге дытятко молода (имя).

Пѣсни *послѣ вѣнчанья* („видъ шлюбу"). Благодарность батюшкѣ за то, что обвѣнчалъ и немного взялъ. Замѣчательное четверостишіе о монахахъ („чéрчекы"), вынесшихъ изъ Крыма книгу вѣнчанія. Невѣста съ „посѣченой калиной"; на ногахъ у нея „красные" чоботки—все это имѣетъ символическое значеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ новобрачнымъ по пути изъ церкви „переливаютъ дорогу *„водою"*.

Дякуймо поповькови,
Якъ ридьому батькови,
Шо намъ шлюбъ давъ,
Не много взявъ.
Видъ пана молодого
Пивтора золотого,
Видъ молодои ни гроша,
Бо молода хороша.

—

Дякуймо поповькови,
Якъ своему батенькови,
Шо винъ намъ шлюбъ давъ,
Не багацько й взявъ:

Пивтора червоного
Видъ пана молодого. (Р.).

Выйшлы чёрчекы зъ Крыму,
Вынеслы соби кныгу—
Чорнéньке пысанячко,
Вичнее винчанячко. (П.).

Сичéна калына—сичéна,
Вже-жъ наша Н... звинчена,
Червони чоботкы на нози,
Шо купывъ Петрувё въ дорози.

По возвращеніи изъ церкви въ домѣ невѣсты слѣдуетъ *привѣтствіе матери* („Радуйся“): вмѣсто одного дидяти она имѣетъ двоихъ; приглашеніе встрѣтить новобрачныхъ въ кожухѣ—мохнатый кожухъ, шерсть—символъ богатства,—или съ калачемъ. Тутъ же идетъ рѣчь объ упавшемъ перѣ („пыро“ и „пюро“). Садятся за столъ, на которомъ разставлены „гыжкы“ (свиной студень), „горивка“ (водка). Обѣдъ у невѣсты и жениха происходитъ отдѣльно, безъ участія новобрачныхъ.

Радуйся, матинонько:
Взяло шлюбъ дытятонько:
Якъ идно, такъ другое,
Вже твои обыдвое.

Или: Першесь са радувала,
Якъ его годувала,—
Теперь ся велычаешъ:
За йидно двое маешъ.

Выйды, матинко, звытайся,
Своего дытяткы спытайся—
Дэ твое дытятко бувало?
Пидъ царскимъ винцемъ стояло,
Зъ молодымъ шлюбъ брало.

Выйды, матинко, въ кожуси,
Якъ въ Боговимъ дуси:
Якый кожухъ мохнатый,
Такый твій зять богатый.

Выйды, матинко, зъ калачомъ,
Иидé твое дытятко зъ панычомъ
(или зъ мужыкомъ),
Завязани били рукы рушныкомъ. (П.).

Дэ биле пыро впало
Тамъ намъ ся сподобало:
Молоденька стояла,
До серденька прыставала.

Тутъ наше пыро впало,
Тутъ намъ ся сподобало:
Дивчынонька молоденька
Прыстала до серденька. (Р.).

Въ воскресенье же вечеромъ—*пріѣздъ жениха за невѣстой.* Въ пѣсняхъ и обрядахъ, сюда относящихся, отразилось какъ старинное умыканіе (похищеніе) невѣсты, война, такъ и позднѣйшій сговоръ, сдѣлка („згода“).

Пѣсни объ умыканіи. Сторона жениха сравнивается съ налетѣвшимъ вороньемъ („воронbackground“) изъ „чужой стороны“, которые „разогнали“ бояръ. Не страшись, теща, насъ немного играетъ („плеще“, ср. Даль, Т. Сл.) на твоемъ подворьи. Родня жениха не должна („не повинна“) стоять во дворѣ. Руби, дружба, двери, впускайте насъ къ дѣвицѣ: съ нами „*козакъ*, на немъ шапочка, какъ макъ“. Кто же это наѣхалъ—„мѣщане или селяне“, чтобы хотя знать, кому уступать („ся вступаты“). Братецъ, сѣки-руби, не выдавай сестру. Но братецъ—Татаринъ, „продалъ“ сестру за талеръ... При этомъ „дружба дивочій заплатитъ два золотыхъ, пиврубля“ и садятся за столъ.

Налетилы ворононьки
Зъ чужои сторононькы,
Бояривъ розигналы,
Сами посидалы.

Не страхайся, теще,
Немного насъ плéще—
Тридцатеро и трое
На подвирячку твоимъ.
Снижокъ пролитае,
Дощыкъ накрапае—

Цэго молодого родына
Стояты не повынна
Рубай, дружба, двери,
Рубай и удвиркы—
Пускайте насъ до дивкы:
Прыйихавъ зъ намы *козакъ*,
На нимъ шапочка якъ макъ,
И золотая сброя—
Десь ту дивчына моя.

—

Шо-жъ то намъ найихало—
Чы зъ миста мищаны,
Чы зъ села селяне,
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты?
Не зъ миста мищане,
Я зъ села селяне—
Нехай мы будемъ знаты,
Кому ся й вступаты.

—

Татарыну братчыку,
Стань соби на крислычку,
Сичы-рубай,
Сестры не дай,
Бо сестра дорогая,
Коса йіи золотая,
Треба йіи золотыты,
Дорогу заплатыты.
Татарынъ братчычокъ, татарынъ,
Продавъ сестрычку за талеръ,
Росую косу за шистакъ,
Румянее лычко пишло такъ.

Въ другомъ рядѣ пѣсенъ слышится уже предварительный уговоръ, условіе. Дружки изъ хаты поютъ, что зять вьется хмелемъ, разсыпается ячменемъ, васильками. Нѣжно спрашивается, гдѣ запоздалъ милый („забавывся"). Или: съ женихомъ со двора, просятъ свата вступить въ хату, чтобы пересушить одежды („шаты"). Въ пѣснѣ, наконецъ, спрашивается: съ чѣмъ пріѣхалъ за дѣвицей—есть-ли горилка, свашенькы, староста, дружба, музыкантъ—словомъ, намекъ на выкупъ, подарки.—Садятся за столъ у невѣсты. Невѣста сидитъ сиротливо, грустная. Съ обычнаго благословенія, разрѣзываютъ (дѣлятъ) коровай,—это лежитъ на

обязанности пана дружбы, у котораго „золотой ножикъ и золотая вилка". „Поклыкають тата, родыну—а прошé-е!—раздають подарки—обыкновенно платки („хусточки")—татови, мами, „свахамъ".

Величаютъ свахъ въ пѣсняхъ, просятъ „выдать" къ невѣстѣ. Дружкамъ—дѣвицамъ поютъ, что имъ слѣдуетъ идти домой, п. ч. ихъ подруга уже не принадлежитъ имъ.

Ой, зять намъ ся стелеть
По за ворота хмелемъ,
По подвирю ячменемъ,
А въ синехъ болотомъ,
А въ хати васылькомъ,
За тымъ сывымъ (?) столомъ.
Сывесенькымъ соколомъ.

—

Чорная хмаронька—дощъ буде,
Десь ты ся забавывъ, голубе?
Забавывъ я ся самъ у себе,
Сидлавъ коныка пидъ себе,
Йихаты, Н... до тебе.

—

Ой, свату-жъ нашъ, свату,
Пусты-жъ насъ у хату,
А мы-жъ тоби не докучымо,
Тилько шáты пересушымо,—
А въ насъ таки шаты,
Щобъ Марусеньку взяты. (Р.).

—

По щось прыйихáвъ по дивку?
Чы маешъ барылце, горивку,
Чы маешъ свашенькы пышнéзьки,
Чы маешъ старосту вумного,
Чы маещъ дружбоньку скакуна—
Шобысь ты не мала сорома́,
Чы маешъ ты музыку брехуна—
Шобы-сь ты не малы сорома?

—

Посадылы, якъ панятко,
Сыдытъ соби, якъ сыротятко,
Посадылы добріи люде,
Нарáдылы блызькіи сосиды. (П.).

—

Зъ калыночкы двi квиточкы—
Благословы, Боже и вотець,маты,
Коровай роскраяты.

—

Панъ дружба звлотый ножыкъ мáе,
Хорошé коровай крае,
Та золотé видéльця—
Та прыставъ дружци до серденьця.

—

Свашенькы, якъ ластивкы,
Головкы, якъ макивкы,
Спиваютъ, якъ ластивкы,
Ще й свашенькы крáсни,
На ныхъ хусточкы ясни.

—

Свашенькы вермяночкы (?),
Выдайте васъ до Ганочкы?
— Мы до Ганочкы не даемо,
Лышъ хороше спиваемо.

—

Чого, дружечкы, сыдыте,
Чомъ до дому не йдете,
Бо вже Надежда не ваша,
Зъ Петрусёмъ заручена, наша. (П.).

Отправленіе невѣсты въ домъ жениха. Еще за столомъ у невѣсты поютъ: Заржали вороные кони, зазвенѣли („забрынилы“) кованые возы...; невѣста проситъ спрятать ее въ „коморѣ“ (кладовая). Потише („помало“) играйте конями, не копайте подворье, шалфей („шальвій“) не ломите, не берите молодую. Еще, т. ск., послѣдняя борьба, послѣдняя надежда невѣсты на то, что за нее заступятся, не выдадутъ отецъ, мать. Но на рыночку писаря пишутъ листы разлуки („разлучени лыста“)—„очень жалостливая пѣсня, найгорьше плачутъ“... Слѣдуетъ трогательное прощаніе невѣсты съ матерью: я оставляю, поется отъ лица невѣсты, слѣды по двору и слезы на столу; жаль будетъ тебѣ, мама, за мною—будешь часто вспоминать обо мнѣ. Слезы перемѣшиваются иногда съ шуткой, смѣхомъ—соотвѣтственно народному характеру. Свахи поютъ матери невѣсты, чтобы она готовила постель и вообще приданое, а самой невѣстѣ—чтобы она перестала плакать и благодарила отца и мать за воспита-

ніе. Во время всей этой сцены женихъ съ дружбами ждетъ во дворѣ и трижды возвращается изъ-за воротъ. Наконецъ, взявши невѣсту, дружбы изъ-за воротъ благодарятъ за угощеніе и за хорошую дѣвицу.

Ой, загыржалы ворони кони на стани
Ой, забрынилы ковани возы на двори—
Сховай мене, моя маты, въ коморв?
Ой, не поможе, моя дônенько, комора,
Бо свитлéня (свѣтлица) твоя свитлонька надоьóла,

—

Помало виньмы грайте,
Подвиря не копайте,
Шальвій не ломитъ
Молодои не беритъ.

—

Я въ Камянци на рыночку,
Мармурований (мраморный?) мылый Боже,
Ой, е у мене мій батенько,
Не дасть мене, мылый Боже!
Ой, е у мене моя матинка,
Не дасть мене, мылый Боже!

—

Ой, въ Камянци на рыночку
Два пысарчукы лыста пышутъ;
Ой, пышутъ воны—
Разлучени лыста пышутъ...
А хто-жъ буде ся розлучаты зъ батенькомъ.
Буде си розлучаты молоденька зъ батенькомъ.

—

Не жáлуй, матинко, за мною,
Не беру я ничого зъ собою—
Лышаю слидоньки до двору,
Слизоньки по столу.

—

Замитай, маты, жаръ-жаръ,
Буде тоби дочкы жаль-жаль,—
Закыдай сыри дрова—
Бувай, маты, здорова!

—

Идешъ, маты, хуста праты—
Лышай пранникъ на загати:

Будешъ хуста праты,
Будешъ мене спомынаты.

—

Було тоби, маты, пыва не пыты,
Було тоби, дочко, ще рикъ робыты.

—

Було тоби, маты, дочкы не даты,
Бо будемъ твои дочци бóкы лататы,
Ой-ой-ой, бокы лататы! (въ шуточн. смыслѣ).

—

Лагóды, маты, пóстиль,
Симъ подушокъ пуховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ
И коня вороного
Пидъ пана молодого

—

Ой, сядай-сядай, кохане мое,
Ничого не поможе плакання твое.
— Ой, я бы зъ вамы теразъ сидала,
Но я йще войца не дзинькована.
— Дзинькуй-дзинькуй свому вóйцу,
Шо тя годувавъ зъ маленькóсци.
(Такъ и матинци спиваютъ).

—

Дякувалы, дяковóньци
Оцéви, матиноньци
За мидъ—за горивку,
За хорошую дивку.

Пріѣздъ невѣсты къ жениху. Свахи поютъ, что матери жениха наскучило дожидаться невѣстушки. Приглашаютъ встрѣтить невѣсту,—тутъ же и ея назначеніе въ семейномъ быту. Невѣста, прежде чѣмъ вступить въ домъ, „два раза льетъ изъ келишка (рюмки) *воду* „бизъ голову“ (черезъ голову), а въ третій разъ даютъ пить горилку, и тогда молодая входитъ въ хату“. Слѣдуетъ ужинъ, (вечеря). Свахи поютъ, что молодая не хочетъ ужинать; тоже поютъ и „свѣтилкѣ“ (старшей дружкѣ). Новобрачные не участвуютъ въ ужинѣ.

Вже неньци та докучыло,
Кватыроньку видчиняючи,
Та невистоньки дожыдаючи.

—

Витворы, маты, лиску (въ смыслѣ двери),
Ведемъ тоби невистку—
До хаты мастильныцю,
До коморы ключныцю,
Въ поле робитныцю.

—

Хмиль лугамы, пшеныченька лавáчы—
Молода (имя), повечеряй ты зъ намы?
Зигнешься, пшеныченька вытвéся,
Вся у тои молодои вечеря мынéся!

—

Свитылочко пáнё,
Вечеряй же зъ намы?
Не казала маты
Зъ вамы вечеряты,—
Казала послужыты,
Братови посвитыты. (П.).

Въ заключеніе свадебнаго дѣйствія слѣдуетъ эпилогъ, т. н. „*пропóй*“. Въ понедѣльникъ ведутъ молодую „до выводу“ (церковная молитва); молодая сравнивается съ „ягодой“, „калиной малиной“. Пропила мать дочь свою, поется въ пѣснѣ; благодарятъ сваты за „кудрявую мяту“—символъ дѣвственности, и за „червоную калину“—тоже символъ соблюденія дѣвственности и брачнаго соединенія. На пропою (иначе перезва, которая иногда продолжается до четверга)—поется—ѣли картофель („бараболю“), „паланыцю“ (пирогъ), пили медъ, горѣлку. Идемъ отъ свата трезвые: горѣлка у него овсяная; у молодой нѣтъ ничего ни на столѣ, ни подъ столомъ. У свата хата—на петрушкѣ... Сопровождаются эти пѣсни довольно рѣзкимъ восклицаньемъ: „У-у-ухъ!!!“. „Три раза гильцемъ бросаютъ, перепиваютъ, перетанцёвуютъ, переряжаются, дѣлаютъ подарки“. И больше поютъ, но „погáни“, т. е. двухсмысленнаго содержанія.

До выводу йдéмо,
Молоду ведемо:
Молода, якъ ягода,
Славна, якъ калына,
Солодка, якъ малына.

—

Пропыла маты дóчку
На солодкимъ медочку,

За пивкварты горивкы
Позбулася дивкы.

—

Я зъ калыночкы дви квиточкы—
Дякуемъ тоби, свату,
За кудрявую мяту,
За червону калыну,
За почсьциву (хорошую) дытыну. (П.).

—

Булысь мо на пропою,
Йилысь мо бараболю
Печену, варену
И масломъ намаслёну,—
Пылысь мо мидъ—горивку
За хорошую дивку,
И печену паланыцю
За хорошу молодыцю.

—

Булысь мо на пропою
Йилысь мо бараболю—
Якъ бараболь не стало,
Йилы зъ кобылы сало. (П.).

—

Пасла гусы въ березi—
Йдемъ видъ свата тверези:
Горилка вивсяная,
Йде сваха не пъяная.
Булысь мо въ молодои,
Не йилысь мо ничого:
На столи ни крышечкы,
Пидъ столомъ ни кисточкы. (П.).

—

Я въ нашого свата
На пытрушци хата,—
Я петрушка пидогныла,
Хата ся звалыла.

Этимъ заканчивается наше собраніе свадебныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ подольской губерніи.

А. К.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

VII.

Недаромъ хвастался инженеръ Бопланъ, что его Кодакскихъ твердынь не проломить непріятелю таранами: не пропустятъ эти грозныя башни ни одного удальца, какая бы храбрость ни окрыляла его, дерзкаго, и не выпустятъ изъ своихъ каменныхъ объятій ни одной, заключенной въ нихъ жертвы.

Въ мрачномъ подземельи совершенно темно; изъ двухъ скважинъ, прорѣзанныхъ въ глубокой продольной выемкѣ, что подъ самыми сводами, едва проникаютъ мутные проблески свѣта, да и тѣ теряются между черными впадинами и выступами неотесанныхъ каменныхъ глыбъ. Сидящему узнику не видно, за страшною толщиной стѣнъ, этихъ свѣтовыхъ скважинъ, а потому и въ самый яркій день, даже привыкшій къ темнотѣ глазъ едва можетъ отличить вверху кривизну грубыхъ линій и темно-сѣрыя пятна, а въ пасмурные дни, или подъ вечеръ все въ этой ямѣ-могилѣ покрывается непроницаемымъ чернымъ покровомъ; такая зловѣщая тьма живетъ только подъ землей, въ ея нѣдрахъ и смертельною тоской сжимаетъ даже безстрашное сердце. Въ этомъ жилищѣ мрака и злобы могильный холодъ и ѣдкая сырость пронизываютъ до костей тѣло, проникаютъ мокрою плесенью въ легкія, замораживаютъ мозгъ, замедляютъ біеніе сердца и, отгоняя отъ узника далеко надежду, погружаютъ его въ глубокое отчаяніе.

Сидитъ Богданъ въ этомъ смрадномъ подвалѣ и не сознаетъ, сколько уплыло времени съ того момента, когда за нимъ, скрипя и

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 2.

звеня, замкнулась желѣзная дверь... наконецъ, окоченѣвшіе члены потребовали хоть какого-либо движенія. Онъ всталъ и ощупью попробовалъ опредѣлить границы своей могилы; дотронулся рукой до стѣны и вздрогнулъ: грубые, острые камни покрыты были студеною слизью и какими-то наращеніями—не то грибами, не то плесенью; протянутая другая рука достала до мокрыхъ камней противоположной стѣны. За Богданомъ подымались высѣченныя изъ камня ступени и вели къ желѣзной, находившейся высоко надъ нимъ двери; впереди куда-то въ глубь, шелъ этотъ узкій простѣнокъ. Упираясь руками, Богданъ, осторожно ступилъ впередъ; ноги его вязли въ мокрой и липкой глинѣ... еще шагъ, другой, третій... и узникъ уперся грудью въ каменную стѣну; послѣдняя была особенно мокра, во многихъ мѣстахъ по ней просто сочилась вода, въ безсильной злобѣ, ударилъ онъ, кулакомъ по неодолимой преградѣ и простоналъ; но звукъ въ этомъ гранитномъ гробу сразу умеръ; только долго простоявъ неподвижно, узникъ началъ различать въ нѣмой тишинѣ какіе-то неясные звуки,—словно что-то постоянно шуршало и изрѣдка лишь обрывалось въ короткомъ, отрывочномъ стукѣ. Долго прислушивался Богданъ и, наконецъ, догадался: за этой толщей саженной бѣжалъ сердитый Днѣпръ и скользилъ своими пѣнистыми водами по врѣзавшейся въ его русло твердынѣ, а стучали капли воды, срывавшіяся съ высокаго свода.

Богданъ тронулся съ мѣста; сапоги его чавкнули и съ усиліемъ высвободились изъ глины, что ихъ засосала; онъ направился снова къ желѣзной двери, гдѣ было сравнительно суше, и усѣлся на самой верхней ступени, опершись спиной о желѣзную дверь и свѣсивъ на грудь отягченную мучительными думами голову. Тѣло его пробирала лихорадочная дрожь... но Богданъ ничего этого не чувствовалъ.

„Да неужели-же такъ,—огненною ниткой мелькали въ его буйной головѣ мысли,—придется пропасть козаку, какъ собакѣ, безъ покаянія, безъ причастія, не учинивши ни славнаго, безсмертнаго подвига, ни добра обездоленной родинѣ? И отъ чьей руки? Отъ панскаго лизоблюда, отъ пропойцы! И какъ это все быстро обрушилось на мою голову — безъ передышки, безъ отдыха! Сколько дѣлъ, и какихъ дѣлъ, съ рукъ сходило, а тутъ... хотя бы за что-либо путное—за спасеніе ли друзей, или за разгромъ злодѣя-врага,—такъ и не жаль-бы было принять всякія муки, а то за „дурницу“ и по напасти безсмысленныхъ силъ! То чуть не замерзъ въ ледяную сосульку въ раннюю, всегда теплую осень, то этотъ заклятый обляшекъ чуть не посадилъ на колъ, а вотъ снова доѣхалъ и бросилъ живого въ могилу... А-а!—ударилъ

онъ головой о желѣзную дверь; шапка сорвалась и покатилась по ступенямъ въ глубокую яму.—И не вырвешься отсюда, и голоса не подашь друзьямъ,—не долетѣть ему изъ этихъ проклятыхъ „муровъ"! А тотъ собака смѣется теперь на верху съ „дурнемъ", за кухлемъ мальвазіи, надъ козакомъ-лыцаремъ, попавшимъ въ западню, и знаютъ, шельмы, что безнаказанно могутъ держать здѣсь меня мѣсяцы, пока не дойдетъ до гетмана вѣсть; да и то—чего ждать? О, проклятое безсилье и адская злоба, куда вы заведете нашъ край? Если рубятъ здѣсь для потѣхи головы козаковъ и старшинъ, если надо мной, все же извѣстнымъ и заслуженнымъ лицемъ, могутъ совершаться такія насилія, то до какихъ же предѣловъ они могутъ дойти надъ безоружнымъ и беззащитнымъ народомъ? Кто за него голосъ возвыситъ? Ахъ, безправные мы всѣ, обездоленные судьбою, забытые Богомъ!"—опустилъ Богданъ на руки голову, сжавъ ими до боли виски.

Погруженный въ тяжелую думу, не чувствуетъ узникъ, что по рукамъ у него и по шеѣ ползутъ какія-то мелкія твари и жгутъ своими тонкими жалами тѣло. Болѣзненные уколы повторяются все чаще и ѣдче, а узникъ мрачно, неподвижно сидитъ, не обращая на нихъ никакого вниманія; глубокая сердечная боль заглушаетъ страданія тѣла. Наконецъ, наглые отряды хищниковъ осмѣлились до того, что съ шеи полѣзли на лицо, на лобъ, на глаза... Богданъ вздрогнулъ, смахнулъ съ лица непрошенныхъ гостей, ударилъ рукой по рукѣ и по шеѣ, съ отвращеніемъ отряхнулся и спустился ниже; но мокрицы, сороконожки, пауки, клещи и всякая „погань" послѣдовали тоже за своей жертвой и произвели снова аттаку... Началась борьба съ невидимымъ, но многочисленнымъ врагомъ... тѣло стало горѣть лихорадочно. Зудъ вызывалъ конвульсивныя движенія и подергиванія.

„А! чортова тварь! вражья погань!—заскрежеталъ зубами Богданъ.—Мало козаку лиха, такъ тебя еще принесло! Чтобъ васъ врагамъ нашимъ всѣмъ по поясъ! Не доставало еще такой позорной смерти—быть заживо съѣденнымъ всякою дрянью... Эхъ, и я-то хорошъ! Подчинился покорно волѣ этого обляшка: думалось, что законъ поспѣшитъ мнѣ на помощь, а теперь вотъ ищи его у мокрицъ. Выхватить было саблю, да распластать этихъ мерзавцевъ, по крайной мѣрѣ хоть умеръ-бы по-козацки",—двинулся Богданъ порывисто въ грязь къ дальней стѣнѣ и началъ энергически отряхиваться.

„Вотъ только что добре,—утѣшился нѣсколько онъ,—разогрѣла здорово тѣло подлая тварь, такъ что можно теперь холодъ стерпѣть и здѣсь отдохнуть,—сюда вѣдь по лужамъ не полѣзетъ

эта дрянь,—а когда окоченѣешь, то снова отправиться къ двери... да, это даже не дурно—хоть развлеченіе".

Но что это? Ужъ не шорохъ слышится въ этомъ мѣстѣ, а какой-то протяжный, унылый гулъ: не старый-ли, родной Днѣпръ затянулъ грустную жалобу, что ему, вольному отъ вѣковъ, стѣсняютъ могучій бѣгъ новые, не Богомъ воздвигнутые пороги, что въ эти гранитныя глыбы „замуровываютъ" его славныхъ сыновъ, удалыхъ козаковъ, которыхъ онъ такъ любилъ качать на своихъ бѣшеныхъ волнахъ? Да это не жалоба, а задавленный, печальный стонъ... только онъ чуется не со стороны Днѣпра, а какъ-будто изъ сосѣдняго подвала... Богданъ приложилъ къ внутренней стѣнѣ ухо и замеръ. Явственно, чрезъ гранитныя массы, долетали къ нему человѣческія стенанія: какіе-то узники, конечно, собратья его, а быть можетъ даже и друзья, мучительно, невыносимо страдали, и какъ велики, какъ ужасны должны были быть ихъ страданія, если они могли стономъ поднять желѣзныя, закаленныя груди! А можетъ быть это послѣдняя борьба молодой, задавленной жизни? Или пытка?.. „Быть можетъ, Ахметку, моего вѣрнаго джуру, моего любаго сына терзаютъ? А!—схватился за голову Богданъ и рванулъ въ безсильной злобѣ свою честную „чуприну".—Слушать... и не смочь разбить эту стѣну, не смочь схватить за горло злодѣевъ? Да есть-ли большая пытка на свѣтѣ? Богданъ сжалъ кулаки; ногти вошли ему въ тѣло... выступила кровь... но онъ боли не слышитъ, онъ весь обратился въ слухъ... Проходятъ минуты, часы—и ни стона, ни звука не повторяется: въ непроглядномъ мракѣ стоитъ тишина смерти...

Наконецъ, Богдана снова пробралъ сырой холодъ и вызвалъ лихорадочную дрожь; онъ очнулся отъ оцѣпенѣнія и, сдѣлавъ нѣсколько энергическихъ движеній, рѣшился снова для циркуляціи крови пойти къ двери.

— Да что-же я за дурень у Господа Бога? Позабылъ даже черезъ эту „напасть" про козачью утѣху, про свою „люльку"? Вотъ она, моя родная!—нашелъ онъ у пояса сбоку кисетъ и на коротенькомъ, изогнутомъ чубучкѣ солидныхъ размѣровъ деревянную, отдѣланную въ серебро съ бляшками и висюльками трубку; набивъ ее махоркой и взявъ въ зубы, началъ Богданъ высѣкать изъ кремня кресаломъ огонь; снопами сыпались искры изъ-подъ его рукъ и на мигъ освѣщали опухшее лицо, колеблющіеся усы и горящіе злобой глаза. Наконецъ, трутъ загорѣлся, и черезъ нѣсколько мгновеній козакъ съ наслажденіемъ уже втягивалъ струю крѣпкаго дыма и выпускалъ его цѣлые клубы носомъ и ртомъ, сплевывая по временамъ на сторону. Забытая было „люлька" доставила теперь козаку столько отрады, что на время куренія предоставилъ онъ „погани" на растер-

заніе свое тѣло, и только, когда она уже ему допекла черезъ мѣру, прикрикнулъ:—Ахъ, вы, ненасытныя твари, ляхи! Небось полюбилась козачья кровь? Только ужъ я теперь вамъ, собачьимъ сынамъ, приготовлю угощеніе, не тронете больше козачьяго тѣла! Богданъ, добывъ изъ чубука и изъ трубки табачной гари, вымазалъ ею себѣ шею, лицо и руки: средство оказалось радикальнымъ,—ни одна тварь не преодолѣла махорки...

Выкуривъ еще одну трубку, Богданъ почувствовалъ полное удовлетвореніе своихъ желаній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторую наркотизацію мозга; крѣпкая голова его, конечно, не закружилась, но ее повилъ какой-то сладкій туманъ, разлившись по всему тѣлу истомой. Богдана начала клонить дрема, но сердечная боль не давала ему настояще уснуть, и только иногда на мгновеніе облекались его думы въ туманные образы.

„Какъ-то несчастная семья моя живетъ теперь въ хуторѣ? Вѣдь если и тамъ воцарится такое безправіе, то грабителей и насильниковъ можно ждать ежедневно... и кто теперь при разгромѣ козачьей силы удержитъ хищническую наглость врага? Конецпольскій... да защититъ-ли онъ? Ко мнѣ-то гетманъ благоволилъ,—я ему нуженъ... но вѣдь со мной могутъ здѣсь и прикончить? А безъ меня"—вздохнулъ Богданъ и посунулся въ уголъ; тамъ показалось уютнѣе, спокойнѣе... Что это? Больную его жену вытаскиваютъ грубо изъ свѣтлицы? Неподвижныя ноги ея безсильно тянутся по землѣ... Блѣдное, желтое лицо искажено мукой отчаянія... глаза устремлены къ образу... протянутыя руки просятъ защиты... и никто, никто не спѣшитъ на помощь; окна побиты, вѣтеръ воетъ... какой-то трупъ путается подъ ногами, не даетъ двинуться... Кто это? Знакомыя черты... только мракъ какой налегаетъ кругомъ... Какъ больно сжимается сердце!.. За дверью слышится крикъ... Больную-ли истязаютъ, или бьютъ беззащитныхъ дѣтей? Нѣтъ, это молодой, звонкій голосъ; звуки его льются дивной мелодіей, пронизываютъ насквозь сердце Богдана и удесятеряютъ его боль... Этотъ голосъ знакомъ ему, знакомъ!... Богданъ вспоминаетъ и не можетъ вспомнить, гдѣ онъ слышалъ его и когда?.. Но вотъ черная стѣна тюрьмы свѣтлѣетъ, становится прозрачной... голосъ раздается все ближе... и вдругъ передъ Богданомъ выступилъ изъ черной стѣны въ сіяніи голубыхъ лучей чудный женскій образъ невидимой красоты! Богданъ приподнялся и замеръ отъ волненія,—онъ узналъ его: это былъ снова тотъ образъ, что явился ему во снѣ въ снѣжной степи. Вотъ онъ протягиваетъ къ нему руки, онъ улыбается ему своими синими, влажными глазами...—Ангелъ небесный или сатанинское видѣнье?—вскрикнулъ Богданъ, внѣ себя,—все равно, кто-бы ни посылалъ

тебя—отвѣчай, что возвѣщаешь ты мнѣ?!... Спасеніе, или смерть?... Но видѣнье загадочно улыбается, манитъ его нѣжной рукой и исчезаетъ въ голубомъ сіяньи.—Стой! Не уходи!! Отвѣть!—вскрикнулъ Богданъ, срываясь съ мѣста, и чуть не полетѣлъ внизъ головой по ступенямъ. Минутное забвеніе сномъ прошло, оставивъ по себѣ только нестерпимо-ѣдкое чувство...

Сидитъ опять Богданъ и смотритъ угрюмо въ слѣпые глаза этой ночи.—„Снова сонъ, тотъ же ужасный сонъ—плывутъ въ его головѣ мрачныя мысли...—Что онъ вѣщуетъ? Старые люди говорятъ, что Господь открываетъ во снахъ свою волю? Да, это вѣрно... Вотъ уже часть этого страшнаго сна и сбылась: онъ попалъ въ тюрьму. Кто знаетъ, быть можетъ и другіе, кромѣ Пешты и Бурлія, вѣдали про его участье въ возстаніи Гуни и донесли объ этомъ коменданту... Такъ, такъ... иначе и не можетъ быть! Развѣ посмѣлъ-бы, безъ такого тяжкаго обвиненія, арестовать его такъ дерзко Гродзицкій и бросить въ этотъ ужасный мѣшокъ? Быть можетъ не сегоднязавтра прійдется ему, Богдану, явиться на судъ, а затѣмъ достаться въ руки „ка̀та“ (палача)?—И передъ Богданомъ снова встала ужасная картина зловѣщаго сна, и у него пробѣжала по спинѣ непріятная дрожь...

— А что-то дѣлается тамъ, въ Субботовѣ?—и снова его мысли обратились къ беззащитной семьѣ. —Вѣрно паны уже и расправились со всѣми! Что церемониться съ бунтаремъ?! А товарищи, а людъ!?... Эхъ, кабы воля! Быть можетъ, еще возможно-бъ было спасти что-нибудь!! А онъ здѣсь сидитъ, прикованный, безъ воли, безъ надежды... и кто знаетъ, не бросили-ль его сюда на всю жизнь?! Нѣтъ, нѣтъ!—поднялъ голову Богданъ:—довольно! Кто выдержитъ дольше такую муку?! Лучше ужъ сразу погибнуть, или прорваться на волю, на свѣтъ!—Лихорадочныя мысли закружились въ его головѣ:—нечего ждать правосудія и спасенія... онъ осужденъ... это очевидно... что-же томиться здѣсь?... Разбить эту дверь, выкрасться ночью... перерѣзать стражу... и перебраться вплавь на тотъ берегъ Днѣпра.. Богданъ рванулся съ мѣста, и снова упалъ на каменную ступень...—Да гдѣ-же моя сила козачья? Уже-ли и силу мою арестовали, какъ волю?—вскрикиваетъ онъ съ ужасомъ; но силы прежней ужъ нѣтъ... Пробуетъ козакъ встать и не можетъ: словно свинцомъ налиты его члены... голова даже какъ-будто не держится, а падаетъ все на грудь... или навалились на нее всею тяжестью думы?... Э, нѣтъ! Расправься козакъ, обопрись о камень ногой, понажми богатырскимъ плечомъ въ желѣзную дверь,—авось подастся, и черезъ нее ты уйдешь съ своею вольною волюшкой и понесешься по быстрымъ водамъ стараго дѣда-Днѣпра къ орлиному гнѣзду твоихъ удалыхъ и безстрашныхъ друзей.

Богданъ вскочилъ и почувствовалъ страшный приливъ силъ... и, о чудо! не устояла желѣзная дверь подъ его натискомъ, — погнулась и растворилась немного... только желѣзные болты пока еще удерживаютъ, но онъ ихъ вырветъ изъ каменныхъ гнѣздъ... Въ образовавшуюся въ дверяхъ щель врываются лучи радужнаго свѣта, они несутъ съ собой и ароматъ, и тепло, и какую-то трепещущую, юную радость... а тамъ, въ ореолѣ этого блеска стоитъ и свѣтится чудный образъ ея: она снова улыбается, протягиваетъ къ нему руки... Богданъ собираетъ всю силу, напрягаетъ ее—и болтъ, вылетѣвши, звенитъ.

Богданъ проснулся... Да, это было только видѣніе; но вотъ дѣйствительно таки звякнуло желѣзо, упалъ съ лязгомъ болтъ, отворилась тяжелая дверь, и на порогѣ явилась въ мутномъ свѣтѣ блѣднаго дня сутуловатая фигура съ ключами. Богданъ окликнулъ ее; но сторожъ не удостоилъ узника ни единымъ словомъ и, молча поставивъ на порогѣ кувшинъ съ водой и краюху чернаго хлѣба, заперъ желѣзную дверь. Нѣсколько мгновеній еще слышались его удаляющіеся шаги, а потомъ снова улеглось мертвое, давящее душу молчаніе... потянулась опять мучительная ночь, наступилъ снова день, подобный ночи, — однообразный, безразличный и безконечно-томительный... и начало исчезать даже время въ этой мрачной могилѣ.

Когда Ясинскій передалъ Гродзицкому, что Хмельницкій измѣнникъ, что онъ участвовалъ даже въ битвахъ повстанцевъ противъ правительства, то Гродзицкій страшно обрадовался возможности отомстить дерзкому козаку, осмѣлившемуся такъ выразиться надменно о Кодакѣ, его крѣпости; теперь онъ имѣлъ предлогъ схватить козака и потѣшить на немъ свою волю. Сгоряча онъ и распорядился кинуть Богдана въ самый худшій „мѣшокъ“, гдѣ узникъ, не смотря на свое атлетическое сложеніе, не могъ выдержать больше мѣсяца... Но, по мѣрѣ охлажденія горячности, подкрадывалась къ коменданту и робость, не оболгалъ-ли просто Богдана Ясинскій, такъ какъ послѣдній не давалъ ему въ руки никакихъ доказательствъ. А Хмельницкій былъ не простой козакъ, съ которымъ бы можно было безъ всякихъ основаній распорядиться: и коронный гетманъ, и канцлеръ, и самъ король его знали, да къ тому-же занималъ онъ и постъ войскового писаря, т. е. принадлежалъ къ старшинѣ генеральной. Ясинскій же упирался только на то, что слыхалъ объ измѣнѣ отъ плѣнныхъ князя Вишневецкаго; но плѣнные были всѣ казнены, а когда комендантъ заявилъ, что и у него въ подвалахъ сидитъ нѣсколько захваченныхъ бѣглецовъ изъ-подъ Старицы, то Ясинскій взялся допросить ихъ, и вотъ, не смотря на его усердіе, ни од-

ного не оказалось между ними доносчика: ни пытка, ни подкупъ, ни обѣщаніе свободы пока не дѣйствовали; это озлобляло еще больше Ясинскаго, а Гродзицкаго приводило въ смущеніе,—теперь вѣдь неудобно было и выпустить Хмельницкаго,—вѣдь съ нимъ не потягаешься потомъ на свободѣ, голова-то у него, чортъ бы ее взялъ, здоровая, да и фигура замѣтная... Ужъ онъ какъ оплететъ, такъ не выкрутишься! Досадовалъ на себя за свою опрометчивую поспѣшность Гродзицкій, а еще болѣе досадовалъ на Ясинскаго и ломалъ голову, какъ бы выпутаться изъ этого непріятнаго положенія. Ясинскій все еще не терялъ надежды, что добудетъ свидѣтеля, а въ крайнемъ случаѣ, совѣтовалъ допросить подобающимъ образомъ и Богдана, записать по собственному желанію его показанія и казнить.

— Что панъ мнѣ толкуетъ?—раздражался Гродзицкій.—Развѣ я имѣю право казнить писаря безъ утвержденія гетмана? А можетъ быть онъ не повѣритъ, да захочетъ самъ допросить подсудимаго, тогда наши всѣ „фигли“ и лопнутъ.

— Да я бы его просто задавилъ,—совѣтовалъ Ясинскій,—и вышвырнулъ бы трупъ черезъ люкъ прямо въ Днѣпръ. Пусть тамъ ищутъ: утонулъ, да и баста. Кто узнаетъ?

— Знаю,—мрачно отвѣтилъ Гродзицкій,—самъ бы распорядился, да панъ вѣрно забылъ про его джуру? Удралъ вѣдь и не догнали... А если удралъ, то сообщитъ всѣмъ, что я арестовалъ Хмельницкаго.

— Да, это оплошность.

— Дьяволъ привратникъ! Я ему залилъ уже сала за шкуру. Но и съ панской стороны тоже оплошность—голословно оговаривать и подводить меня.

— Я пану коменданту сказалъ правду,—выпрямился гордо Ясинскій,—а чѣмъ-же я виноватъ, если у этихъ дьяволовъ-схизматовъ ничѣмъ не вытянешь слова?

Время шло. Обстоятельства не измѣнялись, а еще ухудшались; уже другую недѣлю сидитъ въ ямѣ писарь, а ему не сообщаютъ ни причинъ его ареста, ни самого его не допрашиваютъ; это уже было явное нарушеніе правъ чиновнаго узника и превышеніе комендантской власти. Ясинскій перемучилъ много народа, а языка не добылъ и все лишь кормилъ обѣщаніями: нужно было на что-либо рѣшиться, допросить мастерски Богдана, а то и прикончить. Во всякомъ случаѣ Ясинскій правъ, что живымъ выпустить Богдана опасно, что на мертваго и свалить можно все, что угодно, и показанія всякія записать. А казненъ торопливо потому-де, что боя-

лись побѣга... или еще лучше—во время побѣга убить. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!

Отворилась, наконецъ, у Богдана въ подвалѣ желѣзная дверь: вошелъ въ нее сторожъ и объявилъ узнику, что его требуютъ въ сосѣднюю темницу къ коменданту на судъ.

— Слава Тебѣ, Господи!—перекрестился большимъ крестомъ узникъ и вышелъ въ полукруглый и полутемный корридоръ, показавшійся Богдану послѣ ямы и сухимъ, и теплымъ, и свѣтлымъ.

Наверху его ждали четыре тяжело вооруженныхъ латника; у двоихъ были факелы въ рукахъ. За сторожемъ двинулись факельщики, за ними узникъ, а два латника замыкали шествіе. Богдана ввели въ довольно просторный подвалъ, съ поломъ, выложеннымъ каменными плитами, и съ мрачными, тяжелыми сводами, опиравшимися на четыре грубыхъ колонны. За колоннами свѣшивались съ потолка толстые крючья и блоки; у колоннъ были прикрѣплены цѣпи; дальше подъ стѣной стоялъ какой-то станокъ съ колесомъ, на немъ висѣли двѣ плети, а подъ нимъ лежали грудами гвозди, клещи, молоты, пилы; въ углу у какого-то чернаго очага дымилась неуклюжая жаровня. При колеблющемся свѣтѣ факеловъ Богдану показалось, что и крючья, и цѣпи, и полъ были красны и пестрѣли въ иныхъ мѣстахъ засохшими темными лужами. Пахло кровью. Вслѣдствіе отвычки отъ свѣта, и мутное пламя факеловъ показалось Богдану черезчуръ рѣзкимъ, и онъ закрылъ отъ боли глаза; потомъ уже, освоившись со свѣтомъ, онъ замѣтилъ въ углу четыре зловѣщихъ фигуры, а за столомъ у противоположной стѣны сидящаго коменданта съ Ясинскимъ.

— Тебя, пане-писарь,—обратился къ подсудимому комендантъ дрожащимъ отъ втутренняго волненія голосомъ,—обвиняетъ панъ Ясинскій въ государственной измѣнѣ, что ты вмѣстѣ съ бунтовщиками сражался противъ коронныхъ войскъ. Что скажешь въ свое оправданіе?

Богданъ бросилъ на Ясинскаго презрительный взглядъ и отступилъ гордо на шагъ.

— Если въ этомъ дѣлѣ является доносчикомъ панъ Ясинскій, то онъ долженъ дать доказательства.

— И дамъ!—злобно вскрикнулъ, подпрыгнувъ на стулѣ Ясинскій.

— У меня они имѣются,—улыбнулся ехидно Гродзицкій.—А теперь я у писаря спрашиваю, можетъ-ли онъ доказать, гдѣ въ послѣднія двѣ недѣли бывалъ?

— Могу,—отвѣтилъ спокойно Богданъ.—Безотлучно находился въ канцеляріи короннаго гетмана въ Чигиринѣ и составлялъ рейстровые списки, чему можетъ свидѣтелемъ быть весь городъ, а

за четыре дня до прибытія сюда выѣхалъ, по требованію ясновельможнаго пана гетмана, въ Кодакъ и два дня задержанъ былъ вьюгой въ степи, что извѣстно ясноосвѣцоному князю Іереміи Вишневецкому.

Гродзицкій взглянулъ на Ясинскаго и шепнулъ ему злобно:

— Дѣло совсѣмъ скверно; меня подвелъ панъ!

Ясинскій покраснѣлъ до ушей и отвѣтилъ громко:

— Онъ вретъ, „лайдакъ“! Ему вѣрить нельзя! А гдѣ находился раньше за мѣсяцъ?

Богданъ смѣрилъ его высокомѣрнымъ взглядомъ и ничего не отвѣтилъ.

— Ну, что-же молчишь?—обрадовался Гродзицкій замѣшательству подсудимаго.

— Доносчику отвѣчать я не стану,—промолвилъ, наконецъ, подсудимый, подавивъ поднявшуюся въ груди бурю.—А панской милости скажу, что раньше этого я два мѣсяца безотлучно находился при коронномъ гетманѣ, объѣзжалъ съ нимъ его брацлавскія помѣстья.

Этотъ отвѣтъ окончательно обезкуражилъ Гродзицкаго, и онъ, не скрывая своего смущенія, громко замѣтилъ:

— Значитъ, одно недоразумѣніе. Что-же это?

— Панъ забывается... при шельмѣ,—нагнулся къ нему и шепталъ на ухо Ясинскій.—Если у этого пса такіе свидѣтели, то выпускать его живымъ невозможно.

Комендантъ слушалъ шипѣніе, но ничего не могъ взвѣсить: страхъ уже держалъ его въ своихъ когтяхъ властно и толкалъ на всякое безуміе; бѣшенство овладѣвало разсудкомъ.

— Вѣдь эти прислужники вѣрны пану и сохранятъ тайну?—спросилъ тихо Ясинскій, указавъ глазами на палачей.

— Умрутъ, а не выдадутъ!—отвѣтилъ Гродзицкій почему-то убѣжденно.

— Такъ вышли панъ латниковъ, а мы здѣсь распорядимся по-семейному.

Когда удалились латники, то Ясинскій крикнулъ палачамъ:

— Приготовьте дыбы!

—А!— сверкнуло молніей въ головѣ у Богдана.—Неужели рѣшились покончить? Хотя бы продать себя подороже этимъ извергамъ?—оглянулся онъ и увидѣлъ, что два палача опускали блоки, а другіе два уже приблизились къ нему. Нѣсколько дальше, налѣво, лежалъ полупудовой молотъ. „Эхъ кабы его въ руки! Потѣшилъ бы хоть передъ смертью удаль козачью!“

— Неужели вельможный панъ,—попробовалъ Богданъ выиграть время, незамѣтно подвигаясь къ молоту,—рѣшится на такое насиліе? Вѣдь коронный гетманъ отомститъ,—я ему нуженъ, и панъ напрасно рискуетъ собой черезъ этого „цуцыка!“

Словно ужаленный вскочилъ Ясинскій и бросился, замахнувшись рукой, на Хмельницкаго; но тотъ однимъ движеніемъ руки такъ отшвырнулъ его, что панъ отлетѣлъ къ столу, какъ бревно, опрокинулъ табуретъ и упалъ навзничъ, ударившись головою о стѣну.

— Связать пса!—крикнулъ, обнаживъ саблю, комендантъ,— и на дыбу!

Богданъ бросился къ молоту; но четыре палача не допустили: два повисли на рукахъ, одинъ на шеѣ, а одинъ охватилъ ноги. Покачнулся Богданъ, но устоялъ, не упалъ.

— Эхъ, подвело только голодомъ,—вскрикнулъ онъ,—да авось Богъ не выдастъ!—встряхнулъ Богданъ руками, и оба палача полетѣли кувыркомъ; державшійся за ноги самъ отскочилъ, боясь удара въ темя, одинъ только повисшій сзади давилъ за шею.

— Пусти, дьяволъ!—ударилъ его въ високъ Богданъ кулакомъ, и тотъ покатился снопомъ замертво.

— Бейте чѣмъ попало!—махнулъ саблей Гродзицкій.

Богданъ бросился къ молоту и нагнулся схватить его, но ему кинулись снова на спину три палача; онъ выпрямился, отбросилъ борцовъ, но изъ скрытой двери подскочили новыя силы...

Вдругъ растворилась неожиданно желѣзная дверь и на порогѣ шумно появился Богунъ, держа въ рукахъ „листъ“, на которомъ висѣла большая гетманская печать.

Черезъ часъ смущенный и сконфуженный комендантъ Кодака панъ Гродзицкій провожалъ Богдана, съ товарищами его—Богуномъ и Ганджою. Богданъ, держа своего Бѣлаша подъ уздцы, шелъ рядомъ съ Гродзицкимъ, а товарищи шли въ нѣкоторомъ разстояніи позади. Комендантъ упрашивалъ радушно, даже подобострастно своего узника „подвечерять“ въ его скромной свѣтлицѣ, чѣмъ Богъ послалъ, не лишать его этой чести.

— Прости, пане-писарь, за невольно причиненную непріятность. Самъ знаешь,—дѣло военное. Крѣпостной уставъ очень суровъ,—оправдывался Гродзицкій.—Если мнѣ доносятъ о государственной измѣнѣ, я обязанъ былъ задержать: долгъ службы, не взирая ни на лицо, ни на званіе... Вельможный панъ это самъ хорошо знаетъ.

— Но для чего-же пану нужно было меня посадить не въ тюрму, а въ мѣшокъ?—ожегъ его взглядомъ Богданъ.

— Не было другого помѣщенія,—смѣшался Гродзицкій.

— Его бы швырнуть!—буркнулъ Ганджа.

— Рука чешется!—сдавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Богунъ.

Слова Богуна долетѣли до пана Гродзицкаго и заставили его испуганно оглянуться.

— Если и такъ,—не глядя на коменданта, промолвилъ Богданъ,—то почему же меня держали тамъ десять дней, не предъявляя ни обвиненій, ни причинъ моего ареста?

— Я ждалъ отъ этого негодяя Ясинскаго доказательствъ; онъ меня все водилъ, —неестественно жестикулировалъ комендантъ,—панъ писарь можетъ свою обиду и убытки искать на этомъ клеветникѣ... Я самъ помогу пану, слово гонору!

— Спасибо,—улыбнулся злобно Богданъ,—я уже видѣлъ панскую помощь: любопытно бы знать, по какому поводу панъ приказалъ палачамъ своимъ меня вздернуть на дыбу, когда я доказалъ свое „alibi“?

— А!— гикнулъ Ганджа и выхватилъ до половины изъ ноженъ свою саблю.

— Что ты? Очумѣлъ?—удержалъ его Богунъ.

Комендантъ, услышавъ за спиною угрозу, быстрымъ движеніемъ выскочилъ впередъ, оглянулся и потомъ, нѣсколько успокоившись, примкнулъ къ Богдану и началъ передъ нимъ шепотомъ извиняться:

— Прости, пане-писарь, за вспышку: ты самъ ее вызвалъ, угостивъ кулакомъ Ясинскаго такъ, что тотъ отлетѣлъ кубаремъ на двѣ сажени. Славный ударъ,—сталъ даже восхищаться Гродзицкій,—разрази меня громъ, коли я пожелалъ бы такого испробовать! Теперь-то и я радъ, что этотъ облыжный нападчикъ разбилъ себѣ въ кровь голову, а тогда я заблуждался, вспылилъ... errare humanum est!

Богданъ смолчалъ, презрительно прижмуривъ глаза. Они уже были у брамы.

— Такъ панъ-писарь рѣшительно отвергаетъ мое хлѣбосольство?—еще разъ попробовалъ грустнымъ голосомъ тронуть Богдана Гродзицкій —Это не по-товарищески... Что-жъ? Мало-ли что? А рука руку... когда нибудь и я отблагодарю.

— Спасибо, вельможный пане-товарищъ,—язвительно отвѣтилъ Хмельницкій,—за хлѣбъ и за соль... Я на нихъ и отвыкъ то, признаться, отъ панскихъ потравъ, да и ѣсть отучился... А обиды свои я самъ въ себѣ прячу, а другимъ ихъ, пане, не поручаю.

— По-рыцарски, шанованный пане, по рыцарски! — протянулъ было руку Гродзицкій, но Богданъ, яко бы не замѣтивъ ее, снялъ только усиленно-вѣжливо шапку и, промолвивъ: „до счастливаго свиданія!“ — вскочилъ на коня и быстро въѣхалъ на опущенный мостъ.

Товарищи проѣхали по мосту раньше. Богданъ нагналъ ихъ, спустившись уже съ горы, и, придержавъ лошадь, поѣхалъ съ Богуномъ рядомъ.

— Скажи мнѣ, голубь сизый, — обратился онъ къ нему съ радостнымъ чувствомъ, — какимъ образомъ спасеніе явилось? Меня это такъ поразило, что ничего и въ толкъ не возьму... Знаю только одно, что еслибъ ты опоздалъ хоть на крохотку, то я бы висѣлъ ужъ на дыбѣ, а можетъ лежалъ бы истерзаннымъ на полу.

— Изверги! Душегубцы! — вскрикнулъ Богунъ — Ну, счастье ихъ! — потрясъ онъ по направленію къ крѣпости кулакомъ. — Господь отвелъ! А ужъ я было поклялся въ душѣ искрошить этихъ двухъ жироѣдовъ, если волосъ одинъ...

— Спасибо, спасибо вамъ, друзи, — протянулъ Богданъ своимъ друзьямъ руки, — но все же, какъ тебѣ поручилъ наказъ гетманъ и какъ онъ сжалился, какъ спасъ меня?

— Спасъ тебя, пане Богдане, не гетманъ, а ангелъ, — это его чудо: только такое святое, горячее сердце могло смутить гордыню пановъ и разогрѣть имъ состраданіемъ души... только она, прекрасная и великая...

— Да кто-же, кто?

— Ганна Золотаренкова.

— Она? Галя? Чудная это душа и золотое сердце — сказалъ Богданъ съ глубокимъ чувствомъ. — Но какъ, какимъ образомъ?

— Какъ? Сама полетѣла ночью въ Чигиринъ на пиръ къ Конецпольскому и вырвала у него эту защиту.

И Богунъ въ пламенныхъ и сильныхъ словахъ описалъ подробно славный подвигъ отважной и свято-преданной дѣвушки.

— Да, это десница Божія надо мной и надъ бѣдною семьей моей, — поправилъ быстро Богданъ запорошившуюся рѣсницу и набожно поднялъ къ небу глаза. — Но кто-же ей сообщилъ о моей бѣдѣ? — прервалъ, наконецъ, минуту безмолвной молитвы Богданъ.

— А вотъ кто! — показалъ на Ахметку Богунъ; хлопецъ стоялъ за угломъ съ козаками и не былъ прежде видѣнъ, а теперь очутился лицомъ къ лицу.

— Ахметка! — вскрикнулъ Богданъ, — а я и забылъ про него... такъ память отшибло... только узналъ отъ дьяволовъ, что ушелъ... Сыне мой любый, — раскрылъ онъ ему широко объятія, и Ахметка

съ крикомъ „батько мой!“ бросился къ Богдану на грудь и осыпалъ его поцѣлуями.

— Ахметка дождался батька!—смѣялся и плакалъ въ изступленной радости хлопецъ.—Ахметка никому не дастъ батька! Пусть Ахметку разрѣжутъ на шашлыки, пусть его кони изобьютъ, изорвутъ копытами, а Ахметка батька не броситъ... Ай! батько мой!—то отрывался, то снова припадалъ хлопецъ и цѣловалъ Богдану и шею, и грудь, и колѣни.

— Да, тоже соколъ,—кивнулъ головою Богунъ,—а сердце у хлопца такое, что чортъ его знаетъ, да и только... и удали, что у запорожца! Славный юнакъ, и еще лучшимъ лыцаремъ будешь!—ударилъ по плечу хлопца Богунъ и обнялъ по братски.—Хочешь со мной побрататься?

— Да развѣ я дурень, чтобъ не хотѣлъ?—смѣялся гордый и счастливый хлопецъ.

— Такъ и побратаемся, Ей-Богу, побратаемся,—и кровью помѣняемся, и крестами!

— А что панове,—прервалъ Ганджа,—сразу-ли двинемся въ путь, или подночуемъ у Лейбы?

— Лучше, друзья, подночуемъ,—отозвался Богданъ,—а то я въ той чортовой ямѣ десять дней не ѣлъ и не спалъ. Сначала утѣшала хоть „люлька“, а ужъ когда и „тютюнъ“ вышелъ, такъ я порѣшилъ пропадать, да и баста!

— Развѣ у меня въ черепкѣ этомъ,—ударилъ себя по шапкѣ Ганджа,—гниль заведется, чтобъ я имъ, собакамъ, не вспомнилъ!

— Да и у меня самого, братъ, надежная память,—улыбнулся Хмельницкій.—А что, Ахметка, може передали мнѣ изъ дому что-либо изъ одежи?

— Цѣлую связку, вотъ за сѣдломъ,—отвѣтилъ весело хлопецъ.

— Чудесно,—потеръ руки Богданъ,—тащи это все за мною къ Днѣпру; выкупаюсь и къ Лейбѣ, а вы распорядитесь тамъ, панове, вечерей.

— Ладно,—отвѣтилъ Богунъ,—только не поздно-ли, батько, затѣялъ купанье? Вѣдь смотри—сало идетъ.

— Пустое!—засмѣялся Богданъ,—вмѣсто мыла будетъ!

Передавъ козацкихъ коней, Богданъ съ Ахметкой спустились съ обрывистой кручи къ Днѣпру. Старый дѣдъ бурлилъ у береговъ водоворотами; рыхлыя, мелкія льдинки, точно потемнѣвшій снѣгъ, прыгали, мчались и кружились на далекомъ пространствѣ, производя какой-то особенный шорохъ. Наступали сумерки; заря догорала; легкая дымка облаковъ свѣтилась блѣдно-розовою чешуей, переходя въ нѣжные, лиловые тоны; на противоположной части неба

изъ-за черепичныхъ крышъ и пригорка подымалась пожарнымъ заревомъ мѣдно-красная, надутая и какъ-будто приплюснутая луна.

Богданъ быстро раздѣлся и ринулся стремительно въ воду; съ шумомъ и брызгами разлетѣлась грязно-бѣлаго цвѣта масса воды и скрыла подъ собой богатырское тѣло козачье. Черезъ минуту Богданъ вынырнулъ и, фыркая, да отбрасывая движеніемъ головы нависавшую на глаза чуприну, покрикивалъ весело:—А! Славно! Добрая вода! Горячая, не то что! А ты, сынокъ, не попробуешь ли?—подзадоривалъ онъ Ахметку.—Дида не бойся: онъ силы придастъ!

— Ахметка секунду простоялъ въ нерѣшительности; по спинѣ у него пробѣжала дрожь; но онъ бы скорѣй размозжилъ себѣ голову, чѣмъ далъ бы поводъ назвать себя трусомъ, да еще и кому—батьку! Моментально, съ ожесточеніемъ даже сорвалъ съ себя хлопецъ одежду и, зажмуря глаза, бросился въ воду; рѣзкій холодъ ея просто ожогъ ему тѣло и захватилъ сразу дыханіе. Вынырнувши, онъ только судорожно заметался и отрывисто сталъ покрикивать: „у-ухъ! ой-ой!“.

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ.—Припекло, небось, съ непривычки „жигаломъ“ (раскаленнымъ желѣзомъ). А ты не держись на одномъ мѣстѣ, а вотъ попробуй противъ воды поплыть, поборись-ка съ Дидомъ—мигомъ согрѣешься!—и Богданъ мѣрными, широкими, могучими взмахами началъ рѣзать набѣгавшія волны и, извиваясь тѣломъ, подвигаться впередъ.

Ахметка же, не смотря на всѣ свои усилія, оставался все на одномъ и томъ же мѣстѣ и не могъ преодолѣть быстроты теченія.

Нѣтъ, еще не справишься съ Дидомъ,—смѣялся Богданъ,—и то гораздъ, что на мѣстѣ держишься. Ей-Богу, молодецъ! Ну, однако, на первый разъ „годи“,—вылазь!

Выскочили на берегъ купальщики и почувствовали живительную теплоту въ воздухѣ, не смотря на легкій морозецъ; тѣла ихъ, какъ яркій кумачъ, горѣли и дымились паромъ. Богданъ, надѣвши все совершенно чистое, новое и облекшись, въ коротенькій любимый его „байбарачекъ“ на лисьемъ мѣху, закурилъ съ наслажденіемъ „люльку“ и быстрыми, бодрыми шагами двинулся съ Ахметкой подъ гору, по направленію къ корчмѣ Лейбы, что стояла на самомъ концѣ поселка, на полугорѣ надъ Днѣпромъ.

А въ корчмѣ уже за широкимъ столомъ сидѣли козаки и ждали Богдана. На столѣ стояли фляжки и „кухли“, лежало два большихъ ржаныхъ хлѣба, нѣсколько паляницъ, вяленый верезубъ, чабанъ и куски сала, а на огромной сковородѣ шкварчали на мягкой, сочной

капустѣ цѣлыя кольца колбасъ; мудрый жидокъ Лейба, хотя и морщилъ носъ отъ вкуснаго запаха, но держалъ у себя для пышныхъ гостей все трефное.

— Горилки!—сказалъ, войдя въ хату, Богданъ.

— Да, оно теперь послѣ купанья важно!—налилъ Ганджа почтенныхъ размѣровъ „кухоль" и поднесъ Богдану; остальные тоже себѣ налили, а Богунъ—и своему нареченному побратиму Ахметкѣ.

— Намъ на здоровье, а ворогамъ на погибель!—крикнулъ Богунъ и, опорожнивъ „кухоль", выплеснулъ на потолокъ оставшіяся капли.

Богданъ молча опрокинулъ еще „кухоль" водки и молча же усѣлся за столъ и началъ съ необычайнымъ аппетитомъ истреблять все поставленное. Остальные козаки тоже не отставали отъ батька. Окончивши вечерю и выпивши еще „кухля" два пива, Богданъ послалъ на лавѣ „керею" и, попросивъ лишь разбудить себя пораньше, сразу отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ, да съ такимъ богатырскимъ храпомъ, что въ сосѣдней комнатѣ вздрагивала жидовка со страху, а жиденята метались въ бебехахъ и вскакивали съ перинъ.

Козаки разошлись всѣ по разнымъ мѣстамъ на ночлегъ и въ корчмѣ еще остались только Богунъ да Ахметка; послѣдній тоже моментально заснулъ у печки. Одинъ лишь Богунъ ворочался на лавѣ и не спалъ. Нѣсколько разъ перевернулся безпокойно козакъ: нѣтъ сна, а думки все не унимаются!—Да что это со мною, ужъ не наворожилъ-ли кто?—проговорилъ онъ самъ къ себѣ и, присѣвши на лавѣ, задумался. Луна, поднявшись высоко, теперь задумчиво смотрѣла съ неба на землю и мягкимъ фосфорическимъ свѣтомъ обливала окрестность. Внизу, обрызганный зеленоватыми блестками, сверкалъ чешуей Днѣпръ и мрачно катилъ въ серебряную мглу свои холодныя воды.

Богунъ смотрѣлъ на эту широкую фантастическую картину и не видѣлъ ее: думы его летѣли далеко отсюда, къ берегамъ болотистой, извилистой рѣчки, къ роскошному тѣнистому саду, къ уютной свѣтлицѣ. Правда, любилъ онъ бывать въ Субботовѣ и бывалъ уже тамъ издавна. Послѣ суровой сѣчевой жизни такъ пріятно было отдохнуть у батька Богдана въ этомъ уютномъ, родномъ уголкѣ. Много козаковъ собиралось тамъ, потолковать, посовѣтоваться, осушить кубокъ, два. И всѣмъ у хозяина находилось и ласковое слово, и привѣтъ, а хозяйка ужъ не знала, чѣмъ-бы еще угостить дорогихъ гостей; но съ нѣкоторыхъ поръ этотъ уголокъ сталъ ему еще дороже, а съ какихъ, когда и почему,—козакъ не зналъ, да и не думалъ о томъ. Зналъ онъ только одно, что года

четыре тому назадъ поселилась у Богдана сестра значного лейстровика Золоторенка; сперва онъ вовсе не зналъ ее, а потомъ обратилъ вниманіе на блѣдную дѣвушку, которая молча, съ затаеннымъ восторгомъ слушала ихъ козацкіе разсказы и думы кобзарей. Она была молчалива, скромна, не „жартувала", какъ другія дивчата, и, казалось, не замѣчала никого. Случай какъ-то привелъ его разговориться съ нею, и Богунъ поразился той силой страстной, горячей любви къ родинѣ, которая таилась въ этомъ, повидимому, тихомъ существѣ. Съ тѣхъ поръ козакъ сталъ постоянно заговаривать съ Ганной, разсказывалъ ей самъ о своихъ морскихъ походахъ и „пригодахъ войсковыхъ", и все это жадно впивала въ себя дивчина, а Субботовъ становился все дороже и дороже козаку... Ни вольная воля, ни удалые, славные набѣги, ни товарищеская, широкая жизнь не захватывали уже такъ, какъ прежде, всей его души. Часто Богуну казалось, что ему не хватаетъ чего-то въ жизни, и „туга" начинала прокрадываться не разъ въ сердце козака... Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы заѣхать въ Субботовъ; здѣсь у Богдана было все то, чего не было отъ роду у Богуна: теплый родной уголъ, любящая семья... Правда, со времени этого возстанія, давно онъ не былъ въ Субботовѣ, да и не имѣлъ времени много думать о немъ,—такіе были мѣсяцы, что выбили всѣ думки изъ головы,—но послѣдній геройскій поступокъ Ганны переполнилъ какимъ-то небывалымъ восторгомъ все сердце козака-славуты: да, много видалъ онъ дивчатъ на своемъ вѣку, а такой не видалъ: сестра козацкая, королевна!

Вотъ онъ видитъ ее освѣщенной огнемъ камелька, ласкающей головку заснувшаго хлопца... Да, такая должна быть мать! Въ сердцѣ козака дрогнула какая-то нѣжная струна. Хорошо имѣть кого-нибудь на свѣтѣ, къ кому можно было-бы склонить такъ довѣрчиво и нѣжно усталую голову, къ кому можно было-бы прижаться такъ горячо, какъ къ матери родной! Хорошо было-бы знать, что тамъ гдѣ-то далеко, за широкими степями, тоскуетъ по тебѣ, думками за тобою летаетъ, молится о тебѣ родная душа! Ишь чего, ласки „заманулося" безродному козаку!—горько улыбнулся Богунъ и, присѣвши на лавѣ, приложился лицомъ къ холодному стеклу... Мѣсяцъ стоялъ уже въ самомъ зенитѣ и освѣщалъ широкую безграничную даль, перерѣзанную могучей рѣкой. Богунъ невольно засмотрѣлся на величественную картину.—Эхъ и чего тебѣ еще, козаче, „бракуетъ?"—вырвался у него глубокій вздохъ: степь широкая, Днѣпръ могучій, воля вольная, есть еще и сила,—и помѣряемся съ ляхомъ! А тутъ вотъ сосетъ что-то за сердце да и сосетъ!—Богунъ безпокойно взъерошилъ свою черную, вьющуюся чуп-

рину.—Вотъ бросили, напримѣръ, дьяволы Богдана въ тюрьму, и полетѣла она къ самому гетману, страхъ, смущеніе забыла, и выхлопотала спасенье! И не то, что къ гетману, на край свѣта-бъ полетѣла, всѣ муки-бы приняла... А за нимъ некому и вздохнуть!... Хоть сейчасъ посади его на колъ Потоцкій, никто-бъ и не заплакалъ, развѣ только товарищи помянули-бъ добрымъ словомъ за кружкой вина. А она? Ганна?... И передъ Богуномъ встала снова Ганна, такая, какою онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: гордая, отважная, какъ королевна, съ лицомъ блѣднымъ, съ сверкающими темными глазами, съ гетманскимъ приказомъ въ рукахъ.—Соколъ—не дивчина!—вырвался въ его душѣ горячій возгласъ: сестра козацкая, королевна! Вотъ съ такой можно и въ сѣчу рядомъ идти, да и голову за нее съ улыбкой сложить!—И всю ночь казалось ему, что среди дальней серебристой мглы встаетъ дивный образъ, съ огненнымъ сердцемъ и хрустальной душой и властно влечетъ къ себѣ его душу.

Только передъ утромъ забылся онъ тяжелымъ сномъ, и приснилось ему, что лежитъ онъ на берегу синяго моря, на желтомъ пескѣ, съ простреленной головой; изъ головы кровь бѣжитъ, а чьи-то нѣжныя руки держатъ ее на своихъ колѣняхъ и ласково, и нѣжно колышутъ. Онъ видитъ надъ собой темные, печальные глаза и слышитъ—знакомый голосъ поетъ ему тихую, колыбельную пѣснь, кровь вытекаетъ капля по каплѣ изъ раны его, но онъ не хочетъ пошевельнуться... онъ узналъ этотъ голосъ, и отъ звуковъ его такъ тепло и сладко становится въ его душѣ, а жизнь уплываетъ тихо и спокойно съ каждой каплей крови...

Рано утромъ встали козаки, начали убирать коней, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбудили пана писаря и Богуна.

— Слушай, друже мой любый,—подсѣлъ къ нему Богданъ:—мнѣ вотъ нужно скорѣй къ Конецпольскому, объяснить ему правильно свое дѣло, а то вѣдь и этотъ врагъ лютый поторопится съ своей стороны понаплесть,—спать не будетъ, свою шкуру станетъ спасать... да и кромѣ того, самому гетману лично я нуженъ, такъ стало быть по всему мнѣ нужно спѣшить въ Чигиринъ... А между тѣмъ нужно настоятельно и немедленно извѣстить запорожцевъ, что имъ угрожаетъ бѣда: Вишневецкій хотѣлъ было сразу пойти и разгромить Запорожье, да Конецпольскій удержалъ его до весны.

— Ишь, ироды,—закипятился Богунъ,—что задумали! Вырвать у насъ сердце изъ груди? Ну, добро! Пусть они придутъ въ гости къ матери-Сичи и къ батьку-Лугу, ужъ такъ угостимъ, что и опохмѣляться не будетъ охоты!

— Вотъ для того-то, друже, и нужно извѣстить братчиковъ, чтобы приготовили непрошеннымъ гостямъ угощеніе, а то нападутъ

врасплохъ... да вотъ не знаю, кого бы надежнаго послать туда, чтобы не только одну голую вѣсть передалъ, а и поруководилъ „радою" и насъ извѣстилъ о ихъ рѣшеніи. Хочу попросить Ганджу,—теперь вотъ Богъ меня домой донесетъ,—я и самъ тамъ управлюсь,—только вотъ одного его мало: нужно и на Конскихъ-Водахъ побывать, и на Базавлукѣ, и на Чортомлыкѣ, и на Великихъ-Плавняхъ—вонъ оно что!

— Такъ что-же, тутъ, батьку, и думать?—даже изумился Богунъ,—я съ Ганджой поѣду и все дѣло тамъ оборудую: приготовимъ ужъ встрѣчу!—звякнулъ онъ эфесомъ сабли въ ножны.

— И впрямь, коли ты, соколъ, поѣдешь, такъ лучшаго посланца и не нужно,—обнялъ Богуна Хмельницкій,—у меня просто камень свалился съ груди.

— А что-жъ? Такъ-бы и допустили ихъ къ Запорожью? Не бойсь, Богдане, еще не одинъ дьяволъ поламаетъ о него зубы, пока осилитъ! Ну, да мѣшкать нечего! Я вотъ сейчасъ распоряжусь лошадьми, да и гайда въ путь!

Богунъ вышелъ поспѣшно изъ хаты, чтобы разыскать Ганджу и другихъ козаковъ. Онъ давалъ торопливо распоряженія, осматривалъ лошадей; но черезъ нѣсколько времени горячее возбужденіе, охватившее его при словахъ Богдана, начало ослабѣвать, и мѣсто его заняло какое-то грустное раздумье: и такъ снова въ Сичь, все дальше и дальше отъ Чигирина, да и не думай теперь скоро вернуться туда: всюду насадилъ своихъ „шпиговъ" Потоцкій... Э, да что это я!—даже вспыхнулъ Богунъ:—что мнѣ Субботовъ, что Чигиринъ, когда разбито все козачество, когда тысячи казней творятся теперь по всей Украинѣ, когда задумываютъ разгромить все Запорожье и стереть все козачество съ лица земли. Нѣтъ, пока не освободится отъ извергов земля родная и вѣра, пусть проклятъ будетъ тотъ, кто допуститъ въ свое сердце, хоть одну другую мысль!—сжалъ козакъ свои черныя брови и направился рѣшительнымъ шагомъ къ корчмѣ.

— Готово, брате!—объявилъ онъ, входя въ свѣтлицу.

— Ну, вотъ и „гараздъ", отвѣтилъ Богданъ:—сядь-же, выпьемъ на дорогу, да и разъѣдемся каждый по своимъ дѣламъ.

Пришелъ Ганджа. Богданъ объявилъ ему о новомъ порученіи, и козаки, выпивъ на дорогу по кухлю чернаго пива съ чернымъ-же хлѣбомъ, поджареннымъ въ салѣ, стали собираться въ путь.

— Ну, что-же отъ тебя „переказать" тамъ дома, друже?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они уже вышли изъ корчмы и готовились вскочить на осѣдланныхъ коней.

— Что-жъ, передай всѣмъ поклонъ, да скажи товарищамъ, чтобъ торопились на Сичь, да и Ганнѣ тоже поклонъ передай.

— А славная она у насъ, брате!—положилъ ему Богданъ руку на плечо.

— Что и говорить!—тряхнулъ головую козакъ: — нѣтъ на всемъ свѣтѣ такой!—Козаки обнялись, попрощались, лихо вскочили на коней и, пожелавъ другъ другу добраго пути, разъѣхались въ разныя стороны.

VIII.

Туманное осеннее утро. Сквозь огромное венеціанское окно въ кабинетѣ короннаго гетмана, застекленное разноцвѣтною мозаикой, пробивается холодный, блѣдно-радужный свѣтъ; онъ скользитъ по стѣнамъ, обитымъ темнокраснымъ сафьяномъ, блещетъ на серебряныхъ украшеніяхъ и золотыхъ бездѣлушкахъ, лучится въ хрустальныхъ флаконахъ и теряется въ пушистыхъ турецкихъ коврахъ. Тяжелая драпировка темно-зеленаго штофа, подхваченная у самаго верха гербами, падаетъ по сторонамъ окна до самаго пола, на которомъ, во всю ширину и длину, лежитъ пестрый персидскій коверъ. Высокій въ готическихъ сводахъ потолокъ расписанъ мастерски арабесками, среди которыхъ пляшутъ въ соблазнительныхъ позахъ нимфы. На одной стѣнѣ подъ портретомъ короля Владислава IV висятъ двѣ дорогихъ гравюры лейпцигской работы, изображающія: одна—битву подъ Хотиномъ, другая—люблинскую унію. Противоположная стѣна отъ верху до низу увѣшена драгоцѣннымъ оружіемъ разнаго рода. Изъ угла, ближайшаго къ двери, выдвигается далеко впередъ высокій изразцовый, съ фигурными „дашками“ каминъ. На огромномъ широко-открытомъ очагѣ его еще тлѣютъ червоннымъ золотомъ угли. По обѣимъ сторонамъ входной двери стоятъ огромные, вычурноинкрустированные шкафы краснаго дерева. Вдоль стѣнъ тянутся низкіе турецкіе диваны, обитые зеленымъ штофомъ „адамашкомъ“; по нимъ разбросаны расшитыя золотомъ и шелками подушки. Кромѣ двухъ громоздкихъ креселъ, въ комнатѣ стоитъ еще тамъ и сямъ нѣсколько низкихъ табуретовъ, отдѣланныхъ въ восточномъ вкусѣ. Но чудо всей обстановки составляетъ стоящій посреди комнаты гигантскій письменный столъ. Онъ вырѣзанъ и выточенъ изъ чернаго, моченаго дуба. Четыре льва поддерживаютъ массивную верхнюю доску съ безчисленнымъ количествомъ ящиковъ и потайныхъ закоулковъ. На ней съ двухъ сторонъ возвышаются какія-то башни, поддерживаемыя каріатидами; между ними тянутся, въ видѣ пере-

кидныхъ мостовъ, полки для книгъ; самая доска обита ярко-краснымъ сафьяномъ; борты ограждены серебряной баллюстрадой, а всѣ ящики и верхушки башенъ изукрашены различными серебряными фигурками.

Въ огромномъ креслѣ, съ высокою спинкой и массивными ручками, обитомъ по темнозеленому сафьяну серебряными гвоздями, сидѣлъ въ мѣховомъ шлафрокѣ гетманъ Конецпольскій. Утромъ, до полнаго туалета, лицо его выглядѣло изношеннымъ, старческимъ; оно все было покрыто сѣтью мелкихъ, разбѣгающихся морщинъ и отливало сухой желтизной; слезящіеся глаза глядѣли устало и вяло; вся дородная фигура его мосци какъ-то сгибалась, осунувшись. Передъ нимъ въ подобострастной позѣ стоялъ знакомый намъ панъ Чаплинскій и съ трепетомъ ожидалъ слова отъ ясновельможнаго гетмана. А гетманъ все пересматривалъ какіе-то бумаги и планы, лежавшіе передъ нимъ грудами на столѣ, и молча прихлебывалъ изъ золотого ковша грѣтое на какихъ-то кореньяхъ вино. Иногда онъ бросалъ бумаги и теръ себѣ съ досадою лобъ, иногда, облокотившись на руку, глубоко задумывался и потомъ снова начиналъ рыться въ бумагахъ, но все молчалъ.

Чаплинскій съ тревогою въ сердцѣ слѣдилъ за переходами выраженій на ясновельможномъ лицѣ и переминался безшумно съ ноги на ногу. Его приземистая, нѣсколько ожирѣвшая фигура, очевидно, нуждалась въ опорѣ. Несмотря на туго стянутый широкимъ шалевымъ поясомъ станъ, животъ у пана уже солидно округлялся и постояно нарушалъ равновѣсіе, отчего сцѣпленные вверху „вилёты“ щегольского кунтуша качались сзади, словно маятникъ. Бѣлобрысое, скуластое лицо пана, съ раздвоеннымъ носомъ и грязно-голубаго цвѣта глазами, производило непріятное впечатлѣніе, хотя и не могло быть отнесено къ некрасивымъ; особенно отталкивали отъ него выпуклые, линялые глаза, носившіе выраженіе презрительнаго нахальства. Голова пана Чаплинскаго, сдавленная спереди и сильно развитая въ затылкѣ, привыкшая наклоняться назадъ, теперь была сильно выдвинута впередъ и съ вытянутымъ раздвоеннымъ носомъ изображала лягавую собаку на стойкѣ. Съ непривычки такой постъ казался Чаплинскому очень тяжелымъ и оскорблялъ его литовскую гордость. Тамъ, среди родныхъ лѣсныхъ дебрей и зеленыхъ прозрачныхъ лѣсовъ, онъ привыкъ держать себя никому неподсуднымъ царькомъ, все преклонялось и падало передъ нимъ; задавленный издавна рабочій людъ гнулъ спину и безропотно трудился на пана, какъ „быдло“. Ни передъ кѣмъ не приходилось пану Чаплинскому стоять, даже передъ Богомъ въ костелѣ онъ сидѣлъ на удобномъ диванѣ... а здѣсь вотъ стой, какъ лакей. Но что дѣлать? Нужно

перетерпѣтъ пока. Тамъ, въ родной Литвѣ и скучно, и бѣдно, а здѣсь вонъ какія богатства кругомъ, какъ весело прожигается жизнь! И неистощимы онѣ, эти богатства, всякому шляхтичу доступны,— приди, бери и владѣй, а владыкою-то надъ ними, расточителемъ благъ—панъ гетманъ коронный, такъ стоитъ и перетерпѣть, чтобы пить полной чашей радости жизни. И Чаплинскій стоитъ, переминаясь съ ноги на ногу, и робко ждетъ рѣшенія своей участи.

— Да, да—заговорилъ, наконецъ, Конецпольскій, словно жуя что-то и присмакивая губами,—панскій проэктъ увеличенія доходности имѣній черезчуръ,—какъ бы сказать?—смѣлъ и рискованъ, да и кромѣ риска, долженъ сознаться, не совсѣмъ мнѣ симпатиченъ, потому что... именно, идетъ совершенно въ разрѣзъ моимъ планамъ, моей, такъ сказать, политикѣ, которую я хочу провесть.

Чаплинскій поблѣднѣлъ, не понимая, въ чемъ онъ сдѣлалъ такой промахъ? Вѣдь онъ, кажется, краснорѣчиво и ясно доказалъ на бумагѣ, что можно почти удесятерить въ каждомъ гетманскомъ помѣстьѣ доходы.

— Панскія цифры,—какъ бы угадывая мысли Чаплинскаго, продолжалъ Конецпольскій,—льстятъ человѣческой алчности, но и въ этомъ отношеніи онѣ ошибочны: увеличеніе доходовъ должно опираться, да... опираться, пане, не на отягченіи труда поселянъ... не на отягченіи... да, не на ограбленіи, такъ сказать, его, а на привлеченіи новыхъ рабочихъ силъ, на превращеніи пустынныхъ пространствъ въ плодородныя нивы,—отхлебнулъ гетманъ глотокъ вина и закурилъ трубку.

— Это само собою, ясновельможный пане гетмане,—пробовалъ пояснить свой взглядъ Чаплинскій,—но здѣшніе хлопы такъ разбалованы, что почти не хотятъ знать никакого чинша, платы за владѣніе землей... для нашихъ рабочихъ въ Литвѣ и эти, намѣченныя мною повинности показались-бы просто благодѣтельною льготой.

— Жалѣю о панской Литвѣ,—улыбнулся, выпуская струйку благовоннаго дыма гетманъ.—Я бы не захотѣлъ тамъ быть не только на мѣстѣ рабочаго, но даже и на мѣстѣ пана. Рабство никогда не возвеличивало державъ, а служило всегда для нихъ гибелью, если панъ знакомъ хоть немного съ исторіей... Н-да, возростаніе богатствъ при рабствѣ фальшиво... да, именно фальшиво... На тысячу нищихъ одинъ богатѣетъ. А я говорю, пане, что если бы эта тысяча тоже по-людски жила, то и этотъ одинъ былъ бы богаче, а главное, замѣтьте, пане, имѣлъ бы тысячу защитниковъ, а не тысячу враговъ... да, именно враговъ. Это мое крайнее, такъ сказать, мнѣніе. Если, къ несчастію, не всѣ его раздѣляютъ, то могу сокрушаться... да, сокрушаться и предвидѣть горе; но отъ

моихъ подчиненныхъ и въ моихъ личныхъ дѣлахъ я желаю подчиненія и моимъ мыслямъ... и подбираю людей...

— Его гетманской мосци воля для меня святой не нарушимый законъ,—приложилъ Чаплинскій руку къ сердцу и низко нагнулъ голову,— свѣтозарный блескъ ясновельможнаго разума... для меня будетъ... солнцемъ!—говорилъ онъ трогательно, а самъ думалъ: „А чортъ бы тебя побралъ, старый дурень, съ твоими хлопами! Черезъ это клятое быдло только стой и выговоры здѣсь слушай!"

— Ну тамъ солнцемъ или мѣсяцемъ, то мнѣ все равно, а держаться моихъ плановъ я требую.—Конецпольскій даже поднялся съ кресла и началъ ходить тяжелыми шагами по кабинету.—Я вотъ и хочу доказать всѣмъ моимъ примѣромъ... такъ сказать, убѣдить, что и при благоденствіи населенія доходы маетностей не упадутъ, а увеличатся. Замѣтьте, пане, при благоденствіи, это очень важно... Это... это великая идея!—воодушевлялся старикъ и бритыя щеки его загорались малиновыми пятнами.—Если бы всѣ были просвѣтлѣны,—запнулся онъ и взглянулъ подозрительно на Чаплинскаго; послѣдній стоялъ въ набожной позѣ и, поднявъ очи горѣ, яко-бы молился за общее просвѣтлѣніе.—Да, такъ сказать, именно,—остановился у стола гетманъ и облокотился о башню спиной.—Вотъ панъ сказалъ, что само собою о заселеніи пустошей будетъ заботиться... а я скажу, что при предлагаемой паномъ системѣ не только не прибѣжитъ ко мнѣ ни одна собака, а и сидящіе уже прочно селяне поразбѣгутся... Да, именно, разбѣгутся... и вмѣсто вотъ этихъ,—трепалъ онъ по бумагѣ рукой,—богатѣйшихъ цифръ, получатся обновленныя пустоши.

— Этого никогда-бы не было, ваша ясновельможность,—заступился за себя горячо Чаплинскій,—если бы эти хло... хло... хлопотливые поселяне заартачились, такъ я бы вашей гетманской милости полъ Литвы притащилъ, только бы свистнулъ...

— Что мнѣ въ твоихъ литвинахъ, пане?—махнулъ гетманъ рукой.—Что они здѣсь грибы собирать, или лыко драть станутъ? Только мѣстное, коренное населеніе... такъ сказать, именно коренное... знаетъ, какъ обходиться съ своею родною землей.

Въ это время приподнялась тяжелая занавѣсь и на порогѣ появился гайдукъ. Онъ возвѣстилъ гетману, что прибылъ и дожидается панскихъ распоряженій войсковой писарь.

— Хмельницкій?—обрадовался гетманъ.—Вотъ кто меня понимаетъ! Пусть войдетъ!—а потомъ, спохватившись и перемѣнивъ сразу тонъ, онъ замѣтилъ Чаплинскому:—Я отпускаю пана на время, пока сниму допросъ.

Чаплинскій низко поклонился и смиренно вышелъ, проклиная въ душѣ этого „шмаровоза“ (мужлана) Хмельницкаго, которому такъ вѣрилъ гетманъ; но, встрѣтясь съ нимъ за порогомъ, заключилъ его сразу въ объятія и промолвилъ голосомъ, полнымъ слезъ:

— Благодарю Всевышняго, что услышалъ мои молитвы!

Богданъ вошелъ въ кабинетъ, поклонился почтительно и произнесъ искреннимъ голосомъ.

— Благодарю ясневельможнаго пана-гетмана за великую милость, вырвавшую меня изъ рукъ самоуправцевъ-насильниковъ, посягнувшихъ было на мою жизнь!

— Радъ, радъ, весьма радъ,—ласково улыбнулся Конецпольскій,—у пана, впрочемъ, была по этому дѣлу такая защитница, такая чудесная, такъ сказать, обаятельная, что всѣхъ моихъ гостей очаровала, я и подозрѣвать не могъ... Кромѣ вообще, такъ сказать, прелести, еще благородство сердечнаго огня и сила слова, да именно благородство и сила.

— Гетманская милость всегда правы,—отвѣтилъ спокойно Богданъ,—и если бы у нашихъ властителей была хоть сотая доля вашего разума и вашего сердца, то намъ бы жилось, какъ у Христа за пазухой.

— Да, да! Это вѣрно!—вспыхнулъ заревомъ отъ прилива удовольствія гетманъ.—Спасибо за доброе слово: панъ меня понимаетъ. Меня вотъ наши называютъ и потворщикомъ и черезчуръ мягкимъ, да, мягкимъ, а твои козаки называютъ жестокимъ; но это не такъ, это, такъ сказать, ложь! Я строгъ и всегда преслѣдую своевольный, мятежный духъ; его нужно оградить, такъ сказать, прочными гранями, и я стоялъ за ограниченное число козаковъ и давилъ возстанія, но никогда не думалъ обращать остальныхъ въ рабовъ... да, никогда не думалъ!—Онъ опорожнилъ въ волненіи свой ковшъ до дна.—Меня ни тамъ, ни здѣсь не понимали. Этотъ своевольный сеймъ не уважилъ даже даннаго мною слова и казнилъ прощенныхъ мною Сулиму, Павлюка и многихъ старшинъ. Разрази меня громъ, это подлость! Да, ломать, такъ сказать, шляхетское гоноровое слово подло! Все это двинуло меня еще дальше. Эхъ, если бы больше было теперь настоящихъ людей, а то... да, именно!... Но скажи мнѣ откровенно, по правдѣ, неужели только по голословному доносу этого княжескаго наглеца,—нужно признаться, что тамъ особенно воспитывается духъ насилія и, такъ сказать... (у гетмана въ головѣ блеснуло воспоминаніе о двухъ большихъ родовыхъ помѣстьяхъ, отнятыхъ этимъ Яремой, путемъ грубаго насилія и „наѣзда“; хотя это дѣло и было погашено какимъ-то вынужденнымъ примиреніемъ, но въ сердцѣ гетмана вѣчно жило неудовлетворенное

озлобленіе),—да, такъ неужели по одному лишь наговору, какъ мнѣ передала панская родичка, осмѣлился и мой Гродзицкій такъ поступить съ моимъ слугой?

Богданъ смутился только на одно мгновеніе; но, быстро поборовъ въ себѣ вздрогнувшее волненіе, двинулся на шагъ впередъ и отвѣтилъ съ полнымъ достоинствомъ:

— Истиннымъ поборникомъ государственной правды и блага я считаю ясновельможнаго пана короннаго гетмана и нашего найяснѣйшаго круля, и этой правдѣ я не измѣнялъ и не измѣню никогда; но, быть можетъ, многіе считаютъ эту правду кривдой, а поборниковъ ея—невѣрными сынами отчизны... тогда я, конечно, измѣнникъ и достоинъ казни. Въ этомъ-же послѣднемъ случаѣ, клянусь, что Ясинскій оклеветалъ меня изъ мести и не далъ никакихъ доказательствъ.

— Я тебѣ вѣрю, пане, и желаю всегда вѣрить, а эти будутъ у меня помнить, особенно выскочка князя Яремы—Ясинскій. Но вотъ,—забарабанилъ онъ по столу пальцами,—я получилъ еще коекакія замѣтки о прежнихъ твоихъ участіяхъ... не открытыхъ... но доказывающихъ, такъ сказать, твой строптивый духъ... да, строптивый... По истинѣ, Богъ одарилъ тебя и умомъ, и эдукаціей, и доблестями... да, доблестями, но жаль, что на твоемъ пути вѣчно встрѣчаются... такъ сказать, непонятные овражки, черезъ которые нужно перескакивать...

— Эти всѣ овражки, ясновельможный гетмане, копаютъ мнѣ враги.

— Но, но... не всѣ,—погрозилъ ласково гетманъ,—у пана таки сидитъ гдѣ-то „гедзь“... вотъ хоть бы твой отвѣтъ въ Кодакѣ.

— Его гетманская милость проститъ мнѣ его великодушно: эту невольную несдержанность вызвали шутки князя Іереміи.

— Да, эти шутки и мнѣ не понравились: я врагъ всякой военной тираніи... Да, вотъ почему и врагъ тоже вашихъ стремленій—все, такъ сказать, населеніе обратить въ военный лагерь... Я за мирное развитіе; но объ этомъ послѣ,—набилъ онъ себѣ снова трубку.—Что бишь?—потеръ себѣ открытый лобъ гетманъ.— Да, такъ видишь ли, пане, въ силу этого общаго говора, а главное въ силу же моихъ собственныхъ постановленій,—замялся онъ, заботливо раскуривая трубку,—я оставить пана въ числѣ генеральной старшины не могу... до поры, до времени,—смягчилъ онъ пилюлю,— а перевожу снова въ должность сотника Чигиринскаго полка... Этимъ, такъ сказать, покрываются всѣ прежнія подозрѣнія и возстановляется въ полной, такъ сказать, доблести имя сановнаго пана, которое, я надѣюсь, будетъ вельможнымъ...

— Нѣтъ предѣловъ моей благодарности гетманской милости,—поклонился, прижмуривъ глаза, Богданъ и, гордо выпрямившись, откинулъ назадъ голову, не скрывая нѣкоторой доли пренебреженія.

— Только не думай,—продолжалъ гетманъ, пронизавъ Богдана испытующимъ взглядомъ,—что это наказаніе... это, такъ сказать... это—необходимость... Довѣріе я къ тебѣ имѣю и много разсчитываю на тебя... Не выпьешь-ли съ дороги моей настойки, пане?—налилъ гетманъ стоявшій на столѣ другой кубокъ и предложилъ Богдану.—Для желудка полезна, вѣрь.

— За здоровье ясновельможнаго пана гетмана и за успѣхъ его благихъ для насъ пожеланій!—поднялъ Богданъ кубокъ и, выпивши, поставилъ на столъ.

— Спасибо!—кивнулъ головою гетманъ.—Дѣло вотъ въ чемъ. У меня, какъ ты знаешь, погибъ, такъ сказать, мой прежній „дозорца" старостинскихъ имѣній; чортъ ему подалъ мысль угодить подъ кабаньи клыки... Такъ я вотъ ищу новаго... Чарнецкій мнѣ рекомендовалъ литвина одного, Чаплинскаго... Тутъ онъ мнѣ и проэкты, и все... Какъ панъ о немъ думаетъ?

— Я его мало знаю; но онъ, кажется, преданъ гетманской милости... и „урожоный" шляхтичъ,—значитъ, долженъ быть благороднымъ и честнымъ.

— Чортъ-ли мнѣ въ его преданности!—рѣзко замѣтилъ гетманъ.—Толку мнѣ нужно, вотъ что! Да!.. А то понаписывалъ проэктовъ, удесятеряетъ доходы на счетъ шкуры моихъ поселянъ... А я, панъ знаетъ, этого терпѣть не могу. Я за мирное развитіе...

— Да, это панъ Чаплинскій по своей литовской мѣркѣ,—злобно усмѣхнулся Хмельницкій,—хочетъ насъ мѣрять... угодить, видно, думалъ гетманской милости...

— Хорошо угодилъ-бы, какъ литовскій колтунъ,—отставилъ съ досадою чубукъ гетманъ и откинулся въ креслѣ,—разогналъ-бы всѣхъ поселянъ, да и баста! А вѣдь панъ знаетъ, что вся моя политика... такъ сказать, завѣтная мысль—привлекать, привлекать и привлекать... Если-бы осуществить... да, осуществить ее, то я бы перетащилъ сюда на эти плодороднѣйшія поля даже всѣхъ изъ московщины... и вотъ тогда-бы гикнулъ отъ Чорнаго до Балтійскаго моря.

— Великая мысль!—воодушевился Богданъ.

— Да! Такъ вотъ не можетъ-ли панъ стать у меня дозорцей, не лишаясь сотничества? Тогда-бы, такъ сказать, поработали...

— Благодарю гетманскую милость за честь и довѣріе,—наклонилъ голову Богданъ,—всего себя отдаю въ распоряженіе ясновельможной волѣ; но мнѣ, въ интересахъ-же плановъ пана гетмана,

неудобно быть дозорцемъ, потерять между своими вліяніе... Я лучше буду этимъ вліяніемъ способствовать...

— Да, панъ правъ и благороденъ на словѣ... Но ты не откажешься руководить этимъ дѣломъ, такъ сказать, тайно, давать совѣты, указывать пути, направлять, надзирать, провѣрять?

— Весь къ панскимъ услугамъ,—приложилъ Богданъ руку къ груди.

— Ну и отлично, я очень доволенъ... Только при такихъ условіяхъ я соглашусь на Чаплинскаго, чтобъ онъ, такъ сказать, былъ подъ панскимъ дозоромъ... да,—засмѣялся весело гетманъ, протягивая Хмельницкому руку,—дозорца подъ дозоромъ. Согласенъ?

Хмельницкій молча съ подобающимъ уваженіемъ и низкимъ поклономъ пожалъ пухлую руку гетмана, а Конецпольскій велѣлъ кликнуть къ себѣ Чаплинскаго.

— Вотъ что, пане,—обратился къ вошедшему Чаплинскому гетманъ,—я согласенъ имѣть пана дозорцемъ въ моемъ староствѣ,—мнѣ вотъ Хмельницкій ручается.

Чаплинскій, отвѣсивъ низкій поклонъ гетману, кивнулъ трогательно головой и Хмельницкому, хотя въ душѣ никакъ не могъ простить такого оскорбленія своей панской гордости. Хамъ—поручитель? Но радость за назначеніе на должность превозмогла теперь обиду и заиграла хищническимъ инстинктомъ въ его глазахъ.

— Такъ вотъ,—привсталъ гетманъ,—во всѣхъ распоряженіяхъ, во всѣхъ, такъ сказать, мѣрахъ по хозяйству прошу обращаться къ пану,—указалъ онъ на Хмельницкаго,—какъ къ опытному и знающему хорошо и край, и мѣстное населеніе. Я ему вѣрю, какъ себѣ, и оставляю его здѣсь своимъ глазомъ... Ну, задерживать васъ, господа, больше не буду. А особенно тебя, пане,—улыбнулся онъ привѣтливо Хмельницкому.—Перетревожилась вѣрно семья и ждетъ, не дождется.

Хмельницкій и Чаплинскій поклонились молча и вышли. Чаплинскій шелъ рядомъ съ Хмельницкимъ и долго не произносилъ ни слова,—такъ взбѣсило его рѣшеніе Конецпольскаго, подчиняющее его, вельможнаго шляхтича, потомка знаменитаго рода Чапличъ-Чаплинскихъ, и кому же? Какому то хамскому отродью! И теперь вотъ придется передъ нимъ кланяться, унижаться, подносить отчеты къ подписи. Проклятіе! Если-бы не ожиданіе баснословныхъ богатствъ, то плюнулъ-бы онъ имъ обоимъ въ глаза, а тутъ...

— Не смущайся, пане свате,—угадалъ его мысли Хмельницкій,—я согласился на капризъ гетмана ради твоей же пользы; иначе онъ могъ-бы впутать въ это дѣло другое, непріятное для пана лицо. А я панскую услугу въ Кодакѣ помню и, кромѣ пользы, никакой

помѣхи свату не сдѣлаю, и всякія недоразумѣнія улажу. Самъ съ совѣтомъ не навяжусь, а если о немъ панъ попроситъ—не откажу. Вообще же сватъ на меня можетъ опереться смѣло.

— Спасибо, спасибо!—обрадовался такой постановкѣ вопроса Чаплинскій. Хотя непріятное впечатлѣніе безсмысленнаго гетманскаго приказа не изгладилось въ немъ отъ этихъ словъ Хмеля, а на оборотъ великодушіе „хлопа" взорвало его еще больше,—но чувствуя, что Конецпольскій довѣряетъ и благоволитъ этому шмаровозу,—онъ поспѣшилъ изобразить на своемъ лицѣ дружественную улыбку и продолжалъ радостнымъ голосомъ.—Вѣкъ помнить буду и твою, пане, поруку, и твое дружеское отношеніе... Я знаю, что рука руку...

— Нѣтъ, пане-свате,—ударилъ Богданъ слегка по плечу Чаплинскаго,—корысти никакой мнѣ не нужно, а я искренно дамъ тебѣ совѣтъ и окажу услугу, гдѣ надо: со мной можно жить, не державши камня за пазухой.

— Спасибо, спасибо!—обнялъ Богдана Чаплинскій.—Ко мнѣ прошу на „келехъ", попробовать нашего стараго литовскаго меду.

— Сейчасъ не могу, прости, панъ: лечу къ своимъ.

— Да, да, не смѣю удерживать, а жаль, угостилъ-бы. А то я и къ пану заѣду: я вѣдь тутъ новый человѣкъ, не знаю ни страны, ни порядковъ, такъ сватъ меня бы наставилъ.

— Съ радостью! Прошу, прошу!—подалъ Богданъ руку и, вскочивши на Бѣлаша, котораго держалъ подъ уздцы Ахметка, сейчасъ-же за брамой, махнулъ еще разъ шапкой и пустился галопомъ въ Субботово.

Радостно билось сердце Богдана. Какой-то новый приливъ жизненной силы поднималъ ему грудь. Знакомыя мѣста неслись съ улыбкой на встрѣчу, раскрывали свои дружескія объятія; рѣчка, извиваясь змѣей, шептала что-то веселое и игривое.

„Да! Спасъ Господь и привелъ увидѣть снова родныя мѣста!—мелькали у Богдана отрывочныя мысли.—У Конецпольскаго все обошлось благополучно, даже въ какое-то особое довѣріе я попалъ. Значитъ, чистъ и невредимъ, а теперь—или умри въ своемъ гнѣздѣ тихо, или снова дерзай на борьбу! Эхъ, кабы не терзали моей родины, колибъ ее, несчастную, оставили хоть при маломъ кускѣ хлѣба, сѣлъ бы я камнемъ въ своемъ любимомъ Субботовѣ, да отдохнулъ-бы и душею, и тѣломъ! Умаяли уже меня и годы, и бѣды, сердце изнылось, кости болятъ. Покою бы и мирнаго счастья... Эхъ, какъ-бы желалъ я въ эту минуту тихой пристани, которая укрыла-бы меня отъ бурь и отъ грозъ!".

Вотъ и Субботово, и „млыны“, и храмъ св. Михаила, а вонъ за брамой и „будынокъ“, и садъ. Богданъ снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

Отворилась настежь въѣздная „брама“, и пасѣчникъ-дѣдъ первый встрѣтилъ Богдана. Обнялъ старика Богданъ и спросилъ, не слѣзая съ лошади,—благополучно ли дома?

— Все слава Богу,—махнулъ шапкою дѣдъ,— тебя какъ Господь милуетъ?

— Хвала Ему, Милосердному—живъ, какъ видите, и невредимъ!—уже крикнулъ черезъ плечо Богданъ дѣду, пустивъ рысью коня.

Еще издали на Чигиринской дорогѣ замѣтила дворовая челядь Богдана и, собравшись въ немаломъ количествѣ, съ радостнымъ нетерпѣніемъ ждала своего батька. На „ганку“ толпились Богдановы дѣти: Андрійко и Тимошъ нѣсколько разъ взлазили вверхъ по колоннѣ, чтобъ высмотрѣть отца; дѣвочки, съ горящими отъ волненія и восторга глазками, бѣгали то къ больной матери въ комнату, то на „рундукъ“, то къ первымъ воротамъ. Одна только Ганна, блѣдная, застывшая въ порывѣ восторга, неподвижно стояла у колонны, приставивъ руку къ глазамъ и вперивъ свои очи въ свѣтлую даль. Казалось, душа ея не была здѣсь, въ этомъ трепетномъ тѣлѣ, а носилась тамъ вдали возлѣ всадниковъ, возлѣ стройнаго, ѣдущаго на бѣломъ конѣ козака.

Едва въѣхалъ Богданъ въ свой дворъ, какъ полетѣли вверхъ шапки, раздались радостные крики, и десятки рукъ протянулись—и подержать коня, и помочь соскочить, и обнять своего батька. Насилу освободился Богданъ отъ этихъ дружественныхъ привѣтствій и поспѣшилъ къ крыльцу. Здѣсь на него набросились дѣти и повисли на груди и на шеѣ.

Ганна все стояла неподвижно. Радость сковала ей члены; восторженные глаза ея дрожали чистой слезой. Богданъ замѣтилъ ее, быстро взошелъ на крыльцо и, раскрывъ широко руки, промолвилъ тронутымъ голосомъ:—Спасительница моя!

— Ты нашъ спаситель!—вскрикнула Ганна и припала къ нему на грудь.

На другой вечеръ всѣ двери и окна въ домѣ Богдана были тщательно закрыты.

Въ комнатѣ его, вокругъ небольшого стола, покрытаго турецкимъ ковромъ, тѣсною группою сидѣли козацкіе старшины. Желтоватое пламя двухъ восковыхъ свѣчей, что горѣли въ высокихъ мѣдныхъ шандалахъ, освѣщало ихъ смуглыя лица, отчего они казались еще мрачнѣй и желтѣй. За ними оно не достигало глубины комнаты,

потонувшей во мракѣ и только кое-гдѣ тускло отсвѣчивалось на блестящихъ дулахъ „рушницъ". Въ комнатѣ было тихо и мрачно. Не видно было на столѣ ни кубковъ, ни фляжекъ. Сурово глядѣли иконы изъ почернѣвшихъ отъ времени ризъ.

Въ концѣ стола сидѣлъ самъ хозяинъ; голова его была такъ низко опущена, что нельзя было видѣть лица. Направо отъ него угрюмо склонилъ голову на руку Кривоносъ, за нимъ Нечай опустилъ свою львиную чуприну. Съ другой стороны помѣстились старый Романъ Половецъ и Чарнота. Остальныя лица терялись въ тѣни, и только иногда сверкали оттуда, словно волчьи глаза, желтые бѣлки Пешты.

Густыя тѣни совсѣмъ сбѣжались на потолкѣ. Казалось какой-то тяжелый, могильный сводъ повиснулъ надъ освѣщеннымъ столомъ.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ,—говорилъ сѣдой Романъ Половецъ, и голосъ его звучалъ такъ уныло, словно отдаленный звонъ надтреснутаго колокола,—бороться намъ нечѣмъ... войско наше разбито... „армата" (артиллерія) отобрана... ни старшины, ни головы.

— Вздоръ!—крикнулъ Кривоносъ, ударяя рукой по столу,—не все пропало! Разбито войско, да не все! Сколько бѣжало, сколько скрывается по темнымъ лѣсамъ!

— Въ Мотроновскомъ лѣсу ищутъ грибовъ болѣе десяти сотенъ!—вставилъ Чарнота.

— Въ Кругломъ лѣсу сотъ пять или шесть!—отозвался кто-то въ тѣни.

— А въ „Гутѣ" наберется и больше!—добавилъ другой.

— Такъ не всѣ сдались?—спросилъ удивленный Богданъ.

— Какое! На Запорожье ушло тысячи двѣ!—вскрикнулъ Нечай.

— Да дайте мнѣ только время,—продолжалъ, воодушевляясь, Кривоносъ,—я соберу вамъ десять, двадцать тысячъ. Дайте мнѣ только разослать своихъ молодцовъ!

— Головы нѣтъ... старшина разбѣжалась!—раздались изъ глубины тѣни чьи-то несмѣлые голоса.

— Выберемъ голову. Старшина найдется,—перебилъ увѣренно Кривоносъ.—Да развѣ уже между нами не найдется зналаго человѣка? Дрова сухія, братья! Огниво не трудно отыскать!

— Конечно, осмотрѣться вотъ между нами,—послышался сиплый голосъ Пешты, и желтые глаза его многозначительно окинули весь столъ.

— Выбрать то можно... Да что изъ того? Послѣднія силы отдать... и къ чему? Чтобъ увидѣть новое пораженіе?—безнадежно махнулъ рукою Романъ Половецъ.—Мало-ли мы ихъ видѣли, братья?

— Такъ,—вставилъ угрюмо Пешта, и насмѣшливая улыбка искривила его лицо.—Били насъ довольно! Можно было-бъ и „годи" сказать. И подъ Кумейками, и подъ Боровицею...

— Молчи, Пешта!—перебилъ его Кривоносъ.—Молчи, не напоминай прошлаго! Или ты думаешь, что эти побѣды не зарубились на сердцѣ?—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—кровавымъ рубцемъ здѣсь зарубились! Били! А почему-же прежде никто не билъ козаковъ? Почему теперь бить стали? Потому, что реестровые измѣняютъ, братья на братьевъ встаютъ!

— Стой, друже,—перебилъ его Половецъ,—пошли же съ Павлюкомъ рейстровые, а вышло что?

Богданъ поднялъ глаза и медленно прибавилъ вполголоса:—Пошли, да не всѣ.

Но Половецъ не слыхалъ его словъ:

— Да что говорить о прошломъ,—продолжалъ онъ,—вспомнимъ, что случилось теперь? А ужъ не гетманъ-ли былъ Остряница, не молодецъ-ли былъ Гуня? И сердце козачье, и могучая рука!

— Проклятье ему!—закричалъ Кривоносъ, поднимаясь съ мѣста, и багровыя пятна покрыли его лицо.—Зачѣмъ онъ сдался? Онъ... онъ погубилъ все дѣло! Теперь оттепель, все кругомъ распустило... жолнеры ихъ падали отъ голода. Да еслибъ онъ только выдержалъ до нынѣ, посмотрѣлъ-бы я, какъ погарцевали-бъ у меня въ этомъ болотѣ ляхи! А! Пусть не знаетъ онъ, собака, счастья во вѣки,—прохрипѣлъ Кривоносъ, сжимая кулаки,—своей сдачей погубилъ онъ все дѣло!...

— Постой, братъ, постой: тебѣ разумъ злоба застилаетъ,—протянулъ Половецъ руку, какъ-бы желая остановить слова Кривоноса:—ты валишь всю вину на Гуню, а самъ знаешь не меньше моего, что устоять было нельзя. Смотри, я старъ, но вотъ эту послѣднюю кормилицу—правую руку я отдамъ на отсѣченіе за Гуню! Онъ былъ храбрый, честный козакъ.

— Ну, одной храбрости-то мало,—угрюмо буркнулъ Пешта.

Но Половецъ продолжалъ, воодушевляясь все больше:

— Какъ онъ стоялъ за наши права, какъ онъ оборонялся! Самъ Іеремія удивлялся ему. Да, онъ бы отдалъ за насъ свою буйную голову, но къ сдачѣ принудила его сама „рада"!

— „Рада"!—тонкія губы Кривоноса искривились въ какую-то безобразную, злобную усмѣшку.—А зачѣмъ онъ этой черни напустилъ полный таборъ?

— Какъ? Своихъ-бы отдалъ на „поталу" (истребленіе)?—съ изумленіемъ вскрикнулъ Нечай.

— Братьевъ на растерзанье Потоцкому?—ужаснулся Половецъ.

— А что же, ушли они отъ него, га?—крикнулъ Кривоносъ, опираясь руками на столъ, и перегнулся въ ихъ сторону.—Толпами, какъ мурашня, налѣзли въ таборъ, а потомъ первые кричали о сдачѣ! Голодъ, вишь, одолѣлъ ихъ! Ну, а теперь попухнутъ, небось, отъ панской ласки! Землю научатся грызть!—рвалъ онъ слова, какъ бы желая вылить въ нихъ всю кипящую въ немъ злобу.— Да, если-бъ не они, мы полегли бы всѣ одинъ подлѣ другого, таборъ бы взорвали, а не предались бы ляхамъ!

— То-то,—процѣдилъ сквозь зубы Пешта, бросая изъ-подъ бровей угрюмый взглядъ,—всѣ тянутся въ козаки, а какъ на греблю, такъ и некому, а мы одни подставляй спины!

— Черезъ нихъ-то, пожалуй, и потеряли на вѣки всѣ права,— послышался густой и жирный голосъ Бурлія, и его одутловатое лицо съ узкими, подплывшими глазами и тупымъ лбомъ выплыло на минуту изъ тѣни.

— Пора бы и намъ одуматься, а то и шкуры не хватитъ,— замѣтилъ нѣсколько смѣлѣе Пешта,—атаману-то кошевому и заботиться объ интересахъ коша, своихъ, близкихъ людей, а чернь имѣетъ топоры и косы, пусть борется сама за себя.

— Сама за себя,—медленно повторилъ Нечай, бросая на Пешту изъ-подлобья презрительный взглядъ,—а развѣ они молчатъ, не встаютъ? Развѣ не бѣгутъ въ Сичь, въ козачьи ряды?

— Не въ козачьи боевые ряды, а въ козачьи списки, чтобъ „привилеи“ раздобыть,—прошипѣлъ Пешта.—А въ козачьи ряды за хлѣбомъ бѣгутъ и потомъ первые молятъ ляховъ о пощадѣ.

— А! И кого же? Ляховъ!—заскрежеталъ Кривоносъ зубами.— Да я бы за каждую придуманную ляхамъ муку перенесъ бы самъ по двѣ, а не поклонился бы и не пощадилъ бы ни одного!

— Всѣхъ не перемучишь,—отвѣтилъ Бурлій,—а вотъ какъ они обрѣжутъ права... Теперь уже на мой разумъ и „Куруковскихъ пунктовъ“ нечего ждать.

— Ни пяди меньше! На длину своей сабли не отступлюсь отъ нихъ!—крикнулъ Нечай, бросая свою кривую саблю на столъ.—Мы ихъ кровью своей, головами своими заработали и уже не отдадимъ назадъ! Мало насъ? Найдемъ помощь! Я былъ у донцовъ, они протянутъ руку... а не попустимъ своихъ правъ!

— Не пойдутъ донцы всѣ, а нѣсколько сотъ удальцовъ что помогутъ?—откликнулся убитымъ голосомъ Половецъ.

— Не попустимъ!—злобно добавилъ Пешта,—а много-ли ихъ осталось? Когда мы со второю просьбой на сеймъ посылали, какой получили отвѣтъ?

Всѣ молчали, а Пешта продолжалъ еще злобнѣе.

— А ужъ много-ли просили мы? А послѣ Кумейскаго. пораженія вспомни, какой присяжный листъ былъ написанъ нами и какія на Трахтемировской „радѣ" получили мы права? Уничтожили Миргородскій и Яблоновскій полки, уменьшили насъ на 1,200 душъ, „чайки" сожгли.

— Не каркай, воронъ!—крикнулъ запальчиво Чарнота, и голубые глаза его метнули бѣглый взглядъ изъ-подъ сжатыхъ бровей.—Не удастся Нечаю донцовъ, такъ я имъ татаръ приведу, поклонюсь спиной и невѣрѣ.

— И ничего не добьешься,—крякнулъ Бурлій,—а нелучше-ли, намъ своихъ бы требованій посбавить?

— А что же, и впрямь,—поддержалъ хриплымъ голосомъ Пешта.—Что намъ осталось? Бунтами ничего не подѣлаемъ, все равно—сила солому ломитъ, а за каждымъ бунтомъ идутъ новыя утѣснѣнія. При согласіи-же ляхи дѣлаютъ уступки. Вспомните: за Сулиму намъ прибавили тысячу человѣкъ, а при разумномъ кошевомъ,—подчеркнулъ онъ,—можно выторговать и больше.

— Не то и всѣхъ насъ повернутъ ляхи въ рабовъ,—тихо добавилъ Бурлій.

— Умереть, умереть!—простоналъ про себя Половецъ, и его тихій стонъ упалъ на всѣхъ, словно ударъ похороннаго колокола.

Наступило тяжелое молчаніе.

Богданъ сидѣлъ молча, опустивши голову, и, казалось, не принималъ никакого участія въ разговорѣ; палецъ его чертилъ на столѣ какіе-то странные узоры, глаза были опущены внизъ, и только иногда, на мгновенье, впивался онъ ими въ лицо говорившаго.

— Не бывать этому!—крикнулъ Кривоносъ громовымъ голосомъ, нарушая молчаніе, и поднялся во весь ростъ.—Покуда стоитъ наше Запорожье,—ударилъ онъ эфесомъ сабли по столу,—спасеніемъ души своей клянусь, не бывать этому во вѣкъ!

— Не бывать! не бывать!—подхватили Нечай и Чарнота.

— Не бывать!—раздались голоса изъ густой тѣни.

— Да, покуда стоитъ,—замѣтилъ Богданъ тихо, но вѣско,—а стоять осталось ему недолго.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—отчеканилъ медленно Чарнота, сверкая своими голубыми глазами и отбрасывая красивую голову назадъ.—Въ степь „душманамъ-ляхамъ" я не посовѣтую двинуться: на карачкахъ полѣзутъ.

— Такъ думаешь, друже?—усмѣхнулся Богданъ.—Однако, съ тѣхъ поръ, какъ польскія войска перешли лѣвый берегъ, они уже не боятся степей!

Всѣ замолчали. А Богданъ продолжалъ:

— Я былъ у короннаго гетмана. Меня онъ смѣстилъ съ войскового писаря въ сотника. Но дѣло не въ панской ласкѣ,—въ голосѣ Богдана прозвучала гордая и презрительная нота,—я за ней не гонюсь, а дѣло въ томъ, что когда ужь и меня подозрѣваютъ,—понизилъ онъ голосъ,—то не ждать добра. Ярема стоитъ на одномъ—разметать Запорожье, уничтожить народъ нашъ рыцарскій до тла! На гетмана возлагать большихъ надеждъ невозможно,—нѣтъ звѣря хитрѣй старой лисы! Со мной говорилъ, нападалъ на Ярему, увѣрялъ, что стоитъ за казаковъ, а самъ думаетъ только о своихъ помѣстьяхъ. Онъ хлоповъ не уничтожитъ, не то—некому будетъ его землю пахать; но козаки ему не очень-то нужны... Хотя и говоритъ, что никого не желаетъ обращать въ рабовъ, да это все только сказки. А вотъ, что еще сеймъ запоетъ изъ-за нашего возстанья?...

Остановился Богданъ; но не прервалось угрюмое молчаніе.

Тогда заговорилъ старый Половецъ:

— Все это правда, охъ, какая тяжкая правда, братья!—и голосъ его звучалъ въ наступившей тишинѣ такъ жалобно и безсильно.—Задумали насъ совсѣмъ уничтожить ляхи. Еще когда зимою мы на сеймъ ѣздили, всѣ послы, какъ одинъ, требовали у короля стереть насъ съ лица земли... Нѣтъ, не бывать уже на Украйнѣ счастья! Не видать моимъ старымъ глазамъ козацкихъ побѣдъ! Убейте меня, друзи, здѣсь, на этомъ мѣстѣ, чтобъ не видѣли очи мои смерти родины дорогой!

И старецъ зарыдалъ, всхлипывая по-дѣтски и трясясь сѣдой головой. Тяжелый стонъ вырвался изъ многихъ грудей и замеръ въ тоскливомъ молчаніи.

— Что дѣлать?—раздался изъ глубины чей-то робкій голосъ и умолкнулъ. Отвѣта не далъ никто.

— „Порадь“, посовѣтуй, Богдане,—отозвался еще кто-то тихо.

Богданъ поднялъ глаза, обвелъ все собраніе, вздохнулъ и не отвѣтилъ ничего.

Кривоносъ сидѣлъ, опершись на руку. На лицѣ его, безобразномъ и мрачномъ, лежалъ теперь такой отпечатокъ отчаянья и горя, словно онъ стоялъ у раскрытой могилы единственнаго сына. Онъ и не слыхалъ робкаго вопроса, онъ и не видалъ ничего.

— Что дѣлать?—блеснулъ желтыми бѣлками Пешта и поднялъ уже совсѣмъ смѣло свой хрипучій голосъ,—а вотъ, моя добрая „рада“—покориться!

Всѣ вздрогнули и какъ-то отшатнулись отъ стола.

— Да, покориться,—крикнулъ онъ еще смѣлѣе,—пора перестать дурнями быть и подставлять за чужую шкуру свои плечи!

Если пойдемъ въ союзѣ съ ляхами, то намъ, старшинѣ, только польза будетъ. И увидите еще, сколько перепадетъ!

— Молчи, Пешта!—крикнулъ Кривоносъ, срываясь съ мѣста и заглушая всѣ голоса,—или я тебѣ заклепаю горлянку! Намъ запродавать себя за ласку ляхамъ? Намъ идти кланяться на миръ и на „згоду"? Будь проклятъ тотъ и въ дѣтяхъ, и въ потомкахъ, кто послушаетъ такого совѣта!

— Да ты постой,—началъ было оправдываться Пешта, увидя, что промахнулся съ своимъ предложеніемъ.

— Молчи!—брякнулъ кривой саблей Кривоносъ.—Миръ!... Да въ чемъ, въ чемъ твой миръ? Сколько тебѣ сребрениковъ сунутъ за эту измѣну? Оставятъ, быть можетъ, три тысячи лейстровыхъ да заставятъ цѣловать шляхетскую дулю? Что-жь ты выигралъ, Іуда, за то, что продалъ Сулиму? И отъ кого ты ждешь пощады? Отъ этихъ звѣрей кровожадныхъ, для которыхъ не придумаетъ достойныхъ мукъ и самъ кошевой-сатана въ пеклѣ? Развѣ ты не видѣлъ, какую дорогу устроилъ себѣ гетманъ Потоцкій отъ Кіева до Нѣжина, посадивши на колья всѣхъ возвратившихся повстанцевъ? И ты говоришь о мирѣ? Будь проклятъ ты, Пешта, на вѣки, что завелъ о немъ рѣчь!

Желтые глаза Пешты бросили адски-злобный взглядъ на Кривоноса, но шумные крики не дали ему говорить.

— Не быть миру! Не быть миру!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Мертвыхъ назадъ изъ могилы не носятъ!—опустилъ Нечай на столъ свою тяжелую руку.—Межъ нами и ляхами во-вѣки мира нѣтъ!

Пламя свѣчей отъ поднявшагося шума безпокойно заколебалось, и разорвавшіяся тѣни тревожно заметались по сторонамъ.

— Нечѣмъ бороться, нечѣмъ. „Армата" наша отобрана,—началъ было Половецъ, но Кривоносъ перебилъ его воодушевленно.

— Не бойся! Покуда у козаковъ есть сабли въ рукахъ, еще не умерла козацкая мать! А если ужъ и суждено всѣмъ намъ полечь, такъ продадимъ, по крайности, жизнь свою дорого, такъ дорого, чтобы и цѣны не сложили до вѣку проклятые ляхи!

— Будемъ биться, какъ бились донынѣ! Самъ митрополитъ благословляетъ насъ!—раздалось въ разныхъ углахъ.

— Да и что смерть?—покрылъ всѣ голоса голосъ Чарноты.—Мокрый дождя не боится! Уже хоть допечемъ до живого тѣла ляхамъ.

А чорныя окна и двери угрюмо, зловѣще глядѣли на разгоряченныхъ старшинъ.

— Такъ,—замѣтилъ Богданъ.—Умирать намъ учиться не у кого, и залить сала за шкуру съумѣемъ! Да только какая отъ этого польза намъ, и нашей вѣрѣ, и женамъ и дѣтямъ?

Замѣчаніе было сказано тихо, но всѣ воодушевленные крики вдругъ замерли въ одинъ моментъ.

— А коли такъ,—вскочилъ съ молодою удалью Чарнота,—такъ дурни мы, что-ли, чтобы смотрѣть на ляховъ? Заберемъ своихъ женъ и дѣтей, да тютюнъ и горилку, и уѣдемъ въ московскія степи,—много тамъ вольныхъ земель!

— И то!—раздались несмѣлые голоса.—Дѣло!

— Эхъ!—вскрикнулъ безконечно горько Кривоносъ, ударяя себя въ грудь со всей силой.—Что себя даромъ тѣшить, братья? Не уйти намъ никуда отсюда! Знаютъ, псы проклятые, чѣмъ держать насъ,—и вдругъ въ суровомъ голосѣ Кривоноса послышались слезы,—вѣдь нѣтъ во всемъ свѣтѣ другой Украйны, какъ нѣтъ другого Днѣпра!—выкрикнулъ онъ какъ-то неестественно громко и упалъ головою на столъ.

Всѣ замолчали кругомъ. А черныя тѣни нависли еще ниже надъ освѣщеннымъ столомъ.

Тогда поднялъ голову Богданъ.

— Товарищи мои и братья,—началъ онъ,—дозвольте къ вамъ рѣчь держать.

— Говори, говори! Мы пришли тебя слушать!—раздалось сразу въ нѣсколькихъ концахъ стола.

И все оживилось, все заволновалось кругомъ, точно одно только слово этой умной головы могло указать всѣмъ выходъ, найти путь ко спасенію. Одинъ только Кривоносъ еще лежалъ головой на столѣ и его длинный „оселедецъ“ извивался по немъ, словно гадюка, да Пешта бросалъ украдкой въ сторону Богдана алчный, завистливый взглядъ.

— Въ нуждѣ нашей великой,—продолжалъ Богданъ,—осталось намъ одно: не покориться ляху, какъ совѣтовалъ Пешта, а усыпить врага хитростью и побѣдить его разумомъ... „Будьте мудры, какъ зміи“, говорится въ писаніи...—Богданъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ взглядомъ и, понизивъ голосъ, продолжалъ дальше:—Выставить въ поле противъ въ десять разъ сильнѣйшаго насъ врага послѣднія наши силы—безумно; безумно потому, что мы забыли про другую цѣль. Какой у насъ единый оплотъ и Украйнѣ, и защитникамъ ея—козакамъ?

— Запорожье!—крикнули дружно нѣсколько голосовъ.

— Вѣрно, друзи, оно у насъ и батько, и матерь!—поднялъ голосъ Богданъ,—а въ это вѣдь сердце желаютъ ударить.

Кривоносъ медленно поднялъ голову и впился глазами въ лицо Богдану.

— А въ это вѣдь сердце желаютъ ударить,—продолжалъ Богданъ.—Такъ не отдать его на растерзаніе, а защитить до послѣдняго издыханія!

— Костьми ляжемъ!—крикнуло большинство голосовъ, и оживленные глаза загорѣлись надеждой.

— Такъ вотъ вамъ, братья, моя первая „рада“: всѣ силы, какія остались и какія прибывать будутъ, сосредоточить на Запорожьѣ, и если весною вздумаетъ нагрянуть Іуда съ Потоцкимъ, то встрѣтить ихъ такъ, чтобъ шароваръ своихъ не унесли назадъ.

— Разумное слово! Богданъ—нашъ батько! Слава! Слава!—зашумѣли ожившіе голоса.

— Стойте, друзи, еще потерпите немного... Для чего козаки нужны Рѣчи Посполитой?

— Для защиты границъ,—отвѣтилъ весело Чарнота и подмигнулъ какъ-то бровью.

— Вѣрно!—кивнулъ головою Богданъ.—А когда еще совсѣмъ безъ насъ обойтись Польша не сможетъ?

— Когда поднимется война съ Турціей,—досказалъ Нечай.

Кривоносъ только медленно переводилъ глаза съ одного на другого и разгорался звѣрскою радостью.

А Богданъ продолжалъ еще дальше:

— За что же Турція объявляетъ Польшѣ войну?

— За то, что козаки не даютъ ей покою, шарпаютъ прибрежные города,—какъ то лихорадочно отвѣтилъ Нечай, приподымаясь на мѣстѣ.

Богданъ улыбнулся многозначительно.

— Война, значитъ, въ нашихъ рукахъ, братья... И что мѣшаетъ намъ,—понизилъ онъ еще голосъ,—когда начнется война, повернуть оружіе и требовать своихъ правъ меч....

Но Кривоносъ не далъ ему окончить.

— Друже, Богдане, батьку мой!—крикнулъ онъ съ искаженнымъ отъ бѣшенаго восторга лицомъ и задохнулся отъ волненія.—Богъ вдохнулъ тебѣ въ голову эти мысли, за одно это слово въ рабство пойду на вѣки къ тебѣ!

— Постойте, постойте, друзи,—остановилъ Богданъ поднявшійся шумъ,—первое наше дѣло удержать теперь отъ дальнѣйшихъ дѣйствій ляховъ: намъ надо время, чтобы окрѣпнуть въ силахъ, а для этого надо показать имъ, что мы покорились совсѣмъ, чтобъ самъ сеймъ удержалъ дикое стремленіе Яремы. Для этого я вижу одно, и вотъ моя третья „рада“: послать пословъ съ просьбой на

сеймъ. Когда же сеймъ отринетъ просьбу, я самъ поѣду къ королю. Ему война на руку, братья; онъ стоитъ за насъ... мы ему нужны. А тѣмъ временемъ, пока будутъ собирать сеймы,—усмѣхнулся Богданъ,—да новыя ординаціи намъ составлять, дѣйствуй, кто какъ можетъ! А кто не владѣетъ оружіемъ, звони въ колокола!

— Слава! Слава! Просьбу, просьбу!—закричали кругомъ.

Полный зависти взглядъ Пешты остановился на мгновенье на Богданѣ.

Кривоносъ отбросилъ назадъ свой длинный „оселедецъ" и поднялся съ мѣста; лицо его было такъ жестоко и ужасно въ эту минуту, что даже товарищи отшатнулись отъ него.

— Пишите, дурите ихъ, вражьихъ сыновъ! А эта рука,—протянулъ онъ красную, жилистую, поросшую волосами руку,—будетъ до самой смерти только саблю имъ на погибель держать! Покуда я живъ, не будетъ имъ отъ меня пощады!—Душу чорту продамъ, а не умру, покуда кровью ихъ черной не захлебнусь! Братья, дайте мнѣ только время, и когда покроетъ новая зелень поля, клянусь вамъ,—крикнулъ онъ глухо и дико, хватая мѣдный подсвѣчникъ,—пусть согнетъ меня первый татаринъ въ сѣчѣ, какъ я сгибаю этотъ шандалъ, если я не покажу проклятымъ ляхамъ, какъ умѣетъ умирать козакъ!

— Такъ, брате, такъ!—схватились Нечай и Чарнота.—Веди насъ на море! Всю Сичь подымемъ! Окуримъ козацкимъ дымомъ турецкіе города!

— Идемъ, братья!—ударилъ Кривоносъ по саблѣ.—А ты, друже,—обратился онъ къ Богдану,—пиши жалобы, дури ихъ покорнымъ прошеніемъ и дай намъ только время зазвонить во всѣ колокола!

Когда умолкъ поднявшійся шумъ и были выбраны послы на сеймъ, Богданъ развернулъ большой листъ бумаги, придвинулъ къ себѣ чернильницу, очинилъ перо и началъ писать:

„Видячи вокругъ насъ невозможныя кровопролитія и обиды, слезно и покорно просимъ вашу милость, пана нашего милостивѣйшаго, оказать намъ милосердіе и отпущеніе грѣховъ".

Лица присутствующихъ, освѣщенныя желтымъ свѣтомъ, сдвинулись вокругъ стола.

Снова стало тихо и угрюмо въ полутемной комнатѣ; только скрипъ гусинаго пера нарушалъ напряженную тишину.

А между тѣмъ въ окнахъ верхняго покоя видится слабый свѣтъ. Ганна не спитъ. Въ ея маленькой горенкѣ передъ старинными, потемнѣвшими иконами теплится лампадка. Въ небольшія окна

смотритъ съ холоднаго неба полная луна и рисуетъ продолговатые узоры оконъ на бѣломъ полу.

Передъ иконой на колѣняхъ стоитъ Ганна; полная луна освѣщаетъ ее. Ликъ съ темнаго образа глядитъ на нее такъ ласково и печально, и въ этомъ блѣдномъ лунномъ свѣтѣ сама Ганна кажется печальною иконой, сошедшею съ висящаго полотна.

Она одна во всемъ домѣ знаетъ о томъ, кто собрался у Богдана, кто и зачѣмъ. И каждый шумъ, каждый шорохъ, долетающій снизу, пробѣгаетъ по ея тѣлу жгучимъ огнемъ.

— О, Боже великій, всемогущій, вселюбящій! О, Боже, Боже мой!—шепчетъ Ганна, прижимая къ груди тонкія руки, и ея огромныя, расширившіяся очи кажутся черными алмазами на блѣдномъ лицѣ.—Въ моей бѣдной душѣ нѣтъ словъ для молитвы, но по милосердію Своему услышь, о, услышь меня! Вдохни имъ въ душу и бодрость, и надежду, и смѣлость! Укажи имъ путь ко спасенью нашей бездольной отчизны, нашей поруганной вѣры, нашихъ братьевъ, дѣтей! Боже, великій Боже! Милости и любви Твоей нѣтъ границъ: Ты поднялъ Давида на Голіафа, Ты Юдиѳи далъ смѣлость, Ты вывелъ изъ египетской неволи израильскій народъ. Пошли же имъ Святаго Духа, спаси и помилуй насъ!

И Ганна шепчетъ, шепчетъ слова молитвы; глаза ея впиваются въ образъ, а крупныя слезы тихо катятся одна за другою по блѣднымъ щекамъ.

— Или до Твоего надзвѣзднаго престола не долетаютъ стоны и рыданія нашего бѣднаго народа, не долетаютъ звуки нашихъ цѣпей? Почто-же не приклонишь Ты къ намъ ухо Твое? Все отымаютъ у насъ: и землю, и душу, и волю! Но Ты вѣдь всемогущъ, Боже, отъ дыханія Твоего вздымаются моря, зажигаются въ небесахъ звѣзды... Дай же намъ силы, защити отъ мученій: въ Тебѣ одномъ упованіе наше, въ Тебѣ наша жизнь! Ты—одна всесильная любовь, Боже; Ты смотришь кроткими очами на землю съ небесъ, Ты не вѣдаешь мщенья; но если мы чѣмъ согрѣшили передъ Тобою, если жертва для искупленья нужна, о Боже!—простерлась Ганна передъ иконой и захлебнулась въ слезахъ,—спаси нашу несчастную родину и возьми, возьми мою жизнь!...

IX.

За рядомъ сильныхъ душевныхъ потрясеній, утомившихъ и крѣпкіе нервы закаленной казачьей натуры, ослабленный нѣсколько организмъ потребовалъ отдыха. Родное гнѣздо окружило Богдана и

всѣми удобствами жизни, и сердечнымъ тепломъ, и онъ почувствовалъ себя здѣсь словно въ тихомъ, желанномъ прибѣжищѣ, послѣ испытанныхъ бурь; ему такъ захотѣлось окунуться въ мирную жизнь, отогнать тяжелыя думы, заглушить боли сердца и забыть этотъ возростающій на Украйнѣ стонъ, хотя бы насильно уснуть на малое время душой, пока не ворвется вопль въ этотъ уютный, огражденный отъ бурь уголокъ... И Богдана все тѣшитъ и радуетъ, все получаетъ въ глазахъ его новую и дорогую цѣну: нѣсколько тяжелый и мрачноватый домъ кажется ему роскошнымъ, веселымъ дворцомъ, обнаженный и уныло шуршащій садъ—райскимъ эдемомъ, холодная и скучная теперь рѣчонка—блестящимъ и пышнымъ потокомъ... А хозяйскіе, полные всякаго добра амбары и коморы, а красивыя золотистыя скирды, а добрые кони и круторогіе волы—все это тѣшитъ его сердце отрадой... А эти радушныя, улыбающіяся ему лица „подсусидкивъ"—глаза ихъ горятъ искренней дружбой, сердца ихъ открыты... А его дорогая семья—дѣтки, больная жена—онъ уже привыкъ къ ея недугу и не смущается, что она въ постели лежитъ—какъ они его любятъ, какъ спѣшатъ предупредить всѣ желанія, рвутся одинъ передъ другимъ угодить... а этотъ ангелъ небесный, посланный съ неба—Ганна?... Господи! Да неужели отъ этого рая оторваться нужно и ринуться вновь подъ холодные дожди, подъ леденящія метели, въ густые камыши, въ непролазные терны, на голодъ и холодъ, на страшныя смертельныя муки?

Тѣшится Богданъ всѣмъ, радуется довольству селянъ, любуется ростомъ своихъ владѣній, ласкаетъ семью и пьетъ полную чашу утѣхъ привлекательной жизни шляхетской; его душевной гармоніи мѣшаетъ только установиться одна безпокойная нота, и отдѣлаться отъ нея нѣтъ у него силъ: то притихая немного, то напрягаясь до боли, звучитъ она, ноетъ тоской и дрожитъ разъѣдающей горечью... Ну что-жъ, далъ онъ и совѣтъ товарищамъ козакамъ; кажется, придумалъ самое разумное, что только можно было, да что изъ этого разумнаго-то выйдетъ? Нѣтъ, нѣтъ, себя не обманешь! На просьбу козацкую сеймъ не посмотритъ, а король если-бъ и захотѣлъ что сдѣлать, не сможетъ ничего. Обрѣжутъ еще больше права, сократятъ реестры... дѣло знакомое. А дальше?! Положимъ удалось бы имъ поднять войну съ Турціей... На время войны ляхи дали-бъ имъ льготы и обѣщали-бы въ будущемъ золотыхъ вольностей цѣлый сундукъ! Да что себя тѣшить дѣтской надеждой,—окончилась-бы война и снова установились бы старые порядки... Имъ-ли, горсти козаковъ, покорить лядскія силы? Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ, если-бъ весь народъ поднялся, если-бъ... и чувствуетъ Бог-

данъ смутно, въ глубинѣ своей души, что всѣ эти полумѣры не поведутъ ни къ чему, что надо стряхнуть съ плечей своихъ всѣ „пута" и глянуть судьбѣ прямо въ глаза. Но чувствуетъ и то Богданъ, что стряхнуть эти „пута", все равно, что перерубить Гордіевъ узелъ,—и съ досадой, съ упорствомъ старается онъ заглушить эти мысли новыми впечатлѣніями, но нѣтъ, не умолкаютъ онѣ, а стономъ проникаютъ глубоко въ сердце.

Перемѣнился даже Богданъ. Привычная веселость его какъ будто совсѣмъ отлетѣла; улыбка стала рѣже освѣщать лицо; выразительные глаза, вспыхивая огнемъ, туманились сразу налетавшей тоской. Никто не замѣчалъ этого, одна лишь Ганна, въ минуты глубокой задумчивости Богдана, не отводила отъ него глазъ, желая проникнуть въ самую душу его: она чуяла, что дядько страдаетъ, и угадывала въ этомъ страданіи отраженіе великаго народнаго горя...

Подъ давленіемъ гнетущихъ невзгодъ, скрытный вообще у Богдана характеръ сталъ совершенно замкнутымъ. Угрюмый и молчаливый, онъ не дѣлился ни съ кѣмъ своими думами и изрѣдка говорилъ лишь съ одной Ганной; и прежде она занимала въ семьѣ центральное мѣсто, завоевывая у дядька и любовь къ себѣ, и особое уваженіе, а теперь, послѣ своего подвига, она стала на почетную высоту. Богданъ съ трогательнымъ чувствомъ заводилъ иногда съ ней рѣчь, преимущественно о дѣтяхъ, о семьѣ, о хозяйскихъ мѣропріятіяхъ. Хотя эти бесѣды и переходили часто съ будничныхъ вопросовъ на дружескія теплыя темы, но все-таки мало проскальзывалъ въ нихъ внутренній міръ глубокой души Богдана. Ганна, впрочемъ, была счастлива и такой долей довѣрія, ея сердце радостно трепетало и воодушевлялось священнымъ огнемъ.

Разъ, какъ то, обойдя свое хозяйство, пришелъ особенно мирно настроеннымъ въ свою свѣтлицу Богданъ. Пониженіе его въ должности, съ войсковаго писаря вновь на сотника, казалось ему теперь просто благополучіемъ: оно не заставляло его торчать въ Чигиринѣ, въ канцеляріи, а давало возможность проживать паномъ въ своемъ излюбленномъ хуторѣ. Закуривъ свою вѣрную „люльку", Богданъ съ наслажденіемъ прилегъ на лавкѣ; глаза его упали случайно на висѣвшую на стѣнѣ и запыленную совершенно бандуру; снялъ онъ бережно утѣшительницу козачьяго горя, стряхнулъ съ нея пыль и началъ настраивать долго молчавшія струны. Сначала послышался робкій, жалобно дребежжащій звонъ, а потомъ звуки окрѣпли, стали стройными и разсыпались въ бѣглыхъ аккордахъ. Богданъ былъ отличный бандуристъ и въ душѣ музыкантъ; затрепетали струны, и полились протяжныя думы и игривые шумки. Звуки долетѣли и

до „бабинца" и отразились на всѣхъ лицахъ семьи необычайной отрадой; болѣе смѣлые члены ея рискнули пріотворить даже дверь отцовской свѣтлицы, а остальные помѣстились въ сѣняхъ и слушали съ наслажденіемъ роскошные родные мотивы. Богданъ не замѣчалъ своихъ скрытыхъ слушателей, а отдался весь музыкальному настроенію; изъ пѣвучаго инструмента вылетали и могучіе, и нѣжно-печальные звуки... И странно: величавыя думы, полныя торжества и побѣды, звучали и въ мажорномъ тонѣ какою-то широкою печалью, а игривые, бѣшеные танцы кипѣли минорными, хватающими за душу звуками,—словно и дикое веселье этого забытаго счастьемъ народа было лишь порывомъ отчаянія отъ накипѣвшихъ страданій и слезъ. Увлекаясь все больше, Богданъ началъ и подпѣвать своимъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ; сначала тихо, а потомъ смѣлѣе и громче раздались по свѣтлицѣ поэтическія слова:

Ой, изъ широкой степи, изъ раздолья,
Вылетала орломъ наша воля...

Въ „думѣ" говорилось дальше про подвиги козака, про его удаль, про его вольное погулянье, а потомъ по этой же самой степи онъ ѣдетъ, качаясь въ сѣдлѣ, но не хмѣль его расшаталъ, а тяжелое горе, отъ котораго даже и конь клонитъ голову; недоля та не проста, а неодолима: переорана степь, спутаны ноги коню, и вонзилась стрѣла въ сердце козачье. Козакъ умираетъ среди степи и сзываетъ вольныхъ орловъ тризну править по бѣломъ тѣлѣ козачьемъ.

Гей, слетайтесь до ранней денницы,
Вы, орлы, мои вольныя птицы;
Помяните меня о полночи,
Клюйте смѣло козацкія очи!

Могучимъ и страстнымъ голосомъ пропѣлъ Богданъ эти строфы и вызвалъ у всѣхъ потрясающее впечатлѣніе; звуки его голоса, поддерживаемые бандурой, тянули къ себѣ слушателя неотразимою силой; дѣти, сами того не замѣчая, очутились уже среди свѣтлицы; Ганна стояла у дверей въ нѣмомъ восторгѣ, съ орошеннымъ слезами лицомъ и устремленными на Богдана глазами. А у Богдана у самого набѣгала на рѣсницу слеза и двоила лады на бандурѣ. Онъ повернулся и, замѣтивъ неожиданныхъ слушателей, сразу ударилъ по струнамъ и перемѣнилъ грустную пѣсню на веселый танцовальный мотивъ.

„Колыбъ мени лыха, та лыха,
Колыбъ мени свекрухонька тыха"!

— Гей, дѣтвора!—крикнулъ онъ подъ звонъ бандуры,—сади „горлицу"!

„Ой, дивчына горлыця
До козака горнетця,

А козакъ, якъ орелъ,
Якъ побачывъ, тай умеръ"!

И пустились Тимко съ Катрей въ огненный, увлекательный танецъ, а Богданъ имъ подгикивалъ да поддавалъ жару и прибауткой, и голосомъ.

Сразу веселое настроеніе овладѣло всѣми; послышался ободрительный говоръ и смѣхъ, растворилась шире хозяйская дверь, показались въ ней головы новыхъ слушателей, и послышался въ сѣняхъ мѣрный топотъ дѣвичьихъ „закаблуковъ" и звонъ козацкихъ подковъ...

Только поздно Богданъ уснулъ, упоенный сладкой минутой мирной радости и тихаго семейнаго счастья, уснулъ съ мутнымъ сознаніемъ, что это для него недосягаемый рай.

Проснулся утромъ Богданъ и былъ пораженъ изъ-синя-бѣлымъ отблескомъ на потолкѣ и на стѣнахъ, наполнившимъ комнату веселой игрой свѣта. Бодро онъ схватился съ постели и заглянулъ въ окно, угадавъ сразу причину этого явленія: на деревьяхъ и на полянкѣ лежалъ легкимъ покровомъ только-что выпавшій снѣгъ. Съ молодымъ жизнерадостнымъ чувствомъ прошелся Богданъ по двору и саду, вдыхая полною грудью свѣжій, слегка морозный воздухъ, и, вернувшись, съ удвоеннымъ аппетитомъ принялся за свой утренній завтракъ—гречаные вареники со сметаной, какъ вдругъ вошелъ къ нему въ дверь, низко кланяясь и отирая заиндевѣвшую бороду, его „орандарь" Шмуль, вошелъ и остановился у дверей, ожидая покорно, пока „поснидаетъ" панъ господарь.

— А что скажешь, Шмуль?—обратился къ нему Богданъ, утоливъ первый голодъ.

— Ко мнѣ, вельможный пане,—оглядывался таинственно Шмуль,—пріѣхалъ Абрумка, хорошій честный жидокъ, мой родичъ.

— Ну, а мнѣ что? Хоть бы и два родича,—бралъ ложкою вареникъ Богданъ, кидалъ его въ густую сметану и потомъ, повернувши раза два, отправлялъ, придерживая усы, въ ротъ.

— Онъ, вельможный пане, изъ-подъ Бара, изъ Войтовцевъ, коли знаете! Хорошую имѣетъ аренду, и жена у него антикъ, и девятеро дѣтей.

— А пусть онъ ихъ себѣ на шею повѣситъ! Экъ съ чѣмъ пришелъ!

— Онъ до меня и до вашей мосци на „раду" пріѣхалъ.

— На какую „раду"? Еще, хвала Богу, жидовскимъ рабиномъ не былъ,—закурилъ Богданъ люльку.

— Видите, вельможный пане, ему предлагаютъ хорошій гешефтъ: мы съ нимъ дѣлали „рахубу". Ой, какой сличный гешефтъ! Только онъ опасается, боится,—подошелъ Шмуль близко и, обло-

котившись руками на столъ, склонился къ Богдану, словно желая сообщить интереснѣйшую секретную вещь.

— Какой тамъ гешефтъ?—пустилъ Богданъ Шмулю въ носъ густую струю ѣдкаго дыма.

— Фу!—закашлялся въ полу жидъ,—крѣпкій „тютюнъ!“ Добрый „тютюнъ!“... Фе! Но я имѣю для его мосци еще лучшій антикъ! Такъ вотъ, пане добродію, что ему предлагаютъ въ аренду—хлопскую церковь!

— Что-о?—откинулся Богданъ и вынулъ изо рта „люльку“.—Какъ? Я не разслышалъ.

— Отдаютъ въ аренду ему, говорю, церковь. Панъ отдаетъ хлопскую церковь.

Богданъ впился глазами въ жида и нагнулся въ угрожающей позѣ; новость до того была дерзка и нелѣпа, что Богданъ почиталъ своего жида спятившимъ съ ума, и только.

— Да ты что, бѣлены облопался, или тебѣ Ривка „гугелемъ“ мозги отшибла?—крикнулъ онъ грозно.

— Дали-бугъ, вельможный пане,—отскочилъ Шмуль въ испугѣ, и пейсы у него два раза подпрыгнули,—я не вру... Онъ мнѣ божился... это честный жидокъ... Просто отдаетъ панъ въ аренду, какъ корчму: заплати „рату“, а самъ получай себѣ деньги съ хлоповъ за требы, стало быть—за крестины, за похороны, за службу...

— И ты этому паршивому своему родичу не вырвалъ языка? Гдѣ онъ?—поднялся Богданъ.

— Ой, пане ясновельможный... Онъ ничего... совсѣмъ... ничего.

— Онъ взялъ эту церковь въ аренду?

— Нѣтъ, пане, боится... Оно выгодно... по „рахубѣ“...

— Ахъ вы, сатанинское отродье!—наступалъ Богданъ.—Уже и за „рахубу“? Да вѣдь развѣ вамъ не жаль своихъ головъ? Вѣдь такъ или иначе, а будетъ расправа за такое вопіющее дѣло, и первыхъ перебьютъ васъ!

— Конечно, вельможный пане, и я говорю то-же... и я говорю то-же Абрумкѣ... а онъ на это: что панъ, молъ, заспокоиваетъ, будто теперички и жолнеровъ и „кварцяныхъ“ войскъ довольно... и еще панскихъ надворныхъ командъ... что теперички, говоритъ, ни козаки, ни хлопы бунтовать не смѣютъ, потому что, звиняйте, добродію, имъ шкуру сдерутъ...

— Врутъ, ироды! Не сдерутъ!—ударилъ Богданъ такъ по столу люлькой, что она разлетѣлась въ дребезги, а жидъ въ ужасѣ отскочилъ и присѣлъ у порога.—Если ты хоть подумаешь когда объ этомъ,—подошелъ онъ къ жиду, побагровѣвъ отъ кровавой обиды

и сжавъ кулаки,—то лучше тебѣ было и на свѣтъ не родиться... Скажи это и Абрумкѣ, и всѣмъ жидамъ. Если хоть одинъ изъ вашихъ пейсатыхъ польстится гдѣ-нибудь на такое безбожное дѣло, то сотремъ все ваше племя съ земли!... Знай ты, Іуда, что вотъ пусть только Абрумка возьметъ, дотронется своими нечистыми руками до церкви, то изъ тебя и твоихъ жиденятъ духъ вытрясу!—схватилъ Богданъ поблѣднѣвшаго, какъ полотно, Шмуля за шиворотъ, приподнялъ и потрясъ на воздухѣ.

— Ой, гвалтъ! Ратуйте! Вельможный пане!—повалился Шмуль въ ноги Богдану.—Никогда въ свѣтѣ!.., Всѣмъ закажу! Чтобы я не переступилъ.,.

— Вонъ!—нѣсколько успокоившись, топнулъ ногою Богданъ и вытолкнулъ обезумѣвшаго жида за двери.

Остывши отъ вспышки и взвѣсивъ хладнокровно всѣ обстоятельства, Богданъ остановился на томъ, что такое мѣропріятіе со стороны пановъ невозможно, что это было бы чудовищнымъ, неслыханнымъ на всемъ свѣтѣ насиліемъ, что не обезумѣли-же они, не осатанѣли въ конецъ.

Пошелъ Богданъ къ священнику, отцу Михаилу, потолковать объ этихъ слухахъ; хотя и батюшка нашелъ ихъ невѣроятными, но тѣмъ не менѣе въ душѣ сотника шевелилось сомнѣніе, изъ глубины ея вставали призраки ужасовъ и тяжелымъ предчувствіемъ ложились на смятенное сердце.

Былъ вечеръ. Словно гигантскій рубинъ, догорало заходящее солнце. Ярко-красные лучи его окрашивали пурпуромъ верхушки высокихъ яворовъ, присыпанныхъ слегка снѣгомъ, и отсвѣчивались нѣжнымъ розовымъ отблескомъ на бѣлыхъ покровахъ нижнихъ вѣтвей; они играли багрянцемъ и на выходящихъ въ садъ окнахъ Богдановой свѣтлицы, горѣли кровью на дорогой чеканкѣ „гаковницъ“ и на струнахъ висѣвшей бандуры.

На низкомъ турецкомъ диванѣ, упершись локтями въ колѣни и склонивъ на руки буйную голову, сидѣлъ въ глубокой задумчивости Богданъ. Онъ былъ такъ погруженъ въ свои думы, что и не замѣтилъ, какъ тихо вошла къ нему Ганна и остановилась возлѣ дверей, вся проникнутая новымъ приливомъ печали дорогаго всѣмъ батька. Стройная фигура ея, освѣщенная лиловыми полутѣнями, казалась теперь легкой, воздушной... Длилось молчаніе; наконецъ, невольный, глубокій вздохъ Ганны заставилъ вздохнуть Богдана и поднять глаза.

— Ганна, любая моя, я и не замѣтилъ тебя... А что?—окликнулъ онъ ее мягкимъ, уныло звучащимъ голосомъ.

— Я...—смѣшалась какъ-то Ганна,—хотѣла спросить дядька, нельзя ли хоть здѣсь пріютить людей... вотъ въ двухъ рабочихъ хатахъ, что за гумномъ?

— Какихъ людей?—встрепенулся Богданъ и какая-то тревога сверкнула на мигъ въ его взорѣ.

— Говорятъ,—подошла ближе къ столу Ганна,—въ дальнемъ хуторѣ, въ байракахъ и въ лѣсу появились цѣлыя семьи людей... и дѣти между ними... а теперь вотъ холодно, и вотъ-вотъ зима.

— Семьи съ дѣтьми? Какъ дикіе звѣри?—схватился взволнованный Богданъ и направился къ двери.—Нужно немедленно туда поскакать и развѣдать.

— Не тревожься, дядьку, я уже распорядилась, послала Ахметку, а самому теперь ѣхать туда не къ чему: вѣдь верстъ восемь отсюда; пока доѣдешь, будетъ ночь.

— Пожалуй и такъ, а завтра утромъ рано поѣду... Когда Ахметка вернется?

— Да къ ночи вѣрно; я ему наказала, чтобы дѣтей и хворыхъ съ собой забралъ... такъ можетъ и запоздаетъ.

— Спасибо тебѣ, дорогая, что такъ распорядилась. А какъ ты думаешь, Галю... Сядь вотъ здѣсь, потолкуемъ... Откуда это бѣглецы? Изъ-подъ Старицы-ли? Такъ нѣтъ... тамъ дѣтей быть не могло.

— Я сама такъ думаю, что нѣтъ, и по времени не выходитъ... Можетъ быть, въ дальнихъ отъ насъ селахъ начались уже такія притѣсненія, что народу не въ моготу стало терпѣть, вотъ онъ и уходитъ.

— Да, это вѣрнѣе всего, и это зло, коли началось, то неминуче разольется по всей Украйнѣ.

— Неужели же противъ этого зла бороться нельзя?—вздрогнула Ганна и остановила на Богданѣ свой пытливый взоръ.

— Къ несчастію, безъ народа борьба невозможна... я въ этомъ глубоко убѣжденъ,—сказалъ печально Богданъ,—хотя многіе думаютъ не такъ, вотъ и твой братъ; но пора уже намъ призвать на помощь къ мужеству разумъ: противъ грубой силы нужно выставить хитрость, противъ наглаго нападенія—тайный подкопъ, противъ пьянаго своеволія—трезвый, братскій союзъ... Нужно и въ своихъ требованіяхъ быть умѣренными и къ невозможному не стремиться: нельзя же странѣ быть безъ рабочихъ рукъ... Всякому свое: рыцарю—мечъ, купцу—вѣсы, а пахарю—рало. И въ писаніи сказано: ина слава солнцу, ина—мѣсяцу и звѣздамъ.

— Но вѣдь нашъ народъ всегда былъ свободенъ, и земля его родовое добро, а шляхта отымаетъ и хочетъ вольный людъ обратить въ своихъ подданныхъ.

— Такъ пусть же этотъ людъ тоже стоитъ за себя,—закурилъ Богданъ люльку,—а то на Запорожье бѣгутъ, еще охотнѣе идутъ на льготы къ панамъ, а какъ козаки за себя и за нихъ несутъ головы, то ихъ и не видно.

— Что-жъ? Пока льготы держатъ паны, пока хорошо живется, такъ что-жъ имъ волноваться? Нашъ народъ любитъ землю, хлѣбопашество...

— Нѣтъ!—раздражительно началъ Богданъ, закинувъ ногу за ногу,—коли считаешь, что земля твоя собственность и что самъ ты не запродаешь никому своей воли, такъ стой на своемъ и не бѣги на приманки, а коли бойцы поднимаютъ мечи, такъ становись всѣ до одного въ ихъ ряды: и костьми ляжь, или врага сокруши—вотъ это я понимаю.

— Но вѣдь такихъ головъ, какъ у дядька, нѣтъ больше на Украйнѣ,—съ глубокимъ чувствомъ замѣтила Ганна.

— Что ты, любая! Украйна не бѣдна головами, да только все врозь идетъ... оттого-то насъ и одолѣваютъ, да и народъ все до сихъ поръ сноситъ... значитъ, мало еще ляхи ему сала за шкуру залили, когда припекутъ его больше, тогда или подымется онъ, если Богомъ призванъ жить на свѣтѣ, или покорится совсѣмъ рабской участи, если онъ обреченъ на погибель!

— Неужели же нужно желать еще мукъ нашему несчастному люду? Развѣ безъ этихъ слезъ невозможно спасенье?—заломила Ганна руки и безнадежно склонила голову.

— Невозможно,—сурово и мрачно сказалъ Богданъ,—и они дождутся, что шляхта затянетъ въ ярмо имъ шеи и обратитъ въ воловъ подъяремныхъ, и это настанетъ, потому что некому будетъ отразить насиліе.

— Какъ, дядьку?—всплеснула руками Ганна, и глаза ея открылъ ужасъ,—такая страшная доля грозитъ нашей родинѣ?.. И неужели у нея не найдется защитниковъ?

Богданъ положилъ люльку, обвелъ мрачнымъ взглядомъ всю свѣтлицу и свѣсилъ голову, потомъ промолвилъ упавшимъ голосомъ:

— Думаю, что нѣтъ, и эта мучительная дума сосетъ мнѣ сердце, точитъ силу,—вздохнулъ онъ и потеръ рукою лобъ, словно желая выдавить оттуда неотвязную мысль.—Здѣсь вотъ у меня собирались, думали, гадали, да путнаго-то ничего не придумали... Силъ-то у насъ настоящихъ нѣтъ, чтобъ помѣряться съ Польшей. Удальцовъ, что съ улыбкой, съ весельемъ понесутъ жизнь свою

въ самое пекло, такихъ лыцарей, какихъ и на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ, такихъ у насъ наберется не мало, да что они смогутъ? Честно, со славою лечь, а народъ-то останется все рабомъ и только стономъ въ пѣснѣ будетъ поминать ихъ славное имя!

— Нѣтъ, такого ужаса быть не можетъ!—встала Ганна и, сложивъ набожно руки, подняла къ старинному образу, озаренному лампадкой, строгій, почти суровый взглядъ.—Этого, Онъ, распятый за насъ, не допуститъ!

— Ему то, всесильному, все возможно: и свѣтила, и звѣзды падутъ, и возстанутъ по единому слову, но, видно, мы прогнѣвали Милосерднаго, и отвратилъ Онъ отъ насъ Свое око.

— Милости и любви Его нѣтъ границъ,—тихо, съ глубокою вѣрой промолвила Ганна.

— Все это такъ, мое золотое сердце, да только Богу молись, а самъ непрестанно трудись, на Бога уповай, а самъ не плошай!... Теперь же, что безъ пастыря стадо овецъ?—говорилъ Богданъ, и въ голосѣ его дрожала такая теплота, такая сердечность, что у Ганны встрепенулась душа, и легкій румянецъ проступилъ на блѣдныхъ щекахъ.

— И потерпимъ, но не упадомъ въ покорномъ безсиліи!—всклинула дѣвушка, и глаза ея засвѣтились и потемнѣли.—Защитникъ и борецъ у насъ есть!

— Кто, кто, Галю?

— Нашъ первый лыцарь Богданъ!

— Дорогая моя!—вспыхнулъ Богданъ.—Ты не умѣешь льстить, но тебя ослѣпляетъ твоя привязанность, твое дивное сердце... Куда мнѣ?

— Нѣтъ!—воодушевилась еще больше Ганна.—Къ чему сомнѣнія? Голова нашего батька не должна клониться отъ думъ, а должна смотрѣть гордо и смѣло въ глаза нашей долѣ; я вѣрю, глубоко вѣрю, что Господь тебѣ дастъ и мощь, и разумъ, и доблесть, что Его Десница на твоемъ челѣ,—уже почти безсознательно, вдохновенно говорила она, и голосъ ея звучалъ властно.—Вся Украйна на тебя только и смотритъ и въ тебѣ грѣетъ надежду; она преклонится передъ твоимъ словомъ и, когда ударитъ часъ, то всѣ пойдутъ за тобой и даже у слабыхъ горлицъ выростутъ орлиныя крылья!

Вся фигура дѣвушки, энергично наклоненная впередъ, съ поднятой рукой и пылающимъ взоромъ, дышала силой и красотой; на чело ея упалъ послѣдній лучъ догоравшаго солнца, словно пророческое вдохновеніе, слетѣвшее съ небесъ.

X.

Поднятая буря въ едва успокоившемся сердцѣ Богдана вскорѣ снова притихла: съ одной стороны, сообщеніе Шмуля не подтверждалось никакими посторонними слухами, съ другой—кричащія нужды бѣглецовъ приковывали къ себѣ все вниманіе „господаря“ и заставляли его съ утра до ночи хлопотать вмѣстѣ съ Ганной объ этихъ несчастныхъ. Наконецъ, перепуганный Шмуль началъ потомъ отпираться и молоть такой вздоръ, что Богданъ счелъ его самого изобрѣтателемъ проэкта новыхъ арендъ и успокоился. Жизнь снова потекла на хуторѣ такъ тихо и спокойно, какъ воды глубокой рѣки по мягкому руслу.

Богданъ весь отдался хозяйственнымъ заботамъ и чувствовалъ, какъ этотъ новый приливъ дѣятельности и окружающая его любовь съ каждымъ днемъ усмиряли и исцѣляли его душевныя боли; онъ могъ бы считать себя даже счастливымъ, если бы этотъ мирный трудъ не нарушался неумолкающими мыслями о будущемъ, да крикомъ голодныхъ, стекавшихся къ нему ежедневно. А ихъ являлись цѣлыя толпы. Это были жалкіе, оборванные люди, съ заросшими лицами, всклокоченными волосами. Женщины были измождены и худы, дѣти всѣ казалися слѣпленными изъ какого-то прозрачнаго желтаго воска, съ одутловатыми щеками и большими животами, мѣшавшими имъ ходить.

Когда морознымъ утромъ Богданъ выходилъ на крыльцо, они уже толпились кругомъ, жалкіе, голодные, заворачиваясь въ рваныя свитки.

— Господи? что дѣлать мнѣ съ вами?—спрашивалъ Богданъ, окидывая сострадательнымъ взглядомъ дрожащую толпу.

— Что хочешь, батьку, только не гони: умремъ тутъ, все равно идти намъ некуда!—стонали жалобные голоса.

— Да откуда вы всѣ?—изумлялся Богданъ.

— Изъ табора Гуни!—раздавалось изъ нѣкоторыхъ угловъ.

— Почему же не идете назадъ къ своимъ владѣльцамъ? Коронный гетманъ прощаетъ всѣхъ.

— Эхъ, батьку Богдане?—выступилъ изъ толпы старый, сѣдой дѣдъ.—Вѣдь самъ ты добре знаешь, какое гетманское прощенье! Отъ добра люди холодной зимой изъ теплой хаты не побѣгутъ... Истребилъ наше жилье и добро Потоцкій, ограбилъ послѣднее, чего не могъ забрать—пожогъ. Хлѣбомъ лошадей кормилъ, а людей, что вернулись назадъ на свои насиженныя гнѣзда, на „пали“ сажать велѣлъ, канчуками до смерти засѣкалъ. Сколько нашихъ померзло въ глубокихъ оврагахъ!—махнулъ дѣдъ рукою, утирая рукавомъ подслѣповатые глаза.—Вотъ сколько этихъ сиротъ подобрали мы,—указалъ онъ на группу дѣтей, испуганныхъ, гряз-

ныхъ, съ окоченѣлыми руками, съ глазами, опухшими отъ слезъ. Грудныхъ-то побросали, пусть ужъ замерзаютъ на материнской груди,—все равно имъ не жить! А тамъ у Господа Бога имъ, невиннымъ ангелияткамъ,—задрожалъ голосъ дѣда,—теплый пріютъ. Не гони насъ, батьку, прими хоть за харчъ!—сбросилъ онъ шапку и низко поклонился передъ Богданомъ, а за нимъ обнажились всѣ всклокоченныя головы, и послышался робкій плачъ женщинъ да тоскливый пискъ дѣтей.—Вѣрными слугами до самой смерти будемъ!—Голова старика затряслась и красные глаза заслезились.—Ой, повѣрь, батьку, не легко кидать насиженныя гнѣзда въ такіе года!

— Диду, да развѣ у меня можетъ быть такое въ думкѣ—отгонять своихъ кровныхъ людей? Только вотъ горе, что дѣвать-то васъ некуда,—отворачивался всторону Хмельницкій,—полонъ весь дворъ, всѣ жилья, даже у „подсусидковъ"...

— Есть, дядьку, есть куда!—раздавался за нимъ каждый разъ дрожащій голосъ. Богданъ оглядывался и видѣлъ блѣдную Ганну.—Мы помѣстимъ ихъ въ сараи, въ коморы, дядьку,—говорила она, запинаясь отъ волненія,—нельзя же такъ выгнать этихъ людей!

— Хорошо, моя ясочко, хорошо,—ласково улыбался ей Богданъ,—веди ихъ, накорми, да выдай хочъ кожуховъ, а мы ужъ тамъ придумаемъ, что дѣлать!

Но, однако, придумывать было довольно трудно, потому что уже и дворъ Богдана былъ переполненъ, и у каждаго подсусидка ютилось по два, по три бѣдняка, а притокъ ихъ не уменьшался. Теперь приходили уже бѣглецы съ сѣверной Украйны; они приносили страшныя извѣстія о новыхъ и новыхъ звѣрствахъ пановъ, объ утѣсненіяхъ уніи. Каждое такое извѣстіе мучительно пробуждало боль, засыпавшую было въ душѣ Богдана. Однако, надо было придумать, что дѣлать съ народомъ, и мысль эту подала Ганна. Она предложила Богдану заселять пришлымъ народомъ земли, подаренныя королемъ Владиславомъ по ту сторону Тясьмина. Богданъ съ живостью ухватился за эту мысль. Закипѣла въ хуторѣ торопливая работа. Поселенцамъ отпускался лѣсъ для новыхъ построекъ, деньги и хлѣбъ; подсусидки помогали имъ въ работахъ. Какъ оживились эти желтыя, изможденныя лица, принимаясь за постройку новаго жилья! Холодъ мѣшалъ, но отъ этого бѣды было мало. Имъ улыбалась новая, счастливая, тихая жизнь. И хатка за хаткой вставали въ балкахъ маленькіе поселки. Повеселѣвшій Богданъ ѣздилъ ежедневно осматривать возникающія постройки, гати, дороги и вѣчно шумящіе „млыны". Все было исправно, все было въ ходу, на мертвыхъ пустошахъ кипѣла новая жизнь, и это доставляло большую радость домовитости Богдана.

Какъ пріятно было въ морозный зимній денекъ скакать въ коротенькомъ кожушкѣ на вѣрномъ Бѣлашѣ, осматривая свои имѣнья! Кругомъ разстилалась необозримая снѣжная равнина; кое-гдѣ чернѣли рѣдкіе, сквозные лѣса; въ небольшихъ балкахъ ютились поселки; кусты и деревья, окружавшіе хаты, гнулись теперь еще ниже подъ тяжестью нависшаго снѣга. Сами хаты съ ихъ снѣжными, низкими кровлями казались бѣлыми грибками; но голубоватый дымъ, подымавшійся ровнымъ столбомъ къ небу, давалъ знать о хлопотливой жизни, кипѣвшей въ хуторахъ. И Богданъ приподымался въ стременахъ и, окидывая взглядомъ всю окрестность, съ гордостью чувствовалъ, что все это дѣло его стараній, его рукъ.

О послахъ на сеймъ не было ни единой вѣсти. И въ эти минуты мысли о положеніи Украйны, казалось, засыпали въ немъ. Видъ этихъ пригрѣтыхъ, спасенныхъ людей наводилъ сладкій покой на его душу, и такъ хотѣлось Богдану удержать его подольше, навсегда!

Какъ пріятно было возвращаться домой быстрымъ галопомъ! Уже издали подымали навстрѣчу Богдану свои важныя головы высокія скирды на „току“. Несло навстрѣчу дымомъ жилья. Въ морозномъ воздухѣ слышался рѣзкій лай собакъ. Нѣжный, розовый отблескъ падалъ на снѣжныя кровли. Въ высокомъ небѣ загоралась холодная, блестящая звѣзда, а изъ оконъ „будынка“ смотрѣли красноватые, теплые огоньки; тамъ дожидала его ласковая, любящая семья.

Когда же вечеромъ убирали со стола вечерю, гасили свѣчи, и вся компанія собиралась у огонька подлѣ грубки, дѣдъ съ Богданомъ начинали длинные „розмовы“ о битвахъ, о сѣчахъ, о морскихъ походахъ, о взятіи турецкихъ городовъ. И тихо становилось въ полутемной свѣтлицѣ, только весело потрескивали въ грубкѣ дрова. Передъ иконой свѣтилась лампадка, да иногда вспыхивала коротказ „люлька“ Богдана и освѣщала его воодушевленное лицо.

Дѣдъ помнилъ еще Лободу и Наливайка. Съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о нихъ!—Ге-ге-ге, дѣтки!—начиналъ онъ всегда свои разсказы.—Это еще давно, давно было, когда проклятой уніи не выдумывали паны и ксендзы.—Когда же дѣло доходило до послѣдней битвы Наливайка, до того, какъ его зарубили въ таборѣ сами взбунтовавшіеся козаки,—голосъ дѣда обрывался; онъ угрюмо отворачивался всторону и добавлялъ, вздыхая глубоко:—Эхъ, славный же былъ козакъ! И собою хорошъ былъ, да такъ же хорошъ, что ни одна дивчина, ни одна баба забыть его не могли! Молодецъ былъ! Какое золотое имѣлъ сердце! Каждому было у него ласковое слово, веселый привѣтъ! А ужъ что храбръ...—

но здѣсь дѣдъ только махалъ рукою и добавлялъ тихо:—не видать мнѣ такихъ козаковъ!

Богданъ разсказывалъ о страшной Цецорской битвѣ, о старомъ гетманѣ Жолкѣвскомъ, о томъ, какъ онъ, Богданъ, изъ турецкаго плѣна бѣжалъ. И говорилось объ этомъ такъ легко у теплаго, родного камелька, и казались всѣ эти минувшія грозы старыми сказками сѣдой старины. Когда же Богданъ вспоминалъ о смоленской битвѣ, онъ снималъ дорогую саблю съ драгоцѣнной рукояткой и, положивши ее къ себѣ на колѣни, обнималъ за плечо Тимоша и говорилъ, указывая на нее:—Помни, Тимошъ, ты у меня старшій въ родѣ; эта сабля достанется тебѣ,—помни, что отецъ заслужилъ ее честно изъ рукъ самого королевича; ты будешь носить ее, и ты долженъ быть достоинъ ея. Слушай меня и разскажи объ этой битвѣ и дѣтямъ, и внукамъ—пусть перейдетъ ея слава изъ рода въ родъ.

А Тимошъ сжималъ свои черненькія брови, и отъ гордаго волненія слезы выступали у него на глазахъ.

Дѣтки засыпали подъ долгіе разсказы, подъ убаюкивающій вой вѣтра въ трубѣ; одна только Ганна сидѣла, затаивъ дыханіе, съ поблѣднѣвшими щеками, съ глазами, широко-глядящими въ глубокую темноту. Въ окна бился мягкій снѣжокъ. Изъ большой сѣнной комнаты доносилось тихое пѣніе и журчаніе веретена. А въ раскрытыя двери, приподнявшись на своей постели на локтѣ, глядѣла на освѣщенную огнемъ печки группу больная жена Богдана; головки дѣтей тѣснились подлѣ батька, Юрась спалъ на колѣняхъ у Ганны, дѣдъ мѣрно покачивалъ своей сѣдой головой. И тихія слезинки, одна за другой, падали съ пожелтѣвшихъ, поблекшихъ щекъ ранней старухи. О чемъ плакала полумертвая женщина? О томъ-ли, что ей скоро придется разстаться съ этой уютной, теплой жизнью и нырнуть въ какую-то холодную, невѣдомую, вѣчную тьму? Нѣтъ, она благодарила Творца за эти счастливыя минуты, озарившія ея недолгіе дни.

И тихое счастье развивалось надъ домомъ Богдана, и, казалось, кровавое горе не заглядывало и не заглянетъ сюда никогда.

Ахметка между тѣмъ не разъ и не два леталъ по порученію Ганны въ Золотарево, къ ея брату, и заворачивалъ всегда къ дьячковой хаткѣ. Такія порученія сталъ онъ изобрѣтать и самъ, предлагая охотно свои услуги Ганнѣ. Послѣдняя, улыбаясь, всегда соглашалась съ нимъ и доставляла тѣмъ Ахметкѣ необычайную радость. Не зная съ дѣтства ни матери, ни отца, ни родныхъ, онъ привязался всѣмъ сердцемъ къ сироткѣ, что также одиноко росла въ маленькой хаткѣ. Отецъ обращалъ на нее мало вниманія: онъ больше звонилъ то въ чарки, то въ колокола... И росла себѣ ма-

ленькая Оксана почти безъ всякаго призора, потому что старая баба, помогавшая дьяку въ его несложномъ хозяйствѣ, заразилась у своего хозяина пагубною страстью къ вину и большую часть времени спала на печи. Сиротка Оксана также привязалась къ Ахметкѣ: какъ радовалась она его пріѣздамъ! Онъ одинъ привозилъ ей гостинцы, онъ одинъ ласкалъ ее...

Быстро соскочилъ Ахметка съ коня, привязалъ его къ плетню и направился къ покосившейся хатѣ. Раннія зимнія сумерки спускались уже надъ селомъ; лиловыя тѣни тянулись по снѣгу. Въ той сторонѣ, гдѣ скрылось солнце, еще алѣла яркая багровая полоса, но въ окнахъ хатки не видно было свѣта, и вся она имѣла такой жалкій, запустѣлый видъ. Ахметка вошелъ въ сѣни, стукнулъ въ двери, но отвѣта не далъ никто. Онъ распахнулъ низкую дверь и вошелъ въ хату. Въ хатѣ было темно и холодно. Тоскливыя темныя сумерки почти совсѣмъ сгустились по угламъ. Все было бѣдно и неопрятно. У раскрытой печи на „припечку" лежала выгребенная кучка холоднаго пепла и черныхъ угольковъ; нѣсколько пустыхъ горшковъ стояли тутъ же. Изъ запечья раздавался чей-то сонный храпъ. У занесеннаго морозными узорами оконца сидѣла дѣвочка, лѣтъ 10, кутаясь въ теплую „юпку". Личико ея прижалось къ стеклу; она такъ углубилась въ свои думы, что и не замѣтила вошедшаго Ахметки. Послѣдній подошелъ, сѣлъ съ ней рядомъ на лавѣ и тихо обозвалъ дѣвочку:—Оксано!

Дѣвочка вздрогнула, обернулась; но при видѣ Ахметки все ея личико освѣтилось дѣтской радостью, и съ крикомъ: „Ахметка!" она бросилась къ нему и уцѣпилась руками за шею.

А это было прелестное маленькое личико съ немного вздернутымъ носикомъ, большими карими глазками и тоненькими, какъ шнурочекъ, черными бровями. Щечки ея были похожи на персикъ,—такія же алыя съ нѣжнымъ пушкомъ.

— Ахъ, какъ я рада, Ахметка, мой любый „цяцяный!"— говорила она, гладя его рученками по щекамъ.—Такъ скучно безъ тебя!

— Родненькая моя, нельзя Ахметкѣ каждый день ѣздить,— цѣловалъ онъ ее въ головку и гладилъ по волосамъ.—А ты все одна сидишь?

— Все одна,—печально говорила дѣвочка,—тато рѣдко бываетъ дома, а какъ вернется красный, то сердитый такой, а баба все спитъ.

— А къ подружкамъ почему не побѣжишь на село? Поиграла бы съ ними.

— Босой холодно, а вотъ въ такой юпкѣ и не побѣжишь, да и дѣтвора меня гоняетъ,—сказала она, наклонивъ головку.

— Такъ ты все, моя бѣдненькая, вотъ такъ и сидишь?

— Сижу, да жду Ахметку.

— У, моя любая!—поцѣловалъ онъ ее звонко въ пухлую щечку.

— А то я еще сижу и все думаю,—улыбнулась и бросила на Ахметку изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ кроткій взглядъ Оксана.

— О чемъ же ты думаешь, дурашечка?—Вотъ хоть бы и теперь, когда я вошелъ?

— О чемъ?—забросила дѣвочка головку и продолжала печальнымъ голосомъ:—думала о томъ, какъ бы мнѣ пойти далеко въ ту сторону, гдѣ садится солнце; тамъ бы я вышла на край неба и пошла бы все по нему, голубою гладкою дорогой до самой середины, посмотрѣла бы на мѣсяцъ и звѣзды, на землю оттуда! Тамъ такъ тепло и свѣтло, а здѣсь такъ холодно, такъ темно, Ахметочка!—проговорила она жалобно, обвивая его шею ручонками.—Скажи мнѣ, можно эту дорогу найти?

— Что ты, что ты, Оксано,—погладилъ ее по головкѣ Ахметка,—если пойдешь на заходъ солнца, такъ никогда и назадъ не вернешься! До конца свѣта ногами не дойти, только на черномъ конѣ съ бѣлою гривой можно доѣхать.

— А гдѣ такого коня можно добыть?—сверкнула Оксана глазенками.

— Не знаю гдѣ. А тебѣ развѣ не жалко бы было и батька, и Ахметки?

— Жалко,—отвѣтила Оксана,—только я-бъ и его, и тебя видѣла оттуда сверху... вѣдь солнце видитъ всѣхъ насъ... А баба говоритъ, что и матуся на насъ сверху смотритъ... вотъ я бъ увидѣла и ее.—Дѣвочка помолчала и затѣмъ прибавила тихо, прижимаясь къ плечу Ахметки:—Ахметка, а у тебя мама была?

Ахметка обвилъ рукою шейку дѣвочки.

— Была, Оксано.

— А ты ее помнишь?—говорила Оксана, заглядывая Ахметкѣ въ глаза.

Лицо Ахметки приняло суровое выраженіе.

— Не помню,—отвѣтилъ онъ. Ее татаринъ увезъ, разсказывалъ мнѣ батько Богданъ, а когда наши разграбили улусъ, татаринъ не могъ забрать ее съ собою и убилъ, а самъ бѣжалъ и меня бросилъ. Батько Богданъ подобралъ меня и привезъ домой.

— А! такъ ты татарчонокъ?—уже совсѣмъ весело разсмѣялась Оксана, лукаво взбрасывая глазками на Ахметку.

— Не вспоминай объ этомъ, Оксано,—нахмурилъ брови Ахметка,—моя мать была козачка.

— Ну, не буду, не буду,—зачастила дѣвочка, замѣтивши недовольное выраженіе лица своего товарища, и ухватила его ручками за щеки,—не буду, Ахметка... Ну-жъ, не хмурься, а то я заплачу.—Но когда Ахметка уже улыбнулся и приласкалъ ее, она все таки спросила потихоньку, едва смотря на него изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ:—А правда ли, что татаре родятся, какъ собачки, слѣпыми и не видятъ цѣлыхъ девять дней?

Личко ея было такъ комично въ эту минуту, что Ахметка не могъ разсердиться и отвѣчалъ разсмѣявшись:

— Не знаю, голубка, да вѣрно брехня!

— А правда-ли, Ахметка,—продолжала Оксана уже смѣлѣе, опираясь къ нему ручонками въ колѣни и засматривая въ глаза,—правда-ли, что за моремъ живутъ черные люди и ходятъ головою внизъ, а ногами вверхъ?

— Не знаю,—усмѣхнулся Ахметка,—старые люди говорятъ.

Но Оксана проговорила печально, надувши губы:

— Что-жъ ты ничего не знаешь, а еще козакъ! Нѣтъ ужъ лучше я уйду по голубой дорогѣ на небо, тамъ Богъ и ангелы живутъ: у нихъ тепло и свѣтло, они ѣдятъ на такихъ золотыхъ блюдахъ, вотъ такіе,—широко она развела руками,—золоченные вареники.

— Ахъ, ты, бѣдная дивчинка!—разсмѣялся Ахметка.—Да ты вѣрно и не вечоряла, а я тебѣ и гостинца привезъ отъ панны Ганны, да забылъ отдать.

Ахметка быстро выбѣжалъ изъ хаты и вернулся съ мѣшечкомъ въ рукахъ.

— Вотъ тебѣ сыръ, сваришь себѣ завтра вареничкн, хоть не золоченые, а гречаные; они вкуснѣй золотыхъ будутъ. А вотъ и маслице свѣжее. Да постой, есть-ли у васъ картофель?

— Есть, Ахметка, тамъ въ коморѣ ссыпанъ,—обрадовалась Оксана, смотря на свѣжее масло и хорошо отдавленный творогъ.

— Ну, такъ я затоплю сейчасъ въ печкѣ,—весело говорилъ Ахметка, потирая руки,—мы спечемъ картофель и устроимъ такую вечерю, что и гетману хоть куда!

Когда веселый огонекъ вспыхнулъ въ печкѣ, затрещали и зашипѣли дрова, Ахметка отгребъ горячую золу, побросалъ въ нее картофель, затворилъ дверь, чтобы не дулъ вѣтеръ, и, придвинувши лавку, усѣлся съ Оксаной передъ печкой.

— Какъ тепло, какъ хорошо!—говорила Оксана, улыбающаяся, раскраснѣвшаяся отъ огня, протягивая зяблыя ручонки къ огоньку и слѣдя за картофелемъ, спрятаннымъ въ горячей золѣ.—Ахметка, разскажи мнѣ хорошую, хорошую сказочку!

— Да я, голубко, не знаю.

— Нѣтъ, ты не хочешь, не хочешь!—надула дѣвочка губки.— Ты знаешь все. Скажи мнѣ, правда ли, что передъ Рождествомъ на святъ-вечеръ Христосъ летаетъ надъ землею и смотритъ, что дѣлаютъ дѣтки на землѣ, и если кто увидитъ Христа и попроситъ Его о чемъ, Онъ его просьбу всегда и исполнитъ?

— Правда!—увѣренно отвѣтилъ Ахметка.—Онъ летитъ на большой, большой звѣздѣ съ золотыми лучами, и всѣ звѣри въ лѣсахъ собираются на одну долину, чтобъ увидѣть Его.

Между тѣмъ ароматный запахъ печенаго картофеля распространился по всей хатѣ.

— Готовъ, готовъ картофель!—захлопала въ ладоши Оксана.

Ахметка сталъ его осторожно вытаскивать палочкой. Когда картофель немного остылъ, и Оксана утолила свой первый голодъ, Ахметка вытащилъ изъ кармана связку сушеныхъ яблокъ.

— А вотъ тебѣ, Оксано, еще и на закуску. Ну, не правда-ли, гетманская вечеря?

— Ахметочка, любый мой, какъ я тебя люблю!—крикнула Оксана, прижимая связку яблокъ къ груди и цѣпляясь хлопцу за шею руками.—Слушай, Ахметка,—говорила дѣвочка уже серьезно, грызя своими бѣлыми, какъ у молодой мышки, зубками сушеныя яблоки и подымая на него серьезные глазки.—Вѣдь правда, когда я выросту, ты женишься на мнѣ?

Молоденькое лицо Ахметки съ едва пробивающимися усиками вдругъ покрылось все густымъ румянцемъ; онъ отодвинулся отъ дѣвочки и бросилъ на нее косой взглядъ.

— Ты не хочешь, ты не хочешь!—вскрикнула Оксана, замѣтивши движеніе Ахметки, и на глазахъ ея показались слезы.

— Оксано,—заговорилъ Ахметка, беря ея руку и стараясь подавить проснувшееся вдругъ непонятное волненіе.—Ты это правду говоришь? Ты хочешь пойти за меня?

— Конечно,—вскрикнула радостно Оксана.—А за кого-жъ мнѣ пойти, какъ не за тебя?

— Такъ помни же, Оксано,—проговорилъ увѣренно Ахметка,— и жди меня: когда я сдѣлаюсь запорожскимъ козакомъ, я пріѣду и возьму тебя.

И дѣти вдругъ сдѣлались серьезны и замолчали, держа одинъ другаго за руки... А красныя, догорающія дрова освѣщали ихъ молодыя, задумавшіяся личики теплымъ живительнымъ огонькомъ...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами.

(Съ примѣчаніями М. К. Чалаго) [1].

V.

Письма Кухаренка къ Шевченку.

1.

2 ноября 1844 г. Станица Умань.

Брате, куренный товаришу, Тарасе Григоровичу! Де ты въ Бога взявся? Годъ цилый, якъ прошу письменно своихъ чиновныкивъ, щобъ далы мени звистку: де ты дився, або де живешъ? Але хочъ бы одно слово объ тоби одъ ихъ получивъ. Теперь бачу, що ты живый и що въ Питери обритаешся. Спасыби тоби, брате ридный, що згадавъ есы мене. Скажи мени про себе трошки бильше: якъ ты теперъ живешъ и при чому? Чи вы зъиздылы зъ Бориспольцемъ на билому коневи до чужеземцивъ? А я тутъ порадую Харьковську громаду: що ты охляпъ, незанузданною бидою пріихавъ зъ того свита у Питеръ. Що ты, брате, думаешъ зъ „Побытомъ"—напиши мени по правди, а я не тилько „Побытъ", готовъ душу свою послать до тебе. Ждучи одъ тебе письма, на дозвильли напишу ще. Поклонысь одъ мене панамъ: Тыхорскому, Эльканови и Гулакови. Напиши, де Тыхорского хватеръ, може прійдеться писнуть и

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 2.

ему колы небудь. Прощай, брате, смачно цилую тебе, твій поки свитъ сонця Яцько Кухаренко.

2.

Екатеринодаръ 18 декабря 1856 г.

Здоровъ бувъ Тарасе Григоровичу! Письмо твое, мій старый друже, (отъ 1, 10 и 16 апреля) трійчи писане, дойшло до мене въ такій часъ, якъ Пранци, Британьци та Турки поганьци заходылысь воювать зъ нашимъ билымъ Царемъ. Тай до чорта жъ ихъ натовкалось паровыми байдаками въ Чорне, а потимъ въ Азовськее море. Сусиды наши поганы Черкесы тежъ загралы въ бисыка, пробій хочъ калавуръ кричи, николы й носа втерты. Одначе намъ Богъ помигъ, наставъ миръ и намъ якъ спершу зосталысь на забаву одни Черкесы, зъ ными намъ не вчитысь битысь. Изъ письма твого, брате Тарасе, я бачу, що буцимъ бы то я на коши въ Азовському войску, бо й пидписано на конверти: въ Азовъ—и видно, що те письмо довго ходыло, одначе знайшло мене въ Черноморіи. Теперъ розскажу якъ діялось: зъ того року, якъ тебе спиткало лыхо, мени трапилось буты у Харькови; тамъ я одъ Могылы (Метлинскаго) взнавъ про твою гирьку долю. Могила мени росказавъ якъ знавъ, але ни одъ кого не можна було взнаты, де ты дився. Та вже ажъ въ 1851 р. мене послано въ Питеръ; тамъ я служивъ въ Департаментѣ военныхъ поселеній присутствующимъ съ правомъ голоса отъ Черноморского и Кавказского козачыхъ войскъ и тамъ у Питери я знайшовъ Элькана, то винъ, спасыби ему, давъ мени твого надрукованого „Гамалія" и росказавъ, що ты, мій друже, находышся въ Оренбурзи.

Въ тимъ же 51 року въ ноябри мене назначено за Кошевого въ Азовське військо; тамъ прослуживъ я по октябрь 52-го року, а въ октябри мене назначено за Кошевого и начальника штаба въ чорноморське козаче військо. Оттутъ то, якъ спереду сказано, Пранци, Британьци та Туркы поганци намъ дыхать не давалы. На кинци войны назначилы до насъ Кошевого, а я зоставсь начальникомъ штаба. Въ томъ же 56 року мене послалы у Москву одъ війска депутатомъ для присутствованія на коро-

націи, а тымъ часомъ, на мое мисто начальникомъ штаба назначено иншого. Повернувшись изъ Москвы и давши отчетъ въ чимъ треба живу теперъ у своимъ хутори безъ службы, поки найдеться.

Въ Москви Щепкинъ прочитавъ мени на память „Пустку“, я заразъ одгадавъ. Хиба дыво пизнать мову Тарасову, знавши Тараса добре? Потимъ приходывъ до мене Щепкинъ на хватеру. Я ему прочитавъ твое письмо до мене. Винъ заплакавъ. Довгенько говорилы объ тоби, хто що знавъ, и поросходылысь.

Вси твои выгадки, друковани до твоеи лыхои годыны, у мене е. Та ще, якъ сказано, я добувъ Гамалію и Пустку, то що найдетьця опричъ сего, брате Тарасе, прошу списати и до мене прислаты, а якъ що е надруковане, то назваты его и сказаты видкиль выписаты.

Теперъ вернимось у Москву. Я, брате Тарасе, сподобився буты на коронаціи. Булы тамъ Пранци, Британци и Турки поганьци, та воны й поизчезнутъ, не побачать такого дыва. Теперь воны разобралы дило, та ажъ христятьця вкупи зъ Турками, що Богъ давъ миръ, а тобѣ прійшлось имъ дохнуть зъ голоду. Теперъ воны у насъ купують пшеныцю, платятъ по 13 карбованцивъ за четверть.

Пиши, брате Григоровичу, до мене, чи тоби вернуть твои права и що якъ? Пиши сяко (у такому въ Екатеринодаръ. Посылаю 25 рублей. Купи соби могорича, бо бачъ и мени далы у Москви Станислава 1 ст. Стара моя и диты тоби кланяютьця. Дочку Гальку оддавъ замужъ торикъ, а ти два сыны, що ты знаешъ, служать обидва: старшій командуе ракитными командами, меньшій ще урядныкъ. Опричъ сихъ трехъ ще пятеро— стало всихъ 8: чотыри сыны и чотыри дочки. Будь здоровъ и щаслывый, якъ бувъ. Сёго тоби одъ души и серця желае тебе любящій и поважающій на викы

Яковъ Кухаренко.

P. S. Чи вциливъ, брате, хочъ одынъ портретъ Головатого изъ переданныхъ тоби въ Питери? Якъ що е, то пришлы, будь ласкавъ.

3 [1]).

7 августа 1857 г.

Друже мій мылый Тарасе Григоровичу!

Въ послѣднихъ числахъ іюля я издывъ въ Одессъ, взявъ изъ института другу дочку и пріихавъ у двохъ до дому въ конци іюля. Тутъ засталы твое письмо зъ виршами [2]). Прочитавъ я его въ простыхъ очкахъ, переписавъ стыхи своею рукою, щобъ безъ омылкы читать було можно. Пошлю, якъ ты здоровъ кажешъ, старому Щепкину, та думаю послаты до Могилы и до Костомарова. Сей чоловикъ недавно обизвався до мене по одному дилу, такъ я зъ того знаю, що нашъ добрый знакомый Николай Ивановичъ Галка проживае въ Саратови [3]). Въ Одесъ я заихавъ моремъ. Въ Одеси и Вознесенскѣ я розсказувавъ добрымъ Южно-руснакамъ, съ которыми ричъ заходыла, де ты теперъ, мій друже, обритаешься, и показувавъ твое полычье (я его обробивъ въ Одеси, звычайно, якъ слидъ). Та й люблятъ же тебе на Украини, брате. Одынъ, по прозвищу Казачинскій, военный офицеръ, ажъ изъ самого Уманя.

На „Записки Южно-русскія" пославъ гроши у Питеръ. Вызволяйся брате, та пріизды на нашу козацьку Украину. Я теперъ не маю никуды далеко ихаты и буду дома,—або въ городи, або въ хутори (50 верстъ отъ города). Якъ що будешъ ихаты трактомъ Ростовскимъ, то шляхъ якъ разъ поузъ мій хуторъ, то заидь у хуторъ, може мене тамъ надыбаешь, а якъ що ни, не буду въ хутори, то скажи, щобъ подалы тоби на визъ чарку горилки, та глекъ молока, выпій и запій, та й поспишай до мене у городъ.

Не кидайся дила, сиречъ, не оставляй писаты. Погасыло кляте лыхо огныще твого талану, але добрый витерокъ повіявъ, позносывъ золу, знайшовъ искорку, ще не погасла, та й почавъ

---

[1]) Не зная объ оставленіи Ш—мъ Новопетровскаго укрѣпленія, Кухаренко пишетъ ему по прежнему адресу.

[2]) См. „Основа" 1861. Октябрь. Листъ 3-й.

[3]) Псевдонимъ Костомарова Іеремія Галка.

роздуваты огонь, отже и гляды, якъ покотыть пожарами. Поплюй въ колочки, та й строй Кобзу смило, а дали грай; якъ гравъ есы!".

Твій Я. Кухаренко.

4.

Екатеринодаръ. Февраля 21. 1858.

Ажъ теперъ, мій стародавній друже Тарасе Григоровичу, я зобрався одвитыть на посланіе твое, писанне до мене зъ Астрахани ще въ августи прошлаго року. Письмо до тебе на имъя Еленева за Москаля, Ченця и Майскій вечиръ я пысавъ; дывуюся, що ты не получавъ його (?).

Чи не соромъ тоби, друже мій стародавній, що твій братъ ридный да служитъ у насъ въ Чорноморіи, а ты не помусывъ мени й написаты! Годивъ два назадъ ябъ іому помигъ, бо я бувъ тоди на такому мисти, що пидчиненному могъ добро робиты, а теперь минулося... Сынъ мій старшій, що ты іого знаешъ, роспитавсь зъ артилерійскими офицерами, що въ ихъ служитъ твій братъ, сказавъ мени, а я заразъ: „подавай іого сюды!" Отъ и прыйшовъ, а я й питаю: „Якъ тебе зовуть?—Петро Шевченко!—Здоровъ Петре!—Здраствуйте! А я іому выйнявъ зъ запазухи твое полычьча тай показую іому, тай кажу: „А дывыся Петре, що се таке"?—И це мій братъ, каже. Тоди я давай іого садовиты, такъ не сидае, бо добре вымуштрованный сердега. Ну я бачу, що не посажу, почавъ іого роспытуваты: колы въ москаляхъ, де стоить и проч. Сказавъ я іому щобъ ходывъ до насъ, якъ пріиздытымуть (бо воны за 25 верстовъ отъ города) да ему карбованцивъ зъ 10 на обиходку, и оставивъ у сынивъ гостюваты. Посли того Петро навидуетьця до сынивъ у городи, бо я бильше живу на хутори.

Списокъ зъ „Москалевои Крыныци" пославъ у Москву до старого Щепкина, тай писавъ: гляды, кажу, старый, до тебе зъ того свита Тарасъ буде! Дякуе и не надякуетьця. Ты, брате, Тар. Григор. теперъ у Питери. Позбиравши таке, якъ Крыныця, Чернець, Майскій вечиръ и проч. що, тай тыснувъ бы въ друкарни: нехай идуть на свитъ Божій, а якъ що самъ не захо-

чешъ хлопоту, то чи не визметьця панъ Кулишъ? Винъ, видно, парняга добрый. Я его записки украиньски маю и читаю—не начитаюсь [1]).

Твій до вику Я. Кухаренко.

5.

Спасыби тоби, брате куринный товаришу Тарасе Григор., за памятку, що згадавъ мене, прославъ новыхъ Гайдамакъ. Шкода що не отдруковавъ ты за однимъ разомъ Пустки, Крыныци и прочого тобою мени присланнаго изъ того окаянного Петровського (укрѣпленія). А може въ тебе думка, позбиравши ще де чого, та тыснуты ще разъ? Нехай Богъ помогае на добре дило! Що пакъ ваша „Хата“, що замысливъ панъ Кулишъ; де винъ теперъ обритаетьця? може поихавъ до Пранцивъ за козиною бородкою, щобъ мы іого не пизналы?

Изъ полычья твого, що въ „Гайдамакахъ“, видно, що ты погладчавъ трохи въ Цитири. Дай Боже, що бъ ты бувъ здоровъ и не забувавъ до вику кохаючаго тебе Якова Кухаренка.

8 марта 1866 г. Екатеринодаръ.

P. S. Моя стара зъ сынами кланяетьця тоби нызько.

6.

Старый Кобзарю и певный мійдруже Т. Г—чу!

Попереду письмо, а потомъ „Хату“ получивъ я въ квитню 26 и заразъ, не читавши іи, сивъ отвѣтъ даты:

Хиба вы хату будовалы догоры ногами? Поставивши въ земли кроквы, выводыли стины? а „Основу“ маете робиты на той рікъ? Чи може на тій основи зробите клуню та почнете молотыты? Нехай вамъ Богъ помогае! А я одиславши оце письмо, пиду до дочки, тіеи, що ты знаешь—до Гандзи (вона теперъ у насъ гостюе), та будемо читаты „Хату“: вона дуже до того

---

[1]) Упоминаемый въ этомъ письмѣ Петро Шевченко не больше какъ однофамилецъ Тараса и, какъ видно, большой плутъ. Пользуясь довѣрчивостью и добротою генерала, онъ рискнулъ пидвезты ему москаля, чтобы выманить у него денегъ. У поэта было только два брата: Никита и Осипъ, которые въ москаляхъ не служили.

дотепна. Моя стара кланяетьця, тоби, брате. Сыны мои десь бьються зъ Черкесами, а я прибигъ зъ хутора въ свій городъ побачиться зъ своею симьею.

А нашъ закадычный Костомара у Питери пануе. Поклонысь ёму, Панькови Срезневскому, Гулаковы, Кукольнику (колы живый), Элькановы. Обнимаю тебе, мій друже! Будь здоровъ, та не забувай до вику поважающаго тебе

Якова Кухаренка.

26. Квитня 1860 року,
Екатеринодаръ.

VI.

Письма Бронислава Залѣскаго къ Шевченку 1856—1859.

1.

Друже мой дорогой! Я получилъ два куска шерстяной матеріи[1]) и въ слѣдъ затѣмъ коротенькое посланіе твое, и спѣшу хотя нѣсколькими словами привѣтствовать тебя и отъ цѣлой души благодарить за все. Кусокъ матеріи на вѣчную память о тебѣ я у себя оставилъ и искренно благодарю тебя. Но знаешь ли, который изъ двухъ остался у меня? вѣрно не угадалъ бы—и именно не тотъ, который я бы выбралъ—въ чемъ и Бюрно[2]) согласился со мною, но случился покупатель только на этотъ кусокъ—и я его отдалъ, а другой тоже очень хорошій оставилъ у себя. 25 руб. сер. сегодня же посылаю Ираклію[3]) для передачи тебѣ. Матерія пришла на канунѣ, отъѣзда Бюрно—онъ былъ почти безъ денегъ, а у него малый ребенокъ, четырехлѣтняя сирота, которую онъ воспитываетъ, и какъ ему ни нравилась матерія, онъ ее купить не могъ и я даже ему, зная его обстоятельства, не предложилъ ее. Купилъ этотъ кусокъ Вельяминовъ-Зерновъ[4]), въ одно время съ Б. оставившій Орен-

---

[1]) Два рисунка изъ восточнаго быта.

[2]) Бюрно—одинъ изъ высшихъ чиновъ (военныхъ) въ краѣ.

[3]) Ираклій Усковъ комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.

[4]) Владиміръ Владиміровичъ Вельяминовъ-Зерновъ—нынѣ попечитель К. у О—га.

бургъ навсегда, оріенталистъ и страшный любитель всего восточнаго.

Сова [1]) твой подарокъ принялъ со слезами—такъ мнѣ писалъ онъ,—вѣрно получишь объ этомъ отъ него посланіе, какъ онъ вернется въ свою хату; теперь его послали произвесть какое то слѣдствіе въ губерніи и по новости и непріятности этого занятія для него, онъ вѣрно и минуты свободной не имѣетъ. И я тебѣ послѣ напишу больше о Варнакѣ и княжнѣ [2]). Теперь у меня Сигизмундъ (Сѣраковскій), пріѣхалъ на недѣлю изъ степи и отправляется въ свой полкъ. Богъ вѣсть встрѣтимся ли опять въ жизни, и я теперь пользуюсь его присутствіемъ и долго бесѣдовать даже съ тобой не могу. Обѣ вещи очень хороши; хороши простотою и глубокимъ чувствомъ—вѣрностью.— Варнакъ еще выше, только писецъ поганый переписывалъ, не говоря о безчисленныхъ ошибкахъ, еще во многихъ мѣстахъ пробѣлы—то двухъ-трехъ словъ не достаетъ, то иногда и цѣлой строки. Жаль, очень жаль, что ты не просмотрѣлъ при отправленіи. Варнака къ Осипову [3]) я еще не посылалъ; жду на дняхъ вѣрнаго и хорошаго человѣка, которому хотѣлось бы его поручить, а нѣтъ, то пошлю Сигизмундомъ. Онъ ѣдетъ тоже въ Петербургъ и можетъ быть удастся ему сдѣлать тамъ что-нибудь для тебя. Къ Аркадію [4]) я давно писалъ о прошеніи на высочайшее имя и надѣюсь, что тебѣ Варвара (Репнина) въ этомъ не откажетъ. До сихъ поръ вредило тебѣ личное предубѣжденіе В. А. (Перовскаго); теперь мнѣ обѣщали, что будетъ сдѣлано представленіе, а отъ милосерднаго нашего государя можно ожидать милости и на твою несчастную долю. Алексѣй Ив. и Карлъ [5]) помнять о тебѣ, говорятъ очень дружески, но просить В. А-ча никто изъ нихъ не рѣшается. Теперь первый уже въ степи, послѣдняго нѣтъ тоже въ городѣ, живетъ на ху-

---

[1]) Польскій поэтъ Желиговскій.

[2]) Варнакъ и княжна—поэмы Ш—ка.

[3]) Художникъ Осиповъ—см. „Основа“.

[4]) Аркадій Венгжиновскій.

[5]) А. И. Бутаковъ и Карлъ Ив. Гернъ.

торѣ, купленномъ гдѣ-то недалеко отъ Кочевки [1]; его ждутъ сюда недѣли черезъ двѣ, и тогда я возьму у него альбомъ и карандаши и фотографію сдѣлаю, на что взялъ съ него слово, но разсчитывать на его помощь не могу. Сигизмундъ займется этимъ дѣломъ, какъ собственнымъ своимъ; у него есть знакомые и друзья,—можетъ быть и успѣетъ: Богъ поможетъ искреннимъ и чистымъ желаніямъ. Если бъ до сентября ничего не сдѣлалось, то помни, друже мой дорогой, что вначалѣ этого мѣсяца заѣдетъ къ вамъ генералъ Бюрно, зайди къ нему *непремѣнно*; онъ имѣетъ порученіе осмотрѣть вашу крѣпость, на возвратномъ пути изъ Пятигорска; это капризная иногда натура, но благородства рѣдкаго—артистъ и поэтъ; строилъ въ Севастополѣ тѣ батареи, которыхъ двухлѣтняя осада одолѣть не могла; а между тѣмъ съ нѣжностью матери занимается маленькой сиротою, и съ увлеченіемъ писалъ лунныя ночи, даже розу и бабочку на ней. Я увѣренъ, что всякій, кто узнаетъ его ближе, полюбитъ его цѣлымъ сердцемъ и проститъ, нѣтъ; забудетъ всѣ неровности характера и капризы для теплоты его души и высокихъ нравственныхъ качествъ. Я благодарю Бога, что встрѣтилъ такую личность на моемъ пути. А еще изъ Астрахани ты долженъ получить указаніе, къ кому обратиться съ просьбою.

Михаилъ [2]) получилъ фотографическій приборъ, и новыя его работы я посылаю тебѣ—на этотъ разъ только три изображенія: Сигизмунда и 2 экземпляра киргизскихъ мальчиковъ. Вскорѣ пришлю болѣе, потому что М. надѣется, ознакомившись съ приборомъ, получить болѣе удовлетворительные результаты.

Знаешь ли, друже мой, что и мнѣ мелькаетъ надежда увидѣть въ этомъ году мою старую мать и дорогую родину. Богъ знаетъ, сбудутся ли эти мечты или нѣтъ, но никогда еще не было столько надежды. Не возможно, что бы ты одинъ былъ

---

[1]) Перовскій, въ подражаніе Башкирамъ, устроилъ себѣ „Кочевку" въ 120 верстахъ отъ Оренбурга: тамъ онъ проводилъ все лѣто, именуя Башкирію русской Швейцаріей.

[2]) Михаилъ Ѳаддѣевичъ Зѣленко, монахъ ордена св. Доминика, въ 30-хъ годахъ префектъ гимназіи въ Литвѣ, сосланный въ Оренбургъ въ 1834 г., впослѣдствіи капелланъ Оренбур. корпуса. Ссыльные поляки называли его: *ojciec prefekt*.

забытъ. Крѣпись еще духомъ, друже мой дорогой, прійдетъ еще лучшее время и для тебя.

Цѣлую тебя отъ цѣлой души. Пиши, а болѣе всего не забывай.

Пока я здѣсь, торопись съ кусками матеріи, ежели еще найдутся—и будь увѣренъ, что люблю тебя искренно и цѣлымъ сердцемъ.

Друже мой! письмо было готово, когда я получилъ извѣстіе о дозволеніи возвратиться на родину. Не могу писать ничего. Цѣлую тебя, радуйся моею радостью! 8 іюня 1856 г.

2.

3 Іюля.

Друже мой дорогой! Завтра уѣзжаю, а сегодня еще два слова на прощанье. Я получилъ письмо отъ Аркадія, к. меня извѣщаетъ, что Варвара взялась просить и хлопотать за тебя. На дняхъ же, когда я былъ на Кочевкѣ у Василія Алексѣевича, чтобы благодарить его за всѣ милости, Фрейлина Маріи Николаевны Гр. Толстая распрашивала меня съ участіемъ про тебя и сказала, что имѣетъ изъ Петербурга порученіе просить за тебя Василія Алексѣевича и прибавила, что онъ ей обѣщалъ, и что, вѣроятно, во время коронаціи и твоя горькая участь перемѣнится. Она вчера уѣхала обратно въ Петербургъ и вѣрно тамъ не забудетъ горестнаго твоего положенія.

Мнѣ отрадно, что въ минуту моей искренней радости и счастія, я могу и тебѣ послать хоть одинъ свѣтлый лучъ надежды.

Прощай, друже мой, и не забывай меня. Пиши на руки Михаила или по моему собственному адрессу, который можетъ тебѣ продиктовать Людвигъ.

Фотографія Михаилу не удалась. Карлъ постоянно на своемъ хуторѣ и поймать его было не возможно, потому прости, что я не сдержалъ своего обѣщанія и не присылаю фотографій, которыхъ у меня самого нѣтъ.

Еще разъ цѣлую тебя, да пошлетъ тебѣ Богъ утѣшеніе!

3.

18 сент. 1856 г.

Друже мой дорогой! Письмо твое или лучше сказать писульку я сейчасъ получилъ отъ добраго Михаила и благодарю и его и тебя, что не задержалъ у себя, тебя же, мой друже, за всю теплоту твоего сердца. Что мнѣ сказать тебѣ сегодня? Я 6 недѣль живу уже между своими, дышу роднымъ воздухомъ, смотрю на родные луга и лѣсочки, на все дорогое и на моихъ друзей и близкихъ, дороже всего—я счастливъ, какъ не былъ самъ счастливъ никогда. Но развѣ я могу говорить объ этомъ счастіи тебѣ, бѣдному страдальцу? это бы значило издали показывать хлѣбъ голодному. Ахъ, друже мой! какъ бы мнѣ хотѣлось подать и тебѣ этого хлѣба! видѣть и тебя на милой родинѣ—среди своихъ, такъ искренно тобою любимыхъ. Богъ милостивъ, и я питаю надежду, то судьба твоя въ этомъ году улучшится. Вообрази себѣ, что, когда я пріѣхалъ домой, меня встрѣтили четыре поколѣнія: мать отца, родители, братъ и сестра, и ребята сестеръ; этихъ послѣднихъ почти дюжина и всѣ мнѣ незнакомы, родившіяся въ моемъ отсутствіи—маленькія, хорошенькія дѣти. Богъ цѣлый міръ вывелъ вновь и меня привелъ любоваться его дѣломъ и возславлять его милосердіе. Какой прекрасный дѣтскій типъ для артиста! Одной сестры дѣти всѣ кароглазыя, другой, напротивъ, всѣ съ голубыми, какъ небо, глазами. Ты любишь дѣтей, и я не разъ говорилъ имъ уже, что у меня есть старый другъ, похожъ на св. Петра, который дѣтей оч. любитъ, они смотрятъ на знакомое тебѣ изображеніе апостола и спрашиваютъ: когда же другъ твой пріѣдетъ? и ждутъ тебя, друже мой, будутъ молиться, какъ молились за меня, о твоемъ возвращеніи.

Ты спрашиваешь меня, оставилъ ли я зауральскія степи навсегда? не думаю ли возвратиться? Нѣтъ, друже мой, Боже меня упаси—и что же я за сумашедшій, я радъ и счастливъ, что могу никуда не ѣхать и не думаю вовсе о поѣздкахъ, въ особенности въ пустыню. Всего хорошаго испытаннаго тамъ я никогда не забуду: и добрыхъ людей и садъ около Ново-пет-

ровска вспомню не разъ ради добраго друга, съ которымъ мнѣ тамъ пришлось побывать, но посѣщать опять эти мѣста не хотѣлось бы. Богъ знаетъ одинъ, гдѣ придется умереть, но хотѣлось бы лежать на своемъ родномъ кладбищѣ, и надѣюсь, что это мнѣ удастся. Однимъ словомъ, друже мой, я возвратился совершенно. Это нисколько не перемѣняетъ моихъ чувствъ для тебя, друже мой, надѣюсь, что ты въ этомъ не усумнишься.

Что касается до „матерій", то присылай мнѣ всѣ куски, какіе только имѣешь; мнѣ можно будетъ найти здѣсь охотниковъ. Удивительная вещь! Развѣ штемпель что нибудь доказываетъ? И я, друже мой, не большой знатокъ, а уже эту матерію узнаю всегда, съ перваго взгляда, не нуждаясь ни въ какомъ штемпелѣ. Однакожъ, не стоитъ объ этомъ говорить: земляки, требуя доказательствъ, все таки доказываютъ симъ любовь къ тебѣ, друже мой, спасибо имъ за то.

Варнакъ, приготовленный къ печати, т. е. переписанъ, остался у Совы, вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему экземпляромъ— онъ этого желалъ, потому что хотѣлъ передать его Михайлову, одному изъ теперешнихъ писателей, съ которымъ онъ оч. хорошъ, и который пишетъ во многихъ журналахъ. Когда я былъ въ Уфѣ, его тамъ не было, и потому Варнакъ остался на попеченіи Совы; ему тамъ будетъ хорошо, повѣрь, друже мой,—и онъ вѣрно не забудетъ и не затеряетъ его. Въ Москвѣ я познакомился съ нѣкоторыми издателями „Русскаго Вѣстника" и они желали бы имѣть что нибудь автора „Княгини". Вотъ и сообщенный мнѣ ими адресъ, для присылки предназначаемыхъ для этого журнала статей и сочиненій: Евгенію Ивановичу Якушкину въ Москву, въ 3-й мѣщанской, у Филиппа Митрополита, домъ Абакумовой.

Сигизмундъ (Сѣраковскій) въ Павловскѣ, прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, для поступленія послѣ въ Военную академію. Государь такъ былъ милостивъ, что въ этомъ ему не отказалъ. Мать моя искренно благодаритъ тебя за память. Всѣ мы любимъ тебя искренно, если Богъ дозволитъ тебѣ проститься тоже съ за-уральскою степью, то по

дорогѣ на родину заѣзжай, друже, въ мой уголокъ; не богато, но щиро встрѣтятъ тебя. Прощай насегодня!

Адресъ мой найдешь у Ираклія Александровича.

4.

2 марта 1857 г.

Друже мой дорогой! Давно я получилъ письмо твое съ 8 ноябр., но не отвѣчалъ до сихъ поръ потому, что ждалъ весны. Теперь пароходы должны уже посѣщать васъ, и я пишу къ тебѣ, друже мой дорогой, и цѣлую отъ полнаго сердца. Къ Сигизмунду я писалъ давно, и ты вѣрно получилъ уже сепію и другіе припасы. Матеріи я жду съ нетерпѣніемъ, присылай, друже мой, столько кусковъ, сколько имѣешь: у меня легко найдутся любители, и продажа подобныхъ произведеній не затруднитъ меня нисколько. Только, посылая матерію, напиши мнѣ, друже мой, куда и на чьи руки отправить деньги, дабы съ ними не вышло путаницы. Я осенью писалъ къ Ираклію и приложилъ къ письму записку къ тебѣ, но не получилъ до сихъ поръ никакого отвѣта. Теперь пишу ему подъ его адресомъ, надѣясь, что онъ не прогнѣвается за это. Еслибъ былъ не доволенъ, напиши, друже, и пришли другой адресъ, а у него попроси отъ меня извиненія.

Ты спрашиваешь меня, друже мой дорогой, какъ я устраиваю свою будущность: захочу ли сдѣлаться чиновникомъ или артистомъ? Если бъ это зависѣло отъ меня, то непремѣнно я бы избралъ послѣднее; но послушай, друже, и самъ обсуди: старики родители не хотятъ отпускать меня больше отъ себя, мать бѣдная столько лѣтъ ждала, тосковала, молилась—и бросить ее и отправиться въ *городъ* (а городовъ она болѣе всего боится для меня)—это было бы убить ее; я на то не могу рѣшиться, и ты бы мнѣ не посовѣтовалъ, не захотѣлъ бы подобной рѣшимости во мнѣ. Первый долгъ человѣка—исполнить ближайшія, первѣйшія обязанности,—сверхъ того, Богъ вѣдаетъ одинъ, былъ ли бы я истиннымъ артистомъ? Ты самъ какъ-то говорилъ мнѣ, что объ этомъ можно бы утвердительно сказать едва послѣ нѣсколькихъ лѣтъ прилежнаго ученія—и такъ я рѣшил-

ся, друже мой, не ѣду въ Петербургъ учиться, хотя Богъ видитъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, а остаюсь на родинѣ моей; въ службу гражданскую вступить не думаю; кажется, что буду хозяйничать. Не оставлю ни карандаша, ни книги—это уже потребность натуры—безъ нихъ я бы и жизни своей устроить не сумѣлъ; но не могу сдѣлать искусства единственною цѣлью жизни. Въ продолженіе цѣлой почти жизни приходилось мнѣ дѣлать не то, что я любилъ, къ чему меня влекло съ дѣтства, такъ придется и кончить путь сей—дай Богъ согласно съ Божескимъ, нравственнымъ закономъ. Я не жалуюсь, друже мой, на судьбу мою, я, напротивъ, очень счастливъ и благодарю Бога за все, но мнѣ бы хотѣлось разсказать тебѣ всѣ обстоятельства моей жизни, потому что я тебя люблю. Другой разъ напишу тебѣ больше, теперь пусть этого будетъ довольно обо мнѣ. Ты—поэтъ, ты все несказанное и недосказанное отгадать сумѣешь.

Нѣтъ ничего интереснѣе для меня *Блуднаго сына* [1]. Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать, какъ можно болѣе подробностей! Я очень хорошо знакомъ съ издателемъ „Виленскаго Альбома“, который къ парижскимъ литографамъ отправляетъ рисунки и выходятъ оч. хорошіе. Впрочемъ, теперь и въ Варшавѣ есть весьма порядочная литографія Фаянса. Меня уговариваютъ литографировать разные степные виды и рисунки, но я ничего хорошаго не имѣю, но могъ бы служить отцу „Блуднаго сына“ отъ полнаго сердца и души. Лѣтомъ я можетъ быть совершу путешествіе по Виліи—„матери литовскихъ рѣкъ“—съ карандашемъ и портфелью. Сооружается для того частная экспедиція, которая намѣрена издать описаніе рѣки въ историческомъ, археологическомъ, топографическомъ, гидрографическомъ и другихъ отношеніяхъ. Меня приглашаютъ для составленія альбома видовъ. Ежели буду живъ и здоровъ, присоединюсь къ путешественникамъ, съ сердечнымъ удовольствіемъ.

---

[1]) Притча о Блудномъ сынѣ, приноровленная къ современнымъ нравамъ купеческаго сословія, въ нѣсколькихъ картинахъ. См. письмо Щ—ка къ Залѣсскому 1857 г. 10 мая.

Сигизмундъ писалъ, что видѣлъ въ Петербургѣ представленіе Перовскаго объ тебѣ. Бюрно боленъ, какъ мнѣ пишутъ изъ Оренбурга, но онъ объ тебѣ помнитъ. Да благословитъ тебя Богъ!

5.

30 мая 1857 г.

Друже мой дорогой! Письмо твое отъ 10 февраля я получилъ хоть оч. поздно и со слезами прочиталъ и прочитывалъ его нѣсколько разъ; но не меня одного такъ глубоко тронули слова твои—мать моя, эта святая женщина, не могла удержаться отъ слезъ и даже отецъ. Они тебя обнимаютъ, какъ брата, какъ сына; по праву почтенныхъ лѣтъ своихъ, они тебя благословляютъ, желая отъ глубины души всякаго тебѣ благополучія и добра, и прежде всего выѣзда изъ пустыни, среди которой ты изнываешь, и новой, полной жизни. Въ этомъ году послалъ мнѣ Богъ много, много счастія, болѣе, чѣмъ грѣшный человѣкъ могъ не только заслужить, но даже надѣяться; я еще до сихъ поръ не могу опомниться и иногда спрашиваю себя, не сонъ ли это все? Однакожъ, теперь, друже мой, ничѣмъ болѣе не могъ бы я обрадоваться, какъ свиданіемъ съ тобою; ежели бъ Богъ послалъ мнѣ еще эту величайшую радость, то былъ бы самый счастливѣйшій годъ моей жизни. А развѣ это воображеніе? пустая надежда? Нѣтъ, друже мой, не сегодня, то завтра мы съ тобою встрѣтимся. Богъ надѣлилъ насъ желаніемъ этимъ, любовію, Онъ дозволитъ и осуществить. Въ эту минуту, когда ты писалъ ко мнѣ и создавалъ чудную, сердечную поэму поѣздки твоей въ Петербургъ, на тебя сошло вдохновеніе,—и увидишь, Богъ пошлетъ жизнь, дѣйствительность созданію поэта[1]). Ты будешь въ академіи художествъ и ежели заѣхать въ Рачковичи не дозволятъ тебѣ обстоятельства, то я пріѣду въ Петербургъ,

---

[1]) Письмо Ш—ка, отъ 10 февраря 1857 г., писано подъ вліяніемъ радостной вѣсти объ освобожденіи его изъ неволи, сообщенной графиней Н. И. Толстой. На этомъ „фундаментѣ“ поэтъ создаетъ цѣлую поэму своей будущей поѣздки въ Петербургъ, по Волгѣ, въ Москву, оттуда почтовой дорогой въ Рачковичи, затѣмъ Академія, акватинта и т д.

а послѣ когда нибудь, отправляясь поклониться старому Кіеву и Днѣпру, ты заѣдешь и въ мой уголокъ, помолимся вмѣстѣ въ „Острой Брамѣ", и старики мои со слезами благословлять тебя будутъ.

Послѣ письма, на которое ты мнѣ отвѣчалъ, я писалъ еще весной, разсчитывая, чтобы письмо мое пришло на берега вашего моря вначалѣ навигаціи, и тотъ разъ я адресовалъ уже чрезъ Гурьевъ. Ежели ты посланіе это получилъ, то знаешь уже, что я рѣшился сдѣлать. Такъ, друже мой, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Академію учиться божествен. искусству, я хозяйничаю. Не говори, однакожъ, „анаѳема!" Мнѣ нельзя было иначе сдѣлать, не нарушая первѣйшаго изъ всѣхъ нравственнаго закона. Ты чудно хорошо меня знаешь, когда говоришь, что т. обр. сдѣлается „прорѣха, не зашитая дыра въ моей душѣ", я въ истинѣ этого сказанія все болѣе и болѣе убѣждаюсь, но хуже еще было бы со мною, съ моей душою и жизнію, если бы слезы матери пали на мою совѣсть, если бы я заставилъ стариковъ моихъ грустить и тревожиться весь вѣкъ, послѣ 18 лѣтней по поводу моему тоски и грусти. Рѣшено, друже мой,—и перекрестившись я поставилъ ногу на новый свой путь. Живу въ деревнѣ и на долго не могу переселиться въ столицу, пріѣхать для того, чтобы обнять и поцѣловать тебя, присмотрѣться къ твоимъ трудамъ, обойти съ тобою всѣ галлереи, узнать творенія великихъ мастеровъ—это я надѣюсь сдѣлать. Жизнь въ деревнѣ во многихъ отношеніяхъ чудно хороша, я давно, очень давно не видалъ такой весны, не прожилъ такого мая. Какъ чудно поютъ соловьи! Какъ благоухаютъ рощи! Садикъ въ Рачковичахъ такъ цвѣтетъ, что на деревьяхъ не увидишь листочка—все переполнено жизни и любви и человѣкъ ближе къ природѣ и какъ то ближе къ Великому Богу, грудь становится теплѣе и сердце какъ будто сильнѣе бьется. Занятія около земли преисполнены тоже особенной поэзіи, и люди здѣсь какъ будто лучше городскихъ. Есть, друже мой, и другая сторона въ деревенской жизни—тебѣ она прекрасно извѣстна—но именно, кому Богъ послалъ прожить вѣкъ свой въ различныхъ судьбахъ, какъ будто для того, чтобы онъ выучился любить и уважать ближняго и чело-

вѣка, тотъ долженъ жить въ деревнѣ. О, какъ бы я хотѣлъ поговорить теперь съ тобою о многомъ, обо всемъ!

Я взялъ съ собою много оренбургскихъ эскизовъ и думалъ тогда, что ихъ употреблю еще въ дѣло, но проживъ весну въ прекрасной Литвѣ, я вижу, что не дотронусь до нихъ. Рисую и изучаю наши деревья. Я, друже мой, не въ состояніи создать „Блуднаго сына", напр., но мнѣ бы хотѣлось изучить этотъ уголокъ земли, для меня святой, а по крайней мѣрѣ, съ нѣсколькихъ рисунковъ красоту его представить. Есть же въ этой землѣ и особая мысль Создателя, ради которой она такъ, а не иначе устроена, т. е. создана—такіе въ ней деревья, такія воды, такая почва и даже облака. Еслибъ съумѣть выучиться всему этому и постичь основную идею Создателя! Мать понимаетъ голосъ ребенка, но можетъ ли дать постичь жизнь матери! Не останется ли для него закрытымъ и неизвѣстнымъ очень многое? Любовь одна можетъ послать вдохновенія: она ведетъ ко всему высокому и прекрасному, но не нѣмецкая, сантиментальная любовь, а дѣятельная, сильная, какъ понимаетъ ее св. Павелъ.

Сію минуту я получилъ письмо Сигизмунда; онъ мнѣ пишетъ, что ты свободенъ. Поздравляю тебя, друже мой дорогой, обнимаю, цѣлую, обливаю слезами радости. Согласно новому указу милостиваго монарха, ты возвращаешься ко всѣмъ прежнимъ правамъ, ты художникъ, ты можешь ѣхать въ Петербургъ окончить Блуднаго сына; ты можешь еще имѣть дни счастія. Да ниспошлетъ тебѣ Богъ все доброе и лучшее. До свиданія, друже! Не забывай меня и пиши, когда оставишь Ново-Петровкъ и какъ далѣе располагать будешь собою.

Родители мои поздравляютъ тебя отъ полнаго сердца, братъ—тоже, сестеръ въ эту минуту нѣтъ дома; дѣтей только двое—они скачутъ и радуются, что другъ ихъ счастливъ и пріѣдетъ.

Цѣлую тебя безконечно.

Матеріи я до сихъ поръ не получилъ еще.

6.

20 авг. 1857 г.

Друже мой дорогой! Двѣ твои посылки я получилъ хотя оч. поздно и теперь, по указанному мнѣ тобою адрессу, спѣшу

переслать тебѣ цѣну „Хіоскаго Горшечника“ и „молитвы по умершимъ“: именно: *семьдесятъ пять руб. серебр.* Другія три штуки проданы тоже, но деньги я получу черезъ недѣлю или десять дней и сейчасъ же вышлю ихъ тебѣ. Извини, что это длилось такъ долго: живя въ деревнѣ, подобныя дѣла не устраиваются такъ скоро, какъ въ городѣ, сосѣди не всегда любители изящнаго и покупателя нужно искать довольно далеко.

Что касается „каратаускихъ“[1]) видовъ, то я тебѣ, друже мой дорогой, напишу объ нихъ въ слѣдующемъ письмѣ. Издатель Виленскаго Альбома выѣхалъ за границу на цѣлый годъ и я вынужденъ искать другого любителя. Не хотѣлось бы мнѣ отдавать ихъ по одиночкѣ, разсчитывая все таки на кого нибудь, кто бы пожелалъ имѣть полный альбомъ; до сихъ поръ подобный ангелъ не нашелся, но я еще не теряю надежды.

Пишу въ торопяхъ и потому такъ коротко. Въ слѣдующемъ письмѣ найдешь отвѣтъ на другое твое письмо. Всѣ мои родные привѣтствуютъ тебя среди очаровательныхъ твореній искусства, среди новой жизни. Да благословитъ тебя Господь и посылаетъ тебѣ вдохновеніе и средство къ тому, чтобы работать— и ты будешь счастливъ счастьемъ немногихъ избранныхъ.

Не забывай меня! Окружатъ тебя теперь много умнѣйшихъ и лучшихъ людей—дай Богъ! Но вѣрь друже, что не многіе искреннѣе меня любить тебя будутъ.

Какъ придется тебѣ издать „блуднаго сына“, вспомни, что ты мнѣ обѣщалъ познакомить съ нимъ.

Прощай на этотъ разъ; черезъ десять дней опять напишу, а можетъ быть еще и увидимся.

До свиданія, друже мой!

7.

Друже мой дорогой! Третьяго дня я получилъ записку твою изъ Астрахани, а вмѣстѣ съ нею подоспѣли и запоздалыя

---

[1]) Кара-Тау гора и лѣсъ невдалекѣ отъ Петровск. укрѣпленія, гдѣ Ш. рисовалъ вмѣстѣ съ Залѣскимъ.

деньги,—спѣшу переслать ихъ тебѣ 75 рублей за три куска твоей матеріи, столько же я переслалъ Михаилу Матвѣевичу (Лазаревскому) прежде, и ты ихъ вѣрно уже получилъ. Каратаускихъ видовъ мнѣ здѣсь продать не удалось—по одиначкѣ я ихъ отдавать не хотѣлъ, потому что всѣхъ бы не роздалъ, а на весь альбомъ не нашелся покупатель, хотя во всѣхъ моихъ странствованіяхъ въ послѣднее время альбомъ былъ моимъ спутникомъ...

Есть у меня здѣсь, т. е. въ Литвѣ, знакомая женщина съ удивительно развитымъ эстетическимъ чувствомъ, страстная любительница искусства... Она лѣтъ пять прожила въ Римѣ—тамъ училась живописи и скульптурѣ. Нигдѣ въ деревнѣ нельзя найти такого собранія гравюръ и разныхъ произведеній искусствъ изъ волшебной Италіи. Она меня познакомила съ Фюрихомъ и Каульбахомъ, потому что и Германія ей тоже извѣстна. Я ей послалъ двѣ первыя сепіи: дочь Хіоскаго Горшечника и сцену изъ казармъ—тогда ничего больше у меня не было. Вотъ что она мнѣ отвѣтила, благодаря за то, что я доставилъ ей удовольствіе имѣть что нибудь собственно твоего: „эти вещи очень хороши, но мнѣ жаль, что такой замѣчательный талантъ nie czerpie *не разобрано* z siebie, lub śmielej z tego, co go otacza—że jakby przytłumił rodzinny ideał, którego blesk w kilku linjach nieraz... Изъ этого ты, друже мой, можешь заключить, что она будетъ въ состояніи оцѣнить твои произведенія; ежели у тебя будетъ что такое, чѣмъ ты самъ будешь совершенно доволенъ, то присылай мнѣ, назначивъ разумѣется цѣну, а я отошлю, или лучше отвезу самъ этой знакомой, хотя она и живетъ въ 150 верстахъ отъ меня. Вѣдь и тебѣ пріятно будетъ отдать вещь, взлелѣянную въ душѣ, дитя твое тому, кто его приметъ съ любовію, какъ мать.

Напиши мнѣ хоть два слова о томъ, что ты получилъ всѣ деньги и что здоровъ и счастливъ. Прощай, друже мой дорогой, твой всегдашній Брониславъ.

Рачкѣвичи 15 сент. 1857 г.

8.

Слуцкъ 5 ноябр. 1857 г.

Друже мой дорогой! Вчера я пріѣхалъ сюда изъ Рачкѣвичей съ отцомъ моимъ, к. захворалъ глазами, и нашелъ твои дорогія письма. Не теряя времени спѣшу по первой почтѣ послать тебѣ нѣсколько словъ въ надеждѣ, что они застанутъ тебя въ Нижнемъ надъ твоимъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, хотя бы я желалъ скорѣйшаго разрѣшенія твоей участи. Сигизмундъ мнѣ писалъ, что добрый Ираклій (Усковъ) при отправкѣ твоей *наглупилъ* и что это остановило пріѣздъ твой въ столицу. Все таки я не думалъ, чтобы ты былъ еще въ дорогѣ, и меня поразилъ штемпель *Нижній-Новгородъ* на твоемъ письмѣ. Дай Богъ, чтобы это покончилось поскорѣе. Сигизмундъ пишетъ, что онъ по твоему дѣлу бываетъ часто у гр. Настасіи Ивановны и что надѣется увидѣть тебя скоро на берегахъ Невы. Дай Богъ! Настасія Ивановна приняла его радушно, искренно, какъ мать, какъ сестра, и тебя ждетъ въ ея домѣ такой же привѣтъ. Потому и для многихъ другихъ причинъ я желаю для тебя поѣздки въ Петербургъ, однакожъ, такъ мало для меня надежды увидѣть тебя въ Рачкѣвичахъ, что я не могу разстаться съ этой мыслью, при всемъ моемъ желаніи всего лучшаго для тебя. А какъ бы это было хорошо, если бы ты, друже мой, заѣхалъ въ мой добрый уголокъ! Не найдешь здѣсь памятниковъ искусствъ, но найдешь теплыя сердца, которыя знаютъ тебя и любятъ съ давнихъ дней тебя, и тебѣ поэту, человѣку чувства и сердца, не было бы дурно между ними. Проживъ нѣсколько дней съ нами—высказавъ тебѣ все, что я думалъ и чувствовалъ безъ тебя, чему я могъ хоть въ маленькой части выучиться и чему выучиться не могъ, я бы повезъ тебя къ моей знакомой, о которой ты такъ прекрасно мнѣ пишешь. Она живетъ въ 140 верстахъ отъ меня и потому я не могу посѣщать ее часто, по крайней мѣрѣ два раза въ годъ я буду ее навѣщать, чтобы подышать этой атмосферой изящнаго и прекраснаго, и какъ бы пріятно было мнѣ совершить зимой это путешествіе съ тобой. Ты хочешь знать ея имя и фамилію? Эта прекрасная женщина по имени Елена Скирмунтъ,

еще молодая, богатая и получившая самое тщательное воспитаніе. Мужъ у нея молодой и дѣльный человѣкъ, котораго она любитъ и уважаетъ. Натура Елены немного эксцентричная, и я бы желалъ видѣть ее или незамужнею, посвятившею себя одному искусству, или какъ жену немного болѣе человѣчественною; но такъ создалъ уже ее Богъ. Ты знаешь растеніе, котораго листья такъ удивительно чувствительны, что до нихъ дотронуться нельзя: ежели сядетъ на нихъ самая маленькая мушка—они свертываются. Есть что-то соотвѣтственнаго этому растенію въ натурѣ этой женщины. Она понимаетъ практическую жизнь... всѣ люди въ домѣ ее любятъ и она занята ихъ нуждами, больныхъ лѣчитъ, заботится всѣмъ; сверхъ того, не испугалась бы опасности—напротивъ, я думаю нашла бы въ ней удовольствіе; но наши страсти, все грубое и матеріальное ее пугаетъ,—это чистота воплощенная. Она глубоко религіозна, можетъ быть даже немного мистически религіозна. Училась многому и много знаетъ. Всѣ вопросы настоящаго времени ее занимаютъ, любовь къ родинѣ горячая, эстетическое чувство удивительное, однимъ словомъ, очень богатая и щедро одаренная натура. Можетъ быть и для какихъ-то физіологическихъ причинъ, ей даже непонятныхъ, жалѣетъ, что у нея есть мужъ, которому она отдаетъ полную справедливость, въ пользу котораго отказалась отъ значительнаго имѣнія, и жалѣетъ, что у нее есть дѣти. Одна анормальная ей сторона это та, что она недовольно мать,—это много—я согласенъ, но увѣренъ, что это происходитъ отъ какихъ то особенностей ея натуры. Она не создана для жизни, принадлежащей всѣмъ женщинамъ, и ты бы вѣрно нашелъ живое удовольствіе въ ея обществѣ и не осудилъ ее, какъ осуждаютъ многія ея сестры, которыя не въ состояніи даже понимать ее, при всей добротѣ своей. Я увѣренъ, что со временемъ, по самому чувству долга, она разовьетъ въ себѣ то, въ чемъ еще есть недостатокъ; теперь—это чистая, прямая, мыслящая и чувствующая все изящное женщина.

Но кромѣ ея, есть у меня еще другая знакомая, подруга ея, тоже глубоко религіозная и любящая цѣлой душою искусство. Она на дняхъ должна возвратиться изъ Рима, гдѣ прожила

нѣсколько мѣсяцевъ, училась искусству прежде въ Вильнѣ, потомъ въ Варшавѣ, наконецъ въ Дрезденѣ и Римѣ. Одна изъ замѣчательныхъ женщинъ у насъ. Мы бы и къ ней поѣхали, если бы ты пожелалъ.

Видишь, какъ бы мнѣ хотѣлось заманить тебя въ Рачкѣвичи. Однако, поѣзжай въ Петербургъ, тамъ найдешь болѣе: тамъ можетъ созрѣть и воплотиться твое созданіе, твоя евангелическая притча (Блудный сынъ).

Съ возвратомъ издателя Виленскаго Альбома разговорюсь съ нимъ на счетъ твоихъ приволжскихъ видовъ—не думаю, однакожъ, чтобы онъ ихъ тамъ помѣстилъ: для этого нужно бы иного, болѣе намъ близкаго или лучше сказать, менѣе чуждаго сюжета. Виды Акъ-Таю я давно отправилъ къ Сигизмунду и надѣюсь, что онъ ихъ тебѣ перемѣнитъ въ деньги. Здѣсь, при всемъ желаніи мнѣ не удалось. Прощай, друже мой дорогой! и люби твоего Бронислава.

9.

2 іюля 1859 г. Рачкѣвичи.

Друже мой дорогой! На дняхъ я узналъ отъ молодого Чарноцкаго, который встрѣчалъ тебя у гр. Толстой, твой адрессъ и хотѣлъ тебѣ писать, когда мнѣ отдали твое письмо. Я хотѣлъ сказать тебѣ, какъ искреннему моему другу, о величайшей милости Божіей, постигшей нынѣ меня. Въ Вильнѣ, въ томъ же мѣстѣ, гдѣ одиннадцать лѣтъ тому назадъ, я кажется на всегда прощался со всѣмъ дорогимъ въ жизни, вблизи той чудотворной иконы Божіей Матери, мнѣ довелось встрѣтить чудную женщину, которая согласилась быть спутницей моей на послѣдніе годы жизни. Я женюсь, мой милый Тарасе, и нахожусь въ такомъ блаженномъ состояніи, какого даже въ мечтахъ моихъ я не надѣялся на землѣ. Невѣста моя лѣтъ 25 высоко дѣвственная, нравственная и эстетически даже богатая натура. Она нѣсколько лѣтъ прожила за границей, искренняя подруга Богдана [1]), любящая все намъ дорогое, почитающая искусство и красоту во

---

[1]) Извѣстный польскій поэтъ Богданъ Залескій, братъ Бронислава.

всѣхъ созданіяхъ Божіихъ и глубоко религіозная. Она сама училась живописи, и мы скоро на нѣсколько мѣсяцевъ поѣдемъ за границу—любоваться произведеніями искусства. Новые горизонты дѣятельности, любви и труда раскрылъ Богъ передо мной.

Какъ истинный эгоистъ, я началъ мое къ тебѣ посланіе собственною моей исторіей, но я увѣренъ, что ты въ благородномъ сердцѣ твоемъ обрадуешься моему счастію. Да, друже мой, какъ ты теперь счастливъ и какъ я сочувствую твоему теперешнему, такъ мнѣ понятному счастію! Ты увидишь Кіевъ, широкій Днѣпръ, твои хутора, твою Украину—и все, все, твое! Да благословитъ всякое созданіе Господь Богъ и дивныя дѣла Его!

Тріо [1]) твое, друже мой, не знаю, гдѣ нынѣ находится, можетъ быть ты съ нимъ встрѣтишься теперь на родинѣ. Но у меня есть копія, но лишь та, которую я дѣлалъ въ Кара-Тау, я ее сохранилъ на память о тебѣ, друже мой; она, натурально, не замѣнитъ оригинала, но ты ее исправишь. По миновеніи въ ней надобности, ты мнѣ ее возврати, такъ какъ воспоминаніе, съ которымъ мнѣ тяжело было бы разстаться. Есть у меня еще подобная копія *Цыгана* и все, разумѣется, къ твоимъ услугамъ. Гравюръ твоихъ не прислалъ еще мнѣ Сова, но я надѣюсь получить ихъ,—во всякомъ случаѣ ты меня не оставишь безъ нихъ—правда мой друже? Многіе оцѣнятъ ихъ лучше, правильнѣе меня, но болѣе искренняго по сердцу привѣтствія они ей-Богу не найдутъ нигдѣ, и помни, что нынѣ не одинъ я буду любоваться ими, а вдвоемъ.

Почти три недѣли тому назадъ я далъ моей невѣстѣ фотографію съ этого знакомаго тебѣ св. Петра, рисованнаго, помнишь въ Кара-тау; фотографія отправлена къ Богдану, вмѣстѣ съ однимъ письмомъ твоимъ, именно тѣмъ, гдѣ ты упоминаешь о книжкѣ его стихотвореній. Онъ хранитъ нѣсколько твоихъ рисунковъ и проситъ убѣдительно достать ему твой автографъ, во имя любви моей для обоихъ васъ, я разстался съ этимъ письмомъ.

Возвратившись въ Петербургъ, напиши мнѣ друже, у меня теперь такъ преисполнено сердце, что я совершенно не

[1]) Акварель—Т. Г. Ш—ка.

способенъ писать длиннаго письма, но за то люблю всѣхъ моихъ друзей, кажется еще искреннѣе.

Письма твои найдутъ меня всегда, гдѣ бы я ни былъ, если ихъ адресовать будешь *чрезъ Слуцкъ въ имѣніе Рачкѣвичи.*

Цѣлую тебя отъ цѣлой души твой Брониславъ.

Примѣчаніе: Въ концѣ этого послѣдняго письма приписка:

20 іюня Спб. Третьяго дня я получилъ это письмо съ картинкою, которую оставилъ до твоего пріѣзда (изъ Малороссіи). Кажется, на слѣдующей недѣлѣ я уѣзжаю домой. Твой М. Лазаревскій.

НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.

На отъѣздъ изъ Полтавы Н. М. Л. 22 мая 1842. (Николая Михайловича Лонгинова).

А докижъ намъ у Полтави
Быть байдыки, Паве!
Наробывъ есы вже славы:
Чы надовго стане!
Поростринькавъ все дивчатамъ,—
Дукачи й намысто,
А хлопятамъ, нéбожатамъ—
Хочъ выместы... чысто...
Нема шпоньки, немай стрички—
Комиръ зашморгнуты...
Ну! вже утявъ ты намъ сичкы;
Ечымъ помянуты!
А ну? выверны кешени;
Що тамъ е такого?
А вы хлопци, держить жмени...
Ай! бигъ-ма ничого!

---

22 мая 1842 г. въ Полтавы.

Голывся я на тыждень разъ,—
И никому й байдуже!
Прыихавъ *Винъ*, виддавъ прыказъ:
„Голысь що дня, Петро, бо гыдкый дуже".
Одже жъ що дня я и голюся,
Ажъ пасока юшить изъ бороды;
То гребинцемъ чесавшись уколюся,
То глянь,—вытягую зъ воды
Гарячои свій палець
Вже перетопленный на смалець.
Ходывъ по паночокъ, накинувши свитыну

„А що се сучый сыну?“ загуркотавъ *нашъ панъ*,
„А ну! Мерщій лышъ одягайсь въ жупанъ!“
Оджежъ, зъ тои поры не я одынъ, а й *Пани*,—
Вона у кофти, я жъ зъ гудзыкамы въ жупани.
Имо було соби якъ тилько въ викна свитъ,
Що иногди було ажъ розипре жывитъ;
Теперъ *Винъ* до горы все повернувъ ногамы...
Нехай Святый Духъ буде зъ намы!..
Теперъ вже череду жене изъ поля дидъ
А *Винъ*—гляды—тогди насъ клыче на обидъ!

—

Бувало,—смерклося—то мы и до хропка́,
Теперъ тогди *Винъ* тилько збытень смокче,
Куіовдыцця, не исть и спать не хоче,
Бо поведенція Московська, бачъ, така!

—

Ой! щобъ Васъ! Эй! Андрію!
Сказавъ бы щось,—та не посмію...
Та вжежъ побачымо,—яку тамъ цяцю
Вы прывезлы за сю намъ працю?

20 іюня 1851 г. Полтава.

Письмо Андрею Андреевичу Вагнеру.

Жена моя, достойно уважаемый Андрей Андреевичъ, свидѣтельствуя вамъ искреннѣйшее почтеніе, радостно, къ радости моей извѣщаетъ меня, что почтенные родные ваши, Гофманны, избрали домъ мой для постояннаго въ немъ квартированія и содружества съ нами. Полагая, что и вы раздѣлите съ нами удовольствіе подобнаго *сожизнія*, поспѣшу признательно обнять васъ за прочтенную мною *рукопись*: говорю поспѣшу, *колы то поклыче*, а колы наше не въ ладъ, то мы зъ своимъ и назадъ!

Якъ тилько задзвонять чотыры годынкы
Такъ мы й шморгнемо въ высокіи будынкы,
Та любыхъ панночѣкъ
Засадымъ до кныжокъ:
Нехай гуртомъ голосять,
Та хочъ борщу Петрови просять.

П. А. Г. 21 іюня 1851 г. Полтава.

—

Послухавъ жинку,
Та взявъ на перемынку
Пистревіи изъ Харкова штаны,

Такъ, одже,—бачъ,
Хочъ садь—тай плачъ:
Щось не вподобалысь іому воны!
И осьміявъ,
И ошпувавъ,
Мережани штаны на всю Пилтаву
Ни защо, ни прощо, пустывъ у славу.
Колыбъ тожъ вже Самъ тилько *Винъ*,
Той силькось. Вжебъ—байдуже!
А той *Вона*, излизшы на ослинъ,
Розкудкудакалась щось дуже,
Та надъ Петромъ ну! реготать,
Петра на глузы пиднимать;
Чаркы й пляшкы, шклянкы перетовкла видъ смиху,
Росхлюпала на скатерть сыривець,
Тогди зляказшыся, та, на простець
Ну драла!.. пидъ свою махнула стриху!

23 іюня 1851 г. Полтава.

Ой![1]) мени тяжко!
Ой мени нудно!
Якъ безъ роботы жыты меня трудно!
Ой пиду я манивцямы
Та нудьгу розважу;
Чы не стринусь зъ панночкамы;
Може слово скажуть.
Охъ мени важко!
Ой мени нудно!
Ахъ безъ роботы жыты мени трудно!
Не зустривсь я съ панночками
Воны вси въ свитлыци,
Шыють кохты зъ фальборами
Лагодять спидныци.
Охъ! мени тяжко!
Охъ! мени нудно!
Якъ безъ роботы жыты мени трудно!
Ой пиду я у садочокъ,—
Часъ прокаратаю,
Та сяду я пидъ клыночокъ,
Писню засциваю:

—

Ой покынувъ Петро хатку
И жинку небогу,

[1]) На голосъ Малороссійской козацкой пѣсни: „Ой пиду я до владыки, попа позываты"...

Помандрувавъ безъ оглядку
Въ Пилтаву—въ дорогу.
Ой, вернысь назадъ, Петрусю!
Швыденько вернысь!
Не вернесся? Утоплюся..
Тогди—не журыся!
Помандрувавъ... вона жъ зъ хаты.
Дитки занышчалы!
Огъ теперъ вы, каже маты,
Сыритками сталы.

Cette bagatelle ne peut avoir que l'intérêt du jour, cher et estimable Андрей Андреевичъ!

Vous n'ignorez pas, que je suis désoeuvré aujourd'hui. Il a fallu remplir le vide de ma matinée; c'est ce que je viens de faire aussi bien que mal, ajant toute fois liquidé la dette de ma correspondance avec ma femme et mes enfants. Mettez moi (швырните меня) aut pieds de son Excellence, notre ange tutelaire. Salut! estime et amitié. P. A. G. 26 іюня 1851. Полтава.

Андрію! Андрію!
Розмирковать не вмію,
Чы ждать іого?
Самъ тямышъ—отъ того
Що стричкы черезъ плечы?
Чы може и не ждать,
Та гавкать почынать,
Колы воно до речи?
Бо самъ сказавъ,
Щобъ почынавъ:
Нимеччына іому щось не до шмыгы;
Такъ ось боюсь, щобъ не пиднисъ
Петрови впнъ пидъ нисъ
Якои тынхвы або хвыгы

Salut! estime et amitié! 29 іюня 1851 г. Полтава.

А що жъ оце Андрію?
Яку тамъ веремію
Пидвявъ ты на *Веренстытутъ?*
Пытаемось: де ты? Чы тутъ?
А ты—на перелогы
Знай охкаешь, задравшы ногы!
Та вже якъ не миркуй,
А самъ на себе пожалкуй!
Не разъ, не два заплачешъ,

А дыва бильше ты такого не побачышъ.
Огъ! Якъ розставылы въ свитлыци вси цымбалы,
Такъ на шистьнадцать рукъ метелыци й загралы,
А тутъ скрыпкы й дудкы,
Сопилкы й кобзы вси якъ намъ заголосылы,
Та въ мидни тарилкы
Якъ брязкнулы, загромотилы,
То-будь я пеській сынъ,—
Колы въ свитлыци хочъ одынъ
Усыдивъ на ослинци!
Та вжей прыдумалы іому гадючи нимци!
А ихъ то бачышъ два браты;
Аджежъ ихъ знаешь ты!
Оджежъ й умовылысь: „ты, каже, все рукамы,
Въ свитлыци по надъ панночкамы,
Якъ будутъ грать, махай!"
Ну силькось и нехай!
Такъ ты жъ зъ дивчатами спивай.
Огъ тожъ воны якъ сталы,
То такъ изъ нымъ и заспивалы:
Мисяць въ хмары закотывся,
Тай стало темненько
Чогожъ Петро зажурывся
И болыть серденько?
Не ховайся до пивночи,
Мисяцю червоный!
Не выплакуй свои очи,
Козаче моторный!
Тече ричка все тыхенько
И моря шукае:
Ой! такъ и мое серденько
До жинки здыхае!

30 іюня 1851 г. Полтава.

Je suis mal à mon aise, cher et estimable Андрей Андреевичъ! A mon grand etonnement, vous n'avez-pas été de la soirée musicale d'hier. Eh bien! Vous le regretterez toute votre vie. M-lle Haha a été admirable, incomparable! Toutefois je suis triste. Mais dans mes joies aussi bien que dans mes chagrins, je fais des voeux pour votre santé et votre prosperité.

Булы жъ мы й въ Святыгорськимъ
И церковъ бачылы змуровану Самборськымъ
И плавалы въ рыдвани на Донци,
Розмоклы на кысиль кнышы и буханьци,

А Винъ надъ намы, знай, въ води жартуе,
Регоче и кепкуе!
Ну! правды никуды дивать;
Вже е защо сполать!
Натуры доброи видъ москаля набрався
Того й гляды щобъ ще у море не попхався!
Удасться жъ отъ таке! Ни сорому, ни ляку!
А скильки жъ голодомъ Винъ душъ запропастывъ
Чы я жъ черезъ іого зъ ченцямы не постывъ;
Отъ тилько и дае що днемъ на перемогу,
А ничью щобъ? Ей Богу!
Хочъ бы тоби згадавъ
Та хочъ разивъ изъ пьять погодовавъ!
А! Господы! Колыбъ уже до жинкы!
Наився бъ на весь рикъ, надудлыся бъ горилки.

12 іюня 1851 г. Капитолыкъ.

Де ты бродышъ, моя доле!
Не доклычусь я тебе;
Доси можно дыве поле
Прыгорнуты до себе.
А тебе ось не вблагаю
И прохавъ я и прошу;
И пытаюсь, и шукаю;
Тилькы серце я сушу.
Чы на мори ты зъ купцямы
За крамъ личышь барыши?
Чы въ будынкахъ изъ панамы
Исы ласощи й кнышы?
Чы на неби изъ виконця
Сучышъ дули харпакамъ,
Чы пры мисяци безъ сонця
Чешешъ кучери зиркамъ?
Чи у поля на долыни
Дыкимъ макомъ ты цвитешъ:
Чы у лузи на калыни
Ты зозулею куешъ?
Ой, оглянься хочъ разочокъ,
Моя доле, на мене!
Я сплету тоби виночокъ,
Прыгорнуся до тебе!

Яко ащебы не законъ твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ (церк. слав. шрифтомъ).

Получено 3 февр. 1852 г. въ СПБ.

Пишла слава
Про Станислава.

Свитыть мисяць у виконце
Та въ очяхъ темніе!
Сяе въ неби ясне солнце,
Та серця не гріе!
Колыбъ швыдче вже отъ тая.
Звиздочка засяла,
Отъ тогдибъ то болисть злая
Камнемъ зъ серця спала!
Ой, дежъ вона забарылась?
Де вона блукае?
Чы въ шынку де похмелылась
Тай тамъ спочывае?
Та вже нехай хочъ похмильну
Та ведуть швыденько!
Утнемо жъ мы ій весильну,
Прыймемо гарненько!
Ой, давно бъ вона небога
Въ Харкови блыщала,
Такъ отъ! зализна дорога
Усе попсовала!
Настроилы сучи нимци
Возивъ зъ чавунамы;
Народъ сыдыть на ослинци,
А тутъ... Господь зъ намы!
Безъ воливъ и безъ конякы
Колеса махають!
Бо нехтожъ—самы чортякы
Рыдванъ попыхають!
А зустривсь зъ другимъ обозомъ?
Утруть тоби маку,
Зимнуть всіого зъ твоимъ возомъ
На шпаньску кабаку!

Telle fut, cher et estimable Андрей Андреевичъ, la missive que j'ai espediée à mon venerable bienfaiteur du 12 janvier Puisse-t-elle derider pour un instant votre front?

23 января 1852 г. Харьковъ II. А. Г. Получено 3 февр. 1852 г. въ СПБ.

Слышану сотвори мнѣ заутра милость твою, яко на тя уповахъ.

Ой дежъ вона залетила,
Обицяна Галка Била?

Мабуть Харкивъ промынула!
Чы не въ вырій лышъ шморгнула?
Погана справа:
Нема Станислава!
Пысавъ панъ: звизду давъ
И червону стричку.
Отъ я й ждавъ.. дулю взявъ,
Щей поставывъ свичку [1])!
Ой! Схоплюсь! Утоплюсь!
Повишусь на гильци,
Або смерть, якъ напьюсь,
Найду я въ горильци!
Поскупывся цяцькы
Прыслать на свытыну.—
Прысылайже гвиздкы—
Забыть домовыну!
Не турбуй, не рятуй!
Ни вже не оклыгну!
Такы виру... не здывуй!
Щей ногою дрыгну!
И святыхъ не склыкай:
Вылають на славу!
Лучче грывню выймай
На здвинъ Станиславу!

Telle fut ma seconde jeremiade que j'ai envoyée à mon ange—tutelaire du 20 janvier courant, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ. Puisse-t-elle trouver un echo dans votre coeur? П. А. Г. 23 января 1852 г. Харьковъ. Вотъ уже минуло 24 дня съ тѣхъ поръ, какъ грамота подписана, а св. Станислава нѣтъ, какъ нѣтъ. Это необъяснимо! Не постижимо!

Si vous n'avez plus bèsoin, bien cher et bien estimable Андрей Андреевичъ, des originaux, que je vous ai remis hier, vous m'obligeriez, si vous vouliez me les transmettre par le porteur de ce billet. J'en ai besoin pour dresser ma petition au nom du Conseil de l'institut afin qu'il veuille les faire enregistrer dans ses actes. Je n'ose pas franchir le seuil de la porte de son Excellence Николай Михайловичъ, la sachant obsedée par un cortége de pleureurs et de pleureuses.

---

[1]) По полученіи радостной вѣсти мы служили благодарственный Богу молебенъ 8 и 16 января.

Блаженни плачущіи,
Яко тіи утѣшатся.

Salut, estime et amitié. П. А. Г. 2 іюля 1851 г. Полтава.

XIV ода Горація, кн. 2-я.

Eheu! fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni: nec pietas moram,
Rugis et instanti senectae
Afferet et cet.
Ой часъ бы, Грыцьку, нашъ, ой! часъ пошановацця:
Не все жь намъ, братику, не все парубковать;
Не все зъ дивчатамы гасать и женыхацця,
И тютюнкову [1]) день и ничъ въ шынку круглять!
Бачъ—пыку зморщкамы—мовъ лемишемъ зъорало!
Ось ну! Помацай гырю лышъ:
Чы бачъ-якый—мовъ паршамы зстругало
На тимьи здоровецькый плишъ!
Отъ старисть! Схаменысь! а ты соби байдуже!
Ось, ось скандзюбыть въ сукъ, хочъ напрямець якъ сгій.
Та вже якъ яровавъ, мовъ огырь, нашъ Андрій,
Ай той подався дуже!
А тамъ, козаче, зыркъ! нивидсиль, нивидтиль,
Кырпата свашка—гулькъ у хату!
Добрыдень, скаже, хлибъ та силь!
Здоровеньки булы зъ весиллямъ, свату!
А тамъ и солухивъ весильныхъ якъ утнуть!
Лежыть Грыцько, обдувся—якъ барыло!
Отъ и догравсь! Сюды, туды, верть-круть!
А тутъ Грыцька въ супоню и скрутыло!
Що думка, може, бачь така,
Щобъ отъ кырпатои [2]) гидзою откупыцця?
Тыкнуть на часточку попови пьятака,
Тай дейно довику зъ дивчатамы казыцця?
Що? може напечешъ горячыхъ буханцивъ,
Заколешъ пидсвынка та мьясомъ нагодуешъ
Каликъ, сыритокъ и старцивъ,
Та тымъ и пельку ты кырпатій зашпунтуешъ?

Ни, голубе! Вже не такымъ тузамъ
Кабакы кырпа втерла!

---

[1]) Водка изъ бочки, подъ которую кладутъ листья табаку-бакуна.
[2]) Смерть.

Вже Бонапартъ якъ давсъ въ знаки и москалямъ,
Да и того на дно до пекла вперла!

—

Воно то—ничого гриха таить—гульвиса—
На часточку не ткнувъ николы й двухъ шагивъ,
Дупывъ нимоту й дравъ, та вжежъ и дравъ изъ биса,
Покы не скуштовавъ московськихъ стусанивъ!
Ну а Сирко? Богданъ? Мазепа и Палій?
Хыба попамъ, старцямъ обидивъ не справлялы?
Хыба церкôвъ, дзвиныць не муровалы?
Хыба не ставылы хрестивъ на стовповій?

—

А дужежъ тымъ воны отъ смерты откупылысь?
Любисинько лежять тамъ, де и всимъ лежать!
Чя срибломъ сукни ихъ, чы диркамы свитылысь
И дрантя, и ребронъ—все робакы зъидять!

—

А втикъ, щобъ въ москали на сей рикъ не схопылы.
Впровторять—такъ якъ разъ—въ погонци черезъ рикъ!
Не вмеръ—болячкы задавылы!
Та ба! Такъ одже-бачъ утикъ!

—

Колы на панщини душа не опряглася,
Колы то Господь боронывъ;
То въ жывоти—гляды—горилка занялася,
Або хто бебехы за жинку одсадывъ!

—

Та вже нашъ дякъ чыта у княжци не дурницю,
Що доведецця всимъ по повній выпывать;
Изъивъ Адамъ изъ Евою кыслыцю,
А намъ прыйшлось за ихъ оскому прогонять.

—

Пындючыть нисъ Останова Горпына
И знай—все мацае на шыи свій дукачь;
А тутъ не зуздрыцця—спитка лыха годына,
Тогди хочъ сядь—тай плачъ!

—

Трищать одъ збожжя въ Опанаса
Засикы, клуни и токы;
Дере на пасици Панько свій медъ на Спаса;
Кацапамъ отдае на спускъ свои ставкы;

—

А все бридня: покынешъ любу жинку,
Чумацьку снасть, воливъ и килькы паръ плугивъ,

И вирне наймытя, и дрибную дытынку;
Покынешъ все, кажу, на радисть ворогивъ!

А той, що знай-збиравъ и товкся головою,
На що серце въ сырій земли засне!
Отъ тилькы коржыкивъ та колыва зъ сытою
На помынкахъ душа ряды въ годы лызне!

А тамъ—гляды—по смерты въ хату й вперлы.
До жинкы съ пару москаливъ!
Пишла куёвдыцця! Якъ не було—все втерлы
А дитвы мыркають безъ сыткы й постоливъ;
Конючять хлиба шматъ пидъ викнамы зъ торбамы,
О паплюга! Та се ще й такъ и сякъ;
Отъ лыхо: всю твою горилку зъ бахурамы
До щенту выпыла тай трубыть у кулакъ!

(Изъ тетрадки, на которой сдѣлана надпись: Cahier, copié par El. A. G. 1836).

Рукопись „Справжня добрость" на 6 четвертушкахъ; въ концѣ приписка: cette pièce, commencée l'an 1817, ne fut jamais ni continuée ni achevée. Переписалъ авторъ 7 іюля 1836 г.

Сыдыть Петро у Полтави
Въ стани зъ почтарямы;
Теперъ Петро нашъ не въ слави,
Вже не зъ панночкамы!
    Колысь було якъ забряжчыть
    Въ браму у будынку,
    Такъ пани Зассъ и закрычыть:
    Мерщій горилкы зъ шынку!
Тягнить Петра на вечерю
Любіи дивчата!
Ставте на стилъ вы тетерю,
Та рижте курчята!
    Теперъ Петро у Полтави
    Въ стани зъ почтарямы;
    Теперъ Петро вже не въ слави;
    Годи зъ панночкамы!

А куды жъ вы мене, Андрію, загарбаете? Куды мене динете? Куды мене запровторыте? Яку хату помеломъ моимъ будете месты? Яку дирку мною заткнете? 24 іюня 1848 г. П. А. Г.

Въ Капитоновкѣ, 9-го іюня 1851 г. (имѣніе Н. Мих. Лонгинова, близь г. Изюма).

Надудлывсь чаю
Тай самъ не знаю,
Якъ злизты зъ драбынкы
У паньски будынкы!

—

Обдувсь, якъ барыло
Тай ногы скрутыло,
Ледвэ ворошуся
Та исткы прошуся.

—

Колыбъ догадалысь
Та швыдче збиралысь
Що тамъ е—поснидать
А тамъ и обидать.

—

Можебъ, видъ серця трошки одлыгло,
Бо ждать, Ей Богу! такъ давно обрыдло!
Тай докижъ ій спаты
И въ лижку лежаты?

—

А нуте, хлопьята!
Мерщій на стилъ курчата!
Та дайте горилкы
Чы то намъ скилькы!

—

Чоловикъ не скотына,
Отъ! якъ дытына—
Лызне зъ пивъ-видерця,
Абы глыстивъ прогнать видъ серця!

П. А. Г.

Петро мужыкъ не покорный
Та вдавсь соби проноза зъ биса:
Здаецця зъ пыкы и дурный
Та годзунковатый гульвиса.
Отъ! Гедзь напавъ Петра! Не сныть, не исть николи
Бажае бачыть Пьятембурхъ
И—знай—черка пысульки до Мыколы,
Нехай, каже, покы не выпре зъ мене духъ,
Хочъ разъ тоби я поклонюсь:
Нехай на Пьятембурхъ доволи надывлюсь.
Мыкола гарный, любый панъ,
Черка ему: „надінь ты, Петре, свій жупанъ,

А на жупанъ зъ видлогою свытыну
И решетыловскій кожухъ
И хлиба де яку шматыну;
Тай чымчыкуй що мога въ Пьятембурхъ".
Отъ нашъ Петро уже и въ Пьятембурси
Въ свытыни новій и въ кожуси!
Петра за гостя прыня.ы;
Петра у моды повелы,
Чого Петрова душка забажала,
Усе побачыла, всёго покуштовала...
Петро, мовъ еднораль, мижъ панствомъ выступае,
Передъ Петромъ москаль ручныцю пиднимае;
Петрови въ тарилкахъ пиднсять паньску страву
Та що й казать! Петро пишовъ у славу!
Але Петрови вже нудненько щось стае;
Петро буцимъ то сяде, то встае;
Все груды мацае, кородыцця и кашля
И ныщечкомъ пидъ нисъ соби скрывывшысь кашля
Петрови стричку и хрестъ Мыкола втеребывъ,
Петра Мыкола въ двиръ до Самои водывъ;
Петро буцимъ повеселивъ,
Та впьять здуривъ
И свитомъ нудыть,
Другихъ и самъ себе посередъ ночи будыть;
Петра напалы перелогы;
Петра зъ нудьги не носять ногы;
Въ Петра буцимъ усе въ господи умира;
Въ Петра вси хвори тамъ—и жинка й дитвора!
Петро прытьмомъ до дому до двора!
Мыкола панъ швыдчій Петровій жинци
Въ царыци выпрохавъ намисто въ сто червинцивъ;
Петро упьять повеселивъ,
На вси чотыри поглядивъ,
Тай, паночку, сказавъ: здоровижъ оставайтесь
И въ Пьятембурхъ мене вже бильшъ не сподивайтесь.

Cet impromtu fut composé à S. P—bourg 3 mars 1833 dans la maison de S. E. m. de Longuinoff, secraitaire d'Etat de S. M. Jmperiale au moment, où l'auteur prit son congé de S. E. revenir à Kharkoff.

Возрадуюся и возвеселюся о милости твоей, яко призрѣлъ еси на смиреніе мое, спаслъ еси отъ нуждъ душу мою; и нѣси мене затворилъ въ рукахъ вражіихъ, поставилъ еси на пространнѣ нозѣ мои.

Тай гарна жъ та галка била,
Що до Петра прылетила!
Чого жъ мени журытыся?
Хыбажъ ище трясьци!
Тильки Богу молытыся,
Щобъ жыть въ твоій ласци.
Чого божавъ—усе ты давъ:
На нивъ вику стане;
Абы лышень ты виковавъ
О! Мій любый пане!
Черезъ плечи почепывъ ты
Стричку червонеььку,
А надъ серцемъ прышпылывъ ты
Звиздочку ясненьку;
И на радощахъ серденько
Пидъ звиздою бьецця,—
Що ажъ стричка та частенько
На грудяхъ трясецця!
Та й гарна та галка била
Що до Петра прылетила
И на грудяхъ іому сила!
„А пожывемъ, якъ, самъ кажешъ",
„Щей Гальку достанемъ".
Ну! Тамъ соби якъ самъ зважышъ..
Мы спорыть не станемъ!

П. Артемовскій-Гулакъ.

13 февраля 52. Харьковъ.

Истязалъ еси беззаконіе мое и грѣхи моя изслѣдилъ еси, руцѣ твои сотвористѣ мя и создастѣ мя; потомъ же, преложивъ, поразилъ мя еси. Іова, кн. I.

1.

Ну! вже такы
Далась въ знакы
Мени та галка била!
Мовъ чыракы
На печинкы
Отъ такъ прытьмомъ и сила!

2.

Було вси дни
На черени
Пряжусь та позихаю,
Та шисть разивъ
До пырогивъ
Изъ печи я злизаю.

3.

Ряды въ годы
До бороды
Було доходыть дило...
Отъ розскубешъ,
Въ жмени помнешъ,
Та й вовьять у просо сидо!

4.

Було й сопешъ,
Було й хропешъ,—
Другымъ й соби байдуже...
Такъ отже, бачъ!
Хочъ сядь тай плачъ!
Отъ треба Галкы дуже!

5.

Звизду прыславъ
Тай наказавъ,
Що бъ що дня я голывся,
Перыну славъ,
Пыку вмывавъ
И що дня чепурывся!

6.

Ой випъ мене
Зъ свята зжене
Московською пенею!
Отце бида
Отта звизда!
Нехай тамъ Господь зъ нею!

7.

Ну й зхаменусь!
И пидголюсь!
Чого тамъ разходывся?
Та якъ пидъ часъ
На мисяць разъ
И безъ того голывся!

8.

Тилько не лайсь —
Та не знущайсь,
(Бо кепьска выйде справа,
Якъ зашморгнусь
Та й почиплюсь
На стричци Станислава)!

Колы моеи розмовы не втнете́, за що жъ мене кобеныте? Колы моихъ виршей не чытаете, за що жъ мене потрипуете и лаете? Отъ! бачъ, зминывся тай зледащывся? Та надъ якымъ же гаспыдомъ буду я працюваты и бебехи надрываты? Була робота—була й охота; лежавъ на шыи обовьязокъ,—ну й роботы було чы мало вьязокъ. Було дило—ну й робыть кортило; а колы теперъ видъ обовьязку на втикачи, такъ поневоли треба лежаты на печи. Отъ! и лежымо, и имо, и пьемо, и спымо! и встаемо та впять лежымо, и имо, и пьемо и спымо! Запряжить въ дило, потягнимъ смило, накыньте ярмо—той повеземо. Чы ясно, чы хмарно, намъ и такъ гарно. А хлиба треба? Упаде зъ неба. А въ неби не стане? Жинка достане; нехай конючыть—та дитокъ учыть! А мы соби на думци,—та сіого буцимъ и не вважаемо и, тее то якъ іого, такъ соби и пануемо и нисъ до горы пындючемо и—знай то и дило, що мацаемось за груды, чы вона—отъ та била Галка стырчыть, та сяе, та народъ лякае? Петръ Артемовскій-Гулакъ.

Марта 1852. г. Харьковъ. Изъ письма его къ Н. М. Лонгинову.

(Копія).

На побѣды русскихъ надъ турками, одержанныя ген.-лейт. Андрониковымъ въ Азіи 14-го и вице-адмираломъ Нахимовымъ 18 ноября 1853 г. на портѣ Синопа.

Сыдыть Абдулъ
Губы надувъ
И гадку гадае:
Що тамъ—мое
Турецькее
Війско поробляе?

—

Скилькы жъ воно—
Въ море на дно—
Москаливъ пустыло!
Скилькы рыбьятъ
Зъ ручныць, зъ гарматъ
Трупомъ положыло!

—

Ой вже жъ тіи
Турецькіи

Війска розчухралы!
Вже жъ надъ ными й
„Со святымы“
Дякы одспивалы!

—

Вжей въ Пьятенбурхъ
Гинець Явтухъ
Чкурнувъ, що мавъ сылы—
Зъ лыстомъ объ тимъ,
Що туркамъ всимъ
Тынхву въ нисъ встромылы.

—

Сполать тоби
Въ Руській земли
Андронче козаче!
Ты бусурманъ
Зъьявъ на гаманъ
Нехай Абдулъ скаче!

—

Сполать тоби,
Въ Русській земли,
Нахыменку хвацькій,
Що попалывъ
И потопывъ
Байдакы Султаньски.

—

Та вжежъ лызнувъ
Та вжей мазнувъ
Султана по пыци!
Провивъ шрамкы!
Будутъ втямкы
На морди сыныци.

—

Такъ, бачъ, Султанъ,
На сей изъянъ,
Щей морду пындючыть,
На панойця,
На Воронця
Арканъ зъ шовку сучыть.

—

Сучытъ арканъ
Дурный Султанъ,
Тай скручуй тугенько,

Бо туркамъ всимъ
Высить на имъ
Прыйдецця довгенько.

П. А. Г.

На разбитіе ген.-ад. Бебутовымъ 19 ноября 1853 г. въ Азіи 36 тыс. турецкаго корпуса, состоявшаго подъ начальствомъ Абди-паши. Посланіе П. И. Л—вой въ отвѣтъ на ея записку съ первымъ извѣстіемъ объ этой побѣдѣ.

Що тамъ у храна,
Пани, сокочешъ?
Якыхъ тамъ виршивъ
Видъ мене хочешъ?
Спивавъ тоби я
Андронка славу,
Спивавъ козацьку
Нахымка справу,
Спивавъ, якъ турчынъ
Зъ нымъ счепывся,
Що й самъ не радъ бувъ,
Не одхрестывся;
Спивавъ я соромъ
Въ ганьбу Султаньску,
Стоптану сылу
Іого поганьску;
Такъ отъ же тоби
Сіого ще мало!
Хыбажъ Меджиду
Ще гирше стало?
„Ой стало гирше
Видъ того часу,
Якъ турчынъ зъ ляхомъ[1])
Удравъ до лясу;
Якъ Бебутъ дався
Въ знакы невири
Взявъ станъ й гарматъ
Двадцать чотыри".
Отъ це до шмыгы,
Любая пани,
Такъ се Бебутъ ихъ

———

[1]) Въ замѣну радостнаго извѣстія объ этой блестящей побѣдѣ П. И. Л—ва непремѣнно требовала въ отвѣтъ малороссійскихъ стиховъ.

[2]) Извѣстно, что въ разбитомъ корпусѣ Абди-паши находилось много отчаянныхъ польскихъ политическихъ коноводовъ.

Выхлеставъ въ бани?
Нехай же дурни
Здорови зносятъ
Та й ще въ Бебута
Парку попросять!
Покы жъ той турчынъ
Зъ невдячнымъ ляхомъ
Чухраютъ лисомъ,
Не бытымъ шляхомъ,
Я изъ гарматъ ихъ
Запалю люльку
И заспиваю
Таку имъ думку:
Якъ до тебе, Меджыде,
Отъ ця звисточка прыйде,
Що нашъ бравый князь Бебутъ
Давъ Абди-паши капутъ,
То не дмысь вже, мовъ той сычъ,
А въ сирка очей позычъ,
Та прыйды и повыныся,
Ныэько въ ногы поклоныся,
Въ церкви Богу помолысь,
Та недуже той скупысь
И на сповидь кинь грывняку,
Щобъ Бебутъ не втеръ ще маку;
Побожысь тай дай зарику,
Що до смерты, що до вику
Не зачепышъ бильшъ николы
Билого царя Мыколы.

12 декабря 1853 г., Харьковъ.

Совѣтъ султану на затѣю его перенести свой дворъ, знамя и сорочку Магомета въ Адріанополь. (Копія).

Ой! не мандруй, султане,
До Адрынополя
Бо тамъ тебе зостане,
Лыхенькая доля!
Ой не бажай, султане,
Водыци зъ Марыци,
Бо въ животи та стане
Гирша одъ гирчыцы!
Не розвертай, султане,

Хорогвы Магмета:
Москаль зъ древна хочъ стягне,
Хочъ пробье зъ мушкета!
Не розвишуй, султане,
Сорочкы пророка:
Москаль сцупыть—якъ гляне,
Охъ! буде морока!
Ой не схыляйсь, султане,
До Балканивъ ухомъ,
Бо зъ ихъ віе погане...
Кулевчынськимъ духомъ!
Нехай твій нисъ, султане,
Въ горы й не сягае,
Бо зъ гиръ Дыбычъ якъ встане,
До смерты злякае.
Не поглядай, султане,
На чорнее море:
Въ чорнимъ мори въ тумани
Плыве твое горе!
Бачъ! въ Сынопіи, султане,
Клубкы дыму вьюцця!
Отъ тожъ твои моряне
Зъ Нахыменкомъ бьюцця!
Бачъ!.. якъ море, султане,
Одъ ихъ гарматъ стогне?
Твое війско кохане
Зъ байдаками тоне!
Ой! не дывысь, султане,
За море—къ Ацхуру;
Тамъ доставъ вже и достане
Турчынъ хлосту въ шкуру;
Не посылай, султане,
Війска къ Арпачаю,
Бо вернецця въ Карсъ пьяне
Видъ русського чаю!
Не наклыкай, султане,
На русскихъ Шамиля,
Бо й винъ лебонь не встане
Зъ Даргського похмилля [1])!
Не поможуть, султане,
Праньци й Яглычваньци,
Москаль свого дотягне
Не въ вечиръ, такъ въ раньци!
Такъ сиижъ дома, Меджиде,

[1]) Дарго—бывшее гнѣздо Шамиля, взятое и разрушенное русскими въ 1845 г.

Мы буркать не будемъ,
А якъ москаль надійде,
Мы тогди й розбудымъ.

П. А. Г. 16 декабря 1853 г., Харьковъ.

Воззваніе къ Франціи по случаю ея союза съ Англіею въ 1853 г. противъ Россіи по восточному вопросу. (Копія).

Чого вы праньци [1]) розсвербылысь?
Якый васъ гаспыдъ розчесавъ?
Буложъ вже трошкы й заструпылысь,
А тутъ уньять васъ гедзь напавъ?
Ой не своимъ вы глуздомъ, праньци,
За сю дурныцю узялысь!
Васъ пидцьковалы Яглычваньци,
Що вамъ не разъ въ знакы дались!
Хыба жъ не зъ нымы въ давню сварку
Вы зшкварылы на шышлыку
Орлянську панночку Одарку [2]).
А хтожъ вамъ раду давъ таку?
Воны, воны! Дурни вы праньци!
Та що давныцю й спомынать?
Та ще й неподавно... поганьци
Далы вамъ перцю скоштувать?
Чы щежъ у Трахвалгари трохы
Утерлы носа вамъ воны?
Стяглы зъ васъ плюндры и панчохы,
Спалылы байдакы й човны...
Та що й казать? а въ Абукыри
Хиба не выщыпалы вамъ
Чупрыну всю воны изъ гыри?
А хочъ бы й дядько вашъ и самъ?
Хыба жъ іому ще мало сала
Воны за шкуру залылы!
А зъ Ватеря якъ давъ винъ драла...
Хыба жъ зъ запечи не стяглы?
Хиба не вперлы на Олену,
Пославшы скучать надъ нымъ

---

[1]) Праnцами называютъ ихъ наши Калмыки (Москв. 1854, №№ 1 и 2).

[2]) Іоанна д'Аркъ, орлеанская дѣва, сожженная на кострѣ, по приговору французскаго духовенства.

Собаку аглыцьку скажену [1])
Покы й не ставсь надъ нымъ кысымъ?
Се Пальмерстинъ! Се винъ, псяюха!
Винъ васъ пидвивъ пидъ монастырь.
Ой! Втопыть же винъ васъ по уха!
Ну! Вышкварыть изъ васъ винъ жыръ!
Згадайте жыда Пацяпына [2])!
За що на грекивъ винъ озлывсь.
За що винъ, навиженна пыка,
Мовъ рыпьяхомъ до ихъ вчепывсь?
За те, що въ мори Грецька сыла
Поперехала ихъ човны
Ы крамъ свій продавать возыла
Куды й возылы свій воны.
Отъ! Пальмерстинъ, якъ гайдамака,
Спалывъ вси грецьки байдакы,
Загарбавъ гроши ихъ—собака,
Цяцьки и срибни образкы.
А щобъ не румсалы Ахвыны
За срибни образкы й цяцькы,
Винъ злипленыхъ прыславъ имъ зъ глины
Такихъ, якъ аккуратъ, божкивъ [3]).
А тежъ Омельково весилля [4])?
Хыба жъ воно вамъ не втямкы?
Хыба жъ васъ Палмерстинъ съ похмилля
Не обертавъ на вси боки?
Згадайте, якъ Пелыпъ зъ столыци
Давъ драла, що и очкуръ згубывъ?
Ни жупанка, ни паляныци
Зъ господы винъ не захопывъ!
А що жъ то у іого будынкахъ
Добра и худобоньки було!
Въ коморахъ сала, срибла въ скрынькахъ,

---

[1]) Въ трагической развязкѣ великой наполеоновской драмы участь плѣнника св. Елены не разъ сравнивалась съ судьбою Прометея, а Сэра Гудзона Ло—съ коршуномъ, его терзавшимъ (От. Зап. 1853, ноябрь, отд. VI, стр. 1).

[2]) У кого не въ свѣжей еще памяти извѣстная претензія жида Пасифіено, послужившая неразборчивой политикѣ Пальмерстона предлогомъ къ нанесенію греческой торговлѣ, а съ нею и благосостоянію Греціи рѣшительнаго удара.

[3]) Извѣстно, что вмѣсто увезенныхъ англичанами изъ Аѳинъ въ Лондонъ драгоцѣнныхъ мраморныхъ статуй и бюстовъ, они прислали грекамъ гипсовые съ нихъ снимки и тѣмъ въ грабежѣ расквитались. (Independance Belge 1853 г.).

[4]) Le mariage d'Espagne du duc d'Aumale, извѣстный испанскій бракъ герцога Омальскаго, надѣлавшій столько тревоги Вестминстерскому кабинету со всѣми его послѣдствіями для династіи орлеанской съ 24 ф. 1848.

А все жъ то марно такъ пишло.
А скилько образкивъ Версальскихъ!
Маларскихъ кунштивъ и божкивъ!
Паперивъ та кныжокъ школарскихъ,
Нывъ, лукъ, ягнятокъ ы коривъ?
Все дномъ у верхъ перевернулы
Мудри Роленкы та Бланкы,
А тамъ у Лондинъ и шморгнулы,
Тай гавкають мовъ ти сиркы!
Отъ! Палмерстинъ тамъ ихъ и водыть
Де треба пидцькovать кого:
Тутъ плюндры нимцеви пошкодыть,
Тамъ вырвать лытку у того...
Сихъ цуцыкивъ тамъ багатенько,
А зъ ихъ найскаженниши си:
Кошутко, Клапка та Маценко.
Ы сказано... собакы вси.
Одынъ—знай—гавка на венгерця,
Другый на москаля гарчыть;
Той на цесарця пиныть зъ сердця,
А Палмерстинъ цькуе й мовчыть.
Мовчыть—та двохъ навчыть, поганый,
На думци жъ оберта свое
И въ *кузни Хворенскій* кайданы [1])
На мыръ хрещеный винъ куе.
Зъ чужои славы перелогы
Іого хватають за жывитъ;
Одъ заздрощивъ трясуцця ногы,
Пройма іого цыганскій питъ.
Видъ думокъ тимья все въ пирпныцахъ,
Запалы въ лобъ, якъ въ ліохъ, банькы,
Гадюча шкура въ жовтяныцяхъ;
Стягнуло кендюхъ ы кышкы.
Не спыть винъ въ день, не спыть и ночи,
А що найгирше дошкуля
Іого ы шыломъ коле въ очи,
То слава Билого царя!
Ни, каже, не зможу николы
Знесты, хочъ ты мене зарижъ,
Важкенькои рукы Мыколы.
Бачъ! Що пидсуне те ы ижъ!
На що оруду винъ, каже,
Всимъ свитомъ и до всихъ добравсь?

---

[1]) Англійское Foreing office, такъ прославленное въ наше время подкопными дѣйствіями разрушительной политики Пальмерстона.

Тыхъ маслечкомъ по губкахъ маже,
Другымъ втямкы до суду давсь?
На що, въ угорьскую пожогу [1])
Палыводивъ угамовавъ?
Цесарцеви пославъ пидмогу?
Голштынськiй справи раду давъ?
На що винъ пышнымъ мосципанамъ
На *kark* [2]) шляхецькiй наступывъ
Ы ихъ сеймове nie pozwalam [3])
Въ Сыбирь погрицця одпустывъ?
На що винъ Русалымську [4]) справу
Ы грецькiй людъ въ опеку взявъ
Ы ажъ у Сыръ-Одарчынъ [5]) въ сплаву
Вiйска зъ гарматамы пославъ?
Се бачъ, въ земельку винъ Ындычу [6])
На наше безголовье пре!
Отъ тымъ то, праньци, вамъ я клычу
Гвалтъ! Турка Билый царь дере!
Якъ бачъ! Безъ спросу Яглычванцивъ
Абдула за чубъ винъ скубе!
Де схопыть—бье винъ бусурманьцивъ
Ы скарбъ ихъ до казны гребе!
Нужъ, праньци, стягнемъ, каже, сылу,
Мы—наши, вы—свои човны,
Да пошлемо ихъ въ Дарданылу
Хай кышкають Москву воны?
Отъ! кышкають воны въ Безыци [7])
Кышъ! Москали! А москали
Частують турчына по пыци
Ы бьють на мори й на земли.
Що за прычына! Кажутъ праньци
Ось! Поплывемъ лышь пидъ Стамбулъ
Ну! Силькось!.. Поплылы у раньци,
На зустричъ выйшовъ имъ Абдулъ.
Здоровъ Абдуле! Що чуваты?
Багацько жъ москаливъ уклавъ?
Щобъ васъ нечыста клала маты?
Своимъ censored сватамъ Абдулъ сказавъ.
Пидсиклы вже мени вы лыткы

[1]) Угорская пожога=Венгерскiй мятежъ.
[2]) Kark по польски: шея.
[3]) Nie pozwalam—извѣстное liberum veto на шумныхъ сеймахъ.
[4]) Русалымська справа—вопросъ объ Iерусалимѣ и св. мѣстахъ.
[5]) Рѣка Сыръ-Дарья.
[6]) Земелька Ындыча—Индiя, откуда и названiе индыкъ.
[7]) Безика=гавань у Дарданелъ.

Е чымъ катюгъ васъ помынать!
Стяглы зъ мене усе до нытки,
Та ще й на глумъ ну! пиднимать!
Объилы городъ волоцюгы,
Шынкы й трактыры обпылы
Ы съ перепою одъ натугы
Кышкы вамъ въ пельку пидплылы [1]).
„Та нубо! нежартуй! розсказуй!“
Яки тутъ жарты? хай вамъ бисъ!
Та вже соби якъ не розмазуй,
За васъ я дулю взявъ пидъ нисъ!
„А якъ же се“? Отъ такъ попросту:
Бебутъ зъ Андронкомъ на земли,
Нахымко давъ на мори хлосту,
А жъ въ голови гудуть чмели!
„А ты жъ намъ що дасы за працю“?
Тры вырвы въ шыю, зли сыны!
Та на дорогу глечикъ смальцю
Щобъ швыдче йшлы до сатаны!
Ни се, Абдуле, кепьска справа!
Мы спупымъ Кандзькій остривокъ [2])“
„А праньцямъ“? „Въ заробитку слава
Та на дорогу батижокъ?“
Батигъ имъ знадобыцця й дома
Своимъ гульвисамъ шкуру драть,
Щобъ бунтовать зійшла оскома
Ы туркомъ москаля лякать,
Мени жъ зоставыте вы, псякы,
Хочъ на тютюнъ? Та, ну, не хнычъ!
Мыкола втре тоби кабакы,
А ты поставышъ могарычъ!

20 декабря 1853 г. Харьковъ. П. А. Г.

(Копія).

Послѣдній экзаменъ, произведенный мною воспитанницамъ Полтавскаго института въ январѣ и февралѣ 1854 г.

У Полтави, въ славнимъ мисти [3])
Будынкы билиють;

[1]) Съ какимъ безчинствомъ англійскіе матросы вели себя въ Константинополѣ въ послѣднее время до выхода союзнаго флота ихъ въ Черное море—о томъ неоднократно повторено было какъ въ иностранныхъ, такъ и въ отечественныхъ газетахъ

[2]) Островъ Кандію, около котораго съ такимъ самоотверженіемъ давно уже ухаживаютъ англійскіе комиссары въ видахъ цивилизаціонной политики Пальмерстона.

[3]) Мисто—городъ.

Въ тыхъ будынкахъ дивчатъ зъ двисти,
Якъ макъ, червоніють.
Вовтузяцця жъ ти дивчата
Та не зъ парубкамы:
На лавочкахъ пташенята
Сыдять надъ кныжкамы!
Зъ стембулкою [1]) въ палченятахъ
Стыхъ [2]) свій у часловци
Промовляють—ластенята—
Ажъ трыщыть въ головци!
Чогожъ взялысь такъ дивчата
За той стыхъ въ часловци?
Щобъ погладыла ихъ маты
Гарно по головци!
Хто жъ ихъ маты? Хто родына
Объ ихъ печалыцця?
Ихъ родына—Украина,
А ненька—царыця.
Гребе квочка на смитанячку,
Курчатокъ склыкае:
Клыче й ненька сыриточку,
Въ свитлыцяхъ ховае.
Няньчыть іи й доглядае,
Одверта, що шкодыть,
Обчисуе й одягае,
До глузду доводыть.
Чкурнувъ почтарь до царыци
З лепортомъ що сылы,
Що панночкы, въ товстій кныжци
Вже стыхъ свій довчылы...
Ну! чухрай же й ты, Гулаче,
У Харькивъ, що мога:
Тамъ зъ дитками жинка плаче,
Жде тебе небога!

(Все это извлечено изъ рукописи, хранящейся въ Петербургѣ, въ имп. публичной библіотекѣ).

[1]) Стембулка—указка.
[2]) Стыхъ—урокъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА.

Исчезновеніе старыхъ рукописей, фамильныхъ бумагъ и писемъ—явленіе столь обычное, что мы почти не обращаемъ уже на него вниманія и перестали возмущаться имъ. Въ обществѣ мало культурномъ, какъ наше, и въ эпоху полнаго перелома всего строя жизни, какова наша эпоха, этимъ свидѣтелямъ прошедшаго даютъ мало цѣны, легкомысленно не дорожатъ ими. Старинныя бумаги сохраняются или случайно, или тамъ, гдѣ, какъ въ кладовой Плюшкина, сохраняется все,—отъ стараго календаря до старой подошвы... Въ одной изъ подобныхъ кладовыхъ наткнулись мы на рукопись стихотвореній поэта диллетанта начала нашего вѣка, не столько характерныхъ самихъ по себѣ, сколько типичныхъ для времени и среды, къ которой относятся, ея тогдашней физіономіи, умственнаго уровня. Нѣсколько замѣчаній, излагаемыхъ ниже, касаются, поэтому, менѣе самого автора и его произведеній, чѣмъ того времени, его условій и духа.

Иванъ Андреевичъ Горленко, авторъ стиховъ, принадлежалъ къ извѣстной малороссійской фамиліи и происходилъ по прямой линіи отъ полковниковъ Прилуцкихъ Лазаря и Димитрія Горленковъ. Онъ владѣлъ довольно значительнымъ состояніемъ на окрайнѣ нынѣшняго Прилукскаго уѣзда, которымъ занимался спустя рукава и которое къ смерти его уменьшилось болѣе, чѣмъ на двѣ трети. Въ первомъ бракѣ онъ женатъ былъ на Скоропадской. Второй бракъ былъ изъ неудачныхъ и значительно ускорилъ его кончину.

По преданьямъ, онъ отличался большою „поэтическою лѣнью“ и малымъ пристрастіемъ къ хозяйству, охотно и подолгу гостилъ у родныхъ и друзей, писалъ стихи легко и много, немножко служилъ и усиленно предавался философскому раздумью, утопая въ волнахъ синяго дыма, несшагося изъ чубука его длиннѣйшей трубки, и обезпеченный дешевою и привольною жизнію въ условіяхъ крѣпостнаго права. Онъ не былъ отнюдь представителемъ несноснаго типа графомановъ, людей помѣшанныхъ на авторствѣ безъ всякихъ къ тому данныхъ и права... Какъ увидимъ, онъ очень не дурно владѣлъ стихомъ, къ сочинительству имѣлъ призваніе и подходящій складъ ума, владѣлъ достаточной, къ сожалѣнію слишкомъ достаточной,—литературной подготовкой. Но всѣ эти черты у него—средняго, не оригинальнаго пошиба; въ нихъ чувствуется умная подражательность и ни капли творческаго дара. Всѣ эти данныя позволяютъ намъ относиться къ нему, какъ къ типичному обращику стихотворца-обывателя эпохи Карамзина и Жуковскаго, изъ подъ вліянія которыхъ онъ не выходитъ въ своихъ стихахъ. Какимъ образомъ такого подражателя произвела среда, бывшая еще недавно козацкою, и малороссійская деревня, столь далекая отъ пруда, гдѣ утонула бѣдная Лиза, и горницы, гдѣ гадала Свѣтлана?

Это было новое поколѣніе малороссіянъ изъ „старшины“, воспитанное уже на русскомъ языкѣ, въ русскихъ образцахъ и пріемахъ ученія. Силы слабыя, подражательныя—всегда ищутъ готовыхъ литературныхъ образцовъ, готовую форму, подъ которую подгоняютъ свою духовную производительность. Она требуетъ выраженія, но она блѣдна и недостаточно могуча, чтобы создать нѣчто свое, отразить и претворить окружающее и выразить его въ своебытныхъ формахъ и образцахъ. Старая малороссійская книжная словесность, оставшись школьной и буквенной, образцовъ такихъ не дала, и поэтическія струйки потекли по руслу, проторенному русскими сентименталами и романтиками, руслу тогда новому и привлекательному, вскорѣ ставшему избитымъ и приторнымъ. И вотъ мы читаемъ „фантазіи“, посланія и думы Ивана Горленка, удачно и близко под-

ходящія къ тону, складу и голосу многочисленныхъ „пѣвцовъ“ альманаховъ, сборниковъ и ежемѣсячниковъ, въ одномъ изъ которыхъ („Демокритъ“) принимаетъ участіе и нашъ авторъ, и нисколько не выдѣляющіяся изъ общаго хора, какъ не выдѣляются изъ него заурядные голоса „партій“, на которыя онъ раздѣленъ.

Солнце въ западѣ скрывалось,
Робкій вечеръ наступалъ,
Все уныло отражалось,
Рощу вѣтеръ колыхалъ.
На утесѣ, надъ рѣкою,
Скромна хижина стоитъ,
Тамъ тѣнистою главою
Сановитый дубъ шумитъ...
Тамъ, вечернею порою,
Я люблю, когда я *самъ*,
Говорить съ моей душею,
Дать свободный ходъ мечтамъ.
Ахъ, за что-жъ мой духъ смиренный,
Ты мнѣ въ счастьи отказалъ?
Посмотри: вкругъ злакъ зеленый,
А давно-ль тутъ снѣгъ лежалъ;
Есть всему чреда въ природѣ,
И чреда по временамъ:
И невзгодамъ, и погодѣ,
И веселью, и слезамъ...
Лѣсъ чернѣетъ за горами,
Свѣтитъ мѣсяцъ въ небесахъ,
И сребристыми лучами
Искры мечутся въ волнахъ.
Въ жильяхъ огоньки мерцаютъ
Такъ, какъ звѣзды вдалекѣ,
Струй жемчужны брызги таютъ,
Мчится кто-то въ челнокѣ;
Дерзновенною рукою
Онъ весломъ своимъ гребетъ,
Съ несклоненною главою
Заунывную поетъ.
Онъ поетъ, но не страдаетъ,
Хоть унылое поетъ,
Къ брегу путь свой направляетъ,
Скоро, скоро приплыветъ,
Приплыветъ... А я, несчастный,
Гдѣ-же берегъ мнѣ сыскать,
Чѣмъ утѣшить духъ мой страстный,

Чѣмъ отраду сердцу дать?...
Цѣли жизни содрогаясь,
Я для слова онѣмѣлъ.., и т. д.

Это озаглавлено: „Хижина въ Ярошовскомъ саду“. Какія общія черты въ описаніяхъ и въ пейзажѣ, какая литературная условность во всемъ и вѣрность излюбленнымъ образцамъ! И этотъ садъ, и эти дубы сохранились до сихъ поръ, и извѣстны намъ; видно даже мѣсто, гдѣ стояла „хижина“,—хотя многое-многое измѣнилось съ того времени въ этомъ живописномъ уютномъ уголкѣ. Гдѣ былъ огромный прудъ, образованный рѣчкою Лисогоромъ, перерѣзанною плотинами, тамъ теперь болотистый лугъ, поросшій вербами, „чернѣвшій за горами“ лѣсъ давно съѣденъ алчными къ наживѣ Іудеями, о томъ, что тутъ могли стоятъ огромныя водяныя мельницы, несомнѣнно свидѣтельствуютъ лишь торчащія изъ земли *пали*... Стараго дома, гдѣ жилъ стихотворецъ, не существуетъ давнымъ давно. Одинъ только запущенный, старый садъ, съ громадными дубами и ясенями, съ липовыми бесѣдками, съ чащами рибису, сирени и барбарису, съ разлогими, живописными, но уже погибающими, яблонями и грушами, одинъ этотъ садъ напоминаетъ былое. Да также свѣтятся вечеромъ огоньки въ хатахъ противоположнаго берега, какъ свѣтились они, когда по рѣкѣ плылъ воспѣтый стихотворцемъ философъ, „пѣвшій унылую пѣсню, но не страдавшій“, бывшій вѣроятно никѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ дворовыхъ людей поэта, возвращавшійся этимъ ближайшимъ путемъ изъ лежащаго по другой сторонѣ пруда большаго села Ярошовки...

Авторъ стиховъ какъ бы завидуетъ ему, какъ бы предпочитаетъ его судьбу своей судьбѣ. Ничего не было-бы легче, какъ накинуться на него, по этому поводу, съ цѣлымъ ворохомъ гражданскихъ обличеній, проведя рѣзкую параллель судьбы тогдашняго раба и владѣльца. Но какой смыслъ этихъ обличеній заднимъ числомъ? И правы ли тѣ писатели, которые за ненормальными общественными отношеніями былаго, не хотятъ въ обличаемой ими сторонѣ совсѣмъ ужъ признавать никакого человѣческаго образа, и въ рабовладѣльцѣ видятъ только рабовладѣльца, и ничего болѣе? Законодательный и общій строй времени необыкновенно вліяетъ на весь складъ понятій средняго

человѣка. Только исключительные умы возвышаются надъ уровнемъ нравственныхъ понятій своего вѣка. Люди средніе и заурядные принимаютъ ихъ, какъ общепринятую истину. Перемѣна совершается тогда, когда взглядъ просвѣщеннаго меньшинства станетъ преобладающимъ. Въ исторіи, поэтому, едва ли терпимъ легкій пріемъ приложенія современныхъ взглядовъ къ явленіямъ прошлаго. Многое ли изъ считаемаго несомнѣннымъ въ наше время устоитъ передъ судомъ человѣка конца двадцатаго вѣка или даже его середины?

Но, помимо подражательнаго мотива несостоятельности жизни и происходящей отсюда тоски, въ приведенныхъ стихахъ намъ чувствуется искра какой-то дѣйствительной неудовлетворенности. Ненормальность, тяжесть и пустоту жизни долженъ былъ, хотя смутно, чувствовать въ то время человѣкъ несомнѣнно добрый, какъ авторъ этихъ стиховъ, ничуть не созданный для роли угнетателя или тирана. Онъ не давалъ лишь себѣ яснаго отчета въ своей тоскѣ, отчета въ окружающемъ, нормальность котораго была узаконена для него общими и господствующими взглядами времени и среды, въ которыхъ онъ жилъ.

Въ стихотвореніи „Жатва“ онъ рисуетъ опять идиллическую картину уборки крестьянами хлѣба. По условному типу подобныхъ литературныхъ описаній той эпохи,—это—почти праздникъ, гдѣ жнущія крестьянки образуютъ „словесныхъ пчелокъ шумный рой, другъ друга превзойти стараясь“, гдѣ дѣти играютъ цвѣтами, „молодые забавники“ увиваются возлѣ юныхъ красавицъ, и работа дѣлается, какъ бы шутя. Литературные образцы, узаконенные, незыблемые, совсѣмъ заслоняютъ отъ стихотворца дѣйствительность, которую другой истинно-народный поэтъ, пятьдесять лѣтъ спустя, изобразилъ совсѣмъ въ иномъ видѣ въ извѣстной піесѣ: „На панщыни пшеныцю жала“...

Въ стихахъ своихъ нашъ авторъ постоянно возвращается къ роднымъ мѣстамъ, то называя ихъ собственными именами, то слегка измѣняя названія. Но этихъ мѣстъ въ описаніяхъ его мы не видимъ. Условность и подражательность—играютъ тутъ, конечно, большую роль; но надо вспомнить, что и вообще-то живописный, описательный родъ почти не существовалъ еще въ то время ни въ одной литературѣ. Дорогу ему проложили ро-

мантики, съ своими описаніями необычайныхъ странъ и временъ, и окончательно разработали его лишь реалисты.

Стихотворцу десятыхъ годовъ не по плечу была передача облика и впечатлѣній роднаго края. Эти безбрежные горизонты, рѣющіе въ сіяньи лѣтняго полдня, задумчивые дубовые и липовые лѣса, которыми одѣты холмы той мѣстности, широкія дороги и бѣлѣющія хатами села не нашли въ немъ своего живописца. Мѣста „простыя", безъ вычуръ,—„ни замковъ, ни морей, ни горъ",—но, помимо своей мягкой, благородной, „простой", понятной и чужому глазу прелести,—какъ много говорятъ они уроженцу того края, слитому съ ними всей жизнью, гдѣ въ каждомъ уголкѣ мѣстности осталась часть его души, въ ея лучшіе, свѣжіе годы... Но для этого надо *видѣть* и сознавать, а бѣдный плѣнникъ чужихъ литературныхъ формъ не видѣлъ, а только инстиктивно стремился къ чему-то, скованный своими образцами, какъ Прокрустовымъ ложемъ.

Найденная нами тетрадь стиховъ, характерной синей бумаги, довольно увѣсиста. Пьесы лирико-дидактическаго характера слѣдуютъ одна за другой: Осенняя ночь, Дубъ, Земное счастіе, Вечеръ въ Посудичахъ (имѣніе дружественной автору семьи Марковичей), Мой день въ Орловкѣ, Посланіе въ Пекинъ о разности людей, Діогеновъ фонарь, Жизнь, Трубка и табакъ, Мечта, Утро въ Ярошовскомъ саду, Леньковскій день... Нѣтъ надобности приводить изъ нихъ выписки. Стиль этотъ давно извѣстенъ, а содержаніе стиховъ—все тоже личное томленіе, тѣ-же перепѣвы излюбленныхъ авторовъ, тѣ-же лишенныя характера описанія. Текущая жизнь и дѣйствительность какъ бы не касаются пѣвца, онъ какъ бы умышленно сторонится и уходитъ отъ нихъ.

Онъ сдается намъ представителемъ тѣхъ добрыхъ, но слабыхъ людей, которые неспособны на зло, но безсильны и для дѣятельнаго добра, и которые, чувствуя неправду въ жизни, не вооружаются противъ нея, а *лишь* отъ нея сторонятся, стараются ея не видѣть.

Во второй своей супругѣ Иванъ Андреевичъ нашелъ замѣстительницу тѣхъ „крутыхъ" сторонъ характера, которыхъ не доставало въ немъ самомъ. Стихотворецъ впрочемъ не

искалъ такого характера, а напалъ на него случайно, увлекшись, какъ эстетикъ, красивою внѣшностью. Новая супруга отнеслась къ хозяйству *серьезно*, отчего запищали подвластные мужики и бабы, но кладовая наполнилась до верху всякимъ добромъ, а въ шкатулкахъ появились пачки ассигнацій. Откуда берутся въ „прекрасномъ" и „слабомъ" полѣ эти характеры-кремни, эта не знающая предѣловъ алчность, и бездушіе, какимъ рѣдко отличаются, прославленные своей безчувственностью, мужчины? Но характеры эти, всѣ устремленные на корысть, на мелочь жизни, очень не рѣдки въ прекрасной половинѣ нашего рода, и въ исторіи крѣпостнаго права роль ихъ чрезвычайно замѣтна. Если такой женщинѣ попадется мужъ изъ людей порядочныхъ и мягкихъ, онъ совершенно оттирается ею на второй планъ. Такія особы поправляли и составляли состоянія на радость потомкамъ, которые непрочь пожалуй полиберальничать теперь насчетъ „ужасовъ крѣпостнаго права".

Намъ рисуется такая картина изъ послѣднихъ годовъ жизни нашего стихотворца: онъ давно сдалъ все хозяйство на руки жены, не вникаетъ почти ни во что, но время отъ времени долженъ фигурировать въ качествѣ главы дома и верховнаго распорядителя по управленію. Чудное майское утро, въ которое, казалось, въ человѣческую голову, среди этого праздника природы, не могла бы даже зайти мысль объ угнетеніи. Не таково, однако, мнѣніе „внимательной къ хозяйству" супруги нашего стихотворца. На крыльцѣ дома она творитъ судъ и расправу съ провинившимися по ея мнѣнію наканунѣ мужиками. Она зоветъ мужа, чтобы онъ, властью хозяина, распорядился поучить, „какъ слѣдуетъ", Степана или Максима. Съ неизбѣжной трубкой, выходитъ онъ на балконъ. Солнце сіяетъ такъ ласково, еще блещетъ роса на травѣ, чирикаетъ вольная птичка... „Ахъ, мой другъ, дѣлай, какъ хочешь!" говоритъ онъ женѣ и спѣшитъ въ комнаты записать мелькнувшую въ умѣ счастливую риѳму...

В. Г—ко.

Къ исторіи мѣстечка Борисполя полтавской губерніи.

Въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ [1]) при разсказахъ о событіяхъ XI и XII вѣка неоднократно встрѣчается топографическое названіе: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*. При этомъ точнѣе не опредѣляется, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ названіемъ: городъ или село, озеро или болото, рѣку или ручей и т. д.? Въ одномъ только случаѣ видно, что къ неопредѣленному: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*—примыкало *поле*, слывшее подъ именемъ *Летскаго*, *Летьскаго* или *Лядьскаго*. Вотъ мѣста изъ лѣтописей, относящіяся къ интересующему насъ названію:

1) Лѣтомъ 1015 года сынъ Владимира Святаго, князь Борисъ, выступилъ въ походъ противъ Печенѣговъ. Онъ не нашелъ ихъ кочевьевъ въ тогдашней безбрежной южно русской степи и возвращался назадъ, въ Кіевъ. На встрѣчу ему послано было извѣстіе, что 15 іюля скончался отецъ его Владимиръ Святой. Онъ горько оплакивалъ смерть отца, горячо его любившаго, и, приближаясь къ Кіеву, „*ста на Алтѣ пришедъ*“ (Лавр. стр. 129, Ипат. стр. 92, Никон. стр. 71). Здѣсь настигли его посланные Святополкомъ убійцы (Путьша, Талецъ, Еловичъ и Ляшько), напали на него ночью (24-го іюля) и пронзили копьями. Борисъ еще дышалъ, когда его увертѣли въ полотно шатра, подъ которымъ онъ спалъ въ ночь убійства, и повезли, поло-

[1]) Цитаты изъ лѣтописей мы приводимъ по слѣдующимъ изданіямъ:

1) Лѣтопись по Лаврентіевскому списку. Изд. археограф. коммиссіи. Спб. 1872.

2) Лѣтопись по Ипатскому списку. Изд. археограф. комм. Спб. 1871.

3) Лѣтописный сборникъ, именуемый патріаршею или Никоновскою лѣтописью. П. С. Р. Л., Т. IX, Спб. 1862.

живши *„на кола"*, въ Кіевъ. Когда Бориса доставили сюда и Святополкъ убѣдился, что онъ еще живъ, то посланы были два Варяга прикончить его. Одинъ изъ нихъ пронзилъ ему сердце мечомъ.

2) Въ 1019 году Святополкъ пригласилъ въ помощь себѣ Печенѣговъ и шелъ къ Кіеву противъ брата своего Ярослава. Ярославъ выступилъ ему на встрѣчу *„на Алъто"*. *„Ярославъ же ста на мѣстѣ, идеже убиша Бориса"* и послѣ молитвы двинулъ войска свои въ бой. *„И покрыша поле Летьское* (Лядьское) *обои отъ множьства вой"*. (Лавр. стр. 140, Ипат. стр. 101, Никонов. стр. 76). Сѣча кончилась пораженіемъ Святополка.

3) Въ 1068 году *„придоша иноплеменьници на Рускую землю, Половци мнози, Изяславъ же, и Святославъ и Всеволодъ изидоша противу имъ на Льто"*. (Лавр. стр. 163, Ипат. стр. 118, Никон. стр. 94). Половцы одержали побѣду и русскіе князья обратились въ бѣгство.

4) Въ Лаврентіевскомъ и Ипатскомъ спискахъ лѣтописи подъ 1117 годамъ отмѣчено: *„Володимеръ Всеволодичь* (Мономахъ) *заложи церковь камену святою мученику"* (Лавр. стр. 277, Ипат. стр. 205). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 150) сказано опредѣленнѣе: *„Владимеръ Всеволодичь заложи церковь камену на Алтѣ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба"*.

5) О смерти Владимира Мономаха лѣтопись по Лаврентіевскому списку (стр. 280, ср. Ипат. стр. 208) говоритъ такъ: *„И в лѣто 6633 отъ начала миру* (въ 1125 году) *преставися, мая мѣсяца въ 19 день, живъ отъ рожества своего лѣтъ 73 лѣта; преставися на Лтѣ у милое церкве, юже созда потщаньемъ многымъ; сынове же его и боляре несоша и Киеву, и положенъ бысть в святѣй Соѳьи, у отца своего"*. При характеристикѣ усопшаго князя, нѣсколькими строками выше, сказано было о церкви *„на Лтѣ"* слѣдующее: *„Велику же вѣру стяжа к Богу и сродникома своима, к святыма мученикома Борису и Глѣбу: тѣмь и церковь прекрасну созда на Лтѣ* (въ Никон. сп., стр. 153: *„на Алтѣ"*), *во имя ею, идеже святаго Бориса кровь прольяна бысть"*.

6) Въ 1147 году Изяславъ Мстиславичъ, князь Кіевскій, затѣялъ походъ противъ дяди своего Юрія Суздальскаго, желая поддержать Черниговскихъ князей. Выступивъ изъ Кіева, онъ переплылъ черезъ Днѣпръ, *„иде же на Лто, и оттоль иде къ Нѣжатину, и отъ Нѣжатина шедъ и ста у Русотины полкы своими“* (Ипат. стр. 243).

7) Въ другомъ походѣ Изяслава противъ Юрія, происходившемъ въ 1149 году, *„Изяславъ же ста пришедъ у Витечева, и ту приде къ нему братъ его Ростиславъ, силою многою и тако удумавша ту перебредоста Днѣпръ и оттуду поидоста в Олто, и ту приде к нима вѣсть в полуднѣ, оже уже стрѣлци переѣхали чересъ Стряковъ къ городу* (*Переяславу*). Изяславъ и Ростиславъ двинулись далѣе къ Переяславу; *„пришедша к Переяславлю и переѣхавше Лтицю, поидоста за городъ полкы своими и стаста по Трубежю; а Гюрги стоя 3 дни у Стряквѣ“*. (Ипат. стр. 265).

8) Черезъ два года послѣ этого, въ 1151 году, Юрій сидѣлъ въ Переяславѣ. Онъ не имѣлъ ни откуда помощи, дружина его была частью избита, частью захвачена въ плѣнъ, и́ по неволѣ онъ долженъ былъ согласиться на миръ съ Изяславомъ. *„Приспѣвшю же празднику святою мученику* (2-го мая) *иде Гюрги на Льто и з дѣтми своими“*. (Лавр. стр. 318, Ипат. стр. 306). Въ Никоновскомъ спискѣ (стр. 190) къ этому извѣстію добавлены нѣкоторыя подробности: Андрей Юрьевичъ Боголюбскій *„ото Алта иде къ Суждалю“*; *„князь же Юрьи Долгорукій ото Алта возвратися паки въ Переяславль и з дѣтми своими“*.

9) Въ 1152 году *„Вячьславъ* (Владимировичъ) *съ Изяславомъ* (Мстиславичемъ) *поидоста на Святослава Олговича к Новугороду, и на Василка Дюргевича. И якоже стаста на Лтѣ...* (Ипат. стр. 316), Изяславъ уговорилъ Вячеслава возвратиться въ Кіевъ, а самъ отправился въ дальнѣйшій походъ.

10) Въ 1154 или 1155 году было нападеніе Половцевъ на Переяславскую область. Отдѣльные списки лѣтописи излагаютъ это событіе нѣсколько различно. По Лаврентіевскому списку (стр. 326): *„Тогда же много зла створиша Половци около Пе-*

реяславля; пожгоша бо села вся, и Летьскую божницю святою Мученику зажгоша"; по Ипатскому списку (стр. 328): „*Тогда же много зла сотвориша Половци около Переяславля, и пожгоша села вся, и Лятьскую божницю, и святою мученику Бориса и Глѣба храмъ зажгоша*"; по Никоновскому списку (стр. 201): „*Того же лѣта паки пріидоша Половци, и много зла сотвориша около Переяславля, власти и села пожгоша, и монастырь Рожество пречистыя Богородици, и монастырь святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, и монастырь святаго Савы и Летскую божницу, въ ней же множество богатства, все разграбиша и пожгоша, а люди въ плѣнъ поведоша*". Послѣднія два извѣстія вызываютъ цѣлый рядъ недоумѣній: — Слѣдуетъ-ли разумѣть подъ названіемъ „*Летской божницы*" именно ту каменную церковь, которую построилъ Владимиръ Мономахъ въ 1117 году въ честь Бориса и Глѣба, или эта церковь и „*Летская божница*"—два отдѣльныя сооруженія? Если вѣрнѣе послѣднее, то стояли-ли эти сооруженія въ одномъ мѣстѣ, или въ разныхъ? Что разумѣетъ Никоновская лѣтопись подъ именемъ „*монастыря*" святыхъ Бориса и Глѣба: ту-же ли самую Мономаховскую церковь, или-же какое-то иное, третье, сооруженіе?—По нашему мнѣнію, правдоподобнѣе всего можно объяснить эти недоумѣнія такимъ образомъ: Текстъ Лаврентіевскаго списка является найболѣе древнимъ и точнымъ. Въ XII-мъ вѣкѣ подъ словомъ „*божница*", какъ мы знаемъ изъ другихъ памятниковъ, разумѣлась вообще „*церковь*", „*templum*". Маленькая часовня (templum parvum, sacellum) называлась „*боженкой*" [1]). Такимъ образомъ со стороны значенія слова „*божница*" нѣтъ никакого препятствія считать „*Летскую божницу*" именно церковью Владимира Мономаха. Позднѣйшіе переписчики, утративъ пониманіе слова „*божница*", находили невразумительнымъ, почему прекрасная каменная церковь Владимира Мономаха могла называться „*божницей*", и, чтобы разрѣшить свое недоумѣніе, внесли въ текстъ лѣтописи поправку въ томъ смыслѣ,

[1]) См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Т. I, Спб. 1893, стр. 140—141.

что добавленіемъ союза „*и*“ и слова „*храмъ*“ (Ипат. сп.) представили Летскую божницу и Мономахову церковь двумя отдѣльными сооруженіями. Переписчикъ Никоновской лѣтописи пошелъ еще дальше въ произвольныхъ домыслахъ и назвалъ Мономахову церковь—монастыремъ, а „*Летской божницѣ*“ приписалъ богатство, котораго она не могла-бы имѣть, если-бы была простой часовней, а не храмомъ на чтимомъ православными мѣстѣ убіенія св. Бориса.

Дѣлая выводы изъ приведенныхъ выше извѣстій древнихъ лѣтописей о мѣстѣ, называемомъ: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, мы можемъ установитъ слѣдующія положенія:

1) Мѣсто, носившее это названіе, находилось гдѣ-то на лѣвомъ берегу Днѣпра между Кіевомъ и Переяславомъ; изъ того и изъ другаго города нужно было сдѣлать нѣкоторый *путь*, чтобы до него достигнуть.

2) Мѣсто это служило для Кіевскихъ князей первымъ *приваломъ*, когда они выступали изъ Кіева въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра противъ степныхъ кочевниковъ, или противъ своихъ родичей, князей Черниговскихъ, Суздальскихъ и т. д.

3) Мѣсто это нельзя отождествлять съ рѣкой Альтой, по-народному: Ильтицей, потому-что рѣчка эта въ XII-мъ вѣкѣ называлась *Лтицей;* ее переѣзжали Изяславъ и Ростиславъ, маневрируя около Переяслава въ 1149 г. противъ войска дяди своего Юрія.

4) На этомъ мѣстѣ произошло четыре историческихъ событія: а) убіеніе Бориса, б) побѣда Ярослава надъ Святополкомъ, в) побѣда Половцевъ надъ Русскими, г) смерть Владиміра Мономаха.

5) Самымъ точнымъ признакомъ для опредѣленія положенія этого мѣста въ теперешнее время можетъ служить построенная Мономахомъ каменная церковь. Если-бы удалось найти остатки этой церкви или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ точное извѣстіе о ея мѣстоположеніи, то этимъ самымъ разрѣшался-бы и вопросъ о мѣстоположеніи и значеніи загадочнаго *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*.

Въ настоящее время такое извѣстіе нашлось. Оно заключается въ документѣ, находящемся въ собраніи актовъ Кіевской Археографической Коммиссіи и переданномъ намъ дѣлопроизводителемъ Коммиссіи О. И. Левицкимъ, которому приносимъ за это искреннюю благодарность. Документъ этотъ—выпись изъ книгъ земскихъ воеводства Кіевскаго отъ 30 іюня 1629 года. Изъ него видно, что игуменъ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря Серапіонъ Бѣльскій съ братіею—вели процессъ съ Софіею Станиславовною Даниловичъ, урожденною Жолкевскою, за земли, присвоенныя отцемъ ея, коронным канцлеромъ Станиславомъ Жолкевскимъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра изъ владѣній монастыря. Жалоба монаховъ записана такъ: „Вельможности вашое антецессоръ [1]), небожчикъ [2]) канцлеръ коронный, маючи добра [3]) свои, село Иванковъ, въ якой колвекъ посесыи [4]) за Днепромъ, о границу з добрами церковными вышъ речоного монастыра пустынского: кгрунтомъ и селисчомъ Полукняжецкимъ, отъ летъ больше ста в спокойномъ уживанью [5]) поводовъ [6]) будучимъ, также и другимъ добромъ монастырскимъ, поводовъ, селу Княжичамъ, въ той же стороне коло того селища и кгрунту Полукнязского, яко в одной державе, лежачымъ, и в певныхъ ограниченьяхъ и обрубехъ своихъ будучихъ,—прылеглые; и не зоставуючи на своемъ кгрунтѣ Иванковскомъ, але подчас през разные особы надвослуплена и наднищена помененого монастыра, испустошеня отъ Татаръ, добръ сихъ помененныхъ заднепрскихъ поседаючы, тые то кгрунты церковные впрод двох; на кгрунте церковномъ Полукняжевскомъ, *въ окопе албо въ вале Полукнязскомъ, въ которомъ и церковь спустошоная на крве, где княжати руского, именемъ Бориса Володимеровича, забито, змурованая и до сего часу стоитъ*, который кгрунтъ поводове од давныхъ летъ у Сольтана Албеевича тол-

[1]) Наслѣдодатель.
[2]) Покойникъ.
[3]) Имѣнія.
[4]) Во владѣніи.
[5]) Въ пользованіи.
[6]) Истцовъ.

мача купили и въ спокойной посесыи были, збудовавшы[1]) фолварокъ, уфундовалъ, а потомъ, наступившы на воеводство Киевское, свежо прошлыхъ часовъ и тымъ способные кгрунты помененые не толко по тамъ той стороне, але и по сей стороне того валу и церкве од Киева, оседати и посягнути почавшы, *коло того валу, церкве и двориа, черезъ себе збудованое местечко осадилъ и Барышполемъ назвалъ*. А кгды поводове, фолгуючы[2]), и през убозство свое и потугою о то с нимъ до права се не вдавали; теды онъ, а по немъ вже и вы, скоро се *местечко тое Барышъполь, албо Полукнязовъсчина*, уфундовало, подданымъ его, слобожаномъ тымъ, поля, дубровы Полукнязевские, Княжицкие, поводовъ, робити, пустошити и поседати росказали, а потомъ и далей, под самые прĕречоные села Княжича, в кгрунты церковные вдираючысе, слободы, футоры, албо села—на некоторыхъ месцахъ поосаживали, меновите: на кгрунте Княжецкомъ, на селищу Трыбуховѣ, надъ рекою Старыцею, село Трыбуховъ назвавшы, которою слободою и тые два урочищи: Городчане и Ивановичи—посягнули; другое село, на урочищу Дудоркове, Дудорковомъ тежъ назвавшы, и къ тому Дудоркову селище Ладыжичи осягнули. И такъ, яко антецессоровъ вельможности вашое помененныхъ, такъ по немъ и вельможность ваша, на тые добра наступившы, тые вси вышъменованые селища, урочысча и кгрунты одъ добръ церковныхъ до уживаня своего неправне, кром вшелакое слушности, посажанемъ того то местечка и сюлъ осягнувшы, и до сего часу уживаете, што вельможности вашой зъ правъ и диспозыцый поводовое стороны на термине пришломъ ширей показано будет, о которое то посягнене и посажене безправное вышуменованныхъ добръ, селищъ и кгрунтовъ ку спесеню с тих слобод местечка Барышъполя и прĕречоныхъ сюл подданыхъ, а уступеня одъ нихъ поводови, ку церкве Божой, поводове вельможность вашу впрод до заплаченя вины первого нестаного судови и стороне, а потомъ и до усправедливеня се самое речы,—на термин вышъозначоный позываетъ, где правне абысте стали и в том се поводомъ скутечне усправедливили".

---

[1]) Построивши.

[2]) Относясь снисходительно.

Изъ этой жалобы монаховъ Пустынно-Николаевскаго монастыря можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Мѣстность, на которой расположено нынѣ мѣстечко Бориспole Полтавской губ., въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка называлась *„кгрунтомъ Полукняжевскимъ"*.

2) Она была куплена Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ у толмача Солтана Албеевича лѣтъ за сто до 1629 г. и цѣлое столѣтіе находилась въ спокойномъ владѣніи монастыря.

3) Среди этой мѣстности находился *окопъ* или *валъ Полукняжевскій*, внутри котораго въ 1629 г. стояла (*„и до сего часу стоитъ"*) опустошенная каменная (*„змурованая"*) церковь, построенная на томъ мѣстѣ, гдѣ была пролита кровь русскаго князя Бориса Владимировича. Какой *„дворецъ"* находился еще внутри окопа или вала, нельзя себѣ ясно представить.

4) Коронный канцлеръ Станиславъ Жолкевскій захватилъ эту мѣстность у монастыря и вокругъ окопа или вала (съ развалинами церкви и дворца внутри его) основалъ мѣстечко, которое назвалъ Борисполемъ, конечно, въ память убіенія на этомъ мѣстѣ кн. Бориса.

Сопоставляя эти данныя съ заключеніями, сдѣланными нами при изученіи лѣтописныхъ цитатъ, относящихся къ мѣстности *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, мы необходимо должны прійти къ слѣдующимъ окончательнымъ выводамъ изъ нашего изслѣдованія:

1) Каменная церковь, построенная Владиміромъ Мономахомъ на мѣстѣ пролитія крови св. Бориса, называвшаяся иначе *„Летской божницей"*, разграбленная Половцами въ 1154 или 1155 г., достояла тѣмъ не менѣе до начала XVII вѣка, какъ видно изъ словъ жалобы Пустынно-Николаевскихъ монаховъ: *„церковь спустошоная... змурованая и до сего часу стоитъ"*. Она точно опредѣляетъ мѣстоположеніе лѣтописнаго урочища: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*.

2) Этимъ именемъ обозначалось земляное укрѣпленіе или городище („окопъ" или „валъ" XVII в.), служившее Кіевскимъ князьямъ мѣстомъ первой стоянки въ случаѣ выступленія въ походъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Здѣсь въ 1015 г. былъ прон-

зенъ Борисъ, здѣсь въ 1117 г. была построена Мономахомъ каменная церковь, здѣсь онъ умеръ въ 1125 г. [1]), сюда въ 1151 г. приходилъ на богомолье Юрій Долгорукій. Около этого землянаго укрѣпленія тянулось *поле*, называвшееся *Летскимъ*. На немъ происходили кровопролитныя битвы Ярослава съ Святополкомъ (1019 г.) и Русскихъ съ Половцами (1068 г.)

3) Земляное укрѣпленіе, носившее въ XI—XII в. названіе *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, въ XVII в. называлось *Полукняжевскимъ окопомъ* или *валомъ*. Оно послужило ядромъ, около котораго сложилось основанное Станиславомъ Жолкевскимъ мѣстечко Борисполе.

4) Нынѣшнее мѣстечко *Борисполе*, какъ и древнее городище *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*, находится какъ разъ на срединѣ разстоянія между Кіевомъ и Переяславомъ, и по своему географическому положенію вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ признакамъ, которые мы установили выше для лѣтописнаго урочища.

Послѣ всего вышеизложеннаго возникаетъ вопросъ: Почему древнее земляное укрѣпленіе или городище называлось въ среднемъ родѣ: *Лто*, *Льто*, *Алто*, *Альто*, *Олто*?

Намъ кажется, что названіе это оно получило отъ прилегающаго обширнаго болота, изъ котораго беретъ начало рѣчка Ильтица (лѣт. Лтица). И въ настоящее время болото это захватываетъ обширное пространство на востокъ отъ м. Борисполя, по направленію къ селеніямъ Кучакову и Иванькову, и весною представляетъ почти сплошное море воды. Насколько-же оно должно было быть богаче водою семь-восемь столѣтій назадъ, когда вокругъ него стояли еще сплошной стѣной дѣвственные лѣса, въ которыхъ запасы зимняго снѣга таяли медленно, напитывая почву водой, не сбѣгавшей такъ быстро, какъ это происходитъ въ настоящее время! Въ древнемъ русскомъ языкѣ озера или болота, служившія истоками рѣкъ, иногда назывались

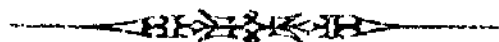
[1]) Не представляетъ-ли упоминаемый монахами *дворецъ* остатковъ того княжескаго жилища, въ которомъ умеръ Владимиръ Мономахъ?

среднимъ родомъ того названія, которое служило для рѣки въ женскомъ родѣ: такъ, напримѣръ, озеро Нево (ладожское) и р. Нева и др. Въ нашемъ случаѣ болото *Лто* давало начало р. *Лтицѣ*.

Затѣмъ остается намъ разрѣшить еще одинъ вопросъ: почему позднѣе, въ 1664-мъ году, Переяславскій протопопъ Григорій Филоновичъ Бутовичъ и стрѣлецкій голова Селиванъ Кирилловичъ Бѣлый водрузили каменный крестъ въ трехъ верстахъ отъ Переяслава на лѣвомъ берегу Ильтицы, желая почтить этимъ мѣсто пролитія крови св. Бориса, и дали поводъ позднѣйшимъ поколѣніямъ благочестивыхъ людей и ученыхъ—считать именно мѣсто, отмѣченное крестомъ, мѣстомъ, на которомъ былъ пронзенъ копьями князь Борисъ и на которомъ стояла церковь Мономаха? Мы полагаемъ, что съ ихъ стороны это былъ домыслъ, неудачный комментарій къ лѣтописному тексту. Ни Бутовичъ, ни Бѣлый не знали уже, что мѣсто пролитія крови св. Бориса точно отмѣчено остатками Мономаховой церкви, и на основаніи извѣстія лѣтописи, что убійство совершилось „на Алтѣ“, произвольно отыскали его тамъ, гдѣ поставили крестъ.

Въ 1839 году около креста построена была стараніемъ Переяславскаго архіепископа Гедеона каменная церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, къ которой ежегодно 2-го мая совершается крестный ходъ изъ Переяслава [1]).

А. Стороженко.

[1]) См. Максимовичъ, Собр. сочин., т. II, 1877, стр. 330—339, статья „Сказаніе о праздникѣ св Бориса подъ Переяславомъ“.

Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Байда.

(КЪ ПОРТРЕТУ).

Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій былъ старшимъ изъ четырехъ сыновей князя Ивана Михайловича Вишневецкаго отъ первой жены его Анастасіи Семеновны, изъ дому Олизаровъ [1]). Въ первый разъ онъ упоминается въ историческихъ источникахъ въ 1545 году, въ то время, когда королевскій комиссаръ Левъ Патѣй производилъ люстрацію Волынскаго воеводства. Изъ данныхъ этой люстраціи видно, что князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій лично явился въ Кременцѣ къ королевскому комиссару и что онъ владѣлъ въ Кременецкомъ повѣтѣ имѣніями Кушнинъ, Подгайцы, Окнинъ, Таражъ, Камаринъ, Крутневъ и Лопушно [2]). Въ 1546 г. В. судился съ княземъ Александромъ Федоровичемъ Чарторыскимъ за какой-то домъ въ г. Вильнѣ. Въ 1547 г. В. получилъ королевскій привилей на державу Вонячинскую (въ нынѣш. литинскомъ уѣздѣ подольской губ.), но, кажется, фактически никогда ею не пользовался. Въ 1548 году В. судился за причиненіе разныхъ обидъ подданнымъ королевы Боны. Въ послѣдующіе годы В. не упоминается въ источникахъ; вѣроятно, онъ исправлялъ въ это время королевскую службу на пограничьи отъ Татаръ, какъ объ этомъ можно заключить изъ письма короля Сигизмунда-Августа къ Радзивиллу (1553 г.), въ которомъ король выражаетъ опасеніе, какъ-бы В. не перебѣжалъ

1) См. Iózefа Wolffa Kniazowie litewskoruscy. Warszawa 1895. Стр. 564.

2) См. Żródła dziejowe, Tom VI, Warszawa 1877, стр. 92, 94.

къ Туркамъ, сдавши имъ пограничные замки, порученные его охранѣ. Напрасно нѣкоторые историки думаютъ, что В. былъ въ это время старостой Черкасскимъ и Каневскимъ; онъ никогда не занималъ этой должности, по крайней мѣрѣ по назначенію отъ короля. Опасенія короля оказались отчасти справедливыми, потому-что осенью 1553 г. В. въ самомъ дѣлѣ хотя не перебѣжалъ къ Туркамъ, но бросилъ королевскую службу, отправился на Запорожье, собралъ тамъ дружину изъ козаковъ и производилъ съ ними нападенія на турецкіе и татарскіе улусы. Черезъ полгода послѣ своего бѣгства В. попросилъ прощенія у короля, представился ему 4 марта 1554 года въ Каміонкѣ, недалеко отъ Люблина[1]), былъ прощенъ и ему было поручено устроить на островѣ Хортицѣ оборонительное укрѣпленіе противъ Крымцевъ. Онъ воспользовался примиреніемъ съ королемъ, чтобы свататься на княжнѣ Гальшкѣ Острожской и ходатайствовать о предоставленіи ему должности старосты Черкасскаго и Каневскаго, но когда оба желанія его не увѣнчались успѣхомъ, то онъ, разсерженный за свои неудачи, дѣйствительно, отправился въ Турцію и поселился въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ). Однако В. скоро сталъ снова добиваться прощенія отъ короля, просилъ отдать ему въ завѣдываніе пограничные замки и въ случаѣ отказа грозилъ потурчиться или уйти въ Москву. Не получивъ оффиціальнаго разрѣшенія, В. самовольно возвратился изъ Турціи и опять устроился на Хортицѣ, откуда по-прежнему производилъ нападенія на сосѣдніе турецкіе и татарскіе улусы. Жалобы Турокъ и Татаръ на В. дошли до короля, который по этому поводу писалъ В., хвалилъ его за военные подвиги и сооруженіе замка на Хортицѣ, но въ то же время требовалъ, чтобы онъ не водилъ козаковъ противъ Турокъ, такъ какъ съ Турціей заключенъ миръ. Въ 1556 г. В. нападалъ съ запорожцами на татарскія крѣпости Исламъ-Кермень и Восланъ-Кермень, и подступалъ къ Очакову. Въ этомъ-же году онъ продалъ нѣкоему Михаловичу два имѣнія на Волыни: Кусовку и Роготну. Можетъ быть, что онъ сбывалъ свои имѣнія, разсчитывая пе-

---

[1]) Нынѣ любартовскаго у. люблинской губ.

рейти на службу къ московскому царю, потому-что въ сентябрѣ того-же 1556 года московскіе послы, возвращавшіеся изъ Литвы, писали царю, что В. собирается перебраться въ Москву. Въ декабрѣ 1556 г. король въ письмѣ къ Радзивиллу выражаетъ безпокойство, какъ бы поступки В. не нарушили мира съ Турціей, и хлопочетъ, нельзя-ли согнать В. съ пограничья. Король послѣ этого вызывалъ В. къ себѣ, но В. на свиданіе съ королемъ не поѣхалъ [1]). Между тѣмъ, дѣйствительно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1556 г. В. послалъ къ Іоанну Грозному слугу своего Михайла Ясковича съ извѣщеніемъ, что онъ бросилъ службу у короля, устроилъ укрѣпленіе на Хортицкомъ островѣ противъ Конскихъ Водъ у Крымскихъ кочевищъ и желаетъ служить царю. Царь принялъ услуги В. и послалъ къ нему дѣтей боярскихъ Андрея Щепотева и Нечая Ртищева съ опасною грамотою и съ жалованьемъ. 16 октября 1556 г. возвратились въ Москву Щеповтевъ и Ртищевъ съ слугами Вишневецкаго Михайломъ Ясковичемъ и княземъ Семеномъ Жижемскимъ и объявили, что В. поступилъ на царскую службу и пошелъ противъ Крымцевъ подъ Исламъ-Кермень. Экспедиція къ Исламъ-Керменю удалась: В. взялъ эту крѣпостцу, людей перебилъ, а пушки перевезъ къ себѣ на Хортицу. Въ маѣ мѣсяцѣ 1557 года В. прислалъ къ Іоанну Грозному своихъ слугъ Дениса Малаго съ товарищами и писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей 24 дня осаждалъ его на Хортицѣ, но что онъ отбилъ осаду съ большимъ урономъ для Крымцевъ. Въ октябрѣ того-же 1557 г. В. писалъ Московскому царю, что онъ оставилъ Хортицкое укрѣпленіе по недостатку кормовъ, а укрѣпился въ Каневѣ и Черкасахъ. Царь велѣлъ ему очистить Каневъ и Черкасы, какъ города, принадлежащіе королю, съ которымъ заключено перемиріе, и ѣхать въ Москву. В. послушался, пріѣхалъ въ ноябрѣ въ Москву къ царю, былъ обласканъ и получилъ въ вотчину городъ Бѣлевъ (въ нынѣш. Тульской губ.) съ волостями и селами, и нѣсколько подмосковныхъ селъ. В. принесъ присягу вѣрно служить царю и цѣловалъ крестъ. Въ январѣ 1558 года В. опять от-

[1]) См. Wolffa, стр. 565—566.

правился на Днѣпръ съ значительнымъ московскимъ отрядомъ, чтобы воевать Крымцевъ. Подготовлена была ему помощь и со стороны Кавказа, отъ черкесскихъ (пятигорскихъ) князей. Въ маѣ 1558 года В. извѣщалъ царя о своемъ походѣ къ Перекопу и о намѣреніи провести лѣто въ Исламъ-Кермени. Ему приказано было пріѣхать въ Москву, а на Днѣпрѣ оставить московскій отрядъ. По пріѣздѣ въ Москву, одно время онъ командовалъ отрядомъ, расположеннымъ въ Тулѣ для защиты отъ Крымцевъ, но въ февралѣ 1559 г. ему было уже приказано отправиться на Донъ, построить тамъ суда и предпринять морской походъ къ Керчи. Въ апрѣлѣ В. извѣщалъ, что онъ побилъ Крымцевъ на Айдарѣ близь Азова и многихъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ. Въ сентябрѣ В. опять пріѣхалъ въ Москву съ черкесскимъ мирзой Чюрукомъ, который долженъ былъ ходатайствовать отъ имени черкесовъ, чтобы ихъ приняли въ московское подданство, окрестили и назначили къ нимъ воеводу. Въ февралѣ 1560 года В. былъ назначенъ воеводой на Кавказъ къ пятигорскимъ черкесамъ, куда и выѣхалъ съ большой свитой и духовенствомъ. Тамъ, вѣроятно, Вишневецкому не понравилось, потому—что въ скоромъ времени мы застаемъ его опять на Днѣпрѣ предводителемъ запорожцевъ въ нападеніяхъ на Крымскіе улусы [1]). Въ это время онъ началъ уже при помощи своихъ родственниковъ, другихъ князей Вишневецкихъ, подготовлять для себя возможность возвратиться въ предѣлы Литовскаго государства. 5 сентября 1561 г. выданъ былъ ему отъ короля Сигизмунда-Августа глейтовный или охранный планъ съ амнистіей и дозволеніемъ въѣхать въ предѣлы государства, а потомъ такой же листъ на пріѣздъ къ королевскому двору [2]). Тѣмъ не менѣе В. не сразу ими воспользовался. Въ ноябрѣ 1561 г. онъ пріѣхалъ снова въ Москву и остался здѣсь до апрѣля, вѣроятно, для устройства своихъ частныхъ дѣлъ передъ новою перемѣною под-

---

[1]) См. Лѣтописецъ русскій (московская лѣтопись). Приготовилъ къ изданію А. Н. Лебедевъ. Москва, 1895, стр. 63, 64, 65, 72, 79, 81, 92, 117, 119, 123, 124, 125, 127, 134, 135, 157.

[2]) См. Акты Южной и Западной Россіи, т. II, Спб. 1865, стр. 155—158, документы № 142 и 144.

данства. 14 апрѣля 1562 года царь велѣлъ В. ѣхать на Днѣпръ и „недружбу дѣлати царю Крымскому и королю Литовскому". 31 іюля того же 1562 года было уже получено въ Москвѣ извѣстіе, что В. измѣнилъ царю и уѣхалъ къ польскому королю съ козацкой дружиной въ 300 человѣкъ. Съ нимъ уѣхалъ и московскій атаманъ Водопьянъ [1]). Въ декабрѣ 1562 г. на сеймѣ въ Люблинѣ В. представился королю одновременно съ другимъ знаменитымъ авантюристомъ своего времени Альбрехтомъ Ласкимъ, воеводой сѣраздскимъ. Ласкій увлекъ его къ вмѣшательству въ Волошскія дѣла. Въ Волощинѣ въ это время боролись Гераклидъ съ Томшею за господарскій столъ. Въ августѣ 1563 года В. и Ласкій отправились съ дружинами въ Волощину помагать Гераклиду. Вскорѣ В. покинулъ Ласкаго и, подъ вліяніемъ коварныхъ совѣтовъ Томши, сталъ самъ мечтать о господарскомъ столѣ. Чтобы добиться стола, онъ съ небольшой дружиной двинулся внутрь страны. Только этого и ждалъ вѣроломный Томша; онъ окружилъ В. въ глухой пущѣ, перебилъ его дружину, а его самого, закованнаго въ цѣпи, отослалъ въ Константинополь, въ распоряженіе султана. Здѣсь Вишневецкій былъ подвергнутъ мучительной казни (повѣшенъ на желѣзномъ крюкѣ за ребро [2]). Подробности этого событія описываетъ тогдашній французскій посланникъ въ Константинополѣ въ донесеніи своему правительству отъ октября 1563 г. [3]). Трагическая смерть В. произвела огромное впечатлѣніе на массу днѣпровскаго козачества, среди котораго онъ такъ долго дѣйствовалъ. Пріукрашенная многими сказочными подробностями, она послужила сюжетомъ извѣстной думы о Байдѣ [4]). Байдой (гулякой, забубен-

---

[1]) См. Лѣтоп. рус. стр. 157, 159 и 163.

[2]) Въ думѣ о Байдѣ турецкій царь говоритъ своимъ гайдукамъ: „Возьмить Байду добре въ руки, возьмить Байду, извяжите, на гакъ ребромъ зачепите".

[3]) См. Wolffa, стр. 567, со ссылкой на книгу: „Hurmuzaki, Documente privitore la Istoria Romanilor, suplement 1 Vol. I. стр. 19. Bucuresci 1886". Этой ссылки мы не могли провѣрить за неимѣніемъ подъ руками румынской книги г. Гурмузаки. Тождественный разсказъ о смерти Байды Папроцкаго (въ сочин. Гербы и пр.) переведенъ въ „Кіевской Старинѣ" т. XIII (1885 г.), стр. 258—259.

[4]) См. Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями В. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I, Кіевъ, 1874, стр. 145—159, № 40; Костомаровъ,

ной головой) называли современники Вишневецкаго за его беспокойный, непосѣдливый нравъ, и за страсть къ военнымъ походамъ. Москвичи грубо называли его собакой: „притекъ Вишневецкій ко государю нашему, какъ собака, и потекъ отъ государя нашего, какъ собака же“ [1]).

Портретъ Дмитрія Вишневецкаго, воспроизведенный фототипіей для настоящей книжки „Кіевской Старины“, принадлежитъ къ той галлереѣ семейныхъ портретовъ, которая украшала нѣкогда круглый залъ Вишневецкаго замка, а нынѣ подарена Кіевской городской думѣ недавнимъ владѣльцемъ Вишневца г. Толли и ожидаетъ учрежденія въ Кіевѣ историческаго музея, чтобы быть прилично помѣщенной. Всѣ портреты князей Вишневецкихъ—одной мѣры, одного времени и одного письма. Очевидно, всѣ они писаны были какимъ то неизвѣстнымъ по имени художникомъ по желанію и по заказу одного лица изъ рода Вишневецкихъ, вѣроятнѣе всего—Михаила Серваціа, строителя замка (р. 1680, ум. 1744 г.). Можно думать, что портреты позднѣйшихъ представителей рода, какъ, напримѣръ, Іереміи В. и короля Михаила В., списаны съ подлинныхъ, нынѣ исчезнувшихъ, старыхъ портретовъ, но что портретъ Дмитрія В.—чисто фантастическій. Неужели могъ существовать портретъ Байды, писанный съ живаго лица, при условіяхъ его времени и его судьбы? Сомнительно...

А. Стороженко.

Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, отд. отт. изъ Русской Мысли, стр. 41—44. Дума о Байдѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ.

[1]) См. Сборникъ Император. Рус. Историч. Общества, томъ 71, Спб. 1892, стран. 156.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Какъ основалась „Кіевская Старина“. Авторъ напечатанной въ январской книжкѣ «Трудовъ Кіевской духовной Академіи» статьи о П. Г. Лебединцевѣ, говоря объ участіи покойника въ основаніи «Кіевской Старины», въ концѣ добавляетъ: «*мы, кажется, не ошибемся, если даже скажемъ, что именно онъ и былъ настоящимъ иниціаторомъ въ основаніи этого журнала*».—Это замѣчаніе вызываетъ настоящее поясненіе—какъ это основаніе произошло на самомъ дѣлѣ.

Весною 1879 г., свидѣлись въ Кіевѣ два любителя малорусской старины (одинъ—кіевлянинъ, а другой—черниговецъ) и, разсуждая о необходимости основать здѣсь, въ Кіевѣ, историческій журналъ на манеръ *Русской Старины* или *Русскаго Архива*, затруднялись вопросомъ о лицѣ, которое могло бы взять на себя редакторство такого журнала. Перебравъ нѣсколько именъ, кіевлянинъ, наконецъ, остановился на П. Г. Лебединцевѣ. По его мнѣнію, послѣдній могъ быть желаемымъ редакторомъ *Кіевской Старины* или *Кіевскаго Архива*, какъ по своей научной извѣстности, такъ и по своему общественному положенію, дававшему ему возможность легко получить и разрѣшеніе на изданіе предполагаемаго журнала.—Чтобы не откладывать дѣла,—сказалъ кіевлянинъ черниговцу,—поѣдемъ сейчасъ къ П. Г. Лебединцеву, я васъ познакомлю, а затѣмъ и поговоримъ... Сказано—сдѣлано, хотя былъ уже поздній вечеръ.—Поѣхали, любезно были приняты и, послѣ обычныхъ фразъ, кіевлянинъ изложилъ причину—нѣсколько страннаго по порѣ дня—визита.—Дѣло хорошее, отвѣчалъ Петръ Гавриловичъ, по обыкновенію, посмѣиваясь. Затѣмъ, поговоривъ еще о подробностяхъ изданія *Старины* или *Архива*, хозяинъ отвѣтилъ гостямъ, что взять на себя веденіе журнала онъ не можетъ, будучи очень занятъ, но прибавилъ П. Г., пригодный для этого дѣла чело-

вѣкъ найтись можетъ, а кто онъ такой—объ этомъ де станетъ извѣстно тогда, когда сей человѣкъ согласится... На этомъ гости съ хозяиномъ и разстались.—Почти черезъ два года послѣ этого, въ к. 1881 г., пишущаго эти строки посѣтилъ (въ Кіевѣ) Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ и, послѣ первыхъ фразъ знакомства, сказалъ, что онъ пришелъ къ нему, на-ряду съ другими, поговорить о планѣ и программѣ предполагаемой имъ къ изданію *Кіевской Старины*. При этомъ Ѳ. Г. пояснилъ, что когда онъ выслужилъ въ Холмѣ срокъ, дающій право на пенсію, то написалъ Петру Гавриловичу о своемъ раздумьи—что́ дѣлать послѣ отставки... Петръ Гавриловичъ отвѣчалъ брату, что можно заняться въ Кіевѣ какимъ нибудь дѣломъ и—при этомъ—какъ на одно изъ такихъ дѣлъ, указалъ на *изданіе Кіевской Старины*... Переселившись изъ Холма въ Кіевъ, Ѳ. Г. уже въ нач. 1881 г. сталъ хлопотать объ осуществленіи предложеннаго братомъ дѣла, а въ январѣ 1882 г. вышла первая книжка «Кіевской Старины».

А. Л.

Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. «Высокородному и Высокопревосходительному Господину Генералъ Аншефу, Кіевскому Генералъ-Губернатору и орденовъ Бѣлаго Орла и Святаго Александръ Невскаго кавалеру Ѳедору Матвѣевичу, Его Высокопревосходительству Воейкову

Зъ кіевского магистрата

Репортъ, о дѣйствителъномъ исполненіи по присланному ордеру.

Ордеромъ Вашего Высокопревосходительства, сего февраля 4 (1767 г.) подъ № 340 отпущеннымъ, а въ магистратѣ кіевскомъ сего жъ февраля 4 чиселъ полученнымъ, велено, какіе именно названіемъ макдербургскіе правы, по которымъ всѣ суды и расправы производить должно, кіевскому магистрату и мѣщанамъ по привилѣямъ утвержденъны, справясь, подать Вашему Высокопревосходителъству обстоятельный репортъ.—А понеже въ утвержденныхъ магистрату кіевскому высокомонаршими жалованными грамотами привилегіяхъ королей польскихъ Жикгимунта 1544 марта 20, Жикгимунта Августа 1545 апрѣля 24, Стефана 1576 іюля 7, Жикгимонта третого 1588 мая 10 и Владислава четвертого 1633 года февраля 28 чиселъ повелено мѣсту

Кіеву и мѣщанамъ кіевскимъ и ихъ потомкамъ и наследникамъ право нѣмецкое а теотонѣцкое названное макдебургское сполна во всѣхъ пунктахъ и артикулахъ содержать; и по оного установленію обходится и исправлятся; которого права книги въ магистратѣ кіевскомъ имѣются и по онымъ судъ и расправа содержится, какъ то на полскомъ порядокъ, юсъ мунъцыпале, тамъ же и спекулумъ Саксонъ, на латинскомъ спекулумъ Саксонъ, купно и юсъ муницыпале, да подтитуломъ Венедикта Карпзовія три книги: 1-я процесъ права, 2-я юриспруденція и 3-я практика рерумъ криминаліумъ[1]), на латинскомъ и нѣмецкомъ діалектахъ напечатанъные по тѣмъ же книгамъ въ многихъ зъсылкахъ и другіе разные книги показанъны, точію оныхъ всехъ въ магистратѣ кіевскомъ нѣтъ. О чемъ всемъ Вашему Высокопревосходительству магистратъ кіевскій чрезъ сіе всепокорнѣйше репортуетъ».

Подполковникъ кіевскій войтъ Григорій Пивоваровъ.
Бурмистръ Іосифъ Гудимъ.
Писарь Іаковъ Давидовскій.
Райца Іосифъ Козелскій.

9 февраля 1767 г. № 256.

Не лишенъ интереса вопросъ, какъ пользовался кіевскій магистратъ этими правными книгами. Данныхъ по этому вопросу опубликовано пока очень мало, и донынѣ еще остается нерѣшеннымъ споръ, въ какой мѣрѣ нормы магдебургскаго права въ латинскихъ и польскихъ передѣлкахъ и обработкахъ проникли въ административную и судебную практику городскихъ магистратовъ южной Руси.

Въ случайно сохранившихся кіевскихъ магистратскихъ дѣлахъ 2-й половины прошлаго вѣка находимъ слѣдующія данныя по этому вопросу.

Яковъ Давыдовскій былъ избранъ писаремъ кіевскаго магистрата въ 1757 году; добился онъ этого почетнаго и небездоходнаго званія

---

[1]) Ср. Теличенко, Очеркъ кодификаціи малор. права („Кіев. Стар., сентябрь, 1888 г., стр. 458) и A. Halban, Zur gesch. d. deutschen Rechtes in Podolien etc. (Berl., 1896), 65 сл. У Кистяковскаго (Права, по кот. суд. мал. нар. Кіевъ, 1879) о соч. Карпцова не упоминается. Въ библіотекѣ кіев. унив. есть двѣ изъ упомянутыхъ магистратомъ книгъ Bened. Carpzovius'a: Practicae novae imperialis saxonicae rerum criminalium synopsis absoluta, extr. Gł. Svevo. P. 1—m. Lipsiae, 1655 и Processus juris in foro saxonico etc. Ienae, 1657.—„Порядокъ" и т. н. „Саксонъ"—общеизвѣстни

благодаря женитьбѣ на дочери бурмистра Михаила Александровича. Уже въ 1763 году кіевскій войтъ секундъ-маіоръ Сычевскій просилъ гр. Кирилла Разумовскаго объ удаленіи Дав—го отъ писарскаго уряда за непочтеніе къ нему, войту. При этомъ Разумовскому представлено было доношеніе яко-бы отъ кіевскихъ мѣщанъ «о непорядочествѣ» Д—го въ должности «и что онымъ писаремъ Д—мъ составляемы бываютъ по дѣламъ приговоры не въ силу ихъ правъ по единому тому, что магистратскія права напечатаны на латинскомъ діалектѣ, а тому онъ, Д—ій, неизвѣстенъ, причиною жъ до сего многіе пришли до обиды и убытковъ, ибо де хотя нѣкоторые изъ судящихъ въ магистратѣ и наводили ему тѣ права о привнесеніи оныхъ въ дѣло, но то де имъ, Д—мъ не исполнялось». Въ ноябрѣ 1763 года гетманъ Разумовскій отрѣшилъ Давидовскаго и назначилъ кіевскимъ писаремъ войскового канцеляриста Михаила Кузминскаго.

Въ это время, какъ извѣстно, шла распря между членами магистрата и войтомъ Сычевскимъ изъ-за «хищеній». Магистратъ не призналъ Кузминскаго своимъ писаремъ, не платилъ ему жалованья и, на запросъ по этому поводу генералъ губернатора Глѣбова, въ іюлѣ 1764 года, между прочимъ, отвѣчалъ: «по справкѣ въ ономъ магистратѣ... никакова выбора и опредѣленія его на здешнее писарство не было, но отъ его сіятельства насланъ онъ сюда единственно по доношеніямъ войта кіевскаго Ивана Сычевскаго да согласника его кіевскаго жителя Ѳедора Курятника, онъ же и Доброгорскій, самого легкомысленнаго человѣка и явного гражданству подступника», съ 11-ю таварищами, «крайне подлыми людьми», банкрутами, несовершеннолѣтними и пр. «Оной же Д—ій съ начала опредѣленія его прошлаго 757 году во время публичной середопостной элекціи писаремъ, ту писарскую должность исправлялъ добропорядочно», и жалобъ на него не было. «Сверхъ же того никогда ни отколь никакіе чиновники, въ томъ числѣ и писарь въ магистратъ кіевскій насиланны не были, но всегда за силою многихъ высокомонаршыхъ всемилостивѣйше магистрату кіевскому жалованныхъ грамотъ, королевскыхъ привилегій и утвержденныхъ майдебурскихъ правъ, вси до послѣднаго урядника въ магистратѣ при боблѣчной элекціи волными голосами выбираются».

Такъ какъ гетманское распоряженіе нарушаетъ эти права, то магистратъ обжаловалъ его еще въ февралѣ 1763 года въ Сенатъ; допускать Кузминскаго къ должности и платить ему жалованье, ни магистратъ, ни мѣщане, ни купечество, ни цеховые не желаютъ,

тѣмъ болѣе, что вполнѣ довольны Давидовскимъ, а Кузминскій не прекращаетъ своего согласія и единомыслія съ войтомъ Сычевскимъ, съ которымъ магистратъ имѣетъ немалую приказную ссору». Подписали: бурмистры Вас. Балабуха, Яковъ Козельскій, Аѳ. Александровичъ, Косма Кулешъ и райца Ив. Силенко-Ніечай).

Сенатскимъ указомъ распоряженіе гр. Кирилла Разумовскаго отмѣнено и въ томъ же 1764 г. Давидовскій возстановленъ въ писарской должности. Два года спустя отрѣшенъ и войтъ Сычевскій, а на его мѣсто, подъ давленіемъ генералъ-губернатора Воейкова, избранъ въ войты бывш. прокуроръ кіевск. губ. канцеляріи, надв. сов. Григорій Пивоваровъ [1]).

Должно быть, вскорѣ положеніе Давидовскаго среди городскихъ партій того времени измѣнилось, потому что уже въ декабрѣ 1770 года Пивоваровъ вмѣстѣ съ бурмистромъ Космой Кулешемъ и райцею Сем. Аврицкимъ донесли Воейкову о состоявшемся опредѣленіи магистрата: Давидовскаго отрѣшить, на мѣсто же его «въ писарскую должность въ силе утвержденныхъ магистрату кіевскому жалованныхъ грамотъ и магдэбурскихъ правъ опредѣлить кто по усмотрѣнію оного магистрата способенъ явится». Вина Давидовскаго заключалась въ томъ, что во время оказавшейся на Подолѣ болѣзни («язвы») онъ въ октябрѣ 1770 г. переѣхалъ съ семействомъ въ Николаевскую Пустыньку или скитокъ за Днѣпромъ и, несмотря на двукратное требованіе магистрата, не явился къ должности, ссылаясь на караулы и кордоны, яко-бы не пропускающіе его въ Кіевъ, чѣмъ оказалъ ослушаніе и пренебреженіе къ магистрату. «Въ утвержденныхъ же оному магистрату магдебурскихъ правахъ узаконено: въ зерцалѣ саксонскомъ подъ словомъ проступокъ на страницѣ 493: въ преступленіе оскорбленія величества входятъ всѣ тѣ которіе учинкомъ или какимъ нибудь дѣломъ защищаются противъ господина общества или противъ людей оного; въ книги практики дѣлъ крeминалныхъ въ части 3 въ вопросѣ 101 въ статіяхъ: 9—какъ чрезъ наказанія магистрата порядокъ сохраняетца, обращенія исправляютца, продерзорсть унимаетца и чрезъ чинимые наказанія преступленія укрощаютца, такъ напротивъ того и послабленія магистрата немалая есть къ преступленію повадка, и кто прощаетъ худимъ, вредитъ добрымъ. И тамъ же добавлено, что магистратъ таковъ, кой худимъ наказанія оставляетъ, не точію

[1]) Ср. И. Каманина „Посл. годы самоупр. Кіева по магд. праву" въ Кіевск. Стар. 1888 г., сент., стр. 606.

терпимъ быть не можетъ, но паче истребленъ быть не долженъ, дабы чрезъ ослабленіе наказаній общества цѣль не ослабѣла; 15—хотя много преступаючему наказаніе не ползуетъ, ни въ исправленіе приводитъ, однакъ оного другихъ ради не должно оставлять, дабы за ненаказаныемъ одного за преступленіе худшое что другимъ того жъ гражданства обивателямъ не воспослѣдовало, ибо часто за преступленіе одного ненаказаннаго Богъ гнѣвъ посилаетъ на весь народъ, какова же полза и прибыль чрезъ наказаніе за преступленіе обществу чинитца или изъ дѣлъ чинимыхъ наказаній или изъ обстоятельствъ оныхъ доволно извѣстно», и пр.

Не выждавъ отвѣта Воейкова, магистратъ въ январѣ 1771 года назначилъ писаремъ б. лавника Николая Леонтовича, между прочимъ потому, что «онъ, какъ учившійся въ латинскихъ школахъ, умѣетъ читать и писать по польски и по латыни, а къ тому переводить съ латинского и польского на россійскій діалектъ можетъ, на коихъ діякектахъ и утвержденные магистрату кіевскому майдебурскіе права состоятъ. Л—чъ былъ приведенъ къ присягѣ, въ книгѣ «Порядокъ» на стр. 25 напечатанной.

Давидовскій тоже обратился къ Воейкову съ жалобою на это распоряженіе, доказывая, что «въ самой сущей винности по всемъ узаконеніямъ, нихто не обвиняется безъ отвѣту и безъ суда», что въ писарскую должность онъ былъ назначенъ не однимъ магистратомъ, но по общему желанію всего гражданства, почему и смѣнить его магистратъ невправѣ безъ вѣдома гражданъ и утвержденія генералъ-губернатора.

При такихъ обстоятельствахъ возникла оффиціальная полемика между магистратомъ и Воейковымъ, тянувшаяся три года и веденная съ великимъ азартомъ и ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Противникамъ пришлось вникнуть въ «правныя» книги магистрата и толковать ихъ постановленія примѣнительно къ данному казусу.

Приведемъ нѣкоторыя болѣе характерныя выдержки изъ этой юридической полемики.

Воейковъ возбудилъ вопросъ, имѣлъ-ли магистратъ право своею властью уволить Давидовскаго. Въ апрѣлѣ 1771 г. Пивоваровъ съ 5 бурмистрами и 4 райцами пояснилъ: «по утвержденному обыкновенію и по даннымъ сему городу отъ королей полскихъ привилегіямъ, особливо по привилегіи короля Яна Казимира 1649 года апрѣля 3 и по праву книги спекулюмъ саксонъ подъ словомъ райца на листахъ 43, 44, 45 напечатанному ежегодно въ день средопостній волными

голосами по градскому правленію избыраются толко чиновники: бурмистръ, райца, медовой шафаръ, лавникъ, пивной шафаръ, инстигаторъ и урядникы, а выборъ магистратского писара по праву книги порядокъ въ части первой подъ словомъ вына за фалшивое писаніе на листѣ 26 напетатанному, единственно въ магистратѣ присутствующимъ войту съ чиновниками на прилежное въ повѣреніи достойнымъ того писарского званія людемъ разсмотреніе, а не на волніе голосы, препорученъ, потому что волный выборъ совсѣмъ до сего не принадлежитъ, за силу коихъ правъ всѣ магистратскіе писари собыраеми и отрѣшаеми бываютъ самими въ магистратѣ кіевскомъ присудствующими чиновниками, а не на публичныхъ элекціяхъ». Такъ было и съ Давидовскимъ, который принятъ писаремъ въ 1757 году «въ респектѣ того, что онъ взялъ себѣ въ жену дочь здѣшняго бурмистра Мих. Александровича» и при публичной элекціи представленъ обществу. «Когда жъ онъ, Д—ій, минувшого 763 году ноября 25 бывшимъ малороссійскимъ гетманомъ сенаторомъ графомъ и кавалеромъ Кирилломъ Григоріевичемъ Разумовскимъ отъ той писарской должности былъ отрешенъ, равно и другіе магистратскіе чиновники невынно чиновъ лишены», то по сенатскому указу всѣмъ имъ въ 1764 году возвращены прежніе чины. Теперь же на его мѣсто назначенъ Леонтовичъ; возвратить это мѣсто Давидовскому нельзя да и ему самому чина искать не пристойно, «для того, что по тѣмъ же майдебурскимъ правамъ книги спекулюмъ саксонъ въ артикулахъ права майдебурского въ глосѣ въ артикулѣ 11 на стран. 43 напечатано: таковыхъ, что жаждничатъ уряду, въ чины произволить не повелено».

Воейковъ призналъ всѣ эти доводы неубѣдительными и въ маѣ 1771 г. предложилъ магистрату «учинить Д—му неумедлительную справедливость и удовольствіе». Въ отвѣтѣ войтъ Пивоваровъ съ комп. (въ томъ числѣ бурмистры Іосифъ С. и Іосифъ Ив. Гудимы) уже съ особымъ удареніемъ ссылаются на незнаніе Д—мъ латинскаго и польскаго языковъ, «кои суть самонужнѣйшія знанія въ писарской должности». Тѣмъ не менѣе магистратъ готовъ, по непремѣнному и древнему обыкновенію, «первіе въ кандидаты, а потомъ напредъ будущыхъ публичныхъ элекціяхъ въ пристойный магистратскій чинъ его выбрать и тѣмъ безъ удовольствія не оставить».

Въ отзывѣ на этотъ рапортъ Воейкову Давидовскій между прочимъ поясняетъ: «Дабы писари магистратскіе въ должности и званіи своемъ имѣли опредѣлительное время до волѣ магистрата, того ни

по утвержденнымъ магистрату майдебурскимъ правамъ нѣтъ, ни по прежнымъ обыкновеніямъ не бывало. Магистратъ есть не партикулярнее присутствующихъ правленіе и воля его, будучи ограничена законами, не можетъ быть законоположительною, подвергать невинныхъ несчастію и играть жребіемъ человѣка по своему вкусу, ибо и по вышеозначеннымъ магдебурскимъ правамъ есть выборъ и опредѣленіе чиновъ по волѣ и согласію общества, но изверженіе составляется отъ преступленія и зависитъ отъ законовъ.

Вслѣдство того и протчіе магистратскіе чины, яко-то бурмистры и райцы, опредѣляются по выбору общества, одиножды навсегда. А хотя и очередные по году имѣютъ въ магистратѣ присутствіе и содержатся въ правленіе своего года на жалованью оного жъ магистрата, равномѣрно такъ какъ и писарь, однако чиновъ неповинно лишить магистратъ не можетъ»... «Подведенное отъ магистрата кіевскаго магдебурское право въ части первой подъ словомъ вина за фальшивое писанье по сущему разумѣнію онаго не утверждаетъ беззаконнаго самовластія присутствующихъ въ магистратѣ, ибо хотя по оному напечатано, что райцы, присяжныки и мѣщане (стало быть общество) должны беречь, чтобъ писарь былъ достойной, но когда оной опредѣленъ и при исправности безпороченъ, то невинному изверженію никакой законъ не подвергаетъ». Общество всегда одобряло его, Д—го, «а то неоспоримо, что за усердіе мое къ целости гражданской страдалъ и гонимъ и на послѣдокъ изверженъ я былъ отъ бывшаго господина гетмана»[1]).

Въ іюнѣ 1771 г. Воейковъ требуетъ отъ магистрата объясненія, которое и получается въ іюлѣ. Отвѣтъ дышетъ зловеликимъ озлобленіемъ къ Д—му, который «столь зароженъ ненасытнымъ къ писарскому званію желаніемъ» и скрываетъ свое незнаніе латинскаго и польскаго діалектовъ: «итакъ разве самой опытъ экзамѣна сіе рѣшить

[1]) Слѣды этого враждебнаго отношенія гетмана Разумовскаго находимъ и въ сен. указѣ 18 ноября 1764 г. Представляя сенату взятые изъ магистрата кор. привиллегіи и гетм. универсалы, въ числѣ 128, Разумовскій „просилъ указу, чтобъ тѣхъ кіевскихъ мѣщанъ, кои во освидѣтельствовавіи магистратскихъ крепостей явное ему непослушаніе оказали и къ возмущенію народному поводъ чинили, на тамошніе уряды не опредѣлять, опредѣленнаго же отъ него въ кіевскій магистратъ писаря Козминскаго, яко къ тому способнаго человѣка, не отрѣшать, тако жъ и о дачѣ за оклеветаніе старшаго канцеляриста Туманскаго и его гетманскихъ законныхъ опредѣленій съ кіевскихъ мѣщанъ, подписавшихся на доношеніи въ прав. сенатъ, требуемой имъ чрезъ генер. войск. канцелярію сатисфакціи“. Сенатъ поручилъ рѣшеніе этого спора кіев. ген.-губ. Глѣбову.

и тѣмъ его Д—го конечно изобличить можетъ». «Новая сія и отъ власты, по мнѣнію его, независящая должность подасть ему, Д—му, поводъ вздумать еще далшое нѣякоесь утвержденіе сего писарства и для потомковъ своихъ». Магистратъ, какъ судебное мѣсто, имѣетъ право перемѣщать и удалять своихъ чиновниковъ.

Толкованіе Д—го, будто въ выборѣ писаря участвуютъ мѣщане, невѣрно, потому что въ Саксоніи собиралось лавниковъ 11, а войтъ двѣнадцатый, изъ которыхъ и составляется общій судъ; вмѣсто же этого числа лавниковъ «по древному и неперемѣняемому обыкновенію, которое закономъ уже въ обычай здесь введено, собирается семь райцовъ и толикое жъ число бурмистровъ, да для словесныхъ судовъ одинъ лавникъ и одинъ инстигаторъ». Д—ій не можетъ быть писаремъ и потому, что неучъ: неучи-писаря—стыдъ магистрату и мѣщанству. Причиною гоненій и страданій было его, Д—го, притворное усердіе къ обществу: «онъ будучи почти первымъ предметомъ тогдашнего здешнему городу неблагополучія, не устыдился въ безъизвестныхъ мѣстахъ побегомъ себя скрывать, а пряміе сего общества члены, съ коихъ болшая часть престарѣлыхъ бурмистровъ и райцовъ, будучи великодушіемъ и постоянною вѣрностію къ общественнымъ целостямъ обовязанъны, не страшась въ своей невинносты предъ воображавшихся бѣдъ, великія претерпѣли притѣсненія и лишены были отъ бывшого господина гетмана чиновъ». «Здешніе мѣщане за силу высочайшихъ жалованныхъ грамотъ и другихъ крѣпостей единственно отъ магистрата и общего выбору, а не отъ кого либо другаго обикновеніе получали и нынѣ нолучаютъ чины».

Въ августѣ того же года изъ магистрата затребованы Воейковымъ выписки изъ «майдебурскихъ правъ» относительно выборовъ писаря, послѣ чего Воейковъ нашелъ претензіи къ Д—му за незнаніе латыни и польскаго языка неосновательными: по этому «праву» точно не сказано, чтобы имѣть писаря ученаго этимъ языкамъ, а велено, чтобы былъ годный, честный, постоянный и трезвенный, и всякое судимое дѣло и записи писаны были бы вразумительнымъ *природнымъ* діалектомъ съ наставленія разумнаго судьи.

Магистратъ продолжалъ твердить свое: по силѣ «правъ», Д—ій не можетъ быть писаремъ, ибо не знаетъ ни латыни, ни природнаго, т. е. польскаго, діалекта и потому ничего не можетъ разъяснить судьямъ природнымъ, т. е. россійскимъ, языкомъ, откуда въ дѣлахъ затрудненія. У Д—го есть капиталъ для занятія промыслами, да и во время писарства онъ накупилъ у бѣдныхъ людей много лавокъ. Ради

спокойствія магистрата, надо отказать Д—му; если же нельзя, то магистратъ просилъ представить дѣло сенату. На новый запросъ Воейкова, магистратъ въ январѣ 1772 г. донесъ, что незнаніе Д—мъ лат. и польскаго языка было сносно и не вызывало затрудненій въ «правномъ переводѣ» потому, что «тогдашній реентъ Лукъяновичъ и многіе канцеляристы, весьма исправные въ переводѣ правъ, на коихъ твердо во всемъ судъ полагаться могъ, при магистратѣ находились и потому и онъ, Д—ій, чрезъ 14 лѣтъ за готовымъ оныхъ правъ переводомъ способно и писаровать могъ; но елико нынѣ тѣ въ переводѣ исправные люди измерли», а въ магистратѣ и первоприсутствующій судья (какъ замѣтилъ Воейковъ) тоже не знаетъ латинскаго и польскаго языковъ, то тѣмъ болѣе нельзя держать писаремъ Д—го. Въ своемъ собственномъ дѣлѣ магистратъ можетъ быть судьею (ст. ст. 67, 69 и 71 «практыки дѣлъ криминалныхъ»), ибо въ семъ случаѣ судья болѣе исполнителемъ, нежели судьею состоитъ». Ежели ради спокойствія магистрата удаленъ по высочайшему повелѣнію войтъ Сычевскій, то кольми паче такъ слѣдуетъ поступить съ Д—мъ.

Въ іюлѣ 1772 г. Воейковъ, ссылаясь на выборъ Д—го городскимъ головою [1]), категорически потребовалъ отъ магистрата допустить его къ писарской должности. Магистратъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы Д—ій не домогался мѣста за судейскимъ столомъ, а что касается жалованья съ акциденціею, то долженъ пользоваться въ размѣрѣ, назначенномъ было Леонтовичу, «ибо и бурмистрамъ съ райцами да и силе жалованныхъ грамотъ (чего о писарѣ нигдѣ не изображено) денежного производится толко: по шестьдесятъ рублевъ чрезъ шесть въ седмой годъ, т. е въ ихъ правленіе, а шесть лѣтъ какъ въ разные употребляютца комисіи, такъ и въ магистратѣ присудствіе почасту имѣютъ безъ жалованья».

Удивленія достойно, писалъ Воейковъ магистрату въ августѣ того же года, какимъ образомъ оной магистратъ устремилъ негодованіе свое на писаря Якова Давыдовскаго, избраннаго нынѣ городскимъ головою», и сравнилъ его съ Леонтовичемъ, въ отмѣну своихъ прежнихъ постановленій. Пивоваровъ объявилъ Д—му: «ищи въ сенатѣ, а безъ того къ прежнему своему мѣсту допущенъ не будешь».

На новое приказаніе Воейкова магистратъ въ сентябрѣ между прочимъ пишетъ: «послѣдовавшее в. в. повелѣніе признавая сей ма-

---

[1]) Объ этомъ почетномъ званіи см. манифестъ Екатерины II 14 дек. 1766 г.—обрядъ выбора жителямъ городскимъ для присылки депутатовъ къ сочиненію проекта новаго уложенія.

гистратъ въ несносную себѣ тягость и обиду, принужденнымъ себя нашелъ наконецъ открыть что таковымъ в. в—ства повелѣніемъ есть магистратъ вовся недоволенъ», почему проситъ представить всю переписку въ сенатъ, куда и будетъ въ свое время подана апелляція.

«Я не могу себѣ вообразить, видя оного магистрата неисполненіе по силѣ четырехъ моихъ ордеровъ о писарѣ магистрата Давидовскомъ (пишетъ Воейковъ маг—ту въ маѣ 1773 г.) и что оной магистратъ подалъ отъ 17 сентября прошлаго 1772 года предосудительной себѣ и оскорбительной мнѣ репортъ, отзываясь себѣ отважно» и пр. Представлять дѣло въ сенатъ нѣтъ нужды,—оно ясно и незачѣмъ требовать указа на указъ. Требованіе: допустить Д—го безъ всякихъ отговорокъ, иначе «принужденъ буду поступить по правамъ».

Отвѣтъ въ іюнѣ 1773 г.: магистратъ все сдѣлалъ, что могъ, не смотря на чинимую тѣмъ магистрату «прискорбность», но Д—ій самъ презрѣлъ все это съ крайнимъ презрѣніемъ. Другихъ средствъ нѣтъ, чтобы его «удовольствовать».

Въ октябрѣ новый ордеръ: допустить безъ отговорокъ, подъ угрозою штрафа. Въ ноябрѣ отвѣтъ: никакъ невозможно, ибо Пивоваровъ и райцы Дмитровичъ, Д. Александровичъ, шафаръ мед. Вас. Копыстенскій и писарь Леонтьевичъ выѣхали въ Петербургъ. Предъ отъѣздомъ Пивоваровъ поручилъ писарскую должность реенту Данилу Слюсарскому. До возвращенія пивоварова принять Давидовскаго «вовся не смѣемъ».

Въ ноябрѣ 1773 г. новый и послѣдній, имѣющійся въ дѣлѣ, ордеръ Воейкова: отговорка эта несогласна «съ правомъ магдебурскимъ, напечатаннымъ въ книгѣ порядокъ въ части 1 на страницахъ начавъ съ 11 по 19, гдѣ точно узаконено: войтъ на судѣ не находитъ сентенціи, ниже выданную опровергаетъ, а имѣетъ выдать оную такъ, какъ ему присяжники обявятъ; да спекулюмъ саксоникумъ въ книгѣ 3 въ артикулѣ 30 и въ правѣ гражданскомъ въ артикулѣ 14 въ толкованіи также написано» и т. д. Потому В. требуетъ исполнить требованія его безъ отговорокъ, въ противномъ случаѣ «въ оштрафованіи онаго магистрата поступлено будетъ по точной силѣ магдебурскихъ правъ!».

Вскорѣ послѣ того Воейковъ послалъ въ сенатъ рапортъ съ обстоятельнымъ изложеніемъ этого дѣла. Объ этомъ просилъ и Давыдовскій, измученный волокитою. Намъ не извѣстно, получилъ-ли онъ полное удовлетвореніе. Въ 1781 году встрѣчаемъ его въ званіи бур-

гомистра и городского головы (Закревскій, Опис. Кіева, изданіе 1868 г., I, 95).

Замѣтимъ въ заключеніе, что матеріалы для «ордеровъ» по части «магдебурскихъ» цитатъ канцелярія Воейкова требовала и получала отъ того же магистрата, въ переводѣ Леонтовича, но ссылки этихъ ордеровъ на «права» обыкновенно весьма неудачны и обнаруживаютъ, конечно, еще большее незнакомство съ этими таинственными правами, нежели у кіевскихъ магистратскихъ юристовъ.

Сообщ. **Н. М.**

Измѣненія текста „Энеиды“ И. П. Котляревскаго. Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1897-й годъ г. Сумцовъ помѣстилъ замѣтку: «*Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго*». Въ ней онъ рекомендуетъ относиться съ большой осторожностью къ самому тексту «Энеиды», въ особенности въ новыхъ изданіяхъ, такъ какъ «повидимому, были допущены значительныя измѣненія текста, передѣлки и пропуски». Сравнивъ затѣмъ текстъ первой пѣсни «Энеиды» по изданіямъ 1842 и 1878 гг. и найдя рядъ разночтеній, г. Сумцовъ считаетъ измѣненія изданія 1878 г. за поддѣлку и говоритъ: «Фальсификація смѣлая и часто умѣлая, но кое-гдѣ неудачная. Замѣтна узкая тенденція, претендующая сдѣлать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ. Къ чему, напр., штаны замѣнены галанцами? Замѣна неудачная. Галанци носили панскіе козачки (изъ голландскаго сукна. (fein holländisch, откуда фалендышъ)» и т. д.

Однако дѣло представляется совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, если мы сравнимъ указанныя г-номъ Сумцовымъ варіаціи изданія 1878 года съ текстомъ перваго изданія «Энеиды» 1798 года[1]). Тогда ока-

---

[1]) Вотъ полное заглавіе его: а) на оберткѣ: „Малорусская Енеида въ трехъ частяхъ. Съ пріобщеніемъ значенія Малороссійскихъ словъ какъ содержащихся въ оной, такъ и весьма многихъ другихъ. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года“). б) на выходномъ листѣ: „Енеида на малорусскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ. Часть I. Съ дозволенія Санктпетербургской цензуры. Иждивеніемъ М. Парпуры. Въ Санктпетербургѣ, 1798 года. (Этотъ выходной листъ повторяется при каждой изъ трехъ частей). За этимъ слѣдуетъ на отдѣльномъ листкѣ посвященіе: „Любителямъ малороссійскаго слова усерднѣйше посвящается“. Нумерація страницъ въ первыхъ двухъ частяхъ начинается съ начала текста: 1-я ч. —32 страницы, 2-я ч.—

зывается что *изъ 21-го*, приведеннаго г-номъ Сумцовымъ случая фальсификаціи—*въ 20 случаяхъ* текстъ изданія 1878 года дословно повторяетъ текстъ перваго изданія[1]), и лишь въ одномъ случаѣ въ первомъ изданіи находится текстъ изданія 1842-го года, хотя и съ перестановкой словъ (Загнать въ тристя его къ чортамъ).

Такимъ образомъ, если уже говорить о фальсификаціи, то въ ней можно обвинить развѣ изданіе 1842-го года, а изданіе 1878-го года слѣдуетъ признать реставрирующимъ первоначальный текстъ. Мы, впрочемъ, совсѣмъ не хотимъ сказать ничего подобнаго. По всей вѣроятности, Котляревскій самъ исправлялъ и передѣлывалъ текстъ Энеиды для новыхъ изданій, отчего и появились разночтенія. Мы не имѣли возможности сравнить текстъ всѣхъ изданій Энеиды, вышедшихъ при жизни автора; но уже въ первомъ изданіи мы находимъ въ концѣ книги (передъ словаремъ) «Перемѣны»—самого автора, очевидно. Перемѣнъ двѣ; въ одномъ случаѣ измѣненъ стихъ, а въ другомъ передѣлка касается цѣлаго куплета (одного изъ приводимыхъ г-номъ Сумцовымъ): на стр. 6-й книги стоитъ тотъ текстъ, который г. Сумцовъ выписалъ изъ изд. 1878 г. («Нептунъ дочувсь въ скляныхъ будынкахъ» и т. д.), а въ перемѣнахъ указано эти четыре строки читать такъ:

Нептунъ же давній бувъ драпик*
Почувъ Енеевъ голосокъ;
Рощухавши іого що клика,
Пивкони для іого кусокъ

(Опять не такъ, какъ въ изданіи 1842 года.) Несомнѣнно, что только сравненіе текста всѣхъ изданій «Энеиды», вышедшихъ при жизни автора, и текста изданія 1842 года (для этого изданія Котляревскій передалъ издателю рукопись, по крайней мѣрѣ, 5-ой и 6-й части поэмы) дастъ возможность рѣшить, погрѣшилъ ли кто либо изъ позднѣйшихъ издателей противъ Котляревскаго самовольнымъ измѣненіемъ его текста, а до тѣхъ поръ, высказанное г. Сумцовымъ обвиненіе въ фальсификаціи и «узкой тенденціи, претендующей сдѣ-

---

38, 3-я ч.—72 стр. (считая и выходной листъ), „Погрѣшности", „Перемѣны" и „Собраніе малороссійскихъ словъ"—24 страницы. Форматъ книги—небольшая узкая восьмушка. Цѣна—1 руб. 60 коп.

[1]) Хотя въ одномъ примѣрѣ (стр. 31 изд. 1878 года) текстъ изд. 1878 г. разнится отъ текста перваго изданія пропускомъ стиха „Іого воли придбали й кони", но судя потому, что въ примѣрѣ г. Сумцова нѣтъ стиха, риѳмующагося со стихомъ „стоявъ въ Дидони у загони",—это вѣроятно просто корректурный недосмотръ.

лать малорусскій языкъ Котляревскаго еще болѣе малорусскимъ» приходится обратить, какъ слѣдуетъ изъ сказаннаго,... на самого же Котляревскаго.

Б. Гринченко.

Черниговъ, 1897. I. 16 (28).

Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ.

Прочиталъ я въ № 84 «Полт. Губ. Вѣд.» за прошлый годъ передовую статью, въ которой между прочимъ упоминается о проектѣ, взамѣнъ памятника И. П. Котляревскому, устройства зданія его имени, гдѣ помѣстились бы нѣкоторыя просвѣтительныя учрежденія культурнаго центра старой Малороссіи, родной Полтавы. Соглашаясь въ принципѣ съ этой мыслію, редакція спѣшитъ оговориться, съ приведніемъ солидныхъ и вполнѣ основательныхъ причинъ, что постройка такого зданія вмѣсто памятника К-му неудобна, а высказывается мелькомъ за совмѣстность сооруженія и зданія, и памятника, мотивируя этотъ компромиссъ успѣшнымъ ходомъ подписки, давшей за годъ около 6 тыс. руб. Намъ же, напротивъ, кажется, что только лишь остатокъ отъ затратъ на постройку достойнаго имени поэта памятника можно обратить *на завязку фонда*, имѣющаго цѣлью просвѣтительныя задачи города. Да и въ самомъ дѣлѣ, ставить на видной городской площади что-то въ родѣ верстового столба, стоимостью въ тысячу—двѣ руб., въ честь поэта, а на остальныя деньги, при громадной цѣнѣ лѣсныхъ матеріаловъ въ Полтавѣ, устраивать—*нѣкій шпиталь* имени поэта и виднаго по своему времени общественнаго дѣятеля,—что за идея?... Такого сорта экономія обнаруживаетъ въ добрыхъ моихъ землякахъ слабую черту, подмѣченную еще покойнымъ Ив. Петровичемъ и высказанную имъ устами одного изъ персонажей «Наталки Полтавки»: «обробиты усе, тее-то якъ його, *хитро, мудро и недорогимъ коштомъ*»... Если бы на памятникъ К—му собрано было по крайней мѣрѣ съ полсотни тысячъ или болѣе, тогда, пожалуй, позволительно было бы нѣсколько раскинуться и на полезныя городу учрежденія, а дробить для этого послѣднія крохи немыслимо! Ну что же подѣлаешь, если въ нашихъ нарочито хліборобныхъ палестинахъ не оказывается и по-днесь меценатовъ! Остается, конечно, ждать у моря погоды. Въ виду этого, для постановки хорошаго памятника К—му, не мѣшало бы, для большей интенсивности въ сборѣ пожертвованій, издать возможно-дешевое и корректурно выдер-

жанное собраніе его сочиненій и широко распространить это изданіе въ публикѣ, а также—и объявить конкурсъ (если только уже не поздно) на научно обработанное изданіе его «Энеиды» къ наступающему столѣтію этого литературнаго документа.

Хотя «ничто не вѣчно подъ луной», но благодарные потомки, чествуя *не абы-якихъ*, истыхъ сыновъ земли своей, мнѣ кажется, обязаны увѣковѣчить эти дорогія имена возможно-лучше, изящнѣе, прочнѣе, а не на половину...

В. Гаврышъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Съ ноября 1896 года по 1 марта 1897 года въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1). *собраны въ Звенигородкѣ*—В. П. Цымбалъ *3 р.*; А. Балдовскій, Варфоломеевъ, В. Домонтовичъ, А. М. Зеленевскій, Ив. Ильинъ, Г. А. Иванецъ, И. Кловацкій, В. Капленко, М. А. Кальченко, свящ. В. Коломойцевъ, Н. Я. Крашановскій, Л. О. Ловинскій, Мартыновъ, Новиковъ, А. Н. Подкосовъ, Подгородецкій, Е. С. Петровскій, А. Радецкій, Ив Рыбчинскій, свящ. Н. Сементовскій, П. Савченко, О. О. Скарскій, А. Сочава, И. Тренертъ, Г. М. Шепель, Е. П. Шепель, И. Б., N—*по 1 руб.*; В. М. Тарасенко—*60 коп.*; А. Бернацкій, Губаренко, Е. Крымскій, Кирсановъ, Ланской, Мартыненко, поруч. Мойсеенко, И. Х. Парфенъ, Рубенко, Г. М. Тарасенко, Хойнацкій, А. Янковскій—*по 50 к.*; В. А. Кубицкій—*40 к.*; №—*32 к.*; Любчанскій, Цвѣтковъ, Юшкевичъ—*по 30 к.*, Модлинскій, три неизвѣстныхъ—*по 25 к.*; Н. Кинскій, Шляхетко, №—*по 20 к.*; Бруевичъ—*18 к.*,—*всего 41 руб.* 2) *Отъ отдѣльныхъ лицъ*: М. К. Васильевъ—*5 р.*, Е. Ф. Дорошевскій—*1 р.*, а всего—*47 р.*, что съ прежними *620р. 2 к.* (см. 1896 г. № 11) составитъ *667 р. 2 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новости польской исторической литературы.

Въ послѣднее время въ польской исторической литературѣ появилось нѣсколько книгъ, на которыя мы желаемъ обратить вниманіе читателей «Кіевской Старины».

1) *Źródła dziejowe, tom XXII. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Tom XI. Ziemie ruskie. Ukraina (Kijów — Bracław). Dział III. Opisane przez Aleksandra Iabłonowskiego. Warszawa 1897.* Стр. 736 + LIX. Книга эта представляетъ кропотливый и добросовѣстный сводъ всѣхъ свѣдѣній, какими мы располагаемъ въ настоящее время по географіи, статистикѣ и исторіи Украины въ XVI вѣкѣ (подъ «Украиной» авторъ разумѣетъ территорію нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, черниговской и полтавской). Изслѣдованіе ведется исключительно по источникамъ первой руки, преимущественно по архивнымъ матеріаламъ, обнародованнымъ въ предшествующихъ томахъ изданія: «Źródła dziejowe», предпринятаго по инниціативѣ покойнаго профессора Адольфа Павинскаго. Сочиненіе г. Яблоновскаго такъ монументально и такъ важно для занимающихся южно-русской исторіей, что обязываетъ спеціалистовъ къ подробному и обстоятельному разбору, который «Кіевская Старина» надѣется предложить своимъ читателямъ въ ближайшемъ будущемъ.

2) *Słownik rzeczy starożytnych opracował G (loger) Kraków 1896.* Стр. 498. Этотъ трудъ представляетъ собою словарь польскихъ «древностей» въ томъ смыслѣ этого послѣдняго слова, какой придаютъ ему составители словарей классическихъ «древностей» (Alterthümer, antiquités) Любкеръ, Ричъ, Дарамберъ и Сальо и мн. др. Въ алфавитномъ порядкѣ расположены въ немъ небольшія статьи, объ-

ясняющія старинные предметы и термины стараго быта: государственнаго, военнаго, юридическаго, экономическаго, семейнаго, домашняго и т. д. Статейки составлены съ знаніемъ дѣла, но безъ всякихъ ссылокъ на источники или пособія по данному вопросу. Такъ какъ многіе предметы и термины (напр. бандура, бобровые гоны, булава, бунчукъ, буздыханъ, цехы, чоповое, чиншъ, драбъ, дукатъ, гродъ, городничій, ясырь и т. д.) были равно въ употребленіи въ Старой Малороссіи, какъ и въ Старой Польшѣ, то словарь Глогера пригоденъ для справокъ и занимающимся исторіей Малороссіи. Особыхъ погрѣшностей въ толкованіи словъ или фактическихъ ошибокъ мы не замѣтили. Отмѣтимъ только, что подъ словомъ «бунчукъ» (стр. 50) авторъ повторяетъ легендарное сказаніе о посылкѣ Стефаномъ Баторіемъ бунчука запорожскому гетману Богдану въ знакъ признанія королемъ его власти съ привилегіей, въ коей король яко-бы объяснялъ, что этотъ клейнотъ запорожцы заслужили въ сраженіяхъ съ Татарами трудами своего гетмана и пролитіемъ козацкой крови. Въ изслѣдованіи г. *Яблоновскаго* «Ukraina» (стр. 424—427) мы имѣемъ хотя менѣе поэтическое, но за то болѣе согласное съ историческими фактами изложеніе государственной дѣятельности Стефана Баторія по отношенію къ запорожскому козачеству.

3) *Bibliografia historyi polskiej. Zebrali ułożył dr. Ludwik Finkel. Część II, zeszyt II. W Krakowie 1896. Стр. 689—848.* Разборъ недостатковъ общаго плана этой книги сдѣланъ былъ профессоромъ Н. Н. Любовичемъ на страницахъ «Кіевской Старины» (1893 г. т. 43, стр. 173—176) при появленіи перваго ея тома. Выходъ въ свѣтъ перваго выпуска II-го тома также былъ отмѣченъ въ «Кіевской Старинѣ (1896 г., т. 52, отд. II, стр. 108—110). Въ настоящее время сообщаемъ о выходѣ второго выпуска того-же тома. Въ немъ оконченъ отдѣлъ: «Вѣра и церковь» и начатъ отдѣлъ: «Право и Экономія». Приводимъ списокъ подраздѣленій.—II. Вѣра и церковь. 2. Эпоха христіанская. Б. Исторія церкви въ Польшѣ:... з) орденъ іезуитовъ; и) братства, шпитали и благотворительныя учрежденія; і) проповѣдничество, церковное пѣніе, церковное искуство, чудотворныя иконы, увѣнчанія иконъ; к) римско-католическая церковь послѣ политическаго паденія Польши (1796—1815)

В. Исторія русской церкви—православной и уніатской: а) учебники по исторіи русской церкви, житія святыхъ; б) принятіе рус-

скими христіанства; в) исторія русской церкви до Брестской уніи; г) Брестская унія и русская церковь въ XVII и XVIII вв.; д) церковное право, его источники и литература, организація духовныхъ судовъ, должности, имущественныя права церкви; е) митрополіи и эпархіи; ж) монастыри;—базиліане и базиліанки; з) церковныя братства; и) церковныя книги, литургія, проповѣдничество, церковное искусство, пѣніе, мистеріи, календарь; і) русская церковь послѣ политическаго паденія Польши (1796—1815).

Г. Исторія армянской церкви въ Польшѣ.

Д. Секты католической церкви: а) исторія сектъ вообще, энциклопедіи сектанства; б) религіозныя секты до XVI; в) секты XVI вѣка; реформація вообще и въ Польшѣ въ частности; католическая реакція; права диссидентовъ въ Польшѣ; г) аугсбургское исповѣданіе; д) гельветическое и реформатское исповѣданія;—Янъ Ласскій; е) чешскіе братья и новокрещенцы или анабаптисты; ж) аріанство, социніанство и унитаризмъ; з) исторія религіозныхъ споровъ въ эпоху реформаціоннаго движенія; и) янсенизмъ, масонство; і) секты въ русской церкви.

Е. Еврейская вѣра.

Ш. Право и экономія. 1. Польское право. А. Вступительныя свѣдѣнія: а) библіографія и энциклопедія права и политическихъ наукъ; б) наука польскаго права и ея изслѣдователи.

Б. Исторія польскаго права: а) учебники, охватывающіе цѣлость или часть исторіи права: славянскаго, польскаго, мѣстно-провинціальнаго; б) обычное право; в) литература по исторіи права.

В. Польское государственное право: а) очерки польскихъ государственныхъ учрежденій; б) организація государства, границы его, отношенія къ сосѣднимъ государствамъ; в) ленныя владѣнія и провинціи (Литва, Русь, Пруссія, Поморье, Инфлянты, Курляндія, Волощина); г) верховная власть, престолонаслѣдіе, междуцарствія и элекціи, прерогативы короля; д) законодательство, конституціи и кодификаціи, сеймы и сеймики, конфедераціи и рокоши; е) администрація, должности, управленіе, полиція, цензура; ж) финансы; общія сочиненія, польская финансовая исторія, счетоводство, королевщины и староства, подати, монета, банкъ; з) войско;—общія сочиненія, польское войско, роды войскъ и вооруженія, крѣпости, флотъ, военныя школы, гетманство, военные законы; сочиненія, относящіяся къ польскому войску; и) суды: вѣчевые, гродскіе и земскіе; трибуналъ; каптуровые, сеймовые и ассесорскіе суды; судоустройство городское и

патримоніальное; і) общественный строй: сословія, шляхта, ординаціи, титулы; к) крестьяне,—поселенія, права иностранцевъ (напр волошское право), повинности, положенія крестьянъ по провинціямъ, колонизація, рыболовное и бортное право; л) города;—исторія городовъ, городскія учрежденія, магдебургское право.

4) *Z dziejów i literatury. Pomniejsze pisma Antoniego Małeckiego. 1896.* Въ этомъ сборникѣ статей почтеннаго филолога и историка Антонія Малецкаго есть одна, интересная и для южно-русскаго читателя; это— «Klasztory w Polsce w obrębie wieków średnich» (Монастыри въ Польшѣ въ средневѣковую эпоху) на стр. 276—370. Въ ней читатель найдетъ обстоятельныя и точныя свѣдѣнія о появленіи и первоначальной исторіи въ Польшѣ католическихъ монашескихъ орденовъ: бенедиктинскаго, латеранскаго, цистерскаго, премонстранскаго или норбертанскаго, доминиканскаго, францисканскаго, кармелитскаго, бернардинскаго и др., которые позднѣе столь много содѣйствовали образованію той ненависти, какая отличала отношенія поляковъ и южноруссовъ въ эпоху козацкихъ войнъ.

5) *Michał Rolle. Z przeszłości. Okręg Rowski, starostwo Barskie (do r. 1774). Lwów 1896.* Стр. 232. Михаилъ Ролле пошелъ по стопамъ своего отца Іосифа Ролле, извѣстнаго подъ псевдонимомъ «доктора Антонія», и занимается разработкой вопросовъ по исторіи Южной Руси, пользуясь всегда научнымъ методомъ и источниками первой руки, что даетъ его трудамъ вѣсъ и значеніе. Польская точка зрѣнія, на которую онъ иногда становится, рѣдко бываетъ вѣрною по отношенію къ событіямъ южно-русской исторіи, но подборъ фактовъ не теряетъ отъ этого важности и интереса. Книга «о Ровскомъ округѣ и Барскомъ старостве» состоитъ изъ двухъ частей; въ первой части—6 главъ, во второй—11. Вотъ ихъ заглавія: Округъ Ровскій и его первый мнимый староста; Ровскіе старосты; татарскіе набѣги; общая характеристика предѣловъ ровскаго округа; заселеніе округа въ теченіе XV столѣтія; хлопоты о колонизаціи Ровскихъ предѣловъ въ теченіе XVI вѣка; Барское староство во владѣніи Боны; старосты, назначенные ею; Старжеховскій и Претвичъ; заботы королевы Боны о колонизаціи Барскаго староства; староство подъ управленіемъ Яна и Мартина Гербуровъ; Николай изъ Бучача Творовскій, староста Барскій; заслуги по отношенію къ староству Станислава Гольскаго; гетманъ Жолкевскій въ Барѣ; положеніе староства во время производства люстраціи 1615 г.; войтовства; Барскіе старосты съ 1620 по 1659 г.; остальное сорокалѣтіе

XVII столѣтія; судьбы Барскихъ предѣловъ въ теченіе XVIII вѣка. Для непосвященныхъ читателей замѣтимъ, что Ровъ—древнее имя нынѣшняго Бара и что Баромъ онъ названъ въ 1538 г. въ угоду королевѣ Бонѣ по имени итальянскаго города Бари (гдѣ почиваютъ мощи святителя Николая), составлявшаго родовое владѣніе дома Сфорца. Книгой г. Грушевскаго «Барское староство» (Кіевъ 1894) г. Ролле не пользовался, такъ какъ она сдѣлалась ему извѣстной, когда его собственное изслѣдованіе было окончено печатаніемъ.

А. С.

Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. *Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ. (Подъ редакціею В. Антоновича). Кіевъ, 1896 г. (Стр. II+438+два рисунка).*

Первый выпускъ этого въ высшей степени полезнаго изданія вышелъ еще въ 1890 г. Изданные нынѣ мемуары, дневники и документы обнимаютъ время съ 1564 по 1649 г. Въ послѣдующихъ двухъ выпускахъ предполагается дать записки, относящіяся ко времени Хмельнищины и руины, и такимъ образомъ закончить серію началомъ XVIII вѣка.

Часть матеріаловъ, помѣщенныхъ въ подлинникѣ или переводахъ въ настоящемъ выпускѣ, была опубликована ранѣе въ разныхъ изданіяхъ какъ самой переводчицей, такъ и другими лицами, но соединеніе ихъ въ одной книгѣ, съ передачей новыхъ цѣнныхъ записокъ, было совершенно необходимо для цѣльности картины эпохи. Каждый мемуаръ снабженъ предисловіемъ, гдѣ характеризуется мемуаристъ, указаны его другіе труды, время и мѣсто ихъ изданія или же мѣсто храненія рукописей. Нѣкоторыя подробности, не представляющія интереса, опущены въ переводѣ, но эти пропуски указываются въ самомъ текстѣ. Въ результатѣ читатель, интересующійся эпохою, располагаетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ, живыхъ свидѣтельствъ не только объ историческихъ событіяхъ, но и объ умственныхъ и моральныхъ настроеніяхъ и наклонностяхъ дѣятелей того времени, знакомится, такъ сказать, съ психологіею эпохи.

Въ книгѣ помѣщены дневникъ новгородскаго подсудка Өедора Евлашевскаго (1564—1604), дневникъ похода противъ запорожскихъ козаковъ 1625 г., дневникъ С. Окольскаго (1637—1638) и дневникъ

Богуслава Машкевича (1643—1649); исторія хотинской войны 1621 года Якова Собескаго; описаніе Украины инженера Боплана (1630—1648); особая статья о походѣ въ Крымъ Михаила Дорошенка 1628 года, съ приложеніемъ трехъ современныхъ документовъ (два письма запорожцевъ къ Ст. Хмѣлецкому и докладъ послѣдняго о крымскомъ походѣ козаковъ); наконецъ, два современныхъ описанія о захватѣ русскими невольниками турецкой галеры въ 1642 году—эпизодъ, нашедшій отраженіе въ народной думѣ о гетманѣ Самойлѣ Кошкѣ.

Излишне было бы распространяться о значеніи этихъ источниковъ первой руки для исторіографіи нашего края. Съ нѣкоторыми изъ нихъ уже знакомы читатели «Кіевской Старины». Такъ, дневникъ Евлашевскаго напечатанъ г-жею Мельникъ въ нашемъ журналѣ въ 1886 г.; дневникъ похода 1625 г.—г. Николайчикомъ въ 1889 г.; статья г-жи Мельникъ о походѣ Дорошенка—въ 1896 г.; переводъ итальянскаго сказанія о бунтѣ невольниковъ 1642 г.—въ 1883 г.; затѣмъ, если не считать устряловскаго перевода Боплана 1832 года, (библіогр. рѣдкость), всѣ прочіе матеріалы настоящаго выпуска появляются на русскомъ языкѣ впервые.

Необходимость систематическаго изданія мемуаровъ для исторіи Южной Руси чувствуется на каждомъ шагу. Почти полная недоступность ихъ для любителей серьезнаго историческаго чтенія немало способствуетъ сохраненію и укорененію ошибочныхъ представленій о событіяхъ и дѣятеляхъ нашего историческаго прошлаго и даже созданію ложныхъ построеній, основанныхъ на неполномъ знакомствѣ съ фактическими данными. Въ исторіи Южной Руси остается еще много вопросовъ, недостаточно выясненныхъ, требующихъ детальнаго и упорнаго изученія. Дѣло этого изученія значительно облегчается изданіями, подобными настоящему. Чтеніе мемуаровъ доставитъ серьезное умственное наслажденіе читателю, любящему исторію своей родины. Оно дастъ ему возможность критически провѣрять свои обычныя понятія по тому или другому вопросу или облегчитъ самостоятельное сужденіе о нашихъ предкахъ, ихъ недругахъ и союзникахъ, о тяжкихъ кризисахъ и кровавой борьбѣ за существованіе, которую пришлось переживать южно-русскому народу въ эту замѣчательную эпоху исторической его жизни.

Усвоенный редакціею «Мемуаровъ» методъ изданія представляется намъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ и удачнымъ. Благодаря историческому и библіографическому комментаріямъ, читающій не рискуетъ потеряться въ грудѣ сыраго матеріала и имѣетъ передъ

собою живую, образную исторію края, правда, эпизодическую, но тѣмъ не менѣе цѣльную для важнѣйшихъ моментовъ и полную захватывающаго интереса. Переводъ сдѣланъ языкомъ живымъ и точнымъ, комментарій отличается обстоятельностью и рѣдкимъ знаніемъ дѣла. Остается лишь пожелать въ интересахъ читателей, чтобы это прекрасное изданіе было благополучно доведено до конца.

Н. М.

Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества. Д. И. Эварницкаго. (*Русск. Мысль*, *янв. 1897 г.*, *99—115*).

Статья съ приведеннымъ заглавіемъ составляетъ «пробную лекцію», читанную авторомъ въ московскомъ университетѣ въ октябрѣ 1896 г. Познакомившись съ этой лекціей, мы нашли въ ней отрывочный пересказъ главнымъ образомъ трехъ моментовъ: участія Запорожья въ войнѣ Б. Хмельницкаго съ поляками въ 1648 г., измѣны запорожцевъ въ 1709 г. и уничтоженія Запорожской Сѣчи въ 1775 г. При этомъ въ лекціи встрѣчаются такія мѣста, которыхъ нельзя не отмѣтить. Напр., начало *Запорожья* г. Э—ій относитъ къ XV в., но фактовъ для такого заключенія, какъ извѣстно, нѣтъ.— Противополагая запорожскимъ козакамъ, уже въ XVI в., козаковъ *городовыхъ*, г. Э—ій называетъ послѣднихъ *украинскими*, но извѣстно, что это терминъ позднѣйшій и притомъ очень неопредѣленный... Говоря объ устройствѣ «украинскихъ или городовыхъ козаковъ» Стефаномъ Баторіемъ, г. Э—ій сообщаетъ, что король далъ послѣднимъ «центральный городъ съ монастыремъ, шпиталемъ, смежной (?) землей, Терехтемировъ» и «разрѣшилъ имѣть собственный *въ городѣ Батуринѣ судебный трибуналъ*»... Добавленіе здѣсь свѣдѣнія о батуринскомъ судебномъ трибуналѣ въ к. XVI в.—не знаемъ, какъ и объяснить... Неужели же г. Э—ій въ своихъ изслѣдованіяхъ и до сихъ поръ пользуется «Исторіей Русовъ»? Вѣдь отсюда идетъ басня о батуринскомъ трибуналѣ въ то время, когда и о самомъ Батуринѣ еще помину не было.—Говоря о томъ, что запорожскіе козаки и послѣ отдѣленія отъ «украинскихъ», въ теченіе всего XVI и большей части XVII в., дѣйствовали вмѣстѣ и за одно съ ними, г. Э—ій добавляетъ, что «такъ они (вмѣстѣ) подвизались на островѣ Хортицѣ съ кн. Дмитріемъ Вишневецкимъ противъ татаръ, начиная съ 1556 г.» А между тѣмъ, немного выше, говорится, что «начало отдѣленія запо-

рожскихъ отъ украинскихъ козаковъ положилъ Баторій не раньше 1576 г., т. е., значитъ, при Вишневецкомъ предполагаемаго раздѣленія еще не было... Вообще, г. Э—ій заботится о разрѣшеніи не разрѣшимаго вопроса объ «отдѣленіи низовыхъ отъ городовыхъ козаковъ»... При этомъ г. Э—ій смотритъ на «украинскихъ или городовыхъ» козаковъ до Хмельницкаго, какъ на какое-то точно регламентированное войско, при чемъ войско это лекторъ видитъ напр. сражающимся во всѣхъ народныхъ возстаніяхъ противъ поляковъ отъ к. XVI и до Остряницы и Гуни включительно, говоритъ, что во всѣхъ этихъ возстаніяхъ запорожскіе и «украинскіе» козаки дѣйствовали совмѣстно... Но воевали въ это время съ поляками—не тѣ и не другіе, а воевалъ народъ, въ которомъ сливались и запорожцы, и «рестровые», выходившіе въ козачество изъ этого же народа. Послѣ подробнаго, преимущественно топографическаго, описанія желтоводскаго сраженія, г. Э—ій повторяетъ уже и прежде имъ сказанное (Ист. Запор. козак., II.), что «исходомъ желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожцамъ, *ихъ силамъ, ихъ искусству строить укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сѣчи, ихъ мужеству и стойкости*»... Мы имѣли уже случай говорить, что эта тирада фактами не подтверждена и представляетъ одно измышленіе автора...

Очень странны тѣ страницы лекціи, гдѣ г. Э—ій, говоря о событіяхъ 1708—709 г., дѣлаетъ оцѣнку личности Мазепы, какъ политическаго дѣятеля, и затѣмъ старается доказать, что если бы не Мазепа и не Гордѣенко, то запорожцы не измѣнили бы царю. Вотъ что говорится о Мазепѣ: «онъ стремился ввести въ Малороссіи *панщину*; онъ хотѣлъ создать на Украйнѣ *мѣстное* (помѣстное?) *дворянское сословіе;* онъ *поощрялъ переходъ козаковъ въ крестьянское сословіе*, но запрещалъ переходъ посполитыхъ въ козаки. *Простой народъ скоро разгадалъ истинныя стремленія Мазепы и отвратился отъ него всей душой, такъ что въ концѣ концовъ имя Мазепы съ омерзѣніемъ стало произноситься каждымъ простолюдиномъ изъ малороссіянъ...*» Указывая на эти черты дѣятельности Мазепы и отношеніе къ нему народа, авторъ доказательствъ не приводитъ и не объясняетъ, когда именно народъ прозрѣлъ «истинныя стремленія» Мазепы, до 1708 года или—только уже послѣ?...

Желая хоть сколько-нибудь извинить запорожцевъ въ ихъ измѣнѣ царю въ 1709 г., г. Э—ій говоритъ напр., что «*запорожцы долго боролись сами съ собой*», прежде чѣмъ рѣшиться на такой шагъ, какъ

открытая война съ русскимъ царемъ... Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится—въ какихъ фактахъ лекторъ усмотрѣлъ это «бореніе»...

Очень странно изложеніе причинъ уничтоженія Запорожья. Такъ, сначала, «ближайшею изъ причинъ уничтоженія Запорожья» г. Э—ій называетъ поселеніе, по рѣчкамъ Ингулу и Бахмуту, сербовъ, при императрицѣ Елизаветѣ, и возникновеніе враждебныхъ со стороны запорожцевъ отношеній къ этимъ поселенцамъ, но тутъ же добавляетъ, что «главнѣйшею причиною уничтоженія Запорожья было то обстоятельство, что *весь строй запорожскаго войска съ его широко демократическими началами не подходилъ къ коренному строю Великой Россіи...»* Императрица видѣла, говоритъ лекторъ, что въ Россіи существуетъ община, которая, хотя и признаетъ себя зависимой отъ русскаго правительства, но самовольно выбираетъ себѣ старшину, самовольно казнитъ и милуетъ преступниковъ, самовольно старается входить въ сношенія съ державными лицами сосѣднихъ государствъ (это—во второй то половинѣ XVIII вѣка?), самовольно принимаетъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ порядками (?) центральной Россіи и, ко всему этому, *заводитъ у себя такіе порядки, которые служатъ уже началомъ настоящаго государства»* и т. д. Указавъ эти причины, г. Э—ій ни слова не говоритъ о томъ, что въ XVIII в. историческая роль Запорожья уже была сыграна и что въ это время члены этой «общины съ почти независимымъ народоправленіемъ»—занимались тѣмъ, что «шатаясь по степямъ, татарамъ и польскимъ обывателямъ обиды творили...» (Зап. Одесск. Общ. Истор., т. XIV, «Матеріалы» А. А. Андріевскаго).

Въ заключеніи лекціи находимъ не какой либо выводъ лектора объ историческомъ значеніи Запорожья, а свѣдѣніе о томъ, что въ 1887 году онъ посѣтилъ Соловецкій монастырь и нашелъ тамъ надгробную плиту послѣдняго кошеваго атамана Калнишевскаго съ длинною надписью, полнымъ текстомъ которой и заканчивается лекція...

Все сказанное можетъ служить указаніемъ на весьма неполное знакомство г. Эварницкаго съ исторіей Запорожья.

А. Л.

В. С. Драгомірецкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. *(Посвящается Спб. Слав. Благотв. Обществу). Петроградъ, 1897. (Стр. 15).*

Подъ такимъ громкимъ заглавіемъ издана отдѣльною брошюрою рѣчь г. Др., произнесенная въ торжественномъ собраніи названнаго общества 8 декабря 1896 года и, непонятно почему, ему же посвященная. Авторъ скорбитъ по поводу бѣдственнаго положенія галицкихъ русиновъ, упрекаетъ галицкую шляхту въ пренебреженіи къ экономическимъ нуждамъ и національнымъ стремленіямъ галичанъ, почему-то ссылается на извѣстное миролюбіе и могущество Россіи и въ концѣ концовъ высказываетъ убѣжденіе, что предосудительныя дѣйствія польскихъ заправилъ въ Галичинѣ доказываютъ неискренность и злонамѣренность нашихъ пресловутыхъ толковъ о «примиреніи».

Съ грустью должно сознаться, что постичь смыслъ разсужденій автора весьма и весьма нелегко. Въ высшей степени похвально его сочувствіе галичанамъ, —положеніе галицкаго простонародья, крестьянъ, дѣйствительно ужасно, какъ объ этомъ извѣстно всему міру. Но интересно бы знать, какая связь существуетъ между русскимъ внутреннимъ вопросомъ о «примиреніи» и галицкими національными стремленіями, а именно этого-то вопроса и не можетъ разъяснить авторъ рѣчи. Сколько извѣстно, Галичина составляетъ часть австро-венгерской монархіи. Пусть толки о «примиреніи» —лишь коварная интрига, пріютившаяся въ редакціяхъ нѣкоторыхъ русскихъ газетъ, но при чемъ здѣсь галицкіе русины? Несомнѣнно, тутъ скрывается какая-то недомолвка, столь свойственная, впрочемъ, всѣмъ торжественнымъ рѣчамъ, затрогивающимъ вопросы скользкіе и щекотливые. Разгадку этого ребуса, думаемъ, слѣдуетъ искать въ историческихъ Rückblick'ахъ краснорѣчиваго автора, который утверждаетъ, будто-бы Погодинъ «далъ галичанамъ толчокъ къ изученію своей старины и помогъ имъ вступить на поприще исторической науки» (стр. 8), а затѣмъ явились другіе русскіе ученые, завязались сношенія и возстановилась старая историческая связь «между русскимъ народомъ Подкарпатья и Россіей». Такимъ образомъ выходитъ, что намъ остается лишь пожать плоды этой ученой связи нашего отечества съ галицкимъ почти поголовно безграмотнымъ «народомъ», посѣянной Погодинымъ и др. русскими учеными.

Эта историческая конструкція изъ области высокой политики столь замѣчательна сама по себѣ, что, именно, ради нея мы сочли долгомъ отмѣтить рѣчь г. Др. въ библіографическомъ отдѣлѣ, какъ библіографическую и логическую рѣдкость. Сожалѣемъ, что ораторъ выражается немного неясно и что его разсужденія похожи на дѣтскій лепетъ, но къ оправданію автора должна служить тяжесть нравственной отвѣтственности, которая могла бы упасть на него за возбужденіе международныхъ недоразумѣній въ Славянскомъ Благотв. Обществѣ. Въ видѣ справки напомнимъ лишь оратору, что междуплеменныя связи для своего процвѣтанія требуютъ взаимности, но ея на дѣлѣ нѣтъ, ибо галицкія изданія недоступны для русскаго «народа», который поэтому и вынужденъ руководствоваться вольными пересказами. При этомъ условіи, самыя краснорѣчивыя торжественныя рѣчи ни къ чему не ведутъ.

Н. М.

Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. *Спб. 1896. 8°. Стр. 338+132=470.*

Изданный недавно въ Петербургѣ «Дворянскій Адресъ-Календарь»—новинка въ нашей литературѣ; это—первый опытъ адресъ-календаря дворянъ всѣхъ губерній.

Въ началѣ книги помѣщенъ списокъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей, членовъ дворянскихъ опекъ и депутатовъ дворянскихъ собраній; секретари депутатскихъ собраній не поименованы.

Вслѣдъ за этимъ слѣдуютъ законоположенія о дворянствѣ (Сводъ Законовъ, т. IX); текстъ напечатанъ по изданію 1876 года съ дополненіями по продолженіямъ 1890, 1891 и 1893 гг.; далѣе помѣщены разъясненія къ законоположеніямъ по рѣшеніямъ правительствующаго сената, составленныя А. М. Нюренбергомъ. Собственно, Адресъ-Календарь представляетъ списки дворянъ по губерніямъ въ алфавитномъ порядкѣ. Къ нему приложено 14 фототипическихъ портретовъ губернскихъ предводителей: графа Платера, Виноградскаго, графа Капниста, Касаткина, Леонтьева, Муромцева, Оленина, Сомова, Фромандера, Теренина, князя Церетелли и князя Челокаева. По

черниговской губерніи помѣщено 574 дворянскихъ фамилій, изъ коихъ приходится на уѣзды:

Черниговскій	38
Борзенскій	32
Глуховскій	39
Городницкій	32
Козелецкій	57
Конотопскій	61
Кролевецкій	29
Мглинскій	27
Новгородъ-Сѣверскій	85
Новозыбковскій	18
Нѣжинскій	36
Остерскій	35
Сосницкій	31
Стародубскій	36
Суражскій	18
	574

По Полтавской губерніи списки даны только по тремъ уѣздамъ, при чемъ показано:

Въ Миргородскомъ у.	46	фамилій.
» Переяславскомъ »	80	»
» Пирятинскомъ »	85	»
	211	

По харьковской губерніи списки полнѣе; приходится на уѣздъ:

Харьковскій	32
Ахтырскій	16
Богодуховскій	70
Валковскій	20
Волчанскій	30
Зміевскій	23
Изюмскій	152
Купянскій	29
Лебединскій	62
Старобѣльскій	29
Сумскій	30
	493

Нѣкоторыя губерніи доставили крайне неполныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего Адресъ-Календарь не имѣетъ того значенія, какое онъ могъ-бы имѣть, если-бы матеріалъ былъ собранъ по губерніямъ болѣе равномѣрно; но во всякомъ случаѣ, какъ первый опытъ дворянской справочной книги,—онъ очень полезенъ. Въ предисловіи издатель обѣщаетъ издать въ будущемъ отдѣльною книгою—свѣдѣнія о разнаго рода дворянскихъ учрежденіяхъ, и такія родословныя дворянскихъ родовъ, которыя до сихъ поръ нигдѣ не были напечатаны.

Обзоръ журналовъ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г.

1. *Къ исторіи тарпана въ Россіи Ф. П. Кеппена.* № 1, 96—171. О существованіи и родинѣ дикой лошади.—О дикихъ лошадяхъ въ Россіи и въ особенности, о южнорусскомъ тарпанѣ.—Тарпанъ, какъ особый типъ дикой лошади.—Къ вопросу о прирученіи лошади, преимущественно по отношенію къ Россіи.—Заключеніе.

2. *Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ. Ф. И. Леонтовича.* № 1, 341—383. № 2, 1—42. № 3, 201—241. № 7, 96—125. № 10, 173—203 и № 12, 153—192. (Статья не кончена). «Детальное разсмотрѣніе по источникамъ различныхъ наименованій крестьянскихъ дворовъ и общіе вопросы: о южномъ типѣ, личномъ составѣ дворовъ, экономическомъ строѣ и разрядахъ крестьянъ, съ указаніемъ на дальнѣйшую ихъ судьбу въ пору введенія въ господарскихъ и панскихъ маетностяхъ польско-нѣмецкаго волочнаго хозяйства».

3. *М. Марковскій. Антоній Радивиловскій, южнорусскій проповѣдникъ XVII вѣка.* Рецензія *И. Житецкаго.* № 2, 451—463.—«Въ итогѣ отъ историко-литературнаго изслѣдованія г. М. получается: рядъ недоказанныхъ, предвзятыхъ заявленій, неизвѣстно почему желательныхъ автору, неполная и весьма часто невѣрная характеристика Радивиловскаго и его дѣятельности, противорѣчія въ каждомъ вопросѣ, который затрагиваетъ авторъ, или сомнительныя, брошенныя вскользь положенія».

4. *П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до конца XIV вѣка.* Рецензія *М. В. Довнаръ-Запольскаго.* № 4, 322—337. «Первые главы работы (о странѣ, первобытн. населеніи, географ. обзоръ) не представляютъ ничего новаго сравнительно съ

тѣмъ, что уже есть въ литературѣ... Главы, содержащія обзоръ политической жизни страны, представляютъ небезполезный сводъ того, что уже сдѣлано въ наукѣ, но страдаютъ и крупными недостатками».

5. *Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи Д. Н. Анучина.* № 6, 223—269. № 7, 67—95. Статья написана по поводу статьи Ф. П. Кеппена: «Къ исторіи тарпана въ Россіи». (См. № 1 настоящаго обзора) и заключаетъ въ себѣ возраженія противъ «тезисовъ» г. Кеппена.

6. *Отголоски Галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. В. Ф. Миллера.* № 6, 280—326. «Указанные отголоски обнимаютъ самый цвѣтущій періодъ галицко-волынской земли XII и XIII вѣка... Естественно, что этотъ періодъ Галицко-волынской исторіи, богатый замѣчательными личностями и военными событіями, долженъ былъ отразиться въ сказаніяхъ и пѣсняхъ дружинной и боярской среды, и лучшимъ доказательствомъ этого дружиннаго пѣсеннаго преданія, помимо отголосковъ въ современныхъ былинахъ, служатъ всѣмъ извѣстныя мѣста въ галицко-волынской лѣтописи и въ Словѣ о полку Игоровѣ».

7. *Д. П. Миллеръ. Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи. Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе въ XVIII столѣтіи.* (Въ Сборникѣ Харьк. Истор.-Филол. Общ. Томъ 8. Харьковъ. 1896. Стр. 63—244). Рецензія. *М. Довнаръ-Запольскаго.* № 10, 402—409. «Предметъ сочиненія—судоустройство, установившееся съ 1763 г. и дѣйствовавшее до введенія губернскихъ учрежденій въ 1782 г. Въ началѣ авторъ даетъ небольш. очеркъ судебныхъ порядковъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи со времени статей Б. Хмельницкаго до реформы 1763—764 гг. Затѣмъ описывается самая реформа, устройство и практика судебныхъ учрежденій, возстановленныхъ «по силѣ правъ малороссійскихъ», наконецъ—характеристика нравственной физіономіи тогдашняго суда; статья г. Миллера написана на основаніи архивнаго матеріала.

8. *Пребываніе въ Москвѣ Іоанникія Галятовскаго. В. О. Эйнгорна.* № 11, 82—96. Столкновеніе съ Мефодіемъ, еписк. мстисл., и отъѣздъ заграницу. Возвращеніе въ Малороссію и поставленіе елецкимъ архимандритомъ. Посылка въ Москву своихъ сочиненій. Поѣздка въ Москву въ 1670 г. Произнесеніе тамъ проповѣдей. Царскіе дары Галятовскому и его монастырю.

9. *Акты литовской метрики. Томъ первый. Выпускъ первый. 1413—1498 гг. Собраны Ф. И. Леонтовичемъ Варшава. 1896.* Рецензія *М. В. Довнаръ-Запольскаго. № 12, 341—351.* «Акты изданы по варшавской копіи метрики, въ которой и русскіе акты переписаны латинскимъ алфавитомъ». «Чтобы составить себѣ представленіе о достоинствахъ разбираемаго

сборника (говоритъ рецензентъ), я сличилъ прежде всего грамоты, переизданныя г. Леонтовичемъ, и съ ихъ прежними изданіями, и съ текстомъ метрики литовской, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Это сравненіе привело меня къ убѣжденію, что соотвѣтственныя граматы въ Актахъ Западной Россіи, Архивѣ Южной и Западн. Россіи, у Дзялынскаго и даже въ старомъ изданіи Гербурта напечатаны вполнѣ удовлетворительно, безъ грубыхъ пропусковъ и ошибокъ; въ изданіи же г. Леонтовича буквально всѣ грамоты напечатаны съ грубыми искаженіями текста, пропусками и проч. Далѣе я сравнилъ рядъ документовъ, впервые напечатанныхъ въ разбираемомъ изданіи, съ соотвѣтственными мѣстами текста Московской метрики; и это сравненіе дало, къ сожалѣнію, тѣ же результаты. Засимъ рецензентъ приводитъ въ контекстѣ болѣе двухъ страницъ (347—350)—искаженій и пропусковъ, помимо «массы грубыхъ опечатокъ». Искаженія противъ подлинника, напр., таковы: вм. Gnavosio—Generoso вм. Slanka—Stanxo, вм. puattuor—quorum, вм. videlicet—iniversitas и проч.

10. *Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи. Ф. Мищенка.* № 12, 103—124.

11. *О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи. Э. фонъ-Штерна.* № 12, 129—159.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановской, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для г.г. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ Ш), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ.

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздниковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Александровъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся

по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Виринуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Ел. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**; для иногороднихъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель **Я. Гуревичъ**

3—3

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ"

и газету „Недѣльная Хроника Восхода".

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ" и газета „Недѣльная Хроника Восхода" будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода", между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокскихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко —Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—Бѣгство. Разсказъ. Бенъ-Амми—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—Евреи въ лондонской національной галлереѣ. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. Зангвилля и др. и отвѣты С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ"). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—

Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ р споряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки а также стихотворен я С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Л дова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова и др.

Цѣна за годъ журнала *«Восходъ»* и газеты *«Недѣльная Хроника Восхода»* 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной пл ты допуска тся только для лицъ, п дпис ывающхся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ гл вной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площ дь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 листовъ «Іудейскихъ Др вностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, е ли они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—3

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ **4** руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . главная контора СПБ., Невскій, 28. **1** р.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является наиболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ

отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщаться не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой глазированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

І. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ“,

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ“.

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ“.

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—3

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVI, 1897 г. Январь, Февраль и Мартъ.

стр.

ОТДѢЛЪ І-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** 1—31, 188—220 . . . . 351—374

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** 32—91, 221—274 . . . . 396—451

III. ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ. III. Александръ Михайловичъ Марковичъ. **Ал. Лазаревскаго.** 92—111 . . . . 275—310

IV. НОВАЯ НАУКА Г. БЕЗСОНОВА. **Н. Ѳ. Сумцова.** . . . . 112—124

V. СВОДЪ ДАННЫХЪ О ЯНѢ ОРЫШЕВСКОМЪ, ЗАПОРОЖСКОМЪ ГЕТМАНѢ ВРЕМЕНЪ СТЕФАНА БАТОРІЯ. **А. Стороженка.** . . . . 125—145

VI. ПАМЯТИ Н. М. БѢЛОЗЕРСКАГО. **А. Л.** . . . . 145—150

VII. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА СЪ РАЗНЫМИ ЛИЦАМИ. (Съ примѣчаніями М. К. Чалаго). Сообщ. **М. Чалый.** 151—175 . . . . 452—475

VIII. КІЕВСКІЕ СЛАВЯНИСТЫ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ. . . . 176—187

IX. КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪѢЗДУ ВЪ КІЕВѢ. Засѣданія предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Москвѣ, 4-го, 5-го и 6-го января с. г. **Н. Бѣляшевскаго.** . . . 311—328

стр.

X. ПЕТРЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ. (Некрологъ). **В. Науменка** . . . . 329—344
XI. И. И. МАЛЫШЕВСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 345—346
XII. ВИДЪ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ, АКВАРЕЛЬ Т. Г. ШЕВЧЕНКА (1846 г.). (Къ рисунку). . . . . 347—350
XIII. СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ, ЗАПИСАННЫЯ ВЪ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. К.** . . . . 375—395
XIV. НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО . . 476—501
XV. ОДИНЪ ИЗЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ-ОБЫВАТЕЛЕЙ НАЧАЛА ВѢКА. **В. Г—на.** . . . . 502—508
XVI. КЪ ИСТОРІИ МѢСТЕЧКА БОРИСПОЛЯ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **А. Стороженка.** . . . . 509—518
XVII. КНЯЗЬ ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ ВИШНЕВЕЦКІЙ, ПО НАРОДНОМУ ПРОЗВИЩУ БАЙДА (Къ портрету) **А. Стороженка.** 519—524

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Два письма Н. А. Ригельмана къ Вячеславу Ганкѣ и Людевиту Штуру. б) Случай съ Марковичемъ, историкомъ Малороссіи въ Лебединѣ. в) Къ предстоящему юбилею Энеиды И. П. Котляревскаго. **Н. Ѳ. Сумцова** г) Неизданное стихотвореніе Е. П. Гребенки. Сообщилъ **О. Л.** д) Письмо діакона Іосифа Симашки, впослѣдствіи митрополита литовскаго, къ своему брату 25 февраля. 1821 г. Сообщилъ. **Н. М.** е) Рубанъ Василій Григорьевичъ **А. Л.** ж) Кому принадлежитъ редакція сборника малорусскихъ пословицъ, изд. въ 1864 г **А. Лазаревскаго.** з) Чаша Богдана Хмельницкаго. **А. Л.** и) Черниговская губернская ученая архивная коммиссія і) Общество изслѣдователей Волыни. **Н. Бѣляшевскаго.** и) Мелочи изъ жизни Шевченка. к) Выборы въ кіевскіе войты Григорія Пивоварова. Жалованье кіевскихъ войтовъ. Сообщилъ **Н. М.** л) Публичныя увеселенія и позорища въ Кіевѣ сто лѣтъ тому назадъ. Сообщилъ **Н. М.** м) Историческая картина временъ Б. Хмельницкаго. **Ор. Левицкаго.** н) Къ вопросу о Грабянкиной лѣтописи. **А. Л.** о) Документъ изъ эпохи «панованья Войска

отр.

Запорожскаго» въ Малороссіи. Сообщилъ **О. Л.** п) Какъ основалась «Кіевская Старина». **А. Л.** р) Правныя книги и руководства кіевскаго магистрата и борьба за должность писаря въ 1763—1773 г.г. Сообщ. **Н. М.** с) Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго. **Б. Гринченка.** т) Къ проекту памятника Ив. Петр. Котляревскому въ Полтавѣ. **В. Гавриша.** у) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 31—43 . . . . 63—77

II. БИБЛІОГРАФІЯ а) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г. **В. Науменка.** б) Dr. Iohann Polek. Joseph's II Reisen nach Galizien und der Bukowina und ihre Bedeutung für letztere Provinz. Czernowitz, 1895. **Н. М.** в) Записки наукового товариства імени Шевченка. Выходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIII. **Н. М** г) Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская старина (очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго Харьковскаго быта и культуры). **И. Каманина.** д) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества т. 95-й. **И. Каманина.** е) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 9-й **И. Каманина.** ж) Baron de Baye. Kiev. La mère des villes russes Vingt-puatre gravures hors texte. Paris, 1896. **Н. М.** з) Б. С. Давидовичъ. Судьба православія и русской народности на Волыни въ послѣднее столѣтіе (1796—1896). **К. Х—ча.** и) Труды Кіевской Духовной Академіи 1896 г. і) Dr. Alfred Halban. Zur Geschichte des deutschen Rechtes in Podoliene Wolhynien und der Ukraine. Berlin, 1896. **Н. М.** к) 1) Филипченко. Мошногородищенское имѣніе Е. А. Балашевой, Кіевской губ. Черкасскаго уѣзда при мѣстечкахъ Мошны и Городище. Описаніе имѣнья, организація и веденіе хозяйства. Съ планомъ имѣнія, 3 листами діаграммъ, 14 таблицами и отдѣльнымъ приложеніемъ 21 исполнительнаго проекта построекъ и сооруженій. **Н. М.** л) Памятная книжка кіевской губерніи на 1897 годъ. **Н. М.** м) Новости польской исторической

стр.

литературы. А. С. н) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси. Выпускъ II (перв. половина XVII ст.) Переводъ К. Мельникъ. (Подъ редакціею В. Антоновича). Н. М. о) Главнѣйшіе моменты изъ исторіи запорожскаго козачества Д. И. Эварницкаго. А. Л. п) В. С. Драгоміредкій. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Н. М. р) Дворянскій Адресъ-Календарь на 1897 годъ. Изд. Н. В. Шапошникова. с) Обзоръ журналовъ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1896 г. 21—30, 44—62 . . . . 79—92

ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Видъ Почаевской Лавры, акварель Т. Г. Шевченка.

1) Портретъ Князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго.

2) Малороссійская свадьба (1—16).

ОБЪЯВЛЕНІЯ 1—26, 1—18. . . . . 1—6

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Неоконченная повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII вѣка.

Александра Михайловича Марковича.

Неоконченная повѣсть А. М. Марковича, (найденная въ его бумагахъ), какъ видно, основана—какъ на тщательномъ изученіи дневника его дѣда Якова Андреевича Марковича, такъ и на разсказахъ тѣхъ стариковъ, переживавшихъ вторую половину XVIII в., которыхъ авторъ долженъ былъ лично знать въ своей молодости. Хотя задуманная Марковичемъ повѣсть, осталась не оконченною, но, по своимъ бытовымъ подробностямъ, она имѣетъ значеніе историческаго мемуара, почему редакція и нашла полезнымъ напечатать этотъ отрывокъ. Судя по бумагѣ, повѣсть писана въ двадцатыхъ годахъ. Объ авторѣ повѣсти см. „Кіевск. Стар.“ 1897, январь и февраль.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

ГЛАВА I.

Лѣтъ 30-ть тому назадъ жилъ еще 80-ти лѣтній бунчуковый товарищъ Горбачевскій, и старики помнятъ еще его веселый нравъ и любопытные разсказы о давно минувшихъ происшествіяхъ. Онъ родился и умеръ въ Глуховѣ, служилъ въ малороссійской войсковой и гражданской службахъ и давно уже жилъ въ отставкѣ. Единственнымъ удовольствіемъ его въ сіе послѣднее время были воспоминанія о прежней славѣ Глухова и достопамятностяхъ той эпохи, и никакія великія происшествія нашего времени его столько не занимали, какъ тѣ, которыя въ глазахъ его проходили въ прежней гетманской резиденціи. Всѣ событія со времени императарицы Елисаветы Петровны сохранились живо въ его памяти: зналъ онъ многое, что и до того времени случилось, ибо отецъ его въ числѣ прочаго, впрочемъ не слишкомъ богатаго наслѣдства, оставилъ ему и нѣкоторой запасъ для разсказовъ еще изъ временъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола. Но панъ Горбачевскій любилъ преимущественно разсказывать то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Нельзя сказать, чтобы повѣствованія, въ наслѣдство ему доставшіяся, были менѣе любопытны, какъ тѣ которыя могъ онъ назвать своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. И я можетъ быть при досугѣ, сообщу оныя моимъ читателямъ; но на сей разъ приступаю къ разказу одного изъ происшествій, которое преимущественно любилъ разсказывать покойный панъ Горбачевскій, потому можетъ быть, что онъ самъ игралъ въ ономъ роль. Роль сія конечно была не важна и происшествіе сіе могло и совершиться, и расказано быть— безъ воспоминанія о его имени, но меня могли бы упрекнуть неблагодарностью, если бы я умолчалъ о томъ, что панъ Горбачевскій считалъ такъ важнымъ въ отношенія себя и что при всякомъ повтореніи повѣсти, не упущалъ съ важностію сообщить своимъ слушателямъ. Какъ послѣ читатель увидитъ, я не отниму у него принадлежащаго ему въ сей драмѣ мѣста. Мы сравнили выше разсказы пана

Горбачевскаго съ имѣніемъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ. Да не подумаютъ читатели, что мы сіе сдѣлали или желая пошутить надъ покойнымъ добрымъ паномъ Горбачевскимъ или показать свое остроуміе. Нѣтъ! Панъ Горбачевскій дѣйствительно щиталъ всѣ достопамятныя произшествія своею собственностію. Онъ овладѣвалъ ими со всѣмъ деспотизмомъ азіатскаго владѣльца и не позволялъ никому нарушать права своего владѣнія. Правда, онъ имѣлъ и многіе документы на сіе право: записки, копіи съ любопытныхъ всякаго рода бумагъ, акты и прочіе документы (чѣмъ мы въ семъ воспользовались), которые иногда останавливали дерзновенныхъ вступать въ его предѣлы. И никогда, должно сказать, смѣльчаки сіи не оставались безъ отмщенія. Имъ обыкновенно возмездіемъ было или сатирическая замѣтка или малороссійская пословица, или колкое словцо, которое всегда бывало довольно чувствительно. Но послѣ, однако, къ всему этому привыкли и безпрекословно признали пана Горбачевскаго въ полномъ правѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. И если иногда другіе позволяли себѣ при немъ вспомнить и разказывать минувшія были, то сіе дѣлали проказники, которые хотѣли заставить пана Горбачевскаго пуститься на поприще слова.

Съ кончиною императрицы Анны, Малороссія начала отдыхать отъ всякаго рода тягостей, которыми она была обременена. Но не утвердившееся правленіе и перемѣны въ ономъ держали еще всѣхъ въ неизвѣстности. Съ восшествіемъ императрицы Елисаветы Петровны Малороссія такъ сказать воскресла. Всѣ знали добрыя и милостивыя свойства императрицы и всѣ надежды въ душѣ малороссіянъ ожили. Уже не боялись ни фельдмаршала Миниха, котораго проѣздъ бывалъ такъ страшенъ, ни министерской канцеляріи, ни—слова и дѣла государева. Военные сержанты и капралы, правда, все были еще страшны, но они нѣсколько присмирѣли; а малороссіяне нѣсколько пріосанились. Надобно сказать, что мои земляки не столько боялись офицеровъ рускихъ, сколько нижнихъ чиновъ; вѣроятно отъ того, что первые были въ поступкахъ своихъ благороднѣе и въ требованіяхъ умѣреннѣе. Правда, иногда и московскій панъ (такъ называли офицеровъ) бывалъ тяжелъ, но все таки капраловъ боялись больше.— Вездѣ говорили о будущихъ перемѣнахъ; ожидали что великороссійскіе члены въ коллегіи будутъ уничтожены, что гетманъ будетъ избранъ и пр. и пр. Это обыкновенныя слѣдствія новаго правленія. Конечно, большая часть народа или сама не знаетъ чего хочетъ или ничего не желаетъ, и судя по пословицѣ *что панъ, то батько*, кажется

малороссіяне равнодушны, какъ ни называется ихъ начальникъ и какія права онъ ни имѣетъ; однако перемѣны въ правленіи были такъ тяжелы и такъ утѣснительны и не сообразны съ духомъ народа, что для этого одного желать могли гетманства. Теперь, можетъ быть, не очень бы порадовались назначенію выбора гетмана, и не послали бы депутаціи просить о семъ государя; но тогда съ избраніемъ гетмана уничтожался настоящій порядокъ правленія и этого было довольно; надобно правду сказать, что всегда и вездѣ о подобныхъ перемѣнахъ заботятся люди въ государствахъ высшаго класса, иные изъ чистыхъ видовъ, ожидая улучшенія состоянія страны, большая же часть по личнымъ очношеніямъ: иной ищетъ собственнаго возвышенія, другой счастливаго оборота въ своихъ дѣлахъ, третій паденія непріятелей. Больше всего возродило надежды малороссіянъ возвышеніе Разумовскаго, о которомъ узнали почти въ тоже время, какъ получили извѣстіе о восшествіи императрицы на прародительскій престолъ. Еще это былъ первый примѣръ возвышенія малороссіянина при россійскомъ дворѣ; народъ же, на особыхъ правахъ присоединенный къ государству, всегда радуется могуществу своего земляка при особѣ государя. Сколько онъ надѣется имѣть въ немъ предстателя, столько же и поставляетъ ему въ обязанность заботиться о благосостояніи земляковъ своихъ. Отчасти сей образъ мыслей основателенъ, ибо въ подобномъ случаѣ когда въ составъ государства вошелъ народъ на особыхъ правахъ состоящихъ, то безъ всякаго сомнѣнія много пріобрѣтетъ завистниковъ изъ тѣхъ, которые сими правами не пользуются. Къ сожалѣнію, природа человѣка такова, что если онъ и ничего не теряетъ черезъ то, что другому лучше, но онъ не менѣе отъ того досадуетъ и неперестаетъ желать, чтобы другой потерялъ, хоть самъ чрезъ то ничего не пріобрѣтаетъ. Въ доказательство тому служитъ существовавшая долгое время народная непріязнь между дѣтьми одной матери Россіи, великороссіянами и малороссіянами, не смотря на то, что исторія сихъ послѣднихъ не представляетъ ни одного примѣра вражды или непріязни противъ своихъ единовѣрцевъ и одноземцевъ. Непріятели Малороссіи только и помнятъ измѣну гетмана Мазепы; но сія измѣна человѣка, во первыхъ не природнаго малороссіянина, именно не удалось ему по причинѣ оказанной вѣрности войска и народа. И если въ теченіи можетъ быть ста лѣтъ земляки пана Горбачевскаго не показывали довѣрія и боялись москалей, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что русскіе ихъ не любили Теперь, благодареніе Богу, все сіе давно уже миновалось. Всѣ мы, и

великороссіяне и малороссіяне, русскіе, дѣти единаго отца и любимъ другъ друга, сколько люди способны любить другъ друга. Если мы оправдываемъ въ одномъ отношеніи требованія малороссіянъ, которыя они простираютъ къ возведеннымъ судьбою на степень могущества и славы землякамъ своимъ, то въ другомъ не можемъ не сознаться, что сіи требованія простираются иногда за предѣлы умѣренности и безпристрастности. Малороссіяне поставляютъ таковымъ вельможамъ въ обязанность не только быть защитниками всего края вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, такъ какъ родственники возвысившагося человѣка требуютъ отъ него исключительныхъ себѣ мѣстъ и наградъ, забывая, что благоразумный вельможа долженъ токмо смотрѣть на достоинства человѣка и на ту пользу, которую употребленный на службу можетъ приносить обществу. Отъ сего сохранились доселѣ пріязнь къ однимъ и ненависть къ другимъ вельможамъ изъ малороссіянъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастныхъ; а поелику тѣхъ изъ нихъ, которые заслужили первую гораздо меньше, нежели послѣднихъ, то не отъ того ли возродилось въ Малороссіи невыгодное мнѣніе на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые возвысились. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится ко временамъ минувшимъ. Теперь малороссіяне радуются возвышенію не земляка своего, но человѣка достойнаго и интересы ихъ одни со всею Россіею. Но оставляю дальнѣйшее разсужденіе объ одномъ изъ такихъ предметовъ, о которомъ мнѣнія людей будутъ всегда различны, приступаю къ разсказу происшествія, желаю читателямъ моимъ столь удовольствія при чтеніи, сколько доброй панъ Горбачевскій доставлялъ утѣшенія своимъ слушателямъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы желаніе мое исполнилось, ибо хотя я соблюдилъ (sic) весьма строго вѣрность историческую, и не позволилъ себѣ прибавить ни одного обстоятельства сверхъ того, что точный и правдивый п. Горбачевскій намъ оставилъ, однако тотъ оригинальный разсказъ, та національная веселость, особенный образъ изъясненій, движенія комическія п. Горбачевскаго, что доставляло слушателямъ столько удовольствія, все это къ сожалѣнію погибло для читателей. Мы постараемся однако сколько возможно замѣнить сей недостатокъ историческими мѣстными извѣстіями и замѣчаніями, которыя не нужны были для тогдашняго времени, ибо всѣмъ были извѣстны, но которыя нужно сообщить нашимъ читателямъ.

Городъ Глуховъ не то значилъ прежде, что онъ значитъ въ наше время. Теперь проѣдешь иногда черезъ городъ и не увидишь на улицѣ

живой души; а прежде, какъ старики разсказывали, не разминешься бывало съ берлинами, колясками и тарадайками; кареты были еще рѣдки, однако знатнѣйшіе люди имѣли оныя. Множество пановъ жило въ городѣ по должности, другіе же и безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ хоть не имѣли постояннаго пребыванія, но живя въ сосѣдствѣ, пріѣзжали весело проводить время въ малороссійской резиденціи; къ сему надобно прибавить великороссійскихъ чиновниковъ, военныхъ; такъ что все это составляло общество многолюдное и разнообразное. Бывали часто обѣды, банкеты, которые продолжались...(?) цѣлый день, на которыхъ не жалѣли ни водки, ни венгерскаго вина. Вечеромъ бывали собранія для игры, въ которой участвовали и дамы, равно и въ банкетахъ играли въ пикетъ, въ памфилъ, въ ломберъ. Танцовали рѣдко, ибо дѣвицы выѣзжали токмо на свадьбы; но со времени гетмана Разумовскаго начали давать балы и дѣлали собранія менѣе утомительныя. Къ гетману съѣзжались на обѣды, потомъ разъѣзжались, а вечеромъ снова собирались на балъ. Въ это время завелся въ Глуховѣ и французскій театръ. Декабря 19, 1751-го года открыли представленіе комедіей *La foire de Hizin*. Панъ Горбачевскій сказывалъ, что, какъ слыхалъ онъ отъ одного старика, Глуховъ въ древности Васильковымъ назывался и что, до раззоренія, однихъ церквей въономъ было 70[1]). Послѣ же разоренія, когда начали селиться въ немъ люди, они прозвали новый городъ Глуховымъ—отъ глуши. Изъѣстно по исторіи, что Глуховъ былъ разоренъ Батыемъ, который чрезъ него возвращался. Извѣстно также, что во время моровой язвы въ немъ не осталось ни одного человѣка живого. Глуховъ здѣлался резиденціей и правленія со времени избранія Скоропадскаго. Послѣ измѣны Мазепы, Батуринъ, прежнее мѣсто пребываніе гетмановъ, былъ взятъ приступомъ и разоренъ. Глуховъ, какъ и теперь, раздѣлялся собственно на городъ и на предмѣстія—Веригинъ, Бѣлополовка Усовка и Красная-Горка, названная вѣроятно по красотѣ своихъ видовъ. Улицы были не прямы и дома строили, какъ и гдѣ хотѣлъ. Но когда въ 1748 году, въ маѣ, послѣ пожарей, пять дней возобновлявшихся, почти весь городъ выгорѣлъ, то указомъ сената 1748 года, 23 числа іюня и сентября 16, повелѣно—расширять улицы въ городѣ и строить порядочно. Въ городѣ были; домъ малороссійской коллегіи, домъ гетмана, близъ церкви Анастасіевской, монастырь дѣвичій, знаменитѣйшія церкви, канцелярскій курень, торговые ряды, базаръ, который назывался въ Малороссіи *мѣсто*, домы казенные и нѣкото-

[1]) Это свѣдѣніе взято изъ дневника Як. Марковича.—*Ред.*

рыхъ частныхъ людей. Въ городѣ было четверо воротъ: кіевскіе, московскіе, путивльскіе и бѣлополовскіе. Впрочемъ, по тѣснотѣ мѣста, богатые люди начали послѣ строить домы на предмѣстіяхъ. Гетманъ Скоропадскій имѣлъ домъ на Бѣлополовкѣ, который назывался *напастовнику*, т. е. на огородѣ. Гетманъ Апостолъ тоже выстроилъ на семъ предмѣстіи домъ, но не долго въ ономъ пожилъ. Въ день коронаціи императрицы, 28-го апр. 1733 г., ясновельможный далъ огромный банкетъ, на которомъ самъ больше всѣхъ гостей подгулялъ и тутъ же занемогъ; отъ сего болѣе не вставалъ. Другіе вельможные паны имѣли домы на Бѣлополовкѣ и на Веригинѣ, гдѣ былъ и министерскій дворъ. Тутъ построили послѣ новый домъ, въ которомъ жилъ гетманъ Разумовскій. Еще и теперь есть остатки прудовъ и садовъ гетманскаго жилища. Глуховъ имѣетъ довольно хорошее мѣстоположеніе. Городъ собственно называемый, предмѣстіе къ селу Сваркову и Красная-Горка, какъ уже и сіе названіе показываетъ, поселены на возвышеніи, а прочія предмѣстія—на низменностяхъ. Городъ соединяется съ Веригинскимъ предмѣстіемъ посредствомъ широкой плотины: при въѣздѣ на оную воздвигнуты великолѣпныя каменныя кіевскія ворота. Плотина сія теперь не очень пріятна для проѣзжающихъ, но прежде всегда содержалась въ порядкѣ и въ старыя времена высыпалась пескомъ и служила мѣстомъ гулянья для всего города. На правой сторонѣ оной—обширной и красивой прудъ, въ которой вдался отъ стороны Веригина низменный мысъ. На семъ мѣстѣ фельдмаршалъ Румянцовъ-Задунайскій построилъ было для себя дворецъ, выкопалъ пруды и разсадилъ садъ. Нѣкоторые старые козаки помнятъ еще и теперь, что они довольно потрудились строивши, какъ они говорятъ, домъ на болотѣ. Подобныя работы были одною изъ причинъ, заставлявшихъ козаковъ переходить въ посполитые, то есть въ состояніе собственно земледѣльческое. На главной улицѣ города, между воротъ московскихъ и кіевскихъ, построенно было великолѣпное каменное зданіе въ три этажа, украшенное многими статуями (правда не весьма красивыми). Тутъ помѣщались: малороссійская коллегія, генеральный судъ и другія присутственныя мѣста. Въ полдень, когда оканчивались занятія по присутствіямъ, выходила на балконъ войсковая музыка и раздавались громкіе звуки литавръ и трубъ. Все приходило въ движеніе: чиновники и канцелярскіе служители и множество зрителей на улицѣ, все это смѣшивалось и говоръ заглушалъ иногда самую музыку. Всѣ расходились потомъ обѣдать.

Въ 178... году [1]) отъ пожара, который истребилъ большую часть города, сгорѣло и сіе огромное зданіе, остатки онаго долгое время представляли великолѣпныя руины. Къ 180... сдѣлали изъ онаго три корпуса для присутствій, которые черезъ нѣсколько лѣтъ обратились въ безобразныя развалины; немногія же оставшіеся статуи попали къ охотникамъ: еще и теперь видна одна въ впадинѣ постоялого двора на большой дорогѣ. Такъ преходитъ слава міра сего!—Гдѣ теперь гаубтъ-вахта, которая вѣроятно скоро умножитъ число городскихъ развалинъ, былъ канцелярскій курень, тоесть домъ, гдѣ помѣщались канцелярскіе служители. Тогда въ Глуховѣ служили молодые люди и всѣхъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Домъ сей былъ жилищемъ веселостей и позволительныхъ шалостей рѣзвой молодежи. Однако эта молодежь знала и свое дѣло, многіе молодые люди учились основательно (особливо для того времени) въ кіевской академіи и не перемѣняли ежегодно потомъ мѣста своей службы. Еще иногда и теперь слышимъ, что если говорятъ про какого знающаго дѣльца, то во первыхъ упоминаютъ, что онъ служилъ въ малороссійской коллегіи и съ патріотическою гордостью разсказываютъ, что когда одинъ губернаторъ изъ великороссіянъ отзывался о малороссійской коллегіи невыгодно въ присутствіи фельдмаршала Задунайскаго, то графъ сказалъ: знаете-ли, батюшка, что тамъ есть канцеляристы умнѣе насъ! Въ малороссійской коллегіи началъ службу Безбородко, Трощинскій и другіе люди, которые въ послѣдствіи преходили важныя государственныя должности. Но приступимъ къ повѣствованію.

ГЛАВА II.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки,
Топтаны стежечки подъ оконечки
Малорос. пѣсня.

Въ верстахъ 15 отъ города, жилъ отставной ея царскаго пресвѣтлаго величества малороссійскаго войска полковникъ [2])... Онъ служилъ долго, былъ въ походахъ противъ турокъ при императрицѣ Аннѣ и наконецъ 55-ти лѣтъ вышелъ въ отставку. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ потерялъ жену. Семейство его состояло изъ одной дочери. Надежда, такъ звали ее, была 18-ти лѣтняя прекрасная,

---

[1]) Пожаръ этотъ случился въ 1784 г.

[2]) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи.

свѣжая, румяная дѣвушка. Черные волосы возвеличивали бѣлизну ея лица и блестящій румянецъ на щекахъ. Теперь, можетъ быть, красавицу съ такимъ живымъ румянцемъ нашли бы слишкомъ деревенскою; но въ старыя времена здоровье почитали въ дѣвицахъ первою красотою; и женихи, и родственники ихъ заботились, чтобы избираемая ими въ семейство свое дѣвушка была совершенно здорова. Тогда не знали бы что дѣлать съ спазмами и нервическими припадками, при которыхъ, какъ мужья утверждаютъ, часто не одна больная страждаетъ. Надобно однако сказать, что молодые люди, сохраняя въ то время свою молодость и здоровье весьма строго, имѣли болѣе права и основательныхъ причинъ, нежели нынѣшніе, такъ много заботиться о здоровьи тѣхъ, коихъ избирали себѣ въ подруги. Весьма часто случалось, что женихъ вступалъ въ бракъ такъ же невиннымъ, какъ и любезныя ихъ невѣсты. Третье лице, составлявшее семейство полковника, была тоже молодая дѣвица, однихъ почти лѣтъ съ Надеждой. Она была съ-родни полковнику и оставшись въ дѣтскихъ лѣтахъ сиротою, бѣдною и безпріютною, взята была въ домъ полковника, двоюроднаго своего дяди Софія была прелестная дѣвица. Она не имѣла блестящей наружности Надежды, ни ея веселости, была нѣсколько блѣдна и томна. Голубыя ея глаза являли нѣжность ея сердца и доброту души. Полковникъ называлъ ее овечкою. Хоть таковымъ названіемъ не хотѣлъ онъ ее совершенно обидѣть, однако показывалъ симъ, что недоволенъ ея тихостію, молчаливостію и томностію Онъ часто говорилъ, что изъ нея не будетъ доброй хозяйки, ибо хозяйка должна быть бойчѣе, подвижнѣе и проворнѣе. Въ старину болѣе всего заботились, чтобы дѣвица, особенно бѣдная, подавала надежду о себѣ, что будетъ въ своемъ домѣ хорошею хозяйкою, и потому заранѣе препоручали имъ разныя обязанности хозяйственныя и смотрѣніе въ домѣ родительскомъ. Такъ и въ домѣ полковника дочь его имѣла на рукахъ своихъ все женское хозяйство; но она, такъ сказать, была почетная хозяйка. Труднѣйшія же и существенныя части домоводства были дѣломъ Софіи. Полковникъ часто ей твердилъ, что ненадобно даромъ хлѣба есть; нельзя сказатъ, что бы онъ сіе дѣлалъ изъ жестокости или желая ее оскорбить, но тогда менѣе были отчетливы и въ словахъ, и въ поступкахъ. Напротивъ, онъ бы считалъ себя виноватымъ, если бы ее баловалъ и пріучилъ къ праздности. Какъ бы то ни было, Софія большую часть дня проводила въ хозяйскихъ трудахъ; всѣ амбары и кладовыя находились въ ея владѣніи: огромная связка ключей всегда была у ней или въ

рукахъ или подъ полою ея кофты; ночью же они почевали они подъ ея подушкой. Самыя дорогія вещи были подъ смотрѣніемъ Надежды, напримѣръ, серебро, гардеробъ ея покойной матери, сахаръ, водки и закуски; однако Надежда или будучи занята съ гостями или лѣнясь сама итти, не рѣдко дѣлала довѣренность Софіи поуправиться и въ своемъ департаментѣ. Когда нужно было имъ вывѣсить, при хорошей погодѣ, бархатные и аксамитные кунтуши, шубы, стеганыя одѣяла ея матери, или же къ какому празднику вынуть изъ кладовой серебро или налить въ графинчики изъ сулѣй [1]) водки, то обыкновенно поручаемы ей были ключи, которые по окончаніи припорученія возвращались Надеждѣ обратно. Надежда во время сихъ операцій навѣдывалась въ кладовую, и даже безъ оныхъ почти ежедневно бывала тамъ, большею частію послѣ обѣда, ибо въ это время она всегда запасалась тамъ павидломъ, т. е. медовымъ вареньемъ, на полдникъ, для котораго обыкновенно, при шествіи ея въ кладовую, слѣдовала за нею служанка съ *талѣркою* [2]) и ложкою. Дворъ полковника состоялъ изъ значительнаго числа служителей обоего пола. Тогда въ панскихъ дворахъ не было такъ много дворовыхъ, какъ то бывало въ послѣдующее время, ибо, какъ извѣстно, въ эпоху нами описываемую, помѣщики не имѣли крѣпостныхъ людей; поселяне, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтать свою землю и назывались не крестьянами, но подданными. Однако полковникъ,—по примѣру прочихъ знатныхъ пановъ, имѣлъ значительную дворню: домоправителя, повѣреннаго, комнатныхъ служителей, изъ которыхъ холостые назывались молодиками и хлопцами, кучеровъ, машталѣровъ, охотниковъ, трубачей, которые въ торжественные и веселые дни составляли музыку, боярь, то есть верховыхъ, которые, во время поѣздокъ полковника, скакали впереди и проч. Сверхъ того, при дворѣ полковника находился домовой священникъ и дьячекъ, ибо въ то время богатые паны имѣли въ селахъ особыя домовыя или придворныя церкви, для которыхъ содержали священно и церковнослужителей изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Въ то время малороссійскіе паны были очень набожны. Въ нѣкоторыхъ домахъ придворный дьячекъ ежедневно приходилъ въ комнаты читать заутреню, часы и вечерню, и часто сопровождалъ пана въ его поѣздкахъ, во время которыхъ сіе обыкновеніе не на-

---

[1]) Большія бутыли.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

рушалось. Дворовые служители, особенно повѣренный и писарь, присоединялись къ дьячку, попеременно съ нимъ читали и громогласно пѣли священныя пѣсни. Священники, особенно духовники, весьма были уважаемы; духовные дѣти безпрекословно повиновались налагаемой на нихъ эпитеміи. Правду сказать, что духовники налагали оныя съ снисхожденіемъ и уваженіемъ, и эпитеміи почти всегда заключались въ чтеніи псалтыри или молитвъ опредѣленныхъ. Дворовые люди лучшіе имѣли какъ и всегда и вездѣ, преимущество предъ другими; но въ то время они пользовались почестію, которая послѣ вышла изъ обычая. Въ свѣтлый праздникъ тѣ изъ людей сихъ, которые поведеніемъ своимъ и заслугами пріобрѣли уваженіе, пользовались правомъ обѣдать за однимъ столомъ съ панами. Домъ полковника въ деревнѣ былъ въ числѣ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ. Тогда по большей части строили дома деревянные, которые имѣли немного выгодъ и не защищали довольно отъ холода, что мы и теперь къ удивленію видимъ, хоть по климату нашему и должно было бы ожидать большей о семъ заботы. Въ домахъ обыкновенно бывало много холодныхъ сѣней. Комнаты имѣли названія отличныя отъ теперешнихъ. Гостиная называлась парадною, или середнею; посему, большею частью, она была въ срединѣ другихъ комнатъ; буфетъ—крейденцомъ, дѣтская... (?) [1]), была зала, боковыя и проч. Предъ главнымъ входомъ обкновенно было большое крыльцо и крыши всегда высокія, и часто въ два яруса. У полковника домъ украшенъ былъ, какъ не у многихъ изъ тогдашнихъ пановъ. Въ гостиной были заграничные шелковые обои, которые называли плахтами, зала была выштукатурена и потолокъ украшенъ былъ узорчатыми фигурами лѣпной работы, полы были хоть не паркетные, но штучные. Двери изъ сѣней въ различныя комнаты были одноштучныя, выкрашенныя темнозеленою краскою, на которыхъ нарисованы были различныя эмблемы, почерпнутыя большею частію изъ книги изданной при Петрѣ I въ... году подъ заглавіемъ [2])... Не далеко отъ дому полковника была огромная каменная кладовая, со сводами, крытая желѣзомъ. Эта кладовая служила главнымъ украшеніемъ двора, ибо паны поставляли свое честолюбіе въ томъ, чтобы имѣть огром-

---

[1]) Трудно прочесть; мож. быть—*мамкиною.*

[2]) Можно предполагать, что Марковичъ имѣлъ здѣсь въ виду, изданную въ 1705 г. книгу: „Символы и Емблемата," состоящую изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, эмблемъ и символическихъ изображеній, которыхъ всѣхъ числомъ 840. См. Пекарскій, „Наука и Литература при Петрѣ В." II, 142. *Ред.*

ныя кладовыя. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій и погребовъ и была въ два яруса, изъ коихъ на второмъ находилась комната, въ которой часто лѣтомъ полковникъ гулялъ съ пріятелями. Погребъ былъ тутъ же, слѣдовательно недалеко было ходить за венгерскимъ, фортиньякомъ и разными наливками, которыя нѣкоторые гости предпочитали самымъ лучшимъ винамъ. Близъ дому былъ садъ регулярной и цвѣтникъ. Аллеи въ ономъ, какъ и въ большей части прочихъ садовъ, обсажены были липами, а въ куртинахъ были плодовитыя деревья. У полковника была и оранжерея, хотя не весьма богатая, но и та служила предметомъ удивленія и доказательствомъ богатства пана, ибо подобныя заведенія были еще очень рѣдки.

Въ домѣ полковника жилъ съ давнихъ лѣтъ п. Бандура-Галошкевичъ, хотя изъ бѣдной, но старинной фамиліи шляхтичъ. Предки его, по преданіямъ, сохраняемымъ съ большимъ стараніемъ п. Бандурой, назывались прежде Галошкевичами, но одинъ изъ нихъ мастерски игралъ на бандурѣ и гетманъ Мазепа любилъ забавляться его музыкой. Ясновельможный пожаловалъ его войсковымъ товарищемъ, и въ одну изъ веселыхъ минутъ сказалъ, что для сохраненія въ «потомные часы» памяти о его мастерствѣ, онъ придаетъ къ прежней фамиліи его *пришдомокъ* Бандура. Съ тѣхъ поръ все потомство славнаго музыканта сохраняло съ благоговѣніемъ сіе прозваніе. Нѣкоторые люди, вѣроятно, по непріязни, утверждали, что п. Бандура произвольно перемѣнилъ свою фамилію, и что предки его назывались не Галошкевичами, а Галушкевичами; но сіе п. Бандура считалъ всегда великою себѣ обидою и никогда не прощалъ, если кто и неумышленно превращалъ его прозваніе. Къ несчастію сходство сей фамиліи съ названіемъ весьма употребительнаго въ Малороссіи кушанья, затрудняло весьма многихъ и невольно заставляло многихъ ошибаться въ произношеніи. Дворовымъ людямъ полковника это обстоятельство было настоящимъ камнемъ преткновенія: они охотно бы желали называть взыскательнаго полковника п. Бандурой, но п. Галошкевичъ весьма не любилъ, чтобы отдавали преимущество новѣйшей фамиліи предъ древнѣйшею. Требованія его на сей счетъ сдѣлались особенно настоятельными съ тѣхъ поръ, какъ п. асаулъ генеральный, который учился въ кіевской академіи и зналъ латинскій и французскій языки, сообщилъ п. Бандурѣ Галошкевичу свои догадки о томъ, что фамилія его по всѣмъ соображеніямъ происходитъ отъ галловъ и совѣтовалъ ему писать оную чрезъ латинское G, что п. Галошкевичъ принялъ весьма основательнымъ и охотно послѣдовалъ совѣту п. асаула ге-

неральнаго, котораго учености онъ съ того времени еще болѣе довѣрять началъ.

II. Бандура-Галошкевичъ—былъ *все* въ домѣ полковника, а наиболѣе его собесѣдникомъ. Онъ имѣлъ неограниченную въ домѣ власть и всѣ ему безпрекословно повиновались. Онъ участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ забавахъ п. полковника. Во всѣхъ важныхъ и малыхъ дѣлахъ спрашивалось его мнѣніе. Всѣ закупки на ярмаркахъ и въ городѣ совершались Галошкевичемъ. Домоправитель, войтъ [1]) и другія должностныя (лица?) не предпринимали ничего безъ его совѣта и голосъ его всегда былъ уважаемъ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней ожидали возвращенія п. полковника изъ города, куда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхалъ. По сему случаю п. Галошкевичъ всталъ раньше обыкновеннаго, т. е. прежде восхожденія солнца. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ, отправился онъ въ людскія, мастерскія, на кухню и конюшю, вездѣ разнесъ съ собою пробужденіе, сопровождаемое то ласкою, то угрозами, смотря съ кѣмъ имѣлъ онъ дѣло. На другой половинѣ дома происходили подобныя явленія, хоть главное дѣйствующее лице было другое. Послѣ п. Галошкевича безспорно значительнѣйшая особа въ домѣ была ключница. Трудно даже рѣшить, кто изъ нихъ былъ важнѣе. Прежде называли ее Дарьей; но когда п. полковникъ назначилъ ее въ ключницы, то изъ почтенія къ новому званію начали величать ее Одаріей Семеновной. Не смотря на то, что панночки сами смотрѣли отчасти за хозяйствомъ и имѣли ключи, можно сказать, что Одарія Семеновна была настоящая хозяйка въ домѣ. Панночки ничего не смѣли сдѣлать, не испоривъ прежде ея совѣтовъ или лучше сказать приказаній. Безъ ея опытности и напоминананій онѣ часто не знали бы что дѣлать, и если дочь и племянница заслуживали иногда гонку отъ п. полковника, то это всегда было послѣдствіемъ того, когда онѣ, по молодости, уклонялись отъ пути, предназначеннаго опытною домоводкой. Сверхъ того, Одарія Семеновна смотрѣла за ними еще съ самой колыбели, а это одно могло сдѣлать, что онѣ имѣли бы къ ней невольное почтеніе, если бы она и не заслуживала онаго своею къ нимъ привязанностію и ласковымъ угожденіемъ ихъ прихотямъ, когда она, разумѣется, была къ тому расположена. Одарія Семеновна встала немного позже п. Голошкевича и, какъ опытная домоправительница, не менѣе показала въ сей день усердія и заботливости, ожидая п. полковника. Все утро

[1]) Позднѣе—„приказчикъ", распоряжавшійся работами крестьянъ.

она, какъ говорится, не присѣдала, и языкъ ея, который можно сказать былъ неутомимъ, не болѣе оставался въ покоѣ, какъ и ея ноги. Она уже нѣсколько разъ обходила и кухню, и пекарню, и кладовую. Во время сихъ заботъ, переходовъ и обильныхъ разсказовъ, съ перерывами, она была (безпокоима?) частыми требованіями служителей, особенно поварчуковъ, которые присылали къ ней за столовой провизіей. Надобно сказать, что бережливая домовка имѣла правило никогда не отпускать за однимъ разомъ столько провизіи на кухню, сколько отъ ней требовали, хоть бы требованія сіи были весьма умѣрены. Это дѣлала она изъ расчетливости экономической, соображая весьма справедливо, хотя и не сознаваясь въ томъ, что повара п. полковника скорѣе готовы будутъ сдѣлать возможное изъ не возможнаго, нежели обратиться къ ней съ новыми требованіями провизіи, такъ боялись они грому и крику, которыми обыкновенно Одарія Семеновна поражала служителей кухни. Не успѣла она узнать причину прихода поварчука, какъ обильныя рѣчи, подобно лавѣ, лились на бѣдную его голову. Хоть она послѣ принималась за ключи, но симъ не прекращался шумный ея разговоръ, крикъ ея раздавался и на дворѣ и на кухнѣ, куда она за поварчукомъ слѣдовала, когда тотъ получилъ отъ нея нужное, бѣгомъ уходилъ, опасаясь, чтобы она, не довольствуясь тѣмъ, что дала полную волю своему языку, не дала оной и рукамъ. И когда Одарія Семеновна уходила изъ кухни, то подобно, какъ на театрѣ изумленному зрителю мнится еще слышать разъяренную Клитемнестру, хотя она уже скрылась за сцену, такъ пораженнымъ служителямъ кухни казалось, что грозная ключница все еще мещетъ на нихъ громъ и молнію и тогда, какъ неутомимая домодовка уже на другомъ концѣ двора избрала мѣсто дѣйствія. Во время сихъ утреннихъ прогулокъ часто случалось, что п. Галошкевичъ встрѣчался съ трудолюбивою ключницею. При этомъ случаѣ они обыкновенно останавливались и сообщали другъ другу всѣ важныя происшествія и распоряженія, каждый по своему вѣдомству. Нельзя сказать однако, чтобы встрѣчи его всегда были дружественныя. Что касается до п. Галошкевича, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, невольно всѣми въ домѣ полковника принятое, что безъ трудолюбивой Одаріи Семеновны не могъ бы существовать домъ и слыша часто отъ самаго п. полковника, что онъ, оставшись безъ жены, существенно ей обязанъ за порядокъ и сбереженіе своего имущества, п. Галошкевичъ считалъ необходимостію жить въ добромъ ладу съ экономкою и заслуживать ея дружбу. Но Одарія Семеновна, которая никогда не покорялась совершенно

никакимъ политическимъ видамъ, весьма не жаловала п. Голошкевича. Впрочемъ, уважая волю своего пана, она никогда не позволяла себѣ ни сдѣлать, ни сказать ему всего того, чѣмъ бы она иногда желала его попотчивать, и это принужденіе, котораго она во всякомъ случаѣ была великій врагъ, едва ли не побудительнѣйшею причиною было той пріязни, которую она питала къ п. Галошкевичу. П. Бандура былъ не безъ ума и не безъ хитрости; и въ отношеніи къ Одаріи Семеновнѣ онъ употребилъ всѣ расчеты и искусство стараго дипломатика, чтобы разгадать ея характеръ и узнать слабую онаго сторону; но въ теченіи многихъ лѣтъ всѣ старанія его оставались напрасными. Какъ часто, думалъ онъ, видя свой успѣхъ сегодня, что наконецъ достигъ своей цѣли, но на завтра разрушились всѣ его надежды. Что удавалось и годилось вчера, то сегодня не служило ему ни къ какой пользѣ, а часто имѣло для него и невыгодныя послѣдствія. Все зависѣло отъ внутренняго распоряженія трудолюбивой домодовки и отъ ея произвола. Самыя лестныя для нее слова, самыя явственныя знаки уваженія иногда худо принимались; въ другой разъ и съ меньшими пособіями удавалось смягчить ея гнѣвъ или заслужить ея привѣтливость. Когда Одарія Семеновна была въ ладахъ съ п. Галошкевичемъ, то она, хоть неохотно и съ трудомъ, но производила его прозваніе отъ галловъ; въ противномъ случаѣ давала оному другой корень. Часто одного этого затрудненія въ произношеніи достаточно было, чтобы вывести ее изъ терпѣнія, и хотя, п. Голошкевичъ одной ей не показывалъ негодованія своего за сіе оскорбленіе, однако Одарія Семеновна обыкновенно, подъ видомъ извиненія, прерывала разговрръ сими или подобными словами: воля ваша п. Галошкевичъ, я понѣмецки не училась и позаморски васъ называть не умѣю! Прошу не погнѣваться, п. Галошкевичъ, а мнѣ право кажется, что вы напрасно трудите христіанскій міръ, заставляя его называть васъ не по нашему! И развѣ стыдно вамъ называться п. Галушкевичемъ? Развѣ наши галушки такая вещь, что и называть стыдно? Вы сами видите, что иногда и вельможные паны и паніи ихъ кушаютъ. И послѣ этого, казалось бы, не кстати вамъ симъ обижаться! Прибудетъ ли вамъ чести отъ того, что вы происходили отъ какихъ то нехристовъ? Воля ваша п. Галушкевичъ, я сему не вѣрю. И дѣдъ, и прадѣдъ вашъ, благодаря Бога были христіане, и за моремъ никогда, можетъ быть, по нашему не бывали, такъ зачѣмъ вамъ гоняться за нѣмецкими прозвищами?—П. Галошкевичъ выслушивалъ это иногда съ терпѣніемъ, а иногда и съ усмѣшкою. Онъ старался увѣ-

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Окончаніе).* . . . . 1—47

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . 48—66

III. ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). **А. Л.** . . . . . 67—77

IV. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ. Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ. *(Продолженіе слѣдуетъ).* **М. П. Старицкаго.** . . . . 78—123

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** . . . . 124—156

VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. **М. Номиса.** . . . . 157—162

VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА и АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАРВИНОКЪ) КУЛИШЪ. **М. Лободовскаго.** . . . . 163—176

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. **К. Здравомыслова.** б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. **А. Л.** в) Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. **П. Голубовскаго.** г) Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казимиръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. **Н. М.** е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Егоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. . 1—21

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева **В. Иконникова.** б) О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. **А. Л.** в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. **Н. С.** г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. **А. С** д) П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. **Н. М.** Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «Бѣлозерскаго Полѣсья» г. Довнаръ-Запольскаго. **А. Крымскаго.** . . . . 22—54

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).
2) Записки о Малороссійскихъ чинахъ Адріана Ивановича Чепы. (23—32).

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—2

Очерки изъ исторіи и юридическаго быта старой Малороссіи.

ПРЕВРАЩЕНІЕ КОЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ ВЪ ДВОРЯНСТВО.

ГЛАВА IV.

Подчиненіе дворянскихъ собраній контролю герольдіи.—Отношеніе герольдіи къ лицамъ, доказывающимъ свое дворянство чинами прежней малороссійской службы.—Негодованіе дворянства.—Дѣятельность патріотовъ.—Записки по дворянскому вопросу Марковича и Калинскаго.—Мнѣніе автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“.—Ходатайство Черниговскаго маршала.—Возбужденіе вопроса о дѣйствіяхъ герольдіи среди полтавскаго дворянства.—Записки Калинскаго и Полетики.—Рѣшеніе комитета министровъ и его отголоски въ Малороссіи.—Новая просьба полтавскаго дворянства.—Ходатайство кн. Репнина.—Рѣшеніе дѣла въ „особомъ комитетѣ“.—Указъ 20 марта 1835 года.

Если забыть печальную повѣсть злоключеній малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ ревизію 1782 г., то можно сказать, что въ XVIII ст. переходъ командующаго класса въ дворянское сословіе совершался благополучно. Цѣнители дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства были плотію отъ плоти того же шляхетства и, конечно, не могли предъявлять какихъ-нибудь чрезвычайныхъ требованій отъ такихъ же, какъ и сами они, шляхтичей, ищущихъ внесенія въ родословную книгу. Высшее начальство въ дѣятельность дворянскихъ собраній не мѣшалось, а если это иногда и бывало, то только въ экстренныхъ случаяхъ: когда, напр., подавалась жалоба на депутатовъ, или отъ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 3.

военнаго начальства требовались свѣдѣнія о дворянствѣ лицъ, поступающихъ на службу.

Постоянное вмѣшательство высшаго начальства въ дѣло, порученное депутатамъ, началось съ 1796 года. Съ этихъ поръ дворянскія собранія потеряли право окончательно рѣшать вопросъ о дворянствѣ того или другого лица, а должны были передавать дѣло на заключеніе герольдіи. Вслѣдъ затѣмъ начато было сочиненіе общаго гербовника дворянскихъ родовъ Россійской имперіи, давшее герольдіи возможность подвергнуть фактическому контролю всю предыдущую дѣятельность депутатскихъ собраній. Правда, со вступленіемъ на престолъ Александра дворянская грамота была возстановлена во всей своей силѣ, но составленіе гербовника все таки продолжалось, а стало быть продолжалось и вмѣшательство герольдіи въ дѣло, порученное собраніямъ. Въ первое время, впрочемъ, контроль герольдіи былъ для малороссійскихъ дворянъ малочувствителенъ. Малороссійское дворянство, подобно великорусскому, представляло въ герольдію свои гербы и доказательства и по нимъ благополучно заносилось въ гербовникъ. Въ поискахъ за гербами дворяне обращались преимущественно къ Нѣсецкому (Herby i familie rycerskie) или къ гербаріусу Папроцкаго (Herby rycerstwa polskiego). Требуемыя сенатомъ „выписи", удостовѣряющія принадлежность герба данному роду, добывались иной разъ изъ такихъ „присутственныхъ мѣстъ", которыя, повидимому, не имѣли никакого касательства ни къ дворянству, ни къ гербамъ. Въ 1798 году маіоръ Вронскій за разысканіемъ своего герба обращается въ кіевскую духовную дикастерію, по указу которой освященный соборъ Печерской лавры выдаетъ ему выписку изъ гербаріуса Попроцкаго. Благодаря этой выпискѣ родъ Вронскихъ попадаетъ въ 6-ю часть родословной книги, а ихъ гербъ вносится въ общій гербовникъ дворянскихъ родовъ Россійской имперіи [1]).

Въ эти счастливые годы, герольдія относилась къ малороссійскому дворянству очень благосклонно. Она охотно принимала

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 216—218

въ дворянское сословіе какъ тѣхъ, кои выводили свои роды отъ польскаго или иного древняго шляхетства, такъ и тѣхъ, которые основывали свои притязанія только на чинахъ прежней малороссійской службы. Бывали, правда, единичные случаи, когда герольдія отказывала просьбамъ малороссійскихъ дворянъ о внесеніи ихъ гербовъ въ гербовникъ. Такъ, въ 1799 г. она отказалась внести въ гербовникъ нѣсколько фамилій золотоношскихъ дворянъ, но не потому, что сомнѣвалась въ ихъ дворянствѣ, а потому, что просьбы ихъ не имѣли достаточныхъ, по закону, доказательствъ: золотоношскіе дворяне представили свои гербы въ раскрашенномъ видѣ, какъ то и требовалось, но безъ всякихъ доказательствъ о принадлежности имъ этихъ гербовъ и даже безъ опредѣленій собраній о признаніи ихъ дворянами[1]). Около того же времени герольдія отказалась внести въ гербовникъ фамилію Кандыбъ, не представившихъ никакихъ свѣдѣній о своемъ родѣ, кромѣ диплома на дворянство[2]). Точно такъ же бывали отдѣльные случаи, когда герольдія сомнѣвалась причислять къ *древнему* дворянству лицъ, доказывающихъ свое благородство одними только малороссійскими чинами. Такъ, въ 1799 г. она отказалась причислить къ древнему дворянству родъ коллежскаго регистратора Максима Гандовскаго-Потаповича, но когда онъ представилъ грамоту какого-то польскаго короля на имѣніе, родъ его былъ признанъ древнимъ, а гербъ внесенъ въ 1-ое отдѣленіе гербовника[3]). Во всякомъ случаѣ сомнѣній въ благородствѣ лицъ, доказывающихъ дворянство одними малороссійскими чинами, въ то время еще не возбуждалось. Въ 1801 году герольдія внесла въ гербовникъ фамилію Лагодъ, „служившихъ россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ“: дѣдъ и отецъ просителя были войсковыми товарищами[4]). Въ 1802 году, по просьбѣ коллежскаго регистратора Дм. Лазаревича, она внесла въ гербовникъ гербъ Лазаревичей „поелику предки рода Лазаревичей съ 1675 г. находились въ службѣ въ

[1]) Собр. рѣдк., стр. 683.

[2]) Архивъ малор. коллегіи, № 1734.

[3]) Книга о дворанахъ, л. 250.

[4]) Ibid., л 190.

малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніемъ" [1]). Точно также благосклонно отнеслась герольдія и къ просьбѣ Хилчевичей, имѣвшихъ такія же доказательства, какъ и Лазаревичи.

Снисходительное отношеніе герольдіи къ малороссійскому дворянству продолжалось, однако, не долго. Уже съ 1802 года герольдія начинаетъ выражать сомнѣніе не только по поводу гербовъ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, но и по поводу самого признанія ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ. Въ 1802 г. она отказалась внесть въ гербовникъ фамилію Подвысоцкихъ: „хотя изъ опредѣленія черниговскаго дворянскаго собранія и видно, что поручика Ивана Подвысоцкаго дѣдъ, Алексѣй Подвысоцкій, въ 1734 году служилъ надъ козаками кіевскаго, стародубовскаго и переяславскаго полковъ наказнымъ полковникомъ, сынъ его Яковъ въ 1742 году пожалованъ обознымъ въ кіевскій малороссійскій полкъ и подтверждены данныя имъ за службы отъ гетмана Апостола деревни, а отецъ, Андрей Подвысоцкій, имѣлъ чинъ сотника, но чтобъ они происхожденіе имѣли отъ древнихъ благородныхъ предковъ, такъ какъ представленъ ко внесенію въ гербовникъ гербъ, употребляемый въ родѣ Подвысоцкихъ съ древнихъ временъ,—того въ доказательствахъ ихъ герольдія не находитъ, а потому слѣдуетъ просить себѣ герба вновь или представить, буде имѣютъ, доказательства о древнемъ дворянствѣ" [2]). Въ томъ же 1802 году герольдія возвратила въ черниговское дворянское собраніе цѣлую коллекцію раскрашенныхъ гербовъ малороссійскихъ дворянъ „за несообразностью ихъ съ предписаніями Правительствующаго Сената". Черниговскому губернатору Френздорфу было поручено разъяснить дворянству, что гербы имѣютъ право представлять только тѣ древніе роды, которые ими и раньше пользовались, что же касается малороссійскихъ дворянъ, записанныхъ въ третью часть родословной книги по чинамъ, то они не могутъ умышлять себѣ гербовъ по своему желанію, а должны просить дипломовъ на дворянство, а вмѣстѣ съ ними и гербовъ отъ Высочайшей власти.

---

[1]) Ibid., л. 191.

[2]) Книга о дворанахъ, л. 192.

Забракованными оказались гербы 441 дворянской фамиліи, которые и были препровождены Френздорфомъ въ дворянское собраніе для возвращенія просителямъ [1]).

Въ 1803 г. герольдія усомнилась въ благородствѣ Левченковъ, внесенныхъ новгородъ-сѣверскимъ дворянскимъ собраніемъ въ 4 часть родословной книги: собраніе признало ихъ дворянами только по свидѣтельству двухъ благородныхъ о томъ, что Левченки происходятъ отъ шляхты, употребляютъ гербъ Грифъ и владѣютъ шляхетскимъ имѣніемъ [2]). Точно также при разборѣ доказательствъ надв. сов. Круковскаго герольдія усомнилась въ правильности дѣйствій дворянскаго собранія, которое внесло родъ Круковскихъ въ родословную книгу только потому, что дѣдъ и отецъ просителя владѣли шляхетскимъ имѣніемъ. Герольдія требовала свѣдѣній, въ какихъ чинахъ Круковскіе служили, какое у нихъ имѣніе—жалованное или пріобрѣтенное—и кто этимъ имѣніемъ владѣетъ [3]). Къ 1804 году герольдія отказалась внести въ гербовникъ родъ Вилинскихъ, хотя ихъ отцу, топальскому сотнику, при Аннѣ Ивановнѣ была Высочайше пожалована маетность, а сами просители имѣли немаловажные чины: одинъ былъ надворнымъ совѣтникомъ, а другой коллежскимъ ассесоромъ [4]).

Всѣ эти распоряженія, разумѣется, не могли нравиться тѣмъ, кого они касались. Разсказы о неудачахъ Круковскихъ и Вилинскихъ не могли не возбуждать опасеній и въ остальномъ дворянствѣ, а тутъ еще присоединились и другіе факты, показавшіе дворянству, что его дѣйствительно начинаютъ въ Петербургѣ „неговать и турбовати“. Высшее начальство, ссылаясь на непризнаніе герольдіей тѣхъ или другихъ дворянъ, состоящихъ на службѣ, стало отказывать въ повышеніи ихъ чинами. Затѣмъ сенатъ не захотѣлъ производить въ чины лицъ, служащихъ по дворянскимъ выборамъ депутатами и въ генеральномъ судѣ; въ указахъ 1804 и 1805 г. г. онъ разъяснялъ, что служба эта не

---

[1]) Собраніе рѣдк., стр. 701—708.

[2]) Книга о дворян., л. 270.

[3]) Книга о дворян., л. 270.

[4]) Ibid., л. 194 и Собр. рѣдк., стр. 448.

можетъ быть принята за дѣйствительную, а между тѣмъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ, въ 1800—1801 г., онъ не отказывалъ въ производствѣ ни депутатамъ, ни чинамъ генеральнаго суда. Черниговское дворянство поручило было своему маршалу ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ Куракинымъ, дабы онъ не оставилъ употребить свое милосердное посредство къ награжденію дворянскихъ избранниковъ чинами, но вышло ли что-нибудь изъ этого ходатайства,—не знаемъ [1]). Дворянству вскорѣ пришлось убѣдиться, что опасенія, вызванныя дѣйствіями герольдіи, далеко не безосновательны. Оказалось, что неблагопріятныя для нѣкоторыхъ дворянъ рѣшенія герольдіи были результатомъ не случая, а принципа, мало по малу установившагося въ высшихъ сферахъ. А принципъ этотъ состоялъ въ томъ, что чины малороссійскихъ сотенныхъ и полковыхъ старшинъ не могутъ быть признаваемы доказательствомъ дворянства, даже въ томъ случаѣ, если ихъ носители получили при отставкѣ табельные офицерскіе чины. Впервые герольдіей принципъ этотъ былъ высказанъ около 1805 г. и съ этихъ именно поръ начались повальные отказы въ признаніи дворянскихъ правъ за лицами, доказывающими свое дворянство по чинамъ прежней малороссійской службы. Въ 1805 г. черниговское дворянское собраніе признало въ дворянскомъ достоинствѣ записанныхъ по ревизіи между козаками сотеннаго канцеляриста Тимоѳея и братьевъ его Зиновія и Ивана Бачинскихъ. Герольдія отказалась признать за Бачинскими право на дворянское достоинство на томъ основаніи, что „въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ постановленій нѣтъ, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ офицерами служили и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“ [2]). Въ 1807 году она не захотѣла внесть въ родословную книгу, „въ число тѣхъ, которые по служенію ихъ въ арміи офицерами пріобрѣли право на военное дворянство“, нѣжинскаго повѣтоваго казначея Павловскаго и частнаго

---

[1]) Книга о дворян., л. 248.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 249.

пристава черниговской полиціи Малахова, признанныхъ черниговскимъ собраніемъ, ибо первый изъ нихъ получилъ чинъ прапорщика въ отставку, а отецъ Малахова изъ войсковыхъ товарищей получилъ чинъ поручика тоже въ отставку, стало быть, по 92 пункту дворянской грамоты, ни тотъ, ни другой не могутъ быть признаны за потомственныхъ дворянъ, а только за личныхъ[1]). Въ томъ же 1807 году общее собраніе Сената разсматривало доказательства на дворянство, представленныя поручикомъ Никитою Ординскимъ. Кіевское депутатское собраніе внесло отца Никиты, сотничьяго сына Василія Орду, во 2-ю часть родословной книги по свидѣтельству 13 благородныхъ, что прадѣдъ его, Петръ Орда, былъ во 2-мъ компанейскомъ полку обознымъ, дѣдъ полковымъ хорунжимъ, отецъ сотникомъ, а потомъ рукоположенъ во священника. Въ видѣ доказательства въ собраніе представлена была, кромѣ того, копія съ купчей крѣпости, данной дѣду Василія Орды, полковому хорунжему Андрею Ордѣ отъ козака Дзюбы на проданный млинокъ. Сенатъ не нашелъ этихъ доказательствъ достаточными къ признанію Орды въ дворянствѣ, ибо „въ оныхъ нигдѣ не явствуетъ, чтобы предки его служили въ армейскихъ полкахъ въ такихъ чинахъ, къ коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство“. Грамоту у Орды приказано было отобрать, а дворянскимъ собраніямъ кіевской и полтавской губерніи подтверждено, чтобы они „по таковымъ доказательствамъ, каковыя отъ Василія Орды представлены, въ дворянскомъ достоинствѣ не признавали, въ родословную книгу не вносили, грамотъ и свидѣтельствъ не выдавали“ [2]). Въ 1809 году герольдія отказала въ дворянствѣ Ярмаковымъ, которыхъ черниговское дворянское собраніе внесло во 2-ю часть родословной книги. Собраніе признало доказательствами дворянства Ярмаковыхъ: паспортъ, данный Ивану Ярмакову, въ коемъ онъ названъ значковымъ товарищемъ Прилуцкаго полка; патентъ Ѳедора Ярмакова на пожалованный ему изъ войсковыхъ товарищей чинъ поручика, и свидѣтельство 12

---

[1]) Ibid., л. 195.

[2]) Чт. Общ. истор. и др. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 133.

штабъ и оберъ офицеровъ, удостовѣряющее, что Ярмаковы изъ предковъ шляхтичи, что ихъ отецъ и дѣдъ были значковыми товарищами, а прадѣдъ—войсковымъ. Въ герольдіи предки Ярмаковыхъ не были признаны, ибо герольдія „не нашла узаконеній, чтобъ значковые и войсковые товарищи состояли наравнѣ съ служащими въ дѣйствительной военной службѣ офицерами, коимъ только дворянскою грамотою предоставлено право военнаго дворянства“ [1]). Ту же участь пришлось претерпѣть и многимъ другимъ дворянскимъ фамиліямъ, коихъ предки были въ Малороссіи полковыми обозными, хорунжими, асаулами, войсковыми товарищами и сотниками. Герольдія не соглашалась признать ихъ дворянами на томъ основаніи, что „чины сіи по неположенію ихъ въ табели о рангахъ не могутъ приносить потомству дворянскаго достоинства [2]).

Герольдія стала смотрѣть на доказательство малороссійскихъ дворянъ съ чисто формальной точки зрѣнія: разъ въ законѣ нѣтъ положенія, чтобы члены малороссійской службы давали дворянство,—нѣтъ и основаній къ признанію за носителями этихъ чиновъ дворянскихъ правъ. И съ этой формальной точки зрѣнія герольдія была совершенно права: малороссійскіе чины точно „не были положены въ табели о рангахъ“, а въ дворянской грамотѣ и въ другихъ узаконеніяхъ дѣйствительно не было „положенія, чтобы малороссійскіе чины почитались наравнѣ съ тѣми, кои въ дѣйствительной военной службѣ служили офицерами и которымъ только предоставлено право пользоваться дворянствомъ“. Правда, при преобразованіи козачьихъ полковъ многіе козацкіе старшины произведены были въ табельные офицерскіе чины, но точныхъ правилъ, какіе малороссійскіе чины какимъ соотвѣтствуютъ табельнымъ чинамъ, установлено не было. Военная коллегія представила было императрицѣ Екатеринѣ II списокъ малороссійскихъ чиновъ и испрашивала ея разрѣшенія, какими чинами и съ какимъ старшинствомъ опредѣлять ихъ въ регулярную службу, но не получила никакой резолюціи, а по-

---

[1]) Кн. о дворян., л. 179.

[2]) Ibid, л. 278.

тому и производство того или другаго лица въ табельный чинъ обусловливалось не столько его малороссійскимъ чиномъ, сколько личными заслугами: одинъ, напр., сотникъ, во вниманіе къ 16-лѣтней службѣ, былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, другіе такіе же сотники попали въ титулярные совѣтники, а третьи— въ губернскіе секретари. До нѣкоторой степени права была герольдія и тогда, когда отказывала въ дворянствѣ тѣмъ изъ малороссійскихъ старшинъ, кои получили табельные офицерскіе чины: толкованіе къ 19 ст. 92 пункта дворянской грамоты гласило, что „недѣйствительно въ военной службѣ служащихъ, но равные чины имѣющихъ почитать надлежитъ за имѣющихъ лишь личное дворянство, но не наслѣдственное", а дѣйствительной военной службой была, по мнѣнію герольдіи, только служба въ регулярныхъ россійскихъ полкахъ.

Такова была точка зрѣнія герольдіи, основанная на буквальномъ пониманіи закона. Она была діаметрально противоположна тѣмъ взглядамъ, какіе прочно установились въ практикѣ малороссійскихъ дворянскихъ собраній. Чины малороссійской службы считались здѣсь неоспоримыми доказательствами благородства, и въ вопросѣ о признаніи за ихъ носителями дворянскихъ правъ не возникало сомнѣній въ теченіе болѣе чѣмъ двадцатилѣтней дѣятельности депутатскихъ коммиссій и дворянскихъ собра[illegible] И въ самомъ дѣлѣ, какъ было отказать въ дворянствѣ какому-нибудь сотнику или войсковому товарищу, хотя бы и простонароднаго происхожденія, если этотъ сотникъ или войсковой товарищъ предъявляли патенты на табельные офицерскіе чины, полученные ими при реформѣ козацкихъ полковъ? Вѣдь и по табели о рангахъ и по дворянской грамотѣ офицерскій чинъ является несомнѣннымъ доказательствомъ дворянскаго достоинства. Соображеніе о томъ, что офицерскій чинъ, полученный не на дѣйствительной военной службѣ, не приноситъ дворянства, не приходило да и не могло придти въ голову дворянскимъ депутатамъ уже потому, что въ Малороссіи всякая служба считалась войсковою, военною; сомнѣваться въ томъ, что она дѣйствительно была военная, не позволяли раны, полученныя многими, жившими еще на свѣтѣ, участниками послѣдней турецкой войны. Правда,

были въ Малороссіи лица, получившія козацкіе, а затѣмъ и табельные чины внѣ службы, за одно занятіе „шинковымъ промысломъ", но вѣдь не на нихъ же однихъ обрушивались и перуны герольдіи. Что касается тѣхъ малороссійкихъ старшинъ, которые не получили табельныхъ чиновъ, то и ихъ причисленіе къ дворянскому сословію казалось депутатамъ вполнѣ законнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, если старшины, попавшіе въ карабинерные полки и переименованные въ табельные чины, пользовались дворянскими правами, то можно ли было не признавать тѣхъ же правъ за такими же старшинами, не пожелавшими или не успѣвшими почему-либо попасть въ табельные чины и оставшимися поэтому при прежнихъ козацкихъ чинахъ? Чѣмъ хуже былъ сотникъ, вышедшій въ абшидъ до реформы, по сравненію съ тѣмъ сотникомъ, который при реформѣ былъ выпущенъ въ отставку съ чиномъ ротмистра? Принципъ, провозглашенный герольдіей, наносилъ тяжелый ударъ огромному большинству малороссійскаго дворянства, не имѣвшему другихъ доказательствъ благородства, кромѣ своей и предковъ своихъ службы въ козацкихъ старшинскихъ чинахъ. Дѣйствія герольдіи грозили закрыть этому большинству двери дворянскаго собранія, лишить его права владѣнія крѣпостными людьми, ограничить права по государственной службѣ и воспитанію дѣтей. Дѣло шло не только объ удовлетвореніи тщеславія, но и о существенныхъ, матеріальныхъ интересахъ многихъ тысячъ лицъ, привыкшихъ къ привилегированному положенію. Понятно, что большинство малорусскаго дворянства было глубоко возмущено дѣйствіями герольдіи. Въ отрицаніи благородства малороссійскихъ чиновъ дворяне видѣли не только нарушенія своихъ личныхъ интересовъ, но и оскорбленіе своего патріотическаго чувства. Не признавая малороссійскихъ чиновъ, герольдія, по мнѣнію дворянства, наносила глубокое оскорбленіе памяти вождей „націи" и ни во что ставила ихъ доблестные подвиги передъ родиной и престоломъ. Негодованіе среди дворянства было общее. Оно высказывалось и въ письмахъ и въ разговорахъ, въ особенности среди „патріотовъ", которыхъ въ то время было не мало. „Безпристрастное къ очечеству поревнованіе, а паче и униженіе нашихъ отечественныхъ

чиновъ, то и безгласнаго поощряетъ быть гласнымъ, а потому и заставляетъ пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду!"—восклицаетъ одинъ изъ „патріотовъ, Т. Калинскій, въ письмѣ къ полтавскому маршалу Милорадовичу. „Пылая къ отечеству любовію, не могъ удержаться отъ плодорѣчивости, и чѣмъ бы только можно пособить, то все изыскивалъ и изыскивать буду для общей пользы и славу своего передъ цѣлымъ свѣтомъ заслуженнаго народа до послѣднихъ силъ моихъ защищать не престану". „Радъ умереть, защищая общія наши преимущества и свободу!" [1]).

Другой патріотъ, В. Г. Полетика, въ запискѣ, предназначенной для свѣдѣнія дворянства, прямо таки упрекалъ правительство въ неблагодарности: „Славны и похвальны предводившіе малороссійское воинство и унижаемые теперь герольдіей до такой степени малороссійскіе чиновники были тогда, когда съ неустрашимостью восходили на смоленскія, азовскія и кизикерменскія стѣны, когда предъ лицомъ государей и славныхъ россійскихъ вождевъ храбро побѣждали и уводили въ плѣнъ турковъ, татаръ, персіянъ, поляковъ и шведовъ. Великодушіе и мужество перешли въ благородное потомство ихъ, отличающееся и теперь неимовѣрной храбростію въ рядахъ россійскаго воинства, и остались, такъ сказать, наслѣдственнымъ ихъ достояніемъ. И малороссійское дворянство, присоединившееся добровольно къ россіянамъ, какъ къ единороднымъ и единовѣрнымъ братьямъ своимъ, и служившее купно съ ними такъ вѣрно и такъ долго престолу и отечеству, могло ли ожидать за свои воинскія доблести, заслуги, оказанныя имъ и запечатлѣнныя кровью, столь обиднаго для себя уничиженія?!" [2]). Въ порывѣ раздраженія „патріоты" даже въ оффиціальныхъ бумагахъ старались не только отстоять права малороссійскаго дворянства, но и доказать его превосходство надъ великороссійскимъ. По мнѣнію, напр., того же Калинскаго, высказанному имъ въ запискѣ, представленной черниговскому дворянскому собранію, великорусскіе дворяне не

---

[1]) Книга о дворянахъ, л. 236.

[2]) Книга о дворянахъ, л. 300.

только не могутъ идти въ сравненіе съ малороссійскими шляхетствомъ и чиновниками, но и съ простыми козаками: въ древней Великороссіи „дворяне изъ черни ко дворамъ царскимъ набирались, какъ о семъ въ книгѣ „Краткое начертаніе римскаго и россійскаго чиноположенія“ напечатано; козаки компутовые или списковые, т. е. регистровые, какъ и самые владѣльцы, въ ихъ имѣніяхъ, по ихъ правамъ, привилегіямъ и грамотамъ, больше у себя собственности ихъ заключали, нежели древніе въ Россіи помѣщики, которыхъ государи испомѣщали и верстали помѣстнымъ окладомъ и доходомъ, какъ они у себя осѣдлости собственной земляной не имѣли, ибо въ Россіи помѣстье обозначало казенную землю и по смерти у служивыхъ отбиралось въ казну, а козакамъ земли и хутора по договорнымъ гетманскимъ грамотамъ оставлены и по смерти ихъ женамъ и наслѣдникамъ, да и никакихъ податей и полицейскихъ повинностей въ Малой Россіи выборные козаки не несли и никуда не употреблялись по ихъ службѣ, даже и постоевъ не имѣли, какъ нынѣ дворянскіе по деревнямъ домы отъ постою освобождены“ [1]).

Возгласы патріотическаго негодованія нисколько, однако, не вліяли на дѣйствія герольдіи уже потому, что не долетали до кіевскихъ береговъ. Положеніе дѣлъ было таково, что огромному большинству малороссійскаго дворянства грозило разжалованье въ разрядъ разночинцевъ, а при такихъ условіяхъ ограничиваться одними возгласами и ждать перемѣны вѣтра было невозможно. Приходилось, во что бы то ни стало, отстаивать свои дворянскія права, хлопотать, жаловаться, доказывать. Само собою понятно, что тѣ лица, которыя умѣли въ столь трудное время найти подходящіе аргументы противъ дѣйствій герольдіи, должны были получить громадное значеніе среди дворянства. Такое значеніе досталось на долю „патріотовъ“, людей по своему времени очень интеллигентныхъ, интересовавшихся и мѣстной исторіей, и мѣстнымъ правомъ. На нихъ съ надеждой устремляются взоры благороднаго сословія, у нихъ ищутъ защиты и спасенія. И патріоты не обманули общихъ ожиданій. Они

---

[1]) Книга о двор., 149—150.

обращаются къ памятникамъ малорусской старины, изучаютъ лѣтописи, Статутъ, конституціи и гетманскія статьи, роются въ казенныхъ и фамильныхъ архивахъ, не только мѣстныхъ, но и столичныхъ. Они разыскиваютъ документы, касающіеся служебнаго положенія и владѣльческихъ правъ малороссійскихъ старшинъ, классифицируютъ добытыя свѣдѣнія по отдѣламъ, сравниваютъ ихъ между собою и такимъ образомъ дѣлаютъ выводы касательно правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ тѣмъ или другимъ старшинскимъ чиномъ. Въ этомъ отношеніи патріоты, можно сказать, предвосхитили идею Погодина, и ихъ историческій методъ ничуть не хуже метода покойнаго московскаго профессора. Для вящшаго подкрѣпленія своихъ аргументовъ защитники малорусскаго дворянства не ограничиваются узкимъ кругомъ мѣстныхъ документовъ и историческихъ памятниковъ: они изучали все, что можно было въ то время достать по исторіи не только русскаго, но и иноплеменнаго дворянства [1]), разыскивали Высочайшіе и сенатскіе указы, распоряженія, касающіяся слободско-украинскихъ полковъ и чиновъ войска донскаго, императорскіе рескрипты, письма важныхъ сановниковъ, словомъ—все, что только могло имѣть хотя самое отдаленное отношеніе къ интересовавшему дворянство вопросу. Результатомъ этихъ изученій явились „записки" и „мнѣнія", имѣвшія цѣлью доказать неоспоримость дворянскихъ правъ малороссійскаго шляхетства. На почвѣ дворянскаго вопроса между патріотами завязывается дѣятельная переписка, для общей пользы" [2]); люди, живущіе въ разныхъ концахъ Малороссіи, вступаютъ другъ съ другомъ въ заочныя знакомства, обмѣниваются „мнѣніями", книгами, рукописями. Изъ среды дворянства выдвигаются личности Чепы, Чарныша, В. Полетики, Милорадовича, Калинскаго, Марковича,

---

[1]) До насъ дошелъ цѣлый рядъ сдѣланныхъ въ то время выписокъ изъ разныхъ авторовъ „о чинахъ турецкихъ", имѣвшихъ, вѣроятно, цѣлью доказать благородство тѣхъ претендентовъ на дворянское достоинство, кои выводили свои роды отъ турокъ и татаръ. Въ „Книгѣ о дворянахъ" эти выписки составляютъ цѣлую тетрадь.

[2]) Въ „книгѣ о дворянахъ" собраніе писемъ Калинскаго къ Милорадовичу носитъ заглавіе „Переписка между патріотами сего края для общей пользы".

какъ добрыхъ патріотовъ и ревностныхъ защитниковъ дворянскихъ интересовъ. Все это люди, воспитавшіе свой патріотизмъ на изученіи прошлой жизни Малороссіи, усердно собирающіе лѣтописи о Малой Россіи и всевозможные документы, относящіеся къ исторіи края. На свои занятія дворянскимъ вопросомъ они смотрятъ, какъ на подвигъ, предпринятый во славу отечества. Марковичъ пишетъ свою записку о малороссійскомъ дворянствѣ „отъ усердія къ своимъ соотчичамъ“[1]), Калинскій—отъ „безпристрастнаго къ отечеству поревнованія“[2]) Чепа—„по усердію и любви къ націи“. „Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества!—восклицаетъ В. Полетика въ письмѣ къ А. Чепѣ—собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нуждѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества“[3]).

Къ своему сословному дѣлу ревнители дворянскихъ интересовъ сумѣли привлечь симпатіи главныхъ представителей центральнаго правительства въ краѣ,—сперва Куракина, а потомъ Лобанова-Ростовскаго и Репнина. Куракина успѣлъ заинтетересовать дворянскимъ дѣломъ генеральный судья Р. И. Марковичъ. Сперва онъ „докладывалъ лично“ о дѣйствіяхъ герольдіи, а затѣмъ, по порученію генералъ-губернатора, представилъ ему уже цѣлую записку, посвященную защитѣ дворянскихъ интересовъ. Записку свою Марковичъ назвалъ „Замѣчаніями о правахъ малороссійскаго дворянства“. Въ основаніе своихъ „Замѣчаній“ Марковичъ положилъ „рѣшительные пункты“ 1728 года, мнѣніе иностранной коллегіи объ уравненіи чиновъ 1733 г. и табель малоросс. чиновъ, составленную при Разумовскомъ. Цѣль автора—доказать, что малоросс. козацкіе чины ни чуть не ниже табельныхъ, а потому и не могутъ быть отвергаемы въ качествѣ доказательствъ дворянства. По мнѣнію Марковича, сотникъ ни чуть не меньше офицера: онъ предсѣдательствовалъ въ сотенномъ судѣ, вѣдавшемъ гражданскія и уголовныя дѣла и при-

---

[1]) Кн. о дворян., л. 137.

[2]) Кн. о дворян., л. 236.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1893 г., № 1, стр. 56.

знанномъ самимъ государемъ за „судъ формальный“, къ тому сотникъ имѣлъ и военную полную въ сотнѣ своей команду?“. Какъ же занимать такой отвѣтственный постъ не офицеру? Войсковые товарищи „составляли сословіе и орденъ рыцарства“ и считались выше сотниковъ, какъ это видно изъ табели 1756 г. Что касается до генеральныхъ старшинъ и полковниковъ, то по „разрѣшительнымъ пунктамъ“ ихъ велѣно было выбирать изъ знатныхъ людей, а утверждать въ сихъ чинахъ предоставлено высочайшей особѣ. „Само слово „знатныхъ“ и образъ утвержденія довольно изъявляютъ не маловажное оныхъ чиновъ обозначеніе. Великая Екатерина при отставкѣ малороссійскихъ полковниковъ, Забѣлу и Миклашевскаго повышая чинами, на докладъ, что имъ предлежитъ еще линія въ армейскіе полковники, сказавъ: „полковникъ единожды уже здѣланъ полковникомъ“, соизволила пожаловать ихъ въ бригадиры. Что принадлежитъ до полковыхъ старшинъ, которые, вмѣстѣ съ полковникомъ присутствуя, составляли полковую канцелярію, управлявшую всѣми дѣлами, каковая нынѣ въ губернскомъ правленіи, и при томъ особенно полковой апелляціонный, а за открытіемъ въ 1763 году повѣтовыхъ судовъ—городской уголовный судъ, то оные дѣйствительно были малороссійскіе штабъ-офицеры, ибо имѣли команду не въ сотнѣ, но въ цѣломъ полку. Сихъ старшинъ, равно какъ и сотниковъ, государь велѣлъ за выборомъ утверждать гетману универсалами не на время, а на всегда и писать о ихъ достоинствѣ государю. Симъ образомъ произведенные чиновники могутъ ли быть ничего не значащими потому только, что не именованы ни капитанами, ни прапорщиками? Счетъ чиновниковъ въ классахъ, кажется, долженъ быть по качеству и по мѣрѣ власти, а оную малороссійскіе старшины не только имѣли въ войскѣ не менѣе регулярныхъ офицеровъ, но еще сугубо, потому что они вмѣстѣ были и военные, и гражданскіе судіи, при томъ не въ дикой какой либо землѣ, но въ Малой Россіи, имѣвшей нѣкогда честь вмѣщать въ себѣ даже столицу всего государства, да и по сіе время между областями имперіи удостаиваемой втораго мѣста, ибо въ титулѣ государевомъ послѣ Великой Россіи непосредственно слѣдуетъ Малая,

а потомъ Бѣлая Россіи“. Приведя мнѣніе иностранной коллегіи 1733 г., соглашавшейся уравнять малороссійскихъ старшинъ съ офицерами, Марковичъ удивляется, почему же теперь эти же самые старшины признаются не стоющими того. „Правда, оно (мнѣніе) не конфирмовано, но сему есть причина, что гетманъ не доволенъ былъ сравненіемъ нѣкоторыхъ чиновъ, а паче воображая великую свою власть въ правительствѣ и право раздачи маетностей, мнилъ себя быть выше второго класса и потому конфирмаціи не домогался, однако жъ важность подписавшихся на мнѣніи особъ-канцлера и протчихъ—не ужели не стоитъ уваженія?“. Для вящшей убѣдительности своихъ доводовъ Марковичъ указывалъ и на малороссійскую практику временъ Румянцева и послѣдующихъ. „За всѣмъ тѣмъ можно, кажется, уважить и то, что при открытіи въ Малой Россіи въ 1782 году намѣстничествъ выбраны подъ личнымъ надзоромъ графа Петра Александровича да и послѣ выбираемы были всегда чиновники малороссійскіе въ должности, служившимъ въ офицерахъ назначенныя,—императрица самоизволила принять то за благо“.

Записку свою Марковичъ заканчаваетъ риторическимъ возваніемъ къ особѣ генералъ-губернатора. „Сіятельнѣйшій князь! Между многочисленными благодѣяніями, отъ васъ Малороссіи оказанными и оказываемыми, видно судьба предоставила имени вашему въ семъ случаѣ здѣлать сей землѣ помощь, чтобы чины ея возстановить изъ уничиженія. Я совершенно знаю, что весьма многіе и не беззнатные помѣщики на чинахъ предковъ основываютъ свое дворянство, тѣмъ болѣе, что древніе о томъ документы хотя у кого и были, истреблены пожарами и революціями, за польское владѣніе бывшими. Я отъ избытка моего усердія къ своимъ соотчичамъ слишковъ уже распространился, но я знаю, предъ кѣмъ предстою и кому говорю. Говорю къ начальнику, отечески ко ввѣренному краю расположенному и безъ всякой скуки, съ удодольствіемъ, доброхотно, благосердо, что все полезно выслушивающему“...

Записка Марковича была своевременно доставлена по адресу, но „какое возъимѣла дѣйствіе—не извѣстно“, отмѣчаетъ современникъ. Мы можемъ сказать положительно, что дѣйствія она

не произвела никакого. Предвидѣніе Марковича оказалось вздоромъ: судьба не захотѣла предоставить имени князя Куракина возстановить малороссійскіе чины изъ уничиженія...

Само собою понятно, что изо всѣхъ доказательствъ о равенствѣ малороссійскихъ чиновъ съ табельными наибольшее значеніе въ глазахъ центральнаго правительства могло имѣть „мнѣніе" иностранной коллегіи 1733 г., какъ подписанное высшими сановниками государства. „Мнѣніе" это и самими патріотами почиталось краеугольнымъ камнемъ ихъ домогательствъ, на прочность коего возлагались великія надежды. Тѣмъ не менѣе этотъ важный документъ имѣлъ и свои нежелательныя стороны: въ „мнѣніи", наприм., не было упомянуто о войсковыхъ товарищахъ, сотенные старшины сравнены были съ унтеръ-офицерами, козаки—съ солдатами, и даже о самихъ сотникахъ не рѣшено опредѣленно, дать ли имъ рангъ подпоручика и прапорщика. Словомъ, если бы дворянство, ходатайствуя объ отмѣнѣ заключеній герольдіи, сослалось на мнѣніе 1733 года, а правительство дѣйствительно захотѣло руководствоваться этимъ мнѣніемъ при разборѣ правъ малороссійскаго дворянства, то многіе изъ малороссійскихъ чиновниковъ оказались бы совсѣмъ не чиновниками, а другіе получили бы ранги, не дающіе правъ на дворянство. А дворянами хотѣлось быть всѣмъ безъ исключенія лицамъ, занимавшимъ какой-нибудь старшинскій урядъ въ старой гетманщинѣ, равно какъ и ихъ потомкамъ. На основаніи мнѣнія 1733 года малороссійскіе чины „не могли ожидать соразмѣрнаго уравненія съ великороссійскими". Для нихъ гораздо желательнѣе была ссылка на табель 1756 года; она вѣдь тоже была подносима на высочайшую аппробацію и съ точки зрѣнія дворянства представляла не менѣе важности, нежели само мнѣніе иностранной коллегіи. Разъяснять значеніе этого документа взялъ на себя депутатъ черниговскаго дворянства Т. Калинскій. Въ 1805 г. онъ представилъ дворянскому собранію свое „мнѣніе о малороссійскихъ чинахъ и о ихъ преимуществѣ, а равно и о разборѣ ихъ доказательствъ о дворянствѣ по службѣ и чинамъ ихъ для внесенія въ родословную дворянскую книгу и въ какую именно оной части".

Съ точки зрѣнія Калинскаго, малороссійское дворянство обязано вступить въ открытую борьбу съ герольдіей: онъ предлагалъ просить центральное правительство объ изданіи особаго повелѣнія объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г., пока же не послѣдуетъ высочайшаго утвержденія о чинахъ малороссійскихъ, то по нимъ признанныхъ въ дворянскомъ достоинствѣ, безъ другихъ доказательствъ, въ родословную книгу вносить сумнительно".

Калинскій обнаруживаетъ широкую эрудицію въ трактуемомъ имъ вопросѣ. Онъ пользуется и гетманскими статьями, и конституціями, и Статутомъ, и разными сенатскими указами. Ему хорошо извѣстенъ и черниговскій архивъ бывшей малороссійской коллегіи, къ которому онъ и обращается въ случаяхъ потребныхъ. Онъ ссылается на „мнѣніе" министра юстиціи Державина и на печатные труды Болтина, Третьяковскаго, Миллера, на „Синопсисъ", на какое-то „Краткое чиноположеніе Римской и Россійской имперіи", на „Исторію польскаго правительства, напечатанную въ С.-Петербургѣ 1760 году" и т. д. Тѣмъ не менѣе своею эрудиціею Калинскій не всегда умѣлъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, и нерѣдко „залеталъ за хмары". Добрая половина его записки „посвящена критикѣ мнѣнія иностранной коллегіи 1733 г. и разъясненію значенія для дворянства табели Разумовскаго: по словамъ автора записки, малороссійскіе чиновники всегда были уравниваемы съ великорусскими лучше, чѣмъ въ мнѣніи 1733 г. Многіе, напр., полковники (Стародубовскій, Миклашевскій) еще въ изданіи табели о рангахъ имѣли чины стольниковъ, „который чинъ былъ по тогдашнему 4-го класса". Въ 1701 и 1702 г. г. малороссійскихъ полковниковъ, бывшихъ въ Лифляндіи, Петръ Великій велѣлъ „наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы, полковниковъ компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ—противъ подполковниковъ, сотниковъ—противъ капитановъ, прочую жъ старшину—соотвѣтственно тому. При учрежденіи малороссійской коллегіи въ 1764 году „генеральной старшинѣ даны великороссійскіе чины гораздо съ повышеніемъ и одобреніемъ малороссійскихъ чиновъ въ урав-

написано". При реформѣ козацкихъ полковъ Румянцевъ „переименовывалъ почти всѣхъ бунчуковыхъ товарищей и полковыхъ старшинъ въ штабъ, а войсковыхъ и значковыхъ товарищей и сотенныхъ старшинъ, мало чѣмъ не соотвѣтственно табели 1756 г., награждалъ оберъ-офицерскими чинами". такъ что безъ переименованія остались только куренные и сельскіе атаманы и городничіе, коихъ чины по табели 1756 года поставлены во II классѣ по генеральномъ обозномъ, а генеральный обозный имѣлъ при Румянцевѣ генералъ-маіорскій чинъ. Малороссійскіе полковники Забѣла и Миклашевскій выпущены въ отставку бригадирами, а при Петрѣ Великомъ Танскій и Жураховскій пожалованы въ полковники по высочайшимъ грамотамъ. Что касается нижнихъ чиновъ козацкой іерархіи, то и они уравнивались съ великорусскими безобиднѣе, чѣмъ въ мнѣніи 1733 года: возныхъ, напр., и сотенныхъ писарей Румянцевъ выпускалъ въ отставку полковыми писарями, многіе изъ нихъ переименованы секундъмаіорами и коллежскими ассесорами, а между тѣмъ въ „мнѣніи" 1733 года объ этихъ чинахъ не упомянуто ни словомъ. Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто и о войсковыхъ канцеляристахъ, а между тѣмъ по табели 1756 г. они считались выше сотниковъ; изъ предложенія президента генеральной канцеляріи А. Румянцева отъ 16 декабря 1738 года видно, что по коммиссіямъ они находились всегда въ равенствѣ съ капитанами, а въ Екатерининское и послѣдующее время сенатъ производилъ ихъ въ титулярные совѣтники, какъ напр.—Чернацкаго въ 1801 г.

Въ мнѣніи 1733 года не упомянуто не только значковыхъ, но и войсковыхъ товарищей, а между тѣмъ они ничуть не ниже оберъ-офицеровъ, ибо по именному повелѣнію 1733 года ихъ велѣно опредѣлять изъ дѣтей генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и заслуженныхъ людей; они присутствовали въ полковой канцеляріи, въ походахъ занимали мѣста сотниковъ, а по земству выбирались въ подсудки, которыхъ сенатъ производилъ въ коллежскіе ассесоры, какъ напр.—Грищенка. О сотенной старшинѣ Калинскій думалъ, что и она должна считаться въ офицерскомъ рангѣ: это тѣмъ болѣе, по его мнѣнію, справедливо, что даже относительно старшинъ Донского войска былъ указъ

(въ 1775 году на имя Оренбургскаго губернатора Френздорфа), чтобы съ ними поступать, какъ съ оберъ-офицерами. Вообще Калинскій очень высокаго мнѣнія о малороссійскихъ чинахъ и думаетъ, что всѣхъ дворянъ, доказывающихъ свое благородство малороссійскими чинами, слѣдуетъ вносить въ 6 часть дворянской книги, въ число тѣхъ древнихъ родовъ, благородное начало коихъ покрыто неизвѣстностью; демократическія вторая и третья части—не для малороссійскаго дворянства, а для тѣхъ parvenus, которые выслужились въ армейскихъ полкахъ или канцеляріяхъ. Калинскій возмущался до глубины души тѣмъ обстоятельствомъ, что въ мнѣніи 1733 года козакъ приравненъ къ рядовому солдату. „Козакъ имѣлъ въ семъ краю отъ россійскихъ государей, польскихъ королей и литовскихъ князей утвержденный чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій, въ коемъ онъ титуловался и признавался, а потому во всякихъ случахъ и въ выборахъ, даже и въ избраніи самихъ гетмановъ имѣлъ онъ голосъ и потому всякій заслуженный козакъ былъ въ выборахъ на какую либо старшину или какой урядъ, такожъ и къ полученію шляхетскаго имѣнія право имѣлъ, а кто въ Малой Россіи хотя бы изъ шляхетства былъ, но въ войскѣ запорожскомъ не служилъ, яко сего края въ сословіи дворянскомъ, то тотъ не имѣлъ сего преимущества и для того то въ компутѣ или спискѣ 1751 года, въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ нынѣ хранящемся, и знатнѣйшія фамиліи не изъ шляхетскаго достоинства, а изъ козачьяго званія написаны, яко то Борковскіе, Лизогубы и прочія симъ подобныя фамиліи, а по сему стало быть, что знатный козакъ, какъ въ грамотѣ дворянской, по 91 статьѣ написано, имѣлъ дѣйствительно верстанье по дворянской службѣ и при томъ была его благородная жизнь и отправленіе его службы было сходственное съ дворянскимъ названіемъ.. словомъ, владѣлъ и пользовался онъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ уже помѣщики пользуются". „Въ Малой Россіи есть и теперь много такихъ козаковъ, которые дѣйствительно изъ польскаго шляхетства, а въ Зборовскихъ пунктахъ заключено, чтобъ козаки не инако въ Польшѣ признавались, какъ и самое шляхетство, тѣ самые, которыхъ гетманъ въ компутѣ своего регимента будетъ имѣть,

а потому то и до поддачи Хмельницкаго, а за владѣніе польское бѣдные шляхтичи уже именовались землянами, для того что изъ одной земли служили, а людей за собой не имѣли, которые за гетмановъ малороссійскихъ стали уже называться козаками, и таковыхъ въ Польшѣ и Бѣлороссіи столь много есть, что даже цѣлыми селеніями или околицами живутъ, а особливо Овруцкій и Луцкій почти весь повѣтъ изъ нихъ состоитъ; однако какъ ни велико оныхъ тамо число, но только изъ нихъ рекрутчины и государственныхъ податей и общественныхъ повинностей никто не несетъ, хотя и чиновъ они не имѣютъ, а напротиву того малороссійскіе полковые и сотенные старшины обложены окладомъ и изъ онаго не изъемлются да и рекрутскія повинности несутъ и всѣ вообще подати плотятъ"... „Бѣдственное положеніе" козацкихъ старшинъ, попавшихъ въ окладъ, вызываетъ у Калинскаго рядъ восклицаній соболѣзнованія и укоризны.

Если козачество съ точки зрѣнія Калинскаго было „чиномъ рыцарскимъ и станомъ шляхетскимъ", то и козацкіе начальники, предводительствовавшіе этимъ малороссійскимъ рыцарствомъ, должны были имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ офицеры регулярныхъ полковъ. Сотниковъ Калинскій приравнивалъ къ великорусскимъ воеводамъ, а сотенную старшину—къ воеводскимъ товарищамъ. Гетманъ—не только генералъ-фельдмаршалъ, но „какъ бы какой владѣтельный принцъ, и имя гетмановъ какъ существуетъ, то болѣе тысячи лѣтъ будетъ: гетманы Дулебъ и Вятко на свои имена цѣлыя области имѣли и къ коронѣ ближае другихъ были"; что гетманскій санъ очень высокъ,—доказывается уже тѣмъ, что Потемкинъ послѣ всѣхъ чиновъ и отличій былъ пожалованъ въ великіе гетманы. Генеральный бунчучный, по мнѣнію Калинскаго, „тоже значилъ, что въ Россіи передовой воевода, т. е. генералъ-порутчицкаго чина". Войсковые канцеляристы—это тоже, что въ Россіи авдиторы или и того больше—военные секретари. Генеральная старшина—это тѣже русскіе вотчинники и думные бояре, а войсковые товарищи—дѣти боярскіе [1]).

---

[1]) Книга о дворянахъ, лл. 140—158.

Рѣзкимъ диссонансомъ этому патріотическому самообольщенію звучитъ желчная рѣчь анонимнаго автора „Замѣчаній, до Малой Россіи принадлежащихъ“. Патріотизма тутъ нѣтъ и слѣда, да и сама записка писалась не для дворянства, а для властей предержащихъ, а потому и выводы изъ историческихъ справокъ получились другіе. Вопреки патріотамъ, считавшимъ даже рядовыхъ козаковъ за „чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій“, авторъ „Замѣчаній“ доказывалъ, что дворянства, какъ сословія, надѣленнаго особыми, ему одному свойственными, правами и преимуществами, въ гетманской Малороссіи совсѣмъ не было: истинное начало малороссійскаго дворянства—только въ пожалованіи русскихъ государей. Послѣ революціи 1648 г. въ гетманщинѣ остались только самые бѣдные дворяне, но и тѣ поступили въ козаки, а козаки были тѣже мужики.

Учрежденные Хмельницкимъ козачьи начальники „были сначала неграмотные и по подлой природѣ своей—безъ всякаго воспитанія. Отъ времени до времени стали они своихъ дѣтей воспитывать и многіе получа отъ щедротъ россійскихъ государей деревни, а другіе проворствомъ, начальствомъ и хозяйствомъ сами ихъ наживши, здѣлались уже господами такими, какими изгнанные ими ихъ польскіе владѣльцы до того были. Въ позднѣйшія времена россійскіе государи отличали гетмановъ орденами и тѣмъ самымъ сравнивали ихъ съ знатными великороссійскими особами, а полковниковъ и генеральныхъ старшинъ сами стали въ сіи чины жаловать, нѣкоторымъ же и россійское дворянство пожаловали. Вотъ начало малороссійскаго настоящаго дворянства“. Само русское правительство до Екатерины II не считало малороссійскихъ старшинъ за дворянъ: оно не хотѣло сравнять козацкіе чины съ табельными и даже при Елисаветѣ запретило принимать малороссіянъ въ кадетскій корпусъ, поелику де въ Малой Россіи дворянъ нѣтъ. „Россійское правительство знало, что и сами гетманы не что иное были, какъ выбранные самими козаками изъ себя козацкіе начальники, происхожденія большею частію подлаго, и что выдуманные ими самими чины не могли того имѣть сравненія и той степени, какую вездѣ въ Европѣ у коронованныхъ владѣтелей они

имѣютъ. Во всѣхъ посылаемыхъ къ гетманамъ отъ россійскихъ государей грамотахъ одно войско Запорожское и ихъ старшины или вообще малороссійскій народъ духовнаго и мірскаго званія упоминался, а о малороссійскомъ шляхетствѣ или дворянствѣ ничего не говорено. Въ такомъ презрительномъ положеніи малороссійскіе чиновники до царствованія Екатерины Великой пребывали. Сія премудрая и человѣколюбивая самодержица осчастливила ихъ дворянскимъ достоинствомъ".

Развѣнчивая малороссійское шляхетство, авторъ „Замѣчаній" подвергалъ безпощадному осужденію и дѣйствія дворянскихъ депутатовъ, обвиняя ихъ въ продажности и злоупотребленіяхъ, результатомъ коихъ явилось непомѣрное перепроизводство дворянскаго сословія. „Всякъ удивится, когда услышитъ, что въ Малой Россіи 100 тысячъ дворянъ нынѣ щитается, которыхъ по изгнаніи изъ нея поляковъ во время Хмельницкаго и сотой доли не было и быть не могло: во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ 164 сотни, положа на каждую сотню по 30 такихъ чиновниковъ, которые нынѣ въ оберъ и штабъ-офицерскихъ чинахъ почитаются, яко то: сотниковъ, войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей, полковыхъ писарей, асауловъ, хорунжихъ, обозныхъ полковниковъ, генеральныхъ старшинъ, то выходитъ около 5 тысячъ, какого числа до 1780 г. не было, а хотя и было, то не всѣ изъ природныхъ малороссіянъ, но многіе изъ жидовъ, волохъ, молдаванъ, поляковъ, татаръ, турокъ, грековъ и цыганъ произошли. Умножа сіе число и въ двое, то только десятая часть противъ теперешняго количества дворянъ выйдетъ, но при законномъ и вѣрномъ переборѣ не уповательно, чтобы и сіе число настоящихъ дворянъ набралось". Для водворенія порядка въ разборѣ малороссійскаго дворянства авторъ „Замѣчаній" требовалъ призванія великороссійскихъ чиновниковъ. „Двадцать уже одинъ годъ проходитъ, какъ разборъ дворянскимъ родамъ продолжается, но и по сіе время оный не конченъ, и по сіе время родословныхъ книгъ нѣтъ. Естьли онъ тѣмъ же порядкомъ и такими же людьми будетъ производимъ, какими нынѣ производится, то онъ и никогда не получитъ конца, и Правительствующій Сенатъ, требующій того, чтобы у неимѣ-

ющихъ права владѣть людьми оныхъ отобрать, никогда онаго не дождется. Малороссіяне къ такимъ важнымъ должностямъ и къ прилежному исправленію порученной на нихъ должности еще не созрѣли. Они, по прежней козацкой службѣ, привыкли служить въ своихъ домахъ и заниматься своимъ хозяйствомъ. Отъ сего то происходитъ, что многіе маршалы отказываются жить въ губернскомъ городѣ, а депутаты никогда въ полномъ числѣ въ собраніи не бываютъ и пріѣхавшіе отлучаются по своей волѣ. Для прекращенія таковаго неустройства и для окончанія сего важнаго и для самихъ ихъ полезнаго дѣла нужно сдѣлать изъятіе и на время учредить, на коштъ бывшихъ нерадивыхъ губернскихъ предводителей и депутатовъ, одну особую для разбора цѣлой Малой Россіи коммиссію, въ которой, подъ наблюденіемъ генералъ-губернатора, предсѣдать особо отъ короны опредѣленной особѣ и засѣдать нѣсколькимъ изъ великороссіянъ почетнымъ людямъ, отъ Сената опредѣленнымъ, а при нихъ губернскому предводителю и депутатамъ прежде одной губерніи, изъ такихъ людей выбраннымъ, которыхъ дворянское достоинство природою или знатными чинами сумнѣнію не подвержено. Не меньше нуженъ тутъ секретарь и канцелярскіе служители изъ великороссіянъ же, которые канцелярскій порядокъ знаютъ и къ которому малороссіяне и по сю пору не привыкли. Сія Коммиссія должна о поданныхъ польскихъ свидѣтельствахъ изъ всѣхъ польскихъ губерній требовать отъ самыхъ тамошнихъ губернаторовъ точныхъ увѣреній, по коимъ откроется, что большая часть ихъ подложны. Всякое окончательное о фамиліи опредѣленіе посылать для утвержденія въ Сенатъ, чѣмъ скорѣе конецъ быть можетъ. Въ случаѣ недостаточныхъ доказательствъ нужно отъ дворянина потребовать дополненія, но когда уже онъ письменно отъ онаго откажется, то рѣшить дѣло такъ, чтобы оно ему было, до утвержденія Сената, закрыто, дабы всякому беззаконію пресѣчь путь". Сверхъ правилъ, означенныхъ въ дворянской грамотѣ, авторъ „Замѣчаній" предлагалъ еще особыя правила спеціально для разбора малороссійскаго дворянства. По его мнѣнію, всѣ малороссійскіе чины, отъ гетмана до сотника, могутъ служить доказательствами

дворянскаго достоинства, но только въ томъ случаѣ, если они получены на дѣйствительной службѣ, а не внѣ службы, какъ это не рѣдко случалось, особенно въ Румянцевское время. Затѣмъ, конечно, дворянами должны быть признаны и всѣ тѣ малороссійскіе старшины, которые получили табельные чины, если только они несли дѣйствительную службу. „Всѣ бунчуковые и войсковые товарищи, сотники и полковые старшины, которые не отъ вышепоименованныхъ чиновниковъ произошли, а неслужа изъ купцовъ, мѣщанъ, козаковъ и разныхъ ремесленниковъ въ сіи чины поступили, сами и ихъ дѣти, не выслужившіе дворянскихъ чиновъ, не могутъ быть настоящими дворянами, а должны въ числѣ разночинцевъ остаться“. „Всѣ не изъ дворянъ, имѣющіе чины коллежскихъ регистраторовъ, секретарей такихъ, которые не служили секретарями, и титулярныхъ совѣтниковъ, должны быть личными дворянами и не пользоваться дворянскимъ правомъ и выгодами“. „Всѣ попы, протопопы, діаконы и всѣ духовные, какъ бѣлаго духовенства, такъ и монахи, хотя бы они изъ дворянъ происходили, не могутъ считаться дворянами, а должны быть довольны своимъ званіемъ, ибо быть попомъ и дворяниномъ не вмѣстно и нигдѣ въ Статутѣ попамъ дворянское званіе не дозволено, а напротивъ того, есть запретительные указы, чтобы попамъ отнюдь не имѣть земель и людей. Всѣ малороссійскіе попы, называющіе себя дворянами, есть бѣглецы изъ козаковъ или чиновниковъ: они, убѣгая службы, тайно постригались въ попы“...[1]).

---

[1]) Чт. Общ. исторіи и древн., 1848, кн. I, отд. II, стр. 11—24. Приведенная выдержка изъ „Замѣчаній“ заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться. Лица, занимавшіяся судьбой малорусскаго дворянства, ссылаясь на указаніе автора „Замѣчаній“, винятъ малороссійскихъ депутатовъ за то, что они пустили въ дворянство цѣлыхъ 100 тысячъ, какъ и за то, что они умышленно тянули составленіе родословныхъ книгъ. Что касается перваго обвиненія, то оно возникло вслѣдствіе умышленной, на нашъ взглядъ, подтасовки фактовъ, допущенной авторомъ „Замѣчаній“, очевидно, съ цѣлью „сгустить краски“ для произведенія вящшаго эффекта. Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти 100 тысячъ дѣйствительно были признанными дворянами, внесенными въ родословныя книги. Въ составъ этой цифры входила цѣлая масса такъ называемыхъ личныхъ дворянъ: коллежскихъ регистраторовъ, губернскихъ секретарей etc., „Въ то время—разсказываетъ авторъ „Воспоминаній изданныхъ не для публики“—многіе зажиточныя козаки и другіе податныхъ со-

Какъ ни строго относился авторъ „Замѣчаній“ къ дворянскому вопросу, но и онъ не рѣшался отрицать дворянскія права козацкихъ старшинъ, требуя только, чтобы полученные ими чины были пріобрѣтены на дѣйствительной службѣ; его проектъ перебора дворянства былъ опасенъ преимущественно только для тѣхъ, которые выводили свои фамиліи отъ польскаго и вообще иноземнаго шляхетства. Герольдія поступала какъ разъ на оборотъ: безпрепятственно принимая королевскіе дипломы и польскія свидѣтельства, иногда, можетъ быть, и очень сомнительнаго происхожденія, она отвергала доказательства, основанныя на чинахъ малороссійской службы только потому, что эти чины не показаны ни въ табели о рангахъ, ни въ дворянской грамотѣ. Малороссійскому дворянству оставалось только

словій лица какъ бы за правило приняли: выучивъ сына мужичка въ дьячковской школѣ читать и писать, пристроивать его въ судъ для полученія безъ службы чина коллежскаго регистратора, а иногда губернскаго секретаря и выше. Вышедшіе таким образомъ въ чины, равно какъ и потомство ихъ, уже на всегда освобождались отъ податныхъ, рекрутскихъ и другихъ повинностей, женились на дочеряхъ дворянскихъ и священническихъ съ болѣе или менѣе значительнымъ приданымъ и послѣ жили припѣваючи между своими селянами на правѣ дворянъ („Кіев. Стар.“ 1895, № 5, стр. 232). Какъ много фабриковалось каждогодно такихъ дворянъ,— видно уже изъ того, что въ малороссійскихъ повѣтовыхъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ состояло по 30—60 канцелярскихъ служителей, попадавшихъ современемъ въ регистраторы и секретари. Всѣ эти лица назывались дворянами, потому что таковыми считалъ ихъ самъ законъ, и депутатскія собранія были тутъ ровно не при чемъ. Въ томъ, что личные дворяне пользовались въ Малороссіи тѣми же правами, какъ и потомственные, депутаты, конечно, не виноваты, ибо слѣдить за тѣмъ, кто имѣетъ, а кто не имѣетъ права владѣть крѣпостными, было не ихъ дѣло. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что въ то время Малороссія все еще управлялась „слабымъ и конфузнымъ“ Статутомъ, который не зналъ раздѣленія шляхетства на потомственное и личное. Порядки, установленные при Павлѣ и существовавшіе въ то время, когда писались „Замѣчанія“, были почти тѣ самые порядки, которые существовали въ краѣ до 1782 г., а при нихъ, какъ извѣстно, права чиновниковъ нисколько не разнились отъ правъ родоваго шляхетства. Что касается медленности въ составленіи родословныхъ книгъ, то и въ этомъ депутатовъ трудно винить безусловно. Родословныя книги первоначально составлены были въ малороссійскихъ губерніяхъ около 1790 г., а затѣмъ ихъ пришлось передѣлывать въ силу сенатскаго указа 18 декабря 1791 г. Затѣмъ приходилось передѣлывать ихъ въ виду неоднократныхъ измѣненій территорій губерній, на которыя была раздѣлена бывшая гетманщина. Такъ, въ 1791 г. Зеньковскій и Гадячскій уѣзды отошли отъ Черниговской губерніи къ Кіевской, а вмѣсто этого присоединенъ отъ Новгородъ - Сѣверской губерніи уѣздъ

внять совѣту Калинскаго и обратиться къ центральному правительству съ формальной жалобой на униженіе національныхъ чиновъ. Такъ оно и сдѣлало.

Въ январѣ 1806 г. дворянство съѣхалось на выборы въ Черниговъ. Здѣсь то и поднятъ былъ вопросъ о дѣйствіяхъ герольдіи. Былъ прочитанъ цѣлый рядъ указовъ, изъ коихъ явствовало, что съ точки зрѣнія герольдіи чины прежней малороссійской службы—вовсе не чины, а только козачьи званія. Прочитаны, конечно, и записки патріотовъ, и въ концѣ концовъ постановлено поручить губернскому предводителю ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ генералъ-губернатора объ отмѣнѣ заключеній герольдіи.

Конотопскій. Въ 1795 г. Гадячскій уѣздъ съ Зеньковскимъ снова возвращены къ Черниговской губерніи. Указомъ императора Павла изъ трехъ малороссійскихъ губерній составлена одна съ присоединеніемъ отъ Екатеринославской губ. бывшаго Полтавскаго полка и гор. Кременчуга, который нѣкогда принадлежалъ Миргородскому полку. По мѣрѣ этихъ измѣненій, дѣла о тѣхъ или другихъ дворянскихъ родахъ отсылались въ тѣ депутатскія собранія, вѣдомству коихъ принадлежали дворяне присоединенныхъ уѣздовъ. Въ 1800 г. (25 августа) велѣно было передѣлать родословныя книги по новой формѣ; затѣмъ послѣдовало новое раздѣленіе Малороссіи на двѣ губерніи и т. д. Въ чемъ дѣйствительно можно корить депутатовъ,—такъ это въ легкомысленномъ отношеніи къ формальной сторонѣ дѣла. Когда въ 1797 г. герольдія потребовала отъ дворянскихъ собраній присылки родословныхъ книгъ, предводитель бывшаго Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничества заявилъ, между прочимъ, что „оныя книги предмѣстниками его не подписаны и не по правиламъ высочайшей грамоты составлены“. Въ Кіевскомъ намѣстничествѣ не доставало „алфавитныхъ списковъ“ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, съ присылкою коихъ медлили уѣздные предводители. Въ Черниговскомъ намѣстничествѣ „хотя оная родословная книга по формѣ, предписанной въ высочайшей грамотѣ, дворянству пожалованной, сочинена, но за неприсылкою отъ уѣздныхъ предводителей дворянскихъ списковъ многихъ дворянскихъ родовъ пропущено запискою, гдѣ жительствуютъ и о прочемъ, касательномъ до формы списковъ; по учиненнымъ протоколамъ нѣкоторые роды остались въ книгу не внесены, а другіе ненадлежаще и вдвойнѣ показаны, и оная книга подписана только губернскимъ предводителемъ и пятью депутатами, по каковымъ обстоятельствамъ, требующимъ дополненій или вновь сочиненія родословной книги нынѣшнее собраніе той сочиненной книги приступить къ отправленію въ герольдію не смѣетъ“. (Арх. Малороссійской Коллегіи, № 1734). Къ изложенному не мѣшаетъ прибавить, что и въ остальныхъ губерніяхъ родословныя книги составлялись не быстро: въ ноябрѣ 1790 г. въ герольдію были доставлены копіи родословныхъ книгъ только отъ „Рѣжскаго“ и Курскаго намѣстничествъ (Собраніе рѣдкостей, стр. 277—278).

Дворянское ходатайство немногимъ разнится отъ „замѣчаній“ Марковича, въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно повторяетъ ихъ отъ слова до слова. Подобно Марковичу, авторъ дворянскаго ходатайства, черниговскій маршалъ ссылается на „рѣшительные пункты“ и на указъ 1764 г., коимъ присутствующіе въ генеральной концеляріи старшины сравнены въ классахъ съ великорусскими ея членами. Какъ и Марковичъ, онъ указываетъ на производство полковниковъ Забѣлы и Миклашевскаго въ бригадиры, а относительно полковой старшины и сотниковъ почти буквально повторяетъ слова Марковича. Для доказательства дворянскихъ правъ подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ, писарей, коморниковъ и возныхъ, Черниговскій маршалъ ссылался на статутъ, согласно коему, „подкоморые, судьи, подсудки и писари земскіе поставлены въ такомъ достоинствѣ, что на чины ихъ узаконено давать патенты самому Государю, да и при возстановленіи въ Малороссіи правленія и судоустройства сообразно тому, какъ оныя въ семъ краѣ сходственно правамъ и прежнимъ обрядамъ существовали, именнымъ высочайшимъ указомъ 1796 г. ноября 30-го судьи генеральные поставлены въ 4-омъ, судьи земскіи въ 7-омъ, подсудки въ 8-мъ, подкоморьи въ 6-мъ классѣ, прочіе жъ чиновники по штату, высочайше конфирмованному, положены; какъ то: земскіе писари въ 10-омъ коморники въ 12-омъ, а возные въ 14-омъ классѣ, при всемъ томъ хотя они повиду кажутся и статскими, но въ Малой Россіи не было раздѣленія между военными и статскими чинами, а всѣ они были военные и во время войны по арт. 7 розд. 2-го всѣ безъ всякаго изъятія обязаны становиться лично подъ знамена подъ потеряніемъ имѣнія, для какого бытія въ войскѣ судей и писарей дѣйствіе судовъ по артикулу 46 пункту 3 розд. 4-го оставлялось до окончанія войны.“ Черниговскій маршалъ не рѣшился умолчать о мнѣніи иностранной коллегіи 1733 г., какъ это совѣтовалъ сдѣлать Калинскій, но за то успѣлъ воспользоваться его указаніями о достоинствахъ табели 1756 г. Удачно воспользовался онъ и указомъ 23 іюля 1783 г. „Въ высоч. 1783 г. іюля 23 дня указѣ, военной коллегіи при реформѣ малороссійскихъ полковъ данномъ, находящихся въ ма-

лороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ-офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы уволить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ... Изъ сего высоч. указа ясно видѣть можно, что чины малороссійскіе почитаемы быть должны какъ дѣйствительно офицерскіе, ибо когда повелѣвается ихъ *опредѣлять* и *переименовывать*, а не *производить* въ штабъ и оберъ-офицеры, смотря по степенямъ, то явственно утверждаются имъ ранги, поелику извѣстно, что по порядку службы никто безъ степени изъ ничего, особливо еще въ штабъ офицеры, не переименовывается"..

Послѣднимъ аргументомъ въ боевомъ арсеналѣ Черниговскаго маршала является ссылка на владѣльческія права малороссійскихъ старшинъ. „Гетманъ Хмельницкій при поддачѣ Малой Россіи, а по немъ и всѣ другіе гетманы всегда просили государей утвержденія своему краю права литовскаго статута, который всѣми государями и утвержденъ. Въ семъ самомъ статутѣ въ разд. 3 арт. 26 строго запрещено простолюдинамъ владѣть деревнями, а гетманы всегда чиновникамъ малороссійскимъ оныя давали, изъ коихъ весьма многимъ таковы гетманскія надачи, и государственными грамотами подтверждены, почему и доказательно, что чиновники малороссійскіе дѣйствительно признаваемы были за шляхту, инакожъ бы гетманы, вопреки непрошенному самими ими праву, и раздавать деревень неимѣющимъ право оными владѣть не могли. Въ сенатскомъ архивѣ всѣ акты находятся о раздачѣ деревень симъ самымъ чинамъ, которыхъ нынѣ герольдія не признаетъ дворянства и которыхъ, однако жъ, многихъ потомки и теперь владѣютъ оными; сверхъ того, и по государственному положенію гетманы, генеральные старшины, полковники, полковая старшина и сотники вмѣсто жалованья имѣли всегда раньше свои деревни съ крестьянами, владѣніе жъ деревнями по высоч. о дворянствѣ грамотѣ есть полное доказательство дворянства". О томъ, какъ на дѣлѣ исполнялось въ гетманщинѣ статутовое запрещеніе раздачи маетностей

людямъ не шляхетскаго происхожденія Черниговскій маршалъ, конечно, не говоритъ ни слова [1]).

Черниговское ходатайство, какъ видно изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, было отправлено къ кн. Куракину 3 марта 1806 г. По видимому, оно было не послѣднимъ. По словамъ А. Марковича, Черниговскому дворянству неоднократно приходилось утруждать правительство просьбами объ отмѣнѣ заключеній герольдіи; изъ одного частнаго письма отъ того времени мы знаемъ, что для составленія ходатайства по этому вопросу въ Черниговѣ была выбрана дворянствомъ особая коммиссія, которая тоже составила какую-то записку касательно малороссійскихъ чиновъ [2]); а изъ письма генералъ-губернатора кн. Лобанова-Ростовскаго къ Черниговскому маршалу Стороженку видно, что и въ 1808 г. Куракину подавалось какое-то прошеніе Черниговскаго дворянства объ уравненіи всероссійскихъ чиновъ съ табельными [3]). Какъ бы то ни было, Черниговскому ходатайству еще не скоро былъ данъ ходъ: въ Петербургъ оно попало вмѣстѣ съ другими представленіями, касающимися малороссійскихъ дѣлъ, только въ 1809 г., какъ это явствуетъ изъ журнала комитета министровъ за этотъ годъ.

А пока Черниговское ходатайство лежало въ генералъ-губернаторской канцеляріи, вопросъ, какъ быть съ герольдіей, былъ поднятъ и въ другой малороссійской губерніи—Полтавской. Толки о необходимости что-нибудь предпринять для выхода изъ тяжелаго положенія начались здѣсь еще въ маршальство Кочубея; при Милорадовичѣ дѣло сильно подвинулось впередъ, а при Чарнышѣ (1809—1812 г.) было наконецъ составлено и подано начальству ходатайство объ отмѣнѣ заключеній герольдіи. Главными дѣйствующими лицами выступаютъ здѣсь: Роменскій маршалъ В. Полетика, извѣстный знатокъ старой Малороссіи А. Чепа, знакомый уже намъ Т. Калинскій и полтавскіе маршалы Милорадовичъ и Чарнышъ. Вопросъ о правахъ малороссійскихъ чиновъ вызываетъ среди полтавскихъ дворянъ нѣ-

---

1) Книга о дворянахъ, лл. 199—208.

2) Ibid Л. 236.

3) Книга о дворянахъ, л. 306.

сколько записокъ. Конечно, полтавцы могли и не трудиться, а просто переписать черниговское ходатайство и подать, куда слѣдуетъ. Не сдѣлали они такъ потому, что ни представленіе Черниговскаго маршала, ни записка Черниговской коммиссіи не казались имъ достаточно сильными: по мнѣнію полтавскихъ юристовъ, черниговская коммисія въ запискѣ своей пропустила „самые главные пункты и фундаментальное оныхъ основаніе, а особливо привилегіи, грамоты, гетманскія статьи и приличные указы", а Черниговское собраніе „самое первоначальное основаніе обойшло и проходженія службы малороссійскихъ чиновъ не объяснило, что весьма для многихъ есть и будетъ обидно, а особенно для войсковыхъ канцеляристовъ и значковыхъ товарищей". Были такіе пропуски „главныхъ пунктовъ", которые были замѣчены даже „самимъ княземъ" (Куракинымъ), не смотря на то, что онъ въ Малороссіи былъ человѣкъ чужой. Кромѣ того, были погрѣшности и въ самой редакціи: такъ напр., черниговцы написали, что малороссійскіе чиновники всегда почитались за шляхту; по мнѣнію полтавцевъ это неловкое выраженіе могло дать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, ибо за шляхту почитались въ Малороссіи даже простые козаки, а чиновники непремѣнно были шляхтичами. Для того, чтобы не пропустить какихъ либо „фундаментальныхъ основаній", полтавскому маршалу Милорадовичу нужно было принять въ соображеніе всѣ мнѣнія свѣдущихъ по сему предмету лицъ, были ли они полтавскими дворянами, или иногубернскими. Милорадовичъ искалъ такихъ свѣдущихъ людей вездѣ. Знакомъ онъ былъ и съ генеральнымъ судьей Р. И. Марковичемъ, тѣмъ самымъ, который писалъ для Куракина записку о малороссійскихъ чинахъ. Черезъ Марковича Милорадовичъ познакомился и съ другимъ черниговскимъ дѣятелемъ, Т. Калинскимъ, котораго Марковичъ рекомендовалъ какъ полезнаго человѣка. „Дабы оправдать рекомендацію Романа Ивановича", Калинскій усердно занялся собираніемъ для Милородовича свѣдѣній о малороссійскихъ чинахъ. Кромѣ сырого матеріала, Калинскій доставилъ Милорадовичу и собственное свое сочиненіе по этому вопросу, такъ наз. „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ". Къ

этому же времени относится и любопытная, „переписка между патріотами сего края для общей пользы"—это письма Калинскаго къ Милорадовичу все по тому же вопросу о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское достоинство.

Обстоятельства заставили Калинскаго, какъ онъ самъ выражался, „пророческимъ и апостольскимъ духомъ говорить правду", вслѣдствіе чего онъ очень опасался, дабы въ его „примѣчаніяхъ" не было усмотрѣно нѣкое вольнодумство. „Милостивому государю имѣю честь донести, что какъ я въ оныхъ (примѣчаніяхъ), можетъ быть, и слишкомъ откровенно писалъ и особливо въ надеждѣ къ нашему краю вашего патріотизма, оныя мои тетради не всякому давать читать, а паче списывать и по сочиненіи вашего представленія мнѣ сіи тетради мои возвратить". Опасенія Калинскаго, однако, преувеличены, ибо онъ прекрасно умѣлъ говорить „пророческимъ и апостольскимъ духомъ", но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ, „какъ требуетъ того нынѣшняя политика". Оно и не удивительно: Калинскій былъ человѣкъ 18-го вѣка, а въ это время умѣли „истину царямъ съ улыбкой говорить". Свои „примѣчанія о малороссійскомъ дворянствѣ" Калинскій начинаетъ съ „фундаментальныхъ основаній"—съ королевскихъ привилегій и гетманскихъ статей, пропущенныхъ въ черниговскомъ ходатайствѣ. „Король польскій Сигизмундъ-Августъ 1563 года іюня 7 и 1569 года іюня 5 числъ двѣ привилегіи для русской кіевской земли издалъ и оными сей край пожаловалъ, которыя и въ вновь сочиненный законъ сего края и литовскаго княженія, книгу наз. Статутъ, внести на вѣчныя и потомственныя времена повелѣлъ, и въ оныхъ привилегіяхъ сказалъ, во первыхъ, что всѣ вообще и порознь обыватели отъ послушанія и владѣнія великаго княжества Литовскаго изъемлются и освобождаются, а присоединяются и присовокупляются къ Польскому королевству, яко равные къ равнымъ и свободные къ свободнымъ и какъ собственные и истинные члены къ первому ея тѣлу и главѣ, а потому и имѣютъ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ и обычаяхъ, которые у нихъ изъ вѣковъ бывали, безъ всякой отмѣны и ни въ чемъ ненарушимо и владѣть вообще и всякому своимъ собственнымъ и наслѣдственнымъ

добромъ и по своей волѣ онымъ располагать и оборачивать и какъ чину рыцарскому, такъ и шляхетскому изъ между себя избирать въ воинскіе, гражданскіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою, наз. Статутъ, которую король польскій Владиславъ изданною отъ него на Варшавскомъ главномъ сеймѣ 1635 года конституціею и 28 оной статьею узаконилъ употреблять Черниговскому, Кіевскому, Волынскому и Бряславскому воеводству, по которымъ привилегіямъ и Статуту русской земли какъ рыцарство военнаго служенія, такъ и шляхетство судились, равно и выборы изъ между себя производили въ полной ихъ волѣ и власти, безъ всякаго препятствія". Въ 1649 г. при договорѣ Богдана Хмельницкаго съ польскимъ королемъ подъ Зборовымъ „позволено было какъ рыцарству польскому, такъ и малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска Запорожскаго на равнѣ считаться съ шляхетствомъ, которые потому и равнялись съ шляхетствомъ, примѣрно сказать, какъ въ Россіи штабъ и оберъ-офицеры военнаго дворянства равняются съ дѣйствительнымъ и древнимъ дворянствомъ и онаго правомъ и преимуществомъ пользуются".

Указавъ затѣмъ на грамоты, данныя царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ шляхетству и козакамъ „яко рыцарству", подтверждающія всѣ тѣ права, коими они пользовались за польское владѣніе, авторъ „примѣчаній" увѣряетъ, что „преемники Богдана Хмельницкаго содержали оныя права ненарушимо, такъ что никакой отмѣны онымъ не было, а потому то гетманъ И. Брюховецкій въ 8 статьѣ договорныхъ его пунктовъ называетъ козаковъ честными рыцарями, паче же ихъ чиновниковъ какъ иначе почесть можно и теперь, когда въ самой Польшѣ чинъ рыцарскій и станъ шляхетскій за одно считался?". Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Калинскій ссылался на гетманскія статьи и царскія грамоты. Такъ, въ статьяхъ Многогрѣшнаго по 8 пункту сказано: „какъ напередъ сего заслуженные пожалованы были честью шляхетскою или дворянскою, то чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали". Въ статьяхъ Мазепы постановлено, чтобы никто изъ великороссійскихъ не превозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ чиновъ гетманскаго

регименту не унижалъ и не укорялъ: яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властью пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи. Въ статьяхъ Самойловича написано, что малороссійскіе посланцы войска Запорожскаго при разграниченіи съ Польшею должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ за польское владѣніе бывали и равно съ ними сидѣли, а никогда не стояли. Подтвердительныя грамоты всѣхъ русскихъ государей до Александра I, по мнѣнію Калинскаго, служатъ лучшимъ доказательствомъ, что всѣ тѣ права, коими пользовались малороссійскіе чиновники, и до сихъ поръ пребываютъ безъ отмѣны.

Таковы „фундаментальныя основанія" дворянскихъ правъ козацкой старшины, впервые выставленныя Калинскимъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи его „примѣчанія" часто повторяютъ то, что было высказано раньше его въ запискахъ черниговскихъ дворянъ, но кое гдѣ и разнятся.

Такъ, изъ рѣшительныхъ пунктовъ Калинскій дѣлаетъ тотъ же выводъ, что и черниговскій маршалъ, но при этомъ съ особеннымъ удареніемъ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что „знатнымъ" козакамъ сами государи жаловали хутора съ людьми, а изъ таковыхъ именно знатныхъ козаковъ только и могли выбираться малороссійскіе чиновники. Всѣ они, не исключая даже сотенныхъ старшинъ и атамановъ, были не только военачальники, но и градоначальники, а потому какъ же иначе можно почитать ихъ, какъ не дворянами, если по словамъ самой дворянской грамоты, дворяне суть „начальствовавшіе въ древности мужи?" Переходя къ обсужденію дѣйствій герольдіи, авторъ „примѣчаній" указываетъ на ихъ непослѣдовательность: прежде она признавала по однимъ малороссійскимъ чинамъ дворянами даже людей, выслужившихся изъ простыхъ козаковъ, а теперь не признаетъ и такихъ, коихъ предки занимали важныя должности, а потомки и по днесь владѣютъ жалованными имѣніями. По мнѣнію Калинскго, вся бѣда происходитъ отъ того, что герольдія лѣнится хорошенько вникнуть въ дѣло, познакомиться со всѣми привилегіями, грамотами и гетманскими пунктами, хранящимися въ военной коллегіи. Если стать на точку зрѣнія

петербургскаго начальства, то придется всѣхъ малороссійскихъ чиновниковъ признать недѣйствительно военнослужащими, т. е. личными дворянами, а между тѣмъ всякая малороссійская служба была только военною: всѣ гетманскія надачи даваемы были за „роненіе войску Запорозскому праци", да и сами гражданскіе чиновники были вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымм начальниками. Герольдія указывала, что малороссійскіе чиновники не имѣли чиновъ, а только козацкія званія. Калинскій опровергаетъ этотъ взглядъ ссылкой на переименованіе малороссійскихъ чиновъ въ 1783 году и на табель Разумовскаго, съ очевидностью доказывающую, что у малороссійскихъ чиновниковъ, какъ и у великорусскихъ, были свои степени. Въ табели 1756 г. перечислено, кромѣ рядовыхъ козаковъ, одиннадцать классовъ, но если къ ней прибавить, какъ и слѣдовало бы, должность гетмана, состоявшаго въ фельдмаршальскомъ чинѣ, затѣмъ наказнаго гетмана во 2 классѣ, а генеральнаго обознаго поставить въ 3-мъ, то получилось бы какъ разъ 14 классовъ—полная табель о рангахъ; тогда бы даже низшіе чины козацкой іерархіи попали въ 14-й классъ, т. е. дворянами оказались бы всѣ безъ исключенія малороссійскіе чины. Кромѣ того, и изъ болѣе старыхъ дѣлъ видѣть можно, что переходъ изъ низшихъ чиновъ въ высшіе совершался въ Малороссіи не случайно, а по степенямъ: изъ знатныхъ козаковъ въ сотники, изъ сотниковъ—въ полковники, изъ полковниковъ—въ гетманы.

Три года тому назадъ Калинскій предлагалъ черниговскому дворянству просить правительство объ уравненіи малороссійскихъ чиновъ съ великороссійскими на основаніи табели 1756 г. Теперь онъ совершенно измѣнилъ свой взглядъ на цѣль ходатайства. Переименованіе малороссійскихъ чиновниковъ и уравненія съ табельными происходили до сихъ поръ случайно, опредѣленныхъ правилъ для этого выработано не было, къ тому же и сама національная малороссійская служба теперь пресѣклась, а потому и уравненіе чиновъ будетъ теперь совершенно не нужнымъ. По мнѣнію Калинскаго, гораздо выгоднѣе просить, чтобы правительство не уравнивало чинъ чину, а просто признало всѣхъ безъ исключенія лицъ, носившихъ малороссійскіе чины,

дворянами съ таковымъ только различіемъ, чтобы всѣхъ генеральныхъ старшинъ и полковниковъ вносить въ 6-ю, полковую старшину—въ 3-ю, а сотниковъ и сотенныхъ старшинъ—во 2-ю часть дворянской родословной книги: „въ то время гетманы за уравненіе оспаривали, когда теперешняго о чинахъ постановленія и различія не было, а теперь объ уравненіи и думать не надобно, а домогаться дворянскаго достоинства и быть на равнѣ въ ономъ съ великороссійскими выслуженными чинами, какимъ присвоено восьми ранговъ и оберъ-офицерскихъ дѣйствительно военнослужащихъ чиновъ дворянское достоинство".

Съ ходатайствомъ Калинскій совѣтовалъ обратиться какъ можно скорѣе: нужно просить или личнаго заступничества генералъ-губернатора, или позволенія отправить особыхъ депутатовъ въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, въ ходатайствѣ ни въ коемъ родѣ не слѣдуетъ упоминать мнѣнія иностранной коллегіи, какъ это сдѣлали черниговцы [1]).

Послѣ того, что мы сказали о запискахъ по дворянскому вопросу, будетъ излишнимъ долго останавливаться надъ запиской Роменскаго маршала В. Г. Полетики, тѣмъ болѣе, что она уже и напечатана [2]). Мы только укажемъ на тѣ подробности, коими она дополняетъ предъидущія записки по дворянскому вопросу. Кромѣ привилегій 1563 и 1569 г. г. и Зборовскихъ пунктовъ, на которыя ссылался Калинскій, Полетика указываетъ еще на привилегіи королей Генриха, Стефана, Сигизмунда III, Владислава, на „премногія подтверждающія оныя конституціи сеймовыя" и статутовые артикулы. Цѣль всѣхъ этихъ ссылокъ—доказать, что „малороссійскіе гражданскіе и воинскіе чиновники допускались въ Польшѣ безо всякаго отъ тамошняго дворянства различія до высокихъ сенаторскихъ, придворныхъ и земскихъ достоинствъ, и что россійскіе государи по принятіи ихъ съ на-

[1]) Книга о дворянахъ, л. л. 239—246.

[2]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1 въ приложеніи. Кстати нахожу нужнымъ маленькое замѣчаніе. Напечатанная въ „Кіевск. Стар" записка Полетики отнесена къ 1809 г.; въ рукописной копіи, которою я пользовался, она помѣчена 1808 года. Послѣднее, по моему, вѣрнѣе: изъ напечатанной въ томъ же журналѣ переписки Чепы съ Полетикой видно, что въ мартѣ 1809 г. записка Полетики уже ходила по рукамъ, такъ что составленіе ея правдоподобнѣе отнести къ 1808 г.

чальствуемымъ ими народомъ въ свое подданство подтвердили имъ на всегда дворянскую въ чинахъ ихъ честь и избраніе во всѣ оные по прежнему вольными голосами людей заслуженныхъ, знатныхъ и вѣрныхъ". Затѣмъ Полетика указываетъ на „добровольное подданство" малороссіянъ, на ихъ вѣрность и заслуги передъ престоломъ, за которыя малороссійское дворянство не могло, конечно, ожидать „столь обиднаго для себя униженія". Изъ договорныхъ гетманскихъ статей, по мнѣнію Полетики, видно, что „малороссійское дворянство—не только тѣ, кои пришли съ достоинствомъ онаго въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи уже въ подданствѣ, заслуги свои оказали и за то награждены въ землѣ своей чинами и деревнями и имѣютъ такое же право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство, ибо не одно имя дворянина, но больше того помѣстья и вотчины, жалуемыя за службу отечеству, составляли въ прежнее время дворянское достоинство. Между малороссійскимъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, т. е.—что россійскіе заслуженные люди пожалованы были въ дворяне и другіе чины съ помѣстьемъ и вотчинами, а малороссійскіе — въ чиновники съ тѣмъ же".

По вопросу о доказательствахъ дворянства В. Полетика цѣликомъ повторяетъ мнѣніе своего отца, высказанное имъ нѣкогда въ коммиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія: „въ Малой Россіи, по его словамъ, должно допустить къ доказательству о дворянствѣ всѣхъ, кто только захочетъ, и дать имъ свободу, по силѣ статутоваго права раздѣла 3 арт. 19, доводить своего дворянства представленіемъ двухъ сродственныхъ себѣ благородныхъ съ отцовской и двухъ съ материнской стороны, которые присягою бы утвердили, что ищущій дворянства есть природный и настоящій дворянинъ, а если чей родъ извелся, то чтобъ онъ могъ представить къ сему постороннихъ благородныхъ"[1]).

Въ январѣ 1809 г. Полтавское дворянство избрало своимъ маршаломъ В. И. Чарныша, которому и поручило просить пра-

[1]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1. Тоже въ „Книгѣ о дворян." л. л. 298—304.

вительство о признаніи чиновъ малороссійской службы доказательствами дворянскаго достоинства. Дворянское ходатайство составлялось, впрочемъ, не однимъ Чарнышемъ, а, такъ сказать, соборне. Прежде чѣмъ попасть къ генералъ-губернатору, дворянское прошеніе ходило по рукамъ. Для просмотра, дополненій и исправленій послано оно, между прочимъ, и Чепѣ, славившемуся среди дворянства въ качествѣ патріота и знатока мѣстной старины. „По усердію и любви къ націи" Чепа дополнилъ ходатайство своими примѣчаніями о правахъ и преимуществахъ малороссійскихъ чиновъ. Въ такомъ видѣ ходатайство попало къ В. Г. Полетикѣ, который отозвался о примѣчаніяхъ Чепы самымъ лестнымъ образомъ и съ своей стороны послалъ къ Чепѣ свою собственную записку по тому же предмету [1]). Du choc des opinions получилось если не verité, до достаточно мотивированное ходатайство, котораго уже нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ „фундаментальныхъ основаній".

Въ 1809 году вопросъ о дворянствѣ бывшихъ малороссійскихъ старшинъ попалъ, наконецъ, на разсмотрѣніе высшаго правительства. 2 ноября этого года комитетъ министровъ слушалъ представленное ему черезъ министра юстиціи отношеніе малороссійскаго генералъ-губернатора съ рядомъ проектовъ по разнымъ малороссійскимъ дѣламъ. Между прочимъ, генералъ-губернаторъ просилъ „объ исходатайствованіи малороссійскому дворянству высочайшаго соизволенія, чтобы прежніе малороссійскіе чины, по коимъ дворянскіе роды просили и будутъ просить о дворянствѣ, признаваемы были доказательствомъ сего достоинства". Комитетъ постановилъ: „въ признаніи малороссійскаго дворянства и въ переименованіи чиновниковъ руководствоваться тѣми правилами, которыя наблюдаемы были покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ Задунайскимъ" [2]).

Слухъ о благопріятномъ для малороссійскаго дворянства поворотѣ дѣла въ Петербургѣ возбудилъ въ сердцахъ патріотовъ великую радость, хоть и дошелъ до нихъ въ нѣсколько извра-

[1]) Журналы комитета министровъ, т. 1, стр. 379

[2]) „Кіев. Стар.", 1893 г., № 1, стр. 46—49.

щенной редакціи. „Недавно,—пишетъ В. Полетика къ Чепѣ,—насладился я пріятною вѣстью, что государь императоръ по докладу нашего генералъ-губернатора повелѣлъ герольдіи признавать малороссійское дворянство по чинамъ нашимъ и другимъ доказательствамъ въ древнемъ благородномъ его достоинствѣ. Вѣсть сія сладка сердцу моему. Вѣрьте, что я люблю отечество, люблю соотчичей моихъ больше самого себя. Одинъ частный человѣкъ пишетъ ко мнѣ удостовѣрительно о семъ изъ Полтавы, читавъ тамъ письмо о семъ князя Якова Ивановича (Лобанова-Ростовскаго) къ Семену Михайловичу Кочубею. Однакожъ я за точность еще не отвѣтствую. Если это справедливо, то труды наши не пропали. Какъ пріятно трудиться для славы и пользы отечества. Собственныя чувства наши, чувства, что мы въ нѣдрѣ онаго не жили праздно, награждаютъ насъ за оные и даютъ намъ счастливѣйшее для смертныхъ право на имя сыновъ отечества!“. Размечтавшемуся патріоту грезились уже заманчивыя картины, напоминавшія по сюжету опоэтизированное прошлое золотого вѣка шляхетской вольности. „Здѣсь носится слухъ, что передъ обнародованіемъ и введеніемъ въ употребленіе первой, уже вышедшей, части новаго государственнаго уложенія призваны будутъ на конгрессъ россійскихъ на особыхъ правахъ состоящихъ губерній обитатели для изъявленія согласія своего на принятіе для себя сего уложенія. На семъ поприщѣ возобновится память прежнихъ, незабвенныхъ во вѣки, нашихъ патріотовъ. Счастливые будемъ, если увидимъ новыхъ, защищающихъ съ такимъ же усердіемъ права, преимущества, вольности и свободы своего отечества. Напротивъ сего, должны мы отвратить взоръ свой съ омерзеніемъ отъ пагубостныхъ предателей отечества, вредныхъ себялюбцевъ“ [1]).

И радости, и мечты патріотовъ были, однако, преждевременны. Постановленіе комитета министровъ въ исполненіе приведено не было по высочайшему повелѣнію впредь до поступленія къ дѣлу другихъ бумагъ [2]). На вопросъ о дворянствѣ мало-

---

[1]) „Кіев. Стар.“, 1893 г., № 1, стр. 56—57.

[2]) Чт. Общ. исторіи и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 92.

россійскихъ чиновъ въ Петербургѣ смотрѣли довольно равнодушно. Да и не до того тогда было: внѣшняя политика и широкіе планы либеральныхъ преобразованій способны были отодвинуть на второй планъ даже болѣе насущные вопросы, чѣмъ вопросъ о дворянскихъ привилегіяхъ какихъ-то сотниковъ и асауловъ; къ тому же и на дворянскія привилегіи стали въ то время посматривать неодобрительно. Насталъ 1812 годъ. Пришлось отражать двадесять языкъ, а потомъ усмирять гидру безначалія, грозившую престоламъ и алтарямъ далекаго Запада. Непризнанные въ благородномъ званіи, сыновья сотниковъ и возныхъ храбро дрались и подъ Малоярославцемъ, и подъ Лейпцигомъ. Для многихъ изъ нихъ офицерскіе эполеты дали то, чего не могъ дать ихъ отцамъ громадскій выборъ. А между тѣмъ, отношенія герольдіи къ ихъ братьямъ и родичамъ, доказывавшимъ свое дворянство только малороссійскими чинами предковъ, продолжало оставаться прежнимъ: ихъ по прежнему продолжали „неговать и турбовати". Особенно больно чувствовалось это, когда приходилось опредѣлять дворянскихъ дѣтей въ корпуса или въ военную службу. Тутъ уже предводительскія свидѣтельства не имѣли значенія, и приходилось по неволѣ обращаться къ герольдіи, а герольдія послѣ долгихъ проволочекъ и справокъ обыкновенно отказывала просителямъ все на томъ же основаніи, что въ законахъ нѣтъ указаній на дворянскія права малороссійскихъ старшинъ. Для юныхъ панычей, мечтавшихъ о генеральствѣ, такой отказъ велъ за собою разжалованіе изъ юнкеровъ въ рядовые со всѣми его послѣдствіями: палками, розгами, шпицрутенами и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ дисциплинировали въ то время русскую армію инструкторы изъ нѣмцевъ и доморощенныхъ бурбоновъ Аракчеевской школы.

Дѣло о дворянскихъ правахъ малороссійскихъ старшинъ продолжало между тѣмъ лежать въ Петербургѣ въ ожиданіи поступленія другихъ бумагъ. Въ 1809 году полтавское дворянство рѣшилось послать туда новое челобитье, въ надеждѣ, что оно, авось, и будетъ тою бумагой, которой до сихъ поръ не доставало. 15 октября 1819 г. полтавское дворянство постановило ходатайствовать предъ правительствомъ черезъ генералъ-

губернатора о признаніи малороссійскихъ чиновъ доказательствомъ дворянства. Въ ходатайствѣ этомъ новаго для насъ очень мало. Дворяне жалуются, что „отриновеніе малороссійскихъ чиновъ отъ дворянства дѣлаетъ уничтоженіе имъ и ихъ заслугамъ, умаляетъ личную честь ихъ и потомства и колеблетъ права и привилегіи сей націи, отъ прежнихъ польскихъ королей, а потомъ и отъ самодержцевъ всероссійскихъ наданныя и на разныхъ мѣстахъ въ договорныхъ гетманскихъ пунктахъ изъясненныя". Доказательства дворянскаго достоинства малороссійскихъ чиновниковъ—тѣ же, что и въ предъидущихъ запискахъ и ходатайствахъ по этому предмету. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ же ссылки на королевскія привилегіи, Статутъ, Зборовскій договоръ и гетманскія статьи. На основаніи ихъ полтавское дворянство заключало, что „не только тѣ чины, которыхъ герольдія не признаетъ въ дворянствѣ, какъ то: полковые обозные, полковые асаулы и хорунжіе, сотники, войсковые товарищи и пр., но и вообще всѣ малороссійскіе чиновники, въ военной службѣ обрѣтавшіеся, или же гражданскими дѣлами управлявшіе, имѣли равное право на шляхетство, поелику они по вышесказаннымъ привилегіямъ и постановленіямъ признаны таковыми изстари и поелику чины ихъ зависѣли большею частью отъ выборовъ и утвержденій, по тогдашнему времени сему краю присвоенныхъ, и всякій, кто только носилъ на себѣ чинъ, былъ купно съ тѣмъ и шляхтичъ, а не бывъ шляхтичемъ, невозможно было никому ни быть избираему, ни чинъ имѣть, въ разсужденіи, что простого стану людямъ и тогда давать достоинствъ и урядовъ запрещалось". Ссылалось дворянство и на „новѣйшія узаконенія, повелѣнія и образъ службы", которые де „доказываютъ, что отъ малороссійскихъ чиновниковъ достоинство дворянское никогда отъемлемо не было", а для выясненія „значительности и важности" этихъ чиновниковъ подробно описывало ихъ права и обязанности.

Дворянское ходатайство попало въ хорошія руки. Въ лицѣ военнаго губернатора кн. Репнина дворянство нашло себѣ энергичнаго ходатая и заступника. Князь Репнинъ, женатый на одной изъ Разумовскихъ и самъ малороссійскій помѣщикъ, отнесся

къ дворянскимъ невзгодамъ еще болѣе сочувственно, чѣмъ его предмѣстники. Посылая дворянское ходатайство въ Петербургъ, онъ присоединилъ къ нему и свое собственное представленіе, въ которомъ рѣшительно высказывался въ пользу удовлетворенія просьбы дворянства.

У министра юстиціи, куда по первому разу попало дворянское ходатайство, оно встрѣчено было очень благосклонно. Докладывая дѣло въ комитетѣ министровъ, онъ высказался за удовлетвореніе дворянской просьбы. Дѣло пришлось, однако, рѣшать не комитету министровъ, а Сенату, куда оно и было передано по высочайшему повелѣнію. Здѣсь притязанія малороссійскаго дворянства были выслушаны не такъ уже милостиво. Сенатъ находилъ, что во время изданія дворянской грамоты Малороссія уже болѣе 100 лѣтъ стояла въ подданствѣ русскихъ государей, а между тѣмъ чины малороссійской службы оказались не включенными въ число тѣхъ доказательствъ дворянскаго достоинства, которыя перечислены въ грамотѣ. Изъ этого Сенатъ, повидимому, склоненъ былъ заключать, что при изданіи дворянской грамоты вовсе не имѣлось въ виду распространять дарованныя ею права и на малороссійскихъ чиновниковъ. Тѣмъ не менѣе Сенатъ поручилъ министру внутреннихъ дѣлъ навесть справки какъ относительно тѣхъ привилегій и правъ, на которыя ссылалось полтавское дворянство, такъ и относительно чиновъ прежней малороссійской службы.

Справки наводились не спѣшно. Прошло восемь лѣтъ послѣ подачи ходатайства, а дѣло ни на волосъ не подвинулось впередъ. За эти восемь лѣтъ Репнинъ окончательно освоился съ Малороссіей и близко принялъ къ сердцу дворянскія печали. Въ іюнѣ 1827 г. онъ обратился къ правительству съ новымъ, еще болѣе энергичнымъ представленіемъ по тому же вопросу, на этотъ разъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ. Репнинъ усердно отстаивалъ права малороссійскихъ чиновниковъ, доказывая, что дѣйствіями герольдіи, которыя онъ, не обинуясь, называлъ произволомъ, потрясается благородство малороссійскихъ фамилій. По его мнѣнію, уже однѣхъ королевскихъ привилегій, а особенно Зборовскихъ пунктовъ и гетманскихъ статей, вполнѣ достаточно,

чтобы дворянскія права этихъ чиновниковъ не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію. „Источникъ правъ сихъ есть воинская доблесть, толико уважаемая во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, и отрицать оныя не иначе можно, какъ доказавъ, что Малороссія не имѣла своего управленія, своихъ предводителей, старшинъ и чиновниковъ и не составляла особой области, пользовавшейся иными законами и разными преимуществами". Репнинъ старался подкрѣпить дворянское ходатайство такими доводами, какіе до сихъ поръ упускались даже самимъ дворянствомъ. Онъ первый сослался на табель малороссійскихъ чиновъ, сочиненную въ 1743 г. коммиссіей для перевода и свода книгъ правныхъ; онъ указалъ на занятія малороссійскихъ старшинъ по „части законодательной", на пріемъ ихъ дѣтей въ кадетскіе корпуса при Екатеринѣ и послѣ нея; такъ, въ 1807 году по Высочайшему повелѣнію поступило въ кадетскіе корпуса болѣе 200 малороссіянъ, изъ коихъ недостаточнымъ были отпущены прогонныя деньги. „Каждая страна,—писалъ малороссійскій военный губернаторъ,—имѣла и имѣетъ свои чины подъ именами, соотвѣтственными образу правленія, положенію государства, языку народа, обычаямъ и пр.; слѣдственно отвергать благородство потому только, что названіе чиновъ, показанное въ табели о рангахъ, не было употребляемо въ малороссійскомъ краѣ, было бы весьма несправедливо, ибо до реформы 1783 г. чиновники малороссійскіе служили въ войскѣ подъ именами издревле существовавшими, давали судъ и расправу народу, начальству ихъ ввѣренному, были вѣрны и преданы своимъ государямъ и сражались съ честью и мужествомъ за отечество, пользовались особенными правами, преимуществами и щедротами государей, и имъ не настояло никакой надобности искать переименованія себя въ великороссійскіе чины, доколѣ само правительство не признало сіе нужнымъ". „Чиновники малороссійскіе, признанные по разбору губернскихъ дворянскихъ собраній, на основаніи Высочайше жалованной дворянству грамоты, въ дѣйствительномъ дворянствѣ, какъ прежде, такъ и нынѣ, были допускаемы къ дворянскимъ выборамъ и служатъ въ должностяхъ, по высочайшему о губерніяхъ учрежденію назначенныхъ, и другихъ, мало-

россійскому краю присвоенныхъ, они суть полные владѣльцы крестьянъ и помѣстьевъ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ, въ числѣ коихъ находятся жалованныя отъ государей и данныя отъ гетмановъ предкамъ ихъ. Потрясаемое нынѣ благородство малороссійскихъ фамилій укоренилось изъ вѣковъ образомъ жизни, родомъ службы, просвѣщеніемъ и семейными связями съ дворянскими поколѣніями. Наконецъ, въ тѣхъ случахъ, когда потребна жертва для пользы отечества, ревность сего благороднаго сословія, неизъемлемаго отъ повинностей дворянскихъ, равняется ихъ вѣрности и преданности престолу всероссійскому. Стоитъ вспомнить бѣдственный, но славный 1812 годъ, чтобы удостовѣриться, сколь мало сіи потомки храбрыхъ рыцарей дорожатъ своею собственностью, своею жизнью тамъ, гдѣ отечество требуетъ ихъ помощи". Репнинъ находилъ, что чиновники малороссійскіе, начиная съ войсковыхъ товарищей, равно какъ и потомство ихъ, должны быть дѣйствительными дворянами и принадлежать къ военному дворянству. Думая иначе, онъ, Репнинъ, дерзнулъ бы мечтать въ противность высочайшей волѣ и посягнулъ бы къ ниспроверженію благоденствія малороссійскаго дворянства, которымъ оное близъ двухъ вѣковъ уже неизмѣнно наслаждается подъ благословеннымъ скипетромъ россійскихъ вѣнценосцевъ, служа имъ и государству съ пользою и честью, свойственною тому сословію, которое составляетъ опору престола.

Не знаемъ, ускорило ли вмѣшательство Репнина наведеніе тѣхъ справокъ о малороссійскихъ чинахъ, которое было поручено министру внутреннихъ дѣлъ Сенатомъ. Полагать надо, что да, потому что вскорѣ послѣ представленія малороссійскаго военнаго губернатора справки были готовы. Дѣломъ этимъ занимался совѣтъ министра. Приняты были, конечно, прежде всего въ соображеніе свѣдѣнія, какія можно было извлечь изъ печатныхъ источниковъ—„Краткой лѣтописи М. Россіи" Рубана, „Исторіи М. Россіи" Бантыша-Каменскаго и извѣстнаго въ свое время труда Правикова „Памятникъ изъ законовъ Россійской имперіи" [1]); не были, конечно, забыты и свѣдѣнія, сообщенныя

[1]) Здѣсь между прочимъ, имѣется „Историческое обозрѣніе Россійскаго законодательства съ присовокупленіемъ свѣдѣній о бывшихъ въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ".

Репнинымъ, а также справки по герольдіи. На основаніи собранныхъ такимъ образомъ данныхъ, министръ внутреннихъ дѣлъ полагалъ возможнымъ признать доказательствами дворянскаго званія чины: гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ, полковыхъ старшинъ, сотниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, подкоморыхъ, земскихъ судей, подсудковъ и возныхъ, асауловъ, хорунжихъ, писарей и атамановъ генеральной артиллеріи, компанейскихъ полковниковъ, обозныхъ, писарей, асауловъ и хорунжихъ, переводчиковъ генеральной канцеляріи и войсковыхъ канцеляристовъ. Всѣ остальные чины (а ихъ, по счету министерства, оказалось еще 21) не могли, по мнѣнію министра, служить доказательствами дворянства.

12 февраля 1828 г. при Сенатѣ былъ учрежденъ особый „комитетъ о прожектированіи правилъ, какимъ бы образомъ удобнѣе произвести ревизію дѣйствій дворянскихъ собраній и положительно опредѣлить настоящіе дворянскіе роды". Этому то комитету и пришлось окончательно рѣшать участь потомства сотниковъ и возныхъ. Уже одна передача дѣла учрежденію, призванному бороться съ злоупотребленіями дворянскихъ собраній, выражавшимися въ перепроизводствѣ привилегированнаго сословія, не могла обѣщать украинскимъ панамъ ничего добраго: И дѣйствительно, добра не вышло. Всѣ труды составителей дворянскихъ ходатайствъ пошли прахомъ; ихъ искусная аргументація оказалась безполезной. Жалоба Репнина на то, что дѣйствіями герольдіи потрясается благородство всего малороссійскаго дворянства, была признана неосновательной. Съ точки зрѣнія комитета, герольдія поступала вполнѣ законно: дѣйствіями ея не только не потрясалось дворянское достоинство дѣйствительнаго малороссійскаго шляхества, а наоборотъ, охранялись и возвышались права его. Благодаря доставленнымъ герольдіей свѣдѣніямъ, комитетъ выставилъ на видъ цѣлый рядъ неправильныхъ дѣйствій малороссійскихъ депутатовъ: они, принимая не въ настоящемъ смыслѣ 12 пунктъ 92 статьи дворянской грамоты, признавали достаточнымъ и неопровергаемымъ доказательствомъ дворянства одно свидѣтельство 12 благородныхъ и на семъ основаніи сопричисляли къ дворянскому сословію

всякаго состоянія и званія людей. Со времени открытія депутатскихъ коммиссій и до 1790 г. дворянскія собранія трехъ малороссійскихъ губерній причислили къ дворянству 22,702 ревизскихъ души, да и послѣ, не смотря на указъ 1791 г., продолжали принимать въ дворянское сословіе лицъ податного состоянія и разночинцевъ: такъ, въ 1828 г. изъ 4269 дворянскихъ фамилій полтавской губерніи податныхъ и разночинцевъ числилось 2095. Депутатскія собранія малороссійскихъ губерній принимали въ доказательство дворянства выписки изъ повѣтовыхъ судовъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ: въ сихъ выпискахъ не заключались грамоты царей и великихъ князей или универсалы гетмановъ на пожалованныя имѣнія, но объяснялось только, что въ старинной книгѣ, въ семъ судѣ хранящейся, написанъ такой то сотникомъ, войсковымъ товарищемъ или тому подобнымъ. А чтобы придать сему показанію вѣроятіе, то всегда представлялось свидѣтельство 12 дворянъ, которые удостовѣряли, что показанный въ выписи чиновникъ есть предокъ настоящаго просителя. Таковыя доказательства признаваемы были дѣйствительными и на основаніи оныхъ сопричисляемы были къ дворянскому сословію люди всякаго званія“.

При такихъ условіяхъ заключеніе комитета оказалось гораздо строже, чѣмъ можно было предполагать а priori. Дворянами, имѣющими дѣйствительное и потомственное дворянство, были признаны только тѣ изъ козацкихъ старшинъ, которые изъ сихъ чиновъ были россійскимъ правительствомъ произведены за службу въ генералитетскіе и штабъ-офицерскіе, какъ военной, такъ и гражданской службы, чины. Что касается остальныхъ малороссійскихъ чиновъ, то одни изъ нихъ были признаны дающими только личное дворянство, а другіе причислены къ классу разночинцевъ [1]).

Докладъ Сената былъ разсмотрѣнъ Государственнымъ Совѣтомъ. Здѣсь строгій приговоръ особаго комитета подвергся значительному смягченію. 20 марта 1835 г. состоялся наконецъ Высочайшій указъ, согласно коему изъ чиновъ старой малорос-

---

[1]) Чт. Общ истор. и древн. 1861 г., кн. 2, отд. V, стр. 80 - 139.

сійской службы потомственное дворянство было признано за генеральными старшинами, полковниками, полковыми обозными, асаулами, хорунжими и писарями, сотниками и войсковыми и бунчуковыми товарищами; изъ чиновъ генеральной артиллеріи потомственное дворянство признано за асаулами, хорунжими и атаманами, а изъ чиновъ „статскаго правленія"—за подкоморными и земскими судьями и подсусидками, но только за тѣми, которые „жалованы были во время существовавшаго въ Малороссіи гетманскаго правленія". Всѣхъ тѣхъ, кои не представятъ по 1 января 1839 г. доказательствъ на потомственное дворянство и не будутъ имѣть по статскимъ оберъ-офицерскимъ чинамъ дворянства личнаго, велѣно обратить въ козачье сословіе, запретивъ имъ впредь именоваться дворянами, но не лишая, впрочемъ, права доказывать свое дворянство впослѣдствіи установленнымъ порядкомъ [1]).

Послѣдніе отголоски громкаго нѣкогда дѣла о правахъ малороссійскихъ старшинъ на дворянское званіе замолкли только въ 1855 году, съ изданіемъ закона, согласно коему непризнаннымъ дворянамъ, приписаннымъ къ козацкимъ обществамъ, предоставлены кое-какія временныя льготы по несенію государственныхъ налоговъ и повинностей [2]). Это уже было наканунѣ великой реформы, лишившей дворянство самой заманчивой изъ дворянскихъ привилегій. Потомкамъ значковыхъ товарищей и возныхъ жалѣть было уже не о чемъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, и многое изъ того, что прежде было *привилегіей* одного высшаго класса, стало *правомъ* всѣхъ подданныхъ русскаго государства.

Д. Миллеръ.

[1]) II Полн. Собр. Зак. Росс. имп., т. X, отд. I, № 7976

[2]) Ibid., т. XXX, отд., I, № 29, 153.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XI.

Однажды, когда Богданъ, веселый и счастливый, возвращался изъ своего обычнаго объѣзда, Ахметка сообщилъ ему, принимая отъ него коня, что какой-то бандуристъ пришелъ во дворъ и дожидаетъ Богдана въ его покоѣ.

Непріятное, тупое предчувствіе шевельнулось въ его душѣ. Поспѣшно бросилъ онъ на руки Ахметки поводья и быстрыми шагами взошелъ на крыльцо.

Вошедши въ свою комнату, Богданъ замѣтилъ съ изумленіемъ бандуриста, сидѣвшаго къ нему въ полъ-оборота. Онъ былъ огромнаго роста, необычайно широкъ въ плечахъ, и не смотря на длинную, сѣдую бороду и изумительно-рваныя лохмотья, покрывавшія его тѣло и почти закрывавшія лицо, держался ровно и бодро.

Богданъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился передъ незнакомымъ старикомъ.

— Будь здоровъ, батьку Богдане, пошли тебѣ, Боже, вѣкъ долгій, много счастливыхъ дней!—заговорилъ тотъ нараспѣвъ старческимъ голосомъ, подымаясь къ нему на встрѣчу.

Непонятное смущеніе еще болѣе завладѣло Богдановой душой.

А старикъ, казалось, замѣтилъ это,— въ глазахъ его мелькнулъ веселый, насмѣшливый огонекъ и, не давши Богдану придти въ себя, онъ подошелъ къ двери быстрыми и твердыми шагами, заперъ замокъ и, повернувшись къ Богдану, крикнулъ весело:

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 3.

— Га, га, друже! Славно, значитъ, я одѣлся, когда и товарищи не узнаютъ! А я по тебя!...

— Нечай!—отступилъ Богданъ и оцѣпенѣлъ.

„Такъ значитъ снова,—горько мелькнуло у него въ головѣ— пускайся въ путь подъ бури, подъ грозы, подъ страшные буруны! И не вѣдать тебѣ, козаче, ни отдыха, ни покоя, не свить тебѣ до смерти родного, теплаго гнѣзда!“...

Какъ и куда исчезъ странный бандуристъ, не зналъ никто во дворѣ, но рѣзкую перемѣну, происшедшую въ Богданѣ послѣ его посѣщенiй, замѣчали рѣшительно всѣ. Словно подъ тѣнью нависшей грозовой тучи, исчезла вдругъ вся его оживленность, вся энергiя. Его уже не интересовали ни новые поселки, ни хозяйственныя заботы: онъ ходилъ сосредоточенный, молчаливый, почти мрачный. При каждомъ неожиданномъ посѣтителѣ или стукѣ, на лицѣ его появлялось выраженiе тревоги. Вечеромъ, у огня камелька, онъ уже не разсказывалъ о пережитыхъ бѣдствiяхъ и битвахъ, а сидѣлъ молча, сдвинувъ черныя брови, потупивъ глаза въ раскаленную груду пылающихъ углей. И въ эти минуты лицо его, красивое и гордое, казалось суровымъ и жестокимъ, а въ глазахъ вспыхивали зловѣщiе, мрачные огоньки. Да и сиживалъ теперь въ кругу семьи Богданъ рѣдко, большею частiю онъ оставался на своей половинѣ одинъ, требуя къ себѣ большую фляжку и кубокъ; въ это время никто не рѣшался нарушить его покой.

Словно какое-то гнетущее предчувствiе нависло надъ всѣмъ домомъ. Не стало слышно ни пѣсенъ, ни шутокъ; когда говорили, то старались говорить тихо, даже дѣти присмирѣли совсѣмъ. Ганна и ходила, и дѣлала все, какъ прежде, но душой ея овладѣвала властнѣй и властнѣй безотчетная, безъисходная тоска. Оставалась-ли она одна въ своей свѣтелкѣ, развертывала-ли пожелтѣвшую Библiю, или Четьи-Минеи,—всюду передъ ней вставали картины ужасовъ, разливающихся по родной землѣ, и среди всѣхъ этихъ слезъ, и воплей, и стоновъ вставалъ какъ колоссъ, всегда одинъ неизмѣнный образъ, гордый, величавый и сильный. Ганнѣ казалось, что отъ одного его голоса разорвется нависшая тьма, отъ одного взмаха его могучей руки исчезнетъ вся нечисть, облѣпившая родной край... Ганна старалась уйти отъ него и не могла. Она искала людей, боялась оставаться одна, но и тамъ, и всюду стоялъ онъ передъ нею.

Однажды подъ вечеръ Богданъ велѣлъ позвать къ себѣ въ комнату Ганну. Затрепетала Ганна невольно и почувствовала, что ея сердце сжалось томительно тоской. Она вошла и тихо остановилась у дверей.

— Подойди сюда ближе, сядь подлѣ меня, Галю!—обратился къ ней мягко Богданъ.

Ганна вся вспыхнула, сдѣлала нѣсколько шаговъ и опустилась невдалекѣ отъ Богдана на низкій диванъ.

— Да какъ же ты „змарнила“, голубко!—произнесъ Богданъ, взглянулъ на ея измученное лицо.—Тяжело тебѣ, бѣдняжка, жить у насъ.

— Какъ можно,—хотѣла возразить Ганна, но оборвалась на словѣ и только низко опустила голову на грудь.

— Тяжело, сердце!—вздохнулъ Богданъ.—Все ты у насъ: и хозяйка, и мать моимъ дѣтямъ, и другъ мнѣ.

— Дядьку!—только могла выговорить Ганна въ порывѣ глубокаго чувства и, поднявши на него свои просвѣтлѣвшіе глаза, смутилась вся.

— Вотъ я для того и призвалъ тебя, чтобы поговорить о тебѣ,—началъ Богданъ тихо, беря ее за руку,—потому что ты мнѣ, Галя, все равно, что родная дочь.—Рука, которую онъ держалъ, слегка вздрогнула. Богданъ остановилъ на Ганнѣ испытующій взглядъ и продолжалъ дальше.—Скоро, видно, придется намъ разстаться, а увидимся-ли всѣ скоро, и какъ увидимся—вѣдаетъ одинъ Богъ.

— Какъ? Дядько хочетъ оставить насъ снова?—вскрикнула Ганна и подняла на Богдана испуганные, опечаленные глаза.

— Не хочетъ коза на торгъ, а ведутъ!—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвая собою.—Но дѣло теперь въ тебѣ, моя горличка. Въ наше бурное время тяжело жить дѣвушкѣ безъ крѣпкой и вѣрной опоры. А какая опора въ жизни можетъ быть крѣпче и надежнѣе любящаго мужа?

— Дядьку, дядьку, что вы?—перебила его Ганна, стараясь освободить свою руку.

— Нѣтъ, Галю,—продолжалъ Богданъ, удерживая ее,—такъ Богомъ создано, такъ и должно быть. „Не довлѣетъ человѣку единому быти“, говоритъ намъ Писаніе. Ты уже вошла въ лѣта, а, можетъ быть, черезъ затворничество у насъ не ищешь своей доли. Какъ это ни тяжко намъ, а тебѣ пора зажить своей семьей. И есть такой человѣкъ,—смущенно продолжалъ Богданъ, стараясь заглянуть Ганнѣ въ лицо,—я его знаю. И „лыцарь“ славный, и собою хорошъ, а ужъ какъ любитъ тебя!... Что-жъ молчишь, Галю?—продолжалъ онъ, наклоняясь къ ней и не замѣчая, какъ поблѣднѣло ея лицо, какъ губы ея задрожали, и крупныя слезы быстро закапали изъ глазъ.—Или застыдилась, квиточка? Скажи мнѣ только одно слово: вѣдь любъ онъ тебѣ?

— Не надо, не надо мнѣ никого, дядьку!—вскрикнула вдругъ Ганна съ рыданьемъ и, вырвавшись отъ него, быстро выбѣжала за дверь.

Богданъ хотѣлъ было броситься за нею и остановился въ изумленіи, не понимая, что въ его словахъ могло такъ обидѣть и огорчить это тихое, кроткое существо.

Настала ночь, а Ганна все еще не могла успокоиться. Она сидѣла на своей постели, заломивши руки, то вглядываясь въ свѣтлый сумракъ горящими глазами, то снова захлебываясь въ слезахъ. Да что же, что же могло въ словахъ Богдана такъ невыносимо тяжко обидѣть ее?—предлагала она себѣ въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ.—Что? что?—и возмущенные отвѣты бурно лились изъ души: „Въ такую минуту, когда смерть грозитъ тысячамъ, говорить мнѣ о мужѣ? Мнѣ говорить? Могу-ли я о томъ думать? Ахъ, такъ оскорбить меня! За что, за что? Чѣмъ заслужила я?— И при одномъ воспоминаніи о словахъ Богдана, горькая обида съ новой силой вставала въ ея душѣ.—Да, но почему-же, когда другіе говорили ей то же, почему же не оскорблялась она? Потому, что они ей чужіе, потому что они не знаютъ ее! Но братъ вѣдь ей тоже не чужой, вѣдь онъ ей самый близкій...—съ какой-то рѣзкой, раздражающей болью допытывала сама себя Ганна:—почему же ему могла она отвѣтить коротко и просто, что не любитъ никого и замужъ не пойдетъ никогда? Не любитъ никого,—медленно, вслушиваясь въ слова, произнесла Ганна и отбросила съ лица опустившіеся на лобъ волосы.—Да, да! И онъ долженъ былъ знать это лучше всѣхъ! Почему? Потому-что онъ знаетъ ее, знаетъ, чѣмъ занята ея душа, знаетъ, что для любви въ ней мѣста нѣтъ!—Ганна невольно поднялась съ постели. Что-то мучительно глубоко шевельнулось въ ея сердцѣ при этихъ словахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—тряхнула она съ усиліемъ головою, и лихорадочныя мысли понеслись въ ея головѣ, стараясь заглушить проснувшуюся боль,—онъ не долженъ былъ говорить этого! Какъ къ отцу, какъ къ матери привязалась она къ нему, а онъ,—губы Ганны снова задрожали,—такъ легко, такъ спокойно хотѣлъ устранить ее! Да неужели-же сожалѣнія и жалости не было въ его сердцѣ? Нѣтъ, онъ... кажется говорилъ... что тяжко... но все же, все-же сваталъ.. Ложь! Ложь!—вскрикнула Ганна, перебивая сама свои мысли и сжимая горящую голову.—Да вѣдь и отецъ, и мать больше любятъ своихъ дѣтей, а думаютъ объ ихъ судьбѣ, и дочери безъ обиды уходятъ изъ отцовскаго дома и строютъ свое молодое гнѣздо! Почему-же ее обидѣло это такъ тяжко? Почему? Почему?—съ нетерпѣніемъ допрашивала себя Ганна, закусывая губы и сжимая до боли руки.— И снова мысли ея возвращались къ словамъ Богдана и описывали тотъ-же кругъ. Уже передъ свѣтомъ заснула она, измученная, взволнованная какимъ-то страннымъ чувствомъ до глубины души. Рано

утромъ ее разбудила старуха нянька и сообщила, что изъ Золотарева прискакалъ гонецъ и принесъ извѣстіе о томъ, что пану Золотаренку кабанъ повредилъ ногу на охотѣ, и хотя рана неопасная, но панъ проситъ Ганну навѣстить его.

Ганна до чрезвычайности обрадовалась этой возможности выѣхать изъ Субботова и стряхнуть съ себя всѣ эти чувства, мысли и сомнѣнія, которыя опутали ее здѣсь, какъ муху паутина. Наскоро одѣвшись, она отправилась къ Богдану.

Она вошла въ его комнату, блѣдная, съ отѣненными еще болѣзненною тѣнью глазами.

— Ну, какъ тебѣ, моя „горличко"?

— Спасибо, уже совсѣмъ хорошо,—отвѣтила, опустивъ глаза, Ганна.—Я къ брату поѣхать хочу.

— Къ брату? Зачѣмъ?—изумился Богданъ.

— Такъ,—и по лицу Ганны разлился слабый румянецъ.—Извѣстіе получила, на охотѣ кабанъ ему ногу порвалъ.

— Пустякъ! Царапина, я слыхалъ. Развѣ у него безъ тебя не найдется кому перевязать? Заживетъ! Черезъ два дня козака у насъ откалывать будетъ.

— Нѣтъ, дядьку,—тихо, но твердо отвѣтила Ганна,—мнѣ нужно поѣхать: я бабу съ собой повезу.

— Ну, дѣлай, какъ хочешь! Только дай я посмотрю на тебя!—Богданъ взялъ ее за руку и подвелъ къ окну.—Съ чего ты, голубко, такая печальная стала? Не обидѣлъ-ли тебя кто?

— Нѣтъ, никто... За братомъ соскучилась,—проговорила Ганна и, чувствуя, какъ задрожали губы, быстро отвернулась.

— Ну, коли соскучилась, неволить не буду,—погладилъ ее Богданъ по темной головкѣ и съ недоумѣніемъ покачалъ головой.—Поѣзжай. Я самъ навѣдаюсь скоро, нужно кое о чемъ съ Иваномъ переговорить.

— Такъ я велю лошадей закладывать,—перебила его Ганна, все еще не поворачивая головы.

— А можетъ послѣ обѣда?—остановилъ ее Богданъ; но Ганна молчала.—Такъ торопишься насъ покинуть?—грустно замѣтилъ онъ.—Ну, дѣлай, какъ знаешь сама. Да вели взять мой старый „байбаракъ" (особаго покроя шуба, родъ бекеши) на ноги—холодно.

Ганна хотѣла что-то отвѣтить, но вдругъ плечи ея задрожали, и, быстро повернувшись, она вышла за дверь.

Въ сѣняхъ она встрѣтилась съ Ахметкой. Хлопчикъ былъ одѣтъ уже по дорожному и засунулъ за кушакъ пару пистолетовъ.

— А ты куда собрался, Ахметка?—удивилась Ганна, окидывая его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Какъ куда? —изумился въ свою очередь мальчикъ.—Панну поѣду провожать.

— Такъ боишься за меня?—улыбнулась Ганна.—Ну, поѣзжай, тамъ и дьякова хата близехонько.

Ахметка немного смутился, но, тряхнувши весело головой, замѣтилъ:—А я ужъ велѣлъ и лошадей подавать.

Ганна отворила дверь и, войдя на женскую половину, прошла прямо къ больной.

— Кидать насъ собралась, Галочко, на долго-ли?—жалобно заговорила больная, приподымаясь на постели.—Охъ, какъ мы тутъ безъ тебя останемся? Дѣтки плачутъ за тобой.

И въ самомъ дѣлѣ, дѣти, собравшіяся подлѣ матери, казалось, только и ждали этого слова. Съ громкимъ рыданіемъ уцѣпились они со всѣхъ сторонъ за Ганну, повторяя всѣ, какъ одинъ: „Ганнусю, не уѣзжай, не кидай насъ!“

— Видишь, они къ тебѣ, какъ къ матери родной,—горько усмѣхнулась больная, и Ганнѣ показалось, что по лицу ея скользнула печальная тѣнь.—Не оставляй ихъ, Галочко!

— Титочко, да вѣдь я не надолго, я вѣдь вернусь,—старалась Ганна успокоить дѣтей.

Но больная подняла на нее грустные и какіе-то необычайно проницательные глаза и промолвила тихо:—Вернешься? Когда? Быть можетъ, уже не застанешь меня.

— Что вы, что вы, титочко?—наклонилась Ганна къ ея рукѣ,—поздоровѣетъ братъ, я сейчасъ и назадъ вернусь.

Больная обняла ее за голову и, прижавши къ своей груди, тихо шепнула.—Бѣдная моя, хорошая моя!

Ганна чувствовала, что еще нѣсколько мгновеній, и она потеряетъ присутствіе духа. Она перецѣловала поспѣшно всѣхъ дѣтей, быстро одѣлась, вышла на дворъ и сѣла въ сани вмѣстѣ со старухой-знахаркой.

Сильно рванули лошади и быстро понеслись впередъ. За ними двинулись два всадника: Ахметка еще съ другимъ козакомъ.

Мелькнули первыя ворота, вторыя—и сани вынеслись на необозримое пространство, покрытое сверкающею, какъ сахаръ, бѣлою пеленой.

Ганна взглянула въ ту сторону, гдѣ остался хуторъ и поселки Они стояли, всѣ осыпанные блестящимъ снѣгомъ съ объиндѣвѣвшими словно сказочными деревьями; легкій дымокъ изъ трубъ подымался молочными полосами къ ярко-ярко-синему небу. Все это имѣло празд-

ничный, торжествующій видъ; но отъ этого блеска красные круги заходили у Ганны въ глазахъ. Ганна закрыла глаза и прижалась къ деревянной спинкѣ саней. Лошади несли дружно; комки мягкаго снѣга, вырываясь изъ-подъ копытъ, осыпали снѣжною пылью сидящихъ въ саняхъ. Изрѣдка только въ балкахъ виднѣлись признаки хуторовъ, но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ безлюднѣе разливалась кругомъ безбрежная степь. Тупое, гнетущее чувство овладѣвало Ганной все властнѣй и властнѣй. Съ каждымъ шагомъ лошади уносили ее отъ того мѣста, въ которомъ сосредоточилась вся ея жизнь.... Зачѣмъ-же она покинула Субботовъ? Зачѣмъ? Ганна сжала свои тонкія руки и съ тоской оглянулась назадъ. Но тамъ уже ничего не было видно, кромѣ яркаго неба и сверкающаго снѣга...

Время шло; сани плавно неслись впередъ и ихъ мѣрное покачиванье начинало мало-по-малу убаюкивать Ганну; она закрыла глаза и сама того не замѣчая, погрузилась въ воспоминанія всей своей протекшей жизни.

Вотъ уже пять лѣтъ, какъ поселилась она въ Субботовѣ. Какая она была тогда еще маленькая дѣвочка! Было-ли ей и четырнадцать лѣтъ? Въ дѣтствѣ своемъ Ганна видѣла мало веселаго. Отецъ рѣдко бывалъ дома, козаковалъ все больше, а мать томилась безъ него, боялась, плакала. И Ганнѣ не хотѣлось идти ни къ подругамъ, ни на улицу; она все сидѣла подлѣ матери, прижимая ея худую руку къ своимъ губамъ. Въ церковь онѣ ходили постоянно и постоянно служили молебны о рабѣ Божіемъ Николаѣ до тѣхъ поръ, покуда во время возстанія Сулимы не принесли матери печальную вѣсть. Что-жъ, громко мать не тужила! Она всю жизнь жила, ожидая того...

Молебны замѣнились панихидами; но бѣдная женщина тихо и безропотно таяла день за днемъ. Гдѣ же былъ братъ? Онъ учился на Сѣчи „войсковой справѣ“ (военному искусству). Ганна одна ходила за больной матерью, считала ея послѣдніе дни, но считать ей пришлось ихъ недолго. Вскорѣ мать умерла на ея рукахъ.

Дѣвочку взялъ дальній родичъ и закадычный другъ ея отца, Хмельницкій.

Сначала Ганна дичилась въ ихъ домѣ... О, какъ это давно уже было! Жена Богдана не лежала тогда, какъ теперь. Она была бойкая, и веселая, и радушная хозяйка; все у ней въ домѣ кипѣло, все въ хозяйствѣ шло своимъ чередомъ. Дядько рѣдко когда бывалъ дома, разъѣзжая все по „войсковымъ справамъ“, а когда возвращался домой, то очень ласкалъ сиротку. Богдану понравилась маленькая, серьезная дѣвочка съ большими, печальными глазами; онъ часто разговаривалъ съ ней, научилъ ее читать, и дѣвочка оказа-

лась и умной, и сообразительной. Богданъ часто говорилъ съ ней, и она поражала его своими серьезными, но по дѣтски вдумчивыми отвѣтами. А она? Боже мой, Боже мой, какъ она привязалась къ доброму дядьку! Для нея онъ казался Богомъ, и, слушая его, она отъ дорогого дядька не могла глазъ оторвать. Да и „титка" полюбила ее. Какое это было тихое и услужливое существо! Вездѣ она старалась помочь кому-нибудь въ домѣ, и когда „титка" начала прихварывать, все хозяйство перешло къ ней въ руки. Такъ пролетѣло два года, и Ганна сдѣлалась взрослой „дивчыной"; но дѣвичьи грезы ее не тревожили. Ни на „вечерницы", ни на „улицу" она не ходила, и изъ козаковъ, посѣщавшихъ постоянно домъ Богдана, ни одинъ не затронулъ ея души. Она любила ихъ всѣхъ, а особенно Богуна—потому что видѣла въ нихъ защитниковъ родины, а положеніе края было извѣстно ей съ юныхъ лѣтъ. Когда они собирались у Богдана, она прислушивалась къ ихъ разговорамъ съ замирающимъ сердцемъ, съ потрясенной душой, и никто не обращалъ вниманія на худенькую дѣвочку, забившуюся въ уголокъ, а у этой невзрачной дѣвочки цѣлый героическій міръ разростался въ душѣ. То ей казалось, что она летитъ въ битвѣ вмѣстѣ съ этими козаками, то ей казалось, что она стоитъ въ Варшавѣ передъ самимъ королемъ и какія горячія рѣчи говоритъ она ему! Боже, она видитъ, какъ слезы выступаютъ на его добрые глаза! Онъ тронутъ, онъ вѣритъ ей, онъ понимаетъ положеніе ея родины, и онъ измѣнитъ все и спасетъ всѣхъ. Но чѣмъ старше дѣлалась дѣвочка, тѣмъ рѣже освѣщали ея головку такія пылкія мечты, а задумчивая грусть навѣщала ее все чаще, пока не подружилась съ нею совсѣмъ. Въ церкви, стоя передъ образами, Ганна молилась Богу о ниспосланіи спасителя ея странѣ, и чѣмъ мрачнѣе становилось кругомъ, тѣмъ яснѣе вставала въ душѣ ея мысль, что „спаситель" есть, что онъ недалеко. И, наконецъ, Ганна узнала его! Это случилось съ нею тогда, въ тотъ вечеръ, когда она сидѣла съ Богданомъ, когда онъ говорилъ ей о будущности страны: словно Божія молнія освѣтила эта мысль ея душу, да и сожгла навсегда.

Ганна прижала къ груди руки и оглянулась кругомъ: короткій зимній день уже близился къ вечеру. На западѣ тянулась нѣжная розовая полоса, но солнце еще не опускалось.

— Уже и до Золотарева осталось немного!—обернулся къ ней Ахметка, указывая нагайкой впередъ.—Верстъ пять, не больше!

— Какъ скоро!—вырвалось у Ганны, но радости не было въ этомъ восклицаніи.

А Ахметка, между тѣмъ, нетерпѣливо вглядывался въ бѣлую линію горизонта, стараясь различить поскорѣе „дымари" золотарев-

скихъ хатъ. За пазухой у него лежалъ тщательно завернутый свертокъ, и въ немъ заключалась пара хорошенькихъ „червоныхъ черевичекъ“ (красныхъ башмачковъ) съ мѣдными подковками, которыя онъ купилъ въ Чигиринѣ. Черевички были маленькія и аккуратненькія, какъ и ножка, для которой предназначались онѣ. Со времени послѣдняго разговора съ Оксаной, Ахметка сталъ какъ-то серьезнѣе относиться ко всему. По отношенію къ дѣвочкѣ онъ чувствовалъ на себѣ словно отцовскія обязательства. Каждый разъ, какъ онъ бывалъ въ Чигиринѣ, онъ непремѣнно покупалъ что-нибудь Оксанѣ: то плахточку, то платокъ, то „черевики“. И дѣвочка принимала все это съ восторгомъ и, цѣпляясь Ахметкѣ за шею, повторяла по нѣскольку разъ:

— Ахметка, ты и когда женишься на мнѣ, то также все „куповать“ мнѣ будешь?

— Ну, а кто-жъ тебѣ купитъ, „дытынко“, если не я?—улыбался маленькій козачекъ, чувствуя самъ, какъ отъ этихъ заботъ онъ растетъ и мужаетъ съ каждымъ днемъ.

— Ну да, конечно!—отвѣчала Оксана, дѣлая серьезную мину,— а „баба“ говоритъ, что „чоловикъ“ (мужъ) только бить долженъ жену, и говоритъ, что боится умереть, потому что и на томъ свѣтѣ встрѣтится съ „чоловикомъ“ и что онъ и тамъ начнетъ ее „товкты“.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубко!—успокаивалъ ее Ахметка.—Богъ на томъ свѣтѣ не позволяетъ драться. Вотъ, если кто въ „пекло“ попадаетъ... тамъ... ну, тамъ черти бьютъ...

— Брр!... Ахметка, я боюсь попасть туда!—прижималась къ нему Оксана.—А скажи, куда ляхи послѣ смерти попадутъ?—съ любопытствомъ вскидывала она на него свои темненькіе глазки.

— Въ пекло!—отвѣчалъ рѣшительно Ахметка, нахмуривая при этомъ брови.

— А если тамъ будетъ тѣсно?—допрашивала Оксана.—Ляховъ, Ахметка, много,—покачивала она съ сожалѣніемъ головой.

— Хватитъ мѣста на всѣхъ! Мы имъ дорогу прочистимъ!— сурово отвѣчалъ молодой козачекъ.

— Дай-то Богъ,—вздыхала Оксана, складывая на колѣняхъ руки,—потому что, если ихъ тамъ всѣхъ не примутъ, то они опять на Украйну вернутся,—„погано“ будетъ тогда!

Между тѣмъ, на горизонтѣ начали смутно обрисовываться снѣжныя кровли и вершины деревъ. Кучеръ подобралъ возжи, размахнулся рукой, гикнулъ, и лошади понеслись вскачь.

— Золотарево!—крикнулъ громко Ахметка, оборачиваясь къ Ганнѣ; но Ганна не слыхала его крика. Она сидѣла, укрывшись, въ саняхъ.

Солнце склонялось къ закату; легкія тѣни спускались кругомъ. Ганна глядѣла передъ собою тусклыми глазами и не видѣла ничего. Ей казалось, что нѣтъ у ней въ груди ни души, ни сердца. Смертельная, безъисходная тоска мертвымъ саваномъ облекала ее.

Ворота при въѣздѣ были раскрыты настежь. Лошади понеслись по узенькимъ уличкамъ, разбрасывая пушистый снѣгъ по сторонамъ. Но, къ удивленію своему, путники не замѣтили ни любопытныхъ бабьихъ лицъ у окошечекъ, ни дѣтскихъ фигурокъ, повисшихъ на плетняхъ, только дружный лай остервенившихся собакъ встрѣчалъ ихъ отовсюду. Казалось, вся деревня вымерла. Однако, странный шумъ, доносившійся издали, не подтверждалъ этого предположенія.

Завернувши въ нѣсколько узенькихъ и кривыхъ уличекъ, сани выскочили на обширную площадь и остановились сразу.

— Отчего стали?—спросила Ганна, приподымаясь: но не нужно было отвѣта, чтобъ понять все.

Вся широкая площадь была сплошь занята шумящимъ народомъ, преимущественно бабами, стариками и дѣтьми. Возлѣ старенькой деревянной церкви и деревянной колоколеньки стояла кучка польскихъ всадниковъ. На колокольнѣ, широко упершись ногами въ помостъ, стоялъ красный отъ гнѣва дьякъ. Его рыжіе, всклокоченные волосы разметались кругомъ, голова съ низкимъ лбомъ, налитыми кровью глазами и раздувшимися ноздрями была нагнута впередъ, широкіе кулаки сжаты, и весь онъ напоминалъ остервенившагося быка, готоваго ринуться впередъ. За нимъ, вся дрожа отъ холода и страха, стояла босоногая Оксана, съ громкими слезами цѣпляясь за рясу отца.

— Пропустите! Пропустите! — крикнула громкимъ голосомъ Ганна, подымаясь во весь ростъ въ саняхъ.

Громкій ли, повелительный голосъ Ганны, или видъ разгорячившихся лошадей повліялъ на толпу, но только она шарахнулась, и лошади вынесли къ колокольнѣ. Подлѣ нея стояли простыя сани, запряженныя двумя парами воловъ; небольшой отрядъ изъ восемнадцати вооруженныхъ всадниковъ съ толстымъ паномъ-экономомъ во главѣ окружалъ колокольню. Толпа здѣсь казалась еще болѣе разсвирѣпѣвшей. Крики и угрозы оглашали воздухъ, сжатые кулаки и палки подымались вверхъ. Всадники стояли еще въ нерѣшительности.

— Да бейте ихъ, песьихъ сыновъ!—кричалъ побагровѣвшій панъ-экономъ.—Чего стали? А того схизматскаго пса прогнать съ колокольни канчуками!

— Не подходи!—кричалъ дьякъ.—Не тронь звона, я его сторожъ! Головы вамъ всѣмъ размозжу, а звона не дамъ!

Двое изъ всадниковъ спѣшились и полѣзли было на колокольню, но дьякъ съ такой силой оттолкнулъ ихъ, что жолнеры покатились кубаремъ; одинъ изъ нихъ ударился головой о выступъ, и густая струя крови залила ему все лицо.

— А, такъ вотъ ты какъ, пся кревь, лайдакъ, гевалъ, схизматъ проклятый!—весь вспыхнулъ панъ-экономъ, сжимая кулаки.—Попробуешь же ты у меня „кошекъ“ и „дыбъ“! Достать его оттуда пиками! Связать пса и вмѣстѣ съ звономъ бросить сюда!

Шесть всадниковъ спѣшились снова и уже готовились было взлѣзть на звонницу, когда раздался громкій, взволнованный крикъ Ганны:

— На Бога, стойте! Стойте, говорю!

Появленіе ея было столь неожиданно, что и всадники, и панъ-экономъ на мгновеніе опѣшили.

— Стойте!—крикнула Ганна, стоя во весь ростъ въ саняхъ.—Я сестра Золотаренка! Скажите, въ чемъ дѣло? Онъ уладитъ все.

Но первое впечатлѣніе прошло: панъ-экономъ оглянулся на дѣвушку и, замѣтивши, что ее сопровождаютъ всего только два козака, отвѣтилъ съ наглымъ смѣхомъ:

— А мнѣ что до того, хотя бы панна была не только его сестрой, но и маменькой? Я пріѣхалъ взять то, что принадлежитъ пану Дембовичу, и съ этою наглою сволочью съумѣю распорядиться и безъ панской руки!

— Не отдадимъ звона! Не попустимъ! Церковь наша!—раздались угрожающіе крики, и толпа прихлынула еще ближе.

— Пусть только сунется!—рявкнулъ дьякъ, засучивая рукава и обнажая красныя, мускулистыя руки.

— Остановитесь, стойте, слушайте!—кричала Ганна, простирая руки то ко всадникамъ, то къ толпѣ.—Земля принадлежитъ пану Дембовичу, но не колоколъ: колоколъ принадлежитъ церкви, а теперешній панъ Дембовичъ—католикъ.

— Да ужъ, конечно, плюнулъ на хлопскую вѣру!—подбоченился панъ-экономъ, глядя на Ганну наглыми, презрительными глазами.—И безъ права могъ бы онъ взять все, что стоитъ на его землѣ. Но если панна хлопочетъ о правѣ, то тѣмъ болѣе звонъ принадлежитъ ему. Отецъ его мосци построилъ эту церковь и звонъ повѣсилъ; теперь же сынъ его, панъ Дембовичъ, поставилъ въ Глинскѣ костелъ и звонъ велѣлъ туда перевѣсить, а хлопство,—разразился онъ громкимъ смѣхомъ,—можетъ сзывать въ свою церковь, лупя въ котлы!

— Молчи, ляше! Наша церковь! Не отдадимъ звона!—раздались еще грознѣе крики въ толпѣ.

— Постойте, панове! Не можетъ этого быть! Не можетъ!— говорила Ганна взволнованнымъ голосомъ, стараясь заглушить крики толпы.—Если покойный благочестный панъ Дембовичъ далъ колоколъ церкви, то далъ его навсегда. Но если его наслѣдникъ, забывая всѣ божескіе законы, хочетъ отобрать его, то стой, пане! Мы отдадимъ ему деньги, а колокола не тронь! Ты видишь, какъ горячится толпа? Оставь, не возбуждай бунта! Поѣдемъ къ брату; онъ...

— Гей, панно,—крикнулъ экономъ, сжимая нагайку,—проѣзжай своею дорогой, не мѣшайся въ мои дѣла! Вывезти сани отсюда!— крикнулъ онъ одному изъ всадниковъ.

Подскочилъ было тотъ къ лошадямъ, но въ то же мгновеніе получилъ такой ударъ кнутовищемъ по лицу, что съ громкимъ крикомъ отскочилъ въ сторону.

— Такъ вотъ какъ?!—заревѣлъ экономъ.—Связать бунтарьку и собакъ!

Нѣсколько человѣкъ бросились и окружили сани, но козакъ и Ахметка обнажили сабли.

— Заходи изъ-за спины! Вали ихъ!—кричалъ экономъ, размахивая нагайкой.—А вы достаньте того схизматскаго пса, свяжите его по рукамъ и по ногамъ!

У саней завязалась борьба; толпа крестьянъ съ вилами и цѣпами отбивались отъ жолнеровъ. Но скоро нѣкоторые изъ нихъ повалились, получивъ сабельные удары. За то козакъ и Ахметка дѣйствовали такъ ловко карабелами, стоя на возвышеніи саней, что два смѣлѣйшихъ жолнера, приблизившихся къ санямъ, упали безъ словъ.

Баба-знахарка, соскочивши съ саней, юркнула куда то въ толпу. Одна Ганна стояла во весь ростъ съ руками, протянутыми впередъ, какъ бы не замѣчая окружающей ее опасности. Грудь ея высоко подымалась, глаза не отрывались отъ колокольни. А атака тамъ усиливалась все больше. Первый жолнеръ, взобравшійся на колокольню, получилъ такой ударъ кулакомъ по головѣ, что тутъ же упалъ замертво, другой схватилъ было звонаря за руки, но тотъ оттолкнулъ его и ударилъ ногой; жолнеръ покачнулся, потерялъ равновѣсіе и покатился внизъ по ступенямъ.

— Собака!—зарычалъ экономъ.—Зажигайте звонницу со всѣхъ сторонъ!

Часть жолнеровъ съ огнивомъ и съ трутомъ бросилась было къ колокольнѣ, но бабы и старики съ дрекольями и цѣпами оттѣснили ихъ.

— Слѣзай, собака! Стрѣлять буду!—задыхаясь отъ злобы, кричалъ экономъ.

— Стрѣляй, песъ,—зарычалъ сверху дьякъ,—а отъ звона не отступлюсь!

Панъ-экономъ поднялъ пистолетъ и прицѣлился. Дьякъ стоялъ неподвижно, ухватившись рукой за языкъ колокола и заступая собою Оксану.

Панъ экономъ спустилъ курокъ, но въ это мгновеніе Ахметка, прорвавшійся сквозь толпу, наотмашь ударилъ его кулакомъ по плечу; вздрогнула у пана рука, пуля взвизгнула и, не попавъ въ дьяка, ударилась въ колоколъ... Жалобно зазвучалъ колоколъ и больно задребезжалъ его тихій, печальный звонъ.

— Плачетъ! Плачетъ!—зарыдала навзрыдъ Оксана.

— Стонетъ, братцы! Помощи проситъ!—крикнулъ кто-то изъ толпы.

Ганна поблѣднѣла еще больше и занѣмѣла.

— Всѣ на звонницу!—скомандовалъ экономъ.

Осаждавшіе сани бросились къ колокольнѣ; со всѣхъ четырехъ сторонъ поползли на нее вооруженные люди.

Между толпой и осаждавшими завязалась борьба.

Однако, какъ ни храбро сражались козакъ и Ахметка, перевѣсъ былъ на сторонѣ жолнеровъ. Уже двое изъ нихъ достигли колокольни. Сильны были кулаки дьяка, но противъ сабель трудно было имъ устоять. Еще одного удалось ему спихнуть съ колокольни, но двое уже подымались наверхъ. Тогда въ одно мгновеніе вырвалъ дьякъ изъ-за пояса ножъ и, схвативъ одной рукой за языкъ, поднялся на мускулахъ, перерѣзалъ другой веревку, на которой былъ подвѣшенъ языкъ, и съ этою двухъ-пудовою „мащугой“ бросился на осаждающихъ сверху. Попятились жолнеры и одинъ изъ нихъ упалъ съ раздробленною головой.

— Не подходи!—рычалъ осатанѣвшій дьякъ, размахивая своей двухъ-пудовой гирей.—Всѣмъ головы раздроблю!

Снова зарядилъ панъ-экономъ пистолетъ, но Ахметка, слѣдившій за нимъ, подкрался сзади, и ударъ въ этотъ разъ былъ удачнѣе. Правда, теплая шапка предохранила черепъ пана, но онъ, ошеломленный, опрокинулся въ сѣдлѣ; выстрѣлъ грянулъ и пуля попала лошади въ шею... рванулась лошадь и понесла. Тучное тѣло пана скользнуло и грянулось на землю, но нога осталась въ стремени. Какъ обезумѣвшая, неслась лошадь впередъ, увлекая за собою тѣло своего господина. Нѣсколько жолнеровъ бросились перехватить коня, другіе же, не замѣтившіе этого происшествія, продолжали осаждать колокольню. Но страшенъ былъ теперь дьякъ, размахивавшій своей

гирей, да къ тому же изъ деревни подоспѣло еще нѣсколько козаковъ.

Послѣ недолгой борьбы жолнеры бросились въ бѣгство. Шести изъ нихъ, уложенныхъ гирей дьяка, уже не было видно нигдѣ.

— Панове братья!—говорила Ганна, дрожа отъ волненія и съ ужасомъ оглядывая трупы, лежащіе кругомъ.—Это такъ не пройдетъ вамъ: Дембовичъ отомститъ за все. Приходите во дворъ на раду къ брату, я къ пану-писарю за совѣтомъ пошлю. Тутъ затѣвается что-то страшное, не то не посмѣлъ бы онъ такое святотатство затѣять!

Побѣдившіе крестьяне стояли теперь молчаливо и угрюмо, образуя возлѣ саней тѣсный кругъ.

— А раненныхъ ко мнѣ во дворъ всѣхъ несите,—продолжала съ тѣмъ же горячечнымъ волненіемъ Ганна.

Знахарка, замѣтивши благопріятный исходъ дѣла, также вернулась и уже спокойно сидѣла въ саняхъ. Между тѣмъ, Оксана продолжала все еще жалобно плакать.

— Дѣвочка! Бѣдная! Снимите ее, принесите сюда!—обратилась Ганна къ одному изъ окружающихъ; но Ахметка уже предупредилъ ея желаніе. Перевязавши наскоро полученную имъ при сраженіи рану, онъ бросился на колокольню.

— Ахметка, Ахметка!—закричала дѣвочка, бросаясь къ нему и обвивая его шею красными замерзшими рученками.

— Голубка, ты босая!—вскрикнулъ Ахметка, замѣтивши ея посинѣвшія ножки.—Что ты сдѣлала, бѣдная „дытына"! Да вѣдь теперь на тебя „пропасница", а то и „огневица" можетъ напасть! Идемъ, идемъ!—говорилъ онъ торопливо, беря ее на лѣвую руку и завертывая ножки въ полу своего жупана.

— Нельзя, нельзя, Ахметка,—со слезами говорила Оксана,—протягивая къ колоколу руки.—Мы защищать его должны. Батько сказалъ, что Богъ намъ поручилъ его, а они придутъ и опять стрѣлять въ него будутъ, а онъ снова будетъ стонать и плакать.

— Не бойся, не бойся!—успокоилъ ее Ахметка.—Теперь они не скоро вернутся. Да мы оставимъ подлѣ церкви „вартовыхъ". Въ случаѣ чего, они сейчасъ намъ дадутъ знать.

Осторожно спустился Ахметка со своею ношей по ветхимъ и скользкимъ отъ крови ступенькамъ звонницы и подошелъ къ санямъ.

— Бѣдняжечка!—вскрикнула Ганна, забывая совсѣмъ свое личное горе при видѣ бѣдной дѣвочки: дѣйствительно, видъ послѣдней былъ до чрезвычайности жалокъ. Маленькая, худенькая, она вся дрожала отъ холода и страха; по лицу ея одна за другой ка-

тились слезинки и застывали на промерзшихъ щечкахъ; съ головы скатился платочекъ, и растрепанные волосики разметались кругомъ. Со страхомъ прижималась она къ Ахметкѣ, повторяя:

— Ахметка, Ахметка, не оставляй меня!

— Бѣдняжка, бѣдняжка!—говорила Ганна.—Заверните ее въ этотъ „байбаракъ“, положите сюда! Да поѣдемте скорѣе: ее надо отогрѣть, она замерзла совсѣмъ.

Оксану завернули въ просторную шубу Богдана. Такъ какъ у кучера оказалось сильно поврежденнымъ плечо, то одинъ изъ крестьянъ сѣлъ на козлы, и путешественники шажкомъ двинулись впередъ.

Вскорѣ дворъ пана Золоторенка наполнился раненными. Рана у самаго пана оказалась весьма ничтожной, но все-же онъ не могъ встать съ постели. Ганна со знахаркой перебѣгала отъ одного раненнаго къ другому: тому давала горячую пищу, тому перевязывала рану. Лицо ея совершенно измѣнилось и преобразилось; ни тѣни грусти не было на немъ; щеки ея покрылъ легкій румянецъ, глаза горѣли отъ прилива энергіи и силы, движенія были легки, ловки и нѣжны. Казалось, Ганна не ощущала никакой усталости, и къ кому бы она ни подходила, всякій чувствовалъ облегченіе отъ ея умѣлой и нѣжной руки.

Болѣе тяжело раненные были оставлены здѣсь же въ теплой хатѣ, болѣе легкихъ отправили по домамъ. Оксану отогрѣли и оттерли. Червоные „черевички“, купленные Ахметкой, пришлись, чрезвычайно кстати и привели дѣвочку въ такой восторгъ, что она на нѣкоторое время совершенно забыла о своемъ горѣ. Она то и дѣло разсматривала свои красныя ножки и, налюбовавшись „черевичками“, бросилась Ахметкѣ на шею.

Однако, беззаботная радость ея продолжалась недолго.

— Ахметка, а гдѣ же тато?—спросила Оксана, и голосъ ея задрожалъ.—Они хотѣли пиками убить его... Можетъ, уже и убили?

— Не безпокойся, дѣточка, не такой тато, чтобы ляхамъ въ руки дался... Онъ спрятался гдѣ-нибудь въ яру, чтобъ имъ на глаза не показываться. А вотъ какъ настанетъ темная ночь, онъ и вернется назадъ.

Но темная ночь настала, а дьякъ не вернулся, и никто даже не могъ сказать, куда и какъ скрылся онъ. Долго поджидала Оксана „батька“, но усталость взяла свое: дѣвочка заснула у окошка съ безмятежною улыбкой на лицѣ.

Только поздно вечеромъ, покончивши со всѣми хлопотами и оставшись одна въ свѣтлицѣ, почувствовала Ганна, какъ она страшно

устала. Но это была физическая усталость, за то на душѣ ея было легко и свѣтло. Она сама не знала, что совершило въ ней такой переворотъ, но только чудо это она чувствовала въ себѣ, и оно-то разливало въ ея душѣ тихій, божественный миръ. Съ той минуты, когда Ганна услыхала тоскливый призывный стонъ колокола, она ни разу не вспомнила о своемъ личномъ горѣ. Вся эта ужасная сцена, эти стоны, крики, кровь раненныхъ и угрозы—потрясли ее до глубины души, и страшное горе охватило ее всю. Зная хорошо положеніе края, Ганна предчувствовала въ этой наглой, своевольной продѣлкѣ предвѣстіе грядущихъ бѣдъ... И передъ этимъ грознымъ, неотвратимымъ горемъ, какими ничтожными казались ей личныя боли ея души!

На утро Ганна отправила гонца къ Богдану, сообщая ему о случившемся и прося поскорѣе прибыть на совѣтъ. Гонцу было также поручено развѣдать стороной, не извѣстно-ли кому, куда скрылся панъ-дьякъ? Ахметка съ своей стороны бѣгалъ уже два раза на село, узнавалъ у дьяковой бабы, не приходилъ-ли ночью дьякъ? Но перепуганная на смерть старуха не видала никого.

Оксана плакала, закрывая лицо красными рученками, и вздрагивала узкими плечиками. Странное дѣло, дѣвочка, почти никогда не видавшая ласки отъ грубаго и часто пьянаго отца, чувствовала теперь къ нему такую дѣтскую нѣжность и жалость, и такъ хотѣлось ей увидѣть снова это красное, поросшее рыжеватыми волосами лицо и услыхать знакомый, рокочущій голосъ.

— Оксаночко, не плачь!—утѣшалъ дѣвочку Ахметка.—Покуда батько вернется, я попрошу панну Ганну, чтобъ она взяла тебя, и ты будешь съ нами жить.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, Ахметка!—говорила Оксана, отнимая руки отъ лица и смотря на него серьезными глазами.—Тато говорилъ, что Богъ намъ поручилъ звонъ, что мы должны сторожить его... Я не могу оставить его...

Нѣсколько разъ проходила черезъ хату къ раненнымъ Ганна, и видъ дѣтей, сидѣвшихъ въ углу, взявшись за руки, навѣвалъ тихое чувство на ея душу.

Къ вечеру прибылъ гонецъ изъ Субботова и сообщилъ, что панъ-писарь „вельми“ встревоженъ и на завтра прибудетъ въ Золотарево.

Прибудетъ... Встревоженъ... Спаситель нашъ!—прошептала Ганна, сжавъ руки, и счастливая улыбка освѣтила ея лицо.—Обо всѣхъ насъ печется, для всѣхъ находитъ слово и совѣтъ!

Тщетно ожидая второй день возвращенія батька, уснула маленькая Оксана; утѣшились раненные; уснулъ и самъ господарь.

Тихо стало въ угрюмомъ золотаревскомъ домѣ. А на сердцѣ Ганны становилось все яснѣй и яснѣй. Восковая свѣча въ низенькомъ шандальчикѣ нагорѣла. Ганна сидѣла у стола, склонивши голову на руку... Вдругъ скрипнула дверь.

— Панно Ганна!—раздался робкій голосъ Ахметки.

— Что тебѣ, милый?—ласково спросила Ганна, подымая голову.

— Дѣло плохо выходитъ, панно: дьяка-то нигдѣ нѣтъ,—тихо заговорилъ Ахметка, приближаясь къ столу.—Нашъ гонецъ, которому вы наказывали разузнать стороной о дьякѣ, говорилъ, что нигдѣ никто ничего о немъ не слыхалъ. Я самъ вотъ отыскалъ въ байракѣ Ивана Цвяха и Гудзя, вотъ которые первые-то сопротивляться начали... такъ они говорятъ, что дьякъ съ ними не былъ... словомъ, никто его не видалъ... Должно быть, его прикончили ляхи.

— Царство небесное, вѣчный покой!—перекрестилась набожно Ганна, подымая къ образу глаза. И тутъ же ей представилась маленькая фигурка дѣвочки, мерзлыя ножки и заплаканные глаза.

Ахметка замигалъ вѣками и продолжалъ нерѣшительно:

— Оно правда, что отецъ немного печалился о дѣвочкѣ, да все-же отецъ былъ... Мнѣ завтра чуть свѣтъ въ Субботово скакать надо, я и то просрочилъ цѣлый день... То хоть хатка у бѣдняжки была, а теперь вотъ...—Ахметка неожиданно остановился и угрюмо уставился глазами въ противоположный уголъ.

— Ахметка, милый, какой ты славный хлопецъ!—подошла къ нему Ганна и ласково положила ему руки на плечи.—Не бойся. Развѣ я могу оставить дѣвочку?—говорила она задушевнымъ голосомъ, любовно глядя ему въ глаза. Она сестрой мнѣ будетъ и останется у насъ.

— Панно Ганна! До вѣку... всю жизнь... никогда не забуду!—вскрикнулъ дрожащимъ голосомъ весь вспыхнувшій хлопчикъ и бросился къ Ганниной рукѣ.

— Хорошій ты, Ахметка!—подняла Ганна обѣими руками голову хлопца и, взглянувъ ему долгимъ взглядомъ въ глаза, тихо сказала:—Оставайся всю жизнь такимъ!

Настало утро, сѣренькое, зимнее утро. Все небо затянулось ровнымъ, бѣлесоватымъ облакомъ. Вновь подпавшій снѣгъ покрывалъ всю землю свѣтлою пеленой. Бѣлый матовый отблескъ наполнялъ комнаты. Въ печахъ трещала солома. Все было тихо и спокойно. Казалось, настали какой-то праздникъ. Ганна чувствовала этотъ

тихій праздникъ и въ своей душѣ. Она сидѣла у небольшого оконца въ свѣтлицѣ. Въ глубинѣ комнаты на обитомъ ковромъ топчанчикѣ сидѣла и Оксана. На ней была темно-синяя корсетка, головка была тщательно причесана, но личико дѣвочки выглядѣло серьезно и печально: нижняя губка была оттопырена, тяжелый вздохъ часто вырывался изъ ея груди. Маленькіе пальчики неумѣло держали иголку съ красною ниткой, которая то и дѣло непослушно вырывалась изъ рукъ. У ней была работа: она вышивала.

Вотъ уже съ обѣдней поры сидитъ у своего окошечка Ганна: ей не работается; она ждетъ Богдана.

Бѣлый пухлый снѣжокъ леталъ въ воздухѣ и падалъ на бѣлую землю тихо и безшумно... И печальное, тихое чувство наполняло все сердце Ганны.

Раздался тупой стукъ копытъ о замерзлую землю. Ганна вздрогнула и почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у ней отъ сердца. Всадникъ подскакалъ къ крыльцу.

— Что это? Богданъ? Одинъ? Безъ козаковъ?—почти вскрикнула Ганна и ея сердце забилось мучительно-торопливо въ груди.—Да нѣтъ же, нѣтъ, это не онъ! Это гонецъ! Несчастье? Случилось что?

Какъ вихрь, какъ буря пронеслись и сожалѣніе, и ужасъ въ ея голосѣ.

Ганна выбѣжала изъ комнаты и бросилась въ сѣни. Двери распахнулись. Весь осыпанный бѣлымъ снѣгомъ, скользя на снѣжномъ полу кованными сапогами, вошелъ молодецкій козакъ.

— „Листъ“ (письмо) паннѣ отъ пана писаря!—произнесъ онъ звонкимъ, молодымъ голосомъ.

Прислонилась Ганна къ дверямъ; желтая бумага задрожала у ней въ рукахъ.

„Любая нашему сердцу, горлычко!—писалъ ей Богданъ.—Не привелъ меня Богъ повидаться съ тобой и съ неменьше дорогимъ нашему сердцу братомъ твоимъ. Панъ коронный гетманъ требуетъ всѣхъ на „Масловъ Ставъ“, на „раду“, а оттуда, куда придется; объ этомъ вѣдаетъ одинъ Богъ. Прошу тебя, „не гаючи часу“ возвращайся въ хуторъ нашъ: оставляю жену и дѣтей безъ единаго призора. За симъ препоручаю васъ всѣхъ Господу нашему Богу и всѣхъ святыхъ ласкѣ. Писано въ Субботовѣ. Року Божого 1539. Децембрія 1-го. Писарь его круле̂вской милости войска козацкаго реестрового, „рукою власною“.

— Уѣхалъ... куда, насколько—самъ не знаетъ... Она не увидитъ его! О Господи!—простонала Ганна, и вдругъ, словно яркая молнія прорѣзала всѣ ея мысли: въ одно мгновенье ей стало ясно

и то, отчего такъ обидѣли ея слова Богдана и отчего ее охватила теперь такая смертельная тоска.

Дикій, смертельный ужасъ наполнилъ все ея сердце... Ганна пошатнулась и поблѣднѣла... желтая бумага выкатилась изъ ея рукъ. „Да будетъ такъ!— пронеслось въ ея головѣ, и лицо ея стало неподвижно и мертво.—Твою, Господи, руку вижу во всемъ!“

М. Старицкій.

(Продолженіе будетъ).

Поѣздка въ Полтаву.

(П. Г. В — ову).

Посѣтивъ лѣтомъ 1896 г. Полтаву, мы увидали тотъ же тихій, патріархальный „губернскій городъ“, какимъ онъ былъ и 25-ть лѣтъ назадъ, когда мы въ послѣдній разъ тамъ были: ничего въ Полтавѣ, за этотъ промежутокъ, не прибавилось, ничего и не убавилось... Тѣ же живописные виды на Заворсклье, тѣ же заросшіе садами дома̀ и домики, тѣ же плохіе пѣшеходы... Однѣ лишь обширныя лавки своимъ полуразрушеннымъ видомъ непріятно бросаются въ глаза, напоминая о нѣкогда бурлившей здѣсь Ильинской ярмаркѣ.

Пріютились мы на „Кобыщанахъ“, среди садовъ, и послѣ первыхъ привѣтствій съ нашими амфитріонами, стали ихъ распрашивать о полтавскихъ новостяхъ. Отвѣтъ былъ тотъ, что полтавскіе обыватели живутъ „помаленьку“, какъ жили и прежде... Впрочемъ, въ это время въ Полтавѣ еще не забылся „инцидентъ“, имѣвшій мѣсто въ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 г. Надолго памятный самъ по себѣ, этотъ инцидентъ увѣковѣченъ еще и мѣстными поэтами. „Произведеніе“ одного изъ нихъ газеты разнесли по всѣмъ земскимъ и неземскимъ губерніямъ. Несомнѣнно, что внуки теперешнихъ полтавцевъ будутъ комментировать эти стихи, доискиваясь—

Кто розгу отстоять съумѣлъ,
Кто былъ и мудръ, и прямъ, и смѣлъ,
Благословлять кого намъ надо—
Учить и взрослыхъ, и дѣтей...

И будутъ при этомъ внуки дивиться суровости нравовъ своихъ дѣдовъ...

Другое произведеніе, воспѣвшее полтавское событіе, въ печати не появлялось и врядъ ли скоро и появится... Принадлежитъ оно мѣстному поэту и называется „*Розмова двохъ кумивъ про земськи дила*". Поэтъ, нарисовавъ картину земскаго собранія и портреты главныхъ его дѣятелей (конечно, безъ именъ), приводитъ затѣмъ рѣчи гласныхъ по вопросу—чтобы „не шмагать ризками того, хто школу покинчить" въ томъ соображеніи, что „якъ будуть знать про те селяне, то будуть бильшъ дитей учить"... Одинъ изъ гласныхъ на вопросъ: „чи вартъ то ризгу скасувать"? доказывалъ, что „вона для темного народу—маты...". Другой гласный, поддерживая перваго („и справди, мати имъ вона!"), распространился на тему, что если розга будетъ уничтожена, то взамѣнъ должна явиться тюрьма, но тюрьма погубитъ де „селянскую" душу навѣки.

Послѣ рѣчей, вопросъ балотировали, и результатъ оказался въ пользу „розги".

Такой результатъ вызываетъ у одного изъ кумовьевъ замѣчаніе, что „одна душа имъ (защитникамъ розги) наша мыла... Про шкуру жъ байдуже воны!".

Ѣхали мы въ Полтаву, между прочимъ, и съ цѣлію поискать тамъ всяческихъ свѣдѣній о Котляревскомъ въ виду приближенія юбилейнаго 1898 года.—При разговорахъ на эту тему, намъ напомнили о полтавскомъ старожилѣ Степанѣ Павловичѣ Стеблинѣ-Каменскомъ, умершемъ лѣтъ десять назадъ и оставившемъ де послѣ себя многолѣтній дневникъ[1]). Отецъ Ст. П—ча Ст.-К—аго служилъ, въ тридцатыхъ годахъ, непремѣннымъ чле-

[1]) Ст. Павл. Ст.-К—кій былъ въ Полтавѣ очень популярнымъ человѣкомъ. Онъ былъ стародавній тамъ учитель, обучившій чуть не два поколѣнія полтавцевъ и, кромѣ того, постоянно писавшій стихи на разные „случаи".

номъ полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ то время, когда Котляревскій былъ надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ и попечителемъ тамошняго богоугоднаго заведенія, — учрежденій подвѣдомственныхъ приказу. Быть можетъ, совмѣстная служба была причиною сближенія Ст.-К—аго съ Котляревскимъ, но во всякомъ случаѣ у Котляревскаго, въ его старости, не было болѣе близкаго человѣка, какъ Ст.-Каменскій. Въ виду этого пріятельства являлась надежда найти что нибудь о Котляревскомъ въ дневникѣ Ст.-Каменскаго-сына, начатомъ еще за жизни автора украинской Энеиды.

Добыть этотъ дневникъ казалось нелегко въ виду тяжкой въ то время болѣзни его владѣльца Ег. Ст. Стеблина-Каменскаго. Но нашъ амфитріонъ попытался и попытка удалась: нѣсколько тетрадокъ онъ успѣлъ получить отъ больного, который черезъ три дня послѣ того скончался...

Начинается дневникъ Ст. П—ча, въ добытыхъ тетрадкахъ, съ 1838 г., т. е. съ того года, въ который Котляревскій умеръ. Въ тетрадкѣ за этотъ годъ мы нашли и о немъ свѣдѣнія, но къ сожалѣнію, лишь за время, слѣдовавшее уже за его смертью. Всѣ эти свѣдѣнія не лишены интереса для біографіи Котляревскаго и мы ихъ приводимъ здѣсь въ буквальныхъ выпискахъ.

1838 г., 29 окт. Утромъ, возвратясь изъ классовъ, узналъ, что за папенькою присылали отъ Котляревскаго съ вѣстью, что онъ умираетъ. Послѣ обѣда, по возвращеніи моемъ, я узналъ, что и маменька туда уже поѣхала и что Ивана Петровича уже не стало. Вѣсть эта, хотя ожиданная, тронула меня сильно. Папенька въ Котляревскомъ лишился послѣдняго своего пріятеля и друга, да и вообще какъ то горько было помыслить, что у насъ нѣтъ уже Котляревскаго. Онъ прожилъ 69 лѣтъ, родился въ одинъ годъ съ Наполеономъ, 1769 г. Разсказываютъ, что не задолго до кончины, приказалъ подать себѣ колокольчикъ, а другой—слугѣ, и звонилъ, воображая вѣроятно звонъ, какой будетъ по его кончинѣ. Онъ умеръ въ памяти, но безъ словъ, ибо за три дня почти не могъ уже говорить .. И. Петр. скончался послѣ обѣда, въ 2 ч. 35 мин., послѣ четырехнедѣльной болѣзни. За недѣлю онъ пріобщился св. тайнъ.

30 окт. Зашелъ поклониться праху И. Петр., котораго вечеромъ вынесутъ въ соборъ, а завтра похоронятъ. Возвратясь домой, надумалъ и написалъ надгробную рѣчь Котляр., которую, кажется, не рѣшусь привести въ дѣйство, да и нельзя отлучиться изъ гимназіи завтра.

31 окт. Утромъ пошелъ къ Неводовскому просить за воспитанниковъ, чтобы они были при погребеніи Котляревскаго, на что Павелъ Титовичъ изъявилъ свое согласіе. Отпросился у директора не быть въ классахъ. Въ $9^1/_2$ час.. отправился въ соборъ, гдѣ произнесъ рѣчь надъ гробомъ И. П., многимъ понравившуюся. Шелъ пѣшкомъ за гробомъ до кладбища. Музыка военная играла всю дорогу. Я былъ тронутъ глубоко потерею Котл., незамѣнимою для Малороссіи. Обѣдалъ у хозяйки Котл., за поминальнымъ столомъ.

1 нояб. Получилъ двѣ записки отъ Буткова [1]) на счетъ некрологіи Котляревскаго, которую онъ меня проситъ написать. Однако не смотря на собственное желаніе, этого сдѣлать скоро нельзя по той причинѣ, что еще неизвѣстны разные нужные къ тому матеріалы. Впрочемъ, я просилъ папеньку, и онъ ѣздилъ нарочно, взялъ бумаги И. П. и завтра разберетъ, также самъ напишетъ что нужно. Между тѣмъ и я, оставивъ свои занятія, большую половину вечера просидѣлъ, бросая наскоро замѣтки и мысли, кои послѣ войдутъ, можетъ быть, въ составъ некрологіи.

2 ноябр. Сидѣлъ за некрологіей Котл., которой все еще не привелъ къ концу. Между тѣмъ прислалъ папенька свою записку и она такъ хорошо написана, что измѣнивъ и прибавивъ немногое, завтра можно будетъ кончить.

3 ноябр. Кончилъ и переписалъ, послѣ поправокъ Буткова, некрологію И. П. Котляревскаго, для отпечатанія въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*.

5 ноябр. Прочиталъ вслухъ (въ семьѣ) малороссійскій водевиль покойнаго Котляревскаго «Солдатъ Чарывныкъ» (sic.). Сюжетъ взятъ изъ извѣстной сказки народной, но разсказамъ хорошо, съ приложеніемъ приличныхъ пѣсень.

13 ноябр. Цѣлый день былъ занятъ составленіемъ подробнѣйшей некрологіи Котл. для *Сѣверной Пчелы*, для чего взялъ у папеньки нѣкоторыя бумаги покойнаго и письма къ нему литераторовъ.

---

[1]) Кажется, инспекторъ гимназіи. А. Л.

18 ноябр. По желанію Софьи (жены), прочелъ вслухъ у маменьки Энеиду Котл., 4 части печатныхъ и нѣсколько отрывковъ, писанныхъ рукою покойнаго.

11 дек. Софья ѣздила къ хозяйкѣ Котляревскаго и привезла французскую библію (стереотипное изданіе въ Лондонѣ), которую намѣренъ оставить въ память Котляревскаго.

Изъ записанныхъ здѣсь подробностей, между прочимъ, видимъ, что тотъ біографическій очеркъ Котляревскаго, который напечатанъ въ *Сѣверной Пчелѣ* 1839 г. (№ 146), составленъ С. П. Стеблинымъ-Каменскимъ *по бумагамъ умершаго и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ біографу его отцемъ, ближайшимъ пріятелемъ Котляревскаго.* Свѣдѣніе это важно въ томъ отношеніи, что эта коротенькая біографія Котляревскаго и до сихъ поръ служитъ единственнымъ источникомъ достовѣрныхъ о немъ свѣдѣній. Пользуясь случаемъ, выписываемъ изъ статьи Стеблинъ-Каменскаго существенныя для знакомства съ личностью Котляревскаго мѣста. Эти выписки особенно могутъ пригодиться теперь, въ виду возбужденнаго интереса къ литературной дѣятельности автора украинской Энеиды.

„По окончаніи курса наукъ въ полтавской духовной семинаріи, Котляревскій нѣсколько времени занимался въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ воспитаніемъ дѣтей. Въ этотъ періодъ жизни своей, по словамъ современниковъ, бывалъ онъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ переодѣтый участвовалъ въ нихъ, прилѣжно вслушивался и записывалъ слова малороссійскаго нарѣчія, изучая такимъ образомъ языкъ и наблюдая нравы, обычаи, повѣрья и преданія украинцевъ. Время показало, что это было слѣдствіе поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой на родномъ нарѣчіи Котляревскій избралъ поэму Виргилія... По долгомъ обдуманномъ приготовленіи, онъ рѣшился переложить Энеиду Виргилія на малороссійское нарѣчіе. Изъ собранныхъ свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны безъ вѣдома автора[1]), съ боль-

---

[1]) Въ двухъ изданіяхъ, 1798 и 1808 г. г., описаніе которыхъ см. въ „Основѣ“ 1861 г., февр., 173. Изданіе 1808 г. очень рѣдко и, повидимому, даже рѣже, чѣмъ первое изданіе. Въ Кіевѣ оно есть у В. П. Науменка.

шими ошибками и опущеніями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, Котляревскій посвятилъ (свою поэму) помѣщику полтавской губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году... [1]). Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени. Обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ, но написавъ впослѣдствіи 5 и 6-ю части, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 г., надв. сов. Волохинову... Въ 1819 г., для существовавшаго въ Полтавѣ театра, которымъ управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чаривныкъ*... Передавъ обѣ піесы для напечатанія г. Срезневскому (Изм. Ив.), авторъ незадолго до смерти видѣлъ уже *Полтавку* напечатанною въ „Украинскомъ сборникѣ" г. Срезневскаго"...

„Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій занимаясь собраніемъ малороссійскихъ пѣсенъ, помѣщалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ повременныхъ изданіяхъ... Знанія его въ исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся до народнаго быта Украины, были весьма обширны... Котляревскій любилъ бывать въ обществахъ... Былъ душою всякой компаніи... Обладалъ прекраснымъ даромъ разсказывать умно и весело, при чемъ употреблялъ аллегорически пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію священнаго писанія. Разговоръ его оттѣнялся природнымъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ..." [2]).

Вотъ короткія, но, повидимому, вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о Котляревскомъ, какъ человѣкѣ и писателѣ, исходящія отъ

---

[1]) Сем. Мих. Кочубей, (внукъ генер. обознаго, а потомъ члена малороссійской коллегіи), былъ извѣстный полтавскій богачъ, занимавшій одно время (1805—1808) должность полтавскаго губ. предводителя. Одинъ изъ его родичей разсказываетъ, что С. М. К—бей „пышно и роскошно жилъ въ Полтавѣ, пока не промоталъ 7000 душъ крестьянъ, послѣ чего умеръ въ бѣдности... „Записки Арк. Вас. Кочубея (Спб., 1890), стр. 13—14.

[2]) Выписка сдѣлана по рукописи, найденной въ бумагахъ Ст. П. Стеблинъ-Каменскаго. Приведенныя здѣсь подробности служили основаніемъ и для біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Основѣ" 1861 г., февраль, хотя авторъ очерка говоритъ, что эти свѣдѣнія онъ получилъ де отъ А. В. Терещенка.

близкаго къ нему человѣка—Ст.-Каменскаго-отца. Послѣдній свидѣтельствуетъ, что Котляревскій хорошо былъ знакомъ съ исторіей Малороссіи и съ ея народнымъ бытомъ. Слѣдуетъ думать, что эти знанія обусловливались особою любовью поэта къ своей родинѣ, но какихъ либо болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ не имѣется. Нѣтъ у насъ ни мемуаровъ, въ которыхъ современникъ поэта знакомилъ бы насъ со степенью его родинолюбія, ни писемъ самого поэта, которыя сказали бы что нибудь о его субъективныхъ отношеніяхъ къ родинѣ. И, повидимому, трудно надѣяться, чтобы такого рода свѣдѣнія когда либо и явились уже... Имѣется, впрочемъ, одно такое свѣдѣніе о Котляревскомъ, исходящее будто бы отъ его современника, при чемъ современникомъ этимъ является извѣстный полякъ Падурра, сочинявшій малорусскія пѣсни... Въ его біографіи, написанной не извѣстно кѣмъ, но человѣкомъ, имѣвшимъ въ рукахъ бумаги Падурры[1]), имѣется извѣстіе, что послѣдній въ 1826 году странствовалъ по Полтавской губерніи, „w ubogim kozaczym stroju, jako wędrowny lirnyk“, при чемъ онъ побывалъ и въ самой Полтавѣ. Объ этомъ его посѣщеніи сообщается, что „бродячій лирникъ“, прибывъ въ этотъ городъ, прежде всего сталъ знакомиться съ народомъ; заходилъ для этого въ бѣдныя хаты (do ubogich domków), игралъ тамъ на своемъ инструментѣ, пѣлъ пѣсни, разсказывалъ сказки, и такимъ образомъ сблизился съ народомъ и заинтересовалъ его собою... Это было де лѣтомъ, когда шли въ школѣ (гимназіи?) экзамены. По окончаніи экзаменовъ, былъ назначенъ день для раздачи наградъ. Въ этотъ день Падурра явился де въ университетскомъ (?) зданіи (zbliżył się do uniwersyteckiego gmachu) и, выбравъ удобный моментъ, запѣлъ сначала своего „lirnika“, а потомъ „zaporożca“... Молодежь заволновалась, поднялся шумъ—и пѣвецъ былъ вынесенъ изъ залы уже на рукахъ этой самой молодежи... Пробылъ Падурра въ Полтавѣ цѣлый мѣсяцъ и при этомъ будто бы познакомился съ Котляревскимъ, поэтомъ и тамошнимъ жителемъ,

[1]) Prawdziwy życiorys Tomasza Padurry, skreślony przez*** *****. Poznań 1875. 8 д. л., 95 стр. Повидимому, настоящій очеркъ не имѣетъ ничего общаго со статьею о Падуррѣ Пржиборовскаго. Bibliot. Warsz., 1872 г., IV).

(poetą i obywatelem swojego kraju). При одной изъ бесѣдъ съ Падуррою, Котляревскій сказалъ де ему: „Cheruwimy twij hłas! dii naszy w twoich piśniach zahomoniat ta ne woskresnut!.. Skazawszy twoim słowom: proszłyst, w slozach—z pamiatok, prach—a dii snom!... Anafima! bud proklat, chto ich hnojom prysypaje"!!! [1]). Прощаясь съ Падуррою, Котляревскій собственноручно написалъ ему, на память, вступленіе къ своей Энеидѣ, начинающееся такъ: „Buw sobi Enej kozak motorny"... (Стр. 46—47).

Весь ли этотъ разсказъ, цѣликомъ, представляетъ небылицу или тутъ есть и капля правды?... Повѣствованіе о посѣщеніи Падуррою полтавской гимназіи (полагаемъ, что о ней хотѣли говорить) и о пѣніи тамъ имъ своихъ пѣсенъ—разумѣется, есть чистая небылица... Нельзя допустить также, чтобы Падурра и могъ быть на лѣвомъ берегу Днѣпра въ той обстановкѣ, о какой говоритъ его біографъ... Повидимому, весь этотъ разсказъ есть *позднѣйшаго* сочиненія басня [2]).

---

[1]) Приводимъ эту тираду въ подлинникѣ, такъ какъ осмысленный ея переводъ едва ли возможенъ..

[2]) Есть и другая біографія Падурры, помѣщенная при посмертномъ изданіи его сочиненій (Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtografiw. Lwiw. 1874. 8 д. л. LXVI+420 стр.). И здѣсь есть разсказъ о посѣщеніи Падуррою лѣвобережной Малороссіи. Но здѣсь ужъ прямо говорится, что Падурра отправился туда въ 1828 г., въ виду готовившагося польскаго возстанія, послѣ совѣщанія съ своимъ патрономъ гр. Вацл. Ржевусскимъ („Эмиръ", „Золотая Борода"), съ цѣлью—„przygotować tych ukraińców do tego", т. е. *къ совмѣстному возстанію*. При этомъ де Падурра не сомнѣвался, что „kozaczyzna musi powstać razem z lachami, a jej atamanem i przewódcą w boju będzie Złota Broda"... Тутъ же говорится: „Zimę z r. 1828 po 1829 przebył Padurra w okolicach między Baturynem, Konotopem i Hadziaczem, *i gdy mu się zdało, że po calorocznych trudach śpiewanem i opowiadanem przygotował już dostatecznie wnuków wolnych niegdyś przodków do wspołnej sprawy z Polską*, puścił się z powrotem na Podole i Wołyń". (Стр. XXXVIII). Трудно объяснить происхожденіе этой небылицы... Остается допустить, что она основана на разсказахъ самого Падурры, который въ позднѣйшіе годы своей жизни († 1871 г.) могъ выдумывать неподобныя басни, какъ извѣстный Чайковскій (Садыкъ Паша) назвавъ себя правнукомъ гетмана Брюховецкаго, выдумалъ и его *мемуары*, состоявшіе де „изъ семи огромныхъ книгъ, переплетенныхъ въ пергаментъ и *исписанныхъ*

Послѣ дневниковъ Ст.-Каменскаго, намъ указанъ былъ Полтавскій земскій музей, о которомъ мы знали и прежде изъ коротенькой о немъ замѣтки, напечатанной когда-то въ „Кіевской Старинѣ.“ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ музеѣ имѣются въ отчетахъ полтавской губернской земской управы за 1891 и 1892 г. г. Были напечатаны и отдѣльныя брошюрки съ указаніемъ на содержаніе музея. Музей полтавскаго земства пока заключаетъ въ себѣ предметы „трехъ царствъ природы“ и частью издѣлія гончарной кустарной промышленности. Но, какъ слышно, земство не отказывается и отъ мысли—ввести въ свой музей отдѣлъ историческій. Какъ бы для начала его, въ музей прислана кѣмъ то изъ уѣздныхъ обывателей козацкая пика (*списъ*), на *ратищѣ* которой, вбитыми въ дерево гвоздиками, *написано*: „1709 года.“ Къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и у кого нашелся этотъ списъ—въ музеѣ не имѣется.

Осмотрѣвъ музей при помощи предупредительнѣйшаго его хранителя Н. М. О—аго, мы остановились на гончарныхъ издѣліяхъ м. Опошни, и особенно на издѣліяхъ одного изъ ея кустарей *Ивана Гладыревскаго*, обращающихъ на себя особое вниманіе своимъ разнообразіемъ. Отъ Н. М. О—аго получили мы свѣдѣніе о давно уже изданномъ полтавскою губернскою земскою управою альбомѣ гончарныхъ издѣлій, о которомъ не приходилось и слыхать. Изданіе это заслуживаетъ подробнаго упоминанія. Заголовокъ его такой: *Мотивы малороссійскаго орнамента гончарныхъ издѣлій. Изданіе полтавскаго губернскаго земства. 1883 г.* Рисункамъ предшествуетъ коротенькое поясненіе: „Изслѣдованіе гончарнаго промысла въ полтавской губерніи, произведенное профессоромъ г. Зайкевичемъ [1]), имѣло результатомъ собраніе образцовъ этого производства съ ихъ оригинальными рисунками и украшеніями. Собравъ изъ нихъ наи-

---

имъ (Брюховецкимъ) собственноручно, прозой и стихами, по польски, по русски и по латыни“... „Кіев. Стар.“ 1890 г., январь, стр. 46.—О посѣщеніи Падуррою Полтавы—біографія 1874 года не упоминаетъ.

[1]) Тутъ же, въ примѣчаніи, добавлено: „Къ сожалѣнію многосложныя занятія автора не дали до сихъ поръ ему возможности приготовить описаніе этого изслѣдованія“. Послѣднее, сколько знаемъ, и до сихъ поръ не появлялось въ печати.

болѣе типичные, полтавская губернская управа, независимо значенія ихъ, какъ иллюстраціи къ имѣющему выйти изслѣдованію объ этомъ промыслѣ[1]), полагала, что изданіемъ рисунковъ гончарнаго орнамента она окажетъ несомнѣнную услугу какъ художественной промышленности, такъ и знатокамъ и любителямъ мѣстнаго народнаго творчества въ той или другой области".—Альбомъ заключаетъ въ себѣ 21 таблицу. Первыя 15-ть таблицъ представляютъ рисунки разнаго рода „мисокъ, мисочокъ и талѣрокъ". На слѣдующихъ трехъ таблицахъ помѣщены изображенія разнаго рода горшковъ, преимущественно „варильниковъ," т. е. горшковъ, въ которыхъ варятъ „борщи," „юшки," „кулиши..." На 19-й таблицѣ помѣщены „глечики" (кушины) и „тыквы," т. е. сосуды для жидкостей (молока, воды...). На этой таблицѣ интересны не только рисунки, но и самая форма сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые напоминаютъ форму античныхъ сосудовъ... На 20-й таблицѣ видимъ сосуды фантастическихъ формъ, напр.—кушинъ въ формѣ *барана*. Сосуды эти выкрашены преимущественно красною краскою и затѣмъ разрисованы узорами зеленаго цвѣта. Два кушина—на этой таблицѣ—съ зелеными узорами сильно напоминаютъ востокъ... Послѣдняя таблица занята рисунками „кафель", т. е. изразцовъ, шесть видовъ которыхъ имѣютъ всѣ—различные узоры.

Очень жаль, что альбомъ не имѣетъ поясненій—изъ какихъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, взяты изданные орнаменты и какіе изъ нихъ принадлежатъ къ старымъ типамъ, а какіе представляютъ собою плодъ уже новѣйшаго сочиненія. Особенно интересны были бы этого рода свѣдѣнія относительно рисунковъ, помѣщенныхъ на таблицѣ 20-й. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время гончарныя издѣлія м. Опошни положительно входятъ въ моду, особенно издѣлія гончара Гладыревскаго, причемъ мода эта вызываетъ *новѣйшія варіаціи* въ издѣліяхъ... Запросъ на опошнянскія издѣлія породилъ уже, напр., „талѣрки"

---

[1]) Разумѣется изслѣдованіе г. Зарѣцкаго. См. „Кіевск. Стар." 1894 года, декабрь, стр. 507.

съ рельефами полногрудыхъ нимфъ... Какъ-то странно видѣть на оборотѣ такихъ „талѣрокъ". клеймо—„*Федоръ Чирвенко. м. Опош.*".

Почти одновременно съ альбомомъ полтавскаго земства вышло подобное изданіе и въ Львовѣ. Въ 80-хъ годахъ тамъ начата была печатаніемъ цѣлая серія такихъ альбомовъ подъ заглавіемъ—*Wzory przemysłu domowego na Rusi, wydane przez museum przemysłowe lwowskie. Zebrał i zestawił Ludwik Wierzbicki.*—Въ 5-й серіи этого изданія заключаются *Wyroby gliniane włościan na Rusi.* (*Kossow*). Въ рецензіи объ этихъ изданіяхъ, напечатанной во львовской газетѣ *Зоря* (1882 г., № 18, стр. 288) говорится, что изданные г. Вержбицкимъ орнаменты гончарныхъ издѣлій взяты преимущественно съ работъ умершаго коссовскаго гончара Бахминскаго, очень распространенныхъ, такъ какъ работы его, по словамъ газеты, находятся во многихъ музеяхъ, начиная съ вѣнскаго. Интересно было бы сравнить издѣлія полтавскихъ гончаровъ съ коссовскими... Какъ уже сказано, опошнянскіе гончары въ послѣднее время стали замѣнять старые орнаменты на своихъ издѣліяхъ—новыми, и поэтому теперь слѣдуетъ привести въ извѣстность, по возможности, всѣ старые здѣшніе орнаменты, которые когда то и откуда то принесены въ Полтавщину и которые рано или поздно дождутся своего изслѣдователя... А для облегченія работы послѣднему было бы къ мѣсту пріобрѣсти полтавскому музею и альбомъ Вержбицкаго—*глиняныхъ издѣлій*, тѣмъ болѣе, что этихъ альбомовъ, сколько знаемъ, нѣтъ, напр., даже и въ Кіевѣ.

Въ заключеніе пожелаемъ развитія историческому отдѣлу полтавскаго музея. А до какого развитія могутъ достигать такіе музеи и въ небольшихъ центрахъ—указываетъ тверской музей, созданный притомъ энергіей одного человѣка!

А. Л.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ.

Исторична драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДІЁВИ ЛЮДЕ ДО ПЕРШОИ ДІИ.

Зиновій-Богданъ Хмельныцькый—сотныкъ Чыгырынськый.
Тымко—его сынъ, козакъ 20 литъ.
Андрій— } тежъ сыны 12 и 8 литъ.
Юрась— }
Катря—дочка Богдана, 16 литъ.
Ганна Золотаренко—выхованка, небога 23 литъ.
Елена—литъ 18, полячка, выхованка Богдана.
Богунъ—молодый, завзятый козарлюга.
Чарнота—за 40 литъ, зъ сичовыкивъ.
Бандурыста—сывый дидъ, старець.
Глоба—изъ козачои старшыны
Барабашъ—старый, похылый, полковныкъ.
Чаплинській—пидстароста Чыгырынськый.
Пробощъ—іезуитська фигура.
Домаха—господыня стара пры будынку.
Джура—козачокъ, литъ 12.
Юзя—служныця у Елены.

Наймычкы, козакы и козачкы, гайдукы, музыка.

Діется 1647 року, въ новимъ будынку Богдановимъ, пры Чыгырыни.

ПЕРША ДІЯ.

Роскишный садокъ. Злива на переднимъ кону альтанка; одъ неи иде въ глыбыню тинныста тополёва вулычка. Праворучъ шырока луговына, обсажена геть бузкомъ; за нею навдали ставъ зъ млыномъ на тимъ боци; дали выдко Чыгырынъ. Мижъ тополями и луговыною тече струмочокъ, черезъ якый перекынуто мостыкъ. На луговыни зправа фасадъ будынку зъ кружганкомъ. Внызу шырочезный рундукъ.

Выхидъ I.

(*Домаха, джура, килько дивчатъ и козакивъ*).

Домаха (*до дивчатъ, що накрываютъ на рундуци столы*). Пересунь скатертыну ривнище! такъ!

1-й козакъ. А ци жбаны и кубкы куды?

Домаха. Сюды, сюды на стилъ—посередыни; а кубкы розставляйте биля мысокъ.

Джура. Панъ господарь казалы, щобъ выйняли срибни полумыскы й талиркы.

Домаха. Этъ! Вытребенькуе!

Джура. Та щобъ уточылы найкращого венгерського, та запиканокъ, налывокъ,—щобъ усего було вволю, бо ждуть якыхсь поважныхъ гостей... лыбонь чи й самъ прыбуде ясновельможный панъ полковныкъ.

Домаха. Якъ разъ у пору! Хиба може по покійній жинци обидъ справля? Царство ій небесне, голубочци!

(*Прыслуга те друге вносыть, прыбира*).

Джура. Такъ титочко, щобъ все гараздъ було; перекажить и панни...

Домаха. Якій?

Джура. Панни Катерыни.

Домаха. Я думала Елени...

Джура. То панія...

Домаха. Щось мовъ на те... Охъ, просты, Господы, согришенія наши!

Джура. Хи, що се я балакаю, а мени загадано ще по бандурысту бигты, та по спивакивъ...

Домаха (*бье обѣ полы рукамы*). Свите-Боже! Царыця небесна! Що-жъ се винъ здуривъ, чи що? Сороковустъ ще не выйшовъ, а винъ и спивы, и танци! Тутъ що-дня тилькы и чуешь про грабежи та про гвалты... церквы замыкають... нещасный людъ то по лисахъ ховается, то по шыбыныцяхъ гойдается... а старшына бенькетуе! Охъ, матинко! Чи не пошывся винъ у кателыка?... Черезъ ту панію... Теперъ про всихъ така чутка иде... Пропащи мы, пропащи! Наступа певно страшный судъ!

Выхидъ 2.

(*Тижъ и Тымко; мижъ тополямы Богунъ и Ганна*).

Тымко (*хутко*). Панны Елены не бачылы?

Домаха (*грубо*). Тамъ шпацируе десь зъ своею варшавянкою...

Тымко. Де-жъ саме?

Домаха. Та до ставку повіялась... (*Выходыть*).

Тымко. Ага! (*До Джуры*). Скажы стаенному, щобъ сывого огыря осидлавъ; нехай готовый у стайни стоитъ.

Джура. Отъ тоби й положы ногы на плечи: мовъ шалени сёгодня—то туды, то сюды, то онъ-куды! (*Побигъ*).

Андрій (*выскакуе на ганокъ*). Тымко! Тымко! Визьмы й мене зъ собою!

Тымко (*йдучи до ставка*). Одчепысь!

Андрій. А въ мене сагайдакъ е! Я й до тебе стрилкою докыну! (*Стриля и ховается*).

Тымко. Отъ я тоби! (*Заходыть*).

Богунъ и Ганна наблыжаются до альтанкы),

Богунъ. Дывуешся, моя кохана панно,
Що тягне все мене сюды?

Ганна. Нема
Для лыцаря-славуты въ насъ прыманы...
Богунъ. Чому нема? Хто зна...
Ганна. Тутъ монастырь...
И похоронный дзвинъ ище не змовкнувъ;
Не мае въ насъ ни герцивъ запальныхъ,
Ни беньketивъ...
Богунъ. За те тутъ любый спокій...
И въ серци зновъ такъ лагидно стае,
Якъ писля бури въ ясный, тыхый вечиръ...
Отъ и теперъ, якъ зъ панною иду—
Мени ввыжается, мовъ у тумани сызимъ,
Моя матуся; чеше гребинцемъ
Голивку сынови, та слёзы роныть:
Все плакала, голубыла мене...
А то писень журлывыхъ ще спивала,
И хороше ставало такъ мени...
Ганна. Давно було?
Богунъ. Давно... а все той голосъ
Оттутъ дзвеныть... (*Показуе на серце*)
Ганна. Любыла васъ вона!
Богунъ. Лыбонь... Забувъ... Чи то пакъ и не знаю,
Що е воно... якъ матиръ, чи сестра,
Чи дивчына?... Зоставсь я сыротою—
И матирью вже стала мени Сичъ:
Пестывъ мене у поли буйный витеръ,
Мывъ дрибенъ дощъ, чесалы лышъ терны...
А доброму учыла шабля гостра...
Ганна. А братчыкы?
Богунъ. О, ихъ я полюбывъ,
Та и воны мене, якъ брата, друга!
Ганна. Що дывного? Не мавъ бы той души,
Хто-бъ не злюбывъ завзятого юнака,
Покрытого вже славою...
Богунъ. Не вси
Такъ думають... а панна?

Ганна. Эхъ, козаче,
Що варта я для вояка-орла,
Та ще въ таку злетяжкую годыну?
Тоби святый Вкраины заповитъ
И любая лышень воицька втиха!

Богунъ. Такъ, панно, такъ! Я геть жену нудьгу
И радисно цымъ серцемъ розцвитаю,
Колы зачую гоминъ сичовый:
У куряви летышъ конемъ, якъ выхоръ,—
Напружени и серце, и рука,
А у грудяхъ кыпыть окропомъ сыла...
И весело-жъ кырпату дратовать!
Або на мори, якъ бува скажене
Звирюкою застогне, зареве:
То здіймешся, злетышъ на чайци вгору,
То въ прорву зновъ пекельну упадешъ,
А буря знай на клочча рве витрыла,
Та щоглу гне, ажъ ралыть по води...
И любо-жъ такъ!

Ганна. Отъ бачышъ, мій козаче,
Душею ты въ завзятти потонувъ,
Нищо друге не вдоволныть...

Богунъ. Одначе...

Ганна. Украини належыть серце се!

(*Богунъ шановно цилуе ій руку*).

Выхидъ 3.

(*Тижъ и Андрій*).

Андрій (*выбига*). Галю, Галю! Я горобця влучывъ!

Галя. Не стриляй, голубчыку, по пташечкахъ: воны-жъ тоби ничого злого не чынють?

Андрій. Э! Горобчыкы крычалы „жывъ, жывъ!“, якъ жыды Хрыста мучылы!

Галя. То выгадкы!

Андрій. Та воны й злодіи: сояшныкы пьють...
Галя. Усякому йистки хочется...
Богунъ. Ты отъ краще стриляй веприв, вовкивъ.
Андрій. Я и ведмедю стрельну у воко! Ось подывысь, якъ я влучаю...
Богунъ. Ходимъ, ходимъ! Похвалысь!!

(*Заходять зъ Богуномъ въ садокъ за будынокъ*)

Выхидъ 4.

(*Ганна и Катря*).

Катря (*выходыть назустричъ*). Голубочко, Ганнусю, розскажы,
Що сталося тепера зъ нашымъ татомъ?
Зовсимъ не той...
Ганна. Его грызе нудьга,
Що повстае съ усихъ-усюдъ недоля...
Катря. Се знаю я, и про Варшаву ще...
Тамъ про якусь зневагу... але, рыбко,
До насъ винъ ставъ не той... та и вона,
Елена-бъ то...
Гана. Про цее, зирко, годи!
Хто его зна... лыхе пануе скризь...
Катря. Ты на здогадъ... Мени-бъ хотилось знаты...
Ганна. Охъ, серденька жывого не вражай:
Ты первый цвитъ прыбыть морозомъ хочешъ!
Катря. Ты щось таишъ?
Ганна. Ни!
Катря. А чого-жъ сама
Сумна, блидна, немовъ зъ хреста изнята
Зъ того часу, якъ тато повернувсь?
Я бачу все... Ачъ, онъ бреныть слёзына
На віяхъ въ тебе...
Ганна (*змахуе*). Этъ, ничого... такъ...
Журюся я, що звидсиля пойиду...

Катря. Куды? Куды?

Ганна. До брата.

Катря. Охъ, не йидь!

Не кыдай насъ! Ты намъ якъ ридна ненька!

Ганна. Вы вси мени... а зоставатысь тутъ

Не сыла бильшъ... Такъ важко, такъ нудлыво...

Ты видпросысь до насъ...

Катря. А якъ браты?

Ганна. Заберемо; тамъ буде безпечнише.

Катря. Андрійка-ни, не пустять...

Ганна. Ну, Юрка...

Ходимъ, ходимъ! Ще пакуватысь треба!

(*Идуть у будынокъ*)

(*Дивчата тымъ часомъ прыбралы и стелють кылымы*).

Выхидъ 5.

Елена (*иде мижъ тополямы й зупыняется край альтанкы*).

Ахъ, нудно якъ въ симъ хутори самотнимъ,
Писля осель Варшавськыхъ, чаривныхъ,
Де, мовъ въ раю, я розцвила душею...
Не до смаку тутъ все... и цей садокъ
Мени теперъ здается дыкымъ гаемъ...
Черемуха, а чи канупиръ тхне?
Та медомъ ще одгоныть... Душно! Скучно!
Невже мои тутъ лита пропадуть
Дурнисенько? Невже я свій виночокъ
За марево Богдану виддала?
Невже жага пидтоптаного дида
Задовольныть мое серденько вкрай?
Я важыла, що розумомъ и статкомъ
Винъ осягне и владу, и почотъ,
Та зробытся ясновельможнымъ паномъ,
А винъ зовсимъ не те на думци ма,—
Шепочется зъ голотою, зъ попамы,

Та молытся все нышкомъ по церквахъ...
Не прыятель винъ Речи-Посполытій,
А ворогъ злый! Такъ и жалкуй же самъ:
Чого мени морочатыся въ дидомъ?...
Тымко—юнакъ завзятый, запальный...
Якъ неукъ той, що выкохавсь на воли—
И молодый, и першый хорошунъ...
А все жъ ему далеко до шляхетныхъ!...
Чаплинськый панъ напрыкладъ... Ни, красы
Не потоплю я марно въ цимъ болоти!

Выхидъ 6.

(*Тижъ и Юзя, а потимъ—бандурыста, Богунъ и Галя*).

Юзя. У насъ сегодня старшына: когось-то
До себе ждуть...
Елена. Мени обрыдлы страхъ
Ци бенькеты и буйни, й небезпечни,
Де заразъ гвалтъ и спивы, за ковшемъ.
Юзя. Та тутъ гуляють по-мужычи, грубо...
Елена. Запевне. Ахъ, моя Варшава! Тамъ
Все чаривне, и деликатне й пышне!
Магнацькый смакъ! Якъ злотосяйный сонъ,
Мене все те проминнямы окрыло!
Юзя. А панія якъ сяла тамъ...
Елена. Мовчы!
Не говоры, бо далеби заплачу!

(*Зза рундука выходыть Богунъ зъ бандурыстою. Розмова ведется у чотырехъ разомъ, тильки ризною мирою*).

Богунъ. (*Край рундука*). Такъ нема радосты, старче Божый?

Бандурыста. Бида! Бида! Такый скрутъ, таки злыгодни скризь, що останни часы настають... Нема просвитку!

Богунъ. Що жъ тутъ коится? У насъ на Запорожжи щось непевне гудуть...

Бандурыста. Що коится? Грабижъ иде, гвалтъ реве, стогинъ по лугахъ розлягается... Нема вже у хрыстіяныва—ни жинкы, ни сестры, ни дочкы! Налита зъ ватагою панъ...—и тилькы попилъ та кривъяни калюжи зостаются видъ людськои осели!

(*Заходять дали*).

Юзя (*край альтанкы*). А якъ впадавъ за кымсь вельможный панъ
И якъ дывывсь у вичи моій пани...

Елена. Охъ, не дратуй!

Юзя. А панъ той блызько... тутъ...

Елена. Въ Чыгырыни?

Юзя. Лыбонь що...

Елена. Годи, годи!
Я збожеволію...

Юзя (*кpадькома*). До пани ось де лыстъ.

Елена. Одъ пана?

Юзя. Такъ!

Елена. Чого-жъ ты затаила?

Юзя. Забулася...

Елена. У, вредна! Нужъ; давай!

Юзя (*дае*). До горныць ще панъ клыкавъ паню...

Елена. Дали!
Я хочу тутъ помарыты сама.

(*Чита лыстъ, а Юзя видходыть*).

Галя (*выходыть на ганокъ, зажурена*).
Прощай, прощай! Садочку мій роскишный,
И квиточкы, що я садыла, й гай,
Де я гулять любыла въ самотыни...
Якъ все врослось у мою душу тутъ!
Яки ясни, щаслыви дни снувалысь
Недавно ще! Якъ титочка мене,
Хрещеныцю, любыла, пестувала,
Якъ дядько мій, дорожчый надъ усе,
Мене кохавъ, дилывсь думкамы навить...
А отъ теперъ... якась слипа жага

Велычвій духъ и розумъ опъяныла,
И серце те украла хыжо въ насъ! (*Пауза*).
Але мене пече... невже бъ то рвія
И заздристь до панянкы?... Боже! Грихъ
Якый тяжкый! И я его зигрила?!
Тикать, тикать... Царыце, сылы дай!
Охъ, важко жъ якъ, зъ гниздечкомъ цымъ роз-
статысь,
Але ще тяжче зоставатысь тутъ!

Елена (*дочытавшы лыста, цилуе его*).
Мене коха... и вызволыть зъ темныци
На пышный свитъ!... Винъ буде, буде мій!

Выхидъ 7.

(*Тымко, Елена, Богданъ и Галя*).

Знову ведется разомъ дви сцены: одна—край альтанкы, а друга—край рундука).

Тымко. Скризь выганявъ... Насылу-сылу пташку
Піймавъ...
Елена. Тымко? (*ховае, змишавшысь, лыстъ*)
Тымко. Я, зирко, я!
Елена. Пидкравсь!
Богданъ (*выходыть смутный*).
На терезы сегодня свою долю
Я кыну... Охъ, куды нагне вага?
Тымко. Ты лыстъ, чи що тутъ цмокала?
Елена. Цикавый!
Тымко. Ты вся, якъ жаръ... тремтышъ...
Елена (*заграючы*). А вынень хто?
Богданъ. А ще й теперъ далы бъ мени магнаты
Высокый почтъ, щобъ ставъ на ихню ручъ...
Тымко. Дай руку!
Елена. На!
Тымко. Не ту!

Елена. Щей вередуе...
Тымко. Голубочко!
Елена. И жоднои не дамъ! (*насупылась*).
Богданъ. Невже про свій жывитъ я тилькы й дбаю?
Невже засивъ у серце сатана?

(*Галя, запрымитывшы Богдана, зходыть зъ ганку и тыхо до его наблыжается*).

Тымко. Дратуешъ?
Елена. Я ненавыжу цикавыхъ...
Тымко. Такъ тутъ кыпыть!
Елена. Окропу жъ я й боюсь!
Ганна (*Богдану*). Я, таточко, прыйшла прощатысь...
Богданъ. Якъ то?
Ганна. До брата йиду...
Богданъ. Галочко! Чого-жъ?
Ганна. Такъ... часъ..
Богданъ. Тебе чи не образывъ, доню,
Хто тутъ?
Ганна. Ни, ни!
Богданъ. А ну, у вичи глянь!

(*Дывытся, гладыть по голови; Галя прыпада до его*).

Елена. Ну, годи! Ну-жъ! (*сипа*) У шыйку мене цёмъ!
Тымко. Отрута!
Елена. У! сердытый! Не люблю,
Якъ хмурышся! Риднесенькый, коханый!
Хлопчынонько! Ну, цёмъ ище!
Тымко (*цилуе*). Не мучъ!
Скажы, що тамъ?
Елена (*розсердылась*). Э, це уже занадто!

(*Пишла. Тымко їй у слидъ*)

Богданъ. Побудь ще въ насъ... Ты найриднина тутъ...
Ганна. Вы вси мени... (*втерла слезу*).
Богданъ. Безъ тебе диты гынуть...
Ганна. Пустить до насъ.

Б о г д а н ъ. Та се гараздъ; але
Чого ты насъ, лебидко, кынуть маешъ?
Г а н н а. Тутъ тяжко... ще не заросла... сыра
Могыла неньки нашои...
Б о г д а н ъ. Несчасна,
Вона страждала довго...
Г а н н а (*плаче*)... А теперъ...
Простить слёзамъ, що самохить...

Выхидъ 8.

(*Тижъ и Домаха*).

Д о м а х а (*выходыть на рундукъ*). Тамъ люде
Ограблени прыйшлы... безъ хлиба й свытъ—
Забралы все харцызы!
Б о г д а н ъ (*до Ганны*). Отъ-де горе...
Въ викно скака, а я вагаюсь ще!
(*Домаси*) Звелы бидахъ нагодувать, зодить...
Та запросы на трапезу сегодни
Усихъ старцивъ незрячыхъ и каликъ,
Та обдилы ихъ щедро... Хай благають
Творця за насъ, бо слушный часъ наставъ!
(*Домаха пишла*).
Г а н н а. Сподіется на батька, на Богдана
Весь людъ...
Б о г д а н ъ. А я достоинъ зняты мечъ?
Чи по руци мени винъ? О, страшенна
То боротьба!
Г а н н а. Але безъ неи годи
И жыты намъ!
Б о г д а н ъ. Безъ неи намъ повикъ
Рабамы буть...
Г а н н а. Охъ, мылосердный Боже!
Невже така намъ доля? Краще смерть!
Б о г д а н ъ. Такъ рыбко, такъ! Не згыне наша неня,
Колы такыхъ дочокъ-лыцарёкъ мае!

Ховай тебе видъ лыха мылый Боже!

Ганна. Ни, тату! Хай Богдана крые Богъ!

(*Богданъ обнима іи*).

Выхидъ 9.

Тиж̌ъ и Елена.

Богданъ. Насъ Ганна кыда... (*До Елены*).

Елена. (*пидходючы, заздро*). Що-жъ? Не викъ тутъ жыть:
За панною въ тривози братъ...

Ганна. Винъ зна,
Що я въ симьи, де наша друга мама...

Елена. Де тато вашъ другый...

Ганна. Такъ, пани, такъ!
Намъ дядько бувъ не другымъ—риднымъ батькомъ.
Изъ-малку ще зи мною бавывсь винъ,
Учывъ спивать про панськи здырства думы,
Учывъ любыть осыротилый край...
И та любовъ злылась зъ Богданомъ въ серци,
Якъ пахощи циновни та святи;
Не соромъ ій себе зъявыты мыру,
Бо не лукавство, не корысть, не лжа
Іи зростылы... прощавайте, пани!

(*Выходыть*).

Елена. Мене у васъ всякъ обража...

Богданъ. Сама
Вразыла ты іи, Олесю, й дарма...

Елена. За неи панъ... я знаю...

Богданъ. Не гараздъ,
Моя красо! У неи щыре серце...
Свята душа!..

Елена. А въ мене лядська... такъ?

Богданъ. О, ясочко! Хиба ще ты не знаешъ,
Якъ заздрисно, шалене й боляче

Тебе люблю, кохаю страшнымъ паломъ
Остатнёи, пекучои жагы...
Елена. Не выдко щось... а шлюбъ?
Богданъ. Не часъ...
Елена. Ба, пизно!
Богданъ. Олесечко!
Елена (*пестуючысь*). Пробачъ мени, просты,
Мій таточку, мій любый, мій коханый!
Ревныва я... а ты ще, мовъ на злисть,
Ганнусю все голубышъ, хвалышъ... Орле!
Я-бъ пидъ крыломъ твоимъ и день, и ничъ
Сыдила все... (*лащытся*) О, вусы мои люби!
Ну-жъ, не журысь! (*Цилуе руку*).
Богданъ (*обнима*). Зозулечко моя!
Багато думъ и горя за плечыма...
Елена. Ты подилысь...
Богданъ. Нащо тебе вражать?
Елена. Не вирышъ все... не любышъ ты полякивъ...
Богданъ. Суды ихъ Богъ!.. А, ось и старшына!
Попорядкуй! (*Елена выходыть*).

Выхидъ 10.

(*Тижъ и Чарнота, Глоба, Богунъ та бандурыста й Тымошъ*).

Чарнота. Панъ-сотныку чоломъ! (*Богданъ обнима*).
Богунъ. И наши головы!
Богданъ (*обнима*). Богуне! Брате!
Глоба. Господарю мыръ въ хату и шаноба!
Богданъ. Подай Господь! Але не ти часы! (*Обнима*).
Чарнота. Та черезъ те-жъ не выпьешъ швыдко й чаркы...
Богунъ. А нахыльцемъ? (*Обнима его*) Ну, друже, будь здоровъ!
Чарнота. Бувай! бувай!!
Богданъ (*до бандурысты*). А, въ насъ и старець Божый?
Бандуриста. Зъ недилею святою!
Богданъ (*обнима*). Якъ жывешъ?

Бандурыста. Та налыхо ще дыбаю, а очи,
Спасыби Богу, слипнуть вже...

Богданъ. Чого-жъ
Ты радъ тому?

Бандурыста. Того, що зрить не будуть
Нещаснои Украины...

Богунъ. Теперъ
Усимъ бы слидъ повыпикаты очи!

Чарнота. Щобъ ослипъ пыть?

Глоба. Чи въ опанаса грать?

Богунъ. Ни, щобъ не маты сорому, панове,
Дывытыся у вичи тымъ братамъ,
Якыхъ до рукъ катюгамъ мы пустылы.

Глоба. Хто попускавъ?

Богунъ. А хто-жъ? Лыбонь уси!
Якъ-бы не такъ,—коверзувать не сталы-бъ
Надъ намы тутъ ляхове та жыды!

Бандурыста. Вже наступа кинець Вкраини нашій!

Чарнота. Щожъ мы згорнулы рукы? Та давай,
Хочъ у горильци потопляты горе!

Глоба. Пипъ про свое!

Богданъ. Прошу васъ за столы!
За чаркою й стогнаты легше... Джуро!
Хрещенои!

Чарнота. И плакать веселишъ...

(*Прыносять. Богданъ налыва кубкы*).

Богданъ. О, Господы! Пошлы вдови нещасній,
Украини, не розгубыть дитей!

Богунъ и Глоба. И ворогивъ позбутыся навикы!

Чарнота. И процвисты на славу всимъ!

Богданъ. Аминь!

(*Пьють и мовчкы сидають за стилъ*).

Глоба. Ну, що въ Варшави?

Богунъ. Якъ тамъ наша справа?

Богданъ. Пропаща ричъ! Нема тамъ ни суда,
Ни зàхысту, ни правды намъ, братове!
Чарнота. Не я казавъ?
Богданъ. Я й въ голову не клавъ,
Щобъ сеймъ зъ такымъ прызырствомъ на насъ плюнувъ!
Богунъ. О, диждутся!
Богданъ. На скаргы вси мои
Воны сміялысь прыкро и крычалы,
Що у рабы повернуть козакивъ!
Богунъ. Козакъ рабомъ не бувъ ще зъ покону вику!
Тымко. Й не зигнется, ажъ покы свитъ!
Бандурыста. Охъ, охъ!
Хызуемось, а гнуть насъ у тры вырвы:
Скризь плачъ стоитъ и лементъ...
Чарнота. А король!
Богданъ. Та що король? Слуга покирный сейму,
Безъ голосу, безъ влады... Що хотять,
Те й чынють зъ нымъ... Въ яснійшого я бувъ
И говорывъ про все: винъ щыро слухавъ
И прызнававсь,—що сылъ ему дасть-би
Поставыты въ своимъ крулевстви правду,
Що любыть винъ, шануе козакивъ,
Сподіется и самъ на ихню помичъ...
Богунъ. Та що й казать,—король вважа законъ,
А королята...
Чарнота. Топчуть все пидъ ногы...
Тымко. А шабли де?
Глова. Хочъ молодъ, а козакъ!
Богунъ. Лыцарськый духъ!
Бандурыста. По батькови!
Богданъ. Въ Варшави
Ограбылы... Я тамъ благавъ, щобъ намъ
Хочъ предкивськи вже закрепылы земли,
Такъ сеймъ мене пиднявъ ище на глумъ,
И староста наддавъ собаци владу,—

Чаплинському, що ныщыть, грабыть людъ,
Що видтягавъ у мене хутиръ, земли,
Що нашыхъ донь безчестыть и ганьбыть...
Такъ отъ яка разбійныку видплата!

Чарнота. Такъ що-жъ намъ дальшъ терпиты?

Богунъ. Геть ляхивъ.

Богданъ. Тай самъ король мени казавъ ласкаво,
Що прывелеи суть въ Барабаша,
Та винъ ховае ихъ въ догоду сейму!

Одни. Недоляшокъ и злодій!

Други. Зрадныкъ! Катъ!

Бандурыста. О, Господы!

Вси. Смерть Иродову сыну!

Богданъ. Браты мои! Вгамуйте серця палъ,
А розуму наддайте волю: вбыты
Смердючого пса буде часъ, а тра
Намъ першъ дистать одъ его прывелея,
Тоди-то зъ нымъ пиднимемо меча!

Глоба. А якъ дизнать, де сховано?

Чарнота. Попарыть
Окропамы, або нагрить вогнемъ...

Богданъ. Тортуры? Ни! Мы гвалту тилькы счынымъ
И до часу покажемъ зубы; я
Прыдумавъ инше: Барабашъ сегодни
До мене въ гости буде; мы его
Напоимо...

Чарнота. До помочи я стану:
Хочъ зъ шельмакомъ и пыты не впада,
Та для Украины...

Глоба (*кеплыво*). Поступышся?

Чарнота. Та мушу-жъ!

Богданъ. Такъ помагайте-жъ, братци; языка
Замкнить въ зубахъ, а думку въ серци, друзи,
Щобъ за ковшемъ не розгубыть...

Вси. Гараздъ!

Выхидъ 11.

(*Елена, Барабашъ, Чаплинськый, джура, пробощъ и перши*).

Елена (*выходыть зъ дверей на рундукъ*).
Шановному лыцарству! (*кланяется*).
Вси (*кланяются*). Пышній крали
Чоломъ даемъ!
Богданъ. А ты насъ почастуй!

(*Елена налыва кубкы, частуе; злива на тополеву дорижку до альтанкы выходять—Барабашъ, Чаплинськый, пробощъ*).

Барабашъ. Чудовый садъ! Роскоши!
Чаплинськый. А Хмельныцькый
Ще скаржытся!
Барабашъ. Та краще-бъ жывъ въ ладу
Зъ магнатамы, а не зъ козацтвомъ...
Чаплинськый. Правда,
Тоди-бъ усимъ и ласувавъ...
Барабашъ. Куды-жъ
Иты?
Гайдукъ. Сюды, полковныку вельможный.
Пробощъ. На хвылю панъ... (*Чаплинському*).
Чаплинськый (*Барабашу*). Я заразъ пану вслидъ.
Вси (*коло столу*). Здоровье панны!
Елена. Й панства!
Джура (*вбига*). Панъ Полковныкъ!
Прыбувъ уже...
Богданъ. О, такъ хутчій стричай,
Елено, ихъ; поклычъ и Катерыну...
Пыльнуйте жъ часъ, товарыши-браты!
(*шепочется*).
Пробощъ (*коло альтанкы*).
Богдана слидъ одъ справъ поспильныхъ збыты
И закрутыть у власныхъ...
Чаплинськый. Але якъ?
Пробощъ. У его есть прыймачка Леся...

Чаплинськый. Знаю...
Роскишный квитъ!
Провощъ. И пану до смаку?
Чаплинськый. О, натуральне!
Провощъ. Панъ вчыныты може
Послугу намъ, ойчызни...
Чаплинськый. Въ чимъ же ричъ?
Провощъ. Одбыть у сывого красуню...
Чаплинськый. „Mógę, Mógę!“
Пробощъ. Жолниры въ пана? Sapienti sat!
(*Наганяютъ черезъ мистокъ другыхъ*).
Богданъ (*пидходыть ввичлыво й гостынно до Барабаша*).
Шановный мій полковныку! Чоломъ бью
И дякую за ласку и за те,
Що вшанувавъ мою убогу хату.
Барабашъ. Для мене честь, мій куме... Ось новый
Пидстароста—Чаплинськый панъ...
Богданъ. Я знаю...
Чаплинськый. Сваты булы до позву...
Богданъ. Божый зволъ.
Барабашъ. Ксензъ-пробощъ нашъ...
Богданъ (*звонтпывшы*). Нашъ?! Дуже, дуже радый...
Барабашъ. Всій старшыни, панове, мій поклонъ!
Вси. Чоломъ тоби, полковныку, за ласку!
Богданъ. Мій кумоньку! Венгерське посмакуй:
Ты знаешся на вынахъ и кобитахъ...
Барабашъ. А. добре! (*пье*).
Богданъ. Прызволяйсь!
Барабашъ. Старыше насъ.
Чарнота. Заховане въ лёхахъ...
Богунъ. Якъ прывелеи!
Барабашъ. Га?
Чарнота. Батьку нашъ, налывкы посмакуй...
Барабашъ. Слывьяночка? (*Смакуе*).
Чарнота. Ажъ чорна...
Богунъ. Мовъ та совисть.

Барабашъ. Злыпаются и губы... (*пье*).

Глоба. Ось, скуштуй

Цего пытва!

Барабашъ. А, запиканка польска?

Богданъ. Прошу, прошу, мій куме, ушануй!

Барабашъ. Та такъ мерщи й упьюся я, панове...

Глоба. Во здравіе!

Чарнота. Охоты пиддамо!

(*Барабашъ скыда шапку; Богданъ бере іи и передае нышкомъ Тымку до схову*).

Богданъ. Прошу за стилъ пожыты хлиба-солы:

Вже выбачте,—що Богъ пославъ, те й е!

Бо не заставъ, вернувшысь, господыни—

Прыйнявъ... а ци ще молоди...

(*Показуе на Елену й Катрю, прыпрошуючы до столу гостей*)

Выхидъ 12.

(*Тижъ и Елена зъ Катрею*).

Елена (*глянувшы на Чаплинск.*). Ой, Езусъ-Панъ!

Богданъ (*ій тыхо*). Чого злякалась?

Барабашъ. Панно!

А пидійды! Красунечка... дочка?

Богданъ. Ни, куме мій... годованка... Ось дочка!

Барабашъ. О, гарна й ця! А де хрещеныкъ?

Богданъ. Десь

За горобцямы...

Барабашъ. Такъ и мы... А я вже

Лыбонь того... щось въ голови гуде...

Богданъ. Зъ чого бъ намъ, куме?

Чаплинськый (*до Елены*). Ясна, пышна, панно,

Дозвольте „рончку“...

Богданъ (*Чаплинському*). Въ насъ того не слидъ...

Тымко. Се по шынкахъ такый свавольный звычай...

Чаплинськый. Цо, пане?

Тымко. То, що вже сказавъ...
Глоба. Гараздъ!
Богданъ. За простый нашъ обычай выбачайте...
А-отъ пресвитлыхъ, дорогыхъ гостей,
Прыпрошуйте, частуйте, панны, гойно!
Барабашъ. Одъ краль такыхъ солодчый буде й медъ!
Елена. Такымъ панамъ сповняты кубкы-втиха!
Пробощъ (*Елени*). Ты квиточка лыбонь зъ райськыхъ садкивъ,
Не тутъ цвисты ій мосци...
Богданъ. Що-жъ, панове,
Не гребайте, вшануйте намъ хлибъ-силь:
Ось добрый борщъ, и зъ потрибкою каша,
Онъ осятеръ днипровськый до слывокъ,
Тамъ пороси, тутъ смажены караси,
Що не доивъ ище лядськый щупакъ... (*смихъ*).
Не поганьбить, мосциві панове,
А молодыхъ вшануйте господынь!
Барабашъ. Пампушечкы...
Чаплинськый. Смашнисенькы...
Тымко. Про вищо
Говорыть панъ?
Чаплинськый. Про вищо? Гм!! Про страву...
Тымко. А его мосць не пробувавъ быткивъ?
Чаплинськый. Не пробувавъ...
Тымко. То слидъ.
Глоба. Смашни!
Богунъ. Давучи!
(*Регитъ*).
Богданъ. Що-жъ вы, панны? Частуйте охвитнишъ!
Прыпрошуйте, щобъ спорожнялы кубкы...
Венгерського, столитнёго несить...
Щобъ у ковшахъ ажъ черезъ винця грало!
(*Пиднима свій*). За ясного полковныка!
Вси (*пьютъ*). Виватъ!!
Барабашъ. Спасыби вамъ! (*пье*) Шумыть вже...
Богданъ. Пыть, такъ пыть!

Чарнота. Та це квасокъ... горилкы-бъ козакови!
Де-хто. Гуляй душа!
Богданъ. Несить усе зъ лёхивъ! (*пидлыва куму*).
Прошу, вшануй!
Барабашъ (*пье*). Надъ сылу...
Чарнота. Якъ? За наше?
Барабашъ. А! ще за васъ (*зновъ пье*).
Вси. Не оганьбы... до дна!
Барабашъ. Та чоловикъ-же не скотына, диты,
Винъ билшъ видра не выпье...
Чарнота. А видро
Подужа всякъ!
Вси (*пьють*). Полковныкови слава!!

(Вси йидять и пьють. Панны частують. Богданъ зъ козакамы иноди перешептуется. Чарнота все пидлыва Барабашу и смишыть его; той регоче, втыраетея и роня хустку: Богданъ крадькома іи соби пидхоплюе. Тымко, завважывшы, что Чаплинськый сказавъ щось дуже любьязне Елени, ударывъ по столу кубкомъ и мало на гостя не кынувся; его прытрымалы: Елена видскочыла, а Чаплинськый зъ пробощемъ видійшлы въ садокъ. Впродовжъ цихъ сценъ въ садку спива гуртъ).

Гуртъ (*спива*). Ой сивъ пугачъ на могылу,
Та и крыкнувъ „пугу“...
Чи не дасть Богъ козаченькамъ
Ще хочь разъ потугу!
Наши шабли поржавилы,
Мушкеты безъ курживъ,
А ще серце козачее
Не боится туркивъ;
Не такъ турка, не такъ турка,
Якъ ляха-магната,
Що виддана у аренду
Наша церква й хата...
Ой беруть за все поборы
И за виру мыто...

Та невже жъ за то сваволъцивъ
Та не буде быто?!

Б о г у н ъ. Эхъ, писня ця рве душу...

К о б з а р ь. То не писня,
А стогинъ нашъ...

Ч а р н о т а. Отъ-отъ вже слушный часъ...
Росплатымось... (*втера очи*) Запорошылось око...
Гуляй душа! (*пидлыва Барабашу*).

Б о г д а н ъ. Браты, сваты не спать!

Б а р а б а ш ъ Писень, писень!... Та не сумныхъ... веселыхъ,
Якъ у Варшави... „пьенкно-бардзо...“ Ахъ!
А „мазуречка-уньесення“... чудо!

(*Выйма ключи и дзвоныть, прыспивуючы*).

„Катажына панна
Пшишла до мне зрана
И въ моемъ покое
Встало слонцевъ двое!“

Ч а р н о т а (*ему пидспивуе и выдера непрымитно ключи, брязчыть*).

„Тра-ла-ла-ла, ла-ла!...
Встало слонцевъ двое!“ (*Цилуется зъ нымъ*).

Б а р а б а ш ъ. Въ Варшави... ухъ! Спивачкы запальни...
А варшавянкы.. гм!... Биленьки... цяци;
Пампушечкы... (*зляга*).

Ч а р н о т а (*здійма у его тыхо перстинь, цилуе*)... Цмокъ! Цмокъ!

Б о г д а н ъ (*бере ключи й перстинь*). Теперъ у насъ все до спробунку... годи!

(*Чарноти*) Колы Господь попустыть... Ты, якъ гримъ,
Впады на Сичъ хочъ за день передъ мене...
И прыготуй... (*до Тымка*) А ты, сынашу мій,
Леты хутчій зъ оцымъ до жинкы кума,
Перекажы полковныка наказъ,
Щобъ виддала тоби до рукъ ту скрыньку,
Де схованй козачи пакты...

Т ы м к о (*выходячы*). Вмыть!

Выхидъ 13.

(*Тижъ безъ Тымка*).

Чаплинськый (*наблыжается и одводыть на передній конъ Елену*).
Чи любый я коханій пани й доси?
Чи тутъ зреклась?...

Елена (*соромлыво*). Я серцемъ не минюсь,
Але...

Чаплинськ. Вважай,—Хмельныцького вже доля
Лежыть въ пылу... Моя жъ зійшла зоря...

Елена. Свитъ любый всимъ...

Чаплинськ. Такъ завтра я по справахъ
Геть выряжу Богдана и Тымка,
А самъ сюды зъ жолньерамы по паню...
Пакуй добро! (*хутко видходыть садкомъ*).

Елена (*сплеснувшы рукамы*). Охъ, Езусъ-Матко!

Пробощъ (*тыхо*). Знай,
Що ты дочка католыцького лона,
И нашъ костёлъ на те благословля... (*выходыть за Чаплинськымъ*).

Барабашъ. У! Варшавянкы ляли... бяле цяло..

Чарнота. Хропе уже!

Богданъ. Тутъ удалось, а там...

Богунъ (*иде*). Я выглядать пиду мерщій на ганокъ.

Богданъ. Чи жъ выгорыть?

Чарнота. Надія наша—Богъ!
(*Кобзарю*) Гей, диду мій! Хочъ тугу намъ розбый,
По струнахъ вдарь, щобъ кровь заграла въ жылахъ.

Бандурыста. Та щобъ не дарма!... Слухайте-жъ, орлы!
(*прыграе и спива*) Зажурылась Украина,
Ниде ся подиты:
Вытоптала орда киньмы
Дрибненькіи диты;

Ой дрибненьки вытоптала,
А бильшыхъ забрала,
Назадъ рукы повьязала,
Пидъ хана погнала...
Булы часы, булы лыхи,
Та насталы й зліи:
Чи вмыраты-жъ намъ, чи дбаты
На жыви надіи?

Глоба. Спасыби, такъ!

Чарнота. Намъ умыраты? Годи!
Стонадцять купъ чортивъ имъ въ зубы всимъ,
Поборымось зъ панамы!

Бандурыста. Боже мылый!
Скрыпы имъ духъ и мужнисть дай серцямъ!!

Выхидъ 14.

(*Тижъ и Богунъ, а потимъ Тымко*).

Богунъ (*зъ ганку*) Летыть Тымко зъ шкатулою!

Богданъ. Хвала
Тоби, нашъ Боже!

Вси (*и Богунъ прыбигъ*). Слава! Слава!

Тымко. Добувъ! Добувъ! (*вбига, показуе скрыньку*).

Богданъ (*кладе на неи руку*). Се есть намъ мечъ на брань.

Бандурыста. Теперъ, Богдане, часу вже не гай,
Леты орломъ на Запорожжа!

Богданъ. Сыну!
Спровадь сю ничъ до Хведора симью,
Для мене жъ хай готують заразъ кони!..
Наставъ мій часъ... Поломано пихвы...
На ворога мечъ голый треба зняты...
И кынуты на страшну гру кисткы...

Подайможъ мы, на разставанни, рукы,
На жызнь и смерть, товарыши-браты!

(*Вси кладуть правыци на его руку при шабли*).

За́ нашъ народъ ограбленный, за виру,
За ридный край я голову несу—
И хай Господь розсудыть наше дило!

(*З а в и с а*).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДРУГОГО АКТА.

Настя Горова—шынкарька,
1, 2 дивчына—наймычкы
Нечай—козакъ у рямьи.
Чарнота—козакъ у спидныци.
Крывоносъ—козакъ зъ перебытымъ носомъ.
1-й, 2-й козакъ—запорожцы.
1-й, 2-й лейстровыкы—изъ Украины.
Сулыма—зъ козацькои старшыны.
Тетеря—куринный атам., запорожець.
Богунъ,—козакъ зъ Брацлавщыны.
Богданъ Хмельныцькый—сотныкъ Чыгырынськый.
Тымошъ—его сынъ.

Козакы, запорожцы, поронщыкы, музыка, дивчата.

Діется въ корчми, на гряныци запорожськыхъ земель

ДІЯ ДРУГА.

(Кинъ уявля глыбокый узвизъ; по кругахъ его густый лисъ. Оддалекы сыніе Днипро; на другимъ боци мріють очереты. Зъ правого боку блыжче до зрытеливъ корчма; передъ ганкомъ два столы и ослоны; злива корыто, у яке вода джереломъ бье зи скели! по дворыщу розкыдано каминня. Дали ливоручъ въ глыбыни повиткы. За корчмою кузня зъ станкомъ до ковкы коней; посередъ дворыща слупъ до прывьязи ихъ. Циле дворыще оточа острокилъ).

Выхидъ 1.

(Лейстрови—Сулыма, Тетеря; Запорожци—Нечай, Крывоносъ, Чарнота; козакы и посполюдъ; наймычкы).

(До пидняття зависы на кону чуты разомъ ризки спивы и гамъ. Лейстрови сыдять за столамы и пьють: коло ныхъ и дивчата вьются. Бидниши козакы й запорожци по дворыщу лежать малевнычо, люлькы курять: де-хто сыдыть, пораєтся, броню спрявля; де-хто спыть).

Лейстрови (*уже на пидпытку спивають*).

Ой, не шумы, луже, зеленый байраче:
Не плачъ, не журыся, молодый козаче!
Не самъ же я плачу, плачуть кари очи,
Що не спалы зъ лыха ажъ чотыри ночи!

Голый (*спива впоперекъ*).

Ой дурни татары голомози:
Черезъ васъ у мене голи нози...
Якъ я ногы обверну въ солому—
Не втекты одъ мене вамъ никому!

Хымка (*голосуе свое*).

Ой бувъ, та нема,
Та пойихавъ до млына;

Бидна моя головонька
Сама спаты лягла!

Крывоносъ (*затуля іи рота*). Цыть!!
Ой бувъ, та нема,
Пойихавъ на ричку...

Голый (*крычыть*).
Почекайте-жъ бисови татары,
Дайте, тилькы справлю шаравары!

Сулыма. Та цыть, ты кухво обдерта! Слухай лышень якъ козакы добри спиваують.

Голый. Начхавъ я! Що вы черевани за паны? Що надилы жупаны? А зась! Я самъ козакъ вильный: ты соби що хочъ спивай, а я—впоперекъ; ты соби спивай, а я—впоперекъ!

Чарнота (*у спидныци сыдыть, щось шые*). А й правда: у кожного горлянка своя и воля своя: твоя значыть горлянка,—ну и репетуй!

Крывоносъ. Та де тамъ, братчыкы, у его своя горлянка взялась? Теперъ наши горлянкы у езуитивъ проклятыхъ та у лядськихъ панивъ, королятъ... пошкварывъ бы ихъ любесенько!... а винъ свою заставывъ ще Насти шынкарци...

Де-хто. Чи й справди?

Крывоносъ. А гляньте! Сыдыть у рямьи, та ротомъ ганя, чи не всыпле хто туды ледащыци? (*выйшовъ*).

Чарнота. Э, такъ и я буду ротомъ ганять...

Де-хто. Та тоби й слидъ зъ дорогы...

Запорожецъ (*зъ бандурою до дивчыны*). Выйдешь, чорнобрыва въ садочокъ,—розважыты сичовыка?

2 дивчына. Та вамъ же грихъ зъ намы й балакаты...

Запорожецъ (*прыграе на бандури*).

Ой, надину кармазына,
Бо въ садочку жде Марына...
Колы й е на серци горе—
Дивчынонька заговоре!
Одъ дуба та до дуба—
Дивчынонько моя люба;

Запорожця не лякайсь,
Та мицнише прыгортайсь!
Козакови тилькы й доли,
Якъ горилкы е доволи,
Та якъ часомъ карока
Сяде нышкомъ коло бока!

Де-хто. Такъ, такъ! У Роздерырота до кохання охота!
(*Смихъ*)

Козакъ (*ззаду*). Гей вы, дивчата! Устань котора, та оброку дай!

2 дивчына. Иды до коморы: заразъ! (*пишла*).

Запорожець (*зъ бандурою до Чарноты*). Скажы мени, будь ласка, небораче, чого се ты одягъ жиночу спидныцю?

Чарнота. Одъ мылои подарунокъ...

Запорож. А що жъ ты тамъ шыешъ?

Чарнота. Повылазыло хиба? Зшываю посередыни, щобъ штаны выйшлы..

Де-хто. Ну й голова! Отъ пройдысвитъ, палывода!

Запорож. А свои де?

Чарнота. Свои?! (*Свыстыть*) Пропывъ!

Запорож. Оттака ловысь!

Тетеря. Це вже достоменно выйшло, що пропывъ штаны, тай у бокы взявся.

Лейстрови (*зза столу*). Ха, ха, ха!! Та скыньмось хочъ по шагу, та выкупимъ у шынкарькы штаны лыцареви!

Чарнота. Подавится вы, гречкосіи, своимы штанамы: въ мене й безъ вашои ласкы выйшлы штаны, ще й ловки!

(*встае и показуе*) Онъ-то яки!

Вси. Гля, братци! Отъ мудрагель!! (*Регитъ*).

Сулыма. Нехай же винъ, братчыкы, и буде на прозвыще „бабій“.

Вси. Нехай, нехай!!

Чарнота (*Сулыми*). Ты, колы вже наважывся хрещенымъ батькомъ буты, то справляй и хрестыны; частуй, мовлявъ, и кумивъ и хрещеныка!

Сулыма. Гей, шынкарько! шынкарько! Горилкы и меду!

Выхидъ 2.

(*Тижъ и Настя*).

Настя (*вбига*). Ачъ, хто гука! Росходывся!

Сулыма. Цупъ сюды суліи та кухли хрестыны справляемо... та и сама не тикай!

Настя. Та я, мій орле, раднпша, дакъ колы й туды тягнуть. Ну, вже й молодци юнакы, запорожськи козакы! Просто доторкнуться страшно: такъ и шматують!

Голосъ (*зъ корчмы*). Насте! Насте!

Настя. Заразъ, заразъ! Ну, якъ мене однои на всихъ настачыть! Хочъ розирвысь! Гей, вы, дивчата! Несить сюды меду, и пыва, и оковытои, та глядить мени, щобъ лыцарство не нудылося!

Чарнота. А про насъ, нызовцивъ, и не дбаешъ? Гей ты, Насте шынкова, козача болыголова! Оддай мени заразъ пидстоли и шаблюку!

Настя. Навищо воны бабію?

Вси. Ха, ха, ха, ха!! И ця постерегла!

Сулыма. Та ну годи, не сперечайтесь: це значыть кума... Ну такъ замисть крыжма подавай пидстоли й шаблюку.

Настя. За-для такого кума заразъ! Подайте!

Чарнота. Отъ за це спасыби!

Сулыма (*обнима й крутыть Настю*). Ухъ! Кума! Зведе хочъ кого зъ ума!

Настя (*вырывается*). И самого чорта осидлаю!

Выхидъ 4.

(*Тижъ и Крывоносъ*).

Голосъ (*здалеку*). Пере-во-зу—гей!!

Голосъ (*зъ берегу*). Пожды!! Одпочыну!!

Голосъ (*здалеку*). По-ро-на да-ва-й!!

Голосъ (*зъ берегу*). Не луснешъ!

Крывоносъ (*входыть, набыва люльку*). Не чуете? Адже на тимъ боци гукають! (*Сида, креше вогонь*).

Сулыма. Та розштовхайте хто отыхъ лежнивъ!

Чарнота. А вы пане, чи не протрусылы-бъ сами свого черева, дарма що одпаслы его на нашыхъ, а теперъ бы то на своихъ маетностяхъ?

Сулыма. Маетностяхъ! Пане!? Найшовъ чимъ выбывать очи, лежебока, пьянюга! Мы справункы правымо, землю пораемо, працюемо...

Чарнота. Такъ, такъ... тилькы не своимы рукамы, а сусидськымы... пидневольнымы... на лядськый кшталтъ...

Сулыма. То тоби зъ пьяну здается...

Чарнота. Не бійся, ваша мосць, мы одно око зальемо, а другымъ все бачымо: заводытся у насъ и крепацьтво... разомъ зъ шляхетчыною...

Крывоносъ. Одпасуются на панськый ладъ! (*Курыть*).

1 лейстров. Звисно, дармойидамъ заздро, то й гавкають.

Чарнота. А щобѣ ты цилкомъ опухъ, колы мы дармойиды: а за чіею спыною усимъ вамъ, гречкосіямъ, безпешно сыдиты?

Сулыма. Та даймо... тилькы вы бильше свою волю тишыте...

1 лейстр. Именно: не такъ оборона, якъ полювання на здобычъ...

Сулыма. А черезъ ти наскокы... часто здіймають ще на Вкраину биду... байдуже имъ до неи!

Чарнота. У васъ вся Украина въ кешени! Хиба вы дбаете про неи? Старшына зъ ляхомъ наклада: онъ я вчора звидтиль прыбувъ... Колы бъ вы бачылы, братове, що тамъ коится?

Крывоносъ. Тамъ уже черезъ польську шляхту, та й своихъ перевертнивъ—ажъ стогне поспильство.

Нечай. Не черезъ ляхивъ, а черезъ панивъ: прости ляхы—таки-жъ харцакы... мы бъ зъ нымы жылы й викъ, якъ бы не ти ксендзы, та не дукы...

Крывоносъ. Именно, що вси дукы однымъ мыромъ мазани...

1 Запорож. Одного дидька диты!

2 Запорож. Потурають и ксендзамъ и магнатамъ!

Сулима. А щобъ вы такъ потуралы невири: вамъ бы хотилось усихъ значныхъ вынищыты, а зъ поспильствомъ розбоямы жыты?

Крывоносъ. Зъ поспильствомъ колысь и погуляемо.

1 Запорож. Дорика розбоямы, а чымъ его й жыты, якъ не здобыччю зъ бусурмена!

Нечай. И Богъ веливъ.

1 Лейстров. Часомъ и наймытамы стаете бусурменськымы...

1 Запорож. Становымось, та все проты тіи-жъ невиры, а не проты своихъ...

2 Запорож. А вы наймыты панськи! Позахоплювалы земли, злыгалысь зъ урядомъ...

Крывоносъ. Ще й хызуются, недоляшкы подъяремни, що въ лейстрови влучылы: надбалы соби прывелеивъ, та й дмутся, якъ шкуратъ на вогни!

Сулыма. Надбалы чесно, а въ ярмо шыи не вложылы...

Нечай. А другихъ упхнете? Запысать у лейстрови всихъ, та й уже!

Чарнота. Якъ у око, брате, влипывъ: биды не буде!

Нечай. Пора завесты вильнисть та ривнисть...

1 Запорож. Та скасуваты прымхы значныхъ!

1 Лейстров. Такъ бы то сеймъ и попустыть!

Чарнота (*показуе кулакъ*). У насъ свій сеймъ буде-ось!!

Сулыма. Забулы тилькы другого кулака, надъ собою Кодака?

Нечай. А луснувъ бы ты зъ нымъ!

Крывоносъ. Зраднықы! За ворогамы радіють!

Сулыма. Мы зрадныкы? До зброи!!

Крывоносъ и Нечай. До зброи! Гыньте! (*Добуваютъ шабли*).

Чарнота (*мижъ ныхъ кыдается*). Стійте братци!

Выхидъ 5.

(*Тижъ и Настя та козакы й музыкы*).

Настя (*злякано*). Ой, лыцарство! На Бога! Угамуйтесь!
Розвалыте ще корчму! Годи чваръ!
Хочъ пошануйте Настю Горовую!
(*Кланяется*) Нечаю мій! Ты якъ вогонь палкый,
Але въ тебе добряче серце... Змылуйсь!
(*До Лейстровыхъ*) Шановніи та славни козакы!
Не ремствуйте: у васъ же сывый розумъ,—
Чи лейстровыкъ, чи братчыкъ—все козакъ,
Все велетень... Тутъ веселытысь треба!

Запорожцы. Ага! Теперъ якои завела?

Настя. Я заразъ вамъ вточу и меду й пыва... (*бига мижъ козакивъ, частуе, залыцяется*).

Де-хто. Такъ бы й давно!
А все провчыты бъ слидъ!

Выхидъ 6.

(*Тижъ и Тетеря*).

Тетеря (*выходыть зъ корчмы*). Вгамуйтеся, панове и братове!
Де неладъ е—тамъ сылы вже нема,
А у безсылого одниме коженъ право:
Не въ тому ричъ, щобъ ривни вси булы,
А въ тому ричъ, щобъ добре всимъ жылося,
Адже не вси на неби ривни й зори?

Нечай. Такъ тожъ на неби, а не на земли!

Чарнота. Онъ коится що въ Польши! Гвалтъ, Содома!
Своихъ людей магнатство гне въ рабы:
Одни—паны видъ Бога, други—быдло;
Одынъ—жыруй, а другый бачъ—працюй!

Крывоносъ. Таки жъ и тутъ заводятся звычаи:
Ляшкы-панкы, якъ мыши въ ожередъ
До насъ бижать, ламають наше право..

1 Запорож. А наши пакъ значни не пнутся тежъ
Помазатысь шляхецькымъ мыромъ?
2 Запорож. Вирно!
Тетеря. А де-жъ, панове, хата е безъ сохъ?
Для чого й въ Польши збытъ законъ пидъ ногы,
Бо головы державнои нема,
То й гыне все у гвалти та сваволи:
Безъ головы те жъ буде и у насъ...
Чарнота. А мы жъ на що?
Тетеря. Мы Украини рукы...
Чарнота. А голова-жъ ій хто? Мо! Барабашъ?!
Крывоносъ. Перевертень!
Нечай. Шкарбунъ и зухъ!
Чарнота. Ще й зрадныкъ!
1-й Запорож. Отъ, кошовый нашъ...
Тетеря. Баба, кваша!
2-й Запорож. Ну,
Морозенко...
Тетеря. Ще не твердый розумъ...
Все зъ опалу... Намъ треба жъ головы
Освитнёи у посполитыхъ справахъ,
Щобъ зналася на шабли й на пери...
Чарнота. Отъ Хмель Богданъ...
Крывоносъ. Нема, якъ винъ!
Нечай. Ляхове
Его боятся, якъ вогню!
Тетеря. Не вси:
Зъ Яремою не зитнется...
Чарнота. Чи й справди?
Тетеря. Побидныкъ винъ на кволыхъ...
Крывоносъ. Не брешы:
Випъ бывъ татаръ та туркивъ... а Ярему
Собаку я визьму на рукы самъ...
Жыття свое заставлю...

Чарнота. Я Богдана
Самъ добре знаю: эхъ, вояка винъ—
Палкый, стримкый... и знается на пляшци...
Нечай. О? Значыть братъ!
Чарнота. А розумомъ—за вси!
Сулыма. А клопотавсь—не хто, якъ винъ въ Варшави...
Тетеря. За хутора свои та за значныхъ. .
Нечай. Не може буть!
Чарнота. Брехня, та ще й велыка,—
Я знаю самъ...
Тетеря. Побачыте колысь!
Запор. 1-й и 2-й. Перевелось козацьтво...
Харпакы. Вже немае
Й заступныка лыбонь намъ...
Тетеря. Ни, браты,
Не згынула козача сыла й слава
И голова ще знайдется; пыльнишъ
Погляньте тутъ... надокола, панове!
Дозвольте ричъ державы?
Крывоносъ. Ну, держы!
Тетеря. На те й стоить братерство наше славне,
Щобъ славою Украину вкрывать;
Колы бъ не мы,—давно бъ вже поглынулы
Украину татаре та ляхы,
Бо покы насъ—ій поты жыть безпешно.
Крывоносъ. Гараздъ сказавъ.
Де-хто. Мовъ зъ кныгы...
Други. Голова!
Тетеря. Такъ значыть намъ про Запорожжя й дбаты,
Бо якъ воно на сылахъ упаде,
То й Украина згыне...
Чарнота. Правда, правда!
Тетеря. Такъ треба жъ намъ чымсь пиджывыть себе?
Безъ здобычи охлялы, пидупалы:
Ошарпани, обдерти... ажъ на смихъ
Здiймають вси...

Крывоносъ. Та винъ, прысяйби, дило
Провадыть, бра!
Крывоносъ (*набикъ*). Теперя щось снуе...
Пiйматы бъ нытку...
Тетеря. Безъ вiйны, братове,
Де-жъ пожывытысь намъ?
Нечай. Ниде, бо мыръ!
Тетеря. А для чого за моремъ е невира?
Крывоносъ. Щобъ быть, та вчыть! (*Голосъ*).
Лейстровыкы. Не можна зъ туркомъ бытысь.
Запорожци. Чому? Чому?
Сулыма. Ричъ-Посполита..
Крывоносъ. Цыть!
А що намъ Ричъ? Король хиба...
Чарнота. Винъ прагне
И самъ вiйны...
Лейстровци. Що? якъ?
Запорожци. Та цытьте!
Кривоносъ. Годи!!
Тетеря. Послухайте...
Нечай. Не треба!
Крывоносъ. Розумнишъ
Не скажешъ!
1-й Запорож. Въ Сичъ рушай:
2-й Запорож. И гайда въ море!
Бильшына. Ну й молодець!
Чарнота. Чи-ба, куды загнувъ.

Выхидъ 7.

(*Тижъ и Настя*).

Тетеря. Такъ на почынъ-же выпьемо!
Чарнота. Це дило!

(*Настя ввійшла*) Тетеря (*ій*). Настусю, гей! И меду, и вына
Всёго таскай, абы було до-схочу...
Частуе всихъ Тетеря...
Настя. Ну, та й панъ!
Отъ ходыть якъ, мій сокилъ!
Тетеря (*тыхо Насти*). Прыгадаю
Тоди тебе, колы моя зоря
Розвыднытся... (*До всихъ*). Гей, друзякы, до гурту!
Геть нà-бикъ сваркы та берить ковши!
Вси. Правдыва ричъ! Бувай здоровъ, козаче!
Тетеря. За славоньку и за здоровья всихъ!
Нечай. За виру першъ!
Крывоносъ. И на загынъ невири!
Вси. За благочестя!
Чарнота. Такъ, теперъ писèнь,
Щобъ ажъ земля двыгтила!
Вси. Шкварь, бандуро!

Гуртъ спильный (спива).

Ой, бре, море бре!
Хвылонька реве,
И реве, и грае,
Чаечку гойдае!
Розженысь весло,
Хвылю бый на скло:
Онъ байдакъ лыліе—
Серденько радіе!
Геть плыве другый...
Гыньте ворогы!
Люлька гасне въ роти—
Заразъ буть роботи!

Настя. Охъ, козакы, орлы мои! Усихъ
Якъ бы змогла, я бъ прыгорнула разомъ!
Давайте й я ще писню вамъ утну...
Вси. Гараздъ, гараздъ! А ну, пиддай лышъ палу!
Настя (*спива*). Спать мени не хочется
И сонъ мене не бере,

Що никому прыгорнуты
Молодую мене.
Нехай той мене голубыть,
Котрый щыро мене любыть,
Нехай той мене займае,
Хто кохання въ серци мае...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто кохання въ серци мае!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Хто кохання въ серци мае!

Настя. Изъ-пидъ хмызу на пичъ лизу,
Ажъ луна по хати йде,
А мій мылый, чорнобрывый
И на печи,—то знайде;
Я на пичъ, а винъ за мною,
А я вкрылась зъ головою:
Видчепыся,—ты хочь гарный,
Цилуваты незугарный...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Цилуваты незугарный!

Настя. Я-жъ въ мори купалася,
Я-жъ биды набралася,
Я-жъ море перебреду—
Яка була, така й буду!
Бисъ биду перебуде,—
Одна пройде, друга буде:
Якъ улизло въ хвиртку лыхо,—
Не зачынють іи люде...
Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынють іи люде!

Гуртъ. Охъ, охъ, охъ, охъ! Не зачынютъ іи люде!

Крывоносъ. Ну й каторжна, якъ роспалыла кровъ...
Музыкъ сюды!

Тетеря. Настусю! Пидкивкамы!

Нечай (*бере бандуру. Троиста музыка вcase входыть*).
Якъ бы такы або сякъ, або такъ...

Гуртъ. Якъ бы такы запорожськый козакъ!

Дивчата. Якъ бы такы молодый, молодый—
Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ!
Настя. Страхъ мени не хочется,
Зъ старымъ дидомъ морочыться!
Вси. Якъ бы такы або сякъ, або такъ,
Якъ бы такы запорожськый козакъ:
Якъ бы такы молодый, молодый—
Хочъ по хати бъ поводывъ, поводывъ!

(Музыка пидхоплюе. Выступа до танцивъ першъ Настя, за нею запорожецъ, дали килька паръ. Потимъ танцюють сами запорожци и на решти зновъ Настя и вси).

Выхидъ 8.

(Тижъ и Богунъ, верхы переплывшы Днипро).

Богунъ. Здорови, гей!
Вси. Богунъ! Богунъ!
Богунъ. Винъ самый.
Нечай. Видкиль узявсь?
Богунъ. Прямисенько зъ Днипра.
Чарнота. Дывится, бра: винъ верхы переплынувъ!
Богунъ. Въ васъ диждешся поронщыкивъ...
Тетеря. Въ шынкахъ
Долежують.
Крывоносъ. Ну й велетень!
Сулыма. Скаженый!
1-й Запорож. Палывода!
Тетеря На фыгли молодець!
Начай. Отъ зъ кымъ иты на турка!
Други. Правда, правда!
Вси. Орелъ козакъ! И въ пекло проведе!
(Оточають Богуна, здороваются).
Чарнота. Ззивъ дутеля! (*Тыхо, глянувшы на Тетерю*).
Тетря (*на бикъ*). Звиряйсь юрби! За хвылю
Хто бувъ божкомъ—пидъ лавою лежыть,

А другый вже на покути: имъ треба
Новыхъ цяцёкъ, якъ блазню-хлопчаку,
Або кійка, якъ на дурну отару!

Богунъ. Та стійте бо, хочъ чарку пиднесить!

Сулыма. Шынкарко сыпъ!

Чарнота (*пидставля й свій ковшъ*). По купели до смаку...

Настя. Отъ лыцарь нашъ, сичовыкивъ краса!
Такому пиднесты за щастя! (*Подае ковшъ*).

Богунъ (*бере*). Годи!
(*До гурту*) Здорови будьмо!

Вси. Пый здоровъ!

Богунъ (*пье и переверта*). За всихъ!

Вси. Спасыби! Ну теперъ веды на море!

Богунъ. Куды? Чого?

Нечай. Провитрыться пора,
Та полататысь чымъ-не-чымъ...

Запорожци. Охъ, треба!

Богунъ. Панове, ни! Не та теперъ пора
И не до часу намъ лыцарськи жарты:
Теперъ склыка Украина сынивъ
И доруча свою намъ долю матиръ.

Де-хто. Якъ такъ? Чого?

Други. Хиба тамъ сылъ дасть-би?

Тетеря. Намъ же нихто не помага...

Богунъ. Братове!
Хто матери цуратыся здола?
И безъ того давно вона, вдовыця,
У чумакивъ, якъ наймычка жыла...
А отъ теперъ женуть іи вже зъ хаты,
Пожарамы освичуючы шляхъ...

Де-хто. Не може буть!

Други. Такого ще й не чуто!

Богунъ. Всимъ треба стать намъ, друзи, якъ одынъ!

Тетеря. За себе всякъ...

Богунъ. Такъ? За свои кешени?
За спокій свій? Простолюду-жъ слёза

Вамъ за нивець? Черезъ кого Трясыло,
Тарасъ, Павлюкъ и Гуня полягли?
Черезъ своихъ: не встали зъ ными разомъ,—
И воякамъ за волю, за свій край—
Прыйшлось самимъ изъ жменею завзятцивъ
Боротыся супроты ворогивъ!

Крывоносъ. То правда...

Чарнота. Охъ, та ще й яка!

Сулыма. Такъ що-жъ пакъ?
Стоялы мы за Посполиту-Ричъ:
Ляхы жъ свои...

Богунъ. Якъ соромъ ваши очи
Не вытягне з-пидъ лоба? Мало ще
Тыхъ шулякивъ, що ныщутъ нашу виру,
Що шарпають вси земли, той своимъ
Ще потурать въ смертельный часъ...

Вси. Що кажешъ?

Крывоносъ. Ты не лякай, а толкомъ роскажы!

Вси. Мерщій, мерщій!

Богунъ. Я тилькы есть предтека:
Онъ йиде той, що вамъ оповистыть!

Выхидъ 9.

(Тижъ и Богданъ зъ козакамы).

Богданъ. Козачеству, преславному лыцарству,
Украина бье до земли чоломъ:
Вона теперъ, не мовъ пидбыта чайка,
До матери на лоно прыпада...

Де-хто. Хмель-батько тутъ!

Крывоносъ. Здоровый бувъ, Богдане!

Други. Що скоилось? Яке знову лыхо тамъ?

Богданъ. Старе, браты, й поновлене..

Нечай. Що жъ сталось?

Богданъ. Козачество! Дозвольте ричъ держать!

Вси. Держы, держы: мы слухать тебе ради!

Богданъ. Вже десять литъ въ неволи мы цилкомъ
И Масливъ Ставъ похоронывъ права намъ...
Зъ того часу насъ ворогъ опряга
Й затягуе ярмо на наши шыи,—
А отъ теперъ таке въ насъ завелось,
Якого зроду вы есте не чулы:
Потоптани останніи права,
Зганеблена святая наша вира....

Вси. За виру—смерть!

Богданъ. Іезуитъ розвивъ
Тамъ унію до гвалту, до розбою:
Грабують скризь у благочесныхъ все,
Межуе ляхъ громадськи наши земли,
Суда нема, скасовано законъ,
Гвалтуе панъ, паскудыть наши семьи...

Вси. Не може буть, щобъ смилы?

Богданъ. Але такъ!

Крывон. А вы-жъ чому безправью потуралы?
Побабылысь? Звелыся на тхоривъ?
Чы пощербылася козацькая крывуля?

Богданъ. Я скаржывся и сейму й королю:
На скаргы ти сеймъ реготомъ одмовывъ...

Тетеря. А ясный круль?

Богданъ. Ось що мени сказавъ:
„Я вамъ надавъ ще бильше прывелеивъ
И доручывъ Барабашу". Воны
Ось-де! (*Показуе*) Тутъ певне наше право
На волю, виру, землю, військо й ладъ!

Тетеря. Такъ и гараздъ!

Богданъ. Эхъ, тилькы на папери!
Тому й дававъ мени яснійшый круль:
„Безсылый я скрепыть свои законы;
Колы цей сеймъ зныщае вамъ права,
То маете-жъ шаблюкы и рушныци?".

Богунъ. Такъ, маемо! И Богомъ я клянусь,
Що мы дамо чортячу имъ роботу!
Гей, козакы—Лейстрови й Нызовци!
Пидъ ногы геть топчимо хатни чвары,
На ирода вси станьмо, якъ одынъ,
Щобъ сатана ажъ затрусывся въ пекли!

Вси. Такъ, брате, такъ! До бою вси!!

Богданъ. Я знавъ,
Що Нызовци протягнуть вражу руку...
Спасыби вамъ! Я клыкачивъ славъ
По хуторахъ и селахъ... Всюды стогинъ
И гвалтъ стоить одъ лядського ярма...

Чарнота. Рушаймо, гей!!

Богданъ. Тра помочи...

Богунъ. Мы й самы!

Богданъ. Изъ спильныкомъ певнище: Крымъ пійде—
Я зъ Тугай-Беемъ прыятель...

Де-хто. Зъ невирнымъ?
Зъ поганыномъ?

Други. И виру бороныть!...

Тетеря. Чудне пемовѣ...

Де-хто. Та й грихъ!

Чарнота. Гай-гай, та й годи!
Чи татарва жъ зачепыть що святе?
Поможе намъ зигнуть магната-ката,
Що гиршъ невиръ... а тамъ—паны вже мы!

Богданъ. Тра знищыть въ пень... а Польща вельмы дужа...

Богунъ. А якъ бы вси повсталы?

Богданъ. Все певнишъ
Изъ спильныкомъ...

Крывоносъ. Та хочъ зъ рогатымъ чортомъ,
Абы лышь быть ляхивъ-панивъ!

Вси. Такъ, такъ!!

Богунъ. Ну, такъ хутчій, бо вже сверблять и рукы!

Богданъ. Сегодни въ Сичъ, а завтра въ Крымъ...

Сулыма. А мы
Вшыкуемось...

Настя. Козацтву до послугы
Мое добро: все на церквы даю!

Запорож. 1-й. Ну—й Настя, га?!

Запорож. 2-й. Сестра, сестра козача!

Дивчата. Визьмить и въ насъ вси дукачи й перстни!

Богунъ. Отъ и жартуй зъ дивчатамы! Та я
Готовый на ворога ударыть!

Одни. Та ще зъ такымъ отъ батькомъ на чоли!

Други. Не згыне Русь!

Вси. Богданъ іи звелычыть!

Тетеря. Пры сонци вразъ погаслы зори вси,
А мисяць князь ще зможе посвитыты
Позыченымъ хочъ свитомъ (*Богдану*). Батьку мій!
Бувай здоровъ и хваленъ во вся викы!

Богданъ (*обнима*). А, пане брате, любый, якъ жывешъ?

Тетеря. Учусь, служу козачій правди серцемъ—
И до земли я кланяюся ій (*кланяется ему*).

Выхидъ 10.

(*Тижъ и Тымко въ човни*).

Тымко. Насылу встыгъ... Нещастя, горе, батьку!
Я третёго загнавъ уже коня,
Летючы въ слидъ.

Боданъ. Що скоилось, мій сыну?

Тымко. На димъ новый Чаплинськый наскакавъ,
Все зруйнувавъ, спалывъ, добро пограбывъ,
Елену взявъ, а братикъ мій Андрій
Пидъ канчукамы вмеръ..

Богданъ. Небесни Сылы!
Дежъ правосуддя, Боже правый, де?
Невже въ тебе святого гниву мало,

Щобъ блыскавыцямы напасныкивъ побыть?
Невже ще плачъ и стогинъ твого люду
Не долетивъ до янгольскыхъ осель?
За що, про що замучено дытыну.
Потоптано уси людськи права?

Крывоносъ. На пали ихъ!

Вси. На мукы, на погыбель!

Тетеря. Хай насъ веде на ворога Богданъ!

Нечай. Такъ, братци,—це й нащырше наше серце:
Славутою воно повнишъ за вси!

Чарнота. Винъ, якъ орелъ, на шулякивъ ударыть:

Вси. Богданъ Хмельныцькый гетьманъ нашъ! Хвала!!

Богунъ. О, загремтыть теперъ вся чорна крывда,
Охрестытся земля въ іи крови!

Богданъ. Спасыби вамъ, товарыши-браты,
За шану цю! (*Кланяется*)
Росте и крипне сыла:
Я пидниму бунчукъ за ридный людъ,
И все жыве повстане скризь за мною,
Пиднимется, якъ хвыля нависна,—
И ворогивъ напасныкивъ потопыть...
До помсты жъ, гей!

Вси (*добуваютъ шабли*). За виру, за нашъ край!

(*Зависа*).

М. П. Старицкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

Въ современной намъ сословной организаціи лѣвобережной Украины наблюдается одна характерная особенность, сравнительно съ прочими частями обширной территоріи разселенія малорусскаго племени, являющаяся какъ бы нѣкоторымъ архаизмомъ. Среди массы сельскаго, почти исключительно землёдѣльческаго, населенія, главный элементъ котораго составляютъ крестьяне, выдѣляется немногочисленная сословная группа, такъ называемыхъ, малороссійскихъ козаковъ.

По своему семейному и общественному быту козаки ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ—входятъ въ составъ аналогичныхъ съ крестьянскими козачьихъ сельскихъ обществъ, управляются по однимъ и тѣмъ-же законамъ о сельскомъ состояніи и, живя въ перемежку съ крестьянами, постоянно вступаютъ съ ними въ родственныя связи, обращая такимъ образомъ козачекъ въ крестьянокъ и наоборотъ.

Козаки разселены далеко неравномѣрно на пространствѣ малороссійскихъ губерній—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гуще, цѣлыми селами, въ другихъ мѣстахъ рѣже, хуторами, или входя даже въ небольшомъ количествѣ въ составъ бывшихъ владѣльческихъ поселеній. Не пользуясь никакими особенными правами и привилегіями, а равно не неся какихъ-либо особенныхъ обязанностей, они различаются отъ крестьянъ больше лишь по одному названію. Впрочемъ, если ближе присмотрѣться къ жизни и даже внѣшнему облику болѣе типичныхъ представителей этого сословія, то нельзя не замѣтить, что они болѣе другихъ сословій

удержали характерныя этнографическія особенности малорусскаго племени, сохранивши ихъ втеченіе всей мрачной эпохи крѣпостного права.

Прошлая судьба этой небольшой сословной единицы, мирно занимающейся теперь земледѣліемъ и прочими сельскими промыслами, очень отличается отъ современнаго ея состоянія.

Безсмертный пѣвецъ Украины въ своемъ стихотвореніи „Иванъ Пидкова" художественно отмѣчаетъ эту разницу въ бытѣ стараго козачества, пановавшаго, добывавшаго „и славу, и волю", и его потомства, проводящаго жизнь въ обычныхъ занятіяхъ пахаря, несущаго „косу въ росу" на обширныхъ степяхъ Украины, украшаемыхъ тамъ и сямъ разбросанными высокими курганами, свидѣтелями иной жизни предковъ.

Малороссійскіе козаки окончательно выдѣлились въ отдѣльную сословную единицу по воспослѣдованіи указа 3 мая 1783 г., запретившаго малороссійскимъ крестьянамъ вольный переходъ съ мѣста на мѣсто и окончательно закрѣпостившаго такимъ образомъ бывшихъ посполитыхъ за панами, преимущественно изъ козацкой старшины, и по обнародованіи въ 1785 г. жалованной грамоты дворянству, въ силу которой разбогатѣвшіе и уже давно претендовавшіе на шляхетскія права представители козацкой старшины вошли въ составъ россійскаго дворянства. Сословіе малороссійскихъ козаковъ, получившее одно самое главное, въ высшей степени дорогое по тѣмъ временамъ право, право личной свободы, образовалось изъ тѣхъ немногихъ счастливцевъ, которые сумѣли какимъ либо образомъ доказать свое происхожденіе отъ реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ наивысшая норма этихъ послѣднихъ, именно въ эпоху Богдана Хмельницкаго, была 60000 человѣкъ, то поэтому можно судить, насколько немногочисленна была эта сословная группа. Едва ли можно ошибиться, если посчитать ее къ началу XIX вѣка приблизительно въ полмилліона душъ обоего пола, какъ опредѣляетъ ее, какъ увидимъ ниже, нѣсколько позже извѣстный малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Н. Г. Репнинъ.

Можно думать, что связь между реестровыми и позднѣйшими, такъ называемыми, малороссійскими козаками не основывалась на точныхъ генеалогическихъ данныхъ, чего, конечно, и не требовала въ большинствѣ случаевъ тогдашняя администрація края, вѣдавшая дѣла о козачествѣ и стремившаяся возможно болѣе съузить рамки этого сословія, въ общемъ была лишь преемственность, удостовѣряемая въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ, претендовавшихъ на званіе козака, сохраненіемъ нѣкоторыхъ старинныхъ правъ и привилегій и преданностью завѣтнымъ традиціямъ стараго вольнолюбиваго козачества эпохи Богдана Хмельницкаго.

Въ высокой степени интересная исторія малороссійскихъ козаковъ, полная глубокаго драматизма, не останавливала почему-то спеціальнаго вниманія изслѣдователей,—ее касались лишь мимоходомъ, и потому по настоящее время она мало изучена.

Въ настоящемъ очеркѣ мы попытаемся выяснить нѣкоторыя страницы изъ этой исторіи, главнымъ образомъ на основаніи имѣющагося въ нашемъ распоряженіи неизданнаго до сихъ поръ рукописнаго матеріала, извлеченнаго преимущественно изъ яготинскаго архива князей Репниныхъ, именно—въ отношеніи того, какъ правительство, вскорѣ по возсоединеніи Украины, съ одной стороны, старалось разсѣять по возможности даже самыя мечты козаковъ о возстановленіи ихъ первоначальныхъ вольностей, съ другой стороны, стремилось къ тому, чтобы, принимая во вниманіе ихъ воинскій духъ, извлечь изъ нихъ пользу для военныхъ надобностей, въ качествѣ иррегулярнаго войска.

I.

Возвышеніе козачества въ эпоху Богдана Хмельницкаго.—Реестровые козаки.—Неразграниченность сословій.—Выдѣленіе козачьей старшины.—Невольные и вольные переходы козаковъ въ посполитые.—Противодѣйствіе этому со стороны правительства, въ видахъ сохраненія козачества, какъ иррегулярнаго войска.

Въ эпоху Богдана Хмельницкаго привилегированнымъ сословіемъ въ лѣвобережной Украинѣ сдѣлалось козачество, спо-

движники „козацького батька“[1]), отстаивавшіе свою вѣру, народность и экономическую независимость демократической Украины отъ иновѣрной, инородной, аристократической Польши. Старой шляхты, состоявшей, по мнѣнію извѣстнаго знатока старой Малороссіи А. М. Лазаревскаго[2]), преимущественно изъ польскихъ пановъ, нахлынувшихъ на лѣвый берегъ Днѣпра въ началѣ XVII вѣка, и отчасти, изъ мѣстной аристократіи, образовавшейся въ то время, когда сѣверная часть Малороссіи принадлежала Москвѣ (1500—1638 г. г.), осталось мало. Новѣйшій изслѣдователь прошлыхъ судебъ малороссійскаго шляхетства Д. П. Миллеръ[3]) такъ описываетъ тогдашнее положеніе недавно всевластныхъ „пановъ“.

„Королята и дуки бѣжали при самомъ началѣ возстанія, а ихъ служебники, поссесоры и офиціалисты были перерѣзаны и перебиты, такъ что 1654 годъ засталъ на лѣвобережьи всего на всего триста представителей благороднаго сословія, но и эти триста были, кажется, изъ самыхъ захудалыхъ. Вскорѣ уцѣлѣвшая шляхта, забросивъ или припрятавъ свои дипломы и привилегіи, вошла въ составъ козачества и быстро растворилась въ немъ, настолько быстро, что уже при ближайшихъ преемникахъ „козацького батька“ о ней, какъ объ отдѣльномъ сословіи края, нѣтъ ни слуху, ни духу“.

Современное Богдану Хмельницкому козачество, хорошо помня, что первая искра народнаго возстанія, разросшаяся вскорѣ въ грандіозное зарево, охватившее всю Украину, вспыхнула впервые на Запорожьи, гордилось этой связью съ славнымъ сѣчевымъ „товариствомъ“ и, считая Сѣчь, какъ бы *матерью*, стало именовать себя *товариствомъ войска запорожскаго*.

Въ 1654 году козаки, вѣроятно, наиболѣе отличившіеся своими боевыми заслугами, вошли въ число тѣхъ шестидесяти тысячъ избранниковъ, которые составили „войско запорожское“, согласно „статьямъ постановленнымъ въ Москвѣ съ посланцами

[1]) Д. И. Багалѣй. „Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII вѣк.“, „Кіевская Старина“, т. VII, стр. 569—571, 1883 г.

[2]) Записки черниговъ. статистич. комитета. Кн. I. 1866. Стр. 5. Сравн. Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст.“, Д. И. Багалѣя, „Кіев. Стар.“ т. VII, стр. 561 сл. 1883 г.

[3]) „Кіев. Стар.“ 1897 г. Т. LVI, стр. 2.

гетмана Богдана Хмельницкаго", утвержденнымъ грамотой царя Алексѣя Михайловича отъ 27 марта 1654 г., въ которой между прочимъ сказано: „а число войска запорожскаго указали сами, по ихъ же челобитью, учинить спискового 60000, всегда полное". Право избранія этихъ счастливцевъ, согласно тѣхъ же статей, было предоставлено самимъ козакамъ, т. е. преимущественно, конечно, козацкой старшинѣ, въ п. 15 статей сказано: „прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности ихъ не было, всегда они всякаго чина свои вольности имѣли и для того они вѣрно служили, а нынѣ, за поступленіе на вольности наши, поддалися царскаго величества подъ высокую руку" и просятъ дать грамоту, „а когда получатъ, то *они сами между собою учинятъ*, и кто козакъ, тотъ будетъ вольность козацкую имѣть, а кто пашенный крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать" [1]).

Эпоха Богдана Хмельницкаго хотя измѣнила политическій строй лѣвобережной Украины, но мало видоизмѣнила сословныя отношенія—измѣнились больше названія, но не сущность отношеній. Украинскій народъ, стремившійся къ уничтоженію всѣхъ сословныхъ отличій и установленію полной равноправности, очень ошибся въ своихъ расчетахъ. Съ выдѣленіемъ козачества изъ общей массы народа, „пашенные крестьяне", *посполитые*, остались въ прежнемъ служебномъ „подданническомъ" положеніи и перемѣнили лишь господъ, такъ какъ, съ изгнаніемъ польскихъ пановъ, право послѣднихъ на поземельную собственность перешло къ „войску", и гетманъ, будучи представителемъ послѣдняго, могъ раздавать войсковую землю монастырямъ, прежнимъ крупнымъ владѣльцамъ, приставшимъ къ нему во время войнъ съ Польшей, козацкой старшинѣ и рядовому товариству, за ихъ „войсковую" службу. Съ нарожденіемъ вновь крупнаго землевладѣнія, посполитые, жившіе на выдѣляемой въ частную собствен-

---

[1]) Буцинскій. О Богданѣ Хмельницкомъ. Хар. 1882. Стр 162, 164, 166. Сравни—Бантышъ Каменскій. Исторія Малой Россіи. Ч. I. М. 1882 Стр. 117, Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій. С.-Петерб. 1884. Т III, стран. 142, 143, 144, 149, 151.

ность землѣ, становились въ обязательныя отношенія къ отдѣльнымъ его представителямъ[1]).

Но не одни только посполитые очутились въ зависимомъ состояніи. Шестьдесятъ тысячъ *списковыхъ, реестровыхъ* или *выборныхъ* козаковъ далеко, конечно, не соотвѣтствовали всему количеству лицъ, которыя по своимъ воинскимъ заслугамъ могли бы претендовать на внесеніе въ списокъ, и все это козачество, оставшееся, такъ сказать, за бортомъ, утрачивало постепенно ясное представленіе о своихъ сословныхъ преимуществахъ и сливалось съ посполъствомъ, и только нѣкоторые охотой шли въ такъ называемые охочекомонные полки, вольную конницу, вербовавшуюся изъ охотниковъ, безъ различія званія и состоянія.

Правда, на первыхъ порахъ строгой обособленности сословій не было, а потому не только посполитые, но даже многіе козаки не могли особенно увлекаться преимуществами этого званія: оно не давало какихъ либо особенныхъ правъ, а между тѣмъ налагало извѣстнаго рода обязанности, и потому очень часто даже реестровые козаки оставляли свое сословіе и переходили въ посполитые, предпочитая „поддайническій" бытъ воинской службѣ. Исполненіе обязанностей козака требовало значительныхъ расходовъ, что хорошо понимали и козаки, и посполитые, и потому *можнѣйшіе писались въ козаки, а подлѣйшіе оставались въ мужикахъ*[2]). По свидѣтельству позднѣйшаго современника малороссійскаго козачества, А. Ф. Шафонскаго[3]), „неограниченное всѣхъ званій состояніе, малороссійскою вольностью называемое, по которой всякъ то дѣлалъ, что хотѣлъ, и которая по самымъ польскимъ законамъ, въ Малой Россіи донынѣ употребляемымъ, не позволена, до того доходило, что крестьянинъ, женясь на козацкой дочери или женѣ и получа и купя козацкую землю, дѣлался козакомъ, а козакъ, убѣгая службы, мужикомъ". Видно, что эта „служба" въ эпоху умиротворенія послѣ Мазепы, преимущественно въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка,

[1]) Лазаревскій, l. c. стр. 14, 15 сл. Багалѣй, e. c. стр. 571.

[2]) Ib. стр. 6, 11.

[3]) Топографическое описаніе черниговскаго намѣстничества. Кіевъ. 1851 г. стран. 65.

когда воинскій пылъ поулегся, казалась козачеству очень обременительной, что они готовы были мѣнять свое привилегированное положеніе на „послушенство" посполитыхъ. Чтобы нѣсколько облегчить себя, козаки раздѣлились въ это время на двѣ категоріи—козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ. Шафонскій такъ опредѣляетъ ихъ взаимныя отношенія: „козаки выборные назывались тѣ, которые къ полевой и заграничной службѣ съ лошадью, мундиромъ, ружьемъ и пикою и всею верхнею и нижнею амуниціею должны быть на готовѣ. Достаточные изъ нихъ сами себя во всемъ должны были содержать, а когда такихъ не доставало, то должны другіе, остающіеся въ своихъ домахъ, имъ во всемъ дѣлать помощь, такъ что иногда два, три и больше дворовъ снаряжали одного козака, и сіи то назывались подпомощники. Наполненіе выборныхъ козаковъ или изъ самихъ ихъ, или изъ подпомощниковъ дѣлалось такъ, что иногда выборные, неспособные, какъ тѣломъ, такъ и достаткомъ, переходили въ подпомощники, а сіи въ выборные. Число обоихъ неравное въ сотняхъ было, а зависѣло отъ числа принадлежащихъ къ сотнѣ селеній такъ, что въ сотнѣ выборныхъ сто, двѣсти и болѣе, а подпомощниковъ до тысячи и гораздо болѣе человѣкъ. Первые считались поголовьями, а послѣдніе хатами, или подымьями, то есть семьями".

Въ виду неразграниченности сословныхъ отношеній козаковъ и посполитыхъ и постоянныхъ переходовъ изъ одного сословія въ другое, трудно прослѣдить измѣненія числа козаковъ, хотя бы и всѣ списки, реестры, или, такъ называемые, компуты, замѣнившіеся съ 1723 г. ревизскими книгами[1]), дошли до насъ и были изданы, чего далеко нѣтъ. Можно видѣть лишь измѣненія, такъ сказать, оффиціальной численности реестровыхъ козаковъ изъ гетманскихъ „статей".

Гетманъ Виговскій въ договорѣ, заключенномъ 6 сентября 1658 года подъ Гадячемъ съ польскими коммисарами Станиславомъ Беньевскимъ и Казимиромъ Заблажевскимъ, выговорилъ,

---

[1]) Лазаревскій, l. c. стр. 7.—Д. И. Багалѣй—„Генеральная опись Малороссіи", „Кіев. Стар.", т. VII, стр. 413 сл. 1883 г.

чтобы реестровыхъ козаковъ было тридцать тысячъ [1]); въ Батуринскихъ статьяхъ, заключенныхъ съ гетманомъ Брюховецкимъ въ 1663 г., число реестровыхъ козаковъ опредѣлялось въ шестьдесятъ тысячъ [2]); согласно Глуховскихъ статей 1669 года съ Многогрѣшнымъ, реестровыхъ козаковъ числилось тридцать тысячъ [3]). Въ Переяславскихъ статьяхъ Самойловича число реестровыхъ козаковъ показано въ двадцать тысячъ человѣкъ [4]); въ Коломацкихъ статьяхъ Мазепы реестровыхъ козаковъ показано опять тридцать тысячъ [5]); наконецъ, въ просительныхъ статьяхъ гетмана Скоропадскаго къ императору Петру I уже не упоминается число реестровыхъ козаковъ, а говорится только, что они были малочисленны: „Малую Россію, чрезъ тринадцать годъ, од станцій и переходовъ войскъ армейскихъ въ люде и въ пожитки нынѣ оскудѣвшую, благоволи Ваше Императорское Величество, по своемъ высокомъ милосердію, ради всемирной радости, въ оной станціи помиловати, обще со всѣми малороссіянами рабски молю; ибо такъ *козаки*, яко и посполитые, *остались малочисленны*, съ которыхъ козаки знести того не могутъ, чтобъ и драгунъ кормити, и по званію своему Вашему Величеству служити, якъ и нынѣ подъ Ладогу и до Царицына двадцать тысячей козаковъ зъ Малой Россіи вышло, а домы ихъ отъ кормленія драгунъ не свободны суть“ [6]). Изъ этой выдержки изъ статей видны и причины уменьшенія численности козаковъ.

Конечно, вышеприведеннымъ числамъ нельзя придавать большого значенія. Эти числа показываютъ прежде всего количество козаковъ, которые должны были находиться постоянно подъ оружіемъ, отбывающихъ, такъ сказать, воинскую повинность, а не все количество козаковъ, какъ сословія. Кромѣ того, такъ какъ составленіе реестровъ предоставлялось на усмотрѣніе козацкой старшинѣ, то опредѣленіе числа реестровиковъ зависѣло

---

1) Бантышъ-Каменскій, l. c. Ч. I, стр. 134.
2) Ib. ч. II, стр. 189.
3) Ib. ч. II, стр. 249.
4) Ib. ч. II, стр. 296.
5) Ib. ч. III, стр. 144.
6) Ib. ч. IV, стр. 243 сл.

совершенно отъ ея воззрѣній въ данный моментъ, что было почему либо выгоднѣе—показать большее или меньшее количество; равно отъ нея зависѣло же и опредѣленіе ихъ состава, писать ли въ реестръ тѣхъ, „которые старые козаки и многую службу служили", или если „чего старыхъ козаковъ въ полкахъ въ тридцати тысячахъ недостанетъ", какъ говорится въ статьяхъ гетмана Многогрѣшнаго, то „въ то число принимать въ козаки мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей", съ оговоркой впрочемъ, чтобы „въ реестръ въ козаки не писать и не принимать"[1]) монастырскихъ посполитыхъ, такъ какъ монастыри еще со временъ Богдана Хмельницкаго настойчиво отстаивали свое право на ихъ „послушенство": въ универсалѣ своемъ Густынскому монастырю отъ 2 іюля 1648 года Хмельницкій говоритъ—„(господинове отцеве монастыра общежителного Густинскаго) просили насъ, абы зъ ихъ грунтовъ и футоровъ до войска подданныхъ ихъ не приймовали"[2]). По словамъ Шафонскаго, „многіе сотники" даже нарочно, „поддабриваясь своимъ козакамъ, вписывали мужиковъ въ козаки, дабы тѣмъ умножить свою власть"[3]). „Старые" козаки часто отказывались, какъ мы видѣли выше, отъ внесенія въ компуты въ силу экономическихъ соображеній, обольщаясь, быть можетъ, отчасти добрыми отношеніями, существовавшими на первыхъ порахъ между новыми господами и ихъ „подданными", но потомъ имъ, а въ особенности ихъ потомству, пришлось горько раскаиваться въ ихъ близорукости.

По мѣрѣ того, какъ испарялся подъемъ національнаго самосознанія, сплачивавшій и уравнивавшій представителей всѣхъ сословій въ единодушномъ отстаиваньи религіозныхъ и національныхъ, одинаково дорогихъ каждому украинцу, безъ различія званія и состоянія, интересовъ, все болѣе оживали дореволюціонные порядки, для уничтоженія которыхъ было пролито столько крови. Изъ среды самого реестроваго козачества все болѣе выдѣлялась въ особенную группу козацкая старшина, воспринимавшая постепенно взгляды и стремленія старой шляхты; она пред-

[1]) Ib. ч. IV, стр. 252.
[2]) Лазаревскій, l. c. стр. 6 сл.
[3]) Шафонскій, l. c., стр. 65.

ставляла, хотя меньшую по количеству, но за то богатѣйшую часть козачества, щедро надѣленную за „войсковыя заслуги“ маетностями, по силѣ гетманскихъ и полковничьихъ универсаловъ, и называлась иначе *значнымъ* или *знатнымъ* козачествомъ; бѣднѣйшая часть козачества составила другую болѣе многочисленную группу, такъ называемаго, *рядоваго* козачества.

По мнѣнію Д. П. Миллера, „мало по малу выдѣлившіеся изъ среды простого козачества козацкіе начальники явились замѣстителями шляхты, присвоивъ себѣ шляхетскія преимущества и получивъ, наконецъ, юридическое признаніе своихъ фактическихъ правъ со стороны русскаго правительства“. „Впрочемъ терминъ „шляхетство“—говоритъ тотъ же изслѣдователь—вновь выплываетъ на свѣтъ только въ 18 в., когда на сцену выступило уже третье поколѣніе козацкой старшины, внуки тѣхъ сотниковъ и полковниковъ, которые когда то прогнали изъ Украины настоящую гербованную шляхту [1]).

Чѣмъ болѣе проникались представители козацкой старшины аристократическими тенденціями тѣмъ болѣе, развивались у нихъ хищническіе инстинкты. Хорошо помня о громадныхъ земельныхъ богатствахъ, находившихся въ распоряженіи старой шляхты, права на владѣніе которыми были „уничтожены козацкой саблей“ [2]), они стремились сравняться съ нею въ этомъ.

Разнообразны были способы обогащенія, но ихъ основными чертами были полный произволъ и насиліе. П. А. Кулишъ, въ своемъ предисловіи къ запискѣ извѣстнаго Теплова, такъ обрисовываетъ эту печальной памяти дѣятельность малороссійской козачьей старшины:

„Разсказъ Теплова о томъ, какъ малороссійскіе паны, занимая разныя правительственныя мѣста въ гетманщинѣ, присваивали себѣ обманомъ и насиліемъ козачьи земли, ни мало не преувеличенъ. Изъ „Матеріаловъ для отечественной исторіи“, изданныхъ въ Кіевѣ г. Судіенкомъ, видно, какъ гетманы наши,

---

[1]) „Кіев. Стар.“. 1897 г. Т. LVI, стр. 5.

[2]) Лазаревскій, l. c. стр. 5.

пользуясь своею властью и безмолвіемъ хищниковъ старшинъ, набрали себѣ „на булаву" земель по всей Малороссіи. Въ такомъ-то полку гетману принадлежатъ цѣлыя села, въ такой то сотнѣ владѣетъ онъ многочисленными хуторами, въ такихъ то городахъ, мѣстечкахъ и селахъ есть у него доходныя мельницы, рыбныя ловли, пасики, „верхолазныя бортни", лѣса и сѣнокосы; и всего этого такъ много, что цѣлыя книги наполнялись описями гетманскаго имущества. Не упускали гетманы и старшины малороссійскіе никакого случая къ обогащенію на счетъ смиренныхъ земляковъ своихъ. Часто между ихъ владѣніями упоминаются даже небольшіе, далеко отброшенные лоскутки земли и мельницы объ одномъ поставѣ, которыми гетманъ владѣетъ пополамъ съ простымъ козакомъ... Жаловаться было некому, потому что гетманы хлопотали въ столицахъ, чтобы доносителей считали „неспокойными и ненавидящими добра людей" [1]).

Что не возбуждало аппетита „великихъ пановъ", генеральныхъ и полковыхъ урядниковъ, какъ-то „гайки, нивки, млинки", то систематически подбирала сотенная старшина, формируя такимъ образомъ среднее землевладѣніе и кладя этимъ путемъ прочныя основы благосостоянію позднѣйшихъ потомковъ своихъ, большинства малороссійскаго дворянства [2]).

Въ настоящее время обнародовано не мало документовъ и появилось значительное количество изслѣдованій по исторіи старшинскаго, позднѣе шляхетскаго землевладѣнія, но мы не будемъ касаться здѣсь этого вопроса подробнѣе, такъ какъ онъ не входитъ въ рамки настоящаго изслѣдованія. Для насъ важно одно общее положеніе, которое можно вывести изъ всей массы этого матеріала: малороссійская козачья старшина очень хорошо понимала, что недостаточно скопленія въ ея рукахъ обширныхъ земельныхъ богатствъ, что для извлеченія изъ нихъ доходовъ необхо-

---

[1]) Записки о Южной Руси. Т. II. Спб. 1857. стр. 173. Срав. „Матеріалы для отечественной исторіи", М. Судіенка. Т. I. Кіевъ. 1855. стр. 23 сл.: „писанъ листъ болшій до Его Императорскаго Величества въ государственную иностранныхъ дѣлъ коллегію пунктами: 10. О неспособныхъ и ненавидящихъ добра людяхъ малороссійскихъ, которіе ябеднически мимо гетмана будутъ удаватися зъ жалобами своими до Его Императорскаго Величества".

[2]) „Кіев. Стар." 1891. Т. XXXII, стр. 120.

димо привлекать возможно больше даровой рабочей силы, отсюда стремленіе путемъ всякаго рода экономическихъ притѣсненій закабалять посполитыхъ, и не только этихъ послѣднихъ, но и своихъ недавнихъ боевыхъ товарищей, рядовыхъ козаковъ. Тепловъ въ своей „запискѣ" такъ описываетъ обычный порядокъ, какъ вольные козаки попадали въ „подданство" къ старшинѣ: „...козаки живутъ въ великомъ непорядкѣ, яко разбросанные по разнымъ мѣстамъ отъ своего сотника, и находящіеся въ рукахъ у разныхъ помѣщиковъ, яко крестьяне; почему сотникъ, имѣя ихъ поселеніе на великомъ разстояніи, и въ порядкѣ содержать ихъ не можетъ; ибо, хотя всякому помѣщику въ универсалахъ гетманскихъ, при надачѣ деревни, писывалося прежде и нынѣ пишется, что помѣщикамъ до козаковъ и ихъ грунтовъ въ деревнѣ, селѣ и мѣстечкѣ томъ, которое помѣщику принадлежитъ, дѣла никакого нѣтъ; однакоже, какъ возможно, чтобъ козакъ бѣдный и безпомощный воспротивился сотнику въ сотнѣ, а сильному помѣщику въ томъ селѣ, или деревнѣ, гдѣ онъ козачествуетъ? Всякой сотникъ не успѣетъ только на сотню свою пріѣхать, то козаки первые строители дому бываютъ, первые сѣнокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочихъ разореніяхъ" [1]). И. В. Теличенко, авторъ изслѣдованія „Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи", опредѣляя по наказамъ взгляды и стремленія малороссійскихъ козаковъ въ эту эпоху, такъ обрисовываетъ способы обращенія козаковъ въ посполитые: „происходитъ это, по описанію (черниговскаго) наказа, обыкновенно такимъ образомъ, что, какъ только неосѣдлые сотникъ и сотенная старшина вступятъ въ свою должность, то сейчасъ же начинаютъ искать козачьяго грунта для устройства двора и постройки на немъ жилой избы, затѣмъ къ дворамъ прикупаютъ у козаковъ черезъ „угроженія и ласкательства" пахатныя поля, лѣса, сѣнные покосы и всѣ лучшіе грунта, причемъ даже не столько покупаютъ какъ „завлаживаютъ", а самихъ козаковъ „хитрыми способами утискиваютъ". Вытѣснивъ козаковъ со дворовъ, старшина ихъ

---

[1]) Кулишъ, l. c. стр. 192.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“ [1]).

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ“ [2]).

Ограждать козачьи земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ посполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“ [3]) приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 240.

[2]) Д. И. Багалѣй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

[3]) Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целярія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Мироновича явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“ [1]) говоритъ: „такъ какъ козачья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильнаго... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещавшаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“ [2]).

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ такъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

---

[1]) L. c. T. I. Спб. 1888. Стр. 148.

[2]) L. c. стр. 13 сл.

же къ себѣ „привлащиваетъ“, т. е. обращаетъ въ владѣльческихъ крестьянъ; кромѣ того, иныхъ козаковъ старшина употребляетъ въ партикулярныя работы, а другихъ укрываетъ отъ законныхъ повинностей, отчего козаки, не пользующіеся покровительствомъ, несутъ двойную службу. Но самоуправство старшины на этомъ не останавливалось: „отъ великихъ тяжбъ, боевъ и страховъ“, причиняемыхъ ею, иные козаки даже бросали своихъ женъ, дѣтей и имущество и уходили въ подсусѣдки, за рубежъ и вообще въ безвѣстныя мѣста, лишь бы освободиться отъ старшинскаго своевольства и беззаконія. Причины „отпаденія“ козаковъ отъ военной службы, черниговскій наказъ видѣлъ именно въ томъ, что „многіе духовные и мірскіе владѣльцы и старшины не только имѣнія козачьи поотнимали насильно по куплѣ и всякимъ сдѣлкамъ, но и самихъ козаковъ во владѣніе къ себѣ поподвергали въ подданство и несутъ общія съ мужиками тяжбы... (тягости), почему въ умаленіи козачьихъ грунтовъ немалое изъ вольностей козачьихъ отошло и козаковъ отъ службы военной отпало; а которые нынѣ еще въ службѣ на лицо имѣются, то тѣ за таковыхъ несутъ излишную службу, приходятъ въ крайнее разореніе и оплошность“ [1]).

Составленная при графѣ Румянцевѣ, генеральная опись Малороссіи „переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ—говоритъ проф. Д. И. Багалѣй—нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ“ [2]).

Ограждать козачьи земли отъ захвата со стороны „корыстолюбивой“ старшины, а самихъ козаковъ отъ обращенія въ посполитыхъ, приходилось авторитетомъ власти.

В. А. Мякотинъ въ своемъ изслѣдованіи о „прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII ст.“ [3]) приводитъ такого рода фактъ: въ 1722 г. генеральная войсковая кан-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1891. Т. XXXII, стр. 240.

[2]) Д. И. Багалѣй „Генеральная опись Малороссіи“, „Кіев. Стар.“, т. VII, стр. 413, 1883 г.

[3]) Русское Богатство. 1891 г. стр. 48.

целярія пригласила товарища глуховской сотни Ивана Мироновича явиться въ генеральный судъ по обвиненію въ томъ, что онъ „несправедливо поработилъ въ вѣчное подданство“ двухъ козаковъ.

В. И. Семевскій въ своемъ обширномъ трудѣ о „крестьянскомъ вопросѣ въ Россіи“ [1]) говоритъ: „такъ какъ козачья старшина сплошь и рядомъ отнимала у козаковъ земли или понуждала ихъ къ продажѣ своихъ участковъ, то въ 1739 г. пришлось даже издать указъ, съ запрещеніемъ козакамъ отчуждать свои земли“.

А. М. Лазаревскій высказываетъ мнѣніе, что „малороссійская старшина сильнѣйшимъ образомъ эксплоатировала силы козачества, вербуя членовъ его разными неправдами въ „подданство“ и захватывая его земли только по праву сильнаго... и если бы русская администрація не поддерживала въ это время (преимущественно въ 1722—1752 г. г.) козаковъ разными мѣрами (въ родѣ ревизіи 1723 г. и указа 1739 г. января 8, запрещавшаго козакамъ продавать свои земли), то имъ грозила участь одинаковая съ малороссійскимъ крестьянствомъ“ [2]).

Нѣсколько иного взгляда на этотъ вопросъ придерживается И. В. Теличенко: „козацкіе грунты сплошь и рядомъ стали переходить въ старшинскія и владѣльческія руки и козаки обезземеливались. Этому много способствовали и побочныя явленія козацкой жизни, какъ-то: тягость военной службы, обременительные налоги, далекіе походы, высылка на изнурительныя работы и пр., такъ что выгоднѣе и спокойнѣе было иногда продать свой грунтъ и записаться за богатаго владѣльца. Чтобы воспрепятствовать умаленію козаковъ, вызываемому продажей грунтовъ, русское правительство стремилось ограничить эти продажи и въ этомъ смыслѣ были изданы указы, запрещавшіе скуплю козачьихъ грунтовъ, такъ такъ козаковъ желательно было сохранить для военныхъ надобностей. Появленіе этихъ указовъ, направленныхъ къ поддержанію козачества, мы полагаемъ, не только кон-

---

[1]) L. c. T. I. Спб. 1888. Стр. 148.

[2]) L. c. стр. 13 сл.

статируетъ экономическое разореніе козаковъ, но и доказываетъ, что оно шло извнутри отъ своихъ же собратьевъ—старшинъ, утратившихъ истый козацкій духъ и превратившихся въ пановъ-землевладѣльцевъ [1]).

Взглядъ И. В. Теличенка, повидимому, наиболѣе правильный. Нельзя всецѣло обвинять козачью старшину въ томъ, что она въ корыстныхъ цѣляхъ путемъ экономическаго давленія на козаковъ и всякаго рода насилія лишала ихъ личной свободы и отнимала у нихъ часто единственную ихъ недвижимую собственность, грунты. Конечно, часты бывали случаи насильственнаго захвата грунтовъ и разныхъ угодій [2]), встрѣчавшіе попытки противодѣйствія со стороны обижаемыхъ, но въ большинствѣ случаевъ былъ добровольный отказъ со стороны козаковъ отъ всѣхъ своихъ правъ, дабы избѣжать тягостей воинской повинности, которую они должны были отбывать въ отплату за пользованіе этими правами. Тягости этой своеобразной военной службы малороссійскихъ козаковъ втеченіе XVIII в. рѣзкими чертами обрисовываетъ И. В. Теличенко:

„Распоряженіе русскаго правительства о назначеніи козаковъ на различныя черныя работы, какъ извѣстно, началось очень рано. Прежде всего козаками не какъ войскомъ, а какъ рабочей силой, началъ пользоваться Петръ I, сначала для возведенія во время шведской войны крѣпостей, а затѣмъ и для земляныхъ работъ, ничего не имѣвшихъ общаго ни съ войнами, ни съ Малороссіей. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше въ этомъ отношеніи церемонились съ козаками: послѣ полтавской битвы козаки рѣдко видѣли поле сраженія, имъ большею частью приходилось исполнять тяжелую работу рытья каналовъ, насыпей, валовъ, устройство ретраншементовъ, шанцевъ, засѣкъ и т. п. на отдаленномъ сѣверѣ, югѣ и востокѣ. Извѣстно, сколькихъ тысячъ

---

[1]) „Кіев. Стар.". 1891. Т. XXXII, стр. 239.

[2]) И. В. Лучицкій сообщаетъ любопытный случай закабаленія козака извѣстными стародубскими богачами Шираями путемъ „позички" денегъ. „Кіев. Стар.", т. XXXII, 1891 г., стр. 506—508.

жизней стоили козакамъ работы на берегахъ Ладоги, Онеги, Невы... Въ (черниговскомъ) наказѣ козаки жалуются, что ихъ болѣе 10 лѣтъ подъ-рядъ посылаютъ дѣлать на границѣ съ Польшей засѣки, строить редуты, расчищать въ лѣсныхъ мѣстахъ дороги, мостить болотистыя мѣста, а въ послѣднія нѣсколько лѣтъ еще посылаютъ и на Донъ для устройства въ Ростовѣ крѣпости, причемъ имъ приходится брать съ собой подводы, возить колоды, мачты, и исполнять всѣ „мужицкія" работы, отчего ихъ служба „въ противность ихъ правъ уже не вмѣняется въ военную, а сами они часъ отъ часу приходятъ въ оскудѣніе и оплошность [1]).

Въ виду такихъ тягостей военной службы, нельзя винить козаковъ въ томъ, что они такъ легко отказывались отъ своихъ правъ, такъ сказать, „обмужичиваясь" и забывая повидимому о былой военной славѣ „товариства войска запорожскаго" и вообще о своихъ сословныхъ традиціяхъ. Взгляды ихъ на свои права и обязанности, на „козачьи вольности", расходились съ правительственными взглядами. Сохраняя до нѣкоторой степени воинскій духъ, козаки хотѣли служить прежде всего интересамъ родины, а потомъ и всего государства, *съ оружіемъ въ рукахъ*, правительство же стремилось къ тому, чтобы, охраняя ихъ отъ всякаго рода посягательствъ со стороны старшины и обращенія въ посполитыхъ, имѣть даровое, пока что иррегулярное войско во время частыхъ войнъ на широко раздвинувшихся границахъ государства, обращая ихъ преимущественно, какъ мы видѣли выше, въ землекоповъ, погонщиковъ и т. п., такъ какъ собственно Украйна, уже окончательно умиротворенная, не нуждалась въ ихъ услугахъ.

Этотъ взглядъ правительства на козачество является основой всѣхъ „охранительныхъ" заботъ и мѣропріятій его по отношенію къ послѣднему. Наиболѣе важный въ этомъ смыслѣ указъ императрицы Анны Іоанновны, отъ 8 января 1739 г. [2]) вызвалъ

---

[1]) Ib. стр. 243.

[2]) П. С. З. № 7723. 8 января 1739 г.

слѣдующее распоряженіе тогдашняго правителя Малороссіи генерала А. И. Румянцева отъ 6 февраля 1739 г. „изъ походной анаралной войсковой канцеляріи в Домонтовѣ" на имя черниговскаго полковника Измайлова:

„Въ силѣ вышеписаннаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества имянного указа во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ, въ томъ числѣ и въ полку черниговскомъ, публиковать, *дабы впредь* до будущей Ея Императорскаго Величества высочайшей воли *козаки грунтовъ своихъ никому отнюдь ни подъ какими видами не продавали и за другими не укрѣпляли, и отъ всѣхъ козацкихъ грунтовъ, какъ проданныхъ владѣльцамъ, такъ и за козаками оставшихся, козацкую службу отправлять тѣмъ, кто на такихъ грунтахъ нынѣ живутъ и ими пользуются.* Сколько же въ полку черниговскомъ такихъ купленныхъ грунтовъ и на нихъ сколько и кто имянно людей поселилось и для опредѣленія козацкой службы будутъ опредѣлены, о томъ немедленно прислать праведное извѣстіе, а впредь если кто у козака грунтъ какой купитъ, или на купленномъ козачомъ грунтѣ поселенніе люди утаены будуть, то тѣ грунты имѣютъ быть конфискованы на Ея Императорское Величество неотмѣнно, а о укомплектованіи выборныхъ конныхъ козаковъ, положенныхъ въ двадцатитысячное число, на мѣсто убилихъ отъ полнаго числа по росписанію на черниговскій полкъ въ мимошедшихъ компаніяхъ убитыхъ и помершихъ, чинить вамъ въ силѣ того Ея Императорскаго Величества имянного указа" [1]).

По наиболѣе рельефно выразился вышеприведенный взглядъ правительства на малороссійскихъ козаковъ въ мнѣніяхъ и мѣропріятіяхъ графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, настойчиво проводившаго „объединительную" политику императрицы Екатерины II въ Малороссіи [2]).

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.

[2]) Русское богатство, 1891 г. стр. 131. Срав. Сборникъ Р. историческ. общ. Т. VII, стр. 348.

II.

Обособленіе козачьяго сословія при Румянцевѣ.—Исполненіе воинской повинности.— Численность козачьяго сословія. — Стремленіе Румянцева пріучить козаковъ къ регулярной службѣ; противодѣйствіе ихъ этому; подчиненіе ихъ военному суду.— Преобразованіе охоче-комонныхъ полковъ въ регулярные.—Обращеніе малороссійскихъ козачьихъ пановъ въ карабинерные.—Образованіе изъ козаковъ особаго корпуса пѣшихъ стрѣлковъ.—Первый рекрутскій наборъ съ козаковъ.—Сохраненіе козаками *прежняго* „воинственнаго духа".

Предпринявъ „генеральную опись „Малороссіи, съ цѣлью ближе ознакомиться съ порученной его управленію страной, чтобы имѣть потомъ возможность наиболѣе успѣшно проводить предначертанныя центральнымъ правительствомъ мѣропріятія, Румянцевъ обратилъ особенное вниманіе на взаимныя отношенія сословій, такъ какъ до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Румянцевъ хотѣлъ посредствомъ описи точнѣе разграничить сословія, и въ частности, въ отношеніи козаковъ, обособить ихъ въ отдѣльное замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число [1]).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и оставляя за ними право пользованія личной свободой и право владѣнія земельной собственностью, Румянцевъ хотѣлъ извлечь изъ нихъ возможно больше пользы въ отношеніи отбыванія воинской повинности.

Чтобы точнѣе и возможно правильнѣе опредѣлить контингентъ козачьяго сословія, въ началѣ производства „описи" онъ предоставлялъ полную возможность всѣмъ бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества [2]) не потому, впрочемъ, чтобы онъ считалъ большимъ зломъ таковое закрѣпощеніе козаковъ въ интересахъ ихъ самихъ, такъ какъ онъ винилъ больше всего самихъ козаковъ въ томъ, „что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказыватся, то казни и

---

[1]) „Кіевск. Старина", 1883 г. т. VII, стр. 405, 429. Записки черниговъ. статистич. комит. I. с., стр. 123, сел.

[2]) Ibit. стр. 422, 426.

наказанія достойны; старшины же сотенные, корысти ради, сошедшихъ имуществомъ пользуясь, охотно, конечно, имъ на сіе позволяли, ибо рѣдко, или никогда, о таковыхъ бѣглыхъ не рапортовали [1])". Отъ обращенія козаковъ въ посполитые страдали интересы правительства въ отношеніи воинской повинности, и потому то Румянцевъ считалъ нужнымъ бороться съ этимъ вольнымъ и невольнымъ оставленіемъ козаками своего сословія. Желая „единожды навсегда на мѣрѣ поставить въ семъ пунктѣ, *общественнаго добра ради*, и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства", Румянцевъ принималъ во вниманіе и прежніе указы по этому вопросу. „Указомъ безсмертныя памяти государя императора Петра Великаго"—говоритъ Румянцевъ въ своей „запискѣ" отъ 25 іюля 1765 года—„въ 1723 году *велѣно* козакамъ, порабощеннымъ владѣльцами, о козачествѣ бить челомъ въ малороссійской тогда бывшей коллегіи, и чьи предки и они сами *службу служили*, тѣхъ вписать въ козаки, доказывая то правными реестрами и капитулами, а въ недостаткѣ ихъ свидѣтельствами стороннихъ; въ 1746 году указомъ правительствующаго сената повелѣно всѣмъ владѣльцамъ, за кѣмъ таковые козаки въ подданствѣ состоятъ, немедленно *для вписанія ихъ къ отправленію службы объявлять* [2]). Какъ видимъ, оба указа, приведенные Румянцевымъ, преслѣдовали въ отношеніи козаковъ тѣже цѣли, что и онъ, привлеченія ихъ къ отбыванію воинской повинности.

Когда составъ козачьяго сословія къ концу производства „описи", по мнѣнію Румянцева, достаточно опредѣлился, онъ пришелъ къ заключенію о необходимости прекращенія исковъ о козачествѣ. Въ своемъ „мнѣніи о скуплѣ въ Малой Россіи козачьихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться" онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кого по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать" [3]).

---

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 году. К. 1864 г. стр. 149.

[2]) Ibit. стр. 148 сл.

[3]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1861 г., II, стр. 63.

До какой степени важное значеніе придавалъ Румянцевъ неуклонному исполненію козаками воинской повинности, видно между прочимъ изъ слѣдующаго факта:

Въ 1778 году лубенскій полковникъ Степанъ Максимовичъ (1770—1781 гг.)[1]) обратился съ „репортомъ" въ малороссійскую коллегію, въ которомъ, „прописывая обстоятельства къ умаленію козачей службы относящіесь принятіемъ безъ его полковника и полковой лубенской канцеляріи свидѣтельствъ въ разніе судебніе мѣста къ письменнымъ дѣламъ козачихъ дѣтей, кои чрезъ то защищаютъ свои домы и родственниковъ отъ службы", онъ проситъ „дать отъ коллегіи повелѣніе всѣмъ судамъ козачихъ дѣтей безъ вѣдома его полковника и полковой канцеляріи къ дѣламъ не принимать, равнымъ образомъ когда они безъ свидѣтельствъ его полковника или полковой канцеляріи въ малороссійской коллегіи, судѣ генеральномъ и другихъ здѣшнихъ правительствахъ являться будутъ просить о принятіи ихъ въ какое званіе, повелѣть высылать ко отправленію должной отъ нихъ козачой службы". Вслѣдствіе этого „репорта" полковника Максимовича состоялось 22 января 1778 года слѣдующее постановленіе малороссійской коллегіи, которое и было разослано въ копіяхъ во всѣ тогдашнія присутственныя мѣста въ районѣ лубенскаго полка, за подписью Якова Козельскаго, секретаря Аѳанасія Хашкевича и канцеляриста Степана Данилова:

„Къ полковнику и кавалеру Максимовичу послать указъ, что, какъ въ коллегіи, такъ и во всѣхъ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, желающіе быть въ писменныхъ дѣлахъ и приносящіе въ томъ просьбы не инако принимаемы бываютъ, какъ по представленнымъ ими отъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ вѣдѣніи находились, писменнымъ необовязательствамъ, давъ притомъ знать оному полковнику, что со всѣхъ отъ домовъ козачихъ дѣтей въ такіе мѣста и другіе къ писменнымъ дѣламъ опредѣлившихся, или *хотя бы оные и въ другой какой службѣ были, должна происходить козачья служба отъ домовъ ихъ и грунтовъ*, а дабы козачіе полку лубенского дѣти безъ письменныхъ отъ полковника Мак-

[1]) Чтенія Нестора Лѣтописца. Кн. XI, отд. II, стр. 50, 74.

симовича и полковой лубенской канцеляріи свидѣтельствъ къ писменнымъ дѣламъ не были принимаемы, о томъ во всѣ здѣшніе присутственніе мѣста такъ же въ суда земскіе лубенской и роменской и того полку подкоморскіе послать указы" [1]).

Какъ видимъ, коллегія, или лучше сказать Румянцевъ, имѣли особенное наблюденіе, чтобы никакія иныя занятія не мѣшали козакамъ неуклонно исполнять воинскую повинность.

Когда, по окончаніи производства „генеральной описи", тѣсныя рамки козачьяго сословія окончательно замкнулись, всѣ козаки, не попавшіе въ его составъ при этой реорганизаціи, записались частью въ мѣщане и купцы [2]), но преимущественно слились съ массой безправныхъ посполитыхъ и, по воспослѣдованіи указа отъ 3 мая 1783 года, вмѣстѣ съ этими же послѣдними были обращены въ крѣпостную зависимость.

Интересно опредѣлить хотя приблизительную численность козачьяго сословія къ этому времени.

Согласно „вѣдомости, по которой значилось, сколько въ Малой Россіи до открытія въ ней трехъ намѣстничествъ, т. е. до 1782 г., было полковъ, сотенъ, и въ оныхъ разныхъ селеній и жителей", помѣщенной у Шафонскаго [3]), во всѣхъ десяти малороссійскихъ полкахъ числилось по статистическимъ даннымъ ревизіи 1764 года 176,886 козаковъ выборныхъ и 198,296 подпомощниковъ, всего 375,181 человѣкъ.

Конечно, нельзя вполнѣ довѣрять этимъ цифровымъ даннымъ. Тепловъ въ своей „запискѣ" говоритъ:

„...Ревизіямъ малороссійскимъ, которыя малороссійск. людьми чинятся, съ какою бы строгою инструкціею они ни отправлялися, вѣрить не надобно, ибо ревизоры интересъ въ томъ имѣютъ, чтобы число дворовъ утаивать...

Неоспоримо тотъ доказать можетъ, кто Малороссіи внутренность знаетъ, что козаки старшинами и другими чиновными,

---

[1]) Копія указа коллегіи „суду земскому повѣту роменского". Рукоп. Яготин. архива.

[2]) „Кіев. Стар.", 1891 г., № 3, стр. 481.

[3]) Шафонскій. Топографическое описаніе черниговск. намѣстнич. К. 1851. стр. 73—85.

такожде и денежными людьми къ себѣ въ подданство обращены; по вольности же перехода, ревизіи повсегодно бываютъ, которыя ежели одну съ другой свести, то такъ великое несходство всегда въ числѣ дворовъ бываетъ, что вѣрить невозможно ни тому, ни другому. Все же сіе всегда происходитъ отъ того, что въ одинъ годъ ревизоры больше, а въ другой меньше утаятъ; а старшины строгости въ томъ не дѣлаютъ, яко въ дѣлѣ собственному своему непротивномъ. Хотя же при нынѣшнемъ гетманѣ не больше какъ три раза дѣлана ревизія: одна въ 1751, когда еще онъ въ Малороссію не пріѣхалъ, а другая и третья въ 1753 и 1756 году по всей Малороссіи, какъ козачихъ, такъ бездворныхъ хатъ и ихъ подпомощниковъ, а притомъ посполитыхъ и ихъ подсусѣдниковъ; но и тутъ въ такомъ маломъ времени разность превеликая нашлася, потому только, что вторая немного строже учинена; а именно: въ первой явилося по всей Малороссіи 152,157, а во второй 202,146 дворовъ, и такъ прибыло 49,989 дворовъ; въ третьей же опять убыло, потому что въ прежнемъ безстрасней дѣло производилось"[1]).

Извѣстный малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей „запискѣ о малороссійскихъ козакахъ" отъ 1821 года дѣлаетъ слѣдующія сравненія о численности козачьяго сословія въ разное время.

„Изъ статей гетмана Скоропадскаго 1722 г. апрѣля 29, съ собственноручными рѣшеніями императора Петра І-го, видно, что козаки остались тогда малочисленны: въ 1777 году было уже ихъ около 300 тысячъ, изъ коихъ служили 20 тысячъ въ полѣ, а около 50 тысячъ при границахъ и внутри Малороссіи, какъ о томъ упоминаетъ князь Безбородько въ запискѣ, поднесенной имъ въ семъ году императрицѣ Екатеринѣ II-й[2]); по ревизіи 1819

[1]) Кулишъ, l. c. стр. 178.

[2]) „Князь Безбородько составилъ послѣднюю половину (съ 1734 по 1776 г.) „Краткой лѣтописи Малой Россіи", изданной въ 1777 г. В. Г Рубаномъ. Кромѣ того, онъ составилъ два первыя приложенія къ этой книгѣ, а именно: „изъявленіе образа правленія Малой Россіи" и „списокъ бывшимъ въ Малой Россіи гетманамъ" и пр. Кромѣ того, онъ намѣревался, вмѣстѣ съ Рубаномъ, издать полную малороссійскую исторію, для которой оба они собирали матеріалы". Канцлеръ князь Безбородько. Н. И. Григоровича. Русск. Архивъ. 1875 г. II, стр. 141.

года считается козаковъ мужескаго пола 450.365 душъ, земли же козачьи цѣнитъ бывшій министръ финансовъ въ 60 милліоновъ рублей, изъ чего явствуетъ, что съ 1722 по 1777 годъ, т. е. чрезъ 55 лѣтъ умаленное войнами и внутренними смятеніями, число козаковъ возрасло до 300 тыс. Съ 1777 г. по ревизію 1819 г., т. е. чрезъ 39-ть только лѣтъ, умножились козаки, съ прибавкою 25 тысячъ, переселившихся 1808 г. въ Черноморію, 175 тысячъ земли же ихъ, при всегдашней вольной продажѣ, стоятъ 60 милліоновъ, каковую оцѣнку должно признавать, безъ сомнѣнія, очень умѣренною" [1]).

По свѣдѣніямъ Румянцева въ 1765 году козаковъ было „71,604 хаты, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ въ числѣ неравномъ раздѣленныя" [2]).

Наиболѣе точныя свѣдѣнія о численности козачьяго сословія въ эпоху Румянцева можно почерпнуть изъ сохранившейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ „вѣдомости о доходахъ по черниговскому намѣстничеству счисляющихся, сколко оныхъ съ кого и по какому указу собирается [3]), представленной Румянцеву при рапортѣ „черниговской казенной палаты вицъ-губернатора", статскаго совѣтника Новикова, отъ 31 декабря 1785 года. Изъ этой вѣдомости видно, что съ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ черниговскаго намѣстничества, втеченіе 1785 года поступило подушнаго по 1 р. 20 к. съ души, оклада, согласно именному указу отъ 3 мая 1783 года, 212,346 руб., слѣдовательно, козаковъ, внесенныхъ въ ревизскіе списки, числилось 176,955 человѣкъ. Если сравнить это число съ количествомъ козаковъ во всей Малороссіи въ 1764 году, то можно допустить, что въ 1785 году козаковъ въ остальной Малороссіи было приблизительно столько же, сколько и въ черниговскомъ намѣстничествѣ.

Проживавшіе въ предѣлахъ этого намѣстничества козаки распредѣлялись по его повѣтамъ слѣдующимъ образомъ: въ черниговскомъ—10,967 ч., въ городнянскомъ—7,265 ч., въ бере-

---

[1]) Чтенія М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. 2, стр. 128 смѣси

[2]) Авсѣенко, l. c., стр. 14 сл.

[3]) Рукопись Кіев. Центр. Архива.

зинскомъ—20,563 ч., въ борзенскомъ—16,994 ч., въ нѣжинскомъ—13,140 ч., въ прилуцкомъ—12,247 ч., въ глинскомъ—20,104 ч., въ роменскомъ—17,966 ч., въ лохвицкомъ—20,505 ч., въ гадяцкомъ—12,124 ч. и въ зѣньковскомъ—25,080 ч. [1]).

Выдѣляя малороссійскихъ козаковъ въ особую сословную единицу и обязывая ее неуклоннымъ исполненіемъ воинской повинности, Румянцевъ на первыхъ же порахъ старался пріучить ихъ по возможности къ регулярной службѣ, но при этомъ встрѣчалъ со стороны козаковъ, представлявшихъ себѣ свои обязанности въ отношеніи военной службы по понятіямъ стараго „вольнаго козачества", сильное противодѣйствіе. Находя военную службу козаковъ, согласно ихъ взглядамъ, „столь безстройной, столь ни къ чему неудобной и ненадежной", онъ уже въ своей запискѣ 1766 года предлагаетъ императрицѣ Екатеринѣ II „сію милицію привесть въ настоящій порядокъ воинскихъ людей" [2]), и даже раньше представленія записки дѣлаетъ первую попытку въ этомъ направленіи.

Еще въ 1765 году, замѣтивъ совершенную неподготовленность малороссійскихъ козаковъ, попавшихъ въ „находящіяся при малороссійской коллегіи солдацкія роты" къ исполненію регулярной службы и усматривая ихъ распущенность въ отношеніи военной дисциплины—„сперва три изъ сихъ солдатъ, ушедши зъ домовъ, безъ позволенія у меня, явясь, хотѣли спрашивать, какую они службу впредь исправлять будутъ, объявляя, что они въ регулярной вовсе быть не хотятъ, а желаютъ такъ, какъ ихъ дѣды служили вольно, однакожъ ни одинъ изъ нихъ подлинно не знаетъ, какая въ то время служба была"—Румянцевъ указомъ отъ 5 декабря 1765 г. на имя малороссійской коллегіи велѣлъ „обѣ солдацкія роты разобрать", зачинщиковъ въ неповиновеніи „нещадно плетьми высѣчь", а „изъ способныхъ офицеровъ и рядовыхъ сочинить одну роту въ числѣ полевого муш-

[1]) „Генеральная табель о числѣ душъ и с нихъ доходовъ, такожъ и объ оброчныхъ статьяхъ въ черниговской губерніи исчисляющихся на 1785 годъ", составленная въ черниговской казенной палатѣ при вице-губернаторѣ Новиковѣ для графа Румянцева. Рукоп. Кіев. Центр. Архива.

[2]) Чт. М. О. И. и Др. Р. 1861 г. II, стр. 63.

катерского полку роты и именовать ее фузелерною" и размѣстить ее въ Глуховѣ „для содержанія карауловъ при коллегіи, архивѣ, генеральномъ судѣ, скарбовой и щетной коммиссіямъ" [1]).

Въ указѣ на имя малороссійской коллегіи отъ 11 апрѣля 1768 г Румянцевъ опять упоминаетъ о нежеланіи нѣкоторыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ черниговскаго полка, выполнять „войсковую службу" и приказываетъ всѣхъ „козаковъ, дерзнувшихъ показать непослушаніе командѣ, которые изъ нихъ отъ пьянства и безумія то учинили, тѣхъ при собраніи всея сотни высѣчь жестоко, и велѣть, естли способны, быть имъ выборными козаками, а которые отъ упорства и дерзости показали таково непослушаніе, тѣхъ высѣчь кіями, и яко очуряющихся и нехотящихъ служить, по силѣ 2 статьи гетмана Бруховецкого (гдѣ установлено: „который бы козакъ послушенъ не былъ и въ войско ходить очурялся, тогда таковъ отъ поставленныхъ статтей отпадать и къ градскимъ должностямъ причиненъ быть имѣетъ"), написать въ мужики подъ вѣдомство скарбовой малороссійской канцеляріи, и дабы козаковъ, при случаѣ повелѣній, чинимыхъ имъ о службѣ, не обязывали въ исполненіи подписками, а приказывали имъ только, что дѣлать, какъ они должны и безъ того командирамъ во всемъ быть послушными, равно же и о томъ, что и съ прошеніями въ подобныхъ ослушаніяхъ командѣ поступлено непремѣнно будетъ, дать указы всѣмъ полковымъ канцеляріямъ, чтобъ отъ оныхъ чрезъ сотни о томъ къ знанію всѣмъ козакамъ опубликовано" [2]).

Чтобы сдѣлать военную службу козаковъ возможно болѣе „порядочной и надежной", Румянцевъ исхлопатываетъ у императрицы Екатерины II слѣдующій указъ отъ 20 декабря 1768 г. о подчиненіи малороссійскихъ козаковъ въ отношеніи военной службы военному суду:

„Мы вѣдаемъ, что между разными нашими правительствами происходили отъ времени до времени нѣкоторыя недоразумѣнія о существѣ суда и расправы нашихъ малороссійскихъ козацкихъ

---

[1]) „Кіев. Старина", 1882 г. Т. IV, стран. 130. Срв. Шафонскій, l. c. Ч. I, стран. 69.

[2]) „Кіев. Стар.", ib. стр. 132 сл.

полковъ и что отъ того въ исправленіи ими воинской службы рождались далѣе многія неудобства и упущенія. Не меньше вѣдаемъ мы, что сіи недоразумѣнія имѣютъ источникъ свой въ несвойственномъ безъ разбора и во всякое время присвоеніи козакамъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, вмѣсто чего надлежало бы различать тутъ сугубое свойство козацкаго состоянія. Какъ поселяне, долженствуютъ они, конечно, и въ полной мѣрѣ пользоваться силою и содержаніемъ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а напротивъ, какъ военные люди, при употребленіи своемъ на службѣ государственной, повиноваться безъ малѣйшаго изъятія всей точности военнаго нашего устава. На семъ основаніи, которое толико сходствуетъ съ намѣреніемъ самаго учрежденія козацкихъ полковъ для обороны собственной ихъ отчизны, и которое мы отнынѣ впредь опредѣляемъ навсегда верховною нашею отъ Бога намъ дарованною властію точнымъ и непремѣннымъ закономъ, всемилостивѣйше повелѣваемъ нашей малороссійской коллегіи, дабы отъ сего времени подчиненныя ей козацкія войска, яко поселяне, судимы были во всѣхъ своихъ земскихъ дѣлахъ съ прочими малороссіянами по точной силѣ малороссійскихъ правъ и статутовъ, а въ исправляемой ими позванію ихъ воинской службѣ руководствуемы и судимы были независимо отъ оныхъ, по содержанію военнаго нашего устава и военнаго артикула, ибо безъ того служба ихъ, состоящая обыкновенно, какъ и теперь, въ охраненіи и защитѣ собственныхъ ихъ домовъ и семей отъ грабежа и плѣна вѣроломнаго сосѣда, не можетъ быть порядочна и надежна; почему и не оставитъ коллегія сама собою сдѣлать немедленно всѣ нужныя распоряженія, какъ къ скорѣйшему между козаками ознакомленію всѣхъ до воинства принадлежащихъ законовъ и артикуловъ, такъ и къ приведенію ихъ самихъ въ лутшую предъ прежнимъ исправность и до всей имъ свойственной способности и дисциплины" [1]).

Въ 1775 г. были преобразованы въ регулярные, согласно высочайше утвержденному 24 октября 1775 года докладу воен-

[1]) Настоящій указъ приведенъ здѣсь по копіи съ подлинника, полученнаго въ коллегіи 28 декабря, сохранившейся въ Яготинскомъ архивѣ.—Срв. П. С. З. № 13217.

ной коллегіи три находившіеся въ Малороссіи, вольновербованныхъ компанейскихъ или иначе охочекомонныхъ (вольная конница) полка [1])—по своему составу и организаціи эти полки наиболѣе походили на регулярное войско, а потому реформировать ихъ не представляло особеннаго труда.

Съ учрежденьемъ въ Малороссіи намѣстничествъ, военный строй малороссійскихъ козаковъ подвергся коренной реорганизаціи. Указомъ отъ 26 октября 1781 г., послѣдовавшимъ „для точнаго руководства и основанія къ должному устроенію намѣстничествъ", велѣно было „изъ состоящей въ Глуховѣ фузелерной роты и надворной конной команды стараться, въ сокращеніе излишнихъ расходовъ, помѣстить людей въ команды, по штатамъ положенныя, престарѣлыхъ же и неимѣющихъ пропитанія, оставя, опредѣлить къ какимъ либо по силѣ ихъ должностямъ, какъ обыкновенно съ инвалидами поступаютъ. О малороссійскихъ войскахъ, на какомъ основаніи имъ быть впредь, по введеніи въ дѣйствительное исполненіе учрежденій нашихъ въ тамошнихъ губерніяхъ, разсмотрѣть и мнѣніе взнести" [2]).

Самый этотъ указъ послѣдовалъ вслѣдствіе поданной Румянцевымъ въ томъ же 1781 г. всеподданнѣйшей записки, въ которой онъ писалъ между прочимъ, что, съ раздѣленіемъ Малороссіи на губерніи и уѣзды, новыя границы этихъ административныхъ дѣленій большею частью не совпадаютъ со старыми границами полковъ и сотенъ, и что, слѣдовательно, введенная реформа гражданскаго управленія неизбѣжно ведетъ къ коренной реорганизаціи военнаго дѣла. Румянцевъ былъ того мнѣнія, что всего правильнѣе замѣнить прежніе девять малороссійскихъ полковъ, набиравшихся изъ козаковъ, проживавшихъ въ предѣлахъ соотвѣтственныхъ полковъ, какъ административныхъ дѣленій, въ военномъ отношеніи десятью регулярными полками, составивши ихъ изъ „настоящихъ выборныхъ козаковъ" и раздѣливши ихъ на равные по числу людей эскадроны и роты, не стѣсняясь, конечно, при распредѣленіи козаковъ по полкамъ ихъ принадлежностью по мѣстожительству къ тому или иному уѣзду,

[1]) П. С. З. № 14, 385.

[2]) Шафонскій, l. c. ч. I, стр. 133.

и уравнять ихъ старшину въ соотвѣтственныхъ чинахъ съ военнымъ начальствомъ великорусскаго регулярнаго войска. Румянцевъ полагалъ, что такимъ способомъ малороссійскіе козаки могли бы въ непродолжительномъ времени постепенно безо всякой ломки превратиться въ регулярное войско, могущее быть всегда готовымъ на случай войны [1]).

Во исполненіе указа отъ 26 октября 1781 г., Румянцевъ представилъ, вѣроятно, новый докладъ въ духѣ вышеприведенной записки, такъ какъ въ 1783 году послѣдовалъ указъ военной коллегіи о реформѣ девяти малороссійскихъ козачьихъ полковъ въ военномъ отношеніи, въ основу котораго легло мнѣніе Румянцева по этому вопросу.

Повелѣвалось набрать изъ малороссійскихъ козаковъ десять регулярныхъ кавалерійскихъ полковъ, принимая при этомъ въ расчетъ и три вышеупомянутыхъ „легкоконныхъ" полка. Въ каждомъ полку должно было быть по шести эскадроновъ, по 138 человѣкъ въ эскадронѣ, или 828 человѣкъ въ полку, изъ коихъ 48 человѣкъ наиболѣе рослыхъ, нѣсколько обучившись, должны были ежегодно поступать на укомплектованіе одного кирасирскаго полка, а 120 человѣкъ, т. е. по 20 человѣкъ изъ каждаго эскадрона, должны были выбывать ежегодно изъ полковъ домой въ отставку, „на реверсы въ ихъ домы", такъ что срокъ службы былъ шестилѣтній, и въ каждый седьмой годъ составъ полка долженъ былъ обновляться. Что касается офицерства, то оно должно было пополняться изъ представителей малороссійской старшины, по желанію и съ утвержденія высшаго военнаго начальства. Полки эти должны были содержаться изъ подушнаго сбора, согласно указу отъ 3 мая 1783 года [2]), съ козаковъ, по 1 р. 20 к. съ души. Уплата жалованья и пользованіе служебными правами должны были производиться соотвѣтственно учрежденію 1765 года о преобразованіи слободскихъ козачьихъ полковъ въ гусарскіе [3]), а также согласно положенію о кирасирскихъ полкахъ, мундиръ которыхъ и вся аммуниція по новымъ

---

[1]) „Кіев. Стар.", 1891 г. Т. XXXII, стр. 482.

[2]) П. С. З. № 15. 724.

[3]) П. С. З. №№ 12,293 и 12,344.

образцамъ присваивалась и вновь учреждаемымъ малороссійскимъ полкамъ. Полки эти должны были квартировать въ селахъ по мѣстожительству козаковъ, входившихъ въ составъ каждаго даннаго полка.

Сверхъ всего этого, указомъ отъ 28-го іюля 1783 г. повелѣвалось:

„1) На всѣ конные полки вообще по арміи, кромѣ кирасирскихъ, отпускать ремонтныхъ лошадей по 30 р. за лошадь, при основаніи же первомъ каждой полкъ вступаетъ на тѣхъ лошадяхъ, кои у него имѣются; 2) изъ полку ингерманландскаго карабинернаго, который слѣдуетъ къ упраздненію, укомплектовать прочіе карабинерные полки; 3) ново-троицкому кирасирскому полку вступить въ число полковъ, комплектуемыхъ изъ екатеринославскаго намѣстничества".

Хотя приведенный указъ императрицы былъ данъ на имя военной коллегіи, которая и не замедлила, конечно, отдать приказанія главному кригсъ-коммиссаріату и провіантской канцеляріи о снабженіи вновь учрежденныхъ полковъ всѣми необходимыми вещами, продовольствіемъ и жалованьемъ, а также озаботилась о наименованіи этихъ полковъ карабинерными, согласно указу отъ 3 февраля 1784 г. [1]), и объ утвержденіи въ офицерскихъ чинахъ избранныхъ представителей малороссійской козачьей старшины, но для скорѣйшаго введенія во вновь учрежденныхъ полкахъ полнаго порядка, Румянцевъ счелъ нужнымъ сдѣлать со своей стороны нѣкоторыя распоряженія, посланныя въ копіяхъ двумъ главнымъ начальникамъ малороссійскихъ войскъ, генералъ-поручику Нащокину и генералъ-маіору Каульбарсу, и губернаторамъ кіевскому, генералъ-поручику Ширкову и черниговскому, генералъ-поручику Милорадовичу.

Румянцевъ предлагалъ раздѣлить три прежнихъ легкоконныхъ полка и девять козачьихъ на десять карабинерныхъ, равныхъ по числу людей въ нихъ, и указать квартиры для полковыхъ штабовъ и для размѣщенія эскадроновъ; распредѣлить людей изъ трехъ расформированныхъ легкоконныхъ полковъ по

---

[1] П. С. З. № 15,928.

вновь учрежденнымъ полкамъ, приказавъ имъ немедленно явиться къ своимъ новымъ командирамъ, при распредѣленіи же, стараться „не разбивать ихъ артелей съ надлежащимъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ“; выбрать, для пополненія новыхъ десяти полковъ до полнаго комплекта, лучшихъ козаковъ изъ прежнихъ сотенъ, „изъ наличныхъ и по одобренію и изъ отлучныхъ“, давъ льготу одинокимъ хозяевамъ и единственнымъ сыновьямъ и свойственникамъ при дряхломъ отцѣ или родственникѣ хозяинѣ; стараться произвесть наборъ изъ козаковъ тѣхъ бывшихъ сотенныхъ городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ будутъ находиться штабы вновь формируемыхъ полковъ и эскадроновъ, чтобы они могли сами себя содержать, пополняя лишь въ шестой долѣ до полнаго комплекта козаками изъ окрестныхъ селеній; уволить всѣхъ оставшихся за штатомъ при расформированіи сотенъ козаковъ по домамъ; представлять къ утвержденію въ офицерскихъ чинахъ бунчуковыхъ, войсковыхъ и значковыхъ товарищей, а также полковыхъ и сотенныхъ урядниковъ, преимущественно изъ участвовавшихъ въ первой турецкой войнѣ; приказать командирамъ карабинерныхъ полковъ списаться съ коммиссаріатской и провіантской коммиссіями о выдачѣ имъ необходимой обмундировки и продовольствія и назначить особыя команды для пріема всего этого; приказать пользоваться пока что своими лошадьми и прежнимъ оружіемъ, а послѣ полнаго снабженія отъ казны всѣмъ необходимымъ, возвратить лошадей домой или ихъ владѣльцамъ, а „пушки и знамена и инія военные снаряды, кои полки и сотни по прежней ихъ службѣ имѣли“, сдать комендантамъ городовъ и городничимъ; поручить ближайше вѣдать формированье карабинерныхъ полковъ вновь назначеннымъ бригаднымъ командирамъ, которые и должны были доносить обо всемъ подробно самому Румянцову по мѣрѣ хода дѣла [1]).

Вновь учрежденные карабинерные полки получили слѣдующія названія: лубенскій, переяславскій, сѣверскій, черниговскій, глуховскій, стародубскій, нѣжинскій, кіевскій, софійскій и тверской.

[1]) „Кіев. Стар.“, 1891 г. Т. XXXII, стр. 485.

Для выполненія распоряженія Румянцева объ укомплектованіи карабинерныхъ полковъ по мѣсту стоянокъ, въ февралѣ же 1785 г. были собраны предварительныя свѣдѣнія о количествѣ дворовъ по сотнямъ выборныхъ козаковъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, и о числѣ душъ въ нихъ мужскаго пола [1]).

Карабинерные полки были набраны изъ козаковъ по сотнямъ прежнихъ полковъ слѣдующимъ образомъ: лубенскій карабинерный полкъ былъ набранъ изъ сотенъ лубенскаго и отчасти прилуцкаго полка, сѣверскій—изъ сотенъ миргородскаго и гадяцкаго полковъ, софійскій—изъ сотенъ прилуцкаго и нѣжинскаго полковъ, тверской—изъ сотенъ кіевскаго, переяславскаго, нѣжинскаго и черниговскаго полковъ, стародубскій—изъ сотенъ стародубскаго, черниговскаго и нѣжинскаго полковъ, глуховскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка, кіевскій—изъ сотенъ гадяцкаго и лубенскаго полка, переяславскій—изъ сотенъ переяславскаго и лубенскаго полковъ, черниговскій — изъ сотенъ черниговскаго полка, нѣжинскій—изъ сотенъ нѣжинскаго полка [2]).

Всего подлежало набору въ карабинерные полки 14,320 дворовъ и 73,576 душъ мужескаго пола выборныхъ козаковъ.

Штабы эскадроновъ десяти карабинерныхъ полковъ находились въ уѣздныхъ городахъ и болѣе значительныхъ мѣстечкахъ Малороссіи.

Карабинерные полки были переходной стадіей, приведшей малороссійскихъ козаковъ къ полному сліянію и претворенію въ общей массѣ россійскихъ войскъ въ 1789 и 1791 г. г. [3]), когда карабинерные полки были раскассированы между кирасирскими, конно-егерскими, гусарскими и драгунскими полками, комплектованіе которыхъ происходило посредствомъ обычныхъ наборовъ.

Согласно указу отъ 10 апрѣля 1786 года, 1000 человѣкъ козаковъ-карабинеровъ, по сто человѣкъ отъ каждаго карабинернаго полка, вошли въ составъ вновь формировавшагося изъ монастырскихъ крестьянъ гренадерскаго полка въ количествѣ 3,974

---

[1]) Ibid. стр. 486.

[2]) Ibid. см. подробнѣе стр. 486—491.

[3]) П. С. З. №№ 16,784 и 16,785.

человѣкъ, взамѣнъ которыхъ должны были поступить въ карабинерные полки тысяча же монастырскихъ крестьянъ. Этимъ способомъ устранялась та сословная обособленность малороссійскихъ козаковъ, которая до нѣкоторой степени поддерживалась еще при исключительномъ комплектованіи ими карабинерныхъ полковъ.

Ко времени введенія этой мѣры, согласно ордеру Румянцева черниговскому намѣстническому правленію, отъ 22 февраля 1787 г., козаковъ по послѣднимъ вѣдомостямъ оказалось въ кіевской губерніи—147,564 души мужск. пола, въ черниговской—174,069 д. м. п., въ новгородъ-сѣверской—106,809 д. м. п., а всего 428,442 д. м. п.

Въ составъ 3,974 человѣкъ гренадеровъ вошли 1000 чел. выборныхъ козаковъ и 2,239 козаковъ-подпомощниковъ, остальные были набраны изъ монастырскихъ крестьянъ [1]).

Въ 1789 г. было сдѣлано распоряженіе о составленіи общаго наряда въ черниговской губерніи для наполненія конныхъ малороссійскихъ полковъ [2]). Въ 1792 г. было сначала набрано изъ малороссійскихъ козаковъ, но вскорѣ распущено, особое войско пѣшихъ стрѣлковъ; въ 1794 г. велѣно вновь сформировать изъ козаковъ особый корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ [3]); согласно указу отъ 18 ноября 1796 г., эти стрѣлки были опять распущены [4]).

6 октября 1795 г. послѣдовалъ указъ о сборѣ рекрутъ въ губерніяхъ кіевской, черниговской и новгородъ-сѣверской съ мѣщанъ, казенныхъ и владѣльческихъ крестьянъ [5]), а 1 декабря 1797 г. былъ произведенъ первый рекрутскій наборъ съ малороссійскихъ козаковъ, съ 500 ревизскихъ душъ по 3 рекрута [6]).

Такимъ образомъ, къ концу XVIII вѣка малороссійскіе козаки окончательно утратили, повидимому, свой сословный обликъ и слились съ общей массой безправнаго населенія тогдаш-

---

[1]) „Кіев. Стар.", 1891 г., Т. XXXII, стр. 491—493.

[2]) П. С. З. №№ 16,784 и 16,785.

[3]) П. С. З. №№ 17,200 и 17, 244.

[4]) П. С. З. № 17,566.

[5]) П. С. З. № 17,393.

[6]) Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Полтавская губернія. Спб. 1862 Стр. XVIII.

ней Малороссіи, сохраняя лишь, по мнѣнію князя Н. Г. Репнина, свой прежній „воинственный духъ".

„Настоящимъ владѣльцамъ земли,—говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей, уже цитированной нами, запискѣ отъ 1821 года,—гораздо болѣе предстоитъ способовъ къ пожертвованіямъ, нежели наемникамъ, или содержателямъ чужихъ земель; посему козакамъ удобно было выставлять при гетманахъ своихъ весьма значительное число пѣшихъ и конныхъ войскъ въ древнемъ ихъ образованіи; потомъ составлялись изъ нихъ компанейскіе полки; послѣ, въ царствованіе Екатерины II, устроились и наполнялись изъ нихъ десять карабинерныхъ полковъ, наконецъ, давали они рекрутовъ, и, по сокращеніи имъ срока службы, каждый почти отслуживалъ свою очередь, и *сохранился въ нихъ до нынѣ воинственный духъ*" [1]).

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ)

[1]) Чтенія М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 87 смѣси.

Нѣсколько замѣтокъ къ Автобіографической Запискѣ И. И. Сердюкова, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ „Кіевской Старины" за 1896 г.

Касаюсь, въ своихъ замѣткахъ, сообщеній Записки, имѣющихъ болѣе или менѣе историческое значеніе.

1) По Запискѣ (стр. 193) „въ 1830 г., во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козачьи полки по Манифесту Императора Николая Павловича". Восемь малорос. козачьихъ полковъ, о которыхъ въ Запискѣ здѣсь говорится, сформировались вслѣдствіе Высочайшаго указа Правит. Сенату отъ 6 Мая 1831 г.; слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ они въ 1830 г. не формировались.

2) Въ Запискѣ говорится (стр. 194) „.... въ январѣ мѣсяцѣ 1832 г. на имя генералъ-губернатора послѣдовалъ новый Манифестъ или рескриптъ: бывшихъ 8 козачьихъ полковъ собрать и изъ нихъ 6-ть распредѣлить въ регулярныя войска, а 2 сформировать въ одинъ и отправить на Кавказъ „.... Можетъ быть, Петербургъ въ это время и входилъ въ какую либо переписку съ кн. Репнинымъ о предстоящей судьбѣ козач. полковъ, но разрѣшена ихъ судьба, да и вообще судьба малорос. козаковъ, особенно относительно воинской повинности, Высочайшимъ указомъ Правит. Сенату отъ 25 Іюля 1832 г.,—при чемъ (и это особенно надо принять во вниманіе въ данномъ случаѣ) о дальнѣйшемъ распредѣленіи козаковъ въ указѣ обѣщано *сдѣлать вслѣдъ* за симъ особое распоряженіе.

3) На той же 194 стр. говорится: „несчастные козаки, вопреки обѣщанію и примѣру 1812 г., вмѣсто домовъ должны

были возвратиться въ полки на 18 лѣтъ". Помянутый въ предъидущей замѣткѣ указъ 25 іюля 1832 г. хотя и опредѣлилъ на будущее время для малорос. козаковъ ежегодный рекрутскій наборъ, но срокъ воинской службы для нихъ ограничилъ 15-ю годами, въ томъ числѣ и для козаковъ 8 полковъ 1831 г., съ зачетомъ для послѣднихъ, въ такой 15-ти-лѣтній срокъ, и времени состоянія ихъ въ своихъ козачьихъ полкахъ.

4) На стр. 194 и 195 разсказывается: что пунктами для сбора козаковъ и сдачи ихъ офицерамъ регулярныхъ войскъ назначены Полтава, Лубны и Черниговъ, и распорядителями въ эти пункты—въ Полтаву самъ кн. Репнинъ, въ Черниговъ Устимовичъ, а въ Лубны—Ханыковъ и самъ авторъ Записки Сердюковъ; что Ханыковъ и Сердюковъ выѣхали въ Лубны въ февралѣ 1832 г., что занимались тамъ своимъ дѣломъ по генварь 1833 г., сдали козаковъ прибывшимъ офицерамъ и т. д.; что при этомъ Ханыковъ и Сердюковъ всякій день объѣзжали разставленныхъ по деревнямъ козаковъ, ласкали ихъ, поили сбитнемъ, кормили калачами и хорошимъ обхожденіемъ облегчали жалкую ихъ участь... Надо полагать, что посылки Ханыкова и Сердюкова въ Лубны въ февралѣ 1832 г. (т. е. раньше указа 25 іюля 1832 г.) были распоряженіемъ подготовительнымъ, можетъ быть сдѣланнымъ вслѣдствіе того сношенія Петербурга съ кн. Репнинымъ, о которомъ упоминается выше въ 3-й нашей замѣткѣ; но во всякомъ случаѣ, распредѣленіе козаковъ въ Лубнахъ въ армію послѣдовало лишь предъ Рождествомъ (приблизительно около 20 декабря) 1832 г. *и сдѣлано лично самимъ княземъ Репнинымъ*—чему я былъ лично очевидцемъ. Удивительно, что въ Запискѣ вовсе не упомянуто даже о пребываніи тогда въ Лубнахъ Репнина, и это тѣмъ болѣе удивительно, что распредѣленіе имъ самимъ козаковъ дѣло очень характеристическое, произведшее въ Лубнахъ глубокое впечатлѣніе. Разскажу о немъ поподробнѣе: кажется, здѣсь будетъ это у мѣста; да кстати тутъ получитъ нѣкоторое освѣщеніе и повѣствованіе Записки о сбитнѣ, калачахъ и т. п.—Когда вступили козаки въ Лубны (во второй половинѣ декабря 1832 г.), у насъ уроки еще не прекращались (я былъ тогда въ Лубенскомъ училищѣ, девяти-

лѣтній мальчикъ); но вотъ уроки прекратились; можно, значитъ, самому пойти на площадь и поглядѣть, какъ они тамъ собираются, что съ ними будетъ дѣлать *Репрій* (въ Лубенскомъ уѣздѣ, въ простонародьѣ Репнинъ былъ извѣстенъ больше подъ такимъ именемъ), когда пріѣдетъ. И ходилъ я преусердно каждый день на площадь цѣлыхъ два дня, просиживалъ тамъ съ утра до вечера, не смотря на лютые морозы... Козаки все бравый народъ былъ; у нѣкоторыхъ была еще и форма: у кого шапка, у кого шинель—нѣкоторые были даже и при сабляхъ. Но въ массѣ—обыкновенная сельская парубоцкая одежа. Приводятъ ихъ бывало рано на площадь, *старшіе* поставятъ *лавами*. „Стойте же смирно, *ничого не вытивайте*", скажутъ и пойдутъ кому куда надо, а больше всего *до козы* (къ сбитеньщику), пріютившейся тутъ же у площади. Козаки держатся сначала *лавы,* болтаютъ межъ собою, тупаютъ ногами, чтобы ихъ согрѣть—холодно! Потомъ лáвы начинаютъ понемногу разстраиваться, расползаются по площади, образуютъ кучки, борятся, гоняются другъ за другомъ, *у тиснои бабы* играютъ гдѣ нибудь подъ заборомъ... Потомъ вся эта масса внезапно, мовъ гедзь іи укусивъ, какъ лавина обрушивается на ряды торговокъ, облѣпляетъ ихъ—мужской *регитъ,* женскій визгъ и брань... Но вотъ отъ козы летятъ старшіе, *огріютъ ципками* козаковъ одного-другого—и лавина быстро отдала назадъ, *шикуется* въ ряды... а торговки оправляются, ругаются на чемъ свѣтъ стоитъ предъ соболѣзнующими старшими... но стоитъ имъ только взглянуть одна на другую—хохотъ между ними поднимается всеобщій... „Тьфу", плюнутъ старшіе, и *направо кругомъ* къ козакамъ; снова *лавы,* слова: *ничого не вытивайте, коза,* лавина, тьфу и т. д. На третій день рано по всему городу разнеслась вѣсть, что ночью *Репрій* пріѣхалъ: весь городъ высыпалъ на площадь... Козаки, уѣздами, построились въ громадное каре, тихо, понурые... возлѣ гауптвахты, за нею и за желѣзными лавками офицеры съ своими командами, явившіеся забирать себѣ козаковъ—въ парадной формѣ; на гауптвахтѣ, вмѣсто конныхъ артиллеристовъ, квартировавшихъ въ Лубнахъ, заняли караулъ жолтые уланы или гусары—не помню... Но вотъ является Репнинъ, сѣдой старикъ, въ шубѣ и фуражкѣ, изъ-подъ шубы вид-

нѣются красные лампасы на брюкахъ... возлѣ него какой-то помоложе военный, тоже въ шубѣ и фуражкѣ. („Кто это? что это?“ шепчутся въ толпѣ.—„Отютянтъ“! важно произнесла стоявшая недалеко отъ меня какая-то щедушная барыня)... Тихо, съ серьезнымъ лицомъ, вошелъ въ каре Репнинъ, за нимъ толпою двинулись всѣ подъѣхавшіе офицеры и всякое начальство, не вѣсть откуда взявшееся... Репнинъ пошелъ сначала по всѣмъ четыремъ фасамъ каре, здороваться съ козаками, а поздоровавшись, вышелъ на средину на 1-е и велѣлъ козакамъ громкимъ голосомъ слушать царское повелѣніе. Адъютантъ прочелъ царское повелѣніе тоже громкимъ голосомъ, но его никто не разобралъ, да и разбирать было не зачѣмъ: всѣ знали напередъ, въ чемъ дѣло—раскассировывались козацкіе полки... Тѣмъ не менѣе, по прочтеніи, Репнинъ снова пошелъ по всѣмъ фасамъ, коротко разъясняя козакамъ царскую волю, чтобы они послужили въ арміи, каждый разъ, за разъясненіемъ, спрашивая—„поняли“? Кто буркнулъ: *поняли*, а большею частію молчали. Обошедши всѣ четыре фаса кругомъ, Репнинъ снова пошелъ вдоль перваго фаса и, ставши посрединѣ: „Ну, ребята“, спрашиваетъ, „гдѣ бы вы желали служить—въ уланахъ, гусарахъ, артилеріи—гдѣ“?—Молчаніе.—„Говорите-гдѣ?“—Снова молчаніе. Репнинъ снова началъ итти вдоль фаса и, приблизившись къ саженному фланговому, въ каптанкѣ и чорной смушевой шапкѣ,—„Ну, ты бы, напримѣръ“, спрашиваетъ, „гдѣ бы желалъ служить?“ Фланговой схватился было за шапку; но или вспомнилъ, что въ строю шапокъ не снимаютъ, или просто побоялся уши выставить на морозъ, остановился на полдорогѣ: „Въ козакахъ хочу служить, ваше благородіе!“—отрапортовалъ.—„Эхъ ты!“, говоритъ Репнинъ (и при этомъ мазнулъ гиганта рукою по шапкѣ сверху внизъ, такъ что шапка надвинулась тому на глаза): „въ козакахъ!... нельзя въ козакахъ!.. Господа!“ поворотился онъ къ наѣхавшимъ офицерамъ, „выбирайте себѣ!“, пошелъ на средину каре и тамъ остановился со всѣмъ начальствомъ, а офицеры бросились звать въ каре своихъ солдатъ и выбирать... Тутъ начались сцены неописуемой гадости. Въ срединѣ каре въ нѣ-

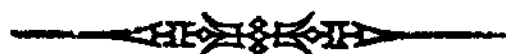
сколько тысячъ человѣкъ, окруженныхъ почти всѣмъ населеніемъ города и окрестныхъ деревень, пріѣхавшими къ козакамъ отцами и матерями, а можетъ быть и женами,—офицеры съ солдатами ходятъ по фасамъ, и кто имъ понравится,—выводятъ изъ рядовъ, осматриваютъ ихъ, ощупываютъ, велятъ ротъ открывать—туда заглядываютъ: точь-въ-точь, какъ на невольничьемъ рынкѣ, а еще проще—какъ на ярмаркахъ на лошадиномъ или рогатаго скота точкѣ... Въ публикѣ вокругъ каре начало замѣчаться какое-то движеніе, кое-гдѣ послышались женскія рыданія... Репнинъ не выдержалъ!... „Прочь!" закричалъ онъ какимъ-то рвущимся скрипучимъ голосомъ, „прочь, прочь! козаки по мѣстамъ!" Солдаты бѣгомъ бросились изъ каре, офицеры въ свиту за Репнина, козаки въ свои мѣста въ ряды... А Репнинъ, подошедши къ одному изъ фасовъ, самъ началъ: „Разъ, два, три, четыре... десять—улановъ! разъ, два, три, четыре... десять—гусаровъ!", а уланы, гусары и т. д. только бѣгомъ за нимъ, подхватываютъ для нихъ отсчитанное и уводятъ за каре въ ближайшія улицы... Чрезъ часъ всѣ козаки были раздѣлены и уведены куда-то, Репнинъ и начальство тоже куда-то дѣвались, публика, повѣсивши головы, разбрелась по домамъ... Такъ-то въ Лубнахъ козаки лично самимъ Репнинымъ раздѣлены въ полки и оттуда они тотчасъ и совершенно исчезли.

5) Зданіе Полтав. Института, построенное бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, Записка (стр. 198) называетъ *четырехъэтажнымъ*, а оно теперь, какъ и было въ 1841 г., при оставленіи Г. Сердюковымъ Полтавы, лишь въ три этажа.

и 6) Причиною отозванія Репнина изъ Полтавы и случая въ Царскомъ въ 1835 г. Записка выставляетъ (стр. 195 и 196) недостатокъ казенныхъ суммъ (т. е. суммъ Приказа Общественнаго Призрѣнія). По всей вѣроятности, оно такъ было, хотя, по ходившимъ слухамъ, тутъ сильно примѣшались (особенно въ исторіи въ Царскомъ Селѣ 1835 г.) дворскія интриги. Какъ бы, впрочемъ, ни было, тутъ не лишнее имѣть въ виду, что подъ осень 1832 г. (а можетъ быть 1833 г., точно не помню,) го-

сударь былъ въ Лубнахъ (смотръ дѣлалъ стоявшей тамъ конной артиллеріи: я лично его тамъ видѣлъ), а изъ Лубенъ поѣхалъ въ Полтаву; слѣдовательно, онъ въ это время лично могъ познакомиться съ постройкой института и съ вопросомъ о недочетѣ суммъ въ Приказѣ.

М. Номисъ.

Три дня на хуторѣ у Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны (Ганны Барвинокъ) Кулишъ[1].

До 1884 года я ниразу не видѣлъ Пантелеймона Александровича и Александры Михайловны Кулишъ; зналъ его только по его фотографической карточкѣ, да по его разнообразнымъ литературнымъ трудамъ; Александру же Михайловну зналъ только по немногимъ малорусскимъ разсказамъ. 1884 годъ для Пантелеймона Александровича былъ все еще временемъ, когда „ни русскіе украинцы, ни австрійскіе русины"—какъ говоритъ о немъ историкъ украинской литературы профессоръ Н. И. Петровъ [2])—„не могли быть довольны его послѣдними историческими идеями и сочиненіями и отшатнулись отъ него, какъ отъ измѣнника и врага своей народности". Враждебныя настроенія украинцевъ мнѣ были извѣстны; читалъ я и „Пысанку" г. Мордовцева за „Крашанку русинамъ и полякамъ" (1882 г.); мнѣ казалось, что въ этихъ отношеніяхъ къ г. Кулишу нѣтъ толерантности, деликатности, вѣрности пониманія 60-лѣтняго борца-труженика, нѣтъ „звычайности", какъ къ патріарху украинофильства, какъ къ личности, богато одаренной дарами духа, о которыхъ Гете говоритъ, что они рѣдкій даръ Неба, какъ къ труженику щирому на украинской нивѣ,—подобнаго другого я не зналъ изъ числа современныхъ ему. Мнѣ самому воочію хотѣлось увидѣть этого патріарха украинофильства, тѣмъ болѣе, что я при этомъ долженъ былъ увидѣть и украинскую

[1]) Ввиду того интереса, какой представляютъ воспоминанія М. Лободовскаго, освѣщающія одинъ изъ наиболѣе любопытныхъ моментовъ въ жизни покойнаго П. А. Кулиша, мы, съ согласія автора, перепечатываемъ эту статью изъ „Южнаго Края" (1897 г., № 5562). — *Ред.*

[2]) Очерки исторіи украинской литературы XIX ст. Н. И. Петрова. Г. Кіевъ 1884 года, стр. 296.

писательницу Ганну Барвинокъ, жену г. Кулиша. И вотъ я, испросивъ письменно разрѣшеніе посѣтить ихъ и получивъ таковое, къ празднику Пасхи 1884 года отправился въ хуторъ Мотроновку, мѣстопребываніе ихъ. Доѣхавъ до ст. Плиски Курско-Кіевской жел. дор., оттуда на почтовыхъ одинъ перегонъ до г. Борзны, Черниговской губерніи, а изъ города, пройдя пѣшкомъ 3—4 версты по дорогѣ на с. Оленивку, я прибылъ въ страстную субботу въ х. Мотроновку. Хуторъ окружаютъ величественные осокоры, вербы; мѣстность здѣсь лѣсистая, но не похожая на харьковщину или полтавщину, а скорѣе есть первая ступень къ Полѣсью. Большой панскій дворъ, направо клуня, сараи и сарайчики, доходящіе почти до самаго дома. Эта подробность потомъ пригодится. Въ глубинѣ двора средней величины деревянный, соломою крытый домъ, возлѣ дома громадные пирамидальные тополи, а за домомъ непосредственно большой садъ.

Вхожу въ переднюю; меня встрѣчаетъ привѣтливо высокаго роста сѣдой, сѣроокій старецъ, съ большой головой и съ сильно выпуклымъ лбомъ; лицо продолговатое, живое, блѣдное, лишенное растительности, кромѣ сѣдыхъ усовъ; это былъ господарь хутора Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. Только при поворотѣ въ сторону головы я уловилъ сходство въ чертахъ лица съ фотографіей его; видно, что фотографировался П. А. еще въ молодыхъ лѣтахъ. Убранство комнатъ самое простое. Вотъ къ намъ выходитъ высокая дама съ просѣдью въ курчавыхъ волосахъ, съ каримы глазами, отѣненными черными бровями, съ лицомъ умнымъ, красивымъ; видно, что въ молодости это была весьма красивая женщина.

— Вотъ вамъ и Ганна Барвинокъ:—сказалъ Пантелеймонъ Александровичъ—т. е. Александра Михайловна, моя дружына! Она только и держитъ меня на свѣтѣ, безъ нея я давно бы ad patres!.. Она ангелъ хранитель мой! Я васъ, землякъ, немножко знаю по слухамъ; а все таки, признайтесь, что васъ влекло къ намъ? Про васъ мнѣ говорила моя племянница.

— Да просто желаніе видѣть васъ обоихъ, щирыхъ и удивительныхъ для меня тружениковъ на украинской нивѣ. Вы вѣдь раритеты.

— Спасибо, спасибо! однако, и вы смѣлы, посѣщая человѣка, котораго считаютъ ренегатомъ, измѣнникомъ, чуть не политическимъ преступникомъ. У меня прогостилъ какъ-то съ полдня жандармскій офицеръ; такой милый, умный человѣкъ; гдѣ-то мы съ нимъ встрѣчались... Мои земляки, по возвращеніи моемъ изъ заграницы, выбрали меня сейчасъ же почетнымъ мировымъ судьею, слѣдовательно, не придали никакого значенія этимъ бабьимъ сплетнямъ... Ну, скажите, что подѣлываютъ ваши харьковцы?

Я назвалъ нѣсколько фамилій, которыхъ П. Ал., оказалось, зналъ, какъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Мое знакомство съ ними и воспоминанія ихнія о немъ увѣрили П. А., что къ нимъ въ домъ прибылъ человѣкъ, заслуживающій въ извѣстной степени довѣрія.

На другой день прибылъ братъ Александры Михайловны, г. Бѣлозерскій, привезъ газеты. П. А. съ жадностью взялся читать ихъ. Экономическая сторона жизни Кулишей была въ плохомъ видѣ: они не могли выписывать ни одной путной газеты. Редакція „Южнаго Края“ долго высылала имъ безплатно свою газету. Александра Михайловна сама вела сельское хозяйство, была и на полѣ, но такъ уставала въ хлопотахъ, что иногда прямо таки падала, по ея словамъ, среди поля отъ усталости и безсилія. Они собирались тогда отдать свой небольшой хуторъ, около 50 десятинъ, въ аренду какому-то поляку, по рекомендаціи нотаріуса г. Борзны, тоже поляка. Какъ-то явился и будущій арендаторъ, темно-рыжій уроженецъ Сибири... Я не совѣтовалъ отдавать П. А. въ аренду хуторъ уроженцу Сибири. Ниже я скажу, что случилось.

Въ разговорахъ съ П. А. я старался не касаться предметовъ, непріятныхъ для П. А., не спрашивалъ о прошломъ, предоставляя ему самому, сообразно его взгляду на меня, высказаться, познакомить меня съ собою болѣе интимно. Какъ-то я спросилъ П. А., чѣмъ онъ теперь занятъ, что пишетъ. Онъ повелъ меня въ свой рабочій кабинетъ, не имѣвшій никакихъ ровно украшеній, обстановки, а просто стоялъ его рабочій, простецкій столъ, деревянный стулъ и рабочее кресло, деревянное,

старосвѣтское. П. А., положа руку на колопку въ полъ аршина высоты рукописей, сказалъ мнѣ; „вотъ это переводъ мой Шекспира на малорусскій языкъ... уже я оканчиваю; первый томъ я уже напечаталъ въ Галиціи, да весь тамъ онъ и остался, и не знаю, что тамъ съ нимъ... ну, скажите, ренегатъ, измѣнникъ будетъ-ли заниматься переводомъ Шекспира на малорусскій языкъ? Въ будущность украинской литературы я вѣрую.

— Можетъ быть, сказалъ я, ввела нашихъ земляковъ въ заблужденіе ваша рѣшимость принять австрійское подданство, о чемъ я читалъ въ столичныхъ газетахъ; да таки многихъ это удивило: зачѣмъ, что оно могло дать вамъ? Вѣдь въ положеніи русскаго подданнаго въ Галиціи вы независимы.

— Да, да, вѣрю,—сказалъ П. А.—Видите ли, что за исторія со мною случилась. Въ послѣднюю мою поѣздку во Львовъ я много занимался въ архивахъ польскихъ книгохранилищъ; поляки не щадятъ средствъ для культуры; въ библіотекѣ Оссолинскихъ находятся драгоцѣннѣйшіе матеріалы для нашей исторіи. Живя во Львовѣ и встрѣчаясь съ русинами, я слышу отовсюду, что галичане дышатъ адскою злобою на поляковъ, а поляки еще больше на галичанъ; мнѣ казалось, что недалеко дѣло было отъ рѣзни. Я напечаталъ „Крашанку", взывая къ обоимъ о мирѣ, братствѣ, уступчивости, говоря, что религіозная нетерпимость между ними внушена духовенствомъ... Я написалъ извѣстному польскому литератору г. Крашевскому, прося его содѣйствовать мнѣ, печатно повліять на поляковъ въ примирительномъ духѣ. Крашевскій мнѣ отвѣтилъ, что уже онъ старикъ и не имѣетъ достаточнаго вліянія на своихъ соплеменниковъ. Отвѣтъ этотъ хранится у меня и до сихъ поръ. Вотъ однажды встрѣтился я въ ресторанѣ съ давнимъ моимъ знакомымъ полякомъ К—ли, предки котораго, какъ и онъ, были протестантами,—поляки протестанты не фанатичны, — это очень важно. Онъ мнѣ отъ группы какихъ-то богатыхъ польскихъ пановъ сдѣлалъ такое предложеніе: „нѣсколько польскихъ богатыхъ пановъ желаютъ помочь вамъ, панъ Кулишъ, въ осуществленіи вашихъ культурныхъ стремленій; они знаютъ, что вы человѣкъ не богатый, поэтому предлагаютъ вамъ самому назначить сумму

денегъ, которая потребна будетъ для осуществленія вашихъ завѣтныхъ желаній, т. е. изданія газеты, журнала, книгъ, на малорусскомъ, конечно, языкѣ и во Львовѣ, но съ условіемъ, что вы примете австрійское подданство. Зная васъ, они къ вамъ относятся съ полнымъ довѣріемъ. Князь Сапѣга, личный другъ нашего императора, можетъ очень скоро устроить это дѣло, такъ какъ натурализація у насъ—длинная исторія. Обдумайте предложеніе этихъ пановъ, дня черезъ три мы встрѣтимся и рѣшимъ вопросъ. Суммой потребныхъ вамъ денегъ вы не стѣсняйтесь, такъ какъ эти паны очень богаты; деньги будутъ внесены на ваше имя въ банкъ, откуда вы и будете получать по мѣрѣ надобности". Меня сначала это предложеніе удивило, но зная любовь многихъ поляковъ къ культурѣ и щедрыя ихъ пожертвованія для культурныхъ цѣлей, зная рыцарскія качества характера у нѣкоторыхъ изъ поляковъ, я отнесся съ довѣріемъ къ предложенію К—ли. Много, вѣдь, внесли галицкіе малороссы тяжкаго, неблагодарнаго труда въ польскую культру, да и теперь вносятъ не въ свою пользу: долгъ платежемъ красенъ... Планъ моей проблематической дѣятельности былъ такой: издавать газету и журналъ на малорусскомъ языкѣ, устроить во Львовѣ женскую гимназію съ интернатомъ для галичанокъ,—матерей будущихъ патріотовъ; на это мнѣ, казалось, довольно полтора милліона гульденовъ. Когда дня черезъ четыре я свидѣлся съ К—ли снова и объявилъ ему мой планъ и потребную мнѣ сумму денегъ, то онъ призналъ мой планъ хорошимъ, а относительно суммы денегъ сказалъ: „паны поляки опредѣлили крайній предѣлъ въ два милліона гульденовъ, а потому сумму эту меньшую вамъ они дадутъ, они питаютъ къ вамъ полнѣйшее довѣріе. Итакъ, вы рѣшились, значитъ, принять австрійское подданство; такъ подавайте скорѣй прошеніе австрійскому императору о принятіи васъ". На это я сказалъ, что я сначала подамъ просьбу русскому Царю о дозволеніи мнѣ принять австрійское подданство и, получивши такое дозволеніе, потомъ уже подамъ и ихъ цезарю. Я считаю такъ сдѣлать приличнымъ, честнымъ. Такое прошеніе я и послалъ въ Питеръ. Вотъ почему и было въ газетахъ объявлено о моемъ намѣреніи принять австрій-

ское подданство. Вскорѣ послѣ этого свиданія съ К—ли, ко мнѣ какъ-то входитъ стремительно въ номеръ гостинницы какой-то польскій графъ, какъ онъ себя назвалъ,—а ихъ въ Польшѣ много,—съ молодымъ человѣкомъ, какъ оказалось, своимъ племянникомъ, и весьма энергично приглашаетъ меня на обѣдъ литераторскій, гдѣ будутъ и мои знакомые польскіе литераторы, при этомъ племянникъ говоритъ, что его дядя глухой очень, а потому разговаривать съ нимъ очень трудно, что и онъ съ своей стороны проситъ меня не отказываться. Кое что обдумавши, я согласился. Со многими польскими писателями я былъ хорошо знакомъ, нѣкоторые изъ нихъ, родомъ чистокровные русины, люди способные; въ польскомъ лагерѣ ихъ принимаютъ съ распростертыми объятіями... Этимъ обстоятельствомъ, мнѣ кажется, объяснить слѣдуетъ отсутствіе въ Галиціи выдающихся писателей среди галицкихъ малороссовъ. На обѣдѣ стали поляки по адресу мнѣ говорить рѣчи, трактуя меня, какъ представителя Украины. Понятно, что я не могъ согласиться принять на себя такую роль, такъ какъ ни единый украинецъ меня на это не уполномачивалъ, и, думая, что такія рѣчи могутъ меня скомпрометировать въ глазахъ всѣхъ русскихъ, я отвѣчалъ полякамъ на обѣдѣ съ своей стороны рѣчью, заявляя, что я не могу брать на себя роли представителя Украины, всей южной Руси, и усиленно въ рѣчи моей отвѣтной выставлялъ на видъ полякамъ то, что я есть чистаго украинскаго козацкаго роду человѣкъ, что въ моихъ жилахъ течетъ кровь Гонты, Желѣзняка, Наливайка. Я не думалъ поступаться полякамъ ничѣмъ и ни за что отъ моихъ украинскихъ традиціонныхъ убѣжденій,—они въ моей натурѣ. Я не думалъ, что на другой день появятся въ польскихъ газетахъ рѣчи, за этимъ обѣдомъ сказанныя. Утромъ читаю газеты: рѣчи поляковъ напечатаны, а моей нѣтъ. Я пишу сказанную мною рѣчь и несу въ редакцію, прося напечатать; отказъ въ одной, отказъ получаю въ другой и въ третьей; я прошу К—ли помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Ничего не выходитъ. Тогда во Львовѣ встрѣтился мнѣ случайно знакомый редакторъ провинціальной польской газеты,—вотъ этотъ и напечаталъ мою рѣчь. Эта исторія меня озадачила; я во всемъ этомъ дѣлѣ уви

дѣлъ лукавство, преднамѣренное желаніе меня скомпрометировать въ глазахъ русскаго правительства и въ глазахъ моихъ земляковъ. Обо всемъ, что со мною случилось особеннаго, я писалъ въ Вѣну моему другу, галичанину, члену вѣнской университетской корпораціи... Поляки дѣлаютъ мнѣ визиты, я имъ отвѣчаю, они крайне любезны, внимательны; даже князь Сапѣга или былъ у меня въ небытность мою дома, во время своего пріѣзда во Львовъ, или же прислалъ карточку визитную. Надо вамъ знать, что кн. Сапѣга есть ополячившійся потомокъ древнихъ православныхъ княжескихъ украинскихъ родовъ, что онъ признаетъ и теперь... Вскорѣ послѣ всего этого я получаю изъ Вѣны отъ моего друга письмо, въ которомъ онъ совѣтуетъ мнѣ не довѣряться полякамъ, что ими предпринимается одно весьма нечестное дѣло по отношенію къ Галиціи, о чемъ я на дняхъ узналъ изъ газетъ. Сначала я отнесся къ этому съ предубѣжденіемъ, такъ какъ говорилъ галичанинъ-русинъ. Какъ вотъ въ въ скорости газеты оповѣстили объ отдачѣ уніатскихъ базиліанскихъ богатыхъ монастырей галицкихъ въ руки іезуитовъ, а также и образованія и воспитанія галицкаго духовенства. Это было подло, преступно. Утромъ другого дня я уже ѣхалъ на житье въ Вѣну и, конечно, жалѣлъ о подачѣ мною прошенія о разрѣшеніи мнѣ принять австрійское подданство. Въ Вѣнѣ я напечаталъ по нѣмецки брошюру объ уніи, только нѣсколько экземпляровъ я успѣлъ разослать, какъ явилась полиція, и все изданіе конфисковала; въ другой разъ я хотѣлъ ее напечатать въ Лейпцигѣ, но и тамъ чья то рука помѣшала.

Меня упрекаютъ въ полонофильствѣ, въ перемѣнѣ моихъ взглядовъ на козачество въ нашей исторіи. Я не политикъ, я историкъ. Апостолъ Петръ говоритъ о себѣ, что пока онъ былъ дитятею, то и мыслилъ по-дѣтски, по-дѣтски разсуждалъ, а ставши мужемъ, сталъ мыслить, оставивши дѣтское, какъ прилично мужу. Въ 1843 году я напечаталъ въ Кіевѣ мою поэму по малорусски „Украина“; въ ней я говорю, что только и было людей на свѣтѣ, что греки да козаки. Стыдно было бы мнѣ сказать это теперь; но, вѣдь, тогда мнѣ было около 20 лѣтъ, а теперь за 60! Я долго и много изучалъ архивные матеріалы по

исторіи „Украины“; правда, они были по большей части польскіе, а свои я давно зналъ. Если факты, добытые мною, заставляютъ меня перемѣнить мой взглядъ на козачество, то что жъ дѣлать? Жаль, но правда, истина должна быть дороже всего; притомъ все это дѣла давнымъ давно минувшихъ дней, а козачество не наше знамя теперь. Поляки, какъ теперь, такъ и тогда, культурнѣе насъ. Посмотрите, какъ они высоко ставятъ своихъ писателей; какъ они изысканно, роскошно издаютъ. Они купили за громадную сумму у Крашевскаго его сочиненія, а потомъ, прекрасно издавши, подарили ему же. Нужда ихъ научила удивительной солидарности, дружеству, братолюбію... Они ближе къ Европѣ, ихняя культура стародавняя... Пусть убѣдятъ меня относительно козачества въ противномъ, и я откажусь печатно отъ моихъ взглядовъ. Поймите,—я историкъ, а не политикъ. Я не занимался пустомельствомъ, а тогда же я напечаталъ первый томъ моего перевода Шекспира по украински, а также и переводъ Священнаго Писанія Новаго Завѣта „Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ“. Ренегатъ, „зрадныкъ“ этого дѣлать не станетъ. Какъ историкъ и этнографъ, я относился къ различнымъ мѣропріятіямъ критически, но изъ этого до отдѣленія Малороссіи отъ Россіи, какъ отъ земли до неба! Критическое отношеніе къ явленіямъ общественной жизни есть самосознаніе, желаніе исправиться...

Намъ тычутъ Мазепу, придворнаго пажа польскаго короля. Чѣмъ мы виноваты, что намъ его создали недальновидные московскіе воеводы? А почему не вспомнятъ Кочубея, Искры, Самойловича и другихъ жертвъ любимца Петра I? Послѣ Богдана Хмельницкаго гетманы—ставленники не наши, и мы о нихъ не жалѣемъ, что я высказалъ и печатно, въ романѣ „Липовыя пущи“. Да и Шевченко назвалъ ихъ „варшавскимъ смиттемъ“. Чрезъ все XIX столѣтіе былъ ли хоть какой нибудь политическій процессъ по поводу украинофильства? Я говорю не о пошлой травлѣ іезуитской по принципу „divide et impera“, или о единичныхъ мнѣніяхъ, а о настоящемъ политическомъ процессѣ. Вѣдь этого не было. Украинофильство есть свѣтъ, культура, а не политика... У насъ нѣтъ гетманскихъ, вельмож-

ныхъ, аристократическихъ родовъ, некому интриговать и преслѣдовать свои личные политическіе интересы. Процессъ мой, Шевченка и Костомарова есть одно только недоразумѣніе, ревность не по разуму, что уже печатно выяснено не мною однимъ, а и Костомаровымъ. Галицкое, русинское движеніе есть національное; галичане—братья родные намъ малороссамъ, и только мудрый вѣнскій конгрессъ 1815 года отдѣлилъ насъ отъ нихъ... На національной почвѣ я и дѣйствовалъ тамъ, да только она одна и законна и естественна тамъ. Думать, что тамъ сдѣлаетъ что нибудь россійская литература безъ перевода на галицкій языкъ, просто смѣшно: пріиди и виждь; ужъ скорѣй польская. Жаль, что въ Россіи не даютъ свободнаго входа галицкимъ изданіямъ, газетамъ, журналамъ; это создало-бы между нами и ими солидарность, поддержало бы галичанъ въ ихъ тяжелой, неравной борьбѣ съ жидами, поляками и нѣмцами... Прочитайте всю 14 главу 1 посланія къ Коринѳянамъ... Многіе галичане обязаны знать три языка: свой, польскій и нѣмецкій. Это имѣетъ свою хорошую сторону... Интересно, что съ М. П. Д. повторилась наша давняя исторія: ему пришлось писать не въ защиту злосчастнаго 1 марта, а противъ, за что россійскіе радикалы анаѳематствовали его... Читали-ли вы его преинтереснѣйшую книжку, за границей напечатанную: „Историческая Польша и великорусская демократія?.." Шевченка я знаю лучше, чѣмъ кто другой, а также и цѣну ему.

Окно рабочаго кабинета—если можно эту комнату назвать „рабочимъ кабинетомъ" въ смыслѣ литераторовъ питерскихъ, на что она нимало не походила, выходило въ большой садъ съ огородомъ; это былъ скорѣе гай. Мы вышли въ садъ.

Скажите, П. А., вѣрно-ли то, что говорятъ, будто вы сильно поработали надъ поправкой украинскихъ оповиданъ „Марка Вовчка"?

— Та чыихъ тильки пелюшокъ я не переполыскувавъ?! абы хитъ та сыла!—сказалъ П. А.

Еще какъ то заговорилъ П. А. о своей службѣ въ Польшѣ, и вотъ что онъ мнѣ повѣдалъ:

— За службу въ Варшавѣ въ 60-хъ годахъ меня судятъ. Я всегда оставался собою, не измѣнялъ своимъ украинскимъ симпатіямъ. Я былъ знакомъ съ статсъ-секретаремъ Милютинымъ, онъ какъ то представилъ меня князю Черкасскому, сказавши при мнѣ: „князь, абсорбируйте этого завзятого украинофила службой въ Варшавѣ"... Я былъ въ Варшавѣ директоромъ духовныхъ дѣлъ. Постъ былъ весьма важный. Поляковъ фанатизируютъ много ксендзы и іезуиты, и моя задача въ Варшавѣ—я ее самъ себѣ далъ—ослабить, какъ только можно больше, вліяніе іезуитизма, клерикализма; нѣсколько моихъ проектовъ удостоились быть одобренными Императоромъ Александромъ II и получили силу закона. Тѣмъ не менѣе, когда одному польскому епископу за рухавку грозила большая бѣда, я все сдѣлалъ, что могъ, чтобы избавить отъ крупной непріятности почтеннаго прелата, и князь Черкасскій уступилъ...

Когда князя Черкасскаго не стало, и повѣялъ не тотъ вѣтеръ, мнѣ поставленъ былъ силокъ, но я въ него не поймался. Дѣло было такъ: на мое имя получена была по почтѣ посылка изъ Галиціи съ книгами, которой я совсѣмъ не ждалъ. Бергъ, намѣстникъ, приглашаетъ меня и говоритъ о ней; я сразу понялъ, что тутъ ловушка. Посылка безъ меня была вскрыта, на что никто не имѣлъ права, такъ какъ я, какъ директоръ духовныхъ дѣлъ, имѣлъ въ своемъ портфелѣ бумаги секретныя, государственной важности; я полюбопытствовалъ осмотрѣть посылку: въ ней были галицкія, русинскія изданія и воззваніе, по малоруски, обращенное ко мнѣ, которое, конечно, легко было напечатать въ одномъ экземплярѣ. Все-таки я отказался принять посылку. Бергъ предложилъ мнѣ печатно отказаться отъ моихъ украинофильскихъ симпатій, убѣжденій (странное требованіе!...), или выйти въ отставку; я, конечно, отказался удовлетворить его желаніе и предпочелъ выйти въ отставку.

Вечеръ передъ моимъ выѣздомъ мы провели въ комнатѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Александры Михайловны Кулишъ, портретъ небольшой, но хорошій; его рисовалъ самъ Пант. Александровичъ; видно, что любовь рисовала его. Я не подозрѣвалъ, чтобы П. А. обладалъ даромъ художника. Меня попросили спѣть,

что и какъ умѣю, изъ народныхъ малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ П. А. мое небольшое умѣнье пѣть народныя малорусскія пѣсни было извѣстно отъ его племянницы; я радъ былъ исполнить желаніе гостепріимныхъ хозяевъ, къ счастью, я былъ въ голосѣ. На прощанье П. А. подарилъ свой переводъ: „Псалтырь",—переспивъ украинскій, Павла Ратая", съ надписью: Веселый Ратай спивочому погонычови М. Ф. Л.".

Моя рѣдкая переписка съ П. А. продолжалась до половины 1896 года. Въ одномъ изъ писемъ онъ извѣщалъ меня, что его домъ и всѣ постройки сгорѣли отъ поджога, причемъ погорѣло много всякаго добра и литературнаго. Экономическое положеніе ихъ и безъ того было плохое, а пожаръ еще ухудшилъ его. Причину пожара онъ видѣлъ въ сказанномъ сибирскомъ полякѣ: это была или месть арендатору отъ сосѣдей—крестьянъ за неправды, претерпѣваемыя ими отъ арендатора, или же... много хлѣба свезеннаго во дворъ сгорѣло, но хлѣбъ арендаторъ хорошо застраховалъ, а потому въ убыткѣ онъ не былъ, получивши страховую премію, а Кулиши понесли непоправимый убытокъ. Отсутствіе независимыхъ средствъ къ жизни всегда тормозило литературную дѣятельность П. А. До конца своей жизни онъ ни пенсіи, ни пособія отъ литературнаго фонда не получалъ.

Литературная дѣятельность П. А. Кулиша довольно подробно разобрана въ книгѣ: „Очерки украинской литературы XIX стол." профессора Петрова, (Кіевъ, 1884 г.). Профессоръ Петровъ говоритъ: „Вотъ лебединая его пѣсня (Кулиша), напечатанная въ украинскомъ альманахѣ „Рада" на 1883 г.!" „И тебе вже оце не побачу до вику, мій краю коханый..." (стр. 296). Но это мнѣніе почтеннаго профессора крайне невѣрно: въ то время, какъ проф. Петровъ издалъ свою книгу, въ 1884 г. кіевской цензурой была разрѣшена для печати по малорусски стихами драма г. Кулиша „Байда, кн. Вышневецкій". (Дозволено цензурою. Кіевъ, 14 февраля 1884 г., какъ показано на книгѣ), напечатана эта драма тогда же въ С.-Петербургѣ. Далѣе П. А. писалъ мнѣ, что имъ написана по-малорусски трилогія: „Байда", „Сагайдачный" и „Налывайко"; цензура разрѣшила

печатать „Байду“, а тѣхъ двухъ не разрѣшила, и онъ намѣренъ былъ ихъ передѣлать. Кромѣ того, послѣ 1884 г. имъ напечатаны были: переводъ книги Товита на малорусскій языкъ, малорусскій сборникъ—„Дзвинъ“,—повѣсть въ какомъ то питерскомъ журналѣ, гдѣ онъ описалъ свой молодой вѣкъ,—три большихъ тома по исторіи Малороссіи „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654); въ 1896 г. въ „Русскомъ Обозрѣніи“ напечатана большая статья его: „Украинскіе паны и козаки“, но я думаю, что еще не всѣ его литературные труды послѣ 1884 года мною указаны. Вмѣстѣ съ этимъ невѣрнымъ взглядомъ на дѣятельность П. А. Кулиша, теряетъ силу и другое обвиненіе его со стороны г. Петрова, что будто г. Кулишъ все писанное имъ по малорусски въ послѣднее время предназначалъ для Галиціи, а не для Россіи... Что можно было печатать на Руси, то и печаталось. Сверхъ того, на основаніи всего сказаннаго, теряетъ всякое значеніе и тяжкое обвиненіе П. А. Кулиша, предъявленное къ нему профессоромъ Петровымъ, въ началѣ нашей замѣтки сказанное, что г. Кулишъ есть „*измѣнникъ и врагъ своей народности*“, что такъ о немъ судили яко бы украинцы россійскіе и галицкіе. Такого отзыва намъ нигдѣ, ни у кого, кромѣ какъ въ книгѣ проф. Петрова, читать и слышать не приходилось, да такой измѣны, вражды и не было. Намъ кажется, что г. Кулишъ украинофилъ больше, чѣмъ кто другой, что говорятъ его литературные труды, и такимъ онъ былъ отъ юности и до могилы. На дняхъ я получилъ отъ Александры Михайловны Кулишъ письмо, которое говоритъ, что П. А. умеръ за литературною работою на малорусскомъ языкѣ. Посылая мнѣ свою драму „Байда“, онъ писалъ, между прочимъ... „Оце мызерного гостынця тоби, мій друже козарлюго, шлю, щобъ знавъ яку гирку я чашу пью. Нема на свити правды—отъ що горе! іи, мовлявъ той старець, не зыскать; хиба пійты на Чорне море, щобъ на гакахъ по Байдовски сконать“. А въ прологѣ въ этой драмѣ напечатано такъ:

„О Музо Мельпомено, правды маты!
„Дай намъ тоби достойно послужыты,
„Народній духъ зъ занепаду пиднаты,
„Гасытеливъ его посоромыты“.

Слѣдовательно, драма „Байда“ имѣетъ большое значеніе для уясненія психики П. А. Кулиша.

Какъ объяснить очень рѣзкіе отзывы П. А. Кулиша о своихъ друзьяхъ, членахъ тріумвирата украинофильскаго, Шевченкѣ и Костомаровѣ? Я объясняю это только однимъ:—несходствомъ своихъ воззрѣній съ ними на козачество и ляхоненавистничество ихъ: „Гайдамаки“ Шевченка и „гетманъ Богданъ Хмельницкій“ Костомарова. Нѣчто схожее, по рѣзкости, еще большей, но только въ юмористическомъ духѣ, сказано было г. Кулишомъ въ г. Полтавѣ въ большомъ обществѣ: на жалобы полтавцевъ, Пантелеймонъ Александровичъ отвѣтилъ притчею о козакѣ, который, сидя на стернѣ, латаетъ свои штаны и ругаетъ вражью стерню, что она его колетъ. Но суть, соль дѣятельности г. Кулиша не въ этихъ рѣзкостяхъ, мелочахъ. Пантелеймонъ Александровичъ напоминаетъ мнѣ типъ древнихъ пророковъ.

Профессоръ Петровъ въ своей книгѣ говоритъ: „Длинный рядъ разнообразныхъ трудовъ г. Кулиша указываетъ на подвижной и энергичный талантъ; но въ немъ были извѣстныя неровности и увлеченія“ (стр. 268). Мнѣ кажется, справедливо будетъ сказать о П. Л. Кулишѣ, что онъ былъ человѣкъ необыкновеннно даровитый и трудолюбивый; натура страстная, властная, человѣкъ чрезвычайно симпатичный, честный, отзывчивый; поэтъ, беллетристъ, историкъ и отчасти художникъ; знавшій прекрасно современное ему общество и стоявшій цѣлой головой выше его, всей душой любившій свою Украину; это господарь, явившійся въ свое наслѣдіе и заставшій въ немъ запустѣніе на мѣстѣ святѣ, и вотъ ревность по наслѣдію снѣдаетъ его... и начавши съ 20-ти лѣтъ „подвигомъ добрымъ подвизаться“, заканчиваетъ подвигъ свой на 77-мъ году своей многотрудной жизни, т. е. 50 лѣтъ слишкомъ литературной работы. Онъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ, вліяніе его было большое!

Пант. Ал. зналъ языки: французскій, италіанскій, нѣмецкій, англійскій, испанскій, сербскій, чешскій, польскій и латинскій.

Изъ письма, полученнаго мною отъ жены покойнаго П. А. Кулиша, Александры Михайловны Кулишъ, 21 февраля видно, что Пантелеймонъ Александровичъ умеръ отъ простуды послѣ

8-дневной болѣзни, 2 февраля; у него въ домѣ былъ такой холодъ, что онъ долженъ былъ писать въ теплыхъ перчаткахъ. Въ послѣднія минуты передъ смертью онъ рукою долго писалъ по воздуху и такъ умеръ. Двѣ пары любимыхъ покойнаго воловъ, которыхъ онъ кормилъ бывало хлѣбомъ изъ собственныхъ рукъ, и которые, бывало, завидя его идущимъ къ нимъ въ поле во время оранки, съ плугомъ бѣжали къ нему на встрѣчу,—такъ вотъ эти двѣ пары воловъ были запряжены въ сани, и на нихъ былъ поставленъ гробъ съ покойнымъ господаремъ воловъ своимъ, и они отдали ему свой послѣдній долгъ: отвезли своего господаря въ церковь, въ сопровожденіи двухъ священниковъ, хора пѣвчихъ и множества народа; а изъ церкви покойникъ былъ привезенъ домой на хуторъ и похороненъ въ своемъ саду, на мѣстѣ, имъ выбранномъ.

Автобіографіи своей, по словамъ А. М. Кулишъ, П. А. не писалъ и говорилъ, что много его писемъ къ частнымъ лицамъ и сочиненія его замѣняютъ автобіографію.

М. Лободовскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго [1]). Въ дѣлахъ Архива Св. Синода нашлось нѣсколько свѣдѣній *о началѣ Кіево-Андреевской церкви и о послѣдующей судьбѣ ея.*

Мы не будемъ повторять преданія о водруженіи св. Ап. Андреемъ креста на кіевскихъ горахъ около 40 года по Р. Хр.; не будемъ говорить о княжескомъ теремѣ, стоявшемъ будто-бы въ древности въ этой мѣстности; не скажемъ ничего и о построенной въ 1212 г. великимъ княземъ Мстиславомъ Романовичемъ (Удалымъ) Воздвиженской церкви, находившейся нѣсколько ниже нынѣшней Андреевской церкви;—но обратимся къ тому, какія свѣдѣнія объ этой церкви даютъ намъ архивныя дѣла.

Кіевская Андреевская церковь называется «славнымъ памятникомъ Елисаветинскаго царствованія и талантовъ знаменитаго архитектора графа Растрелли». Нынѣ существующій храмъ заложенъ собственноручно императрицею Елисаветою Петровной, въ бытность ея въ Кіевѣ въ августѣ 1744 года. Мѣсто для храма было освящено кіевскимъ митрополитомъ *Рафаиломъ* (Заборовскимъ) [2]), и на предполагаемомъ мѣстѣ престола былъ поставленъ крестъ. Постройка же храма совершилась гораздо позже этого времени.

---

[1]) Данныя эти собраны нами еще въ 1895 г., по требованію Г. кіевскаго генералъ-губернатора, и въ извлеченіи представлены въ Кіевъ. Въ настоящее время считаемъ не лишнимъ напечатать ихъ, въ виду поднятаго Ѳ. И. Титовымъ вопроса о томъ, что было въ древности на мѣстѣ нынѣшней Кіево-Андреевской церкви. Хотя наша статья и не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, но сообщаетъ данныя, почему-то не найденныя въ мѣстныхъ архивахъ.

[2]) Преосвящ. Рафаилъ Заборовскій былъ архіепископомъ кіевскимъ съ 1731 г., въ 1743 г. возведенъ въ санъ митрополита; † 22 окт. 1747 г.

Въ 1749 году 5 января, кіевскій митрополитъ *Тимоѳей* (Щербацкій)[1]) между прочимъ писалъ секретарю Ея Величества тайному совѣтнику барону Черкасову слѣдующее:[2]) «Во время Высочайшаго присутствія Ея Императорскаго Величества въ Кіевѣ на бастіонѣ (бывшей Софійской крѣпости), покойнымъ преосвященнымъ Рафаиломъ митрополитомъ кіевскимъ мѣсто оное, гдѣ церковь во имя св. апостола Андрея Первозваннаго имѣетъ быть состроена, по чиноположенію церковному, освящено, а гдѣ престолу было быть, тамо крестъ поставленъ; нынѣ же господинъ брегадиръ Ив. Матѳ. Власіевъ объявилъ мнѣ, что тотъ бастіонъ надобно вовсе срѣзать, а гдѣ крестъ поставленъ, тамо имѣетъ быть оной церкви стѣна, а не престолъ;—и требовалъ онъ, господинъ брегадиръ, чтобъ я тотъ поставленный крестъ съ показаннаго мѣста велѣлъ снять;—только-де я того учинить не смѣлъ безъ особливѣйшаго повелѣнія отъ Ея Императорскаго Величества, почему Вашего Высокопревосходительства покорно прошу Ея Императорскому Величеству о вышеозначенномъ донесть, и, какое отъ Ея Императорскаго Величества будетъ повелѣніе, мнѣ объявить»...

Баронъ Черкасовъ 10 февраля 1749 г. сообщилъ синодальному члену, переяславскому архіепископу Арсенію (Могилянскому), что государыня соизволила Всемилостивѣйше указать по тому письму разсмотрѣніе учинить Святѣйшему Синоду».

Разсмотрѣвъ дѣло, Святѣйшій Синодъ 16 февраля 1749 г. послалъ митрополиту кіевскому Тимоѳею (Щербацкому) указъ о томъ, «дабы его преосвященство вышеупомяненный, поставленный при освященіи на назначенномъ подъ строеніе во имя св. ап. Андрея Первозваннаго церкви, гдѣ было быть престолу, мѣстѣ св. крестъ, не премѣняя подписанной на немъ о времяни, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, подписи ни въ чемъ и не чиня уже вторично церковной о водруженіи креста церемоніи, съ того мѣста, за предписанное—что на ономъ мѣстѣ имѣетъ быть тоя церкви стѣна—винословіе, снять, и когда будетъ къ строенію оныя церкви мѣсто пріуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, паки поставить»...

---

[1]) Преосвящ. Тимоѳей Щербацкій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 10 марта 1748 г. до 22 окт. 1757 года; † московскимъ митрополитомъ 18 апр. 1767 г.

[2]) Дѣло Архива Св. Синода 1749 г. № 113.

На такой синодальный указъ, кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій 15 марта 1749 года отвѣчалъ слѣдующее: «За силу полученнаго Ея Императорскаго Величества господиномъ брегадиромъ Ив. М. Власіевымъ изъ канцеляріи отъ строеній указа, прежде полученія мною изъ Св. Синода указа, вышеупомянутый поставленный св. крестъ съ того мѣста, при присутствіи моемъ, снятъ и поставленъ въ пристойномъ мѣстѣ; на ономъ же крестѣ о времени, когда оной, и при комъ, и кѣмъ на то мѣсто водруженъ, надпису никакова, по осмотру моемъ, не явилось; а когда будетъ къ строенію оныя церквы мѣсто пріуготовлено, тогда на томъ церковномъ мѣстѣ, гдѣ надлежитъ, паки оной крестъ, при присутствіи моемъ, имѣетъ быть поставленъ»...

Заслушавъ присланный отвѣтъ митрополита, Св. Синодъ 24 апрѣля 1749 г. опредѣлилъ сдѣлать митрополиту замѣчаніе за снятіе креста до полученія синодальнаго указа, но митрополитъ 12 іюня 1749 г. отвѣчалъ, что бригадиръ Власіевъ ему объявилъ, «что изъ канцеляріи отъ строеній резолюція на то есть уже, а вышней на то резолюціи, яко чрезъ докладъ Ея Императорскому Величеству, ожидать и тѣмъ Ея Императорскаго Величества утруждать нужды не усматривается;—чего для въ томъ учинить его высокородію по вышеписанному, не ожидая на то резолюціи, дабы чрезъ дальной путь въ перепискахъ дѣло фундамента и строенія церквы остановитца не могло»...

По свойству мѣстности предназначавшейся для постройки Андреевской церкви, требовалось начать кладку фундамента съ большой (до 20 саж.) глубины, почему работа продолжалась около 17 лѣтъ.

Только въ 1767 году встрѣчаемъ рапортъ кіевскаго митрополита *Арсенія* (Могилянскаго) [1], отъ 25 августа, объ окончаніи постройки и объ освященіи Андреевской церкви. Митрополитъ писалъ: [2]) «Сего 1767 года августа 7-го дня, его высокопревосходительство генералъ-аншефъ кіевской губерніи генералъ-губернаторъ и кавалеръ Ѳедоръ Матвеевичъ Воейковъ письменнымъ сообщеніемъ мнѣ для надлежащаго исполненія объявилъ, что, въ бытность его въ Москвѣ, Ея Императорское Величество (Императрица Екатерина II) всевысочайше имяннымъ словеснымъ повелѣніемъ соизволила ему указать, чтобъ кіевская св. апостола Андрея Первозваннаго церковь была въ не-

---

[1]) Преосвящ. Арсеній Могилянскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 22 окт. 1757 г.; † 8 іюня 1770 года.

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

продолжительномъ времени освящена; во исполненіе коего.... оная церковь, по заготовленіи всѣхъ ко освященію и священнослуженію потребностей, мною сего *августа 19-го дня*, по уставу и чину, бываемому на освященіе церкви новопоставленной, соборнѣ *освящена*, и для исправленія въ ней священнослуженія определены отъ мене, до указу, священнослужители и прочее потребное отъ каѳедральнаго моего монастыря:...

Такимъ образомъ, если временемъ закладки Андреевской церкви считать августъ 1744 года, то до освященія церкви, на постройку оной потребовалось *ровно 23 года.*

Коснемся теперь *дальнѣйшей судьбы* этой церкви. Достоинъ особеннаго вниманія прежде всего тотъ фактъ, что этотъ грандіознѣйшій и замѣчательнѣйшій по архитектурѣ и красотѣ храмъ нѣкоторое время не имѣлъ ни определенныхъ средствъ къ содержанію, ни утвержденнаго штата, ни даже ризницы, и въ 1786 г., отъ несмотрѣнія ли, или отъ другихъ какихъ-либо причинъ, сталъ разрушаться. Вотъ что говорятъ объ этомъ архивныя данныя [1]).

Комиссія о церковныхъ имѣніяхъ 18 августа 1768 года представила государынѣ императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ «объ опредѣленіи къ новопостроенной въ Кіевѣ каменной Андреевской церкви священно-и церковнослужителей и о производствѣ имъ жалованья изъ доходовъ кіевскаго магистрата». Въ докладѣ выяснялось, что Андреевской церкви, «для безнужнаго содержанія жалованьемъ священно-и церковнослужителей, удобнѣе не соборною, но ружною церковью остаться», и производить изъ суммъ кіевскаго магистрата жалованье—первенствующему священнику 120 р., второму священнику 100 р., діакону 70 р., двумъ дьячкамъ по 40 р. каждому, двумъ пономарямъ по 30 р. каждому и просфорнѣ 20 р. въ годъ, всего 450 р. въ годъ; затѣмъ—назначенному къ Андреевской церкви царскосельскому протопопу Якову Мултянскому производить по смерть изъ суммъ Ея Величества по 150 р въ годъ, по 25 четвертей ржаной муки, по 24 четв. овса и изъ казенныхъ луговъ для сѣннаго покосу 8 десятинъ;—все жалованье производить по третямъ года;—относительно же средствъ на устройство ризницы и на удовлетвореніе другихъ цер-

---

[1]) Дѣло Арх. Св. Синода 1767 г. № 66.

ковныхъ нуждъ, предлагалось кіевскому митрополиту и кіевскому генералъ-губернатору представить мнѣніе.

Такой докладъ комиссіи былъ Высочайше утвержденъ 28 августа 1768 года, а 13-го сентября того же года содержаніе Высочайше утвержденнаго доклада комиссіи о штатахъ Андреевской церкви было сообщено кіевскому митрополиту Арсенію (Могилянскому).

Въ 1769 г. митрополитъ и генералъ-губернаторъ представили свои мнѣнія объ ежегодномъ отпускѣ на нужды Андреевской церкви по 113 р. 22 коп.,—но дѣло это осталось нерѣшеннымъ... Архивныя же данныя говорятъ, что денежныя средства Андреевской церкви были далеко не въ блестящемъ состояніи.

Такъ, 20 августа 1778 года, протопопъ Андреевской церкви Яковъ Мултянскій доносилъ кіевскому митрополиту *Гавріилу* (Кременецкому) [1]), что онъ Мултянскій, въ 1773 г. ѣздилъ въ Петербургъ и докладывалъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ о нуждахъ Андреевской церкви, затѣмъ собралъ въ Петербургѣ «отъ нѣкіихъ боголюбцовъ» небольшую ризницу и возвратился въ Кіевъ, а въ Петербургѣ «для хожденія по дѣлу церковному» (объ устройствѣ ризницы и прочей церковной утвари) оставилъ діакона Андреевской церкви Алексѣя Аркудинскаго, но вотъ прошло съ того времени уже пять лѣтъ; діаконъ Аркудинскій уже сдѣланъ игуменомъ Далматова монастыря тобольской епархіи и нареченъ Адамомъ;—привезенная изъ Петербурга ризница «приходитъ уже въ крайнее обветшеніе»,—а изъ комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ «никакой резолюціи не слыхать»... Правда, игуменъ Адамъ въ 1777 г. писалъ ему, Мултянскому, что «того-жъ года изъ Св. Синода посланы указы о выдачѣ св. сосудовъ изъ епархій, а на ризы и на прочее полагается-де сумма, только изъ какихъ имянно епархій и какая сумма положена на ризницу, не означилъ, нынѣ же дѣлается-ли что въ пользу церкви святой, и по сіе время неизвѣстно»...

Такое доношеніе протоіерея Мултянскаго митрополитомъ Гавріиломъ (Кременецкимъ) 27 августа 1778 г. было представлено въ Св. Синодъ, а Св. Синодъ 18 октября отправилъ его въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ... Дальнѣйшихъ же свѣдѣній о ходѣ этого дѣла не имѣется.

Въ 1786 году 1 апрѣля кіевскій митрополитъ *Самуилъ* (Миславскій) [2]) вновь поднимаетъ вопросъ «о неимѣніи при Андреевской

---

[1]) Преосвящ. Гавріилъ Кременецкій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 1770 года; † 8 авг. 1783 года.

[2]) Преосвящ. Самуилъ Миславскій былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1783 года; † 5 янв. 1796 года.

церкви приличной ризницы и другихъ церковныхъ утварей съ свящ. сосудами», да вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ Св. Синоду и о томъ, «что и священнослуженіе въ той церкви исправлять почти невозможно по причинѣ бываемой надъ самымъ жертвенникомъ течи, отъ которой-де иногда и извѣсть падаетъ» [1]).

Св. Синодъ разрѣшаетъ митрополиту взять для Андреевской церкви ризницу и утварь изъ упраздненныхъ кіевскихъ монастырей, вопросъ-же о ремонтѣ церкви остается нерѣшеннымъ. Вотъ что отвѣчалъ Св. Синодъ кіевскому митрополиту 15-го іюня 1786 года:

«Какъ нынѣ, вслѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, даннаго Св. Синоду сего года апрѣля въ 10-й день, многіе состоящіе сверхъ штата въ кіевской епархіи монастыри слѣдують ко упраздненію и обращенію въ приходскія церкви, въ которыхъ и церковной утвари должно остаться довольному числу, для того вашему преосвященству означенную Андреевскую церковь приличною ризницею и другою церковною утварью и сосудами, сколько въ дополненіе къ прежнимъ потребно, снабдивъ и удовольствовавъ изъ означенныхъ упраздняемыхъ монастырей; сколько-жъ и откуда чего отпущено будетъ, о томъ Св. Синоду отрепортовать».

Это и было исполнено митрополитомъ 30-го октября 1786 года. Представленная митрополитомъ «Опись, учиненная въ кіевской дикастеріи, каковою, въ силу указа Св. Синода, состоящая въ Кіевѣ ружная св. ап. Андрея Первозваннаго церковь изъ упраздненнаго Кіево-Кирилловскаго монастыря ризницею и другою церковною утварью и сосудами удоволствована»,—показываетъ, что въ Андреевскую церковь изъ указаннаго монастыря поступило: 10 ризъ, 10 подризниковъ, 10 епитрахилей, 20 поручей, 3 пояса, 2 набедренника, 6 діаконскихъ стихарей, 6 орарей, 9 воздуховъ, 2 катапетасмы, 6 платковъ, 12 налойныхъ покрывалъ, 2 евангелія, 3 служебника, 1 требникъ, 4 креста, 1 гробница, 1 потиръ, 2 дискоса, 2 лжицы, 1 копіе, 2 кадильницы, 4 лампады, сосуды подъ вино и елей, подсвѣчникъ, зеркало, рукомойникъ, тазъ и проч.

Итакъ, *чрезъ 20 лѣтъ послѣ освященія Андреевская церковь получила* мало-мальски сносную *ризницу и утварь.*

Теперь другая бѣда была въ томъ, что не было денегъ на *ремонтъ,*—и образовавшаяся въ 1785 г. течь вмѣстѣ съ другими при-

---

[1]) Митрополиту же донесено было объ этомъ протоіереемъ Андреевской церкви Іосифомъ Каменскимъ 21 февр. 1784 г. и 10 дек. 1785 года.

бавлявшимися годъ отъ году неисправностями, мало по малу разрушали этотъ замѣчательный храмъ.

Вопросъ о капитальномъ ремонтѣ Андреевской церкви, послѣ 30-ти лѣтняго разсматриванія и рѣшенія въ мѣстныхъ и высшихъ учрежденіяхъ, былъ проведенъ и приведенъ почти къ желанному концу митрополитомъ кіевскимъ *Серапіономъ* (Александровскимъ)[1]. По дѣламъ Архива[2], можно хотя-бы приблизительно возстановить ходъ этого интереснаго и въ высшей степени важнаго дѣла.

Мы уже видѣли, что Высочайшимъ повелѣніемъ 28 августа 1768 года положено было производить изъ доходовъ кіевскаго магистрата на жалованье причту и просфорнѣ по 450 р. въ годъ; «въ разсужденіи же потребной на церковныя потребы на починки и на все ея содержаніе особливой суммы, обстоятельство сіе предоставлено было разсмотрѣть кіевскому митрополиту и генералъ-губернатору на мѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы они, сдѣлавъ о семъ положеніе свое, представили оное въ духовную комиссію; до Высочайшей же конфирмаціи, содержаніе таковое производить изъ тѣхъ же городскихъ доходовъ». Въ 1769 г. кіевскій генералъ-губернаторъ Воейковъ и митрополитъ Арсеній (Могилянскій), полагая на потребы Андреевской церкви по 113 р. 22 коп. въ годъ, внесли объ этомъ представленіе въ комиссію о церковныхъ имѣніяхъ; комиссія въ 1775 г. докладывала объ этомъ Св. Синоду, но... дѣло осталось нерѣшеннымъ. Между тѣмъ церковь требовала ремонта,—въ 1785 г. образовалась надъ жертвенникомъ течь. На основаніи указаннаго Высочайшаго повелѣнія (28 авг. 1768 г.), кіевскій магистратъ въ 1786—1787 гг. «на репорацію» и въ 1800 г. на ощекатурку церкви употребилъ изъ городскихъ суммъ 7654 р. 35 коп.;—а въ 1801 г. магистратъ чрезъ губернатора Коробьина требовалъ отъ Андреевской церкви уплаты денегъ, израсходованныхъ на ремонтъ; но въ Андреевской церкви нашлось только 700 руб., каковыя деньги, съ разрѣшенія кіевскаго митрополита *Гавріила* (Бодони)[3], и были отданы магистрату.

---

[1]) Преосвящ. Серапіонъ Александровскій былъ митрополитомъ кіевскимъ съ 11 дек. 1803 года; 24 янв. 1822 г. уволенъ на покой; † 14 сент. 1824 года.

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1816 г. № 969 и дѣло канц. Оберъ-Прокурора Св. Синода 1816 г. № 5334.

[3]) Преосвящ. Гавріилъ Бодони (Банулеско) былъ кіевскимъ митрополитомъ въ 1799—1803 гг.; затѣмъ уволенъ на покой; въ 1808 г. назначенъ Экзархомъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи; въ 1813 г. — митрополитомъ кишиневскимъ; † 30 марта 1821 года.

Въ 1804 г. митрополитъ Серапіонъ (Александровскій), чрезъ кіевскаго военнаго губернатора Тормасова, началъ ходатайство объ отпускѣ изъ казны на нужды Андреевской церкви по 226 р. 44 коп. въ годъ. Губернаторъ отнесся къ министру внутреннихъ дѣлъ, министръ—къ синодальному оберъ-прокурору, оберъ-прокуроръ предложилъ дѣло на разсмотрѣніе Св. Синода и Св. Синодъ выразилъ согласіе на нужды Андреевской церкви отпускать ежегодно по 226 р. 44 коп. «изъ суммы на духовный департаментъ положенной»,—что и было Высочайше конфирмовано 16 декабря 1804 года.—Послѣ этого бывшій въ Кіевѣ «комитетъ для управленія городскихъ повинностей» рѣшилъ выдавать на Андреевскую церковь только по 450 р. въ годъ жалованья причту, что и было вновь Высочайше утверждено 7 августа 1806 года съ присовокупленіемъ, что «никакая новая статья расхода на ту церковь изъ городскихъ суммъ не можетъ существовать безъ особаго Высочайшаго на то повелѣнія».—Въ томъ же 1806 году кіевская дикастерія начала дѣло о возвратѣ въ Андреевскую церковь 700 рублей, незаконно выданныхъ магистрату въ 1801 году, но безуспѣшно. Въ 1808 году митрополитъ Серапіонъ (Александровскій) обращался за тѣмъ-же къ кіевскому губернатору Панкратьеву и съ просьбою о починкѣ Андреевской церкви на городскія суммы, но тоже получилъ отказъ во всемъ.

Въ сентабрѣ 1816 года, митрополитъ Серапіонъ писалъ Св. Синоду между прочимъ слѣдующее:

«Покойный протоіерей Старокіевской Андреевской ружной церкви Аѳанасій Лачановскій, 26 іюня 1809 г., доносилъ мнѣ, что 24 іюля 1809 г. нашедшая внезапная буря сорвала съ оной церкви съ средняго купола большой крестъ, сысканный въ Кіево-подолѣ въ яру, пополамъ переломленный и весь погнутъ, да и другіе два меньшіе креста отъ бури согнулись, а изъ окошекъ въ разныхъ мѣстахъ тоюжъ бурею стекла вырваны; то въ силу резолюціи моей хотя и предписано было изъ дикастеріи оному протоіерею крестъ новый сдѣлать и поставить, а также и погнувшіеся оба креста снять и исправить, но отъ него, протоіерея, на сіе репортовано тако: что, по призваніи имъ мастеровъ и по осмотрѣніи поврежденій, мастера тѣ объявили, что погнили въ срединѣ столбы и не можно крестовъ никакъ утвердить безъ разбиранія куполовъ, къ чему безъ руководства архитектора приступить они не соглашаются, и что сумма на то потребна немалая, а въ Андреевской церкви всѣхъ церковныхъ денегъ только 90 руб. съ копѣйками. Однакожъ и за симъ, по резолюціи моей, велѣно ему

Видъ Андреевской церкви въ 1809 г.

изъ дикастеріи указомъ—стараться возможными средствами все исправить, употребляя на то церковную сумму съ запискою: а чтобъ руководствовалъ въ дѣлѣ семъ г. архитекторъ, о томъ изъ дикастеріи было сообщено въ кіевское губернское правленіе. Кіевскій городской архитекторъ *Меленскій*, 22 сентября 1809 года [1]), сообщилъ дикастеріи, что, по освидѣтельствованіи имъ Андреевской церкви, оказалось, что «на 2-хъ башняхъ кресты сняты и сдѣланы деревянныя крышки, а на остальныхъ 2-хъ, хотя и укрѣплены оные желѣзомъ, но къ дальнѣйшему времени служить не могутъ, поелику и паденіе большаго креста воспослѣдовало отъ проходавшей течи въ шпили или стержни деревянные, въ которыхъ утверждены были кресты, отъ чего и вся деревянная вязка погнила, и хотя въ виду имѣются оныя главы, но онѣ держатся только оковкою листоваго желѣза и жести. По моему предписанію, на церкви поставлены деревянные кресты съ прикрытіемъ главъ шеліовками; исправленіе произведено на церковныя деньги. Затѣмъ священнослужители Андреевской церкви доносили мнѣ, что, кромѣ поврежденій 1809 г., въ 1815 году съ 11-го на 12-е іюня, и послѣдніе два желѣзные креста, вмѣстѣ съ главами, бурею съ церкви сброшены на помостъ, и что та церковь, кромѣ тѣхъ крестовъ съ куполами, большей еще нынѣ починки требуетъ; ибо-де надлежитъ крышу желѣзную перекрыть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ добавкою желѣзныхъ листовъ; рынвы и жолобы желѣзные починить и поправить; церковь съ каменными подъ оной покоями ощекатурить и въ тѣхъ покояхъ двери сдѣлать, и окошки, какъ церковныя, такъ и въ тѣхъ покояхъ починить; также сходы, мостъ вокругъ церкви, перилы и рундукъ предъ церковными дверьми вновь сдѣлать; двери церковныя, дубовыя, разсохшіяся починить, или желѣзныя, по приличію таковой церкви, сдѣлать». 31 марта 1816 года митрополитъ просилъ кіевскаго губернатора (испр. должн. губернатора тогда былъ вице-губернаторъ Катериничъ) «предписать кому и какъ слѣдуетъ, чтобы все вышепоказанное поврежденіе отдѣлано было вновь, на основаніи Высочайшаго указа 28 авг. 1768 г., изъ доходовъ кіевскаго магистрата». Кіевскій губернаторъ П. Черепановъ 4 сентября 1816 г. отвѣчалъ, что онъ «поручилъ городскому архитектору Меленскому освидѣтельствовать Андреевскую церковь, при бытности члена город-

[1]) Къ этому времени относятся всѣ чертежи, фасады и планы Андреевской церкви, имѣющіеся въ дѣлахъ Архива Св. Синода; *фотографическій снимокъ съ одного изъ нихъ при семъ прилагается.*

ской комиссіи и священнослужителей ея, и сдѣлать на исправленіе всѣхъ поврежденій надлежащую смѣту». Смѣта была составлена на 31260 рублей. Губернаторъ въ отпускѣ денегъ изъ городскихъ суммъ отказалъ.

Донося о всемъ вышеизложенномъ Св. Синоду, митрополитъ присовокуплялъ: «но впрочемъ, поелику и подлинно нельзя оставить безъ починки сей столь великолѣпной и знатныхъ казенныхъ издержекъ на сооруженіе ея стоющей церкви, я обязываюсь какъ означенную смѣту, такъ планъ и фасадъ сей церкви представить при семъ на благоусмотрѣніе».

Разсмотрѣвъ дѣло, Св. Синодъ 30 октября 1816 года призналъ «поправки ветхостей Андреевской церкви необходимо нужными» и поручилъ оберъ-прокурору доложить объ ономъ Его Величеству, не благоугодно-ли будетъ повелѣть полагаемую по смѣтѣ сумму въ 31260 руб. отнести на счетъ строительнаго по государству капитала. Оберъ прокуроръ 4 декабря 1817 года отнесся по этому дѣлу къ министру внутреннихъ дѣлъ, а послѣдній 28 февраля 1819 года отвѣтилъ, что представленная смѣта, по указанію строительнаго комитета, можетъ быть уменьшена до 25287 рублей. И дѣло на этомъ остановилось.

Въ 1822 году, по увольненіи на покой кіевскаго митрополита Серапіона, новый кіевскій митрополитъ *Евгеній* (Болховитиновъ) [1]) 29 ноября писалъ оберъ-прокурору Св. Синода, что предмѣстникъ его ходатайствовалъ объ отпускѣ суммы на ремонтъ Андреевской церкви и, до рѣшенія дѣла, просилъ кіевское губернское правленіе (20 и 26 іюля 1817 г.) приказать «уголъ въ каменномъ подъ церковью зданіи, имѣющій вверху разсѣлину, изъ котораго съ опасностію для проходящихъ падаетъ кирпичъ, поддѣлать кирпичемъ, и на обоихъ углахъ, чтобы вода оныхъ не промывала рывъ, новые положить и по крайней мѣрѣ съ наружной стороны ощекатурить;—двери, окошки и ставни починить и завалинами деревянными или каменной стѣной отъ дороги подкрѣпить для отвращенія внизу того каменнаго зданія поврежденій; а кромѣ того и желѣзную на самой церкви крышу, гдѣ протекаетъ вода, починкою исправить отъ кіевскаго магистрата»;—но ни изъ кіевскаго губернскаго правленія, ни

---

[1]) Преосвящ. Евгеній Болховитиновъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1822 г. † 23 февр. 1837 года.

изъ Св. Синода на тѣ просьбы увѣдомленій не было и нѣтъ. Митрополитъ просилъ: или объ отпускѣ суммы изъ духовнаго департамента, или о побужденіи кіевскаго магистрата къ производству ремонта церкви, или же по крайней мѣрѣ о возвратѣ изъ кіевскаго магистрата незаконно переданныхъ туда въ 1801 г. 700 руб. съ процентами, «дабы хотя сколько-нибудь обезопасить отъ паденія сію церковь».

8 февраля 1823 года оберъ-прокуроръ представилъ Св. Синоду планъ съ фасадомъ и уменьшенную до 25287 руб. смѣту на починки Андреевской церкви. Св. Синодъ въ принципѣ одобрилъ смѣту, но «такъ какъ строительный капиталъ, ассигнованный на 1823-й годъ, весь уже распредѣленъ, то о назначеніи суммы на ремонтъ Анреевской церкви опредѣлилъ имѣть сужденіе въ 1824 году» (журналъ Св. Синода 16 февр. 1823 г.).

Въ 1824 г. на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено 2287 рублей и въ 1825—1828 г.г. церковь была отремонтирована заново.

Но вотъ прошло послѣ этого 13 лѣтъ, и 16 іюля 1841 года кіевскій митрополитъ—*Филаретъ* (Амфитеатровъ) [1]) уже доносилъ Св. Синоду слѣдующее: [2]) «Андреевская ружная безприходная церковь пришла въ крайнюю ветхость и требуетъ вновь исправленія».

На этотъ разъ смѣты и чертежи были составлены помощникомъ кіевскаго городскаго архитектора Ознобишинымъ, причемъ церковь свидѣтельствовали: членъ кіевской консисторіи протоіерей Максимовичъ, епархіальный архитекторъ, опытный архитекторъ отъ кіевскаго военнаго губернатора и чиновникъ инженернаго вѣдомства; смѣта была составлена на 12812 р. 67½ коп.

Пройдя всѣ инстанціи, дѣло о ремонтѣ Андреевской церкви, въ самомъ концѣ 1841 г., возвратилось изъ Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій и со всѣми документами было отправлено кіевскому митрополиту съ уменьшеніемъ смѣты до 12449 р. 64 коп. и съ обѣщаніемъ отпуска денегъ въ 1842 году.

Однако, въ началѣ 1843 г. кіевскій митрополитъ сообщилъ Св. Синоду, что вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на строительные матеріалы

---

[1]) Преосвящ. Филаретъ Амфитеатровъ былъ кіевскимъ митрополитомъ съ 1837 г.; † 21 дек. 1857 года.

[2]) Дѣло Архива Св. Синода 1841 г. № 2169.

никто не берется произвести ремонтъ церкви по смѣтѣ на 12449 р. 64 коп.,—причемъ представилъ новые, составленные архитекторомъ Спарро, чертежи, планы и смѣту на 21662 р. 24 коп., да кромѣ того, на укрѣпленіе горы и обдѣлку крутостей, по смѣтѣ командированнаго по Высочайшему повелѣнію инженеръ-капитана Ѳедорова, требовалось 40155 руб. 83 коп., а всего вмѣстѣ—61818 руб. 7 коп.

Въ Главномъ Управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій смѣта на ремонтъ Андреевской церкви изъ 21662 р. 24 коп. была уменьшена до 19848 р. 24 коп; относительно же обдѣлки крутостей горы посѣвомъ по откосамъ пырейныхъ сѣмянъ указывалось замѣнить фашинами и были затребованы описанія профилей горы быстроты обваловъ и грунта земли, и проч. 25 августа 1843 года, Св. Синодомъ всѣ смѣты, чертежи и планы (на 5 листахъ) были отправлены кіевскому митрополиту.

Изъ дальнѣйшихъ донощеній митрополита Филарета видно, что на ремонтъ Андреевской церкви было отпущено: въ 1842 г.—8000 руб., въ 1843 г.—5000 р. и въ 1844 г.—6848 р. 24 коп. Весь ремонтъ оконченъ былъ въ 1846 году. Митрополитъ просилъ на будущее время ассигновать до 150 руб. въ годъ на постоянный ремонтъ церкви, но Св. Синодъ предоставилъ кіевскому митрополиту «изыскать на это мѣстные способы».

Дѣло же объ укрѣпленіи Андреевской горы, какъ видно изъ донощенія митрополита отъ 28 апрѣля 1848 года, кончилось тѣмъ, что «по откосамъ горы запретили ходить людямъ и скоту, для чего и обнесли ее заборомъ».

Таковы данныя Архива Св. Синода *за первое столѣтіе* (1749—1849 г.г.) постройки и существованія кіевской Андреевской церкви. Изъ этихъ данныхъ видно, что приснопамятнымъ владыкамъ кіевскимъ много было хлопотъ и заботъ по изысканію средствъ на поддержаніе этого замѣчательнаго храма... Не ихъ вина, что дѣло это шло не скоро, но честь и хвала имъ за ту ревность и настойчивость, съ какою они стремились къ цѣли и которую, какъ-бы преемственно, передавали одинъ другому.

К. Здравомысловъ.

С.-Петербургъ.
6 марта 1897 года.

Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. Въ печатаемомъ здѣсь письмѣ И. Ф. Тимковскаго [1]), изъ Харькова, къ пріятелю въ Стародубъ, заключается любопытное свидѣтельство, какъ нарождавшійся главный рынокъ украинской торговли не имѣлъ еще въ 1808 г. у себя «хорошаго французскаго вина» и выписывалъ его изъ умиравшаго уже тогда главнаго торговаго рынка старой Малороссіи.

Милостивый государь мой Иванъ Николаевичъ! При настоящихъ моихъ заботахъ, не успѣваю ничего болѣе написать къ вамъ, кромѣ засвидѣтельствованія чувствительнѣйшей благодарности моей за обязательный пріемъ вашъ мнѣ сдѣланный въ бытность мою въ Стародубѣ и за доставленіе мнѣ льну по прозьбѣ моей. Прошу покорно извѣстить меня о цѣнѣ, деньги неукоснительно возвратить вамъ имѣю. Вручитель посылки объявилъ мнѣ, что будетъ сюда къ покровской ярманкѣ, и можетъ привезть зъ собою вина изъ Стародуба. Помнится мнѣ, что я изъяснялъ вамъ величайшую трудность не только для меня, но и для коренныхъ помѣщиковъ находить здѣсь хорошее французское вино. Боюсь васъ обременить порученіемъ въ разсужденіи сего. Однако, если только будетъ вамъ возможность оказать въ семъ случаѣ вспоможеніе, то прошу извѣстить о семъ. Уже говорили мнѣ многіе, что съ удовольствіемъ приступили бы къ выпискѣ онаго вина чрезъ меня; а я принималъ сіе нѣсколько въ надеждѣ на ваше благорасположеніе. Получивъ отъ васъ обстоятельное увѣдомленіе объ упомянутой возможности, могу я препроводить и деньги съ означеніемъ числа вѣдеръ, разумѣя самое лучшее вино, какое вы доставить можете. Осеннее же время, думаю, будетъ самое удобное для перевозки.

Съ истиннымъ почтеніемъ, доброжелательствомъ и преданностію честь имѣю быть, м. г. мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій.

1808. Янв. 14. Харьковъ».

На письмѣ надпись: «Его высокоблагородію милостивому государю моему Ивану Николаевичу Назарову. Въ Стародубъ».

А. Л.

---

[1]) И. Ф. Тимковскій въ это время былъ профессоромъ Харьковскаго у—та и „визитаторомъ" Харьковскаго округа. См. „Кіевск. Стар." 1891 г., августъ. Вѣроятно, и въ Стародубъ Т—ій ѣздилъ для ревизіи тамошняго училища, а Назаровъ—не былъ ли смотрителемъ послѣдняго.

Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. *(Представленіе директора кіевской гимназіи Мышковскаго кіевскому гражданскому губернатору Павлу Сидоровичу Черепанову. 1814 года 22-го августа).* «Еще не удостоился я получить резолюціи на представленіе мое, поданное вашему превосходительству 23-го прошедшаго маія подъ № 143 о поведеніи кіевской квартирной експедиціи, не восхотѣвшей, вопреки предписанію начальства своего, отвести назначенныхъ домовъ для Кіево-подольскихъ приходскихъ училищъ, какъ г. квартир-геръ, коллежскій ассесоръ Калюжный, оказалъ новую обиду, о которой смотритель здѣшнихъ Повѣтовыхъ училищъ, г. надворный совѣтникъ Берлинскій, по жалобѣ учительницы Кіево-подольскаго дѣвичьяго училища, жены титулярнаго совѣтника Куницкаго, доноситъ, что въ постоялый домъ г-на коллежскаго ассессора Барскаго, состоящій въ четвертой части города, гдѣ помѣщается нынѣ оное училище, г. квартир-геръ Калюжный сего августа 22 числа во время самаго ученія введеніемъ на постой проходящихъ Донскихъ козаковъ разогналъ учащихся дѣвицъ и таковымъ неожиданнымъ поступкомъ разрушилъ начавшееся ученіе, приведши страхомъ въ безпорядокъ учениць и училище, и потому онъ, г. смотритель, требуетъ отъ меня надлежащихъ мѣръ къ соблюденію Высочайшаго объ училищахъ положенія. Руководствуясь правилами, изображенными въ Высочайшемъ уставѣ о должности директора училищъ, въ семъ необычайномъ случаѣ имѣю обязанность прибѣгнуть къ пособію вашего превосходительства. Нѣтъ мнѣ надобности представлять ни о пользѣ сего заведенія, отеческимъ благоволеніемъ всеблагого монарха изъ небытія вызваннаго, ни о свойствѣ училищъ вообще, требующихъ и обрѣтающихъ повсюду ограду и покровъ во власти и въ духѣ знаменитыхъ особъ: собственное просвѣщеніе и ревность ваша къ исполненію священной воли Его Императорскаго Величества внушаютъ вамъ покровительство обителей народнаго просвѣщенія во ввѣренной вамъ губерніи. Не сомнѣваюсь, что нынѣшній странный поступокъ, порожденный первымъ удачнымъ противленіемъ начальству, принятъ будетъ отъ вашего превосходительства во вниманіе тѣмъ большее чѣмъ больше оказывается оное во всѣхъ народахъ къ дѣтскому возрасту, и притомъ второго пола, котораго невинность, скромность, нѣжность и стыдливость особо покровительствуется и у дикихъ по внушенію самой природы,—*а въ Кіевѣ—г. квартир-геръ Калюжный поставилъ въ дѣвичье училище проходя-*

щихъ козаковъ [1]). Прошу всеубѣдительнѣйше ваше превосходительство дать начальническое приказаніе вывесть немедленно воинскій постой изъ упомянутаго училища и обвѣстить, чтобъ подъ покровительствомъ вашимъ не боялись впредь родители отдавать, а дѣвицы собираться къ ученію, высокомонаршею благостію для нихъ открытому».

(Стар. арх. кіев. I гимназіи, книга чернов. бумагъ 1814 г. ч. II, лл. 389—390).

Нужно прибавить къ этому документу, что губернаторъ Черепановъ въ тотъ-же день исполнилъ представленіе Мышковскаго по всѣмъ пунктамъ и немедленно потребовалъ къ отвѣту самаго Калюжнаго, о чемъ на другой-же день извѣстилъ Мышковскаго.

Ч. Голубовскій.

Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. 5-го марта въ Петербургѣ состоялся обѣдъ, посвященый памяти Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова и П. А. Кулиша. На него собрались многіе изъ проживающихъ въ С.-Петербургѣ малороссіянъ, а также представители литературы, искусства и науки. Было произнесено двѣ рѣчи: г. Лесевичемъ о значеніи народнаго языка и г. Бѣлиловскимъ объ историческомъ развитіи украинской литературы и ея современныхъ представителяхъ въ Россіи и Австріи. За обѣдомъ зародилась мысль объ основаніи въ С.-Петербургѣ Общества имени Шевченка по образу подобнаго-же Общества, существующаго во Львовѣ, въ Галиціи. Изъ присутствовавшихъ выдѣлился кружокъ, который взялся выработать проектъ устава будущаго общества для представленія на утвержденіе подлежащаго начальства.

Рѣчь г. Лесевича была напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1897 г. № 64. Въ ней проведена мысль, что малорусскій языкъ находится въ настоящее время въ положеніи итальянскаго языка временъ Данте, когда послѣдній былъ только языкомъ народныхъ массъ, между тѣмъ какъ высшіе образованные классы пользовались языкомъ латинскимъ или провансальскимъ. Безсмертная заслуга геніальнаго Данте въ томъ и состоитъ, что онъ рѣшительно порвалъ съ этимъ отжившимъ, ветхимъ преданіемъ и ясно формулировалъ переходъ къ новому порядку вещей. Подобно южно-русскому поэту, авторъ «Божественной комедіи» и поэтическими своими твореніями,

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

и глубоко продуманными трактатами призывалъ своихъ соотечественниковъ «учиться, думать, читать, научаться чужому и не чуждаться своего». Задушевнымъ его желаніемъ было—сообщеніе всѣмъ знанія на родномъ языкѣ, или, какъ онъ выражается, «предложеніе всѣмъ общей трапезы». Народный языкъ, по убѣжденію Данте, долженъ стать тѣмъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи, тѣмъ солнцемъ, которое освѣтитъ находящихся во тьмѣ, освѣтитъ тѣхъ, до которыхъ не достигалъ свѣтъ донынѣ свѣтящаго солнца. И вотъ, въ чудной поэмѣ, недаромъ называемой «божественной», загорѣлось это новое солнце, эта великая правда своего вѣка—и народный языкъ сталъ и языкомъ интеллигенціи. Тщетно вопіяли близорукіе и злонамѣренные, что Данте губитъ свой талантъ для тупоумной черни и расточительно мечетъ бисеръ передъ свиньями: поэтъ-мыслитель неуклонно шелъ по намѣченному пути и, защищая народный языкъ отъ злонамѣренныхъ враговъ, неустрашимо вскрывалъ «злостность ихъ изворотовъ и низость ихъ побужденій».

Съ тѣхъ поръ минулъ рядъ вѣковъ, но принципъ, столь горячо защищаемый великимъ Данте, не потерялъ живого значенія и для нашего времени. Назрѣвшіе въ наши годы запросы жизни превращаютъ нужду народа въ просвѣщеніи въ нужду вопіющую. Но осуществимо ли просвѣщеніе народныхъ массъ помимо единственнаго, даннаго исторіей—уже готоваго орудія—народнаго языка? Говорятъ, что въ новѣйшее время выдвигается совсѣмъ иная потребность—въ объединеніи языковъ, будтобы отодвигающая на задній планъ знаніе народныхъ языковъ и всѣхъ вообще отдѣльныхъ нарѣчій, и что этотъ процессъ въ концѣ концовъ долженъ привести человѣчество къ установленію единаго всемірнаго языка. Но загадывать о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ—дѣло совершенно праздное; въ настоящее же время мечта о созданіи общаго для всего человѣчества языка, въ родѣ пресловутаго волапюка, является скорѣе теоретическимъ, кабинетнымъ построеніемъ, нежели слѣдствіемъ дѣйствительной жизненной потребности. Народу некогда ждать созданія волапюка для усвоенія знаній, ему нужно давать ихъ теперь же на языкѣ уже ему доступномъ, т. е. его собственномъ. Возражаютъ еще указаніемъ на возможность объединенія родственныхъ нарѣчій и поглощеніемъ ихъ тѣмъ изъ нихъ, которое въ данный моментъ достигло наибольшаго развитія и преобладанія. Но лекторъ справедливо замѣчаетъ, что дѣйствительная жизнь всякаго народнаго языка неотдѣлима отъ жизни самого народа, и когда развитіе языка подымается до той высоты, на

которой языкъ этотъ становится орудіемъ просвѣщенія, то корни, источники этого высоко развитого языка все же остаются внизу, въ народѣ, и при нармальномъ порядкѣ вещей между корнями и цвѣтомъ языка перерыва не замѣчается. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ *объединеніе* языка: оно неизбѣжно идетъ сверху, оно спускается только до извѣстныхъ предѣловъ, оно поддерживается искусственно, входитъ въ обиходъ лишь извѣстныхъ классовъ общества и представляется вообще осуществившимся лишь въ смыслѣ *преобладанія* даннаго языка, а не въ смыслѣ вытѣсненія живой народной рѣчи изъ обихода всего народа. Никто изъ образованныхъ людей не станетъ, конечно, провозглашать «pereat» преобладающему въ сказанномъ смыслѣ языку, но никто не въ силахъ воспрепятствовать и живой рѣчи непрестанно воздѣйствовать на этотъ языкъ. Исторія новыхъ языковъ Европы можетъ служить сказанному достаточно выразительной иллюстраціей. Что же касается указанія на будто бы совершающееся объединеніе языковъ на аренѣ болѣе широкой—всемірной, то и это объединеніе опять-таки сводится въ дѣйствительности на преобладаніе, а въ смыслѣ объединенія оно болѣе чѣмъ призрачно. Если патеръ Шаръ, напримѣръ, утверждаетъ, что самъ Богъ предназначилъ англійскій языкъ для всемірнаго пользованія и преобладанія, то Альфонсъ Декандоль съ грустью усматриваетъ въ новшествахъ американскихъ и австрійскихъ писателей несомнѣнные зачатки распаденія англійскаго языка. И это явленіе вполнѣ естественно: ничто живое не можетъ уподобиться муміи, покоящейся въ саркофагѣ, не подвергаясь измѣненіямъ.

«Оставимъ же—заключаетъ г. Лесевичъ—метафизикамъ изощряться надъ всякаго рода волапюками и признаемъ тотъ ясный и очевидный фактъ, что народный языкъ будетъ тѣмъ священнымъ стягомъ, подъ сѣнью котораго только и возможно приближеніе къ лучшему, свѣтлому будущему. Въ народномъ языкѣ сказывается духовная жизнь народа, его надежды, его идеалы. Не преобладанія жаждетъ онъ, а только проведенія въ народную среду свѣта общечеловѣческихъ идей, высшихъ благъ всесвѣтной культуры. Не подавлять его, а блюсти, лелѣять, охранять подобаетъ всякому, кому благо народа дороже всего».

Польскій король Янъ Казиміръ, Хмельницкій и греки.—Въ іюнѣ 1653 года Янъ Казимиръ отрядилъ къ трансильванскому князю

Георгію Ракочи посла Андрея Морштына съ предложеніемъ военнаго союза для противодѣйствія дальнѣйшимъ замысламъ Б. Хмельницкаго. Не лишена интереса тайная инструкція Морштыну, гдѣ королемъ намѣчены главные доводы въ пользу союза. Изъ инструкціи этой, между прочимъ, видно, что Янъ Каз. разсчитывалъ на Ракочи, главнымъ образомъ какъ на предстателя за интересы рѣчи посполитой предъ турецкимъ султаномъ. Необходимо было, съ одной стороны, запугать самого Ракочія возрастающимъ могуществомъ Хм—го, виды котораго простирались, будто-бы, и на захватъ Трансильваніи, съ другой—отнять у Хм—го помощь татаръ, съ третьей—не допустить его до тѣснаго союза съ Москвой. Методъ, которымъ предполагалось убѣдить турецкаго султана, избранъ слѣдующій: польскій и трансильванскій послы должны были разъяснить султану, до какой степени опасно для Турціи могущество Хм—го, дать понять, что козацкое возстаніе главнымъ образомъ и возникло изъ-за постройки кодацкой крѣпости, имѣвшей цѣлью прекратить набѣги козаковъ на турецкія владѣнія; что вѣроломство козацкаго гетмана заставило будто-бы Москву отказаться отъ связей съ нимъ, не смотря на общность вѣры и обряда. «Туркамъ—продолжаетъ инструкція—слѣдуетъ также обратить вниманіе на подвластныхъ имъ грековъ, чтобы, увлеченные примѣромъ удачнаго возстанія Хм—го, и они не замыслили чего нибудь».

Король не считаетъ, что такимъ предостереженіемъ наноситъ вредъ грекамъ, ибо онъ увѣренъ, что для грековъ легче переносить владычество турокъ, нежели тираннію Хмельницкаго.

Какъ видно, король Янъ Казимиръ, въ заботахъ о собственной безопасности, принималъ къ сердцу и интересы турецкаго султана, какъ возможнаго политическаго пособника въ борьбѣ Речи посполитой противъ козачества, и потому рискнулъ усилить свои доводы ссылкой на опасность для султана со стороны схизматиковъ-грековъ (Szilágyi Sándor, «Erdély» etc., t. I. Budapest, 1890 г., стр. 271—274).

Сообщ. **Н. М.**

Предполагаемое изданіе сказокъ. — Отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества признало своевременнымъ приступить къ изданію полнаго собранія народныхъ сказокъ—великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и угрорусскихъ. Извѣстный трудъ А. Н. Аѳанасьева («Народныя русскія сказки») сдѣлался теперь библіографическою рѣдкостью, и послѣ него не было

предпринимаемо подобнаго изданія, а между тѣмъ собираніе и записываніе народныхъ сказокъ не прекращалось. Многія изъ нихъ напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ, но не мало хранится въ рукописяхъ у отдѣльныхъ собирателей и въ архивахъ ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ въ Императорскомъ Русскомъ географическомъ обществѣ. Для возможнаго объединенія этого разрозненнаго матеріала, для обработки его и для обсужденія вопроса объ изданіи, при отдѣленіи этнографіи учреждена, подъ предсѣдательствомъ В. И. Ламанскаго, особая комиссія, секретаремъ которой состоитъ Ѳ. М. Истоминъ. Лица, которыя пожелали бы содѣйствовать въ этомъ начинаніи Императорскому Русскому географическому обществу, могутъ сообщать свои новыя записи или старые рукописные сборники народныхъ сказокъ великорусскихъ, малорусскихъ (какъ изъ нашей Украины, такъ и изъ Буковины, Галичины и Угорщины) и бѣлорусскихъ—въ распоряженіе коммиссіи, направляя ихъ въ С.-Петербургъ, въ отдѣленіе этнографіи Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (*Некрологъ*).—Талантливая семья священника с. Зеленаго, звенигородскаго уѣзда, кіевской губерніи, отца Гавріила Лебединцева, къ которой принадлежалъ покойный основатель «Кіевской Старины» Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, мало по малу вымираетъ и сходитъ съ жизненнаго поприща. Недавно мы помянули скончавшагося протоіерея Петра Гавриловича, теперь приходится отмѣтить смерть другого брата—Даніила Гавриловича, почившаго въ С.-Петербургѣ 13-го марта въ чинѣ тайнаго совѣтника и въ должности помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Покойный, какъ и всѣ его братья, родился въ с. Зеленой 17-го декабря 1821 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Богуславскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ окончилъ курсъ семинаріи и академіи въ Кіевѣ, получивъ ученую степень магистра богословія. Службу свою, продолжавшуюся болѣе пятидесяти лѣтъ, Дан. Гавр. началъ учителемъ кишиневской духовной семинаріи, затѣмъ съ 1851 г. служилъ въ военномъ вѣдомствѣ, занимая разнообразныя должности: старшаго редактора бывшей кодификаціонной комиссіи, члена бывшаго военно-кодификаціоннаго комитета и съ 1888 г. помощника управляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ военнаго совѣта. Онъ принималъ участіе въ разрѣшеніи разнообраз-

ныхъ вопросовъ законодательнаго характера, касавшихся военнаго вѣдомства, въ разработкѣ положенія о всеобщей воинской повинности и др. Живя вдали отъ Малороссіи, онъ никогда не переставалъ любить ее и охотно поддерживалъ сношенія съ земляками. Онъ былъ другомъ Шевченка и Костомарова, отъ которыхъ у него осталась интересная переписка и рисунки, набросанные покойнымъ Шевченкомъ. Съ Н. И. Костомаровымъ Дан. Гавр. совершилъ, между прочимъ, поѣздку на о. Валаамъ. Онъ не былъ чуждъ и литературныхъ занятій: въ «Русской Старинѣ» были напечатаны многія его историческія справки и воспоминанія. Какъ человѣкъ, Дан. Гавр. отличался замѣчательной добротой и готовностью помочь въ бѣдѣ. Умеръ Дан. Гар. безсемейнымъ. Одинъ нашъ пріятель, присутствовавшій на его похоронахъ, пишетъ намъ: «Заглянулъ я на похороны Дан. Гавр. Лебединцева, котораго давно зналъ, и ужаснулся, какъ печальны похороны одинокаго человѣка, какимъ былъ онъ... Подобную острую грусть я рѣдко когда испытывалъ».

Егоръ Степановичъ Гордѣенко. *(Некрологъ)* 5 марта скончался въ Харьковѣ мѣстный домовладѣлецъ и землевладѣлецъ Е. С. Гордѣенко, пользовавшійся широкой извѣстностью, какъ общественный дѣятель. Недаромъ называли его Несторомъ харьковскаго земства и городского управленія! Родился Егоръ Степановичъ въ 1812 году въ Харьковѣ, гдѣ прошелъ гимназическій и университетскій курсы. По окончаніи университета въ 1832 году, онъ занялъ профессорскую кафедру по химіи и фармакологіи. Выйдя въ отставку въ 1855 году въ званіи ординарнаго профессора, онъ посвятилъ себя работамъ по разнымъ общественнымъ учрежденіямъ, служа по выборамъ въ качествѣ депутата отъ дворянства, а затѣмъ, при освобожденіи крестьянъ, члена крестьянскаго присутствія. Когда введены были земскія учрежденія въ 1865 г., онъ занялъ должность предсѣдателя харьковской уѣздной земской управы, а въ 1871 году, при введеніи новаго городового положенія, перваго городского головы въ Харьковѣ. Не долго ($2^1/_2$ года) пробылъ онъ въ роли головы, отказавшись отъ этой должности за недостаткомъ силъ и здоровья, но оставался много лѣтъ гласнымъ думы, равно какъ и виднымъ земскимъ дѣятелемъ, всегда живо интересуясь всѣми движеніями общественной мысли и принимая горячее участіе во всѣхъ дѣлахъ родного ему края.

Сверхъ такого непосредственнаго участія въ земскихъ и городскихъ дѣлахъ, Егоръ Степановичъ Гордѣенко щедро жертвовалъ и своими матеріальными достатками на пользу общую. Такъ, имъ пожертвовано было болѣе 40 тысячъ рублей на школы харьковскаго уѣзднаго земства, 18 тысячъ на кустарно-земледѣльческія выставки того-же земства; предпринялъ онъ также на свой счетъ составленіе и изданіе исторіи харьковскаго земства за первое 25-тилѣтіе его существованія, нѣсколько тысячъ пожертвовалъ харьковской думѣ для выдачи наградъ прислугѣ и проч. Такая долговременная и живая общественная дѣятельность, конечно, дала ему много матеріала для его, конечно цѣнныхъ, мемуаровъ, которые переданы имъ харьковскому университету для опубликованія ихъ, когда настанетъ для того удобный моментъ.

Нашъ журналъ, посвященный изслѣдованію судебъ минувшаго въ жизни Украины, считаетъ своимъ долгомъ помянуть кончину одного изъ почтенныхъ сыновъ ея, имя котораго заняло уже видную страницу въ исторіи родного края.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ свящ. Н. Бутовскаго и Хмелевскаго—по *1 руб.*; отъ г. Уманскаго—*50 к.*; отъ Ѳ. Р. Рыльскаго—*2 руб.*—всего *4 р. 50 к.*, что вмѣстѣ съ прежними *667 р. 2 к.* (см. № 3), составитъ *671 р. 52 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева. *Вып. I. Кіевъ, 1895 г. XII+596 стр.* [1]).

Трудъ г. Лилеева раздѣляется на семь главъ. Въ I-й главѣ онъ старается опредѣлить время происхожденія Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольничьихъ слободъ (1—67); во II-ой главѣ расматриваетъ условія поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка (68—132); III-ья глава посвящена организаторамъ раскола въ Стародубьѣ и на Вѣткѣ (133—209); IV-ая глава представляетъ судьбу Вѣтки и Стародубья въ періодъ 1711—1735 (210—287); V-ая посвящена самому печальному періоду въ исторіи Вѣтки и мѣстнаго раскола—преслѣдованіямъ, обрушившимся въ цар. Анны Ивановны на пограничныя мѣстности, не принадлежавшія Россіи,—Вѣтку (поголовная выгонка, учиненная полк. Сытинымъ), въ предѣлахъ Польши съ одной стороны (1735 г.), съ послѣдовавшими затѣмъ въ раскольничьихъ слободахъ розысками полк. Радищева (1738—39), и нападеніемъ на поселеніе ихъ въ Гирлевѣ (1740), въ предѣлахъ Валахіи, съ другой, которыя навсегда оставили память въ исторіи раскола, и затѣмъ—дальнѣйшей судьбѣ Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола до перенесенія «столицы старовѣрства» въ Стародубье, въ 1765 г. (288—404). Въ главѣ VI-ой авторъ излагаетъ исторію дьяконовщины на Вѣткѣ въ Стародубьѣ, нашедшей

[1]) Двумя годами раньше имъ издана книга—Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Собраны М. И. Лилеевымъ. Кіевъ 1893, xxш+278.

здѣсь пріютъ собственно съ конца 30 хъ годовъ XVIII стол. (405—458). Наконецъ VII-ая глава представляетъ очеркъ управленія и правительственныхъ мѣръ относительно стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II (458—535).

Въ настоящее время авторомъ изданъ первый выпускъ его труда, оканчивающійся приблизительно началомъ царствованія Екатерины. Впрочемъ, самъ авторъ нигдѣ не обозначаетъ точно ни раздѣленія своего труда на извѣстныя части, ни дѣленія предлагаемой имъ исторіи вѣтковскаго раскола на соотвѣтствующіе періоды. По нашему мнѣнію, первою опредѣленною гранью такого дѣленія могло бы быть признано или начало царствованія Екатерины II, какъ существенно измѣнившее внутреннюю политику правительства въ отношеніи къ расколу, или введеніе единовѣрія въ стародубскихъ слободахъ (1786). Между тѣмъ авторъ доводитъ въ нѣкоторыхъ главахъ обозрѣніе событій до 1768—69 гг. (стр. 391—397), а въ другихъ сообщаетъ данныя за все время цар. Екатерины II (128—128, 257—258, 288, 347, 359, 438). Только заключительная фраза какъ будто бы даетъ право думать, что онъ заканчиваетъ первую часть своего труда открытіемъ Екатерининской коммиссіи, въ которую были внесены «пункты 1754 г.» о положеніи раскольниковъ въ Малороссіи (353—355), но существеннаго вліянія означенная коммиссія, какъ извѣстно, на судьбу раскола не имѣла и потому указанный терминъ едва ли можетъ имѣть значеніе въ этомъ отношеніи.

Взглядъ автора на характеръ самой работы выраженъ имъ ясно и опредѣленно. «Наша задача, говоритъ онъ, на основаніи всѣхъ указанныхъ источниковъ и пособій, ближайшимъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы свести имѣющіяся уже данныя о мѣстномъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ *строго научнымъ методомъ исторической критики*, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ последовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или другія явленія. Словомъ мы сдѣлали то, что могли, чтобы представить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно выяснилось въ данную минуту» (стр. хп). Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается, что далеко не всѣ изъ предшествовавшихъ очерковъ и изслѣдованій по исторіи мѣстныхъ сектъ удовлетворяютъ требованіямъ исторической точности и научнаго безпристрастія (стр. х).

Къ сожалѣнію, авторъ не всегда выдерживаетъ строго-научный тонъ, хотя, повторяемъ, онъ этого желаетъ достигнуть и стремится къ тому. Такъ, на стр. 283—287 онъ уже самъ рисуетъ «не высокую общественную и частную нравственность слобожанъ», какъ необходимую черту сброднаго населенія бѣднаго средствами и потому готоваго на всякія преступленія. Но во 1-хъ судебныя дѣла, которыми пользуется для этого авторъ, матеріалъ односторонній, который можно подобрать съ указаннымъ характеромъ и для мѣстнаго населенія; а во 2-хъ «сатира» («Седмитолковый Апокалипсисъ») всегда заключаетвъ въ себѣ свойственныя этому роду произведеній обобщенія, хотя и рисующія извѣстныя стороны быта. Что же касается отзывовъ мѣстнаго населенія о «москаляхъ», то они въ означенномъ свидѣтельствѣ (А. Левшинъ, Письма изъ Малороссіи, Харьк. 1816; Кіев. Стар. 1892, XXXVI, 231) относятся къ великороссіянамъ вообще, а не къ старообрядцамъ данной мѣстности въ частности, причемъ необходимо имѣть въ виду замѣчаніе самого автора, что масса русскаго люда поселялась въ раскольничьихъ слободахъ вовсе не по однимъ религіознымъ мотивамъ и только потомъ постепенно ассимилировалась съ кореннымъ слободскимъ раскольничьимъ населеніемъ (стр. 268). Нерасположеніе мѣстнаго населенія къ раскольникамъ коренилось, независимо отъ того, на болѣе опасной почвѣ—экономической. Какъ извѣстно, при всѣхъ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ, имъ удалось отстоять свою независимость отъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, монастырей и администраціи. Понятно, что они являлись здѣсь людьми нежелательными и непріятными, какъ и вообще «бѣглые» крестьяне, причинявшіе не мало хлопотъ населенію (269—271 [1]).

Еще рѣзче и неблагопріятнѣе въ этомъ отношеніи представляетъ авторъ «безпоповцевъ» (338—347); но данныхъ для подобной характеристики онъ не сообщаетъ, кромѣ описанія ихъ догматиче-

---

[1]) Уже въ 1717 г. полк. Лукьянъ Жоравка жаловался гетману такъ: „и если раскольщикамъ яко теперь расширятися въ полку нашемъ допущено будетъ, много зъ полчанъ отъ утиску ихъ цуратися жилищъ своихъ мусятъ, поневажъ оны самовольне що хотятъ, чинятъ, а справедливости нихто на нихъ поискати не можетъ, чого самъ дознавалемъ и дознаю“ (Чтен. въ Общ. истор. и древн. россійск. 1884, см. II стр. 2, гдѣ помѣщены и другія жалобы на раскольниковъ; а также описаніе Старой Малороссіи, II, 443—444, 458—461). Антагонизъ на почвѣ религіозной еще больше долженъ былъ поддерживаться подобными отнашеніями (у автора 453—468, 511).

скихъ отличій и особенностей, а между тѣмъ въ этой именно средѣ воспитался извѣстный раскольничій писатель Иванъ Алексѣевъ, пропагандистъ брачной жизни въ безпоповщинѣ, человѣкъ любознательный и книжный и пользовавшійся значительнымъ вліяніемъ на другихъ (349). Иногда авторъ называетъ вѣтковскихъ монаховъ огульно «лжемонахами и лжемонахинями», хотя въ числѣ ихъ несомнѣнно были и лица стараго постриженія (373).

Предлагая весьма обстоятельный очеркъ внѣшней исторіи мѣстнаго раскола отъ времени его возникновенія въ означенномъ районѣ, его различныхъ толковъ, ихъ ученій, догматическихъ и обрядовыхъ споровъ, взаимныхъ отношеній слободъ и мѣстнаго населенія, управленія и отношенія къ расколу правительственной власти, авторъ, по нашему мнѣнію, недостаточно обратилъ вниманіе на экономическія условія быта раскольничьихъ общинъ и велико-русскаго населенія въ предѣлахъ означенной мѣстности.

Повидимому авторъ склоненъ думать, что неудовлетворительное нравственное состояніе раскольничьихъ общинъ находилось даже въ непосредственной связи съ ихъ бѣдностью, а эта послѣдняя въ свою очередь стояла въ связи съ скудостью почвы сѣверной части Малороссіи (284). Но въ его собственной книгѣ мы находимъ факты, противоположные такому заключенію. Такъ, на разныхъ страницахъ своего изслѣдованія онъ упоминаетъ о богатствѣ вѣтковской церкви (стр. 183—185) въ моментъ ея погрома (1735), о дѣятельныхъ и оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ между Вѣткой и Стародубьемъ (204), о широкомъ фундованіи (1717) ихъ монастыря (269—240); о томъ, что гомельскіе раскольники (въ 30-хъ годахъ XVIII стол.) и численностію, и богатствомъ даже превосходили вѣтковскихъ (358); что вскорѣ послѣ перваго погрома, насильственно понесеннаго раскольниками (1735), въ возстановленной Вѣткѣ устроилась большая, богатоукрашенная часовня и вокругъ нея обширная обитель (до 1200 однихъ монаховъ, не считая прислуги), а затѣмъ и женскій монастырь; что вновь построенная церковь превзошла (1759), по своимъ размѣрамъ и богатству прежнюю, благодаря поддержкѣ со стороны московскихъ и калужскихъ благотворителей (365). Въ 1765 г. послѣ 2-ой выгонки, произведенной въ 1764 г. генер. Масловымъ (361, 394), вслѣдствіе измѣнившихся къ нимъ отношеній правительства, раскольники могли предпринять весьма дорого стоившую перевозку церкви и монастыря (Покровскаго) изъ Вѣтки въ Стародубье и затѣмъ въ теченіе 20—30 лѣтъ устроить здѣсь до 20 церквей, 16 часовень съ

колокольнями, 2 безпоповщинскихъ монастыря и 4 поповщинскихъ, не говоря уже о множествѣ небольшихъ пустынь и скитовъ, находившихся чуть-ли не при каждой слободѣ (396—397). Наконецъ самое исканіе епископа, которымъ давно задались зарубежные раскольники (184, 296, 313, 358, 407—408, 415, 417, 441, 450), въ началѣ 80-хъ годовъ сопровождалось весьма значительными денежными расходами (Макарій, Ист. раскола, 390).

Въ виду этихъ фактовъ, намъ кажется слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на распространеніе и значеніе торговли въ средѣ вѣтковскихъ и стародубскихъ раскольниковъ, которя дала имъ столь значительныя средства и быть можетъ обезпечивала ихъ отъ еще горшихъ послѣдствій, чѣмъ пресловутая выгонка 1735 года[1]). Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ, заимствованные отчасти изъ архивныхъ источниковъ, а отчасти изъ печатныхъ матеріаловъ, приведенные у автора, скорѣе всего характеризуютъ составъ населенія въ стародубскихъ слободахъ, а не ихъ матеріальное благосостояніе (стр. 82—87); а между тѣмъ, благодаря указаннымъ средствамъ, зарубежные раскольники могли поддерживать обширныя связи и оказывать даже рѣшительное вліяніе на своихъ единомышленниковъ въ предѣлахъ Россіи. Такъ, не говоря собственно о ремеслахъ и мастерствахъ, которыми занимались слободскіе жители, уже въ началѣ XVIII стол. имѣются свидѣтельства о значительной торговлѣ конопляннымъ масломъ, солью, рыбой, дегтемъ, кожевенными товарами (юфтью), полотномъ, воскомъ, медомъ, мѣхами, красными товарами, привозимыми изъ Россіи. Торговыя связи ихъ простирались съ одной стороны до предѣловъ Германіи, а съ другой—до Крыма и русскихъ городовъ, лежавшихъ по Волгѣ. Во 2-й половинѣ XVIII в. стародубскіе купцы возили за границу, преимущественно въ Силезію, дорогія мѣха и юфть (камскую)[2]), а сюда (на 2 ярмарки) привозились товары главнымъ образомъ изъ Риги и Москвы и уже отсюда они развозились мѣстными торговцами по всей Малороссіи. Стародубское купечество славилось своимъ богатствомъ, а стародубскія ярмарки, можно сказать, были первыми украинскими ярмарками. Познакомившись ближе съ югомъ Россіи, великорусское купечество высмотрѣло и другіе удобные рынки: Кролевецъ, Ромны, Сумы, Харьковъ. Въ Ригѣ и Архангельскѣ покупались преимущественно сукна, рыба и вино[3]). Уже въ 1718 г. въ

---

[1]) Они содѣйствовали здѣсь распространенію русскихъ рукавицъ и обуви деревянныхъ ложекъ, саней телѣгъ и т. п.

[2]) Черниг. Губ. Вѣд. 1852, № 40, стр. 440; Опис. Стар. Малороссіи, I, 114.

[3]) Опис. Стар. Малороссіи, 114—115, 136.

Клинцахъ появляется кожевенный заводъ москов. купца Осокина, перешедшій затѣмъ къ братьямъ Собольщиковымъ (1724), которые, кромѣ того, имѣли лавки съ мѣхами и полотнами въ Нѣжинѣ. Раскольники содержали и мыльные заводы (Опис. Стар. Малороссіи, I, 108). Въ Глуховѣ, Борзнѣ и др. мѣстахъ также находились лавки, принадлежавшія купцамъ раскольникамъ. И гетманъ Скоропадскій признавалъ (1719), что, не смотря на ограничительныя мѣры, направленныя противъ торговли москвитянъ и раскольниковъ въ частности въ Малороссіи, она не сокращалась, а все болѣе расширялась (84). Съ другой стороны, любопытно признаніе православнаго миссіонера Іосифа Рѣшилова (1723), старавшагося о всевозможныхъ стѣсненіяхъ раскольниковъ, что они «не такъ держатся за свое зловѣріе раскольническое, яко *за интересъ*». Раскольники содержали постоялые дворы въ малороссійскихъ городахъ, чѣмъ облегчали доступъ сюда своимъ единовѣрцамъ изъ Великороссіи (Лукьяновъ, Рус. Арх. 1863, 33—34), а также мѣняльные столы въ своихъ лавкахъ (Лилеевъ, 84). Такое значеніе Стародубья не укрылось отъ вниманія Петра В. и въ 1712 г. Сенатъ, отправляя нарочнаго агента въ Стародубъ и др. малороссійскіе города для заключенія подряда на доставку селитры и пороха, предписывалъ ему «между тѣмъ въ Стародубѣ и другихъ, гдѣ онъ обрѣтаться будетъ, мѣстахъ, провѣдывать, почему нынѣ русскіе или и тамошніе купецкіе и иныхъ чиновъ люди пенку [1]), юфть и сало въ отпускъ къ городу Архангельскому, и въ Ригу, и въ Кролевецъ (Кёнигебергъ) подрядомъ и собою дѣлаютъ и покупаютъ и какимъ образомъ и на которыя мѣста въ Ригу и въ Королевецъ кто свои товары на продажу отправляютъ, также почему нынѣ на Украйнѣ золотые и ефимки покупаютъ, и мочно ли ихъ накупить довольное число на деньги или на мѣну какихъ товаровъ противъ нынѣшней московской цѣны дешевле и свободно, о томъ потому-жъ надлежитъ ему писать въ канцелярію Сената». (Проток. Прав. Сената, изд. Ак. Наукъ, т. II, ч. II, 435). Въ томъ же 1712 г. купецъ Стрежневъ, служившій агентомъ у оберъ-коммиссара Соловьева и ведшій значительную заграничную торговлю, жаловался, что, при проходѣ шведовъ, въ Стародубѣ сожжено у него 650 пудовъ пеньки (ibid, ч. I, 271). Вяземскій купецъ Болотниковъ закупалъ постоянно товары въ Стародубѣ и Нѣжинѣ,

---

[1]) О продажѣ (1707) малорос. землевладѣльцами пеньки и кудели въ Архангельскъ (причемъ возчиками служили москвичи и калужане) см. Сулимовскій Архивъ, стр. 168—170. Ср. Опис. Стар. Малороссіи, I, 93—95.

откуда обязанъ былъ доставлять ихъ въ Ригу (III, ч. I, 351). Въ малороссійскихъ городахъ во время ярмарокъ покупались золото, серебро, ефимки и старыя деньги на денежные дворы. (III, ч. II, 748, 1033; IV, ч. I, 386). Видно также, что нѣкоторые иностранные купцы (Любсъ, Гутвель) посылали закупать пеньку прямо въ Малороссію; но въ 1714 г. Петръ В. писалъ: «Господа Сенатъ! До насъ дошло, что вы опасаетесь запретить для тамошняго волного народу и въ томъ ни малой нѣтъ причины, ибо когда Рига была за шведами, тогда изъ черкасскихъ городовъ, а именно изъ Стародуба и изъ другихъ знатныхъ, какъ пеньку, такъ и прочіе товары въ Ригу возить было заказано, а велѣно возить къ г. Архангельскому; того для и нынѣ заказать мочно, о чемъ пошлите въ Кіевскую губ. указъ, дабы накрѣпко того смотрѣли, чтобъ пеньки, юфти и сала, кромѣ пристаней нашихъ, не возили и никуда не отпускали, чего для и мы отъ себя къ гетману писали» (ibid., IV, ч. I, 79[1]). Тѣмъ не менѣе, прежнія сношенія мѣстныхъ купцовъ даже непосредственно съ заграничными рынками продолжались[2]).

Вотъ почему извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ, въ своей «Статистикѣ», писанной въ 1776—77 гг., замѣтилъ, что «сіи слободы богатятся великою ихъ торговлею изъ Польши» (Чтен. въ Общ. истор. и древн. Рос. 1859, III, с. 18). «Кромѣ условій мѣстной природы, говоритъ одинъ изъ историковъ этого края, развитію промышленности въ Стародубскомъ полку въ значительной степени способствовали великорусскіе раскольники, начавшіе здѣсь селиться въ XVII в., которые, видя скудость почвы для хлѣбопашества, стали посредниками при сбытѣ продуктовъ мѣстной промышленности между производителями и потребителями. Выгодные результаты этого посредничества обусловили съ своей стороны быстрое развитіе раскольничьихъ слободъ и превращеніе ихъ въ мѣстные торговые и про-

---

[1]) Стародубскимъ и малороссійскимъ купцамъ, которые возили свои товары къ Архангельску (съ 1701 г.), Петръ В. даровалъ право безпошлинной торговли, (Матер., изданные Судіенкомъ, II, 209).

[2]) Такъ, въ 1719 г., въ числѣ обвиненій, выставленныхъ при Скоропадскомъ противъ полк. Жоравки читаемъ: „П. 8. Еще за Мазепи въ году 1701, зайшла грамота монаршая о непропуску зъ пенкою до Кролевца Пруссного, а п. полковникъ въ году 1713 посилалъ зъ своею пенкою Петра гречина при иныхъ купцяхъ стародубскихъ за границю до Кролевца. Давидъ, сетренецъ полковничій, такожъ въ прошломъ 1718 г. зѣмою пенку пропускалъ за границу до тогожъ Кролевця" (Опис. Стар. Малороссіи, I, 42).

мышленные пункты». (Опис. Стар. Малороссіи, I, с. 111). Подтвержденіе этому факту мы находимъ въ наказахъ депутатамъ малороссійскихъ городовъ въ Екатерининской коммиссіи. Представляя крайній упадокъ этихъ послѣднихъ, мѣстные купцы и мѣщане утверждали, что, благодаря торговлѣ великорусскихъ и иногородныхъ купцовъ, *а также раскольниковъ, которые ничто иное какъ великорусскіе выходцы*, мѣстная торговля упала, а они мѣстные купцы «прежняго промыслу своего лишилися». Такъ, въ Стародубѣ и его уѣздѣ, великороссійскіе купцы и ихъ прикащики, помимо мѣстныхъ горожанъ, скупали у владѣльцевъ пеньку, воскъ, медъ, масло (олей), звѣрей и отпускали ихъ къ портамъ; въ городахъ же, вмѣсто склада своихъ товаровъ въ гостиныхъ дворахъ и торговли оптомъ (по таможен. уставу 1755 г.), они купили себѣ мѣщанскіе дворы, выстроили лавки и вели оптовую и розничвую торговлю, не встрѣчая со стороны городскаго управленія надлежащаго запрещенія (Сослов. нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи Кіев. Стар. 1891, т XXXII, 88—89). Запорожье, въ свою очередь, хлопотало о томъ, чтобы задержать предполагаемое переселеніе раскольниковъ на запорожскія земли (ib. 250). И самъ авторъ говоритъ: «Въ настоящее время старообрядческія слободы Черниговской губ., знаменитыя нѣкогда своимъ упорствомъ въ расколѣ, не менѣе знамениты своею промышленностью и торговою дѣятельностью. Благодаря имъ сѣверная часть губерніи приняла теперь рѣшительно промышленный характеръ» (стр. 57, 85). Понятно, почему Петръ В., предпочитавшій выгоды матеріальнаго благосостоянія метафизическимъ тонкостямъ, рѣшилъ оставить ихъ на прежнихъ мѣстахъ и освободить отъ зависимости мѣстныхъ державцевъ, вопреки настояніямъ, шедшимъ съ разныхъ сторонъ (64—65).

Такимъ образомъ постепенно, но послѣдовательно и прогрессивно шло увеличеніе матеріальныхъ средствъ въ раскольничьихъ слободахъ, особенно послѣ благосклоннаго отношенія къ ихъ положенію Петра III и Екатерины II. Дѣйствительно опись г. Стародуба и раскольничьихъ слободъ 1781 г. свидѣтельствуетъ уже о томъ цвѣтущемъ состояніи, котораго достигли, благодаря мирному развитію, означенныя общины (Опис. Стар. Малороссіи, I, 136, 242; II, 445—465): капиталы ихъ значительно возрасли; расширились внутреннія и внѣшнія сношенія (Москва, Петербургъ, Орелъ, Калуга, Кіевъ, Кременчугъ, Харьковъ и др.; Рига, Варшава, Вильна, Кёнигсбергъ, Данцигъ и др.), появились новыя производства, связан-

ныя съ стремленіемъ къ внѣшнимъ удобствамъ[1]. Если къ этому прибавить, что при обыскахъ обыкновенно находили у раскольниковъ книги и рукописи (у автора, стр. 24—26, 219—221, 257, 336, 383, 449, 455 и др.[2]), что въ средѣ ихъ была распространена грамотность (152, 234, 572) и несомнѣнно существовалъ интересъ къ религіознымъ вопросамъ, хотя по своему понимаемымъ, въ чемъ не отказываетъ имъ и авторъ (338), то едва ли жизнь означенныхъ общинъ можетъ представляться лишь съ одной печальной стороны (456); а безуспѣшность миссіонернаго дѣла противъ раскола въ значительной степени объясняется отсутствіемъ просвѣщенія въ средѣ духовенства.

Несомнѣнно, что успѣхъ раскола въ предѣлахъ Малороссіи и Польши въ значительной степени поддерживался крестьянской колонизаціей, со времени прикрѣпленія крестьянъ въ Московскомъ государствѣ, а затѣмъ, благодаря политическимъ условіямъ этого послѣдняго, которыя, въ свою очередь, содѣйствовали значительному движенію русскаго населенія на западную границу (стр. 76).

Появленіе раскольниковъ въ предѣлахъ Украйны, согласно показанію лѣтописи Самовидца, относится ко времени непосредственно слѣдовавшему за московскимъ соборомъ 1666—67 гг. (131—132; у автора, 23). Къ сожалѣнію авторъ не свелъ всѣхъ данныхъ о постепенномъ ростѣ раскольничьихъ поселеній, а приводитъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (37, 64, 73—74, 89—81, 121; 126—131, 377, 473, 495). Тѣмъ не менѣе хотя и трудно дать точную цифру количества раскольниковъ въ разные періоды, и прежде всего вслѣдствіе подвижности этого населенія, однако, не смотря на неоднократныя «выгонки», оно постоянно возрастало. Такъ, вскорѣ послѣ выгонки 1735 г., вѣтковцы вновь оправились и заселили Вѣтку (302, 361, 384, 436). Въ царствованіе импер. Елисаветы не разъ поднимался вопросъ о выселеніи раскольниковъ въ Россію; до-

---

[1]) Такъ, въ сел. Клинцахъ, по той же описи, нѣкоторые изъ его обывателей „дѣлали для жителей и др. раскольн. слободъ *отмѣннаго качества печи*, на подобіе калужскихъ“ (Опис. Стар. Малор., II, 464).

[2]) „Въ раскольничьихъ мон-ряхъ и скитахъ нерѣдко сосредоточивалось огромное количество старопечатныхъ книгъ и рукописей“, говоритъ авторъ. Въ 1735 г. полковникъ Сытинъ отобралъ въ вѣтковскомъ Покровскомъ монастырѣ 682 книги, не считая брошюръ.

бивались того же гетманъ Разумовскій и малороссійская старшина, хлопотали объ этомъ и сами раскольники; но старанія ихъ не имѣли успѣха (Лилеевъ, 505—511, 533). Въ 1752 г. русскій посланникъ въ Константинополѣ Обрѣзковъ предлагалъ: «Впрочемъ для наполненія Новой Сербіи народомъ и чтобъ въ постройкѣ для охраны этой страны крѣпостей убытка не было, не благоугодно ли будетъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, *которыми наполнены многія превеликія деревни по польской границѣ и ниже по Днѣстру»* (Соловьевъ, XXIII, 188). А въ самомъ началѣ своего царствованія Екатерина II писала архіеп. Димитрію Сѣченову слѣдующее: «Я къ вамъ посылаю генералъ-прокурора съ письмомъ отъ нашихъ переселившихся въ Польшу раскольниковъ, и желаю о семъ знать ваше мнѣніе. *Ихъ до трехсотъ тысячъ* и нѣтъ надежды, чтобъ они возвратились въ Россію, еще менѣе къ православію, покамѣсть они тамъ. Я бъ желала изыскать способы къ тому и другому, и для того вручитель сего имѣетъ съ вашимъ преосв. говорить и посовѣтовать». (Сборн. Р. И. О., X, 259). Слободскихъ раскольниковъ къ нач. цар. Екатерины II насчитывали 15884, а въ 1790 г. уже до 50000 чел. (Щекатовъ, Словарь геогр. Рос. имперіи, 1262; Филаретъ, Ист. статис. опис. Черниговской епар., I, 151; авторъ, 129).

Книга автора, будучи посвящена одному изъ выдающихся эпизодовъ въ исторіи раскола, принадлежитъ къ небольшой серіи изслѣдованій, имѣющихъ цѣлью изученіе мѣстнаго раскола и между прочимъ весьма цѣнныхъ по извлеченію любопытныхъ и важныхъ матеріаловъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Вообще, литература изслѣдована авторомъ въ достаточной полнотѣ. Благодаря собранному матеріалу, ему удалось выяснить выдающуюся и важную роль Вѣтки и Стародубья въ общей исторіи раскола. Не менѣе подробно представлена имъ раскольничья полемическая литература, хотя не всегда точно опредѣляется ея характеръ, какъ было указано автору въ одной рецензіи на его сочиненіе [1]. Точно также авторъ признаетъ важное колонизаціонное значеніе раскольничьихъ скитовъ (213), огромное хозяйственное, промышленное и даже воспитальное значеніе этихъ послѣднихъ среди мѣстнаго населенія (214—215), хотя и менѣе останавливается на этихъ вопросахъ или съ недостаточною полнотою освѣщаетъ ихъ.—Не можемъ однако не отмѣтить весьма существеннаго пробѣла въ его

---

[1]) Новый трудъ по исторіи раскола, П. С. Смирнова (Хрзст. Чтен. 1895, №№ 11 и 12, стр. 536—547).

трудѣ а именно преобладанія внѣшней исторіи надъ внутренней: чертъ этой послѣдней собрано гораздо менѣе, притомъ авторъ судитъ о ней иногда по отрывочнымъ, случайнымъ фактамъ, но отчасти, быть можетъ виною здѣсь былъ тотъ архивный матеріалъ, которымъ пользовался авторъ. «Записокъ современниковъ и безпристрасныхъ постороннихъ наблюдателей, говоритъ онъ, почти не имѣется, а если есть немногія современныя записки, то онѣ касаются болѣе внѣшней стороны жизни слобожанъ, чѣмъ внутренней» (307). Изслѣдованіе автора представляетъ убѣдительное подтвержденіе того общепризнаннаго историческаго факта, что религіозныя преслѣдованія обыкновенно не достигаютъ своей цѣли... По этому поводу онъ говоритъ: «Извѣстно, что религіозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубьѣ преслѣдованіе слободскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, «прискиваніе» ихъ бѣглыхъ поповъ, повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковью, а усиленіе и распространеніе безпоповщины, которая въ своихъ взглядахъ на православную церковь и православную власть суровѣе и фанатичнѣе послѣдователей поповщины. Съ этимъ выводомъ нельзя не согласиться.

В. Иконниковъ.

О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. *М. 1895. 8 д. л. 9 стр.*[1])

Когда въ 1665 г. Брюховецкій согласился на обложеніе малорусскаго посполитства денежными поборами въ казну государеву, то потребовалась подворная перепись этого посполитства; посланы были въ Малороссію переписчики, и въ 1666 г. произведена была перепись, которая должна была представить точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи каждаго плательщика, чтобы «на основаніи этихъ свѣдѣній отнести его къ тому или другому разряду, по количеству слѣдовавшихъ съ него сборовъ». Переписаны были «всякіе чины жи-

---

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ Чтеній въ общ. историч. и древн. россійск., 1895 г. кн. 4.

лецкихъ промышленныхъ и таглыхъ людей, а въ селахъ и деревняхъ крестьяне и бобыли по именамъ, кто именно какими угодьи владѣютъ и сколькими волами и коньми пашню кто пашетъ и своими ль или чужими, опричь козаковъ и козацкихъ земель и угодій». Также переписаны были «належащія къ городамъ, селамъ и деревнямъ угодья: рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровые гоны, звѣриныя стойла и бортныи ухожаи и пасеки, и мельницы, и рудни и иные заводы». Перепись 1666 г. нѣсколько извѣстна уже по тѣмъ отрывкамъ, которые приведены изъ нея Костомаровымъ въ «Руинѣ» относительно Переяславскаго и Нѣжинскаго полковъ. Костомаровъ заимствовалъ свои отрывки изъ найденныхъ имъ въ Моск. арх. мин. юстиціи неполныхъ переписныхъ книгъ, которыя послѣ окончанія переписи, привезены были въ Москву и сданы въ малороссійскій приказъ. Кромѣ напечатанныхъ Костомаровымъ отрывковъ, остальныя переписныя книги оставались въ неизвѣстности. Въ послѣднее время нашелъ значительную ихъ часть г. Эйнгорнъ, о чемъ и сообщаетъ въ названной брошюркѣ. Найдено описаніе Стародубскаго полка, оказавшееся въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, а въ архивѣ министерства юстиціи оказались: часть Нѣжинскаго полка (Батуринъ, Бахмачъ, Конотопъ, Нов. Млины), часть Черниговскаго, часть Полтавскаго и полныя описанія полковъ: Кіевскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Прилуцкаго. Какія именно заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія переписныя книги, это видно изъ приведенныхъ г. Эйнгорномъ отрывковъ, къ сожалѣнію очень коротенькихъ. Вотъ одинъ такой отрывокъ: «Города Батурина мѣщанинъ Климъ Лукьяновъ, у него два сына Левка и Лучка, пашенной человѣкъ, пашетъ четырьмя волами, у него жъ конь для промыслу, конемъ не пашетъ; положено на него денежного оброку 8 алтынъ 2 денги, а по малороссійски полкопы. Мѣщанинъ убогій человѣкъ Степанъ Григорьевъ, у него два сына Ивашка да Васка, живетъ въ чюжой избѣ; положено на него денежного оброку 3 алтына 2 денги, а по малороссійски ползолотого. Мѣщанинъ Василій Семеновъ, ремесленной человѣкъ, кушнеръ, цехмистръ, бездѣтенъ, положено на него денежного оброку 10 алтынъ, а по малороссійски полътареля...» [1]).

Къ этимъ свѣдѣніямъ г. Эйнгорнъ добавляетъ, что нѣкоторымъ восполненіемъ ненайденныхъ переписныхъ книгъ можетъ служить «кон-

[1]) „Талеръ" имѣлъ два значенія: для обозначенія крупной заграничной серебряной монеты—*талеровъ* (при чемъ добавлялось: *битыхъ* талеровъ) и для означенія счета копѣекъ; въ послѣднемъ случаѣ талеръ означалъ 60 коп., какъ копа—50 коп. Такъ и здѣсь: 10 алтынъ—полталера, т. е. 30 коп.

путъ, выражоный по росказаню ясневелможного его мил. п. гетмана на виконане присяги противно маестату его царского пресвѣтлого величества въ року 1676, въ мѣсяцѣ февралѣ». Этотъ «компутъ» заключаетъ въ себѣ списокъ малороссіянъ, присягавшихъ, въ февралѣ 1676 г. новому царю Федору Алексѣевичу.

Несомнѣнно, что указываемыя г. Эйнгорномъ переписныя книги заключаютъ въ себѣ чрезвычайной важности матеріалъ для изученія экономической жизни лѣвобережной Малороссіи въ годъ очень близкій къ 1654 г. Правда, въ началѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка гетманщина сильно пострадала отъ разоренія, которымъ сопровождалась междоусобица непосредственныхъ преемниковъ Богдана Хмельницкаго, при чемъ во многихъ изъ поселеній южныхъ полковъ сильно измѣнилась численность жителей сравнительно съ моментомъ переяславскаго договора, но въ полкахъ сѣверныхъ разореній почти не было и ихъ населеніе оставалось, слѣдовательно, въ томъ же почти положеніи, какъ было и въ 1654 г. Такимъ образомъ переписныя книги Стародубскаго, Черниговскаго и значительной части Нѣжинскаго полковъ даютъ матеріалъ, по которому можно представить экономическое положеніе посполитаго населенія сѣверной Малороссіи въ моментъ ея присоединенія къ Россіи. Знанія же наши по этому предмету въ настоящее время, какъ извѣстно, скудны до чрезмѣрности. Нельзя поэтому не желать скорѣйшаго обнародованія переписныхъ книгъ и конечно удобнѣе всего было бы явиться имъ—продолженіемъ «Актовъ, относящися къ истори южной и западной Россіи», замершихъ на XV-мъ томѣ. Приготовить къ печати переписныя книги, вѣроятно, не отказался бы г. Эйнгорнъ, заявившій на будущій кіевскій съѣздъ вопросъ о малорусскомъ посполыствѣ по даннымъ переписи 1666 г. Будемъ надѣяться, что «Археографическая коммиссія» обратитъ свое вниманіе на этотъ важный для южнорусской исторіи памятникъ.

А. Л.

Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. *Царствованіе императора Александра I, (съ 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по дѣламъ департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. СПБ. 1896.*

Вошедшіе въ настоящую часть IV тома Архива Государ. Сов. журналы описаны въ той же системѣ, которая принята была въ

предшествующихъ частяхъ того-же изданія, причемъ въ журналахъ не допускалось никакихъ измѣненій въ слогѣ, за исключеніемъ исправленія явныхъ ошибокъ. Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Соб. законовъ, подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія; свѣдѣнія же о Высочайшихъ утвержденіяхъ мнѣній Государств. Совѣта извлечены изъ меморій общаго собранія Г. С. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный.

Редакціей этой части завѣдывалъ членъ археографической коммиссіи Г. Ф. Штендманъ.

Изъ журналовъ совѣта, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, имѣютъ отношеніе къ задачамъ «Кіевск. Старины» постановленія совѣта по нижеслѣдующимъ дѣламъ:

1) 1824 г. ноября 10. По прошенію вдовы полковника Лазаря Текелли, Мареы, о дозволеніи ея зятю, маіору Куракину 2-му, принять фамилію Текелли и именоваться Куракинымъ-Текелли.

2) 1819 г. мая 19.—Объ опекунствѣ надъ имѣніемъ, оставшимся послѣ коллеж. ассесора Ивана Заруднаго, въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 1815 г. сентября 30.—По дѣлу вдовы генералъ-аншефа графа Станислава-Щенснаго Потоцкаго († 1805 г.), графини Софіи, урожденной Дечеличе, отказавшейся отъ представленія отчетовъ по управленію имѣніемъ ея малолѣтнихъ дѣтей.

4) 1816 г. февраля 10.—О дозволеніи продажи части имѣнія малолѣтнихъ дѣтей умершаго († 1812 г.) графа Владиміра Потоцкаго, на уплату его долговъ.

5) 1818 г. ноября 28.—О дозволеніи продажи изъ имѣнія въ Волынской губерніи несовершеннолѣтнихъ дѣтей умершаго князя Александра Сапѣги, оставшагося послѣ кончины жены его, княгини Теофилы, урожденной княжны Яблоновской, 2,200 душъ на уплату долговъ по закладнымъ.

6) 1819 г. марта 27.—О разрѣшеніи продажи недвижимаго имѣнія въ г. Кіевѣ и въ кіевской губерніи малолѣтнихъ дѣтей умершаго коллеж. ассесора Григорія Бунге, имѣвшаго братьевъ Өедора и Христіана, для уплаты долговъ.

7) 1817 г. апрѣля 5.—По прошенію полковника польскихъ войскъ, графа Александра Ходкевича, о распространеніи учрежденной въ Царствѣ Польскомъ надъ слабоумнымъ братомъ его, графомъ Іосифомъ Ходкевичемъ, опеки на имѣнія его въ кіевской и волынской губерніяхъ.

8) 1821 г. октября 20.—Объ опекѣ надъ слабоумнымъ помѣщикомъ волынской губерніи Константиномъ Міончинскимъ.

9) 1814 г. мая 28.—По дѣлу о претензіи помѣщика Забѣлло на козаковъ сосницкаго повѣта с. Хлопянниковъ въ порубкѣ ими Хлопяницкаго лѣса.—Село Хлопяники, съ прочимъ имѣніемъ, принадлежало, по пожалованію, гетману Апостолу. На землѣ означеннаго села, Апостолъ поселилъ д. Долгую Греблю, которая впослѣдствіи досталась Скоропадскому, а отъ него продана Забѣллѣ, предъявившему искъ къ хлопяницкимъ козакамъ за произведенную ими въ 1798 г. порубку, за которую черниговскими судебными властями было положено на нихъ взысканіе; въ 1814 г. было отказано Забѣллѣ въ его претензіи.

10). 1817 г. февраля 1.—По дѣлу объ отсужденныхъ изъ владѣнія подпоручицы Безобразовой земляхъ по р. Хопру съ поселенными на нихъ малороссіянами.

11) 1813 г. февраля 20.—О возвращеніи маіору Алексѣеву бѣглаго крестьянина его изъ с. Покровской Богачки, хорольскаго уѣзда, Трофима Кравца, поселившагося въ 1795 г. въ казенномъ селѣ Романковѣ екатеринославской губерніи.

12) 1816 г. ноября 9.—По дѣлу генералъ-маіора Курнакова съ графомъ Артеміемъ Ивановичемъ Воронцовымъ о спорныхъ малороссійскихъ крестьянахъ, Филиппѣ Насоченкѣ и Семенѣ Зайченкѣ, занимавшихся чумачествомъ и записанныхъ раньше въ имѣніи гр. Воронцова, с. Ивановѣ тамбовскаго округа, и поселившихся потомъ въ слободѣ Мачеховкѣ черкасскаго уѣзда, принадлежавшей Курнакову.

13) 1812 г. февраля 15 и мая 9.—По дѣлу графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго съ переяславскимъ монастыремъ о земляхъ при м. Яготинѣ, с. Годуновкѣ и х. Лозовомъ ярѣ.

14) 1816 г. ноября 16.—По дѣлу графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго съ коллежскимъ совѣтникомъ Иваномъ Губчицемъ, о правѣ владѣнія урочищемъ Шершневая Дуброва въ почепскомъ уѣздѣ.

15) 1819 г. iюня 2.—По дѣлу титулярнаго совѣтника Павла Войновича съ войсковыми обывателями валковскаго уѣзда харьковской губернiи о землѣ при слободѣ Коломаки валковскаго уѣзда.

16) 1811 г. августа 10.—Объ отобранiи отъ пробоща (приходскаго священника) Розалевича земли, принадлежащей г. Ушицѣ.

Н. С.

Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. *Черниговъ 1896. Стр. 252+88+96+32+X.*

Книжка эта составлена по общему типу губернскихъ памятныхъ книжекъ. Кромѣ календарныхъ и адресныхъ свѣдѣнiй она заключаетъ въ себѣ слѣдующiя статьи, относящiяся къ области «Кiевской Старины»:

1) *Развалины Юрьевой божницы въ с. Старогородкѣ остерскаго уѣзда.* М. Константиновича.—Статья эта перепечатана изъ «Кiевск. Стар.» 1896 г. № 11 (ноябрь).

2) *Бѣловежскiя колонiи въ борзенскомъ уѣздѣ.* Александра Ковалевскаго.—Интересный очеркъ возникновенiя нѣмецкихъ колонiй въ глубинѣ Малороссiи. «Императрица Екатерина II въ 1763 году обнародовала Высочайшiй манифестъ о вызовѣ иностранцевъ для заселенiя Саратовскихъ степей. Дѣло переселенiя и всесторонняго устройства этихъ колонистовъ было поручено канцелярiи опекунства иностранныхъ поселенцевъ, при чемъ всѣ колонисты первоначально были привозимы въ *Петербургъ* и уже оттуда партiями развозились на предназначенныя для нихъ земли. Когда этихъ колонистовъ накопилось такое количество, что ихъ уже было болѣе чѣмъ достаточно для предположеннаго населенiя пустыхъ мѣстъ *Саратовской* губернiи, то по волѣ Императрицы часть изъ нихъ изъ *Петербурга* была прислана въ распоряженiе малороссiйскаго генералъ-губернатора, генералъ-фельдмаршала графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго* для поселенiя ихъ въ Малороссiи. Это было въ 1767 году. Мѣстомъ для устройства новыхъ поселенiй колонистами *Румянцевъ-Задунайскiй* избралъ такъ называемую Бѣловѣжскую степь, принадлежавшую до того времени малороссiйской генеральной артиллерiи, для лошадей которой она служила пастбищемъ.

Степь эта, въ нынѣшнемъ *Борзенскомъ* уѣздѣ *Черниговской* губ., въ разстояніи 30 верстъ отъ г. *Борзны* (бывшаго тогда сотеннымъ мѣстечкомъ), 40 вер. отъ м. *Батурина* и 18 в. отъ м. *Иваницы*, представляла собою ровную, низкую и безлѣсную площадь. Привезенные туда колонисты, въ числѣ болѣе 800 душъ, всѣ были изъ нѣмецкой земли и различнаго вѣроисповѣданія: римско-католическаго 317 душъ (обоего пола), лютеранскаго 500 душъ и реформатскаго, т. е. кальвинистовъ — 43 души».

Изъ этихъ колонистовъ образовано было 6 поселеній: 1) Екатеринполь, 2) Бѣловѣжская колонія, 3) Гроссъ-Вердеръ, 4) Клейнъ-Вердеръ, 5) Калчиновка и 6) Рундевизе. Всѣ постройки и сооруженія въ этихъ поселеніяхъ были сдѣланы на счетъ казны и обошлись въ 83000 рублей. Въ эпоху *Румянцева* колонисты управлялись по особому уставу, изданному для нихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о бѣловѣжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ интересующіеся предметомъ могутъ найти въ книгѣ А. М. Лазаревскаго: «Нѣжинскій полкъ», К. 1893, стр. 131—135, и въ книгѣ А. А. Велицына: «Нѣмцы въ Россіи», Спб. 1893, стр. 40—43 и 50.

3) *Историческія замѣтки о нѣкоторыхъ селахъ черниговской губерніи.* А. Л. — «Предлагаемыя замѣтки», по словамъ ихъ автора, «не заключаютъ въ себѣ какого либо систематическаго описанія, а составляютъ отрывочныя свѣдѣнія о томъ или другомъ селѣ, имѣющія значеніе какъ для исторической топографіи, такъ и для исторіи землевладѣнія данной мѣстности. Источникомъ предлагаемыхъ замѣтокъ служилъ преимущественно матеріалъ архивный». Описаны такимъ образомъ поселенія: Рогоща, Суличовка, Старый Бѣлоусъ, Новый Бѣлоусъ, Жукошки, Яновка, Сядричи, Юрьевка, Рябцы, Гучинъ, Ямище, Лиственъ, Бобровица, Брусиловъ, Березанка, Лопатинъ, Тереховка, Черторійка, Рѣпки, Каменка, Старые Яриловичи, Новые Яриловичи, Буянки, Свиконухи, Гусеенка, Маслоковка, Ченѣговка, Голубичи, Церковище, Постовбица, Вербичи, Великая Весь, Осняки, Сибережъ, Звиничевъ, Роище, Слобода Роисская. Всѣ эти поселенія расположены въ черниговскомъ и городнянскомъ уѣздахъ. Исторію нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ поселеній можно прослѣдить далѣе въ глубь вѣковъ, чѣмъ это сдѣлано въ «Замѣткахъ», благодаря появленію въ свѣтъ «Актовъ Литовской Метрики», изданныхъ проф. Ѳ. И. Леонтовичемъ (Варшава, 1896 г.). Относительно поселеній *Рогощи* и *Сибережи* имѣется въ «Актахъ» Леонтовича (стр. 123, № 314) слѣдующій документъ отъ 22 августа 1496 г.: «Самъ Алек-

сандръ Божією милостію. Билъ намъ чоломъ подключій Виленскій Богданъ Павловичъ и повѣдалъ передъ нами, штожъ отчина его и дѣдина, имѣнія въ черниговскомъ повѣтѣ есть на имя *Сибрежъ* а Заболовесье зъ бобровыми гоны у въ обрубѣ, а селища *Рющъ* а Заменайловище и бортная земля, и билъ намъ чоломъ, абыхмо тые его имѣнія потвердили ему нашимъ листомъ. И мы тые вси имѣнія, отчину и дѣдину его, люди, и селища, и земли пашные, и бортные, и бобровые гоны потвержаемъ ему симъ нашимъ листомъ...» Мѣстностью по р. Бѣлоусу (с. с. *Старый* и *Новый Бѣлоусъ*) въ XV-мъ вѣкѣ владѣлъ черниговскій *бояринъ* Иванъ Григорьевичъ Цыбъ. Грамотой отъ 31 октября 1495 г. великій князь литовскій Александръ утвердилъ эти имѣнія за племянникомъ жены боярина Цыба княземъ Петромъ Михайловичемъ Масальскимъ «со всими доходы и платы, и зъ ловы звѣринными и рыбными, и зъ бобровыми гоны, какъ державъ *небощикъ Ивашко*»... Скоро князь Масальскій въ свою очередь умеръ и его имѣнія великокняжеской грамотой отъ 11 февраля 1496 года были утверждены зо дворяниномъ Андреемъ Дрожкою (стр. 87, № 223, и стр. 92, № 235).

4) *Народныя пѣсни.*—«Прилагаемыя народныя пѣсни черниговской губерніи собраны по распоряженію г. черниговскаго губернатора *Е. К. Андреевскаго* чинами полиціи отъ мѣстныхъ жителей и отъ лицъ, занимающихся записываніемъ пѣсенъ. Пѣсенъ было доставлено болѣе 500; получивъ такой большой сборникъ, г. начальникъ губерніи обратился къ г. директору народныхъ училищъ черниговской губерніи *Петру Васильевичу Евстафьеву* съ покорнѣйшей просьбой прочесть ихъ, разсортировать, сдѣлать выборку и оставить для напечатанія въ «Памяткѣ» только такія, которыя стоятъ того.

Результатомъ благосклоннаго вниманія многоуважаемаго Петра Васильевича явился предлагаемый вниманію читателей сборникъ, очищенный отъ всего такого, напечатаніе чего могло-бы считаться почему бы то ни было неудобнымъ».

Пѣсни расположены по уѣздамъ: 1) Нѣжинскій уѣздъ, 2) Борзенскій уѣздъ, 3) Глуховскій уѣздъ, 4) Мглинскій уѣздъ, 5) Городнянскій уѣздъ, 6) Стародубскій уѣздъ, 7) Козелецкій уѣздъ, 8) Новгородсѣверскій уѣздъ, 9) Черниговскій уѣздъ, 10) Кролевецкій уѣздъ; изъ остальныхъ пяти уѣздовъ черниговской губерніи нѣтъ образцовъ пѣсенъ. Пѣсни записаны съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора и рисуютъ до нѣкоторой степени пеструю картину разнообразныхъ говоровъ черниговской губерніи. Онѣ снабжены примѣчаніями, но, къ сожа-

ленію, въ этихъ примѣчаніяхъ не дано указаній, какія пѣсни были уже напечатаны въ существующихъ сборникахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ, и какія появляются въ печати впервые; въ примѣчаніяхъ обыкновенно передается прозой содержаніе пѣсни и оцѣнивается эстетическое ея значеніе въ такихъ, напримѣръ, выраженіяхъ: «Довольно складная пѣсенька, хотя и не во всѣхъ стихахъ выдерживаетъ стройный метръ»... «Мотивъ этой семейной, довольно складной пѣсни грустный, безотрадный»... «Текстъ пѣсни горячій, темпъ быстрый, тонъ задорный и юмористическій, хотя юморъ совершенно особенный»... «Пѣсня полновѣсна по содержанію, а грустный тонъ и стройный размѣръ напрашиваются на заунывный напѣвъ, который, вообще говоря, характеризуетъ народныя семейныя пѣсни»... «Тонъ повѣствованія таковъ, что производитъ впечатлѣніе сильное, но не тягостное»...

Приведенные примѣры достаточно характеризуютъ научные пріемы черниговскаго комментатора пѣсенъ. Къ «Памяткѣ» приложены: 1) Фак-симиле собственноручнаго письма (1691 г.) святителя Ѳеодосія Углицкаго къ знатному войсковому товарищу Ивану Петровичу Забѣлѣ (род. 1665†1703), владѣльцу с. Обтова (кролевецкаго уѣзда), 2) портретъ св. Ѳеодосія Углицкаго, 3) видъ развалинъ Юрьевой божницы, 4) виды черниговскихъ соборовъ: Спасо-Преображенскаго и Борисо-Глѣбскаго, 5) Карта Черниговской губерніи и 6) планъ гор. Чернигова. Кромѣ того имѣются снимки иконъ, сооруженныхъ жителями черниговской губ. въ память кончины императора Александра III и бракосочетанія царствующаго Государя.

А. С.

П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. (*Кіевъ 1897*). *Стр. 87. Цѣна 75 к.*

Небольшая по объему книжка эта весьма богата содержаніемъ. Здѣсь въ сжатыхъ очеркахъ сдѣланъ генеральный смотръ всѣмъ существеннымъ добыткамъ науки въ области археологіи, топографіи и исторіи кіевской территоріи и ея ближайшихъ окрестностей отъ временъ доисторическихъ до XIII ст. Г. Армашевскому принадлежитъ весьма интересный и цѣнный очеркъ геологической и палеонтоло-

гической исторіи этой мѣстности. Послѣ тщательной сводки добытыхъ уже данныхъ, проф. А. приходитъ къ положительному заключенію о существованіи здѣсь человѣка уже въ т. наз. палеолитическую эпоху, одновременно съ мамонтомъ, представителемъ послѣледниковой фауны. Появившись въ кіевской мѣстности въ раннюю пору послѣледниковой эпохи, доисторическій человѣкъ продолжалъ здѣсь оставаться и въ эпоху неолитическую. Изслѣдованіе породъ, гдѣ найдены орудія первобытнаго человѣка этихъ эпохъ, заставляетъ автора думать, что если періодъ исторической жизни человѣка въ кіевской территоріи долженъ быть исчисленъ приблизительно въ 2000 лѣтъ, то періодъ доисторическаго его существованія здѣсь обнималъ промежутокъ времени въ нѣсколько разъ большій.

Двѣ лекціи проф. Антоновича: «Кіевъ въ дохристіанское время» и «Кіевъ въ княжеское время» отличаются обычными для этого изслѣдователя блестящими достоинствами: богатствомъ содержанія и необыкновеннымъ умѣньемъ передать это содержаніе въ немногихъ словахъ. Характеризуя находки неолитической эпохи на кіевской территоріи, авторъ, между прочимъ, обстоятельно указываетъ на значеніе для доисторическаго человѣка кіевскихъ пещеръ, переходитъ затѣмъ къ находкамъ т. наз. скифскаго періода, даетъ этнографическій очеркъ мѣстности, отводитъ надлежащее мѣсто легендѣ о первыхъ кіевскихъ князьяхъ и заканчиваетъ первую лекцію обзоромъ топографіи древнѣйшаго Кіева. Въ такомъ-же порядкѣ—изложенія археологическаго, историческаго и топографическаго — представлена картина Кіева княжескаго времени. Передать въ библіографической замѣткѣ содержаніе этихъ лекцій, суммирующихъ плоды многолѣтнихъ изысканій, считаемъ совершенно невозможнымъ: интегресующійся предметомъ пусть прочтетъ книгу.

Жаль, что въ книгѣ встрѣчается немало досадныхъ опечатокъ.

Н. М.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897 г. № 1—3.

Письма и записки имп. Екатерины II. Между прочимъ, нѣсколько писемъ о дочери К. Г. Разумовскаго Елисаветѣ, лишенной званія фрейлины за интригу съ гр. Апраксинымъ, впослѣдствіи постригшейся въ Кіевѣ во Фроловскомъ монастырѣ и бывшей его игуменьею (№ 2).

Изъ прошлаго русскаго консульства въ Яссахъ, А. Гирса. Свѣдѣнія о назначеніи, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, перваго консула Лашкарева и о секретномъ порученія ему, касающемся архимандрита Дамаскина. Въ приложенномъ прошеніи послѣдняго сообщаются интересныя подробности о секундъ-маіорѣ Назаріи Каразинѣ (отецъ основателя Харьковскаго университета), который являлся къ Д. съ тайными порученіями русскаго правительства и жилъ въ монастырѣ въ монашескомъ платьѣ (№ 2).

Рескриптъ Екатерины II гр. П. А. Румянцеву (9 окт. 1791) о присылкѣ изъ Нѣжина мальчика грека лѣтъ 10—14 «который зналъ бы свой языкъ» для услугъ в.к. Константину Павловичу (№ 3).

Къ біографіи гр. Н. П. Румянцева, М. А. Веневитинова. 1) Замѣтка о днѣ рожденія графа; на основаніи его писемъ, это—3 апрѣля 1754. 2) Пожертвованіе Р—мъ Харьковскому коллегіуму ста медалей съ изображеніемъ дяди его кн. Д. Голицына, «между прочими предметами благотворительности особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ», для выдачи ежегодно пяти лучшимъ воспитанникамъ, а также 2000 рублей—на изготовленіе медалей и другія нужды коллегіума. 3) Учрежденіе Р—мъ въ 1805 г. въ память отца его фельдмаршала П. А. Р—ва, при гробѣ его въ Кіево-печерской Лаврѣ, коллегіи изъ шести военнослужившихъ съ назначеніемъ имъ пенсіи по 1000 р. каждому[1]) (№ 3).

Къ біографіи пр. Дегурова. Письмо Рунича къ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну (10 марта 1823) съ представленіемъ Д. къ ордену св. Анны 2-й съ бриліантами, какъ «профессора не по имени, который сдѣлалъ-бы честь и Парижскому университету и который тогда, когда разносятся по всей Европѣ вопли безбожія и возмущенія, не боится проповѣдовать ученіе религіозное и монархическое» (№ 3).

Таганрогъ въ 1825 г. Н. К. Тильдера. Подробный разсказъ о кончинѣ имп. Александра I (№ 1).

Воспоминанія Е. Ю. Хвощинской (рожд. кн. Трубецкой). Въ началѣ описывается семья генеральши Дуниной (прабабушки автора), жившая при ней въ с. Водолагахъ, харьковской губ., и состоявшая изъ 6 дочерей, 24 внуковъ и 76 правнуковъ; патріархальная жизнь семьи, разнообразившаяся путешествіями на богомолье—преимущественно въ Кіевъ, гдѣ жили родственники Бердяевы (посѣщеніе схимника Парѳенія). Одна изъ дочерей Д. была замужемъ за Бахметевымъ; отъ этого брака родилась мать автора. Отецъ ея, извѣстный музыкантъ Ю. И. Галицынъ, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Харь-

---

[1]) Послѣдній документъ былъ напечатанъ полностью еще въ 1826 г. митр. Евгеніемъ въ „Описаніи К.-П. Лавры“, стр. 167—170.

ковскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Н. А. Долгоруковѣ; въ мемуарахъ описано оригинальное сватовство его (въ Водолагахъ) и вѣнчаніе (въ Харьковѣ, въ 1843). Статья не окончена (№ 3).

Александръ Григорьевичъ Тройницкій. (Одесскій періодъ его службы) А. Ѳ. Шидловскаго. Т. происходилъ изъ старинного козацкаго рода; родился въ Одессѣ въ 1807 г., воспитывался въ Одесскомъ благородномъ институтѣ (впослѣдствіи Ришельевскій Лицей). Службу началъ при томъ же институтѣ, затѣмъ служилъ въ одесскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, былъ цензоромъ и секретаремъ цензурнаго комитета, служилъ въ управленіи одесскаго градоначальства и т. п., впослѣдствіи Т. былъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и однимъ изъ дѣятелей крестьянской реформы. Кромѣ біографическихъ данныхъ о Т. статья заключаетъ свѣдѣнія объ одесской журналистикѣ 20—30-хъ годовъ. Т. былъ первымъ редакторомъ издававшихся «подъ вѣдѣніемъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора» (гр. Воронцова) двухъ газетъ: «Одесскій Вѣстникъ» и «Journal d'Odessa». По ходатайству гр. В. редакціи разрѣшено было составлять самостоятельныя политическія обозрѣнія и печатать иностранныя корреспонденціи, при чемъ цензура газетъ поручена была ихъ редактору д. с. с. Т—му. Когда, послѣ перехода гр. В. на Кавказъ, его преемникъ затруднялся сохранить за газетами эти льготы, гр. В. исходатайствовалъ въ III отд. С. Е. В. канцеляріи ихъ подтвержденіе (№ 2).

Письма П. Т. Морозова къ А. Г. Тройницкому. Кое какіе факты, преимущественно литературнаго характера, изъ жизни Одессы въ 30 и 40 годахъ (№ 1).

Первое знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. В. Авенаріуса. Авторъ старается точно опредѣлить день встрѣчи Г. съ П. и Р. Съ П—мъ Г. могъ встрѣтиться или у Плетнева въ среду 5 мая 1831 г., или у Жуковскаго въ субботу 8 мая; Р. увидѣлъ Г. на урокѣ у Балабиныхъ («замѣтилъ его и тотчасъ узналъ хохла») въ четвергъ 6 мая, а на другой день П. и Ж. «схватили его и повезли во дворецъ къ Александрѣ Осиповнѣ» (№ 2).

Мировой судъ въ Подоліи (изъ записокъ и воспоминаній мирового судьи) И. Н. Захарьина (Якунина). Гл. I—V. Г. Захарьинъ, когда (въ 70 годахъ) состоялось назначеніе его мировымъ судьею Литинскаго округа, «жилъ отъ Подоліи за тысячу слишкомъ верстъ и не имѣлъ никакого представленія о томъ, гдѣ именно находится его участокъ». Конечно, ему «не легко было оріентироваться» въ непривычныхъ для него условіяхъ, и онъ съ брезгливостью настоящаго петербургскаго чиновника описываетъ два города, куда привела его судьба—Бердичевъ и Литинъ. Статья имѣетъ анекдотическій характеръ, но представляетъ большой интересъ по сообщаемымъ въ ней фактамъ. Сначала изображается провинціальное чиновничество (ловеласъ-губернаторъ

М—ичъ; полицейскій надзиратель Жав—скій, нашедшій убѣжище отъ возмездія за свои преступленія въ принятіи духовнаго сана: окончилъ курсъ семинаріи). Затѣмъ авторъ изображаетъ своихъ сотоварищей судей; это—честолюбивый полякъ, взяточникъ-поповичъ и сибаритъ-нѣмецъ; разсказывая о плутняхъ второго, З. замѣчаетъ: «было-бы конечно немыслимо существованіе такого судьи, если-бы ему пришлось быть избираемымъ»... Наконецъ, изображаются мѣстные адвокаты—нѣмецъ, еврей, русскій и полякъ, послѣдняго З. называетъ «самый приличный, самый симпатичный и самый достаточный»). Приводятся наиболѣе характерныя дѣла—кражи, въ томъ числѣ конокрадство и лѣсныя порубки, и ростовщичества; при этомъ сообщается много бытовыхъ подробностей. Мимоходомъ упоминаются Н. И. Пироговъ и П. П. Демидовъ кн. Санъ-Донато (анекдотъ о ревизіи Литинскаго полицейскаго управленія (№ 2 и 3).

Кромѣ того въ Р. Ст. продолжалось печатаніе *Записокъ Михаила Чайковскаго* (№ 2).

Историческій Вѣстникъ 1897 г., № 1—3.

Замѣчательныя русскія женщины. Графиня М. А. Румянцева (1698—1788). В. О. Михневича. Гр. Румянцева ур. Матвѣева (внучка Артамона Сергѣевича) въ молодости пользовалась расположеніемъ Петра В., который и устроилъ бракъ ея съ Р—мъ. «Отъ этой связи, по преданію, родился знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ гр. П. А. Румянцевъ». Въ статьѣ сообщаются между прочимъ подробности о жизни Р—вой въ Малороссіи, въ то время когда мужъ ея былъ правителемъ Малороссіи, и объ имущественныхъ дѣлахъ ея и ея знаменитаго сына. Къ статьѣ приложенъ портретъ (съ оригинала принадлежащаго кн. Кочубею (№ 1).

Загробный журналъ Пушкина.—Б. Б. Глинскаго. Исторія Пушкинскаго «Современника» подъ ред. Плетнева. Интересны свѣдѣнія объ участіи Гоголя въ основаніи и изданіи журнала и о послѣдующемъ разочарованіи въ немъ, а также объ оставленіи Квиткою сотрудничества въ журналѣ (№ 1).

Кіевскіе безпорядки (изъ воспоминаній очевидца) А. М.—Разсказъ очевидца о крестьянскихъ волненіяхъ въ кіевской губерніи въ 1855 г. (авторъ-офицеръ участвовавшій въ усмиреніи крестьянъ). Подробно описано нападеніе крестьянъ на м. Корсунь, усмиреніе возстанія и послѣдовавшія экзекуціи. Упоминаются и другіе эпизоды, между прочимъ возстаніе въ кіевскомъ уѣздѣ, усмиренное полк. Волковымъ (полковой товарищъ ген.-губ. кн. Васильчикова, разжалованный въ солдаты и опять выслужившійся). Причина возстанія, по словамъ автора, та, что «кіевскіе крестьяне, не смотря на вѣковое закрѣпо-

щеніе, по преданіямъ считали себя козаками». Вообще «народъ во многомъ отличался отъ крестьянъ великорусскихъ; онъ безспорно былъ нравственнѣе, честнѣе и благоразумнѣе ихъ во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло не касалось завѣтной ихъ мечты о волѣ» (№ 3).

Заокеанская Русь (*соціалогическо-описательный очеркъ*) *графа Леливы* (*Е. Н. Матросова*). *Гл. I. Въ преддверіи «Новаго Свѣта»*. Въ этой главѣ идетъ рѣчь о русскомъ населеніи Нью-Іорка. Авторъ дѣлитъ его на три «разновидности»: русь россійскую (всего 150 чел.), галицкую и угорскую (вмѣстѣ 6000 чел.) и изображаетъ его религіозное, соціальное и экономическое состояніе. Кромѣ того статья изображаетъ жизнь русскихъ евреевъ въ Нью-Іоркѣ (болѣе 200000 чел.), изъ которыхъ наиболѣе интеллигентная часть (до 50000) «сознаетъ, признаетъ и именуетъ себя русскою, живо интересуется Россіею и русскими дѣлами и искренно любитъ Россію»,— а также сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о полякахъ (которыхъ въ Нью-Іоркѣ до 30000 чел., а во всей Америкѣ до $1^1/_2$ милл. *Гл. II. Русь въ славянскомъ штатѣ*. «Славянскій штатъ»—это Пенсильванія, въ которой славяне составляютъ преобладающую часть населенія и живетъ большая часть русскихъ эмигрантовъ. Пенсильванія—центръ каменноугольной промышленности, и славянскіе эмигранты, гонимые нуждою, составляютъ почти единственный контингентъ рабочихъ въ подземныхъ «каменноуглеломняхъ». Б. ч. (мало)русскихъ рабочихъ—выходцы изъ Лемковщины (з. часть русскихъ Карпатъ), галицкой или угорской. Начало эмиграціи относится къ половинѣ 70-хъ годовъ; въ 1884 г. русская община г. Шенандоа обратилась къ львовскому уніатскому митрополиту съ просьбою о назначеніи священника. Назначенный тогда же св. Иванъ Волянскій былъ первымъ организаторомъ (мало)русской общины въ Пенсильваніи. Въ 1887 г. на помощь ему присланы были св. Зинонъ Ляховичъ и студентъ львовскаго университета Владиміръ Сѣменовичъ. Первымъ дѣломъ В—го было построеніе русской церкви въ Шенандоа, по образцу которой впослѣдствіи были построены церкви въ г. Iersey City, Kingston, Freeland, Shamokin и Minneapolis. При первой церкви основано было братство, имѣвшее значеніе общества взаимопомощи единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; затѣмъ учреждены были: русская школа, народная читальня, типографія, газета («Америка»—первая русская газета въ Америкѣ), рабочее общество «Рицарі праці» (отдѣленіе обще-американскаго союза «Knights of labour»), драматическое общество, коммерческая компанія (отдѣлъ галицкой «народной торговли»). Въ началѣ 90 годовъ явилась потребность въ болѣе широкой народной организаціи. Первымъ выразителемъ ея является св. Θеофанъ Одушкевичъ, устроившій «соединеніе греко-каθолическихъ братствъ». Учрежденіе это, впрочемъ, не принесло ожидаемыхъ результатовъ, такъ какъ приставшіе къ нему словаки и угро-руссы

исказили планы основателей. Въ составъ братства принимаются не только русскіе, но и словаки, принадлежащіе не только къ греко-уніатской, но и къ римско-католической церкви, и не принимаются русскіе, исповѣдующіе православное или протестантское ученіе. Хотя «чиновственнымъ» языкомъ считается малорусскій, но большинство членовъ употребляетъ языки мадьярскій и словацкій. Органъ «Соединенія» — «Американскій Русскій Вѣстникъ», наполненный проповѣдями и дифирамбами «священникамъ, дьякамъ и пѣвцоучителямъ», печатается на русскомъ и словацкомъ языкахъ.—Галицкіе русины подъ руководствомъ св. Константкевича и Одушкевича организовали другое общество «Русскій Народный Союзъ»; задачи его: 1) добро моральное Руси въ Америкѣ, 2) матерьальная ей помощь; первое достигается изданіемъ газеты («Свобода»), устройствомъ русскихъ читалень, школъ, изданіемъ книгъ, чтеніемъ лекцій и т. п., второе—организаціею взаимопомощи. Членомъ союза м. б. всякій христіанинъ русской народности. Всѣ учрежденія «Союза» устроены болѣе цѣлесообразно, чѣмъ въ «Соединеніи». Органъ Союза—газета «Свобода» (издававшаяся въ Тамокинѣ, а недавно перенесенная въ Монтъ-Кармель) издается на малорусскомъ языкѣ при сотрудничествѣ галицкихъ писателей (Франко, Чайковскій, Павликъ). Союзъ хотѣлъ организовать помощь вновь прибывающимъ русскимъ эмигрантамъ, но встрѣтилъ помѣху со стороны Соединенія. Тѣмъ не менѣе Союзъ вступилъ въ сношеніе съ Канадскимъ правительствомъ относительно направленія русской эмиграціи въ Канаду, какъ страну наиболѣе удобную для галицко-русскихъ поселенцевъ. Не смотря на существованіе двухъ названныхъ обществъ, большинство русскихъ стоитъ еще внѣ союзовъ: въ Соединеніи 2000 русскихъ (изъ 4000 его членовъ); въ Союзѣ 1000. Так. обр. изъ 200 т. русскихъ только 3 т. участвуетъ въ союзахъ, что весьма печально отражается на благосостояніи и культурѣ американской Руси (№ 1—3).

Некрологи: М. О. Микѣшина; П. Г. Лебединцева; И. И. Малышевскаго и Н. А. Өаворова (№ 2 и 3).

Въ отдѣлѣ *«критика и библіографія»* отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) «Кіевъ, его святыни и памятники. Составилъ проф. Н. И. Петровъ. Редакція В. И. Шемякина. Спб. 1896.—2) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи Ал. Лазаревскаго. Вып. III. К. 1896.—3) В. П. Авенаріусъ. Гоголь гимназистъ. Спб. 1897 (№ 2).

Еще по поводу „Бѣлорусскаго Полѣсья" г. Довнаръ-Запольскаго.

Такъ какъ нѣкоторыя обстоятельства заставили меня уѣхать далеко отъ Россіи, въ Сирію, то лишь къ началу 1897 г. мнѣ удалось получить 28-ю книгу «Этнографическаго Обозрѣнія» и убѣдиться,

что статейка г. Довнара-Запольскаго, грубо направленная противъ меня за мой безпристрастный отзывъ о его книгѣ, уже напечатана (см. «Этн. Об.», кн. 28, стр. 196—202). Говорю: «уже», какъ о предметѣ раньше мнѣ извѣстномъ. И дѣйствительно: для помѣщенія этой статейки въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» понадобилось мое согласіе, которое я и далъ съ полной готовностью. Изъ послѣдняго факта читатель можетъ заключить, большое ли значеніе придаю я упомянутой статейкѣ г. Довнара. Я, впрочемъ, былъ увѣренъ, что г. Довнару, когда онъ хладнокровно вникнетъ въ свое опроверженіе, самому станетъ совѣстно пускать его въ печать и что мнѣ не придется вторично указывать ему на его неспособность писать о филологическихъ предметахъ. Но разъ онъ не посовѣстился, то не мѣшаетъ приглянуться къ тому, чтó онъ написалъ.

Напомню читателю, изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся. Въ срединѣ 1895 года г. Довнаръ-Запольскій издалъ книгу: «Бѣлорусское Полѣсье». Здѣсь напечатано не мало новыхъ пѣсенъ и даны интересныя свѣдѣнія о говорѣ Пинчуковъ. Это дѣлаетъ книгу г. Довнара цѣнной, но по своей обработкѣ она представляетъ чистѣйшій хаосъ: пѣсни разбросаны безъ логической системы, діалектологическіе факты изложены курьезнымъ способомъ, словарь—также нѣчто безпорядочное. Въ этомъ смыслѣ, т. е. и похвальномъ, и порицательномъ, я и написалъ о книгѣ свою рецензію въ «Кіев. Стар.» (1896, янв.),—рецензію, столь неугодную г. Довнару. Главнымъ источникомъ промаховъ г. Довнара я считалъ то обстоятельство, что онъ не филологъ и не грамматистъ,—потому то его сообщенія, неразъ очень цѣнныя, изложены въ такой формѣ, которая вызываетъ улыбку («Кіев. Стар., стр. 32). Замѣтимъ, что и самъ г. Довнаръ говоритъ: «Что я не филологъ и не грамматистъ,—это вѣрно. Но я вовсе не претендовалъ дать обработку логическаго и филологическаго матеріала, заключаючающагося въ моемъ сборникѣ. Я считалъ и считаю обязанностью этнографа сообщить то, что онъ знаетъ о говорѣ, свести матерьялъ для того, чтобы облегчить обработку его для спеціалиста. Я это и сдѣлалъ въ самой скромной формѣ. Далѣе, если я все таки сдѣлалъ «очень цѣнныя сообщенія», то считаю свою задачу, какъ этнографа, выполненной» (Этн. Об., кн. 29, стр. 197). «Словарь писалъ я не для учащихся, а для ученыхъ» (стр. 201), которые, очевидно, съумѣютъ разобраться во всякомъ хаосѣ... Но затѣмъ, послѣ такого сознанія, которое вполнѣ совпадаетъ съ сутью моей рецензіи, г. Довнаръ все же не желаетъ «сыдиты та нерыпатыся», а старается таки заявить

себя филологомъ и грамматистомъ и нападаетъ на мои чисто филологическія замѣчанія, усматривая въ нихъ даже личныя выходки противъ себя. Въ отвѣтъ на послѣднюю догадку замѣчу, что я съ г. Довнаромъ почти не знакомъ и не имѣю никакихъ основаній относиться къ нему недоброжелательно (напротивъ: «Дай йому Боже довгый викъ та журавлыный крыкъ!»). Скажу даже больше: когда у насъ въ этнографическомъ отдѣлѣ обсуждался вопросъ о томъ, заслуживаетъ ли книга г. Довнара преміи или нѣтъ, я ни однимъ словомъ не отозвался противъ присужденія. Изъ желанія не повредить г. Довнару я молчалъ даже тогда, когда одинъ изъ авторитетнѣйшихъ судей, присутствовавшихъ на засѣданіи, замѣтилъ, что въ филологическомъ отношеніи книга г. Довнара въ высшей степени странна, и отозвался о ней въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, чѣмъ впослѣдствія я въ своей рецензіи. Sapienti sat.

Однако посмотримъ, за что именно остался недоволенъ г. Довнаръ на мою рецензію и почему онъ возражаетъ противъ нея. Я ужъ упомянулъ, что особенно наивна и курьезна въ его книгѣ филологическая обработка. Курьезы эти, думалось мнѣ, болѣе чѣмъ ярки и понятны не только спеціалистамъ, а даже гимназистамъ 4-го класса, изучившимъ элементарные учебники. Поэтому, давая въ «Кіевской Старинѣ» рецензію на «Бѣлорусское Полѣсье», я ограничился простымъ выписываніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этой книги и ставилъ въ скобкахъ восклицательный знакъ. Это подаетъ поводъ г. Довнару сказать теперь (loc. cit. стр. 196), будто я, посредствомъ фигуръ вопрошенія и восклицанія, стараюсь убѣдить читателя въ незнаніи г. Довнара; онъ называетъ это «лирическими отступленіями по адресу не содержанія книги, а ея составителя» (стр. 202). Можно сомнѣваться, понимаетъ ли г. Довнаръ значеніе слова: «лирическій», но не стоитъ вникать въ этотъ вопросъ. Я прошу г. Довнара понять лишь, что мнѣ стало бы *совѣстно* передъ читателями «Кіевской Старины», если бы я вздумалъ растолковывать имъ азбучныя истины, давно имъ извѣстныя. А если г. Довнару онѣ, какъ видно, неизвѣстны, то совѣтую ему навести нужныя справки, ну, хоть въ «Этимологіи» Кирпичникова и Гилярова и въ «Славянской грамматикѣ» Колосова, и тогда онъ уразумѣетъ, что означаютъ мои восклицательные знаки при выпискахъ изъ книги: «Бѣлорусское Полѣсье»... Г. Довнаръ и самъ, впрочемъ, понимаетъ нелѣпость хоть нѣкоторыхъ изъ своихъ объясненій. Выше я ужъ отмѣтилъ одно его оправданіе: «я писалъ для ученыхъ, не для учащихся»,—а ученые, конечно, и въ нелѣпицѣ

разберутся. Есть у него и другое оправданіе: ошибки, отмѣченныя мною (по крайней мѣрѣ четыре изъ нихъ), должны быть считаемы за *опечатки*. Для удостовѣренія, что это опечатки, г. Довнаръ сообщаетъ, что онѣ помѣщены въ особомъ спискѣ, вклееннomъ въ концѣ книги: «Бѣлорусское Полѣсье»; кстати онъ проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ» (l. cit., 198), и называетъ мои замѣчанія, относящіяся къ четыремъ якобы «опечаткамъ», «довольно страннымъ пріемомъ». Я долженъ сказать, что здѣсь, со стороны г. Довнара, мы имѣемъ дѣло или съ недоразумѣніемъ, или съ крайней наивностью, или (чему вѣрить не хочется) съ поступкомъ болѣе чѣмъ страннымъ, просто неблаговиднымъ. Разскажу, какъ было дѣло. Въ экземплярѣ «Бѣлорусскаго Полѣсья», который я купилъ въ сентябрѣ 1895 года и по которому я тотчасъ же сталъ писать рецензію для «Кіевской Старины», не было никакого списка опечатокъ, ни рукописнаго, ни печатнаго. Надѣюсь, г. Довнаръ не вздумаетъ меня оспаривать, такъ какъ и самъ онъ признается (стр. 198), что *нѣсколько* экземпляровъ (интересно бы знать, сколько именно!) пошло въ продажу безъ листковъ, а въ другомъ мѣстѣ онъ, какъ мы знаемъ, проситъ «сдѣлать соотвѣтственныя поправки тѣхъ, кто пріобрѣлъ его книгу безъ листковъ». Затѣмъ, ужъ въ концѣ октября 1895 года, г. Довнаръ приподнесъ мнѣ отъ себя одинъ экземпляръ книги. Такъ какъ я раньше имѣлъ ужъ свой собственный экземпляръ «Бѣлорусскаго Полѣсья» и ужъ сдѣлалъ на немъ много помѣтокъ карандашемъ (для рецензіи), то, признаюсь, я даже не разглядывалъ поднесеннаго и только черезъ два мѣсяца случайно узналъ отъ г. Довнара (уже разсерженнаго), что онъ сдѣлалъ собственноручныя рукописныя поправки и что четыре изъ курьезовъ, отмѣченныхъ мною въ рецензіи, были исправлены рукой автора еще, какъ видимъ, въ октябрѣ. Впрочемъ, скажу откровенно: если бъ даже я и замѣтилъ чернильныя исправленія въ поднесенной мнѣ отъ автора книгѣ, то все равно я счелъ бы себя вправѣ обратить вниманіе на *такія* исправленія: вѣдь купленный мною экземпляръ ясно свидѣтельствуетъ, что продажные экземпляры, назначенные для обращенія въ публикѣ, никакихъ такихъ поправокъ на себѣ не имѣютъ. Въ срединѣ ноября 1895 г. рецензія моя была послана въ редакцію «Кіевской Старины», но я еще и послѣ того, даже въ декабрѣ, видѣлъ книги Довнара въ прежнемъ состояніи, безъ приложенія списка опечатокъ. Только въ январѣ стали циркулировать вдругъ экземпляры «Бѣлорусскаго Полѣсья» со

вклеенными списками «опечатокъ»[1]), подъ которыми стояла дата: «Кіевъ, 28 сентября». Оставляя въ сторонѣ вопросъ, зачѣмъ г. Довнару вообще понадобилось ставить подъ опечатками дату, зададимъ лучше другой вопросъ: «Зачѣмъ онъ поставилъ эту дату *заднимъ числомъ?*» Не берусь догадываться, потому что и боюсь догадываться. Или... не для того ли это сдѣлано, чтобы внушить другимъ мысль, будто я, когда писалъ рецензію, несомнѣнно ужъ имѣлъ экземпляръ съ указаніемъ опечатокъ??... Но нѣтъ! нѣтъ! Такой нелитературный пріемъ былъ бы чудовищенъ!... Нѣтъ! я предпочитаю ни за что не вѣрить такой ужасной догадкѣ и ограничусь констатированіемъ одного лишь факта, что, когда я писалъ рецензію, то въ продажѣ ходили *неисправленные* экземпляры книги г. Довнара, и я, какъ рецензентъ, обязанъ былъ именно такіе то рецензовать.

Словарь пинскаго говора у г Довнара-Запольскаго такъ же хаотиченъ, какъ все сочиненіе, и никуда не годенъ въ филологическомъ отношеніи. Если бы г. Довнаръ ограничился простымъ переводомъ словъ, то еще можно бы примириться, но онъ, напр., вздумалъ сочинять несуществующія формы (напр., н. н. «велищиться»), вздумалъ пускаться въ очень наивныя этимологическія объясненія[2]) и т. п. Все это я подчеркнулъ въ «Кіевской Старинѣ» въ своей рецензіи и прошу читателей еще разъ взглянуть въ нее. Г. Довнаръ, какъ человѣкъ несвѣдущій въ филологіи и незнакомый съ филологическими терминами, не могъ *понять* моихъ замѣчаній, и потому теперь въ своемъ отвѣтѣ возражаетъ мнѣ совершенно не впопадъ. Онъ, помнится мнѣ, сказалъ, что «тати» происходитъ изъ «тнути» (не наоборотъ!), и сблизилъ этимологически (не семасіологически!) «тнути» съ «ткнути» (тронуть); я ему объяснилъ въ рецензіи, что такая этимологія неумѣстна, а онъ мнѣ теперь возражаетъ: «Народъ не знаетъ этимологическихъ законовъ!». Выходитъ по малорусской

---

[1]) Приглашаю читателя полюбоваться, что это за „опечатки!" Онѣ ясно обличаютъ въ авторѣ человѣка, который съ непривычки не въ состояніи понимать самаго простого филологическаго языка. Напр., работы Карскаго, на которыя ссылается г. Довнаръ, ясно указываютъ, что „му" въ „ходытыму" есть глаголъ, и все же г. Довнаръ называетъ это суффиксомъ. Полнѣйшая неспособность разбираться въ филологическомъ чтеніи!

[2]) Сейчасъ ниже читатель увидитъ, что г. Довнаръ смутно представляетъ себѣ значеніе слова: „этимологія" и даже открещивается отъ нея. Тѣмъ не менѣе объясненія его носятъ характеръ этимологическій. Какъ же это такъ? Повторяется, видно, здѣсь та же исторія, что и съ Мольеровскимъ bourgeoisgentilhomme'омъ, который говорилъ цѣлый вѣкъ свой прозою, не зная, что это проза.

пословицѣ: «на вгороди бузына, а въ Кыиви дядько». Можно ли, послѣ того, спорить противъ возраженій г. Довнара? Я лучше всего посовѣтую г. Довнару взять въ руки элементарную грамматику, подъучить ее, узнать, чтó значитъ «этимологія» и другіе филологическіе термины, —авось послѣ того онъ научится *понимать* филологическій языкъ; тогда, чаю, и самъ онъ уразумѣетъ свою «на вгороди бузыну». А до тѣхъ поръ объяснять ему его филологическія ошибки я считаю трудноватымъ. На одно изъ горькихъ замѣчаній г. Довнара можно, однако, дать разъясненіе и теперь, такъ какъ его можно понять и безъ знанія грамматики. Я, просматривая словарь г. Довнара, увидѣлъ, что авторъ, поставивши возлѣ нѣсколькихъ (шести) пинскихъ словъ соотвѣтственныя польскія слова и выказавши такимъ образомъ свое явное желаніе не избѣгать польскихъ параллелей, не отмѣтилъ такихъ же параллелей при многихъ другихъ словахъ, гдѣ онѣ, такъ сказать, сами просились на перо; сверхъ того къ глаголу «зитхнуты» г. Довнаръ не могъ придумать параллели: «westchnąć», а привелъ существительное: «westchnienie». На этомъ основаніи я позволилъ себѣ замѣтить: «*Кажется*, впрочемъ, что г. Довнаръ-Запольскій владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно». Г. Довнаръ-Запольскій нѣсколько разъ съ горечью упоминаетъ объ этомъ моемъ замѣчаніи. На стр. 196 онъ говоритъ: «Странно, какъ подобнаго рода свѣдѣнія могли попасть въ рецензію г. Кр.: очевидно, онъ ихъ почерпнулъ изъ какихъ либо стороннихъ источниковъ». На стран. 197-й: «Рецензія г. Крымскаго изобилуетъ различными замѣчаніями, относящимися не къ книгѣ, а къ ея составителю» (Откуду мнѣ сіе?! Гдѣ эти личныя замѣчанія, да еще изобилующія??). На стр. 200-й онъ опять возвращается къ моему выраженію: «Кажется г. Довнаръ владѣетъ польскимъ языкомъ не свободно» и опять настоятельно повторяетъ: «Это одно изъ стороннихъ свѣдѣній». На стран. 202-й онъ повторяетъ еще разъ, что я на него нападаю, имѣя «стороннія свѣдѣнія». Я объяснилъ уже, почему я позволилъ себѣ усумниться въ польскихъ знаніяхъ г. Довнара. Очень жалѣю, если нечаянно попалъ въ самое больное мѣсто автора. Для утѣшенія повторю ему его же мудрое изреченіе: «Не знать чего нибудь—вовсе не бѣда» (стр. 196). Но смѣю его увѣрить, что никакихъ «стороннихъ свѣдѣній» о немъ, г. Довнарѣ, не имѣю. Никогда ни съ кѣмъ я не имѣлъ чести говорить о г. Довнарѣ-Запольскомъ, никогда мнѣ и въ голову не приходило избирать его сюжетомъ разговора, да и вообще (не во гнѣвъ будь сказано г. Довнару-Запольскому) никогда и нигдѣ я не слышалъ,

чтобы о немъ что нибудь говорили... Другое постороннее свѣдѣніе г. Довнаръ усмотрѣлъ въ моей фразѣ: «Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ». Г. Довнаръ на это заявляетъ: «Вѣроятно, это одно изъ стороннихъ свѣдѣній: я не имѣлъ случая высказать своего практическаго знанія діалектологіи» (стран. 197). Опять могу дать честное слово г. Довнару, что еще никогда и ни отъ кого не слышалъ мнѣнія о г. Довнарѣ какъ о практическомъ знатокѣ діалектовъ: это мнѣ самому такъ показалось, когда я читалъ его книгу. Но теперь, когда г. Довнаръ запальчиво увѣряетъ (стр. 199), что у пинчуковъ слово «вродлывый» значитъ «дородный» (т. е. толстый), я охотно отказываюсь отъ своей догадки и буду впредь относиться къ сообщеніямъ г. Довнара съ большой осторожностью.

Замѣтивши, что г Довнаръ объясняетъ множество *обычныхъ* малорусскихъ словъ по словарю бѣлорусскому и по сборникамъ пѣсенъ бѣлорусскихъ, я съ изумленіемъ написалъ въ своей рецензіи: «г. Довнаръ—Запольскій, повидимому, искренне убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексическій репертуаръ пинчуковъ—бѣлорусскій, а не малорусскій!» Изумленіе мое проистекало отъ того, что самъ г. Довнаръ, на стр. XXVII своей книги, призналъ говоръ пинчуковъ за малорусскій (это я отмѣтилъ въ самомъ началѣ своей рецензіи). Теперь г. Довнаръ недоволенъ на мои слова и для доказательства, что пинскій говоръ онъ считаетъ за малорусскій, а не за бѣлорусскій, ссылается именно на стр. XXVII своей книги. Недовольство г. Довнара было бы основательно, если бы къ его книгѣ можно было примѣнять законы логической послѣдовательности. А ея у него нѣтъ. Вѣдь, сказавши на стр. XXVII, что пинскій говоръ относится къ малорусскимъ, г. Довнаръ все же назвалъ свою книгу «*Бѣлорусскимъ* Полѣсьемъ» Почему же я не смѣлъ предположить такого же логическаго скачка и въ «Словарѣ» а тѣмъ болѣе—встрѣчая объясненія общеизвѣстныхъ малорусскихъ словъ словаремъ бѣлорусскимъ? Да и вообще говоря: смѣю ли я ожидать логики отъ того автора, который, по его собственному заявленію (стр. 202), допускаетъ логичность только для большихъ сочиненій, а по отношенію къ маленькимъ считаетъ ее за излишнюю роскошь, который дѣлитъ пѣсни на лѣтнія, женскія и чумацкія, который считаетъ себя вправѣ писать хаотически и ненаучно на томъ основаніи, что его сочиненія „предназначаются не для учащихся, а для ученыхъ“?! Скажу кстати, что не понимаю, какъ даже поднялось перо у г. Довнара, чтобы писать хоть одно слово въ оправданіе чудовищнаго дѣленія пѣсенъ на лѣтнія,

женскія и чумацкія. „Сборникъ мой такъ невеликъ, что я не счелъ нужнымъ вводить какую-нибудь другую классификацію», говоритъ г. Довнаръ (стр. 202). Въ истинномъ ученомъ обязательность научности прямо *внѣдрена*; ученый, просто въ силу безсознательнаго требованія своей природы, и строчки не можетъ напечатать безъ соблюденія научности, онъ не можетъ слѣдовать правилу, что «Iedes Thierchen hat sein Manierchen»

Я разобралъ отвѣтъ г. Довнара. Какъ изъ моей прежней рецензіи въ «Кіевской Старинѣ», такъ и изъ нынѣшней читатель видитъ, насколько г. Довнаръ имѣетъ понятіе о филологіи въ частности и о наукѣ вообще. Просто изумляешься его отвагѣ, съ которой онъ позволяетъ себѣ раздавать другимъ патенты на научность и ненаучность и величать свою книжку «ученымъ трудомъ». (стр. 199). Это по пословицѣ: Не хвалять насъ люды, Гапко, дакъ самы *похвалимось*» Чтобы передъ нами еще рельефнѣе обрисовался научный *обликъ* г. Довнара, коснемся еще двухъ «пассажей« въ его статейкѣ.

«Что касается словаря Желеховскаго, незнакомство мое съ которымъ г. Крымскій подкрѣпляетъ восклицательнымъ знакомъ, то всѣмъ хорошо извѣстно, что этотъ словарь, напечатанный въ Галиціи, въ Россію не допущенъ къ обращенію» (стр. 201). Мимоходомъ скажу, что это не всѣмъ извѣстно. Я, напр., получилъ словарь Желеховскаго черезъ цензуру совершенно свободно, и притомъ—какъ частное лицо. Знаю, что и другіе также получали «Словарь» и полагаю, что легко его могъ бы себѣ выписать и г. Довнаръ. Если же онъ думалъ, что обыкновенной публикѣ нельзя имѣть Словаря Желеховскаго, то развѣ не могъ обратиться къ спеціалистамъ-филологамъ, которые имѣютъ законное право держать всѣ сочиненія, необходимыя по ихъ спеціальности? Г. Довнаръ говоритъ, что онъ искалъ: «А что я его искалъ, объ этомъ кое-кому изъ моихъ читателей извѣстно». Вольно жъ было г. Довнару разыскивать словарь Желеховскаго у какихъ-то невѣдомыхъ своихъ читателей, а не обратиться, напр., къ Р. Ѳ. Брандту! Не въ этомъ впрочемъ суть, а въ томъ, насколько научна отговорка: «Не нашелъ,—значитъ можно и безъ того обойтись». А должно бы быть иначе: «Не нашелъ *нужнаго* научнаго пособія, такъ и не берись за дѣло не по силамъ, или не претендуй по крайней мѣрѣ на научность».

Научность г. Довнара видна и изъ его раболѣпнаго, чисто безсознательнаго преклоненія предъ авторитетомъ. Онъ обо мнѣ съ ужасомъ говоритъ: «Мимоходомъ здѣсь же достается профессору (даже pleno ti-

tulo!) А. И. Соболевскому и вставлено обѣщаніе «поговорить» о книгѣ академика (о, ужасъ!) Шахматова за ихъ смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ» (стр. 196). Въ концѣ выписки мы, при случаѣ, можемъ отмѣтить или ошибку, или передержку: я вѣдь негодовалъ на названныхъ ученыхъ не за ихъ «смѣлость писать о малорусскомъ языкѣ», а за ихъ склонность толковать о малорусскомъ языкѣ *не изучивши его.* Но г. Довнаръ такъ туго понимаетъ все относящееся хоть немного къ филологіи, что я охотно прощаю ему извращеніе моей мысли, а обращаю вниманіе читателя собственно на наивный ужасъ г. Довнара: «г. Соболевскій—профессоръ, а г. Шахматовъ—академикъ,—и подите же: находится дерзкій человѣкъ, еще не державшій магистерскаго экзамена, а готовый противъ нихъ писать!». Если бы г. Довнаръ могъ судить о филологіи, то, быть можетъ, и самъ легко замѣтилъ бы, что сочиненія проф. Соболевскаго страдаютъ крайней тенденціозностью, прямо бросающейся въ глаза, а если бы прочиталъ «Изслѣдованія въ области русской фонетики» акад. Шахматова, то прочиталъ бы и откровенное сознаніе самого автора, что его сочиненіе—мало продуманное, и что съ живыми русскими нарѣчіями онъ мало знакомъ. Но и помимо этого я принужденъ сообщить г. Довнару банальную истину, что человѣкъ, любящій науку и дорожащій наукою, не долженъ смотрѣть со слѣпымъ довѣріемъ на титулъ «профессоръ» или «академикъ», а долженъ критически провѣрять все, долженъ прежде всего смотрѣть, гдѣ истина, гдѣ правда, и долженъ помнить, что какъ профессоры, такъ даже академики способны ошибаться.

Чтобы г. Довнаръ пришелъ въ еще большій ужасъ, я возобновляю передъ читателями «Кіевской Старины» обѣщаніе *поговорить* съ ними поподробнѣе о трудахъ г.г. Соболевскаго и Шахматова въ самомъ ближайшемъ времени.

А. Крымскій.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Открыта подписка на новое, роскошно иллюстрированное изданіе **А. Ф. Девріена.**

АТЛАСЪ БАБОЧЕКЪ ЕВРОПЫ

И ОТЧАСТИ РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Составленъ по Э. ГОФМАНУ. Обработанъ и дополненъ, примѣнительно къ русской фаунѣ, Н. А. ХОЛОДКОВСКИМЪ, профессоромъ Императорской Военно-Медицинской Академіи и доцентомъ С.-Петербургскаго Лѣсного Института.

Выходитъ въ 10 выпускахъ въ большомъ форматѣ (in 4°); каждый выпускъ будетъ состоять изъ 24 страницъ текста и изъ 7—8 раскрашенныхъ таблицъ, представляющихъ всего 1965 видовъ бабочекъ и гусеницъ, изображенныхъ съ натуры, съ передачей полнаго колорита и въ самомъ точномъ исполненіи. Такихъ таблицъ всего будетъ въ изданіи 72. Первый и второй выпускъ вышли въ свѣтъ въ январѣ и февралѣ 1897 г., слѣдующіе—ежемѣсячно. Все изданіе закончится въ октябрѣ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на это изданіе, съ пересылкой или доставкой 10 выпусковъ, 14 рублей.

По желанію подписчика и во избѣжаніе излишнихъ хлопотъ при пересылкѣ денегъ,—сумма эта можетъ быть взыскана **наложеннымъ платежемъ**, при доставленіи первыхъ выпусковъ.

Принимается кромѣ того подписка на льготныхъ условіяхъ съ уплатою по 1 руб. 50 коп. за каждый выпускъ, по мѣрѣ его выхода. Сумма

эта (и 10 коп. коммиссіи почтовому вѣдомству) можетъ быть налагаема на каждый высылаемый подписчику выпускъ.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Лица, не имѣющія сношеній съ ближайшими книжными магазинами, могутъ высылать свои требованія непосредственно къ издателю, АЛЬФРЕДУ ФЕДОРОВИЧУ ДЕВРІЕНУ, В. О., Румянцевская площ., свой домъ, въ С.-Петербургѣ.

1—1

рить Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашаясь съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одинадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.—П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.—Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,—слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но все жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галушкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ.—Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя конечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжитъ туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одаріи Семеновнѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарія Семеновна должна бы изъ уваженія къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одаріи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарія Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей п. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время послышалъ, что Одарія Семеновна подходила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водкою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и сребренными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печоную рыбу и пироги. Панночки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ пили, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, п. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одаріи, которая намъ такія славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарія Семеновна, которой на ту пору понравилась похвала водкѣ и которая слышала послѣднія слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, п. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго пріѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полынную настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помагаю. При старой паніи, вѣчная ей память, продолжала Одарія Семеновна, выпивая водку, я также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хоть и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

видно не всѣ туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчить мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я именинникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому я и самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяцъ. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣзавтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесять человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой паніи случилось тоже, что нежданно наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну п. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ пироговъ не худо. Одаріи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна къ старому кредендарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобъ прибрать завтракъ, я думаю, что п. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ п. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отвѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого п. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ п. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчитъ.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчитъ. Ты думаешъ, черезъ кого выходятъ во дворѣ каламутини? Через кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно кошту. Что жъ будешь робить съ панами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водилось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слишкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимою Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ея стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои домы на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставались хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по-крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всякой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребляли самые драгоцѣнные приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

раньше, и хоть они отправлялись на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковый товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній!—П. полковника симъ упрекать нельзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопріѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо принимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепріимствомъ Одаріи Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ позднаго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи—Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчучный Даміянъ Оболонскій, асаулы: Петръ Валькѣвичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостолъ, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоропадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибыли: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челищевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, съ *люцами и кантарами*. Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова[1]) и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

[1]) Назначенъ правителемъ Малороссіи весною 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императорица Елисавета въ Глуховъ, попути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Днев. Зап. Як. Марковича, II, 223.

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двуличнаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась запонкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные чорные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Неизвѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторыя пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждили, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакомстра выигривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣяніи и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни кораблика, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіяне произносятъ букву *ѣ* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ѣ* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Чернѣговъ*, *кибѣтка*, *зѣма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряду. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ живали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Борятинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ... [1])

---

[1]) На этихъ словахъ рукопись кончается.

ЗАПИСКА

о

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги", хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „герольдія" сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ *записки*: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепою, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего". *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевскаго университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ [1]).

---

[1]) „Кіевск. Старина" 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепою. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдіи, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотамы. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій [1]). Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православную вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія [2]) военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины [3]).

---

[1]) Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимвровъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагаютъ ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень издалека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетьманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. майя, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковѣчною отчизною ихъ, а славныхъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

[2]) 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

[3]) Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществѣ сущихъ, елико кто имаше отъ

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а инода одинъ, хоружій, бунчучній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ [1]), судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городоные и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

---

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ россійскомъ наданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержаще и пагуби я не допускающе".

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи обѣщанія царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написанно: „большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и княжатъ древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте". Изъ упомянутаго универсала гетьмана Хмельницкаго, 1648 года, маія 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примѣчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ устововъ [2]) и привилегій князей рускихъ и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, после Хмельницкаго бывшихъ, иніе утрачены а иніе измѣнникомъ Мазепою со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присиланіе отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферовъ да думной дьякъ Лопухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніи Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копіи, можетъ быть всѣ оны отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственой иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копіи съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

[1]) Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ службъ и достоинствъ.

[2]) Г. А. господинъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генваря 31.

соблюющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллеріею, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллеріею. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждотъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человѣкъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливыя способности и заслуги главнѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетсвомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многимъ пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя вожделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣваемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданними всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персіею, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничнихъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

ломили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой линіи, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государини императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, находясь по высочайшему определенію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣвію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимыми и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и имуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онымъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной конной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человѣкъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовыя мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную коммисію, въ полковыя счетныя же коммисіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ коммисіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для писма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были наипаче бунчуковые, войсковые

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимаясь службою, не должны были обовязываться посторонними дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемилостивѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, коею подтверждены малороссійской войсковой старшинѣ, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго имяннаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по героліи послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійкую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣвія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оные высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенствованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленные;

2, удостоены высочайше уравненія между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижимыми имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маетности и прочія недвижимыя имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстьевъ, имѣли [1]) ранговыя деревни даже до открытія троихъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ урядовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелику тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному пи-

---

[1]) Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ гродскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избыраемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По именному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго класные военные чины: одинъ генералъ и два флигели адьютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины—наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 маія 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понынѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухопутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій—св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи троихъ намѣстничествъ, покойная государиня императрица Екатерина Вторая реченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщила, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на ономъ, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи имѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были выбираемы, какъ должно, подъ

надзираніемъ господъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтнюю службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляемы были въ коронную службу губернаторами, вице-губернаторами, экономій директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарями.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привилегіямъ и высочайшимъ грамотамъ, имъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями троихъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (кои по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генералъ маіора или бригадира, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчучному—ранги подполковничьи; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-поручика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпоручика или прапорщика; сотенной и городовой старшинѣ, тоесть атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАЙ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА.

(Историко-критическій очеркъ).

Судьба острожской школы представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ, хотя, къ сожалѣнію, мало выясненныхъ и мало извѣстныхъ эпизодовъ исторіи западнорусскаго просвѣщенія. Хотя XVI и XVII-му вѣкамъ исторіи Западной Россіи очень посчастливилось, такъ какъ десятки томовъ Актовъ, Памятниковъ, Архива и т. п. изданій, вышедшихъ до настоящаго времени въ свѣтъ, даютъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики почти всѣхъ сторонъ политической, гражданской, церковной и вообще культурной жизни западнорусскаго народа и общества, надъ чѣмъ и потрудилось уже немало изслѣдователей,—школьный вопросъ все еще играетъ роль пасынка. Имъ во всей его широтѣ до сихъ поръ не занялся ни одинъ историкъ западнорусской жизни и до сихъ поръ для него не приготовлены матеріалы, въ родѣ германскихъ Monumenta pedagogica... Впрочемъ, мы почти убѣждены, что едва-ли и возможно изданіе хотя бы одного тома такихъ чисто педагогическихъ матеріаловъ: ихъ дошло до насъ очень немного. Особенно же сильно страдаетъ отъ скудости ихъ исторія острожскаго училища, несмотря на то, что оно въ теченіе полустолѣтія было одной изъ виднѣйшихъ нашихъ школъ, стоявшихъ на стражѣ православія и русской народности, противъ которыхъ вели систематическую борьбу

католики и протестанты, избравшіе для того въ числѣ другихъ орудій—просвѣщеніе.

Вопросъ объ острожской школѣ распадается въ нашемъ изслѣдованіи на слѣдующіе частнѣйшіе вопросы: I) Происхожденіе острожской школы, II) Характеръ ея, III) Внѣшняя исторія и IV) Виднѣйшіе представители острожской учености.

I.

Основателемъ острожской школы былъ кіевскій воевода, извѣстный князь Константинъ (Василій) Константиновичъ Острожскій, который открылъ ее около 1580 г. Въ настоящее время это положеніе можно считать за историческую истину. Но въ литературѣ дата основанія острожской школы колеблется такъ сильно, что между предѣльными пунктами времени, указываемыми для этого событія, находится промежутокъ ни болѣе, ни менѣе какъ въ цѣлое столѣтіе. Нѣкоторые историки относятъ его къ самому началу XVI ст. или даже къ 1498 г., связывая учрежденіе школы съ именемъ Константина Ивановича Острожскаго, а князю Константину Константиновичу приписывая преобразованіе ея въ высшую, подъ вліяніемъ люблинской уніи, грозившей православной вѣрѣ и русской національности [1]). Но нѣтъ рѣшительно никакихъ слѣдовъ существованія острожской школы ранѣе 1581 г. и тѣмъ менѣе можно настаивать на основаніи ея кн. Константиномъ Ивановичемъ. Та надгробная надпись, въ которой профессоръ виленскаго университета Ярошевичъ видѣлъ доказательство своего положенія объ учрежденіи школъ этимъ княземъ [2]), едва-ли можетъ убѣдить насъ въ этомъ: текстъ,

---

[1]) Волынскія губ. вѣдомости, 1864, № 15. *Проф. Петровъ*, „Очеркъ Исторіи православной школы на Волыни" въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1867, I, 181. 182 *Архим. Арсеній*, „Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для прав. церкви, изд. 2, 1881 г., стр. 75 (Первое изданіе книжки вышло въ 1870 г. подъ фамиліей свящ. Брянцева).

[2]) *Iaroszewicz*, Obraz Litwy, III, 82 и прим. 90 на 216 стр. Надпись, на которую ссылается онъ, помѣщена въ „Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ", I, 403, *прим.*: „Константинъ Іоанновичъ князь Острожскій, Гетманъ вел. Княжества Литовскаго, Защищеніемъ Восточнаго благочестія и храбростію въ бра-

ея показываетъ, что она не современна смерти К. И. Острожскаго, а, быть можетъ, только нѣсколькими годами моложе стихотворной эпитафіи печерскаго монаха Аѳанасія Кальнофойскаго, который распространилъ ея содержаніе [1]). Эту надпись можно отнести къ концу XVI или началу XVII ст., когда значеніе училищъ настолько выяснилось предъ сознаніемъ западноруссовъ, что имъ казалось немыслимымъ, чтобы не заботился о просвѣщеніи такой идеальный князь, какимъ представлялся К. И. Острожскій. Въ силу этого и Кальнофойскій приписалъ Константину Ивановичу заботливость объ образованіи; мало того, въ своей эпитафіи онъ заставляетъ князя „для людей рыцарскихъ оставить въ Марсовой Академіи копья съ саблями," что является уже чистымъ анахронизмомъ, такъ какъ учрежденіе рыцарской школы, проектированное для Украины въ 1594 г. кіевскимъ католическимъ епископомъ Іосифомъ Верещинскимъ [2]), должно относить ко времени никакъ не ранѣе 1633 г., когда коронаціонный сеймъ согласился устроить ее во Львовѣ [3]).

Но и кромѣ того есть положительныя данныя, удостовѣряющія, что основателемъ острожской школы былъ князь Константинъ Константиновичъ,—основателемъ, а не преобразователемъ. Таково, прежде всего, ясное, хотя и не опредѣляющее точно времени учрежденія училища свидѣтельство одного изъ виднѣйшихъ членовъ львовскаго братства Юрія Рогатинца. „Чрезъ долгій часъ, говоритъ онъ въ „Перестрогѣ", написанной въ первые годы XVII ст., святѣйшіе патріархове панства нашого не навѣжали особами своими, толко чрезъ посланцовъ своихъ... Того часу, по зезволенію Божіемъ, благовѣрный князь Константинъ Кон-

---

нѣхъ пресловутый, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, страннопріимницы немощныхъ ради, въ княженіи своемъ Острожскомъ и въ стольномъ градѣ Литовскомъ Вильнѣ создавши, вторую Геѳиманію пресвятыя Богородицы Печерскія домъ учредилъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ имѣнитый, по представленіи своемъ сподобися положенъ быти 1533".

1) Τερατουργημα, 1638 стр. 34.

2) „Кіевская Старина", 1894, I, 228.

3) Volumina legum, III, 376. Лукашевичъ отрицаетъ, впрочемъ, что она тогда же была заведена (Historya szkoł w Koronie i w. ks. Litewskim. Poznań, 1849, I, 441. 442).

стантиновичъ умыслилъ утвердити православную вѣру, предками своими вездѣ уфундованную. И напервѣй старался у свят. патріарха, абы ся здѣ дидаскаловъ ко розмноженію наукъ вѣрѣ православной зослалъ; а онъ на то маетностями своими ратовати готовъ и доложенья ихъ на то не жалуетъ, яко южъ *збудовалъ школу*, шпиталь и маетностями ихъ надарилъ, и такожъ Словенскую и Грецкую у Острогу заложилъ друкарню, обралъ со благословеніемъ и зосланіемъ патріарха вселенского, и тое все заложилъ" [1]) Подобнымъ же образомъ говоритъ объ основаніи острожской школы Константиномъ Константиновичемъ Іаковъ Суша, холмскій уніатскій епископъ: по его словамъ, князь воздвигъ (erexit) въ Острогѣ школу (palaestram) не только славянскаго языка, но и латинскихъ и греческихъ наукъ, въ которой воспиталъ многочисленную русскую молодежь, какъ дворянскаго, такъ и плебейскаго происхожденія [2]).

Для насъ нѣтъ сомнѣнія, что острожское училище получило начало при Константинѣ Константиновичѣ, но когда именно?

Здѣсь, прежде всего, должны быть отвергнуты 1593 и 1595 годы, указываемые писателями, ставящими учрежденіе острожской школы въ связь съ попыткой князя К. К. Острожскаго парализовать стремленіе высшаго русскаго духовенства къ уніи съ римской церковью [3]), такъ какъ мы еще задолго до обнару-

[1]) А. З. Р., IV, стр. 205. 206. Въ пользу авторства Юрія Рогатинца по отношенію къ Перестрогѣ высказываются такіе историки, какъ г. *Ив. Франко* и недавно скончавшійся *А. Брикнеръ*, (Franko, „Z dziejów synodu Brzeskiego 1596 r." Kwartalnik historyczny, 1895 zesz. I, 19—22. Brückner A., „Spory o unię w dawnej literaturze": Kwart. hist., 1896, zesz. III, 600. 605).

[2]) *Susza*, Saulus et Paulus, Romae, 1666, p. 15, 16 (Въ 1864 г. іезуитъ Мартыновъ переиздалъ это сочиненіе подъ заглавіемъ „Vita M, Smotriscii, auctore Iacobo Susza).—Г. Лукьяновичъ, новѣйшій историкъ острожской школы, списокъ лицъ, на мнѣніяхъ которыхъ онъ опираетъ мысль объ основаніи ея К. К., а не К. И. Острожскимъ, доводитъ до послѣдняго времени, называя въ числѣ ихъ Нѣсецкаго, Стебельскаго, Сарчинскаго, Гараcіевича (1862.). („Къ вопросу объ острожской школѣ"— Волынскія епарх. вѣдом., 1881 г., 772—774).

[3]) *Lukaszewicz*, Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie, I, 81, Ejusdem, Hist. szkół, I, 350. 351. *Еленевскій*, „Мел. Смотрицкій" (Прав. Обозр., 1861, іюнь, 115. Кирило-Меѳодіевскій сборникъ, изд. И. Мартынова, I (1863), пред. XXIII. XXIV *Stecki*, Wołyń, 1864, I. 139 *А. Гожалчинскій*, „Іезуитскія школы въ юго-западной Россіи" (Тр. кіев. дух. академ. 1864, II, 119). Всѣ эти писатели идутъ, очевидно, вслѣдъ за Сушей (o. c., 15).

женія владыками *уніональныхъ* тенденцій встрѣчаемъ упоминаніе о ней. Это — свидѣтельство извѣстнаго дипломата іезуита Антонія Поссевина. Ознакомившись по пути къ королю Стефану Баторію и царю Ивану Васильевичу, примирить которыхъ онъ былъ посланъ, съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ зап. Россіи, Поссевинъ писалъ въ концѣ 1581 г., что „князья русскіе, каковы (напр.) Слуцкій и Острожскій, имѣютъ свои типографіи и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма“ [1]).

Конечно, нужно положить по меньшей мѣрѣ два или три года для того, чтобы вновь учрежденная въ Острогѣ школа дѣйствительно могла получить такое значеніе для православія. Но нельзя слишкомъ далеко отодвигать начало ея отъ 1581 г., т. е. къ 1570 г. или даже еще ранѣе, какъ дѣлаетъ г. Лукьяновичъ, помѣщающій его между 1554 и 1564 годами. Противъ послѣдней даты говоритъ какъ отсутствіе другихъ доказательствъ, такъ и невѣрность того положенія, на которомъ она опирается. Именно г. Лукьяновичъ, повѣривъ Стебельскому, что „три сына Константина— Константинъ, Янушъ и Александръ въ малолѣтствѣ получили образованіе въ острожскихъ школахъ, основанныхъ ихъ отцомъ для изученія различныхъ языковъ, преимущественно же латинскаго, греческаго и славяно-русскаго“, хронологически вычислилъ, что это могло совершиться въ промежутокъ времени между 1554 и 1564 годами [2]). Но насколько хорошо былъ освѣдомленъ объ этомъ предметѣ самъ Стебельскій, видно изъ сопоставленія этого его извѣстія съ другимъ, по которому князь К. К. Острожскій поручилъ воспитаніе и образованіе трехъ своихъ сыновей Максиму (Мелетію) Смотрицкому [3]). Между тѣмъ по-

---

[1]) „Habent ii Duces, quales sunt Ostrogiae et Slucensis, typographias et scholas, quibus longe lateque schisma fovetur“. Commentarius primus de rebus Moscoviticis ad religionem spectantibus (Starczewski, Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, t. II, 286—О слуцкой школѣ исторія не сохранила болѣе указаній.

[2]) *Stebelski*, Genealogia xx. Ostrogskich. Ш. 112, Вол. епарх. вѣд., 1881 г., 772—775 (ср. 767—769).

[3]) Dwa wielkie światla na horyzoncie Polockim... Tomik I, 1781. Opisania awtorów. Smotrzyski Melecyusz.

слѣдній родился только около 1578 г. и былъ, слѣдовательно, моложе своихъ мнимыхъ учениковъ [1]).

Относя учрежденіе острожской школы ко времени „около 1580 г.“, мы понимаемъ эту дату такъ, что она можетъ захватывать нѣсколько лѣтъ, предшествовавшихъ этому году. Мы склонны ставить основаніе школы въ связь съ устройствомъ въ Острогѣ типографіи, нужды которой, быть можетъ, и вызвали къ жизни училище. Правда, намъ не извѣстенъ точно и годъ основанія типографіи. Мы можемъ только предполагать, что мысль о послѣдней возникла у князя Острожскаго не ранѣе 1575—1576 г. г., т. е. не ранѣе сближенія его съ Иваномъ Ѳедоровымъ, первымъ русскимъ книгопечатникомъ.

Діаконъ Ив. Ѳедоровъ [2]) появился въ предѣлахъ западной Россіи въ 1565 году, когда онъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Петромъ Мстиславцемъ, спасать свою жизнь отъ ярости московской черни, оказавшейся еще не въ состояніи оцѣнить блага Гуттенбергова изобрѣтенія. Оба эти „сѣятеля словесныхъ сѣмянъ“ нашли на первыхъ порахъ пріютъ у пана Ходкевича и въ его имѣніи Заблудовѣ (въ нынѣшнемъ бѣлостокскомъ уѣздѣ) напечатали въ 1568—9 г. г. Учительное Евангеліе, замѣчательное, между прочимъ, тѣмъ, что при изданіи его впервые былъ возбужденъ вопросъ о переводѣ его „на простую молву“, т. е. на народную, западнорусскую рѣчь. Послѣ удаленія Мстиславца въ Вильну, Ѳедоровъ одинъ издалъ Апостолъ и затѣмъ удалился во Львовъ, такъ какъ Ходкевичъ оказался болѣе не въ силахъ поддерживать типографію. Во Львовѣ Ѳедорову стоило большихъ трудовъ, немалыхъ слезъ и моленій на колѣняхъ завести свою „друкарню“. Но въ ней онъ напечаталъ только Апостолъ (1574) и затѣмъ долженъ былъ заложить ее

---

[1]) *Голубевъ*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники, I, 92. Младшій изъ трехъ сыновей Константина Константиновича Александръ въ 1592 г. уже женился. (Monumenta confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis, I, № 257).

[2]) Источниками для исторіи Ив. Ѳедорова служатъ предисловіе его къ Апостолу 1574 (Львовъ) и нѣкоторые документы, обнародованные А. С. Петрушевичемъ (Ив. Ѳедоровъ, русскій первопечатникъ, 1883, Львовъ), г. Пташицкимъ (Русская старина, 1884, мартъ), проф. Малышевскимъ (Чтенія въ историч. Общ. Нестора лѣтописца, VII, отд. II).

жидамъ. Въ это то время съ нимъ и познакомился кн. Острожскій, давшій ему должность справцы Дерманскаго монастыря, что произошло до марта 1575 г., когда мы впервые видимъ Өедорова въ этомъ званіи [1]). Послѣ сентября 1576 г. діаконъ Өедоровъ жилъ уже въ Острогѣ, откуда онъ, какъ слуга (famulus) князя, совершаетъ поѣздки въ Львовъ, Валахію и Турцію, быть можетъ, уже съ цѣлью подготовленія матеріаловъ для напечатанія Библіи [2]).

Изъ предисловія къ острожской Библіи 1581 г. мы узнаемъ, что изданію ея предшествовали многочисленныя сношенія князя съ константинопольскимъ патріархомъ, съ папой, съ греческими, сербскими и болгарскими монастырями, гдѣ К. К. Острожскій искалъ какъ „зводовъ добре исправленныхъ", такъ и „людій наказанныхъ въ писаніяхъ святыхъ еллинскихъ и словенскихъ". Но если сличеніе редакцій библейскаго текста и приготовленіе Свящ. Писанія къ печати было совершено этими „книгочіями", то во всякомъ случаѣ князю предстояла необходимость образовать у себя постоянный контингентъ справщиковъ, чѣмъ обусловливалось самое существованіе типографіи. При томъ же князь понималъ, что одно изданіе книгъ безсильно въ борьбѣ съ „лютыми волками невѣрія", подрывавшими православное благочестіе, и что едва ли не главную силу иновѣрцевъ составляли школы. Да впрочемъ, князю Острожскому не пришлось долго думать надъ тѣмъ, какъ пособить горю православной церкви: ему помогъ въ этомъ іезуитъ Петръ Скарга, знаменитый польскій проповѣдникъ, занимавшій одно время должность ректора виленской коллегіи и академіи. Съ Скаргою Константинъ Константиновичъ познакомился въ Львовѣ, при погребеніи своего родственника Яна Христофора Тарновскаго, поговорилъ съ нимъ о соединеніи церквей и пригласилъ къ себѣ въ Острогъ. Все это дало Скаргѣ поводъ посвятить князю свое сочиненіе: „O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o Greckim od

---

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора лѣтоп., VII, отд. II, 98. 99. Ср. Волын. губ. вѣд. 1847, № 23 и Вол. еп. вѣд., 1873, стр. 291.

[2]) Рус. Стар., 1884, мартъ, 465—468. Чт. въ общ. Нестора лѣтоп., VI, отд. II, 105—108.

tey iedności odstąpeniu" (Wilno, 1577). Конечно, Острожскій прочелъ эту любопытную книгу и обратилъ должное вниманіе на слѣдующія драгоцѣнныя, хотя нѣсколько утрированныя замѣчанія автора. Русь, писалъ Скарга, не имѣетъ проповѣдниковъ; въ ней „Wszystka nauka upadła, a popi zchłopieli, y nigdy z nich takiey, iakiey trzeba, pociechy owce mieć nie mogą". „A gdy kacerstwo nastanie, bronić się pasterze nie mogą, ani umieją, ani owiec od błędow wybawić mogą. Wilkom się nie odeymą, y owce pogubią, y sami siebie na koniec". Попы, продолжалъ онъ, не знакомы съ славянскимъ языкомъ, не говоря уже о греческомъ, котораго греки по зависти не дали имъ, какъ не дали своихъ школъ. Совершенно иначе поступаетъ римская церковь, которая, какую бы страну ни просвѣтила крещеніемъ, сейчасъ (будто бы) устраиваетъ въ ней латинскія школы, чтобы въ каждомъ народѣ прививались науки и вѣра чтобы не слабѣла отъ невѣжества и ученые чтобы выходили на защиту ея въ каждой націи... [1]).

Что, дѣйствительно, означенныя мѣста повліяли на кн. Острожскаго, видно изъ позднѣйшаго его заявленія, по которому причиной „скорбей, ситованія и бѣдъ", окружившихъ со всѣхъ сторонъ православную церковь, было то, что „устали учытели, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья"... [2]).

Такимъ образомъ, если вѣрны наши догадки о вліяніи типографіи Острожской и сочиненія Скарги на учрежденіе въ Острогѣ школы, то придется признать 1577 г., какъ terminus ante quem non острожскаго училища.

II.

До сихъ поръ спорятъ о томъ, что такое представляла изъ себя острожская школа—академію-ли, духовную семинарію, училище свободныхъ наукъ, или, наконецъ, низшее училище.

---

[1]) Памятники полемической литературы въ Западной Россіи, II, 484—486,

[2]) Памятники полемической литературы, III 583 (id. А. З. Р., IV, № 45).

Нѣкоторые историки увѣрены, что въ Острогѣ была академія въ нашемъ смыслѣ слова, и распространяются въ перечисленіи предметовъ преподаванія и знаменитыхъ профессоровъ ея [1]). Но, кажется, означенные историки хотятъ уподобиться въ данномъ случаѣ натуралисту Кювье, который по одной кости животнаго возстановлялъ цѣлый скелетъ его: и они по одному-двумъ случаямъ употребленія названія „академія" въ приложеніи къ острожской школѣ [2]) хотятъ возстановить, или, точнѣе, создать сложный строй жизни университетскаго заведенія. Совершенно правъ поэтому г. Лукьяновичъ, когда отрицаетъ возможность дѣлать на означенномъ основаніи тотъ выводъ, что острожская школа была академіей по своей программѣ. Но онъ совсѣмъ не правъ, когда, основываясь, между прочимъ, на научномъ характерѣ того сочиненія Гер. Смотрицкаго, въ которомъ сдѣлана замѣтка объ академіи, хочетъ доказывать, что она имѣла отношеніе собственно къ ученому острожскому кружку, обязан-

---

[1]) Таковы, напр., авторъ статьи о кн. Острожскомъ въ Прав. собесѣдникѣ, 1858, I; Архим. Арсеній (о. с.); г. Брянцевъ (Исторія литовскаго государства). Послѣдній, повторивши старый взглядъ на основаніе острожской школы кн. Константиномъ Ивановичемъ и на преобразованіе ея его сыномъ, считаетъ ее, вслѣдъ за архим. Арсеніемъ, академіей и даже выше виленской. „По количеству предметовъ и обширности ихъ преподаванія, а также составу профессоровъ—говоритъ онъ—академія острожская превосходила виленскую іезуитскую академію. Въ академіи острожской преподавались: славянскій, греческій и латинскій языки, богословіе, философія, риторика, поэзія, исторія, медицина и естественныя науки (послѣднихъ двухъ наукъ въ вилен. академіи не было)". Во главѣ академіи стоялъ ученѣйшій мужъ своего времени Кириллъ Лукарисъ, при которомъ академія острожская „поставлена была высоко и слава о ней гремѣла по всему Западу. Многіе западные ученые пріѣзжали въ Острогъ, чтобы послушать лекціи знаменитаго ректора" (414). Къ сожалѣнію, не указаны ни мѣстонахожденіе, ни программы „академіи", ни другіе источники сообщенныхъ интересныхъ данныхъ... Академіей же считаютъ острожскую школу и новѣйшіе изслѣдователи западнорусскаго образованія, напр. г. Миропольскій (Очеркъ исторіи церковно-приходской школы отъ ея возникновенія на Руси до наст. времени, III, 11).

[2]) Эти случаи суть слѣдующіе. Въ 1587 г. Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій на своемъ сочиненіи: „Ключъ царства небеснаго" сдѣлалъ помѣту: „Написано у Академіи Острозьской" (Арх. юго-запад. Россіи, ч. I, т. VII, пред. XIII—XV). Затѣмъ, въ 1598—9 г. г. еп. Ипатій Потѣй въ своемъ „Отписѣ на листъ нѣякого клирика Острозъскаго" догадывается, что послѣдній „есть учень академіи острозъское" (Пам. Полем. Лит., III, 1053).

ность большинства членовъ котораго „состояла въ трудахъ болѣе серіозныхъ и полезныхъ въ то время, чѣмъ обученіе въ школѣ, какъ напр.—въ написаніи тѣхъ или другихъ ученыхъ трактатовъ, могущихъ противостать, по своимъ достоинствамъ, трактатамъ враговъ православія и т. п.". Никакъ нельзя, говоритъ онъ, этого кружка ученыхъ людей, эту „академію наукъ", отожествлять съ высшимъ училищемъ и отъ названія перваго заключать къ существованію втораго (школы)[1]. Но если г. Лукьяновичъ отрицаетъ приложимость названія „академія" къ острожской школѣ, то мы думаемъ, что оно не относится и къ кружку ученыхъ. Въ то время при дворахъ многихъ вельможъ существовали такіе кружки, но никогда они не назывались академіями. Были они у виленскаго воеводы Николая Радивилла Чернаго (въ Вильнѣ, Брестѣ, Несвижѣ), у Яна Костки, сендомирскаго воеводы, въ Ярославѣ[2], у кн. А. М. Курбскаго и у другихъ. Мало того. Въ XVI ст., по словамъ г. Кулиша, „каждая типографія была ученый, по тому времени, кружокъ, собиравшійся около печатнаго станка и шрифтовой кассы; каждая представляла собою, въ миніатюрномъ видѣ, академію свободныхъ наукъ"[3], и между тѣмъ ни къ одному изъ этихъ кружковъ не прилагалось означенное названіе. Слову „академія" тогда принадлежало опредѣленное значеніе высшаго училища. И если въ іезуитскомъ учебно-воспитательномъ планѣ дѣлается уклоненіе отъ этого смысла, то опять не въ пользу г. Лукьяновича: здѣсь академіями называются собранія новиціевъ (scholastici), принадлежащихъ къ тому или другому классу или факультету, для частныхъ учебныхъ упражненій и для подготовки къ педагогической дѣятельности[4]. Наконецъ, что г. Лукьяновичъ напрасно увлекся своей идеей объ острожской академіи, какъ кружкѣ ученыхъ, соединенныхъ въ своихъ работахъ единствомъ направленія, дававшагося кн. Острожскимъ, который, по нему, сто-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 775.776.

[2]) *Baliński i Lipiński*, wyd. I-e, II, 653. 654.

[3]) Исторія возсоединенія Руси, II, 330.

[4]) Ratio et institutio studiorum S. J. Regulae academiae, 1.

алъ во главѣ „совѣта“,—видно и изъ указываемаго проф. Малышевскимъ факта работы этихъ ученыхъ—независимо другъ отъ друга [1]).

Безъ сомнѣнія, слово „академія“, употребляемое Смотрицкимъ, имѣло отношеніе къ училищу, какъ и выраженіе еп. Ипатія: „учень академии острозъское“ и какъ приписка къ „Отпису на листъ Потѣя“ (1598 г.): „Писанъ у Острогу, у школѣ Кгрецкой Острозской“ [2]). Но мы не думаемъ, однако, чтобы оно дѣйствательно соотвѣтствовало предмету. Во 1-хъ, учрежденіе академій въ польско-литовскомъ государствѣ обусловливалось королевской или папской привилегіей настолько, что безъ согласія короля даже литовскіе протестанты во главѣ съ Николаемъ Радивилломъ Рыжимъ, виленскимъ воеводой, не могли и не посмѣли возвести своего виленскаго училища на эту степень [3]). А мы не видимъ, чтобы князь Острожскій получилъ или даже хлопоталъ о королевской привилегіи. Во 2-хъ, съ понятіемъ академіи неразрывно связано представленіе объ извѣстныхъ правахъ, между прочимъ, о правѣ раздачи ученыхъ званій, не говоря уже о высшихъ наукахъ въ программѣ. Ничего подобнаго мы не усматриваемъ въ исторіи острожскаго училища. Въ 3-хъ, легко понять, что Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій назвалъ острожское училище академіей не потому, что оно было ею, а по чувству довольства имъ, гордости имъ и, быть можетъ, изъ желанія видѣть его таковою. Въ 4-хъ, свидѣтельство Ипатія Потѣя не можетъ быть принимаемо во вниманіе въ виду того, что онъ нѣсколько ниже въ томъ же „Отписѣ“ называетъ острожское училище „Колеюмомъ“, т. е. коллегіей, а еще ниже—просто школой [4]), и это тѣмъ болѣе, что тонъ его болѣе ироническій, чѣмъ серьезный. Въ 5-хъ, при буквальномъ пониманіи выраженій Гер. Смотрицкаго и Ип. Потѣя является необъяснимою слѣдующая фраза въ письмѣ Іосифа Рутскаго къ Н. Хр. Радивиллу: „Pan woiewoda Kiiow-

---

[1]) Апокрисисъ, изд. 1870 г., пред. XXVII, прим. 4.

[2]) П. Н. Л., III, 381.

[3]) *Theiner*. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, III, № 39. *Łukaszewicz*, Dzieje kościola wyznania Helweckiego w Litwie, I, 62. 63.

[4]) Пам. П. Л., III, 1073. 1115.

ski jakies akademyie na Wołyniu fundować chce, rozesłał po Grecyi o professory"... [1]). Письмо это писано изъ Рима въ 1603 г.; но если у князя Острожскаго уже въ 1587 г. была академія, то зачѣмъ ему понадобилась новая? Въ 6-хъ, наконецъ, противъ того, что острожская школа была академіей, говоритъ и названіе одного изъ ея учителей „дьякъ", прилагавшееся обычно въ то время къ учителямъ низшихъ и среднихъ православныхъ училищъ: „Тимоѳей Анничъ, діакъ школы русской Острозской" [2]).

По сохранившимся историческимъ свидѣтельствамъ острожская школа по своей программѣ и постановкѣ дѣла была *среднимъ училищемъ*, но никакъ не низшимъ, какъ доказываетъ тотъ же г. Лукьяновичъ, вопреки большинству историковъ. Мы должны остановиться на опроверженіи и этого мнѣнія г. Лукьяновича и на обоснованіи своего положенія, при чемъ намѣрены вести то и другое параллельно и въ порядкѣ аргументовъ нашего автора.

Г. Лукьяновичъ пытается прежде всего опровергнуть значеніе извѣстнаго свидѣтельства Поссевина. Онъ утверждаетъ, что выраженіе „питается схизма", употребленное Поссевиномъ въ приложеніи къ острожской школѣ, отнюдь не возвышаетъ послѣдней надъ прочими современными западнорусскими училищами, о которыхъ писалъ Одерборнъ, такъ какъ программа ихъ, будь она, какъ слѣдуетъ, выполняема, была вполнѣ достаточна, чтобы сообщить питомцамъ стойкость въ вѣрѣ и умѣренное упорство въ истинности своихъ религіозныхъ убѣжденій и традицій" и, такимъ образомъ, дать поводъ и ихъ считать питательницами схизмы [3]). Но если острожскую школу нужно поста-

---

[1]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., стр. 180.

[2]) Такъ подписался онъ самъ на Евангеліи, пожертвованномъ имъ вмѣстѣ съ Ѳ. П. Гарабурдой въ троицкую церковь дерманскаго монастыря, 5 мая 1584 года (*Голубевъ*, „Археологическая замѣтка о памятникахъ старины, находящихся въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ волынской епархіи", Тр. кіевской духовной академіи 1876, I, 626).

[3]) Вол. еп. вѣд., 1881, 769. 770. Павелъ Одерборнъ, евангелическій пасторъ въ Литвѣ, писалъ въ 1581 г. въ Германію къ Давиду Хитрею, что въ русскихъ школахъ, которыя всегда находятся при церквахъ, обучаютъ славянской грамотѣ, молитвамъ къ Пресв. Дѣвѣ и св. Николаю, нѣсколько измѣненному апостольскому сим-

вить на одну доску съ первоначальными, то почему Поссевинъ упомянулъ только о ней да еще о слуцкой? Затѣмъ, какъ могли программы низшихъ школъ давать ручательство въ православныхъ убѣжденіяхъ своихъ учениковъ, если въ нихъ не преподавался даже катихизисъ?

Далѣе г. Лукьяновичъ представляетъ въ пользу своего мнѣнія три положительныя свидѣтельства. Во 1-хъ, онъ указываетъ на то, что „Перестрога" назвала острожскую школу просто школой, т. е. низшей. Но терминъ „школа" совершенно безразличенъ по отношенію къ обозначенію училищъ низшихъ и среднихъ. Онъ прилагается, напр., къ луцкой школѣ, въ которой изучались и древніе языки и польскій [1]). Съ другой стороны и львовская школа, которую „Перестрога" противоставляетъ будто бы острожской, говоря о преподаваніи въ ней „вызволеныхъ (т. е. свободныхъ) наукъ" [2]), на самомъ дѣлѣ не всегда такъ называется. При томъ же „школа" въ разсказѣ „Перестроги" объ острожскомъ училищѣ, судя по ходу изложенія, должна быть понимаема, какъ школьное зданіе, а не какъ учебное учрежденіе. Тѣмъ менѣе можно настаивать на выраженіи Перестроги, что авторъ ея тутъ же ведетъ рѣчь объ опытныхъ дидаскалахъ, людяхъ ученыхъ и о размноженіи наукъ вѣры православной: все это не совсѣмъ приложимо къ первоначальной школѣ. Въ пользу того, что острожское училище было не низшимъ, говоритъ и сообщеніе Перестроги о попыткѣ канцлера Яна Замойскаго пригласить извѣстнаго протосингела Никифора въ свою академію: „Того протосингела видячи гетманъ коронный Замойскій, якъ великоѣ ваги былъ у поганъ, а вѣдаючи отъ него, же въ справахъ духовныхъ до Руси идетъ и *мѣшканье у Острогу для отправованья наукъ вызволеныхъ мѣти хочетъ*, ижъ самъ въ дому своемъ коштомъ и накладомъ вели-

волу (т. е. никео-цареградскому) и псалмамъ Давида и что катихизиса не преподаютъ въ нихъ (De russorum religione, ritibus nuptiarum, funerum, victu, vestitu etc. Et de Tartarorum religione ac moribus epistola ad D. Chytraeum recens scripta 1582, pp. 10. 11 (ненумер.).

[1]) Памятники кіевск. коммис., I, № 9, § 4.

[2]) А. З. Р., IV, стр. 206.

кимъ уфундовалъ колегіумъ, обѣцовался ему то зъеднати у короля его милости и всее Рѣчи посполитой, ижъ яко онъ есть великимъ протосингеломъ, такъ и се здѣ надъ всѣми духовными у панствѣ коронномъ зверхность зуполную и опатренье мѣти будетъ“ [1]). Силу этого доказательства г. Лукьяновичъ пытается парализовать такимъ соображеніемъ: Никифоръ, говоритъ онъ, могъ не знать, что за школа въ Острогѣ, и потому такъ выразился, а послѣ, когда побывалъ тамъ, уже говорилъ, что былъ въ Острогѣ „для науки детокъ“ [2]). Но если допустить, что эта разница въ выраженіи зависитъ не лично отъ автора Перестроги, то какъ можно предполагать что Никифоръ не зналъ, куда ѣдетъ? Онъ объ острожскомъ училищѣ слыхалъ уже давно и уже давно отвѣчалъ согласіемъ князю К. К. Острожскому на его приглашеніе преподавать въ немъ [3]). Наконецъ, г. Лукьяновичъ можетъ быть побитъ имъ же собраннымъ оружіемъ. Такъ, ссылаясь на свидѣтельство Суши, онъ самъ замѣчаетъ, что оно даетъ право признать острожскую школу по курсу преподаванія высшею. Таковы же приводимыя имъ выраженія Нѣсецкаго и Гарасіевича [4]).

Второй аргументъ, представляемый г. Лукьяновичемъ въ пользу того, что острожское училище было будто-бы низшимъ, еще слабѣе, чѣмъ его соображенія по поводу свидѣтельствъ Поссевина и автора Перестроги. Именно—онъ указываетъ на то, что получившіе здѣсь образованіе не ограничивались имъ. Такъ, Янушъ Острожскій былъ отправленъ въ нѣмецкія земли, Мелетій Смотрицкій въ виленскую іезуитскую академію, а послѣ—въ заграничныя [5]). Но неужели г. Лукьяновичъ сталъ бы дока-

[1]) А. З. Р., IУ, стр. 213.

[2]) Вол. еп. вѣд., 1881, 777, прим. 1.

[3]) „Але протосинкгелъ маючи росказанье патріаршее на баченью и то, же тымъ обезпечилъ князя Острозского, ижъ и тую справу духовную отправовати мѣлъ и *дидаскаломъ быти у Острогу обѣцалъ еще отъ кильконаста лѣтъ*, не хотѣлъ того учинити, а такъ отъ благословеннаго мѣстца и отъ православнаго князя индѣ перейти и тые науки своѣ выливати чужимъ не изволилъ“ (А. З. Р., IV, 213. 214).

[4]) Вол. еп. вѣд, 1881, 772. 773.

[5]) Вол. еп. вѣд., 1881, 813. 814. Мы уже видѣли, что Януша Острожскаго нельзя относить къ числу воспитанниковъ острожской школы: уже въ 1577 г. ему было

зывать на этомъ основаніи, что и виленская академія не была академіей, ибо ея студенты (тотъ же Смотрицкій, напр.) ѣздили по окончаніи ея въ заграничные университеты? Въ тотъ вѣкъ богатая молодежь посѣщала по очереди чуть ли не всѣ извѣстнѣйшіе университеты, оставаясь въ нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку лѣтъ.

Большей сложностью отличается третье доказательство г. Лукьяновича, заключающееся въ сравненіи острожской школы съ львовской. Первая де по своей научной постановкѣ была ниже львовской, о чемъ, кромѣ Перестроги, свидѣтельствуетъ письмо К. К. Острожскаго къ львовскому братству (1592 г.), въ которомъ князь выражаетъ опасенія за православныя убѣжденія своего сына Александра, поселившагося въ Ярославѣ у своего тестя Яна Костки, католика. Нашъ авторъ дѣлаетъ отсюда такой выводъ. Если князь надѣется на львовское братство, что оно своими учителями укрѣпитъ его сына въ правленіи, то, значитъ, въ львовской школѣ было болѣе опытныхъ преподавателей, чѣмъ въ Острогѣ, а это указываетъ на бо́льшую широту ея программы. А если въ Острогѣ была „скудость учителей", то не есть ли это прежде всего намекъ на то обстоятельство, что учителями до сего времени состояли здѣсь южноруссы, подготовлявшіеся на Востокѣ, и это не служитъ ли доказательствомъ, что острожская школа была низшей, если въ ней не нашлось человѣка для прикомандированія къ кн. Александру? Въ острожской школѣ, продолжетъ г. Лукьяновичъ, не нашлось людей, способныхъ къ изданію славянской грамматики, хотя кн. Острожскій, котораго, конечно, огорчилъ упрекъ Скарги православнымъ въ неимѣніи ея, и пытался сдѣлать это; и чего не могъ достичь у себя—повліялъ, чтобы это было сдѣлано во Львовѣ, гдѣ было болѣе способныхъ и научно-подготовленныхъ людей... Но львовская школа была выше острожской не только по контингенту учителей, но и по своей программѣ: воспитанники ея болѣе знакомы съ греческимъ языкомъ и литературой, ибо

---

22 года (*Голубевъ*, археол. замѣтка о древн. надписяхъ на стѣнахъ межирѣчской церкви,—Тр. кіев. дух. акад., 1876, II, 220—222).

они переводятъ съ греческаго патріаршія посланія; въ острожской же академіи не было даже греческаго шрифта, но не нерадѣніемъ князя это объясняется, а тѣмъ, что въ Острогѣ въ немъ не было и нужды,—здѣсь не было надобности въ греческихъ книгахъ, слѣдовательно по нимъ и не учились здѣсь [1]).

Но если и допустить, что программа львовской школы была шире и научная постановка лучше, чѣмъ въ острожской, то даетъ ли это право причислять послѣднюю къ низшимъ? Малѣйшее уклоненіе училища отъ типа средней школы къ лучшему развѣ могло бы служить доказательствомъ того, что оно превратилось въ академію и наоборотъ? Но коснемся подробностей этого аргумента.

Мы уже говорили, какъ нужно смотрѣть на умолчаніе Перестроги о „вызволеныхъ наукахъ" въ Острогѣ: оно совершенно случайно и тѣмъ менѣе обязываетъ насъ дѣлать угодный г. Лукьяновичу выводъ, что Никифоръ, по той же Перестрогѣ, ѣхалъ въ Острогъ преподавать именно свободныя науки. Письмо же кн. Острожскаго отъ 1 декабря 1592 г. [2]) можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что къ этому году острожская школа по какимъ то причинамъ упала и ослабѣла учеными силами, о чемъ есть и другія свидѣтельства. Если князь Острожскій не издалъ славянской грамматики, то не потому, что у него не было знающихъ людей, которые могли бы составить ее, а просто потому, что это, очевидно, не входило въ планы князя, и это подтверждается тѣмъ фактомъ, что и существовавшую въ Острогѣ рукописную славянскую грамматику князь не пытался печатать, а передалъ ее въ Вильну по просьбѣ тамошнихъ жителей, которые и издали ее въ 1586 году [3]). Наконецъ, если Кон-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 814—818.

[2]) Текстъ письма напечатанъ въ Собр. соч. Максимовича (I, 190), въ Вол. губ. вѣдомостяхъ (1868, № 53), въ Monumenta Confraternitatis Staurop. Leopoliensis (I, № 257).

[3]) Одинъ изъ двухъ извѣстныхъ экземпляровъ этой грамматики находится въ Петербургѣ и принадлежитъ Императорскому обществу любителей древней письменности. Для знакомства съ современнымъ положеніемъ вопроса объ авторѣ и переводчикѣ этой грамматики совѣтуемъ прочесть статью г. В. Малинина: „Грамматика Іоанна Экзарха болгарскаго" (Сборникъ статей по славянновѣдѣнію, 1883, Спб.).

стантинъ Константиновичъ, дѣйствительно, хотѣлъ поднять перчатку, брошенную русскому народу Скаргой, то почему г. Лукьяновичъ думаетъ, что грамматику долженъ былъ написать кто нибудь изъ учителей школы? Почему бы князь Острожскій не поручилъ этого дѣла кому либо изъ членовъ ученой академіи, организацію которой г. Лукьяновичъ такъ тщательно изслѣдуетъ,—той академіи, въ составъ которой, по его же словамъ, „входили представители всѣхъ отраслей тогдашней науки—медицины, астрономіи, астрологіи, философіи, *филологіи*, богословія, проповѣдничества [1]).

Ошибается г. Лукьяновичъ, когда увѣряетъ, что въ Острогѣ не было греческаго шрифта. Письмо кн. Острожскаго, на которое онъ ссылается [2]), не подтверждаетъ его мысли. Если князь просилъ у львовскаго братства греческаго шрифта, то потому, „ижъ на тотъ часъ литеръ готовыхъ грецкихъ не мѣлъ“, т. е., очевидно, онѣ были набраны для другихъ книгъ, а тутъ непредвидѣнно потребовалось поскорѣе напечатать „Розмову блаж. Мелетія противу схизматикомъ и прочимъ сектаторомъ написаную“. Литеры князь просилъ только для этого и по напечатаніи „Діалога“ обѣщалъ отослать ихъ обратно. Подобнымъ образомъ онъ просилъ львовянъ въ концѣ 1596 г. „позичити писма грецкого и словенского для выдрукованя синоду Брестского... обецуючи въ цѣлости назадъ съ подякованемъ отослати все“ [3]). Или быть можетъ, г. Лукьяновичъ станетъ опять увѣрять, что въ Острогѣ въ 1596 г. не было ни греческаго, ни славянскаго шрифта? Что греческій шрифтъ былъ въ острожской типографіи съ самаго начала, въ этомъ удостовѣряетъ насъ какъ Новый Завѣтъ 1580 г., оканчивающійся фразой: „Δόξα τῷ συν-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 862—864.

[2]) А. З. Р., IV, № 148 (id. Временникъ института Ставропигійскаго, 1867). Въ А. З. Р. письмо датировано 1600—1601 г., но правильнѣе отнести его къ 1603 г., какъ это сдѣлалъ Зубрицкій въ Лѣтописи Львов. братства (Журн. М. Н. Пр., 1849, ч. 62, стр. 90). „Діалогъ п. Мелетія вышелъ въ свѣтъ въ Острогѣ въ 1605 г.

[3]) Письмо Юрія Рогатинца изъ Острога въ Львовъ 1596 г. 9 дек. (*Крыловскій А. С.*, Акты, № 58. „Акты“ эти составляютъ Приложеніе къ имѣющему выйти въ свѣтъ изслѣдованію г. Крыловскаго, посвященному исторіи львовскаго братства. Ознакомленіемъ съ ними мы обязаны любезности самого А. С. Крыловскаго).

τάζοντι ἅπαντα ἀμήν“, такъ и Библія 1581 г.: въ ней молитва къ Богу и начало сливающагося съ нею предисловія отъ лица кн. Острожскаго напечатаны на греческомъ и славянскомъ языкахъ, равно какъ и послѣсловіе Іоанна Өедорова, датированное 12 авг. 1581 г. Наконецъ, за это говоритъ и свидѣтельство Перестроги что князь „Словенскую и *Грецкую* въ Острогу заложилъ друкарню“.

Такимъ образомъ, соображенія г. Лукьяновича не выдерживаютъ критики и не доказываютъ того, что острожская школа была низшей. Странно, въ самомъ дѣлѣ, думать, что среди тѣхъ многихъ ученыхъ, о которыхъ говоритъ Захарія Копыстенскій [1]), не было школьныхъ учителей; трудно допустить, чтобы князь Острожскій не воспользовался ихъ познаніями и усердіемъ для устройства приличной школы, если не академіи, и не сдѣлалъ у себя того, къ чему побуждалъ другихъ.

Правда, г. Лукьяновичъ не отрицаетъ въ кн. Острожскомъ желанія „возвысить школу если не до уровня высшихъ заграничныхъ школъ, то среднихъ, имѣющихъ специальною цѣлью—подготовленіе способныхъ и опытныхъ служителей церкви и вѣры“. Князь пытался, по крайней мѣрѣ, ввести здѣсь классическіе языки, которые, по Сушѣ и Стебельскому, будто бы и дѣйствительно здѣсь преподавались... Но „нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства помѣшали осуществленію намѣренія князя“. Впервые подобное намѣреніе созрѣло у него въ то время, когда п. Іоакимъ далъ львовскому училищу свой новый (?) уставъ. Кн. Острожскій, бывшій съ 1585 г. въ близкихъ отношеніяхъ съ львовскимъ братствомъ, не могъ-де не видѣть пользы отъ наукъ и задался самъ цѣлью возвысить свое училище. И вотъ онъ

---

[1]) Найдовалися на дворѣ его (кн. Острожскаго) и мовцы оному Дямосөеносови ровныи, и Сафанове и иные розличныи любомудрцы. Найдовалися и докторове славныи, въ Греческомъ, Славенскомъ и Латинскомъ языкахъ выцвѣчоныи. Найдовалися и математикове и астрологове превыборныи, межи которыми овъ презацный маөематикъ, философъ и астрологъ, Янъ Лятосъ, который календаръ новый славне зганилъ, и перомъ доводне презъ друкъ показалъ, же есть омыльный“. „Церкви и дворъ того княжати полныя (были) православныхъ учителей евангелскихъ и апостолскихъ, полныи богослововъ истинныхъ... знаючихъ богословію и вѣру правую“... („Палинодія“, П. П. Л., I, 1136. 1137).

проситъ папу ок. 1587 г. прислать ему значительное число священниковъ (kapłanow) для семинаріи, которую онъ началъ закладывать въ своемъ имѣніи. Приводя это свидѣтельство секретаря папскаго нунція въ Польшѣ кардинала Болонетто, г. Лукьяновичъ такъ его комментируетъ: такъ какъ школа въ Острогѣ въ это время несомнѣнно существовала, то выраженіе „началъ закладывать" обозначаетъ не моментъ основанія школы, а преобразованіе ея по образцу заграничныхъ, возведеніе ея на степень католическихъ семинарій, среднихъ учебныхъ заведеній [1]).

Фактъ, о которомъ разсказываетъ Спанноки (секретарь нунція Болонетто) [2]), если не ошибаемся, произошелъ въ 1583 г., когда кн. Острожскій замыслилъ соединеніе русской церкви съ римской. Безъ сомнѣнія, на него уже оказали вліяніе въ этомъ направленіи Скарга и Антоній Поссевинъ, чрезъ котораго князь и началъ было переговоры съ папой Григоріемъ XIII [3]). А въ 1583 г. Константинъ Константиновичъ и лично обратился къ папѣ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. Будучи въ Краковѣ, князь повстрѣчался съ папскимъ нунціемъ, епископомъ массанетскимъ и разговорился съ нимъ на современную тему—о соединеніи церквей. Нунцій жаловался на людей, которые сѣяли раздоры между греческой и римской церквами, и князь Острожскій съ увлеченіемъ заявилъ, что онъ ничего такъ не желаетъ, какъ единенія и согласія всѣхъ христіанъ, за что онъ и жизнь готовъ отдать. Нунцій подхватилъ это заявленіе князя и, давъ ему обѣщаніе помощи и отъ себя и отъ папы, вѣроятно, тутъ-же указалъ въ числѣ средствъ для осуществленія идеи объ уніи—передачу острожской школы въ подходящія руки. И вотъ князь пишетъ изъ Кракова же 8 іюля 1583 г. посланіе п. Григорію. Указавши въ началѣ поводъ къ нему и поблагодаривши папу за присылку чрезъ Діонисія Па-

---

[1]) Вол. еп. вѣд., 1881, 775. 818. 819.

[2]) Relacye nuncyuszów apostolskich, I, 459. 460.

[3]) П. П. Л., III, 195—198 (Рѣчь королевскихъ пословъ на соборѣ 1596 г.). Къ этому же времени, вѣроятно, относятся и переговоры К. К. Острожскаго объ уніи церквей съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, о которыхъ вспоминаетъ авторъ Антиррисиса (П. П. Л., III, 589).

леолога Библіи, кн. Константинъ просилъ его на первыхъ порахъ снабдить острожскую коллегію учеными и испытанными людьми—греками и греческой вѣры, которые бы могли переводить греческія книги на славянскій языкъ или, если это окажется невозможнымъ,—на латинскій [1]). Григорій XIII въ своемъ отвѣтномъ посланіи (3 сент. 1583 г.) „весьма охотно" обѣщалъ князю дать ученыхъ грековъ и все, что покажется необходимымъ [2]). Но уже отсюда видно, что пользоваться сообщеніемъ Спанноки г. Лукьяновичъ не имѣлъ права: рѣчь здѣсь идетъ совсѣмъ не о преобразованіи низшей острожской школы въ среднюю, а о томъ, чтобы острожской *коллегіи*, т. е. среднему учебному заведенію, дать латинскую закваску...

Другую попытку такого преобразованія нашъ авторъ видитъ въ сношеніяхъ кн. Острожскаго съ восточными патріархами, въ результатѣ чего и было прибытіе въ Острогъ ученыхъ грековъ Кирилла и Никифора, въ качествѣ руководителей князя въ школьномъ дѣлѣ [3]). Но въ такомъ случаѣ г. Лукьяновичу нужно согласиться, что попытка князя, дѣйствительно, удалась и признать его школу средней...

Но кромѣ отрицательныхъ—по отношенію къ доказательствамъ г. Лукьяновича—соображеній, мы можемъ привести еще нѣсколько положительныхъ свидѣтельствъ и доводовъ въ пользу

---

[1]) *Theiner*, Annales ecclesiastici, III, № 41, p. 431. Здѣсь же помѣщено письмо къ папѣ отъ 6 іюля кн. Юрія Слуцкаго, тоже на тему о соединеніи церквей, и чье-то письмо, сообщающее интересныя, хотя далеко не всегда вѣрныя, свѣдѣнія о князьяхъ Острожскихъ и Слуцкихъ. Такъ, здѣсь говорится, какъ о фактѣ, о принятіи уніи кн. К. Острожскимъ со всѣмъ домомъ, о ревностномъ желаніи князя Константина и его братьевъ Януша (?) и Георгія (Слуцкаго?) привести къ уніи весь русскій народъ, объ устройствѣ ими въ Острогѣ коллегіи, гдѣ бы юноши, научаемые іезуитами по греческому обряду, готовились къ просвѣщенію согражданъ, и типографія для печатанія твореній св. отцовъ на греческомъ, русскомъ и латинскомъ языкахъ, о совѣтѣ кн. Слуцкаго нунцію открыть въ Слуцкѣ епископскую каѳедру для греческаго обряда, а въ Острогѣ—патріаршую. Несомнѣненъ во всемъ этомъ одинъ только фактъ—принятіе кн. Янушемъ католичества въ 1583 г. (ibid. № 42: донесеніе объ этомъ папѣ львовскаго архіепископа).

[2]) Ibid., № 43.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1881, 820.

того, что острожское училище съ самаго начала своего существованія было выше, чѣмъ бывшія на Руси до него.

5 мая 1581 года изъ острожской типографіи вышла „Хронологія Рымши“, небольшое (2 страницы) стихотворное, расположенное по мѣсяцамъ изложеніе нѣкоторыхъ событій библейской исторіи [1]). Острожская типографія была заведена, какъ соглашается и г. Лукьяновичъ, для высшихъ интересовъ православія,—для изданія богослужебныхъ и богословско-полемическихъ книгъ. Но какое значеніе могло бы имѣть это небольшое „писаніе Андрея Рымшы?“ Не есть ли это ученическое произведеніе и первый, такъ сказать, литературный плодъ острожской школы? Даже если считать его по нѣкоторому знакомству автора съ библейской хронологіей и еврейскимъ языкомъ произведеніемъ учителя, оно во всякомъ случаѣ сохраняетъ характеръ школьной работы, а не ученой. Но и такая работа возможна ли въ элементарномъ училищѣ?

Затѣмъ. Въ 1588 г. владимирскій епископъ Θеодосій Лазовскій порѣшилъ вмѣстѣ съ капитулой, „за напомненемъ велможного пана Костентина княжати Острозъского“, ремонтировать и благоустроить соборную церковь во Владимирѣ. „При той же церкви и замочку, говорится далѣе въ ихъ письменномъ обязательствѣ, хочемъ науку дѣтокъ малыхъ, для чого, абы ховано два бакаляры, такихъ, жебы оденъ училъ по грецку, а другій пословенску; а на школу детемъ до науки поступили есмо избу мурованую въ замочку, и другую избу деревеную ба-

[1]) Вотъ подлинное оглавленіе этого произведенія: „Которогося м-ца што за старыхъ вековъ дѣело короткое описаніе“. Начинается оно такъ.

„Мца сентебра погебренску елюль
Просто вресень.
Двадъцать четвертого мца сенътебра
Дороблен ъеросолимъ сталась речъ добра.

Послѣдная строфа:

Мца августа, погебренску аовъ
Либо авъ, просто серпень.
Въ томъ месецы ааронъ оумеръ бжіи ереи,
Того собѣ наприкладъ ты попе завжды мел.
Августа, А. дня.

(Экземпляръ Спб. Импер. публ. библіотеки. См. также *Каратаевъ*, Опис. славяно-русскихъ книгъ, напечат. кирил. буквами, I (1883), стр. 217—219).

каляромъ до мешъканя" [1]). Трудно допустить, чтобы князь Острожскій проявилъ такую заботу о школьномъ образованіи во Владимирѣ, не устроивши того же въ Острогѣ. Скорѣе можно думать, что и самая возможность найти для новой школы „людей наученыхъ" и, въ частности, „бакаляра" греческаго языка обусловливалась тѣмъ, что острожское именно училище уже успѣло подготовить такихъ людей и что, слѣдовательно, въ немъ съ самаго начала преподавался греческій языкъ. За послѣднее говоритъ и слѣдующій фактъ. Запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный, который, какъ достовѣрно извѣстно, учился въ острожской школѣ [2]) въ концѣ XVI ст. [3]), умирая, завѣщалъ $1^1/_2$ тысячи злотыхъ львовскому братству съ тѣмъ, что 150 злотыхъ ежегоднаго процента съ нихъ назначались спеціально „на выхованье ученого майстра, въ греческомъ языку бѣглого" [4]). Но едва ли онъ сталъ бы выражать такую заботливость объ успѣхахъ греческаго языка въ Западной Россіи, если бы самъ не былъ знакомъ съ нимъ. А знакомство это онъ могъ почерпнуть, конечно, только въ Острогѣ.

Что съ самаго начала существованія острожскаго училища въ програму его были введены греческій языкъ и высшія науки, это видно и изъ житія Іова Княгиницкаго, который учился здѣсь въ зрѣлыхъ лѣтахъ и несомнѣнно отсюда вышелъ съ знаніемъ этого языка, которое усовершенствовалъ послѣ, проживая на Аѳонѣ [5]). Преподавался онъ и послѣ, почему школа вообще назы-

---

[1]) Арх. ю.-з. Р., ч. I, т. I, № 55.

[2]) Вирши Кассіана Саковича на смерть Сагайдачнаго (*Голубевъ С. Т.* Исторія кіев. дух. акад., прил. стр. 29).

[3]) Умеръ онъ въ 1622 г. и не видно, чтобы въ молодыхъ лѣтахъ.

[4]) Запись душеприказчиковъ гетмана—м. Іова Борецкаго и гетмана Олифера Остаповича Голуба (*Максимовичъ*, Собр. соч., I, 377 и сл.).

[5]) Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860,228. 229. 219. Авторъ Житія іером. Игнатій изъ Любарова, младшій современникъ Іова, не опредѣляетъ, когда и чему именно учился онъ въ Острогѣ, но даетъ драгоцѣнныя косвенныя указанія. Іовъ послѣ домашняго воспитанія „вданъ бысть въ наученіе книгамъ", потомъ учился въ уневскомъ монастырѣ, откуда и „устремился къ богоспасаемому граду Острогу, до совершеннѣйшихъ наукъ". Это могло произойти до 90-хъ годовъ XVI ст., ибо, живя въ Острогѣ, онъ „списа (и) псалтыры князю младому Александру", который въ 1592 г. переселился уже въ Ярославъ. Вѣроятно даже, что и до 1586 г., когда было

валась греческой. Такъ, въ одномъ острожскомъ изданіи есть помѣта: „Писанъ у Острогу, у *школѣ Кгрецкой* Острозской“ [1]).

Но здѣсь преподавался и латинскій языкъ. Между 1628—1633 г. г. появился памфлетъ (въ формѣ богослужебныхъ пѣсенъ) на Мелетія Смотрицкаго, около этого времени перешедшаго въ унію. Въ концѣ его помѣщенъ „синаксарь“, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Герасимъ Смотрицкій „имяше сына именемъ Мексентія или Максима въ благочестіи и наказаніи книжномъ и граматичномъ, славенски, гречески и латински воспитанна, иже и града Вилна достигъ въ тамошней Академіи Езуитской латинскую философію учися навершалъ“ [2]). Въ какомъ году это произошло—неизвѣстно. Іаковъ Суша сообщаетъ, что Смотрицкаго отправилъ въ виленскую академію кн. Острожскій въ 1601 г. [3]). Но не совсѣмъ вѣроятно это извѣстіе въ виду возраста М. Смотрицкаго (ему въ то время было около 23 лѣтъ), съ другой стороны—уже 16 апрѣля 1600 г. Мелетій Смотрицкій поступилъ къ Соломирецкимъ въ качествѣ домашняго учителя [4]). Но какъ бы то ни было, въ Вильнѣ Смотрицкій началъ не съ перваго класса, не съ грамматики, а, вѣроятно, опредѣленъ былъ на философскій факультетъ. А въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ уже знать латинскій языкъ и, слѣдовательно, онъ изучилъ его въ Острогѣ. Но если бы кто вздумалъ сослаться на свидѣтельство Суши, что Эразмъ (Герасимъ) Смотрицкій отдалъ двухъ своихъ сыновей для воспитанія и обученія Кириллу Лукарису, у котораго Мелетій и могъ частнымъ образомъ изучить древніе языки, то противъ этого говоритъ сообщеніе того же Суши, что кн. Острожскій, ревнуя объ утвержденіи русской схизмы, воздвигъ въ Острогѣ училище не только славянскихъ, но и греческихъ и латинскихъ наукъ и ректоромъ

учреждено львовское братское училище: иначе Іовъ искалъ бы въ немъ „совершеннѣйшихъ наукъ“. Во всякомъ случаѣ Іову шелъ тогда четвертый десятокъ лѣтъ (онъ умеръ въ 1621 г., имѣя около 70 лѣтъ; стр. 250).

[1]) П. П. Л., III, 381.

[2]) Кіев. еп. вѣд. 1875, 564.

[3]) Saulus et Paulus, p. 16.

[4]) Боркулабовская хроника (*Кулишъ*, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, I, 74).

этой „гимназіи" назначилъ Гер. Смотрицкаго[1]). Свидѣтельство Суши здѣсь такъ ясно и рѣшительно, что одно можетъ опровергнуть и это предположеніе и всю гипотезу г. Лукьяновича. Не даромъ и самъ М. Смотрицкій выдѣляетъ острожское училище изъ ряда другихъ, ставя его на одну доску съ львовскимъ и виленскимъ, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежали къ среднимъ [2]).

Наконецъ, доказательствомъ того, что острожская школа была не низшей, что въ ней преподавались и свободныя науки, служитъ поэма Пе(н)кальскаго „De bello Ostrogiano" (1600). Пенкальскій, сказавши о процвѣтаніи острожскихъ библіотеки и типографіи, говоритъ о музахъ, поселившихся въ Острогѣ, объ Аполлонѣ, который, оставивъ возлюбленный Делосъ, переселился сюда вслѣдъ за музами со всѣми своими аттрибутами, о храмѣ его, наполняемомъ все новыми и новыми поколѣніями юношей, которыхъ онъ готовится вѣнчать вѣчно зеленѣющими лаврами, растущими на новомъ Геликонѣ... Конечно, все это—поэтическія фигуры, но даже для поэта съ самой необузданной фантазіей было бы верхомъ напыщенности и страшной натянутости усвоять Острогу значеніе новаго Геликона, если бы въ немъ была только первоначальная школа. Вѣдь странно было бы прилагать всѣ эти фигуры къ училищу, описанному хотя бы Одерборномъ. Нужно, слѣдовательно, признать, что въ Острогѣ была школа средняя, гимназія, въ которой преподавались и свободныя науки, и языки. И, дѣйствительно, Пенкальскій называетъ острожское училище „треязычной гимназіей", а нѣсколько ниже предлагаетъ Волыни радоваться: „Острожскій домъ даетъ тебѣ треязычный лицей (trilingue Lycaeum). Прими начатки, можетъ быть послѣдуетъ большее: не презирай ученыхъ богинь, не отвергай музъ, ибо нѣтъ ничего славнѣе благородныхъ искусствъ" (Artibus ingenuis, nilest praeclarius unquam)[3]). Какіе это были языки, авторомъ не указано, но можно думать, что

[1]) Saulus et Paulus, 15. 16. 87.

[2]) Paraenesis, 32.

[3]) De Bello Ostogiano ad Pianctos cum Nisoviis, libri IV. A Simone Pecalidis Artium Baccalaureo conscripti. Cracoviae, 1600, pp. 10 и 25 (ненумер.).

это были славянскій, греческій и латинскій—первый и второй по своему значенію для православной русской церкви и народности, второй и третій—по своему значенію въ той системѣ гуманитарнаго образованія, какая въ XVI в. исключительно господствовала на всемъ пространствѣ Европы, гдѣ только просвѣщеніе поднялось надъ тѣмъ уровнемъ, который называется грамотностью. И эти именно языки указываются какъ Сушей, такъ и позднѣйшими уніатами. Когда въ XVIII ст. возникъ процессъ между могилевскимъ епископомъ Георгіемъ Конисскимъ и полоцкимъ уніатскимъ архіепископомъ Смогоржевскимъ, уніатская сторона, коснувшись личности кн. К. К. Острожскаго, заявляла, что послѣ брестскаго собора 1596 г. онъ, склонявшійся прежде къ уніи, теперь пламенѣя въ ненависти къ апостольскому престолу, заложилъ въ Острогѣ для поддержанія православія публичныя школы славянскаго, греческаго и латинскаго языковъ, пригласивъ кальвинистовъ, лютеранъ и аріанъ, магистрами и ректоромъ поставилъ великаго и почтеннаго человѣка Герасима Смотрицкаго [1]).

При всемъ томъ мы не рѣшаемся указывать въ подробностяхъ ни программы преподаванія, ни распредѣленія занятій по классамъ и днямъ недѣли, ни школьныхъ порядковъ острожскаго училища: до насъ не дошло ни одного памятника въ родѣ уставовъ братскихъ школъ, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать это. Изображать же устройство его и внутреннюю жизнь по „Порядкамъ" братскихъ школъ, руководясь соображеніемъ, что острожское училище послужило образцомъ для послѣднихъ и что за единство ихъ уставовъ ручается единство руководителей-грековъ и, въ частности, п. Кирилла Лукариса [2]), мы не можемъ въ виду того, что у насъ нѣтъ опредѣленныхъ

[1]) Архивъ гр.-уніат. митрополитовъ, кн. V, № 346. Uwaqa 3, f. 19 об. (ненумеров.).

[2]) Прав. собес., 1858, I, 536. 537. Тр. кіевск. дух. акад., 1867, I, 183. Архиман. Арсеній аргументируетъ эту мысль тѣмъ, что уставъ луцкой школы былъ данъ будто бы п. Кирилломъ, который, безъ сомнѣнія, изложилъ въ немъ тѣ самыя правила, которыя проводилъ въ жизнь во время своего ректорства въ Острогѣ (о. с., 76. Ср. *Соколовъ*, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII в., М. 1880, стр. 427).

данныхъ для установленія факта вліянія острожской школы на братскія и для выясненія сравнительной степени участія грековъ въ устройствѣ той и другихъ школъ. Что касается братскихъ школьныхъ уставовъ, то ни львовскій, ни луцкій не носятъ слѣдовъ вліянія острожскаго училища. Да и обстоятельства ихъ происхожденія не даютъ поводовъ думать это. Львовскій уставъ, первоначальная редакція котораго была написана на греческомъ языкѣ [1]), былъ составленъ во Львовѣ въ 1586 г. Авторомъ его изъ двухъ возможныхъ—антіохійскаго патріарха Іоакима и Арсенія, архіепископа елассонскаго—мы считаемъ послѣдняго: безъ сомнѣнія, п. Іоакимъ обозначилъ бы въ началѣ его свое имя, какъ это обыкновенно дѣлалось при выдачѣ оффиціальныхъ документовъ такими важными лицами, между тѣмъ греческій текстъ начинается прямо съ правилъ. Впрочемъ, мы не отрицаемъ вліянія на содержаніе „Порядка" и самихъ львовскихъ мѣщанъ, знакомство которыхъ съ строемъ жизни львовской католической каѳедральной школы и сознаніе насущныхъ духовныхъ нуждъ православнаго русскаго народа оставили здѣсь нѣкоторый отпечатокъ. Вліяніе это еще болѣе сказалось во второй редакціи устава, какою былъ русскій переводъ его, сдѣланный въ томъ же 1586 г., съ нѣкоторыми измѣненіями—и формальными, и по существу. Очевидно, львовское братство, руководясь данными опыта, хотя и кратковременнаго, вновь пересмотрѣло всѣ стороны училищной жизни, но не всѣ ихъ регламентировало уставомъ: „А обычае всея школы и порядки вси, выразилось оно, въ семъ листѣ много бы писати [2]). Третья редакція львовскаго устава имѣетъ на себѣ дату 1592 г., въ какомъ году она была утверждена константинопольскимъ патріархомъ Іереміей, терновскимъ архіепископомъ Діонисіемъ и епископомъ Анѳимомъ. Она извѣстнѣе другихъ, такъ какъ въ наши дни много разъ была печатаема [3]). Она обыкновенно датируется 1588 годомъ,

---

[1]) Diplomata statuaria a patriarchis orientalibus confraternitati stauropigianae Leopoliensi a. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice, 1895, № 6.

[2]) Diplomata statuaria, № 6, славянскій текстъ.

[3]) Въ 1863 г. ее опубликовалъ покойный Я. Ѳ. Головацкій въ Галичанинѣ и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „Порядокъ школьный или уставъ ставропи-

но ошибочно, такъ какъ фраза въ началѣ ея: ...„совершеніемъ и утвержденіемъ вселенскаго патріархи Іереміи, архіепископа Константинополя Новаго Рима и всего Өрону великия церкве Константинопольскія, рокъ ҂афпи“,—относится къ факту подтвержденія п. Іереміей не устава, а школы: „составиша оучилище“, говорится вслѣдъ за нею. Наконецъ, четвертая редакція его есть то, что обыкновенно называютъ вторымъ луцкимъ школьнымъ порядкомъ [1]). Такъ какъ она, по сравненію съ третьей, которая до послѣдняго времени только и была извѣстна, представляетъ немало перемѣнъ, и такъ какъ она въ „Памятникахъ“ носитъ имя п. Кирилла Лукариса, то нѣкоторые и утверждаютъ, что она—уставъ, вновь данный луцкой школѣ этимъ патріархомъ, который нѣкогда былъ острожскимъ ректоромъ. Но на самомъ дѣлѣ она есть почти буквальное воспроизведеніе второй редакціи львовскаго устава, хотя и неизвѣстно, ни когда луцкое братство ею обзавелось, ни когда получило подтвержденіе ея отъ п. Лукариса. Луцкимъ уставомъ въ собственномъ смыслѣ были „Правъ школы греко, латино-словенскои Луцкои, артикулы“ [2]), составленные, кажется, послѣ 1624 г., въ связи съ передачей братскаго училища въ завѣдываніе духовной половины братства [3]). Въ содержаніи „Артикуловъ“ можно усмотрѣть слабые слѣды устройства мѣстной іезуитской коллегіи, но нельзя даже предполагать вліянія устава острожскаго училища, которое къ тому времени если не прекратило еще своего существованія,

гійской школы во Львовѣ 1586 г.“. Въ томъ же году эта редакція была перепечатана въ Вѣстникѣ Западной Россіи (мартъ), откуда была позаимствована въ А. Ю. и З. Р., II, № 154, причемъ и тамъ и здѣсь почему то поставленъ 1684 годъ. Послѣдній разъ она воспроизведена въ Diplomata statutaria съ факсимиле подписи игумена и ректора львовской школы Ө. Кассаниди, внесшаго въ 1602 г. въ „Альбумъ института ставропигійскаго“ ея текстъ съ подтвержденіями восточныхъ святителей.

[1]) Памятники кіевской временной коммиссіи, I, № 10.

[2]) Ibid., № 9. Здѣсь они названы первымъ луцкимъ уставомъ на томъ основаніи, что въ луцкомъ сборникѣ, откуда они позаимствованы, они стоятъ прежде „Порядка“ школы. На томъ же основаніи ихъ такъ понимаютъ и историки, въ родѣ г. Демкова, который въ своей книжкѣ—„Исторія русской педагогіи“ (Ревель, 1896) даетъ переводъ „перваго“ и „втораго“ луцкаго уставовъ (I, 146 и слѣд.).

[3]) П. К. К., I, № 8.

то уже готовилось перейти изъ бытія въ небытіе или въ бытіе историческое только...

Но это длинное отступленіе, имѣющее цѣлью убѣдить читателя въ томъ, что уставы острожской и братскихъ школъ составлялись независимо другъ отъ друга, не желаетъ утверждать его въ мысли, что между ними не было рѣшительно ничего общаго. Ту и другія школы вызвало къ жизни стремленіе лучшихъ западноруссовъ уберечь священнѣйшее достояніе народа отъ покушеній на нихъ враговъ, уберечь путемъ проясненія историческаго самосознанія и укрѣпленія нравственно-религіозныхъ устоевъ его. Отвращаясь отъ католиковъ и протестантовъ съ ихъ гибельной для православія наукой, кн. Острожскій, какъ немного позже братства, долженъ былъ искать просвѣщенія въ противоположной сторонѣ, откуда Русь познакомилась и съ самимъ православіемъ,—на Востокѣ. И, дѣйствительно, первыми учителями и руководителями острожской школы были „Греческіе дидаскалы“ (διδάσκαλοι), за которыми князь послалъ къ патріарху, уже устроивши училище [1]). Но и помимо пріѣзжихъ грековъ кн. Острожскій могъ имѣть учителей изъ грековъ, жившихъ въ Острогѣ и населявшихъ тамъ цѣлую улицу [2]). „Не новина отъ часовъ давныхъ бывати грекомъ у Острогу“, замѣчаетъ авторъ Перестроги [3]). Но исторія сохранила имена только двухъ грековъ—преподавателей острожской школы: Кирилла Лукариса и Никифора.

Въ нашей литературѣ высказана и поддерживается мысль, что для князя Острожскаго при устройствѣ имъ своей школы образцами служили иновѣрныя коллегіи. Такъ, проф. Петровъ категорически заявляетъ: „Школа (острожская), безъ сомнѣнія, основана по примѣру аріанскихъ (т. е. социніанскихъ) и католическо-іезуитскихъ и въ противодѣйствіе имъ“ [4]). Другіе изслѣдователи увѣряютъ насъ, что образцомъ для православныхъ за-

---

[1]) А. З. Р., IV, 205. 206.

[2]) *Перлштейнъ*, Описаніе г. Острога (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1847, № 4, отд. IV, 138).

[3]) А. З. Р., IV, 216.

[4]) *Батюшковъ*, Волынь, 139.

паднорусскихъ школъ вообще и для острожской въ частности послужили школы протестантскія. И. Соколовъ, а за нимъ г. Ильинскій доказываютъ эту мысль тѣмъ, что въ эпоху заведенія православными своихъ школъ въ зап. Россіи такъ сильно процвѣтали протестантскія, что поневолѣ должны были повліять на внутреннее устройство нашихъ учебныхъ заведеній, особенно при условіи тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя существовали тогда между протестантами и православными. Что до грековъ, которые преподавали въ Острогѣ, то и они не могли подорвать вліянія протестантской учебной системы, такъ какъ сами они учились въ Германіи, при упадкѣ просвѣщенія на Востокѣ. Такъ что, можно думать, сами протестанты, когда князь Острожскій сталъ искать для своей школы православныхъ учителей, рекомендовали ему грековъ—воспитанниковъ германскихъ университетовъ. Въ такомъ предположеніи утверждаетъ нашихъ изслѣдователей то полное сходство, которое они находятъ въ устройствѣ протестантскихъ гимназій и острожской школы. Курсъ наукъ, методы преподаванія, классная дисциплина и вообще весь педагогическій строй и даже религіозно-нравственный строй острожскаго училища—все это замѣчательно близко подходитъ къ устройству и духу реформатскихъ гимназій... [1]).

Но все это—не болѣе какъ голословныя фразы. Въ основѣ ихъ—одни только апріорныя соображенія о возможности вліянія протестантскихъ школъ на наши. Вліянію этому открытъ былъ доступъ только позднѣе, а не въ эпоху возникновенія острожской школы. Не могъ же кн. Острожскій, учреждая училище, перенести въ него сразу и учебный строй иновѣрныхъ школъ, и формы ихъ жизни, разъ было уже удостовѣрено, что отпаденіями отъ православія своихъ сыновъ Русь была обязана не чему другому, какъ наукѣ, культивируемой въ католическихъ и протестантскихъ коллегіяхъ. При томъ же Скарга подсказывалъ князю, что причины упадка православной церкви заключаются, между

[1]) *Соколовъ* о. с., 425—427. *Ильинскій*, Вол. еп. вѣд., 1891, 820. 821 (Юго-западное русское общество и его умственное и религіозно-нравственное состояніе въ XVI и первой половинѣ XVI в.) и 1893, 966. 967 (Большой Катехизисъ Лаврентія Зизанія, какъ учено-литературное произведеніе).

прочимъ, въ невѣжествѣ ея пастырей и паствы по отношенію къ греческому и славянскому языкамъ и ихъ литературамъ: нужно было, слѣдовательно, прежде всего обратить вниманіе на нихъ. А инструкторы греки, разумѣется, должны были придать всей жизни новаго училища—и внѣшней и внутренней—строй греческо-православный...

Впрочемъ, мы далеки отъ мысли, что будто острожская школа навсегда заключилась въ кругѣ греческо-славянскихъ наукъ и навсегда осталась чужда тѣмъ просвѣтительнымъ вліяніямъ, какія неслись съ Запада Европы. За послѣднее говорятъ, съ одной стороны, прямыя выше приведенныя свидѣтельства о введеніи въ ея программу латинскаго языка и о преданіи ей характера школы свободныхъ наукъ [1]), съ другой—сношенія кн. Константина Константиновича съ Римомъ по вопросу о реформѣ училища въ уніональномъ духѣ [2]) и его отношенія къ протестантамъ и ихъ просвѣтительной дѣятельности. Извѣстно, что князь Острожскій относился очень одобрительно къ образовательнымъ стремленіямъ протестантовъ, въ частности социніанъ, и ставилъ ихъ въ укоръ бездѣятельности православной іерархіи. 25 марта 1595 г. онъ писалъ брестскому епископу Ипатію Потѣю: „А што ся тычетъ зъездовъ, абы были такие у насъ, яко у тыхъ, што ихъ зовемо некрещчоными людми: аръраны, новокрщенъцами, геретиками, которые, коли зъедутъся, все постановять и держатъ; знать, же не ѣздять на банъкеты,

---

[1]) Система такъ называемыхъ семи свободныхъ наукъ, которой въ теченіе многихъ вѣковъ слѣдовала европейская педагогика во всѣхъ странахъ, дѣлилась на trivium и quadrivium. Къ первому принадлежали: грамматика, риторика и діалектика, ко второму—ариѳметика, геометрія, музыка и астрономія.

[2]) Мы не будемъ однако увѣрять, что папа дѣйствительно прислалъ въ 1583 г. въ острожскую школу своихъ учителей—іезуитовъ ли то, или питомцевъ аѳанасьевской коллегіи. И едва-ли симпатіи князя къ Риму пережили этотъ годъ: скоро послѣ того онѣ склонились на сторону протестантовъ, которыхъ онъ въ письмѣ къ своему внуку Янушу Радивиллу отъ 14 апр. 1585 г. называетъ „истинными исповѣдниками Христа“ (*Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 6). Но еще ранѣе того кн. Острожскій развилъ свою противокатолическую дѣятельность и проявилъ свою ревность къ православію въ такой сильной степени, что это-то, по свидѣтельству Спанноки, и послужило однимъ изъ двухъ препятствій къ избранію его въ польскіе короли послѣ бѣгства Генриха Валуа (Relacye nenczyuszów apostolskich, I, 460).

ани на опилства, не на фальше, ани на здрады, але штобы до скутку речей святобливыхъ и побожныхъ приходили: для того тогды у нихъ школы, друкарнѣ и шпитали всюды, и казнодѣевъ множство, безъ личбы“ [1]). Симпатіи кн. Острожскаго къ протестантамъ и высокое мнѣніе его объ ихъ учености доходили у него до того, что онъ пользовался ими для полемики съ латинянами. Такъ, по его порученію нѣкій Мотовилло, социніанинъ, написалъ сочиненіе противъ латинянъ, которое не было напечатано только потому, что вызвало страшное удивленіе и вмѣстѣ негодованіе со стороны друга Острожскаго кн. А. М. Курбскаго [2]). Впослѣдствіи такое же порученіе князь далъ другому протестанту Хр. Бронскому, издавшему подъ псевдонимомъ Христофора Филалета Апокрисисъ [3]). Неудивительно послѣ всего этого, если въ острожской школѣ преподавали протестанты [4]). Къ князю Острожскому, по нашему мнѣнію, всего болѣе приложимо свидѣтельство уніата Дубовича о нѣкоторыхъ знатныхъ панахъ, которые жертвовали большія средства, чтобы поднять образованіе среди русской молодежи и которые приглашали въ свои школы учителей изъ нѣмецкихъ еретическихъ коллегій [5]). Не чуждались учителей-протестантовъ и братскія школы, напр. виленская [6]), но и тамъ и здѣсь все вліяніе ихъ органичивалось развѣ только расширеніемъ учебныхъ программъ въ пользу свѣтскихъ наукъ съ сообщеніемъ имъ латинскаго характера. Внутренній же строй училищъ долженъ былъ остаться тотъ же.

К. Харламповичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) П. П. Л., III, 599.

[2]) Сказанія кн Курбскаго, изд. II (1842), 281 и слѣд.

[3]) Мы не можемъ не повѣрить частнымъ заявленіямъ автора Антирисиса, что Филалетъ—явный еретикъ (П. П. Л., III, 667. 669. 721).

[4]) Архивъ б. греко-уніат. митрополитовъ (въ Архивѣ Св. Синода), кн. V, № 346, Uwaga 3, f. 19. *Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, II, 461.

[5]) *Dubowicz*, Hierarchia, 1644, str. 194.

[6]) А. З. Р., IV, № 217. П. П. Л., I, 285.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ[1].

Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ.

ДІЕВИ ЛЮДЕ ЗЪ I-ои ОДМИНЫ III-іи ДІИ:

Фирлей—вельмы древній, регементарь,
Адамъ Кысиль—Брацлавскій воевода;

Заремба,
Ясинськый,
Ржевуськый,
Чаплинській, — військова шляхетна старшина;

Елена,—уже жинка Чаплинського;
Юзя,—ін служныця,
Ярема Вышневецькый—князь.
Гонець.
Гайдукъ.

Шляхта, війскови паны й паніи.

Діется у Збаражи.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 4.

ДІЯ ТРЕТЯ.

1-ша одмина.

Кругла саля въ Збаражскимъ замци. На першимъ плани колоны й склепиння. Попидъ колонами канапы. Все вбрано зоружжямъ. Зправа видъ зрытеливъ высоке креселко; поручъ черезъ увесь кинъ стоять пивколомъ други, нызчи. Двери просто—вхидни праворучъ—до молельни; ливоручъ—до покоивъ, зъ пышнымы зависамы.

Выхидъ 1.

(*Елена и Юзя*).

(*Пры пиднятти зависы, чуты зъ молельни органъ и гуртовый спивъ*).

(*За кономъ*) Гуртъ. Пидъ покровъ твій, свята Панно,
Прыбигаемо нещасни;
Зборони насъ одъ напастей,
Порятуй одъ стрилъ ворожыхъ,
Крый одъ наглои насъ смерты!

Юзя (*йде до молельни, мочыть св. водою голову и стае на колина*). Панъ-Езусъ! Матко свьента, змылуйсь!

(*Изъ молельни выходыть въ слезахъ Елена*).

Юзя (*пиддержуе іи*). Що зъ вамы, пани кохана?

Елена. Ахъ, Юзю! Тамъ правылы литію... Пробощъ казань чытавъ... щобъ сповидалысь вси и готувалысь до смерти... щось чекае страшне!

Юзя. Охъ, Езусъ-Марія! пропащи мы! по мисту стоить лементъ... Кара, кара Божа!.. Усюды смерть...

Елена. Смерть? Я не хочу вмыраты!.. Рано... рано!.. Не нажылася я... жыття мени слалось квиткамы...

Юзя. Заспокойтесь, пани! Може ще зглянется надъ намы Панна свята...

(*Юзя веде Елену въ слезахъ и садовыть на канапи, пидъ колонамы*).

(*Чуты спивъ*) Гуртъ. Колы й грихъ на насъ тяжіе,
Зглянсь на наши дрибни слезы
И пробачъ рабамъ покирнымъ:
Ты есы бо ласка й мылость
Споконъ вику и до суду!

Елена. Ни, ни!.. Не зглянется!.. Я не можу несты що дня таку муку... Тремты за кожну хвылыну... Прыслухайсь до стогону, до пекельного гуку гарматъ... Ахъ! Чы-жъ сподивалась я такого.

Юзя. Хто-жъ мигъ и пречуваты, моя пани ласкава? Спочатку складалося все такъ гарно й щаслыво: вельможный панъ навить шлюба зъ паніею узявъ...

Елена. А якъ-же-бъ иначе?

Юзя. Ну, зъ бранкамы, пани, часомъ не церемонятся...

Елена. Зь бранкамы, зъ хлопкамы... а не зъ панею Еленою! Я знаю сылу своеи красы и дешево-бъ іи не продала зроду! Я бъ и сывого, упартого Богдана заставыла женытысь... тилькы доля поманыла на инче...

Юзя. О, моя пани дрóга, маешъ рацію! Такои ясной зори на циле крулевство нема... и вси мусылы бъ передъ паніею до ниг падаты.

Елена. Я про те й марыла, а доля мени зраду ковала. (*Замыслюется*). Жорстоко тоди Стась учынывъ: всю челядь перебывъ... а хлопчыка Андрія на моихъ очихъ канчукамы замордувалы... Стара няня кынулась обороняты,... а ій проломылы келепомъ голову... Ухъ! Я ажъ зомлила... Може за це й кара?

Юзя. За схызмативъ? що пани гадае?

Елена. Все-жъ люде... и отъ теперъ страшный Богданъ помстытся и змыва кривью весь край! И все те—черезъ мене... (*Лама рукы*).

Юзя. Не побывайтесь, пани кохана: то-жъ не по панськiй воли вчынылось...

Елена. Але я вмовылась... втекла... и доля одурыла мене, одурыла, насмiялася! Старый сычъ теперъ гетьманомъ-королемъ, усе тремтыть пидъ его булавою, а мiй магнатъ у пастци, мовъ тхиръ!.. Намъ у вичи дывытся смерть, або й катування лыхи...

Юзя. О, Ченстоховська Божа Маты! Змылуйся!

(*Пауза. Органъ грае*).

Елена. А якъ думаешъ, Юзю,—якъ бы Богданъ пiймавъ мене,—убывъ-бы. замучывъ?

Юзя (*зрадившы думци*). Ни, пани! Якъ Бога кохамъ, ни!

Елена. Але винъ ревнывый... гоноровытый... не перемигъ бы безчестя...

Юзя. Панъ Гетьманъ безъ памьяты коха мою пани... Одынъ поглядъ—и его серце ростане, якъ вискъ...

Елена. Его серце не зъ воску, а зъ крыци...

Юзя. У панськыхъ рукахъ и крыця розмьякне...

Елена. Охъ, чи такъ же?

Юзя. Та чи видомо-жъ гетьману, що пани по своiй воли втекла? Паню взято насылкомъ, гвалтомъ... Я бъ прысягнулась...

Елена. Та чи коха ще мене Богданъ?

Юзя. Чи-жъ здола хто панiю зацураты?

Елена. Ты пидлещуешъ... а колы-бъ не такъ склалося, я бъ сiяла теперъ владою... а тутъ... Ахъ, яки докучлывы думкы печуть мени мозокъ! (*Чуты стукитъ*).

Юзя. Идуть сюды!

Елена. Тыхо! (*Прытаилысь*).

Выхидъ 2.

(*Ти-жъ и Чаплинськый, Ржевуськый, Заремба та Ясинськый*).

Чаплинськ. Не знае, панство, для чого насъ заволано тутъ?

Ясинськый. Вiйськова рада.

Заремба. Ни, лыцарство хоче пана (*показуе на Чаплинського*) наставыты гетьманомъ...

Чаплинськ. Вишъ, пане, цо? Я змигъ-бы нымъ буты, бо естемъ уродзоный, гоноровый шляхтычъ, а вацпану—зась!

Заремба. Та звисно, куды-жъ Волынському тутуру, та пнутысь до Лытовськои жертки!

Ржевуськый. До правды! Чаплинськыхъ зъ пьять панъ за себе схова...

Чаплинськ. Пане! Чаплинськый ще не ховавсь ниде зроду!

Ржевуськый. О? такъ?

Ясинськый. И по ровахъ бувалысьте, пане...

Чаплинськ. Протестуюсь!

Ясинськый (*пидходыть блызько*). То я лгу, пане?

Чаплинськ. (*назадъ*). Я не кажу... але... пану може... здалось... (*Смихъ*).

Елена (*Юзи*). Зъ его кепкують... а винъ...

Юзя. То лыцарськи жарты.

Заремба. Одначе, панове, рада радою, а моя утроба тежъ просыть рады: тра-бъ по чарци...

Чаплинськ. Панъ тилькы про черево й дба...

Заремба. А про ворогивъ панська турбація: за такымъ лыцаремъ я можу спаты спокійно!

Чаплинськ. А що-жъ, пане, ваши Потоцькы та Калиновськи наброилы? Одибралы есте памьяткового пры Кумейкахъ, Жовтыхъ водахъ та Корсуни...

Ясинськый. А для чого-жъ панъ не прылетивъ туды зъ своимъ завзяттямъ и хыстомъ, а десь тынявся по закуткахъ?

Чаплинськый. Я... пры справи бувъ... на Волыни.

Ясинськый. А не въ Чыгырыни? Не пры своимъ старостви? Гай, гай!

Елена (*Юзи*). Винъ мене ратувавъ...

Юзя. А теперъ на пана напасть...

Заремба. Панъ зъ Чыгырына тикавъ зъ здобыччю...

Ржевуськый. А! зъ красною Еленою? Але Парысови, колы нымъ статы хотилось, повынно-бъ буты у першимъ вогни... а не по задвиркахъ...

Чаплинськ. То клямство, пане!

Ржевуськый (*пидходыть*). Що—о?

Заремба (*тежъ*). Чи панъ не вкравъ Елены?

Ясинськый (*тежъ*). Чи не злодіяцькымъ гвалтомъ и нападомъ на самыхъ бабъ?

Чаплинськ. (*одступа*). Панове, проше! Що-жъ то? Чаплинському ще не впадало браты гвалтомъ серце кобиты: кожна сама кыдалась... Звычайна шляхетська потиха...

(*Елена, якъ опечена, схоплюется. Юзя удержуе*).

Ясинськый. А черезъ ту потиху циле пекло спалахнуло.

Ржевуськый. И черезъ бабу... та шляхецька кровъ ричкамы тече!

Чаплинськ. Панове! Колы-бъ я те прочувавъ...

(*Елена крыкнула и закрыла выдъ; але органъ заглушывъ іи покрыкъ*).

Ясинськый. То зробывъ-бы панъ друге паскудство?

Чаплинськ. Я порахуюсь зъ вамы, панове, за це описля!

Ясинськый. А вже-жъ: перше Богданъ Хмельныцькый порахуется съ паномъ...

Ржевуськый. О, шкуру зъ жывого здере!

Заремба. Ходимъ до костела: тамъ и воевода, и регементарь. (*Вси заходять*).

Чаплинськ. Що-жъ це? Смерть? Не мынучи тортуры? О, трыста дьябливъ!.. треба тикать... и найхутче!.. Дизнавсь про потайный лазъ... Де моя Леся?.. Чи браты іи?.. Певно тамъ... (*Иде въ костелъ*).

Выхидъ 3.

(*Елена и Юзя*).

Елена. Мене ганеблють! Усю ту кровъ на мою голову ллють? (*Истерично рыда*).

Юзя. Пани! Ластивко моя! Не діймайте тимъ словамъ виры!

Елена. Чого-жъ воны все на мене звертають, чого? Самы розлютувалы звиря... самы запалыли пожежу—и на мене! А

мій Стась... ой, такъ не по шляхетськи... терпыть зневагы... хызуется... Охъ, якъ боляче! отутъ горыть... (*Показуе на серце*).

Юзя. Панъ не хоче дратуваты ихъ, щобъ на паню не ремствовалы...

Елена. Та панъ самъ готовъ у мене кынуты каменемъ... Ни, Юзю, ни! Колы сміются надъ любымъ подружжамъ, то чоловикъ не рахуе... Стась не любыть мене... Жалкуе, що взявъ... У! Дурна я, дурна! Такъ мени й треба!

Юзя. Пани здалось такъ...

Елена. А колы любыть, то ще гирше, ще гыдше! (*Рве платокъ*).

Юзя. Заспокойтесь, пани!

Елена. Не можу, не можу!.. Тхиръ! Курополохъ!!

Юзя. Пани себе тилькы змордуе...

Елена. А! Проклятая! (*Зрыва перлы и кыда*). Слухай, Юзю! Воны тутъ збираются... на раду... Я хочу знаты... слухаты... де-бъ тутъ?

Юзя (*кынувшы окомъ*). Пани за тымы зависамы може сховатысь.

Елена. Спусты ихъ! (*Ховается*).

(*Юзя, зачувшы органъ на видпустъ, выходыть у двери*).

Выхидъ 4.

Фирлей, Кысиль, Вышневецькый, Чаплинськый, Заремба, Пробощъ, Ясинськый и друга шляхта.

Фирлей (*сида на кресли; поручъ зъ нымъ Пробощъ*).

Шановнее, ясновельможне панство!
Я склыкавъ васъ на раду військову:
Держатысь бильшъ у Збаражи несыла.
Бракуе въ насъ и хлиба, и воды,
Та и прыпасу боевого—годи!
У десять разъ сыльнищый ворогъ насъ
Стысъ въ лещетахъ; обвалени окопы
И ранамы ажъ свитять скризь муры...

Що намъ чыныть, преславни воеводы?
Чи полягты усимъ тутъ до ногы,
Чи мисто здать?

Чаплинськ. Ганеба, встыдъ, панове!

Ржевуськый. Це нашъ Кодакъ!

Ясинськый. Тутъ зброи повный складъ.

Вышневецьк. Цю тверджу здать—то видчыныть ворота
У саме серце Польши!..

Чаплинськ. Езусъ-Панъ!

Пробощъ. О, virgo divina! Pro nobis ora!

Фирлей. Такъ щожъ чыныть?

Вышневецьк. Коронне військo тутъ;
Мы злучымось и цей ворожый табиръ
Розирвемо на два шматкы...

Фирлей. Я жду
Видъ короля вистокъ; але, мій княже,
У его сылы жменя...

Вышневецьк. А мои
Гусары?

Чаплинськ. Я-бъ и зъ жменею тыхъ левивъ
Розпудывъ хлопивъ...

Заремба. Може, пане, бабъ? (*Смихъ*).

Чаплинськ. Що, пане?

Заремба. То, що Збаражъ—не Суботивъ!

Пробощъ. О, illustrissimi!

Фирлей. До рады васъ прошу!
Его-мосць князь провадыть ждаты круля;
Але якъ ворогъ ждаты не дае,—
И за годыну, ясне панство, тутъ
Загоготыть пекельный бенькетъ смерти!

Вышневецьк. Іи зустрить не хоче пышный панъ?

Фирлей. Образа, княже! Мы не разъ ій въ вичи
Дывылыся... Тутъ не про себе ричъ:
А чи гараздъ останне військo наше
На гыбель дать?

Вышневецьк. Такъ крыжемъ полягты
Передъ лыхымъ бунтовныкомъ и хлопомъ?
Ржевуськый. О, краще смерть!
Ясинськый. Пся кревъ!
Чаплинськ. На пали ихъ!
Заремба. Машъ рацію, хоробрый пане, тилькы
Звершы іи...
Чаплинськ. Не катъ я...
Заремба. А Парысъ?
Чаплинськ. Я зъ паномъ завтра...
Пробощъ. Не змагайтесь, диты!
Тяжку годыну Богъ намъ посыла,
Що не сповнялы мы наказивъ Папы:
Не вырвалы мы схызмы, а вогонь
Очыстывъ бы ихъ, гришныхъ, и настала-бъ
Скризь кателыцька вира...
Фирлей. Зъ цёго й брань.
Знялась братерська...
Чаплинськ. Якъ? Браты намъ хлопы?
Вышневецьк. Лайдаки! быдло!
Фирлей. Добры вояки,
Що боронылы польскій край видъ турка.
Вышневецьк. У Польши есть лыцарськый, славный мечъ!
Фирлей. Оборонывъ винъ насъ пры Жовтыхъ водахъ,
Пры Корсуни...
Вышневецьк. Ньестеты! Вынни вы,
Паны мосциви, а не військо! Зроду
Вы про війну не дбалы и въ гадкахъ:
На роскошахъ розпестывшы всю сылу,
За клочча вы вважалы козака,
Мовъ на бенькетъ ишлы его караты,
А въ клоччи тимъ зъявылась сыла й васъ
Перевернула, та й пишла пожаромъ...
Хто на чоли поставленый бувъ тамъ?
Фирлей. Ти, що не разъ служылы Марсу славно!
Вышневецьк. Та й виддалысь въ лабеты козаку...

Фирлей. Фортуна зла и ненадійна зрада.
Чаплинськ. И необачный выбиръ ватажкивъ...
Заремба. Але, панове,—що було—мынуло,
А мы теперъ даремно гаемъ часъ:
Богданъ влетыть и насъ жывыхъ пошкварыть,
Мени-жъ свого жаль сала, дали-бугъ!
Ржевуськый. А панъ прыдбавъ его...
Ясинськый. Зъ цеберъ...
Заремба. Тымъ бардзій!
Пробощъ. Salutio ex coelo!
Заремба. Треба намъ
На часъ хочъ замырытысь.
Кысиль. Ясне панство!
Дозвольте ричъ держаты.
Де-хто. Хто? Кысиль?
Други. Мы ради вчуть и пана воеводу.
Кысиль. Якъ сытая, непорана земля
Лышъ будякы замисць пшеныци родыть,
Такъ воля въ насъ безкрайя, золота
Не на корысть иде, а на сваволю...
Вышневецьк. Зневага то!
Чаплынськ. Ганеба!
Пробощъ. Панъ-схызматъ.
Кысиль. Такъ, я схызматъ, я грецького закону,
А серцемъ я щыришъ за васъ полякъ.
И боляче люблю свою краину!
Сто литъ тому, передъ Жыгмондомъ ще,
Украина еднатысь стала зъ Риччю—
И справа йшла любесенько, безъ чваръ.
Риднылысь мы, росла на сылахъ Польща,
И богативъ та цвивъ нашъ пышный край...
Коли це вразъ—чи то пекельна заздристь,
А чи пыха безглузда—збылы гвалтъ:
Паны пишлы забрать козачи добра,
Ксензы взялысь имъ виру поламать—
И занялося пекло! Панство, друзи!

Одумаймось, нё лыймо дарма кровъ,
Одсахнемось одъ гвалту та розбою:
Нехай любовъ прыспыть оту злобу
И зажывыть ойчызни тяжки раны!

Вышневецьк. Панъ гетьманъ тежъ однои думкы?

Фирлей. Такъ!

Вышневецьк. Щобъ бунтарямъ дать пильгу й одростыты
Ще пазури та зубы на панивъ?

Фирлей. Князь помылывсь... Теперъ воны лышъ можуть
Намъ пильгу дать... а вашъ вогонь та мечъ
Змигъ розъярыть прыборканого звиря,
А не спыныть...

Кысиль. Панове! Fiat pax!

Вышневецьк. Якъ мыръ? На чимъ? На тимъ, що Хмель зъ насъ правывъ?
Шляхетство дать значнымъ лейстровыкамъ,
Знесты уси костелы на Вкраини
И выгнаты котолыкивъ, жыдивъ?

Пробощъ. Езусе-Пане! „Свьента вяра" гыне!

Ржевуський. Знущаются надъ Sacramentum псы!

Кысиль. А хто жыдамъ дававъ церквы въ аренду?

Одни. Этъ, то пся кревъ...

Други. Схызматамъ мукы!

Пробощъ. Amen!

Фирлей. Король того не хоче...

Чаплинськ. Цо тамъ круль?!

Ржевуський. Мы самы крули!

Ясинський. Шляхтычъ на загроди
И воеводи ривенъ, пане!

Другіи. Такъ!

Пробощъ. Едыный лышъ надъ вси владыка—Папа.

Де-хто. Схызмативъ быть! До пекла ихъ!

Чаплынськ. Завстыдъ
Лякатысь намъ!

Вышневецьк. Тымъ бардзій, що е помичъ!

Одни. По згоди въ насъ однимуть хуторы
И все добро...

Други. Ганеба! Veto! Veto!

Фирлей. Панове! Дайте слово! Це не сеймъ!
Забулысьте, що я Коронный Гетьманъ
И власть моя...

Бильшына. Той зрадныкъ, хто—за мыръ!

Конецпольскый, Заремба, Кысиль (*встають и до шабель*).
До зброи!

Вышневецк. и де-хто. Вментъ!

Пробощъ (*стае мижъ ныхъ*). О, найясниша Панно!

Выхидъ 6.

(*Тижъ и гонецъ*).

Гонець. Лыста прыславъ ось найяснишый Круль.

Фирлей. Отъ певна намъ и рада, и надія.
(*Чыта нервово. Вси зразу прытыхли*).
О, горе намъ? Кара насъ божый гримъ...
Розбытый Круль!

Вси. Коронне війско згыбло?

Фирлей. Лягло усе... Може й яснійшый Круль...

Вси. Погыбель намъ!

Пробощъ. Voluntas tua fiat!

(*Пауза*).

Заремба. Що-жъ намъ чыныть?

Кысиль Зъ Богданомъ Хмелемъ мыръ.

Фирлей. Тымъ вызволымъ мы круля изъ лабетивъ...

Заремба. Такъ нарядыть до Хмеля посланця...

Ясинськый. А пидкупыты-бъ?...

Заремба. Хмеля? Тамъ и прорва!
Винъ Польщу всю ковтне...

Ржевуськый. А то татаръ:
Ти продадуть и батька за дукаты!

Ясинськый. Напевне такъ, та треба и значныхъ...

Пробощъ. Выговського... винъ зъ шляхты...
Фирлей. Ни, Тетерю!
Чаплиньск. И ошукаты потимъ...
Пробощъ. Клятву ту
Зъ схызматамы ламать зволяе Папа...
Вышневецьк. Шельмовство то!
Чаплиньск. Зъ-пидъ гвалту слово—дымъ.
Вышневецьк. Шляхетське слово есть святыня, пане!
Фирлей. Що-жъ, лыцари?
Кысиль. Мырытыся мерщій!
Заремба. Щобъ вымовыть въ Богдана хочъ що-небудь
Прынаду-бъ треба и ему...
Ясиньскый. Яку-жъ?
Пробощъ. In coelo spes.
Вышневецьк. Не згоденъ я! Кризъ лавы
Зъ гусарамы прорижусь...
Кысиль. Марный бій...
Тамъ сылы—тьма!
Вышневецьк. Мои гусары—левы!
Кысиль. И ихъ згубыть?
Вышневецьк. За те славетна смерть!
(*До Чаплинського*). Зи мною панъ?
Чаплиньск. То „рызыка" велыка...
Заремба. А якъ хвалывсь!
Ясиньскый. Звытяжець бабъ, дитей!
Заремба. Его-бъ оддать Богданови въ заставу...
Де-хто. Винъ бучу знявъ...
Други. Нехай и вызволя!
Чаплиньск. На Бога! Панство! Цо-жъ то?
Вышневецьк. Гайда въ поле!
За мною!
Чаплиньск. Тамъ выдыма смерть...
Вышневецьк. (*выходючы*). У! Тхиръ!!
Де-хто. Шкодлывый китъ, а на розправу—заець!

Выхидъ 7.

(*Тижъ и Гайдукъ*).

Гайдукъ. Ворожи скризь шыкуются повкы
И оточають Збаражъ.

Пробощъ. Finis! Finis!

Одни. Рятуймося!

Други. Погыбель, смерть намъ всимъ!

Кысиль. Спустыты стягъ!

Де-хто. Чаплинського виддаты!

Чаплиньськ. Ой, змылуйтесь, мои паны ясни!
Тортуры... смерть...

Пробощъ. Панове! Слушна рада:
Чаплинського визьме для мукъ Богданъ,—
И постраждать—то честь: едынъ—за мнози!
Але щобъ бильшъ Богдана вдовольныть,
То виддамо назадъ ему Елену.

Фирлей. Правдыва ричъ, свята!

Чаплиньськ. На вищо-жъ я?
Невже, паны... дасте вы... шляхту хлопу?
Богдану треба жинкы... хай бере!
Пошлить ему Елену вже... на втиху...
На мене-жъ згляньтесь...

Фирлей. Жинку панъ дае?

Чаплиньськ. Такъ, такъ... даю... Везить ему Елену!
Наскучыла... натишывсь—та й-уже!

Выхидъ 8.

(*Тижъ и Елена*).

Елена (*хутко и гордо выходячы ззa зависы*).
Я чула все—и соромъ крые щокы,
Що я змогла такого покохать!
Вы свій языкъ оманою мастылы

И зброилысь у мужнисть хвастивну...
(*Показуе на серце*). А тутъ у васъ—гниздо гыдкои жабы,
Де кублытся зрадецьтво, лжа и страхъ...

(*Чаплинськый хоче щось сказаты*).

Видъ мене геть, мерзотній недолюдку!
Безчесныка не хочу й слухать я!

(*Чаплинськый пирнувъ у юрбу и втикъ*).

А вы, мизерніи нащадкы сылы й славы,
Звелычени безсыллямъ та стыдомъ
И гризны лышъ на похвалкы та зъ кволымъ...
Вы дужому вклоняетесь до нигъ:
За спокій свій, за ласощи й розпусту
Готови вы оддаты й честь свою,
И честь жоны и навить дони цноту,
Абы самымъ закрытысь одъ биды...
Надъ инчымъ гвалтъ... неслава... и публика
Вамъ за нивець... Що вамъ жиночый стыдъ?!...
Такъ! Я пиду въ ворожый станъ Богдана,
И колы-що въ грудяхъ его не лидъ,
То буду я надъ Краемъ пануваты!

(*Вси остовпилы*).

(*З а в и с а*).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДО 2-ои ОДМИНЫ Ш-еи ДІИ.

Богданъ Хмельныцькый—гетьманъ;
Тетеря,—полковныкъ, блызьке до гетьмана лыце.
Выговськый—пысарь, пры Богдани;
Богунъ
Крывоносъ
Нечай — полковныкы;
Морозенко
Чарнота
Тымко—сынъ Богдана;
Бандурыста—сывый дидъ;
Джура,
Ясинськый—посланець польскый;
Елена Чаплинська—бувша коханка Богданова;

Козакы, гайдукы.

Діется пидъ Збаражемъ.

---

2 ОДМИНА.

(Середына намета Хмельныцького, доволи роскишна: турецьки канапы, столы; багато дорогои зброи. Ввійстя вхидне и наливо до спальни).

Выхидъ 1.

(*Тетеря и джура*).

Тетеря. Ясновельможный Гетьманъ де?

Джура. Въ покои,
Я ось готую зброю.

Тетеря. Сповисты,
Що я прыйшовъ...

Джура. Въ ту-жъ мыть, вельможный пане!

Тетеря. А чи въ гумори Его мосць?

Джура. Воны
Щось гнивалысь страшенно на Чарноту.

Тетеря. Визьмы соби на шапку—ось дукатъ...
Ты хорошунъ и славный въ мене хлопець!
(*гладыть*) Ну, а про що розмова йшла? Не чувъ?

Джура. Про то... эге-жъ, здается... про Чаплинськыхъ.

Тетеря. А сердывся?.. Ось ще тоби дукатъ. (*Дае*).

Джура. Лыбонь про те, що винъ не розшукае...
Ажъ стукалы по столу кулакомъ.

Тетеря. На стежечку! (*Дае якусь монету*).

Джура. Спасыби, ясный пане! (*Выходыть*).

Тетеря. Ну, це гараздъ! Тепера знаю я,
Що въ сывого горыть вогнемъ ще рана,

И не вгасывъ іи побидный гукъ...
Се буде зновъ мени шляхомъ въ те серце.

Джура (*ввиход.*). Ясновельможный гетьманъ пана жде.

(*Тетеря йде до спальни, а джура прыбира наметъ и выбига часамы у станъ.*)

Вы хидъ 2.

(*Богданъ, Тетеря и джура*).

Гуртъ (*недалеко за кономъ спива*).
Ой, Богдане-тату!
Вернувъ нашу хату—
Щасты тоби Боже!
Не забуде зроду
Корсунь, Жовти воды—
Кодло все вороже!

Богдана (*голосъ*). Вына сюды и люльку!

Джура. Заразъ, вмыть,
Ясновельможный гетьмане и пане!

Гуртъ. Та немае лучче,
Та немае краще,
Якъ у насъ на Вкраини,—
Що немае жыда,
Що немая Ляха,
Та не буде й уніи!

Богдана (*голосъ*). Щобъ румака готовылы!

Джура. Въ сидли
Вже винъ стоить, ясновельможный пане!

Тетеря (*выходыть улеслыво за Богданомъ*).
Твои лысты збентежылы всю чернь:
Покынувъ скризь славетный панъ—крамныцю,
Кравець—шытво, гончарь—свои горшкы

Загонамы шукуется весь людъ
И полумьямъ шляхы соби проводыть.

Богданъ. Гараздъ, гараздъ! Хай свитють ворогамъ:
Згадается имъ уніа й Суботивъ!

Тетеря. Одно тилькы: озвирена юрьба,
Зъ пьяныхъ очей не розбера никого...
И всихъ панивъ, бодай-бы-то й свои—
У пень руба, а добра геть руйнуе!

Богданъ. Що діять? Въ ныхъ—вся сыла...

Тетеря. Та лыха!
Колы въ гребляхъ вода, то зерно меле,
А якъ прорве, то понесе и млынъ...

Богданъ. Та млынъ отой зъ греблямы й е неволя:
Нехай знесе—поставымо другый...
А паводи теперъ спыняты годи!
Я обицявъ голоти вси права,
Зривняты чернь зъ лейстровыкамы навить.
И тымъ пиднявъ супроты ворогивъ
Таку страшну необорыму сылу...

Тетеря. О, що й казать! Твій розумъ, що орелъ...
Але-жъ и те: обицянкы—цяцянкы!...
Бо сылы ти, що ясный гетьманъ знявъ,
На вси бокы пекельни й небезпешни:
Татарынъ звирь, розсатанила чернь...

Богданъ. Такъ скрывдыть ихъ ище небезпечнише!
Зъ ляхомъ-панкомъ тра впоратыся першъ...

Тетеря. Пожежа йде... людъ на татаръ лютуе,
А старшына на людъ... и гвалтъ росте...
Не захотять панства терпить Содому...

Богданъ. Та такъ-то, такъ; але теперъ не часъ
Вудыламы спыняты буйни кони:
Ище кругомъ насъ ворогъ оточа...
Звоюемо, тоди й за хатни справы...

Тетеря. Та чи дадуть-же закриныты мыръ?
Загавкають...

Богданъ. Чого?

Тетеря. Та на ту згоду:
Татары й чернь бажають Польшу всю
Розграбыты...

Богданъ. Я йду давыть своволю
Напастныкивъ—магната и ксендза,
А не знищать безвынный людъ и круля,
Обраного по нашій воли...

Тетеря. Такъ...
А е зъ старшынъ, що за розбои ради...

Богданъ. Не зигнуть, ни! Цупкый удався Богданъ!

Тетеря. Тоби Господь надавъ высоку долю:
Украину ты вызволышъ цилкомъ,
Збудуешъ тутъ велыке, славне панство...
И хто-то зна...

Богданъ. Чымъ дали, брате, въ лисъ—
Тымъ бильшъ думокъ непевныхъ...

Джура. Ясный гетманъ,
Полковныкы-паны...

Богданъ. Просы, просы!
(*Тетеря выходыть*).

Выхидъ 3.

(*Крывоносъ, Морозенко, Нечай*).

Вси. Чоломъ тоби, ясновельможный батько!

Богданъ. Здорови, диты, лыцари-орлы!
Що доброго?

Крывоносъ. Одъ башты ажъ до ричкы
Ворожіи гарматы вси мовчать,—
Хоть заразъ можно добуваты мисто.

Богданъ. Заципыло?

Морозенко. Шкереберть вси!

Богданъ. Гараздъ!

Нечай. А я ще скризь околыци пошарпавъ.

Крывоносъ. Отъ жаль, що я мижъ вамы тамъ не бувъ—
Эхъ, зъ хлопцямы мы погулялы-бъ ловко.
Що за бенькетъ, якъ мисто все пала,
А вороги, мовъ смерть, блиди трясутся...
Запалышъ люльку зъ вогныща, та знай
Тилькы крычышъ: „а ну-те, хлопци, шпарче,
Пиддайте жару, не жалійте рукъ,
Та прыговорюйте—„за те вамъ и за тее!"
Морозенко. Ажъ духъ зрыва! Такъ въ сичу-бъ и махнувъ!
Богданъ. Завзяти вы, полковныкы, занадто:
Якъ такъ чыныть—пустыня буде скризь...
Та й не впада, панове, буть жорстокымъ:
Лежачого уже, мовлявъ, не бьють.
Нечай. А насъ ляхы—якъ завжды шанувалы?
Крывоносъ. Четвертувалы, шкварылы въ быкахъ...
А надто той Ярема, песъ пекельный...
Ну й допадусь!
Богданъ. Такъ мы-жъ, бра, не ляхы!

Выхидъ 4.

(*Тижъ и Богунъ*)

Вси. Богунъ! Богунъ!
Богданъ (*обнима*). Витаемо звытяжця!
Богунъ. Товарышамъ и батькови чоломъ!
Ище прывизъ братамъ я трохы славы!
Вси Тоби хвала!
Богданъ. Якъ справывсь, роскажы!
Богунъ. Пидъ Зборовымъ було коронне військо.
Мы-жъ у ночи болото перейшлы,
Та й вдарылы налетомъ зъ Тугай-Беемъ...
Не ждалы насъ видтиль паны-ляхы—
Шатнулыся у ростичъ и до лясу
Вси кынулысь... А мы ихъ на вздогинъ
Давай локшыть та сикты на капусту:

Все поле вкрывъ блаватъ и аксамытъ,
Сто двадцять мажъ обозу захопылы!

Богданъ. Теперъ, браты, вся Польща у ногахъ;
Здобудемо за дви годыны Збаражъ—
И до Варшавы просто на ихъ сеймъ!

Вси. Хвала, хвала!!

Богунъ. Ухъ, славно, батьку любый!

Богданъ. Венгерського намъ, джуро, пиднесы!

Крывоносъ. Горилкы краще, гетьмане!

Морозенко. А правда,—
Выно квасокъ.

Нечай. Не пройме козака.

Богданъ. Ну, подавай скаженои, щобъ грала
Та пынылась...

Крывоносъ. Ця розворушыть кровъ.

(*Налывають кубкы, розносють*).

(*Выдно, що за шатромъ Тетеря спыня чогось Чарноту*).

Богданъ. За козакивъ, за славне Запорожжя!

Богунъ. За Украину—матиръ!

Нечай. За нашъ стягъ,
Щобъ за годыну падъ Збаражемъ маявъ!

Богданъ. Дай Господы! Теперъ на Збаражъ! Гей
Коня мени! (*Крывоносъ выходыть*).

Выхидъ 5.

(*Тижъ и Тетеря*).

Тетеря (*хутко входыть и тыхо Богданови*).
Я маю новыну...

Богданъ. А що таке?

Тетеря (*одводыть его напередъ*). Дизнався я, гетьмане,
Що въ городи Чаплинськи!

Богданъ. О? Невже!

Тетеря. Ихъ выдадуть гетьману, колы мисто
Ощадымо...

Богданъ. Що діяты?... Бижы, скажы мерщій,
Щобъ прывелы... Хай посланци прыбудуть.
Обохъ! Обохъ!! (*Тетеря выходыть*).

Нечай. Що-жъ, батьку нашъ, рушать?

Богданъ, Трывайте ще... я дамъ, панове... гасло...

Богунъ. Тутъ вправытесь, братове, и сами,
А въ помичъ намъ дай, батьку, тысячъ зо тры,
То короля въ полонъ заберемо.

Богданъ. Щобъ маестатъ? Его яснійшу мосць?!
Да не коснется вашъ повикъ и палець
Священнои парсоны короля!
Король—нашъ панъ; ему—мы вирни слугы:
Не на его повсталы мы,—на сеймъ!

Богунъ. А за-що-жъ винъ ишовъ насъ воюваты?

Богданъ. Ну... дукы вси... и Ричъ те вымага...

Нечай. Не вмеръ Данило—трясця задавыла!

Богунъ. Этъ, що й казать, хиба не одынъ чортъ,
Чи батька разъ у лоба, а чи й двичи?

Богданъ. Мы захыстымъ Его Крулевську Мосць,
А винъ за те насъ возвелычыть гойно...

Нечай. Та мы теперъ взялы права й самы!

Морозенко. А ихъ почотъ и шана на сто-биса?

Богунъ. Насъ звелычае шабля, а не круль!

Богданъ. О, слипачи! Не мечъ царства будуе,
А певный глуздъ у справахъ обчеськыхъ:
Безъ головы—никчемни рукы й ногы!
Я владою, наданною мени,
Всимъ бороню на Короля вдаряты...
Теперъ якъ разъ намъ можно мыра взять,
Корыстного для насъ и для Вкраины...
Того я й жду видъ миста посланцивъ...

Богунъ. Якъ? Збаража не будемъ добуваты?

Нечай. Та ты-жъ подавъ до бою вже наказъ?

Морозенко. Це штука!

Богданъ. Я... не хочу марно лыты
Ридпои крови... бо здадуть и такъ...

Богунъ. Эй, гетьмане! Упустышъ тилькы добу
И часъ дасы спочыты ворогамъ:
А якъ бува ляхъ въ рукы насъ піймае,
То жодпои ощады вже не жды!

Богданъ. Провчылы мы магнативъ... часъ и згоди!

Богунъ. Уся Волынь, Украина й Подоль,
Колы зовсимъ мы не задавымъ ляха,
У пазуряхъ застогне й зарыда
И прокляне своихъ братівъ на викы!

Нечай. Мы власпымы кистками вкрылы край
И зъ пивъ-шляху звертаты-бъ-то?!

Морозенко. Не згода!
У пень рубать всихъ нашыхъ ворогивъ!

Богданъ. Забулысьте, панове, що я гетьманъ
И на війни мій голосъ—всимъ законъ!
До лавъ уси, и ждать мого наказу!
(*Вси понуро выходять*).

Выхидъ 6.

(*Богданъ самъ*).

Богданъ (*вслидъ*). Не похылыть, панове, вамъ мене!
Згартована на крыцю въ мене воля,
И буде такъ, якъ поришыть Богданъ!
Вамъ хочется гармыдеру й сваволи,
Не вдастся, ни! Я певне право й ладъ
Постановлю, збудую на Вкраини...
Вже кайданы розбыти... часъ-пора
Прыкроиты ій власную одежу...
Тилькы бида, що всякъ бажа свого...
И мозокъ схне, якъ погодыть бажання?
(*Пройшовся, потыраючы лобъ, и сивъ, замыслывся. Пауза*).
Чи не чыню я крывды?.. Та невже

За ту красу продамъ я Украину? (*Встае*).
О, ни! Шельмовство причъ!.. Уже наставъ
Справдешній часъ дать мыръ... Я, безъ прынады,
Зъ ныхъ выправлю для Украины все!
У справахъ цыхъ не зрушыть мене баба!
(*Пройшовсь*).
Та й то ище: мо, знажують ляхы,
Щобъ выграты годыну?! О, не раджу
Мене дурыть!.. Все въ попилъ поверну,
Перетрощу остатнюю цеглыну,
Жывого пса и кишкы не лышу!..
Ни, тамъ вона!.. Якъ тутъ пече у грудихъ...
Зирвалы зновъ зъ старои раны струпъ...

Выхидъ 7.

(*Богданъ и бандурыста*).

Бандурыста. Бувай здоровъ, нашъ батьку, нашъ гетьмане!
Богданъ (*обнима*). А, друже мій? Видкиль? Колы? Куды?
Бандурыста. Изъ Кыива сюды. Тоби владыка
Благословення нерухоме шле.
Богданъ. Зъ смыреніемъ и благостю прыймаю.
Бандурыста. Ты знявъ меча за виру пресвяту,
За ридный людъ, знеможенный у мукахъ—
И по церквахъ зновъ дзвоны загулы,
И людъ ожывъ, повеселивъ, одягся...
Вся Русь тоби нызенько бье чоломъ
И молытся за гетьмана-зборонця.
Богданъ. Спасыби ій! Спасыби диточкамъ!
Для мене то найкраща нагорода!
Бандурыста. Тоби до рукъ Господь давъ гризный мечъ,
Такъ не зверны-жъ зъ высокои дорогы
Ни рады добръ, ни рады власныхъ втихъ;
А памьятай, що лышъ свята потреба
Здола замыть пролыту людську кровъ.

Богданъ. Твои слова цилющою росою
На душу впалы...

Бандурыста. Тамъ ихъ и ховай,
Та бережы, щобъ не розвіявъ витеръ.

Богданъ. Ховатыму.

Бандурыста. Спыны ты татарву:
Розкынулось хыжацтво геть по краю,
Плюндруе все и спильныкивъ своихъ
Бере въ ясыръ... Тикають бидни люде
Геть ажъ за Псло, въ Московськи вже степы...

Богданъ. Бида изъ нею...—помичъ и руина...

Бандурыста. Невира бачъ и хрестъ...

Богданъ. То до часу,
А мы теперъ въ колодочкы вже вбылысь,
И безъ невиръ замицнемо права...
Готую я щось инше Украини...

Бандурыста. Увесь народъ надію поклада,
Що вызволышъ видъ рабства та неволи.

Богданъ. Украину я высоко здійму,
Дай тилькы часъ... (*Тетеря ввиходыть*).

Бандурыста. А вже бъ пора нещасній,
Зруйнованій, знесыленій въ биди—
Спочыть певнишъ, загоить тяжки раны!

Богданъ. Такъ... але ты здорожывсь... одпочынь!
Гей! Нагодуй и дай прытулокъ, джуро!

(*Богданъ обнима старця. Джура выводыть его пидъ рукы*).

Выхидъ 8.

(*Богданъ и Тетеря*).

Богданъ. Ну що? Якъ тамъ?

Тетеря. Все сповнять, якъ бажавъ.

Богданъ. Колы жъ, колы?

Тетеря. Вже пбиздъ рушывъ зъ миста...

Богданъ. Де? Тутъ уже?

Тетеря. Ще йидуть за валомъ,
Але на башти билый стягъ вже мае.
Богданъ. За пивъ годыны... певно будуть?
Тетеря. Такъ.
Богданъ. А въ пойизди...
Тетеря. Прымитывъ, есть и пани...
Богданъ. И пани есть? Мій друже, мій Стешкò...
Я щось хотивъ сказаты... не згадаю ..
Щось кровъ мени ударыла въ вискы...
Перехылывъ венгерського падъ миру!
(*Одкрыва прыполу й повертается до повитря*).
Тетеря. Охъ, Боже мій! Може подать воды?
Богданъ. Ни, байдуже! На витри заразъ пройде...
Тетеря. Спочывъ бы панъ...
Богданъ. Ото ще! Не малый!
(*Пидходыть*) Я дуже радъ... тоби я дуже радый...
Уміешъ ты розважыты нудьгу...
(*Обнима*) Нá перстинь цей видъ щырои любови...
Тетеря. О, гетьмане, мій батьку дорогый,—
Для мене то, ясновельможный, щастя!

Выхидъ 9.

Тижъ и Джура, а потимъ Выговськый.

Джура. До мылости гетманськои прыйшовъ
Выговськый панъ...
Богданъ. А, пысарь? Хай иде!
(*До Тетери, що хоче йты*) А ты куды?
Тетеря. На чаты. (*До себе*) Не люблю я
Пысарчука... За шкапу въ татарвы
Богданъ узявъ до послугъ цёго лыса...
Не всыдить намъ обомъ въ однимъ мишку...
(*Пишовъ*).
Выговськ. (*Нызько кланяется*) Велычнёму, вельможнійшому
пану ...

Богданъ. Здоровъ, здоровъ! Ну, якъ тамъ въ тебе, що?
Выговськ. Молдавського господаря Лупула
Прыйшлы лысты: вита тебе, якъ братъ,
И помочи проты Волохивъ просыть,
Що нападомъ на край его идуть.
Богданъ. Послать мерщій господарю потугы:
Собратови докласты воза слидъ
Выговськ. Во-истину. Май, пане, на увази,—
Въ господаря красуня е дочка...
Чи не гараздъ було бъ, зъ нымъ поридныгысь?
Богданъ. Тымка послать... ця думка не пуста...
Выговськ. За нею вслидъ ще лыне шырша...
Богданъ. Годи!
Ты знажуешъ...
Выговськ. Я вказую мету,
Куды сягнуть могущымъ лётомъ можна:
Вчынывшы мыръ преславный зъ королемъ,
Панъ впорядыть безладдя на Вкраини,
Молдавію ще визьме пидъ крыло,
Заручытся сусиднимы панствамы,
Й сю булаву зминя на... берло...
Богданъ. Цыть!
Не ворушы такыхъ гадокъ, бо зъ чаду
Лышъ голова макитрытся...
Выговськ. Слаба,
А не така, якъ въ велетня—Богдана!
Богданъ. Змиркуемо... Ты одпышы лыста!

(*Выговськый кланяется й выходыть*).

Выхидъ 10.

(*Богданъ, а потимъ джура*).

Богданъ. А чомъ не такъ? Фортуна намъ слугуе...
Тымка женыть, Молдавію здобуть...

злучыть Волощыну, Мультанщыну, Вкраину...
Самому стать... Ху! Ажъ морозъ пишовъ,
И до горы пиднявся волосъ... Джуро!
Давай вына, бандуру!... Що смутный?

Джура. Ясновельможный гетьмане, за домомъ:
Тамъ ненька е, сестра... а чи й жыви?

Богданъ (*прыграючы на бандури*).
Не соромъ пакъ журытысь козакови!
Повернемось мы зъ славою назадъ...
Розвеселысь! Бачъ, гетьманъ твій радіе...

Джура. Дай Господы намъ швыдче въ Чыгырынъ,
А славному ще бильше, бильше славы!

Богданъ (*побренькавшы, выпывъ кубокъ, зновъ побренькавъ*).
Ни, щось мене не слухае струна,
Тремтыть рука, тремтыть щось тутъ у грудихъ...
(*Джура выходыть; вбига Тымко*).

Выхидъ 11.

(*Богданъ и Тымко*).

Тымко. Ты, батьку, зновъ догоджуешъ ляхамъ
И выпустыть ихъ хочешъ изъ лабетивъ,
Колы й король...

Богданъ. Про его й дбаю я.
Мы въ вирности ему запрысягалысь!

Тымко. Вси ремствують, що гасла не даешъ,
Що миста брать не хочешъ черезъ бабу...

Богданъ. Зациплю имъ! У пельку вбью поклепъ!
Мени здають все мисто... мыру просять...

Тымко. Але дають Елену ще за те...

Богданъ. Украдене, свое я правлю...

Тымко. Тату,
Я бъ и не взявъ, пробачъ мени...

Богданъ. А якъ?
Лышывъ бы тамъ у ворога на втиху?

Тымко. Повисывъ бы на шыи у ляха,
А злодія бъ посадовывъ на палю!
Богданъ. И тилькы бъ то? Злодюга того вартъ;
Але вона насылкомъ, гвалтомъ взята...
Якъ бороныть себе змогло бъ дивча?
Тымко. Вона сама втекла! по своій воли...
Богданъ. Не може буть!
Тымко. Я знаю, батьку, це:
Умовылась зъ Чаплинськымъ...
Богданъ. А-а! гадюка!
Мени цёго ты перше не казавъ!
Тымко. Не хтивъ вразыть... Вона мене умысне...
Ни въ чимъ не слидъ дійматы виры ій!
Дурманыть все...
Богданъ. Але почимъ ты знаешъ?
Тымко. Упевнывся цымъ серцемъ... Охъ, не вирь—
Ни пестощамъ, а ни слезамъ—одурыть:
Прыгорнется, а нижъ въ руци хова—
И сонного зрадлыво нымъ ударыть...
Душа іи невирна, якъ та ничъ!
Богданъ. Ты щось таишъ?... (*Скаженіе*).
Тымко. Не вирь, не вирь ій, батьку
За пазуху гадюкы не беры...
О, я бъ такыхъ спикъ на вогни и попилъ
Розвіявъ бы на витри по степу
Щобъ не було й заразы!
Богданъ. (*хапа его за руку*). А! тварюко!
Невже? Невже?!
Тымко. Одвивъ мене Господь...
Богданъ. Убью, якъ пса! (*замиряется булавою*).
Тымко. Я не боюся смерты—
Гриха не мавъ....
Богданъ. Але на батька йшовъ!
Тымко. Не видавъ я...
Богданъ. Такъ видала жъ гадюка!
Тымко. Вона лыбонь, щобъ очи одвесты...

Богданъ. О, каторжни!
Тымко. Я въ тимъ безвыненъ, батьку!
Богданъ. Клянысь мени!
Тымко. Усимъ, що е святе—
И матери могылою сырою!

(*Пауза*).

Богданъ. Збырайсь мерщій, въ Молдавію рушай!
Тымко. Чого?
Богданъ. Зъ повкомъ, господарю на помичъ...
Въ его дочкы ты серце завоюй!
Тымко. Въ пресвитлои? Це поглумъ нади мною!
Чи гляне жъ пакъ вона на козака?
Богданъ. На козака? На гетьманського сына!
Тымко. Ярема князь туды небога шле...
Богданъ. То що, якъ князь? Помирятысь здолаю!
Я чобитомъ Ярему розчавлю,
Я поведу въ Молдавію сто тысячъ,
Я пышный край въ руину оберну—
А дочку ту въ господаря дистану!
Тымко. Хай буде такъ, якъ твоя воля...
Богданъ. Вмыть
Готуйсь въ походъ!
Тымко. Просты й пробачъ, мій батьку!
Богданъ. Бувай здоровъ!... Я роспорядкы дамъ... (*Тымко выходыть*).

Выхидъ 12.

(*Богданъ и Джура*).

Богданъ. Тымко поклявсь... Его языкъ ще зроду
Не знавъ брехни... Але вона, вона!
Зъ отцемъ жыла, до сына залыцялась,
А ворога маныла до жагы...
И той влестывъ, пидбывъ іи до зрады!
Ну, допадусь до харцызякы я—

У! проводы у пекло бучни справлю!
На вугилляхъ пектыму день у-день,
Мотатыму на мотовылахъ жылы,
Собакамы...

Джура (*входыть*). Жде пани й посланци!

Богданъ. Впусты іи, а посланцивъ тихъ згодомъ...

(*Джура пишовъ*).

Черезъ хвылыну, черезъ мыть одну...
Побачу зновъ мою побыту квитку...
(*Хапается за груды*). Отутъ пече, немовъ смола кыпыть;
Але вдавысь и здержся въ гниви серце,
Помстысь гараздъ, не похопысь судомъ!

Выхидъ 13.

(*Елена и Богданъ*).

Елена (*у французській сукни, запьята чорнымъ флеромъ*).
Мій таточку, сподиваный, коханый!

Богданъ. Подали геть! Видъ пани ляхомъ тхне
И щокы ще палають одъ цилункивъ.

Елена. О, я безвынна...

Богданъ. Сылою-бъ то взявъ?

Елена. О, гвалтомъ... я боролась до загыну...

Богданъ. Та й обняла въ знесылонци ляха
Зрадлывою, продажнёю рукою
Й на лижко зъ нымъ покирлыво пишла,
Всмихаючысь голубыла катюгу?

Елена. О, Боже! Ни!.. Яка страдныця я!
Мене взялы, якъ бранку до свитлыци,
Сторожею обставылы мене,
Щобъ не змогла на себе зняты рукы...
О, скилькы слизъ я нышкомъ пролыла
И скилькы мукъ перенесла, мій орле!

Богданъ. Подумаешъ, якъ настраждалась—страхъ...
На ласощахъ ясновельможна пани!

Елена. Я зъ голоду хотила смерть прынять,—
Ажъ десять днивъ и рискы въ ротъ не брала...
Богданъ. Не выдко щось по паніи поста...
Елена. Мене слабу... безъ памьяты звинчалы...
Богданъ. Ну, заразъ-же и розговилысь...
Елена. Охъ,
Хочъ пашануй мене, вельможный пане!
Нихто мени тамъ не подавъ рукы:
Я день и ничъ Богдана выглядала,
Щобъ вызволывъ нещасну изъ тюрмы,
Я думкамы тебе шукала всюды,
Я серденькомъ зъ тобою лышъ жыла...
Богданъ. Може зъ Тымкомъ? Чи не забулась пани?
Елена. Тымко... якъ сынъ коханого отця...
Бувъ риднымъ тежъ... его любыла кревно...
Богданъ. А бильше ни? (*люто*) Якъ здержала земля
Тебе, лыху? У пекли, въ пекли мисце...
На покути!!
Елена (*гордо*). Тепера мою честь
У багнющи, въ смитти топтаты вильно:
Хто захыстъ дасть мени видъ клямства, лжи?
Я тутъ сама передъ судомъ жорстокымъ...
Давы, топчы!.. Бо не яка й хвала
Надъ жинкою безсылою знущатысь!
Богданъ. Лукавышъ все! (*Тыхо*) Несыла вирыть ій,
А въ душу крадется той чаривнычый голосъ.
Елена (*на колинахъ*). О, гетьмане, мій соколе ясный!
Поглянь, поглянь на свою бидну Лесю.
Невже въ тебе и жалощивъ нема
До ясочкы, що такъ тебе кохала?
Богданъ. Кохала?.. Встань!
Елена. Не встану: краще вбый,
А не карай мене презырствомъ, пане:
Накатувалась я вже черезъ край!
Богданъ. Устань, устань... (*На бикъ*). Я зъ серцемъ не здолаю,
Ножами зновъ пробыте скризь воно...

Е л е н а (*рыда*). О каторжна, пекельна моя доле!
Одъ мылого насылкомъ однялы—
И той теперъ ногою видпыхае!
Б о г д а н ъ. Скажы, чи е въ твоему серци Богъ?
(*Хапа іи за руку*). Чи хочъ одна слеза твоя правдыва?
Чи зъ устъ твоихъ злитае тилькы лжа?
Е л е н а. Клянусь усимъ... тебе кохаю...
Б о г д а н ъ. Правды!
На макивку благаю правды я!
За неи все—и хуторы, й палацы,
И вси скарбы... й жыття свое виддамъ!
Е л е н а. Тебе люблю...
Б о г д а н ъ. Поглянь мени у вичи!..
Якъ темно въ ныхъ... ни проминя...
Е л е н а. Тебе,
Мій соколе, носыла завжды въ серци...
Для мене ты... все щастя... цилый рай!
Б о г д а н ъ (*одпыха*). И въ рай отой другого ты пустыла?
Ха, ха, ха, ха! Брехня! Брехня! Брехня!!
Е л е н а. Пропала я!
Б о г д а н ъ. Устаньте! Не впадае
Вельможвій паніи валятысь у ногахъ...

В ы х и д ъ 14.

(*Тижъ та Ясинськый, Выговськый, Богунъ, Нечай и Тетеря*).

Я с и н с ь к ы й. Король и Ричъ преславна, посполита
Ласкаво шлють вельможному лыста.
Б о г д а н ъ. Зъ шанобою й покирностю прыймаю:
Я знявъ меча на нашыхъ ворогивъ,
А королю я бувъ слугою вирнымъ. (*Чыта*).
Я с и н с ь к ы й. Преславна Ричъ и ясный круль—одно!
В ы г о в с ь к ы й. Якъ сонця свитъ и тучи-хмары буря:
Те—пожывля, а це—усе зныща...
Я с и н с ь к ы й. Та компарація-жъ не рація, панове!

Нечай. Та рація—у насъ, у печинкахъ!
Богунъ. Колы король и вы, вельможни дукы—
Едына ричъ, то й шана вамъ одна!
Богданъ. Полковныкы, вгамуйте суперекы!
(*Цилуе лыстъ*). Яснійшій круль ласкаво пыше намъ,
Що гнива винъ на насъ не покладае,
А правыть лышъ, щобъ мы свій гризный мечъ
Усунулы на спочывъ въ шабельтасы...
До згоды мы й душею...
Нечай. Якый мыръ?!
Богунъ. Умовыны яки дадуть магнаты?
Богданъ. Побачымо... а покы-що—вына!
Елена. Пусты мене, вельможный нашъ гетьмане.
Нечай (*Чарноти*). Це та?
Чарнота. Лыбонь.
Тетеря. Хорошый шматъ...
Богунъ. Бабій!
Богданъ. Зостанься тутъ намъ келехы сповняты...
Хочъ паніи Чаплинській и завстыдъ,
Та щожъ робыть,—тра послужыть и хлопамъ.
Богунъ. Кепкуе винъ?
Други. Такъ, батьку нашъ, гараздъ!
Елена. Хочъ пошануй пры людихъ... честь лыцарська...
Богданъ. Не вамъ про честь, вельможна пани, знать!
Елена. Знущаетця! (*Плаче*).
Выговськый (*на бикъ*). Яка роскишна краля!
Богданъ (*гризно*). Выно пиднось! Я двичи не кажу!

(Елена хытается. Джура и Выговськый помагають).

Богданъ. Куды несешъ? Незграбка! Били рукы
Не на путтє выкохувала ты!
Елена. О, змылуйся! Повись мене хочъ заразъ,
(*Рыда*) Та не глузуй!
Богданъ (*пиднима келихъ*). За здравье Короля!
Вси. Хай викъ жыве й пануе! Слава, слава!!

Богданъ (*Елени*). Визьмы ковши!

Елена. То джура твій...

Богданъ. Ни тхны!

Елена (*гордо*). Я не слуга, я не проста рабыня
Я шляхтыча Коронного жона!

Богданъ. А гетьмана налижныця!

Выговськый (*сплеснувъ рукамы*). Нещасна!

Елена (*зомлила*). Ой! (*Гыстерика. Коло неи Выговськый и Джура*).

Нечай. Добре! Такъ!

Чарнота. Якъ въ око улипывъ!

Богданъ. А що-жъ Чаплинського не выдно межы вамы?

Ясинськый. Чаплинського нема—утикъ...

Богданъ. Утикъ?
Побачымо! Ну, де ваши уклады?

Ясинськый. Прыймы, вельможный пане... ось (*подае*).

Богданъ (*тупнувъ ногою, мало ихъ не вырыва*). Не панъ,—
Ясновельможный гетьманъ я! (*Чыта зъ смихомъ*).

Богунъ (*зъ Нечаемъ и Чарнотою осторонь*). Ще й дмутся!

Ясинськый (*тыхо до Тетери*).
Де-бъ зъ паномъ намъ побачытысь?

Тетеря. Въ яру.

Ясинськый. Рятунокъ есть?

Тетеря. Пидмажешъ,—то поидешъ...

Богданъ (*гризно*). Жартуете зи мною вы, чи що?
Щобъ все було, якъ до повстання малось?
И пильгы лышъ,—що бильшъ лейстровыкивъ?!

Богунъ, Тетеря. Не диждутся!

Нечай и Чарнота. Не буде цего зроду!

Богданъ (*рве папиръ*). Отъ вашъ укладъ! Пидъ ногы я топчу.
Не вамъ мени умовыны пысаты!
Пры Корсуни, пры Жовтыхъ водахъ я
Вамъ прописавъ ихъ шаблею своею!

Вси. Такъ, гетьмане, такъ, батьку мій, Бигъ-ме!!

Богданъ. Я побреду въ крови хочъ по колина,
Переверну Варшаву, Польщу всю,

А повалю въ смиття вашу гордыню
И настопчу ногою...

Елена (*лама рукы*). Езусъ-Панъ!

Богданъ. Вы думалы мене купыты нею?
Даремна ричъ! Козацьку лышъ пыху
Потишыть хтивъ,—абы шляхетна пани,
Паплюга крадена,—за наймычку була!

Елена. Охъ, смерть моя! (*Пада*).

Богданъ. Зомлила?.. Нижна дуже!.

Вои. Душа-козакъ! Хвала тоби и честь!!

(*Зависа*).

ДІЁВИ ЛЮДЕ ДО ЧЕТВЕРТОИ ДІИ:

Богданъ Хмельныцькый—гетьманъ;
Выговськый—генеральный пысарь;
Елена Чаплинська—жинка Богданова;
Ганна Золотаренко—выхованка его;
Хведиръ Золотаренко—іи братъ;
Катря—дочка Богданова;
Чарнота, **Тетеря**, **Богунъ** — полковныкы;
Заремба—посланець польськый;
Пани Заремба—его жинка;
Пробощъ—іезуитъ;
Бандурыста—сывезный дидъ;
Гайдукы—1-й и 2-й.

Украинкы, паніи, старшына, шляхетство, гости, музыка;
Посланци—турецькый и молдавськый.

Діется въ Смилянському замку писля Зборовського мыру.

ДІЯ ЧЕТВЕРТА.

(Роскишна саля въ кгусти ренесанса. По обиручъ одъ рампы йдуть у глыбыню колоны, мижъ якымы стоять фикгуры; посереденн водометъ. За першою салею йде друга, обмежовуючысь трёма аркадамы; у тамъ-тій сали выдко накрыти пышно столы; на ныхъ срибна и золота посуда, канделябры, кубкы и инше. У першій сали на переднимъ кону справа рундукъ, на ему тронъ зъ балдахыномъ, убраный стягами, корогвамы, бунчукамы; колоны тежъ повбырани у одбыти ворожи корогвы и зброю. Надъ аркадамы хоры, а на ныхъ музыка. Посередыни высыть пышна люстра. Багато свитла).

Выходъ 1.

(*Богданъ сыдыть на кресли пидъ балдахыномъ, пры всихъ клейнодахъ; за нымъ татары, гайдукы и почтъ; дали справа-жъ пивколомъ стоять—Ганна, Катря, значни козачкы, паніи и панны; а по обиручъ креселка—Выговськый и Тетеря. Навпроты злива: передъ трономъ—посланци, блыжче ще—тры джуры зъ подушкамы, на якихъ лежать почотни подарункы Богданови—зброя, булавы, мантіи и т. п.; дали за нымы—значна старшына и козацьтво. Просто супроты рампы—бурсачый хоръ*).

(*Пры пиднятти зависы, Богданъ робыть рукою знакъ: посланци, поклоныврішысь одходють, нибы писля „прыему"; джуры тежъ зъ подарункамы видходють*).

Богданъ. Яснійшіи, велычни посланци,
Намисныкы преславныхъ потентативъ!
Шановная, козача старшына
И дороги та пышни мои гости!
Всихъ дякую я щыро за ту честь,
Якою вы мене ушанувалы,
И радисно оповищаю васъ,

Що мы війну скинчылы victorioso
И всунулы въ пихвы на спочывъ мечъ:
Зъ полякамы мы въ Зборови недавно,
На славу намъ, скрипылы вичный мыръ;
А отъ теперъ зъ господаремъ Молдавськымъ
Погодылысь и, колы Богъ зволя,
То маемо и поридныться навить,
На щастя—намъ, Украйни—на добро,—
Узять дочку господаря Лупула
За сына нашого, хороброго Тымка.
Пора прыйшла спочыты Украини
Видъ злыгодень, напастей, мукъ и бидъ...
Прывивъ Господь вступыть намъ въ свою хату...
Але не я це чудо сотворывъ:
Я тилькы бувъ слугою щыро-вирнымъ
Громадській воли; пидвелась вона,
Полынула на ворогивъ несытыхъ—
И пала вразъ надломана пыха!
Вамъ—слава й честь! А намъ—служыть до вику
Моій земли и возвелычыть вкрай
Укохану и славну нашу неньку!

Вси. Гетьманови и батьку слава й честь!!

Хоръ (*спива*). Величае твою славу святоруськый край,
Що скинчывъ війну криваву, спорудывъ намъ рай:
Роздавывъ главу ты змію, знявъ зъ насъ кайданы
И натхнувъ въ серця надію на щаслыви дни!

Вси. Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христіянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!

Богданъ. Спасыби вамъ! Теперъ, вельможне панство,
До трапезы ласкаво васъ прошу,
Аописля й ногамъ дамо роботу!

(*Показуе рукою велычне на другу салю; пары пышно идуть, за ными й хоръ. Богданъ зупыня турецького посланця*).

Выхидъ 2.

(*Богданъ, Выговськый и турецькый посланецъ*).

Богданъ. Я зъ радистю й утихою райською
Довидався, що прыхылывсь султанъ
Узяты насъ пидъ свою дужу руку;
Але про це оголошу писля.

Посл. турецьк. Твій розумъ—панъ, якъ мисяць середъ ночи!

(*Богданъ запрошуе рукою, и посланецъ иде до 2-ои сали*).

Богданъ (*Выговському*). Ты прыготуй султанови лысты
Покирніи, ласкави...

Выговськ. Чи додаты
Про Молдаванъ, що воювалы мы
Султанови народъ пидвильный?

Богданъ. Треба;
Ты выправдысь... на мылость Его здайсь...

Выговськ. А князеви Рагоци що?

Богданъ. Найщырше
Бажаемо зъ нымъ сылы зъедыныть,
Щобъ помочи дававъ намъ всюды... Врешти
Пообицяй ему... такъ... на здогадъ
И польськую корону...

Выговськ. Ясный пане,
Въ тебе орлыный поглядъ... А ляхамъ
Що видпысать—и сейму, й Казиміру?

Богданъ. Що ясный круль для насъ одъ Бога панъ,
И мы ему повикъ покирни слугы,
Що рады й Крымъ для его звоювать...

Выговськ. А свитлому Московському цареви?
Видъ его все идуть до насъ лысты,—
Що винъ бы-то спріяе намъ всимъ серцемъ...

Богданъ. А видпышы, що серце и душа
До свитлого, немовъ до батька, лынуть,—
Готови мы, мовлявъ, усихъ невиръ

Велычнему царю пидъ ногы кынуть,
И преклоныть свое чоло на викъ...

Выговськ. Ясновельможный батьку, не цурайсь
Высокои своеи доли! Вгору
Ты вознесешъ себе и ридный край,—
Тилькы не плюй фортуни добрій въ вичи!
Прыспы усихъ, на сылахъ окрипысь,
А потимъ всихъ пересвары, то й зловышъ
Въ коломути рыбыну...

Богданъ. А бува,
Щобъ не пійматы рака...

Выговськ. О, гетьмане!
Невже тебе...

Богданъ. Ни, бачу, що Господь
Мени надавъ до рукъ стерно высоке:
Молдавщына, Волощына—за насъ,
Ясный султанъ дае свои потугы,
Изъ Польщею, що хочешъ, те й чыны,
Украину хочъ одягай въ порфыру...

Выговськ. Тоди вже ця залышня булава...

Богданъ. И я-бъ оддавъ іи напевно пану..

Выговськ. О, гетьмане, мій доброчынце! Часъ
Наставъ дерзать! Теперъ якъ дзвинъ твій голосъ
Гуде й луна,—и видъ Карпатськыхъ гиръ
Его чутно ажъ до Днипра-Славуты:
Синопъ сидый, Бахчысарай, Стамбулъ
Прокынулысь одъ чаривного сону
Й дывуючысь, прыслухують ему...
Москва схыля до насъ прыхыльне вухо,
А пышніи Варшава, Кракивъ, Львивъ
Тремтять зъ страху и ждуть нового пана...

(*Богданъ замыслыеся; Выговськый тыхо вигдходыть за аркаду*).

Богданъ. Такъ, я стою пры влади, на чоли,
Вознесенный такъ высоко надъ людомъ,

Ажъ голова йде коломъ одъ страху,
Щобъ стримголовъ зъ вершыны не упасты.
(*Пауза*) Чи думавъ я, безсылый лейстровыкъ,
Окрывдженый, ограбленый панамы,
Осміяный въ Варшави й на суди,
Видпомстыты въ сто кратъ своимъ суцигамъ?
Чи я гадавъ, добувшы въ скрути мечъ,
Безсылою, хочъ вирною рукою,
На ворога всесыльного въ бою,
Передъ якымъ тремтилы маестаты,—
Щобъ гору взять въ неривній боротьби?
А отъ знялысь зи мною разомъ хвыли,
Зъ пролытыхъ тутъ людськыхъ, кривавыхъ сливъ
И понеслы мене на верховыни...
Я кличъ гукнувъ—и людъ увесь повставъ,
Я мечъ пиднявъ—и ворогъ впавъ одъ маху!
Я, мовъ Давыдъ на Голіафа йшовъ,
И янголы направылы правыцю...
Такъ, Богъ мени судывъ высоку путь,
И поведу я ридный край до славы!..

(Повертается и гордо йде до трапезнои сали).

Выхидъ 3.

(*Заремба и Пробощъ*).

Пробощъ (*выходыть зъ правои аркы зъ Зарембою*).
Завважывъ панъ—и тронъ уже воздвыгъ!
Постановывъ якусь почесну варту
Не зъ козакивъ, а зъ туркивъ, чи зъ татаръ...
Заремба. Ище-бъ, мій ксёнже, скризь царська пышнота:
Се Конецпольскихъ палацъ,—взявъ Богданъ
Его зъ мистечкомъ Смилою за Збаражъ.
Вси (*за аркадою*). За здравіе гетьмана! Слава й честь!!
Богдана (*голосъ*). За здравіе усихъ васъ, пышни гости!
(*Музыка гра*).

Пробощъ. Якъ пазуривъ люцыпиру не втять,
То проглыне винъ Польщу...

Заремба. О, замиры
Въ его страшни! Хлопысько, бунтовныкъ
Теперъ царемъ зорыть...

Пробощъ. И Польща й вяра
Загынуть вкрай!

Заремба. Нашъ сеймъ уже ришывъ
Зламаты мыръ... Орударь Вышневецькый...

(*Балакаючы переходять салю и зупыняются наливо блыжче*).

Богдана (*голосъ*). За ридный край! За славну его путь!

Чарноты (*голосъ*). За козакивъ! За Запорожжа! Слава!!

Хоръ. Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христіянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!

Пробощъ. А збутысь бы... ad patres?... Зъ ласкы папы
Господь простыть...

Заремба. О, трудна ричъ; хочъ бы
Намъ языка тутъ маты...

Богдана (*голосъ*). Де Елена?
Гукнитъ мерщій вельможну до послугъ!

Пробощъ. Отъ нашъ языкъ... Господь намъ посылае!

Заремба. Довидайтесь про вiйско и про чернь!

(*Заремба вертается до столу въ ливу, меньшу арку. Пробощъ иде ему вслидъ и зупыняетця за колоною край аркы*).

Богданъ (*пидъ чаркою, показуется въ середній аркади*).
Чого жъ не йде! Поклыкать мени заразъ!
(*Джура побигъ черезъ салю*).

Выхидъ 4.

(*Богданъ и Ганна*).

Ганна (*пидход*). Мій таточку! Не звить іи на глумъ,
На прывселюдный посмихъ, на знущання...

Богданъ. А якъ вона зневажыла мене?
Черезъ гадюку...

Ганна. Такъ, але то рвія
Бентежыть все незважену любовъ...
Вгамуйтеся!... О, батьку! Духъ величній
Не здатенъ же на помсту дрибьязну...
Богданъ. Ты, горлыце, за неи ще благаешъ?
Ну, то нехай хочъ выйде до гостей,
Та весело, безъ слизъ...
Ганна. Я ій скажу це.

(Ганна иде, нибы іи стриты, а Богданъ вертается назадъ).

Хоръ (*спива*). Слався, слався, нашъ гетьмане,
Вызволытель христіянъ!
И хвалу тоби и шану
Шлють державци зъ усихъ странъ!

Выхидъ 5.

(Ганна и Богунъ).

Ганна (*зупынылась на переднимъ кону, зажурена*).
Іи коха...—то незагійна рана,
Якъ и моя!... Охъ дядьку, друже мій!
Тоби дарма и правда, й щыре серце,
Тоби одна лышъ прымха дорога:
Безъ розуму ты хылышся до того,
Хто одпыха зъ ненавистю тебе,
А хто готовъ оддать и серце й душу,
Й жыття цилкомъ за тебе,—то тому
Въ подяку ты чи й усмихнешся любо?
Що жъ? Доля знать така!... Жывы, терпы
И хороны видъ мыру въ серци мукы!...
(Замыслылась).

Богунъ (*тыхо надходыть до Ганны зъ трапезнои сали*).
Пробачъ мени, що нытку перерву
Твоихъ думокъ, моя кохана панно!
Ганна (*здригнулась*). Ахъ, лыцарю, мій орле...

Богунъ. Такъ давно
Не бачывъ я тебе, що видъ грызоты
Ажъ занимивъ. .
Ганна. Спасыби... я... не вартъ!
Богунъ. За цилый свитъ!... Але ты стала тыха...
И мовъ смутна... змарнила навить...
Ганна. Я?
То такъ... пусте... тривога въ лыхолиття...
Богунъ. Ни, горлыце, я бачу, що грызе
Тебе нудьга... и въ очихъ одблыскъ мукы...
Скажы мени, лебидонько, зъясуй!
Ганна. Ты не вважай...
Богунъ. Може яку зневагу
Ты терпышъ тутъ? Хочъ словомъ натякны,
И я тому зневажныку, клянуся,—
Хто бъ винъ не бувъ, хочъ першый побратымъ,—
А голову ему знесу за тебе!
Ганна (*полохлыво*). Ни, ни... не те!... Хиба самы себе
Не можемо мы грызты?
Богунъ. Безъ прычыны
Не думаю...
Ганна. Вамъ, славнымъ воякамъ,
И въ сичахъ е розвилля та утиха,
И у ковши вы топыте нудьгу,
А нашому серденьку—сыротыни—
Судылася сумна самотына!
Богунъ. Ты думаешъ, що я за ци тры рокы
Одно—буявъ? О, не дай Богъ кому
Те вынесты, що я ношу на серци!
Не видавъ я, куды шпурнуть нудьгу,
Чымъ одирвать грызоты вйидни кигти?
Я кыдався у пекло, у вогонь,
Мижъ хмары стрилъ, мижъ посвыстъ куль ворожыхъ,
Цидъ блыскавкы гартованыхъ мечивъ...—
Такъ ждана жъ смерть видъ мене скризь тикала...

И отъ я зновъ, змурдованый, стою
Передъ тобою, панно...

Ганна. Мылый Боже!
Що чую я? Невже, на горе й жаль,
Я наддала орлу-славути мукы?
Якый-же то недоли лютый жартъ!
Чымъ видплачу вину тоби, козаче?

Богунъ. Колысь давно... я на здогадъ мовлявъ,
Що серце се тобою тилькы й бьется...
Мени жъ на те сказала ты: „не часъ
Про серце дбать, колы гуде скризь буря!“
Але теперъ та́ туча грядова
Пролынула и сяе знову сонце...
А зъ сонцемъ зновъ надія розцвита...

Ганна. Колы вона морозомъ не прыбыта?...

Богунъ. О, не вражай! Смолою тутъ кыпыть...
Мовчаты бильшъ не маю сылы й воли!

Ганна. Не треба!... Ой!... Не говоры!...

Богунъ. Шкода́!
Мене въ сю мыть мовчання задавыло-бъ!
Тебе, тебе, мій квите чаривный,
Кохаю я надъ все жыття, надъ волю,
Надъ славоньку, надъ радощи земни:
Твій образъ жывъ давно въ моему серци,
Винъ гривъ ему до ридного любовъ,
Винъ порывавъ мене завзяттямъ въ сичи,
Винъ надыхавъ на душу молытвы...
Ни середъ бурь, ни середъ хвыль пожежи,
Ни въ галаси смертельнои борни,
Ни въ стогони несказаннои мукы—
Винъ не зныкавъ...

Ганна (*на бикъ*). О, горе!... Боже мій!

Богунъ. Убый мене, це серце розшматуй,—
Надъ сылу вже мени его носыты—
Безъ памьяты, шалено, запально

Одну тебе на свити я кохаю,
Тебе одну.. (*Ганна плаче*).
Ты плачешъ? Може я
Чымъ уразывъ тебе?

Ганна (*утыра очи*). Ни, мій козаче!

Богунъ. Такъ слово жъ хочъ промовъ мени... Скажы,
Чи розтрощыть въ черепья мени буйну,
Чи одигрить надію въ серци?

Ганна (*важко зитха*). Охъ! (*Пауза*).

Богунъ. Чого-жъ мовчышъ? Не бійся, бый одразу—
Стричалыся мы зъ смертю на вику—
Не мучъ... скажы, якый вырокъ я маю...
Надію хочъ не одбирай...

Ганна. Якъ жаль
Мени себе, коханый брате, друже!
Яки слова... якый душевный палъ!
Навищо я такъ пизно ихъ спизнала?...
Але теперъ те серце золоте
Водыты грихъ! Забудь мене, козаче!
Не можу я надіи навить дать...
Тебе люблю, якъ велетня, якъ брата,
Для инчого-жъ я мертва...

Богунъ. И за те
Спасыби!... Що-жъ? Спасыби хочъ за щыристь!
Не марыты про щастя харпакамъ,—
Воно панамъ одсужено въ цимъ свити,—
Мы-жъ пасынкы у доли... Ну, прощай!
Пидъ шаблямы знайду лыбонь пораду...
(Хутко выходыть).

Ганна (*въ роспачи*). Ой! Що-жъ чыныть?... (*лама рукы*).
Богуне! Друже мій!!
(Выбига вслидъ).

Выхидъ 6.

(Елена и Пробощъ).

Пробощъ (*забачывшы, выходыть зза аркы, на зустричъ Елени*).
Святый Отець, непогришымый Папа
Тоби свое благословення шле.

Елена. О, ксенже мій! Тяжка мени покута:
Богданъ той—кать... (*плаче*).

Пробощъ. Ты Божый хрестъ взяла,
Выборнее святои церквы чадо,—
И слёзы ти, якъ перлы дороги,
Скрасять винець царськый святои Панны...

Елена. Нема вже й сылъ знущання тутъ несты!

Пробощъ. Позбудь кативъ и вызволы ойчызну
Видъ гыбели...

Елена (*зъ жахомъ*). Ай!!

Провощъ. Прыгадай Юдифъ...

(На крыкъ увиходыть Ганна и зверта увагу, прыслуха).

Ганна. Нема его... Але то зъ кымъ Елена?

Елена. Пиднять ножа?... Морозыть серце жахъ!...

Пробощъ. Юдифъ питы въ ворожый станъ ришылась
На глумъ, на смерть—за людъ и свьентый храмъ
И голову злобытелю видтяла:
За те и ныни, й присно, и повикъ
Іи имъя шануе церква Божа... (*Передае до рукъ
ій въ папирци отруту*).
О, стань-же ты Юдифью й задля насъ!
(Иде, оглядаючысь, до трапезнои).

Выхидъ 7.

(Елена, Ганна и джура).

Ганна. Трутызна? О, злочынство! (*Подалась хутко впе-
редъ*).

Елена (*стоить зъ папирцемъ*). Що чыныты?

Тутъ смерть у руци... Тремтыть у мене все...
И крыгою узявся мени мозокъ...

Джура (*ставыть жбанъ и кубкы на столи*).
Ясновельможный наказавъ, щобъ вы
Неслы гостямъ на шапу ціи кубкы...
Ось сповныте и цей гетьманськый кившъ...

Елена. Щобъ я... сама? Ему?... Нечыста сыла
Цю руку пха...

Джура (*кепкуючы*). Сегодня жъ свято! (*Видходыть*).

Елена (*рищуче, навиженно*). Такъ!
Але бодай, чи не прощальне свято?
Останній разъ сей мисяць, свидокъ злый,
Буде вбачать отугъ мою публику,
Не разъ, не два байдуже сонце те
Ховалося и зза гаивъ вставало—
Якъ слёзы я ковтаю кривъяни
Та видъ образъ кусаю соби рукы...
Васъ всихъ втопыть змогла бъ я въ тыхъ слё-
захъ...
Наставъ же часъ и моій помсти! Годи
Терпиты бильшъ,—натерпилась у край...
Хочъ цымъ жыттямъ огыдлымъ постаткую
Моій земли, моій ойчызни... (*Хоче всыпаты*).

Ганна (*поривнычо хапа іи за руку*). Стій!
Ты зрадныця!

Елена (*кыда папирець, якый розпорошывсь*). Ой, змылуйсь!

Ганна. Душогубка!
Наважылась кого ты отруить?!

Елена. О, пошапуй! То порошокъ до перливъ...
До золота...

Ганна. Довидаемось... гей!! (*Руша впередъ*).

Елена (*заступа дорогу*). Стій! . Зглянь!! Тоби мене якъ разъ
згубыты...

Ганна. А ты кого наважылась згубыть?
Збавытеля? Надію нашу й славу?

Те серце, що дорожче надъ уси,
Що былося за наше щастя й бьется?

Елена. *За* ей мосци щастя...

Ганна. Хто бъ казавъ?
Прыкынутысь ще хочется святою...
За ей мосци! Такъ, якъ винъ тебе
Любывъ—кохавъ, та и теперъ кохае,—
Нихто бъ не змигъ! А ты за те, змія,
Ненавыдышъ ще батька?

Елена (*сатаніючы*). Я ривную...

Ганна. Ха, рвія ще!!

Елена (*зухвало*). Ну й дарма!... А за що жъ,
За що жъ мени Богдана такъ любыты?
За те, що взявъ дытыною мене
И спокусывъ лестывымы словамы?
За те, що серця молодого палъ
Не помырывсь зъ морозомъ смертодайнымъ,
Чы пакъ за те, що прывселюдно, скризь
Мене на глумъ, на поквилъ винъ выводыть?

Ганна. Не такъ, не те! Лукавышъ, пани, все!
Чи не сама жъ ты способивъ шукала,
Збентежыты его величній духъ?
Чи не сама жъ ты вкралась ему въ душу
Прынадамы фальшывои жагы?
Для сего ты уси живочи чары
Напружыла: моторнисть, жарты, смихъ,
Прываблыви зитхання, скрытый стогинъ
И продану за ласощи слёзу?
Ты всымъ отымъ прычепурылась, пани,
Щобъ досягнуть корыстнои меты!
Колы жъ его, Богдана, щыре серце
Спалахнуло пидъ проминемъ красы,
То чымъ ему виддячыла за ласку?
Израдою гыдкою?...

Елена (*змишавшысь*). То напасть...
Тамъ гвалтъ вчынывсь...

Ганна. А, чулы мы и знаемъ!
Такый же гвалтъ, якъ ныньки продаешъ
Его й нашъ край...
Елена. Навикы мене збутысь
Бажаешъ ты...
Ганна. Зрадныци плата—смерть!
Елена (*гирко*). Ха, ха, ха, ха!! Якый вырокъ правдывый!
Ты сывому загоишъ рану вмыть,
Прываблыви для его ликы знайдешъ,
Якыхъ винъ першъ у мене лышъ шукавъ:
Теперъ тоби, мій безсторонній суде,
Утихою вже буде моя смерть...
Ганна. Мерзота!...
Елена. О, хапайся мене збутысь:
Помихою твоимъ замирамъ я...
Ганна. Якымъ, якымъ?
Елена. Помстытысь ты бажаешъ
За любощи зневажени свои:
Тебе зрыва и рвія, и жадоба
Черезъ мій трупъ до булавы сягнуть...
Ганна. Ты поклепомъ свою гыдоту крыешъ!
Елена. Такъ наступай ногою: я слаба,
Видъ катувань моя й краса злыняла,
Ты жъ дидови загары додасы
И чарамы первотнимы напоишъ
Якъ свижа ще коханка...
Ганна. Пани, лжешъ!
Богдана я, якъ велетня шаную
И якъ отця, якъ Божый даръ, люблю;
Але не тымъ мизернымъ закоханнямъ,
Яке на мыть лышъ гріе нашу кровъ,—
А всимъ жыттямъ и цилою душею,
Безъ заздросты до любощныхъ утихъ!...
До кары ты не пидешъ черезъ мене—
Не плакався на руку цю нихто;
Але его не дамъ я на погыбель

И захыщу! Колы ты хочешъ жыть,
То йидь мерщій на хутиръ, бо зрадныци,
Отрутныци не потерплю... Йды причъ!

(Показуе рукою. Елена, схылывшы голову, выходыть).

Выхидъ 8.

(Ганна, Богданъ, Тетеря, Катря и вси гости).

(Музыка почына полонеза. За дверыма гамъ).

Бандурысты (*голосъ*). Мене пустить?
Гайдукъ. Куды?
Бандурыста (*голосъ*). Та вже жъ сюды!
Гайдукъ. Никого бильшъ не велено пускаты!

(Прычыня мицнише двери).

(Богданъ выступа въ першій пари; за нымъ—значне панство; Выговськый съ Катрею. Ганна стоить осторонь).

Богданъ (*по закинченни полонеза, кланяючысь пани Зарембі*).
Учора Марсъ, а нынькы рай Кыпрыдынъ...
Пани Заремба. Тутъ рай, а скризь розводыть пекло хлопъ!
Богданъ. Не може буть,—я строги давъ наказы!
Пани Заремба. Лыбонь за ницъ гетьманськый голосъ имъ!
(Видходять дали).
Катря. Я й танцивъ сихъ не знаю...
Выговськ. Эгъ, ходыты...
Катря. Щось знай нове...
Выговськ. Це-жъ польскый полонезъ...
Катря. Ненавыжу... то черезъ ту все... тато...
Выговськ. И ремство скризь...
Катря. О, Боже бороны! (*Заходють*).
Ганна (*проходыть зъ Богданомъ*).
Елена просытся пойихаты...
Богданъ. У Польщу?
Ганна. На хутиръ хочъ...
Богданъ. А тутъ не до смаку?

Г а н н а. Пустить іи, мій батьку: видъ наругы
И збожеволиты вона ще може тутъ...
А тамъ поки ій буде безпечнише... (*Видходють*).

Выхидъ 9.

(*Тижъ и Чарнота*).

Ч а р н о т а. Горилкы ще! Геть къ бису оци вына!
По нашому бенькетовать... не такъ!
Це лядщына!.. Бачъ, ходють полонеза?
Не треба! Годи!.. Гей, музыко, цыть!!
(*Вси збентежени. Замъятня*).

Б о г д а н ъ. Що тамъ за гвалтъ?

Т е т е р я. Чарнота вельмы пъяный...

Б о г д а н ъ. Вгамуй его!

Ч а р н о т а. Грай заразъ гопака!
Ну-жъ, рижъ!

Х в е д и р ъ (*значный козакъ*). А правда, тны, музыко!
Ушкварымо, якъ любо козакамъ!

Д е - х т о. Метелыци! Метелыци!!

Т е т е р я. Панове!
Не подоба бенкетуваты тутъ!

Х в е д и р ъ З о л о т. Такъ къ бису васъ!! (*Выходыть геть*).

Ч а р н о т а. Не хочу лядськыхъ танцивъ.
Метелыци!

Т е т е р я. Горилкы прынеслы!

Ч а р н о т а. Де?

Т е т е р я. Тамъ!

Ч а р н о т а. Ходимъ, шляхетська глыце!

Т е т е р я. Онъ, проведуть...

Ч а р н о т а. Ни, цуцыку, йды самъ!

(*Тетеря веде Чарноту въ трапезну. Выговськый пидходыть до Богдана, тыхо балака. Музыка гра*).

Выхидъ 10.

(Тижъ, безъ Чарноты й Тетери).

Богданъ. Нечынства тутъ! шынокъ якыйсь!

Выговськ. Чарноту

Допоють тамъ до безчуття...

Богданъ. Було-бъ

Спровадыты къ нечыстій неньци...

Выговськ. Пане

Яснійшый мій! Счынылы-бъ гвалтъ страшный;

Тра обачнишъ поводытыся зъ ными:

Козакъ прывыкъ до вильнои гульни...

Богданъ. Але часъ знать, що я вже имъ не ривня!

Зъ усихъ усюдъ я чую, що й теперъ

Свавольства йдуть, розбои по Вкраини...

Я закриплю и право певне й ладъ!

Де-хто (*ззаду*). Ого! Чи ба, якъ вышкыряе зубы!

Други (*глухо*). Побачымо! (*Видходять до другои сали, купчатся й гомонять*).

Выхидъ 11.

(Тижз и джура).

Джура (*подае лыстъ*). Видъ гетьманенка лыстъ!

Богданъ. А! Видъ Тымка?

Джура. Эге, ясновельможный!

(Богданъ чита. Выговськый стоить осторонь. Въ трапезній гоминз росте).

Богданъ. Такъ оттаки поплечныкы мои,

Помогачи моимъ тяжкымъ зусыллямъ—

Украину зъ панствамы поривнять?

Имъ благо що?—Свою лышъ тишыть волю,

Топтать законъ; а хто стоить надъ нымъ,

Той—ворогъ имъ! Того вже геть пидъ лаву?!

Я тилькы й дбавъ—пиднять имъ права,

Нобилитасъ ще даты, якъ повсюды;
Я совистю своею поступывсь
И слово те, що давъ народу, сплямывъ,—
Все задля ныхъ, все имъ-же на корысть,—
Воны-жъ за те, на мене чернь бунтують...
Я имъ гадавъ освиту дать и блыскъ,
Зривнять цилкомъ зъ лыцарствомъ найпышнишымъ,
Щобъ въ супрязи Вкраину возвышать—
Воны-жъ мене втопыть готови въ ложци...
Отъ и звиряйсь—все зрада, всюды лжа—
И самъ одынъ держысь на высокости:
Не выстачыть ни влады, ни снагы
Те погодыть, що погодыть несыла...
И крадется въ мій мозокъ вже морозъ...
Що-жъ? Попустыть вудыла необачнымъ
И видступыть? Зректысь тіи меты,
Куды я бривъ въ крови ажъ по колина?
Ни, стрепенысь, Богдане! Булава
На те въ рукахъ, щобъ нею быть незрячыхъ,
Озвиреныхъ announced сваволею... Бурьянъ
Зъ кориннямъ рвуть на хлибородній ныви...
Карать на смерть—и завтра-жъ!

Выговськ. (*пидходыть*). Якъ? Кого?

Богданъ. Израдныка гетьманського Сулыму:
Винъ посягнувъ на булаву мою
И хтивъ Тымка посадовыть на чоли;
Але мій сынъ его прыславъ сюды,
Видтявшы першъ изводныку правыцю...

Выговськ. Встае бида... (*Де котри наблыжаются*).

Богданъ. Іи мы опряжемъ!
У дыбы взять гадюку! Завтра кара!

Де-хто. На мылость!

Ганна (*пидбига*). Ой, яка тамъ кара ще?
Мій таточку, голубчыку!

Богданъ. Ничого...
Звычайна ричъ... Пусте! Мазура грай!
Сегодня мы зійшлысь повеселытысь,
А завтра вже про справы будемъ дбать,—
Бо кожному довліе дневи злоба...

(Музыка почына граты; але нихто не ришается танцюваты).

Выхидъ 12.

(Тижъ и Богунъ та Бандурыста).

Чарнота (*иде до дверей, за якымы чуты гамъ*).
А хто тамъ, гей?! Ходы сюды на баль!
Тутъ панськый пыхъ...
Богданъ. Заципте ему рота!
Богуна (*голосъ*). Якъ не пускать?
Гайдукъ. Не велено!
Богунъ (*розчыня натыскомъ двери*). Такъ вдержъ!
Богданъ. Хто сміе тутъ галасуваты?
Богунъ (*пидходыть, за нымъ бандурыста*). Я!
А чи тоби видомо есть, гетьмане,
Що діется по Украини скризь?
Вся старшына и кателыцька й наша
Поспильство зновъ у плуга запряга;
Хто самохить въ ярмо не ложыть шыи,
Того на смерть катують шельмакы...
Богданъ. А чыныть що значнимъ твоя голота,—
Не палыть въ пень, не грабыть, не вбыва?
Богунъ. Що дывного! Боронытся видъ гвалту,
Напастныкамъ ветъ-за-ветъ оддае:
Зламать ляха допомогло поспильство
И кровію купыло вси права...—
Его-жъ товчуть... Встае скризь ремство, буря;
Людъ скрывдженый зъ Украины тика
Въ Московщыну... Сулыма тежъ не встоявъ...
Пробачъ ему: винъ чесный сичовыкъ!

Богданъ. Винъ зрадныкъ злый!

Тетеря. И гетьману й Украйни!..

Чарнота. Лысыце, шпа! Не слухай, батьку... ни!
Сулыма-братъ... Тетерю хай на палю...
Хай крутытся... якъ крутыть тутъ хвостомъ...

Выговськ. Нашъ батьку, зглянсь! Покарано Сулыму...

Богданъ. Що збувсь руки? То зрадныку за жартъ!

Ганна. О, гетьмане! Май ласку! Черезъ край
Вже напылась крови и слизъ Вкраина...
Просты, пробачъ Сулыми! (*Пада на колина*).

Богданъ (*пиднима іи*). Зоре, встань!

Чарнота. Не бійсь, не дамъ я друга на поталу... (*Ганна рыда*).

Вси. Ясновельможный! Вси бьемо чоломъ!

Богунъ. Колы душа твоя бажае крови—
Мене скарай: я краю послужывъ,
Такъ послужу ще й козаку-славути!

Богданъ. Я розберу це дило...

Богунъ. Ты ляхамъ
Звиряешся зновъ, гетьмане нашъ любый,
И черезъ ихъ набрехы чынышъ судъ...
Не доконавъ до щенту ты магнативъ
И мыромъ давъ зновъ сылу ворогамъ,
А на твій мыръ не важуть королята!

Богданъ. Не може буть!

Богунъ. А вирь мени, що такъ!
Ярема князь яки звироцьтва чыныть:
Волынь усю геть выголывъ до пня—
И немовлятъ, и всихъ старыхъ катуе,
Попивъ чесныхъ змурдовуе на смерть,
Провирчуе свердламы ихни очи,
Долотамы втына имъ языкы!

Вси. Страшенна ричъ!

Богданъ. Посланныче видъ Польщи!
Пытаю я, що сее вызнача?

Заремба. Я одибравъ наказа въ цю хвылыну,
Якымъ король мене оповища,
Що зъ гетманомъ поломано вже згоду,—
И Польща вся на васъ вiйною йде...

Богданъ (*люто*). Іуды! Псы! Узять его въ зализа!

Заремба. Я—посланецъ!...

Богданъ (*тупа ногою*). Закатувать на смерть!

(Зарембу схопылы; его пани рыда. Вси збентежени).

Чарнота. А що... звирявсь?

Богунъ. Не докинчывъ?!

Богданъ (*хапается за голову*). Шельмовство!

Бандурыста (*выступа посередъ всихъ*).
Тепера самъ, одступныче, карайсь,
Бо преступывъ ты заповитъ одъ Бога:
Винъ давъ меча за виру пресвяту,
За добуття побраттямъ меньшымъ доли,
А ты свою гордыню тишыть хтивъ?
Ты не вважавъ, чого бажае матиръ,
Знеможена на ранахъ, на слёзахъ—
И самъ теперъ наклыкавъ риднiй мукы.
Ну и несы жъ iи все горе самъ,
Не сподивайсь ни звидкиль мылосердя:
На небесахъ гнивъ праведный достыгъ...
Вже одвернувъ Господь видъ тебе око:
Ударыть гримъ на голову твою—
И порохомъ розвiются замиры!

(Зависа).

ДІЕВИ ЛЮДЕ ДО V-ои ДІИ.

Богданъ Хмельныцькый—гетьманъ;
Выговській—генеральн. пысарь;
Золотаренко, **Богунъ** — полковники;
Ганна—сестра Золотаренка;
Цыганка—стара ворожбытка;
Джура,
1, 2, 3—козакы,
1, 2, 3—поранени,

Гайдукы, татаре, вистовныкы.

Діется пидъ мистечкомъ Берестечкомъ, въ 1651 р.

ДІЯ ПЬЯТА.

Лагерь пидъ Берестечкомъ.—Рячка Стырь зъ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ лисомъ; навдали мріе Берестечко. Справа—наметъ Богдана; злива—меньшый наметъ; за ными—други. Доба обидня. Спочатку ясно, а дали винъ темніе видъ хмары и млы.

Выхидъ 1.

(За Богдановымъ наметомъ стоить татарська сторожа; де-яки зъ ныхъ сыдять, лежать и поють. Кругъ меньшого намета й за нымъ розкынулысь коло казанка малёвнычымы купамы козакы. Дали по кручахъ стоять вартови).

(1, 2, 3 и инши козакы та татаре).

Козакы (*спивають*).

Заспивачъ. Ой не знавъ козакъ, та не знавъ Сохронъ,
Якъ славонькы нажыты...

Гуртъ. Гей зибравъ військо славне, запорожське,
Та й пишовъ орду быты.

Заспивачъ. Ой у недилю рано-пораненьку
Сохронъ изъ ордою стявся...

Гуртъ. А въ понедилокъ, въ обидню годыну
Самъ у неволю попався...

Заспивачъ. Ой и ты, козаче, козаче Сохроне!
А де жъ твои прегромки рушныци?

Гуртъ. Гей, мои рушныци въ хана у свитлыци,
Самъ я, молодъ, у темныци!

2-й козакъ. Готовый кулишъ! Выймайте ложкы!

Де-хто. Горилкы бъ хочъ по чарци...

1-й козакъ. Онъ татарва лыга чыхырь.

3-й козакъ. Якый тамъ чыхырь? Просто ракію!

1-й козакъ. Тобѣ-то нашу преподобныцю?

3-й козакъ. Эге-жъ! И закона свого не додержують... ну, якъ же на такыхъ покладатысь?

2-й козакъ. А козачый гетьманъ вже не козакамъ виры дійма, а невири...

Дехто. Ото-бо-й ба!

(Почынають коло казана йисты. Татаре частують вартовыхъ. Одынъ татарынъ почына граты на зурни, други пидспивують).

Гуртъ (*спива*). Минъ эль хамде лильянъ
(*Татарськый*). Туйганча осадымъ;
А шабъ туй масанъ
Я лабъ туй масанъ!

. . . .

1-й козакъ. Ачъ, якъ выють,—мовъ вовкы у пылыпивку.

2-й козакъ. Ажъ сумъ наводять...

1-й козакъ. Може черезъ ныхъ и Богданъ нашъ завжды зажуреный? То було перше—бенькетуе, спива; поведе окомъ—орелъ билозорець; гукне на кони—земля двыгтыть... а теперъ усе осторонь...

3 й козакъ. И до війська не вчаща,—все зъ знахарькамы, та чаклунамы: якась его дума гнитыть, ажъ змарнивъ...

1-й козакъ. Я знаю яка: винъ потурчывся и насъ потурчыты хоче, дакъ чорты теперъ у печинкахъ его й силы... и въ ночи не дають спаты...

Дехто. Невже? Свять, свять зъ намы!

2-й козакъ. Якъ? Насъ потурчыты? Що ты верзешъ?

3-й козакъ. Мы былыся за земли, за виру благочесну, грецьку кровъ лылы, щобъ уніи збутыся, а теперъ бы то... на́-тоби!—въ бусурмены пошытысь?! Та такого бъ гриха не вдержала и земля!

Де-хто. И пекло завалывъ бы!

(Татаре пьяни лягають спаты).

Выхидъ 2.

(*Тижъ и Ганна*).

1-й козакъ. Онъ панночка, зирныця наша!
2-й козакъ. Правда,
Такои вже души и не знайты:
Пеклуется про насъ, якъ ридна ненька,
За хворымы и день, и ничъ впада,
Й смертельному натхне надію тыху...
Ганна (*кланяется*). Добрыдень вамъ, братове! Хлибъ та силь!
Вси. Чоломъ тоби!
3-й козакъ. Отъ, хлибъ сухый...
1-й козакъ. Ой, зъ ласкы-бъ,
Хочъ чымъ-не-чымъ горлянку промочыть!
Ганна. Въ походи жъ вамъ заказано вжываты?
2-й козакъ. Мы стоимо безъ дила...
1-й козакъ. Та й не всимъ:
Онъ татарви, такъ батько нашъ спріяе.
2-й козакъ. Невгодни мы... а ти ажъ попылысь
И розляглысь, пробачъ, немовъ ти свыни...
3-й козакъ. Мы батькови лобамы здобулы
И славу й честь...
Ганна. И винъ васъ всихъ шануе...
Теперъ же щось немовъ тилькы слабый...
По чарци жъ слидъ... (*Дае гроши*) Ось за его здоровье!
1 и 2 козакы. Спасыби! Отъ, такъ панна!
Други. Ге, сестра!
Вси. За гетьмана й за тебе, наша зоре!

(*Весело, гуртомъ выходють*).

Ганна. Якъ ремство скризь на батька накыпа,
Зрына що-дня наклепъ, невдача, зрада...
Охъ, одверны, мій Боже, гнивъ одъ насъ
И ласкою окрый твого выбранця!

Выхидъ 3.

(Выговськый и Ганна).

Выговськый. Вельможная панянка моя зновъ
По табору лыбонь слабыхъ шукала?
Ганна. Навидалась, и, слава Богу, трехъ
Нечаянныхъ вже бачыла пры дили,
На мылыцяхъ...
Выговськый. Ты, панночко, свята
Заступныця намъ, хворымъ...
Ганна. Годи, пане!
Я не люблю цыхъ лестощивъ; усякъ,
Хто чымъ здола, повыненъ послужыты
Украини и сыротамъ іи:
Вы—шаблямы, мы—доглядомъ... а врешти,
Колы бува настане скрутъ страшный,—
Украинкы вмыраты чесно вміютъ!
Выговськ. Хвала, хвала!
Ганна. Що, гетьманъ якъ? Слабый?
Выговськ. По трапези заснувъ винъ... та натура
Мицна въ его, якъ крыця...
Ганна. Але й та
Зигнулася...
Выговськ. Не тиломъ винъ недужый...
Ганна. Душею... такъ! И рана та тяжка!
Выговськ. Панъ гетьманъ самъ...
Ганна. О, на орла, я знаю,
Колы ему пострелено крыло,
Готови вси шуликы напосисты.
Виговськ. У гетьмана суть певни друзи...
Ганна. Ни!
Одни его думокъ не розуміють,
Други-жъ—соби на думци...

Выхидъ 4.

(Тижъ и Богунъ та Золотаренко).

Выговськ. (*углядившы*). А, Богунъ!
И Хведиръ!
Ганна. Братъ!
Богунъ. Де гетьманъ ясновельможный?
Выговськ. Ще почыва...
Богунъ. А есть недобра вистъ:
Ляхы идуть, уже стоять за гаемъ...
Золотар. А крымській ханъ непевный...
Выговськ. О! Невже?
Богунъ. Кругомъ его такъ и витае зрада...
Хочъ бы прыйшовъ зъ пидмогою Тымко,—
А то сыдыть на хутори безъ дила
Та мачуху видъ когось стереже...
А мы сами опынымось въ лабетахъ!
Золотар. И ханъ продасть...
Ганна. О, Диво пресвята!
Це догрызе Богдана...
Богунъ. Може, панно;
Але йде ричъ про військо наше все:
Тутъ тысячи, десяткы тысячъ марно
Погынуть вразъ,—и тяжчи кайданы
Навикъ тоди скують козачу волю!
Ганна О, доля всихъ—то перша ричъ...
Выговськ. Паны
Полковныкы! Покы ясновельможный
Одпочыва,—обрадымось; тоби жъ,
Моя хороша панно, я бъ пораивъ
Зъ обозными до замку поспишыть...
Тутъ небезпешно...
Ганна (*показуе на Золотаренка*). Я его сестра!
Братъ не тикавъ ище николы зъ сичи,—
Не буду й я ховатыся зъ страху,—
И колы смерть, то смило гляну въ вичи!

Золотар. (*обнима іи*). Ты честь моя!
Богунъ. И доля всихъ! Колы
Въ Украинокъ таке левыне серце,—
То ворогъ намъ ніякый не страшный!

(Выговськый, Золотаренко и Богунъ зъ кону выходють).

Выхидъ 5.

(Ганна сама).

Ганна. Повстало все... Зновъ лыхо тяжке суне...
Невже таланъ Богдана видцуравсь,
И батько нашъ, мій велетень, схытнется
Видъ бурь и хмаръ, що облягають край?
Не разъ, не два винъ мирявсь зъ нымы грызно,—
Чого-жъ теперъ нудьга мене бере
И мовъ струна порвалась въ моимъ серци?
(*Замыслылась*) Не вирю я, щобъ видступывсь Богданъ
Одъ тыхъ думокъ, яки носывъ у серци:
То выгадкы напастныкивъ лыхыхъ...
И не чужыхъ, а побратымивъ навить,
Бо заздросты жало имъ дошкуля:
Воны добро, що винъ вчынывъ, нехтують,
А вергають на его все лыхе...
Така то скризь на сему свити правда!
Чого жъ Богданъ не мовъ бы то глухый:
То не зверта увагы на наклепы,
То у ковши розважуе нудьгу?...
Ёго гнитыть якась страшна грызота,—
Чи серця жаль, а чи незбутнисть думъ?
А може ще все журытся за... тою?...
О, доле зла, запроданко слипа!
Завищо такъ мене ты не злюбыла?—
Одна нудьга и мука нависна!...
Рятуй мене видъ неи, Маты Божа!
Загой ёму ту рану уразну,

Що день-у-день величній духъ руйнуе!...
(*Пауза*). Охъ, орле мій! Розправъ ты крыла знову
И ворогивъ шугны геть зъ Украины!
За тебе я молытысь буду викъ...
А ты не знавъ... не знатымешъ николы:
Ты звирывся зрадлывійшій краси,
Що й зрозумить величчя не здолала!

(*Сида зажурена. Кинъ, видъ хмары и млы, сутеніе*).

Выхидъ 6.

(*Ганна и Богданъ*).

Богданъ (*збентеженый*). Гей, гайдукы! Де вы? Померлы вси?
Ганна (*схопылась*). Мій батьку!
Богданъ. Хто? Хто тамъ?
Ганна. Це я, небога...
Богданъ. Охъ, руку дай... мени щось не гараздъ...
Ганна. Крый Господы! Я заразъ... (*Хоче бигты*).
Богданъ. Ни, не кыдай!
Де джура мій?
Ганна (*бье въ долони*). Гей, джуро!
Джура (*выбига*). Я!!
Ганна. Мерщій
Воды подай вельможному гетьману!
(*Пидъ руку садовыть*). Спочыньте тутъ!... Чоло у васъ, якъ жаръ...
Пропасныця, чи може огневыця?
Не дай Господь!
Богданъ (*до джуры зъ водою*). Поставъ тутъ кившъ и йды!
(*По выходи джуры*). Охъ, тяжко якъ!!
Ганна. Та що вамъ е, мій тату?
Богданъ. Зъ того часу, якъ бандурыста-дидъ
Мени прорикъ Небесный гнивъ и кару,
Душа моя бентежытся зъ страху...

На серци нудъ, въ очахъ кривави плямы
И стукотыть сумлиння у выскы...

Ганна. Богъ жалислывъ... Той не вчынывъ злочынства,
Хто вызволывъ зъ неволи ридный край...
Не шарпайте зневиррямъ свого серця,—
Зневирря—зло...

Богданъ. Не сыла! И выномъ
Не можу я залыть страшнои боли
Та тяжкого на серци пречуття...
Отъ, наступа ришуча мыть у брани,
А я зъ нудьгы и рукы опустывъ,
И не знайду колышнёи видвагы,
Бо серце все сточылы робакы:
Воно пыта що-дня и що-хвылыны,
Навищо я змывъ кривью ридный край?
Чи вызволывъ тымъ людъ свій изъ неволи,
А чи завивъ ще въ гирши кайдапы?
И все мени передъ очыма мріе,
А надто ще на самоти, смеркомъ:—
То нибы я стою уже въ Варшави,
Прыкованый до карного стовпа...
Кругомъ—каты... клищи... смола и пали...
Надокола гогоче хыжый людъ
И радо жде тыхъ катувань...

Ганна. О, Боже,
Не доведы!

Богданъ. А то,—немовъ бы вразъ
Зь пекельныхъ путъ зирвется туча-буря,
И розжене сполохану юрбу,
Мене жъ знесе зъ майдану, якъ былыну,
Й почне крутыть у темряви нимій...
Ажъ бъе мени у вуха дыкый стогинъ,
По всихъ моихъ суреляхъ оддае...

Ганна. Вы, батьку мій, думкамъ далы знать волю,
А ихній гвалтъ вогнемъ займае кровъ
И наклыка хворобу...

Богданъ. О, смертельну!...
А то мени ввыжается, що я
Стою одынъ на высочезній скели...—
Ни хмароньки!.. И въ ясносызій мли
Уси краи зъявляются на очи:
На схидъ мыгтыть сывызною Днипро,
На пивдень геть сыніе Чорне море,
На заходи срибломъ блыстыть Карпатъ,
На пивночи боры Ниманськи мріють,
А навкругы красуется, пыша
Роскишный край, окутаный гаямы,
Вперезаный стежкамы ясныхъ водъ,
Оквиченый вишневымы садкамы...
Ганна. Украина?
Богданъ. Але уся въ крови:
Замисто селъ—чорніють скризь руины,
Замисто нывъ—биліютъ скризь кисткы...
Ганна. Ворожи бильшъ... але, мій батьку любый,
Якъ выкупыть ту волю безъ крови?
Богданъ. Охъ, рыбонько, багато вже... занадто!...
Мени не разъ здается, нибы тинь
Одъ хмаръ лягла по цилій Украини,
А прыдывлюсь—не хмары то сумни,
А сарана, крюкы, шуликы, галичъ—
И вси летятъ на нашъ веселый край!
Ганна. О, Господы, мій мылосердный Боже!
Богданъ. За нымы вслидъ—плачъ, стогинъ, лементъ, гвалтъ,
Хыжацькый крыкъ и сатанынськый регитъ...
Вогонь пала, червони языкы
По хуторахъ и по садкахъ мыгочуть,
А дымъ клубкомъ—задушлывый, чадный—
Скризь котытся, пидносытся до неба
И стыскуе у персахъ моихъ духъ,
Мовъ каминемъ могыльнымъ... Питъ холодный
Вкрыва чоло... а въ серци нибы нижъ...

Ганна. По знахарьку пиду я... хай одшепче:
Напастныкы на васъ нагналы сумъ
И винъ стыска клищамы ваше серце...

Богданъ. О, такъ стыска, що я бъ раднишый бувъ
Зъ моихъ грудей те серце заразъ вырвать
И розчавыть погамы... бо на що
Воно здалось никчемне та безсыле?
Никому вже воно не дороге!

Ганна. Ни, тату, ни!

Богданъ. Мени вси зневиряють,
Я самъ себе ненавыжу... Зъ симьи
Лыхи вистки, некельни...

Ганна. Про Елену?
Душею я давно постерегла,
Що черезъ ту зомлилы серцемъ... Тату!
Невже ланцюгъ навикы прыкувавъ
Вашъ славный духъ до отіи никчемы?
Та васъ вона не циныть, не коха...
Крыжына, лидъ у неи замисть серця!

Богданъ. О, лидъ!... Змія! Гадюка! Тутъ, оттутъ
Впъялась мени своимъ жаломъ двоистымъ
И труить кровъ...

Ганна. Такъ одирвить іи:
Не вартъ вона, щобъ вашъ величній духъ
Грызотамы за Бо-зна-що нудывся,—
Богдана вся Украина коха
И простяга зъ ализъ до батька рукы!

Богданъ. Такъ! Вынепъ я, бо неньку забувавъ
Я иноди для гадыны тіеи...
Я одибравъ два тыжни видъ Тымка
Лыста отутъ: винъ про ту видьму пыше,
Що мовъ вона... повія...

Ганна. Не нове!

Богданъ. Ты знаешъ що?

Ганна. А хочъ бы й панъ Чаплинськый!

Богданъ. О, гаспыдъ той! (*Скрегоче зубамы*).

Г а н н а. Зъ очей полуду знявъ...
Але жъ вона, на що зминяла батька?
На стоптану брыдоту...
Б о г д а н ъ. И теперъ
Спизналась, мовъ паскудныця, зъ геваломъ...
Г а н н а (*сплеснула рукамы*)
О, Господы!
Б о г д а н ъ (*На серце*). Такъ, тутъ кыпыть смола...
Я напысавъ Тымкови, щобъ дизнався,
Допевнывся, піймавъ на вчынку злимъ
И сповистывъ... Але не сыла ждаты...
Щось порыва мене туды летить,
Досвидчыться й натишытысь на кари,
Та на такій, щобъ самъ Ярема зблидъ.
Охъ, якъ вона мене катуе люто,
Ажъ мозокъ схне!... Тутъ доля на вази
Украины, а я злыденнымъ серцемъ
Въ Суботови... коло тіи зміи!
И не зберу думокъ, бо розлетилысь...
Пекельный жартъ! Я дужыхъ подолавъ,
Перемогты жъ себе не маю сылы!
Г а н н а. Бо дужчи всихъ...
Б о г д а н ъ. О, пекло! Всихъ чортивъ
Часамы я готовъ на неи склыкать,
Щобъ зъ пымы вразъ закатувать лыху,
А потимъ зновъ, якъ ту красу згадаю,—
То и себе-бъ для неи скатувавъ...
Стыдота! глумъ! Щобъ козаку—за бабу...
Гыдую я... банитую себе...—
А отъ визьмы-жъ!...
Г а н н а. То чары, тату, чары:
Вона лыбонь зъ нечыстымъ наклада
И розставля пасткы на вашу душу...
Васъ окурыть хочъ ладаномъ святымъ
Та Богови...
Б о г д а н ъ (*хмуро*). Богъ видступывсь видъ мене...
О, порятуй! Якый страшный вырокъ!

Ганна. Нема кинця безмежній ласци Божій...
Богданъ. Ты херувымъ... тебе послало небо...
Едына ты утиха, вирный другъ!
Ганна. Очъ, орле нашъ! Розставъ ты крыла знову
И шулякивъ зъ Украйны геть шугны!
За тебе я... й на тебе я молюся...
Богданъ. О, свите мій! Ты промпнемъ жывышъ
Мои тяжки, непереможни раны,—
Ты, зиронько, у серци топышъ лидъ,
Женешъ за души ничъ темну, непрозору...
На що про що... мени те пекло зновъ,
Колы тутъ рай? (*Трыма Ганну за руку*).
Ганна. Ой, Боженьку! Дай сылы!
Тебе... весь викъ... (*Цилуе ему руку и выбига*).

Выхидъ 7.

(*Богданъ, Выговськый и потимъ Богунъ*).

Богданъ (*злякано до Выговського*). Га? Що? Лыхе? Давно ты
Вже не несешъ одрадисныхъ вистокъ...
Выговськ. Чымъ вынен я?
Богданъ. Я певно выненъ—знаю:
Теперъ за все, Богдане, одвитуй!
Ну, швыдче—що? Бунты, сваволъства, зрады?!
Выговськ. Жартують все зъ панами козакы:
Нечай спалывъ и сплиндруваъ Немыривъ,
Вернығора...
Богданъ. На пали ихъ, катюгъ!
Воны весь край повернуть на руину!
Выговськ. Такъ, гетьмане!
Богданъ. Велы мерщій!... Тривай,
У справахъ цыхъ—не потураты гниву,
А розуму спытатысь перше тра...
Богунъ (*надходыть*). Ясновельможный гетьмане! Для чого
Ты видиславъ одъ броду два повкы,
И одчынывъ ляхамъ ворота въ табиръ?

Богданъ. Тамъ Тугай-Бей зъ татарамы...

Богунъ. А що,

Якъ винъ ляхивъ пропустыть?

Богданъ. Схаменыся!

Мій побратымъ, мій спильныкъ?

Богунъ. Нышкомъ винъ

Стосункы ма зъ ляхамы...

Богданъ. Клямство, пане!

Богунъ. Ще мій языкъ одъ роду не брехавъ:

Я бъ вырвавъ самъ его за тее...

Богданъ. Брате!

Не може буть, щобъ Тугай-бей, мій другъ,

Якого я у смерти двичи вырвавъ,

Мене продавъ!

Богунъ. А якъ звелыть Гирей?

Та й въ Збаражи хто насъ нагнувъ до згоды,

За лядськіи таляры,—чы-жъ не винъ?

Того й прошу, щобъ свою власну варту

Туды пославъ...

Богданъ. Я верховодарь тутъ

И керувать не розучывся, Йване!

Богунъ. Ну, такъ дывысь, гетьмане, якъ бува,

Не дай Господь, насъ Тугай-бей израдыть,

То військо все погыне, и вына

Тоди впаде...

Богданъ. На мене? Добре знаю:

Я всимъ—чоло!

Богунъ (*выходючы*). Мы—серце, и вмирать

За ридный край, за нашу честь мы вміемъ...

Богданъ. Невже и тутъ?

Выговськ. Прыйшовъ зъ Стамбулу лыстъ,

Въ якимъ султанъ корыть тебе за зраду,

Що молдаванъ пошарпавъ...

Богданъ. Отъ, въ чимъ ричъ!

О, вси на насъ!... Такъ отъ яки мы левы

И велетни, що марылы сами

Перевернуть усихъ народивъ долю,—
А насъ цькують зъусюды, мовъ собакъ!
Що-жъ діяты? Де наша буйна сыла?
Хто вкравъ іи?

Выговськ. Сусиды...

Богданъ. Ни, самы
Розвіялы...

Выговськ. Всему вынною зрада
Та спильныкы лыхи.

Богданъ. Отъ, въ тимъ-то й ричъ,—
На спильныкивъ не покладайсь у справи,
А на свою лышъ правду й власну мицъ...
А де вона, якъ въ хати пекло й чвары?

Выговськ. Не прыкрутывъ ты цупко...

Богданъ. Чымъ и якъ?
Чи лейстровыхъ поспольствомъ, чи голоту
Лейстровыкомъ? Отъ тутъ-то й скрутъ! А ты-бъ
Порадывъ чымъ? Мовчышъ... Думкы розбиглысь!..
(*Пройшовся*). Де-бъ помочи?... (*Пауза*) ты вчора говорывъ,
Що видъ царя прыйшлы лысты ласкави...
Такъ! Тилькы тамъ!... Самимъ—загынъ!... Готуй
Ты посланцивъ въ Москву... мерщій: я заразъ
Самъ напышу до свитлого царя
Про спилку зъ нымъ... Щобъ швыдче давъ пидмогу...

Выговськ. Въ Москву пословъ?

Богданъ. Въ Москву, кажу, въ Москву:
Туды й безъ насъ втекло пивъ Украины...

Выговськ. Ой, боязко зъ тымъ спильныкомъ...

Богданъ. А зъ кымъ?
Зъ католыкомъ, чи знову зъ бусурманомъ?
Не ввирылась ще ихня крывда, ни?
А тутъ скрипля едына, грецька вира,
За котру людъ кисткамы полягавъ...
Доволи вже руинъ, пожежъ и крови!

Выговськ. Якъ панськый зволъ...

Богданъ. Прымушеный... Хапайсь!

(*Выговськый выходыть*).

Богданъ. Теперъ всего видъ доли сподиватысь—
И горлыци ще очи заклюють!
Давно було—весь Кыивъ зъ корогвамы
Мене стричавъ; народъ валявсь въ ногахъ
И величавъ збавытелемъ ойчызны!
А отъ теперъ скризь ремство та злоба,
И проклянуть ще свого батька диты!
Чого-жъ кругомъ зъ моихъ думокъ росло
Одно лыхе та невсыпуще горе?
Такъ, я добра простоти не вчынывъ,
И зважывся лышь на свою гордыню,
Що маревомъ все тишыла пыху?
Видъ мене й Богъ одвивъ свою правыцю,
И праведенъ Твій прысудъ пресвятый!
Що завтра жде?! (*Замыслюется*).

Выхидъ 8.

(*Богданъ, знахарька и козакы*).

1-й козакъ (*тягне зъ 2-мъ цыганку*). Не опынайся, крале!
2-й козакъ. До дерева!
Цыганка. Ой, змылуйтесь, паны!
Богданъ. Що тамъ за гвалтъ?
1-й козакъ. Піймалы заразъ шпыга,
Вельможнійшый!
Богданъ. Ведить его сюды!
Цыганка (*въ ногы*). Згляньсь, папочку! Нехай дитей не вбачу,
Нехай пискомъ я роспадусь, колы
Й на думци що! (*Цилуе ногы*).
Богданъ (*про себе*). Облыччя мовъ знаёме...
(*До неи*). У Смили ты була?
Цыганка. Була, була!
И гетьманъ тамъ такъ обдарывъ ласкаво...

Богданъ. Се ты мени гадала?

Цыганка. Я!

Богданъ (*до козакивъ*). Пустить! (*Маха щобъ ишлы*).

Цыганка. Ой, Господы! Ховай тебе видъ лыха!
Щобъ щаснымъ бувъ та уродлывымъ викъ,
Щобъ не взяла ни шабля, а ни куля,
Щобъ ворогивъ пидъ ногы скризъ топтавъ!

Богданъ. Спасыби! Встань! Колысь гадала щастя...

Цыганка. Ой, гетьмане вельможный, шаблю дай!

Богданъ (*соби*). Чи зновъ зырнуть у вичи хыжій доли,
Чи краще—ни?... А може.. (*До неи*) На, дывысь!
Охъ, Боже мій!

Цыганка (*злыва щось на шаблю*).

Богданъ. Що, що?! кажы!

Цыганка. Не треба!

Богданъ. Кажы, не бійсь!

Цыганка. Не сылуй!

Богданъ. Смерть моя?

Цыганка. Не те... не смерть... ты самъ ще будешъ жыты...

Богданъ. Такъ що-жъ, кажы!

Цыганка (*тремтыть*). Сегодня хмара та
У знахарства всю одибрала сылу...

Богданъ. Я хочу знать! Велю! Кажы-жъ!.. Ни, цыть!
(*Махнувъ рукою*). Иды соби до отого намету. (*Цыганка пишла*).
Якъ тяжаромъ гнитыть мене мій грихъ!...

(*Настуна хмара и мла. Чуты часамы здалеку гуркитъ*).

Богданъ. Бида гряде... Не смерть, а гирше смерты!
Вже може тутъ? Бодай-бы хочъ скоришъ
На голову упала мени кара:
Що часу ждать—втомылася душа!
Якъ мертво скризь; насовуется хмара;
Всю землю геть укрыла сыва мла
И коится непевне щось надокилъ—
Мовъ наступа день страшного суда!
(*Чуты гуркитъ*) Чи гримъ луна? Чи здалеку гарматы?
Ни, тыхо... (*Гуркитъ*) Зновъ? Гей, гайдукы, сюды!

(*Стриля въ пидстоля*). Поснулы вы? Чи кынулысь на втекы?
Хтось тупотыть? Якъ Каинъ я тремчу,—
Такъ все мене полоха и вражае...
Де-жъ сыла, де? Невже іи цилкомъ
Загарбало поточене сумлиння?!

(Козакы, гайдукы, вартови шыкуются у лавы. Гримъ и пострилы).

Выхидъ 9.

Гонець (*вбига*). Ясновельможный гетьмане! Ляхы
Ударылы на табиръ нашъ зза броду;
Вже Джендже́лій сиче ихъ.

Богданъ (*до себе*). Вдарывъ гримъ—
И судъ наставъ! (*Крычыть*) Коня, коня! До зброи!!
(*Сида й добува шаблю*) Рушай у лётъ! За мною, козакы!
Згадаймо имъ Кодакъ и Жовти-воды!!

(Вси за Богданомъ рушають; поручъ его—стягъ и бунчукъ).

(Якый часъ на кону пусто; де-хто перебига. Чуты гукъ сичи, пострилы, гримъ).

Выхидъ 10.

(Ганна и цыганка).

Цыганка (*выбига*). Ой, лелечко! Ой, матинко! Куды
Сховатыся? (*Бига*) Скризь скаженіе пекло!

Ганна (*выбига*). Вси кынулысь у сичу... Гетьманъ де?
Хто бига тутъ?

Цыганка (*лама рукы*). Охъ, смерть иде! Я, панно!

Ганна. Чого ты тутъ наклыкуешъ биду?
Не гнулося лыцарство й не погнется:
Де гетьманъ—тамъ и слава!

Цыганка. Не теперъ...

Ганна. Ты видаешъ? (*Блыскавка*).

Цыганка. Я знахарька й гадала...

Ганна. О, горе намъ! (*Зновъ блыскавка и гримъ*).

Цыганка. Ой, краще нагла смерть,
А нижъ до рукъ тымъ ворогамъ упасты! (*Забига*).

Ганна (*зъ слезамы пада на колина*).
О, Господы! На наши слёзы зглянься,
И поверны гнивъ праведный на ласку!
Своихъ дитей видъ гыбели рятуй!
Пошлы зъ небесъ на помичъ херувымивъ
И рызою окрый твого раба:
Ты давъ есы свій мечъ ему до брани,
Просты-жъ вины и духъ ему озброй
На вызволъ насъ одъ ворогивъ несытыхъ!

Выхидъ 11.

(*Тижъ и козакы зъ пораненымы*).

Ихъ ведуть и несуть на нарахъ.

1 раненый. Братци!... Добыйте!
2 раненый. Воды!.. Хочъ крапельку!
3 раненый. Охъ, не помынайте лыхомъ... Смерть!

Ганна (*подбига*). Знахарько! Сюды мерщій! Несить зъ намету того пасы! Воды! Сюды кладить!! (*Пораеться*).

Цыганка (*надходыть*). Пусты, панно: я вмію кровъ замовлять.

(*Пиднимается буря и дощъ*).

Ганна. Гараздъ! (*До другои юрбы*). Якъ тамъ, братци?

4 раненый. Золотаренко й Богунъ пробылысь до Дженджелія, але ворогъ перемога сылою.

Ганна. А гетьманъ де?

4 раненый. Тамъ рижется; ёго билый кинь блыскавкою лита по ворожыхъ лавахъ.

Ганна. Козакы-жъ не гнутся?

4 раненый. Крый Боже!.. Тилькы Гурськый щось не тее...

(*За раненымы бижать купы козачи. За третими—найбильша*).

1-й козакъ. Пидъ гетьманомъ коня вбыто!

Ганна (*сплеснувшы рукамы*). Мылосердный Боже! А гетьманъ?

2—козакъ. Гурськый подався! Пустывъ ворогивъ!

Багато (*бижать*). Зрада, зрада! Татыры видсунулысь, тикають! Хто въ Бога вируе, рятуйтесь!

Ганна (*выхоплюе у раненого шаблю и зупыня юрбу*).

Куды зайци? Своихъ покынуть въ скрути?
Таварышивъ? Срамотній глумъ и грихъ!
Назадъ уси до сичи! А ни кроку!
Самъ Богъ кара полохунивъ лыхыхъ!!

(Юрба шарахнулась, розступылась пивколомъ).

Выхидъ 12.

(Тижъ и Богданъ).

(Завдали посередъ кола зъявляется Богданъ; голова ему безъ шлыка, повъязана хусткою, въ крови. За нымъ несуть коруговъ зъ розбытымъ держалномъ. Ганна, уздрившы, опустыла й шаблю. Вси остовпилы. Буря, дощъ, блыскавыци; голосъ сичи наблыжается. Видъ Берестечка зарево пожежи).

Богданъ. Погыбель! Смерть! Така пекельна зрада!
Іуда самъ здригнувся-бъ одъ жаху!
Не вирывъ я... черезъ мою гордыню
Братерська кровъ ричкамы зновъ тече!
Ламается тамъ воля... и кайданы,
Кайданы ждуть! Усимъ, усимъ—ярмо!
Будь проклятъ часъ, колы я свитъ побачывъ,
Колы мене впершъ маты сповыла!
Гей! Сповистить Золотаренка й Носа
Щобъ одійшлы видъ броду... Дарма лыть
Не треба кровъ,—встояты-жъ намъ не сыла...
(*Вистови бижать*).

Ганна. Не побывайтесь,—батьку! Воля Божа:
Винъ побидывъ, та Винъ и вознесе!

Богданъ. Мене карай! Завищо-жъ ихъ караешъ?
Чымъ вынենъ людъ? Хиба, щобъ ихня кровъ
Пекла вогнемъ жерущымъ моетило?!

Г а н н а. Не рвить себе? Охъ, лелечко! Зъ чола
Ажъ рыне кровъ... Я хочъ обмыю рану!

Б о г д а н ъ. Нехай горыть, нехай вона зія,
Бо все идно—чоло се палыть соромъ,
А печинкы—гадюча, чорна кровъ!
(*Зрыва повъязку*). Публика! Глумъ! До звиря сироманця
Тикать въ боры! Хай теренъ тило рве.
Нехай знесе чупрыну буйный витеръ,—
Вона теперъ ганеба на чоли!

В ы х и д ъ 13.

(Тижъ и джура зъ лыстомъ).

Д ж у р а. Яснійшому прыбигъ ось лыстъ изъ дому?

Б о г д а н ъ. А!зновъ... Подай! (*Бере*). Видъ сына, видъ Тымка...
(*Зрыва печатку, пробига*).

1 к о з а к ъ. Лыбонь спишыть зъ пидмогою...

Д р у г и. Колы-бъ-то!

Б о г д а н ъ (*несамовыто*). Повисывъ?! Ай!! На матиръ рукы знявъ?!
Замурдувавъ сынъ батька?! Пекло, де ты?
Сюды! До насъ! Такого ще смиху
Надъ всимъ .. святымъ... не бачыло ты зъ вику!
(*Сатаніе*). Коня мени! Въ Суботивъ! (*Лама рукы*). Охъ,
дарма!
Нема іи!.. Могыла и публика!..
Куды-жъ мени? На що я? (*Добува шаблю*).
Надто мукы!

В ы х и д ъ 14.

(Тижъ и Богунъ зъ де-кымъ).

Б о г у н ъ (*вбига скажено*). Де той Богданъ? Де гетьманъ славный нашъ?
Хиба на те тоби далы мы владу,
Щобъ кыдавъ насъ невири пидъ ярмо?

Ганна. О, пошануй!

(Богданъ стоитъ нерухомо).

Богунъ. Нечуте лыходійство!
Навмысно винъ поставывъ на крыло
Татарына, що ткавъ намъ нышкомъ пута,
Не на братывъ,—на Ирода звирявсь!
И отъ теперъ, якъ скоилося лыхо,
Ище повкы назадъ свои бере,
А насъ, бойцивъ, на смерть выдыму кыда!

Богданъ. О, добывай! Твоя рука тяжка...
Не те я хтивъ...

Богунъ. Про себе дбавъ, безумче?!
Иды-жъ, поглянь на те, що ты вчынывъ:
Братывъ-орливъ, зборонцивъ чесныхъ краю,
Зъ усихъ бокивъ укрылы ворогы,—
И зъ славою летять козачи души
До праведныхъ Небесъ... а ни одынъ
Не видступа й на крокъ видъ того пекла!

Богданъ. Орлы мои! О, проклятъ, проклятъ я!

Юрба козакивъ (*вбига*). Зновъ ворогивъ насунула тьма темъ!
Вже знемога у сичи наша сыла!

Богунъ. А! зрадныку! Продавъ есы Ляху
Черезъ татаръ и волю й Украину—
Здыхай же й самъ! (*Добува шаблю*).

Юрба. Смерть, смерть ему!

Ганна (*заступа Богдана*). Мене
Ты перше вбый, а потимъ вдарь у груды,
Яки за насъ винъ смерти пидставлявъ;
Вкрый соромомъ бездолля!!

Богунъ. Ни,—могылу!..
Теперъ—кинецъ!! (*Опуска шаблю*).

Богданъ (*рве на соби волосся*). О, розступыся, земле,
И проглыны у надра мене, пса,
Щобъ не бруднывъ и смитныцъ своимъ падломъ!
Я, проклятый и Небомъ, и людьмы!

Господь змицнывъ потугы намъ у брани,
А я... спьянивъ одъ славы и хотивъ
Тилькы соби украсты ласку Божу!
Слипый робакъ! Я въ думку соби взявъ,
Що самъ здийму на плечи Украину—
И нахопывсь на тысячи ноживъ...
Та ще вмишавъ до ныхъ и власни мукы...
Я мечъ збруднывъ? (*Лама*). Не гетьманъ бильше я!
(*Оголя перса*). Якъ ласкы жду—убыйте мене, друзи!
Вси. (*Зрушени*) Жывы, жывы, нашъ батьку!
Ганна. И веды
До прыстани Вкраину!
Богунъ. Твоя скорбъ
Знаймуе ще души велыку сылу:
Своій земли послужышъ ты... Браты!
За мною вси! На выручку Гетьмана!!
У! Дорого себе мы продамо!!

(Кыдается; за нымъ уси. Богданъ хытается; Ганна, рыдаючы, и цыганка его пиддержують).

(Зависа).

Апофеозъ.

(По спуску зависы музыка заразъ проводыть сумну мелодію, яка проясняется въ шыроку течію зъ народныхъ писень и розростается до цыро-народнёго гимна „Гей не дывуйте“... Тутъ зъявляется пышна жыва картына—„Переяслывсьска рада“).

Зависа.

М. П. Старицкій.

Кыивъ. 12 Сичня,
1896 р.

ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША.

2 февраля 1897 года, въ хуторѣ Матроновкѣ, близъ Борзны, скончался на 78 году отъ рожденія П. А. Кулишъ.

Въ 1882 году, спустя слишкомъ 20 лѣтъ послѣ смерти Т. Г. Шевченка, мнѣ удалось собрать по разнымъ періодическимъ изданіямъ отрывочныя свѣдѣнія о жизни поэта и напечатать полный, по возможности, сводъ матеріаловъ для его біографіи. Нынѣ я приступаю къ обнародованію матеріаловъ для біографіи другого украинскаго писателя—послѣдняго изъ славной тріады 40-хъ годовъ—спустя всего три мѣсяца послѣ его кончины, надѣясь, что мой посильный трудъ вызоветъ въ печати болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни покойника и его болѣе чѣмъ полувѣковой дѣятельности литературной.

На этотъ разъ я ограничусь сообщеніемъ свѣдѣній, касающихся юныхъ лѣтъ жизни П. А. Кулиша, для чего, помимо моего личнаго знакомства съ покойникомъ въ разные періоды его жизни, послужили мнѣ „Воспоминанія дѣтства“ самого П. А., составляющія III-й томъ Повѣстей, написанныхъ имъ въ Тулѣ, а также разсказы друга его, Ивана Филипповича Хильчевскаго.

П. А. Кулишъ родился 26 іюля 1819 года въ м. Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи. Дѣтство его, до поступленія въ училище, какъ видно изъ его „Воспоминаній“, протекло въ хуторѣ.

..."Кругомъ нашего хутора, говоритъ онъ, не было ни одного значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые пріобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто еще вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны. Я лишился матери (изъ фамиліи Гладкихъ) въ самомъ раннемъ возрастѣ и взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ меня, но утомлялъ чтеніемъ переплетеннаго въ кожу Державина и ариѳметическими задачами"...

На 10-мъ году мальчикъ былъ отвезенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ 30 верстахъ отъ Воронежа, для опредѣленія въ училище, помѣщавшееся въ одномъ и томъ же старомъ деревянномъ домѣ съ четырехклассною (тогда) гимназіей, и пристроилъ его на квартирѣ у своей старой знакомой—офицерской вдовы Хлопотыхи, въ Варваринскомъ приходѣ, довольно далеко отъ училища, до котораго по косогорамъ и промоинамъ добраться было не легко. Домикъ вдовицы, нахлобучивъ темную позеленѣвшую крышу, стоялъ на косогорѣ, подпертый со стороны оврага толстыми сваями. Сада при немъ не было, но за домомъ, на крутомъ оврагѣ, зеленѣлъ огородъ, напоминая сады Семирамиды. Невеселое обиталище! „Я предвидѣлъ много печальныхъ дней, говоритъ П. А. въ своихъ воспоминаніяхъ: когда я буду сидѣть одинъ у окна, глядѣть на глухой переулокъ и думать о нашемъ хуторѣ, о его зеленыхъ пригоркахъ и высокихъ дубахъ". Но ознакомившись поближе съ обитателями этого мрачнаго жилища, онъ утѣшился.

У Хлопотыхи была 16-лѣтняя дочь Ѳеклуша, дѣвица веселая и живая, да квартирантъ, солидныхъ лѣтъ чиновникъ уѣзднаго суда, посвятившій мальчугана въ особаго рода спортъ— „щупанье" или „печурованье" раковъ въ рѣкѣ Деснѣ и ея притокахъ. Живописное мѣстоположеніе Новгородъ-Сѣверска, напо-

минающее въ миніатюрѣ Кіевъ, произвело на воспріимчивую душу мальчика сильное впечатлѣніе. „Никогда, говоритъ онъ, я не могъ равнодушно видѣть этой рѣки, въ багрянцѣ запада колеблющейся легкими струями, какъ живое золото. Чудно мѣнялся въ ея всколыханномъ зеркалѣ опрокинутый пейзажъ города“.

Такъ какъ мальчикъ былъ нѣсколько подготовленъ дома, то онъ счастливо избѣжалъ „первѣйшаго“ (приготовительнаго) класса, съ его свирѣпымъ учителемъ Ильею Семеновичемъ и поступилъ прямо въ первый классъ повѣтоваго училища, гдѣ преимущественно священнодѣйствовалъ смиренный наставникъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію Бруль, преподавая четыре предмета: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. Здѣсь Кулишъ особенно сблизился, до дружескихъ отношеній, съ Діонисіемъ Подпружниковымъ, года на два старше его, который снабжалъ его книжками и разсказывалъ весьма занимательныя исторіи. Хотя П. А. для успѣшнаго прохожденія премудростей 1-го класса, казалось, довольно подготовленъ былъ дома, но для того, чтобы угодить Я. Я—чу, требовалось кое-что иное. Достаточные родители, при возвращеніи дѣтей съ каникулъ и праздничныхъ отпусковъ, дѣлали ему разные подарки, главнымъ образомъ живностію и мучицей. Это называлось у насъ: побывать у г. учителя съ почтеніемъ, что не преминулъ учинить и батюшка Кулиша; послѣ чего ученіе мальчика пошло какъ по маслу.

При поѣздкахъ въ отпуски П. А. лишенъ былъ удовольствія счастливцевъ-товарищей—возвращаться въ объятія матери, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ за учебниками. Скучному училищному быту, одинокой жизни дома и отсутствію материнскихъ ласкъ П. А. приписывалъ раннее развитіе въ себѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердце.

Но вотъ прошелъ и годъ послѣ вступленія мальчика въ училище, и такъ какъ онъ изучилъ до послѣдней цифры все, что было написано для 1-го класса въ „синей тетрадкѣ“ Я. Я—ча, извѣстной у насъ подъ названіемъ „ариѳметички“, то его перевели во второй классъ, но въ этомъ классѣ „синяя тетрадка“ заговорила такимъ темнымъ языкомъ, что нашъ Панько очутился

въ числѣ послѣднихъ учениковъ. Дѣло въ томъ, что первыя четыре дѣйствія были ему достаточно извѣстны еще дома, въ хуторѣ: не даромъ онъ исписалъ два грифеля, сидя надъ задачами; а когда дошло дѣло до дробей, то въ цѣломъ классѣ г. учителю могъ удовлетворительно отвѣчать одинъ только Діонисій Подпружниковъ, вызубрившій до послѣдней цифры все, содержимое въ синей тетрадкѣ, чего не могъ достигнуть Кулишъ, не обладавшій въ дѣтствѣ механической памятью, и потому онъ у Я. Я—ча находился на худомъ счету. Но заботливый родитель и тутъ поспѣшилъ къ нему на помощь. Чтобы поправить дѣло, другого средства не оставалось, какъ ублажить учителя. Отцу и удалось упросить Я. Я—ча принять мальчика на квартиру, предложивъ ему третью часть получаемаго имъ жалованья, т. е. 116 руб. асс. въ годъ, да разной провизіи на 100 руб. асс.; при чемъ условлено было: пройти съ Панькомъ 2-ю часть ариѳметики, упражнять его въ нѣмецкомъ языкѣ и заниматься съ нимъ рисованіемъ. И началась для мальчика совершенно иная жизнь.

Домъ Игнатьева стоялъ, что называется, *на отшибѣ*. По обѣимъ сторонамъ его шли улицы безъ домовъ, а сзади былъ глубокій оврагъ, поросшій орѣшникомъ, за которымъ видны были на далекое разстояніе поля. Въ домѣ, кромѣ хозяина и такой же старой сестры его Марѳуши, никого не было, и живому, впечатлительному отъ природы мальчику пришлось проводить время съ этими двумя холодными и черствыми существами, вдали отъ товарищей—точно какъ бы его посадили подъ строгій караулъ. Но какъ бы то ни было, а успѣхи П. А., подъ руководствомъ Я. Я—ча, пошли быстро.

Хотя мы съ Кулишомъ учились одновременно въ одномъ и томъ же заведеніи, но ни въ одномъ классѣ намъ не пришлось сидѣть вмѣстѣ, по той причинѣ, что въ то время, когда я съ великимъ трудомъ преодолѣвалъ „первѣйшій классъ“, онъ поступилъ въ первый и потомъ ушелъ отъ меня впередъ почти на два года. Такъ что, когда я перешелъ въ IV классъ, онъ оканчивалъ уже V. Тамъ онъ пріобрѣлъ между товарищами репутацію сочинителя и искуснаго рисовальщика. Его разсказы изъ быта воронежскихъ обывателей и изъ народныхъ легендъ родного

хутора, изъ которыхъ нѣкоторыя, переработанныя, впослѣдствіи попали въ „Кіевлянинъ“ М. А. Максимовича, предсказывая въ немъ будущаго бытописателя. Кромѣ того, Кулишъ до страсти предавался рисованію, а такъ какъ учитель Кирилловъ, по прозванію Шата и самъ недалеко ушелъ въ этомъ предметѣ, то П. А. съ товарищемъ своимъ по классу, Семеномъ Глотовымъ, заключили союзъ взаимопомощи: Глотовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жанристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, подъ предлогомъ болѣзни, цѣлую недѣлю, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы. Плодомъ такихъ упражненій было не малое количество акварелей, ходившихъ по рукамъ между учениками; а у преподавателя латинскаго языка І. А. Самчевскаго висѣла въ гостинной большая картина подъ стекломъ, представлявшая городъ Новгородъ-Сѣверскъ, нарисованная Глотовымъ съ соборной колокольни a vol d'oiseau.

Такъ какъ искусство рѣдко уживается съ наукой, то нашъ Кулишъ, увлекшись живописью и сочинительствомъ, не могъ успѣвать въ наукахъ и окончилъ свое гимназическое образованіе пятымъ классомъ. Это случилось въ 183⁵/₆ году.

Увольнившись изъ гимназіи, П. А. не вернулся къ отцу, а сталъ искать кондиціи у помѣщиковъ, чтобы заработать денегъ и поступить въ университетъ, что у насъ не рѣдко практиковалось между бѣдняками, не разсчитывавшими на родительскую помощь. По тогдашнимъ правиламъ воспитанникъ среднеучебнаго заведенія, не окончившій полнаго курса, могъ поступить въ университетъ по экзамену, но не иначе, какъ по истеченіи такого времени, какое требовалось для окончанія полнаго курса, а такъ какъ Кулишъ вышелъ изъ V класса, то онъ имѣлъ право поступить въ университетъ не ранѣе двухъ лѣтъ. И вотъ, проживая впродолженіе этого времени по деревнямъ у помѣщиковъ, въ качествѣ домашняго учителя [1]), подготовляя дѣтей къ вступ-

---

[1]) Такъ, намъ извѣстно, что П. А. Кулишъ былъ въ этотъ періодъ, между прочимъ въ домѣ помѣщика А. Ильяшенка.—*Ред.*

ленію въ училище, онъ и самъ готовился къ экзамену въ университетъ; предаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимой страсти къ собиранію пѣсенъ и народныхъ преданій, а входя такимъ способомъ въ общеніе съ народомъ, онъ имѣлъ полную возможность достигнуть глубокаго знанія народной жизни и языка, которымъ владѣлъ впослѣдствіи въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему украинскихъ писателей (кромѣ, разумѣется, Шевченка).

Въ архивныхъ бумагахъ б. лицея кн. Безбородка остались слѣды пребыванія Кулиша, въ качествѣ канцелярскаго чиновника, въ лицейскомъ правленіи около $183^7/_8$ года, при директорѣ Экебладѣ.

Въ 1839 году, какъ извѣстно, былъ вновь открытъ университетъ Св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя и выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но, по недостатку документа о дворянскомъ его происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. Лишенный такимъ образомъ университетскаго образованія, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. Д. Носу, онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: „Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, да мій панотець зиставсь десятолиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію, колы и я отъ ничого не вдіявъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той що не схотивъ бачиты риднои матери, злыденнои вдовыци-попади и выславъ ій 25-рублевый папирець,—прысипавсь до мене, щобъ дворянській протоколъ написано б. въ Черныгови на мое, а не на панотцеве имъя, а поки що не дозволывъ мени слухаты дальше лекціи, а я, pecuniarum causa, не мигъ узяты на себе „гиркои по судахъ волокиты“.

Въ 1840 году наступила и моя очередь поступить въ университетъ. Пріѣхавъ въ Кіевъ по Днѣпру на лодкѣ изъ остерскаго уѣзда, я присталъ на Подолѣ напротивъ Бурсы и, оставивъ свою мизерію подъ надзоромъ моего случайнаго спутника Грицяя, отправился на Печерскъ искать земляковъ. Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и

П. О. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ— простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія"—повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина"—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извощика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день поутру мы съ П. А. отправились искать квартиру. Небогатое студенчество большею частію ютилось тогда на Провальѣ (что нынѣ за Удѣльною конторой)—небольшомъ фольваркѣ, находившемся вблизи университета, при спускѣ къ Днѣпру, и состоявшемъ тогда изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ-то мы и нашли квартиру за 25 руб. асс. въ мѣсяцъ съ малороссійскимъ борщомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья.

Между тѣмъ землякъ мой, не будучи въ состояніи добыть требуемый ректоромъ документъ, находясь около двухъ лѣтъ въ весьма неопредѣленномъ положеніи и сверхъ того, необезпеченный матеріально, по необходимости долженъ былъ оставить университетъ, получивъ, по рекомендаціи б. ректора Максимовича, въ 1842 году должность преподавателя русскаго языка въ Луцкомъ дворянскомъ училищѣ. Тамъ молодой человѣкъ сошелся съ учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ. Будучи на 10 лѣтъ моложе своего сослуживца, П. А. былъ ему многимъ обязанъ и въ матеріальномъ и въ умственномъ отношеніи, найдя въ немъ опытнаго руководителя и друга.

Во время кратковременнаго пребыванія въ Луцкѣ, Кулишъ, при своихъ громадныхъ способностяхъ, пріобрѣлъ массу научныхъ свѣдѣній. Большая училищная библіотека, обогащенная конфискованными, по распоряженію генералъ-губернатора Бибикова, библіотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣд-

кими изданіями и состоявшая изъ 15,000 томовъ, весьма много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недоконченнаго образованія. Въ библіотекѣ между прочимъ находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ. По свидѣтельству Хильчевскаго, Кулишъ пріѣхалъ въ Луцкъ съ весьма жалкими познаніями во французскомъ языкѣ [1]), но по истеченіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ онъ сталъ свободно читать Вальтеръ Скотта и въ подражаніе его роману „Карлъ Смѣлый“ тогда же началъ писать свой собственный историческій романъ „Михайло Чернышенко“. П. А. изумлялъ Хильчевскаго необыкновенной быстротой и легкостью литературныхъ работъ своихъ: впродолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ исписывалъ цѣлыя страницы изящнымъ почеркомъ, безъ малѣйшихъ помарокъ. Не менѣе удивлялъ онъ своего пріятеля и искусствомъ передавать бумагѣ разныя житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ. Такъ, однажды, во время прогулки, друзьямъ встрѣтилось семейство полковника Д—ва. Какъ самъ полковникъ, такъ и все его семейство было весьма малаго роста. Вернувшись съ прогулки, П. А. нарисовалъ ихъ всѣхъ въ видѣ курочекъ-корольковъ, предводимыхъ пѣтушкомъ и подписалъ: „Луцкая миніатюрная аристократія“.

Между знакомыми Хильчевскаго было не мало поляковъ, съ которыми онъ, подъ давленіемъ уѣздной скуки, скоро сблизился, познакомивъ съ ихъ семействами и своего юнаго сослуживца, который и жилъ вмѣстѣ съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша, среди серьезныхъ умственныхъ занятій, давала ему возможность находить время и для развлеченій. Влюбился онъ, на весьма впрочемъ короткое время, разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ №№ 1 и 2, недоумѣвая, какому изъ этихъ номеровъ отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому, ему приглянулся № 1—племянница

---

[1]) Не зналъ онъ, при поступленіи на службу, и другихъ иностранныхъ языковъ; потомъ изучилъ: англійскій, нѣмецкій, итальянскій, испанскій, всѣ почти славянскіе языки, и изъ древнихъ-латинскій и древне-еврейскій.

бывшаго профессора химіи въ университетѣ Св. Владиміра Эмерита Зиновича, доживавшаго свой вѣкъ въ Луцкѣ.

Кулишъ, по словамъ Хильчевскаго, своею обаятельною личностію воскрешалъ для него родную Малороссію. Говорилъ онъ постоянно чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ, какимъ въ ополяченномъ краѣ не говорилъ никто. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполнѣ счастливыми и довольными судьбой.

Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни въ скромномъ уѣздномъ городкѣ продолжалось не долго. Въ срединѣ года въ луцкое дворянское училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глибовскій, изъ Чернигова, по протекціи родственника И. Г. Кулжинскаго, директора Клеванской гимназіи (переведенной потомъ въ Ровно). Несимпатичная и невѣжественная личность новаго начальника поселила между педагогами разладъ. Особенно ожесточенную войну повелъ съ смотрителемъ *горячій* и нетерпѣливый Кулишъ [1]).

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе библіотекарю Хильчевскому, что онъ оставляетъ въ библіотекѣ по цѣлымъ днямъ Кулиша одного. Помимо всего этого, учителя открыли въ своемъ начальникѣ весьма неблаговидныя качества: онъ бралъ взятки и отъ родителей учениковъ, и отъ квартиросодержателей. Не стерпѣвши такого безобразія, педагоги отправили попечителю кн. Давыдову коллективную просьбу—избавить училище отъ такого позора. Результатъ этой просьбы былъ тотъ, что Глибовскаго куда-то убрали, но вслѣдъ за тѣмъ Хильчевскаго деградировали по службѣ, перемѣстивши его изъ дворянскаго Луцкаго въ Роменское уѣздное училище, (куда онъ впрочемъ не поѣхалъ подъ предлогомъ сдачи библіотеки, и былъ переведенъ чрезъ полгода въ Черно-Островское дворянское училище), а Кулиша перевели въ Кіево-Подольское дворянское училище, и онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего лишь одинъ годъ. Но и въ Кіевѣ служба его

---

[1]) „Я не люблю горячого кулишу!"—состриль Глибовскій.
—„Бо собаки не люблять горячого"—отпарировалъ ему П. А.

продолжалась не долго; въ недалекомъ будущемъ его ожидала профессорская кафедра въ университетѣ Петербургскомъ. Но... не такъ воно склалось, якъ ждалось...

Ректору Петербургскаго университета П. А. Плетневу понадобился учитель русскаго языка для студентовъ-инородцевъ, и, по рекомендаціи помощника попечителя кіевскаго учебнаго округа М. В. Юзефовича, должность эта предложена была Кулишу. При письмѣ своемъ къ Плетневу Юзефовичъ приложилъ 5 главъ ненапечатаннаго еще романа „Чорная Рада", какъ доказательство совершеннаго знанія русскаго языка рекомендуемымъ лицомъ.

По пріѣздѣ въ столицу, П. А., до пріисканія квартиры, поселился у Плетнева, который просто очарованъ былъ его личностію. Въ письмѣ своемъ къ К. Я. Гроту онъ отзывается о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ: „милый молодой человѣкъ, интересный и наружностію, и чистотою души, и умомъ".

Настоящая служба въ столицѣ П. А. считалась въ пятой гимназіи съ жалованьемъ 2250 р. ас., да отъ университета ему было назначено 1200 р. ас. Въ такихъ условіяхъ прошло около двухъ лѣтъ. Затѣмъ въ началѣ 1847 года состоялась командировка Кулиша заграницу для изученія славянскихъ языковъ; но до отъѣзда онъ завернулъ въ Малороссію и женился въ хуторѣ Мотроновкѣ на сестрѣ своего университетскаго товарища Александрѣ Михайловнѣ Бѣлозерской и съ молодой женой отправился въ путь черезъ Варшаву. Между тѣмъ въ это самое время въ Кіевѣ разыгралась Кирилло-Меѳодіевская драма, и нашъ Кулишъ, не доѣхавъ до границы, арестованъ въ Варшавѣ и по опредѣленію слѣдственной коммиссіи сосланъ на жительство въ Тулу, гдѣ пробылъ около четырехъ лѣтъ.

М. Чалый.

НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ.

(изъ путевыхъ замѣтокъ).

Часть долины нижняго Днѣпра, извѣстная подъ названіемъ „Великаго луга“ вмѣщаетъ много слѣдовъ прошлой судьбы примыкающихъ южнорусскихъ степей. Найболѣе выразительными и близкими для насъ являются здѣсь остатки Запорожской старины.

Излагаемый ниже матеріалъ о выдающихся остаткахъ старины въ области „Великаго луга“ распредѣляется въ порядкѣ достопримѣчательныхъ мѣстностей въ части Запорожья, исключительно по берегамъ Днѣпра ниже г. Александровска (екатеринославской губ.). Очагами Запорожской старины, естественно, являются здѣсь мѣста Запорожскихъ сѣчей.

Въ настоящемъ отрывкѣ „изъ путевыхъ замѣтокъ“ мы сообщимъ видѣнное и слышанное нами около 10 лѣтъ тому назадъ, по возможности въ связи съ живой средой, хранящей слѣды прежняго быта...

Отъ г. Александровска до г. Никополя оба берега Днѣпра отличаются довольно монотоннымъ характеромъ. Правый сравнительно высокій берегъ лишь изрѣдка пересѣкается широкими ложбинами балокъ, лишенныхъ здѣсь обычной красоты рѣчныхъ долинъ. Только изрѣдка замѣчаетъ глазъ на правомъ „козацкомъ“ берегу старые, подавшіеся подъ бременемъ лѣтъ, еще „запорожскіе“ дубы. Лѣвый берегъ Днѣпра представляетъ здѣсь

почти сплошное море бѣлаго съ желтоватымъ отливомъ песку. Мертвымъ представляется это „татарское" побережье между синимъ небомъ и могучимъ Днѣпромъ, шумно катящимъ волны и богатырски роющимъ лѣвый берегъ.

Высадившись въ Никополѣ, прежде всего мы добивались до мѣста „Мыкытыного Рога", на которомъ, по мнѣнію изслѣдователей Запорожья, была Запорожская сѣчъ. Съ однимъ Никопольскимъ старикомъ матросомъ пришли мы на высокій берегъ днѣпровскаго протока Орловой и узнали, что мѣста, гдѣ стояли кошемъ древніе козаки, уже нѣтъ теперь, такъ какъ оно размыто Днѣпромъ: „вода забрала"; старикъ еще помнитъ холмикъ надъ кручею съ небольшой капличкой на мѣстѣ старой Запорожской церкви [1]). На томъ мѣстѣ давно уже бушуютъ волны глубокаго Днѣпровскаго протока, всякій годъ все дальше размывающаго высокій Никопольскій берегъ. О подробностяхъ жизни запорожцевъ на Микитиномъ Рогѣ нашъ собесѣдникъ ничего интереснаго не сообщилъ намъ, выражая сожалѣніе и какъ бы оправдываясь передъ нами, что „замолоду" онъ не вслушивался въ разсказы своего дѣда про Запорожцевъ. Передалъ онъ довольно распространенныя въ этихъ мѣстахъ и неоднократно записанныя уже легенды о храбрости и неустрашимости запорожцевъ, о богатствѣ края въ то время, когда они здѣсь жили, и проч.

Но всѣ эти разсказы, неотличающіеся опредѣленностью сопровождались осторожнымъ старикомъ вставками: „кажуть люды, а Богъ ёго зна, як воно було".

На пути къ окопамъ въ юго-восточной части Никополя на городскомъ выгонѣ обращаетъ на себя вниманіе огромный, крутой курганъ.

Курганъ этотъ, одинъ изъ 12 расположенныхъ въ безпорядкѣ на высокой плоскости почти надъ самымъ Днѣпромъ, называется „Высокою могылою". Курганъ дѣйствительно высокъ достигая черезъ вершину 120-ти шаговъ. Съ вершины его от-

---

[1]) Нынѣшняя Никопольская церковь, уже очень ветхая, построена въ 1792 году.

крывается необыкновенно широкій горизонтъ: отсюда видны Старая сѣчь, Каменный затонъ, огромное Бѣлое озеро и крутая гора Мамай-Сурка, кажущаяся съ вершины кургана грандіознымъ трезубцемъ; огромное пространство Великаго луга съ густою сѣтью безчисленныхъ Днѣпровскихъ протоковъ, видно отсюда, какъ на ладони. Стоя на вершинѣ этого кургана, понимаешь не только его похоронное, но и стратегическое значеніе въ ту пору, когда сосѣднія степи кипѣли войной. Пригоднымъ въ стратегическомъ отношеніи могъ быть этотъ курганъ и въ то время, когда близъ Никитиного Рога стоялъ козацкій лагерь въ гетманство Самойловича.

Слѣды, правдоподобно, этого послѣдняго лагеря и уцѣлѣли до нашихъ дней нѣсколько въ сторону на юго-западъ отъ описаннаго кургана, на мѣстѣ Никопольскаго кладбища. Мѣсто, занятое окопами, тянется, насколько намъ удалось прослѣдить, на протяженіи 1½—2 квадр. верстъ. Окопы представляютъ осунувшіяся малозамѣтныя насыпи съ такими же рвами. Схему окоповъ, во многихъ мѣстахъ покрытыхъ густымъ „вишникомъ" и мѣстами совсѣмъ прерывающихся подъ различными вліяніями въ 2 протекшія столѣтія, опредѣлить теперь довольно трудно. Впослѣдствіи мы нашли лишь описаніе этихъ окоповъ, напечатанное о. Карашнымъ въ „Трудахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей.

При содѣйствіи мѣстнаго священника была осмотрѣна нами утварь Никопольской церкви, въ которой сохранилось довольно много предметовъ отъ времени Запорожья. Предметы эти много разъ уже описывались, какъ и тѣ „сволоки" изъ запорожскихъ куреней, которые до настоящаго времени уцѣлѣли въ двухъ хатахъ Никопольскихъ старожиловъ. Перемѣщеніе значительной части церковной утвари изъ сѣчевой церкви въ Никопольскую, а также и сѣчевыхъ построекъ въ Никополь побуждаютъ заключать, что Никополь послѣ атакованія Покровской сѣчи и бѣгства запорожцевъ за Дунай сдѣлался важнѣйшимъ центромъ оставшагося на мѣстѣ козачества.

Изъ Никополя лежалъ намъ путь на мѣсто Новой Сѣчи (Покровской), отстоящей отъ этого города верстъ на 20. Прохо-

дили мы сперва черезъ село Лопанку, тянущуюся въ длину верстъ на 7. За Лопанкой дорога въ Покровское идетъ привольною, слегка холмистою, степью, усѣянною многочисленными небольшими курганами. При входѣ въ Покровское, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе каменный крестъ, поставленный надъ могилою кошевого Степана Гладкаго. Въ усадьбѣ церковнаго дома находился остатокъ старины запорожской: намъ здѣсь показали не глубокую, почти доверху засунувшуюся яму на мѣстѣ стоявшей здѣсь Сѣчевой пушкарни. Былъ съ нами и церковный староста, старикъ съ сѣдой бородой и длинными, совершенно бѣлыми волосами, напоминавшій своимъ лицемъ „ликъ", какіе встрѣчаются на иконахъ старинныхъ иконописцевъ. Старикъ этотъ разсказывалъ намъ: что мы стоимъ на мѣстѣ той самой „ямы", въ которой заключались провинившіеся сѣчевики по приговорамъ старшинъ. Въ Покровской церкви съ особымъ почетомъ хранятся кіотъ, сооруженный отаманомъ Брюховецкаго куреня Василіемъ Шиломъ въ 1769 г., небольшая икона Покрова Богоматери, со святыми въ одеждѣ запорожцевъ, какъ и въ Никопольской церкви, и 5 „стояновъ" у западной церковной стѣны, предназначавшихся нѣкогда для стоянія въ церкви сѣчевыхъ старшинъ [1]) Сохранилось много ризъ, подризниковъ и другихъ церковныхъ облаченій, оставшихся еще отъ времени запорожцевъ. На хорахъ сложены старыя запорожскія иконы безъ всякихъ слѣдовъ живописи, разрушенной временемъ; здѣсь находятся остатки самыхъ древнихъ ризъ, а также старые желѣзные подсвѣчники, деревянныя тарелки и прочая очень древняя утварь. Изъ этихъ остатковъ старины останавливается вниманіе между прочимъ на листѣ въ деревянной рамкѣ, гдѣ написаны ноты съ текстомъ церковной пѣсни: „О тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь". Надъ этимъ пылью покрытымъ листомъ бумаги нѣкогда трудился какой-нибудь старецъ, учитель Сѣчевой школы, для того, чтобы торжественно выставлять ее передъ хоромъ пѣвчихъ въ Сѣчевой церкви.

---

[1]) Стояны—полушкафы съ круглымъ вырѣзомъ въ верхней доскѣ высотою около 2 арш.

Прощаясь съ нами, церковный староста задумчиво спросилъ: „Такъ вы, панычи, Запорожье прыйшлы одшукувать?“. Мы промолчали, а старикъ продолжалъ: „То-то й писня йе старынна: „Сплюндрувалы Запорожье, а колысь буде треба“. По указанію церковнаго старосты отправились мы на мѣсто древней сѣчевой церкви, занятое въ настоящее время огородомъ одной крестьянской семьи, въ которой по словамъ старосты была словоохотливая старуха, хранившая въ своей памяти Запорожскія преданія.

Прійдя и расположившись подъ хатой на отдыхъ, въ огородѣ завидѣли мы „каплицу“, какія обыкновенно ставятся на мѣстахъ престоловъ прежде существовавшихъ церквей. Скоро подошла къ намъ старуха, державшаяся, какъ хозяйка „осели“. Поздоровавшись, мы вынуждены были прежде всего разувѣрять нашу собесѣдницу, что мы не гробокопатели. Дѣло въ томъ, что покровскіе жители при нашемъ появленіи въ село приняли насъ за гробокопателей, вспоминая пребываніе здѣсь нѣкоторыхъ туристовъ, раскопавшихъ нѣсколько запорожскихъ могилъ.

Старуха повела насъ къ капличкѣ, тщательно выбѣленной, съ заново-выкрашенной желѣзной крышей, и вообще содержимой съ большимъ вниманіемъ.

„Пидъ велыкый праздныкъ и покадыло тутъ, а литомъ Богу помолымось“, говорила старуха, когда мы остановились у каплицы.

Въ разговорѣ со старухой заинтересовало насъ частое употребленіе качественнаго прилагательнаго „бравый“. Придавала она ему значеніе хорошаго, прочнаго, дорогаго и во многихъ другихъ положительныхъ смыслахъ. Очевидно, слово это на мѣстѣ былой сѣчи—прямое наслѣдіе „браваго“ козачества. На это козачество подъ конецъ и перешелъ разговоръ. Но въ памяти старухи остались только смутные обрывки тѣхъ сказаній, какія когда то приходилось ей слышать о запорожцахъ. Вотъ одинъ изъ подобныхъ отрывковъ: „Найшло москаля, якъ травы. Тоди въ кручу на Пидпыльни такы мализлы тры козакы, тай перекыдають бомбы одынъ другому, а дали и кажуть кошовому:

позволь, батьку—отамане, москаля протурыты. А винъ не позволывъ,—тай то й не стало запорожья".

По указанію старухи отправились мы въ одну усадьбу, гдѣ должны были найти слѣды запорожскаго вала. Напасть на эти слѣды было не трудно, такъ какъ и теперь валы эти довольно высоки. Мы обратились къ хозяину одной изъ хатъ, примыкавшей къ мѣсту, гдѣ валъ этотъ найлучше сохранился. Новый нашъ собесѣдникъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, разсказалъ намъ, что въ этихъ валахъ находятъ много бомбъ, мѣдные „гузи" (пуговицы), гончарныя люльки, различныя пряжки и т. д.

О запорожцахъ и этотъ нашъ собесѣдникъ не умѣлъ разсказать что нибудь законченное и правдоподобное. „Характерныки булы запорожци, кажуть стари люде,—та таки, що посли ихъ и на свити не стало тыи поведенціи: простелють було свыту на Пидпильній, поставлять барыло зъ горилкою и коряки заберуть,—сядуть кружкомъ на свыти, плывуть куды треба, и горилку пьють. Отаки булы запорожци,—вони щось зналы".

Назначеніе осматриваемыхъ валовъ было ясно: эти валы, огибая мѣсто Старой Сѣчевой церкви на недалекомъ отъ него разстояніи, обоими концами опирались въ рѣку Пидпильну; очевидно, это были валы, окружавшіе внутренній городокъ Сѣчи. Подъ конецъ обслѣдованія вала мы заговорили о томъ, что хорошо было бы провести конецъ дня у кого нибудь изъ селянъ, чтобы услышать воспоминанія о запорожцахъ и старинныя козацкія пѣсни. Долго перебиралъ нашъ собесѣдникъ въ памяти покровскихъ пѣвцовъ, и наконецъ остановился на Дубыныхѣ.—„Ота заспивае, якъ схоче,—тамъ такыхъ щырыхъ запорожскихъ писень знае, що и дидъ теперь мало якый знае; и гласомъ Богъ надилывъ, по батькови,—такый спивака бувъ покойный, що вславывся на всю округу. Дубыныха, бачте, мени родычкою додоводытся, то часомъ въ кумпанстви прыходылось писень іи чуты... Та чи розбере іи охота спивать въ Петривку?".

Пошли попытать счастья.

Дубыныха—вдова, мать большой семьи. Просторная хата, комора изъ брусьевъ, 2 повитки въ глубинѣ двора свидѣтель-

ствовали объ умѣньи Дубыныхы справляться съ хозяйствомъ; да это видно было и по ея энергичному лицу. Мы пришли въ то время, когда хозяйка занята была приготовленіемъ борошна для печенья хлѣба на другой день. Это въ селѣ важное дѣло, при которомъ не обращаютъ вниманія на случайныхъ гостей. Не записали мы отъ Дубыныхи ни одной пѣсни; по случаю поста она наотрѣзъ отказалась пѣть, а разсказывать пѣсни на словахъ она не могла, такъ какъ пѣсенныя слова она легко припоминала только при пѣніи.

Поздно вечеромъ мы возвратились въ гостепріимный домъ священника. На другой день мы осматривали бывшую запорожскую бухту, находящуюся неподалеку отъ церкви. Въ настоящее время—эта бухта представляетъ круглое саженей 50 въ діаметрѣ озеро, обмелѣвшее отъ ежегоднаго замуливанія; но узкій протокъ и теперь соединяетъ этотъ слѣдъ бухты съ рѣчкою Пидпильною, такъ что общее очертаніе бухты вполнѣ сохранилось,—маленькій каючокъ и теперь изъ Пидпильной свободно проходитъ черезъ узкій, неглубокій протокъ въ бывшую сѣчевую гавань, куда въ былыя времена заходили и суда греческихъ купцовъ, приплывавшихъ изъ-за моря. Отсюда въ каюкѣ по Подпильной отправились мы въ городище, находящееся близь Покровскаго въ великомъ лугѣ. Городище очень старинное; такъ прозвали эту мѣстность съ незапамятныхъ временъ.—(Чертевъ А., Новая Сѣчь). Городище находится на островѣ, который обтекаетъ съ двухъ сторонъ рѣчка Пидпильна, дѣлающая здѣсь крутой поворотъ на западъ, съ третьей стороны къ острову примыкаетъ протокъ „Похылова ричка“, соединяющая Пидпильну и Базавлукъ, а съ 4-й—узкій въ настоящее время безъименный протокъ, соединяющій Пидпильну съ Похыловой. Островъ этотъ занимаетъ площадь десятинъ въ 50, представляя на большую половину низменность, обыкновенно заливаемую въ весеннее половодье. Остальная часть острова, къ которой и относится названіе „городище“, довольно возвышенна; эта часть острова выступаетъ постепенно поднимающимся мысомъ въ безъименный протокъ между Пидпильною и Похыловою. На возвышенности находится группа небольшихъ могилокъ, по величинѣ не отли-

чающихся отъ обыкновенныхъ могилъ на теперешнихъ кладбищахъ, кромѣ одной, разъ въ 6 большей, чѣмъ современныя могильныя насыпи. Другихъ слѣдовъ пребыванія людей на островѣ нѣтъ. Ни теперь, ни въ прежнее время, сколько запомнятъ Покровскіе старожилы, не находили здѣсь никакихъ остатковъ старины. Наибольшая могила разрыта кладоискателями, но могильныя кости, правдоподобно, не выброшены,—выбрасывать кости изъ могилъ считается здѣсь тяжкимъ грѣхомъ, и если въ поискахъ за кладомъ докапываются до костей, то обыкновенно немедленно снова ихъ зарываютъ. Это городище не описывается ни въ одномъ изслѣдованіи, можетъ быть, потому, что на немъ не сохранилось никакихъ остатковъ далекой старины (могилы на городищѣ могутъ относиться къ позднѣйшему періоду запорожья). Но городище это стоитъ вниманія изслѣдователей: быть можетъ, этотъ островъ, лежащій между Пидпильной и Базавлукомъ, и есть тотъ самый Базавлукъ, на которомъ Эрихъ Лассота нашелъ въ 1594 г лагерь запорожцевъ.

Изъ городища черезъ великій лугъ мы направились на Базавлукъ съ тѣмъ, чтобы побывать на старожитномъ запорожскомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ с. Грушевка херсонскаго уѣзда. По дорогѣ предположено было завернуть въ одну плавню въ глубинѣ великаго луга, гдѣ сидѣлъ при рыбномъ заводѣ самый старый дѣдъ изъ покровскихъ стариковъ. „Керовнычый" нашъ, не смотря на свои 14 лѣтъ, оказался большимъ знатокомъ безчисленныхъ протоковъ въ великомъ лугѣ, и каюкъ, искусно направляемый, быстро скользилъ по водѣ изъ одного протока въ другой подъ зелеными вербами, сплошь почти покрывающими низкіе плавневые острова. Мы причалили къ небольшому острову. Возлѣ куреня на солнышкѣ грѣлся сѣдой дѣдъ Иванъ Покотыло, на поиски котораго мы и отправились въ плавни.

Дидъ Покотыло пѣть не могъ по старости, а словами пересказалъ намъ двѣ пѣсни особенно любимыя на быломъ запорожьи: „Ой изъ-за горы, зъ лыману витеръ повивае" и „Ой, Боже жъ нашъ мылостывый, що намъ, братця, теперъ наробылы".

Немного спустя мы были уже за Базавлукомъ въ селѣ Грушевкѣ. Направились мы къ хатѣ крестьянина Ханенка, въ

усадьбѣ котораго осмотрѣли каменный крестъ надъ братчикомъ Григоріемъ Никитовичемъ. Видѣли здѣсь и другой запорожскій крестъ, стоящій нынѣ на старомъ кладбищѣ. Грушевцы тоже приняли насъ за кладоискателей, допуская, что мы пришли изъ-за Дуная, такъ какъ теперь разстояніе не можетъ служить препятствіемъ: „желизный кинь скоро домчыть". Убѣдить въ дѣйствительной цѣли нашего прибытія на запорожское „кышло" намъ не удалось, и старинной козацкой сабли, хранившейся у одного здѣшняго жителя намъ не показали, повидимому, изъ опасенія, что-бы она не была нами отобрана, что, къ сожалѣнію, случалось здѣсь съ древностями, особенно, если на слѣды ихъ нападалъ кто-нибудь изъ чиновниковъ. Въ семействѣ, гдѣ мы тщетно справлялись о козацкой саблѣ, былъ старикъ, которому считали больше ста лѣтъ. Старикъ этотъ еще свободно двигался, но могъ только дѣтей няньчить. За этимъ занятіемъ мы и застали его въ садикѣ за хатою. Когда заговорили со старикомъ, онъ какъ будто не понималъ насъ. Только спустя нѣкоторое время старикъ началъ отвѣчать на наши вопросы. Заговорили, наконецъ, о запорожцахъ. Лицо старика засвѣтилось радостью, рѣчь оживилась, и онъ долго разсказывалъ намъ о мести запорожцевъ Савѣ Чалому за руйнованье запорожскаго „гарду", о походахъ козацкихъ въ Польшу, объ удали запорожцевъ, о богатой добычѣ, съ какой они назадъ возвратились въ свое Запорожье. Рѣчь старика сопровождалась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ речитативомъ текста изъ козацкихъ думъ и пѣсенъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда еще служила ему память, онъ былъ, по словамъ пожилаго уже его сына, большимъ знатокомъ старинныхъ пѣсенъ и мастеромъ пѣть ихъ. Мы вслушивались съ огромнымъ интересомъ въ это едва внятное пѣніе, переполненное самымъ глубокимъ чувствомъ.

На слѣдующій день былъ осмотрѣнъ нами наружный сѣчевой валъ, защищавшій Сѣчь со стороны степи,—онъ тянется на краю нынѣшняго села Покровскаго, верстахъ въ 2 отъ мѣста старой сѣчевой церкви.

Мы двигались дальше за село по направленію къ плавнѣ (на сѣверо-западъ), куда привлекали насъ слѣды запорожскаго

зимовника у огромнаго стараго дуба, единственнаго на всемъ побережьи покровской плавни. Подъ дубомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была землянка, можно видѣть теперь почти засунувшуюся отъ времени яму, поросшую крапивою и камышемъ; вблизи этой ямы находится другая продолговатая, вѣроятно, слѣдъ погреба для пчелъ. Вокругъ этой мѣстности растетъ много старыхъ дикихъ грушъ и замѣтны пни когда-то росшихъ здѣсь яблонь. По дорогѣ встрѣтили мы объѣздчика, который и разсказалъ намъ преданіе объ этомъ зимовникѣ. Преданіе это довольно типично, какъ легенда о кладѣ, и мы его приводимъ.

Въ этомъ зимовникѣ жилъ, будто-бы, очень богатый, но скупой запорожецъ. Денегъ своихъ онъ не пожертвовалъ ни на церковь, ни въ монастырь, и доживалъ вѣкъ, какъ самый послѣдній сиромаха. Былъ у этого запорожца молодыкъ, присматривавшій за его хозяйствомъ. Этотъ молодыкъ зналъ, гдѣ старый запорожецъ закопалъ свой кладъ, но зналъ также и то, что кладъ этотъ заклятъ, такъ что и брать его опасно. Когда умеръ запорожецъ, молодыкъ придумалъ взять окоченѣвшую руку запорожца, чтобы его же рукою взять его кладъ. Разрывая кладъ, знавшій заклинанія молодыкъ приговаривалъ, „чыя рука загрибала, та и одгрибае и мени дае". „На цей часъ, разсказывалъ объѣздчикъ, нагодывся запорожець зъ другого зимовныка, прогнавъ того молодыка и гроши отдавъ на церковь. Отакъ дидъ було розсказують про цей зимовныкъ".—На четвертый день нашего пребыванія въ Покровскомъ оставляли мы это село съ объемистыми тючками, нагруженными пулями, запорожскими кафлями, люльками, древними монетами (башлычкамы), гузями и тому подобными предметами запорожской старины.

Изъ Покровскаго прямая дорога въ д. Капуловку, на мѣстѣ Старой (Сѣрковой) Сѣчи. Въ Капуловкѣ, въ усадьбѣ крестьянина Николая Мизая, находится: „Сиркова могыла". Могила славнаго запорожскаго кошеваго Сѣрка представляетъ значительный холмъ, въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящій величиною обыкновенную современную могилу. Могила, къ чести владѣльца усадьбы, содержится въ большомъ порядкѣ: вокругъ нея разсажены тополи, осокоры и шелковичныя деревья съ кустами

сирени и крыжовника. Могила поросла зеленой травой съ душистымъ „чебрыцемъ" и выросшею кой-гдѣ стройной нехворощью. На востокъ отъ могилы надъ Чертомлыкомъ раскинулись капуловскія хаты; за Чертомлыкомъ протянулись безконечныя плавни—Великій лугъ, „батько запорожскій"; въ направленіи къ юго-востоку виднѣлись верхушки вербъ, растущихъ на Старой козацкой Сѣчи. Тихо на могилѣ. Только перешептываются листья на осокорахъ, развѣсившихъ свои вѣтви надъ могилой, да созрѣвающіе колосья на полѣ, раскинувшемся къ западу за могилою, будто смущенно переговариваются другъ съ другомъ, будто шепчутся о своей долѣ, которая привела ихъ рости близъ могилы славнѣйшаго козака.

Послѣ могилы Сѣрка посѣщено было нами небольшое запорожское кладбище, на которомъ находится теперь 4 каменныхъ креста, поставленныхъ надъ козаками, опочившими въ 1728 и 1729 году. Здѣсь погребены козаки, умершіе во время „агорянскаго плѣна", какъ выражались запорожцы о времени существованія запорожскаго на татарской сторонѣ въ нынѣшнихъ Алешкахъ таврической губерніи. Очевидно, они завѣщали себя „поховать въ ридну землю". О такихъ завѣщаніяхъ говоритъ Скальковскій въ своей исторіи Новой Сѣчи и Стороженко въ своихъ путевыхъ замѣткахъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчали въ Капуловкѣ въ усадьбѣ крестьянъ запорожскіе кресты съ чуть примѣтными надписями на нихъ. Подробно они описаны въ запискахъ Стороженка и въ трудѣ Эварницкаго о запорожьи.

Съ запорожскихъ могилъ прямой путь на островъ Старой Сѣчи, которую мѣстные жители называютъ Главною Сѣчью, столицею запорожскою. На Покровскую Сѣчь мѣстные жители смотрятъ, какъ на второстепенный центръ Запорожья. „Настояща Сичъ на острови у Капуловци", не далеко отъ того миста „де Сирко похованный".

Такой взглядъ на Старую и Новую Сѣчь объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Старая Сѣчь дѣйствительно окружена ореоломъ славы козацкой. Живя въ Новой (Покровской) Сѣчи, запорожское товарищество никогда не достигало той мощи и

значенія у сосѣдей, съ какими являлось оно отъ времени непобѣдимаго въ войнахъ Сѣрка и до удалаго Кости Гордѣенка, послѣдняго кошевого на Старой запорожской Сѣчи. Въ Покровской Сѣчи вольности козацкія чѣмъ дальше, тѣмъ больше урѣзывались. Потому и симпатіи тѣснимой и недовольной военной запорожской общины могли быть направлены исключительно къ Старой Сѣчи. Такое отношеніе со времени Новой Сѣчи могло переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію и дойти до нашихъ дней. Къ тому же Старая Сѣчь особенно богата различными остатками старины, какъ современной запорожской, такъ и относящейся къ предшествующимъ эпохамъ, не различаемымъ теперешними жителями Сѣчей.

На сѣчевомъ островѣ еще и теперь находятъ очень много монетъ то изъ низко-пробнаго серебра, то изъ металлическаго сплава, имѣющаго видъ олова; преобладаютъ монеты татарскія второй половины 16-го и первой половины 17-го вѣка: изрѣдка встрѣчаются монеты литовскихъ князей (Витовта) и царей русскихъ (Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч.). Эти монеты вываливаются изъ острова въ рѣку, и на берегу р. Лопанки послѣ половодья капуловскія дѣти обыкновенно собираютъ ихъ въ значительномъ количествѣ. Въ д. Капуловкѣ мѣстные жители тоже довольно часто находятъ стрѣлы разныхъ величинъ и видовъ, древнія кольца и пряжки, рукоятки кинжаловъ, наконечники копій и проч. Всѣ эти предметы, между которыми встрѣчаются относящіеся къ бронзовому вѣку, мѣстными жителями принимаются за запорожскую „старину" и еще больше укрѣпляютъ авторитетъ Старой Сѣчи.—Э! тутъ Сичъ була не проста,—разсказывалъ намъ въ Капуловкѣ одинъ старикъ,—якъ почнуть було отъ съ того боку зъ Мамаевой горы (Мамай Сурка—гора на Таврической сторонѣ противъ Капуловки) палыть татары, то кошевый було выйде, подывытся, закруте носомъ, тай каже: тай воняють же вражи сыны! (тобъ то татары). А нуте лишъ, хлопци, возьмить гакивныци та задайте имъ доброго перцю!".

Названіе „Сиркова Сичъ" приурочивается теперь исключительно къ небольшому острову, возвышенному на сѣверо-западъ и низменному въ юго-восточной своей части. Островъ этотъ

находится въ Великомъ лугѣ на виду д. Капуловки; отъ берега, гдѣ расположена Капуловка, отдѣляется о-въ широкимъ протокомъ Днѣпра рѣчкой Лапанкой, омывающей западную сторону острова; сѣверо-восточная часть острова омывается Чертомлыкомъ, восточная—рѣчкою Скарбною, представляющею близъ острова неглубокое мѣсто, извѣстное также подъ названіемъ Скарбнаго; южная часть острова омывается очень глубокимъ и необыкновенно быстрымъ протокомъ Днѣпра, рѣчкою Павлюкомъ. Сѣчевой островъ лежитъ, такимъ образомъ, на средоточіи днѣпровскихъ протоковъ въ великомъ лугѣ. Мѣстные старожилы говорятъ, что въ старину за время Сѣрка островъ этотъ былъ возвышеннымъ мысомъ, далеко выдающимся въ великій лугъ; при отакованіи Сѣчи, при кошевомъ Костѣ Гордѣенкѣ, запорожцы перерѣзали мысъ со стороны степи глубокой канавой,—съэ того времени и образовался здѣсь сѣчевой островъ. Протокъ между капуловскимъ берегомъ и островомъ долгое время былъ не широкимъ и не глубокимъ,—умершіе не такъ давно старики и старухи переходили на островъ по кладкѣ. Неширокая сперва рѣчка Лапанка обратилась въ очень внушительную по ширинѣ и глубинѣ рѣчку на глазахъ современныхъ старожиловъ д. Капуловки. По разсказамъ этихъ старожиловъ, сѣчевой островъ въ прежнее время былъ значительно больше по пространству; но съ каждымъ годомъ его все больше и больше размываютъ многоводные днѣпровскіе протоки. Въ послѣдніе годы размывается сѣчевой островъ не такъ сильно, такъ какъ по краямъ его выросли вербы, скрѣпляющіе корнями материкъ острова; вербы и осокори теперь, какъ вѣнокъ, окружаютъ сѣчевой островъ. Но и оточенный деревьями островъ, занимающій площадь около 5 десятинъ, все же размывается, и если не принять мѣръ, то одинъ изъ важнѣйшихъ южно-русскихъ историческихъ памятниковъ съ теченіемъ времени можетъ быть окончательно размытъ днѣпровскими водами. На возвышенной части острова, и теперь представляющей „кручу", поднимающуюся надъ водою до 4 саженъ, по преданію, стояла до передвиженія запорожцевъ въ Алешки сѣчевая церковь. Отъ нея не осталось и слѣда. Видны теперь въ этой части

острова, два вала длиною саженъ въ 15 съ примыкающими къ нимъ совсѣмъ почти осунувшимися рвами, и нѣсколько ямъ, вырытыхъ, правдоподобно, руками кладоискателей. Эта обнаженная поросшая полынью часть острова и теперь выразительно возвышается среди плавней, потянувшихся къ югу и востоку за край горизонта. Почва на островѣ сплошь песковатая; верхній слой возвышенной части острова, по всѣмъ видимостямъ, насыпной: нѣсколько лѣтъ назадъ копали здѣсь яму для ледника, и въ глубину до 2 саженъ копали рушенную землю; признакомъ такого происхожденія сѣчевой кручи служитъ также то, что на этой части острова совсѣмъ не растетъ трава. Недавно были попытки еврея арендатора рыбныхъ ловель построить на сѣчевомъ островѣ рыбный заводъ; постройка эта была пріостановлена, такъ какъ сѣчевой островъ, какъ историческій памятникъ, составляетъ государственное достояніе.

Въ огородахъ капуловскихъ крестьянъ намъ пришлось затѣмъ видѣть слѣды сѣчевыхъ валовъ и почти заровнявшіяся уже ямы, гдѣ стояли, по преданію, запорожскіе курени.

Плавни Великаго луга представляютъ чудную картину въ іюньское утро. Все здѣсь, вмѣстѣ съ только что вставшимъ солнцемъ, дышетъ спокойствіемъ. Зеркальная поверхность воды такъже неподвижна, какъ и отражающіяся въ ней вербы и протянувшееся надъ ней голубое небо и легкій нѣжный ласкающій воздухъ свѣжаго утра. Вдали турчатъ дикіе голуби, соловьи разливаются самыми разнообразными трелями; вотъ закукала кукушка, гдѣ-то въ тростникѣ закахкала дикая утка,—все пространство плавней, куда достигаетъ глазъ и слышитъ ухо, звучитъ дивнымъ концертомъ; только тоскливый голосъ „крюка" да пронзительный крикъ иволги время отъ времени нарушаютъ этотъ чудный концертъ. Прозрачныя воды днѣпровскихъ протоковъ неподвижны. Время отъ времени болотное насѣкомое коснется гладкой поверхности воды и, упавъ на воду, образуетъ концентрическіе круги, которые все ростутъ и ростутъ и затѣмъ исчезаютъ; изрѣдка какая нибудь рыба плеснетъ на поверхности воды и на время оставитъ на ней свой сверкающій слѣдъ, а тамъ опять все спокойно. Солнце уже поднялось и смотритъ съ

высоты лазурнаго неба. По прежнему все кругомъ неподвижно, какъ и тотъ прибрежный камень-великанъ, къ которому прислонился каюкъ рыболова. Камень, извѣстный подъ названіемъ „Строцева камня“, вполнѣ гармонируетъ съ нѣмой картиной Великаго луга, когда съ наступленіемъ дня умолкаютъ пернатые обитатели плавней. Сложилъ ли свою голову у этого Камня Строць, сраженный татарами, или скрывалъ здѣсь свое добро въ трудное время для сѣчеваго братства, или по другой какой-либо причинѣ названъ такъ камень въ Скарбномъ, объ этомъ ничего не говоритъ народное преданіе.

Вечеромъ мы были въ хатѣ Федосія Ткаченка; въ сѣняхъ пылалъ яркій огонь „на кабыци“ передъ которой на низенькихъ скамеечкахъ и вербовыхъ обрубкахъ кружкомъ сидѣло за ужиномъ цѣлое общество, состоящее изъ двухъ крестьянскихъ семей и насъ двухъ. Шли разговоры о рыбѣ, объ арендныхъ платахъ. Капуловская рыба въ вяленомъ видѣ, а иногда свѣжая отправляется въ города Никополь, Александровскъ и другіе. Мало по малу разговоръ перешелъ на тему обычную, когда бываютъ на мѣстахъ запорожск. Сѣчей „городовыкы“,—тему о запорожцахъ. Сосѣдъ нашего хозяина Федосія разсказалъ, что онъ слышалъ отъ своего отца о сѣчевикахъ. Онъ разсказывалъ объ ихъ удали и молодечествѣ, о тѣхъ гульбищахъ, какія устраивались въ Сѣчи послѣ того, какъ козаки возвращались съ богатой добычей изъ турецкой или татарской стороны. Просидѣли мы тамъ до поздней ночи, и крѣпителенъ былъ сонъ подъ „пологомъ“ близъ хаты, подъ развѣсистой грушей. Пологи здѣсь являются незамѣнимыми приспособленіями противъ комаровъ.

На слѣдующій день мы предполагали быть на пасѣкѣ дида Гопа, но такъ какъ уже наступила жатва, то намъ не удалось подыскать спутниковъ, которые съумѣли бы пробраться по безчисленнымъ протокамъ въ плавняхъ, къ мѣсту его пасѣки. Дидъ Гопъ, по слухамъ, интересовалъ насъ знаніемъ старинныхъ запорожскихъ пѣсенъ и своею необычною для старика веселостью.

Вотъ отчего мы весь этотъ день проходили по селу, знакомясь съ Капуловкою и ея жителями. Древности всякаго рода,

у кого онѣ были, показывались намъ непринужденно и обыкновенно уступались за небольшую плату. Попало къ намъ нѣсколько предметовъ запорожскаго быта: рукоятка кинжала, наконечникъ „спыса" и пр.

Осмотрѣли мы Капуловскія хаты, которыя въ архитектурномъ отношеніи и по убранству не отличаются отъ хатъ, обыкновенно встрѣчающихся въ Полтавщинѣ, откуда преимущественно и переселились въ Капуловку предки нынѣшнихъ жителей этой деревни. Большинство Капуловцевъ, несмотря на благопріятныя природныя условія мѣстности, крайне бѣдны. Объясняется это тѣмъ, что здѣшніе крестьяне не привыкли смотрѣть на хлѣбопашество, какъ на главную статью хозяйства, и ведутъ въ большинствѣ случаевъ незначительную запашку, чему способствуетъ отчасти и 4-хъ—десятинный надѣлъ ихъ, занимающій невполнѣ удобную для хлѣбопашества землю. Прежде имъ свободнѣе было заниматься рыбною ловлею и охотой, а также пользоваться топливомъ и сухимъ кормомъ для скота изъ Великаго луга, въ которомъ къ тому-же въ прежнее время и выпасы для скота были вольны. Въ послѣднее десятилѣтіе экономическія условія для капуловцевъ значительно измѣнились къ худшему: всѣ рыбныя ловли заарендованы, охота не свободна, за каждую копну осоки нужно платить, и выпасы обходятся дорого... Хозяйства Капуловцевъ въ настоящее время переживаютъ кризисъ вслѣдствіе невозможности получать обезпеченіе изъ Великаго Луга и непреодолимой трудности для большинства капуловскихъ хозяйствъ обезпечить себя хлѣбопашествомъ въ размѣрѣ, достаточномъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Капуловкѣ Федосій Ткаченко устроилъ званный вечеръ, на который онъ пригласилъ сосѣдей съ козацкой, какъ онъ выразился, „удачей". Пѣли старыя козацкія пѣсни, одну изъ которыхъ въ новомъ варьянтѣ мы помѣстимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Л. Падалка.

СКАЗАНІЕ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ.

„Ще царь Соломонъ и на свитъ не народывся, а вже почавъ войну въ череви своей матери. Маты за те дуже ёго не любыла и якъ породыла та подывылася на свое дытя, то сказала:

— Ой, певне зъ ёго ничого не буде... На що воно судне?..

Вона прыказала поклыкаты кухара и сказала кухару:

— На, оце дытя, зарижь его, выймы сердце, зготуй, то я зъимъ. Кухарь взявъ, понисъ дытя на кухню ризаты, а Соломонъ каже:

— Не робы ты того, пошкодуй... Зарижь лучше собаку, ад выймы сердце и зготуй моій матери, а мене оддай ковалю. То и маты найистся и мени буде добре.

Кухарь такъ и зробывъ: зловывъ собаку, зарizавъ еи, доставъ сердце, зготувавъ и прынисъ до дворця, а Соломона то отдавъ ковалю, пошкодувавъ...

Несе винъ страву до царыци.

— Ой, не несы, каже царыця... Собака бувъ, то собакою и смердыть. Визьмы выкинь собакамъ.

Кухарь выкинувъ. Прыйшовъ царь зъ походу. Дошла до ёго чутка, що царыця вродыла сына. Поспишивъ винъ до-домы тай пытае:

— Де мій сынъ? каже.

— Понеслы ёго въ теплу воду помыты, каже царыця, а тымъ часомъ поклыкала вона кухара и сказала ему:

— Я чула, що у нашого коваля вродывся сынъ. Бижи хутнійшъ и визьмы ёго до дворця. Скажи, що царь такъ прыказавъ.

Той такъ и зробывъ, бо въ коваля таки въ той часъ вродывся сынъ. Подывывся батько на сына:

— Гарный, каже, хочъ и не выдае ни на мене, ни на матусю. Щобы се таке значило?

Ничого. Отъ, росте коваливъ сынъ у царя, а царській сынъ Соломонъ у коваля. Пройшовъ де якій часъ... Повыросталы вже чималыи диты. Коваливъ сынъ у царя выйшовъ дурный; учать ёго, учать—винъ ничого не тямыть; а царскій сынъ у коваля зъ каждымъ днемъ стае все розумнійшимъ... Якъ дошовъ Соломонъ до литъ, то, бувало, пожене зъ хлопцямы товаръ пасты на поле и крычить:

— Гей хлопци—молодци! Нехай товаръ соби самъ пасется, а вы збирайтеся до мене. Будемо въ москали учитыся...

Сберутся хлопци. Винъ ихъ всихъ поставыть въ шереньгу и давай ихъ муштруваты и направо, и наливо... Звычайно, якъ-же въ москаляхъ учатся: и сюды, и туды, и направо кругомъ.

Ажъ йиде разъ царь зъ своимъ сыномъ коло того мисця и бачить, якъ Соломонъ зъ хлопцямы справляется. Казавъ фурману статы, и здывовався.

— Чій ты сынъ? пытае.

— Коваливъ.

Царь ще бильше здывовався, що у коваля такій сынъ.

А царскій сынокъ седыть въ брычци и не дывытся на москаливъ, а поглядае соби въ лисъ.

— Тату, каже, я хочу въ лисъ.

Царь прыказавъ, щобъ фурманъ йихавъ въ лисъ. Пойихалы воны въ лисъ. Зобачивъ сынокъ товсту сосну, тай каже до батька:

— Правда, тату, що зъ сеи сосны було-бъ добре уголье?..

Звычайно, коваливъ сынъ про свое и пытае, до свого кортыть. Царь дуже розсердывся и казавъ йихаты назадъ, до-домы. Йиде и все думае: „що то таке значить, що у мене сынъ такій дурный, а у коваля розумный?“

Ничого. Отъ, грався разъ Соломонъ зъ хлопцямы въ військо, и не вгодывъ ему еденъ хлопець. Ставъ хлопець дуже сперычатыся зъ нымъ за щось тамъ таке... Соломонъ дуже роз-

сердывся и прыказавъ того хлопця повисыты на смерть. Повисылы хлопця. Дошла чутка до батька, що его сына повисылы. Пишовъ батько до царя и скаржится:

— Такъ и такъ, каже, коваливъ сынъ мого сына повисывъ. Засуды ёго по закону. А то одъ ёго хрещеному мыру житья не буде.

Царь прыказавъ своимъ слугамъ поклыкаты Соломона. Прыйишлы до Соломона царски слуги и клычуть:

— Царь, кажуть, прыказавъ...

— А що мени царь? отвитывъ Соломонъ. Царь те саме, що и я. Не боюся я вашого царя. Не велыка винъ мація.

Прыйшлы тыи тай кажуть:

— Не хоче иты Соломонъ. Я, каже, самъ соби царь.

Тоди царь посылае другій разъ вже не слугъ, а своего начальныка, що управлявъ дворцемъ.

— Прыведы, каже, его непреминно.

Пишовъ управляющій. Соломонъ въ те саме время грався въ москали. Начальникъ передавъ ему царскій прыказъ.

— Скажи царю свому, отказавъ Соломонъ, що я учу своихъ москаливъ и що мени нема часу, а якъ кончу ученіе, то може прыйду.

Такъ и передалы царю. Царь пытае жинки:

— Що то таке, що нашъ сынъ то такій дурный, а коваливъ такій розумный?

— Чи я знаю...

Жде царь Соломона. Не иде Соломонъ, тай годи... Нема що, треба самому царю до его йты. Иде царь на поле до Соломона.

А Соломонъ не хтивъ бачытыся зъ царемъ, передягнувся за старця и втикъ.

Шукавъ царь Соломона, шукавъ... и догадався напослидокъ, що то чоловикъ не простый, бо дуже щось розумный и занадто хитрый. Казавъ винъ зибраты всихъ князивъ, графивъ зъ цилого свого царства и даты раду, якъ бы то пойматы того хлопця ковалёвого сына. Зобралыся князи и графы зъ цилого царства. Посадывъ ихъ царь за стилъ, нибы обидаты, чи що, и казавъ

латы имъ дуже довгіи ложки, такъ що набраты въ ложку можно, а до рота достаты—а ніякъ, бо дуже довга ложка. Сыдять графы, думають, думають, захочется имъ йисты... набраты—наберуть, а зъисты—неможна до рота дотягты. Що тутъ робыты? Ажъ входыть до ныхъ, въ дворець старенькій цидокъ и просыть „Христа ради", хлиба шматокъ.

— Ой, иды соби, сто-недуга, кажуть ему лыхи графы, бо отъ мы хоть и велыки паны хочемо йисты, та не можемо, а ты такій сякій волоцюга!

— Хочь я и волоцюга, каже Соломонъ, бо то бувъ винъ, але розумнійшій видъ васъ панивъ; а вы хочъ и велыки паны, а про те дурны. Такій предъ вамы добрый обидъ и не знаете, якъ его зъисты.

— А щожъ мы зробымо, колы таки прокляты ложки. Ось дывысь...

— А вы еденъ другому въ ротъ ложкою черезъ стилъ, тай найистеся.

Графы здывовалысь. „Ото, думають соби, стильки седымо та думаемо, а не догадалыся такои простои ричи". Такъ воны и зробылы. Сталы воны соваты еденъ другому ложкою черезъ стилъ тай найилыся. Найившися пытають старця,—повеселійшалы трохи,—звисно чоловикъ найисться.

— Ну, колы ты такій розумный, кажуть, то скажи намъ ще едну ричь: якъ намъ словыты того Соломона, ковалевого сына и де винъ теперъ живе?

— Розумны люде перше нагодують чоловика, потымъ пытають; а вы перше пытаете. Такъ не годытся... каже имъ Соломонъ.

Нагодовалы воны Соломона и знову пытаются его, якъ бы то зловыты того Соломона и де винъ теперь живе?

Дойивъ Соломонъ мыску зъ борщомъ тай пытае ихъ:

— Бувъ тутъ борщъ и булы галушки?

— Булы, кажуть графы.

— А теперь нема?

— Ну, нема.

— Отъ такъ и Соломонъ бувъ винъ тутъ, тай нема.

Взявъ свою клюку и, опираючись, вставъ и пишовъ помалу, нибы и взаправди старый дидокъ, що просыть мылостыню.

Ажъ входыть царь въ дворець, бачить—все изъидено.

— А хто вамъ показавъ йисты? пытае.

— Старый дидокъ якійсь бувъ, то винъ показавъ.

— А що винъ казавъ?

Тыи росказалы.

— То бувъ самъ Соломонъ, каже царь. Чому вы его не-затрималы?

И давъ царь прыказъ, щобъ по цилому его царству було шукано Соломона—старого дидка. А Соломонъ, провидавши про тее, перебрався за купця и йиздыть соби по свити.

Казавъ царь золотого плуга зробыты и склыкавъ всихъ золотаривъ зъ цилого царства, щобъ оцинылы того плуга, щобъ узналы, чи е ему—тому плугови—яка цина, чи нема. Отъ, зобралыся на раду золотари и здывовалыся:

— Нема, кажуть, ему цины на земли. Ще такого плуга и на свити не було, такого дорогого. Що може буты дорожше такого плуга?

Але трапывся тутъ еденъ заморьскій купець, подывывся винъ на плуга, тай каже

— Ничого сей плугъ не вартъ, бо имъ не можна земли робыты. Хлибъ а вода—дорожче сего ни нащо нездатного плуга.

Подывовалыся золотари, попробовалы ораты, неможна ораты, бо золото мякне и не може ворочаты землю такъ, якъ желизный плугъ.

— А таки правда, кажуть, не можно ораты. Що жъ намъ зъ нымъ робыты?

— А що робыты? Визьмить его да продайте, то будете маты добры гроши.

Такъ и зробылы. Ажъ прыйшовъ царь.

— Ну, що? пытае.

— Плугъ ничого не вартъ, кажуть ему, бо якъ бы винъ бувъ желизный, то-бъ имъ можно-бы ораты, а золотый ни на що не здатный.

— Хто вамъ се сказавъ?

— Еденъ купець, тутъ бувъ...

— Чому жъ вы его не затрымалы? Тожъ-то бувъ Соломонъ.

Давъ царь другій приказъ, щобъ такого-то и такого купця затрыматы, якъ хто встрине де-небудь. Сталы шукаты, не можна найты купця, бо Соломонъ вже перебрався за иншого, за майстра. Повисывъ соби пылу, взявъ долото, сокиру и пишовъ шукаты роботы, звычайно майстеръ.

Прошовъ рикъ. Прыказавъ царь строиты соби новый дворець. Склыкавъ всихъ майстривъ зъ цилого свита и почалы воны роботу.

Прыйшлося оброблюваты камни, щобъ класты ихъ въ стину. А камни булы велыки и дуже тверды, и нихто не знавъ, якъ ихъ обшлифоваты. А Соломонъ надійшовъ, подывывся.

— Тьфу, каже, велыка мація. Ци каминя ничого не вартъ обробыты.

— Дуже ты розумный, кажуть ему. А ну, попробуй!

— А що мени за те дасте?

— 100 рубливъ.

— Добре.

Прымостывся Соломонъ. Доставъ зъ запазухи такого камня,— бувъ, бачте, въ его такій каминь—шлифирь, що имъ каминня шлифують. Ну, то доставъ винъ того камня, прымирывъ... Поведе разъ—сторона и одлетыть, поведе другій—и другая одлетыть. Такъ и обшлифовавъ.

— Ото, лыхо ма, кажуть муляри, тожъ то мы стилькы возылыся—монялыся коло тыхъ камнивъ и ничого не моглы зробыты, а винъ такъ хутко справывся

— Якъ ты называешься?—питають его.

— Я премудрый майстеръ, каже Соломонъ, бувъ бы ще премудрійшій, якъ бы нашовъ бильшъ такихъ дурнивъ, якъ оце вы...

Нема що, треба даты ему сто рубливъ. Далы. Взявъ гроши Соломонъ и втикъ. Розсказалы царю про такого-то майстра. Розсердывся царь, що его не затрималы.

Дали, ще розсказують, що Соломонъ достававъ морьску глыбыну въ желизній дижци, на ланцугу. И якъ шовъ на дно, то попавъ на рака, а думавъ що на корчи. Ракъ каже:

— Премудрый Соломонъ, чого хочешь—того не достанешь, бо якъ черкну своею клешнею, то ты тутъ на дни и останешься.

— Ничого, каже Соломонъ, я выберуся. Якось то воно буде.

Ракъ якъ черкнувъ, ланцуга перетявъ, Соломонъ и остався въ мори. Думае, якъ бы то ему теперь выбратыся. Ажъ плыла щука рыба, морськая,—дуже велыкая; зобачила, що Соломонъ въ дижци седыть.

— Премудрый Соломонъ, каже морська щука, я тебе глыну тай зъимъ и пропадешъ и слиду твого не буде на земли.

— Ничого, каже Соломонъ, не пропаду. Якось то воно буде.

Глынула щука рыба чрезъ свою пасть и опенывся Соломонъ въ рыби. Начавъ винъ въ середыни дуже пекты, щука и здохла. Море стало граты, мертва щука и выплыла на верхъ. Йихалы рыбаки. Соломонъ ставъ имъ крычаты, щобъ его ратовалы. Воны почулы, зловылы щуку, роспоролы живота, ажъ тамъ Соломонъ. Такъ винъ и спасся...

Потимъ, Соломонъ задумавъ змиряты высоту небесную. Зловывъ винъ велыку пташку, сивъ на неи, взявъ зъ собою дванадцать бочокъ мяса, тай полетивъ. Летивъ, летивъ тай добрався вже до самого неба. Ажъ обзывается хтось зъ неба.

— Премудрый Соломонъ, каже хтось, дуже далеко вже ты залетивъ. Пропадешь ты тутъ зовсимъ, бо якъ спыхну я тебе зъ неба, той твои кости розсыплются.

Ставъ летиты Соломонъ назадъ и все кормыть свою пташку мясомъ. Колы не хватае вже пташци мяса.

— Премудрый Соломонъ, каже пташка, давай мени мяса, бо я не здужаю, не втримаю и пущу тебе.

А мяса вже нема, все вышло. Отъ Соломонъ одризавъ лытки у своихъ ногъ и дае пташци.

— Яке смачне мясо, каже пташка, ты скильки не дававъ, то ще такого не було. Ще давай мени.

— Колы нема. То послидне.

— Ну, колы нема то пущу и пропадешь.

— Ничого, якось то воно буде.

Ставъ скидаты птахъ Соломона зъ своеи спыны, а Соломонъ ухватывся за хвоста. Не можна его скынуть а-ніякъ. Такъ и долетивъ до земли. Птахъ той здохъ, а Соломонъ остався живъ.

-- То що?!... То ще розсказують, що нибы премудрый Соломонъ мирявъ свитъ, хтивъ, бачте, найты, де ему кинець. Пишовъ въ едну сторону, а вернувся въ другую, обійшовъ кругомъ и сказавъ, що свиту кинця нема, що свитъ безконечный. Оттого-то Соломона и малюють на кныжкахъ завше зъ кружкомъ на голови, якъ нибы яблоко[1]).

Дуже розумный бувъ Соломонъ—напысавъ винъ велыку кныжку зъ свого розуму и въ тій кныжци перепысавъ все, що есть на свити божому: и звиривъ, и птахъ, и всяке болото на земли. И всихъ чортивъ—то винъ также перепысавъ. „Мій батько перепысавъ, каже, всихъ людей, а я чортивъ всихъ запышу". Въ его бувъ ще такій перстень и въ тому перстени була велыка сыла надъ чортами. Надъ птыцями и рыбами винъ мавъ также велыку сылу. Перевертався винъ, якъ треба було, и въ щуку, и въ сокола, и въ лебедя, и во все, що хтивъ. Языкъ пташки и всякого звира винъ также досконально знавъ. Знавъ винъ вси прыговоры, заговоры, вмивъ личиты всяку хоробу лучше надъ всякого фершала. Знавъ Соломонъ колы буде кинець свита, але никому того не казавъ. И суды всяки винъ розважувавъ межъ звирами, мовъ межъ людьмы. Якъ часомъ коняка зъ конякою, або собака зъ собакою сперычатыся станутъ, заразъ—до Соломона. Винъ розсудыть и що прыкаже, такъ завше по его и выйде. Звири его завше слухалы, мовъ люде свого царя. Вмивъ винъ

---

[1]) Нельзя сказать, чтобы гадальныя книжки лубочнаго изданія съ изображеніемъ Соломона были очень распространены въ ровенскомъ уѣздѣ среди простаго народа. Эти книжки хотя привозятся на ярмарку въ значительномъ количествѣ, но раскупаются народомъ въ очень небольшомъ количествѣ, такъ какъ охотниковъ до печатнаго слова пока еще очень мало въ народѣ, слабо чувствующемъ влеченіе къ грамотѣ. „Салимоны" (такъ называетъ полѣшукъ гадальную книжку) встрѣчаются изрѣдка въ грамотной семьѣ.

ризны загадки загадоваты и огонь зъ земли добуваты, и вирёвки зъ писку плесты и нытки зъ дыму сукаты и ризне... ризне...

То все запысано въ тыхъ кныжкахъ, що премудрый Соломонъ напысавъ, але ты кныжки давно загубылыся. Але колысь то воны найдутся. Якъ ихъ вже найдуть, то люде зъ того часу мабуть порозумнійшають трохи".

(Записано въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынск. губ.).

II.

Народная фантазія издавна съ особенною любовью останавливалась на Соломонѣ. Ни одно библейское лицо ветхаго завѣта не сосредоточивало на себѣ столько вниманія народа, какъ царь Соломонъ. Названіе этого царя сдѣлалось ходячимъ, нарицательнымъ именемъ—символомъ необыкновенной мудрости.

Что способствовало обилію народныхъ вымысловъ о Соломонѣ?

Во первыхъ, большая типичность этого царя сравнительно съ другими библейскими лицами. Личность и дѣянія Соломона въ Св. Писаніи эпически опредѣлены, психологически закончены.

Во вторыхъ, характеръ Соломона, выдающійся изъ ряда библейскихъ характеровъ. Житейскій тактъ, богатство практическаго смысла, столь необходимаго въ обыденной жизни,—составляють отличительныя черты этого характера. Въ дѣяніяхъ царя Соломона много точекъ соприкосновенія съ дѣйствительностью, съ жизнью, съ бытомъ. По библіи, царь Соломонъ, напримѣръ, очень богатъ. Народъ развилъ эту черту и свои идеальныя мечты о богатствѣ, о лучшемъ имущественномъ бытѣ воплотилъ въ своемъ богачѣ Соломонѣ. Далѣе, царь Соломонъ—практикъ, его никто не обойдетъ, скорѣе онъ всѣхъ обойдетъ, „надуетъ". Практическая мудрость, именно въ этомъ площадномъ, обыденно-житейскомъ смыслѣ, и представляется для крестьянина особенно желанною. Крестьянину, при его невѣжествѣ, приходится самому до всего доходить своимъ разумомъ и извиваться въ жизни на всѣ лады... Крестьянинъ, какъ извѣстно, не задумается солгать, притвориться незнающимъ того или другого,

вообще, поступить смотря по обстоятельствамъ, если это нужно. Эти потребности житейскихъ увертокъ прекрасно символизированы въ народномъ Соломонѣ. Соломонъ, по смыслу народныхъ сказаній, является самымъ идеальнымъ практикомъ въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Нужды нѣтъ, что многіе поступки его практики носятъ далеко не безупречный характеръ въ нравственномъ смыслѣ... Далѣе. Царь Соломонъ особенно хорошо суды судитъ. Онъ обладаетъ именно тою судейскою мудростью, какой, по взгляду крестьянина, такъ недостаетъ въ томъ судѣ, въ который онъ идетъ судиться. Въ судахъ Соломона мы не видимъ ни юридической подготовленности, ни формальныхъ проволочекъ, ни какихъ либо канцелярскихъ осложненій; судъ дѣлается просто, т. е. именно такъ, какъ народъ желалъ-бы, чтобы онъ производился и въ настоящее время. Особый видъ премудрости царя Соломона народъ видитъ въ пониманіи имъ тайнъ природы, въ умѣньи владѣть ея силами, въ заклинаніяхъ, въ заговорахъ, въ леченіи разныхъ болѣзней, въ умѣньи изгонять демоновъ, въ чтеніи и составленіи книгъ (составленіе книгъ—это недосягаемая для народа степень мудрости) и, наконецъ, въ пониманьи языковъ звѣрей, птицъ, въ подчиненіи ихъ своимъ прихотямъ и въ знаніи будущаго. И все это перенесено на Соломона — идеалъ мудрости. Онъ и лѣчитъ, и заклинаетъ, и изгоняетъ демоновъ, и книги разныя составляетъ, и языкъ птицъ, звѣрей знаетъ; онъ пользуется ими какъ хочетъ: летаетъ на птицѣ, плаваетъ въ щукѣ; наконецъ, онъ знаетъ все будущее... И не даромъ оракулъ лубочнаго изданія называется въ народѣ Соломономъ.

Общимъ основаніемъ для перенесенія на Соломона всего, что считается мудростью на землѣ, могли служить слова священнаго писанія, такъ характеризующія Соломона: „и даде Господь смыслъ Соломону и премудрость многу зѣло... и исполнися разума Соломонъ паче разума всѣхъ древнихъ сыновъ и паче всѣхъ мудрыхъ египетскихъ. И изглагола Соломонъ три тысящи притчей и быша пѣсни его пять тысящъ. И глагола о древахъ, отъ кедра, иже въ Ливанѣ, и даже до иссопа, исходящаго изъ стѣны, и глагола о скотѣхъ и о птицахъ и о гадахъ и о рыбахъ. И прихождаху вси людіе слушати премудрость

Соломона [1]". Каждую черту библейскаго текста народъ развилъ въ своихъ разсказахъ. Идолопоклонство Соломона не вошло въ составъ характеристическихъ чертъ народнаго представленія о Соломонѣ. Эту черту народное сказаніе оставляетъ, на нее почти не обращается вниманія. Почему? Потому что эта черта не имѣетъ практическаго значенія въ общемъ типѣ царя, даетъ мало точекъ сближенія съ дѣйствительностью. Въ фантастическомъ образѣ Соломона только то жизненно и поддерживается народной фантазіей, что болѣе или менѣе практично и вытекаетъ изъ обыденныхъ интересовъ жизни, тѣсно связано съ его житейскимъ бытомъ. Въ этомъ—особенность сказанія о царѣ Соломонѣ сравнительно съ другими народными сказаніями, напр., съ сказаніемъ о Христѣ, антихристѣ и др. Въ этихъ послѣднихъ сказаніяхъ болѣе отразились особенности *теоретическаго* міросозерцанія народа; въ сказаніяхъ о Соломонѣ вылились, главнымъ образомъ, его *практически-жизненные* идеалы.

III.

Древнія сказанія, съ которыми соединено имя Соломона, сначала существовали независимо отъ библейской почвы. Они имѣютъ длинную исторію. Начавшись своей основой въ неясныхъ, туманныхъ сагахъ дальняго востока—въ буддійскомъ и иранскомъ эпосѣ, они, подъ вліяніемъ библейской исторіи, приняли болѣе опредѣленныя очертанія и перешли въ Европу съ именемъ Соломона. Библейскія историческія сказанія о Соломонѣ въ связи съ восточными легендами дали матеріалъ для талмудическихъ сказаній. Евреи талмудисты детально разработали соломоновскія сказанія и внесли въ нихъ немалую долю своихъ произвольныхъ вымысловъ. При своей крайней, уродливой фантастичности, талмудическія сказанія о Соломонѣ отличаются еще мелочностью и педантизмомъ, на который особенно былъ способенъ умъ буквалиста іудея. Талмудическія сказанія въ свою очередь дали основаніе, съ одной стороны, магометанскимъ сказаніямъ и вошли

---

[1]) 3 Цар. II, 35; IV, 29—34.

въ Коранъ, а съ другой, не остались безъ вліянія на складъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній. Сказанія о Соломонѣ являются на западѣ раньше, чѣмъ на востокѣ. По разысканіямъ А. Н. Веселовскаго, апокрифы о Соломонѣ становятся извѣстными въ концѣ V вѣка и уже въ это время римская церковь возстала противъ этихъ сказаній [1]). Въ западной литературѣ апокрифическія сказанія о Соломонѣ дали романскому воображенію неистощимый матеріалъ для разныхъ легендарныхъ сказаній и вошли въ разные сборники,—напр., въ „Gesta Romanorum", въ французскіе—„Contes" и Fabliaux". Эти же сказанія составили предметъ средневѣковыхъ мистерій. Папы запрещали распространеніе сказаній о Соломонѣ и вносили ихъ въ „Index librorum prohibitorum" [2]). Что касается нашихъ славянскихъ сказаній, то письменныя повѣсти о Соломонѣ въ видѣ болѣе или менѣе цѣльнаго связнаго разсказа встрѣчаются въ славянскихъ хронографахъ и палеяхъ очень рано—въ XIV—XV вв. Какъ излюбленные сюжеты воображенія, эти повѣсти пережили длинный процессъ своего эпическаго развитія и въ XVII в. приняли форму цѣлаго пестраго романа, полнаго анекдотовъ, прибаутокъ, загадокъ, замысловатыхъ реченій и пр. Раньше, чѣмъ сказанія вошли въ составъ письменной литературы, они были предметомъ народныхъ устныхъ разсказовъ. Но въ какое именно время эти сказанія вошли въ кругъ славянскихъ народныхъ разсказовъ,—этого не рѣшаетъ даже спеціалистъ соломоновскихъ сказаній А. Веселовскій. Въ редакціяхъ народныхъ сказаній о Соломонѣ позднѣйшаго періода онъ различаетъ двѣ группы: западно-латинскую и византійско-славянскую. Преимущество вымысла и поэзіи по словамъ Веселовскаго, принадлежитъ западу [3]). Буслаевъ считаетъ повѣсти о Соломонѣ „иностраннаго происхожденія, вѣроятно, греческаго, но съ значительными передѣлками и подновленіями на русскій ладъ. Разрѣшеніе загадокъ и остроумныя

---

[1]) Веселовскій „Славян. сказанія о Соломонѣ". „Кіев. Стар." 1887 г. іюнь—іюль, стр. 265.

[2]) Порфирьевъ. „Апокриф. сказ. о ветхозавѣтн. лицахъ и событ. Казань 1872 годъ стр. 127.

[3]) „Кіев. Стар." 1887 г. іюнь—іюль 265 стр.

изреченія, вставляемыя въ нарочно придуманныя для нихъ событія, составляютъ главный интересъ этихъ разсказовъ" [1]).

Самая точная и самая обстоятельная редакція сказанія о Соломонѣ издана Николаемъ Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древностей" [2]). Затѣмъ, сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ", „о судахъ царя Соломона" изданы въ „Памятникахъ отреченной русской литературы" [3]). Разнородныя повѣсти и басни о царѣ Соломонѣ собраны Пыпинымъ въ „Памятникахъ старинной русской литературы" [4]). По рукописямъ соловецкой библіотеки эти сказанія изданы Порфирьевымъ [5]). Малорусскія соотвѣтствующія сказанія изданы у Драгоманова въ „Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ" [6]). Изслѣдованія и пособія для изученія повѣстей о Соломонѣ—значительны. Исторія развитія сказаній о Соломонѣ обстоятельно изложена въ сочиненіи А. Веселовскаго: „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ". Спб. 1872 г. Въ XL томѣ записокъ Академіи наукъ въ 1881 году Веселовскій помѣстилъ большую дополнительную статью о „новыхъ данныхъ къ исторіи соломоновскихъ сказаній". Сказаніямъ о Соломонѣ посвящено, далѣе, изслѣдованіе А. Пыпина въ IV томѣ, VII выпускѣ „Извѣст. Акад. наукъ" 1855 года: „Старинныя сказанія о царѣ Соломонѣ". Объ этихъ же сказаніяхъ см. въ сочиненіи Н. Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ". Казань. 1872 г., въ „Историческихъ очеркахъ" Ѳ. Буслаева т. I. Спб. 1862 г. и др.

---

[1]) Буслаевъ: „Историч. очерки" т. I. стр. 599.

[2]) „Лѣтописи". 1862 г. т. IV стр. 112—153. „Повѣсти о царѣ Соломонѣ".

[3]) Т. I. 1863 г. стр. 254—272.

[4]) Вып. III 1862 г. стр. 51—71.

[5]) Порфирьевъ: „Апокриф. сказ. о ветхоз. лицахъ и событіяхъ". Сборн. отд. русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ. т. XVII, № 1. Спб. 1877 годъ стр. 240—241, 260—261.

[6]) Драгомановъ „Малорусск. народн. преданія и разсказы". Кіевъ, 1876 годъ стр. 89—109.

IV.

Повѣсть, записанная нами въ ровенскомъ уѣздѣ волынской губерніи, представляетъ несомнѣнный этнографическій интересъ какъ нѣкоторыми оригинальными чертами содержанія, значительно дополняющими извѣстныя сказанія о Соломонѣ, такъ и формою выраженія, представляющею стилистическія особенности сѣвернаго волынскаго малорусскаго нарѣчія.

При сравненіи нашего сказанія съ извѣстными уже въ литературѣ повѣстями о Соломонѣ, оказалось нѣсколько общихъ по своему содержанію параллелей и варіантовъ. Небезъинтересно прослѣдить главныя изъ этихъ мѣстъ въ порядкѣ хода нашего сказанія.

Общимъ начальнымъ мотивомъ всѣхъ сказаній о Соломонѣ слѣдуетъ считать недовольство матери своимъ сыномъ Соломономъ. Причины недовольства матери на Соломона въ общемъ представляются одинаково всѣми сказаніями, но въ частностяхъ разнятся. Мать не взлюбила своего сына за насмѣшливое отношеніе къ женскому уму, который, по однимъ сказаніямъ, Соломонъ вѣсилъ съ песьимъ...[1]), а по другимъ—съ клочьемъ[2]). Нерасположеніе матери къ Соломону, когда онъ былъ еще въ ея чревѣ, очень характерно изображено въ разсказѣ Руданскаго у Драгоманова. „Повненька була Соломона маты, и прыходыть до неи идна пани и просытся сховать видъ пана. Царыця сховала, ажъ тутъ незабаромъ прыходыть и панъ тай пытае: „чи не було, каже, жинки, у ясной царыци?“.—Не було, пане, каже царыця“, а изъ неи Соломонъ и промовляе:—„не слухай, каже, моеи мамы, бо и мама така сама якъ и твоя жинка!“. Такой то бувъ Соломонъ и ще Богъ знае де“[3]). Въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова, основаніемъ недовольства матери Соломона на своего сына—показано знаніе интимныхъ продѣлокъ своей матери и

---

[1]) Памятн. стар. рус. лит., вып. III, стр. 63; Лѣтописи рус. лит. и древн. Тихонравова т. IV. 1862 г. стр. 112, 113, 123; Малор. народн. пред. и разсказы Драгоманова стр. 105.

[2]) Драгоманова: Малорус. народ. преданія, стр. 99—100.

[3]) Драгоманова: Малорус. нар. пред. стр. 99.

гласное изобличеніе ея въ безпутномъ поведеніи [1]). Наше сказаніе прибавляетъ ко всему этому еще новый мотивъ: мать не взлюбила сына за то, что онъ, будучи еще въ ея чревѣ, „точилъ войну“, имѣлъ неуживчивый характеръ.

О замѣнѣ Соломона сыномъ кузнеца — въ „Лѣтоп. рус. литературы“: „и найде бояринъ дѣтище у нѣкоего человѣка кузнецова сына въ образѣ царевича Соломона и принесоша его къ царицѣ Вирсавіи“ [2]). Давидъ сталъ наблюдать за дѣтскими играми своего маленькаго сына. Онъ очень удивился, когда увидалъ, что его сынъ „постави стулъ и повелѣ отрокомъ доспѣти молоты деревяны и нача на стулѣ ковати. И видѣ царь Давидъ, смутися умомъ“ [3]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ кузнечное ремесло считается достойнымъ занятіемъ для Соломона: Соломонъ добровольно занимается кузнечествомъ. Соломонъ „якъ взявъ молотъ, та якъ ударе, а те кувадло такъ и зашумило въ землю и сама кузня розвалылась“ [4]).

Прощаніе со слугой, которому велѣно бросить Соломона въ море, очень трогательно и очень подробно изображено въ „Повѣсти о царѣ Соломонѣ“, изданной Тихонравовымъ [5]). Здѣсь передается характерный разговоръ между Соломономъ и Ачкилой, которому приказано погубить Соломона; причемъ Соломонъ изображается глубоко вѣрующимъ въ провидѣніе, которое не допуститъ его до безвинной гибели.

Сходно передаются въ сказаніяхъ слова Соломона слугѣ: „и рече царевичъ Соломонъ боярину своему Ачкилу: поиди, бояринъ, возьми пса играющихъ съ сукою и заколи его и выньизъ него сердце и испеки и принеси матери моей и даждь ей,

---

[1]) Тихонравова: Лѣтописи русской литер. т. IV. 1862 г. ст. 122.

[2]) Лѣтоп. рус. литературы Тихонрав. т. IV, стр. 124; сравн. у Драгоман. „Малорусскія народн. пред.“ стр. 100; „Памятн. старин. рус. литерат.“ Пыпина вып. III, 64 стр; Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ“. Спб. 1872 г. стр. 53.

[3]) Лѣтоп. русск. литерат. 1862 г. т. IV. стр. 131.

[4]) Драгомановъ стр. 107.

[5]) Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 1862 г. 125—126 стр.

да асть" [1]). „Видрижте палець, безъ его я обійдуся, а серце выймить у собаки тай занесить до мамы. Мама не пизнае" [2]).

Очутившись на свободѣ, царевичъ Соломонъ началъ суды творити: „собравъ крестьянскихъ дѣтей, множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бысть, а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще, а иныхъ въ судіи; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ на древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро" [3]). Суды, какъ занятіе Соломона,—самый любимый мотивъ какъ народныхъ, такъ и апокрифическихъ сказаній [4]). Соломонъ изображается судьей не только надъ людьми, но и надъ животными [5]).

Вынужденный скрываться, Соломонъ переодѣвается „за дидка", иногда за пастуха, за купца, за коваля и др. Соломонъ, какъ нищій—мотивъ извѣстный многимъ сказаніямъ. „И пріиде Соломонъ въ царство Китоврасово, аки прохожей старецъ милостыню сбирать" [6])... при этомъ предъ воротами каждаго дома онъ говорилъ: „я Экклезіастъ, былъ царемъ Израиля во Іерусалимѣ" [7]). По другимъ сказаніямъ,—какъ и по нашему,—онъ тщательно скрываетъ свое настоящее имя и званіе. „И вопроси о имени, и рече Соломонъ:—„имя мое—Разумникъ нарицаюся" [8]).

Нашъ разсказъ о панахъ за столомъ съ длинными ложками очень схожъ съ такимъ же разсказомъ у Драгоманова: и сыдять гости надъ тою стравою тай кунають. Вже й царови наскучило дывытыся, и пишовъ винъ на часокъ до царыци. Ажъ тутъ раптомъ показався Соломонъ. „А чому, каже, не йисте вы, люде?"—Та якъ же жъ тутъ йисти, заговорили люди, колы ложки таки проклятиі!—„То годуйтесь якъ диты ложкамы черезъ стилъ!" [9]). Кажется,

---

[1]) Лѣтоп. русск. литературы 1862 г. т. IV, стр. 125—126.

[2]) Драгоманова стр. 100.

[3]) Лѣтоп. русск. литер. 1862 г. т. IV, стр. 130.

[4]) У Драгоманова 108—109 стр.; Памятн. стар. русск. литер. III, 55—57; Лѣтоп. рус. лит. IV, 1862 г. 130—131 стр. 134—137 и др.

[5]) Лѣтописи рус. литер. IV т. 134—137 стр. (Здѣсь же приложенъ рисунокъ суда Соломона надъ животными).

[6]) Лѣтоп. рус. литер. т. IV. 60 стр. Сравн. у Драгоманова 106 стр.

[7]) Порфирьевъ „Апокриф. сказанія" 73 стр.

[8]) Лѣтоп. русск. литер. IV т. 1862 г. 130 стр.

[9]) Драгоманова—100 стр.

этотъ разсказъ представляетъ особенность нашихъ малорусскихъ сказаній. Въ апокрифическихъ памятникахъ сѣверной руси онъ не разсказывается такъ типично. Къ чисто малороссійскимъ особенностямъ сказаній о Соломонѣ пр. Сумцовъ относитъ также то мѣсто (не встрѣчающееся у насъ), гдѣ разсказывается, какъ Богъ послалъ святыхъ на землю просить людей, чтобы кто нибудь отдалъ часть своей жизни Соломону (ему было назначено жить только три года), и одна баба согласилась отдать ему 50 лѣтъ [1]).

Отвѣтъ Соломона, когда ему предложено было оцѣнить золотой плугъ, въ малороссійскихъ сказаніяхъ передается въ такой формѣ: „гнивайтесь—не гнивайтесь, а я вамъ правду скажу, що якъ въ маю не буде ни капли дощу, то винъ (плугъ) не вартъ и сего куска хлиба, що я доидаю“ (купцы съ плугомъ застаютъ Соломона на полѣ пастухомъ, ѣвшимъ хлѣбъ [2]). Въ другихъ сказаніяхъ посланные застаютъ Соломона при очень циничной обстановкѣ, хотя и возмущающей вкусъ будуарнаго читателя, но за то очень характерно рисующей дородное малорусское остроуміе [3])... Въ сказаніяхъ Тихонравова вмѣсто плуга— колымага [4]).

О камнѣ Шамирѣ—въ „Памятн. отреч. литерат.“: „есть ноготь птичь малъ во имя шамиръ“ [5]). Въ сказаніяхъ подробно разсказывается, гдѣ хранился этотъ камень (у Асмодея) и какихъ трудностей стоило Соломону добыть его [6]). Подъ „шамиромъ“ въ данномъ случаѣ естественнѣе всего видѣть алмазъ, которымъ легко обдѣлывается стекло и рѣжутся драгоцѣнные камни.

Но особенно много варіантовъ находимъ въ разсказахъ о необыкновенной чудодѣйственной, магической силѣ Соломона.

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ 1887 г. іюнь—іюль 266 стр. (статья Сумцова: „Очеркъ исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ“).

[2]) Драгомановъ: „Малорусск. народн. предан. и разсказы“ стр. 101 сравн. стр. 106 разсказъ, записанный въ с. Михайловкѣ, маріупольскаго уѣзда, екатеринославск. губ.).

[3]) Драгомановъ 106—107 стр.

[4]) Лѣтоп. русск. литер. т. IV. 1862 г. 113 стр.

[5]) Памятник. отреченн. литер. Тихонрав. т. I, 256 стр.

[6]) Порфирьевъ: „Апокриф. сказанія“. 71—73 стр.

Обиліе разсказовъ этого рода показываетъ, что воображеніе авторовъ особенно было заинтересовано въ разработкѣ этихъ сюжетовъ. Въ повѣстяхъ, напримѣръ, разсказывается, какъ „царь Соломонъ полетѣ къ поднебесью яснымъ соколомъ... Пойде по землѣ лютымъ звѣремъ... поплы щукою въ море“ [1]). Царица раздумываетъ, какъ бы ей уйти отъ Соломона: „пойти... по землѣ, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ; а подымешь (она говоритъ посланнику, который пришелъ похитить ее) меня на пчелиныя крылья, — и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ“ [2]). Такъ и случилось. Не найдя царевны, „Соломонъ царь ростужился и въ кручину впалъ, и полетѣ Соломонъ подъ небеса яснымъ соколомъ, и не обшелъ ея подъ небеснымъ облакомъ, но пошелъ по земли лютымъ звѣремъ, и не обтече нигдѣ, и поплыветъ въ море щукою, и въ море не нашелъ, и бысть Соломонъ царь въ великой печали“ [3]).

„Пусти Господь перстень Соломону, и обладаетъ бѣсы всѣми“ [4]). Соломонъ заклинаетъ демоновъ, чтобы они добыли ему древо Господне, утонувшее въ рѣкѣ Іордани: „Завѣзую васъ азъ печатію Господнею, еже ми дасть богъ: „идете, идете, имете взаврьшіе и за корень и принесете ми“ [5]). По древнѣйшимъ преданіямъ востока, Соломонъ зналъ языкъ всѣхъ птицъ и животныхъ и со всѣми свободно могъ разговаривать;—владѣлъ способностью вызывать демоновъ и заставлялъ ихъ производить разныя трудныя работы; онъ составилъ книгу заклинаній для изгнанія демоновъ и для врачеванія разныхъ болѣзней [6]). Въ „іудейскихъ древностяхъ“ Іосифа Флавія говорится о Соломонѣ— какъ о волшебникѣ и чародѣѣ, производящемъ чудеса. „Я самъ видѣлъ, разсказываетъ Іосифъ Флавій, одного изъ моихъ соотечественниковъ, по имени Елеазара, который исцѣлялъ страждущихъ злыми духами... Къ носу бѣснующагося онъ приклады-

---

1) Лѣтоп. рус. литер. Тихонрав. т. IV. 1862 г. 118 стр.
2) Памятн. стар. русск. литер. вып. III, 67 стр.
3) Памятн. стар. рус. литер. вып. III. 67 стр.
4) Памятн. стар. русск. литер. III, 7.
5) Буслаевъ: „Историческіе очерки“ I, 490.
6) Порфирьевъ: „Апокриф. сказ.“ 71, 25, 92—93 стр.

валъ перстень, на которомъ была вырѣзана часть корня, указаннаго Соломономъ, и чрезъ обоняніе его изъ ноздрей извлекалъ демона... Бѣснующійся падалъ на землю, а онъ заклиналъ злаго духа... и при этомъ произносилъ имя Соломона" [1]). На магическомъ перстнѣ Соломона четыре раза было вырѣзано имя Божіе. Перстень давалъ ему власть надъ всею природою [2]). Въ коранѣ, въ 21 главѣ Богъ такъ говоритъ Соломону: „мы подчинили Соломону бурный вѣтеръ, онъ дулъ, по его повелѣнію, въ благословленную нами страну... И между демонами мы подчинили ему тѣхъ, которые ныряли для ловли ему жемчуга и исполняли другія его порученія. Мы сами наблюдали за нимъ". Власть Соломона надъ звѣрями очень типично представлена въ „повѣсти о царѣ Соломонѣ" [3]).

Объ измѣреніи Соломономъ высоты неба и глубины моря находимъ сходный разсказъ у Драгоманова,—въ разсказѣ Руданскаго: „Якъ ставъ (Соломонъ) на царство, то й задумавъ измираты небо. Зробывъ соби такого плуга, тай ставъ на крузи пидійматысь на небо. И ото уже пиднявся у самую хмару, а святый Петро ходыть у хмари тай до него й каже: „Стань, Соломоне! тутъ твоя граныця, а то дали якъ пидешъ, той не вернешься"... Спустывся Соломонъ тай думае соби: „не змиравъ я неба, хочъ змираю море!" И зробывъ соби шкляннную хату, сивъ у ню, тай казавъ себе на миранимъ ланцуху спускаты въ море. Ото его спускають, тай спускають, ажъ лизе до него морській ракъ. (А морськіи раки таки здорови, що два чоловика на соби кожный потягне). Ото и каже винъ до Соломона:—„Соломоне, Соломоне! не змираешь ты мора! Двадцять литъ шукавъ я колысь дна, та й то не найшовъ... Повертайсь ты назадъ"... Послухавъ Соломонъ тай выйшовъ изъ мора, а тутъ ему уже небагато й житы оставалось" [4]).

---

[1]) „Древности" І. Флавія, кн. VIII гл. II Сравн. у Порфирьева „Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ", стр. 261.

[2]) Порфирьевъ „Апокрифич. сказанія" 74, 75 и 76 стр.

[3]) Тихоправов.: „Лѣтописи русск. литерат. IV, 1862 г. 134—136 стр.

[4]) Драгомановъ: стр. 102. Сравнить съ сказаніемъ, записаннымъ въ маріупольскомъ уѣздѣ, екатеринославск. губ. у Драгоманова стр. 107—108.

Замѣчательно, что въ нашемъ сказаніи ничего не говорится о смерти Соломона,—вошедшей въ многія сказанія. Типичный малорусскій варіантъ смерти записанъ въ разсказѣ Руданскаго. Совершенно опускается также въ нашемъ сказаніи постройка знаменитаго Соломонова храма.

V.

Сказанія о Соломонѣ дошли до насъ въ формѣ повѣстей. Духовныхъ стиховъ, въ которыхъ бы изображался Соломонъ, подобно тому какъ въ нихъ изображаются другія библейскія лица и событія (напр. дѣва Марія, Лазарь, Рождество, страданія Спасителя и др.), почти нѣтъ въ народѣ. „Соломоновская сага не проникала глубоко въ народный стихъ", говорилъ А. Веселовскій. „Пѣсни о Василіѣ Окульевичѣ, пѣсня-побывальщина о Соломонѣ и слѣпомъ становятся чѣмъ то среднимъ между былиною и собственно духовнымъ стихомъ и лишены его религіозной назидательности" [1]). Сказанія о Соломонѣ—сюжетъ очень неблагодарный для народнаго духовнаго стиха. Въ духовномъ стихѣ народъ привыкъ выражать большею частью серьезно-глубокомысленные сюжеты и вдохновенно-пророческія чувства (напр., въ стихахъ о страшномъ судѣ и раѣ). Внѣшняя форма выраженія народной фантазіи является не случайной оболочкой идеи, а ея органической существенной принадлежностью. Позволимъ себѣ остановиться на этой особенности народнаго поэтическаго творчества, чтобы выяснить, почему сказанія о Соломонѣ не вошли въ духовные стихи.

Насколько духовные стихи выражаютъ возвышенное понятіе, вполнѣ достойное предметовъ библейскихъ событій, послужившихъ сюжетомъ стиховъ, настолько сказанія прозаическія отступаютъ отъ высокаго стиля и впадаютъ часто въ легкій, обыденный, иногда даже шутливый тонъ. Случаи обратнаго употребленія прозы и духовнаго стиха встрѣчаются какъ исключеніе. Стоитъ только сравнить наши малорусскіе духовные вирши, ко-

[1]) Веселовскій: „Разысканія въ области русскаго духовн. стиха" т. V стр. 73.

лядки, пѣсни, имѣющія своимъ сюжетомъ то или другое библейское событіе,—съ прозаическими разсказами одного содержанія, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго. Какою, напримѣръ, величавостью дышутъ эти слова общеизвѣстной народной коляды, слышанной нами въ волынской губерніи въ такой формѣ:

Бачить Богъ, бачить Вседержитель,
Що весь міръ погибае,
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылае.
Благовистныкъ въ Назарети,
Стала слава у вертепи...
О пресладкій Виѳлееме
Отверзи врата едема... и т. д.[1]).

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются народныя легендарныя сказанія о рожденіи Спасителя, выраженныя въ прозаической формѣ [2]).

Или сравнимъ разсказы о сотвореніи міра въ прозѣ и стихахъ. Разсказы прозою отличаются большей или меньшей степенью игривости, пикантности и мѣстами юморомъ. Тутъ больше простора для вставокъ, случайныхъ уклоненій въ сторону отъ главной темы разсказа, больше соблазна для разсказчика разойтись по своему [3]). Иной характеръ имѣютъ духовные стихи о сотвореніи міра. Здѣсь опредѣленная мысль слагается въ опредѣленную форму, не допускающую грубыхъ уклоненій. Напримѣръ:

Якъ то було спрежде вика
Зачатіе свита;
Выгравало синее море и т. д [4]).

Даже въ томъ случаѣ, когда духовный стихъ по своему содержанію очень близко подходитъ къ прозаической по-

---

[1]) Сравнить у Безсонова; т. IV стр. 108.

[2]) Наприм. у Драгоманова: стр. 109 („Іисусъ Христосъ въ ясляхъ").

[3]) Наприм., Сказанія о происхожденіи міра у Драгоманова, стр. 89; „Кіевск. Стар." 1887 г. май. (Сообщеніе Ю. Олтаржевскаго — „Изъ народныхъ повѣрій"); у Чубинскаго I стр. 142 и др.

[4]) „Кіевск. Стар." 1887 г. іюнь—іюль стр. 242.

вѣсти—до тожества фабулы, вышеозначенная разница между стихомъ и повѣстью значительна. Напримѣръ:

Рече Господь до св. Петра:
— „Пурни, Петре, на дно въ море;
Достань, Петре, жовтого писку,
Та посій по всему свиту,
Сотвори, Петре, небо и землю,
Небо зъ звиздами,
Землю зъ квитами".
Петро пурнувъ и дна не доставъ,
И писку не взявъ,
И свита не сіявъ [1]).

Сравнить съ галицкой колядкой, записанной Головацкимъ:

„Колысь то було зъ початку свѣта
Подуй же, подуй, Господи, зъ духомъ святымъ по землѣ
Втоды не було неба ни земли
Неба ни земли нимъ сине море...
А середь моря та два дубойки
Сѣли упали два глубойци,
Почали собѣ раду радити
Раду радити и гуркотати;
Якъ бы маемо свѣтъ основати?
Спустиме мы ся на дно до моря:
Выneме си дрибного писку [2]).

Тѣ же мотивы составляютъ содержаніе и соотвѣтствующихъ прозаическихъ разсказовъ у Чубинскаго, Драгоманова. Но эти послѣдніе разсказы значительно отступаютъ отъ тона рѣчи духовныхъ стиховъ и часто сбиваются въ анекдотическую форму легкаго разсказа.

Также—о первыхъ людяхъ у Чубинскаго: „Письня объ Адами и Еви" [3]), двѣ пѣсни въ „Каликахъ перехожихъ" [4])... сравнить съ соотвѣтствующими прозаическими сказаніями.

Или сравнить, наприм., „Пѣсню о страшномъ судѣ" (записанную Стецкимъ на Волыни) съ разсказомъ о томъ же предметѣ у Чубинскаго [5]).

---

[1]) „Кіевск. Стар." 1887 г. іюнь—іюль 242 стр.

[2]) Варенцовъ: „Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ" Спб. 1860 г., стр. 240—241; у Буслаева „Историч. Очерки" I, Спб. 1861 г. стр. 148 и 149.

[3]) Т. I, стр. 147 и 148.

[4]) Т. VI, стр. 261.

[5]) Т. I, стр. 220—221.

Или—поэтическія лучшія малорусскія пѣсни о страшномъ судѣ, записанныя въ Галиціи [1]), съ очень сходными прозаическими разсказами въ „Запискахъ о южной Руси" Кулиша [2]).

Понятно послѣ этого, почему Соломонъ съ своими калейдоскопически пестрыми, забавными похожденіями не могъ занять мѣста въ духовномъ стихѣ.

Ѳ. Кудринскій.

¹) Головац. II, стр. 158, 235, 236.

²) Т. I, стр. 307—308 и въ „Филологич. Записк." 1878 г. т. IV, стр. 101; „Кіевск. Стар." 87 г. ноябрь 427 стр.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. А. КУЛИША.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Русское Обозрѣніе“ (мартъ, 1897 г.) помѣщена княземъ Н. Шаховскимъ интересная статья, озаглавленная „Памяти П. А. Кулиша“. По сознанію самого автора, онъ лично не зналъ и никогда не видалъ почтеннаго старца, но состоялъ съ нимъ въ перепискѣ въ теченіе слишкомъ трехъ лѣтъ, начиная съ іюня мѣсяца 1893 года, когда труды по собиранію матеріаловъ для жизнеописанія Н. П. Гилярова-Платонова натолкнули его на необходимость обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ П. А. Кулишу. „Отзывчивость (продолжаетъ авторъ), съ которою Пантелеймонъ Александровичъ отнесся къ занимавшимъ насъ вопросамъ, и особенный характеръ добродушія, мягкости и нѣкоторой торжественности, въ соединеніи съ душевнымъ жаромъ, коими проникнуты были его письма, возбудили въ насъ живой интересъ къ личности маститаго трудолюбца. Мы не удержались на почвѣ нашихъ разысканій о Гиляровѣ и коснулись въ перепискѣ съ Кулишемъ и другихъ предметовъ. Полученныя отъ него письма раскрыли передъ нами своеобразный міръ идей и чувствованій, въ которомъ жилъ покойный, и обнаружили неизвѣстныя намъ стороны его дѣятельности“. Отрывки и выдержки изъ этой переписки и составляютъ главное содержаніе статьи князя Шаховского. Приводимыя имъ письма П. А. Кулиша по большей части представляютъ настолько важный интересъ для біографіи недавно скончавшагося украинскаго историка и литератора, что мы не

считаемъ себя въ правѣ обойти ихъ молчаніемъ и не подѣлиться выдержками изъ нихъ съ читателями нашего журнала.

Наиболѣе раннія по времени автобіографическія воспоминанія Кулиша въ этой перепискѣ относятся къ 1845—47 годамъ, къ его пребыванію въ Петербургѣ и литературнымъ занятіямъ подъ дружественнымъ вліяніемъ и покровительствомъ тогдашняго ректора С.-Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Недавно въ нашемъ журналѣ[1]) были помѣщены выдержки изъ переписки Я. К. Грота съ Плетневымъ, весьма характерно рисующія отношенія послѣдняго къ Кулишу. Любопытно дополнить ихъ отзывомъ самого П. А. Кулиша о тѣхъ же отношеніяхъ: „Я (пишетъ онъ кн. Шаховскому), будучи неопытнымъ и, можно сказать, порченнымъ юношей-провинціаломъ, попалъ въ руки несравненному П. А. Плетневу, и онъ пересоздалъ меня такъ, что, отправляя заграницу въ 1847 году, писалъ Жуковскому: „посылаю тебѣ другого себя".—„Во время нашихъ ежедневныхъ прогулокъ, въ промежутокъ между сномъ и завтракомъ, незабвенный Петръ Александровичъ любилъ вдаваться въ свои воспоминанія о быломъ вообще, и многое, никому неизвѣстное, разсказывалъ мнѣ о живомъ еще тогда Гоголѣ. Когда Гоголь столь неожиданно и рано пересталъ дивить и смущать насъ разнообразными видѣніями своими, я не замедлилъ изложить на бумагѣ тѣ изъ воспоминаній о немъ Плетнева, какія считалъ своевременными среди свѣжихъ сожалѣній Гоголевыхъ почитателей.

„Сдержанность моя заслужила одобреніе Плетнева. Кой о чемъ распространился онъ тутъ же на словахъ и, когда я вводилъ въ рукопись недостающее въ ней, благодушный мой Менторъ, съ юношескою нетерпѣливостью, раза два посѣтилъ меня, выслушивалъ мои вставки и диктовалъ мнѣ новыя.

„Когда же, наконецъ, мои воспоминанія были напечатаны, передо мною растворились многія незнакомыя двери, согласно желанію Плетнева. Нерѣдко мои изысканія происходили въ его присутствіи, и такимъ образомъ исчерпали мы въ Петербургѣ

[1]) „Кіев. Стар." декабрь 1896 г.

разсказы и рукописи, относящіеся къ жизни почившаго среди насъ геніальнаго человѣка.

„Петербургскіе знакомые посодѣйствовали мнѣ въ эксплуатаціи и Москвы въ томъ же родѣ. Тамъ я былъ знакомъ еще съ 1848 г. съ Хомяковымъ, который, будучи знаменитъ, посѣтилъ меня, невѣдомаго почти никому изгнанника, въ Тулѣ и старался разсѣять мою тоску зимнею охотой у себя въ деревнѣ. Въ Москвѣ жилъ и мой другъ О. М. Бодянскій. Онъ познакомилъ меня со всесторонне чувствующимъ, истинно русскимъ и истинно *великорусскимъ* домомъ Аксаковыхъ. Въ С. Т. Аксаковѣ нашелъ я чудо изъ чудесъ—юношу въ сѣдинахъ, горячаго ко всякой полезной предпріимчивости. Для скопированія множества писемъ Гоголя, писанныхъ къ Аксаковымъ и добытыхъ при ихъ посредствѣ отъ другихъ лицъ,—гостилъ я у нихъ въ деревнѣ по нѣскольку недѣль, и здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, позналъ цѣну великорусскому народу, собирателю нашей расторгнутой Русской земли.

„Среди этой образцовой во многихъ отношеніяхъ семьи сподобился я познакомиться дружественно и съ великимъ по русскому духу и русскому уму человѣкомъ, Никитою Петровичемъ Гиляровымъ-Платоновымъ, замученнымъ въ самомъ цвѣту нравственныхъ силъ не понимавшими его властителями и судьями. Но объ этомъ Ильѣ-Муромцѣ духовной дѣятельности предоставимъ распространиться перу, передъ которымъ я сторонюсь почтительно.

„Записки о жизни Гоголя" заслуживаютъ вашего чтенія, какъ рѣдкая книга, которую отъ начала до конца прочитывалъ я С. Т. и К. С. Аксаковымъ, которые не оставляли ничего, требующаго не только фактической, но и стилистической поправки. Иногда любезный богамъ и смертнымъ старецъ вскакивалъ съ плетенаго своего кресла и прикрикивалъ на меня, какъ на школьника: „И что это вы вдаетесь въ реторику! пишите такъ просто, какъ со мною говорите". Я же, помня словеса великаго поэта-царя: „предъ мудрымъ склони голову—пускай онъ своимъ укоромъ обливаетъ ее, какъ олеомъ" (не помню подлинника славянскаго)—помня сіи спасительныя для меня словеса, я вновь

писалъ отмѣченное мѣсто и вновь прочитывалъ краснорѣчивому въ простотѣ своей Нестору написанное, доколѣ не удостоивался одобренія“.

„Въ то время племянникъ Гоголя, студентъ Московскаго университета, Трушковскій, предпринялъ было уже изданіе сочиненій своего дяди по матери, in octavo (которое вскорѣ вышло въ свѣтъ подъ моею редакціей), но заболѣлъ и долженъ былъ прекратить работу въ самомъ ея началѣ. Однако-жъ онъ успѣлъ собрать множество писемъ Гоголя и къ Гоголю. Весь Аксаковскій кружокъ заговорилъ, что и безъ болѣзни Трушковскій (давно уже покойный) *не обладаетъ энергіей труда, необходимой для такого предпріятія*,—тѣмъ болѣе, что, по смерти знаменитаго автора, спросъ на его сочиненія былъ очень великъ, а это составляло немаловажную заботу въ имущественномъ отношеніи для наслѣдниковъ Гоголя.

„Этимъ путемъ автографы поэта, находившіеся въ рукахъ у Трушковскаго, и всѣ относившіяся къ нему рукописи перешли въ мои руки, и я перенесъ изданіе въ Петербургъ, гдѣ заставилъ работать параллельно нѣсколько типографій.

„Правительство, изображаемое цензурой, ни въ чемъ не препятствовало мнѣ. А что въ письмахъ Гоголя сдѣлано множество пропусковъ, то на этомъ настаивалъ П. А. Плетневъ, какъ человѣкъ съ общественнымъ и литературнымъ тактомъ, дабы не тронуть щекотливой струны въ чьемъ-либо умѣ и сердцѣ. Всѣ эти пропуски были у меня помѣчены систематически французскими буквами, и этотъ ключъ для будущаго открывателя посмертныхъ сенсацій присоединенъ мною къ автографамъ и копіямъ писемъ, вмѣстѣ съ которыми и сданъ по принадлежности наслѣдникамъ Гоголя.

„Но, къ общему нашему сожалѣнію, провинціалы—наслѣдники великаго человѣка не умѣли хранить національнаго сокровища и довели его до исчезновенія въ нѣмой вѣчности. Мой систематически составленный ключъ канулъ также въ вѣчность,—и самыя благородныя усилія моего московскаго друга Вл. Ив. Шенрока возсоздать его въ цѣлости остались безуспѣшными.

„Наслѣдники Гоголя до такой степени не понимали своей хранительной функціи, что когда всѣ рукописи и бумаги ихъ благодѣтеля исчезли съ его походнымъ чемоданомъ изъ-подъ кровати его матери (что произошло спустя много лѣтъ послѣ передачи безцѣннаго скарба наслѣдникамъ поэта)[1]), одна изъ сестеръ его, Ольга Васильевна, спрашивала у меня письменно: не у меня ли остался этотъ скарбъ?![2]).

„Вотъ все, что въ состояніи отвѣчать страдающій инфлуэнціей человѣкъ здоровому, которому желаетъ выполнить предпринятое, широко задуманное, благородное дѣло во славу своего собственнаго и нашего русскаго имени.

„Благодарю Бартенева за его память обо мнѣ и почетное для меня приношеніе[3]). Да не можетъ ли онъ снабдить меня тѣмъ ливрезономъ *Русскаго Архива*, въ которомъ напечатана процедура допроса и суда надъ нами? Вообще я желалъ бы собрать все, что мнѣ самому напоминало-бы о забытыхъ обстоятельствахъ, именахъ, датахъ моего существованія, которое дало бы мнѣ возможность уразумѣть яснѣе внѣшній міръ".

Просимый „ливрезонъ „*Русскаго Архива*" былъ посланъ Кулишу, и въ отвѣтъ послѣдовало слѣдующее письмо его:

„Благодарю, благодарю за присылку статьи обо мнѣ, напечатанной въ *Русскомъ Архивѣ*! Меня интересуетъ, что и въ молодости я уже принадлежалъ не къ худшимъ людямъ. Все это мною позабыто въ толкотнѣ житейскихъ интересовъ.

„Послѣдній (VII) томъ біографіи Погодина я получилъ и читалъ о себѣ какъ о какомъ-то неизвѣстномъ. Но память моя, роняя по дорогѣ жизни многое, хранитъ характеристическія черты такихъ, напримѣръ, заслуженныхъ людей, какъ почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. Когда скончалась его жена, онъ тотчасъ написалъ къ Максимовичу письмо, достойное человѣка съ душой и сердцемъ. Но тотъ же Максимовичъ разсказывалъ мнѣ о немъ

---

[1]) Храню документальное извѣстіе объ этомъ въ собственноручномъ письмѣ ко мнѣ Анны Васильевны Гоголь.

[2]) Храню и этотъ документъ.

[3]) П. И. Бартеневъ послалъ А. П. Кулишу книжку *Русскаго Архива*.

ужасы чужеядной жизни, представителемъ которой былъ онъ по наслѣдству отъ отца—крѣпостнаго прикащика, проглотившаго цѣликомъ своего неопытнаго барина съ его имѣніемъ и тѣмъ домомъ на Дѣвичьемъ полѣ, который добрые люди сдѣлали извѣстнымъ всей Россіи. Это повѣствованіе не мѣшало Максимовичу отвѣчать на сердечное письмо сердечно и эксплуатировать „любезнаго академика" въ пользу своего кармана и своей „*суетной славицы*" [1]).

Къ отношеніямъ своимъ къ Плетневу Кулишъ не разъ возвращается въ письмахъ своихъ къ намъ.

„Во время оно бесѣдовали мы—писалъ онъ—о томъ-о семъ въ маленькомъ кружкѣ Плетнева, котораго я восхищалъ, бывало, знаніемъ не только Пушкина и Жуковскаго наизустъ, но и такихъ поэтовъ, о которыхъ никто изъ его кружка не слыхалъ. Онъ меня очень любилъ и не разъ восхищалъ, обращаясь къ представителямъ тогдашняго молодого поколѣнія: „вотъ какъ надобно изучать русскую словесность!".

„Въ оный памятный мнѣ вечеръ, когда я разсмѣшилъ Плетневскій кружокъ стихотвореніемъ, какого никто и вообразить не могъ, напечатаннымъ да еще въ гимназической хрестоматіи, („Опытный способъ Россійской Словесности"), именно вотъ какимъ:

Пень ко небу гласъ возноситъ
И еще Перуна проситъ:
Сжалься, боже, надо мной!
Въ грустяхъ провождая вѣки,
Наслаждаяся, стеня,
Всѣхъ несчастнѣй человѣки
Злополучнѣе меня...
и т. д.

„Когда (продолжаю) мы, люди, по собственному мнѣнію, умные, были въ самомъ веселомъ расположеніи духа по милости литературнаго глупца, входитъ графъ Толстой (Левъ), въ сопрожденіи Панаева, который и возвѣстилъ намъ имя, сдѣлавшееся наконецъ столь знаменитымъ. Я и Плетневъ одинаково прези-

---

[1]) Эти строки очень характерны, но не по отношенію къ Максимовичу, въ бѣдности прожившему чуть не всю вторую половину своей жизни, а по отношенію къ лицу, дававшему такую характеристику.—*Ред.*

рали Панаева,—и было за что (читайте мой рукописный „Омутъ" въ редакціи *Русскаго Обозрѣнія*) [1]). Я и Плетневъ почувствовали отвращеніе къ пятну, которымъ его развязно-дружеская манера быть съ графомъ Толстымъ помрачила чистоту неизвѣстной еще намъ личности. Но тѣмъ не менѣе мой Менторъ спѣшилъ познакомить меня съ новымъ дѣятелемъ слова, мысли и чувства. Манера графа Толстаго обращаться съ юношей, о которомъ въ нѣсколькихъ словахъ сказано было много, и сказано человѣкомъ высшаго свѣта, не того, о которомъ его ближайшій другъ написалъ:

И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

эта манера никогда не изгладилась изъ памяти моего ума и сердца. Я былъ и есмь—критикомъ, безпощаднымъ къ произведеніямъ Толстаго, и безпощадность моя, соединявшая воедино *поэта, умствователя и человѣка,* сдѣлала изъ меня чудо,—чудо незнанія и нежеланія знать множайшія изъ его произведеній.

„Еслибъ я прочелъ послѣднія произведенія Толстаго, я бы на нѣсколько часовъ лишилъ себя способности сосредоточиться всецѣло на томъ предметѣ (переводъ книгъ Св. Писанія), который обширностью и глубиной своего значенія требуетъ отъ меня такого тихаго дружескаго обмѣна сочувствій, какимъ я наслаждался ежедневно по утрамъ, гуляя регулярно по граниту, освященному для насъ обоихъ прикосновеніемъ ногъ великаго поэта и великаго человѣколюбца".

Изъ VII книги „Жизни и трудовъ Погодина", соч. Н. Барсукова, изданной въ 1893 г., князь Шаховской почерпнулъ извѣстіе, что за полвѣка предъ тѣмъ, въ 1843 году, Кулишъ выступилъ на литературное поприще повѣстью изъ малороссійскаго быта, подъ заглавіемъ: *Михаилъ Чернышенко или Малороссія 80 лѣтъ назадъ*". Съ этою литературною золотою свадьбою онъ поздравилъ юбиляра и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе познакомиться съ самой повѣстью. Отвѣчая на это привѣтствіе, Кулишъ писалъ:

---

[1]) Повѣсть эта начата печатаніемъ въ той же книгѣ „Русскаго Обозрѣнія".—*Ред.*

„Я получаю *Историческій Вѣстникъ* и *Русское Обозрѣніе,* но узнаю только изъ вашего почтеннѣйшаго письма, что въ VII томѣ прекрасной книги Барсукова идетъ рѣчь о моемъ вступленіи на литературное поприще въ 1843 году. Отъ всей души благодарю за привѣтствіе съ литературною моею свадьбой. Оно тѣмъ дороже для меня, что пришло изъ враждебнаго лагеря... Какъ это грустно, что лагерь, къ которому я дружелюбно примкнулъ опытомъ „Исторія Возсоединенія Руси“, называю—и какъ политикъ, и какъ историкъ—враждебнымъ! Въ 1860-хъ годахъ я поработалъ съ княземъ Черкасскимъ и Милютинымъ надъ уравновѣшеньемъ русскаго элемента съ польскимъ ревностно; но ихъ преемники сдѣлали едва не австрійскимъ подданнымъ человѣка, одушевленнаго непостижимымъ для нихъ русскимъ патріотизмомъ. *Задача международнаго равновѣсія* до сихъ поръ сіяетъ передо мною путеводною здѣздой. Насколько позволяли мои обстоятельства, я, въ хуторскомъ одиночествѣ, подготовилъ къ обработкѣ въ большихъ библіотекахъ девять томовъ, такъ называемаго, исправленнаго и дополненнаго изданія Исторіи русскаго возсоединенія, но увы! существую въ вѣкъ, который продолжаетъ смотрѣть на меня какъ на человѣка вреднаго,—продолжаетъ смотрѣть даже глазами русской прессы.

„Вы отзываетесь о моей первой повѣсти съ трогательнымъ для столѣтняго (почти столѣтняго) человѣка вниманіемъ. Она была напечатана въ Кіевѣ въ 1843 году отдѣльною книгой. Черезъ 40 лѣтъ по ея написаніи извѣстный книгопродавецъ О. М. Вольфъ обратился ко мнѣ съ предложеніемъ издать собраніе моихъ сочиненій, написанныхъ не помалорусски. Я жилъ тогда обонполъ политической пропасти, и, такъ какъ, по его же плану, за моими великорусскими сочиненіями должны были послѣдовать изданія малорусскія, въ томъ числѣ и иллюстрированныя (у меня сохранилась блестящая надеждами программа покойнаго Вольфа), то мнѣ представлялась возможность устроить нѣчто полное *для уравновѣшенія русскаго элемента съ польскимъ въ Малороссіи австрійской,* т. е. продолжать начатое во время моей варшавской службы дѣло русскаго возсоединенія, прерванное внезапн. смертью Милютина. Мой черновой набросокъ проекта этого возсоедине-

нія сдѣлался въ рукахъ чиновниковъ-рабовъ орудіемъ сатрапскаго увольненія меня отъ службы, а внезапная смерть Вольфа (pecuniarum causa) не дала мнѣ возможности проводить мою идею въ жизнь среди австрійской Руси. Къ этому присоединилась и энциклика римскаго папы, о которой, по случаю напечатанія моей переписки съ Крашевскимъ, я помѣстилъ мое заявленіе въ галицко-русской газетѣ *Народъ* 1892 года. Противъ зловредной папской энциклики протестовалъ я въ 1882 году нѣмецкою брошюрой: Auferstehung des Rutzki und Kuncewitsch in Galizien. Одновременно съ этою брошюрой долженствовалъ появиться въ Лейпцигѣ малорусскій текстъ моей брошюры. Но лейпцигскій книгопродавецъ Герардъ возвратилъ мнѣ мою рукопись, отказавшись печатать ее на мой счетъ, „потому-что она была конфискована въ Вѣнѣ". Этотъ курьезъ хваленаго свободомыслія нѣмецкаго посылаю вамъ на нѣкоторое время. Желалъ бы я, чтобы его прочелъ кто-нибудь изъ моихъ земляковъ, способный судить, до какой степени малорусскій языкъ, испробованный мною на Библіи, Шекспирѣ, Байронѣ, Гёте, Шиллерѣ, Гейне, способенъ вести прю съ римскими клерикалами.

„Библія была переведена мною на нашъ старорусскій языкъ вся, *но книги Ветхаго Завѣта у меня сгорѣли.* Новый Завѣтъ пріобрѣтенъ британскимъ библейскимъ обществомъ и *поддерживаетъ русскій элементъ въ австрійской Малороссіи, на зло польско-іезуитскимъ политикамъ.* Я впрочемъ не сожалѣю объ утратѣ моего перевода ветхозавѣтной Библіи, благодаря великодушному труду оксфордскихъ оріенталистовъ, изъ которыхъ многіе отъ преутомленія пожертвовали жизнію. Если бы кто-нибудь изъ русскихъ обоюдонаціональныхъ патріотовъ (отъ нихъ же первый есмь азъ) sine ira et studio, устроилъ компромиссъ между мною и британскимъ библейскимъ обществомъ,—я бы отложилъ въ сторону мое хуторское изученіе Ренановъ да Тэновъ для того, чтобы давать ежедневно по нѣскольку листковъ душеспасительнаго и языковоспитательнаго чтенія моимъ землякамъ, которые, въ лицѣ своихъ книжниковъ, фариссеевъ и саддукеевъ, фабрикуютъ козако-гайдамацкую литературу, подъ деви-

зомъ „Недоросля“: *мнѣ, батюшка, повѣрь, все то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка.*

„По пріобрѣтеніи библейскимъ обществомъ Новаго Завѣта, велъ я переговоры съ резидирующимъ въ Вѣнѣ министромъ Миллярдомъ, но этотъ господинъ, по моему мнѣнію, не вполнѣ соотвѣтствуетъ своей профессіи. Если бы глубокоуважаемое мною общество благоволило адресоваться ко мнѣ изъ Лондона,—я настолько знаю англійскій языкъ, чтобы вести съ нимъ переписку непосредственно.

„Вотъ въ какой дикій лѣсъ завелъ я васъ! Изображеніемъ такой дичи въ Англіи среднихъ вѣковъ очаровалъ и ободрилъ меня Тэнъ, въ своей Histoire de la Litterature Anglaise.

„Изъ учтивости къ вашему любезному освѣдомленію о моей повѣсти, посылаю вамъ „Михайла Чарнышенка“. Я сократилъ его по желанію харьковскаго переводчика на малороссійскій языкъ. Этому переводчику обязанъ онъ и своимъ неуклюжимъ переплетомъ. Пускай не брезгаютъ книгой-провинціалкой столичные жильцы вашихъ книжныхъ шкаповъ, и сохранятъ ее въ своей изящной средѣ до чаемаго нами малороссами воскресенія мертвыхъ и несомнѣнной жизни будущаго вѣка. Аминь!“.

Какъ извѣстно, повѣсть „*Михайло Чарнышенко*“ начинается восторженнымъ описаніемъ стариннаго быта Малороссіи, полнымъ горячаго сочувствія къ славнымъ витязямъ Украины, къ ея „поэмѣ-исторіи“ и ко всѣмъ особенностямъ ея своеобразной минувшей жизни. Теперь, въ зависимости отъ рѣзко измѣнившихся историческихъ воззрѣній автора, этотъ хвалебный гимнъ Малороссіи въ ея прошломъ не долженъ былъ уже появляться въ новыхъ изданіяхъ повѣсти—ни въ предполагавшемся Вольфовскомъ, ни въ харьковскомъ переводѣ. Зачеркнувъ въ посланномъ князю Шаховскому экземплярѣ „*Мих. Чарнышенка*“ начальныя страницы повѣсти, П. А. Кулишъ написалъ на ихъ поляхъ слѣдующія слова:

„При свѣтѣ объективнаго изученія родной старины параллельно съ чужою стариною все это сдѣлалось *миражемъ*,—хотя въ малорусской читающей публикѣ большинство предпочитаетъ „прежняго“ Кулиша нынѣшнему. Но премудрость оправдается

отъ чадъ своихъ". А въ письмѣ онъ прибавилъ къ этому: „Дорожу всего больше словомъ правды о нашей польско-русской старинѣ, передѣланной шиворотъ на выворотъ съ легкой руки геніальныхъ неучей Гоголя и Шевченка".

На просьбу кн. Шаховского разъяснить, что разумѣлъ Кулишъ подъ словами въ предыдущемъ письмѣ: „задача международнаго равновѣсія", онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 21 августа 1893 года:

„Задача международнаго равновѣсія, писалъ онъ—у меня значитъ возвращеніе къ праву жизненнаго равенства, нарушенному между старою и новою Русью, то-есть между Малою и Великою Россіей, вслѣдствіе татарскаго погрома и возвышенія Литвы да Польши на степень культурныхъ народовъ, по милости нашихъ старорусскихъ предковъ, именно тѣхъ изъ нихъ, которыхъ обѣ сосѣднія національности ассимилировали съ собою. Литва, собственно говоря, была та же Рус., въ минимальной численности, родная той Руси, которую монголы частью прогнали на Клязьму, частью прижали къ Угорскимъ горамъ. Что касается Польши, искусно, по-римски присоединившейся къ литворуссамъ, то она втянула въ свою народность все талантливое, знатное и богатое въ нашей старорусской предковщинѣ. Когда бъ послѣ ея захвата просѣять неравныя по крупности и достоинству зерна польской пшеницы сквозь политическое рѣшето, то въ немъ осталась бы только русская часть представителей польскаго ума, польской знатности, польскаго богатства. Но политическое рѣшето, равнозначащее съ международною динамикой, изобрѣтено такъ поздно, что остающіяся въ немъ крупныя, благородныя и дорогія зерна, будучи разсѣяны самою доброжелательною рукой по варягорусскимъ займищамъ, производили бы уже не русское, а польское племя. Такъ оно было и было такъ въ самый разгаръ борьбы съ латино-польскимъ элементомъ за „древне-русское благочестіе", когда князь Константинъ-Василій Острожскій, отправляя своего первенца въ чужіе края, напутствовалъ его словами: „помни, мой сынъ, что ты полякъ".

„Нося въ умѣ подобныя воспоминанія, заговорщикъ и *гетманъ* 1847 года очутился у кормила верховной власти въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ потомкомъ знаменитыхъ князей Черкасскихъ, и служба была для него дѣломъ второстепеннымъ, хотя, по множеству его работъ (между прочимъ болѣе 70 томовъ редактированнаго имъ русскаго перевода „Административныхъ Постановленій Царства Польскаго“) князю Черкасскому и казалось, что онъ „абсорбированъ“ (всеподданнѣйшій докладъ о назначеніи *ех-гетману* жалованья ad personam). Свидѣтельствомъ идеи, дѣйствительно абсорбировавшей его, была (и безъ сомнѣнія сохранилась въ государственномъ архивѣ) рукопись его подъ заглавіемъ „Русь и Польша“, которую докладывалъ Милютинъ Императору Алексадру II[1]) и сообщилъ оффиціально въ Варшаву о благосклонномъ отзывѣ Его Величества, и импровизированный имъ потомъ „*Холмскій календарь*“, съ его статьей *о Польшѣ и Россіи*[2]), и наконецъ „Исторія Возсоединенія Руси“, которой начало подъ заглавіемъ „Колонизація Русскихъ пустынь“, напечатана въ *Вѣстникѣ Европы.* Зловреднаго заговорщика 1847 года абсорбировала исторія, какъ основаніе русской политики относительно Польши и той Россіи, которая по своему разрушительному вліянію на судьбы Польши и созидательному на судьбы великаго Русскаго міра, не совсѣмъ вѣрно называется Малою.

„Старанія наши объ уравновѣшеніи польскаго элемента съ русскимъ (согласно динамикѣ народностей) на древне-русской этнографической почвѣ, которая въ до-владимірскую старину простиралась за Краковъ, были остановлены внезапною смертью Милютина и торжествомъ сторонниковъ графа Берга надъ сторонниками князя Черкасскаго.

„Теперь, кажется, я облегчилъ вамъ то, что вы столь для меня лестно называете изученіемъ меня, чтобъ вполнѣ освоиться

---

[1]) Это было сдѣлано безъ всякаго намека со стороны автора. (Прим. Кулиша).

[2]) Я не былъ еще тогда директоромъ духовныхъ дѣлъ, и князь Черкасскій былъ пораженъ этой книгой, а о моей статьѣ думалъ, что ее написалъ Костомаровъ (печальное доказательство того, какъ иногда популярность, отравляя умъ писателя, дѣйствуетъ и на умы неотравленные). (Его же примѣч.).

съ моими взглядами. Но прежде чѣмъ приняться за чтеніе моей напечатанной въ 1874 и 1877 годахъ книги („Исторія Возсоединенія Руси"), благоволите прочитать прилагаемое при семъ предисловіе [1]), чтобы не читать, а развѣ перелистывать „Исторію Возсоединенія Руси", такъ какъ въ ней, рядомъ съ мыслями вѣрными, печаталось и такое, чего теперь я уже не напечаталъ бы. По пословицѣ est modus in rebus, которою незабвенный князь Черкасскій ободрялъ меня въ служебныхъ бременахъ, не всегда удобоносимыхъ (онъ прочилъ меня на свое мѣсто,—heu! nos homunculi...), я сдѣлалъ значительные успѣхи не только въ его служебномъ дѣлѣ, но и въ моемъ собственномъ. Такъ по крайней мѣрѣ хочется думать во исполненіе заповѣди апостольской: „духа не угашайте, Богу (исторической правды) служите прилежно".

„Что касается вашего благосклоннаго мнѣнія о моей первой повѣсти, то оно даетъ мнѣ смѣлость обнаруживать передъ вами родительскую слабость къ одному изъ моихъ дѣтищъ. Въ собраніи позднѣйшихъ моихъ повѣстей (четыре томика) прочитайте когда нибудь „Ѳеклушу". Я потому глажу ее въ настоящемъ случаѣ по головкѣ, что она обратила на себя вниманіе двухъ почтенныхъ представителей соперничающихъ народностей,—любез-

---

[1]) Предисловіе къ такъ называемому „второму исправленному и дополненному изданію Исторіи Возсоединенія Руси":

Три тома „Исторіи Возсоединенія Руси", вышедшіе до сихъ поръ въ свѣтъ, были написаны при самыхъ неблагопріятныхъ для автора обстоятельствахъ. Видоизмѣнившись вмѣстѣ съ теченіемъ жизни, эти обстоятельства не позволяли, однакожъ, ему продолжать его работу даже и въ видѣ такого „наброска", какимъ назвалъ онъ ее въ „Предупрежденіи" къ 1-му тому. Но, не желая разстаться съ дорогою для него идеей русскаго возсоединенія, онъ, вдали отъ библіотекъ и людей ученыхъ развилъ ее, насколько могъ, въ книгѣ, на которую смотрѣлъ, какъ на программу будущей своей работы и которая напечатана въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", подъ заглавіемъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши" (три тома). Получивъ наконецъ возможность пользоваться историческими источниками, учеными пособіями и бесѣдой съ компетентными людьми, авторъ принялся за свою прерванную работу съизнова и продолжаетъ ее, подъ названіемъ второго исправленнаго и дополненнаго изданія такъ, какъ будто всѣ семь томовъ (въ числѣ ихъ и 1-й томъ „Матеріаловъ для Исторіи Возсоединенія Руси") не бывали еще въ типографіи.

наго моему сердцу цензора моего,—Лажечникова, и лучшаго изъ друзей козацкаго потомка, Грабовскаго, польскаго критика и беллетриста.

„При мысли, что вы будете читать „Записки о Южной Руси“, а въ нихъ и мою дружелюбную прю съ Грабовскимъ, прю козака съ паномъ и русича съ ляхомъ, я обращаю къ вамъ слова царя и пророка: „Грѣхъ юности моея и невѣдѣнія моего не помяни, по милости твоей помяни мя“. Мы ошибались оба; но таковъ былъ тогда періодъ польской и польско-русской археографіи. Мы спорили о документѣ, поддѣланномъ во времена Мазепы, будучи не въ состояніи видѣть поддѣлку. А впрочемъ я доволенъ „Записками о Южной Руси“, которыя оцѣнилъ по достоинству и всячески содѣйствовалъ ихъ пропуску въ свѣтъ С. Т. Аксаковъ. Доволенъ и вмѣстѣ горюю невыразимо, что, когда были собраны мною матеріалы для I тома (предметъ восхищенія Грабовскаго, какъ потомъ и Аксакова), господа профессоры кіевскаго университета, Максимовичъ и Домбровскій, отнеслись къ нимъ крайне тупо, чѣмъ и затормозили *мой* способъ народоизученія. Это тѣмъ болѣе для меня горестно, что *моихъ* пріемовъ не унаслѣдовалъ никто, а самъ я, даже и при умственномъ свѣтѣ Грабовскаго, не въ такой степени цѣнилъ сокровища моихъ бесѣдъ съ простолюдинами, чтобы, ради новыхъ поисковъ, жертвовать всѣми прочими интересами жизни, подобно евангельскому покупщику поля съ безцѣннымъ кладомъ. Но исторія нашихъ словесныхъ кладовъ—длинная исторія...

„Въ то время я познакомился съ Грабовскимъ и долго гостилъ въ его прекрасномъ сельскомъ домѣ; мы сразу сдѣлались друзьями до конца жизни. Для васъ не безъинтересно будетъ знать, что Грабовскій за нѣсколько лѣтъ до моей службы подъ начальствомъ князя Черкасскаго, будучи правою рукой маркиза Вьелепольскаго, звалъ меня въ Варшаву и предлагалъ мнѣ поселиться у него во дворцѣ, какъ прежде я живалъ у него въ Чигиринѣ по нѣскольку мѣсяцевъ,—съ тѣмъ, что мнѣ будетъ предоставлено такое мѣсто по службѣ, какого я самъ пожелаю. Внезапная смерть Грабовскаго, какъ и Милютина, остановила меня. Но и Милютинъ съ своей стороны убѣждалъ меня ѣхать

въ Варшаву словами: „вамъ надобно только поставить ногу въ стремя etc“... Ни тотъ ни другой не знали, что въ варшавскихъ рукописяхъ я вычитаю исторію русскаго возсоединенія, о которой, я увѣренъ, оба вели бъ со мною дружескую прю; но меня въ Варшаву влекла всего больше извѣстная мнѣ еще въ Кіевщинѣ библіотека, завѣщанная графамъ Красинскимъ псевдографомъ Свидзлискимъ, съ которымъ я былъ близко знакомъ при посредствѣ Михаила Грабовскаго. Кстати характеризовать вамъ этого поляка и католика. Онъ былъ графъ по наслѣдству, а не потому, чтобы его титуловали въ разговорѣ, но отказался отъ своего титула, предоставивъ пользоваться имъ другой линіи Грабовскихъ.

„Я злоупотребляю вашимъ вниманіемъ въ моихъ приписꝏкахъ. Но онѣ проясняютъ въ моемъ умѣ драгоцѣнную память объ одномъ глубоко начитанномъ въ богословіи старикѣ, который любилъ меня за любопытство, съ которымъ я слушалъ его широковѣщанія, и прозвалъ меня „юноша съ сѣдиной“. Этотъ почтенный человѣкъ бывало извиняется, что, дряхлѣя, не можетъ уже писать ко мнѣ длинныхъ писемъ, и тутъ же наполняетъ свои листки столькими приписками, что по малорусской пословицѣ „курицѣ негдѣ клюнуть“.

Послѣдніе годы жизни Кулиша, какъ извѣстно, были посвящены переводу на малорусскій языкъ книгъ Ветхаго Завѣта. Этотъ трудъ, среди деревенскаго одиночества, наполнялъ душу старца покоемъ и тишиной.

„Моя и моей Сестры Милосердія (такъ наз. онъ жену свою) жизнь—писалъ онъ намъ,—представляетъ реакцію дисгармоническому обществу и дисгармонической массѣ. Живопись, музыка, наука, поэзія и религія—вотъ органы примиренія нашего съ общественною и антиобщественною жизнью. Въ настоящее время въ нашей душѣ водворяетъ гармонію Библія, которую перевожу на оригинальнѣйшій изъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Пять книгъ Моисеевыхъ и Іисуса Навина книгу прикрѣпилъ уже я къ бумагѣ самымъ пріятнымъ для меня способомъ. Такіе французы, какъ

Верне и такіе нѣмцы, какъ Рейсъ и Каутчъ, услаждали мой отдыхъ своими комментаріями, а работа надъ словомъ доставляетъ мнѣ столько гармоническаго удовольствія, что ни задушевная мысль о возрожденіи Руси, ни переписка съ друзьями (ихъ у меня всего два—три человѣка), ничто не превышаетъ этого самоудовлетворенія. Пока не кончу предпринятый переводъ, чувствую себя неспособнымъ къ другимъ занятіямъ и удовольствіямъ".

„Передъ мною—пишетъ Кулишъ въ другомъ письмѣ,—знаменитые библисты Каутчъ, Рейсъ, Верне, а передъ глазами души моей такой переводъ Библіи, какого не удостоена ни одна гонимая народность... Развѣ это недостаточно извиняетъ меня за то, что наши вредные въ прошломъ пріятели и безвредные въ настоящемъ враги поляки называютъ rubasznosć? Можетъ быть, и слѣдовало насъ притѣснить за Шевченка, Костомарова и такихъ байстрюковъ ихъ, какъ Мордовцевъ, но преслѣдовать меня за мою любовь (NB и знаніе) малорусскаго элемента было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Но эта грусть положила сегодня перо уже на 15 стихъ (главы III-й) четвертой книги Моисея. Съ точностью машины, сработанной въ Лондонѣ, она, эта горькая, но почему то и сладостная, грусть отчеканиваетъ ежедневно minimum по шести столбцовъ достопочтеннаго Оксфордскаго изданія Библіи, и переводъ мой, съ помощью Божіей, появится заграницею ливрезонами въ 500 экземпляровъ, имѣющими цѣлью вызвать замѣчаніе земляковъ, а пожалуй и филологовъ".

„Можетъ быть, вы получили мой стихотворный переводъ „Книги Товитовыхъ словесъ". Книги Іова и „Псалтырь" давно уже мною переведены въ стихахъ и, будучи отвергаемы нашими книжниками и фарисеями, поучаютъ самарянъ".

Желая дать русскому обществу вѣрное понятіе о положеніи русиновъ въ Галичинѣ и полагая, что литературная форма повѣсти представитъ наилучшій путь къ тому, чтобы заинтересовать русскихъ читателей и привлечь ихъ вниманіе къ зарубежной Украинѣ, П. А. Кулишъ задумалъ написать повѣсть, пра-

вильнѣе—переработать прежде написанный имъ очеркъ, называвшійся въ первой редакціи „Искра любви", въ большую повѣсть, главное дѣйствіе которой происходитъ въ Галиціи, почему и повѣсть названа имъ „*Владимірія*". Но съ этимъ трудомъ Кулиша приключился особый случай, о которомъ онъ подробно передаетъ въ письмѣ къ кн. Шаховскому слѣдующее:

„Присоединенная къ древнѣйшимъ русскимъ Займищамъ Червонная прикарпатская Русь, именуемая часто Подгорьемъ, и нѣкоторыми писателями называемая Владиміріею (Ладомирія), продолжаетъ представлять, въ своемъ двоякомъ славянскомъ населеніи печальное зрѣлище борьбы, которая завершилась у насъ возсоединеніемъ такъ называемой (не совсѣмъ конкретно) Малороссіи съ Великою Россіей. *Принимая въ этой исконной борьбѣ дѣятельное участіе по предмету освобожденія малорусскаго языка отъ польщизны, русскаго сознанія—отъ внушаемой русинамъ поляками отчужденности, а древняго русскаго „благочестія"—отъ римскаго „нечестія"* (какъ мы бывало называемъ латинство да уніатство), написалъ я нѣчто въ родѣ повѣсти подъ видомъ „посмертныхъ записокъ моего пріятеля", озаглавивъ ихъ „Владимірія", и послалъ мою рукопись (въ трехъ тетрадяхъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 200 листковъ) бывшему издателю *Гражданина* въ полное распоряженіе. Но, какъ это съ русскими людьми бываетъ часто, своя своихъ не познаша. Въ теченіе цѣлаго года я не получилъ никакого отвѣта. Не отвѣтилъ князь Мещерскій и потомъ на два письма Вл. Ив. Шенрока. Когда, наконецъ, изданіе газеты перешло къ Филиппеусу, тотъ моему петербургскому уполномоченному говоритъ, что князь не передалъ ему рукописи „Владиміріи".

Оказалось по справкѣ, что кн. Мещерскій какъ-то затерялъ эту рукопись. Поскорбѣвъ объ утратѣ, Кулишъ предпринялъ въ 1894 году тяжелый для своего преклоннаго возраста трудъ возстановленія повѣсти по оставшимся черновымъ наброскамъ. Работѣ помогла инфлуэнца, уложившая старца въ постель и оторвавшая его на время отъ перевода Библіи. „1-е мая—писалъ онъ намъ—праздновалъ я въ одиночкѣ съ моимъ alter ego по

случаю совершеннаго окончанія и переписки на-бѣло 20 главъ „Владиміріи“. „Се зачатъ и болѣ, и роди беззаконіе“... Симъ прекраснымъ стихомъ принужденъ я характеризовать мою беззаконную работу,—беззаконную въ томъ смыслѣ, что „праведнику законъ не лежитъ“, а „дураку законъ не писанъ“. У меня и праведникъ, и дуракъ сошлись лицомъ къ лицу, какъ это увидите окончательно изъ XX главы (содержащей въ себѣ 40 листковъ). И вотъ, совлекшись (буквально такъ) съ одра болѣзни, кой-какъ сидя и полулежа, принялся я возстановлять мою „Искру любви“ по черновой рукописи, которая, кромѣ нѣсколькихъ листковъ, какъ-то сохранилась у меня. Что это была за работа, вы увидите по моему сувениру, по черновой рукописи, которую вамъ посылаю, какъ любителю напряженнаго труда.

„Мѣсяцы были зимніе, работалъ я и при дневномъ пасмурномъ свѣтѣ, и при свѣчахъ и лампѣ, зачеркивая то, что далось прочитать, дабы возможно было прочитать этимъ способомъ непрочитанное. Живу же я на свѣтѣ 75-й годъ, и потому страшно притупилъ остатокъ зрѣнія, которое одно только, яко близорукое, не дозволило мнѣ поступить въ Академію художествъ, рисовальщику съ дѣтства такому, что когда я поступилъ въ гимназію, гдѣ учителемъ рисованія былъ академистъ,—онъ не повѣрилъ первому представленному ему мною рисунку карандашемъ и заставилъ меня повторить рисунокъ въ своемъ присутствіи.

„Вчитываясь въ хаотически писанную рукопись, я мысленно твердилъ: „сохрани, яко зеницу ока“ и продолжалъ однако мою работу до конца. Многое писанное при перепискѣ прямо набѣло я перезабылъ, и такъ мнѣ было трудно высказать забытое, что вмѣсто 240 листковъ я написалъ 278 и всетаки не могъ повторить утраченныхъ листковъ черной рукописи и того, что было въ ней писано неясно, часто карандашемъ полуистершимся, а часто такими намеками, по которымъ я могъ писать только на свѣжую память. Вы увидите, что нѣкоторые листки переписаны мною дважды, трижды и четырежды. Все это потому, что я въ потемкахъ памяти искалъ потеряннаго“.

Независимо отъ повѣсти „Владимірія“, П. А. Кулишъ замыслилъ въ 1894 г. историческій романъ изъ недавняго прошлаго; выдержки изъ первой главы этого романа, присланныя кн. Шаховскому для прочтенія, помѣщены имъ въ концѣ статьи, посвященной памяти Кулиша.

Въ заключеніе приводимъ любопытные документы, извлеченные княземъ Шаховскимъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія и относящіеся къ литературной дѣятельности П. А. Кулиша 1856—1858 годовъ.

Какъ извѣстно, по приговору особаго суда надъ участниками Кирилло-Меѳодіевскаго Общества“, въ 1847 году Кулишу было вовсе воспрещено писать и издавать свои сочиненія, а въ слѣдующемъ году хотя и послѣдовало разрѣшеніе продолжать ему литературныя занятія, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ представлялъ свои сочиненія на предварительное разсмотрѣніе въ III отдѣленіе Собств. Е. И. В. Канцеляріи. Въ началѣ 1856 г. Кулишъ обратился къ управляющему этимъ отдѣленіемъ канцеляріи генералъ-адъютанту Дуббельту съ просьбой объ исходатайствованіи для него права общей цензуры, съ освобожденіемъ отъ обязанности представлять свои сочиненія въ III отдѣленіе, такъ какъ это затрудняло его литературныя занятія при составленіи статей для періодическихъ изданій. Генералъ Дуббельтъ, отношеніемъ отъ 4 апр. 1856 года, извѣстилъ министра Нар. Просвѣщенія, что, по всеподданнѣйшему его докладу, Государь разрѣшилъ печатаніе сочиненій Кулиша по разсмотрѣніи оныхъ въ обыкновенной цензурѣ, „съ тѣмъ только, чтобы цензоръ обращалъ на сочиненіе его строжайшее вниманіе“.

Вскорѣ послѣ этого освобожденія отъ спеціальной цензуры, Кулишъ представилъ въ общую цензуру статью свою „О причинахъ взаимнаго ожесточенія Поляковъ и Малороссіянъ въ XVII вѣкѣ. На этотъ разъ цензоромъ ея оказался самъ товарищъ министра Нар. Просвѣщенія князь П. А. Волконскій, потребовавшій въ статьѣ нѣкоторыхъ измѣненій. Представляя

статью въ исправленномъ, согласно указаніямъ кн. Вяземскаго, видѣ, Кулишъ писалъ ему отъ 16 декабря 1856 года:

„Я исправилъ, по указаніямъ вашего сіятельства, мою рукопись, смягчилъ нѣкоторыя выраженія (для большей видимости красными чернилами) и прибавилъ на стр. 246 нѣсколько предварительныхъ словъ, въ которыхъ приписываю намъ, Русскимъ, готовность выслушивать терпѣливо и внимательно мнѣнія иноплеменныхъ и иновѣрныхъ писателей для полнаго уразумѣнія истины. Такое великодушіе со стороны людей право правящихъ необходимо для того, чтобы исторія и критика получили у насъ все свое достоинство, и я думаю, что, кто бы ни былъ моимъ читателемъ, всякому будетъ пріятно сознавать себя нелицепріятнымъ судьей, который готовъ выслушать все изъ любви къ истинѣ. Облекши такимъ образомъ судей своихъ во все величіе безстрастнаго ума, я слѣпо напечаталъ бы все безъ исключеній, что сказано Грабовскимъ. Дѣло въ побужденіяхъ писателя; а побужденія Грабовскаго относительно Россіи такъ чисты, что у поляковъ—фанатиковъ онъ считается *измѣнникомъ*. Имя его не ново въ нашей литературѣ. Въ 1845 году П. А. Плетневъ помѣстилъ въ *Современникѣ* два прекрасныя письма его о Гоголѣ и Пушкинѣ. Писатель съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всему достойному въ Россіи и съ самостоятельнымъ взглядомъ на исторію и поэзію заслуживаетъ уваженія нашей цензуры, и его голосъ, свободный, не стѣсняемый установившимися у насъ мнѣніями, будетъ способствовать къ оживленію дѣятельности умовъ Русскихъ.

„Вчера при свиданіи съ вашимъ сіятельствомъ я осмѣлился войти къ вамъ съ просьбой ускорить возвращеніе моей рукописи въ Московскій Цензурный Комитетъ. Благосклонное вниманіе вашего сіятельства ободряетъ меня повторить ее письменно, такъ какъ эта статья должна закончить 2-й томъ *Записокъ о Южной Руси*, которыхъ выходъ только отъ нея зависитъ“.

Рукой кн. Вяземскаго написано на этомъ письмѣ: „По моимъ замѣчаніямъ авторъ сдѣлалъ измѣненія въ своей рукописи и въ настоящемъ видѣ она можетъ быть напечатана“.

Успѣхъ *Записокъ о Южной Руси* одушевилъ „горячаго Кулиша“ на предпріятіе болѣе широкое—онъ вознамѣрился издавать журналъ, посвященный „южно-русской“ жизни. Въ 1858 г., 25 окт. вошелъ онъ о семъ съ прошеніемъ къ министру Народнаго Просвѣщенія Ковалевскому.

„Въ 1856 году, писалъ онъ,—предпринялъ я изданіе *Записокъ о Южной Руси*. Я объяснилъ цѣль этого изданія въ предисловіи къ первому тому слѣдующими словами:

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ сѣверорусскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ южно-русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣдѣній о народѣ, говорящемъ языкомъ южно-русскимъ.

„Въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 года (кн. III) я опредѣлилъ полнѣе взаимныя нужды и сочувствія обитателей сѣвернаго и южнаго краевъ Россіи. Тамъ, между прочимъ, сказано у меня о Гоголѣ (стр. 239): „Назначеніе Гоголя было внести начало глубокаго и всеобщаго сочувствія между двухъ русскихъ племенъ, сѣвернаго и южнаго. Русская литература со времени Гоголя сдѣлалась родственнѣе прежняго для малороссіянъ: они въ ней увидѣли себя въ настоящемъ и прошедшемъ. Съ другой стороны великороссіяне, посредствомъ сочиненій Гоголя, какъ бы вновь узнали, полюбили и пріобрѣли душой Малороссію“.

„Побуждаемый выраженнымъ въ этихъ строкахъ сочувствіемъ къ тѣсному нравственному соединенію обоихъ русскихъ племенъ, я напечаталъ два тома *Записокъ о Южной Руси* и, къ

удивленію своему, получилъ отъ разныхъ лицъ такое множество матеріаловъ для слѣдующихъ томовъ, что изданіе ихъ, безъ содѣйствія подписчиковъ оказалось для меня невозможнымъ въ денежномъ отношеніи. Поэтому я имѣю честь обратиться къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбой—разрѣшить мнѣ изданіе журнала въ томъ же духѣ, что и *Записки о Южной Руси*, но въ болѣе разнообразномъ составѣ. Потребности современнаго общества указываютъ мнѣ на необходимость помѣщать въ предполагаемомъ журналѣ повѣсти и романы изъ южно-русской жизни, статьи о сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и промыслахъ въ Южной Россіи, а также статьи критическія о произведеніяхъ русской и иностранной словесности и разныя замѣчанія о вопросахъ, интересующихъ современное общество. Журналъ мой будетъ *чуждъ политики*, и такъ какъ его цѣль не столько спеціальная, сколько общежитейская и всего болѣе хозяйственная, то прошу дозволенія дать ему слѣдующее наименованіе: *Хата*, южно-русскій журналъ *словесности*, *исторіи*, *этнографіи и сельскаго хозяйства*".

Министръ Народнаго Просвѣщенія снесся по вопросу о разрѣшеніи Кулишу издавать журналъ *Хату* съ главнымъ начальникомъ III отдѣленія и отъ послѣдняго (князя Долгорукова) получилъ слѣдующій „отзывъ" (отъ 8-го декабря 1856, № 2.505):

„Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что, принимая въ соображеніе свѣдѣнія о губернскомъ секретарѣ Кулишѣ, изложенныя въ отношеніи предмѣстника моего отъ 30 мая 1847 года, № 897, къ бывшему тогда министру Народнаго Просвѣщенія, графу Уварову, и имѣя также въ виду приведенныя въ отношеніи моемъ къ вашему превосходительству отъ 4 іюня сего года, за № 1210, статьи, напечатанной здѣсь въ прошедшемъ году, въ типографіи *Кулиша*, книги „Грамматка", которыя, если книга эта имъ самимъ издана, ясно доказываютъ, что онъ въ литературной своей дѣятельности слѣдуетъ прежнему направленію, бывшему причиной особыхъ мѣръ, принятыхъ противъ него правительствомъ, я полагалъ бы разрѣшеніе губернскому секретарю *Кулишу* изданія журнала отклонить".

На основаніи этого отзыва Кулишу было отказано въ его ходатайствѣ. Но онъ былъ не изъ числа тѣхъ, у которыхъ отъ неуспѣха опускаются руки. Напротивъ, онъ неослабно продолжалъ собирать матеріалы для исторіи Малороссіи и представлялъ въ цензуру новыя монографіи. Объ одной изъ нихъ „Хмельничинѣ" въ 1860 г. было разсужденіе въ Главномъ Управленіи Цензуры, гдѣ цензоромъ Никитенкой было высказано слѣдующее мнѣніе:

„По поводу внесенія въ Главное Управленіе Цензуры рукописи, подъ заглавіемъ: „Хмельничина", изъ исторіи Малороссіи г. Кулиша, возникаютъ два вопроса: во-первыхъ, какъ смотрѣть съ цензурной точки зрѣнія на историческія сочиненія отдѣльныхъ частей Имперіи, бывшихъ нѣкогда въ извѣстной степени автономными, и во-вторыхъ, можетъ ли быть пропущенъ рядъ статей о Малороссіи, подобныхъ представленнымъ г. Кулишемъ.

„По первому пункту—цензура не можетъ и не должна препятствовать обнародованію спеціальныхъ сочиненій, касающихся разныхъ областей Имперіи, бывшихъ нѣкогда отдѣльными и нынѣ составляющихъ съ нею одно цѣлое, *если написаны чисто съ ученою и литературною цѣлію безъ всякой мысли о возможности ихъ самостоятельнаго существованія, безъ всякихъ сепаратическихъ ученій и намѣреній*. Въ литературѣ нашей много существуетъ монографій такого рода. Въ отношеніи собственно къ Малороссіи мы имѣемъ два большія историческія сочиненія: Бантышъ-Каменскаго и Маркевича, не говоря уже о недавно вышедшемъ въ свѣтъ трудѣ Костомарова *Богданъ Хмельницкій*. Исторія отечества нашего принимаетъ, какъ ручьи въ свой общій истокъ, всѣ частныя историческія изложенія и пріобрѣтаетъ отъ нихъ полноту и ясность.

„Этимъ общимъ воззрѣніемъ долженъ быть разрѣшенъ и частный случай относительно историческихъ монографій, или всей будущей исторіи Малороссіи Кулиша. Доставленный имъ отрывокъ не даетъ еще возможности судить о значеніи его труда въ цѣломъ. Само собою разумѣется, что цензура, допуская ихъ къ печати, на основаніи вышеприведеннаго правила,

должна не только не допускать въ этомъ направленіи ничего сепаратическаго, но обязана исключать и такія мѣста, какія замѣчены цензоромъ Бекетовымъ о *Хмельничинѣ*, и какія обозначены въ ней карандашемъ—мѣста, бросающія тѣнь на отношенія Малороссіи къ Россіи въ прошедшемъ. Цензоры тѣмъ осмотрительнѣе должны быть въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ Кулишъ пишетъ свои статьи съ цѣлью сдѣлать ихъ доступными массѣ народной".

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два поддѣльныхъ историческихъ документа. Поддѣлка историческихъ документовъ существуетъ издавна и продолжается донынѣ. Причины, вызывающія поддѣлки, различны; главною изъ нихъ конечно бываетъ *корысть*, но встрѣчается и другая,—такъ сказать, *патріотическая* любовь къ исторіи. По крайней мѣрѣ, эту послѣднюю причину встрѣчаемъ мы въ поддѣлкахъ малорусскихъ историческихъ документовъ. Старѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ этого рода поддѣльныхъ документовъ является извѣстный универсалъ «Стефана Криштофа зъ Острога и Остра Остранина», оказавшійся въ обоихъ извѣстныхъ спискахъ лѣтописи Величка и, кромѣ того, найденный въ одномъ изъ сборниковъ конца XVIII в. [1]). Впервые обнародованъ этотъ универсалъ Кулишомъ въ 1857 г., во 2-мъ томѣ Запис. о Южной Руси, и сопровождался обширными комментаріями издателя и польскаго ученаго Мих. Грабовскаго, считавшагося знатокомъ исторіи днѣпровскаго козачества. Указывая на историческое значеніе этого документа, оба комментатора нисколько не сомнѣвались въ его дѣйствительности. Напротивъ, Грабовскій даже подчеркиваетъ, что «невозможно подозрѣвать здѣсь какой-нибудь позднѣйшей поддѣлки», потому что—какъ «языкъ де, такъ и подробности тиранства претерпѣннаго отцомъ и братомъ гетмана Остряницы, все въ нихъ показываетъ, что лица и происшествія списаны съ натуры»... Интересенъ и отзывъ Костомарова. «Универсалъ гетмана Острянина—это большая драгоцѣнность: и какъ историческій матеріалъ, и какъ письменный памятникъ XVII вѣка. Складъ его плавенъ, тонъ благороденъ, рѣчь жива и одушевлена» [2])... Мы не видѣли подлинника Величковой лѣ-

---

[1]) См. предисловіе къ т. IV-му Лѣтоп. Величка, стр. VII.

[2]) Отеч. Зап. 1857 г., № 9, отд. 2-е, стр. 6.

тописи и ничего не можемъ сказать о внѣшнемъ видѣ этого «универсала», но одно надписаніе послѣдняго (двухъименность и указаніе на Острогъ и Остеръ) могло возбудить у названныхъ трехъ историковъ, если не сомнѣніе, то большое недоразумѣніе... Правда, языкъ въ «универсалѣ» *очень искусенъ*... Кулишъ, признавшій поддѣльность «универсала» чрезъ шесть лѣтъ послѣ его напечатанія, справедливо говоритъ, что языкъ этого документа совершено сходенъ съ языкомъ лѣтописи Величка [1])... Очень возможно, что «универсалъ» и сочиненъ этимъ первымъ «украинофиломъ» изъ *патріотическаго* желанія—рельефно изобразить тѣ насилія поляковъ, которыя вызывали козацкія возстанія до пол. XVII в., но о сущности которыхъ у «истиннаго сына Малыя Россіи» не доставало свѣдѣній «небытности дѣля козацкихъ лѣтописцовъ»... Предположеніе это является тѣмъ вѣроятнѣе, что если поддѣлка универсала относится къ нач. XVIII в., то поводомъ къ ней могло быть Мазепино дѣло, будившее старую, уже улег-

[1]) Библіот. для Чтен., 1863 г, октябрь (?), стр. 25—27. Указавъ свои соображенія относительно поддѣльности, К—шъ въ заключеніе говоритъ: „Читатель вправѣ теперь спросить меня: почему же не пришли мнѣ въ голову всѣ эти соображенія, когда я печаталъ универсалъ Остряницы въ *Зап. о Южн. Руси?* На это я отвѣчу: потому, почему не пришли они въ голову ни польскому писателю Мих. Грабовскому, который сообщалъ мнѣ для помѣщенія тамъ же замѣчанія свои на этотъ универсалъ, ни автору *Богд. Хмельницкаго,* который подробно разобралъ оба тома моего сборника въ *Отеч. Запискахъ*". Отвѣтъ уклончивый... Прямой отвѣтъ заключался бы въ признаніи недостатка, въ 1857 г., у К—ша той *начитанности* въ историческихъ актахъ, которою онъ обладалъ шесть лѣтъ спустя... Таже причина ввела въ заблужденіе и Костомарова... Грабовскій былъ вообще малосвѣдущъ въ мѣстной исторіи.—Костомаровъ, въ своей исторіи Остряницы (Богд. Хмельн., изд. 1884 г., I, 178) вовсе не упоминаетъ о его „универсалѣ", а разсказавъ о бѣгствѣ его въ Чугуевъ, задается вопросомъ—тотъ ли это Остряница, который сражался съ поляками, такъ какъ послѣдній въ малорусскихъ лѣтописяхъ именуется де Стефаномъ, а бѣжавшій въ Чугуевъ зовется Яковомъ. Но дѣло въ томъ, что ни Самовидецъ, ни Грабянка Остряницу по имени вовсе не называютъ. „Межигорская лѣтопись (Сборн. лѣтоп., изд. Ком. для разб. др. акт.), изданная послѣ смерти Костомарова, Остряницу называетъ *Яцикомъ.* (стр. 96) А „Стефаномъ"—Остряница называется лишь въ *Исторіи Русовъ*, авторъ которой нарисовалъ такую страшную картину его казни (стр. 56), передъ которой описанныя въ „универсалѣ" истязанія отца и брата Остряницы—совсѣмъ блѣднѣютъ... Но быть можетъ авторъ *Исторіи Русовъ* лишь продолжилъ фантазію сочинителя универсала и нашелъ нужнымъ разсказать то, чего Остряница самъ не могъ разсказывать... Если *Исторія Русовъ* написана Гр. А. Полетикою, то послѣднему „универсалъ Остраница" долженъ былъ быть извѣстенъ, такъ какъ онъ имѣется и въ спискѣ лѣтописи Величка, принадлежавшемъ Полетикѣ, причемъ въ этомъ только спискѣ и сохранилось начало универсала.

шуюся было народную неприязнь къ полякамъ [1])... Неприязнь Величка къ личности Мазепы очевидна изъ его лѣтописи, хотя тутъ главную роль играютъ личныя отношенія лѣтописца къ своему патрону Кочубею.

Какъ бы то ни было, но мотивъ подделки «универсала» Остряницы несомнѣнно *патріотическій*, при чемъ составителемъ его былъ человѣкъ близко знакомый съ разными хрониками, лѣтописями и универсалами.

Съ тѣмъ же мотивомъ подделки мы знаемъ еще два документа, которые хотя и напечатаны, но въ такихъ изданіяхъ, что документы эти остаются, можно сказать, вполнѣ неизвѣстными.

Первый документъ представляетъ собою духовное завѣщаніе Басанскаго сотника Клима Шановаленка, которое и приводимъ здѣсь [2]).

«1748 року, мая 17 дня. Нераздѣльней Тройцѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Рабъ божій Климъ Григоровичъ Шановаленко, Переяславскаго полку сотникъ Басанскій, всему війску и Запорижью, всій старшинѣ и казатству и всій черне, мешкуючей и жувучей коло Басани и въ Басани, о Бози радоватися желае.

Я, щирый слуга ея пресвѣтлому царскому величеству, а ясновельможнихъ панивъ гетьманивъ нелукавый рабъ, и всему війску и козатству—кривный товаришъ, промѣшкавши многіе лѣта и доживши до ста четвертаго року, не чаю вже живота: жизнь моя гасне и може завтра рано, але и ближе, могила—дружина, а жвтый песокъ—родина моя! Близкіе и далекіе пріятели и друзи скоро стекутся ко мнѣ, но не привитатися, а на викъ прощатися. Прощайте друзи, родичи и пріятели, близкіе и далекіе, прощайте и вы, которые близко мене сидѣли та лукавымъ окомъ на мене глядѣли. Прощайте и тіи, що мени магайбу давали та зло замышляли! Се отхожу на онь свитъ! Всимъ вамъ миръ, любовь и благодать отъ Вседержителя Бога Отца оставляю. Но понеже я маю багацько добра и оставляю по соби, якъ то: паханину въ поляхъ, лѣсахъ, грунтахъ и сѣножатяхъ, наданныхъ по универсаламъ отъ ясневельможнихъ панивъ гетманивъ, за щирую мою и панотця моего Григорія, сотника Басанскаго, и дѣда, ихъ пресвѣтлымъ царскимъ величествамъ, то все сіе, вси

---

[1]) Очень можетъ быть, что та же патріотическая тенденція создала въ лѣтописи Величка и другіе сомнительные ея акты, хотя послѣдніе требуютъ еще тщательнаго пересмотра. См. предисл. Костомарова къ его монографіи о Мазепѣ, стр. V.

[2]) Напечатано въ Черниг. Губ. Вѣд. 1850 г., № 19.

пожитки, маетности и всяку рухлядь, скотъ, волы, кони и вывци, вѣтряныя и гребельныя мельницы и всю, яка по мнѣ есть одежа, заповѣдаю сыну моему единородному, превелебному отцу Григорію Климовичу Шаповаленку, по матери Степановскому, ничеговскому [1]), панотцю, кой тамъ отъ мене поселенъ на дидовскимъ грунти и живе, зъ тымъ, жебы онъ вично за многогрѣшную мою душу молитвовався. А якіе въ-мали остались отъ поморщинъ (?) подданные, наданные по грамотамъ и универсаламъ, то маютъ быть вси на воли, а якіе перебигли за Кубань, та зновъ вернутся, то вси сіи остаются за вичные часы реченному сыну Григорію въ его послушенстви. Тилько, якъ вернется Бильченко и Науменко зъ Овдіемъ, то отшмаровать ихъ барбарами и отдать ихъ вично на пекарню брату жены моей, кіевскому полковому судьи пану Степановскому [2]). Адомашковскіе жъ и парчевые кунтуши—матери его Степаниды и ребронны, а также золотъ-атласъ, каптаны, жалованные мнѣ и панотцю моему отъ ясневельможныхъ панивъ гетманивъ, отдать на ризы по церквамъ; а саетовые бекеши, славянки, киреп и черкески, персидскіе и мостровые (люстровые?) поясы продать на алтыны, або сестрицямъ отдаты, або де хоче диты реченный сынъ Григорій, соби на поживанье. Сребло же, якъ то: чарки, мисы, кухлики, кубки, корци и михалки, змордованные разными походами дидомъ моимъ, отцемъ и мною, на сичахъ у клятыхъ шведивъ, ляхивъ и татаръ, для помноженья хвалы Божой и молитствія за многогрѣшную мою душу, и ихъ, по обѣщанію умершаго панотця моего, отдать маетъ сынъ Григорій въ Выдубицкій монастырь. По смерти же моей по росписи, гдѣ въ пролозѣ начертанной, разобрать и роздать все реченное въ оной. А змійку-татарку положить зо мною въ могилу; тамъ вона за мене скаже и на лизи (на зализи?) своемъ правду и кривду покаже: якъ за виру и отчизну стояла и бусурмарскою кривью упивалась, а якъ вона мини попалась, про те шведъ и клятый Мазепа знае. Суди Боже его и мене на тымъ свити! Якіе жъ отъ пожежъ остались у мене денешш (?), исхованы въ церквахъ Яриловской [3]) и Басанской, то сынъ мой Григорій по смерти моей взявши, у себе заховуе. Равно и сю, другу вже

---

[1]) Село Ничеговка Козелецк. уѣзда.

[2]) Иванъ Стопановскій былъ дѣйствительно кіевскимъ полков. судьею въ пол. XVIII в.

[3]) Сочинитель, вѣроятно, написалъ Ярославской (с. Ярославка около м. Басани), а переписчикъ ошибся.

духовныцю намисто сгоривщей, получить долженъ, а копировку зъ неи послать въ Выдубицкій монастырь. А якъ може найдется перша духовныця, то по ней чинить все; а якъ не найдется, то по сей другой. А буди по указанному мною сынъ Григорій не учинитъ, а коли на лихву (?) не такъ зробить, то да караетъ его Господь Богъ и да падетъ на него вичное мое неблагословеніе. Аминь. (На подлинномъ тако:) Сію духовную въ тяжкой недузи, рукою своею, крестами утвердивъ, самъ панъ сотникъ Климъ Григорьевичъ Шаповаленко; и сію духовную писавъ и рукоприложеніе зробивъ родычъ его полковой асаулъ Астафій Мироненко. Свиткомъ бувъ и рукоприкладство зробывъ войсковый товаришъ Ананій Рубецъ».

Свиткою бувъ хорунжій Сава Почека».

Приведенный документъ напечатанъ въ губернской газетѣ, безъ всякаго объясненія—кѣмъ и откуда онъ доставленъ, причемъ редакція газеты, видимо, не сомнѣвалась въ подлинности документа и, вѣроятно, видѣла въ послѣднемъ «интересный» памятникъ по находящимся въ немъ подробностямъ. Не смотря на все стараніе поддѣлывателя, работа вышла грубая. У этого *автора*, какъ видно, *начитанность* въ старыхъ «шпаргалахъ» была весьма незначительная... Такія слова, кака: *мешкуючій*, *желае*, *кривный товарищъ*, *магайба*, *пахнина*, *гребельная мельница*, *кухлики*—указываютъ на полное невѣжество автора въ актовомъ языкѣ пол. XVIII в.—Трудно сказать—какой патріотическій мотивъ руководилъ сочинителемъ этого завѣщанія. Вѣроятнѣе всего, что ему пожелалось воспроизвести на бумагѣ тотъ козацкій духъ, которымъ полны были, въ началѣ этого столѣтія, уста *дѣтей о своихъ отцахъ*. Мы не сомнѣваемся, что завѣщаніе сочинено въ началѣ настоящаго столѣтія по упоминанію въ немъ *славянокъ*, въ которыхъ именно въ это время стали щеголять «судовые панычи»[1]). Указаннаго въ документѣ «завѣщателя» Клима Григорьевича Шаповаленка въ актахъ мы не встрѣчали, а былъ, при гетманѣ Апостолѣ, басанскимъ сотникомъ *Семенъ Климовичъ* (1728—734). Были затѣмъ въ Ст. Басани и маленькіе «панки» Климовичи[2]), конечно потомки сотниковъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ этихъ панковъ, любившій чтеніе

---

[1]) См. книжку „*Pro Domo sua*“, стр. 74. „Судовыми панычами“ назывались въ Малороссіи, въ прежнее время, канцеляристы разныхъ тогдашнихъ „судовъ“.

[2]) По вѣдомости 1861 г., въ числѣ старобасанскихъ дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными крестьянами, значится одинъ: А. Климовичъ, а у него—одинъ крестьянинъ...

старыхъ «шпаргаловъ», желая воскресить память своего предка, живое преданіе о которомъ еще не умирало, и написалъ это завѣщаніе... Во всякомъ случаѣ, корыстнаго мотива въ сочиненіи этого документа быть не могло, такъ какъ тутъ на первомъ планѣ желалось указать на пролитіе бусурманской крови въ сраженіяхъ со «шведомъ и клятымъ Мазепою»...

Засимъ, приводимъ еще одинъ поддѣльный документъ, который напечатанъ въ 1872 г., въ Полтавск. епарх. вѣд., (№ 19), священникомъ с. Богушковой Слободы, о. Васпліемъ Знайковымъ, съ примѣчаніемъ, что документъ найденъ будто-бы «въ коллекціи разныхъ документовъ одного изъ прихожанъ».

«Тысяча триста сорокъ первого (1341) года, мая 13 дня. Мы нижеподписавшіеся, старіе и младіе, вси вздоймомъ, жители Богушковой Слободки, вѣдаючи въ томъ вишезначащомся году, за нашого тогдашного житія и знанія, бившую руину отъ нахожденія татарской орди, немалого числа войска, при которомъ и самъ султанъ предводителемъ находился, въ якомъ нахожденіи повелѣніемъ султанскимъ наименовано было, по тогдашнимъ обычаямъ татарскимъ, всѣхъ жителей Богушковой Слободки, зъ женами и дѣтьми, въ неволю забрать и въ свои мѣста гнать. Но въ то время состоящій находящійся отецъ нашъ духовный, презвитеръ церкви Богушковой Слободки, честный отецъ Іоаннъ, прозиваемий Мошко, по прошенію нашему всѣхъ общему, принявъ дерзость, оказалъ благодѣяніе и явилъ надъ всѣмъ Богушковой Слободки народомъ милосердіе, умоливши султана и все его воинство, далъ въ презентъ своихъ собственнихъ, золотою монетою самихъ червоннихъ, большое блюдо до пятнадцати тысячъ денегъ, и тими деньгами всѣхъ жителей Богушковой Слободки своею властною суммою отъ неволѣ татарской свободилъ. Которой суммы не взыскуя на насъ, намъ оную подарилъ; что отци наши и мы вси вѣдаючи таковое его отца Іоанна Мошки благодѣяніе и показанное милосердіе о скупленіи насъ всѣхъ, зъ женами и дѣтьми, отъ татарского нападенія, впредь даемо мощъ, владность и силу, чтобъ такъ, якъ онъ, отецъ Іоаннъ, владѣетъ порохіею, такъ бы по немъ, за таковое его благодѣяніе, все потомство его отъ рода въ родъ въ Богушковой Слободки, зъ усмотренія рукоположеніемъ архипастырскимъ, владность имѣли, а больше никто бъ зъ сторони не его рода, никакимъ образомъ, въ ту Богушковой Слободки парохію утрачаться не моглъ и препони не чинилъ. О томъваруемъ и симъ нашимъ собственнимъ писмомъ впредь, хто бъ того хотѣлъ знать и вѣдать, ут-

верждаемъ и нашимъ потомкамъ всѣмъ по насъ укрѣпляемъ и сіе народѣ нашей сельской Слободки Богушковой, яко ми вси суще есми той церкви парохіане, фундатори и ктитори, сіе письмо ему, честному отцу Іоанну Мошки, даемо и во увѣреніе именами своими подписуемся, року и дня вышеписанних. Къ сему писменному утвержденію мы вси ниже по именамъ и прозваніямъ значащіеся, жители Богушковой Слободки, яко не умѣетніи (не умѣющіе) божественнаго писанія, святыми крестами подписуемся.

Феською (Ѳеодосій) Илляшенко, атаманъ Богушковой Слободки † Овдій Красіонъ † Савва Романенко † Степанъ Чумаченко † Фесько Яковенко † Іванъ Ярмошенко † Федоръ Чорній † Гаврило Гнѣдій † Вареникъ † Максимъ Приступа †.

Какой мотивъ руководилъ сочинителя этого документа—угадать затруднительно... Могло случиться, что наслѣдники священника Мошки (если таковой дѣйствительно существовалъ и конечно не въ XIV, а, напр., въ XVIII вѣкѣ), думали съ помощью этого документа закрѣпить за собою «приходъ». Но такъ какъ священникъ о. Знайковъ ничего не говоритъ о существованіи этого своего предшественника, то вѣроятнѣе предположить, что и документъ о великодушіи Богушковскаго священника въ XIV в.—сочиненъ какимъ нибудь любителемъ мѣстной старины и сочиненъ по тому самому мотиву, по которому недавно сочинено на Волыни нѣсколько историческихъ документовъ [1])... Поддѣлокъ историческихъ документовъ ради корысти—въ Малороссіи было *множество*. Сочинялись они главнымъ образомъ въ к. XVIII в. для доказательства дворянства. Поддѣлки этого рода были до того грубы, что уже въ тридцатыхъ годахъ историкъ малорусскаго дворянства выразился объ этихъ документахъ, что «строгая историческая критика не можетъ признать ихъ основательными»...

А. Л.

Благодарственное письмо кн. А. Меншикова кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой [2]). *Отвѣтъ* сіятельнаго князя его милости Меншикова на

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., октябрь—„Новыя открытія въ области древневолынскаго бытописанія".

[2]) Подлинникъ, на польскомъ языкѣ, находится въ собраніи К. В. Болсуновскаго въ Кіевѣ. Подпись Меншикова сдѣлана по-русски. У подписи сургучная печать князя.

инструкцію ихъ милостей господъ пословъ воеводства кіевскаго: вельможнаго его милости пана на Стечанѣ Стецкаго, подчашаго, подстаросты гродскаго житомирскаго, и вельможнаго его милости пана Яна изъ Рыбна Рыбенкаго, мечника житомирскаго. Данъ въ Варшавѣ 6 дня мѣсяца ноября 1709 года.

«За поздравленіе съ счастливо одержанными тріумфами надъ общимъ врагомъ найсвѣтлѣйшаго царя и рѣчи посполитой князь его милость благодаритъ не только господъ пословъ, но въ частности и все воеводство; благодаритъ онъ и за особливое почтеніе, которое свидѣтельствуетъ почтенное воеводство кіевское князю его милости публичнымъ посольствомъ, и за признаніе тяжкихъ его трудовъ (facig), которые in aemolumentum Patriae, подобно Сцеволѣ съ рукою въ огнѣ, и на будущее время никогда не перестанетъ нести, и какъ всѣмъ вообще, такъ въ частности каждому изъ вельможныхъ ихъ милостей обывателей воеводства кіевскаго свидѣтельствуетъ (князь) свою готовность ко всякимъ услугамъ и свою благожелательность (powolność). Что касается выраженнаго ихъ милостями господами послами ходатайства относительно безопаснаго пребыванія (mieszkania) въ своихъ границахъ, то (князь) не только путемъ дѣятельнаго и надлежащаго представленія наиствѣтлѣйшему царю его милости, но и посредствомъ распоряженій силою принадлежащей ему военной власти приметъ соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы отъ войскъ царя его милости не происходило ни малѣйшаго безпокойства (turbulencij); въ частности же относительно притѣсненій, которыя причиняются полкомъ его милости господина Палѣя, князь прикажетъ произвести разслѣдованіе ad satisfaktionem обиженныхъ и для предупрежденія какихъ либо другихъ злоупотребленій (exorbitancij), которыя могли бы seqvi; точно такъ же князь его милость пишетъ и относительно достопочтеннаго о. Жораковскаго его милости князю Голицыну о разслѣдованіи причиненныхъ обидъ въ Толокнѣ и Козяровскомъ ключѣ [1]), обѣщая полное удовлетвореніе, если только злоупотребленія въ чемъ-либо подтвердятся; обѣщаетъ также устранить притѣсненія и въ томъ, чтобы отъ отрядовъ на постоѣ и переходящихъ войскъ, насколько позволятъ обстоятельства, не происходило никакого отягощенія, особенно въ незаконномъ отбираніи лошадей, воловъ и провіанта, и если въ этомъ отношеніи будутъ дознаны какія бы то ни было злоупотребленія со стороны какихъ либо своевольныхъ отрядовъ, то всеконечно не минутъ наказанія. Что

---

[1]) Толокунь и Козаровичи—дер. и село кіев. уѣзда.

все князь его милость iterato обѣщая, объявляетъ этимъ отвѣтомъ выданнымъ изъ его канцеляріи, который, для бо́льшаго значенія собственноручно подписавъ и утвердивъ своею печатью, вручаетъ вельможнымъ ихъ милостямъ панамъ посламъ. Datum ut supra». А. Меншиковъ.

Сообщ. Н. М.

Продажа кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Въ 1806 г. жена кіевскаго повѣтоваго штабъ-лекаря Ксенія Розлачева продала родную дочь свою Марію подъ видомъ крѣпостной дѣвки донскому козаку Фершалову за 90 рублей по формальному акту, съ перемѣною отчества. По доносу тит. сов. Ессенкова возникло судебное дѣло. Кіевскій повѣтовый судъ оправдалъ Розлачеву, ссылаясь на установленную законами неограниченную власть родителей надъ дѣтьми. 1 департаментъ кіевскаго главнаго суда утвердилъ этотъ приговоръ, съ тѣмъ однако измѣненіемъ, чтобы сдѣлать Розлачевой выговоръ съ отобраніемъ подписки, дабы впредь на то не отваживалась, а въ исправленіи дочери поступала-бы по 391 ст. губерн. учрежденія. Мнѣніе главнаго суда утверждено было кіев. гражд. губернаторомъ Панкратьевымъ, но затѣмъ по Высочайшему повелѣнію кіевскій вице-губернаторъ Четвериковъ произвелъ новое разысканіе, и дѣло получило новый оборотъ. Оказалось, что Ксенія Розлачева, возненавидѣвъ свою дочь Марью за то, что она «открыла предъ отцомъ неприличное ея, Ксеніи, обращеніе съ однимъ мущиною въ нарушеніи супружеской обязанности» и желая удалить дочь изъ своего дома, пользуясь слабостью и легкомысліемъ мужа, отсылала Марью два раза въ самомъ нищенскомъ одѣяніи въ Козелецкій дѣвичій монастырь для всевозможнаго тамъ изнуренія, неоднократно отдавала въ мѣщанскіе дома вмѣсто работницы, а въ августѣ 1806 г. безъ вѣдома мужа продала Фершалову съ правомъ перепродать ее желающимъ за туже цѣну и просить о совершеніи на нее покупщику на законномъ основаніи у крѣпостныхъ дѣлъ крѣпости. Послѣ доноса Ессенкова, Розлачева—мать взяла дочь обратно, но въ 1808 году отдала ее одной изъ пріѣзжавшихъ въ Кіевъ донской жительницѣ. Розлачева оправдывалась тѣмъ, что продажа Фершалову была фиктивная, исключительно для вразумленія безпутной дочери, но оправданія эти не подтвердились. Сенатъ призналъ фактъ продажи доказаннымъ и оправданія лживыми. Розлачева «вручила дочь свою дѣвицу яко бы

для устрашенія неизвѣстному мущинѣ, у коего и была она два дни, чего благонамѣренная мать не сдѣлаетъ, да и не натурально, чтобы такими предосудительными средствами исправлять дѣтей отъ распутства». Поэтому Сенатъ полагалъ: «за таковые лживые поступки, яко разрушающіе дворянское достоинство, на основаніи указа 1775 г. апрѣля 28 дня и по силѣ воинскаго 201 артикула и Высочайше жалованной дворянству грамоты 6 статьи, лишивъ ее, Ксенію, дворянства и носимаго по мужѣ званія, сослать въ Сибирь на поселеніе»; за несообразное съ существомъ дѣла и законами сужденіе присутствующихъ и секретарей, подписавшихъ рѣшенія по этому дѣлу, оштрафовать въ пользу государственныхъ доходовъ: повѣтоваго суда—100, а главнаго суда 1 департамента—500 рублями и подтвердить тѣмъ судамъ, дабы впредь въ положеніи по дѣламъ рѣшеній, согласнымъ съ обстоятельствами и силою законовъ, прилагали большое вниманіе, въ противномъ случаѣ присутствующіе сихъ мѣстъ будутъ отрѣшены отъ должностей и преданы суду по законамъ: рѣшеніе кіевскаго главнаго суда публиковать повсемѣстно указами. «Пропустившему на таковое неправильное рѣшеніе безъ вниманія бывшему кіев. гражд. губернатору Панкратьеву хоть бы и слѣдовало за то учинить замѣчаніе, но какъ онъ умре, то сіе и оставить». Дочь Розлачеву возвратить изъ Донской области къ отцу, если пожелаетъ и окажется въ бѣдномъ состояніи. «Касательно описанныхъ вице-губернаторомъ Четвериковымъ слабости и легкомысленности мужа подсудимой, кол. ас. Семена Розлачева, по причинѣ коихъ жена его производила въ дѣйство свои намѣренія на угнетеніе дочери, какъ онъ, Розлачевъ, служитъ штабъ-лекаремъ кіевскаго повѣта, предоставить разсмотрѣнію министра полиціи, способенъ ли онъ, Розлачевъ, за таковымъ увѣреніемъ о слабости его, къ отправленію настоящей должности». Такъ какъ продажа Маріи Розлачевой происходила въ Кіевѣ въ домѣ купеческой жены Гудимовой, при ней, Гудимовой, при попадьѣ Зѣнковой, вдовѣ Немѣровской, сержанской женѣ Антоновой и кол. рег. Голубовскомъ, изъ коихъ Гудимова принимала деньги отъ Фершалова для отдачи Розлачевой и дочь ея, отпуская къ Фершалову, одѣвала въ свое платье, Немѣровская по порученію отъ Розлачевой возила дочь ея въ Козелецкій монастырь, а послѣ изъ дому Розлачевой доставляла въ домъ Гудимовой для продажи Фершалову, Антонова была торговкою со стороны Фершалова, Зѣненкова по обнаруженіи уже фальшивой продажи ѣздила къ Фершалову и взяла отъ него дочь Розлачеву, Голубовскій же, зять Гудимовой, писалъ и

представилъ къ засвидѣтельствованію въ повѣтовый судъ вѣрющее письмо отъ Розлачевой къ Фершалову, слѣдовательно знали о продажѣ матерью дочери въ видѣ дворовой дѣвки, но о семъ правительству не объявили,—то за таковое соучаствованіе съ Розлачевой предать всѣхъ ихъ сужденію надлежащаго присутственнаго мѣста по законамъ.

Докладъ сената утвержденъ импер. Александромъ I 22 августа 1810 года.

(Указъ прав. сената 19 окт. 1811 г. № 2215 малорос. полтав. губ. правленію)

Сообщ. Н. М.

Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. Сельскіе пчеляки очень неохотно сообщаютъ свѣдѣнія о повѣрьяхъ и обрядахъ, касающихся пчелъ, сохраняя ихъ въ большомъ секретѣ, и въ этомъ—главная причина скудости такихъ свѣдѣній въ литературѣ. Предлагаемые матеріалы собраны въ м. Глодоссы елисаветград. у. тамошними парубками Х. І. Самойликомъ и К. Д. Морозомъ; оба они—сами пчеляки отчасти и потому ближе стоятъ и къ пчелякамъ изъ стариковъ, отъ которыхъ и получены сообщаемыя ниже свѣдѣнія. Послѣднія имѣютъ характеръ особаго календаря годового ухода за пчелами. Въ сборникахъ Чубинскаго и Драгоманова мы не нашли близкихъ варіантовъ имъ.

Въ праздникъ зачатія Анны (9 декабря) покупаютъ рыбу, вынимаютъ печенку, отрѣзываютъ голову и варятъ въ водѣ; отваромъ кропятъ въ пасѣкѣ, приговаривая: «шобъ у моій пасици рои зачинались и бжолы, якъ рыба, розмножались».

На водосвятіе (5 января) берутъ полное ведро воды и никому не даютъ ни капли изъ этого ведра; это—для того, чтобы полная пасѣка была меда и чтобы чужая пчела не имѣла силы взять этотъ медъ. Этой водой кропятъ мѣсто, гдѣ думаютъ ставить пасѣку.

Когда начинаются весеннія работы, пчелякъ, выѣзжая въ поле, беретъ съ собою мѣшокъ, въ который забираетъ первый, попавшійся ему, муравейникъ и дома варитъ его въ меду, которымъ кормитъ пчелъ; это дѣлается для того, чтобы пчелы были многочисленны и трудолюбивы, какъ муравьи. Нѣкоторые кладутъ еще въ медъ крестообразную косточку изъ щучьей головы и щучьи зубы,—чтобы

пчелы хорошо откусывались при нападеніи чужихъ роевъ,—толченый перецъ—чтобы крѣпче были, горицвитъ—чтобъ были въ цвѣтущемъ состояніи. Медъ этотъ разводятъ крещенской водою, или росою, собранною на Георгія, рано утромъ.

Примѣта: если на Явдоху (1 марта) солнечно и дуетъ южный вѣтеръ,—хорошо на пчелы.

Пчелъ нельзя вынимать изъ погреба въ день, когда празднуется память святого мученика а то будутъ умирать и будешь съ ними мучиться; нужно вынимать, когда церковь поминаетъ преподобнаго и на полнолуніе, чтобъ были полные ульи сотовъ и меда. Чаще вынимаютъ пчелъ на теплаго Олекса (17 марта).

Мертвыхъ пчелъ, сметенныхъ весною, закапываютъ въ землю или высыпаютъ въ закрытое мѣсто, куда никто не ходитъ; оставлять наружи мертвыхъ пчелъ грѣшно: пчела чистое животное, плодъ ея труда—воскъ—служитъ жертвою Богу.

Въ праздникъ Благовѣщенія (25 марта) пасѣчникъ до восхода солнца раздѣвается до-нага и три раза обѣгаетъ свою пасѣку, послѣ чего вколачиваетъ въ землю осиновый колышекъ: это для того, чтобы рои не уходили.

Въ степь вывозить стараются *на похвалу* (въ понедѣльникъ страстной недѣли), чтобы пчелы *хвалились* медомъ. Вывезя въ степь, стараются запрятать ульи получше въ бурьянъ или балку, чтобъ поменьше попадались на глаза, а то «спристритять», а еще и для того, чтобы весенній вѣтеръ не холодилъ ульевъ; лѣтомъ выставляютъ ульи на болѣе открытое мѣсто.

Во время роенія пчелъ, ульи смазываютъ посерединѣ матошныкомъ, запахъ котораго походитъ на запахъ пчелиной матки и потому привлекаетъ рой.

Сообщ. **В. Ястребовъ.**

О стельной коровѣ. (Со словъ знахарки). Якъ первитка[1]) отелытся, то нужно взять яйце куряче, выпустыть изъ его жовтокъ и билокъ, а потимъ въ шкаралупу надоить молозыва, а тоди взять та й закопать въ глухимъ кинци коло воритъ, або коло хвиртки. Тоди

[1]) Съ первымъ теленкомъ. К. Д. Морозъ.

беруть макъ и силь свячену [1]) и обсыпають корову и ту мисцыну, де закопане молозыво въ яйци, и прымовляють три раза: «хто цю силь позбыра, той у моеи коровы корысть одбере, хто цей макъ перелічыть, той мою корову обызвычыть». Тоди бере видра и иде по воду до крыныци и молытся Оче нашу надъ крыныцею; якъ кончыть молытву, то каже: «добрый вечиръ тоби, крыныце (и вразуразъ каже: добрый *вечиръ*, хоть бы и рано прыйшла). Олиныце, и ты, земля Тытіяно, и вода Оліяно, обмываишь ты лугы, берегы, обмый мою Хаву отъ лыхои твари! Якъ у крыныци вода прыбува, такъ у моеи Хавы дійво прыбува. Я до тебе не прыйшла воды брать, я до тебе прыйшла мылосты прохать, велыкого здою, товстого збору [2]), жовтого масла». Тоди бере воду и иде до дому, ни до кого не здоровкается и не обзывается, и кого зострине, то то й видьма. Якъ прынесе воду до дому, то одно видро ставыть пидъ корову и трошкы подоить туды, такы все бере цыцькы навхрыстъ; тоди дае корови выпыть, а якъ не выпье, то помишае зъ кормомъ, шобъ иззила; а друге видро ставыть на зори [3]) на цилу ничъ и де-небудь такъ, шобъ собака не могла напытся, и прыказуе: «вы, зори-зоряныци, васъ на неби тры сестрыци, одна вычирня, друга полуношна, а третя свитова, дайте мени гоману [4]) на мое густе молоко, на билый сыръ, на жовте масло». Рано корова выпыва видро. Счыстокъ бере (знахарка) въ зубы и обходыть тры разы корову и по-пидъ нею тры разы пролазыть въ одній сорочци, безъ очыпка и роспатлана, тоди счыстокъ оддается собаци, щобъ винъ иззивъ и изъ собакы видьма не возме вже корысти, особенно изъ пса. Тоди вертять дирочку въ рози и туда кладуть ладанъ и свяченый макъ и забывають осыковымъ колочкомъ, зробленнымъ изъ той гылькы, котора стояла на покути на св. недилю (на Троицу). Тоди доять молозыва, змишують его зъ сажою и цидять кризь осыкову дудочку, зроблену изъ осыкы и оддають корови. Така корова уже заправлена, у неи нихто не одбере корысти (молока) и нихто не наврочыть.

Записалъ К. Д. Морозъ въ м. Глодоссы елисав. у.

Сообщ. В. Ястребовъ.

---

[1]) Освященную вмѣстѣ съ пасхою.

[2]) Чтобы былъ толстый слой сливокъ. К. М.

[3]) Подъ открытымъ небомъ. К. М.

[4]) Я думаю, что—посудина. К. М.

Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. Существующій въ Кіевѣ католическій костелъ св. Александра заложенъ въ 1817 году, но за недостаткомъ средствъ постройка его продолжалась очень долго, и хотя зданіе окончено было въ 1838 году, тѣмъ не менѣе еще въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ не могъ быть освященъ. Это непонятное равнодушіе къ своей единственной Кіевской святыни со стороны тогдашняго католическаго населенія, среди котораго въ тѣ времена числилось столько богатыхъ и вліятельныхъ людей, принудило наконецъ предводителей дворянства кіевской губерніи прибѣгнуть къ такой экстраординарной мѣрѣ, какъ раскладка потребной на окончаніе костела суммы между всѣми помѣщиками губерніи, безотносительно къ ихъ вѣроисповѣданію. Въ архивѣ извѣстной основательницы кіевскаго Сулиминскаго дома для бѣдныхъ, Ульяны Степановны Ловцовой, по первому браку Сулиминой, владѣвшей м. Мотыжиномъ и другими деревнями въ кіевскомъ уѣздѣ, мы нашли слѣдующее оффиціальное (на бланкѣ и за номеромъ) предложеніе отъ уѣзднаго предводителя дворянства, помѣченное 16 апрѣля 1842 года:

«Милостивая Государыня Ульяна Степановна!

Г. кіевскій губернскій предводитель дворянства увѣдомилъ меня, что во время минувшихъ выборовъ гг. уѣздные предводители постановили: предложить гг. помѣщикамъ взнести изъ каждаго уѣзда по 1200 р. ассигн. на пополненіе недостающей суммы къ совершенному окончанію уже выстроенной въ г. Кіевѣ католической церкви; а послѣ того, извѣщая меня, что уже многіе уѣзды взнесли предположенныя деньги, и если прочіе уѣзды сіе исполнятъ, то богослуженіе въ той церкви начнетъ совершаться въ нынѣшнемъ году непремѣнно, проситъ моего ходатайства объ ускореніи взноса помянутыхъ 1200 рублей ассигн. денегъ. Сообщая объ этомъ Вашему высокородію, я не нахожу нужнымъ принимать особеннаго по сему предмету ходатайства, ибо остаюсь въ полной увѣренности, что вы, милостивая государыня, по искреннему расположенію къ богоугоднымъ дѣламъ, охотно пріймете участіе въ пожертвованіи на изъясненную надобность и деньги не оставите прислать ко мнѣ въ возможной скорости. Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашего высокородія покорнѣйшимъ слугою *В. Бутовичъ*».

Чтобы оцѣнить всю необычайность этого обращенія, надобно знать, что и кіевскій уѣздный предводитель дворянства В. Бутовичъ

былъ человѣкъ православный, и У. С. Сулимина (въ то время вдова послѣ перваго брака), урожд. Вишневская, не только изъ дѣда и прадѣда была кровной малороссіянкой, но сверхъ того такъ мало была расположена ко всему польскому и католическому, что, сдѣлавшись (путемъ покупки имѣній въ кіевскомъ уѣздѣ) помѣщицей югозападнаго края и присмотрѣвшись къ жалкому, униженному положенію православныхъ крестьянъ подъ властью польскихъ помѣщиковъ, представила въ 1853 г. на Высочайшее имя особую записку, въ которой доказывала крайнюю необходимость изданія спеціальнаго закона, чтобы помѣщики-католики были обязаны или принимать исповѣданіе, общее съ вѣрой ихъ крестьянъ, или продавать свои имѣнія въ казну, или же, въ крайнемъ случаѣ, владѣть населенными имѣніями не иначе какъ по особому, правительствомъ установленному, положенію, которое совершенно исключало бы всякую возможность насилій и угнетенія со стороны иновѣрныхъ владѣльцевъ по отношенію къ православному населенію края.

Сообщ. О. Л.

„Письмо изъ Житоміра“. Въ 7 часовъ вечера въ помѣщеніи мужской гимназіи состоялось первое собраніе членовъ-учредителей возникающаго въ г. Житомірѣ «Общества изслѣдователей Волыни». Въ засѣданіе прибыло 13 человѣкъ, выразившихъ сочувствіе задачамъ организуемаго общества. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ директора мужской гимназіи П. А. Сидорова. Заслушанъ былъ проектъ устава общества и тѣ указанія на проектъ, которыя были сдѣланы присутствующими членами общества, и прочитаны замѣчанія на проектъ нѣкоторыхъ изъ отсутствующихъ членовъ, приславшихъ свои замѣчанія (професс. Антоновича, Готфрида Оссовскаго и др.). Измѣненія, которыя предположено сдѣлать въ уставѣ общества, напеч. въ октябрѣ прошлаго 1896 года, касаются многихъ параграфовъ проекта устава, но въ особенности они касаются § 5. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій общества, оно по прежнему проекту раздѣлялось на слѣдующія четыре секціи: естественныхъ наукъ, антропологическая, экономическая и историческая; по новой же редакціи: секція естественныхъ наукъ, къ которой отнесена и антропологическая, а затѣмъ—этнографическая, экономи-

ческая и историческая. Существенныя указанія измѣненій въ прежнемъ проектѣ сдѣланы въ засѣданіи г. О. И. Фотинскимъ и г. Григоріемъ Мачтетомъ.

Отъ души желаемъ процвѣтанія и успѣха возникающему обществу.

Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ.

Въ одномъ изъ писемъ графа А. К. Толстого, напечатанныхъ въ апрѣльск. кн. Вѣстн. Евр. с. г., читаемъ: «мой двоюродный братъ [1]) пріѣхалъ изъ Малороссіи и привезъ съ собою такіе великолѣпные національные мотивы! Они мнѣ перевернули сердце.... Никакая національная музыка не выразила свою народность съ такимъ величіемъ и силой, какъ малороссійская музыка, даже лучше великороссійской, которая такъ выразительна.

Слушая ее, ты бы постепенно видѣла открывающуюся передъ тобою всю исторію Малороссіи, ты бы лучше поняла характеръ народностей, чѣмъ читая Гоголя или Конисскаго»...

Поправка.

Въ № 3 «Кіев. Стар.» за 1897 г. въ замѣткѣ *«Измѣненія текста «Энеиды» И. П. Котляревскаго»* вкралась при печатаніи ошибка. На страницѣ 74 въ примѣчаніи приводится точное заглавіе перваго изданія «Енеиды», при чемъ напечатано такъ: «*Малорусская* Енеида», «Енеида на *малорусскій* языкъ перелицiованная». Это ошибка: въ книгѣ напечатано: «*Малороссійская* Енеида», «на *малороссійскій* языкъ». Хотя ошибка и небольшая, но все же считаемъ нужнымъ ее исправить, такъ какъ она относится къ книгѣ, имѣющей для насъ особое значеніе.

В. Гринченко.

---

[1]) Левъ Михайловичъ Жемчужниковъ?

Библіографія.

Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. В. Шимановскаго. *Варшава. 1897. Стр. II+106+XXXII.*

Авторъ названной книги говоритъ въ своемъ предисловіи къ ней, что «многія причины даютъ право Холмскимъ говорамъ на особенное вниманіе къ нимъ со стороны языковѣдовъ», съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться, хотя авторъ и не даетъ спеціальнаго поясненія этихъ причинъ.

Изложенію особенностей «холмскихъ» говоровъ предпосланъ краткій перечень источниковъ, коими пользовался авторъ при составленіи своего труда. Они состояли главнымъ образомъ изъ свѣдѣній о мѣстныхъ говорахъ, доставленныхъ автору въ видѣ отвѣтовъ на разосланную имъ программу, а также изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ. Свѣдѣнія перваго рода добыты авторомъ изъ указанныхъ имъ въ книжкѣ мѣстностей красноставскаго, бѣлгорайскаго, холмскаго и грубешовскаго уу. люблинской губ., радынскаго, бѣльскаго и влодавскаго уу. сѣдлецкой губ.

Обзоръ діалектическихъ особенностей языка этихъ мѣстностей, а равно и другихъ, населенныхъ южноруссами въ предѣлахъ люблинской и сѣдлецкой губ., состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: фонетическаго (гласные зв. 11—47 стр., согласныя 47—74 стр.) и морфологическаго (74—102 стр.) и заключается «общими выводами» автора (103—106 стр.).

Не входя въ разсмотрѣніе изслѣдованій автора о языкѣ названныхъ мѣстностей, мы отмѣтимъ только сдѣланные имъ изъ нихъ об-

щіе выводы. Послѣдніе сводятся у автора къ 4 главнымъ положеніямъ: *Во 1-хъ*, что общія черты разсматриваемыхъ говоровъ развились самостоятельно, а не подъ вліяніемъ сосѣдней польской рѣчи. Воздѣйствію послѣдней авторъ приписываетъ лишь употребленіе въ этихъ говорахъ «сложной формы прошедшаго времени» (напр. ходывэмъ= галицкому ходывъ—емъ и т. п.) [1]) и отвердѣніе *р*. Такое мнѣніе объ этихъ явленіяхъ не ново, но нельзя сказать, чтобы оно отличалось критической доказательностію и обоснованностію. Дѣйствительное же вліяніе польской рѣчи сказалось, повидимому, главнымъ образомъ въ замѣченныхъ авторомъ нѣкоторыхъ лексикальныхъ заимствованіяхъ изъ послѣдней. *Во 2-хъ*, что въ такъ называемой авторомъ «Холмской Руси» существуетъ собственно два говора (точнѣе бы сказать—двѣ группы говоровъ): собственно—холмскій и подлясскій; при чемъ существенное отличіе послѣдняго отъ перваго составляютъ, по мнѣнію автора, *дифтонги* (*іа*, *іе*, *уо* и т. п.). *Въ 3-хъ*, что наиболѣе характерными особенностями этихъ говоровъ являются слѣдующія: а) такъ называемое авторомъ «пониженіе вокализма», выразившееся въ явленіяхъ перехода «широкихъ открытыхъ гласныхъ въ узкіе»: *я* (*а*) въ *е*, *о* въ *у* (взів вм. взяв, кузак вм. козак); хотя, какъ показываютъ данныя этихъ говоровъ, тотъ и другой переходъ представляютъ существенныя разницы въ количественномъ и качественномъ отношеніяхъ и не связаны другъ съ другомъ какимъ либо единствомъ общихъ фонетическихъ условій и факторовъ. (Есть вообще млр. говоры, сильно развившіе одинъ изъ этихъ переходовъ и крайне ограничивающіе у себя другой); б и в) «отвердѣніе» въ большинствѣ говоровъ гласныхъ *е* и *и*, а также—вообще—гласныхъ, явившихся на смѣну «основныхъ закрытыхъ *о*, *е* и *ѣ*»; хотя тутъ же говорится у автора, что гласные *е* и *и*, явившіеся не только на мѣстѣ *я* (*а*), но и на мѣстѣ основныхъ закрытыхъ *о* и *е*, звучатъ мягко; а звуки, замѣняющіе гласный *ѣ*, какъ видно изъ данныхъ языка, во многихъ разсматриваемыхъ говорахъ представляютъ только рѣдкое спорадическое отвердѣніе, и г) какъ на выдающіяся черты консонантизма, указано на «неустойчивость закона уподобляемости согласныхъ» (рідкий, а не ріткий, при лісти вм. лізти и т. п.?), твердость *р* и «ерацію» губныхъ передъ мягкими гласными «въ тѣхъ случаяхъ, когда въ в.-рус. это сочетаніе производится при посредствѣ *ь*» (*пь*ю, а не *пь*ю и т. п.?), хотя означенныя черты, какъ извѣстно, не чужды также и другимъ млр.

[1]) Эти и всѣ дальнѣйшія поясненія въ скобкахъ принадлежатъ намъ.

говорамъ. Авторъ говоритъ, что нѣкоторыя звуковыя особенности, роднящія разсматриваемые имъ говоры съ бѣлорусскими, заставляютъ считать ихъ *переходными* отъ послѣднихъ къ малорусскимъ. Но если подобный характеръ можно приписывать, пожалуй, отчасти нѣкоторымъ подлясскимъ говорамъ (и то какъ переходнымъ отъ малорусскихъ къ б. русскимъ, а не наоборотъ), то холмскіе говоры не даютъ для этого никакихъ основаній. *Въ 4-хъ*, наконецъ, что нѣкоторыя звуковыя и формальныя особенности всѣхъ этихъ говоровъ представляютъ болѣе или менѣе значительную давность. Къ таковымъ особенностямъ, восходящимъ, по утвержденію автора, своимъ началомъ къ XII—XIII вв., относятся случаи: постановки *е* вм. *я*; замѣны *и* чрезъ *ы* и, наоборотъ, *ы* вм. *и*—послѣ гортанныхъ; «перегласованія закрытыхъ *о* и *е*»; появленія *у* вм. *о*; твердости *р*; написаній *еща, вовьця, багать*; а равно постановки неорганическаго *ѣ* въ 1 и 2 лл. мн. ч. повел. накл. и вліянія формъ мягкаго склоненія прилагательныхъ на формы твердаго, которому авторъ приписываетъ (см. стр. 89) образованіе такихъ фф., какъ *білэе, білэ* вм. *білое*, а также рус*эі* вм. рус*оі*, червон*эю* вм. червон*ою* и т. п. (по предполагаемой, должно быть, аналогіи съ такими фф., какъ син*ее*; син*еі—ею* или чуж*ее*; чуж*еі—ею*), тогда какъ, наоборотъ, въ этихъ говорахъ (см. стр. 90) *е* въ мягкомъ склоненіи само переходитъ въ *о* (*ё*): син*ёе*, син*ёі* и т. п.

Такъ какъ всѣ почти отмѣченныя здѣсь черты, съ одной стороны, въ той или иной степени, присущи также и разнымъ другимъ малорусскимъ говорамъ, а съ другой—не составляютъ въ одинаковой мѣрѣ общаго и наиболѣе характернаго достоянія всѣхъ разсматриваемыхъ авторомъ холмскихъ и подлясскихъ говоровъ, то онѣ, очевидно, недостаточны для индивидуальной характеристики послѣднихъ (составлявшей однако, повидимому, спеціальную задачу автора) и по нимъ нельзя составить себѣ опредѣленнаго представленія о томъ, по скольку эти говоры выдѣляются въ какую либо особую группу, составляющую ли органическую часть малорусскаго діалекта, или являющуюся переходнымъ звеномъ отъ него къ бѣлорусскому діалекту, какъ это полагаетъ авторъ, но съ чѣмъ, какъ сказано выше, не возможно согласиться.

Приложенные къ труду автора образцы говоровъ представляютъ значительный интересъ. Всѣ они записаны въ люблинской губ. (въ 6 мѣстахъ холмскаго у., 4-хъ грубешовскаго, 2-хъ бѣлгорайскаго и 4-хъ томашовскаго) и передаютъ живую рѣчь, повидимому, довольно

точно, хотя принятая для нихъ транскрипція не всегда выдержана съ надлежащею послѣдовательностію.

Во всякомъ случаѣ трудъ автора заслуживаетъ вниманія, и слѣдуетъ быть признательными ему за ознакомленіе публики съ мало изслѣдованными еще говорами этого окраиннаго уголка Южной Руси.

К. М.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Том XIV (1897, кн. VI) стр. 200.—Том XV (1897, кн. I). Стр. 190*[1].

Какъ видно изъ напечатанныхъ въ XIV и XV т. т. «Записокъ» протоколовъ общихъ собраній членовъ «Общества имени Шевченка» 20 декабря 1896 г. и 2 февраля 1897 г., это симпатичное и въ высшей степени полезное научное учрежденіе переживало въ сказанный промежутокъ времени критическіе моменты, что обусловливалось особенностями галицкихъ отношеній. Судя по протоколамъ, въ средѣ членовъ общества рѣзко обнаружились два противоположныя теченія, и спокойной научной работѣ на полѣ родной литературы грозилъ неожиданный перерывъ. Какъ извѣстно, въ типографіи общества печатались до настоящаго года, между прочимъ, двѣ политическія газеты: «Діло» и «Батьківщина». Значительная задолженность редакціи «Діла» обществу по типографіи не разъ служила предметомъ обсужденія, но послѣ того, какъ въ газетѣ «Буковина» появились инсинуаціи по поводу отношеній «Общества» къ «Ділу», вице-президентъ галицкаго школьнаго совѣта заявилъ, что «Обществу» слѣдовало-бы отказаться отъ печатанія въ своей типографіи политическихъ газетъ, въ противномъ случаѣ правительство откажетъ Обществу въ субсидіи и въ печатаніи учебниковъ. Комитетъ общества послѣдовалъ этому приглашенію, но 15 членовъ заявили протестъ, и вопросъ былъ внесенъ въ чрезвычайное общее собраніе $^{8}/_{20}$ декабря 1896 г. Во время дебатовъ указывалось на то, что «Общество» вначалѣ основано было для содѣйствія малорусскимъ галицкимъ изданіямъ и что не слѣдуетъ допускать посторонняго вмѣшательства въ дѣла учрежденія; на это возражали, что сила солому ломитъ и что обществу трудно суще-

---

[1]) Отчетъ о прежнихъ 13 т. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г. №№ 11 и 12, 1896 г. №№ 2, 5 и 10 и 1897 г. № 1.

ствовать безъ поддержки правительства при настоящемъ политическомъ положеніи галицко-русскаго народа, что отказъ въ печатаніи газетъ не равносиленъ нарушенію научной независимости «Общества» и т. д. На голосованіе поставлены были три резолюціи: перейти къ очередному порядку (40 голосовъ противъ 41); выразить порицаніе комитету за отказъ печатать «Діло» вслѣдствіе посторонняго давленія (13 противъ 63); поручить комитету продолжать печаніе «Діла и «Батьківщини» при условіи правильной уплаты (44 противъ 35). Послѣ такого результата голосованія комитетъ заявилъ, что не можетъ выполнить этого порученія, и сложилъ полномочія. Предсѣдатели секцій общества проф. Верхратскій, Грушевскій и д—ръ Франко также отказались отъ своихъ званій, признавая поведеніе комитета правильнымъ. Собраніе разошлось ничего не рѣшивши, а комитетъ оставленъ былъ временно до новаго собранія, которое состоялось 2 февраля 1897 года. Изъ представленнаго отчета за 1896 г., между прочимъ, видно, что общество получило субсидіи отъ министерства просвѣщенія 2000 гульд. и отъ школьнаго галицкаго совѣта 2500 гульд. Голова «Общества» г. Ал. Барвинскій возбудилъ предъ правительствомъ и рейхсратомъ ходатайство объ увеличеніи субсидіи до 5000 гульд., но въ бюджетъ 1897 г. субсидія вовсе не включена. Средства общества употреблены главнымъ образомъ на научныя изданія и литературную газету «Зорю», на изданія малорусской «Системы австрійскаго гражд. права» въ переводѣ покойнаго Алекс. Огоновскаго, на преміи за лучшія работы для «Зорі» и т. п. Обществу порученъ министерствомъ переводъ на малорусскій языкъ новаго устава австр. гражд. судопроизводства. Членовъ числилось 283. Бюджетъ за 1896 годъ составлялъ свыше $63^1/_2$ тыс. гульденовъ.—На собраніе 2 февраля явилось болѣе 90 членовъ. Вмѣсто отказавшагося Ал. Барвинскаго головою общества избранъ проф. М. Грушевскій, который высказалъ, что всѣ свои силы положитъ на дальнѣйшее развитіе научной дѣятельности «Общества» въ виду громаднаго культурно-общественнаго значенія науки вообще и въ особенности для развитія галицко-русскаго народа. Декабрьское голосованіе показало, что такое направленіе не нашло должной оцѣнки въ большинствѣ собравшихся членовъ и что многіе готовы пожертвовать научнымъ значеніемъ «Общества» ради политической манифестаціи. Между тѣмъ, научное общество не можетъ служить ареною для политики, какими-бы похвальными чувствами послѣдняя ни руководствовалась. Если собраніе будетъ настаивать на декабрьскомъ рѣшеніи, то г. Грушевскій отказывается отъ участія въ Обществѣ»

не смотря на оказанную ему высокую честь. Онъ стоялъ и стоитъ на одномъ: научное общество для науки, исключительно. Деп. Романчукъ и д-ръ Лагодинскій заявили, что, подавъ голоса за г. Грушевскаго, человѣка далекаго отъ политики и отдавшагося исключительно наукѣ, они желали поставить общество на чисто научную почву и устранить всякія политическія подозрѣнія.—Такимъ образомъ инцидентъ былъ исчерпанъ, и продолженіе научной дѣятельности «Общества» на текущій годъ обезпечено привлеченіемъ прежнихъ работниковъ на этомъ усыпанномъ терніями полѣ.

Въ настоящихъ двухъ томахъ «Записокъ» находимъ продолженіе монографіи г. Кониската по жизнеописанію Т. Г. Шевченка: «Тарасъ Шевченко во время пребыванія въ Петербургѣ» (1858 и 1859 г.г) (XIV, 1–42) и «Послѣдняя поѣздка Т. Шевченка на Украину» (1859 г.) (XV, 1—35). Независимо отъ литературныхъ достоинствъ этихъ очерковъ, заслуга автора заключается въ тщательномъ подборѣ появившихся извѣстій о жизни поэта въ этотъ періодъ, извѣстій нерѣдко трудно доступныхъ, позабытыхъ, и въ умѣніи сгруппировать ихъ въ цѣльную картину. Безъ сомнѣнія, всѣ очерки г. Кониската выйдутъ отдѣльной книгой, и тогда надѣемся дать о нихъ подробный отчетъ, дополнивъ нѣкоторыми новыми данными, которыми біографъ не могъ располагать по независящимъ отъ него причинамъ.

Изъ прочихъ статей «Записокъ» слѣдуетъ отмѣтить очеркъ г. Ом. Терлецкаго: «Козаки въ Бѣлоруссіи въ 1654—1656 г.г.» Авторъ съ большимъ вниманіемъ собралъ всѣ доступныя для него данныя для характеристики козацкаго и московскаго уряцовъ въ занятой Бѣлоруссіи и Литвѣ и отмѣтилъ взаимно недружелюбное отношеніе ихъ какъ въ военной, такъ и въ мирной политикѣ, постоянную коллизію, которая готова была разразиться вслѣдствіе различія интересовъ и навыковъ той и другой стороны въ эту тяжелую пору нашей исторіи. Хотя статья г. Терлецкаго требовала-бы нѣкоторыхъ дополненій для большей наглядности поставленныхъ тезисовъ, но для этого необходимы архивныя изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе, поставленный авторомъ для обработки мало выясненный въ наукѣ вопросъ иллюстрированъ весьма добросовѣстно и статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Г. С. Томашевскій, въ статьѣ: «Самуилъ Казимиръ Кушевичъ, райца львовскій, и его записная книжка» даетъ (XV, 1—24) не лишенныя интереса выдержки изъ неизданной книги Кушевича для характеристики быта и исторіи г. Львова въ эпоху Хмельницкаго. Книжка хранится въ библіотекѣ института Оссолинскихъ. Судя по приведен-

нымъ выдержкамъ, которыя служатъ основой статьи г. Т., желательно было-бы полное изданіе этого любопытнаго памятника. Томуже г. Т—му принадлежатъ «Матеріалы для исторіи Хмельниччины» въ XIV т. «Записокъ», именно универсалы кн. Іер. Вишневецкаго, кн. Владислава Острожскаго и Заславскаго, Ст. Лянцкоронскаго, кор. Яна Казимира и М. Потоцкаго 1648—1650 г.г. къ шляхтѣ русскаго воеводства по поводу военныхъ сборовъ противъ Хмельницкаго. Матеріалы эти извлечены изъ львовскаго бернардинскаго архива и снабжены пояснительнымъ введеніемъ издателя.

Г. Грушевскій издалъ галицкій пѣсенникъ начала XVIII в. (XV, 1—48) и нѣсколько галицкихъ же духовныхъ виршъ, записанныхъ въ Яворовѣ въ 70-хъ годахъ (XIV, 1—16).

Въ отдѣлѣ библіографіи находимъ обзоръ содержанія болѣе 40 журналовъ и рецензіи на 53 книги, брошюры и статьи по исторіи и литературѣ южнорусскаго народа.

Н. М.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ пятый. Курганы, древности и клады домонгольскаго періода. *Спб. 1897.*

Извѣстное изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова, начатое еще въ 1889 г., все больше и больше приближается къ осуществленію основной задачи—«представить историческое образованіе и развитіе *древне-русскаго* искусства». За первыми тремя выпусками, посвященными классическимъ древностямъ южной Россіи, древностямъ скиѳо-сарматскимъ и древностямъ временъ переселенія народовъ, послѣдовалъ четвертый, посвященный христіанскимъ древностямъ Крыма, Кавказа и Кіева; теперь, послѣ довольно продолжительнаго перерыва, вышелъ выпускъ пятый, заглавіе котораго приведено выше. Настоящій выпускъ, предметомъ котораго служитъ изображеніе «жизни и быта древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ», представляетъ особенный интересъ не только для исторіи русскаго искусства, но и для русской исторіи вообще; онъ заключаетъ обзоръ всѣхъ археологическихъ находокъ домонгольскаго періода и попытку ихъ систематическаго объясненія.

Все сочиненіе можетъ быть раздѣлено на четыре части. Въ первой (стр. 1—48) заключается изложеніе общихъ соображеній ав-

тора о древне-Русскомъ искусствѣ и отразившейся въ немъ культурѣ древняго періода; вторая (49—94) посвящена описанію замѣчательнѣйшихъ курганныхъ находокъ; третья (95—124)—описанію важнѣйшихъ кладовъ; наконецъ, четвертая (125—163) представляетъ попытку обобщенія и систематизаціи описанныхъ выше археологическихъ предметовъ. Такъ какъ основныя положенія автора изложены преимущественно въ первой и, отчасти, въ четвертой части, то, для ознакомленія съ содержаніемъ книги, мы остановимся исключительно на этихъ статьяхъ.

Высказавъ свое мнѣніе объ отсутствіи въ современной наукѣ ясныхъ представленій о бытѣ и культурномъ состояніи древней Руси, пр. Кондаковъ указываетъ на многочисленныя археологическія находки послѣднихъ десятилѣтій, какъ на драгоцѣнный матеріалъ для пополненія указаннаго пробѣла. «Вся масса древностей, говоритъ онъ, открытыхъ и открываемыхъ вновь, уже теперь, при множествѣ всякаго рода пробѣловъ, если и не укладывается въ связную систему, о чемъ пока невозможно и помышлять, то все же поражаетъ наблюдателя своею видимою цѣльностью, своимъ ощутимымъ единствомъ» (стр. 4). «Но наблюдаемое нами единство русскихъ древностей, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не составляетъ однообразія, и потому слѣдуетъ считать, что разныя формы, вообще различныя культуры существовали одновременно, какъ существуютъ онѣ и теперь, но только взаимно соприкасаясь одна съ другою или обмѣниваясь взаимно предметами быта и искусства» (8—9). Изученіе всѣхъ этихъ формъ, едва только начатое, должно повести къ очень важнымъ выводамъ. «Изслѣдованіе о вещественныхъ древностяхъ слѣдуетъ поставить на почву анализа художественныхъ формъ въ ихъ историческомъ развитіи, выставить вопросъ о стилѣ предметовъ, ихъ группировкѣ съ этой стороны, о типахъ и ихъ происхожденіи, достигая общаго обозрѣнія предметовъ съ точки зрѣнія бытовой, торговой, сословно-гражданской, религіозной, а также художественной, вводя предметы русской древности въ общую науку исторіи искусства» (10). Возможный при настоящемъ состояніи русской археологіи отвѣтъ на поставленные вопросы и составляетъ задачу настоящаго труда.

Основное положеніе изслѣдованія состоитъ въ признаніи довольно высокаго уровня культурнаго развитія русскаго народа въ домонгольскій періодъ. «Въ собственно-русскихъ древностяхъ, по словамъ пр. К., нѣтъ вещей такъ называемаго примитивнаго характера» (10); напротивъ того, между ними встрѣчаются предметы, свидѣтель-

ствующіе о высокой степени культуры; при томъ многіе изъ этихъ предметовъ—мѣстнаго производства; «самыя утонченныя художественныя производства существовали въ Кіевѣ, ими занимались русскіе мастера, и при томъ въ широкихъ размѣрахъ, и распространяли свое производство въ Рязань, Суздаль» (10). Стиль художественныхъ и бытовыхъ предметовъ вырабатывался подъ вліяніемъ различныхъ народностей, съ которыми славяне послѣдовательно приходили въ соприкосновеніе. Поэтому развитіе древне-русскаго искусства представляетъ смѣну трехъ типовъ—восточнаго, занесеннаго въ эпоху переселенія народовъ и затѣмъ поддерживаемаго торговыми сношеніями съ Среднею Азіею, Кавказомъ, Персіею, Малою Азіею; типъ этотъ характеризуется развитіемъ т. наз. «звѣринаго орнамента». Арабское вліяніе приноситъ съ собою орнаментъ геометрическій и растительный (арабескъ). Впослѣдствіи преобладающимъ является византійское вліяніе, проникавшее сначала изъ Корсуня, а впослѣдствіи—непосредственно изъ Византіи. «Подъ именемъ «корсунскаго» въ древней Руси разумѣли все рѣдкое, изящное, но и чудное, старинное, и, въ отличіе отъ «цареградскаго», которое было символомъ утонченнаго, высокаго въ техническомъ отношеніи, «корсунское» было почти равнозначущимъ съ «архаическимъ» (26). Описавъ затѣмъ нѣкоторыя характерныя произведенія корсунскаго стиля, авторъ переходитъ къ искусству византійскому и съ особенною подробностью останавливается на двухъ наиболѣе характерныхъ для этого искусства производствахъ—перегородчатыхъ эмалей и скани. Характеристика главныхъ типовъ русскихъ древностей сопровождается описаніемъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся произведеній древняго искусства. Особенно подробно описаны два турьихъ рога въ серебряной оправѣ, найденные въ Черниговѣ, которые пр. К. считаетъ произведеніемъ кіевскихъ мастеровъ IX вѣка, представляющимъ подражаніе восточному звѣриному стилю (14)—и Шапка Мономаха, которую онъ признаетъ образцовымъ произведеніемъ византійскаго сканнаго дѣла XII ст., выполненнымъ не въ Константинополѣ, а «или въ Малой Азіи, или на Кавказѣ, или въ Херсонесѣ,—словомъ въ мѣстности, гдѣ византійское искусство XI—XII в. соприкасалось съ развитымъ арабскимъ орнаментомъ (48).

Вторая и третья части сочиненія, какъ замѣчено выше, представляютъ описаніе различныхъ курганныхъ находокъ и кладовъ. Четвертая—даетъ подробное описаніе и анализъ различныхъ художественныхъ формъ, встрѣчающихся среди курганныхъ находокъ и кладовъ; каковы—діадемы, гривны, бармы, цѣпи, серьги, перстни,

вѣнцы, фибулы, ожерелья, подвѣски, браслеты, пояса, канторги (коробочки), змѣевики.

Таково содержаніе книги. Обиліе изслѣдованнаго матеріала, множество цѣнныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ находкахъ, ихъ распредѣленіи по территоріи, сравнительное изученіе ихъ, дающее возможность объяснить ихъ происхожденіе, изслѣдованіе главныхъ художественныхъ формъ и стилей, наконецъ, попытка обобщить собранный матеріалъ въ одну по возможности цѣльную картину—все это придаетъ большой интересъ разсматриваемой книгѣ. Имя пр. Кондакова, давно уже пріобрѣвшаго извѣстность спеціальными изслѣдованіями по исторіи искусства, преимущественно византійскаго и русско-византійскаго, придаетъ книгѣ еще большее значеніе.

Но, на ряду со всѣми указанными достоинствами, не можемъ не указать и нѣкоторыхъ серьезныхъ недостатковъ. Всякому спеціалисту свойственно увлекаться своею спеціальностію и преувеличивать ея значеніе. Не свободенъ отъ подобнаго увлеченія и пр. Кондаковъ. Онъ придаетъ археологіи какое-то исключительное значеніе и съ одной стороны игнорируетъ труды изслѣдователей русской старины, не пользовавшихся данными археологіи, съ другой—на основаніи археологическихъ изслѣдованій приходитъ иногда къ положеніямъ, противорѣчащимъ выводамъ другихъ ученыхъ о жизни русскаго народа въ древнія времена. Подтвердимъ сказанное фактами. Уже на первой страницѣ мы встрѣчаемъ полное игнорированіе трудовъ русскихъ историковъ. «Жизнь и бытъ древней Руси въ эпоху до нашествія монголовъ, говоритъ пр. К., представляютъ картину наиболѣе темную для историка, рисующаго доселѣ внутреннее состояніе русскаго общества въ это время сырыми, безжизненными тонами общихъ мѣстъ на темномъ фонѣ примитивнаго варварства. Какое-то безмолвное согласіе, установившееся издавна, и общій отказъ отъ надежды найти въ этой жизни какіе-либо важные интересы примиряютъ, въ данномъ случаѣ, между собою всѣхъ теоретиковъ» (1). Такое смутное представленіе о внутренней жизни народа авторъ объясняетъ тѣмъ, что «еще такъ недавно мы совершенно не знали русскихъ курганныхъ древностей». Мы рѣшительно затрудняемся понять приведенное разсужденіе. Если-бы рѣчь шла только о *доисторическомъ* бытѣ славянъ, то и въ такомъ случаѣ отзывъ пр. К. нельзя не признать преувеличеннымъ; но сказать, что жизнь и бытъ *удѣльно-вѣчевого періода* «рисуются до сихъ поръ сѣрыми безжизненными тонами общихъ мѣстъ»—значитъ совершенно игнорировать труды историковъ,

этнографовъ, юристовъ, историковъ литературы, относящіеся къ разсматриваемому періоду. Односторонность приведеннаго мнѣнія тѣмъ очевиднѣе, что самъ пр. К. «смотритъ на археологію русскихъ древностей, какъ на такого рода научную область, гдѣ все представляется въ крайней неполнотѣ, скорѣе даже отрывочности, а многое должно оставаться проблематичнымъ или и вовсе неизвѣстнымъ, и гдѣ поэтому не можетъ быть пока точныхъ опредѣленій времени и мѣста происхожденія предметовъ и формъ» (9).

Тѣмъ не менѣе пр. К., какъ мы видѣли уже изъ изложенія первой части его труда, находитъ возможнымъ теперь же сдѣлать нѣкоторые общіе выводы изъ разсмотрѣнныхъ имъ данныхъ русской археологіи. Выводы эти отличаются большою односторонностью и часто находятся въ противорѣчіи съ выводами другихъ изслѣдователей русской старины. Мы не будемъ останавливаться на «археологическомъ славянофильствѣ», которымъ проникнуты многія разсужденія пр. К.; эта черта прекрасно охарактеризована въ рецензіи пр. Анучина [1]). Но не можемъ не сказать, что большая часть положеній пр. К. представляется намъ или неясно формулированными, или недоказанными. Главнымъ недостаткомъ сочиненія представляется намъ отсутствіе ясныхъ хронологическихъ указаній, приводящее иногда къ большимъ недоразумѣніямъ. Такъ напр., возставая противъ общепринятаго будто бы мнѣнія о примитивномъ бытѣ русскихъ славянъ въ эпоху образованія государства, пр. К. опровергаетъ это мнѣніе богатствомъ археологическихъ находокъ въ Россіи и существованіемъ въ Кіевѣ «самыхъ утонченныхъ художественныхъ производствъ» (10). Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду перегородчатыя эмали византійскаго типа; но изъ дальнѣйшаго изложенія мы видимъ, что пр. К. относитъ вліяніе византійскаго искусства къ XI и XII ст. (33), а не ко времени образованія государства. Правда, мы встрѣчаемъ у г. К. и попытку установить извѣстные періоды въ исторіи древне-русскаго искусства; но попытка эта сдѣлана въ очень неясной формѣ и не проведена черезъ все сочиненіе. «Для русской древности VIII—IX, X—XI, XI—XII ст.— говоритъ пр. К.—мы можемъ различить три особые типа, которые, господствуя въ данное время въ опредѣленномъ районѣ, распространяются затѣмъ шире, сливаются съ позднѣйшими или составляютъ

---

[1]) Русскія Вѣдомости 1897 г. № 105: „Крупный новый трудъ по исторіи русскаго искусства“. Въ этой статьѣ, написанной вообще въ сочувственномъ тонѣ, указаны и другіе недостатки сочиненія—преувеличеніе значенія археологіи, преждевременность нѣкоторыхъ выводовъ, крайне смѣлыя сближенія.

характерную примѣсь въ чуждой имъ мѣстности» (11). Но мысль эта не проведена въ послѣдующемъ изложеніи: такъ, на стр. 14 мы уже встрѣчаемъ отзывъ о русскихъ древностяхъ VIII—X ст., на стр. 33— XI—XII ст.; самое дѣленіе на три періода какъ-то стушевывается и сводится, повидимому, къ двумъ — восточному и византійскому. Не давая точныхъ хронологическихъ опредѣленій русскихъ древностей, пр. К. не даетъ, и даже не пытается дать, опредѣленій этнографическихъ. Въ древній періодъ онъ находитъ невозможнымъ различать племенныя особенности въ различныхъ могильникахъ (12), хотя другіе археологи, какъ извѣстно, довольно ясно установили типы погребенія и характеръ могильныхъ находокъ нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, при чемъ нѣкоторыя археологическія находки опровергаютъ огульное заключеніе пр. К. объ отсутствіи въ русскихъ древностяхъ вещей примитивнаго характера (напр., упоминаемыя и пр. К. на стр. 69 глиняные горшки, сдѣланные *безъ гончарнаго круга*). Впрочемъ, самъ пр. К. замѣчаетъ «въ извѣстныхъ мѣстностяхъ у Сѣверянъ и Древлянъ [1]) особое характерное *оскудѣніе*, словно потокъ вещей откуда-то прежде шедшихъ (?) сталъ мелѣть» (12). Точно также не опредѣляются этнографически и даже не всегда группируются по мѣстностямъ находки болѣе поздняго времени (клады).

Большею опредѣленностью, какъ и слѣдовало ожидать, отличаются отзывы о произведеніяхъ русско-византійскаго искусства. Но и здѣсь не обходится безъ неясности и противорѣчій. Такъ, на стр. 33 читаемъ: «Въ средѣ монументальнаго искусства оказывается наиболѣе труднымъ отличить византійскій типъ отъ его русскаго варіанта, и *пока* приходится принимать, согласно со скудными и темными свидѣтельствами лѣтописей, что всѣ произведенія монументальнаго искусства выполнялись у насъ греками, выписными или наѣзжими мастерами и артелями или подрядчиками изъ Византіи, при чемъ мраморы привозились изъ проконесскихъ ломокъ уже вполнѣ отдѣланными, а мусія покупалась пудами въ Константинополѣ, о чемъ есть прямыя свидѣтельства, и исполнялась на мѣстѣ мозаичистами изъ Перы». Между тѣмъ относительно мелкихъ предметовъ искусства признается ихъ русское происхожденіе—главнымъ образомъ на основаніи характерной описки въ надписи кіевской діадемы: О АГІО ПАВЬЛЪ. «Эта ошибка ясно выдаетъ работу русскаго мастера и въ этомъ отношеніи является по истинѣ драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ того, что въ Кіевѣ русскіе мастера X и XI в. производили эмаль». (125). Но почему въ такомъ случаѣ не допустить *теперь же*, что русскіе мастера строили храмы и производили мозаичныя работы,

[1]) Въ другомъ мѣстѣ (стр. 68—69), описывая могильники Древлянъ, Радимичей, пр. К. ставитъ при именахъ этихъ племенъ вопросительные знаки.

что подтверждается характеромъ мозаикъ Зл.-Михайловскаго монастыря и ихъ славянскими надписями?

Не можемъ не указать и на внѣшніе недостатки изложенія, отчасти общіе съ прежними выпусками—отсутствіе оглавленія и раздѣленія на главы, неполное соотвѣтствіе между текстомъ и рисунками (не всѣ рисунки объяснены въ текстѣ), отчасти новые—отсутствіе какихъ бы то ни было указаній на литературу предмета.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, новое изданіе гр. Толстого и пр. Кондакова представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія, какъ единственное сочиненіе, излагающее въ связной формѣ результаты множества археологическихъ изслѣдованій и представляющее первую попытку болѣе широкаго ихъ объясненія. Роскошная внѣшность изданія, множество (225) прекрасно выполненныхъ рисунковъ, поразительно дешевая цѣна (1 р.) еще болѣе обезпечиваетъ успѣхъ книги, первые выпуски которой давно уже составляютъ библіографическую рѣдкость.

В. Щербина.

Старина и Новизна. *Кн. I. Спб. 1897 г.*

Недавно возникшее общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III предприняло изданіе собственнаго органа, подъ названіемъ «Старина и Новизна», для періодическаго обнародованія собираемыхъ имъ историческихъ матеріаловъ, какъ для изученія недавняго прошлаго—жизни и царствованія императора Александра III, такъ и болѣе далекой отечественной старины. Предполагается помѣщать какъ обработанныя статьи, такъ и документы, снабженные необходимыми поясненіями. «Стар. и Нов.» будетъ выходить безсрочными выпусками по мѣрѣ накопленія матеріаловъ».

Судя по началу, изданіе это будетъ представлять значительный обще-историческій интересъ.

Въ настоящей первой книжкѣ его есть нѣкоторыя частности, имѣющія ближайшее отношеніе къ программѣ нашего журнала.

Въ одномъ изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ писемъ Н. М. Карамзина къ князю П. А. Вяземскому, помѣченномъ 25 февраля 1820 года, исторіографъ отмѣчаетъ объемъ своихъ знаній по исторіи евреевъ въ Россіи. «Въ изданной мною исторіи—говоритъ Н. М. Карамзинъ—помѣщено все *извѣстное мнѣ* (курсивъ подлинника) о жидахъ въ древней Россіи; что съ X в. видимъ ихъ въ Тавридѣ, на Кавказѣ, въ Кіевѣ, а съ XIII в. и въ сѣверной Россіи откупщиками нашей монгольской дани» и т. д.

Въ одномъ изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ П. Я. Чаадаеву помѣщенъ восторженный отзывъ о Гоголѣ, съ предположеніемъ дать о немъ болѣе обстоятельный печатный отзывъ, что и было исполнено помѣщеніемъ статьи «Языковъ и Гоголь» — въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1874 г. (П. собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 304—334).

Въ сборникѣ помѣщены также въ высшей степени интересныя письма братьевъ Орловыхъ къ гр. П. А Румянцову.

По мнѣнію автора предисловія къ письмамъ, г. Барсукова, Румянцову тѣмъ полезнѣе было дружить съ Орловыми, которыхъ высоко цѣнила императрица Екатерина, что онъ самъ никогда не пользовался большимъ расположеніемъ и довѣріемъ Екатерины, которая такъ о немъ отзывалась: «онъ имѣетъ высокія достоинства, но двоякъ, и храбръ умомъ, а не сердцемъ», (Дневн. Храповицкаго, изд. Н. Барсукова, стр. 73).

Въ письмѣ, помѣченномъ іюнемъ 1769 г., графъ Григорій Орловъ поручаетъ вниманію Румянцова своего «генеральсъ-адъютанта преміеръ-маіорскаго чина» Николая Шарыгина, желавшаго попасть въ число членовъ малороссійской коллегіи.

Въ письмѣ отъ 11 марта 1770 г. графъ Иванъ Орловъ пишетъ между прочимъ: «первое (письмо), отъ 10 января, съ господиномъ асесоромъ Селецкимъ марта 8 получилъ, а второе, отъ 25 февраля, вчера. По первому я стараться буду, чтобы дѣти г. Селецкаго приняты были, сыновья въ кадетскій корпусъ, а дочь его въ Новодѣвичій монастырь (теперь Смольный институтъ), гдѣ, уповаю, и успѣю, по желанію вашему».

Иванъ Яковлевичъ Селецкій управлялъ однимъ изъ имѣній графа Румянцова, а братъ его, Лаврентій Яковлевичъ, въ 1786 году былъ малороссійскимъ почтъ-директоромъ.

Фактъ ходатайства Румянцова о дѣтяхъ Селецкаго важенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ заботливъ былъ онъ о близкихъ и нужныхъ ему людяхъ, что не забывалъ о нихъ, несмотря на заботы государственной важности.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что и нашъ журналъ сослужилъ маленькую услугу при составленіи первой книги «Старины и Новизны».

Въ прим. 116 къ письмамъ братьевъ Орловыхъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о князѣ Платонѣ Степановичѣ Мещерскомъ, который былъ при Румянцовѣ членомъ малороссійской коллегіи и «усерднѣйшимъ помощникомъ Румянцова въ его хозяйствѣ» по малороссійскимъ имѣніямъ, со ссылкой по этому поводу на статью А. М. Лазаревскаго о Румянцовѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г., декабрь, стр. 382.

Н. С.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На дняхъ вышла въ свѣтъ книга:

ДРАМЫ И КОМЕДІИ И. ТОБИЛЕВИЧА

(Карпенка-Карого). Т. 1-й.

(Бурлака.—Бондаривна.—Розумный и дурень—Наймычка.—Мартынъ Боруля). Ц. 1 р. 50 к.

Печатается и въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ 2-й томъ.

(Безталанна.—Сто тысячъ—Ґрихъ и покаяння.—Палывода XVIII столиття) Ц. 1 р. 50 к.

Складъ изданія: *Одесса*, Пушкинская № 20.—Книжный магазинъ Южно-русскаго общества Печатнаго дѣла Книгопродавцамъ обычная уступка.

1835. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА — 1897.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала «ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ», даетъ возможность, въ 1897 году, сдѣлать

важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что, въ общемъ, дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ $2^1/_2$—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. **52**

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается:

1. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.).—VIII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ежемѣсячно будетъ выданъ одинъ нумеръ журнала

съ картинами извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ,

отпечатанныхъ въ нѣсколько тоновъ цвѣтными красками

(по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемѣсячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами) изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ

дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

Для 52 нумеровъ «Живописное Обозрѣніе» и книгъ, пріобрѣтены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія извѣстныхъ и любимыхъ публикою рускихъ писателей.

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дремучій», большой романъ.—Соловьевъ, Всев. Серг. (авторъ романовъ «Сергѣй Горбатовъ» и др.). «Угасшая звѣзда», романъ.—Полевой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, I. I. («Максимъ Бѣлинскій») «Ясное утро». Большой романъ—Случевскій, К. К. «Мой дядя». Разсказъ.—Чеховъ, А. П. «Контрабандисты», больш, ром.—Голицынъ, Д. П. князь «Муравлинъ») «Рѣзаниновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гнѣдичъ, П. П. «Чужое». повѣсть.—Волконскій, М. Н. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ. К. М. Разсказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой разсказъ.—Тихановъ. В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера») «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ. И. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева) «Любимица», повѣсть.—Величко, В. Л. «Принципы», разсказъ.—Бажинъ, Н. Ѳ. «Часъ», повѣсть.—Мережковскій, Д. С. «Святой городъ», повѣсть.—Назарьева, К. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тангіева Е. А., княгиня. «Чужая тайна», большой романъ.—Лебедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», бол. ром.—Ѳедоровъ, А. М. «Въ степи», бол. ром.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», ром. Чюмина, О. Н. «Злыя чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный призракъ», повѣстъ.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхаисъ», повѣсть.—Ежовъ, М. Н. «Случайные гости» повѣсть.—Меньшиковъ Н.—«Игра судьбы», романъ. Н. «Игра судьбы» ром.—Уманецъ, Е. О. »За что?», повѣсть. Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло» разсказъ.—Якунинъ-Захарьинъ, И. Н. «Сноха» разсказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Бродяжка», разсказъ.—Гиппіусъ, З. Н. «Неуловимая» разсказъ—Майковъ, М. «Друзья-соперники», разсказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Иловайскій, П. I. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственныя калѣки», повѣсть.—

Казибекъ, Юрій. Разсказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Аѳанасьевъ, И. И. «Позорное наслѣдство», романъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: **8** р.—Безъ доставки въ Спб. **7** р.—въ Москвѣ **7** р. **75** к.

На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе—библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Бурлаки на Волгѣ», «Аѳонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкою)—одинъ рубль. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. невскій просп., д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

3—3

ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** ГОДЪ ИЗДАНІЯ 85-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета 1897.

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости для столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

◆ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ И ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ. ◆

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52** нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала,

гдѣ помѣщаются романы повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ».
3) Стѣнной календарь разсылается, какъ прибавленіе, при первомъ нумерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ числѣ 52-хъ безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ:

Третій томъ избранныхъ литературныхъ произведеній извѣстнаго писателя

А. МИХАЙЛОВА—„ГРѢХИ ПРОШЛАГО“.

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р.—На три мѣс. 2 р.—На одинъ мѣс. 1 р.

Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы—

4

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОГИМИ ИЗДАНІЯМИ.
Каждый воскресный нумеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

2

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): На годъ 4 рубля. На полгода 2 рубля. На три мѣсяца 1 рубль.

Годовые подписчики газеты „Сынъ Отечества“, въ 1897 году, могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

Новый большой художественный альбомъ—

„Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ“

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкою) 1 руб. 50 коп. Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты

Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкою—одинъ рубль. Безъ доставки—75 коп.

Главная контора: Спб. Кіевскій пр., У аничкина моста д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
Казанскаго Университета
на 1897 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи: отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченіе изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-Петербурскія Вѣдомости"

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ казенныхъ прибавленій. на годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	Съ казенными приб. на годъ.	6 мѣс.
Съ доставкой по гор. почтѣ.	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р. 50 к.	1 р. 80 к.	18 р.—к.	10 р.—к.
Съ пересылкою иногородн.	17 р.—„	10 „—„	5 „ 50 к.	2 „ — „	19 „ — „	11 „ — „
За границу	26 „ — „	14 „—„	8 „ — „	3 „ — „	28 „ — „	16 „ — „

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ Петербургѣ, въ главной конторѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель князь *Э. Э. Ухтомскій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА"

въ 1897 году.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакціей проф. В. Н. Латкина

Отдѣлы журнала: 1) оригинальныя статьи, 2) хроника—законодательства, гражданскаго, и уголовнаго суда, экономическое и земское обозрѣнія, 3) критика и библіографія, 4) замѣтки и извѣстія, 5) приложенія.

Въ теченіе 1896 года въ журналѣ были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Дриля—Цѣлесообразна-ли современная ссылка въ качествѣ карательной мѣры; проф. В. Ивановскаго—Общія начала въ

устройствѣ губернскихъ властей; В. Каткова—Чекъ; М. Левитскаго—Къ вопросу о законахъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства: проф. А. Александренка—Тайный надзоръ за дипломатами въ XVIII в.; И. Кашкарова—Къ вопросу объ улучшеніи служебнаго быта кандидатовъ на судебныя должности; П. Коробки—Замѣтки мироваго судьи; проф. А. Гольмстена—Три вопроса изъ литовскаго гражданскаго права; А. Левенстима—Докторъ Гроссъ и его проектъ улучшенія слѣдственной части; О. Пергаментъ—Новые австрійскіе проекты гражданскихъ процессуальныхъ законовъ; Н. Водовозова—Католическая школа въ политической экономіи; И. Баралевскаго—О судопроизводствѣ въ Пріамурскомъ краѣ; Я. Городыскаго—Практика судебно-административныхъ учрежденій; Е Васьковскаго—Недостатки устава гражданскаго судопроизводства; проф. В. Даневскаго—О необходимости преподаванія судебной медицины юристамъ; проф. В. Лебедева—Націонализація земли и поземельная реформа; А. Тимофеева—Условное освобожденіе; Н. Максимова—О реформѣ судебныхъ учрежденій въ степныхъ областяхъ; А. Лонгинова—Слабыя стороны проекта уголовнаго уложенія; А. Башмакова—Право представленія и поколѣнное преемство; И. Озерова—Сравнительная преступность половъ; А. Дукмасова—О надзорѣ за привлеченіемъ къ отвѣтственности; Г. Вольтке—Объ указной долѣ овдовѣвшаго супруга; К. Дворжицкаго—Бродяги и законъ; В. Волжина—Процессуальный порядокъ уменьшенія наказаній по степенямъ; Н. Дружинина—Крестьяне и общее гражданское право; проф. Загоровскаго—Къ вопросу о пересмотрѣ нашего судебнаго права; Н. Полетаева—Граница уголовной отвѣтственности душевнобольныхъ Ф. Клинберга—къ вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія; В. Волжина—Законы, карающіе нарушенія постановленій о лѣсахъ; М. Левитскаго—По поводу 6-ой статьи устава о цензурѣ; проф. П. Суворова—Монастыри и церкви, какъ юридическія лица; А. Лонгинова—Недостатки законоположеній о надзорѣ за судебными установленіями; М. Левитскаго—О судебной карьерѣ; Б. Боуффала—О пропинаціонномъ правѣ; М. Мыша—О личномъ цензѣ для участія въ городскихъ выборахъ; С. Саблера—Къ ученію о суверенитетѣ въ государствѣ; В. Ефимова—О послѣднемъ проектѣ межеваго устава; К. Чихачева—Объ юридической силѣ кассаціонныхъ рѣшеній; А. Леонтьева—Юридическое положеніе мѣщанъ въ отношеніи къ домамъ въ городахъ; В. Каткова—Заключеніе договоровъ при посредствѣ электричества; В. Гессена—О прекращеніи подданства; Н. Полетаева—Душевная болѣзнь, какъ поводъ къ расторженію брака; Л. Бѣлецкаго—Замѣчанія на проектъ уголовнаго уложенія; М. Ретвиха—По поводу статей 173—175 мироваго устава; З. Корсака—Новыя работы по вопросу о первичной поземельной собственности: В. Волжина—Розыскъ обвиняемыхъ чрезъ публикаціи; В. Кобцева—къ вопросу о слабой уголовной репрессіи суда присяжныхъ; В.

Акимова—Патронатъ; Д. Никольскаго—XVI-ая сессія института международнаго права и мн. др.

Цѣна за годовое изданіе:

Въ СПБ. безъ доставки . . . . . . 8 р.
Съ доставкою . . . . 8 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города . . 9 р.

Подписчики, желающіе получать сверхъ того рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкой и пересылкой 13 р. Подписка на рѣшенія отдѣльно, безъ журнала, стоитъ 4 р. Допускается разсрочка подписной платы. Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности, равно и учащіеся пользуются правомъ подписки за половинную цѣну, т. е., 4 р. 50 к. за журналъ и 8 р. 50 к. за журналъ съ кассаціонными рѣшеніями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала (СПБ. Новоисаакіевская улица, д. № 14, кв. 7) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ проф. *В. Н. Латкинъ.*

3—2

Годъ въ 1897 году третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ"

будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

I. Узаконенія и распоряженія правительства.

II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.

III. Циркулярныя распоряженія Министерства Юстиціи.

IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше утвержденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи преимущественно въ области судоустройства, уголовнаго права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.

VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.

VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библіографическій указатель юридической литературы русской и иностранной

VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.

IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ «Журналѣ Министерства Юстиціи» 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобрищева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васьковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витте, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульферта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегидзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Ѳ. Громницкаго, А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневскаго, В. Ѳ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Ѳ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И Лихачева, П. А. Логанова, М. А. Лозина Лозинскаго, А. И. Лыкошина, П. Н. Миклашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвица, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. Фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тува, Д. В. Туткевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПБургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ «Журналѣ» принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ *В. Ф. Дерюжинскій.*

3—2

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1897 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты, библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Учебные труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій учен й литературы (русской и иностранной), и научной хроники, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1897 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкою семь рублей. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе Университетскихъ Извѣстій 3 руб., сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или посредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между, проч., напечатано: «Карьера Струкова» Пов. Эртеля. «О Развитіи Русскаго Народнаго Хо-

зяйства» Проф. К. Исаева. «Трильби». Ром. Ж.-дю-Морье. «Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго». «Любовь и ревность у дѣтей» Д-ра В. Якубовича, «Въ дудкѣ» Пов. Вас. Немировича-Данченко. «О направленіяхъ современной Эстетики» Э. Радлова. «Quo Vadis» Ром. Ген. Сенкевича. «Воспоминанія о А. И. Герценѣ» Н. Тучковой-Огаревой. «Любовь» ром. О. Шапиръ. «Наслѣдственность пола» Е. Чижова. «Въ капканѣ» Пов. П. Боборыкина. «Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго» М. Чайковскаго. «Двѣ новеллы: a) «Наука любви и b) Любовь сильнѣе смерти» Д. Мережковскаго. «Новѣйшая испанская литература» Проф. А. Шепелевича. «Зеркала» Пов. З. Гиппіусъ. «Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена» М. Венюкова. «Фридрихъ Ницше» Оч. Л. А. Саломэ «Жилищная нужда рабочихъ классовъ» Д. Герценштейна. «Гоголь и А. О Смирнова въ 1842—44 г.г.» В. Шенрока. «Новая французская школа въ музыкѣ» и «Ново-Германская музыка» А. Коптяева. «Александръ Дюма» и «Новыя теченія во Французскомъ романѣ» З. Венгеровой. «Новая побѣда науки» А. Гершуна. «Богъ театра» Разск. Я. Крюковского. Идея Иліады» Н. Минскаго «Таможенное разоруженіе» В. Бирюковича. «Исторія одного идейнаго преступленія» Проф. И. Оршанскаго. «Письма къ M-me Віардо и Г. Флоберу И. С. Тургенева». Искусство и дѣйствительность» Изъ соч. Дж. Рескина. «Реорганизація С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности» Н. Арефьева. «Къ звѣздамъ» Раз. Ѳ. Сологуба. «Москва и Римъ» Проф. А. Брикнера. «Польскій публицистъ-художникъ» К. Льдова. «Тургеневъ и Толстой» Проф. Д. Овсянико-Куликовскаго. «Новая женщина и разводъ» П. Тверского. «Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина» Проф. Ѳ. Батюшкова. «Сельско-Хозяйственные отхожіе промыслы» В. Бирюковича. «Плоскогорье» Ром. Л. Гуревичъ. «Нѣмецкій студентъ конца вѣка» Проф. А. Трачевскаго. «Атомизмъ и энергетизмъ» Проф. А. Введенскаго. «На конкурсѣ». Раз. А. Стерна., и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппіусъ, К. Льдова, К, Фофанова, К. Бальмонта, Ѳ. Соллогуба, О. Чюминой и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

I. «Вопросы самообразованія» (Статьи проф. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шимкевича, проф. К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и др. II. Областной отдѣлъ». III. Земскій отдѣлъ» (Статьи Земское и городское самоуправленіе» М. Стиваля, «Земскіе финансы» В. Бирюковича, «Взаимное земское страхованіе» П Ск—скаго, «Земское и городское самоуправленіе» П. Кузнецова и др.). IV. «Провинціальная печать» Л. Горева. V. «Внутреннее обозрѣніе». VI. «За предѣлами европейской Россіи» (Статьи: «Въ Сибири», «Кому пр свѣщать Сибирь»? «Земство въ Сибири», «Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева. «Кавказъ» М. П., «При-

балтійскій край» П. К. «Привислянскій край» М. П. «Финляндскія дѣла» П. Кузнецова). VII. Корреспонденціи изъ-заграницы». VIII. Изъ жизни и литературы». IX. «Критика» X. «Библіографія». XI. «Литературныя замѣтки» А. Волынскаго (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская беллетристика», «Философскія теченія въ русской поэзіи», «Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (**безъ измѣненія объема и состава книжекъ**). **Разсрочка** для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

Условія подписки:

	Годъ.	1/2 г	1/4 г.	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
» городскихъ (съ дост.)	11 »	5 » 50 к.	2 » 75 к.	90 к.
» заграничныхъ . . .	14 »	7 »	4	

Подписка принимается: въ Гл. Конторѣ, Спб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ Отдѣл. Конт. книжн. магаз. К. Тихомирова, Кузнецкій мостъ; въ кн. маг. Карбасникова, «Новое Время», Печковской и др.

Редакторъ-Издательница *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

Екатеринославскія Губ. Вѣдомости.

«Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» выходятъ ежедневно ,за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ, въ форматѣ большихъ провинціальныхъ газетъ.

Неоффиціальная часть «Екатеринославскихъ Губ. Вѣдомостей» имѣетъ программу частныхъ газетъ—въ ней помѣщаются: телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ; передовыя по вопросамъ общегосударственной и мѣстной губернской жизни; статьи, касающіяся различныхъ отраслей общественной дѣятельности, науки, искусства, сельскаго хозяйства, прикладныхъ знаній и пр.; театральныя рецензіи; корреспонденціи изъ Екатеринославской губерніи и другихъ мѣстъ; обозрѣніе печати; внутреннія и внѣшнія извѣстія; справочный отдѣлъ банковыя свѣдѣнія, вѣдомость о прибывающихъ грузахъ, списокъ назначенныхъ къ слушанію въ судѣ дѣлъ и проч.; въ фельетонномъ отдѣлѣ помѣщаются еженедѣльные обзоры мѣстной жизни и по Россіи, критическіе обзоры журналовъ, а также повѣсти и разсказы, переводные и ориги-

нальные. «Екатеринославскія Губ. Вѣдомости» имѣютъ цѣлью служить главнымъ образомъ, мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ, причемъ даютъ читателямъ и всѣ выдающіяся свѣдѣнія изъ русской и иностранной жизни.,

Въ 1897 году въ «Екатеринославкихъ Губ. Вѣдомостяхъ еженедѣльно будетъ печататься, въ видѣ прибавленія, особый «**отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства**» открываемый по ходатайству земскаго собранія, въ которомъ, помимо свѣдѣній о дѣятельности Екатеринославскаго уѣзднаго земства, будутъ помѣщаться свѣдѣнія, касающіяся вообще земскаго дѣла, народнаго образованія, медицины, а также по сельскому хозяйству, примѣнительно къ югу Россіи, по хлѣбной торговлѣ, найму рабочихъ и прочія полезныя для сельскаго населенія сообщенія.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ:

на годъ	8 р.	на три мѣсяца . . .	2 р. 60 к
на полгода	4 р. 40 к.	на одинъ мѣсяцъ . .	1 р.

Преподаватели учебныхъ заведеній платятъ 6 руб. въ годъ.

Подписка принимается: а) въ конторѣ редакціи при Губернской Типографіи (Проспектъ), б) въ Екатеринославскомъ городскомъ полицейскомъ управленіи и у Гг. частныхъ приставовъ г. Екатеринослава и г) у Гг. исправниковъ и становыхъ приставовъ Екатеринославской губерніи. Для служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка: уплата производится по 1 руб. ежемѣсячно, начинается съ января.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ"

на 1897 годъ

(ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ).

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также пе-

реводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ $^{3}|_{29}$ февр. 1884 г., подписка какъ на Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги.

„Воскресное Чтеніе за слѣдующіе годы существованія его при Академій: за $18^{37}|_{38}$ г. (т. I), $18^{41}|_{42}$ (V), $18^{47}|_{48}$ (XI), $18^{48}|_{49}$ (XII), $18^{51}|_{52}$ (XV), $18^{53}|_{54}$ (XVII), $8^{54}|_{55}$ (XVIII), $18^{55}|_{56}$ (XIX), $18^{56}|_{57}$ (XX), $18^{57}|_{58}$ (XXI), $18^{60}|_{61}$ (XXIV), $18^{61}|_{62}$, (XXV), $^{63}|_{64}$ (XXVII), $18^{64}|_{65}$ (XXVIII) $18^{65}|_{66}$ (XXIX), $18^{66}|_{67}$ (XXX), $18^{67}|_{68}$ (XXXI), $18^{68}|_{69}$ (XXXII), $18^{69}|_{70}$ (XXXIII), $18^{70}|_{71}$ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. Н. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. Е. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его же, Слово сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ: а) св. Кипріана кареагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—13 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—8—Ц на каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» (Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.;

т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и назначеніе) Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа І. Христа С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1894 т. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. *В. Пѣвницкій*

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА въ 1897 году на Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1897 г. „Извѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ" будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками 7—8 листовъ in 8⁰.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій" составляетъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья. Средней Азіи и Сибири):

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодческихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимають участіе: Н. Ѳ. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліэ-Ата), Г. Ахмаровъ. Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф Е. Ѳ. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ѳ. И. Кардасевичъ (Будапештъ) Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ѳ. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В В. Латышевъ, Н. М. Мартьяновъ, (Минусинскъ), В. А. Машковъ (Варшава) еписк. Никаноръ, Н. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ѳ. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В Траубенбергъ, проф. А. А. Штукенбергъ, пр.-доц. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. каждая книжка отдѣльно 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются; Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

2—2

О ПОДПИСКѢ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

въ 1897 году.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ «Русская Старина», вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается и въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить чи-

тателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполнѣ обезпеченныхъ. По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала, въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, домъ № 145, кв. № 1.

Редакторъ *Н. Дубровинъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ"

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ",

1 «Церковный Вѣстникъ»—еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «Христіанское Чтеніе»—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Примѣч. Доселѣ «Христ. Чтеніе» издавалось по одной книжкѣ въ два мѣсяца. Съ будущаго 1897 года оно, въ удовлетвореніе желанія многихъ подписчиковъ, будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печ. листовъ. Цѣна на него остается прежняя, т. е. 5 рублей на годъ, и только подписчики, получающіе его совмѣстно съ «Церковнымъ Вѣстникомъ» за два рубля, приплачиваютъ на почтовый расходъ за шесть дополнительныхъ книжекъ одинъ рубль.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаетъ:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА

въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (около 1,000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное,

собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

Въ 1897 г. будетъ изданъ третій томъ въ двухъ книгахъ, въ который войдутъ толкованія на разныя мѣста св. Писанія, бесѣды на разные случаи, а также письма къ діакониссѣ Олимпіадѣ и вся остальная переписка св. отца.

Новые подписчики, желающіе получить и первые два тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изящномъ англійскомъ переплетѣ—по 2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

а) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6** р. **50** к; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—6** р. **50** к.

б) За оба журнала **8** (восемь) руб. съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** (девять) руб. съ пересылкой.

ЦѢНА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

За оба журнала **10** (десять) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—11** р. **50** к.; за каждые отдѣльно **7** (семь) руб.; съ приложеніемъ **«Твореній Св. Іоанна Златоуста»—9** рублей.

За изящный англійскій переплетъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Пески, уголъ 7-й улицы и Дегтярной д. № 26—30, кв. № 8), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при «Церковномъ Вѣстникѣ».

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ"

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной

жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ IV. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ) VI. Мѣстная хроника VII. Наука и искусство VIII. Театръ и музыка IX. Отголоски (маленькій фельетонъ) X. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ XII. Внѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника XV. Критика и библіографія XVI. Смѣсь XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ XVIII. Почтовый ящикъ XIX. Календарь XX. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. XXI. Стороннія сообщенія XXII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный Край» будетъ печататься новымъ болѣе убористымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содержанія газеты.

Подписная цѣна на 1897 годъ

Съ доставкою иногороднимъ:

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50	10 —	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	1 50
Съ доставкою въ Харьковѣ:												
	10 —	9 50	9 —	8 35	7 50	6 75	6 —	5 25	4 50	3 40	2 40	1 20

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ Городскомъ домѣ.

Редакторъ-издатель *А. А. Іозефовичъ.*

3—3

Открыта подписка на 1897 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ".

(Изданія годъ восьмой).

Выходитъ въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участіи тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и въ прежніе годы.

Содержаніе журнала и въ 1897 году будетъ отличаться обычнымъ разнообразіемъ и полнотой. Кромѣ богатаго запаса беллетристическихъ произведеній (романовъ, повѣстей, разсказовъ, стихотвореніе и т. п.), пріобрѣтены, между прочимъ, неизданныя Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, А. Н. Островскомъ (воспоминанія его секретаря), Воспоминанія покойнаго архіепископа Никанора, посмертныя статьи Ю. Н. Говорухи-Отрока (Ю. Николаева), письма М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, И. С. и К. С. Аксаковыхъ, И. С. Тургенева, К. Н. Леонтьева, Н. П. Гилярова-Платонова, Н. С. Кохановской, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода 7 р. 50 к., на 3 мѣсяца—3 р. 75 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 25 к. За границу съ пересылкой 18 р.

Для лицъ духовнаго званія, для г.г. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 р., 1 мѣс.—1 р. За границу 15 р. съ пересылкой.

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ въ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

NB. Годовые подписчики Русскаго Обозрѣнія, подписавшіеся одновременно и на газету Русское Слово (изданія годъ III), пользуются значительною уступкой, уплативъ за оба изданія (ежемѣсячный журналъ и ежедневную газету) всего только 16 руб. (вмѣсто 20) въ годъ

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться (лично или письменно) исключительно въ наши конторы:

1) Москва. Русское Обозрѣніе (уг. Тверской и М. Гнѣздиковскаго пер., д. Спиридонова).

2) Москва. Русское Слово (Страстной бульваръ, д. Перлова).

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ, съ разсрочкой же платежа просятъ адресоваться исключительно въ контору журнала.

Книги журнала за всѣ 6 лѣтъ съ основанія (1890—1895 г.г.) продаются въ конторѣ редакціи по 5 р. за годъ. За пересылку доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ шесть лѣтъ—пересылка на счетъ редакціи.

Редакторъ-издатель *Анатолій Алексадрочъ.*

3—1

Открыта подписка на 1897 г.

на издающіеся безъ предварительной цензуры

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ВОСХОДЪ"

и газету „Недѣльная Хроника Восхода".

17-й годъ изданія,

Въ 1897 году журналъ „Восходъ" и газета „Недѣльная Хроника Восхода" будутъ издаваться по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ предыдущіе годы.

Редакція имѣетъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Палестинѣ, Аргентинѣ, Нью-іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Римѣ и вообще во всѣхъ крупныхъ центрахъ Россіи и за границей.

Въ ближайшихъ книгахъ „Восхода", между прочимъ, будетъ помѣщено:

Гоѳолія. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Расина. Переводъ въ стихахъ О. Н. Чюминой. (Михайловой).—Къ исторіи еврейскихъ сектъ А. Я. Гаркави.—У марокксихъ евреевъ. В. И. Немировича-Данченко —Письма о старомъ

и новомъ еврействѣ. С. М. Дубнова.—*Бѣгство*. Разсказъ. Бенъ-Амни—Евреи въ Англіи въ послѣдніе три вѣка. М. И. Кулишера. Берлинскіе еврейскіе салоны. По вновь открытымъ рукописнымъ документамъ Проф. берлинскаго университета Людвига Гейгера.—(Переводъ съ рукописи).—Пятидесятилѣніе учено-литературной дѣятельности проф. Д. А. Хвольсона. Барона Д. Г. Гинцбурга.—Институтъ ритуальной чистоты у евреевъ. Д-ра Л. С. Каценельсона.—Роза Майгольдъ. Романъ. С. О Ярошевскаго.—*Евреи въ лондонской національной галлереѣ*. Рапопорта.—Профессоръ Гейнрихъ фонъ Трейчке и евреи. По поводу полнаго собранія соч. Трейчке. Проф. берлирскаго университета Л. Гейгера. (Переводъ съ рукописи).—Уріель Акоста. Историческая характеристика. И. Зангвилля.—Императрица Екатерина вторая и евреи. М. И. Кулишера.—Потомокъ крестоносцевъ. Очеркъ. Н. Пружанскаго.—Переписка объ упадкѣ Еврейства и способахъ его возрожденія. Макса Нордау. И. *Зангвилля и др. и отвѣты* С. Бернфельда и Р. И. Сементковскаго.—Изъ юношескихъ воспоминаній. Фрица Маутнера (автора романа „Новый Агасферъ“). Переводъ съ рукописи.—О нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія Россіи. Д-ра С. О. Грузенберга.—Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Л. М. Брамсона.—Хадъ-Гадья. Психологическій этюдъ. И. Зангвилля.—Еврейки на берлинскомъ женскомъ конгрессѣ. Л. Винца.—Генеральша. Разсказъ доктора Н. Пружанскаго.—Хайбарскій ядъ. Изъ хроники VII-го вѣка. Поэма въ стихахъ. В. Лебедева.—Кромѣ того, въ распоряженіи редакціи имѣется еще много разныхъ беллетристическихъ произведеній: повѣсти, разсказы, очерки, а также стихотворенія С. Г. Фруга, К. М. Фофанова, Н. О Чуминой, К. Н. Льдова, В. Лебедева, Н. Григоровича, А. М. Федорова *и* др.

Цѣна за годъ журнала *«Восходъ»* и газеты *«Недѣльная Хроника Восхода»* 10 р., на полгода 6 р., за 3 мѣсяца 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р. Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающхся съ 1 января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ; при подпискѣ 4 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Новые подписчики, желающіе получить первые 15 *листовъ* «Іудейскихъ Древностей» І. Флавія, благоволятъ прислать еще 1 р.

Новые подписчики, если они этого пожелаютъ, могутъ получать безплатно газету «Недѣльную Хронику» въ 1896 г., со дня полученія ихъ подписки.

Редакторъ-издатель *А. Е Ландау.*

3—1

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями на годъ 4 руб.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Подписная цѣна со всѣми приложеніями съ пересылкою на три мѣсяца . . 1 р. главная контора СПБ., Невскій, 28.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

самостоятельный и безусловно независимый органъ печати, свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета являетъ найболѣе полнымъ

Выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политическій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, корреспенденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаютъ участіе цѣлый рядъ.

Извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей,

произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Знамя газеты—(стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ касающихся, какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и народностей входящихъ въ составъ Русской Имперіи.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

на событія дня

какъ русской, такъ и иностранной политической и общественной жизни будутъ помѣщатся не только въ литературной части воскресныхъ номеровъ, но и въ самой газетѣ по мѣрѣ надобности нѣсколько разъ въ недѣлю или же

ЕЖЕДНЕВНО.

ВЪ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРАХЪ

состоящихъ каждый изъ 12—16 страницъ (изъ коихъ 8—12 печатаются въ форматѣ еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, на бѣлой гла-

зированной бумагѣ) въ наступающемъ году будутъ напечатаны, сверхъ большого романа въ 3-хъ частяхъ

I. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)

„ТАЙНА ЗАГОРСКОЙ УСАДЬБЫ",

новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ извѣстныхъ русскихъ писателей:

ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

большой романъ въ 3 частяхъ

„ЖЕРТВА ПОКАЯННАЯ".

П. Д. БОБОРЫКИНА

разсказъ

„ДВѢ КАѲЕДРЫ".

Кота Мурлыки (проф. Вагнера) повѣсть, «Доброе дѣло». Н. И. Мердеръ, «Искательница», очеркъ изъ петерб. нравовъ. Л. А. Авиловой, разсказъ «Злая воля». Б. С. Мережковскаго, историческая повѣсть «Микель Анжело». Ѳедора Сологуба, разсказъ «Женя». П. А. Сергѣенко, повѣсть «Встрѣча».

Подписная цѣна на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ"

со всѣми приложеніями и съ пересылкой въ Россіи:

На годъ 4 руб., на 3 мѣсяца 1 руб. ноябрь, декабрь, январь, на мѣсяцъ 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28:

3—1

Открыта подписка на 1897 годъ (восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

РУССКАЯ ШКОЛА.

Въ теченіе 1896 года въ «Русской Школѣ» были напечатаны между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. И. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки) К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы. (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя К. Чернецкаго;

4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слобожанина; 6) Историческій очеркъ учрежденій для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. Ѳ. Каптерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ) М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей А. С. Вириніуса; 13) Нравственность у дѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. И. И. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. Кл. Фармаковской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о «единой школѣ». Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. Ѳ. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скаллона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасіева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназическомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балталона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній въ 1895 года. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣе **десяти** печатн. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою—**6 р. 50 к.**;

для иногороднихъ—**семь руб.**; за-границу—**девять руб.** Учители сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 10%. Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича), и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени».

Имѣются экземпляры и за предъидущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-Издатель **Я. Гуревичъ.**

3—1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮНЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА[1].

(Историко-критическій очеркъ).

III.

Приступая къ положительному изложенію исторіи острожской школы, мы должны заявить, что располагаемъ очень небольшимъ количествомъ фактовъ, которые давали бы возможность представить связный и послѣдовательный, безъ всякихъ перерывовъ, разсказъ объ ея судьбѣ отъ начала ея существованія до исчезновенія съ исторической сцены.

Острожское училище, открытое въ самомъ концѣ 70-хъ говъ XVI ст., было первымъ православнымъ учебнымъ заведеніемъ, способнымъ удовлетворить назрѣвшую къ тому времени въ русскомъ народѣ потребность въ просвѣщеніи, и потому къ нему направилось многочисленное русское юношество, какъ дворянскаго происхожденія, такъ и крестьянскаго[2]). Шли сюда учиться даже изъ Галиціи (Іовъ Княгиницкій) и Литвы (Андрей Рымша). На первыхъ же порахъ оно дало добрые плоды и настолько успѣшно стало осуществлять свою задачу—„размноженіе наукъ вѣры православной", что уже въ 1541 году стало извѣстно съ этой стороны Антонію Поссевину.

Намъ думается, что въ связь съ этими именно внутренними и внѣшними успѣхами острожской школы нужно поставить из-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г. № 5.

[2]) *Susza* o. et. l. c.

вѣстіе, извлекаемое изъ документовъ луцкаго архива, именно— что кн. К. К. Острожскій построилъ въ 1582 г. въ Острогѣ монастырь св. Троицы, завелъ при немъ госпиталь, училище и типографію и въ 1585 г. далъ въ фундушъ м. Суражъ, с. Туровъ, Оносковичи, Ходаки, Зѣньки, другіе Зѣньки, Изерно и Тетеревъ [1]). Такъ какъ типографія и училище существовали, безъ сомнѣнія, и до того, то это сообщеніе нужно понимать такъ, что въ троицкій монастырь они были переведены изъ старыхъ своихъ помѣщеній, что могло обусловливаться тѣснотой послѣднихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, можно думать, внѣшняя связь школы съ монастыремъ отразилась на всемъ строѣ ея жизни.

Въ первыя десять лѣтъ своей ученой и учебной дѣятельности острожскій кружокъ издателей и педагоговъ развилъ свою дѣятельность до того, что предсѣдатель его Гер. Смотрицкій уже могъ (конечно, не de jure) назвать острожскую школу академіей, быть можетъ, мечтая уже, вопреки увѣреніямъ Скарги, о возможности устройства славянской академіи [2]). Къ этому то, вѣроятно, времени относится и свидѣтельство Перестроги: „Зачимъ православіе наше почало было просіявати яко солнце; люди учоные почали были въ церкви Божіей показоватися, учители и строители церкви Божіей и книги друкованые почали множитися: що бачучи св. патріархъ, тымъ частѣй призирати почалъ и дидаскалы мудрыми обсылалъ“ [3]). А что оно должно быть отнесено къ 80-мъ годамъ и что этотъ умственный подъемъ совершилъ кн. Острожскій, доказательствомъ этого и иллюстраціей къ словамъ автора Перестроги можетъ служить цитованный уже нами документъ—письменное обязательство владимирскаго епископа съ капитулой, въ которомъ они заявляли, что рѣшились „за напомненемъ“ кн. Острожскаго устроить школу съ двумя

---

[1]) *Свящ. Сендульскій*, С. Суражъ кремен. уѣзда (Вол. еп. вѣд., 1873, 664). *Н. Теодоровичъ*, Описаніе волынской епархіи, II, 665, 666.

[2]) „Y nie było ieszcze na świecie, писалъ Скарга въ 1577 г., a ni będzie żadney akademiey, ani kollegium, gdzie by theologia, philozophia y inne wyzwolone nauki inszym (т. е. не латинскимъ или греческимъ) się ięzykiem uczyły y rozumieć mogły“ (П. П. Л., II, 485).

[3]) А. З. Р., IV, стр. 206

„бакалярами", а также завести „двохъ дьяконовъ и дьяковъ двохъ албо трехъ, хлопятъ и спеваковъ килка" и „двохъ казъноде̑евъ, для науки и проповеданя слова Божого" [1]). Мы не знаемъ ни дальне̑йшей судьбы владимирской школы, ни вообще практическихъ последствій означенной записи [2]), но де̑ло теперь не въ этомъ, а въ самомъ содержаніи документа, который, свиде̑тельствуя объ оживленіи церковной жизни въ одномъ изъ подвластныхъ кн. Острожскому городовъ, вме̑сте̑ съ те̑мъ даетъ виде̑ть, что у насъ уже въ 1588 г. явилась возможность име̑ть людей „наученыхъ" въ славянскихъ и греческихъ наукахъ и способныхъ учить другихъ. Эту возможность, безъ сомне̑нія, дала острожская школа (львовская школа была еще очень молода и городъ Владиміръ пока еще не входилъ въ среду ея вліянія), какъ она-же, конечно, могла удовлетворить и другую явившуюся въ то время потребность—въ хорошихъ пропове̑дникахъ.

Но высшій расцве̑тъ острожскаго училища былъ уже и началомъ его паденія. Въ начале̑ 90-хъ годовъ оно заме̑тно ослабе̑ло научными силами и средствами. Составъ его преподавателей, восполнявшійся обыкновенно греческими дидаскалами, теперь сильно сократился, и уже 1 дек. 1592 г. кн. Острожскій въ письме̑ къ львовскому братству жаловался на недостатокъ учителей и великій умственный голодъ. Въ то же время въ письме̑ къ своему родственнику, владимирскому и брестскому епископу Ипатію Поте̑ю (1593 г.), онъ се̑товалъ на общій упадокъ православнаго просве̑щенія,—на то, что „устали учители, устали проповедачи слова Божого, устали науки, устали казанья". Подъ вліяніемъ, между прочимъ, этой мысли онъ готовъ былъ даже присоединиться къ вновь обнаружившемуся тогда стремленію къ соединенію съ Римомъ. Посылая Поте̑ю, одному изъ

[1]) Арх. Ю.-З. Р., ч. I, т. I, № 55.

[2]) Едва ли преемникъ еп. Лазовскаго, въ руки котораго, по документу, должны были перейти чрезъ три года всѣ имѣнія, назначенныя на школу, проповѣдниковъ, благоустройство соборной церкви, способенъ былъ поддержать все это. А м. Макарій сомнѣвается даже, чтобы самъ Лазовскій могъ принести такую жертву, какъ отдача нѣсколькихъ имѣній (Исторія русской церкви, IX, 445).

выразителей этого стремленія, условія уніи, князь Острожскій въ числѣ ихъ помѣстилъ оставленіе за русскими права (и обязанности) „закладанья школъ и наукъ вольныхъ, а звлаща, для цвиченья духовнымъ... же быхмо мѣли учоные презвитеры и казнодѣи добрые: бо за тымъ, ижъ наукъ нѣтъ, великое грубіянство въ нашихъ духовныхъ умножилося" [1]). Но скоро онъ увидѣлъ тщетность надежды на помощь нашему просвѣщенію изъ Рима и опять сталъ искать средствъ къ упорядоченію церковной жизни и къ развитію просвѣщенія—на Востокѣ.

При константинопольской каѳедрѣ въ то время находился въ качествѣ протосингела Никифоръ, „мужъ, исполненный всякой науки, въ богословіи духовной и внѣшней бѣглый" [2]). Давно его знавшій кн. Острожскій пригласилъ его теперь въ свою школу въ надеждѣ поднять ее при его помощи на подобающую высоту [3]). Никифоръ прибылъ въ Острогъ въ серединѣ 1596 г., но учительствовать здѣсь ему пришлось недолго: въ октябрѣ онъ предсѣдательствовалъ на брестскомъ соборѣ, а еще черезъ полгода былъ заключенъ въ маріенбургскій замокъ, по обвиненію въ шпіонствѣ... Формальное провозглашеніе брестской уніи положило также конецъ и школьной дѣятельности въ Острогѣ Кирилла Лукариса, другаго грека, прибывшаго сюда нѣсколько ранѣе Никифора (подробнѣе о нихъ будетъ сказано ниже).

Острожской школѣ грозило совершенное паденіе. Въ это то время въ судьбахъ западнорусской церкви и русскаго просвѣщенія принялъ участіе антіохійскій патріархъ Мелетій Пигасъ. Ему было извѣстно, что западнорусское духовенство почти лишено средствъ получать образованіе, а Кириллъ Лукарисъ могъ сообщить ему и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ очути-

---

[1]) И. П. Л., III, 583. 587 (id. А. З. Р., IV, № 45).

[2]) А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id. Monum. confrat. Leopol., I, № 256).

[3]) Безъ сомнѣнія, Никифоръ былъ приглашенъ въ Острогъ еще задолго до указываемаго нами времени, лѣтъ за 10—15 до того (А. З. Р., IV, стр. 213. Странникъ, 1860, IV, 199, прим. 3), и тогда же изъявилъ согласіе быть здѣсь дидаскаломъ. Теперь, очевидно, онъ вторично былъ приглашенъ княземъ, иначе трудно допустить, чтобы онъ вздумалъ исполнить безъ новаго зова такъ давно данное имъ обѣщаніе.

лась острожская школа. И вотъ патріархъ шлетъ въ 1597 г. на Русь нѣсколько посланій, въ которыхъ убѣждаетъ завести епархіальныя училища—для образованія духовенства главнымъ образомъ. Князя же Острожскаго п. Мелетій просилъ прибавить ко всѣмъ трудамъ своимъ для истины и устройство школы, этой наилучшей ограды благочестія; а его казначею патріахъ внушалъ напоминать князю объ устроеніи училища и типографіи[1]).

Неизвѣстно, какъ отозвался К. К. Острожскій на убѣжденія п. Мелетія. Возможно однако, что благодаря имъ именно онъ вознамѣрился преобразовать свое училище въ академію, намекъ на каковое намѣреніе мы можемъ уже усматривать въ поэмѣ Пенкальскаго („Techniques Прими начатки, быть можетъ послѣдуетъ большее...“), но къ осуществленію котораго было приступлено позднѣе: свидѣтельство объ этомъ Іосифа Рутскаго относится къ 15 февраля 1603 года. По его же словамъ, въ проектированную академію стали стремиться юноши даже изъ римской аѳанасіевской коллегіи, въ которой „сосредоточена была вся греческая наука“. Но, быть можетъ, потому именно, что въ самой Греціи въ то время трудно было найти ученаго человѣка даже со свѣчей, какъ иронизируетъ Рутскій[2]), проектъ кн. Острожскаго не былъ осуществленъ, хотя, повидимому, тогда же были выстроены особыя зданія для академіи[3]).

Одновременно съ этимъ К. К. Острожскій проявлялъ заботливость о развитіи русскаго просвѣщенія въ православномъ духѣ и въ другихъ формахъ. 10 дек. 1602 г. его „повелѣніемъ“ вышла изъ острожской типографіи „книжица часословъ глаголемая,

---

[1]) *Малышевскій*, Мелетій Пигасъ, II, №№ 18, 22, 23. П. Мелетію, конечно, было извѣстно о существованіи въ Острогѣ училища съ типографіей, и потому онъ говоритъ не объ устройствѣ новыхъ, а объ благоустроеніи упавшихъ старыхъ. Не правъ потому г. Лукьяновичъ, увѣряющій, что патріархъ требовалъ преобразованія низшей острожской школы въ среднюю съ классическими языками и другими науками (Вол. еп. вѣд., 1881, 823): древніе языки преподавались здѣсь и ранѣе.

[2]) *Голубевъ*, Петръ Могила, прилож., № 23.

[3]) О нихъ находится упоминаніе въ „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскаго“, составленномъ въ 1620 г.: „Tamże akademia, szkeły, drukarnia, i ynsze budowania collegiackie polskie i ruske“... (*Ор. Левицкій*, „Анна-Алоиза, княжна Острожская“, „Кіевск. Стар.“, 1883, 343, прим.).

оученія ради отрочятъ". Въ томъ же году онъ превратилъ дерманскій монастырь въ училищный. Въ немъ и ранѣе монахи не чуждались книги и ученыхъ занятій[1]), теперь же кн. Острожскій реорганизовалъ его въ видахъ спеціальныхъ—преподаванія и развитія наукъ. По его мысли въ дерманскій монастырь могли быть принимаемы только тѣ, кто захотѣлъ бы подчиняться уставу, основнымъ требованіемъ котораго была забота о просвѣщеніи и наукѣ; способные обязывались учиться письменамъ славянскимъ, латинскимъ и греческимъ у лицъ восточнаго исповѣданія[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ князь завелъ здѣсь типографію, начальникомъ которой былъ поставленъ пресвитеръ Даміанъ.

13 февраля 1608 г. скончался Константинъ Константиновичъ Острожскій[3]), поручивъ всѣ просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія и лицъ, къ нимъ приставленныхъ, своему старшему сыну и наслѣднику Янушу, которому отдалъ ихъ въ „дозоръ, опеку и милостивую оборону". Послѣдній, хотя давно уже перешелъ въ католичество, повидимому, не порвалъ всѣхъ связей съ православіемъ: онъ, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго „шановалъ" и „величалъ" вѣру своихъ отцовъ и „народъ свой Россій любилъ"[4]). Это же подтверждаетъ виленское братство въ посвященіи кн. Янушу изданной братствомъ въ 1608 году книги: „Ἀντιγραφή"[5]). З. Копыстенскій свидѣтельствуетъ, что кн. Янушъ „тестаментъ пресвѣтлого родителя своего сохранилъ", но какъ относился онъ къ училищу—не указываетъ. И нѣтъ никакихъ положительныхъ фактовъ его заботливости о немъ. А отрицательный—есть между тѣмъ. Такъ, утверждая въ 1618 г. суражскую фундацію своего отца, князь

---

[1]) Такъ, здѣсь въ 1599 г. переведена была съ греческаго на славянскій языкъ „Пчела или собраніе стиховъ отъ богодухновеннаго писанія и внѣшнихъ учителей" (Рукоп. Кіево-печерской лаврской библіотеки, № 58).

[2]) П. К. К., IV, стр. 38. Въ этомъ—новое доказательство, что въ самой острожской школѣ преподавались древніе языки.

[3]) Latopisiec *Ierlicza*, 1853. *Голубевъ*, Объяснительные параграфы по исторіи Зап.-русской церкви (Кіев. еп. вѣд., 1893, стр. 99).

[4]) П. П. Л., I, 1139. 1140.

[5]) П. П. Л., III, 1154.

Янушъ доходы съ нея опредѣлилъ только въ пользу церкви и госпиталя, о школѣ не упоминая[1]).

Тѣмъ не менѣе и школа и типографія продолжали существовать и послѣ смерти ихъ фундатора. Изъ типографіи въ 1612 г. вышли двѣ книги—Полууставъ[2]) и Часословъ, изданный съ соблюденіемъ извѣстныхъ критическихъ пріемовъ, именно путемъ сличенія текстовъ, преимущественно греческихъ[3]). И есть указаніе на то, что и теперь сохранялась прежняя связь типографіи съ школой, что знаніе греческаго языка, необходимое для первой, поддерживалось второй. Такъ, „во Острозѣ, во училищи къгреко-словеньскомъ, мѣсяца марта в 23 день, лѣта 1611" переведена книга Θеодора Авукара, писателя IX вѣка, съ посвященіемъ перевода архим. Исаіи Балабану: „Книга блаж. Феодора, нарицаемаго Авукара, епископа Карійскаго, противу различныхъ еретиковъ, іюдей же и срацынъ, ново отъ еллинскаго языка на славенскій единымъ отъ спудеовъ училища острозскаго грекословенскаго преведена"[4]).

Дальнѣйшія упоминанія объ острожской школѣ мы находимъ въ цитованномъ выше „Инвентарѣ имѣній кн. Острожскихъ" (1620) и въ Виршахъ на смерть гетмана Сагайдачнаго (1622 г.). Здѣсь говорится о кн. Острожскихъ, что они

...„ся въ наукахъ кохали,
„На школы заетностій много фундовали,
Абы ся млодь въ Наукахъ уцтивыхъ цвичила.
Церкви, и тыжъ Ойчизнѣ пожитечна была.
Дай Боже, бы тая танъ Фундація трвала:
Жебы ся оттоль Хвала Божія помножала"[5]).

Но желаніе автора Виршей не исполнилось. Переходъ Острога въ руки ярой католички Анны-Алоизы Ходкевичевой (до-

---

[1]) Арх. Ю.-З. Р., I, VI, № 273.

[2]) Вопросы Ельино-Россійскіе, Супрасль, 1715 г., стр. 72 73. 104—106.

[3]) „И то тежъ вѣдати маешъ, ижъ въ томъ выданью зводу грецкого найболше наслѣдовано", говорятъ издатели его (Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс. 188?, I, 67, прим.).

[4]) „Похвала Исаіи Балабану 1611 г."—Чт. въ Общ. Нестора Лѣтописца, VIII, отд. III, Матеріалы, стр. 33. 37 (см. также *Строева* Описаніе рукописей Царскаго, № 668).

[5]) *Голубевъ*, Исторія кіевской духовной академіи, прилож. стр. 29.

чери кн. Алекс. Конст. Острожскаго) очень скоро отразился на положеніи здѣсь православія вообще и православнаго просвѣщенія въ частности. Уже въ 1623—4 г. мы видимъ сына одного изъ острожскихъ священниковъ Подвысоцкаго въ виленской школѣ [1]): очевидно, что мѣстная школа, претендовавшая нѣкогда на званіе академіи, или прекратила уже свое существованіе, или, лишенная средствъ, превратилась въ низшее училище. Одновременно съ этимъ (въ 1624 г.) княгиня основала въ городѣ іезуитскую коллегію, какъ разсадникъ католическаго просвѣщенія, съ общежитіемъ для бѣдныхъ дворянскихъ юношей. На содержаніе коллегіи она записала цѣлый Княгининскій ключъ, состоявшій изъ десяти селъ, къ которымъ въ 1626—7 г.г. присоединила еще нѣсколько деревень [2]). Въ 1640-мъ же году Анна-Алоиза отдала коллегіи св.-троицкій монастырь и всѣ его суражскія имѣнія [3]). Если справедливо, что въ 1640 г. въ Острогѣ печаталась книга Никона Черногорца [4]), то можно допустить, что до этого года въ монастырѣ существовала типографія, а можетъ быть, и школа.

IV.

Изъ той массы „розличныхъ любомудрцовъ“, которые, по свидѣтельству Захаріи Копыстенскаго, украшали дворъ князя Острожскаго, до насъ дошли имена очень немногихъ и изъ нихъ далеко не всѣмъ мы имѣемъ право приписать учительство въ острожской школѣ или хотя бы болѣе или менѣе близкое отношеніе къ ней. Но такъ какъ и совершенно отрицать участіе

---

[1]) Рукописная книга Аѳ. Миславскаго—Рукоп. Кіево-печер. библ., № 20 дополн., л. 102.

[2]) *Stebelski*, Przydatek do chronologii ks. Ostrogskich, III, 137, 138. *Н. Теодоровичъ*, Опис. волын. епархіи, II, 646. 647. Вол. еп. вѣд., 1868, №№ 55. 56. Kraj, 1891, № 44, str. 21.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1873, 664. 665; 1883, 697. Kraj, 1891, № 26, str. 20.

[4]) *Максимовичъ*, Книжная старина южнорусская (Временникъ Московск. общ. исторіи и древн. россійскихъ, I, 1849, 7). *Wiszniewski*, Historya literatury polskiej VIII, 414. *Головацкій*, Дополненіе къ Очерку библіографіи Ундольскаго (Зап. Имп. академіи наукъ, XXIV, прилож. № 3, стр. 10).

большинства изъ нихъ въ трудахъ по устройству ея и преподаванію въ ней, какъ дѣлаетъ это г. Лукьяновичъ, мы не можемъ уже въ силу того нашего воззрѣнія, по которому острожская школа была среднимъ учебнымъ заведеніемъ, или, употребляя тогдашнюю терминологію, „школой вызволеныхъ наукъ“, и такъ какъ для насъ должны быть дороги имена людей, которые, быть можетъ, создали нашу западнорусскую образованность,— то мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ нихъ.

Первымъ ректоромъ острожской школы называютъ *Герасима Данилова Смотрицкаго.* Хотя мнѣніе это основывается на болѣе позднемъ свидѣтельствѣ Суши[1]) и не находитъ подтвержденія въ „Obronie Verificaticy“ (1621 г.), авторомъ которой считается сынъ Герасима—Мелетій Смотрицкій, хотя и былъ поводъ сказать объ этомъ[2]),—его совершенно отвергнуть нельзя: замѣтка Г. Смотрицкаго: „писано у академіи Острозстѣй“ заставляетъ думать, что онъ имѣлъ близкое отношеніе къ училищу.

До своего вызова въ Острогъ Гер. Дан. Смотрицкій былъ городскимъ писаремъ въ Каменцѣ Подольскомъ и пользовался громкой извѣстностью ученаго[3]), что и побудило кн. Острожскаго пригласить его къ себѣ для работъ по изданію Библіи[4]).

---

[1]) „Dux Ostrogiensis.. videns dictum Erasmum Smotrycki, vicecapitaneum Camenecensem, eruditionis Ruthenos inter haud spernendae, authoritate sua tantum apud eum perfecit, ut relicto publico honore, (ejus) gymnasij Rectorem subierit“ (Saulus et Paulus, 15. 16) Нужно однако замѣтить, что Суша относитъ основаніе училища и, слѣдовательно, ректуру Г. Смотрицкаго къ 90-мъ годамъ XVI ст. и потому уже сильно подрываетъ свое свидѣтельство.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[3]) Нѣкій современный Г. Смотрицкому польскій историкъ назвалъ его „umiejętnym w naukach greckich, łacinskich i języku słowianskim“ (Вол. еп. вѣд., 1881, 853). А Суша впослѣдствіи охарактеризовалъ его, какъ человѣка прекрасныхъ нравовъ и великой учености, ибо онъ былъ свѣдущъ въ латинскихъ, греческихъ и славянскихъ наукахъ, доказательствомъ чего служитъ его весьма полезная для всей Руси дѣятельность при переводѣ Библіи съ греческаго и латинскаго языковъ на славянскій (о. с., 14).

[4]) Неизвѣстно, когда это произошло. Возможно, что еще до 1576 г., если правдоподобно сообщеніе м. Евгенія: „Въ 1576 г. при К. Острожскомъ упоминается подскарбій Гер. Дан. Смотрицкій (Словарь писателей духовнаго чина, I, 96). Извѣстіе это, повидимому, находится въ связи съ Кепненовскимъ сообщеніемъ, по ко-

Гдѣ онъ получилъ образованіе—не знаемъ; вѣроятно, у домашнихъ учителей: самъ онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи къ Библіи, что никогда не видѣлъ училища. Относительно общаго характера его дѣятельности въ Острогѣ мы имѣемъ свидѣтельство автора извѣстнаго памфлета на Мелетія Смотрицкаго: „Бысть въ та времена во Острозѣ мужъ именем Герасимъ, сынъ Даниловъ, Подолиникъ, з Смотрески, благочестивая мудрствуя и многу помощу и утѣху вѣрнымъ противу еретиковъ и отступниковъ писанми своими подая“ [1]).

Изъ такихъ „Писаній“ Г. Смотрицкаго, кромѣ предисловія къ Библіи, тоже имѣющаго отчасти полемическій характеръ, извѣстенъ „Ключъ царства небеснаго“ (1587 г.) [2]), являющійся отвѣтомъ на сочиненіе Бенедикта Гербеста, ректора ярославской іезуитской коллегіи: „Wiary kościoła Rzymskiego wywody. Greckiego niewolstwa Historya: dla jedności“. Захарія Копыстенскій даетъ видѣть, что у Гер. Смотрицкаго было еще одно сочиненіе. Сказавши въ своей „Палинодіи“ о деморализаціи тогдашняго православнаго духовенства, Копыстенскій продолжаетъ: „На што часовъ тамтыхъ пожилый годной памяти мужъ Гер. Дан. Смотрийскій поглядаючи а справы духовныи, ажъ наддеръ въ занедбане пущеніи, имъ далѣй, тимъ въ горшій нерядъ приходячіи видячи, въ конецъ обаченяся, ачъ не кунштовнимъ, еднакъ вѣршемъ Росскимъ на непорядніи хиротонизанты и ихъ рукополо-

---

торому къ концу Апостола львовской печати 1574 г. приложена была королевская привилегія, подписанная кн. Вас. Острожскимъ и справщикомъ „подскарбіимъ Гер. Дан. Смотрицкій“ (Ср. *Ундольскій*, Очеркъ славяно-русской библіографіи, № 74). Но Петрушевичъ дѣлаетъ такую поправку къ нему: „та ссылка (Ундольскаго) на Кеппена невѣрна, ибо она относится до изданія Апостола, напечатаннаго, вѣроятно, въ Вильнѣ ок. 1576“. (Хронолог. роспись церковныхъ и мірскихъ рус.-слав. книгъ, стр. 114). Мы искали означенной привилегіи въ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ Апостоловъ 1574 и 1576 гг. и не нашли.

[1]) Кіев. еп. вѣд., 1875, 564.

[2]) „Ключъ“ перепечатанъ по частямъ во II томѣ „Мелетія Пигаса“ и въ Арх. Ю.-З. Р., I, VII. Въ предисловіи къ послѣднему изданію г. Голубевъ доказываетъ, что извѣстное до того сочиненіе Смотрицкаго—„Календарь римски новы“ (*Каратаевъ*, № 116) есть только часть цѣлаго произведенія—„Ключъ царства небеснаго“.

женцы волалъ и нарекалъ"[1]). До насъ не дошло это стихотворное обличительное произведеніе Г. Смотрицкаго, но что его „вѣршъ" дѣйствительно не былъ „кунштовнимъ", доказательствомъ этого можетъ служить его „двострочное согласіе", помѣщенное вслѣдъ за предисловіемъ къ Библіи и такъ начинающееся:

„Всякаго чина православный читателю
Г-ду Б-гу благодареніе воздайно яко благодателю..."

Оно представляетъ похвалу кн. Острожскому, „которымъ явилась всесвѣтлыхъ писаній неизглаголанная сладость" и котораго оно сравниваетъ съ св. Владимиромъ и Ярославомъ мудрымъ:

„Владимеръ бо свои народъ крещеньемъ просвѣтилъ,
Константинъ же богоразумія писаніемъ освѣтилъ" и т. д.

Усердіе Г. Смотрицкаго въ ученыхъ и учебныхъ трудахъ было таково, что кн. Острожскій подарилъ ему два села—Баклаевку и Борисовку[2]). Годъ смерти его неизвѣстенъ. Полагаютъ, что онъ скончался около 1594 г., ибо въ это приблизительно время въ Острогѣ появляется Кириллъ Лукарисъ, котораго называютъ преемникомъ Смотрицкаго по ректорству[3]).

Кириллъ Лукарисъ[4]) родился 13 ноября 1572 года. Опекуномъ его былъ извѣстный Мелетій Пигасъ, который направилъ

---

[1]) П. П. Л., I, 1057. Изъ Палинодіи это извѣстіе попало въ Книгу о вѣрѣ, 1648, Москва (М. Евгеній, Словарь, I, 96). Іезуитъ Мартыновъ, говоря о приписываемыхъ Мелетію Смотрицкому „Виршахъ на отступниковъ", датируетъ ихъ почему то 1598 г. (Кирилло-Меѳод. сборникъ, I, пред. XXIV).—Виленское братство въ своей Obronie Verificaticy говоритъ о трехъ литературныхъ памятникахъ, оставленныхъ Гер. Смотрицкимъ, изъ которыхъ первый написанъ имъ для всѣхъ іерарховъ (przełożonym) русской церкви, хотя по имени посвящено одному изъ нихъ (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429).

[2]) *Susza*, o. et. l. c. Cf Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 429.

[3]) Вол. еп. вѣд., 1885, 293. Въ Encyklopedya powszechna, XXIII, 733, почему то указывается 1601 г., какъ годъ смерти Г. Смотрицкаго.—Авторъ латиноуніатскаго сочиненія „Sowita wina" (1621) называетъ Гер. Смотрицкаго попомъ: „Harasym pop, ktòrego synem j st wasz Smotryski", т. е. Мелетій (Арх. Ю.-З. Р., I, VII, 4?2). Если онъ не смѣшалъ Герасима Смотрицкаго съ братскимъ священникомъ Герасимомъ, то не натолкнетъ ли это извѣстіе кого-нибудь на выясненіе дальнѣйшей судьбы Гер. Смотрицкаго?

[4]) Кромѣ цитованной книжки свящ. Брянцева (послѣ-архим. Арсенія)—„Патр. Кириллъ Лукарисъ", этому патріарху посвящена еще монографія Алоизія Пихлера: „Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im 17 Iahrhundert, oder: Der Patriarch Cyrillus Lukaris und seine Zeit. München, 1862". Но первая устарѣла, вторая сверхъ того тенденціозна.

его для образованія въ Венецію и затѣмъ въ Падую, гдѣ и самъ нѣкогда учился. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ первой и около семи во второй, К. Лукарисъ изучилъ тамъ древне-греческій, латинскій и итальянскій языки, діалектику, риторику, метафизику и этику по Аристотелю[1]). Въ 1594 г. онъ былъ отправленъ п. Мелетіемъ къ кн. Острожскому и ко всѣмъ православнымъ западноруссамъ[2]). Сообщая объ этомъ, Пихлеръ добавляетъ, что М. Пигасъ назначилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лукариса ректоромъ и профессоромъ виленской гимназіи. Но это извѣстіе ничѣмъ не подтверждается и, вѣроятно, въ основаніи его лежитъ смѣшеніе именъ Кирилла Лукариса и Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, какъ открывается это изъ того, что нѣкоторые писатели начало ректорства Лукариса въ Вильнѣ относятъ къ 1592 году[3]), т. е. къ тому именно времени, когда туда перешелъ изъ Львова Транквилліонъ[4]). Въ силу этого же смѣшенія возникла мысль и о преподавательской дѣятельности Лукариса во Львовской школѣ въ 1591 г.[5]).—Миссіей Кирилла Лукариса въ западной Россіи и въ Острогѣ было не учительство, но можно согласиться съ утвержденіемъ нѣкоторыхъ историковъ, что онъ въ 1594—6 г.г. преподавалъ въ острожскомъ училищѣ, въ виду того, что Мел. Смотрицкій называетъ себя его ученикомъ съ молодыхъ лѣтъ[6]). Послѣ участія въ брестскомъ соборѣ въ октябрѣ 1596 года и осужденія Никифора, Кириллъ Лукарисъ удалился изъ Западной Россіи. Затѣмъ онъ слушалъ въ Виттенбергѣ и Женевѣ философскіе и богословскіе курсы и въ 1600 г. опять явился въ Россію, посланный п. Мелетіемъ съ письмами къ православнымъ князьямъ и протестантамъ, которые хлопотали въ это время о религіозной уніи съ православной

---

[1]) *Pichler*, 37, 38, 49, 61.

[2]) „Мелетій Пигасъ", II, прилож. 2, стр. 2.

[3]) *Węgerski*, Slavonia reformata, 1679; *Smithus*, Collectanea de Cyrillo Lucario, patriarcha Constantinopolitano, Dondini, 1708, p. 10; *Quistorpius*, Ecclesia Graeca Lutheranizans, Lubecae, 1723, p. 40.

[4]) Monumenta confraterintatis staurop. Leopol., I, №№ 201, 205, 209.

[5]) *Архим. Арсеній*, о. с., 76.

[6]) Paraenesis, 68.

церковью, и съ другими порученіями[1]). Въ этотъ разъ К. Лукарисъ прожилъ въ Острогѣ около двухъ лѣтъ[2]), но учительствомъ въ тамошней школѣ едва-ли занимался: его должны были отвлечь отъ этого болѣе живые интересы...

Возвратившись въ Александрію, К. Лукарисъ занялъ по смерти Мелетія Пигаса тамошнюю патріаршую каѳедру, а затѣмъ—константинопольскую. Борьба съ папистами, дружественныя отношенія къ протестантамъ, что вмѣстѣ съ изданнымъ въ Женевѣ подъ его именемъ кальвинскимъ катихизисомъ подало поводъ къ обвиненію его въ реформатствѣ, его низложеніе съ престола—всѣ эти факты имѣютъ общій церковный интересъ, но мы можемъ относительно ихъ замѣтить, что они не отвлекали вниманія К. Лукариса отъ западнорусскихъ церкви и школы. Онъ продолжалъ слѣдить съ большимъ участіемъ за развитіемъ у насъ школьнаго дѣла, которое теперь было въ рукахъ братствъ.

Извѣстность *Никифора*[3]), какъ ученаго, началась въ Падуѣ, гдѣ онъ былъ „ректоромъ наукъ Еллинскихъ и Грецкихъ". Послѣ того онъ въ теченіе семи лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ при греческой церкви св. Марка въ Венеціи[4]). Переселившись въ Константинополь, Никифоръ за свою ученость, соединенную съ твердостью въ православныхъ убѣжденіяхъ, въ 1592 г. былъ возведенъ въ званіе протосингела патріаршаго престола[5]). Около этого же времени ему пришлось играть какую-то роль въ политическихъ дѣлахъ Валахіи, что очень дурно отозвалось на его судьбѣ. Бѣжавъ изъ тюрьмы въ Хотинѣ, куда посадилъ его

---

[1]) Мелетій Пигасъ, II, № 43.

[2]) Pichler, 66. По Пихлеру, Кириллъ Лукарисъ жилъ у князя Острожскаго съ іюля 1599 года по мартъ 1601 г.

[3]) Современныя свѣдѣнія о Никифорѣ и судѣ надъ нимъ заключаются въ слѣдственномъ дѣлѣ (А. З. Р., IV, № 117), въ Описаніи варшавскаго сейма 1597 г. (Петръ Могила, прилож., № 15), въ Ekthesis'ѣ, Перестрогѣ. О немъ писали: *М. О. Кояловичъ* (Странникъ, 1860, IV), г. *Кудринскій* („Кіев. Стар.", 1892, іюнь).

[4]) А. З. Р., IV, стр. 161. Петръ Могила, прилож., стр. 53.

[5]) А. Ю. и З. Р., I, № 210 (id Monum. confr, I, № 256).

волошскій господарь [1]), Никифоръ направился въ Острогъ, посланный туда еще ранѣе патріархомъ по просьбѣ кн. Острожскаго. Въ Западной Россіи ему предстояло устроить нѣкоторыя „справы духовныя", вызванныя тяготѣніемъ православныхъ владыкъ къ Риму. Онѣ, вѣроятно, препятствовали Никифору заняться, какъ слѣдуетъ, преподаваніемъ въ острожскомъ училищѣ, а скоро и совсѣмъ отвлекли его отъ педагогическаго дѣла. Между тѣмъ надъ Никифоромъ собиралась грозная туча. Еще на брестскомъ соборѣ королевскіе послы старались отвести его, какъ турецкаго будто-бы шпіона, отъ предсѣдательства и тогда же онъ былъ арестованъ и отданъ К. К. Острожскому на поруки [2]). Поводомъ къ обвиненію его послужило такое обстоятельство. Въ Шаргородѣ у слуги кн. Острожскаго Яни, ѣхавшаго въ Валахію, были найдены письма съ рѣзкими отзывами о полякахъ (они назывались здѣсь не иначе, какъ псами и т. п.) и съ сильнымъ сочувствіемъ султану въ его замыслахъ противъ Польши. Никифоръ и былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ этихъ писемъ. И хотя на варшавскомъ сеймѣ въ мартѣ 1597 г. Яни заявлялъ, что они были вручены ему какимъ-то грекомъ Пафнутіемъ, но не скрылъ, что это произошло по порученію самого Никифора. По королевскому приговору Никифоръ былъ заключенъ въ мальбургскую (или маріенбургскую) крѣпость, вблизи Данцига, гдѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ былъ „уморенъ постомъ", по выраженію автора Перестроги [3]).

---

[1]) Петръ Могила, прилож., стр. 52. На варшавскомъ сеймѣ Никифора винили въ томъ, что онъ былъ въ Валахіи шпіономъ турецкаго султана, что онъ ввелъ эту страну въ милліонные долги и т. п. (ibid., стр. 50).

[2]) П. П. Л., Ш, 197—203. Петръ Могила, прилож., 48 стр.

[3]) А. З. Р., IV, стр. 220. Нѣкоторые уніатскіе писатели увѣряютъ, что м. Ипатій Потѣй изгналъ Никифора изъ Польши, подвергнувъ его только покаянію (pokuta) въ Мальборгѣ (*Susza*, o. c. *Stebelski*, Dwa wielki światła... Rozdz. II, 177 въ прим.). Но ихъ опровергаетъ самъ Потѣй, выразившійся въ письмѣ къ канцлеру Льву Сапѣгѣ (28 іюня 1605 г.), что онъ „na Malborgu zdechł" (Archiwum Sapiehanum, I, № 561). Наконецъ, противъ нихъ свидѣтельствуетъ папа Урбанъ VIII, который, требуя отъ короля Сигизмунда строгаго наказанія для убійцъ Іосафата Кунцевича (1624), указывалъ, какъ на примѣръ надлежащаго отношенія къ схизматикамъ, на заключеніе Никифора „въ вѣчную темницу" (*Соловьевъ С. М.*, Исторія Россіи, изд. 2, кн. II, 1469).

Въ 80-хъ годахъ XVI ст. въ Острогѣ дѣйствовалъ извѣстный уже намъ *Іовъ* (*въ мірѣ Іоаннъ*) *Княгиницкій*, о которомъ его біографъ іером. Игнатій изъ Любарова повѣствуетъ, что онъ, „устремившись“ въ Острогъ, „вдасть себе въ училище и прилежаше ученію, яко вскорѣ быти ему въ мѣсто ученика учителемъ прочимъ“ (т. е. для прочихъ учениковъ). Мы не знаемъ однако, какъ долго учительствовалъ здѣсь Іовъ, что преподавалъ, и списаніе имъ псалтири для князя Александра относилось ли къ числу его обязанностей, или было знакомъ его любви и расположенія къ молодому князю. Изъ Острога Іовъ былъ посланъ Константиномъ Константиновичемъ на Аѳонъ для передачи милостыни тамошнимъ монахамъ. Послѣ возвращенія въ Острогъ онъ вторично отправился на Востокъ, чтобы тамъ подвизаться на иноческомъ поприщѣ. 12 слишкомъ лѣтъ провелъ онъ тамъ. Послѣдніе годы жизни онъ посвятилъ распространенію монашеской жизни и учрежденію скитовъ и монастырей въ различныхъ мѣстахъ своей родины—Галиціи. Впрочемъ, нѣкоторое время онъ жилъ въ Дермани, куда былъ приглашенъ около 1603—4 г. Исаакіемъ святогорцемъ, тогдашнимъ справцей монастыря, для помощи при печатаніи „охтаевъ“ [1]).—Однажды только Іовъ Княгиницкій выступилъ на сцену, какъ литераторъ. Это было въ 1619 г., за два года до его смерти. Кирилъ Транквилліонъ, начавшій свою карьеру въ львовской православной школѣ и окончившій ее въ Черниговѣ въ санѣ уніатскаго игумена, напечаталъ въ 1618 г. свое „Зерцало Богословіи“. Выпуская въ свѣтъ эту первую русскую систему богословія, Кириллъ, естественно, нуждался въ авторитетномъ одобреніи ея и, написавши оглавленіе ея или то „исповѣданіе вѣры, по нему же и книгу составилъ“, послалъ его къ Іову Княгиницкому для рецензіи. Іовъ разсмотрѣлъ и—въ посланіи отъ 23 авг. 1619 г. совѣтовалъ не прежде книгу „въ типографію подать дондеже не изслѣдуется учеными и учтшими писанія книгъ отеческихъ: лучше замедлити и прославитися, нежели ускорити и обеществитися“, писалъ онъ, объясняя погрѣшности болѣе недосмотромъ и по-

---

[1]) Зоря Галицкая яко Альбумъ, 1860, 228 et passim.

спѣшностью, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ истины [1]). Но выходъ въ свѣтъ Зерцала предупредилъ написаніе рецензіи.

Въ числѣ ученыхъ дѣятелей острожской школы обращаетъ на себя вниманіе нѣкій „Клирикъ острожской церкви", выступившій подъ такимъ названіемъ въ своемъ „Отписѣ на листъ въ Бозѣ велебного отца Ипатіа, Володимерского и Берестейского епископа, до ясне освецоного княжати Костентина Острозского, воеводы Киевского — о залецанью и прехваляныо восточнои церкви, з' заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писаный, черезъ одного наменшого клирика церкви Острозской въ тому же року отписаныи" [2]). Что онъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ училищу, это открывается какъ изъ помѣты его на сочиненіи [3]), такъ и изъ свидѣтельствъ Мелетія Смотрицкаго и Суши [4]). Этого клирика означенные писатели, а также нѣкоторые другіе (авторъ Перестроги, Петръ Суромятникъ, ректоръ виленской уніатской семинаріи, Левъ Кревза, Геласій Диплицъ) считаютъ авторомъ и приложенной имъ къ „Отпису" „Исторіи о листрикійскомъ, т. е., о разбойническомъ Ферарскомъ або Флоренскомъ синодѣ, в' коротцѣ правдиве списаной", хотя онъ самъ заявляетъ, что она давно уже была кѣмъ то составлена [5]). Какъ бы то ни было, анонимный клирикъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ ряду тогдашнихъ православныхъ богослововъ. Мелетій Смотрицкій, по своемъ переходѣ въ унію, ставитъ его на ряду съ Ст. Зизаніемъ, Филалетомъ, Ортологомъ: всѣ эти „четыре новые богослова были для русскихъ какъ бы какими-то божественными оракулами" [6]).

---

[1]) Петръ Могила, прилож., № 35.

[2]) П. П. Л., III, 377 и слѣд.

[3]) „Писанъ у Острогу, у школѣ Острозской" (П. П. Л., III, 381).

[4]) Смотрицкій называетъ Клирика дидаскаломъ, подобнымъ Ст. Зизанію, проникнутымъ аріанскимъ духомъ (Apologia, 96). „Anonymus clericus Ostrogiensis, Doctorum Russiae ordine tertius (первые два русскіе ученые. Ст. Зизаній и Филалетъ), quem gymnasii ejus civitatis, superstite Basilio Duce, praecipuum fuisse ajunt didascalum" (*Susza*, o. c., 86, 87).

[5]) П. П. Л., III, 412. Краткую исторію этого собора написалъ кн. Курбскій, пользуясь трудомъ какого-то виленскаго субдіакона (Сказ. кн. Курбскаго, 294) и, судя по началу, она же повліяла и на „Исторію" „Клирика".

[6]) Paraenesis, 6.

Каково настоящее имя „Клирика"—мы не знаемъ. Извѣстный историкъ Брикнеръ называетъ его Авраамомъ [1]). Но если г. Брикнеръ основывается на томъ, что его такъ называетъ Ипатій Потѣй въ своемъ отвѣтѣ на его „Отписъ" („Отче Авраame", „Пане Аврааме", П. П. Л., III, 1047), то онъ попалъ впросакъ. Дѣло въ томъ, что послѣдній однимъ изъ эпиграфовъ къ своему „Опису" выставилъ слова Авраама изъ притчи о богачѣ и Лазарѣ: „Помяни, яко воспріялъ еси добра твои въ животѣ твоемъ" (П. П. Л., III, 382). Потѣй усмотрѣлъ въ нихъ намекъ на себя, на свое прежнее высокое положеніе (онъ былъ сенаторомъ), и—постарался отплатить „Клирику" за его попытку отожествить себя съ Авраамомъ: „А такъ, пане милый, Аврааме Острозкий! пилнуй себе: жебысь и зъ Лазаромъ своимъ" и т. д. (П. П. Л., III, 1047). Болѣе старо и болѣе распространено мнѣніе преосвящ. Филарета, отожествляющаго „Клирика" съ острожскимъ *пресвитеромъ Василіемъ*, въ нѣкоторыхъ своихъ изданіяхъ именующимъ себя „наименшимъ клирикомъ" [2]). Но послѣдній писатель, кажется, всюду выставляетъ свое собственное имя. Такъ, подъ сочиненіемъ „О единой вѣрѣ" (Сборникъ, 1588 г.) онъ подписался: „Многогрѣшный и хуждшій въ христіанѣхъ, убогій Василій" [3]). Тоже—въ „Правилѣ истиннаго живота христіанскаго" (Псалтырь слѣдованная, 1598 г.), составленномъ „списканіемъ отъ святыхъ писаній и трудомъ многогрѣшнаго хуждьшаго въ христіанехъ, убогаго Василія" [4]). Съ другой стороны, тогда какъ Василій выступилъ на литературное поприще уже въ 1588 г., относительно „Клирика" Потѣй сильно увѣренъ въ томъ, что онъ student akademiey slawney Ostrozskiey, что онъ—„жакъ, почему и пишетъ по жаковски" [5]). Во всякомъ случаѣ онъ въ литературѣ въ 1598 г. былъ homo novus и въ своемъ отвѣтѣ на его Отписъ Ипатій Потѣй называетъ его

---

[1]) „Spory o unię w dawnej literaturze (Kwartalnik historyczny, 1896, zesz. III, 596. 598).

[2]) Обзоръ русской дух. литературы, 1859, I, 171. Вол. еп. вѣд., 1881, 857.

[3]) Ср. П. П. Л., II, 938.

[4]) *Каратаевъ*, Описаніе..., I, № 158. Ср. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1888, I, 58, прим. 127.

[5]) П. П. Л., 1054. 1115.

„ниякимъ“ клирикомъ, [1]) а Потѣй могъ бы узнать въ немъ Василія... Наконецъ, мы не увѣрены даже, Василій точно ли былъ священникъ: самъ онъ такъ себя не называетъ, не называетъ его такъ и о. Залэнскій, передающій извѣстіе о диспутѣ „православнаго богослова Василія изъ Острога“ съ іезуитами [2]).

Но принадлежалъ ли Василій къ духовному званію или нѣтъ, мы не имѣемъ никакихъ основаній отожествлять ни его, ни „Острожскаго клирика“, съ которымъ его сливаютъ, съ священникомъ Василіемъ, дѣятельнымъ членомъ виленскаго братства, подвергшимся гоненію отъ м. Михаила Рагозы въ 1595 году, какъ то дѣлаетъ преосв. Филаретъ, вводящій въ біографію „Клирика“ и ту подробность, что онъ нѣкогда былъ виленскимъ субдіакономъ, въ какомъ санѣ и написалъ будто бы „Исторію о Флорентійскомъ соборѣ“ [3]). Виленскій попъ и проповѣдникъ, анаѳематствованный вмѣстѣ съ Ст. Зизаніемъ м. Рагозой и присутствовавшій въ 1596 году на брестскомъ соборѣ подъ именемъ „Василія Троицкаго, братскаго виленскаго пресвитера“ [4]), продолжаетъ жить еще въ 20-хъ годахъ XVII ст. [5]), тогда какъ относительно соименнаго ему острожскаго дѣятеля можно думать, что онъ умеръ скоро послѣ 1598 г., когда послѣдній разъ появилось въ печати его имя [6]). При томъ же ничто не уполномо-

---

[1]) П. П. Л, Ш, 1011. Интересно сопоставить съ этимъ то мѣсто изъ Антапологіи, гдѣ Диплицъ, защищая православныхъ писателей отъ обвиненія въ псевдонимности, говоритъ, что и авторъ „Антиграфи“ справедливо назвалъ себя „братомъ братства Виленскаго“ и тоже—Клирикъ Острожской церкви, если только возьмемъ это слово не въ точномъ смыслѣ, какъ въ канонахъ церковныхъ, а въ томъ, какой даетъ ему въ одномъ посланіи ап. Петръ (Antapologia, 1628, 604).

[2]) *Ks. Stan. Załęski T. J.* „Czy iezuici zgubili Polskę?“ Wyd. 3., Krakow, 1883, 121, примѣч.

[3]) *Архіеп. Филаретъ,* о. с., I, 171. 172. Ср. *А. Никольскій* (Тр. кіев. дух. акад., 1862, II, 141, примѣч. 2), *Мартыновъ,* Кирилло-Меѳод. сборникъ, I, 90, прим. 2.

[4]) П. П. Л., Ш, 375 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. рос., 1879, I, Ekthesis, 30).

[5]) Въ 1621 г. онъ выступаетъ, какъ „попъ Василій Игнатовичъ“, въ дѣлѣ о хиротоніи М. Смотрицкаго (Арх. гр.-ун. митроп., № 466), а въ 1624 г. является подъ монашескимъ именемъ Варлаама (Арх. гр.-уніат. митроп., № 506; ср. *М. О. Кояловичъ,* Лит. церк. унія, II, 353., 354). Повидимому, онъ былъ живъ еще въ 1629 г. (Exethesis М. Смотрицкаго, 1629 г.).

[6]) Вол. еп. вѣд., 1885, 295.

чиваетъ насъ перемѣщать Василія изъ Вильны въ Острогъ, изъ Острога въ Вильну, оттуда опять въ Острогъ и, наконецъ, опять въ Вильну.

Возможно, что въ острожской школѣ учительствовалъ и *пресвитеръ Даміанъ*, настоятель никольской церкви, извѣстный какъ участіемъ въ брестскомъ соборѣ [1]) и... въ подвигахъ своего знаменитаго брата Северина Налевайка [2]), такъ и литературными трудами. Впрочемъ, первое его литературное произведеніе представляетъ изъ себя работу далеко не оригинальную,—это былъ сборникъ изреченій, избранныхъ изъ Свящ. Писанія, св. отцовъ, да и то при помощи старыхъ сборниковъ въ родѣ Пчелы; самому Даміану здѣсь принадлежитъ, кажется, только западно-русскій переводъ славянскаго текста изреченій [3]). То же можно сказать и о второмъ произведеніи пресв. Даміана, вышедшемъ въ 1607 г. изъ острожской типографіи:—„Лѣкарство на оспалый умыслъ чоловѣчій", и представляющемъ переводъ на церковно-славянскій и западно-русскій языки письма св. Златоуста къ мниху Өеодору,—письма, къ которому приложенъ „Тестаментъ грецкаго цезаря Василія до сына своего Льва", тоже съ переводомъ его „на простую мову". Но едва ли Даміанъ самъ переводилъ „Тестаментъ" съ греческаго языка: и до того существовалъ славянскій переводъ завѣщанія имп. Василія, и Даміану можно приписать только западно-русскій переводъ его [4]). Что до „Листа", то его могли перевести съ греческаго сотрудники Даміана по дерманской типографіи, гдѣ онъ одно время

[1]) П. П. Л., Ш, 335 (id. Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 6).

[2]) Арх. Ю.-З. Р., Ш, I, №№ 29. 31. 83. См. въ предисловіи объ участіи самого кн. Острожскаго въ набѣгахъ и грабежахъ братьевъ Налевайковъ, какъ одномъ изъ средствъ борьбы съ латино-уніатами... Впрочемъ, К. К. Острожскій въ письмѣ къ Хр. Радивилу отъ 3 марта 1596 г. клятвенно очищаетъ себя отъ обвиненія въ томъ, что будто онъ насылалъ Налевайка или зналъ объ его наѣздахъ (Рукоп. Импер. публич. библіот., Пол., 7, IV, № 223, л. 104).

[3]) Сборникъ моск. Румянц. музея, относимый проф. Соболевскимъ ко второй половинѣ XVI в., л. 94: „Лекціи словенскіе Златоустого, отъ бесѣдъ еуангелскыхъ отъ Иерея Наливайка выбраніе" (Замѣтка о малоизвѣстныхъ памятникахъ южно-западно-русскаго письма XVI—XVII вв. въ Чт. Общ. Нестора Лѣтоп., IX, 19).

[4]) „Тестаментъ.. по кгрецку написаный, а потымъ веспол зиншими писмы на словенскій языкъ переложеный" (стр. 130).

работалъ. Самъ же Даміанъ, кажется, совсѣмъ не зналъ греческаго языка. По крайней мѣрѣ, изданный имъ 6 февраля 1605 года „Листъ п. Мелетія" къ Потѣю переведенъ не имъ, а львовскимъ учителемъ Іоанномъ Борецкимъ (впослѣдствіи митрополитомъ), о чемъ заявляетъ самъ Даміанъ:

...„Листъ той въ Египте Авсонски начертаный,
Роускимъ языкомъ в сарматехъ дарованый,
Борецкимъ надлеръ аполлови воханымъ
И въ парнассе на лоне моузъ выхованымъ".

Такимъ образомъ, ученость Даміана едва ли шла далѣе „славянскихъ наукъ" и умѣнія писать стихи (Кромѣ стихотворнаго предисловія къ „Листу" п. Мелетія, ему принадлежатъ посвященіе на гербъ кн. Острожскихъ и „Прозьба чительникови о часъ"—въ „Лѣкарствѣ")[1]).—Какъ человѣкъ, Даміанъ Налевайко пользовался общими симпатіями, такъ что Мел. Смотрицкій сохранилъ къ нему уваженіе даже по своемъ переходѣ въ унію. Умеръ онъ въ 1627 г.[2]).

Вопросъ о вѣроисповѣданіи автора „Апокрисиса"—*Христофора Филалета* (*Бронскаго*), поднятый вслѣдъ за изданіемъ его книги, до сихъ поръ продолжаетъ возбуждать споры. Въ пользу его православія высказалъ вѣскіе доводы проф. Скабалановичъ въ своемъ сочиненіи „Объ Апокрисисѣ Хр. Филалета"; православнымъ и даже воспитанникомъ православныхъ школъ, хотя и довершившимъ образованіе за границей, считаетъ его проф. Малышевскій[3]). Въ пользу неправославія—не менѣе сильные аргументы представилъ г. Голубевъ[4]); къ нему присоединяется и г. Лукьяновичъ[5]). Мы лично склоняемся къ послѣднему мнѣнію, побуждаемые къ этому, между прочимъ, тѣмъ упорствомъ, съ какимъ Ипатій Потѣй (если онъ былъ авторомъ Ан-

---

[1]) Преосвящ. Филаретъ считаетъ Даміана переводчикомъ съ греческаго не только означенныхъ произведеній, но и „Пчелы Антонія и Максима, переведенной въ Дерманскомъ монастырѣ въ 1599 г." (о. с., I, 239).

[2]) Paraenesis, 7.

[3]) Апокрисисъ, 1870, пред., стр. 33. 40.

[4]) Тр. Кіев. дух. акад., 1876, янв., 139–147.

[5]) Вол. еп. вѣд., 1881, 859.

тиррисиса) повторялъ, что Хр. Филалетъ еретикъ [1]). Но кто бы онъ ни былъ, онъ первый осмѣлился печатно выступить противъ Скарги съ своей книгой, представляющей верхъ учености и исторической обстоятельности и основательности [2]). Отношенія его къ острожской школѣ совершенно не извѣстны.

О другомъ иновѣрцѣ *Лятошѣ* намъ извѣстно слѣдующее. Докторъ медицины и философіи краковскаго университета Іоаннъ Лятошъ (или Лятосъ), какъ человѣкъ нечуждый и математики, при введеніи въ Польшѣ календаря папы Григорія XIII, высказался печатно противъ него. Не знаемъ, кого сильнѣе всѣхъ задѣло это обстоятельство—краковскаго-ли архіепископа или краковскую академію, гдѣ Лятосъ состоялъ, кажется, профессоромъ [3]), но только ему пришлось бѣжать изъ города, по свидѣтельству автора Антиррисиса [4]). Изгнанникъ нашелъ убѣжище въ Острогѣ, гдѣ очутился не позже 1599 г., какъ это видно изъ того же Антиррисиса, и, вѣроятно, не задолго предъ этимъ. По крайней мѣрѣ авторъ Перестроги, т. е. Юрій Рогатинецъ, бывшій въ концѣ 1596 года въ Острогѣ, не знаетъ его и называетъ „нѣякимъ Лятосомъ“ [5]). Живя въ Острогѣ, Лятосъ написалъ и напечаталъ въ Вильнѣ календарь на 1602 годъ, въ которомъ вновь высказался противъ реформы лѣтосчисленія и новаго порядка празднованія Пасхи и который посвятилъ краковскому архіепископу Бернарду Мацѣевскому, при чемъ указалъ и на свои отношенія къ университету. Это побудило кор-

---

[1]) П. П. Л., III, 667. 669. 721.

[2]) Дѣйствительно ли Бронскій получилъ отъ кн. Острожскаго, по порученію котораго написалъ Апокрисисъ, м. Вильскъ съ нѣсколькими селами на Украинѣ (*Stebelski*, Dwa wielki światła... II, 174. 175 въ прим.),—мы не знаемъ. Въ „Старой Польшѣ“ Балинскаго и Липинскаго такого мѣстечка нѣтъ. Извѣстіе Стебельскаго, кажется, заимствовано изъ Антиррисиса, гдѣ, впрочемъ, не указаны названія тѣхъ мѣстечекъ и селъ, которыми у автора Апокрисиса были „руце добре намазаны“ (П. П. Л., III, 767. 769. Ct. Apologia, 46).

[3]) Трактатъ Лятоса: „De mutationibus regnorum“ и его наблюденія надъ кометами и затмѣніями (*Starovolsci*, scriptorum polonicorum Εκατοντάς, ed. 1733, № 53), вѣроятно, имѣли отношеніе къ его университетскимъ занятіямъ.

[4]) П. П. Л., III, 773.

[5]) *Крыловскій*, Акты, № 52 (?). А. З. Р., IV, стр. 225.

порацію и архіепископа осудить 15 и 24 февраля календарь Лятоса, какъ „не необходимый и пригодный при томъ къ поддержанію схизмы“ [1]).—Очень легко можно допустить, что познаніями Лятоса воспользовалась острожская школа: Лятосъ такъ долго прожилъ въ Острогѣ...

Къ числу несомнѣнныхъ дѣятелей острожскихъ типографіи и, вѣроятно, училища относится *Кипріанъ,* въ предисловіи къ Бесѣдамъ Златоуста на 14 посланій ап. Павла (Кіевъ, 1623 г.) характеризующійся, какъ „преподобный священоинокъ Кипріанъ, сущій отъ града Острога, мужъ въ Еллинскомъ діалектѣ искусный, въ Енетіихъ и Патавіи (т. е. въ Венеціи и Падуѣ) любомудрствовавшій, въ св. горѣ Аѳонстѣй поживщій“. Пребываніе Кипріана въ образовательныхъ центрахъ зап. Европы и на Востокѣ, куда, возможно, онъ былъ отправленъ кн. Острожскимъ, сообщило ему такое знаніе греческаго языка, что на брестскомъ соборѣ онъ игралъ роль переводчика [2]). Въ 1597 году мы его видимъ на Востокѣ [3]), а еще чрезъ три года въ Острогѣ, живя въ которомъ, онъ написалъ греческіе посвятительные стихи на гербъ кн. Острожскихъ, помѣщенные на оборотѣ заглавнаго листа извѣстной поэмы De Bello Ostrogiano, 1600. Здѣсь онъ титулуется архидіакономъ. Около этого же времени онъ перевелъ съ греческаго языка на славянскій Златоустовскія Бесѣды на Павловы посланія, по порученію княгини Софіи Боговитиновны, волынской хорунжей. Но видѣть ихъ въ печати ему не пришлось (Пред. къ Бесѣдамъ, Кіевъ, 1623) [4]). Кипріанъ скон-

---

[1]) *Wielewicki Ian T. I.,* Dzienhik spraw domu zakonnego oo. iezuitow u sw. Barbary w Krakowie (Scriptores rerum polonicarum, X, 26. 27).

[2]) П. П. Д., Ш, 335. 354 (id Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1879, I, 5. 17).

[3]) *Малышевскій,* Мелетій Пигасъ, II, №№ 21. 22.

[4]) Свящ. Сендульскій увѣряетъ, что переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Рахмановѣ на средства кн. Вишневецкаго, подъ заглавіемъ: „Четыренадесять толкованій апостольскихъ посланій Іоанна Хризостома“ („М. Рахмановъ кременец. уѣзда“—Вол. еп. вѣд., 1871, 131). Мы болѣе нигдѣ не встрѣтили указаній на это изданіе. Переводъ Кипріана, судя по предисловію къ Бесѣдамъ 1623 г., только теперь былъ напечатанъ, а въ Рахмановѣ было издано Учит. Евангеліе К. Ставровецкаго, составленное на основаніи этого перевода (см. Учит. Евангеліе 1619 г. съ посвященіемъ кн. Юрію Чарторыйскому).

чался еще до 1610 г., если объ этомъ можно судить по слѣдующему замѣчанію нѣкоего писателя Макарія отъ 30 дек. 1610 года на спискѣ Кипріанова перевода 50-ти бесѣдъ блаж. Макарія: „Въ пресловущем градѣ Острогѣ бѣ нѣкто благочестивъ інокъ Кипріанъ, сый горя духомъ и отъ благоговѣинства своего, раченіемъ уязвися, повелѣніемъ благоч. князя сию душеспасительную книгу, бесѣды блаженнаго отца святаго Макарія, главъ 50, преведе“ (Списокъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора, № 49).

Какую роль игралъ въ Острогѣ упомянутый уже нами *Андрей Рымша*—намъ не удалось выяснить. Мы знаемъ только, что кромѣ Хронологіи онъ оставилъ еще нѣсколько слѣдовъ въ исторіи западно-русскаго просвѣщенія. Такъ, въ изданномъ Мамоничами въ 1585 г Сборникѣ онъ помѣстилъ свои стихи съ инициалами А. Р. на гербъ литовскаго канцлера Евстафія Воловича, а въ Литовскомъ Статутѣ 1588 г. напечатана его „Эпикграмма“ на гербъ канцлера Льва Сапѣги, состоящая изъ 17-ти силлабическихъ двустишій [1]. Писалъ Рымша и прозой. Въ Вильнѣ въ 1585 г. вышло его сочиненіе: „Decreteros acroama, to jest, Dziesięcioroczne powieści wojennych spraw Krzyszt. Radziwilla [2]. Въ это время Рымша состоялъ на службѣ Хр. Радивилла, какъ это видно изъ заголовка его переводнаго труда: „Chorographia albo Topographia. To jest, osobliwe a okolne opisanie ziemie s'więtey. Z lacinskiego ięzyka na polski przetłumaczone przez Andrzeja Rymszę Litwina...“ [3]).

Заслуживаютъ, наконецъ, упоминанія еще три несомнѣнныхъ члена острожскаго ученаго кружка: *Тимоѳей Анничъ* [4]), *Тимоѳей Михайловичъ*, составившій указатель къ Новому Завѣту

---

[1]) Статутъ 1588 г. перепечатанъ во Временникѣ моск. общ. ист. и древн. росс., кн. 19.

[2]) *Finkel L.* Bibliografia gistoryi polskiej, I (1891), № 8482.

[3]) Вторую часть книги составляетъ Исторія Іосифа (Флавія) объ осадѣ и разрушеніи Іерусалима. Первая часть—Описаніе Палестины въ 1595 г. была переиздана (*Wierzbowski Th*, Bibliographia polonica XV ac XVI saec., № 2981)

[4]) Тр. кіев. дух. акад., 1876, I, 626.

1580 г. [1]), *Григорій Голубниковъ*, списавшій въ 1593 г. Номоканонъ [2]).

Извѣстны еще два воспитанника острожской школы—Максимъ (Мелетій) Смотрицкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный. Первый изъ нихъ—лицо настолько значительное и съ нимъ связано столько историческихъ явленій самаго разнороднаго характера, что мы не пытаемся говорить здѣсь о немъ.—Современное свидѣтельство объ образованіи Сагайдачнаго въ Острогѣ находится въ Виршахъ на его смерть, сочиненныхъ Кассіаномъ Саковичемъ, ректоромъ кіевскаго братскаго училища:—... „Выхованъ въ вѣрѣ Церкви Всходней зъ лѣтъ дѣтинскихъ шолъ потомъ до Острога, для Наукъ уцтивыхъ, которыи тамъ квитли, за благочестивыхъ княжатъ... Тамъ теды Конашевичъ часъ немалый живши, и Наукъ въ Письме нашомъ Словенскомъ навыкши, потомъ видячи ся быть способнымъ до мензства: шолъ до Запрозского Славного Рыцерства" [3]). Къ характеристикѣ воспитательной стороны острожской школы служитъ и то, что этотъ славный гетманъ не оставался чуждъ интересамъ наукъ до конца своей жизни, поддерживая ее матеріальными пожертвованіями. Такъ, онъ по завѣщанію отказалъ львовской школѣ полторы тысячи злотыхъ [4]) и „тисячій килка (на кіевскій братскій монастырь) офѣровалъ а жебы тамъ науки фундовано жадалъ" [5]).

---

[1]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, I, 90, прим. 141.

[2]) Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1862, II, смѣсь. Номоканонъ этотъ сгорѣлъ въ 1812 г. вмѣстѣ съ другими рукописями проф. Баузе.

[3]) *Голубевъ*, Ист. кіев. акад., прилож., стр. 29.

[4]) *Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, I, 377 и слѣд.

[5]) Вирши К. Саковича. Изъ другихъ источниковъ мы также знаемъ, что Сагайдачный записалъ кіевскому братству, членомъ котораго онъ состоялъ со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ, свое имѣніе и нѣкоторую сумму денегъ (*Голубевъ*, Исторія кіев. акад., прилож., 33. Лѣтопись событій въ юго-западной Руси въ XVII ст.—*Самуила Величка*. Кіевъ, 1848, I, прилож., стр. 50).—Въ письмѣ Литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ полоцкому уніатскому архіепископу I. Кунцевичу (1622) есть „предрагоцѣнное" указаніе на одно сочиненіе Петра Конашевича (*Бантышъ-Каменскій*, Историч. извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, 1805, стр. 77). Это сочиненіе, какъ догадывается м. Макарій, есть записка, поданная гетманомъ королю въ 1621 г., съ просьбой объ утвержденіи православныхъ владыкъ и о сверженіи уніатскихъ (XI, 281, прим. 228).

Къ острожскимъ же воспитанникамъ причисляютъ Іова Борецкаго, Аѳанасія Филипповича, Леонтія Карповича, Димитрія Самозванца[1]), но безъ твердыхъ историческихъ основаній.

Въ заключеніе мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Константинѣ Константиновичѣ Острожскомъ, какъ одномъ изъ главныхъ виновниковъ того умственнаго движенія, которое охватило западную Русь въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Лицо это, гражданскія и церковныя заслуги котораго такъ велики, что можно только удивляться, почему до сихъ поръ въ нашей литературѣ нѣтъ посвященной ему монографіи, въ которой его оцѣнка была бы сдѣлана вполнѣ безпристрастно, на основаніи всѣхъ доступныхъ и извѣстныхъ матеріаловъ,—лицо это въ послѣднее время сдѣлалось предметомъ нападковъ и упрековъ. Ему ставятъ въ вину его „политическую и религіозную безпринципность", „постоянные переходы его изъ одного лагеря въ другой", и, не обращая вниманія на то, что онъ сдѣлалъ и чего стоитъ сдѣланное, оцѣниваютъ его съ точки зрѣнія не сдѣланнаго, но что Острожскій могъ и долженъ былъ сдѣлать... Не наша задача вѣдаться со всѣми нападками на него г.г. Костомарова, Кулиша, Студиньскаго и др.: это дѣло его будущаго біографа, который, конечно, не будетъ панегиристомъ, но едва ли оставитъ неопровергнутымъ большинство обвиненій, предъявленныхъ Острожскому. Мы желаемъ только сопоставить съ вышеизложенными нами фактами участія кн. Острожскаго въ судьбахъ западно-русскаго просвѣщенія слѣдующее обвиненіе г. Кулиша. „Кн. Острожскій, говоритъ онъ, отошелъ къ предкамъ, не обезпечивъ какимъ либо фундушемъ ни одного церковнаго братства, ни одного училища, ни одной типографіи, ни даже какого нибудь испытаннаго ревнителя народнаго просвѣщенія" [2]). Сказать это—значитъ не знать историческихъ фактовъ или умышленно игнорировать ихъ. Неужели г. Кулишу представляется малымъ дѣ-

---

[1]) *Максимовичъ*, I, 183. Вол. еп. вѣд., 1875, 61; 1882, 52, прим. 1.

[2]) Отпаденіе Малороссіи отъ Польши—Чт. въ моск. общ. ист. и древн. росс., 1888, II, отд. III, 173

ломъ устройство на частныя средства двухъ типографій съ двумя при нихъ учеными кружками, учрежденіе средней школы съ попытками возвести ее на степень академіи и съ обезпеченіемъ какъ ея, такъ и лицъ, приставленныхъ къ ней и къ типографіямъ? Вспомнимъ при этомъ, что кн. Острожскій проявлялъ заботливость о нуждахъ и успѣхахъ православнаго просвѣщенія и внѣ Острога. Такъ, въ 1572 г. онъ отдаетъ въ Туровѣ „землю пустую" нѣкоему Димитрію Митуричу съ тѣмъ, чтобы онъ, вмѣсто платы за нее, „порядне при церкви Божіей служилъ и пилновалъ и школу держалъ и уставникомъ былъ конечно"[1]). Въ 1588 году онъ убѣдилъ владимирскаго епископа Ѳ. Лазовскаго завести въ Владимирѣ греко-славянскую школу [2]). Въ 1592 году онъ ходатайствовалъ вмѣстѣ съ Ѳ. Скуминымъ-Тышкевичемъ предъ королемъ Сигизмундомъ о дарованіи львовской школѣ привилегіи на званіе школы свободныхъ наукъ[3]). Онъ же, наконецъ, побуждалъ русскихъ владыкъ заботиться о развитіи образованія, и самое свое желаніе уніи кн. Острожскій мотивировалъ заботой о поднятіи умственнаго уровня въ русскомъ народѣ. Быть можетъ, не все, что замышлялъ онъ, было выполнено и выполнено такъ, какъ ему хотѣлось и какъ нужно было бы, но и сдѣланнаго достаточно для того, чтобы благодарное потомство относилось къ нему съ тѣми же чувствами, какими окружали его современники...

К. Харламповичъ.

[1]) *Востоковъ*, Описаніе москов. Румянц. музея, стр. 127.

[2]) Арх. Ю.-З. Р., I, I, № 55. По убѣжденію кн. Острожскаго въ 1588 г. владимирская соборная школа, исторически извѣстная и ранѣе (*Ор. Левицкій*, Историч. описаніе Владимиро-Волынскаго Успенскаго храма, 1892, 75 стр.), была преобразована.

[3]) Monumenta confraternitatis staurop. Leopol., I, № 252.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XII.

Длинной, но довольно узкой полосой разлился Масловъ ставъ между двухъ стѣнъ грабоваго лѣса; къ югу онъ расширяется въ большое, круглое озеро, за которымъ вдали виднѣются легкія очертанія какого-то „палаца", или замка, а къ сѣверу тянется длиннымъ ледянымъ паркетомъ и сливается съ свѣтло-зеленымъ, холоднымъ горизонтомъ. Тѣсной группой обступили деревья покрытое зеленоватымъ льдомъ озеро. Густымъ, мохнатымъ инеемъ осыпанъ дремучій и сѣдой лѣсъ. Межъ кудрявыми бѣлыми вершинами чернѣютъ изрѣдка отряхнутыя птицами прутья. Не шелохнется отяжелѣвшая подъ инеемъ былинка, не задрожитъ разубранная матовымъ серебромъ вѣтка... Сквозь молочный туманъ, застилающій небо, глядитъ, словно око совы, холодное солнце... Тихій, какъ зачарованный, стоитъ въ своемъ сказочномъ уборѣ безмолвный, таинственный лѣсъ...

Изъ широкой просѣки, упиравшейся прямо въ озеро, выѣхали два всадника. У старшаго длинные усы и вихристыя брови заиндѣвѣли отъ инея; у младшаго усики серебрились тоже. На головахъ у нихъ были мѣдные шлемы съ крылышками; на латахъ за плечами такія-же латунныя крылья; руки и ноги до колѣнъ были закованы въ блестящую сталь; у лошадей голова и грудь тоже были покрыты широкими бляхами. Издали всадники казались средневѣковыми рыцарями, но, по чрезвычайно-пышному и излишне-обильному воору-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 4.

женію сразу-же въ нихъ можно было признать польскихъ, его королевской милости гусаръ.

— Фу-ты, чортъ побери меня со всѣми потомками!—буркнулъ сердито старшій, который былъ подороднѣе своего спутника, останавливая у опушки коня и окидывая взоромъ все ледяное пространство,—здѣсь, что-ли, велѣно строить войска?

— Такъ точно, пане ротмистре,—отвѣтилъ младшій,—по берегамъ узкаго рукава: тутъ внизу на льду и станетъ между нами это быдло, а противъ него, на широкомъ озерѣ еще нужно поставить артилерію.

— Знаю и дивлюсь такимъ предосторожностямъ съ горстью безоружныхъ,—проворчалъ съ досадою ротмистръ,—мнѣ только неизвѣстно, это-ли самое мѣсто?

— То самое... это и есть Масловъ ставъ.

— А чтобъ имъ всѣмъ бестіямъ завалиться въ этомъ ставу,—сердито продолжалъ браниться старшій, выѣзжая на середину пруда,—когда мнѣ, черезъ нихъ, въ этакую стужищу да въ такой одежѣ трясти по снѣгамъ свое благородное тѣло.

Младшій, лице котораго молодое, и розовое, представляло смѣшной и поразительный контрастъ съ посеребренными инеемъ усами и бровями, бросилъ искоса насмѣшливый взглядъ на „благородное тѣло" своего спутника и замѣтилъ, похлопывая руками:—ну, за то намъ въ замкѣ поднесутъ по доброму „келеху", а хлопству этому на Масловомъ ставу шишъ съ масломъ.

— Славно сказано, пане-товарищъ, клянусь своимъ патрономъ славно...—хоть нашъ Литовскій медъ лучше „венгржины"... вскрикнулъ старшій.—только я думаю,—разразился онъ смѣхомъ,—Его Милость панъ коронный гетманъ пожалѣетъ и масла для этихъ „банитовъ"!.. Одначе забивай, пане, значокъ: солнце поднялось высоконько, а нашъ гетманъ, самъ знаешь, любитъ точность.

Панъ поручникъ слѣзъ съ коня и въ нѣсколько ударовъ забилъ въ ледъ длинную и острую пику, къ концу которой привязанъ былъ красный съ бѣлымъ значекъ.

Вскорѣ изъ просѣки стали показываться всадники по два, по четыре въ рядъ. Вооруженіе ихъ отличалось такою же роскошью и излишествомъ. Сверхъ мѣдныхъ и серебряныхъ латъ всадники перевязаны были накрестъ драгоцѣнными алыми, розовыми и голубыми шарфами. Слѣва къ сѣдлу прилаженъ былъ палашъ, а справа—длинная и узкая шпага съ круглымъ тяжелымъ эфесомъ. Кромѣ того, каждый держалъ въ правой рукѣ красивый бердышъ съ длинною рукояткой; къ лѣвой же рукѣ къ локтю прихватывалось ремнемъ огромнѣйшее копье, утвержденное въ лѣвомъ стремени. Лошади подъ

всадниками, чрезвычайно красивыя и породистыя, выступали гордо и величаво, изгибая свои красивыя шеи и слегка вздрагивая тонкою кожей. Но, не смотря на угрожающее вооруженіе, пышное войско рѣшительно не имѣло грознаго вида; казалось, что это собрались вельможные дворяне на роскошный балъ или на королевскій турниръ.

Всадники, прибывая все болѣе, размѣщались равномѣрно по двумъ берегамъ и вытягивались параллельными, блестящими линіями вдоль узкой полосы льда. Гусары стояли у опушекъ, а за ними уже въ лѣсу помѣщались многочисленные слуги. Прямо противъ этого узкаго рукава выѣхали четыре орудія и снялись съ передковъ; по обѣимъ сторонамъ размѣстились музыканты съ длинными, завитыми рогами и серебряными литаврами.

— А вотъ, кажись, и козаки, пане ротмистръ!—указалъ молодой гусаръ на вершину узкаго рукава става.

Дѣйствительно, съ той стороны лѣса подвигалось чинно и стройно козацкое войско. Сначала показалось малиновое знамя, затѣмъ выѣхали „довбыши“ съ бубнами и серебряными литаврами въ рукахъ, за ними ѣхали козаки, державшіе бунчуки, перначи и камышины, а за этими уже на нѣкоторомъ разстояніи двигалась по шести въ рядъ козацкая старшина, а за ними простые рейстровики, по два отъ каждой сотни.

Одѣтые въ гладкіе синіе жупаны, въ смушевыхъ шапкахъ съ краснымъ верхомъ и золотою кистью, они подвигались темною и молчаливою массой. Ихъ немногочисленное оружіе казалось ничтожнымъ передъ блескомъ и пышностью польской гусарской „сброи“. Къ поясу каждаго козака прицѣплена была кривая сабля, за поясомъ торчали пистолеты, мушкеты висѣли за спиной. Лошади ихъ выступали спокойнымъ, привычнымъ шагомъ, слегка помахивая роскошными гривами.

— А это кто впереди ѣдетъ, панъ-товарищъ?—спросилъ ротмистръ, поворачиваясь къ своему собесѣднику.

— Вонъ тотъ, на вороной лошади, неказистый изъ себя?

— Да!

— Это ихъ старшой, Ильяшъ Караимовичъ; нынче вѣдь послѣ Павлюцкаго бунта гетмановъ имъ „обирать“ запретили.

— А, сто купъ ихней матери дьябловъ въ спину, а не гетмана!—ругнулся панъ ротмистръ, выпячивая впередъ свои богатырскіе усы.—Слышимъ мы все въ Великой Литвѣ, какъ у васъ о козакахъ съ великимъ страхомъ толкуютъ, а какъ погляжу я на эту голую рвань, такъ кажись бы и покрылъ ихъ своею рукой!

Панъ-товарищъ смѣрялъ взглядомъ широкую руку пана-ротмистра, но отвѣтилъ, покачавши головою:

— Не говори такъ, пане: ты ихъ въ бою не видалъ.

— Однако, строится хамье ловко!—произнесъ уже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ панъ-ротмистръ, продолжая наблюдать за козаками.

— Ге! что это? Еслибъ ты увидалъ ихъ, пане-ротмистре, въ битвѣ,—махнулъ рукою товарищъ,—любо-дорого посмотрѣть!

— Коли молодцы, такъ люблю! А это кто, пане, видишь, вонъ, тамъ, впереди рядовъ, за полковниками на бѣломъ аргамакѣ ѣдетъ? Славный конь! Клянусь св. Патрикомъ, трудно и отыскать такого!

— Вонъ тотъ?—переспросилъ товарищъ, смотря по направленію руки ротмистра,—за нимъ „джура" на гнѣдомъ конѣ ѣдетъ?

— Тотъ, тотъ!

— А!.. Кажись, ихъ писарь войсковой Богданъ Хмель.

— Гм! Ловко!—удивился панъ-ротмистръ, поведши мохнатою бровью.—Смотритъ гетманомъ и собою хорошъ, и посадка важная, да и конь... Объ закладъ бы побился, что онъ не хлопскаго рода.

Между тѣмъ раздавшійся за ними шумъ заставилъ разговаривающихъ обернуться.

— Въ строй! Стройся!—крикнулъ ротмистръ, обращаясь къ гусарамъ.

Лошади и люди зашевелились и застыли блестящими неподвижными колоннами.

Изъ лѣсной широкой просѣки съ противоположнаго конца медленно спускался на озеро панъ коронный гетманъ Станиславъ Конецпольскій. Поверхъ латъ на панѣ гетманѣ былъ наброшенъ короткій мѣховой кафтанчикъ, вмѣсто шлема на головѣ его была бобровая шапка съ прикрѣпленнымъ брилліантовымъ аграфомъ бѣлымъ страусовымъ перомъ. Лицо гетмана, подрумяненное морозцемъ, смотрѣло свѣжо и торжественно. Рядомъ съ гетманомъ на сѣромъ скакунѣ ѣхалъ польный гетманъ Потоцкій. Лицо его изношенное, дряблое, даже на холодномъ воздухѣ казалось безжизненнымъ: зеленоватыя осунувшіяся щеки, тонкія, синія, завалившіяся губы съ рѣдкими, словно вылѣзшими усами производили отталкивающее впечатлѣніе. Сѣрые волосы гетмана были коротко острижены; на подбородкѣ клочками торчала сѣдоватая, также коротко остриженная борода. Круглые, выцвѣтшіе, зелено-сѣрые глаза гетмана глядѣли изъ-подъ сросшихся бровей холоднымъ, злобнымъ взглядомъ. Когда гетманъ улыбался, губы его некрасиво кривились, а глаза глядѣли тѣмъ же тусклымъ, мертвымъ и злобнымъ взглядомъ. Ростъ польнаго гетмана былъ весьма ничтожный, и даже, когда онъ сидѣлъ на конѣ, этотъ недостатокъ сразу бросался въ глаза.

За обоими гетманами на небольшой лошадкѣ ѣхалъ, окруженный блестящею свитой, молоденькій сынъ короннаго гетмана.

— Панъ-гетманъ, панъ-гетманъ!—пронесся кругомъ шепотъ, и всѣ замолчали.

Вельможное панство ѣхало осторожно по льду и остановилось позади артиллеріи.

Тихо и безшумно обнажились передъ нимъ козацкія головы.

Потоцкій выѣхалъ нѣсколько впередъ, окинулъ довольнымъ взглядомъ своихъ гусаръ и потомъ, скользнувъ прищуренными глазами по козакамъ, позеленѣлъ отъ злости.

— Это что за парадъ?—закричалъ онъ.—Куда это собралось мятежное хлопство? На войну, что ли? На коняхъ и при полномъ вооруженіи слушать свой приговоръ! Долой съ коней! Долой съ коней!—скомандовалъ онъ, подскакавши къ козакамъ, и бѣлая пѣна выступила на его тонкихъ губахъ.

Какая-то тревожная волна пробѣжала по козачьимъ рядамъ и затихла. Молча, нагнувши сѣрыя и сѣдыя чуприны, слѣзло козачество съ коней; старшины передали своихъ въ послѣдніе ряды, гдѣ одному козаку пришлось держать подъ уздцы до десяти коней.

Потоцкій, отдавъ приказаніе, отъѣхалъ изъ предосторожности къ гусарамъ и кликнулъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Заряжены-ли у пана ротмистра пушки?—спросилъ онъ сухо.

— Картечью набиты, ясновельможный гетмане, — отвѣтилъ, преклонивъ обнаженную саблю, панъ ротмистръ.

— Ладно. Пусть панъ-ротмистръ немедленно распорядится, чтобы кони этой сволочи,—указалъ онъ рукою,—были отведены немедленно вонъ туда, за лѣсъ.

Ротмистръ отсалютовалъ саблей, повернулъ лошадь и поскакалъ въ галопъ къ заднимъ козачьимъ рядамъ исполнить приказаніе гетмана.

— А что тамъ? Въ чемъ остановка?—спросилъ коронный гетманъ у пана Потоцкаго.

— Предосторожности, пане коронный,—скривился тотъ.

— Къ чему?—пожалъ плечами Конецпольскій.

— Этимъ псамъ вѣрить нельзя,—прошипѣлъ Потоцкій и отъѣхалъ немного впередъ.

Вдали, за козацкими рядами, по узкому рукаву пруда заѣзжали уже въ лѣсъ десятка два всадниковъ съ лошадьми.

Потоцкій, видимо, не удовольствовался этимъ и вновь подозвалъ къ себѣ пана-ротмистра.

— Что это они съ мушкетами?—визгливо крикнулъ онъ.— Сейчасъ велѣть имъ снять и отнести къ лошадямъ!

Ротмистръ подскакалъ къ козачьимъ рядамъ и гаркнулъ.

— Мушкеты съ плечъ долой!

Вздрогнули пѣшіе козаки и окаменѣли.

Гетманъ Конецпольскій, недовольный выходкою Потоцкаго, выѣхалъ на конѣ впередъ и замѣтилъ польному гетману:

— Къ чему раздражать и издѣваться?

— Къ тому, пане коронный, что ихъ слѣдовало бы всѣхъ на колъ.

— Для этого есть высшая власть,—отрѣзалъ Конецпольскій и обернувшись, скомандовалъ:—ударить въ бубны и литавры!

Козацкіе довбыши ударили въ бубны и замолчали.

— Вы сдѣлали преступленіе, подобнаго которому не было на свѣтѣ отъ вѣка вѣковъ,—грозно началъ панъ коронный гетманъ, обращаясь къ козакамъ,—вы не только многократно подымали руки на вашего законнаго государя, на войска и на ваше отечество— Рѣчь Посполитую, но вы... вы... однимъ словомъ, задумывали даже соединяться съ нашими исконными врагами, татарами и турками! Вы—гнилые члены государства и васъ слѣдовало бы обрубить совсѣмъ, чтобы не заразились здоровые...

Панъ коронный гетманъ запнулся, а Потоцкій подхватилъ рѣзкимъ крикливымъ голосомъ:

— За ваши вѣчныя, подлыя измѣны вы сами подписали собственною кровью свой смертный приговоръ. Вы въ бою утратили орудія, хоругви, камышину, печать, всѣ знаки, данные вамъ королемъ, всѣ вольности, всѣ права!

— На вашу петицію прислалъ вамъ милостивый король и сеймъ свой снисходительный отвѣтъ,—прервалъ панъ коронный гетманъ потокъ издѣвательствъ Потоцкаго и сдѣлалъ знакъ рукой.

Два герольда на черныхъ коняхъ, въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ съ длинными черными перьями на шляпахъ, выѣхали впередъ и затрубили въ трубы. Изъ свиты гетмановъ отдѣлился всадникъ на бѣломъ конѣ, весь въ бѣлой одеждѣ, и, выѣхавши впереди герольдовъ, развернулъ длинный пергаментный листъ съ тяжелою государственною печатью, прикрѣпленною на шелковомъ шнуркѣ.

— Вы достойны были бы всѣ до единаго казни,—прошипѣлъ Потоцкій,—но нашъ милостивый король захотѣлъ васъ тронуть милосердіемъ,—искривилъ онъ свои тонкія губы,—и удостоилъ васъ отвѣта.

— Читайте декретъ!—скомандовалъ коронный гетманъ, покосившись непріязненно на егозившаго въ сѣдлѣ Потоцкаго.

Всадникъ на бѣломъ конѣ снялъ съ головы серебряный шлемъ и, приподнявши бумагу, началъ читать громкимъ голосомъ, разнесшимся далеко надъ замерзшимъ озеромъ:

„Мы ласкою Божою Владиславъ IV, король польскій, великій князь литовскій и русскій" ..

При первыхъ словахъ декрета гетманы почтительно приподняли надъ головами своими шапки, а гусары обнажили сабли, преклонивши внизъ ихъ клинки. Въ серединѣ на Ставу было попрежнему тихо и безмолвно, только глаза всѣхъ козаковъ съ надеждой и увѣренностью устремились на длинный листъ.

„Долго Рѣчь Посполитая смотрѣла сквозь пальцы на всѣ ваши своевольства, но больше сносить ихъ не станетъ",—читалъ всадникъ, и каждое его слово звучало отчетливо и громко, словно ударъ стали по мѣди.—„Она и сильнымъ монархамъ давала отпоръ и чужеземныхъ народовъ подчиняла своей власти. Поэтому, если вы не останетесь въ послушаніи королю и Рѣчи Посполитой, сообразно новой, данной вамъ ординаціи, то знайте, что Рѣчь Посполитая рѣшилась не только прекратить всѣ ваши своевольства, но истребить навсегда и имя козацкое".

Межъ козаками произошло легкое движеніе и снова всѣ замерли неподвижной стѣной.

„Вы сами лишили себя всѣхъ своихъ правъ и преимуществъ,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—и навсегда утеряли право избирать себѣ старшину. Вмѣсто гетмана, котораго вы прежде себѣ избирали, вамъ дается коммиссаръ изъ шляхетскаго званія: панъ Петръ Комаровскій".

Глубокій вздохъ вырвался изъ множества грудей и пронесся надъ толпой.

— А жаль молодцовъ!—буркнулъ себѣ подъ носъ грозный ротмистръ, отворачивая свое суровое, усатое лицо отъ пана-товарища,—славные, видно, удальцы!

— Удивляюсь пану-ротмистру,—шепнулъ тихо розовый панъ-товарищъ,—жалѣть этотъ соръ! Панъ-ротмистръ собирался-же раздавить ихъ всѣхъ своею могучей рукой?—усмѣхнулся онъ, приподнявши тонкіе, закрученные усики.

— Что-жъ, будетъ война, и пойду, и раздавлю!—проворчалъ сердито панъ-ротмистръ,—а теперь жаль, потому что славные молодцы. Смотри: слушаютъ свой смертный приговоръ и не пошевельнутся! Ты, пане-товарищъ, послужи еще съ мое, тогда поймешь, что воинъ воину—братъ!

Панъ-товарищъ бросилъ изъ-подъ бровей на пана-ротмистра насмѣшливый, презрительный взглядъ и подумалъ про себя: „Старый литовскій дуракъ!"

„Полковниковъ изъ вашего званія вы больше получать не будете!"—читалъ бѣлый всадникъ.

— Положи бунчукъ, булаву и печать,—крикнулъ Потоцкій хриплымъ отъ накипѣвшей злобы голосомъ Ильяшу Караимовичу, который стоялъ впереди.—Полковники и старшина, положите ваши знаки! Отнынѣ вамъ дадутся другіе начальники... только сотники и атаманы остаются пока на своихъ мѣстахъ.

Тихо склонилось малиновое козацкое знамя и опустилось на чистое стекло льда. Рядомъ съ нимъ легли бунчуки. Положилъ Ильяшъ возлѣ него печать и булаву. Безшумно подходили козацкіе старшины, и одинъ за другимъ складывали свои перначи и заслуженные знаки.

— Экая шваль!—бросилъ сквозь зубы польный гетманъ, безпокойно поворачиваясь въ сѣдлѣ.

Ничего не отвѣтилъ на такую выходку коронный гетманъ, но по лицу его пробѣжало едва сдерживаемое недовольное чувство.

Наступило тягостное молчаніе, межъ козаковъ не слышно было ни стона, ни слова... Они молчали, склонивъ угрюмо головы, и только холодный вѣтерокъ, пробѣгая надъ ледянымъ пространствомъ, приподымалъ иногда ихъ длинныя чуприны.

Конецпольскій сдѣлалъ чтецу знакъ рукой, и тотъ снова продолжалъ свое чтеніе.

„Вамъ назначены полковники изъ шляхетскаго званія, а именно: въ Переяславскій полкъ—Станиславъ Сикиржинскій, въ Черкасскій—Янъ Гижицкій, въ Корсунскій—Кирило Чижъ, въ Бѣлоцерковскій—Станиславъ Ралецкій, въ Чигиринскій—Янъ Закржевскій".

— Постой, пане, посмотри, что случилось тамъ? —тихо спросилъ панъ-ротмистръ, указывая на группу стѣснившихся козаковъ.—Мнѣ что-то глаза измѣнили, не могу разобрать!

— Старикъ вонъ тотъ, козакъ сѣдой... расплакался,—небрежно отвѣтилъ панъ-товарищъ,—пріятели его уводятъ въ глубину.

Панъ-ротмистръ больше не разспрашивалъ; онъ только отвернулся въ сторону, досадливо поправляя свой крылатый шишакъ.

„Романъ Пешта и Иванъ Бояринъ отрѣшаются отъ своихъ полковничьихъ должностей,—читалъ дальше бѣлый всадникъ,—писарь-же войсковой Богданъ Хмельницкій понижается въ чинъ сотника Чигиринскаго".

При этихъ словахъ по лицу пана короннаго гетмана пробѣжало какое-то тревожное выраженіе, но извѣстіе прошло спокойно. Писарь войсковой не сморгнулъ и бровью; лишь подъ усомъ его на одно мгновеніе мелькнула высокомѣрная, презрительная улыбка.

„Что-же касается вѣрнаго намъ доселѣ пана Богуша Барабаша,—гласило далѣе въ декретѣ,—то его повышаемъ въ чинѣ"...

Глухой, зловѣщій гулъ прервалъ чтеца. „Зрада... зрада!" зашумѣли кругомъ козацкіе голоса, и всѣ повернулись въ сторону пухлаго, но бодраго еще старика въ полковничьемъ нарядѣ.

— Тихо!—раздался рѣзкій и надменный крикъ пана польнаго гетмана.—Ни слова! Молчать и слушать королевскую волю!

Зловѣщій ропотъ пробѣжалъ еще разъ по толпѣ и умолкнулъ. Снова лица козаковъ стали угрюмы и суровы.

— Читай!—скомандовалъ коронный гетманъ, и чтецъ продолжалъ: „Вмѣсто Трахтемирова, назначается вамъ войсковымъ городомъ Корсунь. Уменьшается число реестровыхъ до четырехъ тысячъ. Дѣти павшихъ въ битвѣ не получатъ никогда наслѣдія отцовъ и не будутъ вписаны въ реестры. Что-же касается оставленія за вами вашихъ грунтовъ и земель, то объ этомъ будемъ еще думать на сеймѣ. Если-же вы и послѣ этого нашего декрета бунтовать вздумаете,—строго кончался наказъ,—то обѣщаемъ вамъ и совсѣмъ стереть васъ съ лица земли".

Среди козаковъ послышался какой-то неясный говоръ, головы наклонялись къ головамъ, и недобрый шумъ побѣжалъ по рядамъ.

— Разойтись всѣмъ немедленно!—грозно поднялъ голосъ панъ польный гетманъ, выѣзжая впередъ и забрасывая кичливо голову:—объявить всѣмъ нашу волю! И буде кто только осмѣлится подумать не согласиться,—размечу!

— Панове!—перебилъ угрозы польнаго гетмана и обратился ко всѣмъ Конецпольскій.—Милосердіе нашего великаго короля всѣмъ извѣстно. Вамъ остается только безропотно покориться и тогда, быть можетъ... я даже ручаюсь...—запнулся гетманъ,—такъ сказать, вы можете ожидать какой-либо милости. Мы же, съ своей стороны, всегда стоимъ за миръ, и если вы того заслужите... однимъ словомъ... будемъ ходатайствовать за васъ.

— Панъ коронный гетманъ балуетъ эту сволочь!—сказалъ презрительно Потоцкій, подъѣзжая къ коронному гетману.—Съ нею говорить безъ нагайки нельзя...

— Я въ нагайкѣ, пане-гетмане, не нуждаюсь,—пожевалъ губами Конецпольскій и, круто повернувши разговоръ, обратился къ гетману и къ свитѣ:—Прошу панство откушать ко мнѣ. А тебя, пане-ротмистръ,—кивнулъ онъ суровому литовцу,—прошу наблюсти, чтобъ не было того... понимаешь... чтобъ разошлись козаки безъ шума.

Панъ-ротмистръ поклонился, а гетманы, давши лошадямъ шпоры, въ сопровожденіи свиты, двинулись быстрымъ галопомъ черезъ озеро по просѣкѣ назадъ.

— Славные молодцы!—вздохнулъ панъ-ротмистръ, обращаясь къ товарищу,—а боюсь, какъ бы не обошлось безъ схватки!

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся тотъ,—панъ-ротмистръ еще этой сволочи не знаетъ. Они хитры, какъ старые лисы: здѣсь будутъ какъ каменные стоять, разойдутся безъ ропота, а тамъ, погоди, черезъ два-три мѣсяца и вспыхнетъ новый бунтъ.

И дѣйствительно, точно въ подтвержденіе словъ пана-товарища, чинно подвели козакамъ коней. Раздалась короткая команда, вскочили на коней козаки, въ одно мгновеніе выстроились и въ боевомъ порядкѣ двинулись впередъ. Вскорѣ послѣдній козакъ скрылся за деревьями лѣса. Только куча бунчуковъ, камышинъ и полковничьихъ знаковъ осталась на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли войска. Распростертое, словно сраженный воинъ, лежало на ледяномъ полу малиновое козацкое знамя.

— Ну, что-жъ со всѣмъ этимъ дѣлать?—сказалъ панъ-ротмистръ, бросивъ угрюмый взглядъ на оставленные, сиротливые „клейноды“ [1]) и, выругавшись крѣпко, прибавилъ съ досадой:—чортъ бы побралъ весь свѣтъ и меня вмѣстѣ съ нимъ!

— А что же?—отвѣтилъ товарищъ,—велѣть забрать все въ гетманскій замокъ, и, повѣрь, пане-ротмистръ, для нихъ найдется шляхетская рука!

Тихо и молча, понуривши головы, выѣзжали изъ лѣсу большими и малыми группами козаки.

У опушки лѣса, на перекресткѣ двухъ дорогъ, сидѣлъ огромнаго роста, слѣпой бандуристъ и пѣлъ дрожащимъ голосомъ грустную думу. Многіе изъ козаковъ подъѣзжали къ нему, чтобы бросить мѣдный грошъ въ его деревянную чашку.

— „Волчій байракъ!“ „Домовина!“ — шепталъ отрывисто подъѣзжающимъ бандуристъ... и продолжалъ думу...

XIII.

Настала ночь. Въ глубинѣ оврага, окаймленнаго со всѣхъ сторонъ нависшимъ лѣсомъ, было совершенно темно. Едва бѣлѣли въ непроглядномъ мракѣ лапастыя вѣтви елей, устало опустившіяся подъ нависшимъ снѣгомъ. Словно души мертвецовъ, носились въ темнотѣ пухлые хлопья снѣга и безшумно падали на бѣлую холодную землю.

— „Пугу!“—раздался протяжный крикъ пугача.

---

[1]) Регаліи.

Сова, сидѣвшая въ дуплѣ, безпокойно зашевелилась и, помигавши нѣсколько разъ своими круглыми, желтыми глазами, перелетѣла на вѣтку, но не отвѣтила на крикъ.

— „Пугу!"—раздалось снова уже ближе, и черезъ нѣсколько минутъ изъ противоположной глубины лѣса поднялся такой же унылый и протяжный крикъ ночной птицы.

Вспугнутая сова поднялась тяжело, захлопала крыльями и отлетѣла въ глубину лѣса.

— „Пугу!"—раздалось еще ближе.—„Пугу!"—отвѣтилъ протяжный голосъ уже совсѣмъ невдалекѣ. Черезъ нѣсколько минутъ въ вершинѣ оврага, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съуживался и нависшія деревья почти сходились совсѣмъ, раздался короткій, сухой трескъ; большая вѣтка обломилась и съ шумомъ покатилась внизъ. За нею вслѣдъ оборвалось что то тяжелое и грузное.

— Фу ты, чортъ тебя побери съ твоей матерью!—выругался свалившійся снѣжный комъ, подымаясь на ноги и отряхивая съ „байбарака" снѣгъ.—Стонадцать вѣдьмъ тебѣ въ зубы! Бѣсъ его знаетъ, куда я забрелъ, чуть ли не къ медвѣдю въ берлогу! Хоть бы зажечь что, освѣтить...—Свалившееся въ оврагъ существо начало съ ожесточеніемъ шарить во всѣхъ карманахъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ поисковъ кресало и огниво были найдены; посыпались короткія искры, и вскорѣ освѣтилось склоненное лицо Кривоноса съ раздутыми губами и ощетинившимися усами, старательно дувшее на трутъ въ толстомъ жгутѣ изъ клочья, пропитаннаго смолою и сѣрой, котораго запасливый козакъ держалъ всегда полный карманъ. Наконецъ, Кривоносъ ущемилъ жгутъ въ какую то расщепленную вѣтку и поднялъ свой факелъ надъ головой. Красновато-синій огонь освѣтилъ все пространство. Это было мрачное и угрюмое ущелье. Справа и слѣва по крутымъ отвѣсамъ спускался ко дну смѣшанный лѣсъ. Сквозь нависшія глыбы снѣга едва проглядывала темная зелень елей; дубы и грабы стояли заиндевѣвшіе, неподвижные. Въ концѣ эта глубокая щель загруглялась и врѣзывалась вглубь, словно пещера; нѣсколько полувывернутыхъ съ корнемъ деревъ, свалившись съ одного берега на другой, прикрыли ее сверху вѣтвями. Теперь все пространство между ними было засыпано толстымъ слоемъ снѣга, образовавшимъ довольно глубокій и прочный сводъ. Кривоносъ зашелъ внутрь, поднялъ факелъ и освѣтилъ это фантастическое помѣщеніе; серебро стѣнъ и плафона загорѣлось роскошнымъ фіолетовымъ отблескомъ. Кривоносъ остался даже доволенъ.

— Ишь, какъ славно,—мотнулъ онъ головою,—только, чтобъ тому въ горлянку вѣдьмы хвостъ, кто выдумалъ дорогу сюда: глушь

такая, что пока продерешься, паръ шесть очей выколешь, а пока слѣзешь въ этотъ палацъ, такъ и четырехъ ногъ не досчитаешься!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье съуживалось, круто спускалась сверху едва примѣтная, извилистая тропинка, на которую не попалъ Кривоносъ; казалось, никто посторонній не могъ никоимъ образомъ ни попасть сюда, ни узнать о существованіи этой дикой трущобы. На узенькой тропинкѣ показалась старческая фигура Романа Половца. Онъ шелъ осторожно, сгибаясь подъ нависшими вѣтвями, ощупывая себѣ путь суковатою палкой.

— Ге, да ты, братъ, уже и фонарь засвѣтилъ,—обратился онъ къ Кривоносу, спускаясь внизъ и проходя въ пещеру.—Только скажи мнѣ, братъ, какою ты дорогой шелъ, что голосъ твой слышался мнѣ совсѣмъ съ другой стороны?

— Какою дорогой? Кратчайшею, матери его хрѣнъ!—отвѣтилъ сердито Кривоносъ.—Заблудился было... а тутъ вѣдь тебѣ темень такая, хоть выколи око, ну, такъ просто и скатился въ оврагъ „сторчъ головой", хорошо еще, что разостлана снѣжная перина, да и кости желѣзныя—выдержали!

— Однако, здѣсь совсѣмъ какъ въ хатѣ, можно-бы, брате, намъ и костерчикъ разложить: теплѣй бы было, да и свѣтлѣй.

— Оно бы хорошо, да какъ-бы только польскіе дозорцы на огонекъ нашъ не наткнулись.

— И, что ты,—махнулъ рукою Половецъ,—здѣсь, какъ въ могилѣ: и свѣту некуда вырваться! Кромѣ козаковъ никто этого оврага и въ жизнь не найдетъ. Ужъ сколько мнѣ лѣтъ, а при моей жизни, ни одна польская собака не вынюхала сюда и слѣда!

— Да ужъ коли вы, диду, „обезпечаете", такъ мнѣ и подавно,—потеръ Кривоносъ руку о колѣно,—тутъ вотъ и сухого валежника подъ ногами довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ посреди пещеры запылалъ яркій костеръ.

На тропинкѣ у входа въ ущелье послышался шорохъ. Кривоносъ и Половецъ подошли и стали по сторонамъ. Показалась суровая, козацкая фигура.

— „Гасло"? [1]),—коротко спросилъ Кривоносъ.

— „Волчій байракъ"... „Домовына!" [2])—отвѣтилъ такъ же коротко новоприбывшій и безмолвно прошелъ въ глубь ущелья къ костру.

---

[1]) Пароль.

[2]) Гробъ.

Показались на тропинкѣ еще двѣ тѣни и, опрошенныя, тоже пробрались къ костру. Въ ночной тишинѣ раздавался только скрипъ шаговъ по снѣжной тропинкѣ, да тихіе отвѣты на запросъ Кривоноса: „Волчій байракъ... Домовына"...

Подлѣ костра уже и сидѣла, и стояла, и волновалась порядочная группа людей.

— Что это Хмеля нѣтъ до сихъ поръ?—тихо проговорилъ Кривоносъ, бросая волчій взглядъ на Романа,—не вздумалъ ли дать тягу въ свои хутора?

— Что ты, что ты?—возмутился старикъ,—Хмель не изъ такихъ, да вотъ, кажись, и идетъ онъ.

Дѣйствительно, на тропинкѣ показались снова двѣ плотныя и высокія фигуры, но на этотъ разъ это оказались Пешта и Бурлій. Они о чемъ то тихо разговаривали, но, замѣтивши Половца и Кривоноса, переглянулись и замолчали совсѣмъ.

— Гм...—покачалъ имъ вслѣдъ головою Половецъ,—значитъ, припекло, когда и Пешта, и Бурлій рѣшились сюда придти.

— Не люблю ихъ—собаки!—мрачно прохрипѣлъ Кривоносъ, бросая въ ихъ сторону недовѣрчивый взглядъ.

Между тѣмъ у костра волненіе было уже въ полномъ разгарѣ. Среди шума, крика и проклятій явственно вырывалось только одно восклицаніе, повторяемое на тысячу ладовъ:—„Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому!"

— Ге-ге,—тихо замѣтилъ Пешта, наклоняясь къ Бурлію.— Рой гудетъ... Кто только съумѣетъ маткою стать?

Бурлій крякнулъ. бросивши исподлобья хитрый, многозначительный взглядъ. А Пешта, передвинувши на головѣ шапку, направился со своимъ спутникомъ увѣренными шагами къ той группѣ, гдѣ громко говорилъ о чемъ то, сильно жестикулируя руками, его знакомый козакъ.

— Пешта! Вотъ голова, братцы!—встрѣтилъ онъ появленіе Пешты радостнымъ голосомъ.—Вотъ, кто „порадитъ" насъ, что теперь предпринять?

— Да что тутъ предпринимать!—гнѣвно и нетерпѣливо закричали сразу нѣсколько голосовъ.—Небось, всѣ слыхали, какой декретъ прочитали намъ эти дьяволы! Вѣдь это смерть! Вѣрная, „наглая" смерть!

— А коли умирать, такъ показать и палачамъ до пекла дорогу!—подхватили другіе.

— Н-да!—протянулъ многозначительно Пешта.—Что правда! то правда: такого декрета еще козаки и не слыхивали отъ роду,

— А вѣдь были возстанія и раньше, да никто не смѣлъ такихъ ординацій намъ давать!—кричалъ запальчиво болѣе молодой козакъ, выступая впередъ.

— Ляхи то и прежде обрѣзывали намъ права, а теперь задумали насъ уничтожить!—отвѣтилъ Пешта.

— А что же листъ, что мы посылали черезъ пословъ?

— Гм,—перебилъ его Пешта,—онъ, можетъ быть, и напортилъ,—и помолчавши, прибавилъ загадочнымъ тономъ.—Его то по моему и не слѣдовало писать!

— Да какъ же такъ?—раздалось сразу нѣсколько насмѣшливыхъ голосовъ и умолкло.

— А потому, что я и тогда говорилъ,—началъ уже увѣреннѣе Пешта,—да что подѣлаешь? Вѣдь у насъ не думаетъ никто! Одинъ скажетъ, а всѣ ужъ за нимъ, какъ бараны бѣгутъ! Говорилъ, не къ чему писать. Передъ ляхами унижаться, передъ сенатомъ ползать въ ногахъ! Говорилъ, что такое смиреніе только докажетъ ляхамъ, что пропала въ конецъ козацкая сила, что ляхи воспользуются этимъ и проявятъ надъ нами неслыханную дерзость,—на мое и вышло.

Словно тяжелый молотъ упали эти слова на буйныя головы и ошеломили сознаніемъ, что совершена ошибка, повлекшая за собою позорную смерть. Наступила грозная пауза.

У входа по тропинкѣ показались двѣ человѣческія фигуры.

— Они, кажись?—обрадовался Кривоносъ.

— Они,—кивнулъ головою Половецъ.

Дѣйствительно, приближался Богданъ въ сопровожденіи Ганджи.

— Отчего такъ опоздалъ? Народъ бурлитъ...—окликнулъ его Кривоносъ.

— Коронный гетманъ задержалъ, едва вырвался!

— Ну, иди же. Тамъ Пешта пришелъ,—шепнулъ Половецъ.

Богданъ подошелъ къ костру и, никѣмъ не замѣченный, сталъ съ Ганджей въ глубинѣ, за выступомъ обвала, въ совершенной тѣни.

— Кой чортъ совѣтовалъ писать жалобные листы?—поднялся раздражительный голосъ съ одной стороны.

— Совѣтовалъ то человѣкъ добрый,—такъ же медленно отвѣтилъ Пешта, и двусмысленная улыбка пробѣжала по его лицу.—По крайности онъ всегда на добро козакамъ думаетъ, да не всегда съ его „рады“ добро выходитъ. Ну, что же,—вздохнулъ Пешта и, глянувши куда-то неопредѣленно впередъ, прибавилъ:—„на дида бида, а баба здорова!“.

— Ахъ онъ чортова кукла! Расшибу!—прошипѣлъ было и бросился со сжатыми кулаками Ганджа.

— Стой! Ни съ мѣста!—остановилъ его тихо Богданъ и оттянулъ за собя въ самый уголъ.

— Да какой же это дьяволъ? Кто эти листы придумалъ?—закричало сразу нѣсколько голосовъ, и часть толпы, услыхавши все возрастающій шумъ, понадвинулась къ тѣсной группѣ.

— Кто-жъ, какъ не Хмель!—раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Это его панскія штуки!—подхватилъ другой.

— Нарочно затѣялъ, чтобы ляхи, набравшись смѣлости, и войска свои стянули сюда, и раздавили насъ, какъ мухъ!—кричалъ уже третій, проталкиваясь къ костру.

— Что вы, что вы, панове?—остановилъ толпу Пешта.—Хмель думалъ, какъ лучше. Онъ, вѣдь, знается съ ляхами, думалъ, что потрафитъ. Не его вина, коли прогадалъ.

— А коли такъ, такъ не совался бы въ козацкія справы, сидѣлъ бы со своимъ „каламаремъ“ [1]) за печкой! Черезъ него мы должны такую поругу терпѣть!—вопилъ уже въ изступленіи молодой козакъ, взобравшись на пень и ударяя себя въ грудь руками.—Чего мы ждемъ? Кого мы ждемъ? Какія тутъ рады? Бить ляховъ, доказывать имъ, что насъ паскудить нельзя! Уже коли они насъ паскудить желаютъ, такъ разорвать ихъ, псовъ, на тысячу кусковъ!

— Смерть ляхамъ!—закричали кругомъ.

И этотъ зловѣщій крикъ покатился по ущелью, бурей промчался мимо Кривоноса и Половца и заставилъ шарахнуться стаю волковъ, собравшихся изъ любопытства въ ближайшей трубощѣ.

Вокругъ Пешты образовалась уже довольно большая толпа. Второй разведенный костеръ освѣщалъ ихъ красныя, изступленныя лица. Одинъ только Пешта стоялъ посрединѣ, спокойный и даже насмѣшливый, переводя отъ одной группы къ другой свои желтоватые бѣлки.

— Такъ,—сказалъ онъ громко,—играться бумагами больше, братья, не будемъ.

— Душа, козакъ! Молодецъ, братъ!—раздались восклицанія въ толпѣ.

— Только вѣдь сами руки никогда не бьютъ, панове,—продолжалъ Пешта,—надо къ нимъ и голову разумную, и сердце неподкупное прибавить!..

— Вѣрное слово! Атамана, атамана!—закричала толпа, и къ этому крику пристали уже и всѣ остальные.

---

[1]) Чернильницей.

— Только выбрать, панове, „оглядаючись“, чтобъ и голову имѣлъ разумную и бывалую, чтобъ ни съ кѣмъ не снюхивался, да за двумя зайцами не гонялся бы, да чтобъ и войсковой справы не бѣгалъ,—замѣтилъ Пешта.

А Бурлій добавилъ будто про себя: — такого и не сыщешь среди насъ!

— Какъ нѣту? А Хмель?—закричало два-три голоса въ заднихъ рядахъ.

— Въ затылокъ тебѣ Хмель! Къ чорту! Мы не перьями, а мечемъ имъ отпишемъ!—раздалось изъ переднихъ рядовъ.

— Богуна! Вотъ козакъ, такъ козакъ! Нѣтъ ему равнаго нигдѣ!—закричалъ кто-то изъ середины.

— Богуна, Богуна!—подхватило множество голосовъ.

— Да, козакъ славный,—согласился и Пешта,—и храбрый, и честный. Только молодъ еще, братья, а въ нашей справѣ надо не смѣлую руку,—всѣ вы, братья, смѣлы, какъ орлы,—а намъ нужно разсудливую голову.

— Правду, правду говоритъ!—отозвались голоса.

— А и главное,—продолжалъ Пешта,—что его теперь здѣсь нѣтъ: вѣдь онъ въ Брацлавщинѣ.

— Вѣрно! Въ Брацлавщинѣ!—подхватили другіе.

— То-то-жъ, пока мы за нимъ посылать будемъ, насъ здѣсь на лапшу посѣкутъ ляхи. Ждать намъ некогда.

— Некогда! Некогда!—перебили его шумные голоса.

— Бить ляховъ! Смерть Потоцкому!

И снова знакомый возгласъ наэлектризовалъ толпу. Крики, проклятія слились въ одинъ безформенный ревъ.

— Народъ горитъ,—замѣтилъ Кривоносъ Половцу, бросая взглядъ по тому направленію, гдѣ узкое ущелье расширялось въ гротъ и гдѣ освѣщенная огнемъ двухъ пылавшихъ костровъ волновалась разгоряченная толпа,—а нѣтъ еще Нечая и Чарноты!

— Разставимъ и провѣримъ сторожу,—замѣтилъ Половецъ.

Въ глубинѣ узкой тропинки послышалась удалая пѣсня: „Гей, хто въ лиси, озовыся!“ И изъ-за деревьевъ, сдвинувши шапку на затылокъ и широко распахнувши жупанъ, показался Чарнота.

— Съ чего это ты, съ чего ты запѣлъ?—набросился на него Половецъ,—или хочешь посзывать всѣхъ польскихъ дозорцевъ?

— Некого!—отвѣтилъ базшабашнымъ тономъ Чарнота.—Двое изъ нихъ встрѣтились мнѣ на дорогѣ. Не хотѣлось мнѣ оказать ляху услугу, да что было дѣлать: пришлось даровать имъ вѣчный покой!... Да еще и снѣжную могилу насыпать, чтобъ не отыскали

друзья. А остальные всѣ пирують въ замкѣ, отъ огней побѣлѣла даже черная ночь.

— Пирують, дьяволы, на нашихъ грудяхъ,—мрачно замѣтилъ Кривоносъ.—А тебѣ оттого такъ и весело стало, что ты и пѣсню затянулъ?

Лицо Чарноты вдругъ стало серьезно.

— Ты этого, брате, не говори,—произнесъ онъ тихо.—Я, быть можетъ, только горилкой да вольною пѣсней и душу козацкую спасаю.

И, какъ бы сожалѣя о вырвавшихся у него прочувствованныхъ словахъ, Чарнота круто повернулся и широкими шагами направился къ пылавшимъ въ глубинѣ кострамъ.

— Славный козакъ!—посмотрѣлъ ему вслѣдъ Половецъ и пошелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ разставлять сторожу, ворча себѣ подъ носъ: — Не ровенъ часъ... береженаго, говорятъ, и Богъ бережетъ.

У узкаго входа въ ущелье поставили двухъ козаковъ. Шесть другихъ отошли дальше и образовали цѣпь вокругъ оврага.

Приближеніе Чарноты замѣтили и въ толпѣ.

— Чарнота, Чарнота идетъ!—зашумѣло ему навстрѣчу множество голосовъ.—Огонь-козакъ! Его обрать атаманомъ! Онъ проведетъ и въ самое пекло!

— Вѣрно, вѣрно!—загудѣли козаки.

— Н-да!—повелъ бровями Пешта.—Провести то проведетъ, да выведетъ ли обратно? Пожалуй, тамъ всѣхъ и оставитъ.

— Молодецъ на фокусы,—тихо вставилъ Бурлій,—а намъ надо голову...

Еще одинъ путникъ приблизился къ спуску. Это былъ слѣпой бандуристъ. Онъ шелъ увѣренно и смѣло, и даже та палка, которую онъ держалъ въ рукѣ, не служила ему опорой въ пути.

— Всѣ?—спросилъ бандуристъ у Кривоноса.

— Кажись, всѣ,—отвѣтилъ тотъ и, бросивъ послѣдній взглядъ на правильно разставленныхъ „вартовыхъ“ или часовыхъ, повернулъ вмѣстѣ съ Половцемъ къ оврагу.

Между тѣмъ крики въ толпѣ принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

— Атамана! Атамана!—кричали кругомъ.

— Въ чемъ дѣло, братья?—спросилъ тревожно бандуристъ ближайшихъ козаковъ.

— А, Нечай! Нечай пришелъ!—закричало сразу нѣсколько голосовъ,—и онъ, братове, козакъ не послѣдній!

Но изъ группы Пешты раздались болѣе громкіе голоса:

— Атамана, атамана обирать!

— Своего, а не ляшскаго! Кого-бъ только?—замялись и затихли вдругъ голоса.

— А что-жъ это я не вижу здѣсь нашего Хмеля?—обратился тихо къ Чарнотѣ Нечай.

— Да, его еще нѣтъ здѣсь,—оглянулся кругомъ пристально Чарнота,—я уже искалъ его.

— Какъ нѣтъ? А Кривоносъ сказалъ, что всѣ въ сборѣ,—изумился Нечай.

— Вѣрно обознался,—замѣтилъ Чарнота и прошелся снова отъ костра до костра.

— Нечая! Пусть Нечай насъ ведетъ!—раздалось въ одномъ мѣстѣ.

— Чарнота!—откликнулось въ другомъ.

— Пешта, Пешта!—загомонѣли сильнѣй голоса въ центрѣ.

— А про Хмеля забыли?—крикнули разомъ Чарнота и Нечай.

— Обойдется и безъ него! Бумагъ намъ писать уже не нужно! Годи! Годи!—поднялись раздраженные крики со стороны козаковъ, окружавшихъ Пешту.

— На кой чортъ? Что онъ за гетманъ такой? Все „товарыство“ въ сборѣ, а его нѣтъ!—загалдѣли со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, панове,—возвысилъ голосъ Пешта, замигавъ, словно сова, своими желтыми бѣлками,—Хмеля нужно подождать: я самъ подаю голосъ за Хмеля. Онъ все таки въ великой чести у ляховъ, такъ, можетъ, и за васъ доброе слово замолвить, да и не такъ достанется всѣмъ за избраніе: вѣдь вотъ меня и Бурлія, да еще кое-кого совсѣмъ вонъ, за хвостъ, стало быть, да въ „череду“, а Богданъ все таки остался сотникомъ... а вскорѣ, можетъ, и полковникомъ будетъ.

— Ну?—усомнился Бурлій,—развѣ поцѣлуетъ папежа въ пятку?

— Такъ что-жъ это? Продаетъ онъ насъ, что ли?—закричали кругомъ нѣсколько голосовъ.

— Торгуется!—процѣдилъ сквозь зубы Пешта, и хотя это слово было произнесено не громко, но оно упало на ближайшихъ, словно искра въ бочку пороха.

— Долой Хмеля! Измѣнниковъ не надо! Пешта атаманомъ! Бить ляховъ и ляшскихъ подножковъ!—заорали кругомъ.

— Кто противъ Хмеля?—крикнулъ Чарнота, выбиваясь впередъ и разбрасывая толпу.—Кто обзываетъ его измѣнникомъ? Ну, выходи, помѣряемся силой! Эта рука и эта грудь,—ударилъ онъ себя кулакомъ по груди,—ручаются за него!

— Правда, правда!—раздались въ заднихъ рядахъ одинокіе голоса.—Онъ—честный козакъ!

— Не только честный—первая голова!—гаркнулъ Нечай.

— Если онъ умѣетъ ладить съ панами, такъ вы готовы на него горы вернуть,—продолжалъ Чарнота, горячась все больше и больше.—Тутъ клевещутъ изъ зависти, а вы развѣсили уши.

— Да что ты тутъ разговориваешь?—послышались въ отвѣтъ разгоряченные голоса.—Какого намъ чорта въ его радѣ?... Чтобъ снова предложилъ листы писать? Обирайте атамана! Долой Хмеля! Пешту, Пешту!—кричали съ одной стороны.

— Брехня, брехня! Хмель славный козакъ!—заревѣли съ другой.

— Ну, заварилась каша,—шепнулъ тихо Пешта, наклоняясь къ Бурлію,—а мы что? Наше дѣло сторона!—усмѣхнулся онъ злобно и сталъ прислушиваться къ крикамъ толпы, отпуская иногда два-три мѣткихъ слова и разгорячая тѣмъ еще болѣе обезумѣвшія отъ отчаянія головы.

— Поспѣшимъ; тамъ что то неладное,—тревожно заторопился Кривоносъ, спускаясь въ оврагъ и поддерживая Половца подъ руку.

— Охъ, не Пешта ли?—качалъ головою Половецъ.

Издали картина представлялась чѣмъ-то сверхъестественнымъ и страшнымъ. Гигантскіе костры, расположенные въ двухъ концахъ ущелья, подымали цѣлые снопы яркаго пламени и раскаленныхъ искръ. Въ этомъ ярко-красномъ свѣтѣ пурпуромъ горѣли нависшіе снѣжные своды, а свисшіе надъ ущельемъ громадные дубы и сосны казались вылитыми изъ раскаленной мѣди. Дикими и ужасными вырисовывались разгоряченныя, темныя лица козаковъ, а общій крикъ, слившійся въ какой то дикій гулъ, наводилъ на душу суевѣрный, подавляющій страхъ.

— Хмель идетъ! Хмель идетъ!—крикнулъ Нечай, махая надъ головой шапкой.—Вотъ кого обрать атаманомъ, вотъ голова!

— Нѣтъ, нѣтъ, это Кривоносъ!—отозвался кто-то при входѣ.

— Его атаманомъ!—крикнули дружно одни.

— Кривоноса!—подхватили другіе.

— Пешту, Пешту!—раздались голоса изъ глубины.

Но всѣ эти возгласы покрылъ снова одинъ бѣшенный крикъ: „Смерть ляхамъ! Смерть Потоцкому! Рубить, жечь!“

Кривоносъ нѣсколько разъ пытался было говорить, но дикіе, необузданные крики совершенно заглушали его голосъ.

Наконецъ, ему удалось взобраться на довольно широкій и высокій пень и, поднявшись значительно выше толпы, онъ закричалъ на сколько могъ громкимъ голосомъ: „Слова, братья, прошу!“.

На мгновенье воцарилась тишина.

— Братья, отъ крику ничего ни будетъ,—началъ Кривоносъ.— Мы собрались здѣсь раду держать, а не ругаться, какъ перекупки на базарѣ.

— Снова раду затѣяли,—замѣтилъ ехидно Пешта, обращаясь къ окружающимъ козакамъ.

— Раду? Довольно! Листовъ намъ больше не надо! Слѣзай! Довели уже своими петиціями до краю!—раздались голоса изъ заднихъ рядовъ.

— Да что вы, дьяволы, не узнали, что ли, Кривоноса?!— гаркнулъ Кривоносъ уже съ такой силой, что жилы надулись у него на лбу.—Я пишу свои петиціи не черниломъ, а кровью!

— Да это Кривоносъ!—раздались крики изъ переднихъ рядовъ.—Слушайте, слушайте! Онъ вѣрный козакъ!

— Рубить ляховъ, жечь!—поднялись было неулегшіеся крики, но Кривоносъ уже заревѣлъ, протягивая впередъ руки.—Стойте, вражьи сыны!—и все стихло помалу.—Кой чортъ вамъ говоритъ, чтобъ ихъ миловать? Милуютъ они насъ, ироды? Нѣтъ для меня большаго праздника, какъ топить ихъ въ ихъ дьявольской крови!

— Такъ, такъ! Молодецъ! Слава! Веди насъ, веди сейчасъ!— сорвался дружный крикъ.

— Спасибо, братья!—поклонился Кривоносъ.—Только... Да, слушайте жъ, ироды!—продолжалъ онъ далѣе охрипшимъ отъ напряженія голосомъ.—Вотъ вы тутъ избирали атамана и, дякую вамъ за честь, и мое поминали имя, только, братья, развѣ это порядокъ? Развѣ мы всѣ тутъ? Развѣ безъ нашихъ братчиковъ, запорожцевъ, можно выбирать кошевого?

— Правда, правда!—отозвались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голоса, и волненіе начало упадать.

— Такъ вотъ что, братцы,—продолжалъ Кривоносъ,—слыхали вы всѣ, какъ привѣтствовалъ насъ сегодня польный гетманъ, и мы имъ этого не „подаруемъ“. Порѣшимъ же сначала, гдѣ бить ляховъ, съ какого конца ихъ „шкварить?“

— Рѣшай, рѣшай, друже!—отозвались отовсюду остервенившіеся голоса,—головами наложимъ, а помстимся надъ ними!

— Ухъ, помстимся же!—оскалилъ зубы Кривоносъ и засучилъ рукава на своихъ мохнатыхъ рукахъ,—а думка моя такая: въ Брацлавщинѣ Богунъ собралъ уже отрядъ добрыхъ молодцовъ и ждетъ подмоги. Кому жизни не жалко, кому не страшно смерти. идите ко мнѣ! Мы имъ вспомнимъ всѣ ихнія „наруги“ [1]) и декреты!

---

[1]) Издѣвательства.

Мы вымотаемъ панскія жилы, поджаримъ ихъ клятыхъ ксендзовъ, насмѣемся надъ ихъ костелами, какъ они смѣются надъ святыми церквями! Братья, кому нѣтъ радости въ жизни, идемъ въ Брацлавщину,—и я васъ туда проведу.

— Спасибо! Слава, слава Кривоносу!—раздались кругомъ восторженные возгласы.

— Постойте, постойте, братья!—закричалъ Нечай, подымаясь на пень рядомъ съ Кривоносомъ.—Не въ Брацлавщину пойдемъ, а на востокъ. Я былъ у донцовъ, они обѣщали намъ большую подмогу.

— Что донцы, братъ?—возразилъ Кривоносъ.—Брацлавщина свободна отъ войскъ, а къ востоку стянулись всѣ коронныя рати.

— Правда, правда! Слѣзай, Нечай! Въ Брацлавщину веди насъ! Намъ нечего терять!

— Постойте, постойте, братья!—началъ было одинъ молодой козакъ, вскакивая на пень, но толпа не дала ему говорить „Молчи! Слѣзай! Умнѣе не скажешь!“—раздалось со всѣхъ сторонъ. И нѣсколько паръ сильныхъ рукъ протянулись къ пню, и въ одно мгновенье козакъ исчезъ въ толпѣ.

— Пусть Пешта говоритъ! Говори, Пешта!—закричали окружающіе Пешту козаки.

Пешта поднялся было на пень; но крики и свистъ, раздавшіеся съ противоположной стороны, заглушили его слова.

Въ это время взобрался на пень Половецъ и, не имѣя голоса, чтобы покрыть забурлившую снова толпу, началъ махать руками и усиленно кланяться на всѣ стороны, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Половецъ-дидъ хочетъ рѣчь держать!—подняли ближайшіе шапки вверхъ.

— Дѣти мои, сыны мои,—началъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ дѣдъ,—не то, что сыны, а внуки! Старъ я, послужилъ на своемъ вѣку моей дорогой Украйнѣ, а все таки не хочется умирать, не учинивши какой либо послуги... Не годенъ я уже на эти походы, дорогой разгублю свои кости... Тамъ на льду осталось наше знамя, мы съ нимъ состарились вмѣстѣ. Такъ позвольте мнѣ, панове товарыство,—поклонился онъ съ усиліемъ на три стороны,—лечь рядомъ съ нимъ... Я пойду, полѣзу, прокрадусь въ замокъ и всажу пулю въ лобъ этому извергу, этому сатанинскому выплодку, что такъ насмѣялся, наругался надъ всѣмъ, надъ всѣмъ, что у насъ было святаго...

У старика тряслась покрытая серебряными пасмами голова, по щекамъ струились слезы. Вся его согбенная фигура, освѣщенная съ

одной стороны краснымъ заревомъ, производила потрясающее впечатлѣніе и взывала къ отмщенію.

— Знамя, братцы, Знамя!—вырвался среди толпы стонъ и заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

Наступило грозное молчаніе.

— Старца не допустятъ... на колъ посадятъ—кто-то тихо вздохнулъ.

— Стойте!—раздался чей то зычный, удалой голосъ.

На пнѣ, возвышаясь надъ всей толпой, стоялъ Чарнота. Клокъ бѣлокурыхъ волосъ вырвался у него изъ подъ шапки, голубые глаза горѣли воодушевленіемъ.

— Братья, товарищи,—кричалъ онъ, хватаясь за саблю,—да мы сейчасъ, сегодня же можемъ разметать ляховъ!

Отъ охватившаго его волненія голосъ Чарноты прервался на мигъ, но онъ продолжалъ снова съ возрастающимъ огнемъ:

— Я былъ возлѣ замка; тамъ идетъ повальное пьянство. Жолнеры расквартированы далеко. Въ замкѣ душъ полтораста пановъ, да триста солдатъ. Черезъ два-три часа все будетъ лежать покотомъ. Да развѣ каждый изъ насъ не возьметъ на себя по пяти пьяныхъ ляховъ? Я беру десять! За то ужъ „пошарпаемъ“ гнилую шкуру Потоцкаго, освѣтимъ замокъ, да и посмѣемся же, братья, за нашъ позоръ, за Масловъ Ставъ!

Страшный изступленный крикъ не далъ ему окончить.

— Идемъ!—бурей заревѣло кругомъ.—Сотня рукъ протянулась къ пню подхватить Чарноту. Напрасно пытался говорить Нечай, напрасно кричалъ Кривоносъ,—толпа не желала больше слушать никого и ничего Какъ потокъ бѣшеной лавы, двинулась она къ выходу.

Вдругъ неожиданно выросла противъ толпы у входа чья-то мощная и статная фигура.

— Остановитесь!—раздался повелительный крикъ.

Толпа отхлынула и окаменѣла...

Стоя въ тѣни, никѣмъ незамѣченный, Богданъ удерживалъ порывистыя движенія Ганджи, рѣшась не выдавать своего присутствія и не возражать пока противъ клеветы и ехидства, поднятыхъ противъ него завистью. И кого же? Спасеннаго имъ же отъ смерти товарища! Эта черная неблагодарность, впрочемъ, не такъ возмутила его, какъ сочувствіе къ клеветѣ большинства. Богдану хотѣлось испить чашу до дна и убѣдиться, прочно ли къ нему довѣріе „товарыства“, или оно, какъ мыльный пузырь, можетъ лопнуть отъ перваго дуновенія. Изъ богатаго опыта жизни, толкавшей его всегда между всякаго рода обществами, Богданъ зналъ, что общее настро-

еніе ихъ измѣнчиво и капризно, что ихъ, какъ дѣтей, можетъ и увлечь слово, и повергнуть въ тупую тоску, но чтобъ бездоказательное, голое слово могло сразу сломить уваженіе къ заслуженной доблести, этого онъ не ждалъ, и глубоко оскорбленное чувство сжимало ему горечью горло и заставляло вздрагивать отъ боли сердце. И чѣмъ дальше прислушивался онъ къ спорамъ и переметнымъ крикамъ, тѣмъ эта боль разросталась сильнѣй и сильнѣй. Чѣмъ-то дикимъ, стихійнымъ вѣяло отъ всего этого собранія; казалось, у всѣхъ старшинъ горѣло только одно неукротимое желаніе: бить и жечь ляховъ, одно только ненасытное чувство мести. Но въ этомъ бурномъ порывѣ Богданъ видѣлъ мимолетную вспышку безсильной злобы за кровавое оскорбленіе. Это ѣдкое раздраженіе способно было поднять толпу лишь на какую нибудь безумную, отчаянную выходку, съ единственною цѣлью сорвать злость, опьянить себя местью; но оно рѣшительно отнимало вѣру въ созрѣвшую силу, готовую обречь себя на безпощадную и упорную борьбу. Богданъ слушалъ эту безформенную, бурливую злобу и рѣшалъ мучительный вопросъ, можно ли ею воспользоваться для борьбы, направить на благо для родины ея кипучій потокъ? Нѣтъ, еще не приспѣлъ часъ, еще они не готовы,—выяснилось у него сознаніе; нужно еще собирать силы, организовать ихъ, окрылять разумною цѣлью. Много погибло этихъ силъ въ неравной борьбѣ, а потому-то нужно щадить уцѣлѣвшія и прививать къ нимъ новобранныя. Не дай Богъ растратить послѣднія силы по пустому, ради удали или безумной вспышки, а вотъ этого именно теперь опасаться и нужно,—соображалъ Богданъ, глядя на возбужденныя лица, на огненные глаза... и когда Чарнота началъ подбирать толпу, чтобы броситься на замокъ Конецпольскаго, у Богдана оборвалась душа, упало сердце. „Безумецъ! Онъ поведетъ ихъ на погибель“,—мелькнуло въ его головѣ и молніей же сверкнула рѣшимость: остановить, спасти...

Онъ рѣшилъ стать грудью противъ этой толпы, противъ этого разъяреннаго звѣря, и онъ крикнулъ: „Остановитесь!“

Это внезапное появленіе Богдана и повелительный крикъ отшатнули, ошарашили толпу; Богданъ зналъ, что это продлится не болѣе мгновенія, а потому и желалъ имъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

— Я имѣю сообщить вамъ важныя новости!—произнесъ онъ громко, подчеркивая слова.

— Кто тамъ? Что случилось? Засада? А?—послышались съ разныхъ сторонъ тревожныя восклицанія.

— Нѣтъ! Стойте! Это Хмель! Это писарь Богданъ!—раздалось въ ближайшихъ рядахъ.

— Хмель?—крикнулъ Нечай—вотъ и отлично!

— Опять онъ! Къ черту!—забурлили въ заднихъ рядахъ.

— Да слышите-жъ, глухари, важныя вѣсти принесъ!—крикнулъ Кривоносъ.

— Вѣрно про новое слезное прошеніе къ панамъ,—вставилъ тихо Пешта.

— Не нужно прошеній! Вѣдьмѣ на хвостъ ихъ!—заревѣла снова и заволновалась толпа.—Смерть ляхамъ! Рушай!

— Стойте, черти!—гаркнулъ Кривоносъ.—Не галдѣть! Слышите же: важныя вѣсти принесъ!

— Такъ пусть говоритъ! Скорѣй! Скорѣй! Въ замокъ пора!—не унимались возбужденные возгласы, но любопытство все-таки взяло верхъ и притишило бурлящую кипень.

— Во первыхъ, панове,—началъ, овладѣвши собою, Хмельницкій,—я пришелъ вамъ сообщить планъ, какъ взять замокъ и по-свойски расправиться съ врагами.

— А коли такъ, говори, говори!—обрадовались разгоряченныя головы.—Мы рады тебя слушать.

— Видите ли? А тутъ что было? Нѣтъ, Хмель молодецъ!—послышались одиновія одобренія.

— Вамъ заявилъ и нашъ славный Чарнота, что напасть нужно не раньше, какъ часа черезъ два, черезъ три, когда перепьются мертвецки и паны, и гарнизонъ, а вы хотѣли, не слушая его, броситься сразу и попали бы прямо въ зубы ляхамъ.

— Правда, правда!—загалдѣли козаки.

— Значитъ, братья, во всякомъ дѣлѣ горячность вредитъ,—поднялъ голосъ Богданъ, — а въ военныхъ „справахъ" найпаче. Вамъ Чарнота еще не все сообщилъ, такъ какъ онъ шелъ только около „брамы", а внутри, на дворищѣ замка, не былъ... Вѣдь правда?

— Да, не былъ... Это точно, пане Богдане,—отвѣтилъ Чарнота.

— Ну, а я вотъ былъ тамъ внутри, и въ самомъ замкѣ, и все осмотрѣлъ,—овладѣвалъ все больше и больше вниманіемъ толпы Хмельницкій.—Вокругъ замка разставлена артиллерія, внутри двора стоитъ триста гусаръ гарнизона, на стѣнахъ „вартовые", а кругомъ разъѣзжаютъ патрули, хотя дѣйствительно остальныя войска расквартированы версты за три.

— Такъ, что-жъ это, значитъ, по твоему, и добыть ихъ нельзя?—поднялись недовольные голоса.

— Подвести, значитъ, насъ хотѣли?—вырвалась у кого-то угроза.

— Да правда ли еще?—усомнился кто-то вдали.

— Что это правда, въ томъ вы убѣдитесь сами, когда пойдемъ,—продолжалъ Богданъ,—а подвести васъ не могъ и думать нашъ доблестный лыцарь Чарнота,—дай Богъ всякому такое честное сердце! Сгоряча только ему показалось, что можно легко ляховъ перебить, а и погорячиться то, братцы, можно, коли у каждаго изъ насъ кровью на нихъ сердце кипитъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздался одобрительный говоръ кругомъ.—Добре говоритъ: видно, что голова!

— Только и эти идолы,—продолжалъ Богданъ,—хитрые, да и боятся нашего брата здорово, какъ чортъ ладона. Развѣ неправда? Такую горсть насъ собрали, а войскъ своихъ и латниковъ, и драгуновъ навели страхъ! Пить то засѣли въ замкѣ, а обложились и „гарматами", и „гаковницами", и „залогами" и по степи снарядили разъѣзды.

— Дьяволы!—раздался общій крикъ негодованія, но въ немъ уже не слышалось перваго бѣшенаго порыва, а скорѣе звучала тоска.

— Но я съумѣю добыть ихъ, товарищи,—почти крикнулъ Богданъ,—хотя бы у нихъ была и тысяча рукъ!

— Любо! Хвала!—раздались голоса.—Веди насъ, веди!

— Слушайте, мои друзи и братья,—продолжалъ Богданъ,—я передамъ тому, кто поведетъ васъ, мои развѣдки, мои соображенія, мои планы и самъ подчинюсь ему,—вѣдь нужно выбрать „доводца" найчестнѣйшаго, незапятнаннаго никакимъ подозрѣніемъ, кому-бы вы безусловно вѣрили, уваженія къ кому не подорвала бы никакая низкая клевета,—у Богдана отъ подступившаго чувства волненія и боли оборвались слова.

— Тебя... тебя, Богдане, просимъ,—поднялись не совсѣмъ еще дружные голоса.

— Мы тебѣ вѣримъ!—крикнулъ Чарнота, а за нимъ подхватили и Кривоносъ, и Нечай, и Ганджа,—вѣримъ, какъ себѣ!

— Вѣримъ!—отозвались глухо углы.

— Спасибо вамъ, братья,—поклонился Богданъ,—только и это ваше слово вылетѣло сгоряча, простите на правдѣ! Развѣ искренно можно вѣрить тому, кто въ продолженіи двадцати лѣтъ не доказалъ ничѣмъ ни своей доблести, ни любви къ Украйнѣ?—въ голосѣ Богдана звучали горькія ноты.—Хотя подъ Цецорою я и бился въ рядахъ, такъ то за наше общее отечество противъ басурмановъ; хотя подъ Смоленскомъ я первый взлѣзъ на валъ и вырвалъ у непріятеля знамя, такъ это опять таки, можетъ быть, ради полученія сабли въ награду; хотя подъ Москвою надо мной разорвало бомбу и ранило осколкомъ вотъ въ эту грудь, такъ это,

вѣроятно, я ее подставлялъ для того, чтобы похвалиться передъ панами. Хотя я, вотъ съ друзьями моими Нечаемъ и Кривоносомъ, да съ честными лыцарями и сжегъ Синопъ, да два раза „пошарпалъ" еще Трапезонтъ и Кафу, да вызволилъ сотни три невольниковъ, покатившии славой до самаго Цареграда, такъ и это было дѣломъ ехидства, чтобъ украсть довѣріе себѣ у славнаго „товарыства".

— Что ты, батьку, клеплешь на себя?—послышался изъ середины растроганный голосъ.

— Да если-бъ это не ты самъ на себя взводилъ такую напраслину, такъ я бы тому вырвалъ языкъ изо рта!—брязнулъ саблей Кривоносъ.

— Слава Богдану, а клеветникамъ „трясця" въ печенку!— раздались восклицанія.

— Хотя я... дайте досказать, товарищи, мои думки, много ихъ столпилось, давятъ!—продолжалъ Богданъ приподнятымъ голосомъ, дрожавшимъ какою-то скорбной волной.—Давно это было, лѣтъ тридцать назадъ; вскорѣ послѣ нашихъ славныхъ морскихъ походовъ... Помните, какой заверюхой закружились надъ нами ляхи, какая на насъ гроза поднялась отовсюду? Такъ вотъ, съ Михайломъ Дорошенкомъ да Половцемъ мы разбили подъ Бѣлою Церковью поляковъ. Ну, такъ они хотѣли тоже уничтожить, истребить козаковъ, да я отправился съ Дорошенкомъ къ коронному гетману и успѣлъ убѣдить его постоять за насъ въ сеймѣ,—и дѣло кончилось Кураковскимъ договоромъ.

— Что и толковать!—пробѣжалъ говоръ между сомкнутыми рядами.

— Вѣрно,—не прерывалъ рѣчи Богданъ.—Намъ три года ляхи не платили жалованья; я съ Барабашомъ отправился хлопотать къ королю и выхлопоталъ его. Поднялъ, вопреки моему совѣту, возстаніе Павлюкъ, я ему сообщалъ черезъ Чарноту всѣ свѣдѣнія относительно движеній и силъ кварцяного войска. Кто далъ возможность Скидану уйти отъ преслѣдованія ляховъ? Я—это знаетъ Нечай! Кто провелъ Филоненка къ Гунѣ? Я—это извѣстно большинству здѣсь стоящихъ!

За каждымъ вопросомъ Богдана, словно рокотъ несущагося прибоя, возрастали глухіе, одобрительные возгласы, смѣшанные съ угрозами, направленными въ сторону Пешты.

— Служилъ то я родинѣ моей и преславному козачеству, какъ мнѣ казалось, „щыро" и честно, не жалѣючи живота, а вотъ говорятъ почтенные люди, что все это дѣлалъ я изъ корысти, чтобъ добыть себѣ панскую ласку, и я долженъ этимъ почтеннымъ, заслуженнымъ людямъ вѣрить. Только вотъ не знаю, какъ это при-

вязать къ панской ласкѣ, что меня въ Каменцѣ держали разъ мѣсяца три въ тюрьмѣ, въ Кодакѣ потомъ сидѣлъ въ ямѣ и, если-бъ не Богунъ, висѣлъ бы на дыбѣ, въ станѣ Вишневецкаго чуть не угодилъ на колъ, да и теперь вотъ наказанъ то одинъ я! Вѣдь полковники смѣнены не по личной винѣ, а по ординаціи, потому что сеймъ постановилъ давать эти мѣста лишь католикамъ, да и то отъ короны, а меня понизили по моимъ личнымъ у панской ласки заслугамъ. Моимъ друзьямъ, Бурлію и Пештѣ можно смѣло голосоваться и быть выбранными во всякую, кромѣ полковницкой, должность, а мнѣ уже своего „каламаря“, какъ ушей, не видать... но говорятъ мои почтенные друзья, что это для меня повышеніе, награда, и я долженъ имъ вѣрить!

— Врутъ они, врутъ!—раздались уже грозные возгласы, и загорѣвшіеся гнѣвомъ глаза метнули молніи въ глубину ущелья.

— Клеветники подлые, гадюки!—поднялись вверхъ кулаки во многихъ мѣстахъ.

— Мы тебѣ вѣримъ! Ты лыцарь и голова!—перекатывалось волной.

— Стойте, любые братья, не горячитесь!—продолжалъ Богданъ увѣреннѣе, воспламеняясь все больше и больше, и предвкушая уже побѣду; глаза его горѣли благороднымъ гнѣвомъ, движенія были величавы, вся мощная и статная фигура выражала гордость, сознаніе собственной силы и достоинства, неотразимо вліявшаго на толпу.—А провѣрьте холоднымъ разумомъ мои слова, и вы увидите,—что я правъ: Запорожье у насъ теперь единственный и послѣдній оплотъ, какъ это вамъ всѣмъ хорошо извѣстно, а вотъ изъ Кодака хотѣлъ было броситься немедленно на низъ Ярема, да мнѣ удалось удержать его... Онъ, впрочемъ, рѣшилъ, собравши больше „арматы“, разгромить его съ Конецпольскимъ. Наши горячія головы хотѣли было ударить на панскіе хутора и потѣшиться местью; но я былъ убѣжденъ—и клянусь Богомъ—всѣмъ сердцемъ моимъ, что горсти не справиться съ коронными силами, что пропадутъ даромъ наши лучшіе лыцари и что нужно выиграть время на собраніе и укрѣпленіе силъ для борьбы. Вѣдь Польша можетъ легко выставить и кварцяныхъ, и надворныхъ войскъ съ „Посполитымъ рушеньемъ“ двѣсти тысячъ и больше, а мы, изнеможенные и разбитые, что̀ можемъ противопоставить этой чудовищной силѣ?... Лишь свою беззавѣтную храбрость и удаль, да къ нимъ еще и кровавую обиду въ придачу. Небо беру въ свидѣтели, что я это считалъ и считаю истиной... но говорятъ честные, преданные родинѣ люди, что я все выдумалъ для обмана, изъ-за корысти, и я долженъ имъ вѣрить!

Толпа мрачно молчала, подавленная силой истины и упрека.

— Говорилъ я это и Тарасу, и Павлюку, и Степану, чтобъ не отваживались съ горстью, а собрали бы исподволь, да такую ужъ силу, чтобъ сломила гордую Польшу... Да что съ горячими, удалыми головами подѣлаешь? Летятъ вихремъ-бурею, не считая врага, а спрашивая лишь, гдѣ онъ? Ну, и что-жъ? Много славы и неслыханной отваги проявили они, заставили заговорить о себѣ цѣлый свѣтъ, заставили содрогнуться въ ужасѣ Польшу... а въ концѣ концовъ все таки подавили удальцевъ и обрѣзываютъ съ каждымъ годомъ наши права.

Послышался тяжелый вздохъ сотни грудей, словно вздохнула пастью пещера.

— Я упросилъ, я убѣдилъ товарищей моихъ дорогихъ воздержаться отъ необдуманныхъ и неравносильныхъ схватокъ,—продолжалъ Богданъ, и въ его тонѣ уже слышалась гордая самонадѣянность,—не раздражать, а усыпить врага мнимымъ смиреніемъ и слезными прошеніями, чтобы тѣмъ временемъ собрать силы. Да! Я взялъ на себя этотъ грѣхъ! Никто изъ насъ, помните, друзи, не придавалъ этимъ прошеніямъ никакой цѣны и не ждалъ отъ нихъ пользы... Но, какъ мнѣ кажется,—да поможетъ намъ во всякомъ дѣлѣ Господь!—наши старанія не только не пропали „марно“, а принесли пользу, и большую даже, чѣмъ я ожидалъ...

— Какъ? Что?—насовывались задніе ряды.

— Тише! Слушайте!—останавливали шумъ передніе.

— Говори, батьку!—крикнулъ кто то.

— Да вотъ,—продолжалъ Богданъ, окидывая побѣднымъ взглядомъ толпу; вокругъ него довѣрчиво тѣснились знакомыя, близкія лица, и онъ чувствовалъ уже всѣмъ своимъ замирающимъ сердцемъ, что эта стоголовая толпа была у него въ рукахъ.—На Запорожьи за это время собрались уже добрыя силы, Богунъ собралъ отряды на Брацлавщинѣ, Нечай успѣлъ присогласить донцовъ, у Кривоноса пособраны тоже ватаги.

— Да, да! Это правда!—отозвались ободренные голоса.—Такъ и унывать нечего! Хвала Хмелю!...

— Нѣтъ, братья, не хвала,—вздохнулъ Богданъ,—а позоръ! Я самъ сначала былъ радъ за себя, тѣмъ болѣе, что получена еще неожиданно добрая вѣсть. Но говорятъ вѣрные и преданные люди, что черезъ мое прошеніе постигла насъ кара, что я торговался и продавалъ, какъ Іуда, моихъ братьевъ, и я долженъ вѣрить этому позору!

— Ложь! Клевета!—вырвался бурею крикъ.—Кто пустилъ? Кто осмѣлился?

— Стойте, братья!—скинулъ шапку Богданъ.—Я не могу не вѣрить,—вѣдь это говорилъ благодарнѣйшій и преданнѣйшій мнѣ человѣкъ, это говорилъ тотъ, котораго я спасъ отъ смертной казни, у палача вырвалъ изъ-подъ топора!

-- „Зрадникъ!" Іуда!—заревѣли въ одномъ концѣ.

— Подать его! На расправу!—поднялись кулаки въ другомъ.

Пешта давно уже блѣднѣлъ и дрожалъ, предвидя налетавшую грозу и чувствуя, что у него нѣтъ средствъ защититься отъ занесеннаго надъ головою удара: и досада, и злоба, и зависть жгли ему сердце, мутили желчь и искривляли судорогами лице, но, когда взрывъ негодованія поднялся и овладѣлъ всею массой, то чувство ужаса пересилило у него всѣ ощущенія, осыпало спину морозомъ и проняло лихорадочною дрожью. Видя безъисходную гибель, Пешта рѣшился на отчаянный шагъ—отдать себя подъ защиту имъ же оклеветаннаго и поруганнаго Богдана.

Онъ быстро подошелъ къ нему и съ глубокимъ поклономъ сказалъ:

— Прости меня, благородный товарищъ, не въ томъ, что я усомнился въ твоей честности,—за нее я сейчасъ отдамъ свою голову,— а въ томъ, что я тоже повѣрилъ, будто твои искренніе совѣты не дали добрыхъ плодовъ... Что-жъ? Человѣкъ бо есмь! Горе затуманило и меня, какъ и всѣхъ пришибло... А коли человѣкъ въ тоскѣ, такъ ему чертъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову! Каюсь, вотъ передъ всѣмъ „товарыствомъ" каюсь и у него тоже прошу о прощеніи.

— Ишь, какой лисой! А что брехалъ?—засмѣялся кто-то въ толпѣ.

— Проучить бы ирода!—зашипѣли въ двухъ мѣстахъ грозно.

Но Богданъ уже былъ удовлетворенъ: онъ торжествовалъ, завистникъ и клеветникъ былъ уничтоженъ, а потому съ благородною снисходительностью онъ протянулъ Пештѣ руку.

— Успокойся, Пешта! Я хочу вѣрить, что ты теперь говоришь искренно; мнѣ больно было бы убѣдиться, что я цѣлую свою жизнь и думалъ, и дѣйствовалъ не на пользу, а во вредъ безмѣрно любимой мною странѣ... Но, если вы всѣ иначе думаете, то мнѣ остается только всего себя и всѣ свои силы отдать на служеніе моей родинѣ и моей найдорожшей семьѣ—славному и честному „товарыству".

— Слава, слава Богдану! Молодецъ! Лыцарь! Батько!—посыпались привѣтствія со всѣхъ сторонъ.

— Веди насъ на ляховъ!—подхватили снова горячія головы.

— А вотъ еще, панове,—поднялъ вверхъ листъ бумаги Хмельницкій, желая отвлечь толпу отъ вновь готоваго вспыхнуть азарта,—

знайте, братья,—продолжалъ онъ окрѣпшимъ, громовымъ голосомъ,—декретъ, прочитанный на Масловомъ Ставу, былъ продиктованъ лишь сеймомъ, король же особо черезъ канцлера Осолинскаго пишетъ намъ.

— Король? Самъ король?—зашумѣла, заволновалась толпа.

— Бумага? Читай, читай!—раздались отовсюду радостные голоса.

Пешта провалился куда-то въ тѣнь, Бурлій тоже затерялся въ толпѣ, а Богданъ продолжалъ уже говорить властно, поднявши надъ головою пергаментный листъ:

— Панове! Король проситъ передать вамъ, что тотъ декретъ подписанъ насильно его рукой, что душею Его Найяснѣйшая Мосць—нашъ, что въ насъ только онъ и видитъ опору, но не можетъ ничего сдѣлать, потому что сеймъ обрѣзываетъ ему волю. Король жаждетъ войны, такъ какъ она дастъ ему въ руки цѣлое войско и позволитъ увеличить и наше число; когда же онъ станетъ на челѣ войскъ и крѣпкой рукой обопрется на насъ, тогда мы сотремъ кичливую голову сейма и получимъ новую „ординацію“ отъ нашего короля.

Богданъ остановился на мгновенье; фигура его, освѣщенная кровавымъ заревомъ догоравшихъ костровъ, была величественна и влекла къ себѣ сердца обаяніемъ таинственной силы.

— Друзья!—вырвалъ онъ изъ ноженъ драгоцѣнную саблю.—Вотъ письмо Осолинскаго! Король поручаетъ намъ поднять войну. Онъ совѣтуетъ намъ „пошарпать“ турецкія границы и вызвать Турцію. Деньги на чайки и на походъ мы получимъ!

— Слава, слава! „Хай жые!“—раздались восторженные крики, а въ иномъ мѣстѣ приподнялись десятки рукъ съ шапками, въ другомъ—засверкали клинки.

Недавняго тупого отчаянія, позорнаго униженія и дикой злобы не было и слѣда; глаза у всѣхъ горѣли энергіей и надеждой, лица дышали отвагой, движенія кипѣли удалью и силой!

— За короля! Мы за него, а онъ за насъ!—стоялъ уже гвалтъ.—А ты, Богданъ, ты будешь нашимъ атаманомъ!

Послѣдній возгласъ ошарашилъ Богдана, какъ ударъ палаша: онъ его ждалъ и страшился. Самъ того не замѣчая, Богданъ связалъ себя и поставилъ въ безвыходное положеніе. Броситься съ ними на Запорожье, самовольно удалиться отъ службы, принять участіе въ походѣ, сжечь за собою всѣ корабли... О, это было бы еще слишкомъ рано, слишкомъ рано!

Холодный потъ выступилъ у Богдана на лбу, а все козачество между тѣмъ единодушно восклицало:

— Слава Богдану! Ты нашъ атаманъ! Веди насъ, веди!

— Панове-братья!—поклонился, снявъ шапку, Богданъ на три стороны.—Спасибо вамъ за великую честь, которой, быть можетъ, я и не стою, только не будемъ горячиться, а обдумаемъ лучше и серьезнѣе все... Тутъ не всѣ мы и въ сборѣ... Нельзя нарушать нашихъ старыхъ обычаевъ и правъ... есть вѣдь люди и постарше меня. Обсудимъ цѣлымъ „кошомъ", на чемъ „рада" станетъ... А то сгоряча опять бы не сдѣлать какого промаха. Вѣдь вотъ, примѣромъ, мой пріятель и опытный „лыцарь" панъ Кривоносъ, хотѣлъ же сейчасъ, зимою, по снѣгамъ, отправиться въ походъ,—коней, вмѣсто подножной травы, кормить снѣгомъ.

— Да, да,—засмѣялись весело всѣ.

— Поймалъ, братъ, точно!—почесалъ Кривоносъ, улыбаясь, затылокъ.—Экъ, угораздило съ „запалу!"

— Значитъ, моя „рада" такая, коли моего глупаго слова послушаете...

— Глупаго? Соломона заткнетъ за поясъ!—мотнулъ головою Чарнота.

— Говори! Какъ не послушаться?—замахали шапками всѣ.— Теперь-ли, послѣ-ли, а атаманъ ты нашъ, да и баста!

— Такъ вотъ что, братья: и Кривоносу, и Богуну, и Нечаю, и всѣмъ, по моему, стянуть силы на Запорожье, укрѣпить его на всякій случай, снарядить „чайки": одна часть ударитъ моремъ на турокъ, а другая „суходоломъ"—на татарву, чтобы затянуть бусурмановъ въ войну.

— Любо! Любо! На Запорожье „рушать!"—загалдѣли всѣ, трепля другъ друга по плечамъ и оживляясь задоромъ.

— И ты съ нами на Запорожье!—положилъ руку на плечо Богдана Нечай.

— Съ нами, съ нами вмѣстѣ! Не отступимся отъ тебя!—тѣснились къ нему козаки.

— Панове-друзи!—попробовалъ еще отшутиться и провѣрить настроеніе толпы Богданъ.—А замокъ забыли? Можетъ, пойдемъ брать его?

— Къ дьяволу замокъ! Не до „жартивъ", коли такое дѣло!— воспротивились всѣ.

— Это такъ!—махнулъ шапкой Чарнота.—За часъ до этого я не зналъ, гдѣ бы разбить башку свою поскорѣй, а теперь для такой „справы" поберегу и ноготь.

— Да, пожалѣетъ тотъ, кто умеръ раньше,—поправилъ усъ Кривоносъ,—а я пожалѣю, что у меня не четыре руки. Такъ завтра же до свѣта, Богдане, на Запорожье!

— Я бъ послѣ... не распорядился дома...—замялся Богданъ.

— Слушай, Хмеле,—строго взглянулъ ему въ глаза Кривоносъ,—ужъ коли по „щырости“, такъ по „щырости“: на свое сотничество начихай, а послужи Украинѣ: ты и для укрѣпленія Сѣчи необходимъ, и для похода, и для всего,—одна ты у насъ голова, на тебя у всѣхъ и надежда.

— Что же, Богдане? Ужели у тебя дѣло въ разладъ идетъ со словомъ?—устремились на него взоры всѣхъ.

Краска ударила въ лице Богдану.

— Нѣтъ, братья, нѣтъ!—произнесъ онъ, отбрасывая голову, и протянулъ руки ближайшимъ.—Богъ видитъ, нѣтъ въ моихъ мысляхъ лукавства! Дайте мнѣ только одну минуту... распорядиться...

— Мы вѣримъ тебѣ, брате!—произнесли разомъ Кривоносъ, Нечай и Чарнота.

Въ сторонѣ Богданъ замѣтилъ Ганджу.

— Брате!—заговорилъ онъ поспѣшно и тихо,—сложилось такъ все, что долженъ я ѣхать на Запорожье. Вернусь ли когда, не знаю самъ. Одна къ тебѣ просьба: исполни, друже, слова не пророни! Скачи въ мой хуторъ; присмотри за моими; передай Ганнѣ, что ей одной я поручаю семью. Скажи, чтобы помнила, чтобы молилась! Да вотъ еще: я напишу три слова коронному гетману. Помни, отъ этой записки зависитъ многое, тебѣ ее поручаю, постарайся передать только ему въ руки.

— Все передамъ, все сдѣлаю, брате,—отвѣтилъ угрюмый Ганджа.

Богданъ сжалъ ему руку, подошелъ къ Кривоносу и Чарнотѣ, снялъ съ головы высокую шапку и, поклонившись всему козачеству, произнесъ голосомъ твердымъ и громкимъ:

— Панове, ѣдемъ! Я вашъ!

— На Запорожье!—какъ одинъ голосъ раздался восторженный крикъ множества голосовъ, и сотня обнаженныхъ сабель взвилась надъ его головой.

XIV.

Моремъ разлился Днѣпръ и неудержимо несетъ свои мутныя воды; кружится водоворотомъ у кручъ, рѣжетъ песчаные берега, бросается боковою волной на потопленные острова и мчится бурно серединой. На огромномъ водномъ пространствѣ мережатся то сямъ, то тамъ верхушки вербъ и осинъ: въ иныхъ мѣстахъ низкорослый

„верболозъ“ и красносиняя „таволга“, унизанные изумрудною зеленью, колышутся волнами, словно засѣянныя на водѣ нивы; изрѣдка, въ одиночку, угрюмо торчитъ изъ воды своею обнаженною „чуприной“ либо дубъ, либо яворъ, а тамъ дальше синева разлитыхъ водъ сливается съ туманною далью.

Только праваго, болѣе высокаго берега не одолѣть разгулявшемуся Днѣпру; обвилъ буйный многіе острова своими пѣнистыми волнами, да не осилитъ гранитныхъ глыбъ: гордо онѣ выставили свою каменную грудь противъ стремнины и защищаютъ любимцевъ своихъ козаковъ-запорожцевъ. Издавна уже поселились тѣ на этихъ дикихъ гнѣздахъ орлиныхъ и оживили удалью глушь, а теперь пестрою толпой копошатся на берегу найбольшаго острова. Всѣ они заняты усиленной работой—постройкой флотиліи „чаекъ“. Ласковое весеннее солнце обливаетъ яркими лучами и одѣтую въ нѣжный нарядъ природу, и кипящую пестрою картиной на берегу жизнь. Словно муравьи разсыпались запорожцы, разбились на разныя группы и хлопотливо работаютъ, снуютъ по берегу и по лугу: одни выдалбиваютъ для основаній „чаекъ“ громаднѣйшіе стволы столѣтнихъ липъ, другіе пилятъ ясенъ и берестъ на доски, третьи смолятъ и паклюютъ оконченныя, сбитыя „чайки“, нѣкоторые по колѣни въ водѣ тянутъ веревками бревна на берегъ, а иные на легкихъ челнахъ ловятъ ихъ по Днѣпру. Во многихъ мѣстахъ на берегу пылаютъ и дымятся костры: здѣсь въ котлахъ кипятятъ смолу, тамъ кашевары готовятъ обѣдъ, а вонъ, подъ лѣсомъ, парятъ для обручей лозу. Шумъ, говоръ и гамъ стоятъ въ воздухѣ, и разносятся далеко эхомъ перебранки; крики заглушаются стукомъ топоровъ и молотовъ изъ длиннаго ряда кузницъ; изъ ближайшаго острова доносится трескъ падающихъ деревьевъ. По временамъ прорѣзываетъ весь этотъ гамъ или зычный крикъ съ острова „лови! перeймай!“ или удалая, затянутая могучимъ голосомъ пѣсня.

По одежѣ группы пестрятъ живописнымъ разнообразіемъ: между сѣрыми изъ простого сукна свитками краснѣютъ во многихъ мѣстахъ и дорогіе жупаны, и бархатные кунтуши, и турецкія куртки, между синими жупанами яркими пятнами бѣлѣютъ шитыя золотомъ и шелками сорочки... А на самомъ припекѣ, въ живописныхъ позахъ лежатъ и покуриваютъ „люльки“ совершенно обнаженные козаки, блистая своимъ богатырскимъ, словно изъ бронзы вылитымъ тѣломъ. Издали весь этотъ копошащійся людъ кажется тучей красненькихъ, весеннихъ жучковъ, прозванныхъ въ Малороссіи „козачками“.

Въ сѣверной части, внутри острова, растетъ лѣсокъ вѣковыхъ дубовъ, ясеней, грабовъ, а ближе къ самой кручѣ Днѣпра кучеря-

вится уже свѣтлою зеленью болѣе молодая поросль кленовъ. Здѣсь, подъ присмотромъ опытнаго, стараго „чайкаря“ Верныдуба, рубятся тонкія и высокія деревья на мачты, а въ лѣску небольшая кучка козаковъ рубитъ величественный ясень подъ корень. Съ трехъ сторонъ врѣзывается сталь сѣкиръ въ его мощную грудь; при каждомъ ударѣ влажныя бѣлыя щепки летятъ въ сторону, дерево вздрагиваетъ и издаетъ короткій, глухой стонъ; зіяющія раны проникли уже глубоко внутрь и скоро коснутся сердцевины.

— Проворнѣй, братцы, проворнѣй! — командуетъ сѣдоусый козакъ Небаба, завѣдующій рубкой.—Черезъ десять дней походъ, а намъ еще нужно четыре „чайки“ построить. Гей!—взглянулъ онъ на ясень,—полѣзай тамъ, который изъ новыхъ, молодшихъ, да закинь веревку за вѣтви: нужно, братцы, валить дерево вонъ въ ту сторону; тамъ способнѣе будетъ отесывать, а то, гляди, чтобъ оно не шарахнуло въ гущину, тогда кромѣ лому ничего путнаго не выйдетъ.

— Да, оно какъ будто бы дѣйствительно, норовитъ на „гущину гепнуть“,—глубокомысленно соображалъ, вонзивъ топоръ въ ясень и раскуривая свою „люльку“, мрачный среднихъ лѣтъ запорожецъ, весь испещренный шрамами,—Лобода.—Сюда, ко мнѣ какъ будто и накренилось, и уже „трохи“ хрипитъ... должно, скорую смерть чуетъ,—присматривался онъ, поднявши голову къ вершинѣ,—качаетъ уже, братцы, качаетъ... А что же не лѣзетъ никто?

Переглянулись недавно прибывшіе Иванъ Цвяхъ и Гузя, почесали выбритые затылки, повели плечами, а лѣзть не рѣшились.

— Что же вы, гречкосѣи, „чухаетесь“, а лѣзть не лѣзете?—прикрикнулъ на нихъ сѣдоусый Небаба.

— Да боязно,—несмѣло отвѣтилъ Гузя,—вонъ гдѣ высоко начинаются „голья“... вскарабкаться то можно,—а вотъ какъ вмѣстѣ съ деревомъ шлепнешься, такъ только мокрое мѣсто останется.

— Ишь, отъѣлся на хуторахъ галушками, такъ и вытрусить ихъ не хочетъ,—ворчалъ дѣдъ.—Коли уходилъ отъ ляшскаго „канчука“ къ братчикамъ, такъ не затѣмъ, чтобы нѣжиться, а за тѣмъ, чтобы закалить свою силу и удаль, чтобы пріучить себя ежедневно смотрѣть на курносую смерть, какъ на потаскушку, и презирать ее, вотъ что! А то мокрое мѣсто! Сухенькое любишь? Перину тебѣ подостлать, что ли?

— Полѣзу я,—отозвался среднихъ лѣтъ запорожецъ, съ благородными чертами лица, легшій было подъ ясенемъ отдохнуть и покурить,—вѣдь, я тоже не изъ давнихъ.

— Нѣтъ, что ты, Грабина,—остановилъ его Небаба.—Лежи: не пристало тебѣ, при твоихъ лѣтахъ, по деревьямъ царапаться,—ты и такъ уже заслужилъ отвагою славу... А вотъ эти молодые „лантухи“...

— Да я не то,—оправдывался сконфуженный Цвяхъ.—Оно, конечно, кто говоритъ, только вотъ, если подумать, какъ будто... а оно, конечно, плевать! Ну, все же, если бы кто легкій полѣзъ, чтобъ, стало быть, дерево выдержало. Вонъ, примѣромъ, хоть онъ!—указалъ храбрецъ на молодого хлопца, бѣжавшаго веселою припрыжкой къ кленовому лѣску.

— Да, это вѣрно!—замѣтилъ Лобода, выпустивъ „люльку“ изъ рта.—Гей! Морозенко!—махнулъ онъ рукой.—Стой, чортовъ сынъ! Куда ты? Слышишь, Олексо? Го-го! Сюда!

Хлопецъ, услыхавъ крикъ, остановился и повернулся къ кричавшему: это былъ нашъ знакомый Ахметка, немного возмужавшій, окрѣпшій, но съ такимъ же безпечно дѣтскимъ выраженіемъ лица и привѣтливою улыбкой.

— Кричатъ, а ему какъ „позакладало!“.

— Да я не привыкъ еще добре къ вашему прозвищу,—оправдывался подошедшій хлопецъ.—Вотъ если бы кто крикнулъ: „Ахметка“, такъ я за двое „гоновъ“ почулъ бы.

— Э, пора, хлопче, забывать тебѣ твою татарщину!—строго замѣтилъ дѣдъ.—Ты хрещеный, у тебя есть святое, а не поганское имя, а прозвище, коли его „товарыство“ дало, должно быть для тебя дороже, чѣмъ королевскій декретъ.

— Дѣду, да нешто я не дорожу?—вспыхнулъ Олекса.—Карай меня Богъ! Это мнѣ тогда спервоначалу было стыдно, что за отмороженные уши такую кличку дали, а теперь все равно—Морозенко, такъ и Морозенко!

— Такъ и гораздъ!—подтвердилъ дѣдъ.—Ты уже и съ полъзапорожца, и Господь тебя не обидѣлъ ни умомъ, ни отвагой: станешь славнымъ лыцаремъ, добудешь себѣ столько славы, что и прозвище твое станетъ на весь свѣтъ славнымъ.

— Спасибо, диду, на ласковомъ словѣ,—поклонился Морозенко.—А что мнѣ почтенное „товарыство“ прикажетъ?

— А вотъ полѣзай на этотъ ясень, да забрось веревку за вонъ тотъ сукъ!—показалъ дѣдъ рукой.

— Давайте!—схватилъ Олекса веревку, перебросилъ петлю черезъ плечо и какъ кошка покарабкался вверхъ. Ясень слегка заскрипѣлъ и началъ замѣтно качаться верхушкой.

— Не выдержитъ,—угрюмо замѣтилъ Лобода, усѣвшись прямо подъ деревомъ и смакуя „люльку“,—ишь, какъ его шатаетъ ко

мнѣ! Хлопче, съ другой стороны! Слышишь, Морозенко, съ другой стороны залѣзай, не то пришибетъ!

— А ты то самъ чего сидишь,—замѣтилъ дѣдъ,—башки не жаль, что ли?

— Да, какъ разъ на тебя, Лобода, качаетъ дерево,—замѣтилъ и лежавшій въ сторонѣ Грабина.

— Эхъ! Вставать не хочется!—потянулся сладко козакъ и прилегъ навзничь, подложивъ подъ голову руки.—Успѣемъ еще, коли что! Чему быть, тому не миновать: виноватаго смерть найдетъ вездѣ.

Грабина при этомъ словѣ вздрогнулъ и почувствовалъ, что острая льдинка вонзилась ему въ сердце: какой-то ужасъ мелькнулъ у него въ головѣ и заставилъ подвинуться дальше.

Вдругъ раздался сухой трескъ; массивный стволъ сразу осѣлъ, и не успѣлъ-бы увернуться фаталистъ, какъ его раздавила-бы страшная тяжесть; но верхушка дерева, описавъ дугу, ударилась при паденіи о сосѣднія деревья, скользнула въ сторону, и стволъ, измѣнивъ направленіе, неожиданно навалился на ноги Грабины, а потомъ и на грудь. Благодаря только тому, что верхушка ясеня запуталась въ вѣтвяхъ, дерево не навалилось сразу всею тяжестью, но съ каждой минутой верхушка, ломая вѣтви, садилась, и страшная масса надавливала все больше и больше богатырскую грудь; а хлопецъ Олекса успѣлъ, во время паденія, соскочить, и счастливо отдѣлался только нѣсколькими царапинами.

— Братцы! Кто въ Бога вѣруетъ! Давитъ!... Грудь трещитъ!... Судъ Божій!—отрывисто, глухо стоналъ запорожецъ; лицо его посинѣло, глаза выпучились, изъ открытаго рта показалась кровавая пѣна. Одна рука была прижата деревомъ вмѣстѣ съ „люлькой" къ груди, а другая, свободная, судорожно царапала землю.

— Гей! Ко мнѣ!—крикнулъ повелительно дѣдъ.—Подставляй плечи подъ ясень! Вотъ сюда, поближе къ нему! Эхъ, угораздило-же его, несчастнаго! Совсѣмъ въ сторонѣ былъ, поди-жъ ты! Молчи, авось выручимъ!

Всѣ подскочили къ дѣду, подперли плечами осѣдавшее дерево и, укрѣпившись жилистыми руками въ колѣни, начали расправлять спины, силясь приподнять хоть немного бревно.

— Ну, разомъ!—командовалъ дѣдъ.—Гай-да! Гай-да!

Напряглись четыре недюжинныхъ силы, крякнувъ разомъ; но дерево не только не приподнялось вверхъ, а замѣтно еще опустилось. Новая команда—новое напряженіе. Выступилъ на подбритыхъ лбахъ потъ, налились кровью на вискахъ жилы; но все напрасно: очевидно было, что имъ не одолѣть ужасающей тяжести.

— Братцы! „Ратуйте“, или добейте! Не въ моготу! На груди зашито...—стоналъ все тише и тише придавленный запорожецъ, а потомъ только началъ хрипѣть.

— Эхъ, дойдетъ! А ну еще, хлопцы!—просилъ уже дѣдъ дрогнувшимъ отъ жалости голосомъ.—Славный, братцы, козакъ, душа добрая, жалко!

— Но всѣ соединенныя усилія были тщетны: неотразимая смерть приближалась.

— Гей! Сюда, го-го!—махнулъ рукою Олекса, завидѣвъ невдалекѣ идущаго запорожца.

— Ради Бога скорѣй!—крикнулъ и дѣдъ.

Всѣ оглянулись. Къ нимъ, широко и неуклюже ступая, спѣшилъ подбритый и съ огненнымъ „оселедцемъ“ широкоплечій козакъ.

— Сычъ! Сычъ!—крикнули обрадованные козаки,—помоги, дружище!

— Подсоби, любый!—взмолился съ надеждой и дѣдъ.—Пропадетъ вѣдь козакъ ни за „понюхъ табаки!“

На одно мгновенье остановился лишь Сычъ, взглянулъ на придавленнаго, смѣрилъ глазами дерево, расправилъ плечи и пробасилъ:

— Мѣсто!

Морозенко вздрогнулъ отъ этого голоса,—до того онъ ему показался знакомымъ, и оглянулся; но передъ нимъ стояла только широчайшая спина.

Товарищи пустили Сыча впередъ. Упершись плечомъ и укрѣпивъ прочно ноги, теперь уже онъ скомандывалъ:

— А ну, ра-зомъ!

Что-то треснуло: или сломилась вѣтка, или у кого-либо ребро; но дерево дрогнуло и всколыхнулось запутавшеюся вершиной.

— Ну, сугубо!—крякнулъ Сычъ, захвативши много воздуху грудью и напрягши свою колоссальную силу; ноги у него вошли ступней въ землю, дерево почти въѣлось въ плечо; товарищи тоже не пожалѣли послѣднихъ своихъ силъ...

Раздался болѣе сильный хрустъ; вѣтви ясеня выпростались изъ смежныхъ вѣтвей, и огромный стволъ его сталъ тяжело и медленно подниматься.

— „Рушилъ!“ Идетъ!—весело крикнулъ Олекса и схвативши полѣно, уперся имъ тоже повыше въ колоду.

— Брось это, Олекса!—крикнулъ ему, задыхаясь, дѣдъ,—бѣги скорѣй къ Грабинѣ, да оттяни его, коли можно...

Хлопецъ бросился къ полумертвому запорожцу. Ясень былъ приподнятъ надъ нимъ, и Олексѣ удалось немного оттянуть потерявшаго сознаніе козака, но ногъ еще дерево не пускало.

— „Трошечки“ еще вверхъ!—крикнулъ Олекса, стараясь выдвинуть несчастному ноги. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ усилій, ноги были освобождены, и Морозенко отволокъ Грабину подальше на пригорокъ.

— Что онъ, дошелъ?—спросилъ запыхавшійся дѣдъ, присѣвъ надъ запорожцемъ, а тотъ лежалъ безчувственно и безвладно, съ блѣднымъ, посинѣвшимъ лицомъ и съ запекшеюся на губахъ кровью.

— Нѣтъ, еще грудь подымается,—замѣтилъ Олекса, поддерживая голову козака,—а вотъ, не раздавило-ли ногъ?

Глянулъ дѣдъ: онѣ были отъ колѣна почти до ступни облиты сочившеюся кровью и багрово синѣли. Приблизился съ товарищами и Сычъ.

— Добрые сапоги изъ краснаго сафьяна добылъ!—покачалъ головою дѣдъ.—Только посмотрѣть надо, не разбита ли въ конецъ ему грудь?...

Осмотрѣвъ, съ знаніемъ знахаря, тщательно и грудь, и ребра, и позвоночникъ, у придавленнаго Грабины, дѣдъ приступилъ и къ осмотру ногъ: оказалось, что ребра и голени были цѣлы и только содрана была до костей кожа.

— Ну, еще счастливо отдѣлался, — вздохнулъ успокоенный дѣдъ,—крѣпкая у собачьяго сына кость, дарма что панская! У кого изъ васъ, братцы, есть горилка?—обратился онъ къ козакамъ.

— Имамы ко здравію!—рявкнулъ Сычъ такъ, что Олекса снова вздрогнулъ.

— Запасливый изъ тебя выйдетъ козакъ!—улыбнулся дѣдъ.—А и товарищъ—друзяка такой, что дай Богъ всякому!

— Вѣрно!—отозвались нѣкоторые, ударивъ Сыча ласково по плечу.—А ужъ силища, такъ чортъ его и видѣлъ такую!

Дѣдъ влилъ въ открытый ротъ раздавленному нѣсколько глотковъ водки и черезъ нѣсколько мгновеній тотъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и обвелъ мутнымъ взглядомъ своихъ друзей, еще не хорошо сознавая, что съ нимъ случилось и гдѣ онъ находится.

— Приди въ себя, друже,—погладилъ Грабину дѣдъ по чупринѣ... Напугалъ какъ! Вѣдь словно мѣшокъ съ творогомъ нагнетило...

— Гдѣ „люлька“?—произнесъ полусознательно первое слово Грабина, все еще мутно глядя,—цѣла ли?

— Ишь ему, вражьему сыну, про что!—усмѣхнулся дѣдъ.—Цѣла, цѣла! Ты бы хоть про свою голову спросилъ, цѣла ли?

Но Грабина не обратилъ вниманія на слова дѣда и только хриплымъ голосомъ крикнулъ: „водки!“

— Пей, пей, сердечный!—подалъ ему дѣдъ флягу,—отдышись, любый, вѣдьмы-бъ тебя драли! И вѣдь задарма, зря придавило тебя: тотъ вонъ подъ самымъ ясенемъ вывертался и пронесло, а этого чортъ знаетъ гдѣ хватило... такая напраслина!

— Не напраслина, диду, охъ, не напраслина!—простоналъ Грабина и уже ясными глазами обвелъ своихъ товарищей.

— Ну, пошелъ!—махнулъ дѣдъ рукою.—А ну-те, хлопцы, смочите-ка порохъ горилкой, да розотрите его въ мякоть... Да нѣтъ-ли у кого холстины, либо „онучи"?

Морозенко, не задумавшись ни на минуту, оторвалъ оба рукава отъ своей рубахи и подалъ ихъ дѣду.

— Молодецъ Олекса, любо!—одобрили козаки и, весело разсмѣявшись, стали готовить запорожскую мазь.

Дѣдъ тоже ему привѣтливо улыбнулся.

— Побѣги, голубчикъ Олекса, въ „куринь" мой, да принеси еще сюда поскорѣй мою торбинку съ лѣкарствами; она у меня надъ моимъ „топчаномъ" виситъ.

Олекса бросился бѣжать къ „кошу", а дѣдъ положилъ на рукава мазь, смочилъ ее еще разъ крѣпкой водкой и приложилъ къ зіяющимъ на ногахъ ранамъ.

— Щиплетъ, какъ будто,—поморщился немного Грабина и попросилъ набить и закурить ему „люльку".

— Ничего, пустякъ: пощиплетъ и припечетъ,—утѣшалъ его дѣдъ, бинтуя крѣпко-накрѣпко ноги,—полежишь немного и выходишься.

— Что-о?—поднялся Грабина и сѣлъ, устремивъ на свои ноги дикій взглядъ.—Братчики пойдутъ въ походъ, а я, какъ свинья, буду отлеживаться? Да если ихъ раздавило совсѣмъ, такъ я ихъ отсѣку къ дьяволу саблей!

— Не вертись!—закричалъ дѣдъ.—Сталъ бы я и возиться, коли-бъ отдавило совсѣмъ! И то скажи спасибо Сычу, что помогъ колоду поднять, безъ него бы тебя раздавило, какъ клопа.

— Сычъ? Брате мой!—протянулъ къ нему руку Грабина.—Коли только потребуешь, моя жизнь къ твоимъ услугамъ!

— Чесо ради?—засмѣялся Сычъ.—Мнѣ и свой „животъ" въ тяготу... Развѣ вотъ, если утолишь жажду сугубо, возблагодарю тя во вѣки!

— Утолю!... Вотъ помоги только мнѣ встать, подведи, голубе,—опираясь на Сыча, пробовалъ подняться Грабина,—и васъ всѣхъ, товарищи-друзи, прошу... вспрыснуть клятый ясень!

— Пойдемъ, пойдемъ!—оживились козаки. Даже дѣдъ, увидѣвъ, что Грабина стоитъ на ногахъ и двигаетъ ими, хотя и хро-

мая, разсмѣялся радостно.—А чтобъ тебя! Ужъ и напьюсь же я здорово!

— Только, братцы, запросите кто и нашего наказнаго атамана Богдана Хмеля,—обратился къ друзьямъ Грабина.

— Покличемъ, покличемъ,—засмѣялся Небаба,—пусть полюбуется новымъ пріятелемъ.

Богданъ уже четвертый мѣсяцъ сидитъ на Запорожьѣ. Сначала онъ отправился туда, подчинившись волѣ большинства, имѣя цѣлью: во первыхъ, укрѣпить правильными валами и батареями Запорожье, по послѣднимъ требованьямъ фортификаціонной науки, въ которой онъ одинъ изо-всѣхъ козаковъ и былъ только свѣдущъ; во вторыхъ, исполнить тайное желаніе короля, переданное ему гонцомъ отъ канцлера Осолинскаго,—соорудить флотилію „чаекъ" и организовать морской набѣгъ на прибрежные города Турціи, и, въ третьихъ, по исполненіи всего, отправиться къ королю лично и молить его, принять участіе въ судьбѣ козаковъ и отстоять хотя бы ихъ послѣднія права отъ насилій обезумѣвшаго въ ненависти панства.

Богданъ разсчитывалъ, что все это будетъ совершено имъ въ теченіи мѣсяца, а тогда онъ отъ короля выпроситъ и для себя оправдательные документы. Вслѣдствіе такихъ соображеній, его самовольная отлучка казалась ему не столь рискованной, и онъ, поручивъ Ганджѣ досмотръ его семейства и „добра", передалъ еще черезъ него письмо Золотаренку, прося послѣдняго почаще навѣщать Субботово, а если можно, то и совсѣмъ туда переселиться до его возвращенія; Ганнѣ онъ написалъ тоже нѣсколько строкъ, извѣщая, что его зоветъ къ служенію долгъ и что неизвѣстно, когда онъ возвратится на родину, а потому онъ и проситъ ее замѣнить дѣтямъ мать, а за него лишь молиться. Ганджѣ онъ при томъ наказалъ строго скрыть отъ всѣхъ мѣсто его пребыванія и только при особенно вѣрной оказіи извѣщать его, буде случилось-бы какое несчастіе; про него-же, на всякій случай, пустить какой-либо отводной слухъ.

Но потомъ, пріѣхавши въ Сѣчь, Богданъ сразу увидѣлъ, что всѣ предположенія его были построены на пескѣ, и что раньше весны, а то, пожалуй, и лѣта, нечего и думать о возвращеніи: прежде всего суровая зима замедляла страшно земляныя работы, а потомъ и „чаекъ" въ наличности оказалось такъ мало, что для морскаго похода пришлось почти всѣ новыя строить, наконецъ, на одной изъ Сѣчовыхъ радъ, его было выбрали кошевымъ атаманомъ, и когда Богданъ, поблагодаривъ „товарыство", рѣшительно отказался отъ этой великой чести, въ виду многихъ резонныхъ причинъ, а главное—предстоящихъ у короля ходатайствъ, то „товарыство" избрало его временнымъ наказнымъ атаманомъ въ морскомъ походѣ, отчего уже

не было возможности отказаться Богдану; кошевымъ же избранъ былъ, вмѣсто него, Пивтора-Кожуха. На той-же „радѣ" и рѣшено было, что Пивтора-Кожуха съ Кривоносомъ, при первомъ-же наступленіи весны, отправятся на помощь татарамъ въ Буджацкія степи, чтобы совмѣстно ударить на Каменецъ, а онъ, Богданъ, съ тремя тысячами запорожцевъ, на пятидесяти „чайкахъ", при полноводіи понесется по морю къ берегамъ Анатоліи.

Примирившись съ обстоятельствами, Богданъ весь отдался новымъ обязанностямъ и заботамъ. Кипучая запорожская жизнь, полная и тревогъ, и волненій, и буйной удали, и безшабашнаго разгула, приняла давняго, закадычнаго товарища снова въ свои дружескія объятія и закружила его голову въ угарѣ своихъ бурныхъ порывовъ. Ежедневный усиленный трудъ, отъ зари до зари, поглощалъ у Богдана почти все время; гульливыя общественныя трапезы да неминучіе кутежи отнимали остатокъ его даже у отдыха и богатырскаго сна, а для думъ и сердечныхъ волненій его уже совсѣмъ не хватало. Правда, при переѣздѣ съ мѣста на мѣсто, иногда выплывала изъ глубины души у Богдана тревога за свое пепелище, за родную семью, за Богомъ ниспосланную ему Ганну, но какая-либо неотложная забота сразу отрывала его отъ дорогихъ думъ и погружала въ злобу шумнаго дня. Богданъ смутно чувствовалъ только среди суеты и разгула, что у него глубоко въ груди гнѣздится тупая, досадная боль: иногда она выражалась ясно въ тоскѣ по своимъ близкимъ и кровнымъ, а иногда облекалась въ туманный образъ, мелькнувшій пророческимъ сномъ въ его жизни, — однако, сознаніе долга и высокій критическій моментъ судьбы его родины подавляли эту боль и заставляли Богдана еще больше отдавать всего себя служенію родинѣ, отгоняя прочь всякія ослабляющія энергію думы.

Впрочемъ, съ каждымъ днемъ, при наращеніи торопливой работы, эта тоска и боль все больше уходили вдаль, а всѣ душевныя силы Богдана поглощались предстоящей грозой и, наконецъ, въ послѣднее время онъ, отрѣшившись отъ тоски и тревоги, отдался съ давнимъ молодымъ увлеченіемъ будущему походу, который предполагался черезъ недѣлю послѣ выхода изъ Сѣчи Пивтора-Кожуха, а онъ былъ назначенъ на послѣзавтра.

Хотя приходившіе въ Сѣчь бѣглецы и передавали много ужасовъ относительно увеличивающагося съ каждымъ днемъ панскаго гнета и наглости ксендзовъ-іезуитовъ, но отъ Ганджи Богданъ не получалъ за все время никакихъ извѣстій, и это, по ихъ уговору, значило, что дома все обстоитъ благополучно, а потому и личныя дѣла Богдана не давали повода къ тревогѣ.

Морозенка встрѣтилъ Богданъ и задержалъ разспросами про Грабину; извѣстіе о несчастіи съ нимъ страшно взволновало атамана: онъ недавно сошелся съ этимъ горемыкой Грабиною, и таинственная судьба его, о которой намекалъ новый пріятель, и интриговала Хмельницкаго, и влекла къ нему его сердце... Да и вообще Грабина былъ отважный славный козакъ. Когда Морозенко, успокоивъ своего батька и порывшись въ дѣдовскомъ „кошѣ", нашелъ, наконецъ, эту знахарскую аптеку въ торбинкѣ, то компанія уже подходила къ знаменитому кабаку на Преспчьи и требовала у жида въ большомъ количествѣ всякихъ напитковъ: теперь уже шумѣла цѣлая толпа, такъ какъ приглашенъ былъ къ выпивкѣ всякій встрѣчный. Героемъ дня, конечно, былъ Сычъ: онъ не только выказалъ чудовищную силу, но и спасъ добраго товарища отъ неминуемой смерти; всѣ за него пили заздравицы, обнимались съ нимъ и братались. Олекса присоединился къ честной компаніи,—его страшно интриговалъ Сычъ; послѣ долгихъ усилій ему удалось таки пробраться впередъ.

Взглянулъ, наконецъ, въ первый разъ на него пристально Сычъ и оторопѣлъ; глаза у него заискрились радостью, и онъ, разведя руки, бросился къ хлопцу и прижалъ его къ своей мощной груди:

— Ахметка! Ахметка! Любый, голубь мой! Чадо мое!

— Дьякъ! Звонарь!—обнималъ и цѣловалъ Сыча хлопецъ.— Такъ вотъ гдѣ вы? А я „слухаю": Сычъ да Сычъ... и въ толкъ ничего не возьму: голосъ какъ будто вашъ, а обличье не то...

— А! безъ брады и „куделицы"? Что-же, и такъ важно! За то вонъ какой „оселедецъ"!

— Расчудесно!... Только признать трудно... а тѣмъ паче...— порывисто говорилъ хлопецъ, глядя съ восторгомъ на Сыча,—что тамъ всѣ увѣрены, что дьяка замучили за „дзвонъ" ляхи.

— Чортоваго батька! Не пщевати имъ! Я сейчасъ же сюда и посунулъ... и Сычомъ сталъ...

— Да какъ же я не встрѣчалъ дядька? Мы здѣсь всю зиму.

— Хе, чадо мое! Я „заразъ же" отправился съ добрыми товарищами на веселое погуляньице... Навѣстили и татарву, и ляхву, побывали и въ каторжной Каффѣ... даже освободили кое-кого изъ бусурманской неволи,—указалъ онъ на одного, обросшаго бородой, блѣднаго, изможденнаго козака.

— Что Сычъ? Нашелъ родича?—обратилось къ нему нѣсколько бритыхъ головъ.

— Кого? Олексу Морозенка? Славный хлопецъ! Удалой будетъ козакъ!—одобрили другіе.

— Такъ ты уже Морозенкомъ сталъ?—спросилъ Сычъ.

— Мороженный, мороженный! — захохотало нѣсколько голосовъ.

— Ну, значитъ, за батька и за сына теперь выпьемъ! — загалдѣли ближайшіе. — Гей, шинкарь, лей „оковытой“!

— Да онъ и чадо мое, и не чадо, — началъ было Сычъ.

— А развѣ не радостно такого за отца имѣть? — съ восторгомъ вскрикнулъ Олекса, и глаза его загорѣлись какимъ-то загадочнымъ счастьемъ. — Такъ пусть такъ и будетъ — тато.

— Аминь, чадо мое! — провозгласилъ Сычъ. — Значитъ, „ликуй и веселися, Сіоне!“ — и, обнявъ своего нареченнаго сына, онъ осушилъ сразу кухоль съ полъ-кварты.

Олексу тоже заставили выпить.

Когда компанія отхлынула и окружила подошедшаго къ Грабинѣ Богдана, то Сычъ, отведя въ сторону хлопца, спросилъ у него дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— А Оксана моя... что съ ней?

— Не бойтесь, тату, — вспыхнулъ и покраснѣлъ почему-то до ушей хлопецъ, — она въ надежныхъ рукахъ: Ганна Золотаренкова взяла ее въ Субботово... Оксанка теперь у батька Богдана.

— Господи! Милость Твоя на насъ! — произнесъ разстроганный Сычъ и утеръ кулакомъ набѣжавшую на рѣсницу слезу.

А блѣдный „невольникъ“-козакъ разсказывалъ, между прочимъ, окружившимъ его товарищамъ, какъ ему удалось бѣжать изъ татарской неволи:

— Эхъ, доняла, братцы, эта неволя! Да не такъ неволя, не такъ каторжный трудъ, не такъ цѣпи и голодъ, какъ одолѣла, мои друзи, тоска по краю родномъ, по дорогомъ „товарыствѣ“, да по церквямъ Божьимъ... Ужъ и тоска-же, тоска! Сердце точитъ, крушитъ, словно ржавчина сталь... И поднялъ-бы на себя руки, такъ проклятые ироды и затѣмъ зорко слѣдятъ... Ну, вотъ насъ гоняли на работу къ какому-то пашѣ, а тамъ у него во дворѣ жила старая цыганка...

Грабина въ это время стоялъ возлѣ Богдана, слушалъ отъ Небабы разсказъ про свое спасеніе и весело чокался съ пріятелемъ кружкой. Вдругъ до его слуха долетѣло слово „старая цыганка“ и точно электрическимъ токомъ ударило по всѣмъ нервамъ: что-то вздрогнуло у него болью въ груди, всколыхнуло мучительно сердце и бросилось кровью въ лице... онъ попросилъ Богдана подвести его ближе и началъ прислушиваться къ разсказу невольника.

— Глаза, знаете, у нея черные, какъ уголь, — продолжалъ разсказщикъ, — носъ горбатый, а лицо и не разберешь... Вотъ ужъ и не знаю, почему, братцы, чи она запримѣтила, что я норовлю въ рѣку броситься, чи она, можетъ, что и другое на думкѣ имѣла,

только подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Не ищи смерти, козаче: я знаю, что тебѣ здѣсь не сладко... сама испытала—чуть не замерзла въ степи... такъ я тебя „вызволю": я у этого паши въ большой чести... меня всякъ слушаетъ". Какъ услыхалъ я, братцы родные, это слово, такъ такою радостью взыграла душа моя, что вотъ... стыдно сознаться, а зарыдалъ, какъ дитя малое, какъ баба, и кинулся въ ноги...

Но Грабина уже больше не слушалъ: онъ измѣнился въ лицѣ и стремительно хотѣлъ было броситься къ разскащику, но ноги у него подкосились, силы измѣнили... и онъ бы навѣрное грохнулся о-земь, если-бъ не подхватилъ его Богданъ.

— Что съ тобой, друже?—Вишь, поблѣднѣлъ какъ, что „крейда"...—затревожился онъ, поддерживая Грабину.—Гей, кто тамъ? Воды скорѣй дайте! Да пойдемъ въ мой куринь... Отдохни!

— Проведи... Не въ моготу... Что-то подкатило подъ сердце... вотъ словно огнемъ осыпало—шепталъ отрывочно Грабина, глотая воду изъ черпака...

— Что мудренаго!—Изъ такой „олійныци" вытащили, что ну!..—улыбался любовно Богданъ, ведя подъ руку своего новаго побратима,—немудрено, что и огневица можетъ приключиться „макухѣ"...

Богданъ уложивъ Грабину на своемъ „топчанѣ" и прикрылъ кереей, такъ какъ начиналъ пронимать его лихорадочный ознобъ.

— Когда ты отправляешься, Богдане?—спросилъ Грабина его дрожащимъ голосомъ, постукивая зубами.

— Да вотъ дня черезъ два думалъ, послѣ кошевого...—отвѣтилъ Богданъ, устремивъ на больного тревожный, сочувственный взглядъ.

— Развѣ вмѣстѣ нельзя... чтобъ раньше?

— Хотѣлось-бы и мнѣ... да вотъ двѣ „чайки" задержатъ... Хотя положимъ и безъ нихъ обойтись свободно...

— Еще бы! У насъ „чаекъ" съ пятнадцать есть здоровыхъ, что байдары... а куда думаете?.. Въ Кафу вѣдь завернете?

— На врядъ... не по пути... да какъ-то и не приходится...

— На Матерь Божью! На Святого Бога!.. На всѣ Силы небесныя молю тебя...—приподнялся судорожно Грабина и припалъ горячимъ лицемъ къ Богдану на грудь:—Молю тебя, не пропусти Кафы... въ первую заверни...

— Да что тебѣ въ ней? Успокойся... Сосни!

— Слушай, мой друже... Вотъ меня розбираетъ огневица... Катъ его знаетъ, куда она меня выкинетъ... Такъ вотъ тебѣ я довѣряюсь... Я вѣдь, знаешь, изъ знатной шляхты... обо всемъ я

тобѣ... послѣ подробно... а у меня есть дочь... ангелъ небесный... каштановые, курчавые волосы... шолкъ—не волосы... синіе, какъ волошки, глазки... личико... охъ, мой голубе, мой брате,—нѣтъ такой другой доньки на свѣтѣ!

— Вотъ что, друже!.. изумился Богданъ, тронутый до глубины души признаніемъ своего побратима,—а ты мнѣ про своего ангела и не говорилъ ни разу...—и у Богдана промелькнулъ безсознательно молніей въ головѣ когда-то имъ видѣнный сонъ,—такъ гдѣ-же она?

— Не знаю, не знаю... пропала безъ слѣда... съ цыганкой... Вездѣ искалъ,—ни слуху, ни духу... а вотъ сейчасъ невольникъ изъ Кафы сказалъ, что его спасла цыганка... и цыганка точь въ точь такая, какъ моя... Я сердцемъ чую... я увѣренъ, что и моя Марылька тамъ...

— Тамъ, въ Кафѣ?

— Тамъ, тамъ... Она еще почти дитя... лѣтъ четырнадцати, пятнадцати... но ее вѣрно продали... О, ради всего святого,—не мини Кафы... ради спасенія души...

— Ну, успокойся-жъ,—обнялъ Грабину Богданъ,—даю тебѣ козацкое слово, вмѣстѣ съ кошевымъ „вырушить" и тамъ уже устроить, какъ и что... однимъ словомъ „вызволимъ"... а ты постарайся уснуть, да набраться силы, чтобъ не остаться здѣсь...

— Засну, засну,—радостно, по дѣтски улыбнулся Грабина,—одно твое слово меня на свѣтъ подняло... и онъ закрылся „кереей"...

XV.

Торжественно звучитъ колоколъ въ запорожской церкви, стоящей на главной площади. Плавные звуки медленныхъ ударовъ дрожатъ, откликаются эхомъ въ лугахъ и таютъ въ прозрачной синевѣ загорѣвшагося радостнымъ сіяніемъ утра. Въ небольшой деревянной о семи куполахъ церкви стоитъ войсковая главная старшина и дѣды, а на погостѣ вокругъ и на обширной площади никого не видно. Въ разноцвѣтныя узкія окна врываются въ церковь снопы яркихъ лучей и свѣтлыми, радужными столбами стоятъ въ волнахъ сизаго дыма. Передъ мѣстными иконами горятъ въ высокихъ ставникахъ толстыя, зеленыя свѣчи, окруженныя сотней маленькихъ, желтыхъ; огни ихъ, при блескѣ яркаго утра, кажутся красными удлиненными искрами, плавающими въ дымкѣ ладона и дробящимися на серебрѣ и золотѣ дорогихъ ризъ.

Загорѣлыя, мужественныя лица молящихся обращены къ ликамъ святыхъ; въ серьезномъ, сосредоточенномъ выраженіи устремленныхъ къ небу очей свѣтится теплое, благоговѣйное чувство. Разныхъ тѣней „оселедцы“ и подбритыя кружкомъ „чуприны“, отъ серебристыхъ до черныхъ, склоняются низко, осѣняясь широкими, медлительными крестами. Впереди передъ царскими вратами стоитъ недавно выбранный кошевой запорожскаго войска Грыцько Пивтора-Кожуха; голова его съ дерзки-отважнымъ выраженіемъ лица, смягченнымъ немного пылающей краснотой носа, кажется, сравнительно съ коренастымъ туловищемъ, небольшой и чрезъ-чуръ низко посаженной на широкихъ плечахъ. Справа рядомъ съ нимъ стоитъ наказной атаманъ Богданъ; и ростомъ, и стройной фигурой, и благородствомъ осанки онъ выглядитъ при своемъ сосѣдѣ богатыремъ-паномъ; глаза его отъ умиленія влажны и свѣтятся тоскливой мольбой. За Богданомъ стоитъ еще наказной атаманъ, почтенный Небаба; за Небабою—среброволосый старецъ Нетудыхата, а за нимъ отважный, молодой еще и черный, какъ смоль, съ огненными глазами, Сулима. Налѣво отъ кошевого стоитъ нашъ старый знакомый Кривоносъ; его искалѣченное лицо, озаренное теплымъ свѣтомъ огней, не отражаетъ теперь дикаго ужаса злобы, и умиляется надеждой и радостью; за Кривоносомъ свѣтлоусый красавецъ Чарнота, съ безпечною удалью во взглядѣ, стоитъ словно женихъ подъ вѣнцомъ, а за нимъ молодой еще, но не по лѣтамъ угрюмый козакъ Лобода. За старшиною размѣстились во второмъ ряду знаменоносцы со знаменами и значками, а за ними уже начальники отдѣльныхъ частей.

Блистающій дорогимъ облаченіемъ священникъ выноситъ Евангеліе въ тяжеломъ, украшенномъ самоцвѣтами переплетѣ и, раскрывъ его, кладетъ на ближайшія склоненныя головы. Тихо, но выразительно и отчетливо раздается слово Божіе подъ сводами храма, проникаетъ въ закаленныя въ битвахъ сердца и наклоняетъ все ниже долу чубатыя головы. Когда же, поднявши голосъ, закончилъ чтеніе служащій пресвитеръ вѣчными словами Спасителя: „Больше сея любви никто же имать, аще душу положитъ за други своя“,—то все козачество, какъ одинъ, повергдось ницъ передъ престоломъ Бога любви и занѣмѣло въ безмолвной молитвѣ.

На набережной не было видно теперь и слѣда суеты и недавняго безпорядка. Все было прибрано къ мѣсту, а посрединѣ широкаго побережья была даже выстрогана и посыпана пескомъ квадратная площадка, на которой стоялъ, накрытый бѣлою, вышитою скатертью столъ; на немъ искрилась фигурчатая серебряная ваза, а по бокамъ ея стояли съ восковыми свѣчами массивные позолоченные шандалы. У самой пристани на легкой волнѣ качались привязанныя

въ рядъ пятьдесятъ „чаекъ"; онѣ были выкрашены, или, лучше сказать, вымазаны какою то смѣсью изъ смолы съ „блейвасомъ", отчего и отбивали изъ синясѣроватымъ цвѣтомъ, подходящимъ къ тонамъ воды; только новыя весла и тростниковыя крылья у „чаекъ" блистали золотистымъ отливомъ.

На каждой „чайкѣ" сидѣли уже у веселъ гребцы и стояли на мѣстахъ рулевые, на короткихъ мачтахъ бѣлѣли сложенные откидные паруса, а на бо̀льшихъ ладьяхъ блестѣли утвержденныя на носу небольшія фальконетныя пушки.

По тремъ сторонамъ площадки выстроены были три отряда запорожскихъ войскъ. Меньшій изъ нихъ, обращенный фронтомъ къ Днѣпру, стоялъ въ глубинѣ; налѣво перпендикулярно къ нему стоялъ удлиненнымъ четырехъ-угольникомъ, касавшимся даже Днѣпра, трехътысячный полкъ, вооруженный мушкетами, саблями, бердышами, а направо, параллельно послѣднему, тянулись густыя массы головъ, покрытыхъ бараньими шапками съ выпущенными алыми верхами, съ лѣсомъ торчащихъ надъ ними мушкетовъ и копій; за этими массами виднѣлись вдали привязанные къ походнымъ „мажамъ" цѣлые табуны осѣдланныхъ коней. Послѣдній, найбольшій отрядъ казался и найболѣе наряднымъ; между темными цвѣтами пестрѣло много яркихъ красокъ „кунтушей" и жупановъ; на второмъ же, предназначенномъ къ морскому походу, преобладали сѣрые тона свитокъ, а третій, остающійся дома, былъ одѣтъ въ будничную простую одежду и кромѣ сабель, съ которыми не разстается козакъ, не имѣлъ больше никакого вооруженія.

Тихій, сдержанный говоръ тысячеголовой толпы, словно гулъ колоссальнаго роя пчелъ, стоялъ въ мягкомъ воздухѣ, напоенномъ весенней душистой влагой; но въ этомъ говорѣ не прорывалось ни брани, ни шутокъ, а слышались лишь дѣловые опросы или отрывочныя, послѣднія распоряженія.

Морозенко хлопоталъ на атаманской „чайкѣ" и суетливо спѣшилъ окончить упаковку припасовъ и необходимыхъ вещей при походѣ. Осмотрѣвъ отдѣленіе боевыхъ запасовъ, обитое тщательно войлокомъ и толстою жестью, въ которомъ сложены были боченки съ порохомъ, мѣшки съ пулями и небольшія ядра, провѣривъ и въ отдѣленіи харчей обвязанные паклей большіе боченки съ прѣсною водой, Олекса перелѣзъ узкимъ простѣнкомъ между этими чуланчиками въ самый носъ „чайки", гдѣ подъ „чердакомъ" (особая приподнятая палуба) устроена была для батька наказнаго атамана каюта; помѣщеніе было крохотное, низкое, узкое, съ однимъ небольшимъ окошечкомъ въ самомъ остромъ углѣ.

Олекса притащилъ сюда еще раньше нѣсколько мѣшковъ, набитыхъ пескомъ, что держались для баласта на „чайкахъ", и теперь, сложивъ ихъ къ стѣнкѣ, устлалъ „кереями" и покрылъ сверху мягкимъ турецкимъ ковромъ; при этой импровизированной канапѣ прибилъ онъ къ полу какой-то обрубокъ пня, что долженъ былъ замѣнить столъ, вколотилъ нѣсколько гвоздей въ стѣну, на которыхъ развѣшалъ запасное оружіе и одежду, да уставилъ на полку необходимую утварь; потомъ, оставшись доволенъ устроеннымъ помѣщеніемъ, отправился еще въ противоположный носъ „чайки", сосчитать сложенное тамъ холодное оружіе: толстые съ желѣзными массивными наконечниками багры, тяжелые бердыши, короткія копья, запасные ятаганы, абордажные кручья и веревочныя съ цѣпкими кошьими лапами лѣстницы.

Когда Морозенко осматривалъ оружіе и мѣдную пушку, хорошо-ли она прикрѣплена и уставлена, то его вниманіе привлекла небольшая группа козаковъ, собравшихся прямо противъ „чайки"; въ группѣ шелъ оживленный не то разговоръ, не то споръ, который при общемъ молчаніи казался даже очень шумнымъ. Прислушался Олекса и узналъ знакомый голосъ придавленнаго на-дняхъ ясенемъ козака Грабины; заинтересовавшись, въ чемъ дѣло, хлопецъ выскочилъ изъ „чайки" и примкнулъ къ увеличивающейся толпѣ.

Грабина, поддерживаемый подъ руки, съ забинтованными, искалѣченными ногами, умолялъ козаковъ, чтобы его взяли на какую-либо „чайку", что онъ не останется дома бездѣльничать, въ то время, когда честное „товарыство" будетъ проливать за вѣру и за родину кровь.

— Примите, братцы, меня,—кланялся онъ непокрытымъ челомъ и почти со слезами просилъ:—чѣмъ же я виноватъ, что мнѣ клятое дерево ноги отшибло? Вѣдь бревно на то и зовется бревномъ, что по глупости не можетъ понять, какъ козаку ноги нужны. Видно, ужъ на то было попущеніе Божіе! Такъ за что же мнѣ, братцы, двѣ кары?

— Конечно, съ вола двухъ шкуръ не дерутъ,—замѣтилъ сочувственно одинъ изъ слушателей.

— Такъ то оно, такъ,—вставилъ другой,—а може Богъ нарочито ему ноги перебилъ, чтобъ не ѣхалъ на море?

— Съ чего бъ же это пришло Богу въ голову не пускать козака бить бусурмановъ?—возразилъ третій.

Толпа одобрительно загудѣла.

— Именно,—обрадовался аргументу Грабина, — забраковали меня Кривоносъ и Пивтора-Кожуха... ну, положимъ, что на конѣ, въ сѣдлѣ, съ этакими бревнами трудно, ужъ какъ это не обидно,

а правду въ мѣшкѣ, какъ шила не утаишь; но въ „чайкѣ“, любые друзи, совсѣмъ мнѣ свободно—и „штурпаки“ эти протянуть есть гдѣ, и вывернуться даже можно, какъ свиньѣ на перинѣ.

— Что и толковать,—замѣтилъ первый,—въ „чайкѣ“, какъ въ зыбкѣ, лежи себѣ, „люльку“ покуривай, а волна только качаетъ да баюкаетъ, что твоя мать.

— Ну, вотъ, вотъ!—подхватилъ восторженно Грабина,— именно, какъ родная мать! Возьмите меня, братцы, съ собою!... Тяжко у меня на душѣ... Тянетъ меня... вотъ жизнь-бы отдалъ эту „заразъ“, чтобъ побывать въ тѣхъ городахъ, гдѣ наши невольники... несчастные... Въ общемъ трудѣ, за общее дѣло, за святое, братцы... и душѣ-то и сердцу легче станетъ; какой-бы камень ни былъ навалены на нихъ, а и они отъ радости словно подымаются вверхъ... А я вамъ все таки стану въ помощь, чѣмъ смогу, на гребкѣ сидѣть буду, сторожемъ хочь въ „чайкѣ“ останусь, когда „товарыство“ будетъ гулять... душою издали буду дѣлить вашу славу... Возьмите братцы, меня, съ собою!

— Взять, конечно, взять!—загалдѣли одни.

— Конечно, онъ славный козакъ, добрый товарищъ!—подтвердили другіе.—Полгода, какъ съ нами, а лыцаремъ поди какимъ сталъ!

— Вѣрно,—согласился болѣе пожилой запорожецъ,—только по моему, все таки нужно сказать наказному, такъ водится... А то, безъ его воли, какъ будто не того, тѣмъ болѣе, что я самъ слыхалъ, какъ онъ говорилъ, что Грабину нужно оставить на попеченіе Небабы, и тотъ тоже... что-то про ноги сумнительно.

— Да это онъ изъ ласки, изъ жалости ко мнѣ, братцы,—заволновался Грабина, видя, что послѣднее замѣчаніе можетъ повредить въ его дѣлѣ,—вотъ, чтобы я отлежался, какъ баба, пока не залѣчатся эти клятыя ноги! Панове товарыство! Да развѣ-жъ пристало козаку обращать вниманіе на такую рану? Да нешто я баба? Не знаю, чѣмъ я заслужилъ такую обиду!

— Нѣтъ, ты не баба! Это брехня! Зачѣмъ „зневажать“ козака?—загудѣла толпа.

— Такъ и возьмите меня, братцы, припрячьте,—взмолился, наконецъ, Грабина,—пока выйдемъ въ море, а тамъ ужъ пусть батько меня хоть утопить велитъ, не поперечу и словомъ!

— Иди, Грабина, въ нашу атаманскую „чайку“,—сказалъ рѣшительно Олекса,—тамъ я тебя спрячу въ каютѣ, и концы въ воду.

— Молодецъ Морозенко! Любо!—крикнули весело козаки кругомъ, а Грабина со слезами на глазахъ бросился и обнялъ Олексу.

Тотъ съ помощью еще одного козака бережно свелъ его на „чайку“ и уложилъ на устроенной канапѣ, прикрывъ еще на всякій случай кереей.

Вдругъ раздались частые удары большого колокола, а за ними зазвенѣлъ въ воздухѣ радостный перезвонъ и заставилъ правильнѣе сомкнуться козачьи ряды. Говоръ сразу утихъ, и въ наступившей, величественной тишинѣ послышалось со стороны „майдана“ стройное пѣніе святого псалма: „Помощникъ и Покровитель бысть мнѣ во спасеніе“. Вскорѣ показалась на отлогомъ берегу и торжественная процессія. Впереди козаки несли большіе кресты и хоругви, за ними слѣдовалъ главный „хорунжій“, держа въ рукѣ запорожское знамя, малиновый пологъ котораго, украшенный золотой бахромой и кистями, тихо развѣвался на древкѣ; за нимъ несли „бунчуки“—на длинныхъ „ратищахъ“ прикрѣпленные вверху подъ золотымъ яблокомъ конскія гривы; за бунчуками слѣдовали еще прапоры и значки; далѣе шелъ клиръ; за клиромъ непосредственно кошевой и наказной атаманы несли двѣ большія иконы, а за ними уже шествовалъ въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ священникъ отецъ Михаилъ; шествіе замыкала запорожская старшина.

Процессія прошла между „лавами“ запорожскаго войска и остановилась посрединѣ на выстроганной площадкѣ. Началось водосвятіе и напутственный молебенъ. Благоговѣйно, съ обнаженными „чупринами“, широко крестясь, слушали молитвословіе и пѣніе запорожцы. Закаленныя въ бояхъ ихъ сердца умилялись теперь и воодушевлялись глубокой вѣрой въ святость предстоящаго подвига; души ихъ проникались поэтическимъ восторгомъ, что они несутъ головы за святую вѣру, обнажаютъ мечъ на гонителей благочестія. Когда клиръ запѣлъ: „Взбранной Воеводѣ побѣдительная“, то десять тысячъ голосовъ подхватило эту пѣснь Богородицѣ, а съ батарей загрохотали орудія. Могучій, величественный хоръ, аккомпанируемый грохотомъ орудій, всколыхнулъ потрясающе воздухъ, и понеслись колосальные звуки во всѣ стороны, и откликнулись на нихъ и луга, и „гай“, и далекія скалы пороговъ. Тогда отецъ Михаилъ началъ обходить ряды войскъ и кропить ихъ святою водой, а за ними и флотилію „чаекъ“; въ заключеніе онъ окропилъ знамена и всю старшину, подходившую поочередно къ кресту; а клиръ въ это время пѣлъ: „Тебѣ Бога хвалимъ, Тебѣ Господа исповѣдуемъ!“ И трубили мѣдныя трубы хвалу, и гудѣли стономъ котлы между взрывами артиллерійскихъ громовъ.

Кончилось служеніе; разоблачился священникъ; всѣ атаманы размѣстились у своихъ частей; знамена заняли свои мѣста. Вышелъ

кошевой Пивтора-Кожуха, и поклонившись на всѣ четыре стороны, сказалъ зычнымъ голосомъ.

— Панове „товарыство", славные рыцари, козаки-запорожцы! Вчера мы передъ походомъ бенькетовали и пили за здравье другъ друга и за нашу несчастную, разоренную Украйну, и за униженную врагами благочестную вѣру; сегодня же, послѣ службы святой и нашей молитвы, наступило строгое, походное время, время воздержанія и поста, а потому бражничать уже будетъ: обнимитесь на прощаніе,—Господь единый вѣдаетъ, встрѣтитесь-ли снова другъ съ другомъ?..

Торжественно и чинно двинулись другъ къ другу стоявшія по бокамъ „лавы"; строй, обнявшись со строемъ, проникалъ къ слѣдующему, пока не перемѣстились два войска въ различныя стороны; тогда третья часть, остающаяся въ Запорожьѣ, выстроенная въ глубинѣ, фронтомъ къ Днѣпру, подошла по очереди къ походнымъ войскамъ и, продефилировавъ, возвратилась на прежнее мѣсто. Во время этихъ эволюцій, сошедшіеся вожди—Пивтора-Кожуха, Хмельницкій и остающійся въ Сѣчи съ частью козаковъ наказной атаманъ Небаба держали послѣднюю „раду".

— Когда же васъ ждать со славнымъ „товарыствомъ" назадъ, мои друзи?—спрашивалъ Небаба.

— Моя задача,—отвѣтилъ Богданъ,—налетѣть молніей на тотъ или другой побережный городъ турецкій, раскурить съ ихъ полымя „люльку", поживиться добромъ, освободить плѣнныхъ невольниковъ и, не давши очнуться басурманамъ, возвратиться мигомъ домой. Такъ если Господь намъ поможетъ въ святомъ дѣлѣ и „пофортунитъ" доля, то я надѣюсь за три недѣли управиться и быть тутъ.

— Добре,—одобрилъ наклоненіемъ головы сивоусый Небаба.

— А куда рѣшилъ, брате, ударить?—полюбопытствовалъ кошевой.

— Да думка побывать въ гостяхъ въ Трапезонтѣ,—давно не были тамъ,—отвѣтилъ Богданъ,—по дорогѣ конечно, „пощарпать" встрѣчныя галеры, да завернуть еще, назадъ, либо туда ѣдучи,—запнулся онъ, и вспыхнулъ невольно,—и въ Кафу: тамъ вѣдь нашихъ невольниковъ сила!

— Что сила, то правда! Только стой, брате!—почесалъ затылокъ Пивтора-Кожуха.—Какъ же это выйдетъ? Я иду къ татарамъ на „згоду", какъ союзникъ, а ты будешь разорять ихъ, какъ врагъ?

— Да,—покачалъ головою Небаба,—оно выходитъ съ одной стороны добре, а съ другой какъ будто и не гораздъ.

— Успокойтесь, товарищи,—усмѣхнулся Богданъ, овладѣвъ собою,—нападать на Кафу я и не думаю, самъ вѣдь политику

понимаю, а пошлю „чайки“ двѣ-три въ сумерки къ набережной, гдѣ работаютъ въ цѣпяхъ наши братья, выхвачу, сколько удастся, невольниковъ, да и гайда въ море назадъ: тутъ не будетъ ни грабежа, ни обиды, а просто выйдетъ частная удаль либо родичей, либо друзей.

— Да, такъ хорошо!—мотнулъ кошевой шапкой.

— Такъ совсѣмъ добре!—усмѣхнулся Небаба.

— А я, братцы, не знаю заранѣе, гдѣ и очутиться смогу и когда принесетъ Богъ назадъ,—разсуждалъ кошевой,—отправляюсь на Буджацкія степи къ Карай-Бею, а оттуда куда двинемся—неизвѣстно; если вотъ удастся и твоего пріятеля, пане Богдане, Перекопскаго бея уговорить, то „рушимъ“ на Каменецъ, а если нѣтъ, то „посмычемъ“ [1]) соеѣдныхъ магнатовъ, погладимъ ксендзовъ и жидовъ, погуляемъ въ панскихъ маетностяхъ и добре въ концѣ концовъ напьемся горилки,—заключилъ кошевой.

— Пріими въ резонъ, пане-кошевой, вотъ что,—закуривая люльку, говорилъ Небаба,—вѣдь насъ тутъ на Запорожьѣ остается одна только горсть; если прибудетъ даже сюда сотня, другая бѣглецовъ отъ панской ласки, то вѣдь, самъ здоровъ, знаешь, что этотъ народъ, пока не окурится добре пороховымъ дымомъ, мало надеженъ... А тутъ, того и гляди, по половодью черезъ пороги нагрянетъ либо собака Потоцкій, либо Іеремія... Вѣдь обѣщались навѣстить, такъ мнѣ самому съ горстью,—хотя, спасибо Хмелю, и важно обсажена валами да „гарматами“ Сѣчь,—какъ-то будетъ несподручно.

— Не безпокойся!—сплюнулъ въ сторону кошевой, насунувши шапку,—тпфу! Какъ горилка запахла!.. Слушай, у меня разставлена сторожа до самаго Кодака; сразу, коли что замѣтятъ войска, зажгутъ другъ за другомъ вѣхи и намъ будетъ здѣсь того-же дня извѣстно про ворога; а отсюда я разставлю такимъ-же порядкомъ сторожу вплоть до Буджака. Въ Кодакѣ нѣтъ готовыхъ „байдаръ“ или „дубовъ“, способныхъ переправить черезъ пороги войска, такъ прежде, чѣмъ вздумаютъ ляхи что-либо, хотя бы плоты снарядить,—я со всѣми силами буду дома.

— Оно-то „гараздъ“—затянулся дымомъ Небаба, притаптывая пальцемъ золу и подавая кусокъ зажженнаго трута Богдану, набившему себѣ тоже походную люльку,—коли тебя, батьку, застанутъ еще въ Буджакѣ, а коли ты уйдешь отсюда, такъ тогда и ищи вѣтра въ полѣ!

---

[1]) Подергаемъ.

— Что-жъ бы я запилъ, что-ли, въ походѣ, чтобъ выкинулъ такую штуку?—обидѣлся даже Пивтора-Кожуха.—Я стоять буду въ Буджакѣ и съ мѣста не тронусь до тѣхъ поръ, пока Богданъ не вернется назадъ къ вамъ съ похода; а съ его силами, да съ твоими можно отстоять Запорожье не то что отъ Потоцкаго, а и отъ куцаго чорта!

— А коли такъ, то разчудесно, совсѣмъ таки „добре“,—обрадовался Небаба. Однако уже солнце „подбилось“ высоко, грѣетъ... и козаки твои, пане-кошевой, садятся на коней. Ну, обнимемся-жъ, друзи, и дай Богъ каждому удачи и славы, и счастливаго поворота въ родное гнѣздо!

Всѣ обнялись, подошли еще разъ подъ благословеніе отца Михаила и возвратились къ своимъ частямъ войска.

Богданъ подошелъ къ своей части и увидѣлъ стоящаго въ его рядахъ дида Нетудыхату.

— Диду!—удивился онъ.—И вы съ нами?

— А что-же, сынку, съ вами, съ вами—улыбнулся онъ, прищуривъ слезящіеся съ красными вѣками глаза.—Еще подъ твоей рукой послужить хочу, расправить старыя кости, да и по морю соскучился, стосковался... Вѣдь мы съ нимъ жили, какъ рыба съ водой, а сколько лѣтъ, такъ и начала не увидишь за далью.

— Правда, диду, знаетъ васъ море, да и вы его „добре“ знаете,—промолвилъ теплымъ голосомъ наказной,—только не вамъ быть у меня подъ рукой, а мнѣ у васъ уму-разуму набираться, вотъ поэтому-то я васъ и прошу помѣститься на моей „чайкѣ“: мнѣ больше чести, а вамъ больше покою.

— Спасибо тебѣ, сыне-атамане, за ласку,—тронулся предложеніемъ дѣдъ.—Сяду, сяду, а то я хотѣлъ было къ Сулимѣ, тоже просилъ... И по правдѣ сказать, тому нужно въ товарищи болѣе спокойную голову, а то вѣдь самъ молодъ, сердце какъ молнія, голова, какъ огонь! Вспыхнетъ, что порохъ, а ужъ какъ загорѣлся,—лѣзетъ зря хоть и въ самое пекло!

— Къ нему пасадите Зачхайноса, онъ почтенный и опытный лыцарь, и съ моремъ бороться умѣетъ... да и его десятокъ будетъ первый за нами... А вы, диду, таки ко мнѣ, милости просимъ!—ласково улыбнулся Богданъ.

— Добре, добре!—кивалъ головою дѣдъ.—Мнѣ какіе сборы? Весь тутъ!

Между тѣмъ войско Пивтора-Кожуха было уже все на коняхъ, и они нетерпѣливо мотали тоже чубатыми головами и били копытами землю. Богданъ сталъ во главѣ своего отряда и снялъ шапку:

— Панове-товарыство, славные лыцари, друзи мои! Вы почтили меня лучшею честью, какая достается человѣку, почтили меня высокимъ довѣріемъ своимъ, подчинивъ себя на время похода моимъ распоряженіямъ, моей волѣ,—за это еще вамъ приношу сердечное, „щирое" спасибо и торжественно клянусь, что хранить буду это довѣріе, какъ зѣницу ока, и если будетъ Господня воля на то, напрягу всѣ силы мои, всѣ желанія, чтобы оправдать передъ вами, товарищи, это довѣріе, чтобъ вырвать съ вами у фортуны побольше побѣды и славы... А развѣ этого трудно достичь съ такими удальцами-лыцарями, какихъ не было и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ!

— Добре говоритъ, — пронеслось сдержанно по переднимъ рядамъ.

— Какъ горохомъ золотымъ сыплетъ! — откликнулось въ заднихъ.

— Не удивимъ мы другъ друга,—воодушевлялся Богданъ, и голосъ его звенѣлъ, словно колоколъ,—если со смѣхомъ и пѣсней бросимся въ зубы хоть самому чорту, если для святого дѣла не пожалѣемъ никого и ничего въ мірѣ, если для „товарыства" откажемся отъ всякой утѣхи, если для друга вырвемъ своими-жъ руками изъ груди свое сердце, потому что со смертью мы побратались давно, жизнь свою цѣнимъ не дороже корца горилки, а „товарыство" такъ любимъ, какъ ни одна волчица своихъ волчатъ.

— Эхъ, важно!—не удержался Нетудыхата, и одобрительный гулъ пронесся по всѣмъ рядамъ.

— Такъ вотъ что,—продолжалъ Богданъ.—Не къ храбрости вашей веду я теперь рѣчь, а къ напряженію особеннаго вниманія въ этомъ важномъ и для насъ, и для всей Украйны походѣ: не на погулянье идемъ, не на боевую потѣху, а на совершеніе великой услуги нашему королю, за которую онъ и насъ, и все козачество, и поспольство наградитъ вольностями и защититъ отъ коршуновъ ляшскихъ. Этотъ походъ может вызвать войну, а война „наддастъ" королю силы, а вмѣстѣ съ нимъ и намъ... Такъ стало быть, друзи, намъ въ походѣ надобно заботиться не о добычѣ, а о томъ, чтобъ найболѣе нанесть вреда изувѣрамъ и ужасомъ потрясти берега Анатоліи, чтобъ онъ докатился до самого Цареграда и разбудилъ-бы на коврахъ падишаха!

— Добре, добре, пане-атамане! — уже крикомъ загремѣли ряды.—Веди насъ куда знаешь, головы положимъ за батька и за святую вѣру!

— Слушайте-жъ моего наказу,—надѣлъ Богданъ шапку,— каждый „чайковой“ атаманъ долженъ блюсти, чтобъ на чайкѣ былъ строжайшій порядокъ, чтобы смѣны гребцовъ шли правильно, чтобы водки или чего-либо хмельнаго не было на чайкѣ ни капли, чтобы плыли по три чайки врядъ, а во главѣ каждыхъ девяти чаекъ плыла бы чайка „куреннаго“, которому всѣ девять чаекъ да его десятая и подчиняются безусловно; общія распоряженія буду подавать я со своей „чайки“ или выстрѣлами, или черезъ „куренныхъ“ атамановъ. Всѣ „куренные“ атаманы, панове, Сулима, Чарнота, Верныгора и Догорыпыка должны осмотрѣть, чтобы на ихъ чайкахъ было достаточное число всякихъ запасовъ и по крайней мѣрѣ хоть по два „пивня“, да чтобы ихъ держали живыми, а не искусились для кулиша рѣзать. Плыть безъ отдыху до Густыхъ Камышей, что за полъ-мили до Очакова; нужно быть тамъ завтра къ вечеру. Бревенъ съ собой не брать: теперь рвать протянутыхъ у Очакова цѣпей не придется, переберемся черезъ косу, влѣво подальше, а бревна только замедлятъ намъ ходъ. Ну, друзи,—окончилъ Богданъ,—занимай всякій на своей „чайкѣ“ мѣста, осмотрите оружіе, боевые припасы, и, предавъ себя волѣ Божьей, памятуйте, что въ нашихъ рукахъ защита святой вѣры и нашей угнетенной Украйны. Съ Богомъ же, братья!—перекрестился онъ, и весь его отрядъ, осѣнивъ себя крестомъ, чинно двинулся къ лодкамъ.

Вскорѣ всѣ чайки были наполнены козаками и выстроены въ надлежащій походный порядокъ; верхушки шапокъ алѣли, словно разсыпанный по ладьямъ макъ, а вычищенныя дула мушкетовъ сверкали стальною щетиной; приподнятыя надъ водою весла казались свѣтлыми крыльями, готовыми по мановенію унести козаковъ далеко отъ родины.

Грянулъ залпъ орудій съ крѣпостныхъ валовъ Запорожья; а вотъ второй, третій; повторило ихъ эхо въ сотнѣ перекатовъ и смолкло. Раздалась громкая команда вдали, и заколыхались высокія пики въ конныхъ рядахъ, „засурмили“ трубы, забили литавры, и стройныя колонны двинулись въ гору, только земля задрожала подъ стукомъ несмѣтнаго числа крѣпкихъ и широкихъ копытъ.

Богданъ махнулъ шапкой и на его атаманской чайкѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ. Взвились паруса; гребцы опустили весла въ свѣтлую воду и, дружно качнувшись, взмахнули ими и замерли на мгновенье, чайка вздрогнула и скользнула на сажень впередъ. Еще взмахъ и еще. Засверкали брызги, алмазами разсыпались по синей волнѣ, и полетѣла чайка, какъ бѣлая, крылатая птица. За ата-

манской двинулись правильной цѣпью другія. Съ далекаго, убѣгающаго берега замахали на прощанье шапки. На атаманской чайкѣ раздалась стройная, хоровая пѣсня.

„Гей, не знавъ козакъ, не знавъ Сахронъ, якъ славы зажыгы,
Гей, вибравъ військo, військо Запорожське, та й пишовъ турка быты!“

И понесли козаковъ чайки на бури, на грозы, на ревъ разъяренныхъ валовъ, на смѣхъ бѣшеной смерти...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи чумной эпидеміи въ Кіевѣ 1770—1771 гг.

I.

Распространившаяся въ началѣ 1770 года въ предѣлахъ Турціи и затѣмъ Польши чумная эпидемія быстро проникла сперва въ южные предѣлы Россіи, а потомъ и во внутреннія губерніи. Въ Кіевѣ она появилась въ началѣ сентября того же года, и жертвою ея прежде всего сдѣлалась Подольская часть города, въ то время самая населенная. Съ особенною силою чума свирѣпствовала въ Кіевѣ въ теченіе осеннихъ мѣсяцевъ, и лишь въ январѣ и февралѣ 1771 г., благодаря сильнымъ морозамъ, она сильно ослабѣла. Медицинскихъ средствъ для борьбы съ этою ужасною болѣзнью въ то время не существовало, поэтому главное вниманіе было обращено на мѣры карантинныя, которыя, впрочемъ, приняты были не вполнѣ своевременно, да и населеніе не хотѣло имъ повиноваться. Растерявшіяся власти и незначительный контингентъ казенныхъ врачей, за отсутствіемъ правильныхъ больницъ, не знали, кого изолировать: больныхъ ли отъ здоровыхъ, или же наоборотъ. Между прочими, принята была и такая странная мѣра, что если въ какомъ домѣ проявлялась зараза, то лицъ, оставшихся здоровыми, удаляли на одинъ изъ днѣпровскихъ островов и держали въ карантинѣ. Конечно, съ наступленіемъ морозовъ эту мѣру по необходимости оставили. Но прежде всего слѣдовало, конечно, позаботиться объ изолированіи больныхъ. Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ на имя тогдашняго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова, было предпи-

сано, если окажется необходимымъ, отводить монастыри подъ лазареты для зараженныхъ чумой [1]). И вотъ онъ, въ секретномъ отношеніи отъ 20 сентября, сообщилъ въ Кіевскую Консисторію слѣдующее: „Имѣя неусыпное попеченіе о совершенномъ истребленіи вкравшейся въ нижній городъ Кіевъ Подолъ пагубной язвы, я приказать не оставилъ медицинскимъ чинамъ собраться и сдѣлать для прекращенія заразы и облегченія народа согласное, по ихъ искусству, учрежденіе. Помянутые медицинскіе чины мнѣніемъ своимъ, между прочимъ, представляютъ, что если въ которомъ домѣ окажутся заразою больные, то оныхъ немедленно брать въ лазареты, а здоровыхъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ зараженные болѣзнію окажутся, занеимѣніемъ внѣ города свободныхъ домовъ и за невозможностію для холода высылать на островъ, по способности и близости и по хорошему воздуху отправлять въ Кирилловскій монастырь, гдѣ, какъ извѣстно, монаховъ самое малое число, которыхъ на сіе столь нужное время можно выслать въ другіе здѣшніе монастыри, оставя для церковнослуженія и присмотра монастырскихъ припасовъ только нѣкоторое число. Сіе представляемое отъ медицинскихъ чиновъ мнѣніе, признавая для облегченія народа и прекращенія опасной болѣзни необходимо нужнымъ, прошу Консисторію приказать Кирилловскому монастырю немедленное и съ вышеписаннымъ медицинскимъ мнѣніемъ во всемъ сходное учинить исполненіе...“ [2]).

Считая генералъ-губернаторское требованіе посягательствомъ на монастырскія права собственности, а съ другой стороны предполагая, что Кіево-Кирилловскій архимандритъ представитъ вѣскіе резоны противъ помѣщенія въ монастырѣ зараженныхъ эпидеміею, Кіевская Консисторія своимъ указомъ, послѣдовавшимъ 23 числа того же сентября, не предписала архимандриту безотлагательно исполнить прописанное требованіе, а только, упомянувши о немъ, „велѣла обстоятельно и безъ всякаго замедленія донести ей, сколько въ Кирилловскомъ монастырѣ имѣется іеромонаховъ, іеродіаконовъ, монаховъ, послушниковъ, наемныхъ лю-

---

[1]) Архивъ Кіевской Консисторіи, кн. Синод. указовъ за 1770 г.

[2]) Тамъ же.

дей, жилыхъ келій и чулановъ и сколько въ каждой келіи изъ тѣхъ монашествующихъ и послушниковъ жительствуетъ?"[1]).

Взглядъ консисторскій на генералъ-губернаторское требованіе, безъ сомнѣнія, былъ извѣстенъ Кирилловскому архимандриту, какъ лицу, принадлежавшему къ числу „консистористовъ", и потому послѣдній согласовалъ свой отвѣтъ на консисторскій указъ съ этимъ взглядомъ. Прописавши, что въ подвѣдомственномъ ему монастырѣ „іеромонаховъ семь, іеродіаконовъ восемь, монаховъ десять, послушниковъ двѣнадцать, наемныхъ людей десять, а келій жилыхъ монашескихъ небольшихъ, и то ветхихъ, раздѣляющихся то на три, то на два чулана, шесть, маленькая канцелярская изба, просфирня, хлѣбня и одна хата для каменьщиковъ и плотниковъ и что въ келіяхъ монашествующіе съ трудностію размѣщаются", архимандритъ Кириллъ совмѣстно съ монастырскою братіею 24 числа того же сентября представилъ на благоусмотрѣніе Консисторіи слѣдующіе резоны: 1) „Если зараженныхъ людей сограждане ихъ не могутъ терпѣть близъ себя въ городѣ, но требуютъ высылки ихъ на островъ за Днѣпръ, то и монахи Кирилловскаго монастыря равное же основаніе имѣютъ опасаться зараженныхъ весьма опасною язвою, которыхъ его превосходительство требуетъ помѣстить въ монастырѣ. Несомнѣнно, что тѣ изъ монаховъ, которые, ради священнослуженія и присмотру монастырскихъ припасовъ, останутся въ монастырѣ, за ту же опасность отъ пагубной заразы, спасая животъ свой, разойдутся по безопаснымъ мѣстамъ, да и самому архимандриту въ семъ монастырѣ, когда оные опасные люди введены будутъ, не можно будетъ оставаться. А потому церковь Божія останется безъ священнослуженія, утварь же и монастырское добро, запасы и всякое строеніе будутъ расхищены и прійдутъ въ порчь,—отъ чего монастырь подвергнется крайнему разоренію. Зараженные люди, если въ мостырѣ поселятся, то, безъ сомнѣнія, весь заготовленный плотниками къ строенію лѣсъ, а равно и огорожу вокругъ монастыря въ наступающее холодное время попалятъ и опустошатъ; чужаго добра они щадѣть не станутъ. 2) Въ Кириллов-

[1]) Тамъ же.

скомъ монастырѣ небольшое число келій и то малыхъ, въ которыхъ можетъ помѣститься людей, зараженныхъ опасною болѣзнію, только весьма малое число и потому сей монастырь къ услуженію и соблюденію общей пользы способствовать не можетъ. 3) Сверхъ того сей монастырь положеніе свое на пригоркѣ имѣетъ, а по близости въ селахъ Плоскомъ, Куреневщинѣ и Сырцѣ живутъ люди, еще не зараженные опасною болѣзнію, и если зараженные люди введены будутъ въ монастырь, то съ пригорка зараза отъ нихъ быстро проникнетъ въ оныя села. 4) Крайней нужды къ введенію въ Кирилловскій монастырь оныхъ опасныхъ людей нѣтъ, потому что и безъ сего монастыря многія мѣста, внѣ г. Кіева, сыскатись могутъ. Въ помянутомъ селѣ Плоскомъ на мѣщанскихъ хуторахъ есть довольно помѣстительнаго жилья, въ которыхъ можно помѣстить опасныхъ людей въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ монастырѣ. Если же, за близостію отъ Кіева села Плоскаго, незаспособно окажется отводить находящіяся въономъ жилья для людей опасныхъ, то таковыя жилья, для размѣщенія ихъ, имѣются и при томъ еще въ большемъ количествѣ на Куреневщинѣ и на Преоркѣ; сіи села и довольно отдалены отъ Кіева, и воздухъ въ нихъ здоровѣе; да и островъ Осетщина не худое мѣсто для такого дѣла, а равно и другія мѣстя по сей и по той сторонѣ Днѣпра гораздо лучше могутъ способствовать помѣщенію на нихъ зараженныхъ опасною болѣзнію, чѣмъ Кирилловскій монастырь. Затѣмъ 5) и въ Наказѣ г.г. губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, 1728 года сентября 12 дня состоявшемся, между протчаго, напечатано: ежели въ которыхъ домѣхъ моровая язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывесть въ особливыя пустыя мѣста далѣе отъ жилья и около ихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы оные никуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду оныхъ, и недожидаясь ихъ тѣмъ здоровымъ людямъ отходить прочь, и никакого сообщенія съ ними отнюдь не имѣть".

Доношеніе свое архимандритъ Кириллъ заключилъ просьбою: „ради прописанныхъ резоновъ письменно, куда слѣдуетъ, сообщить, чтобъ для зараженныхъ людей иное сыскано было мѣсто,

а Кіево-Кирилловскій монастырь, дабы въ крайнюю бѣдность и разореніе пріитить не моглъ, уволить".

Подобное генералъ-губернаторскому требованіе и Кіевскій магистратъ, чрезъ свою команду, предъявилъ Кіево-Кирилловскому архимандриту 21 сентября 1770 года, съ приказаніемъ „безотлагательно очистить монастырскія келіи для помѣщенія людей изъ домовъ, зараженныхъ опасною язвою". Объ этомъ приказаніи упомянутый архимандритъ также донесъ Кіевской Консисторіи репортомъ отъ 24 числа того же сентября и просилъ по оному учинить разсмотрѣніе.

Генералъ-губернаторское и магистратское требованія, равно и оба доношенія Кирилловскаго архимандрита съ монастырскою братіею Кіевская Консисторія отправила на благоусмотрѣніе святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ прописаніемъ въ своемъ репортѣ, что „обстоятельства, изложенныя въ отношеніяхъ Кіево-Кирилловскаго архимандрита и монастырской братіи она признаетъ заслуживающими уваженія и съ своей стороны считаетъ дерзостію, безъ Синодальной резолюціи, имѣющихся въ Кіево-Кирилловскомъ монастырѣ монаховъ выводить въ другіе монастыри, а въ тотъ монастырь вводить для пребыванія опасныхъ людей" [1]).

Святѣйшій Синодъ, заслушавши репортъ Кіевской Консисторіи и приложенныя къ нему (въ оригиналѣ) генералъ-губернаторское и магистратское требованія, а равно и упомянутыя доношенія Кіево-Кирилловскаго архимандрита съ братіею, постановилъ: „Понеже означенное въ семъ дѣлѣ отъ господина генералъ-губернатора требованіе, какъ изъ него явственно Консисторіи усмотрѣть было можно, послѣдовало по самой необходимой нуждѣ, для соблюденія отъ угрожаемой гибели всего общества, и потому въ такомъ самонужнѣйшемъ требованіи и переписки чинить и исполненіемъ медлить отнюдь оной Консисторіи не слѣдовало,—того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: въ Кіевск. Консисторію послать указъ, коимъ наистрожайше подтвердить, чтобъ

---

[1]) Тамъ же.

по вышепрописанному господина генер.-губернатора требованію учинено было непремѣнное исполненіе какъ найскорѣе, не чиня ни съ кѣмъ никакихъ переписокъ,—о чемъ и Кіевскому митрополиту, преосвященному Гавріилу, дать знать указомъ же съ тѣмъ, чтобы онъ какъ Консисторію свою, такъ и архимандрита за нескорое по оному губернаторскому сообщенію исполненіе и за продолженіе чрезъ ненадлежащія переписки времени, по своему усмотрѣнію, безъ оштрафованія не оставилъ. О такомъ же постановленіи, для вѣдома, и къ Кіевскому господину генералъ-губернатору Воейкову указъ изъ Святѣйшаго Синода послать" [1]).

Указы съ содержаніемъ сего постановленія состоялись 18 октября 1770 года и въ тотъ же день были отправлены, одинъ въ Кіевскую Консисторію, другой Кіевскому митрополиту, проживавшему тогда, по случаю моровой язвы, въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, недалеко отъ Глухова, и отсюда черезъ свою походную контору управлявшему Кіевскою митрополіею, а третій Кіевскому генералъ-губернатору Воейкову.

Какъ только получены были вышепрописанные указы, развязка дѣла, касавшагося Кіево-Кирилловскаго монастыря, немедленно послѣдовала, и зараженные чумою стали безпрепятственно помѣщаться въ монастырѣ до совершеннаго прекращенія въ Кіевѣ чумы. Что же касается лицъ, которые перепискою своею противодѣйствовали обращенію монастыря во временный лазаретъ, оштрафованіе ихъ состоялось только спустя больше года послѣ того, какъ состоялись три вышепрописанные Синодальные указы. Митрополитъ Гавріилъ, 19 ноября 1771 года, отдалъ въ свою походную контору слѣдующій приказъ: Во исполненіе указа Ея Императорскаго Величества, послѣдовавшаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода 18 октября 1770 года въ Кіевскую духовную Консисторію послать указъ, и симъ указомъ повелѣть: присутствующимъ въ оной Консисторіи и докладывавшему имъ дѣло, равно и начальнику Кирилловскаго монастыря архимандриту Кириллу, за изображенное ихъ преступленіе, учинить ре-

[1]) Арх. Кіев. Конс., кн. Синод. указовъ, за 1771 г.

примандъ, въ присутствіи правящаго въ домовомъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ проповѣдника іеромонаха Иліи, съ наикрѣпчайшимъ притвержденіемъ имъ, присутствующимъ, докладчику и архимандриту, дабы они, помня свою, при опредѣленіи ихъ къ дѣламъ, присягу и возложенную на нихъ довѣренность, поступали впредъ въ дѣлахъ съ расторопностію и съ уваженіемъ общественной (паче приватной) пользы, отъ которой зависитъ высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ, споспѣшествуя оному всѣми мѣрами, а не съ оплошностію и невниканіемъ въ существо дѣла, отъ чего удобно могутъ происходить разныя вредительныя послѣдствія, а иногда, по упущенію благовременства, и ненаградимыя; за таковыми же послѣдствіями ближе ожидать надлежитъ всей строгости законовъ, нежели, по снисхожденію команды, прощенія, кое хотя иногда и надежно бываетъ, но не выходитъ однако жъ изъ предѣловъ правосудія. А какъ реченный архимандритъ со своего монастыря братіею присутствующимъ въ Консисторіи къ неисполненію, по требованію его высокопревосходительства, подалъ причину своими не дѣльными, въ столь нужномъ случаѣ, представленіями; докладчикъ же, при докладѣ оныхъ представленій, не учинилъ имъ надлежащей, по своему званію, предосторожности: то имъ архимандриту и того же дѣла докладчику, сверхъ репpиманда, быть и на хлѣбѣ да на водѣ чрезъ три дня въ Софійскомъ монастырѣ; ему жъ архимандриту въ то время и ни креста, ни шапки (митры), ни мантіи архимандричьихъ не употреблять. А какъ и монахи его тому жъ соучастники, то и онымъ въ своемъ монастырѣ чрезъ цѣлую недѣлю быть же на хлѣбѣ и на водѣ. И сей о всѣхъ въ преступленіи оказавшихся, штрафъ, записавъ на особомъ листѣ, прислать въ походную мою контору. И о томъ изъ моей конторы въ Консисторію послать указъ при особливомъ къ означенному проповѣднику Иліи указѣ жъ, въ которомъ предписать, дабы онъ, получивъ тотъ при своемъ указѣ запечатанный и въ Консисторію надписанный указъ, не распечатывая приватно, далъ знать всѣмъ въ Консисторіи присутсвующимъ и реченному архимандриту, чтобъ они въ Софійскій монастырь съѣхались и, не входя въ присутственную камеру, собрались въ

особливой палатѣ и дожидались, пока будутъ позваны. А какъ соберутся, то ему, проповѣднику Иліи, взявъ съ собою монастырскаго правленія писаря Григорія Золотоверхаго, пойти въ присутственную камеру и тамъ взять ему за судейскимъ столомъ мѣсто, и тогда уже позвать ихъ, присутствующихъ, и архимандрита, тако жъ и докладчика предъ себя; и не давъ имъ мѣстъ, но стоящимъ имъ, приказать оному писарю, распечатавъ надписанный въ Консисторію указъ прочитать въ слухъ, и по прочтеніи исполнить указомъ повелѣнное, потомъ объявить присутствующимъ, чтобъ они на другой уже день паки вступили въ присутствіе и въ правленіе дѣлъ по Консисторіи; а докладчику вступить въ докладъ на третій день, когда освободится отъ сидѣнія на хлѣбѣ да на водѣ, между тѣмъ же докладывать дѣла повитчикамъ; также и архимандрита, по содержаніи его на хлѣбѣ да водѣ жъ чрезъ три дня, отпустить изъ Софіевскаго въ Кирилловскій монастырь по прежнему къ правленію, при его архимандричьей чести, и отпуская, приказать ему, чтобъ онъ повелѣнное и съ братіею своего монастыря непремѣнно исполнилъ и по исполненіи въ Консисторію отрепортовалъ..." [1]). Все это и было исполнено въ декабрѣ 1771 г.

Штрафъ, которому виновные были подвергнуты, безъ сомнѣнія, былъ весьма снисходительнымъ. Но снисходительность его главнымъ образомъ зависѣла отъ того, что не задолго предъ тѣмъ опубликовано было Синодальное опредѣленіе, состоявшееся 21 мая 1767 года, которымъ воспрещалось духовнымъ командамъ „чинить своимъ подначальнымъ пристрастные допросы и разныя тѣлесныя наказанія чрезъ побои" [2]).

Непріятная участь, постигшая Кирилловскій монастырь въ 1770 году, послужила печальнымъ прецедентомъ въ его послѣдующей судьбѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что выраженное медицинскими чинами „мнѣніе, якобы Кирилловскій монастырь и по способности, и по близости и хорошему воздуху есть самое лучшее мѣсто для лазарета", послужило однимъ изъ главныхъ основа-

[1]) Тамъ же.

[2]) Это опредѣленіе было опубликовано указомъ Св. Синода 20 мая 1771 г. № 715. См. Арх. Кіев. Консист., кн. Синод. указовъ за 1771 г.

ній для изданія высочайшаго указа, отъ 10 апрѣля 1786 года, которымъ предписано упразднить этотъ монастырь, а въ зданіяхъ его помѣстить престарѣлыхъ инвалидовъ и открыть богоугодныя заведенія съ домомъ умалишенныхъ.

II.

Чумная эпидемія оставила одинъ полезный слѣдъ въ исторіи нашего города: благодаря ей въ Кіевѣ были учреждены особыя кладбища.

Какъ извѣстно, учрежденіе особыхъ городскихъ кладбищъ въ Россіи—дѣло сравнительно не давнее. Въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ городахъ (не говоримъ уже о мѣстечкахъ и селахъ), съ древнѣйшихъ временъ и до 1772 года покойниковъ хоронили на погостахъ приходскихъ церквей, и только иновѣрцы (евреи, а въ XVIII ст. и нѣмцы) имѣли внѣ городской черты особыя кладбища. Поводомъ къ прекращенію этого вѣкового обычая послужила именно чумная эпидемія 1770 г. Въ это время императрица Екатерина командировала въ Малороссію гвардейскаго генералъ-майора Михаила Ивановича Шипова съ нѣсколькими офицерами и врачами и возложила на него порученіе „спасать Кіевъ и его окрестности отъ моровой язвы“, а главнымъ образомъ не допустить ей проникнуть въ центральныя губерніи. Шиповъ Кіева не спасъ, онъ даже боялся показаться сюда, оставаясь въ теченіе всего опаснаго времени на 60-ти верстномъ разстояніи, въ черниг. губерніи, и навѣдался въ Кіевъ лишь въ половинѣ марта 1771 года, когда эпидемія здѣсь почти совсѣмъ прекратилась. Точно такъ же, несмотря на усиленные кордоны, которыми онъ оцѣпилъ Малороссію, не удалось ему локализировать заразу, все таки проникшую даже въ Москву и, какъ извѣстно, причинившую здѣсь ужасныя бѣдствія. Но Шипову принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ первый обратилъ вниманіе на вредъ въ санитарномъ отношеніи вѣкового обычая хоронить покойниковъ на церковныхъ погостахъ и возбудилъ вопросъ объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ для этого мѣстъ, внѣ черты городского поселенія. Любопытная переписка

по этому предмету хранится въ дѣлахъ Кіевской Дух. Консисторіи, и изъ нея извлечены нижеслѣдующія подробности.

Въ февралѣ 1772 года Шиповъ писалъ митрополиту Гавріилу Кременецкому: „Во исполненіе высочайшей воли Ея Императорскаго Величества, которая въ томъ поручена мнѣ, чтобы спасать Кіевъ и всю окрестность его отъ опасной болѣзни, которая и такъ не мало времени продолжалась, я, изыскивая всѣ къ предосторожности нужныя средства, и соображая произшедшія по опытамъ обстоятельства, между прочимъ нашелъ и то неблагоустроеніе, что положеніе жительствъ въ здѣшнемъ старомъ верхнемъ городѣ тѣсное, а въ части, называемой Подолъ, и тѣсное и низкое, гдѣ мертвыя тѣла погребаются при приходскихъ церквахъ между самымъ жильемъ и гдѣ полагаются гробы на гробы и столько оныхъ намножилось, что, не вырывъ прежнихъ, вновь погребать почти уже не можно. Безъ сомнѣнія, сіе неблагоустроеніе весьма опасно, тѣмъ паче что вешнее и осеннее время, своею влажностію растворяя землю, открываетъ испаренія, кои, огустѣвая воздухъ, производятъ нечувствительнымъ образомъ разныя болѣзни. Были жъ между тѣмъ зрители и того, что въ прошломъ 1770 г., когда во время заразы умершіе погребены были при Кіево-Подолѣ на низкомъ и недалече отъ рѣки Днѣпра мѣстѣ, то наводненіемъ и великою влажностію отъ дождей снесло могилы надъ мертвыми и сдѣлало тѣла ихъ откровенными, при чемъ и то случилось, что нѣкоторыя мертвыя тѣла и собаками таскаемы были. Зрѣлище сіе единое приводитъ уже въ ужасъ. Но входя далѣе въ изслѣдованіе всего, чѣмъ сопровождается упомянутое мною неблагоустроеніе, и какую великую бѣду въ обществѣ оное произвести можетъ, я вынуждаюсь прибѣгнуть къ вящшей предосторожности, чтобы, послѣдуя примѣру благоразумныхъ учрежденій въ разныхъ россійскихъ городахъ, по немалости и сего города, устроить для умершихъ Кіево-подольскихъ и верхняго города жителей особыя на высокихъ загородныхъ мѣстахъ для кладбищей церкви и, снабдивъ ихъ всѣмъ надлежащимъ, отвести при оныхъ довольныя для погребеній мѣста, которыя не въ близкомъ разстояніи были бъ отъ жилищъ;—о чемъ уже и сообщено мною его высокопревосходи-

тельству господину генералъ-аншефу, кіевскому генералъ-губернатору и кавалеру Ѳеодору Матвѣевичу Воейкову, дабы для устроенія такихъ церквей и погребенія при оныхъ мертвыхъ отведены были удобныя на высокихъ мѣстахъ и внѣ жилья кладбища, и на оныхъ устроены были церкви, и чтобы постановлено было правиломъ, дабы во всѣхъ частяхъ города внутри жилья нигдѣ никѣмъ мертвыя погребаемы не были; равно жъ я просилъ его высокопревосходительство и для Кіево-Печерскаго форштата отвесть и назначить въ отдаленіи отъ жилья для погребенія мѣста. Поелику же все сіе также относится и до разсмотрѣнія вашего преосвященства, то за нужное нахожу сообщить о томъ и вашему преосвященству, надѣясь, что ваше преосвященство, споспѣшествуя общему благу, не оставите дать свое благословеніе и надлежащее повелѣніе и подчиненному вамъ духовенству. О томъ, что по сему положено будетъ, покорнѣйше прошу ваше преосвященство дать мнѣ извѣстіе" [1]).

На основаніи резолюціи митрополита Гавріила, Походная Контора его учинила слѣдующую справку: „сего 1772 года, генваря 4 дня, его преосвященствомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода прошлаго 1771 г. ноября 29 дня состоявшійся полученъ указъ, въ коемъ изображено: минувшаго 1771 г. ноября 22 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду изъ правительствующаго Сената для свѣдѣнія приложены копіи указа, каковыя изъ онаго Правительствующаго Сената тогожъ 1771 г. ноября отъ 17 дня отправлены къ господамъ губернаторамъ, такожъ въ губернскія провинціальныя и воеводскія канцеляріи въ вящшую предосторожность отъ заразительной болѣзни; а какъ въ оныхъ указахъ правительствующимъ Сенатомъ между прочимъ опредѣлено, чтобъ по городамъ при церквахъ никого не хоронили, а отвели бы господа губернаторы для того особыя кладбища за городомъ, на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, построя при оныхъ на первый случай хотя не большія деревянныя церкви; то для того правительствующій сенатъ требовалъ, дабы святѣйшій Синодъ благоволилъ послать о

---

[1]) Архив. Кіев. Консисторіи, см. Сборникъ указовъ за 1772 г.

семъ вѣдѣнія своего въ духовныя команды указы; и по указу Ея Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: о надлежащемъ по означенному, изданному отъ Правительствующаго Сената, указу исполненіи въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору, къ синодальнымъ членамъ и прочимъ епархіальнымъ архіереямъ и въ ставропигіальныя Лавры и монастыри послать указы, коими всѣмъ духовнаго вѣдомства людямъ поступать не иначе, какъ тѣми указами учреждено, во всемъ непремѣнно, и погребеніе всѣмъ умирающимъ городскимъ жителямъ и поминовеніе по оныхъ чинить при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ тѣхъ церквей, кто гдѣ въ приходѣ жительствуетъ, приходскимъ священникамъ,—а кому тѣ кладбищенскія церкви въ смотрѣніе поручить, оное оставить на разсмотрѣніе епархіальныхъ архіереевъ; особаго же причта не опредѣлять. А ежели преосвященные архіереи усмотрятъ гдѣ необходимую надобность быть при тѣхъ кладбищенскихъ церквахъ особому причту, о томъ съ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и на какомъ основаніи тому причту, безъ обиды приходскимъ священникамъ и безъ отягощенія обивателямъ, быть, представлять Святѣйшему Синоду; о чемъ и правительствующему сенату сообщено свѣдѣніе съ тѣмъ, что не разсудитъ ли оный сенатъ господамъ губернаторамъ и воеводамъ подтвердить, дабы они, по случаю имѣемаго быть при кладбищахъ особыхъ церквей строенія, въ отводѣ тѣхъ мѣстъ и въ построеніи оныхъ церквей возъимѣли сношеніе съ духовными Командами, отъ которыхъ иногда при способныхъ къ кладбищамъ мѣстахъ и прежде построенныя церкви назначены быть могутъ; въ силу котораго указа отъ его преосвященства и приказано всѣмъ епархіи Кіевской духовнымъ людямъ непремѣнное по оному изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода указу и таковымъ же указамъ изъ сената чинить исполненіе... Указъ о семъ приказѣ изъ походной его преосвященства конторы уже посланъ въ духовную Кіевскую Консисторію, а изъ оной во всѣ духовныя правленія и монастыри" [1]).

На справкѣ сей митрополитъ Гавріилъ положилъ такую резолюцію: „въ подтвержденіе уже посланнаго указа изъ По-

[1]) См. Тамъ же.

ходной Конторы послать въ Кіевскую духовную Консисторію новый указъ, коимъ и по письму его превосходительства генералъ-маіора Шипова предписать, дабы, по требованіямъ его превосходительства, во всемъ, касающемся устроенія церквей и особыхъ кладбищъ на возвышенныхъ мѣстахъ внѣ г. Кіева, она непремѣнное чинила исполненіе". Резолюція эта была исполнена 12 февраля 1772 г.

Настоятельное требованіе генералъ-маіора Шипова объ отводѣ въ Кіевѣ особыхъ кладбищъ было поддержано и кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Воейковымъ, который въ началѣ марта 1772 года писалъ кіевскому митрополиту:

„Вашему Преосвященству извѣстно, что указами правительствующаго Сената — первымъ отъ 17 ноября минувшаго 1771 г. велѣно для погребенія мертвыхъ учредить особыя кладбища за городомъ на выгонныхъ земляхъ, гдѣ способнѣе, и при оныхъ на первый случай построить небольшія деревянныя церкви, а вторымъ отъ 31 декабря того жъ года, чтобъ объ отводѣ въ городахъ для кладбищъ особыхъ мѣстъ и о построеніи при оныхъ церквей имѣть сношеніе съ духовными командами, которыя могутъ иногда, по своему усмотрѣнію, какъ и святѣйшій синодъ въ вѣдѣніи своемъ пишетъ, назначать къ тому и прежде построенныя готовыя церкви. Вслѣдствіе сего, по приказанію моему, удобныя для кладбищъ мѣста для всѣхъ трехъ частей сего города порознь и изысканы, а именно: для жителей здѣшней крѣпости съ предмѣстьями мѣсто разстояніемъ отъ жилья въ полуверстѣ, между коммуникаціонною линіею къ рѣкѣ Лыбеди; для верхняго города Кіева за Львовскими воротами, отъ крѣпости разстояніемъ болѣе полуверсты и отъ жилья, тамо находящагося, называемаго Кудрявца, въ полуверстѣ жъ; для нижняго города, называемаго Подола, при взводѣ Чикирдиномъ, на урочищѣ Щекавицѣ, которое отъ жилья отдаленное и къ погребенію способное. О семъ вашему преосвященству давъ знать, покорнѣйше прошу вышепомянутыя мѣста приказать и отъ своей стороны освидѣтельствовать, и тѣ ль самыя или другія, по разсмотрѣнію вашего преосвященства, къ сему предмету удобными будутъ избраны, а притомъ о построеніи при оныхъ церквей и о другихъ къ

сему нужныхъ, по усмотрѣнію вашего преосвященства учрежденіяхъ—меня пожаловать увѣдомить, дабы сіе, какъ для общества весьма нужное дѣло, безъ замедленія къ исполненію приведено быть могло.

На отводъ указанныхъ генералъ-губернаторомъ мѣстъ для устройства новыхъ кладбищъ преосвященный Гавріилъ поспѣшилъ изъявить свое согласіе. Мѣста эти въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1772 г. были отмежеваны, а въ маѣ тогоже года окопаны глубокими рвами и вслѣдъ затѣмъ окроплены святою водою. Въ то же время послѣдовало распоряженіе епархіальной и гражданской властей о безусловномъ закрытіи кладбищъ при всѣхъ приходскихъ церквахъ г. Кіева и обязательномъ погребеніи покойниковъ на вновь открытыхъ кладбищахъ. Жителямъ Кіево-Подола предписано было погребать покойниковъ своихъ на возвышенности, называвшейся и теперь называющейся Щекавицею, а для удобнѣйшаго сообщенія съ этою возвышенностію отъ взвода Чикирдинъ, примыкавшаго одною стороною къ Глубочицѣ, а другою къ тому мѣсту, гдѣ теперь старообрядческое кладбище, была проведена удобная дорога. Такъ какъ правительство не ассигновало денегъ на постройку церквей на вновь отведенныхъ кладбищахъ, то граждане, жившіе на Кіево-Подолѣ, собственнымъ коштомъ построили каменную церковь на Щекавицѣ съ такою же колокольнею. Церковь эта была освящена митрополитомъ Гавріиломъ 16 іюня 1782 во имя Всѣхъ Святыхъ. Въ половинѣ текущаго столѣтія къ ней пристроенъ теплый предѣлъ, а въ недавнее время она изъ кладбищенской переименована въ приходскую, но кладбище при ней еще не закрыто.

Для кіевлянъ, населявшихъ такъ называемый Старый Кіевъ, было отведено кладбище на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится новая Старо-Кіевская Вознесенская церковь. Это кладбище существовало безъ церкви и было закрыто въ шестидесятыхъ годахъ истекающаго столѣтія, такъ какъ пустопорожнія мѣста, окружавшія его, стали быстро заселяться, по причинѣ умноженія народонаселенія въ Кіевѣ. Взамѣнъ его тогдаже было открыто новое кладбище близъ Лукьяновки.

Не особенно долго существовало и предназначенное для жителей Кіево-Печерска кладбище, которое въ 1772 г. было отведено на той возвышенности Печерска, гдѣ теперь саперные бараки. Императоръ Николай Павловичъ, расширяя въ сороковыхъ годахъ кіево-печерскую крѣпость, распорядился перенести это кладбище на Байкову гору. Здѣсь въ 1841 г., тщаніемъ тогдашняго старосты Кіево-Софійскаго Собора Батухина и другихъ благотворителей, была построена деревянная церковь во имя Св. Димитрія и освящена бывшимъ викаріемъ Кіевскимъ, епископомъ Іереміею.

Протоіерей **П. Орловскій.**

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

III.

Возобновленіе исковъ о козачествѣ; сенатскіе указы по этому поводу.—Разрѣшеніе вопроса о правѣ малороссійскихъ козаковъ на владѣніе землею.—Переселеніе козаковъ въ Новороссію и Черноморію.—Сравненіе панцырныхъ бояръ съ малороссійскими козаками въ отношеніи ихъ правъ и повинностей.—Покровительственное отношеніе правительства къ козакамъ.

Если у малороссійской сословной группы, оффиціально признанной свободными козаками, сохранился, быть можетъ, отъ всѣхъ прежнихъ правъ, вольностей, традицій, лишь одинъ „воинственный духъ", то нельзя того же сказать о злосчастныхъ потомкахъ вольныхъ козаковъ, такъ или иначе не доказавшихъ своего права на включеніе въ реорганизованное Румянцевымъ сословіе малороссійскихъ козаковъ и попавшихъ въ крѣпостную зависимость.

И это совершенно понятно: малороссійскіе козаки, сохранивъ право личной свободы,—самое дорогое изъ всѣхъ своихъ правъ,—менѣе чувствовали потерю другихъ правъ и съ легкимъ сердцемъ забыли даже о томъ, чѣмъ когда то, можетъ быть, очень дорожили; закрѣпощенные же потомки бывшихъ козаковъ въ своей тяжкой долѣ живѣе чувствовали всю разницу прежняго своего положенія съ новымъ и горячо оплакивали всѣ свои вольности.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г. № 4.

Какъ ни были ограничены права малороссійскихъ козаковъ къ концу XVIII вѣка, но все таки ихъ свободное состояніе не могло сравниться съ тяжкимъ безправіемъ крестьянства и не могло не возбуждать зависти у случайно закрѣпощенныхъ и стремленія добиться освобожденія изъ-подъ панской зависимости и утвержденія въ козачьихъ правахъ. Это стремленіе особенно усилилось послѣ обнародованія указа императора Павла I отъ 30 ноября 1796 года „о возстановленіи въ Малороссіи правленія и судопроизводства сообразно малороссійскимъ правамъ и прежнимъ обрядамъ[1]) „и коронаціоннаго манифеста императора Александра I отъ 15 сентября 1801 г., подтверждавшаго дарованныя въ предшествовавшее царствованіе льготы[2]).

Иски о козачествѣ настолько умножились, что мѣстныя власти считали нужнымъ установить по этому вопросу единообразіе и испросить точныя указанія у центральнаго правительства, чѣмъ руководствоваться при разрѣшеніи подобнаго рода дѣлъ. Черниговскій губернскій прокуроръ обратился рапортомъ къ министру юстиціи о томъ, что „онъ, прокуроръ, замѣтилъ въ малороссійскихъ присутственныхъ мѣстахъ разнообразныя опредѣленія по дѣламъ ищущихъ свободы изъ укрѣпленія помѣщиковъ, и что по инымъ десятилѣтняя давность принимается во уваженіе, а по инымъ оная опровергается, и ищущіе вольности отдаются во владѣніе"; такъ какъ при этомъ просители основывали свои доводы или на ссылкѣ на указъ императора Петра I отъ 16 апрѣля 1723 года, которымъ повелѣвалось, между прочимъ, зачислять въ козаки неправильно укрѣпленныхъ въ подданствѣ, съ составленіемъ точныхъ списковъ о числѣ козаковъ, съ цѣлями, о которыхъ мы упоминали выше, или на документальныхъ справкахъ изъ козачьихъ реестровъ, компутовъ, о томъ, что предки просителей были записаны въ нихъ и были, слѣдовательно, полноправными козаками, или же, наконецъ, на „свидѣтельствѣ малороссійскихъ жителей" о принадлежности предковъ просителя къ числу козаковъ, то прокуроръ просилъ

---

[1]) П. С. З. № 17594.

[2]) П. С. З. № 20011.

разъясненія, слѣдуетъ ли при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ требовать какъ документальныхъ справокъ изъ компутовъ, такъ и „свидѣтельствъ малороссійскихъ жителей", или же можно ограничиваться тѣмъ, или другимъ. Министръ юстиціи передалъ рапортъ черниговскаго губернскаго прокурора чрезъ оберъ-прокурора сената Аверина на разсмотрѣніе сената, вслѣдствіе чего сенатъ постановилъ: „предписать указами малороссійскимъ губернскимъ правленіямъ, двумъ департаментамъ генеральныхъ судовъ и малороссійскому генералъ-губернатору" довольствоваться при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ однимъ изъ двухъ, или представленными точными справками изъ компутовъ, или же изустными свидѣтельствами, подъ условіемъ подтвержденія ихъ подъ присягою; что же касается давности относительно возбужденія подобнаго рода исковъ, то „поелику высочайшими и всемилостивѣйшими указами, 1796 г. ноября 30 дня, 1801 г. сентября 15 дня состоявшимися, Малороссіи предоставлены прежнія ихъ права, а Статута литовскаго, коимъ Малороссія судится, раздѣла 12-го артикула 13-го давность десятилѣтняя на таковыя дѣла не простирается, да и по указу 1784 г. мая 31 дня ревизія не почитается крѣпостію, то на дѣла ищущихъ свободы отъ владѣнія помѣщиковъ десятилѣтней давности относить не должно". Обо всемъ этомъ состоялся сенатскій указъ отъ 2 іюля 1803 г.[1]).

Такое разъясненіе сената о непримѣненіи десятилѣтней давности къ искамъ о козачествѣ значительно увеличило число этихъ исковъ. Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ доносилъ сенату, что „по силѣ указа сената о неотношеніи по дѣламъ ищущихъ вольности людей десятилѣтней давности, малороссійскій народъ, будучи подстрекаемъ тамошними юриспрудентами, цѣлыми селеніями поднялся на подачу просьбъ объ отысканіи козачества, и многіе изъ нихъ вообразили, что подавъ просьбу, можно уже и не слушаться помѣщиковъ".

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.—Сверху приписка рукою извѣстнаго А. И. Чепы: „о присужденіи въ козаки по прежнимъ реестрамъ, и по свидѣтельствамъ съ осторожностію".

Въ виду этого, сенатъ принужденъ былъ издать въ томъ же 1803 г. новый указъ отъ 3 декабря, въ разъясненіе вышеприведеннаго.

По мнѣнію сената, указъ его отъ 2 іюля былъ неправильно истолкованъ мѣстнымъ населеніемъ, вслѣдствіе ложнаго представленія о томъ, кто имѣетъ безусловное право именоваться козакомъ, а слѣдовательно, и претендовать на это званіе.

„Издревле—говорится въ указѣ отъ 3 декабря—званіе козаковъ раздѣлялось на разныя степени, которыя въ правахъ своихъ всегда были различны, а съ 1765 года свободными изъ нихъ остались только тѣ, которые извѣстны были подъ именемъ выборныхъ или реестровыхъ козаковъ, протчіе-жъ, какъ то: козаки-подпомощники и козачьи подсосѣдки, равно какъ и наемники выборныхъ козаковъ, тогда же поступили въ рублевый по хатамъ окладъ и, пользуясь правомъ перехода, отбывали отъ службы, принимая званіе посполитыхъ и мѣняясь съ ними правомъ и осѣдлостями". Манифестъ отъ 3 мая 1783 года, по мнѣнію сената, оставилъ свободными только однихъ реестровыхъ или выборныхъ козаковъ, которые только и были записаны въ списки реорганизуемаго козачьяго сословія во время производства ревизіи 1782 года. Отсюда само собою понятно, что сенатъ считалъ подлежащими разсмотрѣнію лишь иски о козачествѣ *выборныхъ козаковъ* или ихъ потомковъ, потерявшихъ почему либо свободу. При такомъ толкованіи почти всѣ иски такого рода пріурочивались ко времени ревизіи 1782 года и манифеста 1783 г., такъ какъ до этого времени, по мнѣнію сената, „вольнаго человѣка укрѣплять за собою никто никакой выгоды не имѣлъ, потому что переходъ по Малороссіи былъ свободенъ, отчего и случаи къ отысканію вольности могли быть очень рѣдки".

Такое разъясненіе сената значительно упрощало разрѣшеніе вопроса объ искахъ о козачествѣ, и главное очень уменьшено ихъ количество.

Кромѣ разъясненія по существу, сенатъ далъ и точную инструкцію, которой нужно было руководствоваться на будущее время при разрѣшеніи исковъ о козачествѣ, нѣсколько видоиз-

мѣнявшую сущность сенатскаго указа отъ 2 іюля 1803 года. Согласно этой инструкціи, „отыскивающій козачества въ первоначальной своей просьбѣ обязанъ объявить, что онъ происходитъ отъ предка, служившаго козакомъ и состоявшаго въ реестрѣ выборныхъ козаковъ, или такъ называемомъ компутѣ, и таковымъ числился до самой ревизіи 1782 года, но при оной, или въ послѣдующее затѣмъ время, въ числѣ владѣльческихъ подданныхъ написанъ для укрѣпленія несправедливо, на что и *долженъ представить* при сей же просьбѣ достовѣрныя, ясныя и никакому сомнѣнію неподверженныя *письменныя доказательства, подкрѣпляемыя свидѣтелями,* что онъ дѣйствительно происходитъ отъ таковыхъ предковъ". При отсутствіи документальныхъ данныхъ, проситель долженъ былъ представить свидѣтелей, которые могли бы показать подъ присягой, что проситель дѣйствительно изъ козачьяго рода; свидѣтелей нужно было представить не менѣе двѣнадцати человѣкъ, и притомъ, чтобы они были или дворяне, или козаки, купцы и мѣщане. Возбуждавшіе иски о козачествѣ должны были подавать свои прошенія повѣтовымъ стряпчимъ, членамъ и писарямъ повѣтовыхъ судовъ, и притомъ не на дому, во избѣжаніе злоупотребленій, а въ присутствіяхъ повѣтовыхъ судовъ. Если при ближайшемъ разсмотрѣніи иска оказывалось, что проситель по ревизіи 1782 г. числился еще козакомъ и былъ закрѣпощенъ послѣ этой ревизіи, то повѣтовые суды должны были дѣлать немедленно распоряженіе объ освобожденіи изъ крѣпостной зависимости, хотя бы со стороны владѣльца и былъ заявленъ протестъ[1]).

Почти одновременно съ упорядоченіемъ веденія исковъ о козачествѣ, былъ разрѣшенъ очень важный вопросъ о правѣ козаковъ на неограниченное владѣніе принадлежащей имъ земельной собственностью.

Малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ вошелъ съ докладомъ въ сенатъ, въ которомъ высказывалъ

---

1) Содержаніе указа отъ 3 декабря 1803 года приведено здѣсь по рукоп. Яготин. архива съ помѣтою А. И. Чепы: „въ поясненіе указа предъ симъ послѣдовавшаго, какъ производить дѣла по искамъ о козачествѣ и на чемъ оные основывать".

мнѣніе, что крайне несправедливо лишать козаковъ права свободно распоряжаться принадлежащей имъ земельной собственностью, такъ какъ со временъ Богдана Хмельницкаго они были полными собственниками, и если и послѣдовало въ 1739 году запрещеніе имъ продавать ихъ участки, которое и было подтверждено въ 1741 г., то это была лишь временная мѣра, „до окончанія войны и будущаго государева соизволенія, по причинѣ военнаго тогдашняго времени, чтобы козаки продажею имѣній своихъ не оскудѣвали въ исправленіи службы". Уже указомъ императрицы Елизаветы Петровны отъ 12 декабря того же 1741 года, возстановлявшимъ во всей силѣ всѣ указы и регламенты императора Петра Великаго, а слѣдовательно, и грамоты отъ 1 ноября 1708 года и отъ 6 февраля 1711 года, подтверждавшія „всѣ права и привилегіи малороссійскаго народа, при поддачѣ гетмана Богдана Хмельницкаго данныя", возвращено было козакамъ неограниченное право собственности; впослѣдствіи же „всѣ древнія права и привилегіи Малой Россіи жалованныя" были подтверждены грамотами при избраніи на гетманство графа К. Г. Разумовскаго, отъ 15 декабря 1749 года и отъ 22 мая 1751 г., а также указами въ началѣ царствованій императоровъ Павла I и Александра I, отъ 30 ноября 1796 г. и отъ 9 сентября 1801 года. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, въ дальнѣйшемъ ограниченіи права собственности по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ не было надобности со введеніемъ подушной подати, замѣнившей натуральную воинскую повинность козаковъ, и съ уничтоженіемъ произвола старшинъ, которые, пользуясь своей неограниченною военной и гражданской властью, могли разными притѣсненіями принуждать козаковъ къ продажѣ или промѣну за дешевую цѣну принадлежавшихъ имъ земельныхъ участковъ; напротивъ того, подобное ограниченіе препятствуетъ полному упорядоченію малороссійскаго землевладѣнія, сохраняя черезполосицу, мѣшая благоустройству отдѣльныхъ хозяйствъ и препятствуя разрѣшенному переселенію козаковъ въ екатеринославскую и другія губерніи.

Сенатъ вполнѣ согласился съ доводами князя А. Б. Куракина, вслѣдствіе чего состоялось слѣдующее постановленіе:

„Сенатъ, сообразивъ всѣ писанныя въ мнѣніи малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина обстоятельства съ именными указами, прошлаго 1802 г. декабря 12 и сего года февраля 20 состоявшимися, изъ коихъ первымъ предоставлено между прочимъ и всѣмъ казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, пріобрѣтать покупкой земли, а въ послѣднемъ въ 8-й статьѣ изображено: какъ скоро крестьяне, отпущенные отъ помѣщиковъ на волю, получатъ земли въ собственность, будутъ имѣть право продавать, закладывать и оставлять въ наслѣдіе, не раздробляя однако жъ участковъ менѣе восьми десятинъ, равно имѣютъ они право вновь покупать земли, а потому и переходить изъ одной губерніи въ другую, но не иначе какъ съ вѣдома казенной палаты для перечисленія ихъ подушнаго оклада и рекрутской повинности,—находимъ, что испрашиваемое княземъ Куракинымъ положеніе о позволеніи козакамъ распоряжаться недвижимыми ихъ имѣніями на семъ правѣ сходствуетъ съ сими высочайшими указами, поелику и *козаки считаться должны не иначе, какъ въ статьѣ казенныхъ поселянъ*".

Это постановленіе Сената удостоилось 28 іюня утвержденія императора Александра I, вслѣдствіе чего было опубликовано въ сенатскомъ указѣ отъ 20 іюля 1803 г., разосланномъ во всѣ присутственныя мѣста Малороссіи [1]).

Упоминаемое въ докладѣ князя А. Б. Куракина разрѣшеніе малороссійскимъ козакамъ переселяться въ екатеринославскую и „другія губерніи", вѣроятно, обусловило главнымъ образомъ благопріятное для нихъ разрѣшеніе вопроса о признаніи ихъ полноправными владѣльцами принадлежащей имъ земельной собственности. Насколько правительство было заинтересовано въ то время въ облегченіи способовъ переселенія малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ въ Новороссію и Черноморію, отчасти въ виду „недостаточнаго количества земли" у козаковъ, а главнымъ образомъ въ цѣляхъ заселенія пустынныхъ пространствъ людьми, могущими дать въ случаѣ надобности отпоръ

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх. П. С. З. № 20823.

какимъ либо враждебнымъ нападеніямъ, видно изъ того, что 12 сентября 1804 г. послѣдовалъ указъ о пріемѣ прошеній отъ малороссійскихъ козаковъ и казенныхъ крестьянъ, о разрѣшеніи имъ переселяться на югъ, на простой бумагѣ, безъ уплаты гербовой пошлины [1]).

Наибольшій размѣръ переселеніе это приняло въ періодъ времени съ 1809 г. по 1811 г., когда въ одну Черноморію переселилось изъ полтавской и черниговской губерній 22,206 душъ мужескаго пола и 19,328 женскаго пола [2]). Въ этомъ общемъ числѣ переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній козаковъ было, судя по указу отъ 17 марта 1808 г. [3]), 25000 душъ обоего пола.

Согласно этому указу разрѣшалось „двадцати пяти тысячамъ малороссійскихъ козаковъ, по недостаточному количеству у нихъ земли, переселиться на земли, войску черноморскому пожалованныя въ Таманскомъ полуостровѣ и за Босфорскимъ проливомъ, между Азовскимъ моремъ, до границъ Кавказской губерніи, и отъ Ейскаго укрѣпленія въ губерніи Екатеринославской по Кубани до самаго ея устья, пространствомъ своимъ болѣе 30000 квадратныхъ верстъ занимающія“.

Во исполненіе этого указа тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Я. И. Лобановъ Ростовскій предложилъ 22 апрѣля 1808 г. полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ объявить объ этомъ въ козачьихъ поселеніяхъ, не принуждая ихъ къ переселенію, но выбирая изъ числа козачьихъ семействъ, заявившихъ о своемъ желаніи переселиться, „тѣ, гдѣ болѣе дѣвокъ и вдовъ, въ бракъ еще вступити могущихъ, по уваженію малаго числа женскаго пола нынѣ въ черноморскихъ войскахъ гостящаго“ [4]). Желавшимъ переселиться разрѣшалось посылать предварительно ходоковъ „для обозрѣнія мѣстъ къ своему поселенію и узнанія вообще о всѣхъ тѣхъ выгодахъ, какіе они тамъ имѣть будутъ“. Всѣ расходы по переѣзду на

[1]) П. С. З. № 21451.

[2]) Кубанское козачье войско, Ворон. 1888 г. Стр. 52 и 59.

[3]) П. С. З. № 22902.

[4]) По рукоп. Яготин. арх.

новыя мѣста переселенцы должны были производить на свой собственный счетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдавались субсидіи на „первоначальное обзаведеніе на мѣстѣ" изъ суммъ черноморскаго войска, „въ пользу коего таковое переселеніе отъ правительства дозволяется". Кромѣ всего этого, въ предложеніи малороссійскаго генералъ-губернатора во всѣхъ подробностяхъ устанавливался порядокъ сношеній между нимъ и войсковой черноморской канцеляріей въ отношеніи наибольшаго упорядоченія переселенія до мельчайшихъ подробностей.

Переселенія малороссійскихъ козаковъ въ другія губерніи, поощряемыя правительствомъ и даже, правильнѣе сказать, возникшія по его иниціативѣ, уменьшая численность козачьяго сословія, много способствовали его, такъ сказать, сословному обезличенію. Устраивая эти переселенія, центральное правительство, помимо колонизаціонныхъ цѣлей въ отношеніи далекихъ окраинъ, преслѣдовало отчасти, быть можетъ, и цѣли ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями имперіи путемъ претворенія этой постепенно таявшей сословной единицы съ массой земледѣльческаго населенія тогдашней Малороссіи. Но окончательное упраздненіе этого сословія не входило въ тогдашніе виды правительства. Это видно изъ двухъ сенатскихъ указовъ. отъ 5 апрѣля 1805 г.[1]) и отъ 8 сентября 1807 г., въ отношеніи аналогичной съ малороссійскими козаками сословной единицы, такъ называемыхъ, панцырныхъ бояръ.

Государственный казначей далъ такого рода справку сенату о сословіи панцырныхъ бояръ на сдѣланный ему сенатомъ запросъ, въ виду возникшаго вопроса о точномъ опредѣленіи повинностей этой небольшой сословной единицы[2]).

„Изъ Высочайше конфирмованнаго 21 генваря 1788 года доклада сената явствуетъ, что панцырные бояре, поселившіеся по привилегіямъ бывшихъ королей польскихъ въ Витебской губерніи на особыхъ имъ жалованныхъ земляхъ, обязаны были за то въ прежнія времена производить конную военную службу,

---

[1]) П. С. З. № 21698.

[2]) П. С. З. № 22615.

и что родъ людей сихъ не былъ шляхетскаго званія, ни состоянія крестьянскаго, но былъ вольный военный народъ, платившій однако-жъ Рѣчи Посполитой установленную подать. Въ грамотѣ блаженныя памяти государя царя Алексѣя Михайловича, въ 1667 году имъ данной, именованы они панцырными козаками; по присоединеніи же въ 1772 году Бѣлоруссіи къ Россійской имперіи, панцырные бояре причислены были въ дворцовое вѣдомство и во всемъ поверстаны съ дворцовыми крестьянами, а по Высочайшему указу генваря 21 дня 1788 года, *по единообразному ихъ состоянію съ малороссійскими козаками, сравнены съ ними и въ платежъ податей*".

Въ 1806 году бѣлорусскій военный губернаторъ Михельсонъ сдѣлалъ запросъ сенату, „не относятся ли и на панцырныхъ бояръ всѣ тѣ повинности, въ томъ числѣ и рекрутская очередь, каковыя исправляются малороссійскими козаками, равно и самый порядокъ внутренняго ихъ управленія, на основаніи Высочайшаго ихъ указа, въ 7 день августа 1797 года о волостяхъ состоявшагося", такъ какъ панцырные бояре уклонялись отъ исполненія всякихъ повинностей, „поставляя себя въ нѣкоемъ особомъ родѣ людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ".

Сенатъ, заслушавъ запросъ бѣлорусскаго военнаго губернатора и принимая во вниманіе данныя, сообщенныя государственнымъ казначеемъ, пришелъ къ тому заключенію, что „панцырные бояре, въ Витебской губерніи обитающіе, суть одинаковаго происхожденія съ малороссійскими козаками, и въ прежнія времена и тѣ и другіе были вольный военный народъ, обязанный нести военную службу цѣлымъ обществомъ, но, съ теченіемъ времени, положеніе ихъ, а съ присоединеніемъ къ Россійской имперіи и самое состояніе перемѣнилось, что они, будучи званія не шляхетскаго, и во времена польскаго владѣнія отъ платежа податей изъяты не были, по присоединеніи же къ Россійской имперіи поверстаны во всемъ съ дворцовыми крестьянами, и наконецъ, высочайшимъ указомъ 21 января 1788 года, по единообразному ихъ съ малороссійскими козаками происхожденію и состоянію, сравнены съ ними во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно и не составляютъ они собою никакого особаго рода

людей, отъ всякихъ повинностей изъятыхъ, но такъ же, какъ и прочіе положенные въ подушный окладъ, обязаны наравнѣ нести всѣ государственныя и земскія повиности и поставку рекрутъ натурою, какъ-то исполняется подобными имъ малороссійскими козаками: ибо, по высочайшему 1795 года октября 6 дня указу, исключаются отъ поставки рекрутъ тѣ только, которые освобождены отъ того особыми жалованными грамотами и указами (которыхъ панцырные бояре не имѣютъ), или же коимъ не прошли дарованные льготные годы, каковый сборъ рекрутъ указомъ того-жъ октября 8 дня распространенъ и на Бѣлорусскую губернію, а напослѣдокъ, по силѣ указа отъ 1 сентября 1804 года, рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состояній, въ окладъ положенныхъ, а посему сенатъ полагаетъ, что панцырные бояре должны отправлять во всемъ равныя съ малороссійскими козаками обязанности, то есть: давать рекрутъ натурою, платить государственныя подати и исправлять земскія и общественныя повинности по общимъ узаконеніямъ, въ каковую обязанность и включить ихъ съ начала 1808 года“.

Такъ какъ панцырные бояре во всемъ приравнивались къ малороссійскимъ козакамъ, то государственный казначей далъ сенату нижеслѣдующую подробную справку о послѣднихъ: „Козаки малороссійскіе также были прежде народъ вольный и употребляли себя въ войну за деньги по нуждамъ сосѣдственныхъ имъ государствъ; и когда Польшею или собственными своими начальниками были угнетаемы, то прибѣгали къ покровительству Россіи, и наконецъ отдали себя ей въ подданство. Козаки сіи до 1783 года платили поборы неопредѣленные, зависѣвшіе отъ воли начальства; въономъ году высочайшимъ указомъ мая 3 дня повелѣно: собирать съ нихъ на содержаніе военной ихъ службы, вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ поборовъ съ каждой души по одному рублю двадцать копѣекъ на годъ; кромѣ того, козаки малороссійскіе платятъ оброчныхъ за право винокуренія по 1 р. съ души, по указу 1794 года сентября 7 дня, вмѣсто провіанта по 30 копѣекъ, и по указу 1797 г. декабря 18 прибавочныхъ, вмѣсто содержанія полко-

выхъ подъемныхъ лошадей, по 26 копѣекъ, накладныхъ по 2 копѣйки на рубль, всего по 2 рубля 81 копѣйки въ годъ съ каждой души. По силѣ указа 1783 года іюня 28 дня, изъ козаковъ малороссійскихъ составлено было 10 малороссійскихъ карабинерныхъ полковъ; указомъ 1786 года апрѣля 10 дня присоединены къ содержанію оныхъ полковъ и бывшіе монастырскіе крестьяне, изъ коихъ наполненъ новый малороссійскій гренадерскій полкъ, а по указу 1794 года апрѣля 24 числа собранъ и сформированъ изъ козаковъ и монастырскихъ крестьянъ корпусъ военнопѣшихъ стрѣлковъ малороссійскихъ, изъ коихъ тѣ полки по предписаніямъ главнокомандующаго и наполнились. Послѣ того состоявшимися въ 1795 году высочайшими указами повелѣно: первымъ, октября 6 дня, впредь наравнѣ съ прочими губерніями Всероссійской Имперіи собирать рекрутъ по точной силѣ рекрутскаго учрежденія, изданнаго въ 1766 году сентября 29 дня, въ губерніяхъ: кіевской, черниговской, новгородъ-сѣверской, харьковской, воронежской, тамбовской, саратовской, екатеринославской, вознесенской и таврической области, съ мѣщанъ и крестьянъ казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ, кои при общихъ по государству рекрутскихъ наборахъ и при наполненіи войскъ не несли сея повинности, исключая изъ сего набора тѣхъ только, которые освобождены особыми жалованными грамотами и указами, или же коимъ не прошли еще дарованные льготные годы; вторымъ: того-жъ октября 8 числа, собрать съ 500 душъ по одному рекруту со всего государства, не исключая губерній: санктпетербургской, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ, минской, волынской, подольской и браславской и округъ, отошедшихъ отъ сихъ губерній къ сопредѣльнымъ екатеринославской, вознесенской и къ области таврической. Въ высочайшемъ указѣ, данномъ сенату 1 сентября 1804 года, о сборѣ во всемъ государствѣ съ 500 душъ по 4 рекрута, между прочимъ изображено: что рекрутская повинность составляетъ общую обязанность всѣхъ состояній въ окладъ положенныхъ, и потому отправленіе ея должно быть для всѣхъ уравнительно".

Какъ видимъ, центральное правительство, уравнивая панцырныхъ бояръ какъ въ отношеніи правъ, такъ и въ отношеніи

повинностей съ малороссійскими козаками, тѣмъ самымъ показывало, что оно не думало еще объ окончательномъ упраздненіи этихъ двухъ своеобразныхъ сословныхъ единицъ, разсчитывая, быть можетъ, еще воспользоваться когда-нибудь ихъ „воинственнымъ духомъ“; въ 1811 г. малороссійскіе козаки получили даже, наравнѣ съ помѣщиками, подтвержденіе своихъ прежнихъ правъ курить и продавать вино“ [1]).

И дѣйствительно, наступала эпоха, когда пришлось прибѣгнуть къ услугамъ воинственнаго козачества и въ поощреніе надѣлить его новыми льготами и милостями, отъ которыхъ козаки воспряли духомъ и стали мечтать, что имъ будутъ снова возвращены всѣ ихъ прежнія золотыя вольности.

IV.

Малороссійское ополченіе 1812 года.—Обѣднѣніе козаковъ.—Милости козакамъ за скорое сформированіе козачьихъ полковъ.—Отмѣна временныхъ льготъ; предположеніе о реформѣ козачьяго сословія; переселеніе козаковъ въ черноморію.—Запрещеніе продавать козачьи земли.—Различіе мнѣній въ правительственныхъ сферахъ по вопросу о правахъ малороссійскихъ козаковъ; отношеніе князя Н. Г. Репнина къ козакамъ.

12 іюня 1812 года французы перешли черезъ р. Нѣманъ. Императоръ Александръ I, пребывавшій въ это время въ Вильнѣ, сдѣлалъ попытку „избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны“, пославши генералъ-адъютанта Балашева съ письмомъ къ Наполеону, въ которомъ предлагалъ примиреніе, подъ условіемъ немедленнаго удаленія французовъ изъ русскихъ владѣній. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и иноземныя полчища разлились по сѣверо-западному краю. Россія не была готова къ ихъ отраженію.

Между тѣмъ непіятель стремительно двигался впередъ—нужно было скорѣе выработать планъ военныхъ дѣйствій и хлопотать объ увеличеніи количества войскъ. Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Гусударемъ, было распоряженіе о наборѣ конныхъ козачьихъ полковъ въ Малороссіи.

---

[1]) П. С. З. № 24832.

Въ концѣ іюня былъ отправленъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго рескриптъ, помѣченный 12 іюня 1812 г., которымъ повелѣвалось озаботиться немедленнымъ наборомъ козачьихъ полковъ въ предѣлахъ черниговской и полтавской губерній и отправкой ихъ, по мѣрѣ готовности, въ Калугу и Тулу, съ обѣщаніемъ, что этотъ наборъ замѣнитъ „обыкновенный рекрутскій наборъ, въ протчихъ губерніяхъ къ осени приготовляемый".

Получивъ милостивый рескриптъ и желая, какъ можно скорѣе, оправдать довѣріе Государя, князь Лобановъ-Ростовскій немедленно разослалъ всѣмъ земскимъ коммисарамъ, ближайшимъ начальникамъ козачьяго сословія, копіи съ рескрипта, съ приложеніемъ собственнаго воззванія отъ 10 іюля 1812 г., въ которомъ онъ обѣщаетъ выхлопотать у Государя въ награду за скорое и успѣшное формированье козачьихъ полковъ полное освобожденіе козаковъ отъ рекрутскихъ наборовъ и образованіе особаго украинскаго войска „близко похожаго съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ".

„Я при семъ случаѣ—пишетъ князь—имѣю всему здѣсь козачьему сословію объявить, что тѣмъ снаряженіемъ избавляются они не токмо перваго рекрутскаго набора, но, по минованіи въ тѣхъ полкахъ надобности, всѣ они распустятся въ домы свои, навсегда останутся принадлежащими украинскому войску и по первому востребованію обязаны опять явиться на службу и, составить свои полки, офицера же пользуются содержаніемъ и всѣми по службѣ правами, уланскимъ офицерамъ присвоенными: они имѣютъ установленную форму по полкамъ, они считаются на службѣ даже въ то время, когда полки распустятся, ибо тогда будетъ ихъ обязанностью имѣть полное свѣдѣніе о состояніи и занятіи подчиненныхъ имъ козаковъ. Таковое сихъ полковъ устройство столь близко похоже съ древнимъ состояніемъ малороссійскихъ воиновъ, что нѣтъ сомнѣнія, что здѣшнее козачее общество предоставитъ однимъ избраннымъ пользоваться и польстится употребить сей случай, чтобы доказать многочисленной формировкой, что они всѣ достойны получить навсегда право составлять изъ себя защиту и служить не по

очереди рекрутской, а по усердію къ Царю и ревности къ ремеслу, въ коемъ отличаться они всегда умѣли, ибо кто не вѣдаетъ, что быть на войнѣ было сущее дѣло предковъ ихъ".

Это обращеніе малороссійскаго генералъ-губернатора къ козакамъ было принято ими, конечно, съ восторгомъ, такъ какъ высказанный княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ взглядъ на призваніе малороссійскихъ козаковъ вполнѣ соотвѣтствовалъ исконнымъ традиціямъ козачества, которыя такъ рельефно проявлялись, какъ мы видѣли выше, втеченіе всего XVIII вѣка.

Едва успѣлъ князь Лобановъ-Ростовскій сдѣлать первыя распоряженія о наборѣ козачьихъ полковъ, какъ былъ обнародованъ манифестъ отъ 6-го іюля о созывѣ ополченій во всей Россіи. Въ виду выраженной въ манифестѣ крайней нужды въ возможно скоромъ сформированіи и снаряженіи въ походъ ополченій, князь Лобановъ-Ростовскій послалъ немедленно распоряженіе полтавскому и черниговскому губернскимъ правленіямъ, чтобы не стѣснять козаковъ точнымъ выполненіемъ распоряженія отъ 10 іюля, хлопотать лишь о возможно большемъ количествѣ войскъ, и за скорое снаряженіе опять обѣщалъ исходатайствовать у Государя освобожденіе отъ рекрутскихъ наборовъ и, кромѣ того, временныя льготы въ уплатѣ податей.

„Я поставлю долгомъ—писалъ князь—донесть Его Императорскому Величеству и быть у Его престола ходатаемъ, дабы благоволилъ Онъ приказать не вмѣщать козачье общество въ рекрутскую очередь и въ податяхъ участвовать только, какъ состоянію ихъ прежде повелѣно было, ибо обязываются они составлять изъ себя войско, какое въ нужный часъ потребно быть можетъ, уважая удобность быть въ мирное время въ домахъ своихъ. Таковой милости ожиданіе заставляетъ меня предложить губернскому правленію, какъ и казенной палатѣ, пріостановиться со сборомъ второй половины податей съ козаковъ, и съ помощью земской и городской полицій и волостныхъ правленій имѣть наблюденіе, дабы какъ можно болѣе людей снаряжено было съ полученія сего на каждомъ мѣстѣ черезъ двѣ недѣли".

Въ этомъ же распоряженіи князя Лобанова-Ростовскаго подробно изложена и организація формируемыхъ козачьихъ полковъ.

18 іюля былъ обнародованъ второй манифестъ о созывѣ земскаго ополченія. Дѣйствіе этого манифеста распространялось и на Малороссію—одновременно она должна была выставить конные полки изъ лицъ, принадлежавшихъ къ козачьему сословію, и земское ополченіе изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Такое усиленное формированіе войскъ было крайне тягостно для обывателей, въ особенности въ виду труднаго въ ту пору экономическаго положенія полтавской губерніи, а потому многіе стали уклоняться отъ всякаго участія подъ предлогомъ болѣзни, неимѣнія средствъ и т. п. Къ тому же возникли недоразумѣнія между высшими представителями мѣстной власти, генералъ-губернаторомъ княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ и полтавскимъ губернскимъ маршаломъ Дмитріемъ Прокофьевичемъ Трощинскимъ, принимавшимъ горячее участіе въ дѣлѣ формированія земскаго ополченія и козачьихъ полковъ.

Какъ ни волновался Трощинскій и какъ ни хлопоталъ онъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія, но дѣло медленно подвигалось впередъ; тормозилъ его, между прочимъ, и самъ Лобановъ-Ростовскій своими распоряженіями, шедшими нерѣдко въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ дѣла. Его предписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ обывателей вывело Трощинскаго изъ терпѣнія:

„Продовольствіе сѣномъ лошадей ополченія—писалъ Трощинскій князю Я. И. Лобанову-Ростовскому—не могло дворянство взять на себя по сущей невозможности, найпаче незная, куда необходимость заставитъ въ теченіе войны подвинуть за границы губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соотвѣтствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества“.

Вообще Лобановъ-Ростовскій выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ крайне нераспорядительнымъ. Тяжелое экономическое положеніе Малороссіи, непосильныя требованія, предъявленныя къ населенію, и нераспорядительность высшихъ властей были главными причинами того, что наборъ такъ затянулся, что малороссійское войско не попало на театръ военныхъ дѣйствій и по изгнаніи

французовъ за предѣлы Россіи было немедленно распущено. Такимъ образомъ малороссійскіе козаки были лишены возможности показать свою доблесть въ отраженіи грознаго непріятеля [1])

Участіе козаковъ въ снаряженіи ополченія, при непосильныхъ требованіяхъ, предъявленныхъ вообще къ малороссійскому населенію, сильно ихъ разорило, и они долго не могли оправиться. Князь Н. Г. Репнинъ въ своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“, говоритъ объ этомъ слѣдующее:

„При всѣхъ разныхъ преобразованіяхъ козаки отличались исправнымъ платежемъ податей и исполненіемъ прочихъ общественныхъ повинностей. Въ послѣднюю отечественную войну козаки, какъ владѣльцы, выставили на своемъ иждивеніи многочисленныя конныя ополченія, и для защиты отечества, подобно дворянамъ, жертвовали добровольно достояніемъ и жизнью.

Но въ сихъ послѣднихъ годахъ, нельзя не сознаться, что благосостояніе малороссійскихъ козаковъ нѣсколько поколебалось: порывъ ихъ усердія на защиту отечества былъ несоразмѣренъ ихъ силѣ и возможности. Поставивъ изъ 25-ти ревизскихъ душъ, слѣдовательно, изъ десяти работниковъ, кормящихъ семейства, одного воина, снабдивъ онаго лошадью и конной сбруею, содержавъ его, прежде отправленія, полгода и, по возвращеніи, около полутора, до весны 1816 года, т. е. близъ двухъ лѣтъ, провіантомъ и фуражемъ, пополняя убыль въ людяхъ, лошадяхъ и вещахъ, малороссійскіе козаки истощили всѣ денежные у себя капиталы, ибо употребили на сіи предметы многіе милліоны“ [2]).

О томъ, что содержаніе козачьихъ полковъ столь продолжительное время было тягостно для населенія, упоминаетъ также въ своихъ путевыхъ запискахъ императоръ Николай Павловичъ, когда онъ, бывши еще великимъ княземъ, предпринялъ, для довершенія своего образованія, лѣтомъ 1816 г. поѣздку по Россіи:

„Полтавская губернія ставитъ на службу девять козачьихъ полковъ по 1200 человѣкъ. Нынче они распущены. Они учреж-

---

[1]) Вышеизложенное о формированіи козачьихъ полковъ и ополченія въ 1812 г. составляетъ краткій пересказъ нашей статьи „Малороссійское ополченіе 1812 г.“, помѣщенной въ V-й кн. Чтеній въ Историч. Общ. Нестора лѣтоп.

[2]) Чтенія М. О. И. Др. Р. 1864 г. Кн. II, стр. 87 смѣси.

дены были въ 12-мъ году, и, равно какъ и черниговскіе, въ мирное время не служатъ и никакой пользы не приносятъ" (послѣ того слѣдовали слова: „то становятся въ тягость губерніямъ, кои ихъ одѣваютъ", но великій князь зачеркнулъ ихъ). Дворянство и козаки довольны бъ были, если бъ изъ сихъ 15 козачьихъ составить 6 уланскихъ или иныхъ полковъ, ибо содержаніе сихъ 6 полковъ меньше стоило бы, нежели 15, а польза была бы та, что армія имѣла бы 6 прекрасныхъ регулярныхъ полковъ, коихъ содержаніе ничего правительству не стоило бы и вмѣстѣ не было бы тягостно губерніямъ" [1]).

Но, хотя малороссійскимъ козакамъ и не пришлось принять активнаго участія въ отечественной войнѣ, они получили все таки кое-какія милости.

Когда былъ обнародованъ манифестъ отъ 12 сентября 1815 г. о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по одному человѣку, козаки были освобождены отъ дачи рекрутъ, наравнѣ съ жителями Грузіи и Бессарабіи [2]).

Въ 1816 году былъ полученъ въ Малороссіи очень милостивый по отношенію къ козакамъ указъ императора Александра I:

„Имѣя въ особенномъ уваженіи—говорится въ указѣ—усердный подвигъ малороссійскихъ козаковъ, вооружившихъ въ 1812 г. собственнымъ иждивеніемъ 15 конныхъ полковъ на защиту отечества, мы съ удовольствіемъ приступаемъ нынѣ къ образованію сего сословія на правилахъ, воинскому духу его свойственныхъ, долженствующихъ расширить и упрочить навсегда выгоды его поселенія и связать козаковъ неразрывными узами со всѣми прочими военными силами нашими. Но какъ обширныя соображенія, долженствующія предшествовать окончательному устройству малороссійскихъ козаковъ, необходимо требуютъ времени; то Мы, желая обратить сіе самое время въ пользу козаковъ, доставя возможность тѣмъ изъ нихъ, кои на службѣ находятся, употребить оное на улучшеніе своего хозяйства, повелѣваемъ вамъ привести въ исполненіе слѣдующія распоряженія:

[1]) Сборникъ И. Р. Историческаго Общества, т. 98, стр. 97.

[2]) П. С. З. № 25942.

1-е. Удостовѣрить всѣхъ вообще козаковъ ввѣренной вамъ губерніи [1]) въ непреложности нашихъ намѣреній и попеченій о лучшемъ устройствѣ ихъ; объявить тѣмъ изъ нихъ, кои находятся въ составѣ полковъ сей губерніи, особенное Наше за вѣрную ихъ службу благоволеніе, и что съ симъ вмѣстѣ воинскіе труды ихъ оканчиваются.

2-е. Предписать командирамъ полковъ немедленно распустить козаковъ по домамъ, предоставя имъ полную свободу въ нѣдрахъ семействъ своихъ заниматься хозяйственными упражненіями".

Согласно этому-же указу, козаки были освобождены „отъ всѣхъ другихъ податей и сборовъ, кромѣ подымной по три рубля и за право винокуренія по одному рублю, итого по четыре рубля съ души, которые, собирая на прежнемъ основаніи съ начала сего года, присовокуплять сумму оныхъ къ суммамъ вышеозначеннымъ, и хранить въ Казенной Палатѣ на томъ же основаніи для употребленія въ пользу устройства тѣхъ-же козаковъ, по усмотрѣнію Нашему. Само собою, впрочемъ, разумѣется, что общественныя повинности, какъ-то: содержаніе почтъ, дорогъ, мостовъ и проч., остаются въ своей силѣ".

Офицеры, служившіе въ козачьихъ полкахъ, должны были быть удовлетворены жалованьемъ за весь 1815 годъ; кромѣ того, Государь поручилъ генералъ-маіору графу Витту „объявить имъ особенно" монаршую милость и благоволеніе и „отобрать отзывы отъ тѣхъ изъ нихъ, кои пожелаютъ вступить въ военную службу", для представленія на высочайшее усмотрѣніе [2]). Въ 1817 г. послѣдовалъ указъ отъ 29 марта, которымъ разрѣшалось офицерамъ пятнадцати малороссійскихъ козачьихъ полковъ, распущенныхъ по домамъ, носить мундиръ [3]); „мундирныя вещи", согласно указу отъ 11 іюня 1816 г., были оставлены и рядовымъ козакамъ „въ награду службы ихъ".

---

[1]) Указъ написанъ на имя черниговскаго и полтавскаго гражданскихъ губернаторовъ.

[2]) П. С. З. № 26309.

[3]) П. С. З. № 26755.

Такимъ образомъ обѣщанія князя Лобанова Ростовскаго что рядовые козаки „навсегда останутся принадлежащими къ украинскому войску“, а офицеры будутъ пользоваться правами службы даже тогда, когда „полки распустятся въ домы свои“, съ сохраненіемъ содержанія и формы, только и оправдались въ отношеніи этой послѣдней.

Князь Н. Г. Репнинъ высказываетъ въ вышеупомянутой нами своей „краткой запискѣ о малороссійскихъ козакахъ“ мнѣніе, что императоръ Александръ I былъ очень милостивъ къ нимъ: Императоръ „объявилъ высочайшее благоволеніе свое къ козакамъ въ именномъ указѣ 1816 г., обнадеживая ихъ распространеніемъ выгодъ, собственность же козаковъ его величество оградилъ не только отъ потрясенія, но и отъ всякаго недоразумѣнія, паче всѣхъ самодержцевъ россійскихъ, утвердивъ мнѣнія государственнаго совѣта 1812 года іюля 17, 1820 года апрѣля 19 и 1823 года апрѣля 14[1]), въ коихъ сказано: въ первомъ, что „козаки, владѣя землями, какъ собственностью своею, властны оную продавать“, во второмъ—позволено продавать свои домы, земли и имущества, въ третьемъ—что земли малороссійскихъ козаковъ принадлежатъ имъ собственно на правѣ дворянскомъ“[2]).

Но оказываемыя козакамъ милости не соотвѣтствовали, вѣроятно, тѣмъ надеждамъ, которыя они питали относительно возвращенія прежнихъ правъ и вольностей; указъ же отъ 25 августа 1818 г. на имя преемника князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго, новаго малороссійскаго военнаго губернатора князя Николая Григорьевича Репнина[3]), совсѣмъ разрушилъ ихъ мечты. Въ виду особой важности этого указа, мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ:

„Господину малороссійскому военному губернатору. При сильныхъ мѣрахъ, кои къ оборонѣ отечества пріемлемы были

---

[1]) Срав. П. С. З. № 29427.

[2]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 114 сл.

[3]) Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ (род. 1777 г. † 1845 г.), вице-король Саксоніи съ октября 1813 года по ноябрь 1814 года, генералъ-губернаторъ Малороссіи съ 22 іюля 1818 г. по 6 декабря 1834 г.; его смѣнилъ гр. Строгановъ.

въ 1812 году, поручалъ я предмѣстнику вашему сформированіе козачьихъ полковъ въ Малороссіи, поставивъ ему на видъ рескриптомъ 25 іюня того же года, что оное замѣнитъ обыкновенный рекрутскій наборъ, съ прочихъ губерній къ осени приготовляемый. Такимъ образомъ, составлено было изъ козачьяго сословія 15 полковъ на правѣ ополченія, введеннаго вслѣдъ затѣмъ манифестами 6-го и 18-го іюля внутри государства, въ составѣ коего находились и конные козачьи полки изъ ямщиковъ и поселянъ внутреннихъ губерній. Вамъ извѣстна служба сихъ послѣднихъ и что съ окончаніемъ войны они распущены по домамъ. Малороссійскіе же козаки въ послѣдующее съ 1812 года время освобождены были отъ рекрутскихъ наборовъ и податей, кромѣ собираемыхъ по указамъ 11 іюня 1816 года, по четыре рубля съ души, въ намѣреніи дать имъ новое образованіе.

По правиламъ, принятымъ въ основаніе новаго устройства поселяемыхъ войскъ, соединеніе владѣемыхъ козаками земель въ особые округи, кои бы отдѣляли ихъ отъ земель помѣщичьихъ, должно предшествовать всѣмъ предполагаемымъ о семъ предметѣ распоряженіямъ, но для приведенія онаго въ исполненіе требуется слишкомъ продолжительное время, чтобы козаки могли между тѣмъ остаться безъ всякой службы отечеству. Посему я повелѣваю вамъ:

1) Козачье сословіе въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ ввести въ обыкновенную рекрутскую повинность по прежнему при настоящемъ наборѣ.

2) Въ знакъ же признательности къ усердію козаковъ, оказанному скорымъ сформированіемъ изъ среды себя полковъ, объявить имъ, что они оставляются при тѣхъ самыхъ податяхъ по четыре рубля съ души, кои собираются съ нихъ на основаніи указовъ моихъ отъ 11 іюня 1816 года"[1]).

Но высказанное въ вышеприведенномъ указѣ предположеніе о выдѣленіи козаковъ въ особыя военныя поселенія почему то не было приведено въ исполненіе, и вообще не было при-

---

[1]) П. С. З. № 27505.

нято никакихъ мѣръ къ тому, чтобы „дать имъ новое образованіе", указомъ же отъ 10 декабря 1819 года было повелѣно уравнять козаковъ въ отношеніи податей съ прочими казенными поселянами: усматривая изъ мнѣнія государственнаго совѣта, по представленію министра финансовъ состоявшагося, что козаки малороссійскіе, въ воздаяніе принесенныхъ имъ въ пользу отечества пожертвованій сформированіемъ полковъ отъ среды своей, съ 1812 по 1819 годъ были освобождены отъ взноса въ казну оброчной подати, оставаясь только при платежѣ подушнаго оклада и налога за право винокуренія; и признавая, что таковымъ въ теченіе восьми лѣтъ продолжавшимся облегченіемъ въ исполненіи общихъ государственныхъ повинностей козаки получили достаточное вознагражденіе за произведенныя ими издержки, повелѣваемъ о возобновленіи съ 1 января 1820 года сбора оброчнаго оклада съ малороссійскихъ козаковъ и о распространеніи на нихъ учрежденныхъ податей по части путей сообщенія, платимыхъ всѣми прочими состояніями казенныхъ поселянъ" [1]).

Въ слѣдующемъ, 1820-мъ, году снова было сдѣлано распоряженіе о переселеніи на земли, принадлежавшія черноморскому войску двадцати пяти тысячъ малороссійскихъ козаковъ, съ цѣлью „умноженія черноморскаго войска" [2]) и, быть можетъ, отчасти, удаленія изъ Малороссіи наиболѣе вольнолюбиваго элемента, разочарованнаго въ своихъ ожиданіяхъ.

По словамъ изслѣдователя исторіи „Кубанскаго козачьяго войска", г. Фелицына, „главную массу переселенческаго люда дало Черноморіи само правительство...—съ 1820 г. по 1825 г. вновь прибыло изъ полтавской и черниговской губерній 25627 душъ мужескаго и 22755 душъ женскаго пола" [3]).

„Указомъ отъ 18 декабря 1823 года было повелѣно взимать оброчный окладъ съ малороссійскихъ козаковъ наравнѣ съ казенными поселянами, „въ однѣхъ съ ними губерніяхъ обита-

¹) П. С. З. № 28021.
²) П. С. З. № 28241.
³) Фелицынъ, l. c., стр. 59.

ющими"[1]), т. е. въ возвышенномъ размѣрѣ, но 18 марта 1827 года послѣдовалъ указъ на имя министра финансовъ о сложеніи этой подати[2]).

Обѣщанное коренное образованіе внутренняго строя малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, вслѣдствіе своей относительной сложности, не приводилось въ исполненіе, хотя видимо озабочивало высшія правительственныя сферы, благопріятно до нѣкоторой степени настроенныя по отношенію къ козакамъ. 23 ноября 1828 г. было повелѣно, „для преграждепія дальнѣйшей распродажи малороссійскихъ козачьихъ земель, оную воспретить, впредь до рѣшенія о семъ дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ"[3]).

Замедленіе въ разрѣшеніи вопроса о правахъ и обязанностяхъ малороссійскихъ козаковъ происходило, вѣроятно, отъ различія взглядовъ на этотъ вопросъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, обсужденію которыхъ онъ былъ порученъ. Это видно изъ слѣдующаго мѣста изъ „записки" князя Н. Г. Репнина:

„Права собственности малороссійскихъ козаковъ, касательно земель ихъ, совершенно ограждены были высочайшимъ утвержденіемъ 14 апрѣля 1823 года мнѣнія государственнаго совѣта, что земли малороссійскихъ козаковъ не зависятъ отъ управленія министерства финансовъ и принадлежатъ либо козакамъ собственно, на правѣ дворянскомъ, либо обществамъ ихъ, не имѣютъ сходства съ землями, у казенныхъ крестьянъ во владѣніи состоящими, которыми завѣдываютъ казенныя палаты. Почему на будущее время постановить правиломъ, чтобы дѣла по землямъ малороссійскихъ козаковъ, ежели со стороны казны нѣтъ къ нимъ притязанія, не были отсылаемы ни въ казенныя палаты, ни къ министру финансовъ на заключеніе. Но пять дней послѣ сего положительнаго закона, а именно—19 апрѣля 1823 года, бывшій г. министръ финансовъ сообщилъ г. министру юстиціи заключеніе свое, въ коемъ предлагаетъ правила, совершенно оному противныя, и, оспаривая малороссійскаго военнаго губернатора, наводитъ даже на него прибавленіе словъ, якобы

[1]) П. С. З. № 29696.

[2]) П. С. З. № 970.

[3]) П. С. З. № 2447.

не существовавшихъ въ грамотахъ, добавляя, что не въ желаніи козаковъ сбывать земли, но въ другихъ и побочныхъ обстоятельствахъ должно искать причинъ, по которымъ въ разныя времена представляемо было объ отмѣнѣ законовъ, воспрещающихъ козакамъ продавать оныя. Личность не должна существовать въ преніяхъ между людьми, состязующимися о государственномъ дѣлѣ, слѣдовательно, малороссійскій военный губернаторъ умолчалъ бы противъ укоризны, дѣлаемой графомъ Гурьевымъ не ему одному, но, вмѣстѣ съ нимъ, знаменитому Богдану Хмельницкому и его преемникамъ въ гетманствѣ, такъ же канцлеру князю Безбородку и бывшимъ генералъ-губернаторамъ Малороссіи, графу П. А. Румянцову-Задунайскому и князю А. Б. Куракину. Но какъ дѣлу сему данъ вновь ходъ министромъ финансовъ, поддерживающимъ заключенія своего предмѣстника, то малороссійскій военный губернаторъ и поставляетъ обязанностью своею, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, дабы, при разрѣшеніи дѣла сего, изслѣдованы были обстоятельно права, козакамъ принадлежащія, представить на благоуваженіе высшаго правительства всѣ тѣ основанія, на коихъ онъ утверждаетъ мнѣніе свое о безограниченности правъ собственности малороссійскихъ козаковъ, для чего съ прискорбіемъ вынужденъ будетъ иногда оспаривать и личныя заключенія графа Гурьева.

Права козаковъ основываются: 1) на первоначальномъ заселеніи, 2) на узаконеніяхъ и привилегіяхъ польскихъ, 3) на присоединеніи ихъ къ прежнему отечеству и на грамотахъ и узаконеніяхъ россійскихъ государей"[1]).

Въ князѣ Н. Г. Репнинѣ малороссійскіе козаки имѣли горячаго защитника ихъ правъ, что особенно рельефно проявляется въ ближайшій періодъ ихъ исторіи, начала 30-хъ годовъ.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1864. Кн. II, стр. 90 сл.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

(1862 годъ).

I. Временнообязанные.

а) въ Церкви.

Первое мое знакомство съ мѣстнымъ православнымъ населеніемъ мѣстечка Б., послѣ достопамятной крестьянской реформы 1861 года, началось въ церкви. По случаю праздника, народу собралось тысячи полторы. По обѣимъ сторонамъ амвона стояли почетнѣйшіе старики съ зажженными свѣчами—обычай, уцѣлѣвшій съ того времени, когда при православныхъ приходахъ Украины существовали братства и братчики. Зажигаются эти свѣчи обыкновенно при чтеніи евангелія. Кругомъ аналоя тѣснились старыя женщины и, склонивъ благоговѣйно головы предъ діакономъ, внимали божественнымъ словесамъ Утѣшителя страждущихъ: „пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и азъ упокою вы"...

По окончаніи чтенія, діаконъ предлагалъ этимъ набожнымъ женамъ цѣловать святыя слова, причемъ каждая изъ нихъ клала на евангеліе мѣдную монету въ пользу чтеца—обычай, какъ видно, тоже давній, быть можетъ, современный уніи, но нисколько незаслуживающій того, чтобы его поддерживать, а тѣмъ болѣе видѣть въ немъ образецъ стариннаго благочестія.

Между народомъ постоянно копошились и шныряли, какъ перепелки въ житѣ, мальчуганы, которымъ никакъ не стоялось

на одномъ мѣстѣ. Тамъ и сямъ блестѣли бѣлыя пуговицы ливрейной дворни мѣстнаго магната, зеленѣли охотничьи кафтаны псарей—костюмы, далеко не гармонировавшіе съ общимъ фономъ картинной группы поселянъ-хлѣборобовъ.

Другую половину церкви, къ выходу, занимали преимущественно женщины. У меня въ глазахъ зарябило, когда я въ первый разъ окинулъ взглядомъ эту разряженную массу народа. Словно въ огородѣ, густо засѣянномъ макомъ, билъ въ глаза красный цвѣтъ, преимущественно любимый нашими украинками. Не только пояса и коралы, но и сподницы, и корсеты, и чоботы у нѣкоторыхъ были червоные. Впрочемъ, рѣдкая щеголиха сохранила настоящій малороссійскій уборъ: все какъ то безвкусно, пестро, если брать каждую порознь, но ensemble былъ великолѣпный.

Доморощенный хоръ довольно сносенъ. Составился онъ изъ крестьянъ, благодаря усердію страстнаго любителя церковнаго пѣнія Салгана, пользующагося за то большимъ почетомъ у своей громады. Это едва-ли не единственный человѣкъ во всемъ мѣстечкѣ, не поддавшійся крѣпостному гнету—смѣлый, бойкій, оборотливый. Никто лучше его не прочтетъ апостола: гортань могучая, слова выговариваетъ ясно, выразно, заканчиваетъ чтеніе эфектнѣе самаго діакона. Главное его занятіе—шорное ремесло, хотя онъ не брезгаетъ и другими промыслами, лишь бы зашибить лишнюю копѣйку. Учась своему мастерству въ Кіевѣ, онъ часто бывалъ въ Братскомъ и Михайловскомъ, до страсти любя пѣніе. Не зная нотъ, онъ удачно управлялъ своей маленькой капеллой, выполняя довольно сносно даже концерты. Мнѣ тутъ же разсказали, что здѣшній благочинный, отецъ Иванъ, въ ожиданіи архіерейскаго пріѣзда, хотѣлъ устроить хоръ изъ своихъ школьниковъ; но такъ какъ до прибытія преосвященнаго оставалось всего три недѣли, то изъ этой затѣи ничего и не вышло. Импровизированный хоръ, съ помощію священника, дьячка и учителя-семинариста, съумѣлъ пропѣть лишь „Царю Небесный“, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Всю свою досаду на то, что не удалось отличиться передъ Владыкой, отецъ Иванъ выместилъ на почтенномъ Салганѣ, запретивъ ему пѣть съ своими мальчиками

и согнавъ его всенародно съ клироса, произнося во всеуслышаніе: пошовъ вонъ!

Странно, подумалъ я, въ такомъ святомъ мѣстѣ, гдѣ грубая сила произвола не должна бы, казалось, имѣть мѣста, самолюбіе руководитъ дѣйствіями людей, на которыхъ преимущественно лежитъ обязанность внушать народу миръ, смиреніе, слѣдуя божественнымъ словамъ апостола: любы не завидитъ, не превозносится, любы долготерпитъ.

Вообще объ отцѣ благочинномъ, какъ въ народѣ, такъ и между подчиненными ему священниками, ходитъ нехорошая молва. Разъ, говорятъ, въ одинъ воскресный день случилось ему вѣнчать три пары разомъ. Народу собралось множество—и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодыхъ. Первая свѣтилка одной пары, прехорошенькая дивчина, дерзнула сорвать вѣтку сирени въ палисадникѣ, окружающемъ церковь. Вдругъ откуда ни взялись дьячокъ съ понамаремъ, схватили преступницу въ охапку и потащили прямо въ церковь на расправу къ отцу протоіерею. Представляю положеніе бѣдной дѣвушки, которой и не снилось въ такой радостный для нея день испытать такое огорченіе при собраніи знакомыхъ, подругъ и парубковъ, между которыми находился, вѣроятно, и женихъ ея. Притянувши предъ лицо суроваго блюстителя чистоты нравовъ рыдающую отъ стыда дѣвушку, причетники представили улику похищенія—вѣточку сирени. Не уважая дѣвической стыдливости, благочиный началъ ее публично срамить и тутъ же велѣлъ положить сто поклоновъ.

Не думаю, чтобы эта возмутительная сцена доказала народу заботливость пастыря объ исправленіи пасомыхъ.

Едва лишь пономарь успѣлъ поставить предъ царскими вратами аналой, какъ вся сплошная масса народу заколыхалась, и *лавою* посунула впередъ. Вышелъ изъ алтаря съ тетрадкой благочинный. На лицахъ выразилось желаніе воспріять душеспасительное поученіе изъ устъ своего пастыря. Во все продолженіе довольно длинной проповѣди въ слушателяхъ замѣтно было сильное напряженіе неразвитаго ума—схватить мысль, понять слово, уразумѣть смыслъ поученія. Но, увы! для большинства этихъ „благочестивыхъ слушателей“ всѣ усилія къ тому оста-

лись тщетными. Не говоря уже о томъ, что отвлеченное содержаніе проповѣди было совершенно недоступно пониманію простолюдина, самое то содержаніе облечено было въ такую затѣйливую форму, передано такимъ искусственнымъ языкомъ, что, не обинуясь, можно сказать: проповѣдь эта была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ... Какъ ни усиливался проповѣдникъ сдѣлать свое слово общедоступнымъ „и посмотримъ, и разсмотримъ, и вникнемъ, и размыслимъ, и съ одной стороны, и съ другой стороны"—ничто не помогло. Памятна мнѣ одна проповѣдь о мироносицахъ женахъ, умастившихъ честную главу Спасителя благовонными „ароматами".

Какъ началъ батюшка упражняться въ риторскихъ изворотахъ предъ темнымъ людомъ своей паствы по поводу сихъ „ароматовъ", то мнѣ стало даже смѣшно, и я скромно опустилъ глаза, чтобъ не сдѣлать соблазну для „малыхъ сихъ". „И потекли ароматы добрыхъ дѣлъ, и потекутъ ароматы добрыхъ дѣлъ".

— Прочитавъ батюшка щось по письменному—мабудь дуже розумне, але Богъ его святый знае що воно и до чого? говорили крестьяне, выходя изъ церкви.

„У священника есть своя святая школа, въ которой онъ можетъ всегда и всѣхъ, а не однихъ дѣтей, поучать всему доброму"—говоритъ одинъ духовный журналъ.

Золотая истина! что и говорить.

Дѣйствительно, помимо церковныхъ школъ, у каждаго священника есть въ рукахъ могучее средство вліять на жизнь своихъ прихожанъ: это великая народная школа-церковь, училище въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, училище вѣры и благочестія христіанскаго. Но, къ сожалѣнію, для большинства нашихъ пастырей всѣ обязанности въ отношеніи пасомыхъ ограничиваются однѣми лишь церковными требами. Если духовенство, обладая такимъ всемогущимъ средствомъ, сдѣлало мало въ пользу народной нравственности, будучи стѣсняемо до сихъ поръ крѣпостными отношеніями къ пасомымъ, то теперь, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, для дѣятельности его настало болѣе благопріятное время, оно могло бы сдѣлать много; но только не требами, не искусственными разглагольствованіями въ родѣ

сегодняшняго, а настоящимъ живымъ словомъ, которое бы имѣло жизненное значеніе, и только при такихъ условіяхъ „дастся имъ что возглаголати“.

Вообще говоря, наше духовное витійство всегда было витійствомъ, т. е. всегда было далеко отъ жизни и станетъ благотворно вліять на массы лишь тогда, когда измѣнится вся система воспитанія въ нашихъ духовныхъ училищахъ. За исключеніемъ весьма немногихъ проповѣдей, обличающихъ дѣйствительно существующіе въ русскомъ народѣ пороки и заблужденія, большая часть этихъ поученій, словъ, бесѣдъ—богословскіе трактаты, перефразировка слышанныхъ когда-то въ семинаріи лекцій монаха-профессора, перетасовка текстовъ, или же собраніе поученій византійскихъ ораторовъ, громившихъ нѣкогда пороки развратной Византіи, не имѣющіе ничего общаго съ жизнію русскаго народа. А потому жизнь шла всегда своимъ чередомъ, а проповѣдь своимъ порядкомъ: ибо эти книжныя разсужденія, очевидно, не могли имѣть ни малѣйшаго примѣненія къ практической жизни, которая въ глуши нашихъ селъ отъ временъ Кирилла Туровскаго осталась неизмѣнною до позднѣйшаго времени.

Только проповѣдь, направленная противъ дѣйствительно существующихъ въ обществѣ пороковъ и сказанная при томъ языкомъ, доступнымъ этому обществу, вполнѣ удовлетворила бы своему высокому назначенію.

Никто не станетъ спорить, что катехизическія поученія въ видѣ простыхъ бесѣдъ, viva voce, для безграмотнаго нашего люду весьма необходимы; отвлеченныя же догматическія тонкости, въ которыя вдаются нѣкоторые изъ нашихъ сельскихъ пастырей, не приносятъ, конечно, ему ни малѣйшей пользы.

Едва ли также неизлишне для нашего украинскаго селянина истощать свое краснорѣчіе въ доказательствахъ истинности православія, а тѣмъ болѣе распространяться о безвѣріи. При всемъ наружномъ равнодушіи украинца къ религіи, всякій, кто жилъ съ народомъ, знаетъ, какъ глубоки его сердечныя убѣжденія въ святости и превосходствѣ *его* вѣры предъ всякою другою, не смотря на то, что католики обзываютъ ее „хлопскою

вярой, схизмой". Не въ шаткости религіозныхъ убѣжденій состоитъ главный недостатокъ нашего селянина: онъ доказалъ на дѣлѣ, какія жертвы способенъ принесть за свои убѣжденія, тѣмъ болѣе не для чего сельскому проповѣднику ополчаться во всеоружіе догматики и ратовать противъ безвѣрія.

У нашего простолюдина есть другія язвы (неизбѣжные плоды долговѣчнаго рабства), требующія немедленнаго врачеванія: непроходимое невѣжество и суевѣрія, закоренѣлая грубость нѣкоторыхъ вредныхъ обычаевъ и предразсудковъ, полное отсутствіе чувства человѣческаго достоинства и самоуваженія, обманъ, воровство, сквернословіе и наконецъ—повсемѣстное пьянство, самый капитальный порокъ нашего крестьянина. Онъ такъ глубоко пустилъ свои корни въ жизнь народную, что безъ водки немыслимъ ни одинъ праздникъ, ни одинъ обрядъ, случай просто. Ужасно, возмутительно, больно, но тѣмъ не менѣе это такъ, и такъ вездѣ, по всѣмъ селамъ, по всему прекрасному, богатому, бѣдному, несчастному нашему краю...

Между тѣмъ это почти нетронутая почва для нашихъ проповѣдниковъ, продолжающихъ и до сего дне витать въ сферѣ отвлеченностей. Облеченные во всеоружіе учености, они остаются совершенно равнодушными зрителями глубокаго паденія въ народѣ добра и правды, или же преслѣдуютъ какія нибудь невинныя забавы и легкіе проступки, касающіеся одной лишь обрядовой стороны жизни, а корень зла внутренняго, оставаясь нетронутымъ, все глубже и глубже вростаетъ въ жизнь народную...

И день идѐ, и нічъ идѐ,
И, голову схопывши въ руки,
Дывуесся, чому не йдѐ
Апостолъ правды и науки? (Ш--ко)

И какъ плодотворна, какъ сильна бывала рѣчь того проповѣдника, который посвящалъ всю свою жизнь, всѣ данныя ему отъ Бога способности на искорененіе въ народѣ пороковъ

и заблужденій! Глашатай правды и любви божественной, онъ силенъ силою сверхъестественной, являющей міру чудеса: онъ говоритъ не отъ себя, а отъ лица церкви, не свое, а божественное. Слова его подобны грому небесному, предшествующему благотворному дождю, оплодотворяющему землю послѣ долгой засухи. Но не гремитъ громъ боговдохновенной проповѣди—и высыхаютъ въ жизни народа источники добрыхъ дѣлъ и царствуетъ повсюду студъ и запустѣніе...

„Приходское наше духовенство, говоритъ другой духовный журналъ, родилось и возрасло среди народа, среди его живетъ и дѣйствуетъ, помогая ему дѣломъ и словомъ, дѣля часто съ нимъ нужду и горе".

Если авторъ означенной статьи считаетъ сельское наше духовенство весьма близкимъ къ народу только лишь потому, что оно живетъ вмѣстѣ съ нимъ въ селѣ, то этимъ вовсе не доказывается существованіе кровной связи между ними. Можно прожить иногда весь свой вѣкъ не только въ одномъ селеніи, но даже подъ одной кровлею съ людьми, съ которыми у насъ не бываетъ ничего общаго. Я разумѣю тутъ близость духовную, обусловливаемую общностью внутреннихъ интересовъ, симпатіею или отвращеніемъ къ однимъ и тѣмъ же явленіямъ жизни и природы.

„Единственная, на огромныхъ пространствахъ захолустьевъ русскихъ, развитая личность, живущая жизнью селянина и сочувствующая его духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ—это священникъ", продолжаетъ авторъ той же статьи.

Но, да позволено мнѣ будетъ спросить: въ чемъ же выразилось это сочувствіе? Отчего наше сельское духовенство ни одной сколько нибудь серьезной статьей не заявило печатно о томъ, что его интересуетъ жизнь народная? Кому какъ не сельскому священнику всего ближе и удобнѣе изучать быть народа во всей его подробности, записать его поэтическія думы-пѣсни, историческія преданія, или просто замѣтить лингвистическія особенности данной мѣстности? Но мы не знаемъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго труда, ни одной пѣсни или преданія, которое бы было обнародовано священникомъ, тогда какъ

у другихъ славянскихъ племенъ духовенство стоитъ во главѣ литературнаго движенія, опирающагося главнымъ образомъ на изученіе памятниковъ народной словесности. Разительный примѣръ этому—наши соплеменники русины.

Особенно странно такое равнодушіе къ завѣтной старинѣ этихъ „развитыхъ личностей" въ нашемъ южно-русскомъ краѣ, гдѣ каждый почти клочокъ земли ознаменованъ какимъ нибудь историческимъ событіемъ, каждое село имѣетъ свою исторію, свои преданія. Могилы, разбросанныя по степамъ-полямъ, и скалы, нависшія надъ Росью и Бугомъ, больше говорятъ о прошедшемъ, чѣмъ эти развитые люди, хвалящіеся близостью къ народу: понеже людіе молчатъ, каменіе вопити понудишася...

А виновато въ этомъ опять то же схоластическое образованіе нашихъ духовныхъ училищъ, которое ведетъ свое начало отъ основанія кіевской коллегіи. Не только теперь, когда уже давно затихли военныя бури, опустошавшія этотъ край, когда „былое заросло быліемъ, засыпано землей, нарочно вспаханной и засѣянной, чтобы скрыть для потомства даже память о мѣстѣ, гдѣ совершались событія"; но и въ XVI и XVII столѣтіяхъ, когда дѣйствительная жизнь сама, такъ сказать, просилась подъ перо,—и тогда наши кіевскіе грамотѣи писали на языкѣ, мало понятномъ для народа,—тогда какъ кругомъ ихъ народная поэзія била живымъ ключомъ, съ своимъ прекраснымъ языкомъ, съ глубокимъ чувствомъ, отражая въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, явленія современной жизни.

Эти народныя пѣсни, которыя въ XVIII столѣтіи, блаженной памяти, Василій Кириловичъ Тредьяковскій честилъ названіемъ *подлой* словесности, этотъ поэтическій языкъ, который и въ наши дни подобные же схоластики, за одно съ поляками, обзываютъ *мужицкимъ*—для нашего духовенства всегда были чужды. До такой степени воспитаніе, чуждое народному духу и жизни, вселяющее даже иногда презрѣніе къ народу,—разобщило пастырей съ пасомыми!

Нечего послѣ этого и говорить о народности въ проповѣдяхъ нашихъ сельскихъ священниковъ.

Во второе свое путешествіе по Европѣ въ 1716 году, Петръ I завернулъ въ любимую имъ Голландію. Тамъ встрѣтили его торжественною рѣчью. Ораторъ говорилъ высокопарнѣйшимъ слогомъ.

„Благодарю васъ, отвѣчалъ ему Петръ, но я васъ не понялъ. Я выучился голландскому языку, строя карабли въ Амстердамѣ, вашего же языка я не понимаю".

Въ такомъ именно отношеніи находится языкъ нашихъ духовныхъ рѣчей къ разговорному русскому языку: это языкъ семинарскихъ задачъ на извѣстный текстъ или тему. Какъ же пойметъ необразованный человѣкъ поученіе, написанное такимъ высокимъ слогомъ, полуславянскимъ, полурусскимъ языкомъ, читаемое обыкновенно по тетрадкѣ или по книгѣ безъ всякой выразительности, монотонно и скоро?

Въ заключеніе не лишнимъ считаемъ привести здѣсь одно мѣсто изъ лучшаго нашего духовнаго журнала о томъ, какова должна быть современная проповѣдь.

„Теперь ничего не сдѣлаешь съ обществомъ одними благочестивыми размышленіями, назидательными мыслями, подборкою текстовъ и изреченій св. отцовъ; теперь дѣйствовать на общество языкомъ обыкновенныхъ проповѣдей—значитъ по-пусту терять время. Современный богословъ долженъ подняться на разумную высоту и отсюда показать во всемъ блескѣ всеобщія истины, тогда передъ нимъ преклонился бы и палъ ницъ всякій. Чтобы пробудить отъ сна эту безчувственную толпу, нужно, кромѣ сочиненій такого рода, *дѣйствовать на нее примѣрами*: поразительными дѣйствіями самоотверженія, благочестія, любви, подвижничества. Вотъ какими проповѣдями можно только возбудить отъ сна уснувшее и разслабленное современное общество" (Православн. Обозрѣніе № 1. 1868 г.).

b) Въ волости.

Въ тотъ же самый день, послѣ обѣда, въ волостномъ управленіи была мірская сходка. Не помню, въ какомъ номерѣ

„Современной лѣтописи“ я читалъ статью, направленную противъ самоуправленія крестьянъ. Авторъ этой статьи изображаетъ народныя собранія, самыми мрачными красками: шумъ, крикъ, пьянство и чуть ли не драки составляютъ, по его словамъ, всегдашнія явленія мірскихъ сходокъ. Можетъ статься, авторъ гдѣ нибудь и видѣлъ такое безобразіе, но что касается описываемой мною мѣстности, то, сколько мнѣ извѣстно, на громадскихъ радахъ не случается ничего подобнаго. Я намѣренъ, со словъ достовѣрнаго очевидца, описать одну изъ такихъ радъ, въ которой было около ста человѣкъ громады и которая продолжалась отъ 12 часовъ до 6 вечера, спокойно, чинно, съ удивительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью. Какъ хотите, а пробыть около шести чаловъ на ногахъ, въ духотѣ и непривычномъ для крестьянина умственномъ напряженіи,—это подвигъ не малый, который не всегда бываетъ подъ силу любому коллегіальному собранію.

Предметомъ громадскихъ рѣшеній были на этотъ разъ весьма серьезные вопросы: уложеніе сообща оброчныхъ цѣнъ, раскладка недоимочныхъ денегъ на всю волость, избраніе нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, постройка новаго дома для школы и т. п. Въ небольшой комнатѣ собралась вся эта масса народа; нѣкоторые стояли въ сѣняхъ за недостаткомъ мѣста.

Большинство громады состояло изъ сивоголовыхъ уважаемыхъ всѣми стариковъ; остальные—люди среднихъ лѣтъ; очень молодыхъ не было вовсе.

Волостной старшина обыкновенно предлагаетъ на разсужденіе одинъ изъ очередныхъ вопросовъ, и съ словами: „якъ громада разсудять?“ уходилъ въ другую комнату, на другую половину дома, черезъ сѣни, гдѣ сидѣлъ съ подобающею важностію, съ перомъ за ухомъ, волостной писарь, всегда готовый къ услугамъ. Собраніе разбивалось на отдѣльныя группы, человѣкъ по 10 и по 15, и начиналось обсужденіе предложеннаго вопроса. Одни оставались въ комнатѣ, другіе выходили на дворъ. Минутъ черезъ 15—20 кучки эти начинали соединяться, и, послѣ непродолжительныхъ споровъ, наконецъ соглашались въ чемъ нибудь одномъ.

— А зовить волостного!—отзывалось нѣсколько голосовъ.

Входитъ волостной, въ сопровожденіи писаря. Выработанное громадой мнѣніе формулируется писаремъ, записывается въ протоколъ и перечитывается во всеуслышаніе. Несогласный съ мнѣніемъ большинства имѣлъ право протестовать. Онъ обыкновенно выходилъ впередъ и, при общемъ молчаніи присутствующихъ, высказывалъ свое мнѣніе.

Не всѣ, впрочемъ, вопросы вотировалъ старшина; иногда предлагалъ ихъ кто нибудь изъ громадянъ; ему возражалъ другой, этому третій и т. д. Диспуты велись съ замѣчательнымъ тактомъ· говорилъ всегда одинъ. Если поднятый такимъ образомъ вопросъ лицомъ, не принадлежащимъ къ волостной администраціи, былъ, по мнѣнію громады, очень важнаго свойства, то для обсужденія его все собраніе требовало больше времени. Опять разбивались на кучки, опять старшина уходилъ и опять возвращался съ писаремъ, по зову громады, и приговоръ записывался въ журналъ.

Въ такомъ порядкѣ происходили громадскія совѣщанія до самаго конца сходки. Ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ Современная лѣтопись на ней не случилось. Лучшимъ опроверженіемъ того обличенія, что на мірскихъ сходкахъ крестьяне только пьянствуютъ, можетъ служить слѣдующій фактъ:

Около 4 часовъ въ волостное правленіе пришелъ крестьянинъ, порядкомъ подвыпившій; но едва онъ открылъ ротъ, чтобы и себѣ сказать что нибудь, какъ по всему собранію пробѣжалъ ропотъ.

— Куды ты прыйшовъ?—накинулся на него волостной:— чи ты забувъ, що то за мисто и для чого мы сюды попрыходылы? Геть видсиль, ледащо! Колы зайшовъ перш до шинку, то й седивъ бы тамъ, пьянюго!

И неприличный господинъ тотчать отведенъ былъ въ холодную—проспаться.

c) На улицѣ.

Посмотримъ теперь, какъ проводятъ праздничный день молодые парни и дивчата, въ то время какъ старики заняты такою серьезною работой. Справедливо говоритъ польская пословица: Jak kto się bawi, tak się o nim prawi.

Дѣйствительно, народныя увеселенія и забавы могутъ дать довольно вѣрное понятіе о вкусахъ и наклонностяхъ народонаселенія данной мѣстности; по нимъ можно отчасти судить о степени его умственнаго и нравственнаго развитія. День былъ чудесный. Вышедши послѣ обѣда на улицу, съ цѣлію сдѣлать обычную свою прогулку, я увидѣлъ множество молодежи, въ красныхъ и зеленыхъ поясахъ, въ червоныхъ и желтыхъ чоботахъ. Все куда-то спѣшило. Пошелъ и я вслѣдъ за ними. Повернувши въ бердичевскую улицу, я услыхалъ пронзительный визгъ скрипки и глухой гулъ бубна. Направо и налѣво, во все протяженіе улицы, на ставняхъ еврейскихъ домовъ, на столбикахъ, подпирающихъ навѣсы при входѣ въ дома своеобразной архитектуры, привѣшены небольшія вывѣски, на которыхъ, по чорному фону, намалевано бѣлилами подобіе графина, чарки и жестянаго крючка съ ручкою—извѣстная порція горѣлки. Подъ этими незатѣйливыми фирмами пріютились тѣ многочисленныя питейныя заведенія, къ которымъ такъ нетерпѣливо спѣшили разряженные парубки и дивчата. Это называется у нихъ—„пійты на музыку“. Любопытство увлекло меня подойти ближе къ одному изъ такихъ домовъ. Сквозь растворенныя настежь двери я увидѣлъ такую картину: въ углу на скамейкѣ сидѣли два музыканта; одноглазый скрипачъ немилосердно пилилъ на своемъ разбитомъ инструментѣ съ пеньковыми струнами, а товарищъ его съ неменьшимъ усердіемъ ударялъ въ бубенъ деревяннымъ пестомъ, совершенно заглушая говоръ публики, которая представляла не мало разнообразія. Тутъ были дивчата, грызущія сѣмячко, подгулявшіе парни, лакеи въ красныхъ жилетахъ, и наконецъ солдаты—эти цивилизаторы нашего сельскаго люду, исконные враги доброй славы нашихъ неразумныхъ дивчатъ. Духота была невыносимая: паръ клубился изъ дверей, какъ изъ бани. Посреди густой толпы оставалось пространства не болѣе двухъ квадратныхъ аршинъ, гдѣ почти на одномъ мѣстѣ мѣсили ногами раскраснѣвшіяся дѣвушки, а потъ катился съ нихъ градомъ.

Въ противоположномъ углу комнаты, подъ гудѣнье бубна „севастопольскій герой жужжалъ въ уши здоровой и уже не

первой молодости покрыткѣ свои армейскія любезности, суя ей въ руку стаканъ съ водкой. Другой солдатикъ любовался на эту парочку, самодовольно улыбаясь и какъ бы желая тѣмъ сказать, „ай да наши—кого не надуютъ?“. Тутъ же подлѣ нихъ, пьяный лакей въ ливрейномъ сюртукѣ, съ металлическими пуговицами, крутилъ замасляную папироску.

Такихъ увеселительныхъ заведеній съ музыкой на одной бердичевской улицѣ было болѣе десятка, и всѣ они были биткомъ набиты. Въ другихъ шинкахъ—безъ музыки, засѣдали старики съ женами и чинно, тихо пропивали послѣдній грошъ, праздника ради.

Кабакъ и школа!? Вотъ два противоположные полюса народной жизни, двѣ крайнія грани, опредѣляющія разстояніе отъ человѣка до скота, два исходные пункта народныхъ бѣдствій и благосостоянія, грубости и цивилизаціи, тупоумія и развитія, нищеты и довольства, разврата и доброй нравственности.

Хотя эти двѣ крайности уживаются въ нашемъ мѣстечкѣ, но онѣ не укладываются въ моей головѣ. По моему, одно изъ двухъ: или школа и проповѣдь, съ ихъ благотворнымъ вліяніемъ на народную нравственность, или кабакъ и распутство.

Если церковныя школы, существующія въ такомъ большомъ количествѣ въ нашей губерніи, безсильны для того, чтобы создать новое, лучшее поколѣніе и поднять уровень умственнаго развитія въ народѣ, то ихъ нужно принаровить къ вопіющимъ потребностямъ новаго положенія крестьянъ, сдѣлавъ въ нихъ необходимыя улучшенія. Если проповѣди нашихъ сельскихъ пастырей, подобныя той, о которой мы говорили выше, безплодны для жизни, не въ состояніи подѣйствовать на нравственность крестьянъ, то слѣдуетъ измѣнить всю систему нашего духовнаго краснорѣчія: намъ нужны не риторы, витающіе въ сферѣ умозрѣній, а живые общественные дѣятели, готовые до самоотверженія дѣломъ и словомъ служить народному благу.

д) Малярка.

Извѣстную всему нашему околотку Малярку скорѣе всего можно увидѣть въ церкви. Она не пропускаетъ ни одного бого-

служенія. Обычное ея мѣсто съ лѣвой стороны, противъ иконы святителя Николая. Стоитъ она въ церкви весьма неспокойно: то, оборотившись, дѣлаетъ замѣчанія стоящимъ подлѣ нея людямъ, то, припавши къ холодному полу лицомъ, стонетъ и плачетъ, то начинаетъ смѣяться истерическимъ смѣхомъ, то вдругъ, поднявшись, начинаетъ воевать съ мальчуганами, умышленно напиравшими на нее толпу,—это злѣйшіе и всегдашніе враги ея. Послѣ каждаго священнодѣйствія, какъ напр. послѣ эктеніи, апостола, евангелія и т. д., она подходитъ къ намѣстнымъ образамъ съ комически-набожной миной, и, приложившись, возвращается на свое обычное мѣсто. Наконецъ, послѣ херувимской пѣсни, какъ только запоютъ „яко да царя", приложившись въ послѣдній разъ, она оставляетъ свое мѣсто и начинаетъ хожденіе по церкви, продолжая его до окончанія обѣдни, если раньше ее не выведутъ за двери...

Благодаря своему высокому росту, она издали замѣчаетъ всякаго, съ кѣмъ ей нужно поговорить и никто не скроется отъ ея назойливости.

Долго я не могъ уяснить себѣ цѣли этого безпокойнаго хожденія по церкви, пока наконецъ не удалось мнѣ узнать нѣкоторыя подробности, бросившія свѣтъ на эту загадочную личность.

Два года тому назадъ умеръ у нея мужъ, смирный, работящій человѣкъ, маляръ—самоучка; не докончивъ заказаннаго ему образа св. Николая, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ существованію. Не на что было даже похоронить его: какъ жилъ бѣднякомъ, такъ и умеръ. Ходила бѣдная вдова къ ясновельможному пану просить на погребеніе, передъ самымъ отъѣздомъ его за границу—ничего не далъ. „Я, сказалъ, нуждаюсь и самъ въ деньгахъ". Спасибо, хоть громада не отказала: кое какъ похоронили. Малыхъ дѣтокъ забрала къ себѣ старшая дочь. Осталась малярка одна одинешенька „якъ палецъ".

Это семейное горе, внезапно разразившееся надъ бѣдняками, до того потрясло впечатлительную душу малярки, что она „тронулась ума". Такъ какъ время смерти ея мужа совпало съ тревожнымъ ожиданіемъ крестьянами воли, которая была

единственнымъ предметомъ разговоровъ въ каждой семьѣ, въ каждой сходкѣ, встрѣчѣ на улицѣ, то слѣды этого тревожнаго состоянія остались навсегда въ душѣ бѣдной малярки: и черезъ два года не перестаетъ она повторять то, о чемъ говорилось въ послѣдній день ея здороваго состоянія, да еще съ прибавкою того, о чемъ, конечно, и не снилось никогда крѣпостнымъ хлопамъ, напр. что ясновельможный женится на ней непремѣнно какъ на вольной, имѣющей право выйти за кого ей угодно, „ніякого биса не пытаючись“.

И началась для бѣдной малярки жалкая, скитальническая жизнь посреди народа, и гуляетъ она себѣ на свободѣ, не зная никакого стѣсненія, переходя изъ дома въ домъ, питаясь подаяніемъ. Дождь ли идетъ, буря ли на дворѣ свирѣпствуетъ—ей все нипочемъ. Ходитъ себѣ по мѣстечку, никому ни на что не жалуясь, „ніякому бису“ не кланяясь. Всѣ ее знаютъ и всякій хозяинъ готовъ зазвать ее до хаты, да не ко всякому она пойдетъ съ охотой. Добрые люди никогда ни въ чемъ ей не отказываютъ—ни въ обѣдѣ, ни въ ночлегѣ.

Чѣмъ же отплачиваетъ она имъ за такое радушное гостепріимство? Не ласкательствомъ, не раболѣпнымъ приниженіемъ своей личности, чѣмъ обыкновенно отличаются свѣтскіе паразиты, увивающіеся около знатныхъ своихъ патроновъ; нѣтъ, не этимъ заслужила малярка право сидѣть за чужимъ столомъ, имѣть пріютъ подъ чужою кровлею, а неумолимымъ преслѣдованіемъ разныхъ странностей и пороковъ тѣхъ самыхъ людей, которые такъ охотно раздѣляютъ съ ней заработанный кусокъ хлѣба и свое тѣсное помѣщеніе.

Бродя цѣлый день по мѣстечку изъ дома въ домъ, она видитъ и слышитъ многое такое, что ей не нравится и чего она никакъ не можетъ простить даже такимъ сильнымъ міра, какъ становой и благочинный. Дождавшись воскресенья, или праздника, она всенародно изобличаетъ всякаго, за кѣмъ замѣчено ею что нибудь нехорошее. Тутъ она никого не позабудетъ. Мужъ, подъ пьяную руку побившій жинку, мать, которая не держитъ „добре“ въ рукахъ свою дочку, позволяя ей вѣшаться на шею парубкамъ; дивчина, пришедшая поздно домой изъ му-

зыки; богатырь-хозяинъ, обижающій бѣдняка сосѣда, ледащо-парубокъ, забывшая стыдъ молодыця, письмоводитель пристава, взявшій съ бѣдняка два карбованци за правое дѣло его съ жидомъ, лакей, трескающій въ постъ скоромное—никто не избѣжитъ ѣдкой сатиры неумолимой, неподкупной малярки: всѣмъ достанется по заслугамъ!

Въ лѣтнее время, передъ началомъ обѣдни, когда батюшка правитъ акафисты, или во время самаго служенія, когда въ церкви бываетъ очень душно,—на церковномъ дворѣ усядутся разряженныя и „заквитчанные" дивчата. И вотъ оживленная бесѣда польется неудержимымъ потокомъ: смишки, жарты, щебетанье. Но едва только изъ-за церкви покажется длинная фигура малярки—въ одно мгновеніе все замолкнетъ. Такъ умолкаетъ веселое чириканье воробьевъ, въ ясный веселый день усѣвшихся на солнышкѣ, когда внезапно промелькнутъ надъ ними изъ-за клуни свистящія крылья хищнаго кобчика. Тихо обходя длинные ряды испуганныхъ дѣвушекъ, малярка пристально вглядывается въ ихъ лица, осматриваетъ ихъ наряды, и горе той, которая въ чемъ нибудь провинилась: не проститъ малярка ни за что въ свѣтѣ. Не спасутъ ее ни пышные „корали", ни чорныя брови, ни богатое убранство: осрамитъ бѣдняжку на вѣки!

И такъ, почетная роль блюстителя народной нравственности выпала на долю *помѣщакной!..*

II. Паны, жиды и хлопы.

> „Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояніямъ, поставилъ ихъ на извѣстныхъ степеняхъ, и васъ, подданные, создалъ для зависимости, не оставивъ въ васъ ничего равнаго прочимъ, кромѣ души. Каждый вѣрующій въ Бога христіанинъ Его святую волю долженъ принимать съ покорностію. Повинности свои вы должны были всосать съ молокомъ матерњимъ, т. е. *вѣрность панамъ и вѣчное подданство владѣльцамъ*".
>
> (Изъ универсала Стемпковскаго къ крестьянамъ украинскимъ 1768 г.).

Не разъ я самъ задавалъ себѣ вопросъ: отчего въ такой благодатной странѣ, при благорастворенiи воздуховъ и изобиліи

плодовъ земныхъ, крестьянинъ нашъ такъ бѣденъ и такъ неразвитъ? За разрѣшеніемъ этого вопроса, конечно, слѣдовало бы обратиться къ историческимъ судьбамъ нашего богатаго края и нашего бѣднаго народа, но къ чему, подумалъ я, вспоминать ужасную быль про далекое прошедшее и вызывать къ отвѣту изъ могилъ давно осужденныя исторіей тѣни виновниковъ настоящихъ бѣдствій народныхъ? Зачѣмъ „противъ ночи згадувать“ эти страшныя имена? Requiescant in pace!...

И такъ, оставивъ въ покоѣ предковъ, займемся на сей разъ ихъ потомками и ихъ здравствующими и разъѣзжающими по Украйнѣ „цугомъ зъ бича“. Бѣденъ всегда былъ нашъ крестьянинъ потому, что былъ богатъ панъ, былъ богатъ жидъ, неразвитъ потому, что тотъ, на кого онъ работалъ въ потѣ лица, ничего для него не дѣлалъ.

Какъ бы въ оправданіе беззаконнаго универсала Стемпковскаго, англичанинъ Стефенсъ провозгласилъ философскій законъ, въ силу котораго „крестьянское сословіе отличается отъ дворянскаго тѣмъ, что крестьянинъ получилъ отъ природы право труда безъ наслажденія, а дворянинъ право наслажденія безъ труда“. Ну, и пусть бы ихъ въ свое удовольствіе наслаждались жизнію настоящіе, что называется, магнаты, породистые тузы, которымъ, по ученію отцовъ іезуитовъ, самъ Богъ велѣлъ жить трудами хлоповъ. Но эта бродячая шляхта, не имѣющая постоянной осѣдлости и наслѣдственныхъ правъ на землю, эти выходцы изъ невѣдомыхъ народу странъ—зачѣмъ они-то пользуются въ нашемъ юго-западномъ краѣ одинакими привилегіями съ помѣщиками? Получая отъ владѣльца имѣніемъ какихъ нибудь сто-двѣсти рублей годового жалованья, съ прибавкою „ординаріи“, господа эти проживали во время—бно тысячи, выжимая изъ народа послѣдній сокъ и платя ему за то глубочайшимъ презрѣніемъ. Отъ разныхъ поручаемыхъ имъ оффицій, они именуются официалистами. Казалось бы, что эти люди не должны имѣть другого назначенія, кромѣ народнаго благосостоянія, что не народъ существуетъ для этихъ единицъ, а единицы для блага народнаго; но на дѣлѣ выходитъ, что народъ становится не цѣлію,

а средствомъ, орудіемъ, рабочею силою, движимой по прихоти немногихъ личностей къ ихъ собственному обогащенію.

Высочайшій манифестъ 19 февраля положилъ конецъ этимъ неправдамъ. Народу предоставлено право самоуправленія: онъ самъ, въ лицѣ своей громады, принялъ на себя заботу устроять свое благосостояніе, и оно, слава Богу, хотя медленно, однако уже замѣтно стало улучшаться. Экономы, ржондцы, управляющіе и тому под. чины скарбовой администраціи почувствовали себя лишними между народомъ, а съ выкупомъ крестьянскихъ надѣловъ существованіе ихъ въ краѣ сдѣлается абсурдомъ.

— A co tam słychać?—спрашиваетъ одинъ шляхтичъ другого, встрѣтившись на улицѣ.

— Kiepśko, panie dobrodzieju, w Pińsku już swyni przy schablukach chodzą!—аллегорически отвѣчаетъ панъ, покачивая головою.

— Urwałosię nam wschystkim!—восклицаетъ разжирѣвшій на должности экономъ.

— Разорили насъ, ограбили!—кричатъ бывшіе душевладѣльцы.

— Чортъ знае що зробылы,—аккомпанируетъ имъ жидъ фурманъ, постегивая исхудалыхъ некормленныхъ клячъ своихъ,—людей у панивъ одибралы, повыдумувалы якись тамъ машины, що намъ биднымъ жидкамъ никого й возыть: уси йиздять Днипромъ да на машини. Нащо воны такъ зробылы, що вже никому на насъ йиздыть? Колысь и намъ було добре и панамъ було добре, а теперъ? Н—но!

Такъ расходятся интересы здѣшняго разнокалибернаго народонаселенія: панъ ропщетъ на то, что ему не на комъ ѣздить жидъ, напротивъ, жалѣетъ, что некому на немъ ѣздить, а крестьянинъ доволенъ, что на немъ не будутъ уже ѣздить ни паны, ни жиды.

Подобнаго рода сожалѣнія объ измѣнившемся порядкѣ вещей добраго стараго времени слышатся отовсюду съ той самой минуты, когда благодѣтельная крестьянская реформа пресѣкла

вѣковое зло, осчастливила милліоны вѣчныхъ тружениковъ, подорвавъ тунеядство гулящей шляхты и вѣрныхъ ея союзниковъ въ дѣлѣ эксплуатаціи—евреевъ.

Но... пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ, говоритъ пословица. Возрожденный къ новой жизни высочайшею волею государя здѣшній народъ далеко еще не высвободился, de facto, отъ зависимости поляковъ и жидовъ. Въ подтвержденіе этой истины, я приведу нѣсколько достовѣрныхъ фактовъ изъ жизни одного юго-западнаго мѣстечка.

Есть здѣсь большая мельница, приносящая, говорятъ, 10 тысячъ ежегоднаго доходу. Стоитъ она, правда, порядочныхъ денегъ: одна плотина черезъ рѣку обошлась (при крѣпостномъ трудѣ) около ста тысячъ. Но дѣло не въ томъ, а вотъ въ чемъ: казалось бы, устройство такой мельницы, которая мелетъ круглый годъ—сущій кладъ для жителей, особенно лѣтомъ, во время засухи, когда высыхаютъ пруды и маленькіе притоки. Но въ такое именно критическое время жиды-арендаторы берутъ $^{3}/_{4}$ съ пуда за перемолъ, а смолоть .о больше негдѣ, потому что вѣтряковъ крестьянамъ строить не дозволено и они волей неволей должны везти жито на панскія мельницы, которыя всѣ находятся въ рукахъ евреевъ.

Но вотъ построилъ крестьянинъ-собственникъ собственный вѣтрячокъ. Боже мой, какой гвалтъ подняли жиды!... Казусное это дѣло „о постройкѣ мельницы крестьяниномъ Праведнымъ на помѣщичьей землѣ“, которое тянется около года, стоитъ того, чтобы разсказать о немъ подробнѣе.

Входя въ нужды своихъ собратовъ крестьянъ, и испытавъ неоднократно на собственномъ карманѣ весь вредъ эксплуатаціи и монополіи, П—й задумалъ, съ помощью сосѣдей, построить собственный млынъ. Такъ какъ доставшаяся на его долю усадьба находится въ долинѣ, а вѣтрякъ долженъ стоять на возвышенномъ мѣстѣ, то, не осмѣлившись самопроизвольно прихватить для своей будущей мельницы нѣсколько аршинъ смежной съ его огородомъ панской земли, онъ, по совѣту добрыхъ людей, началъ хлопотать у пана комисара о дозволеніи ему по-

ставить мельницу на избранномъ имъ мѣстѣ. Хожденіе по этому дѣлу къ вельможному пану протянулось нѣсколько мѣсяцевъ: то спить, то слабый, то въ лужку лѣже, то нима часу. Наконецъ какъ то просителю удалось поймать этого падишаха и выплакать у него „квитъ“ на постройку вѣтряка. Съ этимъ драгоцѣннымъ лоскуткомъ бумаги мой П—й, не чуя подъ ногами земли, бѣжитъ къ ржондцѣ, которому предписывалось осмотрѣть мѣстность и указать пунктъ, гдѣ должна стоять мельница. Проходивъ еще нѣсколько недѣль къ сему второму чину скарбовой іерархіи, наконецъ П—й, вмѣстѣ съ ржондцей, на его же нейтичанкѣ поѣхали кончать это хлопотливое дѣло. Ржондца самъ „рукою власною“ отмѣрялъ потребное количество земли и, пожелавъ П—му счастливаго успѣха въ его предпріятіи, уѣхалъ себѣ домой на своей нейтичанкѣ. Такъ какъ срубъ для вѣтряка давно уже былъ заготовленъ, то П—й въ нѣсколько дней и сложилъ его на указанномъ ржондцею мѣстѣ.

Между тѣмъ арендаторы панскихъ мельницъ, евреи, замѣтивъ такое небывалое въ нашемъ околодкѣ явленіе, чтобы хлопъ имѣлъ свой собственный млынъ, подняли страшный гармидеръ и подали пану-комисару формальный протестъ, заявивъ въ немъ, что постройкой мельницы нарушается заключенное съ экономіею условіе, въ силу котораго ни въ мѣстечкѣ, ни въ окрестностяхъ его не дозволялось никому ставить новыхъ мельницъ, сверхъ арендованныхъ, ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ. Вслѣдствіе такого заявленія, въ одно прекрасное утро, становой приставъ, получающій отъ экономіи жалованье сверхъ казеннаго, получилъ отъ управляющаго бумаги „о самопроизвольной постройкѣ крестьяниномъ собственникомъ П—нымъ вѣтряной мельницы на помѣщичьей землѣ“. Продержавъ у себя довольно долго эту бумагу, приставъ передалъ ее мировому посреднику, который, за неимѣніемъ у П—го письменнаго доказательства на позволеніе (квитъ остался у ржондцы), велѣлъ запечатать млынъ. Волостной старшина въ точности исполнилъ это распоряженіе и донесъ мировому, что онъ приложилъ печать „у самисеньку дирку“, куда входитъ ключъ отъ дверей мельницы. Но евреи не удовлетвори-

лись такимъ рѣшеніемъ и требовали, чтобы мельница совершенно была разобрана, на томъ основаніи, что будто бы П—й по ночамъ продолжаетъ молоть, пролѣзая въ мельницу изъ-подъ полу. Не успѣвши въ этомъ, они вошли съ П—нымъ въ переговоры, предлагая ему 150 руб. въ годъ аренды, увѣряя его, что только на такихъ условіяхъ мельница можетъ уцѣлѣть. П—й не согласился, въ ожиданіи скораго пріѣзда изъ-за границы самого ясновельможнаго.

И дождался. Но тутъ онъ встрѣтилъ такую бурю, „що лучше бъ и не ходыть до того палацу: и въ груди мене штовхавъ, и ногамы тупотивъ, разлютовався такъ, що Боже сохрани! Вы, каже, разбойники, бунтовныки, вы мене разорили, ограбили!...

Въ такомъ видѣ передалъ мнѣ всю эту исторію, въ присутствіи благочиннаго, самъ П—й и подтвердилъ свой разсказъ клятвою, которая можетъ замѣнить въ этомъ случаѣ присягу. Я ему совершенно вѣрю. Юридически, конечно, доказать истину своего показанія онъ не можетъ: отъ него потребуютъ письменнаго доказательства, а „квитъ“ комисара на постройку млына, единственный документъ его, остался, какъ сказано выше, у ржондцы, а ржондца говоритъ, что онъ никогда не получалъ такого квита, равно какъ и самъ комисаръ, съ своей стороны, утверждаетъ, что онъ никакого письменнаго разрѣшенія не давалъ. Поди ты, сладь съ ними, докажи правоту своего дѣла! Справедливо замѣтилъ Праведный, что „не мае правды, а ни у пана, а ни у жида“.

Стѣсненіе народной жизни, не смотря на манифестъ 19 февраля, простирается до того, что жителямъ мѣстечка негдѣ пасти скотину: выгонныя мѣста отведены имъ верстъ за десять, да и то скотъ приходитъ домой голодный. Не только пруды, но и рѣка были заарендованы евреями, такъ что бѣднымъ крестьянамъ приходилось очень плохо, особенно въ постные дни.

Право охоты до сихъ поръ остается за помѣщикомъ. У русскихъ чиновниковъ панскіе псярныки отнимаютъ ружья, а о крестьянахъ и говорить нечего: крестьянинъ въ своемъ соб-

ственномъ огородѣ не имѣетъ права застрѣлить грызуна-зайца или воровку-лисицу, а волки безнаказанно таскаютъ въ лѣсъ овецъ и свиней, а иногда среди бѣла дня, повалятъ и корову.

И всѣ эти бѣды переносятъ жители ради прихоти эгоиста-феодала, страстнаго охотника, который одинъ на сотни верстъ потѣшаетъ себя этой забавой—

И страждутъ озимы отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы...

Говорятъ, что на содержаніе псарни ассигновывалось въ былыя времена ежегодно до 25 тысячъ рублей. Въ ней помѣщалось до 500 собакъ „всѣхъ возможныхъ породъ и цвѣтовъ: и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, наводящихъ изумленіе крѣпостью чорныхъ мясовъ", какихъ, конечно, не бывало у самаго прощалыги Ноздрева. Между ними было полтораста штукъ чистокровныхъ англійскихъ. При псарнѣ содержалось 150 лошавей—верховыхъ и подъ фургоны для сѣтей, да столько же псарей и конюховъ. Это былъ настоящій собачій питомникъ—съ особыми столовыми, мраморными корытами, дортуарами, больницей и т. п.

Кромѣ того, при конюшнѣ масса породистыхъ лошадей, и теперь въ должности конюховъ состоитъ около 30 человѣкъ наѣздниковъ, да столько же собакъ, въ качествѣ лошадиныхъ тѣлохранителей. Эта челядь, незанятая весь день рѣшительно никакимъ дѣломъ, время, остающееся отъ сна, проводитъ подъ навѣсомъ конюшни, выходящимъ на площадь; тутъ же располагается и стая хортовъ. Для развлеченія конюхи травятъ крестьянскихъ свиней и проходящихъ мимо собакъ. Извѣстно, какъ много значитъ въ бѣдномъ крестьянскомъ хозяйствѣ годовалый кабанецъ: „не покуштовать въ великій праздникъ кабанятынки"—признакъ крайней нужды; это единственно доступное крестьянину лакомство „въ мъясныци". Между тѣмъ не разъ случалось, что панская челядь затравляла свиней, сопровождая визгъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ животнаго громкимъ, неистовымъ хохотомъ.

Не далѣе какъ вчера, на площади валялась огромная свинья, разорванная панскими хортами. Стаи воронъ и бездомныхъ со-

бакъ терзали внутренности и волочили ихъ по пляцу, въ виду палаца—до самой становой квартиры.

Невольно подумаешь, что, потерявъ власть надъ крестьянами и лишившись на всегда права истязать людей, скарбовая администрація срываетъ свою злость на бѣдныхъ животныхъ. Горе несчастной собакѣ, забредшей на панскій дворъ; горе козѣ и свиньѣ, попавшей туда въ ворота, всегда отворенныя настежь! Недавно панъ маршалекъ убилъ изъ ружья нѣсколько собакъ, а сколько затравлено козъ и свиней на комисаріи—я уже и счетъ потерялъ. Подумали бы они, чѣмъ виновато глупое животное, что не затворяютъ воротъ, не починиваютъ плетни? Вотъ бы гдѣ общество покровителей животныхъ должно имѣть своего агента!

Недавно я ходилъ по базару, чтобы принаровиться къ мѣстнымъ цѣнамъ. Удивительно, какъ все дорого. Такой богатый край и такая дороговизна! Вся торговля, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстечкахъ нашего края, находится въ рукахъ евреевъ.

Заглянувъ въ мясную лавку, я и самъ себѣ былъ не радъ. На грязныхъ, засаленыхъ и изрубленныхъ въ разныхъ направленіяхъ лавкахъ лежали разной величины куски мяса. Два еврея въ замасленыхъ кафтанахъ рубили топорами и вѣсили порціи говядины, не совсѣмъ уже свѣжей, и раздавали просителямъ. Лучшіе куски отложены въ сторону. Когда я спросилъ еврея, для чего онъ ихъ не продаетъ, онъ мнѣ сказалъ, что эти лакомые куски отложены для пановъ официіалистовъ и для становаго пристава.

Отъ мясной лавки тянулись въ два ряда столики и скамейки съ разными жизненными припасами: пшено, соль, картофель, лукъ и битая птица. Особенно возбуждали аппетитъ покупателей гуси съ ободраною кожей, такъ что всѣ мускулы были видны. Я сперва подумалъ, не занимаются ли еврейки сравнительною анатоміею? Но дѣло объяснилось гораздо проще: выкормивъ гусей на сало, еврейки снимаютъ съ нихъ весь жиръ для своего употребленія—на смалецъ, а мясо съ костями выносятъ на базаръ и къ удивленію находятъ покупателей. Тутъ же ле-

жала и рыба съ предварительно выпущенной икрой, за которую взяты уже деньги особенно.

По всей базарной площади разставлено множество мѣняльныхъ столиковъ. За промѣнъ одного рубля на мѣдныя деньги берутъ отъ трехъ грошей до трехъ копѣекъ. Кромѣ того, если крестьянину приходится что нибудь купить въ лавкѣ, то сдача дается ему не иначе, какъ съ промѣномъ. Размѣнявши, такимъ образомъ, свою ассигнацію на звонкую монету, крестьянинъ всю ее тутъ же израсходуетъ; затѣмъ его же мѣдныя деньги снова идутъ на *стольцы* и лежатъ тамъ до другого его пріѣзда на торгъ.

Бродя однажды по улицамъ и размышляя о причинахъ дороговизны, я незамѣтно очутился за мѣстечкомъ. Тамъ, подлѣ корчмы, я увидѣлъ цѣлую толпу оборванцевъ-евреевъ и евреекъ. Это мѣстный пролетаріатъ. Выходятъ они за мѣстечко на всѣ дороги и стараются скупить все, что только везутъ и несутъ изъ деревень крестьяне, по такимъ цѣнамъ, по какимъ на базарѣ никогда не покупаютъ. Этимъ фактомъ отчасти объясняется всегдашняя дороговизна на всѣ жизненные продукты и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается тайна существованія цѣлыхъ тысячъ пролетаріевъ, повидимому, совершенно лишенныхъ средствъ къ дневному пропитанію. А ѣдятъ они очень мало сравнительно съ нашимъ рабочимъ классомъ: цыбулька да кусочекъ хлѣба—для еврея достаточно; въ этомъ часто состоитъ весь обѣдъ его.

Мнѣ говорилъ одинъ почтенный еврей, что здѣшняя синагога построена на деньги, которыя, по постановленію кагала. купцы должны были брать съ христіанъ покупателей, сверхъ того, что они обыкновенно берутъ, во всякое другое время, извѣстный процентъ; а вѣдь это зданіе стоитъ до 50 тысячъ сребренниковъ!

Во всемъ западномъ краѣ ярмарка безъ еврея не мыслима, Если въ торговый день случится шабашъ, или еврейскій праздникъ, то ярмарка откладывается до другого дня. Тутъ-то весьма осязательно представляется преобладаніе еврейскаго пародонаселенія надъ православнымъ и вѣчная эксплуатація послѣдняго.

Ни одна купля, ни одна продажа не обходится без обмана и надувательства. Крестьяне такъ уже къ этому привыкли, что давно перестали удивляться изобрѣтательности и изворотливости евреевъ въ сношеніяхъ съ христіанами, флегматически повторяя всякій разъ, въ утѣшеніе себѣ и въ оправданіе своей простоты, вѣчную поговорку: на те винъ и жидъ, щобъ обманувать! И при всемъ томъ привычка видѣть въ евреѣ всегдашняго покупателя до того вкоренилась между крестьянами, что они всегда предпочтутъ продать привезенный на базаръ товаръ еврею, чѣмъ всякому другому, зная напередъ, что при разсчетѣ ему не доплатять, что его и обмѣряють, и обвѣсять, и обсчитаютъ. Ему предлагаешь настоящую цѣну, а онъ все упирается: „Мени, каже, и жидъ стилько дававъ, я лучше ему продамъ". Толкуй съ нимъ по пятницамъ!

На ярмаркѣ евреи всемогущи. Надъ ними нѣтъ ни суда, ни расправы. Право всегда на ихъ сторонѣ. Возьмемъ, для примѣра, хоть такой казусъ: пусть на ярмаркѣ крестьянинъ попадется въ самомъ мелкомъ воровствѣ, и онъ непремѣнно будетъ преданъ въ руки правосудія, т. е. станового пристава. Пусть же проворуется еврей—выйдетъ совсѣмъ другая исторія. Его хватаютъ съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія, а онъ кричитъ: „гвултъ!", что его грабятъ. Въ минуту со всѣхъ сторонъ сбѣгаются евреи, поднимается страшный содомъ; среди толкотни и давки, вора вырываютъ изъ рукъ поймавшаго его крестьянина, а послѣдняго втаптываютъ въ грязь. Сбитый съ ногъ натискомъ евреевъ крестьянинъ едва лишь успѣетъ подняться съ земли, какъ его уже подхватили подъ руки и прутъ раба божьяго въ полицію. А къ становому уже успѣли отправить посольство съ жалобой, что „пьяный мужикъ напавъ на бидного и чесного жидка", совершенно безвинно, прибилъ его до полусмерти, отнялъ у него 25 карбованцивъ грошей, которыхъ у него, конечно, отъ роду не бывало.

Приводятъ крестьянина предъ лицо правосудія.

— Ты что, пьяница, дерешься съ жидами? привѣтствуетъ его правосудіе и, не слушая никакихъ оправданій, крикнетъ десяцкимъ: въ холодную его!

Если же приставъ окажется человѣкомъ порядочнымъ и благоволитъ войти въ разбирательство дѣла и рѣшить его по всей справедливости, какъ велитъ законъ, то и тогда крестьянинъ все таки окажется кругомъ виноватымъ, потому что юридически онъ никогда не докажетъ правоты своей. Свидѣтели происшествія, его же односельцы, увидавъ такой исходъ дѣла, поуходили подальше, на другой конецъ площади, ихъ и собаками не сыщешь, а у еврея цѣлый кагалъ свидѣтелей, и всѣ они на лицо, и всѣ, какъ одинъ, готовы хоть десять разъ присягнуть, что еврея прибили и ограбили.

Получивъ такой урокъ, бѣдный крестьянинъ приходитъ къ убѣжденію, горькимъ опытомъ, что съ евреями ничего не подѣлаешь, что они—сила.

Бываютъ случаи, хоть и довольно рѣдко, что и евреи между собою подерутся; тогда они большею частію судятся собственнымъ третейскимъ судомъ, между своими же единовѣрцами. Къ приставу побѣжитъ иной развѣ только съ-горяча. Я былъ свидѣтелемъ такой сцены:

Случилось мнѣ быть у пристава. Въ комнату, гдѣ мы сидѣли и курили, врывается еврей, страшно крича и махая руками; кафтанъ на немъ былъ порванъ, по лицу текла кровь. Приставъ, большой оригиналъ, флегматически поднимается съ кресла, подходитъ къ еврею и не говоря ни слова—въ рожество! „Стой такой сякой и молчи!". Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ въ кресло и продолжалъ курить трубку.

— А преоригинальная у васъ, Григорій Ивановичъ, расправа: побитый пришелъ у васъ искать защиты, а вы ему еще прибавили отъ себя.

— Виноватый завше бижить попереду, отвѣчалъ онъ. И дѣйствительно, не прошло и пяти минутъ, какъ входитъ и другой еврей, и по справкамъ оказалось, что первый—кругомъ виноватъ, а потому и поспѣшилъ раньше добѣжать до становой квартиры огородами и закоулками, расцарапавши себѣ лицо и размалевавши его кровью.

— Эй, соцкій! обоихъ за рѣшотку! Тамъ помирятся.

И конецъ всей расправѣ.

Историческое мѣстечко Бѣлую Церковь совершенно справедливо называютъ сестрой Бердичева. Весь центръ его занятъ евреями; православное земледѣльческое населеніе живетъ на окраинахъ, образуя какъ бы три отдѣльныя села: Ротокъ, Зарѣчье и Александрію. Стало быть, господствующее населеніе мѣстечка—евреи; горсть христіанской интеллигенціи—гимназической и скарбовой—между ними почти незамѣтна. Пользуясь особымъ покровительствомъ станового и вѣря въ могущество своихъ кербелей, они относятся къ остальному населенію съ неуваженіемъ и наглостію. Самое мѣстечко, на своемъ жаргонѣ, какъ бы въ поруганіе святыни, они называютъ не Бѣлою Церковью, а чернымъ капищемъ (Schwarz Tymmer).

Микитка-нищій.

Внося въ свои записки нѣкоторыя наблюденія надъ жизнью украинскаго населенія, я не могу не посвятить нѣсколько строкъ и тебѣ, отверженное людьми и обиженное природой созданіе! Когда мнѣ приходятъ на память твои бѣдныя лохмотья, твои взъерошенные волосы, твое изрытое оспой лицо—безъ малѣйшаго признака мысли человѣческой, твои вывороченныя ноги, лягушечьи прыжки и тѣ глухіе, раздирающіе душу звуки, которыми ты силишься выразить проблески разумѣнія, въ чемъ не отказала тебѣ безжалостная судьба, быть можетъ, съ цѣлію, чтобы ты не умеръ съ голоду и продолжалъ влачить свое жалое существованіе,—передо мной, изъ сумрака вѣковъ, встаетъ страшный призракъ угнетеннаго народа, возваннаго нынѣ къ новой жизни волею Царя-Освободителя... Но дольше всего остается у меня въ памяти единственное слово, произносимое тобой по человѣчески, ты, выкидышъ изъ человѣческаго общества, это слово—*панъ*. Слово, какъ видите, не многосложное, и весьма не труд-

ное для произнесенія: оно чаще другихъ словъ слышится на Украйнѣ; его научается выговаривать ребенокъ едва ли не прежде словъ: мамо и тато. Здѣсь всѣ паны: помѣщикъ—панъ, управляющій его имѣніями—панъ, экономъ—панъ, берейторъ—панъ, главный скотникъ—панъ, псярникъ—панъ, поваръ и лакей—паны. Затѣмъ все остальное населеніе—жиды и хлопы. Тогда какъ на 40 губерній европейской Россіи, съ 50 милліоннымъ населеніемъ, дворянъ числится всего 135 тысячъ,—въ 9-ти западныхъ губерніяхъ, съ 11 милліонами жителей, потомственныхъ дворянъ считается около 203 тысячъ.

Оторванные отъ кровныхъ интересовъ коренного русскаго населенія, наперекоръ пользамъ и нуждамъ народнымъ преслѣдуя лишь свои шляхетскія цѣли,—польскіе паны были главными виновниками того исключительнаго положенія лучшей части Россіи, которому теперь не въ силахъ помочь самыя благодѣтельныя мѣропріятія правительства.

Но... я нѣсколько отклонился въ сторону отъ своего предмета. Окончу свой разсказъ про мальчика.

Обыкновенное мѣстопребываніе Микитки—пляцъ, т. е. площадь. На этой площади, не смотря на то, что она считается парадной, выбрасываютъ всякій соръ, выливаютъ помои и т. п. Здѣсь валяются разные лоскутки бумаги, тряпки, изношенные сапоги, обглоданныя кости. Въ этой гадости и копается мой Микитка. Обычное его общество—бездомныя собаки, гуси, поросята. Животныя эти такъ съ нимъ сдружились, что позволяютъ съ собой играться. Его не боятся и птицы. Иногда, отыскавъ побольше листъ бумаги, или какую нибудь цвѣтную тряпку, онъ привязываетъ ее къ палкѣ и пойдетъ дѣлать по пляцу свои уродливые прыжки. Подобіе змѣя доставляетъ ему видимое удовольствіе: онъ издаетъ горловые звуки, похожіе на веселый смѣхъ.

И не даромъ Микиткѣ полюбилось общество животныхъ.

Проходя однажды въ праздникъ по площади, я замѣтилъ толпу лакеевъ и паничей-гимназистовъ, окружившихъ бѣдняжку и дразнившихъ его, какъ собаченку; при каждой выходкѣ него-

дяевъ, изъ груди мальчика вырывался крикъ, похожій на карканье ворона съ подрѣзанными крыльями, когда его начнутъ дразнить дѣти:

„Сей возрастъ жалости не знаетъ!" говоритъ басня. При каждомъ вскрикиваніи Микитки хохотали не одни глупыя дѣти, но и большіе болваны: крикъ этотъ доставлялъ имъ какое то звѣрское удовольствіе. Неужели, Боже мой!

Et cet âge est sans pitié?

(Окончаніе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Расходы Рѣчи Попсолитой на козацкихъ пословъ. Одинъ изъ отдѣловъ архива Коронваго Скарба (въ Архивахъ б. Финансоваго Управленія Царства Польскаго при Варшавской Казенной Палатѣ) почти исключительно состоитъ изъ различнаго рода мелкихъ счетовъ, составлявшихъ оправдательные документы для отчетности.—Болѣе сотни такихъ счетовъ касается расходовъ, произведенныхъ на содержаніе, подарки, упоминки различнымъ посольствамъ, пріѣзжавшимъ къ королю по разнымъ поводамъ. Находимъ мы тутъ пословъ московскихъ и татарскихъ,—эти особенно дорого стоили польскому правительству; есть также нѣсколько десятковъ счетовъ, касающихся и козацкихъ пословъ. Большинство счетовъ послѣдняго характера относится къ періоду «руины», къ періоду различныхъ вліяній, всевозможныхъ колебаній, внесшихъ такой разладъ во внутренній строй недавно только освобожденной Украины. Среди этихъ вліяній видную роль играло и польское; этимъ и объясняются частыя сношенія Польши съ козаками, выразившіяся, съ одной стороны, въ посылкѣ комиссаровъ, съ другой—пословъ. Помимо государственныхъ дѣлъ, козацкіе посольства пріѣзжали и по другимъ поводамъ, болѣе частнаго характера; такихъ посольствъ, хотя этотъ терминъ и не вполнѣ подходитъ къ даннымъ случаямъ, являлось очень много; стоило, напр., козакамъ, во время войны Польши съ турками и татарами въ концѣ XVII ст., въ которой они принимали дѣятельное участіе, поймать какого-ниб. турецкаго или татарскаго языка,—сейчасъ же собирается посольство и тащитъ этого языка къ королю, въ надеждѣ получить за это приличное вознагражденіе, —и надежда никогда ихъ не обманывала: кромѣ хорошаго содержанія—и въ теченіе довольно продолжительнаго времени — козаки обыкновенно засиживались въ

польской столицѣ, каждый, соотвѣтственно рангу, получаетъ платье—кунтуши, жупаны, а иногда, кромѣ этого, и нѣсколько «битыхъ» или «твердыхъ» талеровъ; у кого палъ конь въ дорогѣ—тотъ получалъ на коня, а затѣмъ, перепадала нѣкая толика и при отъѣздѣ—«pro viatico».

Не смотря на свой специальный характеръ—служить для финансовой отчетности, эти мелкіе счеты и вѣдомости представляютъ нѣкоторый интересъ и болѣе общаго характера: они могутъ дать нѣкоторыя указанія о сношеніяхъ Польши съ козаками въ дополненіе къ тѣмъ свѣдѣніямъ, какія мы знаемъ изъ другихъ источниковъ; въ нихъ, затѣмъ, бываютъ иногда поименно перечислены всѣ лица, принимавшія участіе въ посольствахъ; они прибавляютъ далѣе нѣсколько новыхъ фактовъ къ лѣтописи о подвигахъ козаковъ, главнымъ образомъ въ борьбѣ съ невѣрными; интересна, наконецъ, и чисто бытовая сторона дѣла: описанія вооруженія, костюмовъ, перечни и цѣна разнаго рода матерій, употреблявшихся на костюмы, и самихъ костюмовъ, стоимость работы этихъ послѣднихъ и т. д.

Со временемъ мы постараемся дать полный списокъ этого рода счетовъ, хранящихся въ архивѣ Скарба; въ настоящемъ-же случаѣ приводимъ нѣкоторые изъ нихъ для образца.

«Списокъ расходовъ, сдѣланныхъ по постановленію сената на разныхъ пословъ». Списокъ этотъ, какъ можно заключить изъ другого, болѣе подробнаго счета, составленъ скарбовымъ писаремъ Винклеромъ; относится онъ къ 1664 г. Мы приведемъ только нѣкоторыя статьи, его, именно:

«На содержаніе велебнаго отца Хмельницкаго панъ Сисловичъ далъ 700 злотыхъ. Для него-же я далъ 300 зл.

На содержаніе татарскаго посла Мустафа Аги съ 13 іюля по 29 сентября, за 79 дней, по 18 зл. на день,—1422 зл.; тому-же послу на дорогу, на 12 дней,—216 зл.; на платье тому-же послу—301 зл.; приставу у этого посла—60 зл.

На козацкихъ пословъ Семена Оловца и Юзефка Коженка—100 зл.; имъ-же на дорогу—200 зл.»

Затѣмъ идутъ расходы на другихъ татарскихъ пословъ, какъ напр. Абль Геримъ Целебея, и др. (Отдѣлъ III, кн. 5, л. 784).

Слѣдующій счетъ интересенъ, между прочимъ, потому, что въ немъ отмѣчена выдача денегъ посламъ отъ Опары и, затѣмъ, посламъ Дорошенка, которые доставили этого Опару. Приводимъ его цѣликомъ.

«Списокъ того, что выдано въ обозѣ изъ шкатулки короля на общественныя нужды въ 1665 г.

15 августа, подъ Калишемъ, посламъ отъ Опары-Игнату изъ Субботова и Каракашу, крыловскому судьѣ, дано 200 злотыхъ.

3 сентября, подъ Очаковской Кузницей, тѣмъ-же посламъ отъ Опары, при отправленіи ихъ въ Варшаву, дано 150 зл.

10 октября, въ Равѣ, посланъ отъ Дорошенка—Василю Донцу, судьѣ черкасскому, и Пиляю (Pilaiowi), уманскому асавулу, которые доставили Опару, дано 200 зл.

11 ноября, въ Торнѣ, на содержаніе татарскаго посла Дедешъ Аги, на руки переводчика Арлаковича дано 300 зл.

12 ноября, въ Торнѣ, на Гіонки Гіожи Аталыка съ товарищами, на руки переводчика Стадницкаго дано 220 зл.

13 ноября, въ Торнѣ, на Мустафа Агу, который отправлялся къ Любомирскому, на руки Дзянцымира дано 200 зл.

Всего выдано 1270 зл.» (Отд. Ш, кн. 5, л. 798).

«Перечень расходовъ на содержаніе козацкихъ и татарскихъ пословъ, 1666 г.» Здѣсь имѣются только общія цифры безъ подробностей. Кромѣ упомянутыхъ козацкихъ и татарскихъ пословъ, фигурируютъ и московскіе. Ограничиваемся приведеніемъ начала этого перечня.

«1666,	30 января,	на содержаніе московскихъ пословъ	—150 зл.
«	1 февраля,	на содержаніе козацкихъ пословъ .	60 зл.
«	4 «	слугѣ ксендза легата	50 зл.
«	5 «	на козацкую хоругвь Городельскаго старосты	60 зл.
«	8 «	на содержаніе московскаго гонца .	100 зл.
«	« «	на содержаніе козацкихъ пословъ .	60 зл.
«	« «	золотыхъ дѣлъ мастеру на подарокъ для московскаго посла—112 зл.»; и т. д.	

(Отд. Ш, кн. 5, л. 872).

---

28 апрѣля 1666 г. прибылъ въ Варшаву «козацкій посолъ Прокопъ Семеновичъ отъ гетмана запорожскаго къ его королевской милости». Изъ счета выданныхъ на его содержаніе денегъ мы видимъ, что пробылъ онъ въ Варшавѣ до 26 мая. Израсходовано на него

всего 256 зл.; получалъ онъ по 4 зл. па день, да кромѣ того «при отъѣздѣ дано на дорогу 28 зл. и 20 локтей сукна по 5 зл. локоть»; въ концѣ примѣчаніе: что вышеупомянутыя деньги посолъ этотъ получилъ «за него писать неумѣющаго, подписуюсь,—Станиславъ Урбанскій». (Отд. III, кн. 5, стр. 876).

Вотъ еще одинъ счетъ, относящійся къ тому-же 1666 году. «Содержаніе козацкихъ пословъ Яроша Грицютенка, паволочскаго полковника, и Ивана Василевскаго, присланныхъ къ королю, которые прибыли въ Варшаву 11 апрѣля 1666 года». Кромѣ Яроша Грицютенка, посольство составляло еще 20 «полковыхъ пословъ», да нѣсколько человѣкъ «сердиняковъ» (serdiniaków). Посольство пробыло въ Варшавѣ до 25 мая, расходовано на нихъ въ среднемъ по 210 злотыхъ въ недѣлю, и затѣмъ, при отъѣздѣ, приставленный къ посольству Станиславъ Урбанскій получилъ на расходы 60 зл. и отдѣльно на сердиняковъ 120 зл. Помимо этихъ расходовъ, на платье для полковника было куплено 5 локтей французскаго сукна, заплочено по 12 зл. за локоть, и на жупанъ 12 локтей атласа по 7 зл. локоть; для 20-ти полковыхъ пословъ 200 локтей фалендышу [1]) по 10 лок. для каждаго, и для «сердиняковъ» 30 локтей, за локоть уплочено по 5 зл. Всего израсходовано на это посольство 2944 зл. (Отд. III, кн. 5, л. 877)

«Списокъ расходовъ, выданныхъ изъ короннаго Скарба на запорожскихъ козаковъ, присланныхъ отъ Сирка къ королю и къ Рѣчи Посполитой».

Посольство это отъ Сирка прибыло въ Варшаву 12 ноября 1679 г. и пробыло довольно долго—по 29 марта 1680 г.; во главѣ его стоялъ, какъ можно заключить изъ этого списка, «молодой Сирко».

Израсходовано на содержаніе посольства и на подарки довольно много—16877 злотыхъ и 29 грошей. Приводимъ отдѣльныя статьи расходовъ:

«1679 г.	12	ноября	—приставу Баратинскому.	300 зл.
«	14	«	—на молодого Сирка и людей его .	100 зл.
«	15	«	—на пословъ козацкихъ	300 зл.
«	17	«	—на Сирка и людей его.	100 зл.
«	18	«	—на тѣхъ-же пословъ	612 зл.

---

[1]) Родъ тонкаго голландскаго сукна; видоизмѣненное—fein holländisch.

«1679 г.	12	ноября	—на Сирка съ протопопомъ . . .	100 зл.
«	25	«	—на тѣхъ-же пословъ	612 зл.
«	30	«	—на Сирка	50 зл.
«	2	декабря	—на тѣхъ-же пословъ и людей ихъ	951 зл.
«	9	«	—на нихъ-же	951 зл.
«	15	«	—отцу протопопу, Зарембѣ бѣлоцерковскому и людямъ ихъ. . . .	2400 зл.
			имъ-же паклаку (грубое сукно) три постава	150 зл.
«	16	«	—отправленнымъ въ Бѣлую-Церковь 86-ти козакамъ съ 172-мя лошадьми, на содержаніе въ теченіи 6-ти недѣль	3096 зл.
			На содержаніе 14-ти козаковъ, оставшихся при королѣ	142 зл.
			Козаку на коня, такъ какъ конь его палъ въ дорогѣ.	60 зл.
			На платье, мѣхъ подъ верхнее платье, соболя на шапку, шнурокъ, пуговицы и т. п. для протопопа . . .	380 зл.
«	23	«	—На содержаніе тѣхъ-же козаковъ, которые остались при королѣ, на недѣлю	142 зл.
			Двумъ козакамъ, которые командовали отправленными въ Бѣлую-Церковь	76 зл. 15 гр.
			Приставу, который сопровождалъ тѣхъ-же козаковъ до Бѣлой-Церкви, на содержаніе (собственно-на пищу)	100 зл.
«	30	«	На двухнедѣльное содержаніе козаковъ, оставшихся при королѣ. . .	284 зл.
1680 г.	13	января	—тѣмъ-же козакамъ на содержаніе	142 зл.
			Винницкому, посланному раньше козаковъ въ Бѣлую-Церковь	30 зл.
«	20	«	—на содержаніе тѣхъ-же козацкихъ пословъ	142 зл.
«	27	«	—на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.

«1680 г.	2 февраля		—на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.
«	10	«	—на содержаніе тѣхъ-же.	170 зл.
«	13	«	—на двухъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бѣлой-Церкви . .	62 зл.
«	17	«	—на содержаніе пословъ.	170 зл.
«	20	«	—на содержаніе двухъ присланныхъ козаковъ	20 зл.
«	24	«	—на содержаніе пословъ и двухъ козаковъ.	190 зл.
«	2	марта	—на содержаніе тѣхъ-же	190 зл.
«	9	«	—на содержаніе тѣхъ-же	190 зл.
«	15	«	—двумъ козакамъ, отправленнымъ назадъ въ Бѣлую-Церковь, на дорогу	100 зл.
			Имъ-же сдѣлано по парѣ платья, которое стало	84 зл. 29 гр.
«	16	«	—на содержаніе самихъ пословъ и людей ихъ	170 зл.
«	17	«	для больного Сирка, за матрацъ, одѣяло и подушку.	70 зл.
«	23	«	—на содержаніе тѣхъ-же козаковъ	170 зл.
«	24	«	—козаку Апостолу, отправленному въ Запорожье, на дорогу.	250 зл.
«	29	«	—за сукно на нашивки для всѣхъ козаковъ, числомъ 91, каждому по парѣ платья, также для самого стараго Сирка за атласъ, сукно и за нѣкоторыя принадлежности къ платью—сукно, холстъ, и портнымъ за работу, всего	2810 зл. 15 гр.
			Тѣмъ-же козацкимъ посламъ, бывшимъ при королѣ, при отъѣздѣ ихъ въ Бѣлую-Церковь съ сукнами, на содержаніе въ теченіе двухъ недѣль	200 зл.
			Подводчику, который повезъ сукна въ Бѣлую-Церковь	150 зл.
			Приставу, за труды и расходы въ теченіе 20-ти недѣль	300 зл.

«1680 г. 29 марта Приставу, сопровождающему послов, возвращающихся въ Бѣлую-Церковь, на содержаніе . . . . . 20 зл.» (Отд. III, кн. 7, лл. 453—4).

«Расходы на пана Кобеляна, полковника войска запорожскаго, который поймалъ Дуку, господаря валашскаго.

Сначала:

Готовыми деньгами самому полковнику 250 талеровъ, считая за талеръ по 6 зл.,—1500 зл.

Сотнику Данилѣ на коня—100 зл.

Затѣмъ сукнами:

Полковнику французскаго сукна на пару платья $10^1/_2$ локтей, по 11 зл. локоть, 115 зл. 15 гр.

Данилѣ сотнику того-жъ полка кармазину фалендышеваго 5 локтей, по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку (родъ простого сукна) на жупанъ 5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Михайлѣ, полковому судьѣ, фалендышу кармазиноваго на кунтушъ 5 локтей по 8 зл. локоть,—40 зл.; ему-же тузинку на жупанъ 5 локтей, по 5 зл. локоть,—25 зл.

Ивану, другому сотнику,—столько-же.

Ивану, хорунжему того-же полка, тузинку на пару платья 10 локтей, по 5 зл. локоть,—50 зл.

Ивану, асавулу,—столько-же.

На всѣхъ товарищей—Максиму и двумъ Иванамъ полтора постава сукна—75 зл.

За прикладъ на 10 человѣкъ—90 зл.

Имъ-же отдѣльно, когда выѣзжали,—50 зл.

Всего—2225 зл. 15 гр.» (Отд. III, кн. 7, л. 571).

Счетъ составленъ въ Яворовѣ, 22 апрѣля 1684 г.

«Расходъ на козаковъ, прибывшихъ отъ запорожскаго гетмана Могилы съ турецкими языками.

Криштофу Пикоцкому, сотнику, дано изъ короннаго скарба 30 «твердыхъ» талеровъ—180 зл.; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—60 зл.; фалендышу на жупанъ 5 локтей—30 зл.

Сотнику Ивану также 30 талеровъ—180 зл.; тонкаго сукна на кунтушъ 5 локтей—60 зл.; фалендышу на жупанъ 6 лок.—30 зл.

Хорунжему Павлу 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—60 зл.; тузинку $5^1/_2$ лок.—21 зл.

Асавулу Марку также 5 «битыхъ» талеровъ—30 зл.; фалендышу 5 локтей—30 зл.; тузинку 5 лок.—20 зл.

Двумъ атаманамъ: Федору Сулку и Яцку, каждому по 5 талеровъ,—60 зл.; фалендышу обоимъ 10 локтей—60 зл.; тузинку на жупаны $10^1/_2$ лок.—42 зл.

Василю Федоровичу, который докладывалъ королю о перенесенной татарской неволѣ, 10 «битыхъ» талеровъ—60 зл.; тузинку на кунтушъ $5^1/_2$ лок.—21 зл.; паклаку на жупанъ 6 лок.—12 зл.

18-ти простымъ козакамъ (czernim), каждому по 3 «твердыхъ» талера—324 зл.; имъ-же тузинку на кунтуши по $5^1/_2$ лок.—378 зл.; паклаку или-же шыптуху по 6 лок.—216 зл.

На недѣльное содержаніе ихъ всѣхъ, съ 25 по 29 іюля,—94 зл.

На кормъ для ихъ коней—16 зл.

Приставу, который ихъ привелъ и отправилъ—30 зл.

Всего 1004 зл., за сукно 1040 зл., итого 2044 зл.»

Счетъ составленъ въ Виляновѣ, 29 іюля 1685 г. (Отд. Ш, кн. 7, л. 648).

«16 сентября 1687 г., подъ Подгайцами. Расходъ на четырехъ козаковъ, присланныхъ къ королю изъ Бара отъ Булюкбаши.

На пищу съ 14 августа по 18 сент., въ теченіе 5-ти недѣль, на каждаго по 5-ти злотыхъ на недѣлю—100 зл.

При отъѣздѣ каждому по 5-ти локтей тузинку на кунтушъ, по $4^1/_2$ зл. локоть,—90 зл.

На дорогу каждому изъ нихъ по 3 «левковыхъ» талера—66 зл. Всего 256 зл.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 784).

Приводимъ въ заключеніе 3 счета, которые хотя и не имѣютъ прямого отношенія къ козацкимъ посольствамъ, но заключаютъ интересныя подробности, касающіяся костюмовъ и вооруженія козацкой старшины—конца XVII в. Первый счетъ содержитъ списокъ вещей, купленныхъ для Палія, 2-ой—для ставленника Польши, такъ плачевно кончившаго свои дни—гетмана Куницкаго, 3-ій списокъ клейнотовъ,

посланныхъ запорожскому войску принимавшему участіе въ походахъ противъ турокъ 1684 г.

«Реестръ вещей, купленныхъ для Палія и другихъ его козаковъ и калмыковъ.

За сайдакъ съ золотой насѣчкой и за панцырь для самого Палія—600 зл.

За лукъ къ этому сайдаку—42 зл.

За наручи, украшенныя насѣчкой, для того-же Палія—70 зл.

За сайдакъ, пестро позолоченный,—150 зл., наручи и позолоченное донышко для мисюрки—70 зл.

Бѣлый сайдакъ, узорчатый, и донышко для мисюрки—165 зл., къ нему наручи—25 зл.

Бѣлый сайдакъ, пестрый, узорчатый—125 зл., донышко для мисюрки—25 зл., наручи къ нему—25 зл.

3 оправленныхъ чечуги (родъ сабли), по 50 зл. каждая—150 зл.

Пояса къ нимъ—2 зл.

Панцырь на мисюрки къ сайдакамъ—80 зл.

За стрѣлы для 3-хъ сайдаковъ, по 15 стрѣлъ въ каждомъ—9 зл.

За 10 беркутовыхъ стрѣлъ для самого полковника Палія—12 зл.

За буздыханъ *съ насѣчкой* для Палія—150 зл.

За работу четырехъ чепцовъ [1]) къ мисюркамъ—10 зл.

Три лука, изъ нихъ два по 30 зл., одинъ—20 зл.

Сабля съ золотой насѣчкой для самого полковника Палія—130 зл., ремни къ ней—10 зл. Всего 1930 зл.» (Отд. III, кн. 7, л. 514). При этомъ счетѣ нѣтъ года, но, судя по мѣсту, какое онъ занимаетъ, наряду съ другими счетами, онъ можетъ относиться къ 1683 г.

«Списокъ денегъ, выданныхъ по приказу короля изъ государственнаго казначейства на одежду его милости пана Куницкаго, гетмана войскъ запорожскихъ». Счетъ составленъ въ Краковѣ, 14 января 1684 г.

Темно—краснаго атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть—96 зл.

Голубого атласа 12 локтей, по 8 зл. локоть,—96 зл.

Адамашки (камки) померанцоваго (цвѣта) 12 локтей, по 7 зл. локоть,—84 зл.

---

[1]) Чепецъ—сѣтка изъ металлическихъ колечекъ, прикрѣплявшаяся къ плоскому или выпуклому донышку; донышко прикрывало темя, чепецъ защищалъ шею и отчасти плечи.

Камки лимоннаго (цвѣта) 12 локтей, по 6 зл. локоть,—72 зл.

Китайки разныхъ цвѣтовъ 4 локтя, по 5$^1/_2$ зл. локоть,—22 зл.

Ярко-краснаго (шкарлатнаго) сукна 5$^1/_2$ локтей, по 13 зл. локоть,—71 зл. 15 гр.

Фіолетоваго сукна 5$^1/_2$ локтей, по 12 зл. локоть,—66 зл.

Бѣлаго киру (толстое сукно), вымоченнаго, 45 локтей, по 24 гр. локоть,—36 зл.

За два мѣха: подъ одинъ кунтушъ рысьи персидскія спинки, подъ другой—лисьи спинки—889 зл.

За работу двухъ кунтушей и четырехъ жупановъ—20 зл.

За подбивку двухъ кунтушей—10 зл.

За прикладъ къ этимъ платьямъ—45 зл.

Всего—1507 зл. 15 гр.» (Отд. Ш, кн. 7, л. 568).

«Реестръ денегъ выданныхъ на клейноты войска запорожскаго, завербованнаго на средства святого отца, и на одежду старшинѣ». Реестръ составленъ 20 августа 1683 г., въ Варшавѣ.

«За китайку на знамена (chorągwie), 225 локтей, по 7 зл. локоть,—1575 зл.

Портному за работу этихъ знаменъ—300 зл.

Зе шесть серебряныхъ буздыхановъ съ работой (собственно—z miecznikiem) 830 зл.

За шесть паръ литавръ (kotlòw) съ тюфячками—480 зл.

Семь... (слово не разобрано), оправленныхъ въ серебро—157 зл. 15 гр.

30 древковъ къ знаменамъ, съ окраской,—78 зл. 15 гр.

30 наконечниковъ (grotòw) къ тѣмъ-же знаменамъ—98 зл.

За сѣрый холстъ, которымъ былъ обшитъ ящикъ съ клейнотами—6 зл. 28 гр.

Кромѣ того:

Фаленцышу 506 локтей для старшины, по 6 зл. локоть,—3036 зл,

Голландскаго сукна 77 локтей, по 12 зл. локоть,—924 зл.

Подводчикамъ, отправленнымъ во Львовъ съ вышеуказанными клейнотами и суннами,—180 зл.

Подводчикамъ, вторично отвозившимъ сукна и деньги въ распоряженіе каштеляна любачевскаго,—435 зл.

Пану Бобрецкому, отправленному съ этими сукнами и деньгами, на дорогу и содержаніе—144 зл. 27 гр.

Всего на войско запорожское выдано изъ денегъ святого отца 8246 зл. 25 гр.» (Отд. III, кн. 7, л. 528).

Н. Бѣляшевскій.

Эпизодъ изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковскаго уѣзда.— Въ концѣ 1859 года кіевская духовная консисторія разослала указъ, которымъ предписывалось духовенству позаботиться о заведеніи при церквахъ училищъ для обученія дѣтей прихожанъ. Этотъ указъ имѣлъ послѣдствіемъ своимъ то, что во многихъ мѣстностяхъ кіевской губерніи, какъ священники, такъ и діаконы, иные вполнѣ сознательно сочувствуя самому дѣлу, а иные—и конечно большинство—по необходимости, стали устраивать въ томъ или иномъ видѣ училища. Не обходилось это дѣло безъ всяческихъ затрудненій, преимущественно со стороны пановъ и ихъ приспѣшниковъ-экономовъ [1]), не обходилось оно иногда и безъ курьезовъ. Къ одному изъ этихъ послѣднихъ надо отнести и нижепомѣщаемое «покорнѣйшее прошеніе» діакона с. Шамраевки (васильковскаго уѣзда, кіевской губ.) I. Б—аго на имя высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, писанное въ 1862 году. Какъ мотивъ прошенія, такъ и содержаніе его, а еще болѣе своеобразный стиль даютъ полное право занести его на страницы журнала, посвященнаго, между прочимъ, и собранію даже мелкихъ матеріаловъ, могущихъ освѣтить тотъ или иной уголокъ нашего края въ его прошлой культурной жизни.

«По Высочайше утвержденному проэкту, нужно было преобразованіе крестьянскихъ дѣтей, по селамъ, въ грамотности.

Въ селеніи Шамраевкѣ никто объ этомъ не хотѣлъ и думать; я же, живя въ діаконскомъ званіи около 14 лѣтъ вздумалъ начать таковое предположеніе въ 1859 году воспитанія дѣтей въ наукахъ,—собралъ около 20 дѣтей разнаго рода и пола и открылъ въ собствен-

---

[1]) См. объ этомъ, напр., разсказъ покойнаго Лебединцева („Кіев. Стар.“ 1897 г., № 2, стр. 334 и слѣд.)

номъ своемъ домѣ училище. Болѣе полугода я занимался дѣтьми, но когда въ проѣздъ мѣстнаго благочиннаго мнѣ приказано было наблюсти точный порядокъ во внѣшности, то я на собственный коштъ соорудилъ скамьи, нѣкоторыя книги, прописи и прочія принадлежности и черезъ то сдѣлавъ свободное размѣщеніе дѣтей, собралъ чрезъ свою дѣятельность и особенную наблюдимость до 40 душъ разнаго рода.

Прилагая день ото дня свою отеческую надъ дѣтьми блюдимость, разгараясь священною любовію въ передачѣ младымъ птенцамъ понятія о духовныхъ вещахъ принаровительно церковному домостроительству, употреблялъ тоже въ своихъ нуждахъ къ дѣвочкамъ-ученицамъ и свою родную дочь—однимъ словомъ: не жалѣлъ ни трудовъ, ни своего скуднаго (на дьячковскомъ окладѣ) достоянія, ни семейства въ семъ святомъ дѣлѣ—обученія дѣтей, лишь бы вкоренить залогъ, по данной мною священной присяги, въ гражданственномъ и духовномъ отношеніи. У меня дѣти начали хорошо читать церковныя книги и пѣть по возможности на клиросѣ, сказывать и хвалиться родителямъ о молитвахъ и о сказываемыхъ житіяхъ св. отецъ,—однимъ словомъ: при моемъ усердномъ наблюденіи и совершенномъ своей воли, для ихъ образованія, пожертвованіи, открылось хотя не въ полномъ совершенствѣ, однакожъ въ скоромъ бы времени нужно было надѣяться полнаго успѣха въ дѣтской фермѣ.

Прошлаго 1861 года въ весеннее время, селенія Шамраевки помѣщичій экономъ В—кій, не зная по какому распоряженію, вздумалъ насильно брать малыхъ дѣтей изъ моего училища до срока ихъ отпуска. Имѣлъ бы право въ распоряженіи Г. В—кій надъ дѣтьми крестьянскаго званія, зачѣмъ же взятъ былъ своеправно дворянскій сынъ Яковъ К—кій?

Къ сему похабству распорядительности эконома равно принявшаго участіе и сельскій старшина въ ономъ, присовокупляю, кромѣ множественностей, и то, что одинъ малолѣтній мальчикъ (изъ крестьянъ) взятый изъ подъ училищнаго вѣдомства, на работы въ экономіи, былъ весь избитъ кнутомъ и по рукамъ и по спинѣ, о семъ вѣдомо и вашему высокопреосвященству, по донесенію мѣстнаго благочиннаго.

Общество селенія Шамраевки, не зная въ чемъ состоитъ истинное образованіе, въ обученіи дѣтей, не слушаетъ того, кто по правдѣ

говорить и дѣлаетъ, а условливается съ тѣмъ, кто имѣетъ болѣе силу въ ихъ общественномъ на время быту—привязалось по своей слабости и недальновидности къ эконому и старшинѣ, изъ коихъ первый вовсе не желаетъ народнаго образованія, а второй—слушая его эконома, препятствуетъ крестьянамъ въ обученіи оныхъ поручить мнѣ, потому что экономъ имѣетъ на меня личности чрезъ упомянутаго избитаго кнутомъ мальчика.

Желая пресѣчь воспитаніе дѣтей и изыскивая разные способы, будто бы, согласились на избраніе отцевъ дѣтей избрать наставника и установили, минуя голоса домохозяевъ, по разномъ соглашеніи, одного малограмотнаго и не трезваго крестьянина, лишь бы истинное воспитаніе въ образованіи дѣтей уничтожить. Особенность уничтоженія и охоты въ поощреніи дѣтей къ школьному образованію можно видѣть изъ нижеслѣдующаго: недавно школьный учитель, находясь, по пьянствѣ, въ изступленномъ состояніи, по приказанію установителя своего Старшины взятъ былъ и окованный желѣзными путами, посаженъ въ холодную, гдѣ пробывъ 3 дня—былъ выпущеннымъ, приставлялся къ тесанію деревъ, къ волостному въ постройкѣ дому.

Вынаруживая таковыя обстоятельства вашему высокопреосвященству на видъ, съ прискорбіемъ и сердечнымъ сожалѣніемъ объясняю: Я желалъ быть вовсе безъ возмездія наставникомъ, потому что никого не безпокоилъ за труды; далѣе: я ихъ (дѣтей) обучалъ чему можно, совершенно безъ пособій другихъ; пѣли они на клиросѣ, какъ нужно было; но въ настоящее время церковь въ клирѣ опустѣла, кромѣ одного, къ которому никто не имѣетъ права къ взимаемости въ своихъ выгодахъ; и, наконецъ: по истинной христіанской любви и по чистой своей діаконской совѣсти объясняю, что имѣю особенную склонность упражняться съ своимъ семействомъ въ любознательности дѣтской; и какъ я къ тому призванъ, потому что воспитаніе дѣтей крестьянскихъ въ грамотности возложена обязанность на духовный причтъ, надѣюсь, что верховное начальство можетъ и должно, если оно блюдетъ за симъ ходомъ, отнявъ отъ мерзкихъ людей право обученія дѣтей, препоручить тѣмъ, которые и по достоинству своего образованія, и по поведенію, и по самому предназначенію своему могутъ быть склонны къ тому, препоручить полное и законное воспитаніе и наблюденіе надъ крестьянскими дѣтьми.

А потому объясняя все, почти въ малой реформѣ, прошу святѣйшій архипастырь, дабы не пришло къ совершенному упадку, мною

только что открытое дѣтское училище, благотворить опять мнѣ имъ руководствовать и заниматься, и для сей цѣли сдѣлать по благоволенію вашего высокопреосвященства, архипастырское распоряженіе,—присовокупляя, что прошлые три зимы въ отопленіи училища, мнѣ, при моемъ бѣдномъ состояніи много стоили,—всѣ же постройки мною произведенныя, значутся для меня около полутораста рублей серебр. и все это безмездно!

Смиреннѣйшій проситель діаконъ І. Б—скій.

Вечеръ въ день Ивана Купала. Проживая въ полтавской губерніи, часто проводилъ я лѣто въ селахъ хорольскаго, миргородскаго и кременчугскаго уѣздовъ и ни въ одномъ изъ нихъ не пришлось наблюдать игръ и пѣсенъ, относящихся ко дню Ивана Купала. Въ какихъ мѣстахъ Малороссіи наиболѣе сохранился обычай отличать день Ивана Купала остатками древнихъ игръ и пѣсенъ, мнѣ не извѣстно, но, должно быть, сохраняясь въ разныхъ мѣстахъ, этотъ обычай имѣетъ свои особенности въ каждомъ изъ нихъ, какъ напримѣръ: колядки въ полтавской губерніи не такія, какъ въ кіевской, въ которой очень распространены колядки исторически-бытовыя.

Предполагая, что въ силу историческихъ условій въ кіевской губерніи вообще древнихъ обычаевъ должно сохраниться больше, чѣмъ въ полтавской, привожу описаніе вечера въ день Ивана Купала по личнымъ наблюденіямъ въ м. Погребищѣ бердичевскаго уѣзда.

Съ самаго утра по улицамъ мѣстечка часто проходили дѣвушки подростки съ цѣлыми снопами полевыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ, а нѣкоторыя несли и вѣтки, сплетенные изъ этихъ цвѣтовъ. Около нѣкоторыхъ хатъ въ тѣни густыхъ вишенъ сидѣли взрослыя «дивчата», которымъ подростки приносили цвѣты. (Взрослой считается неприличнымъ ходить въ поле за цвѣтами, а вѣнокъ для вечера нуженъ).

Плетя вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, каждая дѣвушка имѣетъ запасъ и своихъ садовыхъ, которые она сама сѣяла и поливала и особенно лелѣяла тѣ изъ нихъ, которые расцвѣтутся ко дню Ивана Купала. Теперь они идутъ въ вѣнокъ, занимая въ немъ самыя вид-

ныя мѣста. Подруги дѣлятся цвѣтами, подбираютъ ихъ такъ, чтобы вѣнокъ наиболѣе подходилъ къ лицу.

Къ заходу солнца на выгонѣ, на мѣстѣ постоянныхъ праздничныхъ гулянокъ, стали собираться дѣвушки съ цвѣтами и вѣнками въ рукахъ. Два хлопца-подростка принесли только что срубленную огромную вѣтвистую вербу и вкопали ее въ землю. Это «Купайло».

Дѣвушки обмели вокругъ этой вербы полянку, усыпали ее чебрецомъ, мятой и другими душистыми цвѣтами, а на вѣтвяхъ вербы развѣсили гирлянды васильковъ, сокирокъ, ромашки и прочихъ полевыхъ и луговыхъ цвѣтовъ. Одна изъ участницъ стала прилѣпливать къ вербѣ желтыя восковыя свѣчки домашняго издѣлія, но ей замѣтили, что нельзя, что было это прежде, а теперь запрещаютъ и посадятъ за это въ холодную.

«Уже», сказала одна изъ дѣвушекъ, указавъ на небо, на которомъ засвѣтились первыя звѣзды, и всѣ надѣли вѣнки, стали вокругъ вербы, взялись за руки и, медленно ходя кругомъ то въ ту, то въ другую сторону вокругъ вербы, запѣли протяжно и какъ-то уныло-мечтательно:

Тутъ-же сидятъ паробки, и одинъ изъ нихъ на сопилкѣ вторитъ хору дивчатъ. Хлопцы подростки бѣгаютъ, рѣзвятся, а малыя дѣвочки поставили себѣ вѣточку вербы и ведутъ свой хороводъ, подражая взрослымъ, и тоже всѣ въ вѣнкахъ.

Бабы и молодицы съ грудными ребятами сидятъ поодаль, а нѣсколько пожилыхъ мужиковъ подъ плетнемъ раскуриваютъ свои люльки.

Дивчата поютъ хороводныя пѣсни, которыя можно раздѣлить на три группы: 1) любовныя пѣсни, 2) пѣсни о житьѣ въ замужествѣ и 3) шутливыя пѣсни.

Любовныя пѣсни занимаютъ главное мѣсто въ хороводѣ, и для каждой изъ участницъ хоровода и ея парубка, т. е. того, который по общему мнѣнію нравится ей, или ухаживаетъ за ней, поется одна изъ такихъ пѣсенъ.

Пѣсни, изображающія невеселую, полную лишеній и невзгодъ жизнь въ замужествѣ, въ домѣ свекрови, которая вѣчно преслѣдуетъ невѣстку, поются въ промежуткахъ между любовными пѣснями.

Шутливыми пѣснями заканчивается хороводъ, но иногда онѣ поются и среди другихъ пѣсенъ.

Вообще шутливыя пѣсни выражаютъ заигрыванья дивчатъ съ парубками, которые отвѣчаютъ разными шутками и остротами.

Заканчивается хороводъ довольно поздно, къ полночи, и Купайло уничтожается. Какъ только кто-нибудь отломаетъ первую вѣтку вербы, всѣ дивчата и хлопцы набрасываются на нее, разламываютъ въ общей суматохѣ съ криками, смѣхомъ, и каждый старается схватить вѣтку побольше. Дѣвушки снимаютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Вѣтки вербы и вѣнки ложатся на грядкахъ въ огородѣ, чтобы былъ хорошій урожай.

Идолъ купалы въ г. Ахтыркѣ.—Извѣстно, что со времени принятія христіанства русскимъ народомъ, духовѣнство считало нужнымъ преслѣдовать болѣе или менѣе сохранившіеся въ народной средѣ старинные языческіе обычаи и обряды. Преслѣдованія эти, время отъ времени, то усиливались и возрастали, то ослабѣвали. Въ XVIII столѣтіи, вообще говоря, дѣятельность духовенства въ указанномъ направленіи не представляется особенно энергичной, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на уничтоженіе остатковъ языческой миѳологической старины епархіальной властью обращалось довольно большое вниманіе. Въ архивныхъ бумагахъ управленія бывшей бѣлгородской епархіи сохранилось немало дѣлъ о «волшебствахъ, суевѣріяхъ, наговорахъ, изувѣрствахъ» и т. п. Дѣла эти производились въ мѣстной духовной консисторіи по всѣмъ правиламъ формальнаго слѣдствія и судопроизводства, въ нихъ нерѣдко были замѣшаны духовныя лица или члены ихъ семействъ, хотя результаты судебныхъ дѣлъ, иногда производившихся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были малозначительны. Занимаясь въ архивѣ курской духовной консисторіи, въ которомъ сосредоточены старинные документы не только теперешней курской епархіи, но и нѣкоторыхъ уѣздовъ харьковской, орловской и воронежской епархій, мы имѣли подъ руками небезынтересное «дѣло Бѣлгородской духовной консисторіи объ *идолѣ Купалѣ*», на которомъ позволимъ себѣ остановить вниманіе читателей.

9 февраля 1770 года, въ то время, когда бѣлгородской епархіей управлялъ епископъ Самуилъ, изъ ахтырскаго духовнаго управленія въ бѣлгородскую консисторію былъ присланъ репортъ о замѣченномъ въ ахтырскомъ уѣздѣ «суевѣріи». Репортъ этотъ былъ представленъ на основаніи указа консисторіи о томъ, чтобы «духовныя правленія и благочинные присылали *двоекратные въ году* репорты—первые въ іюлѣ, другіе въ декабрѣ мѣсяцахъ—не дѣлается ли въ вѣдомствѣ тѣхъ правленій или благочинныхъ *какихъ суевѣрій*». Ахтырское духовное правленіе сочло нужнымъ репортовать консисторіи объ «открывшемся суевѣріи», такъ какъ священникъ архангельской церкви города Ахтырки Михаилъ Зѣньковскій 26-го іюня 1769 года представилъ въ духовное правленіе донесеніе о «языческихъ играхъ» своихъ прихожанъ. «Прихожане мои, писалъ онъ въ своемъ донесеніи, войсковой обыватель Иванъ Шейка и сынъ его Иванъ съ товарищи учинили на улицѣ, у воротъ того Шейки, того же іюня 24 дня, то есть въ день рождества святаго славнаго пророка предтечи и крестителя Господня Іоанна, богопротивныя дѣйства и поставили «*нѣкотораго идола, называемаго «купала» или «марина»* [1]), одѣяннаго въ женское одѣяніе и украшеннаго на головѣ цвѣтами и отъ древъ вѣтвями, предъ коимъ поставленъ былъ столъ, а на томъ столѣ стояла невѣдомо съ какимъ напиткомъ скляница; и предъ онымъ идоломъ собраны были дѣвки и пѣли богомерзкія пѣсни»... Такое празднованіе «купалы» въ Ахтыркѣ совершалось ежегодно и торжественно. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что ахтырцы со всѣхъ концовъ и улицъ города стекались именно къ дому Ивана Шейки, гдѣ и совершали купальскіе обряды. Насколько можно замѣтить изъ дѣла, этотъ войсковой обыватель являлся какъ бы «священнодѣйствователемъ» въ языческомъ обрядѣ. Подъ его предводительствомъ, между прочимъ, «идолъ купала» былъ носимъ по городу Ахтыркѣ.

Возбуждено было слѣдствіе. Свѣдѣнія о немъ небезынтересны. Слѣдствіе производилось въ ахтырскомъ духовномъ правленіи; но оно не могло быть окончено въ теченіе семи мѣсяцевъ, «за неявкою, по

---

[1]) Что касается слова: „марина", то или здѣсь можно видѣть ошибочно написанное реченіе, вмѣсто „ярила", или считать его видоизмѣненной формой отъ вназанія языческаго божества: „Морана".

многократнымъ требованіямъ, многихъ, прикосновенныхъ къ тому дѣлу людей», какъ писало консисторіи въ своемъ донесеніи ахтырское духовное правленіе. Любопытно, что это правленіе «многихъ людей, обвиняемыхъ въ чиненіи оныхъ богопротивныхъ дѣйствій сыскать не могло и въ какой они командѣ находятся, не вѣдаетъ»...

Постановленіе духовной консисторіи по дѣлу объ «идолѣ купалѣ» состоялось 8 марта 1770 года. Это постановленіе гласило слѣдующее. «Ахтырскому духовному правленію, въ самомъ скоромъ времени о вышеписанномъ изслѣдовать, понеже, хотя о немедленномъ таковыхъ *ослушниковъ* въ оное правленіе высылкѣ, надлежало отъ консисторіи по командѣ подтвердить [1]), но какъ въ томъ доношеніи никакого къ требованію обстоятельства не прописано и затѣмъ куда консисторіи писать и кому именно—неизвѣстно, то оному правленію въ таковыхъ случаяхъ должно быть осмотрительну и недѣльными постановленіями консисторію не утруждать, подъ опасеніемъ, по указамъ, штрафа, чего ради правленію, безъ всякаго извиненія о томъ дѣлѣ (т. е. суевѣріи) доношеніе въ консисторію прислать»...

Выговоръ консисторіи такъ повліялъ на ахтырское духовное правленіе, что оно не только не двинуло впередъ дѣла объ «идолѣ купалѣ», но и въ слѣдующихъ своихъ «двоекратныхъ въ году репортахъ» доносило: «въ г. Ахтыркѣ и во всемъ правленія вѣдомствѣ никакого суевѣрія не дѣлалось»... И, какъ видно изъ дѣла, Бѣлгородская консисторія на продолженіи разслѣдованія объ ахтырскомъ суевѣріи не настаивала; тѣмъ болѣе, что въ то время довольно часто и болѣе важныя дѣла не оканчивались производствомъ, если для этого не было настоятельныхъ побужденій.

А. А. Танковъ.

Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородсѣверскѣ.

Въ настоящее время въ г. Новгородсѣверскѣ перестраивается лѣтняя Воскресенская церковь. При снятіи иконостаса отвалилась часть щекатурки и обнаружилась на стѣнахъ древняя живопись: на правой

---

[1]) Т. е. консисторія послала бы отъ своего имени подтвержденіе начальству граждан г. Ахтырки.

сторонѣ алтаря видна большая икона—положеніе Христа во гробъ; на лѣвой сторонѣ—апостолы Петръ и Іоаннъ; а въ предѣльной части церкви живопись очень повреждена, но можно замѣтить какія-то изображенія людей въ круглыхъ черныхъ шляпахъ. Лица и костюмы изображенныхъ на стѣнахъ святыхъ отличаются правильностью очертаній и пріятностью на видъ, особенно головки ангеловъ.

Слѣдовало-бы озаботиться объ изслѣдованіи случайно открывшейся живописи, могущей представить интересъ для археолога и знатока древностей. Медлить съ изслѣдованіемъ нельзя, такъ какъ работы въ такомъ періодѣ, что вскорѣ стѣна, покрытая живописью, будетъ сломана, или, лучше сказать, разобрана по кирпичамъ, и тогда живопись погибнетъ.

Замѣтки по искусству.—*Портретъ Богдана Хмельницкаго*, по указанію Геннади, въ журналѣ «Свѣтопись» 1858 г. № 7, безъ ссылки на какой бы то ни было источникъ, находится или находился въ Медвѣдинскомъ монастырѣ чигиринскаго уѣзда кіевской губерніи. Интересно получить сообщеніе,—находится ли онъ тамъ донынѣ, а если взятъ—то куда? Старинный портретъ Б. Хмельницкаго, въ прекрасной, характерной древней рамѣ, увѣнчанной гетманской шапкой, извѣстенъ намъ у М. А. Скоропадской, и находится въ Петербургѣ. Геннади, изъ портретовъ малорусскихъ дѣятелей, указываетъ еще на гравированный портретъ П. Могилы, находящійся при книгѣ «Евхаристіонъ албо Вдячность», Кіевъ, 1632 года. Указаніе на этотъ портретъ еще раньше сдѣлано Максимовичемъ, въ Ш книгѣ «Кіевлянина».

Полтавская Колонна въ память побѣды Петра I—сооружена по проекту и рисункамъ Томаса де Томона, искуснаго рисовальщика и архитектора хорошаго вкуса, долго жившаго въ Россіи. Онъ много работалъ въ Россіи, и произведенія его очень замѣчательны. (L. Dussieux. Les artistes francais a l' etranger. Paris 1856). Сооруженія, имъ построенныя, описаны въ книгѣ его «Traite de peinture, par. Th. De Thomon, architecte de S. M. L'Empereur Alexandre I. S. Petersbourg 1809. Онъ такъ характеризируетъ въ ней Полтавскую колонну: «Такъ какъ колонна эта тріумфальный памятникъ, воздвигнутый въ память

Петра Великаго, въ честь самаго памятнаго и рѣшительнаго событія его царствованія, то я старался дать всей этой композиціи характеръ оригинальный и, такъ сказать, присущій герою и его торжеству. Съ этою цѣлью я прибѣгнулъ къ аллегоріямъ простымъ, но точнымъ и яснымъ.

Колонна вылита изъ желѣза, въ 4 куска, и чтобы скрыть ихъ соединенія, каждый шовъ закрытъ вѣнкомъ. Первый—изъ лавра и пальмъ, второй—изъ одного лавра, третій—изъ дубовыхъ листьевъ. Промежутки между вѣнками заполнены изображеньями перекрещеннаго оружія. Капитель образована изъ большихъ пальмовыхъ листьевъ, надъ которыми возвышается цоколь, увѣнчанный полусферой, на коей распростеръ свои крылья орелъ, держащій въ костяхъ молніи войны, а въ клювѣ лавровый вѣнецъ».

Томонъ, бывшій профессоромъ архитектуры въ Петербургской Академіи художествъ, построилъ петербургскую биржу, Большой театръ, нынѣ замѣненный уродливымъ зданіемъ Косерваторіи, биржевые доки, старый театръ въ Одессѣ. Онъ оставилъ слѣды своего пребыванія въ Академіи въ многочисленныхъ ученикахъ, которые разнесли стиль его по Россіи и упрочили его въ старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ, гдѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ Александровскаго.

Ученики Дм. Гр. Левицкаго. Кромѣ самаго знаменитаго изъ нихъ В. Л. Боровиковскаго, учившагося у Левицкаго два года и въ 1790 г. перешедшаго къ Лампи, учениками Левицкаго были живописцы: Шабановъ, Мельниковъ, Щукинъ и Новиковъ. Талантливѣе всѣхъ ихъ былъ Щукинъ.

Образъ св. царицы Александры работы Шевченка, находящійся въ церкви Полтавскаго Кадетскаго Корпуса не есть самостоятельное произведеніе, а копія съ такого же образа, учителя Шевченка, Карла Брюлова.

Венеціановъ считается первымъ представителемъ въ русскомъ искусствѣ національности, если не правды. Онъ родился въ Нѣжинѣ, въ семействѣ греческихъ выходцевъ Фармаки-Венеціано, почувствовалъ рано любовь къ живописи, но сталъ учиться этому искусству не въ ранней молодости, а уже прослуживъ нѣсколько лѣтъ по межевой части и переселясь въ Петербургъ. Въ своей рѣдкой книгѣ «Tutti frutti» (біографіи художниковъ, замѣтки и смѣсь). Спб. 1862 П. Петровъ разсказываетъ такъ о судьбѣ и дѣятельности Венеціанова: «Въ

столицѣ случай свелъ его съ Боровиковскимъ, и природное призваніе, до того таившееся и глохшее, получило ходъ и развилось, на сколько дозволяли средства и внѣшнія обстоятельства. По совѣту Боровиковскаго, принявшись серьезно за изученіе искусства, Венеціановъ прошелъ уже предварительную школу техники, когда наступилъ 1812 г. Венеціановъ рисовалъ въ то время политическія каррикатуры, которыя отличались хорошимъ рисункомъ, но уступали извѣстному горячему, хоть и не совсѣмъ граціозному штриху Теребенева въ силѣ и типичности. Мягкость была отличительною чертою характера Венеціанова. Встрѣчая испорченность и ложь въ среднемъ городскомъ классѣ, онъ сталъ рисовать деревенскіе типы, находя простой народъ болѣе свободнымъ отъ порчи. Еще одною изъ причинъ, объясняющихъ выборъ имъ деревенскихъ типовъ, было то, что у Венеціанова было небольшое имѣніе въ тверской губерніи, гдѣ, живя иногда по долгу, художникъ безпрестанно и исключительно имѣлъ передъ глазами своихъ крестьянъ, и, при ограниченности числа ихъ, зналъ ихъ всѣхъ по именамъ, принималъ живое участіе въ нуждахъ и утѣхахъ простого населенія. Наивность даваемыхъ самимъ художникомъ названій своимъ картинамъ, напр. «Акулька съ покойникомъ», «Тереха съ топоромъ», «Катя съ Машей» и др., прямо указываетъ на портреты живыхъ людей и уже отнюдь не на выполненіе предварительно принятой мысли. Онъ, по его словамъ, «какъ видѣлъ—такъ и изображалъ, а не мудрилъ, сидя передъ натурой». Венеціановъ пріютилъ у себя нѣсколько учениковъ, составилъ изъ нихъ школу реалистовъ по взгляду на натуру, только съ идеальнымъ побужденіемъ: открывать во всемъ красоту, т. к. въ природѣ нѣтъ безобразія. Учениками Венеціанова были, подававшій большія надежды Лавръ Плаховъ и извѣстный своими малороссійскими картинами, другъ Шевченка, В. И. Штернбергъ.

Борисполецъ Платонъ Тимофѣевичъ, художникъ-любитель, пользовавшійся извѣстностью въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, былъ родомъ малороссіянинъ. Онъ родился въ м. Гоголевѣ, остерскаго уѣзда черниговской губерніи въ 1807 г. По профессіи своей онъ былъ—военный и живописью началъ заниматься уже будучи среднихъ лѣтъ. Послѣдніе годы его жизни были крайне несчастны: онъ потерялъ зрѣніе. Біографическая замѣтка о немъ написана скульпторомъ Рамазановымъ и помѣщена въ его «Матерьялахъ для исторіи художествъ въ Россіи». Въ кіевской церкви св. Андрея находится большая картина Бориспольца, изображающая водруженіе креста апостоломъ Андреемъ на кіевскихъ холмахъ.

Картины Боровиковскаго. Въ петербургскомъ эрмитажѣ помѣщена еще одна, вторая послѣ портрета персидскаго принца, картина Боровиковскаго,—портретъ Д. П. Трощинскаго, недавно пріобрѣтенный дирекціей эрмитажа въ Варшавѣ. Въ мартѣ нынѣшняго года въ одномъ изъ антикварныхъ магазиновъ Петербурга найдена и пріобрѣтена писателемъ І. І. Ясинскимъ маленькая картинка Боровиковскаго «Христосъ въ гробу», представляющая первую мысль или набросокъ «Плащаницы» того же мастера, находящейся теперь въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и доставленной туда изъ одной изъ церквей г. Миргорода, для которой она была написана художникомъ.

Гравированные портреты южнорус. дѣятелей, изъ числа рѣдкихъ, продавались недавно на двухъ аукціонахъ художественныхъ коллекцій въ Москвѣ и Петербургѣ. На распродажѣ вещей кн. Б. А. Лобанова-Ростовскаго проданы: Богданъ Хмельницкій—Гондіуса, Юрій Хмельницкій—Боначины и Боровиковскій (собственный офортъ), по очень низкимъ цѣнамъ, въ составѣ цѣлыхъ пачекъ гравюръ. По каталогу коллекціи гравюръ В. А. Тюляева, распроданной въ Москвѣ, въ его огромномъ собраніи значатся портреты многихъ малороссіянъ. Вотъ нѣкоторыя цѣны, къ свѣдѣнью собирателей, какъ онѣ приведены въ этомъ каталогѣ, составленномъ Басниным. Канцлеръ Безбородко (съ Лампи) грав. Валькера—40 р., Дмитрій Ростовскій (съ Ротари)—30 р., Гетм. П. Дорошенко—15 р., Кириллъ Разумовскій, Шмидта, съ Токе—30 р., Іоасафъ Горленко—10 р., Трощинскій гр. Ухтомскаго съ Боровиковскаго—20 р., Юрій Хмельницкій-Боначины—3 р., Платонъ Гамалѣя. Уткина—5 р., Щепкинъ Файта—4 р., Св. Варвара, (писалъ І. Шигура въ Кіевѣ, гравировалъ Шлейенъ—1741) старый оттискъ—30 р., новый—5 р., Яковлевъ, гравюра южнорусскаго артиста Сребреницкаго, работавшаго въ Петербургѣ въ половинѣ XVIII в.—30 р. и т. д.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе апрѣля и мая мѣсяцевъ въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Подполковн. В. Г. Летучаго—3 руб., Н. А. Летучей—1 р.; Анны и Дмитрія Черѓинцевыхъ—1 р.;

М. А. Рекало, Маруси Краснюкъ, Манжерона—по 1 руб.; А. Горидька, Антоновскаго, Хачикова, Я. Каковскаго, Синьковскаго, И. Броварова—по 50 коп., *всего—11 рублей*, что, вмѣстѣ съ прежними (см. № 4-й 1897 г.) *671 р. 52 к.*, составитъ--*682 р. 52 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. *Часть вторая. 1859—1897. Москва, 1897. (Стр. 385).*

Первая часть историческихъ сочиненій г. Ил. вышла еще въ 1884 г. Въ нее вошли три крупныя монографіи по исторіи Рязанскаго княжества и жизнеописанія Дашковой и гр. Якова Сиверса. Настоящимъ томомъ плодовитый московскій историкъ рѣшилъ закончить подведеніе итоговъ своей научной и литературной дѣятельности. Въ эту серію не вошли обширныя работы о началѣ Руси и по исторіи Россіи (пять томовъ), о Гродненскомъ сеймѣ 1793 г., очерки и разсказы изъ древней и средней исторіи, вышедшіе отдѣльно, а также мелкія публицистическія сочиненія, изданныя особо въ двухъ выпускахъ.

Съ выходомъ названнаго въ заголовкѣ тома читатель имѣетъ полную возможность составить себѣ полное представленіе о научной физіономіи московскаго историка, работавшаго перомъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ въ весьма разнообразныхъ областяхъ: политической и гражданской исторіи, русской и иностранной, археологіи, публицистики, финансовъ, современной политики и педагогіи. Авторъ съ нѣсколько преувеличенною, какъ мнѣ кажется, скромностью заявляетъ въ предисловіи, что нисколько не обольщается мыслью о существованіи какой-либо потребности въ настоящемъ сборникѣ, о возбужденіи какого-либо интереса къ нему въ современной печати и въ читающей публикѣ, что онъ просто желалъ закончить подведеніе итоговъ своей работы, такъ какъ послѣ него едва ли кто взялъ бы на себя эту неблагодарную задачу. Дѣйствительно, собрать всѣ мелкія статьи, замѣтки и рефераты г. Ил. за 40 лѣтъ—задача весьма не

легкая, но для полной характеристики писателя столь плодовитаго и многосторонняго совершенно неизбѣжная и какъ нельзя болѣе умѣстная.

Нашъ авторъ въ послѣднее время рѣзко примкнулъ къ опредѣленному лагерю въ вопросахъ современной экономической и государственной политики. Увлеченіе его этими вопросами несомнѣнно страдаетъ односторонностью и невыдержанностью, и оно-то, кажется, отчасти затмило заслуги автора на лонѣ отечественной исторіи. Между тѣмъ, Иловайскій—публицистъ и Иловайскій—историкъ величины безусловно несоизмѣримыя. Въ историческихъ своихъ работахъ авторъ обнаруживаетъ большую начитанность, неутомимое трудолюбіе, нерѣдко способность къ острому анализу. Въ полемикѣ по историческимъ вопросамъ онъ ставитъ пункты разногласія рѣзко, не щадитъ противниковъ, но всегда готовъ согласиться съ разумными возраженіями. Тонъ его полемики рѣзокъ, но безъ грубости, упоренъ, но безъ упрямства, и, за рѣдкими исключеніями, приличенъ и направленъ на существо дѣла, а не на побочныя и личныя обстоятельства. Достойно замѣчанія, что при всей односторонности своихъ національныхъ увлеченій по современнымъ вопросамъ, г. Ил. неизмѣнно стремится сохранить въ вопросахъ прежней русской исторіи безпристрастіе и здравый смыслъ, не давая перевѣса своимъ излюбленнымъ и спорнымъ для другихъ любимымъ идеямъ тамъ, гдѣ онѣ не находятъ оправданія въ суровыхъ фактахъ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ, въ произведеніяхъ этого писателя мирно уживаются два противоположныя теченія, обыкновенно исключающія другъ друга, и треволненія минуты отходятъ на задній планъ, когда авторъ дѣлаетъ настоящее свое дѣло. Къ достоинствамъ историческихъ трудовъ г. Ил. слѣдуетъ отнести еще рѣдкую ясность изложенія, иногда не безъ ущерба для убѣдительности тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о матеріяхъ запутанныхъ и трудно разрѣшимыхъ вопросахъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ ознакомленіе съ трудами г. Иловайскаго совершенно необходимымъ для всякаго, интересующагося судьбами исторической науки въ Россіи. Въ частности, нельзя не отмѣтить того вниманія, которое авторъ издавна удѣляетъ въ своихъ работахъ исторіи южной Руси, Польши и Литвы, въ связи съ чѣмъ находится и изложеніе соотвѣтственныхъ отдѣловъ обширной его «Исторіи Россіи», первый томъ которой появился еще въ 1876 г.

Въ литературной дѣятельности писателя столь плодовитаго, какъ г. Ил., неизбѣжно наберется десятокъ—другой замѣтокъ, мелкихъ

статей, компиляцій, воспоминаній и т. п., имѣющихъ только библіографическое значеніе. Таково большинство пьесъ и настоящаго сборника: съ развитіемъ историческихъ познаній, въ этихъ пьесахъ свѣдущій читатель мало встрѣтитъ новаго, но и онѣ пригодятся для справокъ и для сравненія съ тѣмъ, что сдѣлано послѣдующими изслѣдователями. Въ частности, по исторіи южной Руси, Польши и Литвы читатель встрѣтитъ въ настоящемъ сборникѣ рядъ статей и замѣтокъ, не лишенныхъ интереса. Таковы, напр.: «Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи» (1859 г.), о дружинной княжеской поэзіи въ древней Руси (1879 г.), о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ, какъ историческомъ лицѣ (1893 г., стр. 102—127), о происхожденіи русской земли (1881 г.), о вѣчевой степени (1865 г.), о народности даковъ (1873 г.), о тмутараканскихъ памятникахъ (1875 г.), о древнемъ Галичѣ на Днѣстрѣ (1877 г.) и построеніи Холма (1881 и 1885 г.), о ханской басмѣ 1897 г.). Съ интересомъ же будутъ прочтены и живые очерки компилятивнаго характера по исторіи Польши: «коронный мечникъ Яблоновскій» (1862 г.). «Польскіе сеймики половины XVIII в.» (1862 г.), о народныхъ движеніяхъ на Подоліи и Волыни конца XVIII в. (1863 г.), «Послѣ раздѣла» (1864 г.), «Изъ польскаго быта» (1863 г.). Нѣсколько смутное впечатлѣніе производятъ лингвистическіе экскурсы г. Ил., напр.—его объясненіе имени даковъ отъ влаховъ, а влаховъ отъ галловъ, валловъ, Декебала или Декевала, а послѣдняго—путемъ аналогіи съ Святославомъ, Вячеславомъ и пр., гдѣ окончаніе—славъ—указываетъ будто-бы на ихъ славянскую народность; объясненіе тмутараканскаго болвана корнемъ *бал*—бревно: балка, балясы, чурбанъ, волна, балагурить, взбалтывать, баламутить, взбалмошный, баловаться; отсюда волна морская, проливъ—тмутар. проливъ, т. е. собственно побережье, какъ Поморье, Посулье; Бурликъ, Балъ—рукава Кубани—«бурливый «Керченскій проливъ и балванъ Слова о полку Игоревѣ (27 сл., 363 сл.). Указываю на эти историческіе курьезы лишь для того, чтобы отмѣтить безвредную слабость г. Ил. къ лингвистикѣ, столь же характерную для этого многосторонняго писателя, какъ и его колебательность въ «исторической поминкѣ о М. Н. Катковѣ» (332—361), въ свое время не допущенной къ печати, вѣроятно, вслѣдствіе неудобной откровенности нашего историка-публициста, и появившейся въ «Рус. Архивѣ» только въ текущемъ году. Въ этой «поминкѣ» читатель встрѣтитъ, между прочимъ, достаточно откровенное объясненіе причинъ особаго отношенія покойнаго публициста къ т. н. еврейскому вопросу (стр. 337).

Приходится сожалѣть, что на стр. 362 настоящаго сборника г. Ил. не выбросилъ второго примѣчанія, гдѣ отваживается раскрывать чужой анонимъ (впрочемъ, въ видѣ догадки): такіе пріемы всегда производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Н. М.

Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. (*Кіевъ, 1897*). *Стр. 144.*

Засѣданія съѣзда происходили 28—31 августа 1896 г. подъ предсѣдательствомъ управляющаго госуд. имущ. кіевской и подольской губерній, при участіи 106 членовъ изъ землевладѣльцевъ, арендаторовъ и управляющихъ имѣніями подольской губерніи и нѣк. др. лицъ, получившихъ агрономическое образованіе. На обсужденіе было поставлено 8 вопросовъ: объ организаціи сельско-хозяйственнаго общества въ подольской губ., объ открытіи низшей сельско-хозяйственной школы въ одномъ изъ уѣздовъ ея, о взаимномъ страхованіи, о взаимномъ денежномъ кредитѣ, о непосредственной закупкѣ правительствомъ сельско-хоз. продуктовъ у землевладѣльцевъ, о сервитутахъ и разверстаніи угодій, о регулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ и, наконецъ, о пошлинахъ на заграничныя сельско-хозяйств. машины и орудія.

По вопросу объ открытіи с.-хоз. общества и учрежденіи школы выработаны проекты уставовъ, которые поступили на утвержденіе центральныхъ учрежденій. При этомъ на содержаніе школы предположено обложить частновладѣльческія земли 1 коп. съ десятины, что можетъ составить до 16.000 руб. Вопросы о взаимномъ страхованіи и взаимномъ кредитѣ оставлены до учрежденія с.-хоз. общества. О закупкѣ сельско-хоз. продуктовъ рефератовъ не было представлено. По вопросу объ урегулированіи отношеній хозяевъ и рабочихъ обѣщанъ, но не представленъ, рефератъ г. Забѣлло, который ограничился нѣсколькими словесными заявленіями, весьма неясными, относительно важности кооперативнаго начала и въ частности кооперативно-пайщицкой формы участія въ прибыляхъ хозяйства. Съѣздъ призналъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не законодательствомъ, а на нравственной почвѣ, создаваемой временемъ, почему вопросъ и остался открытымъ.

Наиболѣе оживленныя пренія вызвали вопросы о разверстаніи и отмѣнѣ покровительственныхъ пошлинъ на заграничныя машины и орудія.

Какъ и слѣдовало ожидать, подольскіе землевладѣльцы крайне недовольны существованіемъ сервитутовъ въ неразверстанныхъ имѣніяхъ и предлагаютъ рядъ мѣръ для устраненія этого вреднаго для нихъ положенія. Такъ, напр., кн. П. П. Трубецкой (стр. 71) предлагаетъ даже устранить земскую давность въ дѣлахъ о возстановленіи правъ помѣщиковъ на захваченныя крестьянами земли, т. е. отмѣнить одинъ изъ главныхъ устоевъ незыблемости владѣнія недвижимостью; Г. Финкельштейнъ считаетъ (стр. 76), что съ уничтоженіемъ права выпаса на помѣщичьихъ земляхъ крестьянамъ достаточно прирѣзать $3-3^1/_2{}^0/_0$ помѣщичьей земли въ вознагражденіе за отмѣненный сервитутъ. Г. Костковичъ (стр. 79) полагаетъ, что вопросъ слѣдуетъ разрѣшить уступкой крестьянамъ минимальнаго $^0/_0$ помѣщичьей пахати, предоставивъ землевладѣльцамъ право составленія проектовъ удобнаго и выгоднаго разверстанія, а равно право добровольныхъ сдѣлокъ и условій, назначивъ самый кратчайшій срокъ на ихъ совершеніе. Г. Боржевскій, на основаніи до крайности шаткихъ статистическихъ данныхъ, разсчитываетъ, что за 10 лѣтъ владѣльцы неразверстанныхъ имѣній несправедливо потеряли до $10^1/_2$ мил. рублей и что крестьянамъ слѣдуетъ отдать 10 дес. 750 кв. саж. за 100 дес. помѣщичьей толоки, обремененной сервитутомъ (84), а самое разверстаніе, по его мнѣнію, слѣдуетъ возложить на особыя коммисіи съ назначеніемъ въ нихъ членовъ отъ дворянскаго сословія (93). Г. Модзелевскій (99) повидимому полагаетъ, что крестьянъ вовсе не слѣдуетъ вознаграждать за пастбищный сервитутъ, ибо право пастьбы на толокахъ не есть сервитутъ, а взаимная услуга. Словомъ, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Разумѣется, мнѣнія свободны, но желательно лишь, чтобы при рѣшеніи этого труднаго вопроса было соблюдено правило: audiatur et altera pars, такъ какъ мнѣнія однихъ землевладѣльцевъ въ этомъ отношеніи неизлечимо односторонни. Съѣздъ, имѣя въ виду трудность вопроса, постановилъ ходатайствовать о скорѣйшемъ введеніи въ губерніи генеральнаго межеванія на общемъ основаніи, а при невозможности этого—объ учрежденіи мѣстныхъ коммисій для подробнаго практическаго изслѣдованія сервитутнаго вопроса, съ участіемъ нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по назначенію губернатора.

По вопросу о пошлинахъ на машины съѣздъ съ великимъ единодушіемъ призналъ разорительное ихъ вліяніе на сельское хозяйство и безцѣльность въ смыслѣ поднятія этой отрасли промышлен-

ности, почему и постановилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ пошлинъ какъ съ самихъ машинъ и орудій, такъ и съ частей ихъ.

Закончимъ нашъ отчетъ краснорѣчивою выдержкою изъ реферата г. Міодушевскаго о необходимости открытія сельско-хоз. школы (38): «Сельско-хозяйственная страна, не имѣющая до сихъ поръ дешеваго взаимнаго кредита, такого же взаимнаго страхованія, не успѣвшая до сихъ поръ разверстать своихъ угодій, съ неустановившимися еще правильными отношеніями между работодателемъ и работникомъ, хронически страдающая отъ всякаго рода эпизоотій и конокрадства, празднующая въ году свыше 160 дней, въ исключительныхъ только случаяхъ вводящая сѣвооборотъ,—такая страна съ величайшимъ развѣ напряженіемъ можетъ переживать внезапно разразившійся надъ всѣмъ міромъ сельско-хозяйственный кризисъ... Прежде всего бросается въ глаза страшная тьма, въ которой прозябаетъ нашъ крестьянинъ. Сопоставляя положеніе нашихъ городовъ, въ послѣдніе два-три десятка лѣтъ совершенно измѣнившихъ свой видъ, съ положеніемъ нашихъ селъ и деревень, наглядно убѣждаемся, что послѣднія до сихъ поръ еще не получили должнаго экономическаго толчка, который бы прервалъ ихъ вѣковой сонъ. Все тѣ же лачужки, вмѣсто сколько нибудь благообразныхъ домовъ, тѣ же тѣнистые, но мало производительные, вишневые по большей части садики, тѣ же тощія, изморенныя, именуемыя лошадьми, животныя, тѣ-же засоренныя навозомъ и всякою нечистью усадьбы и тѣ же истощенныя и плохо воздѣланныя поля».

Необходимо побольше профессіональныхъ школъ. Проектъ одной изъ такихъ школъ и составленъ. При этомъ выяснилось курьезное обстоятельство. Нормальное положеніе 27 декабря 1883 г., между прочимъ, гласитъ, что пособіе правительства низшимъ сельско-хоз. школамъ можетъ заключаться въ отводѣ участковъ казенной земли, въ размѣрѣ не болѣе 500 дес. каждой школѣ, для безвозмезднаго пользованія на все время существованія. Но г. предсѣдатель съѣзда расъяснилъ, что въ подольской губерніи казенныхъ удобныхъ земель, которыя могли-бы быть отведены для школы въ размѣрѣ до 500 десятинъ, не имѣется. Членъ съѣзда г. Собанскій заявилъ (стр. 49), что отецъ его въ 1896 году предполагалъ открыть въ своемъ имѣніи при м. Ободовкѣ ольгоп. у. низшую с.-хоз. школу, жертвуя необходимыя постройки, около 3000 р. пособія ежегодно въ теченіи 15—20 лѣтъ и давая возможность ученикамъ практиковаться въ его обширномъ хозяйствѣ, гдѣ есть сахарный и винокуренный заводы, мельница, свекловичныя плантаціи, устроенные лѣса съ питомниками и

ир. Но на это ходатайство объявлено было, что открытіе школы на этихъ началахъ едва-ли возможно, въ виду серьезныхъ отступленій отъ нормальнаго устава для низшей школы. Г. Собанскій вновь заявилъ готовность жертвовать по 3000 р. въ теченіи 15—20 лѣтъ на открытіе школы въ другомъ мѣстѣ, но съ тѣмъ, чтобы въ ту школу были допускаемы дѣти всѣхъ сословій, безъ различія вѣроисповѣданій. На вопросъ г. Бущинскаго, можетъ-ли быть измѣняема программа школы, г. предсѣдатель съѣзда объяснилъ, что нормальный уставъ не подлежитъ измѣненію. Если бы кто либо изъ землевладѣльцевъ пожелалъ открыть школу по нормальному уставу, то это могло-бы быть разрѣшено министерствомъ безъ замедленія, всякое же отступленіе отъ такого устава требуетъ утвержденія законодательнымъ порядкомъ и потому можетъ быть разрѣшено, конечно, не такъ скоро. Это какой то фатальный circulus vitiosus.

Н. М.

Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки. *Вып. II. Вильна, 1897 г. in—4. XIV+152 стр.*

Грустное впечатлѣніе на всякаго, кто сколько нибудь знакомъ съ библіотечнымъ и архивнымъ дѣломъ, производитъ эта книга.

Начнемъ съ заглавія, которое неправильно передаетъ содержаніе всего, собраннаго подъ нимъ. Это вовсе не описаніе отдѣленія, какъ помѣщенія для рукописей, а старыхъ дѣлъ и документовъ, хранящихся въ отдѣленіи, въ чемъ читатель можетъ и убѣдиться, пробѣжавъ двѣ-три страницы послѣ «предисловія». Намъ кажется, нужно строго различать понятія: описаніе рукописнаго отдѣленія и описаніе старыхъ дѣлъ и документовъ рукописнаго отдѣленія. Не вѣрно это заглавіе и потому, что въ книгѣ центръ тяжести заключается не въ описаніи «отдѣленія», а въ приложенныхъ матеріалахъ. Изъ 152-хъ страницъ ея только пятая часть (29 страницъ) заняты «описаніемъ»; остальныя же $^4/_5$ (123 страницы) отданы подъ помѣщеніе на нихъ сырого матеріала: привилегій пинскому францисканскому монастырю и инвентарей столовыхъ имѣній виленскихъ римско-католическихъ епископовъ. Книга принимаетъ, такимъ образомъ, вполнѣ форму «актовъ», издаваемыхъ виленской археографической коммиссіей; да и форматъ описанія отдѣленія такой же, какъ и актовъ; разница лишь въ количествѣ страницъ, которыхъ въ «актахъ» всегда до полутысячи.

Описанныя дѣла и документы принадлежали прежде Виленскому Капитульному архиву и переданы теперь совершенно не туда, куда слѣдовало бы—въ виленскую публичную библіотеку. Такая неправильная передача документовъ и дѣлъ въ библіотеки, а не въ архивы, составляетъ, впрочемъ, вину, общую многимъ учрежденіямъ судебнымъ и административнымъ, не умѣющимъ различать, что слѣдуетъ передать изъ рукописей въ библіотеки и что въ архивы; но въ такихъ случаяхъ библіотеки сами должны были бы указывать дорогу, куда и какія рукописи слѣдуетъ направить. Къ сожалѣнію и этого не бываетъ: многія библіотеки принимаютъ то, что имъ вовсе не должно принадлежать. А между тѣмъ дѣлать разграниченіе вовсе не такъ трудно, стоитъ лишь принять за правило, что въ рукописныя отдѣленія библіотекъ должны быть принимаемы одни рукописныя сочиненія по разнымъ научнымъ предметамъ (богословію, философіи, исторіи, литературѣ и проч.), записки, мемуары и проч., не имѣющіе оффиціальнаго характера; всѣ же рукописи оффиціальнаго происхожденія: дипломатическая и административная переписка, всѣ юридическіе акты и судебные приговоры и рѣшенія (свѣтскія или духовныя) должны быть направляемы въ архивы. Въ нашихъ же библіотекахъ и архивахъ въ этомъ отношеніи царитъ полный хаосъ, и историка до нужныхъ ему оффиціальныхъ документовъ доводятъ лишь указанія добрыхъ людей (какъ языкъ до Кіева). Эту общую ошибку повторила и виленская публичная библіотека, принявъ на храненіе въ свое рукописное отдѣленіе юридическіе акты виленскаго капитульнаго архива, тогда какъ настоящее имъ мѣсто въ виленскомъ центральномъ архивѣ, въ крайнемъ случаѣ—въ архивѣ виленской археографической коммиссіи.

Для характеристики содержанія документовъ, зарегистрованныхъ въ «описаніи отдѣленія», сдѣлаемъ выписку изъ «предисловія», принадлежащаго г. Ф. Добрянскому. «Всѣ рукописи, говоритъ онъ, переданныя изъ капитульнаго архива и напечатанныя въ первыхъ двухъ выпускахъ (здѣсь г. Добрянскій, конечно, обмолвился: всѣ рукописи не только не были напечатаны, но даже и не всѣ описаны въ двухъ выпускахъ, если подъ послѣдними авторъ разумѣетъ разбираемый выпускъ и предшествовавшій ему первый; въ самомъ началѣ «предисловія» имъ же самимъ сказано: «въ настоящемъ второмъ выпускѣ это описаніе подвинуто близко къ окончанію»), имѣютъ такое или иное отношеніе къ исторіи въ сѣверо-западной Россіи и заключаютъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, освѣщающихъ ту или другую

сторону жизни римско-католической церкви въ этомъ краѣ. Такъ, помѣщенные въ первомъ выпускѣ инвентари и визиты костеловъ знакомятъ насъ, главнымъ образомъ, съ мѣстами, гдѣ и какъ водворялось латинство, и съ предметами, имѣющими отношеніе, такъ сказать, къ внѣшней, видимой сторонѣ латинской церкви, какъ то: съ внѣшнимъ видомъ и наличнымъ состояніемъ костеловъ, костельною утварью, домами духовенства и т. п. Рукописи второго выпуска восполняютъ свѣдѣнія, заключающіяся въ рукописяхъ перваго: онѣ знакомятъ насъ съ людьми, проводившими латинство въ жизнь, поддерживавшими и распространявшими его, вообще съ представителями латинства и ихъ дѣятельностью. Въ этомъ отношеніи рукописи, описанныя во второмъ выпускѣ, имѣютъ большее значеніе и представляютъ научный интересъ не меньшій, чѣмъ рукописи, вошедшія въ первый выпускъ»... Въ настоящемъ выпускѣ описаны оффиціальная и частная переписка виленскихъ епископовъ; распоряженія ихъ по управленію епархіей; дѣла римско-католической духовной консисторіи: о совращеніи въ латинство, главнымъ образомъ, бывшихъ уніатовъ, объ обращеніи въ католичество евреевъ и магометанъ; о взаимныхъ отношеніяхъ духовныхъ лицъ между собой, о преступленіяхъ ихъ разслѣдованія по жалобамъ прихожанъ на духовенство, о постройкѣ и ремонтѣ костеловъ, о приходскихъ школахъ, монастырскихъ и костельныхъ имѣніяхъ, о фундушахъ на семинарію, академію и проч.; наконецъ, пергаминные юридическіе акты: королевскія привиллегіи, папскія буллы, индульгенціи и проч.; вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько рукописныхъ книгъ богословскаго и историческаго содержанія; эти то послѣднія и могутъ только принадлежать публичной библіотекѣ; всѣ же остальныя должны быть переданы въ центральный архивъ.

Переходимъ теперь къ самому описанію отдѣленія или, говоря точнѣе, къ описанію дѣлъ и отдѣльныхъ документовъ. Дѣла и документы расположены по шкапамъ; каждый шкапъ имѣетъ свою особенную нумерацію. Составитель описанія дѣлаетъ еще попытку группировки матеріала по содержанію, но крайне неудачно: самыя рубрики отличаются крайней неопредѣленностью. Напр., дѣла о костелахъ; сюда входятъ дѣла о школахъ и бракоразводныя; въ рубрикѣ: о «совращеніи въ латинство» описаны: «дѣло по жалобѣ Маріанны Саладзинской о принужденіи ея къ принятію православія», «дѣло о лицахъ, присоединившихся къ православію и т. д.; въ группѣ инвентарей вы найдете много юридическихъ актовъ и наоборотъ. Не всѣ, однако, документы описаны толково и обстоятельно; этимъ качествомъ

могутъ похвалиться только пергаминныя грамоты; въ другихъ отдѣлахъ много неясности и неопредѣленности; въ большинствѣ же случаевъ авторъ, чтобы избѣжать просмотръ дѣла, ограничивается копировкой стараго канцелярскаго заголовка дѣла, оставляя даже безъ измѣненія языкъ описи, что производитъ впечатлѣніе смѣси французскаго съ нижегородскимъ, а между тѣмъ старая опись на обложкахъ дѣлъ неполна, хотя очень часто бываетъ точна. Возьмемъ первыя случайно попавшіяся описи: «Дѣло о предметахъ, соприкосновенныхъ съ православнымъ духовенствомъ». Догадывайтесь, о какихъ это предметахъ идетъ рѣчь. (Дѣло № 63 шкапъ 54). Или: «Dzieło o skardze kosystorza unitskiego na karmelity Loswirskiego klasztoru x. Sawieriego, kapelana kaplicy Pomoskieg 1839. Но о чемъ жалоба—неизвѣстно, а составитель не дополнилъ содержанія описи. Напрасно также составителемъ описанія оставленъ прекрасный канцелярскій обычай обозначать въ дѣлахъ начало и конецъ его; эти числа очень часто разрушаютъ предубѣжденіе о старой канцелярской волокитѣ; многія дѣла, напротивъ, рѣшались скоро; но и помимо этого, для лица, разыскивающаго документы, очень важно знать границы дѣла во времени.

Не желательнымъ намъ кажется нововведеніе автора описанія не обозначать и въ дѣлахъ и въ книгахъ число листовъ; это вѣдь важно и для лица, пользующагося описью, и для самаго учрежденія, хранящаго документы. Также ужъ слишкомъ кратко сдѣлана опись философскихъ и естественно-историческихъ рукописей; приведены одни общіе заголовки, а литовскій языкъ, какъ и польскій, оставлены безъ перевода.

Намъ слѣдовало бы сказать въ заключеніе что нибудь о «Приложеніяхъ»; но мы и то ужъ слишкомъ долго разсматриваемъ «описаніе» отдѣленія. Однако и здѣсь мы находимъ тоже нарушеніе установившихся археографическихъ обычаевъ: отдѣльные документы оставлены безъ подробной описи, имѣя одно общее: привилегіи и конфирмаціи Пинскому францисканскаму монастырю; инвентари Завилейскихъ ключей виленской епископіи. Подъ привилегіями не означено, изъ какой книги они взяты, и ставятъ читателя въ недоумѣніе,—окончены они или слѣдуетъ ждать продолженія. Напечатаны цѣликомъ двѣ книги. Такимъ образомъ, весь трудъ составителя «Описанія» сводится къ простой копировкѣ заглавій старыхъ и къ недолгому мудрствованію надъ выборомъ для печати сырья. Такое отношеніе къ требованіямъ археографіи дѣйствуетъ на читателя удручающе, а между тѣмъ

изъ «Описанія» видно, что въ библіотекѣ имѣются въ высокой степени важныя и интересныя въ бытовомъ отношеніи дѣла, одна обстоятельная и хорошая опись которыхъ могла бы дать много историку, какъ это даетъ, напр., опись пергаминныхъ грамотъ, за которую нельзя не сказать автору горячее спасибо.

И. Каманинъ.

Извѣстія Таврической ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й). Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. *Симферополь 1897 г., стр. 176.*

Сообщавшіеся въ предшествовавшихъ книжкахъ «Извѣстій» г. Г. К. Кирѣенкомъ Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области за 1796 г. окончились, кажется, потому что въ оглавленіи помѣчено: «окончаніе» и послѣдній ордеръ относится къ 3-му декабря; но между заголовкомъ этого матеріала и самими ордерами читаемъ: «продолженіе». Что же это, продолженіе окончанія? О достоинствѣ системы изданія ордеровъ и важности ихъ самихъ мы говорили въ прежнихъ рецензіяхъ и теперь повторять не будемъ. Оканчивается здѣсь же и другой матеріалъ: «Сборникъ документовъ по исторіи Крымско-татарскаго землевладѣнія», собранный г. Ѳ. Ѳ. Лашковымъ; но этотъ матеріалъ оканчивается безъ всякаго сомнѣнія, ибо и въ оглавленіи и при самомъ матеріалѣ пояснено, что это окончаніе.

М. В. Довнаръ-Запольскій помѣстилъ въ своей «Замѣткѣ о Крымскихъ дѣлахъ въ Метрикѣ Литовской» общія указанія на документы, относящіеся къ сношеніямъ Крыма, Нагайской и Казанской ордъ съ Литвой; мѣстами эти указанія очень кратки, въ другихъ они болѣе подробны; такъ или иначе, но они очень важны, потому что облегчаютъ возможность, не роясь долго по книгамъ, отыскать все, что относится къ Крыму въ V-й, VI-й, VII-й и XII-й книгахъ Записей Литовской метрики. Эти замѣтки авторъ дѣлалъ, конечно, для себя сначала и лишь впослѣдствіи рѣшился ихъ напечатать въ «Извѣстіяхъ»; въ противномъ случаѣ онъ указывалъ бы даты документовъ и провѣрилъ бы, какія изъ нихъ уже напечатаны г. Пульскимъ въ его сочиненіи «Stosunki Polski z Tatarszczyzną od polowy XV wieku». Tom 1. Warszawa 1881. Теперь же замѣткой г. Довнаръ-Запольскаго можетъ воспользоваться лишь тотъ, кто будетъ имѣть

возможность работать въ Москвѣ надъ книгами Литовской Метрики. Книгу № XII Таврическая Коммиссія нашла особенно интересной и постановила, какъ значится въ протоколахъ ея, просить г. Довнаръ-Запольскаго скопировать ее.

Въ концѣ книги помѣщены протоколы засѣданій Таврической ученой архивной коммиссіи; въ нихъ весьма важны для насъ свѣдѣнія по разбору уничтожаемыхъ дѣлъ; такъ напр., Екатеринославская казенная палата, представившая свои описи Коммиссіи для отборки дѣлъ, важныхъ въ научномъ отношеніи, уничтожаетъ почти 19000 дѣлъ; но Коммиссія признала заслуживающими только просмотра, а не сохраненія до 200 дѣлъ. Между тѣмъ ихъ непремѣнно должно быть въ 20 разъ больше, такъ какъ уничтожаемыя дѣла принадлежатъ контрольному бывшему отдѣленію Палаты, куда присылались отчеты всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, т. е. все статистика. Изъ уничтожаемыхъ дѣлъ Симферопольскаго уѣзднаго полицейскаго управленія заслужили вниманія Коммиссіи лишь весьма немногія дѣла (изъ 932), а изъ дѣлъ Перекопскаго—оказалось нужнымъ просмотрѣть всего до 100 (изъ 3640).

На такое слишкомъ ужъ разборчивое отношеніе къ уничтожаемымъ дѣламъ было указано и въ письмѣ графа Ланского на Рижскомъ Археологическомъ съѣздѣ. Мы тѣмъ съ большимъ интересомъ узнаемъ о содержаніи этого весьма важнаго письма изъ отчета г. О. Ф. Ретовскаго о дѣятельности съѣзда, что сами не разъ указывали на это грустное явленіе въ дѣятельности нашихъ коммиссій. Гр. Ланской устанавливаетъ два справедливѣйшихъ факта: 1, что главною задачею коммиссій дожно быть просматриваніе и сохраненіе архивныхъ дѣлъ; между тѣмъ ученыя коммиссіи занимаются больше археологіей и, прибавимъ мы оъ себя, спѣшатъ издавать вмѣсто описей дѣлъ историч. матеріалы, изображая изъ себя историческія общества и археографическія коммиссіи; 2, что часто уничтожаются важныя въ научномъ отношеніи дѣла вслѣдствіе или непониманія ихъ важности или невнимательности лицъ, которымъ поручается разборъ архивовъ; и потому гр. Ланской предлагалъ сохранять по возможности всѣ дѣла. Къ сожалѣнію, такъ какъ члены съѣзда, обсуждавшіе предложенія гр. Ланского, принадлежали къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ написано это письмо, то съѣздъ и не рѣшилъ этого дѣла какъ слѣдовало его рѣшить. А между тѣмъ онъ долженъ быть рѣшенъ спеціальной коммиссіей, составленной изъ свѣдущихъ лицъ, и ею должна быть выработана для руководства членовъ архивныхъ коммиссій программа,

какія дѣла можно уничтожать и какія должно сохранить; такими свѣдущими людьми могутъ быть признаны представители науки исторіи русскаго права, опытные архивисты и представители правительственныхъ учрежденій, какъ хорошо знакомые съ функціями своихъ учрежденій. Такую коммиссію лучше всего было бы собрать при Археологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ хорошо уже и то, что безпощадное уничтоженіе архивными коммиссіями (состоящими, замѣтимъ кстати, совсѣмъ не изъ архивистовъ) старыхъ дѣлъ обратило на себя наконецъ вниманіе свѣдущихъ людей и объ этомъ возбужденъ вопросъ.

И Каманинъ.

Обозрѣніе журналовъ 1897 г.

Книжки Недѣли № 1—4.—Н. Н. Ге. Біографическій очеркъ. В. В. Стасова (№ 1) —Первыя три «статьи» этого очерка были напечатаны въ первыхъ трехъ книжкахъ «Сѣвернаго Вѣстника» 1895 г. (Дѣтство, Гимназія, Университетъ) и предпосланы въ краткомъ изложеніи послѣдующимъ главамъ, впервые появляющимся на страницахъ «книжекъ Недѣли». Матеріалами для біографическаго очерка служили автору «многочисленныя записки и черновыя бумаги самого Ге, разныя печатныя статьи, личныя воспоминанія», автора «наконецъ, большая масса писемъ Н. Н. Ге къ его друзьямъ и знакомымъ и этихъ послѣднихъ къ нему».

Изъ литературнаго міра.—(№ 3-й стр. 345). Подъ заглавіемъ—«Сынъ Украйны» помѣщенъ краткій отзывъ о покойномъ Пантелеймонѣ Александровичѣ Кулишѣ. «Дороже всего человѣку его родной языкъ, и на этомъ поприщѣ Кулишъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ борцовъ за малорусскую культурную самостоятельность. Онъ боролся за родной языкъ и въ спеціальныхъ трудахъ, и въ журналѣ «Основа», издававшемся по его иниціативѣ, и переводами европейскихъ классиковъ (Шекспира, Байрона и др.) на малорусскій языкъ. Наконецъ, самымъ замѣчательнымъ трудомъ его въ этой области является переводъ на малорусскій языкъ Евангелія, Пятикнижія и Псалтири, обращающійся нынѣ въ Галиціи и Буковинѣ. Спеціальные труды Кулиша будутъ забыты, его произведенія не будутъ, можетъ быть, читаться, но память о немъ въ малорусскомъ народѣ сохранится.

В. Л. Дѣдловъ, при описаніи достопамятностей г. Тобольска, въ своихъ путевыхъ очеркахъ по Сибири, подъ заглавіемъ «Будущая Россія» (№ 4-й), упоминаетъ о полуразрушенной церкви 1686 года (Преображенской), въ иконостасѣ которой сохранилось нѣсколько десятковъ иконъ «образцовой живописи конца прошлаго столѣтія, говорящей о кисти Левицкаго и Боровиковскаго»... «Немудрено,—говоритъ авторъ—что это и въ самомъ дѣлѣ ихъ работа (вѣроятнѣй—послѣдняго), потому что иконопись прислана изъ Петербурга императрицей Екатериной. Каждое изображеніе могло-бы составить украшеніе любой церкви, любой исторической галлереи. Свѣжесть красокъ удивительна; доски, на которыхъ писаны иконы, великолѣпны:—пять лѣтъ сырости и сибирскихъ морозовъ почти не повліяли ни на тѣ, ни на другія. И такую драгоцѣнность держатъ въ навозѣ, чуть не подъ открытымъ небомъ, въ зданіи, которое каждый день можетъ разрушиться и превратить живопись въ щепы»!

Описывая дальше транспортъ ссыльныхъ, ѣхавшихъ на томъ-же пароходѣ, что и авторъ «очерковъ», онъ такъ характеризуетъ бывшихъ тамъ малороссовъ, ссылаемыхъ по приговору сельскихъ обществъ:

«Было много малороссовъ. Удивительные это люди, хохлы. На лица взглянуть, такъ не хорошо дѣлается: такія «порочныя»,—но всѣ безумно влюблены въ своихъ жинокъ. Сидятъ прижавшись другъ къ дружкѣ, какъ инсепарабли, и цѣлуются. Проголодаются, поѣдятъ, помолятся и опять цѣлуются. Изъ хохловъ былъ одинъ холостой, коренастый, плечистый малый, лѣтъ подъ тридцать, съ головой тычкомъ, носъ картошкой, волосы черные и щетинистые; черные глаза имѣли дикое собачье выраженіе. Этому не съ кѣмъ было цѣловаться, такъ онъ плясалъ. А это было возможно при остановкѣ парохода».

Во время одной изъ остановокъ изъ сосѣдней деревни вышла къ пристани толпа молодыхъ парней. «У одного въ рукахъ была большая гармоника. Ссыльные тотчасъ-же его окружили. Онъ твердо сталъ среди круга. Растолкавъ зрителей, вошелъ въ кругъ холостой хохолъ и тоже твердо и сталъ противъ музыканта.

— Козака!—сказалъ онъ и бросилъ на землю шапку.

Музыкантъ топнулъ ногой, тряхнулъ головой и—навѣрно не меньше получаса хохолъ выкидывалъ такія штуки ногами, руками и головой, что казалось даже неправдоподобно».

Въ этой-же «книжкѣ Недѣли» В. Стасовъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ «Н. Н. Ге» приводитъ отзывъ Д. Л. Мордовцева о томъ, какъ Ге писалъ портретъ Татьяны Петровны Костомаровой, матери историка. «Ге писалъ этотъ портретъ, говоритъ Д. Л. Мордовцевъ въ своей статьѣ «Памяти Н. Н. Ге»—въ отсутствіе, помнится, Костомарова... Я тогда нерѣдко навѣщалъ старушку, и познакомился отчасти съ пріемами Ге, какъ точнѣе передать харак-

теръ и душу человѣка, портретъ съ котораго онъ писалъ. Художникъ не довольствовался изученіемъ лица своего объекта во время обыкновенной, спокойной бесѣды, когда старушка говорила о своемъ «Николаѣ», о его капризахъ; Н. Н. Ге забѣгалъ и въ кухню, гдѣ мать историка нерѣдко ссорилась съ сварливой кухаркой-чухонкой. «Это — нелишній матеріалъ для художника», говорилъ онъ улыбаясь. И портретъ вышелъ на славу: старушка, нѣкогда красавица, живетъ, дышетъ, думаетъ на полотнѣ, и о своемъ избалованномъ сынѣ, и о грубіянкѣ кухаркѣ».

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVII, 1897 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

СТР.

ОТДѢЛЪ І-й.

I. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ И ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. Превращеніе козацкой старшины въ дворянство. **Д. Миллера.** *(Окончаніе)*. . . . . 1—47

II. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ)*. 48—66 389—444

III. ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛТАВУ. (П. Г. В—ову). **А. Л.** . . . . . 67—77

IV. БОГДАНЪ ХМЕЛЬНЫЦЬКЫЙ. Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ. **М. П. Старицкаго.** 78—123 . . . . 208—289

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА **Н. С.** 124—156 *(Продолженіе слѣдуетъ)* . . . . 460—483

VI. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ КЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЙ ЗАПИСКѢ И. И. СЕРДЮКОВА, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ НОЯБРЬСКОЙ КНИЖКѢ «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» ЗА 1896 Г. **М. Номиса.** . . . . 157—162

VII. ТРИ ДНЯ НА ХУТОРѢ У ПАНТЕЛЕЙМОНА АЛЕКСАНДРОВИЧА и АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ (ГАННЫ БАРВИНОКЪ) КУЛИШЪ. **М. Лободовскаго.** . . . . 163—176

стр.

VIII. ОСТРОЖСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ШКОЛА. (Историко-критическій очеркъ). К. **Харламповича**. 177—207 . . . . . 363—388

IX. ЮНЫЕ ГОДЫ П. А. КУЛИША. **М. Чалаго**. . . . . . . 291—299

X. НАДЪ ВЕЛИКИМЪ ЛУГОМЪ ДНѢПРОВСКИМЪ. (Изъ путевыхъ замѣтокъ) **Л. Падалки** . . . . 300—315

XI. СКАЗАНІЕ О ЦАРѢ СОЛОМОНѢ. **Ѳ. Кудринскаго**. . . . 316—338

XII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ П. А. КУЛИША. . . . . 339—362

XIII. КЪ ИСТОРІИ ЧУМНОЙ ЭПИДЕМІИ ВЪ КІЕВѢ 1770—1771 г.г. Протоіерея **П. Орловскаго** . . . . 445—483

XIV. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (1862 годъ). *(Окончаніе слѣдуетъ)*. . . . . 484—512

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ а) Данныя Архива Святѣйшаго Синода о кіевской церкви во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. **К. Здравомыслова**. б) Харьковъ и Стародубъ въ 1808 году. **А. Л.** в) Донскіе козаки на постоѣ въ Кіево-Подольскомъ Дѣвичьемъ училищѣ. **П. Голубовскаго**. г) Поминки по Т. Г. Шевченкѣ, Н. И. Костомаровѣ и П. А. Кулишѣ въ Петербургѣ. д) Польскій король Янъ Казиміръ, Хмельницкій и греки. Сообщ. **Н. М.** е) Предполагаемое изданіе сказокъ. ж) Даніилъ Гавриловичъ Лебединцевъ. (Некрологъ). з) Егоръ Степановичъ Гордѣенко. (Некрологъ). и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Два поддѣльныхъ историческихъ документа. **А. Л.** к) Благодарственное письмо кн. Меншикова кіевскому дворянству 6 ноября 1709 г. за поздравленіе съ полтавской побѣдой. Сообщ. **Н. М.** л) Продажа кіевскою дворянкою своей дочери въ крѣпостное состояніе. Сообщ. **Н. М.** м) Къ повѣрьямъ относительно пчелъ. Сообщ. **В. Ястребовъ**. н) О стельной коровѣ. Сообщ. **В. Ястребовъ**. о) Сборъ съ православныхъ помѣщиковъ на постройку Кіевскаго костела. Сообщ. **О. Л.**

стр.

п) Письмо изъ Житоміра. р) Отзывъ гр. А. К. Толстого о малорусской народной музыкѣ. с) Поправка. **Б. Гринченка.** т) Расходы Рѣчи Посполитой на козацкихъ пословъ. **Н. Бѣляшевскаго.** у) Эпизодъ изъ исторіи церковно-приходской школы въ с. Шамраевкѣ, васильковскаго уѣзда. ф) Вечеръ въ день Ивана Купала. х) Идолъ купалы въ г. Артыркѣ **А. А. Танкова.** ц) Вновь открытая стѣнная живопись въ г. Новгородсѣверскѣ. ч) Замѣтки по искусству. ш) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—21, 55—70 85—109

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Изслѣдованіе М. И. Лилеева. **В. Иконникова.** б) О малороссійскихъ переписныхъ книгахъ 1666 г. Вит. Эйнгорна. **А. Л.** в) Архивъ Государственнаго Совѣта. Т. IV. **Н. С.** г) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1896—7 годъ съ рисунками, чертежами, таблицами въ текстѣ, календаремъ и адресъ-календаремъ. **А. С.** д) П. Я. Армашевскій и Вл. Б. Антоновичъ. Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева, читанныя въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца въ мартѣ 1896 года. Съ двумя рисунками. **Н. М.** Обзоръ журналовъ. е) Еще по поводу «Бѣлозерскаго Полѣсья» г. Довнаръ-Запольскаго. **А. Крымскаго.** ж) Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Обзоръ, съ приложеніемъ образцовъ народныхъ говоровъ. В. Шимановскаго. **К. М.** з) Записки наукового товариства імени Шевченка Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы XIV—XV. **Н. М.** и) Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя гр. К. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Выпускъ пятый. Курганы, древности и клады домонгольскаго періода. **В. Щербины.** і) Старина и Новизна. **Н. С.** к) Историческія сочиненія Д. И. Иловайскаго. **Н. М.** л) Труды перваго съѣзда сельскихъ хозяевъ подольской губерніи въ г. Проскуровѣ 1896 года. **Н. М.** м) Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной библіотеки. **И. Каманина.** н) Извѣстія Таврической

стр.

ученой архивной коммиссіи № 26 (годъ 11-й) Подъ редакціей правителя дѣлъ Арсенія Маркевича. И. Каманина. о) Обозрѣніе журналовъ 22—54, 71—84, ... 110—122

ОБЪЯВЛЕНІЕ. 1—2

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Малороссійская свадьба (17—22).

2) Записки о Малороссійскихъ чинахъ Адріана Ивановича Чепы. (23—32) (33—39).

3) О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска (40 — 48), (49—68).

4) Ланкастерское училище въ Кіевѣ. (1—2).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» *(въ концѣ книги)*. 1

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности"). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1 — 139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

---

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вірна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г, стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жыви струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украйнську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Өедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбынськый Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г, стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Украінські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимняя казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Федькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попусть. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ-АВГУСТЪ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ, 21 августа 1897 года.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ[1].

(1862 годъ).

III. Арендари и плантаторы.

Якъ жиды-рандари
Вси шляхи козацьки зарандовалы:
Що на однiй мыли
Да по три шинки становылы...
(Изъ народной думы).

Въ городахъ и мѣстечкахъ евреи дѣйствуютъ скопомъ: они сильны тамъ единодушіемъ, солидарностію интересовъ, духомъ корпораціи. Попадись имъ крестьянинъ—они затормошатъ его, затуркаютъ, обдурятъ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Но какимъ образомъ на селѣ одинъ жидъ-шинкарь ворочаетъ иногда цѣлою громадой—вотъ чему нельзя не удивляться.

На основаніи новыхъ постановленій о продажѣ питей, въ нѣкоторыхъ волостяхъ мировые посредники и священники старались убѣдить народъ завести свои шинки, такъ какъ это дѣло, во первыхъ, весьма прибыльное, а во вторыхъ, меньше будетъ пьянства и разоренія, если не станетъ на селѣ искусителя. Нашлись охотники, выгнали жида-шинкаря и сами открыли продажу питей. И что же? Бочку горилки роспили, а другой купить не на что: ни денегъ, ни водки! И порѣшили крестьяне, что только жиды и могутъ заниматься этимъ грѣшнымъ дѣломъ—имъ, значитъ, и книги въ руки. Но чтобы извлечь хоть

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 6.

какую нибудь выгоду отъ продажи вина, волости уступаютъ свое право открывать шинки за условленную сумму (иногда 200—300 руб.) въ пользу церкви или въ пользу школы. При всемъ томъ евреи не остаются въ убыткѣ. Нѣкоторые оборотливые жидки заводятъ при шинкахъ цѣлыя лавки, съ самыми необходимыми для крестьянъ товарами: солью, рыбой, табакомъ, дегтемъ, колесами и т. п. Торговля идетъ большею частію мѣновая: еврей получаетъ за все хлѣбомъ и дѣлаетъ, разумѣется, отличный оборотъ. Другіе, принаравливаясь къ новому положенію крестьянъ собственниковъ, завели по селамъ настоящіе трактиры. Кромѣ прихожей, гдѣ обыкновенно стоитъ боченокъ съ водкою и съ мѣднымъ краномъ, а на полкѣ разной величины жестяныя кружки,—у иного шинкаря есть особенная комната, съ диваномъ и стульями, есть „печене и варене"—булки, пироги, коржи съ макомъ и неизбѣжная „марината", т. е. фаршированная *фишъ*, до нельзя пропитанная перцемъ. Такія увеселительныя заведенія съ разными „ласощами" не въ примѣръ опаснѣе для крестьянъ, чѣмъ простые кабаки, посѣщаемые исключительно отпѣтыми пьяницами, которые мало по малу перетаскиваютъ жиду всю свою худобу. Въ шинокъ же, устроенный на новый манеръ, не побрезгаетъ зайти и порядочный хозяинъ, котораго услужливый шинкарь съумѣетъ принять и угостить на славу.

Недаромъ народная фантазія олицетворяетъ въ образѣ еврея демона-искусителя, который для того, чтобы соблазнить христіанскую душу, принимаетъ человѣческій видъ. Въ одной украинской пѣснѣ говорится, что дидько Мальхемусъ пріѣхалъ въ жидовскую школу и взялъ съ собой Мошку.

А Мальхемусъ прыблыжився — хапъ Мошка за пейсы! Этотъ-то самый дидько, вѣроятно, въ селеніи Б. принялъ образъ шинкаря Берка, предъ искушеніями котораго не устоитъ ни одинъ, даже самый воздержный крестьянинъ.

Заведеніе Берка стоитъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Вонъ сидитъ онъ на присьбѣ и перекидывается привѣтливыми словами съ идущими и ѣдущими крестьянами. Всѣхъ онъ знаетъ по имени, до каждаго у него есть дѣло; все ему нужно знать: и

куда кто ѣдетъ и откуда и зачѣмъ, и что везетъ, и не думаетъ ли онъ чего продать или купить? Несловоохотливые наши крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ ему отрывисто, какъ бы не хотя, а иной, проѣзжая мимо шинка, старается и не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ онъ стоитъ, сплюнетъ и поспѣшно поворотитъ цабе—въ переулокъ. Но Берко нисколько не обижается такою невѣжливостію и продолжаетъ подъѣзжать съ своими докучливыми разспросами. Вотъ онъ подстерегъ наконецъ самаго зажиточнаго хозяина и разсыпался передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ съ любезностями.

— Здоровы булы, пане Степане! Чомъ вы до мене николы не зайдете? Зайдить бо ну, до моей хаты, я до васъ пильный интѐресъ маю.

Послѣ долгихъ отговорокъ, выражаемыхъ обыкновенно нарочито грубою рѣчью, суровый панъ Степанъ, переступилъ роковой порогъ Беркова жилища.

Вошедши въ шинокъ, онъ остался въ первой *общей* комнатѣ и сѣлъ на лавкѣ, приготовившись слушать, что станетъ говорить Берко. Но шинкарь, сгибаясь подобострастно передъ паномъ Степаномъ, проситъ его въ другую комнату, усаживаетъ на диванъ, ставитъ на столъ графинъ съ настойкой, жаренную рыбу, огурцы и принимаетъ его за рѣдкаго и дорогого гостя. Наливаетъ одну рюмку, наливаетъ и другую—гость пьетъ и закусываетъ, а Берко не перестаетъ увиваться.

— На що мени ти паны? теперъ вы у мене панъ: вамъ ще лучше видъ панивъ, вы ниякого биса не боитесь, вы теперъ сами соби паны!

Слушаетъ панъ Степанъ такія льстивыя рѣчи, да и уши развѣсилъ. Между тѣмъ водка, заправленная какими-то одуряющими кореньями, начинаетъ брать свое:

— Та що мени паны? кричитъ съ азартомъ Степанъ: я самъ соби панъ! Я... я... матери ихъ чортъ! Я и станового не боюсь!

— А такъ, такъ! поддакиваетъ Берко; правду вы кажете, пане Степане, послухайте ну, що я вамъ скажу: на що вы носыте оцю погану свытку? Вамъ тепереньки треба сыній жупанъ

носыть, а не свытку. Ось у мене есть гарный жупанець въ застави, ще зовсимъ новый и зеленый поясъ до його. Помиряйте-ну его—нехай я побачу, якъ винъ до васъ прыстане.

И наряжаетъ Берко глупаго Степана въ жупанъ и ведетъ его къ зеркалу. Смотритъ одураченный гость, „узявшись у боки", на свою фигуру и глазамъ не вѣритъ: панъ на всю губу, тай годи!..

И подружился съ этого дня нашъ честный Степанъ съ нечистою силой и сталъ онъ учащать къ Берку да водить съ собой пріятелей, сперва только по большимъ праздникамъ, потомъ и по воскреснымъ днямъ, а тамъ уже и въ будни не выпросишь его изъ шинку.

Разлакомился Степанъ жидивскими пундыками и не хочетъ ѣсть дома своего простого крестьянскаго обѣда и гримае на жинку, що вона не вмие ничого зробыть по-людьски:

— Отъ якъ у Берка—то й рыба жарена и до хрину и коржи зъ медомъ.

Проходитъ годъ, проходитъ другой. Берко перестадъ уже величать Степана паномъ, пересталъ давать въ долгъ горилку и началъ отзываться о немъ съ презрѣніемъ:

— Ледащо! воно все пропыло!

Послѣ освобожденія крестьянъ, а особенно послѣ неудавшагося мятежа 1863 года, польскіе помѣщики, не привыкшіе хозяйничать при свободномъ трудѣ, погрязши по уши въ долгахъ, не имѣя оборотнаго капитала, а отчасти желая отомстить своимъ прежнимъ хлопамъ за неудачу повстанья и за встрѣченное съ ихъ стороны противодѣйствіе, передали за весьма небольшими исключеніями, свои имѣнія на болѣе или менѣе продолжительные сроки [1]) въ арендное владѣніе евреямъ, однимъ прямо, другимъ подъ чужими именами. Неотдавшіе же имѣній въ

---

[1]) Одинъ изъ промотавшихся помѣщиковъ таращанскаго уѣзда отдалъ свое имѣніе въ аренду еврею на 90 лѣтъ.

аренду предоставили евреямъ всѣ оброчныя статьи и всѣ денежныя дѣла по экономіямъ, касающіяся разсчета съ крестьянами, не желая имѣть съ ними никакого столкновенія. Даже нѣкоторые русскіе землевладѣльцы послѣдовали примѣру поляковъ. Сердце обливается кровію, при взглядѣ на имѣнія, содержимыя евреями въ арендномъ владѣніи! Это образецъ нищеты и крайняго разоренія.

По ученію цадиковъ, каждый благочестивый хассидъ долженъ тщательно избѣгать тяжелыхъ работъ, какими нѣкогда фараоны обременяли народъ божій въ Египтѣ, а какъ воздѣлываніе земли больше всего напоминаетъ о египетскомъ рабствѣ, то всѣ евреи, даже самые бѣдные, предпочитаютъ земледѣлію самую мелкую промышленность, особенно торговую. Евреи, получившіе участки отъ правительства, сами ихъ никогда не обрабатываютъ, предоставляя этотъ египетскій трудъ крестьянамъ.

Всѣ арендаторы-евреи хозяйничаютъ посредствомъ вольнонаемныхъ рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Не только въ арендуемыхъ имѣніяхъ, но и во всѣхъ другихъ, поставка рабочихъ на заводы сахарные, винокуренные, пивоваренные, кирпичные, лѣсную выдѣлку и проч. всегда находится въ рукахъ евреевъ. Сюда же между прочимъ слѣдуетъ отнести и поставку рабочихъ на Кіево-балтскую желѣзную дорогу: одинъ еврей, не трогаясь съ мѣста, заработалъ въ годъ болѣе тысячи рублей, получивъ съ каждаго рабочаго по 4 рубля въ мѣсяцъ чистаго барыша.

При разсчетѣ съ рабочими—тотъ же пріемъ. И нѣтъ въ свѣтѣ такого обмана, подлога, изворота, къ какому бы не прибѣгали евреи при расплатѣ съ крестьянами. Жалобамъ на обиды и угнетенія іудеевъ нѣсть числа. Иной бѣдняга проработаетъ недѣлю, а мѣсяцъ ходитъ за полученіемъ платы. И гдѣ ему искать защиты, когда зачастую свое же начальство, за одно съ евреями? Въ волость хоть и не ходи: еврей побывалъ тамъ уже давно: и волостного старшину задобрилъ подарками, и старосту угостилъ. Кланяется, кланяется имъ крестьянинъ, а они начнутъ убѣждать его получить отъ еврея половину принадлежности, и за то еще слава Богу! А то

бываетъ и такъ, что ходитъ, ходитъ по начальству, да и махнетъ на все рукой: нехай его дила судять! И пойдетъ скрѣпя сердце, къ другому такому же жиду, который также его обманетъ, какъ и первый.

А безъ евреевъ нѣтъ никакой возможности обойтись нашему бѣдному крестьянину. Что жъ ему дѣлать, когда вездѣ, куда ни сунется, торчитъ еврей?.. Работаетъ ли онъ на заводѣ, на плантаціи, въ лѣсу — къ разсчету является еврей. Выѣдетъ ли на базаръ, повезетъ ли хлѣбъ на мельницу, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ только коснется дѣло до денегъ, неизбѣжный еврей тутъ, какъ тутъ. Фабрики и капиталы, земля, вода и лѣсъ— все въ рукахъ евреевъ. Ихъ сила, ихъ и право.

Представимъ себѣ хоть такую лигу, какая съ давнихъ поръ существуетъ въ одномъ изъ приднѣпровскихъ уѣздовъ кіевской губерніи. Въ мѣстечкѣ П. живетъ старый іудей Д., у котораго 160 душъ семейства, т. е. сыновей, дочерей, затьевъ, внуковъ и правнуковъ. Нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи ворочаютъ десятками тысячъ и пользуются большимъ почетомъ у сильныхъ міра сего. Главная ихъ сила—деньги. Передъ этимъ идоломъ все преклоняется.

Заводы, мельницы, шинки, поля и лѣса—все находится во владѣніи этой шайки эксплоататоровъ, все всосалъ въ себя этотъ стоглавый полипъ Д—съ. Еврейскій способъ дѣйствій извѣстенъ. Пользуясь неограниченнымъ кредитомъ, глава этого почтеннаго семейства самъ лично не можетъ быть уличенъ ни въ какомъ безчестномъ поступкѣ, но зато, пользуясь его вліяніемъ и могуществомъ, мошенничаютъ его безчисленные кліенты. То одного, то другого выдвинетъ онъ впередъ, возвыситъ ему кредитъ, расширитъ кругъ его дѣятельности, а потомъ смотришь-какой нибудь ничтожный Мошко уже взялъ въ аренду сахарный заводъ. Дѣла его идутъ отлично. Потомъ, прибравши въ руки порядочную сумму денегъ, нашъ арендаторъ начинаетъ, по формальнымъ записямъ, передавать тѣмъ же членамъ многочисленнаго семейства, только другихъ фамилій, запасы сахару, да сверхъ того имъ же надаетъ векселей на значительную сумму и въ концѣ

концовъ торжественно объявляетъ себя несостоятельнымъ. Предъявляются векселя ко взысканію; приступаютъ къ ликвидаціи его имущества, и по справкамъ оказывается, что оно принадлежитъ не ему, а его родственникамъ, которымъ кромѣ того еще слѣдуетъ уплатить по векселямъ, наравнѣ съ другими кредиторами, такъ что отъ продажи имущества, по рѣшенію суда, и они получаютъ копѣйку за рубль и кричатъ громче всѣхъ, что они разорены въ конецъ; на самомъ же дѣлѣ это обманъ. И выходитъ, что одни христіане остаются въ убыткѣ.

За Мошкой на арену выступаетъ другой мошенникъ Сруль. Съ помощію своего благодѣтеля онъ тоже дѣлается арендаторомъ и поступаетъ точно такъ же, какъ и первый. За Срулемъ слѣдуетъ Нухимъ или Хаимъ и т. д. А тамъ смотришь и Мошко уже зашевелился; онъ начинаетъ дѣйствовать сперва тихонько: занимаетъ деньги по довѣренности отца, дѣда, тестя, а тамъ и на собственное имя.

Надобно замѣтить, что у евреевъ никогда не бываетъ торговли вмѣстѣ. Каждый, женившись, отдѣляется отъ отца и братьевъ и ведетъ свои дѣла особнякомъ для того, что если которому изъ нихъ заблагоразсудится обанкротиться, то онъ предварительно передаетъ все свое имущество родственникамъ и затѣмъ уже объявляетъ себя несостоятельнымъ, какъ сдѣлалъ это Мошко.

Господство и преобладаніе евреевъ чувствуютъ не одни крестьяне. Вы переправляетесь, напр., черезъ паромъ. По таксѣ, прибитой тутъ же на столбѣ, съ васъ слѣдуетъ за четверку лошадей 8 коп., а съ васъ требуютъ рубль. Да развѣ можно, спроситъ читатель, среди бѣла дня допустить такой грабежъ? Извольте жаловаться. Отъ парома до квартиры становаго 30 верстъ. Поѣхавъ къ нему съ жалобою, вы издержите не одинъ рубль на дорогу, потеряете время, а успѣхъ отъ вашей поѣздки больше чѣмъ сомнителенъ. По справкамъ непремѣнно окажется, что ваша претензія не основательна, да и свидѣтелей не было, которые бы подъ присягой показали, что съ васъ дѣй-

ствительно взяли рубль. Вы указываете на паромщика-крестьянина, но онъ за чарку горилки покажетъ все, что прикажетъ ему хозяинъ.

Важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства въ нашемъ юго-западномъ краѣ составляютъ свекловичныя плантаціи, а такъ какъ сѣяніе свекловицы даетъ хорошій барышъ, то всѣ почти плантаціи захватили въ свои руки евреи.

У порядочныхъ хозяевъ подъ свекловицу обыкновенно пашутъ лѣтомъ, осенью перепахиваютъ, а весной, опять вспахавши, сѣютъ. У евреевъ же плантаторовъ не такъ: у нихъ рѣдко бываетъ вспахана земля не только лѣтомъ, но даже и осенью, они пашутъ одинъ разъ весной и тутъ же сѣютъ.

Такая работа требуетъ больше рабочаго скота, чѣмъ рабочихъ рукъ; а потому евреи обращаются больше къ мѣстнымъ крестьянамъ. Уговорятся, повидимому, на выгодныхъ условіяхъ для обѣихъ сторонъ; но какъ только дѣло дойдетъ до разсчета, еврейская эксплоатація чужого труда выступитъ наружу во всей своей силѣ. Сторговались по 5 рубл. за десятину, а еврей даетъ только 4 или 3 р. 50 коп. Пойдутъ безконечные споры: крестьянинъ ссылается на условіе, а еврей объясняется, что договорились пахать на пять вершковъ глубины, а пахано на четыре и на три вершка. Крестьяне обращаются въ волостное управленіе, прося защиты, но тамъ уже всѣ задобрены. Ходятъ, ходятъ, да и бросятъ, выругавши на прощанье жида, который не обратитъ на то ни малѣйшаго вниманія.

За посѣвомъ настаетъ пора полотья. Для этого дѣла годятся рабочіе всякаго возраста и пола, начиная съ 11 и 12 лѣтъ. По деревнямъ и селамъ появляются предлинныя повозки, въ родѣ нѣмецкихъ фургоновъ, запряженныя каждая въ четыре лошади. Во главѣ поѣзда еврей и при немъ музыканты съ бубнами скрипками и свистками. Проѣхали по всѣмъ улицамъ села, и поднявши на ноги все населеніе, еврей останавливается передъ корчмою. Народъ сбѣгается со всѣхъ концовъ Начинается вербунка.

Еврей, стоя на фургонѣ, выкрикиваетъ цѣну за рабочій день, обыкновенно вдвое выше существующей въ той мѣстности. Его спрашиваютъ, далеко ли плантація, и узнаютъ, что за 30—40 верстъ отъ села. Многіе не соглашаются. Еврей начинаетъ ихъ уговаривать, что они не пойдутъ пѣшкомъ, а поѣдутъ, что и назадъ ихъ привезутъ.

— А якажъ буде харчъ? спрашиваютъ нѣкоторые. Еврей, разумѣется, пообѣщаетъ имъ и печенаго и варенаго, съ прибавкой доброй порціи водки. Начинаютъ крестьяне между собой совѣтоваться; снова обращаются къ еврею съ разными вопросами, а тотъ имъ все расписываетъ, какъ на ладони, разомъ разрѣшая всѣ ихъ недоумѣнія. При этомъ онъ постоянно ссылается на свидѣтельство возницъ и музыкантовъ, которымъ заранѣе посулилъ за лжесвидѣтельство по три копѣйки съ души. И чего только не наговоритъ довѣрчивымъ крестьянамъ этотъ еврей: и какъ онъ хорошо будетъ кормить людей, и какая отличная у него отпускается порція—„самый шпиртъ!"

Рабѣжались по домамъ дивчата и парни, собрались наскоро въ дорогу, принесли свою одежину и сапы, а музыканты продолжаютъ „наризывать", молодежь передъ корчмой отплясывать трепака. А наниматель все выкрикиваетъ цѣну заработочей платы, да потчиваетъ водкой стариковъ и старухъ, чтобы ихъ задобрить; а тѣ, соблазнившись хорошей платой, отпускаютъ дѣтей на заработки, а молодежи только того и нужно: тамъ на плантаціи—своя воля, раздолье, тамъ и 12-ти лѣтнія дѣти пьютъ свою порцію, наравнѣ со взрослыми, тамъ заводятся шашни, и гибнетъ безповоротно добрая слава дивчатъ... Все это старики знаютъ, и все таки, скрѣпя сердце, отпускаютъ дѣтей на заработки, потому что работы по близости нѣтъ, а деньги нужны, да и какъ еще нужны!

Фургоны наполнились. Тронулись въ путь. Пѣсни, реготъ, жарты, не устаютъ во все продолженіе пути—развеселая, подумаешь, жизнь—умирать не надо!

Вербовщикъ-еврей, привезши рабочихъ на плантацію, сдаетъ ихъ по счету другому еврею, а самъ исчезаетъ съ глазъ пріѣхавшихъ съ нимъ крестьянъ. Договоръ же съ рабочими, нигдѣ не записанный, никѣмъ не засвидѣтельствованный, съ перваго же

дня поступленія на работу, теряетъ свою силу. Рабочіе, конечно, не знаютъ, что они уже проданы другому іудею, который въ свое время отречется отъ цѣны, объявленной первымъ, и назначитъ имъ такую плату, какую самъ знаетъ.

Начались работы при палящемъ полуденномъ солнцѣ. Еврей кормитъ сначала сносно, потомъ день отъ дня все хуже и хуже, наконецъ невыносимо скверно. Обѣщалъ давать два часа отдыху, а даетъ полтора, потомъ часъ, а тамъ уже стоитъ надъ душой и понукаетъ поскорѣй ѣсть да приниматься за работу. Водку съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разбавляетъ водой и доводитъ ее напослѣдокъ до отвратительнаго полугара.

Такъ проходитъ нѣсколько недѣль. Плантаторъ уже успѣлъ поставить рабочихъ въ безвыходное положеніе: каждому изъ нихъ уже слѣдовало по нѣскольку рублей; тогда онъ начинаетъ кормить протухлымъ хлѣбомъ, кашей пополамъ съ куколемъ и другими ссорными сѣменами. Его ругаютъ, онъ отругивается, а работа между тѣмъ подвигается впередъ, а съ нею растетъ и заработная плата. По воскресеньямъ рабочіе требуютъ денегъ, еврей обѣщаетъ поѣхать въ городъ размѣнять кредитки на мелочь, а возвратится въ понедѣльникъ, когда уже началась работа, и на вопросъ: привезъ ли деньги? отвѣчаетъ—привезъ; но чтобы не тратить рабочаго дня на расплату, совѣтуетъ проработать до слѣдующаго воскресенія, а дождавшись слѣдующаго воскресенья, уѣдетъ еще въ субботу вечеромъ послѣ шабаша и возвратится опять въ понедѣльникъ. Рабочіе окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а онъ слушаетъ и молчитъ, или представляетъ имъ свои жидовскіе резоны: говоритъ, что ему разсчитать людей все равно, хоть зáразъ, но для нихъ же невыгодно—они потеряютъ рабочій день, а ужъ лучше въ праздникъ. Если же замѣтитъ, что никакіе резоны не дѣйствуютъ и рабочіе готовы дойти до отчаянной выходки, то даетъ имъ по рублю на душу впредь до разсчета, да на томъ и покончитъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тутъ же и издерживаются рабочими на улучшеніе пищи.

Но по прошествіи мѣсяца, плантаторъ перестаетъ церемониться съ рабочими и открыто объявляетъ всенародно, что

онъ рѣшительно не дастъ ни копѣйки до совершеннаго окончанія полки и прорывки. Рабочіе вопятъ, что имъ нужно домой, бѣлье по крайней мѣрѣ перемѣнить. Еврей даетъ имъ лошадей, развезетъ по домамъ въ праздничный день и опять привезетъ. Рабочіе уже и сами спѣшатъ вернуться во-время, чтобы не пропалъ заработокъ.

Но вотъ окончилась египетская работа полотья. Начинается расплата. Рабочіе считаютъ, что имъ, согласно условію, слѣдуетъ по 40 коп. за каждый день, а еврей говоритъ, „что такой цѣны нигдѣ не даютъ, что онъ съ ними не договаривался, и предлагаетъ по 20 коп. а много по 25, да вдобавокъ къ тому каждый рабочій не досчитывается кто двухъ дней, кто трехъ и болѣе. Жидъ толкуетъ по своему: одному скажетъ, что поздно сталъ на работу, другому, что рано ушелъ съ работы, третьему, что лѣниво работалъ, четвертому еще что нибудь. Его ругаютъ, онъ отругивается, зная напередъ, что бить его не посмѣютъ, подъ опасеніемъ лишиться всего заработка. Если же, къ великому несчастью рабочихъ, гдѣ нибудь и случится грѣхъ, что который нибудь изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія явною неправдою, толкнетъ плантатора, жидъ тотчасъ разсыплетъ два-три рубля мѣди на землю, прикинется убитымъ, и когда рабочіе со страху разбѣгутся, подаетъ жалобу, что его убили и ограбили, что его едва возвратили къ жизни; порветъ на себѣ одежу, поцарапаетъ лицо и размажетъ кровь. Привезутъ доктора, составятъ при понятыхъ медицинское свидѣтельство о побояхъ, угрожавшихъ опасностію жизни, нарядятъ слѣдствіе, предстанутъ свидѣтели, которые подъ присягою (трефною) покажутъ, что все заявленное побитымъ справедливо. Тогда разбѣжавшіеся рабочіе отцураются и отъ своихъ денегъ, не сознаются даже, что они у этого жида работали. Подобныя исторіи такъ всегда кончаются; это хорошо извѣстно каждому крестьянину, и потому они терпятъ до-нельзя и избѣгаютъ рукопашной расправы, помня свою мудрую пословицу: не зачипай жида, не каляй выда! Хоть рѣдко, а все таки бываютъ такіе случаи, потому что еврей иногда умышленно доведетъ крестьянина до крайняго предѣла раздраженія, и онъ или плюнетъ ему въ очи, или

поколотитъ, а еврею того только и нужно: тогда барышъ для него несомнѣнный. Но предположимъ, что обсчитанные крестьяне, наученные опытомъ, не доведутъ себя до такой крайности, и переговоры окончатся безъ всякаго скандала. Вотъ они начинаютъ искать на немъ удовлетворенія своихъ претензій формальнымъ порядкомъ; заносятъ прежде всего свою жалобу въ волостное управленіе той волости, гдѣ они работали; а еврей подсмѣивается надъ ихъ простотою: онъ уже успѣлъ побывать тамъ прежде ихъ и поговорить съ старшиной, да и добросовѣстныхъ попотчивалъ, а тѣ за кварту горилки готовы осудить родного брата, не только людей чужой волости—съ ними они и разговаривать не станутъ. Не добившись никакого рѣшенія у этихъ судей, крестьяне отправляются въ свое родное село просить защиты у своего начальства. Являются въ волостное управленіе, униженно кланяются своимъ властямъ, но старшина, не давъ имъ выговорить ни одного слова, осыпаетъ крупною бранью и ругательствами, присовокупивши въ заключеніе: такъ вамъ и треба сякіе-такіе!

Дѣло въ томъ, что этотъ самый старшина также насѣялъ бураковъ, частью на вакантныхъ крестьянскихъ поляхъ, частью на помѣщичьей землѣ, предложенной ему даромъ, за особенныя услуги, клонящіяся, конечно, не къ выгодѣ крестьянъ. Съ приближеніемъ поры полотья „старшина объявлялъ крестьянамъ своей волости, чтобы они не отлучались изъ села на заработки „бо й дома буде робота!". Потомъ, когда на село пріѣхалъ вербовщикъ, онъ опять повторялъ свое приказаніе „не квапыться дуже на жидивськи гроши". Но увлекшись соблазнительными посулами жида-искусителя, они пошли противъ воли начальства, вслѣдствіе чего, за недостаткомъ лишнихъ рабочихъ рукъ, старшина долженъ былъ заплатить за работу на своихъ плантаціяхъ дороже обыкновеннаго. Теперь, тѣ же самые ослушники пришли къ тому же старшинѣ съ жалобой на еврейскій учотъ. Ясное дѣло, что старшина, пылая гнѣвомъ на своихъ подчиненныхъ, доведшихъ его своевольнымъ поступкомъ до убытка, не могъ отнестись сочувственно къ ихъ тяжкой обидѣ. Куда жъ идти? Помимо волостного управленія крестьяне рѣдко обраща-

ются съ просьбами къ мировымъ посредникамъ, и почти никогда въ полицію.

Если же случится, что волостной самъ не сѣялъ свекловицы, то былъ прошенъ помѣщикомъ или арендаторомъ его волости не отпускать крестьянъ въ дальнія мѣста; во всякомъ случаѣ онъ недоволенъ крестьянами.

Но пусть интересы волостныхъ властей ни прямо, ни косвенно не пострадали отъ ухода крестьянъ на заработки, пусть старшина приметъ горячо къ сердцу обиду своихъ односельцевъ и начнетъ дѣйствовать въ ихъ пользу,—то все таки съ евреями ничего не подѣлаешь.

Въ одно прекрасное утро, какъ бы совершенно случайно, въ волостное управленіе заходитъ мѣстный шинкарь, предувѣдомленный о дѣлѣ плантаторомъ; заводитъ съ писаремъ посторонній разговоръ, попроситъ между прочимъ его къ себѣ въ гости, узнаетъ отъ него какъ будто бы въ первый разъ о дѣлѣ, отнесется къ нему съ участіемъ, начнетъ нещадно бранить жида-плантатора и проч. Если въ волостномъ управленіи на тотъ разъ случится старшина или староста, и если они, не повѣривъ его искренности, скажутъ ему прямо, что всѣ жиды мошенники, онъ, ослабляясь, начнетъ доказывать, что не всѣ жиды одинаковы, что есть между ними и честные жидки, что по одному мошеннику нельзя судить всѣхъ обо евреяхъ, что этого негодяя слѣдуетъ проучить хорошенько. Слово за слово да и вытянетъ все, что ему нужно. Ему даже прочтутъ прошеніе, приготовленное для отсылки къ мировому, котораго шинкарь знаетъ отлично хорошо, а еще лучше его фактора. Если только онъ замѣтилъ, что плантатору угрожаетъ серьезная опасность, тогда, остановивши подачу прошенія, предложитъ крестьянамъ свое посредничество—покончить дѣло миромъ, и если крестьяне, во избѣжаніе дальнѣйшихъ хлопотъ, довѣрятъ ему переговорить съ плантаторомъ, то онъ съѣздитъ къ нему, выговоритъ себѣ за труды еще нѣсколько процентовъ изъ неполной суммы денегъ, слѣдующихъ крестьянамъ за работу, и, привезши наконецъ деньги, прежде всего удержитъ изъ нихъ всѣ крестьянскіе долги,

числящіеся за ними съ незапамятныхъ временъ, а на остальныя выдастъ водки и еще прослыветъ за то великимъ благодѣтелемъ.

Бываетъ и такъ, что плантаторъ-еврей, не видя никакой возможности выиграть дѣло, т. е. не заплатить денегъ, переуступаетъ свою плантацію другому еврею, а самъ переходитъ въ другое имѣніе, верстъ за 50 и болѣе, въ другой уѣздъ или даже въ другую губернію или просто отправляется по билету въ разныя мѣста россійской имперіи по торговымъ дѣламъ. Ищи его гдѣ хочешь! И пойдетъ безконечная переписка между полиціями разныхъ городовъ; тѣмъ временемъ крестьяне займутся полевыми работами, хлопотать за нихъ некому, а между тѣмъ евреи зорко слѣдятъ за ходомъ переписки, которая большею частію кончается тѣмъ, что дѣло застрянетъ гдѣ нибудь на вѣки вѣчные.

Здѣсь мы пока остановимся. Цѣль настоящаго нашего очерка главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы разоблаченіемъ нѣкоторыхъ фактовъ подтвердить высказанную уже не разъ мысль, что пріобрѣтеніе отъ поляковъ имѣній русскими людьми не достигнетъ желаемыхъ результатовъ, если вновь пріобрѣтенныя имѣнія будутъ отдаваемы въ арендное владѣніе евреямъ.

Въ утѣшеніе свое нерѣдко слышишь слова надежды на лучшее будущее: пусть-де крестьяне наши окрѣпнутъ въ своемъ новомъ положеніи—они сами займутся торговлей, промыслами и проч. Но это пока—pium desiderium нашего края. А пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ.

IV. Открытіе сельскихъ школъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и судьба Шкаровской школы.

Въ 1861 году сельское духовенство кіевской губерніи показало въ своихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ въ годовыхъ отчетахъ 1029 школъ и въ нихъ учащихся дѣтей 16190 мужескаго и 3355 женскаго пола, а всего 19545.

Какого рода были эти училища и до какой степени были они полезны,—достаточно выяснилось впослѣдствіи, при осмотрѣ школъ инспекторами народныхъ училищъ.

Въ 1862 году, генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, признавая въ нѣкоторой степени полезность церковно-приходскихъ школъ, въ представленіи своемъ Министру, указывалъ на необходимость открыть въ Ю.-З. краѣ другія, болѣе правильныя училища. Министерство Народнаго Просвѣщенія, по ограниченности своихъ средствъ, на открытіе сельскихъ школъ первоначально ассигновало всего 10 тыс. рублей. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, инспекторъ казенныхъ училищъ М. А. Туловъ, вмѣстѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій генералъ-губернатора Чечуринымъ, началъ свои разъѣзды по кіевской губерніи, и тогда же нѣкоторыми крестьянскими обществами были составлены приговоры на устойство народныхъ училищъ съ пособіемъ отъ казны.

Для приготовленія учителей въ Кіевѣ быстро сформировалась временная педагогическая школа и открыла свои занятія.

Первыя дѣйствія Тулова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Повидимому, онъ встрѣтилъ общее сочувствіе. Духовенство, разсчитывая на вспомоществованіе отъ Министерства своимъ школамъ, усердно стало помогать Тулову. Самъ митрополитъ благословилъ его начинанія и далъ предписаніе наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ содѣйствовать открытію министерскихъ училищъ.

Прежде всего М. А. Туловъ отправился въ радомысльскій уѣздъ, какъ наиболѣе окатоличенный польскою пропагандой и по совѣщаніи съ священникомъ Гороновскимъ, открылъ три школы: въ Массинѣ, Скуратахъ и Хабномъ. Въ іюлѣ послѣдовало открытіе школъ въ васильковскомъ, таращанскомъ и уманскомъ уѣздахъ. Вездѣ открыватели встрѣчали сочувствіе крестьянъ и помѣщиковъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ были открыты училища въ м. Василевѣ, Рокитной, Телешовкѣ и Ромашкахъ; затѣмъ въ Шкаровкѣ и Саливонкахъ; въ каневскомъ уѣздѣ въ с. Потокѣ, Стеблевѣ и въ м. Богуславѣ и Исайкахъ; всего же открыто въ 1862 г. 20 училищъ.

Тотчасъ послѣ открытія первыхъ трехъ школъ М. А. счелъ нужнымъ принять мѣры къ предотвращенію столкновеній, могущихъ возникнуть вслѣдствіе совмѣстнаго существованія двухъ родовъ училищъ. Въ частномъ разговорѣ съ митрополитомъ Арсеніемъ онъ выразилъ мысль о необходимости соединить церковно-приходскія школы съ народными. Владыка одобрилъ эту мысль. На основаніи этой бесѣды, попечитель округа сдѣлалъ формальное предложеніе о сліяніи училищъ, при чемъ законоучителю обѣщано было 50 руб. жалованья. Но отвѣтъ на это „предложеніе", полученный отъ митрополита, уничтожилъ всякую надежду на такое „сліяніе".

Прежде всего Владыка требовалъ, чтобы школы, по сліяніи, назывались церковно-приходскими, якобы „для поддержанія въ народѣ добраго расположенія къ религіозно-нравственному образованію, возбужденнаго духовенствомъ; чтобы учителя этихъ школъ были назначаемы и контролируемы Министерствомъ Народн. Просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ стояли въ непосредственной зависимости отъ епархіальнаго начальства, давая наблюдателямъ (благочиннымъ) повременные отчеты въ направленіи и ходѣ обученія, для донесенія Св. Синоду, а законоучители сравнены были бы въ жалованьи, дабы Законъ Божій, самою степенью вознагражденія трудовъ законоучителя, не былъ въ глазахъ народа униженъ предъ прочими предметами обученія".

Получивъ отъ попечителя уклончивый отвѣтъ на свое „предложеніе", митрополитъ Арсеній предпринялъ путешествіе по епархіи, чтобы самолично внушить сельскому духовенству всѣми мѣрами противиться заведенію министерскихъ школъ. Здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе отъ начатаго мною очерка открытія школъ и разскажу о пріѣздѣ Владыки въ м. Бѣлую Церковь.

31 іюля 1862 года продолжительный звонъ колоколовъ возвѣстилъ жителямъ о прибытіи Его В—ва въ наше мѣстечко. На сей разъ Владыка почему то не благоволилъ остановиться въ графскомъ палацѣ, а избралъ скромное жилище о. благочиннаго Ромаскевича. На другой день 1 августа было назначено торжественное богослуженіе въ главной церкви, съ во

досвятіемъ на р. Роси. Послѣ обѣдни была произнесена тенденціозная рѣчь, направленная главнымъ образомъ противъ театральности католическихъ обрядовъ. За шумомъ и гамомъ многочисленной толпы народа, содержаніе проповѣди слышали весьма немногіе: митрополитъ говорилъ посреди церкви въ то время, когда выносили хоругви и образа для предстоявшей процессіи и когда народъ устремился къ выходу. Но самый главный слушатель гр. Браницкій, для котораго и предназначено было обличительное слово владыки, стоялъ у самаго аналоя, такъ что онъ могъ не только слушать, но и читать слышанное по лежавшей на аналоѣ тетрадкѣ.

Окончивъ свой богословскій памфлетъ, Владыка произвелъ тутъ же, въ церкви экзаменъ ученикамъ и ученицамъ церковно-приходскихъ школъ. Экзаменъ состоялъ въ чтеніи псалтыря и часловца. Передъ экзаменаторомъ стоялъ благочинный и держалъ книгу, дѣлая свои объясненія по поводу прочитаннаго дѣтьми: если дѣвочка читала бѣгло и толково, онъ говорилъ, что она изъ „нашей школы", если дурно—эту „барыни учили", разумѣя при томъ ежедневную женскую школу, заведенную въ квартирѣ директора гимназіи, между тѣмъ какъ аттестацію о. Ивана слѣдовало пнимать наоборотъ, т. е. читавшіе хорошо учились въ ежедневной школѣ, подъ руководствомъ „барынь", а читавшіе худо—принадлежали церковно-приходской школѣ, гдѣ училъ отставной солдатъ, едва самъ умѣвшій читать. Но митрополиту „нужно" было вѣрить такой лжи, для поддержанія во мнѣніи народа авторитета „своихъ школъ", который въ глазахъ крестьянъ сильно началъ падать, особенно со времени открытія настоящихъ народныхъ училищъ. Владыка, какъ умный человѣкъ, безъ сомнѣнія, понималъ отлично, что безграмотный инвалидъ, получавшій всего 20 рублей въ годъ за свои труды, не обладалъ педагогическими способностями въ такой высокой степени, чтобы могъ превзойти въ дѣлѣ обученія дѣтей образованныхъ дамъ, занимавшихся въ ежедневной школѣ, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ.

— И охота же имъ возиться съ мужичонками! выразился однажды о. Иванъ объ этихъ труженицахъ въ пользу народа.

Отъ іордани митрополитъ былъ приглашенъ нашимъ законоучителемъ Троцкимъ на завтракъ, который впрочемъ стоилъ большого обѣда. Когда подали чуть ли не четвертое кушанье, владыка возгласилъ: „довольно! подавайте поскорѣй шампанское—вѣдь мы еще будемъ обѣдать!“

Часа черезъ два послѣ „завтрака“ состоялся обѣдъ у благочиннаго, куда и я былъ приглашенъ, удостоившись рѣдкой чести не только обѣдать съ митрополитомъ, но и сидѣть за обѣдомъ съ нимъ рядомъ. Обѣдъ былъ приготовленъ на славу, благодаря рѣдкому дару въ кулинарномъ искусствѣ матушки Варвары Васильевны. Владыка кушалъ съ большимъ аппетитомъ, не отказываясь ни отъ единаго блюда.

— Худо быть митрополитомъ! пошутилъ владыка, обращаясь въ мою строну.

— Ну, В. В—во, въ этомъ можно усумниться, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ худо: ему всегда приходится пить вино съ пробкою. Не смотря на шутливый тонъ сказаннаго, о. Иванъ чуть не упалъ на мѣстѣ.—Передъ шампанскимъ поданъ былъ портеръ, который, по видимому, очень любилъ владыка. Тутъ въ комнату вошелъ графъ В. Браницкій; ему подали стулъ, и онъ помѣстился подлѣ митрополита. Не смотря на то, что владыка уже успѣлъ два раза пообѣдать, графъ, изъ вѣжливости, пригласилъ его на третій обѣдъ—въ 7 часовъ вечера.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ владыка.

По уходѣ графа подали шампанское. Къ митрополиту съ рюмкой въ рукѣ подошла матушка—высказать свои пожеланія.

— Чего же вамъ пожелать? обратился къ ней владыка: дѣтки у васъ есть?

— Нѣтъ, В. В—ство, два года тому назадъ вы обѣщали помолиться, а ихъ все таки нѣтъ у меня.

— Ну, я въ этомъ не виноватъ! пошутилъ владыка. Вставши изъ-за стола, гости откланялись, а владыка легъ отдохнуть для предстоящаго ему еще обѣда.

Послѣ графскаго обѣда, часовъ въ 9, меня навѣстилъ протоіерей Лебединцевъ, сопровождавшій митрополита по епархіи и дѣлившій съ нимъ обиліе яствъ и питія. У насъ завязался разговоръ о тогдашней злобѣ дня—о школахъ.

Я горячусь и распинаюсь за народное образованіе, а о. Петръ, сидя въ покойномъ креслѣ, молчитъ и слушаетъ. Въ кабинетѣ моемъ горѣла лампа съ абажуромъ, тѣнь отъ котораго закрывала отъ меня лицо гостя, а потому я и не замѣтилъ, что онъ, слушая мою апологію школамъ, заснулъ.

— Петръ Гавриловичъ, да вы спите! хорошъ же я съ своимъ краснорѣчивымъ монологомъ.

— Да, отвѣтилъ онъ мнѣ, вставая, заснули бъ и вы, съѣвши три обѣда!

И онъ былъ совершенно правъ.

По возвращеніи изъ прогулки по епархіи, митрополитъ Арсеній 12 августа разослалъ циркулярно и секретно всѣмъ благочиннымъ кіевской губерніи слѣдующее предписаніе:

„Свѣтская дирекція, подъ предлогомъ основать народныя училища въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не заведены духовенствомъ, стремится и церковно приходскія училища, обзаведенныя усиленными трудами сѣльскихъ пастырей и поддерживаемыя ихъ послѣдними пожертвованіями, обратить въ народныя училища, подчинивъ и самихъ священниковъ учителямъ сихъ училищъ. Въ предотвращеніе таковыхъ покушеній, столь обидныхъ для духовенства, предписываю секретно сообщить священникамъ, дабы они всячески старались удержать за собою заведенныя ими церковно-приходскія училища, принявъ къ этому слѣдующія мѣры:

1. Мѣстные священники должны проводить понятія въ своемъ приходѣ, что два училища въ одномъ селѣ могутъ обременить крестьянъ излишними издержками и при томъ безъ пользы для ихъ дѣтей; что одного церковно-приходскаго училища достаточно будетъ для обученія грамотѣ поселянъ, тѣмъ болѣе, что религіозно-нравственное воспитаніе гораздо полезнѣе для нихъ, нежели какая нибудь заморская премудрость.

Стараться расположить такъ прихожанъ, дабы они, при встрѣчѣ съ чиновниками, командированными по этому дѣлу, сами

отозвались, что открытіе народнаго училища, при имѣющемся уже церковно-приходскомъ—излишне.

2. Обратить особенное вниманіе на то, дабы какъ можно поскорѣе, по согласію съ прихожанами, составить приговоры или акты на счетъ обезпеченія училищъ со стороны общества и копіи съ оныхъ доставить немедленно ко мнѣ.

3. Если въ какомъ приходѣ, не смотря на всѣ мѣры священника состоится открытіе народнаго училища, то въ такомъ случаѣ ничего не уступать изъ церковно-приходскаго училища: ни помѣщенія, ни книгъ, ни учениковъ—пусть себѣ все вновь обзаводятъ, и церковно-приходское училище должно оставаться въ прежнемъ порядкѣ, подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ епархіальнымъ начальствомъ за нарушеніе онаго. Объ открытіи же народнаго училища немедленно доносить.

Во всемъ этомъ духовенство должно поступать осторожно и благоразумно, дѣйствуя большей частію нравственнымъ вліяніемъ на прихожанъ. Самый циркуляръ этотъ содержать въ секретѣ и, расписавшись на ономъ, запечатанный причотниками, пересылать изъ прихода въ приходъ по вашему округу, и когда оный возвратится къ вамъ, то покорнѣйше прошу, безъ замедленія, доставить ко мнѣ.

Получивъ такую грозную ноту Е. В—ства, сельское духовенство накинулось на народныя училища съ единодушіемъ и рвеніемъ, достойными лучшей цѣли. Борьба не обошлась безъ печальныхъ послѣдствій, какъ для народнаго образованія вообще, такъ и для сельскихъ учителей въ частности. По тому всему, что испытала Саливонская школа и ея учитель, можно судить и о томъ, что испытали другія [1]). Но на сей разъ мы ограничимся разсказомъ о судьбѣ Шкаровской школы.

Шкаровское народное училище, не смотря на противодѣйствіе священника, въ первые годы своего существованія, было однакожъ изъ лучшихъ. Учитель Подгородецкій сразу повелъ свое дѣло весьма успѣшно. Не только изъ Шкаровки, но и изъ другихъ селъ, составляющихъ черкасскую волость, крестьяне

---

[1]) См. газету „Трудъ" за 1882 годъ №№ 53, 55, 59, и 63.

охотно отдавали своихъ дѣтей въ школу, гдѣ они оставались впродолженіе цѣлой недѣли, посѣщая родителей только въ праздникъ.

Школьный домъ, въ которомъ до открытія школы, жилъ графскій лѣсничій, подаренъ Браницкимъ училищу, съ прибавкою съ полдесятины земли для огорода. Находясь невдалекѣ отъ почтоваго тракта и въ трехъ верстахъ отъ м. Бѣлой Церкви, школьный домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ, дающимъ прохладу и тѣнь ученикамъ во время отдыха. Мальчики и дѣвочки, обучавшіеся въ школѣ, имѣли всегда бодрый видъ, учились весьма прилежно и родители были совершенно довольны учителемъ. Навѣщая, по порученію попечителя, эту школу чаще другихъ, я каждый разъ выносилъ изъ нея самое отрадное впечатлѣніе. Прискорбно было только то, что самый важный предметъ ученія—законъ Божій сильно хромалъ, потому что батюшка былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Мизернѣйшее руководство „Начатки христіанскаго ученія“ зазубривалось дѣтьми слово въ слово, безъ малѣйшаго пониманія. Однажды я остановилъ мальчугана, барабанившаго безъ удержу свой „стыхъ“ и потребовалъ отъ него объяснить выраженіе: „Давидъ впалъ въ роскошь“.

— Какъ ты думаешь: куда упалъ Давидъ? въ яму, что ли?

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ: у воду!

Такъ шло дѣло обученія въ Шкаровской школѣ нѣсколько лѣтъ. Были, конечно, прижимки и кляузы со стороны старшины, панскаго прихвостня, и священника, но дѣло отъ того мало страдало. Такъ напр., въ іюлѣ 1863 года на гимназическій дворъ привезли женщину, закутанную въ рядно, при слѣдующемъ „репортѣ“.

Г. старшему учителю бѣлоцерковской гимназіи, по завѣдованію Шкаровскимъ народнымъ училищемъ.

Солдатки Маріи Гусименковой—Прошеніе.

Сначала учрежденія въ с. Шкаровкѣ народнаго училища, я, по приглашенію общества, нанялась въ оное училище работницею, гдѣ проживала до настоящаго времени, служила стряпухой, какъ для учащихся тамъ дѣтей, такъ и для учителя

который, имѣвъ со мною любодѣйную связь, нынѣ предвидя, что я уже отъ него забеременѣла и желая затмить, свое преступленіе, началъ безвинно бить меня, угнетать до того что я вынуждена была оставить службу. Послѣ чего пришла вчерашняго числа въ оное училище за забраніемъ моихъ вещей, и учитель, вмѣсто благодарности за услуги, причинилъ мнѣ жестокіе побои до такой степени, что я теперь отправляюсь въ лазаретъ для излѣченія и проч.

Оная солдатка Марья, по засвидѣтельствованію врача, оказалась здоровехонькой и въ становой квартирѣ созналась, что ее подучили попъ и старшина, при чемъ послѣдній на прощанье далъ наставленіе:

— Берись за него (учителя) добре, а я возьмусь ще лучче!

Интересъ же батюшки состоялъ въ томъ, чтобы заставить учителя во чтобы то ни стало жениться на его дочери, на которую тотъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Усиливавшееся годъ отъ году недовѣріе къ отчетамъ сельскихъ священниковъ о числѣ школъ въ кіевской епархіи, высказываемое газетами, побудило митрополита Арсенія продѣлать такую штуку.

Будучи въ Петербургѣ на чредѣ, онъ заявилъ св. Сѵноду о необходимости послать въ кіевскую губернію нарочитаго ревизора для того, чтобы удостовѣриться въ справедливости епархіальныхъ отчетовъ о благосостояніи церковно-приходскихъ школъ. Сѵнодъ согласился на такую мѣру; а такъ какъ Арсеній состоялъ членомъ онаго, то онъ самъ и выбралъ подходящаго ревизора изъ синодальныхъ чиновниковъ, предписавъ въ тоже время всѣмъ благочиннымъ приготовиться къ ревизіи. И приготовились.

Ученики и ученицы, давно уже оставившіе школу и ставшіе уже взрослыми хлопцами и дивчатами, а также всѣ подростки, научившіеся грамотѣ внѣ школъ, были загнаны волостнымъ начальствомъ въ церковныя школы къ пріѣзду ревизора; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевозили однихъ и тѣхъ же учениковъ изъ одного села въ другое.

Въ Шкаровку прикатила Черкасская попадья и обратилась къ учителю съ такою просьбой: „Пане Подгородецкій! позычте намъ хлопцивъ на три дни—кажуть якійсь то левизоръ йиде до насъ, а якъ пройиде, то мы вамъ ихъ и оддамо!

— Эге, матушка, выбачайте — мени самому хлопци потрибны; бо у мене также свои левизоры. Шукайте соби хлопцивъ въ иншимъ мисти!

Какъ видно бывшій уніатъ, Черкасскій священникъ, не очень сочувствовалъ народному образованію,—школы у него не было и въ заводѣ, не смотря на то, что въ волостномъ домѣ была пространная комната, предназначенная для училища; между тѣмъ въ годичныхъ отчетахъ его школа процвѣтала съ 30 учащимися. И такъ было въ большей части селъ.

Объѣхавши кіевскую епархію, г. ревизоръ донесъ св. Сѵноду, что по части религіозно-нравственнаго воспитанія тамъ все обстоитъ благополучно.

Изъ числа извѣстныхъ мнѣ церковно-приходскихъ училищъ, какъ отрадное исключеніе, въ с. Бирюкахъ существовала настоящая народная школа, для которой стараніями священника Хлебановскаго, выстроенъ прекрасный домикъ, съ квартирой для учителя. Она произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, школа эта процвѣтала недолго. Учитель семинаристъ, бывшій митрополичій пѣвчій, увлекся смазливой дьячихой. Подвинутый ревностію мужъ изрубилъ въ мелкіе куски брачную перину и перья пустилъ по вѣтру.

— Чимъ мае якійсь тамъ бисъ на тій перини спаты, то лучше я іи порубаю. Нехай нихто не спыть, и я не буду. Не пійду до дому, ляжу на гноищи, аки Іовъ многострадальный, и буду аки левъ рыкаяй, искій поглотыты учителя. Га! не чипай мого болота, бо се мое болото—я въ ему купаюсь!

Такъ „гримавъ на все село“ дьякъ, оставивъ свое опозоренное брачное ложе, и, во избѣжаніе великаго скандала, учитель, по добру по здорову, поспѣшилъ убраться изъ с. Бирюковъ, а ученики разбрелись, какъ овцы, лишенныя пастыря.

Между тѣмъ Шкаровскій батюшка не переставалъ мутить народъ и вооружать волостное начальство противъ личности учителя, обманувшаго его матримоніальные разсчеты.

— Не хочете мене слухать, говорилъ онъ прихожанамъ, то буде вамъ те, що було въ козаччину!

Въ этомъ заключался прозрачный намекъ на 1855 годъ, когда Шкаровцы, выслушавъ въ церкви во время Крымской войны призывъ манифеста къ ополченію и понявъ буквально слова манифеста: „съ вѣрой въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукѣ“, порѣшили, что царь желаетъ „щобъ була козаччина“—и стали вооружаться. Первымъ выступилъ „съ желѣзомъ въ рукѣ“ коваль и увлекъ за собой все село. Увѣщанія священника не помогли, и самъ онъ долженъ былъ уйти въ Бѣлую Церковь; а тутъ подоспѣлъ съ ротой солдатъ жандармскій полковникъ Бѣлоусовъ и перестрѣлялъ самозванныхъ козаковъ.

Съ этимъ-то прискорбнымъ событіемъ священникъ поставилъ въ параллель заведеніе въ Шкаровкѣ училища, которое по его словамъ неминуемо накличетъ на народъ такое же несчастіе.

Къ сожалѣнію, контры между батюшкой и учителемъ года черезъ три кончились; говорю къ сожалѣнію, потому что П—ій, приставши до компаніи батюшокъ, замѣтно сталъ манкировать своими обязанностями.

— И днюе й ночуе у попа! ропортовали мнѣ крестьяне, при каждомъ моемъ посѣщеніи школы.

Отъ такихъ интимныхъ отношеній до женитьбы—одинъ шагъ, и, женившись, мой П—кій сталъ неузнаваемъ: началъ не въ мѣру пить и буйствовать. Разъ во хмѣлю чуть не зарѣзалъ своей жены; другой разъ, забравшись на косовицу батюшкина сѣнокоса и напившись тамъ до безобразія, вступилъ въ рукопашную съ косарями; затѣмъ, не могши справиться съ цѣлой ихъ ватагой, окровавленный прибѣжалъ въ село и взобравшись на колокольню, среди ночи, сталъ звонить во вся. Поднялась невообразимая тревога; крестьяне, не видя нигдѣ зарева, устремились къ церкви и тутъ только узнали, что пьяный учитель надѣлалъ всей этой кутерьмы.

Понятно, что при такомъ безобразномъ поведеніи учителя, школа должна была пасть. Мнѣ предписано было обревизовать школу и разслѣдовать дѣло о буйствѣ учителя. Но не успѣлъ я, по пріѣздѣ изъ Шкаровки, составить отчетъ о своей ревизіи, какъ ко мнѣ заѣхалъ, по пути въ Шкаровку же, посланный туда другой ревизоръ, для той же цѣли, нѣкто П—ко, одинъ изъ „каликъ перехожіихъ" князя Ширинскаго, избранныхъ имъ для истребленія крамолы въ юго-западномъ краѣ. Я сообщилъ ему о результатахъ своего осмотра и указалъ на тѣ упущенія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, никакъ не предполагая того, что этотъ человѣкъ способенъ изъ чернаго сдѣлать бѣлое, какъ оказалось впослѣдствіи.

Между тѣмъ П—ій, чуя неминучую бѣду, тотчасъ послѣ моего посѣщенія школы, отправилъ на меня доносъ князю, изобличая меня въ украинофильствѣ и сепаратизмѣ—преступленіе, въ глазахъ Его Сіятельства, равное измѣнѣ Мазепы. Доноситель зналъ отлично, съ чѣмъ подъѣхать къ гонителю украинской народности и всяческихъ *измовъ*.

Во 1-хъ, онъ донесъ, что я заставлялъ его учить дѣтей по малорусскому букварю Шевченка, въ доказательство чего представилъ, какъ самый букварь, такъ и еще двѣ книжицы: „Де що про свитъ Божій" и „Байки" Глѣбова, на которыхъ была сдѣлана рукою авторовъ обычная надпись на память такому-то. Брошюрки эти похищены П—кимъ у меня изъ кабинета, въ послѣдній его приходъ ко мнѣ, якобы для оправданія; во 2-хъ, что я приказалъ ему выписать журналъ Основу на 63-й годъ, которой онъ не получилъ за прекращеніемъ ея въ означенный годъ. Наконецъ въ 3-хъ, что я съ крестьянами постоянно объясняюсь по-украински.

Князь разсвирѣпѣлъ. Кляузѣ П—аго онъ тѣмъ болѣе могъ повѣрить, что П—ко ничего предосудительнаго для личности учителя не нашелъ, что неудовольствія между имъ и крестьянами возникли изъ-за какого то клочка земли, прихваченнаго къ училищному огороду.

Когда я разъяснилъ Его Сіятельству это темное дѣло и разсказалъ о подвигахъ П—аго, лицо его изъ красно-синяго

стало просто краснымъ, а выпивши соды, онъ совершенно успокоился и прогналъ учителя, назначивъ на его мѣсто Максима Прокоповича.

Усиленными трудами, умѣньемъ взяться за дѣло и своею симпатичною личностію новый учитель въ одинъ годъ успѣлъ поставить Шкаровскую школу на хорошую ногу. Священникъ сперва относился къ нему съ уваженіемъ; но къ великому несчастію какъ для школы вообще, такъ и для учителя въ особенности, у батюшки оставалась еще одна дочь, некрасивая и перезрѣлая, которую онъ, не взирая на неудавшееся замужество первой, умершей черезъ годъ послѣ свадьбы, задумалъ сбыть съ рукъ, — благо попался смирный и съ виду податливый человѣкъ. Но Прокоповичъ не поддавался: компаніи съ попами не водилъ, хмѣльного не употреблялъ и на поповну не обращалъ вниманія. И вотъ у священника достало совѣсти избавиться отъ такого не подходящаго къ его планамъ человѣка какимъ бы то ни было способомъ.

Въ одно прекрасное утро является онъ ко мнѣ и докладываетъ, что учитель Шкаровской школы сошелъ съ ума.

— Какіе же, спрашиваю, вы замѣтили признаки его сумасшествія?

— Какъ же, говоритъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ взялъ обручъ, поставилъ на него стаканъ съ водой и сталъ крутить его вокругъ головы, а дѣти хохочутъ, смотря на его дурачества. Это соблазнъ, больше ничего.

— А знаете, батюшка, что Прокович хотѣлъ посредствомъ этого „дурачества“ показать ученикамъ опытъ обращенія земли около солнца. Въ чемъ же вы видите тутъ сумасшествіе? Ну, разскажите, что вы еще за нимъ замѣтили?

— А вотъ что: не бывая у меня въ домѣ цѣлыхъ полгода, онъ на дняхъ пришелъ ко мнѣ съ палкой, положилъ на столъ шапку, говорилъ, говорилъ, взялъ шапку и ушелъ. Да вообще онъ какой то странный.

На такой аргументъ я сразу не нашелся отвѣтить. Но когда батюшка, распрощавшись со мной, взялъ со стола свою капелюху и вышелъ въ переднюю, я остановилъ его и сказалъ:

— А вѣдь вы, отче, только что продѣлали тоже самое, что и посѣтившій васъ Прокоповичъ: вы пришли, положили на столъ шапку, говорили, говорили, взяли шапку и ушли. Что жъ я, по вашему, долженъ объ васъ подумать?

— А то, что вы, защищая учителя, готовы и меня сдѣлать сумасшедшимъ. Ну, извините меня, я долженъ буду обратиться къ высшему начальству.

Бѣдный Прокоповичъ, напуганный угрозами священника, сталъ задумываться, хандрить, лишился сна и аппетита.

Между тѣмъ у меня случились экстренныя дѣла по гимназіи, и я не могъ въ скорости навѣстить его. Наконецъ, улучивъ свободное время, я собрался поѣхать въ Шкаровку; но не успѣлъ я сѣсть въ повозку, какъ на гимназическій дворъ въѣхала крестьянская подвода; на возу въ соломѣ лежалъ мой Прокоповичъ съ перевязаннымъ горломъ. Сопровождавшій его сельскій староста вручилъ мнѣ „лепортъ", въ которомъ значилось, что учитель, въ припадкѣ сумасшествія, покушался на самоубійство, порѣзавъ себѣ горло столовымъ ножемъ. Послали за докторомъ, помѣстили насчастнаго въ больницу, зашили порѣзъ и нарядили слѣдствіе. По освидѣтельствованію двухъ врачей, при участіи судебнаго слѣдователя М—скаго, Максимъ Прокоповичъ признанъ психически здоровымъ, совершивъ преступленіе въ умоизступленіи, изнуривъ себя продолжительной безсонницей и скуднымъ питаніемъ.

Протоколъ за подписью всѣхъ трехъ лицъ отправленъ мною при донесеніи Попечителю Округа, который немедленно отнесся къ митрополиту, изобличая виновникомъ этого печальнаго событія—Шкаровскаго священника. Митрополитъ приказалъ мѣстному благочинному произвести дознаніе. Пріѣхалъ въ Шкаровку благочинный, съ депутатомъ отъ духовнаго вѣдомства, а отъ министерства Народнаго Просвѣщенія депутата не было вовсе; вызвали изъ Бѣлой Церкви судебнаго слѣдователя, того же М—скаго, который подписалъ уже одинъ протоколъ въ Бѣлоцерковской больницѣ, и слѣдовало полагать, что онъ останется при прежнемъ убѣжденіи; но подъ вліяніемъ обильныхъ возліяній, онъ подмахнулъ другой протоколъ, совершенно въ иномъ

духѣ, признавъ Прокоповича сумасшедшимъ, что же касается священника, якобы доведшаго его до самоубійства, то онъ тутъ ни при чемъ.

Вслѣдствіе такихъ противорѣчивыхъ донесеній, несчастнаго Прокоповича, по совершенномъ его излѣченіи, какъ преступника, препроводили по этапу въ Кіевскую врачебную управу для освидѣтельствованія. Въ Кіевѣ онъ около мѣсяца содержался въ заключеніи. Врачебное отдѣленіе признало его умственно здоровымъ, и его отправили по этапу же, вмѣстѣ съ ворами и мошенниками, въ Васильковъ и тамъ, впредь до рѣшенія дѣла въ уѣздномъ судѣ, посадили за рѣшотку. Въ тюрьмѣ онъ заболѣлъ тифомъ и былъ помѣщенъ въ городскую больницу.

Но пока судъ да справа, послушаемъ, что говоритъ полученное мною отъ Богатинова письмо о пребываніи Прокоповича въ Кіевѣ, въ ожиданіи медицинскаго освидѣтельствованія.

„М. Г. Извѣстный вамъ несчастный Максимъ Прокоповичъ, по сомнѣнію въ здоровомъ состояніи нравственныхъ способностей его, препровожденъ въ Кіевъ для освидѣтельствованія его во врачебномъ отдѣленіи. Я узналъ объ этомъ изъ его записки ко мнѣ, присланной изъ заключенія, въ которой онъ проситъ о помощи: „Голодъ одолѣваетъ, пришлите хоть немного денегъ, рубаху“ и т. д.

Былъ я у него—молчитъ и заливается слезами. Ни одной жалобы, ни одного полнаго отвѣта!

Врачебное отдѣленіе признало его здоровымъ и съ его свидѣтельствомъ несчастный предсталъ теперь на судъ васильковскихъ юристовъ. Мнѣ очень жаль этого бѣднаго, несчастнаго молодаго человѣка—добраго, кроткаго, великодушнаго. Я увѣренъ, что и вы искренно желаете ему добра, ибо сами были свидѣтелемъ и очевидцемъ того нравственнаго униженія и той нравственной пытки, которыя онъ терпѣлъ наканунѣ своего покушенія отъ священника. Заступитесь за него предъ членами суда и своимъ участіемъ и ходатайствомъ обратите ихъ благосклонное вниманіе на личность несчастнаго, его кроткій, спокойный характеръ, на обстоятельства, приведшія его къ преступ-

ленію и этимъ посодѣйствуйте смягченію его наказанія, а также ускоренію рѣшенія.

Весьма желательно знать, назначатъ ли ему церковное покаяніе, тогда бы я похлопоталъ помѣстить его въ тотъ заштатный монастырь, гдѣ строителемъ мой добрый знакомый и гдѣ несчастный могъ бы имѣть надлежащее отеческое попеченіе о себѣ."

Вашъ покорный слуга Н. Богатиновъ.

О членахъ васильковскаго суда и о ихъ рѣшеніяхъ ходила въ народѣ недобрая слава. Мнѣ удалось подслушать изъ устъ крестьянъ такую поговорку: Нехай тебе, небоже, Богъ боронытъ— отъ витянскихъ песковъ, мокіевскихъ горъ и васильковского суда!

Но не смотря на такой „гласъ народа", вслѣдствіе моего ходатайства и участія, принимаемаго мною въ судьбѣ бѣднаго учителя, васильковскій судъ приговорилъ подсудимаго „къ водворенію на мѣсто жительства", но онъ не воспользовался такимъ благодѣяніемъ и завернулъ въ Шкаровскую школу только затѣмъ, что бы забрать свою мизерію и отправиться къ брату, сельскому священнику, верстъ за 30 отъ Шкаровки.

Казалось, что, поселившись въ семействѣ родного брата, гонимый судьбой юноша, могъ бы отдохнуть душой и тѣломъ послѣ перенесенныхъ имъ страданій. Но испытанія его еще не кончились. Мѣсяца черезъ два братъ призналъ его сумасшедшимъ и, пригласивъ его съ собой въ Кіевъ, якобы для пріисканія ему должности, отвезъ его въ Кирилловское заведеніе, помѣстивъ его тамъ въ отдѣленіе душевно-больныхъ. Но врачебное отдѣленіе снова признало его здоровымъ, и тутъ я, будучи перемѣщенъ на службу въ Нѣжинъ, потерялъ изъ виду злополучнаго Максима Прокоповича...

Вотъ какія трагедіи разыгрывались по разнымъ захолустьямъ Кіевской епархіи, по поводу борьбы двухъ вѣдомствъ изъ-за права завѣдывать народнымъ образованіемъ. Вотъ какихъ бѣдъ надѣлалъ пресловутый циркуляръ Высокопреосвященнаго митрополита Арсенія, благословившаго сельскихъ пастырей на борьбу съ „свѣтскою дирекціей". До самой своей кончины этотъ га-

ситель народнаго образованія не хотѣлъ вступать съ министерствомъ народнаго просвѣщенія ни въ какія компромиссы—non possumus!—да и баста!

А больше всего досталось ни въ чемъ неповиннымъ сельскимъ учителямъ. Пословица не даромъ говоритъ: паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ.

V. О необходимости усиленія русскаго элемента въ юго-западномъ краѣ посредствомъ образованія земледѣльческаго сословія.

Въ ряду, такъ называемыхъ, жизненныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ началѣ настоящаго царствованія, вопросъ о народномъ образованіи, по своей великой важности, стоитъ на первомъ планѣ. Еще до обнародованія Высочайшаго манифеста 19 февраля, въ виду великой государственной реформы, долженствовавшей воззвать къ гражданскому бытію 23 милліона крѣпостного люда, въ образованной части нашего общества пробудилось сознаніе живой потребности образованія для народныхъ массъ, безъ котораго самая свобода немыслима. Заведеніемъ воскресныхъ и ежедневныхъ школъ на всемъ пространствѣ имперіи, общество наше впервые заявило готовность, помимо оффиціальныхъ распоряженій, облегчить темному простолюдину путь къ общечеловѣческому развитію, чему такъ долго мѣшало тяготѣвшее надъ нимъ крѣпостное право. Мы знаемъ, что на первыхъ порахъ дѣйствительно не было недостатка ни въ жертвахъ матеріальныхъ, ни въ энергіи въ дѣлѣ обученія: студенты, гимназисты, чиновники, офицеры, даже дамы дружно взялись за дѣло, появились новые методы для скорѣйшаго обученія грамотности, учебныя пособія для нагляднаго преподаванія, брошюры и книги для чтенія, устроены для народа читальни. Судя по такому началу, казалось, чего бы нельзя было ожидать въ будущемъ? Но, какъ видно, мы еще не доросли до тѣхъ великихъ подвиговъ въ гражданской доблести, которыми отличаются передовыя націи: „изъ всякой честной мысли мы спѣшимъ сдѣлать

игрушку своему тщеславію" и все принести въ жертву этому идолу. Извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло нашихъ воскресныхъ школъ...

Почти одновременно съ открытіемъ воскресныхъ школъ въ городахъ, главнымъ образомъ, для сословій ремесленныхъ,—духовенство наше, соревнуя мірянамъ въ добромъ дѣлѣ, дружно принялось за обученіе сельскаго населенія. По распоряженію епархіальныхъ архіереевъ, указами духовныхъ консисторій, предписано было сельскимъ священникамъ заводить въ своихъ приходахъ школы. Въ настоящее время школъ этихъ, какъ значится по оффиціальнымъ отчетамъ, въ одной кіевской губерніи возросло до 1364 съ 31 тысяч. учащихся. Цифра весьма почтенная! Чего бы, казалось, и желать больше!

Но къ сожалѣнію, какъ воскресныя школы съ ихъ новыми методами, такъ и церковно-приходскія съ очень ужъ старыми— не привели къ вожделѣнной цѣли: школы эти на дѣлѣ оказались несостоятельны.

Наконецъ Министерство *Народнаго* Просвѣщенія, по прямой своей обязанности, приняло на себя заботу организовать народныя школы, на основаніяхъ, указанныхъ долговременнымъ опытомъ въ другихъ государствахъ, принаравливаясь притомъ къ мѣстнымъ условіямъ страны и характеру самаго народа. Чего желаетъ Министерство и какими *должны* быть наши народныя школы, ясно высказано въ оффиціальномъ его органѣ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1862 годъ, сентябрьская книжка). Тамъ обстоятельно доказана несостоятельность епархіальныхъ школъ въ статьѣ Педагога: „Нужно ли приготовлять особыхъ учителей для народныхъ училищъ?"

Изложивъ по пунктамъ, что необходимо знать народу, авторъ статьи весьма основательно замѣчаетъ, что знаніемъ молитвъ и простымъ умѣньемъ читать и писать, на чемъ останавливаются эти школы, нельзя ограничить народное образованіе, что народъ не удовлетворится этой программой, что при такихъ, наконецъ, условіяхъ обученіе народа не пойдетъ ему въ прокъ, не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ. „Ограждая дѣтей отъ ученія, колеблемаго вѣтромъ жизни", и придерживаясь классическаго

русскаго метода *по азамъ*, школы церковныя заканчиваютъ свою программу механическимъ чтеніемъ псалтири. *Грамотность*, продолжаетъ авторъ, только средство къ образованію, но возможно ли считать *средствомъ* къ дальнѣйшему образованію *такое* чтеніе?

Школа должна научить такъ читать, чтобы чтецъ своимъ чтеніемъ отвлекалъ отъ шинка, чтобы читающій крестьянинъ могъ прочесть и *понять* молитву, прочесть и *понять* законъ, касающійся его быта, прочесть и *понять* болѣе или менѣе *всякую* книгу, содержащую въ себѣ полезныя свѣдѣнія: тогда только грамотность сдѣлается *средствомъ* къ образованію.

Какъ бы ни противорѣчили одинъ другому взгляды на народное образованіе, появляющіеся отъ времени до времени въ нашей періодической литературѣ, что бы ни говорили истинные или мнимые доброжелатели народа, въ настоящее время ему необходимо образованіе болѣе серьезное, чѣмъ механическое чтеніе часослова и псалтири.

Оставляя въ сторонѣ эту безконечную полемику, въ настоящей своей статьѣ я принимаю на себя смѣлость обратить вниманіе высшей администраціи на исключительное положеніе нашего юго-западнаго края, которое для борьбы съ польской пропагандой требуетъ неотлагательнаго принятія радикальныхъ мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать къ поднятію въ здѣшнемъ земледѣльческомъ сословіи уровня умственнаго и нравственнаго развитія, находящагося на весьма низкой степени. Безъ сомнѣнія, пока не было здѣсь никакихъ школъ, на первыхъ порахъ могли пойти въ дѣло и церковно-приходскія; но въ настоящее время, умѣнье читать богослужебныя книги, чѣмъ ограничиваются эти школы, въ глазахъ крестьянъ уже перестало считаться идеаломъ ученія, внѣ котораго ничего бы не допускалъ его неразвитый умъ. Въ послѣдніе два года, такъ называемыхъ „временнообязанныхъ отношеній", здѣшніе крестьяне значительно выросли; они перестали удовлетворяться одною церковно-славянскою грамотностію, а начинаютъ заявлять желаніе, чтобы ихъ дѣти читали, кромѣ церковнаго, и гражданское и рукописное, да и сами умѣли бы написать что нужно, сосчитать,

или разсказать прочитанное. Стало быть, сознана потребность чего то большаго, чѣмъ механическое чтеніе псалтири и часослова.

Въ этомъ отношеніи „народныя школы, открытыя въ кіевской губерніи, вслѣдствіе ходатайства покойнаго генералъ-губернатора князя Васильчикова, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, удовлетворяя по возможности условіямъ сельскаго быта, вполнѣ соотвѣтствуютъ означенному запросу крестьянъ на образованіе. Но, во первыхъ, такихъ школъ очень немного; а во вторыхъ, если бы и всѣ церковно-приходскія школы, существующія у насъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какими нибудь судьбами были доведены до такой же нормы,—то и онѣ далеко не удовлетворили бы вопіющимъ потребностямъ южно-русскаго православнаго народонаселенія, для котораго въ настоящую минуту необходимо болѣе широкое образованіе, нуженъ болѣе надежный оплотъ противъ наплыва непрошенной польской цивилизаціи.

„Пока западно-русскій народъ не разовьется и не разбогатѣетъ на столько, что въ состояніи будетъ выдѣлять изъ себя самостоятельныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей земства, до тѣхъ поръ борьба наличныхъ русскихъ элементовъ западнаго края съ элементами польскими обѣщаетъ очень мало успѣха", сказано гдѣ-то въ Отеч. Зап.

Противъ католическо - польской пропаганды, по моему убѣжденію, можно съ успѣхомъ дѣйствовать только однимъ средствомъ—путемъ образованія православнаго населенія.

Отправляясь отъ той мысли, что успѣхъ всякаго мѣропріятія, задуманнаго кѣмъ бы то ни было для блага народа, главнымъ образомъ зависитъ отъ болѣе или менѣе яснаго сознанія необходимости онаго самимъ народомъ, я сперва пожелалъ знать мнѣнія крестьянъ объ образованіи, чтобы такимъ образомъ убѣдиться, на сколько и предлагаемая мною мѣра согласна съ ихъ нуждами и не будетъ ли она преждевременна? По случаю открытія приходского училища при Б—ой гимназіи, при пріемѣ дѣтей, мнѣ приходилось часто и много говорить съ

ихъ отцами, послѣ чего я пришелъ къ убѣжденію, что здѣшніе крестьяне совсѣмъ не такъ глупо судятъ объ ученіи, какъ это кажется нѣкоторымъ кабинетнымъ мудрецамъ, удаленнымъ отъ народа за тридевять земель.

Помню—одинъ разъ пришло ко мнѣ ихъ трое. Всѣ они единогласно, съ первыхъ же словъ, начали порицать непрактичность обученія въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ до того времени учились ихъ дѣти[1]). Затѣмъ двое изъ нихъ вступили между собою въ споръ. Одинъ утверждалъ, что имъ, прôстымъ людямъ, достаточно ограничиться программой приходского училища, и дальше отнюдь не идти, потому что гимназія оторветъ мальчика отъ хозяйства и онъ будетъ совершенно потерянъ для семейства—все равно, что въ солдаты пошелъ. Если церковныя школы даютъ дѣтямъ мало, то гимназія даетъ ужъ черезчуръ много: приходское же училище—„са́ме въ пôру, якъ разъ по нашому пирью!"

Другой, болѣе понатертый и слѣд. болѣе развитой, котораго сынъ учился уже въ гимназіи, судилъ иначе.

„Ты говоришь, что то, чему учатъ въ гимназіи, для насъ, простыхъ людей, непотрибне, что хлопецъ твой, окончивши классы, оторвется отъ семьи, что его послѣ того уже не притягнешь до сохи. А я тебѣ скажу вотъ что: нечего жалѣть о томъ, что сынъ твой оставитъ семью—пусть идетъ, пусть идетъ! „Не въ ледащо жъ винъ пустытся—онъ будетъ *человѣкомъ*. Хозяйство твое отъ того не разорится; у тебя останутся другія дѣти, что будутъ помогать тебѣ въ работѣ. На наше нехитрое мужицкое дѣло найдется много людей и абы-якихъ, а до науки не всякій здатный. Такъ то, мій голубе!... Погано було намъ, сказалъ онъ подумавши, охъ, якъ погано! дай, Господи, тому, кто оцė велыке добро зробывъ, здоровья, щастья и всего того, чого тилько винъ самъ бажае отъ милосерднаго Бога! Мы вже думалы, що намъ и до вику такъ буде; ажъ ось, поздоровъ Боже

[1]) Одинъ изъ поступившихъ въ приходское училище мальчиковъ Эмануилъ Бойко, у прежняго учителя солдата за два года выучилъ три буквы: азъ, буки и добро.

царя, теперь намъ и добре. А царь хоче, щобъ намъ було ще лучше, чтобъ промежъ насъ булы такіи жъ разумные и ученые люди, якъ межъ панами, чтобъ и изъ нашихъ поступали на царскую службу. Правда, теперь и между нашими (русскими) панами есть довольно такихъ людей, что желаютъ намъ добра; но они не знаютъ нашихъ нуждъ, нашего горя, и если сдѣлаютъ для насъ что нибудь доброе, то все не такъ, какъ бы хотѣлось намъ: все чего то не достаетъ—такъ да не такъ! Вотъ хоть бы и „Положеніе" что для насъ написано: развѣ мало тамъ такого, что для насъ непригодно? А отчего это? Оттого что его писали паны, что между ними не нашлось ни одного *нашоіо чоловика*, который бы разсказалъ имъ що, до чого и якъ... Достатковъ у насъ нѣтъ, вотъ бѣда наша! заключилъ онъ со вздохомъ, а ученье—то велыка ричъ!..

Такъ, или почти такъ, разсуждалъ объ образованіи крестьянинъ.

Для насъ важенъ здѣсь тотъ фактъ, что потребность образованія сознана народомъ, что человѣкъ, твердо рѣшившійся удѣлить значительную часть изъ своихъ скудныхъ средствъ на то, чтобы сдѣлать своего сына *человѣкомъ*, ясно понимаетъ цѣль ученія и что, слѣдовательно, содѣйствіе Правительства къ поступленію дѣтей здѣшняго земледѣльческаго сословія въ гимназію будетъ имѣть успѣхъ и что минута для распространенія между народомъ образованія на болѣе широкихъ основаніяхъ теперь самая благопріятная.

„Матеріальная власть надъ народомъ уже отнята у польскаго дворянства, отнимите у него также и монополію образованія открытіемъ всѣмъ классамъ населенія равнаго доступа во всѣ училища и на первыхъ порахъ содѣйствіемъ русскимъ, которые бы хотѣли учиться... отнимите у гимназіи западнаго края тотъ исключительно польскій характеръ, который онъ имѣетъ теперь" [1]).

Съ чего же начать и какъ повести это дѣло?

---

[1]) Гильфердингъ.

На первый разъ я считаю необходимымъ: 1) расширить программу сельскихъ школъ до объема, указаннаго вышеприведенною статьею Воронова для того чтобы способнѣйшіе изъ учениковъ могли быть приняты въ первый классъ гимназіи; 2) при всѣхъ гимназіяхъ западнаго края открыть приготовительные классы и, наконецъ, 3) изыскать средства для выдачи стипендій крестьянскимъ дѣтямъ, которыхъ родители, при всемъ ихъ желаніи отдать дѣтей въ гимназію, окажутся несостоятельными.

Въ кіевскихъ кружкахъ мнѣ не разъ приходилось слышать мнѣніе, что о гимназическомъ образованіи народу нашему слишкомъ еще рано помышлять, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не улучшится его матеріальное положеніе. Долго пришлось бы ждать, пока народъ самъ безъ посторонней помощи, порветъ паутину, которою его, какъ муху, со всѣхъ сторонъ опутали неутомимые пауки.

Польская пропаганда, подъ эгидою крѣпостного права, такъ долго тяготѣвшаго надъ этимъ несчастнымъ краемъ, совершенно обезличила русское населеніе. Не всегда дальновидныя, а подъ часъ и недобросовѣстныя распоряженія мѣстной администраціи, склонявшейся по принцину въ пользу привилегированнаго сословія, польской интеллигенціи, не съумѣли оградить народъ отъ угнетенія и неправдъ и тѣмъ содѣйствовали полякамъ усилить преобладаніе своей національности посреди сплошныхъ массъ провославнаго населенія. Съ другой стороны, изворотливые евреи, захвативъ въ свои хищныя руки всю промышленность страны, эксплуатируя на каждомъ шагу честный трудъ земледѣльца, надолго еще задержатъ развитіе матеріальнаго быта его.

Какъ бы мы горячо ни принимали къ сердцу дѣло русской народности въ нашемъ западномъ краѣ, сколько бы мы ни писали и ни говорили въ ея пользу; но до тѣхъ поръ пока народъ не будетъ имѣть изъ своей среды образованныхъ людей, пока не явятся во главѣ національнаго движенія просвѣщенные дѣятели, сильные словомъ и дѣломъ, для которыхъ защита родной страны отъ давленія польской цивилизаціи составляла бы кровный интересъ,—до тѣхъ поръ съ увѣренностію можно сказать, народное дѣло наше не подвинется впередъ ни на шагъ.

Нужно создать живую силу, которая бы дѣйствовала лицомъ къ лицу противъ козней неутомимыхъ и въ высшей степени изобрѣтательныхъ пановъ и ксендзовъ.

„Вмѣсто того, чтобы обвинять ядъ въ томъ, что онъ производитъ боль и судорги, добудемъ противоядіе въ насъ самихъ, въ развитіи русской общественности поищемъ крѣпость и силу для отпора польскому яду“ (День 1862 г. № 29).

Какую страшную силу (подумаешь) представляютъ густыя массы православнаго народонаселенія Украины, Волыни и Подоліи! Горсть поляковъ, замыслившихъ съ оружіемъ въ рукахъ, коренной русскій народъ сдѣлать польскою провинціей—смѣшное донкихотство! И все таки эта горсть—сила, сила нравственная, предъ которой всегда преклонялась и будетъ преклоняться сила матеріальная. „Не такъ велика опасность, говоритъ Самаринъ, въ этомъ краѣ, когда бродятъ вооруженныя шайки, какъ въ мирное, или въ неправильно называемое мирнымъ, время: опасна эта глухая, невидимая война, которая началась давно, еще въ XVI вѣкѣ и которая неминуемо возобновится на другой же день по усмиреніи мятежа“.

И никакія военныя и полицейскія мѣры (прибавимъ мы отъ себя) не приведутъ ни къ чему: statu quo не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не возродится въ краѣ изъ этой черноземной силы великая сила нравственная. Опыты прошедшихъ столѣтій лучше всякихъ доводовъ подтверждаютъ истину моихъ словъ.

Отчего польскіе іезуиты, задумавъ полонизацію русскаго населенія, прежде всего обратились къ подавленію духовной народной силы? Отчего они такъ дѣятельно принялись за искорененіе всего, что только содѣйствовало нравственному и умственному развитію народа—прегражденіе путей къ образованію, уничтоженіе русскихъ училищъ, братствъ и т. п.? Іезуиты были люди весьма дальновидные; они знали, что дѣлали. Намъ они дали весьма чувствительный урокъ. Неужели мы не воспользуемся имъ хоть теперь во второй половинѣ XIX столѣтія, возстановивъ, по возможности то, что ими разрушено? Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Если народъ нашъ, не имѣя ни откуда ни нравственной, ни матеріальной поддержки, не могъ устоять противъ двойного напора религіознаго и политическаго фанатизма, если онъ доведенъ до нищеты, и, утративъ свои человѣческія права, обращенъ въ чисто-рабочую силу, то въ наше время всѣ шансы успѣшнаго исхода борьбы съ враждебными стихіями на сторонѣ русской національности. Нужно только дѣйствовать дружно, энергически. Мелочному самолюбію не должно быть мѣста тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ общественномъ. Сословная вражда и предразсудки должны исчезнуть во имя великаго и святого дѣла. Всякій, кто чѣмъ можетъ, долженъ дѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, имѣя въ виду одну цѣль: благосостояніе народа, силу и крѣпость государственнаго организма. Школа, проповѣдь, книга, статья, денежное пособіе—все пойдетъ въ дѣло!

Теперешнее польское общество не то, что было прежде: оно измельчало, выродилось. Если это общество, по мнѣнію публициста Самарина, „вѣковымъ упражненіемъ дошло до совершенной опытности въ дѣлѣ революціонной пропаганды", то, мнѣ кажется, въ этомъ заключается скорѣе его слабость, а не сила. Занимаясь съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ одною политикой, поляки не имѣютъ времени заняться чѣмъ нибудь другимъ, болѣе полезнымъ. Такая исключительность ведетъ къ односторонности.

Возрожденный къ новой жизни Высочайшею волею Царя-Освободителя, здѣшній народъ, de facto далеко не освободился отъ зависимости поляковъ и евреевъ. Положеніе его всегда было и остается до сихъ поръ беззащитнымъ: русское дворянское сословіе ополячилось, среднее по извѣстному проекту іезуита—вытѣснено евреями и повернуто въ крѣпость; остались одни хлопы. Такъ прошли цѣлыя столѣтія...

Но неужели такое состояніе должно продолжаться вѣчно?

Давъ права свободнаго гражданства бывшимъ хлопамъ, надѣливъ ихъ землею, правительство, безъ сомнѣнія, сдѣлало много; но не все. Слѣдуетъ очеловѣчить эту массу, чтобы она съумѣла воспользоваться дарованною ей свободой. Въ этомъ залогъ будущаго благосостоянія народа.

Если Русское правительство не жалѣетъ денегъ для стипендій иностраннымъ подданнымъ сербамъ и болгарамъ, воспитывая въ нихъ будущихъ защитниковъ ихъ родины отъ угнетенія турокъ и фанаріотовъ, то неужели оно оставитъ подъ гнетомъ чуждаго племени милліоны своихъ русскихъ подданныхъ безъ всякаго призрѣнія?

Евреи, располагая огромными матеріальными средствами, пріобрѣтенными ими на счетъ невѣжества и забитости трудоваго сельскаго народонаселенія, имѣютъ полную возможность поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, получаютъ стипендіи и пользуются всѣми гражданскими правами, тоже въ ущербъ русскаго населенія. О дѣтяхъ польскаго дворянства нечего и говорить: учебныя заведенія Западнаго края, на которыя правительство не щадитъ никакихъ издержекъ, существуютъ исключительно какъ бы для однихъ поляковъ. Огромное большинство воспитанниковъ католиковъ сообщаютъ здѣшнимъ гимназіямъ чисто польскій характеръ. Незначительное меньшинство русскихъ рѣдко сохраняетъ свой національный типъ посреди пришлой національности. Неужели правительство, затрачивая капиталы на воспитаніе враговъ русской вѣры и русской народности, пожалѣетъ (хоть бы изъ доходовъ отъ конфискованныхъ имѣній) какихъ нибудь 5—10 тысячъ въ годъ на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, въ лицѣ коихъ незамѣтно выростетъ грозная нравственная сила, способная бороться съ враждебными ей стихіями? Два-три такихъ поколѣнія,—и католическое преобладаніе въ краѣ станетъ невозможнымъ.

Я глубоко убѣжденъ, что никакіе секвестры, никакая колонизація русскихъ землевладѣльцевъ—ничто не сравнится съ этою мѣрою, ни для кого не стѣснительною и въ высшей степени гуманною: она вѣрнѣе поведетъ къ цѣли, чѣмъ всякія другія административныя распоряженія.

Замѣтка эта, въ видѣ проекта представлена была на разсмотрѣніе бывшаго попечителя Ѳ. Ѳ. Витте, и потомъ напечатана въ „Днѣ“, съ цѣлію подвергнуть высказанныя въ ней мысли всестороннему обсужденію образованной части нашего общества; но вмѣсто того, я совершенно неожиданно самъ себя подвер-

гнулъ озлобленнымъ нападкамъ одного изъ сотрудниковъ „Вѣстника Ю.-З. и З. Россіи“. (Кн. 8 1864). Окрысился онъ, повидимому, на меня за то, что я употребилъ въ своей замѣткѣ выраженіе „донкихотствующій патріотъ“; но это выраженіе къ нему вовсе не относится: я оскорбилъ бы тѣнь благороднѣйшаго ламанчскаго рыцаря, если бы сопоставилъ рядомъ съ нимъ мраколюбца Маркіана Словучинскаго. Я бы скорѣе сравнилъ его съ пушкинскимъ Зоиломъ, который разводилъ опіумъ чернилъ слюною бѣшеной собаки.

Опровергать пунктъ за пунктомъ подъяческія придирки подобнаго *сочинителя* я считаю излишнимъ и неудобнымъ. Да и можно ли оправдываться печатно передъ авторомъ, принявшимъ на себя роль полицейскаго сыщика?

VI. Крестьяне-собственники.

1864—1869.

Шляхетская рухавка 1863 года развязала администраціи руки и понудила ускорить прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Мировые посредники-поляки и волостные писаря-католики были немедленно устранены; на мѣста ихъ назначены люди русскіе. Панъ Куликовскій сдалъ должность Бурцеву, панскій попыхачъ бѣлоцерковскій старшина, тянувшій за помѣщиковъ, уступилъ свою должность ярому поборнику крестьянскихъ интересовъ, Салгану, котораго впрочемъ о. протоіерей Ромаскевичъ, не переставалъ обзывать Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ, яко бы за отсутствіе въ немъ христіанскаго смиренія, а на самомъ дѣлѣ за то, что сей Разинъ не переставалъ протестовать противъ непомѣрныхъ поборовъ за церковныя требы.

Дождавшись 19 февраля 1864 года, новый старшина задумалъ отпраздновать годовщину великаго событія сколько возможно торжественнѣе. Въ большой церкви, гдѣ покоится прахъ племянницы Потемкина гр. А. В. Браницкой, закрѣпостившей свободныхъ мѣщанъ украинскихъ и отдавшей ихъ въ кабалу

польскимъ выходцамъ,—отслужена парадная обѣдня соборнѣ, съ участіемъ громогласнаго хора пѣвчихъ изъ крестьянъ, подъ управленіемъ самого старшины; затѣмъ торжественная процессія съ хоругвями и образами, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, при колокольномъ звонѣ, двинулась по александрійской улицѣ, мимо квартиры управляющаго Зеленскаго, къ волостному дому. Тамъ, подъ открытымъ небомъ было отслужено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашено многолѣтіе Царю-Освободителю. По окончаніи молебна, мѣстный законоучитель гимназіи о. Орловскій, нынѣ ключарь Кіево-Софійск. Собора, стоя на крыльцѣ, произнесъ рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе на предстоявшихъ; многіе отъ умиленія плакали, дивяся всему бывшему.

Содержаніе этой рѣчи мы помѣщаемъ здѣсь въ сокращеніи.

„Да будетъ вамъ сей день въ память и празднуйте той праздникъ Господу во вси роды ваши“ (Исх. 12, 14).

Такъ заповѣдалъ Господь Богъ народу израильскому черезъ Моисея праздновать великій день освобожденія его отъ рабства Египетскаго, и евреи, въ память этого дня, ежегодно празднуютъ свою Пасху.

Подобно древнимъ евреямъ, и ваши предки, вы сами и ваши дѣти весьма долго находились подъ игомъ рабства не египетскаго, а помѣщичьяго, которое было едва ли не тяжеле египетскаго. И на вашу горькую долю, какъ нѣкогда на долю Израиля, Господь призрѣлъ съ высоты своего милосердія: онъ, всеблагій, внялъ наконецъ и вашимъ воплямъ и для вашего освобожденія отъ работы вражія избралъ новаго Моисея Христолюбивѣйшаго Императора нашего Александра Николаевича. Уже прошло три года, какъ возлюбленный Монархъ нашъ въ настоящій день даровалъ вамъ свободу и вмѣстѣ съ вами 23 милліонамъ крестьянъ. День этотъ и для васъ, братія моя, долженъ быть столь же священнымъ, какъ для евреевъ ихъ Пасха, и вы должны въ роды родовъ праздновать сей день радости и веселія, для васъ онъ— праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ!

Да будетъ же благословенно имя Царя-Освободителя во вѣки! Такого благодѣтельнаго Монарха у насъ еще не было (вол-

ненье между крестьянъ; послышались голоса: и не було й не буде)!

А какъ вы сами единодушно свидѣтельствуете, что такого Государя у насъ не было и не будетъ, то долгъ признательности обязываетъ васъ исполнять безпрекословно всѣ повелѣнія Его, питать къ Нему, какъ къ верховному отцу, искреннюю сыновнюю любовь, молиться о Его драгоцѣнномъ здравіи, жертвовать за Него не только своимъ имуществомъ, но и жизнію своею. Аминь".

Затѣмъ почетнѣйшимъ гостямъ своимъ (между которыми не было ни одного поляка) крестьяне предложили обѣдъ. При этомъ, какъ водится, были провозглашены тосты, сопровождаемые стихами и пѣніемъ многолѣтія. Пользуясь благодушнымъ настроеніемъ гостей, директоръ мѣстной гимназіи предложилъ положить начало подписки на образованіе капитала на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, которые по своимъ выдающимся способностямъ могли бы съ успѣхомъ окончить гимназическій курсъ.

Раньше этого торжества, въ октябрѣ 1863 года, вскорѣ послѣ усмиренія мятежа, при гимназіи было открыто приходское училище, удовлетворявшее двумъ цѣлямъ: способнѣйшіе ученики шли оттуда въ гимназіи, а посредственные возвращались въ семейства грамотными и письменными; значитъ—училище это, оставаясь приготовительнымъ классомъ при гимназіи, выполняло задачу сельской народной школы.

Едва только крестьяне прослышали о существованіи такого училища, какъ церковно-приходскія школы опустѣли въ одинъ годъ и въ полгода туда поступило 65 учениковъ, изъ которыхъ только 12 не учились до того у „дядиньки" (отставного солдата-учителя церковной школы), пробывшихъ тамъ 3 года было 4, два года—42, и одинъ годъ—7. Вызубренные „стыхи" изъ часловца и псалтыря они читали почти на память; за то неученое разбирали по складамъ; писать умѣли весьма немногіе, и изъ ариѳметики писали цифры до 10.

Что бы показать результаты годичныхъ занятій въ училищѣ съ подобными учениками, я привожу извлеченіе изъ официальнаго отчета о ревизіи помощника попечителя Михневича.

„Устроенное при гимназіи и удобно помѣщенное въ ея зданіи приходское училище имѣетъ довольно значительное число учениковъ, раздѣленныхъ на 3 группы. Учитель ведетъ дѣло такъ, что во всякое время занимается со всѣми отдѣленіями и потому въ его классѣ нѣтъ ничѣмъ не занятыхъ учениковъ, что весьма часто можно встрѣтить въ нашихъ приходскихъ училищахъ. Потому-то и успѣхи у него въ чтеніи и ариѳметикѣ весьма удовлетворительны: во всемъ классѣ нѣтъ ни одного ученика, вовсе не умѣющаго читать по русски, а въ 2-мъ и 3-мъ отдѣленіи училища почти всѣ ученики читаютъ бѣгло, понимаютъ смыслъ прочитаннаго, разсказываютъ и съ должною сообразительностію рѣшаютъ ариѳметическія задачи на письмѣ и въ умѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я заставилъ произнести главныя молитвы и въ первый разъ довелось мнѣ слышать отъ ученика приходскаго училища чтеніе имъ молитвы медленное, явственное и съ пониманіемъ смысла и значенія словъ".

Изъ 20 учениковъ высшей группы половина поступила въ гимназію, а остальные „вернулись до плуга".

Бѣлоцерковское приходское училище открыто на весьма ограниченныя средства: на содержаніе его имѣлось штатной суммы всего 100 рублей. При такой ничтожной суммѣ, ни одинъ директоръ до 1863 года не рѣшался открыть училище, не смотря на вопіющую нужду въ приготовительномъ классѣ. Но съ упраздненіемъ закрытаго заведенія при гимназіи оказалось возможнымъ удовлетворить этой потребности. Въ оставшемся свободнымъ помѣщеніи устроена классная комната и квартира для учителя и дѣло пошло на ладъ, благодаря частной благотворительности въ пользу училища. Пожертвованія принимались какъ деньгами, такъ и книгами. Директоръ гимназіи завелъ книгу, куда вносились эти пожертвованія. Преподаватели гимназіи ежемѣсячно удѣляли большій или меньшій процентъ изъ своего жалованья. Мировой посредникъ Бурцевъ прислалъ изъ с. Коченовки 102 рубля 15 к. (изъ этой суммы мир. поср. Киселевскій пожертвовалъ 15 коп.). Затѣмъ извѣстный впослѣдствіи редакторъ „Гражданина", Кн. Владиміръ Мещерскій, ознакомившись въ бытность

свою въ м. Бѣлой-Церкви съ нуждами училища, по возвращеніи въ Петербургъ, обратился ко мнѣ съ слѣд. письмомъ:

„На дняхъ отправляются мною изъ Петербурга на ваше имя книги для народа, съ покорнѣйшею просьбою раздавать по вашему усмотрѣнію тамъ и тѣмъ, для которыхъ эти книги могутъ служить дѣйствительною пользою.

Увѣдомляю васъ, что книги эти посылаются отъ имени и щедротъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, коей нужды малѣйшаго уголка возлюбленнаго отечества извѣстны и близки по сердцу.

Да будетъ сей царскій даръ священнымъ въ памяти народа и новымъ поощреніемъ ему къ просвѣщенію и развитію въ вѣчной и безпредѣльной преданности православной церкви, престому и отечеству!"

Въ то же время полученъ мною порядочный тюкъ изъ Москвы отъ княжны Н. П. Шаликовой, при слѣд. письмѣ:

„Прочитавъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ, что училище бѣло-церковское нуждается въ русскихъ книгахъ, я поставила себѣ въ удовольствіе отправить туда нѣсколько книгъ духовно-нравственнаго содержанія, равно какъ букварей и прописей. Мнѣ будетъ очень пріятно узнать, что книги эти пригодились училищу. Желаю при этомъ отъ всей души ревнителямъ русской грамотности въ древней сторонѣ русской, гдѣ нынѣ католичество и еврейство преобладаютъ къ нашему стыду и горю—желаю всякаго успѣха и всей бодрости духа въ борьбѣ съ врагами Россіи".

Имѣя основанія думать, что польская пропаганда въ юго-западномъ краѣ, не ограничилась одною Бѣлою-Церковью, а посѣяла плевелы и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только сидятъ рондзы и экономы, я, на сколько позволяли мнѣ средства, старался распространить раздачу русскихъ книгъ чрезъ знакомыхъ священниковъ и сельскихъ учителей и въ другихъ мѣстахъ. Для такой цѣли я получилъ изъ округа 500 букварей, 200 чтеній изъ евангелистовъ, 150 краткихъ св. исторій, 200 историческихъ чтеній изъ ветхаго завѣта, руководствъ къ ариѳметикѣ, грамматикѣ, прописи и т. п.

Нѣсколько связокъ книгъ прислано директорами кіевскихъ гимназій Андріяшевымъ и Вилуевымъ, но онѣ оказались совершенно непригодными для народнаго чтенія.

Около 300 священныхъ изображеній пріобрѣтено въ типографіи кіево-печерской лавры; куплено около 100 грифельныхъ досокъ и проч.

И все это добро было разослано въ самое короткое время по разнымъ селамъ васильковскаго и таращанскаго уѣздовъ, и безъ сомнѣнія не осталось безплоднымъ для народа...

Изъ числа учениковъ, поступившихъ въ гимназію, полный курсъ окончили весьма немногіе, большинство же ограничилось первыми тремя-четырмя классами и пошли въ народъ сельскими учителями, такъ что, на сколько мнѣ извѣстно, въ разныхъ селахъ юго-западнаго края находится около 30 человѣкъ учителей, которые считаются лучшими.

Не желая болѣе распространяться о своей дѣятельности на пользу народа, предоставляю говорить о ней тому же князю Мещерскому, издавшему въ 1870 г. „Очерки общественной жизни въ Россіи, см. стр. 178—180.

...Еще замѣчательнѣе (чѣмъ погимназіи) дѣятельность директора относительно крестьянскаго быта. Какъ намъ говорили сами крестьяне, съ тѣхъ поръ какъ директоромъ въ гимназіи г. Чалый, не мало изъ зажиточныхъ хозяевъ захотѣли отдавать сыновей своихъ въ гимназію. Желаніе это далеко не осталось иллюзіей: оно осуществляется на дѣлѣ и выражается слѣдующимъ замѣчательнымъ фактомъ: не только изъ мѣстечка, но изъ селеній за 10 верстъ, въ гимназію стали ходить крестьянскія дѣти. Какъ только довѣріе къ нему выразилось со стороны крестьянъ столь наглядно, г. Чалый отвѣтилъ на него съ сердцемъ человѣка, преданнаго всецѣло своей доблестной задачѣ и сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ него требовала эта задача. Онъ немедленно призналъ себя обязаннымъ облегчить крестьянскимъ дѣтямъ обученіе въ гимназіи. Избравъ первоначально 15 лучшихъ изъ крестьянскихъ дѣтей, онъ устроилъ имъ на свой собственный счетъ маленькій пансіонъ въ мѣстечкѣ, гдѣ они проводятъ весь учебный годъ... Къ этому прекрасному дѣлу при-

несли свою посильную помощь и учителя гимназіи, и вотъ въ настоящее время около 20 мальчиковъ изъ крестьянъ обезпечены содержаніемъ...

Чѣмъ дѣлаются крестьянскіе мальчики при поступленіи въ гимназію? Разрѣшеніе этого вопроса наглядно обрисовываетъ свѣтлую личность директора и его вліяніе на юношество. Главная прелесть въ глазахъ крестьянъ этой гимназіи, что мальчикъ не перестаетъ быть крестьяниномъ; въ немъ сохраняются и привязанность, и уваженіе къ своей средѣ: возвращаясь на лѣтнее время въ хату, гимназистъ 2 и 3-го кл. берется за плугъ, за косу и остается тѣмъ же послушнымъ работникомъ своего отца".

Въ 1866 году, по случаю безумнаго покушенія на жизнь Государя, въ м. Бѣлой-Церкви по подпискѣ устроенъ въ гимназической залѣ парадный обѣдъ. Главными участниками въ подпискѣ были чиновники гимназіи и саперные офицеры; но такъ какъ радость объ избавленіи отъ опасности Царя была присуща всѣмъ сословіямъ и національностямъ, то въ празднованіи этого событія приняли участіе поляки и евреи. По предложенію директора на обѣдъ были приглашены также и почетнѣйшіе крестьяне мѣстечка. Въ концѣ обѣда, когда было подано шампанское, директоръ гимназіи сказалъ спичъ:

„Мм. Гг! Два съ половиною вѣка тому назадъ, въ тяжелую для Россіи годину самозванщины и нашествія иноплеменниковъ, костромитянинъ Иванъ Сусанинъ, цѣною собственной жизни, спасъ отъ рукъ злодѣевъ юную жизнь родоначальника Августѣйшаго Дома Романовыхъ.

Въ наши дни, въ славное царствованіе Императора Александра II, подъ охранительною державою коего наше любезное отечество, путемъ мирныхъ преобразованій, стремится достигнуть высшей степени народнаго благосостоянія,—случилось неожиданное событіе, наполнившее ужасомъ сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ.

Но благодаря Бога, наша св. Русь никогда не имѣла и не будетъ имѣть недостатка въ Сусаниныхъ. И на этотъ разъ про-

видѣніе избрало орудіемъ своей благости другого костромитянина Комисарова, одного изъ тѣхъ 23 милліоновъ крѣпостныхъ людей, которые, по волѣ нашего Монарха, уже пять лѣтъ пользуются свободой, наравнѣ съ другими сословіями. (При сихъ словахъ одинъ. изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ крестьянъ перекрестился).

Предлагаю господа тостъ за здоровье того, кто сохранилъ намъ, къ чести и славѣ русскаго имени, драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя!

Вечеромъ того же дня состоялся танцовальный вечеръ.

Предложена была и подписка на Комисаровскую стипендію, но она не состоялась. Только почетный блюститель еврейскаго училища Быкъ обязался ежегодно вносить 25 рублей въ пособіе одному изъ воспитанниковъ гимназіи изъ крестьянскаго сословія, да главноуправляющій Зеленскій черезъ нѣсколько дней прислалъ 100 рублей при слѣд. письмѣ:

„Жители м. Бѣлой-Церкви, во время торжества по случаю чудеснаго спасенія жизни Августѣйшаго своего Монарха, хотя изъявили желаніе увѣковѣчить день этого радостнаго событія складкою капитала для образованія стипендіи при бѣлоцерковской гимназіи на одного бѣднаго ученика, но какъ по причинѣ весьма ограниченныхъ средствъ тѣхъ же жителей едва возможно было собрать сто рублей, отъ которыхъ проценты не могутъ быть достаточными для образованія стипендіи, то согласно желанію жертвователей, означенныя деньги вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ препровождая при семъ, имѣю честь просить васъ, М. Г., употребить эти деньги для болѣе нуждающихся учениковъ по вашему усмотрѣнію".

Скоро послѣ этого торжества мною получено приглашеніе отъ старшины на освященіе вновь построеннаго дома для волостнаго правленія съ отдѣленіемъ для церковно-приходской школы въ с. Черкасѣ. Пріѣзжаю. Былъ, не помню какой, высокоторжественный день. Иду въ церковь выслушать молебенъ и къ удивленію моему застаю панихиду — съ булками, кутіею

и медомъ. Кромѣ священника и діакона, исправлявшаго должность псаломщика, да заплаканной старушенціи—въ церкви а ни душечки!

Посреди церкви передъ аналоемъ съ кутіею стояли два великана съ львиными гривами и страшно ревѣли, какъ бы стараясь привесть въ трепетъ бѣдную бабусю. Скорбныя заупокойныя пѣсни, при ихъ надлежащемъ исполненіи, способныя умилить душу, удрученную печалію объ утратѣ дорогого существа,—эти пѣсни вылетали изъ утробы гигантовъ какъ рычаніе завидѣвшей врага гориллы.

Не дождавшись конца панихиды, я ушелъ бродить по окрестностямъ села. Потомъ узналъ отъ старшины, что батюшка изволилъ оттрезвонить обѣдню еще до 8 часовъ, причемъ церковь была такъ же пуста, какъ и на панихидѣ.

Около 11 часовъ меня пригласили въ волость. Тамъ я засталъ трехъ священниковъ, становаго пристава и человѣкъ 20 поляковъ—графскихъ офиціалистовъ разнаго наименованія. Крестьянъ, по случаю рабочаго дня, здѣсь было мало. Да какъ видно, панскій прихвостень старшина о нихъ и не заботился, угощая пановъ на ихъ же (громадскій) счетъ.

Начался обрядъ освященія дома. Мнѣ не разъ до того приходилось присутствовать при этомъ обрядѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; но такого оригинальнаго освященія, какое совершено было черкасскимъ священникомъ, купно съ другими двумя—кожанскимъ и шкаровскимъ, я не видалъ нигдѣ. Батюшка, какъ оказалось, былъ прежде уніатомъ и совершилъ освященіе, къ немалому удовольствію гостей-католиковъ не по печатному требнику кіево-печерской лавры, а по рукописной, засаленной и обдерганной тетрадкѣ. Разныя молитвы, пѣсни, особенно напѣвъ, были для меня совершенною новостью. Кромѣ того, служеніе было преисполнено разными манипуляціями, позаимствованными отъ ксендзовъ и совершенно чуждыми нашему православію. Далѣе, я замѣтилъ, что надъ всѣми дверями и окнами были пробуравлены довольно глубокія дыры, а въ каждую дыру вдвинута свернутая въ трубку бумажка, сильно пропитанная деревяннымъ масломъ, а надъ каждой бумажкой при-

лѣплена копѣечная свѣчка. Когда освященіе приходило къ концу, пономарь зажегъ эти свѣчи, а потомъ и масляныя бумажки.

По окончаніи обряда освященія, гости усѣлись за столъ въ одной комнатѣ, а въ другой—черезъ сѣни, предназначенной для школы, помѣстились крестьяне. Старшина, съ отвратительнымъ подобострастіемъ, увивался около пановъ, уснащая свою рѣчь польскимъ жаргономъ; батюшки же иначе съ ними не говорили какъ по польски. Подлѣ посессора Новицкаго, во все продолженіе обѣда стоялъ пьяный волостной писарь и въ антрактахъ между стравами, постоянно лизалъ его руку, восхваляя до небесъ весьма сомнительныя добродѣтели wielmożnego pana possesora.

Безобразіе всего видѣннаго и слышаннаго мною становилось не въ терпежъ, но меня, какъ на зло такъ далеко засадили, что выйти изъ-за стола не было никакой возможности.

Когда очередь дошла до тостовъ и когда кѣмъ—то изъ присутствующихъ была провозглашена выпивка за iasnie wielmożnego Hrabia Branickiego—я выскочилъ изъ-за стола и направился съ рюмкой въ другую комнату къ трапезующимъ крестьянамъ и тамъ громогласно провозгласилъ тостъ за здравіе Царя-Освободителя. Оглушительное ура закончило этотъ памятный праздникъ.

Въ ноябрѣ того же 1866 года, волостной старшина Коломіецъ пригласилъ меня отъ имени всей громады сенявской волости на праздникъ освященія школы, построенной на пожертвованія крестьянъ, въ память избавленія отъ опасности Государя Императора.

Днемъ этого торжества назначено 21 ноября, въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Не смотря на гололедицу и 30—верстное разстояніе отъ Бѣлой-Церкви, я не могъ не воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ крестьянъ, задумавшихъ ознаменовать чудесное избавленіе отъ опасности своего Освободителя такимъ необычнымъ въ ихъ средѣ дѣломъ, какъ устройство школы. Программа совершенія сего торжества, со-

ставленная мировымъ посредникомъ Бутовичемъ, купно съ настоятелемъ церкви Завадскимъ, состояла въ слѣдующемъ:

Обѣдня совершена протопопомъ Андріевскимъ изъ Василькова, въ сослуженіи четырехъ другихъ священниковъ. По окончаніи обѣдни, протоіерей сказалъ приличное празднику слово и за тѣмъ, при колокольномъ звонѣ двухъ сельскихъ церквей, шествіе направилось къ школьному дому съ крестами и хоругвями. Тамъ, предъ начатіемъ молебствія, мѣстный священникъ о. Павелъ произнесъ рѣчь, въ которой, къ немалому моему удивленію, ни однимъ словомъ не заикнулся объ участіи крестьянъ въ построеніи школы, превознося выше облака ходячаго главноуправляющаго гр. А. Браницкаго, Раковскаго, пожертвовавшаго для постройки дома нѣсколько деревьевъ, и мироваго посредника, приказавшаго срубить и вывезти изъ лѣсу эти деревья ихъ собственными лошадьми.

По совершеніи молебствія, почетнѣйшіе гости были приглашены мировымъ посредникомъ къ обѣденному столу. Во все продолженіе обѣда миров. поср. Бутовичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, упервивъ глаза въ пространство и шевеля губами: не трудно было догадаться, что онъ готовился къ произнесенію спича, пожертвовавъ ему вкусными яствами. Наконецъ разразился такимъ же возвеличеніемъ благодѣтеля пана Раковскаго и его сіятельнаго патрона, вернувшагося уже изъ мѣстъ не столь отдаленныхъ и укатившаго за границу. Въ заключеніе ораторъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, а гости крикнули ура. Панъ Раковскій, нисколько не сконфузившись непомѣрнымъ восхваленіемъ его особы, принялъ оное какъ нѣчто должное, присовокупивъ, что онъ, на это не стоившее ему ни гроша пожертвованіе получилъ изъ заграницы разрѣшеніе графа и испросилъ благословеніе Его Высокопреосвященства митрополита Арсенія и въ заключеніе предложилъ тостъ за ихъ драгоцѣнное здравіе. Вслѣдъ за симъ мѣстный благочинный Ѳоменко прочиталъ „рапортъ“ настоятеля сельской церкви о. Завадскаго, которымъ онъ доводилъ до свѣдѣнія владыки о пожертвованіи Раковскаго и на коемъ начертана была „резолюція“ его высокопреосвященства: „благодарить жертвователя!“ Въ заключеніе о. благочинный

снова предложилъ тостъ за сего „общаго благодѣтеля!“ Затѣмъ г. Бутовичъ пригласилъ гостей выпить за здоровье предсѣдателя мироваго съѣзда И. Н. Киселевскаго, того самаго ревнителя народнаго образованія, который пожертвовалъ 15 коп. на бѣлоцерковское приходское училище.

Дождавшись напослѣдокъ конца славословію сильнымъ міра сего, пишущій эти строки вспомнилъ и о крестьянахъ, позабытыхъ среди ликованія гостей, сытно покушавшихъ на ихъ же трудовые гроши.

„Я желаю сказать нѣсколько словъ вашей почтенной громадѣ!“—обратился я къ старшинѣ: пригласите ихъ сюда!

Изъ другой половины школьнаго дома вошли крестьяне и наполнили всю комнату и сѣни.

„Вы знаете, добрые люди, что случилось весной сего года въ Петербургѣ? Царю нашему угрожала великая опасность. Вы также слышали, что крестьянинъ Комисаровъ, руководимый перстомъ Божіимъ, для блага всей Россіи, спасъ драгоцѣннѣйшую жизнь вашего Державнаго Освободителя.

Обрадованные счастливымъ исходомъ этого страшнаго событія, всѣ вѣрноподданные спѣшили ознаменовать достопамятный день 4 апрѣля разными пожертвованіями: одни сооружали храмы и кіоты, другіе давали деньги въ пользу бѣдныхъ, складывали капиталы на воспитаніе учащихся и т. п.

Вы, сенявцы, въ память этого событія построили школу и сдѣлали доброе и полезное дѣло: почтивъ память своего Августѣйшаго Благодѣтеля, вы вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали добро вашимъ дѣтямъ. Не жалѣйте объ этой жертвѣ: трудовая копѣйка, внесенная каждымъ изъ васъ до складки, возвратится вамъ съ большими процентами.

Ученье—свѣтъ, неученье—тьма! говоритъ наша мудрая пословица. Грамота—великое благо для человѣка, хотя вы сами до 19 февр. 61 г. лишены были возможности воспользоваться этимъ благомъ. Ваши молодые годы прошли въ неволѣ и нескончаемой работѣ панщины—для пользы другихъ; вамъ было не до ученья! вамъ твердили господа ваши, что мужику ученье не нужно. Царскій манифестъ засталъ васъ людьми темными...

васъ никто не винитъ за это: виноваты тѣ, отъ кого вы зависѣли.

Но если дѣти ваши, находясь въ свободномъ состояніи, останутся такими же темными людьми, какими были вы, то пришедши въ возрастъ, они въ правѣ будутъ обвинить васъ въ нерадѣніи о ихъ благѣ; ибо двери школы теперь открыты для всякаго... Еще нѣсколько словъ:

Посылая дѣтей своихъ въ школу, вы сами не забывайте о своей школѣ: у старыхъ, какъ и у малыхъ есть тоже школа—святая церковь, есть и учитель священникъ: будьте же внимательны къ его пастырскому слову, научайтесь отъ него всему доброму, живите по правдѣ и прилежно молитесь Богу да благословитъ Онъ вашъ вольный трудъ для вашей собственной пользы!

Изъ всего сказаннаго мною, вы, надѣюсь, достаточно уразумѣли, что церковь и школа—это тѣ охранительные стражи, которымъ предназначено оберегать васъ отъ порочныхъ наклонностей, просвѣщать вашъ умъ, водворять миръ и согласіе въ семействахъ вашихъ. Но къ великому вашему искушенію, у васъ рядомъ со школой стоитъ питейный домъ—ненасытная прорва, поглощающая вашу трудовую копѣйку и нерѣдко доводящая васъ до бѣдности, нищеты и преступленій... Будьте же благоразумны: дорожите, какъ величайшимъ сокровищемъ дарованною вамъ свободой, чтобы, избавившись отъ кабалы панской, не попасть въ кабалу жидовскую. Да хранитъ васъ Господь отъ искушенія!

Предлагаю тостъ за благосостояніе крестьянъ сенявской волости!

Приведенные въ благодушное настроеніе спичемъ этимъ гости тутъ же составили подписку въ пользу школы и вручили священнику 50 рублей на обзаведеніе.

М. Чалый.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА[1].

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго[2]).

(1822—1830 г.г.)

32. М. г. почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Романовичъ! Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 13 февраля я получилъ безъ всякаго задержанія 21-го февраля; нынѣ же, т. е. 22 февраля, почта отходитъ, для того и спѣшу извѣстить васъ, что я не пожже 26-го февраля отправлю къ вамъ добраго хлопца, которой можно сказать антиподъ Ивану Личману. Хлопцу 15 лѣтъ, зовутъ Павелъ Трофимовичъ Логвинъ; онъ глядитъ прямо въ глаза и съ веселою улыбкою; у отца его старшій сынъ женатъ, матери у него давно нѣтъ, братовая его видно была хлопцу за мачиху, ибо когда я спросилъ: хочешъ ли ты въ Кіевъ?—то онъ отвѣчалъ: какъ прикажете, дома некому меня обувать и доглядать! Я почти утвердительно могу сказать, что онъ будетъ по сердцу вашему, ибо Логвины всѣ добрые и мирные. Протчіе люди у меня, какъ и вездѣ почти воръ на ворѣ.—Жена поѣхала на 2 мѣсяца къ матушкѣ дѣлиться имѣніемъ, я пустился въ подкоморскіе выѣзды. Съѣхались 18 февраля домой, стали повѣрять амбарной хлѣбъ, смотримъ анъ у насъ безсовѣстно украли до 60-ти четвертей разнаго хлѣба, въ томъ числѣ 240 пудъ муки

[1]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., ноябрь, 225—233.

[2]) О Ломиковскомъ см. Кіевск. Стар.

ржаной. Распроситься же у других помѣщиков, то еще болѣе крадут. Так нынѣ наш народ развратился. Поздравляю вас с принятіем таин христовых, я желаю говѣть как потеплѣет, ибо ноги мои боятся холода. В Кибенцах же я, не смотря на теплую церковь, никогда не говѣю по уважительным причинам. Говоря о Кибенцах, кстатѣ будет расказать вам слѣдующее произшествіе. Считая с хозяином, двумя племянниками его и зятем, нынѣ в Кибенцах 4 плюмажа, но случилось так, что всѣ разъѣхались на долгое время; старик крѣпко соскучил сам, ибо и сосѣди по причинѣ бездорожья мало теперь навѣщали его. Вдруг получаю 16 февраля письмо от баронѣсы такого содержанія: неоставте нас, почтеннѣйшій В. Я., не откажите в просьбѣ моей! с дѣдушкой сдѣлалось очень дурно, мы крайне перепуганы, я в постѣлѣ, а тетинка также лежит в постѣлѣ от простуты (sic)—уважте просьбу мою, пріѣжжайте в Кибенцы.—Прибыв в Кибенцы, оказалось, что маленькая дѣвочка, услыша в кабинетѣ стук, рѣшилась заглянуть в двѣри, выбѣжала к прислугѣ и кричит, что барин умер, ибо он лежал без чувств на полу. Доктор оттер его, и почти весь день велел быть старику на крыльцѣ, и он оправлясь, обѣдал и вечером был бостон. Напоили Романа пьяным, и когда он стал заикаться, то старик сказал: у нас у обоих язык не так шевелится, но от разных причин. Я полагал, что эта боль у старика от ушиба, ан нѣт, оказалось, что он на другой день припадка вставил себѣ новых сем зубов, ибо почти всѣ выпали; на третій же день жаловался, что у него рука болит. Страдает он задышкой и кашлем. Хотя у него очень хорошій доктор теперь, однакож сомнительно, чтобы он рѣшился поѣхать на лѣто в Кагарлык. Прочитав, что Бог послал вам такого врача, которым вы очень довольны, я так обрадовался, что мысленно поцѣловал слово врач, хотя и не знал, нѣмца или русскаго поцѣловал я, но зная что поцѣловал того кого Бог послал вам. Вспомните как поправил вас Трембицкій тѣм, что крайне скупой был на лѣкарства. Я потому поспѣшаю подводою, что угрожает необыкновенное разлитіе вод, а в тако-

вомъ случаѣ полъ часа дѣлаетъ чрезвычайную (?) для рѣкъ и одинъ день весьма важенъ для оттепели. Сорокалѣтніе метеорологическія наблюденія свидѣтельствуютъ, когда въ Малороссіи не бываетъ оттепели въ генварѣ или февралѣ мѣсяцѣ, и снѣгъ держится постоянно, то весною бываетъ немножко позднѣе, но ровнымъ переходомъ отъ холода къ теплу. Сіе для хлѣба и садовъ очень выгодно; но для плотинъ великая бѣда. Ледъ у насъ замерзъ до земли вмѣстѣ съ рыбой; какъ рванетъ разомъ аршинную толщу льдовъ, то много надѣлаетъ бѣды.

22 февраля 1822 г. Паркъ Трудолюбъ.

33. По рачительной справкѣ моей оказалось, что въ экономіи Гудовича всегда имѣется въ наличности множество шленскихъ смушковъ, не только новыхъ, но преимущественное число прошлогодныхъ, и довольно сходная цѣна имъ. Слѣдовательно теска мой, по давнему обычаю своему, непрестанно придерживается дневному закону перваго апрѣля, и не принудилъ себя здѣлать исключеніе для васъ, заглушивъ испытанное имъ усердіе ваше къ дому его. Признаюсь, что я не могу быть равнодушенъ, какъ представлю сколько вы заботились о томъ, а я обезпечился, повѣривъ ему, между тѣмъ какъ вы могли бы выѣхать изъ Кибенецъ въ суровое время въ тепломъ тулупѣ.—Здѣсь къ статѣ уже будетъ сказать что Д. Пр. никогда не вспомнитъ объ немъ, и если кто станетъ заговаривать въ пользу его, то онъ и не отвѣчаетъ; причина главная та, что оны не живутъ совсѣмъ въ Кибенцахъ съ Марьею Ивановною, подъ предлогомъ раззоренія хозяйства своего: сіе случилось вскорѣ послѣ пріѣзда родителей Ольги Дмитріевны, которыя и понынѣ въ Кибенцахъ и непреложно хотятъ побывать сей весной въ Кіевѣ. Относительно же Д. Пр., то отнюдь не слыхать и даже намека нѣтъ о томъ, чтобы онъ думалъ выѣхать куда далѣе 50 верстъ; о дальнѣйшемъ же пути всякой слѣдъ простылъ. Сими праздниками намѣренъ онъ побывать съ своими Калужцами у Маргы Михайловны Родзянкиной и по обычаю на Тройцынъ день въ Обуховкѣ. Говоря объ Обуховкѣ, можно сказать мимоходомъ, что В. В. (Капнистъ) съ декабря мѣсяца и по сей день въ Ромнахъ,

жена же его съ однoю дочерью дома всю зиму; два сына въ Крыму по дѣламъ своимъ. В. В. же въ Ромнахъ коптитъ по тому, что бѣдная дочь его, ожидавшая родить первенца въ генварѣ, и по днесь не праздна, ошибясь въ ращотѣ тремя мѣсяцами и болѣе, слѣдовательно страшится онъ оставить дочь свою въ столь затруднительномъ положеніи.—Ан. Анд. (Трощинскій) еще зимой хотѣлъ ѣхать съ своими въ Кіевъ подъ контракты, наипаче получивъ извѣстіе о смерти Бутовича (котораго сынъ вчера явился въ Кибенцы) и что онъ попечитель; но такъ какъ письма вдовы сильно окурены всегда литовскимъ статутомъ, то генералъ и не имѣетъ надежнаго орудія къ защитѣ; наипаче же изнѣженность новобрачія, сильно внушаетъ ему малороссійскую пословицу: „кто кислицу съѣлъ, а на меня оскома напала". Того ради и сказалъ онъ старому наслѣднику: „я чуждъ всего, кромѣ дружескихъ вамъ совѣтовъ". Слыша о таковомъ пособіи, невольно вспомнимъ: сухая корка ротъ деретъ... Новости у насъ довольно водятся. О знакомыхъ вашихъ доложу, что А. К. Разумовской 5 марта скончался. Докторъ Орлай[1]) по веленію начальства оставилъ Нѣжинское директорство (уповательно на время), ибо съ верхъ всякаго чаянія поспѣшилъ въ Сербію, будто бы блюсти здоровье земляка своего ген.-лейтенанта Эммануеля, отпущеннаго за границу, якобы лечиться. Видится, что одинъ будетъ возмущать сербовъ противъ чалмы мечемъ, а другой—перомъ талейранскимъ, къ чему сей послѣдній великой мастеръ, какъ пѣхотные прапорщики похваляютъ: собаку съѣлъ и мышь проглотилъ.—Накрутилъ и нагородилъ я довольно перушкомъ домашнимъ и непокупными чернилами; но не дома, а въ шумныхъ Кибенцахъ противъ шести качелей и толпы народной, спѣша къ суетнымъ привѣтствіямъ, стараясь при томъ все сказать не дорожа лишнымъ словомъ, но боясь, чтобы не упустить того, что бы причлось за не за лишнее...

4 апрѣля, 1822 г.

---

[1]) См. о немъ статью Н. Кукольника въ книгѣ „Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко". Изд. 2-е Спб. 1881. стр. 189—202.

34. Спѣшу препроводить вамъ новый тулупъ чрезъ достовѣрнаго вручителя; очень пріятно было бы мнѣ, естли бы онъ пришелся вамъ въ ладъ такъ, чтобы вы уже не озабочивались переправкою онаго; естли же впредъ можетъ гдѣ либо повредиться тонкой и легкой мѣхъ сей, то на таковой случай приложилъ я особо три смушка, два изъ нихъ наличные, а одинъ рукавной; всѣхъ вообще смушковъ щитается 47, а именно: 1) 39 смушковъ добрыхъ по 70 копѣекъ, 2) рукавныхъ 6, по 60 к., рукавныхъ смушковъ 2 по 40, всего за смушки заплачено 31 р. 70 к., за вычинку шкуръ по 7 копѣекъ—3 руб. 29 коп., за пошивку тулупа—5 руб., всего—40 рублей безъ копейки. Переплетчикъ согласился было взять по рублю за переплетъ, здѣлать кожу подъ мраморъ и съ прикрасами златосафьянными, но коль скоро увидѣлъ кожи, то сказалъ, что нѣтъ возможности употребить ихъ въ дѣло, говоря, что онъ потеряетъ репутацію отъ того, что кожи сіи нельзя никоимъ образомъ ни выкрасить ни налощить и тому подобное. Присемъ случаѣ онъ просилъ предложить вамъ: не угодно ли будетъ вамъ переплеты изъ его полусафьяна, въ таковомъ случаѣ переплетъ будетъ стоить по два рубля каждой. О чемъ я и ожидаю вашего разрѣшенія...

22 апрѣла, 1822 г. Паркъ Трудолюбъ.

35. Жестокія припадки, гнетущіе жену мою, вынудили у меня двѣ поѣздки въ разныя стороны, къ двумъ врачамъ, германцу и британцу, которые дѣлали безъуспѣшные приступы къ пользованію жены моей, столь долго страдующей. Наконецъ она рѣшилась ввѣрить себя нашему доктору Бадру (?), успѣвшему уже надъ многими больными оказать блистательные успѣхи. Такимъ образомъ улучивъ сложныя немощи жены моей спѣшно пользуетъ, не преставая начинять ея аптекарскими гадостями, говоря, что хроническіе припадки ея требуютъ долговременнаго леченія. Такова то жизнь внѣшная, дабы чуть продлить ее, то надлежитъ глотать горько смердючія ястія и питія, превышающія цѣною нектаръ и амброзію. Тѣмъ временемъ Д. Прокофьевичъ приступилъ къ построенію домашней церкви подъ одну кровлю съ большимъ домомъ, такъ, чтобы входъ въ церковь

былъ изъ столовой залы; и дабы избавиться отъ плотничей стукотни, то онъ выѣхалъ не надолго въ село Ерески... Похвалюсь вамъ, что нашъ министръ какъ то проговорилъ, что достопочтенный Владиміръ Васильевичъ Лопухинъ, нѣкогда, подарилъ ему описаніе жизни своей, своеручно писанное; министръ говоритъ, что онъ находитъ довольно упущеній извѣстныхъ ему доблестей благочестиваго мужа сего. Пользуясь радостнымъ извѣстіемъ симъ, я непреминулъ попросить для прочета, что и обѣщано мнѣ при возвращеніи въ Кибенцы...

18 іюля, 1822 г. Ерески.

36. Книги ваши получены исправно по приложенному къ онымъ описанію. Андрей Андреевичъ немедля позволилъ удовлетворить общее желаніе наше; однакожъ переплетчикъ не можетъ теперь приступить къ дѣлу, ибо не имѣетъ матеріаловъ. Онъ взялся было здѣлать Муравьеву-Апостолу [1]) 1000 переплетовъ, здѣлалъ 30, и отказался по причинѣ разныхъ недостатковъ. Вообще ходъ дѣла сего будетъ состоять такимъ образомъ: переплетчикъ, не надѣясь на Кременчугъ и Харьковъ, на сихъ дняхъ отправленъ будетъ въ Кіевъ на контракты, гдѣ и надѣется найти все нужное для мастерства своего; ему приказано лично явиться къ вамъ, дабы удобнѣе могъ объяснить все нужное о предметѣ семъ. Я просилъ его о цѣнѣ и получилъ въ отвѣтъ, что сіе будетъ зависѣть отъ цѣны матеріаловъ, а дорожиться онъ не будетъ; въ протчемъ не взирая на личное объясненіе съ нимъ ваше, прошу мнѣ поручить, какъ торгъ, такъ и надзоръ... Что сказать вамъ о житьѣ бытьѣ своемъ? Годъ отъ года стараюсь колико можно облегчать работы крестьянъ своихъ, такъ чтобы повинность сія основывалась на справедливости, и чтобы крестьяне мои облегчены были болѣе, нежели крестьяне сосѣдовъ моихъ. Христіанская любовь къ ближнему требуетъ того, и при всемъ томъ хозяйскія строенія, все бѣлокаменныя, ростутъ, да ростутъ. Всѣ смотрящіе на то поверхно, думаютъ: или у меня

[1]) Говорится объ Иванѣ Матв. Муравьевѣ-Апостолѣ, декабристѣ, который унаслѣдовалъ миргородскія имѣнія Апостоловъ послѣ Михайла Даниловича Апостола (правнукъ гетмана). См. Русск. Стар. 1873 г., стр. 107 и слѣд.

денегъ очень много или крѣпко утомляю крестьянъ своихъ! На противъ того, я дѣйствую совсѣмъ иными средствами: во первыхъ, охота, а вовторыхъ особливая уловка, вѣрной ращотъ, недремлющая предусмотрительность. Къ облегченію всѣхъ занятій, а наипаче прилѣжное терпѣніе суть виновники мнимому чуду сему. За терпѣливое прилежаніе я много обязанъ отцу-наставнику моему принцу крови графу Федору Евстафьевичу Ангальту; онъ отъ кадетскаго юношества твердилъ намъ пословицу: безъ труда нѣтъ плода, присовокупляя къ тому наставленіе свое: кладите всякой день съ терпѣніемъ на одно мѣсто по одной горсти земли, и вы съ удивленіемъ увидите наконецъ на томъ мѣстѣ гору, гдѣ прежде была долина.—Помощію терпѣнія я переписывалъ по временамъ сочиненія скандинавскаго философа и кто бы могъ подумать, чтобы я при хозяйскихъ занятіяхъ и при частыхъ разъѣздахъ своихъ, могъ переписать мѣлкимъ маковымъ зѣрномъ нѣсколько стопъ бумаги? И кромѣ того по части хозяйской и исторической накропилъ я не одинъ пудъ бумаги. Естли бы незнакомой человѣкъ разсмотрѣлъ рукописи мои, то могъ бы подумать: конечно этотъ человѣкъ долго жилъ на свѣтѣ, столь много написавши; напротивъ того писателю сему до сихъ поръ только 45 лѣтъ [1]). Онъ бы сказалъ тогда, страдаетъ грудью, изнемогъ истощалъ писатель сей. Напротивъ—какъ кровь съ молокомъ. Ужъ вѣрно онъ жестоко повредилъ глаза свои? Богъ съ вами! и теперь ночи прописываются безъ очковъ. Вотъ господствующая склонность моя, чрезъ которую дѣлаю безчисленныя упущенія по хозяйству, ибо занимаюсь онымъ вмѣсто отдыха; зимою дремлетъ хозяйство мое, а лѣтомъ пробуждается съ новою бодростію. Наружное устройство хозяйства моего крѣпко обманываетъ зрителей; всѣ почти думаютъ, что я день и ночь копчу себя на прибыточныхъ занятіяхъ; ибо и прошлой осени удивились сосѣди и путники, вновь увидѣвъ огромную гостинницу; она дала поводъ спрашивать у меня съ удивленіемъ, когда я успѣлъ выстроить столь обширное зданіе? И я смотря по образу мыслей вопросителей, давалъ различные от-

[1]) Письмо писано въ 1823 г, слѣд. Ломиковскій родился въ 1777 или 1778 г.

вѣты, которые вообще состояли въ слѣдующемъ: не думайте, милостивый государь, чтобы въ таковыхъ случаяхъ дѣлалъ я усильное напряженіе; попробуйте два дня не щищать пыли съ лакированнаго столика вашего и вы на третій день въ состояніи будете писать на немъ пальцомъ урокъ грамотному слугѣ своему: „посмотри, какъ нерадивъ ты“. Прогуливайтесь пѣшкомъ, навѣдывайтесь въ комнату свою хоть два раза въ день, но не велите выметать помоста; приведите черезъ семъ дней любителя опрятности, и онъ съ неудовольствіемъ скривитъ носъ и пожметъ плечами, видя полъ, покрытый земною корою.—Извѣстный пѣшеходецъ къ святымъ мѣстамъ Григоровичъ Барской, въ запискахъ своихъ съ удивленіемъ говоритъ, что древній Египетъ, во время оно возникшій на равнинѣ, нынѣ окруженъ холмами и горами, не самородными однакожъ, но содѣланными руками человѣковъ, и притомъ безъ всякаго намѣренія даже созидать горы. Какимъ же это сдѣлано волшебнымъ способомъ? Путешественникъ говоритъ, что египтяне на досугѣ вывозили за городъ всякій соръ, и такимъ образомъ въ продолженіи тысячелѣтій составились высокія горы. Ломоносовъ въ металургіи своей говоритъ о голандскихъ колодезяхъ, при копаніи которыхъ замѣчено нѣсколько десятковъ слоевъ земныхъ, состоящихъ изъ чернозема, песку, глины, хрящу и обратно, продолжаясь такъ многое число саженъ. Примѣчательно, что даже и въ самихъ послѣднихъ слояхъ находятся раковины черепокожныя и разныя окаменѣлости. Бюффонъ вникая въ причины слоевъ земныхъ, доказываетъ, что подлунной міръ нашъ утучнѣлъ и увеличился помощію праха, хотя и не примѣтно постоянно накопляющагося на поверхности земнаго шара.—Пожалуюсь вамъ, что прошедшій годъ заключилъ я очень горестно; проживая долго въ домѣ больного брата моего, имѣлъ несчастіе похоронить его декабря 13 дня. Возвратясь домой, засталъ жену страдающей жестокими истерическими припадками. Слѣдующаго дня, рано, пригласили меня навѣстить больнаго дядю моего, добраго сосѣда, полковника Ивана Ивановича Ломиковскаго, имѣвшаго семерыхъ дѣтей; всѣ попеченія о немъ были тщетны и мы похоронили его декабря 25-го дня. Во время печальныхъ обрядовъ погребенія, ходилъ я за гробами

съ открытою головою въ продолженіи почти двухъ часовъ, при жестокихъ морозахъ сопровождаемыхъ рѣзкими вѣтрами и отнюдь не простудился. Печальныя событія сіи требовали, чтобы я отложилъ на время всѣ житейскія попеченія; того ради я и опоздалъ отвѣтомъ симъ, ибо затруднительныя обстоятельства вдовы брата моего произвели много общихъ заботъ нашихъ, прекращеніе которыхъ еще не скоро предвидится. Теперь испыталъ я, что смотря на усопшихъ можно учиться умирать небоязненно, съ отраднымъ упованіемъ христіанскимъ. Еще скажу вамъ, что докторъ нашъ безъ всякой надежды, подагра кинулась въ грудь, онъ непрестанно проситъ Бога о прекращеніи мучительной жизни. Кумушка ваша страдаетъ рвотами четыре мѣсяца сряду, принуждена бѣдная поѣхать къ Голованеву. Зимницкой умеръ, благочинной отецъ Стефанъ тоже. Бровко боленъ, Романъ Ивановичъ и отецъ Омельянъ жестоко простудились, не выходятъ изъ комнаты. Семѣйство В. В. Капниста почти все въ сильныхъ болѣзняхъ и нашъ доброй Алексѣй Васильевичъ былъ крѣпко боленъ простудою, не знаю, что съ нимъ дѣлается теперь. Нынѣшнюю зиму рѣдко кто не страдалъ простудою...

13 генваря, 1823 г. Кибенцы.

37. Вы спрашиваете мнѣнія моего о причинѣ многоболѣзненной зимы сей? Хотя я и не врачъ, но отнюдь не смѣю какой либо вашъ вопросъ оставить безотвѣтнымъ. Прошлая осень была очень теплая и продолжительная, коснулась первыхъ дней декабря, часто дожди перепадали, а гдѣ всѣ селы и города засыпаны почти навозомъ, тамъ при большихъ дождяхъ портится вода въ колодцахъ и даже въ рѣкахъ. Вотъ первая причина осеньныхъ лихорадокъ, не говоря о употребленіи плодовъ съ жидкостію. Послѣ долговременной теплоты вдругъ здѣлались долговременные и притомъ жестокіе морозы. Сильный переходъ, а наипаче внезапной, отъ теплоты къ стужѣ и наоборотъ, всегда причиняли эпидемическія болѣзни. Не было и одного дня почти въ продолженіи зимы сей, чтобы не дулъ сильный вѣтръ, наипаче восточный; день въ день пускался въ работу, и ночью не умолкалъ. Какъ же непростудиться, когда и каменныя стѣны продувалъ

вѣтръ? Не знаю человѣка, который бы не вопіялъ на ревматизмъ, насморкъ, можно сказать всеобщій, жабу и т. п. простуды. А какъ всякой человѣкъ имѣетъ какой либо припадокъ или покрайней мѣрѣ наклонность къ оному, притомъ всякая провинція имѣетъ, смотря по мѣстному положенію, свои эндемическія болѣзни, то ужасный переходъ отъ тепла къ холоду и обратно, въ сопровожденіи неумолкныхъ вѣтровъ, кого хотите доканаетъ; ибо въ таковыхъ случаяхъ и болѣзнь, какъ искусный непріятель, нападаетъ всегда на самую слабую часть силы тѣлесной. Въ дополненіе къ тому не видали по несколько дней животворящаго солнца не токмо мы, но и западная Европа. Читалъ я некогда въ *Всемірномъ Путешественникѣ*, что одинъ италіянецъ, проживая долгое время въ туманной Британіи, такъ соскучилъ за безоблачною Италіею, что въ письмѣ къ соотечественнику своему писалъ въ Италію: „ахъ какъ вы счастливы, что видите солнце,— кланяйтесь отъ меня солнцу!“ А нынѣ пишутъ изъ церковной области: у насъ большіе морозы, снѣгъ, туманы и мы три недѣли уже не видѣли солнца. Многіе у насъ, имѣвшіе зародыши къ тяжелымъ болѣзнямъ, жестоко страдали изъ числа молодыхъ людей; пожилыхъ же людей умерло необыкновенно много, въ томъ числѣ и добрый нашъ докторъ Бауръ...

7 марта, 1823 г. Трудолюбъ.

38. Мнѣ неизвѣстно, какъ Задунайской получилъ шведенборговы книги, уповательно онъ имѣлъ случай достать оныя будучи въ Германіи, ибо исторія свидѣтельствуетъ, что Румянцовъ въ Семилѣтнюю войну находился въ дѣйствующей арміи, прославилъ имя свое взятіемъ Колберга и, по заключеніи мира, оставался въ прусскихъ владѣніяхъ даже и во время возшествія на престолъ Екатерины II, которая благосклоннымъ письмомъ пригласила его въ свое отечество. Задунайской любилъ нѣмецкую словесность, а какъ таковыя книги не имѣли тогда доступа въ Россію, то и можно полагать, что онъ вывезъ ихъ изъ Германіи...

25 апрѣля, 1823 г.

39. У насъ теперь Егоръ Ильичъ Бажановъ и Миллеръ по именному повелѣнію производятъ слѣдствіе надъ злоупотребленіями судовъ миргородскихъ. Одно слѣдствіе въ 600 листовъ послано въ столицу, а другое продолжается.

26 мая, 1823 г.

40. Митрій Прокофьевичъ въ Ересках, гдѣ и Кудрявцовъ съ женою; Ольга же Дмитріевна очень тяжеловѣсна: при самомъ концѣ беременности. Д. П. говорятъ бодръ, но рана открылась поверхъ желудка; говорятъ, скрытно потрухиваетъ, но веселъ и всякой день разъѣжжаетъ. Такъ сказывалъ мнѣ любезный не Голтвянскій, а Черниговскій Бажановъ; самъ же я не былъ еще въ Ересках, а поѣду туда въ іюлѣ. Бажановъ, въ качествѣ ревизора, дѣлалъ у насъ, 4 мѣсяца почти, слѣдствіе, по именному повеленію, надъ миргородскими ябедниками, по тремъ разнымъ предмѣтамъ; высшее начальство обратило вниманіе на незазорныя поступки нашихъ юристодралистовъ; не одно убійство открылось, совершенное самими членами и много убійствъ было закрыто ими. Словомъ сказать самъ Бажановъ отправилъ 1600 листовъ необыкновенныхъ злоупотребленій, говоря, что еще было бы на два года, еслибъ приняться съ досугомъ. Вотъ какіе у насъ члены судовые да и самъ маршалъ изобличенъ въ неправдахъ...

5 іюля, 1823 г.

41. Пословица малороссійская говоритъ: „живой объ живомъ и думаетъ;“ такъ и я цѣлые шесть лѣтъ складалъ весь доходъ свой въ строевой лѣсъ, для постройки водяной мельницы, бывшей на пруду еще при отцѣ и дѣдѣ моемъ; само мѣсто требовало сего строенія; и наконецъ сего лѣта производилась презаботливая распилка лѣса, требовавшая точной мѣры въ длину, толщину и ширину, а на конецъ приступилъ уже и къ самой постройкѣ, которая захватитъ и будущее лѣто. Покудово будущая мѣльница начнетъ толочь сукно, пшено и молоть зерно, то заботы объ ней, по пословицѣ:—„прикажи, а самъ сдѣлай“, крѣпко натолкутъ мнѣ голову, да и теперь натолкли, ибо всѣ пріа-

тели мои и благодѣтели жестоко востали противъ меня: всякой про себя думаетъ, что я охладѣваю къ нему или имѣю неудовольствіе какое, иные даже кричатъ во все горло, что я забылъ старыхъ друзей; требуютъ, чтобъ я непремѣнно несколько недѣль прожилъ у каждаго въ домѣ, а таковыхъ домовъ довольно много; слѣдовательно надобно бросить все хозяйство и вести кочевую жизнь; а какъ весна однимъ днемъ красна, а лѣтній день пропалъ—то весь годъ пропалъ; того ради я на все лѣто сѣлъ въ Трудолюбѣ какъ ракъ на земли и не могъ уже ни въ какую сторону повернуться, какъ черепаха, опрокинутая на спину. Вообразите въ три мѣсяца сіи я видѣлъ министра только три дни...

24 іюля, 1823 г.

Министръ все лѣто проживаетъ въ Ересках; опять началъ немного кашлять, по словамъ генерала и отъ того, что не хочетъ сдѣлать заволоки. Вся толпа великою ордою проѣдитъ чрезъ Миргородъ въ столицу Кибенцы въ первыхъ числахъ сентября; 14 же числа предполагается освятить домашную церковь, которая почти совсѣмъ готова. Генералъ все жалуется на свою старую болѣзнь; малютка его недавно была нездорова, тесть его въ водяной, теща въ ипохондріи, мать въ ревматизмѣ. Такъ то поживаютъ роскошные люди, имѣющіе своего доктора и свою аптеку и множество поваровъ и кондиторовъ...

24 іюля, 1823 г.

42. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ стараго друга своего Василія Васильевича Капниста, которой жалуется, что въ продолженіи двухъ лѣтъ сихъ примѣтно ослабѣваетъ и хвораетъ, чтó очевидно сближается къ финалу; да правда и перенесъ много семѣйной печали, которая отчасти минулась, но здоровье не возвращается. Къ 30-му числу ѣду въ Ерески навѣстить министра. Странное дѣло, почти всѣ больны тамъ, а кулисы театральныя везутъ изъ Полтавы.—Княгининъ (Репниной) институтъ теряетъ довѣріе, берутъ насильно оттуда дочерей своихъ многія матери; причина тому та, что парижанка въ отсутствіе

княгини жестоко ссорилась съ Архимандритомъ, тамошнимъ законоучителемъ, которой ссорился за то, что мадамъ въ наказаніе ученицъ надѣвала крестъ. Увы до коихъ поръ у насъ будутъ ввѣрять дѣтей своихъ иноземнымъ шлёхамъ и подлымъ ремесленникамъ...

26 августа, 1823 г.

43. Трощинскій уже въ Кибенцахъ, слѣдовательно Ломиковскій, хоть не радъ да готовъ вести жизнь тунеядную, нестерпимую для сердца его; какъ то совѣстно пренебречь утонченныя ласки министра, служившаго отечеству полъ столѣтія! Министръ обновился здоровьемъ, какъ орля юность, веселъ сталъ, бодръ и разговорчивъ и не кашляетъ ни разу. 7-го октября будетъ освящаться церковь, все готово и посланы будутъ на сихъ дняхъ 20 лошадей за ризницей въ Переяславъ.

25 сентября, 1823 г.

44. Духъ воображенія коснулся чела моего и словоохотныя мысли переступили пять круговыхъ листовъ и не успѣли еще достигнуть половину пути своего. Вдругъ смерть В. В. Капниста оторвала меня отъ занятія сего. Вслѣдъ за тѣмъ добрый Д. И. Кудрявцовъ, такъ сталъ страдать грудною водяною, послѣ двухъ преждебывшихъ параличей, что въ продолженіи пяти недѣль ежедневно ожидаютъ кончины его. Сугубая печаль сія остановила поѣздку генерала въ Кагарлыкъ, меня же оторвала отъ всѣхъ занятій, ибо въ печальные Кибенцы нынѣ почти никто не ѣздитъ; и все это искушеніе пало на меня. И такимъ образомъ отвлеченъ нынѣ отъ среды спокойнаго занятія, вмѣсто коего, съ отвращеніемъ сердца долженъ бороться съ искушеніями и празднословить предъ немощнымъ, унылымъ и всѣми забытымъ министромъ. Видя таковую бѣду свою, я немогъ не огорчаться духомъ, что три любимыя книги ваши столь долго въ разлукѣ, совѣсть упрекала меня за косненіе, хотя невольное, а потому я и рѣшился безъ всякаго отлагательства отправить къ вамъ чрезъ почту вышесказанныя книги...

8 декабря 1823 г.

45. Проживая у васъ въ святой лаврѣ въ безмятежной обители вашей я роскошествовалъ чистыми услажденіями духа; вы пресыщали и упоевали меня душевнымъ гостепріимствомъ своимъ... Вслѣдствіе сего я имѣлъ намѣреніе поблагодарить васъ немедля пріехавши домой, но неожиданныя встрѣчи внезапно оттянули меня отъ дому; одинъ изъ сихъ случаевъ я обязанъ сообщить вамъ непреложно о чемъ и буду говорить при концѣ письма... Теперь съ сердечнымъ умиленіемъ могу похвалиться вамъ, что процессъ совершился уже прямо по руководству вашему со строгою точностію. Убилъ удода и вынулъ камень изъ головы его. И вотъ какъ дѣло происходило: о полуночи, въ субботу, сдѣлалъ я описаніе всѣмъ рукописямъ скандинавской философіи, сорвалъ переплеты и сложилъ всѣ лжеумствованія въ огромную кучу. 1824 года марта 30 дня, въ день недѣльный положилъ часть рукописей въ присѣнную печку, засвѣтилъ восковыя свѣчи и зажигалъ оными соблазнительныя бредни, что и продолжалось нѣсколько часовъ. Я крѣпко утомился и вспотѣлъ покудова сгорѣли всѣ *семь тысячъ страницъ*; пепелище же поворачивалъ огромною кочергою изъ колющаго шиповника, на тотъ часъ случайно срубленнаго за безпорядочной видъ его. Послѣ всего брошенъ былъ въ печь печатной въ Лондонѣ портретъ автора, большой же портретъ его, писанный на заказъ, я загрунтовалъ чорной краской. *Выпись рукописямъ писаннымъ мною день и ночь въ продолженіи семи лѣтъ, то есть отъ 1816-го до 1821 года включительно* 1) Апокалипсисъ, изъясненный отъ 1-й до 19-й главы, число страницъ 4319. NB. Умственно сжегъ при семъ и тѣ главы, кои находятся у васъ съ другими рукописями подобнаго же духа. 2) Истинное христіанское Богочестіе, 2 части, 794 стр. 3) О любви супружеской, 447 стр. 4) Ученіе Новаго Іерусалима, 75 стр. 5) О небѣ и адѣ, 2 части, 450 стр. 6) Объясненіе псалмовъ, 70 стр. 7) О святой Троицѣ, *Ереси*, 20 стр. 8) О конѣ бѣломъ, 4 стр. 9) Объ установленномъ сообщеніи между душею и тѣломъ, 126 стр. 10) Объясненіе божественныхъ истинъ, 28 стр. 11) Разныя творенія членовъ новой церкви, 77 стр. 12). Духъ Сведенборга, писанный мною, 33 стр. 13) Разныя выписки, 303 стр. 14) Наука соотвѣтствій,

34 стр. 15) Ангельская премудрость о Божественной любви, 144 стр. 16) Ангельская премудрость о Божественномъ Промыслѣ, 343 стр. Итого листовыхъ страницъ 7267. Вамъ извѣстно, какимъ мелкимъ письмомъ писаны творенія сіи; еслибъ оныя рукописи писалъ я просторнѣе, какъ обыкновенно пишутъ, тобы листовъ было въ трое больше, т. е. доходило бы число до 20000 страницъ, слѣдовательно и бумаги пошло бы не четыре стопы, а двѣнадцать стопъ. Всѣ сіи труды принесъ я въ жертву смиренной матери нашей, соборной Апостольской церквѣ, яко такого духа, которой болѣе всѣхъ враждовалъ противъ присной матери нашей, который облекшись въ броню софизмовъ, яко въ булатъ невредимый, съ жестокимъ вольнодумствомъ ополчался противъ всѣхъ святыхъ установленій, освященныхъ тысящелѣтіями и который воевалъ противъ всѣхъ пророковъ и апостоловъ, не какъ явный другъ ихъ, но какъ бы ближайшій другъ ихъ, который подъ притворною личиною усердія, предлагаетъ драгоцѣннѣйшіе плоды, приправленные самымъ сильнымъ ядомъ. Превративъ въ пепелъ ученіе противника церкви нашей, я съ веселіемъ вхожу въ комнату и слышу благовонный запахъ во всѣхъ горницахъ; спросилъ у жены: отъ чего это въ комнатахъ слышенъ духъ кадильный? Она отвѣчала: сего дня воскресный день, помолившись Богу нечѣмъ было заняться, такъ я и накурила смирной во всѣхъ комнатахъ. Я помыслилъ тогда: какъ кстати пришло ей на мысль окурить всѣ комнаты наши. Послѣ прихожу въ кабинѣтъ и замѣтилъ пустоту между рукописными приполками, я возрадовался сердцемъ, что столь рѣшительно исполнилось данное мнѣ повеленіе. Но какъ я щедро награжденъ былъ за пожертвованіе сіе; я увидѣлъ на столѣ рукопись Транквиліона, сталъ вновь читать его съ умиленіемъ и почувствовалъ неизъяснимую сладость въ сердцѣ своемъ, позналъ высокую цѣну великимъ истинамъ, являющимся въ непорочной простотѣ своей, прямымъ сынамъ церкви нашей, сынамъ востока свыше... Написавъ усердныя письма къ обѣимъ братьямъ послалъ къ младшему брату розги садовыя и просфиру заздравную, прося, чтобы онъ доставилъ таковую же просфиру и письмо мое въ Екатеринославъ къ старшему брату своему. Я получилъ ве-

ликую благодарность а сверхъ того извѣстіе, что старшій братъ будетъ къ нимъ того же дня, проживетъ у нихъ день и поѣдитъ принять праздникъ у зятей своихъ, живущихъ близъ Роменъ. Поелику же я около двухъ лѣтъ не навѣщалъ младшаго, то онъ и недавалъ мнѣ знать о возвратномъ пути старшаго брата, но задумалъ сдѣлать мнѣ одно порученіе, которое отнюдь отъ меня не зависѣло, но ему такъ показалось, а потому какъ пріѣхалъ къ брату, тотъ же часъ на всю ночь отправилъ ко мнѣ курьера съ длиннымъ письмомъ, прося самаго скораго объясненія, говоря что должность требуетъ скорѣйшаго возврата на службу. Я рѣшился тотчасъ же ѣхать для личнаго объясненія, отнюдь не имѣя намѣренія спѣшить въ важномъ дѣлѣ; видя же заботы общія, занятіе гостями и суету къ выезду, я даже и въ мысляхъ не клалъ промолвить одно слово о новомъ образѣ мыслей моихъ. 13 апрѣля въ день недѣльный, Д. Л. (Алексѣевъ) долженъ былъ выѣхать въ восьмомъ часу утра, дабы дольше наговориться съ нимъ, я всталъ рано и пошелъ къ нему въ спальню вмѣстѣ кофій пить. Вдругъ приходитъ хозяйка; поговоривъ кое о чемъ, Д. Л. вышелъ на минуту! Хозяйка какъ снѣгъ на голову, вдругъ спросила у меня: читаете ли вы по прежнему Сведенборга? Ненавидя ложь, просто сказалъ—нѣтъ. Она покраснѣвъ, съ удивленіемъ спросила: почему?—потому что тамъ много ужасной аріанской ереси. Приходитъ Д. Л.,—Хозяйка говоритъ ему: В. Я. оставилъ Сведенборга.—Какъ это можно воскликнулъ онъ!—Я нехочу послѣдовать иноземному мечтателю, а хочу быть сыномъ восточной церкви. Д. Л. сказалъ: такъ вы покланяетесь святымъ, молитесь имъ и вѣрите соборамъ! О въ какомъ вы ужасномъ ослѣпленіи! Вы навѣки погибнете!—Если вы думаете, что я погибну, то я погибну одинъ, а если вы погибнете, то погибнете со всѣми дѣтьми своими!—Д. Л. поблѣднѣлъ.—Тогда я сказалъ: я могу представить вамъ цѣлыя горы доказательствъ, что эта секта богохульствуетъ; я вамъ дамъ доводы и вы сами увидите непорочную святость, истину церкви нашей! Онъ сказалъ: увидимъ, а послѣ возвратился:—нѣтъ нехочу читать, ничто меня не убѣдитъ во вредъ новой церкви!—Будьте жъ увѣрены, что она скоро будетъ осуждена, сказалъ *я*. *Хозяйка*: Нѣтъ она въ Ан-

глiи и въ Америкѣ часъ отъ часу болѣе распространяется, братъ имѣетъ вѣрныя извѣстiя. Приходитъ младшiй братъ. *Хозяйка*: Ты правду сказалъ, услышавъ, что В. Я поѣхавъ въ Кiевъ, оставитъ Сведенборга.—Какъ! Не ужели? Усмѣхнулся, кивалъ головой съ сожалѣнiемъ и потомъ сказалъ: Отдай намъ свои рукописи!—У меня нѣтъ ихъ.—Гдѣ жъ онѣ?—Сжогъ до послѣдняго листа.—Ахъ какое ослѣпленiе!—Повѣрьте мнѣ, господа, что я такъ поступилъ послѣ самаго строгаго изслѣдованiя, почувствовавъ адскiя лжи, дышущiя гордостiю великою познанiя таинствъ небесныхъ. Вы читали Свед., а я семь лѣтъ переписывалъ, изслѣдовалъ его и, какъ Iоаннъ Богословъ совѣтуетъ, испытывалъ и писанiя; при всемъ томъ 4 года вступался за расколъ сей, боролся за него; но при томъ всякой день молился, чтобы Богъ сподобилъ навести меня на путь спасенiя, и удидѣлъ адскую пропасть, которую я съ восторгомъ щиталъ за небо. Вы теперь возражаете мнѣ, но я въ сто разъ больше распинался за Свед. чѣмъ вы, и увидѣлъ заблужденiе свое. И если вы будете улучшать сердце свое и въ простотѣ сердца руководствоваться правилами церкви нашей, то и вы обратитесь на путь истины. Надобно знать, что при слабыхъ возраженiяхъ сихъ часто кричалъ попугай, котораго крикъ для меня гораздо прiятнѣй былъ нежели слова ослѣпленнаго разума росколами. Карету подали, Д. Л. распрощался со мною дружески, просилъ убѣдительно къ себѣ и я далъ слово быть у него по зимнему пути или въ добрую осень. С. Л. не хотѣлъ убѣждать меня, говоря, что это безполезно.—Хозяйка болѣе всѣхъ ополчавшаяся, услышавъ, что я видѣлъ Свед. въ скрежетѣ зубовъ, кланявшагося до земли, развалины храма, а такъ же и ее самую видѣлъ, особенно во снѣ, обѣщалась поговорить со мной наединѣ о предметѣ семъ. Послѣ обѣда дюжина гостей разъѣхалась и мы приступили къ разговору. Она разсказала мнѣ, какъ она съ мужемъ ужасалась книгъ скандинавскихъ, какъ убѣждена была прочитать хотя немного, какъ причитала тайкомъ отъ мужа, какъ мужъ огорчился узнавъ объ этомъ и какъ наконецъ самъ прилѣпился. Потомъ сказала: еслибъ кто сказалъ ей, что видѣлъ Свед. въ адѣ, то она никакъ не оставитъ его, ибо онъ всѣхъ сильнѣе доказываетъ о благости

божіей и болѣе всѣхъ прилѣпилъ ее къ Господу. Я отвѣчалъ, что я видѣлъ его въ скрежетѣ зубовъ, что онъ самой ужасной еретикъ, уничижавшій Тройцу. Она отвѣчала: онъ превозноситъ Тройцу болѣе всѣхъ.—Я сказалъ: ахъ! въ какомъ вы ужасномъ ослѣпленіи; но если вы по евангелію будете улучшать сердце свое, то Господь несомнѣнно обратитъ васъ на путь спасенія, о чемъ я всякой день буду молиться. За молитву она согласна, а ереси никакъ не хочетъ оставить, полагая, что я погибшій. Потомъ спросила: какъ я видѣлъ ее? Я сказалъ 13 апрѣля, т. е. сего дня прежде обѣдни, вы стояли подлѣ меня въ бѣломъ платкѣ съ красною шалью и сильно уговаривали меня. Вить такъ?—Такъ, сказала она.—Подлѣ васъ стоялъ мужъ вашъ и просилъ, чтобъ я отдалъ ему семилѣтнія рукописи. Вить такъ?—Такъ. Я сказалъ, что у меня ихъ нѣтъ. Такъ?—Все это видѣлъ я во снѣ, какъ на яву 6 марта, т. е. 37 дней прежде разговора нашего, въ томъ самомъ платьѣ и слышалъ тѣ самыя слова отъ васъ обоихъ, даже и комната была просто бѣлая. Она покраснѣла, просила, чтобъ я дѣтямъ ея не говорилъ про философа ихъ. И потомъ отпустила мнѣ множество самыхъ младенческихъ доводовъ, не смотря на великой умъ ея. И не могла скрыть неудовольствія на васъ, полагая, что вы самой великій магикъ. Сверхъ того присоединила самыя слабыя убѣжденія, однако жъ созналась,что она никакъ не въ силахъ оспорить доводовъ моихъ, потому что только одного Сведенборга и затвердила. Прочихъ же и знать не хотѣла и не хочетъ! Въ отвлеченномъ разговорѣ называла меня истиннымъ другомъ дому, и мы разстались какъ большіе друзья. Съ каждымъ изъ нихъ разставаясь, тихонько говорилъ: любовь къ вамъ сохраню незыблемо, хотя мы теперь крайне противоположны въ мнѣніяхъ; на моей сторонѣ церковь и всѣ святые, а на вашей, увы! мечтательный иноземецъ, завлекшій васъ въ пустыню.—Вотъ что успѣло совершиться въ короткое время; я не помышлялъ еще явно приступить къ дѣлу, не хотѣлъ и рѣчи зачинать о предмѣтѣ семъ и невольно слишкомъ проболтался, да еще и разомъ со всѣми старшинами секты сей. Соображая случай сей, думаю, что столь твердый голосъ съ тѣми людьми, которые какъ ора-

кулы говорили со мною во время оно, можетъ крѣпко озадачить ихъ, а наипаче старшаго изъ нихъ. Я не сомнѣваюсь теперь, что онъ возьметъ новыя рукописи, будетъ обдумывать ихъ и получитъ охоту изслѣдовать писаніе, тогда зародиться можетъ искра довѣрія къ смиренному ученію церкви нашей, слѣпое же довѣріе будетъ оскудѣвать по немногу. Отъ Бога все возможно; и человѣкъ съ помощію постоянной молитвы во всякомъ добрѣ преуспѣть можетъ. Я отнюдь не помышлялъ вступать въ неравное ратоборство сіе, но какъ вамъ извѣстно—мнѣ повелѣно итти въ пустыню и тотъ, кто живетъ за рѣками, за полями, внезапно видится со мной. Два семейства сіи такъ добры и благотворительны, что, кажется мнѣ, самъ Богъ вступается за нихъ. Изъ всего сего и заключаю я, что буду имѣть самыя непредвидѣнныя случаи встрѣчаться съ ними. Вотъ для чего случай сей и разговоръ нашъ я описалъ со всею подробностію...

22 апрѣля, 1824 г. Паркъ Трудолюбъ.

ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ ЗЕМЛИ И ЗЛЫХЪ ДУХОВЪ.

Между матеріалами народнаго творчества, любезно сообщенными мнѣ г. Бѣньковскимъ, обращаетъ на себя вниманіе сказка-легенда космогоническаго содержанія. Въ легендѣ проводится дуалистическій взглядъ, и она полнѣе сравнительно съ другими, подобными ей варіантами.

Х. Я.

То ще якъ не було на свити ни земли, ничого, а тилько одна вода. Разъ Богъ ходывъ по тіи води и бачыть на води булька зъ пины, котра ворушилась; Богъ палыцею роздлубавъ ту бульку и вылизъ зъ неи маленькій чорненькій чоловичокъ зъ хвостомъ и рижками. Богъ давъ мня тому створеневи Сатанаилъ и сказавъ ему: „йды за мною, будемо разомъ ходыты". Ходылы воны по води довго; нарешти втомылысь и захотилы видпочыты; Богъ и каже до Сатанаила: „впирны ты пидъ воду, возьми жменю земли, скажы: „во имя Господне иды зо мною, земля", и несы наверхъ до Мене. Сатанаилъ впирнувъ на дно, взявъ жменю земли, алежъ думае соби: нащо я маю казаты: „во имя Господне"; або я чимъ гирше видъ Него?" та й каже: „во имя мое земля иде зо мною".—Гулькъ наверхъ—дывыця, а земли въ жмени а ни трошки; а Богъ до него каже: „бачь—хотивъ мене обмануты, ослухатысь и зробыты по своему, та не вдалось; впирнай зновъ!" Сатанаилъ зновъ впирнувъ на дно, взявъ жменю земли, затыснувъ іи въ кулакъ, але-жъ все-таки не сказавъ, якъ ему Богъ велывъ, а звычайно впартый, якъ всякій чортъ,

сказавъ по-своему: „во имя мое иде зо мною земля“, выйшовъ наверхъ, рознявъ кулакъ—дывыця, а земли знову ничого нема. Богъ ему каже: „ты таки зновъ хотивъ зробыты по-своему и не слухаешь мене, але даремна твоя праця: ницъ съ того не буде; впирнай лишень третій разъ и кажи такъ, якъ тоби казано.— Сатанаилъ впирнувъ въ третій разъ, взявъ въ жменю земли, та й каже: „во имя Господне“, але спохватывся та й думае соби: перше земля втикала въ мене зъ кулака черезъ то, що іи легко тремавъ; теперъ же я іи затысну въ кулаци такъ моцно, що видъ мене бильшъ не втиче; та й зновъ сказавъ по-своему: „во имя мое земля иде зо мною“; выйшовъ наверхъ, дывыця, а земли зновъ нема, не вважаюче на то, що винъ іи тремавъ обома руками; але все-таки черезъ то, що винъ, бравши землю, вспомянувъ мня Боже, то въ него по-за пазурами зосталася чуточка земли. Богъ дывытця, що и въ трете Сатанаилъ не выполнывъ его прыказу, та й каже ему: „лыбонь съ тебе ничого доброго не буде, колы ты не мигъ выполныты такого пустяка, а нарешти вытереби ту землю, що въ тебе лышылась за пазурами и давай сюды, буде досыть и сеи. Сатанаилъ то зробывъ; Богъ взявъ ту землю, посыпавъ по води, и зробывся дуже гарный на води горбокъ и на нимъ зелень и дерево. Богъ зъ Сатанаиломъ и силы на тимъ горбку спочиваты. Богъ якъ бувъ дуже, втомляный, лигъ на трави и заснувъ;—тоди Сатанаила взяла заздристь, чому винъ не такый сыльный и могучый, якъ Богъ, и захотивъ винъ Бога втопыты; взявъ винъ Бога на рукы и хотивъ кынуты въ воду, але-жъ бачыть чудо: передъ тимъ вода була видъ него не бильше, якъ ступень, а теперъ втикла ступнивъ на десять а на тимъ мисци стала земля; але-жъ Сатанаилъ на то не вважае—пустывся таки бигти до воды, щобъ кынуты Бога въ воду, и тилько щобы кынуты,—но вода видъ него все дальше и дальше, и до краю ниякъ добигти не може. Але бигъ винъ, бигъ, ажъ зновъ опынывся якимсь чудомъ на тимъ самомъ мисци, видки взявъ Бога на руки; але глянувъ тоди ненарокомъ вбикъ и бачыть, що вода видъ него въ сторони не бильше якъ, ступнивъ два; винъ давай туды бигты, щобы таки втопыты Бога, але зновъ же те же саме ся

робыть, якъ и першій разъ: винъ бижыть, а вода втикае. Бигъ винъ, бигъ, ажъ знову опынывся на старымъ мисци. Тоди положивъ Бога на землю, та й думае: „земля ця тоненька, якъ шкаралупа; я выкопаю яму, прокопаюсь ажъ до воды та й кину туды Бога“. Копавъ, копавъ, ажъ втомывся,—зипривъ и яму выкопавъ сыльне глыбоку, но до воды не докопався. (Примѣчаніе разсказчика-дѣда: Отъ черезъ що тилько на свити Божимъ багацько земли, и така вона груба: то іи чортъ набигавъ, хотивши Бога зо свиту згубыты).—Тимъ часомъ пробудывся Богъ та й каже: „Бачышь, якый ты передо мною безсыльный и ничого не можешь мини зробыты, хоть и хочешь: земля и вода повынуютця Мини,—тому, хто ихъ сотворывъ, а не тоби. А цее, що черезъ тебе така земля зробылась велыка, ще не бида: я іи насылю разнымъ людомъ и тварами, а яма, що ты теперъ выкопавъ, прыгодыця для тебе-жъ самого на пекло.—Тоди Богъ взявся насыляты землю ружнымъ творинемъ: зразу вылипывъ зъ земли чоловика, подувъ на него, и винъ ставъ ходыты и говорыты, а потимъ поробывъ всю другу скотыну и звирыну, всего по пари для плоду; писля сего, Богъ, идучи на небо, и сказавъ Сатанаилови: „иды ты зо мною“; але-жъ такъ, якъ Сатанаилъ не мавъ крылывъ, то и не мигъ за Богомъ лититы, то Богъ природывъ ему шисть крыливъ, тоди Сатанаилъ и политивъ за Богомъ на небо. На неби жылы воны, чи довго, чи коротко, цего не знаю, тилько чувъ, що Сатанаилъ такъ прислужився у Бога, що Богъ подарувавъ ему золоту корону на голову. Ажъ разъ Богови треба було кудысь питы на де якій часъ, а на неби лышивъ господаруваты самого Сатанаила, наказавъ ему, колы пислаты на землю дощъ, колы витеръ, колы градъ, а колы тепло; а писля сего каже: „якъ тоби самому буде скучно, то маешь макитру воды, помачаешь въ нюю палецъ, капнешъ, и зъ тои капли зробыця такій самый, якъ ты, и тоди тоби не буде скучно, бо будешъ мавъ съ кимъ забавлятыся“. Сказавши цее, Богъ пишовъ зъ неба; тилько що Богъ выйшовъ за ворота, Сатанаилъ кынувся до макитры, помачавъ въ нюю палецъ, капнувъ каплю воды, бачыть—справди зъ неи зробывся точнисенько такій самый, якъ винъ. Тоди винъ

почавъ омочаты въ воду вси десять пальцивъ и зробывъ кильконадцять тысячъ подобныхъ на себе чоловикивъ. Робывъ винъ ихъ, робывъ, ажъ покы воды стало и якъ выкапавъ всю воду, дывытця, а ихъ стилько, що й свита Божого не выдко; тоди Сатанаилъ думае соби: „отъ теперъ я царъ, такъ царъ,—маю ѐвое війско, маю свои слуги, маю свое царство: вже никого не боюся, а Бога на небо не пущу, а буду командуваты тутъ самъ". И отъ винъ прыказавъ своимъ слугамъ, щобы ставыли ему царскій престолъ; черезъ годыну престолъ бувъ готовый. Сатанаилъ вылизъ на него, сивъ, набундюжився и каже свому війску, щобы воно стерегло, якъ буде Богъ лититы на небо, щобы Его не пустыты. А Богъ тымъ часомъ справився, де Ему треба було, и летыть назадъ на небо; коли-жъ бачить—на неби тьма тьмуща маленькихъ чоловичковъ, и всякій въ Него кыдае: той каминемъ, той букомъ, той болотомъ,—хто чимъ попавъ; а Сатанаилъ вбрався въ подаров ну ему корону, сыдыть на престоли и командуе ними заслоняты Ему дорогу и не пускаты на небо; але Богъ все-таки на небо вылитивъ и, розсердывшись дуже на Сатанаила, проклявъ его, взявъ палку, пихнувъ нею поставленый сатанаиловыми слугами престолъ, и той престолъ разомъ съ Сатанаиломъ и всима своими слугами политилы на землю. Богъ сказавъ „аминь"; и кого цее „аминь" де захопыло, якъ падавъ на землю ще на воздуси и не долетивъ ще до неи, то такъ винъ и зостався высити на воздуси до Страшного Суда. И теперъ якъ хто зъ людей иде, альбо йиде и зачепитъ головою, альбо чимъ другимъ высячого на воздуси сатанаилову слугу, то цего чоловика непреминно вчепыця блудъ, и винъ зибъеця зъ дороги,—отъ отчего бувае блудъ.—Сатанаилъ же якъ проклятый и скынутый на землю, зачавъ ходыты зъ своими слугами по земли и добрымъ людямъ зло чиныты; а Богъ же на неби на мисце Сатанаила поробывъ соби другихъ дуже багацько гарненькихъ хлопчикивъ и назвавъ ихъ „янголями". Зъ тихъ *янголивъ* вонъ найлуче любивъ йидного и давъ ему мня Миха; и цэму Михови веливъ слидыты за Сатанаиломъ и якъ можно старатьця не даваты ему робыты людямъ зло. Отъ и зачавъ Миха слидыты за Сатанаиломъ; слидывъ винъ, слидывъ, але цее ему мало вда-

валось, бо Сатанаилъ мавъ 6 крыливъ Миха тилько два, и черезъ те Сатанаилъ видъ Михы втикавъ; тоди Миха пожалувався Богови, що винъ съ Сатанаиломъ не може ничого зробыты, бо Сатанаилъ, мавши 6 крыливъ, тоди якъ у него—Михы тилько двое,—швидче видъ него литае, и черезъ то винъ не може за нымъ слидыти, а также Миха зачавъ просыты Бога, щобъ Богъ видыбравъ видъ Сатанаила подаровану ему золоту корону и давъ ему. Богъ Михови на це и каже: „йды бо лышень ты на землю, найды Сатанаила, подружыся зъ нымъ и поклычъ его въ глыбоке море купатыся, и якъ будете купатыся, заложыся, хто довше буде сыдиты пидъ водою, и якъ за третимъ разомъ Сатанаилъ впирне, ты иды скоро на берегъ, беры Сатанаилову корону и втикай на небо, а Я тимъ часомъ заморожу море, то закимъ Сатанаилъ зъ-пидъ леду вырвеця, то ты зъ короною втичешъ. Миха такъ и зробывъ, якъ ему Богъ веливъ: пишовъ на землю, знайшовъ Сатанаила, подружився зъ нымъ и сталы обыдва вкупи жыты, але разъ Миха бере й кличе Сатанаила купатыся и выбравъ для того саме глыбоке море. Миха розибрався, Сатанаилъ такожъ розибрався, а корону свою скинувъ и зоставывъ на берези. Отъ воны купаюця, Миха и каже Сатанаилови: „а ну хто довше зможе пробуты пидъ водою—я чи ты?“ Сатанаилъ каже: я, а Миха каже: я, и зачалы воба спориты. Сатанаилъ каже, и що-жъ тутъ перечитися, заразъ спробуемо—впирнаймо обыдва разомъ въ воду и побачимо, хто довше буде сыдивъ въ води. Отъ воны и повпирналы, але Миха тилько що сховавъ голову въ воду, та й заразъ назадъ выйшовъ, наповерхъ воды и дывыця, де Сатанаилъ; вода въ морю чиста, якъ скло, и бачитъ винъ—сыдытъ Сатанаилъ на самимъ дни. Сыдивъ винъ, сыдивъ та й ставъ пидносытыся наверхъ,—тоди Миха живенько спустывся на дно, сивъ и сыдыть. Сатанаилъ выйшовъ наверхъ воды, дывыця, а Миха ще сыдытъ у води,—и думае: „кепсько, винъ мене пересыдивъ“. Миха же, посыдивши трохи, выплывъ та й каже: „а що? хто довше сыдивъ—га?“—Тоди Сатанаилъ каже: а ну, давай ще разъ! ,,и знову повпирналы. Сатанаилъ пишовъ на дно, а Миха заразъ же выплывъ наверхъ и ставъ чикаты, колы Сатанаилъ буде выплываты, щобы тоди самому схо-

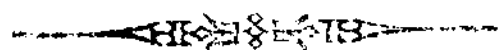
ватысь въ воду и тимъ доказаты, що винъ довше сыдытъ, нижъ Сатанаилъ; и зновъ такъ зробывъ, якъ першій разъ: тилько Сатанаилъ ставъ выплываты, тоди Миха впирнувъ и наповерхъ воды выйшовъ писля Сатанаила на килька минутъ пизнише. Сатанаилъ зновъ каже: давай ще разъ попробуемо; якъ и за симъ разомъ ты мене пересыдышъ, то такъ и буты, и тоди здамся, будь тоди ты въ симъ дили першимъ". Воны впырнулы, Сатанаилъ знову на дно, а Миха скоро выплывъ наверхъ, выйшовъ на берегъ, схватывъ свое шматя и Сатанаилову корону и пустывся втикати на небо, а Богъ приказавъ тоди морозови, щобы винъ заморозивъ тое море на цилыхъ три сажни. Сатанаилъ сыдивъ пидъ водою доки мигъ, але вже дальше невмоготу; винъ догоры... а га! щось не такъ: лидъ не пускае выйты; винъ тоди зновъ спустывся на дно,—якъ уперся ногами, якъ пидскочивъ и вдаривъ въ лидъ головою, то лидъ ажъ на всимъ мори затрыщавъ; винъ вдруге тое саме зробывъ,—лидъ на тымъ мисци, де винъ вдарывъ въ него головою, трыщытъ; потриснавъ, та не ломиця: винъ втрете якъ вдаривъ, то ажъ наверхъ зпидъ леду выскочивъ—дывиця: Миха вже на сыредыни дороги межъ небомъ и землею, втикае зъ его короною. Сатанаилъ за нимъ давай доганяты, и якъ въ него було 6 крыливъ, а въ Миха всего 2, то винъ швыдче летивъ, нижъ Миха, и ставъ его нагоняты. Отъ Сатанаилъ вже недалеко-недалеко, отъ-отъ дожене Миху, но тутъ якъ разъ показався на неби Богъ и кинувъ Михови огнэнну шаблюку, сказавши: „на, бороныся!" Миха хвать за шаблюку, а Сатанаилъ вже коло него, хоче выдерты корону; тоди Миха махнувъ шаблюкою и зразу видрубавъ въ Сатанаила зъ одного боку три крыли, а самъ дальше втикаты, а Сатанаилъ, якъ пидстреляный зъ одрубаными крылами, такъ камнемъ и полетивъ на низъ та й шлепнувся на землю. Тоди Богъ видъ имени Сатанаилова видирвавъ слово „илъ" и вчипивъ то слово до имени ангела свого Миха, черезъ що Сатанаила сталы зваты прямо Сатана, а Миха—Михаилъ.—Съ сего часу сатана зробывся самымъ ярымъ ворогомъ Михайлу и ставъ придумуваты, якъ бы его злапаты и яку бы ему зробыты штуку, даты кару

за те, що винъ такъ его обездолывъ: взявъ корону и видрубавъ крыла. Отъ Сатана выкопавъ дуже глибоку въ земли яму и закопавъ въ ту яму нарочне вылытый для того вылыкій и дуже грубый чавунный слупъ; поприроблявъ до того слупа ружны ланцуги: на шию, на руки, ноги, и такъ штучне все те природывъ, що якъ бы кого закуваты до того слупа въ ти ланцуги, то винъ до кинця свита зъ нихъ бы не вырвався. Якъ кинчивъ всю цюю штуку, вбрався въ ти ланцуги, прикувавъ себе до слупа и попробувавъ, чи моцно стоитъ слупъ; якъ помоцювався, то ажъ земля дрыглася, а слупъ и ни поруштився: тоди розибрався и заговоривъ самъ до себе: „Попадься теперъ ты мыни ненавистный Михайло, не вырвався бы ты бильше видъ мене зъ цей тюрмы; алежъ якъ бы тамъ не було, а все-таки тебе злапаю и засажу сюда“. Але-жъ бачытъ, йде коло него якысь старенькій дидокъ.—„Здорови булы, паночку!“—Здоровъ, диду!—„А що вы, паночку, збудовалы таке?“—Тюрму таку, диду.—„Якажъ то тюрма? я якось не можу втеропаты цего“.—О, якій ты недогадливый, отъ йды, ставай сюда, я тебе закую, тай будешъ бачивъ.

Дидъ ставъ, сатана понатягавъ на него все те ланцузя и позамыкавъ; но якъ дидъ бувъ старенькій и худенькій, то винъ вытягне съ тихъ кандаливъ то руку, то ногу, черезъ що ничого не выходыло. Тоди Сатана каже: „вылизай звидти, диду, ты старый и дуже худый до цеи тюрмы, а іи збудувавъ на такого крипкого хлопця, якъ я; дивись, якъ я вберуся, якъ на мени буде добре. Сатана взявъ и въ кандалы тіи вбрався самъ позакладавъ все, позамыкавъ и пытае дида: „а що, диду, добре-га?“—„Аминь“ прорикъ дидъ,—тоди все тее züлизя злылося, скувалося докупы само собою, и сатана зоставсся тамъ въ нему викуваты до суду Божого.—Дидъ же той бувъ нихто иншій, якъ самъ Богъ.—Писля цего сатана дывиця, що кепсько: въ ту биду, що готувавъ для другихъ, попався самъ,—склыкавъ винъ всихъ своихъ слугъ и приказавъ имъ грызты те зализо, щобъ зъ неволи его вызволыты, и грызутъ тіи чорты то зализя цилый рикъ до Святои Паски, и вже ся лишитъ имъ грызты, щобы

высвободыты свого люцыпира дуже мало, часомъ не грубше, якъ на цаль (дюймъ), но якъ тилько пипъ въ церкви на Паску скаже: „Христосъ воскресъ!" то все зализя тое, що воны грызлы, стае таке саме товсте, якъ було, наростае, и воны знову зачинають его грызты; грызуть-грызутъ,—тилько лышаецця перекусыты, прыйде Паска, и воно зновъ вдвое наросте; такъ воно ся тягне изъ року въ рокъ,—ведецця и до сихъ поръ.

(Записано г. Бѣньковскимъ въ с. Рыхтѣ, каменецкаго уѣзда, под. губ.).

Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Обрядъ прощанія рекрута съ семьей и сосѣдями, никогда еще не описанный, отражаетъ въ себѣ гораздо больше времена козацкой и долгосрочной солдатской службы, чѣмъ настоящую дѣйствительность. Какъ нѣкогда реестровые козаки, выступая въ походъ, снаряжались на свой счетъ, такъ и теперь родные новобранца изготовляютъ ему, по возможности, полный запасъ одежды, бѣлья и обуви. Онъ получаетъ: шапку или картузъ, отъ 3—15 сорочекъ, 3—5 паръ нижняго бѣлья, шарфъ, жилетъ, чемарку, кафтанъ (каптанокъ) или пиджакъ, чернаго цвѣта, 1—2 пары штановъ, 2 пары перчатокъ и сапоги. Полушубокъ дѣлаютъ въ послѣднее время не вездѣ. Кромѣ одежды и бѣлья, новобранцу даютъ еще 2—3 рушника, щетки, гребешокъ, игольникъ съ иголками, ножницы и дюжину пуговицъ. Имущество это складывается въ крашенный сундучокъ, у бѣдняковъ—въ торбу. Кое гдѣ бѣлье рекруту шьютъ родственницы, молодицы и дѣвки, по вечерамъ, распѣвая рекрутскія пѣсни. Новобранецъ долженъ отговѣться, обыкновенно на Козьму и Демьяна (1-го ноября), въ новомъ бѣльѣ и одеждѣ. Затѣмъ въ честь рекрута собираются особыя досвитки, въ родѣ праздничныхъ игрищъ. Парни нанимаютъ музыку и ставятъ 1½ кварты водки, а дѣвки приготовляютъ праздничный ужинъ: коржи, пироги, блины, капусту, локшину или картофель съ саломъ. На этихъ досвиткахъ молодежь танцуетъ и поетъ рекрутскія пѣсни. Такъ „шанують“ рекрута товарищи. Въ свою очередь и родители новобранца даютъ

парадный обѣдъ или ужинъ, иногда также съ музыкой („балъ“), на которомъ къ перечисленнымъ блюдамъ присоединяютъ еще жаренную гусь, утку или курицу, въ постные дни—рыбу, и 1/4—1/2 ведра водки. Рекрутъ самъ приглашаетъ къ обѣду родичей, крестныхъ, сосѣдей, товарищей, какъ молодой; мѣсто его за обѣденнымъ столомъ такое же, какъ молодого—на покути. За обѣдомъ рекрутъ угощаетъ водкой присутствующихъ, которые говорятъ ему слѣдующія рѣчи: родители—„сынку! не забувай отця-ненькы, не балуйсь! Дядькивъ и титокъ—не забувай, то й тебе Господь мылостывый не забуде: щастямъ и здоровьемъ, викомъ довгимъ и розумомъ добрымъ. Господь дасть фортуну у поли и въ доми, Господь тоби пошле на много литъ. Послухай, шобъ ты у проступкы не простувавсь“. Родители говорятъ еще и такъ: „Хай тоби Богъ помога, сынку! Шобъ ты службы царськои понимавъ, то тоби Господь поможе, а не будешъ ты людей старыхъ чтыть, то тебе Господь буде забувать. Якъ дасть Богъ, шо вернесся, то шобъ заставъ батька и матирь. Дай Богъ, шобъ ты выслужывъ службу чесно и велычно“.

Съ своей стороны, сосѣди приговариваютъ такъ: „дай, Боже, ёму легку службу, шобъ благополушно, легко, весело. Се мы вырядылы, а ше шобъ досталы женыть“.

Товарищи говорятъ: „прощай братикъ ридный, товарышу вирный! Шобъ Господь пославъ тоби здоровья, щастя, шобъ Господь давъ легку службу служыть, шобъ мы побачылысь зъ тобою. Шкода, шкода! Шо мы зъ тобою хороше жылы, колы вже мы будемъ такъ жыть?“

На парадномъ обѣдѣ гости одаряютъ новобранца деньгами, отъ нѣсколькихъ копѣекъ до рубля, и вещами: нитками, воскомъ, хустками, рушниками, 3—4 аршинами холста, въ какомъ обычаѣ сохранились, вѣроятно, слѣды снаряженія обществомъ неимущихъ козаковъ, такъ называемыхъ подпомощниковъ, во время гетманщины. Послѣ обѣда и одаренія, родители благословляютъ сына такимъ порядкомъ, какъ молодого: образомъ и хлѣбомъ съ солью. Особенность обряда прощанія заключается въ томъ, что мать снимаетъ съ шеи маленькій новый крестикъ, цѣлуетъ его, крестится и, надѣвая на шею сына, рыдаетъ и приговариваетъ:

„...Съ тимъ прощай, сынъ мій, дытыно моя! Куды жъ ты выряжаешся? На кого жъ ты мене нещасну покыдаешъ? Хто-жъ мене буде стареньку и таку нещасну хлибомъ годувать? Я-жъ на тебе тилько й надіялася, шо ты мене хлибомъ догодуешъ, а теперъ ты мене кыдаешъ!"

„Сыну мій, дытыно моя! Якъ я-жъ тебе кохала, та всю ниченьку не спала, та я тебе доглядала. А теперъ кыдаешъ, моя дытыно, мене. Пры кому и якъ мени жыть теперъ? Та я-жъ куды не пиду, та я-жъ тебе не найду. Скилькы буде людей, а тебе й не мае! Та дывлюсь, дывлюсь, та я й тебе не побачу! Та умыюся гиркимы слёзамы, та думаю, подумаю: чы я тебе дижду, чы не дижду?" „Мій сыну, моя дытыно! Я тобою не навтишалась такъ, якъ червоною крашанкою. Маленькими булы—горько годувала, а якъ пидрослы—поросходылыся по людяхъ, ходылы та служылы. Я-жъ тебе теперъ, на службу выряжаю, та я-жъ на тебе не надывылась и не навтишалась!" „Сыночку мій, войныку! Куды жъ ты головочку понесешъ, нещасный? А я остаюся... якъ я буду горювать безъ тебе? Мій сыночку, мій одынчыку! И кому ты мене уручаешъ? Дытя мое коханое! Шо ты тамъ будешъ робыть? Шо я тебе годувала, чы я тебе побачу, чы не бачытыму?"

„Мій сыночку, мій голубчыку! мій риднесенькый, моя й жалобо! Я жъ тебе выряжаю Государю служыть. Передай мени хочъ письмечко, а хочъ словечко. Я те письмечко до сердечка прытулю и мое серце возрадуется! Изъ якои дорогы тебе ожыдать и видкиль выглядать? Чы съ поля, чы съ моря, чы зъ далекого краю?"

И сестра провожаетъ также новобранца слѣдующею поэтическою рѣчью: „Братику мій, войныку! Куды ты йдешъ, куды головоньку несешъ? У чужу стороночку, а тамъ нема ни роду, ни родыночкы—чужа чужына! Та чужи браты будуть пысьма слать, а мы будемъ тебе дожыдать. Передай намъ пысьмечко, передай намъ словечко хоть сывою зузулею; бо мы будемъ рано вставать, та іи пытать: ты, зозуленько сывенька, ты далеко буваешъ, багато выдаешъ,—чы не бачыла де нашого братика ридненького?"

Простившись, рекрутъ выходитъ изъ хаты, кланяется на четыре стороны и вмѣстѣ съ другими новобранцами, выходитъ за село. Тихо подвигаются повозки съ пожитками. Рекрутъ сопровождаетъ толпа родичей и поющей молодежи, остающаяся за слободой; рекруты машутъ еще шапками, надѣтыми на палки, покуда видно, затѣмъ скрываются за пригоркомъ, а родичи и гости, возвратившись домой, пьютъ до утра, — „приливаютъ дорогу".

Выряжая рекрута, молодежь поетъ слѣдующія пѣсни:

1.

У прыёми некрутъ плаче,
Надъ прыемомъ воронъ кряче.
Ой матинько, молысь Богу,
Щобъ я выйшовъ изъ прыема.
Що въ прыёмя прыннималы,
А въ конторя кудри знялы,
А въ собори прысягалы,
На машыну посажалы.
Ты распроклята машына
Куды мыленького затащыла?
Затащыла, завесла,
Що не выдно звидсиля.

(Въ 1896 г. отъ кр. Х. Тернавщины Дарія Безносовой, 18 л.).

2.

Выскочылы наши рекрутыкы
Скорымъ шагомъ нагору,
Тай вдарылы въ барабаны,
Щобъ почулы городяны,
А за кажнымъ некрутыкомъ
Плаче й отецъ, маты.
Не пишкы йшлы, не пишкы йшлы,
Ихъ возамы везлы.
Оглянецця назадъ себе—та все село:
„Чогось мени не весело".
И коныка поганяе
И слизонькы протырае.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Луконья, Матр. Норовой).

3.

Розвывайся сухый дубе—
Завтра морозъ буде.

Убирайся вдовынъ сыну—
Завтра походъ буде.
Я походу не боюся—
Сейчасъ уберуся.
Яке мое вбираннячко,
Солдацькее вдиваннячко?
Орихове сиделечко
Щей кинь вороненькый.
Выйизжае зъ сего села
Козакъ молоденькый.
Якъ выйизжавъ за ворота,
Нызенько вклонывся.
Прощай, прощай, громадонько,
Може съ кимъ бранывся,
Прощай, прощай, громадонько,
Й ты матинко-утко,
Ой Богъ знае, Богъ видае,
Чы побачымось хутко.

(Въ 92 г. отъ кр. д. Шекъ, Маріи Галавуровой, 30 л.).

4.

Розвывайся сухый дубе—
Завтра морозъ буде,
Убирайся козаченьку—
Скоро походъ буде.
Я морозу не боюся—
Заразъ розивьюся,
Я жъ походу не боюся—
Заразъ уберуся.
Тай на коныка схопывся,
Нызенько вклонывся:
—Ой прощайте, сусидонькы,
Може съ кимъ бранывся?
Прылывайте дороженьку,
Щобъ не курылася,
Розважайте мою неньку,
Щобъ не журылася.
Прылывайте круту гору,
Щобъ не лупалася,
Розважайте мою неньку,
Щобъ не вбываласи.
Прылывалы дороженьку—
Такъ курыться курно,
Розважалы твою неньку—
Такъ журыться журно.

Прылывалы круту гору—
Та лупается дуже,
Розважалы твою неньку—
Та вбывается дуже.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Лятяковъ Ефросиніи Бучакиной, 60 л.).

Чуб., т. 5, № 87, стр. 994.

5.

Вар. Въ м. Лукомье послѣ 20 строчки такъ:

Искосить вы суху травку,
Щобъ не хылылася,
Розважайте дивчыноньку,
Шобъ не журылася.
Прылывалы дороженьку
Такъ курыцця дуже,
Розважалы отця, неньку,
Та журяцця дуже.
Роскопалы крути горы
Валяюцця дуже,
Розважалы брата сестру
Такъ побываюцця дуже,
Искосылы суху травку,
Такъ просыха дуже,
Розважалы дивчыноньку,
Такъ журыцця дуже.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, Секлеты Поровой).

6.

За горою за крутою
Жывуть люды слободою.
То не люды—супостаты,
Шо беруть парня у салдаты.
Беруть парня у салдаты
Та никому парня оплакаты.
Десь узялась дивчына Марія,
Вона того парня оплакала.
—Не плачъ, дивко, не журыся,
Бо я ище не женывся.
Якъ буду я женытыся,
Прыйдешъ, серце, дывытыся,
То дамъ тоби пыва напытыся.
—Не рада бъ я, парень, пыва напыцця,
А рада бъ я повикъ вишный зъ тобою любыцця.

(Въ 96 г. отъ кр. м. Снѣгина, Прасковьи Лысенковой, 60 л.).

7.

Уже мени надокучыло
По пидъ ледомъ, ледомъ ходяче
Круты бережкы розносяче.
Круты бережкы вода поняла
Маты сына у салдаты[1]) отдала.
Якъ давала тай прыказувала:
Нейды сыну у Туреччыну жыть (2)
А йды сыну Государю служить,
Тай не заходь у турецькый шынокъ,
Тай не любысь у турецькихъ дивокъ.
Любы сыну удовыну дочку:
Удовына дочка все хазяечка,
Щей до дила роботаечка.
Щей до дила до роботонькы
И до хлопцивъ до розмовонькы,
До дилечка нахыляется
И до хлопцивъ надывляется.
И до дилечка не нахылытся
И на хлопцивъ не надывытся.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литвяковъ Наталіи Грицаевой, 20 л.).

8.

Ой у саду вышенька безуремя зацвила,
На ту пору-времячко маты сына зродыла.
Не собрала розуму, де сыночка диты,
Тай отдала сыночка у гусарыкы служыты.
—Служы, служы сыночку у гусарьскому полку,
Сама пишла матинка по крутому бережку.
Тай крыкнула, гукнула тай на быструю рику:
—Вернысь, вернысь мій сыночку, вернысь ты назадъ.
—Не вернуся, матинко, махнувъ ручкою назадъ.
Що легке суденечко проты воды не стоить,
Проты воды не стоить, за водою прудко йде.
За водою прудко йде, якъ ясный соколъ летыть.
Ой летыть сокилонько у чужую сторону
Що чужая сторона не сушыть, не крушить,
Ни сушыть, ни крушыть, печаль серцу завдае,
Печаль серцю завдае и твоему и моему
И твоему и моему серденятку вирному.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Ефросиніи Бучанивой, 60 л.).

---

[1]) У некруты.

9.

Уродыла [1]) маты сына та въ некруты нарекла,
Взяла его за рученьку до пріема повела:
Пріемщычокъ, молодчычокъ, поставь сына въ станочокъ,
Поставь сына въ станочокъ—забрей ему лобочокъ.
Стрыжуть, бреють молодчыка одъ затылка до лобка.
Пытается маты сына: колы въ гостоньки прыйдешъ?
Тоди, тоди, маты ридна, я у гостоньки прыйду,
Якъ на мори, на синёму, зо дна камушокъ зорне.
Зорнеть, зорнеть, ридна маты, й до бережка прыплыве.
На бережку крутенькому кустъ рокытовый росте,
На тимъ кусту рокытовомъ соловейко гниздо вье.
Нехай же вье, нехай же вье, винъ яечокъ нанесе.
Винъ яечокъ нанесе, малыхъ дитокъ расплоде,
Малыхъ дитокъ расплоде, по всимъ свиту розшле.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. м. Свѣтина Агафіи Шевченковой, 50 л.).

10.

Одъ Кіева до Ромна
Дороженька стовпова. (2).
Комышъ трава полягла (2)
До вдовыного двора.
А у вдовы у двори
Стоять столы тесови.
А за тимы столамы
Сыдять паны рядамы.
Сыдять паны рядамы
Пышуть лысты перамы.
Вони пышуть и рядять,
Кого у некруты брать.
А де два—той нема,
А де тры—той нейды.
А де пьять—тай не брать,
Де чотыри—не велять.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъ аршинъ.
До аршына не дійшовъ,
Та въ некрутушкы пійшовъ.
Его маты старая,
Вона плаче рыдае.

[1]) Пожениля.

На те твій сынъ уродывсь,
Що въ салдаты погодывсь.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой, 21 г.).

Чуб., т. 5, стр. 980, № 69, вар. 10

11.

Зійшовъ мисяць, щей зоря,
Та прыйшовъ соцькый до двора,
Та всю громаду собира,
Та соби некрутъ выбира.
Выбравъ соби некрутця,
Сыротыну—одыньця,
Нема неньки, ни отця (2).
Тилькы одна сестрыця
Тай та плачеть, журытся.
— Не плачъ, сестро, не журысь,
Бо на те парень уродывсь (2),
Що въ салдаты погодывсь.
Тоди, сестро, заплачешъ,
Якъ на кони побачышъ.
Ой на кони, на кони
На черкасьскому сидли (2)
Въ голубому жупани.
Прощай моя сестрыця!
Нема неньки ни отця.
Та повелы до крыльця,
Тамъ выходыть одынъ панъ:
— Здраствуй, здраствуй, некрутъ самъ.
— Здорови булы паны,
Вы разс... с...!
Багачъ гроши постачай,
Сыротына отвичай.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой, 18 л.).

12.

Прыйшовъ соцькый до крыльця,
Собирае некрутця.
Та выбралы некрутця
Сыротыну одынця (2).
Тилькы въ его сестрыця
Тай та плаче журытся,
Не плачъ сестро не журысь,
Бо на тее я вродывсь,
Бо на тее уродывсь

Що въ салдаты погодывсь.
Тоди, сестро, заплачешъ,
Якъ на кони побачышъ.
На вороному кони
На черкеському сидли (2).
Въ голубому жупани (2)
Щей перчатка на руци (2).
Щей шабелька пры боци.

(Зап. въ 1890 г. отъ двор. с. Волчка Даріи Вязиньевиной, 14 л.).

Чуб., т. 5, № 69, вест. У, стр. 981.

13.

Зима, зима завіяла, замела.
Ни дорожкы, ни путы.
Ни проихать, ни пройты.
Я пройиду и пройду
И коныка проведу (2)
Ажъ у тую слободу.
А у этій слободи
Уланыки молоди (2)
Ведуть кони до воды (2)
За шовкови поводы.
Сталы кони напувать,
Сталы думать и гадать,
Кого у салдаты брать [1].
Де пьять—тамъ не брать,
Де чотыри—не велять.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъ аршынъ.
Щей аршына не дійшовъ,
А въ салдаты пишовъ.
За нымъ маты рыдае,
Що сыночка не мае.
— Не плачь, маты, не журысь
Бо на тее уродывсь,
Що въ салдаты погодывсь.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литвяковъ Даріи Шерстюковой, 20 л.).

14.

Якъ зачула моя доля
Не сегодня, а ще вчора,
Що не буты мени дома,

---

[1]) Взять.

А буть мени у неволи
У зализа у закови,
Молодому козакови.
А я парень догадався,
До дивчыны заховався.
„Ты, дивчыно, мое серце,
Сховай мене пидъ ряденце.
Ты, дивчыно, моя пани,
Сховай мене пидъ жупаны,
Ты, дивчыно, моя утко,
Сховай мене швыдко, хутко.
Воны парня усмотрилы,
Взялы парня уловылы.
И въ кайданы засадылы.
Изъязалы ногы, рукы
Та повезлы до Прылукы,
Одъ Прылукы до Полтавы,
До вирненькои расправы.

(Въ 96 г. отъ кр. с. Волчка, Палагеи Ризниченковой, 40 л.).

15.

Якъ зачула душа—доля,
Що не буты парню дома,
А буть ему у неволи,
У зализи, у закови (2)
Молодому козакови.
— Ой дивчыно моя, Галько,
Сховай мене колы жалко.
Ой дивчыно, мое серце,
Сховай мене пидъ ряденце,
Ой дивчыно, моя душко,
Сховай мене пидъ подушкы.
— Щей подушокъ не надбала
Щобъ я тебе заховала,
Щей ряденець не надбала
Щобъ я тебе прыкрывала.
Десятныкы скоро взналы,
Капралому исказалы.
Сины, хату обступылы
И виконечка побылы
И дверечка розломылы
Некрутыка уловылы (2)
Ручкы, ножкы закувалы,
Ворони кони запрягалы;
Посадылы у задочку,

Сами силы въ передочку.
И коныкы поганяють,
На некрута поглядають,
Щобъ коныка не втомылы
И некрута не впустылы.
Дойихалы до Полтавы—
На коныкахъ мыло впало,
Дойихалы до Прылукы—
Болять въ его ногы й рукы.
Уже тому некрутыку
Не вчыться салдацькой наукы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой, 18 л.).

Чуб., т. 5, № 78, стр. 988, вар. отдаленный.

16.

Вар. Послѣ 5-й стр. въ м. Лукомье прибавляютъ:

Молодъ козакъ догадався
По улыцямъ не шатався,
До дивчыны заховався.

Затѣмъ, послѣ просьбы къ дивчинѣ такъ:

А сусиды усмотрилы,
Атаману объявылы,
Дивци хату оступылы,
Сины, хату розломылы,
Некрутыка уловылы.

А въ концѣ такъ:

Дойихалы до Прылукы—
Розвязалы ему рукы,
Прыйихалы до Полтавы—
И ниженькы роскувалы,
Та прыйихалы у Варшаву
Та повелы по базарю (2)
И кватыру указалы.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья Мотрены Норовой).

17.

Вар. Въ Литвяковскомъ варіантѣ послѣ просьбы парня укрыть его, такъ:

А дивчына не сховала,
Десятнычкамъ загадала.

Затѣмъ, поѣздка и прибытіе некрута изображается такъ:

И коныка погоняють,
На некрута поглядають,
Щобъ коныка не втомыты
И некрута не впустыты!
На коныку пина впала,
Недалеко вже Полтава.
Прыйизжають у Полтаву,
Выбигають уси паны:
„Хорошъ парень, дуже бравый,
Погодыцця у гусары“.
Прыйихалы до Прылукы
Розьязалы ему рукы.
Поставылы у станочокъ
Забреялы ему лобочокъ
Та повелы на кватырю:
„Давай, хазяйка, вечерю;
Стелы некруту постелю.
Лягай, некруте, спаты,
Бо завтра рано вставаты“.
Некрутъ въ ночи пробудывся
За головочку схватывся.

(Въ 96 г. отъ коз. с. Литвяковъ, Меланіи Заикиной, 43 л.).

18.

Ой загулы сызы голубонькы рано на зари,
Заплакалы наши брацця, сыдя въ острози.
—Ой, вы брацця, вирни товарыши вы мои!
Поклоницця ридному отцеви прямо одъ мене:
Нехай винъ вороніи кони уси позбува,
Нехай мене зъ тяжкои неволи зъ некрутъ вызволя.
—Лучче мени сына ридного въ вичи не выдать,
А нижъ мени вороніи кони уси позбувать.
Ой загулы сызы голубонькы рано на зари,
Заплакалы наши ридни браты, сыдя въ острози.
—Ой вы братци, вирны товарыши вы мои!
Поклоницця вы матинци ридній прямо одъ мене,
Нехай воны сири коровы уси позбувають,
Нехай мене зъ тяжкои неволи—некрутъ вызволяють.
—Лучче жъ мени сына ридного въ вичи не выдать,
А нижъ мени сиріи коровы уси позбувать.
Ой загулы сызи голубонькы рано на зари,
Заплакалы наши ридни браты, сыдя въ острози.
Ой, вы братци, вирни товарыши вы мои

Накажите жинци ридній прямо одъ мене:
Нехай вона били подушкы уси позбува,
Нехай мене изъ неволи—некрутъ вызволя.
—Лучче жъ мени били подушкы уси позбувать,
А мого чоловика въ вичи повыдать.

(Въ 1896 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Марія Бурхаевой).

19.

У лузи, въ лузи, калына стояла,
Одъ сонця завьяла, одъ витру упала.
Усимъ моимъ товарышамъ перемина стала,
Тилькы мени молодому служыты самому.
Буду пысать лысты до брата й до сестры,
Буду посылаты до батька, до маты.
Нехай дають змину, а хочь перемину.
Коныка вороненького, братыка ридненького:
Коныка для ночи, братыка для помочи.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. х. Терновщыны, Матяшовской волости, Даріи Безносовой, 20 л.).

20.

Изъ за горы, изъ за сыней хмары
Выступалы молоди гусары,
А за нымы бьють у барабаны
Попереду йидуть генералы.
Не журитьця, молоди гусары!
Ой якъ же намъ, братьця, не журытьця,
Якъ не дають дома поженытьця.
Якъ забралы, за Дунай погналы.
За Дунаемъ тяжко, важко жыты
Тай не дають ни йисты, ни пыты,
Заставляють роботу робыты,
Тесакамы сыру землю быты,
Шабелькамы канавы копаты.
Ой тутъ же намъ, браття, помираты.
Не знатыме ни батько, ни маты,
Не знатыме ни братъ, ни сестрыця,
Тилько знае красная дивыця.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Свѣтина Катерины Ивахненковой, 18 л.).

21.

Ой на гори огонь горыть,
А въ Расѣюшкы дымно,
Та пишлы нашы молоды козакы
Тилько шабелькы выдно.

Воны йдуть, идуть, маршырують
Важенько вздыхають,
Покыдають все новыи домы
И молодія все жоны.
Все жоны, жоны молодіи
Все диточкы маліи.
Та досталося тому козакови
Пры полку помирати.
Та померъ, померъ молодый козаче
Въ недиловьку вранци,
Та положылы того козаченька.
Въ свитлонци на лавци
Та поховалы козаченька на травци-муравци.
И тило несуть и коня ведуть,
Конь головоньку клоныть,
А за нымъ дивка, а за нымъ красна
Билы рученькы ломыть.
Та ламай, ламай, дивка, рукы
До мезыпого пальца,
Та не найдешъ надъ мене
Найлучшого коханця.

(Записана въ 1896 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Ципенковой, 25 л.).

22.

Горы, горы камяныи,
Дороженькы стовповіи,
Туды нихто не проходыть,
Дороженькы не проводыть.
Тилькы пройшлы два салдата,
Холостыи, нежонаты.
За нымъ плаче стара маты!
—Не плачъ, мате, не журыся,
Бо на то я уродывсь
Що въ салдаты погодывсь.
Якъ дасъ Богъ, то отслужусь,
Прыйду до дому оженюся.
Дурна дивка, глуповата,
Що уповала на салдата.
А въ салдата все хазяйство
Дви рубашкы тай ти драны;
Котомочка съ сухарямы,
А манирочка зъ водою
Жыве салдатъ за горою (2)
А дивчына за другою.

(Записана въ 1891 г. отъ козачки сел. Литвяковъ Лукилы Денисенковой, 18 л.).

23.

Ишлы гусарочкы на тры крайочкы
То по два, то по тры, то по чотыри,
Штаны червони, кивера чорни.
Далеби гусары хлопци моторны!
Господа до хаты, а гусары съ хаты
Десь буде гусарыкъ нашъ ночуваты.

(Отъ кр. м. Свѣтина Анны Ивахненковой, 25 л.—въ 1891 г.).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XVI.

На заметенныя снѣгомъ степи, на потонувшіе въ сугробахъ хутора, на опушенные инеемъ лѣса разомъ и дружно прилетѣла весна. Она примчалась съ теплымъ, западнымъ вѣтромъ, который вдругъ охватилъ всю уснувшую степь.

Странный, сухой шумъ, наполнившій воздухъ, привлекъ, наконецъ, вниманіе Ганны. Она сидѣла въ своей горенкѣ у окна съ работой въ рукахъ. Это былъ драгоцѣнный покровъ къ плащаницѣ, который она вышивала золотомъ и серебромъ. Цѣлыми днями сидѣла Ганна надъ этой работой, съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ Золотарева домой; и въ то время, когда пальцы ея плавно скользили по бѣлому „аксамиту", мысли ея все неслись неудержимо къ Богдану. Богдана Ганна въ Субботовѣ уже не застала; письмо, привезенное Ганджою, звучало такъ странно, такъ непонятно, что еще болѣе увеличило смущеніе ея души. Сколько разъ казнила она себя въ душѣ за то, что такъ малодушно бѣжала тогда изъ дома, что, благодаря своей женской слабости, не попрощалась съ нимъ, а теперь, быть можетъ, и не увидится никогда... Вѣдь вырвать того чувства изъ глубины своего сердца она не могла,—Ганна это видѣла и сознавала сама, и всѣ оправданія, всѣ минутные обманы казались теперь ей такими же призрачными, такими летучими, какъ туманъ, какъ дымъ... Своимъ возмужавшимъ женскимъ сердцемъ она чувствовала, что любитъ его на всю жизнь. Но теперь это чувство

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г. № 6.

не вселяло ей такого ужаса: о немъ вѣдь не узнаетъ никто и никогда... Оно и умретъ вмѣстѣ съ ней!

Возрастающее народное горе умѣряло остроту ея горя; вѣчныя хлопоты, вѣчныя заботы мимо воли отвлекали ее... Ганна и свыклась, и примирилась съ нимъ. „Каждому свой крестъ, каждому свой крестъ!"—шептала она,—„только бы онъ былъ счастливъ, только бы онъ былъ живъ!" Но ни вѣсти, ни слова не долетали въ Субботовъ изъ внѣшняго міра. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Богданъ, ни одинъ козакъ, ни одинъ путникъ не заходилъ въ хуторъ, да и трудно было сообщаться съ нимъ: зима стояла такая снѣжная, какой не запоминали и старожилы. Короткіе, зимніе дни мелькали въ тихомъ уголкѣ однообразно и безцвѣтно. Правда, два раза пріѣзжалъ посланецъ отъ коронного гетмана узнать, не вернулся ли панъ писарь, но этотъ пріѣздъ порождалъ еще большее безпокойство. Больная жена Богдана тихо плакала, Ганна дѣлалась еще молчаливѣе, а Ганджа и братъ хмурились недовольно и мрачно. Братъ часто навѣдывался въ Субботовъ; онъ прежде хотѣлъ было переселиться туда и совсѣмъ, но видя, что все тамъ идетъ благополучно, рѣшилъ только наѣзжать для присмотра; притомъ же у него самого было много какихъ то таинственныхъ и странныхъ дѣлъ, въ которыя онъ не посвящалъ Ганну, а только иногда сообщалъ Ганджѣ нѣсколько никому непонятныхъ словъ. Такъ тянулись грустные дни вплоть до самаго марта.

Странный шумъ, привлекшій вниманіе Ганны, не прекращался. Ганна поднялась къ окну: со всѣхъ вѣтвей деревьевъ быстро и торопливо падали куски инея и льду, небольшія вѣтви, сломанныя отъ непривычной тяжести, падали вмѣстѣ съ ними на землю. Ганна подняла окно и высунула голову. Свѣжій, влажный вѣтеръ пахнулъ ей въ лицо. На западѣ вѣчно сѣрое, безоблачное небо прояснилось, и нѣжныя золотыя полосы протянулись надъ горизонтомъ. Въ воздухѣ пахло мягкой сыростью.

— Таетъ,—тихо прошептала Ганна,—прилетѣла весна!—Отъ свѣжаго, непривычнаго воздуха у ней слегка закружилась голова, и темные круги заходили въ глазахъ. Она прислонила голову къ оконной рамѣ, да такъ и замерла у окна. Внизу на дворѣ раздавались веселые крики: дѣти барахтались въ снѣгу, ставили „млынки" на журчащихъ ручьяхъ, били въ ладоши и зачинали своими дѣтскими неумѣлыми голосами веселыя „веснянки". Стая воронъ громко каркала, хлопая своими сѣрыми крыльями; неугомонныя сороки весело стрекотали, скача по двору и перелетая съ мѣста на мѣсто. А Ганна глядѣла неподвижнымъ взглядомъ туда, на западъ, гдѣ ширилась нѣжная золотая полоса, повторяя все одинъ и тотъ-же мучительный

вопросъ: „Господи, гдѣ онъ, живъ-ли, здоровъ-ли?“ Наконецъ свѣжій холодъ далъ себя почувствовать... Заря потухала... Въ комнатѣ собирались уже вечернія сумерки... Какая-то томительная тоска проникла вмѣстѣ съ ними въ забытый уголокъ... Ганна закрыла окно, бережно сложила свою работу и тихо вышла изъ комнаты.

Какая тишина кругомъ! Вонъ изъ дѣвичьей только доносится легкое жужжаніе веретенъ; дивчата прядутъ; онѣ и не поютъ теперь; пѣсни, какъ-то замираютъ въ этой тоскливой тишинѣ.

Ганна остановилась на срединѣ деревянной лѣсенки. Вѣдь это было еще только въ Филипповку, когда она пришла къ Богдану сказать о прибывающемъ народѣ, а онъ посадилъ ее подлѣ себя и сталъ говорить съ ней такъ ласково, такъ тепло. Да, помнитъ она, еще тогда солнце садилось и освѣщало его воодушевленное лицо. И казался онъ такимъ прекраснымъ и сильнымъ, и вѣрилось, что все злое минетъ, а свобода и правда воцарятся кругомъ... А теперь? Какой унылый, безмолвный стоитъ этотъ домъ! Не оживитъ уже онъ его своей пѣсней удалой, не наполнитъ былыми разсказами вечерняго сумрака... Да и вернется-ли, и когда? Быть можетъ, уже сложилъ свою буйную голову на чужой сторонѣ. И вѣтеръ подымаетъ темные волосы, мелкіе дожди моютъ козацкое тѣло, орлы очи клюютъ.—О, Боже, Боже!—сжала Ганна руки.—Нѣтъ, Господь не допуститъ этого, Господь нашъ покровитель, защитникъ нашъ.— Ганна спустилась и прошла въ комнату хозяйки.

Больная лежала у себя на кровати. Катруся сидѣла у ней въ ногахъ, держа миску съ маковниками на колѣняхъ. Старуха нянька стояла у стѣны.

— Ганнуся, голубка,—обрадовалась больная, при видѣ входящей Ганны,—что это тебя не видно совсѣмъ, забываешь меня?

— Тороплюсь, титочко, покровъ свой окончить, къ плащаницѣ хочется поспѣть.

— Ты-бъ велѣла дивчатамъ помочь, а то мучишь себя по цѣлымъ днямъ, не станетъ и глазъ.

— Нѣтъ, титочко, я ужъ сама хочу... обѣщаніе дала.

— Ну, шей, шей... вздохнула больная...—Можетъ, Господь и „сглянется“ на насъ.

Наступило молчаніе. На темномъ потолкѣ все яснѣе вырѣзывался яркій уголъ, освѣщенный лампадкой.

— Ганнуся, хочешь маковника?—протянула Катруся миску Ганнѣ. Ганна взяла, откусила кусочекъ и положила маковникъ назадъ.

— На дворѣ, говорятъ, таетъ,—замѣтила больная, приподымаясь на локтѣ.

— Таетъ, пани, шибко таетъ,— заговорила старуха, покачивая головой—еще съ ночи „одлыга“ началась...

— Весна идетъ!—изъ груди больной вырвался сдавленный вздохъ,—можетъ, какъ дороги протряхнутъ, хоть вѣсточку о Богданѣ получимъ!

Снова всѣ замолчали. Говорить было не о чемъ. Слышно было, какъ капали капли со стрѣхъ.

— Видѣла я сонъ сегодня, Ганнусю, и, кажется, хорошій сонъ, вотъ и баба говоритъ, что добрый...

— Добрый, добрый сонъ, ужъ это вѣрно,—закачала та утвердительно головой.

— Мнѣ самой такъ „сдается“,—продолжала больная слабымъ голосомъ,—да я еще за ворожкой послала, она всякій сонъ умѣетъ разгадать. Видишь-ли, Ганнусю, снилось мнѣ, что иду я садомъ, и такіе это хорошіе цвѣточки кругомъ... только я не топчу ихъ, а осторожно ступаю, и гдѣ ступлю, тамъ не гнется и трава. Вдругъ, вижу, летитъ въ небѣ ястребъ, догоняетъ малую птичку... Такъ и вьется бѣдная птичка, а онъ-то вотъ-вотъ настигнетъ ее... Взяла я это небольшой камышекъ, размахнулась имъ и попала ястребу въ сердце; перевернулся онъ въ воздухѣ и упалъ на-земь! А птичка спустилась ко мнѣ на плечо и начала такъ ласково, да весело щебетать...

— Добрую вѣсть сонъ вѣщуетъ... ужъ это какъ Богъ святъ,—увѣренно подтвердила баба.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ!—произнесли разомъ и Ганна, и больная.

— А что, не слыхать ничего кругомъ?—снова обратилась она къ Ганнѣ.

— Въ церкви говорилъ вчера панъ-отецъ, что слухи все недобрые ходятъ... Говорятъ, церкви отбираютъ, да кто его знаетъ, у насъ такого не слыхать... Вонъ и панъ Дембовичъ въ Золотаревѣ колоколъ назадъ отдалъ.—Ганна помолчала и затѣмъ начала несмѣло,—а я, титочко, задумала одно дѣло... хочется мнѣ къ Великодню въ лавру на „прощу“ сходить.

— Голубка, да далеко вѣдь...

— Что-жъ, титочко, помолиться хочу, можетъ, Господь услышитъ мою молитву... Только вотъ не знаю, какъ вы...

— Что мы! О насъ не думай, управимся какъ нибудь... И дидъ, и Ганджа, да и панъ-братъ твой... Охъ, еслибы ноги мои были здоровы, на край свѣта, кажись, ушла-бы, чтобы Господа за него молить!—Больная замолчала, и маленькія слезинки показались у ней на щекахъ.—А ты иди, голубко,—ласково положила она

руку Ганнѣ на голову,—можетъ, что въ Кіевѣ узнаешь, а то завяла, совсѣмъ завяла ты у насъ...

Всю ночь не унимался вѣтеръ, а на другое утро мягкій, солнечный свѣтъ наполнилъ комнату Ганны, и потянулись ликующіе, весенніе дни...

Однажды, когда Ганна сидѣла на верху у раскрытаго окна своей комнаты, кончая работу и прислушиваясь къ веселому шуму и гаму, долетающему со двора, она вдругъ увидѣла нѣсколько нарядныхъ всадниковъ, въѣзжающихъ къ нимъ во дворъ. Сердце Ганны забилось мучительно и тревожно, кровь отхлынула отъ головы. Она высунулась въ окно, не смѣя двинуться, не смѣя крикнуть. Впереди ѣхалъ молоденькій юноша, очевидно, полякъ, съ едва пробивающимся пушкомъ надъ верхней губой. Одежда его была чрезвычайно роскошна; дорогой мушкетъ висѣлъ за спиной. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, почтительно склонившись впередъ, ѣхалъ дородный панъ, съ полнымъ, надменнымъ лицомъ, ощетинившимися усами и выпуклыми глазами, въ которомъ Ганна сразу признала пана Чаплинскаго. За ними ѣхало еще нѣсколько пановъ. У всѣхъ за спинами висѣли ружья; четыре великолѣпныхъ лягаша неслись съ веселымъ лаемъ впередъ. Ганна почувствовала сразу, что этотъ пріѣздъ не можетъ быть не связанъ съ Богданомъ, и страхъ передъ возможностью узнать истину парализовалъ ее до такой степени, что она не могла отойти отъ окна. Вдругъ двери поспѣшно распахнулись и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся, растерянная Катря.

— Ганно, Ганно, иди скорѣй! Тамъ пріѣхалъ сынъ пана короннаго гетмана, спрашиваетъ кого-нибудь. Ни пана Ивана, ни Ганджи во дворѣ нѣтъ.

Вся замирая отъ непреодолимаго волненія, спустилась Ганна вслѣдъ за испуганною дѣвочкою внизъ.

Вельможные паны сидѣли на коняхъ у крыльца. Ганна поклонилась низко, широко распахнувъ двери; отъ волненія и смущенія краска залила ей лицо.

— Что, есть кто дома?—обратился къ ней юноша.

— Кромѣ меня и больной жены писаря, ясный пане, нѣтъ никого.

— Какъ, и вы тутъ сами живете?—изумился юноша.

— Братъ мой, полковникъ Золотаренко, наѣзжаетъ къ намъ,—запинаясь, выговорила Ганна. О Ганджѣ она почему-то не сочла нужнымъ упомянуть.

— Осмѣлюсь замѣтить, что такой пышной красѣ,—усмѣхнулся панъ Чаплинскій, выпячивая впередъ губу, украшенную щетинистыми

усами и любуясь Ганной,—я-бы не совѣтовалъ безъ сильнаго защитника жить.

Всѣ посмотрѣли на Ганну, а Ганна, не зная, что сказать, чувствуя на себѣ пристальные, безцеремонные взгляды пановъ, смутилась еще больше и опустила глаза внизъ.

— Гм... гм...—вставилъ изъ свиты другой,—того и гляди, наскачетъ какой-нибудь черномазый мурза и увезетъ пышную панну въ Перекопъ.

— Что-жъ,—подхватилъ третій, закручивая молодцевато усики и подымая лѣвую бровь,—за такой красуней я полечу на выручку и въ Бахчисарай!

— Постойте, постойте, пышное панство, вы совсѣмъ застыдили нашу молодую хозяйку,—улыбнулся юноша,—да такъ застыдили, что она даже и не проситъ насъ войти, а, можетъ, и не желаетъ такихъ буйныхъ гостей?

— Просить такой чести не смѣла,—едва овладѣла собой Ганна,—но если вельможное панство позволитъ предложить себѣ добрый келехъ стараго меду,—за счастье почту!

— „Згода, згода!"—весело закричала свита, соскакивая вслѣдъ за молодымъ Конецпольскимъ съ коней, бросая поводья на руки подоспѣвшимъ конюхамъ.

— Ого, сколько хлѣба у свата?—изумился панъ Чаплинскій, подымаясь на крыльцо и кинувъ удивленный взглядъ въ сторону тока, откуда высматривали рядами важные высокіе скирды.—Хотя-бы и какому пану—въ пору!

— Да, панъ писарь хозяинъ извѣстный,—замѣтилъ другой, оглядываясь кругомъ—какой будынокъ... гм... какія коморы... даромъ, что простой козакъ!

Но когда гости вошли въ большую комнату, удивленію ихъ не было границъ.

— Да это чистый палацъ!—вскрикнулъ панъ Чаплинскій, останавливаясь на порогѣ и окидывая все загорѣвшимися завистью глазами...—Посмотрите, ваша вельможность,—обвелъ онъ взглядомъ липовыя полки, уставленныя серебряной утварью,—какія драгоцѣнности, какіе ковры!

Юноша окинулъ все довольнымъ взглядомъ:—да, домъ дѣлаетъ честь пану-писарю.

— Даже бóльшую, чѣмъ онъ заслужилъ,—пробормоталъ себѣ подъ носъ Чаплинскій, сравнивая невольно свою обстановку съ этой и замѣчая, къ своему крайнему неудовольствію, что у него не будетъ и половины того добра, которое собралъ себѣ здѣсь этотъ простой, „рэпаный" козакъ.

Двери изъ комнаты пани Хмельницкой тихо растворились. Больная женщина, поддерживаемая двумя старухами, съ трудомъ стояла у своей постели.

— Простите, вельможное панство, почетные, высокіе гости, что по хворости своей неотступной, не могу я выйти къ вамъ и принять васъ по вашему вельможному сану и по моему „щирому" желанію,—заговорила она тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, кланяясь низко въ поясъ, — нѣтъ моего пана. Какъ уѣхалъ по велѣнію пана коронняго гетмана на Масловъ Ставъ, такъ и не возвращался домой; охъ, ужъ какъ-бы онъ радъ былъ милостивымъ панамъ! какъ-бы гордился этой высокою честью!

— А мы-то о немъ и справиться заѣхали: мой отецъ узнать велѣлъ, не имѣете-ли вы какой вѣсти о немъ? Не слыхалъ-ли кто, что это съ нимъ приключилось?—спросилъ юноша.

— Охъ Боже ты мой, Господи!—застонала больная,—мы-жъ то надѣялись, что панъ коронный гетманъ знаетъ хоть что-нибудь! Несчастная моя доля, горемычная! Видно, недоброе что-то приключилося съ нимъ!

— Н-да, скажу по совѣсти, такой зимою по доброй волѣ не поѣдешь гдѣ-то въ снѣгахъ зимовать!—замѣтилъ Чаплинскій, приподымая свои круглыя брови,—видно, пану-писарю бо-о-льшая потреба была.

— Нѣтъ, почему-же? Подъ снѣгомъ, говорятъ люди, еще теплѣй, чѣмъ на морозѣ,—вставилъ молодой Конецпольскій, и хотя эта шутка была довольно некстати, но всѣ сочли нужнымъ разразиться громкимъ смѣхомъ.

Больная только всплеснула руками и уронила голову на грудь.

— Да ты ложись, пани,—махнулъ ей рукой юноша,—насъ молодая хозяйка приметъ.

Двери затворились; въ комнату съ сѣней вошли двѣ дивчины: одна изъ нихъ несла на серебряномъ подносѣ большой, тяжелый жбанъ, а другая шесть серебряныхъ кубковъ. Съ низкими поклонами стали онѣ обходить всѣхъ пышныхъ гостей.

— Ге, да здѣсь у пана-свата настоящій цвѣтникъ, какъ я вижу,—вскрикнулъ весело панъ Чаплинскій, приподымая плечи и расправляя усы.

— Здѣсь чудесно!—согласился юный вельможа,—и если молодая хозяйка позволитъ, можно навѣдываться...

Ганна молча поклонилась.

— И по дорогѣ, какъ разъ,—замѣтилъ кто-то.

— Н-да,—добавилъ Чаплинскій,—должно быть тяжело разставаться съ такимъ гнѣздомъ; развѣ ужъ позовутъ неотложно на тотъ свѣтъ!

Кубки наполнились. „Здоровье сына пана короннаго гетмана!“ крикнули разомъ всѣ гости, подымая кубки и чокаясь съ молодымъ Конецпольскимъ. Онъ отвѣтилъ короткимъ поклономъ и обратился къ Ганнѣ: „здоровье молодой хозяйки!“

Зазвенѣли кубки; зашумѣли гости. Изъ-за закрытой двери доносился тихій, заглушаемый подушками плачъ. Ганна стояла блѣдная, неподвижная. Одинъ жбанъ осушили; она велѣла принести другой. И въ то время, когда развеселившіеся гости одинъ передъ другимъ изощрялись въ веселыхъ шуткахъ и легкихъ остротахъ, въ головѣ Ганны быстро мелькали мысли одна за другой: они ничего не знаютъ, думаютъ, что его уже нѣтъ и въ живыхъ! Господи, да неужели Ты, Ты могъ допустить?—съ какимъ-то невольнымъ озлобленіемъ вырывалось изъ глубины ея возмущенной души.—Ну, а если такъ? Что тогда? Буйные наѣзды пановъ, обиды, оскорбленія; да что о нихъ! Безсиліе всего народа: останутся всѣ словно стадо безъ головы. Ганна уже выростила въ себѣ убѣжденіе, что безъ Богдана все должно умереть, а потому съ ужасомъ думала: „Неужели-же онъ можетъ погибнуть безвѣстно, безславно въ чужой сторонѣ?! Нѣтъ, нѣтъ! Богъ его спасетъ!“—А если такъ, а если нѣтъ его?!—тихо прошептала про себя Ганна, стискивая губы:—тогда не жить.

— А любопытно бы было осмотрѣть будынокъ и дальше; что на это вельможный панъ скажетъ?—обратился Чаплинскій къ пану Конецпольскому, окидывая еще разъ хищнымъ взглядомъ всю серебряную утварь и ковры.

— Что-жъ, я радъ, если панна согласна намъ показать,— сказалъ Конецпольскій.

Ганна поклонилась и прошла впередъ. Съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ распахнула она дверь на половину Богдана... Изъ нежилой комнаты пахнуло затхлымъ холодкомъ. Сквозь закрытыя окна и двери весенній воздухъ не проникалъ сюда... Сурово глянули на вошедшихъ увѣшенныя оружіемъ стѣны...

— Славно!—замѣтилъ юноша.—Ай, да панъ-писарь! Такую комнату не стыдно и въ нашъ палацъ перенести!

— Настоящій арсеналъ! — проговорилъ Чаплинскій, бросая завистливый взглядъ на дорогіе мушкеты и клинки.

— По мнѣ даже опасно оставлять въ однѣхъ рукахъ такую массу оружія,—отозвался кто-то изъ свиты,—кто можетъ поручиться за хлоповъ? Взбунтуются, захватятъ оружіе, а тогда раздѣлывайся съ ними.

— Пану-свату моему это не опасно,—замѣтилъ съ притворной похвалой Чаплинскій, подчеркивая слова,—противъ него хлопы не встанутъ... они его любятъ... „батькомъ“ зовутъ.

У юноши промелькнуло на лицѣ недовольное выраженіе.

— Тутъ еще садъ есть?—обратился онъ къ Ганнѣ.

— Есть, ясный пане,—поклонилась Ганна, очнувшись отъ его вопроса... Она стояла все время на порогѣ, подавленная нахлынувшими воспоминаніями и не слыхала замѣчаній пановъ. Ганна прошла впередъ.

Послѣ затхлаго воздуха нежилой комнаты, всѣхъ пріятно обдало нѣжно-теплымъ воздухомъ первой весны... Въ саду деревья все еще стояли обнаженныя, но свѣжая, робкая зелень пробивалась кругомъ: желтые одуванчики, блѣдно-голубыя фіалки, блѣдные подснѣжники выглядывали изъ травы. Издали изъ хутора доносилась веселая весенняя пѣсня.

— Гм...—замѣтилъ снова панъ Чаплинскій, оглядываясь вокругъ: да это настоящій паркъ... Хитрый сватъ молчалъ все про свои богатства... не хотѣлъ, видно, показать?

Гости прошлись по нѣсколькимъ аллеямъ и вышли снова на крыльцо. Лошадей подвели конюхи.

— Такъ, панно, наказывалъ всѣмъ вамъ отецъ,—произнесъ молодой Конецпольскій, вставляя ногу въ стремя,—что если узнаете о панѣ-писарѣ какую вѣсть, присылали бы немедленно въ Чигиринъ.

— Слушаюсь воли пана-гетмана,—поклонилась Ганна.

Паны вскочили на коней, сжали ихъ стременами и съ громкимъ хохотомъ, покачиваясь въ сѣдлахъ, поскакали за ворота.

Вскорѣ ихъ нарядные, украшенные перьями береты скрылись за деревьями. Ганна неподвижно стояла на крыльцѣ. Изъ хутора все яснѣй доносилась „веснянка“, видно, дивчата вышли уже за „царину“.—„А вже весна, а вже красна—изъ стрихъ вода капле“, донеслись ясно звонкіе, молодые голоса.

„А вже весна... а вже красна“... машинально повторила Ганна своими побѣлѣвшими губами и вдругъ разразилась рыданьями, припавъ головой къ деревянному столбу...

Послѣ пріѣзда пановъ рѣшеніе идти на „прощу“ вполнѣ укрѣпилось въ Ганнѣ. Мучительная тоска неизвѣстности достигла такой степени, что Ганна рѣшительно не могла оставаться больше въ этой бездѣйственной тишинѣ. Неугасимая жажда идти молиться, просить, рыдать у чудотворнаго образа Божьей Матери всевладно овладѣла Ганной. Это была ея послѣдняя надежда. Она твердо вѣрила въ милосердіе Божіе и надѣялась, что Онъ услышитъ ее. Когда она сообщила о своемъ намѣреніи брату, тотъ старался было отклонить его, приводилъ ей въ доводъ, что теперь дороги далеко не безопасны, что всюду говорятъ о волненіяхъ и даже въ самомъ Кіевѣ не безопасно оставаться, указывалъ на трудности пути... Но на всѣ

эти доводы Ганна отвѣчала упорно и рѣшительно одной фразой, что безъ вѣдома Господня ни одинъ волосъ не упадетъ съ ея головы, а если суждена ей смерть, то она найдетъ ее и за тысячью замковъ. Наконецъ порѣшили на томъ, что Ганна возьметъ съ собою подводу и двухъ козаковъ. Стали посылать узнавать въ сосѣднія селенія, когда выступаютъ богомольцы. Ганна начала собираться въ путь. Отъ этого рѣшенія всѣ точно немного ожили въ домѣ. Сама больная возлагала на него большія надежды. Боченки съ воскомъ, съ медомъ, сувои полотна, сушеные караси, и другіе домашніе продукты предназначались для приношенія въ Лавру. Каждый изъ хуторянъ и домочадцевъ сносилъ свои злотые къ Ганнѣ, прося помянуть такихъ-то и такихъ. Больная просила поставить за здоровье Богдана двухъ-пудовую свѣчу и повѣсить къ иконѣ Божьей Матери со своей шеи нитку дорогихъ жемчуговъ. Наконецъ день выхода былъ рѣшенъ.

Въ ясное, весеннее утро попрощалась Ганна съ семьею... Прощаніе не было печальнымъ. Батюшка пришелъ нарочито отслужить напутственный молебенъ. Во время службы Ганна не спускала съ иконы глазъ. Въ темномъ „кунтушѣ", въ темномъ платкѣ, она казалась еще худѣе, но въ глазахъ, устремленныхъ на образа, горѣло столько вѣры, надежды и любви, что и у всѣхъ молящихся, взглядывавшихъ на нее, просыпалась какая-то смутная надежда. Молебенъ окончился; батюшка благословилъ всѣхъ и окропилъ святою водой. Когда Ганна подошла къ кресту, онъ надѣлъ ей на шею ладонку и, цѣлуя по простому обычаю въ голову, сказалъ увѣренно и ласково: „истинно, истинно говорю вамъ, не оставлю единаго отъ малыхъ сихъ".

— Смотри-же, Ганнуся, не барись, къ проводамъ будемъ выглядать тебя!—сказала больная, цѣлуя ласково голову Ганны, склоненную надъ ея рукой. Дѣти веселой гурьбой побѣжали провожать Ганну за хуторъ, къ тому мѣсту, гдѣ поджидала толпа богомольцевъ, подводы и козаки. Издали на солнцѣ бѣлѣла уже эта группа своими чистыми рубахами, котомками и намитками.

Преимущественно здѣсь были все женщины и дивчата, было, впрочемъ, нѣсколько сѣдыхъ и древнихъ стариковъ. Присоединившись къ богомольцамъ, Ганна еще разъ оглянулась на Субботовъ: какой онъ стоялъ блистающій и свѣтлый, окруженный деревьями съ едва замѣтнымъ, зеленымъ пушкомъ. Ганна поклонилась на четыре стороны и, перекрестившись, отправилась въ путь. Братъ провожалъ ее до первой остановки. Онъ шелъ рядомъ съ нею, ведя своего коня въ поводу.

— Когда же ждать тебя? Хочу выѣхать въ Корсунь на встрѣчу, —говорилъ онъ, широко шагая рядомъ съ нею.

— Долго не „забарюсь"... послѣ „Велыкодня" будемъ сейчасъ возвращаться.

— Эхъ, затѣяла ты! Говорятъ, совсѣмъ неспокойно на лѣвомъ берегу...

— Не безпокойся... мы разспрашивать будемъ,—по глухимъ селамъ пойдемъ.

Братъ махнулъ досадливо рукой, какъ бы желая этимъ сказать: „Что ужъ теперь разсуждать!"

Но Ганна взяла его за руку и проговорила тихо: „Не бойся, я знаю, что Господь не оставитъ насъ".

И эти увѣренныя слова, казалось, смягчили и растрогали суроваго брата.

На высокомъ курганѣ, среди безбрежной степи остановились богомольцы на первый привалъ. Разставили треножникъ, заварили въ „казанкѣ" кашу, растянулись кругомъ на зеленой травѣ.

Ганна стояла „осторонь" съ братомъ.

— Пора,—произнесла она, обращаясь къ нему. Тотъ сбросилъ шапку и, крестя Ганну на дорогу, сказалъ угрюмымъ голосомъ, какъ-бы стыдясь своихъ словъ: „Ты того... осторожнѣе... я козакамъ наказалъ... да и сама... Помни, что насъ на свѣтѣ всего двойко"...

Ганна обвила руками загорѣлую шею брата, и слезы подступили у ней къ горлу отъ этой первой его ласки.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!—произнесъ онъ торопливо, вскакивая на коня,—не „барись"-же, будемъ ждать...

Подъ высокимъ, безоблачнымъ небомъ вѣялъ ласковый, весенній вѣтерокъ; словно зеленое море, разлилась кругомъ степь безбрежной пеленой. Зеленѣли убѣгающей цѣпью курганы... Видно было, какъ вдали на одномъ изъ нихъ, окруженный стадомъ овецъ, стоялъ неподвижно задумавшійся „чабанъ"... Конь брата казался уже небольшой фигуркой, скачущей вдалекѣ. Вверху въ невидимой вышинѣ разливалась пѣснь жаворонка; журавли летѣли длиннымъ „ключемъ". И ничего кругомъ, кромѣ этой зелени да хрустальнаго неба, да яснаго солнца, обливавшаго всѣхъ теплой волной.

Ганна стояла, не отрывая глазъ отъ убѣгающей дали, и казались ей и она сама, и братъ, и эти богомольцы такими маленькими и ничтожными, затерявшимися въ этой безграничной ширинѣ. Господи, думалось ей, какъ хорошъ твой міръ, и какъ мало въ немъ счастья!

XVII.

Первые дни пути богомольцы прошли спокойно и безмятежно. Шли больше степью,—поселки попадались рѣдко,—отдыхали на зеленыхъ курганахъ, спали подъ открытымъ небомъ. Ганна чувствовала себя совершенно одинокой; эти богомольцы, идущіе вмѣстѣ съ нею, были и безконечно близки ей, и безконечно далеки. Ночью, когда усталые всѣ засыпали кругомъ, Ганна долго лежала безъ сна, устремивъ глаза на разсыпавшееся звѣздами небо. Тихія слова молитвы беззвучно сплывали съ ея устъ. Она чувствовала себя такою безсильной и малой предъ лицомъ Великаго Бога, глядящаго на нее тысячью глазъ изъ этой невѣдомой таинственной глубины. И горячѣе плыла ея молитва, и небо казалось ей выше, и степь разстилалась шире кругомъ. Когда же, пробудясь невзначай, она открывала глаза, надъ нею, словно мерцающія лампады, горѣли все тѣ же звѣзды, и паннѣ казались онѣ ангелами-хранителями, стерегущими неусыпно погруженную во мракъ землю. И тихій покой разливался въ ея душѣ.

Чѣмъ ближе къ западу подвигались богомольцы, тѣмъ чаще попадались хутора и поселки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожныя вѣсти встрѣчали ихъ повсюду. Глухо и неясно слышалось кругомъ, что подлѣ Кіева неспокойно, что ксендзы затѣваютъ что-то противъ православныхъ церквей; нѣкоторые совѣтовали совсѣмъ не идти, другіе—идти больше ночью и окольными путями.

Послѣдняго совѣта богомольцы послушались: они избѣгали большихъ дорогъ, рѣдко заходили въ селенія, шли больше лѣсами, но и всѣ эти предосторожности не могли избавить ихъ отъ нѣсколькихъ непріятныхъ стычекъ, окончившихся, правда, довольно благополучно, благодаря присутствію въ обозѣ двухъ-трехъ вооруженныхъ людей. Однако, все это сильно задерживало ихъ въ пути, и „прочане“ страшно торопились, чтобы къ Вербному Воскресенью попасть хоть въ Ржищевъ, гдѣ была церковь. Праздникъ Благовѣщенія былъ встрѣченъ въ полѣ. Обратясь лицомъ къ востоку, прочли тихо богомольцы, стоя на колѣняхъ, „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“,—больше никто и не зналъ ничего, а Ганна прочла всѣмъ вслухъ Евангеліе, тѣмъ и окончилось короткое богослуженіе. За то восходящее солнце освѣщало величаво молящуюся группу, и жаворонки щебетали кругомъ.

За два-три дня до Ржищева богомольцевъ стали поражать все чаще и чаще заброшенныя, невоздѣланныя поля. Иногда они встрѣчали пустой, точно вымершій хуторокъ съ выбитыми въ хатахъ окнами и разрушеными службами.

На ихъ вопросы крестьяне отвѣчали таинственно: народъ бѣжитъ; кто успѣлъ уйдти съ семьей, тому и хорошо. Многіе въ лѣсахъ попрятались, да голодъ одолѣваетъ, вотъ и пошли грабежи, а панство и слуги панскіе разыскиваютъ непокорныхъ хлоповъ, да за одно уже караютъ и вѣрныхъ слугъ.

Жутко становилось Ганнѣ отъ этихъ словъ и отъ этихъ сиротливо заброшенныхъ полей.

Ужъ солнце клонилось къ вечеру, когда усталые путники приблизились къ Ржищеву. Сойдя къ берегу Днѣпра, они поторопились умыть лицо, ноги и руки, переодѣться во все чистое, чтобы достойно встрѣтить праздникъ. Большое село широко раскинулось подъ гору, отступя отъ берега Днѣпра. Но, не смотря на вечернюю пору, благовѣста не было слышно. Вѣроятно, уже началась служба,—порѣшили богомольцы, поспѣшно направляясь къ селу. При входѣ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ хаты оказались пустыми. Это окончательно утвердило въ нихъ увѣренность, что служба уже началась, и богомольцы торопливо поспѣшили впередъ. Однако, обогнувъ нѣсколько уличекъ и выйдя на майданъ, окружавшій церковь, они были крайне удивлены, увидѣвъ, что церковь стоитъ запертой, возлѣ дверей лежитъ куча молодой нарѣзанной лозы, а подлѣ нея толпится народъ. Что это? Еще не начиналась служба? переглянулись безпокойно всѣ. „Батюшка еще не пришелъ", постаралась успокоить взволнованный людъ Ганна, чувствуя сама, какъ сердце замерло у нея въ груди; но, подойдя ближе къ церкви, они увидѣли, что сѣденькій старичекъ священникъ, въ простомъ, сѣромъ подрясникѣ, уныло стоитъ впереди народа, опустивъ сѣдую голову на грудь и безсильно свѣсивъ какъ плети, худыя и слабыя, руки. Отецъ діаконъ, такой-же сѣдой, какъ и священникъ, но полный и румяный, стоялъ тутъ-же; однако, лицо его, очевидно всегда веселое и добродушное, было теперь угрюмо, печально, и глаза не отрывались отъ запертыхъ церковныхъ дверей. Въ толпѣ среди молодежи раздавались глухія гнѣвныя восклицанія; старики-же стояли угрюмо и молчаливо впереди. Но больше всего поразила богомольцевъ совершенно неподходящая къ мѣсту фигура. Это была сытая фигура жида, который важно ходилъ передъ церковными дверьми, заложивши руки за спину; при каждомъ его движеніи, полы длиннаго „лапсердака" подпрыгивали, словно хвостъ какой-то неряшливой птицы, и обнажали длинныя ноги, обутыя въ истоптанныя пантофли съ грязными тряпками, выглядывавшими изъ нихъ. Длинные пейсы жида спускались изъ-подъ мѣховой шапки съ наушниками до самыхъ плечъ, и когда онъ покачивалъ нахально и высокомѣрно головою, то пейсы и сѣдоватая борода его тряслись. Жидъ ежеминутно то сплевывалъ

въ сторону, то сморкался двумя пальцами, не обращая умышленно никакого вниманія на церковно-служителей и наслаждаясь сдерживаемымъ негодованіемъ толпы. Въ рукѣ его звенѣла связка ключей.

— Что это? Что это значитъ?—обратилась Ганна съ смущеніемъ къ одному изъ стоявшихъ поблизу молодыхъ хлопцевъ.

— Не видишь, что-ли?—прошипѣлъ тотъ, стискивая зубы и указывая кулакомъ на жида.

— Случилось что? Зачѣмъ жидъ здѣсь? Отчего заперта церковь?—спросили уже разомъ и остальные богомольцы.

— Оттого, что мы глупы, слушались дураковъ, да вотъ и вышло, что дураковъ и въ церкви бьютъ!—раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

Этотъ шумъ долетѣлъ и до жида.

— Но! Пс! Цихо тамъ!—крикнулъ онъ, нагло останавливаясь передъ толпою, вытягивая правую руку впередъ.—Еще чего разговаривать выдумали... бунтари, хлопы! Вы слышали, что сказалъ мнѣ панъ, а? За одно слово обѣщался перевѣшать васъ всѣхъ, какъ собакъ?

— Да мы и молчимъ,—уныло вздохнули старики.

— Іуда проклятый!—прошипѣли молодые въ заднихъ рядахъ.

— То-то-жъ... молчать!—сморкнулся жидъ пальцами и вытеръ ихъ о полы своего „лапсердака",—чтобъ ни пары зъ устъ, понимаете? Не то узнаете панскаго канчука! А коли хотите идти въ церковь, такъ извольте поскорѣй деньги давать, потому что мнѣ ждать здѣсь зъ вами некогда.

Жидъ снова засунулъ за спину руки и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уходить.

— Смилуйся, Лейбо,—заговорили разомъ сбившіеся впереди старики. Жидъ подпрыгнулъ и повернувшись круто на мѣстѣ, заговорилъ быстро, протягивая послѣднія слова, сильно жестикулируя руками и прищуривая то правый, то лѣвый глазъ:

— И чего мнѣ васъ миловать? Га? Скажи-пожалуйста, чего? Что я вамъ, паны-хлопы, дѣлаю? Развѣ я граблю, или мучаю васъ? Я дѣлаю то, что мнѣ приказалъ мой панъ, и больше ничего. Земля панская и все, что на ней, панское, и церковь панская; панъ мнѣ отдалъ все въ аренду и велѣлъ безъ платы хлоповъ въ церковь не пускать...

— Да это-жъ „гвалтъ",—заговорили сѣдые дѣды,—кто-жъ въ храмъ Божій за деньги пускаетъ?

— Пхе!—усмѣхнулся презрительно Лейба и оттопырилъ руки, точно отталкивая отъ себя что-то гадкое и непріятное,—развѣ это Божій храмъ? Идите въ костелъ!

— Самъ туда иди съ „балабустою“!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Тпху!—сплюнулъ жидъ и, какъ-бы не разслышавши словъ, продолжалъ:—Никто вамъ не мѣшаетъ идти туда, а если вы хотите въ схизмацкую халупу идти, такъ и платите за то чиншъ, чтобы было на что честнымъ, почтивымъ людямъ жить!

— Да ты не смѣй такъ про вѣру нашу говорить!—крикнулъ діаконъ, выступая впередъ.—Самъ король защищалъ ее...

— И что мнѣ король?—протянулъ жидъ, зажмуривая лѣвый глазъ и приподымая плечи,—пусть онъ себѣ въ Варшавѣ король, а панъ въ своемъ маенткѣ самъ себѣ круль! И когда хлопы хотятъ быть схизматами, такъ должны за то деньги платить.

Жидъ снова сплюнулъ на сторону и прошелся передъ всѣми.

Батюшка стоялъ все время молча, опустивши голову на грудь.

— Дьяволъ проклятый! Собачья душа!—зашептали болѣе молодые, сжимая кулаки. Бабы заплакали.

— Откуда-же взять, Лейбо, откуда? Самъ знаешь, какой голодъ,—однѣ только шкуры остались на плечахъ, и тѣ-бъ сняли, да ничего не даютъ за нихъ,—заговорили впереди.

— Пс!—остановился жидъ, растопыривая съ недоумѣніемъ пальцы и отбрасывая голову назадъ,—такъ чего-жъ вы, паны-хлопы, шумите, развѣ я неволю васъ? Нѣтъ денегъ—и не надо; лучше домой идти и сдѣлать чего-нибудь. Развѣ мало работы есть? Ой, вей! А панъ-отецъ можетъ и въ полѣ перехамаркать... Спокойной ночи, паны-хлопы, спокойной ночи, панъ-отче!—поклонился онъ насмѣшливо крестьянамъ, поворачиваясь снова спиной.

— Да какъ же намъ въ такой святой день безъ службы Божьей остаться?—взмолились старики.

— Не откроешь церкви?!—закричали сзади хлопцы.

— Давайте два червонца и можете тамъ себѣ свои схизматскія отправы служить,—отвѣтилъ жидъ, не поворачивая головы.

— Такъ сдохнешь же, собака! Отвори церковь!—кричали сзади.

— На Бога, стойте! Молчите!—бросались къ хлопцамъ бабы и сѣдые мужики.

— Га? Такъ вы еще такъ, лайдаки, хлопы?—повернулся вдругъ жидъ.—Забыли панскіе канчуки, хотите еще?—попробовалъ было онъ окрыситься, но вдругъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна, и затрясся. Передъ нимъ были все блѣдныя искаженныя отъ ярости лица, и жидъ почувствовалъ въ одно мгновенье, что толпа забыла уже всякій страхъ.

— Не дождешься, иродъ! Прежде съ тебя шкуру снимемъ!—всѣ крикнули хлопцы—и бросились впередъ.

— Гевултъ!—взвизгнулъ жидъ, подхватывая полы своего лапсердака и стараясь выбраться изъ толпы; но сдѣлать это было почти невозможно: часть толпы бросилась впередъ, другая стремилась окружить его. Бабы плакали навзрыдъ, батюшка нѣсколько разъ порывался говорить, но его слабаго голоса не слушалъ никто.

Наконецъ, Ганнѣ удалось съ отчаяннымъ усиліемъ прорваться впередъ. Опоздай она минуту, жидъ былъ бы смятъ и растерзанъ.

— Стойте, панове! На Бога, слушайте!—закричала она, насколько могла громко, подымая вверхъ руку съ двумя червонцами.— Я даю деньги! Церковь откроютъ сейчасъ!

— Есть деньги! Панна даетъ!—закричали ближніе дальнимъ.

— Какая панна? Откуда взялась?—изумились кругомъ.

Толпа понемногу разступилась. Ганна подошла къ жиду. Онъ стоялъ мертво-зеленый, вытирая со лба потъ и переводя съ трудомъ дыханіе.

— Вотъ деньги,—подала ему Ганна два червонца,—отвори церковь.

При видѣ червонцевъ лицо жида оживилось, и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Ганну.

— Ай, панна, какая сличная панна,—заговорилъ онъ, причмокивая губами и покачивая головой,—ой, вей! Еслибъ я зналъ, что здѣсь панна, я бы сразу церковь отворилъ, а то изъ этими „гевалами" пхе, гевултъ! И чего они съ меня хотятъ? Я бѣдный жидокъ, ну, что панъ скажетъ, то я и дѣлать долженъ. Скажетъ запри—запру, скажетъ отпирай—отопру, скажетъ танцуй въ судный день—танцовать буду! А что-жъ мнѣ, бѣдному, дѣлать, когда онъ зъ меня денегъ требуетъ? Гдѣ-жъ я ихъ возьму? Ой, вей! Хай ему „маму мордуе", чѣмъ такой гешефтъ!

— Отпирай-же двери скорѣй,—перебила Ганна жида—солнце садится.

— Заразъ, заразъ, панно-любуню,—заторопился жидъ, громыхая замкомъ,—панна, видно, здалека... можетъ до меня въ корчму заѣдетъ... потому что тутъ неспокойно... Ой вей! Можетъ, панна не знаетъ, а эти хамы все равно, что дикіе псы,—прошепталъ онъ, нагибаясь надъ ея ухомъ.

Но Ганна уже не слышала его, она подошла къ старичку-священнику. „Благословите, панъ-отче!"—склонилась она надъ его рукой.

Лицо священника было все покрыто мелкими морщинками; сѣдая бородка спускалась на грудь; жиденькіе, сѣдые-же волосы были сплетены въ косичку; во всей его фигурѣ виднѣлась старость и дряхлость, и только каріе глаза свѣтились еще живымъ огнемъ.

— Богъ благословитъ тебя, дитя мое,—проговорилъ онъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ-бы слышавшимся издалека ей.—Самъ Онъ и послалъ тебя! Если-бы не ты, не слыхали-бы мы Божьяго слова въ такой великій день.—Батюшка замолчалъ, пожевавши губами; на глазахъ его показались слезы.—Развѣ это въ первый разъ? Покуда было что давать—давалъ, да прежде онъ и меньше правилъ... а теперь—два червонца. Гдѣ ихъ взять? Откуда взять? Прогнѣвали мы Бога... настали горькіе часы... А дальше что будетъ?—Старичекъ замолчалъ и взглянулъ куда-то вдаль; глаза его потухли и на лицо упало мертвенное, безжизненное выраженіе.

Сердце сжалось у Ганны при видѣ этого убожества, при видѣ этой жалкой, безпомощной старости, отданной на поруганіе, на издѣвательство жидамъ.

— Богъ милостивъ, батюшка!—тихо произнесла она.

— Милостивъ, милостивъ!—повторилъ старичекъ, оживившись.—Его воля на все... за наши грѣхи... и должны мы все терпѣливо нести, ибо Онъ сказалъ людямъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“.

Толпа между тѣмъ осаждала богомольцевъ вопросами: кто такая панна, откуда и какъ явилась сюда?

— А откуда панна прибыла къ намъ?—спросилъ Ганну и старенькій діаконъ, уже повеселѣвшій, уже забывшій грустное происшествіе.

— Я изъ-подъ Чигирина, изъ Субботова, хутора войскового писаря Хмельницкаго, полковника Золотаренка сестра.

Старенькій священникъ зажмурилъ глаза съ напряженнымъ видомъ, какъ-бы желая вспомнить что-то.

— А, помяю, какъ же, знаю... только, вѣрно, не того, а отца его... конечно, отца... отца, такъ и есть,—заговорилъ онъ радостнымъ голосомъ и дѣтская улыбка освѣтила его старческое лицо,—охъ, горячій былъ козакъ Золотаренко Николай...

Наконецъ, жидъ распахнулъ съ трудомъ тяжелыя двери. Батюшку и Ганну пропустили впередъ, а за ними хлынула и остальная толпа. Вечернее солнце ударяло всѣми своими лучами въ правое высокое рѣшетчатое окно и цѣлый снопъ этихъ золотыхъ и червонныхъ лучей протянулся черезъ всю церковь, освѣтивъ потемнѣвшій иконостасъ. Иконы глядѣли изъ темныхъ позолоченныхъ рамъ печально и сурово. Воздухъ въ церкви былъ холодный и затхлый, словно въ склепѣ. Батюшка велѣлъ отворить окна; сквозь мелкія рѣшетки ворвался свѣжій теплый воздухъ, пропитанный тонкимъ ароматомъ вишневыхъ и яблоновыхъ цвѣтовъ. Наконецъ, передъ иконами зажглись свѣчи и лампады. Тысячью свѣчей освѣтилась темненькая

церковь; каждый изъ молящихся стоялъ съ зажженною свѣчей и съ пучкомъ вербныхъ вѣтвей въ рукахъ.

На нихъ уже не было сѣренькихъ пушистыхъ барашковъ, а маленькіе, липкіе листочки покрывали красные прутья...

Царскія врата торжественно распахнулись; въ глубинѣ засіялъ престолъ высокимъ треугольникомъ семи зажженныхъ свѣчей. „Слава Святѣй, Единосущнѣй и Животворящей Троицѣ!“—возгласилъ батюшка окрѣпшимъ голосомъ. — „Аминь!“ — отвѣтилъ ему стройно клиръ, и вся церковь, словно по одному мановенію, опустилась на колѣни. Служба началась. Торжественная тишина прерывалась иногда только неожиданно вырвавшимся изъ груди рыданіемъ. Молились горячо. При каждомъ возносимомъ крестѣ глаза съ такой страстной надеждой подымались къ потемнѣвшимъ ликамъ святыхъ, руки съ такою глубокою вѣрой прижимались къ груди! Батюшка, предшествуемый діакономъ, въ лучшей ризѣ своей, съ кадильницей въ рукѣ, вышелъ изъ алтаря; они останавливались передъ каждымъ образомъ, кадильный жертвенный дымъ наполнялъ всю церковь, тихо пѣлъ клиръ, тихій свѣтъ разливался кругомъ отъ сіяющихъ восковыхъ свѣчей. Сквозь рѣшетки заглядывали въ окна усыпанныя бѣлыми цвѣтами яблонныя вѣтви, а сквозь нихъ свѣтилось мягкимъ нѣжно-розовымъ сіяніемъ вечернее небо.

„Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній“,— повторяла Ганна шепотомъ слова молитвы, не имѣя силы оторвать глазъ отъ освѣщеннаго вечернимъ свѣтомъ окна, а изъ глубины ея сердца подымался самъ собою одинъ и тотъ-же вопросъ—„Господи, гдѣ-то онъ? Гдѣ-то онъ? Знаетъ-ли, что затѣвается здѣсь?“ И въ тысячный разъ горячія молитвы порывались изъ ея души.

Служба шла своимъ чередомъ: пѣніе смѣнялось чтеніемъ. Читалъ отецъ діаконъ медленно, съ трудомъ, но понятно для всѣхъ. Когда же на клирѣ запѣли: „Осанна въ вышнихъ“, множество голосовъ подхватили эту пѣснь, и вѣтви съ зажженными свѣчами потянулись на встрѣчу батюшкѣ. Пѣніе, шелестъ и шумъ вѣтвей наполнили всю церковь. Восторженное настроеніе охватило и Ганну. Долго не смолкалъ шумъ въ церкви, долго подымались, словно лѣсъ, вѣтви надъ головами, а батюшка ласково улыбался и кропилъ всѣхъ изъ большой кропильницы святою водой. Алтарь между тѣмъ наполнился таинственнымъ сумракомъ; въ высокія окна смотрѣло уже потемнѣвшее небо. Престолъ терялся въ тѣни, свѣчи, горѣвшія на немъ, казались какими-то большими звѣздами, плавно колеблющимися въ таинственной полутьмѣ, а красная лампада надъ царскими вратами сверкала, словно большая капля горячей крови, повисшая на золоченомъ сводѣ.

Незамѣтно летѣло время среди вздоховъ и молитвъ.

— „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!"—произнесъ, наконецъ, громко батюшка, и вся церковь склонилась ницъ.—„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!"— полилась съ клироса величественная, торжественная пѣснь. И въ эту минуту, подъ звуки великаго гимна, тихій миръ обнималъ въ этомъ бѣдномъ храмѣ этихъ бѣдныхъ людей. Казалось, всѣ забыли и о прошлыхъ несчастіяхъ, и о нынѣшнихъ утѣсненіяхъ, и о невѣдомыхъ бѣдахъ грядущихъ дней... „Яко Ты еси единъ источникъ живота",—повторяли шепотомъ сотни голосовъ, осѣняя себя крестами, и прижимаясь лбами къ холодной землѣ.

— Ты, Ты одинъ,—шептала и Ганна.—Въ Твоихъ рукахъ и жизнь и смерть, единый волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Твоей... Спаси же намъ Богдана, сохрани намъ братьевъ, не дай намъ видѣть своими очами поруганія святыни Твоей!— Глаза Ганны горѣли и туманились, на щекахъ вспыхивалъ лихорадочный румянецъ.

— „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!"—раздалось съ клироса громко и вдохновенно, и въ эту же минуту изъ глубины алтаря показалась высокая свѣча, словно звѣзда, выплывшая изъ небесной глубины. Свѣча спустилась тихо и плавно по ступенямъ, а за отцомъ діакономъ вышелъ изъ алтаря и старичекъ священникъ... И это большое пламя, колебавшееся надъ всѣми головами, казалось Ганнѣ указаніемъ Божіимъ, гдѣ и какъ искать свѣтъ.

Евангеліе поднялъ священникъ... Большое пламя свѣчи снова поплыло передъ нимъ и скрылось въ алтарѣ. Священникъ остановился передъ царскими вратами и, обернувшись къ народу, поднялъ тяжелое Евангеліе надъ головой. „Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!"—донеслось съ клироса замирающимъ шопотомъ. Евангеліе наклонилось въ одну сторону, въ другую... Священникъ, осѣнивъ народъ большимъ крестомъ, скрылся въ царскихъ вратахъ. Молящіеся стали подыматься съ колѣнъ. Вдругъ Ганну поразилъ неожиданный шумъ, раздавшійся при входѣ; она оглянулась и съ удивленіемъ замѣтила толпу новыхъ лицъ, входящихъ въ притворъ. Все это были козаки, одѣтые въ красные и желтые жупаны, очевидно, не „рейстровики"... Ганна скользнула взглядомъ по ихъ незнакомымъ лицамъ и замерла вся отъ радости и изумленія:—впереди всѣхъ стоялъ Богунъ. Да, въ этомъ нечего было и сомнѣваться: другихъ такихъ глазъ, другихъ такихъ соколиныхъ бровей нельзя было отыскать по всей Украйнѣ. И онъ узналъ Ганну; она замѣтила, какъ, при видѣ ея, загорѣлось все лицо Богуна, заблестѣли глаза; онъ было рванулся, но мѣсто, слу-

жба, толпа молящихся сдержали его: онъ овладѣлъ собою, остановился, да такъ и не отрывалъ отъ Ганны до конца службы своихъ восхищенныхъ глазъ. Какъ ни напрягала своего вниманія Ганна, но послѣднія слова службы промелькнули мимо нея, какъ во снѣ. Тысячи вопросовъ, надеждъ и сомнѣній пробудились въ ней... Вотъ сейчасъ отъ него, отъ Богуна, она можетъ узнать о Богданѣ много, много... все! Какимъ образомъ онъ здѣсь?... Зачѣмъ? Откуда? Ахъ это Господь послалъ его, чтобы утишить ея муки.

Старичекъ діаконъ погасилъ мало-по-малу всѣ свѣчи у иконъ; сѣрый сумракъ спустился изъ глубины купола и повисъ надъ алтаремъ. Одна только красная лампада колебалась тихо у царскихъ вратъ. Священникъ вышелъ уже въ своемъ холстинковомъ подрясникѣ и, остановившись передъ алтаремъ, прочелъ краткую молитву и благословилъ народъ. „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво“,—запѣли тихо на клиросѣ; въ молчаніи опустились всѣ на колѣни, и старичекъ священникъ склонился у царскихъ вратъ. Ганнѣ казалось, что она чувствуетъ легкую, спасительную ризу Богородицы, раскинувшуюся надъ колѣнопреклоненными, бѣдными людьми... Послѣдніе звуки тихой молитвы замерли... Долго не подымались всѣ съ колѣнъ, какъ бы чувствуя, что умчался минутный отдыхъ, и тамъ, за этими дверьми уже ждетъ ихъ горькая жизнь, полная лишеній и утратъ.

— Панно, какимъ родомъ? Откуда ты здѣсь?—услыхала Ганна за собою знакомый голосъ и, поднявшись, увидѣла подошедшаго къ ней Богуна.

— Въ Кіевъ, на „прощу“ иду.

— Одна?

— Нѣтъ, со мною „валка“ нашихъ „прочанъ“ и два козака.

— Два козака? Ганно, да развѣ ты не знаешь, какъ неспокойно здѣсь? Я не пущу тебя одну! Со мною сотня моихъ козаковъ... мы проведемъ тебя въ лавру и назадъ.

— Не бойся, пане... мы идемъ глухими дорогами.

— Не говори такъ; я знаю, что дѣлается дальше, и одну не отпущу тебя!

— Спасибо,—Ганна нагнула голову и затѣмъ спросила тихо: А отчего и зачѣмъ самъ ты здѣсь?

— Тебѣ могу сказать: ты, Ганно, все едно, что товарищъ... Я былъ на Подолѣ, комплектовалъ полки, а теперь перекинулся сюда въ Кіевщину. Небось сама уже видѣла, что творится здѣсь.

Ганна только качнула головой и затѣмъ спросила такъ тихо, что Богунъ едва смогъ разслышать ея слова:—Не слыхалъ ли чего о панѣ-Богданѣ, живъ ли онъ, гдѣ?

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... по недѣли двѣ тому назадъ, доподлинно знаю, что былъ и живъ, и здоровъ, такъ-же, какъ я.

— Господи, Боже нашъ... Царица Небесная!—зашептала безсвязно Ганна, чувствуя, какъ счастливыя слезы затуманили ей взоръ, и вдругъ, передъ глазами ея заходили темные круги, и Ганна почуяла во всемъ своемъ тѣлѣ такую слабость, что едва не упала на полъ.

Богунъ схватилъ Ганну за руки:

— Что сталось съ тобой? Ты плачешь? Ты стала бѣлѣе стѣны!

— Отъ радости, отъ счастья! Охъ, если-бъ ты зналъ, какъ измучились мы! Съ Маслова Става мы ничего не знаемъ о Богданѣ; какъ уѣхалъ, только письмо написалъ, чтобъ молились о немъ,—говорила прерывающимся голосомъ Ганна, отирая ежеминутно выплывавшія слезы и улыбаясь счастливой, виноватой улыбкой.—Ждали долго, долго, разспрашивали всѣхъ, никто не зналъ ничего, думали, что погибъ уже онъ, или въ плѣну, или убитъ... Самъ коронный гетманъ рѣшилъ такъ... Сколько мы плакали...—Ганна остановилась, какъ бы сконфузившись, и затѣмъ продолжала:—Я и рѣшила въ Кіевъ на „прощу" идти, Бога за него, за семью его молить... Вотъ Господь и услыхалъ мои молитвы и послалъ мнѣ тебя,—окончила Ганна, обдавая Богуна радостнымъ сіяніемъ своихъ глазъ.

— Эхъ, да и счастливый же Богданъ, когда такъ молятся за него!—съ нѣкоторой горечью замѣтилъ Богунъ, не спуская съ нея очарованныхъ глазъ.

Но Ганна не замѣтила его взгляда.

— Какъ не молиться? Какъ не молиться?—вскрикнула она.

— И молись, Ганно, молись, только не за него одного, а и за другихъ молись,—проговорилъ онъ тихо.

— Я за всѣхъ молюсь.—Ганна замолчала и затѣмъ заговорила ласково съ тѣмъ же возбужденіемъ:—Но ты не сказалъ мнѣ, гдѣ онъ? Зачѣмъ уѣхалъ? Когда вернется назадъ?

Къ Богуну и Ганнѣ подошелъ отецъ-діаконъ и, поклонившись низко, заявилъ, что панъ-отецъ проситъ ихъ обождать его на цвынтарѣ, чтобы отправиться вмѣстѣ къ нему отужинать. Богунъ и Ганна вышли изъ церкви и остановились на „цвынтарѣ". Послѣ свѣта темнота показалась почти непроницаемой, хотя звѣзды и усыпали все небо. Вокругъ церкви, между могилъ, всюду подымались въ безпорядкѣ усыпанныя цвѣтомъ фруктовыя деревья. Богунъ и Ганна остановились подъ развѣсистой яблоней, недалеко отъ церковныхъ дверей. Въ короткихъ словахъ разсказалъ Богунъ Ганнѣ все, что зналъ о Богданѣ и о новомъ морскомъ походѣ, замѣтивши, что все это нужно держать въ глубокой тайнѣ. Въ темнотѣ ему не видно

было, какъ слезы сбѣгали съ ея глазъ, какъ она прижимала къ своей груди руки, не находя отъ радости и счастья благодарственныхъ словъ; но своимъ простымъ чуткимъ сердцемъ онъ чувствовалъ, что здѣсь, рядомъ съ нимъ, творится что-то великое, недоступное его душѣ...

Какое-то непонятное волненіе охватывало и самого Богуна. Эта неожиданная встрѣча съ дѣвушкой, которой равной онъ не находилъ во всей Украинѣ, взволновала его до глубины души. Разставаясь съ Богданомъ у Кодацкой корчмы, Богунъ порѣшилъ было оставить навсегда всѣ воспоминанія о Ганнѣ. Не такія времена, чтобы смущать свою душу мыслями о дивчинѣ, рѣшилъ сурово козакъ, замѣтивши, что мысли эти пріобрѣтаютъ надъ нимъ все большую силу; но рѣшеніе это оказалось весьма трудно выполнить. Среди самыхъ кипучихъ дѣлъ, заботъ и сомнѣній—думка о Ганнѣ не покидала его: она мелькала въ его тревожной, лишенной радости жизни, какъ тихая звѣзда среди разорвавшихся тучъ. Не черныя брови Ганны, не ея глубокія глаза, не тихій задушевный обликъ дѣвушки влекли къ ней козака-славуту, нѣтъ: Богуна восхищала великая сила души, что таилась въ Ганнѣ и горячая любовь къ отчизнѣ, проникавшая все ея существо. Онъ восторгался ею, онъ не находилъ ей равной во всемъ мірѣ, и каждая встрѣча съ Ганной убѣждала его еще больше въ ея недосягаемой высотѣ. И вдругъ эта дивчина, эта королевна, образъ которой не покидалъ его ни въ долгія зимнія ночи, ни въ бурю на морѣ, ни въ разгарѣ битвы, эта дѣвушка, которую онъ не надѣялся видѣть здѣсь,—рядомъ съ нимъ!! Сердце Богуна билось горячо и сильно...

— И всегда высокая, всегда недостижимая намъ грѣшнымъ и простымъ людямъ,—думалъ онъ, не спуская восторженнаго взгляда съ стройной фигуры дѣвушки и съ ея блѣднаго, подернутаго ночнымъ сумракомъ лица.—Вотъ и теперь: что ей Богданъ? Дядько, пріятель брата, не больше! Но она видитъ въ немъ спасителя нашей краины и рѣшается идти молить за него Бога, одна, въ такія времена, съ „валкой прочанъ"!.. Какая другая дѣвушка отважилась-бы на это? Нѣтъ! Другой такой на всемъ свѣтѣ не сыскать! Но вѣдь не одинъ же Богданъ думаетъ и трудится для спасенья отчизны?—поднялъ гордо голову козакъ.—Эхъ, заслужить у нея такую любовь, такую вѣру, да для этого хоть-бы и жизнь всю отдать, то не жаль!

И гордость, и восторгъ и еще какое-то новое чувство наполнили всю грудь Богуна; казалось ему, что это новое, невѣдомое чувство тѣснитъ его сердце, затрудняетъ дыханье, опьяняетъ мозгъ. Словно горячій вихрь закружилъ вдругъ всѣ его мысли; все то, чѣмъ жилъ онъ до этой минуты, улетѣло куда-то далеко, далеко, и среди этого

хаоса стояло только ясно одно сознанье того, что она, Ганна, королевна его, здѣсь близко, рядомъ съ нимъ!

Охваченный этимъ новымъ порывомъ, Богунъ стоялъ молча рядомъ съ ней, не смѣя нарушить тишины...

Легкій вѣтерокъ, колебля яблонныя вѣтки, то и дѣло отряхалъ на нихъ бѣлые, душистые лепестки. Народъ между тѣмъ выходилъ изъ церкви; у каждаго въ рукѣ среди вербовыхъ вѣтвей горѣла зажженная свѣча; казалось, какая то свѣтящаяся рѣка выливалась изъ церкви широкой волной. Внизу въ селеніи эта рѣка разбивалась на нѣсколько рукавовъ, и далеко еще мелькали то тамъ, то сямъ, среди густого мрака, эти слабые, трепещущіе огни, казавшіеся спасительными маяками въ темномъ морѣ житейскихъ бѣдъ...

XVIII.

Черезъ полчаса всѣ уже сидѣли въ хатѣ діакона за ужиномъ.

— Такъ, такъ, дѣти мои коханыя!—говорилъ тихо и печально старичекъ-священникъ, отодвинувъ отъ себя пустую миску и сложивши руки на столѣ.—Намъ жить осталось немного, охъ, какъ ужъ немного!—онъ замолчалъ и, склонивши голову, глянулъ куда-то въ темный уголъ комнаты унылыми, потухшими глазами.

Старый діаконъ взглянулъ на своего патрона, крякнулъ и и опустилъ свою львиную голову на грудь. Ганна оглянулась кругомъ: желтая восковая свѣча, горѣвшая въ мѣдномъ зеленомъ подсвѣчникѣ слабо освѣщала комнату. Старикъ діаконъ сидѣлъ на кончикѣ „лавы“ недалеко отъ священника. Въ глубинѣ комнаты, у низенькихъ дверей стояла старенькая дьяконица, одѣтая такъ-же просто, какъ любая изъ крестьянскихъ бабъ. Все въ комнатѣ было убого и уныло. На столѣ стояло нѣсколько мисокъ и оловяный стаканъ. Кувшинъ съ пивомъ, да краюха хлѣба дополняли незатѣйливое угощеніе.

— Жизнь для меня, какъ давній сонъ, дѣти,—продолжалъ снова старичекъ священникъ, словно очнувшись отъ какого-то раздумья.—Вотъ какъ вспомню, такъ передъ глазами, словно долгая дорога, а вдали, какъ вечерній туманъ.—Старичекъ замолчалъ и пожевалъ губами.—Никого и нѣтъ кругомъ: все перемерло, всѣ уже тамъ, одинъ еще я остался, да и то ужъ, чую, скоро отзоветъ меня Господь... Нѣтъ у меня ни хаты, ни грунта... Все отнялъ панъ...

— Да я что... я не о себѣ!—улыбнулся онъ какой-то виноватой, жалкой улыбкой,—еслибъ я одинъ, такъ не о чемъ было-бъ и говорить, а вотъ что люди безъ слова Божьяго остаются, такъ объ этомъ душа болитъ...

Ганна взглянула въ сторону Богуна: онъ сидѣлъ, скрестивши на столѣ руки, склонивши голову на грудь; лица его ей не было видно, но, и не видя его, Ганна поняла, какой гнѣвъ закипалъ въ его сердцѣ подъ вліяніемъ этихъ тихихъ, безропотныхъ словъ старика.

— Видишь, козаче,—продолжалъ батюшка,—обращаясь къ Богуну,—отдалъ нашъ панъ и землю, и церковь въ аренду жиду... вотъ тотъ и заперъ ее на замокъ. Когда служба или треба, надо ему деньги платить, чтобъ открылъ.

— Неслыханное дѣло!—вскрикнулъ Богунъ, сверкнувъ мрачно глазами,—такого кощунства еще не было у насъ!

— Сначала-то онъ по Божьему бралъ,—вздохнулъ старичокъ,—ну и давали, кто могъ, тотъ и давалъ, а потомъ все больше да больше сталъ брать... Были у меня матушки покойницы байбараки аксамитные, да „намисто" доброе, отдалъ я ему, а на Благовѣщенье... ряса у меня оставалась такая шелковая,—тоже отдалъ, вотъ теперь,—онъ взглянулъ сконфуженно на свой холстинковый подрясникъ.—такъ и остался, въ чемъ стою...

Отецъ діаконъ проворчалъ что-то неопредѣленное и, бросивши на батюшку полный обожанія взглядъ, покрылся весь багровымъ румянцемъ и шумно передвинулся на скамьѣ.

— А сегодня вотъ, какъ-бы Богъ не послалъ тебя, дитя мое,—взглянулъ старичокъ на Ганну добрымъ, ласковымъ взглядомъ,—такъ бы и остались мы безъ службы Божіей, въ такой-то великій день!...

— Какъ такъ?—изумился Богунъ, подымая голову и переводя свой взглядъ со старика на Ганну.

— А такъ, что намъ ужъ нечего было дать, ни у кого ни гроша за душой. Молодые бросились было бить жида, да этимъ себѣ еще большихъ бѣдъ натворили-бы; на счастье Господь ее намъ послалъ, ну, остановила она ихъ, отдала жиду деньги, и услыхали мы слово Божіе: не то, пришлось-бы и такъ, какъ дикимъ звѣрямъ, праздникъ встрѣчать.

Богунъ бросилъ на Ганну быстрый, восторженный взглядъ и обратился къ священнику.

— И давно это завелись у васъ такіе порядки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это вотъ съ зимы пошли, послѣ наказа на Масловомъ Ставу.

— А!.. Тавро проклятое!—заскрежеталъ зубами Богунъ.

— Пути Господни неисповѣдимы,—кротко замѣтилъ батюшка.—Стали они тѣснить, замѣтивши, что обезсилѣлъ и обнищалъ народъ, а теперь и храмы наши отнимаютъ, поруганіе, смѣхъ отовсюду.—Старикъ нагнулъ голову и затѣмъ произнесъ ожившимъ голосомъ, подымая вверхъ вспыхнувшіе внутреннимъ свѣтомъ глаза.—

„Предастъ-же братъ брата на смерть и отецъ чадо“, чую я, что мнѣ суждена мученическая кончина, и благодарю за то Господа и жду ее, и объ одномъ только молю, чтобы дозволилъ мнѣ умереть у моего алтаря.

У дверей послышались тихія всхлипыванья; діаконъ, какъ-бы нечаянно, провелъ широкимъ рукавомъ по глазамъ. Ганна взглянула на священника: лицо его было тихое и свѣтлое, глаза глядѣли вверхъ и точно улыбались чему-то.

— Чего вы, дѣти мои?—усмѣхнулся онъ ласково и привѣтливо.—Я свое уже прожилъ, радъ, чѣмъ могу, славѣ Господней послужить и гнѣва на враговъ своихъ не храню, ибо Господь велѣлъ прощать ихъ,—не вѣдаютъ бо, что творятъ...

— Одначе и Господь возмутился духомъ и изгналъ торжниковъ изъ храма своего,—буркнулъ басомъ отецъ-діаконъ, не подымая глазъ.

— Господь, а не мы,—произнесъ наставительно старичекъ,—Ему отмщеніе. Не намъ мудрствовать, мы должны покориться волѣ Его... Но аргументъ этотъ мало подѣйствовалъ на отца діакона: его возмутившееся сердце трудно было укротить такимъ смиреннымъ доводомъ. Онъ еще ниже наклонилъ голову и выговорилъ угрюмо и торопливо:

— Ему отмщеніе, что-же вѣрно, да вѣдь не все на Господа надѣяться, можемъ подчасъ расправиться и сами. Я тоже Писаніе знаю. Самсонъ вотъ три тысячи Филистимлянъ задавилъ въ храмѣ, и я за васъ, да за вѣру всѣмъ этимъ псамъ ребра перетрощу!

И выпаливши залпомъ эти возмущенныя слова, отецъ діаконъ умолкнулъ сразу и весь осунулся на скамьѣ.

— Отецъ-діаконъ, отецъ-діаконъ!—покачалъ батюшка укоризненно головой:—нѣтъ у тебя смиренія, нѣтъ!

Отецъ-діаконъ запыхтѣлъ, покрылся снова багровымъ румянцемъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, панъ-отче,—поднялъ Богунъ голову и заговорилъ твердымъ голосомъ,—простите, что говорю вамъ такъ, только на мою думку, терпѣть намъ дольше нѣтъ силъ. Мы не подымаемъ оружія, мы не на грабежъ, но для войсковой славы идемъ,—мы „боронимъ“ свою жизнь, свою вѣру, своихъ людей! Ты говоришь, панъ-отче, что все въ волѣ Господней, что неисповѣдимы Господни пути? Правда твоя! Такъ не будь-же на то воли Господней, не подымались бы и мы! Смотри, развѣ не перстъ Божій выводитъ насъ изъ тысячи несчастій и бѣдъ? Развѣ не Духъ Божій даетъ нашей несчастной отчизнѣ силу бороться съ могучимъ и хищнымъ львомъ? Развѣ не Онъ выводитъ на окровавленныя нивы все новые и новые полки? Нѣтъ, панъ-отче, безъ Божьей помощи не видать

бы намъ того, что мы видѣли, и что увидимъ еще!.. Пути Господни неисповѣдимы... Такъ, панъ-отче, такъ! Я вѣрую тому. И кто знаетъ, быть можетъ Онъ и избралъ насъ темныхъ и забитыхъ, чтобы наказать людей за злобу и гордыню, чтобы показать на насъ силу Свою!

— О, панъ-отче,—подхватила и Ганна, чувствуя, какъ снова пробуждается въ ней и надежда, и вѣра подъ вліяніемъ этихъ твердыхъ и горячихъ словъ,—за себя можно прощать, но за другихъ, за дѣтей невинныхъ, за осиротѣлыхъ вдовъ,—развѣ за нихъ можно прощать? Чѣмъ виноваты они? Чѣмъ они заслужили такую кару?.. Господь благъ и милостивъ, и эти звѣрства не отъ Него.

— Господь и Сына Своего распялъ на крестѣ для блага людей,—отвѣтилъ тихо священникъ, устремляя на нее свѣтлый и печальный взглядъ.

— Но распявшіе Его прокляты на вѣки! Проклятье упало и на нихъ и на ихъ дѣтей! Такъ прокляты и мучители наши, прокляты во вѣки гонители вѣры,—вскрикнулъ Богунъ,—и нѣтъ къ нимъ снисхожденія ни въ одной козацкой душѣ!

— Что значитъ наши мірскія страданія и горести передъ великой Божьей тайной, которая насъ ждетъ впереди?..

— Живой о живомъ думаетъ!—перебилъ старика Богунъ горячимъ возгласомъ.—И покуда мы живы, не позволимъ ругаться надъ вѣрой своихъ отцовъ!

— Ростовкмачить бы всѣмъ имъ головы!—вскрикнулъ вдругъ отецъ-діаконъ, приподымаясь на лавѣ.

— Отецъ-діаконъ,—остановилъ его съ укоризной священникъ и, положивши руку на его богатырское плечо, проговорилъ тихо:— ты служитель алтаря!—Затѣмъ онъ перевелъ свои глаза на Богуна и Ганну:—Дѣти мои, и великіе мученики не меньше насъ стояли за вѣру, но безропотно несли свой крестъ.

— Святые они были, панъ-отче, и намъ, грѣшнымъ, того не понять,—отвѣтилъ запальчиво Богунъ.—Да развѣ бы вы, панъ-отче, молчали, когда бы на вашихъ глазахъ рѣзали вашу жену, вашихъ дѣтей? Да развѣ бы вы не защитили сиротъ и малютокъ? Развѣ бы вы позволили осквернить святой храмъ на вашихъ глазахъ?!

— Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ,—тихо, но строго произнесъ старикъ.

— Да, и погибнетъ!—вскрикнулъ Богунъ,—но кто его поднялъ? Не мы! На насъ подняли, такъ пусть и гибнутъ поднявшіе его!!

Старикъ опустилъ печально голову; его сѣдые волосы разсыпались по плечамъ и свѣсились на грудь, руки упали безсильно.

— Не знаю...—прошепталъ онъ тихо,—далеко уже ушелъ я отъ жизни, много мнѣ непонятнаго здѣсь...—Онъ вздохнулъ и добавилъ чуть слышно:—я знаю только одно, прощать, прощать и прощать...

Вся фигура его была въ эту минуту такъ безпомощна, такъ жалка, а голосъ звучалъ такъ безропотно и тихо; что Ганна почувствовала невольно, какъ слезы выступаютъ ей на глаза.

— Панъ-отче!—прижалась она губами къ его высохшей, маленькой, желтой рукѣ.—Господь насъ услышитъ, Господь помилуетъ насъ!

— Помилуетъ, помилуетъ, всѣхъ помилуетъ! Кого здѣсь, а кого тамъ!—поднялъ старичекъ вверхъ глаза.

Всѣ замолчали. Старушка дьяконица вздохнула нѣсколько разъ и, отнявши отъ лица правую руку, подперла щеку лѣвой рукой. Богунъ задумчиво крутилъ свой черный усъ; діаконъ угрюмо сопѣлъ, и его полная грудь и большой животъ тяжело поднимались подъ холстинковымъ подрясникомъ, а старичекъ священникъ тихо кивалъ головой, словно вспоминалъ что-то далекое, далекое, чуждое всѣмъ собравшимся здѣсь...

Наконецъ, Богунъ поднялся съ мѣста.

— Спасибо, панъ-отче, за вечерю!

— Что? За вечерю? Не мнѣ, не мнѣ,—очнулся старикъ,—а имъ,—указалъ онъ на діакона,—я здѣсь и самъ гость...

— Ну, какъ таки можно?—воскликнули разомъ и толстый діаконъ, и тощая дьяконица; но батюшка усмѣхнулся привѣтливо и, махнувши рукою, прибавилъ, какъ-бы извиняясь передъ гостями,—вотъ они ужъ и пойдутъ у меня, и пойдутъ!..

— Спасибо и вамъ, добрые люди,—поклонился Богунъ въ сторону діакона,—за хлѣбъ, за соль и за вашу ласку... А мнѣ дозвольте, панъ-отче, оставить вамъ вотъ это,—развязалъ онъ ременныя тясьмы своего „гаманца“ и выбросилъ на столъ горсть червонцевъ,—чтобы люди православные безъ слова Божьяго не оставались. Покуда,—Богунъ понизилъ голосъ и окончилъ таинственно,—покуда изъ стараго „падла“ не выроститъ новая трава.

— Спасибо, спасибо, мой сыну!—обрадовался старикъ и все лицо его приняло дѣтское, свѣтлое выраженіе, а въ голосѣ задрожали слезы.—Вотъ и милость Господня, Господь не оставляетъ насъ! Ужъ, кажется, какъ плохо приходится, а смотришь, и поддержитъ Его благая рука. А ты не умѣешь смиряться отецъ діаконъ, не умѣешь. Что-жъ будешь и теперь роптать?

— И отъ меня, панъ-отче, примите,—доложила Ганна къ деньгамъ Богуна и свои червонцы; но растроганный старичокъ рѣшительно отодвинулъ ея руку:—Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, ты ужъ и

такъ поистратилась, а передъ тобой еще долгій путь; мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ?

Однако Ганна стояла на своемъ такъ твердо, что батюшкѣ пришлось согласиться.

— Богъ намъ послалъ васъ, и пусть же Всеблагій благословитъ васъ за ваше добро,—произнесъ онъ, подымая къ небу глаза,—теперь услышимъ и мы „Христосъ Воскресе!" А то я ужъ давно думаю, чѣмъ-бы на велыкдень заплатить, нечего и продать, а тутъ самъ Господь васъ и прислалъ.

— Стоитъ объ этомъ говорить, панъ-отче,—поднялся Богунъ,—слава Богу, что есть еще чѣмъ помочь.

Онъ прильнулъ къ старческой, высохшей рукѣ, и потомъ, отвернувшись, произнесъ смущенно въ сторону: Я теперь пойду; надо своимъ хлопцамъ „раду" дать, вы-жъ, пани-матко, не заботьтесь мнѣ стлать постель: ляжемъ съ хлопцами на дворѣ: намъ еще надо коней „опорядить", да и завтра пораньше встать.

Богунъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за нимъ поднялась Ганна.

— Куда ты, дитя мое?—спросилъ батюшка.

— Пойду, пройдусь, панъ-отче, воздухомъ подышу.

— Ну, иди, иди, голубка, а я тѣмъ временемъ постельку приготовлю, подушечки собью,—зашамкала старушка, распахивая передъ Ганною двери.

Ночь раскинулась надъ землею темнымъ, звѣзднымъ покровомъ. Ганна вышла въ маленькій садикъ, окружавшій дьяконовъ домъ. Ни дорожекъ, ни куртинъ не было въ немъ. Она пошла по мягкой травѣ, задѣвая то плечомъ, то головою за низкія вѣтви малорослыхъ деревъ. Деревья стояли неподвижныя, полусонныя, раскинувши въ томной нѣгѣ отягченныя душистыми розовыми цвѣтами вѣтви; казалось, онѣ погружались въ теплыя волны весенняго воздуха, боясь шевельнуться, боясь отряхнуть съ себя дивное и тайное очарованіе налетѣвшей весенней ночи. Отъ нечаяннаго прикосновенія Ганны вѣтви ихъ вздрагивали, и тогда на шею, на плечи ея слетали, словно полусонные поцѣлуи, лепестки душистыхъ цвѣтовъ. Ганна шла дальше и дальше. Вотъ и конецъ небольшого садика; у ногъ ея крутой обрывъ. Тамъ, внизу, у подножья его, разметалась, раскинулась, согрѣтая за день солнечной лаской, рѣка. Темное стекло водъ неподвижно лежитъ и тускло блещетъ стальными изгибами, сливаясь вдали съ темнымъ, дымчатымъ горизонтомъ. Рѣка не плыветъ, а дремлетъ, прислушиваясь въ полуснѣ къ пробуждающейся кругомъ жизни. Отъ лучей большихъ звѣздъ спустились въ ея глубину блѣдныя, трепещущія нити. А тамъ за рѣкою смутно темнѣютъ крутые берега,

луга и лѣса. Ганна опустилась на пригорокъ и забросила за голову руки. Вотъ мимо нея пронесся съ сдержаннымъ жужжаніемъ большой крылатый жукъ; шевельнулась трава; соловей робко щелкнулъ вдали... и Ганна чувствуетъ, что нѣтъ въ этой ночи тишины и покоя, какъ нѣтъ покоя въ глубинѣ ея души. Не спитъ, не спитъ эта ночь... Она замерла, она притаилась, прислушиваясь къ великой, чарующей весенней тайнѣ, непонятной ни Ганнѣ, ни ей.

Тамъ, въ той маленькой хаткѣ, осталось страданіе, убожество и старость, а здѣсь передъ глазами раскинулась такъ властно, такъ пышно полная обольстительной тайны весенняя ночь. И Ганна чувствуетъ, что какая-то непонятная, могучая связь устанавливается между природой и ею. Вотъ въ груди ея вспыхнула та-же мятежная, безотчетная тревога: и прошлое горе, и нынѣшнія несчастья отошли далеко, далеко. Словно волшебный туманъ покрылъ ее своею теплой пеленой отъ всего окружающаго міра. Жажда счастья, живаго, горячаго, всесильнаго счастья, охватываетъ все ея существо На глазахъ Ганны выступаютъ, одна за другой, непослушныя слезы... Она чувствуетъ, какъ душа ея переполнена мучительнымъ, не имѣющимъ выхода восторгомъ. „Онъ живъ, онъ здоровъ!"—вырвался вдругъ изъ глубины ея души горячій, страстный возгласъ.

Ганна вздрогнула отъ неожиданности и страха. Этотъ возгласъ прозвучалъ такъ горячо, такъ напряженно, какъ Ганна не могла и предположить. Да, здѣсь, въ глубинѣ ея души, помимо ея воли идетъ своя жизнь, своя работа, а сознаніе такъ сурово докладываетъ ей все.—Ахъ, что ужъ тутъ таиться, вѣдь не обманешь себя! прошептала она едва слышно.—Сколько мученій, сколько долгихъ тревожныхъ, безсонныхъ ночей, а теперь? Одно это слово, одно лишь сознаніе, что тамъ далеко, за этою темно-синѣющею далью, живъ онъ, дорогой, великій, любимый—и какимъ прекраснымъ, какимъ дивнымъ, неизъяснимо-хорошимъ кажется весь этотъ міръ!—Ганна сжала руками пылающую голову.—О, нѣтъ, нѣтъ!... Эти ужасы, эти мученія,—это лишь страшные призраки, проходящій кошмаръ... Богданъ вернется... Ахъ, какъ хочется вѣрить, что все это минотъ!.. Вѣдь не можетъ быть такого зла и насилія на этой дивной землѣ? Боже мой, Боже, онъ живъ, онъ спасенъ!—Ганна припала лицомъ къ горячимъ ладонямъ рукъ. Какое-то сладкое оцѣпенѣніе охватило ее, нѣжная слабость разлилась по всему тѣлу, и Ганна вдругъ почувствовала, какъ она страшно устала и измучилась душой; руки ея упали безсильно, вѣки сами собой опустились на подернутые влагой глаза, Ганна прислонилась головой къ дереву и занѣмѣла. Словно все заснуло въ ней; воля, желанье, сознанье,—одно только воображеніе неслося впередъ безъ руля и увлекало ее за собой.

Неясныя грезы, воплощенныя въ прекрасные, знакомые образы, блѣдные и смутные, какъ мечты, — все сливалось, разрушалось и плыло передъ нею въ какомъ-то туманѣ. Въ ушахъ ея раздавался мелодичный шумъ. И казалось Ганнѣ, что какія-то теплыя волны убаюкиваютъ ее и несутъ далеко, далеко въ невѣдомую даль, и среди этого туманнаго забытья мелькала, какъ блуждающій огонекъ, только одна ясная мысль, заставлявшая вздрагивать отъ счастья ея сердце: онъ живъ, онъ спасенъ! Такъ прошло съ полъ часа; ничто не нарушило тишины; вдругъ неясный глухой шумъ, донесшійся изъ глубины обрыва, заставилъ Ганну очнуться: очарованіе забытья слетѣло въ одно мгновенье. Ганна вздрогнула съ головы до ногъ и встрепенулась. Странный шумъ повторился снова; вотъ среди общаго гула она различила ясно повторенное нѣсколько разъ слово: Богунъ, Богунъ. Ганна быстро поднялась съ мѣста и подошла къ краю обрыва; охвативши руками росшее надъ самымъ обрывомъ дерево, она низко склонилась надъ пропастью и устремила взглядъ въ ея темную глубину.

Внизу, у подножья горы тѣснилась вокругъ какой-то высокой стройной фигуры, стоявшей на возвышеніи, огромная толпа. Въ темнотѣ Ганна не могла разсмотрѣть, козаки это или поселяне? Какъ ни напрягала она своего зрѣнія, но видѣла только темные силуэты, волнующіеся, тѣснящіе другъ друга; только на шапкѣ стоявшей на возвышеніи фигуры ей удалось замѣтить какой-то тускло блестящій предметъ: — золотая кисть... Богунъ! — рѣшила поспѣшно про себя Ганна и стала прислушиваться. Но до слуха ея долеталъ только общій шумъ, словъ отдѣльныхъ она не могла разобрать.

Вотъ шумъ пробѣжалъ послѣдней волной по рядамъ и улегся... Какъ тихо стало кругомъ. Видно, тотъ стройный козакъ началъ говорить. Такъ, Ганна увидѣла въ темнотѣ, какъ онъ отбросилъ керею, какъ поднялъ руку. Но что говоритъ онъ? Ганна перегнулась еще ниже и напрягла весь свой слухъ, но слова не долетали до нея. Вотъ снова взрывъ негодованія. Глухой ропотъ пробѣжалъ по рядамъ, и, словно стебли сухого ковыля подъ порывомъ вѣтра, зашевелились, закивали головы въ толпѣ. Но онъ опять заговорилъ. Толпа замерла, толпа заслушалась; задніе давятъ переднихъ, рвутся впередъ. О чемъ говоритъ онъ съ такимъ воодушевленіемъ? Ганна видитъ его движенія, и отъ этихъ горячихъ движеній сердце ея загорается огнемъ. — Да это Богунъ, несомнѣнно онъ! — вскрикнула она и затаила дыханье. Вотъ раздался гнѣвный возгласъ въ одной группѣ, въ другой, поднялись руки здѣсь и тамъ... И словно вспыхнувшее пламя охватило въ мигъ всю толпу. Его словъ уже не слышно; кругомъ бурлитъ содрогнувшееся море. Вотъ поднялись

крики, проклятія. Что это сверкнуло вдругъ въ воздухѣ узкой стальной полосой? Это онъ, Богунъ, обнажилъ свою саблю, и одинъ единодушный крикъ отозвался кругомъ. Вотъ снова все стихло, они шепчутъ что-то другъ другу; они расходятся по сторонамъ.

Ганна поднялась и прислонилась къ дереву... Боже мой! ничто, ничто не дремлетъ, и жизнь такъ мучительно, такъ ужасно напоминаетъ ежеминутно о себѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, а Ганна все еще стояла, прислонившись къ дереву, забросивши голову, съ блѣднымъ лицомъ и рѣзкою складкой межъ черныхъ бровей. Наконецъ, она сжала руки, отдѣлилась отъ дерева и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ діаконовой хаткѣ.

— Это ты, Ганна?—окликнулъ ее голосъ. Ганна оглянулась и увидала входящаго въ садикъ Богуна.

— Скажи, что тамъ случилось? Опять насиліе? Возстаніе? О чемъ вы говорили? Я видала, но не слыхала ничего,—бросилась она къ нему.

Богунъ взглянулъ на ея взволнованное лицо:

— Слушай, Ганно, скажи мнѣ, откуда ты такая родилась у насъ?—взялъ онъ руку Ганны, не спуская съ нея глазъ; но, видя напряженное выраженіе ея поблѣднѣвшаго лица, онъ прибавилъ:—новаго ничего. Тебѣ я все скажу; ты вѣдь козачка у насъ. Я подымаю народъ, даю имъ помощь, оставляю вездѣ своихъ козаковъ, а когда начнется дѣло, дамъ имъ только „гасло“, и „стриха„ вспыхнетъ со всѣхъ сторонъ.

— Такъ, такъ,—повторяла за нимъ Ганна, не замѣчая его взгляда, глядя куда-то въ темноту расширившимися глазами.— Вспыхнетъ все кругомъ... И лучше погибнуть въ полымѣ, чѣмъ...

— Вѣрь мнѣ, Ганно, еще пропало не все! Покуда есть насъ хоть горсть на Украйнѣ, не согнуть насъ ляхамъ!

— Не согнуть! не согнуть!—вскрикнула за нимъ лихорадочно и Ганна, не отымая своей руки.

— Да, воодушевлялся Богунъ все больше и больше,—слово козацкое даю тебѣ: еще новой травой не покроются степи, а они ужъ услышатъ о насъ отъ Варшавы до Днѣпра. Съ каждой ихъ напастью пробуждаются въ насъ новыя силы. Съ новыми утѣсненіями еще новая ненависть охватываетъ весь народъ. Спитъ сытое панство, но мы не спимъ; кругомъ, говорю тебѣ, ростетъ невидимая сила, какъ ростетъ трава въ ночной тишинѣ. Пусть больше не сѣютъ паны хлѣба, потому что къ „жнывамъ“ не найдется ни косъ, ни серповъ. Всю зиму съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобою, я ѣздилъ по Брацлавщинѣ и Волыни, перекинулся теперь въ Кіев-

щину и, клянусь тебѣ, Ганно, не проминули мы ни одной деревушки, ни одного села!

— Брате мой, орле нашъ!—вскрикнула Ганна,—Богъ благословитъ тебя!

— Не знаю,—проговорилъ вдругъ медленно Богунъ, смотря на нее долгимъ, неотрывающимся взглядомъ,—благословитъ-ли, а до сихъ поръ не благословлялъ.

Ганна взглянула на него. Въ глазахъ его свѣтился какой-то странный свѣтъ, и взглядъ былъ такъ присталенъ, что Ганна невольно опустила глаза.

— Не торопись, Ганно, погоди, присядь здѣсь,—проговорилъ Богунъ, беря Ганну снова за руку. Они сѣли на краю обрыва и замолчали. Нѣсколько минутъ никто не нарушалъ молчанія, наконецъ Богунъ обратился къ Ганнѣ:—Раскажи мнѣ, Ганно, какъ вы жили, какъ прошла эта зима? Вѣдь подумай, всю зиму не сидѣлъ я и двухъ дней въ одной хатѣ. Кое-когда говорили мнѣ о васъ заѣзжіе козаки, а то по мѣсяцамъ не зналъ, живы ли вы всѣ? Только думками мучился.

— Что-же, пане, до Маслова Става, пока панъ Богданъ дома былъ, поселки новые мы оселяли, хлопотали цѣлые дни. Все прибывалъ народъ. А когда онъ на Масловъ Ставъ поѣхалъ, да не вернулся оттуда, а только письмо намъ прислалъ, такъ ужъ и не помню, какъ эти дни потянулись, какъ и настала весна...

Да что о нашей жизни говорить! Занесло насъ было снѣгомъ, засыпало инеемъ, такъ что не видѣли и живой души.—Ганна вздохнула и замолчала, охвативши колѣни руками и вдругъ, уступая непреодолимому желанію высказаться передъ кѣмъ нибудь, она заговорила снова тихимъ задушевнымъ голосомъ.

— Такая мука была, такая „грызота"! Какъ мы молились, какъ съ каждымъ утромъ ожидали его или гонца! А вечеромъ, когда день проходилъ и мы снова ничего о немъ не знали, охъ, Иване, наступали такія томительныя ночи безъ краю, безъ конца!...

— Счастливый панъ Богданъ,—вздохнулъ Богунъ, снимая съ головы шапку и встряхнувъ темноволосой головой.—Эхъ, когда-бъ я зналъ, что будетъ кто такъ „побиватьcя" за мною,—на край свѣта заѣхалъ-бы и глазомъ-бы не сморгнулъ.—По лицу его промелькнула горькая улыбка.—Какъ ни говори, Ганно,—произнесъ онъ,—а и козаку тяжко жить на свѣтѣ, когда нѣтъ у него ни одной дорогой и родной души, когда самъ онъ никому не дорогъ!

Въ сердцѣ Ганны дрогнула теплая, теплая струна.

— Не говори такъ, козаче,—отвѣтила она просто и мягко, обдавая его ласковымъ взглядомъ своихъ глазъ. Правда, нѣтъ у тебя

родной матери и батька, да и у меня ихъ нѣтъ, а вотъ призрѣла меня семья Богдана; такъ призрѣетъ и тебя. Для насъ ты не чужой, ты родной намъ, ты близкій намъ.

— Ой, Ганно, не то, не то!—покачалъ головою Богунъ,—что я для васъ и для тебя? Богдану войсковой товарищъ, а тебѣ простой козакъ, „покарбованный славой"! Да развѣ у насъ мало такихъ! Всѣ они тебѣ близкіе, Ганно, и всѣ чужіе!—Въ голосѣ Богуна прозвучала горькая нота.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иване,—перебила его горячо Ганна и подняла на него свои открытые, лучистые глаза.—Ты не то, что всѣ. Дядько Богданъ тебя любитъ, какъ сына, и я съ дѣтства привыкла любить тебя, какъ дорогого брата. Ты братъ мой, ты другъ мой, нашъ славный зборонецъ, орелъ между нашихъ козаковъ!

— Спасибо тебѣ, Ганно,—произнесъ Богунъ дрогнувшимъ голосомъ и взялъ Ганну за руку...—Вотъ пойми ты, въ первый разъ въ жизни услыхалъ я первое ласковое, теплое слово—и душу всю оно мнѣ перевернуло... Охъ, да за такое слово,—вырвался вдругъ у козака горячій возгласъ, но онъ не докончилъ своей фразы и замолчалъ, устремивши на Ганну пристальный, жгучій взглядъ.

Замолчала и Ганна. Кругомъ было тихо, безмолвно; не слышно ужъ было ни робкихъ щелканій соловья, ни шепота вѣтра, ни шелеста листьевъ. Все умолкло, уснуло; казалось, можно было услышать, какъ плыла мимо нихъ тихо весенняя ночь.

Они сидѣли здѣсь одни, вдали отъ всѣхъ, въ этой чарующей тишинѣ...

Богунъ глядѣлъ на Ганну тѣмъ же пристальнымъ непонятнымъ ей взглядомъ. Какое-то жгучее, необоримое волненіе овладѣвало имъ все сильнѣй и сильнѣе.

— Эхъ, Ганно! произнесъ онъ вдругъ рѣшительно, расправляя свои богатырскія плечи и забрасывая красивымъ движеніемъ чуприну назадъ,—скажи мнѣ одну только правду: въ тѣ долгіе дни и ночи, когда вы такъ мучились о Богданѣ, вспоминала-ль ты хоть одинъ разъ меня въ своихъ молитвахъ, думала-ли о моей одинокой, буйной головѣ?

— Я обо всемъ думала, я за всѣхъ молилась, и за тебя нашего славнаго лыцаря.

— Не какъ за лыцаря,—перебилъ ее горячо Богунъ,—а какъ за Богдана, скажи мнѣ правду, правду, Ганно!—повторилъ онъ еще настойчивѣе,—молилась-ли ты такъ за меня?

Ганна поблѣднѣла.

— Богданъ мнѣ второй батько,—выговорила она едва слышно, и опустила голову внизъ.

Но Богунъ не разслышалъ ея отвѣта:

— Нѣтъ, дивчыно, постой, не о томъ, не о томъ я „пытаю“,— продолжалъ онъ, горячо овладѣвая ея рукой:—скажи, былъ-ли въ душѣ твоей страхъ, что ты не увидишь меня никогда? Что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ орлы выклевали мнѣ очи, грудь засыпалъ желтый песокъ?

Ганна взглянула на него, и вдругъ яркая краска залила ей лицо.

— Скажи, ждала-ли меня?—продолжалъ онъ порывисто, сжимая ея руку и забывая обо всемъ окружающемъ,—ждала-ли меня такъ, какъ я ждалъ тебя, какъ цѣлыми ночами летѣлъ къ тебѣ думкой, какъ не забывалъ тебя ни въ „герцѣ“, ни въ сѣчѣ, какъ одну тебя, одну тебя Ганно,—вскрикнулъ онъ и вдругъ оборвалъ свою рѣчь... За спиной Ганны раздался голосъ старухи діаконицы:—панно, голубко, вотъ гдѣ ты, а я всюду ищу тебя.

Чуть солнце показалось надъ землею, а все ужъ было готово къ отправленію въ путь. Богомольцы толпились у воротъ отца діакона; козаки Богуна сидѣли на коняхъ, выстроившись въ „лавы“; двѣ подводы, что Богунъ велѣлъ взять изъ села для скорѣйшаго передвиженія, стояли вмѣстѣ съ Ганниной тутъ же.

Ганна вышла изъ низенькой дверцы покосившейся хатки, а за нею вышли и батюшка, и отецъ діаконъ и Богунъ.

— Прощайте, панъ-отче,—подошла Ганна къ старичку и, прижавшись губами къ его рукѣ, проговорила тихо:—благословите меня, панъ-отче; за вашимъ благословеніемъ и Богъ благословитъ.

— И Онъ благословитъ, благословитъ тебя, дитя мое,—положилъ старичокъ руки на голову Ганнѣ,—и счастье тебѣ пошлетъ, потому что ты достойна его. Только смиряйся, больше смиряйся и не ропщи противъ воли Его. Все въ мірѣ для счастья и правды. Господь посылаетъ намъ испытанія для нашего же блага.

Старичокъ поднялъ глаза къ свѣтлому утреннему небу: вѣтерокъ сдулъ сѣдыя пряди волосъ съ его лба; на запавшихъ морщинистыхъ щекахъ выступилъ чахоточный румянецъ, а голубые глаза загорѣлись тихимъ внутреннимъ свѣтомъ:

— Вотъ и мнѣ Господь послалъ радость при самомъ концѣ моихъ дней,—заговорилъ онъ снова слабымъ, ласковымъ голосомъ,— прислалъ мнѣ, старому и дряхлому, тебя для утѣшенія.—Старичокъ взялъ Ганнину руку и взглянулъ на нее теплымъ, любящимъ взглядомъ.—Вотъ, пойми ты: видѣлъ я тебя, дитятко, всего одинъ день, а полюбилась ты мнѣ, какъ родная дочь, потому своихъ никогда не было, и жалко мнѣ пускать тебя отъ себя, такой ужъ я,

старый, дурной...—добавилъ онъ тихо съ виноватою улыбкой, не выпуская ея руки.

— Спасибо, спасибо, панъ-отче, за ласковое слово,—промолвила дрогнувшимъ голосомъ растроганная Ганна и, поцѣловавъ руку батюшки, торопливо добавила:—мы заѣдемъ къ вамъ, панъ-отче, на обратномъ пути, непремѣнно заѣдемъ.

Старикъ улыбнулся печальною, ласковою улыбкой:

— Охъ, дѣти мои, Богъ васъ наградитъ за это; только врядъ-ли... Вы молодые, а я что?—Онъ взглянулъ на свою тощую фигуру въ полотнянномъ подрясникѣ, въ стоптанныхъ, простыхъ сапогахъ,—сухой листъ, морозомъ прибитый: покуда тихо, онъ виситъ, а вѣтеръ подулъ—снесло его и снѣгомъ замело.

— „Умирае не старый, а часовый",—буркнулъ отецъ діаконъ, нахмуривая сѣдыя брови и бросая въ сторону батюшки тревожный кзглядъ.

— Такъ, такъ, отецъ діаконъ, а кто знаетъ, когда сей ударитъ часъ?—Батюшка глянулъ задумчиво впередъ, точно хотѣлъ прочесть что-то на ясномъ лазоревомъ горизонтѣ. Жиденькія пряди его волосъ спустились съ двухъ сторонъ на грудь, голова наклонилась покорно. „Блюдите, ибо не вѣсте ни дня, ни часа",—прошепталъ онъ такъ тихо и беззвучно, что и самъ не слыхалъ своихъ словъ.

Отецъ діаконъ дышалъ тяжело и грузно, воздухъ вырывался со свистомъ изъ его мясистаго носа; онъ ежеминутно приподымалъ брови, поводя какъ-то сконфуженно глазами и взглядывая украдкой на своего патрона.

— Одначе пора ѣхать,—прервалъ молчаніе Богунъ.—Солнце ужъ подымается, а намъ надо-бы пораньше выбраться: тутъ вѣдь пойдутъ все горы да буераки.

— Такъ, такъ, сыну,—встрепенулся батюшка,—жаль мнѣ разставаться съ вами, дѣти, да поѣзжайте, поѣзжайте съ Богомъ скорѣе, чтобъ, храни васъ сила небесная, не случилось чего въ пути.—Онъ перекрестилъ нѣсколько разъ Ганну и, приподнявши ея голову обѣими руками, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ лобъ и глаза.—Будь счастлива, любая моя: Матерь Божія охранитъ тебя на всякомъ твоемъ пути.—Затѣмъ онъ перекрестилъ склонившагося надъ его рукой Богуна.—Прощавай, сыну! Блюди свое сердце. Господь одарилъ его щедротами на утѣшеніе братьямъ и силу вложилъ въ руки твои... Не забывай Его... Будь и въ гнѣвѣ справедливъ и милостивъ!—Батюшка возложилъ руки на склоненную голову козака.—И да поможетъ тебѣ Богъ на все доброе, а отъ злого да охранитъ Онъ тебя!

Богомольцы размѣстились на возахъ. Ганна взобралась на высоко-наложенную сѣномъ и закрытую плахтами подводу и сѣла рядомъ со старушкой въ намиткѣ.

Вскорѣ богомольцы минули большое село, поднялись въ гору и выѣхали въ степь. Богунъ ѣхалъ все время подлѣ Ганны.

Ганна молчала, молчалъ и Богунъ.

Лицо его было сосредоточенно и серьезно; видно было, что какая-то глубокая дума не покидала его.

Прерванный вчера такъ неожиданно разговоръ съ Ганной не выходилъ изъ головы козака. Въ эту ночъ Богунъ и не ложился спать; до самого свѣта проходилъ онъ по дьяконовому саду, не будучи въ силахъ подавить охватившаго его волненія. Эта встрѣча съ Ганной, вчерашній разговоръ, ея ласковыя слова, перевернули все въ душѣ козака-славуты. Богунъ чувствовалъ, что теряетъ надъ собой всякую волю, что другое властное чувство управляетъ имъ и влечетъ его за собой; онъ уже не сомнѣвался больше въ томъ, что послѣ дорогой родины, эта дѣвушка для него—все на землѣ: всѣ чувства—любовь, дружб:, восхищенье, гордость— всѣ слились въ душѣ козака въ томъ глубокомъ и горячемъ чувствѣ, которое влекло его къ Ганнѣ.

— Не козаку, не козаку думать о дивчынѣ,—повторялъ самъ себѣ Богунъ, шагая надъ обрывомъ, и взъерошивая свою черную чуприну, но въ душѣ его мимоволи подымался бурный протестъ противъ этихъ словъ. Чему могло-бы помѣшать его чувство? Никогда-бъ ради него не измѣнилъ онъ завѣтамъ своей родины! Да онъ бы отсѣкъ себѣ правую руку, если-бы хоть мысль такая появилась въ его головѣ! Ему бы только знать, что Ганна любитъ, что ждетъ его, что согласна назвать его „своею дружыной"... и больше ничего онъ не проситъ, и опять понесетъ свою голову на смерть. Но Ганна, что-же думаетъ Ганна?—Нѣтъ, нѣтъ, и не посмотритъ она на такого козака,—твердилъ онъ самъ себѣ, и снова теребилъ въ отчаяньи свою чуприну и шагалъ надъ обрывомъ... Но когда первое сіянье зари забрезжило на востокѣ, рѣшеніе было уже готово въ сердцѣ Богуна.

Возы слегка поскрипывали и колебались; козаки, окружавшіе ихъ, перекидывались рѣдкими фразами; конь Богуна ступалъ неспѣшно рядомъ съ возомъ, на которомъ ѣхала Ганна.

Такъ бы и всю жизнь рядомъ съ тобою, дивчыно моя,—думалъ Богунъ, посматривая на задумчивое лицо Ганны, словно стараясь прочесть въ немъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

— А славные, Ганно, люди у насъ!—прервалъ онъ наконецъ долгое молчаніе.

— Славные, Иване,—проговорила тихо Ганна,—увидимъ-ли мы ихъ еще?

— Вотъ и поди ты, какъ Господь разбрасываетъ, словно звѣзды по небу, добрыхъ людей по землѣ,—нѣтъ, да и встрѣтишься, и согрѣютъ тебя чужіе люди теплѣе своихъ...—Богунъ наклонилъ голову и устремилъ глаза на поводья своего коня. Ганна тоже молчала. Онъ ѣхалъ такъ близко около воза, что дыханіе его коня было слышно ей. Послѣ вчерашняго вечера она ощущала какую-то неловкость въ его присутствіи, и хотя Богунъ не говорилъ еще ничего, но она ясно чувствовала, что тотъ разговоръ не можетъ остаться неразрѣшеннымъ, что онъ долженъ возобновиться снова, но когда? Ганна боялась этого мгновенія и усиленно отгоняла мысли о о немъ, успокоиваясь тѣмъ, что съ ней на возѣ сидитъ и старушка.

— Такъ и тебя, Ганно, словно Божью звѣзду, встрѣтилъ я въ жизни,—произнесъ тихо Богунъ, подымая на Ганну глаза.

Ганна молчала, склонивши еще ниже голову.

— Только мелькнешь ты, какъ звѣздочка между тучъ, да и опять спрячешься,—продолжалъ Богунъ,—и снова темная ночь обступаетъ козака.

Ганна подняла голову и отвѣтила твердо:

— Не одного тебя, козаче, охватила темная ночь, и не мнѣ ее разгонять. Одному только Богу все доступно, и къ Нему только стремятся теперь всѣ наши помыслы и мольбы.

Богунъ взглянулъ на ея серьезное лицо и, пришпоривши коня, проскакалъ впередъ.

Нѣсколько разъ въ продолженіи дня возвращался онъ къ возу, на которомъ ѣхала Ганна, разспрашивалъ ее, удобно-ли ей ѣхать, не выпьетъ-ли она вина, не съѣстъ-ли чего? То онъ гарцевалъ рядомъ съ нею, то громко взгикивалъ и пускалъ коня въ карьеръ по зеленой степи. И Ганна невольно любовалась его статной фигурой, какъ бы приросшей къ коню, и удалой посадкой, и дикою скачкой, въ перегонку съ вѣтромъ.

Отдыхать остановились только тогда, когда ужъ край неба залился алымъ и золотымъ сіяньемъ. Обставили кругомъ возы, стреножили коней и пустили въ степь. Развели огонекъ, подвѣсили походные котелки...Богомольцы расположились отдѣльно отъ козаковъ; размотали бинты на усталыхъ ногахъ, развязали котомки, вынули хлѣбъ, соль, лукъ и рѣдьку, и покуда кулишекъ закипалъ понемногу на огонькѣ, стали закусывать и запивать чистой водой. Козаки разлеглись также неподалеку полукругомъ, обратившись лицами къ своему костру; не пѣли они пѣсенъ въ виду наступавшихъ страстныхъ дней и истомившаго всѣхъ долгаго переѣзда по обходнымъ путямъ, а молча курили свои короткія люльки; иногда кто-нибудь обронялъ, словно нечаянно, небрежное словцо, и снова тихое молчаніе охватывало неподвижную, точно изъ бронзы вылитую, группу козаковъ.

Богомольцы, проѣхавши весь день на подводахъ, чувствовали себя нѣсколько бодрѣе. Болѣе старые разсказывали о святыхъ Печерахъ. Говорили, что онѣ идутъ подъ Днѣпромъ на ту сторону, и что стѣны ихъ выложены чистою мѣдью, другіе увѣряли, что онѣ тянутся вплоть до московскаго царства. Говорили о разныхъ чудесахъ, совершившихся отъ прикосновенія къ святымъ мощамъ Печерскимъ и къ тѣлу святой Варвары, покоящемуся въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Разговоры велись тихо... Вечеръ настилъ сухой и теплый; ни одна струйка тумана не подымалась отъ земли; звѣзды горѣли яркимъ, сверкающимъ блескомъ...

Вдали отъ богомольцевъ на разостланныхъ попонахъ сидѣла Ганна; руки ея охватывали приподнятыя колѣни, а глаза глядѣли задумчиво въ ту сторону неба, гдѣ еще невысоко надъ свѣтлымъ горизонтомъ ярко горѣла, словно Божій глазъ, большая, сверкающая звѣзда. Подлѣ Ганны, опершись на локти, полулежалъ Богунъ. Люлька давно ужъ погасла въ его зубахъ, но козакъ не замѣчалъ этого: глаза его также глядѣли сосредоточенно впередъ.

— Что-жъ, Ганно, неужели и у васъ такія безчинства на счетъ этихъ святотатственныхъ арендъ?

— Нѣтъ, у насъ, хранилъ Господь, такого не слыхать... Это вотъ тутъ въ первый разъ... И у насъ панъ Дембовичъ тоже было задумалъ отчаянное дѣло,—колоколъ у церкви отнять и перевезть въ костелъ, такъ люди начали боронить, и дьякъ нашъ Лупозвонскій съ ними былъ, первый... Поднялась драка; кое-кого убили, кого ранили, а дзвона не отдали; а дьякъ, такъ совсѣмъ изъ села пропалъ: думаемъ, убитъ...

— Царство ему небесное, добрый былъ человѣкъ,—проговорилъ серьезно Богунъ, приподымая шапку надъ головой, и затѣмъ процѣдилъ сквозь зубы:—у насъ пока спокойно... не то-бъ плохо было.

Наступило молчаніе.

— А разскажи-жъ мнѣ, Иване, какъ ты зиму провелъ? Куда думаешь двинуться изъ Кіева, что слышно между козаковъ?—поторопилась спросить Ганна, боясь этого молчанія.

И Богунъ началъ говорить. Сперва онъ говорилъ отрывисто и сухо; но мало по малу его охватывало все большее воодушевленіе. Онъ говорилъ о своихъ планахъ, о морскомъ походѣ запорожцевъ и о тѣхъ смутныхъ слухахъ, которые носились между козаковъ относительно плановъ и желаній самого короля.

А между тѣмъ разговоры богомольцевъ совсѣмъ утихли; подостлавши подъ головы котомки, они мирно уснули вокругъ костра. Изъ группы козаковъ слышался иногда густой храпъ; полупотухшіе костры еще смутно вспыхивали перебѣгающимъ синеватымъ пламе-

немъ. Изъ степи доносилось тихое ржапіе стреноженныхъ лошадей. Наконецъ, Богунъ остановился и, сбросивши шапку, вздохнулъ полною грудью.

— Такъ то, Ганно, многое мы задумали, много и крови ужъ пролили, а что выйдетъ изъ того, вѣдаетъ одинъ Богъ...

Они замолчали. Ганна тихо поднялась съ мѣста.

— Куда-жъ ты, Ганно?—всталъ за ней и Богунъ.

— Пора, козаче! Вонъ посмотри, какъ уже опрокинулся „Возъ",— указала она на созвѣздіе „Большой медвѣдицы",—скоро и свѣтать начнетъ, а самъ говорилъ, что съ разсвѣтомъ отправимся въ путь.

Однако Богунъ стоялъ передъ ней, молча опустивъ голову, какъ бы собираясь сказать что-то важное и рѣшительное.

Ганна взглянула на него, и тревожное предчувствіе охватило ее.—Прощай!—проговорила она поспѣшно, поворачиваясь и думая уйти, но Богунъ остановилъ ее.

— Ганно,—произнесъ онъ взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—подожди: ты не сказала мнѣ вчера, ждала-ли ты меня такъ, какъ я ждалъ тебя?

Ганна повернулась къ нему. Лицо его было сильно взволнованно, глаза горѣли страннымъ, жгучимъ огнемъ. Сердце у Ганны замерло...

Она хотѣла сказать что-то, но не нашла ни одного слова, да было ужъ и поздно останавливать Богуна.

— Прости меня, Ганно, прости меня, грубаго, простого козака,— заговорилъ онъ горячо и быстро, не сводя съ нея глазъ,—не умѣю я говорить панскими, шляхетскими словами, не умѣю „ховаться", не умѣю кривить душой—люблю тебя, солнышко мое ясное, зиронька моя вечерняя, люблю одну на всей Украйнѣ, на всей Божьей землѣ!

Лицо Ганны поблѣднѣло, расширенные, свѣтящіеся въ темнотѣ глаза остановились на Богунѣ съ выраженіемъ какого-то нѣмого, еще не вполнѣ уясненнаго ужаса.

— Постой, постой!—проговорила она тихо, хватая его за руку; но Богунъ не замѣтилъ ни словъ Ганны, ни ея движенія: какъ Днѣпръ, прорвавшійся сквозь пороги, такъ, мчались теперь неудержимо его горячія, бурныя, несдержанныя слова.

— Тебя одну, тебя люблю, счастье мое, королевна моя! Ни разу еще въ этомъ сердцѣ козацкомъ не просыпалось „кохання", а какъ увидѣлъ я тебя Ганно, отъ самого перваго разу не могу забыть, не могу думки моей оторвать отъ тебя! Я знаю, что не простого козака тебѣ надо: только нѣтъ, Ганно, на всей широкой землѣ такого лыцаря, такого вельможнаго пана, чтобъ подошелъ къ твоей душѣ. Скажи-жъ мнѣ, Ганно, одно только слово, любый ли я

тебѣ, хоть немного? За одно такое твое слово—умру вотъ тутъ отъ счастья, весь свѣтъ переверну!

Ганна стояла передъ нимъ блѣдная, словно мраморная.

— Не говори, не говори, казаче!—почти вскрикнула она, закрывая лицо руками.

— Я обидѣлъ? Я „зневажилъ" тебя?—бросился къ ней Богунъ.

Ганна молчала, только грудь ея подымалась усиленно и высоко. Наконецъ она заговорила медленно и тихо, отнимая руки отъ лица.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой любый, мой щырый друже, не обидѣлъ ты меня; но если-бъ ты зналъ, брате мой, какая тутъ въ сердцѣ мука, ты бы не говорилъ этихъ словъ.—Голосъ Ганны прервался, но она продолжала снова, подымая на Богуна грустные глаза.—Не въ такія тяжкія минуты, когда кругомъ обнимаетъ насъ всѣхъ безпросвѣтное горе, думать о своемъ счастьѣ.

— Стой, Ганно!—вспыхнулъ Богунъ и поднялъ гордо голову.

— Ты напрасно бросила мнѣ этотъ упрекъ. Клянусь тебѣ, никогда и ни для кого еще не забывалъ я своей отчизны и не забуду, хотя-бы мнѣ сердце „проняли" ножемъ. Съ „весильнаго" пира ушелъ бы я и понесъ за нее свою голову, если-бъ нужно было, и не задумался-бъ ни на мигъ. Женой, дѣтьми—да что считать—всѣмъ счастьемъ своимъ пожертвовалъ-бы я для нее, еслибъ оно ей мѣшало... но чѣмъ и кому помѣшать можетъ моя вѣра въ то, что есть у меня на свѣтѣ дорогая душа? Вѣдь ничего не прошу я у тебя, Ганно, одного только слова. Одно только слово твое, что я любый тебѣ— и я счастливъ и я съ отрадой на смерть полечу!—Богунъ остановился, грудь его подымалась порывисто и высоко.

Ганна слышала это; его жгучее волненіе передавалось и ей.

— Прости меня, брате, заговорила она взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ:—не хотѣла я упрекнуть тебя. Знаю я, что нѣтъ во всей Украйнѣ козака, равнаго тебѣ по славѣ и по завзятью — но что-жъ мнѣ дѣлать, когда нѣтъ въ моемъ сердцѣ... такой... любви... ни къ кому,—Ганна сжала до боли руки и продолжала.—Одна только думка „пануетъ" здѣсь,—думка про то, что ждетъ нашу отчизну! Ты видѣлъ, что затѣваютъ наши враги отовсюду, такъ намъ-ли думать о своихъ мукахъ, когда быть можетъ вся земля наша слышитъ слово Господне въ послѣдній разъ? Нѣтъ! нѣтъ!—вскрикнула она горячо, сжимая свои черныя брови, а лицо ея приняло сурово-жесткое выраженіе.—Мы должны сломать себя, порвать, потоптать свое сердце! Не про „каханье" намъ думать,—насъ ждетъ другая жизнь!

— Такъ, другая жизнь, Ганно,—подхватилъ воодушевленно Богунъ, и мы будемъ достойны ея! Но, если-бъ ты любила меня... чѣмъ бы наше счастье...

— Не до него! Ищи себѣ другую, Иване—козаче!—перебила его Ганна:—всякая дивчына за счастье почтетъ любить тебя. А я?.. Ой, нѣтъ, нѣтъ!—простонала она:—не можетъ быть никого, слышишь, никого въ этомъ сердцѣ! Счастье не для меня... Ищи себѣ другую... Богъ дастъ тебѣ счастье... Люблю я тебя, какъ брата, какъ друга, а больше, Богъ видитъ, не могу.

— Никогда! Никого! Никого, кромѣ тебя Ганно!—вскрикнулъ порывисто Богунъ и заговорилъ горячо и бурно.—Ты одна для меня на всемъ свѣтѣ! Ты моя гордость, моя королевна! Какъ на икону, молюсь на тебя! Не говори, молчи... не „шарпай" свое бѣдное сердце! Буду ждать твоего слова годъ, два, всю жизнь, до „загыну", и кромѣ тебя, Ганно, не хочу никого!

— Ой, не жди! Забудь меня!—вскрикнула Ганна съ такой мучительной болью, что сердце Богуна все вздрогнуло отъ состраданья.—Не жди!—повторила она упавшимъ голосомъ, и вдругъ вся преобразилась.

Слабая фигура ея гордо выпрямилась, глаза блеснули какимъ-то внутреннимъ огнемъ, между сжатыхъ бровей легла глубокая складка. Весь образъ дѣвушки дышалъ въ эту минуту такой великой энергіей и силой, что Богунъ занѣмѣлъ въ восторгѣ.

— Никогда никого не назову я своей „дружиной", козаче!—произнесла вдохновенно и сильно Ганна, протягивая впередъ руки.—Родинѣ это сердце! Ей и Господу—вся моя жизнь!

— Ты святая, Ганно!—вскрикнулъ Богунъ, опускаясь въ восторгѣ передъ ней на колѣни.

Солнце ужъ близилось къ полдню, когда путники стали приближаться къ Кіеву. Еще издали виднѣлись имъ надъ кудрявыми, зеленоватыми вершинами рощъ, покрывавшихъ горы, золотые кресты Печерскихъ монастырей.

Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ оборотовъ, они выѣхали на широкую, уѣзжанную дорогу и покатили прямо по направленію высокой горы, на которой расположилось мѣстечко Печеры. Дорога шла почти надъ самымъ Днѣпромъ. Нѣсколько разъ они обгоняли группы богомольцевъ, тянувшихся медленно по пути и, наконецъ, остановились у въѣздной „брамы". Всю гору опоясывала высокая каменная стѣна съ башнями и „городнями"; вокругъ стѣны тянулся неширокій ровъ съ землянымъ валомъ. Проѣхавши спущенный подъемный мостъ, путники заплатили „мостовое", и выѣхали изъ-подъ сырой брамы въ мѣстечко. Дорога подымалась

прямо въ гору; направо и налѣво тянулись роскошные рощи и сады. Густой бѣлый и розовый цвѣтъ, покрывавшій теперь всѣ деревья, придавалъ имъ какой то особенно праздничный, весенній видъ. Кое гдѣ межъ нихъ виднѣлись крыши небольшихъ домиковъ, потонувшихъ въ садахъ. Съ удивленіемъ узнала Ганна, что всѣ эти рощицы съ хорошенькими домами принадлежатъ Печерскому и Вознесенскому монастырямъ.

Наконецъ, они поднялись на гору и поѣхали широкою и ровною улицей. Справа тянулась вторая стѣна, окруженная глубокимъ рвомъ, ограждавшая монастырь, а слѣва зеленѣли все тѣ же сады, изъ-за которыхъ блеснули высокіе купола дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря.

Богунъ подскакалъ къ Ганнѣ.

— Мы сейчасъ остановимся передъ Печерскою башней,—произнесъ онъ, не глядя на нее.—Ты подожди меня, Ганно: я зайду въ Вознесенскій монастырь, повидаюсь съ игуменьей, она мнѣ хорошо знакома, и попрошу ее дать тебѣ келью и все необходимое на это время. Въ самомъ Успенскомъ монастырѣ народу много и тебѣ пришлось-бы терпѣть неудобства, а здѣсь дѣвицы изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій, и тишина и спокойствіе.

— Спасибо, пане!—наклонила Ганна голову.

— Мы-жъ съ козаками и съ „прочанами" пріютимся въ Успенскомъ монастырѣ; настоятель меня знаетъ.

Козаки между тѣмъ, проѣхавши еще нѣсколько шаговъ, остановились у высокихъ, кованныхъ желѣзныхъ воротъ Вознесенскаго монастыря. За ними остановились и подводы.

— Вотъ мы и пріѣхали!—заявилъ Богунъ, соскакивая съ коня и бросая поводья на руки подоспѣвшаго козака.—Я долго не „забарюсь!"

Онъ подошелъ къ небольшой форткѣ, продѣланной въ воротахъ монастыря, и стукнулъ въ нее нѣсколько разъ эфесомъ сабли.

Небольшое окошечко, устроенное въ башенкѣ надъ воротами, отворилось, и въ него выглянуло сморщенное, старое лицо монахини, въ черномъ клобукѣ, съ чернымъ покрываломъ, сколотымъ подъ самымъ подбородкомъ.

Взглянувши на Богуна, она быстро захлопнула окошечко и скрылась за нимъ. Прождавши нѣсколько минутъ напрасно, Богунъ стукнулъ второй и третій разъ. Наконецъ, послѣ довольно долгихъ и громкихъ толчковъ, замокъ щелкнулъ и форточка пріотворилась немного; за нею показалась фигура монахини въ длинной черной одеждѣ, спускавшейся до самой земли.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно!—привѣтствовалъ ее Богунъ.

— И во вѣки вѣковъ!—отвѣтила набожно монахиня, не отымая сложенныхъ крестообразно на груди рукъ и только наклоняя голову въ черномъ клобукѣ.

— Можно-ли видѣть мать игуменью?—освѣдомился Богунъ.

— Не велѣно богомольцевъ и козаковъ впускать,—отвѣтила монахиня, все также не подымая глазъ.

— Да вы передайте только матушкѣ игуменьѣ, что Богунъ пріѣхалъ и имѣетъ ей кое-что передать,—она приметъ меня.

Калитка молча захлопнулась; но черезъ нѣсколько минутъ послышался снова стукъ желѣзныхъ задвижекъ и на этотъ разъ калитка уже распахнулась совсѣмъ. Богунъ вошелъ и послѣдовалъ за монахиней по мощенной дорожкѣ, ведущей къ покоямъ матушки игуменьи, черезъ ярко зеленый дворъ.

Ганна встала съ подводы и, оправивши на себѣ одежу, оглянулась кругомъ. Прямо противъ нея на противуположной сторонѣ подымалась высокая башня Успенскаго монастыря. Подъемный мостъ черезъ ровъ былъ спущенъ, и толпы всевозможныхъ калѣкъ и богомольцевъ, то и дѣло, входили и выходили изъ-подъ сводовъ башни. На верху ея помѣщалась высокая церковь, со множествомъ оконъ и куполовъ. Среди дубовыхъ, окованныхъ желѣзомъ двойныхъ воротъ башни, виднѣлся большой ящикъ, въ который прохожіе опускали свои мѣдяки. У воротъ стояла стража, дальше, въ нѣкоторомъ разстояніи, поднимались золотые купола славнаго монастыря и другихъ монастырскихъ церквей.

Богомольцы встали и закрестились на золотые кресты. Толпа нищихъ, замѣтивъ прибытіе новыхъ „прочанъ", обступила ихъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе Ганны. Это былъ человѣкъ съ лицомъ, чрезвычайно изуродованнымъ оспой, безъ бровей, безъ волосъ, безъ бороды, съ жиденькими черными усами и всего однимъ ухомъ. Онъ прыгалъ на костыляхъ, изгибая свое туловище, завернутое въ какія-то жалкія лохмотья, и мычалъ, и бормоталъ что-то непонятное, протягивая ко всѣмъ руку и останавливая на нихъ свои безсмысленные, полуидіотскіе глаза. „Прочане" подавали ему кто бубликъ, кто кусокъ хлѣба. Безобразіе его было настолько сильно, что Ганна, чувствуя непреодолимое отвращеніе, не могла оторвать отъ него своихъ глазъ, какъ будто какая-то магическая сила приковывала ихъ къ этому уроду. Слѣдя за нимъ, она замѣтила невольно, что нищій, то и дѣло, бросаетъ изъ-подлобья быстрые, пронзительные взгляды какъ-бы ищетъ кого.

Наконецъ, снова застучали желѣзныя задвижки, калитка распахнулась, и на порогѣ показался Богунъ. Калитку отперла та же старая монахиня, а за нею стояли двѣ молоденькія послушницы въ черныхъ одеждахъ и мѣховыхъ шапочкахъ на головѣ.

Какъ только Богунъ показался на порогѣ, безобразный нищій кубаремъ подкатился къ нему.

— Христа ради, панъ козакъ, панъ лыцарь, панъ полковникъ, дай что-нибудь на бѣдность убогому козаку!—завопилъ онъ, протягивая къ Богуну искривленную руку.

Богунъ хотѣлъ было пройти мимо, но нищій загородилъ ему дорогу, продолжая свои выкрикиванья, и крикъ его былъ такъ назойливъ, что Богунъ, думая отвязаться отъ него, швырнулъ ему въ шапку мѣдную монету.

— Спасибо, спасибо, вельможный полковнику, славный запорожскій лыцарь!—учащенно закланялся нищій и, опустивши руку за пазуху, вытащилъ небольшую просфорку, сунулъ ее въ руки Богуна и скрылся незамѣтно въ толпѣ.

Мгновеніе стоялъ Богунъ, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло,—зачѣмъ сунулъ ему нищій просфору? Вдругъ неожиданная догадка освѣтила сразу ему глаза.

— Подожди, Ганно, минуту; я сейчасъ отдамъ наказъ своимъ козакамъ,—обратился онъ къ Ганнѣ, отходя въ сторону козаковъ.

Разломивши просфору, Богунъ увидалъ засунутую въ нее сложенную вчетверо желтую бумажку. Быстро пробѣжалъ ее Богунъ; лицо его приняло и довольное, и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченное выраженіе.

— Ну, панно,—обратился онъ къ Ганнѣ,—матушка игуменья съ радостью принимаетъ тебя. Будь здорова, прощай покуда, мнѣ надо сейчасъ же уѣхать въ городъ Подолъ, а въ четвергъ я надѣюсь возвратиться сюда и увидѣться съ тобой.

Ганна распрощалась съ богомольцами, поклонилась Богуну и, послѣдовавъ за молодыми послушницами, скрылась въ монастырскомъ дворѣ.

Калитка за монахинями тихо захлопнулась, и звякнулъ тяжелый желѣзный замокъ.

XIX.

Богунъ быстро вскочилъ на коня и, отдавъ козакамъ приказанія слѣдовать за нимъ, отправился изъ Печеръ по направленію къ городу Подолу. Миновавши заставу, они въѣхали въ обширную рощу. Деревья уже были покрыты нѣжною, молодою зеленью,

а ясени и дубы еще стояли раздѣтыми; сочная трава стлалась подъ ногами роскошнымъ бархатомъ; между подснѣжниками желтѣли уже золотые одуванчики; пахло сырою прохладой и ароматомъ молодой зелени тополей.

Дорога вилась узкою лентой по холмистой мѣстности; иногда среди разступившихся деревьевъ сверкалъ издали Днѣпръ, иногда надъ зеленою стѣной показывался на мгновенье новообновленный блестящій куполъ св. Софіи.

— Хлопцы, осмотрите оружіе,—обернулся Богунъ къ козакамъ,— въ лѣсу много звѣря, да и двуногіе часто прячутся тутъ по „пущамъ“, чтобъ перечистить ,,прочанъ“.

Проѣхавши небольшое разстояніе, Богунъ замѣтилъ съ правой стороны дороги высокій, выбѣленный столбъ съ золоченою иконой св. Николая, прибитою на верху. Отъ столба вела въ глубь рощи извилистая тропинка; она спускалась въ оврагъ и затѣмъ подымалась снова на гору, гдѣ сквозь деревья виднѣлись деревянныя стѣны, башни и въѣздныя ворота.

— Пустынно-Никольскій монастырь!—обратился Богунъ къ козакамъ, останавливая на мгновенье коня, и, снявши шапку, перекрестился трижды на икону. Козаки послѣдовали его примѣру. Вдругъ отъ столба отдѣлилась фигура безобразнаго нищаго въ лохмотьяхъ.

— Ты здѣсь?—изумился Богунъ.

— А какъ же? Ждалъ славнаго Богуна, чтобъ показать ему, куда слѣдуетъ дорогу.

Услышавъ свое имя въ устахъ неизвѣстнаго нищаго, Богунъ взглянулъ на него внимательнѣе.

— Ты знаешь меня? Откуда?

— Кто такого славнаго имени не слыхалъ, тотъ и на Запорожьи не бывалъ!—отвѣтилъ весело нищій, совершенно бросивъ свой странный голосъ и безсмысленный взглядъ.

— Э, да ты, вижу, не такой дурной, какъ кажешься!—улыбнулся Богунъ.

— А можетъ и совсѣмъ разумнымъ „сдамся“, когда поговоришь со мной,—продолжалъ также уклончиво нищій.—Ну, да вотъ въ дорогѣ ,,разбалакаемся“!

— Въ дорогѣ? Да какъ же ты за нами поспѣвать будешь на своихъ костыляхъ?

— Зачѣмъ на костыляхъ? Развѣ у тебя не найдется запасного коня?

— Конь то найдется, да какъ ты безъ ногъ поѣдешь на немъ?

— Объ этомъ не безпокойся!—оскалилъ нищій бѣлые, блестящіе зубы. Онъ нагнулся, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ, неулови-

мыхъ двеженій и, поднявшись, схватилъ костыли подъ мышки и сталъ бодро на ноги. Козаки не могли не разсмѣяться при видѣ такого волшебнаго превращенія.

— Э, да ты, вижу, братецъ, „зухъ"!—замѣтилъ одобрительно Богунъ.

— А какъ на коня сяду, такъ и вѣтромъ не догонишь!—крикнулъ удало нищій, вскакивая молодцевато на коня.

Отрядъ двинулся впередъ. Богунъ ѣхалъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди козаковъ, въ сопровожденіи нищаго. Они говорили о чемъ-то между собою тихо и невнятно. При томъ же стукъ копытъ о сухую землю, о корни деревъ, совершенно заглушалъ эти, едва долетавшіе невнятные звуки.

Дорога начала спускаться въ глубокій и крутой оврагъ, затѣмъ козаки поднялись на гору; отсюда, проѣхавъ на плоскогорьи густой лѣсъ, они ясно замѣтили блиставшіе издали купола св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря; еще разъ спустились они съ длинной горы въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго пробѣгалъ извилистый полноводный ручей, и, перейдя его вбродъ, взобрались на высокую гору и поѣхали мимо стѣнъ Михайловскаго монастыря, по старому городу Кіеву.

Вдали бывшаго города еще виднѣлись огромные земляные валы; кое гдѣ на нихъ ещо подымались остатки древнихъ стѣнъ. Встрѣчались развалины старинныхъ построекъ,а въ противуположной сторонѣ виднѣлись стѣны и укрѣпленія св. Софіи.

— Эхъ, славный тутъ, видно, городъ былъ!—вздохнулъ невольно Богунъ, оборачиваясь въ сѣдлѣ и оглядываясь кругомъ.

— Да, было, да видно сплыло!—проговорилъ негромко нищій.

— Ну, да еще „побачимъ, чіе зверху буде!"—бодро возразилъ Богунъ и, кивнувши головой, какъ бы въ отвѣтъ своимъ мыслямъ, пришпорилъ коня и проскакалъ скорѣе впередъ къ развалинамъ Десятинной церкви.

Нищій не отставалъ отъ него:

— Тутъ у меня на Кожумякахъ есть свой человѣчекъ,—обратился онъ къ Богуну,—у него можно остановиться, и козаковъ оставить, да на всякій случай перемѣнить и жупанъ. Оно хоть теперь и „безпечно" въ городѣ, а все, какъ увидятъ запорожскихъ козаковъ, накинутъ окомъ, а это, я думаю, теперь не съ руки тебѣ.

Нищій поднялъ на Богуна свои пронзительные глаза и добавилъ:

— Ну, а тогда можно будетъ и туда отправиться.

— Твоя правда,—согласился Богунъ.

Они подъѣхали къ развалинамъ Десятинной церкви, заплатили пошлину у „Мытницы" и, спустившись съ горы, миновали городскую

заставу и остановились у небольшаго домика въ городскомъ предмѣстьи.

Черезъ полъ-часа, Богунъ вышелъ изъ-подъ воротъ. На немъ былъ гладкій синій жупанъ и шапка реестровыхъ козаковъ. Забросивши голову назадъ и засунувши руки въ карманы, онъ отправился вдоль по улицамъ, напѣвая веселый мотивъ, на ратушную площадь. Дойдя до нея, Богунъ бросилъ внимательный взглядъ на рядъ каменныхъ лавокъ, протянувшихся почти черезъ всю площадь, и направился къ одной изъ нихъ, помѣщавшейся въ самомъ центрѣ, надъ дверями которой висѣлъ кусокъ краснаго сукна.

Въ лавкѣ было довольно много народу. Нѣсколько горожаномъ въ высокихъ, бѣлыхъ намиткахъ разсматривали штуку парчи, разворачиваемую передъ ними хозяиномъ, сѣдоватымъ горожаниномъ, съ ястребинымъ носомъ и зоркими, сѣрыми глазами.

— А что, пане крамарю, есть кармазинъ?—спросилъ громко Богунъ, останавливаясь въ дверяхъ.

При этихъ словахъ хозяинъ вздрогнулъ незамѣтно и, бросивши на Богуна пристальный взглядъ, спросилъ, не отнимая отъ парчи рукъ, дѣловымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— А много-ли тебѣ, пане, нужно?

— Да сколько есть, давай, все заберу,—весело отвѣчалъ Богунъ.

— Ну, такъ проходи въ заднюю комнату,—указалъ купецъ глазами на низенькую дверь въ глубинѣ лавки.—Тамъ покажутъ тебѣ.

Богунъ отворилъ низенькую дверь и, согнувшись почти вдвое, скрылся за нею.

Маленькая комната, куда направилъ его хозяинъ, освѣщалась однимъ загрязненнымъ окошечкомъ, пропускавшимъ слабый желтоватый свѣтъ, при помощи котораго Богунъ увидѣлъ множество нераспечатанныхъ тюковъ, наполнявшихъ это тѣсное помѣщеніе почти до потолка. Въ комнатѣ не было никого. Богунъ остановился посреди нея и задумался. Послѣднее событіе приводило его въ какое-то замѣшательство. Кто былъ этотъ неизвѣстный нищій, знавшій такъ много, чуть-ли не больше самого Богуна? Онъ назвалъ его Богуномъ и узналъ въ лице, слѣдовательно онъ видѣлъ его раньше, такъ значитъ и онъ Богунъ видѣлъ его, но гдѣ и когда?—Да, не смотря на уродливость нищаго сквозь безобразіе его проскальзывало что-то знакомое. Богунъ потеръ себѣ лобъ, стараясь вызвать въ своемъ воспоминаніи давніе образы, но не смотря на всѣ его усилія, онъ не могъ припомнить ничего. Но откуда зналъ нищій и о морскомъ походѣ, и о томъ, что говорилъ Богунъ козакамъ отъ имени канцлера и короля, и о томъ, что онъ Богунъ комплектуетъ новые полки?

Ужъ не подосланъ-ли онъ какимъ ляхомъ, чтобъ заманить и уловить его? Такъ, такъ,—заволновался Богунъ,—возможно и это! Зачѣмъ-бы онъ направилъ его иначе къ этому купцу? Зачѣмъ направилъ его купецъ въ эту каморку? Быть можетъ засада?—мелькнуло въ головѣ козака и онъ схватился за эфесъ сабли. Но въ это время низенькая дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ самъ хозяинъ.

Онъ затворилъ за собой старательно двери и подошедши къ Богуну, произнесъ: преславный Богунъ?

— Онъ самый,—отвѣтилъ козакъ,—но откуда ты знаешь мое имя?

— Знаю, знаю,—усмѣхнулся хозяинъ:—есть такіе вѣстники крылатые и передали намъ, что ты теперь въ Кіевщинѣ собираешь народъ, только не ожидали мы, что ты самъ прибудешь въ Кіевъ, ну и на всякій случай поставили сторожу.

— Вотъ оно что, протянулъ Богунъ:—такъ значитъ ты знаешь, кто этотъ нищій?

— Доподлинно не знаю, знаю только, что зоветъ онъ себя Рябымъ, да знаю еще то, что такого зналаго и расторопнаго человѣка, трудно гдѣ либо найдти; у Владыки онъ правая рука. Однако, присядь, козаче,—спохватился онъ:—что-же это мы стоя говоримъ? И придвинувши къ окну два большихъ тюка, хозяинъ предложилъ одинъ изъ нихъ Богуну, а на другой опустился самъ.

— Въ запискѣ написано было, что есть здѣсь много „кармазину?"—спросилъ первый Богунъ.

— Да, да—отвѣтилъ поспѣшно хозяинъ:—много здѣсь перепрятывается ихъ и у насъ, и у святого рачителя нашего, ищутъ только къ кому-бы пристать; много есть юнаковъ и среди нашихъ молодыхъ горожанъ, готовыхъ поднять оружіе за святое дѣло, есть и казна: святое Богоявленское братство ничего не пожалѣетъ. Мы ждали только тебя.

— О, Господи милосердный! Ты не оставляешь насъ!—вскрикнулъ тронутый и восхищенный Богунъ.

— Такъ, такъ, козаче: Господь печется о насъ, Онъ не оставляетъ насъ и въ самыхъ злыхъ бѣдствіяхъ; Онъ далъ намъ нашего неусыпнаго рачителя и указалъ намъ, что сила наша заключается въ насъ самихъ. Не одному козачеству—всѣмъ намъ дорога наша святая воля и вѣра, всѣ хотимъ разбить лядское ярмо. „Зайшлый" гетманъ нашъ Конашевичъ Сагайдачный вписался со всѣмъ Запорожьемъ въ нашъ святой братскій „Уписъ", и мы дали другъ другу клятвенное обѣщанье стоять другъ за друга до конца живота... Вѣдь одной мы матери дѣти и всѣ будемъ стоять за нее, на погибель мучителямъ латинянамъ... кто чѣмъ можетъ, кто саблей, а кто хоть своимъ трудомъ.

— Правда, правда, друже!—отвѣчалъ тронутымъ голосомъ Богунъ.—А вотъ ты до сихъ поръ не сказалъ, какъ величать тебя?

— Крамаремъ.

— Ну, будемъ-же, Крамарю—побратыме, друзьями!—всталъ Богунъ, заключая Крамаря въ свои могучія объятья.

— Спасибо, спасибо, брате!—отвѣчалъ польщенный Крамарь:—дружба съ такимъ лыцаремъ славетнымъ большая честь для меня.

Друзья обнялись и поцѣловались трижды по козацкому обычаю.

Ну, теперь, сдѣлай-же мнѣ ласку, друже, заговорилъ Крамарь, отвѣдай у меня хлѣба-соли, отдохни со своими козаками, всего найдется у меня вдоволь; а вечеромъ и къ Владыкѣ пройдемъ, онъ давно уже ищетъ увидѣть тебя. Да вотъ еще, захвати ты съ собой эту штуку „кармазина",—сунулъ онъ Богуну подъ мышку штуку краснаго сукна: чтобъ еще не подумали чего. Здѣсь вѣдь ляхами, да ксендзами весь Подолъ кишитъ... И иди ты впередъ, дворище мое тебѣ всякій укажетъ, а я сейчасъ за тобою. Потолкуемъ обо всемъ дома. Береженаго, знаешь, и Богъ бережетъ.

— Гараздъ!—согласился на все Богунъ.

Былъ уже поздній темный вечеръ, когда Богунъ и Крамарь пробираясь осторожно нелюдимыми закоулками, дошли до задняго входа въ Богоявленскій монастырь, выходившаго на пустынный берегъ Днѣпра. На Богунѣ теперь надѣта была длинная, мѣщанская одежда, а тѣнь отъ высокой шапки-колпака закрывала почти все лице; предосторожность эта оказалась не лишней, такъ какъ по улицамъ, не смотря на позднюю пору, вездѣ попадалась и польская стража и католическіе монахи.

Крамарь постучалъ въ калитку монастыря; послышалось чье-то тяжелое шлепанье и старый монахъ, посмотрѣвши сперва въ маленькое оконце, продѣланное въ калиткѣ, впустилъ пришедшихъ въ монастырскій дворъ.

— А что, превелебный Владыка?—обратился къ нему Крамарь, послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Отдыхаетъ, но васъ велѣлъ провести къ себѣ,—отвѣтилъ монахъ.

— Ну, такъ идемъ!

Монахъ пошелъ впередъ, а за нимъ послѣдовали Богунъ и Крамарь.

Они вошли въ зданіе монастыря и, проминувши нѣсколько высокихъ и узкихъ корридоровъ, остановились у небольшихъ дверей.

Монахъ откашлялся и, постучавшись въ дверь, произнесъ тихо:—Благословенъ Богъ нашъ!

— Во вѣки вѣковъ,—отвѣтилъ изъ кельи чей-то твердый голосъ.

— Преосвященный Владыко, братъ Крамарь съ козакомъ пришли.

— Войдите!—послышалось въ отвѣтъ.

Монахъ открылъ дверь и пропустилъ въ келью Крамаря и Богуна.

Въ кельѣ было почти темно; окно выдѣлялось въ ней какимъ-то тускло синѣющимъ просвѣтомъ. Большая серебряная лампада слабо освѣщала комнату. Размѣры и обстановка ея терялись въ этомъ полусвѣтѣ, да Богунъ и не замѣтилъ ее: вниманіе его приковала къ себѣ высокая и величественная фигура Владыки, сидѣвшаго у стола.

Хотя Богунъ и не видалъ его ни разу до сихъ поръ, но сразу-же догадался, что это не могъ быть никто иной. Черная одежда Владыки спускалась до полу, тѣнь покрывала лице и всю фигуру Владыки, но, не смотря на это, Богунъ замѣтилъ его гордую осанку, его высокій лобъ и пристальный, пронизывающій взглядъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ.

— Благослови, преосвященнѣйшій Владыко!—произнесъ Крамарь, а за нимъ и Богунъ, склоняясь для благословенья.

Владыка поднялъ руку для крестнаго знаменья и произнесши короткое благословенье, обратился къ Богуну:—сыне мой, приблизься сюда.

Богунъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Владыка не спускалъ съ него пристальнаго взгляда; Богуну показалось, что взглядъ этотъ пронизываетъ его насквозь.

Наконецъ Владыка произнесъ медленно:—полковникъ Богунъ?

— Онъ самый, Ваша Превелебность!—отвѣтилъ Богунъ.

— Слышалъ я много о твоихъ доблестяхъ, козаче!—продолжалъ Владыка.

— Что съ этихъ доблестей!—вздохнулъ Богунъ.—Большая-ли честь въ томъ, что я жизнью не дорожу! Ужъ такъ круто приходится, превелебный Владыко, что кажись, и безъ битвы разсадилъ бы ее о камень.

— Да,—вздохнулъ въ свою очередь Владыка и опустилъ голову:—Господь посылаетъ намъ великія испытанія: все знаю я... Но,—выпрямился онъ гордо и заговорилъ сурово:—мужайтесь, братія, мужайтесь! Плоть бо немощна, но духъ, да пребудетъ бодръ.

— Превелебный Владыко! Клянусь тебѣ, мы не падаемъ духомъ!—воскликнулъ горячо Богунъ:—мы всѣ поклялись умереть „до одного", а не согнуть подъ ляцкимъ игомъ шеи, и выполнимъ свое слово!

— Умереть, все едино, что согнуться подъ игомъ,—произнесъ строго Владыка,—и даже горше, ибо это значитъ бросить на произволъ ляховъ-католиковъ весь беззащитный народъ и всю родную землю. Нѣтъ!—стукнулъ онъ золоченнымъ посохомъ о полъ:—сбросить это ненавистное иго и зажить вольно, смѣло, свободно, какъ живутъ всѣ другіе народы!

— Но развѣ мы мало пытались свергнуть его? Сколько возстаній подымали мы, превелебный Владыка самъ знаетъ, а чѣмъ кончались онѣ? Вотъ и теперь!.. А развѣ у насъ мало лыцарей доблестныхъ и отважныхъ, каждый несетъ на смерть со смѣхомъ свою голову! Что за козакъ, что за атаманъ былъ Гуня?.. Ну и что-жъ, не выдержялъ... разгромили ляхи... Но,—сверкнулъ козакъ глазами,—они могутъ побѣждать насъ, превелебный Владыко, но не согнутъ никогда, никогда!!

— Одной доблести и отваги мало!—произнесъ медленно Могила, впиваясь глазами въ лице козака, словно желая проникнуть въ его внутренній міръ.

Глаза козака смотрѣли смѣло, отважно, прекрасное лице его горѣло благороднымъ воодушевленіемъ; казалось, не могло быть сомнѣнья, что онъ не задумается ни на одинъ мигъ отдать за родину всю свою жизнь; но Владыка искалъ въ немъ чего-то и видимо не отыскалъ того, что хотѣлъ.

— О, Конашевичъ! Конашевичъ!—произнесъ онъ тихо, почти не слышно:—зачѣмъ тебя нѣтъ со мной!

Наступило молчаніе. Владыка погрузился въ свои думы.

Богунъ чувствовалъ, что какое-то святое чувство почтенья, восторга и преданности охватываетъ его передъ лицемъ этого великаго человѣка, о дѣлахъ котораго онъ слышалъ такъ много.

Наконецъ Владыка поднялъ голову.

— Знаешь-ли ты писаря Богдана Хмельницкаго?—обратился онъ къ Богуну:—я слышалъ такъ много о немъ; его любитъ все козачество...

— И онъ стоитъ того, превелебный Владыко,—воскликнулъ Богунъ:—нѣтъ среди насъ болѣе отважнаго сердца, болѣе смѣлой руки и болѣе разумной головы.

— Такъ,—наклонилъ бѣлый клобукъ Владыка,—говорятъ, онъ человѣкъ великой эдукаціи.

— О, да! Онъ окончилъ іезуитскую коллегію... Онъ пользуется великой силой у Короннаго Гетмана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среди козаковъ.

— Гм.,—протянулъ Владыка:—вѣрю тому, что говорятъ о его мудрости: но таково-ли его сердце? Преданъ-ли онъ вамъ?

— Какъ правая рука человѣку!—произнесъ горячо и увѣренно Богунъ.

— Почему-же онъ до сихъ поръ не возстанетъ во главѣ васъ открыто?

— Онъ говоритъ, что рано еще... говоритъ, что самимъ намъ нѣтъ силы подняться, а думаетъ достигнуть всего съ помощью короля.

— Короля?—усмѣхнулся Владыка,—но король вѣдь не могъ охранить даже своего слова, гдѣ-же ему охранить весь народъ!

— Король хочетъ затѣять войну съ Турціей; мы получили отъ него тайный наказъ и шесть тысячъ таляровъ. А при войнѣ онъ обѣщаетъ усилить наши права.

— Все это такъ,—произнесъ Владыка задумчиво:—но король католикъ: нужно намъ надѣяться только на себя и на себя.

Владыка замолчалъ; Богунъ молчалъ тоже, не смѣя нарушить тишины. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?—обратился снова къ Богуну Владыка:—помни, козаче, что прежде всего вамъ надо устраивать и укрѣплять свою силу.

— О, такъ, Владыко, и мы подумали объ этомъ прежде всего. Запорожцы наши, согласно желанію короля, отправились въ морской походъ; Богданъ повелъ ихъ.

— Я знаю это.

— Ты, святой отче, зналъ это?—изумился Богунъ.—Но откуда?

— Я знаю все, что дѣется у васъ и для васъ,—произнесъ Владыка:—но дальше, что же дѣлаешь ты?

— Я и другіе, выбранные товарыствомъ, собираемъ людей, комплектуемъ полки, отправляемъ ихъ на Запорожье, подготовляемъ вездѣ возстанье... Владыко, я только Предтеча того, кто будетъ слѣдовать за мной.

— Хорошо; Господь благословитъ всѣ Ваши начинанья!—произнесъ торжественно Владыка, подымая къ слабо освѣщенной иконѣ глаза.—Сядь же сюда, сынъ мой, и слушай, что я буду тебѣ говорить.

Уже на ратушной башнѣ давно пробило полночь, когда Богунъ вышелъ отъ Владыки. Сердце его билось приливомъ новой увѣренности, гордости и надежды, а въ головѣ толпились драгоцѣнныя слова и указанія Владыки...

Маленькая келійка, куда отвели Ганну послушницы, была вся полна свѣжаго, зеленоватаго полусвѣта, потому что небольшія оконца ея выходили прямо въ садъ, окружавшій келійки со всѣхъ сторонъ. Тѣни отъ мелкихъ листочковъ безпрерывно трепетали по стѣнамъ и

по полу; въ открытыя окна заглядывали вѣтви яблонь и сливъ, усыпанныя нѣжными розовыми цвѣтами. Воздухъ былъ теплый и душистый. Въ углу, у божницы, убранной свѣжею мятой, горѣла яркою звѣздочкой лампадка. По стѣнамъ келійки были размалеваны масляными красками картины изъ житій святыхъ. У боковой стѣны стояла маленькая канапка и нѣсколько такихъ же стульевъ; у окна — столикъ, на немъ четки, Евангеліе и псалтырь.

И Ганна чувствовала, какъ она отдыхаетъ, измученная и душой и тѣломъ, въ этой чарующей тишинѣ. Никакіе звуки, кромѣ „щебетанья“ птицъ, не долетали сюда; утромъ же и вечеромъ раздавались мѣрные удары постоваго колокола, и тогда Ганна, въ сопровожденіи молоденькой послушницы, отправлялась вслѣдъ за монахинями въ церковь. Молилась она горячо и страстно, вслушиваясь въ каждое слово Евангелія и псалтыря. Возвратившись въ келію, она проводила все остальное время или за чтеніемъ святаго писанія, или на колѣнахъ, въ слезахъ. Среди всѣхъ своихъ молитвъ она возвращалась безпрестанно все къ одной, да къ одной: она просила Богородицу помочь ей, слабой и безсильной, вырвать навсегда изъ сердца ту преступную любовь къ Богдану, которая такъ всесильно овладѣвала ею, а окрылить ея душу высокою любовью къ страдалицѣ родинѣ, за которую она отдала бы жизнь. Ко всѣмъ ея страданіямъ примѣшивалась еще и непокидавшая ея мысль о Богунѣ... Ганна корила себя за то, что она невольно разбила сердце дорогого ей козака, за то, что она не дала ему искренняго прямого отвѣта. Укоры эти, принося ей невыносимыя страданія, не доставляли никакого удовлетворенья ея измученной душѣ. Нѣсколько разъ ходила Ганна въ пещеры; по цѣлымъ часамъ стояла она на холодномъ полу, забывая, что дѣется вокругъ нея. Ѣла она совсѣмъ мало, вставала по-монастырски къ заутренямъ и проникалась все больше и больше обаяніемъ религіознаго экстаза. И Ганна чувствовала, какъ вмѣстѣ съ ея тихими слезами мятежное чувство, капля по каплѣ, уплываетъ изъ ея души. Ей было такъ хорошо молиться въ своей келійкѣ, прислонившись горячимъ лбомъ къ холодному косяку аналоя. Когда-же она, усталая, измученная, поднимала голову, на нее глядѣли со стѣны ласковые и грустные глаза Христа... И казалось ей, что она чувствуетъ подлѣ себя эту ласковую, спасительную руку, и на душѣ становилось такъ легко...

За нѣсколько дней, проведенныхъ въ монастырѣ, Ганна какъ бы позабыла обо всемъ окружающемъ, погружаясь въ религіозныя воспоминанія страстныхъ дней все глубже и глубже; жизненныя впечатлѣнія какъ-бы смыкались надъ нею съ неяснымъ шумомъ, словно вода надъ головою утопающаго... И еслибъ не ужасное положеніе

ея вѣры, ея края, она, казалось, никогда бы не покинула этого тихаго пристанища среди бурь и напастей житейскихъ.

Такъ настал и страстной четвергъ. Ганна не пошла въ лавру къ умовенію ногъ; ей хотѣлось провести этотъ день совершенно одной. Но вотъ солнце опустилось къ западной сторонѣ, повѣяло вечерней прохладой, протяжно и плавно прозвучалъ большой успенскій колоколъ, за нимъ также печально и медленно прозвучали и вознесенскіе колокола. Двери келіекъ стали отворяться неспѣшно и длинною вереницей потянулись по зеленому двору, одна за другой монахини въ черныхъ мантіяхъ въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ послушницъ.

Церковь уже была полна народа, когда Ганна вошла и заняла свое мѣсто въ глубинѣ. Передъ образами теплились лампады и горѣли въ серебряныхъ ставникахъ высокія, зеленыя свѣчи, окруженныя десятками маленькихъ; большое паникадило блистало полусотней огней; свѣтъ разливался широкими полосами внизу, дрожалъ въ окнахъ и гналъ сумракъ далеко вверхъ, въ высокій куполъ, гдѣ онъ ютился вмѣстѣ съ волнами кадильнаго дыма.

Служба шла долго. Наконецъ, царскія врата распахнулись и показался старичекъ священникъ въ сопровожденіи діакона съ Евангеліемъ въ рукахъ. Одна за другой зажглись въ рукахъ молящихся свѣчи, и вся церковь наполнилась яркимъ мигающимъ свѣтомъ. Вотъ начались чтенія Евангелій.

Когда оканчивалось одно Евангеліе, свѣчи одна за другой быстро гасли въ рукахъ молящихся, и церковь погружалась въ сумрачный полумракъ, словно облекалась въ трауръ.

— Слава!—слышалось съ клироса торжественно и печально.— Слава, страстемъ Твоимъ, Господи!—повторяла за хоромъ и Ганна, не отрывая своихъ горящихъ, возбужденныхъ глазъ отъ лика Христа. И снова отворяются царскія врата, снова выходитъ старичекъ священникъ, открывается большая книга... и то же чтеніе тихимъ старческимъ голосомъ... И Ганна точно видитъ, точно переживаетъ все то, о чемъ повѣствуетъ дребежжащій голосъ панъ-отца.

— „Марія же Магдалина и Марія Іосіева зрясте, гдѣ Его полагаху“,—окончилъ священникъ и вся церковь опустилась ницъ. И предъ глазами Ганны въ тихой полутьмѣ церкви одна за другою проходятъ картины: вотъ они сняли Его тѣло съ креста, завернули въ бѣлыя полотна... темнѣетъ... безутѣшныя женщины склонились надъ Его измученнымъ, мертвымъ лицомъ... онѣ не плачутъ... онѣ окаменѣли въ своемъ нѣмомъ отчаяніи... Лиловый, мертвый сумракъ упалъ на ихъ покрытыя головы.

Вдругъ Ганна почувствовала на себѣ чей-то пристальный взглядъ. Она оглянулась и вздрогнула невольно, увидѣвши себя въ полутемной церкви, среди склонившихся кругомъ молящихся людей. Съ противуположнаго клироса глядѣлъ на нее Богунъ; но самъ онъ едва узналъ Ганну, до того осунулось и поблѣднѣло ея лицо за эти четыре дня. Глаза ея, обведенные черными кругами, казались теперь огромными и черными, и глядѣли такъ открыто и серьезно, что вся она показалась ему какой-то старинной иконой, глядящей съ потемнѣвшаго полотна. Глаза ихъ встрѣтились. Но ни женственная краска не вспыхнула на этихъ блѣдныхъ щекахъ, ни нѣжной привѣтливой улыбки не показалось на ея лицѣ, глаза не вспыхнули затаенной искрой,—они глядѣли на него такимъ глубокимъ и грустнымъ взглядомъ, что Богунъ прошепталъ невольно: „Господи, откуда Ты послалъ намъ ее?" И такой горячій приливъ любви и удивленія передъ этою необыкновенною дѣвушкой охватилъ сердце козака, что Богуну захотѣлось неудержимо тутъ же сейчасъ сказать, что онъ любитъ ее одну во всей Украинѣ, что она ему все: и мать, и сестра, и жена.

Но служба окончилась. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Монахини потянулись одна за другою длинною, черною вереницей. Богунъ увидѣлъ Ганну; она шла вслѣдъ за ними. Онъ хотѣлъ окликнуть ее, подойти къ ней, но Ганна взглянула на него снова, и лицо ея было такъ серьезно, такъ печально, что Богунъ не рѣшился подойти къ ней теперь и только проводилъ ее глазами вплоть до самыхъ дверей.

Въ вечеръ великой субботы, къ въѣздной лаврской „оборонѣ" то и дѣло подкатывали возы горожанъ и неуклюжія колымаги пановъ, окруженныя верховыми стражниками; подходили безпрерывно толпы богомольцевъ и изъ города Подола, и изъ Вышгорода, и изъ другихъ, еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Хотя до всенощной было еще далеко, но дворъ Печерскаго монастыря быстро наполнялся народомъ. Пріѣхалъ и самъ митрополитъ, „превелебный" Петръ Могила, устроитель братскаго монастыря и академіи, а равно и возобновитель Софіевскаго собора; прикатили и подвоеводій, и войтъ, и бурмистръ. Знатные гости были приглашены настоятелемъ Печерскаго монастыря въ свои покои, другіе, что попроще, росположились на дворѣ. У всѣхъ послѣднихъ были въ рукахъ корзины и узелки съ пасхами, поросятами яйцами, предназначенными для освященія.

Цѣлый день въ открытыя двери собора входили и выходили толпы богомольцевъ, помолиться и приложиться къ Пречистой Плащаницѣ.

Настала ночь, теплая, звѣздная и душистая. Ударилъ колоколъ, и эхо понесло далеко за Днѣпръ протяжный и торжественный звукъ. Заволновались толпы народа на монастырскомъ дворищѣ и поспѣшно потекли широкими волнами въ храмъ.

Съ трудомъ пробралась Ганна вслѣдъ за теченіемъ народа въ переполненную церковь, но не могла пройти къ Плащаницѣ и остановилась въ сторонкѣ, прислонившись къ холодной каменной стѣнѣ. Въ церкви было такъ тѣсно, что весь народъ представлялъ изъ себя какъ бы сплошное цѣлое, такъ что толчекъ, полученный у входа въ церковь, передавался и стоящимъ впереди. Отъ множества зажженныхъ свѣчей чувствовалась невообразимая духота; пахло горячимъ воскомъ, сапогами, носильнымъ платьемъ и горячимъ дыханіемъ тысячи людей. Съ клироса раздавалось мѣрное и монотонное чтеніе „Апостола". То тамъ, то сямъ слышалось сухое покашливаніе, вздохъ или задержанный зѣвокъ,—всѣ ожидали того счастливаго и торжественнаго момента, когда, наконецъ, „дочитаются до Христа".

Между тѣмъ народъ все прибывалъ и, не смотря на невообразимую тѣсноту, церковь поглощала еще и еще новыя толпы людей. Ганна чувствовала себя чрезвычайно слабою: отъ самаго четверга она не ѣла ничего, кромѣ хлѣба и воды. Ноги ея совершенно подкашивались, она могла еще стоять, только прислонившись къ стѣнѣ. Какъ ни напрягала она своего слуха, но изъ читаемаго на клиросѣ до нея доносился только неясный однообразный шумъ, который сливался у нея съ непонятнымъ шумомъ въ головѣ и въ ушахъ. Ее сильно тѣснили обступившіе со всѣхъ сторонъ горожане и козаки; казалось, что ими совершенно преграждался къ ней доступъ воздуха. Дыханіе ея становилось все чаще и чаще; она подымала голову, жадно открывала ротъ, стараясь поймать хоть струйку свѣжаго воздуха, но кромѣ горячаго, тяжелаго дыханія множества людей къ ней не долетало ничего. Толпа совершенно отдѣлила ее отъ своихъ богомольцевъ и теперь она стояла здѣсь одна, затерявшись нечаянно среди козаковъ.

Вдругъ новый натискъ распахнувшейся толпы притиснулъ ее совершенно къ стѣнѣ; нѣсколько дюжихъ спинъ, подавшись назадъ, обвалились всею тяжестью на нее. Ганна хотѣла выскользнуть, хотѣла двинуться, крикнуть: она открыла ротъ, но не смогла вздохнуть. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, она инстинктивно вытянула впередъ руки, и вдругъ пара сильныхъ, мужскихъ рукъ подхватила ее подъ мышки и осторожно понесла надъ сбившеюся толпой...

Въ церкви произошло нѣкоторые замѣшательство: „Задавили, задавили!"—раздавалось то тутъ, то тамъ. А Богунъ съ трудомъ

пробирался со своей ношей къ выходу. Въ проходѣ его ожидала самая сильная давка; здѣсь сталкивались два противуположныхъ теченія, одни входили, другіе выходили, и въ этомъ водоворотѣ трудно было сдѣлать хоть шагъ впередъ.

Выбравшись, наконецъ, изъ церкви, Богунъ поставилъ Ганну на землю и, не отымая отъ нея рукъ, спросилъ встревоженнымъ голосомъ, склоняясь надъ ней:

— Не придавили они тебя, Ганно?

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо тебѣ Иване,—проговорила она слабымъ голосомъ,—это ничего, такъ оно—пройдетъ. Сильно душно было въ церкви, я попала какъ-то межъ козаковъ, они прижали меня, ну, у меня и пошло все „коломъ“ въ глазахъ.

— Ты змарнила совсѣмъ, не жалѣешь себя.

— Это такъ только,—сегодня.

— Пойдемъ же,—взялъ Богунъ ея руку въ свою,—сядемъ тамъ за церковью: ты отдохнешь, а потомъ можно будетъ и въ церковь войти.

Ганна пошла вслѣдъ за Богуномъ. Ночь стояла такая теплая, звѣздная, прозрачная. По всему обширному двору Печерскаго монастыря размѣстились богомольцы, не вошедшіе въ церковь; подлѣ каждаго стояла пасха съ воткнутой въ нее свѣчечкой. Казалось, что второе небо, усыпанное тысячью маленькихъ, трепещущихъ звѣздъ, опрокинулось на землю. Только верхнія звѣзды сверкали такими холодными блестящими лучами, а земныя такъ трепетно теплились красноватымъ огонькомъ. Время близилось къ полуночи: на колокольнѣ, на куполахъ начали зажигать огоньки. Богунъ и Ганна прошли за церковь и остановились на уступѣ горы.

— Присядь, Ганно; ты едва стоишь на ногахъ,—обратился къ Ганнѣ Богунъ.

Ганна опустилась.

Съ горы внизъ, вплоть до самаго Днѣпра сбѣгали монастырскіе сады, а Днѣпръ разливался у подножья горы полноводный, широкій, затопляя всѣ острова. Иногда изъ церкви доносились звуки протяжнаго, грустнаго пѣнія. Такъ дивно тепло было на землѣ, такъ торжественно въ небѣ.

— Великое отпѣваніе идетъ,—вздохнула Ганна.

— Да, а скоро загремитъ и радостная вѣсть на весь міръ,—замѣтилъ Богунъ:—завтра мы уже и не увидимся, Ганно.

— Какъ, развѣ ты такъ скоро уѣдешь отсюда?

— Вотъ только встрѣтить Праздниковъ Христовъ, да попрощаться съ тобой захотѣлъ, а завтра уже въ дорогу. Праздникъ

намъ на руку: всюду свободный народъ. Дѣла свои я покончилъ здѣсь. Да благословитъ Господь превелебнаго Владыку нашего и святое Богоявленское братство: многое они сдѣлали для насъ! И какъ не вѣрить, Ганно, въ то, что Господь поможетъ намъ вырваться изъ-подъ лядскаго ига, когда всюду вездѣ весь людъ только и ждетъ „гасла", чтобы подняться всѣмъ, какъ одному. Нужно только человѣка, чтобы поднялъ всѣхъ.

— И онъ будетъ, будетъ, Иване!—воскликнула Ганна.

— Будетъ,—повторилъ увѣренно и Богунъ.

— Куда жъ ты теперь поѣдешь, Иване?

— Поѣду дальше, комплектовать полки, и подымать народъ. Изъ Кіева вотъ уже отправилъ тысячу человѣкъ на Запорожье, повезли и деньги и оружіе: обо всемъ подумалъ нашъ превелебный рачитель... Правду говоритъ Богданъ: теперь мы обезсилены... намъ надо укрѣпиться и окрѣпнуть... Теперь вотъ я ѣду дальше. Чѣмъ больше у насъ будетъ силы, тѣмъ больше будетъ вѣра, а чѣмъ больше вѣра, тѣмъ вѣрнѣе побѣда.

Богунъ встряхнулъ головою и заговорилъ горячо и увѣренно: онъ говорилъ Ганнѣ о своихъ планахъ, мудрыхъ указаніяхъ владыки...

— Счастливъ ты, козаче,—вздохнула Ганна:—ты можешь трудиться для нашей отчизны, а я...

— Ты, ты, Ганно,—перебилъ ее съ восторгомъ Богунъ,—ты дѣлаешь больше всѣхъ насъ, ты подымаешь въ насъ вѣру, ты указываешь всѣмъ намъ дорогу.

— Что ты, что ты, Иване,—остановила его Ганна; но Богунъ перебилъ ее:

— Нѣтъ, постой! Что правда, то правда: когда у дивчыны встрѣчаешь такое чудное сердце, то самому хочется „велетнемъ" стать: стыдъ и досада на свою подлую душу „проймаютъ" сердце!—Богунъ вздохнулъ, сбросилъ „шапку", провелъ рукой по головѣ.—Вотъ что хотѣлъ еще я сказать тебѣ Ганно!—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы,—теперь мы разстанемся, кто знаетъ насколько... прости меня, грубаго козака за тѣ слова, что сказалъ я тебѣ...

— Охъ, Иване, Иване!—вскрикнула Ганна:—я бы сердце свое для тебя вынула, а ты...

— Спасибо, Ганно, спасибо, сестрице моя,—взялъ ее Богунъ за руку:—дозволь же мнѣ думать, что не останусь я чужимъ для тебя...

— Богуне, друже мой, какъ брата, какъ лучшаго друга люблю я тебя!—произнесла Ганна, съ глубокимъ чувствомъ, подымая

на Богуна полные слезъ глаза.—Прости меня ты, что безъ воли потоптала я твое сердце; когда бъ ты зналъ...

— Что говорить, Ганно: ты, моя королевно, не виновна ни въ чемъ,—перебилъ ее Богунъ,—захотѣлось мнѣ украсть для себя только солнце, а солнце свѣтитъ для всѣхъ. Спасибо тебѣ за ласку твою, за твое доброе слово... Богунъ всталъ и обнажилъ голову:—когда увидимся—не знаю, благослови же меня на долгій и тяжелый путь.

Ганна поднялась съ мѣста.

— Господь Всевышній благословитъ тебя, защититъ отъ несчастья,—произнесла она, осѣняя его голову крестомъ и, прижавшись къ его лбу губами, прошептала сквозь слезы:—друже мой, брате мой, прости, прости меня!

— Прощай, Ганно!—произнесъ торопливо Богунъ, словно боясь, что его самообладанье измѣнитъ ему.—Прощай!—поцѣловалъ онъ еще разъ дивчину:—ты одна у меня, Ганно, и больше нѣтъ никого!

XX.

Стройно, словно стадо лебедей, несутся внизъ по Днѣпру запорожскія „чайки“; сильными и вѣрными ударами веселъ разсѣкаются желтоватыя волны; онѣ пѣнятся, бурлятъ и бѣгутъ за ладьями; попутный вѣтеръ, накренивъ паруса, ускоряетъ ихъ бѣгъ. Берега мчатся назадъ, смыкаясь широкимъ кругомъ въ сизую даль и разступаясь впереди безбрежною водною гладью; чѣмъ дальше, тѣмъ больше понижаются правобережныя горы и отходятъ вглубь, уступая мѣсто пышнымъ зарослямъ-лугамъ, опушеннымъ первою яркою зеленью, а налѣво безконечно тянется по межѣ главнаго русла рѣки линія потопленныхъ кустарниковъ, качающихся на волнахъ своими красноватыми верхушками.

На передовой „чайкѣ“, возлѣ рулевого на „чардакѣ“, стоитъ, скрестивъ руки, наказной атаманъ Богданъ и, посмактывая „люльку“, зорко смотритъ впередъ. Впрочемъ, особая осторожность пока не нужна; они плывутъ еще въ предѣлахъ своихъ козацкихъ вольностей; встрѣчается еще на челнокѣ и свой братъ запорожецъ-рыбалка и привѣтствуетъ „товариство“ громко да радостно, желая ему всякихъ удачъ; да и пѣсня хоровая не умолкаетъ на „чайкѣ“, а громкій говоръ и смѣхъ раздаются по рѣкѣ и разносятся эхомъ

далеко; но вотъ скоро будетъ перейденъ родной рубежъ и потянутся чужіе, пустынные берега.

Богданъ махнулъ шапкой; остановилась атаманская „чайка“, замерли поднятыя въ воздухѣ весла; подъѣхали остальныя ладьи и стали полукругомъ за атаманской.

— Панове-товариство!—зычнымъ голосомъ обратился къ нимъ Богданъ, и разнеслось его слово по всѣмъ „чайкамъ“,—вонъ за тѣми лозами, гдѣ зеленѣютъ стѣной камыши, уже потянутся ворожьи берега вдоль Славуты-Днѣпра, а потому занѣмѣйте, какъ рыбы,—чтобы ни крика, ни пѣсни, ни свиста! Даже веслами осторожнѣй работайте! Забирайте между зелеными „плавнями“ налѣво къ Конскому рукаву; теперь проплывемъ чудесно до самаго Мурзай-рогу, что недалеко отъ острова Тендера, а тамъ въ глубокихъ и скрытыхъ „затокахъ“ переждемъ до ночи, а ночью, развѣдавши добре окрестность, перемахнемъ черезъ Кимбургскую косу. Теперь въ половодье переплывемъ, а то и перетянемъ „чайки“, а Очакову покажемъ братцы „дулю!“

— Покажемъ, покажемъ!—отозвались голоса съ чаекъ, и веселый смѣхъ перекатился кругомъ.

— Такъ слушайте-же! За мною гуськомъ осторожнѣе и проворнѣй; слѣдите зорко по сторонамъ, и если гдѣ кто замѣтитъ татарскій „каюкъ“, догнать его и пустить къ „дидьку“ на дно, но только безъ шума. Ну, гайда! Завтра къ вечеру непремѣнно нужно быть въ Мурзай-рогѣ.

Богданъ далъ знакъ рукой; его „чайка“ взмахнула веслами, вздрогнула и понеслась внизъ по теченію, направляясь къ одному изъ узкихъ корридоровъ плавней; за нею длинною линіей потянулись другія ладьи.

Между тѣмъ встревоженный Морозенко пробирался къ дѣду Нетудыхатѣ, что стоялъ у другаго руля на кормѣ.

— А что скажешь, сынку?—замѣтилъ его тревогу дѣдъ.

— Да что-то неладно съ Грабиной,—сообщилъ тотъ шепотомъ,—ногъ совсѣмъ не чуетъ; вотъ это я заходилъ къ нему, такъ „намогся“ выйдти къ гребцамъ, что будто у него совсѣмъ перестали болѣть ноги, а какъ сталъ на нихъ, такъ и „гепнулъ“. Я его поднимать, да и наступилъ нечаянно на ногу. Что-жъ бы вы, диду, думали? И не замѣтилъ даже...

— А развѣ онъ тутъ?—изумился дѣдъ.

— Напросился,—потупился хлопецъ.

— Ахъ онъ, собачій сынъ!—вскрикнулъ дѣдъ,—да вѣдь я ему настрого приказалъ, чтобъ лежалъ и не „рыпался“.

— Я и не зналъ,—покраснѣлъ Морозенко.

— Эхъ, голова! Ну, пойдемъ, посмотримъ, чтобъ такое оно?—затревожился дѣдъ и, поручивъ руль другому опытному козаку, самъ пошелъ за Морозенкомъ въ атаманскую каюту.

А Грабина лежалъ на полу, пробовалъ все подняться на карачкахъ и ругался.

— Ишь, чортовы ноги, словно обпились литовскаго меду, не стоятъ, да и баста, а чтобъ вы отсохли, ледачія! Вотъ, диду. оказія,—обратился онъ къ вошедшему Нетудыхатѣ,—и болѣть не болятъ, только въ колѣнкахъ щемятъ, а словно не мои ноги: не хотятъ поднять козака, хоть ты тресни!

— Самъ ты виноватъ,—сердито ворчалъ дѣдъ, нахмурившій нависшія бѣлыя брови.—вѣдь говорилъ же, лежи въ куренѣ, пока не пройдутъ! Такъ нѣтъ таки, не послушался, воровски удралъ, а теперь и на ноги жалуешься, вотъ какъ отпадутъ къ бѣсу, тогда и будешь знать!

— Да какъ же такъ?—заволновался Грабина.—Безъ ногъ-то козаку какъ будто неловко, да если онѣ что, такъ я себѣ голову разсажу!

— Ой, скорый какой!—,,грымнулъ" дѣдъ и, бросивъ взглядъ на Морозенка, буркнулъ подъ носъ:—Подними-ка, положимъ его сюда, ну!

Морозенко бросился. Они подняли вмѣстѣ козака и уложили его на походной ,,канапѣ". Дѣдъ началъ разбинтовывать ему ноги.

— Ишь, перетянулъ какъ, иродовъ сынъ! Даже въѣлось въ тѣло, какъ же тутъ не помертвѣть?

— Да я, диду, чтобъ ходить было лучше,—оправдывался Грабина.

— Всыпать бы тебѣ въ спину добрыхъ кіевъ, тогда зналъ бы! Лучше ходить! Вотъ и доходился! Не имѣетъ права никто по своей прихоти себя ,,нивечить",—не унимался дѣдъ,—всякъ товариству нуженъ и ему подлежитъ. Ну, пришибло тебѣ ноги деревомъ—тутъ ты не повиненъ: Божья воля была на то. Можетъ, либо кара тебѣ за что, а можетъ, наказъ. чтобъ ты въ море не плылъ, а ты таки и Богу на перекоръ.

— Я этого не думалъ,—прошепталъ Грабина и замѣтно поблѣднѣлъ; холодныя капли пота выступили у него на лбу.

Когда дѣдъ съ Морозенкомъ разбинтовали, наконецъ, ноги Грабинѣ, то хлопецъ не удержался, чтобъ не всплеснуть въ ужасѣ руками, а дѣдъ печально закачалъ головой. Ноги дѣйствительно представляли ужасающую картину антонова огня: кровь, запекшаяся на ранахъ, и обнаженное мясо багровѣли темною, обугленною массой, натянутая въ здоровыхъ мѣстахъ кожа синѣла, темнѣя къ ступнѣ и

переходя на пальцахъ ноги въ черный цвѣтъ; вверху за колѣнами ярко алѣла вокругъ ногъ порубежная линія воспаленія.

— А что?—спросилъ Грабина, глянувши на ноги, видныя ему, впрочемъ, неясно въ сумракѣ помѣщенія и за тѣнью двухъ нагнувшихся надъ нимъ козаковъ.

— Лежи смирно, не „рушься"!—крикнулъ дѣдъ; но въ дрогнувшемъ голосѣ его послышались уже не сердитые, а трогательные тоны.—Пойди-ка, Олексо,—обратился онъ къ Морозенку,—да принеси мою „торбу"; нужно торопиться, а то, вишь, что натворилъ и запустилъ какъ!

— Развѣ плохо?—спросилъ упавшимъ голосомъ Грабина.

— Молчи уже,—буркнулъ, не глядя на него, дѣдъ,—все въ руцѣ Божьей... Захочетъ Онъ простить тебѣ блажь, такъ помилуетъ, а не захочетъ—Его святая воля на все, а противъ Него кто же посмѣетъ?

Тихо стало на „чайкѣ". Слышны были только старательно удерживаемые глубокіе вздохи Грабины, да равномѣрные, какъ удары маятниковъ, всплески веселъ. Наконецъ, прибѣжалъ Морозенко съ дѣдовскою аптекой; знахарь послалъ его принести побольше сырого картофеля.

Дѣдъ велѣлъ Олексѣ нарѣзать его мелкими кружечками, а самъ помазалъ какимъ то своимъ снадобьемъ ноги больного, обложилъ ихъ рѣзаннымъ картофелемъ и слегка забинтовалъ, наказавъ строго-на-строго больному не только не вставать, но и не двигаться. Онъ вышелъ за дверь и позвалъ къ себѣ хлопца.

— Слушай: не отходи отъ него, сыну, а коли что, сейчасъ ко мнѣ; Грабинѣ очень худо, нужно перемѣнять почаще картофель, чтобъ жаръ оттягивалъ, ты нарѣжь его побольше, да и батька наказного нужно освѣдомить.

— Боюсь,—запнулся хлопецъ,—чтобъ нашъ наказной не разгнѣвался, что безъ его вѣдома...

— А ты почемъ зналъ? Вѣдь тебѣ не было приказано, что не пускай, молъ, Грабины?

— Нѣтъ, не было.

— Ну, такъ что и балакать?

Богдана встревожило сообщенное дѣдомъ извѣстіе о Грабинѣ; сначала онъ даже разсердился было за его непослушаніе, но опасное положеніе больного смѣнило чувство досады глубокимъ огорченіемъ; ему было невыразимо жаль потерять товарища и друга, къ которому такъ скоро привязалось его сердце. Богданъ поспѣшилъ въ свою каюту и обратился къ Грабинѣ не съ грознымъ, а съ трогательнымъ укоромъ:

— Эхъ, Грабино, Грабино! За что ты, наперекоръ моей волѣ, захотѣлъ себя въ гробъ уложить?

— Прости батьку! Скучно было оставаться лежебокомъ, понадѣялся на каторжныя ноги!—вздохнулъ больной.

— Да ноги, можетъ, и выходятся, а вотъ лежи только смирно, да слушайся дѣда.

— Я лягу тамъ, къ сторонкѣ, а то какъ-же?—запротестовалъ Грабина,—занялъ твое мѣсто...

— И думать не смѣй,—даже прикрикнулъ Богданъ,—мнѣ ни на минуту нельзя отойти отъ руля. Самъ знаешь, какія опасныя мѣста, пока не выйдемъ въ чистее море. Исполняй все до слова, что прикажетъ дѣдъ... Вѣдь бѣда, самъ знаешь, непрошенный гость.,.

— Все, все, батьку!—взволновался отъ ласковаго слова Грабина.

— Ну, спасибо! Бувай-же здоровъ, да ходи скорѣй, а теперь для того-то и нужно вылежаться добре.

Богданъ ушолъ, а взволнованный Грабина обнялъ Олексу нѣсколько разъ, прерывая объятья свои пламенными словами:

— Эхъ, да и люди-жъ вы! И батько атаманъ, и ты, и дѣдъ, и товарищи! Вотъ, какъ ни противна мнѣ жизнь, а бросать такихъ людей жалко! Горя-то сколько перенесъ, грѣха сколько на душу принялъ, жизнь какъ насмѣялась и ограбила, а все вотъ не хотѣлось бы такъ-таки и пропасть, не отплативши вамъ за добро, не поквитовавши свою черную душу, не найдя... охъ, Олексо, Олексо!—сжалъ онъ хлопцу руку, закусивъ себѣ до крови губу и уронивъ невольную слезу.

Тронутый Олекса сталъ утѣшать его, какъ умѣлъ.

— Не тревожьтесь, пане Грабино, Богъ милостивъ, все пойдетъ хорошо. Слава Богу, дѣдъ на лицо, онъ знахарь—пособитъ, а и Господь на козака съ ласкою смотритъ; вѣдь нашъ братъ за Его-же святую правду кровь свою проливаетъ: значитъ Милосердный и „сглянется"... А вотъ я еще картофлю нарѣжу, оно и полегчаетъ... Вѣдь, правда, холодитъ, кажется?

Грабина только стоналъ.

Цѣлую ночь ѣхали козаки, смѣняя по очереди гребцовъ. Узкими и извилистыми каналами неслись они гуськомъ въ темнотѣ между безконечными нивами густого, тихо-качающагося камыша; ловкіе рулевые искусно направляли „чайки", а недремлющіе атаманы зорко слѣдили по сторонамъ. Но все было тихо и спокойно кругомъ; подозрительный плескъ или шорохъ не будилъ козачьей тревоги; только иногда съ рѣзкимъ шумомъ взлетали стада дикихъ утокъ, пріютившихся на ночлегъ, или доносился изъ какого-нибудь залива мелодичный звукъ унылыхъ лягушекъ. Къ утру козаки за-

ѣхали въ какое-то плесо, закрытое со всѣхъ сторонъ, словно озеро, лозами и тростникомъ,—оно было недалеко отъ острова Васюкова, за которымъ до Кимбургской косы было часовъ пять-шесть ходу, не больше. Здѣсь и безъ половодья тянулся страшною ширью глубокій днѣпровскій лиманъ, съуженный лишь у Очакова косой. Но теперь, въ половодье, онъ представлялъ собою почти безбрежное море, разрывавшее, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, Кимбургскую косу. Черезъ эти то проходы Богданъ и разсчитывалъ проскользнуть. Дѣло, впрочемъ, было не легкое и рискованное; вопервыхъ, нужно было воровски пробраться среди массы шныряющихъ по лиману „каюковъ" и галеръ, а, во-вторыхъ, съумѣть попасть на удобный проходъ, чтобы не сѣсть на мель, и, наконецъ, умудриться на той сторонѣ Кимбургской косы прокрасться черезъ линію сторожевыхъ турецкихъ судовъ. Вслѣдствіе такихъ опасностей, козаки и рѣшались прорываться изъ Днѣпра въ Черное море только темными, безлунными ночами, каковыя наступили теперь.

Богданъ распорядился простоять цѣлый день въ этихъ закрытыхъ водахъ, выславъ на стражу еще четыре небольшихъ лодки-душегубки. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ Олексу.

— Слушай, сыну,—сослужи-ка „товарыству" большую услугу.

— Радъ, батьку, радъ,—отвѣтилъ счастливый Морозенко,—только прикажи.

— По татарски „балакать" ты еще не разучился?

— Нѣтъ, что говорятъ—понимаю и самъ „загавкать" могу.

— Ну, вотъ и отлично. Возьми же ты душегубку и поѣзжай внизъ, все на полдень; камышей уже тутъ осталось немного, да и то уже скоро начнутъ разрываться, рѣдѣть,—запутаться въ нихъ нельзя, а за камышами и раскинется передъ тобою цѣлое море; теперь навѣрное ни вправо, ни влѣво береговъ нѣтъ... Ты смотри впередъ и передъ собой; за полмили виденъ будетъ островъ, ну, вотъ къ нему и держи, а минуешь его, такъ тебѣ влѣво потянется узкая, длинная полоса,—это и будетъ Кимбургская коса; ты поѣдешь вдоль нея и гдѣ замѣтишь прорывы, тамъ прикинешь примѣрно, сколько веселъ они ширины, сколько глубины, и какъ на той сторонѣ: свободенъ-ли отъ вражьихъ галеръ выходъ?

— Добре, батьку!—встряхнулъ молодцевато чуприною Олекса, гордый такимъ порученіемъ.

— А теперь вотъ что,—продолжалъ серьезно Богданъ,—ты не козакъ, а татаринъ-рыбалка, изъ-подъ Очакова; на случай какихъ либо встрѣчъ и разспросовъ, такъ и говори, а еще лучше избѣгай всякихъ встрѣчъ.

— Слухаю, тату,—улыбнулся Олекса.

Смотри же, переодѣнься татариномъ; тамъ, у меня въ каютѣ, есть всякой одежи достаточно,—выбери, примѣрь, де въ лодку возьми еще для виду какіе-либо „рыбальскіе причандалы"... Да не забудь прихватить и харчей: вѣдь на цѣлый день отправляешься.

— Возьму, возьму, все исполню, какъ велишь.

— Только осторожнѣе, береги себя, зря на огонь не лѣзь: вѣдь знаешь, что мнѣ жалко тебя,—такъ ты осторожно... помни.

— До смерти! Головы не пожалѣю, сдохну за батька!—почти крикнулъ Ахметка, и глаза его загорѣлись молодой удалью.

— Спасибо! Вѣрю!—обнялъ его Богданъ.—Ну, торопись, начинаетъ уже благословляться на свѣтъ.. Ну, а какъ Грабинѣ?

— Кто его знаетъ?—нахмурился Олекса.—Все какъ будто въ одной порѣ, только вотъ ступни сильнѣй почернѣли... душно ему, нутро горитъ, огневица.

— Пропадетъ козакъ,—почесалъ затылокъ Богданъ,—ну, воля Божья!—вздохнулъ онъ, а потомъ, положивши набожно на голову Олексы руки, произнесъ:—Храни же тебя, Господь! Будь остороженъ и возвращайся непремѣнно назадъ къ вечерней зарѣ.

Олекса бросился въ каюту, переодѣлся въ татарскую одежу, взялъ необходимые припасы и, отвязавъ душегубку, бодро вскочилъ въ нее и схватилъ въ руки весло.

— А изъ оружія что прихватилъ?—спросилъ у него, перегнувшись черезъ бортъ, какой-то козакъ.

— Кинжалъ-запоясникъ,—откликнулся Морозенко.

— Стой! Возьми на всякій случай и пару „пистолей",—протянулъ ему пистолеты козакъ.

— Спасибо!—отвѣтилъ Олекса и отчалилъ отъ чайки. Подъ ударами весла душегубка понеслась стрѣлой внизъ по теченію и скоро исчезла въ сѣрой мглѣ ранняго утра.

Къ восходу солнца Олекса выбрался изъ лозъ и камышей на открытыя воды,—выбрался и замеръ отъ удивленія, уронивши весло... Любовался онъ и съ береговъ Сѣчи широкой гладью Днѣпра, могучѣе котораго, казалось ему, нѣтъ ничего на свѣтѣ: и тамъ, въ разливъ, берега его уходили въ туманную даль, а плавающіе на далекомъ просторѣ острова открывали безконечную перспективу; но здѣсь ему ослѣпило глаза не то,—совсѣмъ не то; здѣсь ему показалось, напротивъ, что онъ выѣхалъ не на безбрежное раздолье, а на край земли, что горизонтъ не расширялся, а стоялъ на половину обрѣзаннымъ. За этимъ концомъ синѣющей дуги онъ обрывался сразу въ какую-то бездну, и обрывъ этотъ казался вотъ тутъ, недалеко... Ужасъ сковывалъ руки направлять душегубку туда... Потянетъ эта бездна и бултыхнешься въ „пекельную прорву",—такая мысль ох-

ватила Морозенка; но, вглядѣвшись пристальнѣе въ этотъ рѣзкій, синій рубежъ лежавшаго у ногъ его колоссальнаго зеркала, загорѣвшагося въ одномъ мѣстѣ алымъ огнемъ, онъ примѣтилъ на самомъ краю воднаго обрыва единственное черное пятно, вспыхнувшее теперь въ двухъ-трехъ мѣстахъ яркими бликами. Олекса догадался, что это, должно быть, и есть тотъ самый островъ, къ которому нужно держать путь. Теперь уже, нашедши точку опоры для взора, онъ началъ улавливать перспективу, особенно, когда, какъ будто для сравненія, появились то тамъ, то сямъ бѣлые и розовые паруса рыбацкихъ судовъ. Олекса перекрестился, сотворилъ короткую молитву, при видѣ величественнаго, вынырнувшаго изъ яхонтовой глади солнца и налегъ на весло.

Къ ранней обѣденной порѣ островъ уже былъ рядомъ съ нимъ; на противоположной сторонѣ его стояла небольшая галера, а у ближайшей качалось нѣсколько каюковъ; направо къ Очакову также не было замѣтно какихъ-либо опасныхъ судовъ. Минувши островъ, Морозенко остановился и позавтракалъ. Отсюда ему уже стала замѣтной узенькая полоска песковъ, желтѣвшая золотою ниткой на краю горизонта; туда и направилъ, отдохнувши, свою душегубку козакъ. Дойдя безъ всякихъ приключеній до косы, онъ замѣтилъ, что берега ея были совершенно пустынны; только направо виднѣлась небольшая группа тощихъ деревьевъ. Подъѣхавши къ ней, Олекса съ радостью увидалъ, что за деревьями шелъ вглубь широкій водяной протокъ, сливавшійся съ темною полосой водъ, синѣвшихъ за песчаными „кучугурами“. Осторожно, приглядываясь къ каждому кусту, къ каждой отмели, сталъ подвигаться Олекса зигзагами по протоку, пробуя безпрестанно веслами дно; оказалось, что оно было вездѣ довольно глубокимъ, исключая одного мѣста, ближе къ выходу, гдѣ воды было не больше, какъ на полвесла, ширина-же протока была съ излишкомъ достаточна для прохода „чаекъ“.

Доѣхавши до противоположнаго конца протока, Олекса снова былъ пораженъ короткостью обрѣзаннаго горизонта; это впечатлѣніе казалось здѣсь еще болѣе рѣзкимъ при совершенномъ отсутствіи какихъ либо судовъ на морѣ и при его сгущенной синевѣ. Еще одно обстоятельство поразило Олексу: не смотря на совершенную тишину, не мутившую даже рябью сонныхъ, лиманскихъ водъ, здѣсь на морѣ медленно и безшумно, словно изъ глубины, вздымались широкія волны и разбѣгались по песчаному берегу серебристымъ прибоемъ. Полюбовавшись невиданнымъ зрѣлищемъ, Олекса повернулъ назадъ и замѣтилъ, что онъ сильно усталъ. Пройдя протокъ, онъ остановилъ свою „душегубку“ у лозняка и принялся за свой полдникъ. Уто-

лившн голодъ, Морозенко разлегся въ челнѣ, подложивши свитку подъ голову, и закурилъ „люлечку"...

Солнце, перейдя полдень, ласково грѣетъ его, нѣжный вѣтерокъ едва, едва колышетъ ладью... Въ сладкой истомѣ лежитъ молодой козакъ, свѣсивши онѣмѣвшія руки. Крылатыя мысли летаютъ гдѣ-то далеко: Золотарево или Субботовъ мерещатся неясными тонами, а вотъ ярко выступаетъ образъ маленькой Оксанки съ черными глазками и ласковою улыбкой...

Проснулся Олекса отъ сильной качки. Съ ужасомъ протеръ онъ глаза; солнце уже стояло почти на закатѣ; вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ съ моря, лодка неслась по лиману, въ иглистой дали не было видно никакихъ береговъ, коса и островъ пропали.

Схватился козакъ за весло,—къ счастью, еще оно лежало въ лодкѣ,—и началъ грести съ отчаянной силой, направляя челнъ на сѣверъ. Душегубка летѣла, разсѣкая острымъ, высоко поднятымъ носомъ возраставшія волны, вѣтеръ дулъ въ спину и помогалъ юнаку гнать ее. Солнце садилось; сизая мгла превращалась въ ползущій по волнамъ бѣлый туманъ.

Вдругъ лодка ударилась о какое то препятствіе, подпрыгнула, чуть не опрокинулась и запуталась въ сѣти.

— Гей, Махмедъ! Смотри, что тамъ?—крикнулъ кто-то по-татарски изъ тумана.

— Должно быть, большая рыба,—отвѣтилъ другой голосъ съ противоположной стороны.

Черезъ минуту изъ тумана показался каюкъ съ четырьмя гребцами и однимъ рулевымъ.

— Аллахъ керимъ! Тутъ не рыба, а цѣлый чортъ!

— Какой? Кто?—подъѣхалъ другой большій каюкъ.

— Откуда ты, дьяволъ?—спросилъ рулевой.—Ишь цѣпь разорвалъ, шайтанъ черный!

— А ты не лайся, зеленая жаба,—огрызнулся по татарски Олекса, махая со всею силою весломъ.

— Держи его!—кричалъ рулевой другому каюку.—Заступи дорогу... Онъ рветъ весломъ сѣти!

— Стой, шайтанъ! Арканомъ его!—надвинулся къ душегубкѣ другой каюкъ.

Первая мысль Морозенка была защищаться: двухъ бы онъ положилъ выстрѣломъ, двухъ кинжаломъ, но вотъ бѣда: лодка запуталась—не уйдешь! Ему улыбнулось даже и умереть въ лихой схваткѣ, да вспомнился наказной и „товарыство", судьба котораго вручена ему самимъ Богданомъ.

— Стойте, правовѣрные братья,—словно взмолился Морозенко,—великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ! Въ туманѣ нечаянно наскочилъ; вы помогите распутаться...

— А глазъ не было, зѣвака?—уже менѣе грозно отозвался рулевой, очевидно, хозяинъ,—зацѣпи багромъ его каюкъ, тащи!

— А ты откуда, карый?—прищурилъ онъ свои роскошенные глазки.

— Изъ... какъ его...—замялся Морозенко: онъ не зналъ ни одного названія изъ окружающихъ мѣстъ, кромѣ Очакова, и потому буркнулъ:—изъ Очакова.

— Какъ зовутъ?

— Ахметкой.

— Изъ какой семьи?

— Изъ...—тутъ уже Олекса замялся совсѣмъ,—изъ Карачубесовъ.

— Врешь! Тамъ такихъ нѣтъ!

— Смотри, хозяинъ,—обратился къ косому другой татаринъ,—у него и каюкъ не нашинскій, такихъ у насъ нѣтъ.

— А вотъ и гяурскій крестъ на шеѣ блеститъ!—крикнулъ еще кто-то, показывая пальцемъ.

— Такъ вяжи его! Это гяуръ, „шпигъ!"—крикнулъ хозяинъ.—Тащи его!—Олекса выхватилъ было пистолетъ, но въ мгновеніе ока арканъ упалъ ему на плечи, затянулъ узломъ руки и повалилъ его навзничь.

XXI.

Несмотря на всѣ старанія дѣда, Грабинѣ становилось хуже и хуже: ноги постепенно чернѣли; багровые, верхніе круги расплывались дальше; жаръ возросталъ во всемъ тѣлѣ; въ каютѣ слышался трупный запахъ.

Больнаго перенесли на „чердакъ", гдѣ вѣтеръ хотя нѣсколько могъ освѣжить его воспаленную грудь.

Богданъ видѣлъ теперь, что положеніе товарища безнадежно, и, не желая выдать своей сердечной тревоги и муки, подходилъ къ нему лишь украдкой, а самъ Грабина, казалось, еще не сознавалъ этого, хотя и чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то неладное.

— Слушай, пане-атамане, друже,—поймалъ онъ какъ-то Богдана за руку, когда тотъ, спросивши его о здоровьи, хотѣлъ было пройти дальше,—что-то мнѣ какъ будто погано, горитъ все, словно на уголь.

— Господь съ тобою, Иване! Нашего брата скоро такъ не проймешь,—попробовалъ было отшутиться Богданъ, но смѣхъ какъ-то не вышелъ, задрожалъ въ горлѣ и оборвался спазмой.

— Да мнѣ, пане-Богдане, что?—улыбнулся горько Грабина,—дразнилъ вѣдь „кирпатую" не разъ, ну, теперь ужъ она меня подразнитъ. Чему быть, того не миновать! А вотъ только одно больно, тоска гложетъ, что если...—ему тяжело было говорить; съ страшными усиліями отрывалъ онъ изъ глубины сердца слово по слову, и это причиняло ему неимовѣрныя страданія.

— Я говорилъ тебѣ тогда... дочь моя... моя Марылька... Охъ, для нея-то и забрался я противъ твоей воли въ чайку... Объ ней одной только и думалъ... ее надѣялся спасти... Я грѣшникъ... страшный... „пекельный"... Меня карай, Боже! Но она за что за грѣхи мои страдаетъ?

Грабина распахнулъ свою сорочку и началъ бить себя съ остервененіемъ въ грудь кулакомъ.

— Постой... успокойся, друже! Ты рвешь свое сердце; лучше потомъ...—попробовалъ было остановить его Богданъ.

Но Грабина продолжалъ съ какимъ-то лихорадочнымъ усиліемъ.

— Нѣтъ, сейчасъ... все... потомъ ужъ будетъ поздно... Слушай... все равно передъ смертью... ближе тебя нѣтъ у меня никого на свѣтѣ... тебѣ только могу все довѣрить. Помнишь вотъ та цыганка, про которую говорилъ невольникъ... моя... навѣрно моя... Она украла мою Марыльку .. Я ее отправилъ съ донечкой къ сестрѣ на Волынь. А она дьяволъ... вѣдьма проклятая... мою дочь... мое дитя... въ Кафу... въ гаремъ. Охъ, найди ее... спаси... согрѣй! захрипѣлъ онъ, сжимая руки Богдана:—погибнетъ тамъ въ Кафѣ... Если не сможешь съ „товарыствомъ", самъ заѣдь...—выкупи... денегъ сколько запросятъ—ничего не жалѣй! Охъ, я вѣдь былъ магнатомъ, Богдане, да и теперь еще много осталось... Тамъ въ Мліевѣ... разразился надо мной громъ небесный, хотя упалъ этотъ громъ отъ руки лиходѣя, грабителя... Тебѣ придется, быть можетъ, встрѣтиться съ нимъ, такъ берегись, друже; это—рябой, съ зелеными глазами Чарнецкій.

— Чарнецкій? Доблестный воинъ?

— Звѣрь! Кровопійца! А!—заметался больной.—Душно и тутъ... Въ горлѣ печетъ... „Смага" на губахъ... Дай воды!..

Богданъ поднесъ тутъ же стоявшую кружку, и больной, освѣжившись нѣсколькими глотками, продолжалъ говорить, впадая по временамъ, какъ бы въ забытье и прерывая рѣчь тяжелыми вздохами.

— Такъ вотъ, хоть и отъ звѣря кара, а по заслугамъ... Богъ ему оттого и попустилъ... Когда я умру, молись за мою грѣшную душу... Молись, брате! Вотъ отщепни... возьми... меня ужъ не слушаютъ и руки,—съ усиліемъ онъ дергалъ кожаный поясъ „чересъ“, туго стягивавшій его станъ,—помоги, отщепни .. Тамъ зашито двѣ тысячи дукатовъ, всѣ на нашу церковь!

— Да что ты, друже?—помогъ ему снять поясъ Богданъ.— Словно умираешь! Еще Богъ смилуется.

— Все равно, если Его ласка, такъ тѣмъ лучше... Я и всю жизнь на службу Милосердному отдалъ бы, а то пожалѣю грошей!.. Молитесь всѣ за мои грѣхи... за такіе... охъ!—началъ онъ судорожно рвать на себѣ рубаху.—Есть ли мнѣ прощеніе, или нѣтъ?— устремилъ онъ на Богдана пылающіе, налитые кровью глаза.—Нѣтъ, вѣдь, нѣтъ?—поднялся онъ вдругъ и сѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и вцѣпившись Богдану руками въ плечи.—Я все тебѣ, какъ, на духу...

— Не нужно пока. Будетъ время,—успокоивалъ его Богданъ; вся эта сцена растрогала его до глубины души и словно сразу сорвала струпъ съ давней раны.—Успокойся, мой голубь.

— Ахъ, не уходи!—простоналъ больной и, обезсилѣвъ, почти повисъ на рукѣ Богдана; тотъ уложилъ его бережно на подушку. Закрывши глаза, блѣдный, словно присыпанный мукою, лежалъ неподвижно Грабина и тяжело со свистомъ дышалъ; только по судорожнымъ пожатіямъ руки, удерживавшей Богдана, видно было, что сознаніе еще не покидало его.—Ну, такъ вотъ что, по крайней мѣрѣ,—началъ онъ упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ, послѣ долгой п.узы,—другъ мой, заклинаю тебя: живъ-ли я буду, или умру,—все равно, исполни мою неизмѣнную волю,—и онъ взглянулъ пожелтѣвшими глазами на Богдана.

— Всякую твою волю, Богомъ клянусь, скорѣе кровью изойду, чѣмъ нарушу!—воскликнулъ Богданъ, сжимая въ своей рукѣ уже неподвижные пальцы Грабины.

— Разстегни воротъ и смотри тамъ, гдѣ „латка“ у пазухи,— продолжалъ Грабина, прерывая рѣчь болѣзненными, тяжелыми вздохами. Отпори ее и вынь бумаги: тамъ запрятаны и законные документы о правахъ моей несчастной, дорогой Марыльки, тамъ найдешь и свѣдѣнія, гдѣ я припряталъ и сберегъ еще много добра. Розыщи его; половину отдашь моей дочери, а половину на всякія послуги для моей новой родины. Я вѣдь изъ поляковъ... Грабовскій, и много ей... ой, какъ еще много, причинилъ бѣдъ: и грабилъ, и разорялъ, и истязалъ. Такъ и поверни, брате мой, друже, хоть часть изъ награбленнаго ей на корысть. Укоротилъ Господь мой

вѣкъ, не далъ мнѣ сподвижничествомъ загладить мои вины, такъ поверни ты, и за мою душу отслужи Украинѣ и Богу...

Растроганный Богданъ не могъ произнести ни единаго слова; онъ отвернулся и прижалъ къ груди голову больного. Потомъ отпоролъ осторожно зашитыя бумаги и, бережно завернувъ ихъ въ платокъ, спряталъ во внутреннемъ боковомъ карманѣ жупана.

— Вотъ еще,—началъ снова метаться и ломать руки Грабина,—отруби мнѣ ноги, онѣ больше не нужны, на чорта ихъ! Только страшная тяжесть, поднять не могу. Черезъ нихъ меня тянетъ къ землѣ и грудь давитъ. Что это?—открылъ онъ вдругъ широко глаза.—Небо такое желтое и зеленое, а на немъ блеститъ пятно?...

— Успокойся, это такъ кажется тебѣ. Засни!—закрывалъ Богданъ ему парусомъ свѣтъ солнца отъ глазъ.

— Нѣтъ! Не уходи еще!—ухватился больной съ отчаянною тревогой за какой-то лантухъ, видимо, теряя сознаніе.— Вотъ что: у меня мутится въ головѣ, въ глазахъ. Ужъ не умираю-ли я... Такъ помни, я забылъ... Найди... розыщи мою зарницу... мою страдалицу... Пойди, спаси, пригрѣй ее, приласкай... защити! Будь ей всѣмъ, вмѣсто меня... Тебѣ ее ввѣряю!

Больной опрокинулся и захрипѣлъ, потерявши совсѣмъ сознаніе.

Съ ужасомъ вскочилъ Богданъ, взглянулъ на это мертвенно-блѣдное лицо, лежавшее на „кереѣ“ безвладно, съ откинутымъ въ сторону длиннымъ пасмомъ „чуприны“, и припалъ ухомъ къ его груди: сердце еще билось, хотя слабо, но учащенно; дыханье въ легкихъ становилось покойнѣе. Призванный дѣдъ рѣшилъ тоже, осмотрѣвши больного, что онъ пока еще только глубоко заснулъ, и что, Господь вѣдаетъ, можетъ, еще перемогутъ силы хворобу, вотъ только ноги портятъ все дѣло, а про то кто знаетъ, всяко бываетъ.

Надъ спящимъ мертвымъ сномъ козакомъ устроили еще большую тѣнь и посадили очередную „сторожу“.

Прошелъ день. Никто не заглянулъ въ это укромное озеро и не всполошилъ козаковъ. Только стада куликовъ, налетая со свистомъ на плесо, взмывали, наткнувшись на запорожцевъ испуганно вверхъ и съ крикомъ исчезали за ближайшими камышами, да суетливыя болотныя курочки выбѣгали иногда по „лататтьямъ“ изъ лозъ и моментально прятались, завидѣвъ непрошенныхъ чуждыхъ гостей. Солнце теперь спускалось за лозы кровавымъ шаромъ и зажигало багрянцемъ полъ неба.

— На вѣтеръ, на „погоду“...—качалъ головою дѣдъ.

— Да и на здоровый,—почесалъ затылокъ Богданъ.

— Можетъ бы перестоять?—вставилъ нерѣшительно атаманъ другой чайки, Сулима, который пришелъ навѣстить „наказного“ и освѣдомиться о здоровьи Грабины.

— Нѣтъ, не годится, товарищъ,—надвинулъ Богданъ шапку на брови,—тутъ самое опасное положеніе наше: провѣдаютъ и застукаютъ, какъ мышей въ „пасткѣ“. Тутъ вѣдь татарва кишма-кишитъ и рыбаки ихніе вотъ по такимъ затонамъ шныряютъ. А если намъ вниманіе обращать на погоду, такъ лучше и въ море не „рыпаться“, а сидѣть съ бабой за печкой. Нужно вѣдь перемахнуть черезъ все Черное, да встряхнуть тогобочные берега, а то и самому Цареграду нагнать холоду. Такъ и выходитъ, что намъ и въ бурю нужно ѣхать!

— Конечно,—поддержалъ и дѣдъ,—нужно пользоваться минутой, проскользнуть въ море, а тамъ уже „байдуже!“ А вотъ, если сорвется съ ночи „погода“, такъ намъ на руку... никакой „каюкъ“ не попадется на встрѣчу; вотъ и теперь ихъ, знать, не видно кругомъ, иначе бъ сторожевыя чайки намъ дали знать.

— Совсѣмъ-таки такъ!—кивнулъ головою Богданъ и закурилъ „люльку“.

— А какъ Ивану?—спросилъ у дѣда Сулима.

— Да почитай цѣлый день спитъ, а тамъ кто его знаетъ,—либо выздоровѣетъ, либо дуба дастъ.

Богданъ отошелъ къ кормѣ, и, сѣвши на сложенную кольцомъ веревку, устремилъ глаза въ кровавое зарево, разгоравшееся за уходившимъ на западъ солнцемъ: „Что то оно на завтра вѣщуетъ, гдѣ встрѣтитъ насъ, при какихъ обстоятельствахъ?“—думалось ему. Смертельный недугъ товарища, его завѣщаніе, его признаніе,—все это потрясло душу Богдана.

Кромѣ того, его уже давно начало тревожить долгое отсутствіе Морозенка... Ужъ навѣрное что нибудь да случилось, повторялъ Богданъ, досадливо подергивая усъ; хлопецъ еще молодой, неопытный... и надо было мнѣ послать его, да еще на такое опасное дѣло! Пропадетъ бѣдняга! И все черезъ меня! Да, еще пожалуй, и татаръ всполошитъ... И Богданъ снова принимался упрекать себя, всматриваясь со всѣмъ усиліемъ въ темнѣющую даль.

— А что?—крикнулъ онъ наконецъ громко,—встряхнувъ головою, словно желая отогнать отъ себя докучливыя думы.—Олексы еще нѣтъ?

— Нѣтъ, не видно, пане-атамане,—отозвался красивый и рослый козакъ,—вонъ и Разсоха вернулся съ самаго Лимана, такъ говоритъ, что нигдѣ не видно.

— Какъ не видно? Уже пора бы...—встревожился окончательно Богданъ и направился къ „чардаку", гдѣ уже собралась кучка козаковъ съ дѣдомъ и разспрашивала обо всемъ Разсоху.

— Морозенка то нѣтъ, сынку,—отозвался къ Богдану взволнованный дѣдъ,—ужъ не случилось-ли какого либо несчастья съ хлопцемъ?

— Не дай Богъ,—отвѣтилъ встревоженно Богданъ,—пловецъ онъ отличный, владѣетъ и саблею чудесно, по-татарски говоритъ.

— Мало ли что? Всяко бываетъ,—покачалъ головою дѣдъ,—заблудиться-то онъ не могъ—ровная скатерть, а и вернуться давно бы пора, да вотъ нѣту! Какое-либо лихо навѣрно.

— Будемъ ждать здѣсь, надо будетъ послать развѣдчиковъ на челнахъ,—вздохнулъ тяжело Богданъ.

— Нѣтъ, пане-атамане, негоже намъ стоять, самъ знаешь,—возразилъ почтительно дѣдъ,—и мѣсто здѣсь опасное, да и толку мало: коли хлопецъ только замѣшкался и опоздалъ, такъ мы его по дорогѣ встрѣтимъ, а коли онъ попалъ въ бѣду, такъ ужъ мы, стоя здѣсь, не поможемъ: его, значитъ, либо убили, либо забрали въ полонъ. Не брать же намъ „гвалтомъ" Очакова, коли задумали другое дѣло!

Всѣ кивнули одобрительно головами. Настала минута молчанія.

— Охъ, правда, диду!—вздохнулъ, наконецъ, Богданъ.—Все правда, да жалко хлопца, какъ сына роднаго!

— Что-жъ дѣлать, пане-атамане? Всѣ мы подъ Богомъ, у всѣхъ насъ одна доля: сегодня съ „товарыствомъ" пьешь и гуляешь, а завтра—на судъ передъ Богомъ. Всѣхъ насъ одна мать родила,—всѣмъ намъ и умирать, а что Морозенка жаль, такъ это вѣрно; всѣ его любятъ, и хлопецъ „моторный", и завзятый юнакъ. Да еще, впрочемъ, и тужить по немъ не слѣдъ: можетъ онъ и здоровый, и веселый. А вотъ что, „рушать" намъ пора, такъ пора,—самое время. „Развѣдачъ" сообщилъ, что на Лиманѣ сколько ока—пусто, а свѣжій вѣтеръ загонитъ и всякій запоздалый „каюкъ" въ спрятанку.

Богданъ взглянулъ на небо. Закатъ уже отливалъ только золотомъ, переходящимъ въ лиловые тона, а противоположная часть неба темнѣла глубокой лазурью. Въ вышинѣ небеснаго купола начали робко сверкать первыя звѣзды.

— Да, уже „часъ",—рѣшительно сказалъ Богданъ,—только вотъ что,—обратился онъ къ своей и сосѣдней чайкѣ,—кто изъ васъ, панове лыцарство, удаль имѣетъ, сослужить мнѣ дорогую услугу?

На это воззваніе отозвалось смѣло нѣсколько завзятыхъ голосовъ.

— Такъ вотъ что, панове-лыцари,—поклонился имъ, снявъ шапку, Богданъ,—коли мы не встрѣтимъ Морозенка по пути, то возьмете вы тотъ небольшой „дубъ" и останьтесь провѣдать про хлопца: найдете—спасете, не найдете—отправитесь къ Пивтора-Кожуху въ Буджакъ,—все равно вѣдь вамъ, гдѣ славы добывать?

— Все единственно!—откликнулись дружно охочіе.

— Такъ спасибо-же вамъ, братцы! А теперь,—надѣлъ онъ шапку и крикнулъ зычнымъ голосомъ на все озеро,—рулевые и гребцы по мѣстамъ! Двигаться за мною! Чтобы тихо, а ни чи-чыркъ!

Поднялось движеніе и быстролетная суета; послышались шорохъ и шумъ поднимаемыхъ якорей. Черезъ двѣ-три минуты все смолкло и занѣмѣло.

Богданъ стоялъ у руля; снявъ шапку, онъ перекрестился широкимъ крестомъ и крикнулъ:—Съ Богомъ!

Поднялись весла; тронулась атаманская „чайка" въ прогалину; за нею потянулись другія; вода въ узкихъ каналахъ казалась почти черной, и длинныя, черныя тѣни скользили тихо по ней.

Когда козаки выбрались изъ лабиринта лимановскихъ плавней на открытый просторъ темныхъ водъ,—стояла уже ночь. Между задернутымъ облачною сѣтью небомъ и черною блестящею гладью висѣла тяжелая мгла. Сквозь нея изрѣдка, то тамъ, то сямъ, блестѣли тусклыя звѣзды, вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ козакамъ слѣва, нагоняя лодки ближе къ Очакову. Рулевой атаманской чайки долженъ былъ съ усиліемъ держать курсъ, указываемый Богданомъ—ближе къ острову, и держать его безъ компаса; только изумительное знаніе водъ, да опытная рука, да какое-то чутье могли совершить это чудо въ темную ночь.

Чутко прислушивался Богданъ и напрягалъ во тьмѣ свое зрѣніе, надѣясь еще замѣтить гдѣ-нибудь въ волнахъ челнокъ Морозенка, но ничего не было слышно вокругъ; слышался только легкій гулъ вѣтра да всплески набѣгавшей на чайки и шуршавшей по камышнымъ крыльямъ волны; этотъ шумъ заглушалъ осторожные удары гибкихъ веселъ. Козацкія чайки неслись безъ парусовъ, не смотря на довольно сильный боковой вѣтеръ, быстро впередъ. Было уже около полуночи, и флотилія, по разсчету, должна была находитьсяна параллели острова Василькова; но его не было видно Богданъ приказалъ гребцамъ умѣрить бѣгъ и началъ осторожно лавировать, чтобы убѣдиться, не сбились-ли съ курса? Вдругъ невдалекѣ съ подвѣт-

ренной стороны послышался какой-то неясный, но отличный отъ вѣтрянаго гула шумъ; доносились издали какъ-будто бы звуки людскихъ голосовъ... Богданъ махнулъ шапкой; сердце у него забилось.—Быть можетъ, Олекса?—пронеслось въ его головѣ; весла замерли. Первая чайка, остановивши свой бѣгъ, начала подаваться отъ вѣтра направо; другія, нагнавъ атаманскую, также остановились и ждали распоряженій.

Не прошло и десяти минутъ, какъ неясные звуки стали ясною татарскою рѣчью, и изъ тьмы, саженяхъ въ десяти, не больше, вырѣзался силуэтъ небольшого татарскаго каюка на шесть гребокъ; выждавъ немного, не идутъ-ли другіе каюки сзади, Богданъ махнулъ рукою, и три переднія чайки понеслись вмѣстѣ съ атаманскою въ погоню за каюкомъ.

— Живьемъ ихъ бери! Языка нужно!—крикнулъ Богданъ; но татары, завидѣвъ козаковъ, съ крикомъ ужаса бултыхнулись прямо въ воду и исчезли въ волнахъ.

— Лови хоть одного!—крикнулъ Богданъ, посматривая кругомъ на черныя, съ бѣлесоватыми верхушками волны.

— Пошли вѣрно черти ко дну!—послышался съ другой чайки голосъ Сулимы,—не видно ни одного косоглазаго аспида... А ну, „товарыство", разбѣгитесь вокругъ, не вынырнетъ ли гдѣ черномазый?

Ладьи козацкія зашныряли по всѣмъ направленіямъ, но все было напрасно—татаре исчезли безслѣдно.

Происшествіе это произвело на всѣхъ крайне непріятное впечатлѣніе. Теперь уже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Олекса былъ пойманъ и что татаре разослали всюду своихъ развѣдчиковъ. Всѣ столпились молча вокругъ Богдана, а Богданъ стоялъ на кормѣ, устремивъ глаза въ непроглядную ночную тьму.

Въ душѣ его происходила короткая, но тяжелая борьба. Что дѣлать? Неужели же такъ и бросить на погибель хлопца? Какъ онъ привязанъ къ нему! Вѣдь это онъ „вызволилъ" его изъ Кодака... да и хорошій хлопецъ... что говорить... все равно что сынъ родной... Но что-же дѣлать? Невозможно- же, изъ-за него одного, подвергать всѣхъ риску и разрушать такое важное для родины дѣло, единственно могущее принести ей спасенье... Оставить всѣхъ? Броситься одному?—Никто не пуститъ, а если-бы и пустили, то безъ него все погибнетъ. Что же дѣлать? Эхъ, Господи! на все Твоя воля!—махнулъ рукою Богданъ и произнесъ громко:

— Ну, теперь, друзи, нужно торопиться, бо можетъ, какая шельма доплыветъ до острова и дастъ о насъ знать. Такъ гайда впередъ! На весла наляжь! Дружно! Съ Богомъ!

— Съ Богомъ!—повторили всѣ окружающіе, понявши тяжелую борьбу, происшедшую въ душѣ атамана:—и пусть Господь Милосердный помилуетъ насъ всѣхъ!—И чайки, скучившись, чтобы не отбиться въ темнотѣ, понеслись вмѣстѣ съ атаманской впередъ. На небѣ давно уже попрятались за тучами звѣзды, впереди на дальнемъ горизонтѣ сверкали зарницы; вѣтеръ крѣпчалъ и поворачивалъ отчасти въ тылъ козакамъ. „Чайки“ подняли паруса и понеслись вдвое быстрѣй. Еще до разсвѣта успѣли они долетѣть до косы. Здѣсь, за десятокъ саженей, атаманская чайка, сложивъ паруса, осторожно поплыла вдоль косы и вскорѣ при проблескѣ мутнаго утра замѣтила групу деревьевъ, а за ней поперечный протокъ, изслѣдованный Олексой. Вѣтеръ нагналъ въ протокъ еще больше воды, такъ что теперь всѣ чайки черезъ часъ, къ разсвѣту дня, безпрепятственно качались уже на темныхъ широкихъ валахъ Чернаго моря.

Поздравивъ товарищей со счастливымъ переходомъ, Богданъ велѣлъ снова поднять паруса, чтобы скорѣе уйти отъ опаснаго берега въ открытое море.

Больной почти до полуночи проспалъ въ безчувственномъ состояніи, а потомъ началъ снова стонать, и метаться и просить воды. Даже раза два приходилъ въ себя и сознательно спрашивалъ, гдѣ они теперь плывутъ? А потомъ снова погружался въ забытье или въ дрему. Утромъ, когда уже легкія чайки начали то взлетать на зыбкія водяныя горы, съ дробящимися въ пѣну верхушками, то стремительно падать въ черноземеныя бездны, больной, качаясь во всѣ стороны, не могъ уже сомкнуть пожелтѣвшихъ глазъ, а, широко открывъ ихъ, съ ужасомъ озирался кругомъ и шепталъ только: „страшно!“ Иногда онъ хватался порывисто за грудь, конвульсивно ломалъ себѣ руки или вздрагивалъ, когда его обдавало брызгами налетѣвшей съ боку волны.

Между тѣмъ къ раннему козачьему обѣду разыгралась настоящая буря. Налетѣла туча и понеслась низко надъ моремъ; вѣтеръ завылъ и закружилъ дождевые вихри; застонали волны и со страшными гигантскими размахами начали подымать все выше и выше свои сѣдыя вершины. Буря стала и эти вершины срывать, а онѣ, загибаясь, каскадомъ летѣли въ пучины. Какъ скорлупа, взлетала чайка на бѣлыя горы и падала съ нихъ по стремнинамъ въ провалы. Давно уже были убраны паруса на казачьихъ ладьяхъ; рулевые напрягали всѣ усилія, чтобы лавировать съ ужасною волной; гребцы выбивались изъ силъ. Но держаться уже вмѣстѣ было невозможно чайкамъ, и онѣ разлетѣлись, разметались по разъяренному морю.

Богданъ теперь правилъ самъ рулемъ; могучая грудь его вздымалась высоко, глаза горѣли отвагой, лицо дышало благороднымъ огнемъ. Отъ времени до времени онъ подбадривалъ козаковъ и могучими ударами весла направлялъ дрожавшую чайку. Буря давно уже сорвала съ него шапку и трепала въ клочья жупанъ, а онъ стоялъ неподвижно и твердо, и, казалось, вызывалъ бурю помѣряться съ силой козачьей.

У ногъ Богдана сидѣлъ дѣдъ и мрачно поглядывалъ на море.

— Ишь, разсатанѣло какъ!—ворчалъ онъ.—Если часа черезъ два, три не перебѣсится, то всѣхъ пуститъ ко дну!

Но буря не только не думала утихать, а свирѣпѣла все больше и больше. Уже начало заливать чайку съ боковъ, и козаки не успѣвали отчерпывать воду.

Тогда дѣдъ поднялся, подошелъ къ мачтѣ и, ухватившись за нее, воззвалъ ко всѣмъ громкимъ голосомъ:

— Товарищи-братья, вѣрно есть среди насъ тяжкій грѣшникъ, и Богъ черезъ него караетъ насъ всѣхъ! Покаемся! Пусть виноватый искупитъ свой грѣхъ и спасетъ братьевъ!

Уже и до этого метался Грабина; горячка снова подняла угасавшія было въ немъ силы и воспалила бредомъ и отчаяньемъ мозгъ.

Услышавъ призывъ дѣда, обезумѣвшій больной поднялся съ горячечною силой однѣми руками на носъ чайки. Блѣдное землисто-мертвенное лицо, синія губы, широко раскрытыя очи и трепавшаяся по вѣтру чуприна произвели на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе. Хриплымъ, но слышнымъ и въ бурю голосомъ заговорилъ, застоналъ этотъ вдругъ возставшій мертвецъ:

— Простите меня, братья, я грѣшникъ великій, проклятый Небомъ. Я грабилъ, терзалъ людей, губилъ семейства, позорилъ честныхъ дочерей, убилъ мужа сестры моей... Это кара за тотъ страшный грѣхъ. Простите, молитесь за мою грѣшную душу!

И прежде, чѣмъ кто либо очнулся, онъ, поднявшись на локтяхъ, перевалился за бортъ и исчезъ подъ обрушившеюся массой зыбкой стремнины.

— Спасайте!—крикнулъ было ошеломленный Богданъ; но черезъ мгновеніе чайка взлетѣла уже на другую бурлящую гору, и надъ ушедшимъ проваломъ высились новые пѣнистые гребни.

— Оставь, пане-атамане,—отозвался сумрачно дѣдъ,—не найдешь его: море не возвращаетъ своей добычи. Да и безъ того ему было уже не вставать: до вечера, до ночи можетъ быть еще дотянулъ бы, не дальше, а такъ, хоть укоротилъ себѣ муки.

— Да, укоротилъ,—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ,—только онъ въ это время не о своихъ мукахъ заботился, а о своихъ братьяхъ-товарищахъ: для спасенія ихъ послалъ онъ такъ спѣшно къ Богу на судъ свою душу. Помолимся-жъ за нее, друзи!

— Прости ему, Боже!—поднялъ дѣдъ руки къ мрачному небу, и всѣ перекрестились, снявъ набожно шапки и промолвивъ тихо: „царство небесное, вѣчный покой!"

Эта короткая молитва находившихся въ пасти смерти людей, ихъ застывшія въ суровомъ мужествѣ лица, развѣваемыя бурей чуприны—представляли на этой мятущейся во всѣ стороны скорлупѣ и картину ничтожества человѣческихъ силъ, и подъемъ незыблемаго величія духа.

— Гей, батьку, пане-атамане,—крикнулъ черезъ нѣкоторое время молодой козакъ Разсоха—дай помощи! Заливаетъ „чайку" вода!

— Черезъ весло, гребцы, внизъ!—крикнулъ Богданъ,—черпайте шапками, пригоршнями, чѣмъ попало! Только бодрѣе, хлопцы, бодрѣе! Буря уже поддается!

Половина гребцовъ бросилась въ трюмъ и рьяно принялась отливать прибывавшую воду; воодушевились энергіей и упавшіе было духомъ товарищи: слова атамана подбодрили всѣхъ. А ураганъ хотя и не утихалъ еще, но за то и не увеличивалъ своего бѣшенства; несущіяся тучи становились прозрачнѣе и свѣтлѣе; оторванныя ихъ крылья не касались уже разбившихся въ пѣну вершинъ; вѣтеръ только стоналъ, но среди глухого, грознаго шума не слышалось уже зловѣщаго визга и свиста.

— Крѣпитесь, дѣтки!—возгласилъ дѣдъ,—уже перебѣсилось море! Помирилось на покойникѣ! Дружнѣе только, дружнѣй!

Со всѣхъ сторонъ чайки стала торопливо выхлестываться вода, дробясь о спины и головы гребцовъ; впрочемъ, и безъ того ихъ хлестали срывавшіяся съ боковыхъ волнъ струи, и промокшіе до нитки, они не обращали даже вниманія, окачиваетъ-ли ихъ снизу или сверху водой.

Богданъ глянулъ кругомъ и замѣтилъ, что море какъ будто и потемнѣло, и прояснилось, сначала только вблизи чернѣли дрожащія бездны и высились темныя волны, а вдали дробящіеся брызгами и пѣной гребни застилали весь горизонтъ непроницаемою, бѣлесоватою мглой, словно вихрилась снѣжная вьюга; а теперь эта мгла дѣлалась какъ-бы прозрачнѣе, сквозь нее виднѣлись уже темные силуэты мечущихся другъ на друга валовъ. Но какъ Богданъ не напрягалъ своего зрѣнія, а не замѣчалъ на вершинахъ ихъ ни единой чайки.

— Что-то, диду, не вижу я,—обратился онъ тревожно къ Нетудыхатѣ,—ни одной нашей чайки.

— Черное море пораскидаетъ,—мотнулъ головою старикъ,—только потопить, врядъ-ли потопитъ: вотъ эти крылья не дадутъ опрокинуться лодкѣ... развѣ, разсатанѣвъ, пообрываетъ ихъ.

А камышины, прочно прикрѣпленныя къ бокамъ, спасали, видимо, отъ аваріи чайку; онѣ, не смотря на самыя отчаянныя взлетанія, и паденія, и скачки, держали постянно въ равновѣсіи лодку и не допускали ее ни накрениться опасно, ни опрокинуться.

— Э, да уже проходитъ, проходитъ,—указалъ дѣдъ на дальній горизонтъ, приставляя одну руку къ глазамъ,—вонъ синѣетъ на желтой бахромѣ, словно „волошка" въ житѣ, синее небо. Не журитесь, хлопцы,—крикнулъ онъ весело ко всѣмъ,—бурѣ конецъ! Помните мое слово, не пройдетъ и часу, какъ засинѣетъ небо и заблещетъ на немъ любое солнышко!

— Дай-то Боже!—отозвались гребцы, взмахивая энергичнѣй веслами.

— Хоть-бы обсушило, а то вѣдь съ насъ ажъ хлещетъ,—замѣтили другіе.

— За то чистые теперь, выкупались важно!—пошутилъ и атаманъ, налегая на руль.

— Правда!—откликнулись всѣ дружнымъ хохотомъ, и сумрачное выраженіе лицъ сразу исчезло, глаза оживились огнемъ, послышался сдержанный говоръ.

Дѣдъ былъ правъ: синія точки на краю горизонта вытягивались въ большія свѣтлыя пятна, наконецъ и надъ головами козачьими распахнулась темная, дымящаяся завѣса, а услужливый вѣтеръ сталъ рвать ее больше и больше, унося вдаль отрепья... А вотъ проглянуло и солнце, освѣтило взбаломученное грозными волнами море, и оно заблистало темными сапфирами, засверкало въ гребняхъ изумрудами.

— Какъ думаете, диду,—обратился Богданъ, вытирая рукавомъ сорочки выступившій на лбу крупными каплями потъ,—гдѣ мы теперь? Куда насъ, по вашему, занесло?

— Да, сдается, гнало насъ больше къ Крыму,—отвѣтилъ подумавши, дѣдъ,—вѣдь вѣтеръ сначала билъ намъ въ затылокъ, значитъ, гналъ насъ прямо на полдень, а потомъ повернулъ какъ-бы въ правую щеку... стало-быть съ „заходу" началъ дуть, ну, выходитъ и повернулъ на Крымъ.

— А какъ думаете, далеко онъ, этотъ Крымъ?

— Да кто его знаетъ?—почесалъ дѣдъ затылокъ,—теперь, почитай, перевалило уже за второй „полудень"... Если повернуть лѣвѣе, то скоро, думаю, и берегъ можно увидѣть.

— А гдѣ мы теперь?

Дѣдъ развелъ руками.

— До Кафы далеко или, нѣтъ?

— До Кафы?—изумился дѣдъ.—Что ты, Богъ съ тобою, сынку,—куда махнулъ! Да Кафа-жъ на другомъ берегу Крыма! Нужно обогнуть его по-за Херсонесъ, тогда только можно попасть въ Кафу... до нея ходу дня, два, три... если добре гнать... А тебѣ, сынку, на что Кафа?

— Да нельзя-же,—нерѣшительно началъ Богданъ,—двигаться черезъ море, не собравши всего „товарыства", всѣхъ чаекъ, не оставлять-же здѣсь кого на погибель? А вѣдь и ихъ будетъ прибивать къ берегу... значитъ тамъ и собираться,—это разъ; а потомъ, чтобы даромъ не терять времени, навѣстить-бы Кафу, эту нашу невольничью тюрьму, вызволить нашихъ братьевъ, да и двинуться потомъ вмѣстѣ на басурманъ.

— Не выпадаетъ, пане-атамане,—покачалъ задумчиво головой Нетудыхата,—повѣрь мнѣ, сыну, на словѣ...

— Да, что вы, диду, говорите...—смутился Богданъ.—Я вѣдь такъ себѣ только думаю, а не то, что намѣренъ...

— Такъ, такъ, ты вѣдь, сынку, и самъ былъ другой думки,—прояснѣлъ дѣдъ,—только вотъ, по моему, коли поджидать „товарыство", такъ на этой сторонѣ... Да чайки скоро и сбѣгутся... только перестанетъ „бурхать", такъ и начнутъ вырынать изъ моря... А собравшись, нужно, „не гаючи часу", летѣть къ берегамъ Анатоліи, чтобъ врасплохъ наскочить... А къ Кафѣ и не рука теперь, и опасно: куда, куда, а въ Кафу-то ужъ навѣрно дали знать, если хоть одна изъ тѣхъ бритыхъ собакъ осталась въ живыхъ.

— Такъ, вѣрно!—долженъ былъ согласиться Богданъ, хотя желаніе исполнить предсмертную просьбу друга и влекло его въ Кафу.

Между тѣмъ небо совершенно очистилось и свѣтилось уже чистой лазурью; только на восточномъ краю горизонта темнѣли еще клочья разорванной, исчезающей тучи, а западъ весь былъ залитъ лучами яркаго весенняго солнца; они уже хорошо грѣли въ этихъ широтахъ, что особенно пріятно почувствовали прозябшіе козаки.

— Эхъ, благодать!—отозвался восторженно Разсоха, скидывая свою сорочку.—Тѣло то такъ живѣе протряхнетъ.

— А что братцы,—замѣтилъ другой,—славную Разсоха придумалъ штуку,—скидывай всѣ сорочки съ плечъ!

— Это правильно, дѣтки,—улыбнулся и дѣдъ,—безъ мокраго скорѣе согрѣетесь, а сорочки выкрутите, да повѣсьте на реяхъ; на вѣтрѣ, да на солнцѣ живо высохнутъ!

Всѣ засуетились и черезъ двѣ-три минуты на лавкахъ и гребняхъ сидѣли уже обнаженные по поясъ запорожцы, блистая атлетическими формами своихъ бронзовыхъ тѣлъ. Богданъ позволилъ еще, въ подкрѣпленіе чрезвычайныхъ трудовъ, отпустить всѣмъ по „кухлыку“ „оковытой“, и отогрѣтые солнцемъ да водкой гребцы, полные радостнаго чувства и оживленной удали, принялись вновь за работу съ необычайной энергіей.

Вѣтеръ замѣтно стихалъ и хотя не унявшаяся волна еще грозно ходила по морю, но чайка уже взлетала граціозно, безъ скачковъ и метаній, на сверкающіе гребни и плавно спускалась въ сапфирныя глыби. Богданъ, вполнѣ убѣжденный, что опасность уже миновала, передалъ рулевому весло и отправился въ свою койку перемѣнить бѣлье и одежу.

Здѣсь, при видѣ опустѣвшаго ложа, на которомъ еще недавно лежалъ его бездольный товарищъ, Богдану ущемила сердце тоска: симпатичный образъ безвременно погибшаго друга стоялъ передъ нимъ живымъ и молилъ спасти, пріютить его дочь... и этотъ загубленный ангелъ, этотъ сорваный цвѣтокъ становился ему особенно дорогъ... Но развѣ онъ смѣетъ теперь, вопреки интересамъ страны, броситься разыскивать ее? Вѣдь вотъ оставилъ онъ въ рукахъ татарвы своего дорогого пріемнаго сына, быть можетъ, на вѣрную погибель. А что было дѣлать? Оставилъ-бы и родного, если-бы это случилось такъ. Нельзя жертвовать всѣми для одного, повторилъ Богданъ; но не смотря на всю очевидную справедливость его поступка,—сердце его ныло незаглушаемой болью. Одно только давало еще ему нѣкоторое утѣшенье, это мысль о томъ, что Олекса прекрасно говоритъ по татарски и лицемъ похожъ на татарчука. Быть можетъ, помилуютъ... въ плѣну оставятъ?.. Только врядъ-ли! Вѣрнѣе то, что его или повѣсили, или ужъ пустили на дно...

Богданъ рванулъ себя за чуприну, и чтобы избавиться отъ разъѣдающихъ сердце думъ, вышелъ опрометью на палубу.

— А что, не видать еще чаекъ?—спросилъ онъ попавшагося ему на встрѣчу Разсоху.

— Нѣтъ, батьку,—отвѣтилъ тотъ,—хотя въ одномъ мѣстѣ что-то какъ будто мелькаетъ.

Богданъ велѣлъ умѣрить бѣгъ чайки,—благо уже погода не мѣшала этому,—и выпалить изъ пушки. Вздрогнула чайка, грянулъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ почудился среди шумящаго моря отзвукъ такого-же выстрѣла: или это была шутка игриваго эха, или другая чайка отвѣтила на атаманскій призывъ.

— Будемъ поджидать,—сказалъ Богданъ,—вотъ таки бѣжитъ одна наша чайка. Авось Милосердный Богъ повернетъ и

остальныя. А мы, братцы, подкрѣпимъ, тѣмъ часомъ, чѣмъ Богъ послалъ, свои силы; нужно поджививиться, выголодались, почитай, добре!

— Да такъ-таки, батьку атамане,—откликнулись весело нѣкоторые,—что и весла-бъ погрызли!

— Ну, такъ тащи, Разсохо, изъ коморы харчи,—улыбнулся смутно Богданъ и отошелъ къ рулю на „чардакъ".

Чайка подвигалась впередъ плавными широкими скачками. Съ высоты „чардака" Богдану было уже ясно видно бѣгущую къ нимъ другую чайку, а вдали онъ замѣтилъ и третью. Богданъ приказалъ повторить выстрѣлы черезъ каждые полчаса, а самъ зорко слѣдилъ, чтобъ они не привлекли еще и какого вражьяго судна.

Пообѣдали или, вѣрнѣе, пополудневали запорожцы и закурили „люльки". Начались по кружкамъ тихіе разговоры; товарищи дѣлились впечатлѣніями, разсказывались случаи изъ давнихъ походовъ, но господствующей темой бесѣдъ была гибель Морозенка и самопожертвованіе Грабины; съ глубокою набожностью вспомнилъ каждый что-либо доброе о немъ и просилъ Бога зачесть ему то на томъ свѣтѣ, съ трогательнымъ чувствомъ выражалъ всякій скорбь о погибшемъ товарищѣ, но о послѣдней исповѣди его, о сознанныхъ всенародно грѣхахъ никто не проронилъ и слова, словно этимъ добровольнымъ забвеніемъ товарищество прощало ему все за его добрую душу, за щирое сердце. И общій приговоръ рѣшилъ, что такого добраго товарища наживешь не скоро.

Уже солнце спускалось къ закату, уже дальняя зыбь сверкала яхонтами и аметистами, а чаекъ собралось штукъ двадцать, не больше; составили военный совѣтъ и рѣшили пролавировать въ этихъ мѣстахъ цѣлую ночь, давая о себѣ знать время отъ времени выстрѣлами, а буде и къ утру не соберутся чайки, то, значитъ, ихъ занесло куда безъ вѣсти и онѣ взяли сами другой рейсъ, а то, можетъ быть, многія и погибли: буря вѣдь была необыкновенно жестока, могла порвать всю оснастку чаекъ и пустить ихъ ко дну; тогда утромъ и нужно будетъ обсудить, что предпринять? Очевидно, нападать такою ничтожною кучкой на азіатскіе берега было-бы безумно, а потому у Богдана въ душѣ и шевельнулась было вновь надежда относительно Кафы. Теперь же на ночь онъ направилъ свою атаманскую чайку не къ берегамъ Крыма, а въ открытое море.

Не успѣло еще солнце погрузиться въ море, какъ Богданъ замѣтилъ на концѣ горизонта не чайку, а настоящее морское судно, по всей вѣроятности, турецкую галеру. Богданъ, указалъ на нее рукой и приказалъ ударить во всѣ весла; чайки понеслись на перерѣзъ судну. Богданъ зналъ, что къ галерѣ съ подсолнечной стороны можно приблизиться чайками совсѣмъ незамѣтно на до-

вольно близкое разстояніе,—запорожскія ладьи сидѣли такъ низко въ водѣ, что ихъ можно было замѣтить только вблизи, а потому Богданъ и ускорялъ бѣгъ безъ всякаго риску, желая до полныхъ сумерокъ опередить непріятельское судно, разглядѣть его, сообразить силу защиты и приготовиться къ нападенію въ полной тьмѣ, въ самые „обляги", т. е. во время перваго сна, около полуночи.

Парусное судно лавировало противъ вѣтра и туго подвигалось впередъ, а чайки на дружныхъ веслахъ неслись стрѣлою и вскорѣ, еще далеко до полныхъ сумерекъ, были впереди судна; теперь оно передъ ихъ глазами качалось безпечно на волнахъ въ разстояніи полуверсты, не больше; по типу это была хорошо вооруженная галера среднихъ размѣровъ; она направлялась, повидимому, отъ Крыма къ Босфору.

Созвавъ чайки вокругъ, Богданъ далъ слѣдующій приказъ: держаться полукругомъ впереди галеры въ одинаковомъ разстояніи мертво,—чтобы ни шороха, ни звука, ни одной искры, а не то что „люльки". Осмотрѣть хорошо оружіе и порохъ: если отсырѣлъ и подмочился, набить пороховницы и мушкеты сухимъ, оправить кремни и пановки; приладить крючья и лѣстницы; на чайкахъ оставлять лишь рулевого и десять гребцовъ,—остальные всѣ въ бой. Нападеніе по первому крику пѣтуха; окруживъ галеру со всѣхъ сторонъ, дать залпъ изъ мушкетовъ и сразу цѣпляться баграми да крючьями и лѣзть на галеру; что-бы у каждаго были набитые „пистоли", въ рукахъ сабли, въ зубахъ запасные ножи.

— Объ отвагѣ и упоминать нечего,—закончилъ Богданъ.— У каждаго изъ васъ ея въ волю, а для успѣха дѣла нужна только „осторога" для нападенія и дружный натискъ. Галера—очевидно купеческое судно, а потому насъ ждетъ тамъ богатая и пышная добыча. Ну, съ Богомъ, мои друзи, хорошей удачи!—поклонился всѣмъ Богданъ.

— Спасибо, атамане! —тихо загудѣло съ чаекъ,—и онѣ разъѣхались широкою дугой подъ пологомъ упавшей уже на море ночи. Вскорѣ ничего не стало видно кругомъ, кромѣ загоравшихся на небѣ звѣздъ, да тусклыхъ огоньковъ на ворожьей галерѣ.

Тишина и темень; вѣтеръ къ ночи совершенно упалъ, только по временамъ слышатся тихіе вздохи еще не улегшагося моря; усталыя волны уже не мчатся въ погоню одна за другой, а лѣниво подымаются, растутъ и падаютъ тутъ же на мѣстѣ отяжелѣвшею зыбью; на темныхъ, вздымающихся массахъ, мелькаютъ и дрожатъ вблизи блѣдныя искорки отраженныхъ звѣздъ; все однообразно и мрачно, время ползетъ незамѣтно.

Стоитъ на своей чайкѣ Сулима, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ смотритъ по сторонамъ, не двигаются ли сосѣдскія чайки? Но сосѣднихъ чаекъ не видно по сторонамъ, а только фонари на галерѣ стали яснѣе и больше: или это отъ темноты, или галера надвигается... Это бы и на руку, меньше работы для гребцовъ, да „дидько" его знаетъ, когда нападать? У него, какъ на зло, пѣтухъ на чайкѣ во время бури пропалъ,—вотъ ты и угадай!

— И какъ таки,—обращается съ укоризной Сулима къ своему кашевару,—не доглядѣть было „пивня"?

— Да что же съ нимъ, пане-атамане, сдѣлаешь, коли взялъ, да и сдохъ?... Мы его привязали за ногу, а волна какъ начала хлестать его да головою о перекладину бить, ну, и вытянулся...

— Эхъ-ма, а теперь безъ „пивня" хоть плачь,—чесалъ затылокъ Сулима.—Ты прислушивайся, може, услышишь крикъ „пивня" съ сосѣдней какой-нибудь чайки.

— Да я прислушиваюсь.

— Стой, тихо!—схватилъ его за руку Сулима и занѣмѣлъ.

Въ тишинѣ между всплесками моря слышался не то отдаленный хриплый крикъ пѣтуха, не то носовой храпъ съ присвистомъ.

— Пивень?—спросилъ дрожавшій отъ волненія и подступившаго азарта Сулима.

— Сдается, онъ,—отвѣтилъ таинственно кашеваръ.—О, слышь атамане, какъ ловко выводитъ ку-ка-ре-ку!

Но Сулима уже не могъ ничего ни слышать, ни соображать, иначе онъ бы легко узналъ въ этомъ „пивнѣ" сладкій храпъ козака Запрыдуха; сердце его забилось дикой отвагой, глаза налились кровью, и онъ крикнулъ не своимъ голосомъ:

— За весла! На галеру, гайда!

— На сосѣдней чайкѣ крикъ его поднялъ такую же тревогу, и она понеслась за Сулимою, другія же чайки, ничего не подозрѣвая, ждали пѣтуховъ.

Стоя на носу своего байдака, Богданъ также услыхалъ какіе то возгласы и неясный шумъ веселъ; но, будучи глубоко увѣренъ, что никто не нарушитъ его приказа, подумалъ, что это просто почудилось ему; но торопливо мелькнувшій одинъ-другой огонекъ на палубѣ вражьей галеры заставили и его встрепенуться. Вдругъ на ней вспыхнули молніи и разразился грохотъ десятка орудій.

Само собою, что ядра прогудѣли въ темнотѣ безцѣльно надъ головами, но послѣдовавшій за ними залпъ изъ мушкетовъ у самой галеры показалъ, что атаку уже кто то началъ, а это заставило Богдана крикнуть зычно:

— За мною впередъ!

Сулима же очутившись съ другой чайкой у самаго борта и недоумѣвая, почему опоздали другіе, не рѣшился самъ, съ горстью удальцовъ лѣзть на абордажъ, а поджидалъ товарищей; а чтобы обмануть и устрашить проснувшагося врага, начали „крутить веремію", т. е. давать залпъ, убѣгать лодкой, появляться неожиданно съ другой стороны, осыпать палубу пулями, налетать съ третьей и т. д. Эти маневры онъ продѣлывалъ такъ искусно съ другимъ атаманомъ, что галера, увидавъ въ этихъ двухъ чайкахъ цѣлую флотилію, начала отступать. Когда же на помощь подоспѣли еще три чайки, то Сулима рискнулъ уже смѣло аттаковать съ носу судно. Поднялись багры, вцѣпились крючьями въ ребра галеры, взвились на борты веревочныя лѣстницы и полѣзли по нимъ, подъ прикрытіемъ непрерывнаго огня изъ мушкетовъ, отчаянные головорѣзы. Но непрошенныхъ гостей галера встрѣтила съ остервененіемъ: первые смѣльчаки полетѣли всѣ трупами въ море; Сулима раненый повисъ безвладно на рукахъ у своего товарища; разъяренные за своего куреннаго атамана козаки бросились съ отчаяннымъ мужествомъ на галеру, но встрѣтили на палубѣ жестокій отпоръ. Отчаянье и ужасъ придавали отвагу скучившемуся на носу непріятелю, превышавшему численностью горсть нападающихъ и господствующему своимъ положеніемъ.

Много уже полегло удальцовъ, много полетѣло козачьихъ душъ къ темному небу; наконецъ, между аттакующими кто-то крикнулъ „Огня! жарь ихъ!"—и запылавшіе факелы вонзились въ деревянные осмоленные бока галеры. Между тѣмъ къ кормѣ подлетѣла атаманская чайка, и Богданъ безъ выстрѣловъ уцѣпился желѣзными когтями за галеру; забросивъ веревочную лѣстницу, онъ первый взлѣзъ на палубу; за нимъ вслѣдъ вскочилъ Разсоха, а потомъ и другіе. Татары, смятенные поднявшимся чернымъ дымомъ, шарахнулись было назадъ и увидѣли въ тылу у себя на палубѣ черныхъ шайтановъ; съ развѣвающимися чупринами, съ кровавыми, широко раскрытыми глазами, съ оскаленными зубами, съ саблями и бердышами въ рукахъ, съ дикимъ визгомъ и хохотомъ, напоминали они собою дѣйствительно выходцевъ изъ самаго пекла; они стремительно ринулись на ошеломленныхъ враговъ; послѣдніе, не зная, отъ кого защищаться, стѣснились посреди палубы и давили другъ друга отступая. Раздались стоны, проклятія, полилась кровь... Оставленные безъ защиты борты были атакованы всѣми силами чаекъ. И вскорѣ вся палуба наполнялась запорожцами; они налетели со всѣхъ сторонъ на враговъ и съ крикомъ—„бей невиру!", умерщвляли безпощадно татаръ и турокъ; послѣдніе и не защищались уже, а, побросавши оружіе, молили лишь о пощадѣ; но ожесточенные запорожцы, особенно сулимовцы, не внимали ничему и истребляли всѣхъ поголовно.

А въ черныхъ клубахъ подымавшагося дыма уже начали взлетать змѣйками блестящіе язычки; они обвивались вокругъ рей, скользили по парусамъ и сливались въ пряди яркаго пламени, которое не замедлило освѣтить адскую картину людскаго насилія и жестокости.

Освѣщенные кровавымъ отблескомъ разгорѣвшагося пожара, окровавленные, закоптѣлые въ пороховомъ дыму, словно адскіе тѣни, носились запорожцы по палубѣ, настигая и ища своихъ жертвъ, а жертвы метались безнадежно, бросаясь съ отчаянья въ море, но и тамъ настигала ихъ неумолимая смерть. Когда палуба была очищена отъ непріятеля, запорожцы бросились за добычей въ каюты и трюмъ. Богданъ нѣсколько разъ пытался остановить эту рѣзню, но за сатанинскимъ гвалтомъ не было слышно и его зычнаго голоса.

— Не всѣхъ бейте!—Оставьте языковъ!—кричалъ онъ, побагровѣвъ отъ натуги, но никто не слышалъ его приказа. Наконецъ, Богданъ поднялъ высоко булаву и рявкнулъ страшно:— Стой! Згода!

На этотъ разъ атаманскій крикъ былъ услышанъ, и всѣ остановились, окаменѣли.

— Довольно убійствъ,—возвысилъ еще голосъ атаманъ—обыскать галеру и доставить мнѣ живыхъ языковъ, а можетъ тутъ спрятаны гдѣ и невольники-братья? Торопитесь: огонь скоро выгонитъ насъ!

— Слухаемъ, батьку,—отозвались козаки и гурьбою бросились въ каюту и трюмъ.

Вскорѣ палуба у кормы начала наполняться сносимою козаками добычей; появились тюки съ дорогою „габою", „одамашкомъ" и другими матеріями, выкатились цѣлыя бочки дорогого вина, грудою легло оружіе, въ одну кучу свалили и золотые кубки, серебряную посуду и ларцы, наполненные червонцами. Все, подъ наблюденіемъ дѣда, переносилось отсюда на атаманскую и на другія сподручныя чайки, чтобы потомъ раздѣлить по товарищески добычу. Торопливѣе и торопливѣе бѣгали по всѣмъ закоулкамъ козаки, отыскивая новыя помѣщенія, но живаго товара не находили нигдѣ, только и вытащены были изъ подъ опрокинутой бочки два молодыхъ татарченка; но они не могли сообщить отъ страха, кто они и куда ихъ везли. Перебранка, топотъ и стукъ не умолкали кругомъ и покрывались лишь шумомъ гоготавшаго пламени, охватившаго всю переднюю часть галеры и взлетавшаго огненными крыльями съ пылавшихъ рей и парусовъ къ кровавому небу.

— Гей, хлопцы, живѣе,—кричалъ дѣдъ въ трюмѣ.—Того и гляди, до пороха доскочитъ огонь!

— Назадъ, на чайки!—крикнулъ повелительно Богданъ, стукнувъ раздражительно булавою.

Многіе со скрытою досадой начали вылѣзать на палубу и, ужаснувшись картины пожара, спѣшили на свои чайки.

Вдругъ гдѣ-то подъ палубой раздался женскій крикъ; онъ звонко пронзилъ возрастающій гулъ огня и впился Богдану въ самое сердце... Что-то, словно знакомое, родное почуялось ему въ звукѣ этого голоса.

— Кто тамъ? Остановитесь!—бросился онъ было на помощь, но въ это время на палубѣ появился запорожецъ, съ звѣрскимъ выраженіемъ лица; на рукахъ у него билась какая-то молодая красавица-турчанка.

— Вотъ такъ штучка!—рычалъ осатанѣлый козакъ.—Потѣшимся, братцы!

Яркое зарево бушующаго огня эффектно освѣщало поблѣднѣвшее отъ ужаса личико, полное чарующей юной красоты и наклоненное надъ нимъ, разъяренное обличье звѣря.

Богданъ взглянулъ и вскрикнулъ невольно: въ этомъ прелестномъ личикѣ онъ узналъ неземное видѣнье, явившееся ему когда-то во снѣ, въ занесенной снѣгомъ степи и оставившее неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ. Кромѣ сего и описаніе Грабиной своей дочери почему-то блеснуло передъ нимъ молніей въ эту минуту. Золотистые волосы дѣвушки спускались волнами съ рукъ козака до самой земли, синіе глаза глядѣли съ какимъ-то безумнымъ ужасомъ; все ея стройное, гибкое тѣло билось и извивалось на его рукахъ.

И жалость къ невинному существу, и восторгъ передъ необычайной красотой дѣвушки охватили сразу сердце Богдана. Спасти, во что бы то ни стало, рѣшилъ онъ въ одно мгновенье и бросился къ Разсохѣ.

— Ни съ мѣста!—крикнулъ онъ, грозно подымая булаву,—ты нарушилъ главнѣйшій запорожскій законъ,—за женщину и въ мирное время полагается въ Сѣчи смортная казнь, а кольми паче въ походѣ...

— Ну, нѣтъ, пане-атамане,—возразилъ дерзко нетвердымъ голосомъ Разсоха,—только въ самой Сѣчи не вольно намъ возиться съ бабьемъ, а за межой... никто мнѣ не указщикъ!—и онъ нагнулся поднять дѣвушку.

— Только „порушься!“—навелъ ему Богданъ въ голову пистолетъ.

— Что-жь это, „панове-товарыство?“—отшатнулся Разсоха и повелъ вокругъ мутными глазами.—Не вольно козаку со своей добычей потѣшиться?—покачнулся онъ,—какой-нибудь... Богъ знаетъ кто...

и вяжетъ волю козачью. Да коли такъ, коли не мнѣ, такъ и никому! Въ огонь ее, эту турчанку-поганку!

Богданъ спустилъ курокъ. Порохъ на пановкѣ вспыхнулъ, но подмоченный зарядъ не выпалилъ. Бросивъ въ сторону пистолетъ, Богданъ схватился было за другой, а Разсоха обнажилъ саблю, но дѣдъ заслонилъ собою Богдана и крикнулъ громко;

— Вяжите, братцы, Разсоху; онъ пьянъ и поднялъ на батька-атамана руку!

Толпа бросилась, и, послѣ недолгаго сопротивленія, Разсоха былъ поваленъ и связанъ.

— Отнести его на Лопухову чайку—сказалъ уже, овладѣвъ собою, Богданъ,—такъ связаннымъ и доставить въ Сѣчь на раду.

— Не такое дѣло, пане-атамане, чтобы вражьяго сына до самой Сѣчи харчевать, не такое, братцы-товарищи, не такое!—отозвался дѣдъ.—Слыхано ли, братья, чтобы честный козакъ, не то въ походѣ, а въ самой битвѣ могъ нализаться такъ, какъ свинья, набраться смердючей горилки до того, что на батька-атамана осмѣлился руку поднять? Да было ли когда, панове-товарыство, такое „падло" межь нами?! Да кто захочетъ быть вмѣстѣ съ такимъ Іудою?

— Никто! Никто!—заревѣли кругомъ козаки.—Погибель ему!

— Смерть!—поднялъ дѣдъ руку.—Онъ уже и на Сѣчи былъ наказанъ за бабъ и за пьянство; нѣтъ другого приговора, какъ смерть!

— Въ море его!—подхватили голоса въ заднихъ рядахъ, и, прежде чѣмъ Богданъ успѣлъ запротестовать, десятки рукъ подняли обезумѣвшаго Разсоху и выбросили въ море,—только брызги разлетѣлись кругомъ огненными каплями.

— Ахъ, братцы!—вскрикнулъ, поднявши руку Богданъ.

— Стоитъ-ли, сынку, о такомъ жалѣть?—отвѣтилъ за другихъ дѣдъ.—Наша сила только стоитъ и держится на нашемъ законѣ, а коли мы будемъ его подъ ноги топтать, то, значитъ, пропадать товарыству святому. Собакѣ собачья и смерть!

— Правда, диду, правда!—загудѣли вокругъ козаки.

— Вотъ только въ придачу кинуть бы ему и эту туркеню!—предложилъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Кинуть, кинуть!—загалдѣли другіе.

Богданъ поблѣднѣлъ какъ полотно, и ринулся къ несчастной дѣвушкѣ, что лежала безъ чувствъ на полу.

— Стойте, братцы!—поднялъ онъ булаву.—Пальцемъ не троньте! Разъ, если она жива,—намъ нуженъ языкъ; вѣдь вы

постарались всѣхъ „вылущить“ и теперь намъ неизвѣстно, отъ кого и куда уходить; а другое, развѣ вы не видите, что это и не туркеня и не татарка, а плѣнница, и, быть можетъ, даже нашей грецкой вѣры? быть можетъ даже дочка погибшаго, ради насъ товарища нашего Грабины.

— Справедливо, сынку,—замѣтилъ дѣдъ,—за что убивать невинное дитя?

Козаки почесали затылки и молча поспѣшили на свои чайки, такъ какъ бушевавшій огонь съ каждою минутой захватывалъ судно и не давалъ уже возможности оставаться на немъ.

Богданъ приказалъ козакамъ снять бережно панну и помѣстить ее въ своей каютѣ, а дѣда попросилъ, чтобъ онъ помогъ привести ее въ себя. и самъ уже послѣднимъ слѣзъ въ чайку.

— Гей! отчаливать отъ галеры подальше!—крикнулъ онъ, и освѣщенныя кровавымъ заревомъ чайки, словно сказочныя Жаръптицы, разсыпались вереницей по морю.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О. АЛИПІЙ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Село Выры.

Тамъ, гдѣ Стырь и Стоходъ свободно и безъ шума прокладываютъ себѣ широкую дорогу по полѣсскимъ топямъ, болотамъ и ежегодно весной заливаютъ своими обильными водами все почти образующееся между ними луговое пространство, гдѣ буйный сосновый боръ, при чуть-чуть замѣтномъ вѣтеркѣ, глухо шумитъ и застилаетъ передъ глазами свѣтъ Божій, гдѣ солнце свѣтитъ сквозь густые верхи могучихъ дубовъ и вѣковыхъ сосенъ,—на полянѣ въ безпорядкѣ раскинулось бѣдное, глухое село Выры. Природа собрала много условій, чтобы оторвать это село отъ людей, поставить его совершенно особнякомъ, создать изъ его обитателей какъ бы особый мірокъ съ своеобразною жизнью. Зимой большіе снѣжные заносы со всѣхъ сторонъ плотно окутываютъ Выры бѣлымъ покровомъ и въ рѣдкую зиму не заметаютъ слѣдовъ дороги; весною и осенью сообщенію мѣшаютъ разливы рѣкъ и болотъ, превращающіе значительное пространство кругомъ въ безконечную водную равнину, по которой только опытный полѣшукъ можетъ распознать настоящую дорогу по расположенію значныхъ хвой и извѣстныхъ ему стволовъ сосенъ.

Небольшая поляна, на которой раскинулось село, представляетъ, сравнительно съ окрестными болотами, нѣкоторую едва замѣтную возвышенность. Но это не служитъ, впрочемъ, защитой отъ разливовъ. Въ иную весну вода была такъ обильна, что захватывала и выровскія околицы. Тогда къ селу совершенно не было колесной дороги, и выровцамъ приходилось сообщаться съ окрестными селами на „човнахъ". Какая тишина, какое царственное безмолвіе стояло кругомъ села въ это время! Ни крика, ни стука, ни стона... Вода скрывала видимую жизнь. Лишь рыба плескалась гдѣ либо, или сухая вѣтвь иногда ломалась и падала въ воду... Раздавался на минуту шумъ... Взлетала вспуганная на деревѣ ворона... пересаживалась на другое мѣсто... И чрезъ минуту опять все стихало въ лѣсу.

Село Выры представляло собою печальную картину. Нѣсколько десятковъ крестьянскихъ маленькихъ избъ неприхотливо были расположены въ одну прямую широкую улицу на лѣсной полянѣ. Низенькія, однооконныя, безъ трубъ, съ сильно закоптѣлыми краями, избы чернѣли издали своими соломенными крышами, поросшими сочнымъ мохомъ. Рѣдкая изба не вошла въ землю и не искривилась на бокъ. Полуразвалившіяся клуни и плотно примыкавшіе къ избамъ сѣновалы выходили неуклюже углами во всѣ стороны на задворки изъ группы скученныхъ построекъ. Грязь въ селѣ высыхала только жаркимъ лѣтомъ. Высокіе „журавли" съ привѣшенными на концахъ грузами обозначали мѣста колодцевъ, которыхъ на улицѣ было нѣсколько. Выровецъ не скупился на колодцы. Это ему ничего не стоило вода была такъ не глубоко. Садовъ почти не было въ селѣ. Полѣшуку и безъ того надоѣло дерево, торчавшее въ глазу, куда ни поглядишь. Лишь нѣсколько голыхъ сосенъ съ сухими сучьями высилось надъ этой нескладной кучей бѣдныхъ построекъ. Словно угрюмые сторожа, торчали онѣ надъ селомъ и своими вѣчно-зелеными верхами навѣвали думы про другіе края, гдѣ солнце веселѣе всходитъ, выкатывается изъ-за горизонта не въ туманѣ, и гдѣ человѣку можно привольно глядѣть на нѣсколько верстъ кругомъ себя... Но выровецъ былъ глухъ къ этимъ думамъ. Онъ не зналъ такихъ мѣстъ. Въ самомъ концѣ села, не-

множко въ сторонѣ отъ дороги, группа широко-разросшихся садовыхъ деревьевъ обозначала мѣсто „дзѣдинца" или „плебаніи". Сразу было видно, что это усадьба священника. Она была обнесена высокимъ частоколомъ, изъ-за котораго выглядывалъ крытый тесомъ домъ священника съ хозяйственными постройками. Передъ домомъ, у самаго крыльца, двѣ большія клумбы,—плоды досуга панидобродзійки и ея дѣтей,—предназначались для „квитокъ". Весной тутъ сильно пахло жасминомъ и сиренью. Молодыци и ребятишки на селѣ, возвращаясь вечеромъ съ полевыхъ работъ, подолгу останавливались тутъ, у калитки, любовались цвѣтникомъ и просили у пани или у паненокъ „яку-небудь квитку". Это было лучшее мѣсто въ селѣ.

Замѣчательнѣе всего была церковь въ Вырахъ. Старая стоитъ церковь въ Хилявкѣ, очень старыя церкви въ Полужьи и Накотахъ, но такой ветхой, какъ въ Вырахъ, кажется, нигдѣ въ окрестностяхъ не было. Богъ одинъ знаетъ, кто и когда её „ставывъ". Пятьдесятъ лѣтъ служилъ въ ней старый батюшка, тутъ схоронили и его отца, который тоже не одинъ десятокъ лѣтъ былъ выровскимъ священникомъ, но и онъ не помнилъ, кѣмъ выстроена церковь въ Вырахъ. По внѣшнему своему виду она мало даже напоминала храмъ Божій. Если-бы не кресть на крышѣ, то можно было-бы сказать, что это большая высокая изба, сложенная въ срубъ изъ огромныхъ балокъ, какія еще и до сихъ поръ даетъ припетское полѣсье. Темныя полусгнившія стѣны церкви, казалось, чуть-чуть держались. Мѣстами онѣ давали большія щели. Щели, по мѣрѣ своего появленія, тщательно забивались клиньями и разными тряпками. Въ небольшихъ окнахъ были вдѣланы тонкія желѣзныя рѣшетки, концы которыхъ, при самомъ маломъ вѣтрѣ, дребезжали. Обыкновенная четырехскатная крыша, соломенная и массивная, грузно осѣла на своихъ хилыхъ стропилахъ. Внутри крыши давнымъ давно поселились голуби и вывели не одно поколѣніе голубятъ... И не одни голуби, впрочемъ, находили тутъ пріютъ. На самомъ концѣ церковной крыши давно свили себѣ большое гнѣздо аисты. Солома на крышѣ превратилась отъ времени въ рыхлый гной, на которомъ лѣтомъ выросталъ, неизвѣстно откуда взявшись, колосъ ржи или стебель

мака. Крыша вѣнчалась тремя маленькими луковицами на трехъ небольшихъ колонкахъ. На луковицахъ утверждались кресты. Кресты были несоразмѣрно крупные и массивные. Словно этимъ выровцы хотѣли точно обозначить свою невзрачную церковь, чтобы кто-либо не принялъ ихъ храма Божьяго за какое нибудь другое строеніе. Отъ своей массивности и ветхости своихъ поставокъ всѣ кресты разошлись въ разныя стороны. Одинъ боковой крестъ съѣхалъ и ушелъ внизъ, въ прогнившую луковицу; другой,—хоть и стоялъ на своемъ мѣстѣ, но сильно наклонился назадъ; а средній—подался впередъ. Каждую минуту можно было опасаться, что вотъ-вотъ колонки рушатся съ своими крестами на крышу, крыша—на стѣны, а стѣны—на землю. Но опасенія не оправдывались,—ничто не падало. Окруженная старыми кленами и липами, нависшими надъ церковью и какъ бы охранявшими ея бренное существованіе, церковь хотя и скрипѣла въ бурю, хотя и раздавался во всѣхъ ея щеляхъ порою свистъ, хотя и наносило зимой въ неё чрезъ щели снѣгу, но всё-таки не падала.

— Э, ще колы буцько живе на крыши, то не мусыть вона впасты,—говорили крестьяне, глядя на гнѣздо аистовъ. Бо якобы тее... то буцько давно выбрався бы зъ кубла. Буцько завше чуе, колы що мае буты... чи крыша повалыцця, чи, бороны Боже, огня...

Аистъ дѣйствительно не выселялся, и крестьяне были вполнѣ увѣрены, что церковь простоитъ еще многіе годы.

Около церкви пріютилась у самыхъ входныхъ воротъ, на погостѣ такая-же ветхая, убогая и незатѣйливая по своему виду колокольня. Если бы не три небольшихъ колокола, что висѣли на перекладинѣ и выглядывали сквозь трехъугольныя оконца,—выровскую колокольню легко можно было-бы принять за птичникъ.

— Наша церква ще за уніята поставлена,—говорилъ не безъ гордости выровецъ,—ще тоди, якъ людей продавалы, мовъ те быдло...

II.

Полѣшукъ молится.

„...Думу тяжкую мою
Нимымъ стинамъ передаю".
Т. Г. Шевченко.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ раннимъ утромъ, „якъ пивни зорю спивалы", староста Авдій, осторожно сида на балкѣ „въ дзвонныци", свѣсивъ ноги, на которыя намотана была веревка самаго большаго колокола, оглашалъ окрестность звономъ, „будывъ святу недилю"—„Помылуй мене, святый Боже, по велыкій милости твоей и по премножеству щедротвъ твоихъ, очисти беззаконіе мое",—привычно шепталъ онъ слова знакомой молитвы, зѣвалъ и въ то же время обыскивалъ себя за пазухой. Одно другому не мѣшало. А нога въ это время привычно дергала поводъ, и звукъ колокола шелъ на цвинтарь, проходилъ чрезъ село и тонулъ въ сосѣднемъ болотѣ.

— Господы благословы, говорили мужики и бабы, заслышавъ звонъ, и набожно крестились.

Въ новыхъ холстинныхъ рубахахъ съ громадными отворотами у шеи и въ жупанахъ, покрытыхъ паутиной, соломой и Богъ знаетъ еще чѣмъ, шли выровцы въ церковь Богу молиться. Жупаны у всѣхъ были толстые и преимущественно бѣлаго цвѣта. Если у кого воротъ рубахи стягивался не деревяшкой, а запонкой изъ зеленаго или краснаго стекла величиною въ добрую троячку, то жупанъ у груди обыкновенно не застегивался. У самыхъ богатыхъ выровцевъ подъ жупаномъ была шабета съ кресаломъ и огнивомъ, украшенная осьмаками. Она же называлась иногда и калитой. У шабеты небрежно болтался на шнуркѣ съ боку ножикъ-козолупъ. Признакомъ достатка среди крестьянъ въ Вырахъ считалось также употребленіе ремешковъ,—вмѣсто обыкновенныхъ бичевокъ, симметрически обтягивавшихъ бѣлыя онучи крестьянина, выходившія изъ новыхъ его лаптей. Бабы надѣвали свои кунтуши, обвязывали головы намитками или серпанкой (тонкій и длинный кусокъ полотна), свѣшивавшейся сзади концами до таліи... Дивчата обвязывали головы платками и въ оде-

жѣ отличались отъ молодыцъ лишь коралами на шеѣ и пестротой цвѣтовъ...

Еще издали, не доходя церковной ограды, выровецъ снимаетъ шапку изъ сѣрыхъ барановъ и всей пятерней расчесываетъ свои волосы, въ которыхъ всегда можно увидѣть стебли соломы или сѣна. Замѣчательно, что не всѣ идутъ въ церковь. Многіе изъ стариковъ и старухъ остаются на цвинтарѣ и молятся внѣ церкви.

Тому, кто бывалъ въ центральномъ полѣсьи волынской губерніи, безъ сомнѣнія приходилось замѣчать рядъ богомольцевъ-крестьянъ, плотно обступившихъ собою всѣ наружныя стѣны и углы церкви въ то время, когда внутри ея совершается богослуженіе. Можно подумать, что въ церкви не хватаетъ мѣстъ... Но мѣстъ много. Въ церкви только и посѣтителей иногда, что бабы у порога и въ углахъ, дивчата среди церкви, да рѣдкія группы парней у клиросовъ. Странно, что полѣшукъ предпочитаетъ слушать службу Божію чрезъ наружныя стѣны. Этотъ обычай освященъ глубокимъ завѣтомъ старины. Выбравъ мѣсто поудобнѣе около церковной стѣны на погостѣ, меланхолично положитъ онъ вначалѣ крестъ на себѣ, засунетъ обѣ руки въ карманы своего жупана, опуститъ глаза и начнетъ шептать свои безконечныя молитвы, быстро шевеля губами и сохраняя неподвижное выраженіе лица. Словно пробудившись отъ глубокаго сна, иной начнетъ кивать въ тактъ головой, какъ бы для внутренняго одобренія или нагляднаго удостовѣренія своего молитвеннаго состоянія... Позывъ къ зѣвотѣ часто перерываетъ молитву полѣшука въ самомъ главномъ ея мѣстѣ; тогда онъ креститъ обѣими руками свой ротъ, вкладываетъ въ раздвинутыя челюсти свой мускулистый кулакъ, громко сплевываетъ, оправляется и снова принимаетъ прежнее молитвенное положеніе, продолжая молитву въ прерванномъ мѣстѣ. Крестное знаменіе полѣшукъ полагаетъ на себѣ очень рѣдко, только при колоколномъ звонѣ. Если раздается звонъ,—значитъ въ церкви совершается что-нибудь особенное... и въ это время всѣ, словно подчиняясь внутреннему наитію внезапно озарившаго молящихся невидимаго духа, закрестятся, замашутъ руками и оживленнѣе

зашепчутъ губами. Но Авдій отзвонилъ, звуки утихли—и стало все по прежнему тихо. Полѣшукъ терпѣливо ждетъ конца службы и готовъ стоять въ принятомъ положеніи хоть до вечера. Иной такъ и замретъ въ одной и той же позѣ, угрюмо склонивъ голову на грудь, какъ будто дремля и видя чудные сны. Другой вперитъ свой тусклый взоръ въ пространство и, кажется, думаетъ, но едва ли о грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ, должно быть о чемъ нибудь совершенно постороннемъ, а уста перебираютъ въ это время усвоенныя слова родной молитвы. Третій ничего не шепчетъ, ничего не думаетъ; быть можетъ, онъ про себя молится, а быть можетъ смотритъ, какъ на сосѣдней липѣ сидитъ воронъ съ какой-то падалью во рту... Полѣшукъ нисколько не тяготится своимъ молитвеннымъ, безучастнымъ положеніемъ на погостѣ. Стояніе въ эти часы сдѣлалось для него завѣщаніемъ прошлаго, привычкою, необходимостью. На этомъ мѣстѣ, въ это время всегда стояли его батько, дѣдъ, а можетъ быть и прадѣдъ. Онъ уже молится тѣмъ, что стоитъ. Самое стояніе есть нѣчто богоугодное. Это въ своемъ родѣ молитва. Одинъ—шепчетъ, другой—зѣваетъ, третій—слушаетъ, четвертый—стоитъ... но всѣ молятся. И одинъ лишь правосудный Богъ знаетъ настоящее содержаніе и качество этихъ удивительныхъ молитвъ.

Сколько разъ, глядя на эти истомленныя, мускулистыя лица, собравшіяся въ урочный часъ на молитву, я пытался разгадать дѣйствительный смыслъ ихъ настроенія! Сколько разъ мнѣ хотѣлось уловить присутствіе живой мысли и одушевленнаго чувства на этихъ равнодушно-омертвѣлыхъ, забитыхъ физіономіяхъ, на которыхъ въ теченіе часа не дрогнетъ ни одинъ мускулъ! И напрасно. Хоть бы одно какое-нибудь внутреннее волненіе, хоть бы какой признакъ чувства! Никакой психологъ не можетъ, кажется, разгадать сущность этого безжизненно-окаменѣлаго состоянія, въ которое входитъ полѣшукъ, соединяясь молитвенною мыслью съ своимъ Творцомъ.

III.

Новый батюшка.

Дружно жили выровцы съ своимъ старенькимъ батюшкою. И не удивительно. Болѣе сорока лѣтъ безсмѣнно прожилъ въ Вырахъ о. Павелъ. Было когда сжиться. Батюшка зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ поименно и во всякое время могъ безошибочно даже перечислить, сколько у каждаго изъ его прихожанъ имѣлось и имѣется свиней, куръ, ягнятъ, телятъ и пр. Но время брало свое. Сталъ недомогать старый. Вернувшись однажды изъ церкви, послѣ литургіи о. Павелъ почувствовалъ себя дурно... Нашла на него дремота... заболѣло въ груди... и глаза стали потухать... Едва успѣли съѣздить въ сосѣднее село за священникомъ отсоборовать... Смерть старенькаго отца вызвала въ выровцахъ искреннее, хотя и невысказанное горе.

— Поклыкавъ Богъ старенького... Дай Боже ему... за все, що винъ...

И крестьяне не договаривали; но мысль ихъ была ясна. Похоронили о. Павла на цвинтари, черный крестъ на его могилѣ обвѣсили,—какъ выраженіе любви,—рубахами, фартухами, коралами, цвѣтами, и скоро сотскій, вернувшійся „зъ миста“, привезъ „чутку, що йиде новый панъ-отець“.

Дѣйствительно, въ Выры назначили новаго священника о. Алипія Маевича. Это былъ еще человѣкъ очень молодой, недавно кончившій семинарію. Ему было всего лишь 27 лѣтъ. Но не смотря на свою молодость, о. Алипій давно уже жаждалъ пастырской дѣятельности. Онъ всегда имѣлъ призваніе къ священству. Его отецъ былъ священникомъ, дѣдъ и прадѣдъ тоже служили алтарю. Священство было его фамильнымъ преданіемъ.

О. Алипій Маевичъ росъ и воспитывался въ той спеціальной обстановкѣ, которая незамѣтно, но систематически послѣдовательно предрасполагаетъ человѣка къ извѣстнымъ мыслямъ и убѣжденіямъ. Еще будучи ребенкомъ, шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ строилъ въ „запичку“ изъ лучины церкви, колокольни.

Съ затаеннымъ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ, бывало, Липуша, какъ по субботамъ его отецъ стоялъ на колѣнахъ предъ домашнимъ кіотомъ и билъ поклоны до глубокой ночи, приготовляясь къ очередной службѣ. Эти воспоминанія глубоко запали ему въ душу и всю жизнь неотразимо стояли въ его памяти, предъуказывая ему его прямое назначеніе въ жизни. А когда однажды, прибѣжавъ изъ церкви, маленькій Алипій сталъ бѣгать по всѣмъ комнатамъ, размахивая рукой и крича ежеминутно во все горло—„подай, подай, подай", никто не могъ объяснить, что это значитъ... Но отецъ внимательно посмотрѣлъ на сына, погладилъ его по головкѣ, сказалъ „молодецъ" и сообщилъ выводы своихъ семейныхъ наблюденій женѣ въ такой формѣ: „а изъ нашего Липуши, якъ я бачу, повыненъ выйты колысь добрый пипъ"...

И отецъ не ошибся. Липуша имѣлъ сильную привязанность къ храму Божію. Семи лѣтъ онъ подавалъ уже своему отцу постоянно кадило въ алтарѣ, а девяти лѣтъ бойко читалъ на клиросѣ часы и „Благословлю Господа на всякое время"... Для этого его ставили обыкновенно у клироса на стульчикъ, и маленькій Липушка выходилъ цѣлой головой выше всѣхъ въ церкви. „Ось подывысь но ты, яке мале, а яке розумне", говорили въ одинъ голосъ крестьяне прихода, въ которомъ служилъ отецъ Алипія, указывая на курчавую головку поповскаго сынка, громко на всю церковь отхватывавшаго въ это время своимъ звонкимъ голоскомъ—„отъ стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи во тьмѣ приходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго"...—Ось-же-жъ и тяе „якъ на барабани", не могли скрыть своего впечатлѣнія крестьяне.

Еще прошло нѣсколько лѣтъ и настало время, когда отецъ, благоговѣйно отслуживъ молебенъ на преуспѣяніе „ученія пророкомъ", отвезъ своего сына въ дерманское духовное училище. Въ училищѣ Липуша учился посредственно. Его съ трудомъ переводили изъ класса въ классъ, и то только потому, что отецъ Алипія, отвозя въ урочное время „виктъ" на содержаніе своего сына, не забывалъ въ тоже время прихватить лишній мѣшокъ кой чего и на долю инспектора...

Не смотря даже на это, Алипій Маевичъ долженъ былъ въ третьемъ классѣ всё таки остаться на повторительный курсъ. Вообще, первоначальная наука туго давалась Алипію Маевичу. Но за то мальчикъ былъ очень скромнаго поведенія, никогда не замѣчался начальствомъ ни въ какихъ проказахъ, неопустительно снималъ фуражку предъ учителями и даже предъ училишнымъ экономомъ, посѣщалъ исправно службу церковную и звонко читалъ на клиросѣ. Въ семинарію онъ перешелъ предпослѣднимъ... „Ничого, винъ выправыцця", говорилъ про своего сына отецъ, не падая духомъ отъ первыхъ далеко не блестящихъ успѣховъ Липуши и вспоминая первые годы своего школьнаго ученія.

И дѣйствительно, Липуша оправдалъ ожиданія своего отца. Въ первыхъ трехъ классахъ семинаріи, гдѣ была математика, которая никакъ не давалась Липушѣ, онъ шелъ посредственно, но затѣмъ когда перешелъ въ IV классъ и сбылъ математику,—дѣйствительно сталъ „выправляться"... Наклонность къ метафизикѣ ясно сказалась въ усвоеніи имъ всѣхъ богословскихъ и философскихъ тонкостей. Не было такого вопроса въ семинарскомъ курсѣ по философіи и богословію, на который не нашелся бы отвѣтить Алипій Маевичъ. Бывало не успѣетъ еще учитель окончить фразу: „въ какомъ разумѣ сіе изъяснить должно?", а у Маевича уже готовъ отвѣтъ. Всѣ философы—и древніе, и новые—находили въ православно-богословскихъ познаніяхъ Маевича быстрое и рѣшительное опровержені. Но особенно преуспѣвалъ Маевичъ въ гомилетикѣ,—въ схоластическомъ искусствѣ произносить классныя поученія. Въ классѣ не было болѣе выразительнаго декламатора и проповѣдника... „Выровнялся малый... а былъ—такъ себѣ", говорили учителя старшихъ классовъ про Маевича и ставили ему высшіе баллы. На торжественномъ выпускномъ актѣ подъ нумеромъ десятымъ въ первомъ разрядѣ прочитали—Алипія Маевича. Труды Алипія Маевича не пропали даромъ. Кончить семинарію въ первомъ десяткѣ всегда представлялось ему такимъ обаятельнымъ вознагражденіемъ за свои ученическіе труды.

Алипій Маевичъ еще въ семинаріи мечталъ о священствѣ. Гуляя по тѣнистой аллеѣ семинарскаго кременецкаго парка, онъ не безъ внутренняго волненія воображалъ, какъ въ близкомъ будущемъ на Пасху онъ будетъ читать поученіе Іоанна Златоуста, и то и дѣло распѣвалъ возвышенный пасхальный канонъ. Мечталъ онъ, конечно, и о благоустройствѣ прихода. Да и то сказать: кто въ его годы не мечталъ о какомъ нибудь благоустройствѣ? Въ головѣ Маевича носились разные планы еще тогда, когда онъ не зналъ, куда, по выходѣ изъ семинаріи, направятъ его обстоятельства. Онъ не зналъ, что за приходъ достанется ему и кто составитъ его будущее духовное стадо... но онъ зналъ, что многое нужно будетъ въ приходѣ измѣнить и направить по новому... Это былъ реформаторъ, одинъ изъ тѣхъ многихъ, у которыхъ всегда въ запасѣ больше плановъ и мечтаній, чѣмъ силы воли и умѣнья провести хоть одинъ планъ въ дѣйствительность, у которыхъ охоты дѣйствовать много, но за то не хватаетъ умѣнья... Надъ Алипіемъ Маевичемъ тяготѣла, безспорно, общая особенность людей, выпускаемыхъ изъ бурсы...

Обстоятельства благопріятствовали исполненію плановъ Маевича. Еще когда онъ былъ въ VI классѣ, благодѣтельныя тетушки и родственницы подъискали ему невѣсту въ лицѣ довольно энергичной, хотя и нѣсколько пожилой особы Аниссы Элпидифоровны. Къ этому же времени открылась свободная священническая вакансія въ с. Вырахъ. Послѣ свадьбы ахріерей безпрепятственно рукоположилъ его въ Выры священникомъ. Такъ какъ это былъ очень бѣдный и очень раскинутый приходъ (къ нему приписано было въ разныхъ мѣстахъ пять деревень), то архіерей, отпуская Маевича въ с. Выры, обѣщалъ впослѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, перевести его въ лучшій приходъ; на что о. Алипій находчиво однако отвѣтилъ, что „его долгъ идти туда, куда указуетъ ему Провидѣніе, что онъ, напротивъ, хочетъ служить, гдѣ путь тернистъ“... Архіерей внимательно посмотрѣлъ на молодаго ставленника, ничего не сказалъ... и, благословивъ, отпустилъ его...

Новаго батюшку привезъ въ Выры благочинный, старенькій о. Якимъ Гловацкій. Крестьяне увидѣли за однимъ разомъ

двѣ новинки: своего новаго батюшку и „панъ-отця“ благочиннаго, который никогда не бывалъ въ Вырахъ.

Крестьяне, вообще, не помнили, чтобы за послѣдніе годы кто либо изъ начальства пріѣзжалъ въ ихъ село. Только старики могли припомнить, какъ приблизительно лѣтъ двадцать пять тому назадъ, однажды лѣтомъ пріѣхалъ въ ихъ село становой приставъ и распорядился поставить на концѣ деревни столбъ, на которомъ приказано было повѣсить доску съ надписями. На доскѣ предполагалось написать названіе села, количество душъ и направленіе пролегающей дороги. По выѣздѣ изъ села станового, крестьяне пришли въ смущеніе.

— Нащо стовбъ? Для чого? Душу личыты? Га?... Якъ-то?... Хиба-жъ то можна?

— Звисне, що не можна. Зъ чоловикомъ що хочъ робы, а души ёго не чепай... бо душа—Божая. Не хочемо стовба, тай годи!...

Таково было единодушное мнѣніе. Такъ и не поставили столба. На слѣдующее лѣто опять пріѣхалъ становой и на этотъ разъ привезъ свой дубовый столбъ, который въ его присутствіи былъ поставленъ у коловоротка на Вакулиномъ огородѣ. Но лишь только становой выѣхалъ изъ села, крестьяне опять загуторили и больше всѣхъ, конечно, протестовалъ Вакула. Онъ ни за что не хотѣлъ имѣть у себя на огородѣ такую пакость. Столбъ былъ отнесенъ въ болото. Тамъ онъ и сгнилъ...

Выровцы такъ привыкли къ своему старенькому батюшкѣ, что въ ихъ представленіи всякій новый священникъ, назначенный въ ихъ село, непремѣнно долженъ быть пожилымъ. Поэтому крестьяне были нѣсколько удивлены, когда увидѣли, что пріѣхавшій батюшка совершенно не походилъ своей наружностью на стараго. О. Алипій былъ высокъ, худъ. Волосы на головѣ не успѣли еще у него отрости до іерейскихъ размѣровъ, бороды почти не было... Ходилъ онъ безъ палки и быстро. Онъ былъ близорукъ и носилъ очки.

Еще большее недоумѣніе наводилъ на прихожанъ о. Алипій своей первой церковной службой. Онъ началъ утреню и ли-

тургію позже, чѣмъ это издавна было принято въ Вырахъ, и когда окончилъ её, солнце стояло уже высоко надъ лѣсами.

— При старенькому давно-бъ вже пойилы й забулы-бъ... говорили съ разочарованіемъ крестьяне.

— Бо покійнык бувало зъ пивнями вставалы,—пытался объяснить кто либо изъ прихожанъ медлительность новаго батюшки,—а молодому звистно и на зори спыцця добре...

Въ такомъ родѣ шли разговоры крестьянъ, дожидавшихся окончанія литургіи. Даже арендаторъ Ароль нѣсколько разъ выходилъ на порогъ своей корчмы и тоже недоумѣвалъ,—скоро ли кончится служба? Въ прежнее время къ этому часу выборцы уже были въ корчмѣ, успѣли переговорить обо всемъ и смотрѣли на пустыя бутылки. Первую литургію о. Алипій дѣйствительно служилъ, какъ это и слѣдовало ожидать, необыкновенно торжественно, съ увлеченіемъ и силой. Онъ самъ любовался своимъ служеніемъ—произношеніемъ молитвъ, своими дѣйствіями и эффектною поступью. Такъ, должно быть, чиновникъ-новичекъ, только что поступившій въ канцелярію, на первыхъ порахъ своей службы тщательно выводитъ буквы въ заголовкѣ листа для его превосходительства, любуясь начертаніемъ буквъ. Это ему вначалѣ нравится. Потомъ онъ понемногу привыкаетъ и перестаетъ обращать вниманіе на собственную калиграфію. Служба о. Алипія впослѣдствіи тоже пошла сама по себѣ...

Но, какъ ни увлекался о. Алипій своей первой службой, отъ него однако не могло скрыться томленіе крестьянъ... Прихожане тяготились литургіей, которая необыкновенно растянулась и которую для рабочаго люда, чувствовалось, должно бы кончить раньше. Эти трудовыя, истомленныя лица давно уже перешептали всѣ молитвы, какія знали, и то и дѣло чесали затылки да сплевывали предъ собою на полъ набѣгавшую слюну. На всѣхъ лицахъ было выраженіе тупого равнодушія. Въ одномъ только мѣстѣ оживились выровцы, стоявшіе въ церкви. Когда о. Алипій началъ читать просительную эктенію, вся церковь однимъ голосомъ повторяла вслѣдъ за священникомъ—„у Господа просымо"... Слова произносились такъ шумно и такъ громко, что прошеній священника совершенно не было слышно. О. Али-

пій сначала немного смутился... Но потомъ, слыша этотъ съ каждой минутой все возраставшій единодушный гулъ молящейся толпы, расчувствовался и поднялъ даже голосъ, сталъ громче читать... Въ толпѣ послѣ нѣкоторыхъ прошеній явственно слышался счётъ: „разъ", „два", „три"... А когда эктенія кончилась нѣкоторые изъ крестьянъ, сбившіеся съ счета, все продолжали повторять—„у Господа просымо", чѣмъ вызывали со стороны болѣе внимательныхъ слушателей дружныя замѣчанія: „мовчить", „буде" и т. п. Тишины въ церкви собственно не было. Всегда что нибудь обращало общее вниманіе и было причиною нѣкотораго движенія среди молящихся: то чье нибудь дитя кричало на всю церковь и бабы сообща спѣшили унимать его; то падала гдѣ нибудь свѣча и ее поддерживали; то наконецъ, кто нибудь зѣвалъ такъ, что трещали челюсти, и зѣвота распространялась и по всѣмъ ртамъ... А то еще иногда староста Авдій выбиралъ себѣ самое удобное время для обметанія пыли въ церкви во время богослуженія и ходилъ съ метлой въ бабынцѣ и притворѣ. Ему громко указывали, гдѣ больше пыли и паутины. Вообще, крестьяне не стѣснялись и иногда довольно громко разговаривали, дѣлая разныя замѣчанія, касавшіяся то священника и церкви, то постороннихъ вещей. Къ этому нужно еще прибавить сильно вкоренившійся, старинный обычай крестьянъ возжигать и тушить по нѣскольку разъ такъ называемыя братскія свѣчи. Это были ручныя свѣчи вышиною въ аршина два, иногда и болѣе, которыя крестьяне, стоя въ церкви, единовременно зажигали и въ самыхъ главныхъ частяхъ литургіи высоко держали обѣими руками предъ собой, упирая о животъ нижній конецъ свѣчи, а верхній—держа наклоненнымъ. Въ другихъ частяхъ службы свѣчи опускались нѣсколько пониже; а въ нѣкоторыхъ и совершенно ставились на землю. Моменты божественныхъ службъ были точно разграничены положеніемъ свѣчей. Лишь только приближается, напр., апостолъ и евангеліе и староста собирается идти на колокольню, въ церкви начинается движеніе. Крестьяне толкаются группами въ углахъ, гдѣ сложены свѣчи, разбираютъ ихъ и становятся въ два параллельные ряда отъ царскихъ дверей до выхода, зажигаютъ свѣчи

и ждутъ... Впереди всѣхъ стоитъ братчикъ, который знаетъ, когда и до какой высоты нужно подымать свѣчи въ томъ или другомъ случаѣ. Началъ дьякъ читать апостолъ—и всѣ, словно по командѣ, подняли свѣчи до половины. Раздался колоколъ на колокольнѣ, началось евангеліе—и свѣчи поднялись ѐще выше. Свѣчи были сдѣланы изъ темнаго, уже нѣсколько разъ перетопленнаго воска и во время горѣнія издавали трескъ, обливали воскомъ бѣлые кунтуши. У рѣдкаго братчика на спинѣ не было восковыхъ полосъ и пятенъ. Но это, конечно, не считалось порчей костюма. Хуже, разумѣется, бывало, если горячая капля воска иногда падалала на лысину какого нибудь братчика. Тогда раздавались въ полъ-голоса нѣкоторыя болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія, не имѣвшія, конечно, ничего общаго ни со свѣчей, ни съ службой... Бабы въ бабынци дѣлали тоже, подражая во всемъ чоловикамъ, съ тою разницею, что разговоры при разборѣ свѣчей на женской половинѣ происходили оживленнѣе и бабы становились не параллельными рядами, а впоперекъ церкви. Каждая баба знала свою свѣчу, намѣченную какимъ нибудь знакомъ на воскѣ или „стёнжкой“... И если какой нибудь сестричкѣ попадала по ошибкѣ не ея свѣча, начиналось пререканіе, которое, впрочемъ, скоро останавливали чоловики, оборачиваясь назадъ и говоря: „та цытьте принамне хочь въ церквы“...

Кромѣ ручныхъ свѣчей, въ разныхъ мѣстахъ выровской церкви стояли еще саженныя, десятипудовыя, толстыя свѣчи на особыхъ подставкахъ... Это были цеховыя свѣчи. Ихъ было нѣсколько по числу цеховъ[1]).

Многое обратило на себя вниманіе о. Алипія въ первые дни его пребыванія въ Вырахъ. „Все это нужно будетъ искоренить, со всѣми этими обычаями предстоитъ борьба“, думалъ о. Алипій, не безъ удовольствія ставя себя мысленно въ ряды тѣхъ борцовъ за идею, о которыхъ онъ нѣкогда слышалъ въ

[1]) Желающіе ознакомиться съ полѣсскими своеобразными братствами найдутъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ учрежденіяхъ въ моей статьѣ „цеховыя братства въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи“, („Кіев. Стар.“ м. іюль 1890 г.).— Степанскія братства наиболѣе типичныя и цѣльнѣе сохранившіяся.—Авт.

училищахъ и о подвигахъ которыхъ читалъ въ свое время. Батюшка быстро обдумалъ планъ борьбы съ предразсудками и суевѣріями. Оставляя разспросы о цеховыхъ обычаяхъ на будущее время, онъ задумалъ начать сразу борьбу противъ равнодушія крестьянъ къ церкви Божіей. Количество молившихся и присутствовавшихъ въ церкви удивило о. Алипія. По метрикѣ и росписямъ въ с. Выраxъ числилось до 400 душъ, а въ церкви за его первой литургіей присутствовавшихъ было не болѣе тридцати человѣкъ и въ томъ числѣ большинство—бабы.

IV.

Первые шаги.

Выходя изъ церкви по окончаніи службы, батюшка спросилъ старосту, отчего такъ мало было людей въ церкви?

— Такъ завше було, услышалъ онъ краткій, но ясный отвѣтъ,—скильки ходыло, стильки и ходыть.

— Якъ-то? Невже-жъ больше не бувае?

— Чому не бувае? Якъ велыке свято, то трапыцця часами и бильше, а якъ мале, то и меньше.

— Язычники вы! Къ храму Божію надлежащаго радѣнія не имѣете,—слегка вспылилъ о. Алипій, слыша такой отвѣтъ.

Крестьяне молчали.

— „Домъ мой—домъ молитвы наречется", говоритъ священное писаніе,—продолжалъ батюшка,—вспомните, какъ еще въ ветхомъ завѣтѣ и т. д.

Поученіе батюшки экспромптомъ длилось нѣсколько минутъ. Крестьяне слушали и молчали. О. Алипій высказалъ много глубокомысленныхъ идей и кончилъ сожалѣніемъ, что даже „почтенные" изъ его прихожанъ не бываютъ въ церкви.

— Де, наприкладъ, Иванъ Берестецъ и Павло Корыто?—спросилъ онъ.

— Та жъ мы тутъ,—отозвались Иванъ и Павло. Мы стоялы биля церквы.

— Якъ то биля церквы?

Батюшкѣ объяснили, что многіе изъ сельчанъ не идутъ въ церковь, а молятся, стоя у наружной стѣны церкви.

— Це що таке?

— Такъ завше було, такій звычай,—слышалось все тоже въ отвѣтъ.

Это было очень странно, такъ странно, что о. Алипій не зналъ, что и предпринять въ настоящемъ случаѣ. А предпринять, конечно, нужно что нибудь. Такъ ни въ какомъ случаѣ оставить нельзя. Долгъ пастыря—искоренять всѣ предразсудки, ибо еще пророкъ Іезекіиль сказалъ: „сыне человѣчь, аще не возвѣстиши"... что-то такое помнилось о. Алипію изъ семинаріи.

У калитки, при выходѣ изъ церковной ограды, толпилось нѣсколько старцевъ и старухъ, просившихъ подаянія. Всѣ они громко выкрикивали слова молитвъ. Въ общемъ хаосѣ голосовъ выдѣлялись лишь нѣкоторые, болѣе голосистые.

— Милостивыи христіяне, православныи честныи люде, майте мылость Божу, майте упованіе Христове... выкрикивалъ толстый, совершенно плѣшивый „дидъ" съ бѣльмомъ въ одномъ глазу, протягивая руку.

Въ униссонъ ему вторила сзади тонкимъ голосомъ старая горбатая баба, опиравшаяся на клюку и державшаяся за спину „дида".

— Пожертвуйте мылостыню за спокой родытеливъ вашихъ и за здравіе, за вику продолженіе. Господь и Богъ послухае и помылуе, отворыть душамъ память вичную и пренепорочную, спомяне вмершихъ въ раи...

Крестьяне проходили мимо „дидивъ", обнаживъ головы. Кой-кто давалъ что нибудь. Особенно сострадательны были бабы, одѣлявшія всѣхъ нищихъ „блынцями". Дѣти судорожно жались къ своимъ матерямъ, проходя мимо „старцивъ", которыми запугано было ихъ дѣтское воображеніе... Иному крикливому ребенку мать наставительно указывала на старцевъ.

— Бачишь?... Отъ, якъ будешь кричаты, то заразъ віддамъ... Хочешь? Такъ въ торбу и всадыть. Оно пысны мени, хоть разъ...

Ребенокъ умолкалъ и конвульсивно жался къ шеѣ матери, широко раскрывъ испуганные глазки, при видѣ толпы нищихъ, о которыхъ ему много, много разъ говорили всѣ окружающіе, когда онъ кричалъ.

На улицѣ, прислонившись спиной къ самому забору, сидѣлъ не совсѣмъ еще старый, но совершенно лишившійся ногъ нищій. У забора лежали его костыли. Держа межъ колѣней шапку, онъ сидѣлъ прямо и громче другихъ отчеканивалъ слова своего прошенія,—и не даромъ... Ему больше другихъ попадало въ шапку. Крестьяне очень участливо относились къ положенію калѣки-москаля.

— Господу помолимося за рабовъ твоихъ: матку Марію, еще помолымося за Иванцёву душу, за Опанасову, за Кондратову... Забувся, якъ дали?

— За Хвещину, подсказывала, стоя около него молодыця съ крупными, „якъ лопата“, блынцями въ рукахъ.

— За Хвещыну душу... Еще молымося за Мелащину-душу, Тетянину, за всихъ и вся.

Новое подаяніе—новый перечень именъ. Податель стоялъ тутъ же около произносившаго и ждалъ, когда нищій кончитъ положенный перечень.

— Еще молымося Господу Богу за Евдощину душу, выкрикивалъ солдатъ дальше, за Ярынчину, Костеву душу, и прочихъ сродныковъ рабовъ Божіихъ знающихъ и не знающихъ, видомыхъ и не видомыхъ.

Если подаянія не было, нищій продолжалъ моленіе безъ указанія именъ.

— Еще молымося за старыхъ и малыхъ, за блыжнихъ и далекыхъ, и за всихъ родытеливъ и родычивъ, котри одъ вика повмиралы, одъ Бога подмоги потрибувалы. Господы Боже нашъ, услыши моленіе и примы ихъ до царствія небесного, до упокою блаженнаго, до раю превосвѣтлаго, де вси праведныи заспокоиваюцця: у мисци свитлому, у мисци златому, въ мисци превосвѣтлому, въ мисци прикладнему, до упокою присіятельного. Господы, упыши ихъ души у грамоти церковній, въ псалтыри суботній, у письма духовны; и спомяны Ты ихъ всихъ при чи-

таніи и при пысаніи, и при гласи Божому страшному при вангельскому испиванію, при молебствіяхъ и при окапыстяхъ, при утренихъ службахъ, при вечернихъ и павечерняхъ, при всенощняхъ, при обидахъ и при перастатахъ; испомяны ихъ до девятаго поколинья, до десятаго почитанья, до одынанцатого второго пришествія, до двенанцатого престолу херувимского. Донесы ихъ до предка Адама, до градъ Ерусалыма, до пресвитлого Твого пришествія...

Эта молитва[1]), произносимая старымъ нищимъ речитативно съ особой аффектаціей въ голосѣ, особенно нравилась выровцамъ, и крестьяне обильно давали подаяніе молельщику, который каждое воскресенье уходилъ изъ своего мѣста съ торбой, полной всякой провизіи. Набиралось и деньгами до „злотого".

О. Алипій, выйдя за ограду, долго и внимательно слушалъ москаля, который, замѣтивъ, что обратилъ на себя вниманіе батюшки, сталъ выкрикивать имена еще громче.

— Це звиткиль нищій? спросилъ батюшка старосту.

— А тутейшій, проше-татуня. Це Богданко... Такъ ёго клепають у насъ. Видь чимало литъ вже озьде седыть. Богданко...

— Хто тебе навчивъ такъ молытыся? обратился батюшка, подходя ближе къ Богданкѣ.

— Не памятаю... Давно навчився, давно...

Не нравились батюшкѣ такіе отвѣты. Въ нихъ слышался его врагъ—то давнишнее неписанное преданіе, которое, по его мнѣнію, держало крестьянина во тьмѣ и искоренять которое онъ считалъ себя призваннымъ,

— А ты грамотенъ?

— Эге.

— Значицця, ты знаешь церковныи молитвы, напрыкладъ, „со святыми упокой"?

— „Со святыми за упокой?" Звистно-розумію.

— А ну, скажи?

---

[1]) Не кончена.. Всѣ молитвы, приводимыя въ разсказѣ, записаны изъ устъ произносившихъ.—Авт.

Солдатъ произнесъ молитву съ нѣкоторыми искаженіями.

— Чому-жъ ты не читаешь церковну молитву, а свою?

— Бо моя довгша...

— Нащо-жъ тоби довгша?

— Треба... Такъ вси на свити моляцця...

— Такъ не можна молыцця,—наставительно замѣтилъ о. Алипій, такая молитва грѣховная... Нужно молиться, какъ въ церкви... Москаль глядѣлъ на о. Алипія, прямо уставивши на него свои глаза, и, казалось, внимательно слушалъ. О. Алипій думалъ разойтись...

Но въ это время одна молодыця положила въ шапку Богданки два блынця.

— Господу помолымося за Ахримову душу, за Панкратову и зъ роднёю его, запѣлъ опять свое моленіе Ботданко, по прежнему оживляясь и не обращая болѣе никакого вниманія на наставленіе батюшки.

— Скажитъ вы мени, спросилъ о. Алипій у подошедшихъ къ нему крестьянъ,—якъ винъ знае, за кого треба молыцця? Ось, напрыкладъ, винъ помынае заразъ Охрима, Панкрата. Почимъ винъ знае, що Охрима та Панкрата треба помынаты?

— А якъ-же жъ? То-жъ ёму Марья Римка дала два блынци?

-- Ну, то що-жъ зъ того?

— Якъ-то що? А у Марьи Рымки батько бувъ Охримъ, а чоловикъ зновъ Панкратъ. А якъ дасять ёму Грипа Кендюхова, то винъ почне молытыся за Ивана и Олену...

— Винъ, значицця, знае, яка ридня у кого?

— Запевне, що знае. Богданко у всихъ знае, хто въ кого вмеръ и хто живе ще. Винъ давно всихъ знае... Та и не тильки въ насъ. Якъ пиде на отпустъ до Казимирки, то и тамъ знае, бо винъ и тамъ часто буває. А якъ трапыцця, кого де забуде, то заразъ и роспытае, тай зновъ знае, бо ему нагадають...

— Этъ, захтилы вы одъ ныхъ толку добыцця, дернулъ о. Алипія за рукавъ псаломщикъ.

Дѣйствительно,—разспросы были ни къ чему. Все видѣнное и слышанное навело о. Алипія на раздумье. Странна была мо-

литва Богданки, но еще было страннѣе, что крестьяне не всѣ идутъ въ церковь.

О. Алипій постоялъ еще минуту и пошелъ домой пить чай.

Только что кончилъ о. Алипій пить чай, какъ дверь изъ „пикареньки" отворилась, оттуда выглянула рябая кухарка Палашка и, закрывая лицо фартукомъ, таинственно сообщила:

— Аже-жъ чоловики пришлы й бабы...

— Що тамъ таке? Чого имъ треба?

— Курей нанеслы и збожа, смѣясь, доложила Палашка, спрятавшись опять за дверь.

О. Алипій вышелъ въ кухню. Въ кухнѣ толпилось много народу,—крестьянъ и крестьянокъ. У каждаго и у каждой было что нибудь въ рукахъ. У однихъ лежали на рукахъ пивни и куры, у другихъ небольшіе мѣшки съ зерномъ, съ картофелемъ и пр. Впереди всѣхъ стояли почетнѣйшіе изъ прихожанъ въ селѣ.

— Оце, проше татуня,—сказали они кланяясь,—благословить приняты одъ насъ що Господь Богъ пославъ... Подарунки...

— Яки подарунки?

— Звычайно яки: ось куры и пивни, есть и качки, зновъже и мука, и гречка, и жито... А Вакула гусака прынисъ... Гусакъ, дѣйствительно, громко гоготалъ на всю кухню.

— Нащо-жъ це воно?

— Якъ-то нащо? А на спочатокъ хозяйства, на росплидъ, якъ той казавъ... Эге, проше татуня. Зновъ-же и Марья Рымка дви качки принесла... Де що Богъ пославъ... То воно одно до друго йде, якъ той казавъ.

— Дякую вамъ, православные, за вашу добрость, сказалъ о. Алипій, але пробачайте, я не можу взяты, бо негодыцця... Це грихъ, щобъ нибы браты зъ прихожанъ...

— Не може цёго буты, щобъ грихъ... То-жъ завше чоловикъ потрибуе соби на росплидъ. Звычайне.

— Ни, ни, православные... Я обязанъ буты вамъ всимъ за слугу... Не повыненъ ничого браты, бо то корысть.

— Этъ Богъ знаты, що говорыте, проше татуня. Яку тамъ слугу... Чи-жъ мы не послухаемо васъ, якъ колы треба, або що?.. И старенького панъ-отця мы слухалы,—дай ёму Боже святе царство, и васъ будемо слухаты. И слугу вамъ найдемо, колы потребна буде... тай годи...

Но батюшка отрицательно покачалъ головой.

— Ниякъ цёму не можна... бо апостолъ Петръ въ свому святому письми говорыть:—„да не господствуеши надъ стадомъ Христовымъ“, ибо пастырь стада Христова и т. д.

Рѣчь священника была не особенно удобовразумительна для выровцевъ, быть можетъ, отъ того, что ея ясности мѣшало кудахтанье куръ, крикъ пѣтуховъ, утокъ,—принесенныхъ крестьянами.

Въ это время незамѣтно, подъ шумъ, происходившій въ кухнѣ, вышла изъ покоевъ Анисья Элпидифоровна и освѣдомившись, почемъ теперь гречка, принялась безъ дальнѣйшихъ разсужденій щупать у Вакулы гусака. Гусакъ былъ хорошъ...

Увидѣвъ попадью, крестьяне всѣ обратились къ ней. Поцѣловавъ по обыкновенію руку и у нея, они начали ту-же просьбу.

— Змылуйтеся, пани добродзійко, примить подарунки... бо батюшка щось все гниваюцця на насъ, кажуть, що все не такъ у насъ выходыть, якъ треба...

— Этъ, слухаете вы его. Ось складайте все, що принеслы на лави, тай годи, распорядилась хозяйка.

— Анисья! сказалъ о. Алипій, развѣ такъ можно?

Но тутъ поднялся въ кухнѣ такой шумъ, что распорядительная Анисья Элпидифоровна имѣла полное основаніе не слышать словъ своего мужа.

— Отъ сюды, сюды... командовала она, указывая мѣсто на лавкѣ, куда слѣдовало посадить гусака.

— Дякуваты вамъ, говорили крестьяне, складывая подаяніе... А мы думалы, що вы гниваетеся на насъ.

V.

О. Алипій проповѣдуетъ.

Обѣдня 29 іюня, на св. Петра и Павла шла необыкновенно торжественно. О. Алипій священнодѣйствовалъ безукоризненно. Въ городѣ такая служба, должно быть, привлекла бы немало слушателей. Всѣ священныя дѣйствія о. Алипія были строго обдуманы и нѣсколько медлительны. Онъ отчеканивалъ слово за словомъ. Выходило, правда, нѣсколько важно, но за то очень внятно; а когда ему пришлось подымать на „Херувимской" руки горѣ, онъ поднялъ ихъ такъ необыкновенно въ растяжку. Но увы, ни его речитативная рѣчь, ни его торжественныя дѣйствія не производили на выровцевъ должнаго впечатлѣнія. Крестьянамъ все это было какъ-то непривычно и потому—безразлично. Между ними и о. Алипіемъ стояла незримая преграда—недоразумѣніе: крестьяне не были подготовлены къ такой службѣ... Никто почти не глядѣлъ въ сторону алтаря, не смотря на то, что алтарь былъ предъ глазами. Однѣ бабы смотрѣли на батюшку, но онѣ не могли даже слышать его словъ, потому что ихъ уши были плотно закрыты „намиткой" и платками. А всякій, кто видѣлъ выровскую бабу въ намиткѣ и разговаривалъ съ ней, хорошо, конечно, знаетъ, какъ ей нужно кричать, чтобы она что либо-услыхала. Едва-ли не одинъ только староста Авдій замѣтилъ необычайное возбужденіе батюшки и, стоя у клироса, толкнулъ подъ бокъ своего сосѣда Пароена:

— Чи бачишь, якъ батюшка тее... дуже щось голосно...

— Эге, равнодушно отвѣчалъ тотъ, облокотившись о перила рѣшетки и снова погружаясь въ свою полудремоту.

Въ концѣ литургіи о. Алипій произнесъ проповѣдь... Онъ говорилъ... Боже мой, какъ онъ говорилъ!.. Что нибудь подобное трудно даже представить себѣ въ селѣ Вырахъ, на припетскихъ лугахъ! Никогда еще, какъ Выры на болотѣ стоятъ, крестьяне не слышали такого „казанья"... Это была не рѣчь, а бурный, одушевленный потокъ витійственнаго славословія въ

честь св. апостоловъ Петра и Павла, которыхъ увлекавшійся ораторъ сравнивалъ съ двумя столбами церкви, двумя звѣздами на немерцающемъ небосклонѣ, двумя работниками на нивѣ Божіей... однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, чему научилъ его въ волынской семинаріи замѣчательный въ свое время ораторъ-гомилетъ. Это было такъ необыкновенно и такъ хорошо... о. Алипій самъ внутренно восхищался своею рѣчью и на паузахъ не безъ внутренняго самодовольства смотрѣлъ по сторонамъ. Онъ пожалѣлъ, что у него такіе слушатели, которые, пожалуй, не поймутъ еще его. Вотъ онъ подходитъ къ самому главному, къ самому патетическому мѣсту, въ которомъ называетъ ап. Павла „цѣвницею и щуромъ“ и гдѣ сказано, что онъ былъ „величайшій и боговдохновеннѣйшій миссіонеръ царства Божія и что онъ былъ даже восхищенъ на третье небо“... Хорошо, очень хорошо!

Дремавшій до той поры Парѳенъ, пробужденный необыкновенно сильнымъ голосомъ, раздавшимся надъ самымъ его ухомъ, не безъ удивленія посмотрѣлъ на батюшку и потомъ обернулся назадъ и окинулъ общимъ взоромъ слушателей. Замѣтивъ, однако, что тѣ спокойно стоятъ на своихъ мѣстахъ и что ничего особеннаго въ церкви не случилось, онъ разсудилъ, что это „нещо“ и, вздохнувши, принялъ свое прежнее положеніе.

Послѣ службы толпа мужиковъ собралась на погостѣ и, очевидно, ждала выхода батюшки изъ церкви. Отъ о. Алипія не скрылось, что крестьяне о чемъ-то шумно разговариваютъ. Безспорно, это проповѣдь произвела на нихъ впечатлѣніе. Они хотятъ поговорить... Твердой, самоувѣренной походкой вышелъ о. Алипій изъ церкви и направился къ группѣ. Крестьяне, при появленіи батюшки, обнажили головы.

— Ну что, православные, скажете? спросилъ о. Алипій, искусственно усиливая нѣжность своего тона. Ему почему-то всегда казалось, что эта трогательность тона особенно должна была свидѣтельствовать о его сердечныхъ отношеніяхъ къ паствѣ. Впередъ выдались два-три крестьянина и, перебивая другъ друга, передали въ простыхъ словахъ свое желаніе построить въ селѣ своемъ новую церковь.

— Мы хочемо поставыты нову церкву... бо якъ булы у насъ, проше татуня, старенькій батюшка, то и церква була старенька... А теперь молодый, то треба, щобъ и церква була нова.

„Только-то"... подумалъ не безъ огорченія о. Алипій и вздохнулъ. Такая проповѣдь, повидимому, канула для выровцевъ въ вѣчность... Впрочемъ, ему самому со дня въѣзда въ Выры тоже приходила мысль о новой церкви.

— А хорошо, хорошо, православные! Дѣло доброе, необходимое!—говорилъ онъ. Крестьяне еще разъ высказали свое желаніе... Батюшка еще разъ ихъ похвалилъ. И хоть бы слово о проповѣди... Это немножко досадно... Пастырское самолюбіе о. Алипія не то чтобы было сильно задѣто, а такъ чувствовалось что-то такое непріятное. Очевидно, они еще не сознаютъ пользы отъ пастырскаго безкорыстнаго проповѣдничества. И о. Алипій возвелъ даже глаза на небо, какъ бы оттуда ожидая награды за свое самоотверженное пастырское служеніе, такъ краснорѣчиво сегодня проявившееся.

— А что васъ такъ мало въ церковь ходитъ? спросилъ онъ, считая вопросъ о церкви достаточно исчерпаннымъ.

— Зачимъ мало? Мы вси ходымо. Де хто въ церкви стоить, а решта, проше татуня, ось тутечки стоялы. ЗначиццЯ—на цвинтари тай молылыся соби нищечкомъ—эге.

О. Алипію указали на нѣкоторыхъ очень почтенныхъ въ приходѣ стариковъ, которые, стоя безъ шапокъ у наружныхъ стѣнъ церкви, еще доканчивали свою молитву и набожно били себя въ грудь. Онъ не упустилъ случая и тутъ-же обратился съ пространной рѣчью импровизаціей о необходимости посѣщенія храма Божія *въ собственномъ смыслѣ* и о нечестіи обычая стоять у наружныхъ стѣнъ. Этотъ обычай онъ называлъ языческимъ и сравнивалъ его послѣдователей съ идолопоклонниками и жрецами Ваала, которые прыгали около жертвенника. Безъ сомнѣнія, все это было убѣдительно. При томъ-же, о. Алипій говорилъ такъ хорошо... (Не даромъ въ семинаріи томилетъ ставилъ Алипію Маевичу „пять"!). Въ своемъ увлеченіи ораторъ не замѣтилъ, что, начавши рѣчь объ обычаѣ, скоро перескочилъ къ другой темѣ—невнимательности слушателей къ проповѣди и слову Божію,

а отъ невнимательности къ слову Божію вдругъ перешелъ къ обличенію предразсудковъ и суевѣрія, вообще живущихъ въ народѣ. Такъ какъ день былъ къ тому-же очень жаркій и показывало на грозу, то о. Алипій нашелъ вполнѣ соотвѣтствующимъ случаю кстати остановиться въ концѣ рѣчи на той мысли, что дождь даетъ Богъ, а громъ и молнія происходятъ отъ электричества, а вовсе не отъ того, что Илія ѣздитъ по небу и гоняется за чортомъ. Не замѣтилъ о. Алипій также и того, что число его слушателей, по мѣрѣ усиленія его проповѣдническаго жара, постепенно все уменьшалось и уменьшалось, такъ что, когда онъ кончилъ, его сопровождали съ погоста только пять-шесть мужиковъ, да десятокъ богомольныхъ бабъ, которыя, по окончаніи рѣчи, одобрительно сказали:

— Такъ, такъ, татуню! що правда, то правда! Дякуемо вамъ на доброму слови.

О. Алипій таки разозлился. Да какъ было не разозлиться? Въ самомъ дѣлѣ, кто другой на его мѣстѣ сохранилъ бы хладнокровіе? Онъ такъ увлекательно служилъ; онъ говоритъ такія проповѣди; онъ столько готовится къ слову... и его не только не слушаютъ, но не желаютъ слушать и даже, странно сказать,—какъ будто издѣваются... Лучшіе прихожане молятся гдѣ-то тамъ на цвинтари, подъ открытымъ небомъ... Развѣ это не обида? Даже дома, куда о. Алипій пришелъ послѣ службы, онъ не остылъ въ своемъ негодованіи, и такъ какъ на другой день было воскресенье, то онъ рѣшилъ завтра же сказать еще лучшую проповѣдь, чѣмъ сегодня.

Взявши бѣлый листъ бумаги, онъ, не задумываясь, написалъ сверху: „О предосудительности нехожденія въ храмъ Божій"... Потомъ, съ легкой руки написавши текстъ: „Вниду въ домъ Твой и поклонюся храму Твоему святому", пошелъ и пошелъ писать... Перо такъ и бѣгало по бумагѣ. Казалось, оно не уставало слѣдить за мыслями. О. Алипій писалъ проповѣди не хуже, чѣмъ говорилъ ихъ. Трудно даже рѣшить, что у него выходило лучше. Но когда проповѣдь была близка уже къ концу и оставалось написать только конклюзію, о. Алипій вдругъ широко раскрылъ глаза и взялъ себя за лобъ. Совершенно непредви-

дѣнная мысль перевернула вверхъ дномъ всю его работу: „для кого онъ будетъ говорить написанное?". Въ вихрѣ новыхъ мыслей, охватившихъ о. Алипія, безспорнымъ оставалось лишь то, что проповѣдь назначалась тѣмъ, которые не ходятъ въ церковь и которыхъ, слѣдовательно, не будетъ въ церкви во время ея произношенія... А тѣ, которые будутъ ее слышать, тѣ и безъ того ходятъ въ церковь"... О. Алипій задумался. „Этакое въ самомъ дѣлѣ обстоятельство! Если велѣть старостѣ позвать въ церковь... Но опять же это, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ насильственная мѣра, негуманная..." А о. Алипій далъ себѣ обѣтъ всегда и во всемъ поступать гуманно. „Выйти развѣ на погостъ?! Положимъ Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ въ горахъ, но... „что скажетъ благочинный?".

Говорилъ о. Алипій на погостѣ, говорилъ и въ церкви, говорилъ по тетрадкѣ и безъ тетрадки,—ничего не помогало: посѣтителей церкви не прибавлялось... Нѣкоторые крестьяне остались вѣрными обычаю и предпочитали молиться на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Слова и убѣжденія батюшки словно не ихъ касались. Въ дождливую-ли погоду, въ бурю-ли, или снѣжную метель—полѣшукъ упорно стоялъ на своемъ завѣтномъ мѣстѣ, словно прикованный къ нему незримою силой. Только въ сильное ненастье лишь малодушные убѣгали въ „звонницу" или церковь, а остальные выворачивали на изнанку свои кожухи и свитки, накрывали ими головы и стояли... Было что-то до крайности равнодушно-смиренное, безжизненно-трогательное и въ тоже время суровое въ этихъ отупѣлыхъ позахъ молящихся, разбросанныхъ кругомъ церкви. И во всякомъ случаѣ не молодому, неопытному слову о. Алипія сокрушать эти позы, не съ его рѣзвой семинарской прытью бороться противъ этихъ застарѣлыхъ обломковъ глубокой старины, противъ этихъ болѣзненныхъ побѣговъ религіознаго, простодушнаго чувства.

Но выровскій батюшка этого не сознавалъ. Въ оригинальной формѣ своеобразной молитвы простого человѣка онъ видѣлъ лишь прямое отступленіе отъ установленныхъ обрядовъ и называлъ эту форму нечестіемъ, съ которымъ нужно бороться. О.

Алипію это было ясно, какъ ясенъ солнечный день,—хотя бы и въ лѣсахъ...

„Борьба, борьба!—вотъ мой девизъ", размышлялъ о. Алипій, а „девизъ есть рычагъ воли человѣка", сказалъ одинъ мыслитель... Сколько тьмы, сколько нечестивыхъ заблужденій... И все это, конечно, отъ невѣжества, ибо „заблужденіе есть дитя невѣжества"—сказалъ кто-то. Это ясно. Сколько потребуется энергіи и мужества для уничтоженія этихъ плевелъ... Главное непониманіе, отсутствіе умственнаго развитія. „Непониманіе людей есть слѣдствіе ихъ предразсудковъ", говорится въ одной книжкѣ. Все дѣло въ предразсудкахъ, а душа тутъ не при чемъ, ибо душа по природѣ своей склонна къ истинѣ... „Душа по природѣ христіанка", сказалъ Тертулліанъ... Да, да... А другой учитель церкви сказалъ, „coge, impelle in ecclesia"... Безспорно, что нѣкоторая доля принудительности, такъ сказать... Ибо съ предразсудками бороться трудно. „Предразсудокъ обломокъ старины глубокой", сказалъ какой то философъ... „Обломокъ старины глубокой"... Гмъ... съ одной стороны... Однако какъ же это понимать нужно? Гм... странно... Опять же, съ другой стороны, Контъ, Кантъ, Кондильякъ и Спиноза... Локкъ и „tabula rasa... У всѣхъ идеалъ истина. „Азъ есмь истина, путь и животъ"... „Истина по одну сторону Пиринеевъ—является ложью по другую", сказалъ кто-то...

Мысли пошли на перебой, одна другой быстрѣе, и ураганомъ понеслись въ головѣ о. Алипія. Все, что въ это время приходило ему въ голову, было имъ нѣкогда усвоено въ семинаріи и представляло образцы глубокомыслія ученыхъ авторитетовъ. Много идей изъ разныхъ философовъ выписано было имъ въ его записной книжечкѣ. Вотъ они теперь и пригодились въ практической жизни. А то все бывало говорили, что семинарское образованіе страдаетъ теоретичностью и не пригодно для жизни. Ни одна идея не пропадаетъ даромъ, ибо „идеи суть органическія созданія", сказалъ Лермонтовъ... Съ другой стороны, Лермонтовъ... Что такое собственно Лермонтовъ? Представитель байронизма, такъ сказать... А байронизмъ есть отрицательное теченіе въ человѣческой мысли... „увеличительное стекло искус-

ственнаго равнодушія", сказалъ какой-то критикъ про Байрона... Гм... Да, конечно, не авторитетъ... А вотъ съ другой стороны, „Борьба съ лгущею ученостью" Потулова... Вотъ это, такъ сказать, замѣчательная книжка... Какіе тамъ глубокомысленные вопросы рѣшаются... Однако какое отношеніе все это имѣетъ къ данному случаю?".

И о. Алипій долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и раздумывалъ, разбираясь въ своихъ мысляхъ.

VI.

Въ лѣсу.

Два крестьянина приписной сосѣдней деревни—Деркачи—возвращались въ воскресенье домой и медленно шли по лѣсу. Это были уже пожилые крестьяне, крѣпкаго сложенія, „трезвые хозяи". Въ Вырахъ такъ назывались крестьяне, не особенно много пившіе, или, вѣрнѣе, пившіе меньше, чѣмъ сколько было принято пить по праздникамъ въ корчмѣ. Одного звали Степанъ Деркачъ, другого—Грыцько Деркачъ. Въ ихъ деревнѣ всѣ назывались Деркачами. Они ходили въ Выры къ службѣ Божіей и отчасти по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ. Степанъ несъ на спинѣ кадку для огурцовъ, Грыцько—ведро, свитку и чоботы. Большую часть дороги они шли почти не подымая головъ и молча, не потому, чтобы не было о чемъ поговорить, а потому, что они не привыкли много говорить. Люди труда обыкновенно мало говорятъ. Нужда сковываетъ языкъ. Развязываетъ его лишь водка или какое нибудь выдающееся обстоятельство. Нужно изъ ряда вонъ выходящее событіе, чтобы крестьянинъ-полѣшукъ пошелъ говорить.

— Чувъ?—спросилъ Степанъ, споткнувшись о корень на дорогѣ.

Грыцько процѣдилъ „гмъ" и утвердительно кивнулъ головой, поправивши шапку на головѣ.

— Гарно розсказуе, лыхо-ма.

— „Гм..."—сказалъ еле слышно Грыцько.

— Вченый, въ окулярахъ...—продолжалъ Степанъ.

— Гм... та вжежъ... А яка въ его попадя? Гмъ... Бачивъ?

— Эге... Молоды ще обое.

— Хто ще его знае, якій-то винъ буде. А дитей въ его ще не мае.

— Мусять хутко буты.

Они говорили безъ опредѣленнаго содержанія. Въ ихъ рѣчи не было, казалось, смысла, но они хорошо однако понимали другъ друга.

— Его семинарія выучила, замѣтилъ на этотъ разъ Грыцько.

— Гм... утвердительно кивнулъ на этотъ разъ Степанъ.

— Кажуть, нибы его архирей поставывъ, бо розумный дуже.—Грыцько переложилъ ведро съ праваго плеча на лѣвое и громко крякнулъ, какъ бы для того, чтобы оттѣнить всю особенность этого факта.

— А я такъ чувъ,—сказалъ Степанъ, поправляя тоже на спинѣ свою ношу,—що нибы винъ самъ напросывся на нашу парахвію; такъ нибы и сказавъ архирею: я хочу въ Выры.

— Бре-ще-ешь?.. удивленно растянулъ Грицько, не потому, чтобы сомнѣвался въ сообщаемомъ извѣстіи, а скорѣе по привычкѣ, для красоты слога.

— Та вжежъ...

— М... А таке ще молоде, та прытке...

— Та голосно такъ щось розсказуе, щой розибраты ничого не можна... Дывно!

— М... согласился Грыцько.

— Старый батюшка такъ не казавъ.—Грыцько отрицательно закачалъ головой.

— Куды-жъ такъ старенькому... Дай ёму, Боже, легку землю...

Молчаніе.

— Все навчае.. щось таке,—снова сказалъ какъ бы про себя Степанъ, у котораго проповѣдь о. Алипія не выходила изъ головы. Прошло десять минутъ или болѣе.

— Тай не розберешь ничого, що винъ тамъ говорыть.

— Певне то воно такъ и треба,—сказалъ Грыцько.

— И ще гниваєтся.

— Бре-ешешь?! тѣмъ-же тономъ удивленія возразилъ Грыцько.

— Дальби! гниваєтся, бачь, що люде въ церкву не идуть, що молятся соби на цвинтари, якъ-же звычайно у насъ.. Новы порядки заводыть.

— А чому-жъ старенькій батюшка не гнивалыся?

— У старенького и окуляривъ не було, а у молодого— окуляры.

— Тай що-жъ зъ того, що винъ и въ окулярахъ. Потимъ степенецця.

— И я такъ думаю, бо едному чоловику, скажемо, можна въ свято войты въ церкву, а другому не можна; въ едного совисть чистая, а въ другого нечистая.

— М... запевне...

— Наветь одинъ и той-же чоловикъ часомъ може войты, а часомъ и не може, душа не пускае.

— Бо таки такъ. Ще винъ мало на свити живъ, то не знае цёго...

— Эге... А ты знавъ старого Іовхима?

— Чому?.. хто ёго не знавъ?

— Скильки разъ винъ хотивъ въ святу церкву питы и кажный разъ ёго щось не пускало. Отъ такъ якъ бачишь, не пустыть тай годи... Але, кажуть, одного разу пересылковавъ винъ себе, тай пишовъ въ церкву; то якъ стыснуло ёго щось въ грудяхъ, якъ стыснуло въ грудяхъ... не прыведы Маты Божая... Отъже-жъ и малыся тоди зъ нымъ, кричавъ на всю церкву! А де котора баба-то ни защо, лыхо ма, ни за якіи гроши не стане въ церкви... Ей-Богу! Пиде липше въ закутокъ пирье скубты, а въ церкву не пиде. Есть таки.

— Кажуть, якъ отстояты двенанцять службъ на цвинтари, то писля двенанцятои вже можна и питы въ саму церкву.

— Бре-еш-ешь?

— Ей Богу!.. Немира Чоботокъ стоявъ до двенанцяти... а потимъ вже и въ церкву пришовъ.

— М—м...

— А знаешь що?—возразилъ неожиданно Грыцько, направляя рѣчь совершенно въ другую сторону,—визьмы-но ты мое видро да всады въ кадку, а я въ видро вложу чоботы и свытку... А потымъ и я понесу, то буде зподручнійшъ, бо хоть то и кажуть свое добро шіи не мне, а все-жъ воно тяжкенько... Зновъ-же гаряче дуже, пече...

Такъ было дѣйствительно удобнѣе. Одинъ несъ вещи, другой шелъ свободный. Они чередовались. Это внесло разнообразіе въ ихъ скучное путешествіе. Обоимъ было хорошо.

Надвигалась гроза. Надъ лѣсомъ сначала гдѣ-то далеко-далеко раздавались тихіе отдаленные раскаты грома, потомъ все ближе и ближе... Небо съ одной стороны постепенно заволакивалось темными тучами. Крестьяне не обращали на это вниманія и продолжали идти, глядя внизъ подъ ноги. Степанъ замѣтилъ было, что „буде добрый дощъ", но Грыцько ничего на это не сказалъ. Черезъ нѣкоторое время яркая молнія зигзагами ослѣпительно пролетѣла надъ лѣсомъ по небу, а черезъ нѣсколько секундъ затишья явственно раздался рѣзкій ударъ грома.

Степанъ и Грыцько сняли шапки и перекрестились.

Въ лѣсу стояла замѣчательная тишина. Отовсюду вѣяло тепломъ. Листья чуть-чуть шевелились на осинѣ и словно нѣжились легкимъ трепетаньемъ въ тепломъ воздухѣ. Высокія сосны не шевелились. Все замерло, лишь въ корчахъ гдѣ-то рѣзко „пивикнула" какая-то пташка да по временамъ раздавался трескъ „сухого ломачья" подъ ногами путниковъ.

— Тра-ра-ра-рахъ!—раздался громъ надъ самымъ ухомъ путниковъ, словно часть неба оборвалась съ своихъ основаній, сразу ринулась и разбилась о землю. Путники инстинктивно съежились и моментально заговорили скороговоркою въ одинъ голосъ: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! Архангелъ Михаилъ, стережи душу и тило, на вѣки вичныи, до суда безконечного, христову душу не чепай, а въ врага Христова попадай, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь!"

Вторичный ударъ молніи и вторично крестьяне, словно сговорясь, въ одинъ голосъ повторили свою молитву.

Верхи сосенъ гулко зашумѣли. Крупныя, сочныя капли дождя, задѣвая листья и вѣтки, упали въ разныхъ мѣстахъ на песокъ. Вотъ онѣ пошли чаще, чаще...

Громъ изъ отрывочныхъ и рѣзкихъ ударовъ перешелъ въ раскатистое частое громыханье въ облакахъ.

— Перегоняюцця, замѣтилъ Грыцько. Спутникъ ничего не сказалъ, онъ только поглядѣлъ вверхъ. Дождь усиливался. Крестьяне вывернули кунтуши, напнули ими свои головы и продолжали шествіе.

„Святъ, святъ, святъ"... раздавалось изъ-подъ зипуновъ при каждомъ близкомъ ударѣ грома.

Такъ дошли они до села.

VII.

„Дурный Ясь".

Нехожденіе прихожанъ въ церковь было главнымъ пунктомъ, на который направились обличительныя рѣчи о. Алипія. Батюшка рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы искоренить языческій обычай, и—нужно таки отдать ему справедливость—рѣдкій проповѣдникъ могъ подобрать съ такимъ искусствомъ всѣ библейскія данныя противъ нечестиваго обычая. Въ одинъ изъ присятковъ, пользуясь собраніемъ празднаго народа на погостѣ, онъ завелъ длинное собесѣдованіе на эту тему. Батюшка сидѣлъ на табуреткѣ на погостѣ и то говорилъ, то читалъ по книжкѣ, которая лежала у него на колѣняхъ. Десятокъ мужиковъ и бабъ размѣстились на бревнахъ, которыя тутъ-же лежали, и не то слушали, не то тяготились своимъ неопредѣленнымъ, непривычнымъ положеніемъ. Старенькій батюшка никогда ничего подобнаго имъ не читалъ. Они рѣшительно не понимали ни того, *что* имъ читалъ о Алипій, ни тѣмъ болѣе того, *зачѣмъ* онъ имъ читалъ ... Они только слѣпо вѣрили въ цѣлесообразность всего, что дѣлалъ батюшка. „Певне такъ треба... певне ему такъ архирей наказавъ", думали крестьяне и терпѣливо ждали вечера.

Солнце постепенно шло къ западу. Еще должно быть не долго будетъ говорить батюшка.

— Молиться должно въ храмѣ! Общественная молитва все можетъ,—говорилъ энергически пастырь,—церковная молитва утѣшаетъ... молитва помогаетъ, открываетъ царствіе...

— Дурный Ясько иде! дурный Ясько! Ясько! закричали въ одинъ голосъ дѣти, игравшіе на погостѣ. Клычь его сюды!. Гей Ясь! Сюды! сюды иды!.. Ясь!.. Яську, дурный Яську!

Слушатели о. Алипія повернули головы въ сторону голосовъ. Собесѣдованіе было прервано. Батюшка поглядѣлъ на улицу. Къ погосту съ улицы приближалась небольшая, тощая фигурка съ сильно взъерошенными волосами на маленькой головкѣ. На лицѣ значительно выдѣлялся большой непропорціональный носъ и безсмысленно выпяченныя впередъ глаза, которыми Ясько поворачивалъ такъ странно изъ стороны въ сторону, что можно было подумать, они вотъ-вотъ вывалятся совсѣмъ изъ орбитъ. На немъ было грязное лохмотье, сквозь которое виднѣлись обнаженныя части тѣла. Въ рукахъ онъ держалъ палку, которою судорожно по временамъ стучалъ передъ собой, причемъ ноги его въ это время конвульсивно подергивались и весь его корпусъ трясся, словно въ лихорадкѣ... Припадки конвульсій находили на него періодически. Идетъ Ясько по дорогѣ, затрясется, начнетъ стучать палкою до изнеможенія, устанетъ такъ, что все тѣло потомъ покроется, потомъ тяжело отдышется, отдохнетъ и пойдетъ дальше... Конвульсіи были у него непроизвольной органической потребностью. Пробовали было остановить пляску Яська, но ничего изъ этого не выходило. Внутренняя, незримая сила подергивала тѣло Яська... и когда его держали за руки, онъ уставалъ сильнѣе и кричалъ.

Ясько въ Вырахъ былъ существомъ безобиднымъ. Зла онъ никому не дѣлалъ,—этого было достаточно, чтобы его поочередно кормили въ каждой хатѣ; при томъ-же онъ былъ несчастенъ, и это возбуждало къ нему общую симпатію. Съ нимъ сжились, его любили. Ясько смѣшилъ иногда улицу своими несообразными разсказами. Онъ былъ необходимостью улицы. Безъ него выровская жизнь была-бы неполной. Когда Ясько уходилъ иногда

въ Деркачи или еще куда нибудь на время, на улицѣ въ Вырахъ чего-то не доставало, словно умеръ общій родственникъ всей деревни. Многіе безпокоились: „де-то нашъ Ясь пропадае?..“ Но за то, когда сопровождаемый всѣми дѣтьми, завидѣвшими возвращавшагося Яська, онъ, по истеченіи нѣкотораго времени, опять вступалъ въ деревню, при оглушительномъ лаѣ собакъ,—всѣ лица просіявали... „Ясь вже вернувся...“

О. Алипій хотѣлъ еще о многомъ говорить, не смотря на приближавшееся вечернее время, но появленіе Яська отвлекло вниманіе его слушателей, спутало всѣ его мысли и произвело сумбуръ въ дальнѣйшемъ планѣ... Съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, но не безъ любопытства, смотрѣлъ онъ на приближавшагося эпилептика, о которомъ раньше слышалъ.

Ясько вошелъ на цвинтарь, дико глядя по сторонамъ и поднявъ палку, словно ожидая нападенія собакъ. Кто-то сказалъ, что нужно у батюшки ручку поцѣловать. Ясько моментально спряталъ палку подъ мышку и, весь какъ-то сгорбившись, неуклюже подошелъ къ о. Алипію и поцѣловалъ у него руку. Батюшка благословилъ его... „Це дурный Ясь“, сказалъ кто-то, какъ бы рекомендуя. Ясько совершенно не придалъ никакого значенія этой нелестной для него рекомендаціи или, вѣроятно, онъ слишкомъ привыкъ къ ней... Выпрямившись и глядя съ презрительнымъ выраженіемъ на толпу, онъ замахалъ рукой, какъ бы крестясь, затѣмъ подошелъ къ лежавшему невдалекѣ бревну и сталъ перепрыгивать чрезъ него то одной ногой, то другой.— Когда Ясь дѣлалъ прыжокъ одной ногой—въ одну сторону, то говорилъ—„оце тоби, Боже“, а когда вслѣдъ за тѣмъ прыгалъ другой ногой—на другую сторону, то говорилъ—„а це мени, Боже“ и т. д. Начавши довольно спокойно свои прыжки, Ясько постепенно увлекался и прыгалъ все нервнѣе и нервнѣе. Нельзя было спокойно глядѣть на эту странную, оборванную фигурку съ длиннымъ носомъ, которая, трясясь, судорожно вертѣлась надъ бревномъ съ самымъ серьезнымъ, дѣловымъ выраженіемъ лица. Кругомъ громче всѣхъ смѣялись дѣти. Улыбались и взрослые. О. Алипій тоже много смѣялся.

Но въ это время изъ толпы выступилъ самый почтенный изъ крестьянъ, бѣлобрысый старикъ съ трясшеюся головой отъ дряхлости и наставительно сказалъ:

— Чого сміетеся? не бачилы, чи що? То винъ такъ Богу молыцця. Дарма, що дурный, а всежъ молыцця. Бо хто ёму може заказать молытыся такъ, якъ винъ хоче? Бо хоть винъ и дурный, але его Богъ почуе за ёго несчастне житте...

Эти слова сразу сняли улыбку съ лицъ. Всѣмъ стало както неловко, и фигурка дурного Яська вовсе не представлялась уже такой смѣшной, какъ вначалѣ.

— Оце Тоби, Боже! оце мини, Боже! твердилъ между тѣмъ Ясько, усиливая прыжки.

Отцу Алипію было очень не по себѣ... Онъ, который столько разъ внушалъ почтеніе ко всѣмъ, и особенно къ старшимъ, и наставительно запрещалъ малолѣтнимъ смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было, онъ самъ увлекся...

А между тѣмъ Ясько все прыгалъ и прыгалъ... Вглядѣвшись въ его физіономію, о. Алипій замѣтилъ въ ней черты глубокой серьезности и сосредоточенности, которыя раньше ускользали отъ его вниманія. Ясько не просто прыгалъ, а какъ будто священнодѣйствовалъ... Охваченный какимъ-то мистическимъ экстазомъ, онъ подкидывалъ ноги все выше и выше, глаза его горѣли и, страшно выпяченные, смотрѣли вверхъ въ одну точку; на лбу показались морщины, мокрые волосы въ безпорядкѣ падали на лобъ и тряслись. Палки онъ не выпускалъ изъ рукъ,— онъ крѣпко сжалъ ее по срединѣ. „Оце тоби, Боже! А це мени, Боже!“—хрипѣлъ онъ, задыхаясь и наливаясь кровью.

— Упаде, упаде, розибьецця.. заговорили въ толпѣ. Треба вытащиты зъ пидъ него колодку...

Одинъ крестьянинъ подошелъ къ Яську сзади, взялъ конецъ бревна, надъ которымъ прыгалъ Ясько, и, не приподымая его, осторожно вынулъ его изъ-подъ ногъ. Ясько продолжалъ прыгать, не замѣчая отсутствія бревна, и, наконецъ, страшно измученный, весь мокрый отъ пота, повалился на землю, бормоча что-то такое про себя безсвязное. Его окружила толпа. О. Алипій смотрѣлъ вмѣстѣ съ другими.

Ясько тяжело дышалъ, закрывши глаза. Эпилептическій припадокъ кончился. На него страшно было глядѣть. Можно было подумать, что его только что вытянули изъ воды.

— Батюшка, скажить-но вы намъ: чи то винъ и направди молыцця, чи ни? Бо винъ хоть и дурный, а всежъ въ ему есть Божья душа...—обратились нѣкоторые крестьяне къ о. Алипію. Съ этимъ же вопросомъ обращались они и прежде къ покойному батюшкѣ, но тотъ бывало все говорилъ: „запытайте его... Ему лиише знаты, що винъ робыть. А въ решти, Богъ насъ всихъ розсудыть на тому свити"... Хотѣлось узнать мнѣніе новаго батюшки.

Отцу Алипію вопросъ сначала казался непредставлявшимъ никакихъ особенныхъ затрудненій для рѣшенія, и онъ даже началъ было говорить, что „тутъ никакой молитвы нѣтъ, что это беззаконіе одно, въ нѣкоторомъ родѣ пляска Ваала". Но когда ему замѣтили, что Ясь иначе не можетъ молиться, онъ спутался въ объясненіи и очень былъ радъ, когда къ нему опять подошелъ псаломщикъ и сказалъ:

— Этъ, захотилы вы зъ нымы балакаты про сего дурня... Дурный бувъ—дурный и буде. Винъ—варьятъ...

О. Алипій такъ и ушелъ съ погоста, не разъяснивъ окончательно крестьянамъ предложеннаго ими вопроса и какъ бы не обративъ на него вниманія. Но, оставшись наединѣ, самъ съ собою, онъ не могъ отвязаться отъ многихъ мыслей, на которыя его невольно наталкивало видѣнное и слышанное. Какъ человѣкъ еще молодой, свѣжій, не втянувшійся въ тину тѣхъ опредѣленныхъ преданій, которыми такъ неприступно бываетъ окутана жизнь иного деревенскаго батюшки, о. Алипій отзывался на всякое живое впечатлѣніе и, по семинарской привычкѣ,— „анализировалъ" свои впечатлѣнія

„Въ самомъ дѣлѣ, раздумывалъ смущенный о. Алипій, молился онъ или не молился? Если предположить, что онъ молился хотя-бы и по своему, по дурацки, но все-же молился,—какъ думаютъ крестьяне, и если его молитву слышитъ Богъ, то выйдетъ, что всякій имѣетъ право молиться какъ хочетъ и, конечно, тогда нужно будетъ признать, что и крестьяне, стоящіе „на цвинтари", у стѣнки, тоже молятся. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же об-

щественное богослуженіе? Зачѣмъ онъ такъ возстаетъ противъ обычая, издавна укоренившагося? Нѣтъ, нѣтъ!.. Нужно ставить вопросъ принципіально: можетъ ли сумасшедшій молиться или нѣтъ?"

О. Алипій рѣшалъ вопросъ и такъ и сякъ, и путался въ своихъ мысляхъ... Не было человѣка, съ которымъ онъ могъ бы посовѣтоваться, поговорить, обмѣняться мыслями. И тутъ только вспомнилъ онъ, какъ бывало въ семинаріи онъ рѣшалъ „метафизическія проблемы бытія" съ одной стороны и съ другой стороны... И не было вопроса, котораго онъ тогда не рѣшилъ бы по принципу. Не было еще на землѣ философа, котораго онъ не могъ бы раскритиковать съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія О, тогда онъ вырабатывалъ „міросозерцаніе"... Но это все было, прошло. Случись тогда Ясько съ его эпилептической пляской, онъ, конечно, „освѣтилъ бы этотъ феноменъ съ субстанціально-раціональной точки знѣнія" и сомнѣній не было-бы; но теперь, въ Вырахъ, среди болотъ пинскаго полѣсья, онъ почему-то былъ нѣсколько смущенъ. Чуялось ему, что „дурный Ясь и отношеніе къ его пляскѣ крестьянъ" не такъ-то легко укладываются въ „формы категорическаго мышленія, что тутъ—что-то этакое... другое, такъ сказать новое"... Что именно?—о. Алипій не могъ себѣ скоро уяснить. „Крестьяне... тѣ по крайней мѣрѣ прямолинейнѣе: они увѣрены, что Ясь молится, хотя его молитва не какъ у всѣхъ, а свойская молитва... А онъ не можетъ ничего сказать..."

И почувствовалъ себя впервые о. Алипій безпомощнымъ и внутренне попенялъ на себя, что онъ не успѣлъ еще выработать себѣ такое міросозерцаніе, на основаніи котораго онъ могъ бы рѣшать всѣ недоумѣнные вопросы своей пастырской практики. Но онъ не падалъ духомъ. Даже въ лѣсахъ, на болотѣ онъ все таки не терялъ еще надежды „выработать міросозерцаніе", потому что, какъ сказалъ какой-то мыслитель, „выработать міросозерцаніе—никогда не поздно"... И бывали дѣйствительно случаи, что люди пожилые учились, напр. Франклинъ, Игнатій Лойола... Много, много припомнилъ о. Алипій разныхъ именъ по этому случаю. Онъ пересмотрѣлъ всѣ свои книги, какія случайно до-

стались ему. Ихъ было не много: „Догматика“ Макарія, проповѣдническіе сборники разныхъ авторовъ, „Теорія словесности“ Бѣлорусова, греческая и латинская грамматики, „Самодѣятельность“ Смайльса,—неизвѣстно, какимъ образомъ очутившаяся въ библіотекѣ о. Алипія, „Обзоръ философскихъ ученій“ Остроумова, „Основное Богословіе“ Августина. и др. На послѣднее онъ надѣялся, какъ на камень. Оно всегда ему нравилось убѣдительностью доводовъ противъ отрицательной критики: Ренанъ, Штраусъ, Фейербахъ, Шиллеръ и Гете побивались у Августина безпощадно и рѣшительно во имя семинарскаго догматическаго мышленія.

Но увы, ни одинъ учебникъ, ни одна изъ извѣстныхъ ему книгъ, не затрогивали вопросовъ о молитвахъ выровскаго полѣшука и дурного Яська.

Однажды, встрѣтивъ Яська наединѣ, о. Алипій нарочно подозвалъ его, завелъ въ палисадникъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Пока разспросы касались его жизни, мѣста, гдѣ онъ живетъ, родныхъ, рода занятій и пр., Ясько не обнаруживалъ никакихъ безпокойныхъ движеній. Его отвѣты не всегда были удачны,—онъ иногда отвѣчалъ невпопадъ, путаясь и повторяя вопросы батюшки. Но когда рѣчь заходила о молитвѣ и вѣрѣ, Яська начинало постепенно подергивать.

— Ты вѣруешь въ Бога? спросилъ его о. Алипій.

Ясько сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— Ты знаешь, хто такій Богъ?

— Хто такій Богъ...—меланхолично и вяло повторилъ Ясько робкимъ, какъ бы не своимъ голосомъ и перевелъ глаза съ батюшки въ пространство. Взглядъ его остановился на одной точкѣ въ пустомъ пространствѣ. Казалось, будто онъ припоминалъ что-то. Батюшка ждалъ.

— Що-жъ ты мовчишь? Говори, Яську, знаешь? О. Алипій самъ робѣлъ, замѣтивъ у Яська слишкомъ явный переходъ отъ нормальнаго состоянія въ ненормальное.

— ...Говори, знаешь... тѣмъ-же автоматическимъ голосомъ повторилъ Ясько послѣднія слова батюшки. Тутъ о. Алипій окончательно убѣдился, что его вопросы не представляли болѣе для Яська никакихъ мыслей, что они, какъ эхо, только отражались въ его ухѣ и безсознательно повторялись языкомъ. Очевидно было, что его умъ виталъ въ той спеціальной сферѣ идей, которая и осталась загадкою для батюшки.

— Ты молишься? спросилъ тогда прямо о. Алипій.

— ...Молишься... Вдругъ все существо несчастнаго задрожало, словно по нему пробѣжала электрическая искра... и передъ глазами батюшки повторилась знакомая уже намъ сцена молитвеннаго экстаза. Но была, впрочемъ, маленькая разница между пляской тогда и теперь. Тогда Ясько прямо бѣжалъ на церковь съ цѣлью молиться... А теперь онъ началъ молитву правильно. Но съ „Царю небесный“ перескочилъ на „Отче“, потомъ сбился и перешелъ на „Вѣрую“ и, заговоривъ въ концѣ что-то такое безсвязное, кончилъ восклицаніями—„оце Тоби, Боже! оце мени, Боже!“

Сомнѣній больше не оставалось. Ясько дѣйствительно молился и самые сильные эпилептическіе припадки у него были тѣ, которые вызывались его молитвеннымъ настроеніемъ.

Изъ разспросовъ о Яськѣ батюшка узналъ, что онъ въ молодости былъ совершенно здоровъ, набоженъ, постоянно посѣщалъ церковь и любилъ путешествовать по святымъ мѣстамъ. Онъ не опускалъ ни одного богослуженія, ни католическаго отпуста. Признаки помѣшательства обнаружились на пожарѣ... Горѣла Яськова хата. Отецъ и мать съ дѣтьми выскочили изъ огня, а Ясько спалъ на чердакѣ. Его не успѣли разбудить. Всѣ думали, что онъ погибъ. Въ толпѣ, окружавшей горѣвшій домъ, только и слышно было: „Ясько, Ясько!“ Отвѣта долго не было. Когда огонь обхватилъ все строеніе, вдругъ въ дверяхъ, словно привидѣніе, показалась фигура какъ-бы горѣвшаго человѣка. Съ раздирающимъ душу крикомъ онъ бросился впередъ чрезъ огонь... Полумертваго его вытащили изъ обгорѣвшихъ бревенъ. Цѣлый день лежалъ онъ въ забытьи, словно мертвый, безъ признаковъ жизни. Никто не думалъ, что Ясь возвратится къ жизни. Онъ

возвратился, но для иной жизни: своихъ знакомыхъ уже не узнавалъ болѣе и совершенно не понималъ, о чемъ его спрашивали. Потомъ онъ немножко отошелъ, но здраваго разсудка совершенно лишился. Съ тѣхъ поръ видъ зарева отъ пожара приводилъ его въ оцѣпенѣніе: онъ ревѣлъ не своимъ голосомъ и хватался, дико глядя глазами, за голову. Отъ него старались скрыть видъ зарева, но не всегда это удавалось...

Знакомство съ Ясько мъ было не безполезно для батюшки. Оно пробудило его любознательность и заставило поближе присмотрѣться, какъ молится полѣшукъ. О. Алипій узналъ много интереснаго, чего не говорилъ ему ни одинъ учитель въ волынской семинаріи. Онъ узналъ, что молитвой его паствы управляетъ не православный катехизисъ, а народное преданіе, и что, слѣдуя этому преданію, полѣшукъ молится „сонейку," щобъ вышло та засвитыло на счастье людямъ", молится „мисяцю"и его „кватырамъ: старику, молодыку, подсіому и пивдню, щобъ Господь Богъ далъ старому-старость, молодому—молодость и всѣмъ хлибъ и спуръ", молится звѣздамъ и особенно „свитовой зорѣ", „щобъ свитыла свитло, та дорогу сонейку показовала"... Особыя молитвы говоритъ полѣшукъ въ снѣжную „мрю", въ „шквырюзавійныцю", когда пурга заноситъ его убогую хату, и особыя—въ ясную, тихую, звѣздную ночь при видѣ млечнаго пути, который возбуждаетъ въ полѣшукѣ много суевѣрныхъ представленій. Есть у него особыя молитвы на „навьскій велыкдень", на „Юрка и Палыкопу" и на такихъ святыхъ, о которыхъ и помину нѣтъ въ православныхъ святцахъ.О. Алипій въ ужасъ пришелъ, когда узналъ объ этихъ святыхъ и молитвахъ, посвященныхъ ихъ памяти. Онъ узналъ, что существуютъ на полѣсьи „попивскіи свята и непопивськіи" и что на ряду съ священникомъ, читающимъ молитвы въ церкви, народъ уважаетъ одинаково и знахаровъ, знающихъ не меньше молитвъ, чѣмъ батюшка.

— И чого це ты причепывся до того Яська, мовъ та слёта?— пилила не разъ своего мужа Аписья Элпидифоровна. Яке тоби до него дило? Подумаешь, другого дила немае? Ось жито пора

возыты... перележить въ поли... и пшеныця до спиху иде... На току ничого не приготовляно. Лежню ты! Тай зновъ-же и про мене треба де-що загадаты...

И она выступила передъ нимъ своей ясно говорившей за самое себя фигурой...

— Оце хто...

Но далѣе мысли Анисьи Элпидифоровны и безъ того были, кажется, слишкомъ ясны для о. Алипія.

О. Алипій вздыхалъ. Тяжеленько ему таки пришлось въ началѣ пастырской дѣятельности; что и говорить... Хуже всего было то, что эта дѣятельность, представлявшаяся за школьной скамьей въ такомъ отрадно-идеальномъ свѣтѣ, такъ нѣкогда подымавшая энергію въ его мечтательной натурѣ, въ дѣйствительности оказалась такой обыденно-сѣрой, непривлекательной, что о. Алипію подогрѣвшему свое воображеніе идеалами,—становилось положительно горько въ душѣ. Но это было только начало. Чуялось молодому батюшкѣ, что впереди еще очень много... что пока ничего особеннаго еще не случилось.

О. Алипій не ошибся въ своихъ предчувствіяхъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГРОМОВЫЯ СТРѢЛКИ.

ОЧЕРКЪ ПО ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКАГО ФОЛЬКЛОРА.

I.

Въ богатой и разнообразной области южно-русскихъ народныхъ повѣрій занимаетъ важное мѣсто извѣстное повѣріе о такъ называемыхъ „громовыхъ стрѣлкахъ“. Белемниты, куски расплавленнаго электричествомъ молніи песка или камня, считаетъ народное воображеніе за самое существо молніи, за тѣ огненные зигзаги, которые появляются отъ поры до времени на небосводѣ, гоняясь по велѣнію управляющаго ими бога-громовника за всякими нечистыми духами и чудовищами. Исполнивъ свое карательное назначеніе или преслѣдуя укрывшагося подъ землей противника, падаетъ эта стрѣлка глубоко—обыкновенно на 7 локтей или сажень—въ землю; послѣ постепенно подымается она все выше и наконецъ послѣ 7 дней, 7 мѣсяцевъ или 7 лѣтъ выходитъ совсѣмъ наружу [1]).

---

[1]) См. П. П. Чубинскій „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“, Спб. 1872, I, 21; В. Н. Ястребовъ, Матеріалы по этнографіи новороссійскаго края, Одесса, 1894, 6; В. М. Козарищукъ, Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ, въ журналѣ „Наука“, Вѣна, 1890, 24; Зоря, лит. журналъ, Львовъ, 1887, 44; Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej, IX, 60, X, 86; Е. Р. Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, Витебскъ, 1891, IV, 156; А. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, Москва, 1865—69, I, 245—8, II, 367; Dr. Hanuš Máchal, Nákres slovanského bájeslovi, Прага, 1891, 65, и др.—По инымъ варіантамъ стрѣлка выходитъ изъ земли каждый годъ однимъ саженемъ выше (Ястребовъ, ibid.; Zbiór wiadomości, ib.).

Стрѣлки принимаютъ на землѣ разнообразныя формы; обыкновенно это тонкіе прутики или круглыя пули[1]). Также становятся онѣ порою желтыми, какъ свѣча[2]).

На томъ мѣстѣ, гдѣ находилась громовая стрѣлка, нельзя ставить никакой постройки, такъ какъ послѣ 7-ми лѣтъ громъ опять ударитъ въ то-же самое мѣсто[3]).

Съ другой стороны, однако, громовая стрѣлка считается вліятельнымъ амулетомъ противъ удара грома и сохраняется по домамъ въ защиту отъ него[4]).

И вообще счастливъ тотъ, кто найдетъ громовую стрѣлку, такъ какъ она обладаетъ разными чудесными свойствами. Она приноситъ счастье и богатство дому, въ которомъ сохраняется, отводитъ отъ него всякія бѣдствія, чары и злыя силы, и наконецъ лечитъ нѣкоторыя болѣзни людей и скота. Потому срѣлки пользуются повсемѣстно уваженіемъ народа и сохраняются въ домахъ, какъ амулетъ изъ рода въ родъ[5]).

Представленіе о чудесномъ существѣ громовыхъ стрѣлокъ свойственно не однимъ только русскимъ повѣріямъ, но распространено широко у всѣхъ другихъ славянъ и западно-европейскихъ народовъ; оно извѣстно также многимъ первобытнымъ

---

[1]) У латышей стрѣлка имѣетъ видъ куринаго яйца (Ѳ. Я. Трейландъ, Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, въ Извѣстіяхъ имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ унирверситетѣ. Труды этнографическаго отдѣла, VI, 195.); въ сицилійскихъ повѣріяхъ имѣетъ видъ мраморныхъ яицъ (Wisła, miesięcznik geograficzno-etnograficzny, Варшава, III, 821.); въ Норвегіи это круглые камни (Edward B. Tylor, Die Anfänge der Cultur, übers. von Spengel-Foske, Лейпцигъ, 1873, II, 167).

[2]) Ястребовъ, Матеріалы. l. c.—У латышей стрѣлка черна (Трейландъ, l. c.).

[3]) Máchal, Nákres slov. baj. l. c; Zbiór, ibid.—У моравскихъ славянъ на томъ мѣстѣ находятъ кладъ (Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, XII, 159).

[4]) Аѳанасьевъ, op. cit. I, 245—8; Романовъ, Бѣлор. сб. l. c. и др.

[5]) Чубинскій, Труды, I, 21; Зоря, 1887, 44; Lud, organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, II, 39; Zbiór wiadomości, l. c.; Романовъ, Бѣлор. сборн. l. c. и др.—У бѣлоруссовъ кладутъ также стрѣлку на нѣкоторое время подъ престолъ въ церкви, послѣ чего она становится хорошей „на пчелы"; освященная на пасху отгоняетъ вѣдьмъ (Романовъ, ibid., примѣчаніе 1 и 2).—У моравскихъ чеховъ стрѣлка открываетъ въ страстную недѣлю клады (Mittheilungen der anthropol. Gesellschaft. XII, 160).

народамъ Азіи, Африки, Америки, и Полинезіи. Характеристическія черты повѣрія вездѣ болѣе или менѣе однѣ и тѣ-же; громовая стрѣлка падаетъ глубоко въ землю и въ продолженіи нѣкотораго времени вылазитъ постепенно назадъ на верхъ земли; кто ее найдетъ, сохраняетъ ее старательно, какъ могущественный амулетъ или фетишъ; она даетъ счастье, лѣчитъ болѣзни и хранитъ домъ отъ огня и грома [1]).

Отдѣльныя мѣстныя измѣненія въ этомъ повѣріи въ общемъ незначительны и несущественны. Напр., поляки закапываютъ стрѣлку, чтобы сохранить домъ отъ грома, подъ порогъ [2]); южные славяне носятъ ее всегда съ собою, какъ личный амулетъ [3]); въ Норвегіи, въ прошломъ столѣтіи въ каждый четвергъ вечеромъ стрѣлку мыли, помазывали масломъ и клали на свѣжую солому [4]). Другія отмѣны указаны выше, въ подстрочныхъ параллеляхъ къ русскому повѣрію.

---

[1]) Máchal, Nákres, l. c.; Вукъ С. Караджичъ, Живот и обичаји народа српскога, Вѣна, 1867, 66; Mittheilungen der anthr. Ges. XII, 159—160, XVI, 151—2; Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, Загребъ, 1863, VII, 244; Jacob Grimm, Deutsche Mythologie, изд. 4-е, Берлинъ, 1875—8, I, 149, II, 1021—2, III, 67; E. H. Meyer, Germanische Mythologie, Берлинъ, 1891, 91; Mittheilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, XXXV (1895), 202; Tylor, Die Anfänge der Cultur, II, 263—5; Am Urquell, Monatsschrift für Volkskunde, Вѣна-Люнденъ, IV, 89; наибольше, однако, международнаго матерьяла собрано въ цѣнной книгѣ Rich. Andree, Ethnographische Parallelen und Vergleiche, Neue Folge, Лейпцигъ, 1889, 30—41.

[2]) Andree, op. c. 34.

[3]) Mittheilungen d. anthrop. Ges. XVI, 151—2; Караджичъ, Живот и обичаји, 66.

[4]) Tylor, Anf. d. Cultur, II, 167.—Четвергъ былъ у многихъ европейскихъ народовъ посвященъ божеству грома и плодородія, а послѣ—другимъ возникшимъ изъ его отпрысковъ миѳическимъ существамъ, какъ напр.: долѣ, домовому и др. Ср. A. Brückner, Mythologische Studien, въ Archiv für slavische Philologie, XIV, 187, 191; тотъ-же, Kazania średniowieczne, въ Rozprawy akademji, umiejętności w Krakowie, wydział filologiczny, серія II, т. IX, 321—3; Dr. Čeněk Zíbrt, Seznam powěr a zvyklosti polanskych z VIII věku, Прага, 1894, 104—9, тотъ-же, Skřitek v lidovem podáni staročeském, Прага, 1891, 20—21; Grimm, Deutsche Mythologie, I, 159, III, 70—71 и др.; Meyer, Germ. Myth. 140—41, и мн. др.

II.

Въ русской литературѣ сообщенія о громовыхъ стрѣлкахъ начали появляться очень рано. Они зашли на Русь впервые въ XII—XIII вв. въ Толкованіи Аѳанасія александрійскаго на Псалтырь, которое было вообще однимъ изъ первыхъ извѣстныхъ на Руси византійскихъ источниковъ свѣдѣній о мірѣ и природѣ [1]). Съ тѣхъ поръ сдѣлались „Правила Аѳанасія мніха іерусалимского о наоузѣхъ и о стрелѣ громнѣй" одной изъ постоянныхъ статей древне-русскихъ алфавитовъ, палей и другихъ сборниковъ. Эти „правила" объясняютъ существо и значеніе громовыхъ стрѣлокъ слѣдующимъ образомъ: „стрѣлки и топори громніи неч҃ствая и б҃гомерьзъская вещь, аще недоучы и подсыванія и ѡгненныя болести лѣчить, аще и бѣсы изгонитъ и знаменія творитъ" [2])... Эти сообщенія Аѳанасія ходили въ русской литературѣ вплоть до XVI—XVII вв. Съ этого времени, однако, когда широкая волна западно-европейской культуры принесла съ собою на Русь также пеструю массу новыхъ космографическихъ теорій, вытѣсняя прежніе византійскіе устои, тогда, между прочимъ, должны были и правила Аѳанасія о громныхъ стрѣлкахъ уступить мѣсто аналогическимъ сообщеніямъ западныхъ космографій и люцидаріевъ [3]).

Западныя описанія стрѣлокъ были двоякаго рода. Одни утверждаютъ, что стрѣлки происходятъ изъ какого-то острова, находящагося вблизи Сциллы и Харибды, на которомъ ихъ куютъ кузнецы-циклопы: „близ прилѣжит островъ, въ немже

---

[1]) В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, Кіевъ, 1869, 62.

[2]) А. Востоковъ, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей румянцовскаго Музеума, Спб. 1842, с. 3, 283, 306, 325 и др. Памятники древней письменности, Спб. 1879, IV, 142; Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, Спб. 1865, III, 97; Матеріалы для археографическаго словаря, въ Древностяхъ, Трудахъ московскаго археолог. общества, IV, 51—2; А. Галаховъ, Исторія русской словесности. древней и новой, Спб. 1863, I, 143, и др.

[3]) Н. Петровъ, О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, 1872, II, 714; Галаховъ, Ист. р. слов., I, 142—3.

суть ковачы, якоже повѣдают намъ языческія книги, еже они куютъ громовыя стрѣлки..., нарицают-же-ся тѣ кузнецы сиклопесъ" [1])...

Другія сообщенія люцидаріевъ стараются принять уже больше физіологическій, псевдо-научный характеръ: „егда убо воздухъ и огнь вкупе смесится, тогда бываетъ на воздусе стукъ столь великъ, еже мы слышимъ и на земли, і то есть громъ: і егда убо воздухъ растерзается отъ огня, сице стреляетъ тои огнь долу, еже то есть громовыя стрелы; и егда те стрелы пріидутъ на землю, обретаются видомъ серы, приемлюще отъ воздуха дебѣлость свою" [2]).

Въ люцидаріи Тихонравова выражена мысль о сущности стрѣлокъ немного иначе: „и исходятъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки сероведны и сіе бываетъ на оустрашеніе дѣмономъ" [3]).

Кромѣ византійскихъ „правилъ" и сообщеній западно-европейскихъ люцидаріевъ, не находимъ въ древне-русской литературѣ никакихъ другихъ упоминаній о громныхъ стрѣлкахъ; объ оригинальныхъ чертахъ народнаго повѣрія нѣтъ въ ней, конечно, ни помину.

III.

Изъ приведенныхъ выше аналогій повѣрія о громовыхъ стрѣлкахъ у разныхъ народовъ міра, убѣждаемся наглядно въ

---

[1]) Н. Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древности, Москва, 1859, I, отд. 2-е, 52; И. Я. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ соловецкой библіотеки, Спб. 1890, 438.—Такъ-же въ нѣмецкомъ люцидаріи изъ 1491 г. Ср. Karl Simrock, Die deutscher Volksbücher, Франкфуртъ н. М., 1867, XIII, 395: „Dabei liegt eine Insel, darin sind Schmiede: die heidnischen Bücher sagen, sie schmieden Donnerstralen..., die Schmiede heissen Cyklopen".

[2]) Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о новозав. лицахъ и прч., 447.—Такъ-же въ нѣмецкомъ люцидаріи Симрока: „wenn die Donnerstralen auf die Erde kommen, so werden sie eisengrau: die Farbe nehmen sie von der Luft, wo sie hindurchschiessen (Die deut. Volksbücher, XIII, 405).

[3]) Лѣтописи русской литературы и древности, I, отд. 2-е, 57—8).

томъ, что его нельзя считать принадлежностью одного или другого народа или какой-либо опредѣленной эпохи, что о заимствованіи или бродячемъ характерѣ повѣрія отъ одного народа къ другому въ этомъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ; оно принадлежитъ къ тѣмъ культурнымъ мотивамъ, которые возникаютъ вездѣ самостоятельно и непосредственно изъ общей сокровищницы человѣческаго духа и, слѣдовательно, общи всему человѣчеству. Такимъ-же образомъ, должно быть, это повѣріе возникло и на Руси.

Невѣроятнымъ кажется также предположеніе, не повліяли ли на образованіе народнаго повѣрія о громовыхъ стрѣлкахъ, или по крайней мѣрѣ на его отдѣльныя черты и краски, книжныя, зашедшія извнѣ сообщенія русской литературы, которыя во многомъ сходны и тождественны съ ними. Мы видимъ, однако, что отмѣченныя въ литературѣ черты повѣрія находятся не въ одномъ только русскомъ преданіи, но и въ преданіи самыхъ отдаленныхъ и первобытныхъ народовъ. Спеціальныхъ-же мотивовъ, общихъ только народному повѣрію и литературной традиціи на Руси, которые могли-бы указывать на какую-либо генетическую связь между ними, найти нельзя; напротивъ, тѣхъ чертъ книжныхъ сообщеній, которыя не встрѣчаются въ живомъ преданіи другихъ народовъ, какъ напр. о кованіи стрѣлокъ циклопами, не находимъ и въ русскомъ преданіи.

Въ виду этого нельзя предполагать, чтобы эти книжныя сообщенія произвели на народное воображеніе какое-либо впечатлѣніе, подобно другимъ средневѣковымъ космографическимъ или религіознымъ новинкамъ; они являлись только простымъ повтореніемъ или блѣднымъ снимкомъ съ представленія, вышедшаго изъ древнихъ основъ народной миѳологіи.

IV.

Первыя начала каждой миѳологіи основываются на обожествленіи природныхъ и атмосферическихъ явленій; наиболѣе-же поражаютъ примитивное воображеніе явленія грома и молніи.

И у древнихъ славянъ, по единодушному признанію изслѣдователей, были громъ и молнія центромъ религіозныхъ вѣрованій и культовъ. Богъ Перунъ, олицетворявшій въ себѣ эти физическія явленія, какъ тоже животворную небесную влагу, располагалъ властью надъ цѣлою жизнью земли. Онъ соединялъ въ себѣ оба зиждущія міръ начала—доброе и злое, свѣтлое и темное. Какъ распорядитель небесной влаги, онъ сѣялъ и напитывалъ благодатными соками земную жизнь; управляя громомъ и молніей, онъ могъ карать и уничтожать ими своихъ противниковъ [1]).

Христіанство не скоро успѣло низвергнуть и вытѣснить могущественнаго языческаго бога. Вплоть до конца среднихъ вѣковъ поклонялся ему неизмѣнно двоевѣрный народъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя церковныя поученія и наставленія XIII—XV вв., исполненныя порицаній и проклятій на вѣрующихъ въ Перуна и приносящихъ „трѣбокладенія грому".

Мало-по-малу поблекло и затерялось однако грозное имя бога-громовника, а самое существо его, подъ настойчивымъ вліяніемъ христіанства и внесеннаго имъ міровоззрѣнія, раздробилось на нѣсколько отдѣльныхъ стихійныхъ существъ [2]). Со вре-

---

[1]) Ср. А. С. Фаминцынъ, Божества древнихъ славянъ, Спб. 1884, I, 32—3, 35—7, 141—8; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. славянъ, I, 90—1, 278—сл., 262—сл., и др.; С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Москва, 1874, I, 74, 299—301; Gregor Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, изд. 2-е, Грацъ, 1887, 383—6; Máchal, Nákres slov. bájeslovi, 20—4; I. Jireček, Studia v oboru mythologie české, въ Časopis Musea Král. česk. 1863, 154—6; W. A. Maciejowski, Pierwotne dzieje Polski i Litwy, Варшава, 1846, 136—сл., и мн. др.

[2]) Представленіе объ особыхъ управляющихъ отдѣльными стихійными явленіями духахъ или ангелахъ зашло на Русь въ писаніяхъ греческихъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, которые получили его опять изъ древне-іудейскихъ апокрифовъ, изъ книги Эноха, Малаго Бытія, Завѣта Адама и др. (И. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Казань, 1872, 134, 171—2, 233—4; тотъ-же, Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ соловецкой библіотеки, Спб. 1877, 21—9; В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, 542; Gustav Roskoff, Geschichte des Teufels, Лейпцигъ, 1869, I, 218—9; A. Graf, Naturgeschichte des Teufels, Iена, 70—83, и др.—Въ позднѣйшихъ памятникахъ древне-русской литературы, происходившихъ изъ Византіи, приписывается управленіе громомъ также нѣсколькимъ или

менемъ эти миѳическія существа получили имена разныхъ христіанскихъ святыхъ; главнымъ-же заступникомъ языческаго Перуна и преемникомъ его аттрибутовъ сдѣлался пророкъ Илія [1]).

Вліянію богумильскаго дуализма слѣдуетъ приписать встрѣчающееся мѣстами представленіе о томъ, что управленіе атмосферическими явленіями перенялъ отъ Перуна также діяволъ и его служители, колдуны и вѣдьмы [2]).

даже цѣлому вѣдомству ангеловъ. Въ русскомъ спискѣ Пренія Панагіота съ Азимитомъ выражена эта мысль такъ: „Триста англъ держитъ молніа и громъ и два облака оударяются ветром силнымъ, отъ силы оудареніа трѣснетъ и молнии пущаются отъ силы ан̃гльска“... (Памятники древней письменности, IV, 60). Болѣе непосредственно слѣдующее сообщеніе одного сборника XVI вѣка: „отъ чего громъ сотворенъ есть?—два ангела громная есть, и елеоньскыи старець Пероунъ есть, а хоръ есть жидовинъ“. (Извѣстія импер. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, Спб. 1855, IV, 134, подстроч.). Въ этихъ словахъ видимъ, между прочимъ, интересное отраженіе ломки древняго языческаго міровоззрѣнія съ наступающими христіанско-апокрифическими началами.

[1]) А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, II, 85—сл., VIII, 321—сл.; Фаминцынъ, Божества древ. слав. 125, 312—3; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. I, 261—сл., 469—73; Н. Петровъ, О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, 1871, IV, 355—сл.; Máchal, Nákres slov. báj. 24—6, и т. д.— Кромѣ Иліи, считаются частичными или случайными замѣстителями Перуна св. Георгій, Петръ, Михаилъ и Марія Магдалина (Огненная Марія), также Богородица и самъ богъ. Однако мнѣніе Аѳанасьева (ор. с. III, 465) и слѣдующаго за нимъ Петрова (op. cit. 568—9), будто принадлежитъ къ нимъ также св. Андрей, ничѣмъ не доказано и основывается на однѣхъ только фантастическихъ догадкахъ и произвольныхъ заключеніяхъ.—На ангеловъ и христіанскихъ святыхъ перешло отъ Перуна также храненіе дождя, небесной влаги. Объ этомъ упоминается еще въ волынско-галицкой лѣтописи конца XIII в., „посла богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя“ (изд. А. С. Петрушевича, Львовъ, 1871, 46). Въ Преніи Панагіота съ Азимитомъ „отъ силы англьска разгибаютца облацы и пущаютъ дождь якожъ и градъ на землю“. (Памятники древн. письм. IV, 60).

[2]) Аѳанаьевъ, ор. с. III. 1—15; Graf, Naturgesch. des Teufels, 70—87; Dr. R. F. Kaindl. Die Wetterzauberei bei der Rutenen und Huzulen, Черновцы, 1895.—Въ Буковинѣ вѣрятъ, чво въ молніи скрывается нечистая сила (Казарищукъ, 1. с. 22). На Украйнѣ называются громовыя стрѣлки потому также чортовыми пальцами или пазурами (Lud, organ towarz. ludozn., II, 39).—Интересную комбинацію находимъ въ одномъ польскомъ сочиненіи XVIII в. п. з. Seym piekielnij, въ которомъ чортъ-домовой жалуется, что „czasem drudzy bracia na mnie narzekaią,

V.

Наблюдая за произвольными и повидимому безцѣльными движеніями молніи и признавая ее оружіемъ въ рукахъ божества, примитивное воображеніе должно было додуматься и до вопроса, куда и зачѣмъ летаютъ ея огненныя стрѣлы? Вѣря, что земля и воздухъ наполнены массой невидимыхъ духовъ и демоновъ, народное воображеніе остановилось на нихъ и сюда направило удары небеснаго оружія; богъ-громовникъ, Перунъ-ли или Илія, какъ защитникъ правды и добра[1]), ведетъ вѣчную

Piorunem y Lyskawicami y ogniem ciskaią" (библіотека Оссолинскихъ во Львовѣ, н-ръ 15, 260, листъ 15). Въ южно-русскихъ преданіяхъ разсказывается о томъ, что первоначально богъ отдалъ громъ и молнію въ распоряженіе діявола; когда тотъ однако сталъ злоупотреблять своей властью, богъ послалъ своего ангела или Илію, отнять у него это страшное оружіе. Тотъ побѣдилъ діявола и отнялъ у него громъ такимъ способомъ, что надъ спавшимъ въ водѣ или нырнувшимъ въ воду діяволомъ сотворилъ ледяное вѣко 24 сажней толщины, такъ что пока онъ пробился сквозь ледъ, Илія или Гавріилъ успѣлъ бѣжать съ громомъ на небо. (Ястребовъ, Матеріалы по этнографіи новорос. края, 119—120; Kaindl. Die Wetterzauberei, 17—18; тотъ-же Kosmogonische Sagen der Rutenen und Huzulen, въ Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung, 1894, Nr. 130, c. 518; Kaindl-Manastyrskij, Die Rutenen in der Bukowina, Черновцы, 1889—90, II, 14, 36—7).—Такимъ-же способомъ добываетъ у сербовъ ангелъ похищенное діяволомъ солнце. (Караджичъ, Српске народне приповиjетке, изд. 2-е, Вѣна, 1870, 91—2; N. Nodilo, Religija Srbâ i Hrvatâ, въ Rad jugoslavenske Akademije, т. 81, c. 194; Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina, Вѣна, 1893, I, 483); Такъ-же отнялъ у него архангелъ Михаилъ ризу или рубаху, въ которой заключалась вся его сила (Кіевская Старина, XVII, 195—7; A. Nowosielski, Lud ukraiński, Вильна, 1857, II, 4—5; Этнографическое обозрѣніе, Москва, 1892, Nr. 2—3, c. 253, и др.).

[1]) Во время борьбы язычества съ наступающимъ христіанствомъ древніе язычники призывали Перуна въ защиту отъ чужого бога (Máchal, op. c. 24).—Даже еще южно-русы XVII вѣка призывали въ борьбѣ съ уніей христіанскаго громовника Михаила: „але надѣемся на бога, иж през Михаила архістратига запрѣтит діяволу покуси и напасти от латинников на Русь". (Е. I. Калужняцкій, Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ, Кіевъ, 1877, 55).—Въ сербской пѣсни сходитъ съ неба Илія, чтобы громомъ уничтожить зло (кривду) на землѣ (Nodilo Religija Srbâ i Hrvatâ, въ Rad-ѣ, т. 94, c. 114).—Въ вѣрованіяхъ евреевъ Илія считается наилучшимъ небеснымъ другомъ и защитникомъ людей (Am Urquell, IV, 11—14, 42—3, 120—1).—Латыши призываютъ въ заговорахъ и понынѣ Перуна въ защиту отъ болѣзней, домашнихъ и общественныхъ бѣдствій и т. п. (Фаминцынъ, op. c. 101—2).

борьбу съ демонами, чертями, драконами и другими злыми духами. Какъ во многихъ космогоническихъ сказаніяхъ, онъ молніями низвергъ взбунтовавшагося Сатанаила и его чинъ, такъ и послѣ гоняется постоянно за ними и разитъ ихъ своими огненными стрѣлами [1]).

Представленіе объ убиваніи громомъ злыхъ духовъ и демоновъ одно изъ древнѣйшихъ и наиболыне распространенныхъ въ цѣломъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно, какъ мы отмѣтили выше, принадлежитъ къ наиболѣе натуральнымъ и непосредственнымъ психологическимъ представленіямъ и основывается на первоначальныхъ атмосферическихъ миѳахъ, на самомъ первичномъ понятіи существа бога-громовника.

Потому едва-ли можно выводить его изъ какихъ-либо другихъ мотивовъ, напр.—изъ сказаній о борьбѣ Зевса съ гигантами (Schmidt l. cit.), изъ предполагаемаго дуализма славянской миѳологіи (Krek, Einleitung, 799—800), или-же изъ позднѣйшихъ богумильскихъ апокрифовъ (Калужняцкій, Обзоръ, 23).

Представленіе это происходитъ прямо изъ миѳологическаго понятія божества грома и молніи, есть его ближайшее слѣдствіе и является связующимъ звеномъ между нимъ и занимающимъ насъ повѣріемъ о громовыхъ стрѣлкахъ.

---

[1]) Ср. Tylor, Auf. d. Cultur, II, 263—7; Аѳанасьевъ, Поэт. возвр. I, 262—8, 469—73 и др.; Веселовскій, Разысканія, l. c.; Н. Ѳ. Сумцовъ, Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, 400; М. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 16, 42—4, Nowosielski, Lud ukr. II, 165; Чубинскій, Труды, I, 19—24; O Kolberg, Pokucie, obraz etnograficzny, Краковъ, 1882—9, III, 91; Житье и слово, вістник літератури історіи и фольклору, Львовъ, II, 180, III, 137, 218—9, 372, IV 218; Б. Д. Гринченко, Этнографическіе матеріалы и прч, Черниговъ, 1895, I, 282; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, IV, 8, 155—8; Wisła VII, 114; Э. А. Вольтеръ, Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди, Спб. 1887, 8—11; Караджичъ, Живот и обичаји, 66; Meyer, Germ. Myth., 98, 202—сл.; Grimm, D. Myth. I, 144—5, III, 490; Bernhardt Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum, Лейпцигъ, 1871, I, 33, и мн. др.

VI.

Въ развитіи анимистическихъ миѳовъ, населяющихъ вселенную несмѣтнымъ множествомъ духовъ и демоновъ, замѣчаемъ правильно повторяющееся явленіе, а именно, что этотъ воздушный паръ дѣтской народной фантазіи съ теченіемъ времени все больше застываетъ, становится все опредѣленнѣе и плотнѣе и получаетъ наконецъ органическое тѣло и отвѣчающія ему свойства [1]. Понятно, что съ измѣненіемъ существа духовъ и демоновъ должно было также соотвѣтственно измѣниться и понятіе о карающемъ его оружіи. Безплотнаго, воздушнаго духа могъ убить такой-же лучъ молніи, но въ виду органическаго существа онъ становился уже—въ понятіи народа—безсильнымъ. Такимъ образомъ получили и громовыя стрѣлки свою плотность и „дебѣлость", но не отъ воздуха, какъ сказано въ приведенномъ выше сообщеніи соловецкаго люцидарія, а отъ самого-же вѣчно развивающагося народнаго воображенія. Съ другой стороны повліяло на развитіе представленія о громовыхъ стрѣлкахъ также непосредственное наблюденіе природнаго явленія, т. е. белемнитовъ, которые такъ и подсказываютъ примитивному уму заключеніе, что это именно и есть роковыя стрѣлы бога-громовника.

Но громовыя стрѣлки обязаны понятію о богѣ-громовникѣ не однимъ только своимъ происхожденіемъ и внѣшнимъ видомъ, онѣ основываются не на одной только воинственной и темной сторонѣ его существа. На нихъ, какъ на отпрыскѣ существа бога плодородія и защитника правды и добра на землѣ, отразился также отблескъ свѣтлыхъ и благотворныхъ чертъ его характера; такъ онѣ сдѣлались благодатнымъ амулетомъ, прино-

---

[1]) Такіе воплощенные духи вошли уже въ писанія отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, вполнѣ-же приняли и признали ихъ наконецъ средніе вѣка, когда существо ихъ стало уже до той степени органическимъ, что они не только вліяли и дѣятельно вмѣшивались въ каждое человѣческое дѣло, но могли даже сообщаться съ земными женщинами и производить съ ними нормальныхъ дѣтей. (Ср Graf, Naturgesch. d. Teufels, 9—10, 39—сл.; Roskoff, Gesch. d. Teufels, I, главы X—XI; Л. Шепелевичъ, Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры. Харьковъ, 1890, I, 13—сл., и др.).

сящимъ счастье и богатство въ домъ и защищающимъ его отъ несправедливаго удара грома или отъ колдовства и разной нечистой силы. Можетъ быть, что этотъ послѣднiй процессъ произошелъ также на основанiи первобытнаго фетишизма, одухотворяющаго камни и другiе предметы и приписывающаго имъ послѣ сверхъ-естественныя силы.

На всякiй случай, однако, громовыя стрѣлки представляютъ собою въ миніатюрѣ полное отраженiе сложнаго существа благодатнаго и грознаго, свѣтлаго и темнаго бога-громовника.

Юльянъ Яворскiй.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Этнографическій музей въ Варшавѣ. Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для правильной постановки у насъ дѣла изученія народной жизни является въ настоящее время устройство этнографическихъ музеевъ. Конечно, условіе это существовало всегда, съ тѣхъ поръ какъ началось это дѣло, но именно въ настоящее время оно требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія. Народная жизнь находится теперь въ періодѣ броженія: въ старомъ, вѣками установившемся строѣ пробита брешь; черезъ нее новыя вліянія все съ большей и большей силой вливаются въ застоявшееся сѣрое море, охватываютъ всѣ стороны народной жизни, несутъ съ собой смѣну старыхъ воззрѣній, привычекъ, обычаевъ...

Это движеніе расширяясь и углубляясь, придаетъ народной жизни совершенно новую окраску, одинаково касаясь какъ духовной, такъ и матеріальной сферъ жизни. Послѣдняя матеріальная сторона, обыкновенно первая и подчиняется новымъ вліяніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она-то и является наименѣе затронутой научными изслѣдованіями. Нивелирующее вліяніе культуры, хотя бы только внѣшней, сказывается все больше и больше; пройдетъ еще немного времени,—и матеріалъ для такого рода изслѣдованій съузится до minimum'а. Вотъ почему именно теперь, пока еще не поздно, слѣдуетъ серьезно заняться этой стороной дѣла; наряду съ изслѣдованіями, какъ необходимое подспорье для нихъ, должно быть поставлено на очередь и устройство этнографическихъ музеевъ. Болѣе подробный разборъ этого вопроса слишкомъ отвлекъ-бы насъ отъ темы настоящей замѣтки, а потому, отмѣтивъ лишь, что наиболѣе пригодная и удобоисполнимая форма этнографическихъ музеевъ—это музеи областные, обратимся къ варшавскому музею; о немъ мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣ-

сколько словъ, такъ какъ онъ является учрежденіемъ, поставившимъ цѣлью по мѣрѣ силъ пополнять тотъ пробѣлъ, о которомъ упоминалось выше; въ частности на этотъ музей намъ слѣдуетъ обратить вниманіе и потому, что среди его коллекцій есть довольно много предметовъ и южно-русскаго происхожденія.

Поднимаясь по широкой лѣстницѣ Промышленнаго и Сельско-хозяйственнаго музея (на Краковскомъ предмѣстьи), на третьемъ этажѣ вы встрѣчаете дверь съ надписью: «Этнографическія коллекціи»; входите, уплачиваете 15 коп. и можете на свободѣ осмотрѣть тотъ этнографическій матеріалъ, который удалось собрать за нѣсколько лѣтъ существованія музея; осматривать можете спокойно, мѣшать вамъ никто не будетъ:—варшавская публика очень рѣдко сюда заглядываетъ [1]). Однимъ неудобствомъ является тѣснота помѣщенія:—коллекціи нагромождены въ 3-хъ небольшихъ комнатахъ; эта тѣснота служитъ помѣхой и для систематическаго распредѣленія коллекцій, а это очень важное обстоятельство для всякаго рода музеевъ--безъ него очень затрудняется знакомство съ содержаніемъ.

Но, прежде чѣмъ приступимъ къ осмотру, обратимся на время къ прошлому музея, прошлому, если и не длинному по времени, то, во всякомъ случаѣ, богатому разными превратностями судьбы, очень сильно вліявшими на развитіе музея и лишній разъ показавшими, какъ туго вообще двигается у насъ всякое дѣло, носящее общественный интересъ [2]).

Въ Варшавѣ существовалъ одно время Зоологическій садъ, устроенный на акціонерныхъ началахъ; среди лицъ, близко стоявшихъ къ этому дѣлу, явилась мысль образовать при садѣ этнографическій музей, который служилъ бы дополненіемъ и продолженіемъ естественно-историческихъ собраній сада. Мысль получила осуществленіе и уже въ началѣ 1888 г. были собраны различные предметы, частью путемъ покупки, частью въ видѣ подарковъ отъ людей, сочувствовавшихъ дѣлу. Помѣщая объ этомъ извѣщеніе въ журналѣ «Wisla», иниціаторы музея добавляютъ, что дальнѣйшее развитіе музея будетъ зависѣть отъ помощи интеллигентной публики, что каждый, хотя-бы и мелкій предметъ, такъ или иначе относящійся къ оригинальнымъ народнымъ издѣліямъ, особенно мѣстнымъ, будь это часть костюма,

---

[1]) Среднее число ежедневныхъ посѣщеній музея—2—3.

[2]) Свѣдѣнія о возникновеніи музея и дальнѣйшее устройство его мы заимствуемъ изъ небольшихъ замѣтокъ объ этомъ, помѣщавшихся въ журналѣ „Wisla"

орудіе, оружіе, рисунки и фотографіи народныхъ типовъ и т. п.— будетъ принятъ новонарождающимся музеемъ съ благодарностью. Съ своей стороны редакція «Wisly», прекрасно поставленнаго этнографическаго журнала, приняла вполнѣ сочувственно мысль о музеѣ и предложила свое посредничество. Воззваніе это не осталось безъ послѣдствій, публика откликнулась и коллекціи начали понемногу пополняться. Такъ хорошо начатое дѣло, продолжалось однако недолго: въ 1890 г. Зоологическій садъ прекращаетъ свое существованіе, остановился и музей, и только благодаря тому, что нѣсколько частныхъ лицъ приняли близко къ сердцу заботу о дальнѣйшемъ его существованіи, это полезное учрежденіе, превратившись въ «постоянную этнографическую выставку», не погибло совсѣмъ, хотя и потеряло прежнюю устойчивость. Съ этого времени начинается странствованіе музея изъ одного частнаго помѣщенія въ другое, пока, наконецъ, въ прошломъ году онъ не нашелъ пріюта въ стѣнахъ Промышленнаго Музея. Это неопредѣленное положеніе, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, отразилось и на составѣ коллекцій музея: эти послѣднія не переставали пополняться, но пополнялись очень медленно, хотя, быть можетъ, причиной этого были и нѣкоторыя обстоятельства болѣе общаго характера, о которыхъ скажемъ ниже.

Есть цѣлая группа общественныхъ музеевъ, цѣль которыхъ по существу самого дѣла, получаетъ какъ-бы раздвоеніе: съ одной стороны музеи должны служить для цѣлей образовательныхъ, имѣя въ виду массу, съ другой--должны давать и хранить матеріалъ для научной работы. Что касается этнографическихъ музеевъ, то первая цѣль достигается путемъ подбора коллекцій, характеризующихъ жизнь различныхъ народностей, различныхъ частей свѣта; тутъ важно имѣть болѣе типичныя вещи, не гоняясь за мелочами, но стараясь представить возможно большее число народностей; другое дѣло — научныя цѣли: вопросъ здѣсь сводится къ тому, чтобы дать возможно полную картину *мѣстной* народной жизни, насколько она выражается въ различныхъ предметахъ матеріальной культуры; близость раіона, изъ котораго поступаетъ матеріалъ, можетъ дать возможность собрать его въ подробностяхъ, не пренебрегая и мелочами, такъ какъ и послѣднія, будучи собраны воедино, служатъ средствомъ уловить различія, на первый взглядъ и мало замѣтныя.

Варшавскому музею трудно было держаться какой нибудь опредѣленной системы: составлялся онъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованій, выбирать тутъ не приходилось, но, не смотря на это,

уже самъ естественный ходъ дѣла способствовалъ тому, что въ настоящее время коллекціи музея распадаются на мѣстныя, характеризующія польскій народъ и на доставленныя изъ другихъ мѣстъ, даже другихъ частей свѣта. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что эти послѣднія, чужеродныя коллекціи, преобладаютъ надъ мѣстными; этотъ, собственно ненормальный фактъ, былъ уже отмѣченъ еще при самомъ началѣ устройства музея и былъ даже поставленъ вопросъ, почему поляки изъ дальнихъ мѣстъ идутъ впереди мѣстныхъ [1]). По нашему мнѣнію въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общимъ у насъ явленіемъ, что свое, ближе лежащее къ намъ, мы менѣе знаемъ, менѣе обращаемъ на него вниманія, интересуемся имъ, чѣмъ чужимъ, далекимъ.

Дѣйствительно, предметы, относящіеся къ быту польскаго крестьянина, тонутъ въ массѣ другихъ и ни одна сторона этого быта не представлена въ надлежащей полнотѣ; обстоятельство это является, по нашему мнѣнію, главнымъ недостаткомъ музея, хотя недостатокъ этотъ и нельзя относить на счетъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу.

Предметы не польскаго происхожденія стекались и стекаются въ музей изъ различныхъ мѣстъ. Есть тутъ цѣлая этнографическая коллекція, вывезенная Л. Янковскимъ изъ Африки, изъ Камеруна, есть предметы изъ Аргентины, Восточной Сибири, Средней Азіи, Кавказа, Лапландіи, есть вещи литовскія, великорусскія, бѣлорусскія и наконецъ—малорусскія. Предметовъ малорусскаго происхожденія сравнительно много и собраны они изъ различныхъ угловъ того громаднаго пространства, которое занимаетъ малорусское племя. На нихъ мы теперь и остановимся; въ подробности входить не будемъ, постараемся дать только бѣглый перечень.

По количеству предметовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Забужная Русь, затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ: Галиція, Подолія, Волынь, Кіевская губ.; кое-что есть также изъ Пинщины, лѣвобережная Украина представлена слабѣе всего.

Начнемъ съ жилища. Въ музеѣ есть нѣсколько моделей, изготовленныхъ въ довольно большомъ масштабѣ, такъ что представленіе о жилищѣ получается полное. Отмѣтимъ здѣсь хату изъ окрестностей Пинска—типичный образецъ полѣсской постройки. Вся она изъ кругляковъ, видно, что лѣса не жалѣли. Другая модель изображаетъ хату изъ Подляшья. Еще большихъ размѣровъ—модель еврейскаго жилища

---

[1]) См. „Wisła", т. III, стр. 983—5.

изъ посада Лащавъ, Томашевск. у. Люблинск. губ. Здѣсь вы наглядно видите, въ какой тѣснотѣ ютится бѣднѣйшее еврейское населеніе нашихъ мѣстечекъ. Весь домъ продольно раздѣленъ проходомъ: по одной сторонѣ идутъ жилыя помѣщенія, лавки, хедеръ, по другой—склады, сараи и также жилыя конуры. Домъ этотъ представленъ со всей внутренней обстановкой жилищъ и даже съ миніатюрными фигурками обитателей; тутъ же находятся и таблички, на которыхъ обозначено количество воздуха, заключающагося въ жилищахъ и, само собой разумѣется, что количество это поразительно мало.

Очень много вещей въ музеѣ относится къ мужскому и женскому костюму. Здѣсь есть какъ цѣлые, оригинальные костюмы, такъ и отдѣльныя принадлежности костюмовъ, кромѣ того, довольно точное понятіе о костюмахъ даютъ большія и малыя куклы, одѣтыя по всѣмъ правиламъ деревенской моды. Изъ Владавскаго у. Сѣдлецкой губ. мы находимъ здѣсь два полныхъ костюма крестьянина и крестьянки: у обоихъ одинаковыя черныя свитки до колѣнъ съ красными вышушками, у крестьянки—юбка и фартукъ бѣлые, съ широкой каймой внизу, кайма—темно-краснаго цвѣта. Другой характеръ носитъ женскій костюмъ изъ с. Ражапки Владавскаго-же у.; состоитъ онъ изъ кофты, сшитой въ талію изъ толстаго чернаго сукна и обшитой синими каймами; юбка, фартукъ и накинутый на плечи плащъ—полосатые, съ преобладаніемъ краснаго цвѣта. Очень оригинальную принадлежность свадебнаго ритуала представляетъ головной уборъ «старостыны» изъ того же Владавск. у.; величиной онъ чуть-ли не въ аршинъ, образуетъ собой какъ-бы деревцо, утыканное цвѣтами, сдѣланными изъ цвѣтной бумаги и перьевъ, верхъ заканчивается павлиньими перьями, а отъ ободка, надѣваемаго на голову, спускаются ленты. Но мы начинаемъ вдаваться въ подробности, а потому упомянемъ лишь, что кромѣ вышеописанныхъ, есть костюмы изъ Люблинской, Подольской, Кіевской губер., Галиціи, масса различныхъ частей костюмовъ: свитокъ, шапокъ, плахтъ, намѣтокъ, сорочекъ, поясовъ и т. п.; по мѣсту происхожденія—изъ владавскаго, радинскаго, грубешовскаго, ховенскаго, замостьскаго, яновскаго, ковельскаго, заславльскаго, винницкаго, сквирскаго, васильковскаго и др. уѣздовъ.

Гораздо меньше предметовъ домашняго обихода, орудій и инструментовъ, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту; лучше всего здѣсь представлена посуда.

Закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на нѣсколько спеціальныхъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ музея. Такъ, мы видимъ здѣсь цѣ-

лый подборъ тѣхъ народныхъ средствъ, которыя пускаются въ ходъ при разнаго рода болѣзняхъ; коллекція собрана д-ромъ Высокинскимъ въ Межирѣчьи, радинск. у. сѣдлецк. губ.; чего-чего только тутъ нѣтъ: и засушенное волчье горло, черезъ которое пьютъ воду во время болѣзни горла, и лисій языкъ, носимый на груди противъ рожи, и куриная косточка отъ дурного глаза, толстая палка, которой натираютъ животъ, положивши предварительно подъ ноги желѣзную сѣкиру—отъ порчи, семь небольшихъ куколокъ, связанныхъ вмѣстѣ,—семь плаксъ, ихъ забрасываютъ, чтобы ребенокъ не плакалъ; вотъ цѣлый подборъ предметовъ отъ эпилепсіи—браслеты на руку и на ногу, кольцо, крестъ; вотъ пучки травъ, камушки, порошки, и т. д., и т. д. Отъ христіанскаго населенія не отстаютъ и евреи: напр., противъ конвульсій ими носится мѣшочекъ, въ которомъ помѣщены ртуть, янтарь, шерсть съ собачьяго хвоста и др.; какъ предохраненіе отъ холеры—доска съ надписью, къ доскѣ на ниткѣ привязана головка чеснока; противъ той-же холеры—мѣдный широкій поясъ, и т. д. Коллекція д-ра Высокинскаго является однимъ изъ цѣнныхъ пріобрѣтеній музея.

Громадна по числу коллекція писанокъ г. Вольскаго, ихъ около 3-хъ тысячъ, это единственное въ своемъ родѣ собраніе.

Рисунки и фотографіи видовъ мѣстностей, построекъ, костюмовъ, типовъ, является необходимымъ добавленіемъ къ собраніямъ предметовъ; въ музеѣ имѣется превосходный такого рода альбомъ, составленный г. Греймомъ фотографомъ изъ Каменецъ-Подольска; заключаетъ онъ въ себѣ 129 фотографій, касающихся главнымъ образомъ Подольской губ. и отчасти Бессарабской; мы тутъ находимъ типы крестьянъ, мѣщанъ, интеллигенціи, нищихъ, евреевъ; подборъ сдѣланъ съ знаніемъ дѣла, выполненіе артистическое; еслибы побольше нашлось у насъ такихъ фотографовъ!

По первоначальному плану программа даннаго музея была широка: тутъ должны были найти мѣсто и этнографія, и антропологія, и географія. Но вотъ скоро пройдетъ 10 лѣтъ, какъ существуетъ музей, и результаты получились сравнительно незначительные,—энергія небольшого кружка лицъ, отдающихъ свои силы на изученіе народной жизни, разбивается о равнодушіе публики. Равнодушіе у насъ—фактъ общеизвѣстный, но въ данномъ случаѣ нужно прилагать особую мѣрку: мы имѣемъ дѣло съ польскимъ народомъ, который такъ чутко относится ко всему, что касается его національности; благодаря этой отзывчивости много дѣлалось и дѣлается, какъ въ области науки,

такъ и въ области общественной жизни; почему-же въ данномъ случаѣ отзывчивость отсутствуетъ? Неужели только потому, что настоящее учрежденіе посвящено главнымъ образомъ «хлопу» и все, что такъ или иначе касается сего послѣдняго, можетъ вызвать лишь презрительное или, въ лучшемъ случаѣ, безучастное отношеніе? Если это такъ, то станетъ понятнымъ, почему такое, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающее полнаго сочувствія, учрежденіе, какъ варшавскій этнографическій музей, развивается такъ туго.

Н. Бѣляшевскій.

Преданія, связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями.

I.

Въ лебединскомъ уѣздѣ есть большое селеніе Мижиричъ или Мижиричи; расположено оно подъ горами, идущими съ сѣверо-востока на юго-западъ по надъ рѣчкою Псломъ. Поселились тамъ украинцы во время преслѣдованія православія и притѣсненія польскими панами народа.

Въ тѣ времена селились по Сейму, Сулѣ, Пслу и Ворсклѣ.

Что это за край былъ въ тѣ времена, какая роскошь природы! Лѣса, луга, вода, земля — какихъ лучше найти трудно. Но изъ всѣхъ мѣстностей самая живописная была по р. Пслу. Дремучіе, тянувшіеся на сотни верстъ, дѣвственные лѣса; сколько птицы, сколько всякаго звѣря водилось въ нихъ!

Многоводная красавица рѣка кишмя кишѣла рыбою.

Такова была въ тѣ времена Украина въ этихъ мѣстахъ! Теперь отъ лѣсовъ и слѣдовъ не осталось,—только кое гдѣ небольшіе перелѣски да кустарникъ; птица и звѣри исчезли; изъ многоводной красавицы рѣки и десятой части не осталось, озера высохли,—только около Лебедина осталось еще озеро Лебединъ, но это небольшое подобіе прежняго озера, когда то очень глубокаго и рыбнаго; оно мелѣетъ и заносится пескомъ съ каждымъ годомъ. Я еще помню въ дѣтствѣ разсказывали рыбалки, что на рединѣ озера была глубина до десяти саженъ.

О Лебединѣ озерѣ существуетъ легенда, что когда то давно, очень давно былъ тамъ городъ, и этотъ городъ провалился съ людьми, домами и церквами. Одинъ рыбалка, когда то ловившш подъ Свѣт-

лый праздникъ рыбу, слышалъ, какъ подъ водой звонили въ церкви и пѣли Христосъ воскресъ, а нѣкоторые рыбалки слышали позднимъ вечеромъ подъ водой, какъ бабы зовутъ свиней до корыта.

Я въ дѣтствѣ по поводу этихъ расказовъ спрашивалъ, отъ чего городъ провалился.

— Богъ его знаетъ! должно быть люди много нагрѣшили, такъ Богъ ихъ наказалъ.—«Какъ же они живутъ подъ водой и вода ихъ не зальетъ?»

— А это уже такъ Богу угодно; Богъ какъ захочетъ, такъ и сдѣлаетъ.

Я отъ всей души вѣрилъ этому и боялся, какъ бы и мнѣ не нагрѣшить столько, чтобы не провалиться на тотъ свѣтъ. Есть около Лебедина озера мѣстность, называемая *Царина*; лѣтъ 50 тому назадъ или больше я спросилъ одного лебединскаго старожила Федора Акимовича Воскобойника, 70 лѣтняго старика, не знаетъ ли онъ, отчего мѣстность та называется *царина*. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Потому, что тамъ росъ царь дубъ, такой что его пять человѣкъ не могли обнять, такой былъ исполинъ. Кто его срубилъ и когда, онъ не знаетъ и за его памяти уже не было того дуба; но когда онъ былъ очень молодымъ человѣкомъ и ѣхалъ мимо пня того дуба съ своимъ отцомъ, то отецъ остановилъ лошадь, приказалъ ему встать и самъ всталъ съ воза, подошли они къ тому пню, и отецъ, показывая на пень, сказалъ ему.—«Смотри, Федоръ, это пень царь дуба; смѣряй его кнутовищемъ вопперекъ». Когда я смѣрилъ, то онъ приказалъ мнѣ смѣрить длину воза съ лошадью, запряженною въ оглобли, и оказалось, что на этомъ пнѣ могли помѣститься въ длину возъ съ запряженною лошадью и еще мѣсто оставалось.

«Вотъ видишь, Федоръ, какой былъ царь дубъ и какіе были у насъ лѣса. Это я тебѣ сдѣлалъ на памятку. Если ты доживешь до старости и будешь говорить объ этомъ, то тебѣ не повѣрятъ, а ты вотъ мѣрялъ самъ своими руками, значитъ—будешь говорить правду».

Людская жадность и неразсчетливость все уничтожили. Въ старину по этимъ лѣсамъ, кромѣ всякаго лѣсного звѣря водилось множество бобровъ; до сихъ поръ уцѣлѣли названія мѣстностей, гдѣ они водились по рѣкѣ Пслу, и по мѣстностямъ названы села: Бобровое, Бобрыкъ Лебединскій, Бобрыкъ Литовскій.

Въ Лебединѣ была небольшая деревянная церковь, въ которой Петръ Великій читалъ апостола и пѣлъ па крилосѣ. Въ дѣтствѣ я не разъ былъ въ этой церкви и видѣлъ домъ, гдѣ онъ останавли-

вался во время своихъ переѣздовъ. Это былъ обыкновенный малороссійскій домъ, посрединѣ сѣни, большая свѣтлица направо, налѣво кухня и комната или спальня. Въ этой свѣтлицѣ на сволокѣ вырѣзано было очень красивыми славянскими буквами: «Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и наитіемъ Святого Духа создася домъ сей въ лѣто отъ воплощенія Іисуса Христа такойто годъ и мѣсяцъ и кто строилъ». Домъ этотъ былъ выстроенъ изъ толстаго стараго сосноваго лѣса безъ фундамента, покрытъ соломой и осѣлъ въ землю такъ, что окошка были низко отъ земли.

Въ Лебединѣ сохранилась до настоящаго времени Николаевская церковь. Это самый древній храмъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь, былъ лѣсъ; изъ этого лѣса строилась и церковь. Еще въ сороковыхъ годахъ на колокольнѣ былъ колоколъ, привезенный выѣхавшими изъ за Днѣпра поселенцами; они же и церковь строили. На томъ колоколѣ была надпись: «отлитъ сей звонъ при королѣ польскомъ Владиславѣ IV». Во все долгое время его существованія онъ былъ цѣлъ и крѣпокъ, но въ сороковыхъ годахъ разжалованный за пьянство въ пономари дьячокъ Хамайко, на Свѣтлый праздникъ съ такимъ свирѣпымъ усердіемъ звонилъ въ нетрезвомъ видѣ, что разбилъ этотъ колоколъ. Гдѣ онъ теперь—не знаю.

Въ сороковыхъ годахъ была у меня грамота царя Алексѣя Михайловича, подписанная имъ съ приложеніемъ сургучной большой печати. Это была грамота сотнику Лебединскому Коваленку за вѣрность его, что онъ не присталъ съ своею сотнею къ измѣннику Брюховецкому. Грамота эта сохранялась въ думѣ; гдѣ она теперь и существуетъ ли—не знаю.

II.

Въ первой четверти этого столѣтія жилъ въ Мижиричахъ войсковой обыватель Ивашко. Тогда еще не было названія государственныхъ крестьянъ, а всѣ свободные люди, не панскіе и не крѣпостные, назывались *войсковыми обывателями*. Имя и отчество Ивашка я забылъ, человѣкъ онъ былъ отъ природы разумный, свѣдущій въ духовныхъ книгахъ, зналъ не хуже дьяка церковные уставы, любилъ читать апостола и пѣть на крилосѣ; былъ сначала волостнымъ писаремъ и головою, пользовался большимъ почетомъ и авторитетомъ между своими односельчанами. Былъ также дока по бумажной части:

написать прошеніе со всѣми изворотами и кляузами того времени—это его дѣло. Съ духовенствомъ у него случались нерѣдко пререканія: почему то онъ съ ними не ладилъ и не пропускалъ случая учинить имъ какую нибудь пакость. Хоть духовенство не любило его и побаивалось, но охотно посѣщало, когда у него была пирушка: ни у кого изъ небогатыхъ пановъ (а о мужикахъ уже и говорить нечего) не было такихъ прекрасныхъ настоекъ и вкусныхъ наливокъ, а равно и яствъ всякихъ, какъ у Ивашка: колбасы малороссійскія, съ чеснокомъ и безъ чесноку, гусь, индюкъ съ подливою, поросятина до холодного съ хрѣномъ и сметаною, жаренная съ приправою... а поверхъ всего варенушка такая, что губы слипаются и по животу пойдетъ какъ бальзамъ чудесный.

Ивашко, угощая радушно и не жалѣя кошту, не пропускалъ случая учинить какую нибудь смѣшную шутку, но за это на него не очень сердились, т. к. по тѣмъ временамъ духъ украинскій и простота нравовъ и обычаевъ еще сильно держались между малороссами: то и не пирушка и не компанія веселая, если какой нибудь веселый затѣйникъ не выдумаетъ чего нибудь такого, что всѣ за боки берутся, та смѣются. Но объ этомъ когда нибудь разскажу особо, а теперь передамъ, какъ мнѣ разсказывалъ уже лѣтъ 50, а может больше, одинъ Мижирицкій старожилъ. «Благочинный тамошней церкви (въ Мижиричи три церкви) получилъ съ почты письмо такого содержанія».

Ваше высокопреподобіе Отецъ Протоіерей!

Я родомъ изъ Мижирича. Много лѣтъ тому назадъ хотѣли меня взять въ солдаты; я бѣжалъ изъ Мижирича, былъ въ донщинѣ, на Кубани и наконецъ забрался въ Черноморію, присталъ до Черноморцовъ, перемѣнилъ имя и прозвище, записался въ Черноморцы, женился, нажилъ себѣ худобы достаточно; были дѣти, но иные померли а двоихъ сыновъ на войнѣ черкесы убили. Теперь уже я старъ и жена старуха,—такъ я хочу открыть вамъ, батюшка, что на нашей землѣ, въ Мижирицкихъ дачахъ, на лугу зарытъ кладъ. Этотъ кладъ закопалъ мой дѣдъ. Дѣдъ мой былъ запорожецъ и когда руиновали польскихъ пановъ и жидовъ на украинѣ за Днѣпромъ, онъ добылъ себѣ не мало всякого добра: грошей золотыхъ и серебряныхъ, кубковъ и мисокъ панскихъ серебряныхъ и другой худобы; награбивши такого добра, закопалъ въ землю. Сталъ онъ себѣ думать, что это такъ не пройдетъ, и ляхи за такія дѣла будутъ казнить и мучить и не воспользуешься этой худобой. Вотъ онъ, надумавшись, далъ тягу изъ-за Днѣпра. Гдѣ онъ былъ сначала—Богъ его знаетъ, а потомъ

пришелъ въ Мижиричъ, купилъ себѣ хату и лугъ, женился, завелся худобою. Прошло не мало времени, когда за Днѣпромъ уже давно все утихло, и тѣхъ, кто грабилъ польскихъ пановъ и жидовъ, замучили въ лютыхъ казняхъ. Почти всѣ товарищи моего дѣда пропали замученными, остались живы только тѣ, кто догадался, также какъ и мой дѣдъ, да подальше утекъ.

Поѣхалъ дѣдъ туда отыскать свою худобу, закопанную въ землѣ, но за это время тамъ такъ все перемѣнилось, что и узнать нельзя.— Гдѣ было село, тамъ все зруйновано, спалено,—только кой гдѣ печи стоятъ развалениыя. Такъ мой дѣдъ и не нашелъ тогда своего кладу, а послѣ опять ѣздилъ, пока таки нашелъ, привезъ въ Мижиричъ и закопалъ у себя на лугу.

Когда дѣдъ былъ старымъ и почувствовалъ, что скоро умретъ, онъ велѣлъ запречь коня въ возъ, самъ сѣлъ на возъ и моему отцу велѣлъ сѣсть; поѣхалъ съ нимъ на лугъ, показалъ, гдѣ закопалъ кладъ, и сказалъ моему батьку: «вотъ на этомъ мѣстѣ я закопалъ кладъ»,— но наложилъ на него заклятіе, что ни онъ, ни его дѣти не будутъ имъ пользоваться, а только внуки; когда дойдутъ возраста и розуму, то половина внукамъ, а другую половину на церковь, чтобы отмолили его грѣхи, ибо кладъ этотъ добутый не трудомъ честнымъ, а грабежомъ. Багато я жидивъ на той свитъ отправивъ, та и ляхамъ не було спуску; великій грихъ на мени за ти дила лежить. Забожись передо мною, що ты зробишь такъ, какъ я тоби приказую.

Батько мій поклявся, що такъ зробыть, какъ приказываетъ дѣдъ, Отецъ мой исполнилъ клятву: кладу онъ не трогалъ. Когда я выросъ и пришлось *утикать* отъ рекрутчины, оставался живъ отецъ и меньшій мой братъ; послѣ я слышалъ, что братъ умеръ а за нимъ вскорѣ и мой отецъ, мать еще раньше померла. Теперь я одинъ наслѣдникъ остался, мнѣ этотъ кладъ не нуженъ ни для чего, такъ я, батюшка отецъ протоіерей, предоставляю вамъ право выкопать его и половину отдать на церковь, а другую половину возьмите себѣ съ причтомъ и поминайте моего дѣда и батька и меня грѣшнаго.

Кладъ этотъ зарытъ въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ на нашому лугу. Можетъ, лугъ той теперъ уже перейшовъ кому другому, но вы такъ выкопайте, чтобы кромѣ васъ никто не зналъ. О моемъ дѣдѣ, батькѣ и обо мнѣ не роспитуйте,—вамъ до этого нѣтъ дѣла.

Когда батюшка прочиталъ письмо это, отъ неожиданно привалившаго счастья ему душно стало, мысли зароились въ его головѣ; приходило въ голову выкопать кладъ, раздѣлить какъ сказано въ

письмѣ на церковь и причту, а съ остальною частью распорядиться такъ: купить земли, устроить хуторъ, завести всякаго добра—скота, птицы, пасѣку.

Приходила мысль и о томъ, что кладъ должно быть не малый,—можно удѣлить и на поѣздку въ консисторію, похлопотать, чтобы камилавку получить, а тамъ дальше Богъ дастъ и наперсный крестъ за службу въ награду дадутъ.

Чтобы скорѣе получить камилавку и наперсный крестъ, кладъ нужно превратить въ деньги и часть ихъ пожертвовать на украшеніе и благолѣпіе церкви.

Думалось и такъ:—какъ же давать часть причту? вѣдь если причтъ узнаетъ, то на другой же день всему Мижиричу будетъ извѣстно, а тогда хозяинъ того мѣста, гдѣ закопанъ кладъ, потребуетъ себѣ часть, казнѣ часть, причту отдать часть, а мнѣ что останется? Можетъ быть, такой пустякъ, что, какъ говорится, ни попу ни найниту. Лучше такъ сдѣлать:—выкопать кладъ, а о письмѣ и что тамъ написано, чтобы никто не зналъ, да и завѣщатель такъ пишетъ; потомъ, смотря какія тамъ сокровища зарыты и на сколько ихъ,—перевести секретно все на деньги; удѣлить малую толику на церковь и причту.

Но тутъ затрудненіе явилось—съ кѣмъ ѣхать копать кладъ, кому можно довѣриться, чтобы не разболталъ?

Взять работника, но это дѣло невозможное: при первомъ удобномъ случаѣ онъ напьется въ шинкѣ и разскажетъ подъ секретомъ всей пьяной компаніи. Ѣхать самому нельзя,—нужно ѣхать ночью и дожидать тамъ полуночи, а кладъ, какъ извѣстно, охраняетъ нечистая сила; можетъ учинить такую пакость, что съ испугу и живота лишиться можно, а этотъ кладъ добытъ на крови человѣческой, то и сугубое будетъ учинено врагомъ рода человѣческаго злоключеніе.

Съ кѣмъ посовѣтоваться, кому можно довѣриться, открыть секретъ? «Человѣка не имамъ» —ходивши по горницѣ, повторялъ батюшка. Посовѣтоваться съ матушкой (женой) опасно. Не утерпитъ она, чтобы не сказать кумѣ или другой пріятельницѣ. Мысли эти обуревали его всю ночь и не дали заснуть.

Утромъ вставши, матушка замѣтила, что съ батюшкою творится что то необычайное; приступила она къ нему съ вопросами: что съ нимъ случилось, не боленъ ли онъ? Не получилъ ли изъ консисторіи или отъ Владыки какой нибудь непріятной бумаги? Можетъ до

носъ какой былъ, что батюшка дорого беретъ за вѣнчанье, или за другіе какіе непохвальные поступки?

Долго крѣпился батюшка, наконецъ признался, что получилъ письмо, и тутъ же прочиталъ его и объяснилъ, что онъ занятъ мыслями и никакъ не можетъ рѣшить, какъ ему поступить съ этой худобою.

«Подывлюсь я на тебе, попе, такъ показуешься мовъ и розумный, а у тебе нема толку и за яку небудь базарну бабу. Ну чого тутъ голову морочить? Тебѣ человѣкъ пишетъ, чтобы ты выкопалъ кладъ и чтобы никто объ этомъ не зналъ.—Ну, выкопай, а послѣ какъ съ нимъ распорядиться—тогда уже видно будетъ! А по моему такъ на церковь давать не стоитъ. Стояла церковь безъ этого кладу и будетъ стоять, ее прихожане обязаны содержать и поправлять,—они и содержутъ и поправляютъ; а причту тоже никому ничего не слѣдуетъ давать,—гараздъ имъ и такъ будетъ; вѣдь ты главный и старшій богомолецъ. Будешь отмаливать грѣхи того, кто закопалъ кладъ, а письмо тебѣ написано. Ну, сдѣлай помоему: выкопай кладъ, забери себѣ увесь и молчи; у насъ дочки есть, будетъ имъ приданое, да и сыновей не мало и имъ пригодится. Дурень ты, попе, тебѣ Богъ счастье даетъ въ руки, а ты и этого не понимаешь, да еще и голову свою крутишь.

Такъ какъ рѣшеніе матушки пришлось въ ладъ, ибо и батюшка къ концу мыслей своихъ пришелъ къ такому же заключенію, то такъ на томъ и порѣшили.

Но съ кѣмъ ѣхать копать кладъ? Вѣдь одному нельзя! Можетъ, ты, матушка, поѣдешь? вдвоемъ все таки не такъ опасно:—«Боже меня сохрани, чтобы я поѣхала,—я отъ одного страху тамъ же умру».

Порѣшили взять дьячка изъ своей церкви; онъ человѣкъ уже не молодой, степенный и подначальный, такъ если съ него взять клятву, чтобы онъ никому не говорилъ да и удѣлить изъ клада хотя малую толику, то онъ будетъ молчать.

Позвали дьячка, батюшка объяснилъ ему, что онъ видѣлъ дивный сонъ:—три раза являлся ему во снѣ дивный и благообразный старецъ, и сказалъ, что въ такомъ то мѣстѣ закопалъ онъ кладъ и приказывалъ мнѣ выкопать тотъ кладъ, взять себѣ и молиться за его грѣшную душу. Такъ какъ онъ считаетъ его за человѣка благоразумнаго и надежнаго, поэтому приглашаетъ ѣхать вмѣстѣ выкопать кладъ, за это удѣлитъ малую толику и ему, но только онъ долженъ дать клятву, что никому никогда не скажетъ.

Дьячокъ охотно и безпрекословно далъ клятву, какъ предложилъ отецъ протоіерей, и зѣло возрадовался и возвеселился душевно и сердечно, что и ему, человѣку бѣдному, будетъ удѣлена хотя малая мзда изъ сокрытыхъ сокровищъ.

Когда батюшка объяснилъ приблизительно, въ какихъ мѣстахъ чудный старецъ указывалъ ему кладъ, оказалось, что это мѣсто дьячокъ знаетъ; поэтому, не откладывая въ долгій ящикъ, порѣшили ѣхать эту же ночь искать сокровища.

Наступила ночь.—Забравши заступы и лопаты, поѣхали, по указанію дьячка, нашли мѣсто, сходное съ написаннымъ въ письмѣ. Нужно было ждать полуночи, чтобы начать копать, да кромѣ того, по преданіямъ и по разсказамъ стариковъ, въ полночь на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ, покажется огонекъ, но не каждому онъ показывается, а только тому, кому суждено его выкопать.

Въ ожиданіи полуночи и появленія свѣчки или, чего добраго, такого чудища, отъ котораго можетъ смерть приключиться, страхъ и трепетъ обуялъ ихъ; время, казалось, тянется безъ конца; уже они нѣсколько разъ табачку понюхали, а знаменія все нѣтъ.—Какъ вдругъ недалеко за кустомъ дьячокъ увидѣлъ огонекъ.—«Батюшка, гляньте налѣво! Мнѣ показался огонь». Посмотрѣлъ батюшка—ничего не видно.—То тебѣ вѣрно со страху показалось.—«Нѣтъ, видѣлъ огонь ей-Богу видѣлъ!». Начали всматриваться. Дѣйствительно, видѣнъ огонь, какъ бы отъ небольшой свѣчи. Въ первое время они обмерли со страху, но пока оправились и пришли въ себя, свѣчки опять невидно стало.

— «Замѣтилъ ты, дяче, гдѣ горѣла звѣчка?»

— Замѣтилъ, батюшка.—Бери заступъ и лопату, пойдемъ копать! Взявшись за заступы, принялись копать съ напряженнымъ усердіемъ, чтобы добраться скорѣй до сокровищъ; уже потъ съ нихъ въ три ручья льется, уже яма выкопана аршина на два глубины, а клада нѣтъ. Сѣли они отдохнуть и стали бесѣдовать, что пора бы уже быть кладу, и на этомъ ли мѣстѣ былъ видѣнъ огонекъ, а можетъ правѣе или лѣвѣе, или не много дальше, а имъ со страху показалось на этомъ мѣстѣ.

«Богъ его знаетъ—согласился дьячокъ: можетъ и такъ».

Прошло нѣсколько времени. Видитъ батюшка, что огонекъ горитъ опять невдалекѣ «Гляди, дяче, вонъ гдѣ огонекъ, да замѣчай получше.

— Замѣтилъ?—спросилъ батюшка.—«Замѣтилъ»—отвѣтилъ дьячокъ.

Огонька опять невидно стало; свѣчка опять пропала. Отправились на то мѣсто; начали опять копать. Выкопали яму, по ихнему убѣжденію достаточную для того, чтобы докопаться до клада, а клада нѣтъ да и только. Начало свѣтать. Порѣшили ѣхать домой, а въ слѣдующую ночь пріѣхать опять, и такъ какъ мѣсто уже извѣстно, то не ожидая полуночи, начать копать раньше.

На слѣдующую ночь повторилась та же исторія: Свѣчка показывалась въ разныхъ мѣстахъ и рылись ямы по указанію свѣчки. Въ самую глухую полночь вдругъ слышатъ они, что сычъ закричалъ на деревѣ или въ кустѣ, но такимъ адскимъ не птичьимъ крикомъ— Сховавъ! Сховавъ! Сховавъ! а затѣмъ какъ бы смѣхъ.—Ха! ха ха ха! и удары какъ будто руками человѣческими рука объ руку.

Обмерли искатели клада; языкъ прилипъ къ гортани и ничесоже можаху глаголати!

Долго они сидѣли, стучали зубами и била ихъ лихорадка. Но опамятовавшись и осмотрѣвшись, что начинается разсвѣтъ, да и руки и ноги не служатъ послѣ такого дьявольскаго навожденія, порѣшили ѣхать домой. Ѣхавши дорогой, вели бесѣду о томъ, что кладъ есть,— это видно изъ тѣхъ знаменій, какія они видѣли, а особенно послѣдняя выходка сатаны: крикъ, сховавъ! хохотъ и ляскапье въ ладоши. Но видно, что врагу рода человѣческаго жалко разстаться съ сокровищами.

— Должно быть, великія сокровища, закопаны, или, можетъ быть, заклятію не наступило еще время,—разсуждалъ дьячокъ.

— Богъ его знаетъ!—говорилъ батюшка:—прискорбно будетъ, если кладъ достанется кому другому. Возвратились домой они совсѣмъ измученными, но порѣшили еще одну ночь потрудиться, ибо по сказанію знающихъ людей нужно до трехъ разъ пробовать, а за третьимъ только разомъ будетъ успѣхъ.

На третью ночь начали копать еще съ большимъ усердіемъ, не щадя животовъ, и еще больше ямъ выкопали, но кладъ не давался. На разсвѣтѣ уже съ сокрушеннымъ сердцемъ собирались ѣхать домой, какъ увидѣли они ѣдущихъ къ нимъ трехъ человѣкъ. Сначала копатели приняли ихъ за привидѣнія, но когда подошли ближе, то разсмотрѣли, что идетъ Ивашко и два постороннихъ человѣка. Подошелъ Ивашко и говоритъ: здравствуйте батюшка! Боже помогай трудиться. А для чего это вы ямъ понакопали на моемъ лугу, и попортили мнѣ сѣнокосъ? Какъ же при вашемъ санѣ такими дѣлами заниматься? Это прилично какому нибудь недостойному человѣку, а не

священнику! У кого вы спрашивались? Прошу васъ, братцы, обратился онъ къ посторонним людямъ быть свидѣтелями; видите, что батюшка съ дьячкомъ надѣлали у меня на лугу; вотъ вамъ доказательства—заступы и лопаты.

Когда мнѣ сказали, что уже третью ночь кто то копаетъ ямы и портитъ мой лугъ, я думалъ, что какой нибудь мой врагъ, а никакъ не могъ думать на духовную особу. Я этого такъ не оставлю и подамъ преосвященному жалобу и убытки за испорченный лугъ буду искать.

На этомъ я и закончу пока мое повѣствованіе объ Ивашкѣ. Письмо вѣдь было его сочиненія, и свѣчу ночью онъ имъ показывалъ, и водилъ ихъ по лугу, и сычомъ кричалъ, и хохоталъ,—все это были его изобрѣтенія.

Василій Гильченко.

Закляти гроши. (*Сказка, записан. въ екатерин. губ.*) За Днипромъ широкимъ, де колысь запорожци гуляли, стояла хатына; а въ тій хатыни живъ соби старый дидъ; а у дида була дочка: Оленою звалы. Моторна вона була та розумна! А хлопци, мовъ тіи чмели, вылысь билля неи, бо дуже гарна була: высока, билолыця, чорнобрыва и кароока, а коса—пошты до пьятъ. Якъ заквичается въ недиллю та выйде въ леваду, такъ вси парубки за животы берутся: такъ ихъ и тягне до неи. Тилько-жъ Олена, опричъ Остапа, никого не любила. Тай Остапъ бувъ козакъ жвавый: велыкій, дебелый, мовъ той дубъ молодый. Хочъ випъ бувъ соби трошки руденькій, але-жъ выдомъ хорошій. Любився винъ зъ Оленою вже третій рикъ и ждавъ, поки ій года выйдуть, щобъ послать до неи старостивъ. Отъ захотилось Олени въ Днипри скупатысь; а се якъ разъ було пидъ Ивана Купала... Отъ, пійшла Олена до Днипра тай почала роздягатысь недалечко видъ берега. Скинула спидныцю, сорочку и намысто добре зняла тай положила все гарненько пидъ вербою. Отъ, стоить вона гола тай сама дывуется на свою вроду. Дывувалась, дывувалась, а дали—якъ розбигнется та прямо шубовсть въ воду, не перехрестившись! А вона вмила добре плаваты, мовъ та рыба. Отъ, плавала вона по надъ берегомъ довго-довго, а потимъ кинулася до порогивъ тай пырнула до самисинького дна! Баче: на дни Днипра сыдыть якась стара баба, ныби-то на іи титку Явдоху похожа... «Що-жъ се таке?» думае соби Олена: «аже-жъ титка Явдоха ще позаторикъ вмерла?»

Злякалась сердешна дивчина, хотила мерщій тикать, а титка Явдоха уздрила іи тай каже: «чого ты, дочко, тикаешь? Хиба не пизнала мене?! Постій, дытыно моя, я тоби гостынчикивъ дамъ!» А Олена дуже любыла гостынци ще зъ-малечку.

«Ну», каже, «титусю, давайте!»

— «Заразъ, заразъ, дочко!» каже титка Явдоха та якъ зирквe на Олену билыми очима, такъ у сердешнои дивчины серденько тёхнуло! Згадала Олена про людській поговиръ: люды казалы, що покійна Явдоха була видьмою и зъ зміемъ въ ночи володылася. Люды, бачъ, казалы, що той змій носывъ ій черезъ дымарь червонци и гулявъ зъ нею до самыхъ пивнивъ; а якъ тылько пивни заспивають, винъ вильне хвостыщемъ тай бувъ такій! Казалы ще люды, що якъ титка Явдоха вмирала, такъ стелю въ іи хати розибралы, бо ни одна видьма не вмре, поки стеля цила! Отъ згадала се Олена тай злякалася дуже. Треба було-бъ заразъ перехрестытысь трычи та вырынать мерщій, а Олена сего не зробыла: гостынцивъ шкода було! А тимъ часомъ титка Явдоха почала изъ пазухи вытягать гостынци... И чого-чого не було въ тій пазуси: и стёжки, и стрички, и перстни золоти, и мыло печатне, и всяка всячина! «На, дочко, на!» каже титка: «на ще, на ще!» Забула Олена все на свити, якъ побачила ти гостынци... «Спасыби, титусю, спасыби: я ще зроду такихъ стёжокъ не бачила!»

«Беры, дочко, беры, скилько хочешь!» Поначиплювала на себе Олена ти стрички, стежки, понацивала перстни, схопыла те мыло пахуче тай тикае мерщій, а титка крычить: «постій, Олено, постій: на ще тоби и червонцивъ жменьку!» — «Отъ, спасыби, титусю: се буде мени на горишки тай Остапови на тютюнъ!» «На ще тоби, дочко!» каже титка тай насыпала ще прыгирщъ тихъ червонцивъ»... «Ну, прощавайте, титусю! Я вже завтра за те спечу мнякеньку перепичку та прынесу вамъ на снидання!» — «Добре, добре, дочко: иды до дому та не показуй своему батькови сихъ гостынцивъ, бо винъ на мене сердытый... Винъ такій, що не звелыть тоби брать у мене ничого... бо ему, бачъ, опричъ люльки та кресала, ничого не треба! А ты молоденька: тоби всего треба... Иды, иды! Ось побаче тебе Остапъ въ сихъ стричкахъ та стежкахъ, тоди ще дужче любытыме тебе! Почала Олена пидниматысь—важко! Що не вынырне—упьять тягнё іи до дна, що не вынырне—упьять иде до дна! Що тутъ казаты? Кинуть гостынци—шкода, а зъ ными пиднятысь—нема мочи! Полюскалась вона, полюскалась пидъ хвылею, вже и воды въ ротъ набрала, а вынырнуты не може тай годи! «Ой, титусю, ратуйте, втопаю! крычить

сердешна дивчина. А титка и каже: «ке лышень сюды гостынци: бачу, що ты не вынырнешь. Краще прышлы сюды Остапа, винъ дужчій видъ тебе, винъ тоби все чисто вынесе на берегъ».—«Ото добре, титусю: заразъ прышлю Остапа. Тылько вы, титусю, все чисто виддайте ему!» Виддамъ, виддамъ!» Якъ тылько Олена поскидала зъ себе перстни та стежки тай червонци виддала титци въ руки, такъ заразъ вода пидняла іи и вынесла на самисинькій берегъ. Отъ, одяглась Олена швыденько тай побигла черезъ леваду до Остапа; а винъ въ ту годыну горохъ молотывъ на току. Побачивши Олену, кинувъ геть тойципъ тай почавъ іи цилуваты. А вона и каже: «стривай, Остапе, стривай!»—«А що таке?» пытае. «Такъ и такъ! Бижи», каже, «достань мени ти гостынци, поки титка ще не роздумала виддаты ихъ!» «Та нехай имъ всячина!» обизвався Остапъ: «на що тоби ти стежки? Хиба я тебе и такъ не люблю? Тай грошей намъ не треба... На що воны намъ здалыся? Тай те сказать: може то не титка Явдоха, а нечиста сыла тебе пидманюе?» А Олена—ни, тай ни! Бижи тай бижи! Сказано дивка: якъ забажае чого, такъ ты тутъ хочъ роды та дай! Не хотилося дуже сердешному Остапови йты за тымы гостынцямы: сердце его замлило, мовъ чуло, що йде на лыху годыноньку. А Олена и каже: «якъ не пійдешь за гостынцямы, не засылай сю осинь до мене старостивъ, бо не подамъ рушныкивъ!» Злякався Остапъ дуже, бо щыро любывъ Олену. «Ну, не сердься», каже, «Олесю: для тебе не те що на дно Днипра, а и въ саме пекло пійду!»—«Отъ, любый!»—Олена и перше любыла свого Остапа, а теперь ій здавалось, що краще видъ его на всему свити нема. Обнявъ Остапъ свою дивчину, заглянувъ ій у вичи тай почавъ іи цилуваты. Отъ, цилувалысь воны, мылувалысь, поки сонечко вже сило за гаемъ. Хотивъ вже Остапъ йты, а Олена такъ и высыть у его на шіи та лестытся, мовъ та кишечка. Остапъ ще одынъ разъ глянувъ ій въ кари очи тай побигъ геть до Днипра. «Для такихъ», каже, «очинятокъ я у самого чорта изъ рота выдеру гостынци!» Якъ тылько, значить, згадавъ винъ чорта, такъ заразъ и почувъ, що хтось его штовхае до Днипра... Побигъ Остапъ, не оглядаючись тай зупинывся, де треба... Отъ, роздягся швыденько та не перехрестывшись плыгнувъ въ Днипръ... Та такъ плыгнувъ, що вода надъ нымъ тылько забулькотила и почала обручамы розбигатысь далеко—далеко!

Подывылась Олена на той Днипръ тай заплакала!... Сердце у неи захолонуло, нибы то вона того Остапа на вики втеряла. Колы

ни: незабаромъ Остапъ вырынае... Изъ чуба вода тече, а въ рукахъ — цилый жмутъ всякого добра!

Выйшовъ на берегъ, виддавъ Олени стежкы та перстни, а червонци высыпавъ до долу тай почавъ личыты. Олена кынулася ему на шыю, радіе, що винъ не втопывся; а Остапъ, нибы то не баче Олены та пыльно дывытся на гроши; а червонци, якъ той жаръ горять! «Остапе, друже!» каже Олена: «я жъ тутечки трохи не здурила, думала, що вже не побачу тебе... Голубе мій сызесенькій! Теперъ бы вже зроду не пустыла бъ тебе!» А Остапъ и каже: «геть пійды, бо розсыплешъ мои гроши!» — «Яки жъ воны твои? Хиба ты ихъ найшовъ?» — «Авжежъ!» — «Та брешешь, це я найшла: це мени титка Явдоха дала». — «Чомъ же ты сама не вынесла сёго добра на берегъ, а мене послала?». — «Та мало чого!» «Э, мало чого!». Олена хочъ и любыла гроши, але жъ сварытыся зъ Остапомъ за ныхъ не хотила. — «Ну», каже, «хай воны будуть твои, а ты мене поцилуй за те!» А Остапъ въ ту годыну упьять почавъ личыты ти гроши тай згубывъ ликъ и розсердывся на Олену: «и чого ты мени вишаешся на шыю? Хиба ты не бачишъ, що я личу гроши?» Заплакала тутъ Олена... Стоить, слизоньки попереднычкомъ втырае та жде, поки Остапъ гляне на неи... А винъ одягся, сховавъ гроши въ кешеню тай побигъ до дому, не глянувши на дивчину! Занудыло у Олены биля сердця ще дужче... Побигла вона за мылымъ, догнала его тай каже: «чи вже жъ то, Остапе, ты мене вже не любышь?!» — «Та цыть!» обизвався Остапъ: «перше, сховаймо гроши, а то колы бъ хто не почувъ...» «Деже мы ихъ сховаемо?» пытае Олена. — «А пидъ коморою!» — «Ни, давай пидъ вербою!». — «Ну, добре!». Вернулыся воны до вербы. Выкопавъ Остапъ ямку, высыпавъ ти гроши тай закидавъ ямку сырою землею, щобъ нихто іи не прымитывъ. Отъ, сховавши гроши, розійшлысь воны въ першій разъ, мовъ чужи, не сказавши одынъ другому доброго слова... На другій день Олена, взявши видра, пійшла по воду. Ажъ зиркъ—Остапъ стоитъ навколюшкахъ пидъ вербою та щось копае... Пидійшла Олена до его тай пытае: «що се ты робышь, Остапе?» — «А-а-а-а!» обизвався винъ: «се ты, гадюка выкопала та вкрала мои гроши!?» — «Я?!?» жахнулась дивчина. — «А тожъ хто?» «Та я ихъ и не бачила!» — «Бодай тоби повылазыло!» — «Остапе!» — «Виддай гроши, чортова видьма, а то задушу!». Заплакала Олена проклынаючи той часъ и годыну, колы схотила купатысь та зъ титкою побачилась. «Остапе, схаменысь!» — каже Олена плачучи. А Остапъ на неи зиркнувъ страшнымы очима тай зареготався... Олена

вся побилила, мовъ та глына. А у Остапа тымъ часомъ пина изъ рота потикла... «Остапе!»—крыкнула дивчина не своимъ голосомъ.—«Хо-хо-хо-хо-хо-хо!!»—зареготався винъ упьять. А верба почала на Олену гилкамы махать, мовъ рукамы, та шепотиты: шшъ-шшъ-шшъ! Покидала Олена ти видра тай зъ переляку хотила втикты, але жъ ноги не слухають іи... А тымъ часомъ и Днипръ зареготався, мовъ той жеребець, та якъ шпурне хвылею на Олену, такъ та сердешна дивчина впала на землю неживою!... Лежить Олена вся била-била! Чорна коса розплилася та наче гадюкою обвылась кругомъ билои шіи... Тоди Остапъ пидійшовъ до своеи дивчины... Стоявъ винъ, стоявъ биля неи, дывывся, дывывся на іи вроду, а дали якъ зарегочится!... Реготався, реготався, а писля того вытягнувъ изъ штанивъ очкуръ тай повисывся на верби!

Позбигалыся хрещени люды, поховалы (безъ попа) Остапа въ одній ями зъ Оленою... И насыпалы надъ нымы могылу высоку-превысоку, тилько маячить вона въ поли безъ святого хреста...

Съ того часу, въ ночи пидъ вербою, покы пивни не заспивають, наче гречана солома горыть... То нечыста сыла заманюе людей до червонцивъ, котри Остапови не далысь. Та нихто, бачъ, не пидходыть до тіеи вербы, бо якъ пидійдешъ, заразъ почуешъ Остапивъ регитъ: хо-хо-хо-хо-хо! И Днипръ тежъ зарегочется, запинытся та почне хвылею шпурляты до самисенькои вербы! А верба тымъ часомъ зашумыть: шшъ-шшъ-шшъ-шшъ, та страшно, страшно гилкамы замахае, нибы то хоче вымовыть: «не пидходьте сюды, не пидходьте! тутъ заклятi гроши!».

(Записала Ольга Л—ье).

Село Сахновка каневскаго уѣзда и кн. П. П. Лопухинъ.

(*Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній*). Сорокъ лѣтъ минуло, какъ я перешелъ на другой приходъ, но пріятныя воспоминанія о прежнемъ навсегда сохранятся въ душѣ моей: такъ воспріимчива и впечатлительна молодость!

Ясно представляется мнѣ живописное мѣстоположеніе села Сахновки, каневск. уѣзда, дремучіе лѣса, рѣка Рось, тихо катящая свои волны, горы, какія рѣдко гдѣ можно встрѣтить, высокія, конусообразныя, съ оригинальными названіями—Пастушка, Дѣвица и проч.—О первой сохранилось такое преданіе. Во время татарскихъ набѣговъ,

у мѣстнаго пастуха похищена была единственная дочь-красавица; но такъ-какъ увозившій её татаринъ наскочилъ на засаду, то, не имѣя возможности уйти, закололъ свою добычу въ глазахъ аттаковавшихъ его людей, чѣмъ и отвлекъ ихъ отъ преслѣдованія.—Горестный пастухъ, оплакавъ свое любимое дѣтище, тутъ же похоронилъ его, завѣщавъ своимъ односельцамъ, чтобы каждая хозяйка, желающая имѣть побольше молока отъ своей коровы, выгоняя ее въ поле и принимая отъ пастуха, насыпала на могилу его дочери полу земли, а какъ могила та у самаго лѣса, гдѣ невозбранно пасли скотъ, то ребята отъ нечего дѣлать, такъ усердствовали въ исполненіи воли завѣщателя, что чрезъ столѣтіе насыпали гору съ усѣченнымъ конусомъ.—Насколько вѣроятна такая легенда—Богъ вѣсть, но что она далеко распространена, доказывается тѣмъ, что одинъ московскій этнографъ, нарочно заходилъ ко мнѣ съ цѣлію убѣдиться, насколько живо въ народѣ это преданіе. Видъ съ той горы очаровательный, простымъ глазомъ можно видѣть за 30 верстъ; колонна, сооруженная кн. Воронцовымъ яко-бы на мѣстѣ убіенія князя Святослава, на отрогѣ Мошенскихъ горъ, видна какъ на ладони. Вообще мѣстность та восхитительна и очень здоровая.—Съ сѣвера и востока лѣса были дремучіе, луга неисходимые, травы такія рослыя, какихъ нигдѣ не приходилось болѣе встрѣчать.

Весной, въ разлитіе воды, представлялась картина, не поддающаяся описанію.—За Росью боръ, гдѣ гнали смолу, деготь, жгли уголь, дѣлали поташъ и прочее; ночью, словно огненныя змѣи, изъ среды деревъ вылетаютъ, то вспыхивая, то разсыпаясь снопами искръ, то превращаясь въ огнедышащее жерло; а на рѣкѣ, раздвинувшей свои берега чуть не на версту, охотятся за рыбой; на челнахъ ярко горятъ костры, отражаясь въ водѣ; любопытная рыба, интересуясь такимъ зрѣлищемъ, высовываетъ голову и попадаетъ на острогу.—Слышно, что все сказанное уже былью поросло: лѣса истреблены, смоляные и другіе заводы прекратили свое существованіе, рыбы значительно уменьшилось, и только лишь горы—вѣчны.

Церковь въ томъ приходѣ засталъ я убогую, ветхую, о 5-ти куполахъ, съ пошатнувшейся колокольней и другою на столбахъ для большого колокола.

Какъ то село, такъ и окружныя верстъ на 30 принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, который и обращеніемъ, и жизнію, и всею обстановкой вполнѣ оправдывалъ свой титулъ.—Въ м. Корсуни была его резиденція. На островѣ, въ прекрас-

номъ саду, домъ великолѣпный барскій со всѣми аттрибутами роскоши и богатства. Когда въ первый разъ пришлось мнѣ представляться его свѣтлости, то я удивленъ и пораженъ былъ такимъ великолѣпіемъ.—Залъ громадный въ два свѣта, съ хорами и мраморными вокругъ статуями знаменитѣйшихъ скульпторовъ; южная стѣна обрамлена стеклами, за которыми въ тропическихъ растеніяхъ порхаютъ и поютъ рѣдкія птицы; мебель дорогая, у стѣнъ нѣсколько штукъ піанино, между коими сидятъ не то гости, не то статуи, но во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, весьма похожіе одинъ на другаго; когда же они задвигались, то я догадался, что это лакеи.

Простите, читатель, моей наивности; но развѣ мнѣ приходилось до того видѣть что нибудь подобное? Но вотъ выходитъ князь и—верхъ изумленія!—проситъ моего благословенія, а проводивъ меня чрезъ амфиладу комнатъ, предлагаетъ въ кабинетѣ кресло.—Затѣмъ послѣ обычныхъ вопросовъ: давно-ли я здѣсь и какъ живется?—полилась рѣчь его живой струей, умная, увлекательная до того, что часъ времени, словно минута, прошелъ незамѣтно.—Въ заключеніе знакомства великодушный князь сказалъ, чтобы я во всѣхъ нуждахъ смѣло адресовался къ его управляющему, коему онъ дастъ распоряженіе ни въ чемъ мнѣ не отказывать. Такъ это и было: выдали мнѣ хлѣба на продовольствіе и посѣвъ, травы на 15 косарей и дровъ сколько нужно.—Убѣдившись чрезъ немалое время въ его расположенности, я задумалъ строить церковь въ своемъ приходѣ при самыхъ скудныхъ средствахъ (имѣлось въ наличности всего 800 рублей); я все упованіе возложилъ на Бога, да на добрѣйшаго князя; и надежда моя «не тща бысть».—Князь сочувственно отнесся къ моему предпріятію, обѣщалъ дерева, камня, извести,—а деньги расходуйте сперва церковныя, а потомъ и я не откажу въ помощи.—А планъ у васъ есть? спросилъ князь.—Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость.— «Ну, такъ обратитесь къ моему архитектору,—онъ для васъ сдѣлаетъ даромъ и по выбору вашему.»—Прихожу. Молодой человѣкъ съ полной готовностію раскрываетъ передо мной фоліанты плановъ богатѣйшихъ церквей; выбирайте—говоритъ мнѣ—какой больше нравится. Да они всѣ хороши, отвѣчалъ я, но не по нашимъ средствамъ.—Ну, такъ я скопирую для васъ планъ одной сельской церкви, недавно построенной.—Сказалъ и сдѣлалъ. По предъявленіи того плана въ Бозѣ почившему митрополиту Филарету, святитель одобрилъ оный и, разспросивъ подробно, на какія средства имѣетъ производиться постройка, сказалъ: счастливъ ты, что имѣешь такого добраго помѣщика, угождай ему и слушайся во всемъ—онъ

выручить тебя. Передай ему благословеніе мое и поклонъ; скажи, что я надѣюсь въ семъ дѣлѣ на его помощь.—Слова эти вполнѣ оправдались: князь много пожертвовалъ, хотя и со стороны прихожанъ обнаружено было не мало участія.

Но не только въ постройкѣ церквей князь Лопухинъ усердствовалъ,—много помогалъ онъ бѣднымъ безпріютнымъ: воспитывалъ на свой счетъ сиротъ благороднаго происхожденія, а крестьянскихъ собиралъ въ корсунскую школу, гдѣ они сперва обучались грамотѣ, а потомъ, смотря по способностямъ, распредѣлялись въ пѣвчіе, музыканты, а иные поступали въ мастерскія, откуда не мало изъ нихъ вышло замѣчательныхъ художниковъ, живописцевъ, позолотчиковъ и проч.—Насколько князь былъ щедръ и доступенъ, можно заключить изъ того, что никому не отказывалъ въ воспріятіи дѣтей отъ св. купели; всѣхъ бывало наградитъ, какъ родительницу и около нея находившихся, такъ равно и причтъ. Былъ и такой случай: прихожанка моя родила тройней и затужила, что она будетъ дѣлать съ ними, когда и безъ того у нея шесть душъ дѣтей малъ мала меньше, да притомъ они люди бѣдные. Кто-то посовѣтовалъ мужу ея обратиться къ князю, который такъ рѣшилъ: для одного дитяти нанять кормилицу, для чего и выдать просителю 30 рублей, для вскормленія другого подарилъ корову, а третьяго пусть сама мать кормитъ. Въ продолженіе одной недѣли, всѣ трое дѣтей умерли, но деньги и корова остались у родителей.

Въ м. Корсуни, резиденціи князя, Спасская церковь, каменная великолѣпная, построена его отцомъ кн. Петромъ Лопухинымъ, а имъ украшенная и снабженная богатою ризницею и утварью.—Не говоря о весьма изящномъ иконостасѣ, писанномъ академикомъ Шебуевымъ, стѣнные фрески замѣчательно хороши, особенно призваніе апостола Павла высоко цѣнится знатоками. Такую церковь, какъ по зодчеству, такъ и по украшеніямъ, и на такомъ видномъ мѣстѣ, не въ каждомъ уѣздномъ городѣ можно встрѣтить.—Когда блаженной памяти митрополитъ Евгеній далъ привилегію студентамъ семинаріи занимать мѣста неученыхъ священниковъ и къ сей церкви назначенъ былъ священникъ Левъ Артемовскій, малаго роста, тщедушный, совсѣмъ неподходящій, то князь протестовалъ противъ такого распоряженія, написавъ Владыкѣ, что не станетъ же онъ передѣлывать богатой ризницы своей на такого малорослаго священника, и потому если Владыка не отмѣнитъ своего рѣшенія, то онъ вынужденъ будетъ отправить ризницу въ другое свое имѣніе, с. Красный Лѣсъ, петербургской губерніи, а церкви не станетъ посѣщать. Святитель снисходи-

тельно отнесся къ справедливой претензіи князя: священника Артемовскаго перевелъ въ м. Мліевъ, а къ Спасской церкви возвратилъ удаленнаго отсюда священника Тимоѳея Стрижевскаго, который до смерти здѣсь священствовалъ, бывъ любимъ и уважаемъ княземъ и прихожанами. Священникъ этотъ хотя изъ неученыхъ, но съ здравымъ смысломъ, представительный и съ хорошимъ голосомъ.— Вообще причтъ той церкви былъ отборный, какъ по виду, такъ и по голосовымъ способностямъ; даже пономарь—и тотъ пѣлъ басомъ.

Другая церковь въ м. Корсуни, Св. Пр. Иліи, деревянная бѣдная.—Преосвященный Аполлинарій, посѣтивъ оную, предложилъ князю построить новую. Будьте покойны, ваше преосвященство! обновится она «яко орля юность». И дѣйствительно, князь такъ реставрировалъ ее, что она стала неузнаваема, даже купола позолотилъ.

Князь, какъ истый христіанинъ, говѣлъ въ первую и послѣднюю недѣли великаго поста, и причтъ Спасской церкви обязанъ былъ отправлять всѣ службы (кромѣ, разумѣется, обѣдни) въ домѣ княжескомъ, а въ церкви своимъ порядкомъ, трудъ весьма тяжелый, но и вознагражденіе за оный выдавалось довлѣющее—по-княжески. Для комплекта причта князь содержалъ на свой счетъ діакона, и очень благоволилъ къ нему за его тактъ и могучій голосъ октаву.

Но при всей добротѣ князя Лопухина и желаніи всѣмъ благодѣтельствовать, имѣлъ и онъ враговъ и недоброжелателей, о чемъ даже и не вѣдалъ, пока не разразилась катастрофа, омрачившая послѣдующую жизнь его глубокою скорбію.

Въ 1855 году началось волненіе крестьянъ, по поводу возникшихъ въ средѣ ихъ слуховъ, будто они давно уволены отъ крѣпостной зависимости и указы о томъ разосланы священникамъ, но послѣдніе изъ-за выгодъ, доставляемыхъ имъ помѣщиками, хранятъ таковые въ церквахъ и не объявляютъ народу.—Принялись за священниковъ.—Ни добрыя отношенія пастырей къ пасомымъ, ни лѣта, ни семейное положеніе—ничто не спасало отъ ихъ ярости: били, истязали священниковъ, волочили по репейникамъ и раздѣтыхъ, босыхъ, безъ шапокъ водили изъ села въ село съ самыми позорными издѣвательствами (см. «Кіев. Стар.» посмертныя записки свящ. А. Ковальскаго, янв. 1882 г.), всячески домогаясь несуществующаго указа. Три дня аттаковали и меня и—разумѣется—безуспѣшно: соберется ихъ человѣкъ 200—300 на моемъ подворьи и галдятъ, сами не зная о чемъ; но каждый разъ расходились, успокоенные моимъ обѣщаніемъ, что какъ только получится тотъ указъ, то немедля будетъ предъяв-

ленъ имъ, но только чтобы они вели себя смирно, молились Богу, безъ воли Коего ничто въ мірѣ не совершается, а главное были бы трезвы, въ чемъ они и послушались меня, закрывъ кабакъ. Кромѣ всего этого, спросилъ я: чѣмъ они обижены со стороны князя? вѣдь это отецъ, а не помѣщикъ. Украли у кого нибудь лошадей—князь велитъ выдать деньги, по стоимости оныхъ, безвозвратно; пала скотина—идешь къ нему за пособіемъ и получаешь; погорѣлъ—дерева не покупаешь: выдаютъ сколько нужно (какъ недавно въ с. Кичинцахъ отпущено таковаго для 28 домохозяевъ—шутка-ли!),—словомъ, я не знаю примѣра, чтобы просившій у него не былъ удовлетворенъ—такого благодѣтеля и за сотни верстъ не найти.—Правда! крикнула во весь голосъ громада; но мы обижены выпасомъ для скота; прежде бывало въ лѣсу, гдѣ любо, скотъ ходилъ, а теперь лишь въ опредѣленномъ мѣстѣ, а перешелъ на поросли—и штрафъ.—Въ томъ то и дѣло, отвѣчалъ я, что прежде рубки лѣса не производились, и вѣковому дереву скотина вреда не причиняла, а теперь, когда на мѣстѣ стараго засѣялся молодой лѣсъ, то беречь оный отъ потравы—необходимо.—Вѣдь подумайте, еслибы этотъ самый лѣсъ да не охраняли, когда онъ былъ засѣянъ, то какъ бы онъ выросъ въ такого гиганта, что здѣсь выбирали дубы на корабельныя постройки, о чемъ вы сами мнѣ говорили.—Впрочемъ, за этимъ дѣло не стало: я готовъ ходатайствовать о расширеніи пастбищъ и надѣюсь на успѣхъ, только бы вы не обезславили себя какими нибудь худыми поступками, вродѣ того какъ ваши сосѣди сдѣлали: забрали ни въ чемъ неповинныхъ священниковъ и мучатъ ихъ, сами не зная за что и про что.

Такими и подобными доводами я урезонивалъ ихъ, сколько могъ; но наконецъ и краснорѣчіе мое истощилось, и терпѣніе ихъ изсякло: рѣшено взять меня на истязаніе, такъ какъ просьба не дѣйствуетъ. Узнавъ объ этомъ отъ одного старика подъ секретомъ, я съ женой уѣхалъ въ Корсунь подъ защиту пришедшихъ туда солдатъ, а двоихъ малютокъ своихъ оставилъ дома на волю Божію.—Собралось насъ священниковъ въ Корсуни болѣе десяти; въ какой тревогѣ всѣ были—легко представить: слѣды вчерашняго побоища были на лицо.—Кромѣ того, военное положеніе пѣхоты, пріѣздъ кавалеріи и административныхъ лицъ, частые звонки, тревожные слухи и многое другое—все наводило страхъ и ужасъ.—Въ той сторонѣ, гдѣ свѣжо преданіе о коліивщинѣ, всего можно было ожидать. Разсказывали, что когда найденъ былъ списокъ предводителей возстанія и во главѣ ихъ значился главный камердинеръ князя, то послѣдній въ слезахъ восклик-

нулъ: «и ты Брутъ противъ меня»! А этотъ Брутъ взысканъ былъ великими милостями князя, изъ ничтожества выведенъ въ люди обезпеченъ и настолько образованъ, что свободно объяснялся на иностранныхъ языкахъ. Раздавая придворнымъ своимъ оружіе, для защиты на случай нападенія, князь и не подозрѣвалъ, что первой намѣченной жертвой—былъ онъ. Впрочемъ, изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, его-же крестьянъ, въ свалкѣ Корсунской никто не участвовалъ—опоздали! Но какъ потомъ они были довольны и благодарны мнѣ за недопущеніе ихъ къ тому.

Священникъ **Н. Подвысоцкій.**

Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. —Для перевоза черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ «изъ давнихъ временъ» содержала К.-Печерская Лавра свои паромы на Неводницкой пристани, а кіевскій магистратъ имѣлъ свой перевозъ «близь Подола у крещатицкихъ воротъ». Составляя значительную статью дохода, перевозы эти порождали нескончаемые ссоры и споры между Лаврою и магистратомъ. Въ просьбѣ архимандрита Иннокентія Гизеля, поданной въ Приказъ Малыя Россіи въ 1680 году [1]), встрѣчаемъ уже жалобу на кіевскихъ мѣщанъ, которые своею

[1]) „Описаніе К.-Печерской Лавры“ изд. 2-е (1831 г.) стр. 210. п. 3-й: „О грамотѣ противъ кіевлянъ съ жестокимъ приказомъ и денежнымъ запрещеніемъ, чтобъ кіевляне не дерзали помѣшекъ и обидъ святой обители Печерской творити въ стародавнихъ ея земляхъ, въ перевозахъ паромовыхъ на Днѣпрѣ и въ лѣсахъ, въ борахъ и въ сѣнныхъ покосахъ и въ рыбныхъ ловляхъ, которыхъ чтобъ и сами не разоряли и ратныхъ государевыхъ людей разорати не наводили, и своими паромами кіевскими къ паромному берегу Печерскія обители издавна надлежащему не приставали, людей съ обѣихъ сторонъ Днѣпра пріѣзжихъ торговыхъ съ пристани Печерской на кіевскіе паромы сильно бъ не загоняли, ниже, взявъ себѣ на помощь ратныхъ государевыхъ людей, по дорогамъ перенимали, и на свои кіевскіе паромы насиліемъ не заворачивали; а тотъ наибольшій убытокъ, что на берегу Печерскомъ въ прошломъ году не дѣломъ приставая паромами своими съ четверть года всякихъ торговыхъ людей перевозили, заплатили бъ деньгами, понеже за ту четверть года учинили себѣ корысти кіевляне съ тысячу рублевъ, а Печерской обители убытку столько жъ, потому что въ ту пору наипаче многіе торговые люди перевозились на кіевскихъ многихъ паромахъ; а что по указу Е. И. В. здѣланный мостъ на Днѣпрѣ: всѣмъ намъ вельми есть по великой государевой милости погребенъ и мы всячески благодарны есмы толикой Е. Ц. П. В. милости, но яко нашъ монастырскій паромъ никакой уже прибыли намъ на прокормленіе не дѣлаетъ, бью челомъ Е. Ц П. В. о милостивомъ разсмотрѣніи, какъ ему великому государю Богъ на сердцѣ о томъ извѣститъ.

конкуренціею причиняли убытки К.-Печерской Лаврѣ, то приставая своими паромами къ той же Неводницкой лаврской пристани, то силою перенимая людей по дорогамъ и привлекая ихъ на свои паромы. Согласно этой жалобѣ и дана была въ томъ же 1680 году высочайшая грамота, въ которой, между прочимъ, повелѣвалось, «чтобъ кіевскіе мѣщане и Наши Великаго Государя ратные всякихъ чиновъ люди, будучіе въ Кіевѣ, въ стародавные ихъ Печерской Обители земли и въ перевозы и въ лѣси и въ сѣнные покосы и въ рыбныя ловли не въѣзжали и обидъ не чинили и не разоряли, и на обѣихъ сторонахъ рѣки Днѣпра своими паромами къ берегу ихъ монастырскому, издавна надлежащему, не приставали и пріѣзжихъ торговыхъ людей на обѣихъ сторонахъ съ Печерской пристани на свои паромы силою не загоняли и по дорогамъ не перенимали и на кіевскій паромъ не приводили».

Съ учрежденіемъ «государева перевоза» на средства казны и магистрата, въ доходахъ съ перевоза была заинтересована и казна, и потому жалобы К.-Печерской Лавры относились и къ блюстителямъ этихъ интересовъ «государевымъ ратнымъ людямъ». Устроенъ же былъ «государевъ перевозъ», по всей вѣроятности, въ тотъ же годъ, когда впервые былъ наведенъ въ Кіевѣ черезъ Днѣпръ мостъ на байдакахъ, т. е. въ 1679 мъ [1]).

Въ 1713 году, по распоряженію князя Голицына, наведенъ былъ казенный мостъ не на обычномъ мѣстѣ, а близъ Печерской крѣпости у Неводницкаго взвоза, гдѣ былъ Лаврскій перевозъ. Здѣсь же стали приставать и паромы казенные и мѣщанскіе въ осеннее время, когда была малая вода, что и возбудило рядъ жалобъ со стороны К.-Печерской Лавры [2]) Въ 1720-мъ году послѣдовала изъ Кол. Ин. Д. на имя кн. Голицына грамота о томъ, чтобы городской перевозъ былъ переведенъ на другое мѣсто и не мѣшалъ бы сборамъ монастырскихъ паромовъ. Но въ 1724 году вновь встрѣчаемъ жалобу архим. Іоанникія на то, что кіевскій магистратъ «нагло, безъ указу, у той ихъ Неводницкой пристани сдѣлалъ свои четыре парома, гдѣ напередъ сего никогда ничьихъ, кромѣ монастырскихъ, паромовъ не бывало, и такою своею наглостію оной магистратъ всѣмъ належимымъ до оби-

---

[1]) Сборникъ лѣтописей, изд. Ком. для разб. др. акт. стр. 32 подъ 1679 г. „тогда жъ первый мостъ на байдакахъ подъ Кіевомъ устроенъ на Днѣпри“.

[2]) „Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр.“ вып. 7, стр. 14—18.

тели ихъ обоихъ береговъ сборомъ завладѣлъ напрасно, отчего К.-Печерская Лавра не малую пріемлетъ себѣ обиду».

Жалобѣ этой однако губернаторъ кн. Трубецкой ходу не далъ, такъ какъ никакого «утѣсненія и обиды» монастырю отъ городского перевоза не нашелъ.

Тѣмъ не менѣе въ 1728 году на имя вице-губернатора Штока послѣдовалъ изъ Кол. Ин. Д. указъ отъ 1-го августа, въ которомъ, между прочимъ, предписывалось: «а что войтъ кіевскій съ мѣщаны, не довольствуяся своими отъ перевозовъ прибытки, присылаютъ свои перевозные паромы на монастырскіе берега, и въ томъ имъ, мѣщанамъ, запретить и въ перевозахъ ихъ монастырскихъ никакихъ обидъ и убытковъ чинить не допускать».

Изъ имѣвшихся въ моихъ рукахъ документовъ видно, что до конца 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія К.-Печерская Лавра добивалась отъ казны вознагражденія за отошедшую отъ нея подъ крѣпость землю за доходы съ нея (съ «мѣстечка Печерского») и при этомъ всегда упоминала и о вознагражденіи за «бывшій на Днѣпрѣ монастырскій перевозъ». Когда же въ 1742-мъ году потребованы были отъ Лавры свѣдѣнія о размѣрѣ тѣхъ доходовъ, которыхъ она лишилась и за которые требуетъ вознагражденія, то архимандритъ Тимофей, обстоятельно показавъ всѣ другіе доходы, относительно перевоза заявилъ, что хотя де Лавра и лишилась прежде по этой статьѣ значительныхъ доходовъ, но теперь, «когда оной наводимой у той ихъ пристани казенной мостъ скасованъ и впредь оной не будетъ, то за оные перевозные доходы они, архимандритъ съ братіею, никакова вознагражденія не требуютъ, чего для и число доходовъ съ оного перевозу въ вѣдомости не показано».

Въ свѣдѣніи же, поданномъ въ К. Губ. Канц. въ 1720-мъ году отъ архимандрита, показанъ доходъ съ перевоза вмѣстѣ съ «арендой напитковъ» общею суммой—1333 р. 33$^{1}/_{3}$ к. въ годъ, такъ что судить по этой суммѣ о доходѣ собственно съ перевоза трудно.

Въ вышеприведенномъ заявленіи архимандрита Тимофея слова относительно моста, что онъ «скасованъ и впредь оной не будетъ» надо, конечно, понимать такъ, что онъ «скасованъ» былъ на томъ мѣстѣ, которое Лавра считала своимъ, т. е. на Неводницкой пристани, а сталъ наводиться, какъ и до 1713 г. было, близъ Подола.

Мостъ черезъ Днѣпръ наводился казенными средствами. Какъ видно изъ указовъ Пр. Сената 1742 и 1753 годовъ, для заготовленія матеріаловъ къ строенію и починкѣ моста ежегодно командировались

отъ кіевскаго гарнизона особыя команды и на довольствіе ихъ отпускалось отъ 300 до 500 рублей [1]). Мостомъ и перевозомъ завѣдывали особые офицеры изъ кіевскаго гарнизона. Надо думать, что казна тяготилась содержаніемъ этого моста и перевоза; въ 1754 году генваря 17-го изъ Ком. Кол. послѣдовалъ запросъ, не пожелаетъ ли кто взять перевозъ и мостъ на откупъ, и 2 мая того же года послѣдовалъ указъ объ отдачѣ ихъ въ содержаніе кіевскому магистрату, но онъ отъ этого отказался [2]),

Такъ какъ на «государевомъ перевозѣ» половина паромовъ была казенныхъ, а половина мѣщанскихъ, то и сборъ за перевозъ дѣлился поровну между казной и магистратомъ; сборъ же за проѣздъ по мосту поступалъ полностію въ казну [3]). Магистратскіе чиновники ежемѣсячно являлись въ Губ. Канц. за полученіемъ слѣдуемой магистрату половины поступившаго за перевозъ сбора. Къ сожалѣнію, въ рукахъ моихъ имѣлось слишкомъ мало документовъ объ этихъ выдачахъ, такъ что свѣдѣнія о сборѣ за перевозъ слишкомъ недостаточны.

Въ 1734-мъ г. за апрѣль мѣсяцъ получено было 57 р. 70 к., за май—140 р. 86 к., за сентябрьскую треть—283 р. 53 к.

Въ 1746 г. за мартъ—13 р. 57 к., за апрѣль—77 р. 25 к., за май—300 р. 40 к., за іюнь—117 р. 55 к., за ноябрь 36 р. 21 к. и за декабрь 44 р. 31 к.

Въ 1752 году поступило: въ мартѣ—26 р. 59 к., въ апрѣлѣ—86 р. 34 к., въ маѣ—259 р. 20 к., іюнѣ—27 р. 81 к. и въ декабрѣ—10 руб.

О размѣрахъ же мостоваго сбора никакихъ свѣдѣній мнѣ не встрѣчалось [4]). Относительно же расходовъ по содержанію моста хотя

---

[1]) Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр. вып. 8 стр. 200.

[2]) Тоже вып. 1 стр. 180.

[3]) Въ грамотѣ Петра В. на имя кн. Голицына отъ 4-го марта 1710 г. говорится: „въ которое время бываетъ подъ Кіевомъ на Днѣпрѣ перевозъ судами, и тогда перевозныя деньги въ казну Е. И. В. брать половину, а другую половину давать кіевскимъ мѣщанамъ въ ратушу; а когда будетъ наведенъ мостъ, то мостовыя деньги всѣ сбирать въ казну, а имъ мѣщанамъ до того дѣла нѣтъ, и для того тотъ мостъ и мостовые припасы строены были Е. И. В. казною и работными людьми, и мостовщину на томъ мосту платить имъ мѣщанамъ по прежнему.

[4]) Въ дневникѣ Патрикія Гордона („Кіевъ въ 1684—85 г. пер. Терновскаго) находимъ свѣдѣніе, что въ августѣ мѣсяцѣ 1684 г. получено дохода съ моста 177 руб. 13 алт. 4 деньги. На стр. 26 того же дневника находимъ слѣдующія замѣтки о мостѣ, относящіяся къ 1685 году: „Апрѣля 9 всѣ плоты для моста были готовы. 10—Плоты были выведены. 11—Они сплочены и *мостъ надъ Чертороемъ наведенъ.* 13—Мостъ былъ готовъ, такъ что по нему могли ѣздить экипажами“.

и встрѣчалось множество документовъ, но по нимъ невозможно составить понятія о ежегодномъ бюджетѣ. Только за одинъ 1777 годъ попалось мнѣ свѣдѣніе, что на содержаніе въ этомъ году моста и перевоза употреблено изъ слѣдующихъ до старой конторы доходовъ 1776 р. 27 к. Встрѣчавшіеся же мнѣ документы по содержанію моста и перевоза указываютъ только на то, что расходы самые мелочные производились по особымъ докладамъ завѣдывавшихъ офицеровъ и по опредѣленіямъ Кіев. Губ. Канцеляріи и обставлены были довольно сложной канцелярской процедурой.

Какъ примѣръ обычныхъ проволочекъ въ дѣлѣ, требовавшемъ своевременныхъ затратъ, можетъ служить такой случай. Въ генварѣ м-цѣ 1781 г. бывшій «въ смотрѣніи днѣпровскаго моста и перевоза» подпоручикъ Тростениковъ заявилъ Губ. Канц., что принятый имъ отъ предмѣстника его поручика Леухина канатъ пришелъ въ совершенную негодность, а потому необходимо купить такое то количество и такихъ то размѣровъ каната. Губ. Канцелярія предписала содержавшему на подолѣ караулъ секундъ-маіору Шултицу освидѣтельствовать старый канатъ. Шултицъ подтверждалъ заявленіе Тростеникова, которому тогда предписано было пріискать для покупки новый канатъ и пригласить торговцевъ въ Губ. Канц. для торгу. Въ перепискѣ проходилъ третій мѣсяцъ. 29 марта Тростениковъ, сообщая, что послѣднюю цѣну торговцы назначаютъ за канатъ на бичевые по 85 к. за пудъ, а за боевой канатъ въ 3 верш. по 1 рублю, доносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что де «для торгу жъ и въ цѣнѣ договору, какъ оной Котляръ, такъ и другіе продавцы являться не желаютъ, потому что въ лавкахъ торгъ производятъ и отъ оныхъ лавокъ отлучиться не могутъ». Только 19 апрѣля состоялось опредѣленіе Губ. Канц. о покупкѣ каната у мѣщанина Котляра. И такой переписки масса встрѣчалось мнѣ въ дѣлахъ Губ. Канц.

Конечно, она не могла не обременять администраціи. Но въ дѣлахъ съ 1782 г. такой переписки о мостѣ и перевозѣ я уже не встрѣчалъ, почему и думаю, что съ открытіемъ въ Кіевѣ намѣстничества содержаніе моста и перевоза перешло въ вѣдѣніе города. Въ магистратской вѣдомости за послѣдній годъ прошлаго столѣтія (1799) находимъ статью расхода на содержаніе моста и перевоза и по ней значится 4543 р. 88 к. и въ слѣдующемъ 1800 году на тотъ же предметъ израсходовано 3506 р. 13 к. [1]), въ 1806 г.—2360 р. [2]).

[1]) Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр. вып. 10 стр. 120.

[2]) Ibid. вып. 3 стр. 167.

Гарнизонные солдаты, привлекаемые къ работамъ на перевозѣ, получали по 2 к. въ день. Такъ, въ декабрѣ 1775 года съ 1 по 6 число работало на паромахъ и дубахъ 50 человѣкъ, а съ 7 по 13-е, когда Днѣпръ покрылся уже льдомъ, «по неутвердѣлости оного» тѣ же солдаты работали «при *переводѣ* по льду проѣзжавшихъ людей», за что и выдано имъ по 2 к. въ день на человѣка, всего 11 р.[1]).

Въ репортахъ завѣдывавшихъ мостомъ и перевозомъ офицеровъ нерѣдко встрѣчаются описанія разореній моста, происходившихъ отъ несвоевременнаго командированія рабочихъ, отъ недостатка необходимыхъ орудій и матеріаловъ.

Нѣсколько репортовъ порутчика Новогородцева сообщаютъ о такомъ разореніи моста въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1771 года. «Съ 10 противъ 11 числа въ 11 часу ночи, по происходящей великой бури, а напослѣдокъ учинившагося не малого мороза, на рѣкѣ отъ оказавшагося сала по сильному упору днѣпровской мостъ по ту сторону къ берегу въ четырехъ плотахъ разорвало». Новгородцевъ еще за 4 дня до этого просилъ плацъ-маіора прислать рабочихъ людей для разводки моста, но «за раскомандированіемъ въ казенныя работы» солдаты присланы не были, а когда 11-го числа ихъ явилось 84 человѣка, тогда уже, «сколько силъ ни прилагали, никакого успѣху не получили»; на другой день прислано было уже 167 человѣкъ, «но и тѣми при всемѣрномъ стараніи ничего въ разводкѣ мосту сдѣлать не могли».

Такъ, не разведенный во время и не убранный мостъ совершенно былъ разоренъ. Въ ночь съ 14 противъ 15 ноября, какъ доносилъ Новогородцевъ, «оставшійся отъ прежняго разрыву на своемъ мѣстѣ мостъ въ 15-ти плотахъ отъ идущей сверху рѣки пресильной крыги весь безъ остатку сломавъ внизъ унесло».

У моста было 74 сваи и изъ нихъ «по разнесеніи моста сыскано 5, а 69 не отыскано».

Наводился мостъ всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ 1777 году въ генварѣ мѣсяцѣ поручикъ Леухинъ въ репортѣ своемъ писалъ, что представленное имъ къ покупкѣ количество матеріаловъ необходимо въ такомъ только случаѣ, «когда на прежнемъ мѣстѣ будетъ мостъ, когда жъ противъ самой Неводницкой пристани *или въ*

---

[1]) О такомъ же *переводѣ* людей черезъ р. Днѣпръ „по опасности и крайней слабости льда" встрѣтилось мнѣ свѣдѣніе въ документахъ 1781 года, когда этимъ переводомъ занимались съ 17 по 27 марта 6 человѣкъ гарниз. солдатъ.

другомъ какомъ мѣстѣ, то за широтою р. Днѣпра предписанныхъ всѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ стать не можетъ». Перевозъ тоже устраивался не на одномъ и томъ же мѣстѣ и приближеніе его къ Неводницкой пристани вызывало, оказывается, всегда жалобы со стороны Лавры. Такъ, въ томъ же 1777 году въ апрѣлѣ м-цѣ архим. Зосима, ссылаясь на указъ Пр. Сената отъ 15 іюля 1758 года, просилъ об.-ком. Ельчанинова, чтобы «дозволеннымъ въ силу оного указу для перевозу черезъ р. Днѣпръ лаврскимъ паромамъ никакого препятствія чинено не было».

Перевозъ на Неводницкой пристани, какъ видно, признавался особенно удобнымъ раннею весною. Въ 1781 году Губ. Канцелярія, получивъ репортъ подпор. Тростеникова отъ 27 марта, что де ледъ «весьма рѣдко проходитъ, почему на дубахъ безнужно, а на паромахъ весьма особливо нужныхъ въ обѣ стороны рѣкою перевозить будетъ можно», предписала ему перевозить народъ на Неводницкой пристани, въ другихъ же мѣстахъ, «какъ казенными, такъ и партикулярными судами перевозу не имѣть».

О строгомъ наблюденіи за этимъ предписывалось и секундъ-майору Шултицу: «ежели К. Г. К. усмотрѣно будетъ, что таковой перевозъ состоять будетъ гдѣ либо въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ и отъ того отвращенія учинено не будетъ, то и за оное не иной кто, какъ онъ, майоръ Шултицъ, отвѣтствовать будетъ». Но 26 апрѣля Тростениковъ, донося о томъ, что отъ прибывшей воды «на той сторонѣ Днѣпра луги и лежащія къ Кіеву для проѣздовъ дороги нѣкоторымъ образомъ полою водою поняло, почему пріѣзжающимъ вѣдомства его на той сторонѣ Днѣпра къ караулу проѣздъ сдѣлался нужной», спрашивалъ губ. канц., «не повелѣно-ль будетъ для проѣзжающихъ народовъ, гдѣ прежде въ полую воду перевозъ находился, по способности переправъ перевозные суда на крещатицкую пристань перевесть». Губ. Канцелярія приказала перевести всѣ перевозные суда на крещатицкую пристань и поручить ихъ прапорщику Бѣлышеву, которому «велѣть въ перевозѣ народа на судахъ поступать безъ всякаго упущенія по имѣющимся у онаго подпор. Тростеникова наставленіямъ, наблюдая при томъ, чтобъ отнюдь при томъ перевозѣ никому никакихъ обидъ и притѣсненій не было... имѣющіеся при мостовомъ исправленіи отосланные изъ канцеляріи сей о неиманіи съ проѣзжающихъ никакихъ взятковъ и подарковъ указные листы для знанія проѣзжающему народу, какъ на крещатикѣ, такъ и на той сторонѣ р. Днѣпра на столбахъ въ пристойныхъ мѣстахъ прибить».

Уже это одно напоминаніе о «неиманіи взятковъ» указываетъ на то, что безъ такого «иманія» дѣло при перевозѣ черезъ Днѣпръ не обходилось и едва ли могли его останавливать «указные листы», прибитые на столбахъ у пристаней.

Изъ вышеприведеннаго же предписанія Губ. Канц. о недопущеніи перевоза «партикулярными судами» очевидно, что, помимо существовавшихъ на опредѣленныхъ мѣстахъ «государева» и монастырскаго перевозовъ, кіевскіе обыватели перевозили людей черезъ Днѣпръ и въ другихъ «не указныхъ» мѣстахъ своими «партикулярными судами»; но такъ какъ это все таки строго преслѣдовалось, то и не могло практиковаться слишкомъ широко, не могло образовать особаго промысла.

А. А.

Полугодовая панихида по П. А. Кулишу. 2-го августа окончилось полгода со дня кончины извѣстнаго писателя и ученаго П. А. Кулиша. Вдова покойнаго, тоже писательница подъ псевдонимомъ *Ганна Барвинокъ*, рѣшила въ этотъ день отслужить панихиду на его могилѣ, о чемъ и были извѣщены его близкіе родные, знакомые и почитатели таланта. Но по нѣкоторымъ, совершенно случайнымъ, обстоятельствамъ срокъ панихиды перенесенъ былъ на 29-е іюля, чего своевременно не могли узнать всѣ желавшіе побывать на панихидѣ, чѣмъ и объясняется не особенно большое количество присутствовавшихъ. Поминовеніе началось обѣдней и панихидой въ церкви ближайшаго къ хутору Кулишей села Аленовки, а закончилось панихидой на могилѣ покойнаго и затѣмъ обѣдомъ у вдовы. Могила П. А. Кулиша, находящаяся въ саду ихъ усадьбы въ х. Мотроновкѣ, къ этому дню была почти окончательно уже устроена. Она представляетъ большую земляную надгробную насыпь, находящуюся на полянкѣ въ кругу большихъ, вѣковыхъ деревьевъ и украшенную вѣнками и цвѣтами; на ней поставленъ очень изящной работы металлическій крестъ, сдѣланный подъ дубъ, но рѣшетка вокругъ могилы еще не установлена, хотя она находится тутъ-же. На краю полянки высится громадный, въ нѣсколько саженъ вышины, простой дубовый крестъ, къ которому, по козацкому обычаю, прикрѣплена пика съ *хустиною*. Въ сооруженіи этого креста, тоже поставленнаго за нѣсколько дней до панихиды, принимали участіе нѣкоторые изъ окрестныхъ козаковъ, почитателей покойнаго, изъ которыхъ одинъ воспѣлъ этотъ

печальный день украинскимъ стихомъ. Во время обѣда сказаны были слова: свящ. о. Захаріемъ, г-номъ Коваленкомъ, О. М. Бѣлозерскимъ—роднымъ братомъ г-жи Кулишъ; прочитаны были привѣтствія, присланныя вдовѣ покойнаго г.г. Полюемъ, Шенрокомъ, а также стихотворенія, написанныя къ этому дню Надеждой Б., г. Троицкимъ, козакомъ П. Безлюднымъ. Хотя на поминовеніи присутствовало не много, но поминки носили задушевный характеръ.

Изъ бесѣдъ съ г-жей Кулишъ намъ пришлось узнать, что проникшій было въ печать слухъ о передачѣ большинства рукописей покойнаго въ Галицію лишенъ всякаго основанія: всѣ рукописи, которыхъ, надо замѣтить, довольно много, тщательно и любовно сохраняются вдовою; она только о томъ и думаетъ, какъ-бы при жизни своей успѣть ихъ опубликовать, выполнивъ этимъ свой долгъ передъ памятью мужа. Ее смущаетъ то, что въ писаніяхъ П. А. Кулиша было много такого, что вызывало споры и даже, очень часто, сильныя раздраженія, а потому едва-ли найдется теперь кто-нибудь, кто согласился-бы отпечатать эти рукописи безъ перемѣнъ и сокращеній. Намъ кажется, что пока самъ авторъ живъ, издатели, конечно, вправѣ не соглашаться печатать тѣ его взгляды, которые противорѣчатъ ихъ убѣжденіямъ; но разъ автора нѣтъ въ живыхъ,—всякое его слово становится, такъ сказать, историческимъ документомъ, который публикуется дословно и дѣлается съ этого момента предметомъ исторической критики, спокойно оцѣнивающей и разъясняющей какъ сильныя, такъ и слабыя стороны его. Будемъ поэтому надѣяться, что г-жа Кулишъ найдетъ еще въ себѣ силы и энергію привести въ порядокъ все сохранившееся изъ рукописей покойнаго мужа, а за издателями остановки не будетъ.

В. Н—ко.

Письмо въ редакцію.—Мы получили отъ привать-доцента С.-Петербургскаго университета В. Н. Перетца просьбу опубликовать нижеслѣдующее письмо его, обращенное къ лицамъ, могущимъ оказать ему свое просвѣщенное содѣйствіе въ предполагаемомъ его трудѣ.

М. Г.

Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ изслѣдователи наименѣе удѣляли вниманіе народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается

нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра маріонетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являются работы: г. Алферова («Петрушка и его предки») и моя (Кукольный театръ на Руси». Историческій очеркъ). Предпринимая работу по изслѣдованію развитія кукольнаго народнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и другихъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, покорнѣйше прошу васъ, м. г., не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ вы живете постоянно или временно, кукольный театръ: а) религіозный (вертепъ, бетлейка, шопка) или б) *свѣтскій* («Петрушка» или что нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначать точно).

II. Каково отношеніе а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ—полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ собщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольнаго театра: сцены и куколъ? (если возможно — прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Прошу *записать текстъ* представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой орѳографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ:—однѣ удобныя для смѣшанной публики, другія неудобныя,—то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало или когда заподозрятъ присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ вашей мѣстности панорама (раекъ?) Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ? Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ. Гдѣ послѣднія обрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раешники?

Отвѣты прошу адресовать.

С.-Петербургъ. Екатериногофскій проспектъ, д. 59. кв. 19, приватъ-доценту Императорскаго С.-Петербурскаго Университета ***Владиміру Николаевичу Перетцу.***

БИБЛІОГРАФІЯ.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львови під редакцию Михайла Грушевського. Томы XVI и XVII (1897, кн. II и III). Стр. 194+194*[1]).

Основаннное въ 1873 году въ Львовѣ «Общество имени Тараса Шевченка» для развитія украинско-русской науки и литературы преобразовалось въ 1893 году въ научное общество того же имени, съ секціями филологической, историко-философской и математическо-естественно-медицинской. Изъ года въ годъ расширялась научно-издательская дѣятельность преобразованнаго общества, которое нынѣ выпускаетъ въ свѣтъ слѣдующіе труды: «Записки», двухмѣсячный журналъ литературно-научнаго содержанія (вышло 17 томовъ); источники для исторіи Украины-Руси (съ 1895 г.); памятники украинско-русскаго языка и литературы (съ 1896 г.); этнографическій сборникъ (съ 1895 г.); матеріалы этнологическіе (съ 1897 г.); юридическій журналъ (съ 1897 г.); сборникъ мат.-ест.-медицинской секціи (съ 1897 года); предполагаются такіе же сборники прочихъ двухъ секцій «Общества»; историческая библіотека (переводы лучшихъ монографій по исторіи Украины, вышло 16 т.) и литературно-научный журналъ «Зоря» (18-й годъ). Въ 1896 году вышло 41 изданіе «Общества». Такое развитіе дѣятельности сравнительно молодого научнаго учрежденія, безъ сомнѣнія, лишь потому стало возможнымъ, что вызвано дѣйствительною жизненною потребностью, и поистинѣ заслуживаетъ удивленія энергія, съ которою наши сосѣди-галичане безостановочно продолжаютъ свою работу на пользу родного языка и словесности, не-

---

[1]) Отчетъ о прежнихъ 15 т. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г. №№ 11 и 12, 1896 г. №№ 2, 5 и 10 и 1897 г. № 1 и 5.

смотря на матеріальныя затрудненія. Правда, общество получаетъ субсидію отъ австр. министерства просвѣщенія и галицкаго областного сейма, но, напр., на текущій 1897 годъ субсидія эта не превышаетъ 4500 гульденовъ. Между тѣмъ, въ 1896 году расходы по изданіямъ составляли не менѣе 10.000 гульденовъ, бюджетъ на нынѣшній годъ увеличился на 3000 гульденовъ и конечно будетъ расти и далѣе, съ развитіемъ научно-издательской дѣятельности общества.

Ближайшею цѣлью дѣятелей этого общества является основаніе галицкой украинско-русской академіи наукъ, по примѣру чеховъ, сербовъ и хорватъ. Для устроенія этого насущнаго дѣла члены «Общества» рѣшили образовать научный фондъ украинско-русской академіи наукъ и печатно приглашаютъ сочувствующихъ этой мысли къ пожертвованіямъ, которыя могутъ быть высылаемы прямо въ Общество или головѣ его, проф. университета М. Грушевскому, или кассиру общества К. Паньковскому.

Отчеты о пожертвованіяхъ будутъ печататься съ указаніемъ или безъ указанія именъ жертвователей, по желанію послѣднихъ.

Въ настоящихъ двухъ томахъ записокъ находимъ заключительныя статьи г. А. Кониского по жизнеописанію Т. Шевченка: «Т. Шевченко въ послѣдніе часы жизни» (7 сент. 1859 г.—26 февраля 1861 г.) и «Опытъ упорядоченія хронологія произведеній Т. Ш.» (XVI, 1—70 и XVII, 1—22). Съ необыкновенною тщательностью біографъ подобралъ всѣ доступныя извѣстія о послѣднихъ сумрачныхъ годинахъ жизни знаменитаго поэта, о его неудачныхъ попыткахъ пріобрѣсти осѣдлость на Украинѣ, неудавшихся поискахъ жены, о намѣреніяхъ выкупить родственниковъ поэта у помѣщика Фліорковскаго и пр. Чтеніе этой монографіи г. Кониского оставляетъ тяжелое впечатлѣніе въ душѣ. Авторъ видимо старается сохранить лѣтописный тонъ, ограничиваясь ролью разсказчика, но положеніе его въ этомъ случаѣ крайне затруднительно. Съ какимъ бы уваженіемъ ни относиться къ личности поэта, разсказъ о его поискахъ за женою, о его сватаньи на дѣвушкахъ, которыхъ никогда не видѣлъ, оставляетъ въ душѣ читателя чувство отвратительнаго моральнаго диссонанса, но конечно въ этомъ надо винить не біографа, а суровые факты, свидѣтельствующіе о многихъ недостаткахъ въ развитіи поэта. Что касается опыта хронологіи съ мая 1847 года (продолженіе статьи, напечатанной въ VII—VIII т. «Записокъ»), то намъ показался излишнимъ нѣсколько запальчивый полемическій тонъ автора, опровергающаго догадки нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что

хронологія произведеній Ш., написанныхъ на русскомъ языкѣ, и послѣ этой статьи представляется невполнѣ разъясненной. Удивительны и жалобы автора на затруднительность изученія рукописей Ш., оставшихся неарестованными. Въ свое время рукописи эти были выставлены на Пражской выставкѣ. Ознакомиться съ ними не трудно и теперь, если же это было затруднительно для автора, то это не основаніе для столь горькихъ жалобъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать великое трудолюбіе, съ которымъ г. К. изслѣдуетъ спорные вопросы хронологіи и устанавливаетъ заключенія, почти всегда кажущіяся безспорными благодаря приведеннымъ имъ даннымъ. Изъ заключительныхъ словъ автора съ сожалѣніемъ узнаемъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ долженъ былъ отказаться отъ выполненія первоначальнаго своего плана дать, кромѣ біографіи поэта, исторію его творчества и критическое обозрѣніе его произведеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что и то, что сдѣлано г. К. для біографіи Ш., составляетъ крупный вкладъ въ исторію малорусской письменности и значительно облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей, на которыхъ возлагаетъ свои надежды почтенный авторъ.

Редакторъ «Записокъ», проф. Грушевскій, въ XVI т. даетъ очень обстоятельный сводъ мнѣній и фактическихъ данныхъ о козацкомъ гетманѣ Богданкѣ (посл. четверть XVI ст.), а г. С. Рудницкій—такой же сводъ данныхъ для исторіи козацко-польской войны 1625 г. (XVII, 1—42). Статья г. Рудницкаго, какъ и статья г. Терлецкаго въ XIV т. «Записокъ» представляютъ рефераты, читанные въ семинаріумѣ г. Грушевскаго во Львовѣ, и свидѣтельствуютъ о хорошей исторической школѣ, которая постепенно создается въ этомъ университетскомъ городѣ благодаря умѣлому руководству молодого кіевскаго ученаго.

Цѣль ихъ—критическій пересмотръ спорныхъ или маловыясненныхъ вопросовъ малорусской исторіи и строго фактическое возсозданіе того, что можетъ представляться въ данномъ случаѣ не подлежащимъ спору или наиболѣе правдоподобнымъ.

Въ т. XVII г. Грушевскій оканчиваетъ изданіе духовнаго пѣсенника начала XVIII в. (стр. 49—98) и снабжаетъ его пояснительными замѣчаніями, а г. В. Гнатюкъ приводитъ, также съ примѣчаніями, девять неизданныхъ легендъ изъ хитарскаго сборника, описаннаго въ X т. «Записокъ»: о короли, который ходивъ со злодѣемъ въ ночи красти; слово отъ патерика о покутѣ; о томъ же; про рицаря и смерть; о цесари Іовланѣ; о Давидѣ разбойнику; о Флавіанѣ разбой-

нику; о пустельнику и аггелѣ; о патріархѣ Терентіи, выпившемъ лютую трутизну изъ рукъ жида (XVI, 1—38).

В. В. Антоновичъ въ XVI т. даетъ интересную выписку изъ ватиканскаго архива о сектѣ субботниковъ въ Перемышлѣ въ 1648 году, именно реляцію папскаго нунція въ Варшавѣ Джіованни Аричини къ кардиналу Пансироло, президента коллегіи de propaganda fide. По словамъ нунція, эти сектанты празднуютъ субботу, не потребляютъ свиного мяса, не крестятъ дѣтей, но обрѣзываютъ. Король заявилъ, что секта появилась за шесть лѣтъ до 1648 года, что онъ приметъ мѣры для искорененія ея, какъ секты опасной; еретиковъ считалось до 400 чел. (отд. miscellanea, 1—2).

Въ отдѣлахъ научной хроники и библіографіи находимъ обстоятельныя рецензіи и обзоры 60 журналовъ, книгъ и брошюръ по исторіи и литературѣ южнорусскаго народа. Особеннаго вниманія заслуживаютъ рецензіи г. Грушевскаго на XXII т. капитальнаго изданія г. Яблоновскаго Żródła dziejowe и г. Рудницкаго на недавнія статьи покойнаго Кулиша въ «Русскомъ Обозрѣніи»: «Украинскіе козаки и паны» и пр.

Н. М.

Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.).—И. Т—а. *Кіевъ. 1897 г. Стр. VII+57.*

Едва ли найдется въ Россіи другой городъ, подобный Кіеву, который бы при своей столь глубокой древности, такъ мало сохранилъ памятниковъ прошлой жизни; поэтому большое количество вопросовъ по древней топографіи его остается до сихъ поръ неразъясненнымъ, подавая поводъ къ многочисленнымъ догадкамъ и безконечнымъ спорамъ, изъ которыхъ если и не рождается истина сейчасъ же, то въ будущемъ даетъ все-таки надежду получить наиболѣе вѣроятное рѣшеніе. Съ этой точки зрѣнія всякое новое мнѣніе, касающееся той или другой мѣстности Кіева, возбуждаетъ большой интересъ, который въ настоящее время увеличивается еще оттого, что въ близкомъ будущемъ въ Кіевѣ соберется XI-й археологическій съѣздъ; послѣдній, само собой разумѣется, кромѣ общихъ вопросовъ исторической науки, займется и мѣстными. Попытку рѣшить одинъ изъ такихъ мѣстныхъ старыхъ,

спорныхъ историческихъ вопросовъ представляетъ собою вышеназванная брошюра, именно—вопросъ о мѣстѣ нахожденія могилы Аскольда, а также и два другіе тѣсносвязанные съ этимъ послѣднимъ вопроса: о мѣстѣ нахожденія такъ называемаго «Угорьскаго» урочища и времени возникновенія Пустынно-Николаевскаго монастыря. Авторъ этой брошюры, г. И. Т—а, разсматриваетъ названные вопросы въ двухъ главахъ и предисловіи. Въ послѣднемъ цитуетъ онъ основной источникъ сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, приводитъ мнѣніе о нихъ Карамзина и позднѣйшихъ историковъ и отмѣчаетъ вопросы, возникающіе при критическомъ разборѣ этихъ мнѣній. Первую главу своего труда г. И. Т—а удѣляетъ оспариванію мнѣній проф. Н. И. Петрова и, возражая противъ нихъ, приходитъ къ заключенію, что урочище Угорьское, на которомъ помѣщается обыкновенно Аскольдова могила, «находилось, какъ нужно полагать, на основаніи имѣющихся данныхъ и мѣстныхъ условій, противъ устья Почайны и расположено было на покатостяхъ горы, на вершинѣ которой стоялъ городокъ. Этимъ Угорскимъ съ городкомъ Кія завладѣли Аскольдъ и Диръ въ 862 году; къ этому Угорскому явился въ 882 году Олегъ; подъ этимъ Угорскимъ должно быть послѣдовала и казнь Аскольда и Дира» (стр. 27). Разобравъ далѣе сообщеніе Новгородцева 1784 г. о мѣстѣ нахожденія Дировой могилы близъ церкви Андрея Первозваннаго и имѣя въ виду показаніе лѣтописи, что Дирова могила расположена за монастыремъ св. Ирины, авторъ полагаетъ, что Новгородцевъ указалъ могилу Аскольда, которую впослѣдствіи раскопалъ К. Лохвицкій и нашелъ въ ней остатки христіанскаго погребенія или быта. Вторую главу г. И. Т—а посвящаетъ разбору мнѣнія протоіерея П. Троцкаго о древности и времени основанія Пустынно-Николаевскаго монастыря и думаетъ, что «на монастырскомъ кладбищѣ съ большою вѣроятностью можно предполагать тотъ Николаевскій женскій монастырь (онъ упоминается въ житіи пр. Өеодосія, написанномъ пр. Несторомъ), въ которомъ жила и скончалась мать пр. Өеодосія, а тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ военный соборъ, находился, вѣроятно, древній монастырь Германичъ, который, по сожженіи его Половцами въ 1096 году, занялъ упомянутый женскій, принявъ названіе Николаевскаго» (стр. 55). Таковы мнѣнія г. И. Т—а, на которыя мы и обращаемъ вниманіе любителей и изслѣдователей кіевской старины; подвергать же эти мнѣнія теперь разбору значило бы дѣлать пересмотръ вопроса во всемъ его объемѣ и со всѣми накопившимися мнѣніями, чего, конечно, исполнить въ предѣлахъ краткой рецензіи невозможно.

Приложенные къ брошюрѣ видъ Аскольдовой могилы, планъ Кіева Ае. Кальнофойскаго 1638 г. и часть плана Кіева 1695 г., изданнаго Кіевской археографической коммиссіей, сдѣланы отчетливо и даны здѣсь весьма кстати, позволяя читателю яснѣе представить себѣ ту мѣстность, изъ-за которой ломятся стальныя перья археологовъ въ безкровной, но обѣщающей плодъ борьбѣ.

И. Каманинъ.

Матеріалы къ изученію Кубанскаго козачьяго войска. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпускъ 1—3: Пісні чорноморскі. Выпускъ 4-й. Пісні линейскіе. Для одного голоса и хора съ акомпаниментомъ фортепіано. Собраны А. Бігдаемъ, дѣйствительнымъ членомъ Кубанскаго статистическаго комитета. Изданіе Кубанскаго статистическаго комитета къ 200-лѣтнему юбилею войска. *Москва. Печатня В. Гроссе. 8°, 65+72+91+75 стран.*

Обязанное своимъ появленіемъ празднованію 200-лѣтняго юбилея Кубанского козачьяго войска, собраніе пѣсенъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ заключаетъ въ первыхъ трехъ выпускахъ малорусскія пѣсни («чорноморскі») и въ четвертомъ—великорусскія («линейскія»). Въ каждомъ выпускѣ помѣщено по 40 пѣсенъ съ мотивами для одного голоса, или для хора, и съ акомпаниментомъ фортепіано. Относительно семнадцати пѣсенъ, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ (№№ 1—8, 10, 13—18, 20 и 22), сдѣлано указаніе: «уклад М. Лисенко», а кѣмъ положены на музыку всѣ остальныя пѣсни—не обозначено. Къ сожалѣнію въ сборникѣ также не имѣется ни предисловія, изъ котораго было-бы видно, какъ именно сборникъ составлялся, ни указанія, въ какихъ именно мѣстностяхъ пѣсни записаны: обозначено только, отъ кого онѣ были записаны или получены (напр. отъ Васильева, отъ Маши Близнюкъ, отъ Маши Изюмской и др.), но безъ указанія мѣстностей. И только подъ двумя варіантами одной пѣсни (выпускъ II, №№ 1 и 6) есть отмѣтка: «записано въ околиці Борцегівки, Київъ, причемъ надо разумѣть с. Борщаговку кіевской губерніи. Обстоятельство это можетъ повергнуть наивнаго читателя въ недоумѣніе (которое уже и было высказано въ газетѣ «Кавказъ»), ставя для него вопросъ: развѣ кіевская губернія находится въ предѣлахъ земли кубанскаго козачьяго войска? Но, обра-

тивъ вниманіе на содержаніе пѣсни, догадливый читатель пойметъ, почему она могла быть внесена въ сборникъ: въ обоихъ варіантахъ этой пѣсни (названной: «Про Чепыгу и Головатого») разсказывается о томъ, какъ запорожцы прощались съ Днѣпромъ и съ своими куренями и переселялись на Кубань. Повѣствуя такимъ образомъ о прошломъ Кубанскаго войска, эта пѣсня, очевидно, занесена въ кіевскую губернію изъ другихъ мѣстъ и, будучи по происхожденію своему черноморскою, подлежала внесенію въ сборникъ независимо отъ того, какъ далеко она распространилась. Кромѣ упомянутой пѣсни, къ пѣснямъ, имѣющимъ мѣстный характеръ, т. е. изображающимъ прошлое черноморскихъ козаковъ или ихъ современный бытъ, относятся очень немногія (помѣщенныя преимущественно во второмъ выпускѣ); значительное же большинство остальныхъ пѣсенъ принадлежитъ къ пѣснямъ общеизвѣстнымъ и распространеннымъ въ разныхъ мѣстахъ южно-русскаго края (въ родѣ, напримѣръ: «Ой не ходы Грицю на ті вечерниці», «Сонце низенько, вечір близенько», «Полюбила Петруся та й сказать боюся», «Дівчина моя переяславка» и пр.). Отсутствіе точныхъ указаній мѣстъ собиранія пѣсенъ лишаетъ возможности съ точностью опредѣлить, отличаются ли чѣмъ либо пѣсни черноморскихъ козаковъ отъ пѣсенъ другихъ мѣстъ южнорусскаго края. Но, увеличивая количество малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ и положенныхъ на музыку, изданный сборникъ во всякомъ случаѣ составляетъ полезное пріобрѣтеніе. Можетъ быть, въ Черноморьѣ онъ будетъ имѣть и практическое значеніе, если поможетъ существующимъ тамъ войсковымъ хорамъ какъ удержать въ памяти исполняемыя ими малорусскія пѣсни, такъ и увеличить запасъ таковыхъ.

Н. Ш.

Приходская Библіотека. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ V. Очерки Малороссіи. Редакція В. И. Шемякина. *Спб. Типографія В. Комарова 1896, малая 8°, 244+VI стран. и 1 карта.*

Отправляясь отъ той мысли, что естественною бытовою и духовно-просвѣтительною единицей земли русской является приходъ, въ которомъ, подъ сѣнью церкви, созидается школа, а рядомъ съ нею должна стоять приходская читальня и библіотека, редакція на-

стоящаго изданія подъ общимъ заглавіемъ «Приходской Библіотеки, выпустила рядъ книгъ, предназначенныхъ ею для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и библіотекъ и вообще для чтенія грамотныхъ людей прихода, и подраздѣляемыхъ на шесть отдѣловъ: «церковный, историческій (очерки русской и славянской исторіи—церковной и гражданской, жизнеописаніе замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей русско-славянскаго міра, описаніе историческихъ памятниковъ и мѣстностей), литературный (лучшія, доступныя грамотнымъ людямъ произведенія русской, славянской и иностранныхъ литературъ—въ цѣломъ видѣ, отрывкахъ и сокращеніяхъ, съ жизнеописаніями авторовъ и примѣчаніями), географическій (очерки природы, быта и промышленности Россіи и земель, населенныхъ славянами, съ приложеніемъ географическихъ картъ), сельско-хозяйственный и пѣвческо-музыкальный. До настоящаго времени вышло болѣе 40 томиковъ этой «Библіотеки», при чемъ по географическому отдѣлу выпущенъ сборникъ подъ заглавіемъ «Русская земля», пятый томъ котораго посвященъ Малороссіи.

Относительно плана и состава своихъ изданій редакція въ помѣщенной въ книгѣ замѣткѣ говоритъ: «Мы далеки отъ мысли что либо сочинять для народа; наша скромная цѣль—*выбирать* изъ области нашей богатой литературы все полезное и доступное для грамотнаго читателя; редакторомъ и его сотрудниками руководитъ мысль, кѣмъ то давно высказанная, но рѣдко осуществляемая на дѣлѣ, что народу впору только самое лучшее. Согласно съ этимъ, настоящая книга представляетъ собою расположенный въ систематическомъ порядкѣ сборникъ статей, которыя частію составлены по сочиненіямъ извѣстныхъ авторовъ, а частію выписаны изъ нихъ. Чтобъ ознакомить читателей съ содержаніемъ сборника, приводимъ его вполнѣ: а) Природа Малороссіи: 1) Устройство поверхности и почва Малороссіи. 2) Малороссійскія степи (Пассека). 3) Днѣпръ и Днѣпровскіе пороги (изъ Афанасьева-Чужбинскаго). 4) Климатъ Малороссіи. Растенія и животныя. 5) Украинская ночь (изъ Гоголя). 6) Лѣтній день въ Малороссіи (изъ Гоголя). б) Малороссы и ихъ бытъ: 1) Особенности тѣлеснаго и духовнаго склада малороссовъ. 2) Лѣто въ Малороссійской деревнѣ (по Л. Ставровскому). 3) Малороссійскія села и хутора. Хаты и хозяйственныя постройки. Домашняя утварь. 4) Одежда и пища. 5) Набожность малоруссовъ. Повѣрья и суевѣрія. 6) Народные обычаи при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Народная словесность: сказки, думы и пѣсни. в) Занятія и промыслы малороссовъ: 1) Земледѣліе и

его враги. 2) Разведеніе свекловицы и табака. Садоводство. Скотоводство. Пчеловодство. 3) Отхожіе и домашніе промыслы. г) Достопримѣчательные города и мѣстности Малороссіи: 1) Кіевъ и его святыни. 2) Святая Почаевская Успенская лавра (по разсказу Ѳ. Четыркина). 3) Полтава.

Уже изъ одного перечня этихъ статей видно, что редакція хотѣла познакомить своихъ читателей съ Малороссіей въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. И хотя нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ этихъ статьяхъ свѣдѣнія (какъ напримѣръ о минеральныхъ богатствахъ южнорусскаго края) являются неполными или устарѣлыми, но въ общемъ книга составлена обстоятельно и представляетъ довольно удачную попытку въ достиженіи той симпатичной цѣли, которую редакція себѣ намѣтила.

Къ книгѣ приложена небольшая карта Малороссіи и нѣсколько рисунковъ (преимущественно снимки съ произведеній Трутовскаго). По количеству напечатаннаго матеріала назначенная за книгу цѣна (30 коп.) представляется очень умѣренною.

Н. Ш.

Отъ Кіева до Бриндизи. Путевые очерки Е. Л. Маркова. *Гл. I—II. Русское Обозрѣніе. 1897 г., февраль.*

Извѣстный авторъ «Очерковъ Крыма», «Очерковъ Кавказа», публицистъ и романистъ Е. Л. Марковъ обрушивается на современниковъ за «безраздумно-табунное влеченіе» къ европейскимъ городамъ и курортамъ и за непростительное пренебреженіе «природными членами семьи нашей», т. е. славянами, которыхъ мы знаемъ «чуть ли не такъ же мало, какъ какой нибудь Афганистанъ или Пенджабъ», между тѣмъ какъ «нѣмцы, австрійцы, французы, англичане, даже американцы итересуются гораздо болѣе насъ этими странами и настойчиво изучаютъ ихъ». Отсюда г. Марковъ пришелъ къ рѣшенію предпринять путешествіе по славянскимъ землямъ, присоединивъ къ нимъ одну не славянскую, Грецію, вслѣдствіе того, что она служила для насъ колыбелью православія (что, собственно, для Греціи—историческая натяжка) и вслѣдствіе ея рѣдкихъ красотъ природы, и исключивъ одну славянскую, Болгарію, потому что въ ней, по его словамъ, было тогда еще много болѣзненныхъ явленій, съ которыми

непріятно было бы сталкиваться, и на которыя не хотѣлось бы глядѣть».

Г. Марковъ, начинаетъ свой маршрутъ Кіевомъ, потому что: «Кіевъ дряхлый, златоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ; иначе говоря, это колыбель русскихъ славянъ, народная святыня, заслуживающая перваго посѣщенія и благоговѣйнаго вниманія русскаго туриста. И авторъ, дѣйствительно, въ лирическомъ духѣ передаетъ свои впечатлѣнія отъ города, который, впрочемъ, не въ состояніи нарисовать внѣшняго вида города. Вотъ мы у главной святыни Кіева—св. Софіи и прежде всего слышимъ неосновательный укоръ ей въ томъ, что она «черезчуръ слабое подражаніе Византійской Софіи»... Но она и не была вовсе подражаніемъ константинопольской Софіи, а всего болѣе напоминаетъ церковь Вседержителя въ Константинополѣ. Читаемъ дальше: «Она также мало похожа на нее, какъ маленькая олеографическая картинка (sic!) на огромное полотно знаменитаго художника». Такія репортерскія выраженія о русской святынѣ религіозной и художественной по меньшей мѣрѣ странно было встрѣтить въ путешествіи лица съ такими понятіями, какъ г. Марковъ. Описывая далѣе наружный видъ собора, онъ находитъ какое-то сходство теперешнихъ куполовъ собора, какъ извѣстно каждому—новѣйшаго времени, съ индійскими пагодами, и не находитъ сходства въ нихъ съ византійскими куполами. Но какое же сравненіе между вещами несравнимыми?! Далѣе: «Наши предки, хотя и приняли отъ византійцевъ вѣру и образованіе, не даромъ, однако, были соплеменниками по крови (sic!) и съ арійцами Индіи. Они незамѣтно преобразили по своему архитектуру Византіи и создали самобытный русскій стиль, даже силясь рабски(!) копировать своихъ учителей». Это все сказано о кіевской Софіи, какъ извѣстно всякому, построенной греческими мастерами!.. Общее заключеніе автора о кіевской Софіи таково: «Софійскій храмъ Кіева, въ свое время казавшійся чудомъ свѣта своего рода нашимъ простодушнымъ предкамъ, теперь интересенъ только(!) своей оригинальностью. Архитектура его дѣтски-наивна. Золотыя шапки его, сильно таки облѣзлыя, продолжаетъ свой критическій анализъ г. Марковъ, помяты, какъ плохо спеченный артосъ; окошечки грубы и просты, какъ въ деревенской избѣ; колокольня, сквозь ворота которой входятъ во дворъ храма,—какой то уродливой формы, словно обрѣзанная снизу, и расписана во вкусѣ варварскаго великолѣпія бѣлыми алебастровыми арабесками,

травами, цвѣтами и чуть ли не птицами, по свѣтло-зеленому фону»... По всему видно, что не смотря на оговорку, что Софійскій соборъ теперь далеко не тотъ, что при Ярославѣ, г. Марковъ и купола, и колокольню относитъ, во всякомъ случаѣ, къ варварской древности... Но, при варварской наружности, внутренность собора, по экспертизѣ г. Маркова, «типически византійская». Послѣ краткаго и неяснаго описанія внутренняго устройства его, авторъ дѣлаетъ свое замѣчаніе: «въ храмѣ вездѣ царитъ полутьма, переходящая кое-гдѣ въ настоящій мракъ»; и даетъ свое объясненіе: «Строители, очевидно (sic) больше всего хлопотали о прочности сооруженія, мало заботясь объ удобствѣ молящихся». Извѣсто, однако, что, напротивъ, въ древности Софійскій соборъ отличался яркимъ освѣщеніемъ, а что если нынѣ онъ дѣйствительно темноватъ, то это потому, что нѣкоторыя изъ оконныхъ отверстій впослѣдствіи задѣланы были. Авторъ самъ могъ убѣдиться, какъ туристъ, бывшій и въ Константинополѣ, что тѣ же византійскіе мастера съумѣли отлично освѣтить тамошнюю Софію безъ вреда для прочности. Но ему все кажется, что Софійскій соборъ построенъ въ варварскомъ вкусѣ: «русская древность, говоритъ онъ, и въ храмахъ своихъ, и въ теремахъ, даже царскихъ, повидимому, любила тѣсноту и полумракъ. Можетъ быть, въ этомъ сказывались вкусы лѣсного жителя, привыкшаго къ тѣнямъ лѣса и густотѣ его стволовъ»... Итакъ, выходитъ, что колонны въ Софійскомъ соборѣ— это подобіе древесныхъ стволовъ...

Покончивъ съ архитектурной частью храма, авторъ переходитъ къ описанію его живописныхъ украшеній, при чемъ замѣчаетъ, что «общая идея византійскаго храма проникаетъ въ немъ всякую подробность». А идея «творца храма» была «создать изъ камня искусственное небо своего рода(!), съ престоломъ Божіимъ на верху, съ роями ангеловъ, Его славословящихъ, съ полчищами святыхъ, Ему молящихся, повсюду кругомъ». Обозрѣніе мозаикъ св. Софіи, которыя причисляются къ самымъ совершеннымъ по рисунку, по композиціи, по типичности лицъ среди византійскихъ мозаикъ того времени, нашъ путешественникъ ограничиваетъ простымъ упоминаніемъ о Нерушимой Стѣнѣ, очистку которой ошибочно приписываетъ проф. Прахову, о Тайной Вечери и о другихъ, о содержаніи которыхъ умалчиваетъ. Относительно фресковыхъ изображеній г. Марковъ находитъ, что ихъ слишкомъ уже много. «Но мозаикъ уцѣлѣло, говоритъ онъ, все таки немного сравнительно съ множествомъ изображеній святыхъ, писанныхъ al fresco, и сплошь покрывающихъ внут-

ревность собора, его стѣны, столбы, паруса, арки, купола и своды, одиночками, парами, группами, цѣлыми полчищами. Религіозная ревность наивнаго художника, повидимому, жаждала населить Божій храмъ ликами всѣхъ святыхъ людей, которыхъ имена можно было отыскать въ лѣтописяхъ церкви. Тутъ и библейскіе патріархи, и пророки, и апостолы, и благочестивые цари, и великіе святители, мученики и подвижники, кажется, всѣ безъ исключенія, словомъ, цѣлая торжествующая небесная церковь, наглядно предстательствующая за своихъ грѣшныхъ земныхъ братьевъ передъ Ликомъ Вседержителя, властительно простершаго надъ ними, въ глубинѣ центральнаго купола, среди облаковъ и ангеловъ, Свою Десницу». Напрасно г. Марковъ думаетъ, что религіозная ревность (вѣроятно, по его мнѣнію, неразумная) наивнаго (почему?) художника безъ разбора написала изображенія всевозможныхъ святыхъ парами, десятками, дюжинами и т. п., съ цѣлью изобразить ихъ предстательство передъ Вседержителемъ. Если бы онъ потрудился разсмотрѣть внимательнѣй расположеніе фресковыхъ изображеній, то могъ бы замѣтить въ сюжетахъ ихъ опредѣленный выборъ. Во первыхъ, придѣлы расписаны соотвѣтственными изображеніями, затѣмъ слѣдуютъ изображенія литургико-символическаго характера, изображенія страстей Христовыхъ, сошествія Его во адъ, воскресеніе и сошествіе св. Духа; изъ ветхаго завѣта символическія дополненія къ евангельскимъ сюжетамъ.

Посвятивъ нѣсколько строкъ значенію, которое имѣютъ въ архіерейскомъ служеніи протодіаконскій басъ, громій звонъ колоколовъ и громкіе возгласы хора, г. Марковъ возвращается еще разъ къ Софійскому собору и удѣляетъ нѣсколько строкъ изабраженіямъ на лѣстницахъ, ведущихъ на хоры. Здѣсь находимъ невѣрное предположеніе о томъ, что во времена Ярослава этими лѣстницами сообщался съ храмомъ построенный рядомъ съ нимъ дворецъ великаго князя. Въ изображеніяхъ г. Марковъ видитъ и охоту за дикими лошадьми въ южно-русскихъ степяхъ, и битвы, и пиршества, словомъ сцены древне-русской жизни, и опять неправильно приписываетъ открытіе ихъ проф. Прахову. Объясненіе этихъ рисунковъ давно отвергнуто въ научной литературѣ: содержаніе ихъ взято исключительно изъ византійской жизни, и къ древне-русскому быту не имѣютъ никакого отношенія. Роспись лѣстницъ представляетъ два празднества: сатурналіи съ охотами и играми въ циркѣ и празднованіе Каландъ (Календъ) [1]), при чемъ изображены императоръ и императрица.

[1]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Рус. др. IV, 153

О Михайловскомъ монастырѣ авторъ говоритъ небрежно, что монастырскій соборъ-рабскій сколокъ съ Ярославова храма, съ незначительными отступленіями въ куполахъ; колокольня ему не понравилась и здѣсь; внутренность не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, тамъ тѣсно и темно, около мощей—толкотня и давка; мозаикъ мало; профессору Прахову удалось найти подъ слоемъ извести только очень немногія мозаики въ аркѣ алтаря; за то, по словамъ г. Маркова, въ монастырѣ уцѣлѣло нѣсколько историческихъ сокровищъ болѣе новаго времени, есть даже икона чистаго золота, цѣнимая свыше 50.000 р. По поводу проф. Прахова, котораго нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ, мы можемъ добавить, что изображеніямъ Михайловскаго монастыря, напр. Тайной Вечерѣ, онъ отдаетъ предпочтеніе передъ мозаиками Софійскими по большей естественности и что здѣсь, въ славянскихъ надписяхъ надъ изображеніями Михайловскаго монастыря мы видимъ указанія на появленіе мѣстнаго русскаго искусства въ XII вѣкѣ [1]). Полагаемъ, что это заслуживаетъ вниманія просвѣщеннаго путешественника.

Затѣмъ для полноты ознакомленія читателей съ Кіевомъ, г. Марковъ удѣляетъ страницу наружному описанію Владимірскаго, собора который ему вообще не понравился, описанію памятника Хмельницкому и тѣмъ поканчиваетъ съ матерью городовъ русскихъ.

Общее впечатлѣніе по прочтеніи первой главы путешествія г. Маркова въ вышей степени неблагопріятно по безучастному небрежному отношенію къ родной старинѣ, для него остающейся чужою, и даже по оскорбительному третированію ея въ неподходящихъ сравненіяхъ съ олеографіей и артосомъ. Все это свидѣтельствуетъ, что свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ и искусствѣ у г. Маркова столь не высокаго достоинства, что безъ всякаго сомнѣнія, онъ многому могъ бы научиться хотя бы и у тѣхъ нѣмцевъ, и у австрійцевъ, и у французовъ, къ которымъ относится съ такимъ патріотическимъ негодованіемъ.

Чего же ожидать русскому читателю отъ дальнѣйшаго описанія русскаго путешественника? Вотъ вторая глава его въ той же книжкѣ журнала, подъ заглавіемъ «Чрезъ «Забранную» Русь»—разумѣется черезъ Галицію: бѣглыя впечатлѣнія изъ окна вагона, вродѣ, напр., слѣдующаго краснорѣчиваго описанія галицкой деревни: Въ стадѣ этихъ бѣлыхъ смиренныхъ овечекъ (разумѣй хатъ), разбросанныхъ,

---

[1]) „Древности“ Моск. Арх. Общ. XI, вып. 3-й, стр. 24-25,

какъ и малороссійскія хаты, среди цвѣтущихъ сливныхъ и вишневыхъ садочковъ, и похожихъ другъ на друга, какъ разомъ окотившіяся двоешки,—стоитъ затерянный между ними, такой же смиренный и такой же бѣдный пастырь—маленькая бревенчатая церковочка, вся почернѣвшая отъ старости, нерѣдко покосившаяся на бокъ, съ робкимъ (sic!) темнымъ крестикомъ на темной драничной кровлѣ,—точь въ точь старикъ пастухъ въ своей грязной и дырявой свитѣ»... Содержаніе всей этой небольшой главы занято неновыми разсужденіями на темы о политическомъ, и экономическомъ угнетеніи галицкихъ русинъ, о монархіи Габсбурговъ, о раздѣлѣ Польши и пр. Все это ничего не прибавляетъ къ давно извѣстному изъ газетныхъ фельетоновъ и передовицъ. О достоинствѣ же стиля политическихъ разсужденій г. Маркова можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ: «Жидъ—неизбѣжный роковой спутникъ польскаго владычества, всегда присасывавшійся къ нему, какъ паразитъ къ разлагающемуся трупу, прежде всего густо засѣлъ по всѣмъ уголкамъ обезсилѣвшей страны,-и скоро задавилъ въ ней собою всякую другую поросль. Жидъ цвѣтетъ, обсѣменяется и плодится въ Галичинѣ, какъ нигдѣ!!. В. Я.

Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти Любому Царю Освободителю Александру II. На 1-е марта 1897 года. Сочиненіе П. В. Карнаушенка. *Одесса 1897 г., стр. 1—20.*

Эта книжечка, представляющая въ своемъ родѣ fin de siècle, лишній разъ доказываетъ, что добрыя намѣренія и ихъ исполненіе далеко не всегда согласуются другъ съ другомъ. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что на языкѣ малороссійскаго народа ничего еще не было сказано въ память Царя-освободителя, а потому онъ «написалъ здѣсь не какъ плодъ своей фантазіи, а какъ истину, живущую въ душахъ Малороссійскаго народа». Цѣль, какъ видите, читатель, очень почтенная, но бѣда въ томъ, что у автора нѣтъ ни намека не только на талантъ, но даже на простое умѣніе излагать свои мысли, особенно-же въ стихахъ. Хотя въ стихѣ «До Музы» онъ и проситъ ее надѣлить его силами, и притомъ въ довольно скромныхъ размѣрахъ: *«Въ половыну хоть якъ Квитци,*

Й Тарасу Шевченко,
Нехай же й я заспиваю
Про Россію Неньку,—

но Муза очевидно осталась глуха къ его просьбамъ, и авторъ оказался въ положеніи тѣхъ поэтовъ, которые, по словамъ Дмитріева, «едва лишь вывѣски надписывать способны».

Не стоитъ, конечно, и останавливаться на указаніи перловъ этой поэзіи, т. к. нѣтъ ни одной строчки въ ней, которую можно было-бы отмѣтить, какъ *сносную*. Да и по поводу всей книжечки не стоило-бы говорить совсѣмъ, если-бы не бьющее на эффектъ заглавіе (которое, впрочемъ, содержаніемъ нисколько не оправдывается), да не одинъ куплетъ въ стих. «До Музы»:

Та якымъ-же словомъ
Такъ тягне пысаты?
Словомъ малоруськимъ,
Що вже мертвымъ
Нови люды
Его сталы зваты.

Какъ видно, авторъ есть другъ малорусскаго слова, а если такъ, то, любя его, пусть онъ помнитъ извѣстное изреченіе: «избави, Боже, *отъ друзей*, а съ врагами я какъ-нибудь еще справлюсь».

В. Н—ко.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897 № 4—6.

Мировой судъ Захарьина (Якунина) въ Подоліи. Гл. VI—XIII. Продолжается характеристика дѣятельности литинскаго мирового съѣзда, вызвавшей ревизію съѣзда товарищемъ оберъ-прокурора Ж.; результатомъ ревизіи была отставка всѣхъ судей, кромѣ автора статьи, и замѣна ихъ новыми (нисколько не лучшими). Въ статьяхъ г. Я сообщается много бытовыхъ подробностей по поводу различныхъ, процессовъ о ростовщичествѣ, сокрытій имуществъ, дутыхъ взысканіяхъ, банкротствахъ и т. п., героями которыхъ являются большую часть евреи, но также—и нѣкоторые представители мѣстнаго духовенства. Интересенъ отзывъ автора о евреяхъ: «еврей въ массѣ своей народъ невыносимый, но въ частности и въ отдѣльности я встрѣчалъ между ними прекрасныя и свѣтлыя личности. Главную отличительную добрую черту еврейской расы составляетъ чистота ихъ семейной жизни, любовь къ семьѣ, отсутствіе разгуловъ и пьянства... они, какъ и поляки, никогда не забываютъ малѣйшаго добра, имъ оказаннаго». И тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Я. «еврейскій вопросъ въ Россіи есть роковой вопросъ», и «радикальныя потребны тутъ лекарства». Интересенъ также слѣдующій отзывъ г. Я. объ отношеніи поляковъ-помѣщиковъ къ мировому суду въ Подоліи: «къ нашему мировому суду—или какъ они называли, московскому суду»—они относились крайне недружелюбно, ос-

корбленные конечно прежде всего тѣмъ, что судъ этотъ назначенъ былъ «отъ короны»... между тѣмъ какъ на содержаніе мировой юстиціи деньги брали съ нихъ же, т. е. съ землевладѣльцевъ (№ 4—6).

Къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. Ф. Витбергъ. Статьи написаны въ отвѣтъ на статью Авенаріуса, помѣщенную въ февральской книжкѣ «Р. Ст.» Авторъ опровергаетъ положеніе г. А. и полагаетъ, что знакомство Г. съ П. и Р. произошло не въ маѣ, а когда всѣ дѣйствующія лица сошлись въ одномъ мѣстѣ и имѣли больше досуга, т. е. послѣ переѣзда двора изъ Петергофа въ Царское Село,—значитъ послѣ 24 іюля 1831 г. (№ 6).

Продолжалось печатаніе *записокъ М. Чайковскаго* (№ 5).

Изъ воспоминаній Михайловскаго Данилевскаго 1817 годъ. Описывая большое путешествіе имп. Александра I по Россіи авторъ, состоявшій въ императорской свитѣ, говоритъ между прочимъ о посѣщеніи Кіева, Бѣлой-Церкви, Полтавы, Харькова и др. городовъ южной Россіи. Сообщаемые факты имѣютъ большее значеніе для характеристики императора, чѣмъ для изображенія страны или общества (особенный интересъ представляетъ посѣщеніе имп. incognito схимника Вассіана, въ К. П. лаврѣ; разговоръ объ отреченіи отъ престола, имѣвшій мѣсто въ Бѣлой Церкви (несочувственное принятіе отъ Каразина проэкта университета въ Харьковѣ (№ 6).

Историческій Вѣстникъ 1897 № 4—6.

Заокеанская Русь. Графа Леливы (Е. Н. Матросова). Гл. III. Русь съ западной стороны сѣверо-американскаго материка. Статья начинается историческимъ очеркомъ (велико) русской колонизаціи на Аляскѣ и дѣятельности россійско-американской компаніи. Произведенная въ 1861 г. ревизія обнаружила совершенно неудовлетворительное состояніе колоній, вслѣдствіе чего особый комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ имп. Александра II постановилъ продать территорію правительству С. А. Соед. Штатовъ. Продажа состоялась въ 1877 г. за 7 милліоновъ долларовъ. Результатомъ столѣтняго владычества русскихъ осталось ничтожное количество русскихъ переселенцевъ (менѣе 500 чел.), изъ которыхъ нѣкоторые послѣ продажи колоній возвратились въ Россію, и православная епархія, основанная знаменитымъ миссіонеромъ Іоанномъ Веніаминовымъ, (впослѣдствіи Иннокентій, епископъ алеутскій, съ 1877 митрополитъ московскій). Епархія эта въ настоящее время въ территоріальномъ отношеніи обнимаетъ всю Америку, но количественно очень невелика: всѣ 24 прихода-миссіи, на которыя она раздѣляется заключаютъ въ себѣ около 20 тысячъ человѣкъ, но русскихъ между ними не болѣе 1000, а остальныя 19000 состоятъ изъ т. наз. русскихъ креоловъ, алеутовъ, колотей,

конайцевъ, грековъ и сирійскихъ арабовъ. Поэтому она не имѣетъ національнаго характера Братства, основанныя при приходахъ, по образцу галицко и угрорусскихъ уніатскихъ, не заключаютъ въ себѣ ничего не только народнаго, но даже и церковно-народнаго, не говоря уже о томъ, что они не объединены въ какую-либо болѣе крупную организацію, хотя бы и церковнаго характера». Со времени удаленія пр. Иннокентія (1867) и до назначенія нынѣ занимающаго каѳедру еп. Николая (1891) православная епархія находилась въ самомъ плачевномъ состояніи: тамъ происходила «безконечная борьба между епископскими любимцами фаворитами, злоупотребленіе епископскими слабостями, церковными суммами, натравливаніе епископовъ на русскихъ людей прогрессивнаго закала, заканчивавшееся иногда проклятіями, отмѣненными святѣйшимъ синодомъ, физическія насилія и даже покушенія на убійства». При такихъ условіяхъ православная миссія даже не замѣтила приближенія къ ея территоріальнымъ предѣламъ галицко-и угро-русской уніатской церкви. Между тѣмъ среди послѣдней возникло само собою движеніе въ пользу возсоединенія съ православіемъ. Началомъ этого движенія было возсоединеніе въ 1891 г. угро-русскаго населенія г. Миннеаполиса (въ штатѣ Миннесота), вызванное преслѣдованіемъ мѣстнаго уніатскаго священника о. Алексія Товта католическимъ епископомъ. Товтъ вступилъ въ сношенія съ епископомъ Николаемъ, и Миннеапольскій приходъ былъ присоединенъ къ Аляскинской епархіи. Послѣ этого въ теченіе пяти лѣтъ (1891—1895) возсоединено было еще шесть приходовъ; въ г. Вильксъ-Бэррѣ (Пенсильванія), Стритарѣ (Иллинойсъ), Питсбургѣ (Пенсильванія), Осцеалѣ (Огайо), Бруклинѣ (Нью-Іоркъ) и Бриджпартѣ (Нью-Іоркъ). Но эти возсоединенія «были достигнуты средствами и путями не вполнѣ церковными и не совсѣмъ добросовѣстными».

Кромѣ великорусскихъ поселенцевъ, на Аляскѣ есть довольно значительная малорусская община. Это—потомки запорожцевъ, переселившихся послѣ разоренія Сѣчи на Амуръ и оттуда на своихъ чайкахъ добравшіеся до Американскаго материка. До послѣдняго времени американское правительство считало ихъ индійцами и только въ семидесятыхъ годахъ священникъ Агапій Гончаренко добился признанія ихъ «русскими козаками». Гончаренко уроженецъ Кіева и воспитанникъ кіевской семинаріи, въ 1857 назначенъ іеродіакономъ въ русскую церковь въ Аѳинахъ, за сотрудничество въ «Колоколѣ» арестованъ, но бѣжалъ въ Лондонъ; въ 1862 рукоположенъ въ священники на Аѳонѣ (гдѣ устроилъ малорусскій скитъ пр. Иліи); въ 1864 переселился въ Америку, гдѣ организовалъ малорусскую общину, издавалъ газеты «Alaska Herold» и «Свобода», а теперь доживаетъ свой вѣкъ на своей фермѣ въ Калифорніи. Организованная имъ козацкая община представляется «самымъ значительнымъ средоточіемъ русскаго населенія на всемъ материкѣ Америки и заключаетъ приблизительно 20 т. человѣкъ» (№ 4).

Гл. IV Общее современное положеніе Руси въ С. Америкѣ. Въ этой главѣ подводятся итоги современнаго положенія американской Руси со стороны церковной, народной и экономической. Въ *церковномъ* отношеніи пре-

обладающую роль играетъ церковь уніатская: къ двумъ православнымъ приходамъ принадлежитъ 20 т. чел., большею частью инородцевъ (русскихъ всего 1 т.); къ 30 уніатскимъ приходамъ — около 200 т. чел. малорусскаго племени; т. обр. православная церковь въ Америкѣ имѣетъ характеръ космополитическій, а уніатская національный; но эта національная церковь не имѣетъ правильной организаціи. Въ *національномъ* отношеніи преобладаетъ племя малорусское. Русь «россійская» такъ немногочисленна, что о національномъ значеніи ея не можетъ быть рѣчи. Русь угорская слабо проявляетъ національное самосознаніе и легко поддается то мадьяризаціи, то своеобразному «аристократическому великоруссофильству». Галицкая Русь, наиболѣе многочисленная, въ наибольшей степени проявляетъ свое національное самосознаніе («Русскій Народный Союзъ») и стоитъ довольно высоко въ культурномъ отношеніи. Это сознаютъ и американцы, и въ то время какъ представители угорской руси «носятъ у американскаго общества презрительную кличку «hungarian» (гунгеріэнъ), члены «Русск. Нар. Союза» именуются среди того же общества именемъ «russian» (рошіанъ) и полнымъ симпатіи и уваженія. Въ *экономическомъ* отношеніи положеніе американской Руси все еще очень тяжело. Большинство работаетъ въ майнахъ (каменноуглеломнѣ) и только немногіе счастливцы переходятъ къ торговлѣ. Главная причина тяжелаго экономическаго положенія — отсутствіе экономической организаціи. (№ 5).

Воспоминаніе о С. А. Бершадскомъ А. В. Жиркевича. Очень тепло составленная поминка о покойномъ профессорѣ одного изъ его слушателей по военно юридической академіи. Къ статьѣ приложенъ портретъ (№ 5).

Памяти И. И. Малышевскаго св. Титова. Прочувствованный некрологъ покойнаго, составленный бывшимъ его слушателемъ, а нынѣ — преемникомъ по каѳедрѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ (№ 6).

Раздвоившаяся редакція «Москвитянина» Глинскаго. Между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія объ участіи въ старой редакціи Максимовича, Бодянскаго, Квитки, Каразина, Иннокентія и объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину. (№ 4).

Герцогъ Ришелье и Одесская дума 1812 г. В. А. Тимирязева. (№ 5).

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографія»* помѣщены отзывы о слѣд. книгахъ: 1) Маркграфскій Сборникъ статей по польскому вопросу. Вып. I. 2) Современное политическое положеніе Галиціи. 2) Тайны латино-польской пропаганды въ «Русскомъ Забужьѣ» Варшава 1896 (№ 4). 2) Бѣлозерская. «В. Т. Нарѣжный, историко-литературный очеркъ; 3) Лопухинъ «Изъ поѣздки въ Червоную Русь» и по ея окрестностямъ Путевыя впечатлѣнія во время проѣзда черезъ Галицію лѣтомъ 1895 (№ 6).

Въ отдѣлѣ *«Смѣсь»* — отчетъ о засѣданіи кіевскаго церковно-археологическаго общества (рефератъ г. Эртеля. «О стѣнописѣ въ великой церкви К.-П. Лавры») и «Некрологъ П. А. Кулиша».

Ланкастерское училище въ Кіевѣ (ок. 1820 г.). Записка Ивана Романовича Мартоса.

Любопытство, соединенное съ чувствомъ благоговѣнія, привело меня въ городъ Кіевъ, знаменитый своею древностію какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ гражданскомъ. Я не стану описывать здѣшнихъ древностей, заключающихся въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ мощахъ и въ прочихъ достопамятностяхъ, составляющихъ исключительно священную принадлежность Кіева. Для сего нужно имѣть досужество и отличныя дарованія, дабы въ достойныхъ чертахъ изобразить картину первобытныхъ временъ христіанства нашего, совокупно съ обожаемыми сподвижниками онаго; но признаюсь чистосердечно, что потребныхъ для таковаго произведенія качествъ у меня недостаетъ. Я коснусь перомъ моимъ нѣкотораго новаго предмета, обворожившаго меня при первомъ его обозрѣніи: это есть кіевское военно-сиротское отдѣленіе, или, лучше сказать, введенный въ оное *порядокъ взаимнаго ученія*, Ланкастеромъ изобрѣтенный, приспособленный весьма удачно нетокмо къ чтенію и письму, но и къ ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, катехизису и священной исторіи. Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя несказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную благотворный свѣтъ солнца.

Пріятно было бы мнѣ служить читателямъ подробнымъ описаніемъ порядка сего въ самомъ его выполненіи, переходя отъ первой степени, въ которой начинается ученіе, до послѣдней, въ которой приготовляются избранные къ учительскимъ должностямъ; какія

важныя дѣйствія совершаютъ въ ономъ самыя простыя вещи, какъ-то: песокъ, свистокъ, прутикъ, колокольчикъ, походъ и хлопанье въ ладоши; но сверхъ того, что все сіе описано уже предварительно, частію въ прежнихъ листахъ русскаго инвалида, а частію въ особыхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для распространенія порядка взаимнаго ученія,—человѣкъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на короткое время для богомоленія, столько имѣетъ развлеченій, что долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не углубляясь въ сокровенныя подробности оныхъ.

Съ перваго взгляду показывается, будто видишь предъ собою большое число машинъ, движущихся по звукамъ свистковъ, колокольчиковъ и прочаго, а не собраніе школьниковъ, приходящихъ въ учебный домъ для продолженія своихъ наукъ, числомъ до 1800 человѣкъ. Но когда по опытамъ я замѣтилъ, что лучшій ученикъ, примѣрно въ 11 лѣтъ, каковыхъ тамъ есть очень много, управляетъ другими, гораздо большій возрастъ имѣющими, тогда легко мнѣ было увѣриться, что сей образъ ученія, машинальнымъ кажущійся, никакъ нестѣсняетъ врожденныхъ дарованій; а вмѣсто того, чрезъ соревнованіе, награжденіемъ и постыдѣніемъ возбуждаемое, споспѣшествуетъ развитію оныхъ по всей возможности. Учащійся пользуется купно и наукою и движеніемъ, обращая вниманіе на разные предметы, кои взаимно помогаютъ ему вскрывать свои душевныя способности. Отличный ученикъ можетъ пройти въ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ восемь классовъ, оставляя прочихъ на половинѣ пути своего, и сіи не въ состояніи препятствовать ему въ его преспѣяніи. Не безъ удовольствія можно видѣть въ этой школѣ нѣсколько человѣкъ служивыхъ, пожилыхъ уже лѣтъ, чертящихъ на пѣскѣ буквы на ряду съ прочими школьниками, по изъявленному ими желанія пріобрѣсти искусство читать и писать: они хотятъ оправдать собственнымъ опытомъ извѣстное мнѣніе, что никогда не поздно начинать хорошее дѣло, сколь скоро надобно приводить его въ дѣйствіе. Удобность, съ каковою мальчикъ, вступающій въ школу сію, начинаетъ пріучаться къ правильнымъ оборотамъ и прочимъ тѣлеснымъ движеніямъ, успѣвая въ оныхъ свободно, безъ принужденія, нечувствительнымъ образомъ, играючи, позволяетъ сказать, что едва-ли другая какая либо наука можетъ съ большею удачею приспособлять молодыхъ людей къ военному трою, какъ наука взаимнаго ученія. А поспѣшность, съ каковою здѣсь научаются читать, писать, считать и рисовать, также играючи, также безъ большихъ пожертвованій, представляетъ способъ взаимнаго ученія

самымъ выгоднымъ для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ, по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ. Дѣйствительно теперъ наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землѣпахарей, бывъ удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго. Кажется, медленной ходъ ученія, по селеніямъ нынѣ преподаваемаго приходскимъ причтомъ, съ одной стороны можетъ содѣлывать всякое расположеніе, къ образованію поселянъ относящееся, недѣйствительнымъ; а съ другой, допускаетъ признавать Ланкастеровъ порядокъ быстротекущимъ источникомъ народнаго просвѣщенія, которое весьма много требовало пожертвованій въ обширныхъ нашихъ провинціяхъ.

Обратимся къ виновникамъ сего новаго введенія. Ежели справедливо, что *порядокъ взаимнаго ученія*, принятой въ Россіи въ 1817 году, первоначально показался въ Кіевѣ, потомъ уже въ С:П:бургѣ и въ другихъ губерніяхъ, какъ русскій инвалидъ въ № 85-мъ увѣряетъ насъ, то сіе можно брать въ разсужденіе съ весьма выгодной стороны. Кому неизвѣстно, что христіанское ученіе, равномѣрно заимствованное извнѣ, также получило свое начало въ Кіевѣ при великомъ Владимірѣ, который разліялъ сей свѣтъ отъ бреговъ Днѣпра до бреговъ Волхова, нелишая спасительныхъ лучей онаго ни малыхъ, ни большихъ областей своея великія державы? Подобно тому въ наши дни разлилось обильными струями народное просвѣщеніе при Александрѣ, который далъ ему чрезвычайное превосходство противу прежняго, содѣлавъ его всеобщимъ для своихъ подданныхъ, неисключая ни рода, ни пола, ни состоянія, ни возраста. Самое введеніе Ланкастерова порядка никогда не могло бы быть допущено, ежели бы непослѣдовало на сіе высочайшаго соизволенія. И такъ, да будетъ успѣхъ народнаго просвѣщенія столь же счастливъ при Александрѣ, сколь счастливъ былъ успѣхъ христіанскаго просвѣщенія при Владимірѣ!

При таковыхъ желаніяхъ очевидцы достойную честь приписуютъ корпусному генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генеральнаго штаба генералъ-маіору М. Ф. Орлову, яко главнымъ основателямъ здѣсь новыхъ правилъ взаимнаго ученія. Поводомъ къ тому служило, говорятъ, жалостное состояніе, въ какомъ нашли они сіе отдѣленіе по принятіи начальства, гдѣ солдатскія дѣти, въ наукахъ своихъ упражнявшіеся по нѣсколько лѣтъ, неумѣли ни читать, ни писать поря-

дочно. До чувствительности тронутый таковою оплошностію генералъ Раевскій, какъ человѣкъ, одушевляемый и въ мирныхъ упражненіяхъ по службѣ тою же любовію къ отечеству, каковою пламенѣлъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля, призналъ онъ удобнымъ случаемъ найденную неисправность обратить въ пользу учащихся такимъ образомъ, чтобы тотъ же часъ ввести въ употребленіе *порядокъ взаимнаго ученія*, вывезенный изъ Франціи. Наука сія съ начала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ, а послѣ того получены изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на руской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ въ 1817 году. Недовольно сего: надобно было хлопотать о людяхъ, кои могли бы вмѣстить новыя впечатлѣнія, для преподаванія наукъ по новымъ правиламъ. Все сіе составляло чрезвычайную заботу для начальника генеральнаго штаба, наипаче при недостаткѣ способныхъ людей, въ которыхъ настояла необходимая надобность. Но какъ начинаніе добрыхъ дѣлъ никогда неостается безъ увѣнчанія хорошимъ успѣхомъ, то подобнымъ образомъ и генералъ-маіоръ Орловъ, послѣ многихъ пожертвованій своими трудами, своимъ просвѣщеніемъ и самымъ иждивеніемъ своимъ, достигъ наконецъ до той вожделѣнной цѣли, что возвелъ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе на желанную степень совершенства. Кто не повѣритъ, что безъ таковыхъ усилій новый порядокъ взаимнаго ученія могъ бы существовать здѣсь въ одномъ только умозрѣніи? Но кто-жъ и не порадуется, когда узнаетъ что по поводу сему кіевское военно-сиротское отдѣленіе выиграло наилучшее положеніе, составляя нынѣ въ Россіи, такъ сказать, матку взаимнаго ученія, сколь скоро взять во вниманіе нижеслѣдующія причины: 1-е, что правила сей науки здѣсь показались прежде, нежели въ другихъ нашихъ провинціяхъ, 2-е, что сюда присылаются изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ ученики, для приготовленія ихъ къ новымъ таковымъ же заведеніямъ и 3-е, что здѣсь же приготовленные учители открыли уже классы по новому порядку взаимнаго ученія въ Москвѣ, въ Могилевѣ и въ Херсонѣ. Какъ пріятны должны быть таковыя расспространенія для трудившихся въ первомъ начинаніи!.. При семъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость инженерному штабсъ-капитану Прасолову, надъ всѣми классами дирекцію имѣющему, который столько благопріятствуетъ посѣтителямъ въ наблюденіяхъ, что совершенно удовлетворяетъ ихъ любопытству; да и прочіе учители, кажется, преисполнены ревнованіемъ содѣйствовать благодѣтельному

намѣренію высшей власти, въ разсужденіи просвѣщенія своихъ учениковъ, яко будущей, несомнѣнной надежды отечества.

Надѣюсь подобные мнѣ посѣтители города Кіева, послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ, увлекаемы будучи силою своего любопытства, придутъ въ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ Печерской крѣпости, дабы видѣть въ самомъ дѣйствіи тотъ быстрый потокъ ученія, который въ ономъ разливается по новымъ правиламъ. Они могутъ видѣть его и заимствовать нужное. Но да не помыслятъ, чтобы я предложилъ изъясненіе сіе по какимъ либо личнымъ видамъ. Одно чувство признательности къ виновникамъ сей общеполезной новости, свойственное всякому сыну отечества, управляло слабымъ перомъ моимъ. Да съ умноженіемъ добрыхъ дѣлъ въ наши достопамятныя времена, пусть умножается въ нѣжныхъ сердцахъ и чувства живѣйшей благодарности къ тѣмъ отличнымъ особамъ, которые того достойны бываютъ.

Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведеніе XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ піитикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventuti Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata)[1]), помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой,—тоже піитикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году[2]),—оно находится непосредственно послѣ текста піитическихъ правилъ de poësi tragica et comica (л. л. 67—75 на обор.). Declamatio состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій)[3]) и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудріи*, *чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *господствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *киченіи Бахусова пьянства*.

---

[1]) По каталогу семинарской библіотеки, составленному въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ Б. 867. О. 2.

[2]) По тому же каталогу, подъ значкомъ В. 868.

[3]) Въ самой Declamatio нѣтъ дѣленія на дѣйствія, и ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Первую часть составляетъ продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемыя ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ Цѣломудріемъ. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомлянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ Цѣломудріе и Чистоту въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вездѣсущій зритъ ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пьяницъ. Онъ развертываетъ картину широкаго пьянства.

Какъ бы къ большему огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ Бахусъ, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америки и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. Бахусъ, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ паѳосомъ перечисляетъ свои услуги человѣчеству, и особенно распространяется о своемъ превеликомъ праздникѣ-маслинѣ, во время которой его наиболѣе почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпилогъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южнорусскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741—2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ за-

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поощрять праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ[1]). Ту же цѣль имѣетъ и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Кониссжаго, подъ заглавіемъ—«Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года»[2]). Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ кіевская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистеріальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью[3]).

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе пріемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудрія въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Канисскаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескораго воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ[4]).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаетъ ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, какимъ слѣдовала южнорусская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею,—и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

[2]) Издана проф. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. III, с. 39—58.

[3]) Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

[4]) См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43: 46—47; 55—58.

нашей Declamatio былъ Мануилъ Базилевичъ [1]), питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Кониссваго [2]), написавшій ее, будучи профессоромъ піитики въ Смоленской коллеліи, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателеи, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
О предложенныхъ вещахъ обявить имѣемъ.
А обявить хощемъ не о чесомъ иномъ,
Но о добродѣтели, кая господиномъ
Естъ великимъ всякому всегда человѣку,
Еяже кто держится до своего вѣку,—
Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
Сіестъ здраваго ума егда кто бываетъ,
Кнейже и чыстота прысовокупленна,
Отъ нечыстоти суще весма обижденна,
И о удивленіи великаго пьянства
Такожъ о киченіи Бахусова панства.
Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
О семъ бытъ внимательнымъ покорно вмоляемъ.
(Выходятъ ангели и поютъ канты) [3]).

Цѣломудріе

обижденное отъ гордости внутрной печалится и ускаржается.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весма унываю!
Горе жъ, яко боліе уже жытъ не чаю!

---

[1]) Піитика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его піитика 1754—5 г.

[2]) По всей вѣроятности, Базилевичъ вмѣстѣ съ другими былъ присланъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[3])См. ниже.

Ахъ, горе, какъ въ несносной зостаю печали,
Ибо жалъ серце мое произаетъ немалый,
Произаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
Ахъ! недоумѣваю, что чынитъ съ собою?—
Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
Которы истѣкаетъ з пекелнаго ада.
Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
Откуду мнѣ ключися сія перемѣна?
Не цѣломудралъ была, ничимъ оскверненна?
Нынижъ, аки изгребіе есмь уничтоженна...
Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
Была, но, аки слонца липота всезрима
Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
Но днесь пребываю, якъ скверна тынъ попранна:
Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмъ отвсюду,
Не точію же отвнѣ, но и сквозъ внутръ уду.
Не была лъ въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
Первымъ бяше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
Лики превозхождаше вся во оной славѣ,
Юже по превосходству имѣяше явѣ,
Слава же ему бяше,-слава быстъ толика,
Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ бяше владика.
Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
Какъ имѣти жылище въ Херувимскомъ неби?
Но покусися еще болшой искать славы:
Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
Аки бы не трезвенныкъ умомъ пребываше,
Что недостойно ему, всегда то желаше.
Возимѣ себѣ злую толъ гордость премногу—
Рещы не устыдыся: равенъ буду Богу,
Сожизду престолъ горѣ и сяду въ чертозѣ,
И вся мнѣ власты будутъ корытысь подъ нозѣ.
Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тои дары,
Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
Посрамленъ же погрязе въ преисподнимъ морѣ,
И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоежде мыслящымъ,
Въ равенствѣ жизнъ з господемъ имѣти хотящымъ,
Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

В глубину неисходну адскую пріидоша;
За кую гордость будуть в вѣкъ тамъ пребывати,
По своей отдалившесъ воли благодати.
Ахъ, горе мнѣ! не была лъ въ первомъ человѣцѣ,
Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
Надъ всякимъ жывотнымъ, на земли жывущимъ,
Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущымъ?
Въ его же власти были не точію скоты,
Но которіе бяху и вящшей доброты
Высоко парящые небесные птыцы,
Различнаго естества бываютъ колицы.
Бысть же райскому жителъ прекрасному саду,
Въ немъ же имѣлъ паче всѣхъ велику отраду,
Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ баше земнымъ богомъ.
Но мя, цѣломудріе, оный отрывувый
Обрытеся ко гниву Бога воздвигнувый,
Зане прелстися онымъ врагомъ гордоливымъ,
Иже предъ создателемъ явися стропливымъ,
Покусися отъ древа краснаго вкусити,
З зависты болшу хотяй славу улучити.
Ахъ, горе! не разсудивсъ и сей такъ съ собою,
Чтобы неявитися гордости злобою!
Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доволный,
Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
Довлѣло ему было знатъ, что естъ преблаго,
А не высокоумить, довѣдуясъ злаго.
Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
Но пребыстъ не отмѣненъ знатъ добро и злы;
Тѣмже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
За что всея радости райскія лишыся.
Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
Что мене обиждаетъ гордостъ возносима,
Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
Почти не вси начали мене оставляти!
Не родъ ли Божи баше Израилъ реченны,
Но безъ цѣломудріи и сей ослиплены

Явисъ. Всиидъ пресладчайшу имѣяше манну,
Пречудесныкъ образомъ съ небесе поданну,
Чрезъ море не мокренно преидоша по суху,
Чуднѣе летающихъ отъ птыцъ по воздуху;
И не отъ каменя ли жыву воду пиша,
И во всякомъ доволствѣ насыщенны быша?
Но не благодарніи явилисъ и сими,
Господеви своему рабы неключымы,
Уклонившеся въ гордостъ, идолы почтыли;
Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
Телца единодушна почтили за Бога,
Иже бысть изліянни отъ злата премнога;
И Богу сотворенны за вражды такія
Отъ зміевъ себѣ, смерти достигнули злыя.
Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
А нынѣ обыватель бываетъ геенны!
Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
Зане суть человѣцы еще въ то злой воли:
Боговъ мертвыхъ множайшыхъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
Отъ гордости вражіей имуть то на мнозѣ,
Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
Не толкожъ сіи правди Господа незнаютъ,
Но и хрыстіяне суще не такъ почытаютъ,
Какъ требѣ; о прочіихъ зказати естъ диво:
Въ православіи суще держатъ вѣру криво:
Называютъ рускую вѣру весма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту.
Правда, хочаи предано во оной естъ много,
Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
А въ рымской-литанія естъ едина толко,
Да еще прыдается и пацѣръ [1]) посколко?
Спреждежъ сего не было: бысть вѣра едина
Съ нами; но ихъ отвела самая гординя
Отторгнутисъ восточной отъ церквѣ Христовой,
И бытъ въ своей ересной злоби неистовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже, окруженны

[1]) По рукописи второй: „патеръ“.

Многою гордистію, сутъ ума лишенны!..
Не отрынувше лъ мене, панство потерали
Греки, что церкви Божой на прагъ вдезжали:
Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно приступати,
Но гордостно не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?
И прочіи также, егда мя забыша,
Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудише,
Денно нощно думаютъ паче о маммонѣ,
Нежели авраамли почити на лонѣ,
Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
Что злюбилосъ въ оного, толко бы добыти;
И аще бѣдный станетъ за свою обиду,
Но никоего правды неизыщетъ виду,
Зане гордъ богачъ речетъ: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
Кого аще съ житіемъ хощу разорити,
Ибо на пріятелей надежду имѣю;
Со мною спорящаго вовся одолѣю;
И не толко что много пріятелей маю,
Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣшенный;
Будутъ же судить мои единомышленныи,
Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
А буди станетъ на мя аппелловатъ вышше,
И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излишше;
Пущай кто толко схощетъ правду защытати,
Денгою доволною могу доказати,
Ослѣплю очы дарми, руцѣ плѣню мздою,
Хотя бъ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
Ахъ, горе! на маммону свою уповаютъ,
А судію истынны Бога отвергаютъ!
Развѣ сіи нечаютъ на судъ страшны стати,
И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
Что з гордости ближняго имутъ за ничтоже?
Ихъ же исправи сердца, Ты, едины Боже!

Чистота,

обижденна отъ внѣшной нечыстоты, ускаржается цѣломудрію.

Кая здѣ ти, о сестро, вина предстояти
    И такъ веліимъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати и не вопить: горе!
    Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранна,
    Нынѣ же, аки мерзостъ кая, есмъ попранна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
    Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутрностехъ моихъ акибы согнила,
    Противъ мя воюющимъ изчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
    Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудростъ отринувъ, весма омылися,
    Женъ многихъ едною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явились мерски содомляне,
    Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне,
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
    За что сквозь землю въ Адско ежеро упали.
И мнози не избигнутъ тосяжде части,
    Неудаляющеся отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
    Всимъ людемъ по естеству никако прожити!
По мысли исполняется не въ бози жывущымъ,
    Праздно житіе свое повсегда ведущымъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
    Тою нечыстою сіи сутъ плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковыи ходятъ,
    Но по злой своей воли, яко хотятъ, бродятъ!
Ахъ, горе, что не толко себѣ позволяютъ,
    Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
    Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучати!

Довлѣло бъ врага плоти на мя повставати,—
Но еще имъ естъ къ сему злое пьянство мати,
Еже на безстудіе оныхъ поощраетъ,
Забытъ себе и Бога разумъ помрачаетъ.
Толко какъ угодити плоти своей тщатся,
А о вѣчности потщытысь и думать гордятся!
Се зрыши, о другине, и мя какъ велика
Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
Токмо милосердіе Божіе одежда.
(Цѣломудріе глаголетъ):
И откуду надежда намъ бут(д)етъ премнога,
Яко отъ Создателя милостива Бога.

Лице

отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чысто жывущихъ яко не временну, но вѣчну радость, а высоко умствующіи и не чысто жывущіи пагубу улучать.

(И ангели виходятъ съ вѣнцами).
Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
Не бойтесь: увеселитъ Богъ васъ сотворивый!
(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):
Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
Яко отвсюду есмы, аки тынъ, попрати!
(Лице отрады):
Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, вспять будете красны;
Обоихъ бо зритъ дѣла окомъ не дремлющымъ
И гласъ вашъ слышытъ слуг(х)омъ вездѣ Богъ присущій.
Но что просите, вскорѣ не иматъ вамъ дати;
Дастъ конечно, но требѣ мало почекати:
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая,
Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
А ось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчыний;

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. О. АЛИПІЙ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.** (*Окончаніе*). 239—271

II. ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ. **А. Г. Хатемкина.** . . . . 272—318

III. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Окончаніе слѣдуетъ*). . . . . 319—335

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). . 336—393

V. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). 394—408

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто». **В. Милорадовича.** б) Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. **Д. К. Вишневскаго.** в) Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. г) Къ біографіи митрополита кіевскаго Самуила. Сообщилъ **А. А. Танковъ.** д) Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка. Сообщ. **Д. Вишневскій.** е) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. ж) Поправка . . . . 55—73

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Monumenta linguae necnon literarum ukraino-russicarum (ruthenicarum) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки українсько-руськоі мови і літератури. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Апокріфи старозавітні зібрани з рукописів украінсько-руських. **В. Щербины.** б) Józef Włast. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. **Б.** в) Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (Новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. г) Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й. Полковника М. Нуджевскаго. **Z.** д). Обзоръ журналовъ. . . . . 74—84

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. (81—88).

2) Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (89—96).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (*въ концѣ книги*) 1

Дозволено цензурою Кіевъ, 27 сентября 1897 года.

О. АЛИПІЙ[1].

РАЗСКАЗЪ.

(*Окончаніе*).

VIII.

„Нова церква“.

Въ одинъ лѣтній вечеръ о. Алипій поинтересовался выровскими окрестностями. Онъ пошелъ сначала садомъ, потомъ огородами и обратилъ, между прочимъ, вниманіе на совершенно расхищенную огорожу своего забора. Объ этомъ не разъ говорила ему Анисья Элпидифоровна. Это было самое больное мѣсто въ хозяйственныхъ неурядицахъ о. Алипія. Говорила также жена и о томъ, что „вподовжъ“ огородовъ сдѣлана была своевольными крестьянами по грядамъ битая, колесная дорога по направленію къ лугамъ. Безспорно, что нужно-бы что нибудь предпринять противъ этого своеволія, но какъ тутъ приступить, кого винить, съ чего начать?...

Вдали въ лугахъ виднѣлось озеро, поросшее ситникомъ. О. Алипій зналъ, что озеро было церковное, завѣщанное выровской церкви какими-то давними польскими эрекціями, и ему очень

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 № 7 и 8.

хотѣлось его поближе посмотрѣть. Кстати, онъ замѣтилъ суетившихся около озера крестьянъ... Подойдя ближе къ озеру, онъ дѣйствительно увидѣлъ, что два крестьянина стояли по поясъ въ мутной, грязной водѣ и вытаскивали веревками дубовыя толстыя балки, издавна плававшія по озеру и неизвѣстно кѣмъ и когда туда положенныя. Подойдя ближе къ самой водѣ, онъ узналъ въ работавшихъ крестьянъ своего прихода.

— А що це вы робыте?

— Балки тягнемо.

— Боже помогай!—Батюшка снялъ шапку.

— Дякуемо на доброму слови!—отвѣчали крестьяне изъ воды, обхватывая веревками бревно.

— А гарне дерево.

Нѣсколько вытащенныхъ балокъ лежали на землѣ. Батюшка постучалъ палкою по твердому, набрякшему водою дубу.

— Мицне... Набрякло водою. А нащо-жъ то воно? до чого?

— Церква буде.

— Що?—удивился батюшка.

— Аже-жъ церкву будемо ставыты, то перше дерево заготовляемо. Миркуемо роботу роспочаты поки що...

— Якъ-то церкву? Хто-жъ прыказавъ?

— А хиба-жъ вы не знаете? Тожъ дуже стара вже наша церква. А сегодня, бачъ, мы понедилкуемо... То воно не годытся друге дило робыть... Ось почалы мы оце въ де-якій часъ зъ деревомъ пораться... Гей, Гаврыло, торкны-но кинцемъ, бо щось не йде... Затягай! Та не роздзявляй занадто рота, бо ворона щобъ не влетила. Ну!

— Якъ же це вы такъ? Хиба-жъ то можна безъ дозволенья? удивился батюшка.

— Якого дозволенья? То-жъ мы вамъ казалы, що церкву будемо будоваты. Церкву давно тра поставыты. Аже-жъ самы бачите, якъ вона въ насъ хитущая и рухлявая. Охриме, не пускай свого кинця. Держи!

— А скажить-но вы мени, хто це жерды покравъ у мене на городи?

Крестьяне удивились.

— Хто покравъ?! Нехай ёму все лыхе, хто думавъ красты. Або въ насъ злодіи е, чи що?

— И зроду у насъ такихъ злодіивъ ще не було, дополнилъ Охримъ, щобъ жердыну красты. Ото допиро сказалы!.. И Охримъ вытеръ мокрымъ рукавомъ свое лицо... На насъ, здается, ще хресты е...

— А де-жъ вона подилася? То же безъ жердья городъ не стоявъ?

— Де подилася? Люде може розибралы, кому тра було... сказалъ Гаврило послѣ нѣкотораго молчанія.

— Звистно зимою, бо, якъ той казавъ, лыкомъ печи не нагріешь, то завше воно треба полино до печи, зновъ-же и до коминка... дополнилъ мысли своего товарища Охримъ.

— Якъ-же-жъ вы говорыте, не вкравъ... колы люде побралы мое жердье?

— Запевне, що не кралы, а колы тра було, то бралы соби потроху зъ города, тай годи. Ще въ насъ, хвалыты Бога,—фю фю,—лиса слава Тоби Господы! И Гаврило провелъ мокрой рукой на лѣса, стоявшіе кругомъ... Чи-жъ мы станемо въ кого жердье красты? Нехай тому болячки сядуть на рукахъ, а въ насъ ще такого поведенія не було и нема...

— А хиба-жъ то не воровство, колы вы берете зъ городу чуже добро?

— Нехай тому на тому свити добра не буде, хто краде... А якъ кому треба жердыны, то пишовъ въ лисъ тай выбравъ соби...

— Тай выбравъ соби, опять продолжилъ Охримъ мысли своего товарища. Мало, бачъ, въ насъ лиса? Зновъ-же лычкомъ печи не нагріешь; що правда, то правда.

— А запевне, бо таки такъ, сказалъ опять Гаврило. Въ насъ куды не перевырныся—усе лисъ та лисъ... тай годи... хиба у якого дурня сокирки не трапытся.

— Де небудь въ другому мисци, а у насъ злодіивъ на таке добро ще не чутно.

Крестьяне разговаривали, не глядя въ сторону батюшки. Словно они говорили между собой. Въ самомъ тонѣ ихъ голоса

слышалась нотка какъ бы спора, хотя они говорили вполнѣ согласно.

Такова манера у выровцевъ вести разговоры.

О. Алипій слушалъ и былъ нѣсколько смущенъ разсужденіями Гаврила и Охрима. Тонкое различіе между выраженіями „красты“ и „браты“ ему до сихъ поръ было не извѣстно. А между тѣмъ крестьяне одну и туже тему развивали въ однихъ и тѣхъ-же оборотахъ рѣчи на всѣ лады... такъ что о. Алипію надоѣло слушать. Онъ хотѣлъ уйти, но припомнилъ про колею черезъ огородъ.

— А то я ще хтивъ запытаты про дорогу... Нащо вы дорогу черезъ мои городы завелы? Хиба таки годытся?

— А бо що? въ одинъ голосъ переспросили крестьяне.

— Хиба дорога повынна буты на городи?

— А де-жъ пройихаты людямъ на лугъ?.. Опанасъ чрезъ свій тикъ не пускае, Омелянъ не пускае, Ефремъ замостывъ збижжемъ свою клуню, тежъ пройихать не можна... Нихто не пускае, а людямъ на лугъ йиздыть треба...

— То вы черезъ мое поле вулыцю проложилы?

— Зачимъ вулыцю?.. Маленька стежка тутечки завше бувае. Ще за старенького панъ-отця...

— А чому-жъ вы на другому городи стежки не положите?

— Бо колы люде на лугъ не позволяютъ пройихаты... Опанасъ не пускае, Омельянъ...

— И батюшка може не пустыты!

— Якъ-то не пустыты? Его земля—то громадьска земля.

— Ось що?

— Та вже-жъ, то мырскій ланъ, значится. Якъ той казавъ, попивскій кусокъ—громадьскій працюнокъ.

— Дякую вамъ за це слово... Я и не знавъ,—сказалъ батюшка обиженнымъ тономъ.

Крестьяне замолчали, угадывая тонъ рѣчи своего священника.

Нѣсколько минутъ постоялъ еще батюшка у берега, а затѣмъ пошелъ на цвинтарь. На погостѣ онъ замѣтилъ нѣсколько такихъ же уже сложенныхъ подъ заборомъ балокъ. О. Алипій

удивился, что крестьяне успѣли такъ скоро свезти дерево. Нѣсколько дней тому назадъ онъ былъ на погостѣ и не видѣлъ дерева. Поспѣшность, съ которою выровцы начинали работы по постройкѣ новой церкви, была тѣмъ удивительна, что, какъ успѣлъ замѣтить о. Алипій, полѣшукъ не отличается особенною торопливостью въ работѣ вообще, а тѣмъ болѣе—если эта работа имѣла, какъ въ данномъ случаѣ, общественный характеръ.

Очевидно въ постройкѣ церкви выровецъ видѣлъ для себя экстренную работу, не въ примѣръ другимъ... При старомъ батюшкѣ необходимость въ новой церкви словно-бы не такъ еще сознавалась крестьянами. Но когда въ село прибылъ новый батюшка, они инстинктивно и словно вдругъ почувствовали какъ бы несообразность старой церкви съ молодымъ ея священнослужителемъ, и работа была начата.

Замѣчательно, что эта необходимость работъ и начальный ихъ ходъ были сознаны крестьянами безъ всякихъ обычныхъ въ крестьянскомъ быту сходовъ и разговоровъ. Никто не уполномочивалъ ни Гаврила, ни его товарища вытаскивать балки изъ озера. Они сами начали работу, понимая, что въ такомъ предпріятіи должны участвовать всѣ, и не все ли равно, кто первый начнетъ... И всякій, кто видѣлъ издали ихъ работу, зналъ, что это Гаврило и Охримъ „возятся въ болоти и тягнуть дерево на церкву“, хотя никто близко не подходилъ къ нимъ и работники никому не говорили о своей работѣ. Ходъ работъ подразумѣвался крестьянами самъ собою.

— Не можна!—протестовалъ о. Алипій противъ столь спѣшной постройки церкви.—Перше треба бумагу архирею напысаты.

— Нащо бумагу?

— А якъ же-жъ?.. Зъ ёго розришенія. Тожъ я отвичаю за ваше самоправство. Якъ-же то можна такъ, безъ позволенья?

— А же-жъ въ Ставищахъ, еднаково, выстроилася церква и безъ бумаги и безъ розришенія?

Это, безспорно, была важная опора въ дѣйствіяхъ выровцевъ. Они хорошо помнили, что въ сосѣднемъ, ближайшемъ къ нимъ селѣ Ставищахъ (50 верстъ отъ с. Выры) церковь тоже

была выстроена именно такимъ-же образомъ: натащили люди дерева, пригласили майстра, Петра Очерету, и поставили по его плану церковь.

— Ось що,—сказали въ заключеніе крестьяне своему батюшкѣ: Вы, батюшка, пышить якую тамъ для васъ треба бумагу, а мы будемо строиты церкву, тай годи... Бо то, правду сказавши, ажъ соромъ чого-съ въ такій церкви служиты... Ну, подывится сами...

Всѣ обращались лицами къ набекренившейся церкви съ черными стѣнами, покрытыми мохомъ, и съ наклонившимися въ разныя стороны крестами. Убогій видъ церкви служилъ самымъ лучшимъ оправданіемъ самовольнаго поступка выровцевъ.

— Церква не еденъ рикъ така стоить... Стояла багато, постоить и меньше, поки розришенье прыйде,—вразумлялъ батюшка непослушныхъ прихожанъ.

— Але якъ-бо то можно... Якъ булы у насъ старенькій батюшка, то и церква була старенька... упорно стояли крестьяне на своемъ.

IX.

Аролъ.

На другой день послѣ этого разговора у о. Алипія произошла крупная ссора съ Анисьей Элпидифоровной изъ-за того, что на церковный лугъ выровцы выгнали цѣлый табунъ своего „товару". Жена доказывала, что слѣдовало-бы сейчасъ-же „питы и до сто-чортивъ пробраты ихъ скотивъ,щобъ не гонялы бильше". О. Алипій что-то такое возражалъ, не всегда впопадъ, и колебался исполнить совѣтъ жены. Къ этому еще примѣшалось расхищенное „жердье" и битая „колея" черезъ огороды. На третій день о. Алипій, убѣдившись, что нужно-же, въ самомъ дѣлѣ, что нибудь предпринять, пригласилъ нѣсколькихъ выровцевъ къ себѣ на домъ и сталъ ихъ усовѣщевать святымъ письмомъ и

посланіями апостола Петра, чѣмъ еще болѣе раздражилъ свою жену. На четвертый день, когда онъ шелъ по улицѣ, крестьянскія дѣти подростки, игравшія на улицѣ, бѣжали впереди его и кричали во всю глотку: „Пани добродзѣю! Чи смачны тлюски на олею"... Это страшно раздражило о. Алипія, и онъ постарался замѣтить, въ чей дворъ вбѣжали эти испорченныя дѣти. На пятый день въ клунѣ о. Алипія пропали борона и упряжь и т. д.

„Щожъ це таке накинець, раздумывалъ о. Алипій... Кожный день що небудь... Якъ нарочно... Цёму и кинця не буде... Ось тоби и пастырство и нравственное усовершенствованіе паствы. Воно бы и не що, можно-бы справыться... Такъ зновъ-же тая Анисья щось дуже все роздражается",—раздумывалъ не безъ горечи о. Алипій, подводя итоги своей недолгой пастырской дѣятельности въ Вырахъ.

Въ одну изъ такихъ минутъ раздумья къ о. Алипію, какъ-бы крадучись, подошелъ арендаторъ жидъ Ароль.

— Мое почтеніе, батюшка, сказалъ онъ, снимая картузъ—съ той осторожной полуфамильярностью, когда еврей не знаетъ, какъ примутъ его привѣтствіе.

— Здравствуйте, Ароль, отвѣтилъ о. Алипій.

— Якъ поживаете? смѣлѣе, накладывая фуражку на голову, спросилъ Ароль.

— Ничого соби...

Молчаніе.

— Ну-у... а що я вамъ скажу, батюшка? понижая тонъ, подобострастно сказалъ еврей, подходя ближе.

— А що?

— Знаете, ты мужики, то настоящіи негодяи... Зъ ными и зроду неможна деликатно, бо то все едно що скотына. Ты еи бильше бый, то вона буде липша... Дальбукъ!..

О. Алипій ничего на это не сказалъ.

— Вы що на це думаете?... Думаете: старый Ароль бреше?.. Ну, нехай... А старый Ароль таки скаже, що якъ,—пробачайте,—вы пидете на церемоніи съ тымы капыцямы, то, дальбукъ, добра не буде... И геть все воны вамъ згидять:—и стожка, и

городы, и поле... Згадаете мое слово. Вы ще не знаете, що то за выровець. Вы не дывится, що винъ окримъ лиса та болота ничого не бачивъ. Винъ хитра скотына... Вы що думаете? Думаете може, що старый Ароль бреше?.. Нехай такъ мои диты брешуть, колы я брешу. Нехай...

Еврей замолчалъ и съ видимымъ сознаніемъ правоты своихъ замѣчаній, основанныхъ на долголѣтнемъ опытѣ и знаніи условій быта полѣшука, полѣзъ въ засаленный лапсердакъ, досталъ оттуда роговую табакерку, покрытую толстымъ слоемъ грязи, осторожно стукнулъ по ней съ боку отъ правой стороны къ лѣвой, открылъ верхъ и,—съ нѣкоторою неувѣренностью въ голосѣ, сказалъ:

— Батюшка не позволыть?.. То добрый табакъ, дуже добрый...

— Ни, я не нюхаю.

— Добре робыте, сказалъ Ароль, понюхавъ табаку и прячя табакерку въ такомъ-же порядкѣ, какъ и доставалъ ее. Дальбукъ, добре робыте... Бо той табакъ, то тыльки задаремне гроши гидыты. Певне и не курыте?..

— Не курю.

— О, то найлипше. А въ мене въ крамныци славный табакъ, атличный табакъ... Я думавъ таки—батюшка курять. Господинъ врадникъ, якъ произжають черезъ Выры, то завше въ мене табакъ беруть... И свички беруть, и папиръ, и муку, и мясо, и все, що тыльки потрибно. Въ мене атличный товаръ... Самъ врадникъ сказавъ, що такого товару, Ароль, якъ въ тебе, ни въ кого нема. Дальбукъ!..

Онъ опять помолчалъ.

— А знаете пани-добродзію, що я вамъ скажу? Якъ вы хочете, щобъ вамъ жердье було, то вы искажить Павлови Багнюшу и Ѳедору Пиньчуку, щобъ непреминно вывезлы вамъ зъ лиса... бо то воны шельмы забралы зъ вашего города жердье. Черезъ старосту тыльки наказать, воны заразъ и прывезуть вамъ, скильки треба. А якъ будете просыты ихъ, то воны зроду ничого вамъ не зроблять, нихто не повернется и пальцемъ о палецъ не стукне... Думаете може, що старый Ароль бреше? Нехай и

бреше. Хиба воны понимають, що батюшци потрибно? Ни одна скотына не догадается, що якъ забрано жердье, то треба нове прывезты... То що-рикъ такъ робытся. Я вамъ кажу...

— И при старенькому такъ було?

— Такъ и при старенькому було...То такіи скотыны, я вамъ скажу... А я ще хотивъ васъ запытаты, пани-добродзію, чи церковне выно вы де думаете куповаты?

Не успѣлъ еще отвѣтить о. Алипій на этотъ вопросъ, какъ еврей продолжалъ:

— Бо въ мене завше старенькій добродзій бралы, нехай имъ Богъ на тому свити всёго доброго дае... Въ мене атличне выно... и церковное, и хересъ, и мадера, и шампанское. Я не дорого визьму, шисть злотыхъ и десятка за бутельку. Дальбукъ!

— Добре, може и у Ароля прыйдется де яку бутельку взяты, бо дежъ тутъ достанешь?..

— Запевне, запевне... бо въ мене атличне вино. Хочете, я вамъ едну бутельку прынесу? Коштовне выно! Я заразъ прынесу для батюшки...

— Ни, не треба...

— Ну, що то за не треба... Я зъ пана-добродзія не дорого визьму. Шисть злотыхъ и шисть грошей.

Батюшка покачалъ отрицательно головой.

— А я бы ще скинувъ для почятку. Ну, хоть пивъ бутельки? Мени дуже хочется, щобъ молодый панъ-добродзій попробовалъ въ мене вына.

— Другимъ часомъ.

— Ну, добре... Нехай и такъ. Якъ бувало у покійнаго добродзія гости, такъ заразъ и до мене... А що я ще хтивъ сказаты, пани-добродзію?.. сказалъ опять жидъ, перемѣняя тонъ.

— Ну?

— Мужики хтять церкву нову ставыты? Воны и дерево вже волочать.

— Ну, що-жъ зъ того?

— Я-бы радывъ батюшци, щобъ вы поговорылы съ Петромъ Очеретою.

— Хто такій Очерета?

— Майстеръ, пидрядчикъ... Винъ тутъ на полисьи церквы и дзвонныци ставыть и велыку наветь роботу мае. Винъ хутко прыйде въ село... Я чувъ запевне, що наши хочуть ему пидрядъ здаты на нову церкву. То вы черезъ него що хочете, то и зробыте... А якъ почнете зъ мужикамы по одному балакаты, то ничого зъ того не выйде. Думаете, старый Ароль бреше.?. Ну, я ницъ на те не кажу. Нехай и бреше...

Въ такомъ родѣ длилась бесѣда выровскаго батюшки съ Аролемъ болѣе часа. Проходившіе мимо нихъ крестьяне снимали шапки, цѣловали почтительно руку у священника и не забывали прибавлять: „якъ ся маете, пани-арендару?“

Не разъ находило на о. Алипія грустное настроеніе, но никогда еще не было ему такъ тяжело, какъ послѣ разговора съ Аролемъ. И домашнія хозяйственныя неудачи, и раздражительность жены, проявлявшаяся, чѣмъ дальше шло время, все сильнѣе и сильнѣе, и недоразумѣнія съ крестьянами, и этотъ разговоръ съ Аролемъ, въ которомъ, не смотря на явно проглядывавшіе своекорыстные мотивы со стороны еврея, все-таки звучала большая опытность жида и его болѣе близкое знаніе крестьянъ... все это легло тяжкимъ камнемъ на сердце о. Алипія, мало подготовленное къ такимъ впечатлѣніямъ. Хуже всего было, что ко всему этому примѣшивалась какая-то безотрадность... невозможность сейчасъ предпринять что-либо, невозможность посовѣтоваться, даже поговорить обстоятельно съ кѣмъ нибудь... „Въ другому сели волость буває, або школа... Все можна де-колы и душу отвесты... зъ пысаромъ, або учителемъ... А тута... Господи“!... Какая-то особенная усталость, которая бываетъ не отъ физическаго труда, а отъ быстро, несвоевременно нахлынувшихъ и съ трудомъ переживаемыхъ непріятныхъ впечатлѣній, охватила о. Алипія. Онъ вошелъ въ свой кабинетъ, въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и сидѣлъ въ немъ долго и недвижимо. Думы разныя шли неотвязчиво ему въ голову, не смо-

тря на то, что ему вовсе не хотѣлось думать... Онъ чувствовалъ, что не совладать ему съ этими думами, которыя помимо его воли шли въ его сознаніе. Онъ отмахивался, убѣгалъ отъ нихъ, но напрасно... Казалось, не онъ управляетъ своей головой, а кто-то совсѣмъ чужой стоитъ около него и вкладываетъ въ его сознаніе мысль за мыслью, одну другой непріятнѣе." Пійты куды небудь, чи що... але-жъ куды туда пидешь? до якого смутка"?

Онъ уставился въ стѣнные часы. Половина пятаго... „Ще рано", сорвалось у него по привычкѣ съ языка. А потомъ подумалось: „куды рано? зачимъ?.. що треба робыты? Куды спишиты?.. Ничого никому не треба"...

„Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ... меланхолично отвѣчали его думамъ часы, упорно и громко выбивая неровный тактъ своимъ тяжеловѣснымъ мѣднымъ маятникомъ. На столѣ лежала книга... Онъ налъ, какая это книга, и все-таки механически открылъ ее.— „Душепопеченіе пастыря должно быть его главнѣйшей обязанностью", прочиталъ онъ усталыми глазами... нервно зѣвнулъ и закрылъ глаза. Какъ странно звучатъ теперь эти выраженія: „душепопеченіе"... „главнѣйшія обязанности"... Прежде онъ не замѣчалъ этой странности, сколько разъ ни читалъ. Почему-же это? Вѣдь смыслъ ихъ, кажется, не измѣнился... Опять-же— „собесѣдованіе", „соревнованіе"... „душесокрушеніе" и „помазанность въ словѣ или животворность"... И много, много другихъ семинарскихъ словъ припомнилъ о. Алипій... Впрочемъ, ему не нужно было и припоминать ихъ. Они лежали богатымъ складомъ въ одномъ изъ закоулковъ головы о. Алипія и сразу посыпались въ сознаніе, словно картофель изъ засѣки, когда снимешь съ нея сдерживающую заслонку.

И, какъ подумаешь, удивительное это собственно дѣло!.. Сіи понятія были такъ хорошо разобраны по категоріямъ о. Алипіемъ еще въ семинаріи и были такъ умѣстны и въ отвѣтахъ, и въ письменныхъ сочиненіяхъ... Но почему они, сіи понятія, такъ странно звучатъ здѣсь, въ Вырахъ?.. Словно совѣстно ихъ громко произносить въ этой комнатѣ.

— Тикъ-тикъ, тикъ-тикъ... вторили удары маятника. На секунду все вылетѣло изъ головы... и явственно раздаются лишь

эти удары маятника, но въ другую секунду все опять полѣзло въ думу... Голова о. Алипія клонилась все ниже, ниже... Онъ задремалъ, сидя въ стулѣ.

Ему грезилось въ полуснѣ, что за околицею на болотѣ семинаристы играютъ въ палента, а ректоръ преподавалъ въ это время еврейскій языкъ... и о. Алипій очень трусилъ, чтобы онъ его не спросилъ... потому что, если спроситъ, то, должно быть, поставитъ только три, а ему хотѣлось непремѣнно пять... Тяжелое, прерывистое дыханіе склонившагося на свои руки о. Алипія свидѣтельствовало о внутреннемъ волненіи, переживаемомъ во снѣ батюшкою. „Слава Богу“, сказалъ о Алипій, пробудившись весь потный... Это замѣчаніе слѣдовало понимать или такъ: „слава Богу, что не спрошенъ“, или „слава Богу,—это былъ только сонъ“. О. Алипію не разъ, по окончаніи курса, снились такіе сны. Онъ всталъ и нервно потянулся. На дворѣ потемнѣло, сѣяло дождикомъ. Вечеръ былъ сѣрый и неприглядный.

Взглянувъ въ окно, о. Алипій увидѣлъ, какъ по грядамъ его огорода бѣгала, подоткнувши высоко подолъ юбки, служанка Грипа и изгоняла крестьянскихъ свиней и поросятъ, портившихъ гряды. Анисья Элпидифоровна стояла около дома и громко распоряжалась.

— Забирай, забирай ихъ всихъ, въ хливъ!—командовала она.—И не отдавать!.. Нехай въ судъ подають... Воны все думають, що я имъ спускаты буду? Чорта зъ два! Геть, щобъ и вси свыни и вси поросята булы загнаны... Нехай воны вылдыхають, а не виддамъ имъ свыней... Що то таке значится? Въ судъ ихъ подамъ.

Громкій голосъ пани-добродзійки раздавался на все село.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ грѣшныхъ... со вздохомъ сказалъ о. Алипій, глядя въ окно и возвращаясь отъ своихъ грезъ къ дѣйствительной жизни.

Въ тотъ-же вечеръ на кухню о. Алипія прилило на справу къ попадьѣ много крестьянъ, у которыхъ были заняты свиньи. Крестьяне требовали выпустить свиней. Добродзійка вступила

съ ними въ отчаянный споръ, защищая свое добро, и ни за что не соглашалась... Крестьяне приходили и уходили нѣсколько разъ.

— Анисю! Змылуйся, выпусты ты имъ тыхъ свыней! Нехай воны бильшъ не ходять, одчеплятся одъ насъ!—молилъ о. Алипій жену, по уходѣ крестьянъ.

— Отъ мовчи, не твое дило,—обрывала его жена.—Сыды, колы ничого не тямышь, та читай соби про свое душепопеченіе... Лежню!

Анисья Элпидифоровна сильно раздражалась нераспорядительностью мужа. Захваченныя свиньи „скавичалы" въ хлѣву, и ихъ визгъ проникалъ всѣ стѣны дома. О. Алипій не находилъ себѣ мѣста. Обидѣвшись послѣднимъ замѣчаніемъ своей жены, онъ уходилъ въ спальню, садился у стола, заткнувши уши пальцами,и старался не принимать въ хозяйственныхъ дѣлахъ своей жены никакого участія.

Анисья Элпидифоровна настояла таки на своемъ. Она на другой день выпустила свиней, но за это виновные должны были отработать у нея два дня...

— А якъ попадутся ще свыни, то мусыте одробыты штыри дни! поставила она ультиматумъ.

— Оце то, мосци-пане, добродзійка!.. Ще не памятаемо, щобъ де такая була.

— Жвава баба!..

— Ій и коцюбы не треба. Сама справытся...

— Эге и въ спыну не дасть соби подывыться, не то що...

— Зъ перцемъ баба!—слышались въ разговорахъ крестьянъ лестныя аттестаціи по адресу пани-добродзійки.

Хозяйство Анисьи Элпидифоровны пошло успѣшнѣе.

X.

Петро Очерета.

Еще прошла недѣля, и на цвинтари оказались вырытые въ разныхъ направленіяхъ рвы. Они, очевидно, предназначались для фундамента новой церкви. О. Алипій положительно

изумлялся скорости, съ которою двигались работы по постройкѣ церкви.

— Хто командуе вашимы роботамы? недоумѣвалъ о. Алипій, обращаясь къ работникамъ. Кто показуе роботу?

— А Петро Очерета.

— Якій Петро? Де винъ?

— А въ корчми, у Ароля седыть. Хиба не знаете Петра Очерету?

— Клыкны-но его сюды!—распорядился о. Алипій.

Копавшіе ровъ крестьяне оставили заступы и стали махать шапками сидѣвшимъ у корчмы мужикамъ. Тѣ долго не понимали въ чемъ дѣло, но, наконецъ, смекнули, и скоро цѣлая толпа мужиковъ во главѣ съ Петромъ Очеретою вошла на погостъ. Петръ Очерета былъ бойкій низкорослый мужикъ, лѣтъ 40, съ бритымъ подбородкомъ и маленькими плутоватыми глазками. Одѣтъ онъ былъ не какъ всѣ крестьяне, а въ кацавейку и въ штаны на выпускъ. На головѣ у него была „мегерка". Отъ него сильно пахло виномъ.

— Оце Петро Очерета,—представили крестьяне батюшкѣ своего архитектора.

Петро подошелъ къ о. Алипію, снялъ мегерку и поцѣловалъ руку у батюшки.

— Я и въ Семеновци церкву ставывъ, и въ Будрищахъ... и дзвонныцю въ Ставыщахъ, и въ Корытному,—началъ Петро безъ дальнихъ соображеній, сразу угадывая, зачѣмъ его потревожили къ батюшкѣ.

— Эге, эге... винъ усюды строивъ, винъ тямыть свое дило! Винъ и въ Будрищахъ... повторяла толпа слова своего архитектора.

— Пожды-но, я тебе про це не пытаю,—сказалъ громко съ разстановкой батюшка, обращаясь къ Петру. Ты мени ось що скажи: чи маешь ты право ставыты церкву? Чи е въ тебе права?

— Права? какъ то особенно быстро заговорилъ Петро. Права есть... съ моимъ полнымъ одолженіемъ. Есть, есть права... А якъ-же!

— О, въ его багацько всякихъ правивъ! подтвердили въ толпѣ. Винъ и въ Ставыщахъ и въ Будрищахъ церкву строивъ... Винъ тертая собака.

— А де-жъ у тебе свидѣтельства? Бумаги яки-небудь повынны буты... продолжалъ допрашивать батюшка.

— Бумаги? быстро засуетился Петро, поворачивая въ ту сторону толпы, откуда слышалось лестное для него сравненіе съ тертой собакой. Онъ засучилъ руки въ карманы и долго рылся въ нихъ, перегибаясь то въ ту, то въ другую сторону. Всѣ стояли и смотрѣли, чѣмъ кончится это состязаніе... Но ясно чувствовалось, что симпатіи крестьянъ были цѣликомъ на сторонѣ своего архитектора, который, по всѣмъ признакамъ, пользовался среди крестьянъ большою популярностью.

— Ось вамъ и бумага, сказалъ, наконецъ, Петро, нагнувшись къ сапогу и доставая изъ-за голенища плотно сложенный красный платокъ. Изъ платка онъ вынулъ небольшой кусокъ измятой бумаги, сложенный въ 16-ую долю.

— Ось и бумага, повторили въ толпѣ. Молодець! О, въ его всякихъ правивъ!.. не переставали раздаваться въ толпѣ замѣчанія.

О. Алипій посмотрѣлъ на бумагу.

— Это не документъ, сказалъ онъ, возвращая бумагу, быстро пробѣжавъ написанное.

— Якъ-то? спросилъ, выступая впередъ, Очерета.

— А такъ, це тыльки росписка въ полученіи съ тебе заказа... по части доставки строительнаго матеріала.

— Точно такъ. А вамъ чого-жъ треба?

— Мени треба удостовѣреніе въ томъ, що ты майстеръ...

— О, винъ майстеръ, та ще якій! загуторила вдругъ въ одинъ голосъ вся толпа. Винъ и въ Семеновци...

— Пождить-бо-но!—крикнулъ раздражительно о. Алипій. Не васъ пытають...

— Що? удостовѣреніе? Съ моимъ полнымъ одолженіемъ... Ось прочитайте-но, ще цей паперъ.

Батюшка взялъ поданную Очеретою другую записку, которую онъ досталъ тоже изъ холявы.

— Это тоже росписка.

— А вы прочитайте-но перше...

— Такъ я-жъ бачу, що це не те...

— А вы, панъ-отче, прочитайте еднаково, щобъ мыръ увесь чувъ, що тамъ напысано и хто я такій,—протестовалъ Очерета, выставивъ впередъ ногу и такъ загибая назадъ голову, что казалось, его мегерка вотъ-вотъ слетитъ съ макушки.

Батюшка сталъ читать: „Даю сію росписку въ томъ, что я нижеподписавшійся получилъ по подряду отъ мѣщанина Селищанской волости Петра Очереты...

— Такъ... такъ... вставилъ Петро. Точнисенько такъ...

— ...„тесовыхъ досокъ штукъ сто и двадцать, гонты—четыре копы и кирпичей шестьдесятъ копъ“...

— Такъ, такъ... съ половиною... Певна ричь!

— „съ половиною... и за прочее... всего уплочено ему Очерети 89 рублей, 75 копѣекъ. Ѳеоктистъ Тимоховичъ“.

— Не Тимоховичъ, а Тимошевскій, громко поправилъ батюшку Петро. Эта поправка не прошла незамѣченною крестьянами.

— Чи вы чуете, аже-жъ нашъ Петро самого батюшку поправляе. О, Петро не дасть соби въ ротъ наплёваты... послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Ну, все едно це до дила не иде,—замѣтилъ батюшка.

— Якъ-то не иде?

— А такъ, бо це не удостовѣреніе, а простая квитанція. Зновъ-же тута не выразно напысано... Якись Тимошевскій...

— Якъ-то... Вы знаете, хто такій Тимошевскій!? Ге? Тобо-то, я бачу, що не знаете. Це бардзо велыкій панъ на Мозырищи... Съ моимъ полнымъ одолженіемъ... Фю—фю!.

Онъ даже посвисталъ, повернувшись въ сторону крестьянъ, награждавшихъ его видимыми знаками одобренія во все время спора съ батюшкою.

— Скильки у Тимошевского поля, скарбу, а товару! Онъ махнулъ рукой въ знакъ необъятности имѣнія Тимошевскаго.

Го-го... А якіи въ него стырты на Мозырищи!.. Тю-тю... съ моимъ полнымъ одолженіемъ.

— Багато? спросилъ голосъ изъ толпы.

— О, такого пана... мое почтеніе... А грошей скильки въ него... цилый мисяць личи, не переличишь по ризнымъ банкамъ. Якъ бачите, всюды полное одолженіе...

Толпа удивлялась и заговорила о Тимошевскомъ.

— Слухай-но Петро, якъ тебе,—началъ о. Алипій,—ты слухай перше мене, колы я тебе поклыкавъ. Що ты тутъ розбулькуешь все про якогось тамъ Тимошевскаго?.. Тимошевскій тутъ до дила зовсимъ не иде.

— Якъ-то не иде? заговорилъ опять Петро. Ось тоби и разъ, якъ той казавъ... Не иде, та не иде... А спытайте-но, хто ёму будынокъ ставывъ? Га? Спытайте-но людей,—хто? Га?.. Я—я ставывъ, сказалъ онъ съ выкрикомъ, ударивъ себя въ грудь. Та и якій будынокъ, колы-бъ це хто бачивъ... Одно одолженіе! Самъ панъ мене дякувавъ. Ось тоби два, якъ той казавъ.

— Винъ, винъ ставывъ... загуторила толпа. Мы вси свидки, можемо наветь пидъ прысягу питы, що винъ ставывъ...

— Ну, я бачу, сказалъ въ заключеніе батюшка, що зъ тобою до ночи не договорышься. Ось що я тоби скажу на решти. Замовчить вы на мынуту, дайте мени слово сказаты.

— Мовчить-но... батюшка будуть говорыты...

Крестьяне притихли и внимательно слушали, что скажетъ батюшка.

— Безъ разрѣшенія архирея ты не маешь права тутъ ничого строиты, и щобъ ци вси ровы булы засыпаны. Чуете?

Толпа заволновалась.

— Якъ-то? Того не може буты... раздались вдругъ голоса. Мы вже и могорычомъ це дило запылы и капшуками потряслы... Оце-то допиро маешь рацію! На здоровье...

— Я задатокъ давъ на подрядъ... що церкву буду строиты я... Съ моимъ полнымъ одолженіемъ! громче всѣхъ покрывалъ голоса толпы голосъ крикливаго подрядчика-архитектора. Мене

тута вси знають... Я не першій рикъ майструю всюды. Мени нигде ще не забороняли...

— Знаете, що я вамъ скажу, батюшка, тыльки не прогнивайтеся,—подошелъ къ о. Алипію старикъ, выдѣлившійся изъ толпы.. Вы ще недавно до насъ прыйихалы, ще нема наветь и пивъ року, якъ вы пануете ось тутъ у насъ... а Петра Очерету у насъ вси люде знають, винъ тутечки завше свій чоловикъ... И якъ громада чого захоче, то проты неи не годытся иты, бо, якъ то кажуть, громада завше велыкій чоловикъ. Такъ у насъ завше було.

— Запевне... винъ и въ Будрищахъ и въ Семеновци церкву ставывъ,—начался опять говоръ. Винъ терта собака...

— Ну, нема що зъ вамы балакаты. Я бильшъ зъ вамы говорыты не буду, оно помнить вы мое слово, що я не позволяю вамъ копаты ровы безъ видома начальства. А якъ вы будете упорствовать, то я мушу донесты архирею и въ консисторію.

— Съ нашимъ полнымъ одолженіемъ! громко выкрикнулъ Очерета вслѣдъ удалявшемуся батюшкѣ.

О. Алипій слышалъ, какъ сзади его гуторила толпа, направлявшаяся прямо съ погоста въ кабакъ. Тамъ шли долгіе разговоры по поводу всего происшедшаго. Громче всѣхъ, конечно, говорилъ Петро Очерета, который разсказалъ всѣмъ присутствовавшимъ по этому случаю всю свою біографію со всѣми ея подробностями. Разсказщикъ особенно останавливалъ вниманіе на своихъ пререканіяхъ съ разными начальствующими лицами. Это исключительно нравилось слушателямъ.

— Кажуть мени, становый мене клыче... Го-го... Становый! Хто такій становый? Не бачивъ я станового, чи що? Отже-жъ не пиду тай годи, що хочьте зо мною робить... А не пиду, бо якъ становому чого треба, то нехай до мене самъ иде...

— Чи-жъ ты бачишь? говорили слушатели, еще болѣе подзадаривая своего архитектора на большія и большія откровенности.

— Пипъ! Що мени пипъ? Велыка мація, думае! кричалъ подъ конецъ Петро. Якъ не хоче насъ слухаты, то нехай выби-

рается зовсимъ зъ нашого села. Мы найдемо соби попа. Ихъ теперечки багато, якъ собакъ... По золотому за попа дамо, щей троячку набавымо...

— Хе, хе, хе... гоготала толпа. Оце то добре сказавъ!

— Ставъ ёму, шлеку, ще кватырку.

— Отъ-же-жъ и языкъ у нашого Очереты! Здается, якъ бы самъ справныкъ прыйихавъ, то и тому-бы спуску не давъ.

XI.

У благочиннаго.

Дѣло становилось серьезнымъ. О. Алипій впалъ въ нервное безпокойство, которое съ каждымъ днемъ въ немъ усиливалось и томило его. Хотя дальнѣйшихъ работъ на погостѣ не производилось—и, судя по тому, что Очерета запилъ,—работы, можно было предполагать, остановились на долгое время,—но тѣмъ не менѣе самовольное упорство крестьянъ сказалось ясно. О. Алипію ничего не оставалось, какъ написать донесеніе архіерею. Онъ долгое время сидѣлъ у своего стола, грызъ перо и маралъ чернякъ; составлялъ на всѣ лады, пользуясь для этого извѣстными ему пріемами преподанной нѣкогда въ семинаріи реторики, и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ ѣхать къ благочинному. Напрасно жена представляла ему всѣ доводы противъ этой поѣздки и доказывала ея несвоевременность тѣмъ, что овесъ пора косыты и гречка вже поспивае. О. Алипій былъ неумолимъ. Приказавъ въ одно раннее утро заложить въ бричку своихъ молодыхъ буланыхъ, онъ поѣхалъ къ благочинному за совѣтомъ въ с. Мокрое, отстоявшее отъ Полужья въ 50 верстахъ.

Мокренскій о. Якимъ Главацкій занималъ должность благочиннаго нѣсколько десятковъ лѣтъ подъ-рядъ, посѣдѣлъ на этой должности и былъ знакомъ съ условіями жизни полѣшука не хуже выровскаго Ароля. Это былъ простодушный, не хитраго склада человѣкъ, весь ушедшій въ свои хозяйственные интересы.

Онъ выростилъ всѣхъ своихъ сыновей и дочерей, дождался внуковъ и внучатъ... Но, не смотря на свой преклонный возрастъ, старикъ былъ еще бодръ и службой не тяготился.

О. Алипій пріѣхалъ въ Мокрое подъ вечеръ и засталъ о. Якима въ хлопотахъ окола стожка на огородѣ (церковный лугъ прилегалъ къ самой усадьбѣ о. Якима).

— А, лышень зъ намы, то-жъ це выровскій, здается, батюшка до насъ йиде! сказалъ о. Якимъ, стоя въ огородѣ безъ подрясника въ одной рубахѣ, опущенной въ грубо сдѣланныя широкія холстинныя „шаровары", сидѣвшія своими узкими концами въ отворотахъ большихъ сапоговъ. Онъ держалъ ладонь руки надъ глазами и пристально смотрѣлъ на въѣзжавшую въ его усадьбу бричку. О. Алипій, глядя на маленькую коренастую фигурку въ огородѣ, не скоро призналъ въ ней своего начальника. Поровнявшись со стожкомъ, онъ, словно угадывая, что тутъ непремѣнно долженъ быть о. Якимъ, велѣлъ остановить бричку. Только подойдя ближе къ стожку и замѣтивъ на мокрыхъ отъ пота плечахъ косичку съ ленточкой и благодушное лицо, обросшее бородой,—онъ узналъ о. Якима.

— Якъ ся маете... Лышень зъ намы, якій дорогій гость. А слава-жъ Тоби Господи, що прыйихалы... заголосилъ старчески разбитымъ, но еще звучнымъ голосомъ о. Якимъ.

— Здравствуйте, о. благочинный!

Они облобызались трижды. О. Алипій снялъ съ своихъ усовъ соломинку, перешедшую на него съ потнаго лица о. Якима.

— Працюете?

— А що-жъ зробыте... мусымо... Въ потѣ лица... А слава-жъ Тоби святый Господи, тожъ надумалыся таки навидатыся... Лышень зъ намы!.. Гей, Остапъ, де мій пидрясныкъ? Давай-но ёго сюды...

Остапъ—работникъ—нашелъ гдѣ-то далеко забытый въ сѣнѣ подрясникъ и помогъ благочинному надѣть его.

— А, лышень зъ нами!.. Я и забувъ... Якъ-же-жъ ваша благовѣрная Анисія Элпидифоровна, дражайшая супруга?..

— Спасыби на добрій памяти... Ще трохи ворушится поки що...

— А, слава-жъ Тоби, святый Господи... тожъ прыйихалы таки. А я все думаю, колы це вы прыйидете... Чому, думаю соби, о. Алипій николы не навидается. А вы и ось тутъ...

Въ домѣ о. Алипій увидѣлъ такую-же добродушную старушку жену о. Якима и сытыхъ благополучныхъ домочадцевъ-дѣтей, внуковъ благочиннаго, и какихъ-то родственниковъ, издавна гостившихъ у благочиннаго, приживалокъ... Въ домѣ стоялъ сильный запахъ удушья и пота, не смотря на то, что всѣ окна во всѣхъ комнатахъ были открыты по случаю такого теплаго вечера.

О. Алипія, лишь только онъ перешагнулъ порогъ, сейчасъ-же закидали вопросами на счетъ Анисіи Элпидифоровны и ея положенія, при чемъ сейчасъ-же, на перебой, было высказано много такихъ опытныхъ житейскихъ соображеній, въ родѣ того „щобъ вона не дуже гнулася и щобъ, бороны Боже, не йила гарбуза або гуркивъ... и щобъ, брунь Боже, браты що небудь тяжке“,—что о. Алипію осталось только сидѣть и удивляться такому единодушному участію чужихъ людей въ положеніи его жены. Когда вопросъ объ Анисьѣ Элпидифоровнѣ въ главныхъ своихъ сторонахъ былъ достаточно исчерпанъ,—пошли безконечные разспросы о лугахъ, урожаѣ, сборѣ хлѣба... О. Алипія осаждали со всѣхъ сторонъ, и онъ еле успѣвалъ отвѣчать на всѣ предлагаемые ему разнообразные вопросы.

Когда служанка, въ высоко-подоткнутой сподницѣ и съ засученными руками, вмѣстѣ съ фурманомъ внесли мраморнаго цвѣта большущій самоваръ и съ трудомъ поставили его „на комоди“, и когда о. Якимъ и его жена радушно сказали въ одинъ голосъ—„проше до гербаты“, о. Алипій подумалъ, что, должно быть, за чаемъ выпадетъ удобная минута поговорить о дѣлѣ. Но надежды не оправдались. Словно сговорившись, всѣ наперерывъ просили гостя „пожаловать“ то того, то другого, предлагали ему то булку, то масла, то побольше „цукру“, то молоко... А старая приживалка, какая-то дальняя родственница благочиннаго, все время молчаливо слушавшая разговоры, вдругъ обезпокоилась тѣмъ, хорошо ли гостю сидѣть на стулѣ, не лучше-ли пересѣсть на „канапу... тамъ буде мякше... и не такъ муляе“. О. Алипій

едва успѣвалъ отвѣчать на всѣ предупредительно-ласковыя хлопоты о немъ. Лишь только онъ возсѣлъ на канапу, ему сразу стало ясно, что очень неловко начинать разговоръ о дѣлѣ... Тѣмъ не менѣе послѣ перваго стакана чая о. Алипій сказалъ было, что крестьяне „тутъ на Полисьи“ очень самоуправны. О. благочинный всполошился на своемъ мѣстѣ и замахалъ руками.

— И не кажить!.. Таки вси скотыны, що якъ тыльки ихъ святый Господь на земли ще трымае... А, лышень зъ ными зовсимъ!

А жена о. благочиннаго сообразила, что насталъ самый удобный моментъ разсказать, какъ у нея „телилась ряба корова“... Разсказъ былъ очень пространный и обстоятельный. О. Алипій долженъ былъ его внимательно выслушать. Изрѣдка онъ даже вставлялъ въ разсказъ свои замѣчанія, чѣмъ, самъ того не замѣчая, содѣйствовалъ значительному удлинненію родильныхъ потугъ „бидной рябой“...

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался о. Алипій, что, съ одной стороны, сидѣть на диванѣ, дѣйствительно, гораздо мягче и не муляе и что, съ другой стороны, цѣль его пріѣзда какъ то странно отодвигается все дальше и дальше и какъ-бы совершенно закрывается вопросами о какой-то коровѣ, о сѣнокосѣ, огородахъ и пр. Когда онъ ѣхалъ въ Мокрое, занятый своими мыслями о небреженіи полѣшуковъ къ молитвѣ и ихъ самовольствѣ, онъ почему-то предполагалъ, что первый вопросъ, какой ему предложитъ благочинный, будетъ о его приходѣ... Разочарованіе о. Алипія было велико. Никто, рѣшительно никто, не только не освѣдомился „о религіозно-нравственномъ состояніи“ его прихода, но никто даже, повидимому, и не предполагалъ, чтобы о. Алипій могъ пріѣхать за какимъ нибудь дѣломъ въ этомъ родѣ. Жалованіе онъ получилъ мѣсяцъ тому назадъ... Другого повода и не могло быть, какъ побывать въ гостяхъ.

Изъ-за стола встали всѣ усталые, обмахиваясь отъ жары. Вытирая лица рукавами своихъ костюмовъ, всѣ единодушно почувствовали потребность на минутку разойтись въ разныя стороны... съ тѣмъ, чтобы опять собраться. Въ столовой остались

лишь о. Алипій и скромная, молчаливая приживалка съ чулкомъ, сидѣвшая на сундукѣ и своимъ видомъ какъ бы говорившая: „Вотъ какъ мы тутъ поживаемъ... Сейчасъ опять всѣ придутъ... Не безпокойтесь!"

О. Якимъ, не смотря на проведенный въ работѣ день, обнаруживалъ для своихъ лѣтъ мало усталости. Подсѣвъ къ о. Алипію, онъ спросилъ его:

— Що у васъ тамъ новенького—гарненького чуваты?.. Розскажить-но що небудь...

Тонъ, которымъ былъ заданъ вопросъ, обнаруживалъ живѣйшее любопытство, не смотря на то, что все интересное давно было разсказано.

— Ото, знаете, я хотивъ спытаты... якіись чудныи порядки завелыся въ мене, въ приходи, сказалъ о. Алипій и самъ испугался своихъ мыслей.

— Що? що таке? участливо спросилъ благочинный. Нехай Богъ крые чего кепського.

— Ото, представьте соби, зберутся люде до церквы, постають соби биля церквы по-пидъ стинамы.

— Такъ, такъ...

— Тай на двори Богу молятся.

— Такъ, такъ... Ну, ну... щожъ дали?

— Стоять, а главне—до церквы не идуть.

Ну, тай щожъ дали?... Ну!..

— Ото, я ще хтила спытаты,—дай Боже память,—быстро затараторила старушка-благочинная, входя въ эту минуту въ залъ и подсаживаясь съ другой стороны о. Алипія—якъ Анисья Элпидифоровна солыть гурки? Скажить-но вы мени.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что о. Алипій совершенно разсѣялся въ своихъ мысляхъ. До уха его доходило, какъ въ сосѣдней комнатѣ накрывали къ ужину и звенѣли тарелками. Онъ не зналъ, кому, что и какъ отвѣтить.

— Може окрипъ кладе, а потымъ вышнёвый лыстъ?.. наводила его на мысли благочинная.

— Эге, эге, здается, що такъ...

— Що вы говорыте? Сохраны Боже! Неможна такъ! въ одинъ тактъ заговорили вдругъ оживленно съ обѣихъ сторонъ благочинный и его жена.

— Що я чую?—всплеснувъ руками, выбѣжала изъ сосѣдней комнаты одна изъ двоюродныхъ сестрицъ жены о. Якима. Бороны Боже, такъ можно згидыты зовсимъ гурки. Першъ всего треба чесноку шматокъ положиты... А потымъ окрипъ, хринъ, вышнёвый лыстъ... Все раптомъ, зразу...

— А чи то правда, мы ще чулы, нибы вы не берете спочатного отъ прихожанъ? спросила пани-благочинная.

О. Алипій удивился, какимъ образомъ и когда это могло быть уже извѣстно.

— Нибы вы не берете и якъ-бы не Анисья Элпидифоровна, то такъ-бы парахвіяне и понеслы спочатне назадъ.

— Що я чую? взвизгнула опять приживалка. Чи-жъ то може буты?

— Молодецъ Анисья Элпидифоровна, сказалъ о. Якимъ. О, молодецъ!.. Я знавъ, що вона така выйде.

Благочинная нашла нужнымъ обратиться по этому случаю къ о. Алипію съ довольно продолжительнымъ наставленіемъ, „що такъ не можна, що треба якось тее... не дуже церемоныться зъ тымы мужиками, бо воны зовсимъ стануть не послухняны... що безъ спочатного на Полисьи ни-якъ не можна... и самому дуже треба працюваты, щобъ де-якій кавалокъ хлиба маты, а зъ мужикамы треба обращаться по настоящому“...

О. Алипій чувствовалъ сильное утомленіе и безучастно прислушивался то къ разговору, то ко все усиливавшемуся „брязканью“ тарелокъ, ножей и вилокъ въ столовой. Когда рѣчь и о гуркахъ, и о спочатномъ, и о проч. была кончена, онъ сказалъ:

— Дывно оце мени, що вы, о. Якимъ, цилый день працюете и не втомылыся.

— Чи то я ще такъ працюю? Одъ такои праци не дуже втомышься... А буває, що стара кисть и надломытся нибы трохи, свербыть...

— Все для внукивъ... заключила разговоръ матушка. Пожалуйте, перекусыты чого-небудь на-ничъ, бо вже пизненько таки.

— Дзинькуе бардзо... Йисты щось не дуже хочется...

Но отговариваться было нельзя. Ужинъ прошелъ такъ же, какъ и чаепитіе.

Послѣ ужина немедленно начались разговоры о томъ, гдѣ бы удобнѣе „положиты гостя на спочивокъ". Высказаны были различныя мнѣнія. Кончилось тѣмъ, что всѣ мущины пошли „въ клуню, на свиже сино".

— А, лышень зъ хатою зовсимъ! Тутъ и блошенята, и блощици, и де що друге трапляется часомъ, сказалъ благочинный. Отъ ходимо липше на свиже сино, бо въ хати и такъ повно.

Такъ и сдѣлали.

Ночь была звѣздная, тихая и теплая.

„Боже вѣчный и царю всякаго созданія, сподобивый въ часъ сей доспѣти"... шепталъ молитвы, поправляя свою постель на сѣнѣ, о. Якимъ и въ тоже время зѣвалъ такъ, что слышно было, какъ сводило челюсти у благочиннаго... Слова молитвы, выбитыя изъ обычнаго тона, выходили такимъ пискливымъ тенор-комъ, что о. Алипій удивлялся, откуда у благочиннаго берутся такіе удивительно высокіе тоны.

Спать на сѣнѣ однако было не совсѣмъ удобно. Оно было, безспорно, свѣжее, но его поторопились свезти и оно немножко согрѣлось... Несло тепломъ. Къ этому въ немъ оказалось много мошекъ и разныхъ насѣкомыхъ. Съ крыши что-то по временамъ сыпалось. Верхъ „клуни" былъ уже старъ.

А чи зачиняна у насъ станя?.. Опанасе!—крикнулъ вдругъ о. Якимъ, услышавъ, что „работникъ" затворяетъ скрипѣвшую дверь.

— Зачиняна, батюшка! крикнулъ въ отвѣтъ Опанасъ, продолжая скрипѣть.

— Гляды ты въ мене, щобъ все було зачиняно... „Еже согрѣшихъ во дни семъ словомъ, дѣломъ и помышленіемъ". А, пчи-ихъ!.. Пчи ихъ!.. Що це за табака така. Тьфу!...

— Карбованця на мелки расходы! возгласилъ Герасимъ Ивановичъ.

— Дзинькуе на доброму слови! сказалъ о. Якимъ. Нѣсколько разъ еще повторялся обмѣнъ мыслей между о. Якимомъ и Герасимомъ Ивановичемъ все по тому-же поводу и съ такими-же пожеланіями.

О. Алипію долго не спалось.

„Ужъ не сейчасъ-ли поговорить съ благочиннымъ на счетъ дѣла“, подумалось ему; но въ эту минуту о. Якимъ спросилъ его, хорошо-ли ему лежать и, пожелавъ покойной ночи, повернулся и моментально захрапѣлъ на всю носовыну. О. Алипій все время съ непривычки ворочался на своемъ мѣстѣ. Онъ слышалъ, какъ нѣсколько разъ просыпался благочинный и съ просонковъ говорилъ по привычкѣ безсчетное число разъ—„Господи помилуй, Господи помилуй“... и какъ безъ конца топтались бычки и коровы въ стойлѣ... Онъ хотѣлъ думать, но и думы не шли ему въ голову... Въ клунѣ совсѣмъ стало видно, когда, наконецъ, и онъ заснулъ.

О. Алипій проснулся поздно, и когда поднялся, то увидѣлъ, что никого кромѣ его не было въ клунѣ. Лишь воробьи неугомонно трещали подъ стрѣхою. Солнце высоко поднялось... День былъ знойный... Время приближалось къ полудню. Въ огородѣ слышны были распоряженія о. Якима. Онъ давно хозяйничалъ въ огородѣ съ Герасимомъ Ивановичемъ. Съ полей доносились голоса работавшихъ... О. Алипію сдѣлалось неловко. Ему было совѣстно взглянуть на свѣтлый, ясный день. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на часы, словно не довѣряя своимъ глазамъ. „Такъ и есть, половина второго“...

— А, вже и вы всталы,—встрѣтилъ его благочинный. А я вже думаю соби, лышень зъ намы, чи не пійты-но да разбудыты о. Алипія... Чи що? А вы и самы... Слава-жъ Тоби, Святый Господи! Ходимъ-но, чи не буде-но намъ чаю... Може ще самоваръ тепленькій, а то и пидогріють...

И о. благочинный увлекъ о. Алипія въ комнаты. Тамъ о. Алипія встрѣтили съ такимъ восторгомъ и съ такими разспросами, словно между вчерашнимъ днемъ и сегодняшнимъ прошли годы.

Такъ и не удалось о. Алипію поговорить о дѣлѣ. Когда онъ уже собрался ѣхать обратно и садился въ бричку, его обступили всѣ домочадцы о. Якима во главѣ съ нимъ самимъ, разспрашивали о его буланыхъ и говорили ему всевозможныя напутствія и пожеланія всѣхъ благъ и всего найлипшаго и ему, и Анисіи Элпидифоровнѣ,—особенно Анисьи Элпидифоровнѣ.

О. Алипій во все время своего визита у благочиннаго чувствовалъ, что онъ пріѣхалъ не во время для „дилъ“ и попалъ въ тотъ круговоротъ хозяйственныхъ, спорныхъ лѣтнихъ интересовъ, когда человѣку не „до того“... Но, сидя уже на бричкѣ и пожимая руку благочинному, о. Алипій сказалъ, стараясь, впрочемъ, не придавать своимъ словамъ дѣловаго выраженія.

— Эге, ще я и забувъ вамъ сказаты. Тожъ въ мене на сели церкву нову хотять поставыты...

— А пора, пора... Давно пора... бо стара церква вже таки того... Лышень зъ нею зовсимъ.

— Мужики вже почалы дерево возыты на церкву.

— А щожъ, нехай возять на добре здоровьячко! А хто буде строиты?

— Тутъ якійсь, звиткиль взявся...

— Може Петро Очерета?

— Эге, винъ самый...

— А, скотына порядочная... Плутъ такій, що не доведы Боже Святый. Винъ тутъ у насъ чи мало церквей и дзвонныць наставывъ. А може-бо вы, о. Алипій, на дорогу чарчынку выпылы? предложилъ вдругъ о. Якимъ. Щобъ Господь Богъ сподобывъ въ доброму здоровьи до дому добраться.

О. Алипій вздумалъ отказываться. Но было поздно. Кто-то быстро сбѣгалъ въ комнаты, и бутылка съ наливкой была уже здѣсь.

— А, лышень зъ нею, выпьемо! говорилъ о. Якимъ, наливая въ рюмку. Щобъ вона не кортила... вже не багато іи и зосталося. Благочинный потрясъ бутылкой. Нема-що... Пришлось еще разъ слѣзть съ брички о. Алипію. Отцы сняли шляпы и выпили, „щобъ Господь Богъ сподобывъ“...

— А якъ-же-жъ, еднаково, скажить-но вы мени,—спросилъ о. Алипій, вытирая усы платкомъ, на счетъ постройки... Тожъ треба, здается, зъ дозволенія начальства... и щобъ планы прыслалы. Або якъ?

— А якъ-же-жъ!.. а якъ-же-жъ!.. неприминно... треба... Вы ось що зробить, напышить бумагу, що церкву треба строиты за подпысью причта, а я одышлю до архирея. А тамъ и плана намъ хутенько прышлють. А вы тымъ часомъ поговорить зъ Очеретою, та черезъ него и будете робыты, що вамъ треба, бо Очерета, хоть и пьяныця, а все-жъ винъ хлопець расторопный и майстеръ добрый.

— А мужики вже хтять на дняхъ строиты... Вже и контрактъ зъ Очеретою заключилы...

— О своевольныи люде... бардзо своевольныи! То, якъ бачите, завше у насъ такъ робытся. Що зъ нымы будете робыты? Петро це така скотына... Але, лышень зъ нымъ! Вы напышить тыльки бумагу... То ницъ... А тамъ поговорыте зъ нымъ! Планы прыйдуть, воны и почнуть строиты.

— Колы воны вже почалы. Вже и ровы копають.

— То, лышень, ницъ не значить. То завше такъ. Выкопають ровы, а потымъ той Очерета запье и пивъ року буде робота такъ стояты, а тымъ часомъ и плана зъ консисторіи прышлють... И все буде добре. А церкву вамъ треба нову.

— Запевне, що треба,—подхватила матушка. Бо для старенького татуня то и стара церква, а для молодого, то вже треба нову,—тай-годи...

— А чи не выпьемо-но мы ще, предложилъ еще о. Якимъ. Щобъ коната лисомъ добре скакалы.

Какъ ни отговаривался о. Алипій, а долженъ былъ выпить еще и за своихъ конятъ, щобъ скакалы...

— Бувайте здорови!

— Та кланяйтеся Анисьи Элпидифоровни! Не забудьте! Та щобъ дуженька, здоровенька була. Прыйизжайте до насъ частійше!.. Та глядить на крестыны поклычте!.. крикнула ему вдогонку пани благочинная.

XII.

Назадъ!

Лошади тронулись. Собаки кругомъ залаяли и бѣжали около брички. О. Алипій выѣхалъ изъ Мокраго.

„И чудне це дило, думалъ онъ. Не можу я второпаты ни якъ... Бо скажемо, напрыкладъ, такъ: якъ-бы я що кепське задумавъ соби, або що... Ну, тоди такъ... А то хочется, щобъ якъ нибы найлипше було, а выходыть все найгирше. И чого я йиздывъ до благочинного?—якъ бы мене оце допиро хто спытавъ... Ажъ смихота сказаты: балакаты про Анисью, про гурки, спочатне, та выспаться на паганому сини... Анисья правду казала, що не вартъ йихаты. Але хиба-жъ то можна, щобъ християнинъ не шовъ до церквы и молывся соби Богъ знаты якъ?.. Зновъ-же и суевѣрія и предразсудки... Противъ нихъ Симеонъ Полоцкій яке замичательне слово колысь говорывъ... Скажемо зновъ-же и про церкву... Хиба такъ це дило повынно робытся? Дывно мени, що самъ о. Якимъ про Очерету, того мерзавця, говорывъ точнисенько такъ, якъ и жидъ Ароль... Этъ, Богъ знаты, що теперечки всюды на свити Божому робытся. И матушка зновъ каже: „попъ старенькій и церква старенька“... такъ, якъ и мужики казалы. Нибы зговорылыся... Дальби ничогисенько я щось тутъ не второпаю, зовсимъ я дурный тута ставъ“...

— Куды скажете, батюшка, йихаты? повернулся къ нему фурманъ Омелько, черезъ греблю, чи може навпружки?

— Куды хочешь, туды и йидь... абы тыльки до дому прывизъ, равнодушно отвѣтилъ ему о. Алипій.

„Ни-бо, якъ соби тамъ хто хоче, а це дило треба таки добре розмизкуваты. Що то въ самомъ дили за молитва така? Що за звычаи“?..

Но лишь только о. Алипій, уютно прижавшись въ уголъ брички, начиналъ разбираться въ серьезныхъ вопросахъ своей пастырской практики, какъ все имъ нѣкогда читанное, всѣ авторитеты семинарской науки насильственно лѣзли ему въ голову

и затмевали для него его собственную мысль. Отцы и учители, философы, мыслители, идеалисты, матеріалисты, пантеисты, писатели и публицисты—всё это сонмомъ окружало голову о. Алипія и, казалось, летѣло вслѣдъ за его бричкой. Отъ молитвы въ собственномъ смыслѣ онъ переходилъ къ опредѣленію молитвы въ несобственномъ смыслѣ. Это значительно подвигало впередъ рѣшеніе вопроса. Что такое молитва? Это, безъ сомнѣнія, связь человѣка съ Богомъ, такъ сказать, отблескъ безконечнаго на конечномъ челѣ... А храмы суть—благоговѣйныя мѣста непостижимыхъ чудесъ... Одинъ мыслитель сказалъ, что это не что иное, какъ оптическіе приборы высшаго разума, примѣненные къ конечному разуму для пониманія безконечнаго. Искренне молящійся—чудотворецъ... „Рцыте горѣ сей—двигнися и ввергнися въ море"... А одинъ писатель сказалъ, что молитва есть желаніе, чтобы дважды два составило пять... Это, кажется, сказалъ Тургеневъ... да, да... онъ... Что одно и тоже. Опять-же и Гоголь писалъ размышленіе о божественной литургіи. Она утѣшаетъ бѣдняка, даетъ ему съ вѣрой и надеждой проглотить кусокъ насущнаго хлѣба... А Огюстъ Контъ каждый день съѣдалъ корку черстваго хлѣба, чтобы помнить о бѣднякѣ... Опять-же и Кантъ и Лейбницъ... Особенно Лейбницъ... Гейлинксъ и Мальбрантъ—окказіоналисты...

И удивительное, право, дѣло: чѣмъ энергичнѣе махалъ пужалномъ и батогомъ Омелько и чѣмъ быстрѣе катилась съ какого-нибудь „пагурка" бричка о. Алипія, тѣмъ быстрѣе и настойчивѣе летѣли ему въ голову всевозможныя ученья, о которыхъ никто еще на полѣсьи не думалъ такъ серьезно, быть можетъ, со времени существованія выровскихъ болотъ. Но вотъ бричка ввалилась въ колдобоину, и колеса ввязли до половины въ грязь... и въ головѣ о. Алипія стало словно-бы покойнѣе, и тише... и свѣтлѣе... Но вотъ опять понеслась бричка по кореньямъ и побѣжали по сторонамъ сосны—и опять все завертѣлось въ головѣ, запрыгало, зашумѣло. Можно было подумать, что за каждой сосной сидѣлъ кто-нибудь, либо Кантъ, либо Контъ, либо Лейбницъ, и всѣ они не сговорясь, въ безпорядкѣ подска-

зывали батюшкѣ свои идеи. Собственная мысль о. Алипія отсутствовала. Словно кто-нибудь связалъ её узломъ въ головѣ.

Потомъ мысли батюшки приняли, впрочемъ, иное направленіе.

„Ото завше такъ бувае, думалъ онъ. Хто липше робыть, тому не везе... Блаженни изгнанни правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное, механически припомнился ему текстъ. Этъ, що то и казаты... Отъ якъ бы то мени буты благочиннымъ“...

И онъ незамѣтно перешелъ къ мечтѣ. Ему предносился въ воображеніи онъ самъ въ роли дѣятельнаго благочиннаго. О, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы замѣчательнымъ благочиннымъ! Онъ ревностно относился-бы къ интересамъ храма Божія и ни за что не позволилъ бы распространяться суевѣріямъ и предразсудкамъ въ приходахъ. Онъ жизнь свою положилъ бы на это дѣло, какъ пастырь добрый, душу свою полагающій за овцы. Да, хорошо-бы быть благочиннымъ!.. Но вѣдь для этого нужно получить если не камилавку, то по крайней мѣрѣ хоть скуфью, а у о. Алипія еще и набедренника нѣтъ. Онъ глубоко вздохнулъ... Еще долго ждать. О, впереди столь тернистый путь. А всё таки, представимъ себѣ, что какимъ нибудь чудомъ его назначили-бы благочиннымъ! Вотъ онъ пріѣзжаетъ, напримѣръ, домой, Анисья подаетъ ему пакетъ... Пакетъ вскрывается, и вдругъ—мокренскій о. Якимъ устраняется отъ должности благочиннаго за старостью лѣтъ, а о. Алипій назначается на его должность не въ примѣръ прочимъ, какъ кончившій десятымъ студентомъ въ курсѣ... Онъ сейчасъ-бы... Со всѣми миролюбиво, ласково, по слову священнаго писанія...

Сильный ухабъ возвращаетъ выровскаго батюшку къ дѣйствительности. Вечерѣло. Еще и половины дороги не проѣхали.

— Я пойиду навпружки, заявляетъ Омелько.

О. Алипій согласенъ.

Молодые коната несли быстро бричку. Спускалась ночь. Въ лѣсу было темно. Омелько получилъ приказаніе повѣсить „дзвонка на дышло, щобъ безпечнійше було въ лиси“.

Съ восходомъ солнца пріѣхалъ батюшка въ Выры. Онъ крѣпко спалъ послѣ поѣздки. Когда Анисья Элпидифоровна спро-

сила пробудившагося мужа—„ну, що? якъ сказавъ благочинный“? О. Алипій долго путался въ разсказѣ, говоря то объ Очеретѣ, то о мужикахъ, то о свѣжемъ сѣнѣ о. Якима, но въ концѣ рѣчи сказалъ:

— Вси тоби кланяются... и просятся на хрестыны...

Анисья Элпидифоровна улыбнулась.

— А знаешь, Анисю, що я тоби ще скажу? Добре ты зробыла, що взяла подарункн, спочатне... Памятаешь? И свыней загнала, також добре... И про огорожу также твоя правда.

Жена съ минуту удивленно смотрѣла на мужа, не понимая, въ какой связи вопросы объ огорожѣ и спочатномъ стоятъ съ поѣздкой въ с. Мокрое и сказала:

— Запевне, що добре. Не вже-жъ тебе, дурня, слухаты стала...

О. Алипій не обижался, слыша такой эпитетъ... хотя онъ и кончилъ волынскую семинарію десятымъ студентомъ.

Прошло два года. Въ с. Вырахъ выстроилась новая церковь на ряду со старой, которая словно бы отодвинулась и еще болѣе скрылась межъ деревьевъ. Церковь выстроили по плану, присланному консисторіей, подъ руководствомъ Петра Очереты. О. Якимъ былъ правъ: Очерета, выкопавъ рвы, запилъ запоемъ и почти цѣлый годъ работы оставались въ прежнемъ положеніи. А когда прислали планы, въ волость былъ собранъ сходъ, съ майстромъ заключили контрактъ и дѣло пошло какъ слѣдуетъ.

Новая церковь вышла, конечно, виднѣе и просторнѣе... Но, не смотря на это, полѣшуки не всѣ ходили въ церковь. Значительное количество мужиковъ и бабъ стояло около стѣнъ новой церкви... и на бѣлыхъ ея стѣнахъ скоро появились новые слѣды отъ крестьянскихъ жупановъ, прислоненныхъ къ стѣнкѣ. Нѣкоторые даже находили старую церковь удобнѣе въ томъ отношеніи, что ея старыя стѣны лучше пропускали звукъ и прислонившемуся къ ней было слышнѣе. Стѣны новой церкви менѣе были проницаемы для пѣнія.

Но удивительнѣе всего было то обстоятельство, что и старая церковь не оставалась пустою. У ея стѣнъ продолжали нѣкоторое время стоять во всякую погоду тѣ изъ немногихъ, впрочемъ, крестьянъ, которые не сразу могли отказаться отъ старой привычки стоять во время богослуженія на своемъ излюбленномъ мѣстѣ и молиться или думать....

Ѳ. А. Кудринскій.

ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ.

Лѣто прошлаго года мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ Лозовикахъ, сквирскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Лозовики представляютъ изъ себя маленькую деревушку, насчитывающую по страховой вѣдомости до 59 хатъ. Ни по внѣшнему, ни по внутреннему виду деревня не отличается отъ окрестныхъ деревень: тѣ-же хаты, сараи, шопы, то-же безлюдіе на улицахъ въ будніе дни. Устои жизни, обычаи, взгляды—тѣ-же, что и въ окружающихъ селахъ.

Задавшись цѣлію, насколько возможно подробнѣе, изучить положеніе деревни и ближайшихъ къ ней селъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, я по пути занимался этнографическими наблюденіями, результатомъ чего и явились прилагаемыя при семъ пѣсни.

При собираніи пѣсенъ я задался невиннымъ вопросомъ: что поетъ нынѣшнее молодое поколѣніе деревни? Естественно, разрѣшивши этотъ вопросъ, я могъ отвѣтить затѣмъ и на другой вопросъ, представляющій значительный интересъ и не лишенный серьезности: каковы эстетическія воззрѣнія молодого поколѣнія и что оно видитъ и цѣнитъ въ пѣснѣ? Въ виду этого я обращался исключительно къ молодежи и въ рѣдкихъ случаяхъ, для возстановленія цѣльности пѣсни, къ пожилымъ людямъ.

Напрасно стали-бы вы искать среди нынѣшней молодежи пѣсенъ старыхъ, козацкихъ, составляющихъ гордость народной устной поэзіи, пѣсенъ, въ которыхъ такъ часто попадаются отголоски язычества и героической эпохи въ жизни народа. Вы

ихъ теперь не услышите,—онѣ забылись народомъ, и если иногда встрѣчаются, то въ исковерканномъ, отрывочномъ видѣ. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ еще можно было услышать отъ рѣдкихъ кобзарей что нибудь въ родѣ „Побѣга трехъ братьевъ изъ Азова“ или „Коновченка Ивана“... Слушая эти эпическія произведенія изъ устъ слѣпца-бандуриста или вчитываясь въ пѣсни, собранныя въ сборникахъ историческихъ пѣсенъ Антоновича и Драгоманова, Костомарова и др., невольно удивляешься богатству внутренняго содержанія народа, съумѣвшаго высказать свои чувства въ такихъ прекрасныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, какъ эти былины-пѣсни. Принявъ же во вниманіе еще и то обстоятельство, что трудами комиссіи для изученія Малороссіи, учеными и просто любителями этнографіи собрано до 10.000 различныхъ пѣсенъ—вы невольно пожалѣете, что историческія и другія условія не позволили и не позволяютъ развиться народу настолько, чтобы скрытые въ немъ таланты выступили наружу и достигли возможно полнаго развитія.

Вотъ съ такими-то мыслями я и приступилъ къ собиранію пѣсенъ въ деревнѣ Лозовикахъ.

На первыхъ-же порахъ меня постигло разочарованіе. На просьбу назвать самыя лучшія и любимыя пѣсни, которыя теперь распѣваются въ деревнѣ, молодежь назвала мнѣ слѣдующія пѣсни: „Що ты мыла прыуныла“, „Ой а въ городи солучилася бида“ „Ой, у Польши разгромъ“ и много другихъ извѣстныхъ каждому полу-солдатскихъ, полу-трактирныхъ пѣсенъ.

— „Да, это все кацапскія пѣсни!“—восклицаю я. „Вы назовите мнѣ чисто деревенскихъ, украинскихъ, старыхъ пѣсенъ?“

— Деревеньскихъ, кажете? Яку жъ-бы вамъ?.. Да у насъ нашихъ деревеньскихъ писень вже и не спиваютъ,—хиба такъ инколы, або якъ пьяни... Дивчата бильше ихъ подобаютъ, а мы ни!“—говорили хлопцы. И только послѣ настоятельнаго требованія назвать хоть нѣсколько пѣсенъ, они назвали слѣдующія: „Кому воля, намъ, братци, неволя“, „Ой ты земушка—зема“, „Ходывъ чумакъ симъ рикъ по Дону“ и нѣсколько другихъ.

На вопросъ—почему пѣсни своей родины, на родномъ языкѣ, они мѣняютъ на безобразныя, безсмысленныя, въ большинствѣ

случаевъ представляющія только наборъ словъ, солдатскія пѣсни,—мнѣ отвѣтили:

— „А чимъ-же воны погани? Для насъ добри, бо нови. А то все едни-да-едни, то вже и осточортилы. Стари люде якъ колы напьются, такъ ти спивають и добри писни, але-жъ мы ихъ не знаемо, а воны вчить не хтять. Отъ хиба вы навчите?"

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ и болѣе близкаго знакомства, пришлось убѣдиться, что главная причина склонности молодежи пѣть солдатскія пѣсни—это стремленіе воспринимать новое, не разбирая—дурно-ли оно или хорошо, стоитъ-ли имъ увлекаться и поступаться самобытнымъ истинно прекраснымъ и правдивымъ? Однообразна и скучна деревенская жизнь, а юго-западнаго края въ особенности. Въ теченіе долгихъ лѣтъ все одни и тѣ-же виды, лица и условія жизненныя. Что было вчера, то несомнѣнно будетъ и сегодня. Самыя незначительныя явленія обыденной жизни, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны вызывать къ себѣ интереса среди хоть сколько нибудь бывалыхъ и развитыхъ людей, въ деревнѣ производятъ цѣлый фуроръ, не говоря уже о явленіяхъ болѣе серьезныхъ и сложныхъ. Туго проникаютъ новыя вѣянія въ деревни и даже уѣздные города этого края. Кипучая, полная событій, современная жизнь проносится надъ краемъ мимо, не касаясь его: даже усилій ни откуда не обнаруживается, чтобы въ эту темную, предоставленную самой себѣ тину, влить освѣжающую умъ и сердце струю образованности и культурности. Мѣстное населеніе по воззрѣніямъ, вкусамъ и наклонностямъ, вѣроятно, осталось тѣмъ-же, какимъ оно было во времена Сагайдачнаго и Хмельницкаго.

Предоставленные самимъ себѣ, крестьяне, естественно, по своему крайнему разумѣнію, воспринимаютъ все, что ни попадается имъ подъ руку—будетъ-ли то безсвязное повѣствованіе о заморскихъ земляхъ какого нибудь захожаго странника, или вранье пришедшаго изъ службы солдатика, или еще что нибудь подобное сему—все равно: крестьяне съ неослабнымъ интересомъ слушаютъ, пережевываютъ и затѣмъ уснащаютъ своими комментаріями, такъ что въ концѣ концовъ изъ невиннаго разсказа или небылицы

создаются въ одной и той-же деревнѣ массы исторій, совершенно не похожихъ на своихъ прототиповъ...

Каждый годъ въ любую деревню приходятъ домой изъ службы солдаты; каждый изъ нихъ несетъ съ собою достаточное количество матерьяла, которымъ онъ можетъ пустить пыль въ глаза односельчанамъ. Много правды въ ихъ разсказахъ, но еще больше самаго беззастѣнчиваго лганья—это прекрасно понимаютъ и слушатели, въ особенности изъ солдатиковъ. Но лганье прощается, вызывая со стороны слушателей только рядъ шутокъ, остротъ и неподдѣльнаго, такъ присущаго малороссу, юмора. Дѣло сводится къ тому, что время такъ или иначе убивается, является возможность покалякать, отвлечься отъ этой пріѣвшейся повседневной жизни и хоть этимъ немного освѣжиться. Часто возвратившіеся изъ военной службы относятся критически на первыхъ порахъ къ обычаямъ своей деревни и фарсятъ своей, какъ они говорятъ, „образованностію". Желаніе говорить по великорусски заставляетъ ихъ ломать языкъ и часто изобрѣтать какой-то новый языкъ, затѣмъ насмѣшливое отношеніе къ роднымъ пѣснямъ и желаніе щегольнуть „рассейскими". Какъ ни смѣшно и нелѣпо подобное ломаніе—для крестьянъ оно безслѣдно не проходитъ. По крайней мѣрѣ пѣсни усваиваются и съ увлеченіемъ распѣваются, хотя ни смысла, ни поэзіи, ни риѳмы у нихъ не имѣется, а просто самый невозможный наборъ словъ, иногда поражающій читателя или слушателя своею несообразностью до невозможной степени. На ряду со многими растлѣвающими вліяніями въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, какое приносятъ съ собою солдаты въ свои родныя деревни, я ставлю еще одно—это извращеніе и полнѣйшее уничтоженіе эстетическихъ, природой данныхъ вкусовъ, уничтоженіе чутья къ прекрасному и возвышенному.

Сами судите—развѣ возможно признать за нормальные и здоровые эстетическіе вкусы у молодежи, съ увлеченіемъ распѣвающей во все горло: „Щаслива та деревня" (см. № 71), заключительнымъ куплетомъ которой является невозможный винегретъ изъ „саду—винограду", „кофею", „цигарки", „гитары" и т. п.,—

или „Що ты мыла прыуныла“, гдѣ этотъ винегретъ достигаетъ до феноменальной чепухи и глупости:

„Трубка моя пиньковая
Все звалилася на бокъ.
Я думала, що день воскреснеть
Судьба наша все пройдеть...
Самъ ложусь я на скамейку,
Я зъ милою не прощавсь...
Гору гляну—тилько стало
Два жандари по бокахъ“. (см. № 70).

И это самая любимая пѣсня, которую поютъ съ азартомъ, до хрипоты, до изступленія, въ особенности когда дѣло доходитъ до „пиньковой трубки“, которая „все звалилася на бокъ“ и этихъ неизвѣстно откуда и зачѣмъ явившихся двухъ „жандаровъ по бокахъ“.

— „Зачѣмъ-же въ этой пѣсни явились „жандари по бокахъ?“ И какъ это понимаете вы?“ спрашивалъ я хлопцовъ, продиктовавшихъ мнѣ эту пѣсню.

— „Хиба ми знаемъ? Жандари по бокахъ-тай годи! Значить винъ лежить, а вони, жандари, у его зъ боковъ стоять... мабуть стережуть... Тай годи!“

— „Можетъ-быть, какъ нибудь иначе можно понимать?“ не унимался я.

— „Хиба ми знаемъ? Такъ спивають, то и мы переймалы, такъ и вамъ кажемо.“

Такъ я толку и не добился отъ нихъ.

Въ прилагаемыхъ пѣсняхъ я помѣстилъ только четыре „рассейскія“ пѣсни, которыя, какъ мнѣ кажется, еще не записаны никѣмъ,—думаю, что онѣ въ достаточной степени иллюстрируютъ эстетическій вкусъ нынѣшней деревенской молодежи. Подобныхъ пѣсенъ я записалъ до 30-ти, но всѣ онѣ общеизвѣстны, и вы всегда можете услышать ихъ отъ солдатъ, орущихъ „во всю“ безсмысленныя слова пѣсенъ съ припѣвами „ой-далюли“, „Черная галка“, „Двѣ деревни одинъ я“, „По горамъ твоимъ Балканскимъ“ и т. п., которыя въ устахъ современной молодежи коверкаются еще болѣе и кромѣ сарказма и сожалѣнія ничего не вызываютъ у свѣжаго слушателя.

И на ряду съ подобными пѣснями въ памяти дивчатъ и хлопцивъ сохраняются чудные по смыслу, формѣ и глубинѣ чувства пѣсни „родины" въ родѣ

„Тихо-стиха Дунай воду несе.
Ще тихійше дивка косу чеше"...

въ которой попадаются чисто классическія мѣста:

„Сидить-же винъ на скрыпочку грае,
Струна-струни зтыха промовляе:
„Нема краю тыхому Дунаю,
Нема спыну удовычому сыну"... (№ 17)

Или, напримѣръ: „Затопыла въ новій хати сырымы дровами" (№ 42) и мн. др.

Изъ семидесяти трехъ, предлагаемыхъ вниманію читателя, пѣсенъ чисто малорусскихъ до шестидесяти пяти; всѣ онѣ, почти безъ исключенія, блещутъ формой изложенія, поэзій, размѣрностью стиха, смысломъ, иногда назидательностью. Обыденныя событія, въ родѣ ухаживанія, разлуки, несчастной любви, убійства нелюбимой жены, чаровъ и т. п., находили отзвукъ въ умѣ и сердцѣ народа и затѣмъ непосредственно выливались въ видѣ роскошныхъ пѣсенъ. Въ нихъ все понятно, все говоритъ сердцу, ибо родное. Тутъ степь, поле, луга, байраки, зеленая лищина, хмѣль, вишня - черешня, слива, пташки - канарейки, соловейки, зори, мисяць билолицый, тучи... однимъ словомъ—вся видимая природа въ пѣсняхъ малоросса одухотворена разумомъ, сознаніемъ и такъ близко входитъ въ положеніе героя пѣсни. Невольно обращаютъ на себя вниманіе пѣсни, гдѣ дѣйствующими лицами являются животныя, какъ напримѣръ въ пѣснѣ „Ой, у поли корчомочка" (№ 51), гдѣ конь и орелъ держатъ пари „хто швидче" добѣжитъ отъ корчмы до могилы, или въ пѣснѣ „Ой, ходывъ донець симъ рикъ по Дону", въ которой вѣстникомъ смерти жены и несчастья въ домѣ Донца—является „змія лютая" (№ 50). Подобныя пѣсни производятъ впечатлѣніе сказокъ, передаваемыхъ въ стихахъ и тѣмъ получающихъ еще большую прелесть въ глазахъ слушателя. Это творчество народа, съумѣвшаго плоды фантазіи и самыя обыкновеннѣйшія, изъ вѣка въ вѣкъ повторяющіяся, явленія повседневной жизни втиснуть въ поэтическія рамки многообразныхъ пѣсенъ,—говоритъ за способность населенія къ высшей

культурѣ, за его недюжинные таланты, которые, подъ вліяніемъ многихъ причинъ, одной изъ коихъ является внесеніе солдатчины въ населеніе, къ сожалѣнію, не обнаруживаются, остаются на неподвижной точкѣ и гибнутъ безповоротно. Неужели въ Россіи нѣтъ просвѣщенія и людей, просвѣщенныхъ силою знанія, обуреваемыхъ любовью къ отечеству, которые вмѣсто солдатчины дали-бы народу то, что въ высшей степени развило-бы умъ, сердце, эстетическое и этическое чувство и вкусы? Вѣдь, прививая народу ложные вкусы и взгляды, солдатчина прямо таки способствуетъ вырожденію населенія въ этическомъ и эстетическомъ отношеніи... Говорятъ, что въ нынѣшній вѣкъ народное творчество, какъ таковое, не мыслимо—для малоросса въ особенности, ибо не стало, кобзарей и бандуристовъ—этихъ бардовъ Украины, которые всѣ событія изъ народной жизни облекали въ поэтическую форму и пускали по свѣту. Это не вѣрно. Въ предлагаемыхъ пѣсняхъ есть нѣсколько пѣсенъ новѣйшей формаціи, относящихся къ послѣднимъ двумъ-тремъ десятилѣтіямъ—это пѣсни о сахарныхъ заводахъ, рекрутчинѣ и Польскомъ возстаніи. Кто явился творцомъ ихъ—трудно сказать, несомнѣнно только не кобзари, которыхъ, кстати сказать, въ эти десятилѣтія встрѣтить очень трудно, а подобіе ихъ—лирники—представляютъ изъ себя „нищихъ“ не только физически и матеріально, но и духовно...

Мы не имѣемъ въ виду проповѣдывать мысль о насажденіи въ Малороссіи и Югозападномъ краѣ традицій временъ Дорошенка, Мазепы и др.,—мы задаемся скромной задачей дать народу возможность развить свои, данные ему природою, таланты въ эстетическомъ отношеніи. Почему-бы не предложить населенію вмѣсто солдатскихъ—художественныя чисто русскія или переложенныя на ноты и голоса его родныя пѣсни? Во всякомъ случаѣ онѣ оказали-бы населенію неизмѣримую пользу въ выработкѣ эстетическихъ чувствъ и воззрѣній. Вѣдь музыка и поэзія, какъ говорятъ, языкъ боговъ... Государства, въ которыхъ національное самосознаніе развито въ высшей степени, понимаютъ громадную важность народной пѣсни, какъ одного изъ факторовъ въ развитіи національнаго самосознанія народа. Не будемъ далеко ходить за примѣрами—остановимся на Германіи. Вѣдь находитъ-же она

возможнымъ и необходимымъ для каждаго королевства, герцогства, марк-графства и т. п. имѣть свои пѣсни, независимо отъ обще-нѣмецкихъ, національныхъ, поддерживать среди населенія любовь къ пѣнію и музыкѣ вообще, устраивать соревнованія между сосѣдними деревнями и городами. Обыкновенно, по поводу этого у насъ говорятъ, что нѣмцы развитѣе насъ, культурнѣе. Но вѣдь та степень народнаго музыкальнаго образованія, на которой стоитъ Германія, не родилась вмѣстѣ съ нѣмецкой націей. Она постепенно росла, ширилась вмѣстѣ съ грамотностію, ремеслами, пока не проникла въ существо нѣмца настолько, что стала неотъемлемой чертой характера нѣмца. Прислушайтесь къ тѣмъ пѣснямъ, которыя подъ руководствомъ учителя распѣваютъ дѣти въ деревенской школѣ: всѣ онѣ не что иное, какъ восхваленіе своему отечеству, прекраснѣе и чуднѣе коего нигдѣ нѣтъ; затѣмъ, величіе Творца, создавшаго землю и небо. Благодаря имъ, ребенокъ научается съ пеленокъ, такъ сказать, любить свое отечество, природу, людей и выливать свои восторги въ этихъ, какъ мы ихъ называемъ, сентиментальныхъ пѣсенкахъ. Какъ бы ни были наивны и сентиментальны эти пѣсни, тѣмъ не менѣе достаточно затянуть нѣмцу одну изъ нихъ, какъ къ нему присоединятся тотчасъ-же другіе, и стройно и красиво отъ начала до конца съ одушевленіемъ пропоютъ они ее. Въ этихъ пѣсенкахъ, если можно такъ выразиться, выражается самъ нѣмецъ— во всемъ: въ тактѣ, въ словахъ, въ мелодіи, экспрсессіи... То-же явленіе замѣчается у французовъ. Говорятъ, что достаточно среди французовъ начать первую фразу изъ марсельезы, какъ всѣ воодушевляются и подхватываютъ мелодію. Въ марсельезѣ они чувствуютъ себя французами съ пятъ до толовы, она ихъ обновляетъ и поднимаетъ національный духъ. Затѣмъ эти бульварныя пѣсни, которыя каждому извѣстны, поются милліоны разъ и тѣмъ не менѣе всегда съ большимъ и большимъ одушевленіемъ.

Не касаясь другихъ европейскихъ націй, возьмемъ для примѣра косный Китай. Случилось мнѣ однажды встрѣчать вмѣстѣ съ китайцами ихъ Новый годъ. Послѣ китайскаго обѣда мы изъявили желаніе послушать пѣнія. Хозяинъ былъ настолько любезенъ, что тотчасъ же вооружился маленькимъ барабанчикомъ,

подобіе нашего бубна, сталъ въ приличную позу и началъ пѣть, аккомпанируя себѣ на барабанчикѣ. Всѣ сидѣвшіе тутъ же китайцы, а ихъ было человѣкъ до двадцати, дружно и въ тактъ начали ему подтягивать. За первой послѣдовали другая, третья и т. д. Пѣсни всѣ были пріурочены къ Новому году. Всѣ собравшіеся китайцы ихъ знали. Не смотря на своеобразные, рѣзкіе для уха европейца, напѣвы, я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ,—не было ни крика, ни замѣшательства, все выходило гладко и видимо доставляло больше удовольствія самимъ пѣвцамъ. Оно и не мудрено, если принять во вниманіе то обстоятельство, что съ поступленіемъ въ школу каждому ребенку приходится штудировать курсъ національныхъ пѣсенъ. Эти пѣсни входятъ въ плоть и кровь китайца и всегда поются съ одинаковымъ усердіемъ и одушевленіемъ. Татаре, Киргизы, Монголы, Буряты и др. инородцы не имѣютъ государственнаго, такъ сказать, пѣнія, но тѣмъ не менѣе въ пѣснѣ они видятъ самое лучшее наслажденіе. Каждому извѣстно, что они готовы просиживать по цѣлымъ суткамъ, слушая своихъ бардовъ и при случаѣ подтягивая имъ.

Совсѣмъ иначе въ этомъ отношеніи у насъ, русскихъ. Въ „Письмахъ изъ Сербіи“ („Передъ отъѣздомъ“ стр. 946) этого вопроса, только по нѣсколько иному поводу, коснулся и Г. И. Успенскій. Вотъ картинка, которую выписываю цѣликомъ:

— Вотъ хоть мадьяры, простые мужики, цѣлую ночь хоромъ пѣли, да какъ пѣли, артистически; нашихъ (добровольцевъ) забрало за живое: „давай, ребята, нашу!“ Чуть не всѣ сразу затянули „Внизъ по матушкѣ“, и оказалось, что никто не знаетъ пѣсни не только до конца, а даже съ пятой строки, т. е. по окончаніи перваго куплета уже никто не знаетъ, какъ дальше. Не въ музыкальныхъ школахъ спѣвались мадьярскіе мужики, спѣвались они, надо думать, въ деревнѣ, и наши тоже родились и жили въ деревнѣ; но, очевидно, некогда имъ было спѣваться, заниматься пустяками, досуга не было... И затянули-то они кто въ лѣсъ, кто по дрова...“ Некрасивая картинка—не правда-ли? Правда, къ современной деревенской молодежи югозападнаго края цѣликомъ ее приложить нельзя, такъ какъ пѣсни, хоть и безсмысленныя, поются съ начала и до конца. Что-же касается исполненія, то ужъ тутъ приходится

только руками развесть и оставить надежды услышать хоть приблизительно артистическое исполненіе. Каждый изъ поющихъ старается пѣть только главный мотивъ и „во всю", нисколько не заботясь о гармоніи, выразительности и др. условіяхъ, при которыхъ даже простая пѣсенка получаетъ своеобразную прелесть.

Преобладаетъ унисонъ, рѣдко октава и очень рѣдко терція. Хорошаго пѣнія я не слышалъ пока нигдѣ, въ кіевской губерніи по крайней мѣрѣ. Много разъ во многихъ селахъ я искалъ случая услышать непосредственно изъ устъ народа чудные мотивы въ хорошемъ исполненіи—и мои исканія успѣхомъ не увѣнчались. Мнѣ указывали на самыхъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которыхъ здѣсь называютъ „клярнетами",—я ихъ слушалъ въ отдѣльности каждаго и хоромъ, и тѣмъ не менѣе, при самой снисходительной оцѣнкѣ, впечатлѣніе получается дрянное. Мотивы слишкомъ однообразны, отсутствіе знаковъ экспрессіи, съ начала и до конца невозможное forte, неясное, съ носовымъ оттѣнкомъ произношеніе, особенно въ хорѣ—такъ что, не зная ранѣе пѣсни, вы развѣ только десятое слово поймете. Можно съ увѣренностью сказать, что тихаго пѣнія въ деревнѣ этого края почти не существуетъ. Пробовалъ я заставлять пѣть тихо, на сколько возможно, конечно,—впечатлѣніе получалось еще дряннѣе: голоса фальшивили, понижали, носовые оттѣнки выступали рѣже, и пѣсня до конца никогда не допѣвалась.

— „Тяжко такъ спивать,—духу не хватае!" говорили они. Пѣть громко—другое дѣло: „тоди легше". Громко же пѣть—это значитъ буквально ревѣть, съ выкриками, свистомъ, уханьемъ, а на концѣ и завываніемъ. Начинаетъ обыкновенно одинъ, за нимъ подхватываютъ, подсаживаясь, всѣ остальные. Если вы стоите около хора пѣвцовъ очень близко—вы рискуете на нѣкоторое время оглохнуть: въ ушахъ поднимается звонъ и трескъ. Обыкновенно по окончаніи каждаго куплета унисонъ переходитъ въ октаву. Хорошимъ пѣніемъ считается, если подголосокъ беретъ верхнюю октаву звучно, фистулою, ровно и долго.

Какъ ни безобразна подобная манера пѣть пѣсни, все таки попадаются иногда мотивы, которые съ удовольствіемъ слушаешь, расположившись, конечно, въ почтительномъ отдаленіи отъ хора.

Особенно хорошо они звучатъ въ тихія лунныя ночи, когда находишься подъ обаяніемъ волшебной картины окружающей обстановки: спокойный прудъ, кусты вербы, темные садочки, бѣлѣющіяся хатки и т. п., что такъ поэтически было описано Гоголемъ.

Хлопцы и дивчата поютъ пѣсни обыкновенно передъ вечеромъ и ночью на улицахъ—лѣтомъ, весною и осенью, въ томъ случаѣ если сельская полиція не запрещаетъ имъ; зимою же на досвиткахъ. Женатые въ трезвомъ состояніи не поютъ. На предложеніе пропѣть почему-либо заинтересовавшую васъ пѣсенку, вы получите отъ нихъ отвѣтъ: хиба я пьяный или пьяна? Часто *въ ночномъ* среди хлопцевъ встрѣчаются и женатые. Хлопцы поютъ, послѣдніе-же не вмѣшиваются, на томъ основаніи, что „винъ вже чоловикъ"...

Хорошихъ, пріятныхъ голосовъ я пока ни одного не встрѣтилъ среди деревенской молодежи. Да и откуда имъ взяться? Въ самомъ дѣлѣ, съ самаго малаго возраста всегда почти на открытомъ воздухѣ, пася гусей, свиней, телятъ, лошадей и т. п. при всѣхъ перемѣнахъ погоды—на холодѣ, дождѣ, морозѣ—крестьянскія дѣти одинаково кричатъ и ужъ конечно нисколько не заботятся о сохраненіи своихъ голосовыхъ связокъ отъ вліянія простуды. Считается своего рода молодечествомъ, если раньше вырабатывается грубый голосъ, вотъ такой, какимъ говоритъ батько или дядько. Самый распространенный голосъ въ здѣшней мѣстности — баритонъ и иногда теноръ. Когда хлопецъ поетъ, какъ здѣсь говорятъ, во всю „пельку", то баритоны добираются до A, а теноры до C. У дивчатъ сплошь и рядомъ альты и контръ-альты и рѣдко дисканты. Предѣлы голосовъ тѣ-же, что и для хлопцевъ. Мягкости и выдержанности въ голосахъ нѣтъ, ибо хлопцы и дивчата, каждые въ своей „кумпаніи", стараются перекричать другъ друга, „перетянуть", т. е. дольше и громче тянуть окончанія куплетовъ. Я встрѣчалъ такихъ субъектовъ между хлопцами, которые въ теченіи 45—50 секундъ, не переводя духу въ тонѣ, прямо таки ревѣли, какъ быки. Нужно только удивляться закаленности ихъ горловыхъ связокъ и силѣ легкихъ. Въ особенности оглушительное фор-

тиссиме, дальше котораго идти нельзя, можно слышать въ немного подвыпившей компаніи...

Старики говорятъ, что въ старину пѣли лучше: „не було цего крику и галасу: якось пріятнійше спивалы... да и писни булы лучши".

— „Почему-же вы не научите своихъ сыновъ и внуковъ"?

— „Де тамъ вчыть... Та мы й самы вже позабувалы. Тай не до писень: треба Богу молыться, грихи одмолювать, бо вже пора и въ домовыну!"

Всѣ нижепомѣщенныя пѣсни не встрѣчались мнѣ ни въ одномъ изъ сборниковъ, которые я имѣю подъ рукою. Если же и встрѣчаются, то въ значительно измѣненномъ видѣ; въ концѣ каждой такой пѣсни я сдѣлалъ отмѣтку—гдѣ и на какой страницѣ искать ея варіяцію.

А. Г. Хатемкинъ.

№ 1.

Ой, любылося двое дитокъ сердешныхъ.
Казавъ Господь розійтысь доконешно.
Ой, годъ любылысь, пивтора не бачилысь;
Побачилысь тай обое пославлы.
Дивчина лежить у матинки въ свитлыци,
А козакъ лежить въ зелененькій дибривонци.
Дивчини медъ-выно та все носыть,
И козакъ лежить зимноя воды просыть.
„Матинко моя, яка ты мени мыла,
Зашлы козаку хочъ коновочку пыва".
— „Ой, не сама я та це пыво варыла,
Щобъ я козаку по диброви носыла".
Якъ задзвонылы вси дзвоны у Львови.
— „Послухай маты, чи не по козакови?
Якъ на службу, той мене пидведите,
Якъ по козаку, той мене нарядите.
Поховайте насъ у едной доломыни (?),
Покладите насъ до купки головами,
Не разлучайте насъ—любои мовы зъ нами...
Посадите на насъ червоную калыну,

Ой, у ниженькахъ билую березыну,
Вершокъ до вершка до купки схыляется,
Лыстокъ до лыстка до купки злыпается,—
Хто на грыбъ гляне—слизками умывается.

№ 2.

Кому воля—намъ, братци, неволя...
Нихто не знае мого горя;
Мое горе та все не такее, якъ людскее,
Мои ручки дилечка не роблять,
Мои билы ножки далеко не ходять,
Тылько ходять у садъ у садочокъ
Щипать ягидочокъ.
Ой, я ягидъ—ягиди не нарвала,
Тылько соловейка пробужала,
Соловейку, ой да ты сизокрылый,
Скажи мени правду, де мій мылый"?
— „Ой, твой мылый усе по роботамъ,
По сахарнымъ заводамъ.
Ой, винъ робыть—робыть роботае,
Ажъ питъ ему глаза залывае;
Пріиде хозяинъ все его ругае...
Пріиздже хозяинъ до дому—
Наробылы хлопци ему лому:
Ніякого лому наробылы—
По всему заводу паръ роспустылы.
Пишла пара по всему заводу,
А пишла не слава по всему народу.
За ричкою, ой да за быстрою,
Ой, тамъ жилы люде, ой да слободою,
То не люде тылько супостаты:
Запысалы парня у салдаты...
Никому парня оплакаты...
Де взялася дивчина Марьяна—
Вона оплакала козака Ивана,
Оплакала, щей обголосыла,
Якъ ридная маты свого сына.

№ 3.

— „Ой, вышенько—черешенько, чомъ рясно не родышь?
Молодая дивчинонько, чомъ гулять не ходышь?"
— „Ой, якъ мени рясно родыть за дубовымъ тыномъ,
Ой, якъ мени гулять—ходыть за вдовынымъ сыномъ?
Бо вдовынъ сынъ самъ хорошій, а хозяйскій кращій,
Ой, якъ выйде на юлыцю, такъ якъ мисяць ясный.
Мисяць ясный, мисяць ясный помижъ зироньками,

А вдовынъ сынъ, самъ хорошій, помижъ дивонькамы.
Чорна хмара, (2) пидъ чорною сыня,
Навчи, навчи, удивонько, навчи свого сына.
Якъ не будешь научаты, будемъ чароваты,
Причаруемъ руки—ноги, щей каріи очи,
Щобъ не ходывъ до дивчины темнои ночи".
— „Нехай ходыть, нехай ходыть, бо винъ іи любыть,
Вона ему догожае, столъ застылае.
Столы мои тесовыи, скатерки льняныи,
Кровать моя ты тесова, постель пуховая,
Очи мои карыченьки, горе мени зъ вами,
Що не хочете ночуваты и ничку сами!..
Ой хочь хочуть, хочь не хочуть мусять прывыкаты,
Десь поихавъ мій мыленькій у поле ораты.
Оравъ три дни у ярыни, а день у толоци,
Выплакала кари очи за вси четыре ночи.
Ой, ти мени четыре ночи тай за висимъ сталы;
Щобъ моему мыленькому батигъ вирвався,
Тобъ може мій мылый до дому прыслався!

Ср. въ Трудахъ этн.—ст. экспедиціи въ западно-русскій край.—Юго-западный отдѣлъ, т. V, стр. 93.

№ 4.

— „Чи чула ты, сыво зозуленько, якъ соловей щебетавъ?
Чи чула ты, молодая дивчинонько, якъ я тебе выклыкавъ?
Черезъ твое широке надвирье широку стежку втоптавъ".
— „Топчи, топчи, молодый козаче, я ще ширшу прополю,
На тій прополянци кленъ дерево посажу...
Росты, росты, кленъ дерево, я буду полывать,
Вары, маты, вечеряты, я пиду въ садъ гулять,
Въ садъ у садочекъ сиры гусы загонять.
— „Гиля—гиля, сиры гусы, стежкою до воды,
Прошу тебе, молодый козаче, до иншого не ходы!
А на мене, молодую дивчину, поговору не робы.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на той ставъ,
Прошу тебе, молодый козаче, хочь натуру перегтавъ.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на овесъ,
Завязала свою голивоньку, теперъ плаче ридъ увесь.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на ставокъ,
Завязала свою голивоньку, я-жъ думала на часокъ.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на рики,
Завязала свою голивоньку, теперъ не розвяжу до вику.
Гиля-гиля, сиры гусы, стежечкою на Дунай
Завязала свою голивоньку, теперъ сыды, та думай.

№ 5.

Пора, маты, жыто жаты коло дориженьки,
Пора, маты, замужъ ддаты—брешуть вориженьки.
Пора, маты, жыто жати, колосъ похилывся,
Пора, маты, замужъ ддаты—голосъ обминывся.
Голосочокъ на лисочокъ, тыха мова ризно,
Не лай мене, моя маты, що я хожу пизно.
Пизно хожу, рано встаю, я свой розумъ маю,
Я своему мыленькому коня наповаю.
Ой, кинь стоить, воды не пье, кинь у воду дуе,—
Десь мій мылый чернобривый зъ иншою ночуе.
Ночуй, ночуй, мій мыленькій, тай не просыпляйся,
А за мене молодую тай не забувайся,
Ой, якъ выйдешь на улыцю той не прызнавайся...
Ты не витеръ, ты не витеръ, а я не былына,
Не зводь зъ ума, разс...ъ с..., бо я не дытына.
Було мене зъ ума зводыть, якъ я була мала,
Доки я козацького звычаю не знала.
Теперь-же я козацьки вси звычаи знаю,—
Иде козакъ дорижкою то я й не займаю,
Одвернуся, засміюся, то я й не боюся...

№ 6.

Ой, яромъ яромъ холодна вода,
Холодна вода—дивка молода
По воду йшла на умывайнячко
Шовковый платокъ на обтырайнячко.
Пиду въ садокъ, зирву цвитокъ
Да зирву цвитокъ, зовью винокъ
Пущу на ставокъ.
Хто винка спійме—дивчину визьме.
Обизвавсь козакъ на сывимъ коню:
— „Я винка спойму, дивчыну визьму!"
Скочывъ я разъ—по колина вгрязъ.
Скочывъ другій—по поясочокъ,
Скочывъ трейтій—всплывъ волосочокъ.
— „Ой, кинь, ты мій кинь, не стой надо мной,
Бижи ты, кинь, пидъ батькивъ двиръ,
Не кажы ты, кинь, що я утопывсь,
Скажы, мій кинь, що я оженывсь.
Булы бояре зъ чорнои хмары,
А булы дружкы—ясніи зирки,
Була молода—холодна вода,
Холодна вода—дивка молода.

№ 7.

Оре козакъ нывку голубымы (?) воламы,
Не бачывъ дивчины зъ черными бровамы
Ой, прыорався козакъ до зеленого лугу,
Выпригъ сиры волы изъ новенького плугу,
Выпригъ сиры волы—погоняе до дому,
Самъ сидлае коня, коня вороного,
Самъ сидлае коня—поиздҗае до дому,
Чи не выйде дивчина, та до броду по воду.
Не выйшла дивчина, та выйшла іи маты,
Парню молодому та жалю завдаваты.
— „Ой, не плачь, козаче, та не плачь не журыся,
Выйды за ворота на челядь подывыся"!...
— „Ой, Боже мій, Боже, що та челядь поможе?
А вже трейтій вечирь, якъ дивчину бачывъ"...
Якъ побачылыся обое порадилы,
Ой, изъ тихъ радощивъ обое послабилы,
Померъ козакъ—дивка въ едную годыну,
— „Поховай насъ, маты, та въ едну доломыну,
Поставъ на насъ, маты, та хреста золотого,
Щобы люде дывылысь, що мы вирно любылись,
Ой, шобъ изгадалось, що мы вирно кохалысь.

№ 8.

Сюды гора, туды гора, помижъ тымы крутымы горамы сходыла зоря.
Тожъ не зоря, дивчина моя, зъ новенькими ведерцямы по воду йшла.
— „Дивчино-жъ моя, напій же коня, зъ рубленои крынычеңьки зъ повного ведра",
— „Якъ-бы я твоя—напоила-бъ два"...
— „Дивчино моя, сидай на коня, да поидемъ въ чисте поле до мого двора".
— „Въ тебе ни двора, въ тебе ни кола,
Тылько при долыни стоить кустъ калыны
Той та не цвила".
— „Булы земы лютіи морозы—прымороҗена...
Дивчино моя, чомъ замужъ нейшла?"
— „Була мала по дворахъ служыла, тымъ замужъ не йшла.
Козаченьку мій, зачимъ холостый?"
— „Службу служывъ, на войни я бувъ—
Затымъ холостой". Ср. тамъ-же стр. 107.

№ 9.

Ой, у поли крынычевька кругомъ неи травыченька,
Ой, тамъ козакъ коня важе, вороного до явора зеленого,
До явора зеленого до повода шолкового.

— „Пасысь, коню, по долыни, а я пиду до дивчины,
До дивчины Катерыны на пухови спать перыны“.
Чы спавъ не спавъ—пробудывся, выйшовъ на двиръ подывывся.
Нема коня вороного: одъ явора дзеленого одъ повода шелкового.
— „Пасысь, коню, дорогою широкою, долыною глыбокою.
На долыни огонь горыть, коло огню разбой сыдыть,
Разбой сыдыть коня держыть, а на коню дивка сыдыть,
Дивка сыдыть косу чеше гребинкою, прымочуе горилкою.

№ 10.

Ой, у поли нывка, а въ долыни слывка,
Тамъ дивчина жыто жала сама чернобрывка.
Жала вона жала, сила спочываты,
Ишовъ козакъ дорогою мусивъ шапочку зняты.
— „Ой, здорова, дивчинонько, тай поможы Боже!“
Вона стала й отказала, серденямъ назвала.
А вже тая слава по всему свиту стала,
Що дивчина козака серденямъ назвала.
А вже тая слава по всимъ городочку,
Що дивчина козакови вышила сорочку.
Ой, на ставу на ставу два човныка плавало,
Два човныка, а тры рыболовци.
Едынъ каже: дивчино! другій каже: рыбчино!
Трейтій каже: серденя! не пойдешь ты за меня?“
— „Ой, на щожъ ты пытаешь, що ты хаты не маешь?
Поставъ хату зъ лободы, а въ чужую не веды;
Чужа хата, чужій двиръ, а на мене поговиръ“...

Срав. тамъ же стр. 551.

№ 11.

Ой, похожено, ой, поброжено тай коло мого саду,
Походыла та побродыла та журавочка зъ дитьмы,
А за нею та журавличекъ тай ниженькамы дыбле.
Ой, пье козакъ горилочку, а шинкарочка сыпле.
Сыпле, сыпле тай налывае, а козакъ выпывае.
Стоить дивка та стоить красна та слезы пролывае.
— „Не плачь, дивко, та не плачь, красна, бо така твоя доля,
Полюбыла та козаченька, та до мисяца стоя“.
— „Ой, я жъ его та не любыла, полюбыла стара маты,
Полюбыла та прыказала, щобъ пьяныцю готуваты“...

Сравн. тамъ же стр. 52.

№ 12.

Пишовъ мылый яромъ-яромъ, а мылая бережкомъ,
Махнувъ мылый хустыною а мылая рукавомъ.
— „Прыйды, мылый чернобрывый, хоть цю ничку ночувать“...

— „Прыйду—прыйду, раздушенько, тылько зажды ты мене".
Шила—шила вышывала тонки—билы рукава,
Ждала—ждала не диждала, потушыла спать лягла.
Стучыть—гурчыть пидъ 'окошко разудаленькой идетъ.
— „Зачимъ-зачимъ, раздушенько, не гаждала ты мене?"
— „Зачимъ-зачимъ, розудалый, такъ не раненько идешь?"
— „Затимъ-затимъ, раздушенько, бо не времячко було,
Зъ нариченою женою у насъ руганьичко було".
— „Дуракъ, мылый, (2) дурна твоя голова,
Зъ нариченою жоною ругаешься за мене...
Зъ нариченою жоною треба вика дожывать
А зо мною молодою одну ничку ночувать".

№ 13.

— „Червона калына, чого въ лузи стоишь,
Чого въ лузи стоишь, чомъ не процвитаешь?
Чи суши боися, чи дощу бажаешь?"
— „Суши не боюся и дощу не бажаю,
Я въ лузи стою тай не процвитаю...
Зацвила-бъ я било—и вси люде знають,
Зацвила-бъ червоно—съ гилльемъ обламають".
— „Молода дивчыно, чого смутна ходышь,
Чи головка больна, чи въ свити не вольна?"
— „Головка не больна всему свиту вольна,
Тры ночки не спала, лыстоньки пысала,
До свого мылого на Вкраину слала"...
— „Пусты мене, маты, зъ Украины до дому"
— „Пыши лыстъ, дивчино, ой що маешь сына".
— „А якъ же винъ хлопець, то я ему й отець,
А якъ же дивчына—не мояяровына (?).

Срав. тамъ же, 343 стр.

№ 14.

Ой выйду я та на горушку, подывлюсь я въ долынушку,
На долыни все трава полягла,—куды гляну, все чужа сторона.
Ты—сторона, ты—сторонушка, ой тыжъ мени надокучила.
Ночи сплю чы я въ день ходячы, чужымъ людямъ дило роблячы
Ой пиду я въ чисте поле гулять, въ чистомъ поли два дубочка стоять,
На дубочкахъ два голубци сыдять.
— Вы, голубци, вы сывеньки, чы булы вы въ моїй сторони,
Ой, булы въ моїй сторони, чы бачылы оця й маменьку".
— „Ой, булы мы у твоїй сторони,
Мы бачылы оця й маменьку.
Батько въ корчми напывается
Маты въ дома сумлывается,

Що суботи прыбираеця,
Що недили сподываеця.
Вси сядуть тай обидаты—
Матинка край виконечка,
Чы не иде моя донечка"...

№ 15.

А вже мени докучыло цю роботу роботать,
А вже мени докучыло дрибны слезы прольвать,
А въ пьятныцю пьяна була, а въ суботу проспала,
А въ недилю, воскресный день, нельзя въ поли роботать,
Не сіяты, ни ораты, ни ярого жыта жаты.
Пойдемъ-пойдемъ, возлюбезна, въ вышневый садъ гулять,
Ой въ вышневому садочку соловеюшки поють.
Поють воны роспивають, на насъ люде говорять,
Все про тебе, все про мене, все про нашую любовь.
Любовь наша дорогая, до чого ты довела,
До людского поговору до большого сорома.
Тебе дивушку ругають, мене молодця бранять,
Тебе дивушку за дило, мене молодця—за що?
Що я вчора изъ вечора вырядывся хорошо,
На ту горушку крутую на той чистый на Капказъ,
Прощалася дивка зъ парнемъ, полялыся слезы.
— „Прощай, дивко, прощай, красна, прощай мылая моя,
Не забувай ты за мене, не забуду за тебя"...

№ 16.

Зацвила въ лузи лоза, голубы наши глаза
На билый свитъ не смотрять, про любощи говорять.
Любовь наша дорога, жизнь розлука тяжела...
Дивчонушка молода, на крылечку стояла.
Соловейка благала:
— „Соловейко рябенькій, въ тебе голосъ тоненькій,
Ой, сядь соби на окни защебечешь ты мени.
Бо я въ чужій сторони—нема роду пры мени,
Нема роду ни оця, нема кому журыця,
Нема роду ни матери, нема мени порадку,
Нема роду, ни брата—все чужина проклята,
Нема роду ни сестры, нема кому провесты,
Нема роду-родыны, ни малои дытыны,
Вона-бъ мене провела, дориженьку промыла,
Слезоньками й облыла"...

№ 17

Тыхо-стыха Дунай воду несе
Ще тыхійше дивка косу чеше.
Що начеше, то на Дунай пусте.

— „Плывы, косо, надъ берегамы,
А я пиду темными лугамы!
Ой, у лузи явиръ зелененькій,
Пидъ яворомъ коныкъ вороненькій,
На коныку хлопець молоденькій.
Сыдыть-же винъ на скрыпочку грае,
Струна струни зъ-тыха промовляе:
Нема краю тыхому Дунаю,
Нема спыну удовыному сыну:
Извивъ зъ ума молоду дивчину.
А якъ извивъ же на коныка сивши,
Прощай-прощай, молода дивчына!
Теперъ же я й не боюся,
Де поиду, то тамъ оженюся,
Назадъ до тебе не вернуся,
Де поиду, то я возьму дивку,
Мени, парню, прышыють квитку,
А тоби, лярво, накинуть намитку".
— „Якъ накинуть той буду носыты,
Тебе дурня не стану просыты".
— „Мени, парню, музыка заграе,
Тоби, шельмо, бабы засципають.

Ср. тамъ же, стр. 275, 342 и 411.

№ 18.

Ой, гай, маты, гай зелененькій,
Помандрувавъ на Вкраину козакъ молоденькій;
Ой, якъ мандрувавъ тай шапочку знявъ,
Нызенько склонывся:
— „Прощай-прощай вся громада,
Може зъ кимъ сварывся?
Не сварывся, може зъ кимъ бранывся?"
Выйшовъ на двиръ, на бытый шляхъ,
Слизонькамы вмывся.
— „Не жаль мени дориженьки, що закурылася.
Ой, жаль мени дивчиноньки, що зажурылася.
Не журыся, дивчинонько, що й я не журюся;
Кинь вороный, самъ молодый, то я й выслужуся!"

Срав. тамъ же, стр. 110.

№ 19.

А въ городи, а въ городи кедрына стояла,
А на тій кедрыноньци зозуля кувала.
Тожъ вона не кувала, щыру правду казала,

Якъ маты свого сына въ війско выряжала.
Летивъ пивень черезъ ричку тай сказавъ: кукарику!
Не сподивайся, маты, сына та зъ війска до вику!
— „Иды, сыну, иды, сыну, тай за рыдны браты,
Дадуть тоби, мій сыночку, государське платя“.
— „Луче буду, моя маты, круту гору копаты,
Якъ государськее биле платя браты.
Круту гору копаючи сяду й одпочыну,
Государське биле платя—тай на викъ загыну,—
Прымы, маты, дивчыноньку за ридную дытыну“.
— „Не тая, мій сыночку, годына настала,
Щобы чужая дытынонька за ридную стала!“

№ 20.

Въ саду вышня зъ пидъ кореня выйшла,
Не журыся дивчиновька, що я й не женывся.
Продай, моя маты, коня вороного,
Жены мене, маты, парня молодого.
— „Ой, не треба, сыну, коня продаваты,
Пыше чорне по билому—пидешь у салдаты!“
— „Нехай пышуть-пышуть, то я й не боюся,
Кинь вороный самъ молодый, то я й выслужуса“.
Ой, на гори ячминь, а въ долыни жыто,
Пидъ билою березою козаченька вбыто.
Ой убыто-вбыто затягнуто въ жыто,
Червонымъ шовкомъ кытайкою оченьки покрыто.
Прылитае Галя зъ зеленого гаю
Пидняла кытаечку тай поцилована;
Прылитае друга зъ темного луга:
— „Ой, Боже-жъ мій мылосердный, нема мого друга!“
Прылитае трейтя зъ новои хаты:
— „Було тоби, сукинъ сынъ, насъ трехъ не кохаты,
Насъ трехъ не любыты,—
Теперъ будешь, сукинъ сынъ, въ сирій земли гныты...
Идная кохала, а друга любыла
Трейтяя чорнявая чары готувала.
Летила зозуля черезъ садъ колючій,
Ишовъ козакъ отъ дивчины заплакавшы дуже.
Прыходыть до дому не каже никому,
Сивъ соби кинецъ стола на руки схилывся...
Его ридна маты по хаты ходыть
Билы ручки ломыть.
— „Чы ты, сыну спывся, чы ты зажурывся?
Чы одъ теи чернявои чарынькивъ напывся.
— „Я, мамо, не спывся, ой не зажурывся,

Я одъ теи чорнявои чарынькивъ напывся".
Иде товарыщъ, кличе косыты.—
— „Иды-иды, товарыщу! Я не можу рукъ носыты!..

№ 21.

Ой въ саду, въ саду тамъ жыла юдова,
Ой у тей вдовы славна дочь хороша.
Вона выходыла за новы ворота,
Вона выводыла ворона коня,
Вона наповала зъ повного ведра.
Кинь воды не пье, въ сыру землю бье.
— „Ой, коню, мій коню, чого воды не пьешь?
— Не по правди, мылый, ты зо мной жывешь,
Зъ чужымы мылымы медъ-горилку пьешь.
Прыде вечеръ темный—самъ до иншои идешь,
По чотыри кварты медъ-горилку несешь,
Мени, молодои, голосочокъ шлешь:
Всады, мыла, та черешнямы двиръ
Ой, щобъ не заходывъ голосочокъ мій!
Всадыла мыла половыну двора:
Теперъ-же ты не мій, а я не твоя!
Ой, брешешь ты, мыла, не правда твоя,
Бо зъ тобою, мыла, прысяга була.
Стелы, мыла, та кытайкою двиръ,
Щобъ кинь не помаравъ золотыхъ пидковъ!
Бодай же ты, мылый, та цего не диждавъ,
Щобъ мою кытайку пидъ ноги топтавъ!

№ 22.

Зійшовъ мисяць зъ зарею, дивчина въ садъ пишла,
Дожыдалась нелюба—не дождалась пишла.
— „Ой, ты нелюбо, ты—невиро, насміявся надо мной,
Насміявся надо мной, надъ моею головой.
Пиду—впадаю отцю въ ноги, тай начну его просыть,
То винъ скаже шлюбу взяты по закону будемъ жыть".
Козакъ цего не послухавъ, сивъ на коня поихавъ,
А дивчына зъ того горя, тай по водоньку пишла.
Въ этой часъ, часъ годыну, упавъ козакъ изъ коня.
Якъ гадына зъ-пидъ каминя—кругомъ серця обняла.
Дивчына зъ того горя утопылася вона.
Якъ зибрався судъ нимецкій надъ козакомъ Тарасомъ,
Нихто того не довирывъ—де дивчына зъ козакомъ.

№ 23.

На крылечко выходыла зустрялася зъ дружкомъ,
Взяла дружка за рученьку, да й повела въ свои покои.
Усадыла на кровати, тай начала цилуваты,

Циловала, мыловала свого вирного дружка.
Дружокъ мылый чернобрывый разкрасавчикъ дорогой
Зачимъ ходышь до другои, выхваляеся ты мной,
Моей русою косой?
Коса моя русявая, до чого ты довела?
До людского поговора, до большого сорома!

№ 24.

Ой у поли озеречко
Тамъ плавало ведеречко
Трое сутокъ изъ водою,
Выйды, дивчино, выйды, рыбчыно
Поговорымо зъ тобою!
— „Якъ мени выходыты,
Зъ тобой серце говорыты,
Лежыть нелюба на правой руци
Та боюся разбудыты".
— „Ой, дивчына, моя люба, откажытся отъ нелюба,
Буду стриляты, буду лучаты зъ-пидъ зеленого дуба".
— „Ой ты, козакъ молоденькій, не лучы его,
Бо ты его тай не влучишь,
Тилько нашу жызнь розлучышь!"
Козакъ коныка сидлае
До коныка промовляе:
— „Рысю, мій коню, рысю, вороный, ажъ до тыхого Дунаю,
Узля тыхого Дунаю стану—гляну подумаю:
Чы мени утопыться, чы зъ коныка убыться,
Чы назадъ мни воротыться?
Я зъ коныка не вбьюся
Въ быстрой ричушки втоплюся...
Прымы тило гришную душу,
Выкинь косточки на сушу!"
Ой тамъ дивчына ходыла
Жовтой косточкы збирала, (2)
До серденька прыжымала.

№ 25.

Ой ничь моя, ты темная,
Кровать ты тесовая!
Надъ тобою ночь простояла
А другую пересѣдила,
Сама соби худо здѣлала
Свого нелюбчыка просячы:
— „Прошу тебе, мій нелюбчыку,
Прошу тебе не прогниваця,
Мнѣ за тебе нэ схотилося,

Схотилося мнѣ за иншого,
За иншого за чернявого
За молодчыка удалого!"

№ 26.

Тоненька лещиноньќа на гай подалася,
Молодая дивчыноньќа въ козака вдалася;
Яки очы, таќы брови, така й голивонька,
Якъ зійдеця зъ козаченькомъ, люба розмовонька.
Прочиняю кватырочку—дивчына гуляе,—
Ой, радъ бы я зачыныты, мене маты лае.
— „Не зачыпай, мій сыночку, не твоя буде,
Ты поидешь на Вкраину, щей на Вкраиночку,
Визьмуть іи добры люде за ридную дочку".
— „Не такая моя, маты, годына настала,
Щобъ чужая дытыноньќа за ридную стала".
— „Лугомъ иду, коня веду—розвывайся луже,
Сватай мене, козаченько,—люблю тебе дуже".
— „Ой хочь сватай, хочь не сватай, не виддаеть маты".
— „Росты, коса, до пояса, я буду гуляты.
Що гуляла то гуляла—маты не спыныла,
Теперъ мене прыпыныла лыхая годына.
Що гуляла то гуляла, ой гуляла вельмы,
Я прыбыла гуляньячко дубовымы дверьмы.
Не вирь, пава, павукови, що пирьячко губыть,
Не вирь, дивко, козакови, що винъ тебе любыть.
Павукъ пирьячко погубыть, друге наростае,
Козакъ дивку одну любыть, а другу кохае.
Не вирь, дивко, козакови, якъ тому собаци,
Бо собака якъ укусыть, то найдуця лики,—
Козакъ дивку зъ ума зведе, неслава на вики.

Ср. тамъ же стр. 115, 409.

№ 27.

Горе-горе горуваньичко мое,
Потеряла все здоровьечко свое,
Изъ невирнымъ чоловикомъ жывучи,
Тонку билу постеленьку стелючи.
— „Постель моя тонка била пухова,
Зъ кимъ я буду ночуваты молода?
Ой пиду я до сусидочки-вогню,
Тамъ я свого мыленького дослижу.
Ой мій мылый у сусидочки сыдыть,
Сусидочку за билу ручку держыть
А на мене неславоньку говорыть".

— „Чувъ я, мыла, неславоньку на тебе:
Ходять-ходять кавалеры до тебе,
Носять-носять медъ горилку для тебе“...
— „Достережешь, мій мыленькій, цюю ничь,
Знимешъ мени голивоньку зъ билыхъ плечь“.
— „На що, мыла, голивоньку зниматы,
Можно мылу по лычевьку пизнаты!“

№ 28.

Ой пиду я по надъ лугомъ—
Тамъ мылый оре плугомъ
Ой винъ оре, а я плачу,
Слезы свои марно трачу
Ой оре волыкамы,
А я плачу слизоньками,
Винъ оре чуже поле,
А мени зъ нымъ жыты горе,
Понесу я ему йисты.
Чы не скаже мени систы,
Понесу я ему пыты,
Чы не буде говорыты.
Винъ наився, винъ напывся
И на рылю похылывся.
— „Чого лежышь, чомъ не орешь,
Чомъ до мене не говорышь?“
— „А я лежу тай думаю:
Не до мысли жинку маю!“
— „Якій тоби дидько вынень,
Що ты гарный чорнобрывый,
А я руда родылася,
Чернявому судылася.
А я руда прыберуся,
На чорнявыхъ не дывлюся.

№ 29.

Стоить явиръ надъ водою, въ воду похылывся—
Стоить козакъ у неволи, горько зажурывся.
Не хылыся, явороньку, вже-жъ ты зелененькій,
Не журыся, козаченьку, щежъ ты молоденькій.
— „Якъ-же жъ мени не хылытысь—вода корень мые,
О якъ-же жъ мени не журытысь—само серце мліе.
Чортивъ (?) парывъ твою матирь зъ твоею дочкою,
Затопыла, закурыла сырымы дровамы.
Горить-горить, сыры дрова, бо залью водою,
Не втишайтесь вориженьки зъ своею бидою...

Сравн. тамъ-же 421, 319 и 454.

№ 30.

За горою кремяною теренъ процвитае,
Сыдыть голубъ на дубочку, голубка литае.
— Годи тоби, голубоньку, высоко литаты,
Ходы, сядь коло мене, щось маю казаты,
Ходы, сядь коло мене, щось я тоби скажу,
Чы ты мене вирно любышъ, чы твоя родына".
— „Ой, я тебе вирно люблю, а за ридъ не знаю...
За ричкою, за быстрою тамъ я жыты маю,
За ричкою, за быстрою тамъ я буду жыты,
Найду мылу кращу тебе тай буду любыты"...

Сравн. тамъ-же 254.

№ 31.

За дворомъ, за дворомъ новенькимъ
Тамъ дивчына брала ленъ.
Брала-жъ вона, брала,
Всю долыну стелыла—
Нема мого парня молодого,
Которого любыла.
Полюбыла парня молодого,
Черны кучеры вьются—
Зъ мене люде сміются,
Ой, на того молодого вже кайданы куются.
Щей кайданы ой да не скувалы,
Взялы парня звязалы,
Тай повелы парня молодого,
Все бытымы шляхамы.
За нымъ, за нымъ его товарыщи воронымы конямы.
Стоитъ дивка у новыхъ воротяхъ, умывается слезамы,
Сыдитъ козакъ на воронимъ кони, розважае словамы:
— Не плачь, дивка, не плачь, красна, не буть мени зъ тобою,
Не буть мени твоимъ мужемъ, а ты моей жоною.

№ 32.

Чого козакъ зажурывся—
Що молодымъ оженывся?
Не до мысли жинку взявъ,
А я зъ нею жыть не ставъ.
Пиду съ горя служыты,
Абы зъ нею жыты,
Пиду зъ горя водкы пыть
Абы зъ нею викъ не жыть!
Его мыла почула

Тай на лавци заснула.
Прыйшовъ мылый у ранци,
Заставъ мылу на лавци,—
Накрывъ рукы полотномъ,
За шапочку тай пишовъ.
Пишовъ же винъ на лужокъ,
Сыдыть дивушокъ кружокъ.
Увси писеньку поють,
Тылько одна не пое,
На серденько туга е:
То жиночына сестра.
Заплакала тай пишла,
Ажъ до ридного отця.
— „Ой ты, отець, батьку нашъ,
На юлыци е зять нашъ".
— „Нехай, доню, гуляе
Господь его скарае,
Ще й за мою дытыну,
Що винъ іи покынувъ"...

№ 33.

Выйду я за ворота—калюжа—болото...
Выйду я за други—травка зеленіе.
На козака неславонька: робыты не вміе,
Якъ робыты—не прыбыты, жаты не нагнется...
Прыде ничка осиняя—до дивчыны шлется.
— „Ой хочь шлыся, не шлыся, хочь на рикъ наймыся,
Якъ не маешь пары воливъ, той не оженышся,
Пару воливъ, пару коней, четыре коровы,
Не смыкайся до чорныхъ бривъ й до шытыхъ рукавивъ"...
— „Чомъ ты мени, молодому, раньше не казала,
Якъ одъ мене молодого гостынчыкы брала?"
— „Дуракъ дававъ (2), я розумна брала,
Теперъ зима, кыслыць нема, щобъ оддавала.
Пожды, дуракъ, до осени, якъ вродять кыслыци,—
Куплю мирку за копійку оддамъ за гостынця.
Куплю мирку за два грошы—
Любылысь хорошы.

№ 34.

На яръ-море ой да схылылася,
Зачимъ дивка ой да зажурылася:
Що одъ роду одбылася,
Що одъ роду ой да одъ родыны?
Да горе жыты ой да на чужыни,

На чужыни ой да горе жыты,
Та ни до кого ой да говорыты.
Ходять козакъ ой да коло двора
Та зводыть дивку ой да изъ розуму.
— „Не я іи ой да зъ ума звожу,
Та звела іи темна ночка,
Солодкій медъ ой да горилочка"...
— „Ой, теперь я не дивочка—
Молодая покрыточка,
Да нема стричокъ ой да ни виночка,
На головци ой да хустыночка,
А на рученькахъ ой да дытыночка,
А за плечыма ой да колысочка.

№ 35

По улыци метелыця мела,
Выйшла Маша за новыи ворота...
Чого у Маши тай замараны глаза,
Чого у Маши тай распущена коса?
Была Машу ридна маты—не чужа,
Щобы Маша на юлыцю не пишла
Ой щобъ Маша и Ванюшы не найшла.
— „Якъ ходыла на юлыцю, такъ пійду,
Якъ любыла Иванюшу, такъ люблю".
Якъ я думала, що любощи мылый духъ,—
Не сходытся ни спидныця, ни фартухъ
Я думала, що любощи прыйдуть такъ,
А теперъ знають люде—пипъ и дякъ.
Я думала, що любощи мынуются
А теперъ зъ насъ люды сміются.

№ 36.

Ой тамъ сыротына по полю блукае,
Пшеныченьку поле та кукиль выбырае,
Та назадъ себе (или—все на межу) брсзае.
Ой тамъ козаченько коня напувае
Дивку помовляе:
— „Покинь, дивчинонько, кукиль выбираты,
Стелы билу постель, та полягаемъ спаты".
— „Ой боюсь я, козаче, щобъ неславы достаты,
Боюсь я тебе, щобъ не зрадывъ ты мене".
— „Ой не бійся, дивчыно, ой не бійся ты того,
Козакъ молоденькій не зрадывъ никого".
Дивчына послухала, тай лягла тай заснула,
Козакъ іи зрадывъ, що дивчына и не чула.

Сивъ тай поихавъ на чужу границю.
— „Ой, коню мій коню, та зрадывъ я дивыцю,
Мене оштрафують, тебе оцинують,
Молодій дивчыни за ничку подарують

№ 37.

Пивночный витеръ віе—на юлыцю не йду,
Не смію вамъ сознатся, кого вирно люблю.
Булы у мене папаша-мамашенька ридной,
Купывъ мени папаша гостынчыкъ дорогой:
Колечко золотое, букетыкъ рожовій!
Колечко распалося, букетыкъ изовьявъ,
Чого-жъ ты, мой другъ мылый, такій невирный ставъ.
Ишовъ скризь мой дворочокъ тай здрастуй не сказавъ,
По прежней любови мени ручкы не подавъ?

№ 38.

По пидъ садомъ-садомъ трава полигла'.
Я по етій травци не нахожуся,
Кого вирно люблю—не надывлюся.
Ой бачу я, выджу мылую свою,
Ходыть гуляе въ зеленомъ саду.
Щыпае-зрывае повную рожу,
Кидае-бросае мылому на ложу.
Щыпае-зрывае въ сей садъ выноградъ,
Кыдае-бросае мылому на кровать.
— „Прыду, мылый, ничку ночувать,
Я тебе впущу не знатыме мать“.
Якъ впускала, той маты не знала,
А якъ выпускала, плакала рыдала,
Плакала, рыдала, биле лычко цилована.

№ 39.

Ой спывся козакъ, спывся—той зъ дориженьки збывся.
Козакъ молоденькій тяжко зажурывся.
— „Тай, коню мій, коню вороненькій,
Порадь мене, коню, ой бо я молоденькій!“
— „Ой, пане жъ мій пане, да пане молоденькій,
На щожъ тебе радыть, якъ ты самъ добре знаешь.
Клады жъ ты сиделечко та сидай на мене,
Та поидемъ въ чысте поле.
У чыстимъ поли при тыхимъ роздоли
Ой тамъ дивчынонька та пшеныченьку поле,
Ой поле жъ вона, поле, та кукиль выбирае
Кукиль выбирае та на межу бросае.

— „Ты покинь, дивка, тай пшеныцю полоты,
Стелы билу постель та лягай зо мной спаты".
Ой лягла дивка тай заснула,
Козакъ извивъ дивку, вона й не почула.
— „Ой вставай, дивчына, та вставай раненько
Да умывайся биленько,
Щобъ маты не узнала,
Що ты зъ лыченька спала".

№ 40.

Марусенько серденько, позволь ночку ночувать?"
— „Панъ пryде—буде знать!"
Марусенько заснула, панъ прінхавъ, вона й не чула.
— „Марусенько серденько, що то за зброя на столи?"
— „Кажу тоби, мій пане, чорноморци гуляли (2)
Зъ коня зброю скидалы"...
— „Марусенько серденько, що за зброя на столи?"
— „Кажу тоби, мій пане,—черноморци гулялы
Зъ коня зброю програлы".
— „Марусенько серденько, що за старецъ у лижку?"
— „Кажу тоби, мій пане, слипый-крывый, щей безногій".
— „Марусенько серденько, треба его нагрaдыть,
Срибломъ-злотомъ подарыть
На дорожку спровадыть"...

Срав. тамъ же, стр. 670.

№ 41.

Ой зъ горы буйный витеръ віе—
Тамъ мій мылый пшеныченьку сіе.
Ой разсіявъ пшеныченьку ризно,
Ой прыйихавъ до домоньку пизно,
Ой раскыдавъ билу постельку ризно.
— „Ой чого жъ ты, мылый, разизлывся,
Чы я жъ вынна, що ты опизнывся?
Чы на свого коня вороного?
Чы на свого послужка вирного?
Чы на свою дритяну ногайку?
Чы на свою неньку стареньку?
Чы на мене, мылу молоденьку?"
— „Ни на свого коня вороного,
Ни на свого послужка вирного,
Ни на свою дротяну ногайку,
Ни на свою тай неньку стареньку,
Ой на тебе, мыла, молоденьку.
Ой ты маты, порядныця въ хати,

Порадь мене, якъ мылу караты?“
— „Бия і, сыну, на ярмарокъ пишкы,
Купы, сыну ременныи вижкы,
Звяжешь мылый ручкы и нижкы.
Купы, сыну, дритяну ногайку,
Тай убый мылу, якъ черную галку“.
Изъ вечора ногайка шумила,
А до свиту мылая околила.
— „Ой ты, маты порадныця въ хати,
Порадыла, якъ мылу караты,
Теперь порадь, якъ мылую сховаты?“
— „Зирвы, сыну, зъ коморы стелыну,
Та зробы мылый домовыну,
Визьмы, сыну, дубовую дошку,
Та сховаешь чужую дочку.
Визьмы, сыну, рябую кобылу,
Та вывеземъ на яръ на могылу“...
За мылой батько-маты плаче,
А за мылымъ чорный воронъ кряче;
За мылой уси дзвоны ревуть,
А мылого у кайданы беруть,
За мылой браты та сестрыци,
А за мылымъ вовки та лысыци..

№ 42. А.

1 Затопыла въ новій хати сырымы дровамы,
2 Горе жыты на чужыни помижъ ворогамы...
3 Горыть, сыры дрова, бо залью водою,
4 Не втишайтесь вориженьки моею бидою.
5 Горилы сыры дрова, тай попелилы,
6 Говорылы вориженьки, тай понимилы.
7 Пишовъ мылый до дивчыны: Добрый вечеръ, серце!“
8 Вона стала й одказала: „зарижъ жинку перше!“
9 Прійшовъ мылый до домоньку ставъ ножа гострыты,
10 — „Уже тоби, моя мыла, на свити не жыты!“
11 — „Зажды, мылый, хочь годыну,
12 Покинь нагодую малую дытыну!“
13 — „Тоди будешь, моя мыла, дытя, годуваты,
14 Якъ я пиду до Дунаю ножа полоскаты!
15 Пишовъ мылый до Дунаю ножа полоскаты.
16 А сусиды, добры люде, далы неньцы знаты.
17 — „Кидай, ненько старенько, биле платя праты,
18 Та йды дочку-едыныцю на смерть наряжаты“.
19 Тилько маты старенькая хату прочыныла:
20 — „Дочка жъ моя едыныця, щось ты провыныла,

21 Що ты свою голивоньку на нижъ изсадыла?"
22 — „Не знаю, моя маты, якъ ты порадыла,
Такъ не знаю моя маты, що я провынныла

Б.

1 Затопыла-закурыла сырыми дровами
2 Б=2 А.
3 Якъ я жыва буду, все це перебуду
4 Проклятымъ вориженькамъ корыться не буду
5 Б=7 А. Пишовъ
8 ... мылу першу!
9 Прыходыть до домоньку...
10 Его мыла догадалась тай стала просыты:
11 Зажды мылый голубъ сывый, покиль же я нагодую...
12 ... голубка сыва...
13 Б=13 А, 14 Б.=14 А.
15 Сусидочкы... матери...
16 ... кыдай, ридна маты,...
17 Пойды
18 Бижыть маты тай голосыть
19 — „Доню жъ моя мыла... злого...
20 Що кривлею червоною всю свитлоньку злыла".
21 Якъ... на свитъ...
22 Б.=22 А.
23 — „Зятю-зятю, скурвый сыну! Дочку поховаты,
24 Тебе, затю скурвый сыну, въ кайданы закуваты!"

№ 43.

Не сіяла не орала—само жыто родыть,
Якуба не чаровала—самъ до себе ходыть.
Прійшовъ Якубъ пидъ виконечко, ниженькою тупъ-тупъ!
„Выйды-выйды, серце удивонько, бо я вже тутъ-тутъ.
— „Не выйду, серце Якубе, не прочиню хаты,
Бый свою перше жинку, тоди буду одчыняты".
— „Навчы-навчы, серце-удивонько, якъ жинку вбываты?"
— „Пиды, серцю-Якубцю, до корчемкы горилкы напыйся,
Прыйды до дому коло жинки заходыся,
Пидкоты іи пидъ прыпечокъ, той скажуть, щой учадила"...
Вытягны іи въ сины, то скажуть, що й зомлила...
— „Не жаль мени, серце Якубцю, що я вродлыва,
Жаль мени, що дивчына нещаслыва,
Не жаль мени, що я молоденька,
Жаль мени, серце Якубцю, що дытына маленька".,.

№ 44.

Вси люде жыта сіють
И у всихъ людей зеленіе

Тылько одна нива чорна,
Що сіяла бидна вдова,
Ой сіяла, волочыла,
Слизонькамы прымочыла.
— „Ой, брате-соколоньку,
Прымы мене на зимоньку!“
— „Ой, сестрыце перепилко,
Скажы мени—дитей скилько?“
— „Ой братику-соколоньку,
Въ мене дитей тылько двойко,
Якъ ты сядешь обидаты,
То я пиду зъ дитьмы зъ хаты“.
Ой сивъ дядько обидае,
Слеза-слезу побывае,
Думка-думку заношае.
Дядько плаче—бо родына,
А дядына якъ гадына.
Закы дядько пообидавъ,
Диты батька одвидалы...
— „Вставай, тато, вставай зъ гробу,
Горе намъ жыть коло роду.
Вставай, тату, вставай зъ ямы,
Горе жыть нашой мами“.
— „Клычъ, сестро, диты въ хату, посады ихъ у куточку,
Дай имъ йисты въ черепочку!“

№ 45.

Ой зъ пидъ горкы зъ пидъ кругои билый снижокъ пролитавъ,—
Тамъ мій мылый зъ коня впавъ:
Упавъ же винъ тай лежыть,
Заки мыла прыбижыть.
Бижыть мыла тай плаче:
— „Вставай, серце козаче,
Вставай, серце, не лежы,
Сидлай коня, тай бижы (2)
Ажъ до нового двора.
У новому двори случылася новына:
Мала вдова два сына: Иванюшу й Васыля,
Та въ кытайку сповыла и въ корабель вложыла,
Тай на Дунай пустыла,
Ой, ты, тыхенькій Дунай!
Моихъ дитокъ не займай
Поколышы и погойдай.
Ой ты, жовтый писочокъ,
Гляды моихъ диточокъ!

Ты, сухій очеретъ,
Вары дитямъ вечерять!
Ты, зелена осока,
Давай дитямъ молока..
Въ 21 году пишла вдова по воду;
Стала вдова воду браты
Ставъ корабель прыплываты.
Ой у тому корабли
Тамъ сыдило два парни,
Сыдять воны пры часахъ
Чешуть воны волоса.
— „Дывысь, братци, наша маты,
Треба іи роспытаты!"
Еденъ сыдыть, читае,
Другый сыдыть пытае:
— „Ой ты вдова молода,
Чы пойдешь ты за меня?"
— За едного сама йду,
За другого дочь даю".
— „Ой ты вдова молода
Глупа твоя голова,
Ты за сына сама йдешь
За другого дочь даешь!"

№ 46.

Сестра брату хустку вышывае,
Та слизоньки пролывае.
— „Ой чого жь ты, сестро, плачешь,
Чы ты зъ мене платы хочешь?"
— „Я зъ тебе платы не хочу,
Тылько хочу одвидаты,
Хочь не тебе, то дитокъ твоихъ
Бо не маю зъ роду своихъ".
— „Прыидь-прыидь, сестро, въ гости!"
Сестра брата послухала,
Тай пойихала въ гости.
Пріиздже до брата...
Братъ квартырку прочыняе,
До жинкы промовляе:
— „Ховай хлибъ и силь зъ стола:
Пріихала сестра въ гости".
Скоро цее сестра учула
Назадъ кони завернула.
— „Ой стой, братику, не лякайся
Хлибомъ силью не ховайся;

Я до тебе не пріихала йисты и пыты.
Тылько пріихала одвидаты,
Хочь не тебе,—дитокъ твоихъ,
Бо не мае зъ роду своихъ.
Една насъ маты родыла,
Да не еднымъ насъ щастемъ дилыла:
Тоби, браци, панування,
А мени—горування.
Тоби, браци, йисты—пыты,
А мени слезы лыты.
Хоть я, браци, на помости,
Есть у мене хлибъ у вози,
Хочь я, браци, у гостыны,
Есть у мене хлибъ въ хустыни".

№ 47.

Ходывъ чумакъ тай ходывъ бурлакъ
Симъ годъ по Крыму
Тай не случылось ему прычыноньки
Одъ роду его.
Случылась ему прычыпонька
Изъ Крыму йдучы:
Сиры волы край дороги насючы,—
Уси волы, ой—да похромилы,
Чумакъ боленъ ставъ,
Болять ручкы, ой—да болять нижкы, болыть голова.
— „Боже-Боже мій едыный, все чужа сторона,
Остается жынка молода, дитокъ дробына".

№ 48.

Славный городъ е въ Россеи
Тамъ яснюшкы пьють гуляють,
Тамъ рыболовци збираются
Збираются рыболовци, славны молодци.
— „Будемъ Богу молыться,
Щобъ намъ пара все пиднялась.
Зъ Мыхаиломъ разчытались.
Прощай-прощай Мыхаилъ,
Щей ты ричушка все быстрая,
„Ще дивка молодая
И травка зеленая!"...

№ 49.

Ой ишлы-жъ бо мы йшлы
Дунай рѣчушку прошлы.
— „Здрастуй, рѣчушка широка,

Мы прышлы къ тебѣ зъ востока!
Здрастуй рѣчушки конець
И ридна матушка отець,
Щей ты вирная жова!
Какъ ты дома прожыла?"
— „Ой жыла я зъ козакамы,
Нажыла деньги зъ быкамы;
Жыла я зъ москалямы,
Пропыла деньги зъ быкамы"..

№ 50.

Ой ходывъ донець симъ годъ по Дону,
А на восьмий годъ самъ дѝ дому йшовъ.
Обняла ночка ой—да возли лисочка,
Прывязавъ коня возли явора,
А самъ лигъ спать возли кориня.
Прылетае къ ему зміл лютая.
— „Ой чы спышь, донець, чы такъ лежышь?
Твоя маты ридна померла,
Жена молода замужъ пишла,
Сыны-соколы поразгоныла,
Кони вороны пораспродала"...

№ 51.

Ой у поли корчомочка,
Коло корчомочкы тополечка;
Ой тамъ козакъ напывався...
Конь зъ орломъ такъ закладався:
Одъ корчомкы до могылы
Симъ сотъ верстовъ щей чотыре;
Конь каже, що я швыдче!
Орелъ каже, що я швыдче!"
Ой кинь бижыть, ажъ земля дрижыть.
А орелъ летыть, ажъ гай шумыть.
Ой, кинь бижыть ниженькамы,
А орелъ летыть крылечкамы.
Прыбигъ кинь та до могылы,
Ой ждавъ орла тры годыны.
На четверту тай поступае,
А орелъ зъ гаю вылитае.
— „Дежъ ты орле тай забарывся,
Що до могылы опизнывся?"
— „Ой я въ гаю дитей маю,
Думавъ ихъ одвидаю...
Налетилы галенята
Та пощыпалы дитынята:
Одно...

№ 52.

Ой ты Катерына, купецькая дочь,
Десь ты прогуляла свою темну ночь?
Прыходыть до дому свитомъ о пивночь,
Ложылась спаты на свою кровать.
Прыходыть до неи іи ридна мать.
— „Вставай, Катерыно, годи тоби спать:
Пошлы пароходы—ихъ вже й не выдать:
На сынему мори сталы спочываты
Тебе, Катюша, сталы й ожыдаты!"
Шла Катерына крутымъ бережкомъ,
Выйняла зъ кармана шовковый платокъ,
Кивала-моргала тай на пароходъ...
— „Гдѣ жъ ты, Катерына забарылась,
На пароходъ опизнылась?"
— „Изъ отцемъ изъ маткою раскланылась (?),
Тай на пароходъ опизнылась!"
— „Тебе, Катерына, ни родная мать
Ой шо не хотила соби зятя мать!"...

№ 53.

— „Не бойсь, козакъ Нечай, зеленого гаю!"
— „А я хочу зъ кумасею медъ-выно кружаю!"
— „Не бойсь, козакъ Нечай, дубовои хаты,
Ой идуть ляшкы 40,000 хотять тебе взяты!..
— „О тожъ мени, пане брате, все то не до мысли,
Я хочу зъ кумасею щуку рыбу зъисты!"
Выйихавъ козакъ Нечай зъ-за крутой горы,
Оглянется позадъ себе: горы жъ мои, горы!
Оглянется жъ козакъ Нечай на правую руку:
Не выскочыть кинь козацькій изъ лядского трупу.
Оглянется козакъ Нечай на ливое плечо,
За нымъ за нымъ кривъ червона такъ якъ Дунай тече!
Ой якъ выйнявъ грапъ Потоцкій гостру шабелыну,
Покотылась Нечаева голивка у долыну...
За часъ, за два, за годыну сталы судъ збыраты,
Ой дежъ цюю Нечаеву голивку сховаты?
— „Поховаемъ, пане брате, де хата новая!
Пущай пойдеть по всему свиту Нечаева слава"..

№ 54.

За Сибиромъ сонце сходыть... Хлопци, не зивайте,
И на мене, Кармелюка, всю надію майте!
Кармелюка—добрый хлопець: винъ по свити ходыть,
Не едную дивчыноньку зъ розума зводыть.

Винъ богатыхъ обижае, вбогыхъ надиляе,
Винъ соби хорошеньку дивчыноньку мае.
Ны едную дивчыноньку, ны едную вдову
Чернявую билолыцю та щей черноброву.

Сравн. тамъ же, стр. 412.

№ 55.

Ой пиду я до млына до дырявого,
Клыкаты вечеряты кучерявого.
Пиду я до млына до новенького.
Клыкаты вечеряты молоденького.
Ой пиду я до млына клыкаты Омелька,
Щобъ мени що порадывъ, щобъ була тоненька,
— „Я тоби не батько, ты мени не маты,
Якъ ты хтила тонка буть—було не даваты“.
Ой не стій пидъ викномъ, не ворочайся,
Скыдай шапку, иды въ хату не соромляйся.
Маты въ хати ночуе, усю правдоньку чуе;
Прыды-прыды, прехорошій, зкинь чоботы — прыды босий,
Щобъ пидковкы не бразчалы, щобъ собакы не гарчалы.
Ой лынь та карась: чого свыта надулась?
Нехай мене гарный любыть, а поганому—засы!

№ 56.

Зъ запада на востокъ
Стоявъ монастырь высокъ.
Ой въ тимъ монастыри,
Тры монахи жылы,
Тры жыло, два было, тры спасалося,
По тры разы каждый день напывалыся.
На утреню рано дзвонять—монахъ у трахтырь идеть,
Свою рясу заставляеть, въ халати домой идеть
Шынкарочка умна була
Его расы не прыняла—черця вонъ выгнала.
— „Ой ты, чернець молодый, пора въ келію иты
Все спасатыся!“
— „Ой ты, келія моя, высока камяна,
Не пойду у тебя вже спасатыся
Тай пійду я разгулять
Красныхъ дѣвущекъ выдать“.
Ой тамъ дивкы квиткы рвалы,
Черця въ вичы не видалы
Дорвалыся до кинця
Увыдалы черниця.
Сыдыть чернець на пеньку
У высокому ковпаку.

Поставалы дивкы въ радъ
Сталы писни граты,
Начавъ чернець танцюваты.
По за ножку за ножку все закладываеть,
Про свое жыте монашськее росказываеть.
Горе жыты, горе жыты молодому чернецю,
Молодому, удалому хорошему молодцю:
Не велять въ трактыръ ходыть
Зеленого вына, красныхъ дѣвушекъ любыть!

№ 57.

Ой цей бочокъ хоче меду, а цей горилочкы.
Оце-це-це! кого Богъ принесе?
Ты жъ мени не кума,
Що задрипана пелена,
Тожъ мени кумася,
Що пидтыкалася.
И пидтыкалася и пидсмыкалася
Щей пидперезалась—мени сподобалась!

№ 58.

Ой дидуню, дидуню, а я твоя бабка,
Не бый мене, не лай мене, то я буду гладка.
Черезъ греблю шла, хвартухъ мохный найшла.
Сюда мохный й туда мохный,
Ой дай мохны—хоть издохны.
Черезъ греблю ишла—самоваръ найшла,
Сватай мене, пономаръ, бо я найшла самоваръ...
Ой ты йихавъ, а я жала, ты свыснувъ, а я встала,—
Забулася попытаты, чого йихавъ коло хаты?
Ой йихавъ коло млына, стоить дивка якъ калына;
Я на неи задывывся—мени визъ поломывся.
Колыбъ дивчына гожа, то й не жаль мени воза,
А то руда та погана, тай та воза поломала.
Прыды-прыды пидъ комору, самъ не знаю пидъ котору.
Ты, козаче, грай мени, ты дивчыно, дай мени,
Дай мени трошечкы до голои дощечки.
Чы я тобя не казала, чы не говорыла,
Ой не лягай коло боку, бо зробышь Гаврыла.
А ты мене не послухавъ, коло боку вклався,
Теперъ мене пытаешься, де Гаврыло взявся?...

№ 59.

Пиднялась высоко та забралась глыбоко...
Стоить кумъ и кума усмихается зъ меня.
Ой чія то хата зъ краю не топляется сама?

Одынъ борщъ у печи сказывсь киплючы.
Якъ курочка по синечкамъ кудкудакуючи
— „Кукурику-кудкудакъ! шла замижъ да не такъ.
Ишла разъ—не гараздъ, не подманешъ въ другій разъ.
Чоловичы кулакы удалыся у знакы:
Кулакамы по бокамъ, а долонямы по щокамъ.

№ 60.

Заросла дорожка травкою-муравкою
По етой дорожкѣ я буду ходыть,
Молодую вдову я буду любыть.
Въ етой вдовы четверо дитей.
Мала жъ я тры дочкы, четвертый сынокъ,
Вспоила-вскормила въ школу й отдала,
Выучывся въ школи—царю й отдала.
Найстаршая сестра коня вывела,
Середнійша сестра сидло вынесла,
Найменьша сестра братомъ назвала.
— „Ой брате, ты нашъ брате, брате дорогой,
Когда жъ ты нашъ братыкъ пріѣдешь у гости домой?“
— „Якъ на сынимъ мори камушекъ сплыветь,
То тогда вашъ братыкъ пріѣдеть домой!“

№ 61.

Ты, калынушка, ты, малынушка,
Чомъ ты рано не цвила?
Ой въ той часъ въ тую годыну
Маты сына зродыла;
Зродыла маты сынушка,
У солдаты нарикла;
Взяла его за рученьку
До пріема повела.
— „Вы, пріемщыкы, вы, голубчыкы,
Прымить сына сокола,
Острыжить ему чорны кудрушкы
Зъ потылыци до лоба“.
Пытается маты сына:
— „Когда въ гостычкы прыдешь?“
— „Тогда тогда, моя маты ридна,
Твій сынъ въ гостычки прыдеть
Якъ на морю-морю сынему,
Со дна камушекъ сплыветь.
Сплыветь, сплыветь со дна камушекъ,
Къ бережку прыплыветь“;
Ой на етому крутому бережку

Кустъ ракитовый зростеть,
Ой на етой кущъ ракитовый,
Соловейко гниздо совьеть,
Диточокъ прыведеть—
Тогда, моя маты родна,
Твій сынъ въ гостычки прыдеть!"

№ 62.

Сюды горы, туды горы, нигде воды напытыся,
Задумавъ я женытыся;
Задумавъ я жинку браты—
Запысалы у салдаты.
Назадъ ручкы извязалы,
На соцького нагукалы.
— „Давай, соцькій, трое коней да все вороныи,
Да вси трое вороныи пидъ рекруты молодыи!"
Пріихалы до пріему,—очынылысь викна-двери.
Ажъ выходять охвицеры,
По переду губернаторъ.
— „Здрастуй, парень, чы жонатый?
Чы е въ тебе отець-маты,
Чы е кому жалуваты?"
— Нема отця—тылько маты,
Одна сестра—насъ трохъ бративъ"...
— „Ступай, парень у салдаты!
Сидай, парень, на столочку,
Острыжемъ тоби голывочку,
Найдемъ тоби кватырочку,
Молодую хозяечку,
Щобъ раненько уставала
Рекрутыка пробуждала,
На ученье выряжала"...

№ 63.

Ой земушка, земушка, ты—морозена,
Не заморозь ты земушка жовтого писка,
Гей-бо я свого мылого выпроводыла
Изъ цего города, ажъ до Кіева,
А зъ Кіева города, ажъ у Оршаву,
А зъ Оршавы города ажъ у Полтаву.
А у Полтави городи становылыся,
Вороныи конькы потомылыся,
Молодыи солдатыки потомылыся,
Мидныи сиделечка попылылыся,
Золоты стременочкы поломылыся
Дротяны нагаечкы все побылыся...

№ 64. А.

1 По пидъ тереномъ дориженька шла,
2 Дориженька тереномъ обвытая
3 Слизонькамы облытая.
4 Ой хто йшовъ, хто нейшовъ,
5 Тай не перейшовъ
6 Та прыйшовъ новобраньскій наборъ,
7 По передъ охвыцеръ молодый;
8 На коныку похыляется,
9 Назадъ себе оглядается.
10 Чы хороше справляется?
11 У пысёмкахъ прыглядается.
12 А въ тому пысьму напысано есть,
13 Напысано намалевано,
14 Насъ трохъ братьевъ наменовано,
15 Которому у салдаты иты:
16 Чы старшому, чы пидстаршому,
17 Чы тому братови найменьшому?
18 У старшого брата та дитей дробына,
19 У середнійшого та жона молода,
20 А найменьшого та женыты пора.
21 Старшій братъ откупается,
22 А середнійшій одмовляется,
23 Найменьшый выбирается
24 Зо всимъ родомъ раскланяется.
25 Прощай-прощай ты отець-маты моя
26 Десь я въ тебе не дытына була,
27 Що ты мене у салдаты отдала!“
28 — „Ой ты, сыну, ты, дытына моя,
29 Скажы мини: де дружына твоя?“

№ 64. Б.

1 Ой да по пидъ лисомъ шла дориженька шла,
2 Дориженька прыбытенькая
3 Б=3 А... 4... тай не перейшовъ
5 Б=6 А. Тылько пройшовъ
10 У бумагу подывляется
11 Що въ бумазѣ напысано
12 Б=13 А. 13 Б=14 А... три... 14 Б=15 А. Которому тай у війско вступать,
15 Которому на хозяйство ставать:
16 Б=16 А. 17.. брату ни
18 Б=21 А. 19 Б=22 А. 20 Б=23 А
21 У всиму..
22 Ой у саду ой тамъ вышня цвила,

23 Мене маты тай не жаловала,
24 Найменьшого тай въ салдаты отдала.
25 — Ой сыну, ты дытына моя,
26 Скажы, де дружына твоя?"
27 — „Ой у поли та былыночка,
28 Ой тамъ моя тай дружыночка,
29 У поли тамъ скирда сина,
30 Тамъ моя постель била!"

№ 65.

Ой ни на кого жалкуваты,
Якъ на тебе стара маты,
Що ты мене тай не оженыла,
Тай въ салдаты нарядыла.
— „Ой я думала, мій сыночку,
Що ты будешь пануваты"...
Пышуть лыстъ по бумази:
Ступай, парень, у салдаты!
Лята мои, лита молодыи,
Та все марно проходять...

№ 66.

Вѣтеръ вѣеть повѣзаить,
Садъ зелененькій шумыть,
Сама я дѣвыца не знаю,
Кого мени вирно любыть?
Люблю я дружка сердечно,
Которого здѣся нѣтъ...
Что й въ городи у Одесси,
На юлыцѣ по Рыбной,
Тамъ стояло тры башни,
Посередки большой домъ.
Ой то не домъ не больныця,
Настоящая тюрьма,
Тамъ сыдивъ той молодчыкъ,
Которого я люблю,
Уси двери прызаперты,
На зализныя замкы.

№ 67.

Ой у Польши разгромъ,
Ой въ Россею жить пойдемъ,
Рекрутошекъ наберемъ,
Наберемъ мы рекрутовъ,
Одъ матушекъ одъ отцовъ,
Всихъ удалыхъ молодцовъ;

Одъ матушекъ одъ родныхъ,
Одъ жонушекъ молодыхъ.
Якъ жонатого ведуть,
За нымъ матушкы идуть,
Горячіи слезы льють.
Якъ молодчыка ведуть,
За нымъ дивушкы идуть,
Зъ горя писеньку поють:
— „Ой зъ-за хмары зъ-за тучной
Тамъ произжавъ билый царь
Олександеръ—государь, (2)
Ребятушекъ спрашывавъ:
Вы ребята, вы, мои,
Чы булы на войни,
Чы стоялы на крыли
На Турецькои земли?
Ой булы мы на войни,
Мы стоялы на крыли,
На комышевой трави;
Зъ насъ Турецькая земля
Много горя прыняла,
Кровь червону пролыла,
Ажъ до билого царя.
Здрастуй, здрастуй, билый царь,
Олександеръ государь!"

№ 68.

Ой, якъ въ городи (2) солучылася бида,
Гей тамъ убыто (2) молодого гусара.
Померъ гусаръ тай на лавушки лежыть
Схоронылы, ой—да схоронылы пры шырокои долыни.
Гей высыпалы высоку могылу,
Гей посадылы ой—да червоную калыну.
Налынулы ой—да налынулы соколушкы зъ стороны,
Сили та впалы у вдовушки во двори,
Крылечкамы шырокій дворъ заналы,
Голосамы вдовушку збудылы:
— „Выйды, вдова, за новые ворота,
Стань, послухай ой що люде говорять?
Люде кажуть, що вдовушка молода
Полюбыла да молодого гусара!"

№ 69.

Ой пойихалы рыболовушкы
Рыбушкы ловыть, что рыбушкы ловыть.
Та не зловылы щукы рыбы,

Зловылы лына, гей, зловылы лына!
Роздывылися, розсмотрилыся, ажъ то дытына,
Гей ажъ то дытына,
Которое разрассеюшка дытя зродыла,
Та не пустыла на билый свитъ,
У ричку пустыла, гей, у ричку бросыла!
Узялы тее размале дытя на билы рукы,
Та понеслы тее размале дытя у казенный двиръ,
А положылы размале дытя на тесовый стилъ,
Ударылы по робенушку въ большой колсколъ,
Гей у большой колоколъ.
Что й у недилю пораненьку вси дзвоны ревуть,
Ой уже та тую разрассеюшку пидъ наказъ ведуть.
А за эту разрассеюшку ридна мать идеть—
Плаче рыдае.
— „Ой—не плачь, маты, не рыдай, стара,
Есть у дома пять...
Не пускай ихъ на досвитки,
Пущай дома спять:
Ой на досвиткахъ чужа маты
Кладе зъ хлопцямы спаты.

№ 70.

Що ты мыла пріуныла, не слыхать твоихъ ричей?
Какъ ты все смотрѣла, якъ у саду соловей?
Какъ ты мыла говорыла, якъ у клитци канарей?
Глаза твои половыи, все не смотрять на мене,
Уста твои сахарныи не говорять до мене.
Я думала що день—воскреснить день судьба намъ прыйдеть,
Горько плачу, слезы льются на черемховый чубукъ.
Трубка моя пиньковая, все звалылася на бокъ,
Я думала, що день воскреснеть судьба наша пройдеть.
Самъ ложусь я на скамейки, я зъ мылою не прощавсь.
Гору гляну, тылько стало два жандары по бокахъ.

№ 71.

Щаслыва та деревня,
Въ которой я самъ рожденъ,
Щаслыва та дивченка,
Котора любовъ не знала.
Любовъ наша дорогая
Жизнь разлука тяжела,
Розлучыла насъ неволя,
Чужа дальня сторона,
Соловейки-канарейки
Не литайте высоко,

Не высоко, не далеко
Ажъ до батюшкы мого.
Сама граю на гытару
Свое горе веселю,
Ныхто горесты не знаеть,
Какъ я зъ мылымъ разстаюсь.
Пойду изъ саду выноградy
Зъ скуки кофею напьюсь,
Запалю зъ горя цыгару
Пойду трошечкы пройдусь.

№ 72.

Ой у Питерѣ все широкому
Ой жылъ былъ князь Волковскій съ своимы дочамы.
Жылъ былъ Иванюша ключныкомъ.
Ой жыла была княгыня
Вани полюбовныця.
Через послѣднюю дивчовку
Самъ князь отправляется.
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій
Своимъ крѣпкымъ голосомъ:
— „Ой вы слугы, мои слугы,
Прыведите Ванюшу!“
Идеть Ваня по зеленой травушки
На ему тонкая рубаха все оборвана,
На ему курчава голова
Побыта, поломана,
Его козловы сапожкы кривью поналываны.
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій на слугы:
— „Ой вы слугы мои слугы, слугы мои вирныи,
Ой берыте, мои слугы, лопаты жалѣзныи,
Ой копайте, мои слугы, два дола глыбокыи,
Ой кладите, мои слугы, два перекладу дубовыи,
Становите, мои слугы, два стовпа точоныи,
Ой чыпляйте, моя слугы, дви петли шелковыи!“
Ой якъ скрыкнувъ Иванюша
Своимъ громкымъ голосомъ.
— „Ой позвольте, князь Волковскій,
Послидній разъ пѣсню спѣть:
Что то въ саду похожено
Шелковую травыченьку сбыго потолочено,
Сладкыхъ яблокъ и грушокъ срывано поѣжено,
На тесовой кроваты поспано полежано,
Молодую все княгыню за груды подержано“..
Ой якъ крыкнувъ князь Волковскій:
— „Скорѣй Ваню вѣшайте!“

Молодець Ваня у петляхъ качается,
А молодая княгынюшка у спальни кончается.
— „Когда бы зналъ бы, зналъ бы, тай не вѣшалъ бы,
Пущай жылы бъ ребята,
Хочъ не вѣнчаны!“...

№ 73.

Куды я пиду—въ горы попаду...
Ни въ комъ правды нѣтъ.
Брошу я весь міръ
Пойду въ монастырь,
Тамъ я буду жыть, монахамъ служыть
Монахамъ служыть, Господа просыть.
Ой ты, Господы, подай голосочокъ
Черезъ темный лисочокъ;
У темномъ лису тамъ стоить тюрма темная,
А въ тій тюрьмы мальчышка сыдыть.
Сыдивъ же винъ не годъ и не два,
Не годъ и не два—двадцять девять литъ,
На трыцятомъ ставъ пысьмо пысать (2)
До отця до матеры.
Отець-матынька отказалысь,
Що въ такомъ роду
Нѣтъ вора зроду
Ны разбойнычка.

СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА [1].

ГЛАВА I.

Мѣстность.

Бывшая Снѣтинская сотня Лубенскаго полка: с. Шеки и Хорошки; преданія объ ихъ основаніи.—Старый Снѣтинъ.—Разсказъ о войнѣ царя съ царицей.—Городокъ, Подгорская церковь.—Преданіе о занятіи Снѣтина Шведами.—Исачки: каменоломня и церковь. — Сула, весенній видъ по Сулѣ; сс. Литвяки, Волчекъ и Берестечь.—Воспоминанія о татарахъ и разбойникахъ.

Широкій видъ открывается съ Снѣтинской горы во всѣ стороны на бывшую снѣтинскую сотню Лубенскаго полка. Къ сѣверу подъ горой, на самой границѣ съ лохвицкимъ уѣздомъ протянулась линіей деревенька Шеки, прижатая горой, покрытой рѣдкими деревьями, къ рѣкѣ. Усадьбы крестьянъ сбѣгаютъ узкими, поперечными полосками также къ ней. Дворы узки, въ нихъ едва можно поворотить возъ. Хаты большею частью невелики, всего шесть аршинъ длинны съ закопченными сволоками. Ничто не напоминаетъ въ Шекахъ щеголеватой Лубенщины:

---

[1]) Подъ такимъ заглавіемъ предлагаются читателю остатки историческихъ народныхъ преданій двухъ волостей лубенскаго уѣзда: Снѣтинской и Волчковской и части третьей Тишковской. Общій интересъ этой мѣстности заключается какъ въ глубокой древности ея центра Снѣтина, такъ и въ томъ, что вся она была достояніемъ исторической фамиліи Новицкихъ. Главнѣйшіе народные разсказы приводятся на мѣстныхъ говорахъ, какъ матерьялы для заключеній о происхожденіи населенія путемъ филологіи.

наружность жителей, языкъ, моды—всё здѣсь еще сенецкое [1]). Шеки извѣстны въ окрестностяхъ подъ кличкою „соломьяны дзвоны", потому что они около столѣтія обходились безъ церкви, и только на дняхъ старый погостъ опять занятъ миніатюрной церковью—школой. Мѣстныя преданія объясняютъ такое лишеніе тѣмъ, что строитель старой церкви св. Николая, запорожецъ Мацюкъ „заложилъ ее на священниковъ", такъ что послѣдніе вымирали, и церковь въ концѣ концовъ пришлось перенесть въ сосѣднее село Хорошки, виднѣющееся за длиннымъ рядомъ итальянскихъ тополей, темная листва которыхъ отчетливо выдѣляется на блѣдной зелени долины. Хорошковцы, признавая старшинство Шекъ, началомъ своего села считаютъ курень, поставленный козакомъ Хорошкомъ на Кодакѣ, какъ и до сихъ поръ называется восточный уголокъ села въ отличіе отъ другихъ его частей, пристроившихся впослѣдствіи. Вѣроятно основатель Хорошковъ назывался Иваномъ, потому что его потомки подъ именемъ Иванчянъ или Иванченковъ заняли цѣлую улицу. Но козацкая колонизація встрѣтилась здѣсь съ панской. Паны хотѣли закрѣпить Иванченковъ и перекопали Кодакъ рвами. Эта глухая, недошедшая къ намъ въ подробностяхъ борьба, кончилась полнымъ вытѣсненіемъ Иванчанъ. Они бросили отцовскій курень, свое поле—Иваньково—и навсегда удалились изъ Хорошковъ неизвѣстно куда. „Винъ (Хорошко) и теперъ десь йе", загадочно говорятъ старики. Возможно, что по окончаніи борьбы Хорошки были вновь колонизованы изъ Шекъ. Общность фамилій, типовъ, отчасти модъ, весильнаго ритуала и пѣсенъ жителей обоихъ поселеній даетъ основаніе такому предположенію. Но объединеніе жителей могло случиться и позже вслѣдствіе принадлежности обоихъ селъ однимъ владѣльцамъ—Новицкимъ. Одинъ изъ Новицкихъ, войсковой товарищъ Иванъ, построилъ въ 1721 году церковь въ Хорошкахъ. Въ этой церкви есть несомнѣнныя свидѣтельства объ одновременномъ существованіи обѣихъ церквей:

---

[1]) Производное отъ слова Сенча (древній Синецъ)—мѣстечка лохвицкаго уѣзда. Въ оффиціальныхъ бумагахъ и въ „Руинѣ" Костомарова пишется „сенчанскій", не согласно съ народнымъ словопроизводствомъ.

Шековской и Хорошковской. Такъ, въ 1768 г. товарищъ левушковскаго куреня Яковъ Качаловъ подарилъ одинаковыя чаши въ обѣ церкви. Такимъ образомъ шековское преданіе не точно и сводится въ дѣйствительности къ закрытію шековской церкви въ концѣ прошлаго вѣка, можетъ быть за бѣдностью прихода, причисленіемъ прихожанъ къ Хорошкамъ и перенесеніемъ церковнаго имущества въ это послѣднее село.

Къ западу отъ Хорошковъ и Шекъ, Лохвицкій рубежъ надвигается на самую снѣтинскую гору. За двумя пограничными курганами и осиковымъ гайкомъ, надъ Снѣтиномъ господствуетъ обширный выгонъ, по рединѣ, въ урочищѣ „на могылкахъ", покрытый довольно большими могилами, выжженными солнцемъ. Здѣсь замѣтны постоянные спутники дѣвственныхъ почвъ: бѣловатый мохъ, зиноватъ (cytisus biflorus) и тирса (stipa pennata). На могилкахъ часто выкапывали большія кости: руки, ноги „Должно велыкгоны, чы велыкжоны", говорятъ объ этихъ костяхъ въ народѣ; но мѣстная интеллигенція, которой удалось видѣть кости, отрицаетъ ихъ большій размѣръ въ сравненіи съ настоящими. На всёмъ Снѣтинскомъ подгорьи часто находятъ кости и цѣлые скелеты; такъ, однажды откопали скелетъ дѣвушки. У ней сохранились распущенныя по плечамъ русыя косы да плахта, необыкновенно яркихъ красокъ, но такого же рисунка, какъ и теперь. Матерія распалась отъ прикосновенія. Наблюдателя охватываетъ невольно смутное чувство на этихъ могилахъ. Къ нимъ же пріурочено слѣдующее древнѣйшее преданіе, въ трехъ варіантахъ, сходныхъ съ записаннымъ Руликовскимъ и Чубинскимъ въ кіевской губерніи. Послѣдній относитъ это преданіе къ началу великокняжескаго періода [1]).

1.

Воювалы царь зъ царыцею. Винъ ишовъ зъ Лохвыци и ставъ на могылкахъ, а вона зъ Лубень та стала на исачкивскій

---

[1]) Сумцовъ. Современ. Малор. Этногр. „Кіевск. Стар." 96 г., № 7 и 8, стр. 135. Чуб. въ Записк. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. 73 г., стр. 293. Въ Васильковскомъ преданіи для объясненія двухъ могилъ служитъ смерть княгини и князя, а въ Снѣтинскомъ для объясненія появленія цѣлой массы могилъ — гибель войска.

гори. Вона не пизнала, що царь, а думала, що непріятель та побыла много множество людей—и побидыла, а потимъ зійшлысь до купы и пойихалы вдвохъ, а люды поховани на могылкахъ [1]).

2.

Царь зъ царыцею завелысь мовъ у шуткы. Царь каже: „я пиду чужихъ быть, а до тебе прыйдуть чужи та тебе розибьють“. А винъ пишовъ за Исачкивську гору та давай стрелять на царыцю. А вона своихъ направыла: „быйте, быйте! се чужи“. Такъ царь розбывъ чысто Снитынъ, пися того бою и городъ перевелы у Лубны, а військо позакопувано у могылахъ [2]).

3.

Исачковскій варіантъ этого преданія такой. Царыця стала на Исачкивскій гори, а царь на тіи (Снитыньскій). Незвисно за що воны завелысь. Вона казала: годи такъ воювать, а зійдемось кіямы быцця. Царыця зализни поробыла та соломкою поввиртувала, а царь—сами соломьяни. Такъ у того соломьяни кіи розлитаюцця, а вона побыла его військо, звоювала. Звоювавшы царя, царыця заховала вещи у лёхъ у гори въ урочыщи „Церковный бродъ“; лехъ засунувсь и зарисъ. Царыця кынула ключи въ ричку Сулыцю [3]). Парубокъ пасъ волы, якъ заграло шось у гори, якъ забрязчало у тарилкы, такъ и худоба повтикала и винъ [4]).

Обширное кладбище, занявшее все подгорье, придаетъ Снѣтину унылый видъ—наслѣдіе долгаго историческаго существованія, такъ какъ, по мнѣнію изслѣдователей полтавской губерніи, Снѣтинъ былъ древнѣйшимъ поселеніемъ славянъ въ

---

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

[2]) Отъ Катерины Прихидькиной.

[3]) Притокъ Сулы.

[4]) Отъ коз. Головка.

ней, колыбелью суличей [1]). Его укрѣпилъ въ X в. Владиміръ св., а въ XI в. вблизи разбитъ Бонякъ русскими князьями [2]). Въ XIII в. Снѣтинъ раздѣлилъ судьбу Переяславскаго княжества и послѣ длиннагопромежутка упоминается въ ярлыкѣ Менгли-Гирея подъ именемъ Сокнятина. Съ конца XVI в. до половины XVII принадлежалъ Вишневецкимъ, а къ концу вѣка сдѣлался собственностью Новицкихъ [3]). Весь сѣверный склонъ горы занятъ былъ историческимъ Снѣтиномъ. Все здѣсь и теперь дышетъ стариной: и неправильныя, изломанныя, тѣсныя улички, пересѣченныя пригорками и холмами, гдѣ лѣпятся хатки и остатки вала, шириной въ 5—6 сажень, которымъ въ старину былъ обнесенъ „городокъ, загородокъ", какъ называютъ гористую часть Снѣтина мѣстные жители [4]). Снѣтинъ сохранилъ еще одну принадлежность всѣхъ бывшихъ городскихъ поселеній по Сулѣ, въ предѣлахъ лубенскаго уѣзда, или ихъ предмѣстій: обширный выгонъ въ 188 десятинъ [5]), на которомъ также видны три невысокихъ вала, борозды и рвы. По этимъ остаткамъ старины теперь ужъ можно ѣздить. Понятіе о прежнемъ значеніи Снѣтина довольно твердо держится въ народѣ. „Снитынъ бувъ первый городъ; городъ звидсиль перенесено у Лубни", можно услышать отъ старожиловъ. Оно же отразилось и въ поэзіи. Снѣтинцы въ своей веснянкѣ такимъ образомъ выдѣляютъ себя отъ окрестныхъ жителей.

---

[1]) Арендаренко. Зап. о Полт. губ. ч. III, стр. 271 и 280. Богдановичъ. Сборн. Свѣд. о полт. губ. 77 г., стр. 4 и 28. Памятная книжка полт. губ. за 88 г., Истор. часть, стр. 2.

[2]) Бодянскій. Памятн. книжка о полт. губ, 65 г., стр. 4., Ипат. Лѣтоп. стр. 83. Ляскоронскій. „Кіев. Старина" 96 г., Кн. XII, стр. 328 и 330.

[3]) „Кіев. Стар." 96 г. кн. IV, стр. 90. Лазаревскій. „Кіев. Стар." 96., к. II, стр. 216 и 222. Максимовичъ. Соч. 1876 г., т. I, стр. 716. Бантышъ—Каменскій. Истор. Малор., ч. 2, глав. 21, стр. 117 и примѣч. на стр. 20. Стороженко „Кіевск. Стар." 85 г. Іюль, стр. 444.

[4]) Подробное описаніе городка опущено мною вслѣдствіе появленія статьи г. Ляскоронскаго въ „Кіевской Старинѣ" 96 г., кн. XII, посвященной Снѣтинск. городищу.

[5]) Исачки у Снѣтина имѣютъ 230 дес. выгона, Засулье—предмѣстіе Лубенъ—около 500. Лукомье древній городъ до 300 и сс. Великая и малая Селецкіе по Сулѣ—466 дес. (Сборн. по хозяйств. стат. луб. у., Полт. 85 г.. стр. 2, 227, 238, 241 и 242).

Идуть, идуть Лытьвячивци,
Якъ макъ процвитають,
А нашіи та снитынци,
Якъ золото сяють!

Въ другой веснянкѣ Снѣтинъ пытается возвыситься даже надъ Лохвицей:

Снитынъ городъ, Снитынъ городъ,
Лохвыця станыця...

Вблизи городка на обрывѣ, въ угрюмой мѣстности, гдѣ по преданію была усадьба родоначальника Новицкихъ, охочекомоннаго полковника Ильи Ѳедоровича, сохранилась его домовая церковь, среди огромныхъ берестовъ, дубовъ и кленовъ. Церковь эта каменная, съ толстыми стѣнами; крыша на ней готическая,—подковообразныя окна, надъ ними глубокія ниши и каменныя украшенія. Она построена крестомъ, съ тремя престолами, изъ которыхъ одинъ св. пророка Ильи. Церковь настолько узка, что священникъ едва можетъ пройти въ боковыхъ престолахъ. Иконостасъ обновленъ въ 1861 г. и изъ старыхъ образовъ осталось только четыре, въ томъ числѣ образъ Спасителя, малороссійскаго типа, очевидно мѣстнаго письма. Старинный крестъ, съ солнцемъ и витыми лучами наверху и мѣсяцемъ внизу, снятъ съ церкви и поставленъ на погостъ. По мѣстнымъ преданіямъ эта церковь была костеломъ.—„Пидгирьску церкву поляки строилы, вона була поляцка,“ говорятъ въ народѣ. По преданію, въ Снѣтинѣ жилъ и ксендзъ. Около городка жили двѣ вымершія вѣтви Новицкихъ: Даниленки, дѣти бывшаго предводителя дворянства лубенскаго уѣзда Данила Новицкаго, встрѣчавшаго Екатерину II въ Кіевѣ, и Федоряне, потомки подпоручика Федора Новицкаго. Слободкой и Щурами кончается сѣверная нагорная часть Снѣтина. Къ югу отъ городка вдоль Сулы, которая по народному замѣчанію „въ Снитыни повылась мовъ гадюка“, расположились: Корсунивка, Довгаливка [1]), Кутъ, населенныя крестьянами собственниками [2]) въ перемежку съ

---

[1]) Довга улыця.

[2]) Здѣсь прежде также жили и козаки—Дивинскіе, но помѣщикъ П. Ѳ. Андреевъ выселилъ ихъ отсюда на свою леваду „Маючивку“, давъ вдвое больше

панскими усадьбами и садами, полными ренетъ, абрикосовъ, угорокъ, принадлежащими потомкамъ Новицкихъ по женской линіи. Здѣсь извилистые берега Сулы представляютъ на каждомъ шагу небольшіе виды: то густыя рощи въ видѣ аллеи по обѣимъ берегамъ рѣки, то мельницы, высоко стоящія надъ водой; далѣе кладки черезъ мель. Въ рѣкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются слои сѣраго блѣдно-голубого и блѣдно-зеленаго лёсса, внезапно смѣняющагося купой тополей, осокорей, вербъ, наклонившихся надъ съуженной рѣкой, съ хаткой, бѣлѣющей у самой воды посреди гая. Подъ Снѣтиномъ впадаетъ въ Сулу ручей Мызинивка, черезъ который по слѣдующему народному разсказу вошли въ Снѣтинъ шведы. „У Снитыни у крипости була церква, ришоткою обкыдана. Якъ Мазепа и шведъ йшлы сюды воювать, такъ люды дзвонъ укынулы у Сулу, щобъ не натрапывъ шведъ куды иты. Такъ той дзвинъ и затонувъ у Сули. Его находывъ старыкъ,—не скажу, якъ того старыка звалы. Якъ упурне, часивъ тры сыдыть у води, а якъ вырнувъ, то объявывъ людямъ, що найшовъ дзвинъ зъ двонадцятьма ухамы, такъ зачепылы канатомъ та запрягалы по 7—12 паръ воливъ,—не двынуть. Литъ пятдесятъ тому назадъ одынъ чоловикъ рнувъ ракы, такъ находывъ одно ухо незамулено, ясне, мовъ вычищене. Снитынци тоди собакъ выбывалы, а пивнивъ и скотъ выризувалы, шобъ винъ не ревивъ. Проте шведъ прыйшовъ и звоювавъ Снитынъ. Де275 тече тычія Мызинивка бувъ страшный плавъ, такъ шведъ и якыйсь ще Мызынъ наткнулысь туды на той плавъ, колы пройты не можна. Такъ той Мызынъ скомандувавъ війську, шведы шапкамы (куражкамы) набралы земли, высыпалы, загатылы болото, перейшлы и звоювалы Снитынъ. За Мазепу не докажу [1]). И другіе варіанты указываютъ, что шведы вошли въ Снѣтинъ со стороны Хорошковъ. „Шведъ прыйшовъ зъ Хорошкивъ черезъ воду; винъ угнавсь и много вытопылось народу: по народу й перешлы. Чого ти шведы не

земли. Такимъ образомъ составился кутокъ Дивинщина. Остальные козацкіе роды: Палехи, Малицкіе и др. живутъ и теперь въ городкѣ.

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

робылы? и въ церквы заводылы кони. Воны розорылы Снитынъ, побылы народъ" [1]).

Узкій снѣтинскій горный кряжъ служитъ водораздѣломъ Сулѣ и Удаю, которыя сливаются за сел. Исачками на обширной низинѣ, состоящей изъ аллювіальныхъ почвъ и солонцевъ. Низина эта замкнута исачковскимъ холмомъ, возвышающимся среди долины Удая и Сулы „чуждымъ пришельцемъ [2]). Это отвѣсная блѣдно-желтая стѣна съ красными и малиновыми вкрапинами глины, изъ которой отдѣляются сѣроватыя массы діабаза. Теперь исачковская гора снабжаетъ окрестности только камнемъ, такъ какъ выходы гипса, подстилающіе діабазъ, скрыты; но не такъ давно, до семидесятыхъ годовъ, гипсъ былъ еще въ продажѣ и шелъ преимущественно на городскія постройки, церкви и монастыри. Разработка гипса начата была помѣщикомъ П. Ѳ. Андреевымъ, нашедшимъ письмо Мазепы къ полковнику Ильѣ Новицкому о присылкѣ гипса для постройки уничтоженной пожаромъ мгарской монастырской церкви, оконченной Мазепой въ 1694 г. Сначала поиски гипса были неудачны; напрасно разрытъ былъ цѣлый оврагъ, какъ вдругъ приказчикъ Буза нашелъ случайно нѣсколько кусковъ гипса на землѣ нѣмого козака Федора Зимы, возлѣ зеленаго жита. Петръ Ѳедоровичъ приказалъ тотчасъ скосить жито, выдалъ нѣмому 25 руб. вознагражденія, а затѣмъ и самую землю смѣнялъ у него. У подножія холма пріютилось сельце Исачки, а поодаль—хуторъ Гребище, одного прихода съ первыми. Время основанія Исачекъ неизвѣстно. „Ихъ завивъ Исакій, Гребыща—Грыцько. Прыйи-

---

[1]) Фантастичность настоящаго разсказа производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что вторженіе Шведовъ случилось недавно, еще въ началѣ текущаго вѣка жили свидѣтели его (Арендаренко. ч. III, стр. 66). На самомъ дѣлѣ шведы, какъ извѣстно, вступили въ предѣлы Лубенскаго полка въ Ноябрѣ 1708 г. Лубенскій полковникъ Зеленскій съ Лукомскимъ и Сенецкимъ сотникомъ явились къ королю въ Роменъ; самыя же сотни и городъ заявили вѣрность царю. Мазепа приказалъ собрать продовольствіе шведамъ въ Лубенскомъ полку, и сенецкій сотникъ Яременко вступилъ съ 4000 шведовъ въ Сенчу. Быть можетъ, часть этого отряда заглянула и въ Снѣтинъ и произвела переполохъ, отражающійся въ разсказѣ. Бантышъ—Каменск. ч. III, стр. 87, 101, 103 и 106. Костомаровъ. Мазепа въ „Рус. Мысли" 82 г., кн. II, стр. 73, 78, 83, 86 и 93).

[2]) Матер. оцѣнки земель полт. губ. С-петерб. 1889 г. вып. II, стр. 3, 23 и 24.

халы и силы"—только и могъ сказать мѣстный старожилъ, козакъ Головко, объ основаніи селенія. Неизвѣстно также, были ли упомянутыя лица родоначальниками двухъ особенно разросшихся козацкихъ родовъ: Момотовъ, исачковскихъ старожиловъ, и Ревъ—гребищанскихъ. Разсказываютъ только, что корнемъ Исачекъ было урочище „Парня", гдѣ населеніе было издавна гуще („людей ряснійше") и гдѣ собирались гульбища. Посреди села стоитъ большая, каменная церковь съ пятью престолами и между ними, на хорахъ—св. Прасковьи, въ воспоминаніе о старой церкви въ честь этой святой. Исачковская церковь построена въ 1808 г. маіоромъ Иваномъ Андреевичемъ Новицкимъ („Лымаремъ") на средства генералъ маіора Г. И. Хорвата и его жены Ирины Андреевны, сестры строителя. При церкви маленькая колокольня, похожая на грибокъ съ красной шапкой [1]). Въ церкви—чудотворная икона Божьей матери, которую носили, по преданію, въ сраженіяхъ предъ козацкими полками. Богоматерь изображена съ продолговатымъ лицемъ, тонкимъ носомъ и сжатыми губами, младенецъ Іисусъ съ глубокимъ, уходящимъ вдаль взглядомъ. Живопись по выразительности напоминаетъ чудныя созданія Васнецова, но выраженіе лица Богоматери—другое. Церковь окружена жалкими избенками, на погостѣ ни одного деревца, какъ на городской площади. Возлѣ церкви могила послѣдняго потомка Новицкихъ по женской линіи, Н. П. Андреева, хлѣбосола и гастронома, далеко славившагося своимъ искусствомъ приготовлять салатъ. Исачками кончается группа селъ на правомъ берегу Сулы.

Сула, вступивъ въ лубенскій уѣздъ около Шекъ [2]) и кружась потомъ по Снѣтину капризной красавицей, поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ западу у сел. Литваковъ въ уро-

---

[1]) Такое убожество колокольни рядомъ съ громадностью церкви и неогражденіе послѣдней до новѣйшаго времени объясняютъ кражей денегъ у И. А. Новицкаго „его лакеемъ Борисомъ:" Борисъ божывсь, казавъ: „хай я почорнію якъ земля, колы взявъ гроши!" И побигъ винъ писля клятьбы зъ двору, упавъ за селомъ, ставъ чорный, якъ земля и пропавъ. Я бачывъ, якъ винъ и бигъ, якъ и пропавъ", добавилъ расказчикъ Головко,

[2]) А не возлѣ Хорошковъ, какъ неправильно показано у Богдановича въ Сборникѣ свѣдѣній о полт. губ. Возлѣ Хорошковъ заливъ Сулы „Кривуля".

чищѣ „Выръ", воспѣтомъ мѣстной петривкой [1]), и идетъ далѣе по Волчковской волости чинной монахиней. Такое прямолинейное теченіе Сулы объясняютъ тѣмъ, что монахи мгарскаго монастыря, владѣвшіе частью сел. Волчка, въ урочищѣ „Черневе", возлѣ самаго Выра, преградили русло Сулы и, прокопавъ узенькій каналъ вдоль Литвяковъ къ Волчку для своихъ водяныхъ мельницъ, сообщили новое теченіе рѣкѣ, современемъ расширившейся. Старое извилистое русло рѣки обозначено высокими вербами, берестами и ольхами. Старица иногда расширена, какъ настоящее ложе рѣки, иногда съужена до двухъ сажень и состоитъ, какъ и вездѣ, изъ многихъ углубленій, покрытыхъ водой, соединенныхъ перемычками. Весной обыкновенно „Сулы" [2]) соединяются и покрываютъ пойму, шириной до пяти верстъ. Только и видно тогда огромное небо съ широкими весенними тучами: темносиними, сѣрыми, кое гдѣ тронутыми розовымъ оттѣнкомъ. Посрединѣ узкая полоса, скорѣй линія затопленнаго села съ небольшими синѣющими лѣсками, хатами и церковью, выдѣляющейся бѣлымъ пятномъ изъ голубыхъ далей. Всё дрожитъ и переливается отраженное водой, также безпредѣльной. Показалось солнце и грѣетъ привѣтливо, въ воздухѣ скользитъ какая то нѣжность. На берегу рѣки, гдѣ нибудь на полузатопленномъ мостикѣ, уже собралась праздничная толпа. Одинъ изъ парней пляшетъ посрединѣ, другой потрясаетъ бубномъ. Дѣвушки въ разноцвѣтныхъ лентахъ и яркихъ костюмахъ стоятъ и сидятъ

---

[1]) Коло выру, выру широкого,
Коло Дунаечка глыбокого.

[2]) Мѣстные жители отожествляютъ названіе Сула со всякой вообще рѣкой, говорятъ во множественномъ числѣ: сулы; есть и уменьшительное „Сулица", для рѣченки, впадающей въ Сулу. Слово: Сула,—по объясненію профессора Н. Θ. Сумцова въ ст. Малорус. географ. номенклатура („Кіев. Стар." 1886 г., VII, стр. 482) обнаруживаетъ сходство съ литовскимъ sula—березовый или кленовый сокъ, sulot—пускать изъ себя сокъ, медленно течь, капать. Въ этомъ объясненіи схвачена самая характерная особенность Сулы—ея тихое, сонное теченіе въ обыкновенное время. Въ сухія лѣта она пересыхаетъ, воды ея тогда мутны, желты, оттѣнка извѣстной въ пейзажной живописи Сіенны, а у береговъ и въ заливахъ цвѣта кофе или пива. Въ Сулѣ бросается также въ глаза несоотвѣтствіе ширины рѣчной долины (до 5 верстъ) съ живой струей рѣки: 12—15 сажень. (Матер. къ оцѣнкѣ земель лохв. уѣзда. XII. С.-Петерб. 92 г., стр. 6 и 7).

на перилахъ моста. Раздается веснянка съ ея несознаннымъ стремленіемъ вдаль. Поэтъ не находитъ и словъ [1]) для разлива Сулы, а только гукаетъ:

А Сула гу! шумыть
По весни розлылася.

На лѣвомъ берегу рѣки раскинулись Литвяки [2]), самое обширное поселеніе Лубенскаго уѣзда послѣ Лубенъ, въ такой близости къ Снѣтину, что по мѣстной загадкѣ [3]): „у Лытьвякахъ дубы рубають, у Снитыни триски литають.“ Основываясь на такой близости къ Снѣтину, мѣстные любители старины считают Литвяки только поселкомъ перваго; но различіе пѣсенъ, историческихъ преданій, фамильныхъ прозвищъ жителей обѣихъ мѣстъ не позволяетъ принять это мнѣніе. Узкій пригорокъ надъ рѣкой противъ Снѣтина былъ началомъ села. На пригоркѣ стояла церковь, а на ея мѣстѣ еще лѣтъ 70 тому назадъ была часовня (капличка), старая церковь перенесена подъ гору и закрыта, а взамѣнъ выстроена генераломъ Хорватомъ и его женой Ириной Андреевной въ 1796 г.—другая, большая, среди села. Когда Сула подмыла часть бывшаго погоста, то гробы, говорятъ, плыли по рѣкѣ. Эта старинная часть села называется „Селище“ и „друге Селище.“ Здѣсь сосредоточились потомки древнѣйшей мѣстной козацкой фамиліи—Мартыщенки или Мартышки, теперь совершенно обѣднѣвшіе, и отсюда же очевидно шло дальнѣйшее разселеніе въ прямомъ направленіи на кутокъ Сабадашивку, занятый двумя старинными козацкими родами: справа Сабадашей, которыхъ жилище въ старину было также у рѣки на Селищѣ и ужъ теперь поглощено рѣкой, и слѣва—Заикъ. Лѣвѣе Сабадашивки—особый кутокъ Передеріивка. По фамильнымъ преданіямъ Передеріивъ, населяющихъ эту часть села, ихъ предокъ вышелъ болѣе полутораста лѣтъ тому назадъ изъ Волчка и былъ сначала рабочимъ богатаго козака Сененка, который и поселилъ его на своемъ грунтѣ. Письменнымъ документомъ этой фамиліи служить

---

[1]) Чернушенко, Квиточка. Лубны 1893 г., стр. 10.

[2]) Цвѣтники—на языкѣ панночекъ первой половины текущаго вѣка и ихъ поклонниковъ.

[3]) Разгадка—колокольный звонъ.

сохраняющаяся при мѣстной церкви книга дѣяній св. Апостоловъ съ надписью, что она пожертвована въ церковь въ 1754 г. Кирилломъ Передеріемъ. Село окружено какъ подковой небольшой горной цѣпью, составляющей третью террасу Сулы, такъ называемой „пидгбрянкой“, на склонахъ которой среди старыхъ садовъ размѣстились усадьбы потомковъ Новицкихъ. Пидгбрянка пересѣчена двумя оврагами, изъ которыхъ одинъ: Орлова или Орливщына произошелъ, по разсказамъ старожиловъ, изъ рвовъ, въ которыхъ закапывалась саранча, а другой—отъ шалости парня, пропахавшаго борозду, впослѣдствіе размытую водой. Орлова, получившая названіе отъ орловъ, водившихся здѣсь въ густомъ дубовомъ лѣсу, была въ старину предѣломъ полей. За ней разстилались степи. Съ Литвяками сливается буйный чумацкій, Волчекъ. Въ настоящее время онъ выстроенъ по одному типу съ Литвяками и названіе частей заимствовано большею частію отъ свойствъ мѣстности: ţодилъ, писокъ, горнанивка и т. д.

Но въ старину волчковское селище съ церковью было за Сулой, возлѣ Исачекъ, на небольшомъ песчаномъ горбѣ. Прежде всѣхъ переселился на лѣвый берегъ рѣки Хамула, можетъ быть, также вслѣдствіе наводненій и завелъ здѣсь винокурню. За нимъ перешло еще нѣсколько семей: Свистуны, Лииви, Дядечки и положили основаніе нынѣшнему Вовчку. Затѣмъ древнѣйшими козачьими фамиліями признаются: также Нестеренки, Падалки, Кузьменки, Шостаки и Руденки. Въ 1740 г. Волчекъ разросся настолько, что при мѣстной церкви св. Михаила было уже два священника [1]).

Между Вовчкомъ и Бересточью залегла унылая, солонцоватая равнина, на краяхъ которой то здѣсь, то тамъ мелькаютъ лѣски, а въ самомъ концѣ у берестоцкихъ мельницъ подъ озеромъ погребено село. Объ этомъ селѣ уцѣлѣло только слѣдующее

---

[1]) Изъ церковныхъ книгъ древнѣйшія.

1) Трипѣсвецъ кіевскаго изданія 1648 г., изобилующій малорусскими словами и оборотами.

2) Псалтырь съ надписью: сія книга продана въ земельку с. Вовчекъ въ церковь св. Архистратига Михаила полка Лубенскаго, сотни Снитинской, куриня Дидковскаго, козакомъ Өедоромъ Тараномъ 1768 г., Марта 1 дня.

коротенькое воспоминаніе: „на Муховаци було село, та запалось. Якъ выгоняють скотыну та гукають, такъ щось и тамъ пидъ землею озываецця, балака, а проты велыкодня бьють у вси дзвоны.“ Эта безотрадная равнина смѣняется Бересточью, получившей названіе отъ рѣченки того же имени, впадающей въ Сулу. Преданія о началѣ села забылись. Полагають, что старѣйшій родъ—Билыкы. „Зъ Билычаньского кутка завелась Березоточа. Тилькы и кутка було, що винъ. Тоди мало було людей, одну паску святылы цилымъ куткомъ.“ Возлѣ Билычанскаго Кутка—Раки, Струсивка, Голотинцы и особый, болѣе поздній хуторокъ надъ Сухой--Гуляивка. Бересточь вся въ зелени; между просвѣтами большихъ деревъ и хатъ видны синѣющія горы. Мгарскій спасопреображенскій монастырь съ высокой колокольней, украшенной колоннами, и „славни Лубни“, какъ выражается мѣстная колядка,—едва замѣтные въ неясныхъ очертаніяхъ съ Снѣтинской горы,—здѣсь какъ на ладони. Съ монастырскаго холма пройденная мѣстность представляется въ такомъ видѣ: „наблюдателю,—говоритъ бывшій окружной начальникъ лубенскаго уѣзда, В. П. Короновскій,—открываются окружныя мѣста на разстояніи болѣе двадцати верстъ; тутъ видны поля съ разнообразною ихъ зеленью, села, рѣка Сула съ островами и лугами своими и лѣса, что всё въ цѣломъ составляетъ панораму величественную“ [1]).

Какъ въ Бересточи, такъ и въ другихъ селахъ по Сулѣ, особенно на открытомъ, лѣвомъ берегу ея попадаются историческіе разсказы о татарахъ, но опредѣленное вначалѣ представленіе объ этихъ варварахъ постепенно блѣднѣетъ, смѣшиваясь въ народныхъ понятіяхъ то со шведами, то съ разбойниками и переходя даже въ темную силу—гадъ, обычное отожествленіе восточныхъ кочевниковъ у Славянъ.

Вотъ эти преданія:

1.

Есть надъ Лытьвяками могыла „сторожывня“. На тій могыли козакъ стоявъ изъ вихою; дывыцця, якъ бува наблыжаюцця татары, то козакъ визьме тай похылыть на село виху, а люды, що

---

[1]) Полт. губ. Вѣдом. 90 г. № 46.

въ сели живуть тикають въ очерета та въ болота, ховаюцця та плачуть, той доси те мисто, де воны ховалысь звуть плаксинци [1]).

2.

Покійна баба розсказувала: виха була, червоный хлакъ, похылыцця вона на село—люды ховаюцця: жинкы зъ дитьмы по погребахъ, а чоловикы по болотахъ и лисахъ. Пройде воно,—казано шведъ, бо шведъ и могылы покопавъ: довгу и другу,—тоди прыходять мужыкы, одкопують жинокъ. Якъ же винъ схопыть, то везе на кони на могылу „Довгу", тамъ ихъ курени булы. Козакы йдуть до ихъ. Пшеныци, або жыта прывезы, тай беры свою. А козакы стоялы на Вовчій долыни [2]).

3.

Покійна маты було кажуть, ще ото тилкы и було поля, шо „Орлова" а на стороживни два чоловика стоять, якъ тилько похылють виху, то народъ зъ поля, зъ Орловои тикае въ село, бо есть такый гадъ, якъ обидъ зъ колеса, що якъ нажене чоловика,—хоть и на кони йиде,—то проглыне [3]).

4.

На степу за Бублыковымъ трахтыромъ есть Старцеви могылы. Тамъ жылы татары ауламы; тамъ воны людей вырizувалы и скотыну обиралы. А на снитыньскій гори есть дви могылы биля Окопу [4]). Оттамъ якась то крамарыха роспутна жыла. Садъ надъ хуторомъ Козубивкою зветcя Вышневецькый. Такъ татары посылають своихъ слугъ: идить отъ старчыхы до крамарыхы до Вышневецького саду и скилькы захватыте—хылить сюды. Баба Мотря Мудракова тамъ жала пшеныцю, колы выскакуе зъ тіеи могылы чоловикъ въ жупанку и роздывляется. Мотря тилькы що запрягла пару коней, колы зъ могылкы зновъ крычыть: „обо-

---

[1]) Урочище вблизи Сулы по дорогѣ на Снѣтинъ. Разсказъ—отъ Литвяковскаго тытаря Степана Заики.

[2]) Отъ коз. с. Литвяковъ Михаила Пулехи.

[3]) Отъ кр. Евдокіи Недилькиной. Въ Снѣтинѣ и Хорошкахъ подобныя же преданія. Въ Хорошкахъ „люды ховалысь у болото, тамъ булы ямы."

[4]) С. лохвицкаго уѣзда.

жды!“ А вона кони вдовшъ, колы гляне, а винъ пустывсь зъ горы, тилькы, тилькы, що не вскочыть въ возъ. Вона втекла, а винъ пиднявъ руку та каже: „щаслыва, що втекла, а вже бильшъ не йиздыла бъ и не жала. „Другый разъ чоловикы жалы до пивдня, кажуть: „ходимъ подывымось!“ Пишлы потыхеньку, холоши пидкачалы, колы лежыть у тій могилы трое татаръ, сплять. И добра, сказано, всякого лежыть и рядно зъ деньгамы. Такъ Андрей Бубырь узявъ 50 рубливъ [1]).

5.

На Деркачевій гори коло Бранихъ лизъ жылы Копытькы та ще въ Сотныцькихъ садахъ и Робленихъ могылахъ; тамъ йе ямы и лёхи, де воны ховалы вещи. Копытькы обиралы церквы, людей багатыхъ, панивъ. Розризувалы ногы на кисточкахъ, сыпалы сирку и палылы. Дававъ чоловикъ дочку, а воны прыйихалы та давай зъ мушчыривъ стрелять на того молодого. На поли було люды й не ночують. За комышаномъ жалы бабы жыто и опасувалысь ночувать. Вязынчына каже: чого бояцця? Полягалы, колы воны прыйиздять. Вязинькына схопылась, стягла Копытьку зъ коня и вдарыла объ коня, потимъ опять посадыла на коня, одказала: не йиздытымешъ бильшъ! Копытькы якъ тронуцця на село, то козакъ, шо на кони цилый день, бувало выстоить на могыли, хылыть виху на село, то люды тикалы въ село и по-за Сулою въ „курени“ и пересыдять, покы Копытькы обирають церквы и людей. А потимъ воны перерубалы козака й коня. И теперъ звецця Козакъ-могыла. Якъ занялы Копытькивъ и воны биглы, а чоловикъ Олекса йихавъ,—воны напустылись на ёго, а винъ упавъ пидъ кобылу, такъ воны образылы й кобылу. Копытькивъ половылы у Кальбыси, одного у комыни, другого у верху. Той, шо улизъ у грубу, и видтиль стрелявъ, покы его взялы [2])!

---

[1]) отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина.

[2]) Преданія сс. Волчка и Working Бересточи. По другому варіанту: „козакъ разбигся тикать одъ Комышану (шляхъ на Комышану) винь упавъ на тимъ мисти, де могылы. Пισля того поховалы въ одній могыли козака, а въ другій коня.“

6.

Давно колысь—се вже третя церква, а се діялось, якъ ще перва була и люды жылы ще въ Селыщи, а за ричкою тилькы Свыстуны, Линыви, Хамула та Дядечка. А Дядечкивъ братъ прывивъ до Дядечкы розбойныкивъ проты велыкодня. А въ Дядечка бувъ бочонокъ червинцивъ. Такъ ти розбойныки якъ зачалы Дядечку казныть, поризалы ему на ногахъ ровы, позакладалы сиркы тай палять. Такъ Дядечко не сознававсь, такъ воны сковороду въ пичъ поставылы, на сковороду—жинку, та вже жинка сказала. Такъ воны гроши забралы та въ погребъ Дядечкивъ позакыдалы и колоддямъ ихъ позаверталы. Такъ попрыходылы люды, попрыносылы паскы до церквы, кажуть: що за знакъ, що Дядечка нема? чы винъ заспавъ? Колы нема тай нема, попрыносылы паскы до дому, пообидалы, повыходылы на улыцю тай балакають: що воно за знакъ, що нема Дядечка и въ церкви не було? Колы пишлы до его у хату, колы позабирано де що не було. Сталы шукать, найшли его въ погреби, одвернулы колоддя, повытягалы ихъ; такъ старый Дядечка ще годъ пожывъ тай померъ, а баба ще кажуть годивъ съ чотыри жыла писля его [1]).

7.

Йихавъ черезъ Лытьвякы Гаркуша, а люды бачылы тай сказалы панови Полытови [2]): „йихало багато людей и руськихъ, таки, що носы порозрывано.“ Гаркуша бувъ на Сибири и тричи тикавъ. Винъ пытавъ: не знаете, чы Данылo Антоновычъ дома [3])? Люды сказалы: та хто-жъ ёго зна? А Полытъ и паны позйиздылысь у Снитынъ на ничъ. Такъ Гаркуша покыдавъ у лузи на тимъ боци Сулы дванадцять повозокъ и самъ иде сюды на вынныцю, пытаецця вынокура: „Евтуше! дай табакы понюхать.“ Той каже: „забувъ рижка.“ А Гаркуша пишовъ та по драбыни злизъ на домъ тай сыдивъ блызько свита, а паны гуляють, такъ винъ давай тикать. Якъ винъ уже совсимъ піймавсь, то Федоръ [4]) пы-

---

[1]) Отъ А. Ковпа, с. Волчка.

[2]) Ипполитъ Дмитріевичъ Новицкій.

[3]) Также Новицкій.

[4]) Новицкій.

тавсь: „а шо, Гаркуша, и до мене хотивъ улизты? А винъ говорыть: чого бъ я до тебе, голыка, полизъ? то я до Даныла хотивъ—Забиливскихъ достать, а Даныло державъ Забиливну. Тоди вже якъ піймавсь Гаркуша, такъ его на штыль настромылы. Тры дни, говорять, жывъ на штыли [1]).

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Этотъ разсказъ, записанный отъ снѣтинца Ив. Чухна, относится, вѣроятно, къ концу прошлаго вѣка, такъ какъ изъ дѣла о Семенѣ Ивановѣ Гаркушѣ 1784 г. въ Конотопскомъ судѣ видно, что съ Гаркушей разбойничалъ Прокопъ Коровченко, имѣвшій жену и дѣтей въ Лубнахъ, и что по ограбленіи жены городничаго Парпурихи поѣхалъ въ слободу Бригадировку (Основа 61 г., кн. XI и XII, стр. 11—15, ст. С. Носа). Около того же времени Гаркуша, какъ видно изъ предписанія графа П. А. Румянцева отъ 9 января 1784 г., бѣжавшій съ каторги и имѣвшій на лицѣ знаки, былъ обвѣнчанъ священникомъ слободы Ромодановки съ Меланіей Чвиркаловной („Кіев. Стар.“ 95 г., IV, стр. 18). По исачковскому преданію Гаркуша женился на другой женѣ и первая узнала его.—Бригадировка или Ромоданъ вблизи Литвяковъ.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXII.

Попросивши дѣда отправиться къ спасенной панянкѣ, онъ остался наверху, на палубѣ. Непонятное сознаніе, что такую красавицу,—именно ее,—онъ когда-то видѣлъ во снѣ, поразило его непріятно, возбудивъ глубоко внутри какое-то суевѣрное чувство. Богданъ, желая заглушить этотъ зудъ, началъ мысленно насмѣхаться надъ своей бабской химерой: развѣ могли черты какого-то туманнаго видѣнія такъ врѣзаться въ память,—донималъ онъ себя,—чтобъ почти черезъ годъ можно было узнать въ нихъ живое существо? Вѣдь это марево только, мечта... Можетъ быть, видѣлъ я гдѣ-либо панночку, либо ангела на картинѣ, понравилось мнѣ личико и потомъ приснилось, а я уже и пошелъ... „Эть, сонъ—мара!" —махнулъ онъ рукой, словно желая отогнать отъ себя эту нелѣпую мысль; но она неотвязно кружилась въ его головѣ и шептала въ уши: „это она, она—твоя доля. Недаромъ тебѣ былъ посланъ тотъ вѣщій сонъ,—это предсказаніе!"

Богдану стало жутко; онъ разсердился на себя и выругался вслухъ:—Чортъ знаетъ, что въ голову лѣзетъ... „нисенитныця"! А, впрочемъ, ну ихъ, этихъ всѣхъ красавицъ къ нечистому батьку!—и, нахлобучивши съ этими словами на глаза шапку, онъ сталъ любоваться чуднымъ зрѣлищемъ пожара на морѣ.

Картина была дѣйствительно величественна и ужасна. Вся галера представляла теперь гигантскій костеръ, охваченный пламенемъ; огненные языки, словно чудовищныя змѣи, вились и взлетали

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 7 и 8.

высоко въ небо; пологъ черного дыма, освѣщенный снизу огнемъ, висѣлъ надъ ними клубящимся, адскимъ, багровымъ туманомъ; цѣлыя пряди молній прорывали его по временамъ, точно ракеты, и разсыпались алмазными звѣздами; море пылало вокругъ кровавымъ заревомъ, переходящимъ вдали въ сверкающую рябь; чайки казались красными платками, разбросанными по волнамъ, а само небо и море, внѣ освѣщенія, чернѣли зловѣщею тьмой.

Богданъ поднялъ флагъ и далъ знакъ собраться чайкамъ. Когда онѣ стали вокругъ, атаманъ отдалъ имъ слѣдующія приказанія:—немедленно поднять паруса и гнать чайки во всѣ весла подальше отъ этого костра, ибо онъ, навѣрное, привлечетъ сюда мстителей, а держать путь лучше къ Дунаю,—безопаснѣе, да и вѣтеръ дуетъ попутный.

— Да, какъ будто отъ Крыма дуетъ,—подтвердилъ одинъ изъ атамановъ, Вернигора.

— Ну, а если наскочитъ какой сатана на нашъ слѣдъ,—продолжалъ Богданъ,—то сбить его съ толку, ударить вразсыпную, да только, чтобъ не заблудиться самимъ, держать тогда всѣмъ путь по звѣздамъ.

— Гараздъ, гараздъ, батьку!—зашумѣли съ чаекъ.

— А много-ли нашихъ „завзятцевъ“ легло?—спросилъ наказной.

— На нашей чайкѣ ни одного,—отозвался дѣдъ,—всѣ, слава Богу, цѣлы.

— На Вернигорской шесть человѣкъ убито!

— А на нашей душъ девять!

— А на нашей цѣлыхъ двадцать!—крикнули съ заднихъ чаекъ.

— Эхъ, жалко!—вздохнулъ Богданъ,—пріими, Господи, ихъ души, чтобы и насъ добрымъ словомъ помянули!

Всѣ сняли набожно шапки.

— Раненыхъ есть довольно,—отозвались съ дальней чайки,—а атаманъ Сулима смертельный лежитъ.

— Сулима, лыцарь славетный?!. Скорѣе отправляйтесь туда, диду,—вскрикнулъ Богданъ,—дайте помощь на Бога!

— И у насъ есть раненые, и у насъ, и у насъ!—раздались голоса съ разныхъ сторонъ.

— Панове товарыство,—отвѣтилъ Богданъ,—сейчасъ къ вамъ ѣдетъ дѣдъ-знахарь съ „ликами“ и помощниками, слушайтесь его „рады“; смотрите-же, не отставать, а держаться „купы“. Ну, теперь съ Богомъ, гайда!

— Слава батьку-атаману! — загудѣло со всѣхъ чаекъ въ отвѣтъ.

Атаманская чайка вырѣзалась впередъ; вдругъ страшный ослѣпительный блескъ разорвалъ пополамъ все небо. Взлетѣли къ звѣздамъ потоки огня, донесся потрясающій грохотъ, и черезъ мгновенье все покрылось непроницаемымъ мракомъ...

— Вотъ и гараздъ,—сказалъ дѣдъ,—маякъ погасъ, а въ темнотѣ чорта лысаго выслѣдишь!

Улеглось перекатное эхо, и все стихло кругомъ; только равномѣрные удары веселъ, да всплески непослушныхъ волнъ слышатся въ наступившей темнотѣ. Небо снова затянулось какимъ-то мрачнымъ покровомъ: ни одной звѣзды, а на морѣ—ни искры. Стоитъ Богданъ на носу чайки и смотритъ въ мрачное небо; и снова въ душѣ его поднимается неотходное ощущеніе, что въ этой панночкѣ и въ видѣнномъ имъ снѣ есть какая-то таинственная, фатальная связь...

— А что панночка, Рябошапко,—спросилъ онъ небрежно одного молодого козака, посланного имъ къ Марилкѣ вмѣстѣ съ дѣдомъ, замѣтивъ его невдалекѣ.—Привелъ-ли ее въ чувство „дидъ?"

— Ожила,—что ей?—отвѣтилъ тотъ оживленно.—Сидитъ, забилась въ уголъ и дрожитъ, какъ въ „пропастницѣ"... зубами стучитъ...

— А „дидъ"-же что?

— „Дидъ" ничего... прыскалъ на нее водой, отъ переполоху отшептывалъ... успокаивалъ ее...

— И панночка понимала его? Какъ-же онъ съ ней?

— Да онъ и по нашему и по татарскому закидалъ... а панночка бѣдная смотритъ большими глазами, сложила вотъ этакъ ручонки... и голоса не отведетъ; только разъ насилу, словно всхлыпнуло у нея:—„на Пана Езуса, на Матку найсвѣнтшу!"

— Такъ она значитъ полька, „бранка?" — вскинулся Богданъ.—И можетъ быть... Гдѣ „дидъ?"—оборвалъ онъ торопливо.

— На Сулименскую чайку поѣхалъ на время.

— Слушай, Рябошапко,—заговорилъ серьезно Богданъ, желая скрыть охватившее его своевольно волненіе,—ты „повартуй" здѣсь: рулевой опытенъ и надеженъ, путь широкъ и погода хмурится, но не злится. Въ случаѣ чего, дай мнѣ знать, хоть стукни, примѣромъ, ногою въ „чардакъ", а я пойду развѣдать, кто эта „бранка" и допросить ее строго.

— Добре, батьку, будь покоенъ,—обрадовался козакъ такому лестному порученію пана-атамана.

Богданъ взглянулъ на него нѣсколько подозрительно и, постоявши еще немного, направился неспѣшно къ каютѣ.

Осторожно спустившись по лѣстницѣ, атаманъ прокрался кошачьими шагами къ завѣтной двери, но передъ нею остановился: непонятное волненіе захватило ему духъ, онъ почуялъ въ сердцѣ и

жгучее ощущеніе, и предательскую радость, и суевѣрный страхъ. Успокоившись немного, онъ рѣшился наконецъ отворить дверь и вошелъ съ непобѣдимой робостью въ это крохотное помѣщеніе. Походный каганецъ освѣщалъ его красноватымъ, мерцающимъ свѣтомъ. Въ углу на канапѣ, съежившись, прижавшись, какъ пойманная въ западню пташка, дрожала и смотрѣла на него съ ужасомъ спасенная имъ отъ смерти панянка. На видъ ей можно было дать лѣтъ пятнадцать, не больше: что-то дѣтское, непорочно-чистое сквозило въ чертахъ ея личика и во всей, недозрѣвшей еще, фигурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней было уже столько прелести и опьяняющаго очарованія, что и закаленный въ жестокихъ битвахъ, загрубѣлый въ суровой жизни козакъ не могъ удержаться отъ охватившаго его восторга и вскрикнулъ, при видѣ ея,—„красавица“,—вскрикнулъ и занѣмѣлъ у порога, не сводя съ нея очарованныхъ глазъ, словно погружаясь снова въ волны давняго, лучезарнаго сна.

А панянка была дѣйствительно поразительно хороша. Блѣдное, бѣлоснѣжное личико ея съ легкимъ сквозящимъ румянцемъ было окаймлено золотыми волнами вьющихся волосъ; они выбивались капризно изъ-подъ малиновой, бархатной, унизанной жемчугомъ шапочки, и каскадомъ падали по плечамъ; тонкія, темныя брови лежали нѣжными дугами на изящномъ мраморномъ лбу; изъ-подъ длинныхъ, почти черныхъ рѣсницъ глядѣли робко большія, синія очи, и въ глубинѣ ихъ, какъ въ морѣ, таились какія-то чары,—а носикъ, и ротъ, и овалъ личика дышали такой художественной чистотой линій, такой дѣвственной, обаятельной прелестью, какая могла умилить и привыкшее лишь къ боевымъ радостямъ сердце. Роскошный турецкій костюмъ, выдававшій кокетливо сквозь шолковыя, прозрачныя ткани, стройный станъ панночки, и мягкія линіи ея не вполнѣ еще развитыхъ формъ дополняли очарованіе.

Словно околдованный невѣдомой, таинственной силой стоялъ неподвижно Богданъ и чувствовалъ, какъ что-то горячее поднималось въ его груди выше и выше, какъ душный туманъ заволакивалъ ему взоръ и вѣялъ зноемъ въ лицо. Панночка не шевелилась, но смущеніе козака нѣсколько ободрило ее и глаза ея засверкали нѣжнымъ огнемъ, а въ углахъ розовыхъ, соблазнительно очерченныхъ губокъ заиграло нѣчто въ родѣ улыбки. Длилась долгая минута молчанія.

— На Бога, на Пана Езуса!—прервала наконецъ его трогательнымъ, пѣвучимъ голосомъ панна, сложивъ накрестъ у груди руки.

Этотъ голосъ прозвучалъ Богдану дивной, райской музыкой и заставилъ очнуться.—О, моя ясная панночко,—заговорилъ онъ по польски,—не бойся: ты въ рукахъ вѣрныхъ друзей! Но скажи

мнѣ, кто ты? Какимъ образомъ, по волѣ или по неволѣ ты на турецкой галерѣ?

— Я, шановный пане.. Богомъ посланный мнѣ спаситель,—промолвила трепетно панночка, и звукъ ея голоса былъ полонъ мольбы и горячей признательности,—я изъ нашего польскаго края... спасалась во время разбоя, пожара съ цыганкой... и насъ захватили въ неволю... Милосердья! Пощады!—взмолилась она, и двѣ крупныя слезы, какъ двѣ жемчужины, повисли у ней на изогнутыхъ, стрѣльчатыхъ рѣсницахъ.

— Фамилія, какъ фамилія панны?—заволновался бурно Богданъ, пораженный совпаденіемъ нѣкоторыхъ фактовъ и внѣшности дѣвушки съ разсказомъ Грабины, совпаденіемъ, которое бросилось ему въ голову и въ первую минуту на пылавшей байдарѣ.—Изъ какого рода панна? Давно-ли изъ нашего края?

— Я изъ стараго шляхетнаго рода панства Грабовскихъ да Оссолинскихъ,—начала было съ проснувшимся тщеславіемъ панночка; но Богданъ прервалъ ее радостнымъ, взволнованнымъ восклицаніемъ:

— Изъ рода Грабовскихъ? Дочь Грабины? Моего друга, моего побратима? Такъ я не даромъ предчувствовалъ? Панну зовутъ Марылькой?—засыпалъ онъ ее вопросами, порывисто подошедши къ канапѣ и взявъ ея нервно-похолодѣвшія руки въ свои.

Еще шире раскрылись отъ изумленія и радости у панночки глаза, и она, забывши ужасъ, державшій ее въ своихъ когтяхъ, вскрикнула съ дѣтскимъ восторгомъ: —Да, я Марылька, Марылька! Панъ знаетъ моего отца, знаетъ гдѣ онъ? Панъ его другъ? О, Господи, о мой Пане найсвѣнтшій! Какъ мы долго и тщетно его искали, какъ я стосковалась по немъ... какъ я люблю моего несчастнаго, дорогого татуню!—всплеснула она руками.

— Бѣдное, бѣдное дитя!—вздохнулъ сочувственно, сердечно Богданъ.

— Такъ отца нѣтъ? Погибъ онъ?—задрожала она, какъ подрубленная у корня молодая березка, и, подавшись впередъ, съ ужасомъ остановила на немъ полные слезъ глаза.

Богданъ понялъ, что впопыхахъ нѣсколько проговорился и что истина убила-бы горестью это дитя. Онъ присѣлъ возлѣ нея на канапѣ и вмѣсто отвѣта поцѣловалъ почтительно ея тонкую, словно изъ слоновой кости выточенную руку.

Эта ласка растрогала въ конецъ панночку и вызвала приливъ страшной тоски въ ея сиротливой душѣ; Марылька припала головою къ груди своего спасителя и горько заплакала, зарыдала.

— Успокойся, успокойся, мое дорогое дитятко,—началъ утѣшать ее растерявшійся и непривыкшій къ женскимъ слезамъ воинъ,

проводя тихо рукою по шелковистымъ кудрямъ,—цвѣтикъ мой, ягодка, не рви своего сердца тревогой... Дастъ Богъ, мы найдемъ отца... Я для него жизни не пожалѣлъ-бы... онъ мнѣ другъ, братъ... и клянусь всѣмъ святымъ,—возвысилъ онъ торжественно голосъ,—что дочь моего побратима для меня такъ-же дорога, какъ и ея батько, даже больше...—и онъ прижалъ ея головку къ груди и поцѣловалъ нѣжно въ душистыя, шелковистыя пряди.

— Такъ онъ живъ, мой дорогой татко?—подняла Марылька орошенное слезами личико и взглянула на Богдана такимъ радостнымъ, признательнымъ взглядомъ, что теплые лучи его проникли до самыхъ глубокихъ тайниковъ козачьяго сердца и освѣтили радужнымъ свѣтомъ его пустынные уголки.—Живъ?—допытывалась она, подвигая ближе и ближе свое нѣжное личико къ смущенному, бронзовому лицу атамана.—И панъ-рыцарь мнѣ найдетъ его, возвратитъ? О, какъ я буду за то благодарна! Какъ я буду за то пана... —потупилась она стыдливо, не докончивъ фразы.

— Милое, прелестное созданіе... ангелъ небесный...—прошепталъ съ чувствомъ козакъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта на ея вопросы.—Я знаю,—отецъ твой недавно, очень недавно былъ живъ и совершенно здоровъ... онъ изъ этого разбойничьяго наѣзда вышелъ невредимымъ... такъ что-жъ бы ему сталось?... Успокойся, не тревожься... найдемъ! „Дали-Бугъ“! Мы самого бѣса вытащимъ за рога изъ пекла, не то-что!.. Осуши-жъ свои „очenята“, „зиронько“ моя! Улыбнись!

Но Марылька уже давно улыбалась сквозь слезы, и освѣщенная этой счастливой улыбкой красота ея казалась еще болѣе ослѣпительной.

— Разскажи мнѣ лучше все о себѣ, разскажи мнѣ о всѣхъ „пригодахъ“ и злополучіяхъ, какія перенесла ты въ такія ранніе годы?—продолжалъ Богданъ, овладѣвая собою и усаживаясь привольнѣе на стоявшемъ у канапы обрубкѣ.

— Что жъ, я пану скажу все, что знаю; утаивать мнѣ нечего,—начала Марылька неуспокоившимися еще отъ волненія голосомъ, прерывая часто глубокими вздохами свою рѣчь:—мы изъ Мліева... Мои родные были очень богаты .. я была только одна у нихъ, и меня баловали и берегли, какъ зѣницу... Роскошью и любовью окружена я была съ колыбели; но мать моя, помню, всегда была печальной и блѣдной, много плакала, тосковала и чахла. Отецъ рѣдко бывалъ дома, развѣ на пышныхъ охотахъ... а то больше проводилъ время въ рыцарскихъ пирахъ и потѣхахъ. Мы съ мамой почти привыкли къ своему одиночеству: она занималась со мною, утѣшалась своей Марылькой и отводила душу въ молитвѣ.,. а я, —загово-

рила она игриво, кокетливо,—я бѣгала по пустыннымъ заламъ нашего дворца, гуляла въ густомъ, густомъ и тѣнистомъ саду, большею частью одна... и все думала: разныя картины приходили мнѣ въ голову— изъ прочитанныхъ сказокъ, исторій, изъ разсказовъ мамы и жившаго въ нашемъ замкѣ ксендза,—онъ очень меня любилъ, и ласкалъ и называлъ все „крулевой"... Такъ вотъ, мнѣ представится что-либо и я начинаю воображать, что я дѣйствительно или могучая волшебница, или знаменитѣйшая принцесса, или повелительница невѣрныхъ, или Московская царица... и все пышное рыцарство кланяется, весь народъ, вся чернь падаетъ въ ноги... а я, то улыбнусь имъ—и всѣ расцвѣтутъ въ счастьѣ, то взгляну строго—и всѣ задрожатъ, поникнувъ въ тоскѣ головой... и такъ это мнѣ все живо, точно въявь... Когда я играла съ дѣвочками и хлопчиками нашей надворной шляхты, то тоже любила карать ихъ и миловать по-крулевски... Только что это я?—спохватилась она вдругъ и вся, зардѣвшись, зажала по дѣтски рукой себѣ ротъ.

— Продолжай, продолжай, моя „зиронько", мое солнышко,— отвелъ тихо Богданъ ея руку,—твой лепетъ такъ любо мнѣ слушать и всѣ малѣйшія подробности изъ твоей жизни мнѣ дороги, вотъ какъ бы твоему отцу.—Богданъ дѣйствительно ощущалъ какое-то, неизвѣданное еще имъ, состояніе духа: ему казалось, что поднимаются надъ нимъ тихія журчащія, теплыя волны и, лаская, лелѣя, убаюкиваютъ его, словно мать, въ дѣтскіе, свѣтлые, невозвратные годы.

— О, мой покровитель, мой благодѣтель!..—запѣла вкрадчивымъ, захватывающимъ душу голосомъ панночка,—я не знаю почему... я въ первый разъ вижу пана, а мнѣ тоже кажется, что панъ близкій, близкій мнѣ родичъ, что при немъ ничего не страшно, а только хорошо, такъ хорошо!.. Да, да,—зачастила она, словно сыпя по серебру жемчугомъ,—я вотъ сказала, что мы были почти все время съ мамой однѣ... но къ намъ иногда заѣзжалъ мой дядя, рябой, рябой съ зелеными, какъ у жабы, глазами, котораго я страшно боялась... и убѣгала въ садъ, чтобъ не видѣть... да и мама блѣднѣла всегда, когда заслышитъ бывало у „брамы" его трубу.

— Тоже Грабовскій?

— Нѣтъ Чарнецкій... изъ Волыни.

— Чарнецкій?—переспросилъ Богданъ,—разумный и отважный панъ... заносчивъ немного и завистливъ, а вояка добрый.

— Не знаю, но по всему было видно, что онъ страшно злой: я не могла перенесть его взгляда... и мама тоже... онъ что-то всегда наговаривалъ на отца, грозилъ и приставалъ къ мамѣ... и мама всегда долго и безутѣшно рыдала послѣ его отъѣзда, становилась

блѣднѣй и блѣднѣй, пока не слегла въ постель... Ахъ, какіе тогда потянулись грустные дни и ночи! Я не отходила отъ постели страдалицы... мнѣ уже пошелъ тогда десятый годъ, и я понимала, что скоро лишусь своей дорогой мамы... И она угасла... угасла тихо, безропотно, не дождавшись даже отца и поручивъ меня единому Богу... Охъ, и стала я съ того ужаснаго дня сиротой!—судорожно сжала хрупкіе пальцы панянка и опрокинула голову назадъ, устремивъ безконечно печальный взоръ въ какую то невѣдомую даль. Во всей ея фигурѣ сказывалось уже не дѣтское горе, а глубокая скорбь.

Богданъ молчалъ, не прерывая этой тяжелой скорбной минуты, навѣянной воспоминаніями, и чувствовалъ, какъ въ его груди тоже звучала сочувственно унылая нота.

— Ахъ, отецъ поздно пріѣхалъ и засталъ уже мою мать на столѣ,—начала снова Марылька, переведши нѣсколько разъ дыханіе и смахнувши платкомъ нависшую на рѣсницѣ слезу.—Онъ обнялъ меня горячо и поклялся у гроба, не покидать меня ни на часъ и загладить нѣжной любовью всѣ причиненныя прежде страданія... Онъ самъ, видимо, страшно терзался и посѣдѣлъ въ одну ночь... А когда подняли гробъ въ костелѣ и застоналъ органъ, потрясая печальными звуками реквіума мрачные своды, то съ отцемъ сдѣлался какой-то страшный припадокъ: онъ почернѣлъ весь, зарыдалъ, заметался и началъ биться головою о крышку гроба, произнося съ захлебываніемъ какія-то непонятныя мольбы и раскаянія... „Прости, прости меня!— запомнились мнѣ нѣкоторыя фразы,—ты завяла... ты склонилась къ землѣ... чистая, непорочная... Мое ядовитое дыханіе убило тебя... я проклятый землею и небомъ... нѣтъ мнѣ мѣста здѣсь... нѣтъ мнѣ мѣста нигдѣ: за мои дѣла и пекло меня не приметъ!“

— Несчастный, сердечный,—тихо, растроганно промолвилъ Богданъ,—онъ преувеличивалъ все... я зналъ это чудное сердце... а если и было что, такъ онъ „спокутовалъ“, отслужилъ втрое...

— Да, отецъ невыносимо страдалъ,—продолжала грустно Марылька,—онъ долго пролежалъ боленъ, чуть не умеръ.. а потомъ, вставши съ постели, перемѣнился совсѣмъ, совсѣмъ, такъ что никто и узнать въ немъ не могъ прежняго грознаго можновладца, и не такъ измѣнился онъ тѣломъ, какъ измѣнился душой: прежней гордости, дерзости и своевольства не осталось и слѣда; онъ сталъ ко всѣмъ добръ, щедръ и милостивъ... а ко мнѣ—такъ и словъ нѣтъ сказать, какъ онъ привязалася: жилъ мною, дышалъ мною, молился на меня... Весь запасъ любви, какой былъ въ его источенномъ муками сердцѣ, онъ отдалъ мнѣ и сдержалъ дѣйствительно клятву: не отлучался отъ меня ни на день. Моя улыбка доставляла ему единствунную радость, моя задумчивость погружала его въ тугу-печаль, мое не-

домоганіе повергало его въ ужасъ... и сколько нѣжности, сколько теплаго чувства проявилъ къ своей сироткѣ татусь мой, какъ я его полюбила и за любовь ко мнѣ и за его страданія... ахъ!—Марылька сомкнула глаза и замолчала, подавленная трогательнымъ, щемящимъ, волненіемъ; на поблѣднѣвшихъ ея щекахъ легли отъ рѣсницъ дрожащія тѣни.—Ахъ,— очнулась наконецъ она послѣ короткаго забытья,—это было счастливѣйшее для меня время. Мы зажили снова затворниками въ нашемъ Мліевскомъ замкѣ и зажили душа въ душу: отецъ мнѣ много разсказывалъ про чужіе края, про иноземныя страны, про обычаи другихъ народовъ, много давалъ мнѣ читать разныхъ книгъ, и мы коротали незамѣтно съ нимъ длинные зимніе вечера, а лѣтомъ гуляли и катались по лѣсамъ, по полямъ и по нашимъ помѣстьямъ... Простой людъ, хлопы—и тѣ полюбили отца; онъ запретилъ жидамъ и экономамъ обижать его, строго запретилъ.. При мнѣ разъ кричалъ, что, кто тронетъ пальцемъ селянина, такъ онъ его тронетъ саблей... и до того сталъ добрый, до смѣшного, что разъ даже назвалъ хлоповъ своими братьями...—засмѣялась она.

— О, мой дорогой, незабвенный другъ,—вздохнулъ порывисто Богданъ,—если-бъ такихъ золотыхъ сердецъ было хоть немного среди магнатовъ, рай бы насталъ въ Украйнѣ и въ Польшѣ!

Марылька посмотрѣла съ недоумѣніемъ на своего собесѣдника и поняла въ его возгласѣ только, то что онъ сочувствуетъ искренно ея дорогому отцу.

— Такъ вотъ, мой добрый, мой коханый пане,—отблагодарила она заискрившимся взглядомъ своего новаго покровителя, друга отца,— и прожили мы съ таткомъ тамъ тихо да счастливо почти четыре года, даже тоска по матери стала терять свою ѣдкость и превратилась въ кроткую грусть... Въ это время почти никто не посѣщалъ насъ... всѣ считали отца тронутымъ... только разъ заѣхалъ къ намъ этотъ звѣрь Чарнецкій; я побоялась выйти и слышала, какъ онъ ругался съ отцемъ, какъ чего-то требовалъ съ угрозой... кричалъ, что татусь будетъ „банитой“: чуть дѣло не дошло до убійства... Я закричала, выбѣжала, бросилась къ отцу и своимъ появленіемъ, кажется, прекратила ссору... по крайней мѣрѣ Чарнецкій, разразившись проклятіями, сейчасъ-же уѣхалъ. Татусь мнѣ потомъ говорилъ, что этотъ звѣрь требовалъ меня за дарованіе ему покоя. Съ того времени отецъ загрустилъ снова, сдѣлался мрачный, о полночи сталъ ходить по покоямъ... Мнѣ слышались часто его протяжные стоны и молящій кого-то, болѣзненный шепотъ... Я будила свою няню, и мы шли торопливо къ отцу и находили его иногда на колѣняхъ блѣднаго, дрожащаго, съ невысохшими слѣдами слезъ на щекахъ... онъ тяжело дышалъ и говорилъ, что его преслѣдуютъ какіе-то призраки. Съ тѣхъ поръ

стали появляться въ нашемъ замкѣ знахарки, гадальщицы, ворожеи... и одна изъ нихъ старая цыганка особенно полюбилась отцу: она умѣла ловкими предвѣщаніями, удачными совѣтами, а особенно льстивыми рѣчами и клятвами снискать его полное довѣріе; я этой старухи сначала страшно боялась, но она одолѣла и мое отталкивающее чувство то разсказами, то забавами, то угодами; она наконецъ приручила и меня, завѣривъ всѣхъ, что души не чаетъ во мнѣ... Въ послѣднее время цыганка совсѣмъ у насъ поселилась; отецъ ее награждалъ щедро, посылалъ на развѣдки, получалъ отъ нея разныя свѣдѣнія и подчинялся ея указаніямъ...

Марылька замолчала и провела рукой по лбу. Лице ея становилось блѣднѣй и блѣднѣй, глаза сосредоточенно глядѣли въ одну точку, словно всматриваясь въ развертывающееся передъ ней прошлое. Богданъ жадно слушалъ расказщицу; каждое ея слово падало жгучей искрой ему на сердце и оставляло въ немъ слѣдъ: и печальная исторія его усопшаго друга, полная таинственныхъ событій да фатальныхъ невзгодъ, и судьба его дочери, которую поклялся онъ умирающему товарищу любить, какъ свое родное дитя,—все это трогало его душу, захватывало его всего. Время шло; ночь незамѣтно плыла; чайка все больше и больше качалась...

— Разъ, помню,—заговорила снова медленно и съ напряженіемъ Марылька, словно ей не подъ силу было разбудить уснувшій, пережитой ужасъ...—отецъ мой получилъ какое-то смутное извѣстіе и поблѣднѣлъ весь, зашатался... Мы перепугались... Цыганка прибѣжала, отшептала „прыстритъ“ и начала гадать: раскидывала зерна, жгла зелье, кипятила какую-то приправу и наконецъ сказала, что нужно, чтобъ тато собиралъ войско, потому-что непреложная бѣда у воротъ... А татусь ей:—„коли, говоритъ, это то лихо, что поднялъ на меня лютый мой врагъ, такъ если оно созрѣло на сеймѣ, то мнѣ остается одно изъ двухъ—либо подставить свою буйную голову, либо бѣжать... но все таки Марыльки своей не отдамъ: ты спасешь ее“... Цыганка начала клясться и цѣловать татусю колѣни, а я бросилась со слезами къ нему на шею... А на другой, или на третій день... ой! ой! Езусъ—Марія, что случилось? Обступилъ нашъ замокъ Чарнецкій цѣлымъ войскомъ съ гарматами и началъ громить его, а мѣстечко жечь... Отецъ велѣлъ запереть ворота, поднять мостъ и поклялся вмѣстѣ съ нашей командой лечь костьми, а не отдать своего предковскаго добра на грабежъ... Хотя онъ былъ блѣденъ, но въ глазахъ его сверкалъ прежній огонь горделивой отваги; онъ торопливо призвалъ цыганку, далъ ей въ руки „торбинку“ червонцевъ да меня и сказалъ взволнованно, горячо:—„у всѣхъ единый Богъ въ небѣ, ты поклялась Имъ спасти мою дочь, такъ исполни-жъ свою клятву... настала минута!.. Вотъ

ключъ отъ желѣзной двери въ „леху“, отворишь ее, а тамъ, подъ землею, ходъ версты на двѣ до скалы, что въ грабовомъ лѣсу, гдѣ и кони ждутъ... Скачи ночью въ степь, сколько выскочишь, а днемъ пережди въ балкѣ... я васъ догоню... а если не успѣю за день, то вы спѣшите къ порогамъ Днѣпра... Обнялъ онъ меня горячо, перекрестилъ и провелъ въ лехъ... Земля шаталась отъ ударовъ гарматъ, сверкали издали молніи, небо стало, какъ кровь... ой, страшно! Отецъ заперъ за нами тяжелую дверь, и насъ сразу окуталъ могильный мракъ, разлучивъ меня и съ отцемъ, и съ роднымъ пепелищемъ. „Матко найсвѣнтша! Нѣстеты“!—откинулась она въ изнеможеніи, блѣдная, дрожащая, закрывши руками глаза, и судорожно заколыхалась въ рыданьи...

Богданъ испугался ея истерическаго плача, сталъ утѣшать сиротку и ласками, и обѣщаньями, но видя, что это не помогаетъ, бросился къ „мыснику“, налилъ въ кубокъ стараго меду и упросилъ Марыльку, чтобъ его выпила. Послѣдняя отхлебнула нѣсколько глотковъ этой влаги и почувствовала, какъ она живительной струей побѣжала по ея жиламъ. Вскорѣ у панночки потеплѣли руки и ноги, на щекахъ выступилъ алый румянецъ, въ головѣ поднялся какой-то сладкій туманъ... и болѣзненныя ея всхлыпыванья стали сразу стихать, уступая мѣсто какому-то игривому, плѣнительному веселью...

Марылька улыбнулась сквозь слезы и ласковыми лучами чудныхъ очей скользнула по красивымъ чертамъ мужественнаго лица, полнымъ и шляхетскаго благородства, и рыцарской доблести, а потомъ, словно сконфузясь чего-то, опустила ихъ внизъ, покрывъ тонкими стрѣлами своихъ темныхъ рѣсницъ. Она незамѣтно отодвинулась отъ своего покровителя, усѣлась на коврѣ, принявъ граціозную позу, и только вздрагивающая, не вполнѣ округленная еще грудь выдавала ея не улегшееся волненье. Инстинктивно, смутно сознавала Марылька, что производитъ впечатлѣніе своею красотой, и это сознаніе зажигало уже въ дѣтскомъ сердцѣ женскую радость, вызывало невѣдомый еще восторгъ торжества власти; эти новыя впечатлѣнія и смущали юную душу, и пробуждали врожденное полячкѣ кокетство. А Богданъ въ умиленьи не отводилъ глазъ отъ этого распускавшагося цвѣтка и незамѣтно, невольно упивался сладкой отравой.

— Панночко, дитя мое, Богомъ мнѣ данное!—заговорилъ онъ снова, послѣ долгой паузы, положивъ ея тонкіе, прозрачные пальцы въ свою желѣзную руку.—Я не могу опомниться отъ Божьей ласки, точно сонъ это все, дивный, еще дѣтскій, хорошій сонъ...

— Ахъ, пане мой!—пропѣла серебристымъ голосомъ панна,—Царица Небесная сжалилась надо мною; я Ей такъ горячо, такъ безутѣшно молилась!—она подняла свои дивныя, съ поволокой, синія

очи, повитыя слезой и произнесла уже съ очаровательной улыбкой. Но панъ мнѣ найдетъ, возвратитъ моего родного отца?

— Пока,—вздохнулъ глубоко Богданъ и отвелъ глаза въ сторону,—ничего не могу сказать тебѣ, квиточка... но Богъ поможетъ... Вотъ, когда освобожусь хоть немного... Да ты, дитятко, не „журись“: я вѣдь поклялся отцемъ тебѣ быть. Рада-ли другому отцу, любъ-ли тебѣ,—не знаю, ну, а мнѣ названная дочка милѣе родной.

— Тато!—бросилась порывисто Марылька и поцѣловала неожиданно въ руку Богдана, потомъ на его протестъ отскочила въ уголъ, бросивъ на него изъ подлобья и благодарный, и пламенный взглядъ.

— Крохотка моя, пташечка моя, не цѣлуй мнѣ никогда рукъ,—вспыхнулъ разчувствовавшійся, непривыкшій къ такой ласкѣ козакъ.

— Панъ—тато мнѣ. А тата нужно любить и „шановать“,—лукаво улыбнулась Марылька и съежилась, какъ котенокъ.

— О, люби меня, моя радость!—съ неподходящимъ къ данному случаю пыломъ воскликнулъ Богданъ,—не пожалѣешь, что пріобрѣла новаго заступника... Но какъ-же, разскажи ты мнѣ, доню, какъ ты попала сюда? Что съ тобой приключилось съ того дня, какъ ушла ты съ цыганкой?

— Бѣжали мы цѣлую ночь,—начала снова Марылька,—бѣжали другую и третью... и остановились въ землянкѣ. Татуся все не было,—вздохнула она грустно.—Такъ прошло пять дней, мучительныхъ и дней, и ночей. Я сначала злилась, а потомъ рыдала, да просила, чтобъ меня вѣдьма добила... ѣсть перестала, даже цыганка испугалась, что я похудѣю... Вотъ и говоритъ, что она пойдетъ и разыщетъ провожатаго, съ которымъ можно будетъ добраться до пороговъ. Какъ я ни боялась остаться одна въ дырѣ, въ той страшной пустынѣ, а стала даже просить, чтобы цыганка скорѣй разыскала провожатаго... а кони у насъ были, еще изъ-подъ Мліева: они въ другой ямѣ стояли. Ушла цыганка, а я сижу одна: страшно, страшно! Запрусь на засовъ, дрожу вся, да „Pater noster“ читаю—просто смерть! Словно зарытая въ землѣ, словно заживо похороненная...

— Голубка моя, любая, „коханая!“—промолвилъ Богданъ растроганнымъ голосомъ и сжалъ ея нѣжную руку.

— Ай! Такъ больно, тато!—улыбнулась Марылька, и начала махать кистью руки и дуть на пальцы.—Ничего, уже прошло,—успокоила она испугавшагося было козака.—Такъ вотъ я и сидѣла одна. Особенный ужасъ нападалъ ночью: кругомъ подымался и визгъ, и вой, царапалось что-то,—оглянулась она и тутъ съ суевѣрнымъ страхомъ.—Брр!... И теперь морозомъ всю обсыпаетъ,—прижалась она къ Богдану,—а на третью ночь,—качнулась она къ самому его лицу и уставила глаза въ глаза,—Іезусъ Марія, какая-то стая про-

рвалась въ заваленный проходъ и съ страшнымъ рычаньемъ да воемъ начала царапаться въ двери.

— Волки?!—съ ужасомъ вскрикнулъ Богданъ.

— Можетъ быть, а, можетъ, что-нибудь и другое,—торопливо закрестилась панна,—я кричу, а они еще больше воютъ и толкаютъ двери, а потомъ слышу, что и землю начали рыть.. Я кричала и билась, пока не упала на земь, и ужъ тутъ не помню, что дальше, только меня разбудилъ опять-таки стукъ, но уже другой: стучалась и кричала цыганка. Я отворила и обрадовалась ей, а особенно провожатому.

— Хорошъ, долженъ быть, провожатый! —всталъ взволнованный козакъ и началъ ходить по тѣсной каютѣ.

— Татаринъ,—продолжала панна, слѣдя глазами за своимъ слушателемъ,—и очень, очень поганый.. Они между собой говорили по-татарски, а я ничего не понимала. Цыганка собралась скоро, и мы поѣхали степью. Ну, ѣдемъ безъ отдыха день, и другой: все только лужи, что озера, да пустыня. Наконецъ, пріѣхали въ какой-то таборъ: все кибитки, да кибитки! Татаринъ исчезъ, а мы остались однѣ, и я съ ужасомъ начала разспрашивать цыганку: куда этотъ косой чортъ завелъ насъ? А тутъ подошелъ къ намъ старикъ въ дорогомъ шелковомъ халатѣ и началъ пристально меня осматривать; глазища у него такъ и бѣгаютъ, такъ и горятъ... все чмокаетъ губами, да бормочетъ что-то и улыбается, потомъ началъ трогать меня за ноги... я закричала...

— Дьяволъ!—заскрежеталъ зубами Богданъ и брякнулъ саблей въ ножнахъ.—Всѣхъ ихъ выпотрошить!—даже ринулся было онъ, испугавъ своимъ движеніемъ панну.

— Ай!—вскрикнула та,—успокойся, пане: онъ помѣстилъ меня съ цыганкой въ какую-то кибитку, гдѣ были старенькая и молоденькая татарки, но онѣ на насъ страшно сердито смотрѣли, даже ругались, только я не понимала тогда, ругали гяуркой, а молодая такъ даже два раза толкнула меня... Я начала плакать, прятаться за цыганку, а та и на нихъ накричала, такъ что татарки притихли и только глядѣли змѣями изъ подлобья. Ой,—вскрикнула неожиданно панна и прижалась къ Богдану,—мы опрокидываемся, тонемъ?

— Нѣтъ, это качнуло чайку боковою волной.

— Я боюсь моря, боюсь волны!—жалась въ ужасѣ панночка.

— Наша чайка никогда не опрокидывается, никогда, даже въ страшную бурю,—успокаивалъ ее Богданъ.. Вотъ и плавно пошла... А гдѣ, скажи, эта самая цыганка?

— Ее сегодня убили!

— Туда и дорога! Ну, а дальше-жъ что?—остановился передъ ней съ пылающимъ взоромъ Богданъ,—все, все говори безъ утайки.

— Я все и говорю,—взглянула на него съ недоумѣньемъ Марылька.—Насъ привезли въ большой городъ, я разсмотрѣть хорошо не могла, закрывали кибитку, только видѣла вдали море.

— Кафа?

— Да, такъ мнѣ называли потомъ этотъ городъ... Ну, привезли насъ къ какому-то дворцу; высокія „брамы", узкіе, длинные, почти крытые, дворы, а потомъ по розовой мраморной лѣстницѣ, по коврамъ, провели насъ въ роскошные покои, непохожіе на наши, а совсѣмъ другіе,—оживлялась Марылька, и все больше и больше, жестикулировала и схватывалась съ мѣста:—окна небольшія, всѣ въ разноцвѣтныхъ стеклахъ; когда солнце заглянетъ, то такіе чудные узоры лежатъ отъ нихъ на коврахъ и на стѣнахъ, а ковры какіе: какъ поставишь ногу, такъ въ нихъ вся и потонетъ, вотъ до этихъ поръ,—выставила она чудную, обутую въ мягкій турецкій „чевикъ" ножку.—А стѣны какія! Всѣ въ узорахъ, да въ каменныхъ кружевахъ, да въ какихъ-то фигурныхъ сводахъ; кругомъ низенькіе, штофные диваны, атласныя подушки, ароматныя курильницы...

— И ты въ такомъ восторгѣ отъ этой тюрьмы?—отступилъ даже Богданъ.—Ну, что-жъ дальше?

— Дальше?—улыбнулась панна и остановила долгій взглядъ на Богданѣ, а тотъ, блѣднѣя отъ нетерпѣнія, не отводя глазъ отъ разсказщицы, ждалъ ея дальнѣйшихъ признаній.

— Дальше что?

— Ну, намъ подали угощенія: разныя пирожныя, шербетъ, померанцы, ахъ, какіе вкусные шербеты!—всплеснула она въ восторгѣ руками,—а потомъ кофе, только черное, горькое, а потомъ повели меня въ другую комнату и показали цѣлые шкафы нарядовъ всякихъ, всякихъ: и шелки, и „адамашки", и шали, и перлы, и самоцвѣты. Ахъ! Глаза у меня разбѣжались. А цыганка и говоритъ, что старичекъ все это мнѣ даритъ, чтобы я вотъ сейчасъ выбрала себѣ уборъ, потому что старое мое платье поистрепалось. Ну я и выбрала такое хорошенькое, да пышное...

— А дальше то, дальше?—слышался почти стонъ въ голосѣ смущеннаго козака.

— Дальше? Пришелъ къ намъ ввечеру тотъ самый старикъ еще въ лучшемъ халатѣ; цыганка схватилась и бросилась ему въ ноги, а онъ ко мнѣ. Я оторопѣла, стою; только дѣдъ ничего: смотритъ все на меня, улыбается, руки къ сердцу прижимаетъ и глазами вотъ такъ и водитъ... смѣшно... да все къ татаркѣ что-то, а та только кланяется, а потомъ говоритъ мнѣ, что вотъ вельможа

нашъ жалуетъ меня всѣмъ, что я, молъ, полюбилась ему какъ дочь,— улыбнулась лукаво Марылька,—что паша проситъ, чтобы я не тревожилась, что меня никто пальцемъ не тронетъ, что онъ пошлетъ гонцовъ разыскать, кого мнѣ хочется, но что это можно только весной, а чтобы мнѣ пріятнѣй было самой разговаривать, такъ онъ-де пришлетъ учителей учить меня по-турецки, а потомъ, когда паша уходилъ, то поцѣловалъ меня въ голову и что-то сказалъ. Цыганка объяснила, что онъ звалъ меня и розой, и какою-то звѣздой, повелительницей...

— Старикъ приходилъ къ намъ часто,—продолжала Марылька,—все восхищался и прикладывалъ руку то къ головѣ, то къ сердцу, а потомъ и учителя начали приходить, такіе противные, черные, безусые, безбородые, какъ бабы, и я училась... а знаешь, тато, что значитъ: „силяй, ай лекимъ?“

— Знаю: я по-турецки и по-татарски умѣю.

— Умѣешь? Тебя, тато, учили? Вотъ и отлично,—захлопала она въ ладоши,—мы будемъ разговаривать и насъ никто не пойметъ.

— Хорошо, хорошо! Ну, а дальше?..

— Что-жъ дальше? Хоть насъ и кормили, и одѣвали, и холили, а тоска пошла смертная! Я просилась хоть погулять,—не пускали, только въ закрытомъ „каюкѣ“ возили иногда, да водили гулять въ садъ, окруженный стѣною. Я опять стала плакать и чахнуть въ этой тюрьмѣ: такая меня окрыла туга-печаль, такая боль за татусемъ родненькимъ, за своей родиной, за горами, за Волынскими лѣсами, за нашими „роскошами“, привольями... Сердце чуяло, что только тамъ оно можетъ найти искренняго друга, что только ему оно можетъ откликнуться,—брызнула она на своего покровителя искрами загорѣвшихся глазъ, и потомъ добавила совершенно невинно:— Ну, мнѣ стали приводитъ танцовщицъ, показывать фокусы...

И Марылька начала передавать съ такимъ наивнымъ восторгомъ всѣ эпизоды и случаи изъ своей Кафской жизни, что у подозрительнаго козака отхлынула совсѣмъ отъ сердца тревога, а напротивъ зажглась и запылала въ немъ яркая радость: онъ весь обратился въ слухъ, и, безучастный въ это мгновеніе ко всему міру, наслаждался лишь чарующей прелестью, обаятельнымъ голоскомъ, да обольстительной игривостью своей новой, обрѣтенной такъ неожиданно, такъ чудесно дочки.

Между тѣмъ послышался слабый стукъ. Марылька прислушалась и прервала свои слова.

— Что-то, какъ будто, стукнуло, или треснуло,—замѣтила она.

— Гдѣ? Что треснуло?—вздрогнулъ, словно во снѣ, Богданъ, не понявши ясно ея словъ.

— На потолкѣ, или это я табуреткой,—засмѣялась она,—вѣрно, табуреткой, да, да!.. А потомъ цыганка открыла мнѣ,—закончила съ загадочной улыбкой панна,—что меня ждетъ новая, блестящая, счастливая доля, что я буду вознесена на такую высоту, что и глянуть страшно, что я буду могучей повелительницей востока,—и все, все склонится у моихъ ногъ, а я, въ золотѣ и брильянтахъ, буду однимъ мановеньемъ руки рѣшать судьбы народовъ!

— А!—застоналъ Богданъ,—тебя купили у чортовой вѣдьмы, какъ товаръ, чтобъ съ выгодой потомъ перепродать въ болѣе дорогіе гаремы... и это тебя не возмущало? Впрочемъ, могла-ли ты, мое ненаглядное дитятко, знать въ этомъ продажномъ мірѣ всѣ скверны... И сердце, и помыслы дѣвичьи у тебя чисты, какъ чиста яснымъ утромъ на небѣ лазурь.

— Понять-то я всего не могла,—опустила она стыдливо глаза,—но мнѣ казалось, что если быть въ тюрьмѣ, то лучше уже быть въ болѣе пышной. Власть и богатство начинали прельщать меня, а роль повелительницы опьяняла мое воображеніе... Притомъ-же, я, въ безъисходной долѣ своей, порѣшила давно, что моего отца нѣтъ больше на свѣтѣ, и что не найдется на моей родинѣ никого, кому бы дорога была заброшенная въ тюрьму сиротка, кто бы протянулъ ей руку помощи... порѣшила и покорилась съ тоской своей участи, утѣшая себя лишь сказочными миражами... Ну, меня повезли на галерѣ, на насъ напали... Остальное знаетъ мой тато...

Опьяненными отъ восторга глазами смотрѣлъ Богданъ на свою новую дочку; въ груди его бушевала безумная радость, сердце сладостно билось, каждая жилка дрожала отъ счастья и млѣла... Сначала онъ возмутился было приливомъ нежданнаго чувства, неподобавшаго закаленному козаку, семьянину; но потомъ оправдалъ его обязанностями побратыма, клятвой, данной пожертвовавшему жизнью своей товарищу, что онъ будетъ любить и жалѣть его дочь, какъ свою, а потомъ... потомъ онъ уже и не сталъ сдерживать бурнаго потока, охватившаго его огненной лавой.

Марылька почуяла этотъ зной и зажглась отъ него, зардѣлась вся полымемъ: на нее самое произвелъ сильное впечатлѣніе статный, полный мужественной красоты рыцарь, съ орлинымъ взглядомъ, съ властнымъ голосомъ, а его подвигъ, его горячее сочувствіе, проявившееся къ ней, отозвались въ ея польщенномъ сердцѣ благодарной, созвучной струной..

— Ахъ, тогда было мнѣ все равно,—вздохнула она грустно,—а теперь...—ожгла она атамана взглядомъ,—теперь... я бы скорѣе бросилась въ море, чѣмъ продала свою жизнь,—произнесла она искренно, горячо.

— Дѣточка моя, счастье мое!—вскрикнулъ въ экстазѣ Богданъ и прижалъ къ мощной своей груди Марыльку, осыпавъ ее поцѣлуями; потомъ, опомнившись и устыдясь своего порыва, отошелъ сконфуженно въ сторону и, открывъ крохотное оконце, выставилъ на свѣжій и сильный вѣтеръ свое пылающее лице.

Начинало уже сѣрѣть; чайку сильно качало. Второй разъ послышался слабый стукъ въ потолокъ, но Богданъ, погруженный въ себя, не замѣтилъ его: онъ ощущалъ въ груди лишь пламенный ураганъ, потрясавшій всѣ его нервы, всѣ фибры какимъ-то неизъяснимымъ восторгомъ, какимъ-то сладкимъ угаромъ.

Наконецъ, Богдану почудился возрастающій шумъ на палубѣ и донеслись оттуда даже крики; они отрезвили его и заставили спѣшно направиться къ выходу, но въ это время дверь распахнулась, и на порогѣ показался встревоженный дѣдъ.

— Иди, сынку, скорѣе на палубу!

— А что тамъ такое?—очнулся Богданъ.

— Да что-то неладно: вѣтеръ крѣпчаетъ, вдали показались какъ будто ворожьи суда,... всѣ тебя ищутъ, ропщутъ...

— Ропщутъ?! Чего?

— Да просто подурѣли, бунтуютъ... Нашлись пріятели Рассохи, гомонятъ, что козака, молъ, бросили въ море за бабу, а атаманъ съ ней возится до свѣта...

Побагровѣлъ Богданъ и бросился на „чардакъ".

Онъ стремительно выбѣжалъ изъ каюты на верхъ и остановился на „чардакѣ", окинувъ всѣхъ гордымъ, вызывающимъ взглядомъ. Лицо его пылало отъ волненія, глаза сверкали мрачнымъ огнемъ, непокрытая шапкой „чуприна" трепалась на вѣтрѣ. При появленіи „наказного", всѣ сразу притихли; но по сумрачнымъ лицамъ, по опущеннымъ внизъ глазамъ, можно было догадаться, что за минуту между „товарыствомъ" шла буря и что буря эта была направлена противъ него, ихъ батька-атамана.

— А что, панове товарыство, чѣмъ это вы недовольны?—спросилъ, наконецъ, не дожидая запроса, Богданъ.

Вопросъ остался безъ отвѣта. Козаки хранили упорно молчаніе, нагнувъ еще ниже свои бритыя съ „оселедцами" головы.

— Что же, панове,—обратился къ нимъ снова Богданъ, выждавъ длинную паузу,—коли есть что, такъ говорите прямо въ глаза, какъ подобаетъ честному лыцарству, а не „по за очи": правда, вѣдь, свѣта не боится, а кривда только любитъ потемки...

Послышался робкій, неясный говоръ: или мятежные боялись разгнѣвать атамана, или не рѣшались его огорчить; впрочемъ, между гуломъ тревожнаго говора уже слышались отрывистыя слова: „не до

часу забава"... „покарали одного смертью за бабу, а самъ атаманъ"... „смерть ей, чертовкѣ!" Послѣдняя фраза начала повторяться выразительнѣе и чаще, грозя перейти въ общій крикъ.

Отлила кровь у Богдана отъ лица къ сердцу, закипѣло оно оскорбленіемъ, гнѣвомъ загорѣлись глаза; онъ поднялъ надменно голову, сжалъ въ рѣзкую складку черныя брови и властнымъ голосомъ остановилъ возрастающій ропотъ.

— Что-о?—почти крикнулъ онъ, сложивъ на груди руки.— Выходите, клеветники, и обвиняйте меня смѣло въ такой гнусности, а не прячьтесь за головы другихъ, какъ школяры въ бурсѣ! Знаете-ли вы, безумцы, чья это дочь, дитя недорослое? Это дочь вашего товарища, не пожалѣвшаго за насъ свою жизнь, дочь, блаженной памяти, запорожца Грабины.

— Грабины?—раздался по всей чайкѣ единодушный крикъ.

— Да, Грабины,—продолжалъ Богданъ, замѣтивши, какое впечатлѣніе произвели на окружающихъ его слова:—онъ самъ еще въ Сѣчи признался мнѣ въ томъ, что у него дочь есть, Марылька, которую цыганка украла и продала въ неволю. Когда онъ услыхалъ, что мы безъ него уйдемъ въ походъ, то, безъ моего вѣдома, закрался въ чайку, надѣясь, что мы не минемъ Кафы, гдѣ зналъ, что находилась его дочь... Передъ смертью заклиналъ онъ меня и заставилъ поклясться, что я спасу ее... И вотъ самъ Господь, „зглянувшись" надъ душей несчастнаго товарища, посылаетъ намъ на встрѣчу его дочь... а вы... вы что хотѣли сдѣлать? Въ благодарность за то, что Грабина жизни своей не пожалѣлъ ради насъ—вы хотѣли умертвить его дочь, да еще что̀ выдумали на невинное дитя!

— Мы не знали, подумать не могли, батьку,—зашумѣли отовсюду сконфуженные голоса..

— Будемъ беречь ее, какъ зѣницу ока! Грѣхъ, панове, оставить въ бѣдѣ дочь товарища!—поднялся дѣдъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Будемъ, будемъ! Живота за нее не пожалѣемъ,—отозвались всѣ горячо.—Пусть она дочкой нашей будетъ!

— Спасибо вамъ, дѣти!—поклонился всѣмъ Богданъ, обнаживши голову,—отъ лица покойнаго Грабины, который уже не можетъ „озваться", говорю вамъ спасибо.

— Что ты, что ты, сыну!—остановилъ его дѣдъ:—за что тутъ „дяковатъ". Мы всѣ объ ней должны подумать, какъ и онъ подумалъ о насъ.

— Правда, правда!—отозвались шумно козаки.

— Ну, вотъ и дѣло!—повеселѣлъ Богданъ:—можетъ и намъ Господь за добрый „вчынокъ" пошлетъ свою ласку... Только вы

не промолвитесь никто, что батько панночки уто-нулъ, а то это извѣстіе убьетъ ее... она наложитъ на себя руки...—и онъ сталъ продолжать свой разсказъ.—Такъ вотъ, видите-ли, панове, я съ одного ея слова замѣтилъ, что она полька и пошелъ допросить „бранку“. Слово по слову,—она мнѣ и разсказала, что она полька, Грабовскаго пана дочка, что его преслѣдовали паны за братанье съ народомъ, что сдѣлали наѣздъ, что онъ спасся на Запорожье, а ее, дочку его, во время разбоя, украла цыганка и отвезла въ Кафу, а изъ Кафы уже доставляли въ Царьградъ, въ гаремъ.

— Ахъ они дьяволы!—раздались среди козаковъ гнѣвные возгласы.

— То-то,—продолжалъ Богданъ,—несчастное дитя жизни себя лишить хотѣло, а вы то что...

— Прости, батьку,—обнажились многія головы,—начали мы галдѣть, а тутъ снова буря встаетъ да и ворожьи галеры...

— Какое же у васъ довѣріе ко мнѣ, коли довольно одного пустопорожняго слова, занесеннаго вѣтромъ, чтобы взвесть на атамана „пакость“.

— Прости, прости, батьку!—завопили всѣ козаки, нагибая чубатыя головы.—Это вотъ Разсохины пріятели взъѣлись на панну, что черезъ нее загинулъ славный козакъ... а ужъ изъ-за нея какъ-то поремствовали и на тебя, батьку...

— Неправда, несчастный Разсоха пострадалъ не черезъ невинную панну, а черезъ пьянство: оно его довело и до грѣха, и до смерти.

— И справедливо,—подтвердилъ дѣдъ,—паршивая овца все стадо портитъ!

— Какъ-же не портитъ, коли портитъ!—съ азартомъ выкрикнулъ черномазый, какъ цыганъ, козакъ.—Вонъ и пріятели его „наважились“ на нашего батька поднять голосъ... и ихъ бы въ море!

— Каемся!.. Прости на словѣ!—отозвались дрожащими голосами три козака, сидѣвшіе между гребками, внизу чайки.—Хоть и покарай, а прости, батьку!

— Богъ васъ проститъ!—сказалъ торжественно Богданъ, успокоившись внутренно за панянку.—Гдѣ люди, тамъ и грѣхъ... А только помните братцы, что для Богдана ваша доля и ваше благо—важнѣе всего на свѣтѣ!

— Вѣримъ, вѣримъ!.. Слава атаману!—загалдѣли со всѣхъ гребокъ козаки, махая шапками въ воздухѣ.

Богданъ тоже снялъ шапку и, поклонившись товарищамъ, началъ осматривать море кругомъ.

Было уже полное утро; но туманъ или предвѣстники бури—низко несущіяся облака—закутывали даль молочною мглой; волны словно курились бѣлымъ паромъ, что сначала за ними бѣжалъ, потомъ тяжелѣе сгущался, а встрѣтясь съ сосѣдней струей, клубился, сливаясь въ какой-то безконечный пологъ, ползущій надъ моремъ.

— Съ какой стороны были, диду, галеры?—спросилъ, наконецъ, у дѣда Богданъ.—Не вижу нигдѣ...

— Да, затуманило,—мотнулъ головою старикъ,—а вонъ тамъ, на „полуднѣ" были видны... штуки три, либо четыре...

— Гм! Значитъ, турецкія...—задумался Богданъ.—Оно бы не дурно „пошарпать" и потопить еще штуки двѣ, да мало насъ, а въ туманѣ и не соберешь... По моему, лучше повернуть прямо на полночь... Къ тому-же и вѣтеръ, кажись, сталъ „погожимъ".

— Правильно, сынку, „миркуешь": вѣтеръ поможетъ прибиться намъ къ берегу и по моему разсчету—къ Буджацкому, потому что-то насъ здорово отнесло въ правую руку.

— Такъ это отлично!—обрадовался Богданъ.—Только какъ-бы намъ собрать чайки, да сообщить всѣмъ нашу думку? Вѣдь стрѣлять изъ „гарматы" опасно, какъ разъ привлечешь тѣмъ врага...

— Оно-то какъ будто такъ... А „про то", кто его знаетъ, сыну?—потеръ рукою лобъ дѣдъ.—Врагъ то все равно „прямуетъ" на насъ, того и гляди, наскочитъ въ туманѣ, вѣдь онъ на парусахъ претъ, а мы на веслахъ... такъ все единственно... а гуртомъ и обороняться легче.

— Пожалуй, что и такъ,—согласился Богданъ,—если-бы и мы подняли паруса, да двинулись наутекъ, такъ этимъ черепахамъ не догнать-бы насъ... Эхъ!—махнулъ онъ энергично рукой,—„чому буты, тому статысь", а прикажите-ка, диду, „гукнуть" раза два изъ „гарматы".

Черезъ нѣсколько мгновеній вздрогнула чайка и раздался звукъ выстрѣла, глухо исчезнувшій вдали. Богданъ воспользовался небольшимъ промежуткомъ времени между вторымъ выстрѣломъ, проскользнулъ незамѣтно въ каюту и успокоилъ Марыльку. Гаркнула и второй разъ фальконетная пушка. Богданъ уже стоялъ вновь на „чардакѣ" и зорко присматривался да прислушивался кругомъ; онъ даже велѣлъ остановиться и поднять весла...

Туманъ налегалъ и густѣлъ все сильнѣй и сильнѣе; съ „чардака" уже трудно было разглядѣть и корму въ чайкѣ... Послышался плескъ... „Свои или галера"?—мелькнула у атамана мысль, и онъ отдалъ тихо приказъ осмотрѣть оружіе и быть на готовѣ.

Но вотъ показался острый носъ, и чайка, скользнувъ по волнѣ, чуть не ударилась объ атаманскую.

— Наши!—послышался успокоительный говоръ.

— Чья чайка?—спросилъ Богданъ.

— Сулиминская,—отвѣтилъ съ нея рулевой.

— А какъ атаману вашему?

— Слава Богу!

— А другихъ чаекъ не видѣли?

— За нами двѣ ѣхало.

Вскорѣ показалось изъ тумана еще три чайки, а впродолженіе получаса—еще три, и потомъ, наконецъ, еще одна; больше же не прибывало. Дальше ждать было и безполезно, и опасно: въ туманѣ чайки неслись куда-то, по волѣ волнъ, и можно было ожидать ежеминутно столкновенія съ галерой, тѣмъ болѣе, что послѣдняя чайка принесла извѣстіе, что видѣла ее недалеко отсюда.

— Панове-молодцы, лыцари-запорожцы!—зычно крикнуль Богданъ,—намъ мѣшкать больше нельзя,—врагъ на носу. Поручимъ товарищей нашихъ святому Богу и заступницѣ за насъ, Дѣвѣ Пречистой, а сами поднимемъ сейчасъ паруса и на всѣхъ веслахъ двинемъ за вѣтромъ на „полночь“, къ Буджаку.

— Згода,—отозвались въ туманѣ сотни голосовъ, и чайки, поднявъ свои широкія крылья-вѣтрила, понеслись на сѣверъ, оставляя позади себя крутящіяся ленты сверкающей серебромъ пѣны. Гребцы рвали волны изо всѣхъ силъ, чувствуя за спиной погоню.

Прошло часа два бѣшенаго бѣга. Время приближалось къ полудню. Туманъ, сгустившись въ тяжелыя облака, началъ медленно подниматься надъ моремъ. Въ узкомъ просвѣтѣ показалась невдалекѣ чайка, а вонъ дальше, какъ будто, мелькнула и другая... Между тѣмъ, бѣлыя облака поднимались все выше да выше и рвались въ высотѣ, пропуская сквозь щели яркіе блики лазури, а вотъ сверкнули, пронизывая ихъ, и золотые лучи, окрасивъ бѣлесоватые клубы въ бронзовые и перламутровые колера, сверкнули, заиграли изумрудами на посинѣвшихъ волнахъ и разсыпались искрами по козацкимъ „рушницамъ“. Облака, поднявшись выше, словно растаяли и разметались вѣтромъ по ярко-голубому простору.

Оглянувшись, козаки увидѣли за собой не далѣе, какъ на два пушечныхъ выстрѣла, двѣ галеры; онѣ шли сначала наискось, какъ бы пропуская чайки, но, замѣтивъ ихъ, сразу измѣнили курсъ и повернули прямо на козаковъ. Двѣ другія галеры были въ сторонѣ, значительно дальше, но тоже, повидимому, повернули, отрѣзывая отступленіе чайкамъ; по сосѣдству было лишь четыре, не больше, а остальныя отбились направо, далеко впередъ.

Богданъ выкинулъ на мачтѣ своей флагъ, означающій разсыпной строй, хотя и безъ того всѣ козаки знали единую въ этомъ случаѣ тактику: разлетѣться во всѣ стороны и заставить галеру преслѣдовать чайки по одиночкѣ. Но едва галера пускалась въ погоню за намѣченной жертвой, какъ разлетѣвшіяся ладьи снова слетались въ тылу, словно легкокрылыя ласточки за злымъ коршуномъ, щипали галеру мѣткими пулями, а при возможности и бросались въ аттаку. На этотъ разъ галеры, примѣтивъ ничтожное количество чаекъ, смѣло двинулись за ними въ погоню.

Ладья наказного атамана попробовала было, лавируя въ сторону, выйти изъ линіи преслѣдованія, но ближайшая галера намѣтила ее зорко и не выпускала изъ курса. Вѣтеръ попутный крѣпчалъ; выгнутый, что лебяжья грудь, парусъ накренялъ ладью на одинъ бокъ, и она стрѣлою неслась, разрѣзывая острымъ носомъ встающія волны, а дружные удары веселъ еще увеличивали ея размѣренные скачки. Но галера летѣла на всѣхъ парусахъ и хотя разстояніе между нею и чайкой, на, и глазъ не уменьшалось, но за то и не увеличивалось... Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, не измѣнятъ-ли козакамъ силы, а, главное, вѣтеръ! Если они удержатъ до ночи такое же разстояніе, то будутъ спасены, а если до сумерокъ приблизится къ нимъ на пушечный выстрѣлъ галера, то гибель ихъ неизбѣжна.

Богданъ стоялъ теперь на кормѣ у руля неотходно, зорко слѣдя за бѣгомъ чайки и поворачиваясь все чаще и чаще назадъ.

Всѣ загорѣлыя, бронзовыя лица козачьи были сосредоточены и серьезны, не слышалось ни прибаутокъ, ни смѣху: козаки молча гребли, молча по знаку смѣнялись гребцы и молча свободные отъ гребокъ осматривали мушкеты и сабли. Богданъ тоже угрюмо молчалъ, перекидываясь лишь изрѣдка съ рулевымъ отрывистымъ словомъ; разъ только подозвалъ онъ къ себѣ Рябошапку и что-то шепотомъ сообщилъ ему на ухо.

А панна Марылька, по уходѣ Богдана, снова осталась въ каютѣ одна, подавленная наплывомъ разящихъ впечатлѣній, смѣнившихъ быстро огонь сказочныхъ грезъ на холодъ ужаса, оцѣпенѣніе отчаянія на трепетный порывъ радости. Она лежала на походной „канапѣ“ въ какой-то истомѣ; глаза ея были закрыты, но потрясенные нервы не могли успокоиться сномъ, а раздражали болѣзненно мозгъ, который напрасно силился разобраться въ этомъ хаосѣ мятущихся думъ. Марылька только чувствовала всѣмъ своимъ существомъ, что поднявшійся надъ ней ужасъ ушелъ, что вмѣсто него у изголовья сталъ кто-то близкій, родной, возвратившій ей бытіе, и отъ этого сознанія трепетало у нея радостью сердце.

Тамъ, въ Кафѣ, Марылька мало-по-малу привыкла къ своей золотой клѣткѣ и начала сживаться со своимъ горемъ; въ наркотической атмосферѣ восточной нѣги и лѣни физическій организмъ ея развивался, словно въ теплицѣ, и она, полудитя еще, уже начинала себя чувствовать женщиной, могущей своими чарами опьянять до экстаза другихъ, даже старцевъ. Шопотъ страстей начиналъ безсознательно просыпаться въ ея сердцѣ и манить чѣмъ-то таинственнымъ, обаятельнымъ, тѣмъ болѣе, что праздный умъ ея въ одиночествѣ питался лишь фантазіями да волшебными сказками, полными заманчивыхъ, неизвѣданныхъ наслажденій. Выѣздъ изъ Кафы, предстоящее ей необычайное положеніе, дѣлали ее сказочною героиней, туманили головку угаромъ и обольщали ея сердце гордыней, и вдругъ—ужасъ насилія, смерти, неожиданное спасеніе и воскресшее прошлое съ его болями, съ его живыми радостями, съ его свѣтлымъ счастьемъ... и наконецъ этотъ спаситель, этотъ благородный, доблестный рыцарь! Кто онъ такой? Откуда явился? Кѣмъ посланъ ей на помощь?—задавала себѣ вопросы Марылька, вызывая въ своемъ воображеніи прекрасный образъ Богдана. По одеждѣ онъ, видимо, козацкій атаманъ, но по разговору, по обращенью—настоящій рыцарь. А кто знаетъ, быть можетъ онъ и есть какой-нибудь князь или графъ. Вѣдь многіе благородные шляхтичи часто ѣздятъ на Запорожье, чтобъ вмѣстѣ съ храбрыми козаками воевать противъ невѣрныхъ... Да... да... вѣдь онъ знаетъ отца ея... Откуда-бъ онъ зналъ его, еслибъ былъ простымъ козакомъ? И всѣ козаки относятся къ нему здѣсь съ такимъ почтеньемъ... Да, иначе и быть не можетъ: такой красавецъ, такой рыцарь, развѣ онъ могъ-бы быть простымъ козакомъ? Навѣрное онъ славный магнатъ, извѣстный на всю Польшу! И Марылька снова вызывала въ своемъ воображеньи красивое лице Богдана съ его благородными чертами и смѣлымъ огненнымъ взглядомъ. Но при воспоминаніи объ этомъ огненномъ взглядѣ, сердце ея начинало биться быстрѣй, и словно какая-то горячая волна пробѣгала по всему ея тѣлу. Марылька вспоминала, съ какимъ восторгомъ остановился Богданъ на порогѣ комнаты, увидѣвши ее, съ какой трогательной тревогой разспрашивалъ о прошедшемъ, съ какимъ сердечнымъ порывомъ клялся замѣнить ей отца, какъ цѣловалъ ея руку, какъ испугался при ея разсказѣ о Кафской жизни, какъ обжигалъ ее восторженнымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ, и при каждомъ этомъ воспоминаніи горячая волна пробѣгала по тѣлу Марыльки и заставляла биться ея сердце горячѣй... Да, онъ посланъ ей, какъ избавитель, какъ спаситель... Онъ поведетъ ее далеко, далеко, къ какому-то невѣдомому, но прекрасному счастью...

Какіе-то смутные призраки, вызванные разговоромъ съ этимъ красавцемъ козакомъ, вставали передъ ней; неясныя, сладкія мечты зарождались въ душѣ, миражные, невѣдомые образы то тускнѣли, то снова выплывали, яркіе и прекрасные, передъ Марылькой. Глаза ея слипались и снова открывались. Теплота, уютное, спокойное ложе и полная безопасность отгоняли воспоминанья пережитаго ужаса и навѣвали дивныя грезы... А чайку, между тѣмъ, покачивало, и эти равномѣрныя движенія убаюкивали Марыльку. Образы ея фантазіи сливались, принимали все болѣе и болѣе причудливыя формы, и среди нихъ являлся неотступно все тотъ-же красавецъ-козакъ. То перэдъ ней вставалъ онъ такимъ отважнымъ и прекраснымъ, какимъ она увидѣла его на пылавшей галерѣ, то ей казалось, что онъ любовно прижалъ ее къ своей груди и уноситъ далеко, далеко по снѣжной пустынѣ, то ей мерещилось, что онъ стоитъ въ порфирѣ, коронѣ, и она, Марылька, рядомъ съ нимъ, а вокругъ нихъ шумитъ и кричитъ восторженно все блестящее лыцарство...

Наконецъ, видѣнья всѣ потускнѣли, Марылька свернулась клубочкомъ, какъ кошечка, и забылась сладкимъ, юнымъ сномъ. И приснилось ей, что Богданъ стоитъ передъ ней на колѣняхъ и, охвативши ея голову руками, крѣпко, крѣпко прижимается къ ея губамъ. Отъ этого поцѣлуя какой-то огонь разливается у ней по жиламъ. Марылькѣ и жутко, и страшно, и сладко, и сердце замираетъ у ней въ груди...

Дружно гребли удальцы: не измѣняла козакамъ сила, только смѣны на гребкахъ учащались все больше. Галера была на виду, но чайка замѣтно выигрывала въ бѣгѣ. Уже солнце, перешедши за полдень, склонялось къ рубежу игравшаго изумрудами моря; уже этотъ рубежъ начиналъ зажигаться розовымъ отблескомъ, когда замѣтилъ дѣдъ, что вѣтеръ перемѣнилъ отчасти свое направленіе и какъ-будто-бы сталъ стихать. Два раза дернулъ дѣдъ за веревку, прикрѣплявшую пологъ паруса къ чайкѣ, и оба раза почесалъ себѣ съ досадой затылокъ. Хотя надутый парусъ не терялъ еще красоты своихъ формъ, но по немъ пробѣгали уже струйки какой-то сомнительной ряби, и изрѣдка начинали слышаться тревожныя хлопанья.

— А что, диду, стихаетъ?—спросилъ угрюмо Богданъ.

— Что-то похоже,—проворчалъ дѣдъ,—утомилась, спочивать хочетъ погода... выше еще тянетъ, чтобъ ей пусто было, а надъ водою слабѣетъ... Ишь!—дернулъ онъ еще разъ веревку.

— Погано,—замѣтилъ Богданъ,—это имъ на руку: у нихъ вѣдь, высокія мачты, что звоницы, а у насъ... Хоть бы до сумерокъ дотянуть.

— Да что-жъ? Часа два осталось, не больше... авось вытянемъ... лишь-бы не улегся вѣтеръ съ похмѣлья совсѣмъ.

Прошелъ часъ. Солнце уже начало окрашивать пурпуромъ далекій край моря. Огненная дорога протянулась по неоглядной, синѣющей дали, дробясь на верхушкахъ волнъ въ изумруды, алмазы и яхонты, утопая въ далекой пламенѣющей безднѣ. Вѣтеръ стихалъ и стихалъ. Парусъ, изморщенный, обвислый, колыхался уныло, издавая слабые звуки шороха, словно хрипы умирающаго больного... контуръ галеры яснѣлъ и увеличивался замѣтно для всѣхъ...

Вдругъ на носу галеры показалась струя бѣлаго дыма, и черезъ минуту что-то зашипѣло вдали и шлепнулось въ воду позади чайки, взбивъ цѣлый фонтанъ радужной пѣны... только теперь долетѣлъ отдаленный грохотъ и заставилъ козаковъ оглянуться.

— Ишь, уже кашляетъ!—замѣтили одни.

— Думала плюнуть, да не хватило духу,— улыбнулись другіе.

— А можетъ и намъ, батьку, отплюнуть?—поднялся на ноги черномазый козакъ, оскаливъ бѣлые, какъ перламутръ, зубы.

— Отплюнемъ, небось! — заломилъ шапку Богданъ,— далеко еще, не докинетъ. . А вы, братцы, поналяжьте на весла: вѣтеръ намъ измѣнилъ, да „байдуже“, и безъ него справимся: еще какой-либо часъ—и, хоть-бы имъ повылазило, насъ не увидятъ, а мы еще имъ, дьяволамъ, поднесемъ „червоного пивня“.

— Любо! Атаману слава!—крикнула вся дружина, и весла начали еще быстрѣй взлетать надъ ладьей и дробить въ жемчугъ темнѣвшія воды.

Но какъ ни напрягали своихъ силъ козаки, а конкурировать при такихъ обстоятельствахъ въ бѣгѣ съ галерой было невозможно: послѣднюю верхними парусами гналъ хорошо еще вѣтеръ, а чайка, сложивъ паруса, шла только на однихъ веслахъ. Блеснулъ во второй разъ огонь на галерѣ, загудѣло что-то вдали и рѣзко взбило волну весьма уже близко отъ кормы.

— А ну, „гармаше“, гукни теперь и имъ! —обратился Богданъ къ черномазому козаку.

Молча послѣдній навелъ небольшую, съ длиннымъ дуломъ, фальконетную пушку и, нѣсколько разъ пригибаясь и отклоняясь, провѣрилъ прицѣлъ и приложилъ къ пановкѣ фитиль: загрохоталъ выстрѣлъ, широкими кольцами побѣжалъ бѣлый дымъ по волнѣ. Затаивъ дыханіе, приставивъ руки къ глазамъ, уставились козаки зорко въ галеру. Вдругъ на носу у ней что-то сверкнуло, какія-то щепки полетѣли кругомъ и заметались, отскочивъ назадъ, черныя точки...

— Попало, попало!—крикнули весело козаки.—Молодецъ, цыганъ! Спасибо! Вали имъ еще другую галушку въ гостинецъ!

А солнце уже багровымъ шаромъ погружалось въ далекія, растопленныя червоннымъ золотомъ, воды; еще какіе-нибудь полчаса и козаки уже могли быть покрыты благодѣтельной мглой. Но галера видимо насѣдала, пустивъ, кромѣ верхнихъ парусовъ, въ ходъ и весла.

Грянулъ еще выстрѣлъ съ чайки; но гаркнула въ отвѣтъ и галера: ядро съ страшнымъ свистомъ пронеслось надъ головами козаковъ, оторвавъ маковку мачты, и бултыхнулось далеко впереди, въ море.

— Ишь, каторжные!—погрозилъ кулакомъ дѣдъ,—таки „шкоду зробылы“!

— Да, близко уже клятые, пожалуй, не уйти намъ до полныхъ сумерокъ,—процѣдилъ сквозь зубы Богданъ.—А ну, хлопцы, по два на весла! Нажмите силушку! Солнце спряталось, ползетъ уже по волнамъ туманъ... Только „трошечки“, и имъ дуля!—Перебѣжалъ межъ рядами короткій смѣхъ; подсѣли къ гребцамъ еще козаки и чайка усиленными толчками начала быстрѣе скользить.

— А кто, панове-братове, охочій изъ васъ одурить „гололмозаго“ „люлькой“?—возвысилъ голосъ Богданъ.

— Я, я, я!— раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Довольно двухъ: ты, Жукъ, и ты, Блошица,—указалъ Богданъ рукою на черномазаго и на рыжаго козаковъ,—вы въ этихъ „фигляхъ“ опытны! Возьмите сбитую доску и по короткому веслу, да еще по доброй охапкѣ просмоленной пакли, отплывите сейчасъ далеко въ сторону и, когда галера начнетъ приближаться, закурите „люльки“, заискрите кресалами, а у насъ здѣсь, чтобъ и „люльки“ наверху не было,—подчеркнулъ онъ значительно.—Галера, замѣтивъ огонь, бросится за вами въ погоню, а мы тогда въ противоположную сторону, однимъ словомъ,—„круть-верть—въ черепочку смерть!“

— Знаемъ, знаемъ, батьку!—отозвались охотники.

— Важно!—ободрились всѣ въ чайкѣ.

— А коли галера наскочитъ,—продолжалъ Богданъ,—такъ вы скорѣе прячьтесь подъ ея крутые бока, да, прикрѣпивъ мѣстахъ въ двухъ, въ трехъ паклю, зажгите ее... Растеряются небось голомозые, не до васъ будетъ... Ну, а вы тогда ныркомъ да вплавь, душегубка будетъ на сторожѣ.

Торопливо спустили козаки нарочито приспособленную для этого, доску, усѣлись на ней и понеслись незамѣтною соломенкой въ сторону, а на чайкѣ все замолкло и умерло... Сумерки надвигались; но надвигался вмѣстѣ съ ними и грозный силуэтъ турецкой галеры.

Сумерки сгущались. Прогремѣлъ еще одинъ выстрѣлъ съ галеры, но ядро пронеслось стороной; чайка мертво молчала и про-

бовала незамѣтно измѣнить курсъ... Вдругъ Богданъ замѣтилъ, что галера начала поворачивать въ противоположную сторону.

— Клюетъ!—сказалъ онъ рулевому тихо.—Поворачивай смѣлѣй въ лѣвую руку, а вы, хлопцы, поналяжьте, только поосторожнѣе, еще „хвылыночку",—и „ударимъ лыхомъ объ землю!"

— 'Можетъ объ море! Гдѣ тутъ земля!—захихикалъ дѣдъ, и ближайшіе весело улыбнулись, безпечная отвага и удаль подымали бодрость во всѣхъ, а рискъ минуты доставлялъ ѣдкое удовольствіе.

Когда донесся съ галеры до козаковъ трескъ мушкетовъ, то чайка была уже далеко въ сторонѣ, почти позади непріятельскаго судна.

— Ужъ теперь имъ не до насъ!—громко произнесъ наказной,—ударьте смѣлѣе въ весла, и гайда противъ вѣтру!

Дружно всплеснули весла, раздался упругій толчокъ, одинъ, другой, третій,—и чайка понеслась трепетно въ лиловую мглу. Силуэтъ галеры тонулъ вдали, расплываясь въ туманѣ колеблющимися очертаніями, а сумракъ ползъ и закрывалъ отчаянныхъ удальцовъ отъ преслѣдованій врага...

Прошло нѣсколько времени. Вѣтеръ совсѣмъ упалъ. Море ласково закачало бѣжавшую по зыби ладью. Кругомъ стало тихо и мглисто.

— Ну, друзья, теперь уже миновала опасность... Поблагодаримъ Господа! Хай кроетъ Его ласка отъ бѣдъ нашихъ спасителей-братьевъ!—перекрестился Богданъ широкимъ крестомъ, а за нимъ обнажились набожно головы всѣхъ козаковъ и послышался сочувственный вздохъ.

— Смотрите, братцы, вонъ!—засуетился одинъ козакъ и привсталъ даже на гребкѣ.

Всѣ оглянулись и увидѣли далеко впереди, дрожавшее и расплывающееся кровавымъ свѣтомъ, въ туманѣ, пятно.

— Зажгли, ей-Богу, зажгли галеру!—хлопнулъ онъ энергично въ ладони.—Молодцы! Лыцари!

— Славно! Вотъ такъ потѣха!—заволновались кругомъ.

— Значитъ, дѣтки мои пока еще живы!—замѣтилъ радостно дѣдъ.

— Слушайте, братцы,—поднялъ голосъ Богданъ,—весла отставь! Теперь „по ночи" чорта пухлаго насъ найти, да никакой безмозглый и не погонится... а нашимъ орламъ нужно дать знать, гдѣ мы. Такъ запалите кто паклю и на веслѣ поднимите повыше!

Подняли наскоро слѣпленный факелъ; черезъ небольшой промежутокъ времени зажгли и другой... А пожаръ на галерѣ не потухалъ, зарево становилось все ярче и ярче; мигающій, кровавый свѣтъ освѣ-

щалъ уже почти полъ горизонта и отражался зловѣщимъ трепетомъ въ поднебесьѣ.

Наконецъ, послышались невдалекѣ тихіе всплески, и на темно-красныхъ, сверкающихъ алыми бликами волнахъ показался челнокъ съ тремя фигурами.

— Наши, наши! — посыпались на встрѣчу имъ радостные возгласы! — Всѣ, слава Богу, цѣлы!

И добрые молодцы вскорѣ были пересажены изъ душегубки на чайку, при восторженныхъ кликахъ и объятіяхъ атамана и друзей...

Почти цѣлую ночь безъ устали гнали чайку козаки; сначала они забирали все въ сторону отъ пылавшей галеры, служившей имъ теперь маякомъ, а потомъ поворотили прямо на сѣверъ къ предполагаемому Буджацкому берегу. Когда передъ свѣтомъ маякъ совершенно исчезъ или, быть можетъ, погасъ, Богданъ приказалъ отдохнуть козакамъ, не смыкавшимъ три ночи глазъ и, поднявши парусъ, да поставивши по смѣнамъ „вартовыхъ", улегся самъ на свернутыхъ канатахъ, подложивъ „лантухъ" съ сухарями подъ голову.

Прошла ночь совершенно спокойно. Къ разсвѣту опять посвѣжѣлъ вѣтеръ и парусъ снова принялъ граціозныя формы; чайка понеслась съ среднею скоростью, разрѣзывая и опережая угрюмыя волны. Наступилъ разсвѣтъ. Проснулись ободренные сномъ козаки, а еще раньше — Богданъ; онъ уже на разсвѣтѣ былъ у каюты, но панна спала, и онъ, умилившись издали ея чудной красой, на цыпочкахъ отошелъ отъ завѣтной двери наверхъ.

— Диду, какъ вы „миркуете" относительно этой панны, — обратился какъ-то робко и тихо къ старцу Богданъ. — Вѣдь ей все-таки неудобно быть между нами ни въ женской, ни въ турецкой одежѣ... и какъ-то не „личитъ", да и опасно — всякія встрѣчи могутъ быть: еще пока Богъ донесетъ до берега, а тамъ тоже по татарскимъ степямъ пока доберемся до родной границы — всего можетъ статься...

— А такъ, такъ, сынку, я и самъ объ этомъ подумывалъ, — уставился въ помостъ дѣдъ, — перерядить бы ее въ наше?

— Добре-бъ, да гдѣ его на такую „дытыну" достанешь?

— Стой, сынку! — поднялъ голову дѣдъ, весело улыбнувшись. — Я между добычею галерною видѣлъ много дѣтскихъ уборовъ и турецкихъ, и нашихъ: должно быть собачьи невѣры для своихъ хлопцевъ везли.

— Расчудесно! — восторженно потеръ руки Богданъ. — Вотъ такъ хлопецъ будетъ, просто — чудо!

Вскорѣ было найдено между рухлядью нѣсколько подходящихъ паръ и обуви, и одежи и даже шапокъ; все это взялъ съ собою

Богданъ и, незамѣтно спустившись къ каютѣ, передалъ въ двери паннѣ, сообщивъ ей, что для удобства въ пути и для безопасности лучше нарядиться въ мужской костюмъ, тогда онъ-де представитъ ее „товарыству" и поручитъ его защитѣ.

Когда запорожцы сидѣли за утреннимъ „снидапкомъ" и уписывали сухари съ саломъ, Рябошапка сдѣлалъ батьку атаману знакъ, и Богданъ, спустившись внизъ, не замедлилъ ввести съ собою молоденькаго „джуру". Взглянули козаки на атамана-батька съ этимъ хлопчикомъ и разинули рты отъ изумленія: Марылька въ новомъ нарядѣ была обворожительно хороша и своимъ задорливымъ выраженіемъ вызывала даже на суровыхъ лицахъ улыбку восторга.

— Панове-товарыство,—выдвинулъ Богданъ Марыльку немного впередъ,—вотъ вамъ и дитя нашего дорогого...—оборвалъ онъ рѣчь, спохватившись, и добавилъ, бросивши на всѣхъ многозначительный взглядъ,—родственница покровителя нашего, канцлера Оссолинскаго... Любите-же ее и жалуйте: разъ спасли отъ смерти, такъ и доставьте отцу, либо дядьку въ невредимости.

— Головы положимъ, пане-атамане, а не дадимъ и волосинкѣ пропасть!—зашумѣли козаки.

— Я, пышное лыцарство, и мой отецъ,—поклонилась низко Марылька и вспыхнула вся яркимъ полымемъ,—будемъ вѣкъ помнить вашу ласку, а для меня это время, что Богъ мнѣ судилъ провесть съ вами, и эта славная одежа будутъ найлучшими воспоминаніями въ жизни.

— Слава „джурѣ"! Слава пышной козачкѣ!—замахали шапками запорожцы, привѣтствуя своего новаго товарища-гостя.

— Разумная головка, славная „дытынка"!—погладилъ дѣдъ по шелковистымъ кудрямъ Марыльку.—Садись вотъ сюда, возлѣ меня,—моимъ внукомъ будешь,—усадилъ онъ возлѣ себя счастливую отъ пріема паненку,—и не побрезгай нашимъ хлѣбомъ-солью... А что, дѣтки, хорошаго внука „придбалъ"?—обратился онъ къ „товарыству", добродушно покачивая головой.

— Писаннаго, что и толковать!—отозвались одни.

— Такого бы и вспрыснуть не грѣхъ,—улыбнулись лукаво другіе.

— А что-жъ, коли слѣдъ, такъ и слѣдъ,—весело промолвилъ Богданъ, кивнувъ на кашевара; не смотря на все желаніе скрыть свою трепетавшую радость, она пробивалась у него и въ движеніяхъ, и въ очахъ и въ улыбкѣ.—Намучила вѣдь насъ минувшая бѣда до „знемоги", такъ можно козаку и подкрѣпиться чарчиной, другой... да и нашимъ славнымъ „люлешникамъ", что посвѣтили и голомозымъ и намъ,—нужно тоже, братцы, воздать честь.

— Слава, слава атаману-батьку!—воскликнули всѣ и загалдѣли, оживленно жестикулируя и смѣясь.

Выпили козаки по ковшу, по другому, закусили таранью, да и закурили свои походныя „люльки“.

— А ну, на весла братцы!—скомандовалъ Богданъ, становясь возлѣ рулевого.—По моему разсчету долженъ быть скоро и берегъ, такъ нельзя довѣрять чайку одному вѣтру, а то, при туманѣ, можетъ такъ шарахнуть о скалы, что и зубовъ не соберешь.

— И по моему, вотъ-вотъ долженъ быть берегъ,—всматривался во мглу дѣдъ,—такъ „на мене“ и парусъ убрать бы...

Время шло. Парусъ убрали. Гребцы осторожно гребли. Рулевой и Богданъ зорко смотрѣли впередъ. Дѣдъ съ своимъ новымъ внукомъ стоялъ на носу и слѣдилъ за волной.

— Стой! Берегъ!—крикнулъ неожиданно дѣдъ.—Волна пошла назадъ! Поворачивай впоперекъ и осторожно „рушай“!

Предостереженіе дѣда было въ пору: черезъ полчаса тщательныхъ изслѣдованій дна и мѣстности, чайка, наконецъ, пристала къ пустынному берегу; линія его, иззубренная обвалами, краснѣла и терялась въ туманѣ; невдалекѣ, на плоской возвышенности, было разбросано нѣсколько татарскихъ саклей; нѣкоторыя ютились у самаго моря.

— Смотри, не „Хаджибей“ ли?—пристально разсматривалъ дѣдъ этотъ поселокъ.

— Онъ и есть,—подтвердилъ Богданъ,—не „сгинула“ доля козачья! Лучшаго мѣста и придумать нельзя: и Очаковъ, и Кимбургъ позади, а до Аккермана далеко... По Каяльнику такъ вверхъ и двинемъ... Ужъ коли Богъ на морѣ помиловалъ, то „суходоломъ“ доведетъ насъ и до „кошевого“.

— Отчего не довесть, доведетъ,—отозвался черномазый козакъ,—только коней „чортма“, вотъ что досадно.

— А собственныя?—подмигнулъ дѣдъ,—„пишкы не мае замишкы“.

— Да,—улыбнулся Богданъ,—„non habetur subaqua pichotarum debes [1])!

— А, вотъ только,—почесалъ дѣдъ затылокъ,—гдѣ мы подѣнемъ войсковую добычу? Не зарыть ли гдѣ тутъ?

— Нѣтъ, диду,—отвѣтилъ Богданъ,—возьмемъ лучше съ собой: нужно въ Хаджибеѣ купить одну или двѣ арбы и коней, сколько

---

[1]) Не имѣя подводы, нужно ногами.—Въ давнее время бурсаки, ради остроумія, переводили нѣкоторыя русскія слова на латинскій языкъ такъ: sub—подъ, aqua—вода, а потому подвода—subaqua.

найдется... Ступай-ка ты, братъ, Черномазый, ты вѣдь по-татарски добре маракуешь, возьми съ собой еще кого для помощи, да переодѣньтесь въ басурманское, а то, какъ увидятъ христіанскую одежу, такъ всполошатся и знать дадутъ.

— Я мигомъ,—почесалъ усердно грудь и спину козакъ,—а ну-ка, Рябошапко,—обратился онъ къ одному изъ товарищей,—отыщи намъ важнецкую сбрую!

Переодѣлись Черномазый съ Рябошапкой, при общихъ остротахъ и смѣхѣ, а черезъ часъ, не больше, на берегу стояли уже двѣ высокія двухконныя арбы. Въ нихъ были сложены наскоро припасы и захваченная добыча. Богданъ предложилъ было и Марылькѣ сѣсть въ арбу, но панянка рѣшительно отъ этого отказалась и захотѣла, при общемъ одобреніи, раздѣлять съ козаками всѣ неудобства пути.

Окруживъ свои арбы, козаки, подъ прикрытіемъ тумана, двинулись вверхъ, придерживаясь береговъ длиннѣйшаго озера Каяльника. Безъ всякихъ приключеній, незамѣченные никѣмъ, достигли они устья впадающей въ озеро рѣки и сдѣлали небольшой привалъ. Сейчасъ были собраны изъ валежника костры, на нихъ кашевары устроили на треножникахъ „казаны", и вскорѣ въ нихъ закипѣлъ кулишъ, разнося въ чистомъ воздухѣ аппетитный запахъ „подшкваренняго" сала. Живописными группами разлеглись на „кереяхъ" козаки, смакуя и затягиваясь своими носогрѣйками.

Передъ „подвечеркомъ" козакамъ поднесено было по ковшу „оковытой".

— Вспомянемъ, друзи,—сказалъ Богданъ,—нашихъ товарищей! Разметала ихъ „пригода" и буря по морю... Уйдутъ-ли отъ лиха? Такъ выпьемъ же за ихъ долю, да за то, чтобъ послалъ Богъ намъ, братьямъ, вмѣстѣ собраться?

— Дай, Боже!—вздохнули всѣ искренно и осушили ковши.

Усталые, голодные, подавленные роковою неизвѣстностью за судьбу своихъ собратьевъ козаки принялись за кулишъ и, молча, хлебали его своими ложками, поддерживая ихъ кускомъ хлѣба.

— Кошевой, сдается, на Сарыколи,—не то спросилъ, не то замѣтилъ про себя, среди общаго молчанія, дѣдъ.

— Да мы туда и прямовать будемъ, обогнемъ Каяльникъ и туда,—отвѣтилъ, не глядя, Богданъ; онъ былъ погруженъ въ глубокія думы и бросалъ изъ-подлобья украдкой нѣжные взоры на восхитительное личико джуры, а тотъ уже успѣлъ завладѣть общими симпатіями. Ловкое подыгриваніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простота обращенія со всѣми красавца-хлопца обнаруживали въ немъ тонкій житейскій тактъ; бросаемыя имъ Богдану изрѣдка фразы дышали и

теплотой, и кокетствомъ, но не давали повода ни къ какой подозрительности, тѣмъ болѣе, что джура держался все время подлѣ дѣда.

Улучивъ минуту послѣ „подвечерка", Марылька подошла тихо къ Богдану и шепотомъ обратилась къ нему:

— Исполнитъ-ли тато мою просьбу?

— Все, что только въ моей силѣ,—отвѣтилъ горячо Богданъ.

— Такъ вотъ что, мой дорогой спаситель: все можетъ статься... на насъ могутъ напасть.. Такъ, если это случится, то я умоляю пана: убей меня своею рукой, а не давай въ полонъ; я не хочу больше... слышишь, не хочу больше переносить позора послѣ встрѣчи съ моимъ татомъ... это невыносимо!

— О, моя дорогая доня, дитятко милое!—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ.—Но къ чему такія мысли?

— Дѣло походное... Такъ убьешь меня, тато, если что?

— Никому не отдамъ тебя, вѣрь!—промолвилъ торжественно Богданъ и съ чувствомъ сжалъ нѣжную и тонкую руку.

Къ вечеру козаки подъѣхали къ степному лѣсочку „гайку", за которымъ мѣстность понижалась видимо къ рѣкѣ. Еще не доѣзжая до „гайка", замѣтилъ Богданъ движеніе какихъ-то точекъ вдали, а потому и рѣшилъ укрыться въ лѣску, покуда не будетъ сдѣлана точная рекогносцировка. Дѣдъ взялъ Черномазаго и отправился на опушку осмотрѣть долину, пока еще не зашло солнце. Вскорѣ онъ возвратился и сообщилъ, что въ долинѣ, у рѣки, кто-то стоитъ лагеремъ, по всей вѣроятности, татарскій загонъ.

— Нужно въ этомъ удостовѣриться,—сказалъ озабоченно Богданъ.—Кто, панове, пойдетъ на развѣдки?

— Да я-жъ,—похватился дѣдъ первый.—Биться не сдужаю, а развѣдать—развѣдаю: всѣ ихнія уловки знаю.

— Да вы-жъ, диду, не добачаете?

— Я съ собою молодыя очи возьму,—взглянулъ дѣдъ на Черномазаго.

— Спасибо за ласку,—весело вскрикнулъ тотъ.—Я васъ ни за что не покину.

Взяли козаки съ собой по краюхѣ хлѣба и отправились на развѣдки. За лѣскомъ начинался покатый спускъ къ рѣкѣ, усѣянный мелкимъ кустарникомъ; ползти между нимъ было чрезвычайно удобно и при наступавшихъ, все еще мглистыхъ сумеркахъ рѣшительно безопасно; въ десяти шагахъ наши развѣдчики не могли разглядѣть другъ друга, и только легкимъ свистомъ, напоминающимъ ночныхъ птицъ, удерживали между собой разстояніе, а при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ заползали въ кусты.

Ползутъ козаки, прислушиваясь да оглядываясь. Время тоже ползетъ; сумерки смѣнила темная ночь, а нѣтъ конца этой покатости: или истомились они, или сбились, не туда поползли? Но дѣдъ опытенъ и въ этомъ случаѣ маху не дастъ: онъ не разъ прикладываетъ ухо къ землѣ и слышитъ далеко, что на ней дѣется.

— Лагерь близко,—шепчетъ онъ подползшему къ нему Черномазу.—Я уже слышу говоръ и топотъ.

— Такъ тутъ скоро и разъѣзды вартовыхъ будутъ,—замѣтилъ Черномазый.

— Да, скоро, вотъ, кажись, сюда и приближается пара коней,—прислушивался къ землѣ дѣдъ, — именно сюда... Отползи, на случай, и спрячься въ кустахъ.

— Да ихъ тутъ почти нѣтъ, тамъ развѣ?—отползалъ торопливо Черномазый, присматриваясь напряженно кругомъ.

Между тѣмъ всадники приближались: уже ясно слышался въ ночной тишинѣ топотъ коней, а Черномазый искалъ торопливо куста и не находилъ.

„Чортъ ихъ знаетъ, куда провалились они!—мелькали у него въ головѣ тревожныя мысли.—Въ темнотѣ прямо могутъ наѣхать, лежа и не уклонишься, а они вотъ—вотъ близко“,—и Черномазый даже поднялся на ноги, уходя торопливыми шагами отъ приближающагося шума... Вдругъ ему показалась впереди какая-то широкая тѣнь, вродѣ куста, и онъ стремительно бросился въ нее; но не успѣлъ Черномазый войти въ этотъ кустъ, какъ раздался страшный трескучій шумъ со свистомъ... Молодой козакъ вскрикнулъ отъ неожиданности и присѣлъ. Только, по прошествіи нѣсколькихъ мгновеній, онъ догадался, что это было огромное стадо куропатокъ, всполошенное имъ на ночлегѣ; но эта догадка не поправила уже дѣла: крикъ его былъ услышанъ, и вартовые рысью пустились къ этому мѣсту.

Пробѣжала тонкая струйка мороза по спинѣ Черномазаго, и онъ поспѣшилъ залѣзть въ кустъ и затаить дыханіе, а всадники уже кружились на мѣстѣ, гдѣ притаились наши лазутчики.

— Тутъ вѣдь крикнулъ чортяка,—отозвался одинъ.

— Да, тутъ, чтобъ его вѣдьма накрыла,—отвѣтилъ другой.

Едва услыхалъ родную рѣчь дѣдъ, какъ схватился и закричалъ радостно:

— Свои, свои, сынку, свои!...

— Гдѣ? Что? Кто такіе?—подъѣхали изумленные всадники.

— Свои! Запорожцы изъ Хмеля „батавы“!

— Вотъ они кто! Кажись, дѣдъ Нетуды-хата?—присматривался одинъ, слѣзши съ коня.

— Онъ самый. Почеломкаемся, сыну!

И козаки начали обниматься.

Прибѣжалъ и Черномазый, весело привѣтствуя своихъ друзей.

— Да вы-то кто такіе?—спросилъ, наконецъ, дѣдъ.

— Мы изъ лагеря Пивтора-Кожуха.

— Такъ это онъ тутъ стоитъ?

— Онъ самый.

— Вотъ привелъ Господь!—перекрестился дѣдъ.— А мы то васъ по степи ищемъ!

— Только, братцы, бѣда,—сообщилъ одинъ изъ вартовыхъ,— умираетъ нашъ кошевой, лежитъ на смертной постели.

— Охъ, горе!—встревожился дѣдъ,—такъ поспѣшимъ же къ „наказному" и сообщимъ ему все.

Вскорѣ козаки были разбужены радостнымъ извѣстіемъ, что у рѣки свой желанный лагерь, а вмѣстѣ и поражены были тѣмъ, что кошевой умираетъ. Не дожидая утра, всѣ двинулись поскорѣй присоединиться къ братьямъ, а Богданъ, выпросивши у „вартового" коня, полетѣлъ туда первымъ.

Желтый, съ обрюзглымъ лицомъ и воспаленными глазами, лежалъ распростертый на кереѣ атаманъ; изголовьемъ ему, вмѣсто подушки, служило небольшое „барыльце", прикрытое красной китайкой; надъ нимъ возвышалось малиновое знамя; сбоку лежала булава, а въ ногахъ скрещенные бунчуки. Не смотря на наступившую уже агонію, сознаніе еще не покидало „кошевого", и онъ прощался мутнымъ, тоскливымъ взоромъ со стоявшею вокругъ старшиной, склонившею въ безотрадномъ молчаніи свои чубатыя головы. Неожиданный приходъ Богдана встрепенулъ изумленіемъ и старшину, и умирающаго атамана; у послѣдняго даже вспыхнули снова потухающіе глаза и оживились мертвѣющія черты. Богданъ обнялся молча съ старшиною и, устрѐмивъ полные слезъ глаза на Пивтора-Кожуха, сказалъ ему взволнованнымъ голосомъ:

— Что это ты задумалъ, друже мой любый?

— Да вотъ не поладилъ съ курносой... Доѣхала паниматка!— отвѣтилъ тотъ глухимъ, хриплымъ голосомъ, произнося невнятно слова.—Ну, да начхать! А какъ ты справился?

— Да и намъ, батьку, не „поталанило",—вздохнулъ глубоко Богданъ,—буря страшная, невиданная, разметала чайки сейчасъ же за островомъ Тендеромъ такъ, что насъ собралась только меньшая половина, а остальные либо вернулись назадъ, либо на днѣ успокоились,—помяни, Господи, души ихъ!—перекрестился онъ набожно, а за нимъ и старшина.—Ну, мы, собравшись, таки сожгли двѣ турецкія галеры, но при страшныхъ туманахъ не могли держаться въ морѣ и подались отъ преслѣдованій къ Буджацкому берегу... Я вотъ

прибылъ со своей чайкой, а завтра или послѣ завтра будутъ вѣрно и всѣ остальные.

— Ну, что-жъ?—задыхался и хрипѣлъ все больше и больше кошевой,—доля, что баба: „дурна“ и „зрадлыва“... И на томъ спасибо, когда-бъ только остальные хлопцы вернулись... А король и за двѣ галеры будетъ доволенъ, да, можетъ, еще братчики пустили какую на дно... Спѣши, Богдане, къ нему... онъ въ Каменцѣ... Похлопочи... передай, что его волю чинили... на погибель шли... такъ пусть смилуется... „зглянется“... А ты, Кривоносе, заступишь меня... подождешь здѣсь остальныхъ и отведешь войска въ Сичь... Туда нужно всѣ силы стянуть... Ярема вѣдь грозитъ.

Больной началъ метаться съ раскрытымъ ртомъ и выпученными глазами; онъ видимо старался вдохнуть воздухъ и не могъ.

— Все исполнимъ,—сказалъ давящимся голосомъ Богданъ и отвернулся.

Кривоносъ стоялъ мрачной статуей, съ лицомъ, перекошеннымъ отъ злобы на невидимаго врага, сжавши съ угрозою кулаки.

— Гараздъ, брате!—крикнулъ Кривоносъ и, вытянувъ саблю, добавилъ:—она будетъ „свидкомъ“.

Умирающій попробовалъ было улыбнуться, но страшная судорга искривила его лицо.

— Прощайте, не поминайте лихомъ!—едва слышнымъ шепотомъ произнесъ онъ, закатывая подъ лобъ глаза.

Потомъ вдругъ неожиданно, съ мгновенно воскресшею силою, онъ поднялся, сѣлъ и, устремивши впередъ безумныя очи, крикнулъ съ пѣной у рта:

— Что-жъ ты, безносая, думала испугать козака? Экая невидаль! Наплевать!—и онъ рухнулся навзничь.

Исполнили волю умершаго товарищи-козаки, распили за упокой души его бочку горилки и похоронили въ ней своего кошевого съ пѣснями, сложенными товарищами-друзьями для этого печальнаго случая.

Похоронивши кошевого атамана и разузнавши отъ прибывшихъ въ лагерь запорожцевъ, что всѣ „чайки“ благополучно спаслись отъ преслѣдованія, Богданъ поручилъ дальнѣйшую судьбу своихъ товарищей Кривоносу, а самъ, по настоянію старшины, поспѣшилъ въ Каменецъ. Сопровождаемый нѣсколькими проводниками, знавшими хорошо Буджацкую степь, Богданъ съ „джурой“ Марылькой, торопливо выѣхали изъ лагеря и направились прямо на сѣверо-западъ къ воротамъ, образуемымъ истокомъ двухъ рѣкъ—Кадыми и Ягорлыка, за которыми уже разстилался родной край—Украйна. Мили двѣ за Сарыкольою еще тянулись легкія покатости, пересѣкаемыя неглубокими балками, а дальше раскинулась безконечная степь-равнина, при-

нявшая нашихъ путниковъ въ свои объятія. Прошлогодняя, некошенная и истоптанная трава, примятая только снѣгомъ, лежала теперь мягкими волнами и отливала всѣми тонами старой бронзы и золота; между ней бодро пробивались вверхъ бархатныя щетки свѣжей изумрудной зелени, игравшей въ иныхъ мѣстахъ цѣлыми пологами нѣжныхъ цвѣтовъ. Ласковый вѣтерокъ, напоенный ихъ ароматомъ, освѣжалъ живительно грудь и пробѣгалъ легкой волной по этимъ живымъ роскошнымъ коврамъ. Степь дышала и жила тысячью звуковъ: со всѣхъ сторонъ откликались перепела, „деркачи", — журавли, стрекотали стрекозы, а между махровыми будяками жужжали шмели, откуда то издали доносился стонъ выпи... Жаворонки вылетали постоянно изъ-подъ ногъ коней и, стрѣлою поднявшись вверхъ, замирали съ радостною трелью въ лазури, а потомъ комочкомъ падали и ныряли въ зеленыхъ волнахъ травы; высоко, едва замѣтными точками парили широкими кругами степные орлы. И майское утро, и необъятный просторъ, и прелесть блистательныхъ красокъ не производили, впрочемъ, на нашихъ путниковъ чарующаго впечатлѣнія; молча, погруженные въ думы, ѣхали они крупною рысью по этому зеленому морю, не обращая вниманія на развертывающіяся передъ ихъ глазами красоты; одни лишь проводники зорко слѣдили по сторонамъ; но никакой подозрительный слѣдъ, никакой посторонній звукъ, кромѣ ликующей степи, не подымалъ въ нихъ тревоги.

Сжавъ брови и уставившись глазами въ шею коня, Богданъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ королемъ, и эти думы проходили легкимъ трепетомъ по его смущенной душѣ: онъ зналъ, что Владиславъ IV былъ рыцаремъ по убѣжденіямъ, доблестнымъ героемъ въ битвахъ и относился всегда съ большою любовью къ храброму козацкому войску и ко всему украинскому народу, но онъ зналъ также и то, что власть короля падала въ Польшѣ съ каждымъ годомъ, а вмѣсто нея выростало своеволіе и распущенность магнатскаго сейма. Это безправное положеніе давно уже тяготило короля: въ своеволіи шляхты, въ безсердечномъ угнетеніи народа онъ усматривалъ гибель отчизны, и всѣми силами старался противиться ему. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, безъ войска, безъ власти? О, если-бы онъ согласился опереться на насъ, думалъ Богданъ: сто тысячъ, двѣсти тысячъ войска собрали-бъ мы ему! Пускай бы тогда поспорило съ королемъ можновладное панство? Всѣ бы вмѣстѣ съ королемъ явились мы вооруженные въ сеймъ. И онъ уравнялъ бы насъ въ правахъ съ остальными дѣтьми отчизны, облегчилъ бы нашъ несчастный народъ, успокоилъ-бы нашу святую вѣру, и благо и справедливость водворились бы въ цѣлой странѣ! Даже жаркая краска бросилась въ лицо Богдану при одной мысли о возможности такого счастья,

дыханье сперлось въ его груди. Онъ обмахнулъ свое пылавшее лицо, облегчилъ грудь вздохомъ и продолжалъ дальше свои размышленія. И все это такъ возможно, такъ вѣроятно, только больше вѣры, больше энергіи, а силы найдутся: за одно слово короля всѣ пойдутъ, какъ одинъ... козаки, посполъство, да что козаки!—бабы съ рогачами, дѣти съ палками,—все подымется за нимъ, лишь-бы избавиться отъ панской „кормыги". Ужъ и накипѣла-жъ эта ненависть въ груди у всѣхъ! Эхъ! только, захочетъ-ли король стать въ опасную борьбу съ сеймомъ, или побоится рискнуть послѣдними остатками своей власти? Правда, отъ имени короля были порученія козакамъ, исполненныя послѣдними добросовѣстно; но признаетъ-ли ихъ король за свои, или отречется—вотъ вопросъ, а если отречется, если это была лишь интрига его клевретовъ, то въ какомъ фальшивомъ положеніи очутится передъ его пресвѣтлой особой самъ Богданъ? При такомъ оборотѣ дѣлъ, его, конечно, не пощадитъ Конецпольскій, а что тогда станется съ семьей? Пока онъ былъ за нее совершенно спокоенъ: Ганна, преданная, рѣдкой души Ганна, замѣняла семьѣ его и хозяйку, и мать, а покровительство Конецпольскаго защищало имущество его отъ панскихъ наѣздовъ, но при неудачѣ все можетъ рушиться... Да это еще полъ-бѣды, а что онъ скажетъ козакамъ и народу? Вѣдь онъ же, Богданъ, и распинался за короля! Оттого-то въ эту минуту не за себя болѣлъ душою атаманъ, а за свою несчастную родину. Въ лицѣ короля она еще уповала найти себѣ покровителя; но если ея упованія оказались бы ложными, то тогда послѣдняя надежда рвалась и отчаянье водворилось бы въ обездоленномъ краѣ.

Среди всѣхъ сомнѣній, терзавшихъ Богдана, врѣзывались еще огненной ниткой въ его сердце думы про панну Марыльку. Богданъ не хотѣлъ и боялся сознаться, что этотъ прелестный, полувзрослый ребенокъ произвелъ на него, закаленнаго въ бою козака, неотразимое впечатлѣніе. И трогательная забота о судьбѣ этой панночки, и нѣжная привязанность къ ней, объяснялись и оправдывались имъ клятвою, данною умирающему товарищу,—замѣнить сироткѣ отца... Но тѣмъ не менѣе, всѣ эти чувства мутили его умъ труднымъ вопросомъ, пристроить ли ему Марыльку въ какой-либо магнатской семьѣ, или взять ее къ себѣ за родную дочь? Послѣднее положеніе льнуло къ его сердцу отрадой, но было неудобоисполнимо: согласится-ли панна промѣнять блестящую долю магнатки на скромную роль козачки, да и допустятъ-ли до этого паны, ея родичи? Нѣтъ, нужно выкинуть изъ головы весь этотъ чадъ,—и не присталъ онъ козаку, и стыдно въ такія тяжкія минуты о пустякахъ думать! Вотъ только клятва, да жаль сильно сиротку... тутъ нѣтъ ничего

предосудительнаго... Что-жъ онъ доложитъ и объ этомъ королю, или канцлеру, и если они поручатъ ему, Богдану, опекунство, то онъ исполнитъ любовно и „щыро" свой долгъ, и замѣнитъ ей, бѣдной, и отца, и друга... А если король на себя возьметъ покровительство, то тѣмъ самымъ разрѣшитъ его, Богдана, отъ клятвы... Вотъ о чемъ мучительно думалъ Богданъ, забывъ даже закурить свою походную люльку.

Марыльку также тревожила неизвѣстность и неопредѣленность ея дальнѣйшей судьбы. Найдетъ-ли она своего отца, гдѣ онъ? Мучительно вставалъ передъ нею этотъ вопросъ, и, чѣмъ больше они приближались къ родной границѣ, чѣмъ дальше оставляли за собою всѣ опасности, тѣмъ онъ неотразимѣе вонзался въ ея сердце и требовалъ отвѣта. Если найдется отецъ, тогда возвратятся для нея вновь свѣтлые, теплые дни ея улетѣвшаго дѣтства, а если нѣтъ? Холодъ пробѣгалъ змѣйкой по ея спинѣ. Неужели ее отдадутъ этому страшному дядѣ, этому зеленоглазому Чарнецкому? Или, быть можетъ, Богданъ возьметъ ее къ себѣ? Но кто онъ самъ? Козацкій атаманъ. Козакъ—не шляхтичъ, почти что хлопъ...—надувала она недовольно свои прелестныя губки. Хотя онъ и одѣтъ богато и въ обращеньи не похожъ на своихъ товарищей, а на настоящаго уродзонаго шляхтича, но—все-же—козакъ! Живетъ, вѣрно, въ хатѣ, безъ роскоши, безъ почета, пожалуй еще и безъ слугъ! Неужели-же она послѣ блеска и поклоненья, къ которымъ привыкла, должна будетъ жить, какъ простая козачка? О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—вспыхнула вся Марылька и подняла горделиво головку... А между тѣмъ и разстаться съ нимъ жалко... право,—продолжала она свои размышленія, бросая косые взгляды на прекрасное, мужественное лицо Богдана, погруженнаго въ глубокую задумчивость: такой красивый, статный, отважный и сильный... подымаетъ ее, какъ перышко... да и любитъ, и жалѣетъ ее, какъ доню,—улыбнулась сама себѣ Марылька, чувствуя въ глубинѣ своей тщеславной души, что то чувство, которое она угадывала въ душѣ козака, было для нея и горячѣе, и обаятельнѣе чувства отца... О, да одинъ взглядъ ея синихъ глазъ заставлялъ мѣняться лицо этого отважнаго рыцаря... Марылька сознавала это, и это сознаніе доставляло ей огромное удовольствіе. Да, хорошо-бы имѣть его всегда при себѣ, покорять однимъ взглядомъ, чувствовать, какъ вздрагиваетъ его рука отъ прикосновенья ея руки, ласкать его... да и ласкать... но хата... хата!—вспомнила опять Марылька и снова вспыхнула отъ оскорбленной гордости:—она, Марылька, уродзонная шляхтянка... о, въ такомъ случаѣ, лучше ужъ было ей оставаться въ Кафѣ, чѣмъ погубить свою жизнь въ козацкой хатѣ! Однако, покуда онъ единственный ея покровитель и лучше ужъ

остаться до времени у него, чѣмъ попасть въ руки Чарнецкаго. Погруженные такъ каждый въ свои сомнѣнья, мысли и предположенья, Богданъ и Марылька продолжали молчаливо свой путь.

Когда, на другой день, путники обогнули въ истокахъ Ягорлыкъ—рѣчку, то Богданъ остановилъ коня, снялъ шапку и осѣнилъ себя широкимъ крестомъ.

— Возблагодаримъ, братцы, Бога,—произнесъ онъ торжественно,—что укрылъ насъ отъ напастей и сподобилъ невредимыми узрѣть родной край. Это ужъ наша христіанская, святая земля!— Витай-же насъ, своихъ дѣтокъ, мать родная! Да пошлетъ намъ Господь въ дѣлахъ поспѣшеніе, а тебѣ, безталанной, утѣху!

Всѣ сняли шапки и набожно перекрестились.

— Тато,—обратилась Марылька къ Богдану, спустя нѣсколько времени,—вотъ теперь мы уже у себя дома, такъ ты, пане, не откажешься, какъ и обѣщалъ, отыскать мнѣ моего отца? Вѣдь твое слово крѣпко?

— Я его никогда не ломалъ,—вздохнулъ Богданъ и загадочно посмотрѣлъ на Марыльку,—но если, не взираючи на всѣ усилія...

— Ай, и не говори, тато!—прервала его Марылька, всплеснувъ руками.—Ты найдешь, ты все для меня сдѣлаешь, я тебѣ одному на всемъ свѣтѣ. тебѣ только и вѣрю...

— Родненькая моя, спасибо,—прошепталъ тронутый Богданъ,—я докажу... Только видишь-ли, нужно Милосерднаго волѣ кориться...

Хотѣлъ онъ было сообщить ей о смерти отца, но, взглянувъ въ эти чудные, переполненные слезами глаза, пожалѣлъ ее и замялъ рѣчь.

— Въ чемъ кориться?—переспросила испуганная Марылька, широко раскрывъ свои синіе и глубокіе, какъ лѣсныя озера, глаза.

— Да, во всякихъ бѣдахъ и невзгодахъ, какія намъ Господь посылаетъ,—уклончиво отвѣтилъ Богданъ, смотря въ сторону,— иное-то лихо сразу покажется „неподужнымъ", жестокимъ, а глянешь—и отошло, да еще за собою накликало счастье. Ничего-то мы не вѣдаемъ, что ждетъ насъ завтра—и это благо, а то отчаянье сокрушило-бы насъ... Вотъ и ты, кажись, ужъ была въ омутѣ, а не повези тебя на продажу въ Царьградъ,—никто бы къ тебѣ не явился на помощь!

— Мой отецъ не забылъ-бы меня.

— Забыть-бы не забылъ, да что толку? Гдѣ искать? Свѣтъ, вѣдь, широкій! Только случай могъ натолкнуть... Да и то ты едва не погибла.

— Ай!—закрыла Марылька глаза,—и не вспоминай пане!.. Я не могу забыть этого ужаса.

— То-то, голубко моя, коли Господь вырвалъ тебя изъ пекла, значитъ, надъ тобой Его милость, значитъ, Онъ бережетъ тебя для блага, для счастья...

— Господи!—вскрикнула искренно, радостно, совсѣмъ по-дѣтски Марылька,—не нужно мнѣ никакого счастья, лишь-бы при мнѣ были оба мои татуни...

— Ну, одинъ на лицо,—улыбнулся восхищенный Богданъ,— а другого будемъ искать...

— А пока найдемъ, панъ будетъ мнѣ и за пана, и за тата,— сдвинула Марылька на бекрень шапку.

— Эхъ, квиточко моя,—вздохнулъ незамѣтно Богданъ,—это ты говоришь здѣсь, въ степи, будучи еще чистой дытынкой, а когда выростешь въ блескѣ, да нѣгѣ, когда блеснешь царицей въ салонахъ, да наслушаешься сладкихъ рѣчей отъ вельможъ, то и забудешь своего козака-тата, постыдишься даже и вспомнить о немъ.

— Никогда, никогда, никогда!—запротестовала Марылька,— и въ голосѣ ея послышалась обида, а на рѣсницахъ задрожала слеза,—развѣ я такая? Ничего мнѣ не нужно,—оборвала она горячую рѣчь, а въ головѣ ея, между тѣмъ, промелькнуло невольно,— а, впрочемъ, салоны и магнаты,—это тоже должно быть заманчиво.

— Дай Богъ!—сверкнулъ глазами Богданъ,—а на щыромъ словѣ, прости!

— Батьку-атамане!—прервалъ ихъ разговоръ неожиданно прискакавшій козакъ,—проводники спрашиваютъ, куда держать путь: на Баръ, или на Ушицу?

—На Баръ-бы хорошо,—протянулъ Богданъ, соображая,— Богуна увидѣть, разузнать, что дѣлается, какъ его справа? Да кругъ большой, короля упустить можно... Нѣтъ! торопиться нужно,—сказалъ онъ рѣшительно,—пусть на Каменецъ ведутъ кратчайшей дорогой...

За Ягорлыкомъ сразу измѣнился характеръ степи. Равнина стала волнистой, начали попадаться широкія, отлогія котловины,— вдали на горизонтѣ слѣва показалась синяя полоска приднѣстровскихъ горъ. Чѣмъ далѣе подвигались наши путники на сѣверо-западъ, тѣмъ чаще стали имъ перерѣзывать путь глубокія долины; эти долины съ мягкими склонами, по мѣрѣ приближенія къ Днѣстру, обращались въ крутые овраги, съ ущельями, съ каменными глыбами, съ стремнинами, поросшими грабомъ и дубомъ, съ нагорными рѣченками, прыгающими глубоко внизу по каменнымъ ступенямъ.

Иногда на самомъ днѣ оврага, за нависшими скалами, за группой густыхъ тополей ютилась и пряталась уединенная хатка или небольшой хуторокъ; здѣсь наши путники и останавливались либо на „попасъ", либо на короткій ночлегъ. Недружелюбно и подозрительно принимали сначала хозяева этихъ хатокъ гостей, прячась отъ нихъ въ сосѣднихъ лѣсахъ; но, развѣдавши, что это свои козаки, а не панская дворня, возвращались охотно домой и радушно угощали путниковъ всѣмъ, чѣмъ могли. Богданъ разспрашивалъ ихъ, конечно, про мѣстное положеніе дѣлъ, про доходившіе до нихъ слухи относительно мѣропріятій пановъ,—и вездѣ получалъ неутѣшительныя извѣстія. Всѣ эти поселки въ дикихъ, незахваченныхъ еще панскими руками мѣстахъ были основаны бѣглецами отъ панской неволи, которая въ большихъ слободахъ уже начала уничтожать всѣ договорныя льготы переселенцевъ и нагло обращать „подсусидковъ" въ рабовъ; протесты послѣднихъ подавлялись вездѣ нахлынувшими жолнерами, а своихъ козаковъ для защиты уже не появлялось: такъ вотъ люди и разбѣжались—то основывать вольные хутора, то искать „ватажковъ" для вольнаго промысла, и только лишь многосемейные покорились до поры, до времени своей долѣ.

Поселившіеся въ оврагахъ бѣглецы мало, впрочемъ, знали о позднѣйшихъ событіяхъ: они вели скрытую, отшельническую жизнь, проникая изрѣдка, воровскимъ способомъ, въ мѣстечки за необходимыми припасами, а потому ни про Богуна, ни про Нечая ничего не слыхали; одно только могли они сообщить, что людъ вообще притихъ и замолкъ.

Богданъ, впрочемъ, и не старался особенно выпытывать обо всемъ у хуторянъ-бѣглецовъ: онъ спѣшилъ въ Каменецъ и весь былъ поглощенъ интересомъ предстоящаго свиданья съ королемъ. Путники, понукаемые имъ, ѣхали такъ торопливо, что на пятый день показалась уже на горизонтѣ каменецкая крѣпостная скала.

Издали эта неприступная крѣпость казалась какимъ-то колосальнымъ поршнемъ, торчащимъ въ черной дырѣ гигантской, широко-раскинувшейся воронки; но, по мѣрѣ приближенія къ ней, пологіе края котловины сливались съ дальними горизонтами, а скала выростала и выростала, становясь господствующей надъ ближайшими окрестностями.

Когда путники подъѣхали къ самому краю страшнаго обрыва, что окружалъ пропастью грозную скалу, они окаменѣли на мѣстѣ, пораженные необычайнымъ явленіемъ.

Дикая, невиданная картина разила мрачной красотой умъ и давила унывіемъ сердце. Какіе-то страшные геологическіе перевороты сыграли здѣсь грозную шутку, раскололи зіяющей трещиной скалы и выдвинули изъ средины бездны колоссальную глыбу. Базаль-

товый утесъ цилиндрической формы съ источенными и почернѣвшими отъ времени боками, мрачно поднимался со дна глубокаго оврага и возвышался усѣченной вершиной саженъ на пять надъ окружающими его противоположными берегами ущелья. Эта пропасть съ совершенно отвѣсными ребрами, глубиной до сорока саженъ и шириной почти столько же, правильнымъ замкнутымъ кольцемъ окружала утесъ. Рѣка Смотричъ, ворвавшись въ это глубокое, круглое ущелье, билась бѣшено съ пѣной о нависшія надъ ней скалы и, обогнувъ ихъ, неслась по мелко-каменистому дну, по „рыни", къ Днѣстру. На плоской вершинѣ этого утеса, имѣющей въ діаметрѣ до 300 сажней, сидѣла неприступная, грозная крѣпость.

Круглыя башни, зубчатые „муры" висѣли надъ пропастью и мрачно глядѣли своими черными амбразурами на окрестность. Ни зелени, ни деревъ на этомъ черномъ камнѣ не было видно нигдѣ; только сѣроватый мохъ старческими лишаями покрывалъ подножія скалъ, да свѣшивался въ иныхъ мѣстахъ безпорядочными прядими внизъ. Изъ-за „муровъ" выглядывали красными пятнами черепичныя кровли, а межъ ними возвышались и ярко бѣлѣли на чистой лазури стройныя спицы минаретовъ и готическія стрѣлы костеловъ. Въ одномъ только мѣстѣ, по дорогѣ къ Хотину, перекинутъ былъ черезъ эту пропасть каменный мостъ; онъ лежалъ на каменныхъ сводахъ, возвышавшихся со дна пропасти лишь до половины высоты окружающихъ скалъ, такъ что къ нему нужно было сначала спускаться по крутой, узкой тропинкѣ, высѣченной зигзагами въ скалѣ, и подыматься по такой же скалѣ вверхъ на противоположной сторонѣ оврага. Съ внѣшней стороны у начала спуска къ мосту возвышались двѣ грозныя, сторожевыя башни, окруженныя „мурами" да рвами и соединенныя тайникомъ съ главной крѣпостью; у самаго моста при входѣ и при выходѣ стояло тоже по круглой башнѣ, черезъ которыя и шелъ узкій проѣздъ, замыкавшійся желѣзными брамами.

Съ замираніемъ сердца подъѣхалъ Богданъ къ сторожевой башнѣ и робко спросилъ у „вартового":—здѣсь-ли еще пребываетъ его ясность, король? А когда „вартовой" отвѣтилъ ему утвердительно, то радости его не было границъ: первая и весьма большая удача предвѣщала ему и остальныя. Перекрестившись подъ плащемъ, онъ нырнулъ подъ темныя своды крѣпостной башни и, переѣхавъ мостъ и въѣздную браму, остановился на небольшой тѣсной площадкѣ въ самой крѣпости, поджидая своихъ товарищей и вдыхая въ облегченную грудь удушливый запахъ чеснока, смѣшанный съ какимъ-то жирнымъ угаромъ. Издали доносился къ нему стукъ колесъ и копытъ, глухой говоръ, смѣшанный съ визгливымъ крикомъ торговокъ, а вблизи звенѣли въ кузницахъ удары молотовъ и шумѣли мѣха.

Не успѣлъ остановиться Богданъ и подумать, куда бы направиться, какъ незамѣтно изъ сосѣднихъ переулковъ его окружила толпа евреевъ въ лапсердакахъ, ермолкахъ, худыхъ, босыхъ и оборванныхъ; они осадили его цѣлымъ роемъ вопросовъ, просьбъ, и предложеній, пересыпая эту атаку боевыми схватками между собою.

— Ясневельможный пане, проше, я покажу отличную квартиру,—хватался одинъ за стремя.

— Пане грабе, сколько пану нужно покоевъ? Три, четыре, пять? У меня дешево, пышно!—останавливалъ другой коня за узду.

— Пане княже, я палацъ даю, палацъ!—кричалъ третій, отталкивая съ бранью перваго,—что ты понимаешь! Вѣдь это ясноосвѣценый, а ты—думкопфъ!

— Не слушай его, пане: онъ зухъ!

— Ахъ ты, шельма!—схватывались они за пейсы, а четвертый, оттолкнувши бойцевъ, лѣзъ уже почти къ карманамъ Богдана.— Пане, пане! Купи у меня шапку и бурку, „сличныя"... даромъ отдамъ!

— У меня, у меня, ясный пане, и сбруя, и сѣдла, и мушкеты, и кожи, и мыдла, и полотна, и сливы... и такое, что панъ только пальцы оближетъ.

— Геть! На бокъ!—крикнулъ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнья Богданъ, махнувъ нагайкой, и повернулъ со спутниками налѣво въ переулокъ, рѣшившись пріютиться у своего пріятеля, даже родича по женѣ, пана Случевскаго, который былъ въ Каменцѣ бургомистромъ. Недалеко, за переулкомъ, стоялъ во дворѣ и каменный, одноэтажный домъ этого пана; туда и заѣхали всадники.

Хозяева были страшно изумлены пріѣздомъ Богдана, котораго считали уже, по слухамъ, погибшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадовались ему искренно. Богданъ представилъ своимъ своякамъ джуру Марыльку, объяснивъ, что она дочь польскаго магната и спасена имъ изъ плѣна невѣрныхъ. Интересная гостья была сейчасъ-же заключена хозяйкой въ объятія и отведена на женскую половину для перемѣны костюма и для приведенія ея въ свойственный ей, пышный, восхитительный видъ; а Богданъ пошелъ оправиться съ дороги на половину Случевскаго; простые же козаки были помѣщены въ „офицынахъ".

Черезъ часъ, или два, когда сумерки уже повисли надъ Каменцемъ дремотно-сѣрымъ покрываломъ, а въ покояхъ пана Случевскаго зажглись въ массивныхъ шандалахъ восковыя свѣчи, все общество собралось въ обширной свѣтлицѣ, обставленной съ нѣкоторой претензіей на моду, вторгавшуюся уже изъ чужеземщины и въ захолустья: между старинной, массивной мебелью стоялъ случайно затесавшійся комодъ съ бронзовыми украшеніями и перламутровыми ин-

крустаціями, между рядами иконъ помѣстилось внизу, поддерживаемое амурами и нимфами зеркало; между рамами старинныхъ портретовъ висѣла гравюра, изображавшая эпизодъ изъ игривыхъ похожденій Юпитера...

Всѣ усѣлись за дубовый, покрытый нѣсколькими скатертями столъ, и принялись съ аппетитомъ за обильную вечерю. Марылька сдѣлалась сразу предметомъ общаго восхищенія. Въ дѣвичьемъ роскошномъ, польскомъ нарядѣ, съ изящно убранной головкой, она теперь блистала новой, освѣженной красой; ни въ живыхъ краскахъ лица, ни въ блескѣ глазъ, ни въ граціи ея движеній не сказывалось никакого утомленія, а, напротивъ, играла и била ключемъ молодая, цвѣтущая жизнь. Марылька сразу почувствовала въ этомъ салонѣ свою силу и прикоснулась къ яду наслажденія властвовать надъ сердцами. Съ дѣтскою наивностью и врожденнымъ кокетствомъ, она увлекательно разсказывала о своихъ приключеніяхъ, то трогая слушателей описаніемъ трагическихъ эпизодовъ и искренностью чувства къ благородному рыцарскому подвигу ея спасителя, то смѣша ихъ до слезъ игривыми вставками разныхъ случайностей. Почувствовавъ себя внѣ опасности и въ родной обстановкѣ, Марылька сразу приняла увѣренный тонъ, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ фамильярности, которая, впрочемъ, не только не производила непріятнаго впечатлѣнія, а даже поднимала ее въ глазахъ семьи бургомистра, какъ магнатку. Взрослая, молоденькая дочь ихъ, нарядившая гостью, просто не могла оторвать отъ нея своихъ глазъ. Марылька платила ей за это милостивой улыбкой и посвящала, ради возникшей пріязни, въ какія-то интимныя сообщенія. Къ концу ужина между ними завязался долгій, таинственный разговоръ.

Панъ Случевскій разспрашивалъ, между тѣмъ, Богдана объ его похожденіяхъ, не скрывая отчасти своихъ шляхетскихъ симпатій и удивляясь „нелѣпымъ" претензіямъ козаковъ, неумѣнью ихъ ладить съ мосцивыми панами, которые все-таки внесли свѣтъ въ эти дикіе края. Богданъ, зная политическія убѣжденія своего дальняго родича, не желалъ съ нимъ вступать въ безполезный споръ, а замѣтилъ лишь, между прочимъ, уклончиво:

— Эхъ, свате, свате! Не мы идемъ на погибель шляхетству, а, вы!

— Какъ такъ?—вытаращилъ глаза Случевскій.

— А такъ. Недомыслящее шляхетство и его однодумцы желаютъ повернуть весь вольный народъ въ рабовъ, въ свое быдло, а вѣдь этотъ народъ есть споконвѣчный господарь и рабочая сила этой земли. Такъ какъ же ты думаешь, свате, если-бъ насъ съ тобой выгоняли изъ нашей, кровью и потомъ орошенной земли, такъ мы бы ее добровольно уступили и поклонились бы любовно нашимъ гра-

бителямъ? Нѣтъ! Трупы наши можетъ выволокли-бъ, но не насъ... А если бы изъ насъ какой-либо „куроплохъ“ и остался живымъ, то шляхетскій панъ нашелъ бы себѣ въ немъ вѣчнаго, непримиримаго врага... А ты прикинь-ка разумомъ, сколько такихъ враговъ пришлось бы на пана? Вотъ смотри,—Богданъ взялъ въ горсть поджареннаго „смаженнаго“ гороху и нѣсколько фасолинъ, положивъ послѣднія сверху, онъ встряхнулъ горстью, и фасоли исчезли между горохомъ,—а ну, поди, поищи теперь твою фасоль!

— Ловко!—усмѣхнулся Случевскій. Пани переглянулись, а Марылька съ испугомъ остановила глаза на Богданѣ. Что старался доказать Богданъ, она себѣ не уяснила, но изъ его словъ она поняла двѣ мысли, которыя ее и испугали, и изумили: во первыхъ то, что Богданъ считаетъ быдло властителями земли, а во вторыхъ желаетъ что-то весьма недоброе шляхетству.

— Видишь ли, свате,—продолжалъ, между тѣмъ, Богданъ снисходительнымъ тономъ,—для того, чтобы шляхетство жило и пановало, нужно, чтобы оно было въ дружбѣ съ народомъ, чтобъ оно ему было полезнымъ просвѣтителемъ и помощникомъ, защитникомъ даже его правъ, тогда и шляхетство будетъ имѣть отъ народа пользу, даже и „маетности“ панскія дадутъ больше прибыли... Вѣрно! Ты вотъ, свате, заѣзжай, „съ ласки“, въ мой Субботовъ, такъ увидишь, какое это золотое дно, а у меня ни рабовъ, ни подневольнаго люду нѣтъ!

— Такъ и есть,—подумала про себя Марылька:—ни рабовъ, ни подневольнаго люду, значитъ простая козацкая хата; одначе говоритъ самъ—золотое дно... ну, а все-таки,—надула она губки и начала прислушиваться къ дальнѣйшему разговору.

— Да ты, свате, голова, что и толковать,—подливалъ въ кубки меду Случевскій,—жалко, что ты съ нашимъ канцлеромъ не потолкуешь: онъ, говорятъ, тоже что-то противъ вольныхъ сеймовъ, противъ магнатства.

— Развѣ ясноосвѣцоный панъ Оссолинскій здѣсь?—спросилъ Богданъ и обмѣнялся взглядомъ съ Марылькой.

— Если сегодня не выѣхалъ, потому что завтра отъѣзжаетъ и его ясность король.

— Завтра? Чтожъ это я?—поднялся со стула Богданъ и сталъ тревожно прощаться съ хозяевами,—простите, мнѣ дорога минута... Я къ Оссолинскому.

Марылька также приподнялась невольно со своего мѣста и поблѣднѣла.

На дворѣ стояла ночь. По небу ползли прядями облака; коегдѣ между ними сверкали еще тусклыя звѣзды. Богданъ шелъ то-

ропливо по узкой кривой улицѣ, пустынной и мрачной; сердце его сжималось непонятною тревогой: въ первый разъ ему придется поговорить съ канцлеромъ о дѣлахъ лично,—оправдаются ли завѣтныя ожиданія, или разсѣются послѣднія надежды? А если даже не приметъ?... Досада разбирала Богдана за убитое время у свата, и онъ поспѣшно шагалъ, нахлобучивъ сивую шапку и завернувшись въ керею.

Вотъ и торговая площадь, обставленная высокими „каменицами" (каменными домами), съ лавками и подвалами въ первыхъ этажахъ; теперь широкія, кованныя двери закрыты; подъ сводчатыми нишами лежали черными пятнами косматыя тѣни, и площадь спала, окутанная сгущавшимся мракомъ. Было тихо и глухо; изрѣдка нарушалъ тишину лишь далекій лай собакъ, или съ высокой замковой башни прорѣзывалъ сонный воздухъ окрикъ часоваго „вар-туй", на который долеталъ изъ-за турецкаго моста едва слышный откликъ „вар-туй!"

Самая башня возвышалась надъ всѣми строеніями въ углу площади; корона ея грозно чернѣла зубцами на небѣ; между ними свѣтился теперь мигающимъ свѣтомъ фонарь. У подножія башни зіяло черной пастью отверстіе, закрытое внутри желѣзною брамой; справа и слѣва примыкалъ къ башнѣ высокій „муръ" (каменная стѣна), прорѣзанный узкими бойницами; черезъ извѣстные промежутки высились на немъ круглыя башенки. Теперь въ темнотѣ все это укрѣпленіе, съ одноглазымъ фонаремъ на вершинѣ, казалось колоссальнымъ сидящимъ циклопомъ. Богданъ перерѣзалъ площадь и направился къ башнѣ; приблизившись, онъ схватилъ рукою висящій у входа молотокъ и нѣсколько разъ ударилъ имъ въ желѣзный щитъ на кованной „брамѣ". Небольшая форточка отворилась; въ нее ворвался красноватый отблескъ внутренняго фонаря и показалось въ шишакѣ сердитое, съ торчащими усами лицо.

— Кой тамъ чортъ звякаетъ?—зарычалъ низкій, бульдожій голосъ.

— Не чортъ, а хрещеный козакъ,—отвѣтилъ спокойно Богданъ.

— А, сто сотъ „дьябловъ"! Какого бѣса нужно?—хрипѣлъ басъ.

— Ясноосвѣцонаго... пана канцлера...

За „брамой" послышался сдержанный шопотъ, къ которому присоединились и другіе голоса.

— А по какому праву и по какой „потребѣ" „вацпанъ" можетъ въ такой поздній часъ тревожить его княжью мосць?—спросилъ уже теноръ.

— По неотложной,—отвѣтилъ Богданъ.

— А какія тому доказательства?

— Пусть доложитъ панъ его княжеской милости, что чигиринскій сотникъ Хмельницкій ждетъ его распоряженій, и если ясноосвѣценый панъ канцлеръ велитъ меня впустить, то это и будетъ лучшимъ доказательствомъ.

Аргументъ, очевидно, подѣйствовалъ на стражниковъ: послѣ короткаго совѣщанія, кто-то крикнулъ изъ-за брамы:

— Пусть панъ ждетъ!—и вслѣдъ затѣмъ раздались удаляющіеся шаги.

Черезъ нѣсколько минутъ „брама“ была открыта, и Богданъ послѣдовалъ за гайдукомъ, черезъ узкій съ полукруглымъ сводомъ проходъ, на замковый дворъ; послѣдній освѣщался еще однимъ фонаремъ, висѣвшимъ на толстомъ шестѣ, усаженномъ вокругъ желѣзными кольцами. Прямо противъ „брамы“, внутри замкнутаго круга крѣпостной стѣны, къ грозному укрѣпленію, нависшему бойницами надъ пропастью, примыкало неуклюжею черепахой зданіе, въ которомъ помѣщались жилые покои для коменданта и крѣпостного старшины; справа и слѣва подъ „мурами“ ютились конюшни, амбары, кладовыя, погреба и жилья для гарнизона и дворни. Теперь комендантская квартира была занята королемъ и его свитой. Узкія рѣшетчатыя окна, закрытыя внутренними ставнями, свѣтились еще тонкими линіями черезъ щели. Передъ крыльцомъ и у самаго входа стояли на „вартѣ“ тяжело вооруженные латники.

Богданъ вошелъ по каменнымъ, широкимъ ступенямъ въ просторныя сѣни и, повернувъ за провожатымъ въ дверь налѣво, остановился въ небольшой комнатѣ, освѣщенной висячею люстрой, съ низенькими диванами у стѣнъ; тамъ сидѣли два молоденькихъ козачка, вскочившихъ съ мѣстъ при его входѣ. Провожатый проскользнулъ въ боковую дверь, оставивъ Богдана одного, и черезъ мигъ, отдернувъ занавѣсъ у главной двери, торжественно произнесъ:

— Его ясная мосць проситъ пана войти.

Богданъ поспѣшно сбросилъ керею на руки козачка и, оправивши чуприну, вошелъ не безъ смущенія въ слѣдующій обширный покой. Царственная роскошь ему бросилась сразу въ глаза; окна и двери были задрапированы дорогимъ штофомъ; во весь каменный полъ лежалъ пушистый цареградскій коверъ; складная золоченая мебель была обита венеційскимъ „аксамитомъ“ и „блаватасомъ“; масса инкрустированныхъ табуретовъ и низкихъ пуховыхъ, покрытыхъ „златоглавомъ“, дивановъ стояла въ искусственномъ безпорядкѣ; на нихъ лежали тамъ и сямъ съ драгоцѣнными вышивками подушки; диковинной иноземной работы столы были завалены планами и бумагами; на столахъ сверкали множествомъ огней массивные серебряные канделябры; между ними искрились золотые жбаны, кубки, ковши; по угламъ

свѣтлицы возвышались высокіе, бронзовые консоли; на мраморныхъ колонкахъ курились восточные ароматы...

Богданъ не успѣлъ оглянуться, какъ на встрѣчу къ нему съ протянутыми привѣтливо руками вышелъ изысканно, по французской модѣ, хотя и нѣсколько моложаво одѣтый магнатъ. Съ перваго взгляда ему нельзя было дать и сорока пяти лѣтъ,—такъ молодили его косметическія средства, особенно вечеромъ. Пріятныя, немного расплывшіяся его черты оживлялись снисходительно-привѣтливой улыбкой; но въ нѣсколько сжатыхъ черныхъ бровяхъ таилась надменность и сознаніе своего величія. Бѣлая, гладко бритая, выхоленная кожа лица отливала атласомъ; красиво отброшенные назадъ, завитые, подозрительно-темные волосы придавали выпуклому лбу матовую блѣдность; въ синихъ, умныхъ глазахъ, нѣсколько прищуренныхъ и обрамленныхъ сѣтью морщинъ, видны были слѣды усталости и пресыщенія, хотя подъ лѣнивымъ ихъ взглядомъ вѣчно теплилась искра затаенной пытливости. Во всей его еще стройной фигурѣ было много живости и изысканной, свѣтской ловкости. На правой сторонѣ груди у вельможи сверкала брилліантовая звѣзда.

Оссолинскій, сдѣлавши жестъ, обозначавшій готовность принять даже въ объятія козака, тѣмъ не менѣе руки ему не подалъ, а выразилъ только гостепріимную радость.

— Весьма радъ, наконецъ, видѣть пана сотника... Его милость король тоже будетъ доволенъ...

— Да хранитъ Господь найяснѣйшаго нашего круля и вашу княжью мосць!—поклонился низко Богданъ, прижавъ къ груди правую руку.

— Спасибо, спасибо, пане!—вспыхнулъ канцлеръ. Его пріятно пощекотало величанье княжескимъ титуломъ, пріобрѣтеннымъ имъ въ Италіи, противъ котораго поднимали цѣлую бурю „уродзоные" княжескіе роды.—Ну, что пріятнаго намъ скажетъ панъ-сотникъ? До короля доходили только смутные слухи.

— Его „маестатъ" намъ святыня; наши дѣянія и надежды у пресвѣтлыхъ ногъ королевской мосци,—произнесъ съ вѣрноподданническимъ чувствомъ Богданъ.

— Такія мысли достойны великой похвалы,—пронизалъ козака взглядомъ вельможа,—и если-бы всѣ ихъ питали, то крѣпость государства была-бы незыблема.

— За себя и за своихъ собратьевъ я могу передъ княжьей милостью поручиться,—взглянулъ смѣло Богданъ въ прищуренные глаза магната,—и если наше бытіе угодно найяснѣйшей волѣ, то козакамъ остается только радоваться и благодарить Вседержителя.

— Дай Богъ!—опустилъ глаза канцлеръ.—Но ка̀къ только согласовать возстанія ваши противъ закона и порядка, ergo и противъ источника ихъ и главы?

— Клянусь Богомъ,—горячо отвѣтилъ Богданъ,—мои собратья не обнажали противъ закона и порядка меча, а они защищали грудью законъ и поднимали мечъ противъ его нарушителей, будучи убѣждены, что таковые суть враги не только порядка и блага, но и зиждителя ихъ, нашего верховнаго владыки и батька... Его пресвѣтлымъ именемъ и за его великое право клали свои буйныя головы козаки.

— Виватъ!—сдѣлалъ одобрительный жестъ рукою вельможа,—весьма остроумно; но какими-же аргументами объяснитъ панъ нападеніе козаковъ на границы союзныхъ народовъ, черезъ что нарушаются мирные договоры Посполитой Рѣчи и накликаютъ на отечество всѣ ужасы и бѣды войны?

Богданъ въ свою очередь посмотрѣлъ пристально въ глаза пану канцлеру; послѣдній не выдержалъ козачьяго взгляда и опустилъ глаза, вспыхнувъ едва замѣтнымъ румянцемъ.

— Съ мирными сосѣдями козаки никогда не нарушали своевольно „панскихъ“ трактатовъ,—послѣ большой паузы заговорилъ убѣжденно Богданъ,—но развѣ невѣрныхъ разбойниковъ-бусурманъ и татаръ можно называть мирными сосѣдями? Они не признаютъ ни правъ нашего государства, ни его границъ; они постоянно врываются, какъ „хижые“ волки, въ предѣлы отечества... несутъ ему смерть и руину, забираютъ гражданъ въ полонъ... Такъ мы защищаемъ только границы нашего государства и на свою грудь принимаемъ удары не мирнаго сосѣда, а врага, не допуская его до сердца великой Польши.

— За одну такую голову, какъ у пана,—развелъ руками въ восторгѣ вельможа,—можно многое его собратьямъ простить.

— Княжья мосць очень милостива,—смутился Богданъ.

— Suum cuique,—развелъ руками Оссолинскій.—Одначе... пусть панъ присядетъ и разскажетъ подробнѣе о всемъ случившемся въ эти полгода

Почтительно, но не подобострастно опустился Богданъ на ближайшій табуретъ, а канцлеръ полуразвалился на подушкахъ дивана и приказалъ козачку подать „венгржины“.

Богданъ разсказалъ о морскомъ походѣ, вызванномъ, якобы, грозившимъ западной окраинѣ со стороны Буджака нападеніемъ, которое парализовали козаки, разсказалъ о страшной бурѣ, разметавшей чайки и воспрепятствовавшей предположенному набѣгу на берега Анатоліи, разсказалъ о морскихъ битвахъ и трофеяхъ, между прочимъ, и о Марылькѣ.

Оссолинскій все это слушалъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ, не сводя проницательныхъ глазъ съ Богдана и попивая небольшими глотками вино.

— Успѣхъ всякаго дѣла въ руцѣ Божіей,—замѣтилъ, наконецъ, канцлеръ,—а ваши поступки освѣщаются мнѣ теперь благонамѣренными побужденіями, которыя не идутъ въ разрѣзъ ни съ интересами Рѣчи Посполитой, ни съ высокими королевскими стремленіями; нужно только яснѣе поставить на видъ движеніе Пивтора Кожуха, и его королевская мосць окажетъ тебѣ, пане, благоволеніе. Мы уже имѣемъ и нѣкоторыя послѣдствія вашихъ походовъ: получена въ посольской нашей избѣ вѣская нота Высокой Порты о козацкихъ разбояхъ, требующая отъ Рѣчи Посполитой крупныхъ денежныхъ выплатъ, оскорбительныхъ для чести государства. Нужно и передъ сеймомъ оправдать воинственныя движенія козаковъ, тогда требованіе Порты выростетъ въ „casus belli“, вслѣдствіе чего намъ необходимо быть насторожѣ и заблаговременно готовиться къ оборонѣ.

— Мы всѣ къ оборонѣ королевской чести и блага нашей „ойчизны“ готовы!—воскликнулъ Богданъ.—Пусть ясный князь скажетъ только слово, и несмѣтныя силы могутъ „повстать“ на Украйнѣ.

— На вашу вѣрность и преданность король и его сподвижники надѣются,—произнесъ Оссолинскій,—но дѣйствительно-ли такую чрезмѣрную поддержку можетъ оказать отечеству Украйна?

— У насъ, ясный княже, гдѣ „кракъ“, тамъ и козакъ, а гдѣ „байракъ“, тамъ сто козаковъ.

— Мнѣ это весьма пріятно знать,—потеръ себѣ руки вельможа,—это даетъ больше твердости и увѣренности, а въ панской преданности король, кажется, ошибаться не можетъ.

— Свидѣтель тому всемогущій Богъ!—поднялъ два пальца Богданъ, порываясь торжественно встать.

— Вѣрно, вѣрно!—дотронулся слегка Оссолинскій до плеча Хмельницкаго, удерживая его на мѣстѣ.

— Всякое желаніе нашего милостиваго короля,—продолжалъ пылко Богданъ,—и яснооосвѣцонаго князя, противъ кого-бы оно направлено ни было, мы поддержимъ своими костьми.

— Спасибо, спасибо!—прервалъ бурный потокъ рѣчи Богдана вельможа и, улыбнувшись, прибавилъ: панъ юношески пылокъ,—а потомъ сразу перемѣнилъ тему бесѣды, вспомнивъ о спасенной панянкѣ.

— Эта Марылька меня очень заинтересовала,—началъ онъ легкимъ, игривымъ тономъ,—она, быть можетъ даже дальняя родственница намъ... по женѣ... Помнится, что у отца ея было громадное состояніе и, за лишеніемъ правъ этого „баниты“, кѣмъ-то похищено; но

если прямая наслѣдница есть, то eo ipso она можетъ домогаться его возврата... Да, да! А за сироту я возьмусь хлопотать и даже доложу объ этомъ королю... Во всякомъ случаѣ панскій поступокъ доблестенъ и благороденъ.

У Богдана при послѣднихъ словахъ почему-то сжалось до боли сердце: ему было-бы пріятнѣе услышать отъ канцлера полное безучастіе къ судьбѣ Марыльки.

— Какого возраста она?—прищурилъ глаза вельможа и отпилъ лѣниво глотокъ дорогого вина.

— Лѣтъ пятнадцати... еще дитя,—старался равнодушно отвѣтить Богданъ, но голосъ ему измѣнялъ.

— И обѣщаетъ быть дурнушкой или сносна личикомъ?

— Необычайно... изумительно!—невольно сорвалось съ языка у Богдана, но онъ, желая замять проявленіе своего восторга, добавилъ небрежно: впрочемъ, мы, грубые воины, плохіе знатоки красоты женской и цѣнить ее не умѣемъ; вотъ, если-бы ваша княжья мосць показали мнѣ какой-либо клинокъ, то въ оцѣнкѣ его знатокомъ-бы я былъ безошибочнымъ.

— Такъ, такъ, пане,—улыбнулся лукаво канцлеръ и поправилъ рукою разсыпавшіяся на лбу кудри,—я эту панну приму въ свою семью; она будетъ пригрѣта и воспитана согласно своему общественному положенію... Я выхлопочу ея имущество, а жена устроитъ ея судьбу.

— Сиротка должна Бога благодарить,—поперхнулся словомъ козакъ,—за такое счастье... почетъ.

— Дай Богъ!—загадочно замѣтилъ панъ канцлеръ, и послѣ долгой паузы быстро спросилъ:—она гдѣ теперь, эта панна?

— Здѣсь, въ Каменцѣ, у моего свата, бургомистра Случевскаго.

— А! прекрасно! Я за ней пришлю „повозъ“ съ моею дочерью.

У Богдана словно оборвалось что въ груди. Оссолинскій вынулъ золотую табакерку, украшенную портретомъ Жигмонта и осыпанную алмазами, досталъ изъ нея щепотку ароматическаго табаку и, медленно нюхая, наблюдалъ смущеніе козака и изучалъ вмѣстѣ съ тѣмъ его характеръ.

„Пылкость и искренность“—подчеркнулъ онъ въ умѣ свои наблюденія и этимъ выводомъ остался доволенъ,—положиться на него, кажется, можно.

— Да, теперь вотъ о чемъ поговорить я хочу съ паномъ сотникомъ,—обмахнулъ канцлеръ платкомъ носъ и началъ вертѣть табакерку между пальцами.—Видишь-ли, пане, установленные го-

сударствомъ и утвержденные верховною властью законы и учрежденія суть краеугольные камни, на которыхъ зиждется общее благо... И король, помазанникъ Божій, стоитъ стражемъ и охранителемъ ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ блюдетъ, чтобъ учрежденія и законы не уклонялись отъ путей, указанныхъ священною волей, и чинили бы въ отечествѣ правду и благо... Это, такъ сказать, двѣ силы, исходящія изъ одного источника, поддерживающія другъ друга и возвращающіяся къ исходному началу... Оссолинскій говорилъ изысканно, съ ораторскими пріемами, любуясь самъ своимъ краснорѣчіемъ, а Хмельницкій, нѣсколько нагнувшись впередъ, ловилъ и взвѣшивалъ каждое слово, сознавая горько, что старая лисица только путаетъ слѣды и, маня хвостомъ, заметаетъ ихъ.

— Но вѣдь всѣмъ извѣстно, — продолжалъ канцлеръ, что errare humanum est и что общество, даже самое преданнѣйшее „ойчизнѣ", можетъ въ своихъ мысляхъ и поступкахъ ошибаться и уклоняться отъ истины, какъ низшія сословія, такъ и высшія, какъ козаки, такъ и благородная шляхта, ибо человѣческая природа несовершенна и мы всѣ бродимъ въ темнотѣ, обуреваемые страстями. Только поставленный превыше всѣхъ Богомъ и нашими институціями, только тотъ можетъ съ высоты созерцать и истину, озаренную свѣтомъ, и наши заблужденія, таящіяся во мракѣ,—Оссолинскій заложилъ ногу на ногу и, поправивъ подушки, облокотился на нихъ поудобнѣе,—а потому каждый гражданинъ, и въ отдѣльности, и въ „громадѣ", долженъ свято чтить высокую личность мѵропомазанника, не только охраняя власть его отъ всякихъ на нее покушеній, но и возвеличивая ее, памятуя твердо, что утвержденіе въ силѣ этой власти укрѣпляетъ въ правдѣ и значеніи всѣ институціи нашей славной Рѣчи-Посполитой, а съ умаленіемъ и уничтоженіемъ ея расшатываются скрѣпы „ойчизны"... Своеволія и самоуправства не суть глашатаи свободы, а суть прорицатели ея паденія и общей гибели!

Ораторъ остановился, слѣдя за произведеннымъ впечатлѣніемъ, и потянулся освѣжить горло живительною влагой.

— Клянусь Богомъ, святая правда въ словахъ вашей мосци,—воспользовался паузой Богданъ, желая подчеркнуть и вывести на свѣтъ мысль Оссолинскаго,—безъ пана не можетъ нигдѣ быть порядка, и надъ міромъ есть всеблагій и единосущный Панъ; одному пану, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, должны мы кориться и слова его „послухать", и это послушаніе за честь и за благо; но имѣть на спинѣ, кромѣ пана, сотню „пидпанковъ" и всякому кланяться—заболитъ шея, да не будешь знать, кого и слушаться: одинъ на другого натравлять станетъ. У насъ и пословица есть:

„пана вважай, а пидпанкивъ мынай“, потому что „не такъ паны, якъ ти пидпанкы“.

— Хотя не мой, но остроумный выводъ,—засмѣялся вельможа, сдѣлавъ рукою одобрительный жестъ,—панъ своеобразно развилъ мою мысль и подтвердилъ еще разъ, что въ выборѣ нужной для насъ головы я не ошибся... Не смущайся, пане, не смущайся... Кому же лучше и знать жесткія рукавицы этихъ „пидпанковъ“, какъ не вамъ? Не безъизвѣстно, конечно, пану, что для успѣшной борьбы со зломъ нужно, чтобы доброе начало имѣло перевѣсъ силы, равно и для отстоянія закона и блага въ отечествѣ нужно, чтобы мы, смиривъ свою гордыню... признали бы... королевскую власть священной... Во всѣхъ иноземныхъ державахъ она утверждена на прочныхъ началахъ и служитъ источникомъ величія, силы и преуспѣянія народовъ... Связь съ этими „моцарствами“ не только полезна для насъ, но и необходима... Вотъ, напримѣръ, король и къ вамъ, порицая ваши самоуправія,—быть можетъ и вызванныя самоуправствами другихъ и слабостью закона—питаетъ сердечныя чувства, уважая въ васъ вѣрныхъ поборниковъ его священныхъ правъ и цѣлости государственной... но, тѣмъ не менѣе, лично удовлетворить вашей челобитной не могъ... Вѣдь, король только въ военное время имѣетъ власть самолично распоряжаться,—подчеркнулъ Оссолинскій, сдѣлавъ небольшую паузу,—а въ мирное время все вершитъ сеймъ... ну, а шляхетный сеймъ до такой степени подозрителенъ и придирчивъ, что даже кричитъ противъ институціи орденовъ, учрежденныхъ во всѣхъ иноземныхъ державахъ, боясь, чтобы и эта награда не находилась въ рукахъ короля, чтобы онъ, какъ выражаются, не могъ привлекать къ себѣ „цяцьками“ приверженцевъ...

— Да и у насъ это понимаютъ лучшія головы,—замѣтилъ Хмельницкій,—но трудно внушить простолюдину, чтобы король, коронованная, Богомъ помазанная глава, не имѣлъ въ рукахъ власти обуздать насиліе благородной шляхты; народъ въ этомъ видитъ потворство короля и отождествляетъ его волю съ своеволіемъ буйнымъ...

— Это то и есть во всей мистеріи самое грустное,—искренно вздохнулъ канцлеръ,—здѣсь у насъ нѣтъ опоръ, и мы ищемъ ихъ за предѣлами отечества, т. е. ищемъ союзовъ къ предстоящей войнѣ,—поправился онъ, смутившись—хотя война есть большое разорительное бѣдствіе для страны и нежелательна ни королю, ни Рѣчи-Посполитой, но бываютъ неизбѣжныя обстоятельства,—вѣдь вотъ и теперь идутъ враждебные набѣги на наши окраины... Ну, такъ королю нужно заблаговременно думать и готовиться ко всему, какъ внутри государства, такъ и внѣ его... тѣмъ болѣе, что въ

военное время онъ становится единымъ диктаторомъ,—протянулъ Оссолинскій,—полновластнымъ раздавателемъ всякаго рода привилегій своимъ вѣрнымъ союзникамъ... Однимъ словомъ, какъ велики права, такъ велика и отвѣтственность... почему его королевская мосць долженъ озаботиться... послать всюду преданныхъ и вѣрныхъ людей...—поперхнулся отъ нервнаго волненія канцлеръ и, откашлявшись, понюхалъ еще табаку,—такъ вотъ для этихъ разслѣдованій и соисканій,—добавилъ онъ торопливо,—намъ нужны умныя, знакомыя съ придворными хитростями головы... Можно ли разсчитывать намъ по чести на пана сотника?

Богданъ стремительно поднялся со своего мѣста, обнажилъ свою саблю и, положивъ ее на руки, произнесъ торжественно, дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ:

— Клянусь этой святыней, врученною мнѣ подъ Смоленскомъ моимъ „найизлюбленнѣйшимъ" паномъ, найяснѣйшимъ теперешнимъ королемъ, клянусь передъ лицомъ всемогущаго Бога, что всю мою душу положу для блага короля, для осуществленія его начертаній и для счастія моего народа, не щадя послѣдней капли крови!

— Amen!—произнесъ канцлеръ.—Благодарю и за короля, и за себя!—подошелъ онъ къ Богдану и пожалъ ему искренно руку. Такъ, значитъ, панъ нашъ!—наполнилъ онъ изъ кувшина кубокъ Богдана, поднялъ свой и чокнулся съ нимъ звонко.—Да поможетъ намъ Богъ и да хранитъ отъ бѣдъ наше правое дѣло!

Богданъ опорожнилъ, не переводя духу, свой кубокъ.

— Ну, а какъ панъ...—подошелъ опять канцлеръ къ Хмельницкому—не связанъ ли онъ теперь? Можемъ-ли мы распорядиться съ мѣста его услугами? Надобность вѣдь неотложна...

— Мои личныя нужды, княжья милость, не могутъ идти въ разсчетъ съ нуждами общественными, а кольми паче съ „потребами" нашего батька-короля,но я бы молилъ облегчить и теперь хоть немного участь козаковъ; они бы и въ малой ласкѣ увидѣли надежду... благодарности не было-бъ и конца...

— По-рыцарски, дружелюбно,—улыбнулся панъ канцлеръ,—все, что пока возможно, будетъ сдѣлано... Король радъ... Но... я употреблю всѣ усилія, а пана мы заполонимъ сразу и съумѣемъ оцѣнить его преданность... Сегодня я отпускаю пана сотника, а на завтра прошу рано прибыть сюда и сопровождать короля до Хотина.

У Богдана мелькнула мысль, что канцлеръ хочетъ оставить его при себѣ; при этомъ почему-то безсознательно сверкнулъ предъ нимъ образъ Марыльки.

— До Хотина или немного дальше,—продолжалъ, что-то сообразивши, магнатъ,—тамъ я вручу пану и письма, и полномочія,

и инструкціи, а король лично передастъ свои желанія и ввѣритъ грамоты... Пану предстоитъ большое путешествіе: и къ австрійскому родственному двору, и въ Венецію къ нунцію Тьеполо, и къ герцогу Мазарини въ Парижъ... похлопотать тамъ, заключить интимные союзы, принанять войска... Мы ввѣряемъ, пане, твоей рыцарской чести большую государственную тайну и полагаемся вполнѣ на твой умъ и на твое преданное, честное сердце,—протянулъ онъ руку Богдану.

Послѣдній, ошеломленный неожиданнымъ порученіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и польщенный высокимъ довѣріемъ, прикоснулся губами къ плечу канцлера и съ низкимъ поклономъ вышелъ изъ комнаты.

Взволнованный наплывомъ неожиданыхъ впечатлѣній, остановился за „брамой“ Богданъ широко вдохнуть грудью струю свѣжаго воздуху.

На западѣ стояла уже туча черной стѣной; безпрестанныя молніи бороздили ее и освѣщали на мигъ фосфорическимъ свѣтомъ и высокія крыши спящаго города, и грозные контуры надвигавшейся тучи... Небо словно мигало зловѣщимъ, чудовищнымъ глазомъ...

— Да, туда, подъ эти грозы и „блискавицы“ влечетъ тебя доля, козаче,—мелькали въ горячей головѣ Богдана налетавшія бурею мысли,—и не будетъ тебѣ успокоенія, пока не перестанетъ это сердце колотиться въ груди... Что же сулишь ты мнѣ, грозная туча,—или понесешь меня на крыльяхъ бури, возвѣстить моему краю надежду, или сразишь подъ перунами мою мятежную душу?

Порывистый вѣтеръ пахнулъ Богдану въ лицо, онъ снялъ ему шапку на встрѣчу и торопливо пошелъ домой.

Итакъ выѣзжать, выѣзжать немедленно, не заѣхавши даже въ Субботовъ, домой. Эхъ, и гдѣ это у козака его домъ?—вздохнулъ Богданъ:—чистое поле—его дворище, темный боръ—хата. Но что-же будетъ съ его семьей? До сихъ поръ онъ не получалъ о ней извѣстій, что съ ними?.. Не случилось-ли чего? Зная, что его нѣтъ дома, развѣ трудно затѣять наѣздъ... Во всѣ эти послѣднія треволненія онъ даже забылъ думать объ этомъ: какъ и чѣмъ-бы онъ могъ помочь!—Богданъ провелъ досадливо рукой по волосамъ:—эхъ, всѣ мы въ волѣ Божьей!—вздохнулъ онъ, стараясь успокоить себя отъ тревожныхъ мыслей.—Онъ, милосердный заступникъ, не оставитъ ихъ. Да вѣдь нельзя и отказаться отъ порученья короля: не для себя вѣдь, для блага отчизны: въ этой войнѣ единое спасенье всего края... такъ можно-ли даже ставить на вѣсы съ нимъ заботы о своей семьѣ? Да и что-же можетъ имъ угрожать?—Ганна навѣрное переѣхала къ нимъ, а съ нею и Золотаренко, опять-же и Ганджа тамъ вмѣстѣ съ ними. Дастъ Богъ досмотрятъ. Да и онъ же не вѣкъ тамъ въ чужихъ земляхъ мытарствовать будетъ: устроитъ все,

да и домой!—утѣшалъ себя Богданъ, чувствуя, какъ въ душѣ его, не смотря на всѣ доказательства разума, не смотря на надежды, возникающія изъ его будущей поѣздки, не улегалась горечь отъ предстоящей разлуки... съ кѣмъ?—съ семьей? съ Ганной? съ больной женой? Но вѣдь съ ними онъ разстался давно и чувство этой разлуки уже притупилось въ его душѣ... Съ Марылькой? Но что мнѣ до нея!—перебилъ самъ себя Богданъ:—слава Богу, что удалось исполнить данное товарищу слово и пристроить у такихъ важныхъ пановъ! Нѣтъ, вотъ домой, отдохнуть хотѣлось, повидаться со всѣми,—объяснилъ онъ себѣ свою непонятную тоску, вызывая въ воображеніи мирныя картины Субботовской жизни, больную жену, дѣтей, Ганну. Но образъ Ганны являлся ему печальный и блѣдный, а большіе сѣрые глаза ея, словно съ нѣмымъ укоромъ, смотрѣли въ его глаза. Эхъ, Ганно, золотая душа моя!—вздохнулъ глубоко Богданъ, почувствовавъ въ своемъ сердцѣ приливъ нѣжной признательности къ этой чудной дѣвушкѣ, такъ беззавѣтно преданной ему и его семьѣ. И почему-то вдругъ, рядомъ съ образомъ Ганны, печальнымъ и блѣднымъ, всталъ яркій образъ Марыльки съ ея золотистыми волнами волосъ, съ ея синими глубокими глазами, жаркимъ румянцемъ на щекахъ, съ ея сверкающей улыбкой и звонкой, серебристой рѣчью.—Эхъ, что это я въ самомъ дѣлѣ, „съ глузду ссунулся" что-ли!—обор-валъ себя вслухъ Богданъ, сердито взъерошивая волосы.—Надо домой написать, повѣстить обо всемъ,—продолжалъ онъ свои размышленія:—только черезъ кого передать? Эхъ, если-бъ Морозенко былъ теперь со мною! Да гдѣ-то онъ бѣдняга, быть можетъ и на свѣтѣ его нѣтъ, а можетъ взяли въ неволю татаре... жалко, жалко хлопца, равно какъ сына родного!—Богданъ глубоко задумался и не замѣтилъ, какъ дошелъ до дома своего родича.

Прошедши на конюшню, гдѣ стояли его лошади и спали прибывшіе съ нимъ козаки, онъ разбудилъ одного изъ нихъ.

— Вставай, Рябошапко,—обратился онъ къ нему, когда разбуженный козакъ былъ наконецъ въ состояніи понять обращенныя къ нему слова: готовься въ дорогу: сейчасъ дамъ тебѣ „листы", поѣдешь ко мнѣ въ Субботово. Я думаю, какъ ѣхать ты знаешь?

— Знаю, знаю,—улыбнулся Рябошапка,—да тутъ еще и одинъ человѣкъ есть знакомый изъ Чигирина, Чмыремъ зовутъ.

— Чмыремъ? А знаю, знаю,—обрадовался Богданъ,—такъ ты вотъ приведи его ко мнѣ, а самъ готовься. Утромъ рано поѣдешь.

Отдавъ приказанія и другимъ козакамъ быть готовыми двинуться чуть свѣтъ въ путь, Богданъ отправился въ домъ и принялся торопливо писать Ганнѣ и Ганджѣ письма, а потомъ пришелъ и Чмырь. Онъ передалъ Богдану, что въ Субботовѣ пока, насколько

онъ могъ знать, обстояло благополучно. Въ горячей бесѣдѣ съ нимъ Богданъ не замѣчалъ ни раскатовъ грома, ни ослѣпительныхъ молній, ни бури; впрочемъ, туча коснулась крыломъ только Каменца, и ее смѣнило свѣжее, бодрое, ликующее утро.

Богданъ вышелъ на крыльцо и совершилъ краткую молитву къ востоку; козаки стояли уже на дворѣ съ готовыми, осѣдланными конями, когда вышелъ сонный бурмистръ, не могшій сообразить, что все это значитъ? Въ короткихъ словахъ передалъ Богданъ свату требованіе канцлера и поручилъ ему доглядѣть сиротку Марыльку, пока не возьметъ ее семья Оссолинскаго. Богданъ все это передавалъ оторопѣвшему хозяину нервно, сбивчиво и не совсѣмъ понятно, спѣша скрыть свое непослушное волненіе и уйти отъ тяжелаго прощанія съ Марылькой; но это ему не удалось: Марылька цѣлую ночь не спала въ непонятной тревогѣ и теперь уже стояла блѣдная, трепещущая въ сѣняхъ, прислушиваясь къ ужасной для нея вѣсти.—Такъ значитъ Богданъ не хочетъ отыскать ея отца, или его вовсе нѣтъ на свѣтѣ? Кому онъ отдаетъ ее? Неизвѣстному ей канцлеру Оссолинскому? О, Господи, что-то будетъ съ нею?

Пане, пане!—рванулась она къ Богдану,—не бросай меня! Я не могу безъ тебя!..—хватала она его за руки, заливаясь слезами и прижимаясь къ груди.—Мнѣ страшно одной... все чужіе... лучше умереть... я боюсь... Не кидай меня!

— Марылько... „дытыно моя любая",—успокаивалъ ее рвущимся голосомъ Богданъ,—и въ груди его что-то дрожало и билось,—успокойся... это на малое время... Я до Хотина только... провожу короля, а можетъ быть вмѣстѣ и тебя повезутъ въ Хотинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—билась Марылька у него на груди.—Сердце мое чуетъ обманъ... тоска давитъ... Опять чужіе, недобрые люди: ни ласки, ни теплаго слова,.. одна, на цѣломъ свѣтѣ одна... ни матери, ни отца роднаго!—захлебнулась Марылька, и слезы покатились ручьями изъ ея синихъ, объятыхъ страхомъ, очей.

— Клянусь, что какъ дитя... тебя .. до смерти... всѣхъ замѣню!—путался Богданъ въ словахъ, лаская головку Марылки.

— Пане, ты назвался мнѣ вторымъ татомъ,—вздрагивала она всѣмъ тѣломъ по-дѣтски,—зачѣмъ-же отталкиваешь свою „доню"? Отчего не хочешь отыскать ей родного отца, отчего отдаешь чужимъ людямъ?!—Въ своемъ ужасѣ передъ новой неизвѣстностью судьбы, Марылька уже забывала и то, что жить у козака пришлось-бы въ простой хатѣ безъ роскоши, безъ почета, безъ слугъ, а у канцлера, у магната и вѣроятно родича... Но Богданъ былъ у нея теперь единственнымъ близкимъ искренно-преданнымъ ей человѣкомъ и разстаться съ нимъ, потерять свою послѣднюю опору, казалось ей ужаснымъ.—

Нѣтъ-же у меня никого, кромѣ тебя... никто меня такъ жалѣть и любить не будетъ!—упала она къ нему на грудь и обняла его руками за шею.

— Вотъ передъ небомъ, не покину тебя!—бормоталъ Богданъ, цѣлуя ея шелковистые волосы.

— Такъ тато меня не броситъ?—улыбнулась уже сквозь слезы панянка, отбросивъ назадъ головку—а какъ я буду тата любить,—больше всего, всего на свѣтѣ!

— „Квиточко", —оборвался словомъ Богданъ, чувствуя, что какая-то горячая струя зажгла ему грудь и подступила къ горлу комкомъ.—Сейчасъ нельзя... тебя, голубка, досмотрятъ здѣсь, какъ родную, а въ Хотинѣ вмѣстѣ уже...

— Обманъ, обманъ!—завопила Марылька и поблѣднѣла смертельно.—Лучше убей меня! —вскрикнула она и упала безъ чувствъ на крѣпкія козачьи руки.

Богданъ передалъ ее свату и, крикнувши: „Пригрѣйте сиротку!"—вскочилъ на коня и исчезъ за воротами...

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.).

Предисловіе.

За послѣдніе годы въ нашей журнальной литературѣ замѣтно обнаруживается общее стремленіе къ обнародованію памятниковъ автобіографическаго характера. Почти въ каждомъ журналѣ помѣщаются записки, дневники, мемуары, воспоминанія, письма и т. д. различныхъ лицъ, занимавшихъ то или другое мѣсто въ области науки, искусства, литературы. Безъ сомнѣнія, такое направленіе русской журналистики обусловливается требованіями времени: въ концѣ столѣтія сама собою является потребность выяснить сущность, постепенную послѣдовательность и взаимную связь отдѣльныхъ историческихъ моментовъ, изъ которыхъ сложилось одно цѣлое, обнимающее собою весь періодъ. Памятники автобіографическаго характера, какъ первоисточники, представляютъ собою наиболѣе цѣнный и годный матеріалъ для рѣшенія этой задачи; самое же рѣшеніе ея лежитъ на обязанности исторической критики.

Помѣщаемыя ниже 113 писемъ Пантелеймона Александровича Кулиша къ извѣстному профессору О. М. Бодянскому ка-

саются эпохи, представляющей собою одну изъ интересныхъ страницъ исторіи русской литературы. Большинство ихъ относится къ 1846—57 гг., т. е. періоду, непосредственно предшествовавшему шестидесятымъ годамъ, когда въ воздухѣ уже носилось предчувствіе великихъ реформъ, когда обновленное Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ открыло, подъ редакціей Бодянскаго, усиленную дѣятельность, окончившуюся такъ называемой „флетчеровской исторіей"; когда въ области науки, литературы и искусства стали появляться и развиваться новыя, доселѣ неизвѣстныя направленія. Жизнь П. А. Кулиша, какъ сотрудника въ Обществѣ Исторіи и Древностей, готовившагося къ учено-литературной карьерѣ, и стоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ къ Бодянскому, тѣсно соприкасалась съ общимъ ходомъ событій того времени, что, разумѣется, не могло не повліять и на содержаніе писемъ. Въ послѣднихъ невольно отразились и тѣ историческія условія, среди которыхъ развивалась учено-литературная дѣятельность П. А., и тѣ характерныя черты, изъ которыхъ слагается его обликъ, какъ общественнаго дѣятеля и человѣка. Съ этой точки зрѣнія и опредѣляется значеніе писемъ въ качествѣ историческихъ матеріаловъ.

Не входя въ подробный разборъ и оцѣнку писемъ П. А., мы постараемся отмѣтить существенныя черты ихъ содержанія.— Въ 1845 году О. М. Бодянскій былъ избранъ секретаремъ Общества Исторіи и Древностей, а съ 1846 г. труды Общества начинаютъ издаваться въ новой формѣ—въ формѣ „Чтеній". Дѣятельная и энергичная личность Бодянскаго сгруппировала около себя кружокъ лицъ, (къ числу которыхъ принадлежалъ и П. А. Кулишъ), готовыхъ съ самоотверженіемъ служить наукѣ (ср. ниже письмо № 36). Вполнѣ понятно, что переписка ихъ съ своимъ руководителемъ отражала на себѣ всѣ тѣ колебанія, которыя выдерживала ихъ дѣятельность, даже помимо Чтеній. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ о цензурѣ. Въ письмахъ Кулиша мы встрѣчаемъ не мало интересныхъ замѣчаній по этому вопросу (ср. пис. №№ 5, 6, 17, 35, 64—66, 74, 97). Сюда же примыкалъ вопросъ о количествѣ и качествѣ даль-

нѣйшихъ работъ. По письмамъ легко можно прослѣдить тотъ путь, которымъ прошли литературные труды П. А., увидавшіе свѣтъ (ср. 1, 2, 4, 5 и слѣд.), и не предназначавшіеся къ скорому напечатанію (95), а также — различные планы, многимъ изъ которыхъ совершенно не суждено было осуществиться. Въ качествѣ примѣра въ послѣднемъ отношеніи укажемъ на намѣреніе П. А. Кулиша перевести Одиссею на малороссійскій языкъ, оставленное по совѣту Бодянскаго (33, 34). Наконецъ, литературныя связи и широкое знакомство П. А. положили также свой отпечатокъ на всю переписку. Здѣсь мы встрѣчаемъ не мало свѣдѣній о другихъ писателяхъ (1, 5, 27, 108 и др.) и различныхъ новостей, касающихся общаго теченія литературной жизни (62—64, 83, 85). Недоразумѣніе между П. А. Кулишемъ и И. И. Срезневскимъ изъ-за сборника украинскихъ пѣсенъ, записанныхъ первымъ и присвоенныхъ вторымъ (4, 7, 24, 25, 27, 30, 33, 79), является лишь иллюстраціей къ тѣмъ жалобамъ, которыя нерѣдко срываются у автора писемъ по поводу тѣхъ или другихъ событій. Впрочемъ, отзывъ П. А. о „цыганѣ" Погодинѣ (37) доказываетъ, что жалобы и подозрѣнія его были не всегда справедливы (ср. „Рус. Архивъ", 1892, XI, 301, прим.). Нельзя, кажется, назвать безпристрастнымъ и отношеніе автора къ редакціи „Современника" (64).

Черезъ всю переписку проходятъ двѣ основныя черты, характеризующія Кулиша, какъ дѣятеля на учено-литературномъ поприщѣ: съ одной стороны украинофильство, съ другой—широкое разнообразіе дѣятельности. „Святая старосвищина" всегда стояла у П. А. на первомъ планѣ, а заботы о поддержаніи малороссійской литературы—были его повседневными заботами. Повидимому, Бодянскій въ своихъ письмахъ нѣсколько сдерживалъ энергичные порывы П. А. — въ этомъ направленіи. Этимъ увлеченіемъ всѣмъ роднымъ у П. А. объясняются всѣ мелочные переговоры о способѣ печатанія, заботы о паэркахъ, значкахъ, удареніяхъ, правописаніи и т. д. (5, 7, 12 и др). Замѣчательно, что это увлеченіе соединялось съ необыкновенной энергіей и

усиленной дѣятельностью. Авторъ писемъ записываетъ украинскія пѣсни и думы, сличаетъ лѣтописи, печатаетъ самостоятельныя ученыя статьи, романы, повѣсти, стихи, книжки для дѣтей, занимается переводами, изучаетъ иностранные языки (польскій, французскій, нѣмецкій, итальянскій, англійскій, испанскій, латинскій, арабскій), издаетъ сочиненія другихъ авторовъ, редактируетъ журналъ, собираетъ рукописи, заводитъ собственную типографію и т. д., находя досугъ для занятія сельскимъ хозяйствомъ и физическимъ трудомъ.

Такая усиленная дѣятельность является тѣмъ болѣе непонятною, что П. А., какъ человѣка, нельзя было назвать счастливымъ по крайней мѣрѣ въ періодъ, къ которому относятся письма. „Гдѣ тутъ везетъ?! Я долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рельсовъ"... (95). П. А. далеко не располагалъ свободными денежными средствами (57) и, судя по письмамъ, не отличался богатымъ здоровьемъ (70—72). „Часто хвораю, Здоровье мое сильно разстроено"—писалъ онъ еще въ 1847 году (23). Неудавшаяся поѣздка за границу, арестъ, запрещеніе печатать свои произведенія и водвореніе на жительство въ Тулу навсегда испортили блестяще начатую карьеру. Правда, въ своихъ письмахъ авторъ никогда не говоритъ подробно объ этой тяжелой исторіи. „Насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій—это не наша бѣда". (36). Прошло три года тяжелой жизни въ Тулѣ, и П. А., получивъ амнистію (51), уѣхалъ въ Петербургъ, унося въ своей душѣ горькое сознаніе разбитыхъ надеждъ. А затѣмъ началась скитальческая жизнь съ переѣздами изъ одного края Россіи въ другой,—жизнь, далеко нелишенная бѣдствій, несчастій, неудачъ, непредвидѣнныхъ случайностей. „Живительное впечатлѣніе„ Петербурга (80) уничтожалось въ этой жизни его климатомъ и болотной цивилизаціей (76), прелесть сельской природы отравляли мелочныя хлопоты помѣщичьей, „панской" жизни и „дрязги деревенщины" (88). Вѣроятно, такое стеченіе житейскихъ обстоятельствъ и разумѣлъ П. А, говоря, что ему не везетъ, какъ человѣку, выскочившему изъ рель-

совъ. „Тяжело рубить дрова тому, кто умѣетъ написать картину или отлить статую, но таково наше время, что вѣрнѣе можно зашибить копѣйку рубкою дровъ, нежели произведеніями фантазіи,—по крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня“ (80). Подобные мотивы звучатъ въ письмахъ очень нерѣдко, но при всѣхъ неудачахъ П. А. „оставался самимъ собою“.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о подлинникѣ, съ котораго печатаются помѣщаемыя ниже письма. Онъ представляетъ собою томикъ въ почтовый листъ (разнаго формата), на 283 листкахъ, исписанныхъ четкимъ, довольно красивымъ почеркомъ, въ бумажномъ переплетѣ. Въ наше собраніе эти письма поступили вмѣстѣ съ остальными рукописями О. М. Бодянскаго. Сохранились они хорошо; при переплетѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, который, впрочемъ, выдержанъ не вездѣ. На каждомъ письмѣ рукою О. М. Бодянскаго сдѣлана помѣта—когда получено. Небольшая часть этихъ писемъ, въ видѣ выдержекъ, была напечатана нами въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1892 годъ (№ 11; стр. 291—304). Ниже помѣщаются всѣ имѣющіяся въ указанной рукописи письма, за исключеніемъ очень немногихъ (не болѣе 12), отличающихся краткостью, узко-дѣловымъ или чисто-семейнымъ характеромъ.

Но не является ли изданіе этихъ писемъ, какъ матеріала для оцѣнки личности, преждевременнымъ? Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ являются слова самого Пантелеймона Александровича: „Будущее время постоитъ само за себя; не бойтесь: его не собьете ранними воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit“.

А. Титовъ.

1.

Милостивый Государь
Осипъ Максимовичъ!

Посылаю Вамъ начало Лѣтописи Самовидца; слѣдующія тетрадки Вы получите немедленно, какъ только начнется ея печатаніе. Я дол-

женъ удержать ихъ на нѣкоторое время у себя, пока еще моя *Черная Рада* лежитъ у меня въ брульонѣ: иногда понадобится заглянуть въ этотъ источникъ.

Я хочу издать Украинскій альманахъ (придумайте заглавіе). Шевченко прислалъ удивительныя четыре стихотворенія. Онъ дѣлаетъ чудеса съ языкомъ украинскимъ. Надѣюсь, что и Вы не откажететь украсить изданіе Вашимъ именемъ. Нѣтъ ли у Васъ какого нибудь небольшого стихотворенія, или разсказа, или чего нибудь ученаго на украинскомъ языкѣ. Задача въ томъ, чтобы украинскій языкъ поднять на степень литературнаго. Шевченко переложилъ 136 и 149 псалмы съ блистательнымъ успѣхомъ (не одни только эти, но и другіе у него). Я написалъ Черную Раду по-украински и помѣщу въ альманахѣ нѣсколько главъ. Странно думать, что народъ, такъ дѣятельно участвовавшій въ событіяхъ рода человѣческаго, не въ состояніи былъ разсказать о своей жизни въ историческомъ романѣ! Чужбинскій также прислалъ два стихотворенія. Метлинскій (Могила) и Костомаровъ (Галка) тоже.

О Шевченкѣ разсказываютъ чудеса. Онъ, говорятъ, написалъ поэму *Іоаннъ Гуссъ* и множество стихотвореній, которыя Малороссіяне знаютъ уже наизусть. Вы, я думаю, знаете, что онъ теперь въ Кіевѣ. Служитъ при Арх. Коммиссіи, получаетъ 1000 руб. жалованья. Этому нужно радоваться, потому-что Коммиссія посылаетъ его безпрестанно въ разныя мѣста Южной Россіи для снятія старинныхъ памятниковъ, а это должно современемъ доставить ему шекспировское знаніе людей, обычаевъ и проч.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, мая 23 С.-Петерб.

Я позабылъ Вамъ сказать, что *Лѣтопись Самовидца* переписана мною съ двухъ списковъ. Одинъ принадлежалъ Митропол. Евгенію (переписанный, впрочемъ, небрежно и разнымъ почеркомъ), а другой Н. Э. Писареву старинный, писанный лѣтъ 80 или 100 назадъ.

2.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Я думаю, Вы получили отправленное Вамъ продолженіе *Лѣтописи Самовидца* вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими рукописями. Теперь посылаю Вамъ написанную мною для дѣтей Исторію Малороссіи. Посредствомъ этой дѣтской книжки я имѣлъ намѣреніе предложить знатокамъ нашей исторіи нѣсколько мыслей, извлеченныхъ изъ изученія источниковъ историческихъ и самаго Украинскаго народа.

Я желалъ-бы возбудить ею *pro* и *contra*, чтобы, такимъ образомъ, окончательно рѣшить нѣкоторые вопросы, опредѣляющіе значеніе Украинцевъ въ нравственной дѣятельности Славянскаго міра. Я увѣренъ, что никто лучше Васъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, не можетъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ этого сочиненія, почему покорнѣйше прошу Васъ сдѣлать ему полный разборъ и напечатать въ какомъ нибудь журналѣ или, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ прошу Васъ имѣть въ виду одну истину и не щадить меня ни мало. Вступивъ въ храмъ исторической правды, я чувствую въ душѣ такое благоговѣніе, что совершенно забываю о своей личности. Говорю искренно, вѣрьте мнѣ. При Вашихъ благородныхъ усиліяхъ обнародовать всѣ наши историческіе источники, книжка моя можетъ служить проблемою того великаго труда, какой долженъ исполнить будущій историкъ Украйны. Знаю хорошо, что я коснулся не всѣхъ еще тезисовъ: отчасти обстоятельства сдѣлать это мнѣ не позволили, отчасти это не совмѣщалось съ объемомъ и назначеніемъ (кромѣ сказаннаго уже) моей книжки. Рецензенты могутъ распространить объемъ Украинской исторіи, если только мой трудъ будетъ имѣть дѣйствіе камня, брошеннаго на подвижную поверхность воды.

Ожидаю Вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Съ глубокимъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, іюля 16 Нов. Деревня возлѣ Петерб.

Адресуйте на имя Петра Александр. Плетнева въ Университетъ.

3.

Милостивый Государь,
Осипъ Максимовичъ!

Отъ всей души благодарю Васъ за вкладъ въ альманахъ, хотя, можетъ быть, я имъ и не воспользуюсь. Академія Наукъ хочетъ послать меня за границу для усовершенствованія въ Славянскихъ языкахъ, и ожиданіе конца этого дѣла заставляетъ меня ничего не предпринимать.

Посылаю Вамъ *Лѣтопись Самовидца,* сколько у меня переписано. Этого станетъ для октябрьской книжки, а, между тѣмъ, я распоряжусь, чтобы Вамъ дослали изъ Кіева.

Посылаю еще *Лѣтопись,* какъ думаю, *Священника Максима Плиски,* а, можетъ быть, она только повторена Плискою. Во всякомъ случаѣ она послѣ «Исторіи откуду козаки и пр.» или «Исторіи о началѣ проименованія козакъ» (которой начало напечатано въ Зап. Стар.) изъ извѣстныхъ мнѣ старшая. *Лѣтопись Грабянки* (которой начало также посылаю) уже по ней написана. Эту послѣднюю Маркевичъ называетъ *Писаревскою,* по имени того, кто ему сообщилъ, но это не годится, когда извѣстно имя лѣтописца.

Еще есть у меня въ Кіевѣ небольшая, но замѣчательная лѣтопись о первыхъ годахъ гетманства Хмѣльницкаго. Доставлю и ту. Отъ Вашихъ подвиговъ я въ восторгѣ и готовъ сдѣлать Вамъ въ помощь все, что въ состояніи только сдѣлать. Если дѣло мое о поѣздкѣ за границу рѣшится, то въ Сентябрѣ я буду проѣздомъ въ Москвѣ и тогда поговоримъ о многомъ. Между прочимъ, Вы мнѣ позволите заглянуть и въ открытые для Васъ архивы.

Если Общество Ист. и Др. дѣлаетъ вознагражденіе экземплярами каждому вкладчику, то позвольте и мнѣ этимъ воспользоваться. Я думаю, что бумага стоитъ недорого въ Москвѣ и что я не отягощу Общества, если попрошу отпустить для меня 300 экземпляровъ Лѣтописи Самовидца. Я Вамъ скажу, для чего они мнѣ нужны.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою П. Кулѣшъ.

1846, іюня 26 С.-Петерб.

Еще разъ благодарю Васъ за рôдну мову: ажъ на сердцѣ полегшае, якъ почуешь, що наши писменû (а въ ихъ то и вся сила) не забуваютъ и не цураютъся рôдного слова.

Прошу передать г. Козачковскому мой почтительный поклонъ.

4.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Принимая въ соображеніе Вашу необыкновенную дѣятельность, я боюсь, чтобъ Вы слишкомъ скоро не израсходовали своей жизни. Поэтому прошу Васъ экономничать ею такъ, чтобы Вы могли прожить двадцать лѣтъ, а остаткомъ, пожалуй, можно и пожертвовать.

Я давно уже написалъ въ Кіевъ, чтобы дослали Вамъ конецъ Лѣтописи Самовидца; но Костомаровъ ѣздилъ въ Крымъ и долженъ возвратиться только въ началѣ августа. Сегодня я опять писалъ къ нему и надѣюсь, что онъ скоро вамъ доставитъ. А, можетъ быть, Вы еще прежде получите отъ Юзефовича, которому я также писалъ, да и сегодня напишу. Въ спискѣ Юзефовича, переписанномъ съ Евгеньевскаго и другого стариннаго подъ моимъ руководствомъ, Вы найдете отмѣтку, до которыхъ именно поръ Лѣтопись писана Самовидцемъ.

Оттиски мои явятся въ широкихъ и тонкихъ брошюркахъ. Если это не составитъ особаго затрудненія, то нельзя-ли разложить наборъ буквъ въ страницы небольшія, наприм., въ 12 или 16 долю листа. Тогда вышли бы книжки пріятнаго вида. Впрочемъ, не придавайте большой важности этому желанію.

О лѣтописяхъ Плиски, Грабянки и другихъ мы потолкуемъ въ Москвѣ. А Вы, между тѣмъ, собирайте всѣ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма простыя компиляціи съ добавкою или перемѣною нѣкоторыхъ фразъ. Зачѣмъ же каждую печатать? Нужно только перечитать вмѣстѣ и убѣдиться, что это одно и тоже. Тогда указать варіанты да и все тутъ. Моя лѣтопись Плиски, видно, ближе къ подлиннику, а, можетъ быть, и вѣрная съ него копія. У Маркевича есть отмѣны въ фразахъ, но порядокъ изложенія совершенно тотъ-же. Грабянка (это не родственникъ Гребѣнки) основалъ свои *Дѣйствія о*

презѣльной брани [1]) также на этой Лѣтописи. Итакъ, когда получите отъ Маркевича лѣтопись *Плиски* или Фроловскую (онъ называетъ её по обыкновенной своей безалаберности и такъ и такъ), Вы можете убѣдиться, что нѣкоторыхъ лѣтописей вполнѣ печатать нѣтъ необходимости. Впрочемъ, прошу Васъ не стѣсняться моими замѣчаніями а дѣйствовать вслѣдствіе собственныхъ изслѣдованій.

О Плискѣ я ничего не знаю, кромѣ того, что онъ былъ священникомъ Фроловскаго монастыря, слѣдовательно писалъ не прежде 1712 года, когда этотъ монастырь перенесенъ былъ съ Печерска на Подолъ и по имени церкви, при которой устроенъ, названъ Фроловскимъ. Впрочемъ, можетъ быть, Плиска былъ священникомъ и въ дѣвичьемъ Печерскомъ монастырѣ, или былъ только продолжателемъ этой лѣтописи. Если можно, займите свои станки какою-либо другою работою до 1-го ноября. Я познакомлюсь съ Бантышъ-Каменскимъ и у него и чрезъ него достану еще нѣсколько лѣтописей; кромѣ того я выпишу Вамъ нѣсколько лѣтописей изъ Кіева и Харькова, а проѣзжая чрезъ Москву, проживу въ ней недѣлю и составлю родъ изслѣдованія о лѣтописяхъ, на которомъ основываясь, можно будетъ приступить къ систематическому печатанію лѣтописей. По инструкціи я долженъ ѣхать въ Варшаву. Тамъ у Стороженка достану еще нѣсколько лѣтописей. Есть еще у меня готовый для печати переводъ съ латинскаго польскаго историка Грондскаго, пользовавшагося изустною бесѣдою Ивана Выговскаго по удаленіи этого послѣдняго отъ гетманства. Это большой томъ. Напишите, входитъ-ли въ кругъ вашей дѣятельности изданіе рѣдкихъ печатныхъ книгъ въ переводѣ? Въ Кіевѣ, по моему распоряженію, переводится также и Пасторій. Еще нужно перевести Рудовскаго и Коховскаго. Потомъ я намѣренъ собрать всѣ польскіе мемуары и издать въ переводѣ. Не выслушавъ обѣихъ сторонъ, нельзя знать истины. А до сихъ поръ историки заглядывали въ источники мало.

Вы еще не знаете, что я, Срезневскій, Метлинскій и Костомаровъ соединили свои сборники Укр. пѣсенъ въ одинъ, и теперь занимаемся указаніемъ всѣхъ варіантовъ по разнымъ спискамъ, такъ чтобы ни одно слово не погибло. На Максимовича мало надежды. Онъ и самъ не издаетъ и своей коллекціи изъ рукъ не выпуститъ. Но Вы, я увѣренъ, присоединитесь къ намъ. Въ такомъ случаѣ подъ каждою пѣснею прошу васъ означить уѣздъ, въ которомъ она запи-

---

[1]) Маркевичъ называетъ эту лѣтопись Писаревскою. Онъ не зналъ, кто написалъ ее.

сана и кѣмъ, если можно, и прислать ваши пѣсни мнѣ. Я однѣ изъ нихъ пошлю Срезневскому, который взялся приготовить къ печати историческія пѣсни, а другія одному весьма дѣльному молодому человѣку, которому, отъѣзжая за границу, я передаю храненіе и продолженіе своего труда. По возвращеніи изъ-за границы я пересмотрю все изданіе, прибавлю свои объясненія, напишу введеніе и издамъ подъ именемъ пяти издателей, разумѣется, если Вамъ угодно будетъ съ нами соединиться. Для славянъ и то уже будетъ здѣсь явленіемъ отраднымъ, что пять профессоровъ различныхъ университетовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга огромнымъ пространствомъ, дѣйствуютъ, какъ одна душа!

Вы не могли придумать ничего пріятнѣйшаго для меня, какъ отдѣленіе въ журналѣ Общества для славянскихъ произведеній. Въ такомъ случаѣ я сообщу Вамъ сокровища, о которыхъ существованіи вы и не думали. Это народныя историческія и фантастическія преданія, записанныя мною стенографически и представляющія образцы высокой красоты простого слова. Онѣ уже пропущены цензурою и составляютъ такой томъ, что въ одномъ номерѣ, при Вашей мелкой печати, займутъ значительное мѣсто. Кромѣ того, если хотите, я напечатаю въ Вашемъ журналѣ и свою Черную Раду на украинскомъ языкѣ. Для славянъ она должна быть интересна, какъ по языку, такъ и по изображенію нравовъ и обычаевъ украинскихъ. Теперь опять пришла мнѣ на мысль 12 доля листа. Хорошо было бы, если бы и преданія мои, и Черная Рада явились въ такомъ форматѣ. Напишите мнѣ, возможно-ли это?—О прочихъ вкладахъ въ мой альманахъ ничего любопытнаго не скажу. Шевченко прислалъ три превосходныя стихотворенія, хороши и Чужбинскаго стихи, но прозы нѣтъ. Я надѣюсь достать неизданныя украинскія повѣсти Квѣтки, а послѣ него никто не писалъ хорошо въ прозѣ, хотя послѣ него можно бы сдѣлать важный шагъ впередъ.—Преданія мои вы получите очень скоро. Я возьму ихъ на дняхъ изъ цензуры.

Оттиски Лѣтописи Самовидца покорнѣйше прошу васъ раздѣлить такъ: 150 прислать въ Петербургъ на имя Плетнева, 100 экз. послать въ Кіевъ на имя Его Высокородія Михаила Владиміровича Юзефовича, а 50 экз.—въ Харьковъ на имя Срезневскаго. Если Общество не можетъ разсылать безденежно, я за пересылку заплачу. Если общество имѣетъ право разсылать безденежно, то покорнѣйше прошу изъ числа 50 Харьковскихъ экземпляровъ послать 5 экз. въ Чигиринъ на имя Михайла Антоновича Грабовскаго.

Лѣтопись Грабянки вы получите полную. Гербъ Малороссійскій на печатяхъ, а портретъ Хмѣльницкаго извѣстенъ. Въ подлинникѣ, съ котораго я списывалъ, этихъ рисунковъ не было.

Въ Тифлисѣ польскій поэтъ Лада-Заблоцкій переводитъ Украинскія пѣсни на французскій языкъ. Я сообщилъ ему, какіе могъ, матеріалы для введенія и для текста. Если можно послать за печатью Общества, пошлите ему на извѣстный срокъ: 1) Вашу книжку о Славянской поэзіи, 2) Томъ арабесокъ, въ которомъ есть статья о малор. пѣсняхъ, 3) Малороссійскія и Червоннорусскія народныя пѣсни и думы (Лукашевича), 4) Первое изданіе пѣсенъ Максимовича и 5) Вацлава зъ Олеска. Онъ человѣкъ вѣрнѣйшій и за исправное возвращеніе книгъ я отвѣчаю головою. Его изданіе выйдетъ въ Парижѣ и сдѣлаетъ нашу поэзію и исторію (введеніе будетъ обширное) извѣстною въ цѣлой Европѣ, что непремѣнно нужно.

Вашъ отъ всей души П. Кулѣшъ.

1846, авг. 21 С.-Петерб.

Адресъ: Ивану Васильевичу Росковшенку, инспектору тифлиской гимназіи, для передачи Ѳ. И. Ладѣ-Заблоцкому, въ Тифлисъ.

5.

С.-Петерб. 1846, авг. 31.

Милостивый Государь,
Іосифъ Максимовичъ!

Ввѣряю Вамъ мое сокровище съ такимъ чувствомъ, съ какимъ мать передаетъ свое дитя на руки мужу. Знаю, что Вы оцѣните его по достоинству, сбережете и въ дѣло употребите, какъ нельзя лучше. Если хотите напечатать всѣ эти преданія въ одномъ нумерѣ, печатайте; если въ нѣсколькихъ—и на это я согласенъ, только-бы оттиски для меня были сдѣланы въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти преданія расположены въ рукописи. Ударенія, если можно, нужно означить на каждомъ словѣ. При сравнительномъ изученіи славянскихъ языковъ это будетъ важнымъ пособіемъ для иностранцевъ. При томъ-же этимъ рѣзче означится физіономія нашего языка. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ я не успѣлъ поставить ударенiй: перечитывая ихъ, Вы сами потрудитесь поставить. Если нѣтъ важныхъ препятствій, прошу Васъ со-

блюсти мое правописаніе, даже въ случаѣ-бы оно противорѣчило Вашей системѣ, съ оговоркою, что оно употреблено только по желанію моему. Рукопись Моя переписана весьма тщательно. Я сохранялъ частности выговора, свойственныя разнымъ провинціямъ, поэтому, если гдѣ будетъ казаться и ошибка, лучше печатайте какъ въ рукописи, кромѣ такихъ случаевъ, когда бы явно было, что это недосмотръ Значки (ʌ) у меня разставлены вездѣ, и Вы нигдѣ ихъ больше не прибавляйте. Наконецъ, пользуясь обыкновенно Вашею снисходительностію къ Вашимъ сотрудникамъ, я покорнѣйше прошу Васъ: 1, если нѣтъ важнаго затрудненія, для моихъ 300 оттисковъ велѣть разложить наборъ въ небольшія страницы въ одинъ столбецъ (объ этомъ см. въ концѣ письма); 2, поспѣшить печатаніемъ моихъ преданій, чтобы я могъ захватить ихъ нѣсколько экземпляровъ въ Малороссію и за границу, гдѣ, посредствомъ этой книжки мнѣ удобнѣе будетъ знакомиться съ разными лицами; 3, перечитать ихъ по полученіи и объявить мнѣ Ваше мнѣніе о нихъ.

Сборникъ мой заключалъ еще одинъ отдѣлъ *религіозный*, но цензоръ не пропустилъ безъ духовной цензуры. Прилагаю этотъ отдѣлъ и прошу Васъ покорнѣйше, если можно, найти свѣтскаго или духовнаго цензора хоть для статьи: *Путешествіе по другому свѣту*, замѣчательной по сродству ея съ легендами, вошедшими въ *Божественную Комедію* Данта.

Я написалъ еще разъ 29 августа въ Кіевъ о доставленіи Вамъ *Лѣтописи Самовидца*, и если они Вамъ скоро не вышлютъ, то я не знаю, что и дѣлать: придется ждать до тѣхъ поръ, пока я достигну Кіева, исторгну ее изъ рукъ нечестивыхъ и пришлю Вамъ. Люди ужасно не вѣрны! Это вѣдь друзья мои, которые для меня дѣлаютъ всё, когда я съ ними (можетъ быть, изъ одной робости), а за глаза совсѣмъ другіе люди. Между тѣмъ считаютъ себя любителями Исторіи, даже дѣятелями на историческомъ поприщѣ. Это просто фарисеи, которые *глаголютъ и не творятъ*. Впрочемъ, еще я надѣюсь, что Вы получите около 20 сентября. Если же не получите къ концу сентября, это значитъ, что только я могу доставить эту Лѣтопись изъ Кіева. Видите-ли, Костомаровъ получилъ каѳедру русской Исторіи въ Университетѣ, такъ считаетъ себя въ правѣ, готовясь къ первымъ лекціямъ, быть глухимъ и нѣмымъ ко всѣмъ людямъ. Настоящая квочка — курица, или лучше сказать *сѣдуха*!

Вашъ П. Кулѣшъ.

Подъ именемъ *переверстки* я не разумѣю удлиненія строкъ. Строки должны оставаться такія-же, только изъ каждаго столбца особая страница, а не въ два столбца. Разумѣется столбцы нужно разрывать по величинѣ страницъ.—Прошу Васъ, какъ только получите *Лѣт. Самов.*, тотчасъ меня о томъ увѣдомить. Сдѣлайте это для моего спокойствія. Мнѣ очень совѣстно передъ Вами за моихъ друзей. Я не таковъ и презираю людей, такъ дѣйствующихъ. Сент. 1, 1846.

Уже посылка Ваша была зашита, какъ я, начавши рыться зачѣмъ-то въ своихъ бумагахъ, нашелъ еще двѣ вещи. Одна неважная: отрывокъ записокъ Шафонскаго, могущій служить Вамъ для какой нибудь повѣрки (онъ списанъ со списка, принадлежащаго Харьковской Университетской библіотекѣ); другая довольно курьезная вещь: полемическая поэма въ разговорахъ, защищающая Малороссіянъ отъ нападковъ чиновниковъ Великороссійскихъ, которые съ учрежденіемъ въ Глуховѣ Коллегіи, налѣзли въ Малороссію и дѣлали нашимъ дѣвамъ множество прижимокъ и оскорбленій. Стихи поспорятъ съ Тредьяковскаго борзописаніемъ.

П. К.

Я буду въ Москвѣ около 1-го ноября. *Адресъ* мой смотрите на пакетѣ моего письма. Этакъ я скорѣе буду получать Ваши письма.

1846, сент. 1, послѣ обѣда.

Распечатываю еще разъ свое письмо, чтобы отвѣчать Вамъ на сейчасъ только полученное. Я не помню, чтобы я сдѣлалъ какой нибудь пропускъ, кромѣ *гетманскихъ статей*. Это дѣло важное, и конечно пропускъ нужно пополнить, иначе я бы самъ никогда не простилъ себѣ такого поступка. Я давно писалъ и совсѣмъ не помню. Прочія лѣтописи издавайте какъ знаете. Конечно, намъ, не зная Вашихъ обстоятельствъ, трудно судить.—О переводахъ я похлопочу и распоряжусь какъ слѣдуетъ въ Кіевѣ—Отказъ въ сообщеніи мнѣ пѣсенъ не только не огорчаетъ меня, но восхищаетъ. Печатайте! (Только, ради Бога, отмѣчайте, гдѣ какая пѣсня записана и не составляйте изъ двухъ одной). Можетъ быть, и я склоню Срезневскаго и Костомарова передать Вамъ нашъ сборникъ. Нельзя-ли составить смѣту въ типографіи, сколько потребуетъ денегъ переверстка моихъ преданій въ небольшія страницы? Я заплачу изъ своего кармана при проѣздѣ чрезъ Москву. Пожалуйста вышлите Ладѣ-Заблоцкому что можете. Этого

человѣка нужно ободрить. Великое дѣло сообщительность между писателями! О моихъ преданіяхъ прошу Васъ отвѣчать, не откладывая, когда Вы будете ихъ печатать. Да еще увѣдомьте меня, какія Вы имѣете лѣтописи и другіе матеріалы. Вчера былъ достопамятный день совершеннаго окончанія перваго на украинскомъ языкѣ историческаго романа *Черная Рада*, который къ Вашимъ услугамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Документы, извѣстія и замѣтки.

Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя „Заколдованное мѣсто". Въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто» разсказъ ведется не самимъ авторомъ, а внукомъ, повѣствующимъ о приключеніяхъ своего дѣда. Въ продолженіе разсказа внукъ неоднократно называетъ дѣда «старый хрѣнъ, хитрая бестія», а однажды обращается къ нему съ вопросомъ: «куда тебя, дѣдъ, черти носили?» Да и самъ старикъ, нечаянно облитый помоями, сравниваетъ себя съ свиньей, приготовленной къ Рождеству. Конечно, такіе отзывы внука о дѣдѣ и дѣда о самомъ себѣ несогласны ни съ чувствомъ собственнаго достоинства малорусса, ни съ почтительными и нѣжными отношеніями малорусскаго ребенка къ старшимъ родственникамъ, ни съ народными понятіями о приличіи. Но, несмотря на неправильное представленіе малорусскихъ родственныхъ отношеній и общій невѣрный тонъ разсказа, повѣсть Гоголя заключаетъ въ себѣ прекрасныя частности. Особенно художественно изображеніе самого заколдованнаго поля съ лѣсомъ, очеркомъ голубятни за нимъ, гумномъ, сѣрѣющимъ въ неясномъ освѣщеніи безлунной ночи, и дорожкой, затерянной среди могилъ. Здѣсь долго блуждалъ бѣдный дѣдъ, разыскивая кладъ, пока не откопалъ наконецъ какую-то гадость въ казанѣ. Съ этимъ же мѣстомъ повѣсти связанъ и этнографическій ея интересъ, такъ какъ заколдованное поле Гоголя тождественно съ проклятыми или «обморочными» мѣстами народныхъ разсказовъ. Обморочныя мѣста по народнымъ понятіямъ обладаютъ особой силой потемнять сознаніе случайно зашедшаго на нихъ человѣка до невозможности найти выходъ. Случается, что человѣкъ кружитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ всю ночь или ищетъ воловъ, которые лежатъ здѣсь же возлѣ повозки. «У Снитыни, разсказывалъ старикъ Николай Ивахненко, де майданъ,

жывъ козакъ Ярема; такъ тамъ сюды повернысь—гора, лисъ; туды—упять тежъ. Не вхопышъ тропы куды йты. Дойдесся до тихъ пиръ, що никуды и дитця. А образумысся--те упять мисто ривне.» Женщина села Бѣлозерокъ, херсонской губ., разсказавъ о томъ, какъ блуждала всю ночь на такомъ проклятомъ мѣстѣ, добавила: «водыло и нашого огородныка у цихъ вербахъ. Пишовъ винъ изъ нашои хаты сумеркамы, а прыйшовъ на огородъ ажъ на другый день, а одъ насъ до його тилькы леваду перейты, да треба, бачыте, цимъ клятымъ мистомъ йты» [1]). Обморочное мѣсто проклятое, потому что на немъ «або вишальныкъ, або утопленыкъ захованъ», «на ему поночи шапка у гору йде и у день суморочно.» Слѣдуетъ еще добавить, что въ народныхъ разсказахъ обморочныя мѣста не связаны необходимо съ кладами, которыхъ можетъ въ нихъ и не скрываться, и что на такія мѣста чаще наводятъ особые полночные духи: полуничка, мара [2]), или черти въ различныхъ образахъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ:

1.

Пишлы мы полуныць првать. Ходылы, ходылы по лису, нигде не найдемъ и кажемъ: «ходимъ на кочугуры.» Ввійшлы въ той лисъ, находымъ долынку, въ тій долынци така трава стоить велыка, а въ тій трави знайшлы полуныць. Понарывалы глечыкы и платочкы, уже никуды рвать. Выйшлы зъ тіи долынкы, пишлы до дому, оглянулысь, колы мы упьять у долынци. Тоди мы и думаемъ: «що се воно за долынка? Куды жъ намъ иты теперъ? Ходимъ же осюды, бо намъ сюды иты до дому». Пишлы упять. Ишлы, ишлы довго, оглянулысь: упьять у тій долынци: полуныць лежыть, якъ постиль, а мы вже на йихъ и не дывымся, уже намъ нехочецця йихъ и рвать. Впьять мы байдуже. Выйшлы мы впьять изъ тіи долыны, упять пишлы. Ишлы, ишлы, оглянулысь—упять у долынци. Посидалы тай плачемъ. Ну, хочъ Богу молыцця. Давай Богу молыцця, поклоны побылы, выйшлы зъ тіи долыны. Найшлы заразъ и дорожку и дойшлы до дому.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья Секлетія Супрягиной, 23 л).

---

[1]) Обряды и пѣсни с. Бѣлозерки, херс. губ., Чернявской. Харьк. 93 г. стр. 3.

[2]) Полуничка—душа дѣвушки, проклятой матерью. Мара заводитъ людей въ опасное мѣсто (Чуб. Труд. Этногр. Эксп. т. 1. С.-Пет. 72 г., вып. I., стр. 196); она живетъ на кладбищѣ и душитъ людей (Романовъ. Бѣлор. сб. вып. 4. Вит. 91 г., стр. 7) Состояніе потемненнаго сознанія передаютъ глаголомъ *марыть*, *обмарыло*. Морокъ—заколдовываетъ умъ, и человѣкъ ходитъ какъ сумасшедшій (Чуб. Ibid).

2.

Цлелы мы зъ батькомъ хливъ у Лытьвякахъ. Писля вечеры зибралысь до дому. Пишлы на Вовчу долыну, найшлы середъ острова озеро. Я до того озера пидступаю, пидступаю, колы якъ шелесну зъ прыпичка, гусы якъ закрычать. Батько пытае: «чы ты тамъ жывый?»—«Жывый. Ажъ тоди вже розибралы дило, що то Сула—обмарыло.

(Отъ коз. с. Волчка Ал. Ковна).

3.

Йихавъ я зъ парубкомъ у городъ у двохъ на казенный лисъ, а не стовповою. Зъйихалы на долыну. На долыни дви дорози. Не розибралы мы которою йихать. Выйихалы на гору зъ долыны, збылыся зъ дорогы и йиздылы мы, стало на свитъ благословыцця; уйихалы у ярь конякою. Яръ глыбокый, страшный, по-надъ яромъ лисъ, тилько небо выдно. Выпряглы коня, положилы ёму сина, а самы вылизлы вверху яру, ходымъ, шукаемъ дорогы по лису. Розвыднылось уже намъ, а мы все ще дорогы шукаемъ. Покы шукалы, що вже не знайдемъ ни дорогы, ни того яру зъ кобылою. Сталы мы хрестыцця, зійшлы на другу долыну, прыйшлы ажъ до Бекету долыною; ставъ парубокъ плакать. Сторожъ повивъ насъ; такъ въйихать въ той яръ въйихалы а выйихать не можно, и той сторожъ казавъ: «се такый яръ, мени прычта вже разивъ зъ чотыри у сёму яру була. Заведе нечыста сыла. Давай мы кобылу тягты по стини у гору на вижкахъ и сани давай тягты. Запригъ парубокъ кобылу и пойихавъ до сторожа, а я пишовъ у городъ.

(Въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, К. Фурсы.)

4.

Йихавъ чоловикъ зъ горилкою изъ Лубень до дому, у Хитци, шляхомъ. Отъ ему звертать зъ шляху на свое село. Шось пойихало попередъ его зъ звонкомъ. Винъ поты йихавъ за тимъ звонкомъ, покы въйихавъ у такый яръ, шо вже не выйиде. Шо его робыть? Остановывся, стоить, стоить, не розбере дила де винъ. Колы впьять звеныть и шось каже: «поганяй! чого ты стоишь?» Винъ упять ставъ поганять та съ того яру та на шляхъ,—колы въйихавъ у бекетъ. Перехрестывсь, просыть Бога: «Господы мылостывый! выведы мене звидсиля. Колыбъ я горилку пывъ, горилкы не пывъ, набравъ тилькы. Такъ воно его до сьвиту водыло. Винъ занедужавъ.

(Въ 96 г. отъ кр. м. Снѣтина Катерины Приходьковой).

5.

До одного чоловика прыйшло въ ночи тай гукае: «Пантелемоне! выйды сюды!» Винъ сказавъ: «заразъ выйду». Дывыцця, що знакомый чоловикъ. Пишлы вдвохъ на поле. Прыйшлы до яру. Пантелемону показуецця, що стоить домъ. Той каже: «закурымъ тутъ, Пантелемоне». Давъ ему табаку и бумажкы. Винъ узявъ, поховавъ у карманъ. Той говорыть: «ходимъ дальше, у мене дило». Прыйшлы у домъ и той каже: «сядь, Пантелемоне, на сему стули, а я справлюсь по дилу». Досыдивсь той Пантелемонъ, покы розвыднылось; тоди глянувъ, колы сыдыть у такому яру, шо саженей пять у ныз, а саженей два у гору, а винъ на плыти пидъ стиною. Ставъ винъ крычать: «рятуйте!» Люды йшлы въ Городыще, почулы, углядилы, шо неможна вытягты; вернувсь одынъ чоловикъ до дому, узявъ верёвку и вытяглы его видтиль. Сталы пытать: «хто тебе завивъ?» — «Знакомый», каже Пантелемонъ,—навирно нечыстый.

(Отъ кр. Ѳ. Копаня, с. Хитцовъ)

6.

Пойихавъ мій братъ и батько у лисъ рубать дерево опивночи. Нарубалы и наклалы на возъ, и каже батько братови: «стій, я пиду та осёго дубка зрубаю». Зрубалы воны того дубка, узялы на плечи, давай несты его и носяцця съ тимъ дубкомъ, потимъ давай гукать. Обзываецця назадъ йихъ: «чого ты гукаешъ?» Воны упять кажуть ему: «чы то ты, Иване?» Той каже: «я». Прыходять воны до его:— «Покынь дубка, каже той, та ходимъ до воза». Батько покынулы дубокъ, сталы иты за нымъ. Воны йшлы изъ верству за нымъ усе, потимъ догадалысь, шо то веде йихъ нечыста сыла. Вона переводыть батька черезъ ту дорогу, шо на городъ иде. Давай батько хрестыцця; и довела вона йихъ до потока, якъ пхне йихъ, воны попалы у ковбаню и ковбанылысь тамъ до самого свита, а якъ стало розвыднятця, воны выйшлы на поле мокри одъ того миста, де возъ, версть за пьять. Прыходять батько пидъ лисъ, колы братъ дубы поскыдавъ, а самъ выйихавъ у чужу леваду, выпрягъ кобылу и тамъ ночувавъ. Воны тоди запряглы кобылу и въ обидню пору прыйихалы до дому безъ ничого.

(Въ 94 г. отъ кр. д. Хитцовъ К. Фурсы).

7.

Два парубка гуляло на досьвиткахъ до пивночи, потимъ пишлы до дому. Одынъ пишовъ до себе въ двиръ, а другый—на Радькову гору, де багато людей *обмарюе*. Выйшовъ винъ на шпыль и дывыцця тымъ яромъ, що въ село. Проты его иде парубокъ и пытае его: «чы ты не боисся черезъ цю гору иты?» Винъ отвича: «хиба я маленькый, щобъ боявся иты?» — «Тутъ, каже той парубокъ, що стрився, «двое жинокъ йшлы съ поля и бачылы, що два чоловикы сыдять надъ яромъ на плыти и колышуцця». Побалакалы, и той парубокъ пишовъ соби напызъ, а другый дывыцця, чы не хытаецця що. Нищо не хыталось, а йшло тымъ яромъ два чоловикы и гукають на парубка: «подожды Иване!» А Ивану здалось, що то идуть два его товарыши. Изійшлысь воны до мисця уси тры и сталы балакать.

— «Ходимъ», кажуть ти два парубкы, «до Кашубкы на досьвиткы; тамъ парубкы бьють Олексія». Повелы воны того парубка изъ собою яромъ. Якъ зачалы его водыть, та обводылы усю «Сичь» (такый яръ) «Дигтярыну», и въ «Пивневу»; и прыйшовъ винъ до дому сьвитомъ.

(Въ 94 г. отъ кр. с. Хитцовъ, Дмитрія Погорѣлого, 34 л).

8.

Дядына була въ строку. Клала табакъ и сыдила до дванадцяты часовъ. Іи не пускалы до дому, казалы: «пизно вже, не иды». А воно мисячно на двори, вона не послухала, пишла. Иде, колы чуе, щось на «головыныхъ левадахъ» спивае. Якъ почне спивать, та стане мовъ выгукувать. А вона и соби давай гукать. Воно гукне и вона соби. Якъ пиднялась буря,—дядына давай тикать. Якъ бы далеко одъ дому, то було бъ зъ нигъ звалыло и закотыло, ато блызько. Дядына и втекла въ хату.—То полунычка, дочка, що маты іи прокляла. Якъ опивночи, вона и спива.

(Записано въ 1893. г отъ козачки Надежды Бугаевой, 17 л., с. Литвяковъ).

9.

Женщына спала и у сни ій прывыдылось, мовъ бы іи дочка, що була въ строку, гукае: «одчыны мамо!» Выйшла вона одчынять—нема никого. Колы ось за дворомъ чуты: «мамо, я ось де». Выйшла вона за двиръ, пыта: «де ты Уляно!» «Я ось, ось!» озываецця дальше. Дійшла маты на те мисто, ажъ ще дальшъ, у березы, озываецця: «идить, мамо,

сюды, я тутъ зъ дивчатамы», та реготыть, сміеця. «Я тутъ рукы та ногы мыю,—помыйте и вы, мамо». Вона туды опустылась, мовъ ногы мыть, а воно іи за косу, та въ Сулу. Волочыло, волочыло... що вона пидведеця, то вона іи въ груды. Да вризало по потылыци, тай каже: «не выходь ночнои добы на двиръ, покы пивень не заспива!» —Таке якъ дивка, або молодыця.

В. Милорадовичъ.

(Въ 1893 г. отъ кр. м. Снѣтина, Ник. Ивахненка, 65 л).

Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія ученики Черниговскаго коллегіума, пользуясь близостью Кіева, довольно часто для продолженія своего образованія переходили въ Кіевскую академію, бывшую въ то время въ большой славѣ. Такіе переходы стали даже обычнымъ явленіемъ, когда въ курсъ наукъ Кіевской академіи митр. Рафаилъ Заборовскій въ 1738 году ввелъ преподаваніе еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ (чего въ ту пору не было въ коллегіумахъ).

Само собою понятно, что, при полномъ почти тожествѣ тогдашняго учебнаго курса Черниговскаго коллегіума и Кіевской академіи, ученики перваго, переходя въ послѣднюю, были опредѣляемы здѣсь въ «школу» (классъ), соотвѣтствовавшую ихъ успѣхамъ въ коллегіумѣ. Иначе, конечно, и нё могло быть... Но въ 1749 году имѣлъ мѣсто случай такого рода.

10-го сентября этого года учитель риторическаго класса Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра препроводилъ изъ своего коллегіума ученика синтаксимы Петра Минца въ Кіевъ для поступленія прямо въ философскій (минуя піитическій и риторическій) классъ академіи. Кліента своего онъ снабдилъ паспортомъ и письмомъ къ префекту Кіевской академіи іеромонаху Георгію Конисскому. Въ письмѣ онъ просилъ Конисскаго принять отправляющагося въ Кіевъ «къ наученію иностранныхъ языковъ» Минца, какъ уже «діалектики обученнаго отъ мене самого»—Искры, «на философію».

Въ концѣ сентября Минецъ прибылъ въ Кіевъ, явился въ академію и представилъ Георгію Конисскому свой паспортъ и рекомендательное письмо Искры. На вопросъ Конисскаго, почему паспортъ не за обычною подписью префекта, а за подписью учителя, Минецъ

отвѣчалъ, что при отъѣздѣ его изъ Чернигова префектъ коллегіума былъ въ отсутствіи. Не заподозривъ справедливости такого объясненія и съ полною довѣрчивостью отнесшись къ письму Искры, Конисскій ввелъ Минца безъ всякаго экзамена въ философскій классъ.

Вдругъ въ срединѣ октября Георгій Конисскій получаетъ письмо отъ префекта черниговскаго коллегіума іеромонаха Сильвестра Новопольскаго съ увѣдомленіемъ, что «родимець полку черниговского, мѣстечка Мени, Петро, прозваніемъ Минецъ», обучавшійся въ теченіе лишь двухъ лѣтъ въ коллегіумѣ черниговскомъ інфимы, грамматики и синтаксимы и вовсе не проходившій піитики и реторики, оставивъ коллегіумъ «безъ обичнаго за ученіе благодаренія» и не получивъ паспорта, обманнымъ образомъ проникъ въ академію и поступилъ въ философскій классъ. Увѣдомляя объ этомъ Конисскаго, черниговскій префектъ выражалъ увѣренность, что «тая неслыханная обмана въ предвосхищеніи философическаго на себе не по достоинству имени, по благоразсужденію вашего преподобія, не минетъ пресѣктися общаго школнаго звонка оглашеніемъ, да и протчіи страхъ імуть».

Послѣ этого Георгій Конисскій счелъ необходимымъ проэкзаменовать Минца. Въ своей келіи онъ далъ ему для перевода двѣ небольшихъ «эпѣстолы», одну на русскомъ языкѣ и другую на латинскомъ. Переводы, представленные Минцемъ, оказались весьма неудовлетворительными. На устномъ же испытаніи Минецъ вынужденъ былъ уже откровенно сознаться, что онъ не обучался ни піитикѣ, ни риторикѣ, а лишь во время каникулъ подъ руководствомъ Искры изучалъ діалектику. Но и въ ней, какъ обнаружилось на испытаніи, онъ «ни мало не смислилъ».

Открывши такимъ образомъ обманъ, Конисскій наказалъ Минца 50-ю или 60-ю ударами розогъ въ своей келіи, предоставивъ ему все-таки право оставаться въ академіи, соотвѣтственно его познаніямъ, въ синтаксическомъ классѣ. Но Минецъ, очевидно, не былъ «искателемъ совершенного знанія науки», а потому, взявши свидѣтельство, выбылъ изъ академіи.

Искра, узнавши объ участи Минца, задумалъ отомстить Георгію Конисскому. Съ этою цѣлью 14 декабря онъ подалъ такое заявленіе митрополиту кіевскому Тимоѳею Щербацкому.

«Сего 1749 года, сентября 10 дня, соизволилось мнѣ было въ академію ясне въ Богу преосвященства вашего клѣента моего Петра Минца ради обученія язиковъ, да при оних философіи вислушалъ бы, послать; которой мой клѣентъ ординалнихъ школъ отъ мене са-

маго, яко и диалектики наизустъ обученъ и остности ради, не малой полиз надежденъ: за моеручнимъ листомъ (котораго и копію къ вашему ясне въ Богу преосвященству посилаю) отцемъ префектомъ тамошнимъ Георгіемъ Конѣскимъ сентября 22 апробованъ зъ диалектики и принятъ. Толко *невъдомо почему* онъ, отецъ префектъ, *неповинного* онаго Петра Минца не токмо отъ академіи публѣчне отрившивъ и обезславилъ безсовѣстно, но и безбожно, тиранско, ни Бога ни людей не боясь, прошедшаго октября 25 дня младолѣтнаго нещадно мучилъ и тиранско всего здравия лишилъ, которой толко что живъ привезенъ обратно и при самомъ здравія лишеніи въ болѣзни находится..: Того ради... о обидѣ крайней клѣента моего, безсовѣстно учиненной, на крайное мое безчестие здѣланной, съ покорностию моею доношу и... отцу префекту Конѣскому немедля архипастирско повелѣть на сие... учиныть отвѣтствіе прошу».

Сверхъ ожиданія Искра погубилъ этимъ заявленіемъ лишь самого себя.

Митр. Тимоѳей Щербацкій 19 декабря препроводилъ заявленіе Искры къ Георгію Конисскому, требуя отъ него «противо ...жалобы (Искры) ...отвѣтъ учинить». На это 21 декабря Кописскій представилъ митрополиту слѣдующее объясненіе:

1. Означенній въ письмѣ помянутого риторическаго Чернѣговскаго учителя Искры Петро Минецъ пришолъ было съ Чернѣгова въ Кіевъ послѣдныхъ сентября сего 1749 года съ писмомъ ко мнѣ отъ помянутого учителя Искры таковымъ, каковаго онъ Искра копію къ вашему ясне въ Богу преосвященству сообщилъ; и въ семъ единомъ пунктѣ помянутый учитель Искра праведно вашему ясне въ Богу преосвященству донесъ, сказуя: яко сонзволилось ему (будто высокой якой персонѣ) въ Академію вашего ясне въ Богу преосвященства Кіевскую означеннаго Минца прислать.

2. Оный Петро Минецъ не толко съ писмомъ помянутимъ его риторического учителя Искры, ко мнѣ писанимъ пришелъ въ Кіевъ, но и съ пашепортомъ, въ силѣ якобы указа Ея Імператорскаго Величества написаннимъ, печатію Коллегіятицкою Чернѣговскою и рукою его, риторическаго учителя Искри, закрѣпленнимъ, оный же пашепортъ (какъ съ нижеслѣдующаго покажется) былъ подложный, и сего онъ учитель Искра въ писмѣ своемъ къ вашему ясне въ Богу преосвященству не помянулъ.

3. Вѣдая я, что пашепорти студентамъ ординално выдаются за рукою префектовъ, спрашивалъ показанного Минца, для чего помяну-

тій пашепортъ не за рукою префекта тамошнего, но за рукою риторическаго учителя; и онъ, Петро Минецъ, обявилъ: якобы префектъ на той часъ, когда онъ съ Чернѣгова въ Кіевъ шолъ, былъ въ отсутствіи и потому якобы вмѣсто его, префекта, риторическій учитель Искра за своею рукою пашепортъ ему Минцу выдалъ.

4. Увѣрившись я на помянутомъ его риторическаго учителя Искры (не такъ особу, какъ званіе его Искры учителское разсуждая) ко мнѣ писанномъ письмѣ, означенного Минца ни въ Діалектикы, ни въ другомъ ученіи не апробовалъ тогда, сначала прихода его, но отложивши *ехатеп* ему Минцу учинить между школьными ексерціціамы, въвелъ его Минца, по рекомендаціи его риторическаго учителя Искри, въ философію.

5. Означенный Минецъ прописанъ въ письмѣ Искриномъ, будто съ намѣреніемъ обучатися иностранныхъ язиковъ посланъ въ академію вашего ясне въ Богу преосвященства, но онъ, залѣцившися на философію, ни на какую иностранныхъ язиковъ школу не ходилъ.

6. Октября средныхъ чиселъ сего 1749 года префектъ Чернѣговского Коллегіума Іеромонахъ Силвестръ Новополскій писмомъ чрезъ отца духовника настоящого Катедралнаго вашего ясне въ Богу преосвященства Іосифа Буринского ко мнѣ присланнымъ, объявилъ мнѣ, что означенный Минецъ, въ школахъ Чернѣговскихъ трактовавши толко аналогію, інфѣму, грамматику и синтаксиму, не обучившися же ни поэтики, ни реторики, безъ обычнаго за ученіе благодаренія и якобы безъ пашепорта (не вѣдая, что пашепортъ мимо его, префекта, при печати коллегіятицкой, невѣдомо какимъ образомъ у его префекта похищенной, означенному Минцу, какъ выше показалось, онъ, риторическій учитель Искра, видалъ) обманно, не бывалимъ никогда образцемъ, пришедши зде въ Кіевъ, въ философію залѣцился, и притомъ обявленіи онъ префектъ Чернѣговскихъ школъ полѣтично требовалъ, дабы означенный Минецъ за обману таковую не оставленъ былъ безъ публѣчного зде подъ звонкомъ наказанія, какое писмо его, префекта Чернѣговского, и другое о томъ же, послѣжде мною полученное, такожъ и третое ко учителю академіи Вашего ясне въ Богу преосвященства іеромонаху Георгію писанное, при семъ прилагаю.

7. По полученіи таковаго отъ префекта Чернѣговского писма, экзаминовалъ я нарочно означеннаго Минца въ келіи своей данними ему Минцу двома маленкимы епѣстолами, съ которыхъ едину велѣлъ ему Минцу перевесть съ руского язика на латинскій, а другую съ латинского на рускій, и тіе имъ Минцемъ учиненние переводи, какъ

мнѣ мнится, не точію въ риторики, но и въ синтаксимѣ годитись не могуть, которіе при семъ же съ картою, собственноручно имъ Минцемъ писанною, зде прилагаю.

8. По такомъ, чрезъ переводи эпѣстолъ, и другомъ, устномъ отъ мене учиненномъ экзаминѣ, признался онъ Минецъ, что ни поэтикы, ни риторикы не обучался, а діалектикы якобы чрезъ вакаціи минувшіе у помянутого риторического учителя Искры обучался, которой такожъ по аппробаціи ни мало не смислилъ. И изъ сего видимо, что помянутій учитель риторическій Искра неправедно въ своей жалобѣ показалъ, якобы онъ, Минецъ, имъ, Искрою, какъ другыхъ ординарныхъ школъ, такъ и діалектикы наизустъ обученъ; а буди праведно и въ незазорной совѣсти сіе онъ учитель Искра показалъ, то уже не ученика, но самого учителя искуство разсуждать, которому такій невѣжа и несмислъ судился быть доволно ординарнихъ ученій обученъ.

9. Означенный Минецъ за обману таковую необичную въ отходѣ съ Чернѣгова префекту тамошнему, а въ приходѣ въ Кіевъ мнѣ, нижайшому, ученную, особливо за обносимій имъ Минцемъ подложній пашепортъ наказанъ въ келіи моей розгами плягъ[1]) взялъ или пятьдесятъ, или по крайней мѣрѣ шестьдесятъ, а не болше. По якомъ наказаніи давалъ я ему Минцу на волю, ежели бы хотѣлъ обучатися въ академіи вашего ясне въ Богу преосвященства, и хотѣлъ его промовать по достоинству въ синтаксиму, но онъ не схотѣлъ, почему зъ даннимъ пристойнимъ свидѣтельствомъ зъ академіи отпущенъ, и потому паки онъ, риторическій учитель Искра, на душу солгалъ, прописавши, якобы я Минца означенного публѣчне отъ академіи отрѣшивъ и обезславилъ.

10. Пашепортъ оній подложній, за полученіемъ мною повторителнаго отъ префекта Чернѣговского писанія, при писмѣ моемъ чрезъ нарочнаго, съ Чернѣгова бывшаго ходака, къ префекту Чернѣговскому отосланъ.

Ясне въ Богу преосвященнѣйшій владыко! Ежели сей мой съ обманщикомъ Минцемъ поступокъ судится быти высокому вашего преосвященства благоразсмотренію за правилній, прошу всенижайше вашего ясне въ Богу преосвященства о знатной мнѣ отъ помянутого учителя риторическаго монаха Искры учиненной обидѣ, что онъ какъ въ писмѣ своемъ къ вашему ясне въ Богу преосвященству, такъ и въ протестѣ

---

[1]) Plaga — лат. = ударъ.

нѣякоись поминаемомъ [1]). учинилъ мене безсовѣстникомъ, безбожникомъ, тиряниномъ и мучителемъ, такожъ и о обманѣ, Минцемъ какъ інструментомъ, имъ же учителемъ риторическимъ Искрою какъ первѣйшою и главною причиною устроенной, архипастирскимъ своимъ писаніемъ преосвященнѣйшому Чернѣговскому сообщить, дабы хотя не за мене,—ибо я мою обиду виноватому, ежели вину свою признаетъ, доброхотно оставлю,—однакъ за общій обществу студенскому вредъ, которій съ оказанной сей обмани въ велико можетъ возрасти; ибо ежели въ суровѣ древѣ сіе творится, въ сусѣ что будетъ? ежелы учителѣ стали обманніе пашепорти видавать, то какъ не будутъ ученикы обманнихъ писемъ притворять и свое злодѣйство тѣмы прикривать? За то принамнѣй помянутій риторическій учитель монахъ Искра не остался бы безъ приличнаго наказанія. О семъ всенижайше проситъ» (слѣдуетъ подпись Кониссsuccкаго). Теперь стало яснымъ, что подложный паспортъ Минцу выдалъ Искра, а не кто другой.

Митр. Щербацкій, сильно раздраженный такимъ низкимъ поступкомъ со стороны Искры и еще болѣе его жалобою на Кониссsuccкаго, которою онъ «напрасно и невинно опорочилъ» послѣдняго, «самъ въ пороки оказавшись», передалъ все дѣло Черниговскому епископу, прося его «надлежащое учинить наказаніе» Искрѣ за «напрасно нанесенное» имъ префекту Кониссcкому «безчестіе и за общій обществу студенскому вредъ... дабы впредъ и другимъ такова зла чинить не было повадно».

Черниговская духовная консисторія, разбиравшая это дѣло по порученію своего епископа, опредѣлила отрѣшить Искру отъ учительства въ коллегіумѣ и, снявши съ него клобукъ, заточить на мѣсяцъ въ монастырь.

Такъ безславно закончилось четырехлѣтнее педагогическое поприще Искры въ Черниговскомъ коллегіумѣ!

Какъ человѣкъ безъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, Искра однако не признавалъ себя виновнымъ и достойнымъ такого наказанія. Онъ сейчасъ же началъ искать средствъ къ оправданію. «Для представленія о своемъ утѣсненіи» онъ хочетъ ѣхать въ Синодъ, проситъ консисторію отпустить его туда; но получаетъ отказъ. Чрезъ нѣкоторое время ходатайствуетъ предъ тою же консисторіею объ отпускѣ въ г. Глуховъ (резиденцію малороссійскихъ гетмановъ), угро-

---

[1]) Объ этомъ „протестѣ“ Искра какъ бы мимоходомъ обмолвился въ своемъ письмѣ къ митрополиту.

жая, что, если и на этотъ разъ консисторія не удовлетворитъ его, онъ уѣдетъ въ Глуховъ безъ пашпорта. Консисторія опять не даетъ ему отпуска. Искра послѣ этого уѣзжаетъ безъ всякаго вида въ Глуховъ. Здѣсь 8-го декабря 1751 года онъ добился аудіэнціи у гетмана графа К. Разумовскаго и подалъ ему жалобу на своихъ якобы обидчиковъ, прося его защиты, въ виду отсутствія въ то время епископа на Черниговской каѳедрѣ.

Графъ К. Разумовскій, не знавшій, за что Искра подвергся удаленію изъ коллегіума, отнесся къ нему съ участіемъ и 11-го декабря письменно просилъ митр. Щербацкаго «принять (его—Искру) подъ свою защиту и охраненіе, и къ прожитію и полученію ему надлежащого препитанія определить способное мѣсто».

Лишь уступая ходатайству гетмана, кіевская консисторія 20 декабря 1751 г. постановила принять извѣстнаго ей монаха Гавріила Искру «въ катедру его преосвященства *на время*», *впредь до вызова его* черниговскою консисторіею *обратно въ Черниговъ*. Это было малымъ утѣшеніемъ для Искры, потому что въ перспективѣ для него былъ оставленъ тотъ самый Черниговъ, въ которомъ уже нельзя было ему разсчитывать на что либо хорошее послѣ всего, тамъ съ нимъ случившагося. Поэтому онъ не разъ просилъ митр. Тимоѳея оставить его «вовся (совсѣмъ, навсегда) въ своей вісокомилостивой протекціи, чтобъ не обратно бъ въ Чернѣговъ ворочатся» ему. «... Я и такъ,— писалъ онъ митрополиту,—доволними бѣдствіями утѣсненъ и обѣжденъ въ томъ Чернѣговѣ, и впредъ вовся не желаетъ духъ мой воротится въ Чернѣговъ»... Но митр. Щербацкій, помнившій поступокъ Искры, оставлялъ всѣ его подобныя просьбы безъ вниманія. Не долго, впрочемъ, пришлось Искрѣ думать объ измѣненіи своего положенія. Скоро наступила для него та страшная минута, предотвратить которую онъ старался всѣми силами.

13-го августа 1752 г. Искра въ нетрезвомъ видѣ безъ всякаго повода побилъ послушника Софійскаго монастыря Прокопа Волчанскаго. Волчанскій подалъ на него жалобу въ кіевскую консисторію. Разобравъ дѣло, консисторія постановила отправить Искру въ Черниговъ.

Искра былъ внѣ себя, узнавши о такомъ приговорѣ... Въ какомъ-то злобномъ изступленіи онъ бросается изъ консисторіи на монастырскій дворъ, кричитъ и «протестуетъ высочайшимъ именемъ». Его ловятъ, чтобы «въ колодки забивать», а онъ бросается «къ грудямъ отца писаря катедральнаго Досиѳея (вѣроятно, Галяховскаго)»

и бранитъ всѣхъ отборною бранью. Наконецъ, его наказываютъ «барбарами ударовъ до 30» и отправляютъ въ ненавистный Черниговъ.

Черниговская консисторія, по отсутствію вновь назначеннаго епископа Ираклія, еще не прибывшаго на мѣсто, не знала, что дѣлать съ Искрою, и препроводила его обратно въ Кіевъ.

Въ Кіевѣ тѣмъ временемъ производилось слѣдствіе по поводу жалобы Волчанскаго. Оно обнаружило новыя продерзости Искры. Оказалось, что Искра, живя въ Кіевѣ, занимался составленіемъ подложныхъ писемъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Напр., онъ написалъ отсюда подложное «доношеніе» къ гетману гр. К. Разумовскому отъ имени братіи Черниговскаго Троицкаго монастыря съ представленіемъ двухъ кандидатовъ на архимандрію въ этотъ монастырь: іеромонаха Исаакія Енку и самого себя—Искру. Въ такомъ родѣ были и другія его письма, направленныя къ тому, чтобы добиться архимандритства въ Черниговѣ. 24 августа Кіевская консисторія обязала Искру дать подписку въ томъ, что «за силу Духовнаго Регламента, пѣра и чернила въ келіи своей не держатиметъ и никакихъ писемъ и ничего и никому писать не будетъ... а буди би онъ Искра противъ вышеписанного въ чемъ погрѣшилъ, то долженъ подлежать по силѣ указовъ штрафу и истязанію».

Видя, что всѣ планы рушились (у Искры былъ планъ стать архимандритомъ Черниговскаго Троицкаго монастыря; объ этомъ онъ велъ переписку съ вліятельнѣйшими монахами монастыря и посылалъ письма ко всей братіи его, что и было открыто) и что за нихъ придется жестоко поплатиться, Искра 9-го сентября 1752 г. «безвѣстно бѣжалъ изъ Кіева». 15-го сентября митр. Щербацкій увѣдомилъ объ этомъ графа К. Разумовскаго, какъ ходатайствовавшаго когда-то за Искру.

Какъ и гдѣ окончилась судьба Искры, не извѣстно.

Д. Вишневскій.

Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. Въ № 10—11 Подольск. Епар. Вѣдомостей за настоящій годъ помѣщенъ любопытный очеркъ прежней жизни сельскаго духовенства въ Подоліи. Приводимъ отрывки изъ этого очерка. Еще въ 1831 г. большинство священниковъ далѣе простой грамотности не шло въ своемъ образованіи. Такой малообразованный священникъ былъ по преиму-

ществу только требоисправителемъ и, кромѣ церковно-богослужебныхъ книгъ, едва-ли бралъ въ руки какую другую книгу; въ свободное отъ требоисправленій время онъ занимался хозяйствомъ и скотоводствомъ. По своему образованію онъ стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ своими прихожанами, отличаясь отъ нихъ только умѣніемъ читать и писать. Если простой крестьянинъ при своемъ невѣжествѣ исполненъ былъ предразсудковъ и суевѣрій, то этихъ недостатковъ не лишенъ былъ въ нѣкоторой степени и его священникъ.

Если мужская половина сельскаго духовенства встарину не гонялась за образованіемъ, то тѣмъ менѣе женская половина могла быть заинтересована въ этомъ дѣлѣ. Жены священниковъ большею частью были безграмотны, не умѣя ни читать, ни писать; въ рѣдкихъ священническихъ семействахъ встрѣчались грамотныя дочери. Если священникъ рѣшался дать дочерямъ образованіе въ предѣлахъ грамотности, то въ этомъ случаѣ необходимо входила и польская грамотность. Въ систему домашняго образованія священнической дочери входило—выучиться читать и писать по-русски и по-польски и затѣмъ рукодѣльныя работы, отъ дѣланія чулокъ до изящныхъ работъ вышиванья по канвѣ. Если дочь священника прошла эту систему образованія, тогда она получала титло: edukowana panienka. Такое воспитаніе встарину получалось въ бѣдныхъ дворянскихъ семьяхъ, главы которыхъ занимали разныя должности при дворахъ мѣстныхъ помѣщиковъ, но, разумѣется, русская грамотность здѣсь исключалась. Большинство же дочерей священниковъ, если не были вовсе безграмотны, то ограничивались умѣньемъ читать по-славянски, чтобы могли разбирать молитвенникъ; рукодѣльныя работы ихъ останавливались на низшей ступени: пріучались прясть нити, шить бѣлье и дѣлать чулки; за то въ ихъ рукахъ домашнее женское хозяйство достигало большихъ результатовъ. Въ такой семьѣ по части бѣлья ничего не было покупнаго: холстовъ выдѣлывалось, въ такомъ количествѣ, что не только вся семья въ изобиліи пользовалась бѣльемъ изъ своего холста, но еще была возможность продавать домашній холстъ; не знали того, что нужно нанимать портниху для шитья бѣлья на членовъ семьи: все это приготовляли сами дочери священниковъ; равнымъ образомъ не имѣли понятія о томъ, что нужно покупать чулки: все это изготовлялось дома изъ собственнаго матеріала; ковры домашніе, какъ и нити для нихъ, изъ собственной овечьей шерсти приготовлялись дома; вообще дочери священниковъ тогда были опытныя и трудолюбивыя рукодѣльницы.

Можетъ покажется страннымъ, что въ систему домашняго образованія, кромѣ русской грамоты, обязательно входило знаніе и польской грамоты; повидимому, послѣднее не вызывалось потребностями скромной домашней жизни дочерей священниковъ. Это объясняется тѣмъ, что высшая интеллигенція въ здѣшнемъ краѣ въ то время была польская. Въ городахъ чиновники были поляки, въ селахъ помѣщики и ихъ оффиціалисты—тоже поляки. Низшую интеллигенцію въ селахъ составляло православное духовенство. По общему закону политической жизни народовъ низшая интеллигенція подчиняется высшей; люди низшей интеллигенціи стараются подражать нравамъ и обычаямъ высшей интеллигенціи и стараются усвоитъ ея языкъ, не оставляя въ то же время своего родного языка. Кромѣ того, семьи священниковъ входили въ знакомство съ семьями помѣщичьихъ оффиціалистовъ которые, какъ и ихъ патроны, были поляки. Водя знакомство съ польскими семействами, семья священника должна была знать польскій языкъ, иначе и разговора нельзя было вести въ польской семьѣ. Обыкновенный же языкъ, употреблявшійся въ семьѣ священниковъ, былъ народный—малороссійскій, но нельзя было разсчитывать, чтобы гордый полякъ, считающій себя владычествующимъ въ здѣшнемъ краѣ, могъ говорить съ членами семьи священника по-малороссійски; такой уступки онъ никогда-бы не сдѣлалъ; да и вышло-бы какъ-то не элегатно употреблять въ гостиной малорусскую рѣчь, которая считалась презрѣннымъ хлопскимъ языкомъ. Вотъ причина, почему семья священника, желая водить знакомство съ польской семьей, должна была выучиться польскому языку. Польскій языкъ въ семьѣ священниковъ считался какъ-бы салоннымъ языкомъ. Не только въ гостяхъ въ польской семьѣ члены семьи священника говорили по-польски, но даже принимая у себя гостей поляковъ, должны были дѣлать уступку и говорить съ ними по-польски, и не только съ ними, но даже между собою въ присутствіи гостей поляковъ. И странное выходило явленіе: собрались у священника гости изъ духовныхъ лицъ, говорятъ между собою по-малороссійски, но вотъ случайно вошелъ въ ихъ кругъ хоть одинъ полякъ, и рѣчь вдругъ перемѣняется: всѣ духовныя лица, въ угоду поляку, говорятъ по-польски какъ съ нимъ, такъ и между собою.

Въ старину, при дѣдахъ и отцахъ, установились близкія отношенія между священникомъ и его прихожанами-сельскими крестьянами. Этому содѣйствовали особыя историческія обстоятельства края. Здѣсь рѣзко различались двѣ національности: польская—господствующая и

русская—подчиненная. Пришлая польская національность не довольствовалась политической подчиненностью русской національности, но хотѣла подчинить ее и въ религіозномъ отношеніи. Не находя возможности сразу обратить русскихъ аборигеновъ въ римское католичество, поляки создали для нихъ пресловутую унію. Отсюда возникла вѣковая борьба между поляками и русскими изъ за религіи. При такомъ положеніи естественно должно было возникнуть большее сближеніе между священникомъ и прихожанами, чѣмъ это бываетъ при другихъ обстоятельствахъ. Священникъ и прихожане должны были общими силами защищать права своей вѣры и церкви, чтобы отстоять вѣру своихъ отцевъ отъ враждебнаго посягательства на нее польскаго правительства; а для этого священнику и прихожанамъ нужно было сблизиться между собою и объединиться. И дѣйствительно, священникъ встарину стоялъ близко къ своимъ прихожанамъ: онъ былъ, по характеру своихъ отношеній къ прихожанамъ, первымъ членомъ церковной общины, а не начальникомъ ея. Онъ не стѣснялся бывать въ гостяхъ у болѣе почетныхъ и зажиточныхъ своихъ прихожанъ, если его приглашали по поводу совершенія церковныхъ требъ—крещенія, погребенія, какіе случаи и доселѣ обставляются у крестьянъ соотвѣтственными угощеніями. И жена священника не отказывалась принять участіе, хотя на короткое время, въ семейномъ торжествѣ почетнаго прихожанина, и особенно въ такъ называемыхъ громадскихъ обѣдахъ, которые устраивались въ память какого-нибудь важнаго событія въ селѣ или поминальные дни, на каковые обѣды прихожане имѣли обыкновеніе приглашать болѣе почетныхъ лицъ своего села, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи.

Къ біографіи Митрополита Кіевскаго Самуила. Извѣстно, что Кіевскій митрополитъ *Самуилъ* (Миславскій) принадлежитъ къ числу выдающихся іерарховъ Кіевской митрополіи. Вотъ поэтому мы считаемъ своимъ долгомъ на страницахъ *«Кіевской Старины»* сообщить найденное нами среди архивныхъ документовъ письмо Григорія Теплова къ епископу Могилевскому, въ которомъ идетъ рѣчь о пребываніи въ 1768 году тогда бывшаго архимандритомъ Самуила на чредѣ служенія въ Петербургѣ. Письмо это, какъ увидятъ читатели, нѣсколькими штрихами характеризуетъ и многообъемлющую и разностороннюю дѣятельность Императрицы Екатерины Великой.

«Преосвященнѣйшій владыко, милостивый мой государь!»

«По сіе время я никакого увѣдомленія вашему преосвященству не сдѣлалъ о пріѣздѣ къ намъ Кіевскаго Николаевскаго монастыря о. архимандрита *Самуила* Миславскаго, котораго в. п. прилежно мнѣ рекомендовали, а нынѣ имѣю честь увѣдомить, что какъ ваша о немъ ко мнѣ рекомендація, такъ и мое къ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше по тому представленіе совершенный успѣхъ возымѣло. Вскорѣ по пріѣздѣ представленъ былъ Ея Императорскому Величеству о. архимандритъ въ придворной церкви, гдѣ онъ сказалъ привѣтствіе краткое, но весьма изрядное, которымъ тотчасъ къ себѣ не только благоволеніе Ея Величества заслужилъ, но и отъ всѣхъ, тогда предстоящихъ, получилъ совершенную похвалу. Потомъ объявлено ему было Высочайшимъ именемъ Ея Величества, чтобы онъ сказалъ проповѣдь въ кавалерскій праздникъ святого апостола Андрея, что онъ исполнилъ предъ Ея Величествомъ съ пріобрѣтеніемъ себѣ вящшей к всемилостивѣйшей апробаціи, а вчерашняго числа (т. е. 21 декабря) по повелѣнію же Ея Величества говорилъ проповѣдь въ придворной церкви, хотя и краткую, но съ такимъ великимъ духомъ и краснорѣчіемъ и совершеннымъ нравоученіемъ, что предстоящіе слушатели, изъ которыхъ многимъ казалося (какъ я примѣтилъ) свыше мѣръ его похвалу о немъ слышать, нашли въ немъ искусство въ проповѣди слова превышающее ту славимую о немъ похвалу. Сама Ея Величество на сей разъ присутствовать не изволила въ церкви, а повелѣла слышащимъ донести себѣ о совершенствѣ той проповѣди. Вси единогласно донесли, что проповѣдникъ новый, какъ въ красотѣ рѣчи и слога, такъ и въ чистотѣ россійскаго языка, благоразуміи мыслей и правости нравоученія почти оказалъ себя *безпримѣрнымъ*, а нѣкоторые прибавили еще къ тому, что все сіе подкрѣплено въ немъ немалымъ ученіемъ, которое въ таковыхъ плодахъ дѣйствуетъ такъ, какъ первѣйшій корень его столь искуснаго проповѣдничества.

«Симъ путемъ нашъ рекомендованный поучитель, не взирая, можетъ быть и на зависть, тѣхъ равномѣрнаго сана соперниковъ, которые подъ рукою достоинство его, сколь возможно уничижали, вскорѣ достигъ до того, что сего утра назначенъ въ Бѣлогородскую епархію епископомъ, о чемъ уже указъ отъ Ея Величества за подписаніемъ собственныя ея руки отосланъ въ святѣйшій синодъ, и сверхъ того Всемилостивѣйшая Государыня повелѣть ему соизволила остаться (хотя и посвященъ уже будетъ во архіерея) чрезъ нѣсколько недѣль въ Санктпетербургѣ, дабы еще одну или другую проповѣдь

предъ Ея Величествомъ сказалъ, и притомъ пожаловать ему изволила на содержаніе тысячу рублей и вся сія Высочайшая милость по повелѣнію Ея Величества ему объявлена сего числа (т. е. 22 декабря) по полудни. Изъ сего в. п. заключить можете горячестію сердца нашей Всемилостивѣйшей Государыни къ распространенію слова Божія, которое она поощрять изволитъ столь скорымъ и сильнымъ воздаяніемъ особливыхъ достоинствъ ученымъ людямъ.

«Я знаю, что сіе увѣдомленіе вашему преосвященству будетъ пріятно и для того, оное исполня, поручаю себя благословенію вашему и есть съ совершеннымъ почтеніемъ в. п. покорнѣйшій слуга Григорій Тепловъ.» Дек. 22 дня, 1768 г.

Сообщилъ А. А. Танковъ.

Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеній XVIII вѣка. Наши учебныя заведенія начала прошлаго вѣка не могли давать своимъ питомцамъ почти ничего для ихъ матеріальнаго обезпеченія, почему воспитанники сами изыскивали средства для своего существованія. Однимъ изъ такихъ средствъ у нихъ было составленіе петицій къ разнымъ лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать благодѣтельной подачки. Одну изъ подобныхъ петицій представляетъ слѣдующая суппликація студентовъ (трудно сказать, какого учебнаго заведенія, потому что рукопись, въ которой мы ее встрѣтили, ходила и по рукамъ Московскихъ студентовъ и по рукамъ студентовъ Смоленской коллегіи въ первой половинѣ XVIII в.) къ какому-то атаману Донскому [1]):

«Supplicatio... ad aliquem Ataman Donski.

На насъ велце ласкавій Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества пане Атамане Донскій, а намъ особливій добродѣю.

Не самие токмо жродла златие и драгоцѣнние людемъ раздаютъ крушци. Не сама широкая моря глубина многоцѣнное убожеству подаетъ камение. Обитшое вся вселенная вамъ мосцѣ пана узнаваетъ жродло, изъ него же не крушци, но самие убожеству златие происходятъ струи; защищается не единъ нищетою преодолѣнний не каменіемъ, но златомъ, зъ твоея десници ударованнимъ. Чесо ради

---

[1]) См. рукопись фундаментальной библ. Смоленской духов. семинаріи № 850, л. 82 на обор.

дерзновенно до сицеваго добродѣтели жродла и ми прибѣгаемъ, благую имуще надежду, чающе яко отъ тогожде жродла узнавши дарования намъ твоего крушцу, то есть милости, ми за долгоденственное и благополучное В. М. пана житие наивижшаго Творца присно обѣщаемъся благати: желающе даби вамъ М. М. пану зъ небеснихъ Еридановъ и предвѣчнаго жродла златие исплывали благополучия лѣта.

Васъ мосцѣ пану наинижшіе слуги и подножки студенти».

Сообщ. **Д. Вишневскій.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня—сентября мѣсяцевъ въ редакцію поступило вновь пожертвованіе отъ *спилки студентовъ*—*8 р. 25 к.*, что, вмѣстѣ съ прежними (см. № 6-й) *682 р. 52 к.*, составитъ—*690 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Поправка. Въ № 7—8 „Кіевской Старины" за текущій годъ пропущена по недосмотру подпись подъ статьею: „Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи". Статья эта принадлежитъ *В. Милорадовичу*.

Библіографія.

Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (ruthenicarum) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки українсько-руськоі мови і літератури. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том І. Апокріфи старозавітні зібрани з рукописів украінсько-руських. *У Львові, 1896.*

Въ «Кіевской Старинѣ» не разъ указывались цѣнныя научныя изданія Товарищества имени Шевченка. Къ числу этихъ изданій прибавилось еще одно, посвященное изученію южно-русской литературы. Книга, заглавіе которой приведено выше, открываетъ собою вторую серію изданій археографической коммиссіи Товарищества: первая—*«Жерела до исторіи Украіни-Руси»*—посвящена изданію историческихъ, преимущественно актовыхъ, матеріаловъ; вторая—*«Памятки українсько-руськоі мови і літератури»*—изданію матеріаловъ литературныхъ, преимущественно не появлявшихся въ печати, или составляющихъ библіографическую рѣдкость; устная словесность имѣетъ свой органъ—*«Етнографічний Збірник»*. Въ настоящемъ изданіи предполагается печатать произведенія украинской литературы отъ начала письменности до новѣйшаго времени. Въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщенъ сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ; изъ предувѣдомленія археографической коммиссіи видно, что для дальнѣйшихъ томовъ приготовлены слѣдующіе матеріалы: апокрифы новозавѣтные, драматическія произведенія XVII—XVIII в., нѣкоторыя рѣдкія печатныя произведенія XVI—XVII в.; изъ новѣйшей литературы печатается юбилейный томъ сочиненій Котляревскаго.

Настоящій томъ, изданный подъ редакціею извѣстнаго галицкаго писателя и ученаго д-ра Франка, представляетъ трудъ вполнѣ серьезный и научный. Текстъ памятниковъ изданъ съ буквальною точностью («слово въ слово и буква въ букву»); издатель позволилъ себѣ для удобствъ читателей—только такія отступленія отъ подлинника, какъ разстановка знаковъ препинанія, большія буквы въ собственныхъ именахъ и внесеніе въ строку надстрочныхъ знаковъ, что и оговорено въ предисловіи. Текстъ сопровождается примѣчаніями, въ которыхъ указывается происхожденіе апокрифа, различные его варіанты и литература предмета. Въ концѣ книги помѣщено четыре указателя, значительно облегчающіе пользованіе его: 1) указатель именъ личныхъ и географическихъ 2)—писателей и сочиненій, упоминаемыхъ въ текстѣ 3)—легендарныхъ и сказочныхъ мотивовъ и 4)—мало-употребительныхъ словъ.

Въ началѣ тома помѣщено обширное (66 стр.) предисловіе редактора, разъясняющее значеніе апокрифовъ, ихъ вліяніе на религіозное міросозерцаніе народа и отраженіе ихъ въ произведеніяхъ словесности, письменныхъ и устныхъ. Оно раздѣляется на десять главъ: 1) вступленіе, 2) что такое апокрифы и псевдепиграфы, 3) значеніе апокрифовъ въ древней церкви христіанской, 4) запрещеніе апокрифовъ и древнѣйшіе индексы, 5) секта богомиловъ и ея вліяніе на распространеніе апокрифовъ въ славянскихъ земляхъ, 6) русскіе апокрифы и Палея, 7) славяно-русскіе индексы, 8) вліяніе апокрифовъ на украинскую письменную и устную словесность, 9) сборники и изданія текста ветхозавѣтныхъ апокрифовъ 10) рукописи, которыми пользовался издатель.

Считаемъ излишнимъ останавливаться на разборѣ предисловія: содержаніе его видно изъ приведеннаго оглавленія, за научное достоинство ручается имя автора. Не можемъ не остановиться однако на одной особенности настоящаго изданія, оговоренной и въ предисловіи. Назначеніе книги, повидимому, состоитъ въ томъ, чтобы дать систематическій сборникъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ (въ южно-русскихъ редакціяхъ) съ необходимыми объясненіями относительно ихъ происхожденія, значенія и вліянія на народное міросозерцаніе; и въ тоже время изъ предисловія мы узнаемъ, что издатель пользовался рукописями довольно поздняго времени (XVI—XVIII в.) и даже находилъ, что для его плана важнѣе новѣйшія, наиболѣе популярныя украинскія переработки. «Мы предполагали, говоритъ онъ, издавать

тексты преимущественно по рукописямъ, украинско-русское происхожденіе которыхъ несомнѣнно, отдавая по возможности преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые языкомъ или литературною обработкою приближаются къ украинско-русской почвѣ. Поэтому, мнѣ не было надобности разыскивать древнѣйшую редакцію даннаго памятника; напротивъ того, для моего плана важнѣе новѣйшія, такъ сказать, наиболѣе популярныя украинско-русскія его передѣлки» (предисловіе, стр. III). Конечно, изложенныя въ приведенномъ отрывкѣ соображенія имѣютъ свое основаніе, но все-таки намъ кажется, что уважаемый издатель впадаетъ здѣсь въ нѣкоторую односторонность. Апокрифическая литература имѣла большое значеніе уже въ древній періодъ русской исторіи и изученіе апокрифовъ въ общемъ ихъ составѣ должно быть, по нашему мнѣнію, пріурочено прежде всего къ этому періоду. Впослѣдствіи, какъ замѣчаетъ самъ д-ръ Франко, апокрифы теряютъ значеніе для просвѣщенныхъ классовъ и спускаются все ниже и ниже въ круги невѣжественнаго сельскаго духовенства, дьяковъ, мѣщанъ и селянъ (стр. XIII). Конечно, въ виду этого обстоятельства сопоставленіе старинныхъ редакцій съ новѣйшими представляетъ большой интересъ и даетъ понятіе объ извѣстной «духовной эволюціи» (стр. IV); но это едва-ли даетъ право предпочитать новѣйшіе списки древнимъ (если они имѣются). И тѣ, и другіе одинаково интересны: первые могутъ быть отнесены къ древнѣйшимъ произведеніямъ южнорусской письменности, вторые въ большинствѣ случаевъ указываютъ на переживаніе воззрѣній, давно отжившихъ свой вѣкъ. Впрочемъ, смѣшеніе этихъ двухъ сторонъ апокрифической литературы мало отразилось на самомъ изданіи памятниковъ: апокрифическія сказанія воспроизведены съ возможною полнотою по рукописямъ, бывшимъ въ распоряженіи издателя; въ примѣчаніяхъ указываются другія извѣстныя автору редакціи, иногда относящіяся къ болѣе раннему времени; мало отразилось оно и на общемъ содержаніи предисловія, въ которомъ выясняется происхожденіе апокрифическихъ сказаній и значеніе ихъ въ различныя эпохи, начиная съ первобытной церкви христіанской, но самая интересная глава предисловія (гл. 8) изложена отрывочно и несистематично; въ ней приводится множество интересныхъ фактовъ, указывающихъ на отраженіе апокрифическихъ мотивовъ въ южно-русской словесности, письменной и устной, но указанія эти не сведены въ систему и не пріурочены къ извѣстнымъ эпохамъ.

Само собою разумѣется, что указанный пробѣлъ не умаляетъ достоинствъ новаго изданія археографической коммиссіи, и можно только пожелать скорѣйшаго продолженія открываемаго настоящимъ томомъ новаго ряда ея научныхъ работъ.

В. Щербина.

Iózef Włast. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. *Краковъ, 1897 г.*

Книжка, заглавіе которой выше приведено, примыкаетъ по содержанію къ цѣлому ряду вышедшихъ за послѣднее время польскихъ изданій историко-географическаго характера, посвященныхъ различнымъ частямъ юго-западнаго края. Отличительная черта всѣхъ подобнаго рода изданій—односторонность: все, что такъ или иначе не касается польскаго имени, старательно замалчивается или, въ лучшемъ случаѣ, обо всемъ этомъ упоминается вскользь. Благодаря такой системѣ, исторія мѣстностей, зачастую очень древнихъ, начинается по большей части только съ XVI вѣка, но за то о послѣдующемъ времени говорится очень подробно и въ изложеніе вносится масса мелочей, никому и ни на что ненужныхъ. Несмотря однако на этотъ недостатокъ, нѣкоторыя изъ такого рода монографій, благодаря живому изложенію, иногда довольно ярко характеризующему бытовыя стороны польскаго общества, завладѣвшаго краемъ, представляютъ извѣстный интересъ и могутъ пригодиться для общей исторіи края; съ другой стороны, есть и такія, гдѣ вся суть заключается лишь въ тенденціи; что-же касается содержанія, то оно представляетъ изъ себя рядъ мелкихъ фактовъ, распредѣленныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Къ произведеніямъ послѣдняго рода и относится книжка Власта. Хотя авторъ и говоритъ въ началѣ, что намѣревается передать все, что онъ въ молодости слышалъ о различныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ надъ Случью и ея притоками, не пренебрегая даже и народными преданіями, чтобы все это спасти отъ забвенія, но намѣреніе это такъ и осталось намѣреніемъ, на дѣлѣ-же изложеніе свелось главнымъ образомъ къ сухому и утомительному перечню послѣдовательныхъ переходовъ владѣнія изъ однихъ рукъ въ другія, да къ одностороннему описанію хозяйничанья владѣльцевъ въ своихъ имѣніяхъ. Нужно, кромѣ того, замѣтить, что повѣствованіе о такихъ сухихъ предметахъ ведется все время въ приподнятомъ, хвалебномъ тонѣ. Въ концѣ концовъ авторъ

надѣется, что все, имъ изложенное, быть можетъ, заохотитъ теперешнихъ польскихъ владѣльцевъ не выпускать изъ рукъ наслѣдство предковъ,—для этой собственно цѣли и написана книжка и это откровенное признаніе можетъ служить достаточной характеристикой всего произведенія.

Б.

Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. *Спб. 1896.*

Въ этой книгѣ «Записокъ» мы находимъ слѣдующія статьи, относящіяся къ южной Россіи подъ общимъ заглавіемъ *Радимичскіе курганы*, (стр. 65—102) четыре очерка: а) обозрѣніе кургановъ и городищъ новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка, б) Раскопки кургановъ новозыбковскаго уѣзда. П. М. Еременка. в) Курганы, раскопанные П. М. Еременкомъ въ суражскомъ уѣздѣ. А. С. г) Вещи изъ раскопокъ П. М. Еременка въ курганахъ новозыбковскаго и Суражскаго уѣздовъ. А. С.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи въ археологическомъ отношеніи, гдѣ обозрѣны губерніи: Могилевская, Черниговская и Воронежская. (115—140). *Матеріалы по доисторической археологіи Россіи*, гдѣ помѣщены: а) Раскопки близъ с. Межирѣчки, подольской губ., (169—172) б) Раскопки въ херсонскомъ уѣздѣ (172—178) в) поставмукскіе курганы, полтавск. губ. Н. П. Авенаріуса, (178—187) г) Раскопки близъ г. Задонска, ворон. губ. (187—189) и д) Матеріалы по археологіи евпаторійскаго уѣзда, таврич. губ. Н. Ф. Романченка. (219—236) Послѣдняя статья заключаетъ въ себѣ *Свѣдѣнія 1873 г. о городищахъ и курганахъ Подольской и Воронежской губерній* (237—306).

Всѣ перечисленныя статьи болѣе или менѣе спеціальнаго характера и представляютъ собой сухіе перечни городищъ, кургановъ, съ краткимъ описаніемъ ихъ настоящаго состоянія, и найденныхъ, въ раскопанныхъ курганахъ, вещей. Разумѣется, все это матеріалъ для будущихъ изслѣдователей, и выводовъ въ перечисленныхъ статьяхъ нѣтъ, да и быть не можетъ. Замѣтимъ, что *археологическое обозрѣніе могилевской, черниговской и воронежской губерній* заключаетъ въъ себѣ

обстоятельный перечень литературы по отношенію городищъ и курганов и произведенныхъ въ нихъ раскопкахъ. Указываемый перечень такой полноты, что можетъ служить полезнымъ справочнымъ указателемъ по археологической литературѣ относительно трехъ названныхъ губерній.

Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й. Полковника М. Нуджевскаго. *Кіевъ 1896 г. 32 стр.*

Заглавіе книги очень громко; но о ней какъ то даже неловко говорить въ историческомъ журналѣ, и если мы рѣшаемся отмѣтить ее, то только какъ странное явленіе въ исторической литературѣ или какъ курьезъ, не болѣе.

Можно удивляться смѣлости г-на Нуджевскаго, съ которой онъ взялся за свой «Опытъ»: у него нѣтъ ни знаній, ни умѣнья обращаться съ матеріаломъ; даже больше, у него нѣтъ способности правильно и логически выражать свои мысли на бумагѣ. Книжка полковника Нудъевскаго такъ написана, что порой отъ читателя требуется не мало усилій, чтобы понять сокровенный смыслъ того, что хотѣлъ сказать авторъ. Вотъ, напримѣръ, какими удивительными строками *безъ сказуемаго* открывается произведеніе г-на Нуджевскаго: «современная тактика и нѣкоторые боевые пріемы нашихъ козаковъ несомнѣнно переняты отъ татаръ и турокъ еще въ прошлыя столѣтія, но переработанныя (е?) и блестяще примѣняемыя (е?) козаками въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухъ вѣковъ на поляхъ битвъ въ западной Европѣ и съ народами, вторгавшимися въ наше отечество» (стр. 3). Или вотъ еще перлъ, которымъ блещетъ 4 страница труда г. Нуджевскаго: «познакомясь съ извѣстными источниками, а также съ историческими изслѣдованіями, которыми наполнены (sic!) журналъ «Кіевская старина», Кіевская публичная библіотека, многочисленныя изданія другихъ (sic!) лицъ, и лѣтописи, весь этотъ матеріалъ блещетъ фактами прошлаго героизма Южно-Русскаго козачества».

«Перлы» эти взяты изъ удивительнаго «предисловія» г-на Нуджевскаго. Передать это предисловіе, въ которомъ трудно отыскать смыслъ конечно, мы не въ силахъ: чего, чего только тутъ нѣтъ! Скажемъ только, что оно распадается на 7 невяжущихся другъ съ другомъ отдѣловъ, а эти, въ свою очередь, распадаются на цѣлый рядъ

мыслей, тоже другъ съ другомъ не вяжущихся. Притомъ все вѣдь это излагается съ такой серьезностью и научнымъ якобы видомъ, что недоумѣваешь, смѣяться ли или сожалѣть?

Какъ понравится читателю такое, напримѣръ, мѣсто?

«Приношу глубокую благодарность Владимиру Бонифатіевичу Антоновичу, профессору Кіевскаго университета, за указаніе источников, матеріала, познакомившихъ съ прошлымъ (бывшаго) Южно-Русскаго козачества, съ историческимъ его происхожденіемъ и образованіемъ; но затруднительно добывать источники, знакомившіе бы *подробно, детально, спеціально съ военной точки зрѣнія:* (курсивъ автора)—организацiей отрядовъ, продовольствіемъ, формами употребляемыми въ бою и обстоятельными изслѣдованіями эволюцій, вообще какъ съ ихъ тактикою, такъ и стратегіею (старыхъ временъ), а среди находимаго слѣдуетъ *строго разбираться*, чтобъ отличить истинные факты отъ личныхъ взглядовъ, пристрастія, легендъ. Затруднительно точно возстановить мѣстности, на которыхъ производились стратегическія движенія отрядовъ, тѣмъ болѣе возстановить по картамъ поля сраженій. Работа въ этомъ направленіи встрѣчаетъ не мало затрудненій».

Или вотъ еще:

«На основаніи указаній Андрея Владимировича Стороженко многіе архивные источники для изслѣдованія, съ военной точки зрѣнія, о козачествѣ, можно найти въ Варшавскомъ главномъ архивѣ, въ библіотекѣ графовъ Красинскихъ и друг. подобныхъ учрежденіяхъ. Судя по нѣкоторымъ изданіямъ, матеріаломъ изъ тѣхъ учрежденій пользуется отставной полков. генеральнаго штаба Горскій.

О боевыхъ операціяхъ, придерживаясь хронологическаго порядка и въ паралель съ другими существовавшими на Руси козачьими войсками, судя по изслѣдованіямъ покойнаго генерала Масловскаго, коснувшагося 17 и 18 столѣтій—можно найти матеріалъ въ Московскомъ архивѣ.

Матеріалъ для дальнѣйшихъ (sic!) изысканій, мы находимъ въ Военно-ученомъ архивѣ генеральнаго штаба.

Съ операціями Запорожскихъ козаковъ, во времена Миниха, мы познакомились въ Военно-учебномъ архивѣ главнаго штаба.

Перечисленныя мѣста и учрежденія, несомнѣнно изобилующія матеріаломъ для изслѣдованія боевого прошлаго козаковъ нашего отечества мнѣ, по мѣсту служенія, частью не доступны, по этому, пока, постараемся передать, *посильно*, *частями* (отдѣльными выпусками) то что начали». (стр. 6—7).

Однимъ словомъ, г. Нуджевскій не унываетъ: и матеріала у него нѣтъ, а онъ все таки пишетъ *посильно*, *частями*.

Что сказать о «происхожденіи южно-русскаго козачества», обнимающемъ въ «опытѣ» г. Нуджевскаго 15—32 страницы? Всѣ эти страницы являются ничѣмъ инымъ какъ пересказомъ не вполнѣ усвоенныхъ г. Нуджевскимъ трудовъ проф. В. Б. Антоновича, въ особенности же его предисловія къ III части 1-му тому Архива Юго-Западной Россіи. Любопытнѣе всего, что г-нъ Нуджевскій хочетъ показать видъ, что онъ самъ все самостоятельно изслѣдовалъ:» мы, пока (все это *пока!*), говоритъ онъ на страницѣ 21, не могли найти достаточнаго матеріала, давшаго бы *точное* понятіе о дѣятельности первыхъ вождей южно-русскаго козачества, почему приходится сказать только то, что узнали по указаннымъ источникамъ»... А источники, дѣйствительно, указаны: Бопланъ, Величко, Грабянка, Освѣцимъ и Ляссота...

Повторяемъ, на книжку г-на Нуджевскаго можно указать только какъ на курьезъ, чтобы удержать лицъ, интересующихся вопросомъ, затронутымъ авторомъ, отъ излишней траты на ея пріобрѣтеніе, а лицъ, которымъ попадется она въ руки, отъ траты времени на безполезное чтеніе.

Z.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897, № 7—9.

Василій Григорьевичъ Рубанъ Б. Л. Модзалевскаго. Обстоятельный очеркъ жизни и литературной дѣятельности Р. по печатнымъ и рукописнымъ источникамъ. Козакъ по происхожденію, воспитанникъ Кіевской и Московской академій и Московскаго университета, Р. служилъ переводчикомъ съ турецкаго въ Запорожьѣ, затѣмъ занималъ различныя должности въ Спб. и наконецъ назначенъ былъ секретаремъ Потемкина во время его управленія Новороссіею; умеръ въ Спб. въ 1795 г., въ бѣдности.—Изъ многочисленныхъ сочиненій Р. мѣстный интересъ представляютъ: 1) «Краткое географическое, политическое и историческое извѣстіе о Малой Россіи» (1773 и 2-е изд. 1777) и 2) «Краткая лѣтопись Малыя Россіи съ 1506 по 1776 съ изъясненіемъ настоящаго образа тамошняго правленія и съ пріобщеніемъ списка прежде бывшихъ гетмановъ, генеральныхъ старшинъ, полковниковъ и іерарховъ, также землеописанія съ показаньемъ городовъ, рѣкъ, монастырей, церквей, числа лю-

дей, извѣстій о почтахъ и другихъ нужныхъ свѣдѣній (1777)». Р. принадлежитъ первое изданіе «Путешествія по св. мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, Василія Григоровича Плаки Альбова, уроженца кіевскаго, монаха Антіохійскаго». Къ статьѣ приложенъ портретъ Рубана (№ 8).

Герцогъ Ришелье въ Россіи. П. М. Майкова. Біографическій очеркъ, составленный на основаніи книги «Le duc de Richelieu en Russie et en France (1766—1822) par Leon de Crouzaz-Cretet Paris 1897», представляющей «первую полную біографію Р.». Въ 1803 г. Р. былъ назначенъ губернаторомъ г. Одессы, а въ 1805 г. — генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, состоявшаго тогда изъ трехъ губерній: херсонской, екатеринославской и таврической, и занималъ эту должность до отъѣзда во Францію въ 1814 г. Статья сообщаетъ интересныя подробности о состояніи Одессы и Новор. края въ началѣ XIX ст. (№ 7).

Изъ воспоминаній Михайловскаго-Данилевскаго. Въ настоящей главѣ описывается «путешествіе съ Имп. Александромъ I по южной Россіи въ 1818 г.». Наряду съ фактами, характеризующими личность и дѣятельность императора Александра, въ статьѣ можно найти нѣкоторыя данныя относительно посѣщенныхъ имъ мѣстностей, а именно: Волыни, Подоліи, Бессарабіи и, въ особенности, Крыма (№ 7).

Еще къ вопросу о началѣ знакомства Гоголя съ Пушкинымъ. В. Шенрока и В. Авенаріуса. Возраженіе на статьи Витберга въ іюньской книжкѣ «Р. Ст.». Въ заключеніе г. Шенрокъ цитируетъ слѣдующія слова Витберга, съ которыми и соглашается. «Въ сущности развѣ не все равно, когда именно состоялось знакомство Г. съ П. — въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ? Важно только не выдумывать того, на что нѣтъ никакихъ указаній, что противорѣчитъ имѣющимся у насъ въ рукахъ, хотя-бы и скуднымъ, даннымъ» (№ 8).

Адмиралъ Е. П. Колтовской. П. В. Голубовскаго. Біографія одного изъ дѣятелей стараго Черноморскаго флота, участника севастопольской обороны, состоявшаго въ дружескихъ отношеніяхъ съ пр. А. Г. Лебединцевымъ, письма котораго о севастопольской кампаніи печатались въ «Кіевск. Стар.» 1896 г. (№ 7).

Мировой судъ въ Подоліи. Захарьина (Якунина). Въ настоящей, заключительной главѣ, излагается съ большими подробностями личное столкновеніе г. З. съ управляющимъ графа Л—ва, Б—ичемъ, послужившее поводомъ къ прекращенію служебной карьеры г. З. (№ 7).

Провинціальные нравы за послѣдніе полвѣка (воспоминанія Ф. Я. Лучинскаго) гл. I—II. Статья заключаетъ много интересныхъ подробностей о жизни дворянства и чиновничества кіевской и херсонской губ. въ 40—50 годахъ. Авторъ, мелкопомѣстный дворянинъ, родился въ м. Мошнахъ, воспиты-

вался въ ланкастерской школѣ, устроенной гр. Воронцовымъ въ. м. Городищѣ, затѣмъ служилъ въ Черкасахъ (въ уѣздномъ судѣ и городской полиціи), Чигиринѣ (въ земскомъ судѣ и городской полиціи), Кіевѣ (въ губернскомъ правленіи), Херсонѣ (секретаремъ уголовной палаты и наконецъ въ должности судебнаго слѣдователя). Разсказывая о своей службѣ, г. Л. даетъ рядъ характеристикъ провинціальнаго чиновничества. Особенно интересна личность черкасскаго городничаго Щербцова. «Прежде онъ служилъ въ Кіевѣ частнымъ приставомъ, въ то время, когда тамъ былъ полицмейстеръ Галяткинъ, памятный старымъ кіевлянамъ и прославившійся на всю губернію. Онъ объѣзжалъ городъ на тройкѣ пожарныхъ лошадей съ четырьмя козаками... Когда полицмейстеръ что-либо замѣчалъ, то тотчасъ производилъ и расправу; кучеръ останавливалъ экипажъ, козаки спрыгивали съ своихъ лошадей, хватали указанную жертву, растягивали ее на землѣ, одинъ садился на голову, другой на ноги, третій отсчитывалъ удары, а четвертый держалъ верховыхъ лошадей. Щ. подражалъ своему патрону, съ тою разницею, что производилъ расправу не на улицѣ, а въ зданіи присутственныхъ мѣстъ, при чемъ особенно страдали лица, рѣшавшіяся упомянуть о законѣ. «Тогда городничій немедленно вылеталъ изъ присутствія (производить расправу передъ зерцаломъ и портретомъ Государя онъ считалъ неприличнымъ), произнося: «вотъ я тебѣ покажу законъ!» При этомъ раздавалась громкая пощечина. «Вотъ тебѣ законъ!» (другая пощечина). «Городъ высочайше мнѣ ввѣренъ, а ты мнѣ смѣешь говорить про законъ; понимаешь ли? городъ высочайше мнѣ ввѣренъ—я тебѣ законъ; вотъ я пропишу тебѣ законъ; взять его! и его уводили для окончательной расправы». Земская полиція, получая ничтожное содержаніе, жила взятками. Впрочемъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ взяточничество было слабѣе, потому что богатые помѣщики назначали полицейскимъ чиновникамъ годовые оклады. Такой окладъ уплачивался и съ имѣній Фундуклея; когда послѣдній назначенъ былъ кіевскимъ губернаторомъ, управляющій прекратилъ выдачу, но Ф. приказалъ возобновить ее, говоря: «если богатые помѣщики не будутъ платить полиціи, то она будетъ получать средства отъ воровъ». Ген.-губ. Бибиковъ старался поддерживать престижъ полиціи. Одного помѣщика, ослушавшагося распоряженія становаго пристава относительно починки дороги, Б. велѣлъ привезти въ Кіевъ съ жандармами и прочелъ ему такое наставленіе: «Знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ становой приставъ? Становой приставъ есть мой представитель, а я представитель Государя Императора». Интересны также нѣкоторыя бытовыя подробности. При опредѣленіи на службу, авторъ не получалъ никакого содержанія; за квартиру, столъ и мытье бѣлья онъ вдвоемъ съ братомъ платилъ 50 р. асс. въ годъ; впослѣдствіи ему назначено было жалованіе—75 копѣекъ въ мѣсяцъ, затѣмъ—3 рубля и наконецъ «полный штатный окладъ»—7 руб.

впослѣдствіи, занимая должность секретаря уголовной палаты, онъ получалъ 28 руб. въ мѣсяцъ, т. е. 336 руб. въ годъ; исправникъ получалъ 287 руб.; становой приставъ—200 руб. (№ 9).

Историческій Вѣстникъ 1897 № 7—9.

Воспоминанія о Микѣшинѣ. А. Эвальда. Въ своей, вообще сочувственной, статьѣ авторъ между прочимъ указываетъ нѣкоторые недостатки М., въ томъ числѣ «страсть, ни на чемъ не основанную—казаться малороссомъ». Однажды М. готовилъ для юбилейнаго праздника портретъ Шевченка въ видѣ бандуриста. Портретъ былъ уже оконченъ, и М. поручилъ своему помощнику дописать аксессуары. «М. иногда поглядывалъ на его работу и давалъ ему свои указанія; но почему-то вздумалось ему говорить съ помощникомъ по-малороссійски. М., почти ни слова не знавшій по-малорусски, надрывался, чтобы дѣлать свои замѣчанія на этомъ языкѣ, примѣрно такимъ образомъ.—Слухай, панъ!.. О-то... Эта! (онъ навѣрно хотѣлъ сказать сторона, но не могъ подобрать слова по-малороссійски).—Что такое? спросилъ помощникъ.—Это. Я баю.. продолжалъ М., дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы припомнить подходящее малороссійское слово.—Да говорите, пожалуйста, по-русски, замѣтилъ помощникъ; я ничего не понимаю, что Вы хотите сказать. Но М., желая поддержать свое достоинство, не унялся и все таки продолжалъ свою нескладную малороссійскую рѣчь... Это была очень комичная сцена, тѣмъ болѣе, что М. къ своимъ потугамъ говорить по-малор. относился очень серьезно.—Если не ошибаюсь, онъ былъ уроженецъ смоленской губ.; иногда онъ называлъ себя бѣлоруссомъ, а почему иногда казалось ему, что онъ малоросъ, я совершенно не знаю» (№ 9).

Въ отдѣлѣ *«Критика и библіографіи»* отзывъ о книгѣ: «Обзоръ памятниковъ магдебургскаго права западно-русскихъ городовъ литовской эпохи. Ист.-юрид. изслѣдованіе Ѳ. В. Тарновскаго. Варшава 1897 (№ 9).

Въ отдѣлѣ *Смѣсь*: 1) Областной Музей волынской губерніи (описаніе музея въ имѣніи барона Ѳ. Р. Штейнгеля, с. Городкѣ, ровенскаго у.); 2) Археологическая коллекція Т. В. Кибальчича (замѣтка объ арх. коллекціи, поднесенной пресловутымъ кіевскимъ археологомъ «въ даръ правительству» (?) (№ 8); 3) Открытіе памятника Н. И. Пирогову въ Москвѣ; 4) Археологическія находки (римскія монеты въ Пирятинѣ и его окрестностяхъ (№ 9).

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LVIII, 1897 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

стр.

ОТДѢЛЪ I.

I. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ. (1862 годъ). **М. Чалаго.** *(Окончаніе)*. 1—52

II. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. 53—71

III. ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ ЗЕМЛИ И ЗЛЫХЪ ДУХОВЪ. **Х. Я.** 72—79

IV. ПРОЩАНІЕ РЕКРУТА И РЕКРУТСКІЯ ПѢСНИ ВЪ ЛУБЕНСКОМЪ УѢЗДѢ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. **В. Милорадовича.** 80—95

V. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* 96—184 . . . . 336—393

VI. О. АЛИПІЙ. (Разсказъ). **Ѳ. А. Кудринскаго.** *(Окончаніе).* 185—226. . . . . 239—271

VII. ГРОМОВЫЯ СТРѢЛКИ. Очеркъ по исторіи южно-русскаго фольклора. **Юльяна Яворскаго.** . . . . 227—238

стр.

VIII. ПѢСНИ МОЛОДЕЖИ ВЪ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНѢ. **А. Г. Хатемкина** . . . . 272—318

IX. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Продолженіе слѣдуетъ*). . . . . 319—335

X. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). **А. Титова.** (*Продолженіе слѣдуетъ*) . . . 394—408

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Этнографическій музей въ Варшавѣ. **Н. Бѣляшевскаго.** б) Преданія, связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями. **Василія Гильченка.** в) Закляти гроши. Записала **Ольга Л—ье.** г) Село Сахновка и кн. П. П. Лопухинъ. Священника **Н. Подвысоцкаго.** д) Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. **А. А.** е) Полугодовая панихида по П. А. Кулишу. **В. Н—ка.** ж) Письмо въ редакцію. **В. Н. Перетца.** з) Этнографическій элементъ въ повѣсти Гоголя «Заколдованное мѣсто». **В. Милорадовича.** и) Риторическій учитель Черниговскаго коллегіума монахъ Гавріилъ Искра и его столкновеніе съ префектомъ Кіевской академіи Георгіемъ Конисскимъ. **Д. К. Вишневскаго.** і) Къ исторіи быта сельскаго духовенства въ Подоліи. к) Къ біографіи митрополита Кіевскаго Самуила. Сообщилъ **А. А. Танковъ.** л) Къ бытовой сторонѣ нашихъ учебныхъ заведеніи XVIII вѣка. Сообщ. **Д. Вишневскій.** 1—36 . . . . 55—73

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Записки наукового товариства імени Шевченка. **Н. М.** б) Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской

стр.

его части (1695 г.).—И. Т—а. **И. Каманина.** в) Матеріалы къ изученію Кубанскаго козачьяго войска. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпускъ 1—3: Пісні чорноморскі. Выпускъ 4-й. Пісні линейскіе. Для одного голоса и хора съ акомпаниментомъ фортепіано. Собраны А. Бігдаемъ, дѣйствительнымъ членомъ Кубанскаго статистическаго комитета. Изданіе Кубанскаго статистическаго комитета къ 200-лѣтнему юбилею войска. **Н. Ш.** г) Приходская библіотека. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ V. Очерки Малороссіи. Редакція В. И. Шемякина. **Н. Ш.** д) Отъ Кіева до Бриндизи. Путевые очерки Е. Л. Маркова. **В. Я.** е) Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти Любому Царю Освободителю Александру II. На 1-е марта 1897 года. Сочиненіе П. В. Карнаушенка. **В. Н—ка.** ж) Обозрѣніе журналовъ. з) Monumenta linguae necnon litterarum ukraino-russicarum (ruthenicarnm) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševčenkianae edita. Vol. I.—Памятки україньско-руськоі мови і літератури. Видае комісия археографічна Наукового Товариства імени Шевченка. Том I. Апокрифи старозавітні зібрани з рукописів україиньско-руських. **В. Щербины.** и) Iózef Włast. Opowiadania historyczne z dziejów okolicy Słuczy i jej dopływów. **Б.** і) Записки императорскаго русскаго археологическаго общества. Т. VIII, вып. 1 и 2. (Новая серія). Труды отдѣленія русской и славянской археологіи. Книга первая. к) Опытъ военно-историческаго изслѣдованія о козачествѣ. Выпускъ 1-й полковника М. Нуджевскаго. **Z.** л) Обозрѣніе журналовъ. 37—54 . . . . 74—84

стр.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Ланкастерское училище въ Кіевѣ. (65—69).
2) Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи. (71—80) (81—88).
3) Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (89—96).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» (*въ концѣ книги*) 1

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
Не заразъ же и благихъ обыклъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую отдати
Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
Отъ нечыстыхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
Васъ, какъ непорочныхъ, прыведетъ во славу,
Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
И удостоитъ тамо высочайшей чести,
Коея недостануть участницы лести;
Васъ отвращающыись и по своей воли
Ходящіи пребудутъ въ плачевномъ удолѣ,
Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никая отрада.
В нечыстотѣ жъ сущіи огнемъ негасимымъ
Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
Вы же плачъ отрыните и отрите слезы
Даже милости Божой получите стези!
Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ бѣдствій покрыетъ
И отъ всякія скверны Господь Богъ омыетъ.
И за сію скорбь вашу будите готовы
Внити во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, тя, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
Но печалящусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаетъ.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
Избавлшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Старый человѣкъ выходитъ удивляющися временнѣ и вѣчно погибающымъ отъ пьянства.

Здѣ мя пріити понуди не инна причина,
Но сія: не послидня-ль наступи година,
Въ ней же извѣствуется мерзость, прорекома
Пророкомъ Даніиломъ, въ пагубу ведома,
Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
Имже всякъ поступаетъ на все зло шыроко.
Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
Отъ своихъ дщерей бяше на грѣхъ искушенны!
Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
Не помыслитъ на добро, но паче на злая...
Лишается богатства сему присѣдящый,
Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящый;
И честъ уже не честію, толкобъ чаша полна,
Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
Возъможетъ памятствовать о душевной ползѣ?
Дивлюся непомалу: такъ себе вглубиша
Многіи въ оно, яко о себѣ забыша,
И временну жызнь какъ бы добрѣ проводити
Не мыслятъ, но какъ полной чашы не пролити.
Вину дая, что весма на жыворѣ тощно,
Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха рады, немощы ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жызни,
А паче всего сего—небесной отчызны,
Пущай в кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
Да то бѣда, что егда полной неисполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
И такъ дружка за другш(ж)ку мусить выпивати:
«Любви и впредъ пить вмѣстѣ бы не потерати»;
А любовъ не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
Въ любви бъ исполнятъ всегда и тщытся отое;
О, любви сей премерской, любви окаяной,
Что о Божой немыслятъ любви неска(за)ной!

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
Въ пьянство такъ, яко ему дни определили
Празденства, которіе преданы святими
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кои въ путь спасителны имѣть бы дорогу..
Но мнозѣ во зломъ пьянствѣ сія провождають,
Бахуса, аки отца, весма ожыдають,
Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставляютъ красно,
И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
Лобизаетъ искренно, оныхъ позьдравляя,
Приговоруя: «теперъ намъ повеселитысь».
Выпивая пугары, хочь бы разлучытысь.
Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Коя уже се со лики градетъ и тымпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесь друзи»!
Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
Но всѣхъ въ цѣломудріи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на ввесъ свѣтъ имѣетъ властъ.

Имя мое бываетъ славно и велико,
И не изобрящется другое толико!
Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
Вси бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
И кланятимутся даже окончатся лѣта.
А во первыхъ Азію во власти имѣю,
И ея всѣмъ богатствомъ всячески владѣю;
Прыноситъ мнѣ многое предрагое злато,
За вино сокровище даетъ пребогато.

(Asius).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Зане, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(Бахусъ).

Вся комуже извѣстно, всячески есть явѣ,
Яко есть и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и силна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моея длани.

(Africus).

Правда есть, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(Бахусъ).

И въ Америки мене почытаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(Americus).

Такъ, просимъ тя и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрипляембося, и мы тобой бодры»!

(Бахусъ).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простыраю.

(Europus).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися друзи,
Но кланяемся ти, какъ подчиненны слузи.

(Бахусъ).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учрежденны,
Ни крезбины, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, илъ Господина честна и велика...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводисъ на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудетъ;
Суще въ бидахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпости изъ ногъ изваляю,

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
По моей воли ходитъ, еже ми достоитъ;
И глупъ, мнѣ прыхилившысь, разуменъ бываетъ,
И убогій богатымъ себе называетъ;
Паче жъ сего бываетъ праздникъ мой превелій,
Егоже съ усердіемъ всяки чтить веселый,
Маслину, до которой свободно порогу
Добру вси безъ препятствія имѣютъ дорогу,
Отъ всякой зъ охотою страны пріежжаютъ,
Хочь была бъ кая пропасть, ничто невважаютъ.
Премнози отъ человѣкъ въ немъ мя почитаютъ,
Чашами, пугарами весма величаютъ.
Всегда бо, паче жъ въ оной, не сутъ заключенны
Врата, ни караулы кія утвержденны,
Въ мене гулять свободно и пити доволно,
Но все выдить скармана, хочь было бы полно;
Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
Для его жъ политики, чести же и славы
А приговариваю: «гуляй себѣ, пане,
Дотолъ, поки на тебѣ рубища не стане!
И сказую по полной чаши выпивайте,
Маслину же весело вездѣ прославляйте»!
Тако жъ: «да возыграютъ лики и тымпаны!
Возвеселитесь сердцемъ, вси мои подданы!
Прызываю васъ къ себѣ—прыбывать на сіе:
Спорожняти до конца бочки виновые,
На тое естъ маслина, дабы веселитысь!
Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожжи покрипитися,
И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
Выпите, толко веселы сей намъ праздникъ буди!

Кантъ.

Какъ внишній миръ сей зрится человѣку,
Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Иже и самъ кончится.
Се, еликa суть намъ въ немъ пожеланна,
Вся кратка, вся непостоянна

На всяку годину,
Пріемлютъ измѣну.
И кто имъ увѣрится?
Взыщу ли въ немъ славы,
Власти ль и державы;
Но когда смерть прыйдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кіими имѣю владѣти?
Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Егда ли вѣчна
Тварь краснолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладко ли на ню зрѣти?
Аще ли красны созижду палати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?
Дружину ли вѣрну возъимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ямы
Проведшы, мя забудутъ.
Чыли мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣди
Отъ чрева утучена.
Составлю ли лики
Весь день до музики?
Но въ день ли остатни
Будутъ пріятны

Гласъ трубы ужасный,
Шумъ и троскотъ страшный
Мира огнемъ зажжена?

Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
'Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зискъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!

Лучше отъ мира къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ katomъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.

Потерпимъ въ сей жизни
Бѣды, укоризны,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай насытимся
Нехай насладимся
Безконечно о Бози.

Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часы:
Придетъ рукояти
Радости пожати;
Тогда пожнетъ тая,
Не ослабѣвая,
Въ небесномъ чертози [1]).

Epilogus.

Вашему любомудрству нами предложено,
Которое бысть дѣло тое изреченно,
О коемъ изволили милости внимати

---

[1]) Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункти по прологу гарно пѣть, а осталвіе два предъ виходомъ старика". Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже приписано: Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum canenda sunt, reliquas vero duas ante introitum veteris hominis dispositis.

Вашы. О семъ же просимъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашыхъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.
Смоленскъ.

ИНТЕРЛЮДІИ
МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСКАГО
XVIII ВѢКА.

Въ 1865-мъ году впервые открыты были неизвѣстныя до того времени интерлюдіи учителя піитики въ Кіевской Академіи *Митрофана Довгалевскаго*, сочиненныя имъ въ 1736—7 г.г. Тогда-же даны были о нихъ сообщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» проф. Н. И. Петровымъ [1]). Эти сообщенія давали право предполагать, что въ піесахъ Митр. Довгалевскаго заключается много очень интереснаго для изслѣдователей малорусской старой письменности вообще, и для изучающихъ любопытныя страницы въ развитіи малорусской драмы—въ частности. Но такъ какъ эти интерлюдіи считались потомъ затерянными, то въ полномъ видѣ съ ними никто въ печати не могъ и ознакомиться. Оказалось, впрочемъ, что рукопись Довгалевскаго не затеряна и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря за № 1710-мъ. Въ настоящее время, благодаря любезному сообщенію намъ Н. И. Петровымъ списка съ этихъ интерлюдій, мы рѣшили напечатать ихъ, при чемъ сохраняемъ правописаніе подлинника въ общемъ характерѣ, но безъ надстрочныхъ знаковъ. Н. И. Петровъ, въ письмѣ къ намъ, высказываетъ по поводу интерлюдій Митр. Довгалевскаго слѣдующія свои соображенія. «Пересматривая и описывая въ 1893 году рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, я обратилъ вниманіе и на эту рукопись, снялъ копію съ интерлюдій и пересмотрѣлъ остальныя статьи, находящіяся въ ней. При этомъ я убѣдился, что интерлюдіи сочинены не М. Довгалевскимъ, какъ я предполагалъ прежде, а ученикомъ его, ученикомъ піитики *Саввой Лебединскимъ*. Во 1-хъ, въ этой рукописи, принадлежавшей самому М. Довгалевскому, интерлюдіи переписаны съ ошибками. Во 2-хъ, въ приложенномъ къ рукописи спискѣ учениковъ піитики значится, въ числѣ другихъ, Савва Лебединскій, сынъ козака изъ Украины, изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, который еще въ синтаксическомъ спискѣ аттестованъ у М. Довгалевскаго такъ: «Magister comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, debilis studio, lassatus incuria, extinctus labore, nonnisi propter annos detur commendatio». Такой только человѣкъ и могъ сочинить интерлюдіи».

Считая съ своей стороны этотъ вышеприведенный домыслъ уважаемаго профессора не окончательно убѣждающимъ насъ въ авторствѣ Саввы Лебединскаго въ данномъ случаѣ, мы помѣщаемъ эти интерлюдіи, озаглавивъ ихъ, по старому мнѣнію, *интерлюдіями Довгалевскаго*, думая, что печатный текстъ дастъ возможность большему числу спеціалистовъ сдѣлать свои болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Авторъ интерлюдій пользовался въ нихъ по мѣстамъ и румынскимъ языкомъ. Исправленіе этого румынскаго текста и переводъ его на русскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ Н. И. Петрова, г-номъ Гроссу.

Извѣстно, что Митр. Довгалевскому принадлежатъ двѣ драматическихъ піесы «Комическое дѣйствіе» на Рождество Христово (1736 г.), и «Властотворный образъ человѣколюбія Божія», пасхальная піеса (1737 г.). Къ обѣимъ этимъ драмамъ, въ видѣ приложеній къ каждой, примыкаютъ по пяти интерлюдій.

[1]) 1865 г., февраль; 1866 г., ноябрь.

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Первая.

Виходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до которою виходятъ два мужика, литвинъ, циганъ, и прожєнут.

Ehey dla Boga iak-iem utrapiony
Z natury będąc szlachcic urodzony
Ktore szlachecstwo gdy matka wrodzila
Panno wżdy będąc we wszystcich nażyla
Rozum Katona mężnosć Hektorowa
S panienskiey krwi iest mnie statura owa
Znam co się dzieię y w piekle y w niebie
Fortuny nie mam y na-krok u sobie
Butow sukienki a czapki nie pitay
We wszystkim iestem tak jak widzisz witay
Iednak że tego niechce explikowac
Mam glowe mądre znam złotem szafowac.
Mam prespektywo astronomskiey sztuki.

Муж. О бодай же в кузнѣ бувъ коли змерзъ у руки.
О сежи ми и к вашець стали прихожати
I скажи не соромся якъ маемо звати

Астро. Jestem szlachcic wrodzony, lub bez drogiey szaty.

Муж. А якуюж ти тутъ вашець човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти нас тилко вернуть на менѣю.

Астро. Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie cżyni
Rózmowie moie slowo nigdy nie omini
Y ia zawsze zgadnie kiedy y orać do chleba

Муж. Пархумъ идижъ сюда ос чортъ принѣсъ с неба
Чоловѣка, сюди до насъ почуешь розмови.

Пархомъ. Чи не вивести до іого своеи корови
Рабои то вѣнъ чого чи не знае
З манацѣи, якое буде теля може и вгадае
Ну кажи якъ Бога боишся
Муж. От не иметъ вѣри также придивися.
Пархом. А що бакъ ти у чорта искажи за птиця
Чи мишь чи кажанъ чи перепелиця.
Астро. A ja iestem Polskiey nauki ostrolog.
Муж. Е се бачу той, що бавлят остронугъ.
Що вѣнъ наперед летючую хватае
Около неба звѣзди избирае.
Циган. О сежъ и я тута в мене ест кобила
Три роки жеребна да ще не родила
Лошати, чи не вгадаешъ дядку
Яке буде чи вороне чи яке на взглядку
Коли вороне дамъ добру заплату
Памятатимешъ и до смерти тату
Литвин. Га га кабузнѣкъ о пчолкахъ чи знаешъ
Въ мшанѣку іост сколко чи въгадаешъ
А въ борцях чи живи чи не рушивъ недзведзь
Кажи чи знаешъ або уже не бредзь
Албо висеяць горохъ колѣ треба.
Астро. Czekay no trocha rzusie się clo niebie
Gwiazdy powidze iak toczosię kołem.
Парх. А моеж нива чи буде вже полемъ
Астро. Patrźcie iak wpadnie znak planety Raka.
Муж. Швиденко становись остроному рака.
Астро. O summam injuria rusticorum
O tyrandem ztych wozowykorum
O jakiems dostal dzis u chlopskie ręki
Juźem nie cierpial takiey wielkiey męki
Lepiey bylo w Polszcze recreandi
Муж. О я кажу що вѣнъ надувсь до оранди
Циган. Ось ми коло тебе тепер погуляемъ
Муж. І скроз спектива все всѣ поотбираемъ
Лит. А я проводнѣка подамъ на дорогу
Што починѣвъ у насъ такую тривогу
Каже што дожчу не будзе нѣ трохѣ

Муж. А тижь не знашь крутохвоста здохи
Озмѣмъ лишь его въ руки хорошенко
То вѣнъ перестане крутитця швиденко.

2.

Виходить мужикъ сонь росказуе и приклинае до себе еще двохъ. Потому призоветь бабу и циганку; циганъ пріиде за циганку всѣхъ пропудит.

Що се прошу такее на свѣтѣ човпется
Чи во снѣ чи на евѣ се диво плетется
Ужеж питався дяка въ книзѣ чи не мае
Написано, або такъ хто чи не вгадае
І всѣ так читали та не начитали
І всѣ отгадовали да не отгадали.
А такіи сонъ приснився що боюс казати
Що далибѣгъ припало ис хати втѣкати
Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
А схватився з опалу такъ дуже швиденко
Стою якъ опапленній такъ дуже злякався
Ажъ бачця Анголикъ з рогамы до мене прибрався
Тай кажет такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво
Я бачця гулкъ на небо ажно небо сиво
А звезда велицузна да з мѣсяцемъ бется
Мѣсяцъ не пуска сюда вона къ мѣнѣ прется
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищус молюс Богу
Якъ злякався да и назад лѣзу и къ порогу
Ажъ бачится мене за руку Хувра да и на пулъ
Дакъ у мене ис правои ногы испавъ постулъ
А дале якъ загримит якъ блисне зненацка
Дакъ то и тогди и по всіому почала рѣзачка
Ризати штурмовати колити избоку
Якъ було мнѣ осталос у кума з уроку.
Колиб бакъ хто сей снище заразомъ отгадавъ
Ябъ остатню корову перѣстую отдавъ
Лишь пакъ сподѣваюсь що Пархумъ може отгадати
Пархумъ годѣ лишь тамъ ходи лишь до хати
А що тамъ, іо що пакъ тамъ сонъ иди отгадай
Буцѣмъ ти не кобзуешъ цур пекъ тобѣ бѣгдай

Кажиж що тамъ за сонъ а юже отгадаемъ
Бо ми ту було лихословицю було также знаемъ
1. Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
Ажно приснився мнѣ сонъ сей да и швиденко
Бачится Янголъ з рогами прибрався до мене
Сѣпае, торкае, кличе: устань лишь Семене!
Я швиденко кинувся всюди озпраюс
А тутъ що хивра хвата я не сподѣваюсь
За руку, якъ же шпурне мною якъ мячикомъ на пулъ
Дакъ у мене ис правой ногы испавъ постул
А мѣсяць на небѣ и звѣздами бется
А одна звѣзда з неба да до мене прется
О мы сіого не кмѣтимъ якъ би отгадати
Хиба Кузюберду мусмо позвати.
Кузюбердо, га ходи сюда! чого?—Иди швидко!
3. Ужежъ бо мнѣ до васъ и ходити стало гидко
1. От чи не знаешъ сну сего отгадати
3. Атъ чортъ его знае да и чортова мати
От хиба Настя баба що вгадуе всюди
2. Алеж бо братчику вона хорошаяж юда.
1. Поидижъ ти лишь по ей да кланяися низенко
Щоб пріишла, бо пѣдемъ въ оранду швиденко.
Баба. Памагайбѣ сподарѣ даите милостину.
Глянтес на старост который отцкіи сину.
3. Об вовку мова вовкъ тутже, и вона якъ сакомъ пала
Що мы хотѣли кликать вона якъ все знала.
2, Угадаетъ же вона сеи и сонъ що бути мае
Уже жъ нѣкого не турбуй певне угадае.
Баба. Що тамъ за сонъ дѣточки голосно кажѣте
Коли що якій зліи то и не говорѣте.
1. Оттъ бачится до мене янголѣ ходилы
Да и такъ приснилось бачится збудили
А звѣзда з неба в ротъ тилко не влетѣла
Дакъ я швидко истуливъ дакъ вонаж не вспѣла
А мѣсяцъ зъ звѣздами таке чинивъ диво
Якъ журавля нарадивъ усе небо сиво.
Баба. О сежъ вамъ идетъ на хлѣбъ на плуд да на дѣты
Будетъ за кимъ на старость спокоино сидѣты.

Цы. Помагайбѣ пани чи здорови жадани
Маешъ тугу на сердцу своему
Що снилось во снѣ тезкови твоему
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшоѐ сало
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до вас ангелы и звѣзды ходилы
І всяку потѣху до васъ приносили.
1 О сеж братця циганка якая излиха
На память до слова беретъ з торби якъ з мѣха.
Ци. Уже жъ бо я не змилю якъ баба от тая
Що вона брехала якъ сука старая
(*Баба*). А ти вже не слухаи тоей мантачкы сыну
Вона въ тебе зъ пазухи витягла хустину
2. Чи справди, бабочко? дакъ вона и злодѣйка
Да не згирша з неи бачу лементѣйка
Я казавъ лучше було послухати баби
Якъ вдарю по виденю дакъ чи мощъ у жабы
очи повилѣзают.
Цыган. Соля мунзже дахътъ куриче ха, ха, ха
Тацкуры намури жда истули дракури та шушкутъ
Мушкутъ нахлавде тараба цавдубѣ жиберинту
Здристиста перъдулицу линдра попардечка
На мандро наждала са що великая була в мого батка
Ковбаса ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Що тутъ панове моеи жони голосъ чути.
Хоревъ Маждала.
А тебе чи катъ унѣсъ що дѣешъ тут ты.
Чи тобѣ користь даютъ чи яку заплату
Муж. І мы не кликали еи сюда в хату
А вона пришовши да вкрала хустину
Буде и тобѣ тое негыдному сыну
Цыган. Дакъ вамъ за тее з неи наругатся
Да коли бъ не нахватився то бъ ви збили братця.
Муж. Ище ми и до вѣта еи суку попремо
Да и тамъ драла доброго дамо.
І в громадску колоду ногами забемо.
Цы. В нашимъ роду того не мае щобъ у колодкахъ сидѣти
Чого ваши не дождутъ и всы псѣи дѣты
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности"). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г. стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

---

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вірна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Черниякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: І. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Грама́тка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Живи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украйнську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Θедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбынській Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиних повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій I** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

M.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г, стр. 1—26 Цѣна 5 к.

H.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10 Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшіе направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Виршн, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Федькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Миясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго,** Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

стр.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предислов.* **Н. И. Стороженка.** . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ.** (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова.** . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . 289—310

стр.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 гг.). **О. Л.** . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА **Н. С.** . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная коммиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Углицкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. **Н. М.** и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. **Ѳ. Левицкаго.** л) Литовская метрика, м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

стр.

Новороссіи Сообщ. **Н. С.** х) Обычай ломать скорлупу яйца. **Н. Ѳ. Сумцова.** ц) Письмо А. К. Делленна къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. **М. П. Старицкаго.** ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). **Н. М.** б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). **Н. М.** в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. **Н. М.** г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. **Ѳ. Титова.** д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. **А. Л.** е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». **А. Лотоцкаго.** ж) Першій русско-американскій календарь. **А. Л.** з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. і) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. **Н. М.** к) «Койросъ Подолія» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. **Н. М.** л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. **Е. П.** м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовець, Козаки и Море. Поэма. **W.** 21—32, 49—62. . . . . . . 76—94

СТР.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).
Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА»
(въ концѣ книги)

Дозволено цензурою Кіевъ, 25 октября 1897 года.

СЛАВЯНАМЪ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Предлагаемое вниманію читателей „*Кіевской Старины*“, до сихъ поръ неизвѣстное, неоконченное стихотвореніе Шевченка найдено нами при изученіи дѣла о членахъ Кирилло-Меѳодіевскаго общества, хранящагося въ Архивѣ Департамента Полиціи [1]). Стихотвореніе Шевченка, сохранившееся въ бумагахъ Н. И. Костомарова, относится къ 1846 или началу 1847 г. и было отраженіемъ взглядовъ кіевскаго кружка панславистовъ, во главѣ котораго стояли Гулакъ и Костомаровъ. Идея панславизма, т. е. мысль о желанномъ соединеніи всѣхъ славянскихъ племенъ въ одну дружную семью, зародилась въ Чехіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Мысль эта воодушевляла собою и старшее поколѣніе русскихъ славянофиловъ, видѣвшихъ въ собраніи славянъ воедино историческую миссію Россіи. Въ стихотвореніи Хомякова *Орелъ* (1832 г.) поэтъ напоминаетъ сѣверному орлу не забывать младшихъ братьевъ, которые, скованные цѣпями иноплеменниковъ, ждутъ его призыва.

И ждутъ окованные братья,
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья
Прострешь надъ слабой ихъ главой.

---

[1]) За дозволеніе имъ пользоваться приносимъ глубокую благодарность Е. В. П. Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкину.

Когда въ сороковыхъ годахъ началось въ Европѣ славянское движеніе, значительная часть русской интеллигенціи была убѣждена, что Россія воспользуется этимъ движеніемъ, вступится за права угнетенныхъ славянскихъ народностей, вырветъ ихъ у Австріи и составитъ изъ нихъ отдѣльное государство подъ своей гегемоніей. Кіевскій кружокъ поборниковъ панславизма шелъ дальше и мечталъ объ образованіи великаго славянскаго государства на федеративныхъ началахъ. „Мы не могли уяснить себѣ—говоритъ въ своей Автобіографіи Н. И. Костомаровъ—въ подробности образа, въ какомъ должно было явиться нами воображаемое федеративное государство; создать этотъ образъ мы предоставляемъ будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинаковые законы и права, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ и единая центральная власть". Такія идеи или мечты раздѣлялъ и Шевченко, и этимъ объясняется его воспѣваніе русскаго двуглаваго орла, будто бы уже разорвавшаго своими когтями сковавшія славянъ цѣпи, и предсказаніе скораго конца крѣпостному праву и панству, какъ явленію отжившему, несоотвѣтствовашему имѣющему водвориться царству равенства и свободы. Хотя стихотвореніе Шевченка обрывается на стихѣ: „слава тоби, Украино!", но весьма возможно, что окончаніе его найдется въ бумагахъ другихъ членовъ Кирило-Меѳодіевскаго общества.

Н. И. Стороженко.

Славянамъ.

Диты славы, диты славы!
Часъ вашъ наступае:
Отъ Банатокъ до Камчатки
Гоминъ розлягае.
Отъ Банатокъ до Камчатки,
Отъ Финнъ до Боспора
Розришаетьця загадка
Велыкого спора;

Розрываютця кайданы
Неволи й неславы;
Сгине, счезне братня свара
Ворогъ нашъ кровавый,
И освите наше небо
Сонечко свободы,
Станутъ вкупи передъ Богомъ
Вольныи народы;
Поклонятьця Роспятому
Завитъ його прыймуть,
Ворогивъ тысячелитнихъ
Вороги обіймуть;
Узрять те, на що глядилы
И доси не зрилы,
Взнають те, що земля й небо
Всимъ давно открылы:
Тильки тамъ, де Духъ Господень,
Тильки тамъ и воля!
Де любовъ Хрыстова й правда—
Тамъ счастя и доля.
Ясне небо Славянщины
Покрыла темнота,
Безпресвитна, нерозумна
Давняя негода...
Що жъ за гоминъ чудный ходыть
Отъ краю до краю?
А чи винъ що изгадуе,
Чи що провищае?
А мы слухалы и чулы
Й до серця прынялы,
Не скажемо, правый Боже,
Шобъ все разибралы.
Не намъ, Боже, выкладаты
Небесни глаголы!
Суды, Боже, нашу долю
По Твоін воли!

Ты даешь намъ розумиты,
Кому скильки треба,
Молымося, выглядаймо
Твого часу зъ неба.
Молитеся, диты славы,
Выглядайте часу!
Прыслухайтесь до святого
Небесного гласу!
Мырытеся, очищайтесь
Отъ пьянства й порока,
Любися, скоро блысне
Звизда отъ востока.
Горе панству лукавому,
Шо въ гасло неволи
Обернуло хрестъ всечесный,
Гасло вичной воли!
Горе тымъ, шо словомъ Божимъ
Розумъ подавлялы,
Для корысти, для мамоны
Правду уживалы[1]).
Горе вченымъ, котри злее
Добрымъ нарекалы,
Тымъ шо истыну святую
Отъ простыхъ ховалы—
Всимъ продажнымъ философамъ!
Одъ духа святыни
Розвіютця ихъ хытрощи
Якъ пылъ по пустыни!
Любитеся, диты славы,
Любовъ насъ спасае!
Слава, честь тоби во викы,
Орле нашъ двоглавый!
Бо ты шпонамы своимы
Вырвавъ изъ неволи,

---

[1]) Далѣе идетъ пропускъ.

Изъ поруги давній на свитъ
Славянскую долю!
Слава Чехамъ! яснымъ свитомъ
Науки темноту
Розгоняйте, пробужайте
Славянску дремоту!
Слава тоби, люде добрый,
Изъ Славянъ Славяне,
Въ день воскресный станешъ въ слави
Межъ всимы братамы.
Слава Сербамъ за ихъ писни,
За чистую виру
Въ мылость Божу, за ненависть
Проты изувира.
Слава, честь вамъ, браты ляхы,
Мыръ вамъ, вична згода!
Згыне панство лукавое
Воскресне свобода!
Слава тоби, Украино...

Снѣтинская старина[1].

(Окончаніе).

ГЛАВА II.

Населеніе.

Догадки о времени основанія селъ и происхожденія колонистовъ.—Кіевскій и бѣлорусскій элементы въ составѣ населенія.—Различіе наружности, одежды, психическихъ особенностей жителей.—Антагонизмъ селъ и кутовъ: веснянки, поддразниванія, кулачные бои и драки молодежи разныхъ кутовъ.—Однородность мѣстнаго панства и черты стародворянской жизни.

Какъ устныя народныя преданія, такъ и письменныя свидѣтельства умалчиваютъ о времени заселенія сѣверовосточной части Лубенскаго уѣзда, за исключеніемъ Снѣтина. Онъ одинъ только упоминается въ числѣ имѣній Вишневецкихъ и намѣченъ на картѣ Боплана 1-й половины XVII в., изъ чего слѣдуетъ заключить, что остальныя поселенія еще тогда не существовали; изъ универсала же Мазепы 1689 г., которымъ переданы охочекомонному полковнику Ильѣ Новицкому: опустѣлое городище Снѣтинъ, Исачки, Шеки (Щеки), Литвяки и Гребище (Гробыще [2]), видно, что всѣ они были уже селами въ то время, слѣдовательно ихъ возникновеніе должно быть отнесено къ половинѣ XVII в.,—эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Съ такимъ заключеніемъ согласны

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 9.

[2]) Стороженко. Н. В. „Кіев. Стар." 85 г., VIII, стр. 444, 446 и 457.

и народныя преданія, установляющія, что вездѣ, кромѣ Снѣтина, панской колонизаціи предшествовала козацкая [1]). При такомъ предположеніи уясняется нѣсколько и другой вопросъ: откуда вышли колонисты, населившіе сѣверовосточный уголъ Лубенскаго уѣзда? Конечно мѣстности, найболѣе пострадавшія во времена польско-козацкихъ войнъ и руины, должны были дать найбольшее число переселенцевъ на лѣвый берегъ Днѣпра вообще и въ Лубенщину въ частности. Такою мѣстностью была правобережная Украина [2]). Что касается Снѣтина, то, опустошенный за приверженность къ Дорошенку [3]), онъ заново колонизованъ Новицкимъ, которому поручалось размѣщеніе правобережныхъ прочанъ съ приказаніемъ селить внутри края, а не на берегу Днѣпра [4]). Подтвержденіемъ высказаннаго положенія о заселеніи сѣверовосточной лубенщины выходцами изъ Кіевской губерніи, кромѣ историческихъ свѣдѣній, служатъ еще слѣдующія данныя: частое упоминаніе въ мѣстныхъ пѣсняхъ Кіева [5]) и событій правобережной Украины [6]), полная тожественность лубенскихъ и кіевскихъ пѣ-

---

[1]) По преданію козаки Моргуны вытѣснены панами изъ Шекъ, какъ Иванчане изъ Хорошковъ, оставивъ по себѣ воспоминаніе на мѣстѣ въ названіи бывшей пасики „Моргунивщиной."

[2]) За Днѣпръ бѣжали во времена Хмельницкаго, руины и сгона изъ слѣдующихъ мѣстъ: Лысянки, Чигрина, Черкасъ, Медведовки, Жаботина, Мошенъ, Ладыжина, Умани, Брацлавля, Паволочи, Корсуня, Канева, Крылова, Мліева, Богуслава, Ржищева, *Деренковца*, Драбовца, Староборья, Бѣлоозерокъ, Бѣлой церкви, Богуслава, Синицы, Ольшанки (Рубанъ. Крат. Лѣт., стр. 20, 123, 126 и 128; Костом. Руина, Вѣст. Евр. 79 г. VII, стр. 449, 80 г., VII, 239, 41., 268., VIII, 402, 404 и IX., стр. 7, 15, 16; Антоновичъ и Бецъ. Историч. дѣятели. Кіевъ. 85 г., стр. 45; Антоновичъ. „Кіев. Стар. 96 г., X, стр. 5; Бант.-Каменскій. I, 254; Кулишъ. Зап. о Южн. Руси., т. I, стр. 82, 83).

[3]) Бант. Каменскій., ч. II, стр. 117 и примѣч. на стр. 20. Антоновичъ и Бецъ. Истор. дѣятели. стр. 81.

[4]) Вѣстн. Евр. Руина. кн. VIII 1880 г., стр. 402 и 404.

[5]) Напр: „Славный Кіевокъ", „Съ Кіева идуть—все панова." „Тимъ славенъ Кіевокъ, що вси святіи." „Прилетивъ сокилъ съ Кіева у двиръ", „изъ Кіева гости." (См. мои Рожд. святки Луб. у., стр. 5, 7 и 15).

[6]) Напр. историческая пѣсня о Левенцѣ, представленная въ редакцію „Кіевск. Стар.".

сенъ [1]), сходство снѣтинскаго историческаго разсказа о борьбѣ царицы съ царемъ, приведеннаго въ 1-й главѣ настоящей статьи, съ такимъ же разсказомъ Кіевской губерніи; насмѣшливое прозваніе жителей сел. Волчка: „Вовчане—деренчане,“ позволяющее догадываться о происхожденіи послѣднихъ изъ сел. Деренковецъ на Роси, ниже Корсуна [2]).

Но кіевская колонизація не была единственной. Рядомъ съ ней замѣтно довольно значительное бѣлорусское (литовское) вліяніе. Оно слышится въ названіи цѣлыхъ селеній и кутовъ (Лит-

---

[1]) Напр. слѣдующія одинаковыя пѣсни.

Кіевской губ.	Луб. уѣзда.
Колядки.	
У Чуб., т. 3., стр. 271	„Загадано, заповидано
Драгом. и Антон. стр. 27 (запис. въ м. Дымерѣ и Черняховѣ).	Милорад. Рожд. святки луб. у., стр. 6.
Чуб., стр. 305 (Дымецъ).	На стр. 11. Рожд. Св.
Свадебныя пѣсни.	
Чуб., т. 4. №. 5, 6, 7. (Гостомысль).	Свад. пѣсни Луб. у. Кіевъ 90 г.—№ 76.
№ 172.	№ 8.
— 188.	— 2.
— 199.	— 135.
— 193.	— 112.
— 197.	— 214.
— 198.	— 64.
— 200. (Жаботинъ)	— 28.
— 202.	— 10.
— 434.	(въ моей рукописи).
— 506.	Свад. пѣс. 91.
— 546.	— 96.
— 555.	— 101.
— 877.	— 141.
—1128. А.	(въ рукописи).
— 594.	Ibid.
Чуб. т. V. Разныя пѣсни	
№ 77. Васильков. у. и Таращa	Въ рукописи.
№ 113. (Жаботинъ)	Ibid.
Гринченко, Этнограф. матер., т. 2.	
№ 135. вирша, запис. въ Каневскомъ уѣздѣ.	Ibid.

[2]) Максимовичъ вспоминаетъ о Деренковцахъ въ I т. Собр. Сочин. стр. 687.

вяки), въ фамиліяхъ жителей (Литвины, Литвиненки, Поцяпуны, Шарушинскіе, Шаревскіе и т. д.) и особенно въ одинаковыхъ вѣрованіяхъ и народныхъ произведеніяхъ лубенскихъ и бѣлорусскихъ, такъ что первые при сличеніи оказались изобилующими бѣлоруссизмами и болѣе родственными сѣверозападнымъ образцамъ, чѣмъ другимъ малорусскимъ [1]). Затѣмъ не могло пройти совершенно безслѣднымъ долгое пребываніе въ лубенщинѣ охочекомоннаго полка, набиравшагося, какъ извѣстно, кромѣ Малороссіянъ, также изъ поляковъ, волоховъ, сербовъ [2]), откуда произошли фамиліи: Ляши, Волошины, Сербины и т. д, а фамиліи Сабадашей, Билыковъ и др. указываютъ на татарское происхожденіе. Итакъ, главнымъ признакомъ, характеризующимъ населеніе сѣверовосточной части лубенскаго уѣзда будетъ его смѣшанность, неоднородность, выражающаяся и теперь въ значительныхъ различіяхъ типовъ, наружности, одежды, народной психологіи не только отдѣльныхъ селъ, но даже кутовъ. Впрочемъ, одинъ изъ наружныхъ признаковъ—ростъ населенія—повсемѣстно понизился. Теперь вездѣ преобладаетъ среднiй ростъ, а въ Шекахъ—низкій. Замѣчаніе Короновскаго о болѣе высокомъ ростѣ козаковъ въ сравненіи съ крестьянами [3]) къ данной мѣстности не примѣнимо. Напримѣръ, козачьи фамиліи с. Литвяковъ: Терцы и значительная вѣтвь Заикъ, извѣстная подъ уличнымъ названіемъ Прудкихъ, малорослы, съ короткими саблевидными ногами, наоборотъ—почти всѣ крестьяне хуторовъ Путивцева, Церковнаго и Волчьей долины высоки и стройны. Головы жителей вообще невелики; непропорціонально большія головы попадаются иногда только въ Снѣтинѣ. Въ Снѣтинѣ же замѣтно рѣшительное преобладаніе бѣлокурыхъ волосъ, сѣрыхъ, даже голубыхъ глазъ; въ другихъ селахъ господствуютъ темнорусыя волосы. Жители Волчка смуглы и черноволосы. По отношенію къ цвѣту волосъ необходимо еще

---

[1]) Вліяніе бѣлорусскаго элемента на составъ населенія Лубенскаго уѣзда выдѣлено мною въ особую статью.

[2]) Костомаровъ. Руина въ Вѣстн. Евр. 80 г., X, стр. 68.

[3]) Полт. Губ. Вѣдомости. № 43., стр. 2. Ростъ козаковъ показанъ: 2,5–2,8 крестьянъ: 2,4—2,6.

одно замѣчаніе: между крестьянами больше блондиновъ, среди козаковъ—брюнетовъ. Преобладающей формой носа у мужчинъ все еще будетъ продолговатый съ горбинкой. Но много также круглыхъ, короткихъ. Кромѣ пониженія роста, вырожденіе выразилось еще уменьшеніемъ долголѣтія и ослабленіемъ физическихъ силъ народонаселенія. Далекой сказкой звучатъ теперь слѣдующіе разсказы.

1.

Писля манифеста дряный народъ ставъ, а тоди я самъ бачывъ, якъ чоловикъ у Лубняхъ на ярмарку, третяку телыцю пиднявъ на плечи, тай понисъ. Узявъ рубля грошей. Або Дзвонко бильшъ аршына шырыны у плечахъ мавъ. Возьме на мызынець пятыпудову гырю и черезъ голову попре[1]).

2.

Давнійшъ люды булы здоровійши и довго жылы. Недавно булы таки, що захватылы якъ на манастырь робылы: Зима, Полянка. У насъ чоловикъ такый бувъ у Вовчку, що кобылу такъ якъ овечку пересадыть у леваду, а хазяинъ дознався, що пасецця коняка,—а куды вона влазыть, шо нема вылазкы? Такъ хазяинъ той зaберигъ, шо якъ же воно водыть? Подывывсь, якъ той пересадывъ кобылу, ничого не сказавъ—тай пишовъ [2]).

Вырожденіе коснулось и женщинъ. По словамъ старожиловъ онѣ были прежде выше ростомъ, плотнѣе [3]), красивѣе. Несмотря на преобладаніе свѣтлыхъ волосъ въ цѣлыхъ волостяхъ, мѣстный вкусъ все еще предпочитаетъ брюнетокъ. Отзывы о бѣлокурыхъ женщинахъ вообще сдержаны. „Ловка дивка, ловка молодыця"—всё, на что можетъ разсчитывать красивая блондинка.

Когда литвяковскій парень выбралъ себѣ молодую за Сулой, свекруха съ неудовольствіемъ говорила: „казавъ чорнява, а вона руда якъ собака". Впрочемъ, брови у мѣстныхъ женщинъ вообще темнѣе волосъ, даже и въ Снѣтинѣ. Прямыя брови больше

---

[1]) Н. Ивахненко.

[2]) А. Ковпа.

[3]) Арендар. т. I., стр. 250.

нравятся, чѣмъ дугою. Лобъ у малороссіянокъ некрасивъ, толстъ, нечистъ, вѣроятно вслѣдствіе обычая закрывать его платкомъ. Большіе открытые глаза не нравятся, предпочитаютъ продолговатые, узкіе. „Очи мовъ на лоби, вытрышкувата", говорятъ о большихъ, выпуклыхъ глазахъ. Цвѣтъ глазъ сѣрый и голубой въ снѣтинской волости, въ волчковской—карый съ зеленоватымъ или желтоватымъ оттѣнкомъ спѣлаго жолудя. Замѣчаніе покойнаго Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. о преобладаніи вздернутыхъ носовъ у женщинъ полтавской губерніи правильно, почти всѣ женскіе носики болѣе или менѣе приподняты на концѣ. Едва-ли не самая некрасивая часть лица мѣстной малороссіянки—ротъ. Онъ великъ, губы толстоваты, отчего дивчата усвоили привычку сжимать губы („пышаюцця"). Лица круглыя съ полными щеками и короткимъ подбородкомъ. Различіе типовъ еще усиливается разнообразіемъ модъ, выражающимся преимущественно въ головныхъ повязкахъ. Дѣвушки Волчковской волости носятъ широкія, низкія повязки („салотовки"). Очипки женщинъ въ видѣ гребня, отчего головы выходятъ широкими („макитры"). И тѣ, и другія надвигаютъ платокъ на самыя брови. Въ Снѣтинской волости повязки выше, остроконечныя, очипки съ складкой. Въ Литвякахъ и Снѣтинѣ одежды со сборами сзади („до фантивъ"), короткія, въ Хорошкахъ со складками, а въ Шекахъ съ клиньями, удлиненныя по сенецкимъ образцамъ. Кромѣ наружности и одежды, еще и въ обыкновеніяхъ разныхъ селъ, даже кутовъ, есть различія. Напримѣръ, свадебный ритуалъ каждаго села имѣетъ свои особенности. Въ Шекахъ и Хорошкахъ молодые и ихъ свиты проводятъ вмѣстѣ дѣвичъ-вечеръ на особыхъ досвиткахъ; вѣнковъ не вьютъ. Въ Снѣтинѣ—въ домѣ молодой; въ Волчковской волости дѣвичъ-вечеръ почти совершенно отсутствуетъ: здѣсь совьютъ вѣнки и расходятся по домамъ. Свадебныя пѣсни каждаго села свои особенныя, часто неизвѣстныя въ другомъ. Старыя пѣсни: историческія, колядки и др. сохранились лучше въ снѣтинской волости, гдѣ женщины и дивчата вообще поэтичнѣе. Самый языкъ снѣтинскій необыкновенно картиненъ, а въ Шекахъ попадаются подчасъ архаическіе обороты. Населеніе волчковской волости реальнѣе, прозаичнѣе; оно самое скуд-

ное въ уѣздѣ въ отношеніи къ пѣснямъ, сказкамъ, преданіямъ. Жители Литвяковъ пріобрѣли репутацію насмѣшливости, а Волчка—странности [1]). Различіе происхожденія вызвало нѣкоторый антагонизмъ какъ цѣлыхъ селъ, такъ и ихъ частей, выражающійся, между прочимъ, въ веснянкахъ, которыми части селъ перекликаются по вечерамъ. Особенно задирательны литвяковскія веснянки, чуждыя всякой поэзіи, порой состоящія изъ голой брани, которыя поютъ притомъ поспѣшно, вызывающимъ образомъ [2]). Антагонизмъ селъ выражается также взаимными перебранками и насмѣшками: Вовчане-деренчане, кобылу винчалы! раздается крикъ пастушковъ изъ-за Сулы. Лытвякивци—дурни вивци, на повитци: бе! или: лытвякивци—дурни вивци, позлазылы на комору тай мекають. Лытвякивци—коси ворочкы [3]). Литвяковцы такъ отвѣчаютъ на это: Снитынци—шанькы [4]). Снитыньски дукы [5])! пойилы гадюкы и кривъ полызалы, намъ не сказалы!—Снитыньскый бакань, снитыньски бакани! (?)—Вовчаньска палюга! [6]). Въ различныхъ народныхъ обыкновеніяхъ ощущается также антагонизмъ праваго и лѣваго берега Сулы. Литвяковскіе и волчанскіе парни не ходятъ на досвитки, вечерницы, игрища въ Снѣтинѣ, предпочитая въ этомъ случаѣ болѣе отдаленную636Бересточь; снѣтинскіе—въ Литвяки и Волчокъ. Первые охотнѣе женятся у себя въ домѣ и въ Засульской волости, чѣмъ въ болѣе близкой снѣтинской, какое обыкновеніе также способствовало отчасти устойчивости типовъ. Антагонизмъ селъ

---

[1]) Нигдѣ не встрѣчается столько идіотизмовъ, какъ въ Волчкѣ: авежъ вмѣсто авжежъ, палюга, вм.—палка, пасоля, вм. квасоля и т. д.

[2]) Напр.

На юрчанскій на улыци
Дивки дурноваты.
Бодай же вы, сучи дочкы
Зъ ума посходылы
Ой, не ходы Сабадашу
На улыцю нашу.

[3]) Въ Литвякахъ хусткн шьютъ наискось.

[4]) Снѣтинцы ходятъ съ сумочками (шаньками) черезъ плечо на ярмаркахъ и базарахъ.

[5]) Или гепыкы—дукы.

[6]) Палюга—палка въ Волчкѣ.

поддерживался еще въ прошедшемъ и началѣ текущаго вѣка кулачными боями на Сулѣ. Народная память сохранила имена главныхъ героевъ кулачекъ въ слѣдующихъ разсказахъ:

1.

У старыну у Снитыни и у Лытвякахъ на риздвяныхъ святкахъ, а то и раньше, собираюцця молоди чоловикы и парубкы, сотъ на два чоловика, выходять до велыкого затона и кулачацця. Договоръ такый, що по пыци и по ногахъ не можна быть, а по ребрахъ и пидъ груды. Хто полетыть зъ нигъ, того не бьють. Якъ Лытвякивцивъ бильша сыла, то загонять по Сули ажъ у Снитынъ, а Снитынци пидойдуть та загонять тихъ ажъ на мостыще. Грыцько Шкворя бувъ за атамана. Винъ бувъ чоловикъ милкый, сухый, тонкый, у накожни клавъ кремни, такъ якъ ударывъ якогось Шеретюка пидъ груды, такъ у того поясъ лопнувъ и ножемъ зубы рознималы и водою одлывалы. На санкахъ одвезлы зъ ричкы, черезъ дви недили померъ. А то ставлять стилъ на лёду, снитынци складають 25 рублывъ, а лытвякивци и соби. Шкворя якъ поборовъ, получывъ 25 рублывъ, а лытвякивець мулъ пустывъ и зоставсь нежывымъ. Съ того часу закрылы кулачкы и бориння,—литъ мало не сто [1]).

2.

Якъ Снитынци былысь на гори надъ Сулою биля Плаксинець, батько мій стоявъ зъ парубкамы осторонь. Колы пидбига снитынець, якъ ударыть батька, такъ и кровь у его пишла зъ носа. Батько скынувъ кожухъ, накынувъ очамы де винъ, якъ розигнавсь, якъ ударывъ того снитынця, такъ винъ и розпластавсь на леду. Покынулы его тамъ, а снитынцивъ якъ овець погналы, ажъ у самый Снитынъ [2]).

3.

У Снитыни парафія зъ парафіею зчипалысь. Отець Васыль Кузьмыньскій [3]) бачыть у викно, шо позъ его бижыть куча-

---

[1]) Отъ Николая Ивахненка.

[2]) Тарасъ Печеный, хут. Церковнаго.

[3]) Священникъ м. Снѣтина конца XVIII и начала XIX в.

нынъ Макуха тай каже: „колыбъ мои лита вернулысь, ябъ его свыснувъ!“ А поповычъ стоить каже: „позвольте мени, батюшка!“—Ступай, каже отець Васыль. Поповычъ передивсь у просту одежу, а Макуха напротывъ бижыть, такъ той у бикъ якъ шеменувъ Макуху, той и упавъ [1]).

4.

До нашого дида грыще ходыло. Парубкы нанимають музыку на рождественныхъ празныкахъ, идуть на Сулу и крычять на Высачкивцивъ: „а, ну, выходить“. Ти выходять та якъ зачнуть кулачыцця, хахлацьки рукавыци понадивають та сбижацця; якъ хто упавъ, то того лежачого не бьють. А въ нашого дида юпка латана, винъ мовъ у подушци, якъ ударыть высачкивьскій чоловикъ, такъ не допкуля. Та ото якъ убылы двохъ чоловикъ Вовчане высачкивьскихъ, тай упретылы, щобъ не былыся [2]).

5.

Якъ есть высачкивьскы люды: Рысь та Баша, то Вовчанъ заганялы, а якъ нема, то Высачкивцивъ. Рысь не бывсь, а тилькы двыгавъ плечыма [3]).

6.

На валу въ Снитыни, де гуляе пидгоряньска челядь, выконують стилъ,—звецця дукъ челядскій. Посередыни сидають дивчата, а парни ихъ окружять. До ихъ у городокъ не можно ходыть кучанскимъ парубкамъ, а якъ зъ городка прыйдуть парубкы на кутокъ, то ихъ тамъ бьють. Чоловикъ трыдцять кучанскихъ парнивъ пишло на валъ. Кучане поздоровкалысь. Герасыменко й пыта: „зачимъ прыйшлы, собакивци [4]). Заразъ Акыма по пыци, у того и трубка вылетила зъ зубивъ, а якъ Акымъ давъ Герасыменку по пыци, той не встоявъ. Якъ пишлы его мисыть, такъ у рядни прынеслы додому, черезъ тры дни померъ [5]).

---

[1]) Иванъ Чухно.

[2]) Алексѣй Ковпъ.

[3]) Егоръ Бобоха, с. Исачекъ.

[4]) Прозваніе крестьянъ помѣщика П. Θ. Андреева, по уличному Собачника.

[5]) Николая Ивахненка.

Если, такимъ образомъ, основнымъ признакомъ крестьянскаго и козачьяго населенія снѣтинской и Волчковской волостей лубенскаго уѣзда представляется разнородность его состава, то, напротивъ, почти все мѣстное дворянство, кромѣ homines novi, путемъ разновременныхъ браковъ породнилось съ фамиліей Новицкихъ. Понятно, какой интересъ для исторіи края могли бы имѣть какія нибудь письменныя данныя объ этой фамиліи: мемуары, документы, письма; но за неимѣніемъ такихъ данныхъ поневолѣ приходится довольствоваться блѣдными, отрывочными, не всегда достовѣрными устными преданіями. Эти преданія знаютъ, напримѣръ, только о мускульной энергіи родоначальника Новицкихъ, полковника Ильи, да о его происхожденіи отъ польской рыцарской фамиліи, умалчивая о военной и административной дѣятельности этого выдающагося человѣка. По словамъ недавно скончавшейся столѣтней его правнучки Маріи Акимовны Андреевой, Ильяшъ поссорился съ миргородскимъ полковникомъ Даниломъ Апостоломъ изъ-за вопроса о родовомъ превосходствѣ и въ дракѣ выбилъ ему глазъ далеко не рыцарскимъ способомъ—кулакомъ. Крестьяне также передаютъ о слѣдующей расправѣ Новицкаго съ конемъ. Илья бувъ дуже сыльный. Купывъ винъ коня смырного и красывого. Понайиздылы гости; винъ йимъ и хвалыцця: якого я коня купывъ красывого. Повивъ гостей дывыцця на того коня, увиходыть у конюшню, выправывъ руку и вдарывъ коня по кряжу: „вотъ у меня лошадь". А кинь якъ хлыпонувъ его. Илья не здавсь та на кучера каже: а выведы мени его. Той узявъ вывивъ ему коня зъ конюшни. Такъ Илья завивъ кулакъ, якъ торохнувъ у лобъ, такъ кинь тилькы затрусывсь. Убывъ [1]).

О ближайшихъ потомкахъ Ильяша народная память не сохранила даже и такихъ воспоминаній, только помѣщики конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка представляются какими то неясными тѣнями; такъ, одинъ изъ предковъ угасшей вѣтви Новицкихъ—Федорянъ былъ пьяница. „Кажуть, иде старый пипъ отець Васыль Кузьмынскій; завернуть его до пана. Пье батю-

---

[1]) И. Чухно.

шка, покы схоче, а дали—тикать! то панъ крычыть: „а ну, хлопци, держить попа!" Его сынъ Павлусь или Павлыкъ былъ богатъ. „У его гроши якъ у Манька[1]) бочкамы стоялы; худобы багато, земли тожъ", но, несмотря на богатство, онъ былъ такъ скупъ, что для него по три раза разогрѣвали борщъ и нѣсколько дней держали жаренаго цыплынка, покуда не выбрасывали собакамъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ и тамъ заказывалъ себѣ только однихъ цыплятъ, предполагая, что и тамъ они такъ-же дешевы, какъ въ Снѣтинѣ. При такой скупости онъ долженъ былъ сурово относиться даже и къ мелкимъ имущественнымъ проступкамъ У него, послѣ извѣстнаго числа розогъ, истязаемому предъявляли кусокъ дерева и спрашивали: яке? Если послѣдній могъ еще отличить кленъ отъ береста, то наказаніе продолжали до потери сознанія. Послѣ такого наказанія человѣкъ похожъ бывалъ „на падлюку". „Люды одъ его тикалы безбашъ, мандрувалы. Де хатка—тамъ паниматка де прыхылыцця; чы въ лузи, чы де". Одинъ изъ братьевъ Павлуся былъ гораздо добрѣе, но за то „якъ тилькы пидійметця дивка на ногы, такъ и переведе". Послѣ такихъ тяжелыхъ сценъ, слушатель отдыхаетъ на разсказахъ о невинныхъ странностяхъ дѣтей бригадира Андрея Новицкаго, Иванѣ Новицкомъ и Иринѣ Хорватъ. Первый служилъ сначала при посольствѣ, а потомъ засѣлъ безвыѣздно въ Исачкахъ. Онъ никогда не одѣвался и ходилъ всегда только въ грубой рубашкѣ изъ десятки и такомъ же халатѣ. Повидимому, онъ былъ однимъ изъ собирателей земли. Сохранилось много купчихъ крѣпостей первой четверти текущаго вѣка о покупкѣ имъ отдѣльныхъ участковъ и цѣлыхъ имѣній у козаковъ сел. Волчка и Исачекъ и закладная о займѣ у него козакомъ Иваномъ Скороходомъ 60 руб. ассигн. подъ залогъ земли, стоющей 80 р., срокомъ на полтора мѣсяца, съ условіемъ оставленія земли заимодавцу при неплатежѣ въ срокъ, но въ народныхъ разсказахъ Иванъ Андреевичъ представляется кроткимъ („плохимъ") паномъ. Бывало смолотятъ люди пшеныцю, а утромъ сами же и заберутъ, а пану скажутъ, что свиньи съѣли.—А, супесови

---

[1]) Извѣстный богачъ лохвицкаго уѣзда.

кабаны, рѣшаетъ баринъ, ну, кабаны наши и пшеница наша! Еще большими причудами славилась Ирина Андреевна, болѣе извѣстная подъ именемъ генеральши Хорватъ, строительница литвяковской церкви, въ которой есть престолъ св. Ирины. Генеральша ѣздила въ гости въ сопровожденіи четырехъ лакеевъ, изъ которыхъ два вели ее подъ руки, а два шли за нею. Ей нравилось напоить этихъ лакеевъ и наслаждаться ихъ перебранкой. Домъ Хорватовой отличался широкимъ гостепріимствомъ, на пріемы съѣзжалось окрестное дворянство. Она одаряла гостей, и подарки были иногда чрезвычайно странные: глазетовые жилеты, напримѣръ. Среди обѣда входилъ крестьянинъ и, привѣтствуя Хорватову: здрастуй, Орышко! клалъ возлѣ нея кисетъ.—Я оце потрудывсь, начиналъ онъ разговоръ.—Може бъ ты, Омелько, полудновавъ? спрашивала генеральша.—Тай выпью чарку, отвѣчалъ послѣдній. Начиналось угощеніе. Этотъ переодѣтый крестьянинъ былъ шутъ. Шутовъ было тогда много, ихъ брали съ собой въ гости. Роль шутовъ исполняли заѣзжіе, поляки, даже какой-то унтеръ-офицеръ. Роль заключалась не столько въ остротахъ, сколько въ грубыхъ продѣлкахъ. Напримѣръ, одинъ изъ шутовъ, можетъ быть упомянутый унтеръ-офицеръ, придумалъ набросать въ кровати панночекъ мелко изрѣзанной конской шерсти для того, чтобы онѣ не спали всю ночь. Невзыскательное деревенское общество слушало разсказы такого шута съ наслажденіемъ. Едва онъ раскрывалъ ротъ, какъ на встрѣчу его шуткамъ уже появлялись улыбки и поощрительные взрывы смѣха. Обыкновенно такой шутъ обладалъ скуднымъ репертуаромъ нѣсколькихъ избитыхъ анекдотовъ, но долженъ былъ передавать ихъ въ лицахъ, изображая жидовъ, цыганъ, поповъ пьяныхъ, беременныхъ женщинъ. Въ хорѣ онъ могъ невзначай оглушительно взвизгнуть, во время танцовъ—проплясать козачка, исполняя самыя рискованныя па. Прадѣдовскіе обычаи сохранялись еще нѣкоторое время; въ началѣ текущаго вѣка сватовство производилось у пановъ посредствомъ старостъ, перевязанныхъ красными „гарнитуровыми" (изъ gros de Tours) рушниками, вѣнчались всегда утромъ. Благословляли молодыхъ образами мѣстной живописи. Вмѣсто короваля ставился на столъ большой пря-

никъ; молодого при выѣздѣ осыпали зернами, орѣхами и конфетами, которые хватали дѣти. Въ понедѣльникъ бывалъ еще и перезовъ. Когда Марія Петровна Новицкая выходила замужъ, въ началѣ столѣтія, перезовъ шелъ отъ двора Новицкихъ въ Лубнахъ черезъ весь городъ къ собору. Перезовъ вела Трофимовская. Дамы приплясывали по улицамъ, гукали и пѣли:

Велыкого лугу калына,
Чесного батька дытына...

Около того же времени стали измѣняться дѣдовскіе обычаи и языкъ. Лубенскій маршалъ Акимъ Андреевичъ Новицкій писалъ по-русски. Среди бумагъ сохранилась его записка сестрѣ на червономъ тузѣ:

Якимъ Аннѣ здоровья желаетъ,
Съ имянинами ее поздравляетъ
И хлѣбъ-соль отъ усердія посылаетъ.

А его единственная дочь Марія Акимовна, вышедшая замужъ за П. Ѳ. Андреева, напѣвала:

Бракъ прелесный воображала,
Какъ въ невѣстахъ я была,
Въ немъ все счастіе полагала
И прямыхъ утѣхъ ждала.

ГЛАВА III.

Хозяйственное положеніе населенія до манифеста 19 февраля 1861-го года.

Начало крѣпостного права и причины его возникновенія.—Изобиліе земли и ея плодородіе.—Недостатокъ капитала.—Невыгоды положенія козаковъ; закрѣпощеніе.—Распаденіе козаковъ на богатырей и безземельныхъ.—Голодные годы.—Свободный и крѣпостной трудъ.—Примѣръ большого хозяйства.

По народнымъ историческимъ воззрѣніямъ, изложеннымъ въ предыдущихъ главахъ, населеніе края начато козаками съ праваго берега Сулы и отсюда распространилось на лѣвый. Панская колонизація присоединилась къ козацкой позже, съ конца XVII в., когда Илья Новицкій сталъ закликать народъ, бѣжавшій съ праваго берега Днѣпра и заселять свои владѣнія. Такъ

началось крѣпостное право. Причиной его возникновенія не могъ быть, конечно, недостатокъ въ землѣ, которой было тогда вволю. Волостямъ снѣтинской, волчковской и части тиковской, прокармливающимъ теперь пятнадцатитысячное населеніе, легко было прокормить населеніе втрое и вчетверо меньшее [1]), довольствовавшееся незначительными запашками [2]) вслѣдствіе плодородія почвы. Съ десятины, дающей теперь какой нибудь десятокъ копъ, прежде ставилось—30 [3]). Арнаутка давала 8—9 пудовъ съ копны. Ячмень и овесъ не считались и хлѣбомъ. Человѣкъ выоретъ, бывало, десятину на баштанъ и не соберетъ. Бывали огромные арбузы. Батюшка однажды въ старину, выбирая арбузы, сталъ на колѣни, взялъ два арбуза подъ мышки, да не могъ уже и подняться. Вслѣдствіе незначительнаго спроса на землю, и цѣны на нее стояли низкія до размежеванія и освобожденія крестьянъ. Такъ, въ 1731 г. Григорій Кулябка скупалъ земли отъ Шелудченковъ и Кузьменковъ въ Волчкѣ и Áересточи по 1—80 коп. помѣрокъ [4]). Въ 1785 г. жилой грунтъ въ с. Литвякахъ проданъ за 6 руб. 50 коп. ассигн. и тамъ же 4 марта 1896 г. грунтъ въ восьмую часть десятины за 2 руб. на нашъ счетъ, а полевая земля постепенно росла въ цѣнѣ отъ 4 руб. за десятину въ первой четверти настоящаго столѣтія до 15 руб. предъ освобожденіемъ. Козакамъ не было тогда и надобности покупать землю, такъ какъ наемная плата за пользованіе ею была ничтожна. Можно было выкосить травы на 7, 8, даже 20 копенъ за уго-

---

[1]) Въ половинѣ XVIII в., когда населеніе осѣлось и сохранились исповѣдныя росписки въ архивахъ мѣстныхъ церквей, населеніе Снѣтина не превышало 1000 душъ (теперь тамъ 2661), Хорошковъ въ 1744 г.—793 (теперь 2300), Исачекъ—500 д., (а теперь 1371) и Литвяковъ въ 1832 г.—2053, а теперь въ 1896 г., вмѣстѣ съ хуторами въ приходѣ—3819 душъ.

[2]) Въ XVIII выходило орать по разсказамъ старожиловъ с. Литвяковъ, слышавшихъ отъ предковъ, 15 плуговъ въ Литвякахъ, гдѣ теперь пашетъ 300 плуговъ.

[3]) Кулишъ. Зап. о Южн. Руси, т. I, стр. 144. 40 коп. ставилось на одномъ днѣ оранки.

[4]) Лазаревскій. „Кіев. Стар." 85 г. V, стр. 8.—Послѣдующіе факты взяты изъ документовъ. Особенности ихъ: неточность измѣренія, напр. день оранки, упругъ, на 1-го косаря, иногда вмѣсто мѣры только перечисленіе границъ и включеніе могорыча въ договоръ.

щеніе владѣльца квартой водки [1]). Еще и въ 40-хъ годахъ хозяинъ предоставлялъ даровое пользованіе перелогомъ съ условіемъ выорать за то эту землю подъ гречиху. Половинщики отдавали вначалѣ 7—10 копну урожая хозяину, затѣмъ третью часть рольи или борозды хозяину и только предъ манифестомъ—половину [2]). Жали за 3-й снопъ, молотили за 4—5 коробки [3]). Основная причина крѣпостного права лежала, такимъ образомъ, не въ затруднительности доступа къ землѣ, а въ недостаткѣ средствъ у части переселенцевъ для самостоятельнаго веденія хозяйства — въ недостаткѣ капитала. По крестьянскимъ свѣдѣніямъ паны давали первымъ поселенцамъ воловъ и другой инвентарь, да и самый отработокъ въ началѣ былъ легокъ. Пановъ было мало, крестьянинъ, бывало, только помогаетъ имъ: поработаетъ день, а женщина другой—и будетъ. Требинскіе за Лубнами предлагали во второй половинѣ XVIII в. крестьянамъ въ пользованіе 3 дес. пахати, 1 дес. сѣнокоса, лѣсъ и очеретъ за отработокъ 18 дней въ году [4]). Вообще же отбываніе панщины заключалось тогда въ десятинѣ урожая въ пользу пана, перевозкѣ ему дровъ и сѣна и 2-хъ рабочихъ дняхъ въ недѣлю [5]). Вслѣдствіе такихъ льготныхъ условій панщины, и козаки стали „пидлазыть пидъ панивъ" для избѣжанія походовъ и платежа на консистентовъ и распродавали земли помѣщикамъ по безденежнымъ купчимъ [6]). Такъ получились непонятные на первый взглядъ факты: владѣніе семьями крестьянъ сел. Литвяковъ по 30—80 дес. земли [7]). Такое подданство козаковъ могло быть въ началѣ вполнѣ фиктивнымъ, тѣмъ болѣе что и въ послѣдующее время крѣпостные имѣли право посылать вмѣсто себя на работы наймита и наймичку. Обыкновенно че-

[1]) Въ Снѣтинской церковной книгѣ замѣчено: Иванъ взявъ травы въ острови на 3 пятака.

[2]) Короновск. Полт. Вѣдом. 90 г., № 47, стр. 2.

[3]) Теперь 7—8 снопъ отработкомъ и 9—10 коробки тамъ, гдѣ удержался еще этотъ способъ умолота.

[4]) „Кіевск. Стар." 96 г., № 9, стр. 220.

[5]) Мякотинъ. Прикр. крест. въ Малор. Русское Богатство 94 г. № 2, стр. 37.

[6]) Тепловъ въ Зап. о Ю. Руси т. 2, стр. 181 и 182.

[7]) Пузырька владѣли—80, три семьи Бойковъ по 50 дес. каждая, Кумонки—50 и Юрченки—30 дес.

тыре хозяина нанимали тогда одного наймита. Самыя взысканія съ козаковъ производились крайне сурово. Сборщики вели неисправнаго плательщика къ рѣкѣ на ледъ и обливали водой „покы вона замерзне на голови якъ на стриси.“ Отъ рѣки приводили назадъ, держа за усы съ обѣихъ сторонъ. Производили также „закуцію“, т. е. разоряли печь, выбивали окна, наливали въ хату воды и топили вещи. „Давнійшъ по козакахъ було не добре жыть—драча велыка“, замѣчаютъ по этому поводу старожилы. Подобныя мѣры заставляли козаковъ „пидходыть пидъ панивъ“, но закрѣпощеніе скоро стало безповоротнымъ, такъ какъ помѣщики рядомъ ограничительныхъ мѣръ: запрещеніемъ продавать посполитымъ землю безъ согласія владѣльца, соглашеніемъ послѣднихъ не принимать отходящихъ крестьянъ, арестомъ крестьянской семьи и имущества [1]), еще до прекращенія въ 1783 г. вольнаго перехода сдѣлали его практически невозможнымъ. Два разсказа изъ крестьянскихъ фамильныхъ преданій такими чертами рисуютъ картину этого переходного состоянія.

1.

Попереду уси булы вильны, а жыть було оскудно, коло панивъ лехше. Чоловикъ помогае пану робыть. У Снитыни худо, йде въ Жданы [2]),—покы панъ не запысавъ у свою кныжку. Мій дидъ такъ пидійшовъ, а якъ стало худо, то винъ хотивъ утекты на Запорожжя отакъ, якъ теперъ у Таврію ходять. Винъ тамъ побувъ та хотивъ забрать и семейство. Вернувсь, зайшовъ у шынокъ, поздрастувавсь, выпывъ. Тутъ доложылы до пана, поставылы сторожу на ничъ. Такъ винъ поборсувавсь ничъ, пійшовъ до пана тай помырывсь и не пысавъ уже на Запорожжя. Такъ було росказують батько [3]).

2.

Дидъ мій бувъ козакъ Прыхидько, Иванъ Михайловычъ. Такъ якъ тоди тисно було жыть козакамъ,—за подушне прыти-

---

1) Мякотинъ Рус. Бог. 1894 г. № 2, стр. 37. Рубанъ. Кратк. лѣтопись. XXVII.

2) Село лохвицкаго уѣзда.

3) Отъ Григорія Науменка (Кесхичьки) м. Снѣтина.

снялы, то дидъ вертивсь, вертивсь, тай пидійшовъ пидъ помищыка, такъ не скажу пидъ якого. Якъ пожылы съ пивгода, ставъ и панъ прытиснять. Дидъ утикъ, панъ давай ёго ловыть. Дидъ, утикавши, упавъ вночи у горлату яму, а тамъ була насыпана зола зъ огнемъ. Дидъ терпивъ, терпивъ та ставъ крычать: рятуйте! Вытяглы дида и заперлы въ острогъ. Черезъ то его и сталы звать Печенымъ. Дидъ зъ острога утикъ, за нымъ салдаты, винъ у воду пидъ лататтяи цилый день сыдивъ въ води, такъ и запысалы: втопывсь. Дидъ, диждавшы вечора, подавсь дали. Пидъ Жданамы, якъ стало розвыдняцця, дидъ сховавсь у купку конопель. Жинка прыйшла брать конопель, злякалась, думала: анцыфиръ [1]), крычыть: рятуйте! Дидъ каже: Богъ зъ тобою, молодыце, дай кусокъ хлиба та никому не хвалысь. Досыдивъ дидъ до вечора, упять хода на Лытьвяки до генеральши Хорваткы. Вона вырядыла йихъ у Путывцивъ хуторъ за хазяина. Дидъ жывъ тамъ бильше 40 литъ. Хорватка передъ смертю напысала ему волю, а не утвердыла судомъ, а дворови сказылы: „якъ намъ нема воли, той ему не треба! Тай спалыли дидову волю [2]).

Эти разсказы и раньше приведенные примѣры Иванчанъ и Моргуновъ доказываютъ, что паны прошлаго столѣтія, помимо косвенныхъ мѣръ, старались обращать козаковъ въ посполитыхъ и насильственными способами. Въ Снѣтинской волости, гдѣ жили болѣе богатые и вліятельные паны, эти стремленія сопровождались успѣхомъ: почти всѣ козачьи роды были порабощены или вытѣснены изъ Шекъ, Хорошковъ и отчасти Снѣтила; въ Литвякахъ же, гдѣ поселились менѣе значительныя отрасли Новицкихъ, козаки удержались и составляютъ половину населенія, а въ Волчкѣ и Бересточѣ, въ которыхъ не было имѣній Новицкихъ, козаковъ подавляющее большинство. Но и козачество въ свою очередь разложилось на бѣдняковъ и богатырей. Богатыри имѣли довольно значительныя поземельныя владѣнія; за Линывыми, напр., числилось до 300 дес. земли въ урочищахъ: „Фалевомъ“ и „Гаю“, большая пасѣка, много скота, денегъ. Ихъ богатство объясняли даже знакомствомъ съ дьяволомъ. Голодные годы:

---

[1]) Люциферъ.

[2]) Отъ Тараса Печеного, изъ хут. Церковнаго.

1833, 34 и 48 еще больше усилили имущественную разницу. Воспоминанія объ этомъ времени живо въ народной памяти. Въ 1833 г. посѣвы ржи, пшеницы и ячменя совсѣмъ не взошли; пропалъ даже картофель. На житахъ уродила лобода, какъ лѣсъ. Народъ сжалъ лободу, засыпалъ въ коши и кормился ею цѣлый годъ. Къ хлѣбу подмѣшивали полову и жолуди, въ гречаную муку—золу, въ ржаную—бѣлую глину. Ѣли хлѣбъ изъ проса и овса, а за неимѣніемъ его—высивки, мякины изъ пшена. Бураки квасили съ зеленью (гичью), терли и ѣли почки липы и щавій (Rumex obtusifolius или crispsus). Пили соленую воду. „Батько купылы хлибъ у Лохвыци,—разсказывала бабуся, сама въ дѣтствѣ распухшая отъ голода до пояса,—диты радіють, скачуть, колы розризалы,—ажъ полова: тилькы зисподу и зверху коржъ." Бывали и случаи голодной смерти. „У чоловика тоди вмерло двое дитей. Лежать воны день и два, нихто не йде хоронить, шо въ того чоловика нема хлиба. Винъ у волость, та ажъ тоди поховалы." На слѣдующій годъ люди собирали уже хлѣбъ гдѣ ни попало: „не було мого й твого", а сходъ помѣщалъ жать къ хозяевамъ обѣднѣвшихъ козаковъ за третій снопъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ паны успѣвали прокормить крестьянъ, въ другихъ разрѣшали продажу земли на прокормленіе. Тогда пала цѣнность земли до 2 руб. за десятину; былъ случай уступки земли за 2 коробки сухарей. „Съ 33 и 34 годовъ, говоритъ Короновскій, когда былъ голодъ, цѣна земли достигала 10 руб. ас. за десятину, и тогда явились крупные поземельные собственники изъ крестьянъ и козаковъ и много безземельныхъ" [1]). Параллельно паденію цѣнъ на землю, шло вздорожаніе хлѣба въ 10, даже 20 разъ противу нормы. Пудъ ржаной муки стоилъ 1 руб. 50 к., а печенаго хлѣба—7 коп. фунтъ, и продавецъ, боясь отпустить большее количество, тутъ же откусывалъ и съѣдалъ лишній кусочекъ. Необходимо припомнить, что такія цѣны на хлѣбъ появились тогда, когда рядная плата была еще крайне низка: мужчина получалъ тогда 10—15 руб. [2]), женщина [3]) 8—

[1]) Полт. Вѣд. 90 г., № 47, стр. 3.

[2] и [3]) Коронов. Полт. Вѣд. 90 г., № 48, стр. 2.

10, парень 5—7 и дѣвушка—2 руб. въ годъ. Тогда чаще служили за одежду. Напримѣръ, женщина за годовое услуженіе получала: кожухъ, плахту, пару запасокъ и скатерть, дѣвка—юпку, 2 запаски и на сорочку полотна; подростки служили годъ за чоботы или запаску, полотно на сорочку. Поденная заработная плата не превышала тогда 6—10 коп. жнецу или косарю, 3—5 коп. гребцу, 1$^1/_2$—3 коп. погоничу въ день. Въ петровку бабы пряли цѣлый день за 1$^1/_2$—3 коп. Таковъ былъ вольнонаемный трудъ. Обязательный трудъ представляется въ первой половинѣ текущаго вѣка въ такихъ чертахъ: норма панщины, три дня въ недѣлю, соблюдалась не во всѣхъ среднихъ и небольшихъ имѣніяхъ, на которыя распалось наслѣдіе Ильяша Новицкаго. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьяне работали 4 дня помѣщику, а пятницу и субботу себѣ. Случалось, что люди располагали лишь однимъ днемъ въ недѣлю для себя, тогда какъ вначалѣ крѣпостного права, наоборотъ, должны были отбыть только одинъ день въ недѣлю владѣльцу. Въ страдную пору порядокъ работъ измѣнялся. На косовицу выходили всѣ, толокой, и косили весь іюнь пану; крестьяне по $^1/_2$ дес. въ день или 2 дес. въ 5 дней; женщины гребли скошенное сѣно. Въ жатву баба жала 2 копы, 2 копы 15 сноповъ, а кормящая грудью дитя—1$^1/_2$ к. въ день ржи и озимой пшеницы, а ярины—по 2$^1/_2$ копны. Въ одной изъ экономій накидали даже по 4 копы въ день женщинѣ и аккуратный нѣмецъ самъ измѣрялъ шнуркомъ снопы. „Ничь вызволяла, мисяцъ зійде и зайде, а мы жнемо“, разсказывали крестьянки. Тягловые обязаны были перевезть 30 копъ въ день. Земля пахалась преимущественно крестьянскими плугами, такъ какъ половина крестьянъ была тягловыми. Женщины, кромѣ обыкновенныхъ полевыхъ работъ, должны были еще спрясть въ три срока: въ Филипповку, мясоѣдъ и великій постъ по 60, а въ нѣкоторыхъ экономіяхъ и по 90 пасомъ пряжи. При такомъ размѣрѣ обязательной пряжи, женщины не могли одѣваться такъ, какъ теперь; прилежныя имѣли по 3 рубашки, лѣнивыя—одни рубцы. Въ жатву виднѣлись черныя молодицы съ голыми плечами, едва прикрытыя запасками. Положеніе крестьянъ видно яснѣе на примѣрѣ большого свѣтинскаго хозяйства. Стараго

хозяина, Лубенскаго маршала, Акима Новицкаго народныя воспоминанія изображають добрымъ, снисходительнымъ паномъ, при которомъ людямъ жилось сносно. Дочь его, Марія Акимовна, вышла замужъ за П. Ѳ. Андреева и принесла ему большое приданное: половину Снѣтина, Исачки и нѣсколько хуторовъ. Въ этомъ свободномъ отъ долговъ имѣніи числились: винокуренный и селитренный заводы, стадо холмогорскаго скота въ 40 коровъ съ 3-мя быками („одынъ муругый, два перыстыхъ"), конскій заводъ съ 5-ю жеребцами, испанскія овцы. На работу выходило 10 экономическихъ и 15 крестьянскихъ плуговъ. Рядомъ нововведеній Андреевъ совершенно измѣнилъ такое положеніе вещей. Онъ завелъ: крахмальную, бумажную, табачную и сигарную фабрики, на которыхъ работало до 500 рабочихъ подъ руководствомъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ. Ему же приписываютъ введеніе табаку въ лубенскомъ уѣздѣ, для чего вывезены сѣмена и табачникъ изъ м. Срѣбнаго, и первый посѣвъ сдѣланъ въ 1817 г. Желая избѣжать посредничества табачныхъ купцовъ, онъ же задумалъ отослать табакъ своихъ плантацій прямо въ Ирбитъ (по словамъ крестьянъ „въ Казанъ-городъ") на 25-ти конныхъ повозкахъ съ подводчиками изъ крѣпостныхъ, но предпріятіе это, какъ видно, было плохо организовано: денегъ не хватило, подводчики кинули табакъ гдѣ то на заѣзжемъ дворѣ, распродали возы, сбрую, лошадей и возвратились далеко не всѣ. Такія широкія, неудачныя предпріятія и жизнь не по средствамъ, напримѣръ содержаніе 360 собакъ, привели къ полному разстройству дѣлъ и обѣдненію крестьянъ, которые должны были работать для себя по ночамъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ оставалось по одному только волу, а у большинства ни одного; одна корова приходилась на три двора, а лошадей въ Снѣтинѣ можно было найти развѣ у козаковъ. Вдова Петра Ѳедоровича, Марія Акимовна также очутилась въ плачевномъ положеніи. Настали голодные годы, люди разбрелись въ разныя стороны: были у священниковъ, ремесленниковъ, даже у евреевъ. Пятнадцать мальчиковъ отработывали въ Харьковѣ у Богомолова за долгъ покойнаго Андреева. Марія Акимовна думала помочь горю, устроивъ маленькій опытъ гинайкократіи. Вся администрація: приказчики,

десятники, табачники, ключники назначались изъ женщинъ, которыя имѣли право и посѣкать крестьянъ. Гинайкократія не помогла, и уже сыну Петра Өедоровича пришлось собирать разбитую храмину, но дѣятельность этого сына принадлежитъ большею частью другому времени, когда манифестъ 19 февраля принесъ съ собой новую весну, и потому не войдетъ въ настоящую статью.

В. Милорадовичъ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ [1].

(1846—1877 г.г.).

6.

С.-Петербургъ, 1846, сент. 16.

Я не зналъ, что Общество Ваше пользуется благодѣтельнымъ правомъ собственной цензуры. Прошу-жъ освободить изъ-подъ лапы Никитенка: 1, заглавіе разсказа объ *Уніи*, замѣненное по неволѣ другимъ, 2, въ разсказѣ о Степанѣ Плахѣ и царѣ Петрѣ освободите все зачеркнутое имъ, а потомъ уже, для складу, и мною. Окончаніе этого преданія прекрасно, но какъ Никитенко нѣкоторыя строки замаралъ, такъ я уже съ досады и все его зачеркнулъ. Вы-же воскресите. 3, Въ *Очаковской бѣдѣ* не упустите поставить рядъ точекъ на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, послѣ которыхъ слѣдуютъ восклицанія: «О, якъ-же не гарно лаеться»! или: «такъ и ляпнувъ на всю губу» и т. п. Да нельзя-ли поневолѣ вымышленнаго *Верходумови* напечатать вездѣ: *Потемкинъ?*—ибо этотъ разсказъ къ нему относится. Извѣстно, что Потемкинъ любилъ загинать по-московски. Вмѣсто *вельможнаго* нужно въ такомъ случаѣ напечатать: *свѣтлѣйшій.* Прочія преданія зачеркнуты мною по особеннымъ причинамъ, и ихъ печатать не надо. Я думаю, цензура Ваша позволитъ напечатать и *Путешествіе по другому свѣту.* Очень буду радъ. Я цѣню его высоко. Изъ прочихъ религіозныхъ преданій напечатайте, что можно, и въ такомъ случаѣ помѣстите ихъ по оглавленію, которое поневолѣ переправлено.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 9.

Милутиновишь мнѣ очень понравился, но какъ я живу въ одной комнатѣ, то не могъ помѣстить его у себя. Я надавалъ ему только книгъ для сербскихъ библіотекъ.

Лѣтопись Іозефовичева дѣйствительно доведена до конца, но я уже не писалъ къ нему, потому что писалъ объ этомъ два раза и сказалъ все, что только могъ. Если онъ такъ безпеченъ, или холоденъ, или безчувственъ, или глупъ, что не исполнитъ моей просьбы по тѣмъ двумъ письмамъ, то напрасно больше и писать къ нему. На него можно подѣйствовать развѣ дубиною.

Прошу меня увѣдомить, какая гостинница ближе къ Вашей квартирѣ? Я, можетъ быть, проживу въ Москвѣ мѣсяцъ и два. Хочу у Васъ кое-чему поучиться и прочитать по Вашему указанію все, что мнѣ необходимо прочитать. Да еще хочу поработать въ Вашемъ архивѣ для своей Черной Рады. Хочется мнѣ, чтобъ это былъ не вымыселъ, а истина, до чего уже я достигъ значительно.

Что Вы на это скажете, еслибъ я изъ Москвы отправился въ Харьковъ для доставленія Вамъ оттуда всего, что у Харьковцевъ есть. Если они такъ малодушны, что не рѣшаются передать Вамъ своихъ рукописей, то не думаю, чтобы были такъ низки, что не позволятъ списать ихъ человѣку, нарочно для того пріѣхавшему. Можетъ быть я тамъ рѣшу вопросъ о пѣсняхъ. Какъ гнусна такая недовѣрчивость, необщительность и какая-то безсмысленная любостяжательность.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Прошу Васъ сообразить, сколько мѣста займетъ въ Вашемъ журналѣ Черная Рада на украинскомъ языкѣ. Она объемомъ равна Михайлу Чарнышенку, но вспомните, что Чарнышенко разгонисто напечатанъ. Можетъ-ли она быть помѣщена въ одномъ нумерѣ? Ее хотѣлъ бы я напечатать во время пребыванія въ Москвѣ. Нѣсколько экземпляровъ этого романа проложили-бы мнѣ путь въ самыя суровыя Харьковскія души, и многое устроилъ-бы я на пользу исторіи и словесности нашей.

7.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 8.

Что это Вы замолкли, почтеннѣйшій Іосифъ Максимовичъ? Мнѣ нужно знать, открыли-ли Вы въ Вашемъ журналѣ новый отдѣлъ и можетъ-ли *Черная Рада* быть напечатана въ немъ вся вдругъ и немед-

ленно по пріѣздѣ моемъ въ Москву, т. е. около 15 ноября? Если нѣтъ, то я отдамъ ее заблаговременно здѣсь въ цензуру и, по пріѣздѣ въ Москву, немедленно приступлю къ изданію ея на свой счетъ. Для меня это сдѣлалось вопіющею потребностью. Не могу долѣе переносить, что послѣ повѣстей Основьяненка мы, малороссіяне, совсѣмъ уснули со своею литературою. Откладывать же до возвращенія изъ заграницы слишкомъ долго. Итакъ покорнѣйше прошу Васъ обстоятельно меня обо всемъ увѣдомить.

Кстати: оттиски мои Лѣтописи Самовидца покорнѣйше прошу разослать не такъ, какъ я прежде писалъ, а слѣдующимъ образомъ:

1, 50 экземпляровъ передать въ лавку Москвитянина.

2, 100 экземпляровъ отправить въ Кіевъ М. Вл. Юзефовичу.

3, 50 экземпляровъ въ Петербургъ его высокородію Павлу Петровичу Максимовичу на Васильевскомъ островѣ въ 12-ю линію между большимъ и среднимъ проспектомъ въ собственномъ домѣ.

4, 30 экземпляровъ въ Харьковъ профессору Амвросію Лукіяновичу Метлинскому.

5, 5 экземпляровъ въ Чигиринъ Михайлу Антоновичу Грабовскому.

6, 10 экземпляровъ въ Екатеринославъ губернскій Григорью Тимофеевичу Мизко.

7, 40 экземпляровъ въ Черниговъ Ѳедору Андреевичу Китченку, инспектору гимназіи.

8, 15 экземпляровъ оставить для меня. Если нужно будетъ дать нѣсколько экземпляровъ въ цензурный комитетъ, то прошу Васъ отдѣлить нужное число отъ 4 посылки, т. е. отъ 30 экз. назначенныхъ Метлинскому.

Когда оттиснутся преданія, покорнѣйше прошу поступить съ ними точно также.

На оберткѣ Лѣтописи Самовидца и Преданій прошу напечатать: цѣна 1 р. сер.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Приложенное при семъ примѣчаніе надобно припечатать въ преданіяхъ въ началѣ. Прошу Васъ при корректурѣ ввести вездѣ Ваше є. Да еще нужно ставить апострофъ въ такихъ словахъ, какъ *пан' отець*, *к'зна що* и т. п.

Дѣло мое вотъ-вотъ окончится въ Комитетѣ Министровъ. Я пробуду здѣсь для приготовительныхъ занятій еще съ мѣсяцъ.

Еще прошу послать два экземпляра Лѣтописи Самовидца, а потомъ и преданій въ Богуславъ, кіевской губерніи, священнику мѣстечка Стеблева отцу Симеону Левицкому, да 2 экз. въ Каневъ священнику о Александру Андреевскому. Все это добрые люди и полезные. Прилагаются письма къ обоимъ священникамъ; Вы вложите въ книги.

Уже готовъ былъ отправить письмо это, какъ получилъ книжку *Чтеній.* Предисловіе Ваше мнѣ нисколько не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что оно необходимо. Любопытно знать, когда выйдетъ конецъ Лѣтописи Самовидца! Меня сильно занимаютъ варіанты и дописки.— Спаспби-жъ вамъ, да й вельми спаспби!

Пише й до мене Срезн. те-жъ саме, ажъ нудно читать. Де що роскажу про его дуже погане, якъ побачимось.

За Самовидца я виноватъ; по-вопервыхъ, я не зналъ, что списокъ Костомарова не полонъ и не точенъ, во вторыхъ, я давно уже просилъ Юз. о присылкѣ мнѣ своего, и нимало не сомнѣвался въ томъ, что еще успѣю доставить Вамъ конецъ.

Бант.-Кам. видно добрый человѣкъ; спаси ёго, Господи, за се!

Ожидаю отвѣта, долженъ-ли я идти къ цензору съ *Черною Радою?*

О Липовскомъ я уже зналъ. Горе!

П. К.

Зам. о *Лѣт. Самов.* на стр. 27, столб. 1, стр. 35, *Яко молодою лѣта Хмельницкаго.* Смотрите, не *молодолѣта-ли?* Выше строка 30, вмѣсто *лживость*—нужно *хтивость.*

Примѣчаніе къ преданіямъ. Буквы â, ê, û, î, ô, ý со значками должно читать какъ русское *и;* букву *е* должно читать какъ французское *е*, а букву *є*, какъ русское *е;* букву ѣ должно читать, какъ русское и; окончаніе *ться* должно читать *цьця.*

8.

С.-Петербургъ, 1846, окт. 18.

Дней черезъ пять Вы получите отъ меня критическій разборъ Лѣтописи Самовидца, который покорнѣйше прошу Васъ оттиснуть въ концѣ и при отдѣльныхъ 300 экземплярахъ.

Ожидаю отъ Васъ извѣстія о томъ, открыли-ли Вы новое отдѣленіе въ журналѣ? Скоро-ли можетъ выдти 2-й № *Чтеній?* Сколько нужно за переверстку преданій въ маленькія страницы, которыхъ бы

изъ каждаго столбца вышло двѣ? Можетъ ли поступить въ печать *Черная Рада* къ тому времени, какъ я пріѣду въ Москву? Въ противномъ случаѣ я хочу печатать ее на свой счетъ и потому заблаговременно долженъ обратиться къ цензору. Ожидаю отъ Васъ извѣстія.

Дѣло мое подписано наконецъ Государемъ, и я скоро надѣюсь получить отъ академіи бумагу. Можетъ быть, не долго потомъ проживу здѣсь: мнѣ нетерпѣливо хочется видѣться съ Вами.

Вмѣстѣ съ критическимъ разборомъ Вы получите еще двѣ вещицы: 1, проэктъ объ уничтоженіи Греко-Россійской вѣры въ польскихъ областяхъ, представленный Польскому правительству въ половинѣ XVIII вѣка однимъ ксендзомъ іезуитскимъ. (Можетъ быть и подложный, но тѣмъ не менѣе любопытный, какъ орудіе, къ какимъ прибѣгали преобразователи Польши) 2, Объ устройствѣ панскихъ домовъ, дворовъ и земель въ сѣверной части Черниговской губерніи въ половинѣ XVIII вѣка, статья, составленная мною по бумагамъ, полученнымъ отъ А. И. и М. И. Ханенковъ.

Недавно я послалъ Вамъ замѣтки при чтеніи печатной Лѣтописи Самовидца, для помѣщенія въ число опечатокъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

9.

С.-Петерб., 1846, окт. 18.

Наконецъ я уволенъ отъ службы. Думаю скоро ѣхать въ Москву. Что Вы на это скажете? Здѣсь я, не имѣя руководителя, буду биться въ *чтеніи*, какъ путникъ въ снѣгахъ безъ дороги; а въ Москвѣ Ваши указанія облегчатъ мнѣ приготовительныя занятія. Не правда-ли?

Въ цензуру *Черной Рады* отдавать теперь уже некогда. Не лучше ли будетъ, если я поручу ее Вамъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ»? Зачѣмъ хлопотать мнѣ самому, когда у меня есть такой славный издатель? Экземпляръ русской Черной Рады, совершенно готовый къ печати, я оставилъ у Плетнева. Если бы Вы нашли охотника купить право перваго изданія за 1000 руб. сер., наличными деньгами, то пусть обратится къ Петру Александровичу. Ожидаю отъ Васъ извѣстія и спѣшу къ Вамъ; впрочемъ, буду не раньше, какъ черезъ 2 недѣли.

Въ предыдущемъ письмѣ я просилъ Васъ о присылкѣ мнѣ сюда первыхъ засѣданій Вашихъ «Чтеній». Несмотря на мой скорый выѣздъ, я прошу Васъ не откладывать присылки оныхъ. Также и оттиски *Лѣтописи Самовидца* желалъ-бы я получить до отъѣзда, почему можно ихъ выслать прямо на мое имя.

Вашъ П. Кулѣшъ.

10.

Октября 21, 1846.

Пожалуйста не удивляйтесь моимъ странностямъ. Недостатокъ нѣкоторыхъ матеріаловъ и скудость времени, которое употребляю на занятія, необходимыя для моего путешествія, заставили меня отложить разборъ *Лѣтописи Самовидца.* Итакъ печатайте безъ разбора. Послѣ можно будетъ потолковать о ней основательнѣе, когда напечатаются другіе источники.

Вашъ П. Кулѣшъ.

Двухъ обѣщанныхъ статей не посылаю, потому что самъ могу привезти ихъ. Торопиться не для чего.

11.

С.-Петербургъ, Октября 22, 1846.

У меня тутъ есть давній мой знакомый и соученикъ, нѣкто Сердюковъ, человѣкъ неизвѣстный, но великій любитель и знатокъ Украинской исторіи. Онъ-то заохотилъ было меня къ критическому разбору нѣкоторыми своими замѣчаніями весьма дѣльными. Когда жъ я, увидѣвъ, что эта работа поглотитъ послѣдніе дни пребыванія моего въ Петербургѣ, отложилъ ее, онъ взялся самъ за это дѣло и готовитъ обширную статью, въ которой между прочимъ, на основаніи Симб. Сборника и другихъ источниковъ доказываетъ, что сочинитель *Лѣт. Самов.* былъ Ракушка, сотникъ, а потомъ протопопъ. Мнѣ кажется, Вамъ лучше всего—напечатать ее безъ истолкованія; а я съ нимъ поговорю, и можетъ быть онъ согласится напечатать свою статью въ «Чтеніяхъ». Если согласится, то я напишу Вамъ, когда именно Вы получите отъ меня его рукопись.

Раду постараюсь поскорѣе доставить цензору. Не можете-ли Вы мнѣ сказать, во сколько времени могутъ у Васъ, въ Москвѣ, напе-

чатать ее? Соображаясь съ этимъ, я отниму нѣсколько дней отъ Петербурга, чтобы пробыть подолѣе въ Москвѣ.

Не сдѣлаютъ ли мнѣ препятствія паэрки (ʌ) и ударенія? Есть-ли они для буквъ и̂, у̂, ê и пр. Если бы у Васъ нашелся исправный въ поставленіи бумаги и типографскихъ пособій книгопродавецъ, то я уступилъ бы ему романъ за извѣстное число экземпляровъ. Онъ долженъ только обязаться поставлять въ недѣлю столько то печатныхъ листовъ, чтобы не задержалъ меня въ Москвѣ. Чѣмъ больше дастъ онъ мнѣ экземпляровъ, тѣмъ лучше; впрочемъ я согласился бы за третью часть завода. Экземпляры должны быть брошюрованы на его счетъ и къ сроку. Если угодно, потолкуйте съ кѣмъ-нибудь. Еще условія: хорошая бумага, какой мнѣ угодно форматъ и хорошій шрифтъ.

Если же Вы найдете, что съ книгопродавцами невозможно будетъ уладить этого дѣла, то я Васъ покорнѣйше буду просить взять для меня въ долгъ бумаги на 1200 экз., а я Вамъ для расплаты съ купцомъ деньги вышлю черезъ полгода. На печать же у меня деньги есть.

Покорнѣйше прошу Васъ выслать мнѣ прежніе номера «Чтеній». Я думаю, Вы можете сдѣлать это безплатно. Да если бъ еще немедленно!

Вашъ П. Кулѣшъ.

P. S. Подъ именемъ «Исторіи о презѣльной брани» Костомаровъ разумѣетъ Лѣтопись Грабянки, которой авторъ ему былъ неизвѣстенъ. Я ему сообщилъ его имя. И такъ, если Вы получили отъ кого-либо полный списокъ, то и можете тамъ отыскать его ссылку.

12.

С.-Петербургъ. 1846, ноября. 2.

Готовлюсь къ отъѣзду. Если не начали печатать преданій, то перемѣните правописаніе такъ: выбросьте всѣ *â*, *ê*, *ô*, *у̂*, *ѣ* и на мѣсто ихъ поставьте *й*, также окончаніе *ться* перемѣните на *цьця*, *нья* на *ньня* и т. д. Ваше *е* остается во всей силѣ. Не удивляйтесь такой внезапной перемѣнѣ вѣры. Я давно подумывалъ объ этомъ. Ахъ, да! Еще нужно выбросить вездѣ *ы* и на мѣсто его поставить простое *и*. Звукъ ы не украинскій.

Вашъ П. Кулѣшъ.

13.

С.-Петербургъ, 1846 г. ноября 7.

Покорно Васъ благодарю за первые четыре №№ «Чтеній». Въ то же время я получилъ тюкъ изъ гимназіи и нашелъ въ немъ: 1, экземпляръ засѣданія 28 сентября и 2—4 экз. четырехъ сочиненій Венелина. Письма при тюкѣ не было, и я не знаю, для меня ли присланы эти книги, или для какого-нибудь употребленія. По крайней мѣрѣ знаю, что одинъ экземпляръ для меня. Покорно благодарю!

Я уже писалъ къ Вамъ, что Украинскую «Черную Раду» напечатаю у Васъ. Что касается до русской, то оставлю до возвращенія изъ заграницы. Не хочется напрашиваться съ своимъ добромъ къ Погодину. Надъ Лѣтописью Самовидца Вы потрудились славно! Благодарю Васъ отъ лица всей чувствующей себя Малороссіи. Я уже двѣ недѣли свободенъ отъ своихъ должностей, но Академія дѣйствуетъ чрезвычайно медленно. А все дѣло только въ томъ, чтобы выдать мнѣ бумаги. Придется просидѣть здѣсь до конца Ноября, что очень скучно: ни то дома, ни то въ дорогѣ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

14.

Коханый и шановный нашъ
Осипъ Максимовичъ!

Панъ Юзефовичъ исказавъ, що за тымъ не можна теперечкы перевесты Вашого брата на друге мѣсце, що тамъ учитель мае свій двиръ и оселю; дакъ жаль зруйноваты чоловика; а скоро лучицця, заразъ переведе.

Рыгельмана нема въ Кіеви

Про портретъ Рыгельмана старого написавъ у Чернѣговы.

Про письма Орлика памятаю, та постривайте: тутъ лихо транылось,—може и мынецця. Колыбъ-то мынулось!

Грондській ище не ввесь перетлумаченый та ще и Костомара не переглядивъ, чи такъ переведены технычни слова.

Грабянкы не даютъ; самы друковатымуть.

Може, достану Вамъ Ерлыча: напысавъ до Свыдзинского. Штука важна, якъ и Самовыдець.

Прошу Васъ:

1. Выслать (и цѣну назначыть) у Борзну Никол. Дан. Бѣлозерському: а) Народописаніе Ваше и карту, б) особый одтыскъ Конысьваго (нехай се буде excerptio).

2. Костомари тожъ выслать и цѣну означить, 5, 6, и 7-й выпускы Чтеній, да и далшъ высылаты, а винъ платытыме.

3. Якъ не одослалы ще Ханенкови 50 экз. Самовидця, дакъ одослать ихъ Юзефовычу окроме сотни.

4. Юзефовычъ просыть выслаты ему усѣ Чтенія зъ самого початку и надалшъ высылаты, а винъ платытыме.

Костомарыны писни друкуйте: я казавъ, что винъ не зуперечыцця!

Люблю вже я давно одну гарну дивчыну на Вкраини. Знаю добре, що никого, опрычъ ей не визьму за себе, вернувшись изъ Нимещыны. Дакъ щобъ іи не було у столыци якось моторошно, що бачите, не зна языкивъ, беру зъ собою за граныцю. А въ ей и грошенаты е,—буде за що жыты у Нѣмещыни. И братъ іи иде зъ намы; дакъ, колы мыни треба буде одлучитысь у якый дыкый народъ, дакъ винъ пры ій зостанецця на той часъ чы у Прази, чы у Видни, чы де инде. Не судите-жъ мене и не корите за се. Безъ серця ябъ ничого въ свити не врадывъ: така моя натура.

Вашъ П. Кулѣшъ рукою властною.

Р. Б. 1847 Стычня 9. Борзна.

Николаю Даниловичу Бѣлозерскому, въ Борзну, Черниговской губерніи, для передачи П. А. Кулѣшу.

15.

Осипъ Максимовичъ!

Сей панычъ суть предобрый и предорогый нашъ землякъ; дакъ будьте ласка́вы—примите ёго такъ, якъ и мене само́го.

П. Кулѣшъ рукою властною.

1847, ст. 10 Борзна.

Истынно Т. Шевченко [1]).

---

[1]) Автографъ. *А. Т.*

16.

1847, Стычня, 29 Хуторъ Мотроновка, коло Борзны.

Посылаю Вамъ, шановный Осыпъ Максымовычъ, письма Гетьмана Орлыка, перепысаныи рукою Генерального Хорунжого Ханенка. Та зъ тымъ у купи и роспысаные, кому послаты Украинскіи преданія. Прошу Васъ надруковати на обгорткахъ цѣну: 50 копѣекъ серебромъ щобъ усяке знало, по чимъ продавати. Одвиту на мій лыстъ изъ Борзны одъ Васъ ище не одобравъ.

Оженивсь я 24 числа. Гарна и разумна дуже въ мене жинка. Знае добре нашу историю, а пѣсни такъ спѣвае (та все наськы), що ажъ серце радуецця.

П. Кулѣшъ рукою властною.

Расписаніе.

кому послать Украинскія народныя преданія (NB 600 экземпл.)·

1. Его Высокородію Мих. Владим. Юзефовичу въ Кіевъ. . . . . 200 экз.

2. Его Высокор. Павлу Петровичу Максимовичу, въ С.-Петербургъ, на Васильевск. Острову, въ 12-й линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ, въ собственномъ домѣ. . . . . 170 экз.

3. Его Высокор. Мих. Ив. Ханенку, въ Новгородъ—Сѣверскъ. . . . . 52 экз.

4. Его Высокобл. Михаилу Ант. Грабовскому въ Чигиринъ . . . . 5 экз.

5. Его Высокобл. Ивану Вас. Росковшенку, инспектору гимназіи въ Тифлисѣ. . . . . 2 экз.

6. Его Превелебію отцу Симеону Левицкому, въ Богуславъ, а оттуда въ м. Стебловъ. . . . . 2 экз.

7. Его Высокобл. Ѳедору Андреевичу Китчетку, инспект. гимназіи въ Черниговѣ. 101

8. Его Превосход. Осипу Мих. Гладкому, Таврич. губерніи въ г. Бердянскъ, а оттуда въ Петровскую крѣпость. 2 экз.

9. Ѳедору Христіановичу Гренбергу, въ Каневъ . . 1 экз.

10. Николаю Семеновичу Гукову въ Глуховъ . . . 4 —

11. Его В. Никол. Дан. Бѣлозерскому въ Борзну. . 10 —

12. Его Высокопреподобію отцу Игнатію Головинскому, Г. Ректору Католической Духовной Академіи, въ Петербургѣ. . . . . 2 экз.

13. Въ книжную лавку Москвитянина. . . . . . . 20 экз.

14. Его Высокобл. Амвросію Лукіяновичу Метлинскому, профессору университета въ Харьковѣ . . . . . 1 экз.

П. Кулѣшъ.

На оберткѣ прошу Васъ, Осипъ Максимовичъ, приказать напечатать: Цѣна 50 коп. сер.

Еще:

15. Его Превелебію, господину пробощу Изопольскому, въ Бѣлую церковь, Кіевской губ. . . . . 1 экз.

16. Григорью Николаевичу Кулѣшу, ученику Новгородъ—Сѣверской гимназіи, въ Новгородъ Сѣверскъ. . . 1 экз.

17. П. А. Кулѣшу въ Варшаву . . . . 24 экз.

18. Льву Ивановичу Боровиковскому учителю гимназіи въ Полтавѣ . . . . 1 экз.

17.

1847, лют. 7, Хуторъ Мотроновка.

Сердюковъ, мабудь, не получывъ ще одъ Васъ тыхъ кныжокъ, що мыни, зъ Вашей ласкы слидують. Ось ёго адресъ: Петру Яковлевичу Сердюкову въ С.-Петербургѣ. Доставить въ Университетъ швейцару, для передачи по адресу. Прошу Васъ довидатысь, чы одослано ёму, що треба.

Орлыка вже пославъ Вамъ. А теперь посылаю эксцептъ зъ правъ Малороссійскихъ. Тутъ есть преважныи речы, для внутреннёго быту украинського. Колы надрукуете, то 20 экземпл. отпечатайте для Ник. Дан. Бѣлозерського (бо се его кныжка), а 20 для мене, да до его усе й одошлите при малесенькимъ лыстыку. Якъ же не надрукуете, такъ верните ему рукопись. Вона принадлежала генералу Простоквашыну, коменданту Глуховському, за Розумовськаго. Такъ спысокъ хорошій, мабудь у Коллегіи напысанный.

А Ерлыча не дають, бо тамъ есть протывъ Петра Могылы каверзы, такъ бояцця, щобъ не пропустылы друкуючы. А Ляхамъ того то й хочецця, щобъ те було надруковано. А важна штука! Жаль да

ничого робыты! У Кіеви побачусь изъ Грабовскимъ, такъ еще попро бую благаты. Чы Вы можете усе друковать, щобъ ни напысано було на попивъ?

Колы послалы лыстъ на имя Юзефовыча, то одберу у Кіеви, а тутъ ще нема ёго.

Теперъ же до Васъ отъ яка просьба. Пыше панъ Плетневъ, що кн. Шихматовъ звеливъ одправыть на мое имя у Берлинъ лыстъ «касательно распоряженій департамента, изъ какихъ миссій я могу требовать своего жалованья».

Дакъ теперъ треба мыни дать знать Берлынській мыссіи, щобъ те пысмо выслалы мыни въ Варшаву на имя Петра Никол. Очкина, товарища Министра финансовъ. А я не знаю, якъ пысать (адресъ) у ту миссію, да й чы на имя Секретаря (а якъ ёго зовутъ, чы що, не знаю) чы може якъ инше. Дакъ будьте ласковы напышите лыстъ одъ мого имени и внизу зробите мій факсимиле: П. Кулѣшъ [1]) да и одправте въ Берлинъ, щобъ выслалы мыни той лыстъ у Варшаву. А то каже Плетневъ «можетъ выйти непріятное для Васъ недоразумѣніе», якъ та мыссія одрапортуе, що й не бачыла й не чула про такого чоловика. Колы-жъ такъ не можна, то прошу Васъ напысаты мыни адресъ, и одынъ экземпляръ его послать у Кыевъ, на имя Костомарова, а другой у Варшаву на имя Очкина, щобъ я заразъ изпысався зъ Берлыномъ; бо я въ той Берлынъ заразъ не пойду, а пойду у Прагу Чеську, якъ вы мыни порадылы.

Жинка моя Вамъ кланяецця нызенько.

Занотуйте, що одинъ экземпляръ преданій треба послаты у Полтаву Боровыковскому Леву, учителю гимназіи. Одорвать же сей экз. отъ тыхъ, що назначены Н. Д. Бѣлозерскому.

2) Въ рукописи лежать писни, запысанныи Бѣлозерськымъ. Про Йвася Коновченка сама красча. Ище одинъ варіантъ прышлю.

1) Ище въ середыни прыпыска адресу. Дывысь избоку.

3) Адресъ: Помпею Михаиловичу Бѣлозерскому, поручику Е. В. Короля Нидерландскаго гусарскаго полка, для передачи П. А. Кулѣшу. Царства Польскаго въ г. Бялы.

---

[1]) А дата нехай хочь таке буде: Варшава 1847, февр. 7.

18.

Шановный и Высокоповажный нашъ
Осыпъ Максымовычъ!

Колысь, швендяючи по Вкраини, натрапывъ я на одного дяка та й знайшовъ у ёго староовицьки бурсацьки псальмы. Посылаю Вамъ ихъ, чы не згодяцця бувае Вамъ воны до друку? Колы-жъ ни, то дарую ихъ у Ваше кныгохранилище.

А для того пана, що колысь у Васъ бачывъ у вечери,—забувъ якъ ёго зовуть,—посылаю кусокъ автографу Грабовскаго изъ ёго Literatury i Krytyki.

Завтра вже иду зъ сёго зачарованого куточка! А куточекъ гарный, нема чого сказаты.—Колы чыталы Черну Раду, то напышите. Може, по Вашему, треба яки словця пидправыты. То напышите яки и якъ бы Вы пидправыли, то я може й скажу: «добре, перепраьте. Я чоловикъ погидливый. А що? чы ще Преданія не друкуюцця?.

Якъ будете пересылать лысты до мене одъ моихъ знакомыхъ, то распечатуйте уси щобъ дурно не платыть висовыхъ за конверты.

Вашъ П. Кушѣшъ рукою властною

1847, февр. 13 Мотроновка.

У Кіеви на рыночку орелъ воду носить,
Ой тамъ козакъ свого пана хорошенько просить:
Пусти мене, пане-атамане, зъ Кіева до дому
Не вручивъ я дивчиноньки своеи ни кому.
„Дай намъ Боже, панове-молодци, недиля дождати,
То буду васъ що недили до дому пускати“.
Коли тая, пане-отамане, недилонька буде,
Що на мою дивчыноньку знаходятся люди
(...?)
И дощъ нейде, и хмары нема, а въ синечкахъ слизько:
Одклонявся козакъ дивци у ниженьки низько.
Ой давъ-же винъ одклиного копя вороного;
Вона ему одклиночку—шиту хустиночку:
„Ой на тоби хустиночку уста протирати,
За для славы козацькои сидельце вкрывати.
Ой якъ гляну на сидельце зтишу свое сердце,
Ой якъ гляну на хустину згадаю дивчину.
Чи не дивчина, чи не рыбчина сю хустину шила:
Вона мини молодому серденько всушила.

(Записавъ у Кіевск. П. Вас. Бѣлозерскій. 1845).

Василь Бѣлозерскій засылае Осипу Максымовичу щирый поклонъ за его безцинны труды для коханой Украины.

19.

1847, февр. 20, Кіевъ.

Отъ же я вже въ Кіеви. Скоро буду и въ Варшави. У Юзефовыча отъ Васъ лысту не знайшовъ, а есть тилько *Лѣтопись Самовидца*. Напышите, що Вы тамъ пысалы?

Юзефовычъ казавъ мыни, що Плетневъ пысавъ до его про Вашего брата. Не знаю, що то винъ теперъ зробить?

Бачивсь я и зъ Свыдзинськымъ и уговоривъ его передаты Вамъ Ерлыча. Буде скоро винъ самъ пысаты до Васъ. Ще багацько де-чого обицявъ Вамъ прыслаты. Я радъ, що Вы оце почнете зъ нымъ лыстоватысь. Винъ такой же библіографъ, якъ и Вы, поздоровъ Васъ Боже!

Вашъ П. Кулѣшъ.

Познакомывсь я зъ молодымъ Рыгельманомъ. Хорошій чоловикъ, хорошій. О *Чтеніяхъ* каже, що вони Судденку послалы зъ Москвы на имя М. Максимовыча, котораго тоди не было въ Кыеви, якъ воны прышлы; а можна про ныхъ довидатысь тилько тоди, якъ Максымовычъ прыйде въ Кыевъ; а колы онъ прыйде, сего нихто не скаже; а самъ винъ хочъ бы и сказавъ, то збреще (се вже одъ себе я прыписавъ).

Станція за Радомысломъ, верстовъ 120 одъ Кіева, 1847, февр. 26

Не пославъ я Вамъ лысту, дожыдаючись одъ одного землячка пѣсень, которыи туть приложены. Теперь же, щобъ зналы Вы, що вже въ дорози пышу на станціи, а пошлю може зъ Житомыра. А гарны варіянты! поцмокаете, якъ прочытаете!

20.

Варшава. 1847, марта 7/19.

Нема одъ Васъ а ни словечка. Будьте ласкавы, пышите, що найшвыдче, чы посылалы вы до мене куды лысты? бо писля того, якъ я пысавъ до Васъ, ничого не одобравъ ище зъ Москвы. То вже теперь треба Вамъ про все напысаты. Адресъ у Варшаву на мое имя, тилько прыпысаты: *Оставить до востребованія въ отдѣленіи zaležatych listów.* Ще ни въ кого не бувъ.

Вашъ П. Кулишъ.

Може не розберете, одъ кого. Такъ отъ же: Кулишъ.

21.

Варшава 1847, марта 17/29

Шановный мій Пане брате
Осыпъ Максымовычъ!

Нема та й нема одъ Васъ ни слуху, ни духу. Не буду жъ пысаты й я до Васъ ни про що, покы не одберу одъ Васъ лысту, щобъ уже Вамъ одвитоваты. А що теперечкы я до Васъ пышу, такъ се ось для чого. Есть тутъ у Варшави одынъ ляхъ Мыкуцькый. Служивъ винъ у москаляхъ, будучы взятый у некруты, да якъ зробылы его черезъ четыры рокы офыцеромъ, такъ винъ заразъ и покынувъ службу да й давай учыцця. А вже ему лѣтъ за 30. У славяньскыхъ языкахъ винъ знае сылу, не учыть ихъ, а псть; изъ такою охотою пережовуе усякый коренець и виточку. Мацовськый его поважае и уповае, що зъ іого выде колысь значный фылологъ. Вже и теперъ винъ посылавъ у Академыю Наукъ одну фылологычну росправу, и Академыя черезъ Плетнева изъявила іому свое благоволеные (шкода, що тилько словамы!) Отъ же цей Мыкуцькый жада докинчаты свою науку у Московському университети подъ Вашымъ руководствомъ, да сердешный, не знае, чы прымуть іого на казенный коштъ; то не сміе одважытысь ыты въ Москву. Якъ же бъ, каже, хто впевнывъ іого, що именно винъ знайде тамъ на казенному кошти прытулокъ, то я бъ, каже, шпыкомъ оце по весни пустывся и хочъ зпохволя, а добрався бъ до Москвы. Такъ колы маете вы тамъ таку мицъ щобъ іого въ тому запевныты, такъ пышите, нехай сердега йде до васъ у Москву. Може зъ іого буде якый Юнгманъ або що! тоди вамъ на земли дяка, а въ царстви небеснимъ радость.

Изъ щырою прыязню Вашъ П. Кулишъ.

А що преданія? А що Черная Рада? Чы пысавъ до Васъ Свидз..? Якъ ни, то я іого попукатыму, бо винъ иде одъ колина Фабія Кунктатора

22.

Добрый мой землякъ и другъ
Осипъ Максимовичъ!

Письмо это вручено Вамъ братомъ моей жены, Викторомъ Михайловичемъ Бѣлозерскимъ. Я уже въ Тулѣ на службѣ, а онъ будетъ ѣхать

черезъ Тулу домой. Прошу Васъ вручить ему Черную Раду для доставленія мнѣ. Да еще одна просьба. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ «Чтеній», какія до сихъ поръ мнѣ высланы. Если можно, прошу Васъ выслать мнѣ ихъ въ Тулу съ самаго начала и впредь высылать. Я не теряю надежды, что мнѣ опять позволятъ печатать; тогда я Васъ отблагодарю. Увѣдомите меня о всѣхъ запутанностяхъ книжныхъ нашихъ дѣлъ. На мнѣ долженъ быть денежный долгъ, я хочу его очистить. Если у Васъ есть для меня какіе нибудь книжные гостинцы, Викторъ Михайловичъ мнѣ доставитъ. Даже и самыя Чтенія не худо бы теперь же вручить ему для передачи мнѣ. Да еще просьба. Ваше общество издало недавно драгоцѣнную Книгу Большему Чертежу. Не можете-ли снабдить меня однимъ экземпляромъ? Вообще, сколько можетъ общество дарить мнѣ своихъ изданій, прошу Васъ снабжать меня ими. Я буду ему и Вамъ благодаренъ въ послѣдствіи своимъ сотрудничествомъ и доставленіемъ матеріаловъ. Не пишу Вамъ ни о какихъ посторонних обстоятельствахъ: все это вамъ разскажетъ Викторъ Михайловичъ, котораго Вамъ рекомендую, какъ умнаго и добраго человѣка, независимо отъ того, что онъ мой родственникъ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

1847, сент. 1. С.-Петерб.

Андр. Павл. Миклашевскій въ канц. Тульскаго Воен. Губ.

23.

Тула, 1847, окт. 7.

Милостивый Государь.
Осипъ Максимовичъ!

Во избѣжаніе всѣхъ засвидѣтельствованій для почтовой конторы, гдѣ меня не знаютъ, я послалъ Вамъ адресъ моего хозяина, оружейника Авинира Яковлевича Салищева-Жучкина, въ Посольской улицѣ, въ собственномъ домѣ, и просилъ Васъ высылать на его имя слѣдующіе мнѣ экземпляры издаваемаго Вами журнала. Теперь меня на почтѣ знаютъ, и Вы можете высылать книги на мое имя. Мнѣ здѣсь очень, очень скучно. Вообразите, что я не имѣлъ возможности до сихъ поръ ни съ кѣмъ познакомиться хоть столько, чтобъ бывать у него въ домѣ. Такъ всѣ или недоступны, или слишкомъ ниже того

образованія, при которомъ знакомство было-бы пріятно, а не тягостно. Жена уѣхала въ Малороссію отдохнуть отъ своихъ горестей, которыя злая наша судьба слишкомъ щедрою рукою посѣяла при самомъ началѣ ея жизненнаго поприща. Я живу одинъ и, не замѣтивъ ни въ комъ изъ моихъ сослуживцевъ той человѣчности, которая понимаетъ состояніе души несчастнаго пришельца и сама подаетъ ему руку,— не замѣтивъ до сихъ поръ ни въ комъ къ себѣ участія и желанія вступить со мною въ пріятельскія отношенія, а напротивъ, видя и чувствуя, какъ всѣ примѣтно устраняются отъ меня, я служу молча и едва знаю, какъ зовутъ по имени правителя канцеляріи. Прочихъ совсѣмъ не знаю, кто они независимо отъ ихъ должностей. Думаю, что это такъ будетъ и во все время пребыванія моего въ Тулѣ. Теперь книги только да бѣдная моя подруга будутъ моими собесѣдниками. Поэтому-то прошу Васъ, добрый Осипъ Максимовичъ, распорядиться, чтобъ мнѣ поскорѣе выслали Вашъ журналъ.

Васъ отъ всей души почитающій П. Кулѣшъ.

Часто хвораю. Здоровье мое сильно разстроено.

24

Декабря 22, 1847, Тула.

Достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій Господине мой Осипъ Максимовичъ!

Не писалъ я къ Вамъ по нѣкоторымъ курьезно-непріятнымъ обстоятельствамъ; я считалъ себя похожимъ на зачумленнаго, который не долженъ прикасаться къ тѣмъ, кого любитъ. Теперь же, когда Вы столь радушно ко мнѣ отозвались, я съ истиннымъ удовольствіемъ Вамъ отвѣчаю. И во первыхъ благодарю Васъ за всѣ вообще и за каждую въ особенности книги «Чтеній». Я получилъ ихъ отъ первой и до послѣдней, и въ сладость мнѣ было ихъ чтеніе и перечитыванье. Во вторыхъ, какъ малая частица тѣхъ, для кого вы трудились, приношу Вамъ за себя и за всѣхъ добрыхъ людей, ихъ же люблю воистину, мою душевную благодарность. Въ третьихъ молю Бога, да укрѣпитъ Вашъ духъ и да хранитъ неугасимымъ чистый пламень, горящій на жертвенникѣ души Вашей.

Срезневскій грустно подтвердилъ невыгодное мое о немъ мнѣніе. Не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Писать къ нему не хочется, во первыхъ потому, что на него письма дѣйствуютъ только тѣми строками,

которыя затрогиваютъ его самолюбіе, а во вторыхъ потому, что я для людей его сорту теперь совсѣмъ не то, чтó былъ во время оно. Попробуйте еще разъ потребовать у него моею рукою написанныхъ и сообщенныхъ ему для переписки пѣсенъ. Пріятно имѣть дѣло съ литераторами, которымъ не попадайся ничто въ руки!

Я, слава Богу, благоденствую, поколику это возможно въ Тулѣ. О занятіяхъ своихъ не скажу ничего особеннаго. Читаю, учусь,—вотъ и все. Новый губернаторъ, спасибо ему, обратилъ на меня свое милостивое око и хочетъ сдѣлать меня смотрителемъ какой-то больницы. До сихъ поръ я не служилъ безъ всякаго жалованія.

Вопросъ: не знаете ли Вы въ Москвѣ честнаго, знающаго дѣло и притомъ вамъ коротко знакомаго человѣка, къ которому можно-бы обратиться съ просьбою купить и выслать въ Тулу хорошій фортепьянъ для моей старóй?

Другой вопросъ: Не могу ли я чрезъ Васъ или чрезъ кого нибудь другого выписывать изъ Москвы книги русскія, французскія, нѣмецкія, польскія и англійскія, чтобъ прилагать на пересылку столько, сколько вѣсятъ всѣ вмѣстѣ!.

Третій вопросъ: Что Вы думаете дѣлать съ моими преданіями? и сколько я долженъ выслать вамъ денегъ за бумагу?

Просьба: не можете-ли достать и выслать мнѣ печатнаго объявленія объ иностранныхъ журналахъ, съ означеніемъ цѣнъ и адресовъ, по которымъ можно выписывать. Хочу расширить вокругъ себя узкій Тульскій горизонтъ и на перекоръ судьбѣ стать съ вѣкомъ на равнѣ.

За симъ цѣлую Васъ мысленно. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: просто *въ Тулу*: меня почтари знаютъ.

Сейчасъ познакомился съ однимъ образованнымъ человѣкомъ Шимапскимъ, у котораго есть роспись иностраннымъ журналамъ: итакъ не трудитесь присылать.

25.

1848, янв. 6, Тула.

Драгій мой Господине
Осипъ Максимовичъ!

Благодарю Васъ душевно за новую книжку «Чтеній». Благодарю и за извѣстіе, какъ выписывать книги изъ Москвы. Теперь же позвольте обратиться къ Вамъ вотъ съ какою просьбою. Какъ давній

сожитель Московскихъ ученыхъ людей и какъ человѣкъ, набравшій въ голову себѣ всякаго добра Московскаго и не-Московскаго, Вы должны знать Ивана Грознаго, якъ риднаго батька, и что только о немъ есть гдѣ напечатано, то вы уже давно усе вынышпорылы и записали или въ памяти закарбовали. Такъ сдѣлайте милость, добродію, напишите мнѣ, какія книги, кромѣ Курбскаго, который у меня есть, подобаетъ мнѣ выписать, чтобъ узнать Ивана Грознаго по-Вашему. Видите ли вспала ми умъ похоти, у добрый часъ поговорить, а въ лихій помовчать, написать про Ивана Грознаго романъ, а перше романа исторію. Я іого не ненавижу по-Карамзински, а жалѣю о немъ, и винъ у мене у души сыдыть изъ своими крутыми норовами и гарячымъ серцемъ. Охъ, лышечко! оце жъ я не встеригся, та й почавъ по своіому урядъ пысаты. Ще довидаются старшыни, то бытымуть. Ну да вже-симъ бидъ, а одынъ одвитъ! Да ще поименуйте такіи книжки, по которымъ бы я взнавъ такъ добре Москву якъ Кіевъ. Да ище и цина яка тымъ книжкамъ, той и того не забудте. А письни вже я якъ-небудь выцапаю у Срезневськаго, и колы будете пичатать, то не друкуйте мого гришнаго именья и К. не друкуйте, а выдавайте писни подъ своимъ власнымъ призвыщемъ. А що К. не буде на Васъ за се сердицця, то я порука: не ищеть бо винъ суетной славищи, а тилько пользы душевной добрымъ людемъ. Колыжъ хочете то поставте пидъ моими письнями П. К. а пидъ его Н. К. Зъ насъ и сего буде.

Вашъ П. Кулишъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXIII.

Четыре года пролетѣли надъ Субботовымъ, какъ четыре дня. Съ богомолья Ганна вернулась совсѣмъ другимъ, обновленнымъ человѣкомъ. Ни тѣни былыхъ колебаній и тревожныхъ сомнѣній не ощущала она въ своей душѣ; она снова была сильна и крѣпка, и горѣла попрежнему одною страстною и чистою любовью къ отчизнѣ, какъ зажженная въ грозу и ненастье страстная свѣча.

Уговоривъ Ганну взять съ собой его козаковъ, коротко простился съ ней Богунъ и бросился въ глубь Украйны, да такъ и пропалъ безъ вѣсти. Изрѣдка доносились смутные слухи о какихъ-то смѣлыхъ набѣгахъ, при чемъ упоминалось и его имя; но никто не зналъ навѣрное, въ какую степь, въ какой боръ бросился развѣвать свое горе удалой казакъ.

Вскорѣ по возвращеніи Ганны въ Субботовъ прискакалъ къ ней гонецъ изъ Каменца съ письмомъ отъ Богдана, въ которомъ тотъ извѣщалъ ее о своемъ новомъ назначеніи отъ короля. Вмѣстѣ съ письмомъ къ Ганнѣ было письмо и къ Золотаренкѣ. Смутными и неясными выраженіями намекалъ Богданъ послѣднему о расположеніи короля къ козакамъ, о желаніи его опереться на нихъ, въ случаѣ какого либо государственнаго переворота, сообщалъ о томъ, что ему предстоитъ какая-то важная и тайная поѣздка, и просилъ Золотаренка употребить все свое вліяніе на старшинъ, чтобы удержать казаковъ отъ возстанія и подождать его возвращенія, потому что съ нимъ связаны великія, но скрытыя дѣла. И дѣйствительно, слухъ-ли о письмѣ Богдана, или истощеніе, наступившее послѣ бур-

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г. № 9.

наго возстанія и неудачнаго похода, или новые „утиски“ панскіе, медленно надвигающіеся и охватывающіе всю Украйну, такъ пригнетили народъ, но только вся Украйна зловѣще затихла и занѣмѣла въ сдержанномъ молчаніи, какъ затихаетъ все въ природѣ въ последнюю минуту передъ ужасной грозой: какое-то томленіе, какое-то удушье чувствовалось всѣми.

Въ письмѣ къ Ганнѣ стояла еще приписка про Олексу Морозенка... „Любый хлопецъ, писалъ Богданъ,—пропалъ безъ вѣсти въ Днѣпровскомъ Лиманѣ; утонуть-то онъ не могъ,—ему и весь Лиманъ переплыть не въ диковину,—а вѣроятно взятъ татарами въ плѣнъ... Такъ пусть твой братъ, или Ганджа пошлетъ развѣдчиковъ въ татарскіе города и мѣстечки: ничего не пожалѣю для выкупа... мнѣ жаль хлопца, какъ сына родного“.

Это извѣстіе повергло всю семью Богданову въ „тугу“: всѣ любили добраго, привязаннаго, даровитаго хлопца, какъ члена семьи—и паны, и дворня, и хуторяне, всякому онъ памятенъ былъ то услугой, то лаской, то веселымъ отзывчивымъ нравомъ. Пани Хмельницкая побивалась за нимъ, какъ бы за Тимкомъ, или за Андрійкомъ; Ганна вмѣстѣ съ нею плакала безутѣшно. Дивчата за своимъ любимцемъ рыдали на взрыдъ, но особенно потрясена была глубокимъ, недѣтскимъ горемъ Оксана: она ломала свои ученки, въ изступленіи билась о полъ головой и, захлебываясь неудержимыми потоками слезъ, повторяла одну только фразу: „никого у меня теперь нѣтъ, никого!“ Кончилось тѣмъ, что дѣвочка таки заболѣла отъ непосильной тоски. Много хлопотъ стоило и бабѣ, и Ганнѣ, пока подняли ее съ постели; два раза посылали въ Чигиринъ даже по знахарку, такъ она было разнедужилась въ огневицѣ. Когда-же Оксана наконецъ встала, то въ блѣдномъ и печальномъ личикѣ ея, съ огромными, черными глазами, никто не могъ и узнать прежней румянной, какъ яблочко, вертлявой, какъ волчокъ, звенящей, какъ колокольчикъ, дѣточки... Оксана стала тиха и задумчива, мало принимала участія въ дѣтскихъ играхъ, а больше всего—или молча сидѣла за работой, или тихо разговаривала съ Ганной про Олексу, или вмѣстѣ съ нею молилась о немъ...

Ганджа и Золотаренко справлялись и на запорожьѣ, и въ Очаковѣ, и въ Кафѣ, и въ Бахчисараѣ, но нигдѣ никакихъ извѣстій о запропавшемъ Олексѣ не нашли,—словно о немъ и слѣдъ простылъ, такъ что Ганна отслужила уже было тайно о погибшемъ панахиду.

Золотаренко часто наѣзжалъ въ Субботовъ навѣщать семью Богдана, но, видя, что тотъ такъ долго не возвращается и извѣстія о немъ, изрѣдка получаемыя, носятъ самый неопредѣленный характеръ, переселился и совсѣмъ туда, посѣщая свое Золотарево только изрѣдка. Заѣзжали иногда въ Субботовъ и нѣкоторые изъ старшинъ,

поразспросить, поразвѣдать что-либо о Богданѣ или объ общихъ интересахъ, да такъ и уѣзжали, не узнавъ ничего опредѣленнаго. Иные, впрочемъ, какъ Нечай и Чарнота, потерявъ терпѣніе ждать чего-то необычайнаго, стремились съ бурною рѣшимостью начать хоть что-либо малое на свой страхъ; но трудно было поднять теперь уныло затихшій народъ...

Другіе-же, какъ Бурлій и Пешта, спѣшили алчно оклеветать Богдана, а самимъ подыграться къ властно воцарявшейся въ краю шляхтѣ. Вообще-же жизнь въ Субботовѣ шла тихо и мирно, не возмущаемая никакими внѣшними событіями. Ганна хлопотала съ хуторянами, что заселили въ послѣднее время весь лѣвый берегъ Тясмина длиннымъ поселкомъ, а теперь уже въ балкѣ за лѣсомъ выростали, какъ грибы, новые хатки и хутора. Дѣвочки росли дружно. Катря и Оксана совсѣмъ сошлись и сдѣлались закадычными пріятельницами; одна только маленькая Оленка все еще держалась за Ганнину „спидныцю".

Къ концу года поулеглось горе въ юномъ сердцѣ Оксаны: молодость взяла таки свое: ея сердечную утрату смягчила нѣсколько горячая привязанность къ ней Катри, на которую она отозвалась всѣми струнами своего сиротливаго сердца. Каждый разъ на лицѣ Ганны появлялась теплая улыбка, когда вечеромъ, проходя по свѣтлицѣ, она замѣчала молоденькихъ дѣвочекъ, забившихся въ уголъ. Онѣ иногда о чемъ-то шептались, съ лукавыми личиками и загоравшимися глазками, обрывая, при появленьи Ганны, рѣчь, а иногда Катря нѣжно ласкала иутѣшала, „розважала" Оксану: въ этихъ головкахъ зарождалисьуже свои интересы, свои секреты, свои радости и печали... Звонкій смѣхъ Катри раздавался то здѣсь, то тамъ и разгонялъ сумрачную тишину Субботовскаго дома; на второй годъ сталъ къ нему присоединяться хоть изрѣдка и смѣхъ Оксаны.

Тимко быстро росъ и крѣпчалъ. Онъ обѣщалъ быть коренастымъ и крѣпкимъ козакомъ. Лицо его, слегка тронутое оспой, нельзя было назвать красивымъ, но съ годами оно начинало принимать все болѣе и болѣе нѣкоторую своеобразную прелесть дикаго и необузданнаго характера. Онъ напоминалъ молоденькаго необъѣзженнаго коня съ густою гривой, гордо поставленною шеей, короткимъ немного тупымъ носомъ и глазами вѣчно полными строптиваго огня. Ученье его съ профессоромъ-дьякомъ подвигалось весьма туго, за то за уроками Золотаренки и Ганджи Тимко забывалъ цѣлый міръ. Вскочивши на невыѣзженнаго жеребца, онъ мчался на немъ, сломя голову, по степи, и возвращался домой такой-же неукротимый и горячій, какъ и дикій, взмыленный конь. Андрійко учился вмѣстѣ съ нимъ тоже всѣмъ военнымъ „экзерциціямъ", одинъ лишь боль-

ной и хиленькій Юрась жался все около матери, выпрашивая у бабы гостинцы, или взбирался на колѣни къ Ганнѣ и просилъ ее разсказать ему „гарную“ сказочку. Когда-же свѣтлая головка мальчика склонялась разсказщицѣ на грудь, и сказка тихо прерывалась, не дошедши до конца, передъ глазами Ганны тихо всплывали какими-то смутными тягучими прядями отрывки старыхъ воспоминаній, и казалось все это Ганнѣ такимъ чуждымъ и далекимъ, и каждый разъ она застывала на одномъ и томъ же вопросѣ: неужели все это пережила и перечувствовала она?...

Къ концу второго года, осенью, въ Филиповку уже, былъ переполошенъ Субботовскій дворъ. Позднимъ вечеромъ раздался сильный стукъ въ браму и воротарь не могъ добиться отъ ломившагося въ ворота, кто онъ? Это возбудило подозрѣнье въ дѣдѣ; онъ послалъ за Ганджой и сообщилъ ему, что какой-то татаринъ,—хотя и темно, а онъ этихъ чертей узнаетъ и „поночи“,—торгаетъ и бьетъ рукояткой сабли въ ворота.

— Да онъ одинъ, или за нимъ стая?—спросилъ, зѣвая и не совсѣмъ еще отрѣшившись отъ сладкаго сна, Ганджа.

— А кто ихъ разберетъ... може за нимъ и „зграя“.

— Э, полно, дали-бы знать „огнищами“ по всей Украйнѣ, коли бъ прорвался сюда какой-либо загонъ „голомозыхъ“... Отворяйте браму смѣло, а я вотъ наготовлю для привѣта кривулю.

Звякнули болты, заскрипѣли ворота; какая-то стройная фигура ворвалась въ отверстіе и бросилась опрометью на дѣда, заключая его въ крѣпкія, порывистыя объятія.

— Что за сатана? Кто ты?—отбивался отъ татарина дѣдъ, желая заглянуть ему прямо въ глаза. Но татаринъ увернулся, и оставивши дѣда, бросился съ объятіями къ Ганджѣ.

— „Силяй айлекимъ якши“!—пробормоталъ оторопѣлый Ганджа,—только какъ тебя величать, пріятель, изъ какой ты орды?

— Да Олексой величать! Илъ не узнали?—отвѣтилъ наконецъ звонкимъ, радостнымъ голосомъ татарчукъ.

— Олексой! Морозенкомъ?—вскрикнули изумленные до суевѣрнаго ужаса дѣдъ и Ганджа, и въ свою очередь бросились обнимать оплаканнаго было мертвеца.

Вѣсть о воскресшемъ и прибывшемъ Олексѣ молніей облетѣла всю челядь: казаки, парубки, молодицы и старухи выскочили къ брамѣ и подняли восторженный гвалтъ. Разросшійся во дворѣ шумъ, перемѣшанный съ криками изумленія, радостными привѣтствіями, взрывами смѣха, всполошилъ наконецъ и хозяекъ дома. Первая проснулась пани, страдавшая и безъ того безсонницей, разбудила бабу и послала за Ганной. Выскочила Ганна на „ганокъ“, увидѣла,

что у воротъ копошился народъ, и замерла, взволнованная радостнымъ и тервожнымъ предчувствіемъ. Не дядько-ли? Не господарь-ли нашъ?—блеснуло въ умѣ Ганны, и отъ одной этой мысли затрепетало такъ ея сердце, что она инстинктивно прижала руку къ груди... Она впрочемъ не сразу могла узнать, кто пріѣхалъ: Морозенко переходилъ изъ объятій въ объятія и не могъ протиснуться скоро къ „будынку".

Наконецъ Олекса вырвался изъ объятій и быстро взбѣжалъ на „ганокъ". При свѣтѣ вынесенныхъ на крыльцо „каганцевъ" и свѣчей, Ганна увидала какого-то молодого татарина, быстро бѣгущаго къ ней.

— Кто это, что такое?—вскрикнула она, невольно отступая.—Я, я, Олекса, панно Ганно,—раздался знакомый голосъ, и Ганна не успѣла опомниться, какъ очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ молодого хлопца.

— Ты-ты?.. Откуда, какимъ образомъ?—повторяла Ганна, всматриваясь въ лице Олексы. Все разскажу... Господь спасъ... а Оксана?—Но Олекса не докончилъ своего вопроса: двери въ эту минуту распахнулись настежъ и какая-то маленькая фигура съ босыми ногами и наскоро наброшенной юпченкой, съ громкимъ крикомъ—Олекса! бросилась къ нему на шею.

— Оксана, Оксаночка, дивченко моя! Ты босая, раздѣтая повторялъ Олекса, цѣлуя ее и прижимая къ себѣ вздрагивающее отъ рыданій тѣльце дѣвочки; но Оксана ничего не слыхала, охвативши его шею руками; она повторяла сквозь слезы только одно слово: любый... любый... любый... хорошій мой... мой!

— Всѣ были тронуты этой радостной встрѣчей сиротливыхъ дѣтей. Наконецъ Оксану удалось увести въ комнату; за нею вошелъ Олекса и всѣ остальные. До самаго разсвѣта никто не ложился спать въ Субботовскомъ домѣ. Въ печи развели огонь, принесли ѣду и питье; Оксана не отступала ни на одну минуту отъ Олексы; сжавши его руку въ своей рукѣ, она повторяла потихоньку съ дѣтской улыбкой:—Ахметка, Ахметка; ты теперь настоящій Ахметка.—И Олекса ласково улыбался дивчинкѣ, гладя ее по черной кудрявой головкѣ. Дѣйствительно, въ этомъ татарскомъ нарядѣ онъ былъ до того похожъ на татарченка, что никто бы даже изъ своихъ не узналъ въ немъ козака. Когда наконецъ измученный и полузамерзшій Олекса подкрѣпился и отогрѣлся, всѣ окружили его и стали слушать его разсказъ о томъ, какъ онъ спасся изъ турецкой неволи.

— Дѣло было вотъ какъ, панове,—говорилъ Олекса, подсовываясь къ огню:—когда гетманъ послалъ меня на развѣдки, я усталъ крѣпко, причалилъ „човенъ", да и заснулъ. Да такъ вѣдь крѣпко заснулъ, что и не слыхалъ какъ лодку отчалило отъ берега, какъ растерялись мои весла... словомъ, самъ виноватъ, но вышло

такъ, что вмѣсто, осетра, я со своимъ челномъ попалъ въ татарскія сѣти.

— Ну, да и розумный-же ты, хлопче, ей Богу,—улыбнулся широкой улыбкой Ганджа, похлопывая Морозенка ладонью по спинѣ,—и какъ это только они изъ тебя, раба Божьяго, не наварили доброй „юшки"?

— То-то и дѣло, что едва Господь спасъ!—усмѣхнулся и самъ Олекса.—Разсердились они на меня здорово, сперва за то, что я имъ сѣти порвалъ, а потомъ, какъ увидали на мнѣ крестъ, да узнали, что козаки прорвались ночью въ Черное море, такъ и совсѣмъ мнѣ круто пришлось. Порѣшили всѣ, что я „шпигъ" и что меня надо повѣсить, либо посадить на колъ, да и баста. Ужъ я и божился, и увѣрялъ ихъ въ томъ, что я природный татаринъ, что меня насильно крестили, что я отъ козаковъ изъ неволи къ нимъ и бѣжалъ—никто мнѣ не вѣрилъ; даромъ что я и по-татарски съ ними говорилъ—не вѣрятъ, повѣсить да и конецъ! Наконецъ таки зглянулся надо мной Господь, нашелся одинъ старый татаринъ, признался въ томъ, что зналъ моего отца: тогда порѣшили оставить меня въ живыхъ; но такъ, какъ мнѣ никто не вѣрилъ, то меня заковали по рукамъ и ногамъ, да такъ и гоняли съ другими плѣнниками на работы. Цѣлый годъ старался я добиться у надсмотрщика ласки, работалъ за трехъ, съ плѣнниками не говорилъ, держался природнымъ татариномъ,—ну и стали ко мнѣ мои хозяева поласковѣе, на другой годъ позволили руки расковать. Такъ прошло еще съ полъ года, а на седьмой мѣсяцъ, темной ночью роспилилъ я свои „кандалы", взялъ у хозяевъ за свою вѣрную службу—поясъ съ дукатами, хлѣбъ, кожухъ, добраго коня, да и былъ таковъ!

— Эхъ молодецъ, ей Богу молодецъ!—вскрикнулъ шумно Ганджа,—будутъ изъ тебя люди!

— Только не думайте, что мнѣ это такъ легко удалось,—продолжалъ Олекса,—ге-ге! Сколько разъ уже я думалъ Богу душу отдавать! Зима, морозъ лютый, волки, звѣрье всякое, степь какъ море, а я весь тутъ, только и удалось одинъ ножъ съ собой захватить.

— Ну, ну говори, все говори!—подхватили окружающіе.

До самаго свѣта разсказывалъ Олекса о всѣхъ тѣхъ ужасныхъ приключеніяхъ, которыя ему пришлось перенести въ пути. Нѣсколько разъ принималась всхлыпывать Оксана, слушая о страшныхъ случаяхъ, что грозили смертью ея любому Олексѣ. Находчивость и смѣлость хлопца приводили всѣхъ окружающихъ въ шумный восторгъ. Наконецъ, уже только свѣтомъ всѣ разошлись по своимъ угламъ.

Позднимъ утромъ вышли дивчатка въ общую свѣтлицу. На дворѣ стоялъ яркій зимній день; морозныя окна сверкали; въ печи трещалъ огонекъ; на столѣ уже былъ приготовленъ „сниданокъ".

Оксана взглянула на Олексу и изумилась: передъ ней былъ не оборванный, промерзлый татарченокъ, а молодой статный козачекъ, съ густымъ пухомъ надъ верхней губой. Олекса подошелъ и поцѣловалъ Оксану, но сегодня Оксанѣ сдѣлалось почему-то неловко отъ этого поцѣлуя; костюмъ-ли такъ измѣнилъ Олексу, или причиной этому былъ густой пушекъ надъ губой козака, который она только теперь замѣтила,—но Оксана вся вспыхнула и опустила глаза...

Такъ пролетѣлъ незамѣтно цѣлый мѣсяцъ, а за нимъ и другой. Олекса разсказывалъ постоянно Катрѣ и Оксанѣ о всемъ пережитомъ имъ въ плѣну, объ Оксаниномъ отцѣ, котораго онъ нашелъ въ Сѣчи, о томъ, какъ они приготовлялись къ морскому походу... Дѣти были неразлучны, но несмотря на всю ихъ взаимную любовь и привязанность, между ними не было той безразличной дѣтской откровенности, которая была въ то время, когда Олекса возилъ Оксанкѣ вкусные гостинцы въ бѣдную хатку дьяка. Причиной всему былъ этотъ темный пушекъ надъ его губою, который смущалъ Оксану и дѣлалъ Олексу похожимъ на взрослаго козака.

Дни летѣли такъ незамѣтно, какъ только могутъ летѣть самые счастливые, беззаботные юные дни. Однако къ началу весны Олекса становился все озабоченнѣе и озабоченнѣе, и наконецъ объявилъ Оксанѣ, что такъ какъ неизвѣстно, когда вернется батько Богданъ, то Ганджа и Золоторенко совѣтуютъ ему ѣхать на Запорожье и приписаться къ какому-либо куреню, чтобы научиться козаковать. Оксана была страшно опечалена этимъ извѣстіемъ, только постыдилась уже, какъ прежде, излить тутъ-же сейчасъ при Олексѣ свое горе въ слезахъ; она только заморгала усиленно вѣками и спросила Олексу дрожащимъ голосомъ:—и ты поѣдешь?

— Что жъ дѣлать, Оксаночка, надо ѣхать! Не ходить же мнѣ за плугомъ, вѣдь я козакъ,—отвѣтилъ Олекса и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но она вырвалось отъ него и юркнула изъ комнаты. Цѣлый день искалъ Олекса встрѣчи съ Оксаной, но Оксана умышленно избѣгала его; только поздно вечеромъ, встрѣтивши Олексу въ сѣняхъ, она быстро подбѣжала къ хлопцу и сунувши ему въ руки какой-то предметъ, прошептала:—не снимай никогда, никогда: если ты умрешь—я умру.—Олекса раскрылъ свою руку, въ ней лежала надѣтая на шнурочекъ ладонка.—Любая моя,—прошепталъ Олекса, подымая голову, и хотѣлъ было поцѣловать Оксану, но дивчынки уже не было въ сѣняхъ.

Черезъ нѣсколько дней Олекса уѣхалъ. Сборы были недолгіе. Какъ не крѣпилась Оксана, но при прощаньи разразилась горькими слезами и снова повисла на шеѣ у Олексы, какъ и въ прежній разъ. Олекса тоже готовъ былъ расплакаться и, если-бы при этомъ про-

щаньи не случился Ганджа, передъ которымъ Олекса хотѣлъ уже показать себя козакомъ, онъ не поручился бы за себя.

Олекса уѣхалъ; въ Субботовскомъ домѣ стало снова тихо, дѣвочки еще чаще стали забиваться въ уголокъ и шептаться о чемъ-то между собой...

Въ началѣ третьяго года вернулся въ Субботовъ Богданъ. Первые дни промчались въ шумной радости и обоюдныхъ разспросахъ. Богданъ мало чѣмъ измѣнился, только движенія его сдѣлались элегантнѣе, сдержаннѣе, а выраженіе лица болѣе замкнутымъ. Пріѣхалъ онъ бодрый и энергичный, полный блестящихъ надеждъ. Въ разговорахъ съ Золотаренкомъ Богданъ сообщилъ о своихъ успѣшныхъ хлопотахъ при иностранныхъ дворахъ, особенно при Венеціанскомъ, о томъ, что многое поручено ему и что въ будущемъ готовятся великія событія. Впрочемъ, всѣ эти извѣстія Богданъ передалъ Золотаренкѣ съ глазу на глазъ, обязавъ его хранить все въ глубокой тайнѣ. Вѣсть о возвращеніи Богдана быстро облетѣла окрестность. Всѣ наперерывъ старались повидаться съ паномъ-сотникомъ, такъ долго и безвѣстно пропадавшимъ. Начались пышные пріемы, кутежи и попойки. Благодаря письмамъ Оссолинскаго, Богданъ сейчасъ по возвращеніи получилъ снова въ управленіе свою сотню, но дѣла службы мало занимали теперь пана сотника; съ какою-то непонятною страстью предавался онъ всѣмъ развлеченіямъ, стараясь прослыть непобѣдимымъ „запіякой“ на пирахъ, словно желалъ своимъ новымъ поведеніемъ замаскировать старыя связи и новую, скрытую роль. И дѣйствительно, вся окрестная шляхта, какъ русская, такъ и польская, наперерывъ зазывала къ себѣ симпатичнаго весельчака пана сотника, который сдѣлался теперь самою популярною личностью. Дома-же онъ бывалъ очень рѣдко; съ Ганной хотя и былъ ласковъ попрежнему, однако, несмотря на это, она чуткимъ женскимъ сердцемъ замѣчала въ Богданѣ непонятную еще ей самой перемѣну. Да, съ нею онъ былъ ласковъ попрежнему, но никогда уже не говорилъ онъ такъ тепло и открыто, какъ въ старое, доброе время; его разговоръ становился теперь и затемненнымъ, и уклончивымъ, да и вообще Ганна замѣтила, что онъ избѣгаетъ разговоровъ съ ней, касающихся его плановъ и положенія страны. Иногда впрочемъ Богдана охватывала какая-то мучительная тревога. Простившись съ Марылькою, онъ первое время часто вспоминалъ о ней съ болью и тоской. Его мучила неизвѣстность судьбы маленькой красавицы, оставленной имъ чужимъ людямъ. Часто справляяся онъ о ней въ своихъ письмахъ, но не получалъ на эти вопросы никакого отвѣта. Сначала эта неизвѣстность мучила его сердце, но вѣчные переѣзды, хлопоты, тонкія и опасныя политическія порученія, жизнь

при иностранныхъ дворахъ,—все это невольно отвлекало его вниманіе. Наконецъ, замѣтивши, что Оссолинскій умышленно въ своихъ письмахъ избѣгаетъ всякихъ частныхъ вопросовъ, Богданъ рѣшилъ, что и ему неудобно справляться о судьбѣ Марыльки и пересталъ упоминать о ней, и мало-по-малу образъ молодой красавицы какъ бы совсѣмъ исчезнулъ изъ сердца козака. Поджидая теперь гонца отъ Оссолинскаго, онъ и не вспоминалъ о ней: онъ весь былъ охваченъ какими-то великими, но тайными надеждами и, желая убить томительное время ожиданья, искалъ все новыхъ и новыхъ знакомствъ, пируя цѣлыми недѣлями, почти забывая о семьѣ. Когда же онъ бывалъ въ Субботовѣ, то предавался больше интересамъ хозяйства; то сидѣлъ въ млынахъ, или устраивалъ сукновальни, то пропадалъ въ лѣсу, наблюдая за новыми постройками, то вмѣстѣ съ „майстромъ“ Шаповаломъ сооружалъ на манеръ иноземныхъ, диковинный „витрякъ“ о четырехъ крыльяхъ, то охотился со своимъ сыномъ Тимкомъ, то по цѣлымъ днямъ пропадалъ въ пасѣкахъ.

Въ безоблачные, жаркіе дни любилъ онъ лежать въ тѣни на шелковистой травѣ или на мягкомъ коврѣ, слѣдя за пѣвучимъ полетомъ пчелъ, попивая холодное пиво или наливку. Здѣсь онъ предавался своимъ думамъ, затѣвалъ новые планы, обдумывалъ прошлыя предпріятія.

— О чемъ все, пане господаре, думу гадаешь?—спроситъ, бывало, подсѣвши къ нему дѣдъ.

— Да не поймаешь, дѣду, и думъ,—отвѣтитъ словно разбуженный Богданъ,—разлетѣлись по всѣмъ концамъ нашей Украйны...

— Охъ, и широкіе то концы,—закиваетъ уныло сѣдою головою дѣдъ,—да толку мало... Что наши-то „поробляютъ“?

— А что, гудутъ по ульямъ!

— Гудутъ! А роевъ не пускаютъ,—буркнетъ съ досадою дѣдъ, почесавъ свою сѣдую голову.

— Еще не вызрѣли,—улыбается Богданъ.—Придетъ часъ-пора, запоетъ, зазвонитъ крыльями матка, и вылетятъ съ шумомъ на яркое солнце безчисленные рои...

— Дай-то Боже!—вздохнетъ дѣдъ.

Такъ прошелъ годъ.

Чѣмъ дальшѣ тянулось время, тѣмъ все тревожнѣе поджидалъ Богданъ какихъ-то гонцовъ изъ Варшавы. Каждое утро онъ встрѣчалъ Ганну однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „А что, не прибылъ ли кто ночью“? Но вотъ уже годъ былъ на исходѣ съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Богданъ, а ни гонцы, ни вѣсти изъ Варшавы не доходили до Субботова.

Шумное энергичное настроеніе начинало мало-по-малу покидать Богдана, мѣсто его занимало молчаливое и сдержанное недовольство.

Такъ начался и второй годъ.

Стояло знойное, душное лѣто. Уже около мѣсяца земля не получала дождя. Вялыя, пыльныя деревья опустили свои полумертвые листья. На поляхъ почти сожженные солнцемъ хлѣба не подымали своихъ колосковъ. Каждый вечеръ на горизонтѣ показывались смутные края отдаленныхъ тучъ; но утромъ яркое и жаркое солнце снова подымалось на сухомъ, безоблачномъ небосклонѣ.

Въ небольшой верхней горенкѣ субботовскаго дома сидѣли у раскрытаго окна, склонившись надъ большою книгой, двѣ женскія фигуры. Одна изъ нихъ была постарше и указывала той, которая была помоложе.

— Э, Оксано,—обратилась укоризненно старшая, покачивая головой,—ты сегодня „разлодарнычалась“—и въ книгу смотришь, и словно не видишь.

Смуглое личико молоденькой дѣвочки покрылось густымъ румянцемъ.

— Душно, панна Ганна,—отвѣтила она, не подымая глазъ.

— Ахъ ты-жъ, „лодарка“, а мнѣ развѣ не душно?—ласково улыбнулась Ганна, дотрогиваясь до черныхъ, какъ смоль, волосъ Оксаны.

— То панна, а то я.

— Ну, такъ что-жъ, что то я, а то ты?

Дѣвочка хотѣла было что-то отвѣтить, но вдругъ схватилась съ мѣста и, обвивши шею Ганны руками, начала быстро шептать ей на ухо: „потому что панна добрая, хорошая, гарная, любая, а я лодарка поганая, неслухьяная“.

— Ну, ну, годи, дивчыно!—перебила ее съ ласковою усмѣшкой Ганна, подымая съ лица дѣвочки изъ синя-черные завитки волосъ, изъ подъ которыхъ на нее глянуло смуглое, молоденькое личико съ черными глазами на синихъ бѣлкахъ и бѣлыми, блестящими зубками,—а можетъ ты и совсѣмъ не хочешь псалтыря читать?—заглянула она ей въ глаза.

— Хочу, хочу!—вскрикнула молоденькая „дивчынка“, снова обвивая руками шею Ганны.—Это только что лѣтомъ душно... а зимою, правда-жъ, панна Ганна, я лучше читала, правда-жъ лучше?

— Правда, правда.

— Съ меня „онде“ и всѣ „дивчата“ смѣются,—продолжала Оксана, не подымая глазъ,—говорятъ, что я для того учусь псалтырь читать, чтобы выйти замужъ за стараго пономаря и помогать ему на клиросѣ.

— А ты за стараго пономаря не хочешь?

— Ну-у!—провела Оксана широкимъ шитымъ рукавомъ сорочки по своему лицу.—За пономаря, да еще за стараго?—глянули лукаво изъ-за рукава ея глазенки.—Ни за что!

— А за кого-жъ ты хочешь?

Смуглое личико снова вспыхнуло.

— Отъ еще выдумали... ни за кого!—послышалось смущенно изъ-за рукава.

— Ну, добре, добре! А можетъ покуда еще почитаемъ немножко, вотъ хоть до этой каѳизмы?

Оксана быстро вскочила на ноги и усѣлась снова за книгой. Въ комнатѣ послышалось монотонное чтеніе славянскихъ словъ по слогамъ.

— А сегодня будетъ дождь... Вонъ какіе на небѣ „баранцы!"—замѣтила вдругъ Оксана, обрывая сразу чтеніе и высовываясь въ окно.

— Дай Господи!—Ганна взглянула въ ту сторону, куда показывала Оксана и гдѣ дѣйствительно словно выплывали изъ-за горизонта волнистою грядой облака.

Двери скрипнули, и въ комнату вбѣжала молоденькая дѣвушка, повидимому, годомъ или двумя старше Оксаны. У ней были мягкіе русые волосы, каріе глаза и хотя она была одѣта такъ-же, какъ Оксана, въ плахту, въ шитую сорочку и черевики съ мѣдными подковками, но тогда, какъ личико той носило какую-то своеобразную прелесть дикаго полеваго цвѣтка, въ наружности вошедшей былъ видѣнъ нѣкоторый оттѣнокъ шляхетности.

— Ганна, Оксана! Годи вамъ читать!—крикнула она весело съ порога.—Идите внизъ, во дворъ, тамъ тато съ Тимкомъ и съ козаками „герцъ" устроили... Изъ „сагайдака" стрѣляютъ, бьются на шаблюкахъ, скорѣй!

Не поджидая разрѣшенія Ганны, быстро сорвалась Оксана съ мѣста и бросилась къ вошедшей дѣвушкѣ. Вслѣдъ за ними спустилась и Ганна.

На широкомъ дворищѣ субботовскаго дома раздавались веселые возгласы и крики. Все мужское населеніе хуторка столпилось вокругъ небольшой группы, собравшейся въ концѣ двора. Оксана и Катря протолпились въ самый передъ. Среди широкаго круга разступившихся людей стоялъ съ обнаженною саблей Ганджа, а рядомъ съ нимъ и Золотаренко; оба тяжело дышали послѣ молодецкой схватки на сабляхъ.

— Эхъ, были съ насъ люди!—махнулъ рукою Золотаренко,—а теперь отъ этой бабской жизни „отпасся" совсѣмъ.

— А я, батьку, такъ застоялся,—улыбнулся широкою улыбкой Ганджа, оскаливая свои бѣлые волчьи зубы,—словно „барскій" конь на конюшнѣ, такъ скажу тебѣ, кабы мнѣ теперь этихъ недолюдковъ штукъ пять, десять на руку—на „локшину" бы покрошилъ... А ну, Тимошъ, подымай саблю, выходи на „герцъ!"—подмигнулъ онъ головой молодому хлопчику.—Покажемъ батьку, что у насъ и безъ него не даромъ время ушло!

Сжавши брови и едва преодолѣвая охватившее его смущеніе, выступилъ на средину круга въ одеждѣ для фехтованья Тимошъ.

— Да ну ихъ къ чортовому дядьку, эти панскія таци-цяци!—крикнулъ Ганджа, отстегивая ремни у латъ, и бросилъ ихъ съ силою на земь.—Только мѣшаютъ доброму козаку вольною грудью вздохнуть!—Ганджа широко распахнулъ воротъ своей сорочки и обнажилъ бронзовую мохнатую грудь.—Становись противъ меня, хлопче, да держись, не то разрублю!

А Тимко уже стоялъ съ обнаженною саблей въ рукахъ, закусивши губу и сверкая темными глазами изъ-подъ черныхъ бровей.

Сабля упала на саблю.

— Ой, Тимко, Тимко!—закричалъ со страхомъ Юрась, увидѣвъ, что сабля Ганджи засверкала надъ головой Тимка.

— Соромъ, Юрасю, развѣ ты не козакъ?—остановила его строго Ганна и взяла крѣпко за руку; мальчикъ замолчалъ, зажмуривая каждый разъ глаза, когда сабля Ганджи подымалась надъ Тимкомъ.

— Ловко, хлопче, ловко!—весело одобрилъ Тимка Ганджа, когда Тимку удалось дотронуться саблей до его руки.—Вотъ выучилъ себѣ на голову! Ну, подожди-жь ты у насъ! Мы тебѣ перцу, мы тебѣ съ макомъ, мы тебѣ и съ хрѣномъ!—приговаривалъ онъ, нападая то съ той, то съ другой стороны на хлопца; но Тимко, чувствуя на себѣ всеобщіе взгляды и взглядъ отца, казалось весь превратился во вниманіе и отбивалъ удачно всѣ удары.

— Славно, сынку, славно!—поддерживалъ сына Богданъ,—нападай на него, на вражьяго сына, смѣлѣй, смѣлѣй! Вотъ сюда съ лѣваго бока, съ лѣваго!

Наконецъ, Ганджа нанесъ Тимку ударъ по шапкѣ.—Ну, будетъ съ тебя!—остановился онъ, тяжело отдуваясь.—Заморилъ меня совсѣмъ: ишь вьется, какъ вьюнъ!

— Гораздъ, сынку, на первый разъ совсѣмъ гораздъ!—вскрикнулъ весело Богданъ.—Ужь если ты съ дядькомъ Ганджей рубился, такъ можешь смѣло противъ двухъ татаръ выступить!

Тимко весь вспыхнулъ отъ удовольствія и, проходя мимо дѣвочекъ, бросилъ на нихъ изъ-подлобья гордый, презрительный взглядъ.

— Ишь, чванится какъ—шепнула Оксана Катрѣ,—удивительное дѣло, что онъ можетъ противъ двухъ татаръ выступить, я бы тоже смогла двумъ татарамъ безъ всякой сабли выцарапать глаза...

— Ой, нѣтъ,—возразила Катря,—я ихъ боюсь; ночью, когда приснятся, такъ даже кричу во снѣ...

— Ухъ, душно!—вскрикнулъ Ганджа, проводя по головѣ рукой, и поднялъ къ верху глаза.—Ге-ге-ге! Да посмотрите, панове-молодцы, дождемъ запахло, ей-Богу.

Всѣ подняли головы; съ запада уже надвигалась медленно и плавно сѣрая ровная пелена.

— Дождь, дождь Богъ послалъ!—сбросили всѣ шапки и перекрестились на надвигающуюся тучу.

— А что, Ганджа, не хочешь-ли со мной помѣряться?—обратился къ черному козаку Богданъ,—можетъ, ты и батьку въ лобъ попадешь?

— Что-жь, коли и батька бить, такъ надо въ лобъ цѣлить!—разсмѣялся Ганджа.—Только ты вели, того, горло промочить, пересохло какъ Буджацкая степь!

— Ну, добре, добре!—разсмѣялся и Богданъ.

Ганджѣ поднесли полный „келехъ" горѣлки. Не сморгнувши, осушилъ его однимъ залпомъ козакъ.—Ну, теперь хоть и сначала начинать,—отеръ онъ рукавомъ губы.

Богданъ расправился, махнулъ нѣсколько разъ саблею въ воздухѣ, отчего раздался рѣзкій свистъ, и, принявши твердую позу, поднялъ саблю на встрѣчу Ганджѣ.

Сабли встрѣтились. Всѣ затаили дыханіе; слышны были только удары клинка о клинокъ. Бой продолжался уже нѣсколько минутъ съ равной силой со стороны обоихъ,* какъ вдругъ сабля Ганджи сверкнула, сдѣлала крутой прыжокъ и, описавъ въ воздухѣ большой полукругъ, перелетѣла черезъ его голову и, при общихъ восторженныхъ крикахъ, врѣзалась въ землю.

Ганджа стоялъ оторопѣлый, словно не понимая, что случилось и какимъ образомъ удалось батьку выбить саблю изъ его крѣпкой руки.

— Ну, да и батько,—почесалъ онъ, наконецъ, въ затылкѣ, разводя руками,—первый разъ въ жизни случилась со мной такая вещь!

— То-то-жъ,—усмѣхнулся Богданъ.

— Да какъ это ты умудрился? Рука у меня, какъ желѣзо...

— Штука, пане-брате! Мнѣ ее въ Волощинѣ одинъ майстеръ за сто червонцевъ открылъ. Видишь ли, сынку, на все наука!... Всему наука научитъ, а ты вотъ до нея не очень „припадаешь", а батьку это обида.

— Козаку науки не надо!—буркнулъ несмѣло Тимошъ.

— Какъ не надо? Да развѣ козакъ чѣмъ хуже другого умѣлаго человѣка?

— То панское да монашеское дѣло,—поддержалъ хлопчика и Ганджа,—а козаку сабля да крѣпкая рука,—вотъ и вся наука!

— Съ одною саблей, да съ кулакомъ далеко не уйдешь!—отвѣтилъ съ едва скрываемою досадой Богданъ.—Медвѣдь на что силенъ, а его вотъ такою штукой,—указалъ онъ на пистолетъ,—и дитя малое повалитъ. А до такой хитрости разумъ дошелъ. То-то вы всѣ такъ размышляете, а пусти васъ въ панскую господу или въ сеймъ, такъ ни бе, ни ме... ни ступить, ни разумное слово сказать. А панство и радо скалить зубы да величать васъ хлопскимъ быдломъ.

— Коли скалятъ зубы, такъ мы ихъ имъ и посчитать сможемъ.

— Посчитать то легко, Ганджа, да однимъ этимъ дѣла не выиграешь: коли „неукъ", все равно обзовутъ хлопскимъ быдломъ.

— А начхать я хотѣлъ на ихнія панскія „вытребеньки!"—плюнулъ въ сторону Ганджа.—Кто меня „быдломъ" обзоветъ, тому я „вьязы" скручу, а танцовать, какъ „цуцыкъ", для ихъ лядскаго сала не буду!

— Кто говоритъ тебѣ—танцовать!—вспыхнулъ Богданъ.—Козаку ни передъ кѣмъ танцовать не надобно, а надо такъ держаться, чтобъ и самого „уродзоного" шляхтича за поясъ заткнуть. Тогда только тебя всѣ поважать будутъ и за равнаго сочтутъ. И правъ своихъ сможешь разумомъ добиться, а что̀ все зубы считать да ребра ломать? Нужно, не одними руками, а и разумомъ бить, вотъ противъ такой силы не сможетъ никто!

Богданъ повернулся и направился широкими шагами къ крыльцу дома. Ганджа стоялъ въ той же позѣ съ лицомъ, выражавшимъ полное недоумѣніе; Золотаренко задумчиво покручивалъ усъ, а на лицѣ Тимка, со сжатыми плотно губами лежало выраженіе такого упрямаго сопротивленія, которое ясно показывало, что сынъ не согласится въ этомъ съ батькомъ никогда.

Къ вечеру все небо зятянуло сплошной сѣрою пеленой. Начали робко прорываться мелкія капли дождя, а потомъ онъ засѣялъ смѣло, какъ изъ частаго сита, теплый, ровный и благодатный. Воздухъ дохнулъ живительною прохладой и свѣжестью, навѣялъ на хуторянъ и проснувшіяся надежды на урожай, и сладкій, послѣ утомительнаго зноя, сонъ.

Нѣсколько разъ Оксанѣ чудились ночью какіе-то стуки въ ворота, какіе-то возгласы и топотъ чьего то коня, а Катря и Оленка спали, какъ убитыя, спокойно.

Утромъ, чуть солнце показалось надъ горизонтомъ, Оксана быстро вскочила на ноги и, опустивши „кватырку“, выглянула въ окно. Утро стояло дивное, влажное, сверкающее. Омытые дождемъ деревья, цвѣты и кусты такъ и горѣли на солнцѣ крупными каплями росы; трава, казалось, гнулась подъ этими тяжелыми, прозрачными каплями, унизавшими ее. Весело чиликали ободрившіяся птицы. Оксана снова оглянулась въ комнату. Бабы уже не было, а Катря еще спала крѣпкимъ сномъ.

— Катря, Катруся, вставай!—бросилась она весело будить подругу.—Посмотри только, какое славное утро!

Катря приподнялась и сѣла на лавкѣ, протирая кулаками глаза.

— Что, что такое?—проговорила она сквозь сонъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло.

— Вставай, вставай же, Катрусе!—тормошила ее Оксана.—Ночью кто-то пріѣхалъ къ намъ. Я слыхала, право! Вставай, скоренько побѣжимъ, посмотримъ!

— О?—отняла Катря отъ глазъ руки, совершенно очнувшись уже отъ сна.—Кто-жъ бы это былъ?

— Не знаю, а можетъ Олекса...—шепнула она и прибавила торопливо,—одѣвайся скорѣе, увидимъ.

Въ одно мгновеніе дѣвочки сорвались и начали поспѣшно одѣваться. Умывши лицо холодной водой изъ глинянаго кувшина, онѣ туго заплели свои косы; но, сколько ни мочила Оксана волосъ водою, непокорные завитки продолжали упрямо выбиваться и изъ-за ушей и надо лбомъ. Туалетъ былъ скоро оконченъ. Оксана и Катря взглянули мелькомъ въ большое мѣдное зоркалце, гладко отполированное, и выбѣжали во дворъ.

— Ой, боюсь росы!—вскрикнула Катря, ступая босою ногой на мокрую траву.

— А я такъ люблю! Ухъ, славно какъ!—бросилась Оксана нарочно по самой густой травѣ.—Побѣжимъ къ „гайку“, можетъ, бабу встрѣтимъ, разспросимъ, а то къ шелковицѣ; еще рано: всѣ спятъ.

Дѣвушки побѣжали по утоптанной желтымъ пескомъ дорожкѣ. На душѣ ихъ было такъ весело и свѣтло, какъ и въ этомъ раннемъ, безоблачномъ небѣ. И свѣжее утро, и пріѣхавшій неизвѣстный панъ,—все это заставляло еще скорѣе биться ихъ молоденькія, полныя жизненной радости сердца. И потому все кругомъ казалось такимъ веселымъ, такимъ улыбающимся, такимъ смѣшнымъ.

— А какъ ты думаешь, Катря, кто-бы онъ былъ?—спрашивала Оксана, набивая себѣ полный ротъ шелковицей.

— Нѣтъ, не Олекса, вѣрно важный панъ какой,—замѣтила серьезно Катря,—когда-бъ только не старый...

— И „гарный!“... Я терпѣть не могу старыхъ, да еще поганныхъ... Ты-бъ, Катруся, хотѣла, что-бъ онъ былъ „билявый“, или „чорнявый?“

— Билявый.

— А я-бъ хотѣла, чтобъ онъ былъ чорнявый козакъ съ чорными вусами, съ чорными глазами, въ „аксамитномъ“ кунтушѣ,— щебетала Оксана.—Охъ, Боже-жъ мой, что ты надѣнешь Катря? Знаешь, я надѣну зеленый жупанъ и желтыя черевики. Хорошо будетъ, да?

— Да, а я надѣну голубой и новыя сережки, что мнѣ подарилъ тато. Ну-жъ бо, Оксано, довольно шелковицы, бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе!..

— Господи! Да что-же это мы надѣлали?—всплеснула руками Оксана, смотря съ ужасомъ на свои черные пальцы и на чорные зубы Катруси.

— Да уже тамъ отмоемъ какъ-нибудь!

Дѣвушки взялись за руки и со звонкимъ хохотомъ бросились по направленію къ дому; какъ вдругъ изъ-за поворота аллеи прямо выросла передъ ними высокая мужская фигура.

— Ой!—вскрикнула Катря и бросилась въ кусты, а Оксана такъ и замерла на мѣстѣ.

Передъ ней стоялъ никто иной, какъ Олекса. Только-жъ, Боже мой, развѣ это былъ ея прежній, маленькій Ахметка? Предъ ней стоялъ высокій и статный молодой козакъ, не хлопчикъ, а настоящій козакъ, „высокій та стрункій, мовъ яворъ“, съ смуглымъ, мужественнымъ лицомъ, съ чорными, еще небольшими усами и чуть-чуть приподнятыми бровями. На немъ былъ красный жупанъ, дорогіе пистоли и сабля.

Оксана стояла, какъ вкопанная, не отводя отъ него глазъ, будучи не въ силахъ двинуться. И радость, и смущеніе, и неожиданность сдушили ея трепетавшее сердце.

— Оксана!—только и могъ вскрикнуть отъ того-же восторга Олекса, останавливаясь передъ нею, какъ вкопанный; онъ съ изумленіемъ заглядѣлся на прелестную, раскраснѣвшуюся молодую дѣвушку, такъ неожиданно появившуюся передъ нимъ.

— Оксана, да неужели это ты?

Но этотъ знакомый голосъ въ одно мгновеніе отрезвилъ Оксану. И ея босыя ноги, и растрепанныя кудри, и черныя отъ шелковицы руки и зубы,—все это въ одно мгновеніе предстало съ изумительною ясностью передъ ней:

„Господи, а она то такъ мечтала, такъ долго думала объ этой встрѣчѣ! Пропало, пропало все!“

— Ой!—вскрикнула Оксана, закрывая фартухомъ лицо, и бросилась опрометью по мокрой травѣ.

XXIV.

Много перемѣнъ за эти четыре года произошло въ Чигиринѣ. Старостинскій замокъ, угрюмо дремавшій надъ тихимъ Тясминомъ, въ послѣдній годъ обновился, принарядился и, открывъ свои сомкнутыя вѣки, глянулъ на свѣтъ. Отъ замка побѣжали внизъ между волнами густой зелени золотистыя сѣти дорожекъ; вокругъ него разостлались роскошными плахтами клумбы цвѣтовъ; съ боковъ пріютились красныя черепичныя крыши, разсыпавшіяся между садиками, вплоть до „Стараго мѣста“ (городской площади). Коронный гетманъ, староста Чигиринскій, рѣдко останавливался въ Чигиринскомъ замкѣ, а потому послѣдній и былъ прежде запущенъ. Но два года назадъ приглянулась старому магнату молодая красавица, дочь краковскаго воеводы князя Любомирскаго, и влюбленный старецъ переселился поближе къ своей желанной невѣстѣ, укрѣпивъ мѣсто Чигиринскаго старосты за своимъ сыномъ Александромъ, къ которому назначилъ подстаростой „дозорца“ своихъ „маетностей“, пана Чаплинскаго. Послѣдній успѣлъ заискать расположеніе у стараго Конецпольскаго, а молодому съумѣлъ залѣзть въ душу; онъ подмѣтилъ у юноши дряблую, падкую ко всякимъ вожделѣніямъ натуришку и сталъ потакать ей тайно во всемъ. Самъ, въ конецъ развращенный, онъ систематически развращалъ и гетманскаго сына, забирая въ свои руки его тряпичную волю: охоты, азартныя игры, кутежи, потѣхи. насилія, вальпургіевы ночи опьяняли изнѣженнаго магнатика чадомъ жизни и привязывали къ виновнику этихъ наслажденій, Чаплинскому. Когда же старый Конецпольскій удалился на Подолію, оставивъ сына самостоятельно хозяйничать въ Староствѣ, то Чаплинскій не сталъ уже стѣсняться въ виртуозности своихъ измышленій и закружилъ голову своего владыки въ безконечныхъ оргіяхъ и пирахъ... И Чигиринскій замокъ, и дворъ и самъ городъ закипѣли небывалымъ оживленіемъ, хотя это оживленіе принесло мѣстнымъ жителямъ много горя и слезъ.

Пониже стараго замка, на кручѣ, надъ самымъ Тясминомъ, въ тѣни садовъ чернѣло высокою крышей довольно большое и неуклюжее зданіе; за нимъ золотистыми ромбами выглядывали новыя гонтовыя крыши другихъ построекъ, надъ которыми, въ видѣ каланчи, высилась круглая башня; это была усадьба Чигиринскаго подстаросты Чаплинскаго.

Теперь подъ покровомъ мягкой украинской ночи и „будынокъ", и садъ Чаплинскаго свѣтились огнями; на широкомъ, мигавшемъ отъ двигавшихся факеловъ дворѣ стояла сутолока и гамъ: стучали колымаги и „повозы", фыркали кони, перебранивались кучера, суетилась прислуга, сновала туда и сюда придворная шляхта. Овдовѣвшій Чаплинскій, по истеченіи шестимѣсячнаго траура, праздновалъ сегодня свое новое кавалерство, задавалъ холостую пирушку—„хлопьяшникъ"...

За домомъ, въ саду, подъ охраной вѣтвистыхъ елей и сосенъ, пересаженныхъ искусственно на песчаный холмикъ, стояло обширное „гульбище" (павильонъ); къ нему вела змѣйкой дорожка, окаймленная въ перемежку кустами папоротника и можжевельника. Самое „гульбище" внѣшнимъ видомъ напоминало какое-то капище съ островерхою крышей; послѣдняя заканчивалась расплывшимся куполомъ, съ длиннымъ, торчащимъ шестомъ. Вокругъ этого купола шла узенькая, огражденная баллюстрадой, площадка, къ которой вела шаткая лѣстница, Съ этой площадки открывался чудный видъ на разлившійся озеромъ Тясминъ, на тающіе въ сизой мглѣ контуры праваго нагорнаго берега и на раскинутый гигантскій коверъ лѣваго. Внутри это „гульбище" состояло изъ одной просторной свѣтлицы, къ которой примыкали съ двухъ сторонъ уединенныя бесѣдочки, густо обвитыя дикимъ виноградомъ и плющемъ. Внутренность ея была искусно отдѣлана березой: бѣлыя пластинки коры переплетались мозаикой съ темными фарнерами корня въ прихотливые узоры и словно коврами покрывали потолокъ и стѣны свѣтлицы, придавая ей необычайно оригинальный и кокетливый видъ. Незастекленныя, безъ рамъ, высокія окна, были полузавѣшаны извнѣ бахромою ползучихъ растеній, а внутри закрывались „матками" (цыновками) изъ „осикняга". При входѣ была во всю длину зданія широкая терраса. Мебель въ свѣтлицѣ состояла изъ свѣтлыхъ ясеневыхъ столовъ и плетеныхъ изъ краснаго „шелюга" (родъ лозы) креселъ; но въ бесѣдкахъ стояли еще и широкія „канапы" съ изголовьями, обитыя мягкими коврами.

Теперь всѣ столы были накрыты бѣлоснѣжными скатертями и гнулись подъ тяжестью канделябровъ, жбановъ, кувшиновъ, кубковъ и всевозможнѣйшихъ флягъ. „Матки" на окнахъ и дверяхъ были подвернуты; внутренность свѣтлицы горѣла сотнями колеблющихся огней, а черезъ темныя отверстія оконъ врывались струи прохладнаго, напоеннаго смолистымъ занахомъ воздуха. Въ свѣтлицѣ и на террасѣ въ дорогихъ и пестрыхъ костюмахъ толпились группами гости; но у стола еще никто не сидѣлъ, видимо, ожидая прибытія какого-то важнаго лица. Самъ хозяинъ то и дѣло выбѣгалъ на террасу и разсылалъ на развѣдки своихъ казачковъ—„джуръ".

У одного изъ открытыхъ оконъ стоялъ зять хозяина, Комаровскій, молодой еще блондинъ, съ свѣтлыми безцвѣтными глазами, широкимъ носомъ и толстыми, чувственными губами; онъ разсказывалъ собравшимся вокругъ него вельможнымъ панамъ игривыя „побрехеньки“, заставлявшія всѣхъ покатываться со смѣху; особенно громко и съ засосомъ хохоталъ, поддерживая руками свою вмѣстительную утробу, откормленный на славу, съ бычачьей шеей, панъ Цыбулевичъ, пріѣхавшій изъ Волыни по личнымъ дѣламъ; за нимъ заливался звонкимъ и частымъ смѣхомъ худощавый и длинный, какъ жердь, „старшій“ (на основаніи масло-ставской ординаціи) надъ рейстровыми казаками, ополяченный нѣмецъ Шемброкъ; за этими фигурами то скрывался, то скромно выглядывалъ знакомый уже намъ панъ Ясинскій, втершійся какъ-то на-дняхъ, при посредничествѣ Чаплинскаго, въ свиту молодого старосты; онъ былъ одѣтъ просто, по шляхетстки, и подобострастно хихикалъ, прищуривая свои красные, подпухшіе глаза и стараясь втянуть въ себя округлившееся за четыре года брюшко; за нимъ толпилось еще нѣсколько блестящихъ фигуръ молодой шляхты. У другого окна, яко-бы созерцая глубокое, усѣянное звѣздами небо, стоялъ его мосць панъ пробощъ и чутко слѣдилъ за разсказами, смакуя каждымъ словомъ въ тиши. Подъ елями прохаживались тоже нарядныя группы.

— Фу, пане... дай пбкой... отпусти душу!—почти задыхался панъ Цыбулевичъ.—Вѣдь лопну... „якъ маме кбхамъ“! И безъ того духота, а ты еще поддаешь пару...

— „Пшепрáшамъ“, тутъ еще на духоту жаловаться нечего,—замѣтилъ худощавый Шемброкъ,—тутъ пышно, чудесно... вѣтерокъ, прохлада и этотъ боръ,—сказалъ онъ, махнувъ къ себѣ нѣсколько разъ рукою и стараясь вдохнуть благоуханіе ночи.

— Да, здѣсь восхитительно, очаровательно, ясное панство,—вмѣшался робко Ясинскій,—я во многихъ богатѣйшихъ „палацахъ“ бывалъ, но такого привлекательнаго уголка не находилъ нигдѣ.

Цыбулевичъ и Шемброкъ посмотрѣли небрежно на Ясинскаго.

— Ну, пане-тесте, здѣсь хвалятъ всѣ твое „гульбище“,—обратился ко входившему Чаплинскому Комаровскій,—и постройку, и борикъ, и твою фантазію находитъ панство прекрасными...

— Очень радъ, очень польщенъ, мои дорогіе, пышные гости,—подошелъ, самодовольно улыбаясь, хозяинъ,—для меня тоже здѣсь самый дорогой уголокъ въ моихъ владѣніяхъ: эти сосны и ели, этотъ песокъ и можжевельникъ, эта березовая отдѣлка напоминаютъ мнѣ, хотя слабо, мою милую Литву, и я здѣсь отдыхаю отъ трудовъ душою и тѣломъ.

— И предаюсь, добавь, тато, за ковшемъ добраго литовскаго меду, свободной нѣгѣ, услаждаемой нимфами...

— Что-жъ, зять?—вздохнулъ невинно Чаплинскій,—„vita nostra brevis est".

— Клянусь Бахусомъ и Венерою—правда!—воскликнулъ Комаровскій.

— А, панъ поклоняется только двуипостасному богу!—засмѣялся октавою Цыбулевичъ.

— Иногда еще, пане, признаю и третьего—Меркурія...

— Да... игра и всякія прибыли, гешефты... опять вмѣшался Ясинскій,—безъ нихъ и первые два бога имѣютъ мало значенія... Есть вотъ „баечка"...

— А что же, пане,—прервалъ Ясинскаго Цыбулевичъ,—будемъ-ли мы посвящены во всѣ прелести нѣги литовской?

— Объ этомъ его мосць будетъ судить лишь послѣ завтра,—развелъ руками Чаплинскій и съ загадочною улыбкой подошелъ подъ благословеніе пробоща.

На террасѣ стоялъ Хмельницкій съ полковниками Барабашемъ и Ильяшемъ. Первый выглядѣлъ уже старикашкой, съ отвислыми щеками и такимъ же брюшкомъ; держался онъ нѣсколько сутуловато и не совсѣмъ твердо въ ногахъ; огромные сѣдые усы его спадали длинными прядями на грудь, а узкіе прорѣзанные глаза изобличали татарское происхожденіе. Второй же былъ болѣе бодръ и темнымъ цвѣтомъ лица да характернымъ носомъ напоминалъ армянина.

— За границу я ѣздилъ по королевскимъ личнымъ дѣламъ... съ письмами къ тестю,—говорилъ Богданъ,—чего мнѣ скрывать отъ своихъ? Мнѣ шляхетное мое товарыство дороже, чѣмъ кто бы ни былъ: съ панствомъ шановнымъ мнѣ вѣкъ и жить, и служить, а тамъ,—махнулъ онъ рукою—„съ Богомъ, цыгане, абы я дома"...

— Это ты гораздъ, пане сотнику,—буркнулъ Барабашъ, мотнувъ усомъ,—кому, кому, а тебѣ съ нами... и рука руку, знаешь...

— И моетъ и „бруднитъ" (грязнитъ),—засмѣялся Богданъ.

— Хе!—клюнулъ носомъ Ильяшъ, набивая съ длиннымъ чубукомъ трубку,—но любопытно знать... даже бы нужно... что̀ стояло въ тѣхъ письмахъ?

— Нельзя-же было, пане полковнику, разламывать печатей,—отвѣтилъ, пожавши плечами, Богданъ,—хотя и „кортѣло"... Такъ, съ углышка только могъ дагадаться, что дѣло шло о приданомъ... „Грошей" просилъ его королевская мосць,—добавилъ онъ шепотомъ.

— Ага, именно!—обрадовался догадкѣ Барабашъ,—король вѣдь дѣйствительно бѣднякъ—„харпакъ"... Гдѣ ему намъ допомочь? Нѣкоторые у насъ надѣются на короля... Пустое! „Попыхачъ" онъ у золотого ясновельможнаго панства...

— „Якъ нема тата, то шукай ласки у ката“,—улыбнулся Ильяшъ, раскуривая трубку.

— Такъ ли, сякъ ли, а ѣсть надо...—засмѣялся и Барабашъ, а потомъ замѣтилъ Богдану:—скучали мы по тебѣ, пане, что рѣдко такъ жалуешь?

— Спасибо за ласку,—поклонился сотникъ:—боялся докучать, да и рои подоспѣли ..

— Пышное панство, прошу въ свѣтлицу къ столамъ!—крикнулъ на террасѣ Чаплинскій.—Его ясновельможная мосць уже ѣдетъ!

Длинною вереницей потянулись гости въ свѣтлицу. Хозяинъ торопливо началъ представлять ихъ другъ другу.

Хмельницкій страшно былъ озадаченъ появленіемъ своего врага, почти забытаго имъ за пять лѣтъ. Самъ Чаплинскій видимо чувствовалъ себя крайне неловко при представленіи своему свату Ясинскаго и пытался загладить эту неловкость ихъ примиреніемъ.

— Пана страшно грызетъ совѣсть за прошлое,—умильно заглядывалъ свату хозяинъ въ глаза,—онъ почти для того и пріѣхалъ, чтобы выпросить у тебя, друже, забвеніе ошибкамъ горячей и неразсудливой юности.

Ясинскій стоялъ во время этой тирады въ смиренной позѣ, съ опущенными долу глазами и поникшей головой.

— Что было, то минуло,—сказалъ небрежно Богданъ и, взявши подъ руку свата, отвернулся отъ Ясинскаго, сказавши:—я имѣю тебѣ, пане-брате, сообщить нѣчто важное.

Ясинскій проводилъ его злобнымъ, зеленымъ взглядомъ шакала.

Въ это время распахнули двери два козачка, и въ свѣтлицу быстро вошелъ самъ староста, молодой Александръ Конецпольскій, подъ руку съ княземъ Заславскимъ.

Не смотря на раннюю молодость, на лицѣ Конецпольскаго лежали уже слѣды отравы и пресыщенія, а вздернутый носъ и прищуренные глаза придавали ему нахальное выраженіе. Заславскій же былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, но необыкновенно тученъ; впрочемъ, лицо его дышало здоровьемъ и свѣжестью, а выраженіе его было крайне симпатично: и по одеждѣ, и по манерамъ можно было сразу признать въ немъ магната.

Въ свѣтлицѣ послышалось шумное движеніе: Чаплинскій бросился съ подобострастнымъ восторгомъ навстрѣчу; панство тоже понадвинулось привѣтствовать именитыхъ гостей.

— Вотъ я, пане,—обратился Конецпольскій къ хозяину,—привезъ къ тебѣ моего дорогого гостя, ясновельможнаго каштеляна Дубенскаго, князя Доминика Заславскаго,—прошу „ушановать“ его мосць.

— Падамъ до ногъ!—захлебывался, изгибаясь, Чаплинскій.— За великую честь, за счастье! Челомъ бью ясноосвѣцоному панству, прошу на почетное мѣсто!

Поздоровавшись съ нѣкоторыми гостями и познакомивъ съ ними Заславскаго, Конецпольскій привѣтствовалъ остальныхъ наклоненіемъ головы и занялъ первое мѣсто, усадивъ по правую руку Заславскаго.

Теперь уже хозяинъ обратился съ пріятнымъ жестомъ ко всѣмъ:

— Прошу, пышное панство, занимайте мѣста, кому гдѣ любо: сегодня мы празднуемъ вольное свято утѣхъ и радостей жизни, свободу нѣжныхъ страстей, а передъ ними—всѣ равны. Не будемъ же тратить дорогого времени.

Съ одобрительнымъ шумомъ размѣстилось многочисленное общество за столами.

— Для начала, панове,—произнесъ торжественно Чаплинскій, наливая изъ объемистой фляги всѣмъ въ кубки какую-то золотисто-зеленоватую жидкость,—прошу васъ отвѣдать этой литовской старки, настоянной на звѣробоѣ и можевельникѣ.

— Недурно,—попробовалъ староста.—Ты вѣдь, пане „подручный", обѣщалъ угостить насъ сегодня всѣми роскошами Литвы, начиная съ яствъ и питей и кончая болѣе сладкими прелестями?

— Темные лѣса и глубокія озера моей родины, со всѣми ихъ обитателями, видимыми и таинственными, со всѣми чарами нѣги, будутъ у ногъ ясновельможнаго пана,—произнесъ съ низкимъ поклономъ, разводя руками Чаплинскій.

— Это мы съ паномъ-пробощемъ оцѣнимъ,—подмигнулъ Конецпольскій.

— „Non possumus",—опустилъ глаза пробощъ.

— Го-го!—засмѣялся староста.— „Potencia potenciorum"!

— А пока знайте, панове,—обратился онъ ко всѣмъ,—что мой помощникъ празднуетъ сегодня свою холостую свободу и возобновленную молодость, такъ нужно намъ поддержать его подержанныя силы.

— „Edamus, bibamus, amemus!"—воскликнулъ, поднимая кубокъ, Хмельницкій.

— „Amen!"—чокнулся съ нимъ Барабашъ.

— Виватъ! Слава!—подхватили гости шумно, одобривъ литовскую старку. Судя по возросшему сразу шутливому говору и смѣху, она дѣйствительно заслуживала большой похвалы.

Между тѣмъ, гайдуки втащили на столы въ огромныхъ „полумискахъ" медвѣжьи окорока, буженину изъ вепря, лосьи копченые языки, полотки изъ дикихъ гусей, а къ нимъ въ вычурныхъ „мисахъ"—вазахъ разнообразныя соленья и приправы изъ лѣсныхъ ягодъ и разнаго рода грибовъ, да всякіе еще литовскіе сыры. Без-

численное количество козачковъ засуетилось возлѣ гостей, то подавая, то принимая посуду, то ожидая другихъ приказаній.

Съ шумными одобрительными возгласами и жадностью накинулось панство на дары дремучей Литвы; цоканье ножей, усиленное сопѣніе и жеваніе неоспоримо доказывали, что гости отдавали имъ полную честь. Чаплинскій суетился, рекомендовалъ и самъ подкладывалъ лучшіе куски особенно почетнымъ для него лицамъ. Молча, кивками головъ да мычаніемъ, благодарила услужливаго хлѣбосола почтенная шляхта и только лишь вытирала платками, а то и бархатными „велётами" своихъ роскошныхъ „кунтушей" обильно выступавшій на подбритыхъ лбахъ потъ.

Послѣ первой смѣны, хозяинъ наполнилъ кубки гостей новою мудреной настойкой. На вторую скатерть поставлены были другія „полумиски" и лохани съ разною маринованною, вареною, жареною, фаршированною рыбой, и все изъ литовскихъ озеръ, съ литовскими-же соусами и „потравками".

Когда первый голодъ былъ утоленъ и съ меньшею жадностью стало набрасываться панство на снѣди, послышались за столами то тамъ, то сямъ короткія фразы.

— Да, у насъ новость, я и забылъ сообщить ясновельможному панству,—говорилъ замѣтно уже подогрѣтый старками панъ Чаплинскій,—у насъ вотъ въ Чигиринскомъ лѣсу, за Вилами, въ трущобѣ поселилась литовская вѣдьма, „чаклунка", почище кіевской... вотъ такъ ворожитъ—не цыганкамъ чета! Кому изъ васъ, панове, желательно узнать свое будущее, такъ рекомендую: какъ на ладони увидите! А кромѣ того у нея найдутся вѣрнѣйшіе привороты и отвороты...

— Ну, этого намъ не потребуется,—скромно замѣтилъ панъ пробощъ.

— Очень самонадѣянно!—улыбнулся Заславскій.

— Гм, гм!—погладилъ усъ Барабашъ,—а мы такъ должны смирить свою гордыню.

— Хе? Намъ „подтоптаннымъ" зѣло нужны „привороты",— замѣтилъ Шемброкъ.

— А по-моему, пане-добродзѣю, найлучшій приворотъ—это дукаты!—пробасилъ князь.

— Святая истина!—пропѣлъ въ тонъ Ясинскій.

Всѣ захохотали. Сдержанное, натянутое настроеніе предъ лицомъ такихъ важныхъ магнатовъ, ослабленное нѣсколькими кубками доброй старки и другихъ настоекъ, теперь сразу упало, всякъ почувствовалъ себя развязнымъ и смѣлымъ.

— Въ какихъ это Вилахъ,—спросилъ небрежно Богданъ,— что на Татарскомъ току, или за Чортовымъ провальемъ?

— За Чортовымъ, за Чортовымъ, гдѣ крутится бѣсомъ „бурчакъ“,—отвѣтилъ Чаплинскій, наполняя свату вновь кубокъ,—а что, думаешь попытать свою долю?

— И спрашивать нечего: наша доля затылкомъ стоитъ.

Совершили третье общее возліяніе, подали новую перемѣну. На этотъ разъ въ глубокихъ вазахъ появились литовскіе колдуны.

— Пышное панство!—заявилъ торжественно хозяинъ,—и рыба, и колдуны любятъ плавать, такъ вотъ рекомендую легкія прохладительныя—толстыя фляги наливокъ, ратафій, запеканокъ, мальвазій. Черпайте изъ нихъ обильно и спѣшно, ибо съ появленіемъ царя питей, нашего стараго, сѣдого меда, всякія пустяковины будутъ убраны.

— Добрая „рада“!—зашумѣли гости и потянулись всѣ къ флягамъ.

— Не буду времени тратить, ясновельможный пане!—крикнулъ уже смѣло Ясинскій, опоражнивая кубокъ.

Начались межъ сосѣдями и въ разбивку потчиванья и чоканья.

— Слыхали-ли, панове,—заговорилъ одинъ изъ молодыхъ землевладѣльцевъ,—вновь начались хлопскіе бунты.

— Что? Гдѣ?—обратились многіе къ шляхтичу.

— Да вотъ, у моего брата за Кіевомъ былъ случай: не захотѣли „панщины“ отбывать хлопы, стали галдѣть, что прежнимъ владѣльцемъ имъ даны зазывныя льготы.

— Ишь, ты!—заволновались нѣкоторые.—Послушай ихъ, такъ и хозяйство все брось!

— Ну, и что-же, пане-добродзѣю?—заинтересовался Заславскій, да и другіе притихли.

— Братъ-то, ясновельможный пане, расправился съ ними пошляхетски: написалъ имъ новыя условія на спинахъ.

Взрывъ хохота прервалъ разсказщика.

— Да, панове, а одно село, которому такое рѣшеніе не понравилось, сжегъ онъ до тла.

— Съ хлопами? Такъ начадилъ сильно!—икнулъ Ясинскій.

— И убытки понесъ,—добавилъ мрачно Богданъ.

— Конечно,—загорячился панъ съ бычачьей шеей,—а что подѣлаешь? Вотъ и у меня въ сосѣдствѣ повѣсили эконома хлопы.

— Плохое предзнаменованіе,—отозвался Заславскій,—и многому виною мы сами.

— Конечно, ясноосвѣцоный княже,—подхватилъ развязно молодой шляхтичъ,—потворство, полумѣры, „панькапье“...

— Жестокость,—подсказалъ Шемброкъ.

— Соблазняются такими мыслями многіе,—промычалъ Комаровскій.

— „Аще око тебя соблазняетъ, вырви его и верзи вонъ“,— съ чувствомъ сказалъ пробощъ, поднявши набожно взоръ.

— Отвратительная слабость,—зарычалъ Цыбулевичъ,—не манерничать нужно съ этимъ быдломъ, а залить сала за шкуру...

— Какъ князь Ярема кричитъ: „огнемъ и мечемъ!“—улыбнулся насмѣшливо Заславскій,—только вотъ въ чемъ бѣда: послѣ огня и меча ничего не остается.

— Да, ясный княже, намъ, властителямъ, это невыгодно,— сказалъ, покраснѣвши, Хмельницкій.

— Я вотъ потому и рекомендую лучшее правило—„канчукомъ“ и лозой!—выпятилъ багровые глаза Цыбулевичъ.

— Виватъ, пане!—потянулись многіе къ толстяку съ кубками.

— Виватъ!—поднялъ свой и Богданъ.—Вы тамъ канчуками разгоните, а народъ и бросится къ намъ, вотъ тогда въ помѣстьяхъ вельможнаго нашего панства и будетъ сила рабочихъ.

— Слава нашему пану сотнику!—закричали одни, а другіе расхохотались.

— Слава свату, слава!—чокнулся съ Богданомъ Чаплинскій.—Только и съ нашимъ подлымъ народомъ нужно камень за пазухой держать. Предпочитая регламентъ пана Цыбулевича, я предлагаю въ дополненіе еще болѣе остроумныя мѣры, какъ, напримѣръ: жажду, голодъ, холодъ, зудъ...

— Воистину, претерпѣвшій на тѣлѣ душу свою соблюдетъ,— вздохнулъ пробощъ.

— Отецъ мой,—замѣтилъ иронически Конецпольскій,—очень ужъ этому быдлу потворствовалъ,—льготы давалъ, поборы бралъ ничтожные, а потому такіе-жъ и доходы.

— Ну, мы ихъ увеличимъ!—задорно крикнулъ Чаплинскій.

— Я вѣдь, свате, тоже за доходъ: чѣмъ больше его въ нашихъ помѣстьяхъ, тѣмъ лучше,—вмѣшался Хмельницкій, якобы небрежнымъ, веселымъ тономъ, но замѣтно было, что въ голосѣ его прорывалась сдерживаемая злобная хрипота, изобличавшая внутреннюю бурю. Только, по-моему, первая забота добраго хозяина, чтобъ „быдло“ его было въ силѣ и въ тѣлѣ, а если его изнурить голодомъ, да холодомъ, да „нужею“, такъ работы съ него не будетъ; значитъ, и выйдетъ: „ни Богови свичка, ни чортови кочерга!“ А на счетъ дохода, такъ его можно увеличить, либо выдавливая сильнѣе изъ одной „макухи“ (жомъ) „олею“, либо увеличивая число „макухъ“.

— Ловко, ловко, пане! Голова!—поддержали Богдана мѣстные шляхетные землевладѣльцы, а пьяненькій Барабашъ даже облобызалъ своего сотника.

— Теперь запугиваніе панства этимъ схизматскимъ хлопствомъ „никчемно",—вмѣшался вдругъ въ разговоръ сильно охмелѣвшій Ясинскій.—У пана сотника все старое въ головѣ: минуло, прошло! Теперь, если бы что, такъ только мокрое мѣсто,—нагло онъ опрокинулъ свой кубокъ и разлилъ по скатерти драгоцѣнную влагу.

— Совершенно вѣрно,—поддержалъ и Чаплинскій.

— А если отъ пана Цыбулевича и его сосѣдей перебѣгутъ къ намъ всѣ хлопы,—добродушно засмѣялся сѣденькій старичекъ,—такъ чтобы не было волненія...

— У Рѣчи-Посполитой хватитъ на всѣхъ „канчука"!—крикнулъ заносчиво Комаровскій.

— У меня-то волненій не будетъ, ручаюсь,—высокомѣрно сжалъ брови молодой староста,—хотя я и сокращаю, и уничтожаю эти глупыя льготы... Я и съ паномъ сотникомъ не согласенъ: по-моему, и „макухъ" нужно больше завести, и выдавить кажду посильнѣе.

Богданъ заскрежеталъ зубами и выпилъ залпомъ огромный кубокъ наливки.

Чаплинскій, замѣтивъ желчное раздраженіе своего патрона, поторопился замять эту опасную тему, начавъ разливать въ ковши новые хмѣльные дары своей родины. На столахъ появилась грудами жареная дичь—лебеди, тетерева, глухари, рябчики. Панство потянулось тащить на тарелки руками жирное, обложенное саломъ мясо, но ѣло уже болѣе лѣниво, небрежно, какъ говорятъ, „ялозило" имъ руки и губы. Лица у большинства гостей были сильно возбуждены, глаза горѣли, потъ скатывался свободно ручейками по лоснящимся, краснымъ щекамъ.

— Нѣтъ, что ни говорите, панство,—началъ таки снова, тяжело отдуваясь, Цыбулевичъ,—а единодушія у насъ нѣтъ: если бы вся благородная шляхта постановила давить безъ потачекъ „псю кревъ", такъ давно бы эта сволочь и пищать позабыла...

— Не пищатъ только мертвые,—замѣтилъ тихо Богданъ.

— Ого!—подхватилъ нагло Ясинскій,—значитъ, панъ совѣтуетъ имъ всѣмъ снять „capita?"

— Я совѣтую пану,—улыбнулся презрительно тотъ,—просвѣтлить себя больше наливкой.

— Цо-о?—хотѣлъ было подняться Ясинскій, но не могъ. Сосѣди хохотомъ и говоромъ замяли эту неприличную выходку. Барабаша клонило ко сну, а другой сѣденькій старичекъ часто кле-

валъ носомъ въ тарелку. Шумъ все возросталъ: панство принимало болѣе непринужденныя позы, распускало пояса...

Чаплинскій, моргнувши сосѣдямъ на Ясинскаго, началъ поощрять всѣхъ къ выпивкѣ, угрожая, что, при появленіи на столахъ меду, это все будетъ убрано.

— По-моему,—поднялъ авторитетно голосъ, молодой Конецпольскій,—дикую бестію сначала нужно заморить, усмирить, чтобы потомъ на ней ѣздить.

— Коня и быка, но не хлопа,—отозвался пробощъ, открывая съ усиліемъ посоловѣвшія очи.—Вотъ мой коллега на Волыни вздумалъ было пріучить хлоповъ возить себя въ возкѣ по „парафіи“... ну, и возили... Только... что бы вы думали, пышное панство? Какой, эти схизматы, невѣрный народъ! Возили, возили, а потомъ загрузили возокъ въ болотѣ, въ лѣсу, и разбѣжались... Бѣдный капеланъ такъ и остался на мѣстѣ, въ добычу комарамъ и мошкѣ...

— Лайдаки! Шельмы!—закричали нѣкоторые, но большинство покрыло ихъ возгласы гомерическимъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха!—покатывался на стулѣ Заславскій.—Воображаю капелана въ болотѣ съ цѣлою тучей надъ нимъ всякой дряни...

— Забавно!—засмѣялся Конецпольскій.

— Да,—захихикалъ, подыгриваясь къ патронамъ, Чаплинскій,—вѣроятно, отмахивался и отчесывался долго...

— А и комары вѣрно долго „гулы“,—вставилъ Хмельницкій,—полакомившись на бѣломъ да хорошо откормленномъ тѣлѣ...

Новый взрывъ хохота покрылъ его слова.

Пробощъ поднялъ съ ужасомъ глаза вверхъ и сложилъ набожно руки...

Въ противуположномъ концѣ стола шелъ между двумя шляхтичами крупный споръ о собакахъ и держали пари, кто больше въ состояніи выпить. Ясинскій брался быть медіаторомъ... Справа какой-то „пидтоптаный“ панъ доказывалъ Шемброку, что нигдѣ нѣтъ такого матеріала для гарема, какъ въ этихъ мѣстахъ; но толстый, съ бычачьею шеей панъ все упорно стоялъ на своей темѣ:

— Нѣтъ, что ни толкуйте, панове, а единодушія у насъ „нема“: одинъ—сюда, другой—туда, а третій—чортъ знаетъ куда!

— Это-то, пане-добродзѣю, такъ!—отозвался Заславскій, вздымая свое шарообразное чрево.—Сенаторы и благоразумная шляхта не блюдутъ у насъ дружно Рѣчь-Посполиту ни въ „хатнихъ“ интересахъ, ни въ „окольныхъ“... Замѣчается расколъ, грозящій повалить и нашу золотую вольность.

— Какъ? Что такое?—встрепенулся Конецпольскій, а за нимъ и другіе насторожили уши.

— Да вотъ,—послѣ долгой передышки началъ Заславскій,— былъ я у великаго литовскаго канцлера Радзивила, такъ до него дошли смутные слухи, будто-бы нѣкоторые наши магнаты—nomina odiosa sunt—затѣваютъ что-то съ королемъ, вредное для нашей свободы.

Всѣхъ ошеломило это извѣстіе. Богданъ поблѣднѣлъ: неужели такъ тщательно скрываемая тайна сдѣлалась извѣстной до осуществленія?

— Сто дьябловъ!—ударилъ по столу кулакомъ Конецпольскій.

— Мокрая вѣдьма имъ въ глотку!—ругнулъ Цыбулевичъ.

— Sancta Mater!—всплеснулъ руками панъ пробощъ.

— Что-жъ это? Дурманомъ напоилъ кто-либо эти головы?— отнесся сочувственно и Чаплинскій.

— Главное, король,—подчеркнулъ Заславкій:—онъ, кажется, хлопочетъ объ увеличеніи своей власти и ищетъ клевретовъ...

— А въ какой-же хвостъ, ясный княже, смотритъ сеймъ?— посинѣлъ даже панъ Цыбулевичъ.

— Еще, пане-добродзѣю, идетъ только смутный слухъ,—отвѣтилъ Заславскій,—а когда будетъ что-либо положительное въ рукахъ, то сеймъ, конечно, распорядится...

Богданъ усиленно наливалъ себѣ кубокъ за кубкомъ и пилъ, чтобы скрыть отъ другихъ свое замѣшательство; ему казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него и что вотъ-вотъ сейчасъ начнется допросъ.

— Знаете... ясноосвѣцонное панство,—заговорилъ заплетающимся языкомъ Ясинскій:—Оссолинскій... у! это лисъ!.. Я только что изъ Варшавы... бывалъ тамъ вездѣ... у высшей знати... и слыхалъ... это изумительно...—„Якъ маме кохамъ“, пекельная штука!

— Какая?—поинтересовался Заславскій.

— Тонкая! Ваша яснѣйшая мосць!—нахально улыбался Ясинскій, бросая на Богдана вызывающій взглядъ,—я хорошо знаю Оссолинскаго... бывалъ у него...

— У ясноосвѣцоннаго пана канцлера?—воскликнулъ, пожавши плечами, Хмельницкій, желая осадить лжеца и подорвать къ нему довѣріе.

— Для козака это можетъ быть за диковинку,—прищурилъ презрительно тотъ глаза,—а для „уродзонаго“ шляхтича это „фрашки“ (пустяки)! А въ доказательство... я могу сообщить... что вотъ на дняхъ... у канцлера будутъ двѣ свадьбы...

— У него одна только дочь,—возразилъ Заславскій.

— Одна родная, ваша ясная мосць, а другая пріемышъ... да... просто пальцы оближешь!..

— Цацюня? Хе, хе, хе!!—засмѣялся Барабашъ, зажмуривъ глаза и покачиваясь изъ стороны въ сторону.

Словно молотъ тяжелый упалъ Богдану на голову.—Это Марылька!—сверкнуло у него молніей и молніей же ударило въ дрогнувшее сердце. Не получая никакихъ извѣстій о Марылькѣ, во время пребыванія своего заграницей, не получая отъ нея отвѣта на посланное ей письмо уже изъ Субботова, Богданъ порѣшилъ, что панянка забыла его, поглощенная волнами новой, увлекательной жизни, и что ему, козаку, не къ лицу носить какую-то „болячку" на сердцѣ про несбыточное чортъ-знаетъ-что... и вдругъ, при одномъ извѣстіи, онъ почувствовалъ въ сердцѣ боль, и такую щемящую да досадную, что даже бросилась ему въ лицо кровь и глаза сверкнули дикимъ огнемъ.

— Ну, такъ что-же развѣдалъ тамъ „вацпанъ"?—съ раздраженіемъ уставился староста на Ясинскаго.

— Что Осолинскій, ясноосвѣцонный задабриваетъ козачью старшину... О, это хитрая лисица... но и старшина тоже... ой, ой, ой!—не спускалъ онъ съ Хмельницкаго пьяныхъ глазъ.

— Это поклепъ и на Осолинскаго, и на старшину!—крикнулъ, вспыливши, Богданъ и отвелъ смущенно глаза.

— Старшина вѣрна Рѣчи-Посполитой!—добавилъ Ильяшъ.

— Предана, какъ собака.. какъ „скаженая",—забормоталъ Барабашъ, вытирая усами тарелку.

— Какъ одинъ да одинъ—два!—выпрямился Шемброкъ.

— Но, панъ сотникъ,—подчеркнулъ Конецпольскій,—вѣдь ты бывалъ у Осолинскаго... и, кажется, канцлеромъ взысканъ?

— Да, ваша вельможная мосць, былъ разъ,—отвѣтилъ, нѣсколько оправившись, Хмельницкій,—но никакихъ милостей не удостоился... Да и вѣроятно-ли, чтобъ государственный мужъ, вельможа и вдругъ бы сталъ откровенничать съ казакомъ, котораго въ первый разъ видитъ? Другое дѣло—панъ Ясинскій, что съ его ясною мосцью за панибрата.

— Да, да, за панибрата,—залепеталъ непослушнымъ языкомъ панъ Ясинскій,—потому что я крикну „не позволямъ!" и всѣхъ заставлю на сеймѣ молчать, а съ козакомъ не станетъ никто и говорить. Зась!—хотѣлъ онъ сдѣлать рукою какое-то движеніе и покачнулся на стулѣ; Чаплинскій бросился и помогъ Ясинскому дойти до открытаго окна. Конецпольскій только махнулъ рукою.

Подали на столы послѣднюю перемѣну; разныя медовыя сласти, пирожки, соты липоваго меду и фрукты.

— Панове!—торжественно возгласилъ Чаплинскій.—Теперь начинается великій часъ вожделѣній.

— Кохаймося!—крикнулъ Комаровскій.

— Виватъ!—подхватили другіе.

— Такъ я предлагаю, панове,—кричалъ хозяинъ,—скинуть жупаны и растегнуть пояса передъ появленіемъ нашего стараго литовскаго меду!

— Дѣло!—подалъ первый примѣръ Комаровскій, а за нимъ и другіе начали разоблачаться. Кто-то пошатнулся и упалъ, кто-то захрапѣлъ, съ кѣмъ-то сдѣлалось дурно...

— А гдѣ же твои литовскія нимфы?—обратился къ Чаплинскому захмѣлѣвшій староста.

— Не нимфы, ваша мосць, а „мавки“!

— Одинъ чортъ, лишь бы не духи, а осязаемыя; но онѣ, надѣюсь, прелестны и безъ нарядовъ?

— Совершенно,—покровы красоту оскорбляютъ. Я полагалъ бы, чтобы эти „мавки“ прислуживали намъ теперь и наполняли некторомъ кубки.

Одобрительное ржаніе поддержало это предложеніе.

Богданъ, воспользовавшись общимъ возбужденіемъ и суетой, незамѣтно вышелъ изъ свѣтлицы.

— Но какъ панъ пробощъ? Благословитъ ли?—замѣтилъ Заславскій.

— Невинныя удовольствія освѣжаютъ душу,—опустилъ тотъ смиренно глаза,—но, чтобы не смущать васъ, братіе, я удалюсь въ бесѣдку, а хозяинъ мнѣ туда пришлетъ съ нимфой кружечку меду.

Вся мужская прислуга была удалена; „матки“ на окнахъ опущены. За дверью послышался хохотъ и визгъ дѣвичьичъ молодыхъ голосовъ, но среди нихъ доносились и тихія всхлипыванія да взрывы рыданій.

Началась безобразная оргія...

XXV.

Съ большимъ трудомъ удалось Богдану отыскать своего коня. На конюшнѣ и на дворѣ пана подстаросты шло такое-же повальное пьянство, какъ и въ покояхъ, только все здѣсь было еще проще. Выкаченная бочка водки была уже почти пуста, но два полупьяныхъ конюха еще трудились надъ нею, вставляя неумѣло ливеръ въ воронку; остальные по большей части уже храпѣли въ растяжку на зеленой травѣ и подъ „повозами“ своихъ господъ. Изъ переполненной лошадьми конюшни слышались ржаніе, храпъ и стуки копытъ о твердую землю. Лошади, не умѣстившіяся въ конюшнѣ, были просто привязаны у дышелъ или около высокихъ, вбитыхъ въ землю

столбовъ. Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба словно заливалъ всю эту пеструю картину ровнымъ зеленоватымъ свѣтомъ.

Наконецъ, Богданъ отыскалъ своего Бѣлаша, самъ осѣдлалъ его и вскочивши въ сѣдло, поскакалъ быстрымъ галопомъ по соннымъ чигиринскимъ улицамъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже въ ровной и безлюдной степи.

Конь Богдана, несдерживаемый рукой, летѣлъ вскачь; видъ самого Богдана былъ такъ растерянъ и встревоженъ, что, казалось, сотникъ спѣшилъ скрыться отъ настигающаго его врага. Весь хмель, какой былъ въ головѣ козака, разомъ выскочилъ отъ послѣднихъ словъ Ясинскаго. О, этотъ Ясинскій, опять онъ встрѣтился на его пути и, какъ черный воронъ, всегда каркаетъ ему бѣду! Проклятая ящерица, раздавить бы тебя ногою, чтобъ не паскудила бѣлый свѣтъ! Но и молодой панъ Чигиринскій староста слишкомъ мало смотритъ на старшихъ людей... Послѣ того, какъ князь Ярема выгналъ эту гадину изъ своихъ хоругвей и самъ старый Конецпольскій благодарилъ его за это, онъ смѣетъ принимать къ себѣ этого пса?... О, это все штука пана-свата! Это онъ выволокъ Ясинскаго на свѣтъ! И съ какою радостью, съ какимъ ехидствомъ передавалъ этотъ выродокъ страшную вѣсть! Вырвать бы ему эти подкрученные усики и лживый, „облеслывый“ языкъ... Есть подозрѣніе на короля и на Оссолинскаго,—вспоминалъ отрывочно Богданъ,—думаютъ и на козацкихъ старшинъ. Да неужели же фортуна захочетъ такъ зло подсмѣяться надъ нами?... Кто дознался, кто додумался, кто?... А можетъ и ложь?—Богданъ остановился.—Можетъ все выдумалъ онъ для того, чтобы прихвастнуть, чтобы уколоть меня? Ложь, ложь,—крикнулъ Богданъ почти радостно.—Говоритъ, что бывалъ у Оссолинскаго... гдѣ ему у канцлера бывать? Однако, кто же могъ ему сказать о свадьбѣ?—Богданъ задумался.—Что-жъ дивнаго? Могъ быть въ Варшавѣ, искать мѣста, просилъ у канцлера, ну, и услыхалъ... вѣдь говоритъ—пріемышъ, а пріемышъ у канцлера одинъ...

Богданъ сбросилъ съ головы шапку и придержалъ разгорячившагося коня. Потонувшая въ лунномъ сіяніи степь вѣяла какою-то тихою, элегическою задумчивостью.—Марылька...—прошепталъ онъ тихо, опустивъ незамѣтно поводья и глянулъ, прищуря глаза въ мглистую даль, словно хотѣлъ разглядѣть тамъ въ туманномъ сіяніи дивный образъ, всплывавшій передъ нимъ.

— Четыре года назадъ, четыре года,—проговорилъ онъ задумчиво, незамѣтно для самого себя погружаясь въ волну какого-то сладкаго воспоминанія. Прошло нѣсколько минутъ. Богданъ очнулся.—Ясинскій говоритъ, что замужъ идетъ... Чтожъ, дай Богъ счастья! Лучшая доля!—Невольный вздохъ вырвался у него.—Эхъ, думаю, какой „красуней“ стала! Вѣрно и глазъ не оторвать! Тон-

кая, да гнучкая, бѣлая, какъ морская пѣна, а волнистые золотое волосы и тогда падали до колѣнъ... Что-жъ, и не написала про свою долю „тату", вѣдь татомъ звала тогда,—усмѣхнулся ѣдко Богданъ.—Э, да что тамъ разбирать!—Нагайка его рѣзко свистнула въ воздухѣ.—Тато-ли, братъ ли, а хотя бъ и мужъ,—женская память до завтрашняго дня.—У Богдана вдругъ поднялась въ душѣ глухая обида.—И за кого идетъ? Вѣрно за какого-либо магната! О, каждый изъ этихъ псовъ радъ полакомиться такимъ ласымъ кусочкомъ! Чтожъ, пусть идетъ, дай Богъ счастья!—повторилъ онъ самъ себѣ нѣсколько разъ,—только названному батьку не мѣшало бы хоть словечко написать! Ну, да вздоръ!—крикнулъ вдругъ Богданъ сердито.—Какое мнѣ до того дѣло, кто за кого замужъ идетъ? Пусть тамъ хоть всѣ черти съ вѣдьмами „въ пеклѣ" переженятся.—мнѣ наплевать! Вотъ канцлеръ, канцлеръ!—сжалъ онъ въ рукѣ нагайку.—Да и что знаютъ? Вѣрно только шальные слухи... А если довѣдаются о цѣли его поѣздки къ чужеземнымъ дворамъ?!—Ухъ,—заскрипѣлъ Богданъ зубами,—волки дикіе, собаки несытыя, наступили на горло, дохнуть не даютъ! Развѣдали уже и о королевскихъ планахъ! Да еслибы только узнать, кто выдалъ ихъ, колесовать его, четвертовать его, ирода, мало, живьемъ смолою залить! А въ случаѣ откритія заговора, что спасетъ его, Богданову, голову? Ужъ не охранная ли грамота короля?—Взволнованное лицо Богдана искривила ѣдкая, злая насмѣшка.—Нѣтъ, нѣтъ, вонъ тѣ „безглуздые", саломъ заплывшіе, пьяные, жадные Чаплинскіе, Ясинскіе, Заславскіе,—перечислялъ онъ съ мучительною радостью всѣ знакомыя шляхетскія фамиліи,—они паны, они короли! Кинутъ тебѣ кусокъ — ѣшь и лижи панскую руку, какъ Ильяшъ, какъ Барабашъ, а толкнетъ панъ сапогомъ—притихни, молчи, чтобы крикомъ не разгнѣвать господина... да еще слушай ихъ рѣчи!

Передъ Богданомъ вдругъ встала сразу вся сцена у Чаплинскаго и свой неудачный отвѣтъ и замѣшательство; поздняя, безсильная злоба охватила его... О, что бы онъ далъ, чтобы вернуться теперь сейчасъ туда, чтобы отречься тутъ же, при всѣхъ, отъ своихъ словъ и бросить имъ всѣмъ въ лицо настоящій отвѣтъ! Ахъ, эти рѣчи!

Богданъ скрутилъ въ рукакъ нагайку и, изломавши ее съ сердцемъ на нѣсколько кусковъ, швырнулъ далеко въ степь.—Слушаютъ ихъ, слушаютъ козаки, а какъ сами заговорятъ, такъ попухнутъ чортовы панскія уши отъ козацкихъ рѣчей! А все канцлеръ, канцлеръ! Лисица хитрая, самъ не знаетъ, на какую ногу ступить! И будто за короля горой, и сейма боится, и намъ не хочетъ довѣриться и не открываетъ всего! Ужъ такъ тонокъ... Только забылъ вельможный панъ, что гдѣ тонко, тамъ и рвется. Охъ, тяжело!—вздохнулъ глубоко Богданъ, сбрасывая шапку,—тяжело такъ жить!

Каждый день на сторожѣ—дурить шляхту, дурить своихъ, шляхты бояться, своихъ „зрадцевъ“ остерегаться, да и отъ преданныхъ таиться, и не знать ничего о томъ, что дѣлается тамъ!—Онъ пристально глянулъ въ сторону Варшавы, точно хотѣлъ разглядѣть тамъ что-то за далекимъ горизонтомъ.—А что, если тамъ все порвалось?—Богданъ почувствовалъ, какъ кровь отъ его сердца отлила тихо, медленно и мучительно зазвенѣла въ ушахъ.—Что то готовится въ будущемъ? Что то ждетъ впереди?... Тьма... неизвѣстность. Futurum incertum est,—прошепталъ онъ тихо, опуская голову на грудь.—О, если бы знать, что скрывается тамъ за этимъ темнымъ, непрозрачнымъ покровомъ будущаго: слава, свобода или позоръ и униженіе?... О, если бы хоть на одно мгновеніе приподнять этотъ темный покровъ?—Богданъ перевелъ свои глаза на звѣздное небо.—Возможно ли узнать грядущее? Зачѣмъ судьба скрыла его отъ насъ?... зачѣмъ?... Съ какою звѣздою связана его доля? Съ этою ли крупной, что такъ ярко сіяетъ въ самыхъ лучахъ мѣсяца, или съ той, что робко мерцаетъ въ голубой глубинѣ? Какія таинственныя силы управляютъ ихъ ходомъ?—Богданъ оглянулся; но кругомъ на горизонтѣ лежала только серебристая мгла.—Но, есть же люди, которымъ извѣстны и эти темныя, невѣдомыя силы, что управляютъ ими и вліяютъ на долю людей...

Сердце Богдана забилось сильнѣй и сильнѣе. Давно ужъ съ самаго возвращенія изъ за-границы, всѣ эти мысли глухо волновали его. Постоянное неопредѣленное положеніе вызывало страшную жажду знанія исхода задуманныхъ предпріятій, а видѣнное имъ за-границей всеобщее увлеченіе астрологіей захватило и Богдана своею волной. Мысли о вліяніи звѣздъ, о таинственныхъ темныхъ силахъ, управляющихъ судьбою людей, съ тѣхъ поръ не покидали его. Смутная тревога охватила Богдана.—Такъ, такъ для нихъ нѣтъ тайны, продолжалъ онъ размышлять, вспоминая знаменитыхъ астрологовъ и предвѣщателей, видѣнныхъ имъ въ чужихъ краяхъ;—предъ ними все открыто, какъ на ладони... они держатъ всѣ эти нити, двигающія человѣческую жизнь.—Вдругъ въ головѣ его ясно встали слова Чаплинскаго о ворожкѣ, такъ изумительно предсказывавшей всѣмъ судьбу.—Она можетъ и „привороту“,—и „отвороту“ дать,—повторилъ онъ почему то его слова и тутъ же разсердился на самого себя.—Э, да что тамъ привороть? Она можетъ сказать ему, что его ждетъ впереди! Гдѣ же живетъ она?... Говорили на Чортовомъ Яру, въ литовскихъ Вилахъ?—вспоминалъ уже лихорадочно Богданъ, собирая поводья и стискивая шенкелями коня. Часъ ночной... дремучій лѣсъ... можетъ быть и нападеніе... кто знаетъ?—пролетали въ его головѣ обрывки осторожныхъ соображеній, но желаніе узнать свое будущее

сегодня же, сейчасъ же, такъ сильно охватило Богдана, что онъ рѣшительно повернулъ коня и поскакалъ по степи въ томъ направленіи, гдѣ долженъ былъ находиться огромный сосновый боръ.

Быстрая скачка не освѣжила его,—наоборотъ, съ каждымъ шагомъ коня сердце его стучало еще поспѣшнѣе и тревожнѣе. Кровь приливала къ головѣ и оглушительно шумѣла въ ушахъ. Вотъ вдалекѣ показалась темная полоса лѣса; вотъ она разростается еще шире, заняла весь горизонтъ. Еще нѣсколько минутъ и передъ Богданомъ ясно вырѣзались верхушки столѣтнихъ сосенъ, поднявшихся надъ общею линіей лѣса.

Гдѣ же искать колдунью?—соображалъ торопливо Богданъ.—Говорили, гдѣ-то недалеко отъ опушки, на старой мельницѣ, надъ глубокимъ „бурчакомъ"...

Лошадь въѣхала подъ густую тѣнь лѣса. Несмотря на лунную ночь, здѣсь было почти темно. Черныя, мохнатыя верхушки сосенъ медленно покачивались, издавая какой-то зловѣщій шумъ. Блѣдныя пятна луннаго свѣта, падавшія то здѣсь, то тамъ на обнаженные стволы, казались какими-то неопредѣленными, скользящими тѣнями, кивавшими изъ-за деревъ. Конь ступалъ медленно, вздрагивая и настороживая уши при каждомъ трескѣ вѣтки, попадавшейся подъ его ногу. Вскорѣ узенькая тропинка свернула налѣво, и Богданъ очутился на краю глубокаго песчанаго обрыва, въ глубинѣ котораго мчался мутный и быстрый ручей. Огромныя сосны съ обнажившимися корнями свѣшивались съ береговъ оврага, а нѣкоторыя, обвалившись, образовали висячіе мосты. Уже спустившійся къ горизонту мѣсяцъ освѣщалъ таинственнымъ, тусклымъ свѣтомъ дикую суровую мѣстность.

Вскорѣ оврагъ немного понизился, и Богданъ замѣтилъ невдалекѣ на разлившемся небольшимъ прудомъ ручьѣ ветхую, посѣрѣвшую отъ времени мельницу съ полуизломаннымъ колесомъ, торчавшимъ изъ воды, словно скорченные пальцы утопленника. Въ развалившейся крышѣ темнѣли тамъ и сямъ огромныя дыры. Пара огромныхъ летучихъ мышей то и дѣло влетали и вылетали изъ этихъ черныхъ отверстій. Ни малѣйшаго признака присутствія живого человѣка нельзя было замѣтить въ этой старой развалинѣ. Богданъ слѣзъ съ коня и осторожно спустился съ нимъ на развалившуюся плотину. Вода въ запрудѣ казалась черной, густой и глубокой; кругомъ все было тихо, мертво; черныя сосны не шевелились, только тонкія струйки воды, капая съ неподвижныхъ лотоковъ, издавали таинственный, зловѣщій звукъ, да иногда раздавался съ сосѣдней сосны мрачный крикъ пугача: „поховавъ! поховавъ!"

Богданъ осмотрѣлъ свои пистолеты, ощупалъ кинжалъ, саблю, крестъ на шеѣ и принялся стучать въ окно. Долго стучалъ онъ

безуспѣшно, наконецъ, внутри мельницы послышался тихій шорохъ,— дверь пріотворилась и на порогѣ показалось существо женскаго рода, но на столько отталкивающее и ужасное, что Богданъ невольно попятился назадъ.

Это было что-то невообразимо худое и костлявое, одѣтое въ рваные отрепья. Длинная птичья шея и руки старухи были обнажены; каждая кость, каждая жила выступали на нихъ рельефно изъ-подъ коричневой сморщенной кожи. Голову старухи покрывали сѣдые, всклокоченные волосы, спускавшіеся такими же запутанными узлами до самаго пояса. Одно вѣко ея было полуопущено, и изъ-подъ него глядѣлъ неподвижный зеленый глазъ; другой же, открытый, такъ и впился въ лицо Богдана.

— Ночь настала... Мѣсяцъ спустился... Пугачъ проснулся... Лѣшій не спитъ..,—зашипѣла она, вытягивая длинныя, костлявыя руки съ огромными черными ногтями.—Зачѣмъ ты ходишь, чего тебѣ нужно? Уходи, спѣши!

Но Богданъ уже овладѣлъ собою.

— Не трудись, старая вѣдьма, не испугаешь, не робкаго десятка!—остановилъ онъ ее смѣлымъ голосомъ.—Погадать пріѣхалъ; говорятъ, ты можешь каждому долю развѣдать.

Старуха. казалось, опѣшила сразу отъ такого смѣлаго обращенія.

— Пугачъ кричитъ... Лѣшій близко... Страшно, страшно! — завопила она снова, вытягивая свои руки къ Богдану и впиваясь въ него зрячимъ глазомъ.

Богдану сдѣлалось жутко.

— Что за вздоръ мелешь?—крикнулъ онъ на старуху.—Говори, можешь-ли долю мою разгадать? Скажешь,—онъ выбросилъ на руку нѣсколько червонцевъ,—твои будутъ, а будешь дурить, такъ и этимъ попотчую!—взялся онъ за прикладъ своего пистолета.

Колдунья бросила на него хищный взглядъ.

— Иди, иди!—проговорила она нараспѣвъ, выходя изъ мельницы и затворяя за собой дверь.

Однако, Богданъ пропустилъ ее изъ предосторожности впередъ, а самъ послѣдовалъ за нею. Ловко и легко, словно дикая кошка, начала она спускаться съ плотины подъ лотоки. Здѣсь внизу было и темно, и сыро, а вода казалась еще чернѣе и глубже, и словно притягивала къ себѣ козака. Богданъ едва поспѣвалъ за старухой, придерживаясь за выступы балокъ, покрытыхъ сырою и холодною плѣсенью. Нѣсколько разъ ему показалось, что изъ-подъ руки его выскользнуло что-то скользкое и холодное, не то ящерица, не то змѣя. Нѣсколько разъ онъ останавливался, и тогда старуха поворачивалась къ нему и, вытягивая костлявыя руки, повторяла своимъ

шипящимъ голосомъ: „Иди, иди, иди!“ Такъ достигли они противоположнаго берега и пошли вдоль него, подымаясь вверхъ по теченію потока. „Бурчакъ“, расширенный въ этомъ мѣстѣ плотиною, начиналъ кверху снова съуживаться, тѣснимый подступившими съ обѣихъ сторонъ крутыми и высокими берегами. Чѣмъ дальше подвигались они, тѣмъ выше подымались отвѣсные берега, а сдавленный потокъ ворчалъ все сердитѣй и грознѣй.—Наконецъ, старуха остановилась.

— Стой!—закричала она Богдану.

Богданъ оглянулся кругомъ. Ручей въ этомъ мѣстѣ круто подрѣзывалъ берегъ, образуя нѣчто въ родѣ пещеры; огромные корни вывороченной сосны, свѣсившіеся сверху, почти закрывали въ нее входъ, такъ что проскользнуть туда было довольно трудно. Сюда то, въ это темное логовище и вошла старуха.

— Стой, не шевелись!—продолжала она шипѣть, обводя Богдана таинственнымъ кругомъ, начерченнымъ на пескѣ.

— Дай саблю сюда!

Безпрекословно снялъ Богданъ саблю и отдалъ ее старухѣ.

Въ темнотѣ Богданъ услыхалъ только шипящій голосъ колдуньи, произносившій какія-то непонятныя заклинанія. Вдругъ раздался рѣзкій свистъ стали: старуха вырвала саблю изъ ноженъ, воткнула ее въ землю, а сама начала быстро кружиться вокругъ нея, издавая дикіе, непріятные звуки... Богдану сдѣлалось жутко. Что это ему показалось?... Но нѣтъ, нѣтъ... каждый крикъ старухи повторяли тысячи другихъ голосовъ, то близкихъ и рѣзкихъ, то отдаленныхъ и глухихъ. Между тѣмъ старуха носилась вокругъ сабли все быстрѣй; каждую минуту она взбрасывала вверхъ свои костлявыя руки, и Богданъ видѣлъ каждый разъ ясно пятна какого-то страшнаго зеленоватаго свѣта, вспыхивавшія вдругъ на рукахъ старухи и освѣщавшія на мгновенье ея искаженное лицо, сѣдыя космы, летающія вокругъ головы, и черныя стѣны пещеры... Онъ чувствовалъ, какъ волосы начинали тихо подыматься у него на головѣ. Между тѣмъ, крики и вопли старухи раздавались все громче и громче... Казалось, весь лѣсъ наполнился тысячью безумныхъ голосовъ. Испуганный этимъ шумомъ пугачъ разразился дьявольскимъ хохотомъ и покрылъ всѣ безумные голоса. Наконецъ, старуха остановилась: она дышала тяжело и отрывисто. Привыкшими къ темнотѣ глазами Богданъ замѣтилъ, какъ порывисто подымалась ея тощая грудь подъ грязными лохмотьями; зрячій, зеленый глазъ старухи казался какимъ-то горячимъ углемъ, воткнутымъ въ глубокую впадину, а мертвый—такъ и не отрывался отъ Богдана, тускло выглядывая изъ-подъ опустившагося вѣка.

На мѣсяцъ набѣжало облако, и въ пещерѣ стало совершенно темно. Старуха вырвала изъ земли саблю, провела по ней рукой и вдругъ вся сабля засвѣтилась какимъ-то зеленымъ, бѣлесоватымъ свѣтомъ, словно какой-то бѣлый дымъ заклубился надъ нею... Съ ужасомъ глядѣлъ Богданъ, а странный клубящійся дымъ то совсѣмъ заволакивалъ саблю, то подымался надъ нею, и тогда узкій клинокъ блестѣлъ страннымъ, невиданнымъ свѣтомъ.

— Вижу, вижу,—заговорила отрывисто старуха, то нагибаясь надъ саблей, то вглядываясь въ мужественныя черты Богдана, то снова переводя свои глаза на дымящуюся стальную полосу.

— Кругомъ тебя туманъ, туманъ... ничего не видно... боишься чего-то... ждешь большой бѣды... Такъ-ли я говорю?

— Коли назвалась колдуньей, тебѣ лучше знать,—отвѣтилъ сдержанно Богданъ; но въ душѣ его мелькнуло невольно:—правду, правду говоритъ, туманъ кругомъ... ничего не видно, боюсь бѣды...

— Знаю, знаю, все знаю!—крикнула старуха;-семь сестеръ— семь звѣздъ,—забормотала она тихо,—правая кривая, лѣвая глухая, помоги, помоги!...

— Помоги!—раздалось глубоко въ ущельѣ и то же слово повторилъ далеко, далеко еще разъ чей-то глухой, подземный голосъ. Богданъ почувствовалъ, какъ непріятная дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— На сердцѣ у тебя рана; думаешь, заросла?... Не заросла! нѣтъ, нѣтъ, вижу, сочится изъ нея кровь тоненькою струей,—продолжала старуха, не отрывая глазъ отъ Богдана.

— Марылька!—мелькнуло вдругъ у него въ головѣ и какая-то горячая волна залила его лицо.—Что-жь дальше?!—крикнулъ онъ нетерпѣливо.

— Тоскуешь, томишься,—продолжала старуха, вглядываясь въ клубы зеленоватаго дыма,—туманъ, туманъ, звѣзда твоя сіяетъ далеко, далеко, кругомъ много звѣздъ, и большихъ, и малыхъ. Жди, жди! Скоро она скатится къ тебѣ на „стриху" и зажжетъ все.

Послѣднихъ словъ Богданъ не слыхалъ. „Марылька, Марылька,— это она!"—мелькало въ его головѣ.

— Туманъ разорвался!—продолжала лихорадочно старуха, хватая Богдана за руку.—Я вижу, вижу,—солнце всходитъ, блеститъ все кругомъ, загорается!—закричала она хриплымъ голосомъ. И весь лѣсъ огласился одушевленными криками: „Загорается, загорается!"

Богданъ почувствовалъ, какъ горячая кровь хлынула въ его лицо, уши и сердце. Оно билось такъ бурно, что, казалось, готово было лопнуть въ груди; шумъ наполнялъ его уши, а въ головѣ

подымались какимъ-то смутнымъ одуряющимъ чадомъ предсказанія старухи.

А старуха продолжала дальше, почти задыхаясь сама.—Всѣ звѣзды тухнутъ передъ солнцемъ, оно одно на ясномъ небѣ огнемъ горитъ высоко, высоко. Но вотъ, вотъ подымаются черныя хмары, сюда, сюда плывутъ, хотятъ скрыть блестящее солнце. Нѣтъ, нѣтъ, не скроютъ! Вѣтеръ примчался. Буря, буря! Громъ! Блискавица!— кричала она дико, подымая свои костлявыя руки.—Море запѣнилось! Встаетъ! Волны поднялись! Ужасъ!! Ужасъ!!—Старуха остановилась и отбросила съ лица сѣдыя космы волосъ. Грудь ея высоко подымалась, на губахъ выступила бѣлая пѣна, жилы на худой шеѣ надулись, словно веревки.

— А дальше, дальше что?—крикнулъ нетерпѣливо Богданъ.

— Довольно, больше не спрашивай!—прохрипѣла уставшимъ голосомъ старуха.

— Все, все, до конца хочу знать!

— Мѣсяцъ спустился, разсвѣтъ недалеко, мышь улетѣла, пугачъ скрылся... страшно, страшно!—прошептала старуха.

— Все говори, вѣдьма, все до конца!—схватился за пистолеты Богданъ и бросилъ ей въ руку два червонца.—Скажешь—еще дамъ, а не скажешь—убью!

Но старуха уже носилась вокругъ обнаженной сабли въ своей изступленной, безумной пляскѣ. Снова громкіе вопли и безсвязныя слова огласили весь воздухъ. Наконецъ, старуха нагнулась надъ саблей и вдругъ съ громкимъ воплемъ отшатнулась назадъ. —Кровь!— закричала она дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ.

— Кровь!—подхватилъ невидимый голосъ и раскатился по всему лѣсу одинъ изступленный крикъ.—Кровь! Кровь! Кровь!

Схватилъ Богданъ саблю и какъ безумный бросился изъ ущелья; какъ безумный мчался онъ вдоль берега, рискуя ежеминутно свалиться въ воду, а дикій крикъ все гнался за нимъ.

Добравшись до Бѣлаша, онъ вскочилъ въ сѣдло и, пустивши поводья, полетѣлъ напрямикъ. Вскорѣ деревья начали рѣдѣть, свѣтлыя полоски показались между нихъ, и черезъ нѣсколько мгновеній Богданъ очутился уже на опушкѣ лѣса. Степь дохнула ему въ лицо свѣжею живительною прохладой. Мѣсяцъ уже совсѣмъ спустился надъ горизонтомъ и казался теперь какимъ-то красно-золотымъ и тусклымъ. На блѣдномъ небѣ потухали звѣзды; только одна горѣла надъ востокомъ ярко и чисто, словно гигантскій изумрудъ. Вѣялъ прохладный предразсвѣтный вѣтерокъ.

Проскакавши около версты, Богданъ пришелъ, наконецъ, въ себя и оглянулся назадъ. Лѣсъ уже виднѣлся на горизонтѣ только

темною полосой. Богданъ бросилъ шапку, провелъ нѣсколько разъ рукой по головѣ и вздохнулъ широко, полною грудью.

— Ухъ!—вырвался у него облегченный, радостный вздохъ.

Сердце его стучало учащенно, бодро и сильно.—Что говорила, что обѣщала ему старуха?—старался онъ вспомнить обрывки предвѣщаній колдуньи.

— Да, да, она, звѣзда моя, скатится ко мнѣ, туманъ разорвется скоро, солнце засіяетъ, разгонитъ тучи, бурю... А дальше что говорила она? Кровь! Такъ, война, война! Чего-же бояться крови? Правда твоя, колдунья,—кровь впереди! Такъ, значитъ, всѣ эти панскіе набрехи—ложь; ложь и о заговорѣ и о ней! Колдунья знаетъ, ей все извѣстно, она не солжетъ!—Богданъ сжалъ рукою сердце.—О, когда-бы только поскорѣе, когда-бы хоть одна радостная вѣсть! Но тише, терпѣнье, терпѣнье... „Туманъ,—говоритъ она,—разорвется скоро и солнце засіяетъ, и погаснутъ всѣ звѣзды передъ нимъ!"

Богданъ поднялся въ стременахъ и глянулъ въ ту сторону, гдѣ находился Чигиринъ; тамъ уже опускалась за горизонтъ красная и круглая луна. Надъ Субботовымъ свѣтлѣло небо. Что то дѣлаетъ теперь пышное панство? Вѣрно лежатъ уже всѣ „покотомъ" подъ лавами на коврахъ.—Что-же, пируйте, пируйте, ясновельможное панство,—улыбнулся смѣло Богданъ,—тѣшьтесь заморскими винами да сластями, издѣвайтесь надъ человѣкомъ, а мы—люди привычные, мы и ночь не поспимъ, а подумаемъ да потрудимся для васъ.

Впереди уже виднѣлись неясныя очертанія Субботова.

Богданъ потрепалъ Бѣлаша по шеѣ:

— Ну, сынку, собери силы, вотъ и домъ! Мало-ли исколесили за ночь!

Онъ пустилъ коню повода, и Бѣлашъ, замѣтивъ издали хуторъ, весело заржалъ и пустился вскачь.

Смѣлыя, бодрыя мысли толпою осаждали голову Богдана; но среди нихъ то и дѣло вырѣзывался дивный образъ Марыльки, такъ неожиданно воскресшій передъ нимъ.

Вотъ и Субботово. Богданъ остановился у воротъ и началъ стучать въ нихъ торопливо эфесомъ сабли.

Вскорѣ ворота отворились. Сопровождаемый радостнымъ визгомъ собакъ, Богданъ подскакалъ къ крыльцу и, бросивши поводья сонному козачку, хотѣлъ-было взойти на рундукъ и пройти на свою половину, какъ вдругъ двери быстро распахнулись, и на порогѣ показалась Ганна въ наброшенномъ на-скоро байбаракѣ.

— Что случилось, Ганна?—остановился въ изумленіи Богданъ.

— Не идите туда, дядьку, нельзя: вамъ постлано на томъ рундукѣ,—заговорила она торопливымъ шепотомъ.—Какой-то панъ пріѣхалъ къ дядку изъ Варшавы. Мы постелили ему тамъ...

— Ко мнѣ! Изъ Варшавы?—только могъ вскрикнуть Богданъ, чувствуя, какъ отъ бурнаго прилива радостнаго волненія дыханіе захватило ему въ груди. „Туманъ разорвется скоро,—вдругъ вспомнились ему слова колдуньи,— а можетъ быть, просто заѣхалъ по дорогѣ знакомый, а у меня уже и радость затрепетала".

— Но откуда ты знаешь, что панъ изъ Варшавы? Кто говорилъ тебѣ, кто?

— Слуги панскіе. Они сообщили, что панъ ихъ ѣдетъ прямо изъ Варшавы.

— Господи! Не отринь!—перекрестился только Богданъ.

Встало блестящее солнце, зажгло сверкающимъ огнемъ крестъ на Субботовской церкви, позолотило верхушки вѣтвистыхъ липъ и стройныхъ тополей въ „гайкѣ" за „будынкомъ", окрасило яркимъ пурпуромъ бѣлыя трубы на хатахъ, разсыпалось лучами по скирдамъ и стожкамъ на гумнѣ, заиграло весело въ свѣтлыхъ струяхъ Тясмина и заглянуло, наконецъ, черезъ „гай" на широкій „рундукъ", гдѣ на коврѣ въ смѣлой позѣ спалъ непробуднымъ сномъ самъ господарь. Вчерашняя попойка, душевныя потрясенія, усилія воздержаться отъ вспышки, бѣшенная скачка и перечувствованный паническій ужасъ гаданья до того утомили Богдана, что онъ, несмотря на пріѣздъ интереснаго гостя, свалился въ одеждѣ на „кылымъ" и сразу заснулъ мертвымъ сномъ.

Уже Ганна сдѣлала всѣ распоряженія по хозяйству, приготовила „сниданокъ" и второй разъ подошла къ „рундуку" узнать, не проснулся-ли дядько? Но дядько, повернувшись прямо къ солнцу лицомъ, все еще богатырски храпѣлъ. Пожалѣла будить его Ганна и пошла въ пасѣку принести отъ дѣда свѣжихъ сотовъ къ „сниданку".

А прибывшій гость давно уже всталъ и гулялъ по „гайку", наслаждаясь и прохладною тѣнью роскошныхъ деревъ, и ясностью безмятежнаго утра, и легкостью воздуха, напоеннаго ароматомъ свѣжаго сѣна и меда.

Вышедши изъ „гайка", остановился онъ на пригоркѣ, откуда видна была свѣтлая лента рѣки, укрытая поникшими вѣтвями серебристыхъ вербъ, а дальше за Тясминомъ волновалось золотомъ море полей, обрамленное сизыми контурами дальнихъ лѣсовъ.

— Какая роскошь, какая прелесть!—восторгался мысленно гость.— Да, этотъ край одаренъ всѣмъ отъ Бога, потому то насиліе и алчность стремятся сюда съ обагренными руками въ крови, и не оста-

новится это преступное стремленіе ни передъ чѣмъ... Только могучая, вооруженная рука остановить его сможетъ!

Незнакомецъ снялъ шапку съ бобровой опушкой, провелъ рукою по шелковистымъ пепельнымъ волосамъ и призадумался. На видъ ему было лѣтъ сорокъ, не болѣе. Смуглое, мужественное лицо, съ выразительными голубыми глазами и смѣло очерченнымъ носомъ, дышало искренностью и прямотой; стройный, гибкій станъ и энергическія движенія изобличали силу и хорошо сохранившійся огонь юности.

Возвращаясь съ пасѣки, Ганна наскочила на пріѣзжаго пана и оторопѣла съ огромною миской въ рукахъ.

— Ой, на Бога! Вельможный панъ уже всталъ... Можетъ быть, была „невыгода"?

— Вояку то, панно? Да нашъ братъ и на „герматахъ" спитъ всласть, а на перинахъ и подавно.

— Отчего-жъ панъ такъ рано?—замялась она.—Такъ я разбужу „заразъ" дядька...

— Не тревожь его, пышная панна,—улыбнулся гость,—мы—старые знакомые... Я прошелся въ проходку отлично. Здѣсь кругомъ такая утѣха для глаза—смотрѣлъ бы и не насмотрѣлся.

— Да, мѣста здѣсь пріятныя,—взглянула на свою ношу Ганна и вспыхнула,—а по „тотъ бокъ" Тясмина еще лучше.

— Рай, эдемъ,—улыбнулся гость,—и обитательницы его такія же.

Панна Ганна еще болѣе вспыхнула и не нашлась что отвѣтить.

— Немудрено, что онъ привлекаетъ къ себѣ все наше панство,—продолжалъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ гость,—какъ обѣтованная евреямъ земля, сулитъ онъ и богатства, и радости.

— Если вельможному пану нравится,—нѣсколько оправилась Ганна,—то какъ же этотъ край дорогъ намъ!

— Понимаю и не удивляюсь, что ваши братья и отцы защищаютъ, какъ львы, каждую пядь.

— Какъ же свое, споконвѣчное да не защищать?—опустила Ганна рѣсницы, и стрѣльчатая тѣнь побѣжала по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ,—тутъ и родились, и крестились, и выросли... что былинка, что кустикъ—родные.

— Мнѣ самому дороги эти чувства,—не сводилъ пріѣзжій съ Ганны очей,—и я презираю тѣхъ, кто посягаетъ на чужое добро и покой.

— Какъ? Панъ... католикъ, и такое?...—подняла она не него лучистые и свѣтлые, какъ утро, глаза.

— Къ сожалѣнію, этому панна имѣетъ право не вѣрить. Но между панами католиками есть все-жъ и такіе, что, кромѣ себя, любятъ другихъ и которымъ противно насиліе.

Недовѣрчиво покачала головой Ганна:

— Я что-то не слыхала.

— Клянусь паномъ Богомъ и карабелой!—воскликнулъ искренно гость,—есть и такіе, хотя ихъ и мало.

— Какъ-бы это было хорошо,—тихо про себя замѣтила Ганна.

— Да, перестала-бы литься кровь, намъ-бы „жолнерамъ“ былъ отдыхъ, братьями-бы стали...

— Охъ, нѣтъ! Полякъ не можетъ признать насъ за братьевъ,—грустно вздохнула Ганна.—Католикъ презираетъ и нашу вѣру, и насъ... Развѣ панъ не католикъ?

— Нѣтъ, панно, католикъ; но не презираю ни вашей вѣры, ни васъ.

— Кто-жъ такой панъ?—взглянула въ глаза ему Ганна и зардѣлась яркимъ румянцемъ.

— „Уродзонный“ шляхтичъ,—засмѣялся пріѣзжій,—полковникъ его королевской милости войскъ, Радзіевскій,—поклонился онъ, ловко брякнувъ длинными шпорами.

Въ это время показалась изъ-за густыхъ кленовъ статная фигура Богдана; торопливо и сконфуженно подошелъ онъ къ своему гостю, простирая издали руки.

— Простите, дорогой пане-полковнику... Заспалъ, какъ „дытына“... Сроду со мной не бывало такого... Ну, привѣтъ же вамъ и миръ!—привѣтствовалъ Богданъ своего гостя.

Радзіевскій обнялъ и поцѣловалъ Богдана, подставляя, впрочемъ, больше свои щеки.

— Какія тамъ извиненія? Я соблазнился панскимъ „гаемъ“ и всталъ рано, вотъ и все,—отвѣчалъ онъ.

— Кого, кого, а найпаче вельможнаго пана не ожидалъ,—искренно радовался гостю Богданъ.—Мнѣ и говорила Ганна, что кто-то пріѣхалъ, да я такъ былъ уставши, что мимо ушей пропустилъ... Просто и на думку не спадало, чтобъ мнѣ такая честь и радость... Такъ пойдемъ-же до „господы“... Милости прошу... Я такъ радъ.

— Спасибо, спасибо на ласковомъ словѣ,—пожалъ еще разъ руку Богдану полковникъ,—но у пана и здѣсь такая роскошь, что не оторвался-бы.

— Пріятно мнѣ это слышать... Нашему брату шатуну-„заволокѣ“ нѣтъ ничего отраднѣе, какъ свое гнѣздо... Вѣдь все это дѣло вотъ этихъ лопатъ,—развернулъ Богданъ свои мощныя длани,—батько построилъ только „будынокъ“ у этого „гаю“, а то все была пустошь... А я уже и самый „будынокъ“ перестроилъ, а потомъ и

все „дворище", и всѣ хозяйскія постройки... Завелъ и садокъ, и „млынокъ".

— Чудесно, пышно!—восторгался гость.—Просто такой уголокъ, что всякъ позавидуетъ.

— А поселокъ и другіе еще хутора, еслибъ панъ видѣлъ!—не удержалась похвалиться и Ганна.

— То уже дѣло этой головки,—указалъ съ радостною улыбкой на Ганну Богданъ,—и этихъ дорогихъ рукъ.

— Дядьку, что вы такъ хвалите,—вспыхнула она заревомъ,—что̀ при вашей головѣ всѣ?

— Ишь,—дотронулся онъ ласково до ея плеча,—какъ она дядька расхваливаетъ!—и потомъ, обратясь къ Радзіевскому, съ чувствомъ сказалъ:—золотое сердце! Всѣхъ это она, гонимыхъ правды ради, здѣсь пріютила, призрѣла, и на ея ласковый зазовъ стали подрасти хутора и поселки... А какой это славный народъ мои „подсосѣдки!" Душа въ душу живемъ! И Господь милосердный не оставляетъ щедротами ни ихъ, ни „властителя".

Ганна вся зардѣлась отъ дядькиныхъ рѣчей и не могла произнести ни одного слова; грудь ея волновалась, трепетала, глаза были полны слезъ.

— Вотъ это бы и нашимъ въ примѣръ,—мотнулъ головой Радзіевскій,—только у насъ, бѣдныхъ, нѣтъ такихъ золотыхъ сердецъ, а черезъ то нѣтъ ни такого тихаго рая, ни такой душевной отрады.

— Эхъ, пане полковнику!—воскликнулъ тронутымъ голосомъ Богданъ,—если бы среди шляхты хоть сотая доля была такой думки...—и взглянувши на Ганну, готовую расплакаться, весело измѣнилъ тонъ:—э, да мы совсѣмъ застыдили мою „доню"... Знаете-ли что? Ужъ коли пану такъ нравится мое логовище, то я покажу его мосци еще мою пасѣку.

— Чудесно!—потеръ руки гость.—И утро, и воздухъ,—не надышался-бы.

— Такъ знаешь, что, Ганно?—положилъ ей на голову руку Богданъ.—Тащи-ка намъ весь снѣданокъ на пасѣку, да не забудь оковитой, наливокъ и холоднаго пива, а эту миску съ сотами давай мнѣ, чтобы два раза не таскать.

Ганна была рада скрыть захватившее ее волненіе и почти бѣгомъ бросилась исполнять волю дядька: стройная фигура ея только мелькала между изумрудною листвой, пронизанною золотыми лучами.

Въ пасѣкѣ, въ углу надъ кручей, подъ тѣнью разложистыхъ липъ, былъ разостланъ коверъ и положены мягкія сафьяновыя подушки; тутъ-же, на низкихъ турецкихъ столикахъ, разставили разныя горячія и холодныя кушанья да всевозможнѣйшія фляги и жбаны

напитковъ. Отсюда видъ былъ хотя и не такой широкій, но еще болѣе прелестный въ деталяхъ. За кручей игралъ жемчужно-пѣнистою чешуей Тясминъ; на другой сторонѣ черезъ рѣку шумѣлъ колесами млынъ; вода съ нихъ спадала алмазнымъ дождемъ и играла ломанною радугой въ глубинѣ рѣчки. Влажная пыль, насыщая воздухъ прохладой, доносилась даже до выбраннаго для завтрака мѣста; позади его тянулись подъ липами правильными рядами накрытые деревянными кружочками ульи; широко вокругъ пестрѣли душистыя медоносныя травы...

Насытившись солидными и вкусными блюдами, сотрапезники перешли къ „легуминамъ" (сластямъ) и къ свѣжимъ сотамъ, запивая ихъ чудными наливками и холоднымъ пивомъ. Прислуга и Ганна оставили ихъ однихъ. Игривый, полусвѣтскій разговоръ, пересыпанный восторгами, комплиментами гостя и радушными припрашиваньями „господаря" съ Ганной, теперь сразу упалъ; чувствовалась необходимость перейти на болѣе серьезныя и интимныя темы, а Богданъ не рѣшался, боялся... А что, если Радзіевскій просто заѣхалъ къ нему по дорогѣ, какъ давній знакомый, безъ всякихъ дѣлъ, безъ всякихъ отъ кого-бы ни было порученій? И всѣ эти радужныя мечтанія и наполнявшія его сердце волненія окажутся глупыми недоразумѣніями отуманенной вѣдьмовскими чарами головы? Что, если такъ? И Богданъ съ трепетомъ приступилъ, потолковавъ вообще о козачьихъ дѣлахъ и о направленіи панской политики, къ нѣкоторымъ близкимъ его сердцу разспросамъ.

— Панъ изъ Варшавы ѣдетъ?

— Изъ Варшавы, изъ Варшавы,—отвѣтилъ коротко гость, смакуя сливянку.

— Должно быть, перемѣнилась, давно не былъ,—мялся Богданъ, раскуривая „люльку".—Панъ былъ тамъ у кого-нибудь, или заѣзжалъ только?

— Да, былъ у Оссолинскаго; отъ него ѣду.

Стукнуло у Богдана сердце. Можетъ быть, порученіе какое-либо, или важное извѣстіе? Но при этомъ блеснула ему въ голову и мысль о Марылькѣ: пьяная болтовня Ясинскаго про канцлера и его семью, хотя и не заслуживала довѣрія, а все таки до сихъ поръ сидѣла гвоздемъ въ его сердцѣ.

— Его княжья мосць один теперь въ Варшавѣ, или съ семьей?—спросилъ онъ робко.

— Нѣтъ, со всею семьей.

— Ахъ, да,—вздохнулъ невольно Богданъ и почувствовалъ, что у него по спинѣ поползли муравьи,—я слыхалъ, что канцлеръ будетъ двѣ свадьбы играть—дочери и пріемыша?...

— Ничего подобнаго не слыхалъ, а мнѣ бы онъ сказалъ, да и пани канцлерова никогда бы не скрыла.

— Такъ это брехня?—черезчуръ радостно изумился Богданъ, и, чтобы замять эту прорвавшуюся неловкость, началъ усердно угощать гостя ратафіей.

— Конечно,—посмотрѣлъ на него пристально Радзіевскій—я самъ ихъ при отъѣздѣ видѣлъ... Одна изъ нихъ, не помню уже которая, только удивительной красоты,—такъ даже просила передать пану поклонъ...

Богдану захватило духъ отъ волненія; онъ ощутилъ глубоко въ груди, въ тайникахъ, гдѣ зарождаются чувства, какую-то клокочущую радость, которая огнемъ подымалась по жиламъ и зажигала его дыханіе: правду, значитъ, говорила колдунья... Коли одно правда, то и все...

Чтобы скрыть свое волненіе, Богданъ порывисто всталъ, прошелся немного, осмотрѣлся кругомъ и потомъ, подсѣвши къ гостю поближе, рѣшительно уже спросилъ:

— Что же новаго привезъ намъ дорогой гость и чѣмъ можетъ панъ-полковникъ порадовать?

— Много и печальнаго, и весьма утѣшительнаго,—оглянулся подозрительно Радзіевскій.

— Здѣсь, пане-полковнику, безопаснѣй, чѣмъ въ запертой на засовъ свѣтлицѣ,—завѣрилъ Богданъ:—кромѣ глухого „пасишника"—вонъ въ томъ „куринѣ"—нѣтъ ни духа, да и видно далеко кругомъ...

— Это отлично,—успокоился Радзіевскій,—потому, что я съ паномъ хочу говорить откровенно, какъ воинъ съ воиномъ, по душѣ, и клянусь „найсвѣнтшимъ папежемъ", что въ моихъ словахъ не будетъ ни лжи, ни лукавства...

— Этому и безъ клятвы я вѣрю,—улыбнулся Хмельницкій,—стоитъ только взглянуть пану-полковнику въ очи, такъ по нимъ, что по книгѣ, можно читать всѣ думки и видѣть всю душу.

— Я не зналъ, что у меня такія болтливыя очи,—засмѣялся полковникъ,—а то бы надѣлъ „окуляры".

— Не болтливыя, пане, а не лживыя, не такія, какъ у его княжьей мосци нашего канцлера,—откровенничалъ смѣло Богданъ, зная, что Радзіевскій не долюбливалъ Оссолинскаго за двуличность и стремился самъ поближе стать къ королю,—у тѣхъ-то ничего не прочтешь,—мутная слюда и только! Да онъ и рѣчью кудрявой завернетъ такъ свою думку, что и хвоста ея не поймаешь... Слушаешь, слушаешь, ловишь... вотъ, кажись, ужъ въ рукѣ... анъ „зыркъ"!—словно вьюнъ и выскользнулъ...

— Ха! Захотѣлъ панъ кого ловить! Его не поймаетъ и кіевская вѣдьма и не разгадаетъ литовскій колдунъ! Я бы даже и не довѣрился этому хамелеону, да что дѣлать: мало у насъ искренно преданныхъ королю и благу „ойчизны“ людей, выбора нѣтъ. Я говорю о стоящихъ у кормила государственнаго корабля, — Конецпольскій дряхлый, умирающій, Любомірскій князь, молодой Остророгъ вашъ Кисель, Казановскій да и обчелся... Ну, изъ меньшей братіи еще найдется.

— Эхъ,—вздохнулъ горько Богданъ,—если-бъ на эту меньшую братію да на „простолюдъ“ искренно положились, то плюнь мнѣ татаринъ въ усы, коли-бъ не имѣли такой опоры, такого „мура“, изъ-за котораго не страшно бы было не то „королятъ“, а и самого бѣса съ рогами.

— Я въ этомъ глубоко убѣжденъ и стремлюсь убѣдить короля, чтобы онъ пересталъ колебаться и гнуться то туда, то сюда съ Осолинскимъ, какъ въ краковякѣ.

— Какъ въ око влѣпилъ!—оживился Богданъ и наполнилъ кубки. — Только теряется время и довѣріе преданныхъ людей... Вѣдь привезъ же я тогда отъ иноземныхъ дворовъ добрыя вѣсти: Венеція готова была растегнуть свои набитыя дукатами „саквы“, лишь бы польскій мечъ разсѣкъ чалму турку,—вѣдь ей безъ этого все снится кривой ятаганъ... При вѣнскомъ дворѣ мнѣ передали, что для короля весьма отрадно усиленіе власти его затя, а герцогъ Мазарини прямо таки сказалъ, что деспотія одного человѣка можетъ еще устроять государства, но деспотія одного сословія надъ всѣмъ ведетъ къ неминуемой гибели... Ну, что-жь? Король былъ „бардзо“ доволенъ, Оссолинскій наговорилъ съ двѣ фуры красныхъ словъ и велѣлъ быть наготовѣ да ждать... Вотъ и ждемъ почитай третій годъ... да выходитъ на то, что „казавъ панъ, кожухъ дамъ, тай слово его тепле!“

— Нѣтъ, уже, кажется, ждать придется не долго: король и прежде былъ „персуадованъ“, а въ послѣднее время переписка съ Мазарини убѣдила его окончательно въ двухъ вещахъ: первое, что усиленіе своеволія сейма и „liberum veto“ влекутъ государство къ полной руинѣ, а второе, что только война можетъ взять своевольниковъ въ шоры, и что къ ней, къ войнѣ съ невѣрными, доброжелательны почти всѣ иноземныя панства.

— Да вѣдь и я тѣ же вѣсти изъ-за границы привезъ, а король еще раньше жаждалъ войны съ Турціей и на счетъ соймоваго гвалту давно былъ въ „непокоѣ“,—замѣтилъ, раскуривая свою „люльку“ Богданъ.

— Все это такъ, да теперь „околичности“ подогнали бичемъ его осторожность,—сказалъ, Радзіевскій хлебнувъ сливянки.—Охъ, какая роскошь! Нектаръ!

— Это изъ „угорокъ“,—улыбнулся довольный Богданъ,—а вотъ еще я налью „дуливки“, пусть панъ-полковникъ отвѣдаетъ.

— Не забудемъ и „дуливки“,—смаковалъ онъ сливянку, почмокивая губами и прищуривая глаза.—Да, такъ „околичности“ и заставили короля перейти отъ думокъ къ дѣлу. Вотъ по этому то поводу я и пріѣхалъ.

— Слава Тебѣ, Боже, еже благовѣстителя намъ послалъ!—произнесъ съ набожнымъ чувствомъ Богданъ.

— Прежде всего сообщу пану печальную вѣсть,—снялъ шапку полковникъ,—королева наша волею Божіею отошла въ вѣчность.

— Эта ангельская душа?—поднялся Богданъ, глубоко тронутый, и перекрестился.—О, какая потеря!

— Да, незамѣнимая,—вздохнулъ Радзіевскій.—Она жаждала этой войны съ невѣрными, какъ спасенія своей души: все свое приданое, даже украшенія и драгоцѣнности она пожертвовала королю на наемъ иноземныхъ войскъ, она умоляла его поднять права козаковъ и на нихъ опереться...

— Господи! Упокой ея душу въ лонѣ праведныхъ!—вздохнулъ глубоко Богданъ, поднявши набожно взоръ.—Я ее два раза видѣлъ,—продолжалъ онъ растроганнымъ голосомъ.—Ея королевская милость съ такою кроткою довѣрчивостью спросила меня, будемъ ли мы защищать ее съ королемъ отъ всѣхъ враговъ? И я поклялся... Да,—опустился на коверъ Хмельницкій,—видно, уже такова наша доля, что все намъ доброе „до неба прямуетъ“, а все лихое—изъ болота ползетъ.

— „Богъ карае, Богъ и ласку дае“,—замѣтилъ Радзіевскій и, присунувшись поближе къ Хмельницкому, началъ говорить ему тихо, оглядываясь по временамъ изъ предосторожности.—Король самъ хочетъ и вѣрные люди совѣтуютъ ему вступить во второй бракъ: и наслѣдника такому чудному человѣку нужно имѣть, и заключить новую связь... Намѣчена принцесса французская, дочь Людовика, а потому и готовится новое посольство въ Парижъ... Можетъ быть, и панъ опять поѣдетъ—это первое...

— Лестно, но утѣшенія въ томъ немного,—прижалъ пальцемъ пепелъ къ люлькѣ Богданъ и сплюнулъ осторожно на сторону.

— Погоди, козаче,—улыбнулся гость.—Тьеполо, нунцій изъ Венеціи, прибылъ въ Варшаву и привезъ королю благословеніе святѣйшаго папы—поднять мечъ противъ невѣрныхъ.

— За это и я готовъ поцѣловать святѣйшаго въ „черевикъ“,—ободрился Хмельницкій,—ей-Богу!

— Еще не все: Венеція не только совѣтомъ, а и „скарбомъ“ своимъ помогать обѣщается... Даетъ шестьсотъ тысячъ дукатовъ и уже отпустила часть въ задатокъ.

— На рукахъ понесемъ дожей!—воспламенялся Богданъ.

— Еще не все: король рѣшился уже не развѣдывать, а нанимать таки у иноземцевъ войска, и я для этого ѣздилъ въ нѣмецкія земли; добрые тамъ пѣшіе-вояки, здоровые, ловкіе и не заламываютъ цѣны, а на словѣ стойки и своему хозяину вѣрны... Такъ вотъ несомнѣнно поручено будетъ и пану-сотнику, навербовать въ Парижѣ конницу, а особенно артиллерію.

— На карачкахъ туда полѣзу, коли такъ.

— А можетъ быть, славнаго козака отправитъ король на Запорожье, потому что нужно тамъ снаряжать „чайки" и готовиться уже не къ набѣгу, а къ настоящему морскому походу на общаго врага.

— Такъ это значитъ „до зброи"!—схватился Богданъ, весь объятый кипучимъ восторгомъ, съ сверкающимъ отвагою взоромъ.

— А, можетъ быть,—поднялся и Радзіевскій,—пану вручена будетъ и булава, такъ какъ потребуется увеличить вчетверо „лейстровиковъ", а такое войско безъ гетмана быть не можетъ.

— Булава? Это слишкомъ... Чрезмѣрно... Не мнѣ, не мнѣ о ней мечтать!—Это чадъ! Но войско... снова зашумитъ наше „кармазинное" знамя, заиграютъ вороные кони, загудутъ литавры, и людъ подыметъ голову изъ ярма! А?—отъ волненія задыхался почти Богданъ.—Дожить бы только до такой минуты и умереть у ногъ этого, Богомъ намъ посланнаго короля, умереть! Дожить бы только!—У Богдана блестѣли на глазахъ слезы.—Вѣдь это не шутка, пане, не шутка? Нѣтъ, твое благородное сердце на то неспособно, вѣдь это бы значило засадить пальцы въ рану и раздирать ее, рвать...

— Не поднялся бы у меня языкъ такія шутки шутить, мой дорогой по оружію товарищъ,—положилъ на его плечо свою руку полковникъ,—клянусь моею незапятнанною честью, моею любовью къ „ойчизнѣ", что самъ король лично мнѣ то передалъ и поручилъ довѣдаться отъ тебя, потому что твоему слову вѣритъ король и тебѣ, какъ вѣрной персонѣ, ввѣряетъ свои завѣтные планы.

Такъ его найяснѣйшая мосць поручилъ узнать, можно ли положиться, что, по королевскому зову, станетъ тысячъ двадцать вооруженныхъ козаковъ, а на море—съ сотню „чаекъ"?

— Сто тысячъ!—крикнулъ азартно Богданъ,—бей меня сила Божья, коли лгу! Пусть мнѣ только дастъ свое слово король, такъ я подыму ему сотню тысячъ... и оружіе найдемъ, раздобудемъ!... Да я именемъ короля выверну всю Украйну... Вѣрь мнѣ, пане, вѣрь!

— Вѣрю,—обнялъ его горячо Радзіевскій,—вѣрю, что это можетъ сдѣлать Богданъ...

— Есть у насъ, пане-друже, и помимо меня горячія сердца и твердыя души!

— Такъ благо вамъ, а, можетъ быть, черезъ васъ и угнетателямъ вашимъ! Да, я глубоко убѣжденъ, что разнузданные наши сеймики и вольные сеймы, словно взбѣсившіеся безъ узды кони, помчатъ нашу Рѣчь-Посполиту къ обрыву и рухнутъ вмѣстѣ съ нею въ „провалье"…. Нашимъ вѣдь магнатикамъ что? Заботятся лишь о своей пресловутой золотой волѣ, а всѣхъ остальныхъ готовы подъ ноги топтать. Только власть въ сильной рукѣ можетъ смирить этихъ безумцевъ и удержать державную колесницу отъ паденія… Но вѣдь пану извѣстно, что у нашего короля нѣтъ ни власти, ни права. Езусъ-Марія!… Вѣдь онъ не вправѣ имѣть ни пяди земли, не можетъ ее дать никому, кромѣ шляхты, вѣдь земля считается достояніемъ всего государства! Какъ же ему, суди самъ, пане, защищать ваши земли отъ захвата и грабежа, коли онъ безсиленъ, коли онъ не имѣетъ права держать войскъ болѣе двухъ тысячъ… а „кварцяныя" и надворныя войска въ рукахъ вѣдь магнатовъ? Ты же знаешь, пане, что король не имѣетъ права ни объявлять войны, ни вершить мира, ни заключать иноземныхъ союзовъ… Такъ пойми же, пане, что всѣ эти задуманные имъ „вчынкы" составляютъ преступленіе противъ „conventa pacta", и король на себя поднимаетъ страшный рискъ, можетъ быть, даже расплату головой… Но, для спасенія отъ неминуемой гибели дорогой ему Польши, онъ готовъ жертвовать жизнью. Ваша доля, ваши права и королевскія тѣсно связаны: спасая его, вы спасаете и себя, поднимая выше его, вы добываете и себѣ счастье… Такъ, скажи мнѣ по чести, товарищъ, готовы ли вы стоять за короля?

— Головы положимъ всѣ до единаго, а не выдадимъ нашего батька!—обнялъ съ восторгомъ Богданъ Радзіевскаго.—Да если бы среди поляковъ были такія головы и сердца, какъ у пана, такъ болѣе преданныхъ братьевъ, какъ мы, не найти вамъ нигдѣ!… Эхъ, не стань между нами іезуиты, да не отумань вашихъ головъ гордыня, чтобы это была за мощь! Да пусть мнѣ вырветъ чуприну самая послѣдняя вѣдьма, коли-бъ не повалили подъ ноги всей Турціи, коли-бъ не раскинулись отъ моря до моря и не расправили-бъ крылъ отъ Карпатъ до Урала.

— Пышная думка!… Захватываетъ духъ!—воскликнулъ полковникъ,—и легко бы „справдиться" могла, если бы на то ласка пана Бога.

Когда пришла Ганна звать панство къ обѣду, то она была поражена перемѣной въ дядькѣ: онъ словно выпрямился и помолодѣлъ, въ каждой жилкѣ его лица билась какая-то радость, глаза восторженно и бодро сверкали.

— Ганно,—обратился онъ къ ней,—завтра попроси отца Михаила утромъ отслужить намъ панихиду и благодарственный за-

здравный молебенъ... Загадай сосѣдямъ, чтобъ всѣ были въ церкви... Нужно молиться и благодарить Вседержителя за несказанную къ намъ, грѣшнымъ, ласку!

XXVI.

Послѣ многихъ скитаній и тщетныхъ хлопотъ о службѣ, Ясинскій получилъ, наконецъ, у Чигиринскаго старосты мѣсто дозорцы надъ частью его обширныхъ маетностей. Дозорца находился всецѣло во власти и распоряженіи подстаросты, отъ котораго зависѣли и назначеніе, и смѣна такого рода должностныхъ лицъ, утверждаемая всегда старостой, а потому Ясинскій, чувствуя безконечную благодарность къ Чаплинскому, клялся ему быть вѣрнымъ слугой и безпрекословнымъ исполнителемъ всѣхъ его желаній.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ громкаго „хлопьяшника", не обошедшагося безъ человѣческихъ жертвъ, подстароста выѣхалъ вмѣстѣ съ Ясинскимъ осматривать чигиринскія владѣнія и сдавать въ вѣдѣніе дозорцы помѣстья. Ясинскій сразу же постарался выказать передъ патрономъ свои административно-экономическія способности въ изобрѣтеніи новыхъ доходныхъ статей, примѣняясь къ условіямъ каждой мѣстности. Съ полей хлопскихъ, за пользованіе ими, онъ предложилъ, кромѣ установленнаго отработка натурой, брать еще „до скарбу" извѣстный процентъ съ ихъ урожая—„сноповое", а съ общественныхъ выгоновъ и выпасовъ съ каждой штуки скота—„покопытное"; право строить свои мельницы рекомендовалъ онъ отобрать у хлоповъ; рыбную ловлю и охоту обложить тоже своего рода податью—„рыбное", „пташиное" и „звѣриное"; даровую же порубку запретить во всѣхъ лѣсахъ безъ исключенія, такое же запрещеніе наложить и на рубку тростника по озерамъ. Базары и торги въ мѣстечкахъ обложить особыми сборами, за вѣсы установить тоже плату. Кромѣ того, всѣ переправы на рѣкахъ обложить новымъ поборомъ: „поромнымъ", а проѣзжія дороги—„шляховымъ". Нѣкоторые изъ этихъ поборовъ, впрочемъ, уже существовали и здѣсь на практикѣ, но они взимались посессорами случайно,—нападеніемъ, грабежемъ,—а въ систему еще введены не были; Ясинскій же предложилъ ихъ регламентировать. Всю эту программу новыхъ доходовъ вывезъ онъ изъ Подоліи и Волыни, гдѣ она была уже введена и практиковалась успѣшно. Чаплинскій одобрилъ ее съ восторгомъ, но рѣшилъ вводить исподволь, пріучая къ новымъ порядкамъ этихъ хлоповъ-барановъ постепенно и незамѣтно; для болѣе же успѣшнаго процвѣтанія новыхъ экономическихъ началъ положено было усилить въ каждомъ селеніи надворныя команды. За собираніе этихъ мел-

кихъ доходовъ взялись корчмари-евреи, которымъ они, по мѣрѣ водворенія, и сдавались на откупъ.

Ясинскій предложилъ еще Чаплинскому сдать и хлопскія церкви, да схизматскія требы въ аренду, завѣряя, что таковыя, на основаніи его наблюденій, могутъ давать огромный доходъ; но Чаплинскій, несмотря на алчность и на соблазнъ угодить этой мѣрой католическому духовенству, побоялся до поры, до времени вводить ее въ этомъ гнѣздѣ бунтовщиковъ, а рѣшилъ, по осуществленіи всѣхъ экономическихъ преобразованій, приступить осторожно и къ этому источнику доходовъ.

Въ одномъ изъ поднѣпровскихъ селеній Чаплинскій и Ясинскій встрѣтились съ Пештою, который спѣшилъ, по его словамъ, на Запорожье. За эти четыре года Пешта только полысѣлъ немного и какъ-будто обрюзгъ. Тайнымъ образомъ Пешта страшно заискивалъ у всей шляхты, а особенно у Чаплинскаго. Пріѣзжая въ Чигиринъ, онъ считалъ за величайшую честь посѣтить пана-подстаросту, оказывая всегда ему глубочайшее почтеніе и неизмѣнную преданность. Чаплинскому нравились и лесть Пешты, и его всегдашняя готовность подѣлиться съ подстаростой новостями, добытыми среди мятежныхъ козаковъ. Ясинскій сразу узналъ помилованнаго плѣнника Яремой и, на основаніи рекомендаціи своего патрона, дружески протянулъ ему руку. Чаплинскій пригласилъ къ себѣ Пешту на „вечерю". Послѣ опрокинутыхъ трехъ, четырехъ „келеховъ оковитой", да нѣсколькихъ ковшей чернаго пива съ поджаренными въ салѣ сухарами, Чаплинскій обратился къ Пештѣ съ такимъ вопросомъ:

— Ну что, пане, какія мысли бродятъ въ буйныхъ головахъ этой рвани? Ты вѣдь тамъ межъ ними таскаешься, такъ не выудилъ-ли чего новаго, не поймалъ-ли какой зубатой „рыбины"?

— Поймать то еще не поймалъ, а ужь неводъ закинулъ,— сверкнулъ Пешта желтыми бѣлками въ сторону Ясинскаго.

— Смѣло при немъ говори, пане,—ободрилъ Пешту Чаплинскій.—Онъ мнѣ вѣрный и преданный слуга.

— Могила!—воскликнулъ Ясинскій, положивъ руку на сердце.

— Да, въ важныхъ „справахъ" такое убѣжище необходимо,— повелъ рукою Пешта по лысинѣ, обнажавшей его сдавленную кверху голову.—Такъ вотъ что, вельможный пане: первое, что какъ ни кроются эти разжалованные „лейстровики", а у нихъ одно только въ головѣ: бунтъ, месть и расправа.

— Еще не присмирѣли „лотры"?—ударилъ по столу кулакомъ Чаплинскій.—Кишки вымотать!

— Гдѣ жъ имъ присмирѣть,—захихикалъ ехидно Пешта,— коли ихъ постоянно „дурманятъ" всякими обѣщаніями и надеждами?

Находятся и межъ старшиною такіе Іуды, что въ глаза „удають" святыхъ, а за глаза чортовымъ ладаномъ кадять.

— Первый Хмельницкій, — не утерпѣлъ прошипѣть новый дозорца.

— Мой сватъ? — якобы изумился подстароста.

— Простите, ясновельможный пане, на словѣ, — съежился униженно Ясинскій. — Но я правды не могу скрыть отъ моего покровителя, хотя-бы и подвергся за это мести сотника. Я для моего благодѣтеля готовъ кровь пролить!

— Спасибо, я правду тоже люблю, а еще болѣе тѣхъ, кто для меня выискиваетъ ее повсюду.

— Что правда, то правда, не скрою и я, — продолжалъ хриплымъ голосомъ Пешта. — Мутитъ таки мой пріятель довольно; только въ послѣднее время ему, кажется, нитка „урвалась", и вотъ это въ моей рѣчи второе.

— До правды? Это любопытно! — промычалъ, набивая себѣ трубку Чаплинскій, а Ясинскій бросился за угольками.

— Подорвалъ, видимо, къ себѣ довѣріе постоянною „брехней", — кивнулъ головою Пешта. — Все сулилъ имъ, и запорожцамъ, и черни, какія-то близкія блага и льготы. Заставлялъ ждать да ждать. Ну, а они и надѣялись, и ждали чего-то, какъ жиды Мессію, да вотъ ужъ, кажись, у всѣхъ „жданки" лопнули, того и гляди, что обманутые подымутъ на своего Мессію каменья.

— Что-жъ онъ такое обѣщалъ? На кого заставлялъ „покладать" надежды?

— У этой лисы добрый хвостъ! — сверкнулъ Пешта злобно зрачками. — Ловко заметаетъ слѣды! Изъ сбивчивыхъ розсказней я могъ уловить только то, что Хмельницкій будто-бы имѣетъ какую-то высокую руку, что съ нею онъ все можетъ сдѣлать.

— Это очень вяжется со словами Заславскаго, — подчеркнулъ дозорцѣ Чаплинскій.

— Іезусъ-Марія! — пропѣлъ тотъ. — Это подтверждаетъ мои догадки. Но, пане, — обратился онъ къ Пештѣ, — этотъ аспидъ „дуритъ" и вашихъ, и нашихъ. Я не могу простить себѣ, что замедлилъ посадить его на колъ черезъ эту соблазнительную „венгржину", а потомъ какой-то дьяволъ шепнулъ князю Яремѣ заступиться за этого пса; но будь я въ зубахъ Цербера, коли эта голова не надѣлаетъ бѣдъ.

— Вѣрно, — прохрипѣлъ Пешта, — и чѣмъ скорѣе козаки извѣрятся въ этой лисицѣ, тѣмъ лучше будетъ и для нихъ, и для шляхты, и всѣ эти мятежныя бредни живо-бы исчезли, какъ роса на солнцѣ, еслибы среди этой оборванной „голытьбы" появилась

разумная голова, которая съумѣла-бы ихъ „забавить" какими-либо цацками, примирить съ судьбою и успокоить на вѣки.

— Да вѣдь я тебѣ, пане, давно предлагалъ видный постъ,— замѣтилъ Чаплинскій,—стоитъ сказать старостѣ слово, а тотъ черезъ батька имѣетъ богатыя связи въ Варшавѣ.

— Цѣлую рончки,—поклонился Пешта,—но пока вамъ выгоднѣе держать меня, какъ вѣрнаго человѣка, въ тѣни, а когда опасность минетъ, тогда вельможный панъ меня на свѣтъ выведетъ.

— Слово гонору!—протянулъ руку Чаплинскій.

Пешта схватилъ ее и, дотронувшись до колѣна подстаросты, униженно поцѣловалъ свои пальцы.

— А теперь, пане,—злорадно продолжалъ Ясинскій,—вашъ знаменитый сотникъ плюнулъ уже на козацтво и хлопство: онъ подыгрывался и лгалъ, пока не заселилъ своего Субботова и Тясмина.

— Да, именно, заселилъ, какъ никто!—прервалъ дозорцу Чаплинскій, и въ его зеленыхъ зрачкахъ блеснулъ завистливый огонекъ.

— Такого хутора нѣтъ теперь и у вельможныхъ пановъ,— продолжалъ Ясинскій,—такъ-то! А теперь вотъ вельможный мой покровитель можетъ быть свидѣтелемъ,—у него на пиру Хмельницкій громогласно предлагалъ противъ всѣхъ козаковъ самыя ужасныя мѣры, не ограничиваясь даже ихъ истребленіемъ, потому что, по его словамъ, они замолчатъ только мертвые, а за хлоповъ такъ рекомендовалъ шляхтѣ давить съ нихъ побольше олеи, и вообще брался за усмиреніе „буйголовъ".

— Наконецъ-то показалъ зубы!—заскрежеталъ даже отъ радости Пешта. Онъ всталъ и въ волненіи прошелся нѣсколько разъ по покою.—Да, да... необходимо сообщить, обрадовать друзей,— говорилъ онъ отрывисто, потирая радостно руки.—Теперь я, ясный пане,—остановился онъ возлѣ Чаплинскаго,—ѣду на Запорожье, и по дорогѣ туда и обратно еще кое-куда заверну, и клянусь чортомъ кривымъ, что „рыбина" попадетъ теперь въ мой неводъ, да, можетъ быть, и не одна! За сомомъ послѣдуютъ и щучки, а ужъ послѣ хорошаго улова, надѣюсь, ясновельможный панъ вспомнитъ...

— Я и безъ того пана не забываю,—снисходительно улыбнулся подстароста,—и всегда тебя считаю самымъ вѣрнымъ моимъ помощникомъ.

— Пока только полезнымъ по доставкѣ свѣдѣній,—опустилъ скромно голову Пешта,—но, когда придетъ время, и я заполучу крылья, тогда только вельможный панъ увѣрится, на сколько я смогу принести пользы и рѣчи Посполитой, и особенно его мосци...

— Такъ выпьемъ за крылья,—поднялъ кубокъ Чаплинскій,— за широкія, за ястребиныя!

— Мнѣ бы и „шуликовыхъ“ было достаточно, если бы къ нимъ...—искривилъ ротъ улыбкою Пешта.

— Добавить когти и клювъ,—подсказалъ Ясинскій.

Всѣ расхохотались и осушили кубки.

А въ Субботовѣ жизнь текла тихо и мирно.

Въ первыя-же минуты пріѣзда въ Субботовъ, Хмельницкій узналъ, что Олекса спасся изъ плѣна и возвратился цѣлохонекъ домой, а потомъ отправился на Запорожье: радости Богдана не было границъ... а когда, наконецъ, увидѣлъ онъ живьемъ своего дорогого любимца, да еще такимъ „юнакомъ-низовцомъ“,—такъ онъ чуть не задушилъ Олексу въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Молодой запорожецъ отъ волненія и отъ восторженныхъ слезъ тоже не могъ произнесть ни слова, и на всѣ распросы своего батька только бросался къ нему порывисто съ новыми поцѣлуями и объятіями.

Дня два, или три передавалъ Богдану Морозенко въ отрывочныхъ разсказахъ о своихъ приключеніяхъ въ плѣну, о ласковомъ пріемѣ его „сичовиками“, о толкахъ на Запорожьѣ,—пока, наконецъ, теплая волна жизни не сгладила нервнаго возбужденія и не затянула всѣхъ въ прежнюю покойную, счастливую колею.

Имѣя въ виду новыя отлучки, Богданъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ дѣлъ и хозяйства.

Первые дни по пріѣздѣ Морозенка Оксана страшно конфузилась и стѣснялась его присутствіемъ, а потомъ и привыкла, только по утрамъ она еще болѣе мучилась со своими упрямыми завитками; но, несмотря на всѣ старанія, это удавалось ей плохо, и черные, какъ смоль, завитки задорно выбивались надъ лбомъ и около ушей. Баба журила часто Оксанку за проявившуюся вдругъ небывалую разсѣянность; иногда, возвращаясь съ чѣмъ-нибудь изъ погреба, она незамѣтно для себя останавливалась съ „глечикомъ“ среди двора, да такъ и стояла, пока веселый голосъ Катри или Олены не выводилъ ее изъ налетѣвшей вдругъ задумчивости. Сидя съ „гаптованьемъ“ въ рукѣ, она часто роняла его на колѣни и устремляла поволокнувшіеся туманомъ глаза куда-то вдаль. Вечеромъ, когда всѣ ложились спать, Оксана опускала „кватырку“ окна и, высунувши голову, долго не могла оторваться отъ усѣяннаго звѣздами неба. „Чего ты не ложишься, дивчино?—заворчитъ баба, подымая сонную голову,—звѣзды считать грѣхъ!—Рѣдко кто слыхалъ теперь беззаботный, дѣтскій смѣхъ Оксаны; она не была ни грустна, ни печальна, она просто притихла и притаилась, словно обвернулась отъ всего міра

тонкой пеленой, какъ обволакивается зеленой пленкой растеніе, тайно выращивая въ своихъ нѣдрахъ роскошный цвѣтокъ.

Большую часть времени Олекса проводилъ съ „дивчатками". Онъ разсказывалъ имъ о томъ, что видѣлъ въ бусурманскихъ земляхъ, о тѣхъ стычкахъ, въ какихъ принималъ участіе на Запорожьѣ, о морскомъ походѣ, о бурѣ и гибели чаекъ.

Оксана слушала его, затаивъ дыханіе, а Олекса любовался невольно ея черноволосою головкой и зардѣвшимся личикомъ, и въ эти минуты онъ чувствовалъ какую-то необычайную близость и нѣжность къ этой молоденькой дѣвушкѣ, такъ робко льнувшей къ нему.

Когда же на дворѣ устраивались „герци", Морозенко съ удовольствіемъ показывалъ всѣ тѣ хитрыя военныя штуки, какимъ научился на Запорожьѣ. Онъ умѣлъ на всемъ скаку прятаться лошади подъ брюхо, подымать съ земли самые мелкіе предметы. И красивъ же былъ молодой козакъ, когда съ дикимъ гикомъ мчался мимо всѣхъ по полю, почти припавши къ шеѣ коня! Иногда же они съ дядькомъ Богданомъ устраивали поединки на шпагахъ. Козаки это оружіе употребляли рѣдко, а потому и наблюдали такіе поединки съ большимъ интересомъ.

— Ну, да и славный же вышелъ изъ тебя, хлопче, козакъ,— говорилъ весело Богданъ Морозенку, хлопая его по плечу, когда одобрительные крики зрителей прерывали поединокъ,—кто бъ это и сказалъ?

А Оксана замирала отъ восторга и, сжимая свое сердце руками,—печально думала про себя: „Нѣтъ, что я противъ него! Черная, какъ „чобитъ", растрепанная, какъ вѣникъ... ему королевну, магнатку нужно, а я... ни батька, ни хаты,—такъ себѣ сирота!"

У Оксаны навертывались на глаза слезы, она спѣшила скрыться незамѣтно изъ толпы и, какъ ни допрашивала ее Катря, она никогда не могла добиться истинной причины ея слезъ.

Былъ жаркій лѣтній день. Разостлавши подъ густыми яворами рядно, Оксана и Оленка набивали малиною большую сулею, приготовляясь наливать наливку. Олекса лежалъ тутъ же, пышно вытянувшись на зеленой травѣ и заложивши подъ голову руки. Дѣвушки напѣвали звонкими молодыми голосами веселую пѣсню. И пѣсня вилась, трепетала, то подымаясь, то опускаясь внизъ, словно блестящая бабочка въ яркій солнечный день. Иногда Олекса смотрѣлъ въ небо на плывущія облачка, но чаще взглядъ его останавливался на стройной молоденькой дѣвушкѣ съ черноволосою головкой...

— Эхъ, славно тутъ у васъ въ Субботовѣ!—вздохнулъ, наконецъ, Морозенко.—Кажется, никогда бы не выѣхалъ отсюда, никуда.

— А ты развѣ собираешься уѣхать?—спросила несмѣло Оксана, подымая на него испуганные глаза.

— А какъ же! Вѣдь я теперь, голубко, не вольный хлопецъ, а запорожскій козакъ. Я и то боюсь, какъ бы куренной нашъ атаманъ не сказалъ, что я обабился здѣсь совсѣмъ.

— И скоро ты думаешь ѣхать?

— Да въ томъ и досада, что надо ѣхать какъ можно поскорѣе: здорово замѣшкался я у васъ.

— А когда вернешься?

— Ну, это ужь одинъ Богъ знаетъ, когда,—махнулъ Олекса рукою.—Кошевой нашъ атаманъ строгій, баловства не любитъ, безъ особой „потребы“ не пуститъ.

Губы Оксаны задрожали; она быстро поднялась съ мѣста.

— Куда ты, Оксано?—приподнялся и Олекса.

— Я за горилкой схожу.

— Да ты погоди, я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтила Оксана, не поворачиваясь къ нему лицомъ, и поспѣшными шагами пошла по направленію къ дому; но, обогнувши аллею и очутившись въ такомъ мѣстѣ, гдѣ уже Олекса не могъ ее видѣть, Оксана круто измѣнила направленіе и бросилась бѣгомъ въ темный гай...

Въ свѣтлицѣ, гдѣ спали дивчатки со старой бабой, было тихо и темно. У иконъ теплилась лампадка и освѣщала тусклымъ свѣтомъ спящія фигуры, расположившіяся кто на лавкѣ, а кто и на ряднахъ на полу. Тишина прерывалась только громкимъ храпомъ старухи, да ровнымъ дыханіемъ спящихъ дивчатъ. Однако, несмотря на позднюю ночь, одна изъ фигуръ безпокойно поворачивалась и шевелилась подъ легкимъ рядномъ. Иногда оттуда слышалось сдержанное всхлипываніе или тяжелый вздохъ. Наконецъ, всклокоченная темноволосая головка осторожно приподнялась съ подушки и осмотрѣла всю комнату, затѣмъ приподнялась и вся фигура и, поджавши ноги, сѣла на своей постели.

— Катря, Катруся,—зашептала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, склоняясь надъ лицомъ спящей невдалекѣ подруги,—я перейду къ тебѣ.

— Что, что такое?—заговорила полусоннымъ голосомъ Катря, приподымаясь съ постели, но, увидѣвши заплаканное лицо Оксанки, на которомъ и теперь блестѣли слезы, она совершенно очнулась и спросила испуганнымъ голосомъ, обнимая подругу:—Оксано, Оксаночко, что съ тобой?

— Тише, тише, баба услышитъ,—зашептала сквозь слезы Оксанка.—Пусти меня, Катря, я лягу съ тобой.

Обѣ подруги улеглись рядомъ. Катря обняла Оксану, а Оксана прижалась головой къ ея груди.

— Ну, что-жъ такое, чего ты плачешь, голубко?—говорила тихо Катруся, гладя Оксану по спутаннымъ волосамъ.

— Катруся, серденько, ты знаешь,—съ трудомъ отвѣтила Оксана, запинаясь на каждомъ словѣ и пряча свое лицо на груди подруги,—Олекса уѣзжаетъ на Запорожье опять.

— Такъ что же?—изумилась Катря.— Вѣдь онъ снова вернется.

— Когда вернется?—всхлыпнула Оксана.—Говоритъ, что куренный атаманъ строгій,—самъ не знаетъ когда.

— Ну, а тебѣ же что?—спросила Катря и вдругъ остановилась; все лицо ея внезапно освѣтилось какой-то неожиданно-вспыхнувшей мыслью: она отодвинулась отъ Оксаны, взглянула ей въ глаза и тихо прошептала съ выраженіемъ какого-то испуга, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ:

— Оксана, ты „кохаешь его?"

Ничего не отвѣтила Оксана, а только заплакала еще громче и еще крѣпче прижалась къ груди подруги.

На лицѣ Катри такъ и застыло выраженіе изумленія, смѣшаннаго съ невольнымъ уваженіемъ. Она ничего не сказала, объятая вдругъ необычайнымъ почтеніемъ и трепетомъ передъ чувствомъ, проснувшимся въ ея подругѣ.

— Не плачь, не плачь, Оксаночко, все хорошо будетъ, голубка,—шептала она тихо, проводя рукою по головѣ подруги и еще не зная, что можно больше сказать.

Долго лежали такъ, вспугнутыя тихимъ появленіемъ новаго чувства, „дивчатка", но, наконецъ, сонъ усыпилъ ихъ молодыя головки, и онѣ крѣпко заснули, тѣсно обнявшись вдвоемъ.

Рано утромъ всѣ были изумлены вѣстью о неожиданномъ, негаданномъ пріѣздѣ Богуна.

Онъ прискакалъ на разсвѣтѣ одинъ на взмыленномъ конѣ.

Еще всѣ спали въ будынкѣ, а они уже сидѣли съ Богданомъ, затворившись въ свѣтлицѣ.

Три года мало чѣмъ измѣнили Богуна, только лицо его стало темнѣе, да между бровей залегла рѣзкая складка.

Теперь, когда лицо его было взволновано и утомлено, она рѣзко выступала между сжатыхъ черныхъ бровей.

Несмотря на радостную встрѣчу, лицо Богуна было мрачно. Передъ козакомъ стоялъ жбанъ холоднаго пива, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Богданъ настолько обрадовался пріѣзду Богуна, что даже не обратилъ вниманія на его необычное настроеніе духа, на скрытую и

въ торопливомъ пріѣздѣ, и въ полуфразахъ тревогу. Онъ бѣгло разспрашивалъ Богуна объ его житьѣ-бытьѣ, объ удачахъ и „пригодахъ“, не замѣчая, что „побратымъ“ таитъ что-то недоброе на сердцѣ.

— Ну, радъ я тебя видѣть, друже, такъ радъ, что и сказать не могу,—говорилъ онъ радостно, всматриваясь въ лицо Богуна.—Цѣлыхъ три года и не видалъ, и не слыхалъ! Да, ты вѣрно уже знаешь о моихъ странствованіяхъ? Эхъ, постарѣлъ я, должно быть, какъ старый песъ, а ты молодецъ молодцомъ, еще „краще“ сталъ!

— Дѣло не во мнѣ, друже,—отвѣтилъ, наконецъ, угрюмо Богунъ,—а въ томъ, что на Запорожьѣ погано...

— Погано? А что же такое случилось?—спросилъ озабоченно Богданъ, тщательно притворяя дверь.—Набѣгъ татарскій? Ярема?... Или что же?

— Нѣтъ, не то, и не то, а пожалуй хуже... Ополчилось на тебя все Запорожье, батьку... гудутъ всѣ курени, словно вылетѣвшіе на бой рои, не хотятъ больше ждать ни одной „хвылыны“. Кривоносъ уже бросился въ Вышневетчину, не дожидаясь товарыства, курени готовятся къ походу и, не сегодня-завтра, затопятъ всю Украйну.

— Какъ?! Что?! Кривоносъ бросился? Запорожцы готовятся къ походу?! —вскрикнулъ бѣшено Богданъ, схватываясь съ мѣста.—Остановить! Остановить, во что бы то ни стало! Я скачу съ тобою! Они сорвутъ всю справу, испортятъ все дѣло! —лицо Богдана покрылось багровою краской.—Своихъ, своихъ остерегаться пуще враговъ! Ироды, душегубцы! Въ такую минуту! Да вѣдь одною своею безумною стычкой они надѣнутъ вѣковѣчныя цѣпи на весь край! Э, да что тамъ разговаривать! Ѣдемъ сейчасъ, каждая минута —погибель!

— Постой!—остановилъ Багдана Богунъ, подымаясь съ мѣста,—тебѣ теперь не годится туда ѣздить. Я повторяю: встали на тебя всѣ запорожцы, обвиняютъ тебя въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ... Голова твоя...

— Что-о?!—перебилъ его Богданъ, отступая, и лицо его покрылось мертвой блѣдностью, а черные глаза загорѣлись дикимъ огнемъ.—Меня обвиняютъ въ измѣнѣ козачеству и вѣрѣ?... Отшатнулись отъ меня запорожцы?... Да кто же смѣетъ?—крикнулъ онъ бѣшено,—кто смѣетъ это говорить, кто?

— Всѣ!

Словно пораженный громомъ, молча опустился Богданъ на лаву. А Богунъ продолжалъ:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты передъ своимъ отъѣздомъ прислалъ намъ изъ Каменца гонца, всѣ пріостановили свои дѣйствія. У меня въ Кіевщинѣ были собраны большіе загоны, въ Брацлавщинѣ еще большіе... Но мы бросили все и ждали тебя. Такъ прошло два года. Рейстровикамъ дали какую-то пустую поблажку... Когда ты вернулся изъ чужихъ земель и прислалъ къ намъ черезъ Ганджу извѣстіе о тайномъ наказѣ его королевской мосци ждать инструкцій тихо и смирно, пока ты не подашь „гасла",—всѣ ожили на Запорожьѣ. „Заворушилось" товарыство, начались толки, приготовленія, всѣ прославляли тебя. Но время шло, а отъ тебя не было никакихъ вѣстей. Горячка охватила товарыство. Съ каждымъ гонцомъ ждали „гасла!" Такъ прошелъ и годъ, а отъ тебя все не было рѣшительныхъ извѣстій, а слалось только надоѣвшее всѣмъ слово „сидите смирно!" Тѣмъ временемъ вороги твои приносили постоянно новыя розсказни о томъ, что ты братаешься со шляхтой, цѣлые дни и ночи гуляешь па пирахъ, пьешь съ нашими ворогами изъ одного ковша...

— Такъ, такъ... Я зналъ это... Своихъ остерегайся горше враговъ,—проговорилъ беззвучно Богданъ; на лицѣ его появилась горькая улыбка, а на лбу и возлѣ рта выступили словно врѣзанныя морщины,—вѣры нѣтъ ни у кого...

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо закричалъ Богунъ,—повѣрили этому не всѣ; Нечай, Чорнота, Кривоносъ, Небаба и другіе ребра обѣщали перетрощить тому, кто распустилъ такой слухъ! А несмотря на это, товарыство роптало все больше и больше. Уже четвертый годъ шелъ безъ всякаго дѣла, для харчей надо было затѣвать „наскоки" и грабежи, а изъ Украйны съ каждымъ днемъ прибывали новые и новые рейстровики, которыхъ Маслоставская ординація повернула въ посполырство; они говорили о новыхъ утѣсненіяхъ, волновали все Запорожье и требовали возстанья, а отъ тебя не слыхать было ничего. Трудно стало сдерживать товарыство, тогда я послалъ къ тебѣ Морозенка сказать, чтобы ты торопился...

— Что могъ я сдѣлать тогда?—вырвалось у Богдана.

Оба помолчали.

— Передавать было нечего. Поквитоваться съ надеждами нельзя было, а благословить на бой было рано,—сказалъ угрюмо Богданъ, отошедши къ окну.

— Ну, а тутъ примчался на Запорожье Пешта. Не сношу я этого „хыжого" волка,—сверкнулъ глазами Богунъ.—Онъ собралъ раду и объявилъ на ней, что ты хочешь всѣхъ поймать въ ловушку, что козаковъ ты усыпляешь „обицянками", а самъ въ это время подсказываешь панамъ самыя жестокія противъ нихъ мѣры.

— Змѣя!—повернулся быстро Богданъ, весь блѣдный, съ налившимися кровью глазами,—это плата за жизнь!

— Да,—продолжалъ Богунъ,—онъ говорилъ, что былъ съ тобою на многихъ пирахъ, и всюду ты издѣвался надъ козаками, пѣлъ въ одну дудку съ панами, а на послѣдней пирушкѣ у Чаплинскаго,—онъ приводилъ въ свидѣтели еще какого-то шляхтича,— ты сказалъ молодому Конецпольскому, что до тѣхъ поръ, пока козаки будутъ живы, они все будутъ подымать головы, что только мертвые не пищатъ.

— А!—простоналъ Богданъ, опускаясь на лаву.

— Кіемъ хотѣлъ я расшибить ему голову!—продолжалъ еще болѣе запальчиво Богунъ,—но товарыство не допустило; тогда я головой своей поручился имъ, что все это ложь и клевета! Я просилъ ихъ обождать еще хоть недѣлю и бросился, сломя голову, сюда.

— Голова твоя пропала,—произнесъ медленно Богданъ, подымаясь съ мѣста.

Какъ окаменѣлый остановился передъ нимъ Богунъ.

— Голова твоя пропала, говорю тебѣ,—повторилъ глухимъ голосомъ Богданъ, съ лицомъ блѣднымъ, какъ полотно,—я говорилъ это, да!

— Ложь!—крикнулъ Богунъ, отступая отъ него и хватаясь за эфесъ сабли,—именемъ своимъ козацкимъ поклялся я, что голову отсѣку всякому, кто посмѣетъ повторить на Богдана эту клевету...

— Ну, такъ вотъ она тебѣ, руби ее,—провелъ Богданъ рукою по шеѣ и гордо выпрямился предъ Богуномъ,—потому что все это я говорилъ.

Сабля съ громкимъ стукомъ выпала изъ руки Богуна.

Пролетѣла минута молчанія. Оба козака стояли одинъ передъ другимъ, окаменѣвшіе, неподвижные, словно готовились вступить въ бой; только Богданъ стоялъ теперь, смѣло выпрямившись, съ глазами горящими гордымъ огнемъ.

— Ты Одинъ мой Помощникъ и Покровитель,—произнесъ онъ, наконецъ, съ чувствомъ, подымая глаза на икону.—Одинъ Ты вложилъ мнѣ теперь въ руки возможность разбить эту черную клевету! Тебѣ, друже мой вѣрный и коханный,—обратился онъ къ Богуну, преодолѣвая подступившее волненіе,—я скажу все, а передъ другими, передъ тѣми, что могли повѣрить этой черной клеветѣ, не стану я говорить! Такъ, правда, я пилъ изъ одного ковша съ панами, я бывалъ на ихъ пирушкахъ, я смѣялся вмѣстѣ съ ними надъ козаками, спроси обо мнѣ любого шляхтича, и онъ скажетъ тебѣ съ вѣрой что Богданъ Хмельницкій—свой человѣкъ! Все это дѣлалъ я, принималъ на себя всяческій позоръ, слушалъ панскія шутки и, сдавивши сердце, вторилъ имъ на пирахъ, все это дѣлалъ я для того,

чтобы заработать имя „зрадцы козацкаго", и я заработалъ его, но „зрадой" честнаго имени своего не покрылъ! Вотъ,—проговорилъ онъ, отпирая въ стѣнѣ желѣзную дверцу и вынимая оттуда сумку съ золотыми и тайною инструкціей короля,—тутъ шесть тысячъ талеровъ, это только задатокъ, и приказаніе строить „чайки" для участія въ предстоящей войнѣ. Вотъ это,—вынулъ онъ дальше серебряную булаву, перначъ и свернутое знамя,—передай отъ короля козакамъ и скажи имъ, что его найяснѣйшая мосць возвращаетъ имъ этими регаліями прежнюю свободу и призываетъ ихъ къ участію въ войнѣ.

Богданъ тряхнулъ рукою и съ шумомъ развернулось огромное малиновое знамя; знакомый шелестъ наполнилъ комнату и коснулся уха Богуна; передъ глазами его мелкнулъ золотой козацкій крестъ...

— Такъ!—гордо произнесъ Богданъ, высоко подымая козацкое знамя своею крѣпкою рукой,—все это я добылъ своимъ долгимъ стараніемъ, свези-же его на Запорожье и передай товарыству, что „зрадникъ" Богданъ Хмельницкій шлетъ запорожцамъ эту благую вѣсть!

— Друже, брате, батьку мой!—крикнулъ бѣшено Богунъ, заключая Богдана въ свои крѣпкія объятія.—Голову положу за тебя!

Послѣ перваго порыва бурнаго восторга, Богданъ усадилъ Богуна рядомъ съ собою и началъ передавать ему подробно весь свой разговоръ съ полковникомъ Радзіевскимъ, инструкціи и распоряженіи послѣдняго.

Между тѣмъ Ганна, изумленная и встревоженная неожиданнымъ пріѣздомъ Богуна, съ нетерпѣніемъ ожидала выхода дядька. Въ своей тревогѣ она даже ни разу не подумала о той неизбѣжной неловкости, которая ожидала ее при встрѣчѣ съ Богуномъ: она словно забыла все то, что произошло между ними, охваченная однимъ мучительнымъ сознаніемъ неизвѣстности.

„Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Откуда пріѣхалъ?—повторяла она сама себѣ, то подымаясь наверхъ, то отправляясь въ пекарню, то въ погребъ, то снова возвращаясь въ свою камнату.—Его загнанный конь, видно, безъ отдыху скакалъ... О чемъ говорятъ они тамъ такъ таинственно и тихо?... Ахъ, вѣрно, новое горе,—сжимала она руки,—новыя муки впереди!"

Оксана и Катря съ изумленіемъ слѣдили за напряженнымъ волненіемъ Ганны. Съ самаго пріѣзда Богдана, всѣ въ домѣ привыкли видѣть ее такой замкнутой и тихой, словно ее уже не занимало ничто, а между тѣмъ она таила въ себѣ глубокую душевную муку. Сознаніе полнаго равнодушія со стороны Богдана убило всѣ терзанія ея совѣсти, но вмѣстѣ съ тѣмъ наложило глубокую и тяжелую пе-

чать на все ея молодое существо. Къ тому-же рѣзкая перемѣна въ образѣ жизни Богдана не могла ускользнуть отъ внимательнаго взгляда Ганны. Сначала она еще не придавала этому большого значенія; но чѣмъ больше предавался Богданъ шляхетскимъ пирамъ и забавамъ, чѣмъ меньше обращалъ онъ вниманія на окружающую жизнь, тѣмъ тяжелѣе становилось у ней на сердцѣ. Ее оскорбляло до глубины души, когда онъ возвращался съ какой-нибудь пирушки на третій, на четвертый день съ лицемъ раскраснѣвшимся, неестественно возбужденнымъ, съ веселыми пѣснями на устахъ, когда онъ по цѣлымъ недѣлямъ пропадалъ изъ дому, не справляясь ни объ ужасныхъ слухахъ, доходящихъ отовсюду, ни о здоровьи жены и дѣтей; тяжело было ей выходить угощать надменную и пьяную шляхту, которая такъ часто наполняла теперь ихъ молчаливый угрюмый домъ, но всего ужаснѣе было слышать тѣ оскорбительныя шутки и разговоры которые держалъ съ шляхтою въ своемъ домѣ Богданъ. О, какъ невыразимо мучительно было ей видѣть своего когда-то гордаго и самолюбиваго батька въ такой унизительной, холопской роли! Казалось, за всѣ эти издѣвательства и насмѣшки надъ народомъ онъ долженъ былъ бы раскроить черепа этимъ наглымъ, пьянымъ панамъ, а между тѣмъ онъ, Богданъ,—Ганна сама слыхала не разъ,—онъ вторилъ имъ! И Ганна уходила наверхъ, запиралась въ своей свѣтлицѣ, чтобы не слышать, чтобы не видать этого ужаса; но пьяный хохотъ и крики достигали и туда.—Боже мой, за что ты оставилъ насъ?—шептала она, сжимая свою голову руками, и грудь ея надрывалась отъ горькаго, тяжелаго рыданья, а голова съ отчаяньемъ падала на подоконникъ. А снизу доносилась пьяная польская пѣсня, въ которой она ясно слышала могучій голосъ Богдана. Никто не зналъ, что переживала она въ эти томительныя ночи. Однѣ только звѣзды видѣли бѣдную, одинокую дѣвушку, сгибающуюся отъ горькаго рыданія у темнаго окна. И когда она, измученная и истомленная, подымала къ небу полные слезъ глаза, оно сіяло надъ ея головою такъ величественно и безмятежно, словно говорило ей о мимолетности земныхъ радостей и мукъ, и на душѣ ея становилось легче, свѣтлѣе; звѣзды казались ей добрыми и ласковыми глазами какихъ-то невѣдомыхъ друзей, глядящихъ на нее изъ той глубокой дали...

Между тѣмъ каждый день приносилъ все болѣе грустныя вѣсти, а Богданъ точно и не слыхалъ ихъ, точно и забылъ навсегда все то, чѣмъ жилъ до сихъ поръ. Нѣсколько разъ въ Ганнѣ пробуждалась мысль отважиться поговорить съ дядькомъ, но Богданъ держалъ себя теперь такъ далеко отъ нея, что она никакъ не могла рѣшиться на это. Ганна видѣла ясно, что дѣдъ хмурится, что братъ ея угрюмо отстраняется отъ Богдана, что кругомъ противъ

него растетъ недовольство, ропотъ и вражда, и она не могла сказать всѣмъ смѣло, что все это ложь и клевета. Иногда ей казалось снова, что все погибло, что спасенія не откуда и не отъ кого ждать, что они осуждены Богомъ на вѣчное рабство; но сила несокрушимой вѣры въ Богдана, а главное въ милосердіе Божіе подымалась изъ глубины души и укрѣпляла ее. Тревожное ожиданіе дядькомъ посла изъ Варшавы зарождало въ ней надежду на какіе-то тайные планы, хранимые имъ.

Пріѣздъ пана Радзіевскаго сразу ободрилъ ее, да встрепенулъ и Богдана. Онъ дѣятельно занялся распоряженіями по хозяйству, словно собирался въ далекій путь; но никто не слыхалъ отъ него ни слова ни о томъ, зачѣмъ пріѣзжалъ панъ Радзіевскій, ни о томъ, зачѣмъ это онъ старается такъ торопливо прикончить всѣ свои дѣла.

Теперь этотъ неожиданный пріѣздъ Богуна какъ-то невольно сопоставлялся въ ея воображеніи со всѣми дурными вѣстями, передаваемыми ей братомъ, и томительное предчувствіе чего-то недобраго сжимало ей сердце.

А время все шло и дверь изъ комнаты Богдана не отворялась. Уже и солнце поднялось высоко на небесномъ сводѣ, уже Ганна приготовила съ дивчатами весь „сниданокъ" въ левадѣ, а Богданъ все еще не выходилъ изъ своей половины.

Наконецъ, волненіе Ганны дошло до такой степени, что она рѣшилась войти сама.

Покончивши всѣ раговоры съ Богуномъ, Богданъ собирался уже встать, какъ вдругъ дверь тихо пріотворилась и на порогѣ показалась Ганна.

— Можно, дядьку?—спросила она несмѣло, останавливаясь въ дверяхъ.

— Можно, можно, голубка!—отвѣтилъ тотъ радостно, подымаясь съ мѣста и расправляя свои могучія плечи, словно желая стряхнуть съ тебя послѣдніе остатки тяжелаго волненія, пережитаго имъ въ эти нѣсколько часовъ.—А посмотри, какого намъ гостя Богъ послалъ! Да что же это ты не витаешь пана? Или не рада ему совсѣмъ?

Уже по веселому тону Богдана Ганна поняла сразу, что свиданіе окончилось чѣмъ-то радостнымъ.

— Рада,—отвѣтила она просто, обдавая Богуна ласковымъ сіяніемъ своихъ кроткихъ лучистыхъ глазъ.

А Богунъ стоялъ молча, не говоря ни слова, не отводя отъ Ганны восхищенныхъ очей.

Ганна потупилась.

— То-то-жъ!—улыбнулся Богданъ.—Приготовь же намъ чего добраго на зубы. Шутка сказать, прискакалъ вѣдь изъ самой Сѣчи, не отдыхая нигдѣ.

— Я ужъ и то все приготовила,—отвѣтила Ганна.

— Ну, и ладно, а я достану самаго стараго меду, да разопьемъ его гуртомъ за здоровье нашего славнаго гостя. Ты-жъ опоряди здѣсь пана съ дороги.

Богданъ направился уже къ выходу, но остановился въ дверяхъ.

— Да приготовь еще мнѣ съ Морозенкомъ въ путь, что надо, а я пойду, да распоряжусь заранѣе лошадьми.

— Какъ въ путь?—отступила Ганна,—на долго ли? Куда?

— Намъ не надолго, на недѣльку, полторы, а ему,—указалъ онъ на Богуна,—ажъ до самой Сѣчи.

Дверь за Богданомъ затворилась.

Нѣсколько минутъ Богунъ еще стоялъ передъ Ганной молча, какъ бы не рѣшаясь заговорить. Восторженное выраженіе, вспыхнувшее на его лицѣ при видѣ Ганны, смѣнилось выраженіемъ какого-то грустнаго и глубокаго участія. Наконецъ, онъ подошелъ къ Ганнѣ, взялъ ее за руку и проговорилъ негромко:

— Какая ты стала тихая, Ганна!

— Тихая?—переспросила Ганна, стараясь улыбнуться, но улыбка у ней вышла болѣзненная и печальная.

— Тихая, тихая,—повторилъ настойчиво Богунъ, вглядываясь въ ея блѣдныя черты и большіе глаза.

Ганна почувствовала вдругъ, какъ отъ этого теплаго, ласковаго слова, давно не слышаннаго ею, какая-то безсильная слабость охватила ее. Ноги у ней задрожали; она оперлась рукою о столъ.

— Скажи мнѣ, отчего ты такъ „змарнила" вся? Что сдѣлалось съ тобой?—продолжалъ Богунъ, не выпуская ея руки.—Можетъ, какое горе? Скажи мнѣ, Ганна, скажи!

— Такъ,—опустила глаза Ганна; тихій вздохъ вырвался невольно изъ ея груди,—тяжко, козаче...—прошептала она.

— Можетъ, тебя „зневажаетъ" кто?—крикнулъ запальчиво Богунъ.—Слово только скажи, и я ему, будь то мой наилучшій „пріятель", голову „кіемъ" разсажу!

— Нѣтъ, нѣтъ,—покачала головой Ганна.—Не то. Тамъ, у васъ, на Запорожьѣ, только слухи доходятъ, а здѣсь, когда сама своими глазами видишь все, что дѣлается кругомъ,—говорила она тихо, останавливаясь за каждымъ словомъ,—и нѣтъ ни откуда спасенья... то такъ станетъ тяжко, такъ тяжко, что не хотѣлось-бы и жить.

Слова Ганны прервались, словно угасли.

Богунъ угрюмо опустилъ голову. Наступило короткое молчаніе.

— Да не долго-жъ, Ганно, будемъ мы такой соромъ терпѣть,— вскрикнулъ онъ вдругъ, взбрасывая голову съ пробудившеюся энергіей,—чтобы „дивчата“ наши стыдились за насъ! Клянусь тебѣ, Ганно, когда бы насъ не уговаривалъ Богданъ, не сидѣли бы мы такъ тихо на Запорожьѣ, какъ бабы за веретеномъ. А теперь уже „годи!“ Вотъ только что передалъ онъ мнѣ счастливыя вѣсти...

— Боже мой!—захлебнулась отъ прихлынувшей радости Ганна, простирая къ иконѣ руки.—Ты не оставляешь насъ!

Все лицо ея освѣтилось такимъ вдохновеннымъ, восторженнымъ экстазомъ, что Богунъ невольно залюбовался ею.

— Ты говоришь, Ганна, что намъ хорошо было на Запорожьи, потому что къ намъ доходили только вѣсти?—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Не знаю, какъ другимъ, но той тяжести, которую я выносилъ за эти три года въ сердцѣ, не сносить никому!—Онъ помолчалъ, какъ бы желая совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ и затѣмъ продолжалъ снова съ возрастающею горячностью:—Я не зналъ, куда броситься, чтобы задавить свою „грызоту“-тоску. Очертя голову, бросался я въ самые опасные набѣги, пускался на чайкахъ въ самую жестокую бурю, и видишь: ни „хвыля“, ни пуля не тронули меня! Слово козацкое тебѣ, Ганна, что если бы не думы о нашей бѣдной Украйнѣ, давно бы насадилъ я эту постылую голову на татарскій „спысъ!“ А вѣсти изъ родины приходили и къ намъ одна другой грознѣе; каждая изъ нихъ „шматовала“ мое сердце, а Богданъ все слалъ листы, умоляя насъ ждать еще, обѣщая впереди большія льготы отъ короля. Но, если бы ты знала, Ганна, какая мука ждать бездѣйственно, когда вотъ тутъ, въ груди, цѣлое море кипитъ! Такъ шло время. Не слышно было ни слова о королевскихъ льготахъ, а о насиліяхъ и „утискахъ“ панскихъ слышали мы каждый день... Мало того, всѣ бѣглецы, наполнявшіе Запорожье, приносили съ собой страшные слухи о Богданѣ, всѣ называли его измѣнникомъ, предателемъ, Іудой!..

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—перебила его горячечно Ганна, хватая за руку.—Вѣрь ему, вѣрь хоть ты одинъ! Онъ не измѣнникъ, не предатель!—Глаза ея наполнились слезами, голосъ задрожалъ, спазма сжала горло.—Онъ таитъ отъ насъ что-то, прикидывается равнодушнымъ; но я вѣрю, вѣрю, что онъ нашъ спаситель, что онъ спасетъ насъ!

Послѣднія слова вырвались у Ганны съ такимъ страстнымъ восторгомъ, что Богунъ бросилъ на нее изумленный взглядъ.

— Дай Богъ! Только одному человѣку не поднять такого великаго дѣла. А росказнямъ о Богданѣ я не повѣрилъ,—произнесъ онъ медленно, слово по слову, не спуская съ Ганны потемнѣв-

шихъ глазъ,—я зналъ, что если ты здѣсь, Ганно, то всѣ разсказы объ измѣнѣ—ложь и клевета.

Онъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ глухимъ голосомъ:

— Но другіе думали не такъ. Запорожье присудило Богдана къ смертной карѣ; но я головой своей поручился за него „товарыству" и бросился, сломя голову, сюда.

— Козаче, брате мой,—рванулась къ нему Ганна,—да есть-ли у кого въ свѣтѣ такое сердце? Есть-ли кто въ свѣтѣ благороднѣе тебя?—и вся она была въ эту минуту одинъ восторгъ, одинъ порывъ.

Богунъ окинулъ ее всю восхищеннымъ взглядомъ. Казалось, еще минуту онъ колебался, не рѣшаясь заговорить, но было уже поздно!

— Ганно, я не хотѣлъ сюда ѣхать, я не могъ сюда ѣхать,—заговорилъ онъ горячо и сильно,—для спасенія Богдана, для спасенія всего козачества надо было ѣхать—и я прискакалъ, но теперь уже не могу молчать! Что мнѣ дѣлать, Ганно,—не придумаю, не знаю: приворожила ты до смерти меня!

Ганна вдругъ вся поблѣднѣла и словно съежилась, голова ея опустилась низко и, закрывши руками лицо, она проговорила тихо:

— Не надо, не надо... не говори!...

Но Богунъ уже не слыхалъ ея словъ!

— Три года не видѣлъ я тебя, Ганно, а не проходило и дня, чтобы я забылъ о тебѣ! „Горилкою" думалъ я затопить свое сердце, да что горилка! Не зальешь его и пекельною смолой! Куда я ни бросался, вездѣ ты была со мной. Среди рева бури, среди грома сѣчи, въ дыму и пожарѣ,—вездѣ твой образъ былъ со мною и не покидалъ меня ни на „хвылыну", ни на мигъ! Что дѣлать мнѣ, Ганно, счастье мое? Люблю я тебя, „кохаю", какъ „божевильный", одну тебя,—одну на всемъ свѣтѣ люблю!

Ганна стояла молча, еще ниже склонивши голову, не отымая рукъ отъ лица.

— Ты молчишь, Ганно? Такъ скажи-жъ мнѣ хоть одно слово: чѣмъ я не любъ тебѣ, за что ты не любишь меня? Да не сыщется никого въ цѣломъ свѣтѣ, чтобъ „кохалъ" тебя такъ, какъ „кохаю" я! Слово скажи—на край свѣта полечу для тебя, голову свою вотъ тутъ, не задумавшись, возлѣ ногъ твоихъ положу! Скажи-жъ мнѣ, Ганно, счастье, жизнь моя, что мнѣ сдѣлать, что мнѣ придумать, чтобъ полюбила ты меня?

— Боже мой, Боже мой!—вырвалось тихо у Ганны, и Богунъ замѣтилъ, какъ ея плечи начали тихо вздрагивать.

— Что-жъ, если рѣчи мои простыя не по сердцу тебѣ, Ганно, прости меня, грубаго козака,—опустилъ голову Богунъ,—не скажу я тебѣ больше ни слова: видно, такая ужъ моя доля, таковъ мой таланъ! Только не отымай у меня послѣдней надежды: я могу ждать,

я буду ждать, пока „прокинется" твое сердце, и съ радостью „порыну" я отсюда на Запорожье, первымъ порвусь на врага, первымъ на смерть пойду, только-бы думка эта была у меня!...

Наступило тяжелое молчаніе. Видно было только, какъ плечи Ганны вздрагивали все сильнѣй и сильнѣй.

— Ганно, счастье мое, скажи-же мнѣ хоть одно это слово!— подошелъ къ ней Богунъ.—Не отымай этой надежды у меня!

Ганна опустила руки; по лицу ея медленно одна за другой катились крупныя слезы.

— Охъ, козаче мой!—начала она съ невыразимою тоской, заламывая свои тонкія руки,—что-же мнѣ дѣлать съ собою, какъ принудить свое сердце? Да если-бы сила моя была!... Мертвое оно, мертвое!—и губы Ганны непослушно задрожали, она остановилась, потому что рыданіе захватило ей духъ.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула она, прижимая руки къ груди.—Не въ силахъ я „дурить" тебя! Люблю тебя, козаче, какъ „велетня", какъ друга, а больше... больше... Богъ видитъ—не могу!

На красивомъ лицѣ козака не дрогнула ни одна черта, только черныя брови его сжались сильнѣе.

— Что-жъ?—произнесъ онъ, наконецъ, гордымъ тономъ, забрасывая голову назадъ, и горькая улыбка искривила его лицо.— Спасибо тебѣ, Ганна, хоть за правду. Не намъ, козакамъ-нетягамъ, думать о счастьѣ. Оно не для насъ. Выняньчили насъ метели, да громы. Э,—перебилъ онъ самъ себя,—да что ужъ тамъ и говорить! Прощай, Ганна! Обо мнѣ не думай! Дай Богъ тебѣ счастья!

— Охъ, козаче,—вырвалось горько у Ганны,—не смѣйся надо мной!

— Но если я узнаю, кто причиной твоему несчастью, если здѣсь кто хоть подумаетъ „скрывдыть" тебя,—продолжалъ Богунъ, понижая голосъ,—слово скажи, съ конца свѣта примчусь, и пожалѣетъ онъ, что на свѣтъ родился!

— Прости меня, прости меня!—зарыдала Ганна, протягивая къ нему руки.

— За что прощать?—перебилъ ее горько Богунъ.—Разбила ты, безталанная, безъ воли мое сердце! Да что о немъ говорить! Носило оно много горя, такъ много, что уже и не подъ силу ему. Авось сжалится надъ нимъ, наконецъ, чья турецкая сабля,—вскрикнулъ онъ горько, направляясь къ выходу,—избавитъ отъ мукъ навсегда!

—Нѣтъ! Стой! Ты этого не говори!—вскрикнула лихорадочно Ганна, хватая его за руку.—Будущее въ рукѣ Божьей, твое сердце вѣдь не твое, а наше, и мы его не отдадимъ тебѣ,—слышишь?— не отдадимъ никогда!—Голосъ ея звучалъ твердо и сильно, сухіе

глаза горѣли какимъ-то горячимъ, вдохновеннымъ огнемъ.—Не намъ судилось счастье, правду ты сказалъ, не намъ! Но не для счастья мы живемъ! Развѣ ты не слышишь и днемъ, и ночью, какъ звонятъ наши цѣпи? Развѣ, ты не слышишь нашихъ слезъ и стоновъ, которые вотъ тутъ, въ этомъ сердцѣ безпрерывно дрожатъ? А! не говори о мукахъ и горѣ! Что значатъ наши муки передъ тою вѣковѣчною „зневагой", какая огнемъ зажигаетъ всю нашу кровь?

И по мѣрѣ того, какъ говорила Ганна, лицо Богуна озарялось другимъ, отважнымъ, восторженнымъ блескомъ. Грудь подымалась высоко и сильно, глаза вспыхивали огнемъ.

— Туда лети,—продолжала Ганна горячо, протягивая впередъ руку,—неси братчикамъ счастливую вѣсть. Подымайтесь бурею, хмарой.. О дайте-жъ намъ сбросить это ярмо позора! Дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!

— Ганно, жизнь моя!—вскрикнулъ порывисто Богунъ, склоняясь передъ ней.—Что ты дѣлаешь со мной?...

Уже совсѣмъ вечернѣло, когда къ крыльцу Субботовскаго дома подвели лошадей путникамъ. Лошадь Богуна замѣнили другой, сильной и привычной къ долгимъ переѣздамъ, къ которой на длинномъ поводѣ была привязана и другая, для перемѣны. Небо все заволокло сѣрыми тучами; склоняющееся къ западу солнце освѣщало все кровавымъ свѣтомъ.

Всѣ обитатели усадьбы собрались на крыльцѣ. Прощанье было короткое и сухое.

Богунъ подошелъ къ Ганнѣ.

— Помилуй Боже,—сказала она, крестя его склоненную голову.

— Бувай здорова!—проговорилъ твердо козакъ и, не взглянувъ ни на кого, подошелъ къ своему коню.

— Эй, не ѣхалъ бы ты на ночь, Иване, лучше бъ съ утра!—замѣтилъ сорьезно дѣдъ, поглядывая на затянувшееся небо.—Что то погода нахмурилась... И не къ часу, славно осенью завыла...

— Нельзя, диду. Да это не бѣда: мыли насъ не мало дожди!—отвѣтилъ Богунъ, уже сидя на конѣ и собирая повода.

Богданъ попрощался со всѣми, перекрестилъ и поцѣловалъ дѣтей и, вскочивши въ сѣдло, крикнулъ громко, сбрасывая шапку и осѣняя себя крестомъ: „Съ Богомъ рушай!"

Лошади поднялись въ галопъ и понеслись со двора.

— Ты-жъ, друже, съ нами до самаго Чигирина?—спросилъ Богданъ Богуна, когда они подъѣхали къ греблѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ коротко Богунъ, не подымая глазъ,—я прямо на Золотарево, мнѣ надо еще и Золотоеренка повидать.

45/69

Богданъ бросилъ на него долгій и внимательный взглядъ: ни угрюмый, молчаливый видъ козака, ни краткость его отвѣта, словно произнесеннаго съ большимъ усиліемъ надъ собой, не ускользнули отъ этого внимательнаго, какъ-бы прозирающаго насквозь взгляда. Какая-то смутная догадка шевельнулась въ головѣ Богдано.

— Ну, что-жъ, такъ прощай!—произнесъ онъ громко, придерживая коня.—Такъ мы сейчасъ и попрощаемся: тутъ намъ сейчасъ заворачивать— мнѣ черезъ греблю направо, а тебѣ все прямо на полдень.

Козаки остановились, сбросили шапки, перекрестились, поцѣловались три раза и повернули въ противоположныя стороны лошадей.

Небо заволакивалось все сильнѣе; вѣтеръ крѣпчалъ и стлалъ передъ собой волнами сѣдой степной ковыль; осенній сѣрый полумракъ спускался надъ безбрежною степью; становилось холодно и темно.

Подъ нависшимъ сѣрымъ небомъ мчались теперь по безлюдной степи кони Богуна. Встрѣчный вѣтеръ подымалъ ихъ густыя гривы и развѣвалъ по вѣтру длинные хвосты. Богунъ надвинулъ на голову шапку и набросилъ на плечи керею. Вѣтеръ свистѣлъ у него надъ ухомъ, но онъ не слыхалъ его. Казалось, онъ былъ настолько погруженъ въ свои мысли, что не видалъ ничего передъ собою. Каждый шагъ коня уносилъ его все дальше и дальше отъ Субботова, отъ этого спокойнаго, уютнаго уголка, къ которому онъ всегда стремился душой. Но сожалѣнія уже не было въ душѣ козака: онъ снова мчался туда на югъ, на встрѣчу этому буйному вѣтру, подъ дождь и бурю, въ темноту и неизвѣстность, на встрѣчу опасностямъ и смерти. Тамъ, за нимъ, въ сомкнувшемся уже туманѣ, стояли двѣ женщины; онѣ указывали ему на Запорожье, онѣ толкали его. И одна изъ нихъ подымалась, величественная и прекрасная, словно мраморная богиня, въ золотистой одеждѣ, опоясанная синею лентой Днѣпра, но прекрасное лицо ея было строго и печально, а въ глазахъ, синихъ и глубокихъ, какъ небесная лазурь, стояла горькая слеза. Другая казалась совсѣмъ маленькой рядомъ съ величественною богиней, но тонкая рука ея указывала туда же, а сѣрые лучистые глаза смотрѣли съ восторгомъ на Богуна, и голосъ шепталъ, задыхаясь: „О, дайте-же намъ сбросить это ярмо позора, дайте намъ стать рядомъ съ другими людьми!“

Ночь наступала. Вѣтеръ свистѣлъ. Кони летѣли быстрѣй и быстрѣй. И вдругъ на встрѣчу бурному вѣтру раздалась среди наступавшаго мрака громкая смѣлая пѣснь козака:

„Ой, любывъ козакъ та дивчиноньку, якъ той батько дытыну,
А теперъ такъ и покидае, якъ на мори хвылыну!“

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

V.

Формированіе восьми козачьихъ полковъ въ 1831 г.—Ходатайства князя Н. Г. Репнина о возвращеніи малороссійскимъ козакамъ ихъ прежнихъ правъ и вольностей.—Обсужденіе этого вопроса въ особомъ комитетѣ; отдѣльное мнѣніе князя Н. Г. Репнина; его письмо къ графу А. Н. Чернышеву; опасенія сепаратизма.—Указъ 25 іюня 1832 г., регулирующій отбываніе малороссійскими козаками воинской повинности.—Переселенія козаковъ на Кавказъ.—Противникъ взглядовъ князя Н. Г. Репнина князь В. П. Кочубей.

Когда вспыхнуло польское возстаніе 1830—31 гг., поразившее своею казавшейся неожиданностью и даже внезапностью[2]) и побудившее высшее правительство озаботиться изысканіемъ разнаго рода мѣръ къ скорѣйшему его подавленію, то одной изъ такихъ мѣръ въ самый тяжелый моментъ польской кампаніи 1830—31 гг., когда императоръ Николай Павловичъ былъ крайне недоволенъ бездѣятельностью тогдашняго главнокомандующаго графа Дибича[3]), былъ запросъ малороссійскому генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину о томъ, можно-ли сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, по примѣру 1812 года, въ самомъ скоромъ времени нѣсколько полковъ и выслать ихъ на театръ военныхъ дѣйствій для оказанія содѣйствія къ подавленію возстанія.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 6.

[2]) Кн. Щербатовъ. Ген.-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. С.-Пб. 1894. Т. IV, стр. 3 и приложеніе № 3.

[3]) Ibidem. Стр. 9—22.

Князь Н. Г. Репнинъ со свойственной ему горячностью отозвался въ благопріятномъ смыслѣ на сдѣланный ему запросъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 20 апрѣля 1831 года, живо характеризующемъ взгляды Репнина и заботливое отношеніе его къ интересамъ мѣстнаго населенія:

„Вашего Императорскаго Величества призывомъ малороссійскихъ козаковъ къ вооруженію, для содѣйствія къ прекращенію мятежа неблагодарныхъ поляковъ, оказываете имъ величайшее довѣріе, коего драгоцѣнность они въ полной мѣрѣ восчувствуютъ. Народъ сей, сохранившій доселѣ воинственный духъ предковъ своихъ, сохранилъ и древнюю ненависть къ ляхамъ, подъ игомъ коихъ стеналъ край сей болѣе трехъ вѣковъ. Предки оставались непоколебимы въ Православіи, при всемъ усиліи введенія уніи, и вѣрными Престолу, несмотря на ухищренія и прельщенія Виговскаго, Дорошенка и Мазепы. Таковыми будучи и потомки ихъ, нынѣ покоющіеся подъ мощнымъ, правосуднымъ и отеческимъ скипетромъ Вашимъ, я смѣло ручаюсь, что малороссійскіе козаки съ радостью поставятъ изъ себя поборниковъ за престолъ и отечество. Таковыя чувствованія одушевляютъ и дворянство здѣшнее, и живущіе на родинѣ легко поймутъ, что безъ содѣйствія ихъ невозможно будетъ вооружить и поставить въ скоромъ времени конные полки. Ни дворянство, ни козаки не помышляютъ о какомъ-либо вознагражденіи, ибо вѣрность и усердіе ихъ неограничены; но милосердное и отеческое сердце Ваше навѣрно не осудитъ меня за вѣрноподданническое донесеніе, что теперь предстоялъ-бы случай исполнить преднамѣреніе Вашего Императорскаго Величества, оказавъ помощь малороссійскимъ козакамъ, ограничивъ подати, ими вносимыя, суммою, изъясненною въ Высочайшемъ указѣ, данномъ здѣшнему гражданскому губернатору 11-го іюня 1816 г. [1]) и потомъ отмѣненныя указомъ 10-го декабря 1819-го года [2]). Уменьшеніе подати за право винокуренія ниже однимъ рублемъ дворянству низшему была-бы благодѣтельная помощь при нынѣшнихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и сіе казалось-бы тѣмъ

---

[1]) П. С. З., № 26309.

[2]) П. С. З., № 28021.

удобнѣе учинить, что, по возстановленіи спокойствія въ отечествѣ, необходимо должно будетъ приступить къ соображенію о перемѣнѣ сего акциза, столь, смѣю сказать, неосновательно и даже несправедливо обращеннаго въ поголовную подать. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, дерзость мою, и примите ее, какъ новый залогъ непоколебимой вѣрноподданической приверженности моей. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный, князь Н. Репнинъ. 20 апрѣля 1831 года“ [1]).

По полученіи такого благопріятнаго отвѣта на сдѣланный запросъ, 6 мая 1831 г. воспослѣдовалъ рескриптъ на имя малороссійскаго генералъ-губернатора о сформированіи изъ малороссійскихъ козаковъ восьми кавалерійскихъ полковъ [2]).

Въ этомъ рескрипѣ говорилось между прочимъ:

„Князь Николай Григорьевичъ! Признавая необходимымъ имѣть въ составѣ вновь образуемой резервной арміи достаточное число легкой кавалеріи, повелѣваю Вамъ, на точномъ основаніи утвержденныхъ мною и при семъ препровождаемыхъ положенія и штата, сформировать изъ малороссійскихъ козаковъ, въ двухъ ввѣренныхъ Вамъ губерніяхъ живущихъ, восемь полковъ легкой кавалеріи, и по мѣрѣ сформированія отправлять ихъ въ резервную армію, по назначенію главнокомандующаго оною генерала отъ инфантеріи графа Толстаго. Я увѣренъ что *воинственное сословіе малороссійскихъ козаковъ* ревностно воспользуется симъ случаемъ, дабы явить новый опытъ той непоколебимой вѣрности и того пламеннаго усердія къ Престолу и Отечеству, коими они всегда отличались“.

Въ награду за скорое сформированіе полковъ снимались съ козаковъ недоимки по всѣмъ податямъ и, вмѣсто оброчной подати, налагалась подушная, „съ 1832 года впредь во все время существованія означенныхъ восьми полковъ“, по 4 рубля съ ревизской души.

Далѣе, было обѣщано, „по минованіи нужды въ служеніи сего войска, относительно людей, въономъ бывшихъ, сдѣлать *особое* распоряженіе“.

[1]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1863. I, стр. 176—177 смѣси.

[2]) П. С. З., № 4536. Срв. „Кіев. Стар.“ 1897 г., апрѣль, стр. 157.

Объ исполненіи этого указа ближайшій свидѣтель, И. И. Сердюковъ,—служившій въ это время въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ въ своей „автобіографической запискѣ“ [1]) слѣдующее:

... „Въ 1830 году (читай—1831 г.), во время возстанія Польши, въ Малороссіи формировались козачьи полки по манифесту (?) императора Николая Павловича на такомъ основаніи, какъ было это въ 1812 году. Имъ обѣщанъ по окончаніи кампаніи возвратъ въ дома, а поступившимъ изъ гражданскихъ чиновниковъ въ офицеры—переименованіе въ военные чины. Въ такой надеждѣ все закипѣло и менѣе нежели въ мѣсяцъ полтавская и черниговская губерніи выставили восемь полковъ, по тысячѣ каждый, а дворяне купили лошадей и сбрую. Козаки шли всѣ охотно, между ними много было такихъ, которые оставили женъ, дѣтей и довольно значительное состояніе. Полки пошли, стали на границахъ (?) и по случаю скораго окончанія кампаніи [2]) послѣдовало распоряженіе возвратить ихъ домой [3]). Кажется, въ концѣ 1831 года уже нѣкоторые возвратились въ объятія родины“...

Пользуясь благопріятнымъ моментомъ благосклоннаго отношенія высшаго правительства къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, всегда горячо отстаивавшій интересы населенія, входившаго въ составъ малороссійскаго генералъ-губернаторства, принося глубочайшую признательность Государю за оказанныя малороссійскимъ козакамъ льготы, счелъ удобнымъ напомнить во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 31 іюля 1831 года о тягости крѣпостнаго права для большинства помѣщичьихъ крестьянъ, обращенныхъ во многихъ случаяхъ въ несвободное состояніе изъ числа вольныхъ козаковъ, оплакивавшихъ свою

---

[1]) „Кіевск. Стар.“ Т. LV, стр. 193.

[2]) Манифестъ объ окончаніи польской кампаніи 1830—31 г.г. былъ обнародованъ 6 октября 1831 г. Кн. Щербатовъ, l. c. Приложенія, стр. 139—141.

[3]) Ген. Пузыревскій, авторъ изслѣдованія—Польско-русская война 1831 г. (Т. I, II. Спб. 1890 г.), при подробномъ перечисленіи русскихъ войскъ, участвовавшихъ въ кампаніи, упоминаетъ о 13 козачьихъ полкахъ (стр. 33 сл.), но у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы опредѣлить, входили ли въ составъ этихъ полковъ и восемь малороссійскихъ, или это были исключительно великороссійскіе козаки.

свободу, и тѣмъ самымъ давалъ понять, что слѣдовало бы возвратить этимъ случайнымъ рабамъ свободу, а вообще малороссійскимъ козакамъ ихъ вольности, отчего государственные интересы нисколько не пострадали бы, а скорѣе выиграли, такъ какъ козаки представляли бы всегда готовое войско, которое являлось бы по первому призыву отстаивать интересы общаго отечества, какъ они доказали это быстрымъ сформированіемъ восьми полковъ, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ.

„Я утверждалъ, говоритъ князь Н. Г. Репнинъ въ своей запискѣ, что малороссійскіе козаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту престола отъ оскорбленія и, къ счастію моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое...

... Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, козакамъ простили милліоны и уменьшили подати ихъ на будущее время. Отеческое желаніе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, исполнилось: полмилліона Вашихъ подданныхъ счастливѣе и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное имя Ваше...

... Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитство) мало чѣмъ различествовали отъ козаковъ, и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года, но въ сіе время порабощены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клевретовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесятилѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ ней есть главнѣйшая причина ропота крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти ихъ къ козакамъ“...

Настойчиво добиваясь осуществленія своихъ завѣтныхъ мыслей по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ, князь Н. Г. Репнинъ, обратившись въ сентябрѣ 1831 г. въ главный штабъ съ просьбой испросить разрѣшеніе Государя на роспускъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ по домамъ, послѣ того какъ они пробыли въ строю около трехъ мѣсяцевъ, сдѣлалъ опять попытку напомнить высшему правительству объ обѣщанной еще указами

предшествовавшаго царствованія реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ, въ смыслѣ возвращенія имъ нѣкоторыхъ прежнихъ вольностей, а главное, обращенія ихъ въ особое военное сословіе. Князь настаивалъ на полной своевременности подобной мѣры, въ виду того, что малороссійскіе козаки и по своимъ воинскимъ доблестямъ и по своимъ національнымъ традиціямъ могли бы составить хорошій оплотъ со стороны мятежныхъ поляковъ, которые и на будущее время, быть можетъ, станутъ дѣлать попытки къ возстановленію своей политической самостоятельности, какъ это и случилось дѣйствительно въ 1863 году.

4 октября 1831 года, за два дня до изданія манифеста объ окончаніи польской кампаніи, князь Н. Г. Репнинъ обратился съ нижеслѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ о полной готовности малороссійскихъ козаковъ возвратиться къ ихъ прежнему военному быту и о своевременности проведенія подобнаго рода реформы:

„Всемилостивѣйшій Государь! Испрашивая черезъ посредство г. управляющаго главнымъ штабомъ Вашего Императорскаго Величества Высочайшихъ повелѣній Вашихъ касательно временнаго роспуска резервныхъ эскадроновъ малороссійскихъ козачьихъ полковъ, уже сформированныхъ, я думаю сими строками донести, что и при семъ послѣднемъ случаѣ малороссійскіе козаки вполнѣ доказали воинственный духъ предковъ своихъ. Готовность и усердіе, съ которыми они стремятся отъ сельскихъ занятій своихъ къ обязанностямъ и трудамъ военной службы, превосходятъ по истинѣ мѣру всякаго ожиданія и я счастливымъ себя почитаю, имѣя право ручаться Вашему Императорскому Величеству, что столь благородныя чувства малороссійскихъ козаковъ сливаются въ нихъ съ нелицемѣрною преданностью, вѣрностью и пламеннымъ усердіемъ къ Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! Съ гордостью можно сказать, что добрый народъ сей, не взирая на тягостныя событія протекшаго времени, поколебавшія его благосостояніе, памятуетъ токмо вѣрноподданническій долгъ свой къ Государю и любовь къ родинѣ своей. Я не ошибусь, если заключу, что чувствъ ихъ достаточно для составленія вѣрнаго и надежнаго воинства.

Благотворная мысль Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію предупредила цѣль нынѣшняго всеподданнѣйшаго представленія моего; но, руководствуясь опытомъ долговременнаго пребыванія моего въ краѣ семъ, доставившемъ мнѣ возможность изыскать къ таковому преобразованію сего народа надежный способъ, сообразный съ его нравами, мѣстнымъ по ложеніемъ и выгодами общими, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить у Вашего Императорскаго Величества дозволенія представить къ Высочайшему благоусмотрѣнію Вашему новый проэктъ, мною по сему предмету нынѣ составленный.

Я льщу себя надеждою, что приведеніе предположенія моего было бы не невозможно.

Къ рядамъ побѣдоноснаго воинства Вашего присоединится значительный отрядъ вѣрныхъ и усердныхъ поборниковъ; на стражѣ у Днѣпра стоялъ бы противъ легковѣрія польскаго народъ воинственный, и благоденствіе полмилліона Вашихъ подданныхъ упрочится на долгія времена. Ходатайствуя о семъ, я долгомъ поставляю обратить прозорливое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на событія и послѣдствія времени. Въ 1812 году подобное же вооруженіе малороссійскихъ козаковъ встрѣтило въ семъ воинственномъ племени таковое же усердіе, ту же готовность и то же самоотверженіе. Побужденіемъ къ сему наиболѣе было торжественное обѣщаніе постояннаго учрежденія малороссійскихъ полковъ. Послѣдовавшая вскорѣ потомъ отмѣна и обращеніе сихъ ревностныхъ воиновъ опять въ казенные поселяне и къ рекрутскому набору повергло въ уныніе всѣхъ козаковъ и внушило имъ недовѣрчивость, свойственную народу мало образованному. Сіе то время должно рѣшительно почесть причиною упадка благосостоянія малороссійскихъ козаковъ, ибо они для вооруженія своего пожертвовали тогда десятками милліоновъ, когда нынѣ и одного не издержано. Безполезная трата сія, соединенная съ утратой семействъ, лишившихся подпоры и надежды своей, какъ слѣдствіе политической и нравственной ошибки правительства, очевидно, содѣйствовали совершенному разоренію козаковъ, и даже понынѣ многія семейства изъ нихъ

съ стѣсненнымъ сердцемъ вспоминаютъ невозвратныя потери свои и *неисполненный обѣтъ правительства*.

Но чувства огорченія мгновенно исчезли при первомъ воззваніи Вашего Императорскаго Величества къ вооруженію. Козаки снова ополчились въ надеждѣ на благость Вашу: въ ней находятъ они залогъ общаго своего благоденствія. Они забыли всѣ труды, пожертвованія и самыя чувствительныя утраты, въ твердомъ уповаціи, что милосердіе Ваше оградитъ отъ сиротства семейства ихъ, что они возвратятся въ домы свои, продоливъ срочное служеніе. На семъ то послѣднемъ основываю я проектъ преобразованія малороссійскихъ козаковъ [1]). При составленіи онаго, я руководствуюсь благотворнымъ предначертаніемъ Вашего Императорскаго Величества и нынѣшнее время почитаю самымъ удобнымъ къ приведенію онаго въ исполненіе, ибо значительное количество малороссійскаго войска уже составлено, остается только привести войско сіе въ надлежащую соразмѣрность съ цѣлымъ народонаселеніемъ и положить основаніе къ прочному основанію и положенію онаго" [2]).

Изъ настоящаго доклада видно, что „мысль обратить малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію" и такимъ образомъ исполнить прежде данныя имъ обѣщанія, повидимому, продолжала держаться въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и, какъ говоритъ князь Н. Г. Репнинъ, какъ бы „предупредила" цѣль этого самаго доклада, но такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствовала его взглядамъ и задушевнымъ желаніямъ, то онъ поспѣшилъ представить проектъ военной организаціи малороссійскихъ козаковъ. Къ сожалѣнію, приходится повторить слова О. И. Бодянскаго, что „проектъ сей неизвѣстенъ"—среди бумагъ князя Н. Г. Репнина въ Яготинскомъ архивѣ его не нашлось, но за то сохранилась слѣдующая писанная рукою князя Н. Г. Репнина черновая безъ даты всеподданнѣйшаго рапорта, къ которому былъ приложенъ, повидимому, вышеупомянутый проектъ:

---

[1]) Редакторъ „Чтенія", покойный проф. О. М. Бодянскій, дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „къ сожалѣнію, проектъ сей мнѣ неизвѣстенъ."

[2]) Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1863. I, стр. 192—194 смѣси.

„Всемилостивѣйшій Государь! Имѣя счастье представить Вашему Императорскому Величеству при всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ проектъ положенія объ обращеніи малороссійскихъ козаковъ къ первобытному ихъ воинственному состоянію, составленный мною на основаніи благотворныхъ правилъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь! предначертанныхъ, я смѣло ручаюсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, что приведеніе положенія сего въ исполненіе чрезвычайно улучшитъ нынѣшнее стѣсненное состояніе козаковъ. Они и позднѣйшіе потомки ихъ съ восторгомъ будутъ благословлять имя августѣйшаго благотворителя своего и Войско Малороссійское, конечно, докажетъ, что оно достойно вниманія, коимъ Ваше Императорское Величество оное осчастливили.

При составленіи сего проэкта, я твердо старался наблюсти два главныхъ правила: улучшить нынѣшнее положеніе козаковъ и вмѣстѣ, сколько возможно, сохранить пользу казны. Я льщу себя надеждою, что достигъ предположенной цѣли. Взносимыя нынѣ козаками подати значительно уменьшаются, а казна не только ничего изъ доходовъ своихъ не теряетъ, но пріобрѣтаетъ еще ежегодно значительную въ оныхъ прибыль. Уповаю твердо, что и прозорливое сужденіе Ваше оправдаетъ предположеніе мое, ибо оно основано не на какомъ либо поверхностномъ соображеніи, но на точномъ исчисленіи. Со всѣмъ тѣмъ я долженъ сознаться Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь! что прочное и на твердыхъ основаніяхъ улучшенное благосостояніе малороссійскихъ козаковъ зависитъ отъ усовершенствованія ихъ внутренняго управленія. Предметъ сей не входитъ въ проектъ ихъ военнаго преобразованія, а потому я составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія, основанныя на опытѣ долговременнаго пребыванія моего въ здѣшнемъ краѣ, доставившемъ мнѣ случай съ достовѣрностью наблюсти недостатки нынѣшняго по сему предмету устройства и изыскать средства къ полезному исправленію оныхъ. Я буду имѣть счастіе представить правила сіи на благоусмотрѣніе Ваше,

если удостоюсь получить на сіе Высочайшее соизволеніе Вашего Императорскаго Величества.

Благо народа Вашего есть постоянная цѣль всѣхъ трудовъ и попеченій Вашихъ, а потому я твердо убѣжденъ, что усердіе мое содѣйствовать благотворнымъ желаніямъ Вашего Императорскаго Величества пріймете Вы, Всемилостивѣйшій Государь! какъ пламенный порывъ вѣрноподданнаго, коему ввѣрили Вы устроеніе благосостоянія вѣрнаго и добраго народа Вашего" [1]).

Проектъ князя Н. Г. Репнина и вообще весь вопросъ о реорганизаціи быта малороссійскихъ козаковъ былъ переданъ на обсужденіе особаго комитета, къ каковому способу предварительнаго разсмотрѣнія болѣе сложныхъ и важныхъ государственныхъ вопросовъ любилъ прибѣгать императоръ Николай I [2]).

Повидимому, члены комитета не вполнѣ сочувственно отнеслись къ проекту князя Н. Г. Репнина, такъ что ему пришлось выступить въ защиту предлагаемыхъ имъ мѣропріятій съ отдѣльнымь мнѣніемъ отъ 13 апрѣля 1832 года:

„Совершенно раздѣляю заключеніе прочихъ гг. членовъ комитета, что для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оной отдѣльныя самостоятельныя части или, лучше сказать, федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ, какъ то дѣлалось во время царствованія блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича со всѣми пріобрѣтеніями.

Но сія самостоятельность измѣнилась уже въ Малороссіи съ учрежденіемъ 16 мая 1722 года коллегіи въ Глуховѣ, а потомъ совершенно уничтожилась 10 ноября 1764 года прекращеніемъ гетманскаго званія.

Истекаетъ уже 110-й годъ, какъ Малороссія не составляетъ особой части въ государствѣ: судъ и расправа подчинены съ сего времени Правительствующему Сенату; власти духовныя зависятъ отъ Святѣйшаго Синода; доходы поступаютъ въ Государеву казну; жители ея производили работы для общей пользы государ-

---

[1]) Рукопись Яготин. арх. князей Репниныхъ.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О. Т. 98, стр. 102.

ства внѣ своихъ предѣловъ, какъ-то: ладожскаго канала, крѣпости св. креста, пограничныхъ линій и другія; изъ малороссіянъ, въ разныхъ губерніяхъ обитающихъ, составлялись регулярные полки: ландмилицкіе, пикинерные, гусарскіе, карабинерные и легкоконные, также корпусъ пѣшихъ стрѣлковъ и особый гренадерскій полкъ, наконецъ, малороссіяне въ 1797 году подвержены всѣ безъ исключенія общимъ рекрутскимъ наборамъ и во всѣхъ родахъ воинской службы отличаютъ себя усердіемъ, повиновеніемъ и мужествомъ.

При всѣхъ сихъ измѣненіяхъ малороссіяне, непоколебимые въ Православіи, пребыли вѣрными Престолу. Ни несчастія, Провидѣніемъ на нихъ посылаемыя, ни отягощенія и притѣсненія, ни смуты, вблизи бывшія, не нарушили съ 1709 года спокойной покорности властямъ, отъ Самодержавія надъ ними поставленнымъ. Они все переносили, ища только помощи и защиты у Государей или собственнымъ моленьемъ, или ходатайствомъ ихъ начальниковъ.

Не послужитъ ли сіе какъ яснымъ доказательствомъ, что память бывшей самостоятельности совершенно исчезла въ Малороссіи, такъ и залогомъ для будущаго, что оная не возродится.

Тѣмъ менѣе обращеніе меньшей части малороссіянъ, составляющихъ сословіе тамошнихъ козаковъ, къ прежнему ихъ воинскому положенію можетъ возстановить между ними какую-либо сомостоятельность, ибо они, бывъ разсѣяны на пространствѣ 61,000 квадратныхъ верстъ, не составляютъ даже ни одного цѣлостнаго изъ себя селенія, а вездѣ перемѣшаны въ оныхъ съ дворянами, разночинцами и крестьянами-казенными и помѣщичьими—слѣдственно и бытъ ихъ гражданскій долженъ остаться на общемъ положеніи.

По истинѣ малороссіяне суть совершенно русскіе и они подтвердили сіе событіями прошедшаго лѣта. Нарѣчіе, обычаи, одежда различествуютъ, но вѣра, Царь и Русь, есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная, а наслѣдственная вражда къ смежнымъ съ ними католикамъ—ляхамъ образуетъ изъ нихъ еще вѣрно на столѣтіе лучшихъ стражей противъ легкомыслія польскаго.

Конечно, желательно, чтобы всякая разница исчезла между единоплеменнымъ „народомъ, но вѣра, климатъ, законы и правила, принятые въ основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы и обычаи", по словамъ Екатерины II, „господствуютъ надъ человѣками", и она же сказала, „что худая та политика, которая то предписываетъ законами, что надлежитъ перемѣнить обычаями" (Наказъ Коммиссіи, ст. 45 и ст. 60).

Сіи истины должны руководить насъ при предлежащемъ намъ дѣлѣ.

Всемилостивѣйшій Государь нашъ, желая, чтобы полмилліона Его вѣрноподданныхъ сдѣлались счастливѣе, благоволилъ указать способы на сіе:

1. Обращеніемъ козаковъ на бытъ и повинность болѣе сходные съ ихъ нравами и обычаями.

2. Уменьшеніемъ податей до той степени, которую могутъ платить они безъ отягощенія.

3. Подтвержденіемъ правъ сихъ свободныхъ владѣльцевъ-поселянъ и поддержаніемъ чрезъ то въ семъ воинскомъ племени того „славолюбія", которое тоже, по словамъ Екатерины II, „служитъ твердой опорой правленій", (Наказъ, ст. 306).

Сими мѣрами подъ начальствомъ начальниковъ постороннихъ, постоянно дѣйствующихъ къ улучшенію благосостоянія малороссійскихъ козаковъ и къ образованію воиновъ, изъ нихъ набранныхъ, перемѣняются и нравы, и обычаи сего народа, ибо возвращающіеся изъ службы въ семьи свои, бывъ еще во всей силѣ возмужалости, дадутъ собратіямъ своимъ примѣры большаго трудолюбія, лучшей дѣятельности, нежели они нынѣ имѣютъ, слѣдственно они, по желанію Государя, сдѣлаются счастливѣе [1]).

Повидимому, къ этому же времени относится и сохранившаяся собственноручная, безъ даты, черновая письма князя Н. Г. Репнина къ графу Александру Ивановичу Чернышеву [2]), участвовавшему, конечно, по званію генералъ-адютанта и това-

---

[1]) Рукопись Яготин. арх., съ надписью сверху—„подано въ засѣданіе Комитета 13 апрѣля 1839 г.".

[2]) А. И. Чернышевъ пожалованъ графскимъ достоинствомъ 22 августа 1826 г., княжескимъ 16 апрѣля 1841 г.

рища начальника главнаго штаба, въ совѣщаніяхъ о реорганизаціи малороссійскихъ козаковъ и относившемуся къ нимъ, какъ видно, благосклонно, съ просьбой ходатайствовать предъ Государемъ объ освобожденіи дѣтей малороссійскихъ козаковъ, прослужившихъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, отъ поступленія въ кантонисты:

„Милостивый Государь, графъ Александръ Ивановичъ! Многими Высочайшими постановленіями, въ послѣдніе годы исходатайствованными Вашимъ Сіятельствомъ у Государя Императора въ пользу малороссійскихъ козаковъ, упрочено навсегда благосостояніе сего сословія. Имя ваше, нераздѣльное въ чувствахъ козаковъ съ возстановленнымъ и имѣющимъ возрастать благосостояніемъ ихъ, передается позднѣйшему потомству, какъ перваго ходатая за нихъ у Всемилостивѣйшаго монарха. Въ числѣ сихъ милостей одной изъ ближайшихъ къ сердцу имъ понятно есть оставленіе въ семьѣ дѣтей поступающихъ впредь на службу.

Нынѣ многіе изъ малороссійскихъ козаковъ, прослужившіе съ отличіемъ узаконенные сроки въ гвардіи и арміи, возвратясь на родину и найдя сыновей своихъ записанными въ баталіоны военныхъ контонистовъ, являются ко мнѣ съ прошеніями о возвращеніи дѣтей ихъ въ семейства для поддержанія старости ихъ и вообще семействъ своихъ и хозяйственнаго быта.

Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что съ обращеніемъ малороссійскихъ козаковъ къ прежнему воинскому состоянію и съ учрежденіемъ вслѣдствіе того отдѣльнаго съ нихъ ежегоднаго набора на службу, сословіе сіе должно со временемъ сдѣлаться совершенно воинственнымъ и не подлежитъ уже всѣмъ постановленіямъ для другихъ сословій, а съ другой стороны, что отмѣненіемъ поступленія въ военные кантонисты сыновей козаковъ, состоящихъ на службѣ, какъ по незначительному числу оныхъ, такъ и по новому образованію набора, никакого ущерба въ поступающихъ воинахъ послѣдовать не можетъ и что напротивъ того оставленіемъ въ домахъ поступающихъ нынѣ въ кантонисты будетъ умножаться народонаселеніе козачьяго сословія, и въ особенности, поддержатся малыя семейства и общество чрезъ то получитъ существенную пользу.

Я осмѣливаюсь представить о семъ на уваженіе Вашего Сіятельства, не благоугодно ли будетъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества, чтобы сыновья малороссійскихъ козаковъ, состоящихъ и имѣющихъ поступить на военную службу, были вовсе уволены отъ поступленія въ военные кантонисты и тѣ, которые записаны въ баталіонахъ, но по недостиженію предписаннаго возраста еще не поступили въ оные, были исключены изъ списковъ и оставлены при семействахъ своихъ" [1]).

Мнѣніе князя Н. Г. Репнина, поданное въ особый комитетъ, не было принято во вниманіе императоромъ Николаемъ Павловичемъ и онъ присоединился къ мнѣнію тѣхъ членовъ комитета, которые придерживались того убѣжденія, что „для блага Имперіи, сохраняющей цѣлость и могущественное величіе свое подъ благотворною сѣнію Самодержавія, не должны быть терпимы въ оныхъ отдѣльныя самостоятельныя части, или федеральныя соединенія провинцій на особыхъ правахъ." Конечно, это были ни на чемъ неоснованныя опасенія, такъ какъ князя Н. Г. Репнина ни въ какомъ случаѣ нельзя было упрекнуть въ проведеніи сепаратистическихъ взглядовъ, въ виду того, что онъ самъ заявлялъ, что „малороссіяне суть совершенно русскіе" и что „вѣра, Царь и Русь есть для нихъ святыня нераздѣльная и неприкосновенная"; онъ лишь желалъ итти на встрѣчу правительству въ осуществленіи вопроса о военныхъ поселеніяхъ на болѣе гуманныхъ началахъ, каковой являлся отчасти потребностью времени, и хлопоталъ объ устраненіи излишнихъ репрессій по отношенію къ совершенно безобидному въ политическомъ отношеніи сословію малороссійскихъ козаковъ, только способствовавшихъ ихъ экономическому раззоренію.

25 іюня 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, опредѣлявшій обязанности козаковъ въ отношеніи военной службы и другихъ повинностей [2]), являвшійся, повидимому, тѣмъ „особымъ распоряженіемъ", которое было обѣщано рескриптомъ отъ 6 мая 1831 г. Въ этомъ указѣ говорилось между прочимъ слѣдующее:

---

[1]) Рукоп. Яготин. арх.

[2]) П. С. З. № 5458.

„Малороссійскіе козаки, въ полтавской и черниговской губерніи обитающіе, по особому снисхожденію къ разстроенному положенію ихъ, происходящему отъ недостатка земель и неимѣнія промысловъ, разновременно облегчаемы были въ платежѣ государственныхъ повинностей. Между тѣмъ, при дѣйствіи сихъ же причинъ, временная льгота, малороссійскимъ козакамъ дарованная, не могла существенно улучшить ихъ состояніе. Оно, напротивъ того, годъ отъ году болѣе разстраивалось, и нужды козачьяго сословія означенныхъ двухъ губерній постоянно возрастали въ той же мѣрѣ, въ какой само оно умножалось."

Желая облегчить козаковъ въ отношеніи уплаты податей, а также „утвердить въ военномъ состояніи, коимъ они, при пламенномъ усердіи, ревности и преданности къ Престолу, всегда отличались, особенно же въ послѣднее время, при столь быстромъ, по случаю мятежныхъ движеній въ западныхъ губерніяхъ, сформированіи изъ нихъ восьми кавалерійскихъ полковъ", императоръ Николай Павловичъ повелѣвалъ:

Учредить ежегодный наборъ по пяти человѣкъ съ тысячи, обращая рекрутовъ на укомплектованіе армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, съ назначеніемъ пятнадцатилѣтняго срока службы. Ежегодный срокъ набора устанавливался съ 15 января по 15 февраля, съ учрежденіемъ особыхъ присутствій, согласно правилъ рекрутскаго устава. По истеченіи пятнадцатилѣтняго срока службы, козаки могли возвращаться по домамъ.

Первый наборъ, согласно этому уставу, долженъ былъ быть произведенъ въ январѣ 1833 года.

Этимъ же указомъ повелѣвалось не отчуждать ни подъ какимъ видомъ козачьихъ наслѣдственныхъ земель, подтверждалось право питейной торговли „въ домахъ своихъ" и налагалось, вмѣсто всѣхъ прежнихъ податей, по два рубля въ годъ съ каждой ревизской души, включая въ это число 55 копѣекъ за право продажи вина.

Любопытныя свѣдѣнія о приведеніи въ исполненіе отчасти этого указа и позднѣйшаго, отъ 8 ноября 1832 г., нѣсколько его видоизмѣнявшаго, сообщаетъ очевидецъ, г. М. Номисъ, въ своихъ „замѣткахъ къ автобіографической запискѣ И. И. Сер-

дюкова" [1]). Изъ этого сообщенія видно, какъ оба указа поразили своей неожиданностью козаковъ и какъ они шли въ разрѣзъ съ желаніями князя Н. Г. Репнина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы возможно болѣе разрѣдить вольнолюбивый элементъ, мечтавшій о возстановленіи старинныхъ вольностей и обращеніи козаковъ въ ихъ прежнее воинственное состояніе, 30 сентября 1832 г. послѣдовало высочайшее утвержденіе положенія о переселеніи малороссійскихъ козаковъ, вмѣстѣ съ однодворцами и прочими казенными поселянами для поступленія въ кавказскія козачьи линейныя войска и полки [2]).

Для облегченія козакамъ переселенія, еще въ 1831 г. были изданы два указа, въ одномъ изъ которыхъ отъ 18 февраля [3]) дозволялось совершать акты, представленные въ малороссійскія присутственныя мѣста отъ козаковъ, на продажу или залогъ ихъ земель, по дѣламъ, вчатымъ до полученія указа отъ 25 ноября 1828 г., которымъ воспрещалась дальнѣйшая распродажа козачьихъ земель; въ другомъ указѣ, отъ 21 февраля [4]), дозволялось переселяющимся въ Анапу козакамъ продавать собственныя ихъ земли, кому они желаютъ, кромѣ тѣхъ участковъ, которые со всѣхъ сторонъ граничатъ съ владѣніями другихъ козаковъ, каковые должны быть переуступаемы или сосѣднимъ владѣльцамъ козакамъ, или причисляемы къ общественнымъ или казеннымъ землямъ, съ назначеніемъ владѣльцамъ безобидной платы отъ казны.

Ко времени этого усиленнаго переселенія малороссійскихъ козаковъ на Кавказъ нужно отнести, вѣроятно, любезно сообщенный намъ проф. В. Б. Антоновичемъ, изустный разсказъ одной старухи, слышанный имъ въ 1878 г. въ станицѣ Ардонской Терской области о „дивочомъ наборѣ". Старуха эта родомъ изъ м. Переволочной полтавской губерніи попала на Кавказъ въ 1832—34 гг., именно,вслѣдствіе „дивочого набора":—по ея разсказу тогда приказано было въ государственныхъ имѣніяхъ пол-

[1]) „Кіев. Стар." 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.
[2]) П. С. З. № 5630.
[3]) П. С. З. № 4371.
[4]) П. С. З. № 4763.

тавской и черниговской губерній набрать 500 „дивчатъ“ и доставить по этапу на Кавказъ; распоряженіе это было исполнено и „дивчата“ были перевѣнчаны съ козаками, два полка которыхъ были командированы изъ малороссійскихъ губерній, послѣ участія въ усмиреніи польскаго возстанія, на Кавказъ и поселены тамъ станицами.

Главнымъ противникомъ взглядовъ князя Н. Г. Репнина относительно обращенія малороссійскихъ козаковъ въ ихъ „прежнее воинственное состояніе“, въ видѣ особой сословной единицы, былъ тогдашній предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ (съ 1827 г.), возведенный въ 1831 г. въ княжеское достоинство, Викторъ Павловичъ Кочубей, боявшійся призраковъ сепаратизма и подсказывавшій императору Николаю Павловичу о необходимости принятія немедленныхъ мѣръ къ полной ассимиляціи малороссійскихъ козаковъ съ прочимъ населеніемъ края.

Н. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Н. И. Костомарова къ В. М. и Н. М. Бѣлозерскимъ.

Извѣстно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился Н. И. Костомаровъ къ семьѣ Бѣлозерскихъ въ тѣ годы, когда постигла его бѣда, окончившаяся ссылкой въ Саратовъ въ 1848 году. Особенно близокъ къ семьѣ Костомаровыхъ (къ матери и сыну) былъ Викторъ Михайловичъ Бѣлозерскій, помогавшій несчастной матери въ дѣлѣ хлопотъ ея у начальства о судьбѣ сына и составлявшій ей всѣ письма къ такимъ высокимъ особамъ, какъ гр. Орловъ и Дубельтъ. Во время пребыванія своего въ Саратовѣ Н. И. Костомаровъ велъ переписку съ В. М. Бѣлозерскимъ, и письма его, конечно, могутъ представлять большой интересъ для насъ, какъ свидѣтели тѣхъ настроеній, какія переживались изгнанникомъ въ его томительномъ уединеніи. Изъ Саратова-же переписывался онъ и съ Николаемъ Мих. Бѣлозерскимъ, какъ съ человѣкомъ, интересовавшимся тѣми-же вопросами науки, которые близки были и нашему историку. Часть этихъ писемъ, сохранившаяся у вдовы покойнаго Н. М. Бѣлозерскаго, любезно доставлена ею въ редакцію нашего журнала, за что мы приносимъ ей глубочайшую благодарность, а самыя письма помѣщаемъ тутъ-же, какъ интересные матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.

I.

Саратовъ іюля 16-го 1848 г.

Любезнѣйшій, незабвеннѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Не въ добрый часъ выѣхалъ я изъ С.-Пб. Вообразите, что маменьки до сихъ поръ нѣтъ, и извѣстія никакого... Если бъ я

зналъ, что дѣлается на Руси, то ни за что бы не отпустилъ ее. Но проѣхавши 1500 верстъ пространства, тамъ и сямъ зачумленнаго холерою, да въ добавокъ проживя три недѣли въ городѣ, также не лишенномъ этой проклятой гостьи, я въ отчаяніи. Увѣдомите меня, пожалуйста, когда она выѣхала, если Вы сами здравствуете. Мнѣ же отвсюду скорбь и тѣснота велія: съ одной стороны грозитъ мнѣ потеря матери, потеря, которую я едва ли вынесу, ибо вслѣдъ за нею меня ожидаетъ ужаснѣйшее сиротство,—съ другой стороны матушка послала Мазуровой билетъ съ рыцарскою довѣрчивостью;—вмѣсто того, чтобы получить этотъ билетъ съ первой почтой, я не имѣю объ немъ увѣдомленія и черезъ пять почтъ; здѣсь же томитъ меня такая убійственная грусть, которую описать не возможно. Заняться нечѣмъ; читать нечего. *Горе минѣ на чужинѣ* и только.

Сдѣлайте милость напишите ко мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомите меня: что стоитъ Allgemeine Zeitung за настоящій годъ; я попрошу Васъ, принявъ отъ меня деньги, выписать для меня этотъ журналъ, ибо мнѣ очень хочется систематически изучить перевороты 1848 года, а какъ этотъ журналъ, во-первыхъ, отличается обширностью, а, во-вторыхъ, придерживается консервативнаго духа, болѣе сообразнаго съ идеями нашего правительства и потому менѣе подверженъ проскрипціи, то кажется я не ошибусь, выбравши его за главный источникъ въ этомъ дѣлѣ.

Если будете писать Кулешу и Василію Михайловичу, передайте обоимъ отъ меня искреннѣйшее желаніе всякаго земного счастья и нравственнаго совершенства, да сверхъ того Кулешу совѣтъ мой заняться древними языками, въ особенности греческимъ; П. А. безспорно созданъ для изящной литературы, слѣдовательно лучше не можетъ онъ употребить времени своего изгнанія, какъ на образованіе вкуса, который ничѣмъ такъ не улучшается, какъ правильнымъ изученіемъ антическаго міра и чтеніемъ вѣковыхъ изящныхъ произведеній, заслужившихъ справедливое удивленіе народовъ.

Прощайте.—Желаю Вамъ всякаго благополучія. Вамъ преданный на всегда Н. Костомаровъ.

Узнайте, сдѣлайте милость, о Федорѣ Андреевичѣ Владиміровѣ и куда писать ему. Душевно уважая этого человѣка, я лишенъ возможности съ нимъ бесѣдовать до тѣхъ поръ, пока мнѣ будетъ извѣстенъ адресъ его. Губернаторъ опредѣлилъ меня переводчикомъ при своей канцеляріи, я получаю 1200 р. асс. жалов., но къ сожалѣнію, ничего не перевожу, и жажду дѣла!

II.

Саратовъ: іюля 20 1848 г.

Любезнѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Недавно я отправилъ Вамъ письмо, теперь посылаю другое, съ покорнѣйшей просьбой:

Такъ какъ у Васъ остается маленькая сумма, которую я (сумма-то собственно моя) предоставляю Вамъ или оставить на продолжительный срокъ, или заплатить по частямъ, или какъ угодно, но во всякомъ случаѣ *главное то, что у Васъ есть мои деньги. Это-то* меня побуждаетъ просить Васъ о слѣдующемъ: сходите въ магазинъ Исакова, подпишитесь за меня на Брюссельское изданіе Revue des deux mondes и предоставьте Исакову высылать его въ Саратовъ на мое имя. Газета эта стоитъ 12 р. съ перес. въ годъ.

Маменька пріѣхала и свидѣтельствуетъ Вамъ свое почтеніе.—Я доволенъ, что она передала Вамъ моего Отца Анастасія.

Вамъ предан. на всегда Н. Костомаровъ.

Холера, слава Богу, наконецъ прекратилась въ мѣстѣ моего изгнанія.

III.

Саратовъ. февраля 16-го, 1849 г.

Почтеннѣйшій Викторъ Михайловичъ!

Я не знаю, что за причина, что Вы меня совершенно забыли, но не чувствую ничего за собою, потому и приписываю знятіямъ Вашимъ по службѣ и разнымъ хлопотамъ то, что я

не имѣлъ еще удовольствія получить отъ Васъ ни одной строчки за цѣлый годъ. Признаюсь, я думалъ даже, не постигла ли Васъ эпидемія и это меня очень безпокоило, но къ счастью знакомый мой, Герещенко, увѣдомилъ меня, что Вы живы, и прислалъ свѣдѣніе о мѣстопребываніи Вашемъ.

Я обращаюсь къ Вамъ съ слѣдующею просьбою: изъ суммы денегъ, которую Вы заняли, употребите—если это Васъ не обременитъ при Вашихъ обстоятельствахъ,—24 руб. сер. и отдайте ихъ въ газетную экспедицію, дабы оная мнѣ высылала за цѣлый 1849 годъ Allgemeine Zeitung; сдѣлайте для меня это одолженіе, какъ можно поскорѣе. Вы очень меня этимъ обяжете, а если не можете, то увѣдомите меня, чтобъ я иначе заблаговременно распорядился по этому предемту. Мнѣ очень было бы пріятно услышать вѣсть о Василіи Михайловичѣ и о Кулешѣ: здоровы ли они и гдѣ они?

Примите увѣреніе въ искренней моей къ Вамъ преданности, готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ.

Матушка моя Вамъ передаетъ свое глубочайшее уваженіе.

P. S. Сдѣлайте милость—не забудьте объ Allgem. Zeit. Я вамъ очень, очень благодаренъ за прошлогодній.

IV.

19 генваря 1851 г. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Благодарю за письмо и желаніе мнѣ добра! Въ извѣстіи Вашемъ о дѣлѣ матери моей мнѣ то кажется необъяснимымъ: почему дѣло приняло характеръ уголовный, когда на второй билетъ хозяина не явилось? Не должно ли бы послужить это скорѣе къ пользѣ матери моей и благополучнѣйшей развязкѣ дѣла. Если бы явился хозяинъ на второй билетъ, тогда казалось бы, было хуже, ибо тогда уже непремѣнно кто-нибудь изъ двухъ тяжущихся есть владѣлецъ спорнаго билета, а когда два билета, то можетъ быть одинъ изъ нихъ принадлежитъ матери моей, а другой Правдину. Потрудитесь, почтеннѣйшій Викторъ

Михайловичъ, объяснить мнѣ это и скорѣе, потому что это ужасно томитъ и мучитъ. Мнѣ ужасное горе: меня обворовали въ ноябрѣ и украли билетъ Опек. Сов. на 8200 р. сер., однако именной, но тѣмъ не менѣе идетъ теперь публикація, а я сижу въ стѣснительномъ положеніи. Вотъ новая бѣда. Цѣпь горестей вяжетъ всю жизнь мою. Въ добавокъ я просился жениться, но меня не пустили въ Кіевъ. Ни за что. Горе! горе! горе! со всѣхъ сторонъ горе!

Извѣстіе объ освобожденіи Пант. Алек. доставило мнѣ истинное удовольствіе. Я желаю ему всякаго добра и благополучія, и надѣюсь, что Богъ дастъ ему по кратковременномъ страданіи.

Свидѣтельствую истинное уваженіе моей матери Вамъ и супругѣ Вашей Ульянѣ Павловнѣ, и всему семейству ея. Примите отъ меня истинное желаніе Вамъ всѣхъ благъ, съ которымъ, при глубочайшемъ моемъ уваженіи и полной признательности за Ваше ко мнѣ участіе, пребываю Вамъ преданнымъ Костомаровъ.

Сегодня получилъ письмо Ваше; сегодня и отвѣчаю. Боюсь пропустить почту, чтобъ получить отъ Васъ скорѣе извѣстіе о дѣлѣ, а потому спѣшу и пишу такъ скверно.

Нѣкоторымъ разъясненіемъ къ этому дѣлу о пропажѣ билета служатъ сохранившіяся у вдовы Н. М. Бѣлозерскаго: довѣренность Т. П. Костомаровой на веденіе этого дѣла, письмо ея къ В. М. Бѣлозерскому, а также письмо къ нему-же—студента А. Г. Тихменева. Все это мы находимъ нужнымъ помѣстить здѣсь-же.

Довѣренность Т. П. Костомаровой на имя Г. Г. Сребдольскаго.

Милостивый Государь
Григорій Григорьевичъ!

Имѣя надобность ѣхать въ г. Саратовъ и лишаясь чрезъ это возможности лично наблюдать за дѣломъ о ломбардномъ билетѣ въ 1500 р. сер., присвояемомъ крестьяниномъ Правди-

нымъ, я покорнѣйше прошу Васъ принять на себя трудъ слѣдить за этимъ дѣломъ вездѣ, куда бы оно ни поступило, а также подавать просьбы, если укажетъ надобность, выслушивать рѣшенія, объявлять довольство или недовольство, получать деньги и вообще поступать такъ, какъ Вамъ покажется найлучшимъ и, что бы Вы или довѣритель Вашъ по этому дѣлу законно ни учинили, я спорить и прекословить не буду.

Вашею покорнѣйшею ко услугамъ вдова капитана Татьяна Петрова дочь Костомарова.

2 іюня 1848 года.

Письма Т. П. Костомаровой къ В. М. Бѣлозерскому.

I [1]).

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ!

Извините меня, что я осмѣлилась васъ безпокоить. Уже другой годъ я выѣхала столицы; отъ васъ не получаю ни одной строчки. Сынъ мой писалъ вамъ четыре письма, вы не дали отвѣту ни на одно письмо. Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось такая перемѣна. Я чувствую ваше доброе расположеніе ко мнѣ, чувствительно благодарю васъ за ваше стараніе. Прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня о моихъ деньгахъ, я уже никакого свѣдѣнія не имѣю, что тамъ дѣлается; неизвѣстность меня мучитъ. Я отчаялась уже ихъ получить. Я совсѣмъ было собралась ѣхать въ Петербургъ, сынъ мой заболѣлъ въ іюнѣ, до сихъ поръ лѣчится. Уже семь тысячъ прожили въ Саратовѣ; Богъ знаетъ, что будетъ съ нимъ, никуда не годится. Горькая наша жизнь! Прошу и умоляю васъ, добрый благодѣтель мой, увѣдомите меня о билетѣ; будьте такъ добры! Вы на дѣлѣ доказали мнѣ свою добродѣтель, и теперь надѣюсь на васъ. Я писала два письма Авдотьѣ Матвѣевнѣ: одно изъ Москвы, другое—Саратова, но забыла тотъ домъ, гдѣ онѣ жили; писала прямо Букуновой.

Прошу васъ покорнѣйше Авдотьѣ Матвѣевнѣ и всему ихъ доброму семейству засвидѣтельствуйте мое душевное почтеніе.

---

[1]) Съ сохраненіемъ стиля, но безъ сохраненія орфографіи.

Благодарю ихъ за ихъ ласки и за доброе ко мнѣ расположеніе.

Прошу васъ, ежели можно, пришлите денегъ по векселю сколько можете; мы разоряемся въ конецъ за болѣзнію Николая.

Остаю, свидительствую вамъ мое душевное почтеніе, желаю вамъ всѣхъ благъ, милостивой государь, покорная къ услугамъ Татьяна Костомарова.

Адресъ: первой части въ домѣ Василія Степановича Смирнова.

1849 ноября 16. Саратовъ.

II [1]).

Саратовъ. генваря 22 1850 года.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Получивъ почтеннѣйшее письмо Ваше съ пятьюдесятью рублями серебромъ, я приношу Вамъ искреннюю благодарность, а еще болѣе за Ваше доброе расположеніе, оказанное благосклоннымъ принятіемъ на себя ходатайства по моему дѣлу съ Правдинымъ. Я написала на векселѣ, что нужно. Относительно того, сколько Вы можете тратить изъ той суммы, которую остались мнѣ должными, я совершенно предоставляю это на Ваше усмотрѣніе и прошу покорнѣйше не жалѣть этихъ денегъ, лишь бы была возможность скорѣе избавиться отъ халепы! Я только прошу Васъ покорнѣйше, если это Васъ не затруднитъ, прислать для моего сына отъ Белгизара итальянскую книгу Opera complete de Manzoni, которая стоитъ по каталогу 3 р. сер., и италліанскую грамматику, которая стоитъ 1 р. 70 (Martelli cour de langue italienne), что выйдетъ съ пересылкою не болѣе пяти рублей серебромъ, чѣмъ много одолжите моего сына, душевно Васъ уважающаго и искренно Вамъ преданнаго со дня знакомства съ Вами. Посылаю при этомъ довѣренность, совершенную въ Саратовской Гражданской палатѣ. Прошу покорнѣйше передать глубочайшее уваженіе мое почтеннѣйшей Вашей супругѣ Ульянѣ Павловнѣ и всему многоуважаемому семейству Вашему. Сынъ

---

[1]) Писано рукою сына.

мой Вамъ кланяется и сердечно благодаритъ Васъ за участіе въ немъ.

Съ совершеннымъ уваженіемъ и искреннею преданностью имѣю честь пребывать Вашею, Милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

III [1]).

4-го декабря. Саратовъ.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Позвольте мнѣ воспользоваться для обращенія къ Вамъ съ просьбою. Со времени отъѣзда моего изъ Санктпетербурга, я рѣшительно не знаю ничего о моемъ дѣлѣ, въ которомъ Вы, по добротѣ Вашей, принимали участье. Хотя сынъ мой не разъ писалъ Вамъ, но не получалъ отвѣта: вѣроятно, Вы имѣли на то свои достаточныя основанія. Теперь ѣдетъ въ Санктпетербургъ добрый нашъ знакомый Александръ Васильевичъ Герещенко. Сдѣлайте милость примите на себя трудъ объяснить ему, въ какомъ положеніи мое дѣло о билетѣ и не предстоитъ ли мнѣ необходимость самой отправиться въ Санктпетербургъ?

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ уваженіи и совершенной преданности. Вамъ, милостивый Государь, готовая къ услугамъ Татьяна Костомарова.

IV [2]).

Добрѣйшій Викторъ Михайловичъ.

Покорнѣйше васъ прошу пришлите мнѣ денегъ, не откажите въ моей просьбѣ. Я больна цѣлую зиму: ревматизмъ въ обѣихъ рукахъ, нарывъ на правой рукѣ, на ладони два раза рѣзали, теперь едва пальцы перо держутъ; свело пальцы, никуда не гожусь. Николай безъ должности, мѣста не даютъ ни въ одномъ университетѣ; теперь безъ жалованья, больной, постарѣлъ, посѣдѣлъ.

---

[1]) Писано рукою сына.

[2]) Съ сохраненіемъ стиля.

Меня доктора посылаютъ на сѣрныя воды въ Самару отъ ревматизма. А денегъ нѣтъ. Рука болитъ, не могу писать. Я на васъ надѣюсь, не оставьте безо вниманія моей просьбы, пожалѣйте меня безрукую.

Остаюсь съ моимъ уваженіемъ Татьяна Костомарова.

Апрѣля 25-го.

Письмо студента СПБ. Унив. Алекс. Григ. Тихменева (безъ даты; д. б. въ концѣ 1851 года) къ В. М. В.

Милостивый Государь
Викторъ Михайловичъ.

Осмѣливаюсь обратитися къ Вамъ, хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ Вами, по дѣлу Татьяны Петровны Костомаровой о пропажѣ 1500 р. сер., по дѣлу, по которому Вы когда-то здѣсь хлопотали. Въ 1850, кажется увѣдомили Вы Татьяну Петровну, что дѣло о фальшивомъ предъявленіи права крестьянина Правдина на $1^1/_2$ тыс. сер., положенныя г-жею Костомаровой въ ломбардъ,—перешло въ уголовную палату. Съ тѣхъ поръ о положеніи этого дѣла Тат. Петр. ничего не знаетъ; когда я отправлялся въ Петербургъ изъ Саратова, то она поручила мнѣ справиться о немъ. Лишнее будетъ говорить Вамъ, какъ трудно это сдѣлать въ Присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ такое безконечное множество дѣлъ, въ которыхъ такъ копотно отыскивать требуемое, тѣмъ болѣе для меня, потому что я не болѣе, какъ неопытный студентъ. По этимъ то причинамъ и вдобавокъ на основаніи общаго знакомства нашего съ Татьяной Петровной и почтеннымъ Николай Ивановичемъ,—я рѣшился писать къ Вамъ и просить Васъ о сообщеніи мнѣ всевозможныхъ подробностей дѣла, бывшаго въ Вашихъ рукахъ; кѣмъ и гдѣ производилось слѣдствіе? въ чью пользу оно кончилось? за какимъ номеромъ и когда поступило это дѣло въ уголовную палату, если только у Васъ сохранился этотъ номеръ? Неизвѣстно-ли Вамъ хода его въ уголовной палатѣ? Если невозможно Вамъ отвѣчать съ точностью на эти вопросы, то по крайней мѣрѣ приблизительно.

Пантелеймонъ Александровичъ, знакомствомъ котораго я имѣю честь пользоваться, и Василій Михайловичъ, котораго я на дняхъ имѣлъ удовольствіе видѣть у Пант. Александ., ободрили меня и заставили рѣшиться написать это письмо къ Вамъ, увѣривъ меня, что Вы благосклонно примете его и почтите меня

Вашимъ отвѣтомъ, оживленнымъ участіемъ къ Николаю Иванов. и къ Тать. Петров.

Я увѣрился въ этомъ такъ, что начинаю безъ сомнѣнія ожидать отъ Васъ отвѣта на мои вопросы, отвѣта, котораго я смѣю просить у Васъ въ наискорѣйшемъ времени.

Затѣмъ имѣю честь остаться Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугой А. Тихменевъ.

Адресъ мой. Въ С.-Петербургъ Студенту Петербургскаго Университета Александру Григорьевичу Тихменеву, въ Университетъ.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличаются два сохранившіяся письма Н. И. Костомарова къ Ник. Мих. Бѣлозерскому: тутъ ужъ мы находимъ не вопросы житейской суеты, но темы, соприкасающіяся съ наукой и литературой.

I.

(Получено изъ Саратова въ Хуторѣ Мотроновкѣ, Черниг. губ. Борзенскаго уѣзда 23 ноября 1856 г.)

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ.

Я получилъ письмо Ваше нѣсколько поздно и спѣшу послать Вамъ „сказаніе о гетманахъ до Богд. Хм.“, списанное съ рукописи XVIII вѣка. Благодарю Васъ отъ всей души за южно-русскія лѣтописи; я уже составилъ разборъ ихъ, который будетъ напечатанъ. Я покорнѣйше прошу позволить имѣть съ Вами постоянную переписку, тѣмъ болѣе, что мы занимаемся однимъ и тѣмъ же предметомъ. Я намѣренъ издать критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи Южной-Руси и пріостановился по причинѣ глазной болѣзни, оторвавшей меня отъ занятій; если мнѣ не будетъ хуже, я уѣду въ Петербургъ продолжать мое дѣло и прошу Васъ не лишить меня тогда Вашего добраго расположенія и совѣтовъ въ этомъ предпріятіи. Не знаю, сообщилъ ли Вамъ Пантелеймонъ Александровичъ то, что я ему писалъ относительно одной важной думы, но какъ Вы занимаетесь и собираніемъ народныхъ памятниковъ, то я не считаю излишнимъ извѣстить Васъ о слѣдующемъ. Одинъ малороссіянинъ, служащій въ Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, говорилъ, что онъ слышалъ въ Украинѣ думу, описывающую замурованіе гетмана Косинскаго въ каменный столбъ;—фактъ этотъ, какъ Вамъ извѣстно, находится у одного подозрительнаго Конисскаго.

Такъ какъ Вы живете въ Украинѣ, то Вамъ легко постараться отыскать ее, если она существуетъ, особенно при Вашемъ знакомствѣ съ этимъ дѣломъ.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и совершенной преданности, съ которыми навсегда пребываю Вашимъ, Милостивый Государь, покорнѣйшимъ слугою Николай Костомаровъ.

Саратовъ. октября 21 1856 г.

II.

Получено (изъ Саратова?) въ Мотроновкѣ 1857 г., апрѣля 6-го.

Милостивый Государь
Николай Михайловичъ!

Причиною медленности посылки то, что она было затерялась, однако отыскалась.

Изъ источниковъ, о которыхъ Вы пишете, Львовская лѣтопись напечатана въ Ж. М. Н. Пр. 1839 г. Списокъ лѣтописи Грабянки не заключаетъ важныхъ отличій, и хуже напечатаннаго списка; въ собраніи реляцій и пр... хотя были любопытныя вещи, какъ напримѣръ, Универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго, гдѣ онъ запрещаетъ бунтовать противъ жолнеровъ (1652 г.), приказъ Сологубу, начинающійся очень забавно; *тобѣ скурвому сыну Сологубу*, реляція о битвахъ подъ Ж. Вод. и Корсунемъ по польски, но во время Кіевскаго погрома мнѣ не дослали самаго любопытнаго, такъ какъ пропали и лѣтопись Ерлича со множествомъ современныхъ пѣсенъ, чего я не могу забыть во всю жизнь. Двѣ лѣтописи въ 1849 я отослалъ Бодянскому, ибо тогда дѣятельность его въ изданіи южно-русскихъ лѣтописей подавала надежду и увѣренность, что всякій списокъ лѣтописи болѣе всего можетъ быть полезенъ, когда попадется въ его руки.

Краевскій не далъ мнѣ оттисковъ, хотя и обѣщалъ. Если Вы спросите: какъ это?—то я отвѣчу: *такъ*. Я напечаталъ въ Отеч: Запискахъ разборъ Вашего изданія. Вѣроятно уже Вы читали его. Въ концѣ апрѣля я уѣзжаю за границу, а потому если Вамъ будетъ угодно писать ко мнѣ, то пишите скорѣе.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь Вамъ предан. Н. Костомаровъ.

Марта 12 1857 г.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Какъ извѣстно уже нашимъ читателямъ, мѣстомъ для предстоящаго въ августѣ 1899 года археологическаго съѣзда избранъ нашъ Кіевъ, которому, какъ матери городовъ русскихъ, подобаетъ обставить этотъ съѣздъ во всѣхъ отношеніяхъ не слабѣе, чѣмъ былъ обставленъ, напримѣръ, послѣдній съѣздъ въ Ригѣ. Мы сообщали уже (см. № 2, стр. 311) о тѣхъ подготовительныхъ занятіяхъ къ этому съѣзду, которыя происходили въ Москвѣ въ засѣданіяхъ предварительнаго комитета. Теперь мы рѣшаемъ постоянно отмѣчать все то, что будетъ предпринято въ этомъ дѣлѣ новаго.

Для удобства веденія этихъ работъ, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года образовано кіевское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству съѣзда, которое въ іюнѣ мѣсяцѣ имѣло первое свое засѣданіе. Для ознакомленія читателей съ работами этого отдѣленія, мы помѣщаемъ, съ согласія членовъ его, полностію протоколъ этого засѣданія, разсчитывая и впредь, по утвержденіи каждаго новаго протокола, публиковать его для интересующихся ходомъ подготовительныхъ занятій.

Протоколъ перваго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, 20-го іюня 1897 г.

Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, присутствовали члены: проф. П. В. Владиміровъ, проф. П. В. Голубовскій, проф. В. С. Иконниковъ, доцентъ В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, В. А. Кордтъ, В. Г. Ляскоронскій, І. А. Малиновскій, проф. Н. И.

Петровъ, проф. Т. Д. Флоринскій, проф. Ѳ. Я. Фортинскій, приватъ доцентъ М. Н. Ясинскій и В. И. Щербина.

1. По открытіи засѣданія, г. Предсѣдатель Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, заслуж. ордин. профессоръ университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ заявилъ, что, по просьбѣ г. Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества графини П. С. Уваровой, онъ въ концѣ мая приступилъ къ сформированію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ 1899 г. въ г. Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда, для чего и обратился къ различнымъ существующимъ въ г. Кіевѣ ученымъ обществамъ и учрежденіямъ съ предложеніемъ избрать депутатовъ или представителей въ означенное Отдѣленіе Предварительнаго Комитета, а равно и къ отдѣльнымъ лицамъ съ просьбой принять участіе въ трудахъ Отдѣленія въ качествѣ его членовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Б. Антоновичъ сообщилъ, что до настоящаго времени получено согласіе принять участіе въ трудахъ Отдѣленія Предварительнаго Комитета отъ слѣд. ученыхъ Обществъ и учрежденій, а равно отъ нижеслѣдующихъ отдѣльныхъ лицъ: 1) отъ Историческаго Общества Нестора-Лѣтописца, которое въ засѣданіи 31 мая избрало своими депутатами въ означ. Отдѣленіе: В. И. Щербину, И. М. Каманина, М. Н. Ясинскаго, А. М. Лазаревскаго, В. П. Науменка, І. А. Малиновскаго и Вас. Г. Ляскоронскаго; 2) отъ Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи, депутатами котораго избраны: проф. Н. И. Петровъ и доцентъ В. З. Завитневичъ; 3) отъ Кіевской Археологической Коммиссіи, назначившей своимъ депутатомъ дѣйств. члена Коммиссіи О. И. Левицкаго; 4) Отъ Кіевской Духовной Академіи, депутатами отъ которой назначены проф. П. А. Лашкаревъ, проф. И. Н. Корольковъ и доцентъ Ѳ. И. Титовъ и 5) отъ профессоровъ П. В. Голубовскаго, Н. И. Петрова и Ѳ. И. Титова.

Кромѣ того, по предложенію В. Б. Антоновича, въ члены Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета единогласно избранъ приглашенный въ настоящее засѣданіе г. Ректоръ университета св. Владиміра Ѳ. Я. Фортинскій.

2. Затѣмъ г. Предсѣдательствующій въ настоящемъ засѣданіи предложилъ приступить къ выбору посредствомъ закрытыхъ записокъ должностныхъ лицъ Отдѣленія Комитета: предсѣдателя, секретаря и казначея. Всѣ присутствующіе въ засѣданіи члены Отдѣленія едино-

гласно просили В. Б. Антоновича принять на себя званіе предсѣдателя, на что и послѣдовало согласіе.

По произведенной затѣмъ баллотировкѣ избранными оказались: въ секретари Отдѣленія Комитета М. Н. Ясинскій и въ казначеи И. М. Каманинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по заявленію г. Предсѣдателя и нѣкоторыхъ присутствовавшихъ членовъ, было тогда же признано необходимымъ, въ виду предстоящей Отдѣленію многочисленной переписки и вообще письменной работы, дать въ помощь секретарю Отдѣленія письмоводителя или писца, на что, а равно и на печатаніе бланковъ и проч. канцелярскіе расходы, рѣшено ассигновать потребную сумму изъ средствъ, находящихся и имѣющихъ быть въ распоряженіи Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета.

3. Слушали отношеніе Московскаго Предварительнаго Комитета по устройству археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, отъ 13 іюня за № 1037, адресованное въ Историческое Общество Нестора-лѣтописца 1) съ извѣщеніемъ объ утвержденіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія правилъ будущаго XI-го Археологическаго Съѣзда, 2) съ просьбой, обращенной къ Обществу Нестора-лѣтописца и въ частности къ его Предсѣдателю В. Б. Антоновичу, стать во главѣ дѣла по сформированію мѣстнаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и оказать всякое содѣйствіе Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ его трудахъ по устройству XI-го Археол. съѣзда въ г. Кіевѣ и 3) съ сообщеніемъ, что изъ Высочайше пожалованнаго Императорскому Московскому Археологическому Обществу на устройство археологическихъ съѣздовъ, предварительныя къ нимъ работы и изслѣдованія и изданіе трудовъ археологическихъ съѣздовъ и предварительныхъ къ нимъ комитетовъ постояннаго пособія, въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей въ годъ, означенное Общество постановило передать Кіевскому Предварительному Комитету на изслѣдованія и прочія работы въ настоящемъ 1897 г. 1000 рублей. Къ этому г. Предсѣдатель присовокупилъ, что упомянутая тысяча руб. уже получена и вручена въ настоящемъ засѣданіи избранному казначею Отдѣленія.

4. Г. Предсѣдатель сообщилъ, что, одновременно съ назначеніемъ г. Кіева мѣстомъ будущаго XI-го археологическаго съѣзда, было рѣшено обратить главное вниманіе на изслѣдованіе въ археологич. отношеніи Волыни и что на ассигнованную Кіевскому Отдѣленію Комитета 1000 руб. должны быть произведены текущимъ лѣтомъ раскопки и изысканія въ районѣ Волынской губерніи. Въ виду этого г. Предсѣдатель предложилъ присутствующимъ членамъ Отдѣленія заявить,

не желаетъ ли кто-либо изъ нихъ взять на себя трудъ по изслѣдованію той или другой части Волынской губ., а вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ, что членъ Московскаго Археологическаго Общества Н. Θ. Бѣляшевскій и членъ корреспондентъ того же Общества г-жа Е. Н. Мельникъ вошли уже съ ходатайствомъ о порученіи имъ экскурсій изъ числа, предложенныхъ для изслѣдованія первобытныхъ древностей Волыни.

Выслушавъ представленныя г. Предсѣдателемъ соображенія о томъ, какія части Волыни наиболѣе нуждаются въ предварительномъ изслѣдованіи и раскопкахъ и какія средства потребны для этого въ текущемъ году, Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета опредѣлило: 1) поручить производство означенныхъ изслѣдованій и раскопокъ: В. Б. Антоновичу въ Кременецкомъ, Дубенскомъ и Заславскомъ уѣздахъ Волынской губ.; члену Московск. Археологич. Общества Н. Θ. Бѣляшевскому по обоимъ берегамъ р. Буга въ губерніяхъ: Сѣдлецкой, Люблинской и Волынской, и члену корреспонденту того-же Общества г-жѣ Е. Н. Мельникъ въ Луцкомъ, Ровенскомъ и Острожскомъ уѣздахъ Волынской губ. 2) просить поименованныхъ лицъ представить въ Отдѣленіе Комитета краткіе отчеты о произведенныхъ ими по его порученію разслѣдованіяхъ и 3) выдать или выслать нынѣ же каждому изъ вышепоименованныхъ лицъ пособіе въ размѣрѣ 200 руб. съ тѣмъ, что если эта сумма окажется недостаточной, то она можетъ быть увеличена до 250 рублей.

5) Слушали отношеніе г. Волынскаго Губернатора отъ 17 іюня 1897 г. за № 3540 о томъ, что имъ сдѣлано уже распоряженіе объ оказаніи чинами полиціи всякаго содѣйствія лицамъ, командированнымъ Комитетомъ въ Волынскую губернію для производства археологическихъ разслѣдованій и раскопокъ.

6) Слушали сообщеніе г. Предсѣдателя о предполагаемыхъ во время будущаго съѣзда поѣздкахъ и о томъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставлено Кіевскому Отдѣленію Предварительнаго Комитета.

Опредѣлено: просить г. Предсѣдателя составить проектъ этихъ поѣздокъ и между прочимъ одной въ предѣлахъ волынской губерніи.

В. Г. Григоровичъ-Барскій. (*По поводу 150-ти лѣтія со дня его смерти*). 7-го октября 1747 года скончался знаменитый нашъ паломникъ по св. мѣстамъ Европы, Азіи и Африки Василій Григорьевичъ Григоровичъ-Барскій.

Въ продолженіе 24-хъ лѣтъ неутомимый путешественникъ странствовалъ по св. мѣстамъ трехъ частей свѣта, составляя подробное описаніе видѣннаго. Описаніе его православныхъ святынь востока интересно благодаря рѣдкому безпристрастію разсказа объ этихъ мѣстахъ, бывшихъ почти terra incognita для путешественниковъ-иностранцевъ. Предки знаменитаго путешественника переселились въ Кіевъ около 1648 г., т. е. во время гоненій на православную вѣру, изъ своей родины подольскаго города Бара. Отецъ его, Григорій Ивановичъ, поселился въ Кіевѣ въ Печерской слободѣ, гдѣ впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1701 году нашъ славный «пѣшеходецъ». Съ раннихъ лѣтъ онъ отличался живостью характера и, не смотря на противодѣйствіе отца, благодаря заступничеству матери, поступилъ въ кіевскую академію. Потомъ, подчиняясь давнему своему стремленію въ чужія страны, онъ оставилъ родной домъ, чтобы сопутствовать одному товарищу въ Львовъ. Тамъ, желая проникнуть въ іезуитскую академію, онъ объявилъ себя Барскимъ, уроженцемъ польскаго города Бара, но обманъ скоро былъ открытъ, и 23 апрѣля 1724 года В. Г. вышелъ изъ Львова, направляясь въ «Баръ-градъ». А затѣмъ, черезъ Римъ, Флоренцію, Болонью и Феррару, онъ прибылъ въ Венецію, гдѣ изучалъ греческій языкъ. Изъ Венеціи черезъ Корфу, Хіосъ, Солунь, В. Г. прибылъ въ Палестину. Отсюда онъ посѣтилъ Каиръ, Александрію, Синай и поселился въ Триполи, гдѣ также изучалъ греческій языкъ. Путешествіе В. Г. было очень тяжелое, по нерѣдко случавшемуся полному отсутствію для того средствъ, и лишь благодаря сердобольнымъ людямъ добивался онъ своей цѣли.

Въ 1734 году В. Г. постригся въ монахи и удалился на островъ Патмосъ, гдѣ изучалъ греческую богословскую литературу. Въ 1741 г., соскучась за родиной, В. Г. писалъ своему товарищу Тодорскому, учителю новооткрытаго греческаго училища въ Кіевѣ, прося должности при этомъ училищѣ. Благодаря этому о Барскомъ узнала императрица Елисавета Петровна и чрезъ графа А. К. Разумовскаго приняла участіе въ его судьбѣ. Ему было предложено мѣсто посольскаго священника въ Константинополѣ, но В. Г. отказался и продолжалъ свои странствованія. Только въ сентябрѣ 1747 г., наконецъ, вернулся знаменитый путешественникъ на родину, но тутъ пожилъ не долго, такъ какъ 7 октября скончался. Кіевъ почтилъ его торжественнымъ погребеніемъ. И теперь еще сохраняется надгробная плита у церкви Братскаго монастыря, указывающая, гдѣ положенъ прахъ неутомимаго пѣшехода. Составленное Барскимъ подробное опи-

саніе своего путешествія было напечатано уже въ концѣ прошлаго вѣка, а недавно повторено въ великолѣпномъ изданіи Палестинскимъ обществомъ.

Черниговская архивная коммиссія открыла свои дѣйствія. 15 іюня сего года состоялось первое ея публичное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ графа Г. А. Милорадовича, при участіи слѣдующихъ членовъ: князя Н. Д. Долгорукова, П. В. Евстафьева, Н. М. Волкова, Г. П. Булацеля, Ю. П. Антонюка, А. А. Ханенка, Н. П. Рудова, В. В. Баршевскаго, В. О. Круковскаго, А. А. Шанъ-Гирея, М. А. Доброгаева, Г. Г. Пикуса, А. Л. Ковалевскаго и Н. В. Серебренникова.

Объявивъ засѣданіе открытымъ и изложивъ вкратцѣ исторический ходъ возникновенія въ *Черниговѣ* ученой архивной коммиссіи, предсѣдатель, согласно уставу, предложилъ избрать правителя дѣлъ коммиссіи, каковымъ и былъ единогласно избранъ присутствовавшій въ засѣданіи членъ-корресподентъ императорскаго общества любителей древней письменности и бывшій редакторъ его *П. Н. Тихановъ*.

Засимъ на мѣсто отказавшагося помощника предсѣдателя Ф. М. Уманца, былъ избранъ помощникомъ предсѣдателя князь *Н. Д. Долгоруковъ*

Для начала Трудовъ коммиссіи, предсѣдатель предложилъ напечатать свѣдѣнія о святителѣ *Өеодосіи* чудотворцѣ *Черниговскомъ* по новымъ, доселѣ неизданнымъ, мѣстнымъ источникамъ, какіе сохранились въ предѣлахъ *Черниговской* епархіи. Редакцію сего матеріала выразилъ готовность принять на себя членъ коммиссіи *М. А. Доброгаевъ*.

Послѣ того заслушаны были слѣдующія предложенія предсѣдателя:

1) О приведеніи въ порядокъ музея коммиссіи и библіотеки съ находящимися въ ней рукописями, причемъ *А. Л. Ковалевскій*, завѣдывавшій доселѣ библіотекою, изъявилъ желаніе продолжать свои занятія попрежнему безвозмездно. 2) Обратиться съ просьбою къ преосвященному *Антонію*, епископу *Черниговскому* и *Нѣжинскому*, о дозволеніи описать рукописи Елецкаго монастыря. 3) Обратиться къ *А. А. Ханенку* съ просьбою отъ имени коммиссіи —дозволить обозрѣть его архивъ и библіотеку, а также неизданныя сочиненія умершаго его отца, Александра Ивановича. О результатахъ по симъ двумъ пунктамъ постановлено доложить на слѣдующемъ очередномъ собраніи коммиссіи. 4) Обратиться съ просьбою къ г. предсѣдателю *Черниговскаго* ок-

ружнаго суда о присылкѣ для разсмотрѣнія дѣлъ архива сего суда, подлежащихъ уничтоженію и 5) войти въ сношеніе съ архивными коммиссіями и учрежденіями, преслѣдующими историко-археологическія задачи.

Въ виду недостатка пособій при разработкѣ старины *Черниговскаго* края, г. председатель коммиссіи предложилъ всѣмъ членамъ для пользованія свою библіотеку.

Всѣ предложенія предсѣдателя приняты, а послѣднее съ благодарностью.

Засимъ избраны почетными членами коммиссія:

Преосвященные Антоній, епископъ Черниговскій и Нѣжинскій, и Евѳимій, епископъ Новгородсѣверскій, начальникъ губерніи Е. К. Андреевскій, Черниговскій предводитель дворянства князь Н. Д. Долгоруковъ, генералъ-лейтенантъ графъ Г. А. Милорадовичъ, графиня П. С. Уварова, графъ С. Д. Шереметевъ, А. М. Лазаревскій, В. В. Тарновскій, П. Я. Дашковъ, Д. Ѳ. Кобеко, В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалѣй, М. Ф. Владимірскій-Будановъ и В. С. Иконниковъ.

Въ заключеніе князь *Н. Д. Долгоруковъ* сообщилъ, что *В. В. Тарновскій* предложилъ въ даръ *Черниговскому* губернскому земству свой музей, въ высшей степени замѣчательный по коллекціи собранныхъ тамъ древностей, относящихся до Малороссійскаго края, но даръ свой жертвователь обусловилъ помѣщеніемъ всего музея нераздѣльно въ *Черниговскомъ*, такъ называемомъ, домѣ Мазепы, гдѣ нынѣ находится архивъ губернскаго правленія. (*Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1172*).

Позволительный листъ святителя Феодосія Углицкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. Настоящій документъ сохранился подлинникомъ у крестьянина м. Лѣтокъ (Остерск. у.) Ивана Юрченка и представленъ имъ въ Черниговскую архивную коммиссію для ея музея. Редакція мѣстныхъ губ. вѣдомостей воспроизвела документъ на своихъ страницахъ (1897 г., № 1268) фототипическимъ способомъ, а мы его перепечатываемъ, какъ документъ, указывающій на широкое распространеніе въ Старой Малороссіи цехового устройства ремесленниковъ, при чемъ цехъ отождествлялъ собою и церковное братство.

«Хотячи мѣти въ мѣстечку нашомъ Лѣтковичахъ, а при храмѣ Святителя и Чудотворца Ніколая, звычайный межи братствами порядокъ, постановилемъ и приказалемъ, абы всѣ ковалского, бондарского

и рымарского ремесла господарѣ были зъ собою въ едномъ братствѣ и въ едномъ цеху, и абы таковый порядокъ межи собою заховали, яковый вездѣ заховуется, то есть повинны напродъ пилное мѣти о церквѣ Божой и о украшеніи еи старане, такъ тежъ и о инших учинкахъ добрыхъ, и милосердныхъ незанедбане. Повинни мѣти бачене на нищихъ и уломныхъ ведлугъ преможеня своего. Болѣзнуючихъ засъ межи собою братію должни суть посѣщати, а преставлшихся о Господѣ—до гроба, зъ належнымъ порядкомъ, сполне всѣ, запроважати, для чого и покрывало на мары повинны мѣти и свѣчи великіе. Братъ зъ братомъ если бы который перемовився, передъ старшимъ братомъ да примирится, а если годенъ будетъ и караня, то повиненъ будетъ вины до скринки братскои дати фунтъ воску и чвертку ладану. Схадзку (sic) маютъ мѣти зъ собою братія въ двѣ недѣли. А если бы который братъ, кромъ слушной причины, не былъ на схадцѣ, той повиненъ дати до скринки осмакъ вины. Если для похорону, албо и для якого иншого дѣла схадзки потреба будетъ—маетъ старшій братъ цыху отъ себе послати, а братія обачивши цыху повинны будутъ на схадзку стати, а если бы кто цыху у себе задержалъ и до схадзки не сталъ, таковый шагъ вины заплатитъ. Братъ яковый же ковлекъ еслибы хлопца до ремесла принялъ, абы до скринки братскои объвѣстного полъ фунта воску далъ. Научивши засъ ремесла, повиненъ эго поставити предъ всею братіею и вызволити, и на той же часъ повиненъ дати до скринки полъ золотого, фунтъ воску и чвертку ладану. А хто бы з недавно прихожихъ ковалей, бондаровъ и римаровъ цеху не поеднавши важился роботу кому робити, таковый повиненъ будетъ до скринки полъ фунта воску дати. Приеждже засъ ковалѣ, бондарѣ и римарѣ зъ своею на продажъ роботою, подъ часъ торговъ и ярмарковъ, повинны брату въ мѣстѣ старшому, а того цеху цехмистру конечне, подъ утратою своею немалою, объвѣститися. Таковаго порядку постановене абы въ вѣдомости всѣхъ было и въ повазѣ лѣпшой заставало, далемъ вышменованному братству и цеху сей листъ за подписомъ руки моей, а з печатью монастирскою. Писанъ въ монастиру святого архистратига Міхаила, Выдубицкомъ Кіевскомъ. Року 1687, фѣвраля 10 дня».

Подписано слѣва: Өеодосій Углицкий, Ігуменъ монастыря В(ыдубицкого) Киевского, рукою власною.

Справа: Сей листъ на фундушъ ремесла ковалского, бондарского и римарского братству отъ моего антецессора данный, подписомъ и

моей негодности руки непремѣнно зтверждаю. Пахомий Подлузкий Ігуменъ монастыра Выдубицкого Кіевского святого Архистратига Михаила. M(anu) p(roprio).

Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Въ издававшемся въ 1883 г. художественно-литературномъ журналѣ «*Искусство*» (№ 6), напечатано слѣдующее любопытное извѣстіе о той обстановкѣ, при которой совершился выкупъ знаменитаго Щепкина изъ крѣпости. Перепечатывая это извѣстіе полностью, прибавимъ, что, какъ видно изъ подписнаго листа, деньги на выкупъ были собраны преимущественно тогдашними полтавскими помѣщиками, но, какъ видно, благодаря главнымъ образомъ вліянію князя Репнина, давшаго сильный толчокъ этому дѣлу. Участіе въ подпискѣ гр. А. К. Разумовскаго объясняется тѣмъ, что это былъ тесть Репнина.

«Въ концѣ 1817 года, или въ началѣ 1818, М. С. Щепкинъ блистательно окончивъ свои дебюты въ Харьковѣ вмѣстѣ съ странствующей труппою иностранца Штейна, перебрался въ Полтаву, гдѣ при содѣйствіи начальника края, князя Н. Г. Репнина, устраивался въ то время постоянный театръ. Щепкинъ, Барсовъ и Угаровъ были звѣздами первой величины въ бѣдной фалангѣ артистовъ, пріютившихся въ Полтавѣ подъ покровительствомъ просвѣщеннаго вельможи; но прошло нѣсколько времени, и Щепкинъ оставилъ далеко за собою своихъ товарищей по искусству: публика отдавала ему видимое предпочтеніе. Всегда добросовѣстный артистъ, Щепкинъ не увлекался громкими оваціями, на которыя не скупилось въ пользу его полтавское общество, и постоянные сценическіе успѣхи не могли побѣдить въ немъ его врожденной скромности. Любовь къ Щепкину и высокое уваженіе къ его таланту росли съ каждымъ днемъ и, наконецъ, благодаря инициативѣ князя Репнина, выразились фактомъ, имѣвшимъ огромное значеніе въ жизни тогда еще молодого артиста.

Князь Репнинъ затѣялъ устроить спектакль, сборъ съ котораго положено было употребить на выкупъ Щепкина изъ крѣпостнаго состоянія. Эта мысль, высказанная однажды княземъ Репнинымъ, была встрѣчена общимъ сочувствіемъ полтавскихъ жителей и окрестныхъ дворянъ. Положено было устроить подписку на кресла, и князь Репнинъ первый подписалъ 200 рублей ассигнаціями. Листъ пошелъ ходить по рукамъ, и скоро подписная сумма сбора дошла до крупной цифры 7207 р.

Распоряженіе подпиской и самыя хлопоты по устройству спектакля возложены были княземъ Репнинымъ на г. Имберга, бывшаго въ то время директоромъ полтавскаго театра. Г. Имбергъ, скончавшійся въ Петербургѣ въ началѣ 1864 года, незадолго до своей смерти отыскалъ въ своихъ старинныхъ бумагахъ подлинный подписной листъ. Вотъ вѣрная копія съ этого листа:

«Въ награду таланта актера Щепкина, для основанія его участи іюля 18—26 дня 1818 года».

Кресы:

Кн. Репнинъ [1]) 200, Божановъ [2]) 50, Князь Сергѣй Волконскій [3]) 500, Матвѣй Почека 50, Григорій Тарновскій 250, Францъ Реммерсъ 50, Георгій Забѣла 50, Андрей Петровскій 50, Неизвѣстный 25, Потемкинъ [4]) 700, Лашкевичъ 100, Галаганъ 100, Д. Алексѣевъ 100, Прасковья Почекина 100, Полковникъ Альбрехтъ 100, [5])... 50, Вильгельмъ Реммерсъ 25, Алексѣй Будлянскій [6]) 100, Кочубей 100, Дапо 50, Карповъ Ѳедотъ [7]) 30, Александръ Полетика 50, Катерина Забѣлина 25, Николай Александровичъ 50, Елисей Троцина 50, Андрей Брежинскій 50, Свѣчко 50, Оболонскій 25, Отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго 300, [8])... 25, Марковичъ 25, Генералъ-маіоръ Десентлоранъ 25, Неизвѣстный 25, NN [9]) 30, Федоръ Шелиховъ 40, Филиповъ 25, Безходарный 25, Клеца [10]) 25, Дмитрій Щемовъ 20, Чарнышъ 100, Войно 50, Войно 25, Багрѣевъ [11]) 100, Багрѣевъ [12]) 50, И. П. 50, Велецкій 25, Миклашев-

[1]) Съ подлиннаго списка г. Имбергъ снялъ копію, въ которую вошли нѣкоторыя поясненія относительно лицъ, подписавшихся въ подлинномъ спискѣ. Въ этой копіи противъ фамиліи князя Н. Г. Репнина написано: начальникъ тамошняго края.

[2]) По копіи Имб.—Егоръ Ильичъ Божановъ.

[3]) По копіи Имб.—князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

[4]) По копіи Имб.—графъ Потемкинъ.

[5]) Въ этомъ мѣстѣ фамилія въ подлинномъ спискѣ написана такъ неразборчиво, что даже самъ Имбергъ оставилъ ее неразобранною въ своей копіи.

[6]) Въ копіи Имберга прибавлено: полковникъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: купецъ изъ Харькова.

[8]) Тутъ опять слѣдуетъ фамилія, которая неразобрана и г. Имбергомъ въ его копіи.

[9]) Въ коп. Имб. прибавлено: купецъ.

[10]) Въ коп. Имберга прибавлено нѣжинскій грекъ.

[11]) Въ копіи Имб. написано Фроловъ-Багрѣевъ Алексѣй Петровичъ, бригадиръ.

[12]) Въ копіи Имб. написано: Фроловъ-Багрѣевъ Александръ Алексѣевичъ, тайный совѣтникъ.

ская 10, Отъ неизвѣстнаго [1]) 250, NN [2]) 25, Павелъ Тутолминъ 50, Михаилъ Лесевицкій 25, Таптиковъ—по переводѣ получить отъ полицеймейстера Киценкова 1992, Отъ инспектора Высоцкаго [3]) 25, Отъ неизвѣстной 50, Отъ неизвѣстной 100, Макуринъ [4]) 25, Якубовичъ 10, Отъ генералъ-маіора Гельфрейха 25, Отъ Ушакова 25, А. Косякова [5]) 25, Неизвѣстный 100, Левченковъ 25, Ильяшенко 25, Сахновскій 25, Василій Галецкій 25, В. Тарновская 25, Павелъ Кованько [6]) 50, Турскій [7]) 25, Авраамъ Зеленскій [8]) 100, Кандура 10, Бродскій 100».

Подписанные полковникомъ Таптиковымъ 1992 р., какъ долгъ карточный, Киценковымъ не уплачены, а равно и еще нѣкоторыя суммы изъ подписныхъ».

Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. Въ воспоминаніяхъ А. А. Солтановскаго, отрывки изъ которыхъ печатались въ нашемъ журналѣ въ 1892—94 г., есть разсказъ объ одномъ эпизодѣ, относящемся къ жизни Кіева въ 1846 году, когда всесильный ген.-губерн. Д. Г. Бибиковъ явился съ громовою рѣчью въ охрану личности женщины. Дѣло было такъ.

Среди кіевскаго купечества славилась въ то время красотою и институтскимъ образованіемъ дѣвица Б. Бибиковъ, какъ извѣстно—цѣнитель изящнаго, не оставилъ безъ своего вниманія красавицу Б. и ради нея бывалъ по субботамъ въ церкви Матери Божіей Скорбящей. Дѣвица Б., имѣвшая обширное знакомство между студентами и среди нихъ находившая обыкновенно кавалеровъ на танцовальныхъ вечерахъ и въ клубахъ, возгордилась ухаживаніемъ такой особы: проѣзжая по улицамъ, она перестала отвѣчать на поклоны влюбленной въ нее молодежи, а на вечерахъ отказывалась вовсе танцовать со студен-

---

[1]) Въ копіи Имб. означено, что это С. М. Кочубей.

[2]) Въ копіи Имб. прибавлено: гражданскій губернаторъ.

[3]) Въ копіи Имб. написано: отъ инспектора нѣмецкой колоніи Высоцкаго.

[4]) Въ копіи Имб. прибавлено: Александръ Васильевичъ, предводитель екатеринославской губерніи.

[5]) Въ копіи Имб. прибавлено: Павла Николаевича, начальника пѣхотной дивизіи.

[6]) Въ копіи Имб. прибавлено: Ивановецъ.

[7]) Въ копіи Имб. прибавлено: полковникъ.

[8]) Въ копіи Имб. прибавлено: градскій голова

тами, предпочитая военныхъ, особенно близкихъ къ Бибикову, а также чиновниковъ его канцеляріи. Нѣсколько сотъ студентовъ согласились наказать ее. Узнавъ отъ студента Сипягина, племянника Бибикова, что послѣдній въ ближайшую субботу обѣщалъ Б. пріѣхать въ церковь, они по одиночкѣ наканунѣ вручили священнику этой церкви записочки и деньги, прося каждый отслужить молебенъ за спасеніе Маріи (кажется—такъ было ея имя). Священникъ принималъ записки, не читая; хотя его и удивило, что студенты сдѣлались вдругъ набожными огуломъ, но прочитавши затѣмъ одну, другую записочку, не нашелъ ничего предосудительнаго и успокоился. Явилась вся знать, явилась Б., примчался съ адъютантами Бибиковъ. Священнику подаютъ цѣлый ворохъ записокъ, и начинается безконечное чтеніе этихъ записокъ, все—за спасеніе Маріи. Послѣ прочтенія штукъ двадцати, всѣ взоры обратились на Б. Бибиковъ позеленѣлъ отъ злобы. Еще нѣсколько десятковъ записокъ—и дѣвица упала въ обморокъ; ее вынесли и уложили въ карету. Бибиковъ назначилъ строгое разслѣдованіе, распекъ священника, но только всего и узналъ, что скандалъ этотъ устроенъ студентами; виновниковъ и зачинщиковъ скандала не обнаружили. Спустя нѣсколько дней Бибиковъ собралъ въ торжественный университетскій залъ всѣхъ профессоровъ и студентовъ и сократическимъ способомъ, задавая студентамъ вопросы и большею частью самъ рѣшая ихъ, прочелъ имъ лекцію о томъ, какова должна быть нравственность молодого благовоспитаннаго юноши... Можно пошалить въ домѣ терпимости; можно тихонько, не компрометируя предметъ своей страсти, понѣжиться съ нимъ въ саду подъ кустикомъ, или въ будуарѣ, особенно съ замужними дамами,—но компрометировать публично даму или дѣвицу—это верхъ безнравственности, и служитъ доказательствомъ грубыхъ, необразованныхъ нравовъ, которые не могутъ быть терпимы въ управляемомъ имъ учебномъ округѣ и университетѣ, о воспитанникахъ котораго онъ всегда лестно отзывался передъ своимъ и общимъ благодѣтелемъ, Государемъ Николаемъ Павловичемъ. Конечно, въ семьѣ не безъ урода, заключилъ Бибиковъ. Но—вдругъ возвысилъ онъ тонъ до высшей степени—если ему попадется такой уродъ, то онъ даетъ честное и твердое слово, что быть такому или фельдшеромъ, или носить бѣлую ленту черезъ плечо [1]).

Для своего времени все это очень характерно!

[1]) Т. е. въ солдатахъ.

Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. Какъ извѣстно, предки Гоголя по женской линіи были изъ польской фамиліи Танскихъ, при чемъ полковникъ переяславскій Василій Танскій покинулъ Польшу еще при Петрѣ Великомъ и былъ однимъ изъ видныхъ полководцевъ во время войнъ Петра со Шведами. Въ началѣ текущаго столѣтія одинъ изъ потомковъ Танскихъ, Иванъ, задумалъ, для поправленія матеріальныхъ дѣлъ своихъ, начать розыски объ имущественныхъ правахъ наслѣдниковъ на тѣ имѣнія, которыя когда-то принадлежали ихъ роду. Для этой цѣли онъ совершилъ поѣздку заграницу, гдѣ пробовалъ въ разныхъ архивахъ отыскивать фамильные документы. Чтобы лучше и бойчѣе вращаться на этомъ скользкомъ пути, Иванъ Танскій хотѣлъ заручиться довѣренностями отъ всѣхъ сонаслѣдниковъ—потомковъ рода Танскихъ, и обратился, конечно, и къ Василію Афанасьевичу Гоголю (отцу писателя), который и выдалъ ему таковую. Не знаемъ, была-ли по этому поводу болѣе обширная переписка у В. А. Гоголя съ И. Танскимъ, но одно изъ писемъ послѣдняго (отъ 5 янв. 1820 года) сохранилось въ бумагахъ родичей Гоголя и доставлено намъ въ редакцію. Письмо это интересно въ томъ отношеніи, что довольно подробно описываетъ всѣ проекты полученія эфемернаго наслѣдства и въ Лифляндіи, и въ Молдавіи, и въ Украинѣ, и въ Варшавскомъ Герцогствѣ, каковымъ дѣломъ увлекся, кажется, и В. А. Гоголь: по крайней мѣрѣ, не напрасно выдавалъ онъ довѣренность И. Танскому и препровождалъ къ нему фамильныя грамоты, разсчитывая хоть что-нибудь получить (чуть-ли не въ видѣ *отступною*) отъ молдавскихъ бояръ.

В. Н.

Милостивый Государь!
Василь Афанасіевичъ.

Возвратясь изъ-за границы, имѣлъ я честь получить два почтеннѣйшіе отзывы ваши ко мнѣ, первый отъ 25 апреля, и второй отъ 16 маія отпущенные; а такъ же приложенные при послѣднемъ изъ нихъ, вѣрующій открытой листъ и выписъ изъ прошенія вашего, по извѣсному дѣлу.

Пріймите Милостивый Государь! съ моей стороны, чистосердечное изъявленіе, должной благодарности, за то обезпеченіе, безъ котораго (опасаясь ниспровергнуть настоящее благосостояніе моего дому) вѣрно бы не могъ я дѣйствовать столь рѣшительно, чтобы

сдѣлать нужное, на общій щетъ, (хотя впрочемъ и для общей пользы) пожертвованіе, могущее сократить время тяжбы, дальнѣйшіе мои хлопоты и убитки, и доставить каждому изъ участниковъ, гораздо скорѣе, и съ большею надежностію, желаемый интересъ; естьли только то Богу угодно, и для меня возможно будетъ.—А при семъ случаи, поставляю себѣ за пріятную объязаность, довести къ Вашему свидѣнію, что я съ наступленіемъ прошедшей весны, віѣхавъ изъ дому, прожилъ за границею чрезъ все лѣто, и возвратился уже осенью; былъ въ Украинѣ, Галиціи, Лодомиріи, Молдавіи и въ Варшавскомъ Герцогствѣ; дѣлалъ во многихъ мѣстахъ кверенды, вынайшелъ въ архивахъ и въ частныхъ рукахъ древные документы, и по онымъ открылъ самое первоначальное мѣсто-пребываніе предковъ фамиліи Танскихъ, называемое Танскъ, который въ Варшавскомъ Герцогствѣ, на пруской границѣ, Плоцкаго воеводства, въ Праснискомъ повѣтѣ, надъ рѣкою Таною положеніе имѣетъ, и изъ 16-ти весей состоитъ.—Я въ немъ былъ, все что можно было іслѣдовалъ и получилъ урядовое свидѣтельство въ томъ, что имѣніе предками нашими Танскими, придомку Космидеръ оставленое, до настоящаго времяни извѣсно въ тѣхъ мѣстахъ, подъ названіемъ Космидровизны.—А что подлѣнно одинъ только нашъ домъ имѣлъ вышъ-писаной придомокъ, и что имѣніе въ Танску никому не продано и никакъ не укрѣпленно; о томъ имѣются у меня самые ясные доказательства.—Но какъ собранные мною на сей разъ документы, писаны на древнемъ готскомъ языкѣ, котораго въ Польшѣ весьма не многіе, а здѣсь ни кто не знаетъ, по чему и принужденъ я былъ оставить оные, для переводовъ въ Лембергѣ; то по сей причинѣ, избѣгая ошибки, и не могу судить еще теперь, съ довольною точностію, какъ велико сіе наслѣдство.—О имѣніяхъ же, находящихся въ Молдавскомъ Княжествѣ, которые (какъ извѣстно мнѣ) гораздо значительнѣе первыхъ, и оставленны послѣ пресе907ленія уже Танскихъ изъ Танска, продолжаются и понынѣ выправки; потому что отисканные мною собственно на сей щотъ документы, не могутъ быть достаточными, къ возвращенію всей потерянной въ Молдавіи собственности; почему признавая поѣздку мою туда необходимою, тѣмъ больше сожалѣю я, что въ предковскомъ архиву вашемъ, не отискалось ни какихъ бумагъ, могущихъ сократить предлежащіе мнѣ хлопоты и убитки, не минуемо сопряженные съ таковыми продолжительными и затруднительными въ разныхъ мѣстахъ и актахъ отисканіями.—Я только и умѣряю сожалѣніе мое, на сей разъ тѣмъ, что по всѣмъ извѣснымъ мнѣ обстоятельствамъ и стариннымъ запискамъ, почти несомнѣваюсь въ

успѣхѣ, вынайти въ Молдавіи всѣ нужные крѣпости; къ чему не маловажнымъ поощреніемъ служитъ мнѣ, что я о сю пору нашелъ уже гораздо древнѣйшія, да еще и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ найти ихъ ни почему нечаялъ,—и что въ Молдавіи точно отдаютъ имѣнія, по таковымъ же претензіямъ; чему доказательствомъ есть нынѣ (сверхъ прежнихъ) примѣрное дѣло г. Гиджева, который прошедшаго лѣта получилъ до нѣсколька селъ, принадлежавшихъ нѣкогда предкамъ его, несмотря на то, что оные болѣе двухъ сотъ лѣтъ находились во владѣніи чуждомъ.—Затѣмъ не щитаю уже за нужное, подробно объяснять вамъ Милостивый Государь! о имѣніяхъ, жалованныхъ Польскимъ Королемъ Сигизмунтомъ, прапрадѣду моему, Полковнику Северину Танскому, находящихся въ Лифляндіи подъ Кокенгузомъ, о которыхъ такъ же получилъ я теперь свидѣнія; ибо дѣдъ мой и братъ его, а вашъ предокъ Василій, еще за жизни ихъ, щитая со времяни присоединенія къ Россіи Лифляндіи, на отисканіе оныхъ пропустили земскую давность; такъ равно какъ я, и вся фамилія моя, на возвращеніе Украинскихъ вотчинъ, о чемъ помнится писалъ я къ вамъ прежде; а теперь покорнѣйше прошу васъ Милостивый Государь! здѣлать меня извѣснымъ, о лѣтахъ вашихъ; для того, что естли покрайней мѣрѣ вамъ непрепятствуетъ на сей случай, земская давность; то и за оные Украинскія имѣнія, по вашему праву надежно было бы кажется начать искъ; потому найпаче, что на оные я имѣю у себя, самые полные свидѣнія и документы.—И наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю я на себя здѣланную Вами мнѣ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ (нащетъ взятья съ собою за границу, имѣющихся у васъ Молдавскихъ грамотъ) препорученость; потому больше, что располагаю непремѣнно ѣхать въ Молдавію, и что сверхъ усерднаго желанія, оправдить предполагаемую на полученіе за нихъ денегъ надежду я нахожу еще на сей разъ, и собственный мой интересъ; ибо надѣюсь, что такого рода къ Молдавскимъ боярамъ отношеніе, легко можетъ доставить мнѣ въ томъ краи давно желаемые и искомые мною удобства и знакомства, посредствомъ которыхъ облегчатся труды въ отисканіи фамильныхъ документовъ и самыхъ имѣній.—Почему льстя себя таковою надеждою, и собѣраясь нынѣ къ отъѣзду въ Молдавію для рѣшительнаго окончанія дѣла сего, посилаю къ вамъ надежнаго нарочнаго моего, чрезъ котораго безъ всякаго сомнѣнія можете вы доставить ко мнѣ имѣюшіесь у васъ Молдавскіе грамоты и партикулярные польскіе бумаги; которые естьли не при семь случаи, то точно никогда уже ни вамъ, ни мнѣ и никому изъ участниковъ, не

могутъ быть полезными. А какъ изъ письма вашего видно, что неизвѣстна даже вамъ и цѣна, за которую они заложенны; то я для большей вашей и собственной моей безпечности, покорнѣйше прошу назначить оную теперь; и при томъ твердо быть увѣреннымъ, что я несмотря на то, всевозможно постараюсь получить за нихъ къ вашей пользѣ сколько возможно будетъ больше, смотря по достатку владѣющихъ имѣніями, въ грамотахъ тѣхъ прописанными; а найпаче по выгодамъ, какихъ по содержанію ихъ возможно ожидать хозяевамъ имѣній, или ихъ сосѣдамъ. На случай же естьли докумены сіи, ни кому изъ Молдавскихъ бояръ неокажутся нужными; въ такомъ разѣ за возвращеніемъ моимъ изъ за гроницы, вы ихъ отъ меня всѣ въ цѣлости обратно получите. Съ совершеннымъ почтеніемъ, и нелицемѣрною преданостію, имѣю честь быть всегда.

Милостивый Государь! Вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Танскій.

Генваря 5 дня 1820. Хуторъ Жердева.

Странствованія чумака, бурсака и раба. 1). «1785-го году іюня 10 дня. Въ военнопоходной его выс-ства г-на генералъ-аншефа и кавалера М. В. Каховскаго канцеляріи вышедшій изъ Анадоліи съ полону малороссіянинъ Русовъ показалъ нижеслѣдующее:

Уроженецъ я переяславскаго малороссійскаго полку сотни босанской слободы Николаевки. По согласію съ другими той слободы жителями 18 человѣками, а какъ они по именамъ и прозваніемъ, по давнему времени не упомню, кромѣ двоюроднаго брата моего Максыма Хлѣбка и Кондрата, а прозванія не знаю, 774-го года подрядились мы у малоросіянина Василья Рецетоваго, которой жительство имѣетъ въ Ромнахъ, для доставленія изъ Стараго Оскола въ Арабатъ провіанта. Куда по прибытіи сваливши четверти съ повозокъ, поѣхали къ солянымъ озерамъ къ набранію на имѣющіяся у насъ повоски соли, и не доходя до показанныхъ озеръ 20-ти верстъ живущіе тогда въ двухъ деревняхъ по близости дороги татара съ двумя мурзами напали на насъ и передъ самимъ вечеромъ перевязали и раздѣлили какъ насъ, такъ повозки и волы всѣ по рукамъ. Изъ насъ же 15-ти человѣкъ куда увезли, я не знаю. Съ трехъ—меня, двоюроднаго брата моего Максима Хлѣбка и Кондрата, а по прозванію не знаю, держали въ горахъ 15 дней въ желѣзахъ, а какъ сіи татары названіемъ неизвѣстенъ. Потомъ повезли насъ для продажи въ Кефу что нынѣ именуется Өеодосія, гдѣ и держали въ тюрьмѣ дней

съ 15-ть. Изъ числа жъ насъ трехъ брата моего двоюроднаго Максима Хлѣбка продали напередъ однимъ днемъ въ Царьградъ, а кому именно, не знаю. Потомъ и насъ двухъ купилъ анадолской турокъ Абдулла, куда и отправилъ обѣихъ изъ Θеодосіи напередъ зъ другимъ туркомъ Адибашею, а самъ еще оставался въ Θеодосіи, послѣ жъ насъ уже прибылъ въ Анадолію чрезъ 20 дней. И находились мы у него пять лѣтъ съ половиною. По прошествіи котораго времени означенной нашъ хозяинъ турокъ Абдулла номеръ, то Кондратъ въ тожъ время потурчился и куда пошелъ, я не знаю. Меня жъ другой турокъ Аджи Деврючъ взялъ насильно къ себѣ, гдѣ и жилъ я у него двѣ недѣли, которой по минованіи того времени подарилъ меня турку жъ Деврючъ Агѣ, у коего также находился 12 недѣль во услуженіи. Потомъ и онъ Деврючъ Ага подарилъ меня уже турку Амеръ Агѣ, у коего находился во всякой работѣ для его нужной пять лѣтъ. А наконецъ уже неоднократно отъ него, Амеръ Аги, принуждаемъ былъ потурчиться, почему и увидѣлъ онъ мое къ сему несогласіе, просилъ, чтобъ тамъ женился на гречанкѣ, но я убѣждалъ его своею почти ежедневною прозбою по не желанію моему тамъ жить, чтобъ отпустилъ въ Россію. Которой предъ великимъ днемъ праздника черезъ двѣ недѣли потурецки и отпускную далъ. Будучи жъ во все сіе время въ полону, о намѣреніяхъ турковъ я ничего не слыхалъ, кромѣ что сожалѣютъ за Крымомъ. Опасной болѣзни тамъ нигдѣ не слыхалъ же. Потомъ я въ городъ прибулъ, гдѣ сѣвши на турецкое судно отправился въ Козловъ, въ коемъ и содержался въ карантинѣ 10 дней, по выдержаніи которого выпущенъ и явился у тамошнего коменданта г-на подполковника Гаузенберха, просилъ его, чтобъ далъ мнѣ россійской билетъ, которой на сіе сказалъ, что будетъ данъ. Однакожъ я жилъ тамъ дней съ 13-ть не видя на то никакой резолюціи, отправился съ подрядившимся тамъ малороссіяниномъ Григоріемъ, а какъ прозывается не знаю, подъ свозъ казенныхъ драницъ въ Карась Базаръ, гдѣ сложивши съ повозокъ драницы явился у его выс-ства для испрошенія въ домъ билета.»

Изъ Карасу Базара Русовъ препровожденъ подъ присмотромъ въ кіевское намѣстническое правленіе, куда прибылъ 10 іюля 1785 г., выдержавъ по дорогѣ шестидневный карантинъ на береславской заставѣ. Въ намѣстн. правленіи Григорій Папагіодоровъ перевелъ турецкую отпускную Русова, которая гласила: «Малороссіянину Симону отъ господина его Омеръ Агу. 1199 году отъ ешри объявляю я, нижеподписавшійся, что поелику крѣпостного человѣка моего Симона

отпустилъ въ волю и дано ему мною дозволѣніе поѣхать въ мѣста, въ какія пожелаетъ, какъ въ отечество, такъ и въ другія мѣста, то и выдана мною ему, Симону, сія записка, которая въ случаѣ какой нужды показана быть имѣетъ. Омеръ Ага».

Въ Кіевѣ Русову выдали билетъ на проходъ до Козельска, съ тѣмъ, чтобы явился въ тамошній нижній земскій судъ, которому посланъ 30 іюля указъ о водвореніи Русова на прежнее жилище.

(Дѣло кіев. нам. правл. 1785 г. № 230).

2) Въ 1785 году доставленъ въ саратовское, оттуда въ казанское и наконецъ въ кіевское намѣстническое правленіе явившійся добровольно къ черноярскому коменданту уроженецъ польскаго мѣстечка Павлича Андрей Александровъ, вмѣстѣ съ протоколомъ допроса. Въ протоколѣ между прочимъ сказано: «Подлинно Андреемъ его зовутъ, Александровъ сынъ, отъ роду ему 28 лѣтъ, родиною онъ польскаго мѣстечка Павлыча, отецъ его Александръ, чей онъ, не знаетъ, по прозванію Вервицкій, былъ оного мѣстечка рыболовъ, а мать называлась Афросиньей Ѳедоровой. И будучи онъ въ семилѣтнемъ возрастѣ, показанною матерью своею отвезенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ и отданъ въ школу бурсу для обученія грамотѣ. Находился въ оной лѣтъ съ восемь. И во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы Введенскаго монастыря священникомъ Иваномъ Каменскимъ, который уже умре, отданъ кабардинскаго пѣхотнаго полку подлекарю Роману Григорьеву сыну Градовскому для опредѣленія въ какую нибудь службу, съ коимъ и былъ въ Турціи по разнымъ городамъ лѣтъ съ семь неопредѣленнымъ ни въ какую службу, а только находился при немъ во услуженіи. И по выходѣ изъ Турціи на моздоцкой линіи былъ года четыре. Потомъ оной подлекарь отъ службы отставленъ тѣмъ же чиномъ и отпущенъ въ городъ Кіевъ, гдѣ имѣетъ свой дворъ, а онъ, Александровъ, остался отъ него на той же линіи и побывъ тамъ малое время, пришедъ въ городъ Астрахань, нанялся для работы въ Музуры хивинскаго посланника, какъ зовутъ, не знаетъ, на казенной ботъ, исъ платы въ каждой годъ по двадцати по пяти рублей, съ коимъ и былъ въ Персіи. Откуда возвратясь обратно въ городъ Астрахань и желая записаться въ казанскіе мѣщане, пошелъ къ городу Казанѣ, но не доходя до оной въ городѣ Черномъ Яру явился самъ-къ тамошнему коменданту... А что онъ подлинно отданъ былъ матерью ево въ городѣ Кіевѣ въ школу для обученія грамотѣ и во время бывшей въ томъ городѣ моровой язвы вывезенъ изъ оного подлекаремъ Градовскимъ во опредѣленію въ

службу, въ томъ свидѣтельствуется на находящихся въ помянутой школѣ учителей и учениковъ. А посему желаетъ въ какое-нибудь званіе записатца въ показанномъ городѣ».

Вервицкій доставленъ въ Кіевъ изъ Казани въ іюнѣ «за обывательскимъ присмотромъ,» чрезъ земскіе суды. Показаніе его подтвердили кіевскій мѣщанинъ Захарій Градовскій и игуменъ Кіево-петропавловскаго монастыря Софроній. «Въ разсужденіи чево (доносилъ въ октябрѣ 1775 г. кіевскій городничій Кругловъ) не находя никакова сомнѣнія въ немъ, Александровѣ, которой пожелалъ записаться въ здѣшнее мѣщанство, на основаніи законовъ въ вѣчное ея имп. величества подданство я ево принялъ и по приводѣ къ присягѣ для причисленія въ званіе, состоянію ево свойственное, отправилъ въ городовой кіевскій магистратъ».

(Дѣло кіев. нам. правленія 1785 г. № 293).

3) Въ августѣ 1809 г. кіевская полиція доставила въ губернское правленіе пойманнаго въ 4-й части города бѣжавшаго отъ купца Копы человѣка Григорія Забоева, вмѣстѣ съ допросомъ его и объясненіемъ дворянина Ивана Гудима. Какъ видно изъ указа губ. правленія, въ своемъ объясненіи «Гудимъ пишетъ, что онъ, Забоевъ, его, Гудима, есть дворовой человѣкъ и что отданъ по учиненной здѣлки (въ черновой указа было сперва написано: «отданъ по контракту») одесскому 1-й гильдіи купцу Христофору Копы, имѣющему жительство свое въ городѣ Херсонѣ, для продажи желающему купить, почему, не принимая его къ себѣ, проситъ отослать къ помянутому Коцѣ.» Забоевъ показалъ, что слѣдуя въ Херсонъ съ купцомъ Коцею и съ прочими работниками, бѣжалъ съ пути. Доставленный въ херсонскую городскую полицію, Забоевъ содержался подъ карауломъ и въ октябрѣ 1809 года отданъ Христофору Коцѣ за подпискою (Дѣло кіев. губ. правл. 1809 г. № 458. Куплено въ бакалейной лавочкѣ въ Кіевѣ). Подлиннаго протокола допроса, къ сожалѣнію, нѣтъ при дѣлѣ, почему трудно судить, какимъ образомъ достались Коцѣ остальные упоминаемые Забоевымъ работники и были ли они такими же назначенными для рынка рабами, какъ самъ Забоевъ, сданный владѣльцемъ на коммиссію купцу Коцѣ. Замѣтимъ, что по ревизіи 1811 г. въ Кіевѣ у разныхъ владѣльцевъ числилось дворовыхъ людей 692, въ томъ числѣ у «дворянина Гудимы» (имени не указано) 3 чел.; въ кіевскомъ уѣздѣ—106 дворовыхъ людей. По той же ревизіи показано за малолѣтними дѣтьми надв. сов. Ивана Гудимы Левковича мѣст. Нещеровъ (47 дворовъ, 184 влад. крестьянъ),

но дворовыхъ за ними не числилось. (Рукоп. «Атласъ кіевской губерніи двѣнадцати повѣтовъ, съ статистич. описаніемъ», сочиненный губ. и уѣздными землемѣрами въ 1815 г.)

Сообщ. **Н. М.**

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Петра Дорошенка, Долинскаго, Имшенецкаго, Пронтницкаго, Тризны—*по 3 рубля;* Глядиковскаго, Иванова, Руденка—*по 2 рудля;* Долгорукова—*1 р. 50 к*; Баршевской, Гиршфельда, Гордона, Дубровой, Кибальчича, Ляскоронской, Лавриненко, Окерблома, Пташевскаго, Федоренка, Якубенка—*по 1 руб.*; Бажанова, Тессена, Цитовича—*по 50 к.*, а всего—*35 рублей*, что вмѣстѣ съ прежними *690 р. 77 к.* (см. № 9) составитъ—*725 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). *С.-Петербургъ, 1897. (Стр. 339+VI).*

Въ заключительной главѣ обзора обращено особое вниманіе на крупное участіе земства въ развитіи различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. За 1896 г. земскій сельско-хозяйственный бюджетъ возросъ на 787840 р., превысивъ 2.400.000 рублей. Нѣкоторыя частныя хозяйства продолжали попытки найти выходъ изъ тяжелаго положенія путемъ улучшенія производства, примѣненія болѣе выгодныхъ культуръ и т. п. «Но, по замѣчанію обзора (стр. 334), для обезпеченія интересовъ сельскаго хозяйства во всей ихъ совокупности, недостаточно ни этихъ отдѣльныхъ попытокъ, ни земскихъ усиленныхъ заботъ, ни компетенціи одного министерства земледѣлія; для этого требуются совмѣстныя мѣропріятія различныхъ правительственныхъ установленій».

При такихъ условіяхъ представляютъ особый интересъ свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ министерства земледѣлія, направленныхъ къ улучшенію сельскаго хозяйства въ неземскихъ губерніяхъ юга Россіи. Выдѣлить ихъ на основаніи настоящаго обзора нерѣдко затруднительно и даже невозможно, такъ какъ обзоръ не задавался цѣлями пораіоннаго изслѣдованія изложенія этихъ мѣропріятій. Отмѣтимъ здѣсь крупнѣйшія изъ разработанныхъ министерствомъ или осуществившихся уже мѣръ содѣйствія.

Въ отчетномъ году назначенъ правительственный агрономъ для кіевской губерніи.—Обсуждая вопросъ о мѣстныхъ органахъ по с.

хозяйственной части, с. хозяйственный совѣтъ м—ва нашелъ, что въ 9 западныхъ губерніяхъ, гдѣ имѣются предводители дворянства, проектируемые совѣтомъ уѣздные с. хозяйственные совѣты должны быть подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, изъ 4—6 членовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, приглашаемыхъ губ. предводителемъ дворянства, по соглашенію съ губернаторомъ, двухъ мѣстныхъ волостныхъ старшинъ, по назначенію губернатора, и представителей мѣстныхъ с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Губернскіе совѣты должны состоять, подъ предсѣдательствомъ губ. предводителя дворянства, изъ членовъ: представителя мѣстнаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, представителя госуд. коннозаводства, по одному представителю мѣстныхъ уѣздныхъ с. х. совѣтовъ, с. х. обществъ и постоянныхъ съѣздовъ. Учрежденіе такихъ совѣтовъ мотивируется необходимостью союза съ мѣстными силами для надлежащаго осуществленія возложенныхъ на м—во задачъ. По выраженію обзора, эти учрежденія должны быть «на подобіе» существующихъ нынѣ во многихъ земскихъ губерніяхъ земскихъ с. х. коммисій или совѣтовъ.

Въ цѣляхъ борьбы съ вредителями садоводства и огородничества с. х. совѣтъ м—ва земледѣлія призналъ, между прочимъ, необходимымъ: 1) изданіе земствами, а въ неземскихъ губерніяхъ—«подлежащими учрежденіями» (распорядительными комитетами?), обязательныхъ правилъ объ истребленіи на плодовыхъ и огородныхъ растеніяхъ вредныхъ насѣкомыхъ, 2) разрѣшеніе въ нѣкоторыхъ раіонахъ истреблять зайцевъ во всякое время года, и 3) усиленіе наказанія за порчу деревьевъ въ чужихъ садахъ, срываніе плодовъ, и пр.

Г. Поггенполемъ составлены графики по с. х. метеорологіи для г. Умани. Цѣль графиковъ—изслѣдованіе соотношенія между урожаями с. х. растеній и ходомъ метеорологическихъ факторовъ.

Бюро по энтомологіи командировало для изслѣдованія кровяной тли 4 лица, обслѣдовавшія 12 губерній, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Крымомъ и на границѣ съ Зап. Европой. Продолжены изслѣдованія на старѣйшихъ свеклосахарныхъ плантаціяхъ кіевской губ. для точнаго установленія факта отсутствія свекловичной нематоды въ большой части Россіи. Лѣтомъ 1896 г. закончено изслѣдованіе маврскаго клопа (черепашки), причинившаго сильный вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ въ южной Россіи, закончено изученіе свекловичнаго и коноплянаго жучковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ блохъ, и указаны способы уничтоженія ихъ. Намѣчено изслѣдованіе южнорусскихъ толстоножекъ, изученіе вопроса о паразитахъ хлѣбнаго

жука въ связи съ явленіемъ періодическаго размноженія и вымиранія этого насѣкомаго въ южной Россіи. Составлено наставленіе для борьбы съ гессенской мухой.

Приступлено къ разработкѣ вопроса о расширеніи уманскаго училища садоводства. Командированъ спеціалистъ для завѣдыванія контрольной сѣмянной станціей кіевскаго южно-русскаго общества поощренія земледѣлія и сельской промышленности. Признано необходимымъ имѣть разсадникъ племенного скота при уманскомъ училищѣ и тому же училищу оказано пособіе для расширенія пасѣки. Для обезпеченія южно-русскихъ шелководовъ приняты мѣры къ большему развитію гренажа при томъ же училищѣ.

Устроенъ съѣздъ сельскихъ хозяевъ въ г. Проскуровѣ (о немъ см. «Кіевск. Стар.» 1897 г. № 6), первый опытъ с. х. съѣздовъ въ западномъ краѣ. Замѣтимъ отъ себя, что до сей поры съѣздъ этотъ не имѣлъ никакихъ фактическихъ результатовъ. Пересмотрѣнъ общій вопросъ объ организаціи нашихъ с. х. выставокъ.

По отдѣлу земельныхъ улучшеній произведены въ двухъ казенныхъ дачахъ волынской губ. незначительныя осушительныя работы.

Введены правила 14 марта 1896 г. о должности лѣсныхъ ревизоровъ и хоз. мѣропріятіяхъ по казеннымъ лѣсамъ въ кіевской, подольской и волынской губ. (всего въ 33 губерніяхъ). Примѣненіе правилъ принесло замѣтную пользу казнѣ въ смыслѣ упорядоченія казеннаго лѣсного хозяйства и увеличенія доходности его.

Закончены рекогносцировки для собранія данныхъ объ условіяхъ питанія и истокахъ Днѣпра.

Отмѣтимъ, наконецъ, разработанный м—вомъ земледѣлія и уже утвержденный законопроектъ о надѣленіи землею начальныхъ училищъ различныхъ наименованій, какъ долженствующій когда-нибудь найти примѣненіе и въ нашемъ краѣ.

Изъ многочисленныхъ изданій м—ва (на которыя назначено въ 1896 г. 74. 986 р. и на 1897 г. 74. 986 р.) можно здѣсь отмѣтить изслѣдованія гидрогеологическаго отдѣла «Бассейнъ Днѣпра» (съ 3 картами).

«Обзоръ» обнимаетъ дѣятельность нижеслѣдующихъ учрежденій м-ва земледѣлія: с. х. совѣта, ученаго комитета, департамента земледѣлія, отдѣла земельныхъ улучшеній, отдѣла сельской экономіи и сельскохоз. статистики, департамента государственныхъ земельныхъ имуществъ, лѣсного и горнаго департаментовъ. Особая глава посвящена участію м-ва въ нижегородской выставкѣ.

«Возбужденіе соотвѣтствующихъ вопросовъ, поддержаніе соотвѣтствующихъ ходатайствъ и участіе въ общегосударственной работѣ на пользу народнаго хозяйства должно составить главнѣйшую задачу м-ва земледѣлія и госуд. имуществъ и въ будущемъ», заканчиваетъ «Обзоръ».

Слѣдуетъ отдать справедливость скромной откровенности «обзора», но слѣдуетъ отмѣтить также, что въ нашемъ краѣ, повидимому, некому возбуждать ни вопросы, ни ходатайства. Этимъ должно объяснить, почему въ «обзорѣ», при всей его обстоятельности, нашъ край, можно сказать, выпалъ, точно изъ старой обломанной ландъ-карты, и разыскивать мѣропріятія по оному приходится чуть ли не при помощи микроскопа.

Н. М.

И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). *Кіевъ, 1897. Стр. 59. (Оттискъ изъ журнала „Вопросы нервно-психической медицины", т. II).*

Проф. Сикорскій ознакомился лично съ мѣстностью и оставшимися въ живыхъ свидѣтелями ужасающей драмы, о которой въ свое время сообщены были нѣкоторыя свѣдѣнія газетами. На основаніи добытыхъ отрывочныхъ данныхъ, по возможности провѣренныхъ путемъ опроса прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, авторъ нарисовалъ поражающую картину какъ общихъ психологическихъ настроеній въ старообрядческомъ скитѣ Ковалева, такъ и самыя подробности безпримѣрнаго несчастія—погребенія заживо 25 лицъ въ четыре пріема, подъ вліяніемъ страха грядущихъ несчастій, человѣкобоязни, обычной въ скитѣ безнадежной мрачности, подозрительности и раздраженія. По словамъ автора, идейное броженіе которое привело къ несчастію, началось осенью 1896 г. Говорилось объ ожидаемыхъ преслѣдованіяхъ старообрядцевъ, что ихъ будутъ ссылать, заточать въ остроги и тюрьмы, вообще о репрессивныхъ мѣрахъ противъ раскола. Въ ожиданіи несчастій, нѣкоторые запаслись теплымъ платьемъ на случай ссылки на далекій сѣверъ, распродавали за безцѣнокъ имущество. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму, рѣшено было уморить себя голодной смертью. Это рѣшеніе и приводилось въ исполненіе, когда часть обитателей скита подверглась заключенію за отказъ дать свѣдѣнія для переписи.

Въ ноябрѣ и декабрѣ большинство жителей скита находилось въ состояніи почти непрерывнаго страха и тяжелыхъ мрачныхъ ожиданій, безъ проблеска надежды. Смерть, погибель казались неминуемыми. Первая мысль о закапываньи въ яму высказана была 13—лѣтней дѣвочкой и нашла уже подготовленную почву. Подготовительныя мѣры къ народной переписи лишь усилили такое настроеніе: перепись считалась знаменіемъ антихриста, внесеніе въ перепись—равносильнымъ антихристовой печати и вѣчной погибели человѣка. Созрѣло рѣшеніе закопаться во второй половинѣ декабря 1896 г. 23 декабря закопались 8 человѣкъ отъ 70 до 20 лѣтъ, одинъ 4-лѣтній и одинъ грудной ребенокъ; 27 декабря—5 человѣкъ, изъ нихъ трое дѣтей—7, 4 и 2 лѣтъ; 12 февраля заживо засыпаны 4 чел.; наконецъ, 28 февраля закопались 6 чел. Авторъ излагаетъ исторію этихъ закапываній, съ подробностями, производящими потрясающее впечатлѣніе.

Затѣмъ дается подробная характеристика (съ 2 портретами) главнаго физическаго дѣятеля закапываній, Θеодора Ковалева, этого добраго, наивнаго и темнаго человѣка. По мнѣнію автора, въ данномъ случаѣ должно видѣть проявленіе той же психической заразы и патологическаго подбора, какая раньше наблюдалась проф. Сикорскимъ при изученіи т. н. малеванщины (въ кіев. губ.). Въ скитѣ Ковалева, по заключенію автора, на ряду съ сектантами было значительное число психопатическихъ субъектовъ и даже помѣшанныхъ. Впрочемъ, авторъ затрудняется, отнести-ли это психическое состояніе сектантовъ къ большой истеріи, или къ т. наз. taedium vitae, утомленію жизнью. Конечно, послѣ смерти изучаемыхъ субъектовъ, такія изученія представляются довольно трудными. Что до Θедора Ковалева, то авторъ приписываетъ ему умственную недалекость, слабую волю, нравственное обезличеніе подъ вліяніемъ сильнѣйшихъ психическихъ вліяній, нѣкоторые дефекты въ лицевыхъ мышцахъ, ненормальность мимики. Но къ какому разряду психологическихъ отклоненій слѣдуетъ отнести состояніе Ковалева послѣ закапываній—авторъ съ точностью не поясняетъ. Такимъ образомъ, приходится отнести дѣйствія Ковалева къ вліянію эпидеміи.

Авторъ заслуживаетъ большой благодарности всѣхъ мыслящихъ людей за свою попытку разъяснить подробности и причины терновской драмы. Такія изученія необходимы и должны продолжаться. Тѣмъ не менѣе, приходится съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ остановиться надъ догадкою автора о связи терновскихъ событій съ открытіемъ мощей св. Θеодосія въ Черниговѣ, о замыслѣ Виталіи (тоже зако-

павшейся 28 февраля) „устроить въ Терновскихъ хуторахъ священное мѣсто, богатое останками мучениковъ, у таинственныхъ могилъ которыхъ должны были стекаться поклонники, подобно тому, какъ это случилось въ Черниговѣ“ (стр. 58). Эта догадка представляется въ брошюрѣ проф. Сикорскаго лишенною всякой фактической подкладки, тѣмъ болѣе, что поведеніе Ѳед. Ковалева (на которое ссылается авторъ) при откапываніи могло быть возстановлено лишь путемъ позднѣйшаго опроса.

„Никогда печальное состояніе раскола—заключаетъ авторъ свой поучительный этюдъ—не обнаруживалось въ болѣе мрачныхъ краскахъ, какъ въ Терновской драмѣ. Поэтому не должно быть въ отношеніи несчастныхъ сектантовъ иного чувства, кромѣ безграничной жалости, и иного отношенія, кромѣ самыхъ искреннихъ усилій къ примиренію и объединенію съ ними. Каковы бы ни были понятія о расколѣ съ догматической и обрядовой стороны, нельзя не признать того факта, что всѣ держащіеся старой вѣры—дѣти того же добраго русскаго народа, что они строго хранятъ въ себѣ всѣ его народныя черты и остаются вѣрными народному духу даже за предѣлами отечества. Въ виду этого истинная забота о нихъ (а не одни догматическія словопренія съ ними) является самымъ настоятельнымъ и самымъ неотложнымъ долгомъ церкви и государства“.

Н. М.

Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по официальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. *Кіевъ, 1897 (стр. VIII+480+XXIX+12 приложеній+VI+карта). Ц. 3р. 50 к.*

Младенческое состояніе статистики нашего края уже давно побуждало военныя власти озаботиться соотвѣтственными изданіями матеріаловъ для описанія края, необходимыхъ для обширныхъ нуждъ военнаго вѣдомства Таковы военно-статистическое обозрѣніе Волынской губ. 1850 г., военное обозрѣніе кіев. воен. округа Левицкаго и Беневскаго (1869 г.), матеріалы г. Тарановскаго (1882 г.), военно-стат. обозрѣніе Волынской губ. А. Забѣлина (1887 г.) и др. Настоящій трудъ г. Толмачева продолжаетъ ту же серію изданій и по программѣ своей близко подходитъ къ обозрѣнію подп. Забѣлина, но, судя по

исполненной уже части, разсчитанъ на гораздо болѣе значительный объемъ: предполагается еще нѣсколько томовъ съ описаніями Подольской и неописанныхъ еще г. Толмачовымъ частей Кіевской и Волынской губерній.

Избранная для описанія часть Волыни и Кіевщины обнимаетъ пространство до 26.000 кв. миль, съ населеніемъ въ 790$^{1}/_{2}$ тыс. душ., въ томъ числѣ русскихъ (по оффиціальной терминологіи) 70, 95%, евреевъ 13, 38%, нѣмцевъ 8, 64%, поляковъ 6, 58% и чеховъ 0, 45%. Въ составъ раіона входятъ Овручскій и Радомысльскій уѣзды (безъ Брусиловской волости) и части уѣздовъ Кіевскаго, Житомирскаго Новградъ-Волынскаго и Ровенскаго. Такой выборъ раіона для описанія, внѣ зависимости отъ обычныхъ дѣленій, дѣлаетъ пользованіе работой г. Толмачева не удобнымъ для обычныхъ надобностей, но, конечно, не лишаетъ труда присущаго ему достоинства добросовѣстной сводки матеріала, какой удалось добыть путемъ сношеній съ казенными учрежденіями и должностными лицами, а также при рекогносцировкахъ офицеровъ ген. штаба. Составитель часто жалуется на встрѣченныя затрудненія при собираніи необходимыхъ матеріаловъ и на невозможность ихъ провѣрки. Судя по приведеннымъ въ книгѣ даннымъ, рекогносцировки, съ точки зрѣнія систематическаго описанія раіона, должны быть признаны неполными, болѣе или менѣе случайными, но, конечно, было-бы несправедливо требовать отъ рекогносцировокъ большаго, такъ какъ онѣ предназначены для нуждъ спеціальныхъ и лишь попутно могутъ дать полезный матеріалъ для полнаго статическаго обзора края. Насколько свѣдѣнія, которыми могъ располагать составитель, неполны, видно, напр., изъ того, что для опредѣленія количества крестьянской земли въ кіевской губ. ему приходится обращаться къ даннымъ начала 70-хъ годовъ (стр. 276).

Настоящій трудъ, какъ сказано, исполненъ весьма добросовѣстно и составляетъ цѣнный вкладъ въ небогатую нашу статистическую литературу. Хотя многія изъ приводимыхъ оффиціальныхъ данныхъ, по признанію самого составителя, должны быть принимаемы лишь съ многочисленными оговорками, подрывающими къ нимъ всякое довѣріе, но, съ другой стороны, въ книгѣ находимъ результаты личныхъ наблюденій и характеристики отдѣльныхъ мѣстностей и группъ населенія, представляющія живѣйшій интересъ для лицъ, мало знакомыхъ съ раіономъ: бѣдный, жалкій, забытый край—таково общее впечатлѣніе отъ этихъ характеристикъ. Нарисованная составителемъ печальная картина приводитъ его къ необходимости преподанія нѣко-

торыхъ совѣтовъ для поднятія населенія на высшій культурный уровень: необходимо иначе поставить школы, измѣнить условія быта духовенства, необходимо оградить крестьянъ отъ эксплуатаціи евреевъ, и т. д. При всей своей доброжелательности, эти совѣты мало утѣшительны, такъ какъ авторъ не пытается намѣтить практическіе пути къ достиженію рекомендуемыхъ имъ цѣлей, что, впрочемъ, и не входитъ въ его задачу. Но если авторъ заявляетъ, напр. (стр. 159 и 209), что «населеніе коснѣетъ въ невѣжествѣ», «въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ еврейскаго ига сдѣлано уже многое, особенно нынѣ, со введеніемъ винной монополіи», что «положеніе всѣхъ этихъ массъ евреевъ, нынѣ согнанныхъ въ черту еврейской осѣдлости, безусловно печальное: нищета доходитъ до крайнихъ предѣловъ» и что по политическимъ убѣжденіямъ «евреи не представляютъ надежнаго элемента», ибо тянутъ къ Австріи,—то въ результатѣ получается картина довольно смутная. А между тѣмъ составитель намѣчаетъ еще нѣсколько такихъ же, на его взглядъ, ненадежныхъ элементовъ, и читающій остается въ тяжкомъ недоумѣніи, гдѣ же то justum medium, которое должно привести въ стройность всю эту пеструю картину. Намъ кажется, что задѣвать попутно и слегка всѣ такіе проклятые вопросы—не стоитъ труда.

Отсылая интересующихся раіономъ къ самому изданію г. Толмачева, укажемъ здѣсь лишь на нѣкоторыя неточности изложенія, легко объясняемыя сложностью и обширностью предпринятой составителемъ работы.

Авторъ ошибается, полагая (стр. 166), что штундистское движеніе охватило уже 12 губерній, имъ перечисленныхъ: забыты Поволжье и Кавказъ. Несправедливо приписываетъ авторъ штундистамъ отрицаніе суда, войска, властей,—по всей вѣроятности онъ имѣлъ въ виду отдѣльныя проявленія т. наз. толстовства (тамъ же). Весьма сомнительно, чтобы т. наз. еврейскіе цадики являлись потомками основателя хассидизма Бешта изъ Межибужья (193). Не знаемъ, почему авторъ думаетъ, что евреямъ воспрещено пріѣзжать хотябы временно для скупки хлѣба въ селахъ (стр. 200). Неточно указаніе автора (стр. 211) на продолжающуюся эмиграцію изъ края нѣмцевъ-колонистовъ и что иммиграція ихъ усиливалась до закона 14 марта 1887 года: иммиграція подвигалась до изданія закона 14 марта 1892 года, а эмиграція послѣ закона 19 марта 1895 года прекратилась. Звучащее какъ-бы упрекомъ указаніе (взятое впрочемъ у А. За-

бѣлина), что «каждая колонія управляется выборнымъ старостой-шульцемъ» слѣдовало-бы дополнить тѣмъ, что шульцы были заведены по требованію мѣстной полиціи. Неточно указаніе, будто колонисты вообще избѣгаютъ обращаться къ суду мѣстныхъ властей (стр. 212): нѣкоторымъ мировымъ судьямъ на Волыни колонисты даютъ найбольшее число дѣлъ. Невѣрно, что по закону 19 марта 1895 года колонисты съ окончаніемъ сроковъ арендъ не имѣютъ права заключать новыхъ контрактовъ: наоборотъ, законъ этотъ именно направленъ къ тому, чтобы избѣжать массоваго выселенія колонистовъ, вызваннаго закономъ 14 марта 1892 года; такимъ образомъ, возобновленіе контрактовъ нынѣ вполнѣ возможно, и эмигрировать приходится лишь арендаторамъ иностраннымъ подданнымъ, которыхъ не много, а не всѣмъ колонистамъ вообще, какъ полагаетъ авторъ (стр. 215, 216, 231). По закону 15 іюня 1888 г. иностранные колонисты (рус. подданные) вовсе не вводятся въ составъ сельскихъ обществъ, а лишь приписываются къ волостямъ: для принятія въ сельское общество требуется приговоръ послѣдняго. Не знаемъ, на основаніи какихъ данныхъ авторъ полагаетъ (стр. 296), что крестьяне, пуская скотъ по снятіи хлѣба на земли помѣщика, распредѣляютъ предварительно сервитутные луга и поля помѣщика между дворами: въ дѣйствительности, выпасъ производится «чередой» безъ всякаго распредѣленія, и противоположные факты неизвѣстны. Неточно указаніе (стр. 299), что при составленіи выкупныхъ актовъ площадь, занятая подъ лѣсами, была исключена изъ земли крестьянъ, подлежавшей обложенію выкупными платежами, и всѣ повинности за нее платились помѣщиками: такой порядокъ примѣнялся не всегда и не вездѣ; гдѣ такой порядокъ не былъ примѣненъ, тамъ за лѣсную площадь взимались выкупные платежи съ крестьянъ, и слѣдовательно эта площадь составляетъ крестьянскую собственность, а не сервитутъ.—Отдавая рѣшительное предпочтеніе натуральному способу обезпеченія продовольствія крестьянъ, авторъ, повидимому, слишкомъ категорически разрѣшаетъ этотъ сложный вопросъ (стр. 338). Содержаніе хлѣбныхъ запасовъ въ натурѣ не всегда выгодно и не вездѣ необходимо. Такъ, напр., въ мѣстностяхъ вблизи желѣзныхъ дорогъ нѣтъ настоятельной нужды въ натуральныхъ запасахъ.

Эти и нѣкоторыя другія неровности изложенія отнюдь не умаляютъ достоинствъ работы. Если мы указываемъ на нихъ здѣсь, то лишь съ цѣлью предупредить повтореніе подобныхъ погрѣшностей въ обѣщанныхъ дальнѣйшихъ описаніяхъ края.

Въ заключеніе приведемъ изъ книги г. Толмачева нѣкоторыя цифровыя данныя по народному образованію, предполагая что они вызовутъ опроверженіе со стороны тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежитъ.

По словамъ автора, въ овручскомъ уѣздѣ одна школа приходится на 124,1 кв. версту, на 2,232 чел.; на 1000 жителей 13,4 учащихся. Есть волости, гдѣ одна школа приходится на 448,8 кв. верстъ, въ другихъ почти на 7,000 жителей, въ третьихъ на 1000 жителей приходится 4,2 учащихся (стр. 454). «Если же принять во вниманіе, что въ общее число включены и школы грамоты, руководимыя часто безграмотными учителями, то положеніе школьнаго дѣла окажется еще печальнѣе. Въ дѣйствительности во многихъ селахъ въ сотнѣ дворовъ наберется 1—2 грамотныхъ; чтобы прочитать письмо, приходится обращаться къ помощи еврея, платя ему за это 5—10 коп. При такихъ условіяхъ нечего удивляться неразвитости населенія, его невѣжеству, его суевѣріямъ».

Н. М.

Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. *Москва. 1897 года, стр. 294 ц. 2 р.*

Въ 1892 году проф. Н. И. Петровымъ былъ изданъ первый выпускъ «Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ.» Въ немъ были описаны собранія рукописей Московскаго митрополита Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Недавно вышедшій изъ печати второй выпускъ того же изданія заключаетъ въ себѣ описаніе рукописей, хранящихся въ Кіево-Печерской лаврѣ, Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, Пустынно-Никольскомъ, Выдубицкомъ, женскомъ Флоровскомъ монастырѣ и въ Кіево-Десятинной церкви.

Занимающіеся историческими работами на основаніи первоисточниковъ прекрасно понимаютъ научное значеніе описаній рукописныхъ собраній. Такія описанія, прежде всего, указываютъ новые матеріалы для желающихъ заниматься разработкой историческихъ вопросовъ по первоисточникамъ и наводятъ ихъ на новые факты. А хорошо составленныя описанія рукописныхъ собраній даже и сами по себѣ иногда могутъ служить важнымъ пособіемъ для лицъ, занимающихся разработ-

кою оригинальныхъ вопросовъ. Требуется только, чтобы описаніе представляло не сухой и голый перечень рукописей, но давало бы ясное и полное понятіе о рукописи, ея происхожденіи, содержаніи, значеніи, и, по возможности, знакомило читателя даже съ самымъ содержаніемъ рукописи. Разумѣется, что составленіе подобнаго описанія представляетъ трудъ далеко нелегкій.

Описанія рукописей, хранящихся въ городѣ Кіевѣ, составленныя проф. Н. И. Петровымъ, принадлежатъ именно къ такого рода описаніямъ, которыя имѣютъ весьма важное значеніе въ наукѣ и которыя, поэтому, весьма желательны. О первомъ выпускѣ описаній рукописей, изданномъ въ 1892 г., было сказано своевременно. Во второмъ выпускѣ описаны рукописныя собранія, исторически сложившіяся въ самомъ Кіевѣ и потому имѣющія главнымъ образомъ мѣстный характеръ. Есть здѣсь, правда, рукописи и иногородняго происхожденія, но и тѣ имѣютъ значеніе преимущественно потому, что свидѣтельствуютъ о такихъ или иныхъ историческихъ отношеніяхъ Кіева къ другимъ городамъ и мѣстностямъ и, слѣдовательно, не чужды мѣстнаго кіевскаго характера. Всѣ описанныя въ книгѣ рукописи важны не только по своему содержанію и языку, но и по немалочисленнымъ записямъ и припискамъ на нихъ, составляющимъ крупицы для восполненія мѣстной исторіи.

Въ своемъ Описаніи авторъ держится слѣдующаго порядка. Сначала онъ даетъ общее обозрѣніе рукописнаго собранія того или другого книгохранилища (напр., лаврскаго, михайловскаго и т. д.), гдѣ показываетъ число рукописей, кратко излагаетъ исторію образованія рукописнаго собранія, распредѣляетъ рукописи по языку и времени ихъ написанія и даетъ общую характеристику содержанія рукописей; а затѣмъ уже дѣлаетъ частичное описаніе рукописей, которыя при этомъ распредѣляетъ по отдѣламъ, сообразно ихъ содержанію, такъ что особо описываются рукописи по св. Писанію, толкованію его и библейской исторіи, по литургикѣ и каноническому праву, основному богословію и философіи, догматическому богословію, нравоученію и аскетикѣ, обличительному и сравнительному богословію, психологіи, проповѣдничеству, словесности, грамматикѣ и языкознанію, по гражданской и церковной исторіи—всеобщей и русской. Подробно и обстоятельно, по указанному сейчасъ способу, описываются, впрочемъ, рукописи только кіево-печерской лавры и михайловскаго монастыря, представляющія, должно замѣтить, наибольшій научный интересъ, какъ видно изъ описанія; рукописи же Пустынно-Николь-

скаго, Выдубицкаго, Флоровскаго монастырей и Десятинной церкви описаны кратко и обще, безъ подраздѣленія рукописей на отдѣлы. Въ отношеніи къ каждой рукописи въ отдѣльности авторъ даетъ сначала внѣшнее описаніе, указывая ея названіе, дату происхожденія, форматъ, количество листовъ, автора (гдѣ есть указаніе, или возможно предположеніе), а затѣмъ, если рукопись представляетъ интересъ въ какомъ-либо отношеніи, то авторъ описанія кратко знакомитъ читателя съ ея содержаніемъ, которое иногда излагается даже довольно подробно (см., напр., №№ 363 и 364 стр. 115—117 и др.). Благодаря этому послѣднему обстоятельству, описаніе проф. Н. И. Петрова можетъ служить прямымъ источникомъ при нѣкоторыхъ церковно-историческихъ трудахъ. Очень часто авторъ указываетъ литературу предмета, т. е. отмѣчаетъ, гдѣ была напечатана та или другая рукопись, при томъ полностію или in extenso, или гдѣ можно найти указаніе на нее. Описаніе снабжено обстоятельнымъ указателемъ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ указать замѣченныя нами опечатки въ описаніи: 1) на стр. 2 строка 5 св. слѣдуетъ, очевидно, читать 1819, а не 1869 г., какъ напечатано, и 2) на стр. 127 стр. 3 св. слѣдуетъ читать Колосовскаго вм. Колтовскаго, какъ напечатано.

С. Θ. Титовъ.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ"[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности"). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1 — 139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины" за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковсьkій Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

---

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вірна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г, стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ I. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Живи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Өедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбынській Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбынській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповіданя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиних повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій I** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Киів 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшіе направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Виршии, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Федькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ-Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

НОЯБРЬ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

VI.

Взглядъ князя В. П. Кочубея по вопросу о малороссійскихъ козакахъ; его письмо къ князю Н. Г. Репнину и отвѣтное письмо князя Н. Г. Репнина.—Освобожденіе козаковъ отъ рекрутскаго набора въ 1833 г.—Перепись козаковъ; переселеніе въ Кавказскую область.—Князь Н. Г. Репнинъ настаиваетъ на необходимости реформы административнаго строя малороссійскихъ козаковъ.

Князь В. П. Кочубей[2]) въ конфиденціальномъ письмѣ къ князю Н. Г. Репнину отъ 7 октября 1832 г. высказываетъ свои характерные принципіальные взгляды на управленіе Малороссіей.

„Хотя я по рожденію и хохолъ—пишетъ Кочубей—но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ“.

Кочубею хотѣлось возможно скорѣе ассимилировать малороссійскихъ козаковъ съ прочими податными сословіями въ государствѣ, уничтожить даже намеки на ихъ давнія традиціи. Сознавая, что козаки обнищены распоряженіями князя Я. И. Ло-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 10.

[2]) Род. 1768 г. † 1834 г.

банова-Ростовскаго о сформированіи ополченія въ 1812 г., что вполнѣ согласовалось съ личными наблюденіями императора Николая Павловича, въ бытность его великимъ княземъ въ 1816 г., о чемъ упоминалось выше,—Кочубей стремился тѣмъ не менѣе къ тому, чтобы немедленно, почеркомъ пера, извлечь изъ козаковъ, какъ изъ безправной податной единицы возможно большій доходъ въ казну, наперекоръ всякой возможности, что хорошо понималъ даже тогдашній министръ финансовъ графъ Канкринъ, менѣе знакомый съ вопросомъ о малороссійскихъ козакахъ, но смотрѣвшій безъ предвзятыхъ мыслей. Всѣми проводимыми имъ по отношенію къ козакамъ взглядами и принимаемыми имъ мѣропріятіями, Кочубей хотѣлъ показаться въ глазахъ высшаго правительства, говоря почти его словами, „болѣе русскимъ, чѣмъ сами русскіе".

Приведемъ здѣсь цѣликомъ письмо Кочубея къ Репнину, въ переводѣ съ французскаго подлинника, въ высшей степени важное для характеристики Кочубея и его взглядовъ вообще, и въ частности, по отношенію къ малороссійскимъ козакамъ.

„С.-Петербургъ, 7 октября 1832 г.—Вашъ адъютантъ уѣхалъ такъ внезапно, мой милый князь, что я не имѣлъ времени поручить ему передать Вамъ даже нѣсколько строкъ. Онъ пріѣхалъ, какъ нельзя болѣе кстати, и Вы можете быть вполнѣ довольны отсрочкой, дарованной козакамъ по набору. Быть можетъ, Вы не будете настолько же довольны распоряженіями, которыя долженъ былъ Вамъ послать на послѣднихъ дняхъ графъ Чернышевъ, по предмету другихъ Вашихъ представленій; они не согласуются вполнѣ съ этими послѣдними. Хотѣли избѣжать отдѣльной переписи козаковъ, такъ какъ втеченіе предстоящаго лѣта должна быть произведена генеральная ревизія; думали, что слѣдовало избѣгать всякаго мѣропріятія, которое могло бы возбудить малѣйшее подозрѣніе у козаковъ и увеличить ихъ недовольство, о чемъ здѣсь говорили; боялись, чтобы большое количество мелкихъ чиновниковъ или дворянъ, которымъ было бы поручено составленіе кадастра (поземельныхъ списковъ), не увеличили ни на чемъ неоснованнаго безпокойства козаковъ, не злоупотребили своими полномочіями и довѣріемъ къ нимъ

правительства. Исходя изъ этого, мы подумали, что Вы могли-бы достичь нѣкоторыхъ результатовъ при помощи мѣропріятій, которыя я назову временными, и я думаю, что Вы можете достичь того, чтобы опредѣлить (конечно, не вполнѣ точно) количество земли, которымъ владѣетъ каждый козакъ въ волости, подъ благовиднымъ предлогомъ, что это свѣдѣніе необходимо для раскладки налоговъ. Когда бы этотъ первый шагъ былъ сдѣланъ, при ревизіи была бы произведена провѣрка uti possidetis, а позднѣе можно было бы приступить къ подробному межеванію—дѣло очень трудное, конечно, но за которое прійдется рано или поздно взяться.

Я не буду Вамъ говорить о проектѣ Вашего воззванія къ козакамъ, оно составлено не по обычной формѣ оффиціальныхъ бумагъ въ провинціи. Постарайтесь избѣгать этого и держитесь установленныхъ формъ [1]).

По поводу этого дѣла Государь говорилъ мнѣ съ недѣлю тому назадъ о рапортахъ и многочисленныхъ разъясненіяхъ, которыя представилъ одинъ жандармскій полковникъ (если не ошибаюсь, Пановъ). Будучи уполномоченъ объѣхать различные уѣзды, въ которыхъ живутъ козаки, онъ рисуетъ печальную картину ихъ бѣдности и притѣсненій. Онъ представилъ Вамъ отчетъ о своей поѣзкѣ. Вы отдали приказы, чтобы устранить нѣкоторыя изъ послѣднихъ (притѣсненій) настолько, насколько это зависѣло отъ Васъ, но есть еще много вещей, которыя требуютъ исправленій и т. п. Его Величество, говоря мнѣ приблизительно то, что Вы только что прочли, прибавилъ, что онъ не имѣлъ времени просмотрѣть всѣ рапорты полковника, показавъ мнѣ примѣрно, какого объема дѣло, которое должно было бы лежать у него на столѣ. Болѣе я ничего не знаю объ этомъ. Нищета козаковъ должна быть велика, но можно ли скоро устранить вкоренившееся зло и кто главнымъ образомъ виновенъ въ немъ? По моему мнѣнію, князь Яковъ Лобановъ нанесъ ударъ козакамъ въ 1812 г. Онъ совершенно ихъ разорилъ сформированіемъ большого ополченія безъ всякой помощи со стороны правительства. Но какъ-

[1]) Мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина воззванія, о которомъ идетъ рѣчь.

бы ни было въ прошломъ, нужно мудро заботиться о будущемъ. Министръ финансовъ продолжаетъ утверждать, что онъ согласился уменьшить налоги потому только, что онъ вполнѣ убѣжденъ, что козаки ничего не будутъ платить. Нужно бы постараться выбить ему изъ головы эту мысль, основанную не знаю на какомъ соображеніи.

Впрочемъ, нужно сказать правду, что имъ очень трудно платить, когда они не имѣютъ ни земли, ни промышленности, ни сбыта. Мой Клеберъ прислалъ мнѣ недавно счетъ, изъ котораго видно, что крестьяне Диканьки должны мнѣ болѣе 5000 рублей за казенные налоги, которые мною за нихъ внесены. Мнѣ кажется, что, по отношенію къ козакамъ прійдется примѣнить великорусскій поземельный налогъ. Нужно будетъ устроить, чтобы тотъ, кто имѣетъ болѣе земли, болѣе и платилъ. Не знаю, не могли ли бы Вы включить въ эту категорію тѣхъ головъ и писарей, которые пріобрѣли земли отъ козаковъ, хотя они и получили кое-какіе маленькіе чины; я знаю такихъ въ Диканькѣ, которые притѣсняли козаковъ и купили у нихъ земли за безцѣнокъ.

Я разсуждаю обо всѣхъ этихъ предметахъ съ Вами, мой дорогой князь, съ полнымъ довѣріемъ и совершенной откровенностью. Я надѣюсь, что все это останется, конечно, между нами. Хотя я по рожденію и хохолъ, но я болѣе русскій, чѣмъ кто другой и по моимъ принципамъ, и по моему состоянію, и по моимъ привычкамъ. Мое званіе и занимаемый мною постъ ставятъ меня выше всякихъ мелкихъ соображеній; я смотрю на дѣла Вашихъ губерній съ точки зрѣнія общихъ интересовъ нашей страны. Микроскопическіе виды не мое дѣло. Не изъ мелкихъ соображеній, но чтобы опровергнуть мнѣніе Канкрина, постарайтесь взыскать, насколько это возможно, налоги въ Вашихъ губерніяхъ.

Кузина подаетъ мнѣ надежду, что Вы скоро пріѣдете сюда. Я думаю, что послѣ того, какъ Вы сдѣлаете распоряженія о козакахъ, ничто не воспрепятствуетъ Вамъ исполнить Ваше предположеніе. Можетъ быть, Вы могли бы привезти съ собою, какъ имѣли намѣреніе, предварительныя соображенія о возможности

введенія поземельнаго налога? Вы имѣли намѣреніе произвесть по этому предмету изслѣдованія частнымъ образомъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ вблизи Вашей обычной резиденціи. Хотя бы это было произведено всего въ нѣсколькихъ уѣздахъ, все-таки это дало бы нѣсколько полезныхъ данныхъ. Я не хочу начинать новаго листка. Кончаю увѣреніемъ въ моей искренней привязанности. Кочубей.

PS. Я ожидаю сегодня утромъ Наталію. Она пріѣдетъ изъ Варшавы, чтобы провести мѣсяцъ съ нами [1]).

Въ отвѣтъ на эту, такъ сказать, политическую исповѣдь князя В. П. Кочубея, князь Н. Г. Репнинъ отвѣчалъ также исповѣдью во французскомъ письмѣ отъ 27 января 1833 года, которое мы и приведемъ здѣсь въ переводѣ для сопоставленія съ письмомъ Кочубея:

„Полтава, 27 января 1833 г.—Я долженъ былъ бы уже давно отвѣтить на Ваше конфиденціальное письмо отъ 7 прошлаго октября, но до сихъ поръ не было удобнаго случая для пересылки отвѣта, теперь же я спѣшу воспользоваться отъѣздомъ полковника Дмитрія Степановича Селецкаго, ближайшаго моего сосѣда по Яготину [2]), честнаго человѣка, храбраго офицера, котораго я провелъ въ гвардію, человѣка, на котораго я могу положиться и который, вслѣдствіе крайне разстроеннаго усердной службой здоровья, прожилъ около пяти лѣтъ въ Малороссіи; я поручаю его, князь, Вашему благосклонному вниманію, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ сообщить Вамъ много подробностей о состояніи нашего края и въ особенности обо всемъ томъ, что касается козаковъ.

Такъ какъ наконецъ-то уже рѣшено произвесть новую ревизію въ теченіе нынѣшняго года, то совершенно естественно отло-

---

[1]) Наталія Викторовна, дочь Виктора Павловича, бывшая замужемъ за графомъ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, бывшимъ послѣ графа А. Д. Гурьева и графа В. В. Левашева черниговскимъ, полтавскимъ и харьковскимъ ген.-губернаторомъ, съ 12 ноября 1836 г. по 1840 г.

[2]) Впослѣдствіи генералъ—маіоръ, владѣлецъ имѣнія при с. Малютинцахъ Пирятинскаго уѣзда, верстахъ въ 30-ти отъ м. Яготина, отецъ бывшаго кіевскаго губернскаго предводителя дворянства П. Д. Селецкаго, записки котораго помѣщались на страницахъ „Кіевской Старины“.

жить до этого времени и вопросъ о переписи козаковъ; это гораздо предпочтительнѣе, чѣмъ производить послѣднюю теперь; въ этомъ я совершенно согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ, но позвольте мнѣ поспорить съ Вами съ моей обычной откровенностью относительно другихъ пунктовъ Вашего письма.

Въ Петербургѣ очень ошибаются, предполагая, что среди козаковъ существуетъ духъ недовольства; напротивъ того, видя строгія мѣры, которыя принимаются для взысканія налоговъ, и принимая во вниманіе, что казенные крестьяне платятъ почти вдвое противъ нихъ, козаки начали чувствовать благодѣтельное значеніе указа 25-іюня; *скажите это съ полной увѣренностью, когда представится случай.*

Волненіе въ Полтавѣ не имѣетъ никакого значенія; все было успокоено при одномъ моемъ появленіи и строгомъ тонѣ, къ которому мои подчиненные не привыкли. Полковникъ Селецкій былъ свидѣтелемъ въ Лубнахъ набора болѣе двухъ тысячъ козаковъ въ линейные полки [1]); разспросите у него подробности этого. Ради Бога, будьте совершенно спокойны относительно нашихъ козаковъ,—это прекрасный народъ, у нихъ много общаго съ ихъ пріятелями—*волами*: имъ скажутъ *цобъ*—и они пойдутъ налѣво, *цабе*—пойдутъ направо, и Вы знаете, что волы только тогда становятся упрямы, когда ихъ заставляютъ тащить свыше ихъ силъ.

Вернемся къ вопросу о ревизіи. Порядокъ, какимъ теперь она производится въ Россіи, нелѣпость, такъ какъ при одинаковомъ количествѣ земли человѣкъ 40 лѣтъ самъ по себѣ гораздо богаче, чѣмъ другой 30 лѣтъ, имѣющій четырехъ малолѣтнихъ сыновей и дѣда 70 лѣтъ, которыхъ долженъ кормить, и однако послѣдній будетъ обложенъ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ первый, и всегда такъ будетъ, если не возьмутъ за основаніе раскладки подушнаго очередныхъ списковъ, которыми пользуются при наборѣ рекрутовъ; тогда подушное будутъ платить только работники (§ 100 новаго устава), и казна никогда на этомъ не

---

[1]) Срв. разсказъ объ этомъ очевидца г. М. Номиса. „Кіев. Стар." 1897 г. апрѣль, стр. 158—161.

потеряетъ, такъ какъ, согласно даннымъ политической экономіи, количество достигающихъ 18-лѣтняго возраста гораздо большее, чѣмъ количество умирающихъ между 18 и 60 годами, какъ Вы увидите, князь, въ приложеніи къ сему подъ лит. А [1]); только тогда мы перестанемъ слышать справедливыя жалобы или скорѣе вопли: „за что мы платимъ за солдатъ и умершихъ“.

Мѣропріятія, которыя Вы называете временными, были предприняты мною въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ не по отношенію къ одной волости, но по отношенію къ двумъ уѣздамъ, полтавскому и черниговскому; въ полтавскомъ уѣздѣ эта задача была выполнена шестью чиновниками, въ черниговскомъ—четырьмя; все было исполнено въ обоихъ уѣздахъ менѣе чѣмъ въ три недѣли и не вызвало ни волненій, ни жалобъ. Мы имѣемъ по этимъ двумъ уѣздамъ статистическія данныя о числѣ козаковъ, если не безусловно точныя, то близкія къ дѣйствительности, а это все, что нужно. По моему мнѣнію, даже не нужно, чтобы правительство дѣлало точныя провѣрки, такъ какъ такого рода мѣра взволновала бы обывателей; достаточно лишь обложить податью волость по числу работниковъ и по количеству объявленной земли, и если даже и откроется впослѣдствіи большее количество, то не увеличивать подати впродолженіе десяти лѣтъ, но предоставить самимъ волостямъ сдѣлать новое распредѣленіе той-же подати, тогда можно быть увѣреннымъ, что Иванъ обнаружитъ то, что скрылъ Петръ, а этотъ послѣдній то, чего не объявилъ Григорій, ихъ собственный интересъ будетъ ихъ побуждать давать точныя свѣдѣнія о владѣніи каждаго изъ нихъ, ибо чѣмъ болѣе будетъ раздѣлена подать, тѣмъ легче будетъ платить. Втеченіе десяти лѣтъ, усердіемъ нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса военныхъ топографовъ, очень подвинуто дѣло кадастра (поземельныхъ списковъ) или земельнаго межеванія, которое одно можетъ дать правительству точныя данныя и средство наложить подати съ большею справедливостью, чѣмъ онѣ распредѣлены нынѣ.

---

[1]) Этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

Разсмотримъ механическую сторону ревизіи. Какъ она производилась понынѣ? Каждое казенное поселеніе, а часто также и принадлежащія помѣщикамъ, въ особенности, если владѣлецъ отсутствуетъ, обращается къ писцу нижняго земскаго суда, или къ пономарю, или къ чиновнику, прогнанному со службы, чтобы составить ревизіонные списки. Обыкновенно медлятъ съ исполненіемъ до послѣднихъ дней назначеннаго срока, и тогда всѣ второпяхъ дѣлаютъ пропуски, а иногда по два раза вписываютъ; но наиболѣе часто случается первое, ибо писаря получаютъ денежныя благодарности за пропускъ именъ нѣсколькихъ стариковъ, въ разсчетѣ на ихъ близкую кончину, или нѣсколькихъ новорожденныхъ. Имѣются примѣры, что новорожденные мальчики записывались дѣвочками; послѣ этого администрація принуждена провѣрять, такъ что производится двойная работа, и первая исполняется, по крайней мѣрѣ, 200 лицами въ уѣздѣ, да вдобавокъ отребьемъ общества. Не лучше ли поручить это, какъ я думаю, пяти или шести чиновникамъ, уполномоченнымъ дѣйствовать во имя правительства и отвѣтственнымъ передъ закономъ, тогда какъ при теперешнемъ способѣ, въ случаяхъ неточности, наказуемыми являются не тѣ, которые составляютъ ревизіонные списки, но тѣ, которые заказываютъ ихъ составить, не будучи въ состояніи зачастую ихъ прочесть. Я осмѣливаюсь утверждать, что способъ, который я предлагаю, менѣе обременителенъ и будетъ гораздо болѣе точнымъ.

Вы оканчиваете, князь, параграфъ о переписи козаковъ нѣсколькими словами объ изложеніи моего воззванія, говоря, что оно не отвѣчаетъ принятымъ формамъ и что нужно держаться существующаго порядка; я же скажу на это, что нужно говорить народу языкомъ, который ему понятенъ, и что бумага, подписанная генералъ-губернаторомъ, произведетъ болѣе впечатлѣнія на мужиковъ, чѣмъ указъ, согласно принятымъ формамъ, подписанный совѣтникомъ Волдыревымъ, секретаремъ Выдринымъ и повытчикомъ Докукинымъ (имена дѣйствительно существующія въ одномъ судѣ, а не вымышленныя). Чтобы пояснить то, что я высказываю, я спрошу: какъ козаки поняли указъ 25 іюня, который является между тѣмъ *для* нихъ истиннымъ благодѣяніемъ?

Только, когда я объяснилъ имъ его приказомъ, мною подписаннымъ, и велѣлъ прочесть въ церквяхъ, начали они понимать его значеніе.

Если правительство довѣряетъ своимъ сановникамъ, то нужно, чтобы оно предоставляло имъ болѣе свободы дѣйствій, если же нѣтъ, то отзовите ихъ возможно скорѣе.

Безъ сомнѣнія, напряженіе всѣхъ силъ, которое вызвалъ у козаковъ князь Яковъ въ 1812 году, окончательно подорвало ихъ благосостояніе, но не этимъ нанесъ онъ имъ ударъ, а увеличеніемъ подушной подати въ самые бѣдственные годы, увеличеніемъ акциза на крымскую соль и несоразмѣрными наборами, производившимися послѣдніе годы. Умными распоряженіями въ ближайшемъ будущемъ можно скоро исцѣлить зло, но для этого—повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ, болѣе или менѣе доступныхъ, и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ особую контору, на подобіе департамента удѣловъ,—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ заодно съ ними „пановъ". Успокойте, пожалуйста, министра финансовъ, что козаки полтавской губерніи заплатили втеченіе 1832 года солидную сумму въ 2,313, 374 р. 30 к., т. е. почти вдвое противъ того, что они заплатили въ 1831 году. Я ожидаю еще дополнительныхъ объясненій изъ черниговской губерніи, но я могу сказать съ увѣренностью, что общая сумма налоговъ съ козаковъ превыситъ 3½ милліона; въ общей суммѣ поступило въ полтавской губерніи подушной подати 4,854,168 р. 74¾ к., т. е. на 2,063,065 р. 47½ к. болѣе, чѣмъ въ 1831 г. Итакъ, вы видите, князь, что предположеніе графа Канкрина не основательно.

По поводу налоговъ я Вамъ скажу, что, хорошо разсмотрѣвши статистическія данныя о полтавскомъ и черниговскомъ уѣздахъ, столь различныхъ по ихъ мѣстоположенію и по развитію промышленности, я убѣдился, что невозможно будетъ распредѣлить налогъ исключительно на земли,—было бы слишкомъ много пролетаріевъ, которые были бы освобождены; слѣдовало

бы обложить всѣхъ, признанныхъ работниками по очереднымъ спискамъ, и землю, какъ Вы увидите въ приложеніи подъ литерой В.[1]).

Я совершенно съ Вами согласенъ, что нужно повести серьезную аттаку противъ головъ и писарей, сдѣлавшихся коллежскими регистраторами и губернскими секретарями, и мнѣ казалось бы удобнымъ приступить къ рѣшенію этого вопроса, основываясь на § 2 гражданской части указа 25 іюня, потому что отнынѣ тѣ, которые выходятъ изъ козачьяго сословія, должны платить оброкъ, который на нихъ налагаетъ унаслѣдованная ими земля; мнѣ кажется, что было-бы справедливо предписать, чтобы „*дворяне въ подушномъ окладѣ*" и тѣ, которые изъ козаковъ сдѣлались *личными дворянами* по землѣ ихъ потомственной или отъ козаковъ пріобрѣтенной, были обложены козачьей повинностію".

Вы видите, князь, что мое довѣріе къ Вамъ безгранично, ибо если бы мысль подобная этой сдѣлалась извѣстной здѣсь, то я нажилъ бы себѣ враговъ, но я ставлю себя выше всѣхъ этихъ мелкихъ соображеній и, защищая интересы владѣльцевъ и малороссійскихъ козаковъ, быть можетъ, слишкомъ горячо, по мнѣнію столичныхъ обывателей, я не ихъ единственно имѣю въ виду, но общее благосостояніе имперіи.

Я получилъ хорошее наслѣдіе благородства, вѣрности Государю и преданности отечеству и, конечно, показалъ первое и далъ неопровержимыя доказательства послѣднихъ.

Вотъ полный отвѣтъ на Ваше письмо, но однако я добавлю нѣсколько словъ къ моему письму о предметѣ очень важномъ, по моему мнѣнію, о которомъ я написалъ подробно министру внутреннихъ дѣлъ съ этой же окказіей: трудно представить себѣ безобразія, свидѣтелями которыхъ мы являемся ежедневно, вслѣдствіе продажи рекрутовъ въ Казенной Палатѣ; есть владѣльцы, которые продали по десяти и по двѣнадцати человѣкъ; вчера одна женщина, которая имѣетъ всего трехъ мужиковъ, представила одного, другая помѣщица—изъ двѣнадцати трехъ. Это положительно

---

[1]) И этого приложенія мы не нашли въ бумагахъ князя Н. Г. Репнина.

гнусность, которую настоятельно необходимо прекратить возможно скорѣе.

Нужно однако прекратить и мое маранье, но, по крайней мѣрѣ, оно будетъ неопровержимымъ доказательствомъ моего безграничнаго довѣрія и искренней преданности, которыя я питаю къ Вамъ на всю жизнь. Князь Репнинъ."

Хотя выше приведенное письмо князя Н. Г. Репнина и не относится въ значительной своей части къ интересующему насъ вопросу о соціальной судьбѣ малороссійскихъ козаковъ въ первой половинѣ XIX вѣка, но мы привели его здѣсь во всемъ объемѣ, въ виду того, что въ немъ рельефно обрисовывается нравственный обликъ гуманнаго, благороднаго, просвѣщеннаго и прямодушнаго государственнаго дѣятеля, отдававшаго свои силы и способности и не щадившаго даже своихъ личныхъ матеріальныхъ средствъ на пользу края, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ волею своего Государя, въ силу чего онъ и старался облегчить съ той или иной стороны тяжкое положеніе небольшой сословной единицы, безусловно безопасной для цѣлостности такого могучаго государства, какъ Россія, въ отношеніи политическомъ, но имѣвшей всѣ данныя по своимъ воинственнымъ традиціямъ, чтобы принести, быть можетъ, существенную пользу въ дѣлѣ охраны общаго отечества какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ враговъ, въ чемъ въ тѣ времена ощущалась еще настоятельная потребность.

Но, несмотря на всю настойчивость князя Репнина, съ высказываемыми имъ мнѣніями по отношенію къ козакамъ въ Петербургѣ не соглашались, и дѣлаемыя правительствомъ распоряженія, по словамъ Кочубея, не согласовались съ его представленіями.

Единственная льгота, которая, по мнѣнію Кочубея, могла быть оказана козакамъ, въ виду ихъ тяжкаго матеріальнаго положенія, это освобожденіе отъ рекрутскаго набора въ 1833 году; и дѣйствительно, 8 ноября 1832 г. послѣдовалъ указъ сенату, которымъ повелѣвалось отложить предполагавшійся, согласно указу отъ 25 іюня 1832 г., въ 1833 г. рекрутскій наборъ съ козаковъ для укомплектованія армейскихъ кавалерійскихъ пол-

ковъ до слѣдующаго 1834 года. Въ указѣ говорилось между прочимъ: „въ постоянномъ попеченіи Нашемъ о доставленіи вѣрно-любезному Намъ малороссійскому козачьему сословію, наравнѣ со всѣми прочими вѣрноподданными Нашими, выгодъ и облегченій, Мы признали возможнымъ обратить въ семъ году на укомплектованіе кавалеріи большую часть людей изъ состава сформированныхъ въ 1831 г. восьми малороссійскихъ козачьихъ полковъ, предоставивъ малороссійскому военному губернатору замѣнить нѣкоторое ихъ число очередными козаками, по неспособности ихъ къ службѣ и по другимъ особенно уважительнымъ причинамъ“ [1]).

Объ исполненіи этого распоряженія упоминаетъ въ своемъ письмѣ князь Репнинъ и подробно разсказываетъ М. Номисъ въ вышеупомянутыхъ уже нами своихъ „замѣткахъ“. Въ сущности говоря, указъ 8 ноября 1832 г. только лишь нѣсколько видоизмѣнялъ указъ 25 іюня 1832 г., но не измѣнялъ его по существу, такъ какъ козачье сословіе и въ томъ, и въ другомъ случаѣ терпѣло ущербъ, измѣнялся лишь составъ жертвъ: вмѣсто набора новыхъ людей, зачислялись на службу вступившіе въ комплектъ ранѣе сформированныхъ восьми полковъ и разсчитывавшіе вернуться по окончаніи польской кампаніи по домамъ. Князь Репнинъ, производя описываемое М. Номисомъ распредѣленіе козаковъ по кавалерійскимъ полкамъ, выполнялъ одновременно оба упомянутыхъ указа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались всѣ мѣры къ тому, чтобы извлечь изъ козачьяго сословія возможно болѣе дохода въ казну; такъ, 18 января 1833 г. состоялся сенатскій указъ объ обложеніи козаковъ, уволенныхъ изъ военной службы въ отставку и „поступившихъ въ первобытное состояніе“, пошлиною за право продажи вина [2]).

Чтобы точнѣе опредѣлить платежную способность всѣхъ податныхъ сословій въ имперіи, а въ частности и малороссійскихъ козаковъ, предполагалось произвести лѣтомъ 1833 г. гене-

---

[1]) П. С. З. № 5730.

[2]) П. С. З. № 5916.

ральную ревизію, о чемъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ Кочубей. И дѣйствительно 16 іюня 1833 г, воспослѣдовалъ манифестъ о производствѣ во всей имперіи новой народной переписи [1]).

Хотя Кочубею не хотѣлось, повидимому подъ видомъ того, чтобы не волновать козаковъ, какъ либо выдѣлять ихъ изъ состава прочихъ податныхъ сословій, но, очевидно, восторжествовало иное мнѣніе, и князь Репнинъ получилъ нижеслѣдующій рескриптъ отъ 21 іюня 1833 г. о произведеніи новой переписи малороссійскихъ козаковъ на особыхъ правилахъ:

„Господину Малороссійскому Военному Губернатору Генералъ-адъютанту Князю Репнину.

Разсмотрѣвъ представленіе ваше о порядкѣ произведенія новой переписи малороссійскихъ козаковъ и о приведеніи при томъ въ извѣстность земель и имущества ихъ, я уполномачиваю васъ, какъ на исполненіе сихъ предположеній *чрезъ особыхъ чиновниковъ*, которые имѣютъ быть вами командированы по селеніямъ козаковъ въ то время, когда изданъ будетъ манифестъ о произведеніи общей по государству переписи, такъ и на опредѣленіе по сей новой переписи, немедленно по окончаніи оной, сбора податей и наряда козаковъ въ военную службу на основаніи Указа Моего отъ 25 іюня 1832 года. Николай. Царское Село, 21 іюня 1833 года“ [2]).

Такъ какъ производство переписи, предпринятой для точнаго исчисленія налоговъ и податей и урегулированія выполненія воинской повинности, не могло быть сочувственно встрѣчено вольнолюбивыми козаками, чего опасались, какъ мы видѣли изъ письма Кочубея, и въ Петербургѣ, то, для удаленія изъ Малороссіи безпокойныхъ элементовъ, разрѣшалось указомъ отъ 12 октября 1833 года [3]), подобно тому какъ и раньше, отставнымъ солдатамъ изъ малороссійскихъ козаковъ переселяться съ семействами въ Кавказскую область, при чемъ, чтобы побудить ихъ къ этому, имъ обѣщана была слѣдующая льгота:

---

[1]) П. С. З. № 6265.
[2]) П. С. З. № 6277.
[3]) П. С. З. № 6484.

„Изъ числа сыновей сихъ отставныхъ солдатъ, причислять къ козачьему сословію всѣхъ тѣхъ, кои рождены по водвореніи ихъ на участкахъ земли, рожденные же до водворенія ихъ должны оставаться въ званіи военныхъ кантонистовъ“.

Несмотря на то, что ходатайства князя Репнина въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ, не согласуясь со взглядами центральнаго правительства, не были имъ удовлетворяемы, онъ продолжалъ настойчиво отстаивать интересы этой небольшой сословной группы, желая сохранить ее, реорганизовавши ее на новыхъ, но сродныхъ ей по духу началахъ.

Въ 1834 году представленные княземъ Репнинымъ проекты отчасти получили законодательное примѣненіе.

Н. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXVII.

Тихо ѣхалъ Богданъ на своемъ Бѣлашѣ; невеселыя думы роемъ гнались за нимъ и склоняли на грудь его буйную голову.— Отчего это такимъ сумрачнымъ разстался Богунъ?—думалъ онъ.— Неужели и у него въ груди зашевелилось недовѣріе ко мнѣ? Такія неоспоримыя доказательства моей правоты передъ родиной, передъ братствомъ, и все таки лучшій мой другъ, беззавѣтно-преданное мнѣ сердце, уѣзжаетъ съ отуманеннымъ окомъ, со скрытою тоской!... Что-же тогда остальные? Эхъ... тяжело гнуться и личину носить, а еще тяжелѣе, когда дорогіе люди не вѣрятъ, что это личина! Неужели-же и ты, „нenько“ моя, Украина, не повѣришь своему злополучному сыну и усумнишься въ его любви? Такъ вотъ! загляни сюда, въ самое сердце!—и Богданъ машинально рванулъ за бортъ своего жупана и растегнулъ сорочку. Пронзительный вѣтеръ прорвался съ злорадствомъ въ прорѣху и началъ охватывать рѣзкимъ холодомъ и спину, и грудь, но Богданъ этого не чувствовалъ; его согрѣвалъ внутренній жаръ, бурлившій отъ обиды кровь... Никто ему не нанесъ ее явно, но онъ ощущалъ въ себѣ ея остріе, которое, съ новымъ наплывомъ сомнѣній и думъ, вонзалось своимъ жаломъ все глубже и больнѣе. „Эхъ, а какъ это довѣріе нужно теперь, не для меня только, а и для дѣла! Все отъ него зависитъ: повѣрятъ,—притаятся, притихнутъ и помогутъ мнѣ до славной, желанной минуты усыпить враговъ и накинуть на нихъ, сонныхъ узду, не повѣрятъ,—прорвутся въ удалыхъ выходкахъ, разбудятъ собакъ и уничтожатъ въ

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 10.

одинъ мигъ такъ долго и съ такими мученіями тканные мною сѣти! Вотъ хоть бы Кривоносъ... Не стерпѣлъ! Пошелъ вѣдь въ дебри, да болота, разбивать свою тугу-тоску, тѣшить хотя чѣмъ-ничѣмъ свою месть, свою волю... А удержишь-ли его? Наврядъ-ли! Лютъ-то онъ на ляховъ очень, да и терпѣніе за это время ожиданій, пустыхъ и безплодныхъ, давно лопнуло, и не только у него, а почитай и во всѣхъ, оттого-то и трудно будетъ поднять снова въ нихъ вѣру и вооружить ихъ терпѣніе уже явной надеждой".

— Однако, что-же это мы, молоко или яйца на базаръ веземъ?—отозвался, наконецъ, къ Олексѣ громко Богданъ, трогая „острогами" коня.

Бѣлашъ вскинулся на дыбы и полетѣлъ ураганомъ, подымая облако пыли и закрывая ею едва поспѣвавшаго за нимъ юнаго запорожца.

Къ полуночи они достигли Днѣпра и, переправившись черезъ него ниже Крылова, заночевали въ селѣ Власовкѣ. Здѣсь Богданъ поразспросилъ у мѣстныхъ поселянъ, гдѣ находятся „жабовыны", и получилъ довольно неопредѣленный отвѣтъ, что многія непролазныя мѣста въ „плавняхъ", окруженныя топью, называются „жабовыною" и „жабовыннямъ" и „жабынымъ сидаломъ".

— Вотъ теперь и ищи его между плавнями,—почесалъ себѣ затылокъ Богданъ.—а ихъ ажъ до самыхъ пороговъ! За десять лѣтъ всѣхъ не обшаришь, хоть возвращайся домой!

Послѣ многихъ досадливыхъ и произвольныхъ рѣшеній, куда направить путь,—вверхъ ли по Днѣпру, или внизъ,—Богданъ остановился на послѣднемъ.

Его подвинуло на это такое соображеніе; Кривоносъ очевидно засѣлъ гдѣ-либо поближе къ гнѣзду своего врага Іереміи Вишневецкаго, но засѣлъ вѣроятно въ совершенно недоступномъ и безопасномъ мѣстѣ; вверхъ по рѣкѣ—„плавни" неважные и сухіе, а ниже Власовки начинаются топи... Значитъ, онъ въ первой такой трущобѣ и сидитъ, значитъ, туда, т. е. внизъ по Днѣпру, и путь имъ держать.

Поѣхали внизъ по Днѣпру и свернули вправо на „плавни". Къ вечеру заѣхали въ такія трущобы, что не было возможности двинуться дальше безъ провожатаго: тропинки, проложенныя въ густыхъ заросляхъ человѣкомъ и звѣремъ пересѣкались, вились, спутывались и приводили, то къ озеру, то къ болоту, то къ ужасной трясинѣ...

— Тутъ и заблудиться удобно,—замѣтилъ Богданъ,—особенно подъ вечеръ. Держи-ка, Олексо, лѣвѣе къ степи, авось на сухое выберемся...

— Да и налѣво топко,—пробовалъ прорваться прямо черезъ камыши Олекса.

Богданъ приподнялся на стременахъ и окинулъ взоромъ темнѣющую окрестность: кругомъ моремъ желтѣлъ и волновался высокій камышъ; между верхушками его, украшенными золотыми метелочками, торчали на тонкихъ стебляхъ бархатныя темно-коричневыя головки; подъ напоромъ вѣтра все это колыхалось, гнулось и ходило широкими волнами; только вдали направо замѣтилъ Богданъ между „очеретомъ" и зарослями верболозъ.

— За мною!—крикнулъ онъ и, промучившись достаточно, доѣхалъ таки уже почти въ сумерки къ верболозу, между которымъ неожиданно оказалась, на счастье, корчма не корчма, а скорѣе землянка, запрятанная совершенно въ густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ съ торчащими гривами камыша.

— Вотъ и добрались таки до жилья!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а стой, Олексо,—остановилъ онъ рукой козака,—да подержи-ка моего коня, а я загляну въ эту „халупку", а можетъ, и передохнуть будетъ можно, и пронюхать кой-что, а то вѣдь дальше ни тпру, ни ну!

— Не опасно-ли одному, батько?—возразилъ съ тревогой Олекса.

— Э, сынку, козаку не нужно бѣгать опасностей, а нужно лѣзть на нихъ самому, тогда сатанинское порожденіе и хвостъ подожметъ.

Осторожно, то изгибаясь, то приподнимая нависшія вѣтви, Богданъ пробрался, наконецъ, по узкой и топкой тропинкѣ, къ этой хаткѣ на курьихъ ножкахъ и, заглянувъ въ окно, приложилъ ухо къ дверямъ.

Вечеръ уже наступалъ темный, мглистый, вѣтеръ ворчливо шелестѣлъ камышами; но Богданъ и при этомъ шумѣ уловилъ звуки какого-то разговора, происходившаго между двумя-тремя лицами— не больше, и замѣтилъ черезъ щель слабое мерцаніе потухающаго огня.

Постоявши немного и не дождавшись чего-либо опредѣленнаго, Богданъ съ нетерпѣніемъ толкнулъ ногою дверь и, согнувшись почти вдвое, вошелъ въ какую-то полутемную конуру. Сначала глаза его почти ничего не замѣтили, кромѣ красноватаго свѣтового пятна, мигавшаго на низенькомъ очагѣ, а потомъ, привикнувъ къ темнотѣ, различили въ углу двѣ фигуры, занѣмѣвшія при появленіи козака въ хаткѣ. Одна сидѣла у окна, совершенно заслонивши его спиною, а другая,—у стола, по ближе къ нему; третья же, которую онъ замѣтилъ послѣ, лежала навзничъ, раскинувшись передъ очагомъ, и, слегка тронутая красноватыми отблесками огня, напоминала распростертый окровавленный трупъ.

— Помогай Богъ!—приподнялъ шапку Богданъ и, не замѣтивши нигдѣ образовъ, насунулъ ее снова на брови.

Фигуры какъ будто бы пошевелились немного, но не отвѣтили ничего на привѣтствіе.

— „Съ понедилкомъ"!—повторилъ Богданъ и получилъ въ отвѣтъ такое-же молчаніе.

— Эге,—подумалъ онъ,—что-то не ладно, коли и на привѣтствіе не отвѣчаютъ... А можетъ быть, это татаре?—мелькнуло у него въ головѣ.—Только вотъ этотъ, что лежитъ у ногъ, навѣрное козакъ,—развѣ... ужъ не зарѣзанъ-ли онъ? Богданъ ощупалъ рукою пистолеты и произнесъ привѣтствіе по татарски: „гошъ-гелды"!

Но и на это привѣтствіе, вмѣсто отвѣта, дальняя фигура лишь слегка свистнула. Это взорвало Богдана.

— У насъ, коли здороваются, то добрые люди благодарятъ и здороваются въ свою очередь,—произнесъ онъ вѣско,—а свистятъ только болотяники. Ну, а на свистъ и мы можемъ свиснуть... и Богданъ, дѣйствительно, свистнулъ, да такъ пронзительно, что ближайшій изъ молчаливыхъ обитателей заткнулъ себѣ уши, а Морозенко, услыхавъ этотъ свистъ, опрометью бросился къ хаткѣ и оторопѣлъ у дверей, соображая, откуда бы могло такъ свистнуть?

Во время разговора Богдана сидѣвшій у окна внимательно прислушивался къ его голосу, стараясь разглядѣть и лицо, и фигуру его; но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ полутьма въ землянкѣ на столько сгустилась, что совершенно скрыла Богдана; когда же роздался его пронзительный свистъ, молчаливый наблюдатель не выдержалъ.

— Ну, тебя къ бѣсу, прохрипѣлъ онъ,—даже „лящитъ" и звенитъ въ ушахъ.

— А было-бы не затыкать ихъ клейтухомъ на доброе слово,—отвѣтилъ Богданъ.—Вотъ ты теперь,—лысый тебя знаетъ, какъ величать,—хоть и помянулъ своихъ родичей, а все-же заговорилъ по-людски.

Опять наступило неловкое молчаніе.

— „Что-жъ,—подумалъ Богданъ,—не хотите говорить,—наплевать. А я погрѣюсь немного, перекушу съ Олексой, а то и подночую, пока не взойдетъ мѣсяцъ,—козачье солнце; въ темень-то можно угодить въ такое „багнище", что и дна не достанешь! Только гдѣ-бы? Вотъ этотъ развернулся на весь полъ и мѣсто занялъ. Мертвый онъ, или пьяный?"—тронулъ его слегка ногою Богданъ.

Лежавшій захрапѣлъ.

— Э, посунься-ка, брате, немного!—отбросилъ тогда Богданъ въ сторону ноги лежавшаго козака и, сѣвши по-турецки передъ очагомъ, началъ набивать себѣ „люльку".

— Вотъ это тоже по-людски,—замѣтилъ дальній.—Забрался въ чужую хату и выпихаетъ хозяевъ, точно свинья въ чужемъ хлѣву „порается".

— А вотъ что я тебѣ на это, добрый человѣкъ, скажу,—чмокнулъ Богданъ „люлькой" и выпустилъ клубы удушливаго, ѣдкаго дыма, какого даже и черти боятся, наравнѣ съ ладаномъ.—Не люблю я, когда мнѣ не отвѣчаютъ, но еще больше не люблю, когда языкомъ „ляпаютъ",—такъ вотъ у меня и чешутся руки укоротить языкъ.

— Овва!—протянулъ ближайшій.

— Не дуже то и овва! А коли хочешь, такъ можно испробовать, потому, что со псами нужно по-песьи.

— А съ волками какъ?

— Такъ само: добрая собака и волка повалитъ.

— А ты уже, знать, доброю собакою сталъ, что и на людей лаешь? Ой, хвостъ подожмутъ!

— Не родился еще на свѣтъ такой сатана, чтобы мнѣ на хвостъ наступилъ!—сплюнулъ на сторону Богданъ и прижалъ пальцемъ золу въ „люлькѣ".

— Не изъ тѣхъ-ли ты, что покамышамъ бѣглецовъ-„втикачей" ищутъ, чтобы въ плуги запрягать?—замѣтилъ дальній съ сарказмомъ.

— Эхъ, вы, идолы съ бабскими „прычандалами",—мотнулъ головою Богданъ.—Въ камышахъ сидятъ, а нюху „чортъ-ма!" Козака до такой, прости Господи, погани равняютъ!

— Что-жъ ты, коли козакомъ назвался, козачьихъ обычаевъ не знаешь?—оживился сосѣдъ.

— Ага! вотъ оно что!—усмѣхнулся въ душѣ сотникъ и вдругъ крикнулъ пугачемъ: „пугу"!

— Пугу!—отвѣтили и собесѣдники.—А кто?

— Козакъ съ Лугу!

— А куда путъ держишь?—началъ допрашивать дальній.

— Въ болота, въ очерета, да въ непролазныя кущи!

— Зачѣмъ?

— Комаровъ кормить бѣлымъ тѣломъ козацкимъ, да искать темною ночью товарища.

— Не похоже,—буркнулъ себѣ подъ носъ дальній.

— Такъ здоровъ будь, коли такъ!—крикнулъ ближній, и оба незнакомца сняли шапки.

— Будьте и вы здоровы!—поклонился Богданъ.

— А кого ищешь? Не безносаго-ли бѣса?—спросилъ ближайшій.

— Не безносаго, а двуносаго.

— Э, значитъ, до нашего батька?—обрадовался видимо собесѣдникъ.

— Молчи!—толкнулъ его сердито дальній.

Богданъ не замѣтилъ этого движенія.

— Можетъ, и до вашего батька,—отвѣтилъ онъ,—а до моего пріятеля.

— А коня можешь поднять подъ брюхо?—смѣрилъ сидящаго Богдана пристальнымъ взглядомъ дальній.

— Какіе кони, иныхъ можно и двухъ!—крикнулъ Богданъ и однимъ движеніемъ головы сдвинулъ на бекрень черную баранью шапку съ краснымъ донышкомъ и золотой кистью.

— Гм, гм!—протянулъ дальній.

— Ладно,—похвалилъ ближній.—Знать, дѣйствительно пріятель... только знаешь-ли, на какой „купинѣ" онъ сидитъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не знаю! Можетъ, проведешь?

— Провести-то можно,—отвѣтилъ тотъ какъ-то угрюмо и неопредѣленно,—только хлопца твоего мы тутъ оставимъ, не взыщи: такой уже у насъ законъ.—Богданъ промолчалъ: видимое дѣло—ему не довѣряли. Но, какъ они не довѣряли,—вотъ что смутило Богдана: недовѣряли-ль они ему, какъ вообще всякому незнакомцу, или они узнали его, Богдана Хмельницкаго и все таки не довѣряютъ ему? Однако какъ не обидно было для Богдана подобное отношеніе козаковъ, но въ виду слуховъ, переданныхъ ему Богуномъ, онъ рѣшилъ не открывать своего имени, а потому, помолчавши немного, Богданъ снова обратился къ незнакомцу, мѣняя тему разговора.

— А что, паны-браты, подѣлываетъ тутъ мой товарищъ?

— Охотится!—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, рубя огонь и осѣкая себя искрами. Богданъ ловилъ мгновенія, когда отъ огнива освѣщалось лицо сосѣда, но козакъ,—въ этомъ уже нельзя было сомнѣваться,—былъ остороженъ и, отворотившись къ стѣнѣ, закрылъ себя еще „видлогою", изъ-за которой только и вырѣзывались при блескѣ искръ торчащими концами усы.

— А на что? На какого звѣря?

— На жидовъ,—сопѣлъ и пыхтѣлъ, раскуривая „люльку" сосѣдъ,—на пановъ, да на экономовъ, особенно на перевертней... а попадется и его мосць ксендзъ—за красную дичь станетъ.

„Эхъ, не выдержалъ!—подумалъ Богданъ и ударилъ себя кулакомъ по колѣну,—и вотъ черезъ такого „палыводу" встрепенутся паны и накроютъ насъ до поры, до времени!" Но, чтобы скрыть

свое внутреннее раздраженіе и развѣдать побольше, онъ воскликнулъ весело:

— Важно, добрая охота! Только это все игрушки! А чего-нибудь поважнѣй не затѣваетъ?

— О томъ ему знать!—отозвался сидѣвшій у окна, зажигая свой трутъ изъ люльки сосѣда.

— Само собой,—затянулся Богданъ,—его дѣло... Мнѣ только досадно-бы было, коли-бъ безъ меня прошло важное что-либо, а то давай Богъ!

— Ну, а ты самъ будешь кто?—спросилъ насмѣшливо дальній.

— Да я тоже... изъ одной степи!—замялся Богданъ.

Собесѣдники многозначительно замолчали и только пыхтѣли „люльками", да по временамъ плевали подъ ноги.

Олекса вышелъ къ конямъ.

— Ну, а что тутъ слыхать вообще? Лютуютъ паны?—началъ снова Богданъ.

— А вотъ пойди, козаче, куда-либо въ мѣстечко, или на ярмарку, такъ увидишь,—отвѣтилъ, послѣ большой паузы, сидѣвшій у окна козакъ.

— А что?

— А то, что всюду ходятъ на костыляхъ, или ползаютъ калѣки,—замѣтилъ ближайшій.—У всѣхъ у нихъ отсѣчены правая рука и лѣвая нога; это паны „майструютъ" такъ непокорныхъ... Развѣ не знаешь?

— Дьяволы!—прошипѣлъ Богданъ.

— То-то! И они, и ихъ потатчики!—буркнулъ дальній.

— А туда, къ Жукамъ...—вставилъ ближайшій козакъ,—всѣ церкви на костелы попереспроили, а благочестивымъ людямъ отводятъ для службы Божьей хлѣвы.

— Господи! Да что же это?—всплеснулъ даже руками Богданъ.—И люди имъ, каторжнымъ, не свернутъ шеи?

— Ждутъ батька... видишь!

Богданъ въ это мгновеніе, забывши о своемъ намѣреніи, готовъ былъ, казалось, броситься съ этими удальцами на мучителей: но, вспомнивъ цѣль своей поѣздки, затревожился еще болѣе, сознавая, что при такихъ обстоятельствахъ Кривоносъ не ограничится легкимъ полеваньемъ, а бросится въ самое пекло и надѣлаетъ бѣдъ.

— Эхъ, не сидится мнѣ!—всталъ онъ и размялъ свои члены.—Такъ бы и летѣлъ къ „побратыму!" Что-жъ, проводите меня, друзи?

— Чего не провести,—отозвался дальній угрюмо,—провести можно, мнѣ и самому туда путь; только еще глухая ночь, темно,—можно потрафить и къ дидьку въ гости... Тутъ вѣдь надо проби-

раться не конно, а пѣше, а въ иныхъ мѣстахъ и на брюхѣ; такъ оно ловче будетъ при мѣсяцѣ.

— Такъ я прилягу возлѣ коней,—покорился со вздохомъ Богданъ.—А когда посвѣтлѣетъ, то разбужу тебя, товарищъ,—не сердись.

Было уже за полночь, когда Богдана разбудилъ голосъ его страннаго знакомаго:—а что, козаче, пора и въ дорогу рушать!

Богданъ быстро схватился на ноги и съ изумленіемъ осмотрѣлъ своего провожатаго: одѣтъ онъ былъ болѣе, чѣмъ легко, на немъ были всего—закоченные по колѣни штаны, сорочка и легкіе постолы. Проводникъ приказалъ Богдану также снять лишнюю одежду и оружіе, и слѣдовать за нимъ. Это приказаніе не понравилось сотнику, тѣмъ болѣе, что проводникъ старался все-таки не поворачиваться къ нему лицомъ; но, замѣтивши, что и онъ не имѣетъ на себѣ никакого оружія, Богданъ рѣшился исполнить его требованіе. Такимъ образомъ, сбросивши все лишнее и передавши его Олексѣ, Богданъ отправился за своимъ проводникомъ. На дворѣ царствовалъ какой-то сѣрый полусвѣтъ; хотя луна уже было взошла, но сплошныя облака заволакивали все небо; при этомъ смутномъ свѣтѣ трудно было различать окрестные предметы, но проводникъ видимо зналъ отлично дорогу. Богданъ старался не отставать отъ него, хотя это оказывалось чрезвычайно труднымъ.

Дорога шла, казалось, нарочно по самымъ непроходимымъ мѣстамъ. Вся почва представляла изъ себя топкое болото: ежеминутно изъ-подъ ногъ Богдана выступала съ тихимъ шипѣньемъ вода; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ болото до того разжижалось, что идти по немъ не было никакой возможности; тогда проводникъ начиналъ прыгать съ кочки на кочку, покрикивая на Богдана: „гей, не отставай, не останавливайся, а то пойдешь къ дидьку!“ Такой способъ передвиженія страшно утомилъ Богдана, однако-же остановиться дѣйствительно не было возможности; болото грозило ежеминутно засосать въ свою тину всякаго, вздумавшаго бы отдохнуть хоть минутку на немъ. Въ самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, когда Богданъ думалъ, что имъ пріийдется уже разстаться съ жизнью, проводникъ вдругъ нырялъ неожиданно въ камыши, Богданъ слѣдовалъ за нимъ и тамъ находилъ къ своему удивленію грубо намощенную изъ камыша и лозы „гатку“. Путешествіе тянулось уже больше часу; Богданъ чувствовалъ, что изнемогаетъ. Иногда ему казалось, что проводникъ умышленно колеситъ и снова возвращается на старое мѣсто: наконецъ, послѣ двухъ часовъ такого ужаснаго пути, имъ удалось достичь небольшого островка.

— Ну, ты подожди здѣсь немножко,—обратился къ Богдану проводникъ, за тобой прійдутъ,—и, не оборачиваясь къ Богдану, онъ скрылся въ густомъ лознякѣ, покрывавшемъ весь островъ.

Богданъ ничего не возразилъ; дотащившись до сухого мѣста, онъ повалился въ изнеможеньи на землю. Усталость превозмогла всѣ его чувства; съ полъ-часа лежалъ онъ такъ безъ мысли, безъ движенія, безъ воли... такъ прошелъ еще часъ,—никто не появлялся. Богданъ приподнялся и осмотрѣлся: кругомъ небыло ни души. Островъ окружало жидкое, топкое болото, терявшееся въ морѣ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ камышей. Сердце у Богдана заныло. Что это? Куда завелъ его пвовожатый? Ужъ не обманулъ-ли онъ его, не бросилъ-ли здѣсь на съѣденье мошкѣ и комарамъ?

Вотъ до чего дожился онъ, Богданъ, что и козаки сторонятся его и считаютъ предателемъ!

Богданъ сѣлъ, подперъ голову руками и тяжело задумался. Онъ не замѣчалъ, что разорванныя тучи давно уже сметены были съ лазурнаго неба, что солнце уже стояло въ зенитѣ, осыпая и его, и золотистый камышъ, и сочную зелень травы яркимъ, любовнымъ лучомъ; онъ не обращалъ вниманія, что жизнь вокругъ него проснулась и заиграла стрекотаньемъ, чириканьемъ, крикомъ, что надъ его головой проносились со свистомъ стаи чирковъ, куликовъ и бекасовъ, что высоко плыли ключомъ журавли, а еще выше парилъ широкими кругами орелъ,—все это скользило мимо, не оставляя никакого впечатлѣнія на его мрачной душѣ. Сознаніе, что ему не довѣряютъ товарищи, что отъ него прячутся, считаютъ его, быть можетъ, измѣнникомъ, предателемъ, обрушилось такою тяжестью на Богдана, что онъ согнулся подъ ней и сраженный обидой, тупо, безъ мысли лежалъ: всѣ думы его, всѣ тревоги, всѣ интересы скомкались въ хламъ, и онъ чувствовалъ одну лишь неотвязную боль отъ незаслуженной обиды.

Время уже приближалось къ полудню, когда за спиной Богдана послышались всплески воды и какая-то возня въ тинѣ, сопровождаемая гомономъ людскихъ голосовъ; Богданъ инстинктивно повернулся и увидѣлъ подходящаго къ нему друга Чарноту. За нимъ шло еще два какихъ-то козака. При видѣ Чарноты у Богдана въ груди вспыхнуло огнемъ чувство радости и заставило его сорваться съ мѣста; первое побужденіе его было броситься къ своему другу и обнять его горячо, но это движеніе подрѣзала ѣдкая мысль, что быть можетъ другъ оттолкнетъ его, какъ предателя Іуду... и Богданъ остановился въ мучительной нерѣшительности.

— Не узнаешь, что-ли, меня, друже мой?—радостно отозвался Чарнота, широко раскрывъ свои руки.

— Узнать-то узналъ,—отвѣтилъ Богданъ съ дрожью въ голосѣ,—сердце подсказало, забилось, да на меня наплели враги такихъ подлыхъ напраслинъ, что боялся къ тебѣ подойти. Слушай, у Богуна...

— Стой, друже!—перебилъ его Чарнота,—и твоему сердцу, и твоему слову я, какъ себѣ, вѣрю: скажи прямо,—ты все тотъ-же, какъ былъ?

— Все тотъ-же и сдохну такимъ!—воскликнулъ Богданъ.

— Такъ и начхай на всѣ брехни и кривды, обнялъ его Чарнота, —а кто писнетъ—голову тому размозжу. Нашъ ты—такъ и пропадай все ворожье на свѣтѣ! А вотъ я тебѣ, друже, и горилку и одежу сухую съ собой захватилъ. Гей, Вернигоро! Вовгуро!—оборотился онъ,—захватили-ли все, что нужно съ собою?

— Все есть, батьку,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, подходя и подавая Чарнотѣ сорочку, штаны и жупанъ.

При звукѣ его голоса Богданъ вздрогнулъ и оглянулся: это былъ голосъ его таинственнаго проводника.

— Что это ты смотришь такъ, не признаешь-ли, или вовсе не знаешь? Вотъ это Лысенко Вовгуря, а тотъ вонъ Вернигора.

— Да, если-бы и зналъ ихъ, друже, то трудно было признать; все прятались отъ меня,—отвѣтилъ съ саркастической улыбкой Богданъ:—я ужъ думалъ, не шпиги-ли это Яремовскіе? А ужъ какъ оставили меня на этомъ островѣ, такъ и совсѣмъ въ томъ увѣрился.

— Прости, батьку,—отвѣтилъ въ смущеньи Вовгуря:—это, для предосторожности: у насъ каждаго, кто къ батьку Максиму идетъ, сначала здѣсь оставляютъ, чтобъ не удралъ и не сообщилъ гончимъ псамъ про тропу къ намъ, а потомъ уже, поразглѣдѣвши да поразспросивши его и другихъ, однимъ словомъ, увѣрившись въ немъ, пускаютъ къ атаманскому куреню.

— Вы же меня, панове, съ самаго начала видно признали,—отозвался съ горькимъ упрекомъ Богданъ.—А все-таки, значитъ, и я—каждый, и я могъ бы утечь ко псамъ?

— Что ты, батьку-атамане, да развѣ свѣтъ можетъ перевернуться до горы, шутъ знаетъ, чѣмъ?—оправдывался какъ-то взволнованно Вовгуря.—Правда, на тебя плели всякія пакости,—водятся вѣдь и такіе поганные языки, какъ у бабъ, прости Господи... Но главное, тебѣ нельзя было пройти двухъ проходовъ безъ „матокъ“, такъ я и замѣшкался, пока вывязали ихъ четыре штуки, ей-Богу!

— Что-жъ, правда!—подавилъ со вздохомъ чувство боли Богданъ.—Въ военномъ дѣлѣ—ни для друга, ни для брата, ни для отца нельзя отступить отъ правила.

— Ну, что тамъ старое, друже, вспоминать,—ударилъ Богдана по плечу Чарнота:—предосторожностей у насъ правда много, да иначе и нельзя, такая наша здѣсь доля: кругомъ ищутъ, рыщутъ вездѣ Яремины слуги, только это болото и защищаетъ насъ, а узнай они здѣсь нашу потайную тропинку—живо-бы накрыли! Потрудились правда братья занадто: видишь они у насъ,—указалъ онъ на Лысенка и Вовгурю,—на сторожевомъ посту тамъ стоятъ. Ну, а въ военномъ дѣлѣ, самъ знаешь, уже лучше пересолить, чѣмъ недосолить.

— Такъ, такъ,—согласился невольно Богданъ.

— Ну, а теперь одѣвайся поскорѣе, друже, да выпей для покрѣпленья силъ немножко вотъ этотъ „цѣлющей“ водицы, да и гайда въ дорогу. Братъ Максимъ уже давно насъ ждетъ.

Богданъ одѣлся, согрѣлся нѣсколькими глотками водки и путники отправились наконецъ въ путь; переправились по „маткамъ“, какъ по понтонамъ, на другую сторону, пошли зарослями, перебрались ползкомъ черезъ „чагары“, еще разъ переправились по „маткамъ“ и выбрались, наконецъ, на тотъ таинственный, затерявшійся между недоступными плавнями „жабиный островъ“, гдѣ усѣлся своимъ вольнымъ кошемъ Кривоносъ.

Весь островъ былъ покрытъ кудрявою зеленью прирѣчныхъ древесныхъ породъ, между которыми преобладала верба; сѣдоватыя, мягкія волны ея отливали серебромъ и придавали картинѣ особенную прелесть. При входѣ въ таборъ, для украшенія и для эмблемы, сидѣли на кольяхъ въ видѣ сфинксовъ, два ксендза; полусгнившіе трупы ихъ смотрѣли глазными ямами другъ на друга, оскаливши обнаженные зубы. На привычныхъ обитателей острова созерцаніе этихъ сфинксовъ не производило уже никакого впечатлѣнія, но каждое новое лицо, при видѣ ихъ, содрагалось и невольно закрывало глаза. Богданъ тоже отвернулся отъ нихъ. Боже, до какого звѣрства могутъ доводить людей насиліе и притѣсненье—пронеслась въ его головѣ грустная мысль.

Дальше, по обѣимъ сторонамъ тропинки, извивавшейся между густымъ, тѣнистымъ „гайкомъ“, висѣли то тамъ, то сямъ на вѣтвяхъ польскіе паны и жиды. При проходѣ съ этихъ придорожныхъ вѣхъ срывались цѣлыя тучи воронья и съ оглушительнымъ карканьемъ укрывали, словно чернымъ сукномъ, верхушки высокихъ ольхъ. У самой землянки атамана, что стояла впереди „начелѣ“, сидѣли на кольяхъ опять-таки два ксендза,—очевидно Кривоносъ оказывалъ имъ наибольшій почетъ.

По пути къ этой землянкѣ Чарнота отдѣлился было куда-то въ сторону и теперь вышелъ вмѣстѣ съ Кривоносомъ на встрѣчу Богдану.

— Слыхомъ слыхать, видомъ видать!—протянулъ Кривоносъ ему еще издали руки,—какимъ тебя вѣтромъ занесло въ эти жабьи трущобы?

— Вѣтромъ добрымъ, хорошимъ,—отвѣтилъ взволнованно Богданъ,—давно жданнымъ и только теперь посланнымъ намъ Господомъ Богомъ.

— О?!..—обнялъ его Кривоносъ,—такъ это что же? Значитъ, и я дожился до такой радости? Только постой, постой, друже, какая вѣсть? Или такая, чтобы, засучивъ рукава, выкупаться по горло во вражьей крови и упиться ею до пьяна, или, можетъ быть, вновь „обицянки-цяценки, а дурневи радость“?...

— Нѣтъ, уже не обицянками пахнетъ,—возразилъ возбужденно Богданъ,—а скоро начнется и пиръ, да такой, что враги наши запляшутъ на немъ до упаду!

— Э, да на такихъ радостяхъ нужно выкупать и душу въ горилкѣ,—вскрикнулъ Кривоносъ.—Гайда-жъ въ мой курень!—Милости прошу: почти и мой уголъ, и мою чарку!

Землянка была вырыта очевидно наскоро и не приспособлена для жилья; она представляла довольно большую и не глубокую яму, прикрытую сверху лозой и дерномъ, а внизу устланную соломой. Черезъ солому просачивалась въ иныхъ мѣстахъ грязная вода, а потому сверхъ соломы набросаны были воловьи да овечьи шкуры, а сверхъ нихъ уже лежали плащи и полушубки. Въ углахъ валялось цѣнное оружіе и разная утварь, между которой блистала и серебряная посуда. Хозяинъ и Богданъ улеглись на шкурахъ, а Чарнота засуетился и черезъ минуту передъ ними появился огромный окорокъ, половина барана, хлѣбъ и сулея доброй горѣлки. Выпили по ковшу, по другому и принялись за ѣду. Утоливши голодъ, Богданъ разсказалъ подробно друзьямъ о рѣчахъ короля, о разговорахъ съ Оссолинскимъ и Радзіевскимъ, о планахъ этой кучки истинно-преданныхъ его величеству и благу отчизны людей, о желаніи ихъ „приборкать“ магнатовъ, поднявши власть короля, о стремленіи привлечь на свою сторону козаковъ, единственныхъ и вѣрнѣйшихъ въ этомъ дѣлѣ помощниковъ, для чего и затѣвается ими война. Кривоносъ слушалъ эти доклады съ мрачнымъ вниманіемъ, опоражнивая ковшъ за ковшомъ и приговаривая себѣ изрѣдка въ усъ: „чулы“, слыхали!..

Когда же Богданъ прервалъ свой разсказъ, потянувшись за сулеей и за кухлемъ, то Кривоносъ глубоко вздохнулъ и произнесъ разочарованнымъ голосомъ:—„стара байка!“

— Да, ничего новаго,—вздохнулъ и Чарнота.

— Постойте, панове,—улыбнулся Богданъ,—дайте промочить глотку!

— А коли такъ, друже, то промочи,—подсунули сулею товарищи.

— Видите-ли, братове,—крякнулъ Богданъ, и замѣтилъ вскользь Чарнотѣ,—добрая у тебя горѣлка, ровно кипитъ... Да, такъ видите ли, обо всемъ этомъ мнѣ намекали и въ письмѣ на Масловомъ Ставу, да лично-то я убѣдился въ правотѣ этихъ сообщеній, только свидѣвшись съ королемъ, послѣ морского похода, когда онъ меня отправилъ за-границу съ порученіями нанимать войска и заключать союзы.

— Все это, друже, журавель въ небѣ,—произнесъ нетерпѣливо Чарнота, закашливаясь отъ сильной затяжки дымомъ.

— Есть и синица въ рукѣ,—поднялъ голосъ Богданъ.—Вотъ сейчасъ получены мною черезъ полковника Радзіевскаго уже прямыя распоряженія готовить „чайки“ къ походу, получены на это и деньги; кромѣ того, присланы намъ бунчукъ, булава и наше старое, повитое славою знамя, увеличено число рейстровиковъ, обѣщано возвратить права.

— Наше знамя,—вскрикнулъ Чарнота, не слушая уже остальныхъ словъ Богдана,—вернулось изъ плѣна? Опять услышимъ шелестъ его!? И булава засверкаетъ передъ войскомъ? А съ нею и боевыя потѣхи... и бури... и грозы... и стоны враговъ, и козацкій покрикъ! Эхъ, друзи мои, браты родные!—обнялъ онъ порывисто Богдана.—Да вѣдь это такой пиръ, такой праздникъ, что сердце не выдержитъ сидѣть въ этой клѣткѣ,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь,—а выскочитъ отъ радости! Наливай, наливай полные, Максиме, ковши, чтобы черезъ край лилось, какъ у меня на душѣ!

— Это такъ, это взаправду,—потиралъ себѣ руки и Кривоносъ,—теперь уже держитесь... Насталъ „слушный часъ“, ужъ и задамъ же я моимъ благодѣтелямъ „бенькетъ“, такую пирушку, какой не было и въ пеклѣ на свадьбѣ сатаны съ вѣдьмой! Купаться буду въ крови! Выпьемъ же на погибель ворожью, на ихъ стоны, на крики, на корчи отъ мукъ!

Всѣ чокнулись и осушили переполненные ковши.

— Вы тамъ пускайте на дно „голомозаго“ турка, а я тутъ позаймусь съ мосцивыми ляшками... потѣшу душу свою!

— Нѣтъ, друже мой, рыцарю мой любый,—прервалъ Богданъ, положа на плечо его руку,—такъ не выходитъ; уже коли король на насъ опирается, то нужно его волю чинить и покоряться ей въ „боевой справѣ“.

— Какъ же это? Оставить ляшковъ-панковъ въ покоѣ, чтобы жирѣли здѣсь отъ людской крови?—вытаращилъ налитые кровью глаза хмѣлѣвшій уже Кривоносъ.

— До поры, до времени...—успокоилъ его Богданъ:—сначала королю нужно, чтобы мы нападеніемъ на невѣрныхъ вызвали ихъ на войну съ Польшей, а потомъ уже онъ, для защиты „ойчизны„, поднимаетъ „посполитое рушенье", значитъ и всѣхъ козаковъ, станетъ во главѣ войска, возьметъ въ руки полную власть, приборкаетъ магнатовъ, поставитъ другіе законы, возстановитъ наши права...

— Стой, стой! Я что-то въ толкъ не возьму...—крикнулъ Кривоносъ,—словно вотъ путается въ башкѣ... Какъ же это? Дастъ права и все этакое... а когда же гнать изъ родныхъ земель лютыхъ ляховъ?

— Да и согласятся-ли еще паны съ королемъ? Они такой гвалтъ поднимутъ на сеймѣ, что и сюда долетитъ ихъ „veto!"—добавилъ Чарнота.

— Вотъ тогда-то мы глотки имъ и заткнемъ,—закурилъ „люльку" Богданъ,—для этого-то самаго и будетъ король насъ держать въ полномъ комплектѣ; война ему только и нужна для предлога, чтобъ поднять насъ, а тамъ уже нашею оружною рукою онъ будетъ стричь своихъ королятъ, какъ барановъ...

— А ежели проклятые ляхи не поднимутъ „гвалта"?—приподнялся Кривоносъ на локтѣ, загораясь адскимъ огнемъ.

— Такъ, значитъ, мы спокойно возьмемъ свои предковскія права и „запануемъ" на родной Украинѣ...—поднялъ торжественно „люльку" Богданъ.

— И не будемъ гнать и рѣзать ляховъ?

— Да на что-же,—коли дадутъ все намъ безъ боя?

— Нѣтъ! Не бывать этому!—заревѣлъ Кривоносъ и ударилъ кулакомъ съ такой силой о деревянный обрубокъ, что онъ подскочилъ, опрокинулся, разбивъ вдребезги сулею и раскидавъ ковши.

Разбитый „каганецъ" покатился на землю. Въ палаткѣ водворился мракъ... Молча всталъ Чарнота, вышелъ ощупью изъ землянки, и возвратился съ новымъ „каганцемъ"; онъ установилъ опрокинутый обрубокъ, поставилъ на него новую сулею, „коганецъ" и зажегъ его. Внутренность землянки снова освѣтилась тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Кривоносъ сидѣлъ, оперши свою голову на руки; у него изъ разбитаго о сукъ кулака текла кровь, ложилась темными пятнами на лбу, на щекѣ, застывала каплями на усахъ... но онъ не замѣчалъ этого... Богданъ и Чарнота мрачно молчали. Давило всѣхъ зловѣщее чувство.

— Слушай, Максиме!—прервалъ наконецъ молчаніе Богданъ.— Не было и не будетъ до вѣку, до суду, чтобы ляхи-паны спокойно намъ уступили права! Кинутся они на насъ, какъ волки!

— Это вѣрно!—кивнулъ головой и Чарнота,—не уступятъ они намъ нашихъ земель, не уступятъ награбленнаго добра; зубами будутъ держаться, пока мы ихъ не выбьемъ до послѣдняго...

Кривоносъ облегченно вздохнулъ, провелъ рукою по лбу, покрытому крупными каплями пота, размазалъ по лицу кровь, поднялъ ковшъ и наполнивъ его оковитой, кинулъ въ ротъ молча.

— Не тревожься, братъ!—ударилъ его дружески по колѣну Богданъ,—будетъ пиръ кровавый и пьяный, только нужно намъ запастись пивомъ, а до того времени поуспокоить гостей: вотъ я и пріѣхалъ просить тебя, отъ имени братьевъ, оставить здѣсь на время „лыцарскія“ потѣхи, а отправиться съ нами на бусурманъ.

— Такъ и зналъ!—ударилъ себя въ грудь Кривоносъ.—Предчувствовало проклятое сердце!

— Друже мой! Усмири его!—промолвилъ съ глубокимъ чувствомъ Богданъ.—Ты свое сердце потѣшишь, а Украйнѣ, матери нашей несчастной, нанесешь ужасный ударъ...

Кривоносъ зарычалъ и заскрежеталъ зубами, какъ ущемленный въ западнѣ левъ.

— Вѣдь пойми,—продолжалъ Богданъ,—что сейчасъ, пока ни у короля, ни у насъ ничего еще не готово; пока мы безоружны, безсильны, то своимъ полеваньемъ ты только раздразнишь пановъ, разбудишь ихъ, всеоружныхъ, усыпленныхъ нашей мнимой покорностью, раньше времени и испортишь на вѣки всю „справу“...

— Проклятье!—вскочилъ Кривоносъ, и выпрямившись, ударился головой о потолокъ землянки; земля посыпалась градомъ, пламя въ „каганцѣ“ заколебалось отъ движенія воздуха удлиненными языками. Окровавленный, освѣщенный красноватыми пятнами мутнаго свѣта, съ сверкающимъ взоромъ, съ надвинутыми косматыми бровями, съ посинѣвшимъ шрамомъ и обнаженной до пояса грудью—Кривоносъ былъ по истинѣ ужасенъ и напоминалъ собою раненаго, разъяреннаго звѣря.

Тянулась нѣмая минута.

— Что же дѣлать, мой любый,—прервалъ ее, наконецъ, потрясенный Богданъ,—больше ждали,—меньше ждать... да и не ждать, а въ другомъ только мѣстѣ начать лыцарскій „герцъ“.

— Эхъ, брате Богдане,—отозвался горячо Чарнота,—да развѣ насъ только лыцарскіе „герцы“ манятъ. Вѣдь не дѣти мы, не безусые хлопьята!

— Въ томъ-то и горе,—продолжалъ онъ,—что надо бросить все на волю этихъ извергов панов! Что татаре? Съ татарами можно жить по пріятельски, ей-Богу! Да вотъ, посуди: ни они земель у насъ не отымаютъ, ни на свою вѣру не приневоливаютъ, ни нашихъ правъ не касаются... вотъ что! Позволяютъ даже по-сосѣдски пасть табуны на ихнихъ степяхъ, такъ же, какъ и мы имъ... Правда вѣдь? такъ?

Богданъ молча кивнулъ головою, а Кривоносъ остановилъ дикій, блуждающій взоръ на Чарнотѣ.

— Только-что вотъ...—возражалъ самъ себѣ Чарнота съ паузами,—иногда налетами грабятъ, такъ и мы недаримъ, а тѣшимъ также свою удаль. Да я скажу еще такъ, что и добре, что грабятъ, ей-Богу, добре! Отъ ихъ набѣговъ намъ даже польза... Разъ,—они не даютъ намъ спать, а будятъ... да, будятъ силу козачью, закаляютъ лыцарскую удаль, а два,—что „шарпаютъ" и даже чаще нашихъ лютыхъ враговъ, заставляютъ ихъ искать у насъ помощи, а, стало быть, и намъ прибавляютъ больше вѣсу!

— Провались я на этомъ мѣстѣ,—захрипѣлъ, наконецъ, Кривоносъ,—коли Чарнота не правду сказалъ! А что станется, панебрате, если мы татаръ совсѣмъ повоюемъ? Вѣдь тогда они Польшѣ не будутъ страшны, а безъ нихъ мы не нужны. Тогда ляхи, мироѣды-мучители, на насъ и опрокинутся всею своею силой и задавятъ... вотъ оно что! Вотъ оно куда карлючка „закандзюбылась!" Задирать-то татаръ, чтобы они били ляховъ,—добре, любо! А татаръ намъ бить, такъ все равно, что свою голову подъ обухъ подставлять.

Задумался Богданъ надъ этими рѣчами. Такія мысли смущали иногда и его голову: „А что взаправду, если это только интрига, если хотятъ соблазнить насъ шаткими обѣщаніями, поднять всѣхъ на борьбу съ бусурманомъ и, опрокинувши его за Черное море, раздавить безбоязненно все козачество? Какую тогда роль сыграю я для своей Украйны? Положимъ, что этому королю нельзя не вѣрить: онъ не лукавъ и чистъ сердцемъ, но онъ и не долговѣченъ. Не воспользуется-ли тотъ, кто его смѣнитъ, нашею кровью для нашей же погибели?"

—Правду сказали вы,—отозвался, наконецъ, громко Богданъ— и ты, Михайло, и ты, Миксиме, сущую правду: все можетъ статься, и вѣрить ляхамъ нельзя, да опериться намъ безъ этой войны невозможно; въ томъ-то и сила, что намъ нужно воспользоваться ихъ думкой, чтобы „збройно" сѣсть на коня, а когда „засурмятъ"-затрубятъ наши трубы, да взовьется наше родное „кармазинное" знамя, да заалѣютъ безконечными рядами алые верхи шапокъ и жупаны,— тогда то, братцы, и подумаемъ крѣпкую думу, на татаръ-ли съ ляхами ударить, или съ татарами на ляховъ?

— Вотъ такъ дѣло!—расправилъ брови Кривоносъ.

-- Любо! Оживемъ!... Теперь ужъ и я выпью по самое... некуда!—потянулся Чарнота къ боченку.

— Такъ и помогите же мнѣ, друзья,—убѣждалъ Богданъ,—докончить съ ляхами игру... давно ужъ я ее веду... даже очертѣла.

— Поможемъ, поможемъ,—подхватилъ Чарнота.

— Мнѣ только усыпить нужно пановъ, пока сядемъ на коней, да саблями брякнемъ. Такъ вотъ отъ имени всего козачества бью я челомъ, чтобы вы на малое время бросили ваши камышевскія „жарты".

— А!—застоналъ даже Кривоносъ и такъ сжалъ кулаки, что кости хрустнули.—Все таки за старое! Да вѣдь это сверхъ человѣческой силы! Да знаешь ли ты, что творятъ здѣсь эти идолы-аспиды?

— Все знаю, брате,—вздохнулъ глубоко Богданъ,—и знаю, что нужно этихъ „вылюдковъ" карать; но для этой самой кары, для избавленія народа отъ египетской неволи, нужно пока воздержаться отъ кровавой мести.

— Да какъ же воздержаться?—вскрикнулъ Кривоносъ, потрясая руками.—Ну, пусть меня считаютъ за простого „камышника"-разбойника... Самъ я за себя и отвѣчу... Поймаютъ—сдерутъ шкуру, на колъ посадятъ, и баста... Эка невидаль!

— Эхъ, Максиме, Максиме!—покачалъ укоризненно головою Богданъ.—Да кто же Кривоноса, лыцаря, равнаго Яремѣ, посчитаетъ за простого „камышника?" Ты своими жестокими карами ожесточишь лишь врага. Клянусь тебѣ Богомъ и нашимъ краемъ безсчастнымъ, что ляхи взбудоражатся, заподозрятъ короля и размечутъ, какъ щепки, всѣ наши хитрые планы.

— Слушай, мой друже,—почти упалъ возлѣ Богдана Максимъ,—если-бъ ты заглянулъ вотъ сюда,—распахнулъ онъ совсѣмъ свою грудь,—и увидѣлъ, какая тамъ рана, окипѣвшая и гноемъ, и черною кровью, то ты бы отскочилъ въ ужасѣ... Я самъ туда боюсь заглянуть и прячу ее отъ людей... Ой, и жжетъ же она меня вѣчнымъ огнемъ, неугасимымъ, пекельнымъ!... Ты говоришь, что я не могу отъ жестокостей отказаться... всѣ меня звѣремъ считаютъ, но былъ же я когда-то не звѣрь! И это побитое сердце умѣло любить и знало ласку... Эхъ!—выпилъ онъ залпомъ ковшъ оковитой и прилегъ головой на поднятыя на локтяхъ руки. Въ горлѣ у него что-то кипѣло и клокотало, плечи судорожно вздрагивали отъ страшной внутренней боли.

Богданъ вздрогнулъ отъ этого страданія, которое повалило могучую силу къ землѣ, и занемѣлъ.

— Что тамъ вспоминать старое, Максиме!— положилъ ему руку на плечо Чарнота,—когда-бъ всякій изъ насъ распахнулъ свое сердце— страшно было бъ и глянуть кругомъ! Много запало туда лядской ласки! Э, да что тамъ!—вскрикнулъ онъ рѣзко, выпивая залпомъ ковшъ водки:—не всѣмъ-же выпадаетъ счастье! Кому любовь, кому тихая радость, а кому горе, да „зрада“,—все равно—неси, только смотри, чтобъ плечи не согнулись? И не согнутся! Не согнутся!—вскрикнулъ онъ, сверкнувши своими синими глазами:—въ землю уйдутъ, а не поклонятся никому и не попросятъ никого тяжесть ихъ раздѣлить!—Чарнота охватилъ голову руками и устремилъ свой взоръ въ мигающее пламя „каганца“... Казалось, передъ нимъ всплывало что-то далекое, прекрасное, незабвенное... По лицу его разлилась глубокая печаль...—Эхъ, все вздоръ, все вздоръ на свѣтѣ!—вскрикнулъ онъ съ невыразимой горечью, словно хотѣлъ этимъ восклицаніемъ оторвать свою мысль отъ мучительныхъ воспоминаній:—одна только горилка и можетъ приголубить козака!—И съ этими словами, Чарнота налилъ себѣ полный ковшъ водки, и выпивши его залпомъ, повалился ничкомъ на землю. Богдану почудились какіе-то подавленные стоны. Но вотъ въ землянкѣ наступила полная тишина.

Упало тяжелое молчаніе. Кбганецъ то вспыхивалъ, то примеркалъ, мигая по мрачной берлогѣ уродливыми тѣнями; черная ночь заглядывала въ ея дверь, а издалека доносился надорванный умирающій стонъ. Богданъ тяжело дышалъ и чувствовалъ, что его гнететъ и давитъ тяжелая „туга“, словно жерновъ; будущее представлялось ему и загадочнымъ, и мало отраднымъ; за туманами и мглою предвидѣлись страшныя грозы; надежда усмирить хоть на время этихъ мощныхъ, но искалѣченыхъ горемъ людей ускользала изъ рукъ...

— Охъ, тяжело!—простоналъ, наконецъ, Кривоносъ и, проведши руками по лбу, заломилъ ихъ на затылкѣ.—Слушай, Богдане, друже, никому еще не говорилъ, не повѣрялъ я того, что тебѣ повѣрю... а ты выслушай и пойми, какъ я звѣремъ сталъ, выслушай, хватитъ-ли послѣ всего человѣческихъ силъ, чтобы сдержать бушующую въ душѣ лютость... Выслушай и разсуди меня, брате!

— Кого судить? Себя развѣ, а не другого!—махнулъ рукою Богданъ.

— Нѣтъ, разсуди,—опрокинулъ ковшъ горилки Кривоносъ и отеръ рукавомъ сорочки свои окровавленные усы.—Эхъ, не беретъ! Не зальешь ничѣмъ,—ни кипяткомъ, ни горячей смолой... Да, былъ и я человѣкомъ когда-то, не пугаломъ съ перерубленнымъ на двое носомъ, годнымъ лишь на баштаны, не чортомъ, не порожденіемъ пекла, котораго все живое страшится, а былъ козакомъ удалымъ, хорошей „уроды“, знавшимъ и свѣтлыя радости, и тихое семейное счастье!

И незлобивъ былъ сердцемъ. Улыбался не сатанинской оскалиной, а хорошей улыбкой, слезу чужую отзывчивымъ сердцемъ встрѣчалъ, а вотъ теперь сталъ я звѣрь звѣремъ: смѣюсь на чужія муки, упиваюсь стономъ врага, тѣшусь крикомъ смертельнымъ... Да, звѣрь! А кто меня имъ сдѣлалъ, кто? Вотъ эти ляхи, да ксензы, да жиды, да этотъ кровопійца, извергъ человѣческаго рода, этотъ отступникъ отъ вѣры отцовъ, этотъ Іуда-Ярема! Дай мнѣ только его одного, его, найстрашнѣйшаго мучителя народа,—натѣшу я свою переполненную ядомъ печенку, напою свою месть и стану ягненкомъ, овцой!

Онъ всталъ и, изгибаясь конвульсивно отъ боли, прошелся нѣсколько разъ по берлогѣ, потомъ сѣлъ на кожухъ и началъ дико стонать, устремивъ въ черную ночь пылавшіе гнѣвомъ глаза.

— Не помню я ни отца, ни матери,—началъ онъ снова,— убиты, конечно, были или заведены въ плѣнъ, вѣрнѣе, что убиты, а меня взялъ въ „годованцы“ дядько Ткачъ, что осѣлся было въ Жовнахъ, вотъ недалеко отсюда, у рѣчки Сулы. Дядькомъ-то роднымъ онъ мнѣ не былъ, а я только величалъ его дядькомъ, а то и батькомъ. Хорошій былъ человѣкъ, добрая душа, перомъ надъ нимъ земля! Жалѣлъ меня, какъ сына родного, не то что, и на разумъ наставлялъ, добру училъ, не пожалѣлъ даже денегъ дьяку за науку, и радовался отъ души, когда я „апостола“ пискливо выкрикивалъ въ церкви, бублики, пряники дарилъ, охъ!... А у него, у Ткача, еще доченька своя была Орыся, меньше меня. Славненькая такая, вотъ какъ ангелокъ о шести крылахъ: личико бѣлое, нѣжное, волосики кучерявые, словно свѣтлый ленъ, шелкомъ-серебромъ отдаютъ, бровенята черныя, шнурочкомъ, а глазки, какъ теренъ... Эхъ, что тамъ и толковать!—отвернулся онъ отъ Богдана и долго молчалъ, потомъ вздохнулъ глубоко и заговорилъ измѣнившимся голосомъ:—Ну, и шло мое дѣтство яснымъ, солнечнымъ днемъ. Подружились мы съ Орысей, а потомъ побратались, полюбились, а какъ уже до возраста дошли, такъ и „покохались“. Батько Ткачъ, царство ему небесное, радовался на насъ и благословилъ, только требовалъ, чтобы сначала послужилъ я родной землѣ, добылъ себѣ лыцарской славы, а потомъ бы уже и разсчитывалъ на семейную радость. Святое было слово батька, и я ему покорился. Ужъ какъ я любилъ мою зорьку, Господи!—все сердце, всѣ думки въ ней, и она тоже...— словно захлебнулся чѣмъ Кривоносъ и, протянувши руку къ Богдану, произнесъ хрипло;—налей ковшъ, не могу говорить, давитъ...

Богданъ молча налилъ, Кривоносъ выпилъ „оковитой“, передохнулъ и продолжалъ сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ я и отправился на Запорожье и нырнулъ въ омутъ тамошней жизни, да ее только, Орысю мою, не забылъ, запряталъ ея образъ подъ самое сердце и носилъ, какъ дорогую святыню, а она молилась все Господу Богу, чтобы Онъ хранилъ, крылъ ризою и мою душу, и тѣло отъ бѣдъ. И, должно быть, молитва ея, праведной, была Богу угодна, потому что сколько разъ я и въ когтяхъ, и въ зубахъ у самой смерти бывалъ, а брать меня она не брала! И сталъ я надъ нею издѣваться, и прозвали меня товарищи „характерныкомъ". Пять лѣтъ я козаковалъ въ Сичи: и въ походахъ, и въ набѣгахъ участвовалъ, и на чайкахъ „гойдался" по Черному морю... за все это время два раза таки побывалъ я въ Жовнахъ и видѣлся съ моей любой зарей, гостинцевъ ей привозилъ изъ Синопа и изъ Кафы, а она становилась все краше да милѣй. Эхъ, провались эта земля въ пекло, сгори она до тла въ огнѣ, если было когда на ней такое „любое" созданье, какъ Орыся! Изверги, сатанинскіе выплодки!— выкрикнулъ съ воплемъ Максимъ и, схватившись своими желѣзными руками за дубовый столбъ, подпиравшій крышу землянки, потрясъ его съ такой силой, что дернъ во многихъ мѣстахъ свалился на земь.

— Годи, Максиме, не надо,—остановилъ его Богданъ,—тяжко тебѣ!

— Тяжко!—простоналъ Кривоносъ.—Но... слушай! Ужъ коли переживать муки, такъ до дна. Она меня любила, „кохала", чахла по мнѣ, а батько Ткачъ хирѣлъ и дряхлѣлъ... Въ послѣдній мой пріѣздъ,—заговорилъ Кривоносъ торопливо,—подозвалъ онъ меня и говоритъ: „Не долго мнѣ, молъ, сынку, осталось жить: чую, зоветъ меня къ себѣ моя „стара", такъ хотѣлось бы за мою жизнь обвѣнчать васъ... А то неровенъ часъ, можетъ остаться Орыся, дитя мое дорогое, сироткой, безъ защитника... а времена подходятъ лихія... Выпишись ты изъ коша, да и благословись у меня на тихую радость!" Я такъ и сдѣлалъ. Кошевое „товарыство" хотя жалѣло меня, а удержать не удерживало. Пріѣхалъ я „отставленнымъ" въ Переяславъ и приписался въ реестръ, а оттуда уже домой въ Жовны. Вылетѣла ко мнѣ Орыся, какъ ласточка сизокрылая, да съ плачемъ и припала къ груди. „Что такое? Что случилось?"—„Тато умираеть!"—залилась она дробными слезами. Я съ нею въ свѣтлицу къ батьку. Смотрю, онъ лежитъ на лавѣ желтый-желтый, какъ воскъ, борода, какъ молоко, бѣлая, и только очи блестятъ. Обрадовался онъ мнѣ страшно, одну руку протягиваетъ, а другою крестится, что Господь услыхалъ его молитву. На другой день насъ и обвѣнчали. Батюшка, спасибо ему, и правило церковное нарушилъ, чтобы угодить умирающему, а и вправду, какъ ни тѣшился нашъ покойный батько, что скрѣпилъ намъ счастье на вѣкъ, а черезъ три дня и

умеръ. Оплакали мы его съ любой „дружыною“ и похоронили возлѣ церкви.

Кривоносъ тяжело дышалъ и судорожно теръ рукою свою могучую, обнаженную грудь; что то жгло и душило его внутри, клокочущіе звуки вырывались труднѣй, рѣчь становилась отрывистѣй.

— Вотъ мы и зажили, какъ голубки, тихо, да любо, да радостно, да счастливо! Ужъ такой рай Господь мнѣ послалъ, какого нѣтъ тамъ, на небѣ, нѣтъ и не было отъ вѣку! Въ хатѣ ли у меня, какъ въ вѣночкѣ—воркотанье, да ласка, да по сердцу „розмова“. Въ церковь ли пойдемъ—душа трепещетъ отъ радости, сама къ Богу просится, не знаетъ, какъ и благодарить Милосерднаго. Нѣтъ, хоть вымети рай, а такого счастья тамъ не найдешь!—вскрикнулъ какъ то болѣзненно Кривоносъ и ухватился руками за горло, а потомъ уже продолжалъ шепотомъ:—Такъ думалось... а Богъ послалъ мнѣ еще большее счастье: „нашлась“ у насъ донечка Олеся, а потомъ, черезъ два года, и сынокъ Стась... Какая же это утѣха! Господи! Посмотришь на „дружину“—солнце красное, взглянешь на дѣтокъ—звѣздочки ясныя... Охъ, не могла выдержать земля такого счастья, не могла!—захлебнулся Кривоносъ и замолчалъ.

Богданъ сидѣлъ все время, склонивъ голову и потупивъ очи въ солому. Разсказъ Кривоноса производилъ на него неотразимое впечатлѣніе, дрожью отзывался на сердцѣ и туманилъ глаза,—каждое его слово падало ему камнемъ на грудь. Вспомнилось Богдану и свое молодое счастье, мелькнувшее дальней зарницей, и въ груди закипѣла жажда отвѣдать радости жизни...

Когда Кривоносъ умолкнулъ, Богданъ взглянулъ на него и ужаснулся: блѣдный, съ сверкающими глазами, устремленными въ темную даль, съ отброшенною назадъ чуприной, съ судорожно-сжатыми на колѣняхъ руками, онъ сидѣлъ камнемъ, словно пораженный какимъ-то видѣньемъ; по его смуглымъ щекамъ катились медленно слезы и свѣшивались крупными каплями съ поникшихъ усовъ...

Богданъ даже отшатнулся при видѣ этого страшнаго горя, что смогло и у такой мощи выдавить слезы, и понялъ, что за каждую эту слезу заплатятъ страшными муками враги.

— Будетъ, будетъ!—сжалъ онъ руку Кривоноса.—Черезъ мѣру тяжело!

— Охъ!—вздохнулъ глубоко Кривоносъ и, обведши землянку мутнымъ взоромъ, произнесъ порывисто:—Нѣтъ, стой, не уходи.., дослушай, дослушай все до конца и тогда осуди... Жили мы, какъ у Христа за пазухой: дѣтки, какъ огурчики, росли, хозяйство отлично велось... жена за всѣмъ присматривала: мнѣ приходилось почасту отлучаться къ сотнѣ. А тѣмъ временемъ всѣми землями по

Сулѣ завладѣлъ князь Ярема... Сначала-то люди этого и не замѣчали: козаки владѣли своими „грунтами“ невозбранно, продавали ихъ, покупали, мѣняли; „подсусѣдки“ жили при нихъ ласково, услуживали за свои участки, а потомъ стали княжескіе „дозорцы“ брать ко двору небольшой „чиншъ“. Погудѣлъ, погудѣлъ народъ, да и рѣшилъ, что о такихъ пустякахъ нечего спорить, что и князь имъ со своею дружиной пригодится, защититъ по крайности отъ татаръ. Зналъ вѣдь народъ, что Вишневецкіе были греческаго закона, значитъ, свои люди; но отступникъ Ярема скоро показалъ имъ себя!...

Кривоносъ продолжалъ, тяжело дыша и давясь словами:

— Появился въ Жовнахъ ляхъ, экономъ отъ него съ надворной командой и началъ заводить новые порядки: озера, ставки, переправы, лѣса и садки,—все отдалъ въ аренду жидамъ, чиншъ удесятерилъ, началъ сѣять на людскихъ поляхъ, нашими руками жать и косить... Людъ, было, взбудоражился, повѣсилъ одного жида, отнялъ этотъ панскій хлѣбъ и прибилъ эконома... Но налетѣлъ тогда измѣнникъ Ярема и произвелъ страшное разореніе: заграбилъ скотъ, пасѣки, душъ пятьдесятъ канчуками запоролъ, душъ двадцать посадилъ на колъ и прогуливался съ экономомъ по этой страшной... улицѣ. Я тогда былъ въ Переяславѣ, а какъ вернулся, да услыхалъ по хатамъ этотъ плачъ и стонъ, да увидалъ мучениковъ несчастныхъ, такъ не знаю, какъ и доскакалъ до своей усадьбы; но, слава Богу, у насъ было благополучно: Господь еще пока хранилъ. Но и эта Божья ласка, и пощаженное извергомъ родное гнѣздышко уже не дали душѣ моей покоя. Развѣ онъ былъ возможенъ среди пекла? Развѣ можно было тѣшиться счастьемъ среди общаго стона и слезъ? Да, тогда въ сердцѣ моемъ закипѣла впервые злоба, и я поклялся стать борцомъ за несчастный народъ и отомстить его кровопійцамъ! Пожилъ я дома недолго: какъ на грѣхъ, меня потянула „войсковая потреба“. А экономъ, песъ лютый, послѣ княжьяго разгрома пустился на всѣ неистовства и безчинства. Ни сестра, ни жена, ни малолѣтняя дочь не были защищены отъ „звѣрюки“. И увидь онъ какъ-то разъ въ этотъ годъ мою „квиточку“ Орысю; ударила его въ сердце краса, и загорѣлся онъ звѣриною страстью: сталъ лѣзть съ любовью, оскорблять... Что было дѣлать ей, горлинкѣ, противъ коршуна? Бросилась она къ ксендзу, чтобы усовѣстилъ аспида, такъ тотъ предложилъ ей принять унію или католичество, тогда, молъ, только она можетъ разсчитывать на защиту. „Пусть меня хоть замучатъ на смерть, а вѣрѣ своихъ отцовъ не измѣню!“—закричала жена и стала запираться на замокъ въ хатѣ; но это не помогло: кромѣ эконома, и ксендзъ сталъ къ ней врываться, да съ волчьими ласками приставать еще къ дытынѣ Олесѣ! Аспидъ, изувѣръ! Служитель алтаря!—

рванулъ себя за чуприну Максимъ и бросилъ клоки сѣдыхъ волосъ въ сторону.—А!—заскрежеталъ онъ зубами,—проклятая земля держитъ на себѣ такихъ тварей! Жена хотѣла убѣжать въ лѣсъ, да слегла отъ мукъ и обидъ. Мнѣ дали знать, я прискакалъ и хотѣлъ было сразу прикончить ксенза и эконома, но Орыся начала меня молить, чтобъ себя пощадилъ, чтобы ради ея счастья простилъ ихъ... Я бросился въ Лубны, къ князю Яремѣ, молилъ его, заклиналъ защитить неповинныхъ. А онъ, исчадіе ада, только смѣялся на мои кровавыя слезы и ледянымъ голосомъ объявилъ, что схизматы для него хуже псовъ, и что каждый шляхтичъ можетъ издѣваться надъ ними, какъ надъ быдломъ. Передернуло меня это презрѣніе и сказалъ я, что добрый хозяинъ и ,,быдло" жалѣетъ. „Вотъ я тебя и пожалѣю,—отвѣчалъ мнѣ на это Ярема,—вмѣсто головы только шкуру сдеру! Взять его, пса!" Всыпали мнѣ сотню горячихъ и отпустили... А дома уже панъ экономъ разпорядился взять мою больную жену къ себѣ на потѣху, а дытынку Олесю отдать на воспитанье ксензу... Застоналъ я отъ боли, сердце сжалось въ груди... красные круги стали въ очахъ... Задавилъ я вотъ этими руками эконома, такъ стиснулъ ему горлянку, что глаза его вылѣзли вонъ и вывалился языкъ...

Кривоносъ вскочилъ, глаза его свирѣпо вращались и сверкали бѣлками, на искривленныхъ губахъ бѣлѣла пѣна...

— Слушай, слушай до конца,—сжалъ онъ Богдану до боли плечо,—меня таки схватили... десятки ихъ попадали, какъ груши, но сила одолѣла... Повалили, связали... а черезъ два дня налетѣлъ сюда самъ „катъ"—Ярема творить судъ и расправу... Привели меня, связаннаго на „майданъ", смотрю, а тамъ и жена моя, и дѣтки... а кругомъ сторожа... а тутъ же и костеръ, и колья... Бросился я къ князю въ ноги, чтобы казнилъ меня, какъ хотѣлъ, а ихъ бы отпустилъ неповинныхъ... Но князь топнулъ ногою и крикнулъ: „Всѣхъ васъ—огнемъ и мечемъ!" И, выхвативъ саблю, ударилъ меня по лицу и разсѣкъ его пополамъ... кровь залила мнѣ глаза, но дьяволъ приказалъ засыпать мнѣ порохомъ рану и привязать меня къ столбу, чтобъ я полюбовался пытками моей „зироньки" и дѣтей...

— О!—застоналъ Кривоносъ ужасающимъ стономъ и ударилъ себя кулаками въ грудь съ такой силой, что пошатнулся и упалъ бы самъ, еслибъ не поддержалъ его подскочившій Богданъ.

— Не выдержитъ ни одинъ звѣрь такой муки, соберись все пекло и оно не выдумало бъ ее!—задыхался онъ, давясь подступившими къ его горлу слезами.—Жену сожгли живой... Я видѣлъ, какъ огонь побѣжалъ по волнамъ ея свѣтлыхъ волосъ... какъ они чернѣли и сбѣгались въ комки... какъ лопнули ея чудные глаза. Ой, слушай,

слушай до конца!—почти безумно шепталъ онъ,—сына, дитя малое, раздѣли и посадили на колъ... Какъ оно пронзительно кричало и корчилось отъ муки!... Вотъ тутъ сейчасъ... стоитъ этотъ крикъ... звенитъ въ ушахъ... а ее... ангела Божьяго... моя Олесю... предали звѣрскому поруганію до смерти,—выкрикнулъ съ нечеловѣческимъ усиліемъ Кривоносъ, бросился съ рыданіемъ на землю и долго бился на ней въ конвульсіяхъ.

Богданъ хотѣлъ было утѣшить своего друга, но слова застыли въ его горлѣ, онъ прижалъ только молча къ своей груди козачью несчастную голову.

Кривоносъ осилилъ, наконецъ, муку и поднялся съ хриплымъ дикимъ рычаніемъ:

— Меня собирался особенно замучить Іуда, но я ушелъ... спасъ свою жизнь для того, чтобы мстить за народъ... поклялся страшною клятвой отдать всю эту ненужную, подлую жизнь одной мести и истребленью враговъ.. И отдамъ... и поймаю, дастъ Богъ, Ярему съ семьей!—захохоталъ онъ безумно и, вынувъ саблю, подалъ ее Богдану:

— Вотъ, на! Если твоя просьба нужна для Украины-неньки, если она необходима для блага кровнаго люду... такъ возьми этотъ клинокъ и всади его въ мою грудь... иначе у меня не хватитъ силы исполнить ее!...

Богданъ отклонилъ саблю движеніемъ руки и произнесъ дрогнувшимъ голосомъ:

— Твое горе такъ велико, что передъ нимъ опускаются руки!

Послѣ долгаго рабочаго дня спустился надъ Субботовымъ тихій, мирный вечеръ. Покончены уже всѣ дневныя работы въ панскомъ дворѣ. „Журавель" у колодца не скрипитъ, а, поднявшись высоко въ воздухѣ, замеръ, словно задремалъ передъ наступающимъ сномъ. Изъ трубъ пекарни подымается прямыми струйками голубоватый дымокъ, готовится „вечеря". На черномъ дворѣ, у „повитокъ", толпится только что пригнанный съ поля и напоенный у колодца табунъ, въ сосѣдней „кошарѣ" мычатъ коровы и блеятъ овцы. На завалинкѣ, у „пекарни", молча сидятъ утомленные поселяне, флегматично посасывая „люльки" и поглаживая „оселедцы" да „чуприны". По улицѣ возвращаются съ поля запоздавшіе косари и гребцы; слышатся шутки и взрывы задорнаго смѣха. Пыль, поднимаемая ими, стоитъ въ воздухѣ золотыми столбами. Молодой пастухъ, облокотясь на колъ въ „перелазѣ", остановилъ какою-то ласковою шуткой мимо идущую стройную дивчыну съ ведрами на коромыслѣ; дивчына кокетливо усмѣхается, сверкая своими бѣлыми зубами и придерживая коромысло рукой. Солнце только что спряталось за темнымъ лѣсомъ, золотой ореолъ еще блещетъ надъ нимъ, а противуположная сторона

неба уже медленно покрывается робкимъ розовымъ сіяніемъ. На крылечкѣ сидитъ Ганна съ двумя мальчиками и Оленкой. Андрійко помѣстился на ступенькѣ у ея ногъ съ одной стороны, а Оленка съ другой; Юрась, все еще блѣдный и хилый, лежитъ бѣлокурою головкой у ней на колѣняхъ. Въ сторонкѣ, на муравѣ, сидятъ Катря съ Оксанкой и плетутъ себѣ вѣнки изъ золотыхъ гвоздикъ да синихъ волошекъ.

Ганна разсказываетъ дѣтямъ о томъ, какъ томятся невольники на турецкихъ галерахъ, въ полону у татаръ, какъ ихъ „вызволяютъ" оттуда козаки, какъ они сами спасаются бѣгствомъ, и сколько опасностей и случайностей встрѣчается имъ въ пути. И Оленка, и Андрійко слушаютъ разсказъ, затаивши дыханіе, сжимая свои черныя брови, а Юрко уже задремалъ, убаюкиваемый ровнымъ голосомъ Ганны. Но, несмотря на свой непрерываемый разсказъ, Ганна не перестаетъ думать все объ одномъ: вотъ уже два дня, какъ дожидается дядька здѣсь въ Субботовѣ гонецъ изъ Варшавы съ письмами отъ какого-то важнаго лица, а дядька все нѣтъ... Говорилъ, что вернется черезъ недѣлю, вотъ уже десятый день въ исходѣ, а ихъ все нѣтъ. Каждый вечеръ поджидаютъ ихъ, а все понапрасну... Не случилось-ли чего?..

Взглядъ ея скользнулъ по черному двору, мимо собравшихся уже возлѣ огромнаго козака косарей и остановился на молоденькихъ дивчаткахъ. Сидя на зеленой травѣ съ полными фартуками цвѣтовъ, онѣ сами казались двумя большими цвѣтками, поднявшими свои головки изъ травы. Дивчатки о чемъ-то говорили; Ганна не слыхала ихъ словъ, но, глядя на ихъ молоденькія, оживленныя лица, ей почему-то вспомнилось свое безотрадное дѣтство, подернутое туманомъ, а потомъ пришли на мысль и горячія слова Богуна, его молодое, воодушевленное лицо, и собственныя муки, и слезы, и Ганнѣ вдругъ сдѣлалось жаль чего-то: не то своей уплывающей молодости, не то своихъ развѣявшихся грезъ... Тихая тоска охватила ее, и рука Ганны замерла неподвижно на бѣлокурой головкѣ Юрка.

Въ противуположной сторонѣ неба вырѣзался и словно повисъ въ сиреневато-розовой мглѣ полный, красный мѣсяцъ...

— О, уже „повень!"—замѣтила Катря, подымая къ небу глаза.

— А когда они уѣхали, кончалась только первая квадра!—вздохнула Оксана.

— Значитъ, скоро пріѣдутъ,—отвѣтила тихо Катря, проникаясь необыкновеннымъ почтеніемъ къ грусти подруги, еще недоступной для нея.

— Охъ, когда-то,—опустила печально голову Оксана,—а, можетъ быть, и случилось что... Ты развѣ не слыхала, какіе только ужасы разсказывалъ тотъ безрукій, что пришелъ вчера на хуторъ?

— Ну, съ батькомъ...—замѣтила увѣренно Катря,—съ батькомъ не можетъ ничего случиться, да и Олекса-жъ не кто-нибудь, а запорожскій козакъ!

— А можетъ онъ не съ паномъ-дядькомъ, а прямо поѣхалъ на Запорожье,—вздохнула опять Оксанка.

— А, что ты „верзешь!"—вскрикнула даже сердито Катря.—Ну, какъ такое говорить?! И какъ бы это онъ поѣхалъ на Запорожье, не попрощавшись съ тобой?

— А почему бъ же ему непремѣнно прощаться со мной?

— Почему?—переспросила Катря, бросая на Оксану лукавый, выразительный взглядъ.

— Ну, да, почему?—повторила уже несмѣло Оксана, краснѣя и опуская глаза.

— Потому, что онъ „кохаетъ" тебя!—отрѣзала Катря, но Оксана не дала ей окончить.

— Катруся, голубочка, серденько мое, когда-бъ же тому правда была!—обвивала она шею подруги руками, пряча у ней на плечѣ свое вспыхнувшее лицо.

— Правда, правда!—повторяла настойчиво Катря, стараясь освободиться отъ рукъ подруги и заглянуть ей прямо въ глаза.

— Откуда ты знаешь, откуда ты знаешь?—шептала Оксана, припадая еще крѣпче къ плечу подруги.

— Потому что онъ всегда на тебя только и смотритъ, съ тобою всегда розмовляетъ, гдѣ ты, туда и онъ идетъ,—говорила торопливо Катря.—Потому что онъ тебѣ „дарунки" всегда привозитъ, потому что,—добавила она рѣшительно,—онъ не хотѣлъ уѣзжать изъ Субботова на Запорожье, а что-жъ бы ему за утѣха была безъ тебя на хуторѣ сидѣть?

— Серденько, рыбонька моя,—прижималась къ ней Оксана,—когда-бъ ты знала, какъ мнѣ „сумно" безъ него! А когда онъ уѣдетъ на Запорожье, Катруся, голубочка, я .. я... умру безъ него!

— Ну, вотъ ужъ и умру!—развела руками Катруся.

— Да, да, умру,—продолжала горячо Оксана.—Я буду каждую минуту думать, что съ нимъ случилось что-нибудь, что онъ забылъ меня, покохалъ другую, что онъ... Охъ, Катруся, ты не знаешь, какъ я люблю его!

Вдругъ неожиданный рѣзкій дѣтскій крикъ прервалъ слова Оксаны. Дивчатки оглянулись.

По направленію воротъ бѣжали въ перегонку Андрій и Оленка, отчаянно размахивая руками. „Тато, тато ѣдетъ, и Олекса съ нимъ!"— кричали они, что есть духу.

Дѣйствительно, за живою стѣной зелени плавно опускались и подымались, приближаясь къ воротамъ, двѣ красныя козацкія шапки и два дула рушницъ. Слышался частый топотъ приближающихся коней.

— Они, они!—вскрикнула Оксана не то съ радостью, не то съ испугомъ.—Катруся, голубочка, уйдемъ отсюда: я не могу здѣсь... при всѣхъ... онъ увидитъ, что я плакала... Голубочка, уйдемъ скорѣе, скорѣе!

И дивчата, оставивши свои начатые вѣнки, бросились поспѣшно къ дому.

Топотъ коней раздался явственно, и въ распахнутыя настежь ворота влетѣлъ бѣлый конь Богдана, а за нимъ и гнѣдой Морозенка. Кони лихо пронеслись по двору галопомъ и остановились, какъ вкопанные, передъ крыльцомъ.

— Добрый вечеръ!—поклонилась радостная Ганна, спускаясь съ крыльца.—Что такъ „забарылись?"

— Не по волѣ,—отвѣтилъ угрюмо Богданъ, соскакивая съ коня и передавая поводъ Морозенку.

Дѣти бросились цѣловать его руку.

— Ну, ну, вы, дрибнота,—ласково отстранилъ ихъ Богданъ,— садитесь-ка лучше на коней да поѣзжайте съ Морозенкомъ въ конюшню.

Въ одно мгновенье ока Андрійко очутился уже въ сѣдлѣ отца, а Олекса подсадилъ Оленку на своего коня и торжественно повелъ ихъ по направленію къ конюшнѣ.

— Что-жъ, дома все благополучно?—спросилъ Богданъ, подымаясь вверхъ по ступенямъ.

— Слава Богу,—отвѣтила Ганна и, замѣтивши сумрачное выраженіе лица Богдана, поспѣшила добавить:—безъ васъ, дядьку, пріѣхалъ гонецъ изъ Варшавы и привезъ отъ какого-то магната листы, а отъ кого, не сказалъ.

— Гонецъ изъ Варшавы?—вскрикнулъ Богданъ, сразу мѣняясь въ лицѣ.—Гдѣ же эти пакеты? Скорѣе, скорѣе давай!

Ганна бросилась въ будынокъ и возвратилась съ двумя пакетами въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ былъ большой и солидный, запечатанный восковою печатью, а другой небольшой, безъ всякой печати, туго перевязанный красною ленточкой. Богданъ торопливо взломалъ печать. По мѣрѣ чтенія лицо его прояснялось все больше и больше, сжатыя брови расходились, морщины разглаживались на лбу ..

Богданъ просмотрѣлъ еще разъ бумагу и, сложивши ее, обратился бодро къ Ганнѣ:

— Добрыя вѣсти, Ганнусю, посылаетъ намъ Господь!—Затѣмъ онъ развязалъ съ недоумѣніемъ маленькій пакетъ, глянулъ на подпись, да такъ и замеръ весь.—Марылька?—чуть не вскрикнулъ онъ,—Боже мой, что-жъ это значитъ? отчего?"—и, не давая себѣ отвѣта на тысячу разныхъ вопросовъ, вихремъ закружившихся въ его головѣ, Богданъ жадно принялся читать это письмо.

Сначала отъ волненія и неожиданности онъ могъ только съ трудомъ разобрать нестройныя, кривыя буквы, изукрашенныя множествомъ завитушекъ, но дальше чтеніе пошло уже легче.

„Коханому, любому тату,—начиналось письмо,—нѣтъ, напрасно я называю своего названнаго отца любымъ, коханымъ: онъ недобрый, онъ не любитъ Марыльки, онъ совсѣмъ забылъ свою доню; кинулъ ее и ни разу не пріѣхалъ, не справился даже, какъ ей живется и какая она стала теперь!"

Невольная улыбка освѣтила лицо Богдана: изъ-за этихъ кривыхъ нетвердыхъ строчекъ выплыло передъ нимъ прелестное, кокетливое личико Марыльки, съ капризно надутыми губками.

„А я никогда не забываю тату, потому что люблю... Я всегда думаю о томъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать и забрать свою Марыльку",—стояло въ письмѣ

Дальше шли разсказы о своей жизни. Марылька жаловалась Богдану, что ей живется куда какъ плохо у Оссолинскихъ, что ее держатъ не какъ равную, а какъ „приймачку". У Оссолинскихъ-де взрослая дочь, и они не хотятъ, чтобы она, Марылька, показывалась вмѣстѣ съ нею, потому что за Марылькой шляхетство больше „упадаетъ", чѣмъ за канцлеровой дочкой. А очень ей нужны эти шляхетскіе „залеты!" Они ее оскорбляютъ, и нѣтъ ни одного „щираго" человѣка, чтобы могъ ее защитить. Она прячется отъ нихъ, она все время вспоминаетъ своего славнаго, „коханаго" тату. Вспоминаетъ о томъ, какъ онъ ее спасъ отъ погибели на турецкой галерѣ. „Тато, конечно, смѣяться будетъ и не повѣритъ Марылькѣ, а она согласилась бы съ радостью всѣ тѣ же ужасы перенести вновь, лишь бы снова встрѣтиться съ татомъ и такъ провести остальное путешествіе, какъ тогда провели они. Только... ахъ! что-жъ бы изъ этого вышло? Недобрый тато опять бы оставилъ ее у чужихъ людей: А если такъ, то пусть тато никогда не ищетъ встрѣчи съ нею, потому что теперь она не перенесла бы этого"... Здѣсь слова обрывались и нѣсколько словъ расплылось въ круглыя пятнышки. „Слезы!— рѣзнуло молніей въ головѣ Богдана.—Она плакала, она скучала

обо мнѣ! Бѣдняжка, бѣдняжка моя!" Дальше Марылька желала Богдану всего добраго да хорошаго и просила вспомнить хоть разочекъ бѣдную, маленькую Марыльку, у которой на всемъ широкомъ свѣтѣ остался одинъ только „тато Богданъ".

Окончивъ чтеніе, панъ сотникъ просмотрѣлъ еще разъ письмо и словно замеръ въ какомъ-то очарованіи. Это маленькое письмецо вызвало передъ нимъ какими-то невѣдомыми чарами тысячи забытыхъ образовъ и картинъ. Они нахлынули на него неожиданно неотразимой толпой. То онъ видѣлъ красавицу Марыльку на рукахъ свирѣпаго запорожца, при пожарѣ турецкой галеры, то она выглядывала, прелестная и воздушная, какъ небесное видѣнье, изъ какой-то туманной дали и словно манила его къ себѣ, то снова сидѣла она передъ нимъ въ роскошномъ нарядѣ на коврѣ въ каютѣ, на атаманской чайкѣ, обдавая его чарующимъ взглядомъ своихъ синихъ очей, то онъ держалъ ее у себя на рукахъ блѣдную, какъ водяная лилія, съ закрытыми глазами и упавшею до земли роскошною, золотистой косой.

Письмо было пропитано душистымъ розовымъ масломъ, и этотъ опьяняющій запахъ вызывалъ въ его воображеніи еще живѣе, еще блистательнѣе ея чарующій образъ. Неподвижный стоялъ Богданъ, сжимая въ рукѣ маленькій желтый листокъ; кровь приливала къ его лицу, къ вискамъ горячею, жгучей волной. Какое-то смутное, темное чувство захватывало его дыханіе, тѣснило грудь. Среди всей его трудной, исполненной тревогъ и опасностей жизни снова появился передъ нимъ такъ нежданно, негаданно этотъ дивный опьяняющій образъ, словно свѣтлый, манящій ручей передъ истомленнымъ въ пустынѣ путникомъ. О, припасть къ его журчащимъ струямъ, утолить свою жгучую жажду и, забывши свой караванъ, свой долгій, утомительный путь, уснуть подъ нѣжный лепетъ его на вѣкъ опьяняющимъ сномъ!

— Добрыя вѣсти, дядьку?—прервала, наконецъ, молчаніе Ганна.

— Счастливыя, счастливыя, Ганнусю!—вскрикнулъ порывисто Богданъ и заключилъ неожиданно въ объятія растерявшуюся и вспыхнувшую Ганну.

Вѣсть о возвращеніи пана быстро облетѣла весь дворъ; всѣ наперерывъ спѣшили привѣтствовать его. Богданъ словно помолодѣлъ и переродился: къ каждому обращался онъ съ ласковымъ словомъ или съ веселою шуткой.

— Ну, панове—господари! Что-жъ это вы насъ все словами потчуете?—заявилъ, наконецъ, весело Богданъ.—Пора бы и вечерять дать, вѣдь мы съ Морозенкомъ добре отощали, ровно собаки въ

„пашеной“ ямѣ... Ганнусю, а Ганно!—обернулся онъ, но Ганны уже не было на крыльцѣ.

— По хозяйству пошла,—прошамкала баба,— вечерю сейчасъ дадимъ; а тамъ пани дожидается, тоже хотѣла повидаться.

— Сейчасъ, сейчасъ,—согласился Богданъ и вступилъ за старушкою въ сѣни.

Распахнувши дубовую дверь, ведущую въ большой покой, онъ остановился на порогѣ и, осѣнивши себя широкимъ крестомъ, помолился на образа. Столъ въ свѣтлицѣ былъ уже накрытъ къ вечерѣ, и свѣчи въ высокихъ шандалахъ, парадно зажженыя для пріѣзда хозяина, освѣщали установленный оловянными мисками столъ. Богданъ оглянулъ комнату; но Ганны не было и здѣсь. Онъ прошелъ въ открытую дверь и вошелъ въ покои своей больной жены. Тонкій запахъ засушенныхъ травъ сразу пахнулъ на него и навѣялъ какую-то тихую грусть. Здѣсь на простомъ ложѣ, среди высохшихъ травъ и цвѣтовъ, лежала такая же высохшая и желтая, бѣдная, преждевременная старуха.

— Охъ, пріѣхалъ ты, соколъ мой... слава Богу! Еще разъ привелъ Господь увидѣть тебя!—заговорила съ одышкой больная, приподнимаясь навстрѣчу мужу.

— Ого! еще и не разъ увидимся!—постарался ободрить больную Богданъ, здороваясь съ ней.

— Нѣтъ, нѣтъ, теперь ужъ не то... тутъ она у меня,—указала больная рукою на сердце,—чувствую я ее день за день... Скоро уже развяжу тебѣ навсегда руки...

— Что ты, что ты?—остановилъ было больную Богданъ, но она продолжала еще настойчивѣе съ силою, даже непонятною при такой слабости.

— Скоро, скоро... да и благодарю за то Бога... повисла я тебѣ, какъ камень на шею... ты молодой да крѣпкій... тебѣ бы жить надо... а тутъ... только... Стой, стой!.. Я не „нарекаю“,—остановила она Богдана,—и тебѣ, и Господу „дякую“... другой бы можетъ и билъ, а ты...

Здѣсь она остановилась и, взявши съ усиліемъ руку Богдана, поднесла ее къ губамъ. Богданъ хотѣлъ было вырвать свою руку, но больная прошептала тихо: „Нѣтъ, не бери... такъ хорошо“. Богданъ отвернулся въ сторону и началъ разсматривать концы своихъ сапогъ. Казалось, больная замѣтила тяжелое впечатлѣніе, производимое ея словами. Она печально улыбнулась и начала веселѣе, стараясь перемѣнить разговоръ.

— А какъ ѣздилось, все ли благополучно?

— Слава Богу Милосердному, снова простеръ надъ нами десницу Свою!

— Слава тебѣ, Господи!—перекрестилась и пани.

— Только мнѣ-то не удастся и отдохнуть,—продолжалъ Богданъ, не поднимая глазъ,—изъ сѣдла въ сѣдло! Сегодня вотъ прiѣхалъ, а завтра снова въ Варшаву скачи!

— Завтра? Въ Варшаву?—вырвалось горько у больной...— Господи, Господи, а я-жъ то думала хоть умереть при тебѣ.

— Да что ты? Богъ съ тобой!—повернулся къ ней Богданъ.— Отслужимъ завтра молебенъ, ворожку призовемъ,—и легче будетъ.

— Поздно!...—махнула безнадежно рукою пани, и въ этомъ слабомъ, надорваномъ голосѣ Богданъ прослышалъ дѣйствительную правду ея словъ,—не поможетъ уже мнѣ ни молебенъ, ни ворожка... Силы моей нѣту жить... Уходитъ она съ каждымъ днемъ, да и лучше,—вздохнула она, утирая слезу,—и вамъ легче будетъ, и мнѣ покой... Не застанешь ты меня...—продолжала она послѣ минутной паузы, снова прижимая Богданову руку къ своимъ губамъ,—жалко только... съ тобою жила... при тебѣ бы хотѣлось и умереть... легче было бъ... да чтожъ, коли справа...—больная остановилась.

— Ты безпокоишь себя понапрасну...—постарался успокоить ее Богданъ.

— Я не плачу, нѣтъ,—отерла она глаза,—спасибо тебѣ за все, за все.., Знаю я, что тебѣ нельзя безъ жинки, безъ хозяйки жить, только какъ будешь выбирать,—голосъ ея задрожалъ и на глазахъ показались слезы,- выбирай такую, чтобы дѣтокъ моихъ бѣдныхъ...—больная остановилась, стараясь побороть подступающiя слезы,—жаловала и любила, а я уже буду для васъ тамъ, у Господа, долю просить...

Къ „вечерѣ“ въ комнату вошла и Ганна. Она была блѣднѣе и сдержаннѣе обыкновеннаго; по сомкнутымъ губамъ, но строго сжатымъ бровямъ видно было, что она только что поборола въ себѣ какое-то сильное душевное волненiе.

Народу вокругъ стола собралось немного. За отсутствiемъ хозяина, гости всѣ почти разъѣхались, остались только постоянные обитатели хутора. Пришелъ Ганджа съ Тимкомъ, пришелъ дѣдъ, Морозенко и еще нѣсколько козаковъ, проживавшихъ почти постоянно въ Субботовѣ. Оксана и Катря вошли въ комнату, когда всѣ уже шумно размѣстились вокругъ стола... Поцѣловавши чинно Богдана въ руку, онѣ поклонились всѣмъ и молча заняли свои мѣста; поймавши на себѣ взглядъ Морозенка, Оксана вспыхнула до корня волосъ, и поспѣшила нагнуться, чтобы скрыть свое пылающее лице.

За столомъ установилось самое веселое настроеніе. Богданъ былъ такъ искренно веселъ и оживленъ, какъ это бывало многіе годы тому назадъ; это состояніе духа хозяина электрическимъ токомъ передавалось всѣмъ присутствующимъ. Дымящіяся кушанья исчезали съ поразительной быстротой, кубки то и дѣло наполнялись заново.

— А что, батьку, вѣрно добрыя вѣсти получилъ?—оскаблился широко Ганджа.

— Добрыя, добрыя, дѣти!

— Да и пора уже,—замѣтилъ Ганджа, опрокидывая кубокъ.

— Охъ пора, пора!—согласились и другіе.

— Въ Варшаву зовутъ... завтра ѣхать надо,—заявилъ загадочно Богданъ, обводя всѣхъ такимъ орлинымъ взоромъ, что всѣ поняли сразу, что звать то не зовутъ, а „запрошують".—То-то, Олекса,—продолжалъ онъ весело, отодвигая отъ себя порожнюю миску,—нѣтъ намъ съ тобою отдыха: изъ сѣдла въ сѣдло. Сегодня пріѣхали, а завтра опять. Тебѣ, сынку, завтра же на Запорожье скакать... я „лысты" важные дамъ.

— На Запорожье, такъ и на Запорожье,—вскинулъ удало головою Олекса,—лишь бы дѣло, батьку, то и на край свѣта можно летѣть! Эхъ, обрадуются братчики!—продолжалъ онъ радостно, оживляясь съ каждымъ словомъ,—давай „лысты", батьку, стрѣлою татарскою полечу.

Казалось, восторженное оживленіе козака не произвело ни на кого особеннаго впечатлѣнія; однако, при первыхъ словахъ его Оксана вся вспыхнула вдругъ, а потомъ такъ-же быстро поблѣднѣла, какъ полотно.

— На Запорожье завтра ѣдетъ... и радъ... и ждетъ только, какъ бы скорѣе, а я, дурная, думала, что онъ, что онъ...—Оксана вдругъ съ ужасомъ почувствовала, какъ верхняя губа ея задрожала, вѣки захлопали и къ горлу подкатило что-то давящее, неотразимое.—Господи, Господи!—зашептала она поспѣшно,—только бы не при всѣхъ: какой соромъ, какой позоръ!

Но горло ей сдавливало еще сильнѣе, губы непослушно дрожали, а выйдти изъ-за стола не было никакой возможности. Катря бросила взглядъ на разстроенное лицо своей подруги и обмерла вся.

Между тѣмъ разговоръ за столомъ продолжался еще веселѣе.

— Батьку, пусти меня съ Морозенкомъ на Запорожье,—замѣтилъ несмѣло Тимко,—обабился я здѣсь совсѣмъ.

— Обабился?—покатился со смѣху Богданъ, а за нимъ и остальные,—рано, сынку, рано! А можетъ и ты, Морозенку, обабился у насъ на хуторѣ?

— Э, нѣтъ, батьку! На хуторѣ хорошо, а если на Запорожье,—хоть сейчасъ понесусь!

Оксана съ отчаяньемъ закусила губу.

— Молодецъ ты у меня, знаю; затѣмъ-то и выбираю тебя. Да и безъ того пора уже до „коша". А ты, сынку, еще погоди,—обратился онъ къ Тимошу,—тебѣ еще на Запорожье рано, а дастъ Богъ побываемъ тамъ съ тобою вмѣстѣ.

— Эхъ, кабы привелъ Господь!—вырвалось у Ганджи и у нѣсколькихъ козаковъ.

— У Бога милости много!—кивнулъ дѣдъ сѣдой головой.— А что, пане-господарю, не слыхалъ ли гдѣ чего? Тутъ къ намъ одинъ безрукій приходилъ, говоритъ, что это его такъ Ярема покаралъ: такое разсказывалъ, чего и мои старыя уши отродясь не слыхали.

— Правда, дѣду, слышалъ и я... ну, да не вѣкъ же королятамъ и своевольничать: „урвется" когда нибудь имъ нитка.

Всѣ эти недоговариваемые намеки интриговали еще больше слушателей.

— Да чтожъ это у насъ „порожніе" кубки? Гей, Ганно, прикажи-ка меду внести!

Ганна поднялась было съ мѣста, но Оксана сорвалась раньше ея.

— Я схожу, панно Ганно,—шепнула она и, не дождавшись даже согласія, опрометью бросилась за дверь.

И было какъ разъ въ пору, потому что слезы висѣли уже у ней на рѣсницахъ. Очутившись въ сквозныхъ сѣняхъ, она бросилась прямо въ садъ, не подумавши даже отдать распоряженіе на счетъ меда. Одно желаніе—скрыться отъ всѣхъ, убѣжать въ такую гущину, гдѣ бы никто не отыскалъ, толкало ее и она бѣжала черезъ садъ такъ поспѣшно, словно ее догонялъ кто-нибудь.

Ночь стояла теплая, лунная, чарующая... Стройная тѣнь дѣвушки быстро мелькала мимо кустовъ и деревьевъ и, наконецъ, остановилась на самомъ краю левады, тамъ, гдѣ она уже примыкала къ открытой степи... И хороша же была степь въ эту лѣтнюю, лунную ночь!

Полный мѣсяцъ съ самой вершины неба усыпалъ ее всю мелкимъ, ажурнымъ серебромъ. Трещаніе цикадъ и кузнечиковъ наполняло воздухъ какой-то нѣжной, усыпляющей мелодіей. Запахъ свѣжихъ травъ и дикихъ цвѣтовъ разливался надъ всею поверхностью теплой волной. Но ничего этого не замѣтила Оксана. Какъ подстрѣленная птичка, упала она ничкомъ въ землю и залилась слезами. Онѣ давно текли уже по ея щекамъ, а теперь хлынули неудержимо съ громкимъ всхлипываніемъ. Оксана плакала, припавши

головою къ колѣнямъ; иногда она раскачивалась, какъ бы желая сбросить съ себя часть тягости, душившей ее.—Не любитъ, не любитъ, не любитъ!—повторяла она сама себѣ.—А я то, а я то, дурная, повѣрила тому, что онъ любитъ меня! На Запорожье собирается, съ радостью полетитъ... когда-бы хоть „трошечки" любилъ, „зажурился-бъ", а то... Охъ, Боже-жъ мой. Боже-жъ мой!—закачалась снова Оксана, прижимая руки къ лицу.—Да и за что ему любить меня? Что я такое? Онъ козакъ, а я... такъ себѣ, бѣдная дивчына... ни батька, ни матери... сирота „пріймачка"... онъ вѣрно шляхтянку какую возьметъ, а я... Охъ, какая-жъ я несчастная, какая я несчастная! Нѣтъ у меня ни одной своей души на цѣломъ свѣтѣ!—и слезы изъ глазъ Оксаны полились еще сильнѣе, и чѣмъ больше она плакала, тѣмъ все жальче становилось ей самое себя, тѣмъ горьче лились ея слезы. Вдругъ не въ далекомъ отъ нея разстояніи раздались чьи-то поспѣшные шаги.

— Оксано, гдѣ ты?—послышался негромкій окликъ, но Оксана не слыхала его.

— Боже мой, Боже!—шептала она, покачиваясь всѣмъ туловищемъ,—да лучше-жъ мнѣ умереть, чѣмъ такъ жить.

Темная фигура козака уловила направленіе, по которому неслись громкія всхлипыванія, раздвинула кусты и вынырнула на освѣщенную мѣсяцемъ площадку. Дѣвушка сидѣла на травѣ и такъ жалобно всхлипывала, что у молодого козака сжалось сердце.—Оксана!—произнесъ онъ негромко, подходя къ ней и дотрогиваясь до ея плеча.

— Ой!—вскрикнула не своимъ голосомъ Оксана, подымая голову и, замѣтивши Морозенка, въ одно мгновенье закрыла ее снова и фартукомъ и руками.

Олекса замѣтилъ только большіе, черные, полные слезъ глаза и распухнувшее отъ рыданья личико дѣвочки.

— Оксанко, голубочко!—опустился онъ рядомъ съ нею на траву,—я уже давно ищу тебя. Скажи мнѣ, можетъ тебя обидѣлъ кто?

Прошло нѣсколько секундъ, но Олекса не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, изъ подъ фартука раздался голосъ, прерываемый непослушнымъ всхлипываньемъ: „Это я... руку... ударила".

— Руку?—переспросилъ Олекса и по лицу его пробѣжала лукавая усмѣшка.—Покажи-ка мнѣ, гдѣ?—но такъ какъ Оксана руки не давала, то онъ взялъ ее силою; но, осмотрѣвши всю смуглую ручку, не нашелъ на ней никакого знака.—Оксано, неправда твоя!.. произнесъ онъ съ укоромъ.—Скажи-жъ мнѣ, чего ты плакала, а?

Оксана попробовала было вырвать свою руку, но Олекса держалъ ее крѣпко и сильно.

— Пусти меня!—рванулась она, чувствуя, какъ на глаза ея навертываются слезы,—никому до меня дѣла нѣтъ!

— Нѣтъ, не пущу, покуда ты не скажешь!

— Пусти! Баба сердиться будетъ!

— Я вѣдь завтра на Запорожье уѣзжаю!

При послѣднихъ словахъ Олексы плечи Оксаны задрожали снова.

— Слушай, Оксано,—заговорилъ онъ мягко, охватывая ея плечи рукою,—или тебя кто обидѣлъ, или у тебя на сердцѣ есть какое то горе... Отчего же не хочешь ты со мной подѣлиться? Развѣ я чужимъ тебѣ сталъ? Развѣ ты отъ меня „отцуралась?"

— Не я, не я!—вскрикнула, захлебываясь слезами, Оксана.

— Такъ кто же тебя противъ меня наставилъ?

— Ой, Боже мой, Боже мой! Не могу я, не могу!—всхлипывала и ломала руки Оксана.

— Видишь ли, какая правда,—произнесъ Олекса съ горькимъ укоромъ,—я все тотъ же, а ты... вотъ не можешь и правды въ глаза мнѣ сказать... забыла вѣрно то время, когда жили вы еще съ батькомъ въ Золотаревѣ.

Сердце Оксаны забилось быстро и тревожно, какъ у испуганной птички. „Господи, да неужели, неужели?"—пронеслось въ ея головѣ.

Олекса самъ помолчалъ, какъ бы желая преодолѣть охватившую его вдругъ робость. И затѣмъ продолжалъ снова:—Я завтра ѣду на Запорожье; кто знаетъ, когда и вернусь теперь... хотѣлъ „спытать" тебя, помнишь ли ты то, о чемъ обѣщались мы другъ другу, когда еще были дѣтьми?

И какой-то непонятный ужасъ, и нежданная радость оледенили вдругъ всѣ члены Оксаны; только въ головѣ ея быстро, быстро, какъ блуждающіе огоньки, замелькали пылающія слова: „Господи! Счастье, жизнь моя, радость моя!"

— Оксано, что-жъ ты молчишь, или забыла совсѣмъ?—продолжалъ Олекса, стараясь заглянуть ей въ лицо; но смуглыя ручонки прижались къ лицу такъ судорожно, что онъ оставилъ свою попытку.

— Помню!—раздалось, наконецъ, едва слышно изъ-за сцѣпленныхъ пальцевъ.

— Такъ скажи-жъ мнѣ,—продолжалъ онъ смѣлѣе,—повторишь ли ты теперь то, что сказала тогда?—и въ голосѣ Морозенка послышалось подступившее волненіе.

Оксана молчала.

— Скажи же мнѣ,—продолжалъ онъ уже смѣлѣе,—согласна ли ты ждать меня, пока я вернусь изъ Сѣчи „значнымъ" козакомъ? Ну, а если... всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, на войнѣ...

— Умру!—вскрикнула Оксана и судорожно, громко зарыдала, припавши къ его груди.

— Оксано, голубочко, такъ ты любишь меня?—вскрикнулъ Олекса, горячо обнимая ее и хватая за руки. Упрямыя руки уже не сопротивлялись и передъ Морозенкомъ предстало заплаканное личико съ растрепанными локонами волосъ.—Такъ ты любишь, ты любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта личико спряталось у него на груди.

— Скажи-жъ мнѣ, ты любишь, „кохаешь" меня?—продолжалъ пылко козакъ.

— У меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ тебя,—раздалось едва слышно и головка прижалась къ нему еще беззащитнѣй, еще горячѣй.

— Дивчыно моя! Радость моя! Счастье мое!—прижалъ ее къ себѣ Олекса,—такъ ты будешь ждать меня и годъ, и два, и три?

— Цѣлый вѣкъ!—отвѣтила Оксана, отымая голову.

— И никого, кромѣ меня не полюбишь, еслибъ даже я...

— Не говори такъ, Олексо,—вскрикнула Оксана, обвивая его шею руками,—никого, никого всю жизнь, кромѣ тебя!..

Олекса порывисто прижалъ къ себѣ дивчыну и покрылъ горячими поцѣлуями ея смущенное личико.

XXVIII.

Между сбившеюся толпой на понтонномъ мосту черезъ Вислу тихо пробирался на взмыленномъ Бѣлашѣ Богданъ; за нимъ слѣдовали гуськомъ четыре козака, взятые имъ изъ Субботова.

Мостъ гнулся и погружался въ воду; можно было ожидать ежеминутно, что онъ разорвется и сброситъ съ себя въ мутныя, бѣловатыя волны рѣки и всадниковъ, и пѣшихъ, и сидящихъ въ рыдванахъ пышныхъ пановъ и разряженныхъ паней. Понуканья, визги, крики, проклятія и брань висѣли въ воздухѣ и, перекрещиваясь, сливались въ какой-то безпорядочный гулъ.

— Сто дьябловъ имъ рогами въ печенку!—кричалъ посинѣвшій отъ ярости упитанный панъ, стоя въ колымагѣ и грозя кулаками въ пространство,—гоните „лайдаковъ" „кончуками", бросайте моею рукой къ „дидьку" ихъ въ Вислу!

— „На-бокъ! На-бокъ!"—орали усердные панскіе слуги, расталкивая и награждая тумаками прохожихъ.—Дорогу ясновельможному пану Зарембѣ!

— „Езусъ—Марія!" На Бога! Давятъ!—визжали женскіе голоса.

— „Гевултъ! Проше пана!"—заглушалъ ихъ рѣзкій жидовскій акцентъ.

— Да что вы, псы, прете? Тутъ вамъ не село, не фольварокъ, не дикія поля!—возросталъ грозно впереди ропотъ.—Оттирай ихъ, оттирай!

Толпа колыхнулась назадъ. Началась драка. Движеніе совсѣмъ пріостановилось. Мостъ, напоромъ столпившихся въ одномъ мѣстѣ панскихъ слугъ и прохожихъ, началъ судорожно вздрагивать и трещать. Послышались отчаянные вопли.

Богданъ прижалъ шенкелями коня и продвинулся къ панской колымагѣ.

— Остановите, вельможный пане, вашихъ дворянъ,—поднялъ онъ съ достоинствомъ край своей шапки,—иначе они развалятъ мостъ и вашу мосць потопятъ.

— Но какой подлый народъ,—отозвался панъ, тревожно оглядываясь,—и впрямь потопятъ... Гей, тише тамъ, Перунъ васъ убей!—замахалъ онъ шапкой.

— За позволеньемъ пана, я проѣду впередъ и очищу дорогу,—тронулъ Хмельницкій „острогами" коня и прорѣзался имъ къ самой сутолокѣ.—Остановитесь!—крикнулъ онъ повелительно.—Всякъ иди своимъ чередомъ, не опережая и не давя другъ друга!

Голосъ Богдана заставилъ всѣхъ вздрогнуть и остановиться.

Видъ и фигура его импонировали на толпу; она съ уваженіемъ разступилась и двинулась, не спѣша и не нарушая порядка, впередъ. Послышались одобрительные отзывы:

— Вотъ это правильно! Видно сейчасъ вельможнаго пана! Не то, что панскіе подножки... въ затылокъ! Нѣтъ, шалишь, и у насъ кулаки есть! Мы тебѣ не хлопы!

Подъѣхавшій панъ Заремба поблагодарилъ Богдана хриплымъ баскомъ:

— Благодарю за услугу, отъ „щирого" сердца, панскій должникъ! Прошу на „келехъ" венгржины, улица Длуга, „камяница" Вацлава Зарембы.

— И я прошу благороднаго рыцаря,—прозвучало вслѣдъ за басомъ пискливое сопрано, и Богданъ замѣтилъ высунувшуюся изъза тучнаго пана тощую фигуру подруги его жизни.—Вельможный панъ не откажетъ, надѣюсь.

— Благодарю, пышное панство,—изысканно поклонился Богданъ, осаживая коня.

Раздалось щелканье бича. Колымага двинулась въ припрыжку съ моста въ гору. Богданъ остановился подождать затерявшихся въ толпѣ козаковъ.

Послѣ цѣлой недѣли рѣзкаго, почти осенняго холода и надоѣвшихъ въ дорогѣ дождей, погода вдругъ измѣнилась; при въѣздѣ въ предмѣстье города Праги, небо прояснилось, живительные лучи солнца согрѣли лѣтнимъ тепломъ воздухъ и просушили нашихъ путниковъ. Теперь сверкающее солнце обливало яркимъ свѣтомъ замокъ, высившійся на нагорномъ берегу вправо, лучилось на свинцовыхъ крышахъ дворца, искрилось на золотыхъ крестахъ готическихъ храмовъ, подымавшихъ изъ-за крышъ свои высокіе шпицы и мягко скользило по пестрой вереницѣ разнообразнѣйшихъ домовъ, тянувшихся влѣво по берегу Вислы и громоздившихся по горѣ вверхъ.

„Да,—думалось Богдану,—вотъ оно, это мѣсто гордыни, этотъ Вавилонъ панскій, гдѣ для прихоти одного человѣка бросаются подъ ноги потъ и кровь десятка тысячъ людей, гдѣ утопаетъ обезумѣвшее отъ своеволія и грабежа панство въ чудовищной роскоши и развратѣ, гдѣ собратья мои считаются за псовъ,—что псовъ! хуже, считаются за послѣднихъ звѣрей... и тамъ-то въ мрачныхъ „палацахъ" закована наша доля въ цѣпяхъ... Что-то сулитъ намъ грядущее: освобожденіе или смерть? Все у подножія престола Всевышняго... Но солнце намъ улыбнулось на встрѣчу... Не ласка ли это милосердаго Бога?"

Богданъ снялъ набожно шапку и перекрестился широкимъ крестомъ.

Цѣлый почти день ѣздилъ Богданъ по мрачнымъ, извилистымъ улицамъ, обставленнымъ стѣною узкихъ и высокихъ домовъ, съ выступившими впередъ верхними этажами. Но нигдѣ въ старомъ мѣстѣ не находилъ для себя онъ угла; всѣ гостинницы и заѣзжіе дома были переполнены наѣхавшимъ панствомъ съ многочисленною челядью и надворною шляхтой. Пришлось переѣхать въ Краковское предмѣстье; но и тамъ, къ несчастью, ни одной свободной свѣтлички не оказалось. На всѣхъ улицахъ, куда ни стучался Богданъ, получалъ онъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „пшепрашамъ пана—все занято!"

Только къ вечеру уже удалось Богдану отыскать возлѣ Залѣзной Брамы себѣ мѣстечко, и то въ грязной „халупкѣ" какого-то котляра жида. Отведенный для вельможнаго пана покой скорѣе напоминалъ собою хлѣвъ, нежели жилье человѣка; крохотное окно, заклеенное пузыремъ, почти не пропускало свѣта; подгнившій „сволокъ" (балка) лежалъ однимъ концомъ прямо на печкѣ, треснувшей, обвалившейся и пестрѣвшей обнаженными кирпичами; два колченогихъ деревянныхъ стула и на какихъ-то обрубкахъ канапа, да столъ составляли всю меблировку этого помѣщенія. Воздухъ въ немъ былъ насыщенъ ѣдкимъ запахомъ чеснока и специальныхъ зловоній,

къ нему примѣшивался изъ сосѣдней конурки угаръ отъ уголья и минеральныхъ кислотъ, ко всему еще стояла здѣсь адская духота... и за это убійственное помѣщеніе жидъ заломилъ десять злотыхъ въ сутки.

— Съ ума ты, спятилъ, что-ли?—накинулся на него Богданъ,—да у меня свиньи имѣютъ лучшій пріютъ.

— Чѣмъ-зе я виноватъ, ясный грабя,—кланялся учащенно жидокъ.—Лучшаго „помѣшканья" у меня нѣтъ, да и нигдѣ теперь панъ не найдетъ... такъ почему не заработать?

— Да что это у васъ, ярмарка, похороны, чи сеймъ?

— Нѣтъ, ясный грабя, не армарка, не похороны—не дай Богъ! Похороны яснѣйшей крулевы уже отбыли... Ай, вей, какія похороны! Чудо!—улыбнулся жидъ, усердно скребя подъ ермолкой низко остриженную голову, такъ что даже пейсы тряслись.—А пріѣхалъ теперечки сюда его княжья мосць Криштофъ Радзивилъ, и великій канцлеръ литовскій князь Альбрехтъ Радзивилъ, и великій маршалокъ литовскій Александръ Радзивилъ... однимъ словомъ, „алесъ"—всѣ Радзивилы и Сапѣги, и ясновельможный Янъ Кишка, и всякое другое вельможное панство: ждутъ изъ Яссъ польнаго гетмана, ясноосвѣцонаго князя Януша Радзивила.

— А чего онъ тамъ?

— Женился на дочкѣ молдавскаго господаря.

— А! Вонъ оно что!—протянулъ Богданъ.—„Ишь, куда залѣзъ,—промелькнуло у него въ головѣ.—Примащивается bona fide къ коронѣ... Что-жъ? Ловко!"

— А про другія свадьбы не слыхалъ?—обратился онъ къ жиду.

— Почему нѣтъ?—характерно скривился тотъ.—Много пышнаго панства женится. Чего имъ? Ой, вей, вей! Ѣдятъ, пьютъ, звиняйте, и женятся. Коли-бъ мнѣ столько добра, ясный грабя, то и я „разъ-у-разъ" женился-бы!

Въ это время изъ сосѣдней конуры долетѣлъ вопль жиденка, сопровождаемый энергичною бранью „балабусты" (жены) и хлесткими звуками.

— Какъ-же ты, шельма, женился бы, когда у тебя есть „балабуста?"—засмѣялся Богданъ.—Да она-бы тебѣ повырывала всѣ пейсы!

— Ой, ой, пане!—закрутилъ головою жидокъ,—дайте только мнѣ дукаты... Ну, такъ какъ, ясный грабя не обидитъ бѣднаго жидка, дастъ заработокъ?

— Да бѣсъ уже съ тобой, коли другого выхода нѣтъ, давись ты десятизлоткой! Только вотъ этотъ пузырь вонъ—проткнулъ онъ окно кулакомъ,—а то дышать нечѣмъ.

— Что ясной мосци угодно, все къ панской услугѣ,—радостно потиралъ руки жидъ и сметалъ полой своего „лапсердака“ со стола и жалкой мебели пыль, которая на всемъ лежала толстымъ слоемъ.

Распорядившись насчетъ помѣщенія коней и ихъ корму, Богданъ заказалъ себѣ у жида фаршированную щуку, добавивъ къ ней добрый окорокъ ветчины. Повечерявши и выпивши домашней горѣлки и меду, онъ разостлалъ на полу двѣ попоны, положилъ подъ голову сѣдло, и, не смотря на нападеніе всякой „погани“, не смотря на крикъ жиденятъ, на стукъ молота, на звякъ мѣди, заснулъ богатырскимъ сномъ.

Уже солнце ярко играло на черепицахъ высокой крыши сосѣдняго дома, когда на другой день проснулся Богданъ. Потянувшись въ сладкой истомѣ, онъ хотѣлъ-было перевернуться на другой бокъ и доспать недоспанное въ дорогѣ, но тутъ только и вспомнилъ, что онъ въ Варшавѣ и что пріѣхалъ сюда по чрезвычайно важнымъ дѣламъ. Это сознаніе пробѣжало ѣдкой тревогой по успокоенному было мозгу и заставило Богдана вскочить на ноги. Было уже относительно поздно, и его яйцевидные нюренбергскіе „дзыгары“ показывали девятый часъ.

— Фу, ты, „стонадцать“ чертей, какъ по пански заспалъ!— вскрикнулъ Богданъ и началъ торопливо одѣваться.

Не смотря на господствовавшее у козаковъ въ томъ вѣкѣ презрѣніе къ наряду, Богданъ на этотъ разъ измѣнилъ общему принципу и отнесся къ своему туалету внимательно: умывшись и обливши изъ ведра водой себѣ голову и шею, Богданъ тщательно „подголилъ“ свою „чуприну“ и щеки, глядясь лишь въ миску съ водой. Потомъ, перемѣнивши бѣлье, облекшеся въ щегольской костюмъ, мало чѣмъ разнившійся отъ польскаго. Обулъ онъ сафьянные „чоботы“ съ серебряными каблуками и такими же, прикрѣпленными къ нимъ, „острогами“ (шпорами); облекся въ широчайшіе шаровары „шарлатнаго“ (пунсоваго) цвѣта; надѣлъ жупанъ бѣлаго фряжскаго сукна, отороченный золотымъ галуномъ, усаженный въ два ряда золотыми же „гудзями“ (пуговицами) съ аграфами и украшенный на правомъ плечѣ такою же на шнуркѣ кистью (знакъ сотницкаго достоинства); накинулъ сверхъ жупана пышный кунтушъ съ „велетами“ (откидными рукавами) изъ темно-зеленаго венеційскаго бархату— „аксамиту“, „преоздобленный“ дорогимъ „гафтомъ“ (шитьемъ); опоясалъ его роскошнымъ, пестрымъ, шелковымъ поясомъ, полученнымъ отъ побратыма перекопскаго хана, Тугай-бея; заткнулъ за поясъ пару турецкихъ пистолетовъ, а къ лѣвому боку пристегнулъ драгоцѣнную саблю,—почетный даръ нынѣшняго короля Владислава IV,

и насунулъ еще на бекрень высокую баранью черную шапку, съ выпускною красною верхушкой, украшенной золотою кистью, да и преобразился въ такого молодца-рыцаря, что жидъ только кланялся, да чмокалъ, да разводилъ отъ изумленія руками.

И правда, хотя Богдану и перевалило уже за сорокъ лѣтъ, но статная его фигура хранила еще молодую, бодрую силу, мужественное лицо играло заманчивою свѣжестью, а глаза горѣли пылкимъ огнемъ; въ этомъ блестящемъ нарядѣ онъ положительно былъ красавцемъ и являлъ въ себѣ такую неотразимую мощь, передъ которой всякая панна опускала глаза, а пани вспыхивала яркимъ полымемъ.

Богданъ сѣлъ на коня и, въ сопровожденіи козака изъ своей сотни, отправился на замчище, гдѣ въ одномъ изъ зданій жилъ государственный канцлеръ Александръ Оссолинскій.

Узкія, кривыя улицы Варшавы были полны уже народомъ, заставившимъ Богдана пробираться медленно, съ остановками. Солнце уже порядочно жгло и играло яркими пятнами на пестрой толпѣ. Время приближалось ко второму „снѣданку", и съ каждымъ шагомъ коня возростало у нашего путника нетерпѣніе поскорѣе добраться до покоевъ его княжьей мосци; но ускорить аллюръ коня было невозможно. Склонивъ голову, ѣхалъ Богданъ, не обращая вниманія ни на суету нарядной толпы, ни на красоту зданій, ни на богатства, выставленныя на показъ у дверей „склеповъ", ни на лестныя на его счетъ замѣчанія встрѣчныхъ; онъ весь погруженъ былъ въ себя и чувствовалъ, какъ непокорная тревога заполоняла его все сильнѣй и сильнѣй...

И въ его жизни, и въ общественныхъ интересахъ минута была серьезна; вершилась судьба горячо любимой имъ родины... Онъ напрягалъ всѣ свои думы, чтобы разрѣшить предстоящія задачи, выбрать вѣрнѣйшій путь, предугадать будущее, но своевольныя думы, мятежно рвались и уносили его изъ тернистаго пути въ сказочныя убѣжища нѣги и райскихъ утѣхъ... Дивный образъ, мимолетно сверкнувшій въ прошедшемъ, вставалъ передъ нимъ, облекался въ чудныя краски, жгучей волной наполнялъ его трепетавшее сердце: и надежда, и мука, и жажда встрѣчи бурлили въ тайникахъ его души и горѣли въ глазахъ непокойнымъ огнемъ.

Хотя изъ письма Марыльки и видно было, что ей не сладко живется у Оссолинскаго, что она тоскуетъ по своемъ татѣ, хотя ни единымъ словомъ не заикнулась она о возможности предстоящаго брака, но кто знаетъ? Дѣвичье сердце измѣнчиво, дѣвичьи слезы — роса, а развѣ въ Вавилонѣ этомъ мало искушеній? Неопытная „дытынка" можетъ и мишуру, и блестящую цацку принять за „щирое"

золото. Ужъ изъ-за одного желанія вырваться изъ тюрьмы на широкую волю можетъ она рѣшиться на рискованный шагъ, а то и Оссолинскій можетъ принудить,—иначе, откуда бы могъ пойти такой слухъ?.. Нѣтъ, это совралъ Ясинскій. Двѣ свадьбы? Ну, вотъ дочь свою выдаетъ, да еще этотъ Радзивилъ Янушъ. Нѣтъ, быть не можетъ! А если правда? И въ жаркій іюльскій день, подъ палящими лучами солнца пробѣжала по спинѣ Богдана холодная дрожь, а сердце сжалось до боли...

Онъ сдавилъ шенкелями коня, но благородное животное только поднялось на дыбы, а давить людей отказалось. „Эхъ, скорѣе-бы, скорѣе,—стучало въ вискахъ у Богдана,—узнать все, разрѣшить это мучительное сомнѣніе; но кривымъ улицамъ конца, кажется, нѣтъ! Да что это я, словно „закоханный юнакъ", дрожу отъ жгучаго нетерпѣнія?—мелькало въ головѣ Богдана.—Пристало ли мнѣ, да и къ чему? Вѣдь развѣ я ей, молоденькой, пышной паннѣ, пара?... Эхъ, ты пропасть! Ровно вѣдьма кочергой толкаетъ въ сердце, да пропади ты пропадомъ!"

И Богданъ усердно началъ торопить коня, глазѣть по сторонамъ, желая развлечься и перестать думать о чертовщинѣ; закурилъ даже для острастки козацкую „люльку". Но, не смотря на всѣ усилія, чертовщина все лѣзла въ голову и вѣдьма сладкими чарами, что пеленой, обвила его одурманенный мозгъ.

„А должно быть хороша, охъ, хороша, какъ разсвѣтъ майскаго утра! И тогда еще, дитяткомъ, была обворожительной и прекрасной, а что же теперь? И глядѣть вѣрно на нее страшно—молніей обожжетъ! Что это въ самомъ дѣлѣ раскисъ я, какъ пьяная баба?—дернулъ Богданъ себя больно за усъ,—не хочу о пустяковинѣ думать! Что-то вотъ запоетъ мнѣ про наши „справы" панъ канцлеръ? Оправдаетъ ли слова Радзіевскаго? Или вотъ самъ король... Его-то яснѣйшую мосць мнѣ нужно увидѣть... А очи то у нея синія, синія, какъ въ Черномъ морѣ подъ прямымъ лучемъ солнца волна, а кудри... Фу, ты, „навожденіе!"—даже плюнулъ Богданъ и выругалъ себя энергической бранью.

Только къ полудню добрался нашъ путникъ до замчища; поручивъ своего Бѣлаша козаку, онъ поспѣшно миновалъ „браму" и вошелъ въ двухъ-этажный палацъ налѣво, что стоялъ прямо противъ королевскаго дворца. Оссолинскій, будучи, сравнительно съ другими крезами-сенаторами,—бѣднымъ, помѣщался не въ собственномъ домѣ, а въ казенномъ.

И у внѣшняго входа, и у внутреннихъ дверей стояли тамъ гайдуки, статные и рослые тѣлохранители княжьей мосци, въ своеобразныхъ пышныхъ нарядахъ, представлявшихъ смѣсь французской

моды (штиблеты и башмаки) со шведской (кафтанъ); комнатные „козачки-джуры“ толпились во внутреннихъ покояхъ.

Богданъ остановился въ какой-то круглой пріемной, пока побѣжали доложить о немъ княжьей мосци. Комната не имѣла обыкновенныхъ оконъ, а освѣщалась только овальными отверстіями, помѣщенными въ самой вершинѣ купола; въ простѣнкахъ между пятью или шестью дверями стояли большіе портреты. Богданъ не обратилъ, впрочемъ, вниманія на оригинальный покой, а почувствовалъ, что его вновь охватилъ непрошенный лихорадочный ознобъ...

— Здѣсь, подъ этою кровлей, быть можетъ, за одной изъ дверей... а, можетъ, и нѣтъ ея? Кто знаетъ?

Козачекъ въ это время отворилъ дверь направо и повелъ Богдана узкимъ, полутемнымъ корридоромъ до другой, распахнувъ которую, онъ почтительно остановился и пропустилъ пана сотника впередъ. Богданъ переступилъ черезъ порогъ и очутился въ обширномъ, роскошномъ кабинетѣ; трое длинныхъ, хотя и узкихъ оконъ пропускали въ него, черезъ многочисленныя круглыя, разноцвѣтныя стеклышки, массу калейдоскопныхъ свѣтовыхъ пятенъ; они то мягко терялись на пушистомъ коврѣ, покрывавшемъ весь полъ, то отражались радугами отъ блестящихъ, изразцовыхъ стѣнъ, на которыхъ изображены были цѣлыя картины историческихъ событій; у стѣнъ стояли громадные застекленные шкафы; посреди комнаты возвышался съ двумя пирамидами письменный столъ.

Богданъ только скользнулъ по всему тревожнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ... Изъ-за пирамидъ-этажерокъ, полныхъ книгъ, поднялась къ нему на встрѣчу знакомая фигура магната и заставила Богдана сосредоточить на себѣ все его вниманіе.

— Здравствуй, съ миромъ пришедшій,—радостно привѣтствовалъ Богдана вельможа.

— Благодарю, много благодарю, ясный княже,—прошепталъ смущенно Богданъ, низко склоняя голову и бережно дотрогиваясь до протянутой вельможной руки.—Будьте здравы къ вящей Божьей славѣ.

— Гдѣ ужъ намъ,—улыбался похудѣвшій и постарѣвшій канцлеръ,—а вотъ я всегда радъ видѣть пана сотника въ добромъ здоровьѣ и бодрымъ: Теперь-то энергія панская намъ и будетъ нужна: „преспѣ убо часъ“—advenit tempus... Однако, прошу, присядь, пане,—указалъ онъ на кресло съ высокою прямою спинкой.—Ну, какъ-же тамъ, спокойно все, благополучно?

— Богъ милосердный хранитъ,—отвѣтилъ Богданъ,—а ласка яснаго князя защищаетъ животы наши отъ напастей.

— Кабы-то моя была воля, развѣ ласка была-бы такою мизерной?—опустилъ канцлеръ смиренно глаза.—Тутъ болѣе орудуютъ Казановскіе.

— Мы не избалованы, княже, судьба у насъ мачихой была; но отъ всѣхъ козаковъ и отъ себя я приношу благодарность ясноосвѣцоному пану канцлеру и найяснѣйшему королю,—всталъ Богданъ и торжественно поклонился, прижавши руки къ груди,—глубочайшую благодарность за возвращенную намъ хоругвь: эта святыня, это дорогое намъ знамя, тронуло насъ до слезъ и окрылило наши надежды.

— Оно ваше и по праву, и по славѣ, какою вы его покрыли,—произнесъ съ чувствомъ панъ канцлеръ.—Такъ козаки, стало быть, довольны?

— Ожили и молятся за долголѣтіе найяснѣйшаго нашего батька и за упокой души святой нашей „неньки".

— Да, Богу угодно было осиротить насъ и принять въ свои селенія благороднѣйшее и преданнѣйшее благу отчизны любвеобильное сердце,—вздохнулъ Оссолинскій,—но судьбы Его милосердія неисповѣдимы и, можетъ быть, то, что намъ, темнымъ, кажется горемъ, предусмотрѣно Имъ во спасеніе... Да, такъ, такъ,—вертѣлъ онъ въ рукахъ табакерку,—значитъ довольны... Прекрасно... И панъ полагаетъ, что наши друзья довѣряютъ теперь репрезентанту власти отъ Бога?

— Ждутъ и не дождутся ея проявленія,—улыбнулся Богданъ.

— Такъ что, если бы пришлось вамъ опять отправиться на чайкахъ въ походъ, въ настоящій уже грозный походъ, встряхнуть, напримѣръ, самый Цареградъ?—прищурился Оссолинскій.

— Костьми легли-бы за своего батька короля и за вѣру!—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ.

— Да, мы на васъ, храбрецовъ-рыцарей, полагаемся,—закашлялся слегка Оссолинскій,—панъ сотникъ пусть обнадежитъ ихъ смѣло.

— Возвѣщу къ великой радости; только ясный князь знаетъ,—началъ Богданъ вкрадчиво,—что прошлый разъ намъ фортуна измѣнила на морѣ и много козачьихъ душъ поглотилъ Pontus Euxinus... и не было чѣмъ утѣшить нашей туги великой: обѣщаніями одними вѣдь не согрѣешь, многіе стали нетерпѣливы.

— Да, да, это совершенно вѣрно,—бормоталъ канцлеръ.

— У насъ даже, княже, на этотъ счетъ сложилась пословица: „казавъ панъ кожухъ дамъ, та й слово его тепле!"

— Хе, хе, хе!—разсмѣялся панъ канцлеръ,—очень остроумно!—Но кожухъ таки будетъ, хотя и короткій пока, а все таки кожухъ.

— Да, еслибы хоть что-либо, если бы дѣти увидѣли хоть малую ласку отъ своего найяснѣйшаго батька.

— Будетъ, будетъ,—ободрилъ канцлеръ и понюхалъ слегка табаку,—я хлопоталъ, настаивалъ даже, и король принимаетъ это къ сердцу; но вѣдь онъ, бѣдный, только отвѣчаетъ, пане, за все, даже государственные расходы покрываетъ изъ своихъ коронныхъ, обрѣзываемыхъ ежегодно владѣній, а распорядиться самостоятельно не можетъ ничѣмъ; надъ нимъ, какъ пану извѣстно, четыре опеки: первая—сенаторы, безъ совѣта которыхъ онъ не властенъ сдѣлать ни шагу, вторая—великіе коронные и литовскіе сановники,—хотя они безъ короля и не уполномочены вчинать что-либо, но за то имѣютъ право отказать ему въ повиновеніи; третья опека—сеймъ, всесильный отмѣнить всѣ распоряженія яснѣйшей воли и, наконецъ, четвертая опека—каждый шляхтичъ, ибо онъ можетъ своимъ безумнымъ, безсмысленнымъ „не позвалямъ“ сорвать всякій сеймъ и уничтожить однимъ крикомъ многотрудную работу для общественнаго блага.

Канцлеръ, вздохнувъ глубоко, обмахнулъ ароматнымъ платкомъ верхнюю бритую губу.

— Да, эти опеки и у насъ за шкурой сидятъ,—сверкнулъ глазами Богданъ,—и когда только Богъ ихъ ослабитъ?

— Будемъ вмѣстѣ молиться,—улыбнулся канцлеръ.—Благоденствіе народа въ Бозѣ, а милости Его нѣтъ предѣла,—поднялъ набожно онъ глаза.—Завтра или послѣ завтра я выхлопочу пану сотнику аудіенцію у короля, и тамъ панъ убѣдится, что мои хлопоты относительно его собратій не остались втунѣ: Rex Poloniae согласился дать „привилегии“ на увеличеніе числа рейстровиковъ и ихъ правъ. Только вотъ осталось приложить большую печать,—она у Радзивила.

— Боже, услышь мою молитву за благоденствіе найяснѣйшаго нашего батька!—съ глубокимъ чувствомъ произнесъ Богданъ.—Да исполнятся его дни свѣтлой радости и да сбудутся всѣ его августѣйшія желанія!

— Amen!—подтвердилъ молитву и канцлеръ,—но и твоя панская мосць не забыта, и, быть можетъ, вѣрнаго слугу короля ждетъ булава.

— Куда мнѣ! И думать не смѣю!—смутился, испугался даже Богданъ и почувствовалъ, какъ кровь прилила къ его сердцу.

— Чего смущаешься, пане? Я примѣромъ могу служить: изъ малыхъ, безсильныхъ я шелъ отважно впередъ, неусыпно трудился, боролся, бился съ врагами и со всякими напастями, а сколько ихъ было, сколько ихъ есть и сколько еще будетъ до гробовой доски!

Но я не изнемогъ, духомъ не палъ и вотъ таки стою у руля, хотя кругомъ и подымаются волны.—Въ словахъ Оссолинскаго звучало искреннее увлеченіе, вызвавшее краску на его блѣдныхъ щекахъ.—Да, смѣлымъ Богъ владѣетъ,—закончилъ онъ увѣренно.

— Въ вашей княжьей мосци,—воскликнулъ съ чувствомъ Богданъ,—избытокъ Божьихъ щедротъ: и мудрость, и сила, и краса добродѣтели! Да развѣ я смѣю дерзать? Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ въ небо.

— Слишкомъ... слишкомъ...—сконфуженно улыбался отъ похвалъ канцлеръ.

— Да и наконецъ,—продолжалъ Богданъ,—связала бы меня эта великая власть, мнѣ же нужно быть вольнымъ, чтобы лучше послужить своему королю.

— Новое доказательство доблести,—прикоснулся къ колѣну Богдана рукой Оссолинскій,—но во всякомъ случаѣ панъ не будетъ забытъ.

Богданъ только прижалъ руки къ груди.

Наступило молчаніе. Оссолинскій медленно покачивалъ головой, задумчиво, даже грустно уставившись въ какую-то точку, словно всмотрѣться хотѣлъ онъ въ туманную даль или разгадать нѣмую загадку. Хмельницкій пораженъ былъ выраженіемъ этого блѣднаго старческаго лица, хранившаго подъ маской свѣтскаго безразличія много пережитыхъ страданій, и не рѣшался прервать молчанія.

Наконецъ, Оссолинскій потеръ рукою свой выпуклый, словно изъ слоновой кости выточенный лобъ и, какъ бы очнувшись отъ забывчивости, торопливо спросилъ у Хмельницкаго:

— А какъ панъ по „щирости" думаетъ, на кого больше можно положиться,—на Ильяша или на Барабаша?

— По „щирости"...—замялся Богданъ и послѣ небольшой паузы сказалъ:—думаю, на Барабаша: онъ хоть немного и староватъ и медлителенъ, но простъ душой, не съумѣетъ кривить, а прямо какая у него думка сидитъ, ту и пуститъ въ люди.

— Мнѣ онъ и самому показался такимъ,—кивнулъ головой канцлеръ.

Въ это время изъ-за сосѣдней двери донеслись женскіе голоса, и одинъ изъ нихъ пронизалъ своимъ пѣвучимъ звукомъ сердце Богдана; горячая волна прихлынула къ его горлу и залила краской лицо.

— Я хотѣлъ-бы, ясный княже,—началъ было онъ непослушнымъ голосомъ, но канцлеръ перебилъ ему рѣчь.

— Да, разскажите, разскажите, пане, что вообще творится въ вашихъ благодатныхъ краяхъ?

Съ плохо скрываемою досадой началъ сообщать Богданъ канцлеру о перемѣнѣ политики молодого старосты, руководимаго Чаплинскимъ, объ усиливающейся алчности магнатовъ къ наживѣ, о возростающихъ притѣсненіяхъ народа, о насиліяхъ уніи...

Оссолинскій только грустно качалъ головою и произносилъ со вздохомъ:

— Сами себѣ роютъ могилу!

Когда же Богданъ передалъ канцлеру о циркулирующихъ между магнатами слухахъ про затѣваемую королемъ войну и сопряженное якобы съ ней обузданіе золотой свободы, то Оссолинскій былъ такъ потрясенъ этимъ извѣстіемъ, что даже измѣнился въ лицѣ.

— Male, male... отвратительно!—шепталъ онъ поблѣднѣвшими замѣтно губами,—какая неосторожность и какъ худо хранятся у насъ государственныя тайны! У этой шляхты тысяча ушей!... Да и какая клевета, даже гнусная клевета...—понюхалъ онъ какую-то сткляночку и, перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раздражительно, возмущенно:—Кто посягаетъ на свободу? Король желаетъ только ее упорядочить... Наши государственныя учрежденія такъ высоки, что никто не доросъ еще до нихъ въ цѣлой Европѣ... да, чрезвычайно высоки, ихъ только упорядочить... а воля народа священна... vox populi— vox Dei! И сенатъ, и сеймъ, все это ненарушимо,—торопливо сыпалъ панъ канцлеръ, бросая тревожные взгляды на улыбавшагося Богдана,— а война? Мы хотимъ обезпечить прочно наши южныя и западныя границы, сломить силу разбойничьяго гнѣзда и даже покорить его; безъ этого Польша будетъ вѣчно въ тискахъ. Наконецъ, безъ согласія сейма никто войны не начнетъ. Мы ничего не предпринимаемъ безъ совѣтовъ и указаній. Король глубоко чтитъ всѣ конституціи,—закашлялся онъ сильно и схватился обѣими руками за грудь; на лбу и на вискахъ у него надулись синія жилы.—Эхъ; этотъ Смоленскъ не забудется мнѣ до смерти,—задыхался онъ,—какъ угостили тамъ камнемъ въ грудь, такъ вотъ при малѣйшемъ волненіи и давитъ коломъ. Вмѣстѣ съ паномъ и съ королевичемъ еще тогда Владиславомъ подвизались тамъ... давно было...—вытеръ онъ платкомъ выступившій на лбу потъ и, глубоко вздохнувши, добавилъ.— Теперь при такой болтовнѣ неудобно будетъ просить у Радзивила для вашихъ „привилегій“ большой печати—подыметъ гвалтъ. Ну, что-жъ? Обойдемся и хранящейся у меня малой... Хоть это маленькое нарушеніе... но вѣдь тутъ не ломка закона... а privatus levatio (частное облегченіе).

Отворилась дверь, и „джура“, возвѣстивши о приходѣ его свѣтлости венеційскаго посла, тотчасъ скрылся.

— А! Тьеполо!—засуетился и всталъ Оссолинскій.—Я прошу извиненія у пана. Это изъ Венеціи чрезвычайный посолъ... личность значительная и высокая. Завтра мы увидимся и, быть можетъ, завтра же устрою я пану аудіенцію у его королевской мосци. Только помни, пане,—протянулъ онъ съ улыбкою руку,—что я держусь такого незыблемаго правила: согласіемъ возвышаются и малыя дѣла, а несогласіемъ разрушаются и большія.

— Молчаніе—лучшее благо,—пожалъ протянутую руку Богданъ, почтительно склонивши чело.

— Хе, хе, хе!—засмѣялся добродушно канцлеръ, провожая сотника до другой двери.

Затворили дверь, и Богданъ очутился въ полутемномъ корридорчикѣ. Не успѣлъ еще сдѣлать онъ двухъ шаговъ и приноровить свое зрѣніе, какъ послышался вблизи шелестъ и что-то легкое, гибкое, благоухающее бросилось стремительно къ нему на грудь и обвило шею нѣжными, атласными ручками.

Вздрогнулъ Богданъ, словно пронизанный гальваническимъ токомъ, и, не помня себя, прошепталъ одно только слово „Марылька!"

— Тату! Любый, коханый!—обожгла она его поцѣлуемъ и скрылась, какъ сверкнувшій во тьмѣ метеоръ.

Несмотря на раннее утро, въ главномъ королевскомъ дворцѣ кипѣла уже жизнь. Въ аванзалѣ, отдѣланной во вкусѣ „Ренесансъ", съ сквознымъ свѣтомъ, напоминавшей скорѣе картинную галлерею, стояли уже и прибывали новые нарядные гости, жаждавшіе съ подобострастіемъ пріема. Между группами ихъ можно было видѣть пышные, того времени, итальянскіе костюмы, пестрѣвшіе атласомъ, бархатомъ и шитьемъ, и изящные парижскіе наряды, и роскошно-красивые польскіе, и строгіе шведскіе темныхъ цвѣтовъ, и черныя сутаны и блестящія латы.

Выдѣлялся между всѣми оригинальнымъ длиннымъ покроемъ и богатой парчей, и высокой собольей шапкой нарядъ московскаго посла Алексѣя Григорьевича Львова; важный гость высокомѣрно смотрѣлъ на суетившихся росписныхъ посѣтителей дворца и держался въ сторонѣ.

Въ залѣ стоялъ легкій сдержанный шепотъ; въ немъ слышалась и польская, и латинская, и французская рѣчь, но преобладала итальянская. У дверей въ королевскій кабинетъ стояло два парадныхъ гайдука; по залѣ шныряли и торопливо перебѣгали въ другіе апартаменты королевскіе „джуры" (пажи).

Раскрылась боковая дверь, и въ нее вошелъ тучный и важный коронный надворный маршалокъ Адамъ Казановскій, одинъ изъ высшихъ сановниковъ и фаворитовъ короля. Маршалка особенно старила

полусѣдая клочковатая борода и почти бѣлые волосы, не подбритые, а зачесанные космами назадъ; только бѣгающіе глаза изобличали въ немъ еще жизненную силу и юркость. Его мосць вошелъ шумно, въ накинутой на плечи бархатной мантіи, отороченной соболями, съ такимъ же воротникомъ, и окинулъ собравшихся презрительнымъ взглядомъ. Всѣ мертво притихли и занѣмѣли въ почтительно наклоненныхъ позахъ.

Сдѣлавши общій, едва замѣтный поклонъ, Казановскій величественно направился къ дверямъ кабинета, стуча своимъ маршальскимъ жезломъ; но, замѣтивъ въ сторонѣ московскаго посла, сразу измѣнилъ надменное выраженіе своего лица на необычайно привѣтливое, и, подошедши къ нему, протянулъ ласково руку:

— Какая пріятная неожиданность,—заговорилъ онъ заискивающимъ тономъ,—ясновельможные бояре его царскаго величества самые желательные и самые почетные гости у насъ.

— Спасибо на словѣ, ясный панъ,—отвѣтилъ просто и искренно Львовъ, поглаживая рукой свою русую бороду,—милости просимъ и къ намъ: Москва для враговъ страховата, а для друзей таровата.

— Радъ, радъ,—улыбнулся какъ-то двусмысленно Казановскій,—съ добрыми, надѣюсь, вѣстями?

— Да какъ пану сказать? Всякія есть .. и добрыя, и худыя,—подозрительно оглянулся Львовъ на посѣтителей, съ любопытствомъ останавливавшихъ на немъ взоры.

— О?—изумился сконфуженно Казановскій,—это прискорбно: всякая непріятность для его царскаго величества причиняетъ еще большее огорченіе нашему найяснѣйшему королю. Вѣдь онъ питаетъ братскую привязанность къ пресвѣтлому московскому государю... А какъ, кстати, его здоровье?

— Нашъ пресвѣтлый царь и великій князь всея Руси зѣло немощенъ,—вздохнулъ глубоко Львовъ,—и дни царевы и сердце его въ руцѣ Божіей, но недугъ еще отягчается кручиной, что дружелюбная держава, съ которой закрѣпленъ прочный миръ, воспитываетъ и таитъ для крамолъ въ своихъ нѣдрахъ...—здѣсь Львовъ понизилъ голосъ и началъ шепотомъ вести бесѣду съ паномъ маршалкомъ; послѣдній, встревоженный передаваемымъ извѣстіемъ, видимо старался и жестами, и тономъ успокоить возмущеннаго московскаго посла.

Изъ внутреннихъ покоевъ выбѣжалъ съ визгомъ королевскій „дурныкъ“; на немъ былъ надѣтъ особенный шутовской костюмъ представлявшій смѣсь изъ облаченій католическихъ, протестантскихъ, уніатскихъ и греческихъ, а на головѣ надѣта была іезуитская шапочка съ прикрѣпленною къ ней болтавшеюся змѣей; въ одной

рукѣ онъ держалъ ножъ, а въ другой факелъ, и, звеня бубенчиками, кричалъ: „Угода, угода! Тарновское примиреніе!“ Всѣ улыбались, отворачиваясь изъ вѣжливости въ сторону. А „дурныкъ“, расхохотавшись и показавши языкъ, крикнулъ всѣмъ: „Ждите, ждите и вамъ будетъ такая угода!“—да и направился, прихрамывая, въ припрыжку, къ кабинету...

Казановскій, поклонившись почтительно Львову, поспѣшилъ къ шуту и остановилъ его у дверей въ кабинетѣ.

— Ты уже слишкомъ, вацпане,—смотри, чтобы не досталось... вѣдь король въ „жалобѣ“ (въ траурѣ).

— Мы уже не въ „жалобѣ“, пане маршалку,—скривился шутъ,—мы уже выгнали ее изъ сердца... ха... ха... ха! Зачѣмъ тамъ долго трупу стоять? Мы уже думаемъ... э-го-го!

— Но ты ужъ черезчуръ, пане дурню.

— Не мы черезчуръ, пане маршалку, мы ничего не можемъ,—сгорбился онъ,—мы боимся... И кусались бы, да зубовъ нѣтъ, а вотъ кругомъ такъ зубатые звѣри, а надъ ними еще позубастѣе. Займите, пане маршалку, подскарбію хоть два злота, а онъ намъ займетъ,—протянулъ шутъ руку.

— Досыть! Довольно!—грозно произнесъ Казановскій, взбѣшенный оскорбительною выходкой шута.—Или и тебя вздую!.. Что, его королевская мосць почиваетъ?

— Потягивается и третъ себѣ руками наияснѣйшій животъ,—опустилъ шутъ глаза.—Мы вчера катались въ Виляново, пробовали каплуновъ, а потомъ охотились немного и пробовали копченыя „полендвицы“, а потомъ слушали итальянскихъ пѣвицъ и пробовали винцо Лакрима Кристи, ну, такъ вотъ какъ будто и вздулись.

— Эхъ, не бережется онъ!—вздохнулъ Казановскій.

— Да, нужно всѣмъ беречься,—подчеркнулъ шутъ, пристально глянувши въ глаза пану маршалку.—Ой, „угода, угода!“

— Не дури, дурню,—замѣтилъ сурово маршалокъ,—а ступай сейчасъ къ его королевской милости и доложи, что много народу ждетъ аудіенціи и что прибыли чрезвычайные послы изъ сосѣднихъ державъ.

„Дурныкъ“, крикнувши еще разъ: „угода, угода!“, скрылся за небольшою, спрятанною за портьерами дверью.

Казановскій проводилъ его злобнымъ взглядомъ и сталъ перебирать бумаги, лежавшія въ большомъ безпорядкѣ на кругломъ, роскошно инкрустированномъ столѣ.

Кабинетъ короля бросался въ глаза кичливою роскошью и богатствомъ; онъ былъ убранъ и обставленъ страшно пестро; все въ немъ было полно непримиримыхъ противорѣчій и не выдерживало

никакого стиля. На плафонѣ, въ рамѣ изъ лѣпныхъ, кружевныхъ арабесковъ, изображены были кистью итальянскихъ художниковъ купающіяся и рѣзвящіяся съ сатирами нимфы и тамъ же изъ медальоновъ въ углахъ смотрѣли угрюмые католическіе святые на шаловливыхъ красотокъ. Стѣны кабинета были покрыты изящнѣйшими гобеленами, составлявшими тогда невиданную рѣдкость, а между этими тончайшими произведеніями искусства грубо и рѣзко возвышались цѣлыя арматуры изъ всевозможнѣйшаго оружія. Съ высокихъ разноцвѣтныхъ оконъ и дубовыхъ дверей спадали мягкими широкими складками бархатныя портьеры, и эти же роскошныя ткани поддерживались простыми стальными подковами и стременами. Въ углахъ и простѣнкахъ, между мраморными и бронзовыми статуями соблазнительно-прекрасныхъ богинь, торчали неуклюжія чучела медвѣдей и вепрей, трофеи его королевской мосци. Среди массы золоченой и инкрустированной мебели, покрытой штофомъ и тисненымъ сафьяномъ, непріятно рѣзали глазъ грубые табуреты изъ спаянныхъ ядеръ.

Межъ серебряныхъ и золотыхъ канделябръ и консолей нѣжной работы грубо возвышались треножники изъ „стрѣльбъ“ и пищалей, на которыхъ водружены были уродливыя свѣтильни. На столахъ между группами моногоцѣнныхъ золотыхъ сосудовъ, фарфоровыхъ фигуръ и изящныхъ бездѣлицъ валялись клыки, отдѣланныя копыта, турьи рога. Въ довершеніе всего, посреди кабинета стояла какая то новоизобрѣтенная небольшая пушка, а у нея ютились различные музыкальные инструменты: цитры, торбаны, флейты. Вообще въ этомъ королевскомъ покоѣ не видно было ни комфорта, ни красоты, а сквозила во всемъ и расточительность куртизанки, и суровость солдата.

Два „джуры“ распахнули дверь и въ нее вошелъ Rex-Poloniae, Владиславъ IV. Королю было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать еще больше. Лицо его, чрезвычайно пріятное и симпатичное въ молодости, теперь выглядѣло обрюзглымъ, желтосѣрымъ и пестрѣло морщинами; длинные, полусѣдые волосы, подстриженные спереди, закинуты были назадъ и безпорядочными прядями спадали на плечи и спину; бородка, по шведской модѣ, была подстрижена треугольничкомъ, а усы зачесаны вверхъ. Отяжелѣвшая фигура, при среднемъ ростѣ, казалась мѣшковатой и толстой. Въ подагрической походкѣ и въ движеніяхъ короля замѣчалась болѣзненная вялость, а заполученная имъ въ послѣдніе годы одышка заставляла его часто вздыхать. Одни лишь темные и живые глаза его, обрамленные темными рѣсницами и бровями, горѣли еще и до сихъ поръ огнемъ и изобличали неумершую энергію; но выраженіе ихъ было большею частью грустнымъ; при возбужденіи или какой-либо радости лицо короля сразу преображалось, щеки покры-

вались румянцемъ, глаза загорались, въ движеніяхъ появлялась бодрость и живость; но это поднятіе силъ погасало такъ же скоро, какъ и вспыхивало. Одѣтъ былъ король, по случаю траура, въ черный кунтушъ съ серебряными аграфами и подпоясанъ чернымъ же шелковымъ поясомъ съ бѣлою бахромой.

Не успѣлъ войти король, какъ изъ-за него выскочилъ „дурныкъ" и, гремя бубенцами, началъ кружиться по кабинету и кричать:—помахивая факеломъ и ножомъ „угода, угода—вотъ что для народа!"

— Тише, дурню!—топнулъ ногою король, притворно сердясь,—ты мнѣ еще все перепортишь, переломаешь!

— Не бойся, Владю, друзья вотъ эти,—замахалъ онъ іезуитской шапочкой,—все тебѣ здѣсь поправятъ, все склеятъ.

— Да ты, ясный круль, хлыстомъ потяни этого дурня,—замѣтилъ маршалокъ,—чтобы языкъ привязалъ, а то онъ уже черезчуръ... или мнѣ дозволь попотчивать его этимъ жезликомъ.

— Стоило бы,—улыбнулся король,—да подкупилъ онъ меня своею шапочкой, а особенно ея „кетягомъ": эмблема то вышла вѣрна... Ну, однако, гайда съ покоя!—ударилъ онъ слегка ногой „дурныка", и тотъ, завизжавъ по собачьи, выползъ на карачкахъ изъ кабинета.

— Ну, что тамъ, пане Адаме?—протянулъ король теперь небрежно руку маршалку.—Если твои собесѣдники интересны, то я готовъ имъ удѣлить часть своего времени, а если скучны, то избавь: я сегодня чувствую себя скверно, male...

— Твоя королевская мосць,—замѣтилъ нѣсколько фамильярнымъ тономъ Адамъ,—не совсѣмъ внимателенъ къ своей священной особѣ; что печалитъ до слезъ твоихъ „щирыхъ" друзей... Что же касается просящихъ аудіенціи, то есть между ними важные послы, напримѣръ, отъ герцога Мазарини...

— Отъ герцога... ахъ, догадываюсь,—прервалъ его съ усталой улыбкой король,—онъ предлагаетъ мнѣ то, что рекомендовалъ еще Ришелье...

— О, было бы великолѣпно, мой ясный крулю!... Марія де-Неверъ обладаетъ и красотой, и добродѣтелями, и огромными богатствами.

— Послѣднее самое важное...—вздохнулъ король,—и для меня, и для тебя, пане...

— Да, мое счастье, король, связано съ твоимъ, вѣрно,—отвѣтилъ приподнятымъ тономъ маршалокъ,—при твоей ласкѣ я не буду убогимъ, а безъ нея я не хочу быть богатымъ.

— Спасибо, другъ,—протянулъ ему руку король,—но безъ „пенензовъ" это самое счастье и невозможно... Я вотъ,—заговорилъ онъ вдругъ по латыни, такъ какъ языкомъ этимъ владѣлъ лучше польскаго,—прошу денегъ и у тебя и у подскарбія и слышу одинъ и тотъ же отвѣтъ: „черезчуръ поистратились на похороны"... Но вѣдь я же король? Не могу же я стать ниже Радзивиловъ, Сапѣгъ, Вишневецкихъ? На меня смотритъ весь свѣтъ... да и любилъ я мою бѣдную Цецилію, подарившую мнѣ Сигизмунда...—прервалъ онъ рѣчь нѣсколькими тяжелыми вздохами,—да! А вотъ черезъ то, говорятъ, денегъ нѣтъ... А они нужны, Боже, какъ нужны!—опустился онъ тяжело въ кресло,—и на мои предпріятія, и на... вооруженіе... и на... Нужно же хоть какъ-нибудь развлечься, а то кисну и подпускаю къ себѣ неотвязнаго врага своего—болѣзнь... Меня только и поддерживаетъ кипучая дѣятельность. Вотъ бы устроить турниръ.. Пригласить рыцарей, дамъ... Торжественныя шествія, состязанія, награды, пиры!—оживился онъ и даже вспыхнулъ слабымъ румянцемъ.—Да, хорошо бы... А знаешь,—всталъ онъ живо и положилъ маршалку на плечо руку,—какого я вчера слушалъ итальянскаго соловья, какіе глаза-а!... Нѣтъ, видно, въ силу государственныхъ соображеній, придется мнѣ принять невѣсту Мазарини...

— Да благословитъ твою королевскую мосць Всевышній, а намъ ниспошлетъ радость!... Уныніе воистину грызетъ душу и тѣло... да и печалиться объ усопшихъ... значитъ роптать на волю Господню...

— Да, это грѣхъ...—произнесъ раздумчиво Владиславъ,—а кто тамъ еще?

— Чрезвычайный посолъ отъ его царскаго величества московскаго государя.

— А что? Можетъ, умеръ уже?—оживился король.

— На одрѣ смерти...

— Ахъ, этотъ московскій престолъ!—потеръ себѣ досадливо лобъ Владиславъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.—Цѣлую жизнь манилъ меня и до сихъ поръ жжетъ... хоть и отказались мы отъ него по Поляновскому миру, но сердце мое отказаться не можетъ! Эхъ, если бы не отецъ! Я былъ бы царемъ, достойнымъ Москвы: меня бы тамъ полюбили... Я бы не навезъ туда противныхъ іезуитовъ, какъ этотъ путанникъ Димитрій; фанатиковъ я самъ терпѣть не могу и чту толеранцію да свободу совѣсти... А какой тамъ славный, преданный царю своему народъ! Ахъ, что бы я съ тамошними войсками, да съ козаками надѣлалъ! Езусъ-Марія! Да я бы разгромилъ эту татарву, слилъ бы съ Москвой Рѣчь-Пос-

политую, уничтожилъ бы произволы, безправья, насадилъ бы вездѣ законную, разумную свободу, науки, художества, а потомъ съ этакою мощною державой покорилъ бы весь свѣтъ... не для того, какъ Александръ Македонскій, не для ярма, не для рабства, а для широкаго блага!

Рѣчь короля звучала теперь бодро и страстно, глаза сверкали огнемъ; облокотившись одною рукой на пушку, простерши другую впередъ, онъ былъ похожъ въ этотъ мигъ на какого то мощнаго генія, несущаго миру новую счастливую вѣсть.

— О, мой найяснѣйшій витязь, непобѣдимый герой,—произнесъ увлеченный Адамъ,—сколько доблестей въ твоей великой душѣ! Но развѣ окружающіе тебя вороны и коршуны могутъ подняться до высокаго полета орла?

— Да, они меня не могутъ и не желаютъ понять,—печально склонилъ король голову,—они знаютъ только самихъ себя и о своихъ животахъ лишь пекутся. Что имъ грядущее, что имъ отчизна? Бился я сколько лѣтъ, чтобы поднять ее, и чужіе знали мой мечъ, но свои опекуны и совѣтчики обрѣзывали постоянно мнѣ крылья, и вотъ такъ прошла жизнь. Одну корону отклонилъ отъ меня мой отецъ, отъ другой наслѣдственной шведской я самъ отказался, третья, теперешняя, оказалась шутовскимъ колпакомъ, а сынъ мой, очевидно, останется уже съ непокрытой головой.

— Не отчаивайся, король,—возразилъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ маршалокъ,—у Бога все готово, лишь бы тебѣ только побольше здоровья и силъ, а истинныхъ друзей, хотя пока и немного, но они вѣрны. Пороху бы только да „пенензовъ“. А когда вооружишься, то и о престолахъ можно будетъ размыслить. Въ Москвѣ царь умираетъ, подготовляется новая смута, такъ тебѣ нужно быть на готовѣ.

— Это превосходно, отлично,—снова заходилъ быстро король по кабинету, потирая руки,—да, нужно спѣшить, жизнь уходитъ, нельзя терять ни минуты,—говорилъ онъ словно самъ себѣ,—нужно рѣшиться на бракъ, совершить его поскорѣе. Кинуть всѣ колебанія и броситься въ борьбу со слѣпою фортуной... Кто тамъ еще ждетъ?—остановился онъ быстро передъ Казановскимъ, дыша порывисто и не замѣчая своей одышки.

— Тамъ еще дожидается Бопланъ инженеръ, какой то изобрѣтатель новаго ружья, профессоръ иностраннаго университета, два итальянца художника и венеційскій пѣвецъ...

— Все это милые и дорогіе мнѣ гости,—пощипывалъ себя за бородку король,—но, попроси ихъ лучше навѣстить меня вечеромъ... пригласи на „келехъ“ мальвазіи... а сейчасъ я займусь серьезными государственными дѣлами... Можетъ, еще кто ждетъ?

— Вѣроятно, канцлеръ приведетъ еще своихъ посѣтителей, но онъ отъ меня вѣдь скрываетъ.

— Не сердись, друже,—высшіе интересы требуютъ тайны, а тайна между тремя уже не тайна.

Въ это время отворилась изъ аванзалы дверь и въ кабинетъ вошелъ безъ доклада великій коронный канцлеръ, князь Оссолинскій. Панъ маршалокъ поздоровался съ нимъ вѣжливо но сухо и, поклонившись почтительно королю, поспѣшно вышелъ другою дверью во внутренніе покои.

— Ну, съ какими вѣстями?—протянулъ Оссолинскому обѣ руки король,—съ добрыми вѣдь, съ добрыми? Я сегодня особенно бодро настроенъ, я жду только хорошаго.

— Намъ только и нужно бодрости да здоровья твоей королевской милости, а при нихъ все остальное у яснѣйшихъ стопъ,— поклонился изысканно канцлеръ и, оглянувшись по привычкѣ кругомъ, сообщилъ пониженнымъ голосомъ:—Прибыли изъ Украйны отъ козачества вызванные мною сотникъ Хмельницкій и эсаулъ Барабашъ; ихъ нужно бы сегодня принять.

— Весьма, весьма радъ .. Этотъ Хмельницкій—умная голова и отличный воинъ,—оживился король,—но не знаю, какъ это сдѣлать. Тутъ ждутъ другіе аудіенціи—послы иностранныхъ дворовъ московскаго, французскаго.

— Еще прибылъ съ чрезвычайными полномочіями и посолъ изъ Венеціи Тьеполо... привезъ отраднѣйшія постановленія совѣта десяти.

— Нѣтъ, что ни говори,—воскликнулъ король,—а ты у меня наилучшій другъ, наипріятнѣйшій!... Я просто помолодѣлъ отъ твоихъ сообщеній!—и король въ порывѣ радости обнялъ неожиданно Оссолинскаго.

— Далъ бы только милосердый Богъ,—поцѣловалъ въ плечо короля тронутый ласкою канцлеръ,—сжалился бы надъ нашею несчастною отчизной... О, смирились бы всѣ твои враги, а народъ... не шляхта, что одна присвоивала себѣ имя народа, а всѣ козаки и все посполъство, благословляли бы имя отца своего Владислава... И не въ однихъ костелахъ бы молились за продленіе твоихъ дней, а и въ церквахъ, и въ киркахъ, и въ хатахъ при свѣтѣ лучины... Но пока еще предстоитъ борьба съ врагами порядка и закона, съ врагами величія нашей злосчастной державы, съ врагами народнаго счастья... и они, враги эти, безъ борьбы не уступятъ ни своего золотого разгула, ни своей хищнической неправды... Но если только ты, король, колебаться не будешь и поддержишь своею бодростью и отвагой твоихъ непреложныхъ друзей, то все кичливое, безличное

упадетъ передъ твоимъ свѣточемъ правды. За праваго и за смѣлаго Богъ!

— Клянусь,—сказалъ торжественно король,—лишь бы мои друзья меня поддержали...

— Жизнь наша за короля и за благо отчизны!—воскликнулъ съ достоинствомъ канцлеръ.

— Вѣрю!—приложилъ руку къ сердцу король и прибавилъ:—Однако, пора начать пріемъ... Присылай перваго московскаго посла Львова.

Оссолинскій вышелъ и черезъ минуту ввелъ въ кабинетъ Львова.

— Всемилостивѣйшій мой государь, царь и великій князь всея Руси и самодержецъ,—поклонился въ поясъ Львовъ,—желаетъ твоему королевскому величеству здравія и преуспѣянія въ державныхъ заботахъ.

Львовъ говорилъ по-русски, такъ какъ Владиславъ IV, еще въ молодости, готовясь быть московскимъ царемъ, изучалъ русскую рѣчь.

— Благодарю отъ души вѣнценоснаго брата по трону за его вниманіе,—отвѣтилъ, тѣмъ не менѣе, по-польски король.—Пусть панъ посолъ передастъ его царской милости, великому московскому государю, что мы молимъ Всевышняго о ниспосланіи ему исцѣленія отъ недуговъ и дарованіи всякихъ благъ, что мы будемъ счастливы, если сможемъ чѣмъ доказать наши дружественныя чувства къ царственному сосѣду.

— Пресвѣтлый мой царь-осударь съ своей стороны питаетъ къ тебѣ, наияснѣйшій король, въ душѣ своей чувства великаго довѣрія и пріязни, и проситъ тебя, осударь, изловить нѣкоего предерзостнаго шляхтенка, именующаго себя якобы сыномъ Димитрія, бывшаго вора и похитителя трона Гришки Отрепьева, каковой воренокъ и подписуется царскимъ именемъ.

И Львовъ разсказалъ подробно, какъ кіевскій попъ досталъ такое крамольное письмо, переслалъ его въ Москву и какъ оно тамъ произвело смуту и соблазнъ, а въ концѣ посолъ билъ челомъ отъ имени московскаго царя, чтобы выдалъ король его царскому величеству этого подлаго воренка для розыска надъ нимъ и для торжественной казни.

— Я позволю себѣ замѣтить,—отозвался канцлеръ,—что это событіе, casus fatalis, или, лучше сказать, шутка, совершенно невѣрно истолкована его царской милости: такой шляхтичъ дѣйствительно существуетъ изъ фамиліи Лубовъ и живетъ на Подляськи, но совершенно невиненъ—никакихъ мечтаній не имѣлъ и не имѣетъ, просто совершенный дуракъ.

— Но, однако же, письмо и титулованье?—прервалъ его недоумѣвающій и возмущенный король.

— Это вотъ что,—продолжалъ канцлеръ,—еще при войнахъ съ Московіею покойнаго приснопамятнаго родителя твоей королевской милости, Жигимонта, великій литовскій канцлеръ Сапѣга, для устрашенія воюющей стороны, придумалъ назвать одного молоденькаго хлопчика, вотъ этого Луба, сыномъ умерщвленнаго Дмитрія, что на часъ въ Москвѣ былъ царемъ, да не только назвалъ, а и приказалъ хлопчику, глупенышу еще, подписываться царемъ... Такъ вотъ, вѣроятно, это одно изъ тѣхъ дѣтскихъ писемъ; хлопецъ же знаетъ только свой огородъ и понятія не имѣетъ о царствахъ. Такъ грѣхъ же, не годится своего невиннаго гражданина отдать на мученія.

— Я вполнѣ убѣжденъ,—заключилъ послѣ нѣкоторой паузы король,—что и царственный братъ мой, узнавши объ этой пустой, хотя, быть можетъ, и грубой шуткѣ сошедшихъ уже съ сего міра лицъ,—не будетъ настаивать на казни невинной жертвы... Но для разсѣянія сомнѣній и успокоенія его царскаго величества я могу согласиться на слѣдующее: отправить съ моими послами въ Москву этого шляхтича, какъ неприкосновенное лицо,—пусть онъ тамъ принесетъ свои оправданія.

Король наклонилъ слегка голову, и посолъ съ низкимъ поклономъ удалился; Оссолинскій проводилъ его до дверей, пригласивъ къ себѣ для дальнѣйшихъ распоряженій и разъясненій.

Вслѣдъ за Львовымъ представился королю посолъ кардинала Мазарини. Въ изящной, нѣсколько напыщенной рѣчи, привѣтствовалъ онъ на французскомъ языкѣ короля отъ имени его эминенціи, передалъ всякія благопожеланія и дружескій совѣтъ не питать скорбь свою долгимъ трауромъ, а вступить во второй бракъ; что Марія-де-Неверъ, исполненная всякихъ тѣлесныхъ и душевныхъ красотъ, уже десять лѣтъ мечтаетъ быть подругой перваго рыцаря и коронованнаго героя; что этотъ бракъ, принося королю много матеріальныхъ выгодъ, скрѣпилъ бы союзъ двухъ державъ, а дружба Франціи будетъ искреннѣе и полезнѣе дружбы алчныхъ сосѣдей, такъ какъ она будетъ безкорыстной.

Плохо владѣя французскимъ языкомъ, король ему отвѣчалъ по латыни:

— Я тронутъ до глубины души благосклоннымъ вниманіемъ ко мнѣ его яснопревелейной мосци и благодарю за добрыя пожеланія и совѣты. Извѣстіе, переданное мнѣ яснымъ паномъ, что ея свѣтлость готова меня надѣлить новымъ счастьемъ и уврачевать мои сердечныя раны, до того восторгаетъ меня, что я готовъ молиться за нее, какъ за ниспосланную мнѣ Богомъ отраду. Съ неописанною радостью я

принимаю совѣтъ его эминенціи, а осуществленіе его почту за великое счастіе... Передай, ваша мосць, яснопревелебнѣйшему кардиналу, что я немедленно шлю въ Парижъ почетнѣйшее посольство, которое засвидѣтельствуетъ ея свѣтлости, что она уже владѣетъ моимъ сердцемъ вполнѣ и что я жду ее съ трепетомъ нетерпѣнія въ предѣлы моей державы, чтобы торжественно назвать своею супругой и королевой... А шановному вѣстнику такого счастливѣйшаго для меня извѣстія я предложу на добрую обо мнѣ память вотъ это...— и король, снявши съ пальца драгоцѣнный перстень съ огромнымъ рубиномъ, вручилъ его изумленному отъ неожиданности послу.

Французъ принялъ его, поцѣловалъ край королевской одежды и разсыпался въ нескончаемыхъ благодарностяхъ.

— Я ошеломленъ отъ восторга и радости,—произнесъ, наконецъ, Оссолинскій, не ожидавшій такого скораго и благодѣтельнаго рѣшенія со стороны короля.—Нѣтъ, небо за насъ, коли оно внѣдряетъ въ твое сердце, король, такія счастливыя для всѣхъ и благія чувства... Приношу искреннѣйшее поздравленіе его королевской милости съ ожидаемымъ счастьемъ и предсказываю, что это счастье будетъ счастьемъ его народа.

— Дай Богъ!—пожалъ ему руку король и отпустилъ милостиво посла.

Въ это время вошелъ „джура“ и возвѣстилъ, что въ аванзалу пришолъ венеційскій посолъ.

— Проси!—весело крикнулъ король, а Оссолинскій бросился къ двери, ему навстрѣчу.

Въ кабинетъ вошелъ красивый и изящно одѣтый итальянецъ. Черные вьющіеся волосы и такая же бородка рельефно оттѣняли бѣлизну его лица, а черные, большіе глаза, что маслины, то щурились хитро, то вспыхивали огнемъ. На венеціанцѣ надѣтъ былъ бархатный черный камзолъ съ серебряными аграфами, изъ прорѣзныхъ рукавовъ котораго проглядывали фіолетовыя атласныя полосы; на открытой груди и на шеѣ снѣгомъ сверкали роскошныя, тончайшія кружева; черныя бархатныя шаровары покрывали ноги лишь до колѣнъ, а отъ колѣнъ шли шелковые пунцовые чулки; ноги были обуты въ пунцовые же элегантные башмаки; у лѣваго бока висѣла шпага, а на плечи накинута была мантія фіолетоваго цвѣта съ серебромъ.

— Добро пожаловать,—привѣтствовалъ его король по-итальянски,—сыны царицы морей намъ особенно дороги.

— Несчастная царица, осажденная дикими варварами, протягиваетъ къ тебѣ, наияснѣйшій король, свои руки и уповаетъ, что

благороднѣйшій витязь подниметъ непобѣдимый свой мечь на защиту сестры своей, на защиту святого креста, на погибель ислама!

— Пока бьется въ груди этой сердце,—отвѣтилъ торжественно король,—пока рука владѣетъ мечемъ, я весь отдаю себя угнетеннымъ. Но для исполненія желанія нужно имѣть возможность, а возможность не всегда зависитъ отъ насъ.

— Для облегченія этой возможности,—опустилъ глаза Тьеполо,—я привезъ рѣшеніе совѣта десяти—отпустить вашей королевской милости на военныя издержки шестьсотъ тысячъ флориновъ.

— Это дѣйствительно развязываетъ намъ руки, свѣтлый пане,—поторопился замѣтить канцлеръ.

— Да,—добавилъ король,—и чѣмъ поспѣшнѣе осуществится это благое рѣшеніе, тѣмъ скорѣе и мы можемъ начать дѣйствовать.

— Я привезъ вашему королевскому маестату часть этой суммы съ собою,—посмотрѣлъ пристально въ глаза королю Тьеполо,—и если морская диверсія, о которой мы говорили, отвлечетъ турокъ отъ Кандіи, то немедленно будетъ выплачена и остальная сумма...

— Все эта такъ,—замялся король,—но набѣгъ козаковъ можетъ вызвать немедленное нападеніе на наши границы татаръ, а потому намъ крайне необходимо быть во всеоружіи.

— Можно и это уладить,—улыбнулся лукаво посолъ,—республика желаетъ быть только увѣренной, что войска готовятся для войны съ невѣрными, а не съ какой-либо другою державой.

— Полагаю, что для этой увѣренности достаточно одного моего слова!—гордо отвѣтилъ король.

— Совершенно достаточно,—нагнулъ голову посолъ,—святѣйшій папа шлетъ свое архипастырское благословеніе и разрѣшаетъ силою, данною ему свыше, всѣ прегрѣшенія тому, кто подъемлетъ брань на враговъ Христовыхъ. Его эминенція нунція вручитъ вашему маестату папскую буллу.

— Съ смиреніемъ лобзаю стопы его святѣйшества,—сложилъ набожно руки король и наклонилъ голову.

— А и время теперь самое удобное,—продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ Тьеполо,—силы турокъ разбросаны. Одинъ отважный ударъ и поднятые рога мѣсяца будутъ сбиты; передъ мечемъ короля-героя и мощныя силы склонялись, а орда будетъ разметана, какъ листья въ бурную осень, и Крымъ со всѣми своими богатствами и роскошами ляжетъ у ногъ побѣдителя... Тогда то исполнится вѣковѣчное стремленіе Рѣчи Посполитой, развернуться отъ моря до моря, тогда то она только и станетъ несокрушимою державой.

— И развернемся,—вскрикнулъ восторженно Владиславъ,—если только Господь не отвратитъ десницы Своей... Завтра,—доба-

вилъ онъ послѣ небольшой паузы,—мы обо всемъ переговоримъ по-подробнѣе... Я жду свѣтлаго пана къ себѣ на обѣдъ и на „келехъ" нашего добраго стараго меда...

По уходѣ Тьеполо, король опустился отъ усталости въ кресло и, закрывъ рукою глаза, долго дышалъ тяжело: возбужденное состояніе уступило теперь мѣсто болѣзненной истомѣ.

Оссолинскій смотрѣлъ на него съ тревогой и съ глубокимъ сочувствіемъ; глаза канцлера, блестѣвшіе сейчасъ радостью и надеждой, отуманились вдругъ печалью:

„Эхъ, горе,—думалось ему,—куда твои силы ушли, мой одинокій въ своихъ благородныхъ порывахъ король? Подсѣкла ихъ непосильная борьба съ себялюбивымъ звѣрьемъ, подгрызли разочарованія и обиды! И вотъ теперь, когда колесо фортуны повернулось къ намъ благосклонно, когда именно нужна твоя мощь и энергія, тебя валитъ съ ногъ даже радость!"

— Усталъ я,—вздохнулъ глубоко король, словно отвѣчая Оссолинскому на его мысли,—всякое волненіе, даже отрадное, отнимаетъ у меня силы...

— Побереги ихъ, ясный король,—произнесъ тронутымъ голосомъ канцлеръ,—въ нихъ все упованіе, все спасеніе горячо любимой тобою страны... Я знаю искусныхъ докторовъ...

— Эхъ, что въ нихъ! „Що докторовѣ, якъ смерць на гловѣ"?... Но я поберегусь, да и вся эта суета, и предстоящая кипучая дѣятельность поднимутъ мои жизненныя силы... Но на сегодня, полагаю, довольно... Дай Богъ, чтобы такіе счастливые дни повторялись почаще!

— Еще нужно принять однихъ...—началъ несмѣло канцлеръ.

Король поморщился.

— Пріѣхала вѣдь казачья старшина...—таинственно продолжалъ канцлеръ.—Барабашъ и Хмельницкій, о которыхъ я докладывалъ твоей королевской мосци... Дѣло минуты: обогрѣть ихъ ласковымъ словомъ, вручить клейноды... А о дѣлахъ уже я буду говорить съ ними отдѣльно.

—А!—всталъ король и потеръ рукою крестецъ,—зови ихъ; я этихъ удальцовъ люблю, а особенно стараго знакомаго сотника.

— Вотъ подписанныя твоей властной рукой „привилеи",—подалъ Оссолинскій свертокъ,—я приложилъ къ нимъ малую печать, не желая возбуждать у Радзивиловъ подозрѣній.

Король засмѣялся беззвучно и уныло покачалъ головой.

Въ боковую дверь вошли Барабашъ съ Хмельницкимъ и молча наклонили свои головы.

— Я радъ васъ видѣть, друзья мои,—подошелъ къ нимъ съ привѣтливою улыбкой король,—къ вашей доблести, преданности и

чести я питаю большое довѣріе и убѣжденъ, что вы его оправдаете. Въ доказательство-же нашего монаршаго благоволенія мы возводимъ тебя, Барабашъ, въ полковничье достоинство,—подалъ ему онъ перначъ, а—тебя, Хмельницкій, жалуемъ вновь прежнею должностью,—вручилъ онъ ему привѣсную къ груди чернильницу.

— Да хранитъ Богъ нашего найяснѣйшаго короля, нашего „коханаго“ батька!—восторженно воскликнулъ Богданъ, такъ какъ Барабашъ, смущенный неожиданною радостью, что-то невнятно мямлилъ,—и да пошлетъ намъ быть достойными его державной ласки...

— Не сомнѣваюсь,—оживился снова король,—вѣрю, храбрый мой рыцарь! Помнишь-ли, подъ Смоленскомъ вмѣстѣ мы бились... прорѣзались, загорѣвшись отвагой, впереди всѣхъ и очутились въ самомъ пеклѣ... Перуны гремѣли кругомъ... Смерть бушевала... А ты съ улыбкой рубился и защищалъ меня своею грудью.. Эхъ, славное было время! Помнишь-ли?

— Я бы вышибъ изъ этого черепка мозгъ,—дотронулся до своей головы энергично Хмельницкій,—если бы онъ забылъ эти счастливѣйшіе для меня дни! Да вотъ еще свидѣтель—эта драгоцѣннѣйшая для меня сабля, эта святыня, дарованная мнѣ вашею королевскою милостью, и Богданъ обнажилъ саблю и поцѣловалъ ея клинокъ.

— Ахъ, да да! Помню,—волновался воспоминаніями король,—можетъ быть, еще приведетъ Богъ... Передайте и козакамъ мой привѣтъ, и эти „привилеи“,—вручилъ онъ Барабашу пергаментъ.—Его мосць канцлеръ сообщитъ вамъ инструкціи... Я надѣюсь, что найду въ моихъ удальцахъ избытокъ отваги и преданности, и когда я кликну имъ кличъ, то они слетятся орлами.

— Умремъ за короля!—крикнулъ Барабашъ.

— Рабами, псами вѣрными будемъ!—добавилъ Богданъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Наша жизнь и жизнь нашихъ женъ и дѣтей и все наше добро у ногъ твоего величія! Слово скажи, и трупомъ всѣ ляжемъ.. и нѣтъ высшей радости, какъ умереть за такого, Богомъ намъ даннаго, батька!

— Спасибо, товарищъ!—протянулъ король руку, и въ глазахъ его остановилась слеза.

Богданъ наклонился къ протянутой рукѣ и поцѣловалъ ее, какъ святыню.

Изъ подъ тонкихъ пальцевъ Марыльки медленно выплывали по зеленому бархату золотые цвѣты. Иногда она склонялась задумчиво надъ пяльцами, иногда устремляла пристальный взоръ въ глубину комнаты, и тогда иголка съ золотою ниткой застывала неподвижно въ ея бѣлой и тонкой, словно изваянной изъ мрамора рукѣ. Скучная работа подвигалась медленно, а взволнованныя мысли кружились въ

красивой головкѣ съ неудержимой быстротой. Снова онъ, такъ неожиданно, нежданно! Правда, она пересылала ему письмо, но никогда, никогда не надѣялась, чтобы это исполнилось такъ скоро. Быть можетъ, дѣла призвали его въ Варшаву, а можетъ... У Марыльки сердце замерло на мгновенье. Разъ уже онъ явился на ея пути, разъ вырвалъ ее изъ опасности. И вотъ онъ снова передъ нею и во второй разъ! Ахъ, не указаніе ли это Божіе? Не посланъ ли онъ и въ этотъ разъ вынести ее на своихъ плечахъ изъ этой гадкой тьмы?

Марылька отбросила съ досадой иголку и откинулась на деревянную, обитую кожей спинку кресла. Длинныя собольи рѣсницы полузакрыли ея синіе глаза, на нѣжныхъ щекахъ вспыхнулъ яркій румянецъ и разлился вплоть до маленькихъ ушекъ, а шелковистая, золотая коса спустилась до самой земли.

„Да, изъ тьмы, изъ гадкой, ненавистной, постылой тьмы“,—прошептала она тихо, полуоткрывъ свои небольшія, но рѣзко очерченныя губы.

Вотъ уже четыре года, какъ она здѣсь, въ этомъ роскошномъ домѣ, но легче ли ей отъ этого? О, нѣтъ, нѣтъ! Правда, она не знаетъ нужды, она не терпитъ особаго униженія, ее даже дарятъ Урсула и пани канцлерова своими обносками,—по лицу Марыльки пробѣжала презрительная улыбка,—но развѣ эта жизнь для нея? Стройная фигура ея гордо выпрямилась и въ широко открытыхъ синихъ глазахъ блеснулъ холодный надменный огонекъ. А сначала, когда ее взяли и думали возвратить отъ Чарнецкаго всѣ ея имѣнія, съ нею обращались не такъ. Ею всѣ тѣшились и любовались, слушали ея разсказы и показывали ее знатнымъ панамъ, а когда съ Чарнецкимъ не удалось дѣло и особенно, когда она стала взрослой панной, а Урсула—невѣстой, о, какъ ловко по могнатски оттерли они ее на задворки и показали, что ея мѣсто, какъ бѣдной „пріймачки“, здѣсь, у этихъ пялецъ, или въ покояхъ Урсулы, смотрѣть за пышными уборами панны или тѣшить ее, когда на панну нападетъ капризная тоска. О, эта Урсула!

Марылька закусила губу и сжала свои соболиныя брови; ея тонкія выточенныя ноздри гнѣвно вздрогнули, а въ синихъ глазахъ блеснулъ снова холодный и злой огонекъ. Всѣ ея муки, всѣ униженія черезъ нее! „Блѣдная, худая, со своими выпуклыми, безцвѣтными глазами, съ волосами ровными и желтыми, какъ и длинное лицо!—перечисляла она съ ожесточеніемъ всѣ достоинства дочери коронnаго канцлера,—со своею маленькою головкой и постоянными думками о томъ, что можно, а чего нельзя, да о чемъ говорилъ

канъ пробощъ". И эта мертвая, бездушная кукла попираетъ ее, заступаетъ ей дорогу къ жизни, къ свѣту, къ красѣ!

Марылька съ ожесточеніемъ оттолкнула отъ себя пяльцы и поднялась во весь ростъ.

Да, именно она! Съ тѣхъ поръ, какъ эта краля стала невѣстой и занялась „полеваньемъ" на жениховъ, затворничество „пріймачки" стало еще строже: имъ страшно выпускать ее въ свѣтъ рядомъ съ Урсулой... У Урсулы приданаго-то немного, и она должна поймать себѣ мужа своею красой,—даже фыркнула Марылька,—и канцлеровскою печатью... Вотъ и ловятъ дурня!

„Ужъ, конечно, ничто иное, какъ эта печать привлекаетъ къ себѣ длинноногую цаплю, этого Самуила Калиновскаго... Отецъ его мечтаетъ стать, при помощи тестя, короннымъ гетманомъ... Ну, и пусть себѣ! Цапля цаплѣ пара! А мнѣ то за что эти вѣчныя будни?"

Марылька прошлась по свѣтлицѣ.

О, эта сѣрая, скучная жизнь!! Ей... ей, Марылькѣ, которая рождена для роскоши, для красы! Да лучше-бъ отпустили ее на волю! Она съумѣла-бъ сама найти себѣ дорогу, при красѣ своей она не побоялась-бы отправиться и съ пустыми руками въ путь! Такъ нѣтъ-же, нѣтъ! Они оберегаютъ ее, они не выпускаютъ ее никуда, дальше этихъ скучныхъ покоевъ. Жалко имъ, вѣрно, разстаться съ мыслью о ея наслѣдствѣ, держатъ ее па всякій случай.

И зачѣмъ ее спасъ Богданъ на турецкой галерѣ? Попала бы она въ гаремъ къ султану, утопала бы въ нѣгѣ, въ роскоши, въ брилліантахъ, въ парчѣ! Тысячи рабовъ были бы къ ея услугамъ... Одного движенія ея бѣлой руки довольно бы было, чтобъ осчастливить покорныхъ и покарать враговъ! „Ахъ,—задохнулась она отъ горячаго прилива крови.—Голова кружится при мысли о той роскоши, славѣ и поклоненьи, которыя разливались бы у моихъ ногъ!..."

Марылька глубоко вздохнула. Грудь ея вздымалась высоко, на щекахъ горѣлъ лихорадочный румянецъ, и маленькія прозрачныя ушки пылали словно въ огнѣ. Она снова прошлась по комнатѣ и остановилась у большого венеціанскаго зеркала, которое висѣло на темной, обитой коврами стѣнѣ.

Въ глубокомъ стеклѣ отразилась передъ ней стройная, молодая красавица.

Пушистые золотые волосы стояли вокругъ лба ея, словно какое-то царственное сіяніе; синіе глаза глядѣли смѣло и увѣренно; изъ за полуоткрытаго розоваго рта выглядывали зубы, ровные и бѣлые, какъ жемчужины. Шелковый кунтушъ ложился вдоль ея стройной фигуры красивыми складками, плотно охватывая тонкій станъ и высокую, пышную грудь.

Нѣсколько мгновеній Марылька стояла передъ зеркаломъ молча, не отрывая отъ своего изображенія гордаго, самодовольнаго взгляда. Но вдругъ складка между бровей ея расправилась, взглядъ синихъ глазъ сдѣлался мягче и нѣжнѣе, и плѣнительная, огненная улыбка освѣтила все лицо молодой красавицы. „Нѣтъ,—прошептала она тихо,—куда имъ всѣмъ до меня!“ Послѣдніе слѣды неудовольствія слетѣли съ ея бѣлаго лба, въ глазахъ заигралъ кокетливый огонекъ, и все ея личико сдѣлалось неотразимо обольстительнымъ въ это мгновеніе.

„Найдется-ли во всемъ королевствѣ хоть одинъ рыцарь, который бы устоялъ передъ этой улыбкой?—Марылька повела лукаво бровью и усмѣхнулась своему изображенью. О нѣтъ! Никто! Однако,—остановилась она и сдвинула свои соболиныя брови, изъ подъ которыхъ сверкнули злымъ огонькомъ ея потемнѣвшіе, какъ сапфиръ, глаза,—и для этой красы нужна оправа. А безъ оправы,—усмѣхнулась она ядовитою улыбкой,—это мишурное, изношенное рыцарство не обратитъ и вниманія. О, бездушныя твари,—топнула она ногою,—я испытала на себѣ ваше оскорбительное отношеніе, ваше надутое чванство, вашу мизерію! Какъ презираю я васъ! Какъ бы я хотѣла теперь имѣть силу и власть, унизить васъ и наступить на васъ своимъ башмакомъ! „Да, всѣ они продажны, всѣ ничтожны, всѣ!“

А Богданъ?

Марылька отбросила головку, и, зажмуривши глаза, постаралась вызвать въ своемъ воображеньи статный и величественный образъ козака.

Высокій, „дужій“, съ гордой панской осанкой и пылкой душой!... На него-бъ опереться не страшно! Правда, онъ изъ козаковъ. Но что до того? Гетманъ, настоящій гетманъ! Орлиный носъ, усы черные, а глаза?... О, она помнитъ, какимъ темнымъ огнемъ загорались они, когда онъ глядѣлъ съ восторгомъ на нее! Сердце замирало, разумъ туманился отъ того горячаго взгляда, который пронзалъ ея сердце острою стрѣлой насквозь. А какъ подымалъ онъ ее на своихъ „дужихъ“ рукахъ, словно легкое перышко...

Мысли Марыльки оборвались, и она вся застыла въ какомъ-то сладкомъ, смутномъ воспоминаніи.

Но вдругъ головка ея сдѣлала рѣзкое движеніе, какъ бы желая стряхнуть съ себя обвѣявшій ее сладкій туманъ.

Только вѣдь это было прежде, а какъ онъ взглянетъ на нее теперь?

Синіе глаза Марыльки открылись снова и взглянули съ улыбкой въ зеркало.

Положимъ, что дѣла призвали его въ Варшаву... но отчего они совпали какъ разъ съ ея письмомъ? А зачѣтъ онъ такъ вспыхнулъ, такъ измѣнился въ лицѣ, когда услыхалъ ея голосъ за дверью. Она вѣдь вскрикнула тогда нарочно и не отрывала отъ скважины глазъ. А отчего онъ весь растерялся, онъ, такой увѣренный и сильный, когда она бросилась къ нему на шею? Отчего онъ прижалъ ее такъ горячо, слишкомъ горячо для батька,—лукаво усмѣхнулась Марылька,—такъ, что она едва выскользнула изъ его рукъ? По лицу Марыльки скользнула снова самоувѣренная улыбка.

„Да, онъ бы могъ и умѣлъ бы любить. Но и тутъ... Охъ, какая-жъ моя горькая доля! Между нами—несокрушимая стѣна! У него жена... семья. Э, да что тутъ разсуждать! Нужно ввѣриться Пресвятой Дѣвѣ, Которая посылаетп его ей на помощь, и пользоваться случаемъ, чтобы вырваться изъ этой темноты!“

Все же она ему дорога... У него отзывчивое сердце, да и будущее еще никому неизвѣстно, а подъ козацкимъ широкимъ и мощнымъ крыломъ жить ей будетъ привольнѣй и веселѣй! Не разъ слыхала она среди магнатовъ его фамилію. Самъ канцлеръ нѣсколько разъ упоминалъ о немъ—говорилъ, что его ждетъ высокая доля... самъ король интересуется имъ. „А!—да что тамъ раздумывать! Хуже здѣшняго не будетъ! Лишь бы увидѣться съ нимъ, упросить, чтобъ вырвалъ меня отсюда.—О!—взглянула она съ гордой улыбкой въ зеркало,—татко Богданъ не откажется быть моимъ опекуномъ!“

Двери тихонько скрипнули, и въ комнату вошла молоденькая служанка съ хорошенькою мордочкой плутоватаго котенка.

Сдѣлавши нѣсколько шаговъ, она остановилась передъ Марылькой и какъ бы замерла въ нѣмомъ восхищеніи.

— Ой, панно, какая пышная, гордая краля!—вскрикнула она, всплескивая руками,—когда бы мнѣ хоть половина вашей красы, я бъ не служницей, а пышною панной была!

— А вотъ, видишь, Зося,—вздохнула Марылька,—никто и не видитъ моей красы, такъ и увяну я въ этихъ скучныхъ мурахъ...

— Нѣтъ, кое-кто ее замѣтилъ,—усмѣхнулась лукаво Зося и приблизилась къ Марылькѣ.

Кто? кто?...

— Тотъ красивый козацкій панъ, что былъ у яснаго князя, пана канцлера.

— Ну, и что же?—перебила ее съ нетерпѣніемъ Марылька.

— Встрѣтилъ меня у воротъ и разспрашивалъ о паннѣ.

— Ой, Зося, ласточка моя!—вскрикнула рѣзво Марылька, охватывая ея шею руками,—да если бы только удалось то, о чемъ

моя думка, я бы взяла тебя съ собою, зажили-бъ мы не какъ „пріймачки“, а какъ вельможные паны!... Ну, и что-жъ?... Что ты сказала ему?

— Говорила, что панна скучаетъ, томится, ни съ кѣмъ не хочетъ видѣться.

— Зося! Разумница ты моя!—охватила Марылька снова ея шею руками,—ну, и что-жъ?... что онъ на это?...

— Червонецъ мнѣ далъ... и велѣлъ передать паннѣ поклонъ.

— Ой! Радость моя! Счастье мое!—вспыхнула вся Марылька и зашептала горячимъ шепотомъ, оглядываясь поминутно на двери:— Когда бы мнѣ только увидѣться съ нимъ хоть на одинъ часокъ... только, чтобы не зналъ объ этомъ никто, кромѣ тебя! Ты не знаешь, Зося, какой онъ панъ важный! Я вѣрю, Зося, что у него высокій таланъ!... А если бы мнѣ только увидѣться съ нимъ, онъ взялъ бы меня съ собою, а я бы упросила панну канцлерову взять съ собой и тебя... Тамъ у него заживемъ какъ вельможныя панны,— золото у него сыпется изъ рукъ, какъ дождь съ неба... Только бы мнѣ удалось увидѣться съ нимъ!

Плутоватая рожица служанки приняла серьезное выраженіе. Ей самой уже надоѣло жить въ строгомъ и скупомъ домѣ пана короннаго канцлера, гдѣ и веселья никто не видалъ, гдѣ и пиры рѣдко бывали.

Здѣсь же у щедрой и не чванной Марыльки, да у такого вельможнаго пана, который даритъ за два слова червонцемъ, ей чуялось и привольное житье, и немалая добыча, а потому-то она и отвѣтила, раздумывая:

— Оно бы хорошо и увидѣться... панъ не устоитъ противъ красы панянки... только гдѣ-же и какъ?

— А, любая моя, подумай... ты все можешь устроить,— обняла ее снова Марылька и, снявши со своей шеи намисто, поспѣшно обвила имъ шею Зоси.

— Это намисто тебѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайся... тебѣ, тебѣ! А какая ты въ немъ лялечка, посмотрись въ зеркало, Іосекъ съ ума сойдетъ, какъ увидитъ тебя! Да что я, бѣдная, не могу теперь ничего больше дать тебѣ, а если ты мнѣ это устроишь, вельможный панъ озолотитъ тебя!

— Вотъ что,—заговорила боязливымъ шепотомъ Зося, оглядываясь на дверь,—сегодня вечеромъ вельможное панство будетъ гулять на пиру у короля. Еслибъ панъ пришелъ вечеромъ сюда, въ замчище, черезъ браму, какъ будто по требованію князя, я бы ему сунула въ руки ключъ отъ потайной калитки, что ведетъ къ старой часовнѣ.

— Отлично, отлично, Зося,—едва не захлопала руками Марылька,—только какъ же пересказать ему.

— Да какъ?—повторила въ свою очередь и Зося.

Съ минуту обѣ дѣвушки напряженно молчали, но вдругъ Марылька вскрикнула радостнымъ голосомъ:

— Вспомнила, вспомнила, Зося,—сегодня онъ будетъ на пріемѣ у короля, панъ канцлеръ отправляется тоже туда съ нимъ. Если-бы ты, Зося, могла поболтать съ Іосекомъ у брамы, пока панъ рыцарь будетъ выходить со дворца?

— Я съ Іосекомъ,—надула капризно губки Зося,—въ ссорѣ, о чемъ съ нимъ говорить?... Онъ такой скучный, ревнивый.

— А ты помирись, такъ онъ и растаетъ, тогда тебѣ удобно будетъ увидѣть пана и шепнуть ему обо всемъ.

— Да ужъ развѣ только для панны,—улыбнулась лукаво Зося.

— Ой, Зося! Такъ устроишь, устроишь, моя лялечка? И если мнѣ только удастся вырваться, вотъ тебѣ мое слово гонору... я возьму съ собой и тебя!

Еще нѣсколько мгновеній лукавая рожица служанки оставалась въ нерѣшительномъ замѣшательствѣ; очевидно, рискованность предпріятія смущала ее, наконецъ, заманчивая перспектива выгоды взяла верхъ и, тряхнувши головкою, Зося шепнула рѣшительно:

— Ну, постараюсь, и если Пресвятая Дѣва поможетъ, козацкій панъ будетъ сегодня у вашихъ ногъ.

День тянулся для Марыльки невыразимо долго. Казалось сборамъ и приборамъ панны Урсулы не будетъ конца. Все у ней не клеилось сегодня. И косы не укладывались вокругъ головы, и „сукня“ висѣла на худой и плоской фигурѣ, словно тряпка на палкѣ, и, главное, видя рядомъ съ собою въ зеркалѣ прелестное личико Марыльки, блѣдная, безцвѣтная Урсула приходила еще въ большее раздраженіе. Наконецъ-то все было готово, и вельможное панство двинулось на пышный пиръ короля.

Запершись въ своей свѣтличкѣ, Марылька занялась, наконецъ, и своимъ туалетомъ.

Распустивши пышные золотые волосы, она надушила ихъ дорогими восточными духами, и, свернувши въ небрежный узелъ, приколола ихъ слегка золотою шпилькой. Затѣмъ она набросила торопливо прозрачную турецкую ткань, взглянула въ зеркало и осталас довольна собой.

Волненіе придало ей еще какую-то особую прелесть: щеки ея поблѣднѣли, а расширившіеся зрачки дѣлали глаза глубокими и блестящими, почти черными.

Часы глухо пробили на башнѣ королевскаго замка. Марылька закрыла поспѣшно лицо прозрачною фанзой и неслышно скользнула изъ комнаты въ корридоръ.

Въ темномъ поворотѣ корридора чья-то маленькая ручка сунула ей большой ключъ, и голосъ Зоси шепнулъ на ухо: „Идите смѣло, ни Іосека, ни стражи не будетъ у входа... Только не очень долго, а то вѣдь мнѣ и надоѣстъ болтать съ ними въ сторожкѣ до пѣтуховъ... Пану я устроила проходъ. Только-жъ, на Бога, возвращайтесь скорѣе... А то, если панство узнаетъ“...

Но Марылька уже не слыхала послѣднихъ словъ; сжавши въ похолодѣвшей рукѣ большой ключъ. она поспѣшно двинулась дальше, затаивъ дыханіе, словно беззвучная тѣнь.

При входѣ „сторожи“ не оказалось, и она проскользнула безпрепятственно въ королевскій садъ.

Часть его, которая примыкала къ дому, занимаемому паномъ канцлеромъ, была совершенно дика и заброшена.

Марылька шла легко и быстро, подвигаясь къ самому концу его, гдѣ внизу у замковой ограды въ заросляхъ сиреневыхъ кустовъ находилась и маленькая забытая часовня.

Ночь стояла тихая, звѣздная, теплая.

Все было спокойно въ переполненномъ ароматами воздухѣ, городъ спалъ въ темнотѣ. Только съ замковыхъ стѣнъ доносилось протяжно и глухо: „вар-туй!.. вар-туй!“ да издали со стороны королевскаго замка доносились временами волны веселой музыки. Стоя на нѣкоторой возвышенности, онъ казался теперь Марылькѣ какимъ-то волшебнымъ замкомъ. Онъ весь горѣлъ огнями, и отъ этого островерхія башни и спицы его казались еще темнѣе.

Марылька бросила въ его сторону полный ненависти и зависти взглядъ, стиснула крѣпко свои хорошенькія губки и быстро двинулась впередъ.

Въ глубинѣ сада, у самой замковой стѣны, она замѣтила маленькую часовеньку. Сердце ея забилось усиленно, когда она вложила большой ключъ въ замочную щель; съ трудомъ повернула она его и, толкнувши съ силою дверь, очутилась въ небольшой часовнѣ.

Двѣ большія иконы во весь ростъ человѣка подымались прямо противъ дверей. У распятія горѣла большая красная лампада и освѣщала всю внутренность часовни таинственнымъ и нѣжнымъ полумракомъ. Въ глубинѣ ея стоялъ черный бархатный аналой. Большая подъемная плита съ желѣзнымъ кольцомъ образовывала полъ.

Въ домѣ носился относительно этой часовни какой-то таинственный, романическій разсказъ. Но Марылька теперь не думала о немъ.

— Придетъ или не придетъ?—вотъ что волновало ее и заставляло биться тревожно ея неробкое сердце. Зося говорила, что устроила ему проходъ сквозь потайную калитку, а что, какъ его замѣтили вартовые, а что, какъ его задержитъ что либо, а что, какъ онъ не захочетъ придти? Это послѣднее предположеніе возмущало всю душу Марыльки. Нѣтъ, нѣтъ,—шептала она,—онъ не забылъ своей Марыльки, онъ придетъ ко мнѣ, какъ и примчался по моему письму.

Такъ прошло полчаса въ тишинѣ и молчаніи, прерываемыхъ только иногда веселымъ взрывомъ скрипокъ, который доносился слабымъ отголоскомъ изъ королевскаго замка въ эту уединенную тишину.

Богдана не было.

Въ высокія, стрѣльчатыя окна часовни смотрѣло звѣздное небо, а сквозь полуоткрытыя двери вливался душистый лѣтній воздухъ. Волшебный замокъ сіялъ издали всѣми своими блистающими огнями...

Слухъ Марыльки до того обострился, что, казалось ей, слышенъ былъ трескъ самой отдаленной вѣтки, падающей въ саду. „О Боже, Боже... неужели не придетъ? Неужели забылъ?—шептала она, опускаясь на колѣни передъ темнымъ распятіемъ,—въ немъ все мое спасеніе; онъ одинъ только можетъ вырвать отсюда меня!“

Но потемнѣвшее распятіе глядѣло, казалось, съ холодною суровостью на молодую красавицу, расточавшую суетныя молитвы у его ногъ.

Вдругъ до слуха Марыльки явственно долетѣлъ шелестъ раздвигаемыхъ вѣтвей... такъ, такъ... еще и еще... шаги! шаги!

Чуть не вскрикнула Марылька, чувствуя, какъ сердце ея замерло на мгновеніе, а потомъ снова забилось горячо и поспѣшно съ неудержимою быстротой.

Однимъ движеніемъ руки она сбросила съ плечъ свое бѣлое покрывало, заложивши руки, сложила ихъ на аналоѣ и опустила на нихъ свою золотистую головку.

Шаги приближались. Теперь она могла уже явственно различать ихъ. Вотъ кто-то остановился въ дверяхъ.

— Любуется, любуется...—пронеслось въ головѣ Марыльки, и она застыла еще неподвижнѣе въ позѣ молящагося ангела.

А въ дверяхъ уже дѣйствительно стояла высокая и статная фигура Богдана.

Заступивши собою весь свѣтъ, проникавшій въ двери, онъ казался какимъ-то могучимъ, темнымъ силуэтомъ и только драгоцѣнное оружіе, парча и камни тускло блистали на немъ при слабомъ свѣтѣ лампады.

Передъ нимъ, въ глубинѣ часовни, стояла на колѣняхъ Марылька, склонившись на аналой своей усталой головкой. Во всей ея позѣ было столько трогательной простоты и грусти, что Богданъ почувствовалъ снова приливъ необычайной нѣжности къ этому слабому, одинокому существу.

„Голубка моя, дожидалась меня!.. Забылась... или заснула въ молитвѣ... не слышитъ, что я уже тутъ",—пронеслось у него въ головѣ. Вдругъ онъ услышалъ тихій стонъ Марыльки, вырвавшійся съ глубокою болью изъ ея груди.

— Марылька!—вскрикнулъ Богданъ и бросился впередъ. Въ одно мгновеніе поднялась Марылька съ мѣста.

Сначала лицо ея изобразило ужасъ, а потомъ все вспыхнуло искреннею дѣтскою радостью и съ подавленнымъ возгласомъ: тату!—бросилась она къ Богдану.

Не успѣлъ опомниться Богданъ, какъ двѣ гибкія, полуобнаженныя руки крѣпко обвились вокругъ его шеи и что-то нѣжное, молодое, благоухающее прижалось къ его груди.

— Дытыно моя, „зирочка" моя, рыбка моя,—шепталъ онъ порывисто, проводя ласковою рукой по ея плечамъ и спинѣ,—да посмотри-жъ на меня, или ты не хочешь и видѣть своего татуся?

Но Марылька ничего не отвѣчала, а только еще горячѣе прижалась къ Богдану, и вдругъ онъ почувствовалъ, какъ все ея стройное тѣло начало нервно вздрагивать у него на груди.

— Марылька, Марысю, ты плачешь?—вскрикнулъ онъ, отрывая ее отъ себя и стараясь заглянуть ей въ лицо; но Марылька поспѣшно закрыла его вуалемъ и, опустившись на скамью, прошептала тихо:

— Нѣтъ, я не плачу, не плачу, я такая дурная, глупая, я такъ обрадовалась татусю,—добавила она совсѣмъ тихо, улыбаясь виновато изъ подъ легкой фанзы.

— Рада, рада? Такъ ты не забыла своего тата? Скучала?

— Ахъ, къ чему спрашивать,—опустила печально головку Марылька,—вѣдь тату это все равно: четыре года я не получала отъ него ни вѣсточки, четыре года встрѣчала день Божій слезой, а ночь—обманутой горькой надеждою.

— Дитятко мое!—сжалъ ея тонкую и нѣжную руку Богданъ,—неужели я тебя могъ опечалить? Вѣдь я же тебѣ писалъ не разъ и отдѣльно, и въ „листахъ" къ Оссолинскому.

Марылька слегка покраснѣла.

— Ничего, ничего не получала—заговорила она поспѣшно, закрывая лицо руками и замотала головкой,—разъ только передалъ мнѣ князь отъ пана сухой поклонъ.

— Не понимаю, почему это и какъ,—развелъ руками Богданъ,—а я самъ оскорбленъ былъ твоимъ равнодушіемъ, твоимъ молчаніемъ. Думки были, что посланная Богомъ мнѣ донька, попавши въ магнатскую семью, опьянѣла отъ роскоши и утѣхъ, да сразу и выкинула изъ головки какого-то козака.

— Ахъ, тато, тато! Какъ тебѣ не грѣхъ такъ обо мнѣ думать?—всплеснула руками Марылька.—Мнѣ только и радости было, чтобы быть съ татомъ, сжиться съ нимъ, дѣлить вмѣстѣ и радости, и горе. Вѣдь мою семью Господь смелъ, вѣдь сирота я на бѣломъ свѣтѣ, а меня тато вырвалъ у смерти и бросилъ на чужія, холодныя руки.

— Бросилъ? Я думалъ, что тебѣ здѣсь лучше будетъ, чѣмъ со мной... что панъ канцлеръ выхлопочетъ у Чарнецкаго твои „маетки“...

— Можетъ, пану тату „маетки“—высшее счастье въ мірѣ, а Марылькѣ...—Марылька остановилась, губы ея задрожали, и она окончила со слезами,—если-бы ее любилъ хоть кто-нибудь на землѣ...

— Бѣдная, бѣдная моя,—проговорилъ съ чувствомъ Богданъ,—такъ тебѣ нехорошо живется у пана канцлера?

— О тату, тату!—вскрикнула съ горечью Марылька,—лучше-бъ мнѣ было въ турецкой неволѣ, чѣмъ здѣсь!

Марылька начала разсказывать Богдану о томъ, какъ она мучилась, сколько она выстрадала за эти четыре года, какъ она молила Бога, чтобы Господь взялъ ее, одинокую, забытую, къ Себѣ. Голосъ ея звучалъ то печально и тихо, когда она говорила о своихъ долгихъ страданіяхъ, то проникался необычайною нѣжностью, когда она вспомнила о томъ, какъ въ долгія, безсонныя ночи думала о своемъ любомъ татѣ Богданѣ и о тѣхъ недолгихъ, счастливыхъ дняхъ, которые она провела вмѣстѣ съ нимъ. Глаза ея то вспыхивали огнемъ, то снова глядѣли на него грустно и печально. Она придвинулась къ нему такъ близко, что ея горячее, порывистое дыханіе обдавало все его лицо... И отъ этой близости прелестнаго молодого созданія, и отъ этого нѣжнаго полумрака, наполнявшаго часовню, и отъ пѣвучихъ отголосковъ музыки, долетавшихъ тихою волной, и отъ чарующаго аромата, наполнявшаго все существо Марыльки,—Богданъ чувствовалъ, какъ кровь приливала къ его сердцу, къ вискамъ, какъ туманилось сознаніе, какъ все выскальзывало изъ его памяти, кромѣ этого дивнаго существа, такъ довѣрчиво льнущаго къ нему. Сегодняшній пріемъ у короля придалъ ему еще больше силы и отваги; гордость и увѣренность переполняли его сердце... Жажда жизни заставляла его биться энергичнѣе и сильнѣе. И ко всему—Марылька... Марылька, являвшаяся ему только

во снѣ, только въ мечтахъ, какъ мимолетное видѣнье... здѣсь... близко, рядомъ съ нимъ... шепчущая ему нѣжныя слова... склоняющаяся своею душистою головкой къ нему на плечо. Все это опьяняло Богдана и вызывало горячую краску на его красивое, гордое лицо. Отъ взгляда Марыльки не ускользало волненіе козака.

— Ахъ, тату мой, тату мой!—продолжала она еще мягче, еще нѣжнѣе,—всѣ они на меня... и все изъ-за панны Урсулы... говорятъ, что меня нельзя выпускать вмѣстѣ съ нею, потому что все панство засматривается на мою красу... Ахъ, на что мнѣ, на что мнѣ эта краса, и любоваться ею некому, и одно горе мнѣ отъ нея! Ой, тату, тату, какъ надоѣло мнѣ все это чванное панство, всѣ вельможи, всѣ пиры! Ничего-бъ я больше и не хотѣла, какъ жить въ маленькой хаточкѣ, въ вишневомъ садикѣ, въ далекомъ хуторкѣ... Замучилась я тутъ, затосковалась... Нѣтъ, тату, у этого вельможнаго панства ни сердца, ни души.

— Радость моя, горличка! А я думалъ про тебя совсѣмъ иное!—вскрикнулъ горячо Богданъ.

— Что же? Тато меня не знаетъ, а здѣсь, охъ, какъ тяжко, „невымовно",—вздохнула Марылька и уронила руки на колѣни.— Я хотѣла просить тата вырвать меня отсюда, взять къ себѣ, если... нѣтъ не ждать ужъ мнѣ счастья, лучше умереть!

— Зирочко моя! Богъ съ тобою, какія думки!—прижалъ ея головку Богданъ къ своей широкой груди и поцѣловалъ золотистыя пряди,—да если моей дытыночкѣ не скучно ѣхать къ намъ на тихіе хутора, такъ это же счастье для меня, великое счастье!...

А Марылька продолжала еще болѣе тихо и мягко, прижимаясь къ его груди головою, словно искала у него оплота и защиты.

— Каждая птичка имѣетъ своего защитника, каждый цвѣточекъ ростетъ на родномъ стебелькѣ, одна я не имѣю ни воли, ни доли, сохну и вяну въ этихъ мурахъ. Охъ, на что спасалъ меня тато на турецкой галерѣ? Лучше бы мнѣ умереть тогда сразу съ думкой о немъ... Только вѣдь мнѣ, все равно, не жить долго, если останусь я здѣсь еще,—руки наложу на себя!

— Не останешься ты больше,—перебилъ ее Богданъ,—я возьму тебя съ собою, я попрошу пана канцлера, короля попрошу, они мнѣ теперь не откажутъ,—въ голосѣ Богдана послышалась увѣренность и гордость.—Не будешь ты больше знать ни слезъ, ни горя, какъ дитя родное приму я тебя. Только какъ покажется тебѣ послѣ вельможнопанскихъ покоевъ мой простой козацкій домъ?

— Раемъ!—вскрикнула восторженно Марылька, а потомъ вдругъ прибавила печально,—только что же это я, а какъ еще вельможная пани приметъ меня, можетъ, и не захочетъ? Я, глупенькая, о себѣ только и думала, а вѣдь въ семьѣ главное „пани-господыня"...

— Ты про жену, Марылько? Квиточко,—началъ смущенно и какъ то неловко Богданъ,—она бы рада была, она бы полюбила тебя, если бы была жива...

— Пани умерла?—вскрикнула Марылька, едва сдерживая захватывающій дыханіе восторгъ и, спохватившись, притихла, постаралась придать и лицу, и голосу выраженіе страшнаго горя.

— Еще не умерла,—поникъ печально головою Богданъ,—но уже совершенный трупъ. Она десять лѣтъ не вставала съ постели, а теперь уже не знаю, застану-ли я ее? Страдалица она, впрочемъ, только и молилась Богу, чтобъ поскорѣе принялъ ее къ Себѣ. Мы всѣ привыкли уже къ этому горю и не смѣемъ на Бога роптать.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный тато!—заломила руки Марылька,—мнѣ теперь еще больше... Впрочемъ, что же могу я, бѣдная?... Охъ, какъ бы я желала утѣшить пана, помочь несчастной пани!—вскрикнула она, и въ ея голосѣ прозвучали искреннія, теплыя ноты, подогрѣтыя такою неожиданною для нея радостью.

— Ангелъ небесный!—прижалъ ее къ сердцу Богданъ,—такъ и лети-жъ къ намъ на утѣшеніе, а мы защитимъ тебя „щирымъ" сердцемъ.

Наступило молчаніе. Марылька, словно потрясенная горемъ, сидѣла грустно, склонивши головку. Богданъ молча любовался ею.

— Ну, открой же свои ясныя оченьки, дай мнѣ посмотрѣть на тебя,—обратился онъ, наконецъ, къ ней ласково.

Марылька молчала, опустивши глаза. Стрѣльчатыя рѣсницы бросали вокругъ нихъ темную тѣнь; казалось, нѣсколько мгновеній она еще не рѣшалась поднять на Богдана очей. Но вдругъ длинныя рѣсницы ея тихо вздрогнули, медленно поднялись, и Богдана обдало цѣлымъ моремъ синихъ теплыхъ лучей.

— Ахъ, какая ты стала, Марылька!—невольно отшатнулся онъ, не отрывая отъ нея восхищенныхъ глазъ.

— Какая-жъ?—усмѣхнулась Марылька по дѣтски, кладя свои руки сверхъ Богдановыхъ рукъ.

— Пышная, гарная, краля, королева!—вырвалось у Богдана слишкомъ пылко.

Марылька почувствовала, какъ сердце ея забилось горячѣй и сильнѣй, а на душѣ стало ясно и покойно.

— Тату до вподобы, и Марылька рада,—проговорила она игривымъ дѣтскимъ голосомъ; въ глазахъ ея вспыхнулъ лукавый, кокетливый огонекъ, углы рта задрожали, и все лицо освѣтилось вдругъ сверкающею, обворожительною улыбкой. Марылька преобразилась. Въ одно мгновеніе грусть и раздумье слетѣли съ ея дивнаго личика: передъ Богданомъ сидѣла молодая, прелестная кокетка, чувствующая и сознающая силу своей красоты...

— Зиронька ясная!—прошепталъ Богданъ, сжимая ея руки въ своихъ.—Ну, скажи-жъ мнѣ еще разъ, скучала-ль ты за татомъ, вспоминала-ль его хоть разокъ?

Марылька нагнула голову и, бросивши на Богдана лукавый взглядъ изъ-подъ соболиныхъ бровей, проговорила съ разстановкой:

— А тато думаетъ какъ?

И отъ этого лукаваго взгляда, и отъ ея звонкаго, дѣтскаго голоска Богдану сдѣлалось вдругъ такъ легко и весело, словно съ плечъ его свалилось двадцать лѣтъ.

— Не знаю,—усмѣхнулся онъ ей также молодцовато,—кто можетъ поручиться за дѣвичью головку?

— А я-жъ тату уже разъ сказала.

— Мало, мало, моя ласточка!

— Ну, такъ вотъ же,—вскрикнула Марылька, обвивая его шею руками,—скучала, скучала, скучала, таточку мой, любый, коханый, о тебѣ одномъ только и думала, тебя только и ждала!..

XXIX

Уже съ часъ добрый сидитъ Богданъ въ кабинетѣ великаго короннаго канцлера и ведетъ съ нимъ бесѣду. Оссолинскій широковѣщательно, хотя и осторожно, рисуетъ Хмельницкому будущіе планы войны, разспрашиваетъ о возможныхъ путяхъ движенія татаръ, совѣтуется объ укрѣпленіи нѣкоторыхъ пунктовъ, а главнымъ образомъ вывѣдываетъ искусными затемнѣніями рѣчи, неожиданными обращеніями, ловкими сопоставленіями про настроеніе козачьихъ умовъ, а наипаче шляхетскихъ: Оссолинскому, видимо, хочется, между прочимъ, выпытать незамѣтно и про себя, не подозрѣваетъ-ли его въ козняхъ шляхетство и не задумываетъ-ли чѣмъ вродить?

Богданъ слушаетъ плавно льющуюся рѣчь Оссолинскаго, отвѣчаетъ ему машинально, а мысли его не здѣсь: онѣ разметались по неизвѣстнымъ ему покоямъ вельможи и ищутъ дорогого образа, и льнутъ къ нему, какъ бабочки къ солнечному лучу. Прислушивается Богданъ, не долетитъ-ли сюда знакомый, мелодическій голосъ, не скрипнетъ-ли дверь, не зашелеститъ-ли глазетный кунтушъ, но вездѣ тихо, методически лишь звучитъ мѣрная рѣчь, словно переливается по камнямъ ручей.

Богданъ ощущаетъ, какъ горячая волна то поднимется къ вискамъ и зажжетъ его щеки румянцемъ, то прихлынетъ къ груди и разольется по ней майскимъ тепломъ, то защекочетъ сладостно въ сердцѣ; онъ чувствуетъ, что каждый фибръ въ немъ дрожитъ и звучитъ, подъ дыханіемъ радости, какъ звучитъ эолова арфа подъ

дыханіемъ вѣтра, и не можетъ онъ заставить себя оторваться отъ этихъ сладостныхъ впечатлѣній: они опьянили его со вчерашняго свиданія съ Марылькой, отогнали отъ глазъ его сонъ, затуманили высокое чувство, навѣянное ему королемъ, и теперь не даютъ собрать разсѣянныхъ мыслей.

А Оссолинскій ведетъ рѣчь объ осторожностяхъ, какими нужно окружить это великое дѣло; онъ совѣтуетъ даже не объявлять козакамъ привилегій до разрѣшенія предстоящаго сейма, такъ какъ слухъ о нихъ можетъ взбудоражить шляхетство и повредить въ вопросахъ вооруженія, собиранія войскъ и войны.

— А послѣ, когда вопросы эти будутъ утверждены,—забарабанилъ онъ пальцами по столу,—тогда не только оглашайте козакамъ эти „привилеи“, а говорите смѣло, что при вѣрной ихъ службѣ своему королю, они заполучатъ еще гораздо большія...

— О, ясный княже,—замѣтилъ Богданъ,—да съ нами вы всѣхъ сокрушите и создадите единую власть, а она одна лишь сможетъ поднять и правду, и силу, и славу... Но, вотъ, относительно „привилеевъ“, такъ тяжело скрывать отъ обиженныхъ такую милость и радость, но если это необходимо pro bono publico... (для общественнаго блага),—остановился онъ, подавленный назойливою мыслью.—„Нужно переговорить непремѣнно съ нимъ про Марыльку, она такъ просила... Я поклялся отцу ея... ей... Нужно прямо сказать, только бы улучить минуту... а время идетъ“... Да, такъ, если это необходимо,—спохватился онъ,—то все же слѣдуетъ сообщить хотя вѣрнѣйшимъ изъ старшины: они не выдадутъ тайны, а ободрятся и ободрятъ другихъ“.

— Да, пожалуй,—протянулъ неувѣренно Оссолинскій.—Но во всякомъ случаѣ... Сеймъ будетъ черезъ три, четыре мѣсяца,.. при томъ же, тутъ взаимные интересы... Хотя все таки скрытое дѣло— половина побѣды... Придется много поднять... нужно усилій и твердости, зоркаго глаза,—какъ бы про себя произносилъ онъ отрывочно, жмуря глаза.

А Богданъ въ это время рѣшалъ мучительный, неотвязный вопросъ: отпустить-ли къ нему въ семью Оссолинскій Марыльку, или удержитъ ее какъ corpus delicti (фактъ преступленія) Чарнецкаго, для новыхъ попытокъ возвратить похищенное имъ наслѣдство? Марылька вѣдь говорила, что онъ эту мысль бросилъ, что оказалось ему не подъ силу тягаться съ Чарнецкимъ... „Ну, и слава Богу,— это мое счастье... У меня спрятана записочка батька ея про кладъ, быть можетъ, когда и найдемъ... Э, да что это все передъ Марылькой? Она сама дороже всѣхъ сокровищъ на свѣтѣ: какъ расцвѣла, какая невиданная краса!... Просилась, говоритъ, что тоско-

вала по мнѣ. Господи! Да неужели же? Нѣтъ, не то, не то!... Она любитъ меня, какъ отца, какъ покровителя, а я ее?... Охъ, избави насъ отъ лукаваго и омой мою душу исопомъ... и я ее, какъ отецъ... да и какъ не любить этого ангела?... Покойнику вѣдь поклялся и любить, и лелѣять, и защищать ее отъ напастей... А если не отпуститъ и снова придется разстаться, и разстаться, быть можетъ, на вѣки?... Такъ что же?"—попробовалъ было возразить себѣ Богданъ, но сердце его сжалось томительной тоской.

— Да,—произнесъ рѣшительно Оссолинскій, ударивши рукою по столу,—нужно будетъ съѣздить самому и къ императорамъ, переговорить и съ Мазарини, да и Швецію какъ нибудь успокоить. Знаешь что, пане-писаре генеральный, не поѣдемъ ли мы вмѣстѣ въ чужіе края? Ты вѣдь тамъ бывалъ и мнѣ можешь быть въ помощь.

Богданъ вздрогнулъ съ головы до ногъ и не нашелся сразу, что отвѣтить: словно громъ, поразили его эти слова; они безжалостно, сразу обрѣзывали ему всѣ надежды вырвать отсюда Марыльку, увезти въ свою семью, видѣть ее ежедневно, слышать ея серебристый смѣхъ и обаятельно ласковый голосъ, ловить улыбку. Да, со вчерашняго дня онъ уже свыкся съ этою мечтой, пригрѣлъ ее у самаго сердца—и вдругъ, въ далекія страны, за моря, за горы и на какое время? А что станется безъ него здѣсь? Нѣтъ, это возмутительное предложеніе, непомѣрная жертва и для чего? Для прихоти вельможной, чтобъ его бѣсъ на рога поднялъ!—мелькало у него раскаленными иглами въ головѣ.

— Простите, ясный княже,—овладѣлъ, наконецъ, собою Богданъ,—я такъ взволнованъ этимъ лестнымъ для меня предложеніемъ, что не нахожу словъ благодарности... ѣхать съ княжьей милостью... быть полезнымъ... да отъ этакой чести голова закружится...

— Спасибо, пане писарь,—оживился и повеселѣлъ Оссолинскій,—такъ у меня выходитъ будетъ въ дорогѣ отмѣнный товарищъ... Мы, значитъ, такъ и распорядимся.

— Только вотъ, кому бы поручить, понаблюсти за козаками въ Украйнѣ,—раздумчиво замѣтилъ Богданъ,—время то опасное... чтобы передъ сеймомъ не выкинули штуки?

— Неужели же ихъ не образумитъ Барабашъ?

— Э, княже, куда ему! Онъ въ общихъ войсковыхъ „справахъ" прекрасно распорядится, и порохъ нюхалъ не разъ.. но съ „палыводами" онъ не знается... а они то, при скукѣ, и первые зачинщики „жартовъ"...

— Досадно,—пробурчалъ Оссолинскій, заходивъ по кабинету,—а можетъ быть, панъ знаетъ кого, кто имѣлъ бы тамъ вліяніе?

— Знаю то я много и разумныхъ головъ, и рыцарей удалыхъ,—улыбнулся Богданъ,—да всѣ то они чертовски „завзяты“, именно тѣ „палыводы“, что въ самое пекло полѣзутъ и бѣса за хвостъ вытащатъ... А, чтобъ они смирно сѣли, какъ бабы за прялку, то врядъ ли!... Меня то до поры, до времени кое-какъ слушали... а вотъ только что выѣхалъ—и догналъ меня слухъ въ дорогѣ, будто кто-то затѣваетъ новый бунтъ.

— Ой, ой!—даже закрылъ уши канцлеръ,—да вѣдь это поднимается цѣлая буря!

— Знаю, ясный княже,—оттого-то меня такъ это все и тревожитъ... положимъ, не безъ того, что и прибрехали,—успокоилъ немного Хмельницкій,—а все-таки, какая-либо пакость да есть...

— Такъ тебѣ, пане, никакъ нельзя ѣхать со мной... тебѣ нужно тамъ быть и употребить всѣ усилія, чтобы воздержать ихъ отъ безчинствъ: это особенно важно передъ сеймомъ... Боже, какъ важно!—заволновался панъ-канцлеръ.—Если будетъ хоть какой-либо поводъ отъ нихъ къ негодованію, подозрѣніе падетъ на насъ, что мы потворствуемъ, и провалятся всѣ наши начинанія... И будетъ ли черезъ выходки этихъ нетерпѣливыхъ безумцевъ желанный исходъ? Вѣдь только конецъ дѣло вѣнчаетъ!

— О, какъ справедливы слова вашей княжьей милости,—отозвался сочувственно Богданъ,—какъ ни жестока ко мнѣ судьба относительно почестей, какъ ни надѣляетъ она взамѣнъ большой радости—тревогами, опасностями, борьбой,—но передъ долгомъ я не смѣю роптать,—вздохнулъ глубоко Богданъ, боясь, чтобы не выдала его дрожавшая внутри радость...

— Нѣтъ, нѣтъ... что дѣлать!—тревожился болѣе и болѣе канцлеръ,—нужно возвращаться домой и найскорѣе... необходимо употребить всѣ усилія, чтобы козаки притихли, притаились, умерли, чтобы можно было приписать ихъ полное смиреніе нашей маленькой ласкѣ... А если случилась какая пакость, то отнести ее къ прежнимъ порядкамъ... Да! Нужно поспѣшить, дать мнѣ обо всемъ знать, а то я и самъ пріѣду, отбывши сеймъ, непремѣнно пріѣду.

— Осчастливитъ ясный князь всѣхъ и меня въ особенности, а если его княжья мосць посѣтитъ еще мою скромную хату, то эта честь будетъ для меня найвысшей наградой...

— Непремѣнно, непремѣнно, —улыбнулся привѣтливо канцлеръ,—я прямо къ пану, въ твой знаменитый, слыхали, Субботовъ.

— Нѣмѣю отъ восторга,—прижалъ къ груди руку Богданъ,—вотъ и награда за огорченіе, а я еще роптал на судьбу! Значитъ, только молиться Господу Силъ о ниспосланіи намъ святой ласки.

— Его Панская воля!—поднялъ набожно глаза Оссолинскій.

„Фу, гора съ плечъ!—вздохнулъ облегченно Богданъ,—а то чуть было все не пропало,—думалъ онъ,—теперь, кажись, стрѣла пролетѣла мимо. Можно и про Марыльку спросить“.

— А что, ясный княже,—началъ неувѣренно Хмельницкій,—какъ поживаетъ спасенная мною панна?—Богданъ усиливался придать равнодушный, небрежный тонъ голосу, но это не выходило.—Я вотъ за хлопотами всякими забылъ освѣдомиться... а лѣтъ пять, почитай, не видѣлъ...

— Панъ про Марыльку спрашиваетъ?—словно очнулся канцлеръ,—что-жъ, ничего... поживаетъ... выросла, похорошѣла, всѣхъ плѣняетъ... Но ея красота идетъ, кажется, въ разрѣзъ съ качествами души, отуманиваетъ ее: все чѣмъ-то недовольна панна... работать совсѣмъ не желаетъ... хочется ей изъ Варшавы... Полагаю, что ее гложетъ зависть къ положенію другихъ... жажда къ пышному „малжонству“, чтобы splendere et imperare (блистать и повелѣвать), а такого-то бѣдной дѣвушкѣ не найти—вотъ и раздраженіе и недовольство...

— Неужели эту юную головку обуялъ змѣй честолюбія?—усомнился въ обидныхъ предположеніяхъ княжьихъ Богданъ,—быть можетъ, сиротливое сердце ищетъ просто „щирой“ любви?

— Возможно... только въ нашемъ домѣ она была, какъ равная, какъ шляхтянка... Правда, ей, бѣдняжкѣ, все неудачи... Да, къ свѣдѣнію, и наслѣдство ея совершенно ускользнуло—и вслѣдствіе лишенія всѣхъ правъ и защиты законовъ „баниты“, и вслѣдствіе права перваго захвата, и, наконецъ, вслѣдствіе того, что этого волка Чарнецкаго можно заставить возвратить заграбленное лишь силою... вооруженной рукой... Таковы-то порядки въ этой пресловутой Рѣчи-Посполитой!

— Я такъ и думалъ,—печально замѣтилъ Богданъ.

— Ну, такъ вотъ и это обстоятельство ее гнететъ,—продолжалъ канцлеръ, высморкавшись съ достоинствомъ, громко и напоивъ воздухъ ароматомъ своего платка,—однимъ словомъ, она куда-то стремится... вспоминаетъ пана...

— Бѣдняжка,—вспыхнулъ Богданъ,—я далъ клятву умирающему отцу, что приму и воспитаю его дочь, какъ родное свое дитя, сдѣлаю сонаслѣдницей моего скромнаго состоянія... Оттого, быть можетъ, она...

— Это съ панской стороны высокій, шляхетный поступокъ... и если эта сиротка семьи его не стѣснитъ...

— Никогда на свѣтѣ!

— Да,—протянулъ канцлеръ, пристально взглянувъ на Богдана,—это значитъ можетъ уладить нѣкоторое...—канцлеръ подъискивалъ слово—нѣкоторое недоразумѣніе... Видишь-ли, пане, Урсула, моя дочь, недавно просватана за сына гетмана Калиновскаго Самуила...

— Привѣтствую вашу княжью милость,—поторопился встать и низко поклониться Богданъ,—съ этою семейною радостью. Дай Богъ, чтобъ имъ сіяло вѣчное солнце безъ тучъ и безъ бурь.

— Спасибо, пане-писаре,—протянулъ руку канцлеръ,—такъ вотъ, когда Господь благословитъ и исполнится этотъ союзъ, то Марылька, дѣйствительно, останется здѣсь одна еще на большую тоску и уныніе...

Каждое слово Оссолинскаго ложилось благовоннымъ елеемъ на душу Богдана; въ порывахъ сердечныхъ восторговъ онъ мысленно шепталъ какія-то отрывочныя фразы молитвъ, ровно-бы въ давніе юные годы, стоя на экзаменѣ передъ строгими патерами. „Господи помоги!... Впуши ему... не отринь отъ меня этого счастья!"

— Не отпуститъ-ли князь Марыльку ко мнѣ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Богданъ.—Клянусь, что она займетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто, наравнѣ съ моими дѣтьми, что вся семья моя почтетъ за соизволеніе Бога...

— Я вполнѣ пану вѣрю,—прервалъ его, видимо довольный этимъ предложеніемъ канцлеръ, хотя и постарался придать своимъ словамъ болѣе небрежный тонъ. Панна теперь стѣсняла его и служила часто предметомъ укоровъ со стороны пани канцлеровой.—И отецъ ея, поручивъ дочь свою пану, такъ сказать, указалъ единственно въ тебѣ ей покровителя, да и веселѣе ей тамъ будетъ... Но мы такъ привыкли, такъ привязались къ этому милому дитятку, особенно жена и Урсула... просто души въ ней не чаятъ... намъ тяжело будетъ съ нею разстаться, но если она сама пожелаетъ къ пану, то мы, конечно, „eo ipso"... должны поступиться своими утѣхами, ради ея счастья... Во всякомъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исключительно ей.

— Желательно бы знать,—нерѣшительно заявилъ Богданъ, чувствуя, что у него хочетъ выпрыгнуть изъ груди, отъ охватившей его радости, сердце,—такъ какъ его княжья мосць торопитъ меня выѣздомъ...

— Да, да,—засуетился Оссолинскій,—такъ это можно сейчасъ,—всталъ онъ и остановился противъ Богдана.—Панъ еще не видѣлъ своего пріемыша?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ было Богданъ, но, вспомнивъ, что могъ кто-либо видѣть его здѣсь или въ саду, вмѣстѣ съ Марылькой, а

то и она сама могла сознаться,—смутился и началъ неловко поправляться,—т. е. видѣлъ случайно, вскользь, выходя изъ дворца.

— Такъ вотъ лучше что,—потеръ руки канцлеръ,—панъ не откажется „поснѣдать“ вмѣстѣ съ моею семьей, выпить „келехъ“ бургунскаго, присланнаго мнѣ въ подарокъ отъ его эминенціи Мазарини. Семья моя будетъ только одна. Панъ тамъ увидится съ своею названною дочкой,—тамъ и столкуемся.

— Много чести,—поклонился Богданъ,—не знаю, какъ и благодарить.

— Пойдемъ, пойдемъ, любый пане,—взялъ слегка подъ руку Богдана Оссолинскій и отворилъ боковую дверь.

Пройдя черезъ амфиладу роскошныхъ покоевъ, ввелъ Оссолинскій Богдана въ столовую, отдѣланную орѣхомъ и дубомъ, и увѣшанную кабаньими, турьими и олеными головами; направо отъ входныхъ дверей громоздился до самаго потолка чудовищный изразцовый каминъ, украшенный вверху рядомъ синихъ фарфоровыхъ фигуръ, а налѣво, напротивъ, стоялъ огромнѣйшій краснаго дерева буфетъ, изукрашенный рѣзными барельефами и наполненный золотою и серебряною посудой.

Въ столовой сидѣли уже за столомъ ясноосвѣцоная жена канцлера, княгиня Каролина, ея дочь, безцвѣтная блондинка Урсула, и Марылька; послѣдня, замѣтивъ входящаго Хмельницкаго, вспыхнула до корня волосъ и быстро подошла къ буфету, словно желая отыскать что-то, да и прикрылась дверкой, какъ щитомъ...

Оссолинскій представилъ женѣ своей Богдана; та свысока поклонилась и произнесла сквозь зубы:—„Привѣтствую пана.“

— Падаю до ногъ ясноосвѣцоной княгини,—отвѣсилъ Богданъ глубокій, почтительный поклонъ.

Урсула окинула козака высокомѣрнымъ взглядомъ, наклонила завитую, съ претензіей зачесанную голову и процѣдила:—„Пусть панъ сядетъ“.

— Ваше милостивое вниманіе, ясная княжна, вызываетъ въ моемъ козачьемъ сердцѣ порывы благодарности: въ прекрасномъ тѣлѣ душа всегда прекрасна.

Марылька быстро оглянулась на Богдана и снова закрылась дверкой буфета.

— Панъ слишкомъ щедръ на похвалы,—отвѣтила съ кислою улыбкой Урсула,—но я ихъ не могу принять на свой счетъ.

— Однако, я не знала, что козацкіе рыцари такъ же хорошо владѣютъ словомъ, какъ и мечемъ,—снисходительно удивилась княгиня.

— Красота, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ элегантно Богданъ,—дѣлаетъ чудеса и Марсъ слагалъ гимны Кипридѣ.

И мать, и дочь переглянулись, наградивъ козака одобрительною, теплою улыбкой.

— Да онъ всѣхъ здѣшнихъ рыцарей за поясъ заткнетъ... какъ величественъ, элегантенъ... Гетманъ, гетманъ... король!— шептала Марылька, смотря украдкой черезъ щель дверки на Хмельницкаго.

— Виватъ!—воскликнулъ Оссолинскій,—его мосць, выходитъ, такъ же опасенъ и въ салонѣ, какъ и на полѣ битвы... А гдѣ же Марылька?—взглянулъ онъ вокругъ.—А, вонъ гдѣ!

Дѣвушка опустила голову еще ниже, и у нея отъ смущенія блеснули на длинныхъ рѣсницахъ двѣ непослушныхъ слезинки.

— Полно, „ясечка", не смущайся,—взялъ ее за подбородокъ канцлеръ,—подойди къ его мосци, поздоровайся съ нимъ родственно, какъ со своимъ покровителемъ, вѣдь онъ и до сихъ поръ о тебѣ, сироткѣ, заботится, какъ о родной дочкѣ,—и, взявъ ее за руку, канцлеръ подвелъ къ Хмельницкому, что стоялъ словно на раскаленномъ полу.

Марылька остановилась передъ нимъ смущенная, съ потупленными очами, осѣненными стрѣлами влажныхъ рѣсницъ.

— Здравствуй, ясная панна, ввѣренная мнѣ Богомъ!—промолвилъ Богданъ радостно и привѣтливо.—Какъ ся маешь, какъ поживаешь?

Марылька взглянула на него темною лазурью своихъ чарующихъ глазъ, а въ нихъ сверкнула и теплая признательность, и безконечная нѣга; Богданъ, чтобы скрыть искрившійся въ его глазахъ восторгъ, опустилъ теперь тоже рѣсницы.

— Привѣтствую посланнаго мнѣ Богомъ спасителя,—пропѣла, наконецъ, вкрадчивымъ, мелодическимъ голосомъ панночка,—я счастлива, что привелъ Господь мнѣ снова увидѣть моего покровителя, которому покойный отецъ поручилъ свою сироту...—опустила она снова глаза, блеснувшіе влагой.

— Да развѣ такъ спасителя и благодѣтеля привѣтствуютъ?— отозвалась, хотя и мягко, но съ оттѣнкомъ насмѣшливой надменности, княгиня,—къ отцу подходятъ къ рукѣ.

Марылька сдѣлала движеніе, но Богданъ предупредилъ ее:

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое... я, по праву моихъ родственныхъ чувствъ, поздороваюсь лучше такъ...—и онъ, обнявши своими мощными дланями ея головку, поцѣловалъ ее отечески въ лобъ.

Натянутая сцена яко-бы первой встрѣчи была, наконецъ, прервана приходомъ слугъ и размѣщеніемъ снѣдей. За завтракомъ

завязался общій разговоръ о предстоящихъ торжествахъ и пирахъ въ Варшавѣ, о Радзивилѣ, что своей царской роскошью и великолѣпіемъ сводитъ съ ума столицу и разоритъ многихъ, о томъ, что къ предстоящимъ празднествамъ тратятся на наряды чудовищныя суммы, что „паненки“ и пани не хотятъ ударить лицомъ въ грязь передъ волошками, славящимися своимъ богатствомъ.

Богданъ по этому поводу разсказалъ много интереснаго и поучительнаго про нравы и обычаи молдаванъ, про ихъ семейную жизнь, представляющую смѣсь таинственнаго востока съ вольнымъ западомъ, про роскошь пировъ, про увлекательную игривость волошекъ-красавицъ, про ихъ соблазнительные наряды. Богдану приходилось не разъ тамъ бывать и онъ изучилъ прекрасно страну. Разсказы Богдана заняли и оживили всѣхъ собесѣдниковъ; даже чопорная княгиня съ дочкой спустились съ высоты своего величія и начали восторгаться остроуміемъ и свѣтскою веселостью своего гостя. Марылька же, хотя и молчала, но глаза ея такъ радостно, такъ побѣдно сверкали, что нельзя было и сомнѣваться въ ея восторгѣ. Когда же Богданъ перенесъ свои разсказы изъ Болгаріи въ рыцарскіе замки надъ Рейномъ и началъ описывать пышные турниры, блескъ оружія, трубы герольдовъ, роскошные выѣзды, ложи очаровательныхъ дамъ, награждающихъ побѣдителей и розами, и улыбками, и любовью, то у Марыльки закружилось все въ головѣ какими-то радужными цвѣтами, словно въ блестящемъ калейдоскопѣ, сердце забилось и больно, и сладко, а въ груди поднялись волны, напоявшія ее жаждой извѣдать этотъ міръ блеска, радости и несущихся на встрѣчу восторговъ и поклоненій... въ наклоненной головкѣ ея что то смутно стучало: „Ахъ какой онъ интересный, „эдукованный“, все видалъ, все знаетъ, съ нимъ не стыдно нигдѣ!“

— Панъ до того увлекательно говоритъ, что его заслушаешься,— замѣтила, наконецъ, граціозно княгиня.

— Да, очень занимательно...—прожурчала княжна,— панъ такъ много выѣздилъ.

— Не въ томъ дѣло,— наполнилъ канцлеръ себѣ и Богдану кубки бургунскимъ,—иной исколеситъ весь свѣтъ, а вернется еще глупѣе домой... Тому, кого Богъ отмѣтилъ талантомъ, тому только и чужое все въ прокъ, и онъ собранными сокровищами знанія подѣлится съ другими и принесетъ ихъ на пользу своей отчизны... такъ вотъ...— подлилъ онъ женѣ и паннамъ мальвазіи,—выпьемъ за то, чтобы нашъ „шановный“ гость положилъ свои таланты у ногъ нуждающейся въ нихъ Рѣчи Посполитой.

Дамы охотно поддержали предложенный тостъ. Богданъ былъ тронутъ такимъ почетнымъ вниманіемъ и въ изысканныхъ, искрен-

нихъ выраженіяхъ благодарилъ яснѣйшихъ вельможъ. Княгиня, подогрѣтая еще мальвазіей, до того оживились, что сообщила даже нѣсколько городскихъ сплетенъ и анекдотъ про княгиню Любомирскую, сказочную яко-бы невѣсту стараго гетмана.

— А его ясновельможная мосць въ Варшавѣ? — освѣдомился Хмельницкій.

— Нѣтъ, пане,—отвѣтила съ насмѣшкой княгиня,—поплелся съ Любомирскими въ Львовъ встрѣчать молодыхъ... Въ подагрѣ, а туда-жъ! Ногу лѣвую волочитъ, а правой притопываетъ въ полонезѣ—умора!

— У всякаго изъ насъ есть свои слабости,—замѣтилъ князь строго,—а человѣческія слабости требуютъ снисхожденія... тѣмъ болѣе, если онѣ покрываются съ избыткомъ доблестями ума и сердца, и обильною любовью къ отчизнѣ...

— Но согласись, княже, что въ его лѣта ухаживанья и затѣи женитьбы смѣшны,—возразила княгиня.

— Вѣдь это все преувеличено,—пожалъ плечами панъ канцлеръ, — и наконецъ, — обратился онъ съ улыбкой къ Богдану,— красота для всѣхъ возрастовъ всемогуща...

Послѣдній почему-то смутился и отвѣтилъ не совсѣмъ впопадъ:

— Да, такого великаго гетмана, какъ его ясная мосць Конецпольскій, съ такимъ прозорливымъ взглядомъ на государственныя задачи, не было еще у насъ, да и не будетъ пожалуй...

Княгиня закусила губу, а княжна перевела сейчасъ разговоръ на другую тему.

— А какая, говорятъ, красавица эта господаревна Елена, дочка Лупула,—заявила она,—такъ просто сказка! Князь Янушъ, говорятъ, чуть-ли не сошелъ съ ума да и все, вѣроятно, вельможное рыцарство наше ошалѣетъ.

— Ты уже сдѣлай маленькое, единичное исключеніе хотя для одного,—подчеркнулъ Оссолинскій игриво Урсулѣ.

Княжна вспыхнула пятнистымъ румянцемъ и закрылась салфеткой.

— Да, красавица у Лупула не эта Елена, а меньшая, дѣвочка еще, Розанда,—промолвила княгиня.

— Не Розанда, мамо, а Розоланда,—возразила Урсула.

— Все равно, милая,—вставилъ князь,—и Розанда, и Розоланда, и Роксанда: это ихъ волошскія ласкательныя отъ Александра, а что она отличается необычайною красотой, такъ это правда, всѣ кричатъ...

— Но вѣдь ей еще только двѣнадцать лѣтъ,—замѣтила княжна,—а съ этого возраста лица измѣняются очень, да и странно, что о такомъ ребенкѣ кричатъ.

— Ничего нѣтъ страннаго,—взглянулъ на нее отецъ,—все выдающееся, необычайное поражаетъ всякаго съ ранняго возраста... Вотъ, еслибъ у меня былъ сынъ теперь восемнадцати лѣтъ, и я бы могъ помечтать о такой невѣсткѣ...

„Тимко",—почему то мелькнуло въ головѣ Богдана, но онъ самъ разсмѣялся въ душѣ этому сопоставленію.

А Марылька все время сидѣла нѣсколько въ сторонѣ и не вмѣшивалась въ разговоры: или она взволнована была присутствіемъ тата, или по привычкѣ держалась указанной роли.

Когда явства всѣ были убраны, а на столѣ остались лишь кувшины, да пузатыя фляги, да кубки, а затѣмъ и прислуга ушла, тогда Оссолинскій повелъ, наконецъ, бесѣду про жгучій для Богдана вопросъ.

— Вотъ что, княгиня,—обратился онъ серьезнымъ тономъ къ женѣ,—панъ писарь его королевской мосци, нашъ дорогой гость, проситъ, чтобы мы отпустили сиротку Марыльку къ нему, въ его семью, такъ какъ онъ принимаетъ ее за дочь, да и предсмертная воля покойнаго отца ея выразилась въ томъ же, и панъ Хмельницкій далъ клятвенное обѣщаніе ее исполнить... Такъ, какъ ты думаешь, кохана Карольцю?

— Да, я прошу объ этомъ душевно вашу княжью мосць,—всталъ и поклонился Богданъ.

Эта неожиданная просьба обрадовала и мать, и дочь, а наиболѣе, конечно, Марыльку.

— Если такъ, то мы не имѣемъ права удерживать панны, хотя бы это было для насъ и больно,—отвѣтила съ худо-скрываемой радостью княгиня.

Марылька взглянула на Богдана такимъ взглядомъ, отъ котораго затрепетало у него все: въ немъ была и благодарность, и нѣга, и залогъ неисчерпаемаго блаженства.

— Да, и я говорю,—добавилъ канцлеръ,—что съ Марылькой разстаться намъ больно: мы такъ привязались къ ней... но для ея счастья мы должны себя забыть... Здѣсь рѣшающій голосъ принадлежитъ ей... Ergo, согласна-ли ты, Марылька, уѣхать съ паномъ Хмельницкимъ и войти, такъ сказать, въ его семью?

Всѣ обратили взоры на Марыльку. Богданъ, хотя и зналъ возможный ея отвѣтъ, но, тѣмъ не менѣе, сидѣлъ, какъ на угляхъ.

Марылька подняла, наконецъ, глаза и взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ заявила:

— Да, я согласна, потому что я вѣрю въ искреннее, безкорыстное расположеніе ко мнѣ вельможнаго пана, порукой этому его доблестное благородное сердце... да и, наконецъ, отецъ мой, страдалецъ, ему меня поручилъ. Великодушный рыцарь спасъ мнѣ жизнь, обласкалъ меня, онъ и его семья единственные мнѣ близкіе люди на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Мнѣ только остается вмѣстѣ съ моимъ покойнымъ отцомъ молиться за нихъ... и бла...—но голосъ ея оборвался, и изъ ея прекрасныхъ очей вдругъ покатились жемчужныя слезы.

Богданъ до того былъ растроганъ, что чуть не бросился осушать поцѣлуями ея слезы.

— Вотъ какъ!—протянула недовольно княгиня.

— Да ей, мамо, дѣйствительно тамъ будетъ удобнѣе, проще и... болѣе подходяще,—добавила язвительно княжна.

— Ну, значитъ, благодаря Богу, устроилось,—произнесъ сухимъ тономъ и канцлеръ.—Такъ собирайся же поскорѣе, моя панно: его мосць спѣшитъ, ему и одного дня нельзя больше остаться въ Варшавѣ. А какъ же она, мой пане, поѣдетъ?—обратился онъ къ Хмельницкому.

— Пусть ясное вельможество не безпокоится: я достану удобный „повозъ“, колымагу, что нужно, обставлю удобствами, почетомъ,—дрожалъ Богданъ, словно въ лихорадкѣ.

— Но удобно ли, что одна?—покосилась на мужа княгиня.

— Я Зосю подарила Марылькѣ,—торопливо сообщила княжна, боясь, чтобы мать въ сердцахъ не затѣяла разстроить этой поѣздки.—Она такъ ей предана и досмотритъ отлично въ дорогѣ, право, мамо!—бросила она въ ея сторону выразительный взглядъ.

— А коли такъ,—кивнула незамѣтно головою княгиня,—то дѣло устраивается, и мы можемъ только сказать нашей бывшей временной гостьѣ: съ Богомъ!

Марылька поблѣднѣла на мигъ, глаза ея вспыхнули гнѣвомъ, выраженіе лица освѣтилось презрѣніемъ.

А Богданъ стоялъ словно очарованный и не слышалъ, и не понималъ, что вокругъ него происходило; въ головѣ у него стоялъ чадъ, въ груди звучала пѣснь жизни, а въ сердцѣ трепетало молодое, неизвѣданное имъ счастье.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ[1].

(1846—1877 г.г.).

26.

Какъ мнѣ возблагодарить Васъ, почтеннѣйшій изъ земляковъ, за все, что вы для меня дѣлаете? Поистинѣ: Prodesse qui vult, nec potest aeque, est miser. Да вже жъ колы-небудь и якъ небудь выплатымо й мы вамъ свій довгъ.

Справедливо все, что Вы изрекли объ Иванѣ IV, но согласитесь, что онъ представляетъ собою любопытный и поучительный примѣръ, какъ несчастенъ человѣкъ съ горячимъ характеромъ, съ испорченнымъ сердцемъ и съ неограниченною властью дѣлать худое! Кромѣ того, интересуютъ меня въ его эпоху нѣкоторые вопросы касательно отношеній низшихъ сословій къ высшимъ: носъ мой чуетъ тутъ издали романтическія комбинаціи. Какъ бы то ни было, всякое новое знаніе дѣлаетъ голову свѣтлѣе и способнѣе къ узнанію неизвѣстнаго еще ей. Благодарю Васъ за каталогъ изданій Историческаго Общества.

На это письмо Вамъ нечего отвѣчать, а при новой книжкѣ „Чтеній" потрудитесь написать всякой разъ хоть по двѣ строчки о своемъ благоденствіи и еще о чемъ-нибудь, что для меня было бы полезно знать. Вашъ П. Кулѣшъ.

1848, янв. 17 Тула.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 10.

34 [1]).

Октября 28, 1848. Тула.

Я все ожидалъ разрѣшенія оставить Тулу, чтобъ похвалиться своимъ благополучіемъ Вамъ, почтеннѣйшій землякъ; но ожиданіе мое не исполнилось, и я по другой причинѣ продолжалъ свое молчаніе: не хотѣлось и увѣдомлять Васъ о томъ, что непріятно ни говорить, ни слышать. Теперь изъ одной крайности перехожу въ другую: сбираюсь купить домъ въ Тулѣ и зажить въ немъ такъ спокойно да мирно, чтобъ не хотѣлось и на родину. Меня сперва сильно мучила непривѣтливость и грубость Туляковъ, но нѣтъ зла, съ которымъ не возможно бы было сжиться, и я на это смотрю теперь, какъ суровость климата или другое физическое зло. Есть что-то даже пріятное въ совершенномъ отчужденіи отъ окружающаго насъ народонаселенія: дѣлаешь, что хочешь, распоряжаешься съ собою, какъ заблагоразсудится. Службы мнѣ до сихъ поръ не дали, и будущность съ этой стороны не представляетъ мнѣ ничего утѣшительнаго. Я не пріобрѣлъ ни единаго знакомаго въ теченіе цѣлаго года, а враговъ и ненавистниковъ знаю, что пріобрѣлъ очень довольно, и если мнѣ удастся быть счастливымъ здѣсь въ своемъ уединеніи на зло обстоятельствамъ и людямъ, то я буду истинный герой жизни.

Благодарю Васъ за здравый совѣтъ объ Одиссеѣ. Сбившись съ дороги обычныхъ трудовъ и не зная, за что схватиться, чтобъ не обветшать въ бездѣйствіи, я безъ Вашего совѣта навязалъ бы, можетъ быть, себѣ долгій и безполезный трудъ.

Объ «Исторіи Бориса Годунова и Димитрія Самозванца» я не получилъ еще отвѣта изъ III отдѣленія.

Теперь не занятъ ничѣмъ въ особенности, и большая часть моихъ помышленій устремлена на покупку или постройку дома.

Пишетъ ко мнѣ мой шуринъ изъ Петрозаводска, что старинный реэстръ козацкій отправленъ къ Вамъ давно. Нашли Вы что-нибудь годное для «Чтеній» изъ доставленныхъ мною Вамъ матеріаловъ? Въ Вашемъ университетѣ проходитъ теперь по мытарствамъ праведная душа, именующаяся на землѣ Петромъ Яковлевичемъ Сердюковымъ. Это человѣкъ истинно fato profugus, и если Вы имѣете средства облегчить для него полученіе ученой степени, то сдѣлаете дѣло истиннаго благочестія. И разумный, и ученый, и добрый, и въ высочайшей степени честный человѣкъ этотъ Сердюковъ, но на бѣду себѣ

[1]) Письма подъ №№ 27—33, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

горячъ, и отсюду всѣ его университетскія злостраданія! Ради Бога обласкайте, усладите его душу Вашею дружбою, если можно утвердите даже его въ Москвѣ доставленіемъ какой нибудь службы! Вы въ немъ пріобрѣтете для науки неутомимаго, благороднаго и, безъ всякаго сомнѣнія, полезнаго труженика. До свиданья. Весь Вамъ П. Кулѣшъ.

---

36 [1]).

17 ноября, 1848. Тула.

Получилъ я наконецъ Ваши «Славянскія Древности» и «Исторію Русовъ», почтенный другъ мой Осипъ Максимовичъ. Не нужно и говорить, сколько разъ я облизался послѣ такихъ лакомствъ, да и долго еще буду облизываться. Это все равно, какъ если въ борщъ попадетъ хорошій масолъ: снаружи вкусно, а внутри еще вкуснѣе, лишь бы достало умѣнья туда добраться. Такъ и Ваши книги, а особливо «Славянскія Древности». Что это за Шафарикъ, что это за голова, что это за характеръ, что за душа! У насъ одни Вы наслѣдовали его ревность къ дѣлу науки и правоту ученой дѣятельности: нужно жъ было обстоятельствамъ бросить вамъ камень претккновенія на пути! Неужели дѣлами человѣческими управляетъ игра слѣпаго случая? Неужели неправда тому, что сказалъ поэтъ:

„Незримая рука, простертая надъ нами,
Ведетъ насъ къ одному различными путями?“

Если не неправда, то да перенесемъ безъ ропота и этотъ ударъ—какъ ни великъ онъ, какъ онъ ни тяжекъ—и сохранимъ любовь къ истинному и прекрасному на всѣхъ путяхъ жизни, при всей невзгодѣ обстоятельствъ. Лучшее утѣшеніе въ горѣ да будетъ то, что не стяжаніе богатствъ и не удовлетвореніе тщеславія было нашею цѣлью, когда мы для науки и искусства не досыпали ночи, не доѣдали куска хлѣба, добровольно терпѣли разнаго рода лишенія. Насъ не поняли, не оцѣнили, грубо ошиблись въ духѣ нашихъ дѣйствій—это не наша бѣда, если для человѣка единственная награда и единственное наказаніе существуетъ въ его совѣсти и въ сознаніи правоты или неправоты его дѣйствій. Извѣстіе о постигшемъ Васъ несчастьи сперва сильно меня поразило: мнѣ показалось, что вмѣстѣ съ Вами пала исторія, пала народная словесность, пали, погибли навсегда драгоцѣнные остатки нашей старины. Но, къ счастью

---

[1]) Письмо подъ № 35, писанное по-малорусски, будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

моему, какой-то тайный голосъ твердитъ мнѣ безпрестанно, что истинное и прекрасное на свѣтѣ живуще до высокой степени, и невозможно ничѣмъ убить его. Пускай торжествуютъ Погодины и имъ подобные; не подкопать имъ алтаря, при которомъ Вы служили, какъ подкопали они Васъ. Кто знаетъ? Можетъ быть претерпѣваемыя Вами теперь гоненія пріобрѣтутъ для науки многихъ безкорыстныхъ тружениковъ, а Ваше имя покроютъ новою славою, которую Вы давно заслужили. Да при томъ же, у Васъ не отняты еще средства быть благотворнымъ органомъ просвѣщенія. При Вашей трезвой и дѣятельной жизни Вы можете пріобрѣсть независимыя средства для изданія въ свѣтъ трудовъ своихъ и историческихъ матеріаловъ. Да поможетъ Вамъ въ этомъ Богъ, присущій въ сердцахъ благородныхъ людей, Вамъ сочувствующихъ! а нхъ безъ сомнѣнія много. Мужайтесь, и да крѣпится сердце Ваше! Вы умѣли быть великимъ труженикомъ при благопріятствовавшихъ Вамъ финансовыхъ обстоятельствахъ; будьте имъ и при недостаткѣ денежныхъ средствъ и въ самой даже бѣдности. Велико и свято дѣло науки, на которое Вы посланы въ жизнь: прощая людямъ закоснѣлость ихъ сердецъ и всѣ причиняемыя Вамъ обиды, творите волю пославшаго Васъ и помните, что Вы соль земли; если и Вы обезсилѣете, то чѣмъ она тогда осолится? Простите мнѣ смѣлость, съ которою принялся я Васъ не только утѣшать и ободрять, но и увѣщевать. Это—дѣйствіе моей любви къ наукѣ и къ Вамъ, достойному ея дѣлателю. Счастливъ я буду, если Вашъ духъ и безъ того крѣпокъ и непоколебимъ; но судя по себѣ, думаю, что и сильному духомъ пріятно, если другая душа принимаетъ его горе, какъ собственное, и рада всѣми средствами пособить ему. Нуждаетесь-ли Вы, или не нуждаетесь въ пособіи, не знаю, но долженъ предложить его, чтобъ не обвинять себя, какъ человѣка и писателя. Итакъ вотъ какъ оно ни слабо—пособіе нравственное; что касается до вещественнаго, то и въ этомъ отношеніи я не такъ бѣденъ, чтобъ не могъ предложить его. Можетъ быть, Ваши финансы теперь разстроились, а Вамъ нужны деньги на то, чтобы безъ службы устроить себѣ какой нибудь источникъ доходовъ, напримѣръ печатать книгу, купить домъ или что нибудь подобное. Знаю по опыту, что въ обстоятельствахъ, подобныхъ Вашимъ, занять денегъ—всего труднѣе. Не хотите ли взять у меня двѣ тысячи ассигнаціями безъ процентовъ на неопредѣленное время? Я собралъ ихъ на покупку домика, но какъ мнѣ, по видимому, скоро дадутъ должность, тогда домика я покупать не буду (тяжко какъ-то на чужой сторонѣ!) и эти деньги будутъ ле-

жать у меня безъ употребленія. Если-бы Вамъ понадобилось еще двѣ тысячи, то могу служить Вамъ съ удовольствіемъ, хоть и не съ первою почтою.

Теперь благодарю Васъ щырымъ серцемъ за Ваше желаніе посѣтить меня. Истинно Вы среди филипповки сдѣлали бы для меня великъ-день. Хоть я и въ чужой хатѣ живу, но нашлось бы для Васъ мѣсто. Разумѣется, Вы должны напередъ приготовить свое воображеніе къ моей квартирѣ. Я живу въ двухъ комнатахъ, бѣдныхъ и худо убранныхъ, но надѣюсь, это Васъ не оттолкнетъ отъ меня. Еще знаете, что? привозите съ собой и Вашу сестрицу. Я знаю, что она очень бы сошлась съ простымъ нравомъ моей жинки. Мы бъ имъ комнату совсѣмъ отдали, а сами истинными козаками лягли-бъ у покотъ у свитлыци. Хоть бы денька три Вы намъ подарили. Все таки одлыгло бъ на серденьку, побалакавшы зъ землякомъ! а то прытьмомъ одъ нудьги погыбаемо!

На всякій случай вотъ гдѣ моя квартира: на Старой Воронежской улицѣ въ домѣ Нечаевой, первый деревянный домикъ отъ «1-й части», если идти изъ центра города, 3 окна на улицу. Хозяинъ этого дома столоначальникъ консисторіи Ив. Мих. Нечаевъ, но домъ записанъ на имя его сестры. До свиданья. Весь Вашъ П. Кулѣшъ.

37.

24 ноября, 1848 Тула.

Предпослѣднимъ письмомъ Вы, Осипъ Максимовичъ, навели на меня тоску и даже досаду, такъ что я не вытерпѣлъ и сказалъ: «чортъ знае що пыше!» За то послѣднее меня успокоило. Истинно, такъ все есть на свѣтѣ, какъ Вы говорите! Плетью обуха не перешибешь, а съ покорностью судьбѣ и терпѣливостью достигнешь благъ, дарованныхъ и здѣсь добрымъ душамъ. Полежимъ на прилавкѣ, какъ Вы прекрасно выразились, и посмотримъ на чужія пляски. Мы имѣемъ полное право безпечно веселиться зрѣлищемъ треволненій свѣта. Мы трудились щиро, работа взята у насъ изъ рукъ: отчего-жъ бы намъ не быть веселыми во время отдыха, какъ и ходячи за плугомъ? Щобъ нашымъ ворогамъ було тяжко: пускай видитъ весь свѣтъ, что честный человѣкъ можетъ быть веселъ на всякомъ мѣстѣ владычествія Его! Иначе—какая жъ была-бы разница между честнымъ и безчестнымъ человѣкомъ, если тотъ и другой удалены отъ обычнаго поприща? Итакъ не унывайте, мой шановный друже.

Теперь позвольте попросить Васъ о нѣкоторомъ одолженіи. Жена моя будетъ проѣзжать черезъ Москву въ Петербургъ. Занудила сердешна на безлюдьи, хоче побачыть родычивъ и прыятеливъ. Такъ если она не найдетъ готоваго къ отходу дилижанса, то прошу дать ей пристанище на нѣсколько часовъ у Вашей сестрицы. Она будетъ въ Москвѣ между воскресеньемъ и понедѣльникомъ, а можетъ быть немного и раньше, такъ ужъ, будь ласка, такъ распорядитесь, чтобъ и въ Ваше отсутствіе ей отворили у Васъ двери страннопріимства. Если жъ она застанетъ дилижансъ, то и не будетъ Васъ безпокоить. Но думаю, что первое случится вѣроятнѣе. Въ такомъ случаѣ Вы не откажите послать своего хлопця за ея чемоданчикомъ, и потомъ, если понадобится, для покупки мѣста въ почтовой каретѣ, а если нельзя въ почтовой каретѣ, то хоть и въ частномъ дилижансѣ.

Но нѣтъ; сейчасъ я былъ въ почтовой конторѣ и узналъ, что дилижансъ отправится въ пятницу; жена моя (безъ служанки) будетъ къ Вамъ въ субботу, можетъ быть, вечеромъ. Воскресенье пробудетъ у Васъ, а на понедѣльникъ потрудитесь взять для нея въ почтовой каретѣ мѣсто до Петербурга. Я не посылаю денегъ, чтобъ не платить напрасно за пересылку; надѣюсь, что у васъ отыщется 20 руб. серебр. На всякій случай выговорите отсрочку у Управляющаго почтовою конторою: онъ очень добрый чловѣкъ и дѣлаетъ это для дамъ. Впрочемъ, я думаю, что она какъ разъ подоспѣетъ къ Вамъ въ назначенное время. Имя моей жены Александра Михайловна. До свиданья. Вашъ П. Кулѣшъ.

NB. Если въ субботу вечеромъ она не будетъ, то потрудитесь отправить часовъ въ 5 или въ 4 послѣ обѣда своего слугу туда, куда приходятъ почтовыя кареты, и ожидать пока придетъ карета изъ Тулы. Ночью жена моя не въ состояніи будетъ одна переѣхать къ Вамъ.

38.

18 дек. 1848 Тула.

Полагая, что моя Александра Михайловна гостила у Васъ и Вашими заботами отправилась далѣе, приношу Вамъ, многоуважаемый землякъ, сердечную мою благодарность. Ожидаю отъ Васъ увѣдомленія, что отъѣздъ ея устроенъ, какъ слѣдуетъ, и что она здорова. Теперь будьте такъ добры, потрудитесь купить и выслать мнѣ слѣдующія книги:

1. The Vicar of Wakefield, by Goldsmith, avec la prononciation anglaise figurée par des caractères et de sons français, par Cumberworth, ancien professeur d'Anglais de hh. AA. les princes et princesses d'Orleans; Paris, 1839; (4 fr 50). Та же книга en anglais et en français стоитъ 5 fr 50. Если найдете сіе послѣднее изданіе, то предпочтите его первому, безъ французскаго перевода.

2. *Разсказъ козака Моисея Осьмака* о томъ, какъ онъ хозяйничалъ у себя дома, и о томъ, что онъ сдѣлалъ для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ Гоголевской волости Черниговской губерніи. Изданіе отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ Спб. 1848.

NB. Эту книжку прошу купить въ такомъ только случаѣ, если она писана по малороссійски или хоть и по русски, но содержитъ въ себѣ характеристическія черты малороссійскаго быта и вообще наполнена не сухостями. Я хочу имѣть ее, какъ матеріалъ для изученія нравовъ и обычаевъ народныхъ мѣстныхъ. Если жъ это такъ соби, мана, то цуръ ій.

3. Есть Лейпцигское Tauchnitz edition собранія англійскихъ писателей (Collection of British Authors), котораго каждый томикъ продается отдѣльно по 60 коп. сер. Прошу купить четыре томика романовъ В. Скотта этого изданія.

Я имѣю изъ нихъ слѣдующіе: 1, Quentin Dorward, 2, the Antiquary, 3, Wawerley, 4, Ivanhoe—такъ этихъ романовъ не покупайте, а потщитесь купить четыре другихъ, по собственному выбору. Со временемъ я всѣ пріобрѣту, а теперь купите такіе, которые Вы сами наиболѣе цѣните.

4. Прошу купить Ivanhoe Вальтера Скотта въ нѣмецкомъ переводѣ (если можно готскимъ, а не французскимъ шрифтомъ). Я до сихъ поръ плохо знаю по нѣмецки и хочу подкрѣпить себя такимъ образомъ. Англійскій языкъ убѣдилъ меня, что это лучшій способъ языкоизученія. Я ѣдучи за границу понималъ едва сотое слово въ книгѣ, а теперь читаю книги свободно, рѣдко обращаясь къ словарю.

5. Еще прошу купить Нѣмецко-русско-французско-англійскій словарь Рейфа, т. е. 3-ю часть его четырехтомнаго недавно вышедшаго словаря. Цѣна 2 р. 50 к. сер. за часть. Этотъ словарь прошу отдать въ дешевый, но красивый переплетъ и прислать потомъ вмѣстѣ съ другими книжками. На всѣ эти книги мало 5-ти руб, оставленныхъ у Васъ Александрою Михайловною, такъ потрудитесь увѣ-

домить, сколько издержите на покупку, переплетъ и пересылку своихъ, а я немедленно вамъ дошлю.

А що жъ коханый земляче, якъ бы теперъ, якъ ось нема моей старой дома, та завытавъ до мене у господу? Самъ нагадавъ, добродію, дакъ не здывуй, що мыни воно *рупыть*(?).

Зъ велыкымъ пошанованнемъ до послугъ тоби щырый П. Кулѣшъ.

Вотъ еще просьба. Не считайте этого безстыдствомъ, потому что, во первыхъ, я готовъ отблагодарить васъ какими угодно услугами (а мало-ли придется на вѣку испытать нуждъ?), во вторыхъ, исполните эту просьбу только въ такомъ случаѣ, когда ее вамъ очень не тягостно исполнить. Я бы желалъ имѣть всѣ отдѣльные оттиски матеріаловъ для Малоросс. исторіи, печатанныхъ въ Чтеніяхъ, кромѣ Конисскаго, котораго зъ вашей ласки имѣю. Это облегчаетъ трудъ. При томъ эти матеріалы должны быть для нашего брата настольными книгами.— Да ще якъ бы булы ласковы перекынулы кныжечку наськихъ казокъ. Дитвора въ Малороссіи уси позачытувала на викы.

---

41 [1]).

11 іюня 1849. Тула.

Не знаю, что Вы подумали о моемъ долгомъ молчаніи, почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, а можетъ быть Вы и ничего худого не подумали. Я жъ объясню Вамъ это простыми обстоятельствами житейскими, которыя вращали мой умъ то сюда, то туда и отвлекали отъ увѣдомленія Васъ о себѣ. Притомъ же я ждалъ какой-нибудь перемѣны въ своей судьбѣ, но, видя, что всѣ надежды одинаково обманчивы, не полагаюсь уже на тѣ, которыя остаются у меня (по благости Провидѣнія, для поддержанія душевной бодрости) въ запасѣ, и не откладываю отзыва къ Вамъ.

Ой хто в лиси озовыся.
Да выкрешемъ огню,
Да покуримъ люльки
Не журыся!

И такъ увѣдомляю Васъ (будучи увѣренъ, что Вы желаете знать о моихъ обстоятельствахъ):

Въ первыхъ, о томъ, что по прежнему живу безъ службы и безъ всякихъ знакомствъ.

---

[1]) Письма подъ №№ 39 и 40, писанныя по-малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

Въ вторыхъ, что испыталъ новыя непріятности отъ подлости хозяевъ и на дняхъ перемѣняю еще разъ квартиру.

Въ третьихъ, что переписки не веду почти ни съ кѣмъ, отчасти изъ экономіи, а отчасти для того, чтобъ не подозрѣвали тутъ чего-нибудь дурнаго.

Въ четвертыхъ, что сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ итальянскомъ языкѣ.

Въ пятыхъ, что въ послѣднія недѣли принялся опять за историческій романъ, начатый въ прошломъ году, прерванный для исторіи, потомъ забытый, наконецъ сожженный для того, чтобъ не мѣшалъ мнѣ выдумать основу иначе, такъ какъ я, послѣ исторіи, не былъ доволенъ написаннымъ. Теперь, на мѣсто уничтоженнаго томика, написалъ новый, которымъ я доволенъ больше, и надѣюсь окончить къ осени совсѣмъ свое компsecuritiesованье. А вы что дѣлаете и какозо живется вамъ?

Прислать ли Вамъ *Новыя Стихотворенія Жуковскаго*, или могутъ еще лежать у меня до желаннаго перевода въ Петербургъ?

Посылаю пять рублей серебромъ и покорнѣйше прошу Васъ положить ихъ въ Опекунскій Совѣтъ на имя Маріи Ильиничны Боголюбцовой, дочери помѣщика Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда Ильи Ѳедоровича Боголюбцова. Это маленькая крестница моей Александры Михайловны. Билетъ прошу Васъ хранить у себя, сообща намъ только номеръ, а при удобномъ случаѣ Вы намъ вручите или передадите.

Какъ бы намъ съ Вами рѣшить дѣло объ *украинскихъ преданіяхъ*? Если общество, въ благодарность за Ваше безпримѣрное усердіе, взвалило на Васъ издержки за всѣ книги, непоявившіяся еще въ Чтеніяхъ, то увѣдомите, сколько начтено за украинскія преданія, я при первой возможности пришлю Вамъ эти деньги, а преданія хоть сожгу, если ихъ впослѣдствіи не позволятъ выпустить въ свѣтъ.

Установимъ писать другъ къ другу о себѣ и обо всемъ, что желаемъ взаимно сообщить, въ извѣстные сроки, не ожидая отвѣта. Назначьте эти сроки по своимъ занятіямъ и обстоятельствамъ, а я заблаговременно на нихъ соглашаюсь. Писать чаще будетъ зависѣть отъ охоты каждаго, но въ срокъ письмо должно быть отправлено. Это нужно для того, чтобъ не терять другъ друга изъ виду въ пучинѣ житейскаго моря. Я не скоро встрѣчусь въ этомъ морѣ съ такимъ плавателемъ, какъ вы, и радъ бы прикрѣпить къ вамъ свою лодку канатомъ.

Александра Михайловна моя шлетъ Вамъ и Вашей сестрицѣ усерднѣйшіе поклоны. Она говоритъ, что нигдѣ ей не было такъ затышно, какъ у Васъ. Да и могло-ли быть гдѣ нибудь такъ по малороссійски, какъ у Васъ? П. Кулишъ.

42.

26 іюня, 1849. Тула.

Податель этого письма, Тулякъ, воспитанникъ Моск. университета, Кондратій Михайловичъ Ивановъ. Онъ знаетъ меня немножко въ Тулѣ и можетъ засвидѣтельствовать, что я живъ и здоровъ.

Это письмо примите за условленное, которое я долженъ написать къ Вамъ 1-го числа.

Я очень благодаренъ Вамъ за избавленіе меня отъ платежа за имѣющую въ неизвѣстное время вытти въ свѣтъ книгу, т. е. за Украинскія преданія; но еще разъ повторяю, если не сведете концовъ съ концами посредствомъ торговыхъ оборотовъ, то прямо объявите мнѣ; за свое добро я заплачу во всякое время. Очень пріятно мнѣ было узнать, что разсчетъ съ Историческимъ Обществомъ не нанесъ Вамъ неисправимаго денежнаго вреда. Не забывайте всякій разъ упоминать въ отвѣтахъ своихъ (вы очень ловко загнули мнѣ карлючку зъ мого хворосту, заставя меня аукать, а себѣ предоставя откликаться) о движеніи книжной вашей производительности. Вы чреваты теперь нѣсколькими, можетъ быть, драгоцѣнными и для меня изданіями, о которыхъ я думаю съ немалымъ нетерпѣніемъ.

До меня трудно дойти какимъ бы то ни было слухамъ, потому что я веду жизнь затворническую и не веду ни съ кѣмъ, кромѣ Васъ, постоянной переписки. Жаль бѣдныхъ молодыхъ людей, которымъ теперь труденъ будетъ доступъ къ высшему публичному образованію.

Напрасно вы поторопились прислать обратно 5 руб. Можно бъ сперва списаться. Я бы нашелъ имъ мѣсто и въ Москвѣ. На прилагаемые 3 руб. сер. потрудитесь купить для меня два изъ слѣдующихъ романовъ Вальтера Скотта въ хорошемъ нѣмецкомъ (съ подлинника) переводѣ: 1) Айвенго, 2) Квентинъ Дорвардъ, 3) Антикварій, 4) Гей Меннрингъ. 5) Ваверлей; сверхъ того одинъ изъ этихъ романовъ въ итальянскомъ (съ подлинника, а не съ французскаго перевода) переводѣ. Если жъ итальянскаго перевода не найдете, то, мо-

жетъ быть есть Донъ Кихотъ на итальянскомъ (не съ французскаго) языкѣ. Если нѣтъ и Донъ Кихота, тогда уже сами изберите какую-нибудь геніально написанную по итальянски въ прозѣ книгу. Всѣ эти книги прошу отправить въ квартиру г. Иванова, о которой сейчасъ освѣдомитесь. Если что переплатите лишняго, увѣдомите—сочтемся послѣ; если же останутся у Васъ деньги, вручите, т. е. доставьте ихъ съ книгами къ г. Иванову, на уплату за пересылку въ Тулу, что, я увѣренъ, онъ охотно для меня сдѣлаетъ, какъ человѣкъ немножко мнѣ обязанный за мужа своей сестры, которому я сочинялъ просительныя письма, доставившія ему мѣсто въ Москвѣ. Вотъ Вамъ и объясненіе, какимъ образомъ сошелся я съ г. Ивановымъ.

Вчера проѣзжалъ черезъ Тулу сенаторъ А. В. Кочубей, всегдашній покровитель Бѣлозерскихъ. Онъ подалъ мнѣ надежду со временемъ получить мѣсто въ Москвѣ при Капнистѣ. Это сдѣлалось бы скоро, еслибъ не какая-то глупая исторія въ Петербургѣ, обезпокоившая правительство.

И такъ есть надежда, что осенью и мы будемъ жителями московскими. Одна мысль, что я могу васъ тогда, когда вздумается, видѣть и слышать, дѣлаетъ меня веселымъ.

Мы въ новой квартирѣ нашли нѣкоторое спокойствіе. Люди здѣсь заѣзжіе и потому какъ-то добрѣе къ намъ, а Туляки до сихъ поръ худо рекомендовали себя передъ нами. Я однако жъ нѣсколько дней передъ, во время и послѣ переѣзда въ новую квартиру, убилъ задаромъ и теперь еще не совсѣмъ оправился въ своихъ занятіяхъ.

Прилагаемую при семъ брошку прошу передать Вашей сестрицѣ на память отъ Александры Михайловны, которая желаетъ хоть вполовину такъ часто приходить ей на мысль, какъ она приходитъ на мысль Александрѣ Михайловнѣ. Нельзя ли сдѣлать изъ этой вещицы по буднямъ повседневнаго употребленія, напримѣръ, для закалыванія платка и т. п? Таково желаніе А. М-ны. Обнимаю васъ П. Кулѣшъ.

Что за пѣсни издалъ М. Максимовичъ въ Кіевѣ? Много-ли? важныя-ли?

43.

27 іюля, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, мой добрый и почтенный другъ Осипъ Максимовичъ, за итальянскія книги. Онѣ выбраны прекрасно. Сильвіо Пеллико, котораго я уже прочиталъ, наполнилъ мою душу знакомыми

и незнакомыми, но понятными для меня чувствами. Это одно изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній, какія мнѣ когда-либо случалось читать. Я заставилъ свою Александру Михайловну писать на бумагѣ уроки, которые даю ей каждый день изъ этой книги; я выправляю ея переводъ, и черезъ нѣсколько времени составится такимъ образомъ цѣлая книжка. Потрудитесь увѣдомить меня, не переведены-ли Le mie Prigioni на русскій языкъ и не будетъ-ли эта книга противна желаніямъ русской цензуры? По мнѣ, такъ это христіаннѣйшая книга, которую, кажется, должно-бы одобрять всякое правительство, но у всякаго свой умъ и толкъ. Вы назвали эту книгу «Темничнымъ Сидѣньемъ Сильвіо Пелliко», какъ вы думаете? не назвать-ли такъ нашъ переводъ? или должно сохранить подлинное заглавіе: Мои темницы, воспоминанія Сильвіо Пеллико Саллюсскаго»? Я намѣренъ эту книжку напечатать подъ именемъ переводчицы, потому во первыхъ, что для меня нужно просить разрѣшенія, а во вторыхъ, что какъ-то оно не тово для моей литературной репутаціи—съѣхать съ оригинальныхъ сочиненій на переводы. Отъ меня ждутъ чего-то больше. Романъ мой достигъ до 7-ми главъ, но я остановился въ раздумьи, не отбросить ли ему двухъ послѣднихъ главъ и не повести ли повѣсть иначе. Не знаю, чѣмъ еще рѣшу. И тутъ не разминулся я съ запорожцами, да оно и хорошо показать ихъ міру Божьему въ разные періоды ихъ бытія. Какъ-бы мои литературные труды оживились, еслибъ я жилъ у васъ подъ бокомъ! а тутъ совѣтуйся со стѣнами!

Въ отношеніи здоровья и расположенія духа мы благоденствуемъ. Живемъ въ концѣ города и ходимъ гулять каждый вечеръ въ поле. Не вдалекѣ отъ города, на низменномъ холмѣ, окруженномъ ровчаками, виднѣется пріятно церковка съ деревьями и хатками сбоку; подлѣ церковки кладбище съ сельскими не пышными крестами, за нею и вокругъ—поля и лѣса. Туда мы чаще всего ходимъ. Однажды вечеромъ залаяла на насъ собака церковнаго сторожа. Выходитъ изъ хатыны старикъ и, прогоняя ее, говоритъ: «А сюды, бесурменъ!» Это восклицаніе заставило насъ остановиться. Старикъ этотъ Воронежской губерніи малороссіянинъ, выслужившій въ солдатахъ 27 лѣтъ. Жинка—московка перетащила его изъ Малороссіи въ Тулу, но ему здѣсь плохо живется: онъ съ грустнымъ восторгомъ вспоминаетъ о томъ, что въ Малороссіи можно за шагъ купить кавунъ, и собирается съ деньгами, чтобъ купить себѣ коняку и переѣхать на родину. Онъ шьетъ башмаки; мы поощрили его ремесло, купивши у него пару башмаковъ, хотя они и не отличаются изяществомъ. За то, говоритъ, годъ носыты-

мете, чему отъ души вѣримъ. Съ нами познакомились двѣ бѣдныя дѣвушки, изъ которыхъ одна даетъ уроки А. М-ѣ на фортепьянѣ, а другая — обоимъ намъ въ разговорномъ французскомъ языкѣ. Теперь мы каждый день имѣемъ у себя кого-нибудь за чаемъ и гуляемъ не одни. Хозяева наши очень къ намъ усердны. Словомъ, намъ пошло какъ-то веселѣе жить въ Тулѣ. Вчера мы праздновали день моихъ имянинъ, чтобъ не нарушать скоромомъ сегодняшней середы. Играли на фортепьяно, пѣли, танцовали, смотрѣли въ окно на прекрасный мѣсяцъ, который, поднявшись надъ темною глубиною полей, обнаружилъ въ ней своимъ отраженіемъ струю воды и заставилъ наше воображеніе чертить въ томъ мѣстѣ прелестный, полный таинственности пейзажъ. Обнимаемъ Васъ обоихъ отъ души П. К.

44.

1 Сентября, 1849. Тула.

Благодарю Васъ, Осипъ Максимовичъ, за увѣдомленіе о Сильвіо Пеллико. Цѣлая треть его Темничнаго сидѣнья у насъ переведена, но, по полученіи Вашего письма, дѣло отложено впредь до разсмотрѣнія. Покоривши себѣ достаточно итальянскій языкъ, я главную часть своихъ усилій обратилъ теперь на нѣмецкій, который такъ меня проучилъ, что теперь не оставлю его до тѣхъ поръ, пока онъ не признаетъ меня своимъ обладателемъ.

Миръ мой съ Тулявами нарушенъ самыми возмутительными для души моей подлостями съ ихъ стороны. Не стоитъ описывать этихъ гадостей Вамъ подробно; довольно того, что еще разъ беру пенатовъ и переселяюсь въ новое жилище. Я нѣсколько пріучилъ себя прощать людямъ ихъ злодѣйства, но не могу, прощая, не страдать чувствомъ обиды. Видъ безнравственности заставляетъ во мнѣ всю кровь болѣзненно волноваться. Я однакожъ перенесъ уже самую бурю, и теперь очень спокойно обдумываю переселеніе, долженствующее совершиться, можетъ быть, и завтра. На всякій случай знайте, что новая моя квартира будетъ въ переулкѣ, идущемъ съ старой Дворянской улицы къ конюшнямъ, въ маленькомъ двухъ-этажномъ, по правую руку стоящемъ трехъ-оконномъ домикѣ Горбунова.

На дняхъ съ необыкновеннымъ удовольствіемъ читалъ я «Исторію завоеванія Перу» Прескотта, по переводу *От. Зап.* Это великое, художественное произведеніе. Я удивлялся историку на каждомъ шагу.

Мы пріобрѣли хорошихъ знакомыхъ въ семействѣ нѣкоего Гусева, пріѣхавшаго сюда недавно изъ Петербурга на службу. Объ этомъ стоитъ Вамъ сказать, потому что въ этомъ семействѣ, къ моей отрадѣ, я нахожу твердыя основанія высокой нравственности, которая больше всего проявляется въ воспитаніи дѣтей. Насъ, кажется, тамъ очень полюбили.

Мы попрежнему здоровы. Какъ ни пошла эта фраза, но я считаю долгомъ помѣстить ее въ дружескомъ письмѣ и самъ того же ожидаю отъ друзей своихъ.

Въ этотъ мѣсяцъ мы вели себя хорошо, но, какъ посмотришь, то какъ будто ничего и не сдѣлано. Впрочемъ, мы собою достаточно довольны, а это главное.

Домашній кругъ нашъ увеличился пріобрѣтеніемъ ученаго кота (служить умѣетъ), который наименованъ мною Пизарро, и цуцыка, наименованнаго Инкою въ память исторіи завоеванія Перу. Цуцыкъ впрочемъ не обѣщаетъ великихъ радостей, и моя «люба хить» усердно проситъ Вашу добрѣйшую сестрицу образовать для нея юнаго потомка Вашихъ псовъ такъ, чтобъ понималъ, когда скажутъ ему, что пора гулять. Обнимаю Васъ, и жинка моя Вамъ и Вашей сестрицѣ низенько кланяется П. К.

45.

1 ноября, 1849. Тула.

Ну, слава Богу! можетъ быть, перемѣна попечителя и министра повлечетъ за собой перемѣну и Вашего положенія въ Москвѣ. Не забудьте увѣдомить, если что-нибудь хорошее, или хоть и нехорошее съ вами случилось. Но подтвердились ли слухи объ оныхъ перемѣнахъ?

Я же получилъ мѣсто помощника редактора губернскихъ вѣдомостей съ 600 р. асс. жалованья. Пожывывсь, якъ собака мухою! но я доволенъ этимъ мѣстомъ въ томъ отношеніи, что мнѣ остается только брать жалованье и ничего не дѣлать. Оно пожалуй не честно, но я не прочь и отъ дѣла, если бы понадобилось написать что нибудь для этой важной газеты. А жалованье лучше взять мнѣ, нежели какому-нибудь взяточнику.

Подаютъ намъ изъ Петербурга сильную надежду на переводъ въ Москву, только не вѣрится, что-бъ я могъ видѣть Васъ каждый день: это было бы слишкомъ уже хорошо! Если получу вѣрное извѣстіе, то

увѣдомлю Васъ не въ урочное время. А до тѣхъ поръ живите себѣ въ мирѣ, здравіи и благоденствіи. У васъ все по старому и мы совершенно здоровы. Я думаю М. А. Максимовичъ уже былъ у Васъ и разсказалъ о нашемъ бытѣ и о прочемъ. Каково Вы съ нимъ сошлись? пріятно или непріятно Вамъ съ нимъ бесѣдовать?—Что дѣлаетъ Гоголь?—Одинъ человѣкъ просилъ меня освѣдомиться о цѣнѣ книги: Enchiridion Medicum, или Руководство къ медицынѣ. Сочиненіе Гуфеланда. Москва 1845.

Обнимаю Васъ П. К.

---

47 [1]).

1850, января 7, Тула.

Нужно ли увѣрять Васъ, что я отъ всей души раздѣлилъ Вашу радость? Я впрочемъ долго на себя досадовалъ, отчего я не радуюсь возвращенію Вашему на каѳедру такъ, какъ радуюсь счастливому какому-нибудь событію въ собственномъ уголкѣ, но теперь вижу, что радость эта растянута въ тонкую проволоку, которая тонкою, но непрерывною нитью будетъ тянуться черезъ множество лѣтъ. Всякой разъ, какъ о Васъ вспомню, я чувствую эту проволоку въ душѣ своей и счастливъ столько, сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, который отъ радости не скаче, а отъ бѣды не плаче. Таковъ я, покрайней мѣрѣ съ нѣкотораго времени таковъ. Ну счасты жъ Вамъ Боже и поможи! А наше дѣло пошло опять въ такую проволочку, что я заблагоразсудилъ основаться здѣсь домикомъ, во избѣжаніе тысячи квартирныхъ непріятностей. Мы, слава Богу, здоровы. По мѣрѣ силъ трудимся. Недавно пріѣхалъ къ намъ братъ Александры Мих., оставивши кадетскій корпусъ по непріятнымъ отношеніямъ, въ которыя онъ, какъ мальчикъ вовсе невоспитанный, поставилъ себя къ начальству. Теперь онъ попробуетъ готовиться къ экзамену въ Медико-хирургическую Академію. Онъ былъ въ Москвѣ и не заѣхалъ къ Вамъ потому, что ему сказали, будто вы въ Казани. Онъ разсыпалъ свои дорожнія деньги и занялъ 3 р. сер. у родственника своего, которому потрудитесь отправить 3 р. сер. при моей запискѣ, а братъ нашъ Василій, получившій уже разрѣшеніе ѣхать изъ Петрозаводска для свиданія съ родными, возвратитъ Вамъ. Я увѣдомлю его объ этомъ, а вы съ своей стороны на всякій случай покажите ему это письмо и онъ Вамъ тотчасъ возвратитъ 3 р. сер. Не посылаю по почтѣ во

---

[1]) Письмо подъ № 46 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

избѣжаніе безпокойствъ отправки. Василій будетъ ѣхать черезъ Москву не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Родственникъ же оный живетъ у Іоанна Предтечи, у Іоловскаго мосту, въ церковномъ домѣ, а зовутъ его Ѳедоръ Артамоновичъ Сорокинъ; ремесломъ-же онъ костоправъ-старикъ. Бувайте здоровеньки та и насъ не забувайте, а мы обое нызенько Вамъ кланяемось. Вашъ Панько К.

48.

1850, февр. 15. Тула.

Ахъ, Осипъ Максимовичъ! стоило ли Вамъ хлопотать для такихъ результатовъ? Какъ это Вы, обстоятельнѣйшій изъ смертныхъ, не поняли, чего я хочу? Мнѣ хотѣлось выгадать рублячку сер., а выходитъ, что я еще сверхъ долженъ приложить—смотрите: за 5 томовъ (Всеобщей Исторіи Лоренца).
въ Тулѣ просили у меня 12 р. сер.

Вы прислали 4 тома за.	9 р.	
На пересылку ихъ издержано		50 к.
Я за объявленіе заплатилъ		6
За письмо къ Вамъ съ вопросомъ		10
За письмо съ деньгами.		23
Вы заплатите за объявленіе.		6
Да за простое письмо заплатили		3
Итого. . .	9 р.	98 к.
Да за 3-й томъ.	2 —	50
Итого. . .	12 р.	48 к.

Все таки я благодаренъ Вамъ за высылку мнѣ Лоренца, какъ за доказательство Вашего усердія.

Я же кончаю одинъ романъ на дняхъ. Онъ изъ современной русско-малороссійской жизни, а заглавіе—*Петръ Ивановичъ Березинъ и его семейство, или люди рѣшившіеся, во что бъ ни стало, быть счастливыми*. Какъ то Господь поможетъ ему пройти чрезъ цензурное мытарство.

3 р. сер. лишнихъ посылаю для костоправа, о чемъ я къ Вамъ писалъ мѣсяца полтора назадъ. Братъ нашъ Василій еще не выѣхалъ изъ Петрозаводска.

Мы живы и здоровы. О прибавкѣ жалованья замолчали, въ чаяніи, вѣроятно, моего поклона, но смѣшно было-бы мнѣ просить о томъ, что имъ приказано изъ столицы. Я себѣ сижу да жду.

Обнимаю Васъ щиро. Подружіе Вамъ и Вашей сестрицѣ усердно кланяется. П. К.

49.

10 мая, 1850. Тула.

Я, кажется, давно просрочилъ время, назначенное для увѣдомленія Васъ о себѣ. Не осудите.

Я здоровъ, обстоятельства мои немножечко поправились: мнѣ прибавили 400 р. асс. жалованья и даже—о чудо! передъ праздникомъ дали 30 р. сер. награды. Теперь я титулуюсь редакторомъ неоффиціальной части Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Мнѣ впрочемъ нѣтъ никакой работы (кажется, приказано редактору работать одному, во избѣжаніе какихъ-нибудь казусовъ); а мнѣ и лучше, я занимаюсь дома своими дѣлами. Впрочемъ, въ послѣдніе мѣсяцы я сдѣлалъ мало: одну часть времени я убилъ на безполезныя занятія съ своимъ швагеромъ ex-кадетомъ, страшнымъ лѣнтяемъ, котораго, наконецъ, я предоставилъ на произволъ судьбы; другую на нѣкоторыя услуги пріятелямъ (въ чемъ не раскаиваюсь), а третья пропала сама собою въ досадахъ на глупаго и грубаго мальчишку. Теперь только я начинаю оправляться, возвратясь въ самого себя, и пріобрѣтать душевное спокойствіе, необходимое для умственной дѣятельности. Между прочимъ я совершилъ новый переѣздъ на квартиру, и теперь живу посреди сельской природы. Кругомъ меня сады и пруды, въ которыхъ распѣваютъ безъ умолку водяные жители, что мнѣ очень нравится. Подлѣ моей квартиры есть чей-то запущенный садъ. Туда я хожу гулять и дышать запахомъ черемухи. Никто меня не видитъ, и если такъ прогуляю я въ немъ все лѣто, то много пріобрѣту пользы. У меня особый, отдѣленный отъ хозяйскаго дворъ, который мы превращаемъ въ цвѣтникъ и огородъ. Намъ очень весело, несмотря на нѣкоторыя неизбѣжныя непріятности житейскія. Ожидаемъ пріѣзда новаго губернатора, Козодаева, отъ котораго я надѣюсь улучшенія моего положенія въ Тулѣ. Семейство наше увеличилось: мы выписали изъ Малороссіи семилѣтнюю крестницу и племянницу А—ры М—ны, именемъ Машу, для воспитанія. Она покамѣсть капризна и не до-

ставляетъ намъ много удовольствія, но если А—рѣ М—внѣ удастся искоренить въ ней дурныя начала домашняго воспитанія и дать новую форму ея характеру, то съ нею намъ будетъ веселѣе нежели вдвоемъ, по крайней мѣрѣ будетъ веселѣе А—рѣ М—нѣ въ то время, когда я буду занятъ книгами или службою. Братца же ея я жду не дождусь, чтобъ отъ меня взяли, и, кажется, скоро отъ него освобожусь.

А Вы что? пожалуста увѣдомите обстоятельно обо всемъ, что до Васъ касается. Мы же такъ рѣдко стали съ Вами разговаривать.

Мнѣ нуженъ Англійско-Русско-франц-нѣмецкій словарь Рейфа. Пожалуста поручите книгопродавцу выслать мнѣ его съ первою почтою. Если есть, то въ готовомъ переплетѣ, а нѣтъ—безъ. Да вмѣстѣ съ тѣмъ пускай вышлетъ и Opere Compiute di Silvio Pellico da Salluzzo, 2 volumi, 4¹/₈ thlr. Эта цѣна выставлена на оберткѣ моего Боккаччіо, а если случится другое изданіе дороже, то и дороже. Если же нѣтъ этой книги, то не найдется-ли сочиненій Манцони или части оныхъ. Если же и тѣхъ нѣтъ, то купите итальянскихъ книгъ по своему выбору. За все прошу заплатить деньги, а я вышлю Вамъ, получа книги и увидя, что они стоятъ.

Будьте увѣрены въ неизмѣнной моей и моего подружья къ Вамъ любви. Поклонъ нашъ, самый усердный, Вашей сестрицѣ. П. Кулишъ.

50.

1850, сент. 6.

Податель этой записки, Г. Соколовъ, бывшій студентъ харьковскаго университета, обратился ко мнѣ съ просьбою, не имѣю ли я въ Москвѣ человѣка, который бы принялъ въ немъ участіе, яко въ человѣкѣ, гонимомъ судьбою или, если угодно, людьми, ну, словомъ, въ человѣкѣ бѣдствующемъ. Будучи на Вашемъ мѣстѣ, я бы, кажется, принялъ въ немъ нѣкоторое участіе, а потому и адресую его къ Вамъ. Я его совсѣмъ не знаю, но онъ мнѣ показался человѣкомъ честнымъ уже потому, что не согласился взять у меня взаймы денегъ при всей наружной его бѣдности.

Я, слава Богу, здоровъ. Совершилъ путешествіе на Куликово Поле, нарисовалъ памятникъ Димитрію Донскому и еще нѣсколько замѣчательныхъ предметовъ для представленія Великимъ Князьямъ, во время проѣзда ихъ черезъ Тулу. Сегодня все это было имъ пред-

ставлено, при чемъ и самъ я удостоенъ былъ губернаторомъ чести быть представленнымъ ихъ Высочествамъ. Памятникъ будетъ литографированъ, и я пришлю Вамъ одинъ экземпляръ.

Вашъ П. Кулѣшъ.

51.

1850, дек. 16. Тула.

Наконецъ, добрѣйшій мой Осипъ Максимовичъ, я свободенъ. Мнѣ позволено жить и служить въ Малороссіи и въ обѣихъ столицахъ. Теперь я ѣду на праздники въ Малороссію, а потомъ туда, гдѣ найдется для меня мѣсто. По министерству Нар. Пр. служить мнѣ не позволено, и я, какъ не окончившій курса въ университетѣ, принадлежу ко 2-му разряду чиновниковъ, а для меня, какъ для разсчитывающаго на службу, очень важно быть чиновникомъ 1-го разряда. Нельзя ли мнѣ выдержать въ Москвѣ экзаменъ на кандидата? Я греческаго языка не знаю, латинскій знаю мало, но за то читаю по польски, по французски, по нѣмецки, по итальянски и по англійски, да ще дещо маракую.

Можно-ли сими знаніями восполнить прорѣхи по программѣ, или устроить такъ, что бы я приготовилъ извѣстные вопросы къ экзамену? На все это ожидаю отъ Васъ отвѣта въ Малороссіи. Не найдется ли для меня порядочнаго мѣста въ Москвѣ? Славно бы пріютиться мнѣ у Васъ подъ бочкомъ. Я сильно расположенъ учиться и знаю, что Вы бы своимъ ученикомъ были довольны. Порадуйтесь же вмѣстѣ съ нами нашему освобожденію и напишите ко мнѣ, на мое имя, въ Борзну. Щиро од серця Васъ обыймаю П. Кулишъ.

Жинка моя нызенько Вамъ и Вашій сестрыци кланяецця.

52.

1851, февраля 1. С.-Петерб.

Навязалъ я Вамъ, добрѣйшій Осипъ Максимовичъ, трудъ: рукопись моего романа «Березинъ» очень нужна мнѣ, и я покорнѣйше прошу Васъ сыскать мнѣ оную съ первою почтою. Это не пустое желаніе. Она непремѣнно должна быть здѣсь, и потому не подумайте обо мнѣ, какъ о человѣкѣ суетномъ, который то проситъ хранить

его вещь, то требуетъ ее черезъ почту. Нѣтъ, нѣтъ! безъ крайней надобности я бы ее не попросилъ у Васъ. Зачѣмъ? не спрашивайте.

О себѣ не могу еще сказать ничего и долго можетъ быть ничего не скажу; надежды на службу есть, но Вы знаете, что значатъ надежды. Обнимаю Васъ П. Кулѣшъ.

Не поручайте пересылки рукописи Вашему пріятелю, который послалъ книги Никол. Дан. Бѣлозерскому.

Его высокородію, Льву Семенову Кармалѣеву для передачи П. А. Кулѣшу въ С.-Петербургъ. Въ Гороховой, въ домѣ Доливо-Добровольскаго подлѣ московской съѣзжей.

53.

16 апрѣля, 1851. Спб.

Я, наконецъ, нашелъ мѣсто въ Департаментѣ Сельскаго Хозяйства Мин. Гос. Имущ. Меня прикомандировали для усиленія Департамента, предоставя мнѣ исправлять должность редактора въ статистическомъ отдѣленіи и получать его жалованье (715 р. сер.), которое надѣюсь получать съ мая, а можетъ быть и съ іюня. Переводы доставляютъ мнѣ покамѣсть очень мало. Надѣюсь получить работу для Географическаго Общества.

Здравствуемъ оба. Жинка моя посылаетъ Вамъ вмѣстѣ со мною поклонъ и проситъ, да и я тоже, передать его Вашей сестрицѣ.

Въ училищѣ живописи, что противъ почтамта, занимается живописью нѣкто Михайло Ильичъ Бочаровъ. Онъ долженъ прислать мнѣ три картинки (за которыя деньги ему заплачены), но не присылаетъ и не отвѣчаетъ на мои письма. Нельзя ли Вамъ когда-нибудь направить въ ту сторону свою прогулку и, зашедъ въ училище, освѣдомиться о судьбѣ этого молодого человѣка, а потомъ такъ или иначе устроить доставку мнѣ картинъ? Онѣ у него были готовы уже въ проѣздъ мой черезъ Москву, и я только за тѣмъ оставилъ ихъ у него, чтобъ онъ приписалъ на пейзажахъ людей. До сихъ поръ онъ былъ со мною очень честенъ, и я не понимаю, почему онъ не исполняетъ условія.

Съ Срезневскимъ еще нигдѣ не встрѣчался. Дѣла мои идутъ не блистательно, но и не худо. Тружусь довольно. Слава Богу здоровъ, и жинка здорова, чего и Вамъ желаемъ. Вашъ П. Кулѣшъ.

Адресъ: Близъ Владимірской церкви, на углу Загороднаго Проспекта и Щербакова переулка, въ домѣ Костылевой.

54.

1851, мая 19. Спб.

Сколько ни спрашивалъ я въ книжныхъ лавкахъ памятниковъ, касающихся Воронежской губ. и Азова—нѣтъ ихъ нигдѣ.

Удивительно, какъ могъ пропасть слѣдъ живописца Бочарова, столь извѣстнаго въ училищѣ живописи, гдѣ онъ и воспитывался и гдѣ я самъ нашелъ его въ проѣздъ черезъ Москву. Квартира его была тогда за Москвой рѣкой, въ Татарской улицѣ (или слободѣ?), въ домѣ купца Колобова, въ нижнемъ этажѣ, входъ со двора, подъ навѣсомъ вторая дверь.

Мы, слава Богу, здоровы. Я хожу въ англиканскую церковь для усовершенствованія въ англійскомъ языкѣ, а больше нечего Вамъ и сказать о себѣ.

Скоро Васъ посѣтитъ братъ моей жинки Василій, на возвратномъ пути изъ Малороссіи. Покажите ему Вашъ запасъ историческихъ матеріаловъ. Это его займетъ живѣйшимъ образомъ. Бѣдняга долженъ возвратиться въ скучный и безлюдный Петрозаводскъ.

Кланяемось Вамъ и Вашей сестрицѣ нызенько обое. Вашъ П. Кулѣшъ.

Здѣсь въ Апраксиномъ дворѣ попадаются иногда хорошія книги Напишите, не нужно-ли Вамъ какихъ. Я часто роюсь въ этихъ лавочкахъ и могу вамъ служить!

55

1851, августа 1. С.-Петербургъ.

Каждый экземпляръ повѣсти «Marja, etc» стоитъ у Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, по 1 р. 20 к. сер. На 10 или 15 экземпляровъ онъ уступаетъ 20 процентовъ съ рубля. За пересылку должно приложить 50 к. сер. Деньги высылайте на его имя въ книжный магазинъ Якова Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ, на Невскомъ проспектѣ.

Туманскаго «Собраніе записокъ о Петрѣ В. и пр.» я нашелъ у одного такого книжника, въ прочномъ и довольно красивомъ переплетѣ, всѣ 10 книжекъ отдѣльно; но меньше 8 р. не отдаетъ.

«Россійскій же Магазинъ» Туманскаго у него неполный, именно не достаетъ изъ 3-й части 2-й, 4-й, и 5-й книжекъ, но и за непол-

ный экземпляръ проситъ 5 руб., а полнаго нѣтъ нигдѣ. Есть, правда, у одного старика, но тотъ проситъ 25 р., что совершенно нелѣпо.

Мы, слава Богу, совершенно здоровы. Я регулярно пью на-тощакъ свѣжую воду и потомъ моюсь переночевавшею въ комнатѣ. Хожу много.

Въ Петербургѣ я началъ изучать испанскій языкъ, и теперь уже почти сплошь разумѣю безъ лексикона Донъ-Кихота, а историческія книжки, такъ и геть-то. Но практическаго приложенія изъ своего язычества я еще не сдѣлалъ. При всѣхъ моихъ стараніяхъ, я все еще не пріобрѣлъ права или возможности поставлять въ какой-нибудь журналъ переводы и живу однимъ жалованьемъ. Древними языками не начиналъ еще заниматься, въ ожиданіи возвращенія въ Петерб. Коссовича, которому, если случится, прошу Васъ не преминуть порекомендовать меня въ ученики и попросить его принять меня въ особенную его благосклонность.

Черезъ недѣлю переѣдемъ на другую квартиру. Уже далъ и задатокъ. Ежемѣсячно буду платить по 17 р. сер. безъ дровъ и воды. Адресъ таковъ: въ 5-й ротѣ Семеновскаго полка, въ домѣ Щурова.— Хорошенькія три комнаты, передняя, просторная и свѣтлая кухня, погребъ, сарай для дровъ; квартира во 2-мъ этажѣ, надъ потолкомъ 3-го этажа нѣтъ—стучать никто не будетъ, и что очень важно—въ 5 шагахъ контора омнибусовъ, ходящихъ по Гороховой и потомъ черезъ Васильевскій Островъ на Петербургскую сторону, за 10 к. сер. Эта карета будетъ подвозить меня, въ дурную погоду, очень близко къ Министерству Гос. Имущ., гдѣ я служу. Словомъ—все хорошо.

Не знакомы ли Вы съ Рамазановымъ или другимъ начальствующимъ надъ художественною школою лицомъ? Вы бы могли, при случаѣ, разсказать, какъ Бочаровъ употребилъ во зло мою довѣренность, и получа деньги, не выслалъ картинъ. Можетъ быть, оное лицо усовѣстило бы сего нечестиваго поклонника искусствъ.

Мы съ жинкою нызенько Вамъ кланяемось. Вашъ П. Кулѣшъ.

56.

1851, декабря 30. С.-Петербургъ.

Молчаніе мое происходило отъ однообразія моей жизни и занятій. Со мной не случилось ничего особеннаго, кромѣ развѣ того, что теперь служба отнимаетъ у меня гораздо больше время, нежели прежде. Это разстраиваетъ мои домашнія занятія, и я подвигаюсь въ

греческомъ языкѣ (по методѣ Робертсона) очень медленно. Съ Коссовичемъ я не познакомился, потому что имѣю знакомаго грека и латиниста, который во всякое время къ моимъ услугамъ. Не знаю, когда я буду въ состояніи явиться на экзаменъ, но, надѣюсь, поздно не будетъ никогда?

Вы вознегодовали на мои занятія арабскимъ языкомъ. Это такъ, между прочимъ. Случай забросилъ ко мнѣ нѣсколько арабскихъ книгъ, и мнѣ хотѣлось понюхать, чѣмъ онѣ пахнутъ. Теперь я чихаю и кручу носомъ, и не знаю, привыкну ли когда-нибудь къ употребленію этого одуряющаго снадобья.

Мы, слава Богу, здоровы и спокойны. Квартирою своею очень довольны. Выѣзжаемъ очень рѣдко, и у насъ бываетъ не болѣе четырехъ-пяти душъ мужеска и женска пола.

Жинка моя вмѣстѣ со мною усердно кланяется Вамъ и Вашей доброй сестрицѣ. Вашъ П. Кулѣшъ.

---

58 [1]).

1852, февр. 27 С.-Петерб.

Сообщите мнѣ пожалуйста, пане земляче, съ первою почтою, какія можете собрать извѣстія о жизни и дѣяніяхъ Гоголя, чѣмъ премного меня обяжете.

Надѣюсь, Вы получили посланный мною Вамъ черезъ Ханенка гостынець.

Мы, слава Богу, здравствуемъ. Осталась ли какая-нибудь рукопись послѣ Гоголя, или все сжегъ? Вашъ П. К.

Я думаю, Вы сами много знаете подробностей, относящихся къ характеру Гоголя. Пожалуйста удружите мнѣ

59.

Я вознамѣрился перемѣститься на службу въ Черниговъ, съ тѣмъ, чтобы, считаясь какимъ-нибудь свехштатнымъ чиновникомъ, приготовиться въ деревнѣ къ экзамену и потомъ искать службы, соотвѣтствующей моимъ познаніямъ. Скоро надѣюсь получить отпускъ и буду переѣзжать черезъ Москву. Потрудитесь увѣдомить меня съ

---

[1]) Письмо подъ № 57 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

первою почтою, то-есть сообщить мнѣ заглавіе изданія Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили. Надобно успѣть еще отдать его въ переплетъ. И такъ, скоро увидимся. Вашъ П. К.

1852. авг. 13 С.-Петерб.

60.

1852, авг. 15 С.-Петерб.

Спрашивалъ я у Васъ, какъ называютъ нѣмецкое изданіе Гомера, о которомъ Вы мнѣ говорили, а о Вашей новой квартирѣ, которой адресъ я потерялъ, и позабылъ спросить. Пожалуйста напишите. Мы скоро увидимся. У насъ обратила на себя вниманіе повѣсть въ Современникѣ: Исторія Ульяны Терентьевны, неизвѣстнаго новаго автора. Я тоже нахожу ее хорошею вещью. Прочитайте.

Вашъ П. К.

61.

1852, октяб. 18 Борзна.

Ѣздилъ я въ полтавскую губернію на Михайлову Гору, заѣхалъ къ Вашему брату въ Прилукѣ—онъ уѣхалъ въ Варшаву; заѣхалъ на возвратномъ пути—ушелъ въ казначейство, а у меня время было разсчитано—обождать было невозможно. И такъ до весны.

Максимовичъ здравствуетъ и медлитъ, медлитъ всегда, вездѣ и во всемъ. Я прожилъ у него трое сутокъ. Удивительная мѣстность. Онъ продаетъ мнѣ 8 десятинъ нагорной лѣсной земли, и я намѣренъ съ весны основать подлѣ него колонію, переселивъ туда полторы души своихъ крестьянъ. Туда буду пріѣзжать для отдохновенія изъ столицы, а подъ старость успокоюсь на лонѣ сельской тишины.

Въ Нѣжинѣ заѣхалъ къ Тулову. Онъ говоритъ, что монетъ вырыто плугомъ до 200, изъ которыхъ большая часть серебряныхъ и носятъ названія Владиміра, Ярослава, другого Владиміра и Глѣба (а по мнѣнію другихъ Святополка). Скоро выйдетъ въ Кіевѣ описаніе сихъ монетъ и тогда увидите.

Я буду (или по крайней мѣрѣ надѣюсь быть) въ Москвѣ около 1 ноября. Что это Вы храните столь необычное для Васъ молчаніе на мои немалочисленные вопросы. Особенно нуждаюсь въ теплыхъ

калошахъ, которыя, если точно я позабылъ у Васъ, потрудитесь выслать мнѣ на дорогу, а книги придержите. Я заберу ихъ въ Петербургъ.

Въ Малороссіи я довольно таки работалъ при гульнѣ своей, но оставаться здѣсь далѣе незачѣмъ. Я ѣду въ столицу одинъ, съ тѣмъ чтобы въ маѣ направить путь во-свояси. Вашъ П К.

62.

С.-Петербургъ 1852, ноября 8.

Напрасно я поджидалъ въ Москвѣ извѣстія о квартирѣ. Я до сихъ поръ не получилъ ни перваго, ни втораго моего письма. Но знакомство съ домомъ А. меня вознаградило за просрочку нѣсколькихъ дней. До Петербурга я доѣхалъ въ 22 часа съ половиною. Здѣсь шелъ и идетъ дождь. О Москва! ты настоящая русская барыня, разъѣзжающая въ покойныхъ саняхъ и мирно бесѣдующая въ семейномъ кругу, сидя въ теплой, сухой комнатѣ, а здѣсь.

То дождь, то снѣгъ,
То вялица, то мятелица
Крутитъ, мутитъ,
Въ глаза несетъ...

Но увы! Осипъ Максимовичъ! я *долженъ* остаться жителемъ Блатенска. Какое бы мѣсто ни нашлось для меня въ Москвѣ, благоразуміе предписываетъ мнѣ состоять на службѣ въ Петербургѣ. Въ этомъ я тотчасъ убѣдился, лишь только сюда пріѣхалъ. Можетъ быть, современемъ можно будетъ служить и въ Москвѣ, ради моего здоровья, страдающаго отъ Петербургскаго климата; но теперь нечего и помышлять объ этомъ. Увѣдомите запискою или на словахъ И. С. Пускай его заботы обо мнѣ останутся только доказательствомъ его благородной симпатіи. Я рѣшительно остаюсь въ Петербургѣ и пробуду здѣсь до весны. Пани моя съ сестрой пріѣдетъ ко мнѣ черезъ мѣсяцъ или болѣе. Пожалуйста «упустите на нічъ» и проводите ихъ на желѣзную дорогу. Скоро будетъ у васъ съ поклономъ Викторъ Бѣлозерскій. Славный я кавалеръ: получилъ отъ своей жинки воротничекъ для Маѳы Никитичны, да вспомнилъ о немъ только въ Петербургѣ. Прилагаю.

Повѣсти моего друга Н. М. возбудили въ Петербургской публикѣ много споровъ за и противъ, что должно служить для него предвѣстіемъ успѣха. Современникъ за нимъ рѣшительно волочится и

самъ говоритъ, что они «скрасили намъ журналъ и придали ему интересу». Кр. бѣсится, что выпустилъ изъ своихъ рукъ. Но какой же онъ дурень: зачѣмъ было браниться! Я совѣтовалъ Н. М. не оставаться болѣе въ Совр. на прежнихъ условіяхъ, что онъ и сдѣлаетъ, потому что имъ негдѣ взять ничего лучшаго. Теперь онъ оканчиваетъ третью повѣсть въ томъ же родѣ и когда напечатаетъ въ журналѣ, тогда выйдутъ онѣ всѣ три отдѣльными оттисками подъ общимъ заглавіемъ: «Первые моя знакомые, повѣсти Николая М.» Онъ обѣщаетъ и Вамъ прислать экземпляръ. Я не сказалъ ему, что Вы спали, слушая его Якова Яковлевича; а то бы онъ, пожалуй, разсердился. Вѣдь эти авторы, народъ чрезвычайно щекотливый. Это я знаю по себѣ. Слава Богу, что я избавился отъ этой «поштсти» и вошелъ въ кругъ людей обыкновенныхъ. Вашъ П. К.

Воротничокъ оставляю, потому что надобно отправлять чрезъ почтамтъ, а не черезъ ящикъ, и сегодня мнѣ некогда отправить.

63.

Пишу такъ скоро вслѣдъ за первымъ письмомъ по экстренному случаю. Передайте пожалуста Ив. Сергѣевичу, что Фурманъ продаетъ право изданія Сына Отечества за двѣ тысячи рублей серебромъ. Хорошо бы ему пріѣхать и купить, пока журналъ не попалъ въ руки какому-нибудь кулаку. Вашъ П. К.

1852, ноября 9 С.-Петерб.

Я уже нанялъ себѣ квартиру въ Большой Морской, на углу Гороховой, въ д. Елисеева № 26, ходъ съ Большой Морской.

---

66 [1]).

1853, февр. 17 С.-Петербургъ.

Отъ души благодарю Васъ за присылку книгъ и за выправку выправки. Въ свое время воспользуюсь Вашими замѣчаніями. Любопытно узнать Вашъ окончательный судъ о новомъ трудѣ моего пріятеля. Мнѣ самому нравится Прокло Прокловичъ,—тѣмъ болѣе, что онъ не подвергся ни малѣйшему сокращенію со стороны цензора. 3 и 4 части сильно сокращены и измѣнены, 5-я и 6-я опять прошли

---

[1]) Письма подъ №№ 64 и 65 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

безъ большихъ сокращеній, однако въ сложности нѣсколько страницъ выброшено и оттуда.

Увѣдомите пожайлуста меня, или лучше увѣдомляйте, объ успѣхѣ журнальнаго предпріятія г. Леонтьева и его пріятелей. Я отъ всей души желалъ бы видѣть хоть одну путную редакцію на Руси. А то просто курамъ смѣхъ, что за журналисты!

Если найдется путешественникъ, который согласится довести лучшія изъ нашихъ саней до Борзны и оставить тамъ на почтовой станціи, которую содержитъ нашъ родственникъ, то предоставьте ихъ въ его распоряженіе. Намъ бы эта вещь была весьма полезна въ хозяйствѣ на будущее время. Такому путешественнику можно дать наказъ, чтобы онъ сказалъ на станціи, что сани это такого-то и что такой-то просилъ содержателя станціи доставить ихъ для храненія въ хуторъ Николая Даниловича Бѣлозерскаго.

Весною мы намѣрены проѣхать черезъ Москву въ Малороссію. Это будетъ въ маѣ мѣсяцѣ. Тогда ознакомимся съ Москвой основательнѣе, а мнѣ это и нужно: можетъ быть я соберусь съ силами изобразить старинныхъ москвичей въ ихъ столицѣ.

Кланяемся всѣ Вамъ обоимъ усерднѣйше П. К.

Такъ какъ Вы интересуетесь знать, что дѣлаетъ Вашъ пріятель, то довожу до Вашего свѣдѣнія, что въ 1-й кн. Современника его перу принадлежатъ: Прогулки по Петербургу и разборы книгъ: 1, Живописный сборникъ, 2, Исторія Морскаго корпуса, 3, Изюмскій полкъ, 4, Исторія Семеновскаго полка, 5, Исторія Сапернаго Баталіона, 6, Шхеры, 7, Приворотное зелье, 8, Богатая невѣста, 9, Влюбленный въ самого себя; а во второй—Иностранныя извѣстія. Для третьей книжки онъ также пишетъ этотъ фельетонъ.

67.

1853, февр. 24.

Недавно въ Москву прислана изъ Нѣжина книга Тулова объ эстетикѣ. Пожалуйста похлопочите, чтобъ она была похвалена, чего она и заслуживаетъ. Можетъ быть Вы имѣете средства подѣйствовать косвенно, и на Москвитянина. Порученіе Ваше о книгахъ будетъ исполнено.

68.

1853, марта 9. С.-Петерб.

Присутствовалъ я, по словеси Вашему, ажъ три вечера на аукціонѣ дублетовъ и не купилъ ни одной изъ назначенныхъ Вами книгъ, понеже онѣ превзошли мѣру моихъ ожиданій.

Знаете ли, что я хочу дѣлать? Уѣхать изъ Петербурга навсегда,— по крайней мѣрѣ на долго. Въ маѣ будемъ ѣхать чрезъ Москву. Пора пожить естественною жизнью, на родинѣ. Я, конечно, не старикъ, и мнѣ всѣ добрые люди посовѣтовали бы послужить, до чего-нибудь дослужиться; но тяжко дослужиться въ Петербургѣ могилы! Я еще не жилъ на свѣтѣ; я только дослуживался, самъ не зная чего. Теперь хватился за умъ. Дай Богъ, чтобъ не было поздно! Вашъ П. К.

69.

1853, апр. 2 С.-Петерб.

Рекомендую Вамъ Николая Ив. Катенина какъ человѣка образованнаго и прекраснаго. Пригласите его бывать у Васъ по опредѣленнымъ вечерамъ, чѣмъ его и меня много обяжете.

Хрестоматію Бетлинга посылаю. За нее заплачено 1 р. 70 к. сер., а Сакунталу надобно купить у самого издателя, котораго я два раза не засталъ дома. Вашъ П. К.

70.

1853, апр. 13. С. Петербургъ.

Ж. М. Н. Пр. отдѣльными книжками не продается, но мнѣ дали въ редакціи оттискъ нужной Вамъ статьи, который и посылаю.

Послѣ многихъ незаставаній Бетлинга дома, я наконецъ узналъ, что Kalidasa's King Çakuntala можно достать только въ Лейпцигѣ у тамошнихъ книгопродавцевъ, а въ Петербургѣ нѣтъ этой книги.

Вы получите 205 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ сочиненій Н. М. по желѣзной дорогѣ съ товарнымъ поѣздомъ. Изъ нихъ 100 потрудитесь раздать на коммиссію, 100 оставить у себя до новыхъ требованій отъ книгопродавцевъ, одинъ экземпляръ возьмите для своей библіотеки, одинъ потрудитесь передать Вернадскому, одинъ Леонтьеву, одинъ въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей и одинъ пе-

реслать Ив. Кирѣевскому, котораго настоящее мѣстопребываніе намъ неизвѣстно.

Мы собираемся во путь во дорогу, съ тѣмъ, чтобы прожить въ Малороссіи лѣто, зиму и лѣто: это minimum, а можетъ быть и совсѣмъ тамъ поселимся. Сборы наши будутъ длинны, потому что мы отправляемъ въ Малороссію лучшую свою мебель, книги и разныя вещи, а тутъ еще заболѣла Надежда Михайловна и очень опасно холерою. Мы отчаявались въ ея жизни, но усердіе земляка доктора Пушкарева, свояка извѣстнаго Вамъ доктора Григоровича, спасло ее. Теперь она только лежитъ, но опасность миновала. Я простудился, кашляю и сижу дома, что очень досадно, потому что я въ послѣднее время ежедневно отправлялся на ловитву книгъ въ «книжное царство» на толкучкѣ. У меня въ деревенскомъ уединеніи будетъ весьма порядочная библіотека, и я надѣюсь провести время въ Малороссіи съ большою пользою. Надобно наполнить пробѣлы памяти, которыхъ множество.

Не могу назначить съ точностью времени своего проѣзда черезъ Москву, но желательно было бы выѣхать 1-го мая. Впрочемъ, за недѣлю или болѣе Вы получите отъ меня объ этомъ извѣстіе.

Потрудитесь составить для меня на досугѣ списочекъ источниковъ для изученія эпохи самозванщины въ бытовыхъ отношеніяхъ. Вѣкъ царя Алексѣя Михайловича введетъ меня въ таинства гражданской и семейной жизни москвитянъ предшествовавшей ему эпохи, слѣдовательно не должно придерживаться въ этомъ случаѣ хронологическихъ предѣловъ. Хотѣлось бы эти книги пріобрѣсть и взять съ собою да хорошенько вчитаться въ нихъ на свободѣ. До свиданья. Кланяемось всѣ обоимъ Вамъ низенько.

Почитающій и преданный П. К.

А что дѣлаетъ у Васъ холера!

Алекс. Однор. продавать по 1 руб. сер., а повѣсти по 75 к. сер. Если найдете нужнымъ, можете дать изъ этой цѣны книгопродавцамъ по 20 процентовъ.

71.

185? г. апр. серела С.-Петерб.

Я забылъ сказать Вамъ въ письмѣ, посланномъ дня три тому назадъ, что Словарь арабскаго языка Казимірскаго въ Петербургѣ еще не полученъ весь, книгопродавцы не знаютъ, оконченъ-ли онъ;

знаютъ только, что вышло 2-го тома десять ливрезоновъ. Съ азіатскими язычниками я не знакомъ, но при случаѣ черезъ своихъ знакомыхъ разспрошу, вышелъ-ли онъ весь въ Парижѣ, гдѣ онъ продается chez Théophile Barrois, libraire Quai Voltaire, B—à la Tour de Babel, какъ сказано на его оберткѣ. Книга эта—1-й томъ и 6 ливрезоновъ 2 го есть у меня. Она принадлежитъ одному путешественнику, котораго возвращеніе въ Россію не иззѣстно. Если для Васъ было бы нужно неоконченное изданіе, то оно можетъ храниться у Васъ до востребованія. Стоитъ же оно полное, по словамъ книгопродавцевъ, 16 р. 50 к. сер.

Посылаю Вамъ билетикъ для полученія съ желѣзной дороги или чугунки книгъ, о которыхъ я писалъ въ предъидущемъ письмѣ.

Я все боленъ. Докторъ запретилъ мнѣ выходить до самаго праздника. П. К.

72.

1853, апр. 20. С.-Петербургъ.

Литовскую библію для Васъ отыщу, лишь только начну шляться по городу: теперь же сижу безвыходно дома, по распоряженію моего врача. Между тѣмъ вотъ къ Вамъ покорнѣйшая просьба. Проситъ меня Никол. Дан. Бѣлозерскій купить для него разныя книги. Вѣроятно, многія изъ нихъ есть въ Москвѣ, поэтому выписываю всѣ требуемыя сочиненія и покорнѣйше прошу Васъ, въ случаѣ обрящете гдѣ, тотчасъ и закупить, о тѣхъ же, которыхъ въ Москвѣ не найдется, увѣдомить меня немедленно, чтобъ я имѣлъ еще время поискать здѣсь. Сіи книги суть.

1) Полное собраніе Р. Лѣтописей съ 4-го тома.

2) Временникъ Общ. И. и Др. Р. съ 12-й книжки.

3) Карта Черногоріи съ объясненіемъ Венгріи, изд. Срезневскимъ.

4) Доктора Ридемахера специф. и универсальн. врачебн. средства.

5) Исторія Боголюбцевъ. Св. Ѳеодорита.

6) Путешествіе по Сициліи 1822, А. Норова.

7) Письма покойнаго алтайскаго миссіонера архимандрита Макарія 2 экземпляра.

8) Историч. чтенія изъ Ветх. Завѣта 2 экземпляра.

9) Чтеніе изъ 4-хъ Евангелист. 2 экземпляра.

10) Хронологическій циклъ юліанскаго лѣтосчисленія на 11,000 лѣтъ.

11) Шушерина клирика. Записки о. Никонѣ Патріархѣ.

12) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій.

13) Труды и лѣтописи Москов. Истор. Общ. 8 томовъ (непремѣнно *со всѣми* гравюрами).

14) Русскій Истор. Сборн. 7 ч. (съ гравюрами).

15) Исторія Червонной Руси Зубрицкаго.

16) Описаніе древней новгородск. гривны.

17) Предвар. кратк. изслѣдованіе Эверса.

18) Древности Сѣвернаго Понта.

19) Leçont de la litterature et de morale, p. Noël.

20) Хорошую нѣмецкую хрестоматію.

21) Повѣсти и литерат. отрывки Полевого, томы 1 и 2

22) Переводы въ прозѣ. В. Жуковск. Части 1 и 2.

23) Библіотека повѣстей и анекдотовъ изд. Каченовскимъ, части 1 и 5.

24) Московскій Меркурій, журн. 1803 г., части 3 и 4, т. е іюль-декабрь.

25) Вѣкъ Людовика XIV Вольт. т. 1-й.

26) Московскій Вѣстникъ, 1827, № 3.

27) Московскаго Телеграфа.

1825 г. весь и 1834 сколько вышло.

1827, въ части 13, отд. 1 № 1.

» » » 17 » 2 — 19.

1832 № 11-й въ части 45.

Изъ лавки И. В. Базунова въ Москвѣ дана была записочка, что Вѣстникъ Европы съ 1813 по 1849 (?) г. можно получить по 1 р. 50 к. за каждый годъ.

Не уступятъ ли дешевле, если взять всѣ годы? и сколько именно возьмутъ [1])?

28) Если можно, достаньте комедію: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», которую давали въ бенефисъ Щепкина и которая переведена съ итал. Гоголемъ.

29) Атласъ Барановскаго.

30) Миргородъ, повѣсти Гоголя.

---

[1]) Если найдете хотя разрозненныя части этого журнала до 1813 года, то всѣ купите.

31) Руководство къ благочестивой жизни Франциски де Саль.

32) Записки Археолог. Общ. по русскому его отдѣленію.

33) Житіе Бориса и Глѣба.

34) Европеецъ.
35) Мнемозина. } журналы.
37) Невскій Зритель.

37) Брошюрки Иванчина Писарева: «Мих. князь Черниговъ. бояр. Ѳодоръ

Сколько Вы истратите на эти книги денегъ, я возвращу Вамъ съ благодарностью при проѣздѣ черезъ Москву. Если Вы найдете выгоднымъ вымѣнять ихъ на свои книги, то все равно я выдамъ Вамъ деньги по существующимъ цѣнамъ на означенныя 37 сочиненій, этимъ Вы бы меня значительно облегчили. Я все боленъ и не знаю, много-ли будетъ во мнѣ силъ для хожденія по лавкамъ передъ выѣздомъ отсюда и при проѣздѣ черезъ Москву. Надежда Михайловна поправляется едва замѣтно.

Поздравляемъ Васъ обоихъ съ праздникомъ—хоть въ концѣ письма, коли не въ началѣ, и желаемъ увидѣть Васъ въ добромъ здоровьѣ. У насъ въ Москвѣ есть родственникъ Сорокинъ, къ которому заѣдетъ часть нашей громады (мы и двухъ дѣвушекъ повеземъ до дому), а къ Вамъ—только я, пани моя и Маша. Предвѣстникомъ скораго моего прибытія будутъ небольшой сундукъ съ книгами, который я отправлю впередъ съ товарнымъ поѣздомъ, и еще клуночокъ съ разными разностями.

73.

1853, апр. 29 С. Петербургъ.

Вы угадали: я разумѣлъ Петра, а не Ивана.

Письмо Ваше отправлено, какъ это Вы увидите изъ прилагаемой росписки.

Литовской библіи, ниже Литовскаго Новаго Завѣта въ Синодальной книжной лавкѣ нѣтъ, а у книжниковъ до сихъ поръ не отыскалъ; но я заказалъ отыскать одному знаменитому въ книжницѣхъ мужу отыскать у своей братіи и надѣюсь, что успѣхъ увѣнчаетъ его старанія. Онъ доставилъ мнѣ почти всѣ тѣ книги, которыхъ не оказалось въ Москвѣ, и получивъ отъ меня изрядную мзду, будетъ теперь трудиться ревностно.

Книгъ, не упомянутыхъ въ Вашемъ письмѣ, то-есть не означенныхъ «въ нѣтахъ», я не покупаю здѣсь и отыскиваю однѣ «нѣтчицы», въ надеждѣ получить прочія въ Москвѣ.

Пожалуйста записывайте трату на извощика для Андрея, получающаго или отправляющаго мои книги.

На Ваше имя пришлютъ, можетъ быть, изъ Малороссіи 1000 руб. сер. Эти деньги назначены для покупки кареты, которую я и куплю проѣздомъ черезъ Москву для Н. Д. Бѣлозерскаго.

Раньше 15 мая едва-ли можно будетъ намъ выѣхать изъ Блатенска. Сборовъ и хлопотъ бездна. Я совсѣмъ оправился, а Надежду Михайловну обѣщаетъ докторъ починить черезъ недѣлю такъ, что она будетъ похожа на здоровую женщину.

Вы получите въ страховомъ письмѣ два билета, по которымъ выдадутъ на чугункѣ Вашему Андрею тюкъ съ книгами и сундукъ съ книгами же. На этихъ посылкахъ означены еще буквы О. Б. для того, чтобъ не смѣшали ихъ какъ-нибудь съ другими, и надписано: книги. Почитающій и преданный П. К.

Это и есть страховое письмо, о которомъ я, минуту назадъ, пророчествовалъ. Прилагаю и билетики—одинъ за № 805, а другой за № 804.

Обѣ посылки пускай обождутъ моего пріѣзда нераскупоренныя. Przepraszam!

74.

С. Петербургъ 1853, мая, 13.

Lukaszewicza Historia szkól w Koronie i wielkiem księstie Litewskiem, etc. стоитъ здѣсь, по послѣдней переторжкѣ, 8 р. 10 к. сер., но цензура вырѣзала первыя 32 страницы во 2-мъ томѣ. Покупать-ли?

Другой польской книги нѣтъ. Покупку нѣмецкихъ я отложилъ до кануна моего выѣзда, въ чаяніи кораблей, которые пополняютъ книжные магазины, оскудѣвшіе зимою. Мы будемъ въ Москву 20 мая или немного раньше[1]). Вашъ П. К.

---

77 [1]).

Хуторъ Мотроновка подъ Борзною 25 іюля, 1853.

Отдохнувъ дома недѣли полторы, я пустился въ Полтавскую губернію для покупки себѣ хутора. Заѣхалъ къ Вашему брату и обѣщалъ ему быть на возвратномъ пути; но какъ на станціяхъ меня задерживали, то я не могъ разсчитать время своего проѣзда черезъ Прилуку и проѣхалъ черезъ нее ночью, да еще въ дождь. Хуже всего, что я, выѣзжая изъ дому, позабылъ взять книгъ, которыя обѣщалъ ему доставить. Теперь уже откладываю этотъ пріятный для меня долгъ до осенняго переѣзда черезъ Прилуку. Очень виноватъ передъ Вами и передъ нимъ, но постараюсь свою вину загладить.

Хуторъ я купилъ въ 30 верстахъ отъ Лубенъ, близъ села Оржицы. У Стороженка быть не могъ. Но погодите: вѣрно Вы интересуетесь знать, что за хуторъ. 80 десятинъ земли степной пахатной и 40 подъ усадьбою, подъ низменнымъ сѣнокосомъ и лѣсомъ. Все въ одномъ отрубномъ кускѣ. Что касается до платы, то о ней не для чего упоминать, потому что это куплено у человѣка весьма близкаго, для котораго важнѣе было услужить мнѣ, нежели сбыть съ рукъ землю. Въ сентябрѣ поѣду устраивать крестьянскія помѣщенія. Зимовать, вѣроятно, буду въ Петербургѣ, если не въ Москвѣ. А весною надобно строить домикъ. Въ осеннюю поѣздку въ хуторъ (ему же имя Зàрогъ, общее съ сосѣдними козацкими хуторками) побываю и у Стороженка. Боюсь только, чтобъ онъ не принялъ со мной такого тона, какъ генералъ 12 года съ молодымъ своимъ сосѣдомъ Тентетниковымъ. Кстати: ожидаю отъ Васъ обѣщанныхъ копій по сему предмету. Кланяемся etc.

Вашъ П. К.

78.

Хуторъ Мотроновка, 25 августа 1853.

Что Вы скажете, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, о книгѣ, носящей сицевое заглавіе: «Статуть Великого Князтва Литовского отъ наяснейшаго м҃лти Жикгимонта третего на коронацыи

---

[1]) Письма подъ №№ 75 и 76 будутъ напечатаны въ концѣ статьи.—*Ред.*

въ Кракове выданный року ҂афпи. Зъ ласки и за привилеемъ короля его мл҃ти. Въ Вильни, друковано въ дому Мамоничовъ.»

Сію рѣдкую книгу я не нашелъ и не открылъ, а отрылъ въ такомъ сору, который въ состояніи былъ бы разгребать развѣ Ольдбукъ Вальтера Скотта. Она сохранилась въ цѣлости только благодаря своему плотному кожаному переплету, окружала же ее гниль и мерзость запустѣнія. Куча ненужныхъ книгъ и бумагъ свалена была въ какой-то ящикъ и оставлена безъ вниманія въ амбарѣ лѣтъ на 20. Мыши и крысы, проникнувъ туда единственно изъ любопытства, не удостоили устроить въ этомъ дряннохранилищѣ своихъ гнѣздъ, а обратили его въ свой н . . . . . ъ. Подъ вліяніемъ сего учрежденія, кипы бумагъ, перегнивъ, сбились въ большіе комья и составили съ крысьими ковтяхами нѣчто однородное. То были ученическія записки по части реторики, піитики и другихъ ковтякоподобныхъ мудрованій, вмѣстѣ съ какими то тактиками, лечебниками и прошеніями—словомъ погодинское дряннохранилище ни дать ни взять. Рою, рою и уже прихожу въ отчаяніе, но подкрѣпляемый Вашимъ добрымъ геніемъ, или, можетъ быть, демономъ, скалящимъ на Васъ зубы изъ за Вашихъ всепоглощающихъ шкаповъ, копнулъ еще разъ—признаки книги. Выставившійся наружу уголъ надгрызенъ мышами. Думаю—видно опять лечебникъ или тактика: мыши попробовали и бросили. Воздвигаю книгу изъ бездны смрадной тлѣни и вижу то, что послѣ подобныхъ трудовъ и самоотверженія можно было бы увидѣть и у Погодина. На заглавномъ листѣ *полустертая* надпись: «Troph Onieszkiewicz Ano 1633», а по листамъ внизу другая: «Сей Статутъ Госпо—дина Коллеж—скаго регис—тра—тора Григо—рія Яковлева сы—на Богда—нова.» На оборотѣ выпускнаго листа надъ портретомъ Сигизмунда рукописная надпись: «Кролъ п҇оск҇и» На стр. с҇кд, с҇ке и с҇л рукою XVI вѣка по русски означены ошибки въ размѣщеніи артыкуловъ, а на стр. у҇кс другою, современною рукою приписаны по польски краткія поясненія къ тексту. По засаленнымъ угламъ листовъ видно, что книга была въ работѣ не у одного старинна го юриста. На раздѣлѣ «о грабежахъ и о навезкахъ» положена закладка. Когда и кѣмъ? и гдѣ теперь господинъ, которому понадобилось справиться, что присуждаютъ законы за грабежи и навезки... Долго я нюхалъ и ворочалъ на всѣ стороны старый нашъ кодексъ, но ничего не вынюхалъ. Старина отшумѣла, откричала свое и онѣмѣла; слѣдъ ея такъ неясенъ и сбивчивъ, что мое чутье совсѣмъ не

беретъ, воображеніе мое заблудилось въ дремучемъ лѣсу невѣдѣнія и стало въ тупикъ, оглядываясь дико на всѣ стороны. Ничего не подсказала мнѣ эта книга; не слѣдуетъ же мнѣ и владѣть ею. Иди, о мой найденышъ, къ Осипу Максимовичу. Онъ тебя оцѣнитъ достойнымъ образомъ и приметъ въ многочисленную семью своихъ захребетниковъ. До свиданья Вашъ П. К.

Хотѣлъ было послать Вамъ этотъ гостинчикъ по почтѣ, но раздумалъ; лучше самъ привезу въ концѣ сентября на пути въ Петербургъ.—Для Васъ не не интересно будетъ узнать, что мнѣ прислалъ одинъ господинъ два предлинныхъ письма Гоголя 1827 года—безцвѣтные матеріалы для біографіи—и записку о родѣ Гоголя. Еще я досталъ письма два заграничныхъ. Подлинники первыхъ, по снятіи съ нихъ копій для употребленія, будутъ принесены въ даръ тому-же, кому и статутъ, на зло демону, смѣющемуся изъ-за шкаповъ. Хочу составить нѣчто вродѣ полной біографіи Гоголя (съ гробовымъ молчаніемъ объ А-выхъ). Имѣйте это въ виду и пораспросите, у кого случится, какъ и гдѣ живалъ Г. за границею. Василій Бѣлозерскій получилъ свободу жить и служить, гдѣ угодно. Костырь умеръ на возвратномъ пути въ Харьковъ.

79.

18 сентября, 1853. Мотроновка.

Нашелъ я книгу рукописную: «Мнѣніе Ѳеофана Архіепископа Великоновгородскаго, каковымъ образомъ и порядкомъ удобно отрока наставляти въ христіанскомъ законѣ. Року 1729 мця.» Переписана она въ 1753 году войсковымъ канцеляристомъ Леонтіемъ Юзефовичемъ, и начинается сице: «Всякому отроку а наипаче к владѣнію народа растущему, и владѣющему духовное наставленіе содержится по моему мнѣнію в слѣдующихъ предложеніяхъ или показаніяхъ» Листовъ въ ней 62, in 4. Увѣдомите меня, напечатана-ли она или нѣтъ.

Извѣстите также, интересуетесь-ли Вы книгою, записанною въ каталогѣ Кастерина подъ № 207. Нѣтъ заглавнаго листа и листовъ: 13, 350—354, 357.

Найдена мною большая книга проповѣдей, списанная, судя по почерку, въ 17 в. на польско-славянскомъ языкѣ, безъ начала и конца. Собственно говоря нѣтъ только заглавнаго листа, а прерывается она на листѣ 105.

Еще Густынская лѣтопись, прекрасно переписанная почеркомъ 17 в., безъ перваго листа, а прервана на раздѣлѣ: «Фундушъ кн. Мих. Корыбута Вишневецкого.» Еще «. . . . . книжка рекомая пчела, в хрупичполѣ (Борз. уѣзда) при храмѣ с҃ля х҃ва Николая през мене многогрѣшнаго Петра виноградскаго переписана року ҂аχод и п го». Начинается она статьею: Житіе с҃тое равноапостолнаго вел кн҃зя кіевского владимера всея россіи самодержца... выбрано з лѣтописца русскаго преподобнаго Нестора Печерскаго.» На 28 листкахъ in 4. Затѣмъ слѣдуетъ: «Сказаніе како состави святый Кириллъ философъ азбуку по языку словенску и книги прежде (sic) отъ греческихъ на словенскій.» Потомъ переписанъ «Выкладъ о церквѣ святой и о церковныхъ речахъ»... напечатанный при Печерской Лаврѣ въ ҂аχч҃з году. Потомъ разныя житія святыхъ. Я остановился на «Словѣ во время бездождлыя» весьма интересномъ. Ораторъ упрекаетъ мірянъ въ политическихъ смутахъ, въ грабежѣ церквей во время воинъ козацкихъ и заключаетъ такъ: « . . . . воеводъ царскихъ повыгоняли и не только мѣдяными деньгами знехтили, але и срѣбныхъ по копѣйци не приняли, только по чеху и по осмаку.» Далѣе слѣдуетъ сицевое заглавіе: «Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли.» Это вирша на отпаденіе отъ Польши и присоединеніе къ Россіи.

На дняхъ я ѣздилъ въ Сосницкій уѣздъ и записалъ 12 большихъ думъ, изъ которыхъ нѣкоторыя (о Хмельницкомъ, о гетманѣ Хвеськѣ Кганжѣ Андыберѣ и пр.) совершенно новыя, а другія заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя нравоописательныя и историческія новыя черты и подробности [1]). Кромѣ того мнѣ доставилъ много пѣсенъ черниговскій Бѣлозерскій. Я къ Вамъ явлюсь съ весьма важнымъ сборникомъ; но когда же наступитъ время изданія Вашей коллекціи? Я слышалъ, что Срезневскій гдѣ то обѣщаетъ выпустить скоро томъ историческихъ думъ. Тамъ, конечно, будутъ и тѣ, которыя онъ у меня укралъ. А мы сидимъ съ своимъ сокровищемъ.

Черезъ 3 или 4 дня я ѣду въ свой хуторъ и буду непремѣнно у Вашего брата. Оттуда ворочусь не раньше 10, слѣдовательно въ

---

[1]) Я разшевелилъ того самаго Андрея Шута, о которомъ пишетъ священникъ Базилевичъ въ этнографическомъ сборникѣ. Дума, напечатанная тамъ, пополнена весьма важными подробностями.

Москвѣ буду около 14. Отвѣчайте на всякій случай въ нѣсколькихъ словахъ. Можетъ быть что нибудь задержитъ меня долѣе въ Малороссіи. Вашъ П. К.

80.

23 окт. 1853, С. Петербургъ.

Я позабылъ передать Вамъ просьбу Николая Даниловича Бѣлозерскаго, помѣщенную имъ въ данной мнѣ памятной запискѣ, изъ которой лоскутокъ прилагается. Прошу Васъ исполнить ее, если не для него, то для Вашего пріятеля Базунова, къ которому, вѣрно, перейдутъ всѣ деньги, какія Вы получите, по довѣренности Бѣлозерскаго, изъ Опекунскаго Совѣта.

Еще я забылъ сказать Вамъ, что «Житіе Варлаама и Іосафа» принесено Вамъ въ даръ только по моему внушенію, а не отъ меня. Это даритъ Вамъ одинъ изъ Вашихъ почитателей и подражателей, черниговскій Бѣлозерскій.

Потрудитесь, улучивъ свободное время, отобрать для меня отдѣльные оттиски лѣтописей, а если Вы располагаете еще хоть однимъ экземпляромъ «Чтеній», то и этотъ экземпляръ прислать мнѣ вмѣстѣ съ таковыми. Возить съ собою «Чтенія» съ юга на сѣверъ и съ сѣвера на югъ неудобно, а потому весьма пріятно было бы имѣть ихъ сѣмо и овамо. Вы уже подарили мнѣ ихъ два раза, но не сдѣлаете большого грѣха, подаривъ и въ третій.

Дамы мои позабыли у васъ два пальто, благоволите уложить ихъ въ колясочный сундукъ и хранить до личнаго свиданія, или до увѣдомленія, какъ поступить съ ними.

Въ одинъ изъ будущихъ прекрасныхъ дней соизвольте направить Вашу прогулку къ каретнику Мякишеву и удостовѣриться, что фаетонъ нашъ дѣйствительно стоитъ въ сараѣ, а не подъ открытымъ небомъ. При этомъ передайте Мякишеву мою просьбу, чтобъ онъ исправилъ его, не дожидаясь весны, ибо тогда у него будетъ много работы. Я чувствую, что порядочно надоѣдаю Вамъ разными своими дрязгами, но увѣдомляю Васъ, что знаю всю цѣну Вашимъ одолженіямъ.

Квартирою мы остались довольны,—только очень далеко; почему мы и помышляемъ современемъ перемѣнить ее на болѣе близкую къ Невскому проспекту.

Неприятные приятели мои надавали мнѣ разныхъ работъ, отъ которыхъ да избавитъ меня Небо какъ только возможно поскорѣе!

Тяжело рубить дрова тому, кто умѣетъ написать картину или отличить статую! но таково наше время, что вѣрнѣе можно зашибить копѣйку рубкою дровъ, нежели произведеніями фантазіи—по крайней мѣрѣ вѣрнѣе для меня. Впрочемъ Петербургъ произвелъ на меня чрезвычайно живительное впечатлѣніе, и я не знаю, когда буду въ состояніи оставить его навсегда! Вашъ П. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ одесскомъ еженедѣльномъ журналѣ „По морю и сушѣ“ былъ напечатанъ разсказъ о бурлакахъ, въ которомъ находимъ описаніе оригинальнаго свадебнаго обряда у этихъ „забиглыхъ душъ.“—„Знаете, вѣдь мы сами и вѣнчались (сказалъ старый бурлака).—Какъ же вы вѣнчались?—„А вотъ видите ли, какъ. Подъ праздникъ идетъ кто нибудь изъ нашихъ—атаманъ, или старшій годами—къ эконому и проситъ дать хлѣбъ, цѣлый хлѣбъ.—На что тебѣ?—спрашиваетъ тотъ.—Да знаете, тамъ надо намъ обвѣнчать!—Вотъ, беретъ тотъ хлѣбъ, втыкаетъ сверху грудочку соли и къ нему подходятъ молодой съ молодою. Выберемъ посаженныхъ отца и мать, молодые кланяются имъ, а они ихъ благословляютъ и учатъ, какъ надо жить; потомъ молодые подходятъ къ тому, что держитъ хлѣбъ, цѣлуютъ тотъ хлѣбъ и обѣщаютъ Богомъ и хлѣбомъ жить дружно. Тѣмъ вѣнчанье и кончается“ [1]). Намъ передавали еще, что при этой церемоніи хлѣбъ клали на дижу и молодыхъ обводили вокругъ дижи (с. Компанѣевка елисаветгр. у.). Замѣчательно, что люди, сбившіеся съ обычной бытовой колеи, очутившіеся въ „невѣнчаной“ губерніи, всетаки считали для себя обязательнымъ изъ всего сложнаго свадебнаго обряда сохранить обрядный хлѣбъ, съ дижою въ качествѣ аксессуара, да благословеніе родителей.

---

[1]) „Изъ прошлаго нашихъ степей“ І. Л. „По морю и сушѣ“ 1895 г. № 12.

Одного этого уже достаточно, чтобы судить, какое видное мѣсто занимаетъ въ понятіяхъ народа обрядный хлѣбъ въ свадебномъ дѣйствіи.

Обрядному хлѣбу было посвящено у насъ особое изслѣдованіе Н. Ѳ. Сумцовымъ [1]). Но до сихъ поръ не издано рисунковъ малорусскаго обряднаго, въ частности—свадебнаго хлѣба, кромѣ единственнаго рисунка, напечатаннаго въ изданіи Кольберга „Pokucie", мало распространенномъ въ Россіи [2]). Между тѣмъ, въ вопросѣ о значеніи разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба особенности формъ ихъ должны быть самыми важными показателями. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, предлагаемъ описаніе разныхъ видовъ свадебнаго хлѣба, по экземплярамъ, доставленнымъ намъ изъ губерній кіевской, подольской и херсонской.

Описаніе свое начнемъ съ болѣе простыхъ формъ, *шишки* и *голубка*, которыя, въ качествѣ украшеній, входятъ также въ составъ коровая, лежня и дивня.

Простая *шишка* приготовляется слѣдующимъ образомъ. Раскатывается продолговатая полоса тѣста, въ видѣ ленты, на одной сторонѣ ея дѣлаются прямыя или косыя насѣчки и потомъ лента сворачивается и внизу стягивается кольцомъ изъ тѣста: такимъ образомъ получается подобіе сосновой шишки, откуда происходитъ и самое названіе хлѣба. Такихъ шишекъ пекутъ къ свадьбѣ очень много. Женихъ и невѣста подносятъ шишки лицамъ, приглашаемымъ на свадьбу; на самомъ *весильи* шишки раздаютъ гостямъ. Иногда приготовляются *шишки* особаго типа, пышнѣе предыдущихъ, преимущественно для подарка старшей дружкѣ. Такъ, изъ с. Константиновки черкасскаго у. намъ доставлена роскошная *шишка*, украшенная голубками и маленькими шишечками и позолоченная, которая представляетъ собою миніатюрное повтореніе *коровая*.

Голубки, похожіе на средопостныхъ *жаворонковъ*, приготовляются изъ двухъ продолговатыхъ кусковъ тѣста: одинъ изъ нихъ заканчивается головкой съ одной стороны и хвостикомъ съ

[1]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ. Харьковъ. 1895.

[2]) Pokucie, I. 226. Указаніемъ этимъ мы обязаны Н. Ѳ. Сумцову.

другой; другой обхватываетъ снизу первый пониже головки, скрещивается концами вверху и заканчивается крыльями. Въ с. Компанѣевкѣ елисаветгр. у. такими голубками дарятъ свадебныхъ бояръ.

При описаніи способа приготовленія *коровая* пользуемся разсказомъ старухи изъ того же с. Компанѣевки, откуда мы получили два различные экземпляра коровая; у той же женщины заимствуемъ и объясненіе узоровъ на нихъ. По ея словамъ, коровай приготовляется такъ. Въ основаніе кладется большой коржъ, называемый *подошвой* коровая. На него кладутъ „для доли“ монету и три вареника [1]). Потомъ кладутъ *перехрестье*, т. е. двѣ полосы тѣста на подобіе креста. Сверхъ перехрестья ставятъ булку. Подошву опоясываютъ кольцомъ изъ тѣста и противъ концовъ перехрестья прикрѣпляютъ четыре голубка. Наверху булки прикрѣпляется *шишка*, а бока ея украшаются маленькими шишками, изображеніями листьевъ барвинка и *петельками* изъ тѣста. Всѣ эти украшенія прикрѣпляются къ булкѣ тоненькими прутиками.

Очень красивый экземпляръ коровая доставленъ намъ изъ с. Константиновки черкасскаго у. кіевск. г. На немъ шишками украшены только вершина и подошва, четыре голубка посажены на бокахъ булки, а промежутки между ними заполнены рядами зубчиковъ. Вся поверхность коровая обильно покрыта позолотой и украшена живыми листьями барвинка (vinca minor) [2]). На вершинѣ его былъ воткнутъ вѣтвистый прутикъ, украшенный тѣстомъ и также покрытый позолотой; украшеніе это заключалось въ зубчатой полосѣ тѣста, нанизанной на вѣточки, концы которыхъ, кромѣ того, украшены были маленькими голубками.

---

[1]) Объ обрядовомъ употребленіи *сыра* на свальбахъ у Н. Ѳ. Сумцова „О свадеб. обр.,“ 121. Въ лубенск. у. въ середину коровая кладутъ еще 5 сырыхъ яицъ („Кіев. Стар.“ 1890 г., прилож., 152); изъ описанія свальбы въ бѣльскомъ у. сѣдлецк. губ. у Чубинскаго мы узнаемъ, что въ середину коровая кладутъ изображенія солнца и мѣсяца изъ тѣста (IV, 672); но извѣстіе это кажется намъ сомнительнымъ по нецѣлесообразности помѣщенія изображенія свѣтилъ небесныхъ не наверху, а внутри коровая, гдѣ они къ тому же тотчасъ затѣмъ заплывутъ тѣстомъ.

[2]) Барвинкомъ украшаютъ себѣ головы невѣста и *коровайницы*. Въ пѣснахъ барвинокъ—символъ красоты и невинности. Сумцовъ, О свадебн. обр., 184.

Варіантъ изъ с. Папенки литинскаго у. подольск. губ. украшенъ на вершинѣ звѣздой, быть можетъ—подражаніе цвѣтку,—а по бокамъ петлями изъ тѣста, на подобіе французской буквы S; кромѣ того, поверхность была украшена живыми листьями барвинка, пучками калины [1]), цвѣтами безсмертника и позолотой. Въ середину коровая было воткнуто *гильце*, въ видѣ еловой вѣтки; къ вершинѣ послѣдней прикрѣпленъ былъ также пучокъ калины, боковыя же развѣтвленія украшены были, кромѣ пучковъ калины, цвѣтами безсмертника, листьями барвинка, гусиными перьями, полосками красной бумаги, пучками гаруса краснаго и синяго цвѣта и позолотой.

Оригиналенъ по своей простотѣ экземпляръ изъ м. Глодоссы елисаветградскаго уѣзда. Поверхность его украшена рядами полосокъ изъ тѣста съ зубцами наверху; въ вершину воткнуты въ наклонномъ положеніи къ серединѣ три прутика, такъ называемые *теренки* (отъ слова *теренъ*), обвитыхъ зубчатыми полосками тѣста, въ подражаніе шипамъ терновника, и украшенныхъ наверху изображеніями голубковъ изъ тѣста и пучкомъ живой калины. *Теренки* эти связываются красной заполочью, которая потомъ, „если чеспа молода,“ роздается въ понедѣльникъ гостямъ [2]).

Подобный предыдущему *молдаванскій* коровай, привезенный изъ Новоукраинки елисаветградскаго уѣзда, отличался только зубчатой подошвой и еще тѣмъ, что теренки на немъ были вѣтвистые.

Изъ Компанѣевки елисаветградскаго у. намъ доставленъ, кромѣ описаннаго выше, еще одинъ экземпляръ коровая; онъ отличается тѣмъ, что перехрестье на немъ положено *сверхъ* булки; украшенія состоятъ также изъ четырехъ голубковъ, расположенныхъ въ промежуткахъ перехрестья, у подошвы, изъ шишки на верху и изъ зубцовъ, расположенныхъ по пере-

---

[1]) Въ народной поэзіи *калина* служитъ символомъ молодой замужней женщины, символомъ брачной потери невинности. Сумцовъ, О свад. обр., 183.

[2]) Въ бѣльск. у. сѣдлецк. губ. такія вѣтки называются *торочками*. Чубин. IV, 672. Подобныя же вѣточки, также числомъ три, украшаютъ коровай изъ Покутья у Кольберга. Pokucie I, 226.

хрестью рядами, а въ промежуткахъ между концами его—по два и по три зубца вмѣстѣ. Подобнаго рода хлѣбъ въ другихъ мѣстахъ Малороссіи называется *верчъ*[1]).

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ высказалъ мнѣніе, что *коровай*, въ качествѣ свадебнаго жертвоприношенія, замѣнилъ собою *корову*, и самое названіе *коровая* сближаетъ съ словомъ *корова*[2]). Но, разсмотрѣвъ доставленные намъ изъ трехъ губерній варіанты коровая, мы не нашли фактическаго подтвержденія этому мнѣнію въ видѣ украшеній на подобіе коровьихъ головъ, роговъ, хвостовъ, свѣдѣнія о которыхъ собраны у г. Сумцова. Точно также не видѣли мы среди украшеній коровая и изображеній солнца и луны, которыя могли бы быть сочтены за остатокъ солярнаго культа. Нѣтъ ничего невозможнаго, что подобныя изображенія гдѣ нибудь найдутся, но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что такъ какъ коровай, какъ и всѣ вообще свадебные хлѣбы, изготовляется изъ кислаго тѣста, то при печеніи, какъ бы круто ни было замѣшано тѣсто, онъ до извѣстной степени утрачиваетъ первоначальную форму, что можетъ легко подавать поводъ къ недоразумѣніямъ. Такъ, въ украшеніяхъ глодосскихъ *теренковъ* не трудно было бы усмотрѣть бараньи головки, если бы сама женщина, изготовлявшая коровай, не утверждала, что это—голубки. Изъ предложенныхъ толкованій слова *коровай* толкованіе Пикте, который производитъ его отъ праарійскаго *кр* (дѣлать), въ смыслѣ просто *хлѣба*, имѣетъ, по нашему мнѣнію, преимущество простоты.

Мы видѣли, что украшенія короваевъ бываютъ двухъ родовъ: съ одной стороны—гильце въ видѣ древесной (на нашемъ экземплярѣ—еловой) вѣтки, съ другой—подражаніе, или замѣна гильца, въ видѣ сухого прутика, украшеннаго тѣстомъ; съ одной стороны—живые листья барвинка, съ другой—подражанія имъ изъ тѣста. Естественно поэтому предположить, что и другіе элементы орнаментики коровая представляютъ собою тоже замѣну предметовъ, когда то имѣвшихъ самостоятельное

---

[1]) Чубинскій IV, 236. Но въ лубенскомъ у. онъ также называется короваемъ. „Кіев. Стар." 1890 г., прилож., 152.

[2]) Хлѣбъ въ обрядахъ и пѣсняхъ, 122—124.

значеніе въ свадебномъ обрядѣ. Въ этомъ отношеніи интересна пѣсня, которую поютъ при разрѣзываніи коровая: „Привезено *зилля* зъ трохъ гиръ на весилле, поставлено вилля на столи—престоли..... Що-жъ то за зиллячко?... Ты нашъ святый короваю"; еще интереснѣе другая пѣсня: „Розбирайся короваю зъ зеленого розмаю, зъ червонои калины, зъ зеленого барвинку на тисовую тарилку" [1]).

Среди всѣхъ видовъ свадебнаго обряднаго хлѣба коровою принадлежитъ первое мѣсто по значенію. Для приготовленія его за 1—2 дня до *весилья* въ домъ невѣсты сходятся замужнія женщины, такъ называемыя *коровайницы* и сопровождаютъ свою работу обрядами, танцамя и пѣснями. Во время самаго *весилья* дружко торжественно вноситъ коровай въ хату, разрѣзываетъ его и раздаетъ всѣмъ присутствующимъ, при чемъ также поются особыя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи передъ началомъ этой церемоніи отецъ молодой, самъ совершивъ крестное знаменіе, креститъ коровай и произноситъ слѣдующія слова: „Благослови Богъ и мы благословимо, щобъ сей хлибъ бувъ благословенный на вашъ викъ, щобъ вы булы щаслывы, одынъ другого шанувалы, отця и матиръ не зневажалы, то васъ буде Богъ благословить и добріи люде" [2]). Невѣстѣ даютъ обыкновенно верхнюю шишку, музыкантамъ—подошву Любопытна слѣдующая пѣсня при раздачѣ коровая, по обрядовымъ указаніямъ, заключающимся въ ней: „Ой край, дружбонько, коровай, все хорошенько роздавай, усимъ жиночкамъ шишечкы, молодымъ боярамъ кришечкы, а намъ, дружечкамъ, обручи, щобъ насъ любылы паныча" [3]).

Лежнемъ называется продолговатый хлѣбъ, на который, при входѣ молодого, молода склоняетъ голову или которымъ покрываетъ себѣ голову, откуда, очевидно, происходитъ и названіе его. Въ нашемъ распоряженіи было два экземпляра лежня. Первый изъ нихъ (изъ с. Константиновки черкасскаго у.) представляетъ собою продолговатую булку, по подошвѣ окруженную

[1]) Чубин. IV, №№ 1055 и 1059.

[2]) Тамъ же, стр. 657.

[3]) Чубин., IV. 693.

поясомъ изъ тѣста и украшенную четырьмя голубками, расположенными крестъ на крестъ, поперечными гладкими и зубчатыми валиками тоже изъ тѣста и позолотой. Второй экземпляръ, изъ с. Ингульской Каменки александрійскаго у. херсонск. губ., составленъ изъ большихъ зубцовъ, раздѣленныхъ на три гнѣзда, по 5 зубцовъ въ каждомъ; обвиваетъ ихъ круглая полоса изъ тѣста, а окружены всѣ они общимъ поясомъ, къ которому прикрѣплены шишки, поочередно. Въ лубенскомъ уѣздѣ въ лежень запекаютъ яйца и деньги [1]).

Дивынь или *калачъ*. Два имѣющіеся у меня экземпляра очень близки по формѣ. Одинъ изъ нихъ (молдаванскій) изъ м. Новоукраинки елисаветгр. у. представляетъ собою большого размѣра бубликъ, украшенный поперечными рядами зубцовъ и валиковъ и окруженный поясомъ изъ тѣста съ крупными зубцами на немъ. Второй (изъ с. Компанѣевки того же уѣзда) отличается тѣмъ, что зубья по поясу расположены то въ одиночку, то гнѣздами по 4 и по 5 въ каждомъ. Сквозь отверстіе дивня молода *дывыцня* на молодого, когда онъ войдетъ въ хату на *весилья*, причемъ дружки поютъ: „Ой глянь, Оксано, кризь калачъ карымы очыма та й заплачъ“ и пр. [2]). Осюда, очевидно, происходитъ и названіе *дивынь*.

Борона представляетъ собою изображеніе земледѣльческаго орудія того же названія, всегда зубьями вверхъ. Въ нашемъ распоряженіи было пять экземпляровъ бороны. Экземпляръ, приготовленный женщиной изъ с. Компанѣевки елисаветгр. у., полнѣе другихъ, такъ какъ съ бороною изображены и два вола, и погонычъ; волы представлены безъ ногъ, по технической невозможности изобразить ихъ; налыгачъ во время печенія лопнулъ. Другой экземпляръ, привезенный изъ того же села, былъ безъ погоныча. Третій, изъ с. Губовки александрійскаго уѣзда—съ погонычемъ, но безъ воловъ. Четвертый—изъ м. Гладоссы елисаветгр. у.—составленъ изъ множества зубцовъ, перевитыхъ внизу тѣстомъ и окруженныхъ поясомъ изъ тѣста, снабженъ

[1]) „Кіев. Стар.“ 1890, прилож., 151.

[2]) С. Григоро-Денисовка (Тимковка) александрійск. у. херс. губ. Сообщила А. А. Илличевская.

байломъ, т. е. кольцомъ для упряжи, на одномъ изъ угловъ. На пятомъ эклемплярѣ (молдаванскомъ) изъ Новоукраинки, того же уѣзда, байло придѣлано не съ боку, а посрединѣ и на передкѣ представленъ бочонокъ, съ шероховатой поверхностью. *Борона* употребляется, какъ подарокъ отцу невѣсты, „щобъ нею волочывъ“ (Гладоссы) [1]).

Матери невѣсты дарятъ *гребень*, а въ иныхъ мѣстахъ (Гладоссы) *праныкъ*, послѣдній затѣмъ, „щобъ збывала полотно,“ братьямъ—*боченки* изъ тѣста. Но этихъ видовъ свадебнаго хлѣба намъ не доводилось видѣть.

В. Ястребовъ.

[1]) Осиновой бороны боятся вѣдьмы. Чуб. III. 13. Ею прикрываютъ мартовскаго щенка въ погребѣ, чтобы не тронула вѣдьма. Ястреб., Матер. по этногр. Новор. кр. 9. Зубъ отъ бороны въ кіевс. губ. кладутъ подъ подушку новорожденнаго мальчика, чтобы родъ не пресѣкся (сообщилъ Е. И. Борисовъ).

ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО.

(1805—1834 г.г.).

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ (15 марта 1847 г.) умеръ въ Петербургѣ Дан. Мих. Велланскій, бывшій профессоръ медико-хирургической академіи и первый проповѣдникъ философіи Шеллинга въ Россіи. Въ 1824 г. Велланскій писалъ къ одному изъ своихъ пріятелей: „почти за двадцать лѣтъ передъ симъ я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на феософическомъ понятіи, которое хотя и зачалось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ... Этотъ „первый провозвѣстникъ шеллингизма въ Россіи" былъ родомъ изъ г. Борзны (род. 1774 г.) и былъ сыномъ тамошняго не то козака, не то мѣщанина—Михайла Кавунника [1]). О дѣтствѣ и юности Велланскаго существуетъ разсказъ одного изъ его учениковъ, Н. И. Розанова, основанный на свѣдѣніяхъ самого Велланскаго [2]). По этому разсказу Велланскій, научившись грамотѣ у дьячка, захотѣлъ учиться дальше; выучился латыни у одного студента кіевской академіи и по совѣту тогдашняго борзенскаго врача Костенецкаго, пробрался въ Кіевъ, гдѣ и поступилъ на пятнадцатомъ году въ тамошнюю академію. Замѣна фамиліи Кавунника на Велланскаго, по сообщенію Розанова, произошла такимъ де образомъ: обижаясь насмѣшками товарищей своего дѣтства надъ прозвищемъ *Ка-*

---

[1]) Въ замѣткахъ Н. М. Бѣлозерскаго (см. ниже) отецъ Велланскаго называется то козакомъ, то мѣщаниномъ.

[2]) Русск. Вѣстникъ 1869 г., ноябрь.

вунника (кавунъ=арбузъ), Данило подѣлился своимъ горемъ тоже съ товарищемъ дѣтства, сыномъ одного изъ борзенскихъ *пановъ* Мих. Вл. Бѣлозерскимъ, который будто бы и назвалъ его Велланскимъ, встрѣтивъ въ этотъ моментъ въ бывшей у него въ рукахъ книгѣ слово—vaillant... Но у насъ подъ руками имѣется другая версія происхожденія этого прозвища. Въ замѣткахъ о Велланскомъ, записанныхъ сыномъ М. В. Бѣлозерскаго—Николаемъ [1]), повидимому со словъ отца, сообщается слѣдующее: „отецъ Велланскаго, козакъ борзенскій Михайло Кавунникъ, отдалъ своего сына въ городническое правленіе въ Борзнѣ. Велланскій былъ едва грамотенъ, не любилъ писать и прятался въ крапиву. Данила (Леонтія?) и Михайла Бѣлозерскихъ везли въ Кіевъ въ академію; Велланскій и сталъ просить дѣда нашего Василія—взять и его; взяли; учился отлично. *Боролись—Велланскій съ Мих. Бѣлозерскимъ*; *Велланскій и поборолъ папеньку.— Ну, коли такъ, такъ будешь ты Велланскій.*—(Сказалъ при этомъ М. В. Б—ій), заимствуя названіе отъ франц. слова vaillant—могучій". Эга версія о происхожденіи фамилліи Велланскаго—какъ будто представляется болѣе правдоподобною... Въ тѣхъ же замѣткахъ Ник. Мих. Бѣлозерскаго о Велланскомъ находимъ еще свѣдѣніе, что В—ій изъ желанія учиться, *бѣжалъ* въ Кіевъ: братья Бѣлозерскіе, Михаилъ и Леонтій, желая помочь Велланскому пробраться въ Кіевъ, согласились взять его туда съ собою тайкомъ, для чего посовѣтовали В—ому спрятаться въ день своего выѣзда въ Кіевъ, гдѣ учились въ академіи, за городомъ, въ рожь, откуда Б—іе и взяли его къ себѣ на повозку, выѣхавъ за Борзну... Самъ Велланскій о тогдашнемъ своемъ отъѣздѣ изъ Борзны такъ говоритъ, въ письмѣ къ Мих. Вас. Б—ому: „за сорокъ лѣтъ предъ симъ [2]), *выѣзжая съ вами первый разъ въ жизни, изъ Борзны*, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда-либо въ томъ мѣстѣ... Къ концу моего пребыванія въ оной (въ Борзнѣ) духъ мой такъ стѣснялся, *что*

---

[1]) См. о немъ „Кіевск. Стар." 1897 г., январь, 146—150.

[2]) См. ниже, письмо 7-е, писанное въ 1828 г., изъ чего видно, что В—ій выѣхалъ въ Кіевъ, учиться, въ 1788 г., т. е. 14-ти лѣтъ отъ роду.

я былъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ"... Такое состояніе духа у Велланскаго-отрока указываетъ, что бѣгство его изъ родительскаго дома, въ Кіевъ для ученія, было вполнѣ возможно.

Разсказывая о поѣздкѣ Велланскаго заграницу, для окончанія образованія, Розановъ не говоритъ, что В—ій учился въ парижскомъ университетѣ; не говорятъ объ этомъ и другіе его біографы (впрочемъ, большею частью повторяющіе свѣдѣнія Розанова); а между тѣмъ о пребываніи В—аго въ парижскомъ университетѣ въ замѣткахъ Н. М. Б—аго записано слѣдующее: „Велланскому представился случай ѣхать заграницу съ какимъ-то паномъ; панъ опредѣлилъ (?) В—аго въ парижскій университетъ, В—ій прожилъ всѣ деньги и пришелъ въ такую бѣдность, что оставилъ университетъ и нанялся къ какому-то французу—чистить сапоги (?). Однажды французъ засталъ своего лакея за разрѣшеніемъ трудныхъ математическихъ задачъ и страшно удивился. Распросивъ В—аго—кто онъ и что̀, французъ на свой счетъ отправилъ его въ парижскій университетъ. Изъ Парижа папенька (т. е. Мих. В. Б—ій) получилъ отъ Велланскаго письмо, въ которомъ онъ писалъ: „Велланскій, Велланскій! думалъ ли ты, бывши Кавунникомъ, попасть въ Парижъ!"—Трудно сказать, насколько вѣренъ этотъ разсказъ о подробностяхъ пребыванія В—аго въ Парижѣ, такъ какъ извѣстно, что заграницу онъ былъ посланъ на казенный счетъ.

Печатаемыя здѣсь письма Велланскаго доставлены (въ подлинникахъ) въ редакцію Кіевск. Старины В. И. Бѣлозерскою, вдовою Н. М. Бѣлозерскаго, въ бумагахъ котораго они найдены. Вмѣстѣ съ письмами доставлены и записанныя Н. М. Б—имъ отрывки изъ преданій о В—мъ. Важнѣйшія изъ нихъ приведены нами выше.—Печатаются всѣ полученныя десять писемъ; изъ нихъ одно 1805 г., писано къ сестрѣ, а остальныя девять—къ „другу" Велланскаго—Михаилу Васильевичу Бѣлозерскому, какъ видно, занимавшему видное мѣсто въ судьбѣ нашего даровитаго шеллингиста. Письмо, писанное къ сестрѣ, заключаетъ въ себѣ довольно подробныя свѣдѣнія о семьѣ Велланскаго и о его къ ней отношеніяхъ. Письма къ Б—ому даютъ

интересныя дополненія къ тому, что до сихъ поръ мы знаемъ о Велланскомъ, какъ ученомъ и частномъ человѣкѣ.

Монографія о Велланскомъ еще не написана, но матеріала для нея подготовлено уже достаточно. Кромѣ очерка Розанова, обстоятельный сводъ свѣдѣній о Велланскомъ имѣется въ *Кр.-Біогр. Словарѣ* г. Венгерова (V, 215—221), гдѣ приведена и полная библіографія Велланскаго [1]). О значеніи Велланскаго въ исторіи русской философіи подробно говоритъ г. Филипповъ (*Судьбы русской философіи*, Русск. Богатство 1894 г., № 3) и г. Милюковъ (*Главн. теченія русской историч. мысли*, I, 228).

А. Л.

---

1) Любезная сестрица Наталія Михайловна!

Сего августа 25 дня прибылъ я изъ чужихъ краевъ въ Слуцкъ. Здѣсь засталъ я матушку, хотя не совсѣмъ здоровую, которая посылаетъ тебѣ свое благословеніе. Письмо твое отъ 23 декабря 1804 года получилъ я въ чужихъ краяхъ, въ Вирцбургѣ. Пріѣхавши въ россійскія границы, первое попеченіе мое было о тебѣ. Я хотѣлъ послать тебѣ отсюда больше нежели сколько ты просила; но обстоятельства матушки и нашего зятя, отца Петра, требовали тоже моего пособія, почему я теперь болѣе десяти рублей тебѣ послать не могу. Матушка приходитъ въ глубокую старость, на глаза такъ ослабѣла, что едва видѣть можетъ. Сестрица Агафія тоже сдѣлалась почти старухою. Хотя матушка сначала прибытія въ Польшу имѣла желаніе возвратиться въ Малую Россію, однако нынѣ старость и слабое зрѣніе заставляютъ ее остаться при Агафіи до своей кончины. Какъ онѣ разсказали жизнь и поступки покойнаго твоего мужа, то я о твоемъ вдовствѣ не сожалѣю больше, а еще радуюсь, что ты отъ него избавилась. Живи, сестрица, такъ, какъ жила матушка наша. Она осталась вдовою съ пятью дѣтьми и была щастлива и довольна трудами рукъ своихъ. Ежели ты еще не состарѣла и случится честный человѣкъ по твоему состоянію и лѣтамъ, то вы-

---

[1]) Добавимъ указаніе на письма В—аго къ Ив. Р. Мартосу, „Кіевск. Стар." 1896 г., октябрь, 81—84.

ходи замужъ, только берегись пяницы, ибо нѣтъ большаго нещастія въ жизни, какъ жить съ пяницею. Когда же не то, то живи и вдовою. Ты имѣешъ собственный домикъ, отяготительныхъ податей отъ тебя не требуютъ и собственными трудами въ своей родимой сторонѣ пропитаться можешь. Я теперь вижу, что здѣсь, въ Польшѣ, гораздо хуже, нежели въ Малой Россіи, наипаче для новоприбывшихъ. Дороговизна тутъ большая, нежели тамъ, а иновѣріе и различность нравовъ здѣшнихъ жителей пресѣкаютъ всякое пособіе для пришельцевъ. Матушка и сестрица Агафія съ толиками же трудами живутъ, какъ и ты, и не почитаютъ себя нещастливыми. Я совѣтую и тебѣ подражать ихъ примѣру. Что же касается до меня, то я, сколько могу, всегда пособлять тебѣ буду. Получивши сіе письмо, отвѣчай тотъ часъ отцу Петру въ Слуцкъ на оное, который въ томъ увѣдомитъ меня въ Петербургъ. По нѣкоторомъ времени напишу я тебѣ самъ—куда ты можешь адресовать письма свои ко мнѣ. О Матвѣи не имѣю я здѣсь никакого извѣстія. Онъ кажется пошелъ теперь изъ Бѣлой Церкви въ походъ къ австрійскимъ границамъ и ежели такъ, то пойдетъ... съ полкомъ либо въ Италію, либо въ Германію противъ французовъ. О Василѣ не знаю я также, гдѣ онъ теперь поворачивается. Я надѣялся застать его въ Слуцкѣ у отца Петра и взять его съ собою въ Петербургъ, такъ какъ я ему и писалъ съ чужихъ краевъ въ Кіевъ. Отецъ Петръ получилъ отъ него письмо отъ 7-го іюля, въ которомъ онъ ему объявляетъ, что онъ идетъ пѣшкомъ изъ Кіева въ Слуцкъ. Уже проходитъ два мѣсяца и нѣтъ Василя въ Слуцкѣ, почему мы и заботимся, не случилось ли съ нимъ что нибудь на пути, который онъ по своей глупости осмѣлился предпринять пѣшкомъ. Слуцкъ отъ Кіева отстоитъ почти на 500 верстъ и ему безъ денегъ и безъ повозки никто ѣхать не велѣлъ и не совѣтовалъ. Какъ бы то ни было, ожидать его здѣсь не могу и чрезъ четыре дня отправляюсь въ Петербургъ чрезъ Бѣлую Русь, т. е. Могилевъ и проч. Кланяйся и благодари отъ меня нижайше Василію Дмитріевичу господину Третьякову за его къ тебѣ и сестрицѣ моей Евфросиніи усердіе. Я ему напишу изъ Петербурга особливо. Ежели мужъ Евфросиніи въ состояніи отку-

питься у своего господина, то я буду просить сына его Іакима, который въ бытность мою въ Петербургѣ служилъ въ гвардіи, оказать человѣколюбіе надъ моимъ сродникомъ о чемъ..... также просить нашего отца Никиту и отца Симеона; и надѣюсь на ихъ великодушіе и доброту, что прозьба моя не будетъ отъ нихъ вовсе отринута. Судомъ и упрямостію искать вольности не можно, ибо сіе противно россійскимъ законамъ. Въ Россіи многіе миліоны живутъ подъ игомъ рабства[1])... причины, никто изъ оного освободиться не можетъ. Сверхъ того, для его нужно имѣть въ губерніи и сенатѣ судебную тяжбу. Михайлу Васильевичу (Бѣлозерскому?) напишу изъ Петербурга. Братъ твой Д. Д. (?) Велланскій.

31 августа, 1805 года. Слуцкъ.

2) Дражайшій, любезнѣйшій другъ
Михайло Васильевичъ!

Вчерашній день, въ 7 часовъ вечера, получилъ я письмо ваше. Завтра въ 4 часа послѣ обѣда принимаютъ на почтѣ; и я спѣшу отвѣчать вамъ. Но прежде всего поздравляю васъ искренно, сердечно съ счастливымъ бракомъ. По древности моихъ лѣтъ, я очень еще помню покойнаго дѣдушку вашей супруги, Сотника Рыбу, при которомъ, кажется, былъ городничимъ Барабанъ. Все сіе происходило въ прошедшемъ столѣтіи. А въ нынѣшнемъ, сначала отъ холоднаго вѣтра на полѣ получили вы ревматическую боль въ ухѣ и около шеи, съ воспаленіемъ, и, можеть, быть съ опухолью въ горлѣ, что и называютъ жабою. Это весьма обыкновенная болѣзнь, излѣчивается груднымъ чаемъ, теплымъ содержаніемъ и припарками къ болящему мѣсту. Оставшаяся у васъ слабость, при ревностномъ исполненіи новой вашей должности усугубилась, отъ чего появлялась и увеличивалась судорожная боль въ грудяхъ, которая, какъ зависитъ отъ повреждепія нервовъ, при всякомъ возмущеніи духа ожесточается и усиливается.—Ежели она теперь поутихла, нѣтъ кашля и колотья въ грудяхъ, а только разслабленіе и усталость во всемъ тѣлѣ, то сіе означаетъ общее поврежденіе нервной си-

[1]) Точками означены выцвѣтшія слова.

стемы, а не чахотку, которая состоитъ въ частномъ поврежденіи какой ни есть внутренности, а особливо легкихъ. Но кто легко получаетъ жабу, кашель и колючія боли въ грудяхъ, тому не трудно достать и чахотку, ибо происшедшее воспаленіе въ легкихъ, ежели вскорѣ не будетъ уничтожено посредствомъ припарокъ, нарывныхъ пластырей, или Шпанскихъ мухъ, либо кровопусканія и проч., приходитъ въ нагноеніе, которое и есть чахотка. По вашему описанію, я нахожу у васъ нервную слабость, которая обыкновенно сопряжена бываетъ съ гиппохондрическими припадками. На нѣсколько времени, старайтесь избѣгать всѣхъ душевныхъ возмущеній. Физическимъ упражненіямъ предавайтесь какъ можно рѣже.......кіе[1]) три дни употребляйте одинъ разъ теплую ванну, въ которую прежде кладите душистыхъ и горькихъ травъ, какъ то: сушеной мяты, садовой ромашки и полыню, по равной долѣ, къ которымъ прибавляйте еще по четверти фунта столченныхъ въ порошекъ горчичныхъ сѣменъ. Въ пищу употребляйте то, къ чему имѣете аппетитъ, кромѣ жирнаго. Супъ съ цыплятами и овсяною крупою, говяжая студень, желе, или кисель изъ сушенныхъ фруктовъ, какъ то: вишень, сливъ, грушъ и проч., могутъ быть для васъ очень полезны. Вскипятивъ кварту хорошаго пива, положите въ оное четыре яичные желтка, разболтанные съ мелкимъ сахаромъ, и придайте лотъ истолченной въ мелкій порошекъ корицы, или инбиру; все сіе смѣшавши пить по стакану къ вечеру, да и раза два или три въ сутки теплымъ. Либо употребляйте hogel-mogel, то есть: красное вино по равной доли съ водою, и съ маленькимъ количествомъ корицы вскипятить, примѣшать нѣсколько яичныхъ желтковъ съ сахаромъ, и пить по стаканчику. Вмѣсто чаю, употребляйте по утрамъ траву, прописанную въ приложенномъ при семъ рецептикѣ. Наливъ кипяткомъ, сколько нужно, и настоявъ крѣпко, пейте не съ сахаромъ, а съ бѣлымъ медомъ (mel virgineum), который пчелы берутъ изъ липовыхъ цвѣтовъ. Покуда совершенно оправитесь, берегитесь, какъ можно простуды. Почувствовавъ колючую, постоянную боль въ груди,

[1]) Оторвана часть письма.

прикладывайте на болящее мѣсто синапизмы, т. е. квашеное тѣсто съ толченою горчицею и уксусомъ, и держите покуда покраснѣетъ, при чемъ ставьте ноги въ теплую воду. Читать вамъ медицинскія книги совсѣмъ ненужно, ибо вы, читая тамъ всякой збродъ, только себя разстроите и встревожите напрасно, приспособляя всякіе припадки къ своей болѣзни, какъ сіе обыкновенно случается съ гиппохондриками, хотя васъ и не можно считать въ числѣ оныхъ. Вы сами можете чувствовать, что вамъ противно, и что сносно и полезно изъ предписанныхъ здѣсь средствъ. Я наставляя и пользуя столько времени другихъ, никогда еще не имѣлъ нужды мучить самого себя лѣкарствами; и благодаря моему тѣлосложенію и тихому роду жизни, нахожусь совершенно здоровъ. Прошлаго генваря 13-го дня минуло два года, какъ я живу съ моею Анною Николаевною, которая составляетъ наибольшее удовольствіе моей жизни. 6-го ноября истекшаго года родила она сына, Михайла, весьма похожаго на себя, которымъ мы теперь утѣшаемся.

Миру съ англичанами нѣтъ, и не будетъ! Это... Борзнѣ не примѣтно, а здѣсь весьма тягостно. Заплативши 35 рублей за аршинъ сукна, и покупая... вещь въ пять разъ дороже противу прежняго, скоро сдѣлаемся мы здѣсь всѣ банкротами!

Я хотѣлъ вамъ прислать книжицу моего сочиненія о физикѣ, но которая еще изъ цензуры не вышла... когда будетъ готова, то вы получите оную отъ любящаго и почитающаго васъ Данилы Велланскаго[1]).

P. S. Le bruit se fait à Petersburg, que l'empereur de Fransais va èpouser la grande duchesse de Russie.

3-го февраля 1810. С.-Петербургъ.

3) Дражайшій Пріятель
Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше доставило мнѣ великое удовольствіе. Я радуюсь, что друзья мои живутъ еще въ мірѣ семъ! Планета, правда, незавидная, и квартировать здѣсь не слишкомъ сладко;

---

[1]) Точками означены слова, находившіяся на оторванныхъ частяхъ письма.

но при всемъ томъ не худо еще поболтаться на оной. Прошлое лѣто, когда пранци (французы) стремились къ Москвѣ, проводили мы въ чрезвычайной тревогѣ. Ужасно было смотрѣть, какъ укладывались на суда и уѣзжали сухимъ путемъ! Но намъ бѣжать было не на чемъ и не съ чѣмъ. При таковой самотохѣ августа первыхъ чиселъ, въ два дня умерло у меня два сына: Мишенька 2-хъ лѣтъ и 9-ти мѣсяцовъ и Николенка 8-ми мѣсяцовъ. Печаль по онымъ содѣлала меня равнодушнымъ къ предстоявшей опасности. Теперь остаются у меня двѣ дочечки: Катинька двухъ лѣтъ съ половиною, и Аниька 3-хъ мѣсяцовъ. Благодаря плодородію Анны Николаевны и моему сложенію, въ чадахъ недостатка у насъ не будетъ, но мнѣ чрезвычайно жалко первыхъ моихъ молодцовъ!

Я имѣлъ намѣреніе при выгодномъ случаѣ переселиться въ Москву, гдѣ можно бы имѣть лучшую практику, но она, матушка, такъ раззорена, что за нашей жизни не возстановится. Кто не имѣетъ доходу 10000 ф. въ годъ, тому жить теперь въ Петербургѣ съ семействомъ трудно. Получая жалованья 2000 ф., а изъ практики 1000 ф. и имѣя казенную квартиру, дрова, свѣчи и служителя, живу я въ небольшомъ недостаткѣ; и при строжайшей экономіи, не остается у меня ни гроша въ годъ. Бѣднякъ тотъ, кто не имѣетъ такого мѣста, гдѣ бы (могъ?) казну воровать, или другимъ способомъ общество грабить!

Нынѣшняя эпоха самая нещастная, и господствующее состояніе духа людей не подаетъ надежды къ лучшему жребію оныхъ. При всемъ томъ въ нынѣшнемъ теченіи міра можно уже видѣть нѣкоторое предначертаніе къ блаженной эпохи онаго; хотя находится она въ несмѣтной отдаленности отъ настоящей.

Истина, благость и лѣпота не суть общимъ удѣломъ духа человѣческаго, а обитаютъ только въ нѣкоторыхъ, и то весьма не многихъ; посему-то общее мнѣніе и постановленіе суть самыя неистовыя.

Льву Васильевичу мое усерднѣйшее почтеніе! Я думалъ, что онъ находится еще въ арміи. Но не вѣкъ таскаться за Марсомъ; надобно сколько нибудь пожить и въ тишинѣ. Съ того времени, какъ онъ видѣлъ мою Анну Николаевну, родила она

два сына и три дочери, но не перемѣнилась, а только немного пополнѣла. Я не помню, какая бы это была пѣсня малороссійская, которую слыхалъ у насъ Левъ Васильевичъ? Между нотами Анны Николаевны нѣтъ ни единой; а она играетъ наизустъ: *ѣхавъ козакъ за Дунай, сказавъ дивчино прощай*... Я здѣсь у кого нибудь отыскавши спишу, и при случаѣ къ вамъ пришлю.

Данила Васильевича, дражайшаго моего современника, поздравляю брачнымъ его состояніемъ, и желаю ему и мнѣ прожить еще по 40 лѣтъ. Я столь моложавъ и свѣжъ, что меня никто не считаетъ сорокалѣтнимъ, а полагаютъ мнѣ около 30-ти лѣтъ. Но сѣдина начинаетъ уже украшать главу мою.

Съ нѣкотораго времени слухи о военныхъ дѣйствіяхъ не такъ для насъ пріятны. Сраженія происходили на Элбѣ, и наши принуждены отступать. Говорили и писали, что Австрія вступаетъ въ союзъ съ Россіею и Пруссіею противъ общаго врага; но ничего положительнаго о семъ еще нѣтъ. Боже сохрани теперь проиграть нашимъ! мы пропадемъ.

Господинъ Сенильниковъ въ Петербургѣ; и его стараніемъ выполнена коммиссія вашего батюшки, которому посылается здѣсь копія Сенатскаго Опредѣленія.

Пожелавъ вамъ всѣхъ возможныхъ благъ, остаюсь навсегда преданнымъ вамъ слугою Данило Велланскій.

P. S. Прежде сего я никакого письма отъ Васъ не получилъ.

С.-Петербургъ. 19 мая, 1813.

4) Дражайшій мой

Михайло Васильевичъ!

Нынѣшняя окказія есть такого свойства, что нельзя опустить оной безъ всякаго къ вамъ отзыва. Григорій Ивановичъ Кисилевскій возвращается въ Кіевъ чрезъ Борзну, гдѣ вѣрно не проминетъ онъ посѣтить и васъ. Посылаю Вамъ для любопытства мое сочиненійце, показывающее въ тѣснѣйшей краткости обширнѣйшіе, величайшіе предметы, которыми изъ всѣхъ ученыхъ Россіянъ занимается только одинъ Борзенскій уроже-

нецъ Велланскій,—не изъ какого либо пустого тщеславія, а изъ чистой любви и священной склонности къ истинному и высокому. Мнѣ весьма пріятно помышлять, что проницательный, необыкновенный духъ друга моего Михайла Васильевича можетъ найти въ положеніяхъ моихъ многое для него понятное!

23-го сего сентября, въ 7 часовъ утра, родился у меня сынъ Петръ, при крайней опасности для моей Анны Николаевны, которая страдала 40 часовъ родами. Но благодаря природѣ, дѣло рѣшилось благополучно, какъ для матери, такъ и для младенца!

Леонтію Васильевичу и Данилу Васильевичу свидѣтельствую мое искреннѣйшее почтеніе и вѣрнѣйшую преданность, и желая вамъ съ вашею супругою благополучнѣйшихъ дней щастливой жизни, остаюсь истинный вашъ другъ Данило Велланскій.

P. S. Около трехъ мѣсяцевъ назадъ, какъ писалъ я въ Борзну Ивану Федоровичу Гордѣенку, но не получаю отъ него отвѣта! При случаѣ прошу его попенять, ежели онъ не въ отлучкѣ.

26 сентября, 1815; С.-Петербургъ.

5) Любезнѣйшій дражайшій мой
Михайло Васильевичъ!

Зная Ваше любопытство ко всему необыкновенному, посылаю Вамъ книгу о животномъ магнитизмѣ. Первыя двѣ части будутъ вамъ довольно понятны, а послѣдняя требуетъ предварительныхъ свѣденій въ физическихъ наукахъ. Она отпечатана въ половинѣ прошедшаго августа. Изъ всѣхъ почти мѣстъ въ Россіи приходятъ ко мнѣ требованія на оную; и изъ 1000 экземпляровъ, которые напечатаны, остается у меня только 200. Петербургская и Московская публика весьма довольны оною; а наипаче русскіе врачи изъявляютъ мнѣ благодарность свою.

Братъ мой Матвѣй Велланскій пишетъ ко мнѣ изъ Полтавы, что онъ въ бытность его въ Борзнѣ навѣщалъ васъ и пользовался благосклоннымъ Вашимъ пріятіемъ.

Данилу Васильевичу и Леонтію Васильевичу свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, оставаясь навсегда искреннѣйшимъ Вашимъ другомъ Д. Велланскій.

С.-Петербургъ. 14 ноября, 1818.

16 сентября 1826 г. Санктпетербургъ.

6) Любезнѣйшій, дражайшій, благотворительнѣйшій другъ, Милостивый Государь

Михайло Васильевичъ!

Письмо ваше, отъ 1-го іюля 1826, получилъ я 9 августа. Господинъ Карамалія, доставившій мнѣ оное, не принесъ тогда формулярнаго списка г. Сорокина, который былъ нуженъ для справки по его дѣлу; и спустя три недѣли, я могъ только достать оный. Вотъ причина укоснительнаго моего отвѣта!

По воинскому узаконенію въ Россіи, г. Сорокинъ изъ полку въ городъ переведенъ быть не можетъ. Костоправы и фельдшеры въ арміи суть равнаго достоинства.—Въ семъ низшемъ медицинскомъ званіи, солдатскій сынъ долженъ прослужить, по прежнему постановленію 25, а по новому 22 года. За двадцатилѣтнюю, безпорочную службу фельдшеръ и костоправъ производятся въ 14-й классъ. Подлѣкарскаго званія, какъ въ арміи, такъ и въ гражданской медицинской службѣ, теперь нѣтъ; а въ каждомъ уѣздѣ, или въ повѣтѣ, положена должность врача, который можетъ имѣть при себѣ, для услуги по должности, двухъ лѣкарскихъ учениковъ, избираемыхъ имъ самимъ и утверждаемыхъ Губернскою Медицинскою Управою.

Я очень сожалѣю о непріятномъ обстоятельствѣ съ Леонтіемъ Васильевичемъ! но таковыя встрѣчи должны быть весьма обыкновенны между людьми, коимъ чужды: лѣпота, истина и благость духа человѣческаго. Мы живемъ въ области двухъ односущественныхъ, но противоположныхъ міровъ: Натуры и Культуры, и тѣмъ различаемся отъ животныхъ, пребывающихъ только подъ вліяніемъ Натуры. Весь процесъ жизни человѣческой состоитъ въ трехъ *актахъ*: въ чувствованіи, знаніи и хотѣніи, коихъ идеалы, или законы, сообразные творческой цѣли суть: лѣпота, истина и благость, какъ предметы эстетики, фи-

лософіи и этики, составляющихъ божественную область культуры. Пилипенко, Долинскій и подобные имъ, не понимая законнаго содержанія сей области, живутъ въ ней такъ, какъ Корсеры въ Африкѣ, или звѣрь въ дикихъ лѣсахъ; и дѣянія ихъ жизни весьма натуральны. Но Давидъ написалъ справедливо: „Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконіе! зане яко трава скоро изсхутъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ". Нарушеніе законовъ Культуры никогда и никому не остается безъ наказанія, въ которомъ только и состоитъ все несчастіе людей. Кто наиболѣе страждетъ въ общественномъ состояніи? Конечно тотъ, кто наименѣе культированъ, или просвѣщенъ, т. е. черной народъ. Простые люди суть естественные грѣшники; и единственный источникъ ихъ грѣховъ есть темное невѣжество, за которое они должны страдать во всю ихъ жизнь C'est pourquoi, la vie de vulgair n'est autre chose, que l'assemblage des malheurs!

Бонапарте столько же былъ просвѣщенъ, сколько и Пилипенко.—Духъ его, увлекаясь одними чувственными занятіями, удалялся отъ истины и благости; посему онъ оглупѣлъ до такой степени, что теряя власть свою надъ 75 милліонами людей, лучше захотѣлъ погибнуть, нежели остаться владѣтелемъ 25-ти милліоновъ однихъ Французовъ! Недавно богатѣйшій банкиръ въ Австріи, Гольдшмидъ, застрѣлился, потерявши, по какимъ-то причинамъ, нѣсколько милліоновъ гульденовъ; и хотя у него оставалось еще 60 милліоновъ, однако онъ не хотѣлъ жить, не бывши богатымъ такъ, какъ прежде. Другой такой же банкиръ въ Лондонѣ повѣшенъ за то, что потерпѣвши уронъ на нѣсколько милліоновъ, надѣлалъ множество фальшивыхъ облигацій, въ надеждѣ уничтожить оныя со временемъ; но подлогъ хищнаго богача узнали, и по аглинскимъ законамъ его повѣсили: sic transit gloria mundi!

Общая цѣль всѣхъ нынѣшнихъ стремленій есть: быть богатымъ и сильнымъ; и достиженіе оной, какими бы то способами ни было, почитается верховнымъ благополучіемъ! Посему сцена общественной нашей жизни столь трагическа, и представляется одинакимъ образомъ: какъ въ Борзнѣ, такъ въ Петер-

бургѣ, такъ Лондонѣ, такъ въ Парижѣ, такъ въ Константинополѣ, такъ въ Испаганѣ, Пекинѣ, Каирѣ и на всёмъ лицѣ земномъ! Я, будучи космополитъ (гражданинъ всего міра), привыкъ смотрѣть на таковую сцену равнодушно; и хотя случалось и мнѣ самому проходить здѣсь колючія тропинки, однако я пробѣгалъ оныя, какъ можно, скоро и увертливо, не получивъ—gloria sit Deo!—слишкомъ ощутительныхъ язвинъ на стопы моя. Живу очень весело, и можетъ быть такъ, какъ жилъ Платонъ въ Аѳинахъ,—онъ бесѣдовалъ со своими учениками въ рощѣ, называемой Академія. Подобнымъ образомъ и я преподаю въ академическомъ амфитеатрѣ физіологическія наставленія: о сущности всей природы и человѣка, коими юные слушатели мои, стекающіеся сюда изъ всѣхъ провинцій Россіи, бываютъ восхищены до крайности.

Моя Анна Николаевна, первые двѣнадцать лѣтъ рождала каждый годъ, но дѣти умирали или въ самыхъ родахъ, или послѣ году, отъ труднаго выхожденія зубовъ; и остались только двѣ дочери: одной 13, а другой 15 лѣтъ, кои воспитываются въ пансіонѣ.

Почтеннѣйшему отцу Евфимію Ковалевскому прошу отъ меня кланяться! Свидѣтельство о его дворянствѣ еще не вышло изъ герольдіи; хотя Степанъ Тимофѣевичъ и я хлопочемъ за него усердно. По закону слѣдуетъ ему выдать оное; но здѣсь трудно ѣхать, когда оси не подмажешъ! Мои знакомцы и земляки, служащіе въ Сенатѣ, по моей прозьбѣ, обѣщали непремѣнно выхлопотать свидѣтельство протоіерею Ковалевскому. Поклонъ мой отцу Петру Семироду и женѣ его! Мнѣ очень желательно побывать въ Малороссіи! но удобнѣйшее для сего время, іюль и августъ, занято въ нашей академіи публичными экзаменами и производствами, гдѣ я долженъ участвовать непремѣнно. По новому штату Академіи, который еще не вышелъ, экзамены полагаются въ іюнѣ. Тогда я могу отлучиться на іюль и августъ, и заѣхать изъ Кіева въ Борзну, чтобы посѣтить васъ, повидѣть Семирода, и взглянуть на мѣсто, гдѣ я родился. Отъ Троицкой церкви провесть прямую линію къ болоту, подлѣ коего родился в. п. слуга Д. Велланскій.

7) Итакъ, почтеннѣйшій, любезнѣйшій другъ Михайло Васильевичъ! желаніе мое, видѣть родимую страну, должно оставаться и теперь безъ удовлетворенія! Греки думали основательно: что боги, управляющіе міромъ, сами управляются судьбою, и трепещутъ отъ всякаго покушенія къ преступленію ея опредѣленій! За 40 лѣтъ предъ симъ, выѣзжая съ вами, первый разъ въ жизни, изъ Борзны, оставлялъ я сей городъ съ крайнимъ восхищеніемъ, и молилъ Бога, чтобы онъ не судилъ мнѣ жить когда либо въ томъ мѣстѣ. Въ дѣтскихъ лѣтахъ, и не зная другихъ обстоятельствъ жизни, я, по настоящему, не имѣлъ причины быть столь недовольнымъ Борзною; но къ концу моего пребыванія въ оной, духъ мой такъ стѣснялся, что я жилъ, какъ дикая птица въ клѣткѣ! Таковое стѣсненіе напечатлѣлось глубоко въ моей памяти; и мнѣ часто приходитъ теперь желаніе повидѣть Борзну, но не удается исполнить оное.

По разсказамъ г. Косенка, у котораго распрашивалъ я о всѣхъ борзенскихъ обстоятельствахъ, непримѣтно никакой перемѣны въ физическомъ положеніи и нравственномъ образованіи Борзняковъ. Каковыми были они за полвѣка, таковыми остаются и теперь. Физическій свѣтъ пробѣгаетъ въ одну секунду 40000 геометрическихъ миль (изъ коихъ въ одной содержится 7 нашихъ верстъ), а психическій ползетъ медленнѣе улитки; и въ провинціяхъ могущественной, огромной Россіи едва ли появляется утреннее мерцаніе европейскаго просвѣщенія! Мнѣніе сіе весьма не многіе признали бы основательнымъ; поелику наибольшая часть людей имѣютъ совсѣмъ другое понятіе о просвѣщеніи: такъ какъ о добрѣ и злѣ, о блаженствѣ и несчастіи, о совершенствѣ и недостаткѣ всякъ думаетъ по своему.

Мнѣ очень жалко, что въ теченіе толикаго времени не имѣлъ я случая видѣться съ вами лично. Нашимъ разговорамъ не было бы конца; но въ одинъ часъ разсказалъ бы я вамъ болѣе, нежели можно написать въ цѣлый годъ. Г. Косенко слишкомъ простъ. Раціональныя понятія для него чужды; и я немогъ ему растолковать всемірнаго механизма земли: какъ она ежедневно поварачивается колесомъ, и въ годъ обходитъ вокругъ солнца. Мнѣ хотѣлось сообщить ему, хотя самое поверх-

ностное, знаніе о физическомъ мірѣ; mais il en etait incapable. Одинажды я ему сказалъ, по секрету, что чорта нѣтъ на свѣтѣ, и что онъ выдуманъ только для того, дабы пугать имъ простой народъ. Это привело его въ нѣкоторое смущеніе, и хотя онъ мнѣ на то не возражалъ, но внутренно не повѣрилъ. Мы говорили о вѣдьмахъ, о ворожкахъ и знахаркахъ, о колдунахъ и упыряхъ. Я ему изъяснялъ физическимъ образомъ, что таковыя проказницы и проказники дѣйствительно не существуютъ, и что чортъ въ ихъ дѣяніяхъ не участвуетъ ни малѣйше.

Кажется, что г. Косенко изъ разговоровъ моихъ мало почерпнулъ пользы; но разсказы его много удовлетворяли моему любопытству. Бесѣдуя съ нимъ часто о Борознѣ, я столько получилъ о ней свѣденій, что какъ будто-бы съѣздилъ въ оную. За то я старался доставить ему, сколько можно болѣе, познанія о Петербургѣ; хотя онъ, по чрезвычайнымъ своимъ работамъ въ Сенатѣ, не могъ пріобрѣсть значительнаго свѣденія въ эстетическомъ вкусѣ, топографическомъ величіи и политическомъ тонѣ блестящей европейской столицы. Ни разу не удалось ему побывать въ русскомъ театрѣ, ни въ итальянской оперѣ, ни въ музыкальномъ концертѣ. Едва одинажды зимою успѣлъ я свезти его въ Олимпійскій циркъ Турніера, гдѣ на лошадяхъ, бѣгающихъ во всю прыть кругомъ, дѣлаютъ весьма ловкія пляски и скачки мужчины и женщины, такъ что Косенко сначала не вѣрилъ своимъ глазамъ и думалъ, что плясуны пускаютъ *ману*. Хотѣлось еще повести его къ Кіарини, гдѣ чудеснѣйшія штуки дѣлаютъ на канатахъ, но онъ за сенатскими хлопотами не успѣлъ воспользоваться симъ зрѣлищемъ. При концѣ пребыванія его въ Петербургѣ, я совѣтовалъ ему настоятельно, чтобы онъ побывалъ еще въ Парижѣ, т. е. посмотрѣлъ панораму Парижа, которая сдѣлана съ превосходнѣйшимъ искусствомъ перспективной живописи, гдѣ взирающему представляется весь городъ Парижъ, въ натуральной величинѣ, фигурѣ и цвѣтѣ домовъ и другихъ зданій, мостовъ на рѣкѣ Сенѣ, улицъ, площадей и садовъ; весьма явственно въ той части города, гдѣ живописецъ снималъ видъ онаго.

Братъ мой хвалился вашею благосклонностію и гостепріимствомъ, коими онъ пользовался, будучи въ Борзнѣ, что я почитаю доказательствомъ дружескаго Вашего ко мнѣ расположенія. Г. Косенко разсказывалъ мнѣ о счастливыхъ обстоятельствахъ домашней и фамильной вашей жизни, чему я сердечно радуюсь, имѣя къ вамъ неограниченную преданность и доброжелательство.

Даніилъ Велланскій.

30 мая, 1828. С.-Петербургъ.

8) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Извѣстіе о новорожденномъ вашемъ Олимпіи было для меня восхитительно! Поздравляя васъ съ полученіемъ таковаго дара небесъ, возношу мольбу мою къ онымъ о ниспосланіи благой судьбы на прозябшую отъ васъ новую отрасль!

Между тѣмъ, за физическіе ваши подвиги, приношу вамъ плодъ психическихъ моихъ занятій, который, можетъ быть, доставитъ сколько-нибудь удовольствія любопытному вашему духу.

Леонтію Васильевичу, другу и любезнѣйшему моему товарищу въ юныхъ лѣтахъ, свидѣтельствую искреннѣйшій мой поклонъ! Да хранитъ его десница Всевышняго въ тихой и мирной сельской жизни!

Остаюсь съ истинною къ вамъ любовію и безмѣрною преданностію. Д. Велланскій.

22 марта, 1832. С.-Петербургъ.

9) Милостивѣйшій, любезнѣйшій, дражайшій мой Михайло Васильевичъ!

Причиною медленнаго сего отвѣта на письмо ваше, отъ 5-го мая 1832 г., есть податель онаго г. Шкляревичъ. Онъ былъ у меня только одинъ разъ; въ другой разъ зашелъ еще и посидѣлъ минуты три, сказывая, что онъ скоро уѣзжаетъ изъ Петербурга. На прозьбу мою онъ обѣщалъ побывать у меня предъ своимъ отъѣздомъ и назначилъ день своего посѣщенія, но не удостоилъ меня онаго!

Наканунѣ того дня приготовилъ я къ вамъ письмецо, которое здѣсь и прилагается. Дикій поступокъ г. Шкляревича со мною показываетъ, что я ему весьма не понравился. Но какъ я не подалъ ни малѣйшаго повода къ его неудовольствію, а паче старался, откровенно и притворно, пріобрѣсть его пріязнь, то онъ долженъ имѣть антипатію къ людямъ одинакаго со мною качества.

Вы желаете, чтобы сынъ вашъ Викторъ успѣлъ быть профессоромъ физики и химіи. Это будетъ зависѣть отъ его способности и склонности къ физическимъ наукамъ, которыя, хотя весьма обширны и разнообразны, однако требуютъ познанія ихъ цѣлости. Физика и химія имѣютъ предметомъ неорганическую или мертвую природу, которой познаніе неважно безъ понятія объ органической или живой природѣ. Не можно быть великимъ физикомъ или химикомь, не имѣя довольнаго свѣдѣвія въ фитологіи (наука о растительномъ царствѣ), зоологіи (о царствѣ животныхъ) и антропологіи (о человѣкѣ).

Посему желающій посвятить себя ученому роду жизни долженъ проходить медицинскій факультетъ, въ которомъ преподаются всѣ физическія науки; и степень доктора медицины получаютъ только по строгомъ испытаніи изъ оныхъ наукъ. Докторъ медицины имѣетъ много выгодъ на своей сторонѣ. Онъ можетъ заниматься практикою, которая составляетъ главнѣйшій способъ къ пріобрѣтенію хорошаго куска хлѣба. Но кто не имѣетъ терпѣнія, особливой способности и свѣтской ловкости, необходимыхъ для практическаго врача, тотъ, по его склонности къ какой-либо изъ физическихъ наукъ, можетъ легко сдѣлаться профессоромъ оной. Для гимназическихъ и народныхъ учителей есть педагогическій институтъ, а для профессоровъ нѣтъ предуготовительнаго заведенія, и они, какъ члены высшихъ училищъ, т. е. академій и университетовъ, должны приготовлять сами себя къ избираемой ими профессурѣ, для которой нужно курсировать не малое время въ высшихъ училищахъ и карабкаться чрезъ многія ступеньки, покуда всунешься въ профессорскую каѳедру.—Хотя у насъ на Руси многіе лѣзутъ въ оную напро-

ломъ другою дорогою и берутся учить тому, о чемъ сами не имѣютъ настоящаго понятія.

Если вы хотите опредѣлить вашего сына въ ученое состояніе, то по окончаніи словесныхъ и математическихъ наукъ въ гимназіи или въ лицеѣ, пошлите его въ университетъ, гдѣ бы онъ занялся предметами медицинскаго факультета столько, чтобы могъ получить степень доктора медицины, къ чему потребно 6 или 9 лѣтъ. Тутъ вы должны потрясти нѣсколько своею худобою, для содержанія его на собственномъ иждивеніи, ибо казенныхъ студентовъ, послѣ трехъ или четырехлѣтняго курса, дѣлаютъ лѣкарями и посылаютъ въ армію или во-флотъ на службу, гдѣ должно разстаться навсегда съ тихими и покойными музами. Но паче всего долженъ онъ изучиться совершенно нѣмецкому языку, который теперь необходимъ для учености, ибо важнѣйшія философическія и физическія сочиненія нынѣшняго времени писаны только на нѣмецкомъ языкѣ, безъ котораго не можно пріобрѣсти глубокихъ свѣдѣній ни въ какой физической наукѣ. Я всѣмъ моимъ знаніемъ одолженъ нѣмцамъ, которыхъ и считаю только истинно учеными. Умственныя произведенія всѣхъ европейскихъ націй мнѣ также извѣстны но я не нахожу въ оныхъ ничего важнаго, путнаго и основательнаго.

Вашъ искреннѣйшій Д. Велланскій.

18 ноября, 1832. С.-Петербургъ.

10) Милостивый государь, дражайшій, великодушный другъ мой Михайло Васильевичъ!

Искренній, дружескій вашъ пріемъ, оказанный мнѣ въ проѣздѣ моемъ чрезъ Борзну, возобновилъ въ духѣ моемъ то неизгладимое впечатлѣніе, которое произведено тамъ благотвореніями вашими съ юныхъ лѣтъ моихъ! Поѣздка моя въ Малороссію, хотя по привычкѣ моей къ сидячей жизни была для меня довольно тягостна, однако доставила мнѣ чрезвычайное удовольствіе видѣть васъ со всѣми вашими домочадцами, имиже благословилъ васъ Господь! Кіевъ произвелъ во мнѣ живое воспоминаніе о жизни моей, проведенной тамъ въ моленіи и бла-

говѣніи, необыкновенномъ отроческому юношескому возрасту. Но въ нынѣшнемъ состояніи моего духа показался онъ мнѣ чуждымъ. Москва удивила меня внѣшнимъ своимъ видомъ. Это фениксъ, возродившійся изъ своего пепла, и выросшій такъ скоро до совершенной величины. Я пробылъ въ Москвѣ 4 дня. Академическіе и универсисетскіе профессоры приняли меня, принца ученаго свѣта! Они дѣлали для меня торжественный обѣдъ и съ пелицемѣрнымъ усердіемъ восклицали за шампанскимъ: да здравствуетъ Велланскій, Русскій нашъ Философъ! Послѣ обѣда бесѣдовалъ я съ ними часовъ шесть о физическихъ предметахъ, излагалъ имъ трудныя проблемы въ моей физикѣ, которую они мало поняли, потому что основанія Натуральной Филоссфіи, изъ которыхъ оная выведена, имъ вовсе неизвѣстны; однако они столь прозорливы и правдолюбивы, что могли тотчасъ видѣть всю силу моихъ доказательствъ, и не оспаривали ихъ пустыми возраженіями. Они просили меня остаться хотя на одинъ мѣсяцъ въ Москвѣ и дать имъ нѣсколько лекцій изъ Умозрительной Физики. Но я долженъ былъ спѣшить въ Петербургъ къ послѣднимъ числамъ августа, ибо 1-го сентября начинается академическій курсъ лекцій.

Москва есть настоящее сердце Россіи, и жители, какъ самой Москвы, такъ и всей московской губерніи, составляютъ цвѣтъ Русскаго народа. Простой московскій народъ отличается отъ всѣхъ народовъ другихъ провинцій своею живостію, веселостію, красотою тѣла, особливо мужчинъ, и наружнымъ самодовольствіемъ. Люди высшаго и средняго класса вездѣ почти одинаковы, а настоящій характеръ и состояніе націи можно только видѣть въ простомъ народѣ. Какая разница между Бѣлорусцами, Малороссами и Москалями! Тѣ вообще бѣдны, печальны и глупы; а послѣдніе хотя не богаты, но довольны, веселы и чрезвычайно смѣтливы.

Въ началѣ прошлаго декабря московскіе профессоры приглашаютъ меня пріѣхать въ Москву на одинъ генварь или февраль мѣсяцъ для преподаванія тамъ публичныхъ лекцій изъ Натуральной Философіи. Они предлагали мнѣ за 20 лекцій 20 тысячъ рублей, которыя, на случай моего согласія, хотѣли они

собрать отъ 200 добровольныхъ слушателей, по 100 рублей съ каждаго. Но я, не имѣя адъюнкта или помощника, не могу во время курса отлучиться и на два дня изъ академіи. Въ году одинъ августъ имѣемъ мы свободнымъ, или вакаціоннымъ временемъ; и ежели въ слѣдующемъ августѣ отыщутся 50 слушателей для моихъ лекцій въ Москвѣ, то я поѣду на 28 дней. Лѣтомъ богатые студенты и роскошные дворяне уѣзжаютъ изъ Москвы на вакаціи и въ деревни, а посему не много слушателей подпискою собрать можно.

Братъ мой не рѣшился еще оставить службу и жить въ Борзнѣ.—Да я ему совѣтовалъ доканчивать вѣкъ свой въ Кіевскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ онъ привыкъ заниматься лѣченіемъ больныхъ, и безъ чего ему вездѣ будетъ скучно. Онъ пишетъ ко мнѣ, что Семиродъ купилъ для него домъ, еще недодѣланный, и что онъ просилъ васъ поставить его на томъ дворикѣ въ *замкѣ*[1]), гдѣ мы пили воду изъ криницы. Но онъ вѣрно не знаетъ, что къ дворику нѣтъ проѣзда, и только могутъ проходить къ нему свиньи, да пѣшіе люди. Посему мнѣ кажется лучше поставить домъ на Семиродовомъ дворѣ подлѣ его жилища, тамъ гдѣ мы предполагали; и ежели братъ жить въ Борзнѣ не будетъ, то не обдѣлывать дома понапрасну, а продать его такъ, какъ онъ купленъ. Я совѣтовалъ брату купить у Семирода домикъ прежняго нашего жилища въ *замкѣ*, дабы приписать къ оному его людей, которые послѣ его смерти должны достаться мнѣ. У него 4 души мужеска пола: парнишка лѣтъ тринадцати и три мальчика, рожденные его дѣвкою. Мнѣ хочется развести колонію въ Борзнѣ! Когда они возрастутъ, куплю для нихъ землю, поженю ихъ, буду снабжать всѣмъ нужнымъ, и платить за нихъ всю казенную повинность.

Недавно познакомился со мною здѣсь кандидатъ Харьковскаго Университета, бывшій долго въ Лондонѣ и нынѣ назначаемый профессоромъ въ Кіевскій Университетъ св. Владиміра. Онъ постарается опредѣлить вашего Виктора Михайловича при Университетѣ. Но онъ пробудетъ еще здѣсь нѣсколько мѣся-

---

[1]) Часть города Борзны.

цевъ; ибо долженъ выдержать экзаменъ въ здѣшнемъ Университетѣ, сдѣлаться магистромъ философіи. Почтеннѣйшей вашей супругѣ и любезнѣйшимъ дѣтямъ свидѣтельствую усерднѣйшій мой поклонъ, и остаюсь преданнѣйшій Вашъ

Д. Велланскій.

P. S. Третьяго дня извѣстилъ меня Николай Даниловичъ о смерти Леонтія Васильевича. Онъ перешелъ только изъ частнаго бытія въ общее существованіе, откуда мы возникаемъ рожденіемъ и куда возвращаемся смертію!

20 марта, 1834. С.-Петербургъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Въ сѣверовосточной части гадячскаго уѣзда, полт. губ., лежитъ небольшое с. Беевъ, иначе называемое Чернышевка или Чернышевая слобода, основанное извѣстнымъ Ив. Чернышемъ въ бытность его гадяцкимъ полковникомъ (1709—1714 гг.). Въ приходской церкви этого села хранится небольшой образъ Б. Матери, украшенный старинной серебряной ризой, на краяхъ которой, на каждой изъ четырехъ сторонъ, вырѣзаны славянскія вирши. Немногіе изъ грамотныхъ людей въ состояніи прочесть эти старинныя силлабы, испещренныя надстрочными знаками и сокращеніями, смыслъ же ихъ остается совсѣмъ непонятнымъ для мѣстныхъ грамотѣевъ, ибо въ нихъ идетъ рѣчь о лицахъ и событіяхъ давно минувшихъ: о гетманѣ Мазепѣ, о полковникѣ Чернышѣ и о томъ, какъ заступленіемъ Богородицы послѣдній былъ избавленъ отъ «лютости» перваго. Въ свое время этотъ эпизодъ былъ настолько общеизвѣстенъ, что виршеслагатель могъ ограничиться однимъ намекомъ на постигшее Черныша злоключеніе, имѣя въ виду лишь увѣковѣчить въ памяти грядущихъ поколѣній «лютую злобу» Мазепы и невинное терпѣніе его жертвы; но въ наше время намекъ этотъ понятенъ только лицамъ хорошо знакомымъ съ данной эпохой, поэтому прежде чѣмъ приведемъ текстъ виршей, припомнимъ читателямъ небезъинтересный эпизодъ, послужившій поводомъ къ ихъ составленію.

Иванъ Чернышъ былъ типичнымъ представителемъ малороссійской старшины XVIII ст. въ ея главныхъ качествахъ: искательствѣ, ненасытномъ стяжательствѣ и неразборчивости въ средствахъ для

достиженія намѣченной цѣли. Подобно большинству своихъ собратій, онъ стремился выдвинуться въ войсковой службѣ не военными доблестями, а службой въ генеральной канцеляріи, гдѣ скорѣе можно было выслужиться, служа не столько дѣлу, сколько лицамъ. Уже въ 1701 г. Чернышъ былъ «войсковымъ канцеляристой» и неоднократно ѣздилъ къ царю съ порученіями отъ гетмана. Въ 1703 г. онъ является сверхъ того „господаремъ“ замка Батуринскаго и управляющимъ ранговыми имѣніями Мазепы. Когда въ мартѣ 1706 г. былъ убитъ въ Несвижѣ Стародубскій полковникъ Михайло Миклашевскій, Чернышъ, все еще остававшійся въ скромномъ званіи войсковаго канцеляриста, задумалъ занять вакантный урядъ. Не знаемъ, потворствовалъ ли этому домогательству гетманъ, только извѣстно, что Чернышъ отправился въ Москву, гдѣ находился тогда царь, и пользуясь лично пріобрѣтенными связями и знакомствами въ средѣ царедворцевъ, сталъ настойчиво, именемъ Мазепы, добиваться стародубскаго полковничества и, какъ кажется, заручился настолько серьезными обѣщаніями, что когда Мазепа представилъ на тотъ же урядъ болѣе угоднаго ему кандидата, генеральнаго есаула Ив. Скоропадскаго, то Чернышъ, возвратясь въ Малороссію, разглашалъ, будто онъ, помимо гетмана, на тотъ урядъ пожалованъ, но при этомъ, вѣроятно, не стѣсняясь поносилъ Мазепу за его вѣроломство и кривотушіе. Раздраженный гетманъ неоднократно писалъ графу Головкину и Шафирову, будто Чернышъ при этомъ «всѣвалъ многія плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристоинства къ возмущенію народа малороссійскаго», а въ бытность въ Москвѣ гетманъ лично жаловался о томъ царю, и царь велѣлъ ему судить и карать дерзкаго канцеляриста «по воинскимъ правамъ». Но, вѣроятно, вины Черныша были не очень серьезны или же онъ успѣлъ вымолить у Мазепы прощеніе; по крайней мѣрѣ, ни откуда не видно, чтобы онъ былъ преданъ суду. Но въ 1708 году возникло извѣстное дѣло Кочубея и Искры, и въ розыскѣ по этому ужасному дѣлу вдругъ промелькнуло имя Черныша. Этого было достаточно, чтобы самъ царь, въ грамотѣ къ Мазепѣ отъ 20 апрѣля, писалъ слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чернышъ, того ради повелѣваемъ... дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлѣнно взявъ за крѣпкой караулъ, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Кіевъ къ воеводѣ князю Голицыну... пока привезены будутъ отсюда

вышепомянутые воры Кочубей и Искра»; а черезъ три дня послѣдовалъ новый царскій указъ съ подтвержденіемъ того же повелѣнія. Мазепа по особымъ разсчетамъ выгородилъ Апостола, но съ Чернышемъ не поцеремонился: онъ былъ схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму Бѣлоцерковскаго замка, гдѣ въ то время находился Мазепа. Передъ нимъ прошли всѣ ужасы суда и казни Кочубея и Искры, а безстрашный эксъ-канцеляристъ, сидя въ оковахъ, твердилъ одно, что Головкинъ и Шафировъ по личной немилости къ нему на погибель ему указы посылаютъ, о чемъ гетманъ троекратно извѣщалъ послѣднихъ. Присланъ былъ и самый розыскъ о Чернышѣ, въ которомъ его прикосновенность къ дѣлу Кочубея и Искры выразилась въ слѣдующемъ: 1) На допросѣ 19 апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ подлинно, кто изъ старшинъ, знающихъ объ измѣнѣ гетмана, не доноситъ о томъ изъ «преклонности» къ нему или изъ страха, «а ежели бъ былъ Чернышъ, то бъ онъ пространнѣе о томъ донесть могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и естли бъ онъ вѣдалъ о ихъ поѣздѣ, то бъ и онъ былъ съ ними». 2) 21-го апрѣля Петръ Яценко показалъ, что въ концѣ 1707-го года присылалъ Чернышъ къ полтавскому протопопу Тимоѳею своего человѣка съ письмомъ, въ которомъ и «цидула» была вложена, а въ ней написано, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чернышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Конечно, улики были крайне слабы и никакого отношенія къ дѣлу Кочубея и Искры не имѣли; но если припомнимъ, что ни одно изъ лицъ, такъ или иначе соприкосновенныхъ къ этому злосчастному дѣлу, не было пощажено, что даже писаря и слуги доносчиковъ по особымъ политическимъ соображеніямъ были удалены изъ предѣловъ Малороссіи, если ктому же вспомнимъ, что всесильные Шафировъ и гр. Головкинъ были сильно раздражены противъ Черныша за его нареканія, то становится просто непонятнымъ, какимъ образомъ ему удалось выйти благополучно изъ этого крайне опаснаго дѣла. По всей вѣроятности, Черныша спасъ не кто другой, какъ отчимъ его жены[1]), стародубскій полковникъ Ив. Скоропадскій, съ которымъ Мазепа поддерживалъ постоянно найлучшія отношенія, разсчитывая

---

[1]) Чернышъ былъ женатъ (вторымъ бракомъ) на Евдокіи Голубъ, дочери генеральнаго бунчужнаго Конст. Голуба и его жены, знаменитой Настасьи Марковичевны, по второму браку Скоропадской, будущей гетманши.

(ошибочно) имѣть въ немъ вѣрнаго соучастника въ задуманномъ политическомъ переворотѣ. Самъ Чернышъ приписывалъ свое «избавленіе отъ бѣдъ» исключительно чудесной помощи Б. Матери. По его словамъ, въ то время, когда онъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ, возлагалъ единственную надежду на помощь свыше, а его жена, томимая страшнымъ безпокойствомъ о судьбѣ мужа, изливалась въ слезахъ и молитвахъ, ей «въ тонкомъ снѣ» явилась сама Пресвятая Дѣва и утѣшила ее обѣщаніемъ, что ея супругъ получитъ свободу. И точно, въ тотъ самый день Чернышъ неожиданно для него самого былъ освобожденъ. Это случилось 18 іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры.

Годъ спустя Чернышъ, какъ жертва гоненія измѣнника-гетмана и какъ близкій родственникъ Скоропадскаго, получилъ урядъ гадячскаго полковничества и въ благодарную память о чудесномъ избавленіи отъ бѣдъ сдѣлалъ серебряную ризу на ту самую фамильную икону Б. Матери, предъ которой молилась о немъ его жена въ роковые дни, когда онъ томился въ оковахъ, а на краяхъ этой ризы велѣлъ вырѣзать слѣдующія вирши:

Полковницствомъ Гадяча от Бога почтеній,
Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ егда обложеній
Желѣзы в Бѣлой-Церквѣ от лютѣйша звѣрных
Мазепи, полковницства раді от безмѣрных
Былъ царя наданого Стародуба града
За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
Едина Дѣва Мати, къ Нейже взирахъ вину,
Дабы-мъ обрѣлъ свободы радостну годину.
Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
Риданія: въ то время, воньже мя избавы,
Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
Свѣтлѣйшіми от солнца украшенна вѣнцы,
Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
Акы птенецъ, изиде из руки губяща
Твой господінь воскори, умолих бо Сына,
Яко избавлен (будетъ) от узъ; тому вина
Сей ест, Егоже зрішы на рукахъ, преславній
Судія, злим отмстітель, Богу Отцу равній.
Внегда прейдетъ в радосты путы сіе тѣсны,
Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
Збавлень от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,

Верху защищенія Дѣвы подложеній.
Сію исповѣдую чудотворну быти,
Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого ҂аѱі (1710), мца юля дня иі (18).

Этотъ образъ до послѣдняго времени хранился въ родѣ потомковъ Черныша, въ с. Беевѣ, и лишь въ 1860-хъ годахъ послѣдняя представительница этой семьи Н. В. Черньшъ († 1871 г.) передала его въ мѣстную приходскую церковь.

Остается лишь прибавить нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Ив. Черныша. За стяжательность онъ потерялъ въ 1714 г. полковничество въ Гадячѣ и былъ переведенъ на должность генеральнаго судьи, на которой былъ извѣстенъ своей подкупностью. Когда въ 1719 г. освободился стародубскій полковничій урядъ, Чернышъ, добивавшійся этого уряда, какъ мы видѣли, еще въ 1706 г., употреблялъ крайнія усилія, чтобы получить его; между прочимъ, съ этою цѣлью онъ, года еще за два до смерти прежняго полковника, началъ скупать земли въ Стародубовскомъ полку, желая сдѣлаться своимъ человѣкомъ между тамошними полчанами. Но въ Петербургѣ давно знали о его стяжательности, и его кандидатура потерпѣла неудачу. Мало того, гетману Скоропадскому приказано было отобрать у Черныша всѣ насильственно скупленныя имъ козачьи грунты и возвратить прежнимъ владѣльцамъ. Съ тѣхъ поръ слѣдствіе о земельныхъ захватахъ Черныша въ Copод. полку продолжалось до его смерти, послѣдовавшей 30 ноября 1728 г. Умеръ онъ въ Москвѣ и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

О. Левицкій

Литовская метрика, давно ожидающая *обстоятельнаго* своего изданія, готовится къ появленію въ свѣтъ въ значительной по крайней мѣрѣ своей части. Директоръ московскаго архива минист. юстиціи г. Самоквасовъ перечисляя настоящія работы своихъ сослуживцевъ [1]), между прочимъ говоритъ: «одному изъ вольнослужащихъ въ архивѣ поручена выборка и печатанье образцовыхъ (?) и особо важныхъ въ научномъ отношеніи документовъ отдѣленія «Литовской метрики», относящихся къ литовскимъ сеймамъ и экономическому состоянію народонаселенія литовскаго государства. Эта послѣдняя работа въ объемѣ около сорока печатныхъ листовъ, заканчивается печатаніемъ».

---

[1]) Журн. М. Н. Пр., августъ, стр. 65.

Хотя изъ этого указанія и трудно уразумѣть—какого именно рода документы изъ литовск. метрики нынѣ печатаются, но думается, что документы послѣдней всѣ «важны въ научномъ отношеніи», а потому слѣдуеть желать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ этого изданія.

Дьячки старой Малороссіи такъ описывали свое непригладное положеніе:

Хто въ N... не бувавъ
Той и лыха не знававъ;
А я въ N проживавъ
И много бидъ прыпявъ:
Дякувавъ, паламарувавъ,
И попа до церкви рано пробуждавъ;
И ще жъ до того людямъ угождавъ:
И М... панщыну работавъ.
Бо чуть-свитъ свитае,
То есаулъ Кирносъ до школы прыхожае
И глашае:
Дьяче, на панщину, косыть!
Або будешь брусья носыть..
Ище кринче гоныть
На левъ паньскій
Иванъ Пивторацкій...
Люде говорять:
„Горе тоби, горе, дьяче!
Згынешь ты въ насъ неборачe"...
Здѣ читатель мене извини
И назадъ лыстокъ переверни...

Далѣе, вѣроятно тотъ же авторъ говорить еще и слѣдующее:

Хто хоче лыха зазнаты,
Ныхай иде въ N дьякуваты:
То буде панщыну въ будни робыты,
А въ субботу ходыть звоныты,
Сала по сели прохаты
И скрызь за хлибомъ шмаруваты.
Въ церкви же горшка (для угольевъ) не маемъ,
И покрышку для вогли позычаемъ.
Сіе вамъ изображаю
И самъ въ N утикаю.

Этотъ интересный голосъ прошлаго записанъ въ «Ирмологіи», изд. 1757 г. (Вѣстн. И. Геогр. Общ. 1858 г., № 7, стр. 52, и Подольск. Епарх Вѣд. 1897 г., № 39, стр. 1035),

---

Сборникъ узоровъ писанокъ. «Въ Кіевской Старинѣ» въ свое время сообщалось о предположенномъ г-жею Скаржинскою изданіи рисунковъ писанокъ. Еще въ 1895 году «Лубенскимъ Музеемъ» г-жи Скаржинской была издана брошюрка, въ которой Музей, сообщая о томъ, что онъ обладаетъ значительной коллекціей писанокъ (болѣе тысячи экземпляровъ), приглашалъ «всѣхъ любителей народнаго искусства» помочь ему въ еще большемъ пополненіи этой коллекціи присылкою новыхъ экземпляровъ.

Въ брошюркѣ предлагалась подробная программа для собиранія писанокъ и всякаго рода свѣдѣній о нихъ; программа эта могла показаться инымъ собирателямъ, пожалуй, даже черезчуръ подробной: рекомендовалось присылать при экземплярахъ писанокъ не только свѣдѣнія о томъ, кто, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ, какимъ способомъ и орудіемъ, для какой цѣли раскрашивалъ писанку, но даже высказывалось желаніе знать общественное и семейное положеніе мастера, или мастерицы, отъ которыхъ была пріобрѣтена писанка... Правда, при этомъ въ программѣ говорилось, что «и отрицательные отвѣты имѣютъ для Музея цѣну почти равную съ положительными» (?) и что «если не всегда можно дать отвѣты даже на немногіе изъ предложенныхъ вопросовъ, то для Музея будетъ знаменательна уже самая такая невозможность»...

Очень интересно было бы знать, много-ли Музей нашелъ корреспондентовъ, много-ли было прислано экземпляровъ писанокъ и относящихся къ нимъ свѣдѣній.—Какъ-бы то ни было, черпая-ли матеріялъ изъ своего запаса, или пополняя его присланнымъ, г-жа Скаржинская предприняла большое хромолитографированное изданіе узоровъ писанокъ.

Намъ пришлось видѣть двѣ первыя таблицы этого сборника, уже отпечатанныя; оставляя болѣе подробный отчетъ до выхода всего сборника, мы скажемъ теперь нѣсколько словъ по поводу этихъ первыхъ таблицъ. Каждая таблица представляетъ собою довольно большой листъ, на которомъ помѣщено 16 рисунковъ писанокъ въ натуральную величину, отлитографированныхъ соотвѣтствующими красками; части узора, которыя не могли помѣститься на рисункѣ, при нѣкоторыхъ писанкахъ помѣщены отдѣльно.

Изданіе обѣщаетъ быть очень солиднымъ: намъ сообщаютъ, что оно будетъ состоять изъ 30-ти такихъ таблицъ. Солидно оно и по содержанію,—матерьялъ въ немъ собранъ обширный и разнообразный, что и должно было оказаться, такъ какъ узоры писанокъ для сбор-

ника собраны въ 13-ти губерніяхъ. Но если коллекція собиралась на такомъ большомъ районѣ, то вѣроятно, рисунки принадлежатъ различному по національности населенію; если такъ, то нужно, чтобы это было подробно отмѣчено въ примѣчаніяхъ, иначе интересъ матеріала въ значительной мѣрѣ будетъ утраченъ.

При несомнѣнномъ разнообразіи матеріаловъ, въ сборникѣ г-жи Скаржинской будетъ, очевидно, много варіантовъ однихъ и тѣхъ же мотивовъ, о чемъ можно судить уже и по первымъ двумъ таблицамъ: такъ, на табл. I-й—рисунокъ писанки съ фигурой цвѣтка, (такъ называемой «повной рожи»), изображенъ восемь разъ, при чемъ на нѣкоторыхъ рисункахъ варьируется только *раскраска*, а именно,—на одномъ рисункѣ изображена «рожа» красная на коричневомъ фонѣ, на другомъ тотъ же цвѣтокъ на томъ же фонѣ—зеленый, на третьемъ тотъ же точно рисунокъ, на томъ же полѣ—бѣлый и т. д. Мы не знаемъ, для какой именно публики предназначается сборникъ; если имѣется въ виду обычная публика, покупающая вообще «узоры», то для такой публики сборникъ съ обиліемъ варіантовъ покажется однообразнымъ, а такъ какъ при томъ варіанты увеличиваютъ объемъ изданія, а слѣдовательно и цѣну экземпляровъ, то сборникъ можетъ показаться и слишкомъ дорогимъ.

Но если сборникъ предназначается для спеціалистовъ, ученыхъ этнографовъ, то они скажутъ г-жѣ Скаржинской большое спасибо, такъ какъ обиліе варіантовъ даетъ возможность судить какъ о степени распространенія извѣстнаго мотива, такъ и о подробностяхъ обработки; это наблюдается при изслѣдованіи словесныхъ этнографическихъ матеріаловъ (сказокъ, пѣсенъ); то-же самое должно быть, конечно, и въ области орнаментики. Нужно только прибавить, что если сборникъ долженствуетъ быть этнографическимъ, то надо, чтобы онъ былъ систематическимъ.

Что касается до внѣшняго вида, то сборникъ, судя по первымъ таблицамъ, будетъ имѣть довольно хорошій видъ. Печатается онъ на хорошей, плотной бумагѣ, краски тоже хороши. Но литографная работа нѣсколько грубовата и не отчетлива,—на что мы совѣтуемъ издательницѣ обратить вниманіе и имѣть въ виду при печатаніи слѣдующихъ таблицъ: контуры нѣкоторыхъ писанокъ не совсѣмъ ровны (рис. 4-й, 5-й, 7-й на I-й табл. и первый на II-й табл.); надписи,—представляющія на писанкахъ большой интересъ, сдѣланы такъ неотчетливо, что даже долго нельзя разобрать, надпись ли это, или

случайный разводистый орнаментъ. Мы совѣтуемъ—въ примѣчаніяхъ всѣ надписи повторить печатными буквами.

Нельзя не пожалѣть, что изданіе г-жи Скаржинской печатается не въ Кіевѣ, а въ московской типографіи: можно думать, что напр. типографія г-на Кульженка исполнила бы ту же работу лучше, такъ какъ еще 20 лѣтъ назадъ г. Кульженко печаталъ образцы писанокъ гораздо изящнѣе и отчетливѣе, а вѣдь за 20 лѣтъ литографія г-на Кульженка еще усовершенствовалась.

То обстоятельство, что сборникъ г-жи Скаржинской печатается въ Москвѣ, наводитъ насъ даже на одно сомнѣніе: на нѣкоторыхъ писанкахъ стоятъ въ надписяхъ слова—«ково», «тово», и опять—«*каво* люблю, *таво* дарю». Для малорусскихъ писанокъ такая фонетика странна; не есть ли это, такъ сказать, діалектическая погрѣшность литографа-москвича? Что въ типографіяхъ московскихъ подобныя ошибки возможнѣе, приведемъ примѣръ: въ текстѣ при одной иллюстраціи, относящейся къ извѣстной малорусской пѣснѣ и отпечатанной въ одной изъ лучшихъ московскихъ типографій, намъ пришлось прочесть: «військо йде, *коровоньки* мають».... Очевидно, кіевскій корректоръ такого не пропустилъ бы, а московскій рѣшилъ, что «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно»... Поэтому-то мы совѣтуемъ обратить больше вниманія на печатаніе всей работы, относящейся къ сборнику, въ московской типографіи.

Вотъ все, что можно сказать по поводу первыхъ образцовыхъ таблицъ сборника. Повторяемъ—въ общемъ и внѣшній видъ его довольно хорошъ, и внутреннее содержаніе богато и интересно, такъ что изданіе г-жи Скаржинской обѣщаетъ быть очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей этнографіи.

Гоголь и В. Я. Ломиковскій. Читателямъ нашего журнала извѣстна личность Вас. Як. Ломиковскаго. Въ только что вышедшемъ четвертомъ томѣ сочиненія В. Шенрока «Матерьялы для біографіи Гоголя». (Москва 1898 стр. 215) встрѣчаемъ упоминаніе о немъ, особенно интересное, такъ какъ оно относится къ дѣятельности Гоголя. Г. Шенрокъ приводитъ письмо къ Гоголю друга и земляка его А. С. Данилевскаго, отъ 1842 года, по поводу выхода перваго тома «Мертвыхъ душъ», гдѣ, между прочимъ, читаемъ слѣдующее:

«Ты спрашиваешь меня, что здѣсь говорятъ о твоей поэмѣ? Я не вижу почти никого и никуда не выѣзжаю. Тѣ немногіе, съ ко-

торыми имѣю сношеніе, не нахвалятся ею. Патріоты нашего уѣзда, питая къ тебѣ непримиримую вражду, теперь благодарны уже за то, что ты пощадилъ Миргородъ. Я слышалъ между прочимъ мнѣніе одного, который можетъ служить оракуломъ этого класса господъ, осыпавшаго такими похвалами твои «Мертвыя души», что я сначала усомнился было въ его искренности; но жестокая хула и негодованіе на твой «Миргородъ» помирили меня съ нею. «Какъ!»—говорилъ онъ: Миргородскій уѣздъ произвелъ до тридцати генераловъ, адмираловъ, министровъ, путешественниковъ вокругъ свѣта (чортъ знаетъ гдѣ онъ ихъ взялъ!) проповѣдниковъ (не шутка!), водевилиста, который началъ писать водевили, когда ихъ не писали и въ Парижѣ!» (это относилось къ Нарѣжному, какъ послѣ объяснилъ онъ) и пр. и пр.—всѣхъ припомнить не могу! Да ты лучше поймешь, когда я скажу, что твой ласкатель и противникъ не кто таковскій, какъ Василій Яковлевичъ Ломиковскій.»

Ошибка миргородцевъ, даже такихъ почтенныхъ, какъ Ломиковскій, состояла въ томъ, что они не поняли, что гоголевскій Миргородъ есть обобщеніе, а не реальный Миргородъ и его уѣздъ. Населеніе этой мѣстности дѣйствительно отличается особенной даровитостью и во всѣхъ отрасляхъ произвело много крупныхъ дѣятелей, имена которыхъ всѣмъ извѣстны. Ломиковскій не зналъ еще тогда Гоголя послѣдняго періода его жизни, съ которымъ у него такъ много близкаго, общаго во всемъ міросозерцаніи и во взглядахъ.

О впечатлѣніи «Мертвыхъ Душъ» на родинѣ автора Данилевскій прибавляетъ еще слѣдующее:

«Всего болѣе тѣшило меня, что мошенникъ М. (эпитетъ, безъ котораго никто не можетъ произнести его имени), но котораго *чортъ не взялъ*, какъ говорилъ мой зять, хохоталъ до упаду, читая «Мертвыя души» (вѣроятно, отъ меня косвенными путями дошедшія) въ кругу всей сорочинской bourgeoisie и поповщины. «Ревизоръ» ему очень извѣстенъ и нерѣдко, говорятъ, перечитывается въ томъ же кругу и надрываетъ бока смѣшливымъ молодымъ попамъ и попадьямъ...»

Судя по письму Данилевскаго, Гоголь несомнѣнно лично зналъ Ломиковскаго, такъ какъ Данилевскій считаетъ достаточнымъ назвать лишь фамилію говорившаго, защитника Миргорода, чтобъ Гоголь дополнилъ и выяснилъ себѣ заочно всѣ подробности и смыслъ его рѣчи.

Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда *(5 октября 1897 г.)* Подъ предсѣдательствомъ В. Б. Антоновича, при секретарѣ М. Н. Ясинскомъ, присутствовали члены: П. В. Владиміровъ, П. В. Голубовскій, В. З. Завитневичъ, В. С. Иконниковъ, И. М. Каманинъ, И. Н. Корольковъ, В. А. Кордтъ, Ю. А. Кулаковскій, П. А. Лашкаревъ, О. И. Левицкій, В. Г. Ляскоронскій, І. А. Малиновскій, В. П. Науменко, Н. И. Петровъ, Т. Д. Флоринскій, Ѳ. Я. Фортинскій и В. И. Щербина.

1) По открытіи засѣданія, секретаремъ Отдѣленія былъ прочитанъ протоколъ предыдущаго засѣданія 20 іюня настоящаго года, каковой затѣмъ и былъ подписанъ всѣми присутствовавшими въ означенномъ засѣданіи.

2) Слушали сообщеніе г. предсѣдателя о полученіи напечатанныхъ уже правилъ будущаго XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ, утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 17 Мая 1897 г., а равно и списка вопросовъ и запросовъ, предложенныхъ на обсужденіе XI-го Археологическаго съѣзда; вмѣстѣ съ тѣмъ г. предсѣдатель пояснилъ, что означенный списокъ можетъ быть пополненъ новыми вопросами и запросами, о которыхъ и будетъ своевременно доведено до всеобщаго свѣдѣнія въ одномъ изъ ближайшихъ изданій Московскаго Предварительнаго Комитета.

Постановлено: Всѣ имѣющіе быть предложенными членами Отдѣленія новые вопросы и запросы доводить до свѣдѣнія секретаря Отдѣленія для занесенія ихъ, по мѣрѣ поступленія, въ протоколы засѣданій Отдѣленія и сообщенія затѣмъ Московскому Предварительному Комитету.

3) Слушали предложеніе г. предсѣдателя и нѣкоторыхъ членовъ о приглашеніи къ содѣйствію трудамъ Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета и участію въ нихъ слѣдующихъ ученыхъ обществъ и учрежденій: 1) Общества древностей и искусствъ (въ г. Кіевѣ), 2) Историко-филологическаго общества при Нѣжинскомъ институтѣ, 3) Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета и 4) Черниговской архивной коммиссіи, а равно и слѣдующихъ лицъ: профессора Нѣжинскаго института М. Н. Сперанскаго, 2) профессора Кіевскаго университета Н. П. Дашкевича, 3) вице-предсѣдателя Кіевскаго Общества древностей и искусствъ Б. И. Ханенка, 4—6) владѣльцевъ коллекцій древностей: Н. Я. Тарновскаго,

В. В. Тарновскаго и І. А. Хойновскаго, 7) Секретаря Херсонскаго Статистическаго комитета В. Г. Гошкевича и 8) живущаго въ г. Ровно С. С. Гамченко.

Постановлено: Принявъ и одобривъ всѣ эти предложенія, обратиться къ вышеозначеннымъ учрежденіямъ съ просьбой оказать всяческое содѣйствіе трудамъ мѣстнаго Отдѣленія Комитета, вышепоименованныхъ же лицъ избрать въ члены комитета и просить ихъ принять участіе въ занятіяхъ Отдѣленія, а тѣхъ изъ нихъ, которые владѣютъ коллекціями древностей,—прислать, сверхъ того, свои коллекціи на предполагаемую при Съѣздѣ Археологическую выставку.

4) Г. предсѣдатель сообщилъ, что онъ обращался съ просьбой о содѣйствіи трудамъ Отдѣленія въ дѣлѣ предстоящихъ ему предварительныхъ работъ по устройству Съѣзда между прочимъ въ г. Житомірѣ къ имѣющемуся тамъ Волынскому Церковно-Археологическому Обществу. На это обращеніе распорядительный Комитетъ означеннаго общества отвѣтилъ полнымъ своимъ согласіемъ всячески содѣйствовать трудамъ предварительнаго Комитета по устройству Съѣзда и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать слѣдующее предложеніе: если Кіевское Отдѣленіе Предварительнаго Комитета составитъ программу для собиранія свѣдѣній о памятникахъ Волынской старины и обратится къ содѣйствію Высокопреосвященнаго Архіепископа Волынскаго Модеста, то таковыя свѣдѣнія можно собрать и довольно скоро получить черезъ посредство духовенства Волынской епархіи.

Постановлено: Принять съ благодарностью вышеупомянутое предложеніе, выработать соотвѣтственную программу, напечатать ее и обратиться къ Высокопреосвященному Архіепископу Волынскому Модесту, какъ предсѣдателю Волынскаго Церковно-Археологическаго Общества, съ покорнѣйшею просьбою разослать эту программу всѣмъ священникамъ Волынской губерніи съ предложеніемъ имъ доставить всѣ свѣдѣнія въ возможной полнотѣ и возможно скорѣе.

5) Обсуждался вопросъ о составѣ вышеназванной программы После всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса рѣшено: 1) составить программу изъ 3-хъ слѣдующихъ отдѣловъ: a) древности первобытныя b) древности историческія (памятники архитектуры и прочія вещественныя, древнія не позже XVII в. рукописи и книги и c) древности церковныя; 2) просить составить программу по собиранію свѣдѣній о древностяхъ первобытныхъ – В. Б. Антоновича, — объ историческихъ памятникахъ—П. В. Голубовскаго, О. И. Левицкаго и И. М. Каманина, и о церковныхъ древностяхъ—П. А. Лашкарева, Н. И.

Петрова и В. З. Завитневича и 3) черезъ 2 недѣли, т. е. 19 октября, къ каковому сроку всѣ поименованныя лица нашли возможнымъ исполнить возложенное на нихъ порученіе, разсмотрѣть составленныя программы въ общемъ собраніи Отдѣленія Комитета и, по одобреніи, напечатать ихъ

6) Въ дополненіе къ постановленію Отдѣленія Комитета, изложенному выше въ пунктѣ 4-мъ, проф. Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ слѣдующее приблизительно предложеніе: желательно не ограничиваться разсылкой составленной программы одними лишь предѣлами Волынской губерніи при посредствѣ Архіепископа Модеста, а слѣдуетъ распространить программу и въ другія мѣстности, въ какія Отдѣленіе Комитета найдетъ нужнымъ.

Постановлено: Принять это предложеніе и въ виду этого напечатать программу въ достаточномъ количествѣ экземпл.

7) Слушали прочтенные г. предсѣдателемъ краткіе отчеты Н. Ѳ. Бѣляшевскаго, г-жи Е. Н. Мельникъ и В. Б. Антоновича о произведенныхъ ими нынѣшнимъ лѣтомъ, по порученію Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета, изслѣдованіяхъ и раскопкахъ въ предѣлахъ Волынской губерніи. Изъ этихъ отчетовъ видно: 1) что Н. Ѳ. Бѣляшевскій, вслѣдствіе краткости времени, которымъ онъ располагалъ, ограничился лишь осмотромъ нѣкоторыхъ мѣстностей въ предѣлахъ Ковельскаго и Владиміръ-Волынскаго уѣздовъ, при чемъ описалъ и сфотографировалъ тамъ памятники старины, снялъ планы съ нѣкоторыхъ земляныхъ укрѣпленій и раскопалъ 3 кургана въ могильникѣ, лежащемъ близъ м. Устилуга Владиміръ-Волынскаго уѣзда; 2) что г-жа Е. Н. Мельникъ занималась разслѣдованіями и раскопками въ Ровенскомъ уѣздѣ, при чемъ ею было раскопано 120 кургановъ, расположенныхъ въ 4-хъ могильникахъ близъ с.с. Пересопницы, Стараго-Жукова и Бѣлева, изслѣдовано 16 могилъ на 2-хъ древнихъ кладбищахъ у с. Пересопницы, открыто двѣ стоянки неолитическаго періода, сняты планы 3-хъ городищъ и описана древняя утварь нѣсколькихъ церквей и 3) что В. Б. Антоновичъ раскопалъ нынѣшнимъ лѣтомъ 18 кургановъ въ 3-хъ могильникахъ у с. Суражи близъ Шумска и у с. Зимно, а также изслѣдовалъ и собралъ планы 24 городищъ въ уѣздахъ: Житомірскомъ, Новоградволынскомъ, Заславскомъ и Кременецкомъ. Послѣ прочтенія упомянутыхъ отчетовъ, г. предсѣдатель сообщилъ, что на производство археологическихъ экскурсій онъ издержалъ 200 руб., а г-жа Мельникъ 250 рублей, ассигнованныхъ Отдѣленіемъ, и что, сверхъ того, предстоитъ уплатить еще 7 руб.

19 коп. за пересылку 4-хъ ящиковъ съ предметами, добытыми г-жей Мельникъ при ея раскопкахъ; что же касается г. Бѣляшевскаго, то имъ изъ высланной ему суммы въ 200 руб. издержано только 50 руб. въ виду того, что истекшимъ лѣтомъ онъ выполнилъ лишь самую небольшую часть предположенныхъ имъ изслѣдованій и раскопокъ (остальные же 150 руб. удержаны пока г. Бѣляшевскимъ въ надеждѣ, что ему еще въ теченіе текущаго года удастся произвести раскопки въ Сѣдлецкой или Люблинской губ.).

8) Г. предсѣдатель представилъ соображенія о необходимости составленія каталога будущей археологической выставки, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ списокъ тѣхъ извѣстныхъ ему археологическихъ коллекцій, какія имѣются въ юго-западномъ краѣ и ближайшихъ къ нему губерніяхъ и какія желательно привлечь на предполагаемую Археологическую выставку во время съѣзда въ г. Кіевѣ.

Коллекціи эти слѣдующія:

А. Въ предѣлахъ юго-западнаго края:

1) барона Ѳедора Рудольфовича Штейнгеля въ с. Городкѣ, близъ г. Ровно.

2) г. Людвига Житинскаго въ с. Лагодовкѣ близъ г. Луцка.

3) Луцкаго Крестовоздвиженскаго братства.

4) г. Сигизмунда Любы-Радзиминскаго въ с. Сивкахъ близъ г. Острога.

5) Эдуарда Руликовскаго въ с. Высоцкѣ Ровенскаго уѣзда.

6) Владиміръ—Волынскаго братства.

7) Ивана Александровича Орлова въ окрестностяхъ г. Кременца.

8) Волынскаго епархіальнаго древлехранилища.

9) Каменецъ-Подольскаго епархіальнаго древлехранилища.

10) Казиміра Адамовича Пуласкаго въ Завадинцахъ Каменецкаго уѣзда.

11) Григорія Александровича Венгржиновскаго, служащаго контролеромъ на Северинскомъ сахарномъ заводѣ въ Гайсинскомъ уѣздѣ.

12) Евг. Алекс. Зноско-Боровскаго въ с. Берестнягахъ Каневскаго уѣзда.

13) Н. Я. Тарновскаго въ с. Тростинцѣ Каневскаго уѣзда.

14) Кн. Лопухина-Демидова въ м. Корсуни.

Б. Въ Полтавской и Харьковской губ.:

15) С. А. Мазараки въ с. Талалаевкѣ Роменскаго уѣзда.

16) Е. Н. Скаржинской въ г. Лубнахъ.

17) П. И. Тиховскаго въ г. Харьковѣ.

В. Въ г. Кіевѣ:

1) Университетскій музей 2) музей Духовной Академіи 3) музей г. Хойновскаго 4) коллекція В. В. Тарновскаго 5) коллекція Б. И. Ханенка, 6) коллекція Ч. В. Хвойки и 7) коллекція В. Б. Антоновича.

Постановлено: Отнестись посредствомъ печатнаго циркуляра къ вышеупомянутымъ учрежденіямъ и лицамъ съ просьбой прислать принадлежащія имъ коллекціи на Археологическую выставку, имѣющую быть устроенной ко времени XI-го Археологическаго съѣзда въ г. Кіевѣ. Кромѣ того, въ виду того, что обширной коллекціи церковныхъ древностей музея Кіевской Духовной Академіи удобнѣе и цѣлесообразнѣе оставаться на своемъ обычномъ мѣстѣ и фигурировать во время Съѣзда отдѣльно отъ предполагаемой Археологической выставки, а равно и въ интересахъ единства и полноты какъ этой выставки, такъ и музея Духовной Академіи,—рѣшено ходатайствовать передъ начальствомъ Духовной Академіи, чтобы она передала на выставку лишь свою сравнительно небольшую коллекцію первобытныхъ древностей, а передъ начальствомъ Университета, чтобы оно, взамѣнъ того, разрѣшило передать на время Съѣзда въ музей Духовной Академіи свою небольшую коллекцію церковныхъ древностей.

9). Въ дополненіе къ постановленію, изложенному въ предыдущемъ пунктѣ, Т. Д. Флоринскій сдѣлалъ предложеніе о напечатаніи въ мѣстныхъ газетахъ и журналахъ объявленія или обращенія ко всѣмъ лицамъ, обладающимъ археологическими коллекціями, съ просьбой сообщить Кіевскому Отдѣленію свѣдѣнія о мѣстонахожденіи и составѣ своихъ коллекцій.

Постановлено: Принять это предложеніе.

10) Членъ Отдѣленія и редакторъ «Кіевской Старины» В. П. Науменко выразилъ готовность напечатать въ редактируемомъ имъ журналѣ выработанную Отдѣленіемъ Комитета программу для собиранія свѣдѣній о древностяхъ, а равно помѣщать тамъ же протоколы засѣданій Отдѣленія или извлеченіе изъ нихъ и извѣщенія или объявленія отъ имени Отдѣленія Комитета.

Любезное предложеніе это принято съ благодарностью.

11) Послѣ обсужденія вопроса о каталогѣ будущей Археологической выставки, по предложенію Т. Д. Флоринскаго, поддержанному и г. предсѣдателемъ, рѣшено избрать коммиссію, на которую и возложить дѣло устройства выставки и детальное обсужденіе вопроса о

классификаціи каталога, порядкѣ описанія коллекцій и способахъ составленія каталога, а равно и самое составленіе каталога и руководство этимъ дѣломъ.

Въ составъ означенной коммиссіи избраны слѣдующія лица: В. Б. Антоновичъ, В. З. Завитневичъ, Ю. А. Кулаковскій, В. Г. Ляскоронскій, П. В. Владиміровъ, Н. И. Петровъ, И. М. Каманинъ и В. А. Кордтъ.

12) Г. предсѣдатель, указавъ на значительность предстоящихъ въ будущемъ году расходовъ по составленію и печатанію каталога археологической выставки, на производство новыхъ археологическихъ раскопокъ и изысканій и на другія предварительныя работы по устройству Съѣзда 1899 г., предложилъ Отдѣленію ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи на будущій годъ достаточной суммы.

Постановлено: Ходатайствовать предъ Московскимъ Предварительнымъ Комитетомъ объ ассигнованіи Кіевскому Отдѣленію достаточной суммы на составленіе и печатаніе каталога выставки, на производство раскопокъ и изысканій и на прочія мѣстныя предварительныя работы по устройству XI-го Археологическаго Съѣзда.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) Отъ *конотопцевъ* во время земскаго собранія—*70 руб.*; 2) изъ *Звенигородки*—Котляревская *2 р.*, Захарьевичъ, П. А. Славинскій, М. Цытовичъ—по *1 руб*, Антониковскій, Д. С. Лосовицкій и Мартыновскій—по *50 коп.*; 3) изъ *Новоградъ-Валынска*—Волынецъ *2 р. 20 к.*, А. А. Косачъ, Вѣра Молосъ, И. А. Шафарукъ—по *1 руб.*, А. Ѳ. Домбровскій—*50 коп.*, П. А. Ж. и М. М. Х.—по *30 коп.*, А. С. Б—*20 коп.*; 4) отъ *отдѣльныхъ лицъ*—Гребенюкъ—*5 руб.*, М. Лободовскій—*2 руб.*, Д̂. Дорошенко, Г. Осинскій,—по *1 руб.*—а *всего 92 р.*, что, вмѣстѣ съ прежними *725 р. 77 к.* (см. №. 10), составитъ—*817 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. *Спб. 1896. 8 д. л. 297+31 стр.*

Мы уже говорили о первыхъ трехъ томахъ писемъ И. С. Аксакова, изданныхъ его вдовою [1]). Настоящій томъ изданъ И. Публичною библіотекою, куда поступили бумаги И. С. Аксакова, послѣ смерти его вдовы. Въ этомъ томѣ напечатаны письма Аксакова къ М. Ф. Раевскому, къ А. Ф. Тютчевой, къ гр. А. Д. Блудовой, къ Н. И. Костомарову и къ Н. П. Гилярову—Платонову. Большая часть изъ напечатанной переписки заключается въ письмахъ къ А. Ф. Тютчевой, писанныхъ лѣтомъ 1865 г., во время путешествія по Россіи. Переписка эта въ высшей степени интересна уже по одному тому, что въ этотъ моментъ Аксаковъ видѣлъ въ Тютчевой свою невѣсту, съ которою онъ повѣнчался въ январѣ 1866 г.—Проѣзжая Малороссію, Аксаковъ передаетъ Тютчевой свои впечатлѣнія о послѣдней, какъ и прежде, восторженныя.—«А что за прелесть Малороссія! Вотъ она должна вамъ понравиться. Въ ея природѣ нѣтъ ничего яркаго, рѣзкаго, но столько мирнаго, мягкаго, ласковаго, такой поэтическій колоритъ подернулъ ее всю, что въ ней есть неотразимая прелесть».. Изъ переписки съ Костомаровымъ здѣсь напечатано лишь одно письмо Аксакова съ отвѣтомъ Костомарова. Изъ обоихъ этихъ писемъ приводимъ здѣсь значительныя выдержки въ виду того живого интереса, съ которымъ гг. Аксаковъ и Костомаровъ относились къ спору южанъ съ сѣверянами».

Въ письмѣ Аксакова читаемъ:

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г. № 10.

«М. Г. Николай Ивановичъ! Я получилъ ваше письмо. Я не сталъ бы отвѣчать на него, еслибъ оно не было подписано вами. Оно написано въ такомъ тонѣ, съ употребленіемъ такихъ выраженій, которыя дѣлаютъ споръ невозможнымъ. Я бы могъ легко на дерзости отвѣчать еще сильнѣйшими дерзостями—браниться дѣло не головоломное—но это было бы недостойно дѣла, которому мы оба служимъ. Охотно извиняя ваши выраженія раздраженіемъ племеннаго самолюбія, и полагая, что вы сами не желаете дѣлать споръ невозможнымъ, не уклоняетесь отъ спора, я отвѣчаю вамъ sine ira et studio.

Вы говорите, что моя газета задираетъ двѣ родственныя народности, южно-русскую и польскую... На малорусскую народность никто не нападалъ, а если напали такъ не на народъ и не на народность, а на тенденціи нѣкоторыхъ «патріотовъ», касающіяся вопроса объ языкѣ. Вообще между мною и вами та существенная разница, что я стою на сторонѣ исторіи и народа, а вы противъ исторіи и противъ народа. Какъ противорѣчащее народу, ваше ученіе можетъ быть названо аристократическимъ. Такъ, напр., вы хотите игнорировать вопросъ вѣры, столь важный для народа южнорусскаго и полагающій несокрушимую преграду между имъ и католиками-поляками; вы, или авторъ статьи «Современника» (это все равно, потому что вы говорите, что готовы подписаться подъ нею), утверждаете, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права «угашаются послѣднія искры» вражды между малороссами и поляками (это вы даже пишете въ вашемъ письмѣ), забывая о борьбѣ вѣроисповѣданій—двухъ разныхъ просвѣтительныхъ началъ. Народъ этого не забываетъ—и я также... Вы идете наперекоръ не только народнымъ тенденціямъ вашей Малороссіи, но и тенденціямъ 3-хъ миліоннаго народа въ Галиціи. Страданія, влеченія, ожиданія всего этого народа не трогаютъ сердца шляхтича и «патріотовъ» малорусской петербургской колоніи! Относительно Малороссіи и Галиціи вотъ мое profession de foi. Малороссіи я не только вполнѣ сочувствую, но люблю ее всею душой, любовью вполнѣ свободной и такъ сказать объективной, не только физіологической. Съ этою любовью я остаюсь вполнѣ русскимъ и великороссомъ, не жалуя себя въ малороссы, какъ мой пріятель Жемчужниковъ. Я не постигаю полноты русскаго развитія—безъ Маллороссіи. Слѣдовательно—послѣднее соединеніе съ Малороссіей, во всѣхъ отношеніяхъ, есть по моему мнѣнію такая же историческая необходимость для Россіи, какъ головы и сердца въ организмѣ, или придумайте другое сравненіе. Это соединеніе есть и будетъ, и безъ нашихъ

хлопотъ, но вотъ мое убѣжденіе, которое проводить и высказывать, хотя бы и не въ полемической формѣ, вы не можете поставить въ вину человѣку убѣжденному. Что касается до народа Малорусскаго, то, при всей нелюбви къ москалю и кацапу, народъ своимъ историческимъ смысломъ остается и останется всегда вѣрнымъ однажды данному имъ изволенію: для него, хотя бы и несознательно, такъ же, какъ и для великоросса, дорого единство земли Русской; для него царь православный имѣетъ то же значеніе, что для рязанца или владимірца. Я жилъ въ Малороссіи, и хорошо это знаю.—Козаки, превратившіеся такъ охотно въ высокоблагородныхъ, и принявшіе отъ русскаго правительства подачку—крѣпостное право, стали въ глазахъ малорусса-крестьянина на одну степень со всѣми московскими панами. Точно также какъ и велилорусскій народъ видитъ въ русскомъ царѣ демократическое нивелирующее начало, точно такъ же и малороссъ видитъ въ немъ свой оплотъ противъ пановъ и другихъ налегающихъ на него сословій. Во сколько ошибаются оба, это другой вопросъ, но и вѣрятъ, и видятъ, и ошибаются они одинаково. Что касается до языка, то я не вѣрю въ возможность образованія малорусскаго общаго литературнаго языка,—кромѣ чистонародныхъ художественныхъ произведеній,—не вижу къ этому никакой возможности, не желаю и не могу желать никакихъ искусственныхъ попытокъ нарушить цѣльность общерусскаго развитія, отклонить малороссійскихъ художниковъ отъ писанія на русскомъ языкѣ. Слава Богу, что Гоголь жилъ и дѣйствовалъ раньше, чѣмъ возникли эти требованія: у насъ не было бы «Мертвыхъ Душъ»; вы бы или Кулишъ наложилъ бы на него путы племеннаго эгоизма и съузилъ бы его горизонтъ кругозоромъ одного племени! И какая, признаться сказать, звучитъ во всемъ этомъ фальшивая нота. Вотъ и теперь два малоросса, Максимовичъ и Кулишъ, спорятъ между собой о малороссѣ Гоголѣ, писавшемъ по русски, и о великороссіянкѣ (Маркѣ Вовчкѣ), пишущей по малорусски!! Чувствуете ли вы, какъ все это противорѣчитъ жизни и исторіи! Но разумѣется, никто изъ насъ никогда не хотѣлъ и не думалъ мѣшать вамъ. Пишите, сколько угодно, переводите Шекспира и Шиллера на малорусское нарѣчіе, одѣвайте героевъ Гомера и греческихъ боговъ въ малороссійскій кожухъ и очипокъ,—вольному воля! Но не можетъ же русская литература пройти молчаніемъ такое явленіе. О томъ, что мы враги всякой репрессивной мѣры, всякаго стѣсненія свободы, всякаго безпрепятственнаго самообличенія лжи—говорить нечего. Только сознающіе всю несостоятельность и слабость

своихъ основаній, могутъ насъ обвинять въ этомъ, хватаясь за это, какъ за единственное свое оружіе или способъ для менѣе постыдной ретирады. Въ Галиціи я былъ. Нужно имѣть каменное или польское, но не малорусское сердце, чтобъ несочувствовать стремленіямъ народа, который страданіями своими выработался до потребности ограничить свое племенное самолюбіе, потопить узкій племенной эгоизмъ въ эгоизмѣ всерусскаго народа, созданнаго изъ разныхъ русскихъ племенъ исторіей. А вы его подчуете племенными «особностями»! Вполнѣ, разумѣется, сочувствуя этому стремленію галицкаго народа, могу ли я быть равнодушенъ къ статьѣ «Современника», идущей наперекоръ тенденціямъ, которыя я признаю за истинныя, смущающей бѣдный народъ, да еще выдающей себя за голосъ Россіи. Будь эта статья подписана полякомъ, появись она въ польскомъ журналѣ, появись даже въ «Основѣ», значеніе ея было бы другое. Но допустить, чтобы голосъ польскій самозванно, исподтшика прикидывался русскимъ и морочилъ опаснымъ мороченьемъ цѣлый народъ, намъ сочувственный, допустить это было бы величайшей низостью для всякаго истиннаго русскаго»...

Во второй половинѣ этого письма, нами опускаемой, Аксаковъ распространяется о Польшѣ.

Вслѣдъ за письмомъ Аксакова напечатанъ и отвѣтъ Костомарова. Приводимъ изъ него начало, касающееся того же вопроса.

М. Г. Иванъ Сергѣевичъ. Прежде всего я почитаю обязанностью просить у васъ извиненія, мало того прощенія въ моихъ выраженіяхъ, которыя вы находите дерзкими. Я имѣлъ дѣло не съ личностью вашею, а со школою и съ ученіемъ. Во всякомъ случаѣ, буду воздержнѣе. Вы находите, что стремленіе писать по малорусски и создавать особую литературу противно исторіи и жизни. Да, противно исторіи, но какой? — Исторіи войнъ, трактатовъ, министерскихъ распоряженій, кабинетскихъ соображеній, насильственнымъ размежевкамъ краевъ, составленію данныхъ и купчихъ на милліоны человѣческихъ душъ, живущихъ и грядущихъ въ земной жизни. Но оно не противно исторіи народной мысли, народныхъ чувствованій и побужденій, слѣдовательно не противно и жизни. Коль скоро существуетъ народъ съ собственной физіономіей, съ своеобразными пріемами, съ собственнымъ нарѣчіемъ, то не противно жизни, и его своеобразное развитіе. Вы не видите возможности. Я, признаюсь, не вижу впереди ни условій неизбѣжной возможности, ни безусловной невозможности. Все зависитъ отъ послѣдующей исторіи. Будьте логичны и вѣрны

себѣ. Откройте намъ принципъ вашъ и дѣйствуйте съ нами сообразно съ нимъ...

Вы пишете, что знаете малорусскій народъ; да, вы знаете край, его внѣшность; это доказываетъ ваше превосходное сочиненіе о «Ярмаркахъ». Но едва ли вы знаете глубину народной души. Вы не подозрѣваете, что на днѣ ея у каждаго почти думающаго не глупаго южноруссa спитъ Выговскій, Дорошенко, Мазепа—и проснется, когда наступитъ случай. Душа чистаго южнорусса совсѣмъ не такая распашная, какъ великорусская. Это высказывается постоянно и въ обыденной жизни. Не вѣрьте южноруссу, ибо онъ вамъ не вѣритъ, сколько вы ему ни открываете вашу душу. Не расчитывайте на народъ въ той степени, въ какой вы подмѣтили его. Онъ выскажется только тогда, какъ, оглядѣвшись вокругъ, увидитъ и убѣдится, что его спрашиваютъ не затѣмъ, чтобъ надѣть на него веревку, если онъ отвѣтитъ не въ тотъ тонъ...»

Повидимому, оба корреспондента, и А—въ, и К—въ, горячо относились къ спору «южанъ и сѣверянъ»... Споръ этотъ вообще очень интересовалъ А—ва и онъ нерѣдко касался его на страницахъ своего «Дня». Одна изъ статей, напечатанная здѣсь въ 1862 г., вызвала не менѣе интересныя два письма—Н. С. Соханской (Кохановской) и Аксакова, напечатанныя въ майской книжкѣ «Русскаго Обозрѣнія» за настоящій годъ. Думаемъ, что будетъ *кстати* привести здѣсь отрывки и изъ этихъ двухъ писемъ.

Въ февралѣ 1862 г. Соханская писала Аксакову:

«...Воротившись домой, я прочла разомъ 5 №№ вашего *Дня*—пріемъ довольно великъ, чтобы вполнѣ почувствовать терпкій вкусъ и острую соль, и количество перца, очень и очень достаточное для разгоряченья многихъ умовъ. «Если *меня День* бѣситъ иногда», говорилъ мнѣ Потебня, занимающій каѳедру славянскихъ древностей въ (харьковскомъ) университетѣ, «какъ же этотъ *День* долженъ бѣсить другихъ,» и не расположенныхъ такъ много къ основамъ и убѣжденіямъ Дня, и болѣе горячихъ, чѣмъ кроткій и благородно-скромный Потебня. Мы разговорились о вопросѣ отдѣльной малорусской литературы. «Любопытно было бы знать, какъ самъ Аксаковъ смотритъ на этотъ вопросъ? сказалъ онъ. И вполнѣ ли онъ раздѣляетъ мнѣніе Ламанскаго?»—«А вы какъ смотрите?» спросила я.—«А вотъ какъ: литературный русскій языкъ становится все болѣе и болѣе *велико*русскимъ. Это его шагъ въ развитіи; посудите: что, напр., произведенія Островскаго имѣютъ общерусскаго для малорусса?

Ничего... И вотъ, чтобы пополнить этотъ оказывающійся недостатокъ, который впослѣдствіи, вѣроятно, во многомъ скажется, и должна существовать отдѣльная малорусская литература, на сколько у нея станетъ силъ для отдѣльнаго существованія. Изъ этого не слѣдуетъ ожидать непремѣнно ослабленія общаго народнаго языка русской литературы. Можно почти утвердительно сказать, что пройдетъ еще вѣрныхъ *сто лѣтъ*, въ теченіе которыхъ всякое сколько-нибудь замѣчательное произведеніе въ научномъ отношеніи и вообще сознающее себя развитіемъ общечеловѣческой мысли никакъ не явится на *мало*русскомъ, а непремѣнно на *велико*русскомъ языкѣ. А что будетъ за предѣлами *тѣхъ ста лѣтъ*, намъ думать и гадать нечего! Человѣческимъ выводамъ и заключеніямъ, ни малорусскимъ, ни великорусскимъ, не дано заходить въ такую даль. А между тѣмъ развитіе отдѣльной малорусской словесности живѣе и благодѣтельнѣе всего подѣйствуетъ на простой народъ. Оно прямѣе и полнѣе дастъ ему живую родную грамоту, дастъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Далѣе этого первоначальнаго образованія отдѣльная малорусская литература, по крайней мѣрѣ, долго еще не въ состояніи будетъ вести, и вотъ столько людей съ врожденнымъ, поэтическимъ чувствомъ малорусса, съ его тонкимъ умомъ, поставленные на дорогу просвѣщенія зачатками своего частнаго образованія, чтобы расширить и пополнить его, обратятся никуда же болѣе какъ къ всенародно-русской, т. е. великорусской литературѣ». Это разумѣется только тѣнь разговора, который я слышала почти мѣсяцъ тому назадъ, и вы можетъ быть скажете, что для васъ здѣсь нѣтъ ничего новаго. Очень можетъ быть, уважаемый Иванъ Сергѣевичъ, ничего новаго въ *мысли*,—а въ приложеніи къ дѣлу?... Хомяковъ встрѣтилъ горячимъ привѣтомъ проповѣди Гречулевича на малорусскомъ языкѣ. *Русская Бесѣда* объявила, что ей дорога всякая народность; вы сами и вашъ *День* думаете быть (и должны быть) преемниками и распространителями идей Русской Бесѣды и высокаго чувства Хомякова. А между тѣмъ что выходитъ на дѣлѣ? Вы и *День* въ открытой непріязни съ представителями заявляющей себя малорусской народности; у васъ завязалась перебранка чуть-чуть не словами: «бісовъ москаль» и «проклятый хохолъ», и какъ это тяжело, какъ неумѣстенъ въ высшей степени этотъ раздоръ! Конечно, Кулишъ, немножко по жидовски—самъ бьетъ и самъ кричитъ; но вы то, Иванъ Сергѣевичъ—вамъ этого простить нельзя, что вы не уберегли вашего *Дня* отъ криковъ г. Кулиша! Съ вашей стороны, со стороны братскаго всеславян-

скаго значенія вашей газеты, это такая недальновидность—такая неполитичность въ вашемъ положеніи ввязаться вамъ въ оборону повѣстей Гоголя и поднять на себя всю *Основу*. Но и *Основа* во многомъ права. Она права именно въ томъ, въ чемъ виновата предъ нею вся наша текущая литература газетъ и журналовъ. Эта родная литература по извѣстному камертону, выводитъ «верхнія нотки» и твердитъ: народность! Всѣ права—итальянской народности! и вотъ на глазахъ родная славянская народность заявила свое литературное существованіе—и въ какомъ общественномъ органѣ слова встрѣтила она сочувствіе и дружный привѣтъ? Ни даже въ вашемъ, а напротивъ славянофильскій *День* съ первыхъ же №№ ввязался въ укоры и перекоры, забывъ то исключительное обстоятельство, что не всегда бываетъ возможно отдѣлить *дѣло* отъ *лица*, и вотъ, поссорившись съ г. Кулишемъ, *День* открыто и непріязненно разошелся съ *Основой*. Если бы вы знали, съ какимъ искреннимъ сожалѣніемъ я выставляю на видъ эти ошибки вашего бурнаго *Дня*—именно—бурнаго....

На это письмо А—въ отвѣчалъ, между прочимъ, слѣдующее.

«...Я не знаю г. Потебню и даже вовсе не слыхалъ о немъ, я воображалъ себѣ, что каѳедру славянскихъ древностей занимаетъ Лавровскій. По крайней мѣрѣ въ ученомъ мірѣ имя его еще неизвѣстно. Но не въ томъ дѣло. Я не вижу причинъ, почему *День* можетъ иногда бѣсить его, когда его слова (Потебни) не только не представляютъ ничего новаго, но были неоднократно выражены въ *Днѣ*. Онъ говоритъ о томъ, что развитіе малорусской словесности даетъ народу близкое и сподручное *первоначальное* образованіе. Кто жъ противъ этого споритъ? Развѣ *Русская Бесѣда* не привѣтствовала прежде и горячѣе всѣхъ—проповѣди Гречулевича? Развѣ въ отвѣтѣ Кулишу (на его статью противъ Максимовича) я не выразилъ ту же самую мысль? Развѣ не тоже говоритъ и Ламанскій? Еслибы кто издалъ на мордовскомъ языкѣ проповѣди и т. п., я былъ бы не менѣе радъ. Даже, можетъ быть, болѣе, потому что мордвинъ вовсе лишенъ возможности понимать напр. литургію,—тогда какъ для малоросса и для великорусса это возможно въ одинаковой степени.

Но внѣ этой области литературы сельской, для первоначальнаго образованія и т. п., я считаю усилія малороссовъ создать особую отъ нашей литературу празднымъ препровожденіемъ времени. Незачѣмъ... Вы указываете на Островскаго, что онъ чуждъ малороссу. Совершенно согласенъ, и я первый сдѣлалъ это указаніе въ своемъ введеніи по описанію украинскихъ ярмарокъ. Но Хома Брутъ, Черевикъ, типы

Гоголевскихъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, развѣ они близки великоруссу? Однако жъ русское общество сочло ихъ себѣ близкими и родными,—потому именно, что наше общество свободнѣе отъ племенной узкости, въ какую непремѣнно хотятъ упрятать себя Кулишъ и К°, не относится непріязненно къ чужимъ особенностямъ, можетъ, наконецъ, относиться объективно ко всѣмъ явленіямъ. У насъ общество должно быть едино. Жалко видѣть, что тупоуміе Кулиша и прочихъ стремится добровольно ограничить развитіе малороссійской народности, указывая ей тѣсныя племенныя границы, сузить ея горизонтъ, лишить достоянія, лишить доли въ общемъ достояніи русскаго самосознанія. Если бы школа *Основы* привела къ тому, напр., чтобы лишить Россію Гоголя, она принесла бы зло, а не добро. Я удивляюсь, что вы порицаете меня за полемику съ Кулишемъ. Неужели вы въ состояніи признать въ нападеніяхъ Кулишовыхъ на Гоголя хоть каплю смысла и правды? Хомяковъ въ рѣчи, произнесенной въ обществѣ любителей руской словесности, назвалъ эти нападки Кулиша—актерствомъ народности. Кому же какъ не *Дню* слѣдовало вступиться за Гоголя? Благодарности я заслуживаю за это, а не порицанія. Къ тому же статьи Максимовича написаны такимъ спокойнымъ, умѣреннымъ тономъ, что только чудовищное самолюбіе Кулиша можетъ ими раздражаться. Развѣ вы не чувствуете всю узкость воззрѣнія, критики и оцѣнки Кулишовой? Вотъ что значитъ упорствовать въ малороссійскомъ племенномъ партикуляризмѣ! Для меня малороссъ и великороссъ одно—Русскій. И поэтому никакого союза или федераціи и т. п. я тутъ не предполагаю. Семья съ семьей можетъ заключать союзы, русская семья съ польской,—но мы одна семья: у насъ одно общество, одинъ общій подвигъ самосознанія.. Я знаю лично всю колонію петербургскихъ малороссійскихъ «патріотовъ». Это именно «патріоты», а не народные люди... А между тѣмъ я очень люблю *Основу*, какъ чистый, честный и безкорыстный журналъ въ грязной петербургской литературѣ; я уважаю любовь къ народности всякую, какъ поглощающую личный индивидуальный эгоизмъ; *основцы* очень забавны и милы лично, какъ и вообще хохлы. Малороссію, ея ласковую природу, ея поэтическій колоритъ—я люблю не менѣе малороссовъ. И знаете ли кто больше получаетъ и выписываетъ *Основу*? Великоруссы. *Основа* падаетъ, т. е. почти лишена возможности продолжаться отъ равнодушія малороссовъ. Почему же это такъ? Отъ того, что тенденція, выражающаяся ва *Основѣ*, противорѣчитъ историческому инстинкту малороссовъ, отъ того—что какъ ни не любитъ хо-

хоть москаля, но чувство единства русской земли живетъ въ немъ сильно, но русскій царь—рѣшительно то же самое для малороса изюмскаго уѣзда, что и для мужика костромскаго уѣзда... Я намѣренъ написать цѣлую статью объ *Основѣ* и выразить ей откровенно свое мнѣніе; я посовѣтую ей воспользоваться малороссійскою племенною особенностью для того, чтобы въ западныхъ губерніяхъ подъемомъ мѣстнаго элемента противодѣйствовать польской цивилизаціонной стихіи точно такъ, какъ въ Бѣлоруссіи надо возбудить въ народѣ чувство бѣлорусской племенной особенности. Все это, разумѣется, касается простаго народа, а отнюдь не общества, которое вооружено всѣми орудіями народнаго всерусскаго самосознанія. Пусть возникаетъ *сельская* литература если нужно; можетъ быть, дѣло пойдетъ успѣшнѣе, чѣмъ попытки создать *литературно-общественный* языкъ...»

Всѣ эти пререканія Аксакова съ его оппонентами представляютъ во всякомъ случаѣ интересный матеріалъ для исторіи «Спора»...

А. Л.

„Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета“. *Выпускъ восьмой. Подъ редакціей Н. И. Яворскаго и свящ. Е. Сѣцинскаго. Каменецъ-Подольскій. 1897 стр. 497.*

На страницахъ «Кіевской Старины» уже упоминалось объ изданіяхъ Подольскаго историко-статистическаго Комитета и указывалось на научное значеніе этихъ изданій въ дѣлѣ разработки мѣстной церковно-исторической жизни. Изслѣдованіе и изданіе богатаго мѣстнаго архивнаго матеріала мѣстными же силами и средствами является крупною научною заслугой Комитета. Настоящій, VIII-й, выпускъ «Трудовъ» не имѣетъ, впрочемъ, того строго-научнаго характера, какимъ отличались предыдущіе выпуски изданій Комитета. Изданный въ память исполнившагося въ 1895 году столѣтія учрежденія подольской епархіи и возсоединенія подольскихъ уніатовъ съ православною церковью, выпускъ этотъ имѣетъ юбилейный характеръ и содержитъ въ себѣ нѣсколько популярно-историческихъ очерковъ, имѣющихъ въ виду ознакомить въ общихъ чертахъ мѣстное духовенство съ указанными событіями. Почти всѣ статьи сборника имѣютъ компилятивный характеръ, но, при опытномъ и умѣломъ редактированіи, читаются съ большимъ интересомъ и вполнѣ удовлетворяютъ своей цѣли.

Въ обширной статьѣ свящ. И. Викула «Подольскіе архипастыри» (стр. 1—160) содержится 15 очерковъ жизни и дѣятельности подольскихъ архипастырей за столѣтній періодъ существованія самостоятельной подольской епископской каѳедры (1795—1895). Авторъ настоящаго очерка имѣлъ, по его словамъ, въ виду «на рубежѣ двухъ—протекшаго и настоящаго—вѣковъ жизни Подольской епархіи прослѣдить историческій ходъ ея жизни, проявившійся въ развитіи и благоустроеніи административныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій епархіи, а также въ развитіи религіознаго самосознанія русскаго населенія и утвержденіи его въ православной вѣрѣ и нравственности. Но такъ какъ личная воля архипастырей, стоявшихъ во главѣ духовнаго управленія, имѣла важное значеніе въ ходѣ событій, давала имъ такое или другое направленіе и такимъ образомъ несомнѣнно вліяла на жизнь епархіи въ протекшее столѣтіе», то авторъ очерка задался цѣлью «указать главныя черты въ характерѣ архипастырей, и ихъ святительскіе труды и добрыя дѣянія на пользу отечества и во славу православія въ Подоліи, и вообще, какъ подъ ихъ архипастырскимъ руководительствомъ протекла религіозная жизнь Подольской епархіи въ минувшее столѣтіе, съ 1795 по 1895 годъ». Къ сожалѣнію, эта широкая задача едва-ли достигается авторомъ. Очеркъ жизни подольскихъ архипастырей имѣетъ житійно-хвалебный характеръ, при чемъ личности самихъ архипастырей выступаютъ болѣе со стереотипными чертами угодившихъ Богу подвижниковъ, чѣмъ духовно-административныхъ дѣятелей въ епархіи. Характерно, что въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія авторъ не упомянулъ даже объ извѣстной борьбѣ этого архипастыря съ генералъ-губернаторомъ Безакомъ, который въ годичномъ своемъ отчетѣ Государю Императору представлялъ, что православное духовенство во ввѣренномъ ему краѣ никуда не годится и должно быть удалено во внутреннія губерніи имперіи, а на мѣсто его должны быть вызваны священники изъ великорусскихъ епархій; на этотъ важный фактъ въ біографіи высокопреосвящ. Арсенія указала уже редакція. Впрочемъ, нѣкоторые очерки написаны очень полно и живо (жизнеописанія архипастырей—Іоанникія, Кирилла и Димитрія)

Гораздо менѣе удачною должна быть признана вторая статья, принадлежащая перу свящ. В. Якубовича: «Учрежденіе викаріатства и викарные преосвященные подольской епархіи» (стр. 161—194). Всѣ очерки жизни подольскихъ викарныхъ архіереевъ очень кратки и имѣютъ сухой, протокольный характеръ; но справедливость требуетъ сказать, что вина въ этомъ случаѣ падаетъ отнюдь не на ав-

тора: роль викарныхъ преосвященныхъ въ епархіи была до послѣдняго времени такъ незначительна, что они вовсе не могли заявить себя здѣсь какою нибудь дѣятельностью; при томъ, нѣкоторые изъ нихъ числились викарными лишь номинально и даже не видали своихъ епархій. Во всякомъ случаѣ, авторъ могъ бы больше сказать о преосвящ. Іосифѣ (Баженовѣ), память о которомъ чрезвычайно популярна въ Подоліи и до настоящаго времени, тѣмъ болѣе, что и матеріала для этого можно бы найти достаточно.

Съ удовольствіемъ читается небольшой очеркъ Н. И. Яворскаго: «Религіозная жизнь въ Подоліи въ концѣ прошлаго вѣка, предъ возсоединеніемъ ея съ Россіей (стр. 195—221). Къ статьѣ, написанной съ обычною для этого автора живостью, приложены нѣкоторые, неизвѣстные еще, архивные документы, рисующіе тяжелое положеніе православныхъ священниковъ въ прошломъ вѣкѣ.

Несомнѣнное научное значеніе и большой интересъ представляетъ статья С. С. Дложевскаго: «Попытка преобразовать управленіе православною церковью въ бывшей Польшѣ, предъ возсоединеніемъ юго-западныхъ областей ея съ Россіей въ 1793 г. и учрежденіемъ здѣсь православныхъ епархій». Пинская конгрегація 1791 г., имѣвшая цѣлью прервать всякую связь православныхъ въ Польшѣ съ заграничною православною церковью и устроить для нихъ свое церковное управленіе въ предѣлахъ Польши, привела къ учрежденію Богуславско-Житомірской консисторіи въ Богуславѣ. Послѣдняя существовала съ 14 сентября 1791 г. до половины 1793 г. Непродолжительная дѣятельность этого православнаго административнаго пункта, учрежденнаго польскимъ правительствомъ, совершенно не выяснена, между тѣмъ она представляетъ чрезвычайный интересъ какъ въ отношеніи своей организаціи, такъ и со стороны того двойственнаго положенія, какое занимала она между интересами православнаго населенія и руководящими требованіями польско-католическаго правительства. Извлеченные г. Дложевскимъ архивные данные въ значительной степени проливаютъ свѣтъ на неизвѣстную доселѣ дѣятельность Богуславско-Житомірской консисторіи. Къ очерку приложено 9 №№ архивныхъ документовъ.

Совершенно компилятивный характеръ имѣютъ статьи: «Краткій очеркъ исторіи возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. В. Пясецкаго и «Дѣятели возсоединенія подольскихъ уніатовъ» г. Е. Василевскаго. Обѣ статьи читаются легко и съ интересомъ, а послѣдняя, кромѣ того, можетъ служить полезнымъ справочнымъ пособіемъ.

Протоіерей Петръ Орловскій, извѣстный, между прочимъ, нѣсколькими статьями о дѣятельности Грановскаго протопопа Іоанна Строцкаго, напечаталъ въ настоящемъ выпускѣ «Трудовъ» рукописи, принадлежавшія этому дѣятелю православія въ Подоліи («Матеріалы для исторіи православія и уніи въ Подоліи во второй половинѣ прошлаго вѣка»). Рукописи эти извлечены изъ сборника, хранящагося въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, и заключаютъ въ себѣ много характерныхъ подробностей изъ исторіи религіозной борьбы въ Подоліи во второй половинѣ XVIII в. Жаль только, что о. Орловскій ограничился простою перепечаткою рукописей (въ переводѣ) въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ одна за другою слѣдуютъ въ рукописномъ сборникѣ; можно было бы ожидать болѣе систематическаго изданія этихъ матеріаловъ, съ установленіемъ необходимыхъ хронологическихъ датъ, но этого, къ сожалѣнію, о. Орловскій не сдѣлалъ.

Много интереснаго заключаетъ въ себѣ статья г. Н. Г. «Духовенство подольской епархіи конца прошлаго и первой половины текущаго столѣтій (по поводу ревизіи прот. Іоанна Скворцова)». Въ 1831 г., въ видахъ поднятія православія въ Подоліи, по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ для обозрѣнія подольской епархіи проф. кіевской духовной академіи, прот. І. М. Скворцовъ, обозрѣвавшій приходы и церкви Подоліи въ продолженіи почти цѣлаго года и изучавшій жизнь подольскаго духовенства во всѣхъ подробностяхъ. На основаніи данныхъ ревизорскихъ вѣдомостей, а также по личнымъ впечатлѣніямъ и разсказамъ лицъ, близкихъ къ ревизіи, главнымъ образомъ и написана настоящая статья. Она состоитъ изъ двухъ главъ. Первая глава, представляющая сводъ весьма интересныхъ данныхъ для характеристики подольскаго духовенства въ прошломъ вѣкѣ, страдаетъ излишнею растянутостью и отступленіями въ сторону; во второй главѣ, трактующей объ образованіи, жизни и характерѣ подольскаго духовенства въ первой половинѣ XIX в., автору слѣдовало бы дѣлать указанія, какія свѣдѣнія почерпнуты имъ изъ ревизіонныхъ данныхъ прот. Скворцова и какія представляютъ результатъ личныхъ наблюденій. Очень пріятное впечатлѣніе оставляетъ спокойно-безпристрастный тонъ изложенія, чуждый религіозной и національной вражды по поводу давнопрошедшихъ и измѣнившихся событій. Авторъ вполнѣ объективенъ и не закрываетъ глазъ предъ хорошими и полезными сторонами уніи.

Въ заключеніе настоящей замѣтки позволимъ себѣ высказать, что редакціи слѣдовало бы, для полноты изображенія религіозной и

культурной жизни Подоліи въ настоящемъ вѣкѣ, упомянуть и о болѣе извѣстныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ бѣлаго духовенства, хотя-бы, напр., объ извѣстномъ проповѣдникѣ прот. В. Грегулевичѣ, а также представить очеркъ развитія народнаго образованія въ епархіи.

А. Лотоцкій.

Першій русско-американскій календарь. *Коштомъ тов. «Союзъ». Впорядивъ Несторъ Дмитровъ. Mt. Carmel, Pa. 1897. Спол. Державы повн. Америки. 8 д. л. 32 ненум.+172+26 ненум. стр. Съ портретомъ Шевченка, Ивана Франка и др. и рисунками церквей.*

Въ *Историческ. Вѣстн.* за настояшій годъ (№№ 4—6) помѣщена обширная статья Е. Н. Матросова — *Заокеанская Русь*, гдѣ разсказана судьба *двухсотъ тысячъ* галичанъ-малороссовъ, выгнанныхъ нуждою изъ отечества за океанъ и основавшихъ тамъ уже нѣсколько городовъ. Здѣсь, между прочимъ, указано, что колонисты образовали «Русскій народный союзъ», который и даетъ направленіе ихъ общественной жизни. На средства этого «Союза» изданъ и настоящій первый календаръ американскихъ малороссовъ. Кромѣ общихъ календарныхъ свѣдѣній, здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) *Історія Руси* (*Мир. Кордуба*), заключающая въ себѣ коротенькую исторію Малороссіи; 2) *Найновѣйши вѣсти въ Угорской Руси* содержатъ свѣдѣнія о печальномъ положеніи общественной жизни въ послѣдней; 3) *Положене русиновъ въ сполученныхъ державахъ полночной Америки (гр. Леливы, т. е. Е. Н. Матросова)* представляетъ сокращеніе статей, напечатанныхъ въ *Историч. Вѣстн.* Есть въ календарѣ нѣсколько литературныхъ разсказовъ, Франка (*Панцизненый хлѣбъ*), Тимкевича (*По дрова*) и др. Есть и стихи; между послѣдними можно отмѣтить «Американскимъ братямъ поклонъ», Д. Млаки, гдѣ авторъ совѣтуетъ переселенцамъ—не забывать «родного слова». Кромѣ портретовъ Шевченка, Ал. Духновича [1]), Франка, въ книгѣ помѣщены рисунки нѣсколькихъ «русскихъ» церквей (уніатскихъ); большая часть ихъ построена по типу католическихъ костеловъ, но «греко-кат. русска церковь въ Олифантѣ» сохранила типъ сельской малорусской церкви, съ прибавкою изящества въ деталяхъ. Календарь заканчивается перечнемъ «русско-американскихъ братствъ въ спол. державахъ повночнои Америки». Цѣль братствъ—«боронити свою вѣру, народность

---

[1]) Извѣстный патріотъ Угорской Руси.

и спомогати членъ наслучай хоробы, скалѣченя, займатися похоронами...» Такихъ братствъ перечислено—107.

Какъ видно, американскіе малороссы энергически повели общественную свою жизнь на *новыхъ мѣстахъ*. Жаль только, что Америка, по замѣчанію Гарибальди, есть страна забвенія родины...

А. Л.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. *Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ пяти томамъ. Спб. 1897. 8 д. л. XV+466 стр.*

Пятый томъ словаря г. Венгерова, какъ и предыдущіе, состоитъ или статей несоразмѣрныхъ между собою. О нѣкоторыхъ писателяхъ или ученыхъ помѣщены цѣлыя изслѣдованія (напр. о Дружининѣ), а о другихъ—совсѣмъ коротенькія, а о нѣкоторыхъ—и совсѣмъ ничего нѣтъ. Перечислимъ болѣе замѣтныя статьи, относящіяся къ южнорусскимъ уроженцамъ. *Бодянскій О. М.*, статья Н. Сумцова (стр. 51—75) съ подробною библіографіей; *Борисовъ Евг. И.*, авторъ статьи «Малорусское сельское общество», (Слово, 1879 г., №№ 1 и 3); *Борисякъ Н. Д.*, геологъ, харьковскій профессоръ, статья П. Отоцкаго; *Величко Самуилъ*, лѣтописецъ, В. Боцяновскаго; *Велланскій Д. М.*; *Бурачковъ Пл. Ос.*, археологъ, и друг. мелкія. Изъ перечисленныхъ статей главное мѣсто занимаетъ статья г. Сумцова о Бодянскомъ, дающая обстоятельный сводъ всего, что до сихъ было напечатано объ этомъ приснопамятномъ ученомъ, которому такъ много обязана малорусская исторіографія. Изъ печатающихся въ «К. Стар.» писемъ Кулиша къ Бодянскому видно, какую обширную переписку вели между собою эти два малороссіянина, главнымъ образомъ по вопросамъ, касавшимся южнорусскихъ историческихъ памятниковъ. Читая письма Кулиша, самъ собою напрашивается вопросъ—а гдѣ же письма Бодянскаго къ Кулишу?—Неужели погибли?... Вообще писемъ Бодянскаго, писанныхъ къ лицамъ, доставлявшимъ ему для напечатанія южнорусскіе памятники (къ братьямъ Ханенкамъ, къ Н. А. Маркевичу и друг.), до сихъ поръ почти не появлялось, а между тѣмъ въ этихъ письмахъ особенно явственно должна выступать та «красная нить», о которой говоритъ г. Сумцовъ. Будемъ надѣяться, что не всѣ же эти письма растеряны и уничтожены.—Мы замѣтили, что о нѣкоторыхъ писателяхъ словарь Венгерова совсѣмъ не упоминаетъ, при чемъ къ числу ихъ принадлежитъ, напр., поэтъ тридцатыхъ годовъ И. П. Бороздна.

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г.г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

---

[1]) Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вирна пара та инше. У Черниговi 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогiдання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповiдання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповiдання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона велыкихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Билоруссія и Лытва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. И. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Даныло. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошныченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣн 3 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Кныга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Черныгови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Кныжка перша и друга. У Черниговi 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Живи струны. Збирныкъ писень. У Черниговi 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Ивачов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украйнську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Өедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинській Мыхайло. Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинській М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повисти. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка I. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирнык танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Тры оповидания. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Рада. **Українській** Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы оддававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переспивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ грушi выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пидпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра-оттискъ). 1—3. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звирив (по Брему) Мнясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Отъ редакціи.

Вслѣдствіе пожара, бывшаго въ типографіи, гдѣ печатается журналъ „Кіевская Старина“, *ноябрьская* и *декабрьская* книги запоздали своимъ выходомъ; по этой-же причинѣ и *январьская* книга выйдетъ только въ половинѣ мѣсяца. Съ *февраля*-же мѣсяца редакція разсчитываетъ опять выпускать книги журнала *1-го числа*.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, окончаніе статьи „*Письма П. А. Кулиша къ О. М. Бодянскому*“ не могло быть включено въ составъ декабрьскаго номера, но тѣ подписчики 1897 года, которые не повторятъ подписки въ 1898 году, получатъ окончаніе этой переписки въ *отдѣльныхъ листахъ*.

Какъ редакторъ журнала и одновременно съ тѣмъ редакторъ „Малороссійскаго Словаря“, первые два тома котораго были обѣщаны подписчикамъ 1896 года (1-ый томъ) и 1897 года (2-ой томъ), я считаю себя обязаннымъ извиниться въ томъ, что не успѣлъ выполнить даннаго обѣщанія, но постараюсь въ теченіе 1898 года выслать прежнимъ подписчикамъ *оба тома*.

Редакторъ *В. Науменко*.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ" печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ДЕКАБРЬ
1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ.

(Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 г г.).

Есть поговорка, гласящая, что каждый баронъ имѣетъ свою фантазію. Съ полнымъ основаніемъ эта поговорка могла бы быть примѣнена и къ польскимъ магнатамъ—разумѣется, не теперешнимъ, а временъ минувшихъ. Въ исторіи послѣднихъ вѣковъ трудно отыскать сколько-нибудь извѣстное польско-магнатское имя, съ которымъ не были бы связаны преданія о самыхъ диковинныхъ проявленіяхъ фантазёрства или чудачества; можно сказать даже, что большинство вельможныхъ пановъ потому только и попали въ исторію, что обезсмертили себя въ памяти потомства необыкновенными чудачествами (dziwactwami).

Въ ряду такихъ чудаковъ магнатовъ видное мѣсто должно принадлежать помѣщику подольской губ. Игнатію Мархоцкому, жившему въ концѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Его причуды настолько поражали воображеніе современниковъ, что едва минуло двадцать лѣтъ со дня его смерти, какъ его личность послужила сюжетомъ для романа, въ свое время очень увлекавшаго читателей, благодаря необыкновеннымъ приключеніямъ главнаго героя [1]). Многіе изъ польскихъ мемуаристовъ болѣе или менѣе подробно упоминаютъ о Мар-

[1]) Разумѣемъ изданный въ 1848 г. въ Варшавѣ Сильвестромъ Грозою романъ въ двухъ частяхъ, подъ названіемъ: Grabia Scibor na Ostrowcu.

хоцкомъ, а среди мѣстнаго населенія память о его причудахъ жива и по настоящее время, но въ такомъ извращенномъ, на половину легендарномъ видѣ, что въ ней съ трудомъ уже можно отличить былое отъ выдуманнаго [1]). Въ 1884 г. извѣстный польскій историкъ А. Ролле издалъ интересный очеркъ, посвященный Мархоцкому; но, какъ намъ кажется, онъ нѣсколько идеализировалъ его личность, изобразивъ его какимъ-то дѣятелемъ-прогрессистомъ, почти реформаторомъ, лишь временно подвергавшимся припадкамъ мономаніи подъ вліяніемъ раздраженнаго самолюбія и неудачъ. Мы не имѣемъ въ виду дѣлать здѣсь подробное извлеченіе изъ статьи Ролле, тѣмъ болѣе, что еще недавно на страницахъ одного изъ русскихъ журналовъ сдѣлано такое извлеченіе и при томъ съ нѣкоторыми фактическими дополненіями и съ болѣе вѣрнымъ, какъ намъ кажется, освѣщеніемъ личности Мархоцкаго [2]). Достаточно будетъ, если мы напомнимъ главнѣйшіе факты изъ жизни и дѣятельности этого чудака, безъ знанія которыхъ читателю могли бы показаться непонятными тѣ изъ его причудъ, о коихъ мы намѣрены подробно разсказать со словъ современника-мемуариста Фр. Ковальскаго, почему-то обойденнаго молчаніемъ какъ самимъ Ролле, такъ равно и его русскимъ пересказчикомъ.

Предки Игнатія Мархоцкаго, незначительные шляхтичи изъ Малой-Польши, зашли въ Украину въ началѣ XVIII ст. Его отецъ, Михаилъ, чашникъ брацлавскій, имѣлъ всего лишь три деревеньки въ нынѣшнемъ сквирскомъ у. Братъ послѣдняго, Войцѣхъ, занимавшійся отдачей денегъ взаймы подъ залогъ имѣній, этимъ путемъ составилъ себѣ изрядное состояніе и впослѣдствіи пріобрѣлъ сенаторскій титулъ каштеляна санокскаго. Рано потерявъ отца, молодой Мархоцкій былъ вынужденъ личными усиліями пробивать себѣ дорогу въ жизни: служилъ въ прусской военной службѣ подъ знаменами Фридриха II, затѣмъ

---

[1]) См., напр., воспоминанія Подолянина, помѣщенныя въ малор. альманахѣ „Нива“, изд. въ 1895 г.

[2]) Русскій Вѣстникъ, 1895 г., кн. 1 и 5.

состоялъ въ польской арміи, но карьеры не сдѣлалъ и въ 1783 г. вышелъ въ отставку всего лишь съ чиномъ майора. Скоро послѣ того умеръ его бездѣтный дядя Войцѣхъ, и отставной майоръ унаслѣдовалъ его значительное состояніе: м. Миньковцы (ново-ушицк. у. под. губ.) съ тремя фольварками и 12000 морговъ земли въ плодороднѣйшей и необыкновенно живописной мѣстности. Молодой помѣщикъ, еще въ ожиданіи этого наслѣдства, придумалъ цѣлую программу преобразованій, которыя должны были радикально измѣнить прежніе порядки въ имѣніи; но ему мѣшали спокойно заняться этимъ дѣломъ тогдашнія политическія тревоги и смуты. То были послѣдніе годы существованія Рѣчи-посполитой, ознаменованные, съ одной стороны, энергическими усиліями лучшихъ ея гражданъ путемъ общественныхъ и политическихъ реформъ спасти погибавшее отечество, а съ другой—упорнымъ противодѣйствіемъ этому движенію со стороны приверженцевъ стариннаго шляхетскаго самовластія, рѣшившихся съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать неприкосновенность прежнихъ порядковъ. Нашъ Мархоцкій ухитрился одновременно числиться въ томъ и въ другомъ лагерѣ: онъ открыто заявлялъ сочувствіе идеямъ Четырехлѣтняго сейма и въ то же время принялъ званіе „совѣтника“ Тарговицкой конфедераціи въ подольскомъ воеводствѣ и гражданско-военнаго комиссара въ своемъ повѣтѣ. Когда же Польша совсѣмъ уже стояла на краю гибели и болѣе пылкіе изъ ея сыновъ рѣшились погибнуть вмѣстѣ съ нею подъ знаменами Костюшка, Мархоцкій также захотѣлъ оказать „ойчизнѣ“ послѣднюю услугу—послалъ королю проектъ защиты отечества: онъ совѣтовалъ сжечь города, села и деревни и населеніе всего государства выслать въ поле противъ непріятеля; въ первый огонь поставить старцевъ, калѣкъ и немощныхъ, которымъ нечего уже терять въ жизни; за ними должны пойти матери, жены, сестры, невѣсты и младенцы: ихъ гибель должна воодушевить отцевъ, братьевъ, жениховъ и т. под. Къ несчастью, короля увезли въ Вильну, и онъ не успѣлъ воспользоваться геніальнымъ предложеніемъ отважнаго эксъ-майора; послѣднему же ничего не оставалось, какъ безропотно подчиниться судьбѣ и всѣ силы

своего смѣлаго ума и организаторскаго таланта посвятить устройству принадлежавшаго ему громаднаго имѣнія. Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ въ краѣ, по присоединеніи его къ Россіи, и полнымъ невмѣшательствомъ русскаго правительства въ патримоніальныя права польскихъ помѣщиковъ, Мархоцкій могъ теперь беспрепятственно заняться осуществленіемъ тѣхъ фантастическихъ проектовъ, съ какими онъ вступилъ во владѣніе нежданно доставшимся ему помѣстьемъ и какимъ онъ остался вѣренъ до самой смерти. Въ основаніи этихъ проектовъ лежали не одни экономическіе интересы и соображенія, не одна забота хозяйственнаго помѣщика объ увеличеніи своего благосостоянія, или филантропическое попеченіе о благоденствіи крестьянъ; нѣтъ, въ странныхъ затѣяхъ Мархоцкаго видна оригинальная политико-экономическая система, основанная на своеобразномъ представленіи его о роли и положеніи владѣльца въ его вотчинѣ и развитая съ тою прямолинейною послѣдовательностью, къ какой способны лишь мономаны. Передъ его взоромъ, окрыленнымъ буйной фантазіей, носился миражъ ни болѣе ни менѣе, какъ *собственнаго государства* (Mińkowieckiego państwa), въ которомъ онъ будетъ пановать, какъ добрый круль, „кохаючій“ своихъ подданныхъ и заботящійся объ ихъ благоденствіи. Въ этой маленькой Рѣчи-посполитой онъ заведетъ новые порядки въ духѣ Ж. Руссо и французскихъ энциклопедистовъ, идеями которыхъ онъ увлекался, и на практикѣ осуществитъ тѣ мечтанія, какими были одушевлены вожди „великаго сейма“ и творцы Майской конституціи. Мархоцкій началъ съ того, что завелъ у себя въ Миньковцахъ собственную типографію, изъ-подъ станковъ которой и вышелъ затѣмъ въ свѣтъ цѣлый рядъ sui generis законодательныхъ памятниковъ, каковы: „Право м. Маньковецъ“—для мѣщанъ; „Договоръ владѣльца съ подданными“—для крестьянъ; „Право шляхетское“—для однодворцевъ; „Право для чужеземцевъ“—раскольниковъ-великороссовъ, поселившихся въ его имѣніяхъ; „Уставы для управленія земель дѣдичныхъ“ и т. под. То были, по большей части, обширные трактаты, велерѣчиво трактовавшіе объ основахъ общежитія, о правахъ человѣка, о долгѣ подданныхъ, о договорномъ началѣ, какъ источникѣ права,

и другихъ высокихъ матеріяхъ. Какъ последователь французскихъ энциклопедистовъ, Мархоцкій великодушно даровалъ своимъ иновѣрнымъ „подданнымъ“ (православнымъ, раскольникамъ, евреямъ) право безпрепятственно исповѣдывать свою религію, отмѣнилъ „панщину“ и натуральные въ пользу владѣльца поборы и замѣнилъ все это умѣреннымъ чиншемъ. Для управленія своимъ обширнымъ „панствомъ“ Мархоцкій завелъ очень сложную и многочисленную администрацію, учредилъ правильный судъ съ письменнымъ дѣлопроизводствомъ, а для осужденныхъ „подданныхъ“ придумалъ даже особое мѣсто ссылки въ въ предѣлахъ собственнаго „панства“—степное имѣніе на берегу Чернаго моря. Кто имѣлъ къ нему нужду, тотъ обязанъ былъ подать просьбу на особой, только въ „панствѣ Миньковецкомъ“ употреблявшейся, гербовой бумагѣ, цѣною отъ двухъ до шести грошей за листъ; но купчіе и дарственные акты, совершавшіеся въ Миньковецкомъ „гродѣ“, писались на бумагѣ высшаго достоинства. Лицамъ постороннимъ, обращавшимся къ нему по дѣлу, онъ давалъ формальныя аудіенціи, для чего въ его палацѣ имѣлась особая зала, куда онъ появлялся въ обстановкѣ владѣтельной особы, окруженный своими вассалами. Существуетъ даже такой анекдотъ, будто въ 1812 году, по вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи, Мархоцкій приказалъ поставить на межахъ своего помѣстья пограничные столбы и на нихъ прибить таблицы съ надписями: Granica państwa neutralnego Mińkowieckiego od państwa Rossyjskiego.

При такихъ непомѣрныхъ претензіяхъ, владѣльцу „нейтральнаго государства“ странно было бы довольствоваться скромнымъ фамильнымъ прозвищемъ, какимъ именовались его отецъ и дядя, каштелянъ санокскій. То было время, когда рѣдкій польскій панъ, если не въ обществѣ, то по крайней мѣрѣ у себя дома, хотя-бы собственной прислугой, не титуловался pan hrabia. И сколько такихъ „кредексовыхъ“ графовъ впослѣдствіи въ-серьезъ присвоило себѣ этотъ титулъ! Слѣдуя общей модѣ, и нашъ Мархоцкій съ 1796 года сталъ писаться „графъ Сциборъ-Мархоцкій“, а къ 1815 г. самъ пожаловалъ себѣ еще болѣе громкій титулъ: grabia Redux. И какъ же онъ

дорожилъ этимъ самодѣльнымъ титуломъ! Бывало, противники по тяжебнымъ дѣламъ пришлютъ ему судебный позовъ и въ немъ не пропишутъ ни „графа", ни „Редукса". И что же? Упрямый Мархоцкій ни за что не пріиметъ позва—и проиграетъ дѣло.

Не довольствуясь ролью полудержавнаго владыки въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, Мархоцкій думалъ, что его назначеніе—быть не только добрымъ „паномъ", отцемъ подданныхъ, но и „патріархомъ" общины „своего народа". Подъ старость онъ оставилъ обычный костюмъ и сталъ носить широкія одежды въ родѣ священническихъ, отростилъ бороду, вмѣсто палки употреблялъ пастораль. Еще въ 1796 г. онъ учредилъ въ Миньковцахъ религіозныя церемоніи 31 декабря (конецъ года) и 1-го января (начало года), въ которыхъ должны были принимать участіе всѣ его „подданные" и жившая на его земляхъ чиншевая шляхта. Эти церемоніи состояли въ томъ, что въ мѣстномъ костелѣ совершалось торжественное богослуженіе, во время котораго самъ „дѣдичъ", въ одеждѣ патріарха, всходилъ на амвонъ и произносилъ проповѣдь собственнаго сочиненія. Тексты этихъ проповѣдей сохранились въ рукописяхъ самого Мархоцкаго; онѣ довольно шаблонны и отличаются лишь тѣмъ, что, на ряду съ именами святыхъ, въ нихъ упоминаются въ почтительномъ тонѣ и имена Сенеки, Плинія, Тертулліана, Лукреція и даже Вольтера.. Каменецъ-подольскій бискупъ Мацкевичъ употреблялъ крайнія усилія, чтобы заградить уста непосвященному проповѣднику. Однажды, по его настояніямъ, была прислана въ Миньковцы команда солдатъ съ тайнымъ приказомъ—окружить костелъ во время богослуженія и лишь только помѣщикъ взойдетъ на амвонъ, заиграть въ трубы и ударить въ барабаны. Узнавъ о такомъ наказѣ, Мархоцкій перехитрилъ властей: велѣлъ подпоить солдатъ и въ назначенный часъ безпрепятственно произнесъ проповѣдь. Черезъ годъ снова являются трубачи и барабанщики, но уже подъ начальствомъ строгаго офицера, не поддающагося ни на какія искушенія. Едва Мархоцкій показался на амвонѣ съ тетрадкой, какъ за стѣнами деревяннаго костела раздался неистовый грохотъ и визгъ. Ни

мало не смущаясь, ретивый проповѣдникъ прочелъ орацію до конца, хотя присутствовавшіе, конечно, не могли слышать ни одного слова. За то, выходя изъ костела, помѣщикъ приказалъ забрать всю костельную утварь, какъ его полную собственность, и отправить въ палацъ. Такъ какъ безъ утвари не могло быть совершаемо богослуженіе въ костелѣ, то бискупу пришлось уступить—и Мархоцкій могъ безпрепятственно забавляться въ роли церковнаго оратора.

Въ 1797 году онъ придумалъ новое „свято"—праздникъ „*обжинокъ*". Первоначально это празднество состояло въ томъ, что въ день Успенія Божьей Матери (15 августа), по окончаніи обѣдни въ костелѣ, совершался торжественный ходъ въ поле, куда заранѣе должны были прибыть изъ сосѣднихъ селъ православные священники съ прихожанами, и здѣсь происходило освященіе плодовъ оконченной жатвы, послѣ чего на особо устроенный амвонъ всходилъ панъ „дѣдичъ" и произносилъ приличную случаю проповѣдь. Вслѣдъ за тѣмъ изъ-за окружавшей толпы выступалъ рядъ плуговъ, украшенныхъ цвѣтами и колосьями. За первый, самый нарядный изъ такихъ плуговъ становился самъ помѣщикъ или его сынъ, за остальные—болѣе почетные изъ крестьянъ, и по данному сигналу начиналась оранка, при чемъ духовенство въ облаченіяхъ кропило св. водой свѣжія борозды. Въ такой формѣ новое „свято обжинокъ" не заключало ничего, противнаго религіи, и высшая духовная власть въ первое время относилась къ нему безразлично. Но Мархоцкій не удовольствовался первоначальной простотой обряда. Страстный любитель театральныхъ эффектовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ до страсти увлекался классической миѳологіей, хорошо зналъ Гомера, Горація, Лукреція, сочинилъ басню о происхожденіи рода Мархоцкихъ отъ какого-то римскаго патриція и въ свою обиходную жизнь стремился ввести многія черты древне-римскаго быта. И вотъ праздникъ „обжинокъ", первоначально посвященный чествованію Пресвятой Дѣвы, сталъ постепенно принимать характеръ полуязыческаго празднества въ честь Цереры, богини жатвы и плодородія. Ритуалъ его значительно осложнился. На челѣ процессіи выѣзжалъ плугъ, запряженный четырьмя парами

чорныхъ воловъ съ позолоченными рогами, въ ярмахъ, обитыхъ бронзовыми бляхами и украшенныхъ разноцвѣтными лентами. На плугѣ сидѣлъ сынъ помѣщика, въ платьѣ аркадскаго пастушка; его окружали восемь красивыхъ дѣвушекъ въ крестьянскихъ нарядахъ. Въ центрѣ процессіи торжественно подвигалась высокая колесница, убранная дорогими тканями; тамъ на тронѣ возсѣдалъ Юпитеръ въ образѣ графа Редукса, въ длинной пурпурной мантіи, держа въ рукѣ жезлъ съ трезубцемъ. На ступеняхъ трона стояла молодая дѣвушка (чаще всего дочь Мархоцкаго) съ серпомъ въ рукѣ, въ костюмѣ Цереры. Колесницу окружали 12 дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, съ вѣнками на головахъ. За колесницей шелъ хоръ изъ паробковъ, нарочито обученныхъ въ существовавшей въ Миньковцахъ „Музыкальной академіи“; они несли въ рукахъ косы, цѣпы, грабли и др. земледѣльческія орудія и пѣли особыя пѣсни, сочиненныя „паномъ дѣдичемъ“. А за ними двигался огромный возъ, запряженный волами; тамъ помѣщался дворовый оркестръ; его игра попеременно смѣнялась пѣніемъ хора. Вся эта оригинальная процессія была окружена цѣлымъ лѣсомъ разноцвѣтныхъ хоругвей, на которыхъ были написаны тексты изъ свящ. писанія, относящіеся къ земледѣлію. Шествіе замыкалось огромной массой экипажей и безчисленной толпой народа. Что ни годъ, то появлялись новыя детали въ этой церемоніи, все болѣе приближавшія ее къ полуязыческому празднеству, и самое названіе праздника „обжинокъ“ въ устахъ шляхты, съѣзжавшейся на него въ огромномъ числѣ, постепенно замѣнялось „праздникомъ Цереры“.

Около 15-ти лѣтъ Мархоцкій безпрепятственно забавлялся устройствомъ этого диковиннаго праздника, пока не поссорился съ мѣстнымъ бискупомъ, послѣ чего этотъ послѣдній сталъ преслѣдовать его какъ за проповѣдничество въ костелѣ, такъ равно и за чествованіе Цереры. Въ 1814 г. бискупъ Мацкевичъ прислалъ Мархоцкому формальное запрещеніе „справлять языческое празднество и тѣмъ вкоренять идолопоклонство среди вѣрныхъ католиковъ, ибо праздникъ Цереры вовсе не принадлежитъ къ числу христіанскихъ праздниковъ.“ Мархоцкій

остро отвѣтилъ бискупу и отказался исполнить его требованіе. Бискупъ обратился за содѣйствіемъ къ губернатору, каковымъ въ то время состоялъ Сан-При, католикъ. Послѣдній потребовалъ отъ Мархоцкаго выдачи подписки въ томъ, что онъ языческаго праздника справлять не будетъ. Мархоцкій отказался дать требуемую подписку и ближайшаго 15-го августа отправилъ обычную церемонію съ особенною торжественностью. Правда, мѣстный ксендзъ отказался принять участіе въ празднествѣ, но его охотно замѣнили два капуцина, приглашенные изъ сосѣдняго Дунаевецкаго кляштора. Оскорбленный ослушаніемъ губернаторъ потребовалъ Мархоцкаго въ Каменецъ для объясненій, но онъ не пріѣхалъ. Тогда бискупъ понялъ, что губернаторъ— плохой для него союзникъ, и обратилъ вниманіе подольскаго преосвященнаго Іоанникія на то, что въ празднествѣ Цереры принимаютъ участіе православные священники изъ имѣній Мархоцкаго и тысячи православныхъ его крестьянъ. Это такъ взорвало графа Редукса, что онъ написалъ бискупу оскорбительное письмо съ рѣзкимъ укоромъ за обращеніе къ содѣйствію „особъ, вѣрѣ нашей неприхильныхъ“, и назвалъ его не бискупомъ, а „духовнымъ генералъ-майоромъ“. Архіерей велѣлъ произвести дознаніе, въ результатѣ котораго всплыло дѣло, крайне характерное для личности Мархоцкаго: оказалось, что этотъ почитатель Вольтера и Руссо еще въ 1793—94 годахъ самоуправно разобралъ двѣ православныя церкви въ своихъ имѣніяхъ и отказался строить новыя, а колокола изъ нихъ велѣлъ передать въ костелы. Пока архіерей сносился съ синодомъ по этому дѣлу, Мархоцкій успѣлъ и въ 1816 г. отпраздновать безпрепятственно праздникъ Цереры. Но въ слѣдующемъ году въ самый день 15-го августа въ Миньковцы пріѣхалъ исправникъ съ полицейскими чинами и потребовалъ именемъ высшихъ властей, чтобы обычная въ этотъ день церемонія не была совершена. Мархоцкій отвѣтилъ, что онъ очень радъ пріѣзду исправника и непремѣнно исполнитъ церемонію, чтобы тотъ лично убѣдился, что въ ней нѣтъ ничего противнаго вѣрѣ и законамъ. Послѣ долгихъ безполезныхъ пререканій, исправникъ обратился къ собравшимся на торжество громадамъ крестьянъ съ приказаніемъ

разойтись по домамъ; но они не послушались. Обычное торжество совершилось безъ помѣхи. Исправникъ уѣхалъ, но на другой день возвратился съ сотней козаковъ и арестовалъ упорнаго „дѣдича“. Его привезли въ Каменецъ и обязали подпискою о невыѣздѣ изъ города. Но онъ не давалъ покоя ни губернатору, ни бискупу, ни другимъ властямъ, ходилъ по городу въ своемъ костюмѣ патріарха и благословлялъ сопровождавшую его толпу. Его недолго подержали и отпустили домой съ угрозой строжайшаго взысканія въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. Но и въ 1817 году, несмотря на всѣ препятствія, праздникъ Цереры состоялся, хотя безъ участія духовенства; роль жреца исполнилъ самъ „панъ грабья.“ За это его снова увезли въ Каменецъ и на этотъ разъ уже посадили подъ стражу. Тутъ онъ, сидя въ заключеніи, послалъ бискупу формальное прошеніе о посвященіи его въ ксендзы: имѣетъ-де онъ съ молодыхъ лѣтъ призваніе къ апостольскимъ трудамъ и остатокъ дней своихъ желаетъ посвятить на служеніе св. церкви. Мицкевичъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ такого „ставленика“.

Не извѣстно, чѣмъ бы все это окончилось, но тутъ случился царскій пріѣздъ въ Каменецъ. Отъ родни и друзей Мархоцкаго посыпались жалобы, просьбы о защитѣ. Государь узналъ все дѣло, лично выслушалъ узника—и повелѣлъ оставить въ покоѣ старца, который хотя и чудачитъ, но оказывается хорошимъ помѣщикомъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ.

Съ тѣхъ поръ и до конца жизни Мархоцкій безпрепятственно отправлялъ ежегодно праздникъ Цереры съ участіемъ ксендзовъ и православныхъ священниковъ. Онъ такъ дорожилъ этимъ празднествомъ, что и сыну завѣщалъ, подъ угрозой неблагословенія, неизмѣнно совершать его. Умеръ Мархоцкій въ 1827 году.

Приводимъ теперь въ извлеченіи подробное описаніе праздника Цереры, заимствованное изъ воспоминаній польскаго мемуариста Фр. Ковальскаго, бывшаго въ 1823 году очевидцемъ

этого оригинальнаго торжества [1]). Предупреждаемъ лишь читателей, что Ковальскій, слѣдуя общей всѣмъ польскимъ мемуаристамъ манерѣ идеализировать свое магнатство, рисуетъ личность Мархоцкаго такими чертами, которыя вовсе не соотвѣтствовали дѣйствительности.

Приближался (разсказываетъ Ковальскій) день 15-августа, и мнѣ очень хотѣлось побывать въ Миньковцахъ и увидѣть блестящій и оригинальный праздникъ Цереры, о которомъ я давно слышалъ, какъ о дивѣ. Это—праздникъ *обжинокъ* (окончанія жатвы) и вмѣстѣ день Успенія Богородицы, которую старый графъ (Мархоцкій) чествовалъ нарочито торжественной службой, благодаря Ее за обильную жатву и молясь о ниспосланіи будущаго урожая. Понравилось ему этотъ христіанскій праздникъ назвать миѳологическимъ именемъ Цереры, богини жатвы, и это не укрылось отъ вниманія властей, которыя стали чинить ему разныя препятствія въ отправленіи этого празднества; тѣмъ не менѣе графъ Мархоцкій до самой смерти чествовалъ этотъ день подъ именемъ Цереры.

Мѣстечко Миньковцы расположено въ мѣстности живописной. Уже за милю видны красивыя ущелья и поросшія лѣсомъ горы Миньковецкія. Дорога постепенно понижается и наконецъ тонетъ въ живописномъ яру, очень похожемъ на то ущелье, которымъ въѣзжаютъ въ Кременецъ. На днѣ огромной долины, обрамленной отвѣсно спадающими высотами, разомъ показывается мѣстечко, съ одной стороны окаймленное быстрою рѣчкою Ушицею, приводящею въ движеніе большія мельницы, отъ которыхъ не осталось теперь и слѣда, а съ другой оттѣненное высокими горами, съ вершины которыхъ далеко виднѣется обширное плоскогоріе, перемежаемое зелеными лѣсами и пшеничными нивами. Не доѣзжая плотины, дорога, обсаженная тополями, поднимается вправо на возвышенный холмъ съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ каменнымъ заборомъ и огромными

[1]) Wspomnienia. Pamiętnik Franciszka Kowalskiego, t. I—II. Kijow, 1859.

воротами, на которыхъ пестрѣли латинскія надписи изъ Цицерона, Порція, Катона, Виргилія, Горація и др. Это—*Бэльмонтъ* (Belmont). Здѣсь стоялъ въ то время небольшой замокъ, въ которомъ давались балы въ праздникъ Цереры. За Бэльмонтомъ по дорогѣ, выходящей въ поле, снова стояла арка съ надписями. На горѣ, влѣво отъ дороги, среди огромнаго лана сжатой уже пшеницы, стоялъ сложенный изъ камня какъ-бы памятникъ, формой напоминающій римское *rostrum:* мнѣ объяснили, что то былъ олтарь въ нѣсколько ступеней, или каѳедра, съ которой старый Мархоцкій, во время церемоній праздника Цереры, говорилъ рѣчи къ крестьянамъ, съ латинскими цитатами, заохочивая ихъ къ земледѣльческому труду. Надо замѣтить, что графъ Мархоцкій никогда не называлъ своихъ подданныхъ *хлопами*, гнушаясь этимъ унизительнымъ именемъ, а величалъ ихъ *rolnikami*, т. е. хлѣбопашцами, а вмѣсто „панщины“ употреблялъ терминъ *robocizna*. Любилъ онъ своихъ крестьянъ, былъ для нихъ отцемъ, а не паномъ, и они его искренно любили. Каждое село его (а было ихъ у него болѣе десятка) имѣло при въѣздѣ каменныя ворота, на которыхъ крупными буквами было означено названіе села и имя владѣльца, а въ Миньковцахъ существовала типографія, изъ которой выпускались печатные приказы экономамъ, управителямъ и крестьянамъ.

Наканунѣ 15-го августа, вечеромъ, мы прибыли въ Миньковцы, гдѣ все уже было готово къ завтрашнему празднику. Мѣстечко показалось мнѣ довольно благоустроеннымъ, съ порядочнымъ базаромъ и значительнымъ числомъ каменныхъ домовъ; костелъ лишь былъ малъ и непоказной. Въ данное время въ Миньковцахъ было полно народа, собравшагося съ разныхъ сторонъ; сельскія громады со всѣхъ имѣній Мархоцкаго расположились обозами на базарной площади и на предмѣстьяхъ; почти всѣ дома были заняты приглашенными обывателями шляхтичами и ихъ семействами, и многіе изъ гостей размѣстились въ Бэльмонтѣ. Купцы, съѣхавшіеся изъ м. Дунаевецъ, Каменца и даже изъ Бердичева, разложили въ лавкахъ свои товары, и съ разныхъ концовъ мѣстечка слышна была музыка. Едва наступила ночь, какъ все мѣстечко, предмѣстья, замокъ Бэльмонтъ

и даже сосѣднія скалы запылали огнями, между которыми смоляныя бочки, пылавшія на декорированныхъ зеленью воротахъ и башняхъ и на многихъ, болѣе выдающихся скалахъ, казались солнцами. Въ „Рыцарскомъ замкѣ“ на Бельмонтѣ данъ былъ для гостей блестящій ужинъ; здѣсь я былъ представленъ почтенному хозяину, съ молодымъ сыномъ котораго познакомился раньше.

ГрафъЯкса-Сциборъ-Мархоцкій, семидесятилѣтній старикъ, владѣлецъ большихъ имѣній, славился по цѣлому Подолью своей ученостью, радушіемъ, патріархальностью и полнымъ отсутствіемъ аристократической спеси. Почтенная его наружность, знаніе свѣта, гостепріимство и привѣтливость снискали ему всеобщее уваженіе. На его приглашенія съѣзжалось въ Миньковцы безчисленное множество гостей; кто не могъ помѣститься въ „Рыцарскомъ замкѣ“, для тѣхъ отводились, по его приказу, заранѣе очищенные дома въ самомъ мѣстечкѣ и его предмѣстьяхъ. Все, что было нужно для содержанія гостей, ихъ слугъ и лошадей, доставлялось изъ его экономіи. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока продолжались празднества, его слуги съ ранняго утра навѣщали всѣхъ гостей, разнося и развозя имъ, что нужно: чай, кофе, шеколадъ и т. под. Никто не бывалъ забытъ, каждый получалъ все, чего хотѣлъ; ибо какъ самъ владѣлецъ былъ неисчерпаемымъ кладеземъ разума, знанія, сочувствія къ ближнему, такъ его дворъ былъ неисчерпаемымъ рогомъ изобилія для всѣхъ.

Въ тотъ вечеръ гости, послѣ ужина въ Бельмонтскомъ замкѣ, разошлись по квартирамъ для отдыха, чтобы быть готовыми къ завтрашнему празднеству. Лишь наступило утро, начался рядъ торжествъ фантастическаго праздника *обжинокъ*, день, памятный въ исторій Миньковецъ подъ именемъ Цереры. Съ разсвѣта началось движеніе. Прибывшее съ разныхъ мѣстъ духовенство готовилось къ службамъ и церковнымъ обрядамъ; костелъ былъ окруженъ народомъ. Молодой Карлъ Мархоцкій объѣзжалъ всѣхъ гостей и отъ имени отца приглашалъ ихъ въ „Рыцарскій замокъ“, чтобы вмѣстѣ отправиться оттуда въ костелъ къ обѣднѣ, которая имѣла начаться въ десятомъ часу.

Тотчасъ всѣ отправились въ замокъ въ своихъ или графскихъ экипажахъ, такъ какъ нѣсколько его каретъ и колясокъ всегда было къ услугамъ гостей.

Къ восьми часамъ богослуженіе въ церквахъ было окончено. Крестьяне со всѣхъ графскихъ селъ двигались правильными колоннами подъ предводительствомъ своихъ экономовъ и войтовъ и становились двумя шеренгами по обѣ стороны дороги, ведущей отъ костела до самаго Бэльмонта. На челѣ этой живой улицы, при выходѣ изъ „Рыцарскаго замка", стали, также въ двѣ шеренги, сто самыхъ красивыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ; всѣ онѣ были одѣты въ лучшія платья и каждая имѣла въ рукахъ огромный букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ, а на головѣ вѣнокъ изъ пшеничныхъ колосьевъ. Далѣе за ними стояли въ двѣ шеренги молодыя замужнія женщины, держа въ рукахъ серпы и корзины съ фруктами; за ними—молодые паробки, у которыхъ на плечахъ были грабли, косы, цѣпы; наконецъ, уже вблизи костела, стояли ряды пожилыхъ и старыхъ крестьянъ съ палками въ рукахъ. За шеренгами толпились остальныя крестьянскія массы, держа укрѣпленные на длинныхъ палкахъ разноцвѣтные бумажные фонари; каждое село имѣло фонари особаго цвѣта: розовые, пунцовые, желтые, зеленые, голубые и проч.

Черезъ нѣсколько времени по этой живой и пестрой улицѣ двинулся изъ Рыцарскаго замка въ костелъ огромный караванъ изъ пятидесяти съ чѣмъ-то экипажей: каретъ, колясокъ, фаетоновъ, переполненныхъ гостями, а на челѣ каравана ѣхалъ самъ графъ Сциборъ-Якса-Мархоцкій въ бархатной малиновой тогѣ съ широкими рукавами, расшитой золотыми пчелами. Почтенный старецъ съ бѣлой длинной бородой въ этомъ фантастическомъ костюмѣ своимъ величественнымъ видомъ напоминалъ іудейскаго первосвященника или же римскаго sacerdos flaminius. Онъ возсѣдалъ на высокой фантастической колесницѣ, декорированной коврами и дорогими тканями, держа въ рукѣ длинный позолоченный жезлъ въ родѣ того, какой носятъ бискупы. Рядомъ съ нимъ сидѣла его дочь Эмилія, которая въ этотъ день изображала богиню Цереру.

Въ то время въ костелѣ отправлялась тихая мша; но едва вступило въ нее прибывшее блестящее общество, тотчасъ заиграла музыка и началась торжественная обѣдня, во время которой Миньковецкое *братство* пѣло псалмы Давида, переведенные съ еврейскаго языка самимъ графомъ, который, при всей учености, отличался великимъ благочестіемъ. Послѣ приличной случаю проповѣди и по окончаніи обѣдни, вышла изъ костела торжественная процессія, обошла его три раза и направилась за мѣстечко, на почтовую дорогу, къ тому мѣсту, гдѣ среди поля, на одной изъ господствующихъ надъ мѣстечкомъ возвышенностей, стоялъ каменный алтарь въ нѣсколько ступеней, о которомъ выше упомянуто. За процессіей, посреди двухъ рядовъ крестьянъ, установленныхъ въ томъ же порядкѣ, какъ раньше по пути изъ Бэльмонта въ костелъ, медленно подвигалась графская колесница и за ней длинный рядъ экипажей. Прибывъ на мѣсто, сельскія громады сомкнутыми колоннами расположились вокругъ алтаря по лѣвой сторонѣ дороги; по правой же, на другомъ лану, стояло множество возовъ съ яствами и напитками, и на разложенныхъ кострахъ готовился обѣдъ для народа. Шляхетная же публика, въ числѣ которой находились и военные, приглашенные графомъ,—генералъ, полковникъ и много офицеровъ,—оставались въ экипажахъ, чтобы удобнѣе было видѣть происходившій предъ ними фантастическій обрядъ. Начались молитвы и церковное пѣніе; ксендзы торжественно освящали сложенные на алтарь цвѣты, фрукты и вѣнки изъ пшеничныхъ колосьевъ. По окончаніи этой церемоніи графъ Мархоцкій поднялся по ступенькамъ алтаря и оттуда, будто съ каѳедры, среди торжественной тишины громкимъ голосомъ началъ рѣчь, обращаясь ко всѣмъ собравшимся, преимущественно же къ крестьянамъ. Онъ говорилъ о важномъ значеніи настоящаго праздника, о долгѣ благодарности по отношенію къ Богу за всѣ плоды земные, за богатые урожаи, которые Онъ благоволитъ ниспосылать намъ грѣшнымъ; о трудѣ, безъ котораго не можемъ пользоваться милостью Божьей; объ обязанностяхъ крестьянъ по отношенію къ господамъ и господъ по отношенію къ подданнымъ; о трезвости, согласіи и взаимной любви; говорилъ

также о земледѣліи, какъ главномъ источникѣ богатства и счастья народовъ, и убѣждалъ своихъ *rolników* быть усердными и трудолюбивыми земледѣльцами; а въ подтвержденіе своихъ доводовъ ставилъ имъ въ примѣръ Римлянъ, какъ народъ земледѣльческій, и цитировалъ Порція, Катона, Виргилія и даже нѣсколько стиховъ изъ *георгикъ,* что для многихъ слушателей было весьма мало, а для крестьянъ и вовсе не понятно. Окончилъ свою рѣчь колѣнопреклоненной молитвой къ Пресвятой Дѣвѣ, которую собраніе выслушало благоговѣйно, съ обнаженными головами.

Въ ту же минуту, по данному знаку, разступилась толпа народа, и глазамъ зрителей показалось великое множество, около сотни, шести-воловыхъ плуговъ, а на челѣ ихъ изящный, выкрашенный въ зеленый цвѣтъ и запряженный шестью черными волами съ позолоченными и расцвѣченными рогами плугъ, за которымъ шелъ молодой графъ Карлъ, одѣтый въ крестьянское платье, съ сумкой черезъ плечо. Тотчасъ всѣ *плугачи* крикнули громкое: *гей!* и начали пахать. Молодой Карлъ провелъ первую борозду, и разомъ на полѣ появилась сотня бороздъ, правильно проведенныхъ, подъ надзоромъ экономовъ и войтовъ. Въ прежнее время, пока старый графъ былъ помоложе, онъ лично велъ первый плугъ, но въ старости передалъ эту роль сыну.

Обратившись еще разъ съ рѣчью къ крестьянамъ, которые отвѣчали на нее сердечными возгласами, графъ Мархоцкій перешелъ съ гостями на другой ланъ, черезъ дорогу, гдѣ уже были приготовлены столы съ яствами и напитками для народа, и прежде всего провозгласилъ тостъ за здоровье Монарха, подъ благополучнымъ правленіемъ котораго такъ процвѣло земледѣліе и край наслаждается счастливымъ миромъ. Массы крестьянъ съ энтузіазмомъ повторили этотъ тостъ и чинно принялись за ѣду. Цѣлый день продолжалось ихъ угощеніе, но пьянства не было. Простившись наконецъ съ своими подданными, которые должны были вечеромъ и на всю ночь прибыть въ замокъ Бэльмонтъ, графъ пригласилъ всѣхъ гостей къ себѣ на завтракъ и обѣдъ и сѣлъ въ ожидавшую его на дорогѣ коляску. Всѣ гости также размѣстились по экипажамъ и тронулись къ мѣстечку; лишь са-

мая малая часть ихъ разъѣхалась по домамъ. Тѣмъ и закончилась, около двухъ часовъ по-полудни, первая, церковная часть программы празднества.

Вторая, исключительно свѣтская и фантастическая, происходила на Бэльмонтѣ, въ Рыцарскомъ замкѣ. Пока въ полѣ крестьяне ѣли, пили, забавлялись и распѣвали пѣсни, превознося до небесъ добраго пана, который ихъ жаловалъ и теперь такъ щедро кормилъ и поилъ, въ Бэльмонтѣ происходилъ роскошный, изысканный завтракъ, продолжавшійся почти до вечера, послѣ чего гости осматривали замокъ, башни и арки, украшенныя гирляндами изъ цвѣтовъ, и небольшой садъ, спускавшійся до самой рѣки, на мѣстѣ котораго теперь остались однѣ голыя скалы. Среди замковаго двора былъ построенъ громадныхъ размѣровъ, сложенный изъ досокъ, крытый павильонъ, куда вечеромъ долженъ былъ собраться народъ.

Лишь только наступили сумерки, изъ оконъ замка открылось великолѣпное зрѣлище: на склонѣ горы, на которой происходила утренняя церемонія, показались безчисленныя разноцвѣтныя звѣздочки. Казалось, будто волшебные рои свѣтляковъ, причудливо сплетаясь и развиваясь, огненнымъ потокомъ медленно текли въ долину и затѣмъ поднимались на гору, по направленію къ замку: то громады народа съ зажженными разноцвѣтными фонарями возвращались съ поля, гдѣ происходило цѣлодневное для нихъ угощеніе, и тихо, безъ шума, среди пылавшихъ по дорогѣ смоляныхъ бочекъ, среди торжественныхъ звуковъ нѣсколькихъ оркестровъ, подвигались къ замку, котораго башни, арки, стѣны и даже карнизы разомъ освѣтились плошками, лампами, фонарями и смоляными бочками. Всѣ гости вышли на балконъ и на дворъ, любуясь восхитительнымъ зрѣлищемъ. Массы народа вошли въ дворъ замка и чинно расположились вокругъ приготовленныхъ для нихъ столовъ съ напитками: пивомъ, водкой, медомъ, наливками, а въ нѣкоторомъ отдаленіи стояло два или три оркестра. Почтенный хозяинъ вышелъ привѣтствовать своихъ крестьянъ; они его окружили съ криками радости. Спросилъ онъ ихъ затѣмъ: не голодны ли они и довольны ли его угощеніемъ?

— „Довольны, довольны, нашъ пане, нашъ батьку!"—закричали всѣ въ неописанномъ восторгѣ радости, умиленія и благодарности, какими были къ нему проникнуты.

— Дѣти мои!—сказалъ онъ имъ далѣе.—Первое дѣло—это Богъ и Его святой промыслъ, а второе—трудъ! Если вы съ Божьей милостью будете трудиться, Богъ вамъ поможетъ, вы все будете имѣть и будете счастливы.

Въ отвѣтъ на эти слова уважаемаго и любимаго помѣщика на лицахъ честныхъ селянъ отразилось необычайное волненіе; они цѣловали ему руки, ноги, колѣни, и онъ, растроганный, освободившись изъ ихъ объятій, вошелъ въ павильонъ и за нимъ всѣ, сколько могли въ немъ помѣститься. Мы, гости, уже раньше ожидали въ павильонѣ. То была, какъ мы сказали, громадныхъ размѣровъ зала, сложенная изъ досокъ, безъ потолка, съ высокой кровлей на столбахъ, обвитыхъ цвѣтами и вѣтвями зелени; въ ней помѣщалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Вся она была залита свѣтомъ отъ множества люстръ, канделябръ и лампъ; однихъ люстръ, по сотнѣ свѣчей въ каждой, было въ ней 8, а вдоль стѣнъ, уставленныхъ зеркалами и убранныхъ разнообразными цвѣтами и листьями, горѣло безчисленное множество свѣчей. Со стороны входа павильонъ былъ открытъ, а противоположная сторона сверху донизу была задрапирована, какъ въ театрѣ, занавѣсью, на которой нарисовано было миѳологическое изображеніе жатвы. Полъ въ павильонѣ покрытъ былъ сѣрымъ сукномъ—издѣліемъ Миньковецкой фабрики.

Когда зала наполнилась гостями и крестьянами, нашимъ глазамъ представилась пышная, фантастическая сцена. Передъ занавѣсью оставленъ былъ небольшой свободный полукругъ, въ центрѣ котораго сталъ самъ графъ Сциборъ съ важнымъ видомъ, въ своей величественной тогѣ. По данному имъ знаку взвился занавѣсъ—и мы увидѣли подъ злато-пурпуровымъ балдахиномъ блестящій тронъ, на которомъ возсѣдала одна изъ дочерей графа, Эмилія, дама необычайной въ то время красоты, въ миѳологическомъ нарядѣ, изображавшая собою богиню Цереру, съ приличными этой роли символами. Передъ ней стоялъ покрытый пурпуровымъ бархатомъ съ золотой бахромой, кистя-

ми и позументами столъ, на которомъ лежали цѣлые бунты прекрасныхъ лентъ и нѣсколько кучъ серебряныхъ рублей. Ея прекрасное лице съ выраженіемъ важности и какой-то задумчивости внушало зрителямъ невольное почтеніе и уваженіе. Черезъ нѣсколько минутъ двѣнадцать красивѣйшихъ крестьянскихъ дѣвушекъ въ очень красивыхъ деревенскихъ нарядахъ, съ вѣнками изъ пшеничныхъ колосьевъ на головахъ, съ почтительнымъ видомъ подошли къ трону богини; каждая по очереди, преклонивъ предъ ней колѣно, цѣловала ея руку, а богиня съ очаровательной улыбкой у каждой снимала съ головы вѣнокъ, слагала его на столѣ предъ собой и, взявъ ленту, сама повязывала дѣвушкамъ головы и дарила каждой по серебряному рублю. Осчастливленныя этимъ дѣвушки, вручивъ каждая свою дань богинѣ и получивъ отъ нея награду, по очереди возвращались на свои мѣста; а во время всей этой сцены сельскіе хоры распѣвали *обжиночныя* пѣсни. Невозможно выразить всей прелести этой восхитительной, театральной картины!

Наконецъ, когда удалилась послѣдняя изъ дѣвушекъ, графъ Сциборъ приказалъ подать ему большой бокалъ съ виномъ, поднялъ его вверхъ и громко возгласилъ:

— Теперь я пью за здоровье моихъ трудолюбивыхъ, честныхъ и kochanych rolników! Да здравствуютъ они, работаютъ и будутъ счастливы!

Онъ выпилъ бокалъ, а громады отвѣтили ему громкими криками:

— Да здравствуетъ нашъ добрый панъ, нашъ батько!—и затѣмъ стали пить и гулять въ теченіе цѣлой ночи, а музыка оживляла ихъ сердца и ноги. Веселые крестьяне съ женами и дѣтьми наводнили всю залу, старшіе засѣли вокругъ столовъ съ яствами и напитками, а молодые танцовали до упаду, съ соблюденіемъ, однако, полной благопристойности, безъ криковъ и галасовъ. А хозяинъ, простившись съ ними и предоставивъ имъ полную свободу веселиться, пригласилъ своихъ гостей въ покои замка. Мы подали руки дамамъ и вошли въ замокъ гдѣ насъ ожидалъ чай, пирожное, конфекты, варенье, фрукты, оркестръ и затѣмъ самый блестящій балъ, продолжавшійся до

шести часовъ утра. Лишь послѣ восхода солнца крестьяне разошлись съ пѣснями, а гости стали разъѣзжаться по квартирамъ для сна и отдыха.

Такъ происходилъ въ Миньковцахъ праздникъ Цереры, который я самъ нѣкогда видѣлъ и въ которомъ, кромѣ имени богини, ничего не было миѳологическаго или языческаго. Съ тѣхъ поръ минуло болѣе 30-ти лѣтъ [1]), я могъ позабыть какія-либо мелкія подробности, такъ какъ трудно быть вполнѣ точнымъ, повѣствуя о событіяхъ давно минувшихъ, но главнѣйшіе моменты празднества, которые произвели на меня очень сильное впечатлѣніе, я старался точно передать въ моемъ описаніи.

Но празднество этимъ не окончилось. Когда гости оставляли балъ и разъѣзжались по квартирамъ, достопочтенный хозяинъ привѣтливо просилъ, чтобы они, отдохнувъ, благоволили ласково принять его визиты, которые онъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать всѣмъ, благосклонно принявшимъ его приглашенія, чтобы онъ могъ лично убѣдиться въ томъ, были ли предоставлены имъ всѣ удобства, какъ онъ того желалъ, и чтобы поблагодарить ихъ за доставленное ему удовольствіе посѣщеніемъ его дома. Едва гости пробудились отъ долгаго сна, графскіе слуги развозили имъ утренній чай и кофе, а въ третьемъ часу по-полудни графъ съ дочерью и сыномъ всѣхъ навѣстили, не позабывъ ни о комъ. Но гости, хотя и собирались разъѣзжаться по домамъ, должны были исполнить усильныя просьбы любезнаго хозяина и остались еще на два дня. Въ тотъ день онъ сдѣлалъ для нихъ блестящій балъ въ Отроковѣ, а на другой— въ Побуйной или въ залахъ Притулійскаго палаца, гдѣ гости видѣли много прекраснаго, въ особенности любовались большимъ паркомъ и садомъ съ фонтанами, водопадами, скалами; все это было устроено съ большимъ вкусомъ. Этотъ Притулійскій садъ славился по цѣлому Подолью и привлекалъ туристовъ со всѣхъ сторонъ. Нынѣ все это исчезло: на мѣстѣ садовъ остались дикіе пустыри, а каменныя стѣны превратились въ грузъ и щебень.

---

[1]) Фр. Ковальскій писалъ свои „*Воспоминанія*“ въ 1850-хъ годахъ.

Тихій, скромный, добрый, полный патріархальныхъ доблестей и богато одаренный талантами и знаніемъ, графъ Сциборъ самъ былъ учителемъ своихъ дѣтей, училъ ихъ всѣмъ наукамъ, рисованію и музыкѣ. Сынъ его Карлъ, котораго я близко знаю, вышелъ настоящимъ ученымъ и хорошимъ піанистомъ.

За нѣсколько лѣтъ до смерти Мархоцкій приказалъ построить для себя въ Притулійскомъ паркѣ сельскую хату объ одномъ покоѣ, перегороженномъ на двѣ половины; переселившись сюда изъ роскошныхъ палатъ, онъ въ этомъ скромномъ жилищѣ спокойно и съ чистымъ сердцемъ ожидалъ смерти. Мебель для этой хаты онъ приказалъ сдѣлать простому столяру; красное дерево, сандалъ и черное дерево уступили мѣсто скромному дубу. На дворѣ, покрестьянски огороженномъ простымъ плетнемъ, было двѣ собаки, двѣ коровы, нѣсколько куръ и пѣтухъ, который возвѣщалъ ему время полуночи и восхода солнца. Это сельское хозяйничанье, этотъ новый строй своей жизни старый философъ называлъ *„примиреніемъ съ натурой и возвратомъ къ естественному состоянію человѣка“*. Надъ дверями своей хаты онъ прибилъ каменную таблицу съ надписью: *Inveni portum. Spes et fortuna valete! Stat me lusistis, ludite nunc alios* [1]).

Въ этой хатѣ семидесятилѣтній съ чѣмъ-то старецъ окончилъ свою честную жизнь. Похоронили его въ Притулійскомъ саду, гдѣ находятся могилы и его семьи.

О. Л.

[1]) Я нашелъ пристань. Прощайте, надежда и счастье! Довольно меня вы обманывали, обманывайте теперь другихъ.

Къ исторіи малороссійскихъ козаковъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка[1]).

VII.

Уставъ объ управленіи малороссійскими козаками отъ 17 января 1834 г.—Инструкція главной хозяйственной конторѣ „о порядкѣ производства дѣлъ."—Инструкція „о произведеніи переписей козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей."— О дозволеніи козакамъ поступать въ духовное званіе.—Князь Н. Г. Репнинъ требовалъ отъ попечителей высказывать мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.— Попечитель переяславской конторы Н. Г. Краснокутскій.—Увольненіе князя Н. Г. Репнина отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора. — Измѣненія въ уставѣ 1834 г.—Причина паденія князя Н. Г. Репнина.

Князь Н. Г. Репнинъ еще въ 1832 г. въ приведенномъ нами выше всеподданнѣйшемъ рапортѣ[2]) настаиваетъ на необходимости „усовершенствованія внутренняго управленія козаковъ" и упоминаетъ о томъ, что онъ „*составилъ особыя правила, относящіяся къ улучшенію нынѣшняго устройства волостныхъ и сельскихъ правленій и вообще всѣхъ частей внутренняго управленія.*"

Въ вышепомѣщенномъ письмѣ[3]) къ князю В. П. Кочубею князь Репнинъ говоритъ также между прочимъ слѣдующее: „повторяю то, что я уже сто разъ говорилъ—нужно дать козакамъ новый административный строй, дать имъ защитниковъ болѣе или менѣе доступныхъ и поставить ихъ совершенно внѣ подчиненія казеннымъ палатамъ, учредивъ для нихъ *особую конто-*

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 11.

[2]) „Кіев Стар." 1897 г., октябрь, стр. 123.

[3]) Кіев. Стар. 1897 г. ноябрь, стр.

ру, на подобіе департамента удѣловъ—это единственный способъ искоренить злоупотребленія и притѣсненія нижнихъ земскихъ судовъ и дѣйствующихъ за одно съ ними „пановъ.“

На этотъ разъ настоянія князя Репнина были приняты во вниманіе, и 17 января 1834 г. былъ обнародованъ новый „уставъ объ управленіи малороссійскими козаками.“ [1])

Согласно этому уставу главное попеченіе о малороссійскихъ козакахъ ввѣрялось малороссійскому генералъ-губернатору, который дѣлалъ свои распоряженія въ отношеніи общаго гражданскаго управленія чрезъ посредство общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій. Въ отношеніи суда, по дѣламъ гражданскимъ, козаки, сохраняя права, прежде имъ дорованныя и подтвержденныя указомъ 25 іюня 1832 г., пользовались тѣми-же судебными учрежденіями, что и до обнародованія новаго устава; по дѣламъ уголовнымъ, козаки, не состоявшіе на дѣйствительной военной службѣ, подлежали общему уголовному суду, причемъ признанные по суду виновными въ преступленіи и подлежащими ссылкѣ въ Сибирь, или зачисленія въ солдаты, исключались изъ козачьяго сословія, лишались правъ и преимуществъ, дарованныхъ этому сословію, и отданные въ солдаты продолжали уже военную службу на общихъ основаніяхъ.

Ближайшее завѣдываніе всѣми дѣлами козачьяго сословія было поручено особому вновь учрежденному присутственному мѣсту, подъ названіемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ; въ эту контору были переданы всѣ дѣла, касавшіяся козаковъ, изъ черниговской и полтавской казенныхъ палатъ, и она, наравнѣ съ этими послѣдними, состояла въ вѣдѣніи министерства финансовъ, будучи въ тоже время подъ ближайшимъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора; для большаго удобства въ отношеніи этого надзора ей было назначено мѣстопребываніе въ Полтавѣ, мѣстѣ оффиціальнаго жительства генералъ-губернатора.

Главная хозяйственная контора состояла изъ предсѣдателя, трехъ совѣтниковъ и секретаря; кромѣ того, при конторѣ нахо-

---

[1]) П. С. З. № 6727.

дились бухгалтеръ, землемѣръ съ помощникомъ и нужное число чиновниковъ.

Главной конторѣ были подчинены попечительныя конторы, которыя учреждались по мѣрѣ надобности въ уѣздныхъ городахъ въ мѣстахъ наибольшаго разселенія козаковъ; въ завѣдываніи каждой попечительной конторы находилось около 40000 ревизскихъ душъ мужескаго пола. Конторы эти состояли изъ попечителя, его помощника, стряпчаго и четырехъ канцелярскихъ служителей.

Попечительнымъ конторамъ были подчинены козачьи волостныя правленія, въ вѣдѣніи которыхъ состояло отъ 4000 до 6000 душъ; въ составъ этихъ правленій входили голова, два старшины, два добросовѣстныхъ судьи, волостной казначей и писарь. Волостныя правленія были учреждены въ мѣстахъ постоянной осѣдлости козаковъ, по возможности въ центральныхъ селеніяхъ, по имени которыхъ и назывались.

Хотя волостныя правленія были непосредственно подчинены попечительнымъ конторамъ, но они обязаны были исполнять всѣ требованія общей полиціи, хотя-бы и стѣснительныя для козаковъ; въ послѣднемъ случаѣ, по исполненіи требованія, они могли просить защиты и покровительства у подлежащей попечительной конторы.

Каждому волостному правленію были подчинены станы, заключавшіе въ себѣ одно или нѣсколько селеній, или хуторовъ, приблизительно около 300 дворовъ, съ территоріей болѣе 10 верстъ въ поперечникѣ; дѣлами становъ завѣдывалъ становой староста, его помощниками были сборщикъ податей, смотритель запаснаго магазина и десятскій при каждыхъ десяти дворахъ; всѣ они были въ полной зависимости отъ головы.

Въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы входили слѣдующія дѣла: собираніе статистическихъ свѣдѣній о числѣ козаковъ, ихъ имуществѣ и занятіяхъ; наблюденіе за сохраненіемъ во владѣніи козачьяго сословія наслѣдственныхъ козачьихъ земель; разрѣшеніе обмѣна этихъ земель въ случаѣ черезполосности, согласно указу отъ 25 іюня 1832 г.; организація переселеній козаковъ на окраины; увольненіе изъ козачьяго со-

словія для перехода въ купечество; собираніе свѣдѣній объ урожаяхъ и о количествѣ имѣющагося въ запасныхъ магазинахъ хлѣба; снабженіе козаковъ продовольствіемъ въ случаѣ неурожая; устройство приходскихъ училищъ, госпиталей и богадѣленъ; веденіе очередныхъ списковъ и ежегодный нарядъ козаковъ въ военную службу; водвореніе на жительство возращающихся изъ службы по истеченіи пятнадцатилѣтняго срока, или сдѣлавшихся неспособными отъ ранъ и болѣзней; наблюденіе за исправнымъ взносомъ податей въ казначейство; ассигнованіе денежныхъ сборовъ на земскія повинности и на содержаніе козачьяго управленія; равномѣрное роспредѣленіе податей и налоговъ; охраненіе козачьяго сословія отъ какихъ либо притѣсненій при расквартированіи войскъ и при выполненіи ими какихъ либо личныхъ повинностей; огражденіе козачьяго наслѣдственнаго имущества при тяжбахъ; оказаніе содѣйствія козакамъ въ порядкѣ веденія тяжбъ; веденіе списковъ козаковъ, судимыхъ за какія-либо преступленія, и въ особенности, содержащихся подъ стражей, и возбужденіе ходатайствъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи ихъ участи; веденіе всякаго рода отчетности.

Въ кругъ вѣдѣнія попечительныхъ конторъ входили всѣ вышеперечисленныя дѣла, и онѣ имѣли вообще наблюденіе, чтобы козаки исполняли всѣ свои обязанности, платили въ срокъ подати и не подвергались какимъ-либо притѣсненіямъ.

Попечителя назначалъ генералъ-губернаторъ изъ кандидатовъ, представленныхъ губернаторами по соглашенію съ губернскимъ предводителемъ дворянства; они избирались изъ числа мѣстныхъ дворянъ, извѣстныхъ своею опытностью въ веденіи хозяйства и пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ; ихъ служба считалась государственной.

Вѣдѣнію волостныхъ правленій предоставлялись слѣдующія дѣла: поддержаніе общаго порядка въ козачьихъ селеніяхъ; наблюденіе, чтобы козаки неуклонно выполняли всѣ повинности и своевременно вносили подати; нарядъ козаковъ къ исполненію повинностей натурою; охраненіе козачьихъ земель отъ перехода въ руки представителей другихъ сословій; общее попеченіе о благосостояніи козаковъ и ходатайство о ихъ нуждахъ чрезъ

попечительную контору; забота о казачьихъ вдовахъ и сиротахъ; опека надъ послѣдними, какъ личная, такъ и имущественная; полицейское дознаніе и наказаніе въ проступкахъ маловажныхъ, первоначальный разборъ во всѣхъ спорахъ и тяжбахъ между козаками и стараніе о прекращеніи ихъ миромъ безъ формальнаго производства.

Волостной голова считался начальникомъ всѣхъ козаковъ, входившихъ въ вѣдѣніе данной волости, и избирался на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа наиболѣе уважаемыхъ козаковъ, занимавшихъ уже какія-либо общественныя должности и извѣстныхъ хорошимъ веденіемъ собственнаго хозяйства; согласно уставу, онъ долженъ былъ „обходиться со всѣми своими подчиненными дружески, выслушивать и принимать терпѣливо всѣ ихъ просьбы и, внимая ихъ нуждамъ, быть прямымъ ихъ ходатаемъ у правительства чрезъ посредство попечителей".

По усмотрѣнію головы и съ разрѣшенія попечителя, козаки имѣли право собираться на сельскіе и волостные сходы; если сходъ нужно было собрать для выясненія злоупотребленій головы, то разрѣшеніе на созывъ козаковъ на сходъ нужно было получать непосредственно изъ попечительной конторы.

Согласно § 31 устава, высочайшимъ указомъ отъ 18 мая 1834 года предсѣдателемъ главной хозяйственной конторы для малороссійскихъ козаковъ былъ назначенъ чиновникъ особыхъ порученій при князѣ Репнинѣ, коллежскій совѣтникъ князь Баратовъ, о чемъ увѣдомилъ князя Репнина министръ финансовъ графъ Канкринъ отъ 21 мая 1834 г., съ извѣщеньемъ, что согласно § 32 устава, съ своей стороны онъ назначилъ совѣтниками конторы бухгалтера генералъ-губернаторской канцеляріи 7-го класса Лантухова и титулярныхъ совѣтниковъ—полтавскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго Гака и секретаря полтавскаго дворянскаго депутатскаго собранія Любомирскаго.

Въ одномъ изъ примѣчаній къ уставу сказано, что министръ финансовъ, по сношеніи съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, составитъ надлежащія руководства, какъ относительно подробностей отчетности, сроковъ представленія отчетовъ и книгъ, такъ и касательно порядка взиманія съ козаковъ установленныхъ денежныхъ сборовъ".

Эти „руководства", подъ названіемъ „наставленія главной хозяйственной конторѣ малороссійскихъ козаковъ о порядкѣ производства дѣлъ", были составлены въ канцеляріи князя Репнина, судя по сохранившейся въ его бумагахъ черновой этого „постановленія" съ собственноручными помѣтами князя [1]. Этимъ „наставленіемъ" устанавливался точный канцелярскій порядокъ въ конторѣ до мельчайшихъ подробностей. Въ общемъ это наставленіе по существу мало чѣмъ отличается отъ самаго устава, и потому мы считаемъ излишнимъ приводить его здѣсь.

Добившись надѣленія малороссійскихъ козаковъ нѣкоторыми особыми сословными правами и преимуществами и учрежденія отдѣльнаго управленія ими, князь Репнинъ стремился къ тому, чтобы эта реформа наиболѣе благодѣтельно отразилась на бытѣ козаковъ, и потому выработалъ для руководства конторѣ особыя правила „о произведеніи переписей малороссійскихъ козаковъ и опредѣленіи ихъ повинностей [2]".

Изъ сохранившейся въ бумагахъ князя Репнина черновой этихъ правилъ съ его собственноручными отмѣтками видна вся заботливость, все гуманное отношеніе его къ интересамъ козачьяго сословія.

Такъ какъ подати и повинности возлагались на козаковъ соотвѣтственно имуществу и составу семейства каждаго козака, то должна была быть произведена подробная перепись всего сословія, съ обозначеніемъ противъ каждой семьи имущества, ей принадлежащаго, и противъ каждаго члена семьи лѣтъ и занятій.

Въ виду того, что козаки должны были платить подати и исполнять всѣ повинности въ возрастѣ отъ 16—до 55 лѣтъ (только въ военную службу они наряжались по очереди съ 21 года до 35 лѣтъ), то дѣлалась ежегодная повѣрка посемейныхъ списковъ чрезъ посредство волостныхъ правленій, подъ надзоромъ попечительныхъ конторъ, при участіи особо командированныхъ отъ генералъ-губернатора чиновниковъ. Одновременно съ повѣркой посемейныхъ списковъ производилась и по-

---

[1] Рукоп. Яготин. архива.

[2] Рукоп. Яготин. архива.

вѣрка имуществъ, путемъ опроса старѣйшихъ членовъ каждой семьи въ присутствіи особо избранныхъ на сельскомъ сходѣ четырехъ старожилыхъ козаковъ и двухъ сосѣдей.

При составленіи описей имущества, козачьи семьи разбивались на четыре категоріи: достаточныя, посредственнаго состоянія, бѣдныя и ничего неимѣющія.

За всякую медленность при составленіи описей, а тѣмъ болѣе за злоупотребленія и притѣсненія козаковъ, всѣ должностныя лица подлежали строжайшей отвѣтственности; особое наблюденіе въ этомъ отношеніи возлагалось на попечителя, который самъ лично, или чрезъ посредство своего помощника и стряпчаго, долженъ былъ слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ во время производства ими переписей.

Чтобы измѣненія, происходившія въ теченіе года въ личномъ составѣ и въ имуществѣ козаковъ были постоянно извѣстны главной конторѣ, устанавливался цѣлый рядъ срочныхъ вѣдомостей.

Козаки, въ возрастѣ отъ 16 до 55 лѣтъ, вносились въ особый окладной реестръ и назывались *реестровыми козаками*; изъ числа этихъ козаковъ имѣвшіе отъ 20 до 35 лѣтъ записывались отдѣльно въ концѣ реестра и считались *очередными* для поступленія въ военную службу.

Козаки, поступившіе въ военную службу, исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ на время службы, лишенные же правъ и преимуществъ козачьяго званія по суду на всегда исключались изъ числа реестровыхъ козаковъ.

Въ отношеніи отбыванія воинской повинности строго наблюдалось, чтобы списки очередныхъ козаковъ, наряжаемыхъ въ службу по приговору общества, были тщательно разсматриваемы попечителями и главной конторой, затѣмъ, чтобы были зачисляемы на службу преимущественно холостые безземельные козаки, кромѣ одиночекъ, а изъ „хозяйственныхъ семей“—изъ тѣхъ семей, въ которыхъ наибольшее число реестровыхъ козаковъ.

Такъ какъ денежные сборы съ козаковъ заключались въ подушной подати, опредѣленной указомъ отъ 25 іюня 1832 г.,

въ общихъ налогахъ на земскія повинности, въ спеціальномъ налогѣ на содержаніе присутственныхъ мѣстъ по управленію козачьимъ сословіемъ и во взносѣ особой суммы для выдачи по 12 рублей каждому принятому въ военную службу козаку, то главная контора стремилась къ возможно болѣе справедливому распредѣленію общихъ и спеціальныхъ налоговъ между волостями. Это можно было выполнить безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ и подати, и налоги не считались на отдѣльныхъ лицахъ, въ правильномъ поступленіи ихъ были отвѣтственны цѣлыя общества или селенія.

Въ облегченіе взноса податей и налоговъ предоставлялось козачьимъ обществамъ право отдавать въ аренду шинки козакамъ же или дворянамъ, только не евреямъ, при чемъ, если арендная плата превышала ту сумму, которая должна была поступить съ общества въ казну за право продажи вина, то разница могла быть зачисляема въ уплату слѣдуемыхъ съ общества податей и налоговъ.

Чтобы не было злоупотребленій при сборѣ податей и налоговъ, каждому козаку-хозяину выдавалась выписка изъ окладной книги, въ которой было обозначено, сколько нужно было ему платить за весь годъ по числу реестровыхъ козаковъ, входившихъ въ составъ его семейства и за принадлежавшую ему землю; по отношенію къ козакамъ безземельнымъ практиковалось, чтобы токовые взносы вручались хозяину „наймита", который бы и удерживалъ окладные платежи изъ его жалованья. По мѣрѣ полученія окладныхъ платежей, сборщикъ давалъ печатныя росписки на соотвѣтствующія суммы, которыя, будучи наклеены на „картузной" бумагѣ, имѣли различный внѣшній видъ, такъ что безграмотный плательщикъ легко могъ расчесть, сколько онъ взнесъ. Въ концѣ года печатныя росписки отбирались, а на предварительно выданной выпискѣ отмѣчалось, что уплата произведена сполна.

Особенную заботливость къ козакамъ князь Н. Г. Репнинъ проявилъ въ отношеніи отбыванія ими натуральныхъ повинностей.

Въ § 68 правилъ сказано: „огражденіе малороссійскихъ козаковъ отъ излишняго отягощенія противъ другихъ поселян-

скихъ сословій въ исполненіи личной земской повинности есть одна изъ главнѣйшихъ обязанностей попечительной конторы".

Въ видахъ этого, при нарядѣ пѣшихъ работниковъ или подводъ, а также при расквартированіи войскъ по селеніямъ, конторы должны были имѣть въ виду, чтобы тягость исполненія натуральныхъ повинностей ложилась возможно равномѣрнѣе на козаковъ, сравнительно съ казенными и помѣщичьими крестьянами, а чтобы одинъ козакъ предъ другимъ не былъ болѣе отягощаемъ, волостныя правленія должны были вести точные очередные списки работниковъ, подводъ и квартиръ и строго отвѣчали за всякое нарушеніе разъ установленнаго въ спискахъ порядка и за всякое притѣсненіе одного козака предъ другимъ. Чтобы не было злоупотребленій со стороны низшихъ козачьихъ урядниковъ, попечительныя конторы должны были представлять главной конторѣ ежемѣсячныя вѣдомости о числѣ наряженныхъ работниковъ и подводъ, съ обозначеніемъ, сколько починено ими дорогъ, мостовъ, гатей, и сколько козачьихъ домовъ было занято подъ войсковой постой. Если главная контора усматривала изъ этихъ вѣдомостей какое-либо отягощеніе козаковъ натуральными повинностями, то она доносила объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору, какъ „главному блюстителю благосостоянія козаковъ".

При перечисленіи дѣлъ, входившихъ въ кругъ вѣдѣнія главной хозяйственной конторы, упоминалось между прочимъ объ увольненіи изъ козачьяго сословія для перехода въ купечество. Вѣроятно, случаи такого перехода были сравнительно часты, почему о немъ и упомянули, но были случаи перехода козаковъ и въ привилегированныя сословія.

Въ 1834 г. князь Н. Г. Репнинъ входилъ съ рапортомъ [1]) въ сенатъ о разрѣшеніи вопроса, могутъ ли козаки и на какихъ основаніяхъ поступать въ духовное званіе. Вопросъ этотъ возникъ вслѣдствіе соотвѣтствующихъ представленій полтавской и черниговской казенныхъ палатъ, ссылавшихся на Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта отъ 11 февраля

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

1826 г., коимъ изъяснялось, на какомъ основаніи могутъ поступать въ духовное званіе отпущенные на волю помѣщиками дворовые люди и крестьяне [1]).

Князь Репнинъ писалъ въ своемъ рапортѣ между прочимъ слѣдующее:

„По представленіямъ казенныхъ палатъ въ прошломъ 1833 году о дозволеніи перечисленія козаковъ въ мѣщанство или купечество я далъ имъ знать, что на основаніи указа отъ 25 іюня 1832 г. невозможно позволить козакамъ перечисленіе въ купечество или мѣщанство, но имъ не должно возбранять право пользоваться выгодами торговли и промышленности, при уплатѣ опредѣленной суммы за свидѣтельство. Принимая же въ соображеніе, что случаи перехода козаковъ въ духовное званіе, по самымъ правиламъ и законнымъ на сей предметъ постановленіямъ, могутъ быть весьма рѣдки, а потому, при согласіи обществъ на увольненіе кого-либо изъ среды оныхъ и при необходимости въ замѣщеніи причетническихъ мѣстъ, если на счетъ сего послѣдуетъ удостовѣреніе духовнаго правленія, можно бы позволить козакамъ вступать въ духовное званіе“.

При этомъ князь Рѣпнинъ находилъ, что, при увольненіи козаковъ въ духовное званіе, необходимо поставить на будущее время за правило, что „если козакъ, получившій отъ общества своего увольнительное свидѣтельство, будетъ просить о томъ, то увольнять его съ тѣмъ, чтобы имѣющіяся у него наслѣдственныя земли, грунты и всякія угодія, онъ долженъ продать кому-либо изъ козачьяго сословія или оставить навсегда во владѣніе ближайшихъ своихъ родственниковъ козачьяго же званія, а когда оныхъ не будетъ имѣть и желающихъ на покупку недвижимаго имущества въ теченіе одного года не окажется, въ такомъ случаѣ оное должно поступать въ пользу общества, изъ коего онъ выходитъ, въ противномъ же случаѣ перечисленій не дозволять“.

Въ своихъ заботахъ о козакахъ князь Н. Г. Репнинъ не ограничивался только мѣропріятіями по собственной иниціативѣ

---

[1]) П. С. З № 139.

но требовалъ, чтобы попечители, ближе стоявшіе къ козачьему сословію, высказывали свои мнѣнія о нуждахъ подчиненныхъ имъ козаковъ.

Образчикомъ дѣятельности попечителей въ этомъ отношеніи можетъ служить нижепомѣщаемый нами рапортъ попечителя переяславской конторы, маіора Николая Григорьевича Краснокутскаго [1]) къ князю Репнину, отъ 28 Августа 1834 г., въ высшей степени любопытный по высказываемымъ въ немъ пожеланіямъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что это говорилось болѣе чѣмъ полвѣка тому назадъ, задолго еще до крестьянской реформы 1861 г., можно сказать, въ эпоху самаго расцвѣта крѣпостного права. Вотъ этотъ рапортъ [2]).

„Вашему Сіятельству благоугодно было предоставить право каждому изъ попечителей конторъ для малороссійскихъ козаковъ входить съ представленіемъ, что, по мнѣнію ихъ, можетъ служить къ улучшенію благосостоянія ввѣряемыхъ ихъ попеченію козаковъ, какъ изъяснено въ указѣ изъ главной конторы отъ 18 іюля за № 94.

Не довѣряя опытности моей и почти оставаясь увѣренъ, что предусмотрительность Ваша, Сіятельнѣйшій князь! все предвидѣла и излишне въ нижеизложенномъ сказанное отвергнетъ или по недостатку средствъ, или по невозможности къ общему государственному или края управленію, но, какъ частный начальникъ, не все понимающій, осмѣливаюсь, и то только по данному мнѣ праву, мысли мои представить на благоусмотрѣніе Вашего Сіятельства:

1) Съ наивозможною поспѣшностію устройство школъ, предложенное Вашимъ Сіятельствомъ, какъ первый цвѣтъ блага государства и края, желательно было-бы въ тоже время приводить въ возможное усовершенствованіе, для чего полагаю сверхъ школъ въ каждомъ волостномъ правленіи устроить для перваго начала таковыя по одной въ центральной волости попечительства для познаній нужныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, куда соби-

---

[1]) Н. Г. Краснокутскій жилъ и владѣлъ д. Пайками въ Пирятинскомъ уѣздѣ.

[2]) Рукоп. Ятотин. архива.

рая отличнѣйшихъ учениковъ школъ изъ попечительства преподавать имъ правила овцеводства и пчеловодства, руководствуясь для перваго издаваемымъ журналомъ, а для втораго системою Прокоповича, имѣть въ сихъ школахъ земледѣльческую газету и журналы, которые имъ прочитывать и заставлять учениковъ что покажется достойнымъ замѣчанія и удобнымъ къ приведенію въ исполненіе на опытѣ, записывать въ свои тетради; смотрѣніе за симъ вмѣнить въ строгую обязанность учителямъ и наблюденію попечителей. Есть-ли возможно, то желательно бы было, чтобъ въ сихъ школахъ преподавались хотя первоначальные уроки механики и гидравлики, нужные для сельскаго хозяина, ибо какъ часто у насъ въ Малороссіи мы видимъ образующіеся таланты къ строенію мельницъ и плотинъ и остающіеся въ посредственности отъ неимѣнія средствъ къ образованію по сему предмету. Желательно бы было, чтобы въ сей школѣ читаемы были права Высочайше предоставленныя краю, въ коемъ живутъ учащіеся и что для нихъ можетъ быть нужнѣе изъ своду законовъ, изданныхъ при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ. Сильные геніи, пробивая кору невѣжества, въ преподаваніи всѣмъ вообще учащимся полезнаго, найдутъ пищу, и есть ли, подобно Ломоносову, не изъ хижины рыбака, то изъ-за плуга шагнутъ въ Академію, но, какъ дознано вѣками, что и сіи дѣти Провидѣнія оставляютъ по себѣ тѣнь не пріобрѣтеннаго ученіемъ, то для усовершенствованія оныхъ въ высшихъ наукахъ средство зависитъ отъ намѣстника Царя, или можетъ и отъ Высочайшей только власти, и что будетъ весьма необходимо для великихъ талантовъ.

2) Желательно бы устроить заведенія, первоначально хотя по одному въ попечительствѣ, для дѣвокъ, на первый разъ сиротъ Будущія матери семейства, по сей обязанности ближайшія къ дѣтямъ въ юности ихъ, нежели отецъ, онѣ посѣваютъ первыя сѣмена нравственности, почему въ сихъ заведеніяхъ преподавать съ наивозможнымъ попеченіемъ Законъ Божій и есть ли возможно чтеніе, потомъ рукодѣліе для усовершенствованія существующаго въ Малороссіи, напримѣръ: пряденіе на самопрядкахъ, тканіе полотенъ и суконъ, простое, но лучшее, шитье

бѣлья, и протчее женское рукодѣліе. О рукодѣліи говорю по опытности хозяина.

3) Въ пребываніе мое въ Малороссіи, но болѣе еще во время командованія полкомъ, бывшимъ мнѣ Высочайше ввѣреннымъ по благодѣтельному предстательству Вашего Сіятельства и состоявшему изъ одного сословія козаковъ, замѣчено мною, что многіе изъ нихъ были съ способностями къ майстерствамъ, но какъ видно по недостатку средствъ не пришедшіе въ зрѣлость до того, что во всемъ полку не было ни изряднаго кузнеца, ни плотника, ни сапожника, ни портного, не говоря уже о столярѣ и слесарѣ, что самое, по мнѣнію моему, поставляетъ козаковъ въ нѣкоторую зависимость отъ помѣщика, съ крестьянами коего они совокупно жительствуютъ. Для устраненія сего и могущаго вмѣстѣ съ тѣмъ служить образованьемъ края, можно бы, по примѣру помѣщиковъ, отдавать дѣтей козаковъ, особенно изъ сиротъ, къ разнымъ майстерствамъ на годы, что дѣлается безъ платы за изученіе и за содержаніе. Для сего можно снестись съ полиціями обѣихъ столицъ и главнѣйшихъ городовъ Россіи и чрезъ нихъ спросить майстеровыхъ разныхъ ремеслъ, не возьмутъ ли они мальчиковъ и на сколько лѣтъ на условіяхъ вышесказанныхъ. Отправку мальчиковъ можно произвести по примѣру практическихъ походовъ кадетъ, довольствуя ихъ въ пути на положеніи солдатъ изъ общихъ козачьихъ суммъ, которыя впослѣдствіи должны быть имиже возвращены.

4) Склонность къ пьянству многихъ изъ козаковъ доводитъ до крайнѣйшей нищеты, желательно бы было для обузданія таковой употребить примѣрную надъ ними строгость въ урокъ прочимъ, но, истребляя вѣтви зла, по правилу Екатерины II, надобно уничтожить и корень онаго, для сего мнѣніемъ полагаю:

Снять съ козаковъ подать за право винокуренія и по примѣру казенныхъ крестьянъ отдать у нихъ на откупъ винную торговлю. Какъ по сему предмету доходъ государственный,—сколько могу понимать, не только не будетъ увеличенъ, но напротивъ много уменьшится, то для уравненія съ существующимъ можно недостачу разложить на козаковъ, но непремѣнно

по деревнямъ и къ нимъ приписаннымъ хуторамъ, ибо гдѣ меньше будетъ откупной цѣны, значитъ тамъ жителямъ козакамъ болѣе средствъ имѣть вино вольною продажею. Въ семъ налогѣ не будетъ по мнѣнію моему ни малѣйшей несправедливости, ибо если козаки и не будутъ пользоваться правомъ свободной покупки вина въ дома свои, то мелкая чарочная продажа въ помѣщичьихъ шинкахъ уравниваетъ невыгоду государственнаго дохода съ дешевизною сей послѣдней покупки. Симъ средствомъ полагаю уменьшится пьянство, ибо болѣе всего мы видимъ впадающихъ въ сей порокъ людей на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ и т. п., и на сей разъ козакъ, не имѣя права взять вина иначе какъ изъ откупного шинка, по дороговизнѣ въ томъ не возьметъ большого количества; помѣщиковъ же обовязать не увеличивать шинковъ противъ существующихъ теперь, каковые и должны быть переписаны до введенія таковаго правила, за чѣмъ наблюдаетъ попечительная контора и откупщикъ.

5) По малоземелію у козаковъ необходимо усилить переселеніе таковыхъ въ пустопорожнія земли, исключая городскихъ, проживающихъ кое-какими майстерствами, промыслами и небольшими торгами, но изъ сихъ буде кто не знаетъ майстерства и не занимаемся промыслами, не имѣя къ тому достаточно земли, побуждать также къ переселенію.

6) По мнѣнію моему необходимо взыманіе подводъ у козаковъ сдѣлать сколь возможно ограниченнѣе и дачу таковыхъ производить средствомъ законнѣйшимъ. Для сего полагаю, дабы изъ попечительныхъ конторъ были выдаваемы открытыя предписанія въ родѣ тѣхъ, кои даютъ гражданскіе губернаторы, и безъ коихъ никто не имѣетъ права требовать подводъ отъ козаковъ. Въ нижніе земскіе суды по числу членовъ должны быть препровождаемы отъ конторы срочные билеты—исправникамъ на три, засѣдателямъ на двѣ лошади, равно и для всѣхъ тѣхъ выдавать билеты изъ конторы, кои имѣютъ право ѣздить на обывательскихъ лошадяхъ, а сельскимъ старшинамъ подъ строгою отвѣтственностью воспретить дачу подводъ безъ таковаго билета. За незаконную выдачу билета изъ конторы отвѣтствуетъ

попечитель. Въ которой деревнѣ берутъ лошадей, билетъ должно вносить въ книгу, краткую выпись изъ которой контора ежетретно препровождаетъ въ главную контору. Въ какой деревнѣ равное количество козаковъ и казенныхъ крестьянъ, или менѣе, тамъ взыманіе подводъ для членовъ нижняго земскаго суда отъ козаковъ воспретить, чѣмъ и уравняются казенные крестьяне съ козаками, ибо первые будутъ давать лошадей для нижняго земскаго суда, а другіе для членовъ попечительной конторы, но самое лучшее бы было воспретить всѣмъ кому бы то ни было взыманіе для разъѣздовъ обывательскихъ лошадей, а выдавать, какъ то было въ недавнее время, деньги.

7) Желательно бы было, чтобы попечительныя конторы, въ вѣдѣніе которыхъ поступаютъ два, три или болѣе уѣздовъ, были помѣщены, какъ возможно центральнѣе, напримѣръ, помѣщеніе переяславскаго попечительства было бы самое удобное въ м. Яготинѣ.

8) Въ заключеніе мнѣ остается прибѣгнуть къ Вашему Сіятельству, всепокорнѣйше испрашивая милостиваго снисхожденія къ тому, что есть въ изложенномъ мною незрѣлаго, и судить меня только по искреннему желанію моему быть полезнымъ на мѣстѣ мною занимаемомъ по возможности и силамъ. Честь и совѣсть порукою въ томъ, что перомъ моимъ водило не своекорыстіе, а одно желаніе благовѣряемыхъ попеченію моему козаковъ, и ошибки въ средствахъ здѣсь излагаемыхъ происходятъ отъ недостатка опытности, незнанія цѣлаго, отъ коего происходятъ частности въ управленіи. Маіоръ Краснокутскій".

Рапортъ этотъ интересенъ для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, изъ него мы можемъ почерпнуть, отчасти со словъ ближайшаго очевидца, нѣкоторыя данныя о тогдашнихъ условіяхъ быта малороссійскихъ козаковъ, во-вторыхъ, въ лицѣ Н. Г. Краснокутскаго мы знакомимся съ подборомъ лицъ, стоявшихъ во главѣ реформированныхъ козаковъ, умѣло и заботливо сдѣланномъ радѣтелемъ о судьбѣ козаковъ, княземъ Н. Г. Репнинымъ, что можетъ служить одной изъ данныхъ для болѣе подробной характеристики его дѣятельности въ Малороссіи, которая ждетъ еще своего изслѣдователя.

Насколько Краснокутскій являлся передовымъ для своего времени человѣкомъ, можно судить по тому, что возбужденные имъ вопросы объ устройствѣ сельско-хозяйственныхъ училищъ, объ обученіи грамотѣ и рукодѣліямъ сельскихъ дѣвочекъ, объ обученіи сельскихъ дѣтей ремесламъ, объ упорядоченіи земской почты, о переселеніи безземельныхъ и понынѣ составляютъ злобу дня. Нельзя не пожелать, чтобы нашлись гдѣ-нибудь рапорты и прочихъ попечителей князю Н. Г. Репнину.

Тотъ же Краснокутскій въ своей докладной запискѣ отъ 27 іюня 1834 г. [1]) ходатайствовалъ объ упрощеніи способовъ выдачи плакатныхъ билетовъ или паспортовъ козакамъ, такъ какъ „беззатруднительность полученія билетовъ увеличитъ число промышленниковъ и чрезъ то способъ къ уплатѣ государвенныхъ повинностей не однимъ лицомъ, но нѣсколькими, ибо болѣе средствъ остающимся для заработка у самихъ отлучившихся, а таковые суть большею частью изъ достаточнѣйшихъ, пускающихся на промыслы рыбою и солью, обыкновеннѣйшіе въ Малороссіи.“

Недолго пришлось князю Н. Г. Репнину радоваться достигнутыми имъ успѣхами въ отношеніи малороссійскихъ козаковъ: 6-го декабря 1834 г. князь Репнинъ былъ уволенъ отъ должности малороссійскаго генералъ-губернатора, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Оставшись не у дѣлъ, князь Н. Г. Репнинъ все-таки продолжалъ интересоваться судьбою козаковъ, но голосъ его, конечно, не имѣлъ уже прежняго значенія; это видно изъ нижеслѣдующаго проекта [2]) Высочайшаго повелѣнія по докладу о малороссійскихъ козакахъ, Высочайше одобреннаго 1-го августа 1835 г.

„Государь Императоръ, по прочтеніи сего доклада и приложеннаго проекта, а также всеподданнѣйшаго письма съ запискою князя Репнина отъ 29 іюля, соизволилъ отозваться, что *званіе малороссійскаго военнаго губернатора замѣщено не будетъ*; относительно-же самаго управленія козаковъ, то Его Величеству

---

[1]) Рукоп. Яготин. архива.

[2]) Приводимъ по копіи, сохранившейся въ Яготин. Архивѣ.

угодно, чтобы оно было отдѣлено въ каждой губерніи въ непосредственномъ вѣдѣніи полтавскаго и черниговскаго гражданскихъ губернаторовъ, каждаго по принадлежности, на такомъ основаніи, какъ оно находилось при управленіи обѣими губерніями военнымъ губернаторомъ, учредивъ для сего, вмѣсто общей главной хозяйственной конторы, хозяйственныя отдѣленія въ каждой губерніи *безъ всякаго въ обязанностяхъ ихъ измѣненія*.

Самихъ гражданскихъ губернаторовъ подчинить военному министерству по департаменту военныхъ поселеній [1]) въ отношеніи предметовъ, касающихся собственно до козаковъ, какъ-то: до ихъ устройства и благосостоянія, отправленія ими рекрутской повинности, отчетности въ ихъ народонаселеніи, взиманія съ нихъ государственныхъ податей и повинностей.

Государю Императору угодно, чтобы на сихъ основаніяхъ составлено было комитетомъ положеніе объ управленіи малороссійскими козаками и представлено на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Въ комитетѣ семъ Высочайше повелѣно присутствовать дѣйствительному статскому совѣтнику Брискорну вмѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника Позена за его отъѣздомъ.

Вслѣдствіе этого высочайшаго повелѣнія были составлены „измѣненія устава о малороссійскихъ козакахъ", [2]) которыя главнымъ образомъ коснулись вопроса о „главномъ общемъ надзорѣ за благосостояніемъ козаковъ", каковой былъ порученъ полтавскому и черниговскому гражданскимъ губернаторамъ, съ присвоеніемъ имъ званія „главныхъ попечителей"; они управляли козаками при посредствѣ двухъ хозяйственныхъ отдѣленій, учрежденныхъ вмѣсто главной хозяйственной конторы и состоявшихъ въ вѣдѣніи военнаго министерства по департаменту военныхъ

---

[1]) По уставу 1834 г., главная хозяйственная контора, находясь подъ главнымъ надзоромъ малороссійскаго генералъ-губернатора, была въ вѣдѣніи министерства финансовъ.

[2]) Эти „измѣненія" сохранились въ копіи въ Яготин. архивѣ.

поселеній. Кругъ вѣдѣнія отдѣленій остался, согласно вышеприведенной высочайшей волѣ, „безъ всякаго въ обязанностяхъ измѣненія", сравнительно съ главной конторой, и вообще уставъ 1834 г. не подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ прочихъ пунктахъ, но съ упраздненіемъ единоличной власти генералъ-губернатора онъ утрачивалъ все свое первоначальное значеніе, весь свой прежній духъ, а козачье сословіе теряло самостоятельный характеръ, подчиняясь общегражданскому управленію, которому оно подчинено и понынѣ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать мнѣнія, что самой причиной паденія князя Н. Г. Репнина, той немилости, которой онъ подвергся со стороны императора Николая Павловича, несмотря на свои многолѣтніе доблестные и безкорыстные труды на государственномъ поприщѣ, была та благородная горячность, съ которой онъ отстаивалъ интересы козаковъ, крестьянъ, вообще непривилегированныхъ сословій, съ чисто гуманной, отнюдь не политической подкладкой, которая была не по душѣ Кочубею и прочимъ сановникамъ, нарочито обвинявшимъ его предъ Государемъ въ видахъ достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей, чуть не въ сепаратизмѣ.

„Кто бы могъ подумать, говоритъ г. Ст. фонъ-Носъ [1])—что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга простола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе, ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ". Вспомнили тутъ и то, что княгиня Варвара Алексѣевна, жена князя Николая Григорьевича, урожденная графиня Разумовская, и что онъ въ родствѣ съ графомъ Гудовичемъ, ради котораго якобы императоръ Павелъ хотѣлъ возстановить гетманское достоинство.

Нужно было лишь добиться удаленія князя Н. Г. Репнина отъ управленія Малороссіей, чего и достигли „паны", непосильную борьбу съ которыми, какъ видно изъ его же письма къ

---

[1]) „Кіев. Стар." Т. IV, стр. 561. 1882 г.

кн. В. П. Кочубею, предпринялъ князь Н. Г. Репнинъ, ставившій всегда интересы общественные выше личныхъ, а 31-го декабря того-же 1834 г., несмотря на вышеприведенное мнѣніе императора Николая Павловича, былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ графъ А. Д. Гурьевъ и самое генералъ-губернаторство существовало до 1856 года.

Н. С.

Изъ исторіи Кіевской Академіи

(*В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897*).

Исторія Кіевской академіи во второй половинѣ прошлаго и въ первые годы истекающаго столѣтія разработана до сихъ поръ была еще мало. Два труда по исторіи академіи, въ которыхъ затронутъ и этотъ періодъ ея существованія—„Исторія Кіевской академіи“ іером. Макарія Булгакова (впослѣд. митроп. Московскаго). Спб. 1843 и „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—академіей“ В. Аскоченскаго. К. 1856,—не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ науки, сверхъ того, изданные въ позднѣйшее время матеріалы (особенно дневникъ и переписка митр. Серапіона Александровскаго), равно какъ и рукописные источники (дѣла архивовъ Кіево-Братскаго монастыря и Кіевской дух. консисторіи) проливаютъ новый свѣтъ на судьбы академіи въ переходную пору ея существованія, когда постепенно разрушались старые устои академической жизни. Г. Серебренниковъ поставилъ себя задачей пересмотръ исторіи академіи за указанный выше періодъ на основаніи, какъ старыхъ, такъ и новыхъ матеріаловъ. Въ его книгѣ довольно полно обрисованы строй и матеріальныя условія академической жизни и характеръ академическаго курса. Въ виду интереса, представляемаго судьбой старѣйшей изъ нашихъ высшихъ школъ, мы рѣшились ознакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ этой книги.

Въ половинѣ XVIII в. вершителемъ всѣхъ академическихъ дѣлъ является митрополитъ. Правда, академія ежегодно посы-

лѣтія при академіи началъ образовываться изъ пожертвованій гл. обр. бывшихъ ея питомцевъ неприкосновенный капиталъ, къ 1817 г. возросшій до 264,716 р. 75 к. асс. и приносившій 13,225 р. 83 к. ежегоднаго дохода.

Съ 1766 г. академія стала получать по 500 р. въ годъ изъ губернской канцеляріи, которые должны были дѣлиться пополамъ на учащихъ и учащихся, хотя обыкновенно на долю первыхъ доставалось больше. Послѣ отобранія въ Малороссіи церковныхъ имуществъ въ 1786 г. академія получила штатный окладъ въ 9000 р., изъ которыхъ 500 р. должна была выдавать на содержаніе Переяславской семинаріи. Сумма этого оклада въ 1797 г. была увеличена до 12000 р., а въ 1807 г. до 24,000 р.

Доходы академіи пополнялись еще и случайными пожертвованіями, какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ. Болѣе постоянный характеръ имѣли пожертвованія кіевскихъ митрополитовъ, которые не разъ обращались отъ своего лица съ просьбами о пожертвованіяхъ на академію и къ частнымъ благотворителямъ. Особый характеръ имѣли ежегодные сборы въ пользу академической (конгрегаціонной) церкви. Студенты изъ своей среды выбирали двухъ представителей, называвшихся префектами, которые въ теченіе всего года ходили за сборами по домамъ кіевскихъ и повѣтовыхъ граждань. Деньги эти не всѣ шли на конгрегаціонную церковь, часть ихъ шла на содержаніе бурсы и устройство академическихъ праздниковъ, а часть дѣлилась между учителями. Собиралось въ годъ рублей 60—80. Былъ еще въ академіи обычай „ежегодно въ мѣсяцѣ маіи отъ 9-го числа до 1 числа сентября отпускать учениковъ риторики, поэтики и синтаксимы бѣдныхъ, нищихъ, родителей лишившихся и вовся никакого же питанія ни откуда не имущихъ для испрошенія себѣ милостыни.“ Случалось, что такіе ученики расходились по селамъ и нанимались на сельскія работы. Въ 1763 г. во избѣжаніе злоупотребленій со стороны учениковъ, которые, пользуясь такими отпусками, уклонялись отъ ученія, повелѣно было выдавать паспорты только дѣйствительно нуждающимся и отпускать ихъ „въ малороссійские точію и слободскіе полки, а дальше никуды ходить не дозволять“. Митр. Самуилъ Мислав-

скій вовсе запретилъ такіе сборы. Въ пользу академіи шли еще штрафы съ лицъ духовнаго званія за провинности и за уклоненіе отъ обученія дѣтей, половина доходовъ съ вакантныхъ приходовъ и иногда плата со ставленниковъ. Деньги эти употреблялись на ремонтъ академическихъ зданій, которыя не отличались благоустройствомъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія академіи принадлежало двухэтажное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго было 6 комнатъ, занятыхъ классами, а въ верхнемъ зала, конгрегаціонная церковь и 2 комнаты, гдѣ помѣщались философскій и богословскій классы. Учителя жили въ „чуланахъ", находившихся частью въ общемъ монастырскомъ помѣщеніи, частью въ пристройкѣ къ академическому зданію. Для неимущихъ учениковъ былъ особый, построенный на средства митр. Іоасафа Кроковскаго „студентскій домъ", иначе „бурса" или „великая бурса". Еще въ 1755 г. зданія эти требовали „не малой репараціи", на которую было употребенол 100 руб., но черезъ полгода ректоръ снова доносилъ о крайней обветшалости школъ. Въ 1758 г., префектъ доноситъ, что въ верхнемъ этажѣ академическаго корпуса „во время ненастья превеликая бываетъ течь". Еще печальнѣе было состояніе зданія бурсы. Сеньоръ бурсы ученикъ философіи Михаилъ Павловскій съ товарищами подалъ митрополиту прошеніе, въ которомъ жаловался, что „сиротскій домъ, вообще называемый бурса, пришелъ въ такую обветшалость, что жить въ ономъ крайне невозможно; ибо въ избахъ нѣкоторыхъ углы поотпадали, а въ другихъ пушаки попрегнивали, почему въ оныхъ дверей и оконъ продѣлывать нельзя, да и саміе избы таки глыбоко въ землю ввойшли, что подъ часъ вейсны и другихъ мокротныхъ временъ нельзя воспятить, дабы в оніе вода не бѣжала, отъ которой на бѣгу не только срубы неоднократно портились, но еще чрезъ происходившіе въ оной заразительные вапори таковіе болѣзни приключились, что миновавшей зими више тридцати человѣкъ умерло, чего прежнихъ годовъ по объявленію здѣшнихъ жильцовъ не бывало". Митрополитъ велѣлъ составить смѣту на постройку новой бурсы и починить старую. Смѣта на постройку была составлена въ суммѣ 1054 р. 70 к., а на починку израс-

ходовано 8 р. Митрополитъ распорядился составить новую смѣту, пожертвовалъ 400 р. самъ и приказалъ подвѣдомственнымъ ему монастырямъ доставить часть матеріаловъ для постройки. Бурса эта была выстроена въ 1765 г. и обошлась въ 5523 р. 37 к. Зданіе было деревянное на каменномъ фундаментѣ, съ помѣщеніемъ на 380—400 человѣкъ. Въ слѣдующемъ 1766 г. пожаръ уничтожилъ старую бурсу со всѣми ея міазмами. Въ томъ же году покрыли, наконецъ, заново и академическій корпусъ. Но и новая бурса просуществовала недолго—въ 1775 пожаръ истребилъ и ее. Черезъ три года для нея было построено каменное зданіе. Нѣсколько лѣтъ спустя академія опять пострадала отъ пожара. На этотъ разъ сгорѣла библіотека.

Въ 1786 г. академіи стала угрожать большая непріятность. 10 апрѣля послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось „академіи со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями быть при архіерейскомъ домѣ и Кіево-Печерской Лаврѣ, а Братскій монастырь обратить въ главную госпиталь“. Но академіи не пришлось разстаться съ мѣстомъ, на которомъ она просуществовала болѣе полутораста лѣтъ. Въ 1787 г. Кіевъ посѣтила имп. Екатерина и по ходатайству митрополита Самуила отмѣнила распоряженіе о переводѣ академіи. Впродолженіе четверти столѣтія послѣ этого академія, благодаря увеличившимся доходамъ, успѣла обстроиться, но въ 1811 году ей пришлось испытать сильное бѣдствіе. Пожаръ, испепелившій почти весь Подолъ, уничтожилъ и всѣ зданія внѣ Братскаго монастыря, принадлежавшія академіи, кромѣ каменнаго сиротскаго дома. Пострадали и монастырскія постройки. Впрочемъ ученіе не было прервано. Пожаръ случился въ каникулярное время и къ началу учебныхъ занятій успѣли кое-какъ размѣститься въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ. Возстановленіе пострадавшихъ отъ огня зданій продолжалось до самаго преобразованія академіи въ 1819 г.

Матеріальное благосостояніе академическихъ учителей не было особенно завидно, жили они большею частію въ зданіи академіи, такъ какъ женатыхъ между ними было очень немного. Учителя—монахи помѣщались вмѣстѣ съ монастырскою братіею, а свѣтскимъ отводились особыя келіи или „чуланы“, причемъ въ

одномъ чуланѣ жили иногда по двое учителей. Сверхъ квартиръ учителя получали отъ монастыря и съѣстные припасы. Количество и качество ихъ зависѣло отъ обстоятельствъ: медъ, сыръ, масло, свѣжая рыба выдавались тогда, когда монастырь располагалъ достаточнымъ ихъ запасомъ [1]). Эти припасы и были главнымъ источникомъ содержанія учителей, такъ какъ денежные оклады были и малы, и весьма неопредѣленны по размѣру. До митрополита Тимоѳея Щербацкаго учителя опредѣленнаго жалованья не получали. Имъ выдавались только митрополичьи консоляціи, ежегодныя и случайныя, и деньги, собираемыя съ учениковъ. При Рафаилѣ Заборовскомъ учителя изъ ежегодной консоляціи получали отъ 12 р. 50 к. до 25 р. на человѣка. Съ отобраніемъ церковныхъ имуществъ постоянныя консоляціи прекратились. До конца прошлаго столѣтія всѣ ученики должны были являться изъ дому къ префекту „съ поклономъ и знатною консоляціею". Дѣти богатыхъ родителей привозили такую консоляцію и учителямъ.

При митр. Арсеніи Могилянскомъ стали дѣлить между учителями 200 р., получаемые изъ малороссійскаго скарба. Ректоръ (онъ же учитель богословія) получалъ изъ нихъ 16 р., префектъ, преподававшій философію 14 р. 50 к., прочіе учителя отъ 4 р. 20 к. до 12 р. 40 к. Съ 1766 г. жалованье учителей значительно увеличилось; сверхъ того нѣкоторые учителя стали получать прибавки изъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ. При митрополитѣ Гавріилѣ Кременецкомъ стали платить за произносимыя учителями проповѣди, по 2 р. за каждую. Еще до закрытія Братскаго монастыря митр. Самуилъ приказалъ замѣнить выдачу учителямъ продовольствія натурой отпускомъ имъ

1) Обыкновенно учителя получали пищу въ общей трапезѣ съ монастырской братіей; жившимъ внѣ академіи припасы выдавались въ сыромъ видѣ. О количествѣ выдаваемыхъ припасовъ можно судить по порціи, которую получалъ учитель французскаго языка Василій Люппа: „житней муки дойницъ 8, пшеничной дойницу 1, гречаной дойницъ 2, крупъ гречаныхъ дойницу 1, пшена дойницу съ половиной, гороху $^{1}/_{2}$ дойницы, сала пудовъ 2, соли пудовъ 2, рыбы пенги 500, олѣи ведеръ 4, масла коровьяго пудовъ 2, пива бочку, сивухи ведеръ 8, на опалъ (отопленіе) колодъ 30".

денегъ на покупку провизіи „по собственному ихъ изобрѣтенію и произволенію“ въ размѣрѣ 13—15 к. въ день, а дрова, хлѣбъ и овощи велѣно отпускать въ началѣ недѣли или мѣсяца. Съ назначеніемъ академіи штатнаго оклада выдача провизіи прекратилась; хотя не всѣ учителя сразу получили увеличенный окладъ, за то монашествующихъ учителей позволено было зачислять въ монахи Лавры съ назначеніемъ имъ жалованья. Съ этого времени учительское жалованье все продолжаетъ возрастать: въ 1789 г. учителя получали отъ 50 до 400 руб., въ 1802 г. за преподаваніе каждаго предмета полагалось отъ 30 до 350 р. (т. к. обыкновенно каждый учитель преподавалъ нѣсколько предметовъ, то сумма жалованья въ общемъ увеличилась), въ 1813 г. ректору положено было 1000 р., префекту 600 р., учителямъ отъ 100 до 860 р. въ годъ.

Средства содержанія учащихся, жившихъ въ сиротскомъ домѣ, число которыхъ въ 70-хъ гг. доходило до 400 чел., отличались еще меньшимъ постоянствомъ. Ученики эти имѣли „пропитаніе и содержаніе себѣ отъ доброхотныхъ дателей“ или „спрошенною милостынею“. Крупныя доброхотныя даянія были рѣдки и случайны. Питомцы академіи „по обыкновенію и нуждѣ своей“ расхаживали по Кіеву и пѣли передъ домами зажиточныхъ граждан, выпрашивая подаяніе. Первой постоянной суммой на содержаніе учащихся были 250 р., ассигнованные въ 1766 г. Этихъ денегъ впрочемъ хватало только на то, чтобы выдавать „простыя шубки“ да по парѣ сапогъ на зимнее время. Въ 1779 г. митр. Гавріилъ Кременецкій завѣщалъ 30,000 р., на проценты съ которыхъ должно было содержаться по 50 учениковъ піитики, риторики, философіи и богословія; на нихъ отпускалось въ мѣсяцъ отъ 40 к. (ученикамъ піитики) до 1 р. (богословамъ). Ученики младшихъ классовъ не могли пользоваться этимъ пожертвованіемъ. Только въ 1784 г. митр. Самуилъ велѣлъ варить для живущихъ въ бурсѣ учениковъ низшихъ классовъ на счетъ процентныхъ денегъ ежедневно щи и кашу, въ мясоѣдъ съ саломъ, а въ постъ съ постнымъ масломъ, и выдавать хлѣбъ и соль. Вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещено было ходить по городу за сборомъ подаянія. Для прикрытія грѣшнаго тѣла ака-

демія выдавала бѣднѣйшимъ изъ своихъ воспитанниковъ только по шубѣ и по парѣ сапоговъ. О прочихъ принадлежностяхъ костюма они должны были заботиться сами. Насколько первобытна была одежда учениковъ можно судить по отвѣту академическаго начальства на распоряженіе митрополита о наймѣ прачекъ для стирки бѣлья учащихся. Академія доносила, что „нѣкоторые изъ живущихъ въ сиротскомъ домѣ совсѣмъ почти не имѣютъ рубахъ, особливо же другого бѣлья" и потому полагала, что лучше, вмѣсто найма прачекъ, пошить неимущимъ бѣлье. Митрополитъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Въ 1797 г. на содержаніе учащихся было ассигновано изъ штатной суммы 4000 р. въ годъ. На эти деньги, по росписи правленія, можно было воспитывать 50 чел. на полномъ содержаніи и 150 чел. на одной пищѣ. Одежду для воспитанниковъ, пользовавшихся отъ академіи только пищею, должны были доставлять ихъ родственники или попечители. Но, несмотря на рядъ мѣръ къ понужденію этихъ родственниковъ и попечителей доставлять одежду ихъ питомцамъ, многіе „получали изъ домовъ своихъ подлое одѣяніе", а другіе „и вовся всего лишены были". Впрочемъ въ бурсѣ жило всегда болѣе положеннаго числа воспитанниковъ. Такъ, въ 1804 г. въ бурсѣ жило 258 чел. Въ 1807 г. число живущихъ въ бурсѣ было увеличено и къ 1812 г. дошло до 400. Около $^{2}/_{3}$ учащихся жили внѣ академіи. Дѣти болѣе состоятельныхъ родителей жили на наемныхъ квартирахъ, при нихъ, въ качествѣ репетиторовъ или т. наз. инспекторовъ, жили бѣдные студенты высшихъ классовъ. Иногда ученики съ цѣлью добыть себѣ пропитаніе нанимались въ услуженіе. Обладавшіе хорошимъ голосомъ попадали въ митрополичій хоръ, иные пристраивались къ школамъ, существовавшимъ при церквахъ. Митр. Іероѳей Малицкій приказалъ выдавать жившимъ внѣ академіи сиротамъ по 90 к. въ мѣсяцъ кормовыхъ, а митр. Серапіонъ завелъ для нихъ общій столъ. На академическую больницу сначала не отпускалось вовсе никакихъ средствъ. Не было и постояннаго лѣкаря. Только при Гавріилѣ Кременецкомъ стали отпускать на больныхъ по 2 к. въ день на человѣка. Митр. Самуилъ увеличилъ эту сумму до 3 к. и велѣлъ устроить сѣнники,

отхожія мѣста, ванну, очищать воздухъ куреніемъ уксуса и въ случаяхъ заразительныхъ болѣзней приглашать лѣкаря. Хотя потомъ и былъ приглашенъ постоянный лѣкарь съ жалованьемъ въ 50 р. въ годъ, но больница была въ плохомъ состояніи до тѣхъ поръ пока ее не принялъ въ свое завѣдываніе Х. Г. Бунге. Благодаря его заботамъ, больница была приведена въ сносное положеніе.

Въ первой половинѣ XVIII в. общихъ программъ академическаго курса не было, было только раздѣленіе на классы—ординарные и экстраординарные. Первыхъ было 8: аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе, вторыхъ 3: классы языковъ греческаго, еврейскаго и нѣмецкаго. Провѣрка занятій заключалась въ томъ, что учителя ежегодно представлялиотчеты, а ректоръ лично посѣщалъ классы. Въ 1751 г. архидіаконъ Манассія Максимовичъ представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому проектъ упорядоченія академическаго преподаванія путемъ совмѣстной выработки членами академической корпораціи программъ для каждаго изъ классовъ. Митрополитъ отослалъ проектъ въ академію, а черезъ годъ ректоръ Георгій Конисскій и префектъ Георгій Щербацкій представили инструкцію для преподаванія, которую митрополитъ и утвердилъ съ нѣкоторыми добавленіями. По этой инструкціи въ школѣ аналогіи ученики получали первоначальное знакомство съ русскимъ и латинскимъ языками. Въ инфимѣ и грамматикѣ ученики продолжали занятія латинскимъ языкомъ. Въ синтаксимѣ латинская грамматика оканчивалась и читались: исторія Сульпиція, Іустинъ и Цицероновы эпистолы. Въ высшихъ школахъ, начиная съ піитики, ученики изучали регулы и формы піитической и риторической рѣчи. Здѣсь изъ авторовъ преобладали Цицеронъ и Горацій. Ученики занимались переводами, заучивали рѣчи и произносили ихъ наизустъ. Философія и богословіе не были стѣснены опредѣленными программами. До половины XVIII в. въ кіевской академіи господствовала философія Аристотеля. Префектъ академіи Давидъ Нащинскій, учившійся въ западно-европейскихъ школахъ, представилъ митр. Тимоѳею Щербацкому мнѣніе о необходимости ввести въ курсъ преподаванія систему Баумейстера, одного изъ

умѣреннѣйшихъ представителей Лейбнице-Вольфіанской философіи. Митрополитъ обратился за совѣтомъ къ Георгію Конисскому, тогда уже бѣлорусскому епископу. Георгій вполнѣ одобрилъ выборъ Нащинскаго. Тотъ же Давидъ Нащинскій пытался опредѣлить объемъ преподаванія богословія. Неудовольствія между ректоромъ Нащинскимъ и учителями выдвинули вопросъ объ упорядоченіи, какъ отношеній между ректоромъ и преподавателями, такъ и самаго преподаванія. Выработать подробную инструкцію пришлось уже преемнику Нащинскаго Самуилу Миславскому. Новая инструкція забраковала прежніе учебники и ввела новые, измѣнила порядокъ въ преподаваніи латинскаго языка и обязала изучать польскій языкъ наряду съ русскимъ и латинскимъ. Уже въ аналогіи польскій языкъ былъ постояннымъ разговорнымъ, а въ другихъ классахъ переводы съ латинскаго дѣлались на русскій и на польскій языки. Латинскіе стихи переводились на „россійскій языкъ" стихами же, а риторы должны были составлять ораціи и произносить ихъ съ каѳедры, философы произносили проповѣди собственнаго сочиненія и участвовали въ диспутахъ. При переводахъ предписывалось обращать вниманіе на то, „чтобы тотъ переводъ былъ чистый и россійскому языку свойственный, а не простый и грубый, съ польскимъ нарѣчіемъ смѣшанный, какой прежде сего бывалъ". Выработана была и подробная программа богословія и двухлѣтній богословскій курсъ замѣненъ четырехлѣтнимъ. Инструкція обратила вниманіе и на изученіе языковъ: еврейскаго, греческаго, нѣмецкаго и французскаго (введеннаго въ 1753 г.). На преподаваніе ихъ положено по два года и велѣно „богословіи и философіи учащимся всегда напоминать то, что естьли они не будутъ языкамъ разнымъ обучаться, то и мѣстами никакими не будутъ снабжены". О преподававшихся уже тогда въ академіи другихъ экстраординарныхъ предметахъ—ариѳметикѣ, исторіи и географіи,—инструкція не упоминаетъ. Занятія распредѣлялись такъ: по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 7 до 10 час. утра и отъ 1 до 5 час. по полудни, по вторникамъ и четвергамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час., а по субботамъ отъ 7 до 10 и отъ 1 до 3 час. На ординарные классы назначалось по 20 час. въ

недѣлю, на языки греческій и французскій по 9, нѣмецкій—6 и еврейскій—5.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія академическое преподаваніе было реформировано. Реформаторомъ явился тотъ же Самуилъ Миславскій, занимавшій теперь митрополичью каѳедру. Въ основу реформы положено было сближеніе академическаго курса съ курсами, выработанными для свѣтскихъ школъ. Введено было изученіе русскаго языка и словесности, общеобразовательныхъ предметовъ и усилено преподаваніе новыхъ языковъ. Особенное вниманіе митрополитъ обратилъ на русскую словесность. Для преподаванія ея вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи студентъ богословія Дмитрій Сигиревичъ, уроженецъ Воронежской губ. Учителя новыхъ языковъ должны были преподавать ихъ на русскомъ языкѣ „съ наблюденіемъ выговора, который употребляется въ Великороссіи". Учителя и ученики обязаны были соблюдать русское правописаніе подъ страхомъ увольненія изъ академіи въ свѣтскую команду. Для домашняго упражненія учениковъ въ русской грамотѣ былъ назначенъ въ бурсу особый репетиторъ. Въ 90-хъ гг. въ академіи уже два учителя—одинъ для русской грамматики, другой для россійской поэзіи и риторики. Изъ новыхъ языковъ Самуилъ обратилъ особое вниманіе на французскій, для преподаванія котораго назначены были также два учителя. Съ цѣлью введенія въ преподаваніе новыхъ методовъ, получившихъ право гражданства въ свѣтской школѣ конца XVIII в., митрополитъ назначалъ въ академію учителями лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ коммиссіею народныхъ училищъ для образованія учителей. Приняты были и изданные тою же коммиссіею учебники, которые замѣнили господствовавшія до того рукописныя записки. По рапорту академіи въ Св. Синодъ отъ 24 марта 1798 г. въ ней преподавались: богословіе, философія, риторика и поэзія латинская и россійская и было три грамматическихъ класса (классъ аналогіи былъ упраздненъ еще въ 1773 г.). Экстраординарными предметами были: математика чистая и смѣшанная, исторія и географія, языки греческій, нѣмецкій, еврейскій и польскій и рисованье. Классъ французскаго языка былъ закрытъ въ 1794 г.

по слѣд. письму петерб. митрополита Гавріила: „семинаристы ваши обучаются французскому языку, но какъ опытъ доказалъ, что неблагонамѣренные изъ нихъ знаніемъ сего языка злоупотребляютъ; мнѣ поручено вашему преосвященству писать, чтобы благоволили сей классъ оставить". Въ 1798 г. академія рѣшила вновь открыть классъ французскаго языка, если на это согласится Синодъ.

Указомъ 31 октября 1798 г. духовно-учебныя заведенія раздѣлены были на 4 округа по числу академій, въ которыя рѣшено было высылать каждые два года лучшихъ учениковъ семинарій для четырехлѣтняго обученія въ академіи съ цѣлью приготовленія учителей семинаріи. Такимъ образомъ академіи становились высшими духовно-учебными заведеніями. Измѣнена была и программа академическаго курса. Богословскій курсъ былъ расширенъ, велся на латинскомъ языкѣ и продолжался три года. Философскій курсъ продолжался два года и въ него, сверхъ краткой исторіи философіи, логики, метафизики и нравоученія, входили натуральная исторія и физика. Философы писали диссертаціи, а богословы проповѣди. И философамъ и богословамъ вмѣнялось въ обязанность изучать въ классѣ высшаго краснорѣчія рѣчи лучшихъ авторовъ на русскомъ и латинскомъ языкахъ и сочинять собственныя „имитаціи". Языки еврейскій и греческій были обязательны для всѣхъ, а изъ новыхъ обязателенъ былъ только одинъ—французскій или нѣмецкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось не обременять малолѣтнихъ учениковъ изученіемъ многихъ предметовъ, поднять знаніе латинскаго языка, упавшее въ послѣднее время, обратить вниманіе на то, чтобы ученики умѣли читать церковныя книги, пѣть церковныя пѣсни и знали уставъ, и, наконецъ, велѣно было пріучать учениковъ къ сельской и домашней экономіи и врачеванію болѣзней. Впрочемъ послѣдніе два предмета не были введены въ кругъ академическаго преподаванія. Экономіи ученики обучались путемъ обязательнаго чтенія книгъ, а медицинѣ практически путемъ назначенія лѣкарю помощниковъ изъ учениковъ.

Введеніе, въ силу этого указа, новыхъ предметовъ привело въ Кіевской академіи къ увеличенію числа учебныхъ часовъ. Распо-

ряженіе о необремененіи учениковъ низшихъ классовъ вызвало новое распредѣленіе предметовъ въ этихъ классахъ. Въ низшемъ грамматическомъ классѣ обучали польскому языку, „яко въ сей и другихъ къ ней сосѣдственныхъ губерніяхъ употребляемому“, въ среднемъ продолжался польскій яз. и начиналась ариѳметика, въ высшемъ, сверхъ этихъ предметовъ, прибавлялся французскій или нѣмецкій яз. Въ піитикѣ къ перечисленнымъ выше предметамъ прибавлялась исторія, географія и греческій языкъ. Въ риторикѣ начинали математику. Кромѣ чистой математики, раздѣлявшейся на два курса, преподавалась смѣшанная, къ которой отнесены были: „гражданская и военная архитектура, механика, гидростатика, херометрія, гидравлика, оптика, котоптрика, діоптрика и перспектива, тригонометрія сферическая, начала астрономіи, географія, гидрографія, гномика и математическая хронологія“. Вся эта премудрость была втиснута въ два класса, а съ 1802 г. въ одинъ. Курсъ исторіи и географіи дѣлился съ 1802 г. на 4 класса, къ которымъ въ 1807 г. прибавленъ былъ 5-й—институтный. Медицинскій классъ былъ открытъ въ томъ же 1802 г. и лекціи въ немъ читались 2 раза въ недѣлю по 2 часа каждая на латинскомъ языкѣ. Около того же времени открытъ особый классъ „нотнаго и ирмойнаго пѣнія“. Для неосиливавшихъ латыни при академіи съ 1800 г. была учреждена особая русская школа, вскорѣ преобразованная въ трехклассную съ пятилѣтнимъ курсомъ. Изъ искусствъ въ академіи процвѣтали рисованіе, для котораго при Самуилѣ Миславскомъ былъ открытъ особый классъ, и музыка инструментальная и вокальная. Академическій хоръ состоялъ иногда изъ 300 чел. Для оркестра былъ особый капельмейстеръ.

Въ классахъ ученики сидѣли по успѣхамъ. Первая скамья носила почетное названіе „senatus“. Уроки выслушивались избраннымъ изъ учениковъ же аудиторомъ, который отмѣчалъ отвѣты въ своихъ нотатахъ и эрратахъ; auditor auditorum выслушивалъ самихъ аудиторовъ. Впрочемъ аудиторы были только до риторики. Учитель провѣрялъ отмѣтки аудиторовъ и затѣмъ объяснялъ слѣдующій урокъ. По субботамъ сдавали все пройденное за недѣлю. Въ концѣ мѣсяца были публичные экзамены.

И академическое начальство, и учителя заботились о томъ, чтобы пріохотить воспитанниковъ къ чтенію книгъ. Нѣкоторые изъ учителей въ свободное время звали къ себѣ избранныхъ учениковъ и устраивали совмѣстныя чтенія. Въ 1792 г. учитель поэзіи Ириней Фальковскій учредилъ „Вольное піитическое общество“, члены котораго взносили рубль единовременно или 50 к. въ годъ и имѣли право пользоваться выписываемыми этимъ обществомъ книгами. Еще около 1768 г. при академіи была основана спеціальная ученическая библіотека, которая въ самомъ началѣ получила въ даръ значительное количество книгъ, главнымъ образомъ отъ бывшихъ питомцевъ академіи. Въ фундаментальной библіотекѣ въ 1780 г. числилось до 12,000 книгъ. Въ 1784 или 1785 г. библіотека эта сгорѣла. Но, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ и покупкѣ, библіотека скоро пополнилась и въ 1804 г. въ ней числилось до 8,000 книгъ. Въ 1811 г. она снова пострадала отъ пожара.

Воспитательныя средства не отличались мягкостью. Правда, инструкція 1763 г. нѣсколько ограничивала наказанія. Такъ, за невыученный неоднократно урокъ учителю предписывалось „малолѣтнему кромѣ трехъ ударовъ, а большаго возраста кромѣ пяти никогда не давать и то имѣя разсужденіе о состояніи, о здравіи и о слабости дитины“, а за проступокъ, „который произошелъ приватно между учениками отъ взаимной ссоры, или ребячей шалости, а не касается къ обидѣ стороннихъ людей, то и тогда учителю давать не болѣе, какъ 20, а за проступки, вящшаго еще наказанія достойные, всегда доносить префекту, а самому учителю не наказывать“. Размѣръ наказанія, налагаемаго префектомъ, ограниченъ не былъ, хотя предлагалось наказывать „малыхъ розгою, а большихъ и среднихъ первѣе словомъ угрозительнымъ, другой разъ переведеніемъ съ высшей школы въ низшую, третій лишеніемъ кондиціи или мѣста опредѣленнаго и инымъ наказаніемъ по разсмотрѣніи дѣла и вины, а наконецъ на неисправляющихся доносить ректору“. Гавріилъ Кременецкій запретилъ учителямъ сѣчь учениковъ розгою, но это предписаніе, какъ и предписаніе инструкціи о количествѣ ударовъ, не соблюдалось.

Такъ, въ 1790 г. одинъ ученикъ риторики жаловался митрополиту, что, „получивъ не по заслугамъ, но по злобѣ отъ учителя риторики въ классѣ наказаніе очень чувствительное, состоящее около 50 ударовъ, болѣе уже ученія продолжать не намѣренъ". Убѣдившись въ справедливости жалобы, митрополитъ велѣлъ уволить жалобщика для поступленія въ медико-хирургическій институтъ. Увольняли изъ академіи крайне рѣдко.

Часты бывали въ академической жизни и различныя торжества. Храмовые праздники на Крещенье и Благовѣщенье, вечерня въ день кончины Петра Могилы (31 декабря) отличалось торжественнымъ богослуженіемъ. Въ Лазареву субботу устраивалась торжественная процессія. Въ праздники Рождества, Пасхи и въ дни имянинъ митрополита студенты приносили ему поздравленія и привѣтствовали его на разныхъ языкахъ въ стихахъ и въ прозѣ. Въ маѣ устраивались такъ наз. рекреаціи, т. е. гулянья за городомъ на Шулявкѣ, Глубочицѣ, около Кирилловскаго монастыря, рѣже въ Борщаговкѣ. Рекреаціи сопровождались пѣніемъ, музыкой и иногда драматическими представленіями. Особенно торжественный характеръ имѣли академическіе диспуты. Наканунѣ митрополитъ уѣзжалъ въ лавру, куда утромъ съѣзжались почетнѣйшіе кіевскіе обыватели. Часовъ въ девять вереница экипажей направлялись изъ лавры въ Братскій монастырь. Процессія эта растягивались такъ, что когда экипажъ митрополита былъ уже на Александровскомъ спускѣ, послѣдніе экипажи еще выѣзжали изъ лавры. При входѣ въ монастырь митрополита встрѣчали пѣніемъ, музыкой и рѣчами. Гостямъ раздавались программы диспута. Учитель произносилъ краткую рѣчь и начинался споръ между двумя студентами, состоявшій въ доказываніи и опроверженіи какого-нибудь философскаго или богословскаго тезиса. При посѣщеніи академіи высокопоставленными особами устраивались экстренныя торжества. Такъ, въ 1781 г. при посѣщеніи Братскаго м-ря вел. княземъ Павломъ Петровичемъ съ супругою высокіе гости были встрѣчены у входа учащимъ персоналомъ и монастырскою братіею, а студенты „отъ вратъ къ церкви стояли въ два ряда, пѣвчіе же въ бѣломъ платьѣ съ лав-

рами на головахъ, а въ рукахъ держа пальмы, по сторонамъ шли и пѣли кантъ". Въ помѣщеніи академіи „академисты мальчики привѣтствія сказывали по единому сими языки по русску, по польску, по латыни, по нѣмецки, по французску, по еллиногречески, по еврейску. По сказаніи сихъ рѣчей отецъ архимандритъ поднесъ Ихъ Высочествамъ рукописныя оды въ тетрадяхъ, обложенныхъ парчею, а обоимъ фельдмаршаламъ графу Понятовскому и графу Румянцеву и генералитету тутъ бывшему—зеленою тафтою". Подобныя встрѣчи устраивались Екатеринѣ II въ 1787 и Александру I въ 1816 г.

До половины XVIII ст. Кіевская академія была общесословнымъ учебнымъ заведеніемъ. Но уже во второй половинѣ столѣтія она мало по малу начинаетъ превращаться въ заведеніе духовно-учебное. Съ одной стороны открытіе новыхъ школъ отвлекаетъ воспитанниковъ свѣтскаго званія, съ другой епархіальное и академическое начальство начинаетъ заботиться о томъ, чтобы въ академіи преобладали дѣти духовенства. Митрополиты дѣлаютъ рядъ распоряженій относительно обязательной высылки духовенствомъ своихъ дѣтей въ академію и въ то же время стараются затруднить выходъ изъ академіи до окончанія курса. Окончившимъ курсъ отдавалось предпочтеніе при назначеніи на священническія мѣста. Такъ, въ указѣ 1760 г. духовнымъ властямъ Кіевской епархіи предписывалось: „дабы отдавали въ замужье дочерей своихъ священники и діаконы, желающіе зятей имѣть на своихъ парохіальныхъ мѣстахъ такихъ, гдѣ имѣется приходскихъ домовъ отъ 80 до 100 и выше, за учительныхъ дѣтей академіи Кіевской богословіи, а гдѣ отъ 60 до 80 дворовъ, по крайности, когда изъ богослововъ не сыщутся, за философовъ, а гдѣ и ниже 60 дворовъ, священники и діаконы прежде искали бы по прописанному изъ учительныхъ, а если бы къ какому приходу, какъ къ меньшему, такъ и къ большему не могли затѣмъ пріискаться люди учительные къ дочерямъ священническимъ и діаконскимъ, по крайнему ихъ о томъ старательству, то имъ представлять о томъ доношеніями по порядку, а безъ того священникамъ и діаконамъ, равно

какъ протопопамъ и наместникамъ дочерей своихъ за неучительныхъ, проповѣдывать слова Божіе не могущихъ, въ надежду рукоположенія ихъ на свои парохіальныя мѣста не выдавать." Въ 1770 г. Синодъ также предписываетъ предпочитать учившихся неучившимся при „производженіи въ священные чины," а Самуилъ Миславскій даже вовсе запретилъ представлять неучившихся въ высшихъ классахъ академіи къ священническимъ и діаконскимъ мѣстамъ.

Всѣ указанныя выше обстоятельства способствовали тому, что во второй половинѣ XVIII ст. число дѣтей духовныхъ родителей постепенно возрастало, число же свѣтскихъ воспитанниковъ уменьшается. Такъ, въ 1744 г. первыхъ было 380, вторыхъ 722, въ 1778 число тѣхъ и другихъ одинаково по 418, къ концу столѣтія, въ 1799 г., воспитанниковъ духовнаго званія 544, свѣтскаго 234, наконецъ, въ 1811 г. цифры эти достигаютъ 1069 и 129.

Пріемъ въ академію учащихся производился въ концѣ августа и началѣ сентября. Возрастъ для поступленія не былъ опредѣленъ точно—принимали отъ 7-лѣтняго до 15-лѣтняго возраста. Въ самыхъ школахъ различіе учениковъ по возрасту было очень велико: въ школѣ богословія ученики были отъ 19 до 34 лѣтъ, философіи 17—30, риторики 14—29, поэзіи 13—26, синтаксимы 12—24, грамматики 12—23, инфимы 11—20, аналогіи 9—19. Огромное большинство учащихся были уроженцами нын. Черниговской и Полтавской губ., но бывали и изъ отдаленныхъ мѣстностей, даже изъ-за границы. Академическій курсъ продолжался 13 лѣтъ, но въ концѣ XVIII ст. былъ сокращенъ до 11. Въ каждомъ классѣ можно было оставаться нѣсколько лѣтъ. Неуспѣвавшихъ или провинившихся часто переводили въ низшій классъ. Иногда вмѣсто перевода въ низшій классъ увольняли изъ академіи и опредѣляли на причетническія мѣста. Многіе сами увольнялись изъ академіи, а иные просто не являлись изъ отпуска. Нерѣдко уходили изъ академіи и лучшіе воспитанники. Съ открытіемъ Московскаго университета многіе студенты академіи перешли туда. Многихъ соблазняла медицинская

служба и они отправлялись въ Москву, гдѣ получали при тамошнемъ госпиталѣ и аптекѣ медицинское образованіе, пользуясь казенной субсидіей. Не мало уходило и въ заведенныя коммиссіей народныхъ училищъ школы. Конечно, оставленіе академіи лучшими воспитанниками печально отражалось на ея состояніи и было одной изъ причинъ ея упадка въ началѣ текущаго столѣтія.

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XXX.

На высокомъ берегу Сулы расположился грознымъ вѣнцомъ гордый и неприступный замокъ князя Іереміи. Уже издали виднѣется онъ острыми шпицами своихъ башенъ и зубцами красныхъ стѣнъ.

Вокругъ замка идетъ широкій и глубокій ровъ, наполненный до краевъ водою; надъ въѣздомъ три башни, а подъ ними на цѣпяхъ тяжелый и крѣпкій подъемный мостъ. Стѣны тянутся острыми выступами и на каждомъ изъ нихъ грозно усѣлась тяжелая, круглая башня; осматриваетъ она черными щелями своихъ амбразуръ всю окрестность, растянувшуюся у подошвы горы. Изъ узкихъ отверстій выглядываютъ длинныя жерла „гаковницъ".

А за зубцами стѣнъ подымаются еще болѣе высокія башни самого княжьяго замка, заключеннаго въ замковомъ дворѣ. По стѣнамъ медленно ходятъ стражники; караулъ стоитъ у воротъ.

За замкомъ пріютился, вдоль по горѣ и у подножья ея, княжій городъ Лубны. Высокія крыши тѣсно-тѣсно сплотились и прижались другъ къ другу, стремясь укрыться отъ дикихъ нападеній татаръ подъ охрану грознаго замка. Вокругъ города тянутся также и ровъ, и деревянныя стѣны, набитыя, между двухъ рядовъ колоссальныхъ бревенъ, глиной и землей.

Съ правой стороны замка, саженей двѣсти, не дальше, тянется безконечный дѣвственный лѣсъ. Онъ спускается до самаго дна обрыва,

---

[1]) См „Кіевск. Старт." 1897 г. № 11.

отдѣляющаго отъ замка, густою, непроходимою стѣной, а слѣва и прямо обогнула подножье горы тихая Сула. За Сулой, сколько око хватитъ, протянулись ровною, зеленою пеленой, топкія болота и заливные луга. Къ берегу Сулы ведетъ изъ замка „тайникъ", а на случай, если бы враги даже и отвели рѣку, выкопанъ въ замкѣ глубокій колодезь. Правда, трудно было копать его на такой высотѣ, да у князя Яремы есть на всякую его прихоть тысячи даровыхъ, послушныхъ рукъ.

И гордо смотритъ замокъ со своей высоты на распростершуюся у его ногъ окрестность, потому что нѣтъ и не было еще такой силы, которая могла бы сломить его.

Въ замчищѣ шумъ, суматоха, движеніе...

Изъ множества конюшенъ, устроенныхъ подъ замковыми стѣнами, слышится храпъ, ржанье и фырканье лошадей. По двору снуютъ толпы разнородныхъ слугъ и надворной команды, одѣтыхъ въ самые пестрые цвѣта, съ расшитыми гербами своихъ господъ. Кое гдѣ подъ навѣсами, у деревянныхъ, грубыхъ столовъ, собрались за кружкой добраго пива старые рубаки. Они вспоминаютъ пережитыя битвы и каждый превозноситъ своихъ вождей. Въ иныхъ мѣстахъ играютъ въ кости и въ „четъ и не четъ"; любопытные окружаютъ стѣной играющихъ, принимая живое участіе въ ходѣ игры и подзадоривая то ту, то другую сторону. Передъ самою выѣздною „брамой" группы подвыпившихъ слугъ забавляются чехардой; взрывы дружнаго хохота сопровождаютъ каждый неудачный скачокъ. И сторожа при башнѣ, и воротарь, и мостовничій не отводятъ глазъ отъ играющихъ.

Между тѣмъ, со стороны въѣздной „брамы" раздался звукъ трубы, но за шумомъ и гамомъ никто его не разслышалъ. Спустя немного времени затрубили опять. Дѣйствительно, къ противоположной сторонѣ замковаго рва подъѣхалъ чей то пышный поѣздъ. Впереди всѣхъ подскакалъ на горячемъ конѣ, окруженный небольшою свитой, статный молодой шляхтичъ въ роскошной шляпѣ, съ развѣвающимся длиннымъ перомъ. За нимъ подъѣхало десять высоко-нагруженныхъ возовъ, окруженныхъ слугами и „погоничами".

— Ну, что-жъ вы поснули тамъ, что ли?—крикнулъ по польски громко и нетерпѣливо молодой шляхтичъ, когда и послѣ третьяго сигнала не появлялся на башнѣ никто.

Какъ бы въ отвѣтъ на его гнѣвное восклицаніе, показалась, наконецъ, въ окнѣ надъ воротами тощая фигура вахмистра, и крикливый голосъ спросилъ:

— Кто идетъ и откуда?

— Панъ Адамовичъ-Шпорецкій, послъ отъ князя Конецпольскаго.

— Откуда и куда?—раздался снова тотъ же крикливый вопросъ.

Въ отвѣтъ не него молодой шляхтичъ разразился такою энергичною бранью, что тощій вахмистръ, убѣдившись теперь вполнѣ въ высокомъ назначеніи пана, кубаремъ спустился съ башни и поспѣшилъ отдать надлежащій приказъ.

Черезъ нѣсколько минутъ тяжелыя желѣзныя цѣпи жалобно заскрипѣли, и огромный мостъ началъ медленно опускаться; наконецъ, чудище съ грохотомъ упало, и всадники въѣхали на него попарно.

Молодой шляхтичъ приблизился къ самому его краю и измѣрилъ глазами ширину рва, наполненнаго почти до краевъ темнѣющею водой.

— Ишь ты, бѣсова „копанка",—проговорилъ онъ вполголоса,—пожалуй и не переплывешь!

— Въ зброѣ и думать нечего!—отвѣтилъ ему ближайшій изъ сопровождавшихъ его пяти слугъ; четыре остальные ѣхали за огромнымъ возомъ, напакованнымъ грузными мѣшками, въ которыхъ очевидно заключались вещи богатаго шляхтича. Шляхтичъ бросилъ на него многозначительный взглядъ и молча сталъ разсматривать грозную крѣпость.

„Да, это чортовое гнѣздо почище Кодака будетъ,—мелькали у него мысли,—ее простыми зубами не угрызешь... этакую твердыню можно добыть лишь подкопомъ... да голодомъ... Не пустое-ли дѣло задумалъ Максимъ? Впрочемъ, чѣмъ чортъ не шутитъ"! Попался въ руки Адамовичъ-Шпорицкій,—такъ и воспользуемся его бумагами... Они думали насъ изловить и живьемъ зажарить, а мы попробуемъ ихъ... Лишь бы князя выманить, да завесть къ „дидьку" въ болото... Вѣрно: „утикъ—не втикъ, а побигты можна"! и онъ двинулся рѣшительно въ браму...

Въ самомъ замкѣ, освѣщенномъ сверху до низу тысячью сіяющихъ огней, собралось самое пышное панство. Идутъ шумные толки, споры, дебаты,—передъ большимъ варшавскимъ сеймомъ панство устраиваетъ свой маленькій, приватный сеймикъ.

Большой двухсвѣтный залъ князя Яремы, напоминающій скорѣе внутренность какого-то гигантскаго храма, освѣщенъ весь безчисленнымъ множествомъ восковыхъ свѣчей. Съ высокаго потолка, разрисованнаго на подобіе неба и украшеннаго мѣсяцемъ и золотыми звѣздами, спускаются на длинныхъ цѣпяхъ три круглыя люстры, усаженныя восковыми свѣчами; свѣчи горятъ по стѣнамъ въ сере-

бряныхъ „свѣчницахъ“, горятъ и въ тяжелыхъ шандалахъ, разставленныхъ на длинныхъ столахъ. Зала полна свѣта и блеска, и пышностью не уступаетъ королевскому дворцу. На стѣнахъ прибиты щиты, ключи и знамена добытыхъ княземъ и его предками замковъ и городовъ. Золоченые, штофные стулья и лавки тянутся рядами вдоль стѣнъ и столовъ. Пиръ уже оконченъ, но драгоцѣнные кувшины и кубки покрываютъ еще всѣ столы. Неслышно скользятъ по мраморному полу разодѣтые слуги и доливаютъ ихъ мальвазіей, венгерскимъ и старымъ медомъ.

Панство группируется кружками и вокругъ столовъ. Молодые шляхтичи увиваются подлѣ прелестныхъ паненокъ княгини Гризельды. Сдержанный гулъ стоитъ въ залѣ отъ множества голосовъ. За главнымъ столомъ. въ сторону котораго устремляются то и дѣло глаза собравшагося панства, раздаются громкіе и властные голоса.

Во главѣ стола, рядомъ съ княземъ Яремой, сидитъ прелестная молодая женщина. Волнистые вороньяго крыла волосы обрамляютъ ея бѣлый небольшой лобъ. Черныя брови лежатъ на немъ бархатными шнурками, а глаза, темные и блестящіе, кажутся еще темнѣе и больше отъ матовой бѣлизны лица. Все въ ней дышетъ необычайною тонкостью и изяществомъ, но сжатыя тонкія губы показываютъ и силу, и страстность характера. По лѣвую руку княгини сидитъ молодая пани, жена стараго магната Корецкаго, давняя подруга Гризельды.

Нельзя было назвать пышную пани красавицей, но въ ея наружности было что-то обольстительное. Роскошные волосы были взбиты въ высокую прическу надъ гордо посаженною головой; густыя черныя брови почти сходились надъ переносицей, а темные съ поволокой глаза то потухали въ истомѣ, то искрились дерзкимъ огнемъ. На припухлыхъ, чувствнnныхъ розовыхъ губкахъ бродила насмѣшливая улыбка.

Подъ прозрачной, какъ алебастръ, кожей разливался нѣжный румянецъ, касаясь открытой шеи и розовыхъ ушей, а на лѣвой щекѣ выдѣлялась темнымъ пятнышкомъ маленькая бархатистая родинка. По правую руку княгини расположился панъ ксендзъ, въ одеждѣ Іезуитскаго ордена. Онъ зорко слѣдитъ за разговоромъ, незамѣтно направляя его туда, куда хочется ему самому. За паномъ ксендзомъ, молча и пыхтя, тянетъ венгржину необъятный князь Заславскій; за нимъ вытянулся неподвижно, словно проглотилъ желѣзный аршинъ, высокій и тонкій панъ Остророгъ. Несмотря на свое знатное имя и извѣстную всей Рѣчи Посполитой ученость, онъ кажется среди собравшагося кичливаго панства человѣкомъ, попавшимъ не въ свое общество. Голубые близорукіе глаза его расте-

рянно переходятъ съ одного магната на другого; движенія неловки и неувѣренны, и только по высокому умному лбу, окруженному свѣтлыми волосами, можно замѣтить, что это не загнанный бѣдный шляхтичъ, попавшій неожиданно въ роскошную среду, а кабинетный ученый, очутившійся вдругъ въ непривычномъ для него обществѣ женщинъ, воиновъ и кичливыхъ, кричащихъ вельможъ. Вокругъ стола тѣсною стѣной сплотились менѣе важные паны. Всѣ слушаютъ разговоры съ живымъ интересомъ, но, между тѣмъ, въ головѣ каждаго мелькаютъ быстрыя соображенія, на чью сторону выгоднѣе стать и что съ какой стороны можно заполучить?

— Такъ,—говоритъ рѣзко и отрывисто князь Ярема, подкручивая ежеминутно свои тонкіе черные усы,—до насъ доходятъ смутные слухи... говорятъ о какомъ то заговорѣ... упоминаютъ объ Оссолинскомъ и королѣ; набираются де войска... артиллерія. Козачья сволочь снова подымаетъ голову, и я мечомъ моимъ клянусь, что между этими новыми повстанцами и тайными замыслами короля есть какая то скрытая связь. Нѣтъ!—ударилъ онъ по столу кулакомъ,—мы не можемъ теперь быть покойными даже за свою вольность! И это будетъ такъ вѣчно, говорю я вамъ, пока Рѣчь-Посполитая будетъ „обирать“ на тронъ свой чужихъ, чуждыхъ ей королей. Развѣ среди насъ мало князей, ведущихъ родъ отъ Витовта, Ольгерда? Шляхтѣ угодно „обирать“ чужеземца, такъ не къ чему и ждать отъ него любви къ нашей отчизнѣ... Насъ предаютъ... И кто предаетъ? Самъ король! Что ему Рѣчь-Посполитая? Она не была и не будетъ ему никогда отчизной! Не такъ ли домогался онъ и московской короны?!... А сколько пролилъ шляхетской крови за шведскій престолъ? Но досыць, досыць! говорю я... Рѣчь-Посполитая не подножье королевскаго трона и хлопскихъ затѣй!

— Совершенно вѣрно, ясный княже!—прогудѣла въ отвѣтъ ближайшая шляхта.

— Князь Вишневецкій — „уродзоный круль“,—выкрикнулъ кто то въ заднихъ рядахъ, послѣ горячей рѣчи князя Яремы.

— Этотъ законъ, панове,—отдуваясь, сообщилъ Заславскій,—постановленъ въ огражденіе нашей золотой вольности, чтобы короли не имѣли въ Рѣчи Посполитой ни собственности, ни родственныхъ связей.

— Однако, тѣмъ не менѣе,—возразилъ горячо Вишневецкій,—и отъ чужеземца идутъ подкопы подъ насъ, а поддержку находитъ онъ тоже.

— Да, да,—сверкнулъ зелеными глазами Чарнецкій,—всѣ эти приготовленія къ войнѣ не даромъ... ужъ что-то они навѣрно

задумали съ этой лисой, купившей себѣ княжье достоинство въ Римѣ, съ этимъ нашимъ великимъ канцлеромъ!

— Бѣса кривого мнѣ въ его войнахъ!—воскликнулъ пышный панъ Заславскій, отставляя свой „келехъ".—Ему хочется войсковой славы, а я за нее своими боками плати? Не будетъ! Подати снова, „мыта", поборы, татары, грабежъ, разоренье. Не „позволямъ", да и только! Хочешь воевать—въ пограничное войско иди!

Въ группахъ, окружившихъ столъ, раздались одобрительные возгласы.

— Послѣ послѣдняго повстанья мои украинные „маентки" до сихъ поръ „облогомъ" лежатъ, хлопство разбѣжалось, рукъ нѣтъ—продолжалъ онъ съ отдышкой.—На милость короля не надѣйся! И каштелянство, и староства онъ раздаетъ своей новой шляхтѣ, Оссолинскимъ, Казаковскимъ, а старой самой за плугомъ, что-ли, идти?—и тучный панъ Заславскій весь побагровѣлъ отъ благороднаго гнѣва и шумно отодвинулся отъ стола.

— Не въ хлопахъ дѣло!—возразилъ раздражительно Іеремія.—Это наше „быдло" и съ нимъ мы расправимся сами... позорно для шляхты обращаться къ королевской ласкѣ въ этомъ дѣлѣ, а вотъ обуздать этого чужеземца слѣдуетъ. Объ этомъ нужно подумать.

— Обуздать, обуздать!—загалдѣли кругомъ.

— Да, — продолжалъ Вишневецкій, — если мы — правящій классъ въ Рѣчи Посполитой, такъ намъ и должно принадлежать исключительное право входить въ договоры съ иностранными державами, собирать войска, объявлять войну, заключать миръ, назначать подати и поборы, а этой коронованной иноземной куклѣ для почета достаточно и тысячи душъ стражи да доходу съ коронныхъ имѣній.

— Ха, ха, ха!—закачался отъ смѣху князь Заславскій,—коронованной куклѣ! Виватъ!

— Виватъ, ясноосвѣцонному князю!—подхватила и стоявшая шляхта, опорожняя „келехи" и наполняя ихъ вновь старымъ медомъ.

— Отчего ты, Викторія, сегодня скучна?—обратилась къ своей подругѣ, между тѣмъ, княгиня Гризельда,—глаза твои такъ вяло, такъ безжизненно скользятъ по нашему пышному рыцарству?

— Не люблю я, признаться,—улыбнулась та,—этихъ разговоровъ про королей, да про хлоповъ... тоска! А рыцарство твое совсѣмъ не интересно!

— Какъ?!—изумилась Гризельда,—а присмотрись къ пану Раймунду, да къ пану Яну

— Экъ, невидаль!—сдѣлала презрительную гримасу подруга.

— Ты ужъ очень разборчива,—пожала плечами Гризельда,—никто тебѣ у насъ не нравится... Или заполонилъ твое сердце „малжонокъ“,—бросила она насмѣшливый взглядъ,—или...

— Или что?—вспыхнула полымемъ пани.

— Или оно всецѣло принадлежитъ кому-нибудь другому.

— Гризельда!—вскрикнула, какъ-бы прося пощады, Викторія,—на Бога!

— Или,—продолжала лукаво Гризельда,—оно совсѣмъ не способно къ любви.

— Послѣднее самое вѣрное,—улыбнулась, подавивши вздохъ, подруга, и темный взоръ ея ушелъ самъ въ себя.

А за столомъ между шляхтою опять поднялся оживленный говоръ. Вопросъ зашелъ о религіи, и Гризельда вся обратилась въ слухъ, а пани Викторія, воспользовавшись минутой, встала отъ стола и подошла къ паненкамъ.

— Да и здѣсь его королевская мосць оказалъ намъ услугу,—выкрикивалъ непріятнымъ и рѣзкимъ голосомъ князь Вишневецкій.

— Кто, какъ не онъ, хлопоталъ о греческой схизмѣ, кто отдалъ имъ епархіи? Мало того, хотѣлъ посадить схизматскаго митрополита съ нами въ сенатъ.

— O tempora, o mores!—промолвилъ іезуитъ.—Схизма на вѣрной землѣ, посвященной Папскому престолу и Пресвятой Дѣвѣ!

— Король хотѣлъ примирить вѣроисповѣданія во имя мира и спокойствія въ панствѣ,—вставилъ негромко Остророгъ.

— Только тотъ миръ и проченъ, который предписанъ мечемъ,—произнесъ гордо Іеремія, бросая въ сторону Остророга полный презрѣнія взглядъ.

— Ха, ха, ха, миръ съ хлопами!—разразился дикимъ смѣхомъ Чарнецкій.—Такъ можно разсмѣшить и мертваго: мирить меня съ тѣмъ, кто самъ съ головой и съ ногами въ моихъ рукахъ? Да послѣ этого мнѣ могутъ предложить помириться и съ моимъ надворнымъ псомъ!

— Однако,—поднялъ Остророгъ свои голубые глаза,—панъ забываетъ...

Но слова его перебилъ рѣзкій и надменный голосъ Іереміи.

— Но не бывать тому, панове!—крикнулъ онъ запальчиво.—Я не допущу этого, и если панство не пойдетъ за мной, самъ сорву сеймъ!

— Да и къ чему вмѣшательство короля въ наши религіозныя дѣла?—просопѣлъ багровый Заславскій.—Мы сами надъ собою паны, а въ помощь еще намъ могутъ стать святые отцы.

— И они бы давно сдѣлали свое дѣло, если-бы его милость король не былъ такъ ослѣпленъ склонностью къ схизмѣ,—вздохнулъ смиренно патеръ.—При покойномъ королѣ Жигимондѣ, пока не вмѣшивалась свѣтская власть въ дѣла церкви, нашъ орденъ не подвергался гоненію, и заблудшія въ схизмѣ овцы мирно возвращались въ лоно святой церкви, а нынѣ разогнаны слуги святѣйшаго отца, въ небреженіи дѣло вѣры, но..—іезуитъ поднялъ глаза къ потолку и произнесъ совсѣмъ тихо и смиренно:—Пока живу, надѣюсь, а надежда—въ Бозѣ!

При послѣднихъ словахъ патера на блѣдномъ лицѣ княгини вспыхнулъ горячечный румянецъ, черные глаза загорѣлись затаеннымъ огнемъ и, обращаясь къ мужу, она замѣтила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Неужели князь допуститъ и дальше такое насиліе надъ вѣрными служителями вѣры нашихъ отцовъ?—Неужели позволитъ схизмѣ множиться и распространяться на нашей землѣ?

— О, Пресвятая Дѣва!—воскликнулъ съ паѳосомъ іезуитъ.—Ты избираешь себѣ достойныхъ служительницъ на этой грѣшной землѣ.

Іеремія взглянулъ на княгиню... и вдругъ все лицо его, надменное, кичливое и холодное, преобразилось отъ несвойственнаго ему выраженія нѣжности и любви, оно сдѣлалось даже почти красивымъ.

— Нѣтъ, княгиня, клянусь,—воскликнулъ онъ гордо и увѣренно,—покуда я живъ, въ моихъ по крайней мѣрѣ владѣніяхъ измѣнѣ и схизмѣ не удастся свить своего гнѣзда!.. Размечу, съ лица земли сотру всѣ ихъ селенія, но водворю тишину и спокойствіе и истинную вѣру вотъ этимъ мечомъ!..

— И прославится имя твое отъ вѣка до вѣка и народы преклонятся передъ нимъ,—заключилъ торжественно патеръ.

Князь Остророгъ хотѣлъ было что-то сказать, но голосъ его покрыли громкіе и дикіе крики окружающаго панства: „Vivat! vivat! vivat!“

— Ба! кого я вижу, панъ ротмистръ?—воскликнулъ громко молодой уланскій поручикъ, сталкиваясь въ дверяхъ съ сѣдымъ офицеромъ въ формѣ коронныхъ гусаръ.

— Онъ самый,—отвѣтилъ тотъ съ радостною улыбкой, освѣтившею сразу его угрюмое на видъ лицо.

— Откуда? какъ? какимъ образомъ здѣсь?

Встрѣтившіеся знакомцы отошли въ амбразуру окна

— Я-то съ письмомъ отъ великаго польскаго гетмана, а ты, панъ-товарищъ, какимъ образомъ здѣсь?

— А развѣ панъ не слыхалъ, что я перешелъ въ войска князя Іереміи?.. Надоѣло стоять тамъ на „кресахъ“ (границахъ)! Здѣсь, по крайней мѣрѣ, жизнь, пышность, веселье, да и опаски нѣтъ никакой, а тамъ что за радость? Каждую минуту подставляй свою голову...—и онъ добавилъ, взявши пана ротмистра за руку:— Ну, а какъ пану нравится замокъ?

— Крѣпость неприступна. Гарнизонъ на мѣстахъ, порядокъ вездѣ безпримѣрный... Больше нечего и желать.

— Нѣтъ, я не о томъ!—усмѣхнулся снова панъ-товарищъ.— Какъ пану нравится самъ замокъ, пріемы, дворъ? Вѣдь по крулевски? Въ Варшавѣ не встрѣтишь такой красоты.

— Объ этомъ не знаю, въ королевскомъ дворцѣ не бывалъ, а что шуму много, то правда.

— Ха, ха!—перебилъ его панъ-товарищъ,—впрочемъ, панъ ротмистръ самой красы еще не видалъ. Я могу показать ему настоящій цвѣтникъ; но если панъ къ женщинамъ относится такъ-же сурово, то, быть можетъ, не стоитъ и огорчать нашихъ дамъ.

— О, нѣтъ!—усмѣхнулся добродушно панъ-ротмистръ подъ своими гигантскими усами, и подмигнулъ молодцовато бровью,— панны никогда не могли пожаловаться на мое равнодушіе.

— Въ такомъ случаѣ прошу пана слѣдовать за мной,—сказалъ панъ товарищъ, пробираясь осторожно сквозь снующее безпрестанно панство къ концу залы, гдѣ въ полукругломъ выступѣ, образовывавшемъ родъ гостинной, съ гигантскими окнами, протянувшимися почти отъ самаго потолка до самаго пола, размѣстились на шелковыхъ табуретахъ знатныя панны, проживавшія въ замкѣ князя Іереміи и составлявшія нѣчто въ родѣ свиты княгини Гризельды; между ними сидѣла теперь и пани Викторія. Пушистый турецкій коверъ покрывалъ весь полъ гостинной. Свѣчи въ высокихъ консоляхъ горѣли по угламъ, а въ открытыя окна вливался лѣтній воздухъ, такой душистый, теплый да неподвижный, что даже не колебалъ ни одного пламени свѣчи. Вокругъ вельможныхъ паненокъ суетились молодые магнаты, офицеры изъ княжьихъ, коронныхъ и другихъ хоругвей. Слышался сдержанный говоръ и веселый смѣхъ.

— Ну, а что, какъ пану ротмистру это понравится?—остановился панъ-товарищъ, любуясь издали блестящимъ видомъ залитыхъ золотомъ и каменьями красавицъ; но панъ-ротмистръ почему-то сурово молчалъ, не сочувствуя, очевидно, похваламъ, расточаемымъ его юнымъ собесѣдникомъ.

— А вотъ эта пани,—видитъ панъ-ротмистръ?—вонъ та, съ рыжеватыми волосами,—указалъ онъ на одну изъ дамъ, сидѣвшую

у раскрытаго окна, возлѣ которой увивалась цѣлая толпа.—Это пани Викторія, красавица, „малжонка“ стараго, престараго дѣда Корецкаго, ищущая утѣшителя... По ней сходитъ съ ума весь замокъ, даже, говорятъ, вельможный панъ Остророгъ забываетъ свою латынь, глядя на нее.

— Ну, что-же, хороша?—спросилъ замирающимъ отъ восторга голосомъ панъ товарищъ.

— Къ сухому пороху такую не подпускай,—усмѣхнулся ротмистръ, подмигивая бровью.

— А панъ?

— Отсырѣлъ, пане брате, отсырѣлъ... теперь „безпешно“ хоть въ самую печь положи—не вспыхну! А вѣдь въ былое время трепетала меня всякая панна на Литвѣ,—закрутилъ ротмистръ свой богатырскій усъ, сверкнувъ изъ-подъ нависшихъ бровей глазомъ, и хотѣлъ было уже разсказать пану товарищу какую-то молодцоватую исторію, но послѣдній перебилъ его:

— Однако же, иди, пане, я тебя представлю панству.

Панъ-ротмистръ послѣдовалъ за своимъ юнымъ проводникомъ и остановился передъ очаровательною Викторіей, окруженною цѣлою толпой пышныхъ пановъ.

— „За позволеньемъ“ яснoосвѣцоной пани,—склонилъ изящно товарищъ передъ красавицей голову,—я представляю: вотъ мой пріятель! Панъ ротмистръ стоитъ съ коронными войсками на „кресахъ“; но и туда, въ такую глушь, достигла слава о красѣ пани, и вотъ панъ ротмистръ просилъ меня представить его...

— Для того, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ всѣ люди лгутъ?—спросила, насмѣшливо пани Викторія,—не правда ли?

— Я не могу, пани, на людей взвесть такую напраслину,— панъ ротмистръ, и звякнулъ шпорами.

— Панъ очень снисходителенъ къ людямъ,—улыбнулась обворожительная Викторія...—Да, кстати,—перемѣнила она вдругъ разговоръ,—панъ-ротмистръ стоитъ на „кресахъ“, онъ можетъ разрѣшить намъ споръ.

Да, да—зашумѣли кругомъ и паны, и пышныя панны.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ панъ-товарищъ.

— Пани увѣряетъ—заговорило въ одинъ голосъ нѣсколько молодыхъ пановъ,—что эта дикая козацкая сволочь умѣетъ любить.

— Да, да,—подхватили паны, пересмѣиваясь между собой,— грязные, пьяные, дикіе звѣри—и вдругъ любить!..

— А я говорю, что умѣютъ, и такъ горячо, какъ не съумѣетъ никто изъ нашихъ пресыщенныхъ пановъ,—произнесла

пани Викторія необычайно твердымъ тономъ, бросая въ сторону панства вызывающій взглядъ своихъ темныхъ глазъ.

— Пани говоритъ это такъ увѣренно,—усмѣхнулся почтительно одинъ изъ разряженныхъ магнатовъ,—что, можно думать, она извѣдала это на опытѣ. Впрочемъ, я самъ готовъ честью своей поклясться, что не только козакъ, но и дикій буй-туръ не останется равнодушнымъ подъ взглядомъ глазъ пани; но какъ онъ объ этомъ скажетъ ей,—развелъ вельможный руками,—да какимъ образомъ сдѣлаетъ, такъ сказать, декларацію любви?

— Ха, ха, ха!—разразились веселымъ смѣхомъ вельможныя панны.—Хлопское быдло и—декларація любви!

Пани Викторія закусила губу и, нахмуривши свои густыя брови, обратилась нетерпѣливо къ ротмистру.

— Что-жъ это панъ-ротмистръ не скажетъ ничего?

— Къ большому моему сожалѣнію, дѣла любви не находятся теперь въ моей компетенціи, но что касается того, что панство называетъ козаковъ хлопскимъ быдломъ и буйною сволочью, то смѣю завѣрить, что это такіе храбрые воины, съ какими не стыдно стать въ ряду.

Нѣсколько паненокъ хихикнуло, закрывшись вѣерами, вельможи бросили полный изумленія взглядъ на дикаго чудака.

— Удивляюсь, почему же панъ ротмистръ не перешелъ въ ихъ шайки, тамъ бы онъ сразу гетманомъ сталъ?—вставилъ насмѣшливо одинъ изъ драгуновъ Іереміи.

— Благодарю сердечно пана ротмистра,—протянула Викторія руку,—за правдивое слово и предлагаю за это свою дружбу.

— Падаю къ ногамъ пани,—поцѣловалъ ротмистръ протянутую руку,—головой лягу за ея ласковое слово.

— Конечно,—подхватилъ поспѣшно важный магнатъ, увивавшійся подлѣ пани Викторіи,—и остервенившійся звѣрь защищается храбро; но что же это? Все таки табунъ какихъ-то дикихъ коней.

— Дикій конь горячѣй объѣзженнаго!—бросила небрежно съ вызывающимъ взглядомъ пани Викторія.

— Но онъ не понесетъ такъ покорно пани, какъ выѣзженный, кровный конь!—усмѣхнулся изысканно магнатъ.

— Ну, чтожъ?—окинула его дерзкимъ взглядомъ пани Викторія,—умчитъ бурею, а тамъ пусть и затопчетъ на вѣкъ.

— А, вотъ какъ думаетъ пани!

— Вино съ водою мѣшать не люблю!

— Браво, браво!—захлопали кругомъ магнаты.—Слова пани мѣтки, какъ стрѣлы татарина.

— Бьюсь объ закладъ на двадцать арабскихъ коней,—продолжалъ магнатъ,—что въ пани былъ влюбленъ какой-нибудь изъ этихъ дикарей, быть можетъ, и самъ Гуня или Павлюкъ. Еслибы пани была добра, она бы разсказала намъ этотъ интересный случай; я увѣренъ, что это было бы нѣчто въ родѣ Геркулеса, прядущаго по приказанію нимфы

Пани Викторія небрежно улыбнулась, хотя по лицу ея разлился нѣжный румянецъ.

— Почему панъ такъ думаетъ?—спросила она игриво, склоняясь головой на руку.—Но хорошо, что панъ вспомнилъ о приключеніяхъ. Я попрошу пана разсказать что-нибудь; разсказы его такъ остроумны и забавны, а я устала. Ну, я жду!—окончила она нетерпѣливо.

Панъ началъ разсказывать какое-то безконечное приключеніе.

Пани Викторія слушала разсѣянно и небрежно. Тихая ли ночь, обнявшая сквозь открытое окно ея пылающую головку, или какое то сладкое давнее воспоминаніе, выплывшее вдругъ неожиданно среди этой роскоши, пышности и суеты,—навѣяли на нее нѣжную мечту,—только рѣсницы ея опустились; по лицу разлился тихій покой, а полуоткрытыя уста такъ и застыли въ нѣжной, задумчивой улыбкѣ.

Между тѣмъ разговоръ у княжьяго стола принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ.

— Не надо войны, никакой войны ни съ какимъ бѣсовымъ батькомъ, не надо, да и баста!—кричалъ уже подвыпившій князь Заславскій, стуча своимъ келехомъ по столу.—Всѣ войны къ бѣсу, онѣ намъ въ убытокъ!

— Но государство имѣетъ свои интересы, которые стоятъ выше интересовъ частныхъ людей,—заявилъ негромко панъ Острогъ.—Политика требуетъ...

— Какого мнѣ бѣса въ ихъ политикѣ!—перебилъ его князь Заславскій.—Мало ли чего они тамъ съ этою тонкою лисой понакрутятъ!—Долой война!

— Такъ, такъ! Згода, згода, не надо войны!—зашумѣли кругомъ магнаты.

— Однако, панство, позвольте!—поднялъ надменно голову князь Іеремія, и при звукѣ его холоднаго голоса умолкли всѣ взбушевавшіеся возгласы.

— Война есть рыцарская потѣха, и наши славные предки не прятали своего меча и не уклонялись отъ чужого. Война войнѣ рознь. Если она принимается за расширеніе границъ государства,

за усиленіе его, я первый предложу мечъ свой. Но если это подвохъ, такъ я подниму мечъ на измѣнниковъ.

— Правда, правда!—зашумѣло панство.

— Если бы король поднялъ мечъ для завоеванія Крыма, чтобы Рѣчь Посполитая уперлась ногами въ Черное море, я бы благословилъ его.

— А къ чему намъ этотъ Крымъ? Что въ немъ?—допытывался совсѣмъ захмѣлѣвшій Заславскій.

— Ко всему! Въ немъ наше спасенье!—запальчиво отвѣтилъ Іеремія.—Если Крымъ ляжетъ у нашихъ ногъ, тогда эти подлые стражи козаки намъ не нужны. Мы ихъ сметемъ. А когда ихъ не станетъ, тогда и ваши хлопы умолкнутъ на вѣки и смирно будутъ вамъ землю пахать.

— По моему проще,—заявилъ съ конца стола толстый панъ,—вырѣзать козаковъ, выпороть хлоповъ и баста!

— Да, да!—подхватили не совсѣмъ, впрочемъ, дружно нѣкоторые голоса.

— Да благословитъ Господь благія намѣренія, освѣщающія головы панства!—провозгласилъ торжественно іезуитъ.

На лицѣ пана Остророга отразилось не то смущеніе, не то страданіе.

— Осмѣлюсь обратить вниманіе вельможнаго панства,—началъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, опуская глаза,—что такими жестокими мѣрами наша междоусобная война, такъ сказать, „bellum civile“, не прекратится, а возгорится еще сильнѣе. Козаки, терпящіе и такъ не малыя утѣсненія, возстанутъ съ еще большею горячностью и соединятся съ народомъ. Жестокость выкуетъ имъ мечъ.

При первыхъ словахъ Остророга панство оглянулось въ его сторону съ едва скрываемымъ недоброжелательствомъ и нетерпѣніемъ: Казалось, у каждаго въ головѣ промелькнула одна и та же мысль. „И какія еще тамъ добродѣтельныя сентенціи начнетъ распускать эта латинская машина?“—но при послѣдней его фразѣ шумъ негодованія поднялся кругомъ.

— О, Dei!—воскликнулъ патеръ,—кто станетъ слушать жалобы Гракховъ?

— Но Гракхи, велебный ксендже, подымали возмущеніе изъ-за хлѣба,—возвысилъ уже голосъ панъ Остророгъ, подымая свои голубые глаза, загорѣвшіеся теперь возмущеніемъ,—въ дѣлахъ, касающихся цѣлыхъ народовъ, нужно разсуждать спокойно, такъ сказать, „aequo animo“.

— Не „aequo animo“, а „forti animo“. Это единственный способъ, достойный рыцарей и вельможъ!—перебилъ его громко князь Іеремія.

— Правда, правда!—загремѣло кругомъ панство.

Панъ Остророгъ окинулъ всѣхъ своими свѣтлыми вдумчивыми глазами и молча опустилъ голову.

— Посолъ отъ старосты Чигиринскаго, ясновельможнаго пана на Конецполѣ, Конецпольскаго, панъ Адамовичъ-Шпорицкій!—провозгласилъ въ это время громко слуга, распахивая широкія дубовыя двери.

Всѣ заинтересовались, притихли.

— Отлично!—буркнулъ пану-товарищу ротмистръ.

— А что?—не понялъ тотъ.

— Да вотъ, прибывшій гость—мой землякъ, литвакъ, я всю фамилію Адимовичей-Шпорицкихъ знаю.

— А!—протянулъ товарищъ и бросился къ какой-то паннѣ поднять упавшій платокъ.

Въ большой залъ князя Іереміи вошелъ стройный молодой шляхтичъ. Драгоцѣнная, залитая каменьями одежда лежала на его высокой стройной фигурѣ свободно и изящно; красивая свѣтловолосая голова была гордо отброшена назадъ, а синіе глаза глядѣли увѣренно и смѣло. При входѣ молодой магнатъ слегка остановился и окинулъ весь залъ пристальнымъ взоромъ; казалось, одно мгновеніе онъ взвѣшивалъ что-то. Одобрительный шепотъ пробѣжалъ по залѣ при входѣ молодого красавца. Гость сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, замѣтивши князя, приложилъ правую руку къ груди, а лѣвую опустилъ со шляпой почти до самой земли, отвѣсивъ полный достоинства и изящества поклонъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ его князь Ярема, вставая съ мѣста и опираясь рукой на высокую спинку кресла.—Надѣюсь, панъ привезъ намъ добрую вѣсть?

— Князю Іереміи не страшны и злыя вѣсти!—отвѣтилъ звонкимъ молодымъ голосомъ шляхтичъ и, вынувши толстый пакетъ бумаги, двинулся впередъ.

— Ахъ, кто это? Кто?—раздался громко встревоженный голосъ панны Викторіи, когда молодой шляхтичъ поравнялся съ круглою нишей, занятою паннами.

При звукахъ этого голоса молодой шляхтичъ вдругъ вздрогнулъ и остановился; по лицу его пробѣжало какое то мучительное выраженіе; онъ быстро оглянулся въ ту сторону, откуда донесся знакомый голосъ,—смертельная блѣдность покрыла его молодое лицо. Передъ нимъ въ глубинѣ амбразуры окна стояла, приподнявшись

съ своего стула, блестящая пани Викторія. На одно мгновеніе глаза ихъ встрѣтились, пани тихо вскрикнула и, закрывши глаза рукою, опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Отъ присутствующихъ не ускользнула эта непонятная сцена.

— Чтожъ это панъ остановился?—обратился нетерпѣливо Іеремія.

— Засмотрѣлся на нашихъ красавицъ,—усмѣхнулся князь Заславскій.

Молодой шляхтичъ сдѣлалъ надъ собой невѣроятное усиліе.

— Прошу прощенія у ясноосвѣцонаго князя и вельможнаго панства,—отвѣчалъ онъ, повидимому, спокойнымъ голосомъ, подходя къ столу,—послѣ нашей тьмы, пышность и блескъ княжьяго двора ослѣпляютъ непривычное око.

— Однако, что съ княгиней?—засуетился подлѣ Викторіи молодой магнатъ.—Бьюсь объ закладъ, что это какой-нибудь старый знакомецъ.

— Онъ такъ и замеръ на мѣстѣ, при видѣ ея ясной мосци, вставилъ другой.

— Удивительно было-бы, если-бы прошелъ равнодушно мимо,— вскрикнулъ горячо панъ товарищъ.

— Панство шутитъ все,—улыбнулась принужденно Викторія, отымая отъ глазъ руку; на лицѣ ея еще видны были слѣды неулегшагося волненія.—Просто напомнилъ мнѣ панъ одного стараго пріятеля,—заговорила она нервно, стараясь придать своему голосу самый небрежный тонъ,—да, пріятеля, котораго уже нѣтъ, который умеръ давно.

— Тысячу перуновъ!—вскрикнулъ рѣзко Іеремія, бросая распечатанный пакетъ на столъ.—Не моя ли правда была, когда я панству толковалъ, что война съ татарами необходима уже потому, чтобы уничтожить эту буйную орду до тла!... Панъ Конецпольскій пишетъ мнѣ въ этомъ „листѣ“,—протянулъ онъ величаво руку, указывая на брошенный пакетъ,—что хлопство снова бунтуетъ, шайки Кривоноса, этого бѣглаго хлопа, разсѣялись въ моихъ владѣніяхъ, а самъ онъ засѣлъ въ моихъ плавняхъ.

— Мало того, осмѣлюсь доложить ясноосвѣцоному князю,— вставилъ громко молодой шляхтичъ,—подлый хлопъ поклялся и распускаетъ повсюду слухи, что до тѣхъ поръ, пока онъ не добудетъ головы князя Іереміи и не сошьетъ себѣ изъ его благородной кожи сапогъ, онъ не остановитъ своего буйнаго движенія и обречетъ смерти всѣхъ и каждаго, попавшагося на его пути.

Княгиня Гризельда вскрикнула и почти упала на стулъ.

— Панъ могъ-бы оставить и про себя эту гнусную новость,— метнулъ взбѣшенный Іеремія въ сторону шляхтича стальной взглядъ.

— Прости, ясноосвѣцоный княже, за передачу продерзостныхъ словъ подлаго хлопа,—поклонился посолъ,—но они показываютъ только, до чего возросла дерзость разбойника,—дерзость, требующая немедленной поимки этого звѣря и примѣрной кары надъ нимъ.

— Неслыханная дерзость! На „палю" быдло!—зашумѣла кругомъ разгоряченная толпа.

— На меня, на Іеремію, осмѣлился подняться дерзкій хлопъ,— продолжалъ князь, выкрикивая слова,—на Іеремію, имени котораго дрожитъ Турція, Московія и Бахчисарай! Что-жъ ожидаютъ всѣ ваши „маѳтки"? Если онѣ еще не лежатъ пепелищемъ, то будутъ сожжены завтра, сегодня. Ваши жены будутъ проданы въ Крымъ. Вы сами попадете къ „быдлу" на пали!..

— In nomen Patri et Fili et Spririti sancti, да охранитъ насъ Святая Дѣва отъ вторженія исчадій ада!—поблѣднѣлъ патеръ.

— Быть можетъ, разбойникъ уже близко,—пропыхтѣлъ растерянно князь Заславскій, оглядываясь по сторонамъ.

— Проклятіе всякому, кто еще заступается за эту шайку, изъ-за которой никто не можетъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Цѣлуйтесь теперь съ Кривоносомъ!—стукнулъ рукой по столу панъ Чарнецкій.

Бомба, упавшая среди залы, не произвела бы большаго смятенія, чѣмъ это слово „Кривоносъ", раздавшееся теперь въ тысячѣ мѣстахъ. Панны, молодые магнаты, всѣ столпились вокругъ стола.

— Прошу панство не тревожиться,—остановилъ всѣхъ гордо и пренебрежительно князь Іеремія,—замокъ неприступенъ, жизнь моихъ гостей подъ моимъ кровомъ неприкосновенна. Въ оборонѣ замка 500 моихъ непобѣдимыхъ драгунъ, столько же возвратится изъ Жовновъ завтра,—по лицу молодого шляхтича пробѣжала какая-то темная тѣнь,—всѣ они останутся въ замкѣ. На это быдло я выѣзжаю съ псарями и хлыстомъ!

— Князь слишкомъ увѣренъ,—вставилъ гордо молодой шляхтичъ, едва сдерживая какое-то непонятное волненіе,—не совѣтовалъ бы я выѣзжать на шайку Кривоноса съ псарями и хлыстами— они многочисленны.

Іеремія прищурилъ глаза и смѣрилъ своимъ надменнымъ взглядомъ съ ногъ до головы молодого шляхтича.

— Панъ или слишкомъ боится Кривоноса,—произнесъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово,—или преклоняется передъ нимъ.

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ тотъ спокойно,—я слишкомъ хорошо знаю эти буйныя головы, такъ какъ часто дрался съ

ними, да и задача князя требуетъ многочисленнаго войска: нужно вѣдь окружить огромное пространство плавней и не дать уйти звѣрю!

— Да, да, упаси, Господи!—раздались тревожные голоса.

— Панъ съ ними дрался, но и князь Іеремія билъ ихъ нерѣдко,—подчеркнулъ Вишневецкій,—однако, если панъ знаетъ ихъ такъ близко, то, я надѣюсь, онъ не откажетъ мнѣ принять участіе въ облавѣ, которую я объявляю на завтра.

На лицѣ молодого шляхтича отразилось невольное смущеніе.

— За честь для себя почту выступить съ княжьими войсками,—произнесъ онъ съ легкою запинкой,—но я тороплюсь поскорѣе въ Чигиринъ: панъ староста наказалъ мнѣ возвратиться къ нему завтра обратно... Если ясный князь приметъ на себя ослушаніе мое передъ паномъ-старостой, то я могу указать княжьимъ войскамъ, гдѣ скрывается этотъ песъ.

— Хорошо!—кивнулъ головой Іеремія, давая тѣмъ понять, что аудіенція окончена.

Шляхтичъ отошелъ къ группѣ молодежи.

— Не узнаетъ меня панъ, что-ли?—протянулъ къ нему широкую руку панъ ротмистръ.

— Кажется,—смѣшался шляхтичъ,—гдѣ-то встрѣчались.—„Масловъ-Ставъ!"—мелькнуло у него молніей въ мозгу,—а, можетъ быть, я похожъ на кого-либо изъ панскихъ знакомыхъ?

— Да, какъ же, какъ же... знакомое лицо... земляки вѣдь,—трясъ руку шляхтичу длинноусый панъ ротмистръ.—Панъ вѣдь изъ Литвы?

— Изъ Литвы,—какъ-то тихо и робко отвѣтилъ посолъ.

— Изъ моей родины... Я панскій родъ весь знаю... со многими другъ и пріятель, панъ, вѣроятно, сынъ Януарія?

— Гм... вѣроятно,—процѣдилъ сквозь зубы посолъ.. „А, чтобъ тебя вѣдьма подрала съ твоимъ знакомствомъ... и прицѣпился же чортовый литвинъ!"—ругалъ онъ его мысленно, не зная, какъ отойти, улизнуть.

— Да?—обрадовался ротмистръ,—а какъ же поживаетъ панна Ядвига?

— Ничего себѣ,—осматривался по сторонамъ молодой шляхтичъ, подыскивая предлогъ отойти дальше —„Да помоги же святой Юръ!—напрягалъ онъ мозгъ свой съ мольбой,—вывези: свѣчку поставлю!—Э, впрочемъ, была,—не была!"—повернулся онъ рѣшительно къ пану ротмистру.

— Прости, пане, тутъ какое-то недоразумѣніе: я сейчасъ немного разсѣянъ, думаю все про этого пса Кривоноса, а панъ мнѣ повторяетъ незнакомыя имена.

— Панъ какихъ Адамовичей знаетъ? Изъ какихъ мѣстъ? Изъ Боровки, Сосницы, что на Вилейкѣ, недалеко отъ Вильны, фамиліи—пана Януарія, пана Антося, пана Эдуарда, кажется, всѣ?

— Э, панъ ошибается,—засмѣялся небрежно шляхтичъ,—я не изъ тѣхъ, слышалъ про Вилейскихъ тоже, но они даже не родственники, а только одного герба.

— Странно,—пожалъ плечами панъ ротмистръ,—а мнѣ Антось божился, что во всей Рѣчи-Посполитой только и есть единственная вѣтвь фамиліи Адамовичей-Шпорицкихъ—это ихъ... а вотъ выходитъ и другая нашлась, а гдѣ же панская сидитъ?—любопытствовалъ таки панъ ротмистръ.

— Моя... далеко, пане, за Могилевомъ...

— А гдѣ-же именно? Тамошнія мѣста мнѣ тоже знакомы.

— „Провались ты въ тартары, „литовская бочка!"—ругнулъ почти вслухъ новаго, нежданнаго пріятеля шляхтичъ,—"чтобъ ему выдумать?"—Изъ Рудни!—выпалилъ, наконецъ, онъ отчаянно.

— Изъ Рудни?—вытаращилъ глаза ротмистръ.—Изъ Рудни? Изъ моего родного села?

— Не изъ Рудни, а изъ Рудницъ,—поправился нагло шляхтичъ, и потомъ, не давши придти въ себя ротмистру, пожалъ ему руку, пробормотавъ, отходя,—во всякомъ случаѣ радъ, весьма радъ... А вотъ еще мой знакомый,—показалъ онъ неопредѣленно головою въ противоположный конецъ залы и скрылся между толпой.

Панъ ротмистръ такъ и остался, застывшій отъ изумленія, съ разставленными руками:

— Эй, что-то, голубчикъ, хвостомъ ты вертишь и улизываешь, какъ вьюнъ! Адамовичъ ли ты? Вотъ что!

Къ пану ротмистру подошли нѣкоторые изъ шляхты.

А молодой шляхтичъ пробирался безцѣльно впередъ и очутился незамѣтно возлѣ амбразуры окна, у котораго стояла пани Викторія, какъ окаменѣлая статуя; грудь ея вздымалась высоко и медленно, глаза не отрывались отъ молодого шляхтича, рука судорожно теребила платокъ... глубокое, необоримое волненіе охватывало всю ее властно.

Когда молодой шляхтичъ, потупивъ голову, подошелъ къ ней близко, она не удержалась и порывистымъ шепотомъ бросила къ нему лово: „Михасю!"

Это милое, давно забытое слово ударило шляхтича, какъ стрѣла, и заставило обернуться и вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

— Ты! Ты! Узнала!—прошептала Викторія, и на ея красивомъ лицѣ вспыхнулъ такой огонь радости и восторга, что у мо-

лодаго шляхтича что-то дрогнуло въ груди и разлилось горячею волной по всѣмъ жиламъ.

— Я пани не знаю!—пересилилъ онъ все таки свое волненіе и отвѣтилъ холодно и небрежно.

— На Бога! Панъ по лезвію ходитъ,—шептала, смотря по сторонамъ, Викторія,—я... я... не врагъ...

— А, пани другъ?—улыбнулся презрительно шляхтичъ, но въ это время обратился къ нему рѣзкимъ голосомъ князь Ярема:

— Проше, пане посолъ!—махнулъ онъ рукою.

Молодой шляхтичъ подошелъ безпечно и элегантно.

Пани Викторія двинулась тоже и остановилась за княземъ Вишневецкимъ, между толпой молодежи.

— Панъ давно изъ Чигирина?—спросилъ, прищуривъ глаза, князь Ярема.

— Третьяго дня выѣхалъ, ваша княжья мосць,—отвѣтилъ бойко шляхтичъ.

— И панъ Конецпольскій былъ дома?—улыбнулся князь.

— Куда-то собирался... мнѣ неизвѣстно,—замялся шляхтичъ.

— Странно, что онъ послу своему не сообщилъ, гдѣ будетъ находиться... Мнѣ могла придти мысль навѣдаться къ нему...

— Да, вѣроятно, дома, ясный княже!—снова ободрился шляхтичъ.

— Еще страннѣе!—нахмурилъ брови Іеремія.—Развѣ пану не извѣстно, что Чигиринскій староста выѣхалъ въ Варшаву на свадьбу Радзивила, и, кажется, не три дня назадъ... а болѣе?..

Одно мгновеніе шляхтичъ почувствовалъ, какъ сердце его перестало биться, а кровь замерла въ жилахъ, но это было лишь мгновеніе.

— Панъ-староста не считаетъ нужнымъ сообщать подчиненнымъ о своихъ намѣреніяхъ...—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою наглостью.—Быть можетъ, потому панъ-староста и потребовалъ моего немедленнаго возвращенія, чтобы въ его отсутствіе было вѣрное лицо у подстаросты.

— Возможно...—протянулъ князь Іеремія, пронизывая шляхтича насквозь своими сѣрыми, злыми глазами.—Хорошо, увидимъ!.. Во всякомъ случаѣ панъ у меня останется гостемъ,—подчеркнулъ князь тономъ, не допускающимъ возраженій.

Потомъ, поднявшись со стула, громко заявилъ всѣмъ:

— Панове! на утро походъ! Кто желаетъ принять участіе въ нашей облавѣ, прошу всѣхъ подъ мою хоругвь!

Громкіе бурные возгласы покрыли оглушительнымъ шумомъ его слова.

Гости двинулись за княземъ въ другіе покои.

Блѣдная, съ искаженными отъ ужаса чертами лица, съ блуждающими глазами, стояла въ сторонѣ пани Викторія, готовая крикнуть кому-либо: „На помощь! Во имя Бога!“ Она чувствовала, какъ все кружилось въ ея головѣ, какъ внутри ея жгло, и, ломая себѣ безсознательно руки, шептала только: „Что дѣлать? Что дѣлать! Погибъ!“. Вдругъ глаза ея замѣтили сѣдого ротмистра, остановившагося невдалекѣ.

— На Бога!—рванулась она къ нему и заговорила прерывистымъ шепотомъ:—Вамъ я могу довѣриться, какъ новому другу, отъ васъ зависитъ спасеніе моего добраго имени... Но моя честь... моя жизнь...

Панъ-ротмистръ взглянулъ на блѣдное, взволнованное лицо пани и не заставилъ повторить просьбы.—Положитесь на меня,—шепнулъ онъ,—головы лишусь, а не выдамъ!

— Спасибо!—произнесла она, сдавивъ ему руку.—Остановите поскорѣе... вонъ того новаго посла.. во имя Матки Найсвѣнтшей, остановите!.. Пусть онъ пойдетъ ко мнѣ только на два слова... отъ этого зависитъ... да, моя жизнь!

— Все будетъ сдѣлано!—увѣренно сказалъ ротмистръ и скрылся въ толпѣ.—„Однако,—кружились у него въ головѣ мысли,—посолъ-то этотъ, видно, штучка: и относительно деревни вретъ, и такую „сличную“ пани пугаетъ до смерти... Нѣтъ, братъ, я тебя не спущу съ глазъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ стоялъ передъ смертельно взволнованною паней Викторіей молодой шляхтичъ въ почтительно-насмѣшливой позѣ, а въ глубинѣ залы за колоннами виднѣлась на стѣнѣ безобразно-длинная колеблющаяся тѣнь пана ротмистра.

— Чѣмъ могу служить пани?—спросилъ холодно и церемонно молодой шляхтичъ.

— Вотъ ключъ,—протянула она судорожно руку,—во имя всего святого, Михась, будь въ сѣверной башнѣ... черезъ годину... я буду тамъ .

— Таинственное свиданіе!—захохоталъ беззвучно посолъ.

— Не оскорбляй!—съ мольбой протянула Викторія руки.

— А! испугалась за свое имя?—оледенилъ онъ ее презрительнымъ взглядомъ.

— Не обо мнѣ рѣчь, но о тебѣ,—задыхаясь отъ волненія, но гордо отвѣтила пани,—о твоемъ спасеніи... жизнь твоя на волоскѣ! Завтра будетъ поздно!

Какъ окаменѣлый, стоялъ Чарнота посреди отведенной ему комнаты, не зная, что дѣлать, на что рѣшиться, что предпринять?

Мысли у него мѣшались: тысячи различныхъ плановъ и предположеній росли, подымались въ мозгу, словно волны прибоя, но, какъ волны прибоя, онѣ и разбивались о скалы, при одномъ воспоминаніи о несомнѣнной западнѣ, въ которую онъ попалъ. Одно было, какъ Божій день, ясно, что нападеніе на замокъ при наличномъ числѣ гарнизона и прибывшихъ командъ было невозможно, безумно! Мысль о бѣгствѣ изъ замка сегодня же, ночью, приходила ему нѣсколько разъ, но какъ ни изощрялъ Чарнота своего остроумія, а долженъ былъ, наконецъ, согласиться, что сдѣлать это при всей предосторожности, при самой отчаянной храбрости было немыслимо. Оставалась одна только надежда на завтра: и то, если возьметъ съ собою въ походъ князь,—тогда бы можно было завести кудануибудь панство въ непролазную пущу или въ такое болото... А батька Максима натравить на застрявшаго въ болотѣ Ярему.. Вотъ была-бъ потѣха,—ужъ на что лучше! Конечно, меня-бы онъ велѣлъ искромсать, да за такое дѣло—любо! А то еще, чего добраго, въ суматохѣ и улизнуть-бы было возможно... Да, да,—оживился Чарнота,—птицу на волѣ, а козака въ полѣ кто поймаетъ? Но возьметъ-ли Ярема съ собой?—вотъ въ чемъ рѣчь! Да, эта рѣчь съ гвоздемъ!... А теперь, какъ дать знать товарищамъ, чтобы сидѣли тихо, чтобы ни словомъ, ни звукомъ не выдали себя „вартѣ"... Имъ-то наказалъ я строго, чтобы до выстрѣла не смѣли и писнуть, а поили-бы до мертва „варту", а главное воротаря, чтобъ послѣ сигнала могли сами спустить мостъ и отворить „браму"... А тѣмъ, тѣмъ въ мѣшкахъ какъ сказать... задохнутся, пожалуй... Нѣтъ, выдержатъ .. не въ такихъ передѣлкахъ бывали... Но вѣкъ-же сидѣть нельзя... Нападеніе ночное невозможно... Кривоносъ стоитъ подъ замкомъ... ему нужно дать знать... иначе завтра его могутъ обойти... я то могу и остаться; „разъ, вѣдь, умирать, а не двичи", а товарищамъ нужно дать знать... Ахъ, Господи, что дѣлать?... только бы передать... шепнуть два слова, но какъ? На дверяхъ стража... Въ окно!—почти вскрикнулъ онъ.—Высоко... ничего... ночь темная... можно связать поясъ...—Чарнота началъ поспѣшно разматывать огромный шелковый поясъ, обвивавшій нѣсколько разъ его фигуру.

„Хватитъ, хватитъ...—шепталъ онъ тихо, лихорадочно,—а тамъ и спрыгнуть можно... треснутъ немножко кости,—не бѣда!" Чарнота подошелъ къ окну, распахнулъ осторожно раму, перегнулся, чтобы измѣрить разстояніе, отдѣлявшее его отъ земли, и отскочилъ съ проклятіемъ назадъ: подъ окномъ, при слабомъ мерцаніи одинокихъ звѣздъ, онъ замѣтилъ тяжелую и неподвижную фигуру латника съ длиннымъ копьемъ. Сердце замерло у Чарноты,

и морозъ пробѣжалъ по спинѣ до самыхъ пятъ... Западня!... Западня.

Прошло нѣсколько минутъ мучительнаго, безсильнаго оцѣпенѣнія.

— А, проклятье!—воскликнулъ онъ, наконецъ, сжимая рукоятку своей сабли,—что-жъ теперь дѣлать? Что предпринять?...

Положимъ, онъ приказалъ Верныгорѣ не начинать ничего до его появленія... Но кто можетъ поручиться за ихъ буйныя, неудержимыя натуры? А Кривоносъ?... О, тысячи тысячъ чертей и столько-же лысыхъ вѣдьмъ!... какъ ихъ увѣдомить?... какъ дать имъ знать? Нѣсколько разъ прошелся онъ въ волненіи по комнатѣ... А пани Викторія?... Какъ расцвѣла, похорошѣла, какъ пышный макъ! Узнала... и поблѣднѣла... У! панская лядская душа!... Что-жъ, тѣшится теперь съ своимъ старымъ чортомъ! Ха, ха, ха! И онъ могъ когда-то „кохать ее"?... Думалъ назвать своею „дружиной"?... Ухъ!... Гадина... съ горящими глазами: за „почтъ", за роскошь продала и сердце, и красу!

Чарнота снова обвязался поясомъ, засунулъ за него дорогой пистолетъ и остановился у окна. Тихій вѣтеръ пахнулъ ему прохладой въ разгоряченное, взволнованное лицо и приподнялъ взъерошенную „чуприну". Нѣсколько минутъ козакъ стоялъ молча, закусивши губу и скрестивши на груди руки... На лицѣ его, всегда безпечномъ и удаломъ, отразилось теперь выраженіе глубокой и тяжелой муки. Казалось, какія-то давнія, забытыя воспоминанія нахлынули бурею на молодое сердце козачье... Наконецъ, глубокій вздохъ вырвался изъ его груди... „Минуло!—произнесъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Одна ты теперь у меня и „дружина" и „порáдница"!—опустилъ онъ руку на эфесъ своей сабли.—Ты не измѣнишь, не промѣняешь на пана „щираго коханца"!... Чарнота снова прошелся по комнатѣ и снова остановился у окна. „Однако, просила придти, молила, говорила, что должна сказать что-то. Что это, неужели новая слабость?"—отступилъ онъ.

„Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ козакъ, усмѣхнувшись горькою улыбкой.—Что разъ похоронено, того не воскресить никогда! Только-жъ тутъ больно какъ,—сжалъ онъ свое сердце руками,—охъ, обида, обида!... Да что тамъ вспоминать?" Чарнота безнадежно махнулъ рукой и устремилъ глаза въ темную даль сада; на концѣ его мрачнымъ силуэтомъ вырѣзывалась круглая замковая башня съ острымъ высокимъ шпилемъ, на которомъ свѣтлою красноватою точкой виднѣлся фонарь.

„Ахъ, тамъ они!—сказалъ, подойдя къ окну ближе, Чарнота,—и ничего не знаютъ, надъ ними мечъ, а я тутъ безсильно злобствую и

ничего этой башкой не придумаю. Стой!—ударилъ онъ себя рукой по лбу,—она говорила что-то о спасеніи, быть можетъ, знаетъ „лехъ", тайный ходъ, пойти спросить, не для себя,—вскинулъ онъ гордо голову,—для нихъ, для товарищей. Да, пойти, пойти,—сверкнули глаза Чарноты въ темнотѣ,—и сказать ей, панской продажницѣ, какъ онъ, „козакъ-нетяга", ненавидитъ ее, презираетъ".

Чарнота быстро повернулся и распахнулъ тяжелую дверь. Въ замкѣ все спало. Утомленное крикомъ и пьянствомъ вельможное панство храпѣло безпечно подъ охраной башенъ, рвовъ и „гарматъ". Затаивъ прерывистое непослушное дыханіе, двинулся Чарнота по корридору, вспоминая дорогу, указанную ему Викторіей. Въ одномъ мѣстѣ ему показалось, что на высокихъ сводахъ корридора заволновалась какая-то посторонняя тѣнь, но, оглянувшись пристально, онъ рѣшилъ, что это лишь глупая игра воображенія. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной башнѣ, волненіе поднималось въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ чувствовалъ, что, несмотря на всѣ его усилія, сердце въ его груди бьется все тревожнѣе, неудержимѣе, горячѣе...

„Да цыть ты, подлая „гаячирка!"—сказалъ, сцѣпивши зубы, козакъ и ударилъ себя со всей силы въ грудь кулакомъ,—или я пройму тебя тутъ-же своей карабелой. Слышишь, подлое? Цыть"!

Но не слушалось молодое сердце.

Вотъ онъ остановился у маленькихъ низкихъ дверей. Слабый свѣтъ фонаря вырывался изъ замочной скважины тонкою предательскою полоской. Здѣсь!—пронеслось въ головѣ козака. На минуту онъ еще остановился и распахнулъ, наконецъ, настежъ дверь.

Небольшой потайной фонарикъ тускло освѣщалъ маленькую, сводчатую комнату. Въ глубинѣ ея, прижавшись горячимъ лбомъ къ холодному стеклу окна, стояла пани Викторія.

При первомъ стукѣ она вздрогнула и быстро повернулась. Чарнота притворилъ дверь и остановился при входѣ. Нѣсколько минутъ они молча стояли, не отрывая глазъ другъ отъ друга. Наконецъ, Чарнота отвѣсилъ низкій и церемонный поклонъ, и, смѣривши Викторію холоднымъ, презрительнымъ взглядомъ, спросилъ насмѣшливо:

— Ну? что-жъ вельможной пани угодно было сказать мнѣ? .. Я жду.

Викторія поблѣднѣла.

— Оставь!... Не будемъ играть другъ съ другомъ!—проговорила она прерывисто, едва держась за подоконникъ окна.—Михайло, я узнала тебя!...

— Нѣтъ ничего мудренаго, я все тотъ-же, „лядскія“ прикрасы не измѣнятъ меня,—усмѣхнулся Чарнота.

— Стой! Не язви! Время идетъ... Скажи, зачѣмъ ты здѣсь?—продолжала Викторія съ возрастающимъ волненіемъ.—Я знаю твою безумную голову: твой пріѣздъ... твой уборъ, все это не даромъ... ты рискуешь жизнью...

Чарнота смѣрилъ ее взглядомъ и, забросивши гордо голову, произнесъ холодно и надменно:

— А что-жъ до этого вельможной пани?

— Пресвятая Дѣва!—прошептала Викторія, сжимая съ мольбой руки.—Я слыхала, какъ Іеремія отдалъ распоряженіе не спускать тебя съ глазъ,—продолжала она снова задыхающимся шепотомъ.—Знаешь-ли ты, что это значитъ? Знаешь-ли ты князя Іеремію? Жизнь твоя на волоскѣ!

На лицѣ козака не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Ну, что-жъ, посадятъ на палю!... Ужъ не пани-ли будетъ печалиться обо мнѣ?

— Михайло! вырвалось у Викторіи съ горечью,—не говори такъ, я отъ муки умру!

— Ха, ха!—усмѣхнулся козакъ и насмѣшливо, и горько.—Что-жъ это вельможная пани такъ поздно стала жалѣть обо мнѣ? Или вельможный панъ уже пріѣлся, или слишкомъ старъ?

Викторія взглянула на него своими расширившимися отъ волненія и ужаса глазами и отступила назадъ. Плечи ея задрожали: изъ груди вырвалось судорожное рыданіе. „За что?... за что? за что?“—прошептала она надорваннымъ, безсильнымъ голосомъ, прислоняясь къ стѣнѣ.

Нѣсколько мгновеній длилось тяжелое молчаніе, нарушаемое лишь порывистымъ дыханіемъ козака.

Наконецъ, Чарнота заговорилъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ, стараясь превозмочь охватившую его дрожь:

—За что? Ты еще спрашиваешь, за что? А за что ты играла со мной? За что ты дурила меня? За что ты „зневажыла“ мою первую и послѣднюю любовь?

— Я любила тебя... тебя одного,—прошептала тихо Викторія, отнимая руки отъ лица.

— Любила? Ха-ха-ха!—разсмѣялся горько козакъ,—любила и отдалась за „гроши“ другому.

— Михайло, ты знаешь... Богъ видитъ, не я .. принудили...

— А, „лядская“ вѣрность,—продолжалъ горячо козакъ,—любила и не посмѣла ослушаться батька? Побоялась уйти со мной и довѣриться мнѣ? „Жартуешь“ ты, вельможная пани... Тебѣ-ли

кого-нибудь „кохать"? Да знаешь-ли ты,—продолжалъ онъ съ загорающеюся страстью,—знаешь-ли ты, бѣдная, въ самоцвѣты закутанная кукла, что если-бы ты мнѣ сказала только тогда: „Михайло, люблю тебя, бери меня съ собой!"—изъ пекла бы вырвалъ, со дна моря бы вынесъ, у Бога въ раю, слышишь, пани, нашелъ бы я тебя, и не разлучилъ бы меня съ тобой никто ни на жизнь, ни на смерть.

— Михайло!—рванулась къ нему Викторія.

— Годи!—отступилъ Чарнота, тяжело дыша и отстраняя ее рукой,—то было, пани, было, но прошло.

Лицо Викторіи сначала вспыхнуло горячимъ румянцемъ, затѣмъ поблѣднѣло, какъ полотно. Мгновеніе она боролась съ собой, но, наконецъ, заговорила снова глубокимъ и печальнымъ тономъ:

— Охъ, повѣрь же мнѣ, повѣрь мнѣ хоть въ этомъ словѣ,— забросила она свои бѣлыя руки и сжала ими пылающую голову.— Какую муку вынесла я, когда узнала, что ты на Запорожье ушелъ! Словъ нѣтъ разсказать тебѣ, сколько тяжкихъ слезъ пролила я! Я думками за тобой всюду летала, я отъ тоски извелась... Охъ, Михасю, Михасю! Когда бы не люди, которыхъ ко мнѣ приставилъ батько, я бы давно нашла свою смерть!

— И нашла вмѣсто нея мужа! Ха-ха-ха!—разразился глухимъ смѣхомъ Чарнота.—Что-жъ это, пани, отъ слезъ или отъ тоски?

— Не своею волей, что-жъ было дѣлать мнѣ? Меня принудилъ батько.

— Покорная, „слухьяная" дочка. Коханца утеряла и замужъ за стараго магната пошла для батька!—крикнулъ Чарнота яростно.—А знаешь-ли ты,—заговорилъ онъ вдругъ, задыхающимся, безумнымъ шепотомъ, хватая ея руку и сжимая до боли.—Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ наши дивчата, когда ихъ противъ воли тянутъ въ панскій покой? Знаешь-ли ты, что дѣлаютъ онѣ потомъ съ собой? Подъ лозы въ тихій омутъ, арканъ на шею. А ты?—оттолкнулъ онъ ее съ силою,—ну, что-жъ не спѣшишь къ старому мужу?

Викторія гордо выпрямилась, въ глазахъ ея блеснулъ оскорбленный огонь и, отступивши назадъ, она заговорила твердо и смѣло:

— Что-жъ, и вышла. Да, своею волей пошла! Когда у человѣка отнимутъ любовь, остается еще одна страсть, сильная и могучая, какъ и она! Жажда власти! Тебѣ-ли не знать ее? Да, я вышла за стараго магната, вышла для того, чтобы имѣть власть и силу, чтобы отомстить имъ всѣмъ за то униженіе и безсиліе, которое я несла до сихъ поръ!—и на щекахъ Викторіи вспыхнулъ горячій румянецъ.—Теперь я сильна и свободна! Жизнь свою продала я мужу, но сердце не продамъ никому!

Чарнота молчалъ, не отрывая глазъ отъ Викторіи. Два разнородныя чувства боролись мучительно въ немъ: презрѣніе, ненависть и непобѣдимый восторгъ передъ этою смѣлою, дерзкою красотой. Нѣсколько разъ онъ бросалъ бѣглый взглядъ въ высокое окно, изъ котораго видно было въѣздную башню и красный фонарь, но что-то могучее и бурное уже овладѣвало безраздѣльно его мыслями, отуманивая и память, и мозгъ.

— Не бойся, Михайло. Любви твоей я не требую!—продолжала еще горячѣе Викторія!—Одно только говорю тебѣ: я любила тебя, люблю и не перестану любить!

— Втайнѣ отъ магната, чтобъ не узнали паны?—стиснулъ зубы Чарнота.

— Что мужъ? Что панство? Да я не боюсь всему міру сказать... Тебя люблю, тебя одного,—почти шептала она, протягивая къ нему руки.

— Годи, пани!—отступилъ еще разъ Чарнота, чувствуя, что теряетъ волю надъ собой, но было уже поздно.

Охватило козака полуденнымъ зноемъ, обвились вокругъ его шеи руки Викторіи.

— Желанный мой, ,,коханый" мой, не мучь, не мучь меня больше,—шептала она, прижимаясь къ его лицу пылающими щеками.—Ты любишь, ты любишь меня! Вѣдь, любивши такъ, невозможно забыть. О, нѣтъ, довольно, не отстраняй меня, не хмурь бровей, зачѣмъ отталкивать свое счастье? Сегодня нашъ рай, а кто знаетъ, что принесетъ намъ завтрашній день?

— Оставь, пусти!—слабо уже вырывался Чарнота, но бѣлыя цѣпкія руки охватили его шею еще страстнѣе, и гибкое тѣло Викторіи прильнуло еще горячѣе къ его груди.

— Забудь, забудь все на свѣтѣ,—продолжалъ молодой, опьяняющій голосъ.—Ты первый, ты и послѣдній. Въ моемъ сердцѣ не было и не будетъ другой любви. Смотри, вотъ уходитъ тихая ночь, тамъ настанетъ шумное утро... Ахъ, день несетъ съ собою такъ много золъ и хлопотъ! Михасю, быть можетъ, это единая ,,мыть" счастья, которая блеснула намъ за всю нашу жизнь? О, милый, ненаглядный, ,,коханый" мой!—закинула она свою огненную головку.—Хоть взгляни-жъ на меня ласковымъ окомъ. Неужели въ твоемъ сердцѣ нѣтъ ни жалости, ни ласки?—и на глазахъ ея блеснули слезы.—Смотри, я люблю тебя, я умираю отъ любви!

— Викторія,—произнесъ страстно Чарнота,—да пропадай же пропадомъ все!—и онъ покрылъ ее всю порывистыми, жгучими поцѣлуями...

— Ахъ, что я? Пусти!—рванулся Чарнота, приходя наконецъ, въ себя, но безумныя объятія Викторіи гипнотизировали его волю.

— Ты опять?—отстранила она головку отъ его груди и, глянувши ему въ глаза, съ безконечно нѣжною улыбкой прошептала тихо:

— Да развѣ ты не видишь, жизнь моя, счастье, что теперь ты моя жизнь... одинъ, одинъ... въ тебѣ мое дыханье!

— А мужъ?

— О, нѣтъ!... ты—мой мужъ, ты—мой „коханый"!—воскликнула горячо Викторія, изгибаясь, какъ кошка, и ища жадными устами лобзаній.

Нѣсколько минутъ козакъ молчалъ, тяжело дыша; грудь высоко подымалась, казалось, что въ немъ происходила послѣдняя мучительная борьба. Наконецъ, онъ заговорилъ клокочущимъ, рвущимся голосомъ:

— Викторія, Викторія! Я все забываю... я вѣрю тебѣ... Что обманывать? Люблю тебя безъ ума, безъ души. Но если ты меня любишь, уйдемъ отсюда... отъ мужа, отъ панства навсегда, навсегда... Ты знаешь какой-то лазъ, уйдемъ со мной... ввѣрься мнѣ! Я буду любить тебя, какъ только возможно любить человѣку. Я окружу тебя роскошью, нѣгой, я вѣтру на тебя дохнуть не дамъ... Отъ огня солнца укрою. Уйдемъ, Викторія, скорѣе!—сжималъ онъ ее порывисто въ своихъ объятіяхъ.—Будь мнѣ вѣрной и честной „дружиной" на всю жизнь, на всю жизнь!

— Богъ мой! Счастье мое! Утѣха моя!—охватила его голову Викторія и прижалась къ его горячимъ устамъ.

Чарнота покрылъ безумными поцѣлуями ея лицо, ея плечи, ея грудь...

— Идемъ, идемъ скорѣе!—шепталъ онъ, бросая тревожные взгляды на башенный фонарь.—Оставь это подлое панство, будь моею безраздѣльно и передъ Богомъ, и передъ людьми! Мы уйдемъ такъ далеко, гдѣ никто насъ не догонитъ и не отыщетъ... Разстанься съ своимъ панствомъ, довѣрься мнѣ!...

— Зачѣмъ уходить?—прильнула къ нему еще страстнѣе Викторія.—Милый мой, коханый, хорошій! Я тебя выгорожу и такъ. Ты знаешь, что князь обожаетъ Гризельду. Гризельда—моя подруга: два слова скажу, и ты будешь свободенъ.

Чарнота вздрогнулъ, отшатнулся и пристально взглянулъ на Викторію, но она не замѣтила его взгляда и продолжала еще нѣжнѣе, ласкаясь и прижимаясь къ нему:

— Милый мой, ненаглядный, ты поступишь въ наши хоругви. Теперь сеймы, потомъ усмиренія хлоповъ. Мужъ мой рѣдко бываетъ дома, да и кто знаетъ, что намъ готовитъ на дальше судьба?

— Что-о?—прошепталъ, задыхаясь, Чарнота и лицо его страшно поблѣднѣло, а синіе глаза сдѣлались почти черными.—Опять предлагаешь обманъ и шельмовство? Мало, осмѣлилась пред-

ложить „зраду“! А, теперь то я тебя вижу! Но ты промахнулась, вельможная пани, не на такого напала! „Геть“ отъ меня,—оттолкнулъ онъ ее гадливо и съ такою силой, что Викторія пошатнулась и едва удержалась за подоконникъ окна.—„Геть“!—крикнулъ онъ яростно,—лядская у тебя кровь и лядская душа!

— Михайло!—рванулась было Викторія

— Ни слова! Гадина!—перебилъ ее бѣшено Чарнота.—Я ненавижу, я презираю тебя!

— А, такъ-такъ? Постой, Михайло, не торопись на „зневагу“, на униженіе,—заговорила она медленно глухимъ, дрожащимъ голосомъ, выпрямляясь во весь свой ростъ, блѣдная, съ горящими глазами, съ оскорбленнымъ, дышащимъ гнѣвомъ лицомъ.—Не торопись, говорю тебѣ, подумай. Знаешь ли ты месть отвергнутой женщины?—впилась она въ него глазами.—Знаешь ли ты, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ?

— Угроза?—улыбнулся, прищуривъ презрительно глаза, Чарнота.

— Нѣтъ, не угроза, а правда... я не пощажу, коли такъ, и себя. Ужъ коли такая обида, коли мое сердце разбито, такъ что̀ мнѣ жизнь?—И она быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ выхватила у него изъ-за пояса пистолетъ и, выставивши въ незастекленную желѣзную раму, выстрѣлила на воздухъ.—Пусть накроютъ меня съ тобой!

— Проклятье!—вскрикнулъ Чарнота, бросаясь къ окну.—Что ты надѣлала?

Онъ быстро взглянулъ въ окно, и снова крикъ ужаса вырвался у него изъ груди: фонарь, висѣвшій на вершинѣ башни, судорожно заколебался и полетѣлъ съ высоты внизъ, и въ то же время донесся до него поднявшійся у „брамы“ крикъ и звукъ сабель.

— Они погибнутъ!—вырвался у него вопль изъ груди.

— Ага, измѣнникъ!—вскрикнула бѣшено Викторія, хватая его за руку.—Теперь ты не уйдешь отъ меня!

— Мало!—отступилъ отъ нея гордо Чарнота, и произнесъ громко и смѣло.—Я Чарнота, разбойникъ, товарищъ Кривоноса. Ну, спѣши-жъ теперь къ своему князю и скажи ему, что мы прибыли сюда для того, чтобы выжечь весь замокъ и истребить всѣхъ васъ до единаго.

— Ай, Матка Свѣнта!—воскликнула съ невыразимымъ ужасомъ Викторія, какъ подстрѣленная птица, зашаталась и, хватаясь за стѣну, опустилась на полъ.

Окна башни начали мигать огнями. Послышалась тревога.

— Проклятье!—шепталъ Чарнота, задыхаясь и потрясая съ усиліемъ рѣшетчатое окно,—все погибло! Смерть, ужасъ, безчестье! А!..—трясъ онъ съ остервенѣніемъ желѣзную раму. Лицо его по-

крылось багровымъ румянцемъ, на лбу надулись жилы.—Проклятье! пекло!—кричалъ онъ бѣшено, но рама не поддавалась. Крикъ и шумъ въ „замчищѣ“ принимали все болѣе угрожающіе размѣры. Вотъ по двору замелькали фонарики.

— Куда ты? Я не пущу тебя!—вскрикнула Викторія, приходя въ себя и замѣтивъ, что Чарнота стоитъ на окнѣ.—На Бога! Тамъ вѣрная смерть, я спасу, я спрячу тебя!—поползла она къ нему.

— Не подходи, змѣя!—оглянулся на нее изступленный Чарнота, потрясая съ нечеловѣческимъ усиліемъ раму.—Позоръ! Предательство!

— На Бога, на Панну!—захлебывалась съ рыданьемъ Викторія, ломая руки и ползая у ногъ Чарноты.—Я спасу тебя, я спрячу! Князь—„катъ“, пекельныя муки!

— Пусти!—Я товарищей не брошу! вырвался отъ нея Чарнота, но цѣпкія руки судорожно охватывали его, мѣшая свободѣ движеній.

— Ай! не удержу тебя! Ты уйдешь, ахъ, смотри, то князь Іеремія!—вскрикнула обезумѣвшимъ голосомъ Викторія, увидѣвши князя во главѣ своихъ латниковъ, быстро мчавшагося къ воротамъ.—Смерть, смерть, смерть!—закричала она, цѣпляясь въ безпамятствѣ за одежду Чарноты.

— Прочь или я убью тебя!—оттолкнулъ ее Чарнота съ такою силой, что она плашмя упала на полъ.

— Езусъ-Марія! „Ратуйте!“—взвизгнула Викторія съ послѣднею отчаянною надеждой, протягивая руки къ Чарнотѣ, но онъ уже былъ на окнѣ. Рама, наконецъ, распахнулась и сорвалась со звономъ. Освѣщенный огненнымъ заревомъ, козакъ готовъ былъ ринуться внизъ, какъ вдругъ чьи то сильныя, тяжелыя руки схватили его сзади за плечи, и онъ, потерявъ равновѣсіе, грохнулся замертво со всей высоты головою объ полъ.

XXI.

Двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Богданъ вернулся домой и Марылька водворилась въ семьѣ. За это время уже къ ней попривыкли немного, а сначала пріѣздъ польской панны поразилъ было всѣхъ и послужилъ на цѣлую недѣлю матеріаломъ для всевозможныхъ хуторскихъ толковъ. Хотя Богданъ и объяснилъ съ первыхъ словъ, что великій канцлеръ и наияснѣйшій круль принимаетъ въ этой сироткѣ большое участіе, даже просили его, Богдана, взять ее подъ свое покровительство, какъ спасенную имъ же отъ

смерти, но всѣмъ казалось страннымъ, во-первыхъ, то, что дочь польскаго „можновладца“ поручается въ опеку козаку, а во-вторыхъ, что объ этомъ спасеніи до сихъ поръ никому не было извѣстно.

Жена Богдана встрѣтила Марыльку привѣтливою улыбкой, довольная тѣмъ, что ея мужъ почтенъ довѣріемъ и лаской наияснѣйшихъ особъ, а главное, что онъ вернулся, что Царица Небесная сжалилась надъ ея мольбами, послала ей въ послѣднія минуты скорбной жизни отраду увидѣть дорогого Богдана, сказать ему прощальное слово и сомкнуть при немъ на вѣки глаза.

Положеніе больной уже было смертельно. Удушье не давало ей ни сна, ни минутнаго даже покоя; высохшее до ужасающей худобы желтое лицо ея почти утопало въ высоко взбитыхъ подушкахъ, руки неподвижно лежали, какъ тонкія плети, на „колдрѣ“; подъ складками его обрисовывался вспухнувшій непомѣрно животъ и протянутыя бревнами ноги, только теплящійся огонь блуждающихъ очей, глубоко запавшихъ въ орбиты, да судорожно подымавшаяся грудь обнаруживали въ этомъ немощномъ тѣлѣ послѣднюю борьбу угасающей жизни.

Марылька подошла благоговѣйно къ страдалицѣ, опустилась на колѣни и поцѣловала ей почтительно руку; больная съ страшнымъ усиліемъ положила обѣ руки на голову панночки и прошептала слабо:

— Спасибо, панно... они тебя полюбятъ... У него,—повела она на Богдана глазами,—золотое сердце.

— А я то,—закрыла руками свои очи Марылька,—уже всѣмъ сердцемъ люблю васъ и всѣхъ... всѣхъ. Вѣдь я сирота, никого нѣтъ у меня... и ласки я не видала. Да наградятъ васъ Богъ за нее...

Голосъ ея порвался, и она, вздрагивая и всхлипывая, отошла къ окну.

Всѣ были тронуты. Неласково и недоброжелательно устремленные на Марыльку взоры засвѣтились болѣе теперь теплымъ чувствомъ. Ея вкрадчивый, чарующій голосъ и прорвавшееся горе подкупили всѣхъ сразу, а Марылька, распросивши потомъ про болѣзнь своей новой мамы, заявила, что она сможетъ, при помощи Божіей, облегчить ей страданія, что такою же болѣзнью была больна и теща Оссолинскаго, при которой она состояла неотлучною сидѣлкой, и что она припрятала многія травы и „лики“, привезенныя чужеземными знахарями для ея княжьей мосци.

Баба воспротивилась было вмѣшательству въ сферу ея дѣятельности, протестуя, что всякое чужеземное зелье, собранное безъ

надлежащей молитвы, не чисто; но утопающій хватается вѣдь за соломенку, да и Богданъ притопнулъ на бабу.

Марылька сварила траву и дала выпить больной раза три этой настойки, подсунувши маму, при помощи Богдана, повыше; и полусидячее, болѣе удобное положеніе, и новое снадобье облегчили видимо страданія умирающей: она вскорѣ затихла и заснула спокойно.

Баба, глядя на это, только качала головой да бросала исподлобья сердитые взгляды на эту новую ляшскую знахарку, а Марылька торжествовала, да и Богданъ вмѣстѣ съ ней,—онъ былъ умиленъ ея горячею заботливостью и смотрѣлъ на нее, какъ на ниспосланнаго ему ангела-утѣшителя; про больную и говорить нечего: она сразу привязалась къ Марылькѣ, какъ къ спасительницѣ, не находя словъ, какъ и благодарить ее...

Проходили дни. Больная привыкала и привязывалась все больше къ Марылькѣ, послѣдняя высказывала съ каждымъ днемъ и умѣнье ухаживать за больной, и свою беззавѣтную преданность, и свой откровенный, простой, веселый характеръ. Въ минуты облегченія страданій, она развлекала свою маму интересными разсказами изъ своихъ приключеній и умѣла иногда разными прибаутками вызвать даже улыбку на безжизненно-блѣдномъ лицѣ.

Оленка и Катра, смотрѣвшія сначала исподлобья на новую, навязанную имъ сестру, начинали мало-по-малу любить ее и сходились въ свѣтлицу матери слушать разсказы панночки. У одной только Оксаны крѣпко росло недружелюбное чувство къ Марылькѣ, и она все избѣгала ее да отводила съ бабой накипавшую злость: Оксана видѣла, что такъ или иначе, а Марылька оттерла незамѣтно отъ больной пани и Ганну, и бабу. Хотя Ганна не показывала и вида, что чѣмъ либо огорчена, но Оксана замѣчала, что она стала молчаливой и печальной, а баба, такъ та втихомолку и плакала, да жаловалась Оксанѣ,—до чего дожила: цѣлый вѣкъ до „упадала" за паней, какъ за родною „дытыной", а вотъ прибилась какая-то „ляховка прычѣпа", да и завладѣла и сердцемъ ея, и насиженныхъ въ этой хатѣ хозяйствомъ.

И дѣйствительно, Марылька становилась полною госпожей въ этой свѣтлицѣ, пропитанной запахомъ ладона, васильковъ да оливы, горѣвшей въ неугасаемой лампадѣ передъ ликомъ Матери всѣхъ скорбящихъ. Все здѣсь дѣлалось только ею или по ея приказанію; никто уже не могъ угодить больной: и подушки не такъ перебьютъ, и не подвернутъ безъ боли ноги, и не такъ подадутъ „кухоль", только Марылька умѣла во всемъ угодить, и умирающая не могла даже дохнуть безъ Марыльки.

Съ пріѣздомъ этой панночки, она не только чувствовала себя физически лучше, но и душой была безконечно счастливѣе. Богданъ теперь почти не отходилъ отъ жены и былъ безгранично къ ней нѣженъ.

Ему только тяжело было носить личину печали и удерживать рвущуюся изъ груди радость; но и тутъ облегченіе страданій больной давало приличный мотивъ. Особенный тактъ Марыльки и умѣнье ея себя поставить и очаровать всѣхъ простотой и сердечностью своего нрава вывели Богдана изъ ложнаго положенія и возвратили ему прежнюю увѣренность и спокойстіе.

Въ эти двѣ недѣли Богданъ почти никуда не выѣзжалъ и не давалъ знать никому о своемъ пріѣздѣ; ему хотѣлось хотя на время укрыться въ своемъ хуторѣ и пожить личными радостями; онъ дорожилъ этимъ кратковременнымъ покоемъ, предчувствуя, что за предѣлами хутора опять поднимутся бури и человѣческія стенанія.

Ганна неоднократно сообщала Богдану про наплывъ новыхъ поселенцевъ, про то, что они поселены временно въ „куреняхъ", но что нужно имъ пріискать новыя мѣста для поселковъ; но онъ долго отказывался выѣхать на осмотръ, ссылаясь на больную жену.

Ганна была поражена такимъ необычайнымъ горемъ, охватившимъ Богдана до оцѣпенѣнія, до полнаго даже равнодушія къ наступающимъ со всѣхъ сторонъ бѣдамъ. Этотъ взрывъ чувства къ отходящей въ вѣчность страдалицѣ глубоко бы тронулъ отзывчивое сердце Ганны, если-бы ее не смущала игравшая въ глазахъ дядька радость.

Только одно извѣстіе потрясло Богдана, извѣстіе, переданное дѣдомъ, про гибель Чарноты.

— Эхъ, не выдержалъ!—рванулъ себя Богданъ за „чупрыну",—а какъ я просилъ, какъ молилъ! Прямо на погибель пошелъ, тяжело, видно, было носить свою голову... Чарнота, голубь мой сизый! А какой рыцарь былъ изъ тебя славный!—утеръ Богданъ набѣжавшую слезу.

— Да, перомъ надъ нимъ земля!—покачалъ „сивою" головой дѣдъ.

— Ну, а какъ тамъ, что добраго?—спросилъ подошедшій съ Золотаренкомъ Ганджа.

— Да что, братцы, все слава Богу... Можетъ, и увидимъ ласку Господню, вотъ скоро, скоро услышите про королевскія милости,—хотѣлъ отдѣлаться общими фразами Богданъ.

— Да какія-же милости—допытывался Золотаренко.—Все про эти милости гудутъ, а ихъ и не видно. По моему, лучше „синица въ жменѣ, чѣмъ журавель въ небѣ".

— А можетъ быть уже и „журавель“ въ жменѣ, мои друзья... Я не имѣю права оповѣстить васъ раньше уряда, а говорю только, какъ близкимъ своимъ, что „журавель“ есть.

— Ну, слава Богу,—мотнулъ головой дѣдъ,—а вотъ что еще, пане господарю, хотѣлось бы мнѣ, да вотъ и добрымъ людямъ знать, что это ты за ляховку къ намъ привезъ? Положимъ, дѣло хозяйское, а все-таки откуда она и на что?

Золотаренко и Ганджа присоединились тоже къ просьбѣ дѣда.

И Богданъ вынужденъ былъ для успокоенія умовъ разсказать про батька Марыльки, про этого „можновладца“—„баниту“, ставшаго потомъ завзятымъ запорожцемъ, его побратимомъ, принявшаго, наконецъ, во спасеніе „товариства“ добровольную смерть и завѣщавшаго на освобожденіе Украйны половину закопанныхъ „скарбовъ“. Разсказъ этотъ очень тронулъ слушателей и сразу же измѣнилъ ихъ расположеніе къ новой субботовской гостьѣ.

— Такъ ты, пани господарю, съ того бы и началъ, что она дочь товарища,—замѣтилъ дѣдъ, кивая головою,—а кѣмъ былъ этотъ товарищъ раньше,—намъ „байдуже“.

— А и вправду такъ,—подхватилъ и Ганджа,—на Запорожье, вѣдь, къ славному товариству доступъ всѣмъ воленъ,—ляхъ-ли ты, татаринъ-ли, турокъ,—приди, прочитай „Вѣрую“ да „Отче Нашъ“, да перекрестись... вотъ и все!

— На томъ и стоитъ Запорожье,—замѣтилъ Золотаренко,—оттого-то и переводу нѣтъ нашимъ орламъ, что оберегаютъ родной край и отъ татарина, и отъ лихого пана, не прошеннаго гостя, такъ вотъ и эта панна Марылька выходитъ уже не панна и не Марылька, а вольная козачка, дочь нашего товарища, значитъ, должна носить христіанское имя, Марина, что-ли,—баста!

— Я ей пока не сообщалъ истины про ея отца,—замялся какъ-то Богданъ,—вѣдь она была плѣнницей у татаръ и про своего батька, про смерть его не знаетъ. Я скрылъ отъ малой еще „дытыны“, натерпѣвшейся и безъ того лиха въ неволѣ, это тяжкое горе; потомъ ее пріютилъ у себя Оссолинскій, а я отправился, какъ вамъ извѣстно, по королевскимъ „справамъ“ въ чужія края... Такъ она, значитъ, и думаетъ до сихъ поръ, что батько ея только запропастился куда то, что его можно и разыскать... Вотъ почему я васъ, панове, и прошу не разглашать этой исторіи, пока я не приготовлю Марыльки къ смерти батька.

Всѣ согласились съ Богданомъ и отнеслись съ теплою похвалой къ его сердцу, откликнувшемуся съ безкорыстнымъ участіемъ на предсмертный завѣтъ побратима.

— Что и толковать,—заключилъ дѣдъ,—Божье дѣло! И спасена душа та, что осушитъ сиротскія слезы!

Хотя Богданъ и видѣлъ разрушительное шествіе болѣзни своей жены, хотя и сознавалъ, что приближаются уже послѣднія мгновенія ея страданій, но все-таки его радовали и тѣшили эти временныя облегченія, дававшія женѣ и забытье, и покой.

Заснетъ, подъ вліяніемъ наркотическаго питья, больная, и Марылька позволитъ себѣ выйти въ большую свѣтлицу, а Богданъ уже сидитъ тамъ и передаетъ своей дѣтворѣ какой-либо случай изъ его боевыхъ „пригодъ", или разсказываетъ про чужія страны, про цвѣтущіе города, про высокія горы, прячущія въ облакахъ свои бѣлыя вершины, про широкія моря, играющія нѣжною лазурью...

А молодые хлопцы и подлѣтки „доньки" по прежнему льнутъ къ своему тату и просятъ все разсказывать побольше да подлиннѣе; Марылька тоже присядетъ, бывало, скромно къ этой группѣ, цѣлуетъ и ласкаетъ своихъ новопріобрѣтенныхъ сестеръ, расчесываетъ имъ головки по Варшавской модѣ и не сводитъ очей съ своего любаго тата. Одна только Ганна не принимала живого участія въ этихъ бесѣдахъ; она вся отдалась дѣламъ благотворительности: устраивала пріюты бѣглецамъ, калѣкамъ, ухаживала за больными и по цѣлымъ днямъ не бывала дома, а если случайно и заставала иногда въ свѣтлицѣ такую нѣжную семейную сцену, то съ опущенными глазами уходила назадъ. Богданъ ловилъ иногда грустный серьезный взглядъ ея лучистыхъ очей, и ему становилось жутко и непокойно на сердцѣ, онъ читалъ въ нихъ какой-то нѣмой, но заслуженный имъ укоръ. А то, бывало, пригласитъ Богданъ и дѣтей своихъ, и Марыльку на свою половину, чтобы не безпокоить уснувшей жены. Дѣти были въ восторгѣ отъ такой рѣдкой для нихъ ласки и съ веселымъ шумомъ бѣжали черезъ широкія сѣни въ батьковскіе покои: хлопцамъ была великая радость полюбоваться дорогимъ отцовскимъ оружіемъ и другими диковинками, развѣшенными по стѣнамъ, разставленными по „полицамъ", а дивчатъ особенно привлекала бандура. Здѣсь уже можно было попросить батька ударить по струнамъ, а какъ онъ игралъ! Мертвый, кажись бы, всталъ изъ могилы послушать его „шумки" и „думки".

Теперь Богданъ не заставлялъ себя и просить; только придутъ къ нему, сейчасъ онъ сниметъ со стѣны „розважницу туги" и запоютъ, заговорятъ струны, да такъ заговорятъ выразительно, что Марылька вся вспыхнетъ румянцемъ и опуститъ на нѣжныя щеки тонкія стрѣлы темныхъ рѣсницъ.

— Иногда Богданъ заставлялъ Катрю спѣть пѣсню подъ переливы тихаго звона бандуры. Голосъ ея, не совсѣмъ еще окрѣпшій,

звучалъ тѣмъ не менѣе серебромъ, задушевная, безъискусственная мелодія лилась прямо каждому въ сердце, заставляя отзывчиво звучать его струны.

— Ахъ, какія ваши пѣсни!—всплеснетъ, бывало, руками Марылька.—Въ нихъ и слезы, и ласка, и безконечная жалость, словно матери передаетъ кто свое горе! Катруся, милая, дорогая моя, научи меня этимъ пѣснямъ, научи,—покроетъ ее поцѣлуями панна,—а я тебя научу своимъ пѣсенкамъ.

— Вотъ и отлично, отзовется трепещущій отъ восторга Богданъ,—учитесь, доньки, одна у другой, перенимайте лучшее, всякаго вѣдь Богъ надѣлилъ особымъ добромъ, такъ нужно имъ и дѣлиться. Да полюбите, мои любыя, дружка дружку, безъ хитрости и „щыро“. По волѣ Божьей, Марылька въ нашей семьѣ, а она тебѣ, Катрусю, и тебѣ, Оленка, можетъ быть, Господи, какъ полезна! Марылька видѣла большой свѣтъ, магнатскіе звычаи и обычаи, а вы, хуторянки, кромѣ Субботова, ничего не видали.

— Я всему, всему, что знаю, буду учить тебя, Катруся, и тебя, Оленка,—обнимала сестеръ своихъ Марылька,—черезъ годъ увидите, и въ королевскій дворецъ можно будетъ выѣхать смѣло.

Катря обняла Марыльку, а Оленка надула губы и, отвернувшись, проговорила:

— На чорта намъ дворецъ, мнѣ лучше на „скобзалку“.

— Вотъ тебѣ и на!—засмѣялся Богданъ,—и давай ей „эдукацію“! Ты бы промѣняла на дворецъ и коровникъ.

— А что же, тату,—посмотрѣла исподлобья Оленка,— и въ коровникѣ весело, особенно когда придутъ Марта, Ликера, Явдоха и Явтухъ.

Марылька бросила въ ея сторону презрительный взглядъ, но спохватившись, смѣнила его снисходительною улыбкой.

— Нельзи такъ, Оленка, судить, погладила она ее по головкѣ,—кто знаетъ, а можетъ придется и тебѣ быть во дворцѣ,—и она бросила украдкой на Богдана пламенный, вызывающій взглядъ.

— Куда имъ!—засмѣялся Богданъ и взялъ нѣсколько аккордовъ.—А ну, Марылько,—поднялъ онъ на нее восхищенныя очи,—а ну, моя квиточко, пропой какую либо пѣсенку, а я подберу „прыгравання“.

Марылька начала напѣвать веселенькую мазуречку; вскорѣ подъ звонъ бандуры раздалось увлекательное пѣніе. Зажигательный мотивъ, исполненный сильнымъ, сочнымъ голосомъ, производилъ неотразимое впечатлѣніе, наполнялъ серебромъ рулладъ свѣтлицу, а глаза Марыльки искрились такимъ зноемъ страсти, что Богданъ въ порывѣ восторга взялъ такъ сильно аккордъ, что струны взвизгнули и лопнули.

Дверь тихо отворилась и на порогѣ стала незамѣтно Ганна. Звуки бандуры и пѣніе давно привлекли ея вниманіе и изумили несказанно; въ то время, когда надъ этимъ „будынкомъ" вѣяло черное крыло смерти, они казались ей святотатствомъ. Ганна бросила строгій взглядъ на застывшую въ увлекательной позѣ Марыльку, перевела его на опьяненнаго восторгомъ Богдана, на озаренныя живою радостью лица дѣтей и занѣмѣла, глубоко потрясенная и возмущенная сценой.

— Титочка стонутъ и плачуть,—сказала она тихо, хотя въ ея голосѣ послышалась непослушная дрожь горькой укоризны.

— Боже! Неужели мы ее разбудили?—всполошился Богданъ.

— Пѣніе и бандура долетали и туда,—еще тише проговорила Ганна.

— Но не черезъ нее же, надѣюсь, она плачетъ,—съ досадой и тревогой возразилъ Богданъ.

— Вообще, появленіе и сообщеніе Ганны непріятно задѣло его; онъ увидѣлъ въ немъ какой то ригоризмъ, накидывающій узду на его волю.

— Нѣтъ, не черезъ пѣніе,—уже увѣренно заявилъ онъ.— Кого можетъ оскорбить пѣсня и дума? никого и никогда. Мамѣ можетъ быть хуже, такъ пойдемъ, дѣтки, къ ней!

— Я даже думаю, тато,—отозвалась скромно Марылька,— что музыка на такую больную должна дѣйствовать успокоительно и для больной бы слѣдовало, въ минуты облегченія, нарочито съиграть или спѣть что либо; это бъ, кромѣ всего, подняло у нея бодрость духа, а, значитъ, и силы... Больной именно нужно показать, что близкіе не убиты тоской, что, значитъ, положеніе ея улучшилось, а показное горе,—подчеркнула Марылька,—убило бы ее оразу.

— Правдивое твое слово, моя дытыно,—поцѣловалъ Богданъ въ лобъ Марыльку и отправился въ сѣни.

Ганна поблѣднѣла замѣтно, и ея расширившіеся глаза потемнѣли.

Въ сѣняхъ Богданъ остановилъ ее ласковымъ словомъ:

— Голубко Ганнуся, „упаднице" моя любая!

Марылька, услыхавши эту фразу, остановилась было на порогѣ и въ свою очередь поблѣднѣла, но Катря увлекла ее къ матери.

Ганна задрожала, и если бы сѣни были свѣтлѣе, то можно бы было замѣтить, какъ говорящіе глаза ея переполнились слезами.

— Вотъ еще къ тебѣ моя просьба,—наклонившись къ ней, продолжалъ тихо Богданъ.—Не можешь ли ты пріютить у себя эту Марыльку, а то въ большой свѣтлицѣ съ „дивчатами" ей неудобно, да и больная постоянно то тѣмъ, то другимъ тревожитъ... панночка видимо поблѣднѣла... да и ея покоевка валяется по кухнямъ...

Онѣ вѣдь обѣ привыкли къ роскоши, къ нѣгѣ, не то, что мы, грубые... Да и то еще не хорошо, что Марылька, по своей ангельской добротѣ, приняла на себя роль сидѣлки возлѣ больной", а мы словно обрадовались этому, „напосѣли"... совсѣмъ „змарнила" и извелась бѣдная дѣточка...

— Я ужъ думала, дядьку, объ этомъ,—отвѣтила взволнованнымъ голосомъ Ганна,—я совсѣмъ уступлю этой панночкѣ съ ея покоевкой свою верхнюю горенку, а сама помѣщусь съ дѣтьми: мнѣ тѣсно съ ними не будетъ, а если придется услужить чѣмъ моей второй матери, такъ я всякій трудъ посчитаю за радость, за счастье.

— Святая душа у тебя... вотъ что!—промолвилъ съ чувствомъ Богданъ.—Вся то ты для другихъ, вся въ людскомъ горѣ, а про себя и не думаешь... Эхъ, даже жутко намъ, грѣшнымъ, стоять рядомъ съ тобою!

— Дядьку, за что вы смѣетесь?

— Провались я на этомъ мѣстѣ, коли слово мое не идетъ отъ „щираго" сердца!—воскликнулъ Богданъ.—Чиста ты сердцемъ, а мы духомъ „буяемъ"...—вздохнулъ онъ,—однако, твоимъ предложеніемъ воспользоваться—это ужъ было бы для тебя обидно... Ты такъ привыкла къ своему гнѣздышку... и уступить его... Я полагалъ, что вдвоемъ вы могли бы помѣститься... тамъ вѣдь просторно...

— Нѣтъ, дядьку, не „турбуйтесь"... мнѣ будетъ съ дѣтьми удобнѣе и ближе къ больной, а вдвоемъ мы могли бы стѣснить другъ друга.

— Ну, быть по твоему... Спасибо, моя „порадо!"—и Богданъ поцѣловалъ Ганну въ высокій, словно выточенный изъ слоновой кости, лобъ.

Вечеромъ „покоевка" варшавская, Зося, уже суетилась въ новомъ, отведенномъ для ея панны покоѣ; взбила ей пуховики на кровати, закрыла ее шелковымъ одѣяломъ, убрала столикъ вывезенными изъ Варшавы игрушками, установила посерединѣ, поддерживаемое амурами, зеркало, поставила на окна роскошные букеты цвѣтовъ, а у изголовья кровати прибила небольшой образокъ Остробрамской Божіей Матери. Для себя же устроила постель на канапкѣ, стоявшей у дверей.

Чистенькая комнатка, убранная цвѣтами и изящными бездѣлушками, выглядывала уже не строгою кельей затворницы, а кокетливымъ гнѣздышкомъ птички.

Въ отворенныя окна смотрѣла теперь съ неба блистательная южная ночь; подъ ея волшебнымъ сіяніемъ открывалась серебристымъ

пологомъ даль; темныя линіи и пятна дремучихъ лѣсовъ пестрили ее причудливыми арабесками. Прохладный воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтущихъ гречихъ, вливался тихою струей въ эту горенку... Даже Зося, несклонная вовсе къ поэзіи, залюбовалась и этою ночью, и этою чарующею картиной.

— Панночко, любая, милая!—не удержалась она вскрикнуть на встрѣчу входившей Марылькѣ.—Посмотрите, какъ здѣсь хорошо, какъ здѣсь пышно!

— Да,—обвела усталыми глазами свѣтлицу Марылька.—Хоть и медвѣжій, а все-таки уголокъ. Уйти хоть есть куда, отдохнуть...

— Ужъ именно насилу добились какого-нибудь угла,—проворчала Зося, вынимая изъ „скрыньки" для панны бѣлье.—Мнѣ и не доводилось отъ роду валяться по такимъ хлѣвамъ, какъ тутъ отвели, съ „быдломъ" въ одной хатѣ.

— Ничего, потерпимъ немного,—улыбнулась Марылька.—Это бывшая келья той... какъ ее... чернички, что ли?

— Чернички!—засмѣялась Зося.—Этой преподобницы схизматской, Ганны.

— Какъ же это выгнали хлопскую святошу и ради кого? Ради шляхетной католички!

— Значитъ, наши святые посильнѣе!—подмигнула бровью Зося.—Панъ-господарь приказалъ мнѣ вынесть просто Ганнины вещи, а свѣтлицу приготовить для панны со мной.

— То то она сегодня зелена, какъ жаба, а ехидна, то какъ ужъ!—вздумала было пустить яду Богдану... Меня укорить! Ну, нѣтъ!—гордо подняла голову Марылька, сверкнувъ надменно очами.—Меня то легко не повалишь!

— О, съ ними нужно, моя паняночка, строго, а то народъ здѣсь такой,—осмотрѣлась Зося осторожно кругомъ.—Езусъ-Марія! Такой грубый, да дикій, не „быдломъ", а звѣремъ глядитъ, ласковаго слова ни отъ кого не услышишь, ругаютъ въ глаза ляхами, „католиками"... Ненавистники этакіе!—докладывала обиженно Зося.

— Здѣсь ихъ, кажется, притѣсняютъ „можно-владцы поляки", промолвила, Марылька сбросивши кунтушъ и спенсеръ, и начала выпутывать изъ волосъ передъ зеркаломъ нити мелкаго жемчугу.—Самъ канцлеръ говорилъ, но вообще они...

— Ненавидятъ всѣхъ насъ,—перебила Зося.—И васъ, и меня, а за что? За то, что католики.

— Да,—задумалась Марылька, глядя куда-то въ даль.—Распусти мнѣ косу,—оттянула она голову.—Да,—повторила она медленно,—разная вѣра—это порогъ, чрезъ который легко не переступишь.

— Да и не перескочишь, а голову разобьешь,—сдвинула плечами Зося—Я не знаю, какъ вамъ это не пришло въ голову тамъ еще, въ Варшавѣ.

— Ты на счетъ чего?—повернулась къ ней быстро панянка, и, сдвинувъ брови, добавила:—Марылька разъ что задумала—назадъ не отступитъ, и если порога нельзя переступить, такъ разрубить его будетъ можно...

— Да,—не поняла Зося своей паняночки,—а вотъ только та черничка не допуститъ распоряжаться въ домѣ, не позволитъ пороговъ рубить.

— Какъ не допуститъ?—встрепенулась Марылька.

— Да вотъ, я сама слыхала, что она говорила и этой цыганкѣ Оксанѣ, и бабѣ,—что, говоритъ, вѣрить, молъ, этой ляховкѣ нельзя... якъ Бога кохамъ! На показъ то она съ раскрытою пазухой, а въ глазахъ „дьяблы" играютъ, а баба и пошла ругаться ругательски...

— Ахъ, эта тощая святоша!—вскочила Марылька, и притопнула ногою. Неужели она осмѣлится стать мнѣ на дорогѣ?

— Но, моя „цяцяна", панно здѣсь Ганна все—и хозяйка, и совѣтница, и мать; ее и дѣти считаютъ за родную мать, а дворня гомонитъ что по смерти старой пани она займетъ ея мѣсто.

Послѣ минутной вспышки, Марылька, уже саркастически улыбаясь, слушала докладъ своей наперстницы: отраженное изображеніе въ зеркалѣ видимо успокаивало ея тревогу и разливало по лицу выраженіе торжества и побѣды.

— Посмотримъ,—процѣдила она съ улыбкой сквозь зубы и, потянувшись, какъ кошечка, томно добавила.—Устала я за эти дни: вѣчная осторожность и вниманіе къ каждому шагу, все меня стѣсняетъ,—сбросила она съ стройныхъ, словно выточенныхъ ножекъ шитыя туфельки.

Зося расплела ей косу и отбросила на спинку кресла роскошныя волны золотистыхъ волосъ.

Теперь Марылька осталась лишь въ легкой сорочкѣ изъ турецкой тафты, сквозившей на нѣжномъ алебастровомъ тѣлѣ чарующими округлостями линій и таинственными полутѣнями.

— Ну, что-жъ,—любовалась собой Марылька, спуская небрежно съ обольстительнаго плечика прозрачную ткань.—Думаешь, что я передъ этой святошей безсильна?

— Ай, ай!—всплеснула руками Зося.—Мнѣ даже больно смотрѣть, а что-жъ то хлопцамъ?

— Будто?—вспыхнула Марылька и, поправивъ шаловливо свою воздушную одежду, заговорила игриво, по дѣтски:—Вотъ пе-

ревели насъ уже изъ „быдлятника" въ хатку, а изъ хатки переведутъ въ свѣтлицу, а изъ свѣтлицы—въ палацъ.

— Когда то еще будетъ, а пока солнце взойдетъ—роса очи выѣсть,—махнула Зося рукой.

— Но, но!—вскрикнула капризно Марылька.—Не смѣй мнѣ противорѣчить!—и, вставши, она подошла къ раскрытому окну, передъ которымъ разстилался прилегавшій къ „будынку" „гаекъ", окутаннный таинственными тѣнями и облитый фосфорическимъ блескомъ.—Ахъ, какъ хорошо тамъ въ лѣсу и вонъ на той свѣтлой опушкѣ, гдѣ сверкаетъ серебромъ рѣчка!—заломила Марылька за голову руки и стала медленно вдыхать ароматный прохладно-живительный воздухъ.

— А вы осторожнѣе, моя „яскулечка", тамъ какая то тѣнь двигалась въ „гайку".

— Нѣтъ, все глухо и мертво,—пододвинулась еще ближе къ окну Марылька.—А какія еще новости?—спросила она, не поворачиваясь лицомъ и впиваясь глазами въ тѣни „гайка".

— Старшій панычъ сегодня пріѣхалъ,—сообщила Зося.

— О! Тымко! Какой же онъ?

— Ничего себѣ, только рябоватый... все лицо будто мелкимъ просомъ „подзюбано", а самъ изъ себя статный, здоровый, молодой, только еще хлопецъ и меня испугался даже,—расхохоталась Зося,—вытаращилъ глаза, покраснѣлъ, какъ ракъ, словно дѣвица... Такіе здѣсь глупые хлопцы! У насъ бы не пропустилъ не обнявши, а тутъ—стыдятся...

— А вотъ ты позаймись „эдукаціей"—перегнулась даже въ окно Марылька,—такъ выйдутъ изъ нихъ пылкіе рыцари.

— Стоитъ возиться,—надула презрительно губки Зося,—развѣ ужъ съ большой тоски да съ дьявольской скуки.

— Терпѣніе, терпѣніе, моя Зосюня,—скука не вѣчна, тоску можетъ смѣнить и веселье, и радость, и блескъ.

— Да, ждите! Старуха то еще, можетъ, и другой десятокъ протянетъ, и для чего только панна старалась помочь?—укоризненно покачала она головой,—уже этого я и въ толкъ не возьму.

— Глупенькая ты,—чѣмъ-же я ей помочь могла, потянулась сладко Марылька—на счетъ старухи, я тебѣ скажу, будь покойна,—ея дни сочтены: отъ такой вѣдь болѣзни умерла и мать Оссолинской, я знаю. Опухоль у нея съ каждымъ днемъ подымается, и какъ только дойдетъ подъ ложечку, такъ и задушитъ.

— Дай то Богъ,—вздохнула наивно Зося,—а вотъ что до пана,—улыбнулась она лукаво,—такъ ужъ и видно, что совсѣмъ очумѣлъ, глазъ не сводитъ.

— Ну, полно,—остановила ее Марылька,—ты чорезчуръ болтлива.

Освѣщенная съ одной стороны свѣтомъ восковой свѣчи, а съ другой—краснымъ отблескомъ лампады, фигура ея роскошно обрисовывалась на темномъ фонѣ окна. Даже Зося залюбовалась своею панночкой, стоя у другого окна, но, взглянувши случайно въ „гаекъ", она замѣтила подъ тѣнью липы неподвижно стоящую, словно въ оцѣпененіи, высокую, статную фигуру.

— Панночка! Отойдите!—вскрикнула она,—вѣдь я говорила, кто то смотритъ изъ сада, не панъ ли господарь?

— Гдѣ, гдѣ?—не довѣряла Марылька, перегибаясь изъ окна и присматриваясь.

— Да, вонъ посмотрите, подъ липой!...

Марылька вскрикнула и бросилась на кровать, зарывши свое лицо въ подушки.

Ночь. Луна высоко стоитъ въ небѣ и задумчиво смотритъ съ зеленовато-прозрачной выси на Субботово, на Тясминъ, на „гаекъ", на будынокъ... Вездѣ тихо; въ чуткомъ воздухѣ слышенъ даже отдаленный шумъ падающей съ „лотоковъ" воды... Сонный вѣтерокъ вздрогнетъ, зашелеститъ нѣжно въ листвѣ и замретъ... Все оковалъ сонъ: иныхъ, утомленныхъ дневною работой, онъ обнялъ по дружески, крѣпко, другихъ, удрученныхъ болѣзнью, успокоилъ хоть мимолетною лаской, третьихъ, смущенныхъ страстями и счастьемъ, обвилъ прозрачною сѣтью чарующихъ грезъ... только не могъ онъ дать забвенья наболѣвшему сердцу, не могъ утолить его жгучихъ страданій...

Въ нижней свѣтлицѣ, гдѣ спятъ Катря и Оленка съ Ганной, таинственный полусвѣтъ. Черезъ небольшія два окна, приподнятыя вверхъ на подставкахъ, лунное блѣдное сіяніе падаетъ серебристыми столбами внизъ и ложится яркими квадратами на глиняномъ желтомъ полу; въ противоположномъ углу, увѣшанномъ иконами кіевскаго и переяславскаго письма, передъ образомъ Матери всѣхъ скорбящихъ теплится кротко лампадка; ея нѣжный, красноватый отблескъ, обливая лики угодниковъ, смѣшивается дальше съ луннымъ свѣтомъ, производя эффектныя сочетанія тоновъ.

На кроваткѣ, уступленной Катрею, сидитъ Ганна; она обняла колѣни руками, поникнувъ въ безъисходной тоскѣ головой; распущенные волосы ея, тронутые слегка теплыми свѣтовыми пятнами, падаютъ на плечи, на спину черною волной, свѣшиваются шелковистыми прядами напередъ, закрывая отчасти лицо.

Ганна сидитъ неподвижно, уставившись въ какую то яркую точку на полу, и не сознаетъ даже, гдѣ она,—такъ задумалась,

такъ глубоко ушла въ самое себя; она только чувствуетъ тупую, зудящую боль въ сторонѣ сердца и необозримую „тугу".

Откуда взялъ онъ эту ляховку? Зачѣмъ привелъ сюда, что будетъ она здѣсь дѣлать?... кружатся въ ея головѣ ѣдкіе, болѣзненные вопросы. Оссолинскій поручилъ ее ему. Но почему же онъ поручилъ ее не какому нибудь шляхтичу, а Богдану, войсковому писарю, схизмату? Развѣ могла прійдти ему самому такая думка? Нѣтъ, нѣтъ! Значитъ Богданъ просилъ его. О, да, не иначе? Да и сама Марылька, какъ могла-бъ она безъ особаго желанія промѣнять пышную магнатскую жизнь на такую жизнь въ безвѣстномъ козацкомъ хуторѣ. Она такая безсердечная, пустая ляховка! Да, безсердечная, лукавая,—даже прошептала настойчиво Ганна, —я это вижу по ея кошачьимъ глазамъ... она никогда прямо въ очи не глянетъ, все у нея притворство... Чужая она намъ, чужая!... Развѣ ея панское сердце отзовется на людскія слезы? Развѣ ей можетъ быть дорогъ этотъ тихій край? Она воспитана на роскоши, въ магнатскомъ чаду, такъ ее туда и тянетъ... Я не разъ подмѣчала въ глазахъ ея презрѣніе и скуку... О, когти ея, какъ она ихъ ни прячетъ, видны!—и, несмотря на лѣтнюю, душную ночь, Ганна дрожитъ, словно ей сыпетъ мелкимъ снѣжкомъ за спину...

Но что нибудь привлекало же ее, если она согласилась пріѣхать сюда? Что же, что?! Зачѣмъ она пріѣхала! Что будетъ здѣсь дѣлать холодная, пустая, злая? И словно боясь дать отвѣтъ на эти мучительные вопросы, Ганна не останавливается на нихъ, а идетъ дальше и дальше. А онъ ей вѣритъ, онъ тѣшится ею, дытыной зоветъ, ловитъ каждый ея взглядъ, улыбается каждому слову. Все съ нею, да съ нею! Все забылъ для нея. Какъ хлопецъ, какъ мальчишка готовъ угождать ей, сегодня даже комнату отнялъ у нея для Марыльки! ту комнату въ которой она провела столько лѣтъ! На губахъ Ганны появилась горькая улыбка. Ахъ, нѣтъ сомнѣнья, сердце не обманываетъ ее: оно видитъ, оно чуетъ, онъ любитъ, любитъ ее!... чуть не вскрикнула Ганна и ухватилась рукой за сердце; мысли ея понеслись горячечно, возбужденно. Онъ, Богданъ, первый лыцарь, первый орелъ Украины, опора, надежда всего края и закохался, какъ неразсудливый хлопецъ, въ пустую, глупую, надменную ляховку! О. Боже, кто-бъ могъ думать это. Кому-жъ послѣ этого можно вѣрить? Никому, никому! Всѣ на одинъ ладъ и онъ не лучше другихъ!—повторяла съ горечью, съ болью Ганна. Герой, спаситель отчизны, и первая смазливая ляховка заставляетъ его забывать о всемъ. Ха—ха! А она еще такъ вѣрила ему, такъ надѣялась на него. Но что это? поднялась сразу

съ мѣста Ганна и остановилась, какъ вкопанная. Она кажется готова въ своей злобѣ и ярости осудить его, Богдана?!. Что-же пробуждаетъ въ ней эту ярость? что? что?. О, Господи, спаси меня, спаси его, спаси всѣхъ насъ, вскрикнула Ганна, падая на колѣни передъ иконой Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ: За что попустилъ ты,Милосердный, такое поруганіе надъ ¦душей Твоего раба! О, спаси его, отврати его душу, вѣдь тебѣ все возможно, все, все! Ганна склала на груди свои руки и вся застыла въ нѣмой молитвѣ и кажется ей, что кроткіе глаза Спасителя вспыхиваютъ нѣмымъ укоромъ.—Нѣтъ, нѣтъ, не могу я молиться! Сорвалась она съ колѣнъ и закрыла рукою глаза. Душа моя смятена... Ослѣплены очи мои лукавымъ... Нѣтъ, не могу я молиться... Въ сердцѣ нѣтъ чистоты, нѣтъ смиренія!... Оно кипитъ завистью и хулой... Ахъ, что со мной?... Обида жжетъ, обида!... замолчала она и провела рукой по холодному лбу; мысли ея приняли болѣе покойное теченіе.—А, можетъ быть, это мнѣ только кажется?—мелькнулъ у нея вопросъ.— Вѣдь она противъ него дитя, да и католичка... ужъ одно это... свѣтъ бы перевернулся!—улыбнулась даже Ганна и, отбросивъ назадъ волосы, повела вокругъ свѣтлицы глазами и остановила ихъ на открытомъ окнѣ. За грядами „чернобривцевъ" она замѣтила на зеленой полянѣ подъ липой, высокую и статную фигуру.

— Богданъ? Онъ!—сверкнуло у нея молніей въ головѣ и молніей же ударило въ сердце; она схватилась за него обѣими руками и слабо вскрикнула, скорѣй застонала. Первымъ порывомъ ея было броситься къ окну, разсмотрѣть, онъ-ли? А если нельзя, если ночью трудно замѣтить, одѣться и самой выйти...¦ но потомъ она устыдилась этого шпіонства и осталась пригвожденной къ своей кровати.

— Онъ, онъ! Кому бы по ночамъ тамъ стоять? Съ ея окна глазъ не сводитъ... Такъ значитъ правда, правда все! Это она, ляховка околдовала его какими то чарами, приворотъ зелье дала чаровница, чаклунка литовская. Отобрала, украла у насъ наше лучшее сердце. Охъ, проклятая, ненавистная! вскрикнула Ганна и вдругъ замерла. Ненавистная... словно прислушалась она къ звуку этого слова... Что-жъ это говоритъ во мнѣ—ревность? Ревность, повторила она съ ужасомъ и, выпрямившись гордо, вскрикнула: нѣтъ! мнѣ стыдно, мнѣ больно за него, за нашу несчастную родину, за его бѣдную умирающую жену!

Ганна упала на колѣни передъ образомъ и заломивши руки зашептала горячо и страстно слова молитвы.

Часъ уплываетъ за часомъ. Не отводитъ глазъ отъ лика пречистаго Ганна, слезы струятся по ея блѣднымъ щекамъ.—Уйти,

уйти отсюда,—мелькаетъ смутно въ ея головѣ,—уйти и отъ нихъ, и отъ людей, далеко въ келью, въ Кіевъ. Тамъ хорошо, тихо, монашки поютъ, колоколъ звучитъ. Тамъ только и можно вылить слезами тоску. Но какъ бросить бѣдную титочку? Охъ, силы, силы мнѣ дай, Матерь скорбящихъ!—страстно шепчетъ Ганна, сжимая молитвенно руки, а слезы, капля за каплей, бѣгутъ, беззвучно падая на полъ, и голубой разсвѣтъ ложится нѣжно и мягко на складкахъ ея бѣлой сорочки...

А Марылька спитъ въ своей горенкѣ, на новой, мягкой постелѣ, спитъ долго и сладко. Уже солнце давно заглянуло къ ней въ окна и наполнило свѣтличку золотыми и радужными лучами; но паненка, разметавшись въ истомѣ, не можетъ открыть своихъ глазъ; надъ ними еще рѣютъ дивные образы и чарующія картины: грезятся ей райскіе сады, разубранные невиданными цвѣтами; между изумрудною зеленью сверкаютъ прозрачныя голубыя озера, съ дномъ, усыпаннымъ золотомъ; въ глубинѣ ихъ тихо плаваютъ рыбы, а между ними одна въ серебряной чещуѣ, большая, пышная... Марылька раздѣвается, обаятельная нагота ея отражается и дрожитъ въ прозрачной водѣ, даже рыбы всѣ замерли и остановились, но это не смущаетъ Марыльки; она бросается къ серебряной, большой рыбѣ, схватываетъ ее за жабры и вытаскиваетъ огромную, сѣрую, съ выпученными глазами жабу. Марылька хочетъ вскрикнуть, бросить жабу, но ни того, ни другого не можетъ.

На лѣстницѣ послышались торопливые шаги; вбѣжала Катря въ свѣтличку, всплеснула руками и бросилась тормошить Марыльку:

— Марылько, Бога бойся! До сихъ поръ спать! Да уже „снидановъ“ второй подали... И Зося спитъ?—оглянулась она,—ото!

— Ахъ, это ты, Катрусе?—проснулась Марылька и обняла Катрю,—какъ я рада, что ты меня разбудила: мнѣ такое страшное снилось...

— Вставай, вставай!—торопила Катря,—и ты, Зосю, го-го! И мама ждетъ, не дождется своей знахарки,—поцѣловала она звонко въ щеку новую сестру,—и пріѣхалъ къ татѣ подстароста нашъ, панъ Чаплинскій. Хочетъ видѣть варшавское диво... Ей-Богу, такъ и сказалъ...

— Ой, ой!—схватилась Марылька съ постели,—правда, какъ мы заспались, Зосю! „Прендзей“ одѣваться!... А что онъ, какой изъ себя, этотъ подстароста, гарный, молодой—спросила она Катрю небрежно.

— Фе! Какой тамъ гарный?—скривилась Катря,—по моему такъ поганый, толстый, все отдувается и глазами мигаетъ...

— Ну, ну!—засмѣялась Марылька,—такъ скажи, моя ясочка, мамѣ, что я сейчасъ.

Катря спустилась внизъ, а Марылька принялась тщательно за свой туалетъ. Взбила свои пепельно-золотистые волосы какимъ-то ореоломъ вокругъ бѣлоснѣжнаго лба, заплела ихъ въ двѣ роскошныхъ косы, обула краковскіе высокіе башмачки, надѣла „адамашковую" бронзоваго цвѣта споднипу, а сверхъ нея синій бархатный кунтушъ, отороченный соболемъ, и вышла въ нижнюю свѣтлицу, блистая неотразимымъ обаяніемъ дивной красы.

Встрѣтившись съ Богданомъ, Марылька зардѣлась алой розой, ожгла его кокетливымъ взглядомъ и стыдливо опустила глаза, а онъ и самъ вспыхнулъ огнемъ до самой чуприны. Какой-то сладостный ядъ, одуряющій, опьяняющій чарами, проникъ во все его существо, и Богданъ, чувствуя себя въ его власти, сознавалъ смутно, что эта отрава коснулась и его дочки Марыльки, и что эта болѣзнь сближаетъ ихъ еще больше...

Когда увидѣлъ Чаплинскій Марыльку, то не донесъ до рта даже чарки, уронилъ ее на полъ, и, разставивши руки да вытаращивъ глаза, изобразилъ довольно смѣшную фигуру.

Марылька взглянула на него и чуть не прыснула со смѣху; но салонный тактъ заставилъ ее сдержаться, и она только улыбнулась очаровательно вельможному пану на его любезное изумленіе.

— Езусъ-Марія!—вскрикнулъ, наконецъ, въ порывѣ восторга Чаплинскій,—гдѣ я? Въ чистилищѣ или въ самомъ раю? На землѣ такой красоты быть не можетъ!

— Панъ насмѣхается,—отвѣтила, покраснѣвъ отъ удовольствія Марылька.

— Клянусь рыцарскою доблестью, клянусь моею властью и славой!—подкрутилъ онъ вверхъ свои подбритые усы.

— Панъ слишкомъ расточителенъ на клятвы,—взглянула на него игриво Марылька,—такъ можно и сбанкротовать.

— Что удивительнаго?—приложилъ къ сердцу руку Чаплинскій,—передъ панонкой все сбанкрутуетъ.

— Я даю своей красотѣ слишкомъ малую цѣну,—скромно отвѣтила Марылька,—да и что вообще она передъ красой сердца и разума?—сверкнула она молніей своихъ глазъ на стоявшаго тутъ же въ нѣмомъ восторгѣ Богдана.

— O sancta Mater!—воскликнулъ Чаплинскій,—панна похитила у неба всѣ сокровища!

— Тато!—подбѣжала Марылька къ Богдану въ обворожительномъ смущеніи.—Панъ обвиняетъ меня въ ужасномъ преступленіи, неужели за бѣдную Марыльку никто не заступится?

— И эта грудь, и эта сабля,—тебѣ, моя зорька, защитой,—отвѣтилъ съ нѣжной улыбкой Богданъ и обратился къ Чаплинскому,—она сама не похитила, а небо ее всѣмъ надѣлило...

— Намъ на погибель!—вздохнулъ Чаплинскій.

— О, если бы все это было правдой, то я была бы самою несчастной,—вздохнула печально Марылька,—но панство шутитъ, а шутка сестра веселью... Такъ и мнѣ остается только поблагодарить пышное панство,—поклонилась она изысканно.

— Да скажи мнѣ, сватъ,—подошелъ къ Богдану Чаплинскій,—чѣмъ ты угодилъ Богу, что Онъ тебѣ послалъ такую дочку?

— Долготерпѣніемъ,—улыбнулся Богданъ,—это награда свыше за всѣ ваши „утиски"...

— О, такъ ради Бога обдери меня до костей!—съ напускнымъ паѳосомъ крикнулъ Чаплинскій.

— Пусть панъ не рискуетъ,—погрозила кокетливо пальцемъ Марылька,—можно и обмануться въ наградѣ.

Катря вбѣжала въ свѣтлицу и, сконфузившись, сообщила, что мама проситъ заглянуть къ ней.

Всѣ двинулись къ спальнѣ больной, а Марылька побѣжала первая.

— Нѣтъ, безъ шутокъ,—шепталъ на ходу Богдану Чаплинскій,—эта панненка—восторгъ, очарованіе! Пану можно позавидовать.

Богданъ, будучи опьяненъ самъ прелестью своей дорогой дочки, тѣмъ не менѣе былъ раздраженъ уже чрезмѣрными нахальными похвалами Чаплинскаго, а потому и постарался измѣнить тему бесѣды, заговоривъ съ нимъ о серьезныхъ дѣловыхъ „справахъ".

Сначала Чаплинскій разсчитывалъ быть въ Субботовѣ одну лишь минуту, такъ что съ трудомъ удалось оставить его на „снѣданокъ"; теперь же онъ, очевидно, забылъ о своемъ намѣреніи: разговорился съ Богданомъ о мѣстныхъ событіяхъ, передалъ нѣсколько тревожныхъ слуховъ про князя Ярему, про Ясинскаго, упрекалъ козаковъ въ разбойничьихъ выходкахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заносчивой политики „можновладцевъ", возбуждавшихъ народныя страсти и безсильныхъ подавить ихъ въ конецъ; увѣрялъ, что въ его староствѣ никогда ничего подобнаго быть не можетъ. Между своими сообщеніями онъ выпытывалъ у Богдана про Марыльку: откуда она родомъ, какъ попала сюда, по чьей прихоти?

Эти допросы бросали Богдана въ жаръ, и онъ отвѣчалъ на нихъ односложно, не скрывая даже неудовольствія. А Чаплинскій, замѣтивъ его смущеніе, перескакивалъ неожиданно отъ Марыльки къ политикѣ, ошарашивая разспросами про Варшаву, про короля, про канцлера, про Радзивилловъ. Богданъ, однако, былъ на сто-

рожѣ и не далъ себя ни разу поймать; сообщалъ съ подробностями о столичныхъ новостяхъ, о ходячихъ того времени сплетняхъ, но о политикѣ—ни слова: не было де съ кѣмъ поговорить о ней, по братерски, интимно.

Марылька появлялась еще раза два въ свѣтлицѣ, но мимолетно: блеснетъ метеоромъ, ожжетъ пламеннымъ лучемъ своихъ сапфировыхъ глазокъ, подаритъ улыбкой, кокетливымъ словомъ и исчезнетъ. Чаплинскаго все это приводило въ большій и большій экстазъ, и Богданъ для усмиренія этихъ порывовъ отвелъ гостя на свою половину, потребовалъ меду и занялся серьезными дѣлами съ подстаростой.

Время шло. Наступила обѣденная пора, и хозяинъ долженъ былъ предложить гостю отвѣдать борщу и каши; тотъ не заставилъ себя дважды просить, а охотно остался „потрапезовать" у пана генеральнаго писаря.

Къ обѣду Ганна не явилась,—она сказалась больной; Андрій, Юрась и Оленка тоже остались при матери; сѣли за столъ только Богданъ, Чаплинскій, Марылька да Тимко. Послѣдняго привелъ насильно Богданъ и заставилъ „витать" дорогого гостя и названную сестру.

Тимко, красный, какъ ракъ, вспотѣвшій даже отъ смущенія, стоялъ букой, словно приросшій къ мѣсту.

— Эхъ ты, дикій, дикій!—укоризненно качалъ головою Богданъ.—Сколько еще тебѣ эдукаціи нужно!... Подойди же, „привитай" вельможнаго пана...

Тимко, наконецъ, промычалъ что то въ родѣ: „Здоровъ будь, пане-дядьку", и мотнулъ, какъ степной конь, головою.

— А я и сама „прывитаюсь" съ своимъ братомъ,—подбѣжала Марылька.—Ну, здравствуй, Тимко, взгляни-ка на свою сестричку, полюби ее...

Тимко взглянулъ исподлобья и такъ растерялся, что хотѣлъ было удрать, но Богданъ взялъ его за руку и внушительно сказалъ:

— Поцѣлуй же, увалень, ручку у вельможной паненки, у своей сестрицы!

— Не хочу, буркнулъ Тимко, утирая рукавомъ потъ, выступившій у него на лбу крупными каплями.

— Ахъ, ты, „неукъ"!—притопнулъ Богданъ ногою,—да ты бы почитать долженъ за счастье.

— Я бѣднаго хлопца выручу, замѣню,—двинулся было къ Марылькѣ Чаплинскій, но послѣдняя остановила его граціознымъ жестомъ и промолвила нѣжнымъ голосомъ:

— Я сама, какъ сестра, выручу Тимка,—и, подбѣжавъ къ нему, неожиданно поцѣловала его въ щеку.

Тимко побагровѣлъ, смѣшался въ конецъ и, не сознавая даже, что ему дѣлать, бросился къ Чаплинскому и поцѣловалъ его въ усы. Поднялся страшный хохотъ, заставившій Тимка опрометью удрать и запрятаться въ бурьянахъ, гдѣ никакіе розыски не открыли его убѣжища; такъ онъ и остался тамъ безъ обѣда и безъ вечери.

За обѣдомъ Чаплинскій, несмотря на „принуку“, ѣлъ мало, а утолялъ все внутренній жаръ запеканками, да наливками, да мальвазіями, да старымъ венгерскимъ. Марылька, по просьбѣ Богдана, разыгривала роль хозяйки и угощала гостя съ обворожительною любезностью и изысканнымъ кокетствомъ. Чаплинскій пилъ и все разсыпался въ комплиментахъ, хотя тяжеловѣсныхъ, литовскихъ, но вырывавшихся бурно изъ его воспаленнаго сердца.

Марылька, замѣтивъ съ восторгомъ, что они будили у Богдана вспышки ревности, умѣла тонко отпарировать ихъ, накинуть узду на опьяненнаго и охмѣлѣвшаго пана подстаросту. Фигура и наружность пана подстаросты не могли назваться красивыми, особенно же они теряли при сравненіи съ Богданомъ. Но бурные восторги шляхетнаго пана, вызываемые ея красотой, льстили самолюбію женщины и подкупали ея сердце невольно: она смягчала свой приговоръ и находила подъ конецъ пана подстаросту даже виднымъ и ловкимъ.

— Нѣтъ, возмущался Чаплинскій,—это ужасная жертва, моя пышная панна! Ея мосць не взвѣсила еще, какъ, привыкши къ роскоши, къ нѣгѣ... воспитавшись, такъ сказать, какъ лучшій райскій „квятекъ“ въ теплицѣ, и вдругъ изъ Эдема—въ глушь, въ дикій „гай“, въ хуторскую трущобу!

— Напрасно панъ тревожится обо мнѣ,—отвѣтила, взглянувъ на Богдана любовно, Марылька,—та теплица, гдѣ я росла, была для меня лишь тюрьмой, а эта, какъ панъ выражается, глушь и трущоба для меня рай... всякому дорого то, что говоритъ его сердцу, что грѣетъ лаской.

— Что ни слово у панны, то новый перлъ!—пожиралъ ее масляными, слипающимися глазками Чаплинскій.—„Якъ маме кохамъ“, это неисчерпаемый кладъ сокровищъ,—икнулъ онъ.—Но неужели паненкѣ не жаль роскошныхъ варшавскихъ пировъ, гдѣ блескъ, великолѣпіе, пышное рыцарство?—подкручивалъ онъ свои подбритые усы.

— Моя красота не имѣетъ на панскомъ рынкѣ цѣны,—улыбнулась нѣжно Марылька,—а всѣ эти пиры, весь этотъ блескъ—одна лишь лукавая суета; голова только кружится отъ чада, а на

сердцѣ—пустота и тоска. Повѣрь, пане, что въ безъискусной природѣ больше красы, что въ неизнѣженномъ сердцѣ больше любви и правды.

— Такъ, панна моя „коханна“, такъ!—ухватился Чаплинскій за сердце и покачнулся.—Здѣсь больше ласки, а если панна любитъ природу, такъ вотъ у меня она въ моихъ „маетностяхъ“, безконечныхъ въ Литвѣ, кромѣ староства.

— Ого!—взглянулъ Богданъ насмѣшливо на подстаросту.—У свата такіе страшные „маетки“, а онъ бросилъ свое добро и заѣхалъ сюда искать счастья.

— Такъ, заѣхалъ,—кивнулъ усиленно головою Чаплинскій.—Заѣхалъ потому, что мнѣ все мало... Дай мнѣ полсвѣта, такъ я и за другою половиной протяну руки, „дали Бугъ“!

— Ой, свате,—засмѣялся Богданъ,—не „зазихай“ на весь свѣтъ!

— Какой же панъ ненасытный!—укоризненно взглянула на него Марылька.—Развѣ его „маетки“ литовскіе мизерны?

— Мизерны, „Матка найсвѣнтша“! Они богаты восхитительны, какъ сказка!—воскликнулъ панъ подстароста.—Боръ, сосны, ели одна на другую насѣли и подъ ними вода, а на зеленыхъ вѣткахъ качаются зеленыя русалки, „мавки“.

— Ой, я бы ни за что туда не пошла!—закрыла глаза руками Марылька.—Я ихъ боюсь: онѣ заласкочутъ; да и въ водѣ жабы...

— Панна, не бойсь! Вотъ этою рукой тридцать рыцарей косилъ,—такъ мы и жабъ, и „мавокъ“ канчуками къ панскимъ ножкамъ...

— Ха, ха, ха!—разсмѣялся Богданъ,—неужели косилъ? Я не подозрѣвалъ въ сватѣ такого Самсона.

— Я скрываю силу... пане... чтобы не пугать, „не полохать“... Но для паненки...

— Панъ разгонитъ весь свѣтъ? Ой, страшно!—залилась серебристымъ смѣхомъ Марылька.—Да и тоскливо бы было...

— И разгоню... и сгоню къ паннѣ... арканомъ...—„целую ручки“!—потянулся было Чаплинскій, но опять сѣлъ.

Марылька, замѣтивъ, что поведеніе Чаплинскаго начинало уже коробить Богдана, поспѣшила незамѣтно уйти, не попрощавшись даже съ подстаростой.

А Богданъ было предложилъ ему отдохнуть на своей половинѣ, но тотъ уперся ѣхать.

Когда колымага Чаплинскаго была подана, и Богданъ вывелъ подъ руки своего гостя, то послѣдній началъ обнимать его и изъясняться въ любви:

— Я тебя, свате, такъ люблю... такъ, что теперь мнѣ этотъ Суббботовъ сталъ самымъ дорогимъ мѣстомъ... Я это и самому старостѣ скажу... Ей Богу, скажу. А эта твоя дочка... это „крулевна... просто... околдовала меня!...

— Больше наливка да ратафія,—замѣтилъ Богданъ,—а къ паненкѣ я бы просилъ пана относиться скромнѣй: она терпѣть не можетъ комплиментовъ и обижается... Для сироты всякое „залицанье“ обидно. Я ей поставленъ Богомъ за отца,—сверкнулъ онъ невольно глазами,—такъ клянусь, что въ обиду ее не дамъ никому.

— Убей меня громъ, коли я что, свате... вѣдь, пойми ты, друже мой... возразилъ слезливымъ голосомъ Чаплинскій, цѣлуя Богдана,—я вдовъ... одинокъ... такъ отчего же мнѣ нельзя помечтать о счастьи?

— Стары ужъ мы для него.

— Не говори, сватъ, про старость...—замахалъ Чаплинскій руками, усѣвшись въ свой „повозъ“,—цуръ ей!.. А я у тебя теперь вѣчный гость... радъ ли, не радъ... а гость...

— Много чести, нахмурилъ брови Богданъ,—такъ много, что врядъ ли и поднять мнѣ на плечи... Ну, съ Богомъ!—махнулъ онъ рукой кучеру, и колымага съ пьянымъ и влюбленнымъ Чаплинскимъ громыхая покатилась за „браму“.

А Марылька давно уже сидѣла на скамеечкѣ въ самомъ уютномъ мѣстѣ „гайка“, гдѣ сплетались вверху зыбкимъ куполомъ изумрудныя, широкія вѣтви и откуда виднѣлась дуга ясной рѣки.

Обѣдъ утомилъ панночку, и она сѣла тамъ отдохнуть и задумалась,—не о Чаплинскомъ, конечно,—а о себѣ, о своемъ положеніи... Богданъ ей нравился и лицомъ, и своимъ увлеченіемъ, и своею мощью: эта сила, что вскорѣ должна была открыть ему всюду широкія двери, особенно была привлекательна для „паненки“. Честолюбивая съ дѣтства, имѣющая всѣ данныя для власти, она до сихъ поръ играла въ жизни самую ничтожную роль; это терзало ее и раздражало еще больше; и вотъ появляется на ея горизонтѣ Богданъ, которому всѣ предсказывали такое высокое будущее. Марылька страстно ухватилась за этотъ способъ возвышенія. Но... любила ли она Богдана? Объ этомъ она и не думала да и сама не могла разобраться: такъ какъ до сихъ поръ сердце ея не знало пылкой любви, то она искренно поклялась бы, что одного Богдана лишь любитъ, что онъ для нея все. Особенно теперь, при напряженной борьбѣ за него съ Ганной, Марылька ощущала ѣдкое раздраженіе, поднимавшее теплоту ея чувства.

Уже были сумерки, когда Зося, бѣгая по „гайку“, натянулась на Марыльку.

— Вотъ гдѣ моя кохана паненка, а я по всей левадѣ ищу!

— А что такое, Зося?—вздрогнула та,—вѣрно къ больной? Это становится скучно.

— Нѣтъ, я не оттуда...—съ трудомъ переводила духъ запыхавшаяся Зося,—а отъ пасѣки... думала, что тамъ панычъ, хотѣла позабавиться, да и наткнулась на разговоръ дѣда съ Ганджой.

— На какой?—заинтересовалась Марылька.

— Да вотъ рѣчь у нихъ шла про паненьку.

— Ну, ну!—даже привстала Марылька и съ тревогой оглянулась кругомъ.

— Они говорили про то, что паннѣ не подобаетъ быть католичкой, что козачка повинна быть греческаго закона, а то ляховку и семьѣ козачьей держать грѣхъ... что они объ этомъ сказывали и больной пани и что та встревожена, хотѣла просить Богдана, такъ Ганна заступилась: „Зачѣмъ, молъ, принуждать? Вѣдь намъ же, говоритъ, больно, если ляхи насъ заставляютъ приставать къ уніи... такъ и имъ. Да и на что это намъ? Она чужая... и никогда съ нами не побратается... вотъ, молъ, какъ оливы съ водой не соединишь, такъ и ее съ нами. Такъ пусть-де она и остается чужой“.

— А, ехидна!—поблѣднѣла и прикусила себѣ губу Марылька.—Прямо ставитъ порогъ... накидаетъ на горло арканъ. Значитъ, медлить нельзя: тамъ цѣлая стая волковъ, а я одна... Ахъ, какъ тяжело быть одной на свѣтѣ!—вздохнула она и, опустившись на скамью, прислонила свою голову къ липѣ.

Въ это время вблизи раздались торопливые шаги, и Зося, вскрикнувши: „панъ-господарь“, убѣжала въ глубь рощи; Марылька же встрепенулась было, какъ вспугнутая газель, но не убѣжала, а снова усѣлась на скамью, принявъ еще болѣе грустную позу.

— Такъ и думалъ, что здѣсь мою доньку найду... сердце подсказало,—подошелъ торопливо Богданъ и вдругъ остановился:—но что съ тобой моя любая „квиточка?“ Ты грустна... ты плачешь... Ужъ не обидѣлъ ли тебя кто?

— Ахъ, тато, тато!—вздохнула глубоко Марылька и отвела руку отъ влажныхъ, повитыхъ тоскою очей.—Какъ мнѣ не грустить? Вѣдь одна я на этомъ холодномъ свѣтѣ... Одна сирота!.. Нѣтъ у меня близкихъ... всѣмъ я чужая!

— Какъ? И мнѣ?—опустился даже отъ волненія на скамью Богданъ.—Тебя обидѣлъ вѣрно этотъ литовскій пьяница?

— Нѣтъ, нѣтъ, тато,—перебила его грустно Марылька, всѣ мнѣ эти „можновладцы“ противны... я презираю ихъ пьяную дерзость... а ты, тато мой любый... ты одинъ у меня на всемъ свѣтѣ,

одинъ, одинъ!—залилась она вдругъ слезами и припала къ нему на грудь.

— И ты у меня одна,—вскрикнулъ Богданъ, опьяненный и близостью дорогого существа, и созвучіемъ охватившаго ихъ чувства,—одна, одна!.. Весь міръ... все... только бы тебя оградить... только бы осушить эти слезы... дать счастье, шепталъ онъ безсвязно, осыпая и душистые ея волосы, и дрожащія руки ея не отцовскими поцѣлуями...

— Тато!—выскользнувъ незамѣтно изъ его объятій, сказала Марылька и посмотрѣла на него пристальнымъ, печальнымъ до безконечности взглядомъ,—у меня такая тоска на душѣ, а неизвѣстность еще больше гнететъ. Я слыхала про смерть отца... онъ завѣщалъ меня тебѣ; но я не знаю его послѣднихъ минутъ, его послѣднихъ желаній... Разскажи мнѣ, дорогой, все про него, все, безъ утайки.

— Не растравляй своей тоски,—погладилъ ее нѣжно по головкѣ Богданъ,—ты и безъ того сегодня разстроена...

— Нѣтъ, нѣтъ, тато, разскажи на Бога!—сложила на крестъ руки Марылька.—Дай мнѣ съ нимъ побыть хоть немного мгновеній; это меня успокоитъ.

— Ой, смотри, моя „квиточка",—хотѣлъ было еще уклониться Богданъ, но не могъ устоять передъ ея неотразимымъ, молящимъ взоромъ. И началъ разсказывать про отца, про его удаль и отвагу, про его самоотверженіе за товарищей, про его послѣднюю волю...

Марылька слушала Богдана съ трогательнымъ вниманіемъ; хотя слезы и набѣгали крупными каплями на ея собольи рѣсницы, но въ глазахъ ея отражалась не скорбь, а скорѣе горделивая признательность за доблести отца и благоговѣйная къ нему любовь.

— Ахъ, спасибо, спасибо,—шептала Марылька, сжимая свои тонкіе пальцы.—Тато мой! Если ты видишь свою доню съ высокаго неба, то благослови ее, сироту! Любила я тебѣ вѣчно, а теперь боготворю тебя... Значитъ, тато мой былъ козакъ? — обратилась она оживленно къ Богдану,—удалой запорожецъ, „щырый" товарищъ?... Значитъ, и я козачка, а не ляховка?... Да, не ляховка, какъ меня дразнятъ... только вотъ что, зачѣмъ же мнѣ быть католичкой?

— Какъ, Марылька?... Ты сама хочешь стать...—развелъ руками Богданъ, устремивъ на свою дочку изумленные глаза.

— Не только хочу, но даже требую,—сказала серьезно и твердо Марылька.—Это оскорбленіе, что дочь со своимъ отцомъ разнаго закона. Я не хочу быть католичкой, я хочу быть одного съ вами обряда.

— Господи! Святая ты моя, хорошая!... Козачка „щирая!“— цѣловалъ Богданъ ея руки, и Марылька теперь ихъ не отнимала.— Самъ Богъ тебѣ вдохнулъ такую думку..—Вотъ радость мнѣ, такъ ужъ такая, что „сказиться“ можно... Ну, теперь „утнемъ“ всѣмъ языки... Ахъ ты, бей его сила Божія!...

— Тато! Скорѣй меня окрести,—прижималась къ нему Марылька,—скорѣй успокой мою душу!... Ты мнѣ будешь и крестнымъ батькомъ, еще больше породнишься...

— Нѣтъ,—перебилъ ее Богданъ,—крестнымъ батькомъ тебѣ я ни за что не буду, да и не нужно,—ты не еврейка...

— А отчего же ты, тато, не хочешь?—вздохнула печально Марылька.

— Оттого...—посмотрѣлъ на нее Богданъ пристально,—сама догадайся...

Марылька взглянула на него лукавымъ, кокетливымъ взглядомъ и вдругъ вся залилась яркимъ румянцемъ.

Желаніе Марыльки присоединиться къ греческой церкви надѣлало много шуму; всѣ обитатели двора и „будынка“ были рады этой новости и ободряли Марыльку; одна только Ганна не вѣрила искренности ея желанія и подозрѣвала въ этомъ новый подвохъ, но она никому не высказала своихъ тайныхъ мыслей, а замкнула ихъ въ самой себѣ.

Отецъ Михаилъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ новой овцы въ свое духовное стадо, сталъ ежедневно приходить къ Марылькѣ и наставлять ее въ правилахъ греческаго закона.

Долетѣла объ этомъ вѣсть и до Чигирина; Чаплинскій возмутился страшно, предполагая здѣсь насиліе со стороны Богдана, и прилетѣлъ въ Субботовъ.

Богданъ встрѣтилъ его церемонно, но холодно, и на его разспросы сухо отвѣтилъ, что это желаніе самой Марыльки, а такъ какъ она полноправна, то никто и не можетъ тѣснить ея воли. Марылька на этотъ разъ обошлась съ Чаплинскимъ въ высшей степени сдержанно и заявила ему, что она сама пламенно желаетъ присоединиться къ греческому обряду, къ которому подъ конецъ жизни принадлежалъ и ея отецъ, и что всякія увѣщеванія и совѣты здѣсь безполезны. Чаплинскій пригрозилъ было старостой, но на эту угрозу Марылька отвѣтила гордою, презрительною улыбкой. Такъ онъ и уѣхалъ, не солоно хлебавши, затаивъ въ своей душѣ на Богдана страшную злобу.

Прошло нѣсколько дней. Марылька, присоединенная уже торжественно къ греческой церкви и нареченная Еленой, неотлучно сидѣла у изголовья своей умирающей матери, силы которой уга-

сали съ каждымъ днемъ... Всѣ окружающіе, а особенно больная, относились теперь къ новой единовѣркѣ, Еленѣ, чрезвычайно тепло и любовно, словно желали загладить бывшіе недружелюбные о ней отзывы.

— Ахъ, какъ я рада, что ты теперь совсѣмъ наша, моя донечка! — шептала задыхаясь пани Хмельницкая. - Хотѣлось бы тебя пристроить, дѣтокъ довесть до ума.., да уже и думки мои оборвались... Чую, что смерть за плечами.

— Что вы, мама?—встревожилась Елена.— Господь милостивъ... Выпейте вотъ зелья, усните... силы наберетесь,—подала она приготовленный въ горшечкѣ напитокъ.

— Нѣтъ ужъ, пора...—хлебнула все-таки лѣкарства больная,—и то всѣмъ надокучила. Охъ, худо мнѣ!... Моченьки нѣтъ! Покличь, родненькая, скорѣе Богдана,—упиралась она костлявыми руками въ подушки, желая присѣсть.

Елена побѣжала въ тревогѣ за Богданомъ, но его на этотъ моментъ не было дома; пока побѣжали звать пана, она вернулась къ больной и замѣтила, что та начинала дремать подъ вліяніемъ наркоза. Измученная пережитыми за послѣдніе дни волненіями, тревогами и физическою усталостью, Елена воспользовалась тоже минутнымъ успокоеніемъ больной, и сама прикурнула за пологомъ кровати на какихъ то мѣшкахъ съ сушеными яблоками.

На долго ли забылась Елена, или нѣтъ,—она не помнила; но ее разбудилъ стукъ тяжелыхъ сапогъ и сдержанный говоръ. Въ комнатѣ было уже совершенно темно, и Елена по голосу только узнала, что говорилъ съ умирающей женой ея мужъ Богданъ.

— „Дружино“ моя любая,—шептала едва слышно, рвущимся голосомъ умирающая,—отпустило мнѣ немного... такъ я хочу тебѣ... сказать мое послѣднее желаніе... Спасибо тебѣ, соколъ мой... за счастье, что далъ мнѣ... за все!... Тамъ я за тебя и за дѣтокъ буду Бога молить. Десять лѣтъ уже я тебѣ не жена... а калѣка, „нахаба“... Прости, что такъ долго мучила... не моя на то воля...

— Голубка моя, что ты?—промолвилъ растроганнымъ голосомъ Богданъ,—да мнѣ и думка такая не приходила!

— Борони, Боже!... Развѣ я на тебя нарекаю?... Только постой...—съ страшнымъ усиліемъ старалась она вдохнуть широко раскрытымъ ртомъ воздухъ,—дай мнѣ договорить... а то духъ забиваетъ... Ты еще молодъ... силенъ... тебѣ нужно жить въ парѣ... да и сиротамъ моимъ нужна мать... Такъ я прошу тебя... „благаю“: женись послѣ моей смерти... и женись на Ганнѣ: она тебя любитъ.. она для моихъ дѣтокъ будетъ наилучшею матерью... Я тогда буду покойна... за нихъ...

Богданъ молчалъ, но по нервному, порывистому дыханію можно было судить, что онъ сильно взволнованъ.

— Такъ ты исполнишь мою просьбу?—допытывалась, дыша тяжело, съ хрипомъ, пани.

— Моя „люба",—послѣ долгой паузы отвѣтилъ, наконецъ, Богданъ,—мнѣ больно слушать... и думка про это—кощунство! Можетъ, Господь еще исцѣлитъ тебя... вѣдь всякое чудо въ руцѣ Божьей...

— Нѣтъ... „годи": я молюсь, чтобъ прибралъ,—закашлялась пани, судорожно хватаясь руками за грудь.—Воды... Воды!—прохрипѣла она, опрокидываясь на подушки.

Богданъ бросился за „кухлемъ" въ свѣтлицу, а Елена, воспользовавшись его отсутствіемъ проскользнула незамѣтно въ дверь, убѣжала въ свою горенку и упала со слезами въ подушки.

Припадокъ больной, впрочемъ, прошелъ, и она, напившись зелья, снова успокоилась и заснула. Богданъ вышелъ на цыпочкахъ изъ ея комнаты въ свѣтлицу, заглянулъ въ „панянскую" и не нашедши въ ней Елены, пошелъ искать ее въ садъ. Но, не смотря на усердные поиски и окликанія, не нашелъ ее ни въ саду, ни въ „гайку"; въ волненіи и тревогѣ онъ направился въ ея горенку. Елена услыхала приближающіеся къ ней тяжелые, хотя и сдержанные шаги и затрепетала, какъ въ лихорадкѣ, забившись въ уголъ кровати.

— Оленочко, зирочко, ты здѣсь?—спросилъ шепотомъ Богданъ, подвигаясь въ темнотѣ ощупью.

— Здѣсь, одна...—едва слышно, дрожащимъ голосомъ отозвалась Елена.

— Гдѣ-же ты?—подходилъ осторожно къ кровати Богданъ.

— Ахъ, не подходи, тато!—всхлипнула она, ломая руки, такъ что пальцы ея захрустѣли.—Я такая несчастная, я не могу этого перенесть! Увези меня отсюда, забрось куда-нибудь далеко, не то я руки на себя наложу!

— Дитятко мое, что съ тобой?—стремительно подошелъ къ ней Богданъ.—Ты плачешь? Ты вся дрожишь?—обнялъ онъ ее и осыпалъ поцѣлуями ея голову и руки.

— Не могу, не могу я здѣсь оставаться,—билась она у него на груди, какъ подстрѣленная птица.—Я была въ маминомъ покоѣ, я слыхала ея просьбу.

— А, вотъ что!—задрожалъ, въ свою очередь, Богданъ: лихорадочный жаръ заражалъ и его.—Я не далъ слова, а тебѣ же, мое дитятко, что?—прижималъ онъ ея головку къ своей груди,

нагнувшись къ ней такъ близко, что ощущалъ даже зной ея порывистаго дыханія.

— Какъ что?—затрепетала Елена,—и вдругъ, приподнявшись на кровати, вскрикнула страстно—прости мнѣ Боже, не властна я надъ сердцемъ!—вѣдь я люблю тебя! и, обвивши его шею руками, она упала къ нему на грудь и прижала своимъ разгоряченнымъ лицомъ къ его лицу.

— Ты? Меня?—даже задохнулся отъ прилива страсти Богданъ.—Какое счастье!... Я только мечталъ о немъ, только и думалъ! Не перенесть такой утѣхи: она жжетъ меня полымемъ... Да вѣдь и я тебя, моя ненаглядная зирочко, моя рыбонько, безумно, „шалено" люблю, „кохаю" тебя одну, какъ никого еще не любилъ, до потери разума, до потери жизни!—обнималъ онъ ее порывисто и страстно, обнималъ и цѣловалъ всю, забывая все окружающее, забывая весь міръ

— Да, да, соколъ мой, радость моя!—прижималась къ нему все ближе и горячѣе Елена.—Такъ пропадай все! Нѣтъ для меня больше блаженства, какъ быть твоею...

— Такъ и будь же моею на вѣки!—прошепталъ обезумѣвшій отъ страсти Богданъ.

Мрачно въ Субботовскомъ домѣ; словно чернымъ саваномъ покрыла его налетѣвшая „туча".

Съ печальными лицами, съ влажными глазами, на цыпочкахъ, осторожно всѣ ходятъ и прислушиваются къ шороху, къ малѣйшему шуму; встрѣтятся два лица, вопросительно, тревожно взглянутъ другъ на друга и молча разойдутся въ разныя стороны, иногда только тупое безмолвіе нарушится слабымъ стономъ, заставивъ всѣхъ вздрогнуть.

Уже третій день, какъ пріобщилась Св. Таинъ пани Хмельницкая и почти третій день, какъ лежитъ она въ безсознательномъ состояніи; придетъ немного въ себя, застонетъ отъ невыносимой боли, поманитъ умоляющими жестами, чтобъ ей дали успокоительнаго питья, и снова впадетъ въ предсмертный, изнурительный сонъ. Ей уже и не отказывали въ этомъ напиткѣ, видя неотразимую, безъисходную развязку ея страданій и желая хоть этимъ облегчить агонію.

Елена тоже третій день не сходитъ со своей горенки внизъ, сказавшись больной. Приходила навѣстить ее Катря, но Елена, блѣдная и смущенная, уклонилась отъ всякихъ разговоровъ о своей болѣзни, отъ всякихъ ухаживаній за ней и отъ лѣкарствъ, прося лишь, чтобы ее оставили въ покоѣ. Катря ушла отъ нея, обиженная этимъ пріемомъ. Вообще болѣзнь и поведеніе Елены возбудили

бы въ иное время много недоразумѣній и пересудовъ, если бы всѣ не были пришиблены висящимъ надъ головой горемъ.

Зося, придя утромъ къ своей коханной паняикѣ, была поражена ея видомъ.

— Ой, панно „цо̀ то есть?“—не удержалась она отъ восклицанія.

— То, что и должно было быть,—отвѣтила сквозь зубы, не глядя на Зосю, Елена.

— То „скутки“ (послѣдствія) греческаго обряда?

— То „скутки“, глупая, моей воли,—прищурила презрительно глаза Елена.—То порогъ къ моей власти и силѣ, то цѣна паденія Ганны.

— А! такъ, значитъ...—хотѣла было пояснить Зося.

— Такъ значитъ,—перебила ее съ раздраженіемъ панна,—что тебѣ нечего совать свой носъ, коли ни „дьябла“ не понимаешь, значитъ, что я теперь госпожа и приказываю тебѣ молчать и не разсуждать.

Зося закусила языкъ и съ рабскою покорностью начала убирать постель и комнату панны.

Богданъ, волнуемый тревогой, укоромъ совѣсти и страстью, былъ почти неузнаваемъ; внутренній огонь словно пепелилъ его и подрѣзывалъ силу, благо агонія больной давала приличное этому объясненіе; Ганна даже останавливала на немъ умиленный, лучистый свой взоръ; но Богдану казалось, что глаза всѣхъ устремлены на него съ страшнымъ укоромъ и пронизываютъ его сердце насквозь.

Богданъ приходилъ къ умирающей и чувствовалъ, что въ душѣ у него росло, какъ прибой, обвиненіе, что онъ передъ ней виноватъ, что даже стыдно высказызать здѣсь свое горе, такъ какъ все это будетъ притворствомъ, святотатствомъ... и отъ непослушной внутренней боли онъ сжималъ до хруста пальцевъ свои сильныя руки и уходилъ... уходилъ въ „гай“, разобраться наединѣ съ своимъ сердцемъ. Но и тихій, задумчивый „гай“ не могъ усмирить бушевавшей въ немъ бури.

„Да, и дѣти тоже,—ходилъ онъ по извилистымъ, узкимъ дорожкамъ, заложивъ за спину руки и думалъ, склонивъ чубатую голову,—смотрятъ такъ трогательно на убитаго горемъ отца, а онъ...“—язвительно усмѣхнулся Богданъ и опустился на скамейку.—„Но что же дѣти?—поднялъ онъ голову.—Да развѣ я обязался быть чернецомъ? Развѣ я перестагъ ихъ любить? Да и передъ кѣмъ я поклялся отречься отъ счастья? Я и безъ того десять лѣтъ волочусь бобылемъ. Меня не упрекнула бы и жена,—успокоивалъ онъ

себя,—не упрекнула бы эта „кроткая голубица",—и обвиненія, и оправданія, и лукавые афоризмы, и искреннія угрызенія совѣсти кружились ураганомъ въ его головѣ, давили его сердце тоскою, а образы, блѣдные, изнуренные трудомъ, искалѣченные насиліемъ, стояли передъ нимъ неотступно.

— Да что это!—произнесъ, наконецъ, вслухъ раздраженный Богданъ,—съ ума схожу я, что ли? Развѣ я забылъ свой народъ? Откуда-жъ этотъ вздоръ, кто укорять меня смѣетъ? Вотъ передъ кѣмъ,—всталъ онъ въ приливѣ страшнаго возбужденія,—вотъ передъ кѣмъ я единственно виноватъ, передъ горлинкой, передъ этимъ ангеломъ небеснымъ!—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.— Какъ воръ я подкрался къ ней, беззащитной, какъ коршунъ заклевалъ довѣрчиво прильнувшаго ко мнѣ птенчика!.. Одна она только жертва, и ей въ искупленіе—вся моя жизнь!

Онъ направился къ своей любимой липѣ и взглянулъ пристально въ окна мезонина! но онѣ были закрыты и сквозь ихъ стекла бѣлѣлись спущенныя занавѣски.

— Что-то съ ней, моей радостью, моимъ солнышкомъ? Не выходила... Здорова ли? Хоть бы взглянуть, замолить... Но сейчасъ всѣ слѣдятъ, пойдутъ сплетни, люди вѣдь такъ злы!

И онъ отправляется снова въ свѣтлицу, заходитъ къ умирающей, молча терпитъ тайную муку и ждетъ не дождется удобнаго момента.

Елена цѣлый день провела въ страшномъ волненіи и неумолкаемой тревогѣ: она поставила теперь на карту все и съ томительнымъ нетерпѣніемъ ждала, куда падетъ выигрышъ? И стыдъ, и проблески зарождавшейся страсти, и невѣдомый страхъ за исходъ, и даже мимолетные порывы отчаянія заставляли ея сердце трепетать тоской, кипятили кровь до головной боли.

„Отчего не приходитъ до сихъ поръ Богданъ? Неужели онъ такъ покоенъ? Неужели не можетъ для меня хоть на мигъ оставить этотъ трупъ?"—задавала она себѣ сто разъ эти вопросы, прислушивалась къ шуму, стояла у входныхъ дверей и ждала.

Но внизу было тихо, безмолвно; никто не приходилъ къ ней, и Елена въ нервномъ раздраженіи плакала, проклинала себя, проклинала весь міръ.

Къ вечеру только, въ сумерки, услыхала она знакомые, крадущіеся шаги по своей лѣстницѣ.

Елену забила лихорадка: она схватилась и сѣла у окна, неподвижно склонивъ свою голову и прикрывши рѣсницами лазурь своихъ глазъ.

Богданъ взглянулъ на нее и въ порывѣ терзаній, развившихъ его мощную грудь, бросился передъ ней на колѣни и осыпалъ поцѣлуями.

Вздрогнула Елена, оглянулась и зардѣлась вся до тонкихъ ушей густымъ румянцемъ.

— Прости, прости меня, ангелъ небесный, ненаглядная моя, счастье мое, рай мой!—шепталъ Богданъ дрожащимъ отъ страсти голосомъ,—потерялъ я разумъ и волю, ты все сожгла!... Ахъ, какъ безумно люблю я тебя!

— Такъ за что же ты просишь прощенія, мой любый, мой коханый?—провела она нѣжной рукой по его львиной чупрынѣ и прильнула губами къ его губамъ,—вѣдь ты любишь меня? Такъ какого мнѣ еще блаженства желать? Ты меня не обманешь..

— Клянусь всѣмъ, прервалъ ее и поднялъ порывисто руку Богданъ,—честью моей, жизнью, благомъ моей родины; только лишь минетъ время, и я тебя передъ лицомъ церкви и свѣта назову своею „дружиной".

— Я тебѣ вѣрю... доказала, что вѣрю...—обвила она горячо его шею руками и прильнула къ нему упругою, трепещущею грудью.— И я тебѣ клянусь, добавила она послѣ паузы, съ приподнятымъ чувствомъ,—быть вѣрною, нѣжною и пылкою женой до самой, до самой смерти...

— О, моя радость!...—ласкалъ и прижималъ ее опьянѣвшій снова Богданъ,—посланная мнѣ Богомъ подруга!... Ахъ, какое счастье! Умереть бы въ такую минуту..

— Тсс!—отстранилась въ испугѣ Марылька,—подъ лѣстницей шаги... Нехорошо.. Нехорошо, если тебя застанутъ здѣсь... поспѣши туда. Что же дѣлать?... Потерпимъ недолго,—прошептала она, и глаза ея вспыхнули зноемъ.

— Ахъ... вотъ она, жизнь...—простоналъ даже Богданъ,— кричитъ, требуетъ... хоть одинъ еще торопливый поцѣлуй на прощанье!

— На, вотъ какой!—впилась она въ его губы и страстно прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ.—Ну, пока будетъ!...—отшатнулась она и, взглянувши кокетливо на Богдана, взяла его слегка за ухо и пропѣла:—у, тато! хорошъ тато!—а потомъ, опустивши стыдливо глаза, вырвалась изъ его объятій и убѣжала.—Что-то непріятное полоснуло по сердцу Богдана при этой шуткѣ, но, опьяненный восторгомъ, онъ почти не замѣтилъ ее.

Точно очумѣвшій отъ чада, сошелъ онъ съ лѣстницы безсильный даже скрыть игравшую во всемъ его существѣ радость.

На счастье его, раздававшіеся внизу шаги оказались принадлежащими Морозенку, пріѣхавшему изъ Сѣчи съ запросами и порученіями отъ Нечая; Богданъ бросился съ такимъ увлеченіемъ обнимать его, что удивилъ своимъ восторгомъ не только Олексу, но даже и бывшихъ при свиданіи свидѣтелей, особенно Ганну; послѣдняя взглянула на него пристально и изумилась: ни тѣни бывшей тоски на лицѣ, ни капли печали, а одна лишь утѣха да сладость.

Ганна вспыхнула сначала огнемъ, а потомъ поблѣднѣла. „Нѣтъ, не обманешь,—пронеслось стрѣлой въ ея головѣ,—не Морозенку радъ ты, а не можешь скрыть своей радости. Разъ и меня ты обнялъ“,—рѣзнуло ее страшной болью это воспоминаніе, и она, прошептавъ неслышно: „Ой, украли у насъ солнце красное“,—схватилась за притолку двери, чтобъ не упасть.

Богданъ поспѣшилъ увесть Морозенко на свою половину, чтобы самому поскорѣй уйти отъ непрошенныхъ наблюденій.

Выскочила въ сѣни вся раскраснѣвшаяся, взволнованная Оксанка и чуть не расплакалась, что не застала Олексы. Потомъ, обведя глазами, она увидала свою любую Ганночку съ искаженнымъ отъ страданій лицомъ, едва державшуюся на ногахъ, увидала и подбѣжала къ ней съ непритворнымъ участіемъ.

— Что съ вами, родненькая?—взяла она ее за холодныя руки и прижала ихъ къ своимъ губамъ.—Вы нездоровы?

— Проведи меня... въ дѣтскую... простонала слабо Ганна,—прилягу... пройдетъ.

Оксана едва ее довела, такъ она шаталась изъ стороны въ сторону, и почти уронила ее на постель... Ганна упала и разразилась истерическими рыданіями.

Когда Морозенко встрѣтился съ Оксанкой, то, послѣ пламенныхъ поцѣлуевъ, послѣ нѣжныхъ ласкъ и объятій, послѣ безсвязныхъ безсмысленныхъ, но счастлывыхъ обрывковъ рѣчей, прерываемыхъ шепотомъ, вздохами и нѣмыми моментами непереживаемаго дважды блаженства,—послѣ всего этого началъ онъ, наконецъ, разспрашивать Оксану про причину какой-то придавленности всѣхъ въ Субботовѣ, про значеніе скрываемой радости и нескрываемыхъ слезъ.

— Развѣ ты не знаешь?—Титочка, мамо наша... вотъ, вотъ умретъ...—простонала Оксана.

— Слыхалъ, слыхалъ,—сочувственно вздохнулъ и Олекса,—но что-жъ? Давно вѣдь всѣ это знаютъ... тутъ благодарить нужно Бога, что беретъ ее къ Себѣ, прекращаетъ муки... Но только помѣчаю я,—качнулъ онъ головою,—что, помимо пани-господарки, что-то затуманило, замутило всѣхъ здѣсь.

— Да! Ты не знаешь развѣ? Правда, правда, безъ тебя возвратился сюда панъ-господарь изъ Варшавы съ какою-то панянкой...

— Съ Марылькой?—вспыхнулъ Олекса.

— А ты почемъ знаешь?—всполошилась Оксана.

— Какъ же не знать? Вмѣстѣ съ батькомъ „выратовали“ ее, вмѣстѣ „гайдались“ на морѣ, вмѣстѣ ѣхали верхомъ ажъ до Каменца... Она такая ласковая, славная, красавица писаная!

— И тебя околдовала?—устремила Оксана съ ужасомъ на Олексу свои большіе, черные, готовые брызнуть слезами глаза.—Ты „закохался?“ Охъ, пропалъ же ты, пропала и я!—всплеснула она въ отчаяніи руками.

— Господь съ тобой!—перекрестилъ ее Олекса, отступивъ на шагъ,—что тебѣ въ думку пришло?

— Да, да...—оглянулась она трусливо и, нагнувшись къ его уху, прошептала съ глубокимъ убѣжденіемъ:—она вѣдьма, она знахарка, „чаклунка“... Она испортила своимъ колдовствомъ нашего батька, она ускорила своимъ зельемъ смерть пани-титочки, она обидѣла кровно голубку Ганнусю... и та черезъ нее сколько разъ плакала, а теперь и совсѣмъ уѣзжаетъ отсюда... Я ее не люблю... и баба не любитъ... Хоть она и приняла нашу вѣру, а я, хоть и грѣхъ, а не повѣрю ей ни въ чемъ, ни въ чемъ!

— Такъ она уже и вѣру перемѣнила?—задумался Олекса.

— Перемѣнила, перемѣнила, а послѣ этого,—добавила серьезнымъ шопотомъ Оксана,—у насъ еще хуже стало...

Оксанку позвали къ умирающей; послѣдняя просила къ себѣ Елену, но Богданъ остановилъ Оксанку и сказалъ, что панна больна отъ безсонныхъ ночей и что ей нужно дать еще отдыхъ. Ночь прошла какимъ-то кошмаромъ: умирающая то металась на постели въ тоскѣ, то лежала неподвижно, безъ памяти.

Богданъ, узнавши, что Ганна захворала, зашелъ съ тревогою къ ней.

— Что съ тобой, моя ясочко?—присѣлъ онъ на ея кровати, положивъ ласково на ея голову руку.—Ты истомилась, извелась возлѣ несчастной больной, давно замѣчаю, какъ ты блѣднѣешь.

Ганна ничего не отвѣтила, а только задрожала вся, какъ въ ознобѣ, и заплакала тихо, беззвучно.

— Ты за титочкой „побиваешься“—смутился ея слезами Богданъ. Онѣ зажгли его гдѣ-то далеко въ тайникахъ сердца, всполохнули трепетавшую тамъ радость и холодомъ побѣжали къ „чупрынѣ“. Ахъ, какое у тебя сердце золотое, святое!—вздохнулъ онъ и поцѣловалъ ее въ голову.

Вздрогнула отъ этого поцѣлуя Ганна и встала порывисто съ кровати; встала и отошла въ уголъ, устремивъ на Богдана такой всепрощающій, такой печальный взглядъ, что тотъ не выдержалъ этого кроткаго укора и отвернулся въ смущеніи.

— Отпустите меня, дядьку,—едва слышно прошептала она, хватаясь рукой за стѣну,—тяжело, тяжело мнѣ, невыносимо. Вотъ это святое сердце,—улыбнулась она грустно—видите, какъ извело меня, и что его золото,—подчеркнула она,—стоитъ?... Однѣ безполезныя муки.

— Что ты? О чемъ ты?—обернулся взволнованный, потрясенный ея словами Богданъ.

— Къ брату хочу... въ Золотарево.

— Въ такую минуту насъ хочешь кинуть?

— Ахъ, правда!—заломила она руки,—хоть титочка, мама моя, „порадница“ моя, уже почти на Божьихъ рукахъ, но уйти отъ нея...

— А отъ меня, отъ дѣтей-сиротъ ушла бы?—промолвилъ огорченнымъ голосомъ Богданъ.

— Ай, дядьку мой, батько нашъ единый!—всплеснула она руками и скрестила пальцы,—не спрашивайте... не нужно. И вамъ, и всѣмъ тяжело, больно!

Она, шатаясь, ушла къ титочкѣ и опустилась передъ ней на колѣни.

Къ вечеру больной сдѣлалось видимо лучше; она открыла глаза и поманила Ганну рукой.

— Всѣхъ хочу видѣть, всѣхъ, проститься,—беззвучно прошептала она, но Ганна, по движенію губъ, поняла ея желаніе.

Тихо, торжественно, съ благоговѣйною печалью начали входить всѣ ближайшіе члены семьи въ комнату умирающей; вошла теперь въ нее и Елена.

Вошла она съ поникшею головой, тихая, робкая, умиленная общею печалью; вошла и окаменѣла.

Передъ страшнымъ таинствомъ смерти и гордые духомъ смиряются, а слабые трепещутъ и падаютъ ницъ; видъ человѣка, стоящаго на рубежѣ вѣчности, поражаетъ все наше чувство и смущаетъ слабый умъ роковымъ вопросомъ: что онъ, догорающій нашъ собратъ, за этимъ мрачнымъ пологомъ черезъ мгновеніе увидитъ? И этотъ безотвѣтный, неразрѣшимый вопросъ наполняетъ холодомъ наше сердце, робостью—душу, ничтожествомъ—мозгъ.

Такія же, быть можетъ, мысли освѣтили ледянымъ блескомъ головку Елены и заставили ее затрепетать; она подняла глаза на умирающую, и ей показалось, что это лежитъ передъ ней не на-

званная мать ея, а грозный судья, и что чрезъ мигъ этотъ судья броситъ къ подножію Бога свои чувства, оскорбленныя безпощадной рукой, не пощадившей даже послѣднихъ страданій.

Елена нервно вскрикнула и упала къ ногамъ умирающей. Богданъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Катря, Оленка и Андрійко опустились на колѣни передъ матерью... Это смягчило нѣсколько и сгладило отчаяніе Елены, поразившее всѣхъ своимъ непонятнымъ порывомъ; Богданъ тоже подошелъ къ изголовью своей жены.

Послѣдняя лежала неподвижнымъ пластомъ, безъ дыханья; грудь ея почти не шевелилась, глаза были полузакрыты, по кочевѣвшимъ мускуламъ пробѣгала изрѣдка холодная дрожь.

Крикъ Елены вызвалъ ее на мгновеніе изъ летаргіи; она съ страшнымъ усиліемъ открыла глаза и обвела всѣхъ сознательнымъ взглядомъ.

Какъ догорѣвшая лампада вспыхиваетъ въ послѣдній разъ яркимъ огнемъ, такъ и въ этомъ, почти безжизненномъ трупѣ вспыхнула на мигъ жизненная энергія и освѣтила неописанною радостью лицо, зажгла свѣтильники глазъ, подняла голосъ...

— Какое счастье Господь мнѣ грѣшной послалъ,—прошептала умирающая медленно, но довольно внятно; казалось только, что голосъ у нея не вылеталъ изо рта, а оставался внутри и оттуда глухо звучалъ.—Какая ласка, что я васъ всѣхъ вижу... всѣ дорогія мнѣ лица,—всматривалась она пристально,—вокругъ меня, вотъ я всѣхъ и запомню и возьму вмѣстѣ съ собой эту „память“ и запрячу ее у Бога... Простите же меня,—повела она вокругъ напряженнымъ взоромъ.—Если я кого обидѣла, „пробачьте“ мнѣ, грѣшной... ты первый, — положила она на голову Богдана дрожащую руку,—прости меня...

— Меня, меня прости!—захлебнулся слезами Богданъ и припалъ къ ея холодной рукѣ.

— Молиться буду...—все тише и труднѣе произносила она слова.—И вы, дѣтки, благословляю васъ...—старалась она коснуться рукой каждой головки.—Доглядайте ихъ, моихъ „зирокъ“... Господь вамъ за это... Ганна!... замѣни имъ...—деревенѣлъ звукъ ея голоса, совершенно теряясь.—И ты, Елена,—снова поднялся онъ до ясности,—не обижай ихъ и его, его...—перевела она глаза на Богдана.—Берегите, „шануйте“... Его сердце всѣмъ несчастнымъ нужно, а я за васъ... вѣкъ... вѣдь ласка Его безъ конца... Устала... про...—замеръ вдругъ звукъ, занѣмѣло въ послѣднемъ напряженіи тѣло и остановились расширенные глаза, стекло ихъ помутилось, померкло.

Всѣ вздрогнули, почуявъ вѣянье крыла смерти, и опустились съ смиреніемъ на колѣни... Сдерживаемыя рыданья прорвались, наконецъ, и понеслись волной изъ покоя усопшей въ свѣтлицу, изъ свѣтлицы во дворъ, изъ двора разлились по Субботову, по поселкамъ, смѣшавшись съ волнами заупокойнаго, печальнаго звона...

Какъ во снѣ промелькнула тяжелая церемонія похоронъ. Всѣ ходили, всѣ двигались, хлопотали, но какъ то машинально, не давая себѣ отчета, зачѣмъ и къ чему исполняютъ они всѣ эти обряды, обычаи, помня только одно, что все это нужно, что всегда это бываетъ такъ.

Ганна даже рада была этимъ хлопотамъ, она вся отдалась имъ: ходила, обмывала покойницу, не присѣдала ни на мгновенье, даже читала надъ ней по цѣлымъ ночамъ,—казалось, что физическое утомленіе давало ей какое-то успокоеніе души: она забывалась, она отвлекалась механически отъ своихъ думъ. Когда же ночью она оставалась одна у изголовья покойницы и всѣ засыпали кругомъ, а въ открытыя окна заглядывало только звѣздная ночь, Ганна тихо и долго плакала, не спуская глазъ съ застывшаго измученнаго лица. Она смутно чувствовала, что со смертью этого существа все порвалось, все измѣнилось въ Субботовѣ. И въ самомъ дѣлѣ, больное, измученное созданіе, неспособное принять никакого участія въ жизни, служило здѣсь все-таки крѣпкимъ, связывающимъ звеномъ, а теперь всѣ были свободны. Еще и не схоронили покойницу, а слѣды ея смерти уже сдѣлались замѣтны всѣмъ. Правда, Елена видимо раздѣляла общую скорбь, но прежней покорной, услужливой и любезной дѣвочки не было и слѣда. Обращеніе ея сдѣлалось сдержаннымъ и надменнымъ, и Ганна ловила на себѣ не разъ презрительный взглядъ ея холодныхъ синихъ очей.

— Титочко, титочко,—шептала она, прижимаясь головой къ холоднымъ, скрещеннымъ на груди рукамъ покойницы, и слезы тихо сплывали одна за другой изъ глазъ Ганны на эти окаменѣвшія руки, и Ганна чувствовала, что больше уже не нужны „титочкѣ“ ни ея заботы, ни услуги, да и вообще, что она, Ганна, не нужна больше въ Субботовѣ никому. Дѣти выросли... одинъ только Юрась, да и тотъ льнетъ охотно къ Еленѣ... „титочка“ умерла, а Богданъ... Охъ, ему теперь утѣхи довольно! И гдѣ то былое время, когда онъ хлопоталъ вмѣстѣ съ нею надъ хуторами, надъ пріемомъ бѣглецовъ, когда дѣлился съ нею каждою думой, каждою мыслью своей? Минуло, прошло! Все, все прошло безвозвратно, какъ осенній туманъ надъ водой. Картины прошлой жизни проходили, какъ живыя передъ ея глазами, и Ганна невольно прерывала свое чтеніе, такъ какъ слезы застилали ей глаза. Одна мысль стояла передъ ней

ясно и неоспоримо: Субботовъ умеръ для нея, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и ея жизнь!

Богданъ сносилъ свое горе сдержанно и спокойно, но видимо какая-то другая мысль угнетала его; онъ избѣгалъ встрѣчи съ Ганной, избѣгалъ ея взгляда, грустнаго и тихаго, словно подавленнаго безвыходною тоской.

Въ домѣ было мрачно и тихо. То и дѣло прибывали толпы крестьянъ и сосѣдней шляхты поклониться покойницѣ. Всѣ входили безшумно, прикладывались къ мертвой рукѣ и, разспросивши шепотомъ о подробностяхъ смерти, грустно покачивали головами и отходили къ сторонѣ. Два раза въ день служились панихиды. Запахъ ладона проникалъ въ самые отдаленные уголки. Наконецъ, насталъ и третій день; схоронили покойницу и возвратились домой.

Опустѣла маленькая комнатка, гдѣ за столько лѣтъ всѣ привыкли видѣть неизмѣнно больное, но доброе лицо хозяйки и слышать ея слабый, прерывающійся голосъ. Теперь можно было и ходить и говорить громко, но несмотря на это, всѣ двигались безшумно и вырвавшійся нечаянно громкій возгласъ пугалъ всѣхъ, словно смерть еще не покинула этотъ домъ. Такъ насталъ и девятый день.

Съ самаго ранняго утра и даже съ вечера началъ прибывать въ Субботово народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень. Вѣсть о смерти жены пана генеральнаго писаря и о томъ, что онъ дастъ на девятый день большой поминальный обѣдъ, успѣла уже облетѣть всѣхъ близкихъ и дальнихъ сосѣдей. Хлопоты и заготовленія къ обѣду начались еще за три дня. Между прибывающими толпами виднѣлось множество нищихъ, калѣкъ, слѣпцовъ и бандуристовъ. Въ ожиданіи панихиды и обѣда люди группировались кружками, то сообщая о своемъ житьѣ-бытьѣ, то разспрашивая о новостяхъ у захожихъ бандуристовъ и слѣпцовъ.

Оксана, Катря, Олекса и дворовыя дивчата суетились во дворѣ, устанавливая на столахъ огромные полумиски съ нарѣзанными ломтями хлѣба, оловяные стаканы, ложки, солонки и все, что нужно было для обѣда.

Среди собравшихся нищихъ одинъ только не принималъ участія во всеобщихъ разговорахъ. Судя по внимательнымъ взорамъ, которые онъ бросалъ по сторонамъ, можно было бы заподозрить его въ какомъ нибудь зломъ умыслѣ, кстати и гигантская фигура незнакомца, почти закрытая всклокоченною бородой, съ надвинутою на самые глаза шапкой могла внушать большія опасенія, но гигантскій нищій, казалось, не имѣлъ никакихъ злостныхъ намѣ-

реній,—онъ держалъ себя весьма странно и нѣсколько разъ, отвернувшись отъ всѣхъ, утиралъ глаза рукавомъ.

— Дивчыно, какъ звать тебя?—обратился онъ, наконецъ, къ Оксанѣ, останавливаясь передъ нею и опираясь руками на палку.

— Оксаной,—отвѣтила та, смотря съ изумленіемъ на нищаго и вслушиваясь въ его глухой и неестественный голосъ.

Странный нищій давно уже обратилъ на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что Морозенко, она замѣтила это, видимо обрадовался его приходу и нѣсколько разъ шептался и переговаривался съ нимъ.

— Такъ, такъ,—проговорилъ задумчиво нищій, покачивая грустно головой.—А выросла ты, дивчыно, и расцвѣла, какъ пышный макъ!

— Развѣ вы знали меня?—изумилась Оксана.

— Мнѣ ли не знать? Зналъ, зналъ.

— А я васъ, дядьку, не помню.

Да куда-жъ тебѣ,—маленькой была... А что, хорошо ли тебѣ здѣсь, у пана-писаря?

— Хорошо, слава Богу,—отвѣтила Оксана, смотря съ еще большимъ изумленіемъ на страннаго нищаго.—Любятъ, „титочка“ любила, Ганна, ну, и другіе тамъ,—опустила она глаза и снова подняла.

— Ты, дивчыно, не дивись,—поспѣшилъ онъ успокоить ее.—Вѣдь я тебѣ почитай что родной, вѣдь я товарищъ твоего батька.

— Батька? Такъ вы, быть можетъ, знаете что нибудь о немъ?—вскрикнула Оксана и хотѣла было разспросить неизвѣстнаго товарища, но голосъ бабы призвалъ ее.

Дивчына побѣжала поспѣшно, а нищій бросилъ въ сторону ея удаляющейся стройной фигурки долгій и любовный взглядъ.

Болѣе знатные гости изъ старшины или вельможныхъ сосѣдей подъѣзжали на колымагахъ къ рундуку будынка.

Въ отдѣленіи господаря, въ средней свѣтлицѣ и въ свободной теперь комнатѣ покойницы, толпились именитые гости. Среди нихъ въ отдѣльной кучкѣ таинственно бесѣдовалъ о чемъ-то панъ Чаплинскій со своимъ зятемъ Комаровскимъ; всѣ окружающіе, очевидно, близкіе люди, поляки, наклоняли и вытягивали головы, чтобы услышать интересныя сообщенія пана-подстаросты, но среди шопота и недомолвокъ долетали до заднихъ рядовъ только отрывочныя фразы.

— Клянусь вамъ, панове,—только тихо, и лисица будетъ въ капканѣ. Уже слѣды открыты. Гончихъ и доѣзжачихъ у нашего вельможнаго панства—не счесть... хвостомъ долго не поманешь... и цапъ-царапъ!... Ха, ха, ха! Только дождемся сейма, а тогда,... але тихо!

Въ господарскомъ отдѣленіи Золотаренко велъ между тѣмъ интимную бесѣду съ Ганджей.

— Что то у васъ тутъ дѣется?—говорилъ угрюмо Золотаренко, глядя въ сторону.

— Да что, какъ видишь. Хозяйку похоронили... Обѣдъ „справляемъ".

— Смерть, это что! Самый вѣрный другъ: не обманетъ. А вотъ сумно тутъ стало.

— Да чудной ты! Оттого-то и сумно. Что-жъ, на похоронахъ плясать, что ли? Вотъ ты и „ушкварь"!

— Да я не о томъ,—тряхнулъ раздражительно головой Золотаренко,—а о новыхъ порядкахъ... ляхи какіе-то завелись... Богданъ что-то какъ будто...

— Стой! Что ты?—отступилъ Ганджа.—Никакого ляха, а батько, какъ есть батько. Ну, и какіе-жъ теперь порядки? Извѣстно, какіе, по завѣту, какъ слѣдъ.

— Э, да что съ тобой толковать!—махнулъ Золотаренко рукою съ досадой и потомъ добавилъ торопливо:—Ну, а что про дѣла? Я вѣдь въ отлучкѣ былъ, доходила глухая чутка, а доподлинно не знаю, что новаго, хорошаго, да такого, чтобы чувствовала ладонь?

— А вотъ обѣщалъ, что торжественно объявитъ, може, сегодня,—улыбнулся Ганджа своею широкою, волчьей улыбкой.

Въ просторной дѣвичьей свѣтлицѣ хлопотали уже съ самаго утра Ганна съ бабой и другими помощницами; она рѣзала хлѣбъ, укладывала въ миски пироги, разливала наливку и водку.

Елена, войдя въ свѣтлицу, слегка прищурила глаза, обвела всю комнату бѣглымъ взглядомъ и остановила ихъ на Ганнѣ. Ухъ, до чего опротивѣла ей эта тощая святоша! И почему это она до сихъ поръ распоряжается здѣсь всѣмъ?

— Столы для старшины, панно Ганно, гдѣ разставлять?—спросила торопливо Оксана, вбѣгая въ комнату.

— А гдѣ-жъ, голубка? Тамъ вмѣстѣ на „ганкѣ" и возлѣ дома въ тѣни,—отвѣтила Ганна, стоя на колѣняхъ возлѣ большой сулеи наливки, которую она разливала въ кувшины.

— Какъ это, и старшину, и вельможную шляхту посадить вмѣстѣ съ нищими и калѣками?—спросила Елена, и въ голосѣ ея послышался какой то насмѣшливый и пренебрежительный тонъ.

Ганна подняла голову и отвѣтила сдержанно, хотя краска залила ей все лицо до самыхъ ушей:

— У насъ всегда такъ бывало.

— Мало ли чего не бывало, да миновало, панно,—подчеркнула едва замѣтно Елена.

— Еще при жизни „титочки“ я привыкла здѣсь всѣмъ распоряжаться сама,—отвѣтила гордо Ганна,—и дядько довѣрялся мнѣ во всемъ.

— Но вѣдь „титочка“—Елена усмѣхнулась при этомъ словѣ,—умерла, а „дядько“,—подчеркнула она опять,—просилъ и меня показывать всѣ „звычаи“, такъ какъ я выросла при Варшавскомъ дворѣ.

Ганна встала:

— Панна хочетъ сказать этимъ,—произнесла она глухимъ голосомъ, блѣднѣя, какъ полотно,—что я здѣсь лишняя теперь, что она можетъ распорядиться всѣмъ и сама.

— О, нѣтъ! Ха, ха, ха!... Сохрани, Пресвятая Дѣва! Богъ съ тобой, панно,—разсмѣялась Елена своимъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ,—я не ищу отнять твою власть отъ „леховъ“ и коровъ!

— Не для коровъ и „леховъ“ прибыла я въ Субботовъ,—заговорила Ганна прерывающимся голосомъ, отступая назадъ и обдавая Елену гордымъ взглядомъ своихъ расширившихся глазъ.—Не разсчетъ и не коварство привели меня сюда! Я бросила для семьи дядька единственнаго брата; я была матерью дѣтямъ Богдана; я была дядьку другомъ „щирымъ“ и вѣрнымъ...

— А я... усмѣхнулась ѣдко Елена,—стала „татку“ коханою дочкой!—и, смѣривъ Ганну холоднымъ, торжествующимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, она гордо повернулась къ дверямъ.

Во время разговора Ганны съ Еленой, Оксана едва удерживала свое негодованіе, но когда она замѣтила, что Елена, вся сіяющая довольствомъ, вышла горделиво изъ комнаты, а панна Ганна, блѣдная, едва сдерживающая слезы, направилась, шатаясь, къ дверямъ сѣней, она бросилась и сама опрометью изъ дома во дворъ, чтобы отыскать Морозенка и передать ему весь слышанный ею разговоръ.

— Олексо,—зашептала Оксана, найдя молодого козака у бокового крыльца, выходящаго въ садъ, гдѣ не было видно никого.

— Что, моя любая?—протянулъ къ ней козакъ обѣ руки.—Что съ тобою?—произнесъ онъ съ тревогой, замѣтивъ, что лицо молодой дѣвушки было сильно взволновано.

— Тамъ панно Елена—заговорила Оксана, моргая усиленно рѣсницами,—такъ обижаетъ панну Ганну. Говоритъ, что ей пора уже выѣзжать отсюда... смѣется надъ ней.

— Голубко моя,—поцѣловалъ Олекса поспѣшно черноволосую головку, замѣтивши, что никто не видитъ ихъ въ этомъ уголкѣ.—Что-жъ, правда, нечего паннѣ Ганнѣ оставаться здѣсь больше.

— Ну, такъ и я не останусь здѣсь безъ нея ни за что!— вскрикнула Оксана.—Лучше наймычкой наймусь!

— Ты и такъ не останешься здѣсь больше,—шепнулъ ей Олекса на ухо, притягивая дѣвушку къ себѣ и покрывая ея голову поцѣлуями.—И наймычкой не наймешься никуда.

Оксана вспыхнула и прижалась головкой къ его груди.

— Однако, подожди меня здѣсь,—отстранился онъ быстро, замѣтивъ, что къ нимъ подходитъ гигантскій нищій.—Я только оповѣщу пана Золоторенка, да сейчасъ и прибѣгу сюда.

Оксана вытерла лицо фартукомъ и присѣла на ступеньки крыльца.

— А что, славный козакъ, дивчино?—обратился къ ней нищій, останавливаясь у крылечка.—Давно ты, дивчино, его знаешь?

— Давно, еще какъ батько мой былъ со мной.

— А гдѣ-же твой батько?

— Ушелъ на Запорожье.

— А хотѣла бы ты увидѣть его?

На глазахъ Оксаны показались слезы.

— Олекса говоритъ, что онъ живъ, да что ему нельзя никогда возвращаться сюда... Если бы я знала, гдѣ могу увидѣть его, я бы сама пошла туда.

— Тебѣ это не треба, дытыно моя!—вскрикнулъ вдругъ нищій, срывая свою косматую бороду.

— Батько!—вскрикнула въ свою очередь Оксана, не вѣря своимъ глазамъ.

— Батько, батько,—повторилъ нищій, прижимая къ себѣ дѣвушку и цѣлуя ее и въ щеки, и въ лобъ, и въ глаза.

— Такъ это ты тато, тато мой?—шептала со слезами Оксана, обвивая вокругъ его шеи руки и цѣлуя щетинистые рыжіе усы отца. Нѣсколько минутъ они не могли произнести ни единаго слова.

— Дытыно моя,—заговорилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ,— ты простила-ль меня за то, что я оставилъ тебя тогда?

— Батьку, батьку!—вскрикнула она съ укоромъ, прижимаясь губами къ его жилистой грубой рукѣ.

— Что это значитъ?—изумился притворно вернувшійся Морозенко

— Ты зналъ, зналъ,—подняла голову Оксана и взглянула на него съ укоромъ счастливыми, еще влажными отъ радостныхъ слезъ глазами,—недобрый, зналъ и не сказалъ.

— Ну, а теперь, не „гаючи часу“, такъ какъ батько съ нами,—заговорилъ Олекса, беря Оксанину руку въ свою,—признаемся мы ему, что покохали другъ друга „щыро“ и вѣрно и что просимъ батька благословить насъ.

Оксанка вся вспыхнула и закрылась фартукомъ, а старый звонарь растрогался въ конецъ.

— Истинно глаголю,—заговорилъ онъ, овладѣвая собою,— Господь печется о единомъ отъ малыхъ сихъ. Любитеся, дѣти, будьте счастливыми, да не забывайте горемычнаго батька. Тебѣ, Оксано, Олекса измалу былъ за батька, ему и отдаю я тебя, онъ тебѣ будетъ и „чоловикомъ", и другомъ и батькомъ... Золотое у него сердце и честная душа,—говорилъ дзвонарь уже дрожащимъ голосомъ, чувствуя приближеніе позорной слабости.—Это тебѣ счастье отъ Бога: вѣрно его вымолила тамъ покойная твоя мать...

Сычъ остановился. Оксана стояла, опустивши голову низко, низко... Олекса сжималъ тихо ей руку...

Ну теперь поцѣлуйтесь-же, дѣти мои, по христіанскому закону,— произнесъ уже совершенно растроганнымъ голосомъ Сычъ.

Олекса горячо обнялъ смущенную дивчыну, а дьякъ возложилъ на ихъ головы руки и заключилъ торжественнымъ тономъ, утирая глаза: „Будьте счастливы, дѣти мои, много, много лѣтъ!..."

Между тѣмъ Золотаренко, оповѣщенный Морозенкомъ, отправился торопливо отыскивать Ганну. Ему уже давно чуялось что-то недоброе въ домѣ, но послѣднее извѣстіе Морозенка взорвало его въ конецъ. Въ своемъ горячемъ волненіи онъ и не замѣтилъ пріѣзда какого-то знатнаго козака, прибытіе котораго встрѣтилъ радостными криками весь народъ.

Пройдя весь домъ, Золотаренко нашелъ Ганну въ самой последней свѣтлицѣ. Она стояла, отвернувшись лицомъ къ окну.

— Ганно!—окликнулъ ее ласково Золотаренко.

Ганна вздрогнула и обернулась къ нему. На лицѣ ея не видно было и слѣда слезъ; казалось, она похудѣла и постарѣла за эти нѣсколько минутъ. На блѣдномъ, какъ полотно, лицѣ ея глаза горѣли сухимъ, горячешнымъ огнемъ.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко,—я знаю все... Я знаю больше, чѣмъ ты думаешь. Тебѣ дольше не годится оставаться здѣсь.

— Брате мой!—словно всхлыпнула тихо Ганна, склонясь къ нему головой на грудь, и въ звукѣ ея голоса послышалась такая наболѣвшая горечь что сердце у Золотаренка сжалось отъ обиды, отъ жалости къ своей единой сестрѣ.

— Замучили они тебя,—произнесъ онъ глухо, сквозь зубы, нахмуривъ сумрачно брови.

— Замучила себя я сама,—прошептала она, подымая на брата свои лучистые, безконечно-печальные глаза.

Нѣсколько минутъ они стояли молча, не говоря ни слова, но чувствуя какъ горе однако, покоряло въ свою власть и другого... Наконецъ, Золотаренко произнесъ угрюмо:—Завтра-же уѣдемъ отсюда, и нога моя здѣсь не будетъ!

— О, нѣтъ, нѣтъ!—встрепенулась Ганна,—Боже храни тебя подумать что злое на дядька... Дядько здѣсь не причемъ!

— Можетъ быть... можетъ статься, заговорилъ отрывисто, ворчливо Золотаренко, шагая по комнатѣ,—только ты... и я... мы теперь лишніе здѣсь... и оставаться нечего...

Снова настпуило молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ Золотаренка; видно было, что ему стоило большого труда удерживать свое волненіе.

— Брате мой,—заговорила, наконецъ, съ трудомъ Ганна; Золотаренко остановился передъ ней.—Я хочу просить тебя объ одномъ... Я знаю, что тебѣ это будетъ тяжко, такъ тяжело, какъ и мнѣ... только я много думала объ этомъ и рѣшилась уже навсегда...

— Ганно!—произнесъ съ тревогою Золотаренко, беря ее за руку.—Что ты задумала?

— Брате,—проговорила она тихимъ и молящимъ голосомъ, не поднимая головы,—отпусти меня въ монастырь...

— Что ты, что ты?—произнесъ онъ, отступая, словно не въ силахъ будучи понять ея словъ.

— Друже мой,—продолжала Ганна,—я знаю, что тебѣ это тяжко, но иначе неможно, неможно...

Наступило тяжелое молчаніе.

— Ганно,—подошелъ къ ней Золотаренко и заговорилъ глухимъ, рвущимся голосомъ;—я знаю, что ничего не говоришь ты на вѣтеръ и ничего не дѣлаешь на обумъ, но подумала-ли ты о томъ, что нѣтъ у меня ни матери, ни жены, ни дѣтей, что всего роду у меня—одна ты, на всю жизнь одна ты—и утѣха, и гордость...

— Родный мой, любимый, „коханый",—склонилась къ нему на плечо головой Ганна,—думала я обо всемъ... насъ съ тобой монастырь не разлучитъ..—добавила она, беря его ласково за руку.

— Э, что ужъ тамъ говорить,—махнулъ безнадежно рукой Золоторенко, отворачиваясь въ сторону:—монастырь—это смерть!

Ганна молчала и только тихо прижимала къ своей груди его руку. Молчалъ и Золотаренко.

— А думала-ли ты о томъ,—проговорилъ онъ, наконецъ, послѣ долгой паузы, не поворачивая къ ней лица, что мнѣ лишиться тебя—все равно, что лишиться полъ-жизни?

— Думала, думала, „коханый мой, любый мой!"...

— И горе твое перемогаетъ тебя?

— Брате,—почти простонала шопотомъ Ганна,—оно хуже смерти во сто кратъ...

— Иди!—произнесъ съ усиліемъ Золотаренко, не поворачивая головы.

Ганна прижала къ губамъ его руку крѣпко, крѣпко, и на нее упала съ рѣсницъ тяжелая слеза ..

Вдругъ двери неожиданно распахнулись, и на порогѣ появился Богунъ. Послѣдняя сцена не ускользнула отъ его вниманія.

— Бувай здоровъ, друже! Будь здорова, Ганно!—остановился онъ у дверей, сбрасывая шапку и оглядывая ихъ взволнованнымъ взглядомъ. Ганна и Золотаренко поклонились ему.

— А какимъ родомъ прибылъ ты сюда?—спросилъ Золотаренко, все еще не выпуская руки сестры.

— Услыхалъ о смерти господыни... да видно тутъ есть что-то хужее, чѣмъ смерть.—Богунъ провелъ рукою по волосамъ.— Встрѣтила меня какая-то ляховка... ляховъ полонъ будынокъ... Ты, Ганно, одна и въ слезахъ... Скажи мнѣ, что сдѣлалось здѣсь, скажи мнѣ, кто здѣсь обидѣлъ тебя? Будь то мой первый другъ и пріятель,—я клялся и клянусь, что голову разможжу!

Золотаренко махнулъ рукою и проговорилъ, отворачиваясь въ сторону:—Эхъ, я бъ и самъ разможжилъ, да что ужъ теперь толковать! Умерла она, друже, для насъ!

— Ганно, Ганно... Какъ? что случилось? что сталось?— вскрикнулъ Богунъ, подходя къ нимъ.

— Въ монастырь идетъ,—произнесъ Золотаренко тихо.

— Что?—отступилъ Богунъ.—Ты? Ганно? Ты? Въ монастырь? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!—заговорилъ онъ горячо.—Ты не захочешь осиротить насъ... Ганно, Ганно! Ты наша порадница, сестра наша, гордость наша.., Охъ, Ганно!... Ганно!

— Друже мой, перебила его Ганна:—сестрой вашей я останусь и тамъ... Если-бъ могла я сдѣлать для васъ что-либо здѣсь, я бъ не ушла, я бъ осталась... но что я? къ чему мои ничтожныя силы? А молитвы мои будутъ и тамъ, какъ и здѣсь,—о васъ и за васъ...

— Нѣтъ, Ганно, нѣтъ!—возразилъ горячо Богунъ,—молиться ты можешь вездѣ и широка для твоей молитвы дорога... Но уйти отъ міра, отъ его горя и слёзъ за „муры", отречься отъ борьбы за долю своей поруганной родины—это значитъ—снять съ нищаго послѣднюю рубаху,—прости на словѣ: оно вотъ отсюда, изъ самой глубины,—ударилъ онъ себя кулакомъ въ грудь.—Ты помнишь, когда я съ раздавленнымъ сердцемъ хотѣлъ пронзить себя турецкимъ клинкомъ,—ты удержала меня, ты крикнула мнѣ: „Стой!

сердце твое принадлежитъ не тебѣ,—оно должно служить и родинѣ и Богу"! И я его ношу, съ пекельной мукой, а ношу и терплю... Такъ если мнѣ—а такихъ вѣдь, какъ я, у насъ хвала Богу, безъ счету... такъ вотъ, если мнѣ нужно для Украйны носиться съ этимъ глупымъ, стучащимъ въ груди молоткомъ, то какъ-же тебѣ „ховать" его въ власяницу, тебѣ—единой, единой на всей нашей широкой землѣ?!

Ганна смятенная бурей его пылкихъ рѣчей, стояла, опустивши голову и едва замѣтно дрожала; по выступавшимъ алымъ пятнамъ на ея нѣжныхъ щекахъ и по смѣнявшей ихъ смертельной блѣдности, можно было видѣть, какая въ глубинѣ ея души происходила борьба: Ганна порывисто, тяжело дышала и хранила молчаніе. Нѣсколько минутъ и Богунъ смотрѣлъ молча на Ганну; наконецъ, онъ снова заговорилъ клокотавшимъ отъ волненія голосомъ, обращаясь къ Золотаренку и Ганнѣ:

— Друже мой, отъ тебя мнѣ нечего крыться: люблю я, „кохаю" твою сестру, больше всего на этомъ свѣтѣ... „Не поталанило" мнѣ... Что-жъ, такая ужъ щербатая доля! Да и стою-ли я кохання? Я уже давно о своемъ счастьѣ и „гадку закинулъ"... Эхъ, я былъ-бы и тѣмъ счастливъ безъ мѣры, если бы Ганна дозволила мнѣ хоть защитникомъ ея стать по праву: воля ея была-бы для меня волей Бога, каждое слово ея, взглядъ—райской утѣхой, всякая за нея мука—блаженствомъ... батькомъ, братомъ, рабомъ бы я сталъ ей, вѣрной „незрадной" собакой... и за право стеречь лишь ее—перевернулъ бы весь свѣтъ!

Ганна молчала; но становилась блѣднѣй и блѣднѣй...

— Ганно!—дрожащимъ голосомъ прошепталъ Богунъ и ему показалось, что передъ нимъ стоитъ три Ганны и что всѣ онѣ словно колеблятся на высокихъ крестахъ:—ты вѣдь говорила, что не пришло только время... что твое сердце пока мертвое...

Ганна подняла руку, словно желая остановить Богуна и что-то прошептала, но губы ея пошевелились беззвучно...

— Я лукавила,—произнесла она, наконецъ, съ страшнымъ усиліемъ.—Да, лукавила,—продолжала она, овладѣвши собою.—У меня было свое горе, тяжкое, невыносимое, которое пригнетало меня до самой земли... оно меня и теперь гонитъ въ келью. Но ты Богунъ—лыцарь нашъ первый... тебя я какъ брата Ивана, люблю... передъ Богомъ говорю... и ты правъ...—она задыхнулась и прижала обѣ руки къ бьющемуся примѣтно сердцу.

Богунъ впился въ нее глазами, и въ нихъ вспыхнуло пламя надежды; а Золотаренко, слѣдя за каждымъ словомъ сестры, не могъ удержаться, чтобъ не подтвердить:

— Да, лучшаго лыцаря нѣтъ во всей Украйнѣ! Спасибо тебѣ, друже... я бъ отдалъ съ радостью сестру, если-бъ она... Господи, сколько-бъ счастья!

Ганна сдѣлала надъ собой послѣднее усиліе:

— Друзья, братья!!—зашептала она прерывисто.—Не говорите про это: мнѣ больно... Взгляните на меня, какая я невѣста! Но ты, Богунъ, правъ... и если мой голосъ ничтожный и эти дрожащія руки нужны будутъ для моей родины, то я не спрячу ихъ „за мурами“,—подняла она голосъ,—а понесу ей, Украинѣ моей, на послугу!

— Если выпустятъ,—замѣтилъ угрюмо Богунъ.

— Я послушницей буду... права не потеряю,—добавила поспѣшно Ганна,—меня никто не удержитъ!—подняла она высоко руку. Но теперь, если любите меня, братья, дайте исполнить мнѣ то, къ чему меня тянетъ душа: я хочу забыться отъ боли... на „самотѣ“, въ молитвѣ... подъ тихое пѣнье сестрицъ... Козаче мой, орле сизый!—обратилась она, вся потрясенная, къ Богуну,—Я безъ вины, безъ воли моей „розшарпала“ твое „юнацкое“ сердце... прости-же мнѣ, „пробачь“! И ты брате родный,—давилась она подступившими къ горлу слезами,—прости, что причиняю и тебѣ горе... Но не сила моя, не сила!... Не такъ думала... простите-же меня, простите,—и она съ рыданьемъ поклонилась до земли...

— Ганно, сестра! Въ чемъ прощать? Ты—святая!—вскрикнули горячо Богунъ и Золотаренко, бросившись къ ней, помочь встать.

Но въ это времи двери раскрылись, и появившаяся въ нихъ Катря объявила торжественно, что батюшки пріѣхали, началась панихида, и батько просили, чтобы заразъ послѣ панихиды всѣ шли къ столу.

Всѣ двинулись на террасу, гдѣ торжественно была отслужена панихида.

Послѣ нея общество раздѣлилось: нѣкоторые изъ значныхъ козаковъ, какъ напр. Золотаренко съ сестрой, Богунъ, дѣти Богдана, остались трапезовать вмѣстѣ, по старому обычаю, съ темнымъ народомъ, а самое избранное общество, преимущественно именита шляхта, помѣстилась въ свѣтлицѣ Богдана. Мрачная обстановка ея, завѣшенныя чернымъ сукномъ окна, двери, иконы, горящія лампадки, восковыя зеленыя свѣчи, смирна и ладанъ, печальныя рѣчи, тяжелыя воспоминанія, и не заздравицы съ веселыми криками, а заупокоицы съ щемящимъ припѣвомъ „вѣчная память“,—все это давило сотрапезниковъ, навѣвало на всѣхъ тоску и уныніе... даже поляки сочувствовали горю Богдана, считая писаря совершенно

своимъ... Помянули тихо за трапезой и погибшаго безвременно Чарноту...

Когда, послѣ трапезы, разъѣхались всѣ именитые гости, Богданъ, усталый и разбитый, отправился, наконецъ, въ свою комнату отдохнуть и освѣжить люлькой отуманенную голову. Во всей этой суетѣ и сутолокѣ онъ замѣтилъ, однако, какъ Елена держала себя и царицей, и привѣтливѣйшею хозяйкой, какъ умѣла она сказать каждому ласковое слово и возбудить въ каждомъ восторгъ. Воспоминаніе это пріятно щекотало самолюбіе Богдана. Вотъ такую-то, такую жинку и надо было ему давно!

Мало-по-малу въ комнатѣ собрались всѣ товарищи, желавшіе попрощаться передъ отъѣздомъ съ хозяиномъ, пришла съ братомъ и Ганна. Елена только удалилась къ себѣ.

— Ну, кажись, свои тутъ,—окинулъ Богданъ зоркимъ глазомъ свѣтлицу,—чужого чертъ ма! Такъ гукни-жъ, Олексо, чтобъ намъ подали сюда добраго меду батьковскаго: выпьемъ на прощаніе уже за живое и за живыхъ.

— Да тамъ еще въ погребѣ и дѣдовскій найдется,—замѣтилъ дѣдъ, улыбаясь и тряся головой,—а сошлись то еще не всѣ, не всѣ: тамъ еще у меня на пасикѣ сидитъ „мацапура“.

— Кто-жъ бы это?—изумился Богданъ, да и всѣ переглянулись между собой.

— А, вотъ кто!—словно вынырнула съ этими словами изъ сѣнныхъ дверей колоссальная фигура и почти уперлась чубатою головой въ сволокъ.—Вотъ кто!—отбросилъ вошедшій всѣ завертывавшіе его платки и тряпки.

— Кривоносъ!—вскрикнули всѣ и радостно, и словно растерянно.

— Друже мой!—бросился къ нему Богданъ и обнялъ щыро, по братски.

Послышались разспросы, и разсказы, прерываемые шумными изъявленіями радости и восторга.

Морозенко вбѣжалъ въ свѣтлицу и сообщилъ, что къ батьку пріѣхалъ какой-то бей.

— Не Тугай ли, мой побратимъ?—схватился Богданъ.

Всѣ всполошились.

Въ это мгновеніе въ двери вошелъ богато одѣтый турокъ. Роскошная чалма была надвинута почти на глаза, а расшитымъ зеленымъ плащемъ онъ закрывалъ нижнюю часть лица.

— Селимъ-ай-Лекимъ!—привѣтствовалъ всѣхъ новоприбывшій, приложивъ правую руку къ сердцу и къ челу.

— Гомъ-гелды!—отвѣтилъ Богданъ и почувствовалъ, что въ его сердцѣ что-то екнуло.

Таинственный гость обвелъ изъ-подъ чалмы всѣхъ присутствующихъ внимательнымъ взглядомъ и, отбросивши въ сторону и плащъ, и чалму, крикнулъ восторженнымъ голосомъ, распростерши руки: „Да здоровы же будьте, друзя-товарищи! Не узнали, что ли, Чарноты?“

— Чарноты?—вздрогнули всѣ и отшатнулись невольно. Одинъ только Кривоносъ при этомъ имени покачнулся было, какъ оглушенный громомъ, а затѣмъ бросился стремительно къ этому выходцу съ того свѣта.

— Чуръ меня, кто-бы ты ни былъ, хоть сатана изъ пекла, но если ты взялъ на себя обликъ моего лучшаго друга, то я обниму тебя! Сожги меня на уголь пекельный, а обниму!—и онъ охватилъ Чарноту за плечи и началъ пристально вглядываться ему въ лицо.

— Онъ, друзи, онъ самый, вражій сынъ!—крикнулъ Кривоносъ и началъ душить Чарноту въ своихъ объятіяхъ.

Всѣ, подавленные сначала невольнымъ трепетомъ при видѣ сверхъестественнаго появленія мнимаго мертвеца, теперь вдругъ ожили и радостно зашумѣли: „Чарнота! Голубе! Вотъ такъ радость!“

— Да хоть перекрестись-же ты, сатано!—то всматривался, то снова обнималъ его Кривоносъ,—може съ чертями уже накладаешь,—шельма, проклятый песъ, каторжный? Чтобы тебѣ вѣдьма съ помеломъ въѣхала въ глотку... Сколько муки изъ-за него, аспида!—улыбался Красноносъ, сіялъ счастьемъ, и по рытвинамъ его щекъ катились замѣтныя слезы.

— Да стой-же, Максиме, дай и мнѣ „привитаться“,—отнималъ Богданъ отъ Кривоноса Чарноту, заключалъ его въ свои объятія,—и послѣдній, награждаемый трогательной бранью, сталъ переходить изъ однихъ объятій въ другія.

— Горилки!—крикнулъ, наконецъ, Кривоносъ,—тащи ее, Олекса, скорѣе! Да и кухли тащи съ твою голову! У меня отъ радости кипитъ все, такъ заливать нужно пожаръ.

Когда голодъ Чарноты и жажда Кривоноса были удовлетворены, Богданъ предложилъ своимъ гостямъ по кубку стараго меду. „За нашу дорогую „справу“ и за живыхъ друзей - борцовъ!“—поднялъ высоко кубокъ Богданъ и опорожнилъ его при общихъ крикахъ: „хай жіютъ!“

— А что, есть ли синица въ „жменѣ“, или только все „обицянки?“—спросилъ Кривоносъ, закуривая люльку.

— Есть, друже мой, есть, братцы! Король намъ далъ „привилеи“ и возвращаетъ намъ всѣ наши старыя права: рейстрови-

ковъ двадцать тысячъ, свое атаманье, земли, запорожцамъ новыя вольности и „непорушность" вѣры.

— О, вотъ такъ радость! Вотъ такъ король! За его здоровье!

— Отчего-жъ „привилеевъ" этихъ не оповѣщаютъ такъ долго?—спросилъ скептическимъ тономъ Золоторенко.

— Хе! тутъ то и „ковинька",—подморгнулъ Богданъ.—Его королевская мосць вручилъ эти привилеи нашему полковнику Барабашу, схожему во всемъ больше на бабу, чѣмъ на лыцаря. Такъ вотъ этотъ храбрецъ, напуганный ляхами, все выжидаетъ какого-то сейма и припрятываетъ королевскія милости.

— Гай-гай!—махнулъ Золотаренко рукой,—такъ поминай эти привилеи, какъ звали!

— Онъ перевертень, измѣнникъ, Іуда!—закричали грозно со всѣхъ сторонъ.

— Успокойтесь. панове,—поднялъ руку Богданъ,—клянусь, что не пропадетъ ни одного слова, и что я вырву эти привилеи.

— Эхъ, все это басни,—отозвался со стономъ молчавшій до того времени мрачно Богунъ,—для дѣтей они „забавки", а вотъ для тѣхъ, чьи плечи не выходятъ изъ ранъ, что изнываютъ въ панской неволѣ,—для тѣхъ они плохое утѣшенье! Вѣдь чѣмъ дальше, тѣмъ больше затягивается узелъ! А эти „привилеи?" Да развѣ сеймъ ихъ допуститъ? Барабашъ и правъ, что ихъ прячетъ.

— Не быть добру,—прорычалъ глухо и Кривоносъ,—пока хоть одинъ жидъ, или ляхъ будетъ топтать нашу землю.

Слова Богуна и Кривоноса произвели на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

— Нѣтъ, братья мои и друзи, не будемте Бога гнѣвить!—поднялъ голосъ Богданъ, и въ немъ зазвучала прежняя мощь.—Развѣ можно сравнить наше теперешнее положеніе съ прежнимъ? Вспомните ужасный разгромъ нашихъ послѣднихъ, изнеможенныхъ силъ подъ Старицей. Лучшіе атаманы или убиты, или казнены, или пропали безъ вѣсти; ни людей, ни оружія не осталось; села разграблены, народъ на колахъ, на висѣлицахъ или звѣремъ въ трущобѣ. О сопротивленіи врагу можно было только мечтать съ отчаянія. Наконецъ, насъ созываютъ какъ быдло, на Масловъ Ставъ и объявляютъ „баницію", лишеніе всѣхъ стародревнихъ вольностей, лишеніе всѣхъ человѣческихъ правъ!...

Тяжелый вздохъ вырвался изъ широкихъ грудей и пронесся тихимъ стономъ по свѣтлицѣ.

— Да, то была могила, широкая и глубокая для всѣхъ насъ могила,—мродолжалъ Богданъ, переводя духъ,—но ласка Го-

сподия блюла насъ, милосердіе Его не истощилось. Онъ внушилъ королю мысль не дать насъ на истребленіе, и король, хоть слабымъ голосомъ, а сдерживалъ буйство пановъ, ободрялъ насъ надеждой, соединялъ насъ воедино и вотъ прошло семь лѣтъ медленной, незамѣтной работы, и скажите же по совѣсти, братья, развѣ мы такіе же безсильные, какъ тогда? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—поднялъ руку Богданъ.—Запорожье наше укрѣплено, до четырехъ тысячъ лыцарей по камышамъ, по островамъ, по затонамъ; двѣсти чаекъ „гайдается“ на Днѣпрѣ, тутъ у каждаго изъ насъ,—только свистни,—такъ слетится не мало орлятъ! Не забывайте, что съ нами теперь наше знамя и клейноды, а будутъ съ нами и „привилеи“, и охрана, и воля найяснѣйшаго!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Богданъ, смутившіяся было лица начали проясняться снова, глаза зажигались огнемъ и бодрая радость овладѣвала всѣми. Даже Ганна, забывъ свое горе, улыбнулась восторженно этой вѣсти.

— Такъ съ такими силами, да „клейнодами“,—звучалъ между тѣмъ побѣдоносно его голосъ,—коли ежели что... такъ мы такую кашу заваримъ, что зашатается и Рѣчь Посполитая!

— Слава, слава Богдану!—закричали всѣ возбужденно и весело, потянувшись къ кубкамъ.

— На погибель врагамъ, а намъ и люду на счастье!

И полился темною ароматною струей въ кубки старый медъ, и усилилъ, и усладилъ еще больше это радостное настроеніе, окрыленное радугой пышныхъ надеждъ.

Всѣ вѣрили въ эту минуту, что уже налетѣло желанное всѣми затишье, что оно открыло уже свои убѣжища... многіе мечтали о личномъ счастьи, многіе мирились съ неизбѣжной судьбой, многимъ рисовалась картина народнаго благополучія...

— Браты мои и друзи!—наполнилъ Богданъ снова всѣ кубки,—много пережили мы вмѣстѣ и горестей, и бурь, и несчастій; но во всѣхъ нашихъ „злыгодняхъ“ поддерживала насъ до сихъ поръ та крѣпкая любовь и згода, которая соединяла насъ противъ враговъ и давала намъ, слабымъ, силу и мощь. Теперь мы разстанемся, всякій пойдетъ своею дорогой, и кто знаетъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ сведетъ насъ снова Господь? Выпьемъ-же на прощанье, друзи мои, за нашу братскую любовь, за нашу вѣру другъ къ другу и „згоду“, чтобы она вѣчно между нами жила, чтобы мы стояли всѣ одинъ за одного и каждый за всѣхъ!

— Будемъ, бу емъ!—раздались отовсюду восторженные крики.

— Ганна, прощаешь?—притянулъ къ себѣ за руки ожившую дѣвушку Богданъ и заглянулъ ей въ глаза.

— Дядьку—вспыхнула она вся—вамъ до вѣку... защитнику нашему...

— Объятія, поцѣлуи и клятвы смѣшались съ радостными слезами.

И никто изъ присутствовавшихъ не могъ и подумать въ это мгновеніе о той страшной бурѣ, которая уже подымалась надъ ихъ головой...

М. Старицкій.

КОНЕЦЪ.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

(1846—1877 г.г.).

81.

2 Ноября, 1853, С.-Петерб.

Покорно благодаримъ Васъ за присылку забытыхъ у Васъ вещей; что же касается до прочихъ моихъ надобностей, то я просилъ объ исполненіи ихъ Сорокина. Будучи совершенно увѣренъ, что Вы не потяготитесь для меня снити даже и во адъ, не только въ Опекунскій Совѣтъ, я ужъ написалъ къ Н. Д. Бѣлозерскому, чтобъ онъ прислалъ на Ваше имя довѣренность. Получивъ оную, потрудитесь только доставить Сорокину (Яузской части, 3-го квартала, въ домѣ купца Ларіонова, близь Покровскихъ Казармъ). Я ужъ написалъ къ нему, чтобъ онъ освободилъ Васъ отъ всякаго труда по предмету передачи ему данной или сдѣланной на Ваше имя довѣренности, и онъ попроситъ Васъ приложить только, гдѣ нужно, Вашу руку. На него же возложилъ я и фаэтонное упованіе.

Ошибшись такъ неловко въ своей увѣренности, я отнынѣ буду разборчивѣе въ своихъ просьбахъ къ Вамъ, и въ этомъ случаѣ буду уже соображаться не съ чувствомъ дружеской расположенности, которое—какъ вижу—улетучивается подобно эфирному маслу, а съ Вашими существенными выгодами. Я знаю, что я могу быть Вамъ полезенъ во многихъ случаяхъ, какъ предвидимыхъ, такъ и непредвидимыхъ; думаю, сверхъ того, что Вы понимаете отчасти и цѣните

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г., № 11.

тѣ мои свойства, которыя такъ или иначе могутъ Вамъ пригодиться; и потому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, буду обращаться къ Вамъ такъ запросто, какъ будто мнѣ и во снѣ не снилось Ваше незабвенное письмо отъ 27 октября. Одинъ изъ этихъ нѣкоторыхъ случаевъ представляется и теперь.

У меня собралось десятка три-четыре болѣе или менѣе важныхъ писемъ Гоголя, которыя составятъ интереснѣйшія страницы въ моемъ сочиненіи. Думаю, что если я сообщу копію онаго господамъ А—мъ, то они добудутъ мнѣ еще кое-что, или по крайней мѣрѣ что-нибудь въ моей рукописи дополнятъ и исправятъ. Потрудитесь отвѣчать мнѣ, согласны-ли Вы передать имъ лично мою рукопись, попросить, чтобъ они сдѣлали для нея то, что могутъ, немедленно, и потомъ опять переслать ее мнѣ. Дѣло пошло у меня быстро, такъ что Вы получите отъ меня цѣлый томъ. Надѣюсь, что въ рукахъ А—выхъ онъ будетъ безопасенъ отъ разныхъ непріятныхъ случайностей и что они ни подъ какимъ видомъ не выпустятъ его изъ своего дома.

Квартира моя, *съ 10 ноября*, будетъ находиться въ Малой Морской, въ домѣ г-жи Телешовой, а до тѣхъ поръ я могу еще получить отъ Васъ письмо по прежнему адресу, разсчитайте сами.

Потрудитесь увѣдомить, какую книгу я заказалъ для Васъ выписать въ англійской лавкѣ, тогда я вспомню и самую лавку, а то совсѣмъ забылъ, въ чемъ прошу извиненія.

Преданный Вамъ П. К.

82.

9 ноября, 1853. С.-Петерб.

Откладывая въ сторону всѣ недоразумѣнія—и да погибнетъ память ихъ съ шумомъ—буду бесѣдовать съ Вами о томъ, что важнѣе временныхъ нашихъ нуждъ, удовольствій и неудовольствій. Я думаю, что худа оттого не будетъ, если я сообщу господамъ *онымъ* копію вышеупомянутаго сочиненія, а польза *можетъ* быть. До охоты и неохоты, съ которою они сдѣлаютъ въ немъ поправки и дополненія, мнѣ мало нужды, ибо я прошу отъ нихъ этого не во имя свое, а во имя того, которому недостоинъ есмь развязать ремень у обуви. Что же касается до ихъ мнѣнія, что чѣмъ позже будетъ сдѣлана оцѣнка сего крѣпкаго мужа, тѣмъ лучше, то, между нами сказать—это мнѣ-

ніе нелѣпое и недостойное уваженія. Оно пахнетъ тѣмъ временемъ, когда еще не родился Гуттербергъ. Можно-ли добраться до оцѣнки, когда я думаю свою думу въ Петербургѣ, вы свои въ Москвѣ, а кто-нибудь еще свою въ Лондонѣ или въ Нью-Йоркѣ, и не знаемъ взаимно о томъ, чтó именно каждый изъ насъ думаетъ? Будущее время постоитъ само за себя, не бойтесь—его не собьете ранними воззрѣніями, ибо magna est veritas et praevalebit. Но отказываться, изъ какого-то старушечьяго опасенія за благосостояніе мозга нашихъ потомковъ,—отъ наслажденія мѣняться мыслями и даже фактами—просто глупо и тупо. Притомъ же, моя книга написана (или будетъ написана) въ самомъ умѣренномъ духѣ; я не говорю въ ней, что это nec plus ultra анализа и синтезиса. Сохрани Богъ! Я, напротивъ, широко распахиваю цáрину въ это поле каждому человѣку, воду и даже ослу. Идите обработывайте его и унавоживайте для будущей запашки. А въ доказательство приведу Вамъ послѣднюю страницу перваго періода жизни поэта (она естественно дѣлится на три).

Вотъ все, что можно было до сихъ поръ собрать о первомъ періодѣ жизни Гоголя. Другой бы, можетъ быть, представилъ это въ болѣе выразительномъ видѣ и слилъ бы разныя мелочи въ болѣе стройную картину; я представляю факты въ томъ простомъ видѣ и почти въ томъ сцѣпленіи ихъ между собою, въ какомъ они были открываемы мною, будучи убѣжденъ, что это только абрисъ, по которому впослѣдствіи нанесутся цвѣтъ и тѣни, и что, если послѣдующая внутренняя жизнь Гоголя была столь разнообразна въ своихъ движеніяхъ, столь богата умственными представленіями, столь благоуханна цвѣтами сердца, то корней всего этого надобно искать въ темной и таинственной почвѣ дѣтства, ибо въ «организмѣ ребенка скрывается уже человѣкъ», [1]) и первыя движенія дѣтскаго ума нерѣдко проявляютъ тѣ идеи, для распространенія которыхъ геніальная натура призвана въ міръ [2]). Какъ ни много, на первый разъ, собрано у меня матеріаловъ для каждаго изъ трехъ періодовъ жизни поэта, но изъ этого не слѣдуетъ еще строить исторіи его жизни такъ систематически, такъ послѣдовательно и заключительно, какъ развивается романъ или поэма. Я только покажу читателю разныя положенія Гоголя въ жизни и въ литературѣ, разныя стороны его житейскаго и поэтическаго характера, сколько это раскрылось для самого меня изъ

---

[1]) Слова Альфьери.

[2]) Замѣчаніе д'Израэли.

извѣстныхъ доселѣ фактовъ и письменныхъ документовъ; но далеко еще то время, когда можно будетъ произнести о немъ послѣднее слово и когда можно будетъ въ заглавіи подобнаго сочиненія написать «Полная Біографія». Что̀ касается до перваго періода жизни Гоголя, то онъ, сравнительно съ прочими, оказывается самымъ скуднымъ свѣдѣніями и требуетъ много труда для наполненія всѣхъ своихъ пробѣловъ. Не знаю, кто будетъ имѣть возможность, желаніе или умѣнье заняться этимъ дѣломъ; но важность подобнаго занятія, какъ для исторіи русской словесности, такъ и для психологіи вообще, должна быть очевидна для каждаго».

Итакъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, опояшитесь готовностью передать кому слѣдуетъ мое рукописаніе и даже скажите онымъ страннымъ ревнителямъ словесности заблаговременно объ этомъ. Угодно ли, дескать, имъ будетъ снизойти на мою покорнѣйшую просьбу прочитать то-то и удостоить мой трудъ поправокъ и дополненій. Музыка Вашей рѣчи будетъ зависѣть отъ тону, которымъ Вы ее исполните, а вѣдь Вы знаете, что отъ музыки двигались древле и камни. Времени у насъ довольно. Первый періодъ выйдетъ 1-го янв., 2—1-го ф., а 3—1-го марта; слѣдовательно дополненія и приложенія можно будетъ вклеить какъ слѣдуетъ. Впрочемъ Вы симъ доблестнымъ мужамъ объявите девизъ: «Кто даетъ скоро,—тотъ даетъ вдвойнѣ». Копія списывается для нихъ дѣятельно и, пока Вы сообщите мнѣ отвѣтъ ихъ, будетъ готова. Вашъ П. К.

О Вашей книгѣ справлюсь у Киртона или Кертона или Кертона, а можетъ быть—Чартона или просто Чорта. Они, эти Англо-Саксы, такъ коверкаютъ свои имена, что и самъ сатана, записывая ихъ грѣхи на воловой шкурѣ, не всегда будетъ точенъ.

83.

13 Декабря, 1853. С.-Петербургъ.

Давно бы пора уже писать къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Осипъ Максимовичъ, да все откладывалъ, чтобъ сообщить Вамъ кой-какія литературныя новости, которыми Вы интересуетесь. Да будетъ же первою новостью извѣстіе, что Киртонъ требуемой Вами книги о шотландской церкви до сихъ поръ не выписалъ, потому что это должна быть брошюра, которою книгопродавцы не интересуются. Уже въ третій разъ послалъ онъ повтореніе своего требованія.

Вторая новость: Макаровъ окончилъ «Опытъ біографіи Гоголя», но какъ Вы увѣдомили меня, что А-вы зимуютъ не въ Москвѣ, то онъ писалъ къ (С. И.) въ деревню и получилъ отъ его отца отвѣтъ, что онъ уѣхалъ на годъ въ южныя губерніи по порученію Географическаго Общ. Это, однако жъ, дѣла не испортило, потому что самъ старикъ вызвался прочитать рукопись, исправить и, можетъ быть, дополнить. Вслѣдствіе чего она ему и отправлена. Между тѣмъ первый отдѣлъ сочиненія поступилъ уже въ типографію для первой кн. Совр. на 1854 г. Зная, что Вы принимаете искреннее участіе въ дѣлахъ или лучше въ обстоятельствахъ моего пріятеля, считаю не лишнимъ увѣдомить Васъ, что ему заплатятъ за печатный листъ по 65 руб. сер. съ правомъ напечатать 500 отдѣльныхъ оттисковъ въ пользу редакціи, а 50 экз. для автора даромъ. Изъ этого числа и мы съ Вами получимъ по экземпляру. Но что-то скажетъ цензура,— это еще не извѣстно.

Въ первой же книгѣ будетъ напечатано и «Лѣто въ Малороссіи» того же автора. Условія его съ редакціею мнѣ еще неизвѣстны; знаю только—намъ съ Вами по экземпляру будетъ. *(Сбоку помѣчено:* «не будетъ въ 1-й»).

Одинъ изъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, Левъ Мих. Жемчужниковъ, очень полюбилъ нашу Малороссію, шлялся по ней все лѣто, нарисовалъ много малороссійскихъ типовъ и теперь помышляетъ о новомъ путешествіи весною. Онъ посвящаетъ свой талантъ исключительно Малороссіи и теперь занятъ изученіемъ ея исторіи, этнографіи и словесности. Когда я прочелъ ему нѣсколько украинскихъ преданій, онъ воспламенился такимъ восторгомъ, который тотчасъ показалъ въ немъ истиннаго художника. Независимое состояніе, молодость, энергія и природный умъ, жаждущій знанія, ручаются въ томъ, что изъ него выдетъ отличный историческій живописецъ. Меня онъ занялъ до такой степени, что я хочу написать собственно для него книгу, въ которой опишу по воспоминаніямъ свои встрѣчи съ разными Харками Цехмистрами и вставлю въ свои бесѣды съ ними преданія въ такой послѣдовательности, которая бы живо рисовала его воображенію исторію послѣднихъ временъ заднѣпровскаго казачества. Онъ хочетъ рисовать акварелью рядъ эскизовъ, которые олицетворятъ все, что сохранено отъ забвенія въ преданіяхъ. Это укрѣпитъ его силы для будущихъ картинъ изъ исторіи Малороссіи, потому что тутъ на каждомъ шагу буду учить его живописной техникѣ. Нельзя ли

перекинуть одного экземпляра преданій по сему нарочитому случаю, ибо моя рукопись заключаетъ не все? Пожалуйста не откажите.

А вотъ къ Вамъ еще покорнѣйшая просьба. Пускай Базуновъ вышлетъ экземпляръ «Исторіи Руссовъ» на имя Андрея Николаевича Маркевича, на углу двухъ Почтамтскихъ, въ д. Лончинова, въ квартирѣ Кочубея, а деньги запишетъ на мой счетъ, если только цѣна не возвысилась выше 2 (или даже 2 съ полтиною) рублей. Мы всѣ, слава Богу, здравствуемъ и кланяемось Вамъ обомъ низенько. Вашъ П. К.

Литературныя прибавленія.

М. не поладилъ съ Современниками за статью о Малороссіи и взялъ ее назадъ, съ тѣмъ чтобы или напечатать ее такъ, какъ она написана, или же совсѣмъ не печатать. Послѣдняя мысль получила для него особенную привлекательность потому, что здѣсь являются поползновенія къ изданію Сына Отечества со стороны людей, близкихъ къ автору, и онъ собирается съ запасами, чтобъ было чѣмъ поддержать журналъ. Впрочемъ это еще вилами писано, какъ и всѣ предположенія человѣческія. А славно бы, если бы нѣкій господинъ былъ хозяиномъ журнала. Тогда бы и къ Вамъ бы была просьба объ отдѣлѣ матеріаловъ. Тутъ былъ бы одинъ хозяинъ по части денежной и одинъ распорядитель по части литературной, а не десять, какъ хотѣли сдѣлать въ Москвѣ.

84.

Нѣтъ, Осипъ Максимовичъ, я увѣренъ, что искреннимъ обращеніемъ къ кому то ни было изъ достойныхъ людей можно сдѣлать то, что сдѣлалъ съ камнемъ жезлъ Моисеевъ. Аксаковъ пишетъ къ М. между прочимъ слѣдующее: «Ко второму изданію Вашей книги, я надѣюсь написать исторію моего знакомства съ Гоголемъ. Она напишется не для печати; но я охотно предложу Вамъ взять изъ нея все, что будетъ нужно для третьяго періода». Что касается до содѣйствія въ настоящій моментъ, то онъ, по прочтеніи рукописи, говоритъ вотъ что: «Ваше сочиненіе возбудило во мнѣ сильное участіе, и я прилежно началъ заниматься составленіемъ замѣчаній и поясненій. Все это дѣлаю съ полной откровенностію; черезъ недѣлю надѣюсь выслать вамъ рукопись и тетрадку замѣтокъ». Похваламъ его нѣтъ мѣры. «Вы означили—говоритъ онъ—образъ поэта такъ истинно,

что всѣ дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ будутъ только дополненіями, доказательствами», и проч. и проч.

Что касается до уступчивости М., то это доказываетъ только, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ издателямъ Современника. Когда ему говорятъ, что мы, дескать, въ затруднительномъ положеніи, у него отнимается рѣчь, и онъ не знаетъ, что сказать имъ на это: онъ забываетъ о собственномъ положеніи, которое несравненно хуже положенія этихъ повѣсъ. Но въ то время, когда онъ дѣлаетъ для нихъ все, они плутуютъ передъ нимъ самымъ наглымъ образомъ. Долго было бы разсказывать всѣ ихъ продѣлки. Довольно съ Васъ будетъ знать, что, можетъ быть, начало біографіи не явится въ 1-й книжкѣ; если же и явится, то сомнительно, чтобъ явилось продолженіе. М. раздраженъ имъ въ такой степени, что хочетъ потребовать впередъ всѣ деньги и притомъ въ бо̀льшемъ (немного) количествѣ противъ условія (для круглаго счету). Это еще тайна, которая обнаружится для Современниковъ на днахъ. Въ случаѣ разрыва, немедленно будетъ приступлено къ отдѣльному изданію; я вызвался держать корректуру.

De Cosmographia Etici ни у кого изъ книгопродавцевъ нѣтъ. Одинъ изъ нихъ, новый, A. Münz берется выписать скоро, потому что лѣтомъ и зимою ежемѣсячно получаетъ по пакету книгъ изъ за границы. Вашъ П. К.

85.

1854, янв. 12. С.-Петербургъ.

Извините, ради Бога, что я прозѣвалъ дня три по полученіи отвѣта отъ Минкса (Münx). Въ это время происходили со мной разныя разности, о которыхъ сообщу Вамъ лично. Я былъ озабоченъ до зѣла, и потому—изъ памяти вонъ, что надобно писать къ Вамъ. Теперь—что бы вы думали я дѣлаю? Собираюсь въ дорогу. Надѣюсь выѣхать отсюда 25 января—развѣ какія нибудь особенныя надобности помѣшаютъ. Сдѣлайте одолженіе, прикажите Андрею, чтобъ онъ осмотрѣлъ наши сани и сказалъ Вамъ, можетъ-ли починка ихъ быть произведена во время пребыванія нашего въ Москвѣ, или же надобно отдать ихъ мастеру заблаговременно. Въ Москвѣ я намѣренъ прожить цѣлую недѣлю, потому что ѣду домой не къ спѣху и хотѣлось бы видѣть на сценѣ Щепкина и другихъ хорошихъ актеровъ.

Здѣсь ихъ, кромѣ иностранцевъ, нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, я не хожу смотрѣть, потому что видѣть Рашель одинъ разъ стоитъ тысячи представленій разныхъ Воронцовыхъ, Леоновыхъ и т. п.—выхъ. На этотъ разъ насъ будетъ ѣхать всего двое, я да жинка; ибо Н. М. и Варвара остаются при Василіѣ Михайловичѣ, который теперь обрѣтается въ Петербургѣ. Надѣюсь, что мы не обременимъ Васъ своимъ присутствіемъ; если же у Васъ кто-нибудь боленъ, или явилось въ домѣ какое-нибудь особенное неудобство, то сдѣлайте одолженіе—извѣстите меня. Тогда я остановлюсь у Шевалдышева. Кланяемся всѣ и всѣмъ низенько. Вашъ П. К.

Васъ, вѣроятно, интересуетъ, чѣмъ кончилась пря моего пріятеля съ великими литераторами. Они должны были положить ему на столъ 1000 руб. и тогда только получили рукопись. Не смѣйтесь надъ его мягкосердечіемъ. Тутъ много разныхъ и разныхъ было обстоятельствъ, по которымъ нельзя было иначе дѣйствовать. Писать обо всемъ было бы слишкомъ долго; лучше я Вамъ перескажу на словахъ.

А о Минскѣ еще разъ забылъ. Онъ говоритъ, что теперь ужъ не прежде получитъ книгу, какъ въ началѣ марта, что можно было бы выписать ее отдѣльно, но въ такомъ случаѣ дорога будетъ пересылка, и при томъ онъ не знаетъ, сколько брать съ меня денегъ за книгу. Поэтому я и не подписывался. Если же Вы сообщите мнѣ цѣну Этика по каталогу, то онъ берется доставить Вамъ ее черезъ мѣсяцъ.

---

88 [1]).

3 апрѣля 1854. х. Мотроновка.

Не могу понять причины Вашего молчанія, мой дорогой Осипъ Максимовичъ! Я послалъ Вамъ посылку и письмо, а отъ Васъ ничего же. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ,—тѣмъ болѣе, что послѣ праздника недѣли черезъ двѣ собираюсь удалиться въ степи. Я слышалъ, что Вы обѣщали черезъ Павлова Галагану быть у него лѣтомъ. Это даетъ намъ надежду видѣть Васъ у себя въ Зарогѣ, который находится только въ 15 верстахъ отъ Стороженка, у котораго Вы, безъ сомнѣнія, побываете. Пріѣзжайте попоисты хочъ галушокъ пидъ чистымъ небомъ, бо на хату ще може не зберемось до того часу. А писать до мене у степъ треба на имя моего прикащика, сице: Унтеръ-Офицеру Василію Марковичу Цибенку для передачи П. А. К. Въ Лубны, Полтавской губ., а оттуда въ хуторъ Зарогъ.

[1]) Письма подъ №№ 86 и 87, писанныя по малорусски, будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

О себѣ не скажу на этотъ разъ ничего новаго, кромѣ развѣ того, что Высоцкій, къ которому два письма Гоголя я подарилъ Вамъ, отыскался, наконецъ, и предлагаетъ къ моимъ услугамъ всѣ свои бумаги, только бы я пріѣхалъ къ нему и отыскалъ въ нихъ, что относится къ Гоголю. Онъ надѣется доставить мнѣ разные памятники ученическаго періода Гоголя и письма его изъ Италіи.

Кланяемся Вамъ обоимъ низенько и просимъ насъ не забывать.

Да! вотъ еще новость. Мать Гоголя жалѣетъ въ письмѣ къ Н. М., что не могла помочь ему въ составленіи его статьи, потому что «всѣ ея письма до сихъ поръ еще не возвращены ей» (Писано 30 генв. 1854). Есть надежда, что эти письма будутъ, наконецъ, въ нашихъ рукахъ.

Не осудите за небрежность моего письма. Я все работаю рубанками, такъ, право, перо какъ-то не повинуется.

Весь Вашъ П. К.

Что Москвитянинъ? все еще въ рукахъ безсмертнаго Кощея?

Я думаю, Вы обратили вниманіе на обертку моей посылки?

89.

Іюля 2, 1854 г. с. Байвщина.

Ого, какой прорѣхъ въ нашей корреспонденціи! Но видно оно такъ и слѣдуетъ. Между малороссійскимъ панкомъ и профессоромъ университета какая можетъ быть переписка? А я въ послѣднее время погрузился по шею въ мелочь самой ничтожной панской жизни. Не буду вамъ описывать, въ чемъ она состояла; скажу только, что франтъ, окунутый въ помойную яму, вышелъ бы оттуда съ болѣе веселой физіономіей, нежели съ какой Вашъ покорнѣйшій слуга пишетъ къ Вамъ сіе посланіе. Меня мѣсяца два не было на свѣтѣ, былъ только человѣкъ, носившій мое имя. Но этому человѣку чужды были всѣ мои привычки и стремленія. Наконецъ, деревенскія мерзости мелкопомѣстнаго хозяйства въ глухой степи дошли до послѣдней крайности; я плюнулъ на все и обратился къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Теперь ужъ ничто не вовлечетъ меня въ дрязги деревенщины; я откуплюсь отъ нихъ жалованьемъ прикащику и позволю ему украсть у меня даже платокъ изъ кармана—только такъ, чтобъ я этого не замѣтилъ. Самъ же обращу свои мысли на дѣло жизни, какъ говаривалъ землякъ нашъ Гоголь. Кстати о Гоголѣ. А—въ прислалъ мнѣ

драгоцѣнные матеріалы для втораго изданія «Опыта»; Высоцкій сообщилъ новыя свѣдѣнія о временахъ дѣтства своего знаменитаго товарища. Мать Гоголя сообщила мнѣ свои замѣтки о сынѣ; нѣкоторые, знавшіе Гоголя за границею, вызвались описать свои съ нимъ встрѣчи. Остается получить что-нибудь только отъ Васъ. Мнѣ извѣстно, что Вамъ посланъ экземпляръ «Опыта». Передайте его отъ меня Тихонравову, чтобъ я не показался ему неблагодарнымъ; а Вамъ я готовлю экземпляръ съ приписками, какъ было обѣщано. Передайте жъ немедленно. Я знаю, что Вы неохотно выпускаете попавшую Вамъ въ руки книгу; но прошу Васъ убѣдительно — отдайте свой экземпляръ Тихонравову. Не удивляйтесь, что Вамъ не прислано болѣе: одному Плетневу отдано 15 экз., а потомъ какъ обдѣлилъ Макаровъ Кочубеевъ и разныхъ другихъ особъ, то на мою долю досталось только 10 экз., которые отчасти уже и предназначены разнымъ лицамъ. Щепкину подарю экз. 2-го изданія, въ которое войдутъ его письма, т. е. письма къ нему Гоголя.

Увѣдомите меня, намѣрены-ли Вы быть въ Малороссіи и у Галагана и когда? Тамъ Васъ ожидаютъ. Недавно посѣтилъ меня Ригельманъ и, между прочимъ, сказалъ, что будто-бы Вы отказались отъ предложенія Галагана. Я просилъ его быть посредникомъ между Вами обоими и разрушить Ваши обоюдныя недоразумѣнія, въ которыхъ, какъ кажется, Вы находитесь.

Будетъ у Васъ нѣкто Симоновъ. Я просилъ его доставить мнѣ фаетонъ. Благоволите вручить ему ящики и баулы, а на случай Вашего отсутствія, распорядитесь, чтобъ онъ не встрѣтилъ отказа.

Съ Стороженкомъ я не видался и, вѣроятно, не увижусь до самаго выѣзда своего въ Москву, гдѣ намѣренъ провести зимою мѣсяца три одинъ; а пани моя останется у своей матери или съ сестрою въ нашемъ хуторѣ. Кланяемся Вамъ и Мареѣ Никитичнѣ.

Вашъ П. К.

91[1]).

Мотроновка. 1854, ноября 12.

Если не отправили Вы ко мнѣ полученныхъ изъ Лубенъ посылокъ, то прошу Васъ адресовать ихъ къ С. Т. Аксакову, къ которому я скоро надѣюсь выѣхать. Снѣгъ уже выпалъ на мерзлую землю,

[1]) Письмо подъ № 90 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.*

но еще маленькій, а лишь только выпадетъ большой, тотчасъ мы въ сани да и въ дорогу!

Порядочно Вы подразнили меня, сказавши о корректурахъ, о спѣшной и большой работѣ, но не объявя, въ чемъ дѣло! Въ отмщеніе объявляю Вамъ, что когда отпечатанъ шкафъ Гоголя въ Москвѣ, въ немъ собраны были лоскутки изорванной рукописи. Эти лоскутки вложены были въ пакетецъ и надписаны рукою Шевырева: «Клочки чего-то изорваннаго». Во время пребыванія своего въ Васильевкѣ, онъ какъ то прозѣвалъ этотъ пакетецъ, и теперь онъ врученъ мнѣ сестрами поэта. Я соединяю клочки, и что же оказывается? Это отвѣтъ Бѣлинскому на его оскорбительное письмо. Цѣлыя фразы этого отвѣта вошли въ авторскую исповѣдь, но много въ немъ есть такого, что и не вошло туда, а это многое—прекрасно!

Получилъ я 40 новыхъ писемъ Гоголя отъ Плетнева и 28 отъ Александра Данилевскаго. Какія въ этихъ письмахъ есть вещи о Булгаринѣ и Кукольникѣ, такъ просто прелесть!

Отъ матери Гоголя я получилъ два превосходныхъ начала повѣстей изъ періода «Портрета» и «Невскаго Проспекта».—Что, Васъ разбираетъ? Но погодите, я Васъ еще не такъ припеку.

Мать Гоголя сообщила мнѣ содержаніе и нѣкоторыя мѣста изъ комедій Василія Гоголя. Эпиграфъ Сорочинской ярмарки: «Ой лыхо, Романъ иде! теперь же винъ наробыть колоту»—произносится нѣкоею Параскою, у которой пируетъ дякъ Хома Григорьевичъ и называетъ ее сладкоустою Парасковіею Охримовной.

Г. И. Высоцкій сообщилъ мнѣ извѣстіе о большой сатирѣ Гоголя, написанной въ Нѣжинѣ: «Нѣчто о Нѣжинѣ или дуракамъ законъ не писанъ». Я, кажется, писалъ Вамъ о первыхъ стихахъ Гоголя:

„Се образъ жизни нечестивой
Пугалище монаховъ всѣхъ...

подписанныхъ имъ подъ сатирическимъ транспорантомъ собственнаго сочиненія и рисованья.

А что Вы скажете о 26 большихъ письмахъ, въ видѣ дневника, къ Гоголю писанныхъ одною весьма близкою и любимою имъ дамою, которой имени я не долженъ пускать въ оборотъ, изъ уваженія къ ея прекраснымъ способностямъ ума и сердца? Эти письма у меня.

У меня также кипа другихъ писемъ, не столь замѣчательныхъ, хотя между ними есть письма Жуковскаго, Бѣлинскаго, живописца Иванова и семейства Вельгорскихъ.

Журналъ надзирателей въ лицеѣ временъ Гоголя въ моемъ распоряженіи. А недавно мнѣ сообщили изъ Нѣжина отмѣтки Гоголевскихъ успѣховъ за 1828 годъ, въ которыхъ Бѣлевичъ аттестовалъ его такъ: «Непослушенъ, очень требуетъ исправленія, дерзокъ и грубъ».

Надѣюсь, что всего этого достаточно для раздраженія Вашего аппетита, не говоря о кой чемъ другомъ, какъ напримѣръ о новыхъ историческихъ думахъ, которыя я готовъ вручить первому вызывающемуся печатать. И въ томъ Вы не должны строго судить меня. Я Вамъ служилъ вѣрою и правдою по этой части, пока не явились люди, которые нашли средства обнародовать эти драгоцѣнные памятники нашей старины. А приступайте Вы къ печатанію Вашего сборника— я Вашъ покорнѣйшій слуга, и уже тогда никому не дамъ. Вѣдь я сперва давалъ Максимовичу—медлитъ и медлитъ; потомъ Срезневскому—медлитъ и грабитъ, потомъ Вамъ—выжидаете и выжидаете. Я вездѣ суюсь съ своими находками, я не жадничаю, не придерживаю у себя, у меня нѣтъ того, чѣмъ бы я не готовъ былъ снабдить каждаго, работающаго для общей пользы,—и потому не смотрите на меня, какъ на нѣкоего отступника. Я все тотъ же, что и въ 1846 году. И вчора Кулишъ и сиогодни Кулишъ.

92.

Думка-то, бачъ, була така, щобъ исты паску у Блатенсци, та ще не все зробывъ, що треба, то вже ничого на сало кванытысь, а треба дило кинчаты.

Книжокъ у мене до—господа: одного Москвытянына за 4 годы. Раздобрывсь, бачъ, Мыхалко Плетневъ прытьмомъ прохавъ, щобъ я переказавъ іому дещо, мусывъ я ïхаты на те репъяхове, чы дивоцьке поле; а винъ и раздобрывсь. Тай не знаю теперъ, де диватысь изъ симъ добромъ. Колыбъ у сели, то греблю бъ загатывъ, а тутъ выкынь на юлыцю, то ще калавурный потягне патерыцею.

Спасыби жъ, що прислалы. Ще побачымось.

Панько Казюка.

Подумавши и поразмысливши, какова моя будетъ рецензія Лѣтописи Грабянки, я отложилъ свое намѣреніе. Трудно удержаться въ предѣлахъ умѣренности тона, непремѣнно прорвется гдѣ-нибудь гадкое движеніе—унизить себѣ подобнаго. Я же при томъ ничего не люблю дѣлать прихваткомъ и, пожалуй, преслѣдуя легкомысліе, самъ

представлю примѣръ легкомысленнаго увлеченія. Но положимъ, что я напишу свои нѣсколько строкъ, какъ знатокъ дѣла. Какой же изъ этого результатъ? Кіевская Коммиссія, право, не сдѣлается ни умнѣе, ни нравственнѣе; профаны отъ частности заключатъ къ цѣлому и заподозрятъ всѣ ея труды болѣе должнаго; а молодой авторъ предисловія къ Лѣтописи (онъ же и неисправный и даже несвѣдущій корректоръ оной) упадаетъ во мнѣніи своихъ начальныхъ людей, и первая оплошность будетъ, можетъ быть, стоить ему очень дорого. Богъ съ ними! спасибо, что хоть такъ издали. Мудрому не повредятъ ихъ ошибки и заблужденія, а дураковъ моя рецензія не сдѣлаетъ мудрыми. Я просилъ бы также и Васъ не писать ничего. Намъ надобно заниматься дѣлами посолиднѣе этого и не развлекаться мелочами. Вашъ П. К.

1855, марта 27.

93.

Байвщина, 1855, іюня 26.

Здравствуйте, Осипъ Максимовичъ! Надѣюсь, что Вы здравствуете. Я тоже здравствую, но моя пани, къ крайней моей горести, хвораетъ. Занятія мои очень обыкновенны и состоятъ преимущественно въ чтеніи, не говоря о садоводствѣ и т. п. Ни съ кѣмъ не вижусь, но ни мало не скучаю, и день всегда кажется мнѣ короткимъ. Ложусь спать съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ утра. Но не объ этомъ *нужно* мнѣ писать къ Вамъ, а вотъ о чемъ. Просятъ у меня подаренной Вамъ рукописи о Воспитаніи, соч. Ѳеофана Прокоповича; а я отвѣчаю, что не могу располагать ею и не надѣюсь даже выпросить у Васъ обратно. На что получаю прилагаемые упреки отъ единственнаго человѣка, которому я говорю *ты*.

Если можете, уважьте его и мою просьбу и вышлите ему рукопись въ Черниговъ на имя смотрителя уѣзднаго училища Антона Даниловича Карвасовскаго, для передачи П. Е. Чуйкевичу.

Увѣдомьте о себѣ, какъ Вы поживаете и что подѣлываете и что у Васъ хорошаго слыхать о цензурѣ и о прочемъ. Я не читаю никакихъ газетъ и ничего не знаю, что дѣлается за предѣлами моего хутора.

Адресовать на мое имя въ Лубны, Полтавской губерніи.

Вашъ П. Кулѣшъ.

94.

Сентября 16. 1855. Хуторъ Байвщина.

Не знаю, какъ Вамъ живется, Осипъ Максимовичъ, а намъ wcale niezle! Не мѣшаетъ намъ увѣдомлять другъ друга немножко пообстоятельнѣе о себѣ, нежели какъ у насъ съ нѣкотораго времени завелось. Увѣдомляю Васъ, на всякій случай, что судьба послала мнѣ въ руки: 1, Новгородъ-Сѣверскую лѣтопись, подлинникъ компиляціи, какія дѣлали въ прошломъ столѣтіи многіе Малороссіяне. Въ концѣ тою же рукою переписана мистерія въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Воскресеніе Мертвыхъ, въ пользу чающимъ оного всѣмъ неотмѣнно будущое, но страждущимъ неповѣнно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибленно, въ пяти дѣйствіяхъ показанное учителемъ Академіи Кіевской Георгіемъ Конѣскимъ, *нынѣшнимъ* епископомъ могилевскимъ», да еще стихи на Мазепу, начинающіеся сице:

«Горе ти, горе, второму Каину!» да еще: «Нравоученіе умного отца къ сыну», начинающееся тако:

«Хотя я надѣюсь, что ти добрыхъ совѣтовъ и наставленія учителей своихъ не забилъ».

Не знаю, извѣстны-ли Вамъ сіи три послѣднія пьесы. Напишите.

2. Гисторію о Варлаамѣ и Іоасафѣ, начинающуюся страницею 5-ою, а оканчивающуюся ҂҃лма.

3. Месію Голятовскаго, полный экземпляръ, только нѣтъ конца указателя.

Послѣдняя строчка на послѣднемъ листкѣ онаго: «Талмутъ блюзнѣрства и».

4. Дѣянія и посланія Апостоловъ, переписанныя въ 16 д. листа уставомъ съ узорами въ началахъ и заглавными буквами, разрисованными золотомъ, и съ изображеніемъ на византійскій манеръ апостола Луки. Письмо чрезвычайно искусное и тщательное, особенно золоченая вязь. Нельзя насмотрѣться досыта!

5. 1600 пѣсенъ, записанныхъ Нѣговскимъ въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Сіе послѣднее сокровище навело меня на мысль: Когда же оный мужъ совѣта передастъ тисненію свои сборники? Пора, пора! Я слышу, что у инспектора нѣжинскаго лицея Морачевскаго есть большое собраніе пѣсенъ, и что черниговскій Бѣлозерскій мнитъ присоединить его къ своему сборнику, который сгараетъ нетерпѣніемъ напечатать во славу своего имени. А Вы когда? Напишите, не думаете ли Вы соперничать въ быстротѣ своихъ на-

мѣреній съ Максимовичемъ, который стяжалъ себѣ безсмертія мѣшкотностію. Однимъ словомъ, я хочу знать, что Вы думаете объ изданіи своихъ пѣсенъ, и есть-ли надежда читать ихъ въ печати на этомъ свѣтѣ, или ужъ прочитаемъ на томъ?

Хоть Вы и ближе меня къ Николаю М., но я прежде Васъ узналъ, что онъ приготовляетъ къ цензурѣ интересный сборникъ преданій, думъ, сказокъ, легендъ и критическихъ взглядовъ на многое въ малороссійской жизни по поводу объясненій нѣкоторыхъ изъ этихъ вещей. Если только цензура пропуститъ, то въ этой книгѣ нашлись бы и для Васъ интересныя страницы. Давно бы слѣдовало Николаю М. заняться подобнымъ изданіемъ, чтобы оживить и разшевелить изслѣдователей Малороссіи, но лучше поздно, нежели никогда. Если Богъ поможетъ, то за этимъ томомъ послѣдуютъ еще одиниадцать. Вы спросите съ недовѣрчивымъ изумленіемъ: откуда у него возьмется столько матеріаловъ? Но дѣло дѣйствительно на такомъ ходу. Надобно поднять на ноги все, что было писано о Малороссіи, и пустить въ ходъ все, что о ней не напечатано, разумѣется, если цензура не воспрепятствуетъ. Планъ у него обширенъ, и Вы пожалуйста не покивайте главою, что человѣкъ, не подождавши Васъ, затѣялъ великую затѣю, а радуйтесь, что хоть одинъ человѣкъ во всей Малороссіи чувствуетъ готовность трудиться съ энтузіазмомъ. Николай М. очень желаетъ снискать своему труду благосклонную улыбку московскаго земляка своего, и, если бъ только было можно, то все бы подвергъ предварительной его критикѣ. Но у Васъ свои хлопоты, а время бѣжитъ. Ars longa, vita brevis. Надобно хоть что-нибудь успѣть сдѣлать, пока есть охота трудиться. Когда она пройдетъ, тогда ее не вдохнете и Вы никакими планами и предпріятіями. Итакъ склонитесь на сторону дѣла, хотя бы и несовершеннаго, а не неопредѣленнаго выжиданія, которое ужъ надоѣло Николаю М. до омерзѣнія.

Я скоро переѣду въ Кіевъ для своихъ литературныхъ студій и вѣроятно проведу тамъ, съ перерывами, всю зиму. Теперь для меня ни Москва, ни Петербургъ не годятся, и, кажется, не скоро я пожелаю въ нихъ заглянуть. Весною хочется начать основательное путешествіе для всевозможнаго изученія Малороссіи. Это наше дѣло, и стыдно намъ его не исполнить. Аминь.

Жинка Вамъ и М. Ник. кланяется вмѣстѣ со мною. Вашъ П. К.

Адресъ: Ивану Дан. Юскевичу-Красковскому, для передачи П. А. К. Въ Кіевъ, въ собственный домъ, близъ Софійскаго собора.

95.

Охъ, Осипъ Максимовичъ! почтеннѣйшій и любезнѣйшій Осипъ Максимовичъ! гдѣ тутъ везетъ!? *Я* долженъ везти, а не мнѣ везетъ. Мнѣ ужъ никогда, можетъ быть, везти не будетъ, какъ человѣку выскочившему изъ рельсовъ; а я все-таки буду самимъ собою—вотъ Вамъ и все тутъ.

Живу, пишу не для похвалъ..... т. е. не для печати, а потому что хочется жить и писать. Я попалъ въ Средніе Вѣка, когда еще не было изобрѣтено книгопечатаніе, и тружусь надъ своими рукописями, какъ трудились алхимики. Можетъ быть, и мои труды, подобно ихъ, не достигнутъ своей цѣли, но какъ алхимія пригодилась для химіи, такъ и мои рукописи къ чему-нибудь да пригодятся же. «Посли насъ не буде насъ, будутъ люди, да не мы!» вотъ почему должно трудиться.

Посылаю Вамъ ключикъ отъ моего портфеля. Поищите въ немъ моего аттестата и, буде онъ тамъ, вышлите по прежнему адресу; ключикъ же заверните въ пакетецъ и надпишите, що се не кавунъ, а свыня.

Да еще вышлите собственно для меня ненужную Вамъ ни на что подаренную мною вамъ рукопись, сочиненіе Ѳеофана, руки нѣкоего Юзефовича. Теперь ужъ она *мнѣ* пригодится, а черезъ меня и другимъ, такъ нехай зъ воза не падае.

Напишу когда-нибудь Вамъ о здѣшнихъ ученыхъ людяхъ и ихъ занятіяхъ, а также и о тѣхъ, которые, не называясь учеными, грѣются у чужого огонька. Теперь же я еще не оглядѣлся вокругъ себя и очень озабоченъ всякою всячиною. Обнимаю Васъ. Вашъ П. К.

1855, окт. 26, Кіевъ.

96.

Кіевъ. 1855, ноября 25.

Почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ!

Въ отношеніяхъ нашихъ давно ужъ чувствуется что-то не прежнее, и, наконецъ, это *что-то* высказалось слишкомъ рѣзко въ письмѣ Вашемъ отъ 11 ноября. Когда я прочиталъ его, мнѣ въ первыя минуты казалось, что я долженъ прекратить съ Вами навсегда переписку, но людямъ, сколько-нибудь другъ друга уважающимъ, не слѣ-

дуетъ затаивать оскорбленіе. Вы говорите, что я Васъ какъ то *задираю.* Клянусь Богомъ, у меня не было этого намѣренія. Можетъ быть, слова мои показались Вамъ задирательными оттого, что Вы предполагали во мнѣ нѣчто, мнѣ несвойственное. Вѣдь это бываетъ иногда съ самыми добрыми и умными людьми. Я не помню своего письма, но знаю, въ какомъ настроеніи чувствъ писалъ его къ Вамъ. Я обращался къ Вамъ, распахнувши душу настежъ. Неужели Вы думаете, что много есть на свѣтѣ людей, съ которыми бы я сталъ говорить подобнымъ образомъ? А Вы, вмѣсто того, чтобы видѣть въ этомъ доказательство моей любви къ Вамъ, осыпали меня самыми грубыми насмѣшками. Если бы мои безкорыстныя побужденія и показались Вамъ смѣшными, то изъ уваженія къ моей довѣренности, Вы не должны были такъ грубо надо мною смѣяться. Видно, что Вы находились подъ вліяніемъ какого-то недостойнаго Васъ чувства, которое помѣшало Вамъ сочувствовать моему письму. Какъ бы то ни было, но Вашъ слишкомъ ужъ надменный юморъ оскорбилъ меня до глубины души. Если Вы этого желали, то радуйтесь, если же Вы не знали, какъ я почувствую Ваше письмо, то знайте: можетъ быть Вы примете это къ свѣдѣнію и будете впередъ внимательнѣе къ двигателямъ пера Вашего, сирѣчь къ Вашимъ чувствамъ, которыя не рѣдко играютъ съ нами роль чертей. Намъ изъ-за какихъ-нибудь недоразумѣній или недостатковъ (Вы ли, или я ихъ больше имѣю,—все равно) расходиться не слѣдуетъ. Вы дѣлали и дѣлаете свое дѣло, а я свое—каждый въ свою моготу, и не намъ рѣшать, кто изъ насъ больше сдѣлалъ. Каждый знаетъ себѣ и другимъ цѣну, но странно это высказывать. Вы для меня во первыхъ Осипъ Максимовичъ, во вторыхъ—Бодянскій: видя Ваши чисто человѣческія достоинства (не слѣпой же я, слава Богу!) и Ваши заслуги литературныя или ученыя, я никогда не примѣриваю ни тѣхъ, ни сихъ къ своимъ собственнымъ, даже и для того, чтобы опредѣлить Васъ: я знаю Вамъ цѣну независимо отъ собственнаго существованія и отъ собственнаго участія въ дѣлахъ человѣческихъ. Откуда же у Васъ явились такія фразы, какъ: «И мы когда-то ѣзжали не хуже другихъ»! Плохо, Осипъ Максимовичъ, плохо,—сознайтесь хоть передъ самимъ собою. Но во всякомъ случаѣ прошу вѣрить, что я остаюсь къ Вамъ съ готовностью служить Вамъ, если только Вамъ понадобятся мои услуги, и ни въ какомъ случаѣ не поступлю такъ, какъ Вы этотъ разъ поступили со мною. Я подарилъ Вамъ нѣсколько вещей, имѣющихъ въ Вашихъ глазахъ болѣе или менѣе цѣны, одна изъ нихъ мнѣ понадобилась, и Вы имѣете без-

стыдство отвѣчать мнѣ: «что съ возу упало—пропало». Покажите эти мои строки кому угодно изъ общихъ нашихъ пріятелей и попросите, чтобы они сказали искренно: имѣю ли я право называть Вашъ отвѣтъ безстыднымъ? Оно, конечно, извинительно, какъ антикварское чудачество; оно составляетъ забавный анекдотъ, и я первый готовъ имъ восхищаться въ этомъ смыслѣ; но уважать Вашего поступка не могу, при всемъ моемъ уваженіи къ другимъ Вашимъ поступкамъ въ отношеніи ко мнѣ и къ другимъ людямъ. Напрасно Вы безпокоились возвращать мнѣ ключикъ: я для того и просилъ Васъ оставить его у себя, чтобъ не доводить Васъ до хлопотъ, связанныхъ съ пересылкою по почтѣ.

Я остаюсь въ Кіевѣ на всю зиму съ женою, которая Вамъ кланяется. Адресъ на мое имя, у Золотыхъ Воротъ, въ домѣ Мартынова.

Хотѣлось бы мнѣ потолковать съ Вами о моемъ собраніи пѣсенъ и о томъ, что я съ ними хочу дѣлать, да послѣ Вашихъ писемъ и послѣ непріятныхъ, грустныхъ для меня объясненій съ Вами по поводу ихъ, какъ-то и не хочется. Дѣло въ томъ, что многіе собиратели пѣсенъ по Харьковской, Черниговской, Полтавской и Кіевской губерніямъ ввѣрили мнѣ свои сборники, и я имѣю намѣреніе (не говоря о разныхъ разностяхъ при этомъ) напечатать огромный сборникъ съ надписью: *собранныя такимъ-то, такимъ-то, такимъ-то* и т. д., чтобы всякому воздано было должное въ семъ достохвальномъ дѣлѣ, т. е. въ дѣлѣ собиранія. На Вашъ сборникъ я не имѣю и надежды, чтобы Вы ввѣрили его мнѣ, но если-бы между нами существовало доброе согласіе и еслибъ Вы не пугали меня Вашимъ правиломъ; *Что съ возу упало—пропало*, я бы отдалъ Вамъ свой трудъ (въ чемъ тутъ трудъ—долго и, можетъ, быть, напрасно говорить), я бы согласился помѣстить свое имя только въ числѣ собирателей и закончить ихъ списокъ словами: *и изданныя О. Бодянскимъ*. Но Вы не дадите мнѣ и понюхать своего сборника, а смыслъ моего изданія таковъ, что я, именно я, долженъ имѣть сперва въ рукахъ все, что напечатается, привести пѣсни въ извѣстный видъ (объ этомъ не распространяюсь), и потомъ печатай и пишись издателемъ, кто угодно. Я сдѣлаю болѣе: добуду денегъ на изданіе и вышлю ихъ Вамъ, не требуя никакого обязательства. Знаю, что Вы способны усумниться въ томъ, чтобы ввѣрить мнѣ Ваше собраніе, и очень жалѣю; но то, что я обѣщаю—могу исполнить и исполню. Поступайте, какъ хотите, а я во всякомъ случаѣ буду дѣлать свое дѣло, какъ хватитъ моихъ силъ и какъ поможетъ мнѣ Богъ. П. Кулишъ.

---

100 [1]).

Уже не въ первый разъ письмо мое принимается Вами съ такимъ чувствомъ, которое, по моему, не должно бы имѣть въ Васъ мѣста. Во первыхъ, Вы какъ будто не вѣрите, что именно такъ написано ко мнѣ по вопросу о Вашемъ изданіи, какъ я написалъ Вамъ Во вторыхъ, Вы какъ будто обидѣлись заочнымъ выраженіемъ о Васъ Галагана и перенесли часть его вины на меня. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ письма Галагана, въ которомъ о Васъ не сказано больше ни слова. Если Галаганъ называетъ Васъ *крутенькимъ* по панскому лукавству, а не по дѣйствительности, то чѣмъ же я виноватъ, передавши точныя слова его безъ всякаго намѣренія Васъ обидѣть? Но Вы изъ-за своего неудовольствія отказываетесь издать книгу, нужную для многихъ. Вы имѣете полное право не искать денегъ, но когда для Вашего изданія ищутъ другіе, то Вы не вправѣ не соглашаться на то ни на какихъ условіяхъ. Я не о Васъ тутъ хлопочу, я хлопочу о дѣлѣ, интересующемъ многихъ, кому вовсе неизвѣстно, что дѣло отъ Васъ зависитъ. Слѣдовательно, если я успѣю добыть денегъ (а добыть я могъ-бы, можетъ быть, не отъ одного Галагана), то Вы тутъ ни сколько не будете мнѣ обязаны. Я дѣлаю дѣло *свое*, а не Ваше. *Мнѣ* собственно Вы имѣете право сказать: «Оставьте меня въ покоѣ! знайте себя—свои книги!», но Вы не имѣете права сказать этого публикѣ, которая раздѣляетъ со мной интересъ. А Вы всѣмъ говорите: «Оставьте меня въ покоѣ!», отказываясь входить со мной въ какія бы то ни было объясненія. Неужели Вы не считаете меня способнымъ чувствовать такъ же, какъ и Вы, обиду? а согласитесь, что отвѣтъ Вашъ оскорбителенъ. Я и чувствую, но это оскорбляетъ меня Бодянскій, а предметъ мой остается все тотъ же, и я черезъ личное неудовольствіе никакъ не охладѣю къ нему. Поэтому я преодолѣваю свое нежеланіе писать къ человѣку, не отдающему мнѣ справедливости, и пишу къ Вамъ уже не какъ къ Осипу Максимовичу, а какъ къ владѣльцу невыпущенной въ свѣтъ книги, и прошу Васъ объявить мнѣ не какъ Кулишу, а какъ человѣку, интересующемуся Вашимъ изданіемъ и предлагающему свои услуги,—условія, на которыхъ Вы согласны взять деньги на уплату типографіи ея издержекъ. Вы предпочли сноситься съ Кіевомъ черезъ Сердюкова, и вотъ посмотрите, какъ удаченъ Вашъ выборъ. Прилагаю двѣ вырѣзки изъ письма корреспондента Сердюкова. Я потому до сихъ поръ не брался за дѣло по Вашимъ изданіямъ, что не пришла пора, что не устано-

[1]) Письма подъ №№ 97—99 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.—*Ред.*

вились у меня такія отношенія съ людьми, чтобы я могъ прямо говорить: *Дайте! вамъ стыдно не дать!* Повторяю, что, и кромѣ Галагана и Тарновскаго, есть у меня люди, готовые на доброе дѣло. Поступайте, какъ Вамъ угодно, но я счелъ нужнымъ представить Вамъ все, какъ оно есть и какъ я понимаю.

Преданный Вамъ землякъ П. Кулишъ.

1857, февр. 25. С.-Петербургъ.

Вырѣзки изъ писемъ 1) *Галагана:* «Може чи не сберусь и самъ. Бодянскому я напишу, тильки винъ, знаете трошки крутенькій, то Богъ знае, чи погодиться на яке небудь діло».

2) Корреспондента *Сердюкови:* « . . . . Недавно я получилъ изъ Москвы отъ Сердюкова, близкаго знакомаго Бодянскаго, письмо, въ к. онъ проситъ меня предложить Тарновскому или Судіенку издавать рукописи, принадлежащія Бодянскому, на условіяхъ для нихъ выгодныхъ; съ первымъ я не имѣю удовольствія быть знакомымъ, а второму говорилъ, но онъ промолчалъ; говоритъ, что самъ на слѣдующій годъ собирается въ Москву».

(На послѣдней страницѣ письма сбоку приписано): Ошибаешься ты, серденько, на счетъ изданія Гоголя. Обожди конца.

---

105 [1]).

Проѣзжая черезъ Москву съ юга на сѣверъ, хотѣлъ я видѣть почтеннѣйшаго земляка Осипа Максимовича, но на двукратное мое звоненіе не послѣдовало никакого отвѣта. Вчера я зашелъ въ Вамъ вмѣстѣ съ Александрой Михайловной,—та же исторія! Тутъ какой-то сѣрый человѣчекъ, видя, что мы удаляемся, дверемъ затвореннымъ выразился о Вашемъ обычаѣ такъ: «Баринъ капризный: иногда и вовсе будетъ дома, а скажетъ нѣту». Не зная, до какой степени вѣрно сіе народное преданіе и до какой степени Вы утонули въ Вашихъ занятіяхъ, я прибѣгаю къ послѣднему средству дать Вамъ знать о своемъ желаніи видѣть Васъ. Если Вамъ это угодно, благоволите увѣдомить меня по городской почтѣ. Я живу на Никитской, на углу Кисловскаго переулка, въ домѣ Зотова. Мы пробудемъ въ Москвѣ не меньше мѣсяца для нѣкоторыхъ книжныхъ дѣлъ.

Преданный Вамъ душою П. Кулишъ.

1859, окт. 12.

---

[1]) **Письма подъ №№ 101—104 будутъ помѣщены въ концѣ статьи.**—*Ред.*

107 [1]).

Посылаю Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, новое издѣліе моей типографіи и старое—моего суетнаго воображенія. Хотя сему издѣлію и жутко будетъ стоять у Васъ на полкѣ въ сообществѣ книгъ основательныхъ, но за грѣхи свои пускай его страдаетъ молча.

Освѣдомляется у меня нѣкій философствующій мужъ: имѣетъ-ли уже кого-нибудь въ виду Московскій университетъ на каѳедру философіи? Сдѣлайте одолженіе, удѣлите минутъ пять Вашего драгоцѣннаго времени для отвѣта на сей мой вопросъ, адресуя въ мою типографію, на Обуховскій проспектъ. У насъ въ Петербургѣ хорошаго ничего не слышно, а дурнымъ непріятно съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться, тѣмъ паче съ Вами. Подписка на журналы идетъ тихо, въ томъ числѣ и на *Основу*, которой 1-я книжка уже набирается. Я вздумалъ попробовать писать по украински нашу исторію. Очень мудреное дѣло, но мнѣ хочется сдѣлать все для меня возможное, чтобы хоть попытка къ этому была заявлена судьямъ нашей народности. Для народа я ужъ написалъ книжку о временахъ Хмельницкаго и хлопочу только въ цензурѣ; но заговорить по украински съ людьми учеными дѣло совсѣмъ иное! Впрочемъ утікъ не втікъ, а побігти можно.

Что Ваши Чтенія? щадитъ ли ихъ цензура? Да позвольте еще спросить: къ кому изъ собесѣдниковъ обратиться за полученіемъ одной итальянской рукописи, которую я когда-то имѣлъ глупость послать Константину Аксакову (посольство къ Ивану IV)?

Будьте здоровы и не забывайте преданнаго Вамъ земляка

П. Кулиша.

1860, дек. 5 С.-Петербургъ.

108.

Можетъ быть Вамъ и неизвѣстно еще, что Константинъ Аксаковъ умеръ. Ольга Семеновна писала сюда къ своимъ роднымъ. Такъ славянофилы падаютъ одинъ за другимъ не только морально, но и физически. Жаль бѣднаго Консты: онъ былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать, но въ немъ многое было неестественнаго, какъ и самая привязанность къ отцу, которая свела его въ могилу. Кто-то напишетъ о немъ въ журналѣ или газетѣ! Вотъ бы Вамъ написать, если бъ Вы были свободнѣе. Вы коротко

[1]) **Письмо подъ № 106 будетъ напечатано въ концѣ статьи.**—*Ред.*

знали его. А то, чего добраго, еще и тутъ не отдадутъ ему должной справедливости, займутся только его ошибками и увлеченіями.

Отъ всей души благодарю Васъ за 3-й томъ безцѣнныхъ Вашихъ *Чтеній* и съ нетерпѣніемъ жду выхода 4-го. Вы строите себѣ несокрушимый временемъ памятникъ. Хоть бы и не хотѣло потомство, то проторитъ къ нему дорогу, потому что безъ *Чтеній* шагу нельзя будетъ сдѣлать въ исторіи.

Въ бумагахъ Гоголя случайно отыскалъ я слѣды существованія драмы его изъ украинской исторіи. Неважные впрочемъ наброски. Но мы ихъ печатаемъ въ *Основѣ*, которая, по цензурнымъ причинамъ, никакъ не можетъ выдти къ 1-му числу. Вы будете получать книжку за книжкою тѣмъ же путемъ, что и мои повѣсти получили. Особеннаго нетерпѣнія у Васъ, я думаю, нѣтъ читать Основу; то два—три дня лишнихъ для Васъ ничего не будутъ значить, а пожалуй этакъ иногда и скорѣй получите, чѣмъ черезъ почтамтъ, потому что изъ типографіи немедленно передается книжка книгопродавцу.

Всею душою преданный Вамъ П. Кулишъ.

1860, дек. 22 С.-Пб.

109.

Основа снуется Богъ знаетъ какъ, чему я не причастенъ, удалихся бо и умыхъ руцѣ мои отъ всѣхъ распоряженій и даже совѣтовъ, зане редакторъ возмнилъ себя быти мудрѣйша паче всѣхъ земнородныхъ. Записку Вашу передамъ въ редакцію, но не ручаюсь ни за что въ этомъ хаосѣ. Вскорѣ предстану предъ Васъ лично, летючи въ вырей, и тогда повѣмъ Вамъ вся чудеса Основская.

За гостинцы отъ всей души благодарю П. Кулишъ.

1861, апр. 24 С.-Петербургъ.

---

111 [1]).

Пишу къ Вамъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, вотъ по какому случаю.

А. Н. Драшусовъ къ моему поклону, по добродушію своему, прибавилъ нѣсколько словъ о *Чтеніяхъ* не въ томъ смыслѣ, въ какомъ упоминалъ я о нихъ. Я просто выражалъ сожалѣніе, что въ Варшавѣ не имѣю подъ рукой *Чтеній* Вашихъ, а онъ сдѣлалъ изъ этого

---

[1]) **Письмо подъ № 110 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.—*Ред.***

просьбу, на которую я не рѣшился бы и въ величайшей крайности, видя, что Вы взираете на меня почему-то неблагосклонно. Такъ какъ Вы, въ письмѣ къ Драшусову, совѣтуете мнѣ поразмыслить о нашихъ отношеніяхъ въ послѣдніе пять лѣтъ, то я даю себѣ право сообщить Вамъ результатъ моихъ размышленій. До половины этого печальнаго періода Вы удостоивали меня присылкою *Чтеній.* Къ сожалѣнію, я не могъ отвѣчать Вамъ ничѣмъ подобнымъ, будучи занятъ литературными бездѣлушками. Предполагая весною 1862 года ѣхать черезъ Москву, я послалъ Вамъ книжечку своихъ стиховъ и выразилъ надежду бесѣдовать съ Вами лично. Но случилось, что два раза я не засталъ Васъ дома, а когда толкнулся въ канцелярію унив. типографіи, то меня не только къ Вамъ не допустили, но даже не осмѣлились доложить Вамъ во время Вашего разговора съ кѣмъ-то въ директорской комнатѣ. Признаюсь откровенно, что это меня раздосадовало, а какъ часы моего пребыванія въ Москвѣ были сочтены, то я и уѣхалъ, не видавшись съ Вами. Потомъ я сидѣлъ въ захолустьѣ и не писалъ къ Вамъ потому, чтобъ Вы не объяснили этого желаніемъ получить gratis *Чтенія.* Да и грустно было, по правдѣ сказать; все опошлилось вокругъ меня, все показало мнѣ свою изнанку; я вообще сократилъ свою корреспонденцію до самыхъ прозаическихъ нуждъ. Отношенія мои къ Вамъ могли показаться Вамъ странными потому, что разныя непріятности, имъ же нѣсть числа, довели меня до молчаливой хандры, отъ которой насилу излечился я хуторскимъ зодчествомъ, огородничествомъ и садоводствомъ. Но не буду утомлять Васъ дальнѣйшимъ о себѣ повѣствованіемъ. Прошу передать Марѳѣ Никитишнѣ поклонъ отъ меня и отъ Александры Михайловны, которая и Вамъ усердно кланяется. П. Кулишъ.

1865 года, 1 февраля Варшава.

---

113 [1]).

Дорогая Марфа Никитишна!

Берегите себя, моя добрая. Мы съ большой грустью узнали о Вашей и нашей потерѣ. Такъ живы въ памяти тѣ пріятные вечера, которые мы, бывши въ Москвѣ у Васъ, проводили. Напишите, что съ Вами? Гдѣ думаете жить! Опишите все, что можете и не забывайте друзей Вашихъ, искренно уважавшихъ покойнаго Вашего мужа.

[1]) **Письмо подъ № 112 будетъ помѣщено въ концѣ статьи.**—*Ред.*

Искренно всегда преданная Вамъ, цѣлую Васъ крѣпко Александра Кулишъ.

Искренно уважаемая
Марѳа Никитична!

Въ великой утратѣ Вашей пускай утѣшитъ Васъ мысль, что Вы свою жизнь посвятили для спокойствія такого благороднаго подвижника науки. Покуда люди будутъ изучать русскую исторію, все будутъ вспоминать Бодянскаго, который такъ великодушно служилъ ей, а вмѣстѣ съ Бодянскимъ будутъ вспоминать и Васъ, потому что безъ Вашей къ нему любви и дружбы не могъ бы онъ совершить своего славнаго подвига, и давно бы прервалась его жизнь. Онъ служитъ всѣмъ намъ образцомъ безкорыстнаго трудолюбія на пользу общую, а Вы, достойнѣйшая Марѳа Никитична, должны служить образцомъ всѣмъ женщинамъ, которымъ судьба указала сопутствовать великимъ трудолюбцамъ и великимъ характерамъ.

Прошу вѣрить моему душевному къ Вамъ уваженію и преданности П. Кулишъ.

1877, сентября 17, хуторъ Мотроновка подъ Борзною.

P. S. Прошу Васъ, напишите о себѣ, не оставьте насъ въ безызвѣстности. Съ нетерпѣніемъ жду Вашего письма. А мы лѣтомъ все выглядывали и распрашивали, не пріѣхали ли Вы въ Прилуку къ Вашимъ роднымъ. Смотримъ на Ваши портреты, и такъ грустно дѣлается. Помню, какъ онъ заботился обо мнѣ, какъ я была больна, и Вы съ нимъ такое участіе выказывали.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Кн. Николай Григорьевич Репнинъ.

Къ портрету князя Николая Григорьевича Репнина.

Прошло уже болѣе пятидесяти лѣтъ со дня смерти князя Николая Григорьевича Репнина, этого безкорыстнаго благороднаго государственнаго дѣятеля, не щадившаго ни силъ, ни способностей, ни даже личныхъ матеріальныхъ средствъ для общественной пользы, а между тѣмъ полезная служебная дѣятельность его не получила еще надлежащей оцѣнки. Мало того, появляющіяся иногда въ печати данныя для его жизнеописанія бываютъ большею частью ошибочны и, кромѣ того, иногда представляютъ въ совершенно превратномъ свѣтѣ нѣкоторые факты изъ его жизни и дѣятельности.

Такъ какъ въ исторіи малороссійскихъ козаковъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ занималъ видное мѣсто, то мы полагали умѣстнымъ приложить къ нашей статьѣ его портретъ и помѣстить хотя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ фамильныхъ документовъ князей Репниныхъ, за пользованіе которыми, а равно за любезное разрѣшеніе сдѣлать фототипическій снимокъ съ портрета мы приносимъ нашу глубокую признательность его внуку, г. кіевскому губернскому предводителю дворянства гофмейстеру князю Николаю Васильевичу Репнину.

Князь Николай Григорьевичъ родился въ 1778 году. Родители его были генералъ-адъютантъ князь Григорій Семеновичъ и статсъ-дама княгиня Александра Николаевна Волконская. Мать его была урожденная княжна Репнина, дочь одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей времени императрицы Екатерины II, генералъ-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина.

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ былъ посломъ въ Варшавѣ, участвовалъ въ войнѣ съ турками 1773—1774 гг., за-

ключалъ въ 1774 г. кучукъ-кайнарджійскій миръ, въ 1778 г. былъ посломъ на тешенскомъ конгрессѣ, предводительствовалъ русскими войсками во время второй турецкой войны и въ 1791 г. одержалъ блестящую побѣду надъ турками подъ Мачиномъ, за что и былъ награжденъ орденомъ Георгія 1-ой степени; въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II былъ генералъ-губернаторомъ виленскимъ, гродненскимъ, эстляндскимъ и лифляндскимъ, а при императорѣ Павлѣ I получилъ званіе генералъ-фельдмаршала и былъ посломъ въ Берлинѣ; въ 1798 г. вышелъ въ отставку и 12 мая 1801 г. скончался въ Москвѣ 67 лѣтъ отъ роду. Отъ брака съ княжной Натальей Александровной Куракиной онъ имѣлъ только трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая и была княгиня Александра Николаевна Волконская, а такъ какъ другія линіи рода князей Репниныхъ были безпотомныя и со смертью князя Николая Васильевича родъ пресѣкся, то императоръ Александръ I указомъ отъ 12 іюня 1801 г. повелѣлъ второму сыну князя Григорія Семеновича и княгини Александры Николаевны Волконскихъ, князю Николаю Григорьевичу, именоваться княземъ Репнинымъ, взамѣнъ прежней своей фамиліи, во вниманіе къ государственнымъ заслугамъ дѣда.

Приведемъ самый указъ:

„Въ ознаменованіе отличнаго нашего уваженія къ воинскимъ и гражданскимъ подвигамъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Репнина, въ память добродѣтели его и любви къ отечеству, коими въ мирѣ и на войнѣ, и на службѣ, и въ уединеніи, до самаго конца жизни своей, былъ онъ преисполненъ, и въ свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ, согласно желанію его, ближнимъ его родственникамъ и намъ самимъ извѣстному, соизволяемъ, чтобы родной его внукъ, отъ дочери его рожденный, полковникъ князь Николай Волконскій принялъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался княземъ Репнинымъ. Да родъ князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“.

О мѣсторожденіи и первоначальномъ воспитаніи князя Николая Григорьевича мы не нашли никакихъ свѣдѣній. Мать его владѣла имѣніями въ московской, ярославской, нижегородской, саратовской и костромской губерніяхъ, всего въ количествѣ 2956 душъ, и домомъ въ Петербургѣ; отъ отца онъ получилъ имѣнія въ московской и нижегородской, въ количествѣ 1682 душъ. Что касается образованія, то въ формулярномъ спискѣ его сохранилась слѣдующая запись: „грамотѣ по россійски, по нѣмецки и по французски читать и писать и математики знаетъ.“

Князь Николай Григорьевичъ поступилъ на службу, будучи 14 лѣтъ отъ роду, 9 октября 1792 года, прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Дальнѣйшую службу онъ проходилъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1 Января 1796 г. онъ произведенъ въ подпоручики, 12 декабря 1796 г. въ поручики, 14 апрѣля 1797 г. переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, 29 сентября 1797 г. назначенъ флигель-адъютантомъ, 25 сентября 1798 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры, 20 сентября 1799 г. въ ротмистры, 27 сентября 1800 г. въ полковники, 26 января 1802 г. ему повелѣно состоять по арміи, 17 сентября 1802 г. онъ былъ зачисленъ въ кавалергардскій полкъ, 11 сентября 1806 г. уволенъ отъ службы по болѣзни отъ ранъ генералъ-маіоромъ, въ декабрѣ 1806 г. нижегородскимъ дворянствомъ избранъ въ уѣздные командиры земскаго войска и въ кандидаты на должность губернскаго начальника, 11 ноября 1808 г. вновь принятъ на службу и ему повелѣно состоять по арміи, 7 января 1809 г. назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при вестфальскомъ королевскомъ дворѣ, въ 1810 г. перемѣщенъ на такую-же должность при испанскомъ дворѣ, 15 марта 1812 г. назначенъ командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, 8 марта 1813 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ, 8 октября 1813 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, въ каковой должности пробылъ до конца 1814 г., 5 марта 1814 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты, 22 іюля 1816 г. назначенъ малороссійскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданской частью, въ каковой

должности состоялъ по 1 января 1835 г., 25 іюня 1828 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, 1 января 1835 г. назначенъ членомъ государственнаго совѣта, 16 іюня 1836 г. уволенъ отъ службы въ отставку.

Изъ орденовъ князь Николай Григорьевичъ имѣлъ всѣ русскіе до св. Александра Невскаго включительно, въ томъ числѣ св. Георгія 4-ой и 3-ей степени и много иностранныхъ.

Боевая дѣятельность князя Николая Григорьевича выразилась въ слѣдующемъ:

Въ 1795—96 г. г. онъ числился въ составѣ арміи, расположенной въ Польшѣ; 6-го іюня 1799 г. былъ переведенъ въ корпусъ, находившійся подъ командой генерала Германна. Этотъ корпусъ былъ посаженъ на суда, входившія въ составъ эскадры адмирала Ханыкова, въ томъ числѣ на корабль „Михаилъ", а потомъ на англійскій корабль „Омгейстенъ", для высадки на берегахъ Голландіи, каковая и произошла 30 августа 1799 г., а затѣмъ былъ цѣлый рядъ авангардныхъ дѣлъ, закончившихся 8 сентября генеральнымъ сраженіемъ при д. Бергонѣ въ алькмаарскомъ округѣ сѣверной Голландіи между русско-англійскими и французско-голландскими войсками, при чемъ первыя одержали блестящую побѣду. Послѣ этой побѣды русскій десантъ былъ посаженъ на англійскомъ кораблѣ „Сенсибль" для крейсированія вдоль французскихъ береговъ и около о. Жерзее до 30 августа 1800 г. Въ 1805 г. князь Николай Григорьевичъ участвовалъ въ походѣ въ австрійскія владѣнія и въ сраженіи подъ Аустерлицемъ 2 декабря 1805 г. былъ раненъ. Въ 1812 г. князь Репнинъ состоялъ въ корпусѣ подъ начальствомъ графа Витгенштейна и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Клястицами 20 іюля, подъ Свольнымъ 30 іюля подъ Полоцкомъ 5 и 6 августа, при взятіи Полоцка 6 и 7 октября, подъ Чашниками 20 октября въ 1813 г., при преслѣдованіи французовъ за-границу, до Данцига, командуя авангардомъ арміи Витгенштейна, онъ переправился чрезъ р. Одеръ у крѣпости Кюстринъ и занялъ Берлинъ, вытѣснивъ оттуда и преслѣдуя передовыми отрядами до р. Эльбы корпусъ французскихъ войскъ подъ предводительствомъ вице-короля италіанскаго, въ томъ же 1813 году, состоя при особѣ императора Александра I, онъ участвовалъ въ

сраженіяхъ подъ Дрезденомъ 14 и 15 августа, подъ Кульмомъ 19 августа, подъ Лейпцигомъ 4, 6 и 7 октября. Въ 1814 г. князь Николай Григорьевичъ, будучи генералъ-губернаторомъ королевства Саксоніи, командовалъ на правахъ отдѣльнаго корпуснаго командира русскими и саксонскими войсками, находившимися въ предѣлахъ королевства, въ 1815 г., состоя при особѣ императора Александра I, участвовалъ во второмъ походѣ во Францію.

Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что князь Николай Григорьевичъ долѣе всего занималъ постъ малороссійскаго генералъ-губернатора, а именно, около двадцати лѣтъ. Неудивительно, что онъ изучилъ край и нужды всѣхъ классовъ населенія во всѣхъ народностяхъ, полюбилъ Малороссію, считалъ ее какъ-бы своею родиной и снискалъ всеобщую любовь и уваженіе.

Еще болѣе закрѣпилъ его связь съ Малороссіей бракъ съ дочерью министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, графиней Варварой Алексѣевной, внучкой послѣдняго малороссійскаго гетмана, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, получившей въ приданное 5342 души въ полтавской губерніи, 4553 души въ черниговской и домъ въ Полтавѣ (кромѣ того, она владѣла 4172 душ. въ нижегородской губ. и 1837 душ. въ костромской.)

По выходѣ въ отставку, князь Николай Григорьевичъ прожилъ около десяти лѣтъ тяготясь своей бездѣятельностью и въ огорченіи, что его многолѣтніе безкорыстные труды на пользу общественную не нашли справедливой оцѣнки со стороны высшаго правительства. Онъ умеръ 7 января 1845 г. въ м. Яготинѣ пирятинскаго уѣзда полтавской губерніи и погребенъ, согласно выраженному имъ желанію, въ Густинскомъ монастырѣ прилуцкаго уѣзда той-же губерніи.

И въ печати, и въ устныхъ преданіяхъ, сохранились различныя версіи разсказа о причинахъ выхода его въ отставку.

Приведемъ здѣсь два отзыва людей, близко къ нему стоявшихъ.

Г. Ст. фонъ-Носъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „мы еще въ дѣтствѣ, живя въ центрѣ бывшаго управленія князя Н. Г. Репнина, слышали о проискахъ и клеветѣ нѣкоей партіи на

дѣйствія князя. Кто-бы могъ подумать, что этотъ видный государственный дѣятель, горячій патріотъ, преданнѣйшій слуга престола и отечества былъ заподозрѣнъ и почти обвиненъ ни болѣе ни менѣе, какъ, говоря по нынѣшнему, въ сепаратизмѣ и украинофильствѣ. И однако это такъ. И не одинъ князь пострадалъ отъ нелѣпой интриги, но и множество людей ни въ чемъ неповинныхъ. Дѣло въ томъ, что во время возмущенія поляковъ въ 31-мъ году энергическимъ и вмѣстѣ заслуженнымъ довѣріемъ Репнинъ сразу поставилъ нѣсколько полковъ козацкихъ. Интрига не усомнилась сію скорость, исправность и чистоту дѣла очернить особеннымъ, опаснымъ для цѣлости государства вліяніемъ... Государственныя заслуги Репнина были, конечно, неизмѣримо выше того страннаго обвиненія, какимъ враги его старались теперь бросить въ него, и не оно было ближайшею причиною внезапнаго удаленія его въ концѣ 1834 г. отъ службы, тутъ примѣшались новыя обстоятельства: растрата якобы суммъ по постройкѣ полтавскаго института и личное столкновеніе строгаго формалиста Репнина съ прибывшимъ по дѣлу постройки института графомъ Строгановымъ“ [1])...

И. И. Сердюковъ, служившій въ канцеляріи князя Н. Г. Репнина, разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ [2]) слѣдующее:

...„Дѣла князя Репнина приходили въ упадокъ. Онъ, бывши еще въ 1814 году назначенъ въ Дрезденъ вице-королемъ, жилъ тамъ роскошно, надѣлалъ много долговъ, поэтому была назначена коммиссія или попечительство въ Петербургѣ изъ графа А. Х. Беккендорфа и д. с. с. Лубяновскаго. Къ этому присоединился жандармскій доносъ за недостатокъ казенныхъ суммъ, и князя отозвали въ Петербургъ въ члены Государственнаго Совѣта. На его мѣсто въ августѣ 1835 года прислали графа Строганова, коему и поручено разслѣдованіе о казенныхъ суммахъ“...

Главной причиной немилости императора Николая Павловича къ князю Николаю Григорьевичу, какъ видно, была та широкая популярность, которой онъ пользовался среди всѣхъ классовъ населенія Малороссіи и причины которой партія са-

---

[1]) „Кіев. Стар.“ 1882 г., т. IV, стр. 561 сл.

[2]) „Кіев. Стар.“ т. IV, стр. 195.

новниковъ, относившаяся вообще несочувственно ко взглядамъ князя на управленіе Малороссіей и не прощавшая ему его прямодушія, старалась объяснить Государю въ опасномъ для цѣлости государства свѣтѣ. Особенно безпокоило его противниковъ, а еще болѣе было имъ на руку, то нравственное вліяніе, которое онъ имѣлъ на малороссійскихъ козаковъ, искренно любившихъ его и готовыхъ исполнять всѣ его велѣнія, о чемъ упоминаетъ, какъ мы видѣли выше, и г. Фонъ-Носъ, въ благодарность за его заботы объ ихъ благоустройствѣ [1]). Подкапываясь подъ князя Репнина, противники его выдвигали ему и пре(е)мника въ лицѣ зятя князя В. П. Кочубея, графа А. Г. Строганова, который, будучи посланъ въ Полтаву для производства разслѣдованія о расходованіи казенныхъ суммъ при постройкѣ полтавскаго института, о чемъ подробно разсказываетъ Сердюковъ въ своихъ запискахъ, представилъ все дѣло въ своемъ докладѣ Государю въ превратномъ видѣ. Графъ А. Г. Строгановъ и былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ съ 12 ноября 1836 г. по 1 января 1840 г.

Два фамильныхъ преданія объясняютъ намъ отчасти, почему императоръ Николай Павловичъ давалъ вѣру несправедливымъ обвиненіямъ, взводимымъ на князя Репнина его противниками.

Однажды, въ бытность князя генералъ-губернаторомъ Саксоніи, имѣлъ проѣзжать черезъ Дрезденъ великій князь Николай Павловичъ. Князь Репнинъ испросилъ у императора Александра I на этотъ случай соотвѣтствующихъ инструкцій, при чемъ повелѣно было принимать великаго князя, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ военной іерархіи и дисциплины, не обращая вниманія на его высокое званіе по рожденію, что и было въ точности исполнено и не могло, конечно, понравиться юному великому князю.

Князь Николай Григорьевичъ, глубоко огорченный ссылкой въ Сибирь его младшаго брата, князя Сергѣя Григорьевича

[1]) „Родственники разсказывали намъ,—читаемъ въ запискахъ Сердюкова—„что онъ пользовался большимъ расположеніемъ козачьяго населенія. Былъ случай въ Ромнахъ, что козаки выпрягли изъ его кареты лошадей и везли ее сами нѣкоторое время съ криками радости.“

Волконскаго, извѣстнаго декабриста, не могъ присутствовать на коронованіи императора Николая Павловича. Отсутствіе его было, конечно, замѣчено и истолковано не въ его пользу.

Судьбѣ было угодно, черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти князя Николая Григорьевича, вознаградить этого благороднаго государственнаго дѣятеля, въ лицѣ его потомства, за всѣ испытанныя имъ огорченія, соединивъ узами брака его единственную правнучку, княгиню Ольгу Николаевну Репнину съ правнукомъ императора Николая Павловича, герцогомъ Георгіемъ Николаевичемъ Лейхтенбергскимъ.

Помѣщенный нами здѣсь портретъ князя Николая Григорьевича относится къ 1814 году и принадлежитъ кисти неизвѣстнаго намъ, по всей вѣроятности, нѣмецкаго художника. Князь изображенъ въ формѣ генералъ-адъютанта стоящимъ на знаменитой Брюлевской террассѣ [1]) въ Дрезденѣ, имъ сооруженной и представляющей одну изъ достопримѣчательностей города; сзади виденъ возстановленный имъ „старый" мостъ или „мостъ короля Августа III" черезъ Эльбу.

Кромѣ этого портрета, который мы выбрали, какъ изображающій его въ самомъ расцвѣтѣ его дѣятельности и почти наканунѣ назначенія его малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, сохранилось еще нѣсколько портретовъ князя: 1) 1805 г., эпохи Аустерлица, 2) 1810 г., въ бытность его испанскимъ посломъ, сдѣланный французской художницей, m-me Hапуе, въ Парижѣ, въ то время, когда Наполеонъ I удерживалъ его при себѣ, находя излишними непосредственныя сношенія русскаго двора со своимъ братомъ, королемъ испанскимъ Іосифомъ Бонапартомъ, 3) 1830-хъ годовъ, исполненный какимъ-то доморощеннымъ художникомъ въ Полтавѣ (не кисти-ли юнаго тогда Шевченка?) и 4) 1841 г., кисти швейцарскаго художника Hornuny'а, исполненный во время пребыванія князя Николая Григорьевича въ Швейцаріи послѣ отставки.

Н. С.

---

[1]) На этомъ мѣстѣ былъ разведенъ роскошный садъ любимымъ министромъ короля польскаго Августа III, графомъ Брюлемъ, почему и самая террасса называется Брюлевской. Она тянется вдоль р. Эльбы, къ ней ведетъ отъ дворцовой площади широкая лѣстница, украшенная аллегорическими группами, изображающими Ночь, Утро, День и Вечеръ. Главнымъ фасадомъ на террассу выходитъ величественное зданіе академіи художествъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. [1]) Когда въ началѣ сентября 1762 г. императрица Екатерина прибыла въ Москву для коронаціи, то, остановившись предварительно въ Петровскомъ, она здѣсь и «допускала къ рукѣ всѣхъ знатныхъ обоего пола на то время ко двору собравшихся,» причемъ и запорожскіе атаманъ кошевой (имъ въ это время былъ Калнишевскій), услышавъ о благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на всероссійскій престолъ, скоропоспѣшно явился въ Москвѣ со многимъ числомъ старшинъ войсковыхъ, и просилъ черезъ шефа своего его с-ва яснаго гетмана, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, чтобъ и онъ щастіе имѣлъ допущенъ быть, съ своей помянутой старшиной, изъявить отъ всего войска радость и усердіе вѣрноподанническое, съ рабскимъ повиновеніемъ къ ея императорскому величеству. Государыня, какъ скоро ей доложено о томъ было, соизволила помянутаго атамана кошевого со всею его старшиною на третій день допустить къ себѣ въ большую галлерею. И какъ помянутой атаманъ кошевой, такъ и всѣ старшины, падъ къ стопамъ ея величества, говорили чрезъ писаря своего запорожскаго, яко чрезъ первѣйшаго войсковаго старшину, слѣдующую рѣчь, чрезъ все время стоя на колѣняхъ.—«Всепресвѣтлѣйшая, всеавгустѣйшая, благочестивѣйшая великая государыня императрица и самодержица Всероссійская, мать отечества всемилостивѣйшая! Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь, вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ,

---

[1]) Намъ неизвѣстно, кто былъ въ 1762 г. войск. писаремъ въ Запорожьи. Глоба имъ въ это время еще не былъ, такъ какъ онъ былъ выбранъ писаремъ только въ 1765 г. См. Истор. Нов.-Сѣчи, изд. 3-е, ч. II, стр. 265-267.

солнцу западъ, намъ же человѣкамъ учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ, а къ наблюденію своему влечетъ, что аки бы онъ на скрижалѣхъ сердца нашего былъ написанъ. Его исполненіе приноситъ намъ пользу, покой, тишину, во всемъ благопоспѣшество и похвалу предъ Богомъ; и его преступленіе приводитъ на насъ бѣдность, непріятельскія насилія, междуусобную брань, всякое злоключеніе и проклятіе отъ Бога. Послѣдовательно жизнь наша и все наше щастіе въ сей жизни зависитъ отъ власти Богомъ надъ нами опредѣленной; за что мы божественному Его о насъ промыслу никогда лучше не благодаримъ, какъ когда тѣхъ достодолжно почитаемъ, которыхъ Онъ самъ богами и сынами Вышняго называетъ; а паче еще, что какъ они на высочайшей степени всякаго человѣческаго достоинства поставлены не ради своей, а ради нашей чести, славы и пользы, такъ и мы ихъ почитая, себя почитаемъ, себя прославляемъ, себѣ пользуемъ, и предъ Богомъ себя оправдаемъ. Чего всего въ разсужденіи, когда и Царь небесный ваше императорское величество на престолъ Всероссійскій всесильною своею десницею возвелъ, и мы всѣ сыны и питоцмы низоваго Днѣпровскаго запорожскаго коша, какъ притоманные дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать, и тебѣ, истинной матери нашей, о чадѣхъ своихъ веселящейся, едиными усты и единымъ сердцемъ слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти вашего императорскаго величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣтаетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла, дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградитъ! Господь силъ, крѣпокъ во бранѣхъ, свѣтъ державы твоея въ силѣ своей и славѣ да удержитъ, дондеже оружіемъ твоимъ въ руцѣ своей крѣпкой водимымъ всѣхъ враговъ твоихъ подъ нози тебѣ сокрушитъ Царь вѣковъ, домъ и престолъ Давида россійскаго Петра Великаго, да утвердитъ непоколебимо и непремѣнно пребывати на земли, дондеже солнце и луна пребудутъ на небеси.—Августѣйшая монархиня, всемилостивѣйшая государыня! съ симъ искренно-усерднымъ желаніемъ и вѣрноподанническимъ привѣтствіемъ священнѣйшему вашего императорскаго величества лицу, Низовое Запорожское войско являться дерзаетъ, и притомъ себя въ глубочайшемъ благоговѣніи къ высокоматернимъ стопамъ вашего цесарскаго величества раболѣпно повергаемъ. («С.Петербургскія Вѣдомости» 1762 г., № 82).

Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. Замѣтки взяты изъ присланной въ редакцію тетрадки, озаглавленной—«Записка оставшимся по насъ о разныхъ въ Малой Россіи отмѣнахъ». Авторомъ ея былъ Хоружій Нѣжинской полковой канцеляріи Василій Осиповичъ Бѣлозерскій, дѣдъ Н. М. Бѣлозерскаго, изъ бумагъ котораго тетрадка вдовою его и взята. Вся тетрадка состоитъ изъ 10 стр. въ 4—ку и заключаетъ въ себѣ нѣсколько выписокъ изъ хроникъ к. XVIII в., въ родѣ Симоновскаго, а затѣмъ помѣщено въ ней нѣсколько замѣтокъ, принадлежащихъ, повидимому, самому В. О. Б—ому. Эти замѣтки мы здѣсь и приводимъ, какъ заключающія въ себѣ свѣдѣнія, могущія имѣть интересъ въ лѣтописаніи Малороссіи.

«Въ 783 году, по переписѣ ревизіи съ половины года, начали подушніе денги братись съ козаковъ и изъ мѣщанъ по 1 руб. 20 к., съ казенныхъ по 1 р. 40 к., а изъ господскихъ по 70 коп. А въ 1794 годѣ повелѣно брать зъ мѣщанъ, зъ душѣ, по 2 р.

Въ 787 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, монархиня Екатерына Алексѣевна чрезъ Малую Россію на Чернѣговъ слѣдовала...

По проездѣ еи, въ 788-мъ годѣ била неслыханная во всей Малой Россіи дороговизна хлѣба: жита одинъ четверичокъ платился подъ-гребло 1 р. 25 к., а четверть государева 10 р.; по такой же ценѣ мѣра вверхъ, и ячмѣнь, греча—четверть 8 р., овесъ четверичокъ 55 к., а четверть государева—4 р. 40 к.

Въ томъ же 788 годѣ началась съ турками баталѣя. Помирившися съ турками въ 1792 годѣ, армия пошла въ Полщу—ляховъ били, а въ 793 году часть Полщи подъ Росию присовокупленна.

Въ 1793 годѣ зима была весма снѣжная и долгая, ибо и на самое Благовѣщание да и после еще такіе били морози, что иногда и въ генварѣ такихъ небываетъ, а потому сѣно было очень дорого: продавался пудъ по 30 и 35 коп. Въ семъ годѣ Георгія било на страстную субботу, а на другой день Воскресеніе, и на Георгия нетолко и малѣйше пашн не било, но и дерево еще не роспукивалось.

1796 года, въ декабрѣ мѣсяцѣ, государиня Екатерина Алексѣевна умре, а царство приняль государь Павелъ Петровичъ и отъ него хотя послѣдовалъ било указъ, что Малая Россия возвращается на прежние права, но после того великіе дани положенны: вомѣсто четвеничковъ борошна положено платить денгами по 30 к., да на кормъ артилерійскихъ лошадей еще по 26 к.; а после еще на козаковъ прибавлено на каждую душу по 7 р. (?) на бумагу гербовую прибавлено по 20 к., еще по 10 к. На содержаніе суда генералнаго

зъ дворянъ 80 тысячъ рублей, чего никогда небывало; но за покойной государынѣ всѣ присудствующіе по судамъ на жалованѣ были и имъ жалобщики пересудового неплатили, а вносили толко въ Казну пошлини; а за государя и пошлины велѣно взыскивать и пересудовое суддямъ платить. И такъ вдвое бѣда людямъ наложенна.

1798 била суша безмѣрная и въ іюлѣ мѣсяцѣ гречка ранняя, которая цвѣсти зачинала, инде мѣстами, а другіе совсѣмъ нивы цѣліе вымерзли, а инде толко долини. Зима настала рано и была прелютая зъ снѣгомъ, вѣтромъ и морозами до Благовѣщения; и людей много померзло.

1799 года сарана виплодилась и поила въ яринѣ совсѣмъ: ячменѣ, овси и пшеницю, а жита Богъ миловалъ. Лѣто било сухое, но осень преспилно дощовита и весма грязкая била; по 13 ноября и холоду небило, а зъ сего числа начало мерзнуть.

1800 года также саранча поила мѣстами жито, пшеницю, а сентября 17-го снѣгъ випалъ и холодно; а 1806 года сараны нестало.

1808 года, сентября 20 д., въ неделю дулъ болшой вѣтеръ, а въ 4-мъ часу сполдня такая силная бура была, что не толко хороми пообдирала, но и млины вѣтранние зъ самого фундамента нѣкоторие попереворочала; а всего удивительнѣе, что зъ Оленовского длинного магазейна [1]) крышку зъ трома деревями зрубу совсѣмъ скинула. И между тою бурею такая темность наступила била, бурею гнатая, что въ день здѣлалось какъ ночь. Въ той же темнотѣ, бурею гнатой, видимо было синіо, блакитно и жолтовато; сія темность била какби съ полчетверти часа; а какъ тую темность бура перегнала, то и пажи стало ясно такъ какъ и било. Чумаки которие ходили на Донъ за рибою говорили что и тамъ также было.

1811 года, сентября 2 числа, въ Борзнѣ запаленно днемъ пустую хату отчего здѣлался силной пожаръ и церковъ деревяная Рождества Богородици зъ двумя еще престолами апостола и первомученика Стефана и великомученицы Варвари совсѣмъ згорѣла; а другая церковъ каменная Рождества—обгорѣла. После того и въ другое сентября 7, въ день же, коморку пустую на базарѣ стоячую, подъ самую сушь и силній вѣтеръ, запалено, отчего много домовъ погорѣло и церковъ Николая обгорѣла. А въ оба пожарѣ до двохъ сотъ домовъ згорѣло.

---

[1]) С. Оленовка, борзенск. уѣзда.

Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. Въ редакцію доставлено Г. С. В-емъ 13 подлинныхъ писемъ матери Н. В. Гоголя къ Кулишу и Каменецкому, касающихся главнымъ образомъ денежныхъ счетовъ по изданію сочиненій знаменитаго писателя. Письма обнимаютъ періодъ времени съ 28 января 1858 г. по 12 октября 1859 г. Кромѣ увѣдомленій о полученіи денегъ за сочиненія и «за литургію»[1] (всего 6515 р. билетъ на неуказанную точно сумму) и благодарности за хлопоты Кулиша и Каменецкаго по этому дѣлу, въ письмахъ есть нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей, рисующихъ внутреннюю жизнь родныхъ покойнаго писателя, въ связи съ извѣстнымъ завѣщаніемъ его.

Сообщая отъ 28 января 1858 г. о полученіи 1000 р., М. И. Гоголь пишетъ Кулишу: «100 р. я отдала меньшой дочери моей Ольгѣ для раздачи; каждая хочетъ въ своемъ мѣстѣ быть полезной, а я уже свои получила и изъ нихъ удѣляю очень осторожно съ большимъ разсмотрѣніемъ, прося молиться за упокой доставившаго эту помощь... Билеты я буду складывать получаемые отъ васъ, покуда наберется такая сумма, что можно отдать каждому слѣдуемую ему часть съ общей суммы—и тогда успокоюсь».

Въ письмѣ Каменецкому отъ 19 февраля 1858 г. М. И. Гоголь проситъ прислать ей 4 экземпляра сочиненій сына и прибавляетъ: «Вы вѣрно удивитѣсь такому странному писанью моему стакими ошибками и преписками, но если вспомнитѣ, что у насъ въ Малороссіи назадъ тому 60 лѣтъ некасался лучъ просвѣщенія, то извените миня и притомъ имѣя столько хлопотъ въ моей жизни, и частые отвѣты на многія получаемыя письма, неуспѣваю чище писать, бывъ увѣрнина въ достоинствѣ вашемъ судя по выбору дружескаго сношенія вашего съ почтеннѣйшемъ Пантелеймономъ Александровичемъ (т. е. Кулишомъ), надѣюсь, что вы миня извенитѣ» ...Издѣнигъ за литургію вамъ остается только выслать сто рублей, а остальные полторы тысячи оставить въ билетѣ для другихъ распоряженій дитѣй моихъ».

1 марта 1858 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша отдать въ переплетъ экземпляръ сочиненій сына, не слишкомъ дорогой, но порядочный, для отсылки одному семейству, любившему покойнаго ея сына. Получивъ книгу въ красивомъ переплетѣ, М. И. Гоголь пишетъ Каменецкому: «я буду очень довольна, что не буду въ долгу добрымъ моимъ знакомымъ, услужившимъ мнѣ при доставкѣ разныхъ вещей въ военное время, избавляя меня отъ хлопотъ; они ни въ чемъ не

[1]) „Размышленія о божественной литургіи“, сочин. Н. Гоголя.

нуждаются и только этой маленькой услугой доставлю имъ удовольствіе... О второмъ изданіи сочиненій моего сына нечего и помышлять скоро, не только въ большомъ количествѣ, но и въ маломъ, когда и это такъ медленно идетъ, какъ вы пишете, а наслѣдники нуждаются въ деньгахъ».

По поводу литературныхъ трудовъ Кулиша М. И. Гоголь пишетъ 28 января 1858 г.: «Воображаю себѣ, какъ вы углубились въ ваши занятія. Оно бываетъ и пріятно, когда покойно на душѣ и никто не мѣшаетъ, но во время отдохновенія пріятно видѣть участіе въ любимой насъ особѣ, вполнѣ цѣнящей трудъ, доставляя пріятныя минуты за часы трудовъ въ нашей жизни». Въ письмѣ 19 мая 1859 года: «Съ большимъ удовольствіемъ окончила я вашего Маёра: одно лицо въ немъ очень странное, живутъ же на свѣтѣ такого роду люди, хотя и не темно имъ на немъ; теперь остаюсь въ пріятномъ ожиданіи читать въ будущемъ годѣ вашу *Хату*, если доживу до того пріятнаго времени.—Видно сочиненія моего Ангела сына трудно расходятся, не такъ, какъ вы полагали, почтенный П-нъ А-чъ, обѣщая въ прошломъ еще годѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ выслать всѣ сполна вырученныя за нихъ деньги. Досадно, что не исполнилось ваше обѣщаніе в ожиданіе дѣтей моихъ, нуждающихся въ нихъ.—Вы писали, что ваше теперешнее пребываніе въ С. П. гораздо спокойнѣе для васъ прежнихъ временъ. Дай Богъ, чтобъ горе къ вамъ никогда не возвращалось и вы были всегда въ душѣ спокойны. Это есть истинное счастіе на землѣ»... Весна оканчивается, а я нахожусь въ пріятнѣйшемъ ожиданіи видѣть хотя въ началѣ лѣта дорогого гостя графа Александра Петровича Толстово, по письму вашему.»

Въ письмѣ 6 іюня 1859 г. М. И. Гоголь проситъ Кулиша поговорить съ гр. А. П. Толстымъ о ея дѣлѣ: «не знаю, соберуся ли я написать къ нему особо о томъ дѣлѣ; надѣюсь, что ваши слова, подѣйствуютъ лучше моего письма. О себѣ не могу сказать вамъ ничего утѣшительнаго: горе и хлопоты не оставляютъ меня... Дочь моя поѣхала въ Диканьку помолиться Чудотворцу Николаю, внукъ мой украшаетъ дворъ цвѣтами. Я радуюсь, что его хоть что нибудь занимаетъ. Когда-то вы къ намъ пріѣдете и обрадуете насъ?»

Въ послѣднемъ письмѣ настоящей коллекціи (отъ 12 октября 1859 г.) М. И. Гоголь извиняется предъ Кулишемъ за долгое молчаніе, ссылаясь на большія непріятности, бывшія у нея все время. Зятю своему Влад. Ив. Быкову «я передала право получать отъ васъ (т. е. Кулиша) билеты за сочиненія покойнаго моего сына, во избѣ-

жаніе горькихъ обидъ и подозрѣній. И прошу васъ покорнѣйше высылать вмѣсто меня упомянутому моему зятю Владиміру Ивановичу Быкову, котораго я считаю не иначе, какъ роднымъ своимъ сыномъ» (адресъ другой рукой: «Влад. Ив. Быкову, командиру 4-го понтоннаго парка въ Кіевѣ»). «Не нахожу словъ, какъ благодарить васъ за ходатайство ваше у почтеннаго Г. А-ра П-ча Толстого о переводѣ къ намъ просимаго мною священника... мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ устройства порядку въ нашей церквѣ. Полагаю, что это событіе удивило нашего Архіерея и что еще все медлитъ (съ присылкой указа), видно ожидаетъ моего отзыва съ прилагательнымъ, но я не нахожу нужнымъ отзываться къ нему, когда все безъ него устроено Богомъ и благодѣтельными людьми.» Сбоку письма приписка: «Священникъ объявилъ, что онъ получилъ уже отъ благочиннаго присланный ему указъ.» На томъ же листѣ бумаги особая приписка за подписью А. Г. (Анны Вас. Гоголь, сестры поэта): «Сколько непріятностей намъ было отъ зятя Головни. Слава Богу, что Вла-ръ Ив-чъ беретъ на себя денежныя дѣла, и вы потрудитесь къ нему обращаться. Вообразите, что Головня хотѣлъ лишить его части, пользуясь его болѣзнью, на томъ основаніи, что въ духовной сказано сестрамъ, а не племяннику, какъ будто онъ не сынъ сестры; потомъ началъ придираться, по какому праву Машенька брала у васъ деньги, даже зачѣмъ она себѣ купила коляску, что это прихоть. Все подозрѣваетъ, что его хотятъ обмануть, что мы себѣ утаиваемъ деньги (вѣрно судитъ по себѣ), и придирается ко всякой копѣйкѣ. Теперь слава Богу хоть на время мы отъ него избавились. Онъ кажется васъ струсилъ, потому что не смѣлъ требовать тогда у васъ никакихъ объясненій и сказалъ, что все хорошо; а насъ мучилъ. Какой это невыносимый человѣкъ. Извините ради Бога, что я такъ безпорядочно пишу, но я ужасно растревожена».

Къ исторіи военныхъ поселеній въ Новороссіи. Извѣстный епископъ Порфирій (Успенскій), проѣзжая въ 1846 г. изъ Бессарабіи въ Петербургъ, имѣлъ возможность видѣть нѣкоторыя поселенія что и отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, нынѣ изданномъ, подъ заглавіемъ «Книга бытія моего» (ч. III. СПБ. 1896. стр. 53).

«По дорогѣ до Кременчуга—говоритъ еп. Порфирій—я видѣлъ нѣсколько военно-населенныхъ деревень. Онѣ выстроены весьма красиво, даже съ кокетствомъ. Но поселенцы говорили мнѣ, что прежде

они были хозяева, а теперь стали бобылями. Одинъ изъ нихъ въ селѣ Павлышъ, жалуясь, сказалъ:

Я козакъ,—душа въ тили.
А рубашку воши съили,

По словамъ ихъ, государь приказалъ имъ работать три дня на казну и три дня на себя. А царевы приставники заставляютъ ихъ работать шесть дней на казну и два на себя. Бѣдный народъ! Когда онъ дождется своего Моисея? Но рано или поздно настанетъ время, когда людъ Божій зароетъ своихъ притѣснителей въ зыбучій песокъ и притопчетъ его своими чоботами. Великій, умный и добрый народъ не можетъ быть вѣчнымъ холопомъ»...

Мы считаемъ нужнымъ отмѣтить это цѣнное наблюденіе почтеннаго епископа, такъ какъ оно теряется въ массѣ матеріала иного содержанія, а между тѣмъ можетъ представлять интересъ для спеціальнаго изслѣдователя исторіи новороссійскихъ военныхъ поселеній.

Сообщ. Н. С.

Обычай ломать скорлупу яйца. Обычай ломать скорлупу встрѣчается въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ среди простонародья. Многіе изъ интеллигентныхъ людей придерживаются этого обычая, не давая себѣ отчета въ его цѣлесообразности: ломаютъ скорлупу по привычкѣ съ дѣтства. Въ Малороссіи существуютъ разныя толкованія обычая; чаще всего приходится слышать замѣчаніе, что ломка яицъ содѣйствуетъ здоровью курицы, снесшей яйцо, или здоровью человѣка, съѣвшаго яйцо. Точно такой-же обычай и также съ различными толкованіями распространенъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи, Бельгіи. Цѣлью ставятъ, чтобы яйца не портились (въ Вѣнѣ), чтобы не было лихорадки или зубной боли (въ Ольденбургѣ), чтобы куры неслись (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи). Надлежащее объясненіе можно услышать во многихъ мѣстахъ Франціи: скорлупу ломаютъ, чтобы въ пустомъ яйцѣ не поселились черти. «Если вы не разобьете яйца, говорятъ въ Вандеѣ, и оно попадетъ къ колдуну, то колдунъ соберетъ въ него росы (украинскія вѣдьмы дѣлаютъ то же) и начнетъ колоть черной шпилькой, что причинитъ смерть. Какъ высыхаетъ роса, такъ и человѣкъ начинаетъ сохнуть отъ болѣзни. Въ старину въ Бельгіи на судебныхъ процессахъ вѣдьмъ снимали допросъ,—ѣздили вѣдьмы въ Англію въ мельничномъ ковшѣ или въ

яичной скорлупѣ. (*Rolland*, Faune populaire, VI, 98; *Liebrecht*, Żur Volkskunde, 375). Вполнѣ согласно съ этими повѣрьями во Франціи въ XVII в. существовалъ оберегъ отъ колдовства въ формѣ троекратнаго ломанія скорлупы: «ceux qui pour se preserver de malefice frappent trois fois sur les cocques des oeufs qu'ils ont mangés, et les remettent ensuite dans le plat (*Liebrecht*, Des gervasius Otia Imperialia.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

Письмо А. К. Деллена къ П. В. Павлову. Печатаемое ниже письмо проф. Алекс. Карл. Деллена представляетъ маленькую страничку изъ жизни Кіевскаго Университета 50-хъ годовъ. А. К. Делленъ, въ 60-е годы одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-классиковъ въ университетѣ Св. Владиміра, въ 1839 году назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ римской и греческой словесности въ Кіевѣ, имѣя только степень магистра, а затѣмъ сейчасъ-же въ 1840 году былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, и въ этомъ званіи пробылъ до 1850 г., когда онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность ординарнаго професора, но, какъ магистръ, не имѣлъ права на утвержденіе въ этой должности до полученія степени доктора. Очевидно, не видя въ близкомъ будущемъ возможности для себя докторизоваться, А. К. Делленъ выискивалъ способъ обойти законъ и, опираясь на данныя ему раньше обѣщанія, обратился между прочимъ за содѣйствіемъ къ извѣстному профессору-коллегѣ П. В. Павлову походатайствовать о немъ въ Петербургѣ объ утвержденіи его въ званіи ординарнаго профессора внѣ правилъ. Эта-то просьба и составляетъ главное содержаніе прилагаемаго письма. Оказалось, впрочемъ, что желанныхъ результатовъ эта просьба не принесла, т. к, въ ординарные профессора попалъ онъ только черезъ 10 лѣтъ, въ 1864 году, т. е. по полученіи степени доктора. Въ письмѣ этомъ сообщены многія автобіографическія справки, пополняющія тѣ свѣдѣнія о А. К. Делленѣ, которыя мы находимъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св. Владиміра» (Кіев. 1884 г.).

Вы были такъ добры, Платонъ Васильевичъ, что не только не отказали мнѣ при Вашемъ отъѣздѣ въ С. Петербургъ взять съ собою два мои сочиненія для передачи Г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, но даже изъявили свою готовность содѣйствовать къ утвер-

жденію меня въ исправляемой мною уже 4 года должности Ординарнаго Профессора. Оцѣняя вполнѣ Ваше участіе, я останусь всегда благодарнымъ, еслибы даже Ваши старанія не возымѣли успѣха. Хотя Вы довольно хорошо знаете, что со стороны нашего факультета и Совѣта я до сихъ поръ не представленъ къ утвержденію въ должности Ординарнаго Профессора только потому, что они опасаются отказа, а не потому, что не признаютъ меня достойнымъ представленія; но я считаю долгомъ сообщить Вамъ, на чемъ именно основываются мои претензіи на ординарство.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1838 года я, состоявши въ должности старшаго учителя нѣмецкаго языка при Рижской Гимназіи, приглашенъ былъ бывшимъ въ то время Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа, Генераломъ фонъ-Брадке, для занятія мѣста адъюнкта по каѳедрамъ латинскаго и греческаго языковъ при Кіевскомъ Университетѣ. Обѣщанія и увѣренія Его Превосходительства произвести меня въ теченіи трехъ лѣтъ въ Орд. Профессоры, по пріобрѣтеніи мною до этого времени степени Магистра, и надежда занимать болѣе соотвѣтствующее моимъ занятіямъ мѣсто побудили меня оставить занимаемую мною должность, выгоднѣйшую въ денежномъ отношеніи даже мѣста Ординарнаго Профессора даже въ Кіевѣ, и покинуть Ригу и пріятный для меня кругъ моихъ родственниковъ. Дабы устранить всѣ препятствія, я рѣшился тотчасъ въ Дерптѣ подвергнуться испытанію на степень Магистра философіи и имѣлъ счастіе защищать свою диссертацію въ присутствіи тогдашняго Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, который 29-го сентября 1839 года утвердилъ меня Адъюнктомъ при Университетѣ Св. Владиміра. А какъ въ слѣдствіе двухмѣсячнаго отсутствія моего изъ Рижской Гимназіи и долговременной болѣзни одного изъ учителей ея тамъ были безпорядки въ преподаваніи, и какъ за это полугодіе лекціи по моей каѳедрѣ при Кіевскомъ Университетѣ уже поручены были одному изъ Адъюнктовъ, то мнѣ приказано было оставаться въ Ригѣ до конца года для исправленія должности учителя Гимназіи. По этимъ обстоятельствамъ я прибылъ въ Кіевъ только въ январѣ мѣсяцѣ 1839 года, и уже не могъ воспользоваться даннымъ на текущій 1838 годъ всѣмъ преподавателямъ университетскимъ облегченіемъ къ полученію степени доктора однимъ только защищеніемъ диссертаціи, хотя я къ этому готовился. Чрезъ два же мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Кіевъ фонъ-Брадке подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, и Университетъ Св. Владиміра

на время былъ упраздненъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1840 года Совѣтомъ Университета единогласно избранъ я былъ экстра-ординарнымъ профессоромъ Римской словесности и 30-го ноября того-же года Г-мъ Министромъ утвержденъ былъ въ этой должности. А какъ новый Уставъ, по которому только имѣющіе степень доктора могли быть произведены въ экстра-ординарные и ординарные профессоры, долженъ былъ воспріять свое дѣйствіе съ 15-го іюля 1842 года, до котораго срока было еще годъ и восемь мѣсяцевъ, и какъ въ Кіевскомъ Университетѣ тогда еще не было ни одного случая, чтобы экстра-ординарные профессоры послѣ годоваго срока не были представлены и утверждены въ ординарные проф., поэтому я, надѣюсь быть произведеннымъ въ ординарные профессора послѣ года, не думалъ приготовляться къ испытанію на степень доктора, и предпочиталъ всѣми силами стараться удовлетворить требованіямъ хорошаго и совѣстнаго преподавателя. Къ несчастію моему товарищъ мой Ник. Дмитр. Иванишевъ, который по службѣ только двумя недѣлями былъ старше меня, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1841 года былъ представленъ Совѣтомъ Университета въ ординарные профессоры, но не былъ утвержденъ Г-мъ Министромъ, вѣроятно только потому, что онъ 15-го іюля тогоже года въ торжественномъ собраніи во время Акта Университетскаго произнесъ рѣчь, не хорошо принятую Кіевскимъ Митрополитомъ. А какъ въ отвѣтѣ Г на Министра сказано было, что Иванишевъ не утверждается по молодости въ службѣ, то Совѣтъ, имѣя это въ виду, не осмѣлился представить и меня по истеченіи годоваго срока. Потомъ 15-го іюля 1842 года введенъ былъ въ дѣйствіе новый Уставъ—прежде, чѣмъ я сдѣлался ординарнымъ профессоромъ, и я только вторично утвержденъ былъ профессоромъ экстра-ординарнымъ, хотя этимъ касательно меня нарушенъ былъ § 76 (стр.19) нашего Устава, гдѣ сказано, что никто не можетъ быть ординарнымъ или экстра-ординарнымъ профессоромъ, не имѣя степени доктора. Въ слѣдствіи того я рѣшился подвергнуться испытанію настепень доктора; разсужденіе мое было готово и я уже хотѣлъ подать прошеніе объ испытаніи, какъ вдругъ 6-го апрѣля 1844-го года вышло новое положеніе о производствѣ въ ученыя степени, по которому я принужденъ былъ испытываться и въ философіи, отъ каковаго впрочемъ испытанія я какъ магистръ философіи, по прежнимъ правиламъ о томъ былъ свободенъ. Встрѣтивъ къ достиженію цѣли новое препятствіе, я рѣшился не искать болѣе степени доктора и напечатать только написанное мною разсужденіе, чтобы тѣмъ устранить могущія возникнуть о мнѣ

невыгодныя мнѣнія. Книга моя: Beiträge zur Kritik nud Erklärnng der Satiren des Juvenalis. Кіевъ 1864" весьма хорошо была принята за границею, какъ это видно изъ трехъ рецензій, напечатанныхъ въ Парижѣ (Revue de philol. etc. auriennes. Vol. II. 1847. pag. 373), въ Берлинѣ (Literat. Zeitung. 1847. pag. 464.) и въ Геттингенѣ (Gelehrt. Anzeig. 1847. Stük 81. pag. 810—816) профессоромъ Германномъ, корифеемъ филологовъ въ Германіи. Такъ какъ въ нашемъ Уставѣ § 31, (стр. 20.) сказано, что: Экстраорд-профессоръ не преждс удостоивается званія проф., какъ по пріобрѣтеніи достаточной извѣстности или отличнымъ преподаваніемъ или учеными сочиненіями и изысканіями", и такъ какъ я по мнѣнію Совѣта вполнѣ удовлотворилъ этимъ требованіямъ, Совѣтъ представилъ меня ординарнымъ профессоромъ, но Г-нъ Министръ Народн. Просвѣщенія утвердилъ меня въ январѣ мѣсяцѣ 1850-го года только исправляющимъ должность Ординарнаго проф. Теперь, состоявши 17 лѣтъ на службѣ и будучи въ такомъ уже возрастѣ, въ которомъ трудно и даже вредно не только для дальнѣйшаго собственнаго образованія, но и для моихъ слушателей, перемѣнить занятія и бросить на долгое время всѣ начатые мною литературные труды, я безъ значительнаго ущерба уже не могу думать объ испытаніи на степень доктора, и надѣюсь, что долголѣтняя, добросовѣстная служба моя и отзывы ученаго міра о моихъ литературныхъ трудахъ, если не даютъ мнѣ полное право на полученіе Ординарства, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ моихъ начальниковъ и товарищей удостоятъ меня этого званія. Даже и форма утвержденіемъ меня въ должности Ординарнаго Профессора не нарушится, поелику § 76 (стр. 19) нашего Устава уже не касался меня, бывшаго экстраординарнымъ профессоромъ почти двумя годами раньше введенія этого Устава и долженствующаго только удовлетворить требованіямъ, высказаннымъ въ томъ-же Уставѣ въ § 31. (стр. 20).

Вотъ что я имѣлъ объяснить Вамъ, Платонъ Васильевичъ, въ дополненіе того, что Вамъ обо мнѣ извѣстно. Не стану хвастаться предъ Вами своимъ прилежаніемъ и усердіемъ въ службѣ; Вы, какъ долголѣтній добрый товарищъ мой, довольно хорошо меня знаете. Притомъ письмо это уже такъ длинно, что пора кончить, дабы Вамъ не наскучить. И такъ имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ

Вашъ покорн. слуга А. Делленъ.

Кіевъ. 4-го Января 1854-го года

Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. Въ виду наступающаго въ 1898 году столѣтія со времени появленія «Энеиды» извѣстнаго малорусскаго писателя И. П. Котляревскаго, желательно бы было почтить эту знаменательную годовщину въ исторіи малорусской литературы, между прочимъ, и изданіемъ литературнаго сборника, посвященнаго памяти ея начинателя. Вслѣдствіе этого обращаюсь съ призывомъ ко всѣмъ малорусскимъ писателямъ, какъ украинскимъ, такъ и галиційскимъ, и прошу ихъ принять участіе въ предполагаемомъ сборникѣ. Для этого, исключительно беллетристическаго, сборника требуются произведенія всѣхъ родовъ изящной словесности,—драмы, комедіи, повѣсти, разсказы, стихотворенія, а также и переводы классическихъ писателей. Пока составится редакція Сборника, о составѣ которой я письменно извѣщу каждаго сотрудника, я принимаю на себя обязательства собирать и хранить присылаемыя произведенія, прося уважаемыхъ авторовъ направлять ихъ въ Редакцію «Кіевской Старины» для передачи мнѣ. Желательно-бы было, чтобъ это мое заявленіе перепечатано было и въ Галиційскихъ періодическихъ изданіяхъ.

М. П. Старицкій.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ М. Ф. Комарова—*6 руб.*; 2) отъ В. И. Ковальскаго—*3 руб.;* 3) отъ Д. И. Мѣрнаго—*4 руб.*; 4) отъ А. Г. Сластіонова—*5 руб.*;—всего *18 руб.*, что вмѣстѣ съ прежними *817 р. 77 к.* (см. № 11), составитъ *835 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Библіографія.

Д. И. Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. *Томъ третій. Спб. 1897. 8 д. л. IV+646 стр. Съ рис.*

Издавая второй томъ своей работы, г. Эварницкій жаловался, что онъ былъ «написанъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ», такъ какъ авторъ въ это время «находился вдали отъ столицы болѣе чѣмъ на 5000 верстъ разстоянія, живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ»... «Третій томъ И. З. К., говоритъ авторъ, написанъ имъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели второй: съ началомъ весны 1894 г. и до начала весны 1895 г., авторъ имѣлъ возможность жить въ Москвѣ и пользоваться тамъ не только печатными матеріалами, относящимися до И. З. К., но и весьма значительнымъ количествомъ архивнаго богатства, находящимся въ первопрестольной столицѣ Россіи. Такимъ образомъ, главнымъ и наиболѣе цѣннымъ матеріаломъ для третьяго тома исторіи послужили неизданные до сихъ поръ документы, хранящіеся въ трехъ московскихъ архивахъ: архивѣ мин. ин. дѣлъ, архивѣ мин. юстиціи и отдѣленіи архива гл. штаба. Кромѣ матеріаловъ московскихъ архивовъ, авторъ пользовался также нѣкоторыми документами казеннаго архива при Варшавской Казенной Палатѣ, писанными на польскомъ языкѣ»... Какъ видимъ, у автора въ распоряженіи находился обширный матеріалъ, который его предшественниками совсѣмъ не трогался. «Третій томъ обнимаетъ собою періодъ времени съ 1686 по 1734 г. и касается такихъ событій, какъ походы запорожцевъ, вмѣстѣ съ русскими войсками въ Крымъ; участіе ихъ въ походахъ Петра В. на турецкій городъ Азовъ; походы подъ турецкіе городки Тавань, Кызыкермень и другіе, на низовье (?) Днѣпра; участіе въ полтавскомъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепою, удаленіе въ предѣлы

Крымскаго ханства и наконецъ продолжительныя и усиленныя хлопоты ихъ о возвращеніи изъ «мѣстъ агарянскихъ» въ разныя мѣста.» Вотъ содержаніе третьяго тома, говоря словами самого автора.

Какъ сводъ свѣдѣній объ участіи Запорожья въ событіяхъ, представлявшихъ внѣшнюю исторію Малороссіи въ указанное время, книга г. Эварницкаго является очень полезнымъ научнымъ вкладомъ. По множеству фактовъ, извлеченныхъ авторомъ изъ перечисленныхъ имъ архивовъ, третій томъ И. З. К., конечно, будетъ необходимою книгою для занимающихся исторіей Малороссіи. Но, какъ *исторія*, книга г. Эварницкаго заставляетъ желать многаго... Разсказывая подробно всѣ тѣ походы к. XVII и нач. XVIII в., въ которыхъ принимало участіе Запорожье, авторъ не даетъ возможности уразумѣть—что же такое было Запорожье въ это время, чѣмъ оно обособлялось отъ остальной Малороссіи, какія цѣли оно преслѣдовало?—Эти вопросы авторъ, какъ будто иногда и пытается разрѣшить, но разсужденія его въ этихъ мѣстахъ отличаются неясностью, напр.—желая, обрисовать отношенія Запорожья къ московскому правительству во второй половинѣ XVII в., авторъ говоритъ слѣдующее: «между кошемъ войска З. К. и правительствомъ московскихъ царей уже въ теченіе 30-ти предшествовавшихъ лѣтъ (т. е. до 1686 г.) сложились отношенія, въ силу которыхъ запорожцы заняли оборонительное, а московское правительство наступательное положеніе. О равномѣрности силъ въ этой борьбѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи: запорожское войско отъ одного рѣшительнаго прикосновенія къ нему московскихъ войскъ сразу и навсегда перестало бы существовать. Но такихъ рѣшительныхъ мѣръ Москва не могла предпринять въ силу различныхъ причинъ, не зависящихъ отъ нея. Въ этомъ отношеніи московское правительство находилось, въ полномъ смыслѣ слова, между двухъ огней. Съ одной стороны оно не могло допустить рядомъ съ собою такого явленія, какъ община запорожскихъ козаковъ, которая основана была на слишкомъ широкихъ началахъ, неслыханныхъ ни въ одной республикѣ ни въ древнее время, ни въ средніе вѣка. Съ другой стороны—оно находило весьма полезнымъ для себя существованіе запорожскаго войска... Запорожскіе козаки прикрывали южную границу московскаго государства отъ бусурманъ и давали возможность русскимъ царямъ сосредоточить всѣ боевыя силы на южной границѣ для борьбы съ польскимъ королемъ. Далѣе. Рѣзкая противоположность между Запорожьемъ и Малороссіей, съ одной стороны, и Великороссіей—съ другой, наиболѣе стала сказываться во второй поло-

винѣ XVII в. Въ теченіе всего этого времени въ московскомъ государствѣ идетъ сильное развитіе идеи государственности; въ Запорожьи и въ Малороссіи въ это же время наиболѣе проявляется стремленіе къ удержанію вѣковѣчныхъ правъ и вольностей и, чрезъ нихъ, къ сохраненію индивидуальности народа. Лучшей формой для сохраненія индивидуальности южно-русскаго, по понятію малороссійской массы, считалось козачество»...

Изъ приведенныхъ мѣстъ нельзя не видѣть нѣкоторой неясности въ представленіи автора объ исторіи Запорожья и отношеніяхъ послѣдняго какъ къ московскому правительству, такъ и къ гетманщинѣ... Вообще, такъ называемыя обобщенія въ книгѣ г. Эварницкаго не занимаютъ виднаго мѣста. Сбивчивы у автора и характеристики историческихъ личностей, хотя они и нечасты въ его книгѣ. Въ этомъ отношеніи характеристика Мазепы обращаетъ на себя особое вниманіе. Желая обрисовать отношенія Запорожья къ новопоставленному на гетманство Мазепѣ, г. Эварницкій говоритъ, что Запорожцы «написали новому гетману письмо, поздравили его съ полученіемъ булавы, желали много лѣтъ оставаться на гетманскомъ урядѣ, быть полезнымъ своей отчизнѣ-Украинѣ и своему малороссійскому народу, оказывать ласку войску запорожскому»... А затѣмъ *вслѣдъ* читаемъ: «но напрасны были старанія (?) запорожцевъ: Мазепа не могъ быть истинно національнымъ дѣятелемъ. Не могъ быть потому, что по воспитанію и понятіямъ онъ былъ болѣе полякъ, чѣмъ малороссіянинъ, и его натурѣ противны были всѣ простонародныя стремленія и традиціи малороссіянъ. Скрывая, однако, до поры до времени, свои настоящіе инстинкты, Мазепа, какъ ловкій, воспитанный и превосходно образованный человѣкъ, прекрасно поддѣлался подъ тонъ Москвы и старался казаться поборникомъ великороссійскихъ интересовъ и монархическихъ началъ въ Малой Россіи... Такимъ образомъ Мазепа, прикрываясь силой и правомъ, дарованными ему Москвой, выступилъ противъ стремленій низшаго класса людей Малороссіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ массы запорожскаго войска. Но малороссійская масса и масса запорожскаго войска, понимая настоящія стремленія Мазепы, всѣми мѣрами противились ему, и эта борьба, то усиливаясь, то ослабляясь, смотря по времени и обстоятельствамъ, длится цѣлыхъ двадцать лѣтъ»... Читатель ждетъ указаній на факты относительно тѣхъ «простонародныхъ стремленій и традицій малороссіянъ», которыя противны были натурѣ Мазепы, или—относительно борьбы «малороссійской массы» противъ стремленій Мазепы, и—ничего не

находитъ... Обрисовавъ Мазепу сначала такими мрачными красками, г. Эварницкій далѣе говоритъ о немъ нѣсколько уже иначе, причемъ этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда Мазепа присоединился къ Карлу XII.—«Въ общемъ въ характерѣ Мазепы сочетались черты частнаго человѣка, черты непріятныя, своекорыстныя и отталкивающія, и черты общественнаго малороссійскаго дѣятеля, хотѣвшаго видѣть свою родину независимою въ политическомъ отношеніи. Мазепа видѣлъ, что Малороссія еще со времени гетмана Б. Хмельницкаго была въ постоянномъ шатаніи, что въ ней немало находилось людей, недовольныхъ правительствомъ Москвы и что самыя важныя лица, присланныя отъ Москвы для управленія Малороссіей (?), вели себя далеко не всегда умѣренно и съ подобающимъ тактомъ. Видѣлъ Мазепа и то, какъ печальны были успѣхи русскаго царя въ первомъ столкновеніи его подъ Нарвой со шведскимъ королемъ. Онъ хорошо, наконецъ, былъ освѣдомленъ и о томъ, каковъ былъ шведскій король и какова была его слава, какъ полководца. И старый гетманъ впалъ въ раздумье по поводу будущаго въ Малороссіи: какъ сохранить ему Украйну на случай пораженія Русскаго царя шведскимъ королемъ? А пораженіе такое неминуемо должно произойти. Для этого нужно заранѣе войти въ тайныя сношенія со шведскимъ королемъ. Тогда только, и именно черезъ шведскаго короля, можно добиться для Украины независимыхъ правъ. И Мазепа рѣшился на такой страшный шагъ... Поэтому нѣтъ основаній согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ, которые характеризуютъ Мазепу только какъ чудовищнаго эгоиста и ненасытнаго честолюбца, совершенно забывавшаго ради личныхъ выгодъ и интересовъ положеніе управляемаго имъ народа и будущее его родины. Вся бѣда для Мазепы состояла въ томъ, что онъ хотѣлъ ввести въ Малороссіи польскіе порядки и при управленіи Украйной старался брать за образецъ государственное устройство въ Польшѣ»... Послѣднія строки возбуждаютъ въ читателѣ особое недоумѣніе... Свои разсужденія о личности Мазепы г. Эварницкій продолжаетъ и далѣе и все въ такомъ же родѣ, что, вѣроятно, и дало автору основаніе для его окончательнаго вывода, что «гетманъ Мазепа—натура весьма сложная и потому трудно доступная для пониманія»...

Еще одно замѣчаніе. Зная со словъ теперешняго хранителя варшавскаго «архива короннаго скарба» Н. Ф. Бѣляшевскаго о находящихся въ послѣднемъ матеріалахъ для исторіи Малороссіи, мы полюбытствовали—какія же свѣдѣнія извлекъ г. Эварницкій изъ этого

архива?—Просмотрѣвъ ссылки по всему тому И. З. К., мы нашли всего двѣ ссылки на «архивъ короннаго скарба». На стр. 2-й, изъ этого архива приведено слѣдующее свѣдѣніе: «Для сношенія короля съ Украйной и Запорожьемъ въ то время (при Собескомъ) установленъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой-Церкви. Оттуда посылались гонцы въ Кіевъ, въ города лѣвобережной Украйны и въ Запорожье. Добытыя вѣсти (?) привозились обратно въ Бѣлую Церковь и оттуда доставлялись въ Дубно, Львовъ и Заславъ». Это малопонятное извѣстіе вброшено въ текстъ книги послѣ извѣстія о томъ, что на королевскомъ листѣ къ запорожцамъ съ приглашеніемъ ихъ помогать въ походѣ противъ татаръ, имѣется приписка «короннаго регента», чтобы листъ короля сообщенъ былъ на Донъ и къ прочимъ, кому касаться будетъ»... При чемъ тутъ былъ почтовый пунктъ въ Бѣлой Церкви, какой это былъ пунктъ, какія при Собескомъ могли быть сношенія польскаго короля съ городами *лѣвобережной Украины*—никакихъ объясненій нѣтъ... А вотъ и другое свѣдѣніе изъ того же архива. Разсказавъ о посылкѣ запорожцами въ 1687 г. въ Москву плѣнныхъ татаръ и о просьбѣ запорожцевъ—взять съ Кодацкаго острова «въ Сичу» [1]) двѣ пушки, г. Эварницкій тутъ же добавляетъ: «Въ это же время запорожцы отправили своихъ посланцевъ съ «поганскимъ языкомъ» и въ Польшу. Съ 26 сент. по 10 окт. въ городѣ Злочовѣ находились 10 человѣкъ запорожскихъ козаковъ со старшиною Вышетравцемъ и имъ выдано было за все время пребыванія въ Злочовѣ—523 злот. и 15 грошей».—Почему говорится о пребываніи этихъ запорожцевъ въ одномъ только Злочовѣ—неизвѣстно.

Неужели только два эти свѣдѣнія г. Эварницкій и нашелъ годными для своей работы среди тѣхъ «документовъ» варшавскаго архива, на пользованіе которымъ онъ обращаетъ вниманіе въ предисловіи?... Думаемъ, что другихъ свѣдѣній изъ этого архива въ книгѣ

---

[1]) Г. Эварницкій разно склоняетъ слово „Сичь" (Сѣчь); винит. падежъ этого слова онъ пишетъ иногда „въ Сичь", а иногда „въ Сичу" (стр. 64, 102, 103, 106, 371 и т. д.). Разумѣется, ставить въ винит. падежѣ слово Сѣчь—*въ Сѣчу* такъ-же неправильно, какъ сказать вмѣсто въ печь—*въ печу*. Не скажетъ же какая нибудь полтавская селянка, что она посадила хлѣбъ *въ пичу*... Г. Эварницкій, повидимому, смѣшиваетъ слова *Сѣчь и Сѣча;* первое въ нарицательномъ смыслѣ обозначаетъ—лѣсной порубъ (отчего и происходитъ слово *Сѣчь*), а второе—сраженіе, битву. Къ этому можно добавить, что слово *сѣчь*, или *сичь*, одинаково склоняется какъ по-русски, такъ и по малорусски, а поэтому нельзя по малорусски сказать—ѣхать въ *Сичу*, а нужно—въ *Сичь*.

г. Эварницкаго нѣтъ—на томъ основаніи, что нѣтъ болѣе на него ссылокъ, а относительно послѣднихъ г. Эварницкій точенъ до мелочей [1]).

А. Л.

Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. (*Lwów, 1897*):

1) Tom I, zesz. 1: *B. A. Baranowski* i *Dr. T. Pilat*. Wstęp geograficzno-statystyczny. *J. Starkel* i *dr. T. Dwernicki*. Historya i organizacya Wystawy (gr. in—4. Стр. 314+карта+2 плана. Иллюстраціи въ текстѣ).

2) Tom II, zesz. 1: *Dr. Wł. Pilat*. Własność ziemi i stosunki posiadania. *Prof. Wł. Lubomęski*. Uprawa ziemiopłodów (gr. in—4. Стр. 86).

3) Tom IV, zesz. 1: *Prof. K. Skibiński*. Drogi i koleje (gr. in—4. Стр. 70+2 карты+9 таблицъ рисунковъ).

Въ майской книгѣ «Кіев. Старины» за 1896 г. (отд. библіогр. стр. 66—69) указаны задачи и предполагаемый объемъ полезнаго львовскаго изданія, три новыхъ выпуска котораго указаны въ заголовкѣ, и данъ отчетъ о 7-мъ выпускѣ II-го тома, посвященномъ охотѣ и рыболовству въ Галичинѣ.

Обширный выпускъ 1 тома I, кромѣ исторіи, организаціи и описанія галицкой областной выставки 1894 г., имѣющей второстепенный интересъ для неспеціалистовъ, даетъ общій географическо-статистическій очеркъ Галичины, гдѣ предложена краткая характеристика края въ отношеніяхъ географическомъ, историческомъ, этно-

---

[1]) Любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ то мѣсто книги г. Эварницкаго, гдѣ онъ говоритъ о Паліѣ (стр. 215). Источниками этого мѣста книги указаны: Исторія Соловьева, Лѣтопись Величка и кромѣ того—„Сынъ Отечества, 1848, VIII“ и „Московскій Наблюдатель, 1838“). При этомъ авторъ не называетъ статей указанныхъ журналовъ, но мы можемъ сказать, что обѣ статьи о Паліѣ, какъ въ С. От., такъ и въ Моск. Набл., принадлежатъ къ числу тѣхъ безсодержательныхъ компиляцій, изъ которыхъ *ничего взять нельзя*. Статья въ С. Отеч. принадлежитъ Савельеву-Ростиславичу, а статья въ Моск. Набл. написана должно быть Срезневскимъ, который помѣщалъ въ этомъ журналѣ свои коротенькія компиляціи по Исторіи Малороссіи (напр., о *Барабашѣ*, 1835 г., апр., 597—611 стр., о *Брюховецкомъ*, т. ж., ноябрь, 133—151 с.). Обращаясь къ подобнымъ статьямъ для пополненія свѣдѣній о Паліѣ, г. Эварницкій почему то опускаетъ диссертацію о послѣднемъ В. Б. Антоновича...

графическомъ, общественномъ и экономическомъ. Вступительная статья г. Барановскаго написана очень живо, но не даетъ ничего новаго. Углубляясь въ туманъ вѣковъ, авторъ ограничивается лишь намеками (стр. 1—33). Болѣе содержательна статья д-ра Ю. Старкеля (стр. 35—47), посвященная статистическому очерку населенія. По оффиціальнымъ даннымъ, въ 1890 г. въ Галичинѣ числилось 6.607.816 чел. Приростъ населенія въ теченіе 10 лѣтъ до 1890 г. составлялъ 10,89% или 1,8% въ годъ. Эмиграція превысила за тотъ же періодъ иммиграцію на 67.460 чел. Въ томъ же 1890 г. на кв. километръ приходилось въ Галичинѣ по 84 чел. (Пруссія въ 1890 г.—86 чел., Франція въ 1891 г.—71 чел.). Такимъ образомъ, по густотѣ населенія Галичина уступала лишь Бельгіи, Голландіи, Великобританіи, Италіи и нѣкоторымъ германскимъ землямъ. До 84% всего галицкаго населенія кормилось отъ земли, но изъ нихъ лишь 26,4% занимали самостоятельное положеніе, остальные 73,6%—рабочее земледѣльческое населеніе.

Статистической характеристикѣ землевладѣнія посвящена статья д-ра Вл. Пилята въ 1 выпускѣ II-го тома. Конечные выводы автора мало утѣшительны, хотя основаны на данныхъ 1890—1893 г. На долю крупнаго землевладѣнія (свыше 1000 морговъ) приходилось 32,64%, средняго (200—1000 морговъ)—6,10%, мелкаго (главнымъ образомъ менѣе 25 и даже 10 морговъ)—54% поверхности края. Такимъ образомъ, крупное и мелкое, даже карликовое, землевладѣніе занимаютъ 5/6 земли, и при этомъ быстрая мобилизація земель идетъ въ направленіи, неблагопріятномъ для средняго землевладѣнія. Крупныя имѣнія увеличиваются новыми покупками, мелкіе участки еще болѣе дробятся путемъ раздѣловъ. Результатомъ такого движенія долженъ быть конечный упадокъ средняго землевладѣнія (50—200, 200—1000 морговъ). Слѣдуетъ удивляться, что авторъ не приводитъ болѣе подробныхъ данныхъ для статистической характеристики земельнаго пролетаріата, мелкаго крестьянскаго землевладѣнія, его крайней парцелляціи (въ среднемъ менѣе 4 морговъ), бездоходности, податного обремененія и крайней задолженности, при невозможности имѣть посторонніе заработки вслѣдствіе слабаго развитія промышленности [1]).

[1]) Ср. напр. В. Будзинскаго „Аграрні відносини Галичини“ въ Зап. наук. товар. ім. Шевченка, т. IV, стр. 29—123. Его же „Хлопска посілість в Галичині суспільно-реформаторскі змагання“. Львив. 1885.—Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что программа настоящаго изданія, только что начатаго, даетъ возможность вновь возвратиться къ этому печальному сюжету и высказаться болѣе опредѣленно и рѣшительно.

Тѣмъ не меаѣе, и указываемыя г. Вл. Пилятомъ общія цифры рисуютъ экономическое положеніе галицкаго мужика въ самомъ грозномъ видѣ. Такою же недоговоренностью отличается и статья г. Вл. Любоменскаго, посвященная характеристикѣ отдѣльныхъ отраслей земледѣлія въ Галичинѣ (стр. 24—70). По словамъ автора, мелкіе земледѣльцы съ надеждою смотрятъ на заботы областнаго сейма въ этомъ направленіи: къ сожалѣнію, изъ статьи не видно осязательныхъ результатовъ такихъ заботъ, ибо рѣчь идетъ больше о благодѣтельныхъ проектахъ, нежели о дѣйствительной помощи, а совѣты автора позаботиться о поднятіи народнаго образованія лишь свидѣтельствуютъ о печальномъ положеніи послѣдпяго. Подобная манера трактовать жизненные вопросы страны сама по себѣ представляется достаточно печальнымъ симптомомъ.

Весьма интересна работа г. Скибинскаго (т. IV, вып. 1), посвященная очерку шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ въ Галичинѣ къ 1894 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ центральное, такъ и областное правительство тратятъ на улучшеніе дорогъ сравнительно крупныя суммы и что дорожное дѣло въ Галичинѣ стоитъ безъ всякаго сравненія выше, нежели, напр., въ сосѣднемъ юго-западномъ краѣ Россіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на приложенныя къ работѣ г. Скибинскаго карты дорогъ и на списки послѣднихъ, приведенные въ текстѣ, съ разсчетомъ ежегодныхъ расходовъ на содержаніе и устройство дорогъ. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ приходится отмѣтить достойную удивленія лаконичность автора, когда рѣчь подходитъ къ вопросу о положеніи и порядкѣ содержанія дорогъ, содержимыхъ натуральною повинностью населенія или мѣстными взносами: можно подумать, что для этого вопроса во Львовѣ нѣтъ почти никакихъ точныхъ данныхъ. Вслѣдствіе этого, работа г. Скобинскаго, при всѣхъ своихъ техническихъ достоинствахъ, въ значительной мѣрѣ утрачиваетъ цѣнность: неполнота ея слишкомъ бросается въ глаза для непредубѣжденнаго читателя. Въ заключеніе отмѣчу, что о финансовыхъ результатахъ львовской выставки 1894 г. очень трудно дать себѣ отчетъ на основаніи тѣхъ свѣдѣній, какія сообщаются въ исторіи выставки, принадлежащей перу г. Дверницкаго. Тѣмъ не менѣе, обширный очеркъ этого автора, съ приложеніемъ документовъ in extenso, заслуживаетъ вниманія спеціалистовъ въ отношеніи техническомъ. Недавній опытъ кіевской с. хозяйственной выставки достаточно научилъ цѣнить техническую сторону подобныхъ предпріятій

Н. М.

„Койросъ Подолія“ (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. *Часть I. Одесса, 1895. (Стр. 68. Цѣна 50 к. На еврейскомъ языкѣ).*

Въ началѣ своей брошюры авторъ даетъ краткій очеркъ историческихъ судебъ Подоліи до 1793 г. съ древнѣйшихъ временъ. Очеркъ этотъ, къ сожалѣнію, изобилуетъ фактическими и хронологическими ошибками даже при изложеніи событій слишкомъ общеизвѣстныхъ (напр., вѣщій Олегъ освобождаетъ въ 907 г. Русь отъ аваровъ, подъ монгольское иго Русь подпадаетъ по смерти Ярослава I, соединеніе русскихъ княжествъ съ Литвой въ XIV и XV в. происходитъ, будто-бы, исключительно путемъ браковъ князей, «безъ всякаго давленія», на началахъ полной свободы, по оливскому миру къ Москвѣ присоединена Малороссія). Не лишено интереса враждебное отношеніе автора къ исторической Польшѣ. По его выраженію, жители Подоліи, переходя изъ рукъ въ руки, особеннымъ угнетеніямъ подвергались подъ владычествомъ іезуитско-католической Рѣчи Посполитой и «жестокаго, неслыханнаго въ исторіи деспотизма ея властителей, продолжавшагося вплоть до раздѣла 1793 г.» Нѣсколько странною кажется характеристика кор. Станислава-Августа: онъ былъ добродушенъ, любилъ науку и ея представителей и во всемъ отвѣчалъ своему назначенію! Если вѣрить, далѣе, автору, населеніе Подоліи и въ особенности евреи, освободившись отъ болѣзненной Польши и господства іезуитовъ, почувствовали себя совершенно свободными и пр. Вообще должно сказать, что общія историческія характеристики не принадлежатъ къ сильнымъ сторонамъ автора.

Переходя затѣмъ собственно къ исторіи евреевъ въ Подоліи, авторъ вкратцѣ излагаетъ противорѣчивыя мнѣнія о времени появленія въ краѣ евреевъ. Возражая противъ мнѣнія о положеніи здѣсь евреевъ лишь съ XV в., авторъ ссылается на старыя кладбища и найденные имъ почти во всѣхъ городахъ надгробные памятники (изъ коихъ многіе уже совершенно разрушены временемъ, а остальные обветшали до того, что невозможно разобрать надписи на нихъ), будто-бы удостовѣряющіе, что еще задолго до XIII в. Подолія была населена евреями. Отсутствіе еврейскихъ письменныхъ свидѣтельствъ объ этой ранней эпохѣ авторъ объясняетъ постоянными войнами и

смутами. Къ сожалѣнію, ссылки автора на свидѣтельства лѣтописей и позднѣйшихъ писателей (Каганъ, Левензонъ, Іостъ, Грецъ, Финъ, Гаркави и др.) не имѣютъ никакого отношенія собственно къ Подоліи. Единственное относящееся прямо къ вопросу указаніе принадлежитъ нашему автору: по его словамъ, въ м. Тывровѣ (Винниц. у.) онъ нашелъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ «нѣсколько сохранившуюся и по возможности реставрированную надгробную надпись. Она составлена въ формѣ акростиха въ 1240 г., 2-го числа мѣсяца адаръ, весною, на смерть раввина Самуила Галеви.

Итакъ, не только Тывровъ существовалъ въ 1240 г., но тогда были тамъ и раввины. Какое блистательное подтвержденіе для бывшаго когда-то въ модѣ сопоставленія Тыврова съ таинственными тиверцами. Къ великому сожалѣнію, крайне сомнительно, чтобы акростихъ на смерть Галеви былъ составленъ въ 1240 г.: по всей видимости, при реставраціи памятника авторъ нѣсколько увлекся и впалъ въ ошибку столѣтія, примѣрно, на четыре.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своемъ авторъ все никакъ не можетъ сосредоточиться на Подоліи вплоть до эпохи возстанія Хмельницкаго. Разсказавъ исторію съ Чаплинскимъ, г. Литинскій говоритъ, что Хм. обрушилъ свою ярость на евреевъ за то, что (какъ устанавливаютъ нѣкоторые еврейскіе писатели) нѣкій еврей Захарій Забѣлинскій былъ причиной разоренія Хм. въ дѣлѣ съ Чапл. и затѣмъ узналъ и донесъ полякамъ о союзѣ Хм. съ крымскимъ ханомъ. «Зажигая своими рѣчами страсти козаковъ, Хм. имъ доказывалъ, что они будто-бы проданы поляками въ руки евреевъ. Этихъ словъ было вполнѣ достаточно, чтобы произвести желаемый эффектъ среди козаковъ, неразвитыхъ и никогда особенно несимпатизировавшихъ евреямъ».

Слѣдуетъ перечисленіе ужасовъ 1648 и 1649 г. Ссылаясь на свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ различныхъ еврейскихъ книгъ, хранимыхъ въ городахъ Подоліи, авторъ заявляетъ, что изъ еврейскаго населенія этой мѣстности осталось тогда не болѣе десятой части; остальные частью истреблены, частью уведены въ татарскій плѣнъ. Причиною волненій и звѣрствъ въ Подоліи послѣ 1664 и до 1672 г. авторъ считаетъ разрытіе могилъ Хмельницкихъ региментаремъ Чарнецкимъ! Упоминанія автора о согоризмѣ, франкизмѣ и хасидизмѣ въ Подоліи лаконичны. Весьма сомнительно, чтобы споры и диспуты послѣдователей Бешту изъ Межибужья и Нахмана изъ Брацлава съ приверженцами Сабатая Цви и Франка и другими противниками со-

дѣйствовали (какъ думаетъ г. Литинскій) дѣйствительному подъему умственной жизни подольскихъ евреевъ: по крайней мѣрѣ, на то нѣтъ доказательствъ.—Изложеніе событій коліевщины не представляетъ ничего новаго. Для нынѣшняго столѣтія авторъ ограничивается перечнемъ законовъ о евреяхъ въ хронологическомъ порядкѣ. По его словамъ, въ царствованіе имп. Александра II евреи умственно двинулись сильно впередъ, но интеллигентный классъ евреевъ, увлеченный общимъ теченіемъ цивилизаціи, совершенно забылъ о своемъ народѣ и ничего не дѣлалъ въ общую его пользу съ цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному преуспѣянію массы. Безпорядки 80-хъ годовъ, по мнѣнію нашего автора, принесли свою пользу, убѣдивъ еврейскую интеллигенцію въ необходимости серьезно подумать о мѣрахъ къ болѣе раціональному устройству жизни еврейской массы.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе брошюры г. Литинскаго, которое я считалъ неизлишнимъ указать здѣсь, въ виду малой распространенности языка, на которомъ она написана. Какъ видно, очеркъ г. Литинскаго не составляетъ цѣннаго вклада въ исторію подольскихъ евреевъ, такъ какъ собственно Подоліи онъ почти не касается.

Въ концѣ брошюры помѣщены: краткое письмо о бѣдствіяхъ караимовъ, привилегія 1775 г. (на польск. яз.) Маеру Гершковичу на центральное раввинство русское и брацлавское, надгробныя надписи, некрологи, заупокойныя молитвы, гдѣ оплакивается мученическая смертъ разныхъ лицъ. Всѣ эти памятники, найденные авторомъ въ Подоліи въ старыхъ книгахъ или на старинныхъ кладбищахъ, относятся къ 1648, 1649 и 1768 годамъ. Многіе изъ памятниковъ этого рода сильно испорчены временемъ и съ трудомъ разобраны авторомъ. Содержаніе ихъ довольно однообразно: нескончаемый плачъ, безутѣшное горе по погибшимъ въ годины народныхъ волненій.

Н. М.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. *Томъ четвертый М. 1898. Стр. VIII+978.*

Мы уже имѣли случай въ свое время дать въ «Кіевской Старинѣ»[1]) отчетъ о выходѣ въ свѣтъ трехъ предшествующихъ томовъ

[1]) О I томѣ въ 1892 году № 4, о II томѣ въ 1893 № 3, о III томѣ въ 1895 № 4.

этого замѣчательнаго сочиненія г. Шенрока, посвященнаго біографіи одного изъ величайшихъ нашихъ писателей. Въ настоящее время съ выходомъ IV тома заканчивается этотъ капитальный трудъ, на который авторъ положилъ огромный запасъ знанія, вдумчивости и безграничной любви къ избранному предмету. Энергія, съ которой велось дѣло г. Шенрокомъ, не только не ослабѣвала, но, напротивъ, пріобрѣтала все большую и большую силу: сочиненіе вначалѣ задумано было лишь на три тома, но потомъ ихъ оказалось четыре, при чемъ каждый послѣдующій томъ превосходилъ въ объемѣ всѣ предшествующіе (I 385 стр., II 403 стр., III 546 стр. IV 978 стр.). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ концу, сочиненіе выигрывало и въ содержаніи: внесеніе излишняго полемическаго тона, особенно невыгодно отразившееся на II томѣ, въ двухъ послѣдующихъ томахъ уже въ такой мѣрѣ не замѣчается, а между тѣмъ критическое отношеніе къ разнымъ мнѣніямъ, высказаннымъ о Гоголѣ, не только не ослабляется, но и пріобрѣтаетъ еще особую авторитетность, спокойствіе и зрѣлость; вниманіе ко всѣмъ даже самымъ мелкимъ подробностямъ изъ жизни Гоголя, положенное въ основу «Матеріаловъ» съ самаго начала, выдержано и до конца труда съ замѣчательной послѣдовательностью. Такимъ образомъ, что касается пріемовъ автора въ своей работѣ и вообще отношенія его къ принятому на себя труду, только что вышедшій IV томъ ни въ чемъ не уступаетъ томамъ предшествующимъ, а въ иномъ даже и превосходитъ ихъ. По содержанію своему онъ обнимаетъ послѣдніе десять лѣтъ жизни великаго писателя, съ 1842 по 1852 годъ, при чемъ авторъ съ особенной внимательностью останавливается на анализѣ болѣзненнаго процесса упадка физическихъ и духовныхъ силъ Гоголя, приведшаго его къ предсмертному уничтоженію своихъ бумагъ и, наконецъ, къ смерти, обставленной такими величавыми и поистинѣ трагическими подробностями; въ вышедшемъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрока читатель найдетъ обстоятельнѣйшее съ неизвѣстными доселѣ данными, описаніе послѣднихъ дней Гоголя (стр. 840—865), до сихъ поръ не имѣвшееся въ нашей литературѣ; впрочемъ и въ другихъ мѣстахъ этого тома можно найти не мало цѣнныхъ, впервые самимъ г. Шенрокомъ опубликованныхъ данныхъ, въ родѣ переписки Гоголя въ 1850 году съ монахами Оптиной пустыни (стр. 824 и слл.) или выдержекъ изъ дневника сестры Гоголя Елизаветы Васильевны Быковой, относящихся къ 1848—51 гг. (стр. 703—705) и т. п. При такомъ богатствѣ матеріала и объемѣ вышедшаго тома можно поставить въ поло-

жительный упрекъ автору совершенное отсутствіе оглавленія, которое дало бы возможность осмотрѣться въ содержаніи книги ранѣе ея чтенія, да и послѣ чтенія облегчило бы отысканіе въ ней нужнаго.

Впрочемъ, несмотря на свою великую цѣну, «Матеріалы для біографіи Гоголя» г. Шенрока остаются все-таки лишь матеріалами и оставляютъ желать послѣ себя труда о жизни и сочиненіяхъ Гоголя не менѣе полнаго, но болѣе систематическаго, который можно было бы уже назвать «біографіею». Для такого труда г. Шенрокомъ собранъ, приготовленъ и изслѣдованъ весь имѣющійся въ извѣстности (и во многомъ сдѣлавшійся извѣстнымъ благодаря самому г. Шенроку) матеріалъ; поэтому, и для написанія біографіи Гоголя онъ является лицомъ самымъ подготовленнымъ. Въ виду этого, мы съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ обѣщаніе г. Шенрока дать въ будущемъ подобный трудъ, выраженное имъ такъ въ предисловіи къ вышедшему тому: «Настоящимъ томомъ заканчивается нашъ трудъ, къ которому, однако, мы предполагаемъ со временемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ... Мы предполагаемъ не столько расширить размѣръ его, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устранить кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольныя возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появленія въ печати новыхъ матеріаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ, томѣ» (стр. III—IV). Кромѣ того, г. Шенрокъ въ томъ же предисловіи обѣщаетъ дать черезъ нѣкоторое время «сокращенное изложеніе біографіи Гоголя въ одномъ томѣ, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго» (стр. VIII).

Отъ души желаемъ, чтобы оба эти намѣренія какъ можно скорѣе были приведены въ исполненіе авторомъ.

Е. П.

Брошюры за послѣдніе годы.

Много изъ печатающихся брошюръ, какъ извѣстно, въ продажу не поступаютъ и потому попадаются въ руки библіографа, очень часто, лишь случайно. Такъ точно нѣкоторыя и изъ нижеуказываемыхъ брошюръ, изданныя до настоящаго года, стали намъ извѣстны лишь теперь. Помѣщая здѣсь перечень брошюръ, появившихся въ послѣд-

ніе два—три года, о содержаніи ихъ говоримъ лишь въ томъ случаѣ, когда оно не вполнѣ объясняется заглавіемъ.

1. *Опытъ программы для собиранія народныхъ математическихъ свѣдѣній. К. Щ—ны Изд. Полт. Губ. Статист. Комитета. Полтава. 1893. 8 д. л. 18 стр.*

2. *Къ исторіи Западно-русскаго просвѣщенія. Виленская братская школа въ первые полвѣка ея существованія. К. Харлампович. (Изъ Литовск. Епарх. Вѣд. 1897 г.) Вильна. 1897. 16 д. л. 67 стр.*

Виленская православная братская школа открыта ок. 1585 г. Съ этого момента и до 1635 г.—подробно разсказана ея исторія, при чемъ авторъ пользовался не только печатными свѣдѣніями, но и архивными.

3. *Кудрицкій М. Климатъ Коростышева, по наблюденіямъ метеорологической станціи при Коростышевской учительской семинаріи. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 200 стр. Съ таблиц.*

4. *Обзоръ дѣятельности Кіевской Комиссіи Народныхъ чтеній 1882—1897. Кіевъ. 16 д. л. 45 стр.*

5. *Маруся Чураивна. Историческа поэма 1652 року. Скомпоновала Е Озерская-Нельговская. Кіевъ. 1896. 16 д. л. 33 стр.*

Переработка извѣстной легенды, составляющей содержаніе пѣсни: «Ой не ходи, Грицю...» Первая переработка этой легенды принадлежитъ кн. Шаховскому, въ его разсказѣ «Маруся». (Сто Русск. Литер., т. I).

6. *Церковно-приходская лѣтопись церкви Казанскія иконы Божія Матери села Иваничъ, Владиміръ-волынскаго уѣзда, Волынской губерніи. Владиміръ-Волынскъ. 1896. 16* д. л. *32* стр.

Хорошій примѣръ—въ какомъ видѣ могутъ появляться труды сельскихъ священниковъ по собранію историческихъ свѣдѣній объ ихъ приходскихъ церквяхъ съ добавленіемъ—извѣстныхъ преданій о селахъ и церквяхъ. Интересно, что въ с. Иваничахъ фамилія Гуцевичей непрерывно священствуетъ съ *1704* г. Брошюра составлена и издана *80*-тилѣтнимъ свящ. Ал. В. Гуцевичемъ, послѣднимъ представителемъ этой фамиліи.

7. *В. М. Скворцовъ. Богуславское Общество трезвости и борьба со штундою. Кіевъ. 1895. 8 д. л., 81+22 стр.*

8. *Фридрихъ Мельхіоровичъ Енни, первый учредитель товариществъ свеклосахарныхъ заводовъ въ Юго-Западномъ краѣ. Соч. Павла Клебановскаго. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 46 стр.*

Обстоятельныя свѣдѣнія о развитіи свеклосахарной промышленности въ Юго-Западномъ краѣ, начиная съ 50-хъ годовъ.

9. Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Е. В. Пѣтухова. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 56 стр.

Рукописный отдѣлъ Института заключаетъ въ себѣ свыше 100 номеровъ, разнаго содержанія, XVI—XIX в. в.; въ числѣ рукописей—52 номера профес. С. П. Шевырева, пріобрѣтенныхъ Институтомъ въ 1876. Есть рукописи и письма Гоголя, но ими уже пользовалось нѣсколько ученыхъ.

10. И. А. Сребницкій. Очерки изъ Исторіи Лицея князя Безбородко. (1832—1875). Нѣжинъ. 1895. 8 д. л. 39 стр.

Самъ авторъ говоритъ, что его «Очерки» представляютъ вновь передѣланный очеркъ, помѣщенный во втор. изд. Гербеля—«Гимназія Высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко». (Сб. 1881).

11. О разверстаніи и упраздненіи пастбищнаго сервитута въ Юго Западномъ краѣ. Д. О. Кишки. Кіевъ. 1894. 16 д л. 67 стр.

12. Десятилѣтняя земская давность по литовскому статуту и по общимъ законамъ имперіи (Истор.-юрид. справка) С. Ф. Рубинштейна. (Оттискъ изъ Виленск. Вѣстн. 1896 г.). Вильна. 1896 16 д. л. 22 стр.

Опроверженіе мнѣнія Змирлова (Журн. мин. юст. 1895 г., стр. 124) по вопросу объ источникѣ закона, изложеннаго въ Полн. Собр. зак., 1783 г., № 15654.

13. Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Е. Д. Пѣтухова. Юрьевъ. 1896. 8 д. л. 55 стр. (Оттискъ изъ «Ученыхъ Запис. Имп. Юрьевскаго У—та, № 1, 1896 г.)

Подлинники напечатанныхъ бумагъ хранятся въ Чешскомъ національномъ музеѣ, въ Прагѣ. Здѣсь напечатаны письма къ Ганкѣ—Бодянскаго, Хомякова, С. М. Соловьева, Греча. Писемъ Бодянскаго 15, обнимающ. время 1841—1848 г. г.

14. Николаевскій свекло-сахарный заводъ наслѣдниковъ Ив. Серг. Курдюмова. (1845—1896). Изд. по поводу 50-тидесятилѣтія завода. Состав. директоръ завода К. Ф. Абрагамъ. Кіевъ. 1896. 8 д. л. 33 стр.

Заводъ находится въ конотопск. уѣздѣ, на границѣ путивльскаго уѣзда, при х. Вовчикъ. Ближайшіе къ заводу села—Козацкое и Бочечки, курск. губ.

15. О результатахъ геологическихъ изслѣдованій въ окрестн. Канева, лѣтомъ 1896 года. Г. А. Радкевича. Кіевъ. 1897. 8 д. л. 16 стр.

16. Гидрогеологическое изслѣдованіе верхнеднѣпровскаго уѣзда екатеринославской губ., въ виду обводненія и орошенія края, съ прилож. замѣтки о полезныхъ ископаемыхъ. (Отчетъ Екатеринославскому губ. земству, снарядившему гидрогеологическую экспедицію подъ руководствомъ проф. А. В. Гурова). П. И. Пятницкаго. Харьковъ. 1895. 8 д. л. 217 стр., карта и табл.

17. Лубенскій музей Е. Н. Скаржинской. Программа для собиранія народныхъ писанокъ. Кіевъ. 1895. 8 д. л. 7 стр.

18. Старинныя публики. Матеріалы для этнологіи и быта. Черниговъ. 1897. 16 д. л. 23 стр. (Оттискъ изъ Черниг. губ. вѣд. 1897 г., № 1239).

Въ числѣ старинныхъ публикацій, заимствованныхъ изъ архива Брянск. нижн. земск. суда (П. Тихановымъ), одна заключаетъ въ себѣ подробное перечисленіе церковной утвари и одежды, украденной въ 1800 г. изъ церкви с. Лыщичъ, стародубск. у.

19. Чѣмъ вызвано сооруженіе въ Вильнѣ въ 1597 году православнаго храма во имя Святаго Духа. (Изъ Виленскаго календаря» на 1897 г.) А. Бѣлецкаго. Вильна. 1896. 8 д. л. 27 стр.

20. Хронологическая перечень фактовъ и документовъ съ коментаріями по дѣлу о тайномъ замежеваніи и присвоеніи помѣщикомъ І. Фр. Ярошинскимъ Романовскаго инструкціоннаго участка земли генер. Павлова. (Вмѣсто рукописи). Кіевъ 1896. 8 д. л., 41 стр.

Перечень обстоятельствъ дѣла по спору г. Павлова съ Ярошинскимъ за Романовское имѣніе, купленное первымъ у П. А. Антоновича.

21. Пинскій Богоявленскій бывшій братскій монастырь. (Изъ исторіи православія на Полѣсьѣ). Изъ Виленскаго календаря на 1897 годъ. (А. Миловидова). Вильна. 1896. 8 д. л. 29 стр.

Авторъ пользовался кромѣ печатныхъ и архивными источниками.

22. Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Кіевѣ. Въ защиту исторической правды. (По поводу реферата проф. В. Б. Антоновича «по вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала») (Т. Кибальчича) Кіевъ. 1895. 16 д. л. 105 стр.

Отдѣльные оттиски изъ кіевск. газеты «Кіевское Слово», гдѣ эта статья была помѣщена съ нѣкоторыми рисунками.

23. Проф. Д. И. Багалѣй. Украинская Старина. (Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры). I. Харьковъ. 16 д. л. 304 стр.

Отдѣльные оттиски изъ Харьк. губ. вѣд. за 1896 г. Содержаніе: 1. Наказы харьковскаго дворянства въ екатерининск. комис. 1767 г. 2. Харьковскій городск. голова Е. Е. Урюпинъ и 3. Священники В. Фотіевъ и Андр. Самборскій.

24. Збирникъ Украиньскихъ писень. Упорядкувавъ Александра Хведоровичъ. Зъ нотами. Одесса. 1896. 16 д. л. 112+17+III стр. Цѣна 30 к.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 101 пѣсню, каждая съ нотами.

Д. Мордовець, Козаки и Море. Поэма. *Сбп. 1898 г.*

Это давнее и, кажется, единственное стихотворное произведеніе талантливаго автора перепечатано отдѣльною книжкою изъ «Саратовскаго Сборника», гдѣ оно появилось ровно сорокъ лѣтъ назадъ. Впрочемъ, и безъ этой справки видно сейчасъ, что это произведеніе молодости. Его залихватскій тонъ, усиленное прославленіе козацкаго геройства и даже козацкихъ звѣрствъ составляетъ отличительное достояніе и молодого сочинительства, и ранней поры словесности. Съ тѣхъ поръ взглядъ на многія явленія прошлаго сталъ трезвѣе, ухарскій тонъ сталъ безполезенъ и досаденъ, задачи малороссійской словесности стали труднѣе и серьезнѣе. Переиздавая ее, авторъ, конечно, и самъ смотритъ на свою поэму лишь какъ на личное, молодое воспоминаніе.

Поэма вдохновлена нѣкоторыми изъ раннихъ произведеній Шевченка, но ихъ сжатые образы распространены и усилены на цѣлыя страницы и десятки страницъ описаній. Образы условны, намѣчены по извѣстному типу. Козаки непрерывно проявляютъ геройство, а если нѣтъ, то поютъ и мечтаютъ. Подлинная народная поэзія рисуетъ ихъ не такъ односторонне, а болѣе сдержанно и правдиво. Въ народныхъ думахъ это люди борьбы, мучительной и тяжкой, а не люди удалыхъ приключеній. Большая часть поэмы наполнена картинами военныхъ схватокъ, нападеній и осадъ, гдѣ всевозможнѣйшіе ужасы нагромождены въ такомъ изобиліи, что переходятъ мѣру и впечатлѣнья не дѣлаютъ. Да и слишкомъ видно, что ноты эти взяты

авторомъ намѣренно. Тонъ ихъ не скрываетъ присущаго писателю добродушія.

Рѣзня съ турками идетъ отчаянная, сцены одна жесточе другой смѣняются въ поэмѣ Доропъ; главный герой кричитъ въ изступленіи «Бый о камень ихъ младенци!.. Былы—утомылысь», прибавляетъ авторъ. Чтобъ воспѣть подвиги Богдана Ружинскаго, у него просто не хватаетъ словъ:

Богданъ зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы
Надъ пекломъ пануе...
„До чайки!"... Не чуе...
Торохъ!.. Зъ корогвамы,
Зъ сынамы, зъ ножамы
Зъ крывымы шаблямы,—
И уси зъ чубамы,—
И муры и брамы...
Земля застогнала
Ничого не стало,
Не стало, не стало...

Козаки нападаютъ на турецкую галеру: «Громада гуляе, гуляють ножи по шыяхъ турецькыхъ»... Отецъ спрашиваетъ сына: Остапе, де ты?—Ось де батьку.—Шо, ризавъ?—Ризавъ.—А чимало?—Чимало, тату.—Добре сынку!.»..

Въ описаніи взятія Прусы тѣ-же картины, вновь и вновь повторенныя. «Горыть Пруса, горыть червоніе... Скризь бороды посмалени, паши, яныичары, валяютця, рубаютця у поломъи гынуть, старе, мале, скаличене и гарныхъ до сына»...

А вечеромъ, на своемъ кораблѣ, лежа на взятыхъ у турковъ «златоглавыхъ шатахъ», козаки превращаются въ мирныхъ овечекъ и сентиментальныхъ мечтателей.

Де не де якій спивае
Про чорныи бровы,
Про Вкраину, про родыну,
Про гай зелененькый...

Такихъ переходовъ не знаетъ правдивая, подлинная поэзія народа, гдѣ никогда ужасъ войны не обращенъ въ потѣху, а истинное чувство въ маниловскія фантазіи.

Козаки вездѣ нещадно бьютъ турокъ, рѣзня идетъ такая, что отъ «больного человѣка», казалось, должно бы остаться одно мокрое мѣ-

сто. А онъ живетъ себѣ да поживаетъ! Самое обиліе недоброжелателей идетъ ему въ прокъ, и еще на дняхъ онъ снискалъ себѣ симпатіи эгоистической Европы въ борьбѣ съ христіанской Греціей.

Какъ память прошлаго, какъ одинъ изъ пунктовъ литературной карьеры автора, поэма, иллюстрированная нѣсколькими удачными рисунками г. Сластіона, любопытна. Но современной поэзіи и этотъ тонъ, и эти образы надо оставить. Она должна направить свой взоръ на основы народности, видѣть не чубы и сабли, а творящую душу народа. Тогда станетъ она не развлеченіемъ, а дѣломъ и найдетъ образы и слова, чуждые напряженности и поддѣлки.

W.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIX, 1897 г. Октябрь, Ноябрь и Декабрь.

стр.

ОТДѢЛЪ I.

I. СЛАВЯНАМЪ. Неизданное стихотвореніе Т. Г. Шевченка, *съ предислов.* **Н. И. Стороженка** . . . . 1—5

II. СНѢТИНСКАЯ СТАРИНА. **В. Милорадовича.** (*Окончаніе*). 6—26

III. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ. (1846—1877 г.г.). Сообщ. **А. Титовъ**. (*Продолженіе*). 27—45, 242—280 . . . . 370—472

IV. ПЕРЕДЪ БУРЕЙ. Историческій романъ изъ временъ Хмельнищины. **М. Старицкаго.** (*Окончаніе*). 46—114, 157—241 370—448

V. КЪ ИСТОРІИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ ВЪ КОНЦѢ ХѴIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. **Н. С.** (*Окончаніе*). 115—131, 143—156 . . . . 332—350

VI. ПИСЬМА Н. И. КОСТОМАРОВА КЪ В. М. и Н. М. БѢЛОЗЕРСКИМЪ. . . . . 132—142

VII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДНЫЕ ХЛѢБЫ ВЪ МАЛОРОССІИ. **В. Ястребова.** . . . . 281—288

VIII. ПИСЬМА ДАНИЛА МИХАЙЛОВИЧА ВЕЛЛАНСКАГО. (1805—1834 г.г.). **А. Л.** . . . . 289—310

стр.

IX. ПРАЗДНИКЪ ЦЕРЕРЫ. (Изъ воспоминаній польскаго шляхтича о событіяхъ въ Юго-западномъ краѣ 1819—1824 гг.). О. Л. . . . . 312—331

X. ИЗЪ ИСТОРІИ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. (В. Серебренниковъ. Кіевская академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 г. Кіевъ. 1897). . . . . 351—369

XI. КЪ ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА РЕПНИНА Н. С. . . . . 473—480

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Подготовительныя работы къ устройству XI-го Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. б) В. Г. Григоровичъ-Барскій. в) Черниговская архивная коммиссія г) Позволительный листъ святителя Феодосія Углицкаго на установленіе братства и цеха въ м. Лѣткахъ. д) Выкупъ М. С. Щепкина изъ крѣпостного состоянія. е) Внушительная рѣчь генер.-губерн. Д. Г. Бибикова, обращенная къ кіевскимъ студентамъ въ 1846 году. ж) Письмо Ивана Танскаго къ В. А. Гоголю. з) Странствованія чумака, бурсака и раба. Сообщ. Н. М. и) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. і) Голосъ малороссійскаго дворянина по поводу столѣтія дворянской грамоты. к) Вирши о Мазепѣ и Чернышѣ, 1710 года. Ѳ. Левицкаго. л) Литовская метрика, м) Дьячки старой Малороссіи н) Сборникъ узоровъ писанокъ. о) Гоголь и В. Я. Ломиковскій. п) Протоколъ второго засѣданія Кіевскаго Отдѣленія Предварительнаго Комитета по устройству въ Кіевѣ XI-го Археологическаго Съѣзда 5 октября 1897 г. р) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому. с) Рѣчь запорожскаго войсковаго писаря императрицѣ Екатеринѣ II. т) Лѣтописныя замѣтки 1783—1811 гг. у) Письма Маріи Ивановны Гоголь къ П. А. Кулишу и Д. С. Каменецкому. ф) Къ исторіи военныхъ поселеній въ

Стр.

Новороссіи Сообщ. **Н. С.** х) Обычай ломать скорлупу яйца. **Н. Ѳ. Сумцова.** ц) Письмо А. К. Делленна къ П. В. Павлову. ч) Письмо въ редакцію о предполагаемомъ изданіи Литературнаго Сборника въ память И. П. Котляревскаго. **М. П. Старицкаго.** ш) Подписка на Памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. 1—20, 33—48 . . . . 68—71

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія (30 марта 1896—30 марта 1897 года). **Н. М.** б) И. А. Сикорскій, профессоръ. Эпидемическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). **Н. М.** в) Юго-Западный край. Статистическое обозрѣніе. Томъ I. Восточное Полѣсье. Составилъ по рекогносцировкамъ офицеровъ генеральнаго штаба и по офиціальнымъ источникамъ ген. штаба подполковникъ И. Н. Толмачевъ. **Н. М.** г) Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ. Выпускъ II. Н. И. Петрова. **Ѳ. Титова.** д) Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Томъ 4-й. Письма 1858—86 гг. **А. Л.** е) «Труды Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго Комитета». **А. Лотоцкаго.** ж) Перший русско-американскій календарь. **А. Л.** з) С. А. Венгеровъ, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Томъ V. и) Д. И Эварницкій. Исторія Запорожскихъ Козаковъ. 1686—1734. і) Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. **Н. М.** к) «Койросъ Подоліи» (судьбы Подоліи) и исторія тамошнихъ евреевъ или матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Составилъ по историческимъ источникамъ въ трехъ частяхъ М. Н. Литинскій. **Н. М.** л) Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. **Е. П.** м) Брошюры за послѣдніе годы. н) Д. Мордовець, Козаки и Море. Поэма. **W.** 21—32, 49—62. . . . . . . 76—94

стр.

III. ПРИЛОЖЕНІЯ: Интерлюдіи Митрофана Довгалевскаго XVIII вѣка. (97—112), (113—117).

Портретъ кн. Н. Г. Репнина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—30 . . . . 1—34

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКАЯ СТАРИНА» *(въ концѣ книги)*

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

Неоконченная повѣсть изъ жизни малорусской старшины половины XVIII вѣка.

Александра Михайловича Марковича.

Неоконченная повѣсть А. М. Марковича, (найденная въ его бумагахъ), какъ видно, основана—какъ на тщательномъ изученіи дневника его дѣда Якова Андреевича Марковича, такъ и на разсказахъ тѣхъ стариковъ, переживавшихъ вторую половину XVIII в., которыхъ авторъ долженъ былъ лично знать въ своей молодости. Хотя задуманная Марковичемъ повѣсть, осталась не оконченною, но, по своимъ бытовымъ подробностямъ, она имѣетъ значеніе историческаго мемуара, почему редакція и нашла полезнымъ напечатать этотъ отрывокъ. Судя по бумагѣ, повѣсть писана въ двадцатыхъ годахъ. Объ авторѣ повѣсти см. „Кіевск. Стар.“ 1897, январь и февраль.

МАЛОРОССІЙСКАЯ СВАДЬБА.

ГЛАВА I.

Лѣтъ 30-ть тому назадъ жилъ еще 80-ти лѣтній бунчуковый товарищъ Горбачевскій, и старики помнятъ еще его веселый нравъ и любопытные разсказы о давно минувшихъ происшествіяхъ. Онъ родился и умеръ въ Глуховѣ, служилъ въ малороссійской войсковой и гражданской службахъ и давно уже жилъ въ отставкѣ. Единственнымъ удовольствіемъ его въ сіе послѣднее время были воспоминанія о прежней славѣ Глухова и достопамятностяхъ той эпохи, и никакія великія происшествія нашего времени его столько не занимали, какъ тѣ, которыя въ глазахъ его проходили въ прежней гетманской резиденціи. Всѣ событія со времени императарицы Елисаветы Петровны сохранились живо въ его памяти: зналъ онъ многое, что и до того времени случилось, ибо отецъ его въ числѣ прочаго, впрочемъ не слишкомъ богатаго наслѣдства, оставилъ ему и нѣкоторой запасъ для разсказовъ еще изъ временъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола. Но панъ Горбачевскій любилъ преимущественно разсказывать то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Нельзя сказать, чтобы повѣствованія, въ наслѣдство ему доставшіяся, были менѣе любопытны, какъ тѣ которыя могъ онъ назвать своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ. И я можетъ быть при досугѣ, сообщу оныя моимъ читателямъ; но на сей разъ приступаю къ разказу одного изъ происшествій, которое преимущественно любилъ разсказывать покойный панъ Горбачевскій, потому можетъ быть, что онъ самъ игралъ въ ономъ роль. Роль сія конечно была не важна и происшествіе сіе могло и совершиться, и расказано быть— безъ воспоминанія о его имени, но меня могли бы упрекнуть неблагодарностью, если бы я умолчалъ о томъ, что панъ Горбачевскій считалъ такъ важнымъ въ отношенія себя и что при всякомъ повтореніи повѣсти, не упущалъ съ важностію сообщить своимъ слушателямъ. Какъ послѣ читатель увидитъ, я не отниму у него принадлежащаго ему въ сей драмѣ мѣста. Мы сравнили выше разсказы пана

Горбачевскаго съ имѣніемъ наслѣдственнымъ и пріобрѣтеннымъ. Да не подумаютъ читатели, что мы сіе сдѣлали или желая пошутить надъ покойнымъ добрымъ паномъ Горбачевскимъ или показать свое остроуміе. Нѣтъ! Панъ Горбачевскій дѣйствительно щиталъ всѣ достопамятныя произшествія своею собственностію. Онъ овладѣвалъ ими со всѣмъ деспотизмомъ азіатскаго владѣльца и не позволялъ никому нарушать права своего владѣнія. Правда, онъ имѣлъ и многіе документы на сіе право: записки, копіи съ любопытныхъ всякаго рода бумагъ, акты и прочіе документы (чѣмъ мы въ семъ воспользовались), которые иногда останавливали дерзновенныхъ вступать въ его предѣлы. И никогда, должно сказать, смѣльчаки сіи не оставались безъ отмщенія. Имъ обыкновенно возмездіемъ было или сатирическая замѣтка или малороссійская пословица, или колкое словцо, которое всегда бывало довольно чувствительно. Но послѣ, однако, къ всему этому привыкли и безпрекословно признали пана Горбачевскаго въ полномъ правѣ пользоваться тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ. И если иногда другіе позволяли себѣ при немъ вспомнить и разказывать минувшія бы́ли, то сіе дѣлали проказники, которые хотѣли заставить пана Горбачевскаго пуститься на поприще слова.

Съ кончиною императрицы Анны, Малороссія начала отдыхать отъ всякаго рода тягостей, которыми она была обременена. Но не утвердившееся правленіе и перемѣны въ ономъ держали еще всѣхъ въ неизвѣстности. Съ восшествіемъ императрицы Елисаветы Петровны Малороссія такъ сказать воскресла. Всѣ знали добрыя и милостивыя свойства императрицы и всѣ надежды въ душѣ малороссіянъ ожили. Уже не боялись ни фельдмаршала Миниха, котораго проѣздъ бывалъ такъ страшенъ, ни министерской канцеляріи, ни—слова и дѣла государева. Военные сержанты и капралы, правда, все были еще страшны, но они нѣсколько присмирѣли; а малороссіяне нѣсколько пріосанились. Надобно сказать, что мои земляки не столько боялись офицеровъ рускихъ, сколько нижнихъ чиновъ; вѣроятно отъ того, что первые были въ поступкахъ своихъ благороднѣе и въ требованіяхъ умѣреннѣе. Правда, иногда и московскій панъ (такъ называли офицеровъ) бывалъ тяжелъ, но все таки капраловъ боялись больше.— Вездѣ говорили о будущихъ перемѣнахъ; ожидали что великороссійскіе члены въ коллегіи будутъ уничтожены, что гетманъ будетъ избранъ и пр. и пр. Это обыкновенныя слѣдствія новаго правленія. Конечно, большая часть народа или сама не знаетъ чего хочетъ или ничего не желаетъ, и судя по пословицѣ *что панъ, то батько*, кажется

малороссіяне равнодушны, какъ ни называется ихъ начальникъ и какія права онъ ни имѣетъ; однако перемѣны въ правленіи были такъ тяжелы и такъ утѣснительны и не сообразны съ духомъ народа, что для этого одного желать могли гетманства. Теперь, можетъ быть, не очень бы порадовались назначенію выбора гетмана, и не послали бы депутаціи просить о семъ государя; но тогда съ избраніемъ гетмана уничтожался настоящій порядокъ правленія и этого было довольно; надобно правду сказать, что всегда и вездѣ о подобныхъ перемѣнахъ заботятся люди въ государствахъ высшаго класса, иные изъ чистыхъ видовъ, ожидая улучшенія состоянія страны, большая же часть по личнымъ очношеніямъ: иной ищетъ собственнаго возвышенія, другой счастливаго оборота въ своихъ дѣлахъ, третій паденія непріятелей. Больше всего возродило надежды малороссіянъ возвышеніе Разумовскаго, о которомъ узнали почти въ тоже время, какъ получили извѣстіе о восшествіи императрицы на прародительскій престолъ. Еще это былъ первый примѣръ возвышенія малороссіянина при россійскомъ дворѣ; народъ же, на особыхъ правахъ присоединенный къ государству, всегда радуется могуществу своего земляка при особѣ государя. Сколько онъ надѣется имѣть въ немъ предстателя, столько же и поставляетъ ему въ обязанность заботиться о благосостояніи земляковъ своихъ. Отчасти сей образъ мыслей основателенъ, ибо въ подобномъ случаѣ когда въ составъ государства вошелъ народъ на особыхъ правахъ состоящихъ, то безъ всякаго сомнѣнія много пріобрѣтетъ завистниковъ изъ тѣхъ, которые сими правами не пользуются. Къ сожалѣнію, природа человѣка такова, что если онъ и ничего не теряетъ черезъ то, что другому лучше, но онъ не менѣе отъ того досадуетъ и неперестаетъ желать, чтобы другой потерялъ, хоть самъ чрезъ то ничего не пріобрѣтаетъ. Въ доказательство тому служитъ существовавшая долгое время народная непріязнь между дѣтьми одной матери Россіи, великороссіянами и малороссіянами, не смотря на то, что исторія сихъ послѣднихъ не представляетъ ни одного примѣра вражды или непріязни противъ своихъ единовѣрцевъ и одноземцевъ. Непріятели Малороссіи только и помнятъ измѣну гетмана Мазепы; но сія измѣна человѣка, во первыхъ не природнаго малороссіянина, именно не удалось ему по причинѣ оказанной вѣрности войска и народа. И если въ теченіи можетъ быть ста лѣтъ земляки пана Горбачевскаго не показывали довѣрія и боялись москалей, то это не отъ чего другаго, какъ отъ того, что русскіе ихъ не любили Теперь, благодареніе Богу, все сіе давно уже миновалось. Всѣ мы, и

великороссіяне и малороссіяне, русскіе, дѣти единаго отца и любимъ другъ друга, сколько люди способны любить другъ друга. Если мы оправдываемъ въ одномъ отношеніи требованія малороссіянъ, которыя они простираютъ къ возведеннымъ судьбою на степень могущества и славы землякамъ своимъ, то въ другомъ не можемъ не сознаться, что сіи требованія простираются иногда за предѣлы умѣренности и безпристрастности. Малороссіяне поставляютъ таковымъ вельможамъ въ обязанность не только быть защитниками всего края вообще, но и каждаго изъ нихъ въ особенности, такъ какъ родственники возвысившагося человѣка требуютъ отъ него исключительныхъ себѣ мѣстъ и наградъ, забывая, что благоразумный вельможа долженъ токмо смотрѣть на достоинства человѣка и на ту пользу, которую употребленный на службу можетъ приносить обществу. Отъ сего сохранились доселѣ пріязнь къ однимъ и ненависть къ другимъ вельможамъ изъ малороссіянъ, можетъ быть не совсѣмъ безпристрастныхъ; а поелику тѣхъ изъ нихъ, которые заслужили первую гораздо меньше, нежели послѣднихъ, то не отъ того ли возродилось въ Малороссіи невыгодное мнѣніе на счетъ тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые возвысились. Впрочемъ, все здѣсь сказанное относится ко временамъ минувшимъ. Теперь малороссіяне радуются возвышенію не земляка своего, но человѣка достойнаго и интересы ихъ одни со всею Россіею. Но оставляю дальнѣйшее разсужденіе объ одномъ изъ такихъ предметовъ, о которомъ мнѣнія людей будутъ всегда различны, приступаю къ разсказу происшествія, желаю читателямъ моимъ столь удовольствія при чтеніи, сколько доброй панъ Горбачевскій доставлялъ утѣшенія своимъ слушателямъ. Я сомнѣваюсь однако, чтобы желаніе мое исполнилось, ибо хотя я соблюдилъ (sic) весьма строго вѣрность историческую, и не позволилъ себѣ прибавить ни одного обстоятельства сверхъ того, что точный и правдивый п. Горбачевскій намъ оставилъ, однако тотъ оригинальный разсказъ, та національная веселость, особенный образъ изъясненій, движенія комическія п. Горбачевскаго, что доставляло слушателямъ столько удовольствія, все это къ сожалѣнію погибло для читателей. Мы постараемся однако сколько возможно замѣнить сей недостатокъ историческими мѣстными извѣстіями и замѣчаніями, которыя не нужны были для тогдашняго времени, ибо всѣмъ были извѣстны, но которыя нужно сообщить нашимъ читателямъ.

Городъ Глуховъ не то значилъ прежде, что онъ значитъ въ наше время. Теперь проѣдешь иногда черезъ городъ и не увидишь на улицѣ

живой души; а прежде, какъ старики разсказывали, не разминешься бывало съ берлинами, колясками и тарадайками; кареты были еще рѣдки, однако знатнѣйшіе люди имѣли оныя. Множество пановъ жило въ городѣ по должности, другіе же и безъ дѣла; нѣкоторые изъ нихъ хоть не имѣли постояннаго пребыванія, но живя въ сосѣдствѣ, пріѣзжали весело проводить время въ малороссійской резиденціи; къ сему надобно прибавить великороссійскихъ чиновниковъ, военныхъ; такъ что все это составляло общество многолюдное и разнообразное. Бывали часто обѣды, банкеты, которые продолжались...(?) цѣлый день, на которыхъ не жалѣли ни водки, ни венгерскаго вина. Вечеромъ бывали собранія для игры, въ которой участвовали и дамы, равно и въ банкетахъ играли въ пикетъ, въ памфилъ, въ ломберъ. Танцовали рѣдко, ибо дѣвицы выѣзжали токмо на свадьбы; но со времени гетмана Разумовскаго начали давать балы и дѣлали собранія менѣе утомительныя. Къ гетману съѣзжались на обѣды, потомъ разъѣзжались, а вечеромъ снова собирались на балъ. Въ это время завелся въ Глуховѣ и французскій театръ. Декабря 19, 1751-го года открыли представленіе комедіей *La foire de Hizin*. Панъ Горбачевскій сказывалъ, что, какъ слыхалъ онъ отъ одного старика, Глуховъ въ древности Васильковымъ назывался и что, до раззоренія, однихъ церквей въ ономъ было 70 [1]). Послѣ же разоренія, когда начали селиться въ немъ люди, они прозвали новый городъ Глуховымъ—отъ глуши. Извѣстно по исторіи, что Глуховъ былъ разоренъ Батыемъ, который чрезъ него возвращался. Извѣстно также, что во время моровой язвы въ немъ не осталось ни одного человѣка живого. Глуховъ здѣлался резиденціей и правленія со времени избранія Скоропадскаго. Послѣ измѣны Мазепы, Батуринъ, прежнее мѣсто пребываніе гетмановъ, былъ взятъ приступомъ и разоренъ. Глуховъ, какъ и теперь, раздѣлялся собственно на городъ и на предмѣстія—Веригинъ, Бѣлополовка Усовка и Красная-Горка, названная вѣроятно по красотѣ своихъ видовъ. Улицы были не прямы и дома строили, какъ и гдѣ хотѣлъ. Но когда въ 1748 году, въ маѣ, послѣ пожарей, пять дней возобновлявшихся, почти весь городъ выгорѣлъ, то указомъ сената 1748 года, 23 числа іюня и сентября 16, повелѣно—расширять улицы въ городѣ и строить порядочно. Въ городѣ были; домъ малороссійской коллегіи, домъ гетмана, близъ церкви Анастасіевской, монастырь дѣвичій, значительнѣйшія церкви, канцелярскій курень, торговые ряды, базаръ, который назывался въ Малороссіи *мѣсто*, домы казенные и нѣкото-

[1]) Это свѣдѣніе взято изъ дневника Як. Марковича.—*Ред.*

рыхъ частныхъ людей. Въ городѣ было четверо воротъ: кіевскіе, московскіе, путивльскіе и бѣлополовскіе. Впрочемъ, по тѣснотѣ мѣста, богатые люди начали послѣ строить домы на предмѣстіяхъ. Гетманъ Скоропадскій имѣлъ домъ на Бѣлополовкѣ, который назывался *напастовнику*, т. е. на огородѣ. Гетманъ Апостолъ тоже выстроилъ на семъ предмѣстіи домъ, но не долго въ ономъ пожилъ. Въ день коронаціи императрицы, 28-го апр. 1733 г., ясновельможный далъ огромный банкетъ, на которомъ самъ больше всѣхъ гостей подгулялъ и тутъ же занемогъ; отъ сего болѣе не вставалъ. Другіе вельможные паны имѣли домы на Бѣлополовкѣ и на Веригинѣ, гдѣ былъ и министерскій дворъ. Тутъ построили послѣ новый домъ, въ которомъ жилъ гетманъ Разумовскій. Еще и теперь есть остатки прудовъ и садовъ гетманскаго жилища. Глуховъ имѣетъ довольно хорошее мѣстоположеніе. Городъ собственно называемый, предмѣстіе къ селу Сваркову и Красная-Горка, какъ уже и сіе названіе показываетъ, поселены на возвышеніи, а прочія предмѣстія—на низменностяхъ. Городъ соединяется съ Веригинскимъ предмѣстіемъ посредствомъ широкой плотины: при въѣздѣ на оную воздвигнуты великолѣпныя каменныя кіевскія ворота. Плотина сія теперь не очень пріятна для проѣзжающихъ, но прежде всегда содержалась въ порядкѣ и въ старыя времена высыпалась пескомъ и служила мѣстомъ гулянья для всего города. На правой сторонѣ оной—обширной и красивой прудъ, въ которой вдался отъ стороны Веригина низменный мысъ. На семъ мѣстѣ фельдмаршалъ Румянцовъ-Задунайскій построилъ было для себя дворецъ, выкопалъ пруды и разсадилъ садъ. Нѣкоторые старые козаки помнятъ еще и теперь, что они довольно потрудились строивши, какъ они говорятъ, домъ на болотѣ. Подобныя работы были одною изъ причинъ, заставлявшихъ козаковъ переходить въ посполитые, то есть въ состояніе собственно земледѣльческое. На главной улицѣ города, между воротъ московскихъ и кіевскихъ, построенно было великолѣпное каменное зданіе въ три этажа, украшенное многими статуями (правда не весьма красивыми). Тутъ помѣщались: малороссійская коллегія, генеральный судъ и другія присутственныя мѣста. Въ полдень, когда оканчивались занятія по присутствіямъ, выходила на балконъ войсковая музыка и раздавались громкіе звуки литавръ и трубъ. Все приходило въ движеніе: чиновники и канцелярскіе служители и множество зрителей на улицѣ, все это смѣшивалось и говоръ заглушалъ иногда самую музыку. Всѣ расходились потомъ обѣдать.

Въ 178... году [1]) отъ пожара, который истребилъ большую часть города, сгорѣло и сіе огромное зданіе, остатки онаго долгое время представляли великолѣпныя руины. Къ 180... сдѣлали изъ онаго три корпуса для присутствій, которые черезъ нѣсколько лѣтъ обратились въ безобразныя развалины; немногія же оставшіеся статуи попали къ охотникамъ: еще и теперь видна одна въ впадинѣ постоялого двора на большой дорогѣ. Такъ преходитъ слава міра сего!—Гдѣ теперь гаубтъ-вахта, которая вѣроятно скоро умножитъ число городскихъ развалинъ, былъ канцелярскій курень, тоесть домъ, гдѣ помѣщались канцелярскіе служители. Тогда въ Глуховѣ служили молодые люди и всѣхъ лучшихъ шляхетскихъ фамилій. Домъ сей былъ жилищемъ веселостей и позволительныхъ шалостей рѣзвой молодежи. Однако эта молодежь знала и свое дѣло, многіе молодые люди учились основательно (особливо для того времени) въ кіевской академіи и не перемѣняли ежегодно потомъ мѣста своей службы. Еще иногда и теперь слышимъ, что если говорятъ про какого знающаго дѣльца, то во первыхъ упоминаютъ, что онъ служилъ въ малороссійской коллегіи и съ патріотическою гордостью разсказываютъ, что когда одинъ губернаторъ изъ великороссіянъ отзывался о малороссійской коллегіи невыгодно въ присутствіи фельдмаршала Задунайскаго, то графъ сказалъ: знаете-ли, батюшка, что тамъ есть канцеляристы умнѣе насъ! Въ малороссійской коллегіи началъ службу Безбородко, Трощинскій и другіе люди, которые въ послѣдствіи преходили важныя государственныя должности. Но приступимъ къ повѣствованію.

ГЛАВА II.

Ой знати, знати, въ кого есть дочки,
Топтаны стежечки подъ оконечки
Малорос. пѣсня.

Въ верстахъ 15 отъ города, жилъ отставной ея царскаго пресвѣтлаго величества малороссійскаго войска полковникъ [2])... Онъ служилъ долго, былъ въ походахъ противъ турокъ при императрицѣ Аннѣ и наконецъ 55-ти лѣтъ вышелъ въ отставку. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ потерялъ жену. Семейство его состояло изъ одной дочери. Надежда, такъ звали ее, была 18-ти лѣтняя прекрасная,

---

[1]) Пожаръ этотъ случился въ 1784 г.

[2]) Въ рукописи оставлено мѣсто для фамиліи.

свѣжая, румяная дѣвушка. Черные волосы возвеличивали бѣлизну ея лица и блестящій румянецъ на щекахъ. Теперь, можетъ быть, красавицу съ такимъ живымъ румянцемъ нашли бы слишкомъ деревенскою; но въ старыя времена здоровье почитали въ дѣвицахъ первою красотою; и женихи, и родственники ихъ заботились, чтобы избираемая ими въ семейство свое дѣвушка была совершенно здорова. Тогда не знали бы что дѣлать съ спазмами и нервическими припадками, при которыхъ, какъ мужья утверждаютъ, часто не одна больная страждаетъ. Надобно однако сказать, что молодые люди, сохраняя въ то время свою молодость и здоровье весьма строго, имѣли болѣе права и основательныхъ причинъ, нежели нынѣшніе, такъ много заботиться о здоровьи тѣхъ, коихъ избирали себѣ въ подруги. Весьма часто случалось, что женихъ вступалъ въ бракъ такъ же невиннымъ, какъ и любезныя ихъ невѣсты. Третье лице, составлявшее семейство полковника, была тоже молодая дѣвица, однихъ почти лѣтъ съ Надеждой. Она была съ-родни полковнику и оставшись въ дѣтскихъ лѣтахъ сиротою, бѣдною и безпріютною, взята была въ домъ полковника, двоюроднаго своего дяди Софія была прелестная дѣвица. Она не имѣла блестящей наружности Надежды, ни ея веселости, была нѣсколько блѣдна и томна. Голубыя ея глаза являли нѣжность ея сердца и доброту души. Полковникъ называлъ ее овечкою. Хоть таковымъ названіемъ не хотѣлъ онъ ее совершенно обидѣть, однако показывалъ симъ, что недоволенъ ея тихостію, молчаливостію и томностію Онъ часто говорилъ, что изъ нея не будетъ доброй хозяйки, ибо хозяйка должна быть бойчѣе, подвижнѣе и проворнѣе. Въ старину болѣе всего заботились, чтобы дѣвица, особенно бѣдная, подавала надежду о себѣ, что будетъ въ своемъ домѣ хорошею хозяйкою, и потому заранѣе препоручали имъ разныя обязанности хозяйственныя и смотрѣніе въ домѣ родительскомъ. Такъ и въ домѣ полковника дочь его имѣла на рукахъ своихъ все женское хозяйство; но она, такъ сказать, была почетная хозяйка. Труднѣйшія же и существенныя части домоводства были дѣломъ Софіи. Полковникъ часто ей твердилъ, что ненадобно даромъ хлѣба есть; нельзя сказать, что бы онъ сіе дѣлалъ изъ жестокости или желая ее оскорбить, но тогда менѣе были отчетливы и въ словахъ, и въ поступкахъ. Напротивъ, онъ бы считалъ себя виноватымъ, если бы ее баловалъ и пріучилъ къ праздности. Какъ бы то ни было, Софія большую часть дня проводила въ хозяйскихъ трудахъ; всѣ амбары и кладовыя находились въ ея владѣніи: огромная связка ключей всегда была у ней или въ

рукахъ или подъ полою ея кофты; ночью же они почевали они подъ ея подушкой. Самыя дорогія вещи были подъ смотрѣніемъ Надежды, напримѣръ, серебро, гардеробъ ея покойной матери, сахаръ, водки и закуски; однако Надежда или будучи занята съ гостями или лѣнясь сама итти, не рѣдко дѣлала довѣренность Софіи поуправиться и въ своемъ департаментѣ. Когда нужно было имъ вывѣсить, при хорошей погодѣ, бархатные и аксамитные кунтуши, шубы, стеганыя одѣяла ея матери, или же къ какому празднику вынуть изъ кладовой серебро или налить въ графинчики изъ сулѣй [1]) водки, то обыкновенно поручаемы ей были ключи, которые по окончаніи припорученія возвращались Надеждѣ обратно. Надежда во время сихъ операцій навѣдывалась въ кладовую, и даже безъ оныхъ почти ежедневно бывала тамъ, большею частію послѣ обѣда, ибо въ это время она всегда запасалась тамъ павидломъ, т. е. медовымъ вареньемъ, на полдникъ, для котораго обыкновенно, при шествіи ея въ кладовую, слѣдовала за нею служанка съ *талѣркою* [2]) и ложкою. Дворъ полковника состоялъ изъ значительнаго числа служителей обоего пола. Тогда въ панскихъ дворахъ не было такъ много дворовыхъ, какъ то бывало въ послѣдующее время, ибо, какъ извѣстно, въ эпоху нами описываемую, помѣщики не имѣли крѣпостныхъ людей; поселяне, жившіе въ помѣщичьихъ селеніяхъ, имѣли право переходить съ мѣста на мѣсто, пріобрѣтать свою землю и назывались не крестьянами, но подданными. Однако полковникъ,—по примѣру прочихъ знатныхъ пановъ, имѣлъ значительную дворню: домоправителя, повѣреннаго, комнатныхъ служителей, изъ которыхъ холостые назывались молодиками и хлопцами, кучеровъ, маштальѣровъ, охотниковъ, трубачей, которые въ торжественные и веселые дни составляли музыку, боярь, то есть верховыхъ, которые, во время поѣздокъ полковника, скакали впереди и проч. Сверхъ того, при дворѣ полковника находился домовой священникъ и дьячекъ, ибо въ то время богатые паны имѣли въ селахъ особыя домовыя или придворныя церкви, для которыхъ содержали священно и церковнослужителей изъ своихъ собственныхъ доходовъ. Въ то время малороссійскіе паны были очень набожны. Въ нѣкоторыхъ домахъ придворный дьячекъ ежедневно приходилъ въ комнаты читать заутреню, часы и вечерню, и часто сопровождалъ пана въ его поѣздкахъ, во время которыхъ сіе обыкновеніе не на-

---

[1]) Большія бутыли.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

рушалось. Дворовые служители, особенно повѣренный и писарь, присоединялись къ дьячку, попеременно съ нимъ читали и громогласно пѣли священныя пѣсни. Священники, особенно духовники, весьма были уважаемы; духовные дѣти безпрекословно повиновались налагаемой на нихъ эпитеміи. Правду сказать, что духовники налагали оныя съ снисхожденіемъ и уваженіемъ, и эпитеміи почти всегда заключались въ чтеніи псалтыри или молитвъ опредѣленныхъ. Дворовые люди лучшіе имѣли какъ и всегда и вездѣ, преимущество предъ другими; но въ то время они пользовались почестію, которая послѣ вышла изъ обычая. Въ свѣтлый праздникъ тѣ изъ людей сихъ, которые поведеніемъ своимъ и заслугами пріобрѣли уваженіе, пользовались правомъ обѣдать за однимъ столомъ съ панами. Домъ полковника въ деревнѣ былъ въ числѣ обширнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ. Тогда по большей части строили дома деревянные, которые имѣли немного выгодъ и не защищали довольно отъ холода, что мы и теперь къ удивленію видимъ, хоть по климату нашему и должно было бы ожидать большей о семъ заботы. Въ домахъ обыкновенно бывало много холодныхъ сѣней. Комнаты имѣли названія отличныя отъ теперешнихъ. Гостиная называлась парадною, или середнею; посему, большею частью, она была въ срединѣ другихъ комнатъ; буфетъ—крейденцомъ, дѣтская... (?) [1]), была зала, боковыя и проч. Предъ главнымъ входомъ обкновенно было большое крыльцо и крыши всегда высокія, и часто въ два яруса. У полковника домъ украшенъ былъ, какъ не у многихъ изъ тогдашнихъ пановъ. Въ гостиной были заграничные шелковые обои, которые называли плахтами, зала была выштукатурена и потолокъ украшенъ былъ узорчатыми фигурами лѣпной работы, полы были хоть не паркетные, но штучные. Двери изъ сѣней въ различныя комнаты были одноштучныя, выкрашенныя темнозеленою краскою, на которыхъ нарисованы были различныя эмблемы, почерпнутыя большею частію изъ книги изданной при Петрѣ I въ... году подъ заглавіемъ [2])... Не далеко отъ дому полковника была огромная каменная кладовая, со сводами, крытая желѣзомъ. Эта кладовая служила главнымъ украшеніемъ двора, ибо паны поставляли свое честолюбіе въ томъ, чтобы имѣть огром-

---

[1]) Трудно прочесть; мож. быть—*мамкиною*.

[2]) Можно предполагать, что Марковичъ имѣлъ здѣсь въ виду, изданную въ 1705 г. книгу: „Символы и Емблемата,“ состоящую изъ гравированныхъ на мѣди рисунковъ, эмблемъ и символическихъ изображеній, которыхъ всѣхъ числомъ 840. См. Пекарскій, „Наука и Литература при Петрѣ В.“ II, 142. *Ред.*

ныя кладовыя. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣленій и погребовъ и была въ два яруса, изъ коихъ на второмъ находилась комната, въ которой часто лѣтомъ полковникъ гулялъ съ пріятелями. Погребъ былъ тутъ же, слѣдовательно недалеко было ходить за венгерскимъ, фортиньякомъ и разными наливками, которыя нѣкоторые гости предпочитали самымъ лучшимъ винамъ. Близъ дому былъ садъ регулярной и цвѣтникъ. Аллеи въ ономъ, какъ и въ большей части прочихъ садовъ, обсажены были липами, а въ куртинахъ были плодовитыя деревья. У полковника была и оранжерея, хотя не весьма богатая, но и та служила предметомъ удивленія и доказательствомъ богатства пана, ибо подобныя заведенія были еще очень рѣдки.

Въ домѣ полковника жилъ съ давнихъ лѣтъ п. Бандура-Галошкевичъ, хотя изъ бѣдной, но старинной фамиліи шляхтичъ. Предки его, по преданіямъ, сохраняемымъ съ большимъ стараніемъ п. Бандурой, назывались прежде Галошкевичами, но одинъ изъ нихъ мастерски игралъ на бандурѣ и гетманъ Мазепа любилъ забавляться его музыкой. Ясновельможный пожаловалъ его войсковымъ товарищемъ, и въ одну изъ веселыхъ минутъ сказалъ, что для сохраненія въ «потомные часы» памяти о его мастерствѣ, онъ придаетъ къ прежней фамиліи его *прішидомокъ* Бандура. Съ тѣхъ поръ все потомство славнаго музыканта сохраняло съ благоговѣніемъ сіе прозваніе. Нѣкоторые люди, вѣроятно, по непріязни, утверждали, что п. Бандура произвольно перемѣнилъ свою фамилію, и что предки его назывались не Галошкевичами, а Галушкевичами; но сіе п. Бандура считалъ всегда великою себѣ обидою и никогда не прощалъ, если кто и неумышленно превращалъ его прозваніе. Къ несчастію сходство сей фамиліи съ названіемъ весьма употребительнаго въ Малороссіи кушанья, затрудняло весьма многихъ и невольно заставляло многихъ ошибаться въ произношеніи. Дворовымъ людямъ полковника это обстоятельство было настоящимъ камнемъ преткновенія: они охотно бы желали называть взыскательнаго полковника п. Бандурой, но п. Галошкевичъ весьма не любилъ, чтобы отдавали преимущество новѣйшей фамиліи предъ древнѣйшею. Требованія его на сей счетъ сдѣлались особенно настоятельными съ тѣхъ поръ, какъ п. асаулъ ґенеральный, который учился въ кіевской академіи и зналъ латинскій и французскій языки, сообщилъ п. Бандурѣ Галошкевичу свои догадки о томъ, что фамилія его по всѣмъ соображеніямъ происходитъ отъ галловъ и совѣтовалъ ему писать овую чрезъ латинское G, что п. Галошкевичъ принялъ весьма основательнымъ и охотно послѣдовалъ совѣту п. асаула ве-

неральнаго, котораго учености онъ съ того времени еще болѣе довѣрять началъ.

II. Бандура-Галошкевичъ—былъ *все* въ домѣ полковника, а наиболѣе его собесѣдникомъ. Онъ имѣлъ неограниченную въ домѣ власть и всѣ ему безпрекословно повиновались. Онъ участвовалъ во всѣхъ предпріятіяхъ и во всѣхъ забавахъ п. полковника. Во всѣхъ важныхъ и малыхъ дѣлахъ спрашивалось его мнѣніе. Всѣ закупки на ярмаркахъ и въ городѣ совершались Галошкевичемъ. Домоправитель, войтъ [1]) и другія должностныя (лица?) не предпринимали ничего безъ его совѣта и голосъ его всегда былъ уважаемъ. Въ одинъ изъ зимнихъ дней ожидали возвращенія п. полковника изъ города, куда онъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ уѣхалъ. По сему случаю п. Галошкевичъ всталъ раньше обыкновеннаго, т. е. прежде восхожденія солнца. Онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату. Потомъ, отправился онъ въ людскія, мастерскія, на кухню и конюшю, вездѣ разнесъ съ собою пробужденіе, сопровождаемое то ласкою, то угрозами, смотря съ кѣмъ имѣлъ онъ дѣло. На другой половинѣ дома происходили подобныя явленія, хоть главное дѣйствующее лице было другое. Послѣ п. Галошкевича безспорно значительнѣйшая особа въ домѣ была ключница. Трудно даже рѣшить, кто изъ нихъ былъ важнѣе. Прежде называли ее Дарьей; но когда п. полковникъ назначилъ ее въ ключницы, то изъ почтенія къ новому званію начали величать ее Одаріей Семеновной. Не смотря на то, что панночки сами смотрѣли отчасти за хозяйстомъ и имѣли ключи, можно сказать, что Одарія Семеновна была настоящая хозяйка въ домѣ. Панночки ничего не смѣли сдѣлать, не испоривъ прежде ея совѣтовъ или лучше сказать приказаній. Безъ ея опытности и напоминананій онѣ часто не знали бы что дѣлать, и если дочь и племянница заслуживали иногда гонку отъ п. полковника, то это всегда было послѣдствіемъ того, когда онѣ, по молодости, уклонялись отъ пути, предназначеннаго опытною домоводкой. Сверхъ того, Одарія Семеновна смотрѣла за ними еще съ самой колыбели, а это одно могло сдѣлать, что онѣ имѣли бы къ ней невольное почтеніе, если бы она и не заслуживала онаго своею къ нимъ привязанностію и ласковымъ угожденіемъ ихъ прихотямъ, когда она, разумѣется, была къ тому расположена. Одарія Семеновна встала немного позже п. Галошкевича и, какъ опытная домоправительница, не менѣе показала въ сей день усердія и заботливости, ожидая п. полковвика. Все утро

[1]) Позднѣе—„приказчикъ“, распоряжавшійся работами крестьянъ.

она, какъ говорится, не присѣдала, и языкъ ея, который можно сказать былъ неутомимъ, не болѣе оставался въ покоѣ, какъ и ея ноги. Она уже нѣсколько разъ обходила и кухню, и пекарню, и кладовую. Во время сихъ заботъ, переходовъ и обильныхъ разсказовъ, съ перерывами, она была (безпокоима?) частыми требованіями служителей, особенно поварчуковъ, которые присылали къ ней за столовой провизіей. Надобно сказать, что бережливая домовка имѣла правило никогда не отпускать за однимъ разомъ столько провизіи на кухню, сколько отъ ней требовали, хоть бы требованія сіи были весьма умѣрены. Это дѣлала она изъ расчетливости экономической, соображая весьма справедливо, хотя и не сознаваясь въ томъ, что повара п. полковника скорѣе готовы будутъ сдѣлать возможное изъ не возможнаго, нежели обратиться къ ней съ новыми требованіями провизіи, такъ боялись они грому и крику, которыми обыкновенно Одарія Семеновна поражала служителей кухни. Не успѣла она узнать причину прихода поварчука, какъ обильныя рѣчи, подобно лавѣ, лились на бѣдную его голову. Хоть она послѣ принималась за ключи, но симъ не прекращался шумный ея разговоръ, крикъ ея раздавался и на дворѣ и на кухнѣ, куда она за поварчукомъ слѣдовала, когда тотъ получилъ отъ нея нужное, бѣгомъ уходилъ, опасаясь, чтобы она, не довольствуясь тѣмъ, что дала полную волю своему языку, не дала оной и рукамъ. И когда Одарія Семеновна уходила изъ кухни, то подобно, какъ на театрѣ изумленному зрителю мнится еще слышать разъяренную Клитемнестру, хотя она уже скрылась за сцену, такъ пораженнымъ служителямъ кухни казалось, что грозная ключница все еще мещетъ на нихъ громъ и молнію и тогда, какъ неутомимая домодовка уже на другомъ концѣ двора избрала мѣсто дѣйствія. Во время сихъ утреннихъ прогулокъ часто случалось, что п. Галошкевичъ встрѣчался съ трудолюбивою ключницею. При этомъ случаѣ они обыкновенно останавливались и сообщали другъ другу всѣ важныя происшествія и распоряженія, каждый по своему вѣдомству. Нельзя сказать однако, чтобы встрѣчи его всегда были дружественныя. Что касается до п. Галошкевича, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе, невольно всѣми въ домѣ полковника принятое, что безъ трудолюбивой Одаріи Семеновны не могъ бы существовать домъ и слыша часто отъ самаго п. полковника, что онъ, оставшись безъ жены, существенно ей обязанъ за порядокъ и сбереженіе своего имущества, п. Галошкевичъ считалъ необходимостію жить въ добромъ ладу съ экономкою и заслуживать ея дружбу. Но Одарія Семеновна, которая никогда не покорялась совершенно

никакимъ политическимъ видамъ, весьма не жаловала п. Голошкевича. Впрочемъ, уважая волю своего пана, она никогда не позволяла себѣ ни сдѣлать, ни сказать ему всего того, чѣмъ бы она иногда желала его попотчивать, и это принужденіе, котораго она во всякомъ случаѣ была великій врагъ, едва ли не побудительнѣйшею причиною было той пріязни, которую она питала къ п. Галошкевичу. П. Бандура былъ не безъ ума и не безъ хитрости; и въ отношеніи къ Одаріи Семеновнѣ онъ употребилъ всѣ расчеты и искусство стараго дипломатика, чтобы разгадать ея характеръ и узнать слабую онаго сторону; но въ теченіи многихъ лѣтъ всѣ старанія его оставались напрасными. Какъ часто, думалъ онъ, видя свой успѣхъ сегодня, что наконецъ достигъ своей цѣли, но на завтра разрушились всѣ его надежды. Что удавалось и годилось вчера, то сегодня не служило ему ни къ какой пользѣ, а часто имѣло для него и невыгодныя послѣдствія. Все зависѣло отъ внутренняго распоряженія трудолюбивой домодовки и отъ ея произвола. Самыя лестныя для нее слова, самыя явственныя знаки уваженія иногда худо принимались; въ другой разъ и съ меньшими пособіями удавалось смягчить ея гнѣвъ или заслужить ея привѣтливость. Когда Одарія Семеновна была въ ладахъ съ п. Галошкевичемъ, то она, хоть неохотно и съ трудомъ, но производила его прозваніе отъ галловъ; въ противномъ случаѣ давала оному другой корень. Часто одного этого затрудненія въ произношеніи достаточно было, чтобы вывести ее изъ терпѣнія, и хотя, п. Голошкевичъ одной ей не показывалъ негодованія своего за сіе оскорбленіе, однако Одарія Семеновна обыкновенно, подъ видомъ извиненія, прерывала разговрръ сими или подобными словами: воля ваша п. Галошкевичъ, я понѣмецки не училась и позаморски васъ называть не умѣю! Прошу не погнѣваться, п. Галошкевичъ, а мнѣ право кажется, что вы напрасно трудите христіанскій міръ, заставляя его называть васъ не по нашему! И развѣ стыдно вамъ называться п. Галушкевичемъ? Развѣ наши галушки такая вещь, что и называть стыдно? Вы сами видите, что иногда и вельможные паны и паніи ихъ кушаютъ. И послѣ этого, казалось бы, не кстати вамъ симъ обижаться! Прибудетъ ли вамъ чести отъ того, что вы происходили отъ какихъ то нехристовъ? Воля ваша п. Галушкевичъ, я сему не вѣрю. И дѣдъ, и прадѣдъ вашъ, благодаря Бога были христіане, и за моремъ никогда, можетъ быть, по нашему не бывали, такъ зачѣмъ вамъ гоняться за нѣмецкими прозвищами? — П. Галошкевичъ выслушивалъ это иногда съ терпѣніемъ, а иногда и съ усмѣшкою. Онъ старался увѣ-

рить Одарію Семеновну, что всѣ, въ томъ числѣ и она, происходятъ отъ не-христіанъ, потому что въ древнія времена всѣ народы были прежде не христіане; но трудолюбивая Одарія Семеновна, соглашаясь съ послѣднимъ, никакъ первому вѣрить не хотѣла, и православное свое происхожденіе весьма крѣпко защищала.

Часу въ одинадцатомъ утра, возвратился п. полковникъ.—П. Галошкевичъ и служители встрѣтили его на крыльцѣ. Одарія Семеновна и панночки въ гостинной ожидали прихода его. Дочь и племянница недолго оставались тутъ, но поцѣловавши руку полковника и отвѣтивши на два-три вопроса его, удалились въ свою комнату. Остались Дарья Семеновна и п. Галошкевичъ.

— Долго загулялись, добродѣю, въ городѣ, началъ п. Галошкевичъ.

— Да, п. Галошкевичъ. Было много дѣла. Ты, я думаю скучалъ?—

— Какъ же не скучать, добродѣю? Безъ васъ, кажется, въ домѣ пусто.—Не кажите, сего, п. Галошкевичъ, подхватила Одарія Семеновна, которая съ нетерпѣніемъ слушала уже сей разговоръ,—слава Богу, у насъ въ домѣ не пусто. Панночки всегда въ домѣ, и я, нечего вамъ говорить, не сидѣла подъ замкомъ! Правда, что безъ пана, не такъ весело въ домѣ, но все жъ таки не пусто! А коли вамъ скучно съ нами, было вамъ ѣхать въ городъ съ вельможнымъ паномъ! Вы все привыкли съ панами быть вмѣстѣ, такъ нечего вамъ оставаться съ нами, п. Галушкевичъ, и вельможному пану было бъ веселѣе съ вами. Дѣла же вамъ въ домѣ немного и мы бы управились сами.

— Одарія Семеновна! отвѣчалъ п. Галошкевичъ, у васъ свое дѣло, а у меня свое. П. полковнику знать про то, гдѣ мнѣ оставаться надо.

— Полно, полно, сказалъ полковникъ. — Вы поссоритесь, да забудете дать мнѣ водки. Кажется, Одарія, что пора намъ выпить по чаркѣ и закусить. У тебя конечно есть пироги.

Одарія Семеновна вышла сейчасъ изъ комнаты, чтобы сдѣлать нужныя распоряженія къ завтраку.—

— Видно у васъ не ладно было, сказалъ п. полковникъ къ п. Галошкевичу?

— По прежнему, добродѣю. Кажется и ясно на дворѣ, а смотришь и набѣжитъ туча.

— Я надѣюсь, п. Галошкевичъ, что ты, какъ умной человѣкъ, будешь со всего этого смѣяться.

— Ваша вельможность знаетъ, что съ бабами тоже что на морѣ не знаешь, когда настанетъ буря.—

— Но мы къ этому привыкли. Надобно же и Одаріи Семеновнѣ дать волю!

— Конечно, добродѣю, я бы желалъ, чтобы ваша вельможность, нѣсколько ее поудержали, но въ этомъ будь ваша воля! Иногда бываетъ мнѣ и не вмоготу переносить ея затѣйливости, и мнѣ кажется, что Одарія Семеновна должна бы изъ уваженія къ в. в. не давать такой воли своему языку. Для чести вашего знатнаго дому, должна бы она быть поскромнѣе, и я боюсь, чтобы злые люди не вынесли чего худого, видѣвши своевольство Одаріи Семеновны... Надобно конечно сознаться, что Одарія Семеновна у вашей вельможности вѣрная слуга и не всякой можетъ похвалиться такою неутомимою и честною ключницею.

Причина, по коей п. Галошкевичъ перемѣнилъ такъ внезапно конецъ своего разговора, была то, что онъ въ это время послышалъ, что Одарія Семеновна подходила къ той комнатѣ, гдѣ онъ съ п. полковникомъ бесѣдовалъ. Трудолюбивая ключница явилась въ это время съ подносомъ, на которомъ стояло нѣсколько карафинчиковъ съ водкою разныхъ цвѣтовъ и разныхъ качествъ и сребренными чарками. Вскорѣ затѣмъ лакеи принесли хлѣбъ, балыкъ, икру паюсную, приливную осетрину, печоную рыбу и пироги. Панночки тоже вышли къ завтраку.

— В. в., такую добрую водку не вездѣ въ городѣ пили, сказалъ п. Галошкевичъ п. полковнику, когда тотъ наливалъ чарку.

— Правда твоя, п. Галошкевичъ. Выпей же и ты за здоровье Одаріи, которая намъ такія славныя водки дѣлаетъ.

П. Галошкевичъ подступилъ къ столу и взялъ за карафинчикъ, которой обыкновенно разчетливая ключница для него и подобныхъ ему ставила. Но Одарія Семеновна, которой на ту пору понравилась похвала водкѣ и которая слышала послѣднія слова п. Галошкевича на счетъ ея сказанныя, остановила его.

— Нѣтъ, п. Галошкевичъ, сказала она, для панскаго пріѣзда выпейте чарку кардамоновой. Я тоже выпью за ваше здоровье. Запеканку и полынную настойку будемъ мы съ вами пить въ другое время. Вы же, п. Галошкевичъ, недавно жаловались на нездоровье, а я благодаря Бога, людямъ помагаю. При старой паніи, вѣчная ей память, продолжала Одарія Семеновна, выпивая водку, я также понаучилась лѣчить людей и не проходитъ дня, что бы ктонибудь изъ нашего и ближнихъ селъ не приходилъ за лѣкарствомъ. П. знатной бунчуковый товарищъ, хоть и завелъ въ Глуховѣ аптеку, но какъ

видно не всѣ туда ходятъ за лѣкарствами. И мнѣ кажется, добродѣю, что вы напрасно такъ много передали туда денегъ за заморскія лѣкарства. Благодаря Бога, мы аптеки прежде не знали, а все таки своего вѣку доживаемъ.

— Я очень вѣрю, добрая моя Одарія, что ты лѣчить мастерица, но ты не можешь имѣть нужныхъ всѣхъ лѣкарствъ, которыя находятся въ аптекѣ.—Но поговоримъ о другомъ. Ты знаешь, что послѣ завтра я имениникъ. Ко мнѣ назвались многіе гости пріѣхать, поэтому я и самъ многихъ звалъ, и я думаю, что у насъ будетъ человѣкъ 50.

— Воля ваша, добродѣю, а коли бы старая пани была жива, то она бы васъ побранила. Не то чтобы она гостямъ была не рада, и я милости прошу чужихъ людей, но надобно бы вамъ было, добродѣю, загодя дать мнѣ знать. Вы сами знаете, что день не годъ, и не мѣсяцъ. Въ одинъ день не много сдѣлаешь. Я не забыла на послѣзавтра, но не чаяла, что у васъ будетъ такъ много гостей. Пятьдесять человѣкъ не пять и не десять. Правда, что за годъ до смерти старой паніи случилось тоже, что нежданнѣ наѣхало почти столько же на ваши именины, и я помню сколько я тогда понабѣгала.

— Однако, любезная Одарія Семеновна и я помню тоже, что благодаря твоимъ стараніямъ все хорошо было и ты не посрамила день моего ангела.

— Ну п. Галошкевичъ, выпьемъ еще по чаркѣ. Послѣ такихъ жирныхъ пироговъ не худо. Одаріи будетъ хлопотъ довольно, а мнѣ надо поговорить съ тобою о дѣлахъ.

— Я думаю, Лукьянъ, сказала Одарія Семеновна къ старому креденцарію (буфетчику?), который за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ вошелъ въ гостиную, чтобъ прибрать завтракъ, я думаю, что п. Галошкевичъ столько же разумѣетъ дѣла, какъ и мы съ тобою, и кажется не для чего бы ему такъ надуваться, когда панъ позоветъ его на совѣтъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна, пусть уже нашъ братъ, которой не выходитъ изъ креденца, —мы конечно дѣлъ не знаемъ,—но мнѣ кажется, что вы, Одарія Семеновна, завѣдывая столько лѣтъ всѣмъ дворомъ весьма, бы могли подать иногда и лучшіе совѣты, чѣмъ п. Галошкевичъ.

— Конечно, Лукьянъ, мы таки что нибудь знаемъ, отвѣчала ключница, наливая рюмку водки и подавая Лукьяну, сверхъ того, какъ будто у пана нѣтъ другихъ грамотныхъ людей... Писарь Горбатый я думаю и самого п. Галошкевича загналъ бы въ тупикъ. А покупки, для которыхъ всегда посылаютъ п. Бандуру, и всякой изъ насъ не хуже бы сдѣлалъ.

— Правда ваша, Одарія Семеновна. Я право не знаю, на что пану нужна эта Бандура? Хоть бы она играла, какъ при Мазепѣ, а то все молчитъ.

— Не скажу того, пане Лукьяне, хоть и не играетъ, да и не молчитъ. Ты думаешъ, черезъ кого выходятъ во дворѣ каламутини? Черезъ кого другого, какъ не чрезъ п. Галошкевича. Я бы его двухъ дней въ дворѣ не задержала. На что таки держать такого дармоѣда, на котораго столько надобно кошту. Что жъ будешь робить съ панами? Но коли бы они насъ слушались, да почаще спрашивались, то едва ли не лучше бы у нихъ все было, и едва ли не больше бы водилось у нихъ денегъ.

ГЛАВА III.

Наступилъ день именинъ полковника. Слишкомъ бы много было описывать всѣ труды и приготовленія, сдѣланныя къ сему дню неутомимою Одаріей Семеновной. Она не спала ни днемъ, ни ночью, и если она не свалилась съ ногъ, то это потому только, что домашнія хлопоты были ея стихіей. Скорѣе бы могла она сдѣлаться больною, еслибы отняли у нея возможность предоставлять ногамъ и языку своему безпрестанное движеніе, и безъ всякаго сомнѣнія, если бы трудолюбивая ключница не имѣла къ сему охоты, то все бы могли устроить и съ меньшимъ шумомъ и съ меньшею бѣготнею. Должно однако сознаться, что въ старину всякой необыкновенный съѣздъ гостей навлекалъ въ домъ множество заботъ, ибо тогда не пришло еще время, когда господа стали поставлять свои домы на такую ногу, что почти безъ приготовленія могли принимать гостей. Прежде жили весьма просто, и какъ скоро праздникъ оканчивался и оставались хозяева одни, то всѣ лучшія вещи, серебро, стекло, посуду и прочее прятали въ кладовыя. Посему то, когда ожидали какого праздника въ домѣ, столько было труда все это (нужно было?) вытаскивать изъ кладовыхъ и сундуковъ, вытирать вымывать, чистить. Не знаю осуждать ли это должно или слѣдовать сему? по крайней мѣрѣ, нечего сему удивляться, ибо всякой вѣкъ имѣетъ свой обычай. И въ древности римляне изумлялись, что при дворѣ царей македонскихъ употребляли самые драгоцѣнные приборы и украшенія не для параду и чрезвычайныхъ случаевъ, какъ то дѣлалось придворѣ александрійскомъ, но ежедневно и запросто.

Гости начали съѣзжаться. Всѣ не принадлежавшія къ высшему классу, поставляли въ обязанность пріѣхать къ знатному пану какъ можно

раньше, и хоть они отправлялись на обѣдъ, но пріѣжали уже въ девять часовъ утра. Это были: п. Горошковскій-Бобъ, отставной войсковый товарищъ, п. значковый Грачь, мелкопомѣстные сосѣди п. полковника, которые обыкновенно ближайшаго богатаго пана считала своимъ патрономъ, оказывали ему всякое уваженіе и побаивались, чтобы на случай вельможному пану не пришла охота на ихъ счетъ округливать своихъ владѣній!—П. полковника симъ упрекать нельзя было и сосѣди жившіе въ одномъ селѣ съ нимъ и поблизу, на него не жаловались и его почитали. Сверхъ сихъ ранопріѣхавшихъ, вскорѣ явились канцеляристы изъ коллегіи и генеральнаго суда, которые оказывали п. полковнику услуги по дѣламъ его въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ, и потому всегда имѣли право бывать у п. полковника, и хорошо принимаемы были. Всѣ эти гости, по раннему своему пріѣзду, могли бы быть нѣсколько обременительны хозяину, еслибы они были взыскательны, но они довольствовались въ боковой комнатѣ бесѣдою п. Бандуры Галошкевича и гостепріимствомъ Одаріи Семеновны, которая въ подобныхъ случаяхъ была ласкова и привѣтлива. Въ ожиданіи пріѣзда пановъ и начала настоящаго угощенія, она потчивала гостей водкою и закускою, такъ что гости ея нимало не были въ накладѣ отъ поздняго пріѣзда знатнѣйшихъ гостей. Наконецъ, часу въ двѣнадцатомъ начали съѣзжаться вельможные паны, генеральная старшина: п. обозный генеральный Яковъ Лизогубъ, войсковые генеральные судьи—Акимъ Горленко и Федоръ Лысенко, прежній генеральный судья Михайло Забѣла, генеральный бунчучный Даміянъ Оболонскій, асаулы: Петръ Валькевичъ и Яковъ Якубовичъ, генеральный хорунжій Николай Ханенко, исправлявшій должность подскарбія генеральнаго п. Яковъ Марковичъ, полковникъ лубенскій п. Петръ Апостолъ, п. Галаганъ, п. Полуботокъ, п. Михайло Скоропадскій, п. Ив. Гамалѣя и нѣкоторые другіе. Великороссійскіе члены войсковой канцеляріи и генеральнаго суда тоже прибыли: бригадиръ Ильинъ, полковникъ Челищевъ, Тютчевъ, Семеновъ. Богатѣйшіе паны пріѣзжали въ каретахъ, берлинахъ съ позолоченными украшеніями, съ вензелями на дверцахъ, выбитыми маленькими мѣдными гвоздями, цугомъ въ шорахъ съ красными обшивками, съ *люцами и кантарами*. Ожидали только пріѣзда бывшаго тогда главнымъ начальникомъ Малороссіи генералъ-лейтенанта Бибикова [1]) и п. генеральнаго писаря Андрея Безбородка, замедлившихъ потому, что въ тотъ день пришла

[1]) Назначенъ правителемъ Малороссіи весною 1742 г. Во время его правленія, пріѣзжала императорица Елисавета въ Глуховъ, попути въ Кіевъ. Бибиковъ на правительствѣ и умеръ, въ маѣ 1745 г. Днев. Зап. Як. Марковича, II, 223.

изъ Петербурга почта. Изъ дамъ были немногія, только двѣ ближайшія родственницы полковника: пани Яковлева Чарнишъ и пани Иванова Яворская. Первая изъ нихъ приняла на себя и должность хозяйки. Хотя люди одинъ на другаго не похожи, но трудно было бы сыскать двухъ женщинъ между собой болѣе различныхъ. Пани Яковлева не мало не отступала отъ старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ и потому имѣла она гродетуровую двуличнаго цвѣта юпку и оксамитный зеленый кунтушъ, на шеѣ видна была часть тонкой сорочки, которая застегивалась запонкой; на головѣ былъ корабликъ, середина коего была парчевая, а края бархатные чорные. Волосы всѣ были подобраны подъ корабликъ. Въ языкѣ она тоже не дѣлала никакого измѣненія, равно и во всѣхъ заведеніяхъ прежнихъ. Пани Иванова напротивъ имѣла особенную охоту возиться и знаться съ супругами великороссійскихъ господъ. Неизвѣстно, что было побудительною сему причиною. Нѣкоторыя пани можетъ быть и несовсѣмъ справедливо утверждили, что пани Иванова имѣла отъ сего нѣкоторыя выводы, и что честолюбіе ея во многихъ случаяхъ отъ сего знакомстра выигривало. Но какъ бы то ни было, всѣ великороссійскія дамы очень съ нею были дружны и часто случалось, что вновь пріѣзжавшія были уже съ нею знакомы посредствомъ своихъ знакомыхъ, которые прежде ихъ были въ Малороссіи. Пани Иванова была между малороссіянами и великороссіянами нѣчто среднее, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ отношеніи одѣянія и прочихъ обычаевъ. Она уже не носила ни кораблика, ни кунтуша, но чепцы и нѣмецкія платья. Въ нарядахъ однако было ей гораздо легче подражать, нежели въ языкѣ. Великороссійскія дамы дружески шутили при странномъ для нихъ произношеніи нѣкоторыхъ словъ, особливо тѣхъ, гдѣ малороссіяне произносятъ букву *ѣ* какъ *и*, а потому пани Иванова была на счетъ сего въ большомъ затрудненіи, и стараясь избѣжать ошибокъ, впадала въ другой родъ неправильнаго произношенія, произнося часто *ѣ* тамъ, гдѣ въ обоихъ нарѣчіяхъ употребляется *и*. Она всегда говорила *Чернѣговъ*, *кибѣтка*, *зѣма*. Странности тогда не такъ замѣтны были, сверхъ того не одна пани Иванова подражала уже обычаямъ русскихъ; были и другія паніи и высшаго разряду. Въ Глуховѣ съ давнихъ уже лѣтъ живали знатныя русскія дамы, княгиня Шаховская, Румянцева, княгиня Борятинская, Неплюева, которыя пріѣзжая изъ столицъ, безъ сомнѣнія имѣли большое вліяніе на обычаи и нравы общества, какъ то всегда бываетъ.

Наконецъ увидали карету генерала Бибикова. Всѣ засуетились, вышли на встрѣчу и провожали его съ... [1])

---

[1]) На этихъ словахъ рукопись кончается.

ЗАПИСКА

о

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ЧИНАХЪ

АДРІАНА ИВАНОВИЧА ЧЕПЫ.

(1809 г.).

Послѣ изданія въ 1783 г. дворянской грамоты, малорусская козацкая старшина оставила прежнія заботы о доказательствахъ своего шляхетства, полученнаго де отъ польскихъ королей, а поспѣшила записываться въ „дворянскія родословныя книги“, хорошо уразумѣвъ какія значительныя права она получаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Сначала, казалось, что дворянство получить не трудно, но скоро „герольдія“ сталъ дѣлать затрудненія, находя что не всѣ козацкіе чины даютъ право на записку въ дворянскія книги. Мѣстные историки стали возражать, приводя историческія доказательства о значеніи козацкихъ чиновъ. Изъ такихъ доказательствъ до настоящаго времени извѣстны двѣ *записки*: одна, принадлежащая В. Г. Полетикѣ, уже напечатанная (Кіевск. Стар. 1893 г., янв., прилож.) а другая, печатаемая здѣсь, написана А. И. Чепою, извѣстнымъ „любителемъ отечества своего“. *Записка* Чепы печатается по ея подлиннику, находящемуся въ библіотекѣ кіевскаго университета, куда она поступила вмѣстѣ съ бумагами М. О. Судьенка. Подробности о составленіи этой записки—см. въ перепискѣ Чепы съ Чарнышемъ и Полетикою, напечатанной В. П. Горленкомъ [1]).

---

[1]) „Кіевск. Старина“ 1893 г., январь, стр. 46 и слѣд.

Записка о преимуществахъ чиновъ малороссійскихъ. Сочинена по препорученію г. малороссійскаго полтавскаго маршала Василія Ивановича Чарныша статскимъ совѣтникомъ Адріаномъ Чепою. 1809 года, февраля 18 дня.

Указъ правительствующаго сената по герольдіи, что малороссійскіе чины не такіе, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство—несогласенъ съ малороссійскими привилегіями и высочайшими грамотамы. Сіе доказывается слѣдующими обстоятельствами.

1-е.

1. Малая Россія есть часть Русскаго царства или великаго княженія Кіевскаго. Народъ, населяющей оную, есть древній русскій [1]). Она съ 1240 года силою отторжена татарами; потомъ, подвергнута польской коронѣ до 1654 года. При такихъ перемѣнахъ, подъ чужимъ игомъ, сохранила она отъ временъ древняго русскаго правленія православную вѣру, русскій языкъ, имена городовъ и нѣкоторыхъ селеній, древнія права, уставы, привилегіи, обычай и раздѣленіе состояній народа. Въ такомъ положеніи она соединилась попрежнему съ всероссійскою державою, удержавъ учрежденное въ ней во время польскаго владѣнія [2]) военное правленіе и рыцарство, или войсковые чины [3]).

---

[1]) Нѣкоторые лѣтописатели малороссійскіе выводятъ происхожденіе народа, нынѣ населяющаго Малую Россію, одни отъ кимвровъ, другіе, толкуя имя козакъ, полагаютъ ихъ отъ козаръ и прочая, но все то несправедливо: одни берутъ очень издалека, а другіе говорятъ безъ основанія. Гетьманъ Хмельницкій въ универсалѣ 1648 г. маія, 19, къ малороссійскому народу, называетъ Малую Россію предковѣчною отчизною ихъ, а славнихъ и валечныхъ руссовъ предками ихъ.

[2]) 1576 года королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

[3]) Въ прошеніи гетьмана Хмельницкаго и чиновъ войсковыхъ ихъ царю Алексѣю Михайловичу, 1654 года февраля 17 дня, написано. „Пожаловавъ, ущедрить права, уставы и привилегіи отъ всякія свободы и державы добръ отъ духовныхъ и мирскихъ людей во всякомъ чинѣ и преимуществѣ сущихъ, елико кто имяше отъ

2) Рыцарство или малороссійскіе войсковые чины—были слѣдующіе: гетманъ, писавшійся войскъ запорожскихъ и обѣихъ сторонъ Днѣпра, генеральные старшины: обозный, судьи два, а иногда одинъ, подскарбій, писарь, асауловъ два, а инода одинъ, хоружій, бунчучній, и принадлежащіе вѣдомству гетмана бунчуковые и войсковые товарищи и войсковые канцеляристы. Особо того: генеральной артилеріи асаулъ, хоружій и атаманъ, полковіе старшины: полковникъ [1]), судья, обозный, писарь, асаулъ, хоружій и принадлежащіе вѣдомству полковника: значковые товарищи, сотенные старшины, сотникъ и атаманы городоные и сотенные или куренные, писарь, асаулъ и хоружій.

3. Важность и власть сихъ чиновъ въ народѣ малороссійскомъ доказывается обширностію сихъ должностей и именно: гетманъ былъ главнокомандующій войскомъ и главноуправляющій доходами, земскою управою и полиціею; имѣлъ власть награждать за заслуги деревнями и чинами, яко то: значковыми, потомъ войсковыми и потомъ бунчуковыми товарищами. Генеральные чины имѣли власть по-

---

вѣковъ, отъ князей и пановъ благочестивыхъ и отъ королей польскихъ, въ государствѣ россійскомъ наданныхъ отъ нихъ же. Мы кровь свою проливаемъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ тія содержаще и пагуби я не допускающе“.

Въ томъ же прошеніи, въ изображеніи обѣщанія царя Алексѣя Михайловича чрезъ присланнаго отъ него, написанно: „большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ и княжатъ древнихъ русскихъ, точію челомъ бійте“. Изъ упомянутаго универсала гетьмана Хмельницкаго, 1648 года, маія 18 дня, видно, что каждый король давалъ Малой Россіи подтвержденіе ея правъ и протчая.

Примѣчаніе. Кромѣ статута, двухъ королевскихъ и Зборовскихъ пунктовъ, не находится древнихъ общихъ устововъ [2]) и привилегій князей рускихъ и литовскихъ, хотя, повидимому, были оныя. По преданію же извѣстно, что привилегіи и грамоты во время войнъ съ татарами и турками, после Хмельницкаго бывшихъ, иніе утрачены а иніе измѣнникомъ Мазепою со всею архивою къ шведамъ увезены, поелику присилапіе отъ царя Алексѣя Михайловича къ Хмельницкому для принятія и присяги бояринъ Бутурлинъ, окольничій Алферовъ да думной дьякъ Лопухинъ упоминали объ нихъ въ увѣреніи Хмельницкаго и старшины, то можетъ быть и получили съ оныхъ копіи, можетъ быть всѣ оны отыщутся между дѣлами посольскаго приказа того времени въ государственой иностранной коллегіи, изъ коей въ послѣдующее время присланы имѣющіеся въ малороссійской архивѣ копіи съ договорныхъ пунктовъ гетманскихъ.

[1]) Изъ прописанныхъ чиновъ генеральные и полковники подлежали высочайшему утвержденію, а о полковой старшинѣ и сотникахъ гетманъ долженъ былъ доносить императорскому величеству съ описаніемъ ихъ службъ и достоинствъ.

[2]) Г. А. господинъ Полетика подъ словомъ *уставы* разумѣетъ конституціи коронныя польскія. Письмо его 1772 года, генваря 31.

соблнющую гетману. Полковые чины командовали въ полкахъ, кои были конные, и полковою артиллеріею, а сотенные чины—нѣсколькими сотнями реестровыхъ козаковъ и тоже сотенною артиллеріею. По мѣстному раздѣленію сего края было полковъ двадцать до 1711 года, въ каждомъ неравнымъ числомъ, отъ 2150 до 9096 человѣкъ реестровыхъ козаковъ, кромѣ охочихъ полковъ, шести конныхъ и пѣшихъ. При военной службѣ сихъ чиновъ, они имѣли сборъ казенныхъ доходовъ, земскую управу и полицію, даже и въ оставшихся съ 1711 года десяти полкахъ до 1769 года, то есть до устроенія урядовъ земскихъ по статуту.

4. Сіи чины въ прежнія времена, до 1765 года, выбираемы были отъ всего войска, по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ избираемаго, съ уваженіемъ заслугъ предковъ его, хотя тогда и козаки имѣли право быть выбираемы въ чины, но требовалось, чтобы они оказали особливыя способности и заслуги главнѣйшія.

5. Сіи то чины съ войскомъ малороссійскимъ бывши въ поляковъ, служили имъ оплотомъ противъ татаръ и турковъ, и военными подвигами своими пріобрѣли отъ нихъ подтвержденіе древнихъ ихъ преимуществъ, уравненіе съ шляхетсвомъ и присвоеніе имъ права книги статута, но послѣ оказанныхъ имъ притѣсненій, они, командуя козаками, со многимъ пролитіемъ крови своея на тридцати шести сраженіяхъ, свергнули иго притѣснителей своихъ поляковъ и Малую Россію, прародительскую отчизну всероссійскихъ монарховъ, повергнули къ подножію престола ихъ.

6. Царь Алексій Михайловичъ, «яко орелъ на птенцы своя вожделѣ», принялъ ихъ подъ высокодержавную свою руку 1654 года. Съ того времени они, находясь въ природномъ своемъ подданствѣ, всероссійскимъ самодержцамъ всегда служили вѣрою и правдою; возмущенія къ несчастію извнѣ коварствомъ навѣваемыя, они тогда же отражали и истребляли вооруженною рукою и всегда оставались вѣрными подданними всероссійскимъ монархамъ. Съ того же времени служили имъ во всѣхъ бывшихъ Россіи войнахъ съ татарами, турками, поляками, Персіею, шведами, при взятіи городовъ Смоленска, Азова, Очакова, Хотина и прочая. Содержали пограничную стражу, а паче отъ бывшихъ татаръ; всегда во всемъ были послушные исполнители, что только благоугодно было высочайше повелѣлъ имъ: командированы были съ козаками для строенія разныхъ крѣпостей внутри и внѣ Малой Россіи, для копанія пограничнихъ линій, Ладожскаго канала и дѣланія плотины на рѣкѣ Сулакѣ, а въ 1739 году, во всю зиму, по-

ломили ледъ на рѣкѣ Днѣпра, отъ Кіева даже до самой линіи, чтобъ не перешли татары; не имѣли никогда отставки, служили во всю жизнь на собственномъ содержаніи.

7. Покойный господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ Задунайскій, во время царствованія безсмертной славы государыни императрицы Екатерины Великія, за увольненіемъ гетмана, находясь по высочайшему опредѣленію шефомъ и главнокомандующимъ малороссійскими войсками, поступалъ по высочайшей волѣ и намѣреніямъ ея величества; по ея повелѣнію; безъ сомнѣнія, на высочайшемъ соизволеніи основанному введенъ порядокъ согласно россійскимъ узаконеніямъ, то есть: малороссійскіе воинскіе чины уже не были избираемы по удостоеніямъ отъ команды производимыми и повышаемы по разсмотрѣнію заслугъ не только удостоенныхъ, но и предковъ ихъ, но къ казеннымъ должностямъ выбираемы были собраніями чиновъ по полкамъ и повѣтамъ, яко то: въ предводители шляхетства, въ члены и должности судовіе, земскіе и градскіе, по статуту; для собранія и храненія казенныхъ податей въ повѣтовые комисары, въ каждый повѣтъ по одному, изъ осѣдлыхъ и имуществомъ небѣдныхъ бунчуковыхъ или войсковыхъ товарищей, для счета въ кассиры по одному изъ значковыхъ товарищей, и для письма или въ писари по одному изъ полковыхъ канцеляристовъ. По учрежденію реченнаго главнокомандующаго, 1765 года, сентября 9 дня, къ новоучрежденной онымъ же главнокомандующимъ съ 1765 года и высочайше утвержденной конной почтѣ, въ почтмейстеры изъ войсковыхъ или значковыхъ товарищей, сначала 15-ть человѣкъ, а въ теченіи времени, по усмотрѣнію надобности, умножены почтовыя мѣста, кои заняты сими же чиновниками, и въ смотрители коронныхъ имѣній.—Сверхъ того, изъ сихъ же малороссійскихъ чиновниковъ опредѣляемы были отъ главнокомандующаго въ члены: въ генеральныя—скарбовую канцелярію и счетную коммисію, въ полковыя счетныя же коммисіи, для присутствія въ учрежденной въ Глуховѣ главнокомандующимъ же съ 1778 года для воинскихъ процессовъ коммисіи, одинъ изъ генеральныхъ старшинъ и нѣсколько бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, а за аудитора и для писма—изъ канцелярскихъ служителей. Вообще же для исполненія бывшихъ въ военныя времена разныхъ отъ земли нарядовъ: фуръ воловъ, погонщиковъ и прочая, и для изслѣдованій на мѣстѣ, въ случаѣ преступленія должностей, командируемы были паипаче бунчуковые, войсковые

и значковые товарищи. И всѣ чины малороссійскіе, по повелѣнію того же главнокомандующаго 1778 года данному, занимаясь службою, не должны были обовязываться посторонними дѣлами.

8. Сіи чины всегда заслуживали къ себѣ высочайшее и всемилостивѣйшее вниманіе и благоволеніе всѣхъ съ того времени царствовавшихъ самодержцовъ всероссійскихъ. Сіе гласятъ всѣхъ ихъ высочайшія грамоты съ подтвержденіемъ имъ правъ и преимуществъ данныя; многія высочайшія ихъ грамоты писаны на имя чиновъ войсковыхъ, даже до куреннаго атамана, и во многихъ изъ оныхъ удостоены они названія вѣрнолюбезныхъ подданныхъ.

2-е.

Отъ изданія первой грамоты короля Сигизмунда 1563 года, коею подтверждены малороссійской войсковой старшинѣ, или рыцарству, ихъ прежнія права, вольности, обычаи и преимущества,— до состоянія высочайшаго именнаго отъ 28 іюля 1783 года указа, по коему они переименованы въ великороссійскіе чины, протекло 220 лѣтъ, а до сего указа правительствующаго сената, по герольдіи послѣдовавшаго къ уничтоженію сихъ чиновъ, 7-го ноября 1807 года, прошло 244 года, но со времени присоединенія ихъ подъ всероссійкую державу, съ 1654 года, уже 155 лѣтъ, никогда не оказано сумнѣнія и не сдѣлано опроверженія на ихъ преимущества; и они пользовались ими по высочайшимъ подтвержденіямъ всѣми царствовавшими самодержцами всероссійскими. Сверхъ того, оные высочайшею ихъ властію и постановленныхъ отъ нихъ начальниковъ усовершенстованны и умножены, ибо что

1, пользовались они всѣми шляхетскими преимуществами точно такъ, какъ россійскіе дворяне и чины по табели о рангахъ установленные;

2, удостоены высочайше уравненія между нѣкоторыми чинами ихъ;

3, признаваемы были достойными къ уравненію и награжденію ихъ введенными въ Россію по примѣру прочихъ европейскихъ державъ чинами, и наконецъ—

4, они дѣйствительно переименованы въ великороссійскіе большею частію военные чины такимъ порядкомъ, какъ бы и прежніе ихъ малороссійскіе были классные.

На сіи четыре положенія имѣются слѣдующія доказательства.

На первое. 1-е. Въ Малой Россіи чиновники войсковые изъ незапамятуемыхъ временъ владѣли деревнями и прочими недвижимыми имѣніями по предкамъ, по пожалованію за службы и по благоприобрѣтенію. Они имѣли, по высочайше утвержденнымъ докладнымъ пунктамъ 1729 года августа 22, позволеніе покупать въ Россіи маетности и прочія недвижимыя имѣнія и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ,—право, которое тогда однимъ россійскимъ дворянамъ принадлежало.

2-е. Многіе изъ малороссійскихъ военныхъ чиновниковъ, по подобію бывшихъ въ Россіи для чина дворянскаго помѣстьевъ, имѣли [1]) ранговыя деревни даже до открытія троихъ малороссійскихъ намѣстничествъ, а вообще всѣ чиновники, за умноженіе заслугъ, получали отъ гетмановъ, а потомъ отъ всероссійскихъ самодержцовъ, имѣнія потомственно, какъ въ Россіи дворянамъ жалованы были помѣстья въ вотчины.

3-е. По таковымъ преимуществамъ въ Малороссіи войсковыхъ чиновниковъ, совершенно сходственымъ съ шляхетскими, уже не было между ими и нѣкоторымъ числомъ шляхетства изъ Польши переселившимся, никакого различія: всѣ они равно и вновь за службы получившіе чины, по древнему обычаю, выборомъ и производствомъ, коихъ полагается токмо малое число, пользовались одинаково правами и преимуществами шляхетскими, всѣмъ имъ, женамъ ихъ и дѣтямъ присуждаемо было по рѣшеніямъ всѣхъ урядовъ, прательствующаго сената и иногда по высочайшимъ конфирмаціямъ, безчестье въ статутѣ шляхетскому состоянію положенное, и поелику тѣхъ, другихъ и третьихъ обязанность была служить во всю жизнь, то по умноженіи заслугъ и отличностей каждаго изъ нихъ, имѣли они равное право на всѣ чины, достоинства и награжденія.

4-е. При военномъ управленіи Малой Россіи, когда признано необходимо нужнымъ учредить земское правосудіе, то и произведено оное, 1763 года. По статуту узаконенно: занимать всѣ земскія должности рыцарству и шляхетству. Малороссійскіе войсковые чиновники безъ всякаго сумнѣнія о нихъ шляхетскихъ преимуществахъ выбраны въ оныя, утверждены отъ начальства и поступили: генеральнаго суда въ депутаты въ каждомъ полку, въ два подкоморскіе и въ два земскіе суды и въ нѣжинскомъ въ три, въ каждый судъ: по одному подкоморому, по одному судьи и по два подсудка, по одному пи-

---

[1]) Изъ высочайшаго манифеста при грамотѣ о дворянствѣ.

сарю и по одному возному, да въ каждомъ полку въ гродскій судъ: по одному писарю, по одному возному, а въ каждую сотню по одному возному же. Сверхъ того, изъ нихъ же избыраемы были, вмѣсто маршальскаго чина, по статуту положеннаго, въ каждомъ повѣтѣ по одному предводителю шляхетства.

5-е. По имянному высочайшему рескрипту къ господину генералу фельдмаршалу, сенатору и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову Задунайскому послѣдовавшему, онъ имѣлъ штатъ шефа малороссійскихъ войскъ, котораго класные военные чины: одинъ генералъ и два флигели адъютанты, оберъ-аудиторъ, секретарь, регистраторъ, переводчикъ, фурьеръ и нижніе чины—наполняеми были преимущественно изъ чиновниковъ малороссійскихъ.

6-е. Ея императорское величество высочайше и всемилостивѣйше соизволила повелѣть оному господину генералъ фельдмаршалу и кавалеру, отъ 2 мая 1767 года, нѣсколько изъ малороссійскихъ лутшихъ фамилій дѣтей обоего пола прислать къ опредѣленію въ кадетскій корпусъ и общество благородныхъ дѣвицъ. Онъ представилъ ея величеству, 1768 года, генваря 6 дня, дѣтей малороссійскихъ чиновниковъ при всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи и при двухъ о числѣ ихъ спискахъ; они приняты безъ всякаго сумнѣнія о ихъ шляхетствѣ, и съ того времени понынѣ всегда были принимаемы въ корпусы и прямо въ службу; служили и нынѣ служатъ въ сухопутной арміи, въ артилеріи, въ флотѣ и въ штатской службѣ, вездѣ во многомъ числѣ, на такихъ точно преимуществахъ, какъ прочіе россійскіе дворяне. Изъ нихъ примѣчательнѣйшіе состоятъ нынѣ въ службѣ: контръ-адмиралами Михайловскій и Коробка, и оба за отличныя заслуги, всемилостивѣйше награждены орденами: Михайловскій—св. Анны первой и св. вел.-мучен. и побѣдон. Георгія четвертой степени.

7-е. Во время открытія въ Малой Россіи троихъ намѣстничествъ, покойная государиня императрица Екатерина Вторая реченному главнокомандовавшему малороссійскими войсками сообщила, при рескриптѣ 1781 года октября мѣсяца, проектъ главы о дворянствѣ для руководства его и дворянскихъ предводителей съ ихъ обществами въ разборѣ дворянства. Основываясь на ономъ, какъ главнокомандующій, такъ и предводители съ обществомъ, не встрѣтили ни малѣйшаго сумнѣнія въ допущеніи имѣющихъ малороссійскіе чины къ выборамъ и поступленію въ должности, означенныя въ высочайшемъ о губерніяхъ учрежденіи, они тогда утверждены начальствомъ. Въ бывшіе послѣ того выборы, были выбираемы, какъ должно, подъ

надзираніемъ господъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ, были утверждаемы, служили и получали даже ордены св. равноапостольнаго князя Владиміра, какъ за отличія, такъ и за тридцатипятилѣтную службу, коей большая часть продолжена была въ малороссійскихъ чинахъ. Нѣкоторые изъ нихъ опредѣляемы были въ коронную службу губернаторами, вицъ-губернаторами, экономій директорами, совѣтниками, ассесорами, прокурорами, стряпчими и прочая, и повышаемы были въ чины по табелю о рангахъ установленные и ниже произведены къ мѣстамъ секретарями.

8-е. По основанію вышеупомянутаго проекта главы о дворянствѣ и по изданной потомъ всевысочайшей и всемилостивѣйшей грамотѣ о дворянствѣ, тѣ малороссійскіе чины по заслугамъ предковъ ихъ и ихъ самихъ и по привилегіямъ и высочайшимъ грамотамъ, имъ вообще пожалованнымъ, дворянскими комиссіями троихъ малороссійскихъ губерній внесены въ дворянскія родословныя книги.

На второе. 1-е. Гетманъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ представленной имъ на высочайшее разсмотреніе табели о чинахъ малороссійскихъ, въ 1756 году, положилъ чинъ войскового товарища считать не ниже сотничьяго.

2-е. Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ сенату въ 10 день ноября 1764 года, повелѣно: членамъ (коя по статуту избирались на всю жизнь) считаться заурядъ; подкоморымъ—первымъ по полковникѣ, судьямъ земскимъ—съ первостатейными бунчуковыми товарищами, по старшинству, подсудкамъ—съ бунчуковыми же товарищами второстатейными; писарямъ земскимъ—по старшинству противъ полковыхъ асауловъ, а вознымъ—первымъ предъ сотникомъ малороссійскимъ.

На третье. 1-е. 1733 года государственная иностранная коллегія, по прошенію гетмана Апостола, въ мнѣніи своемъ полагала обозному генеральному: «надлежитъ имѣть рангъ генералъ маіора или бригадара, двумъ судьямъ генеральнымъ, одному подскарбію, одному писарю, двумъ асауламъ, одному хоружему и одному бунчучному—ранги подполковничьи; десяти полковникамъ—не менѣе ранга россійскаго подполковника, бунчуковымъ товарищамъ—ранги маіорскіе, полковникамъ компанѣйскихъ охочихъ полковъ, артиллеріи генеральной асаулу и хоружему, въ полкахъ малороссійскихъ, обозному, судьи, писарю, асауламъ и хоружимъ—рангъ капитана-порутчика, сотникамъ полковымъ и городовымъ—противъ подпорутчика или прапорщика; сотенной и городовой старшинѣ, тоесть атаману, хоружему, асаулу и писарю—противъ вахмистра». Но сіе предположеніе

толико упослѣждающее чины малороссійскіе осталось и по тогдашнимъ обстоятельствамъ не могло быть введено.

2-е. Главнокомандовавшій въ Малой Россіи генералъ аншефъ графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, въ предложеніи въ войсковую генеральную канцелярію, 16 декабря 1738 года, предписалъ: «войсковому канцеляристу Максимовичу быть въ товарищахъ капитану глуховского гарнизона Протопопову при отдачѣ высочайше пожалованныхъ грузинскимъ князьямъ и дворянамъ имѣній; и впредь, гдѣ войсковые канцеляристы съ оберъ-офицерами къ какимъ либо дѣламъ опредѣляемы будутъ, должны быть въ товарищахъ, какъ то и прежде обыкновенно исполняемо было, ибо объ нихъ, войсковыхъ канцеляристахъ, не такъ разумѣть, какъ о ротныхъ писаряхъ и прочихъ надлежитъ, но всегда содержаны быть должны въ обсерваціи и достоинствѣ, какъ дѣйствительно и самимъ имъ главнокомандующимъ исполняется».

3-е. Высочайшимъ имяннымъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 10 день ноября 1764 года, по случаю увольненія графа Разумовскаго отъ гетманства, учрежденія малороссійской коллегіи и прочая, повелѣно: «желая, чтобы между опредѣленными въ коллегію членами никакого различія не было, а каждый мѣсто свое по чину и старшинству занимать могъ, всемилостивѣйше жалуемъ: сихъ малороссійскихъ членовъ уравненіемъ въ классахъ съ великороссійскими нижеслѣдующими чинами, а именно: генеральнаго обознаго Кочубея — генералъ-маіорскимъ, писаря Туманскаго — чиномъ статскаго совѣтника, асаула Жоравку [1]) и хоружого Апостола—полковниками».

И на четвертое. 1-е. Вышереченный главнокомандующій малороссійскими войсками господинъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ и кавалеръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ - Задунайскій представлялъ малороссійскихъ чиновниковъ по заслугамъ не только къ награжденію деревнями, но и великороссійскими чинами; и по представительствамъ его чинимы были всемилостивѣйшія удовлетворенія. Такъ, по представленію его, императрица Екатерина Вторая пожаловала малороссійскихъ полковниковъ Забѣлу и Заньковскаго въ бригадиры, сказавъ: «полковникъ единожды уже здѣланъ полковни-

---

[1]) Г. Жоравка подписывался: „Генеральный асаулъ, статскій совѣтникъ Иванъ Жоравка". О другихъ не помню.

комъ», слова подтверждающія достоинство малороссійскихъ чиновъ, подлежащіе написаннымъ въ табели о рангахъ.

2-е. Въ теченіи времени оной главнокомандующій имѣлъ особливое стараніе, чтобы малороссійскіе чины были переименованы въ россійскіе. Безъ сумнѣнія, была на сіе высочайшая воля императрицы. И такъ они, по представленіямъ его, производимы были: бунчуковые товарищи, полковые старшины и даже войсковые товарищи—въ коллежскіе ассесоры; прочіе чины—по соразмѣрности ихъ заслугъ и степеней, о чемъ правительствующему сенату изъ дѣлъ во все протекшее время извѣстно. Иные же изъ нихъ принимаемы были въ регулярную россійскую службу прямо штабъ и оберъ офицерскими чинами, тоже соразмѣрно ихъ заслугамъ. Когда же правительствующій сенатъ вопросилъ реченнаго главнокомандующаго о объясненіи порученностей и заслугъ, какія здѣланы представленными отъ него къ награжденію малороссійскими чиновниками, то онъ писалъ къ господину генералъ прокурору князю Вяземскому, отъ 3-го маія 1774 года, что «чиновники таковые въ прежнія времена пользовались награжденіями въ полной мѣрѣ въ службахъ ихъ—раздаваемыми отъ гетмановъ недвижимыми имѣніями, приносящими великіе доходы, и чинами въ сей земли довольно почитаемыми, а прибывали большею частію въ вѣдомствѣ между собою, не имѣя надобности искать сравненія съ великороссійскими».

И наконецъ 3 е. Когда высочайшимъ имяннымъ вѣчной памяти государыни императрицы Екатерины Вторыя указомъ государственной военной коллегіи, въ 28 день іюля 1783 года даннымъ, о преобразованіи малороссійскихъ полковъ въ регулярные повелѣно: «находящихся въ малороссійскихъ войскахъ чиновниковъ, кои похотятъ остаться въ военной службѣ и къ оной отъ главнаго начальства способными найдены будутъ, опредѣлить, смотря по степенямъ и заслугамъ, штабъ и оберъ офицерскими чинами въ сихъ полкахъ, а прочихъ отъ службы увольнить, переименовавъ для опредѣленія къ дѣламъ», то во исполненіе того чины малороссійскіе чрезъ бывшаго ихъ главнокомандующаго реченнаго господина генералъ-фельдмаршала сенатора и кавалера графа Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, по особо послѣдовавшему къ нему высочайшему имянному рескрипту, и переименованы въ армейскіе, какъ бунчуковые товарищи—въ примееръ маіоры, полковые асаулы, хоружіе и писари—въ секундъ маіоры, сотники—въ ротмистры, войсковые товарищи—въ порутчики, значковые товарищи и сотенные атаманы, писари, асаулы

и хоружіе—въ корнеты. Все сіе явствуетъ по дѣламъ и послужнымъ спискамъ сихъ чиновъ въ государственной военной коллегіи. Нѣкоторые же изъ тѣхъ чиновъ, почитая заслуженные малороссійскіе чины надежнымъ увѣреніемъ о принадлежащихъ имъ шляхетскихъ преимуществахъ, не просили о переименованіи и хотя въ маломъ числѣ, но остались въ оныхъ.

3-е.

Права, привилегіи и высочайшія грамоты, коими малороссійскому рыцарству или войсковымъ чинамъ утверждены преимущества шляхетскія и сравненіе съ онымъ, суть слѣдующія:

1. Грамоты короля польскаго Сигизмунда 1563, іюня 7, и 1569 годовъ, іюня 5 числъ, «краю сему (русской кіевской землѣ) быть при своихъ правахъ, вольностяхъ и обычаяхъ и какъ чину рыцарскому и шляхетству изъ между себя избирать въ воинскіе, гражденскіе и земскіе чины и на своихъ урядахъ судиться книгою статутъ».

2. Въ договорныхъ пунктахъ гетмана Богдана Хмельницкаго съ польскою республикою, учиненныхъ подъ Зборовымъ [1]): «малороссійскимъ войсковымъ старшинамъ или чинамъ войска запорожскаго наровнѣ считаться съ шляхетствомъ».

3. Грамота государя царя Алексѣя Михайловича (одна изъ двухъ) 1654 года, марта 27 дня, гетману Хмельницкому и старшинѣ войсковой генеральной, полковникамъ, асауламъ и сотникамъ, при принятіи ихъ со всѣмъ малороссійскимъ народомъ, въ свое подданство, коею пожаловалъ [2]): «всему Войску Запорожскому обѣихъ сторонъ (Днѣпра) и старшинѣ быть при своихъ правахъ и вольностяхъ войсковыхъ и по своимъ правамъ и обычаямъ судиться». А согласно тому въ статьяхъ его гетмана Хмельницкаго—первою и тринадцатою утвержденно.

4. *четвертое.* Въ статьяхъ гетмана Ивана Игнатовича, 8-й пунктъ [3]): «какъ напредъ сего заслуженные были пожалованы честію шляхетскою, то чтобы они при томъ же чину и чести пребывали».

5. Въ статьяхъ гетмана Ивана Самойловича, 17 пунктъ [4]): «малороссійскаго Войска Запорожскаго посланцы, при разграниченіи съ

---

[1]) 1649 года, 17 августа.

[2]) 7162 года, въ Москвѣ.

[3]) 7177 года, въ Глуховѣ.

[4]) 7180 года.

Польшею, должны быть наравнѣ съ польскими послами, какъ они и прежде сего на сеймахъ земскихъ, за польскаго владѣнія, бывали и равно съ ними сидѣли».

6. Въ статьяхъ гетмана Ивана Мазепы 19-й пунктъ: «чтобы никто изъ великороссійскихъ не привозносился тѣмъ, что онъ государевъ, а потому и малороссійскихъ старшинъ гетманскаго регименту не унижалъ и не укорялъ, яко оба сіи народа подъ одною самодержавною властію пребываютъ, то имъ и быть въ равной чести и въ равномъ уваженіи».

7. Въ рѣшеніи верховнаго тайнаго совѣта, по волѣ государя императора Петра Втораго, 1728 года, августа 22, на пункты гетмана Апостола, на 3-й: «выбирать въ генеральную старшину и полковники изъ заслуженныхъ и знатныхъ, представлять объ нихъ его императорскому величеству и ожидать указа, а опредѣленныхъ его величествомъ безъ указа не отставлять. Полковую старшину и сотниковъ выбирать изъ людей заслуженныхъ, а гетману утверждать и писать къ его императорскому величеству, описавъ службы и годность ихъ». На 15-й: «маетности и другія недвижимыя имѣнія великороссіянамъ въ Малой Россіи покупать и малороссіянамъ въ Великороссіи свободно и быть во всемъ противъ великороссійскихъ вотчинниковъ».

8. Въ утвержденномъ Малороссіи польскомъ правѣ, книгѣ Статутъ постановленны преимущества шляхетскія, коими малороссійское рыцарство или чины войсковые всегда пользовались суть слѣдующіе:

1. Рыцарство, шляхта должны служить военно. Раздѣла 2, по артикулу 7-му.

2. Простой человѣкъ, оказавшій явныя знаменитыя рыцарскія услуги, мужествомъ противъ непріятелей, имѣетъ право получить отъ короля привилегію на вольности шляхетскія и на гербы. Раздѣла 3, по артикулу 26-му.

3. Разпоряжать по желанію своими имѣніями, выслуженными, купленными и другимъ образомъ благопріобрѣтенными. Раздѣла 3, по артикуламъ 4 и 43.

4. Давнихъ ихъ привилегій, преимуществъ и обычаевъ не нарушать и не перемѣнять безъ соизволенія сейма. Раздѣла 3, по артикуламъ 2 и 10, § 1, и артикулу 15, § 1.

5. Достоинствъ и урядовъ простымъ людямъ не давать, а давать только шляхтѣ и каждому рыцарскаго состоянія человѣку, при-

роднымъ, осѣдлымъ, по способностямъ и заслугамъ ихъ. Раздѣла 3, по артикулу 18.

6. Всѣхъ—сохранять въ ихъ достоинствѣ урядахъ чести, какъ кому опредѣленно. Раздѣла 3, по артикулу 13-му. Оныхъ безъ оправданія не отнимать. Раздѣлъ 3, по артикулу 14.

7. Рыцарство шляхта имѣютъ право выбирать:

— короля, разд. 3, по артикулу 3, § 1.

— пословъ въ генеральный сеймъ и сеймики. Розд. 3, по артикулу 6-му.

— подкомораго, разд. 9, по артикулу 1-му.

— судей земскихъ и писаря, розд. 4, по артикулу 1, § 1, и артикулу 4, § 1.

— военнаго чиновника хоренжего, разд. 2, по артикулу 5.

— возныхъ, разд. 4, по артикулу 8.

8. Рыцари и шляхту безъ призыва въ судъ и обличенія въ въ тюрьму не садить. Разд. 3, по артикулу 10.

9. Выѣзжать имъ въ чужія земли, кромѣ непріятельской. Разд. 3, по артикулу 16, § 1.

10. Всѣ вышеупомянутыя права и привилегіи подтверждены высочайшими и всемилостивѣйшими грамотами государей царей Феодора Алексѣевича, 7184, февраля 1, Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, 7190, маія 30, императоровъ и императрицъ: Петра Великаго 1708, ноября 1 и 3, 1709, февраля 3, 1711, февраля 5, и 1717, генваря 8, Петра Втораго, 1727, іюня 25, и въ рѣшительнихъ пунктахъ верховнаго тайнаго совѣта, на 1-й пунктъ, 1728, августа 22, Анны Іоановны, 1730, маія 15, Елисаветъ Петровны, 1746, декабря 15, и 1751, маія 22, Екатерины Вторыя, 1764, ноября 10, Павла Перваго, 1796, ноября 30, и нынѣ благополучно царствующаго Александра Перваго, 1802 года, декабря 29 дня.

4-е.

Иностранцы, водворившіеся въ Россіи на поселеніе, не только греки, но грузинцы, молдоване и сербы, признаны въ ихъ иностранномъ дворянскомъ достоинствѣ и даже въ ихъ княжескихъ титулахъ, а истая братія русскихъ, коренные русскіе малороссійскіе, большею частію съ давнихъ временъ отъ предковъ своихъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, чиновники, которые въ теченіи 244 лѣтъ, въ томъ числѣ 155 лѣтъ подъ всероссійскою державою, по высочайшимъ и всемилости-

вѣйшимъ подтвержденіямъ пользовались правами и преимуществами шляхетскими, служили вѣрою и правдою, не щадя живота своего,— лишены стали указомъ правительствующаго сената, по герольдіи, всѣхъ тѣхъ преимуществъ и кровію заслуженной чести, сочтены ничего не значущими, потому только что они не такіе чины, коимъ дворянскою грамотою присвоено дворянское достоинство. И тогда, когда тотъ же сената департаментъ герольдіи внеслъ уже въ россійскій гербовникъ, въ 1-е отдѣленіе, гербы чиновъ малороссійскихъ Лагодъ, Лазаревича и Хильчевскаго (оные удостоены высочайшей конфирмаціи), хотя изъ описаній сихъ гербовъ видно, что предки тѣхъ родовъ служили въ малороссійскихъ только чинахъ.

И такъ, малороссійскіе чины имѣютъ причины повергнуться къ подножію престола его императорскаго величества и всеподданнѣйше просить: 1-е, о отмѣнѣ помянутаго указа правительствующаго сената по герольдіи, которымъ уничтожены и въ ничто поставлены малороссійскіе чины и тѣмъ умалена личная честь и преимущества потомковъ ихъ, произшедшихъ не только отъ полковой и сотенной старщины, но и отъ поколѣній гетмановъ и генеральныхъ старшинъ— коимъ не доставало только украшенія титулами, присвоенными въ европейскихъ державахъ подобнымъ достоинствамъ и властямъ; 2, о всемилостивѣйшемъ признаніи родовъ малороссійскихъ чиновъ, служившихъ въ оныхъ съ дѣда съ прадѣда и выше, и лично выслужившихъ чины въ дворянскомъ достоинствѣ и о внесеніи въ ту часть родословной дворянской книги, въ которую одни по древности ихъ принадлежатъ, а другіе, выслужившіе лично оные и кто изъ нихъ пожалованъ въ секретари или переименованъ въ россійскій военный чинъ, какъ въ статьяхъ 78-й и 92-й высочайшей грамоты о дворянствѣ узаконенно, во вторую часть той же родословной книги и 3, о переименованіи, остающихся въ маломъ числѣ, прежнихъ малороссійскихъ чиновъ въ великороссійскіе военные, въ точное исполненіе высочайшаго имяннаго указа, въ 28 день іюля 1783 года состоявшагося.

Сіе ихъ прошеніе основано на ихъ правахъ, привилегіяхъ и высочайшихъ грамотахъ. Ежели бы они не имѣли сихъ правъ, присвоевающихъ имъ шляхетскія преимущества, то службы ихъ всероссійскому престолу при употребленіи и пользованіи тѣхъ преимуществъ съ такихъ отдаленныхъ временъ, подаютъ имъ надежду получить всемилостивѣйшее подтвержденіе ихъ въ дворянскомъ достоинствѣ, по примѣру какъ въ прежнія времена россійскіе дворяне бывшіе только

чины, но чрезъ умноженіе заслугъ сдѣлались названіемъ благороднаго состоянія и преимуществами поровнились съ русскими родословными людьми.

Царь Алексѣй Михайловичъ, чрезъ посланныхъ его, обѣщалъ гетману Хмельницкому и войсковой старшинѣ, какъ видно изъ прошенія Хмельницкаго 1654 года, февраля 17 дня, «таково бо государское твоего царскаго величества слово намъ тотъ же ближній твоего царскаго величества бояринъ съ товарищи обѣщалъ и больше сихъ дѣлъ рече: одержите отъ великаго царя его царскаго величества, егда вопросите, большими васъ, рече, свободами, державами и добрами пожалуетъ его царское величество, паче королей польскихъ княжатъ древнихъ россійскихъ, точію челомъ бійте».

А государь императоръ Петръ Великій въ высочайшей грамотѣ 1709, февраля въ 3 день, къ малороссійскимъ чинамъ и войску, написалъ: «а особливо малороссійскому народу все обѣщанное при принятіи ихъ подъ высокодержавную отца нашего блаженныя памяти великаго государя его царскаго величества руку свято содерживали и впредь содержать будемъ; и оные вѣрные наши подданные по прежнему на правахъ и вольностяхъ своихъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ, отъ насъ же за ту свою показанную вѣрность вящшую милость и награжденіе получатъ». Поелику сердце царево въ руцѣ божіей, то слова его святы и непреложны. Просите и дастся вамъ!

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленіямъ.

Записка, составленная по архивнымъ источникамъ, въ 1865 году, есауломъ Барилкомъ и хорунжимъ Кіяшкомъ.

Осенью 1896 г. Кубанское козачье войско праздновало свой двухсотлѣтній юбилей. Въ составъ Кубанскаго войска вошло съ 1861 г. и Черноморское войско, возникшее изъ переселившихся, въ к. XVIII в., на берега Кубани бывшихъ запорожцевъ. Кубанскій юбилей подалъ поводъ къ нѣсколькимъ изданіямъ матеріаловъ для исторіи Кубанскаго козачьяго войска вообще и для исторіи Черноморцевъ въ частности. Въ ряду этихъ изданій Е. Д. Фелицынъ началъ печатать (въ Кубанск. областн. вѣдом.) собранные имъ *Матеріалы для исторіи Кубанскаго козачьяго войска.* Въ числѣ этихъ матеріаловъ издана [1]) и настоящая *Записка*, первая часть которой (до изданія Положенія 1801 г.) перепечатывается нами здѣсь съ любезнаго согласія Е. Д. Фелицына.

---

[1]) Куб. обл. вѣд. 1896 г., №№ 186, 188 и 190.

О времени поселенія бывшаго Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, и о происходившихъ перемѣнахъ по военному и гражданскому управленію.

О народонаселеніи.

Черноморское козачье войско [1]), существовавшее подъ именемъ запорожскихъ козаковъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ разныхъ состояніяхъ и видахъ, и испытавшее многоразличныя перемѣны, получило настоящее свое бытіе въ началѣ войны Россіи съ Оттоманскою Портою въ 1787 году. Затѣмъ, войско это, на основаніи всемилостивѣйшей грамоты, дарованной оному блаженной памяти императрицею Екатериной Второй [2]) въ 30-й день іюня 1792 года, переселено на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, съ нижепоименованнымъ правительствомъ и въ указанномъ здѣсь въ числѣ штабъ и оберъ-офицеровъ и козаковъ, а именно: кошевой атаманъ, арміи бригадиръ Захарій Чепѣга, войсковой судья, арміи полковникъ Головатый [3]), войсковой писарь арміи, подполковникъ Котляревскій, войсковой есаулъ 1, войсковой пушкарь 1, войсковой довбишъ 1, куренныхъ атамановъ 40, войсковыхъ полковниковъ 12, старшинъ: преміеръ-маіоровъ 5, секундъ-маіоровъ 9, бунчуковый товарищъ арміи секундъ-маіоръ 1, капитановъ 5, войсковой товарищъ арміи поручикъ 1, поручиковъ 21, подпоручиковъ 4, прапорщиковъ 32, есауловъ 34, сотниковъ 97, хорунжихъ 32, полковыхъ хорунжихъ (?), арміи прапорщиковъ 3, полковыхъ старшинъ 82, квартирмистровъ 6, сотенныхъ есауловъ 296, канониръ 162, козаковъ 16173. Итого—17021.

При войскѣ состояла войсковая флотилія, въ которой было канонирскихъ лодокъ 50 и 1 яхта. На флотиліи этой было орудій:

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ XXII за 1802—1803 года.

[2]) Полное соб. зак., т. XXIII за 1789 по 6-е ноября 1796 года.

[3]) Изъ дѣлъ Черн. войсков. правител., въ арх. по 8 опис., № 48 и 71.

двадцатифунтовая 1, двѣнадцатифунтовыхъ 14, шестифунтовая 1, трехъфунтовыхъ 8, двадцати трехъ фунтовая 1, двадцати фунтовая 1, восемнадцатифунтовыхъ 8, двѣнадцатифунтовыхъ 12, восьмифунтовыхъ 3, всего 49.

Изъ числа означенныхъ чиновъ находилось постоянно на службѣ на флотиліи, охранявшей въ Кизильташскомъ лиманѣ и у береговъ Чернаго моря войсковые предѣлы: начальникъ флотиліи войсковой полковникъ 1, полковыхъ старшинъ 10, сотниковъ 50, канониръ 51 и козаковъ 912; всего—974.

По ордеру генералъ-фельдцейхмейстера [1]) Екатеринославскаго и Таврическаго генералъ-губернатора графа Зубова, данному правителю Екатеринославскаго намѣстничества генералъ-маіору Хорвату, отъ 23 марта 1794 года за № 549, перечислены въ козаки Черноморскаго войска изъ Екатеринославскаго намѣстничества, служившіе въ Запорожской Сѣчи и по уничтоженіи оной поселившіеся было въ томъ намѣстничествѣ: секундъ-маіоровъ 2, поручиковъ 5, полковыхъ есауловъ арміи поручиковъ 5, подпоручиковъ 2, прапорщиковъ 1, арміи прапорщиковъ 5, старшинъ 4, есауловъ, неимѣющихъ армейскихъ чиновъ 6, полковыхъ хорунжихъ 6, губернскій регистраторъ 1, козаковъ—4803. Итого—4840.

По отношенію малороссійской черниговской казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 15 ноября 1802 года за № 8720, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи Сосницкаго повѣта, села Карпльскаго, малороссійскіе козаки—48 чел. [2]).

По отношенію малороссійскаго черниговскаго губернскаго правленія и тамошней казенной палаты въ черноморскую войсковую канцелярію, отъ 3 и 29 іюля 1804 года за № 8759 и 4555, зачислены въ Черноморское козачье войско означенной губерніи, Сосницкаго, Глуховскаго, Нѣжинскаго и Козельскаго повѣтовъ, малороссійскіе козаки—253 челов. [3]).

По предписанію Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье черноморской войсковой кан-

---

[1]) Изъ дѣла Черноморскаго войскового правительства, хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 8 описи 1794 г., подъ № 45.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войсков. канцеляріи 1802 года, хранящагося въ войсков. арх., по какой описи—не означено.

[3]) Изъ дѣла Черн. мор. войсков. канцеляріи 1804 года, хранящ. въ войск. арх. по 24 описи, подъ № 3.

целяріи, отъ 5 мая 1806 года за № 1818, зачислены въ Черноморское козачье войско турецкіе выходцы изъ бывшаго Запорожскаго и Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска сто двадцать два человѣка козаковъ [1]. По предписанію Херсонскаго и Одесскаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье къ войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 4 апрѣля 1808 года за № 338, зачислены въ Черноморское козачье войско изъ упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска: оберъ-офицеровъ 7, урядниковъ 5, козаковъ 423. Итого 435 чел. [2] Для пополненія убыли черноморскихъ козаковъ, происходившей отъ безпрерывныхъ набѣговъ черкесъ и отъ обыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, на основаніи высочайше утвержденнаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ, въ 17 день марта 1808 года, за № 22902, вслѣдствіе представленія Херсонскаго и Одесскаго военнаго губернатора генералъ-лейтенанта дюка де-Ришелье, переселены и зачислены въ число козаковъ Черноморскаго войска изъ Полтавской и Черниговской губерній двадцать три тысячи восемьдесятъ восемь малороссійскихъ съ ихъ семействами козаковъ [3].

По предписанію войскового атамана Черноморскаго войска, генералъ-маіора Бурсака, войсковой канцеляріи, отъ 5 мая 1810 года за № 998, основанному на таковомъ къ нему Таврическаго гражданскаго губернатора, генералъ-лейтенанта Бороздина, отъ 18 апрѣля того же года за № 624, зачислены въ Черноморское козачье войско упраздненнаго Усть-Дунайскаго Буджакскаго войска 50 козаковъ [4].

По разрѣшенію командира войска 13 дивизіи генералъ-лейтенанта Рудзевича, данному войсковому атаману генералъ-маіору Бурсаку, отъ 13 февраля 1815 года за № 121, зачисленъ въ Черноморское войско бѣжавшій отъ горцевъ рядовой 12 егерскаго полка, Афанасій Гайденко, согласно высочайшаго повелѣнія, даннаго министру юстиціи въ дополненіе къ всемилостивѣйшему манифесту, состоявшемуся въ 30 день августа 1814 года [5].

---

[1]) Изъ дѣла Черноморской войсковой канцеляріи 1806 г, хранящагося въ войсковомъ архивѣ по 15 описи, подъ № 120.

[2]) Изъ дѣла Черном. войск. канцеляр. 1808 г., хранящ. въ войсков. архивѣ по 17 описи, подъ № 63.

[3]) Полное собраніе законовъ, т. XXX, 1808 и 1809 г.г.

[4]) Изъ дѣла Черн. войск. канц. 1810 г., хранящ. въ архив. по 35 описи, подъ № 29.

[5]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1815 г., хранящ. въ арх. по 17 описи, подъ № 27.

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, семь малороссійскихъ дворянъ и тридцать козаковъ; всего тридцать семь человѣкъ [1]).

Зачислены въ Черноморское козачье войско, по распоряженію войсковой канцеляріи, по поданнымъ въ оную прошеніямъ, два малороссійскихъ дворянина, восемь козаковъ и одинъ отставной солдатъ, всего 11 душъ [2]).

По высочайше утвержденному докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 18 день апрѣля 1820 года, за № 28241, вслѣдствіе обозрѣнія, произведеннаго Черноморскому козачьему войску начальникомъ главнаго штаба 2 арміи генералъ-маіоромъ Киселевымъ, для умноженія Черноморскаго козачьяго войска, переселены изъ Полтавской и Черниговской губерній малороссійскихъ козаковъ съ ихъ семействами двадцать пять тысячъ душъ мужескаго пола [3]).

По положенію комитета министровъ, высочайше утвержденному въ 25 день февраля 1827 года за № 908, зачислены въ козаки Черноморскаго козачьяго войска 62 человѣка малороссійскихъ козаковъ [4]).

По высочайшему повелѣнію, сообщенному департаментомъ военныхъ поселеній командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса, отъ 13 апрѣля 1842 года за № 1278, зачисленъ въ Черноморское козачье войско одинъ малороссійскій дворянинъ.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска зачислены въ козаки Черноморскаго войска, въ 1842 году, четыре малороссійскихъ козака.

По распоряженію наказнаго атамана Черноморскаго козачьяго войска, въ 1848 году, зачислено въ козаки Черноморскаго войска крестьянъ и малороссійскихъ козаковъ двадцать девять душъ мужескаго пола.

По Высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 28 января 1848 года за № 415, для пополненія убыли козаковъ Черноморскаго войска зачислены въ оное изъ Полтавской,

---

[1]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канцел. 1817—1818 гг., хранящ. въ арх. по описи 35, № 58.

[2]) Изъ дѣла Черноморск. войск. канц. 1820 г., хран. въ арх. по 35 описи, № 68.

[3]) Полное собр. закон., томъ XXXVII, 1820—1821 годовъ.

[4]) Полное собран. закон., томъ II, 1827 года.

Черниговской и Харьковской губерній 2000 семействъ малороссійскихъ козаковъ, всего мужского пола семь тысячъ семьсотъ восемьдесятъ семь душъ.

По высочайшему повелѣнію, сообщенному въ отзывѣ военнаго министра къ главноначальствующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 16 апрѣля 1848 г. за № 1576, зачислены въ козаки Черноморскаго войска, издавна пріобрѣвшіе въ войскѣ осѣдлость отставные солдаты, въ числѣ сто одного человѣка мужескаго пола [1]).

По отношенію войскового правленія Черноморскаго козачьяго войска, послѣдовавшему въ войсковое дежурство сего войска, отъ 17 іюля 1858 года за № 7436, зачислены въ козаки Черноморскаго войска дворовые люди чиновниковъ и дворянъ того войска, сначала пріобрѣтенные покупкою, а потомъ, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго въ 16 день іюня 1833 года, находившіеся во владѣніи чиновниковъ и дворянъ, согласно высочайшаго повелѣнія, объясненнаго въ отзывѣ военнаго министра къ главнокомандующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, отъ 31 мая 1847 года за № 1810, 25 лѣтъ въ видѣ драбантовъ съ ихъ семействами; всего мужескаго пола триста семьдесятъ три души [2]).

По отношенію войскового правленія Кубанскаго козачьяго войска въ войсковое дежурство того же войска, отъ 31 іюля 1863 года за № 19142, зачислены въ козаки Черноморскаго войска 5 малороссійскихъ козаковъ, 1 выкрестъ изъ калмыковъ, 1 мѣщанскій сынъ и 1 священническій сынъ; всего мужескаго пола восемь душъ [3]).

Указомъ правительствующаго сената, отъ 10 мая 1834 года за № 7069, объявлено высочайшее повелѣніе: уволенныхъ изъ военной службы регулярной службы нижнихъ чиновъ изъ малороссійскихъ козаковъ водворять на земляхъ Черноморскаго войска при родственникахъ ихъ, по высочайшему повелѣнію переселенныхъ изъ Полтавской и Черниговской губерній въ Черноморію и, записавъ въ число козаковъ, не употреблять ни въ какія повинности, по уваженію выслуги ими въ регулярной службѣ 25 лѣтняго срока. Дѣтей же сихъ чиновъ мужескаго пола, рожденныхъ до отставки тѣхъ чиновъ, при-

[1]) Изъ дѣла войск. дежур. Черн. коз. войска 1848 года, хранящ. въ войск. арх. по описи 1848 г., № 107.

[2]) Изъ дѣла войск. дежур. Черномор. козач. в., хран. въ войск. арх. по описи 1847 года, № 86.

[3]) Изъ дѣла войс. дежур. Куб. к. в., хран. въ войск. арх., по описи 1863 г., № 112.

числять къ категоріи военныхъ кантонистовъ, а дѣтей, кои родятся по отставкѣ ихъ отцовъ, записывать въ Черноморское козачье войско. Высочайшее повелѣніе это принять правиломъ и на будущее время [1]).

Кромѣ показаннаго выше увеличенія народонаселенія въ трехъ округахъ бывшаго Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачьяго войска, были случаи ежегоднаго зачисленія въ одиночку изъ разныхъ званій въ козачье сословіе, исчисленіе коихъ и отысканіе самихъ документовъ, по которымъ происходило зачисленіе ихъ въ козаки, потребовало бы слишкомъ много времени.

Всего же народонаселенія, не включая сюда приращенія послѣ зачисленія въ войско вышепоказанныхъ людей, во всѣхъ округахъ бывшаго Черноморскаго козачьяго войска по 1864 годъ было семьдесятъ девять тысячъ шестьсотъ девяносто двѣ душъ мужескаго пола.

На основаніи проекта, утвержденнаго главнокомандующимъ кавказскою арміею по высочайше предоставленной ему власти, 4-го октября 1860 года, о преобразованіи Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго козачьихъ войскъ, разосланнаго по управленіямъ кавказской арміи при приказѣ отъ 13 числа того же октября за № 464 и высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ военнаго министра 22 апрѣля 1861 года, для большаго единства управленія, сообразно съ положеніемъ сѣвернаго Кавказа и съ общею системою администраціи, въ положеніи козачьихъ войскъ Черноморскаго и Кавказскаго линейнаго, Черноморское козачье войско переименовано въ Кубанское и къ составу онаго присоединены со всѣмъ народонаселеніемъ 6 бригадъ бывшаго Кавказскаго ленейнаго войска. Въ бригадахъ этихъ, по присоединеніи, равно и во вновь сформированной 7 бригадѣ, было мужескаго пола сто три тысячи триста сорокъ четыре души [2]).

Въ грамотѣ, всемилостивѣйше дарованной Черноморскому козачьему войску, блаженныя памяти императрицею Екатериною Второю, въ 30 день іюня 1792 года, изображено: «Усердная и ревностная войска Черноморскаго намъ служба, доказанная въ теченіи благополучно оконченной съ Портою Оттоманской, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе, отъ самаго того вре-

---

[1]) Полное собраніе законовъ, томъ IX, отдѣленіе первое 1834 года.

[2]) Изъ дѣла канцеляріи наказн. атамана Кубанскаго козачьяго войска 1860—1863 г.г.

мени, какъ сіе войско по волѣ нашей, покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ учреждено, пріобрѣло особливое наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе, состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію, со всею землею, лежащею по правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка, служили границею войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали мы сдѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому чрезъ землемѣровъ, обще съ депутатами отъ войска Донскаго и Черноморскаго».

«Всѣ состоящія на помянутой нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которыя для вящей войску и особливо на случай военный безопасный сооружены быть имѣютъ. Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ».

«На производство жалованья кошевому атаману и войсковымъ старшинамъ, по прилагаемой росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочія по войску нужные расходы, повелѣли мы отпускать изъ казны нашей по двадцати тысячъ рублей на годъ».

«Желаемъ мы, чтобы земское управленіе сего войска для лучшаго порядка и благоустройства, сооружаемо было съ изданными отъ насъ учрежденіями о управленіи губерній. Мы представляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе, впалающихъ въ погрѣшности въ войскѣ; но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому».

«Мы всемилостивѣйше позволяемъ войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковыхъ земляхъ. Всемилостивѣйше жалуемъ войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и войсковой печати, которыя

оному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго по волѣ нашей доставлены».

«Губернатору Таврическому указали мы доставить войску Черноморскому всѣ исходящія отъ насъ узаконенія, предлагать оному о нарядахъ на службу по назначенію военнаго начальства и преподавать всѣ нужнѣя способствованія; а потому правительство войсковое имѣетъ относиться къ сему губернатору и чрезъ каждыя двѣ недѣли присылать ему свѣдѣнія о благосостояніи войска и обо всѣхъ важныхъ происшествіяхъ, какія въ теченіе двухъ недѣль могутъ приключатся, для донесенія намъ» [1]).

«Роспись жалованью ежегодно полагаемому на войско Черноморское козачье: кошевому атаману 1000 р., войсковому судьѣ 800 р., войсковому писарю 500 р., войсковому есаулу 500 р., протопопу 200 р., попу 100 р., діакону 80 р., на причетъ церковный 120 р., 40 куреннымъ атаманамъ, каждому по 40 рублей,—1600 р., пушкарю и довбишу по 40 р.—80 руб.; итого 4680 руб.»

«На содержаніе артиллеріи и жалованье козакамъ, на дѣйствительной службѣ находящимся, и на всѣ прочіе, по разсмотрѣнію войскового правительства, расходы—15,020 р. Всего—20000 р.».

«Войсковымъ старшинамъ или полковникамъ, когда они внѣ владѣнія войска Черноморскаго на службу отряжены, производитъ въ годъ каждому по 100 руб. Сотникамъ, есауламъ, квартирмистрамъ и прочимъ полковымъ старшинамъ, когда они на службу наряжены внѣ предѣловъ войска Черноморскаго, каждому по 50 р. Козакамъ, откомандированнымъ за предѣлы войсковые, производить жалованья въ годъ по 12 руб. и провіантъ указанный, а коннымъ и фуражъ» [2]).

По прибытіи первой колонны Черноморскаго козачьго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, подъ начальствомъ бригадира Пустошкина и преміеръ-маіора Бѣлаго, по распоряженію и личному указанію бывшаго въ маѣ мѣсяцѣ 1793 года въ Усть-Лабѣ командира грузинскаго корпуса, генералъ-аншефа Гудовича, разставлены и устроены по теченію рѣки Кубани, отъ Усть-Лабинскаго редута къ Бугазскому лиману, впадающему въ Черное море, слѣдующіе кордоны: 1) Воронежскій—18 в., 2) Константиновскій 9 в., 3) Александринъ 6 в., 4) Павловскій 8 в., 5) Великомарьинскій 8 в., 6) Главно-Екате-

---

[1]) Полн. собр. зак., т. XXIII, 1789 г. по 6 ноября 1797 г.

[2]) Полн. собр. зак., т. XLIII—ч. 12, кн. штат., отдѣл. 1, съ 1711 по 1800 г.

ринодарскій 7 в., 7) Александровскій 6 в., 8) Елисаветинъ 7) в., 9) Елинскій 7 в., 10) Марьянскій 7 в., 11) Ново-Екатериновскій 10 в., 12) Ольгинскій 7 в., 13) Славянскій 7 в., 14) Протоцкій 8 в., 15) Копылскій 2 в., 16) Петровскій 20 в., 17) Андреевскій 19 в., 18) Григорьевскій 22 в., 19) Платоногорскій 21 в., и 20) Фанагорійскій 12 в., [1]).

Въ каждый изъ означенныхъ кордоновъ тогда же назначено по 100 вооруженныхъ козаковъ при исправныхъ чиновникахъ, а дабы имѣть большую возможность строгаго соблюденія дисциплины и порядка въ задержаніи черкесъ отъ покушеній прорываться въ Черноморію, вся кордонная линія раздѣлена на двѣ части, для завѣдыванія коими назначены начальники изъ двухъ войсковыхъ полковниковъ, которые равно, какъ и вся кордонная линія, состояли въ непосредственномъ вѣдѣніи войсковаго есаула; послѣднему поручался надзоръ и за всѣми куренными управленіями. Но для присѣченія всякихъ злыхъ замысловъ постоянно враждебныхъ сосѣдей-черкесъ и чтобы вполнѣ обезопасить кордонную линію и дать возможность спокойно водворяться и обзаводиться жителямъ ближнихъ и отдаленныхъ отъ кордонной линіи куреней домоустройствомъ и хозяйствомъ, по прибытіи послѣднихъ колоннъ черноморскихъ козаковъ, подъ начальствомъ кошевого атамана, всѣ войсковые штабъ и оберъ-офицеры и козаки, по распоряженію кошеваго атамана, водворены во вновь занятыхъ 40 куреняхъ (станицахъ), подъ тѣми же наименованіями, какія до пересенія этого существовали въ Запорожскомъ войскѣ, а именно: Екатериновскомъ, Кисляковскоиъ, Ивановскомъ Канеловскомъ, Сергіевскомъ, Динскомъ, Крыловскомъ, Каниvскомъ, Батуринскомъ, Поповичевскомъ, Васюринскомъ, Незамаевскомъ, Иркліевскомъ, Щербиновскомъ, Татаровскомъ, Шкуринскомъ, Кореновскомъ, Роговскомъ, Корсунскомъ, Калниболотскомъ, Уманскомъ, Деревянковскомъ, Нижнестебліевскомъ, Вышестебліевскомъ, Джереліевскомъ, Переяславскомъ, Полтавскомъ, Мышастовскомъ, Минскомъ, Тимошовскомъ, Величковскомъ, Леушковскомъ, Пластуновскомъ, Дядьковскомъ, Брюховецкомъ, Медвѣдовскомъ, Платнировскомъ, Кущевскомъ, Березанскомъ и Паш-

---

[1]) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія о кордонахъ не вполнѣ согласуются съ документальными данными Кубанскаго войскового архива, а также съ тѣми болѣе точными, которыя помѣщены въ извѣстномъ сочиненіи уважаемаго исторіографа П. П. Короленка подъ заглавіемъ „Черноморцы". Е. Ф.

ковскомъ, а часть козаковъ поселена куренями на границѣ, при кордонахъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: Воронежскомъ 250 дворовъ, 685 муж. пола, 546 женск. пола, Константиновскомъ 195 дв. 480 м. 406 ж., Александровскомъ 107 дв., 316 м. 269 ж., Павловскомъ 109 двор., 320 м. п., 275 ж. п., Великомарьинскомъ 289 дв., 768 м. п. 646 жен. п., въ гор. Екатеринодарѣ 365 дв., 916 м. 769 ж., Александровскомъ 50 дв., 132 м. п., 116 ж. п., Елисаветинскомъ 39 дв., 93 м. п., 62 ж. п., Елинскомъ 47 дв., 119 м. п., 91 ж. п., Марьянскомъ 125 дв., 306 м. п., 221 жен. п., Ново-Екатериновскомъ 226 дв., 630 муж. 597 жен., Ольгинскомъ 39 двор. 95 муж. п. 70 жен. п., Славянскомъ 54 дв., 129 муж. 98 жен. п., Протоцкомъ 43 дв., 97 муж. п., 81 жен. п., Копыльскомъ 76 дв., 211 муж. п. 173 жен. п., Петровскомъ 65 дв., 175 муж. п., 116 ж. п., Андреевскомъ 77 дв., 174 муж. п., 110 ж. п., Григорьевскомъ 112 дв., 313 муж. п. 267 жен. п., Платоногорскомъ 119 дв., 350 муж. п., 293 жен. п., Фонагорійскомъ 34 дв., 91 муж. п., 59 жен. п., Итого 2421 дв., 6400 муж. п. и 5265 жен. п. Главное управленіе въ войскѣ тогда называлось войсковымъ кошомъ и находилось подъ главнымъ начальствомъ кошевого атамана. Въ немъ присутствовали: кошевой атаманъ, войсковой судья и войсковой писарь.

Между тѣмъ кошевой атаманъ съ войсковыми старшинами, полковниками, бунчуковыми товарищами и куренными атаманами, для лучшаго и удобнѣйшаго соблюденія строгаго порядка по управленію войскомъ въ общемъ совѣтѣ, состоявшемся 1 января 1794 года, постановили нижеслѣдующій протоколъ: Вѣрнаго императорскаго войска Чорноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску [1]).

Порядокъ общей пользы.

Божіимъ призрѣніемъ и всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійсеой, монаршимъ благоволеніемъ блаженныя и вѣчно—достохвальныя памяти покойнымъ господиномъ генералъ фельдмаршаломъ священныя Римскія имперіи княземъ и великимъ гетманомъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, при учрежденіи войска Черноморскаго, мы, будучи избранными и утвержденными ко

[1]) Изъ дѣла Чорномор. войсков. капит. 1796—1816 г.г., хранящ. въ войсковомъ архивѣ.

управленію имъ въ начальники, нынѣ воспоминая первобытное сего войска подъ названіемъ Запорожцевъ состояніе и Божіимъ попущеніемъ онаго за разныя погрѣшности уничтоженіе, а потомъ неизреченною Его милостію и ея императорскаго величества матернимъ милосердіемъ, сверхъ заслугъ сего войска и нашихъ нечаяннаго новаго почтеннѣйшаго и полезнѣйшаго нынѣшняго состоянія сего войска и нашего учрежденія, и съ утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія къ благополучному пребыванію всемилостивѣйшее отъ ея императорскаго величества земли пожалованіе, по принесеніи Богу благодарственнаго моленія и ея императорскому величеству съ преданностію сердечной вѣрности благодаренія, поставляемъ отнынѣ навсегда: первое—по Божіему и монаршему правосудію, за достойное наказаніе въ страхъ и трепетъ воображать, а второе, ощущая Божія и монаршія благодѣянія, изліянныя на насъ и войско Черноморское, яко неоцѣненный даръ, свято почитать и сохранять, дабы сего войско не потеряло, по силѣ высочайшей ея императорскаго величества грамоты въ 30 день іюня 1792 года всемилостивѣйше войску жалованной, сообразуясь изданному отъ ея императорскаго величества учрежденію о управленіи губерній устроить порядокъ нижеслѣдующій:

1. Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ безъ малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевой, войсковой судья и войсковой писарь.

2. Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ при рѣкѣ Кубанѣ, въ Карасунскомъ кутѣ воздвигнуть градъ и для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнедательницы и благодѣтельницы нашей, всемилостивѣйшей государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, именовать его Екатеринодаръ.

3. По войсковой дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомныхъ козаковъ, во градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ: Екатерининскій, Кисляковскій, Ивановскій, Конеловскій, Сергіевскій, Динской, Крилевскій, Каневскій, Батуринскій, Поповичевскій, Васюренскій Незамаевскій, Ирклѣевскій, Щербиновскій, Титаревскій, Шкуренскій, Корнѣевскій, Рогивскій, Корсунскій, Калниболоцкій, Уманскій, Джереліевскій, Деревянковскій, Нижнестебліевскій, Вышестебліевскій, Переяславскій, Полтавскій, Мышастовскій, Мѣнскій, Тимошевскій, Велич-

ковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведьмедовскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущевскій, Небержанскій, по плану, да и войско поселить при границѣ куренными селеніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куренію, по жребію, принадлежать будетъ.

4. Въ куренѣ избирать атамановъ тѣхъ куреней войску изъ достойныхъ людей и перемѣнять ихъ другими каждаго года іюня 29-го числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла, и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ.

5. Куренные атаманы долженствуютъ въ куреняхъ безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выставленіе и случающіися между куренными людьми маловажные ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженой сторонѣ справедливаго удовольстія, а за важное преступленіе представлять подъ законное осужденіе войсковому правительству.

6. Всѣ обрѣтающіеся у войска старшины безъ должности, какого бы ранга ни были, и козаки, состоя подъ управленіемъ своего куреня, да повинуются атаману и товариществу, напротивъ чего и атаманы съ товариществомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность, старшинъ и козаковъ въ недавно кончившуюся турецкую войну за вѣру и отечество Всероссійскаго престола дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ—да почитаютъ.

7. Для заведенія и утвержденія по всей войсковой землѣ къ долгодѣйственному спокойствію благоустроеннаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завести окружныя правленія подъ названіемъ таковымъ: первое при р. Кубани, между козачьимъ ерикомъ и Усть-Лабинской крѣпостью, въ г. Екатеринодарѣ—Екатеринодарское; второе, отъ Чернаго моря до Чернаго ерика на Фанагорійскомъ островѣ называемой Таманѣ,—Фанагорійское; третье, отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю до рѣчки Челбасъ, съ лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьѣ его, Бейсугское; четвертое, отъ рѣки Челбасъ до рѣки Еи, при устьѣ ея, Ейское, и пятое, при границѣ отъ стороны Кавказскаго намѣстничества, по размежеваніи земель, гдѣ за способнѣе будетъ, Григорьевское.

8. Для управленія округами, въ окружныя правленія опредѣлить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и, на должность приведя ихъ къ присягѣ, велѣть имъ, исключая перваго Екатерино-

дарскаго округа, въ послѣднихъ четырехъ округахъ выстроить окружные города, яко-то: Фанагорію, Бейсу, Ейской и Григорьевской, а села всѣ населять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимся изъ разныхъ мѣстъ сего войска военными людьми и для печатанія при правленіяхъ письменныхъ дѣлъ подѣлать окружные печати съ гербами, по приличію округовъ свойственными, яко-то: на Екатеринодарской, такъ такъ на границѣ противу врага имени христіанскаго,—козакъ водрузившій ратище въ землю, и приложа къ нему вмѣсто присошковъ, ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ, врага стрѣляющій, на Фанагорійской—по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсуговской—рыба; на Ейской—козакъ, при границѣ единовѣрныхъ, съ ружьемъ на караулѣ стоящій, а на Григорьевской, отъ пустаго степу,—въ пикетѣ козакъ, сидящій на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ.

9. Окружныя правленія и командиры долженствуютъ по насылаемымъ отъ атамана кошевого и войскового правительства письменнымъ повелѣніямъ, чинить непремѣнное и немедленное исполненіе. безъ малѣйшаго упущенія.

10. Окружныя правленія имѣютъ попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовнывъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ. А имѣющіеся лѣса и родючее дерево да сохранять отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ, въ цѣлости къ общей войсковой пользѣ. Также между людьми встрѣчающіяся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовольствія; свирѣпыхъ укрощать, злонравныхъ исправлять, сиротъ и вдовъ защищать и во всемъ имъ помогать; лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію; для распространенія семейнаго житія, холостыхъ къ женитьбѣ понуждать, непокоряющихся власти и непочитающихъ старѣйшихъ, по мѣрѣ преступленія, штрафовать, а содѣявшихъ важное преступленіе къ законному осужденію присылать въ войсковое правленіе.

11. Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневные, а о чрезвычайностяхъ въ тотъ же часъ имѣютъ присылать рапорты атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ.

12. Окружныя правленія долженствуютъ имѣть прилежное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и ко-

заки, имѣя въ себѣ на каждую мужескаго пола душу военное оружіе во всякой чистотѣ и исправное, на случай нагляго военнаго времени или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и проѣзжающихъ по сей землѣ постороннихъ россійскихъ людей, непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а неимущественные пѣше къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности, чтобы на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ, ѣздить, ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на пастьбу гонять, безъ военнаго орудія никто недерзалъ, и кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать.

13. Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ, и гдѣ надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности.

14. Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ, сохраняема была чистота, и на случай пожара имѣли къ тушенію онаго воду и обыкновенные для пожара желѣзные инструменты.

15. Въ тѣхъ округахъ, ежели гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленіи командиры долженствуютъ, съ подчиненными имъ старшинами и козаками, стараться всѣхъ переловить и стослать къ законному осужденію, какъ и передержателей въ войсковое правительство при рапортѣ.

16. Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотчасъ, зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ съ великою осторожностью, дабы зараженные съ здоровыми отнюдь не совокуплялись и съ подробнымъ объясненіемъ, откудова таковое зло возымѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ.

17. При случаяхъ, въ тѣхъ округахъ, скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное зло истребить, чрезъ кого слѣдуетъ увѣдавъ о томъ, подробно тотчасъ рапортуютъ атаману кошевому и войсковому правительству, и, отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, а съ палаго кожи не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы, и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ, выѣзжать, такъ и въ оное со стороны съ здоровымъ скотомъ, въѣзжать запретить, покудова отъ заразы тое мѣсто освободится.

18. Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года іюня 29 числа, т. е. въ день св. апостоловъ Петра и Павла. А ежели съ сихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполнителями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безпорочны, то таковыхъ, уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время. А которые окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ не дожидаясь года, въ то самое время когда увѣдано будетъ перемѣна другими, предавать законному сужденію и штрафу.

19. Съ начала учрежденія вѣрнаго войска черноморскаго, старшинамъ и козакамъ, во всю недавно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну, за вѣру, отечество и сію землю дѣйствительно лично служившимъ, кровь проливавшимъ и тѣмъ вольность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные свои дворы, а въ степи хутора и мельницы; при тѣхъ дворахъ, хуторахъ и мельницахъ заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы.

20. Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ-наставникамъ и попечителямъ о общихъ сего войска благахъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольножелающихъ людей поселить позволяется и опредѣлить имъ земли, по прилагаемой у сего росписи.

21. Старшины поселенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не подданными своими, а вольноживущими подъ ими козаками, и выходить онымъ изъ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйтить дондеже долгъ хозяину возвратитъ.

22. Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ и подвиговъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тягости по конецъ ихъ жизни, не употреблять.

23. Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ на вѣчно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, рыболовными заводами владѣніе выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобы до онаго, кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землю не утѣснялъ.

24. Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на военныхъ жителей и постороннихъ россійскихъ людей, отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служившіе старшины, съ поселенными людьми и козаками, такъ и не служившіе старшины и козаки, исключая только старыхъ искалѣченныхъ и малолѣтнихъ, къ службѣ не годныхъ, словомъ сказать, всѣ безъ изъятія долженствуютъ, со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ къ пораженію непріятеля имущественные конно, а неимущественные пѣше, быть на каждый часъ во всей готовности.

25. Войсковой есаулъ долгъ имѣетъ, на границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошевого и войскового правительства были выполняемы въ точности безъ малѣйшей отмѣны. И ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, съ подробнымъ поясненіемъ его винности, для чего отъ кошевого давать ему о томъ полныя наставленія.

Вышеписанный порядокъ, въ соотвѣтствованіе высочайшей ея императорскаго величества воли, мы, будучи обязаны усердіемъ и ревностію къ отечеству и любовію ко всему нашему обществу, почитая для долгоденственнаго благосостоянія сего войска самонужнѣйшимъ началомъ на войсковой землѣ возстановляя, надѣемся, что наше войсковое общество приметъ сей въ кротости духа и воздавъ Богу за ея императорское величество благодарственныя молитвы, посвятить себя въ непремѣнномъ исполненіи на всегда благополучной градъ Екатеринодаръ. 1794 года, января... Подлинное подписали: атаманъ кошевой, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Чепѣга; войсковой судья, арміи полковникъ и кавалеръ Антонъ Головатый; войсковой писарь, арміи подполковникъ Тимофей Котляревскій».

Въ каждомъ куренѣ (станицѣ) мѣстное управленіе составляли: куренной атаманъ, сельскій атаманъ и сельскій смотритель. Первый изъ нихъ, равно какъ и всѣ прочіе, отъ сорока куреней, куренные атаманы участвовали во всѣхъ совѣщаніяхъ кошевого атамана и войсковаго правительства, какъ-то: командированіе козаковъ на пограничную службу и флотилію и всѣ вообще по войску наряды внутренней службы; эти же куренные атаманы приводили въ исполненіе всѣ дѣлаемыя имъ порученія и предписанія чрезъ сельскихъ смотрителей и сельскихъ атамановъ. Для занятія сихъ послѣднихъ и куренныхъ

сходокъ въ каждомъ куренѣ существовало мѣстное управленіе подъ именемъ куренной или сельской избы.

Порядокъ куренного управленія существовалъ сначала поселенія войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1-го числа апрѣля 1801 года, а сего числа назначенный по высочайшему повелѣнію первоприсутствующимъ въ войсковую канцелярію, генералъ-лейтенантъ Кирѣевъ, предложилъ войсковой канцеляріи за № 106: «такъ какъ всѣ куренные атаманы отъ 40 куреней, вопреки своего назначенія, отвлечены отъ своихъ жилищъ и лежащихъ на нихъ обязанностей, проживаютъ въ г. Екатеринодарѣ безъ всякой надобности, то немедленнъ отправить куренныхъ атамановъ въ курени по принадлежности, со строгимъ приказаніемъ смотрѣть за благоустройствомъ и трудолюбіемъ козаковъ, такъ какъ они находясь въ Екатеринодарѣ, отвлекаются отъ своего назначенія». Распоряженіе это по журналу войсковой канцеляріи 2 числа того же апрѣля приведено въ исполненіе. Но и по возвращеніи куренныхъ атамановъ въ свои курени составъ куренного управленія остался прежней, т. е. изъ куренного атамана, сельскаго атамана и сельскаго смотрителя до высочайше утвержденнаго въ 26 день апрѣля 1827 года положенія объ управленіи Чорноморскимъ козачьимъ войскомъ[1]).

При вышеприведенномъ протоколѣ «Порядка общей пользы» приложенъ слѣдующій штатъ: «Штатъ по должности атамана кошевого и войскового правительства къ исполненію письменныхъ дѣлъ должнаго служенія опредѣленнымъ чинамъ съ положеніемъ имъ въ жалованье и на канцелярскіе расходы 2000 р. денегъ. Учиненъ 1 января 1794 г.

Экспедиціи и чины—число людей и жалованье имъ въ годъ.

1) По должности атамана кошевого письмоводитель 200 руб., повытчикъ 100 р., писарей 2 по 50 р.—100 р., въ войсковомъ правительствѣ:—секретарь 200 р. Въ отдѣленіи, въ которомъ паспорты и билеты: повытчикъ —100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Въ разныхъ воинскихъ, казенныхъ и гражданскихъ дѣлахъ: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Уголовнаго преступленія дѣла: повытчикъ—100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. У дѣлъ по разнымъ публикаціямъ: повытчикъ 100 р., писарей 2—по 50 р.—100 р. Архи-

---

[1]) Изъ дѣла черноморской войск. канцеляріи за 1801 г., хранящ. въ войск. архивѣ по 10 описи, № 66.

варіусъ—100 руб. Для канцелярскихъ расходовъ, на покупку дровъ и на сторожа 500 р. Итого 18 чел.; всѣмъ—2000 руб.

Именемъ высочайшимъ указомъ, даннымъ 18-го октября 1799 года адмиральтейской коллегіи [1]) предписано: построить вновь при войскѣ черноморскихъ козаковъ гребную флотію, а именно: 50 лодокъ, 1 яхту и 5 баркасовъ. На постройку эту и вооруженіе опредѣлено изъ суммъ государственнаго казначейства отпустить 620103 р. 40³/₄ к. и на содержаніе флотиліи ежегодно отпускать 31621 р. 41 к., но былъ ли приведенъ въ исполненіе этотъ указъ и когда—свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ бывшей Черноморской войсковой канцеляріи, находящихся въ войсковомъ архивѣ, не отыскано, по случаю уничтоженія войсковымъ правленіемъ Кубанскаго войска многихъ дѣлъ прежняго времени въ 1863 и 1864 годахъ. Нѣтъ также свѣдѣній объ этомъ и въ полномъ собраніи законовъ съ 1799 года по настоящее время.

Послѣ этого Новороссійскій военный губернаторъ, генералъ отъ кавалеріи Михельсонъ, ордеромъ отъ 12 іюля 1802 г. за № 554, далъ знать войсковому атаману Черноморскаго войска полковнику Бурсаку, что такъ какъ войсковая флотилія отъ давняго и постояннаго употребленія оной пришла въ ветхость и къ употребленію негодна, то по всеподданнѣйшему его представленію для охраненія войсковыхъ береговъ Чернаго моря и предупрежденія покушеній морскихъ разбойниковъ изъ черкесъ на приморскіе войсковые предѣлы, всемилостивѣйше подарены Черноморскому козачьему войску десять новыхъ канонирскихъ лодокъ, вновь выстроенныхъ при Николаевскомъ адмиралтействѣ въ полномъ вооруженіи, съ 20 на нихъ орудіями, со всѣми принадлежащими къ нимъ зарядами и снарядами. Лодки эти, по распоряженію начальника Черноморскаго флота адмирала Мордвинова, 18 августа того же года флота капитанъ-лейтенантомъ Делегатомъ доставлены въ г. Тамань и сданы назначенному войсковою канцеляріею для принятія ихъ капитану Животовскому и затѣмъ употреблены по высочайшему назначенію [2]).

Когда именно войсковая флотилія уничтожена и по какому случаю—свѣдѣній въ дѣлахъ, нынѣ находящихся на храненіи въ войсковомъ архивѣ, не отыскано и упомянутая флотилія въ годовомъ от-

---

[1]) Полное собр. закон., т. XXV 1798—1799 годовъ.

[2]) Изъ дѣли черном. войск. канц. 1802 г., хранящ. въ войск. арх. по 11 описи, подъ № 226.

четѣ о состояніи Черноморскаго козачьяго войска, представленномъ наказнымъ атаманомъ въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства при рапортѣ отъ 1 февраля 1836 года за № 251, уже незначилась.

По переселеніи Черноморскаго козачьяго войска на мѣста, нынѣ имъ занимаемыя, до 1803 г. въ войскѣ штатныхъ полковъ и командъ не было, а таковыя составлялись по военнымъ обстоятельствамъ и по высочайшимъ повелѣніямъ. Такъ, напримѣръ, были составлены въ 1794 году два конныхъ полка пятисотеннаго состава каждый, по образцу полковъ войска Донскаго, и командированы, подъ начальствомъ кошевого атамана арміи бригадира Чепѣги, для участвованія въ послѣдней польской компаніи; въ 1796 году, по случаю войны Россіи съ Персіею, были составлены два пятисотенные пѣшіе полка и командированы въ Персію подъ начальствомъ войскового судьи арміи бригадира Головатаго. Полки эти по окончаніи войны возвращены въ войско.

Всемилостивѣйше дарованною Черноморскому козачьему войску императоромъ Павломъ I-мъ въ 16 день февраля 1801 года грамотою, предписано по войску Черноморскому, вмѣсто войскового правительства, учредить войсковую канцелярію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1-е) въ войсковой канцеляріи присутствовать отъ войска Черноморскаго: войсковому атаману, двумъ членамъ и сверхъ того особамъ, по высочайшимъ повелѣніямъ назначеннымъ; 2-е) отъ сей канцеляріи зависѣть должно наблюденіе въ подчиненныхъ мѣстахъ за благоустройствомъ, правосудіемъ и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ; 3-е) учредить зависящія отъ канцеляріи экспедиціи: первую для дѣлъ криминальныхъ, вторую для дѣлъ гражданскихъ и тяжебныхъ, третью для дѣлъ казенныхъ, четвертую для дѣлъ межевыхъ, пятую для полиціи и шестую—сыскнаго начальства, соотвѣтствующую земскому суду, и во всѣхъ сихъ экспедиціяхъ быть отъ Черноморскаго войска пристойному числу членовъ; 4-е) экспедиціи сіи, производя дѣла, приговоры свои по онымъ должны вносить на утвержденіе войсковой канцеляріи и высочайше довѣренной особѣ и, доколѣ утверждены не будутъ, исполнять оные не долженствуетъ; 5-е) войсковая канцелярія и подчиненныя ей экспедиціи какъ теченіе дѣлъ, такъ и земское управленіе должны производить на основаніи общихъ установленій Россійской имперіи; 6-е) дѣла по гражданской части на апелляцію вносить въ правительствующій сенатъ, а по военной относиться въ военную кол-

легію; сообразно съ этимъ и уголовныя дѣла вносить на ревизію, по роду ихъ и принадлежности, того или другаго правительства, представляя прежде приговоры по нимъ на разсмотрѣніе высочайше довѣренной особѣ; 7-е) къ судейскимъ должностямъ опредѣлять способныхъ и благонадежныхъ людей на годъ; 8 е) канцелярію и ея экспедиціи снабдить по распоряженію войсковой канцеляріи служителями въ такомъ числѣ, какое для успѣшнаго дѣлопроизводства потребно; 9-е для охраненія правосудія и доставленія каждому скорѣйшаго по дѣламъ законнаго удовлетворенія высочайше повѣлено быть при войсковой канцеляріи прокурору.

ЛАНКАСТЕРСКОЕ УЧИЛИЩЕ

ВЪ КІЕВѢ.

(ок. 1820 г.)

ЗАПИСКА

Ивана Романовича Мартоса.

Печатаемая здѣсь *Записка* Ив. Ром. Мартоса [1]) заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о введеніи въ Кіевѣ Ланкастерова̀го метода обученія въ низшей школѣ. Изъ этой записки видно, что едва ли не въ Кіевѣ былъ сдѣланъ и первый опытъ обученія по этому методу, причемъ послѣдній былъ введенъ здѣсь извѣстными генералами Н. Н. Раевскимъ и М. Ф. Орловымъ, которые, повидимому, познакомились съ Ланкастеровымъ методомъ во время похода во Францію въ 1814 году. Записка Мартоса написана, какъ кажется, послѣ 1819 г., когда введена была Ланкастерова метода въ Петербургскихъ училищахъ, трудами главнымъ образомъ Герда.

---

[1]) О Мартосѣ см. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., октябрь, 48—71.

Ланкастерское училище въ Кіевѣ (ок. 1820 г.). Записка Ивана Романовича Мартоса.

Любопытство, соединенное съ чувствомъ благоговѣнія, привело меня въ городъ Кіевъ, знаменитый своею древностію какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ гражданскомъ. Я не стану описывать здѣшнихъ древностей, заключающихся въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ мощахъ и въ прочихъ достопамятностяхъ, составляющихъ исключительно священную принадлежность Кіева. Для сего нужно имѣть досужество и отличныя дарованія, дабы въ достойныхъ чертахъ изобразить картину первобытныхъ временъ христіанства нашего, совокупно съ обожаемыми сподвижниками онаго; но признаюсь чистосердечно, что потребныхъ для таковаго произведенія качествъ у меня недостаетъ. Я коснусь перомъ моимъ нѣкотораго новаго предмета, обворожившаго меня при первомъ его обозрѣніи: это есть кіевское военно-сиротское отдѣленіе, или, лучше сказать, введенный въ оное *порядокъ взаимнаго ученія*, Ланкастеромъ изобрѣтенный, приспособленный весьма удачно нетокмо къ чтенію и письму, но и къ ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, катехизису и священной исторіи. Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя несказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную благотворный свѣтъ солнца.

Пріятно было бы мнѣ служить читателямъ подробнымъ описаніемъ порядка сего въ самомъ его выполненіи, переходя отъ первой степени, въ которой начинается ученіе, до послѣдней, въ которой приготовляются избранные къ учительскимъ должностямъ; какія

важныя дѣйствія совершаютъ въономъ самыя простыя вещи, какъ-то: песокъ, свистокъ, прутикъ, колокольчикъ, походъ и хлопанье въ ладоши; но сверхъ того, что все сіе описано уже предварительно, частію въ прежнихъ листахъ русскаго инвалида, а частію въ особыхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для распространенія порядка взаимнаго ученія,—человѣкъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на короткое время для богомоленія, столько имѣетъ развлеченій, что долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не углубляясь въ сокровенныя подробности оныхъ.

Съ перваго взгляду показывается, будто видишь предъ собою большое число машинъ, движущихся по звукамъ свистковъ, колокольчиковъ и прочаго, а не собраніе школьниковъ, приходящихъ въ учебный домъ для продолженія своихъ наукъ, числомъ до 1800 человѣкъ. Но когда по опытамъ я замѣтилъ, что лучшій ученикъ, примѣрно въ 11 лѣтъ, каковыхъ тамъ есть очень много, управляетъ другими, гораздо большій возрастъ имѣющими, тогда легко мнѣ было увѣриться, что сей образъ ученія, машинальнымъ кажущійся, никакъ нестѣсняетъ врожденныхъ дарованій; а вмѣсто того, чрезъ соревнованіе, награжденіемъ и постыдѣніемъ возбуждаемое, споспѣшествуетъ развитію оныхъ по всей возможности. Учащійся пользуется купно и наукою и движеніемъ, обращая вниманіе на разные предметы, кои взаимно помогаютъ ему вскрывать свои душевныя способности. Отличный ученикъ можетъ пройти въ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ восемь классовъ, оставляя прочихъ на половинѣ пути своего, и сіи не въ состояніи препятствовать ему въ его преспѣяніи. Не безъ удовольствія можно видѣть въ этой школѣ нѣсколько человѣкъ служивыхъ, пожилыхъ уже лѣтъ, чертящихъ на пѣскѣ буквы на ряду съ прочими школьниками, по изъявленному ими желанія пріобрѣсти искусство читать и писать: они хотятъ оправдать собственнымъ опытомъ извѣстное мнѣніе, что никогда не поздно начинать хорошее дѣло, сколь скоро надобно приводить его въ дѣйствіе. Удобность, съ каковою мальчикъ, вступающій въ школу сію, начинаетъ пріучаться къ правильнымъ оборотамъ и прочимъ тѣлеснымъ движеніямъ, успѣвая въ оныхъ свободно, безъ принужденія, нечувствительнымъ образомъ, играючи, позволяетъ сказать, что едва-ли другая какая либо наука можетъ съ большею удачею приспособлять молодыхъ людей къ военному трою, какъ наука взаимнаго ученія. А поспѣшность, съ каковою здѣсь научаются читать, писать, считать и рисовать, также играючи, также безъ большихъ пожертвованій, представляетъ способъ взаимнаго ученія

самымъ выгоднымъ для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ, по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ. Дѣйствительно теперъ наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землѣпахарей, бывъ удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго. Кажется, медленной ходъ ученія, по селеніямъ нынѣ преподаваемаго приходскимъ причтомъ, съ одной стороны можетъ содѣлывать всякое расположеніе, къ образованію поселянъ относящееся, недѣйствительнымъ; а съ другой, допускаетъ признавать Ланкастеровъ порядокъ быстротекущимъ источникомъ народнаго просвѣщенія, которое весьма много требовало пожертвованій въ обширныхъ нашихъ провинціяхъ.

Обратимся къ виновникамъ сего новаго введенія. Ежели справедливо, что *порядокъ взаимнаго ученія*, принятой въ Россіи въ 1817 году, первоначально показался въ Кіевѣ, потомъ уже въ С:П:бургѣ и въ другихъ губерніяхъ, какъ русскій инвалидъ въ № 85-мъ увѣряетъ насъ, то сіе можно брать въ разсужденіе съ весьма выгодной стороны. Кому неизвѣстно, что христіанское ученіе, равномѣрно заимствованное изъ внѣ, также получило свое начало въ Кіевѣ при великомъ Владимірѣ, который разліялъ сей свѣтъ отъ бреговъ Днѣпра до бреговъ Волхова, нелишая спасительныхъ лучей онаго ни малыхъ, ни большихъ областей своея великія державы? Подобно тому въ наши дни разлилось обильными струями народное просвѣщеніе при Александрѣ, который далъ ему чрезвычайное превосходство противу прежняго, содѣлавъ его всеобщимъ для своихъ подданныхъ, неисключая ни рода, ни пола, ни состоянія, ни возраста. Самое введеніе Ланкастерова порядка никогда не могло бы быть допущено, ежели бы непослѣдовало на сіе высочайшаго соизволенія. И такъ, да будетъ успѣхъ народнаго просвѣщенія столь же счастливъ при Александрѣ, сколь счастливъ былъ успѣхъ христіанскаго просвѣщенія при Владимірѣ!

При таковыхъ желаніяхъ очевидцы достойную честь приписуютъ корпусному генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генеральнаго штаба генералъ-маіору М. Ф. Орлову, яко главнымъ основателямъ здѣсь новыхъ правилъ взаимнаго ученія. Поводомъ къ тому служило, говорятъ, жалостное состояніе, въ какомъ нашли они сіе отдѣленіе по принятіи начальства, гдѣ солдатскія дѣти, въ наукахъ своихъ упражнявшіеся по нѣсколько лѣтъ, неумѣли ни читать, ни писать поря-

дочно. До чувствительности тронутый таковою оплошностію генералъ Раевскій, какъ человѣкъ, одушевляемый и въ мирныхъ упражненіяхъ по службѣ тою же любовію къ отечеству, каковою пламенѣлъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля, признал онъ удобнымъ случаемъ найденную неисправность обратить въ пользу учащихся такимъ образомъ, чтобы тотъ же часъ ввести въ употребленіе *порядокъ взаимнаго ученія*, вывезенный изъ Франціи. Наука сія съ начала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ, а послѣ того получены изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на руской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ въ 1817 году. Недовольно сего: надобно было хлопотать о людяхъ, кои могли бы вмѣстить новыя впечатлѣнія, для преподаванія наукъ по новымъ правиламъ. Все сіе составляло чрезвычайную заботу для начальника генеральнаго штаба, наипаче при недостаткѣ способныхъ людей, въ которыхъ настояла необходимая надобность. Но какъ начинаніе добрыхъ дѣлъ никогда неостается безъ увѣнчанія хорошимъ успѣхомъ, то подобнымъ образомъ и генералъ-маіоръ Орловъ, послѣ многихъ пожертвованій своими трудами, своимъ просвѣщеніемъ и самымъ иждивеніемъ своимъ, достигъ наконецъ до той вожделѣнной цѣли, что возвелъ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе на желанную степень совершенства. Кто не повѣритъ, что безъ таковыхъ усилій новый порядокъ взаимнаго ученія могъ бы существовать здѣсь въ одномъ только умозрѣніи? Но кто-жъ и не порадуется, когда узнаетъ что по поводу сему кіевское военно-сиротское отдѣленіе выиграло наилучшее положеніе, составляя нынѣ въ Россіи, такъ сказать, матку взаимнаго ученія, сколь скоро взять во вниманіе нижеслѣдующія причины: 1-е, что правила сей науки здѣсь показались прежде, нежели въ другихъ нашихъ провинціяхъ, 2-е, что сюда присылаются изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ ученики, для приготовленія ихъ къ новымъ таковымъ же заведеніямъ и 3-е, что здѣсь же приготовленные учители открыли уже классы по новому порядку взаимнаго ученія въ Москвѣ, въ Могилевѣ и въ Херсонѣ. Какъ пріятны должны быть таковыя разспространенія для трудившихся въ первомъ начинаніи!.. При семъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость инженерному штабсъ-капитану Прасолову, надъ всѣми классами дирекцію имѣющему, который столько благопріятствуетъ посѣтителямъ въ наблюденіяхъ, что совершенно удовлетворяетъ ихъ любопытству; да и прочіе учители, кажется, преисполнены ревнованіемъ содѣйствовать благодѣтельному

намѣренію высшей власти, въ разсужденіи просвѣщенія своихъ учениковъ, яко будущей, несомнѣнной надежды отечества.

Надѣюсь подобные мнѣ посѣтители города Кіева, послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ, увлекаемы будучи силою своего любопытства, прідутъ въ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ Печерской крѣпости, дабы видѣть въ самомъ дѣйствіи тотъ быстрый потокъ ученія, который въ ономъ разливается по новымъ правиламъ. Они могутъ видѣть его и заимствовать нужное. Но да не помыслятъ, чтобы я предложилъ изъясненіе сіе по какимъ либо личнымъ видамъ. Одно чувство признательности къ виновникамъ сей общеполезной новости, свойственное всякому сыну отечества, управляло слабымъ перомъ моимъ. Да съ умноженіемъ добрыхъ дѣлъ въ наши достопамятныя времена, пусть умножается въ нѣжныхъ сердцахъ и чувства живѣйшей благодарности къ тѣмъ отличнымъ особамъ, которые того достойны бываютъ.

Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведеніе XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ піитикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventuti Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata)[1]), помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой,—тоже піитикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году[2]),—оно находится непосредственно послѣ текста піитическихъ правилъ de poësi tragica et comica (л. л. 67—75 на обор.). Declamatio состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій)[3]) и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудріи, чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *господствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *кичѣніи Бахусова пьянства*.

---

[1]) По каталогу семинарской библіотеки, составленному въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ Б. 867. О. 2.

[2]) По тому же каталогу, подъ значкомъ Б. 868.

[3]) Въ самой Declamatio нѣтъ дѣленія на дѣйствія, и ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Первую часть составляетъ продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемыя ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ Цѣломудріемъ. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомлянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ Цѣломудріе и Чистоту въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вездѣсущій зритъ ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пьяницъ. Онъ развертываетъ картину широкаго пьянства.

Какъ бы къ большему огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ Бахусъ, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америки и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. Бахусъ, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ паѳосомъ перечисляетъ свои услуги человѣчеству, и особенно распространяется о своемъ превеликомъ праздникѣ-масляннѣ, во время которой его наиболѣе почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпилогъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южнорусскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741 —2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ за-

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ [1]). Ту-же цѣль имѣетъ и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ—«Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ семъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года» [2]). Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ кіевская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистеріальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью [3]).

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе пріемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудрія въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Канисскаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескораго воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ [4]).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаетъ ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, какимъ слѣдовала южно-русская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею,—и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

[2]) Издана проф. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. III, с. 39—58.

[3]) Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

[4]) См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43; 46—47; 55—58.

нашей Declamatio былъ Мануилъ Базилевичъ [1]), питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Конисскаго [2]), написавшій ее, будучи профессоромъ піитики въ Смоленской коллегіи, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателеи, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
О предложенныхъ вещахъ обявить имѣемъ.
А обявить хощемъ не о чесомъ иномъ,
Но о добродѣтели, кая господиномъ
Естъ великимъ всякому всегда человѣку,
Еяже кто держится до своего вѣку,—
Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
Сіестъ здраваго ума егда кто бываетъ,
Кнейже и чыстота прысовокупленна,
Отъ нечыстоти суще весма обижденна,
И о удивленіи великаго пьянства
Также о киченіи Бахусова панства.
Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
О семъ быть внимательнымъ покорно вмоляемъ.
(Выходятъ ангели и поютъ канты) [3]).

Цѣломудріе

обижденное отъ гордости внутрной печалится и ускаржается.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весма унываю!
Горе жъ, яко боліе уже жыть не чаю!

---

[1]) Піитика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его піитика 1754—5 г.

[2]) По всей вѣроятности, Базилевичъ вмѣстѣ съ другими былъ присланъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[3])См. ниже.

Ахъ, горе, какъ въ несносной зостаю печали,
Ибо жалъ серце мое произаетъ немалый,
Пронзаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
Ахъ! недоумѣваю, что чынитъ съ собою?—
Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
Которы истѣкаетъ з пекелнаго ада.
Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
Откуду мнѣ ключися сія перемѣна?
Не цѣломудралъ была, ничимъ оскверненна?
Нынижъ, аки изгребіе есмь уничтоженна...
Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
Была, но, аки слонца липота всезрима
Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
Но днесъ пребываю, якъ скверна тынъ попранна:
Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмъ отвсюду,
Не точію же отвнѣ, но и сквозъ внутръ уду.
Не была лъ въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
Первымъ баше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
Лики превозхождаше вся во оной славѣ,
Юже по превосходству имѣяше явѣ,
Слава же ему баше,-слава быстъ толика,
Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ баше владика.
Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
Какъ имѣти жылище въ Херувимскомъ неби?
Но покусися еще болшой искать славы:
Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
Аки бы не трезвеннымъ умомъ пребываше,
Что недостойно ему, всегда то желаше.
Возимѣ себѣ злую толъ гордостъ премногу—
Рещы не устыдыся: равенъ буду Богу,
Сожизду престолъ горѣ и сяду въ чертозѣ,
И вся мнѣ власты будутъ корытысь подъ нозѣ.
Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тои дары,
Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
Посрамленъ же погрязе въ преисподнимъ морѣ,
И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоежде мыслящымъ,
Въ равенствѣ жизнъ з господемъ имѣти хотящымъ,
Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

Въ глубину неисходну адскую пріидоша;
За кую гордость будутъ в вѣкъ тамъ пребывати,
По своей отдалившесь воли благодати.
Ахъ, горе мнѣ! не была лъ въ первомъ человѣцѣ,
Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
Надъ всякимъ жывотнымъ. на земли жывущимъ,
Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущымъ?
Въ его же власти были не точію скоты,
Но которіе бяху и вящшей доброты
Высоко парящые небесные птицы,
Различнаго естества бываютъ колицы.
Бысть же райскому жителъ прекрасному саду,
Въ немъ же имѣлъ паче всѣхъ веливу отраду,
Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ бяше земнымъ богомъ.
Но мя, цѣломудріе, оный отрынувый
Обрытеся ко гниву Бога воздвигнувый,
Зане прелстися онымъ врагомъ гордоливымъ,
Иже предъ создателемъ явися строптивымъ,
Покусися отъ древа краснаго вкусити,
З зависты болшу хотяй славу улучити.
Ахъ, горе! не разсудивсь и сей такъ съ собою,
Чтобы неявитися гордости злобою!
Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доволный,
Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
Довлѣло ему было знатъ, что естъ преблаго,
А не высокоумить, довѣдуясь злаго.
Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
Но пребыстъ не отмѣненъ знатъ добро и злы;
Тѣмже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
За что всея радости райскія лишыся.
Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
Что мене обиждаетъ гордостъ возносима,
Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
Почти не вси начали мене оставляти!
Не родъ ли Божи бяше Израилъ реченны,
Но безъ цѣломудріи и сей ослиплены

Явисъ. Всиидъ пресладчайшу имѣяше манну,
Пречудеснымъ образомъ съ небесе поданну,
Чрезъ море не мокренно превдоша по суху,
Чуднѣе летающихъ отъ птыцъ по воздуху;
И не отъ камена ли жыву воду пиша,
И во всякомъ доволствѣ насыщенны быша?
Но не благодарніи явились и сими,
Господеви своему рабы неключымы,
Уклонившеся въ гордостъ, идолы почтыли;
Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
Телца единодушна почтили за Бога,
Иже бысть излiянни отъ злата премнога;
И Богу сотворенны за вражды такія
Отъ зміевъ себѣ, смерти достигнули злыя.
Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
А нынѣ обыватель бываетъ геенны!
Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
Зане суть человѣцы еще въ то злой воли:
Боговъ мертвыхъ множайшыхъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
Отъ гордости вражіей имуть то на многѣ,
Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
Не толкожъ сіи правди Господа незнають,
Но и хрыстіяне суще не такъ почытають,
Какъ требѣ; о прочіихъ зказати есть диво:
Въ православіи суще держатъ вѣру криво:
Называють рускую вѣру весма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту.
Правда, хочаи предано во оной естъ много,
Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
А въ рымской-литаніи есть едина толко,
Да еще прыдается и пацѣръ [1]) посколко?
Спрежцежъ сего не было: бысть вѣра едина
Съ нами; но ихъ отвела самая гординя
Отторгнутисъ восточной отъ церквѣ Христовой,
И бытъ въ своей ересной злобп неистовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже, окруженны

---

[1]) По рукописи второй: „патеръ".

Многою гордистію, суть ума лишенны!..
Не отрынувше лъ мене, панство потерали
Греки, что церкви Божой на прагъ вдезжали:
Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно приступати,
Но гордостно не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?
И прочіи такожде, егда мя забыша,
Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудише,
Денно нощно думають паче о маммонѣ,
Нежели авраамли почити на лонѣ,
Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
Что злюбилось въ оного, толко бы добыти;
И аще бѣдный станетъ за свою обиду,
Но никоего правды неизыщетъ виду,
Зане гордъ богачъ речетъ: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
Кого аще съ житіемъ хощу разорити,
Ибо на пріятелей надежду имѣю;
Со мною спорящаго вовся одолѣю;
И не толко что много пріятелей маю,
Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣшенный;
Будутъ же судить мои единомышленныи,
Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
Не знають ли правъ къ моей части накрутити?
А буди станетъ на мя аппелловатъ выше,
И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излише;
Пущай кто толко схощетъ правду защытати,
Денгою доволною могу доказати,
Ослѣплю очы дарми, руцѣ плѣню мздою,
Хотя бъ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
Ахъ, горе! на маммону свою уповаютъ,
А судію истынны Бога отвергаютъ!
Развѣ сіи нечаютъ на судъ страшны стати,
И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
Что з гордости ближняго имутъ за ничтоже?
Ихъ же исправи сердца, Ты, едины Боже!

Чистота,

обижденна отъ внѣшной нечыстоты, ускаржается цѣломудрію.

Кая здѣ ти, о сестро, вина предстояти
И такъ велiимъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати и не вопить: горе!
Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранна,
Нынѣ же, аки мерзостъ кая, есмъ попранна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутрностехъ моихъ акибы согнила,
Противъ мя воюющимъ изчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудростъ отринувъ, весма омылися,
Женъ многихъ едною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явились мерски содомляне,
Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне.
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
За что сквозь землю въ Адско ежеро упали.
И мнози не азбигнутъ тосажде части,
Неудаляющеся отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
Всимъ людемъ по естеству никако прожити!
По мысли исполняется не въ бози жывущымъ,
Праздно житіе свое повсегда ведущымъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
Тою нечыстою сіи сутъ плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковыи ходятъ,
Но по злой своей воли, яко хотятъ, бродятъ!
Ахъ, горе, что не толко себѣ позволяютъ,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучити!

Довлѣло бъ врага плоти на мя повставати,—
Но еще пмъ естъ къ сему злое пьянство мати,
Еже на безстудіе оныхъ поощраетъ,
Забытъ себе и Бога разумъ помрачаетъ.
Толко какъ угодити плоти своей тщатся,
А о вѣчности потщытысь и думать гордятся!
Се зрыши, о другине, и мя какъ велика
Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
Токмо милосердіе Божіе одежда.
(Цѣломудріе глаголетъ):
И откуду надежда намъ бут(д)етъ премнога,
Яко отъ Создателя милостива Бога.

Лице

отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чысто жывущихъ яко не временну, но вѣчну радость, а высоко умствующіи и не чысто жывущіи пагубу улучать.

(И ангели виходятъ съ вѣнцами).
Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
Не бойтесь: увеселитъ Богъ васъ сотворивый!
(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):
Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
Яко отвсюду есмы, аки тырь, попрати!
(Лице отрады):
Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, всиять будете красны;
Обоихъ бо зритъ дѣла окомъ не дремлющымъ
И гласъ вашъ слышытъ слуг(х)омъ вездѣ Богъ присущій.
Но что просите, вскорѣ не имать вамъ дати;
Дастъ конечно, но требѣ мало почекати:
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая,
Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
А ось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчынній;

Не радуется бо Богъ, якъ кто погибаетъ,
Тѣмъ и праведный свой гнѣвъ далій отлагаетъ,
Не заразъ же и благихъ обыклъ награждати,
За болшо терпѣніе болшую отдати
Честь и славу, какъ была вамъ данна напредѣ,
Отъ нечыстыхъ изыметъ грѣшниковъ изсредѣ
Васъ, какъ непорочныхъ, прыведетъ во славу,
Сохранитъ невредимыхъ подъ свою державу
И удостоитъ тамо высочайшей чести,
Коея недостанутъ участницы лести;
Васъ отвращающыись и по своей воли
Ходящіи пребудутъ въ плачевномъ удолѣ,
Примутъ нестерпимую и вѣчную муку,
Поидутъ до пекелнаго владыки подъ руку,
Гордіи низринутся въ дно самаго ада,
Гдѣ во вѣкъ имъ не будетъ никая отрада.
В нечыстотѣ жъ сущіи огнемъ негасимымъ
Въ вѣкъ, конца не имуще, будутъ одержимы.
Вы же плачъ отрыните и отрите слезы
Даже милости Божой получите стези!
Отъ окружающыхъ васъ всѣхъ бѣдствій покрыетъ
И отъ всякія скверны Господь Богъ омыетъ.
И за сію скорбь вашу будите готовы
Внити во небесныя жилища чертоги!

(Первый ангелъ глаголетъ къ цѣломудрію):

Се, тя, цѣломудріе, Богъ не оставляетъ,
Но печалящусь вѣнцемъ нетлѣннымъ вѣнчаетъ.

(Второй ангелъ чыстотѣ глаголетъ):

И ты, чыстота, въ скорбѣхъ еси услышанна,
Отъ десницы Божьей пребуди вѣнчанна.

(Чыстота благодаритъ):

Благодаримъ повсегда, нынѣ попремногу
Избавлшему отъ злыхъ предвѣчному Богу.

Старый человѣкъ выходитъ удивляющися временнѣ и вѣчно погибающымъ отъ пьянства.

Здѣ мя пріити понуди не инна причина,
Но сія: не послидня-ль наступи година,
Въ ней же извѣствуется мерзость, прорекома
Пророкомъ Даніиломъ, въ пагубу ведома,
Ея же не инъ коренъ, какъ пьянство глубоко,
Имже всякъ поступаетъ на все зло шыроко.
Что сотвори Лотъ, мужъ святъ, сего исполнены,
Отъ своихъ дщерей бяше на грѣхъ искушенны!
Болше-жъ паче во ономъ всегда пребывая,
Не помыслитъ на добро, но паче на злая...
Лишается богатства сему присѣдящый,
Нощъ по нощъ за чашами лотруя, не спящый;
И честъ уже не честію, толкобь чаша полна,
Аще долговъ великихъ и шыя неволна.
И какъ уже сей, в пьянствѣ прысуще надолзѣ,
Возъможетъ памятствовать о душевной ползѣ?
Дивлюся непомалу: такъ себе вглубиша
Многіи въ оно, яко о себѣ забыша,
И временну жызнь какъ бы добрѣ проводити
Не мыслять, но какъ полной чашы не пролити.
Вину дая, что весма на жыботѣ тощно,
Хочъ праздникъ иль неделя однакъ выпить мощно.
Пущай стомаха рады, немощы ль коликой,
И то мѣрно, чтобъ было безъ страсти великой,
Яже бы не лишила сей временной жызни,
А наче всего сего—небесной отчызны,
Пущай в кое время и пиръ сотворяетъ,
Но по силѣ своей чашу испѣваетъ.
Да то бѣда, что егда полной неисполнити
Гарцевой, то и начнетъ другъ друга бранити,
И такъ дружка за другш(ж)ку мусить выпивати:
«Любви и впредъ пить вмѣстѣ бы не потерати»;
А любовъ не такъ въ добро, якъ на всяко злое,
Въ любви бъ исполнятъ всегда и тщытся отое;
О, любви сей премерской, любви окаяной,
Что о Божой немыслятъ любви неска(за)ной!

Какъ же о сей имъ мыслить, что себе вглубили
Въ пьянство такъ, яко ему дни опредѣлили
Празденства, которіе преданы святыми
Суть, сырныя недѣли, дабы мы хранимы
Были въ нихъ отъ всей скверны ко посту святому
Четыредесятницы, яже есть самому
Преблагопріятная Господу и Богу,
Чрезъ кои въ путь спасителны имѣть бы дорогу...
Но множѣ во зломъ пьянствѣ сія провождаютъ,
Бахуса, аки отца, весма ожыдаютъ,
Ему же пѣсни мерски поютъ велегласно,
Питтемъ, яствіемъ столы предъ ставляютъ красно,
И з великимъ желаніемъ другъ друга срѣтая,
Лобизаетъ искренно, оныхъ позьдравляя,
Приговоруя: «теперъ намъ повеселитысь».
Выпивая пугары, хочь бы разлучытысь
Зъ душею и со тѣломъ, ни что не важаютъ.
Да, Маслѣну въ Бахуса добрѣ провождаютъ,
Коя уже се со лики градетъ и тымпаны,
Дабы увеселити холопы и паны
Игрми и плясаніемъ з безъстудными музы,
Съприговоромъ веселымъ: «гуляйте днесь друзи»!
Отъ коего Бахуса Богъ да защищаетъ,
Но всѣхъ въ цѣломудріи добрѣ укрѣпляетъ.

Бахусъ

выходитъ хвалящися, яко на весь свѣтъ имѣетъ власть.

Имя мое бываетъ славно и велико,
И не изобрящется другое толико!
Силенъ и шуменъ всегда вездѣ пребываю,
Понеже азъ всецѣлымъ свѣтомъ обладаю;
Вси бо мнѣ кланяются чтыри части свѣта,
И кланятимутся даже окончатся лѣта.
А во первыхъ Азію во власти имѣю,
И ея всѣмъ богатствомъ всячески владѣю;
Прыноситъ мнѣ многое предрагое злато,
За вино сокровище даетъ пребогато.

(Asius).

Приносимъ, и приносить повсегда желаемъ,
Зане, безъ тебе суще, бѣднѣ унываемъ!

(Бахусъ).

Вся комуже извѣстно, всячески естъ явѣ,
Яко естъ и Африка во моей державѣ,
Аще и плодоносна и силна во брани,
Но ни какъ можетъ пребыть безъ моея длани.

(Africus).

Правда естъ, господине, безъ тебе неможно
Намъ пребыти всячески, глаголю не ложно!

(Бахусъ).

И въ Америки мене почытаютъ люде,
Глаголютъ: «милостивый Бахусъ намъ да буде»!

(Americus).

Такъ, просимъ тя и молимъ: «буди съ нами, добры,
Укрипляембося, и мы тобой бодры»!

(Бахусъ).

Тако жъ изъ Европы славу получаю,
Ибо я тамо свою руку простыраю.

(Europus).

Такъ, мы не можемъ тебѣ назватися друзи,
Но кланяемся ти, какъ подчиненны слузи.

(Бахусъ).

Кромѣ жъ васъ, что мнѣ есте вѣрно подчиненны,
Не можетъ быть безъ мене всякъ пиръ учреждены,
Ни крезбины, ни свадьба, была бы колика
Въ проста, илъ Господина честна и велика...
Азъ изъ вражды великой привожду во дружбу,
Подчываніемъ готовымъ творю бѣднымъ службу;
Аще кто возводисъ на честь кую будетъ,
Никаковымъ образомъ мене позабудетъ;
Суще въ бидахъ и немощехъ азъ увеселяю,
А силнаго въ крѣпости изъ ногъ изваляю,

Тако жъ мудръ отъ мене умомъ не постоитъ,
По моей воли ходитъ, еже ми достоитъ;
И глупъ, мнѣ прыхилившысь, разуменъ бываетъ,
И убогій богатымъ себе называетъ;
Паче жъ сего бываетъ праздникъ мой превелій,
Егоже съ усердіемъ всяки чтить веселый,
Маслину, до которой свободно порогу
Добру вси безъ препятствія имѣютъ дорогу,
Отъ всякой зъ охотою страны пріежжаютъ,
Хочь была бъ кая пропасть, ничто невважаютъ.
Премнози отъ человѣкъ въ немъ мя почитаютъ,
Чашами, пугарами весма величаютъ.
Всегда бо, паче жъ въ оной, не сутъ заключенны
Врата, ни караулы кія утвержденны,
Въ мене гулять свободно и пити доволно,
Но все выдить скармана, хочь было бы полно;
Да не достане ль оттуду, беру и заставы;
Для его жъ политики, чести же и славы
А приговариваю: «гуляй себѣ, пане,
Дотолъ, поки на тебѣ рубища не стане!
И сказую по полной чаши выпивайте,
Маслину же весело вездѣ прославляпте»!
Тако жъ: «да возыграютъ ляки и тымпаны!
Возвеселитесь сердцемъ, вси моя подданы!
Прызываю васъ къ себѣ—прыбывать на сіе:
Спорожняти до конца бочки виновые,
На тое естъ маслина, дабы веселитысь!
Чего не станетъ въ бочкахъ, дрожми покрипитисг,
И сему истощившусь, помывъ и сосуды,
Выпите, толко веселы сей намъ праздникъ буди!

Кантъ.

Какъ внишній миръ сей зрится человѣку,
Что хотѣлъ бы съ нимъ жити до вѣку:
Но изволь разсудить,
Какъ съ тѣмъ вѣкъ заложить,
Иже и самъ кончится.
Се, елика суть намъ въ немъ пожеланна,
Вся кратка, вся непостоянна

На всяку годину,
Пріемлютъ измѣну.
И кто имъ увѣрится?

Взыщу ли въ немъ славы,
Власти ль и державы;
Но когда смерть прыйдетъ,
Тогда ли снійдетъ
Слава въ гробъ со мною?
Тогда, сій во гною,
Кіими имѣю владѣти?

Красоту ли тѣла
Возлюблю до зѣла?
Егда ли вѣчна
Тварь красолична!
Когда плоть увянетъ,
Сама кость останетъ,
Сладко ли на ню зрѣти?

Аще ли красны созижду палати,
Аки бы вѣкъ въ нихъ обитати,
Но какъ ихъ лишуся
И въ гробъ преселюся,
Кому та по мнѣ будутъ?

Дружину ли вѣрну возъимѣю,
Чадами ли разбогатѣю?
Но и тіи сами,
Точію до ямы
Проведшы, мя забудутъ.

Чыли мнѣ со скоти
Угождати плоти?
Начну ли до сласти
Пити да ясти,
Но се болшъ послѣди
Черву будутъ снѣди
Отъ чрева утучена.

Составлю ли лики
Весь день цо музики?
Но въ день ли остатни
Будутъ пріятны

Гласъ трубы ужасный,
Шумъ и троскотъ страшный
Мира огнемъ зажжена?
Убо мнѣ лучше с мѣромъ попрощатся,
Всѣхъ его прелестей остатся:
Богатства лукава,
Зискъ, честь и слава
Пущай съ нимъ погибаетъ!
Лучше отъ мира къ Богу приступити,
Малъ часъ сей ему послужити;
А онъ человѣку
Дати въ ономъ вѣку
Вся вѣчна обѣщаетъ.
Потерпимъ въ сей жизни
Бѣды, укоризны,
Всю напасть и вражду,
Алчбу и жажду:
Нехай насытимся
Нехай насладимся
Безконечно о Бози.
Сѣймо, не стужаси,
Слезы по вся часы:
Придетъ рукояти
Радости пожати;
Тогда пожнетъ тая,
Не ослабѣвая,
Въ небесномъ чертози [1]).

Epilogus.

Вашему любомудрству нами предложено,
Которое бысть дѣло тое изреченно,
О коемъ изволили милости внимати

---

[1]) Послѣ этого канта, вѣроятно, профессорскою рукою замѣчено: „Сего канта 4 пункти по прологу гарно пѣть, а осталніе два предъ виходомъ старика". Въ позднѣйшій рукописи кантъ помѣщенъ послѣ эпилога, и при немъ тоже приписано: Hujus cantus quatuor puncta statim post prologum canenda sunt, reliquas vero duas ante introitum veteris hominis dispositis.

Вашы. О семъ же просимъ тоя благодати;
Погрѣшеніе ль въ ономъ явилось якое,
Милостей вашыхъ мудрость да покріетъ тое;
Всепокорно просимъ и молимъ простити,
Аще бы погрѣшеніе могло кое быти.

1896 года, 23 ноября.
Смоленскъ.

ИНТЕРЛЮДІИ
МИТРОФАНА ДОВГАЛЕВСКАГО
XVIII ВѢКА.

Въ 1865-мъ году впервые открыты были неизвѣстныя до того времени интерлюдіи учителя пiитики въ Кіевской Академіи *Митрофана Довгалевскаго*, сочиненныя имъ въ 1736—7 г.г. Тогда-же даны были о нихъ сообщенія въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» проф. Н. И. Петровымъ [1]). Эти сообщенія давали право предполагать, что въ піесахъ Митр. Довгалевскаго заключается много очень интереснаго для изслѣдователей малорусской старой письменности вообще, и для изучающихъ любопытныя страницы въ развитіи малорусской драмы—въ частности. Но такъ какъ эти интерлюдіи считались потомъ затерянными, то въ полномъ видѣ съ ними никто въ печати не могъ и ознакомиться. Оказалось, впрочемъ, что рукопись Довгалевскаго не затеряна и хранится въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря за № 1710-мъ. Въ настоящее время, благодаря любезному сообщенію намъ Н. И. Петровымъ списка съ этихъ интерлюдій, мы рѣшили напечатать ихъ, при чемъ сохраняемъ правописаніе подлинника въ общемъ характерѣ, но безъ надстрочныхъ знаковъ. Н. И. Петровъ, въ письмѣ къ намъ, высказываетъ по поводу интерлюдій Митр. Довгалевскаго слѣдующія свои соображенія. «Пересматривая и описывая въ 1893 году рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, я обратилъ вниманіе и на эту рукопись, снялъ копію съ интерлюдій и пересмотрѣлъ остальныя статьи, находящіяся въ ней. При этомъ я убѣдился, что интерлюдіи сочинены не М. Довгалевскимъ, какъ я предполагалъ прежде, а ученикомъ его, ученикомъ пiитики *Саввой Лебединскимъ*. Во 1-хъ, въ этой рукописи, принадлежавшей самому М. Довгалевскому, интерлюдіи переписаны съ ошибками. Во 2-хъ, въ приложенномъ къ рукописи спискѣ учениковъ піитики значится, въ числѣ другихъ, Савва Лебединскій, сынъ козака изъ Украины, изъ г. Мглина, Стародубскаго полку, который еще въ синтаксическомъ спискѣ аттестованъ у М. Довгалевскаго такъ: «Magister comoediae, salis sermonisque urbanitate abundat, debilis studio, lassatus incuria, extinctus labore, nonnisi propter annos detur commendatio». Такой только человѣкъ и могъ сочинить интерлюдіи».

Считая съ своей стороны этотъ вышеприведенный домыслъ уважаемаго профессора не окончательно убѣждающимъ насъ въ авторствѣ Саввы Лебединскаго въ данномъ случаѣ, мы помѣщаемъ эти интерлюдіи, озаглавивъ ихъ, по старому мнѣнію, *интерлюдіями Довгалевскаго*, думая, что печатный текстъ дастъ возможность большему числу спеціалистовъ сдѣлать свои болѣе или менѣе достовѣрные выводы.

Авторъ интерлюдій пользовался въ нихъ по мѣстамъ и румынскимъ языкомъ. Исправленіе этого румынскаго текста и переводъ его на русскій языкъ сдѣланы, по просьбѣ Н. И. Петрова, г-номъ Гроссу.

Извѣстно, что Митр. Довгалевскому принадлежатъ двѣ драматическихъ піесы «Комическое дѣйствіе» на Рождество Христово (1736 г.), и «Властотворный образъ человѣколюбія Божія», пасхальная піеса (1737 г.). Къ обѣимъ этимъ драмамъ, въ видѣ приложеній къ каждой, примыкаютъ по пяти интерлюдій.

[1]) 1865 г., февраль; 1866 г., ноябрь.

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Первая.

Виходитъ астрономъ и хвалится своею наукою, до которого виходятъ два мужика, литвинъ, циганъ, и проженут.

Ehey dla Boga iak-iem utrapiony
Z natury będąc szlachcic urodzony
Ktore szlachecstwo gdy matka wrodzila
Panno wżdy będąc we wszystcich nażyla
Rozum Katona mężnosć Hektorowa
S panienskiey krwi iest mnie statura owa
Znam co się dzieię y w piekle y w niebie
Fortuny nie mam y na-krok u sobie
Butow sukienki a czapki nie pitay
We wszystkim iestem tak jak widzisz witay
Iednak że tego niechce explikowac
Mam glowe mądre znam złotem szafowac.
Mam prespektywo astronomskiey sztuki.

Муж. О бодай же в кузнѣ бувъ коли змерзъ у руки.
О сежи ми и к вашець стали прихожати
І скажи не соромся якъ маемо звати

Астро. Jestem szlachcic wrodzony, lub bez drogiey szaty.

Муж. А якуюж ти тутъ вашець човпешь веремѣю?
Чи не хочешь ти нас тилко вернуть на менѣю.

Астро. Ale ja nie ten, ja znam co się w niebie czyni
Rozmowie moie slowo nigdy nie omini
Y ia zawsze zgadnie kiedy y orać do chleba

Муж. Пархумъ идижъ сюда ос чортъ принѣсъ с неба
Чоловѣка, сюди до насъ почуешь розмови.

Пархомъ. Чи не вивести до іого своеи корови
Рабои то вѣнъ чого чи не знае
З манацѣи, якое буде теля може и вгадае
Ну кажи якъ Бога боишся
Муж. От не иметъ вѣри также придивися.
Пархом. А що бакъ ти у чорта искажи за птиця
Чи мишь чи кажанъ чи перепелиця.
Астро. A ja iestem Polskiey nauki ostrolog.
Муж. Е се бачу той, що бавлят остронугъ
Що вѣнъ наперед летючую хватае
Около неба звѣзди избирае.
Циган. О сежъ и я тута в мене ест кобила
Три роки жеребна да ще не родила
Лошати, чи не вгадаешъ дядку
Яке буде чи вороне чи яке на взглядку
Коли вороне дамъ добру заплату
Памятатимешъ и до смерти тату
Литвин. Га га кабузнѣкъ о пчолкахъ чи знаешъ
Въ мшанѣку іост сколко чи въгадаешъ
А въ борцях чи живи чи не рушивъ недзведзь
Кажи чи знаешъ або уже не бредзь
Албо висеяць горохъ колѣ треба.
Астро. Czekay no trocha rzusie się clo niebie
Gwiazdy powidze iak toczosię kołem.
Парх. А моеж нива чи буде вже полемъ
Астро. Patrźcie iak wpadnie znak planety Raka.
Муж. Швиденко становись остроному рака.
Астро. O summam injuria rusticorum
O tyrandem ztych wozowykorum
O jakiems dostal dzis u chlopskie ręki
Jużem nie cierpial takiey wielkiey męki
Lepiey bylo w Polszcze recreandi
Муж. О я кажу що вѣнъ надувсь до оранди
Циган. Ось ми коло тебе тепер погуляемъ
Муж. І скроз спектива все всѣ поотбираемъ
Лит. А я проводнѣка подамъ на дорогу
Што починѣвъ у насъ такую тривогу
Каже што дожчу не будзе нѣ трохѣ

Муж. А тиж не знашь крутохвоста здохи
Озмѣмъ лишь его въ руки хорошенко
То вѣнъ перестане крутитця швиденко.

2.

Виходитъ мужикъ сонъросказуе и приклиkae до себе еще двохъ. Потому призоветъ бабу и циганку; циганъ пріиде за циганку всѣхъ пропудитъ.

Що се прошу такее на свѣтѣ човнется
Чи во снѣ чи на евѣ се диво плетется
Ужеж питався дяка въ книзѣ чи не мае
Написано, або такъ хто чи не вгадае
І всѣ так читали та не начитали
І всѣ отгадовали да не отгадали.
А такіи сонъ приснився що боюс казати
Що далибѣгъ припало ис хати втѣкати
Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
А схватився з опалу такъ дуже швиденко
Стою якъ опапленній такъ дуже злякався
Ажъ бачця Анголикъ з рогамы до мене прибрався
Тай кажет такъ на мене: чи бачивъ ти дѣво
Я бачця гулкъ на небо ажно небо сиво
А звезда велицузна да з мѣсяцемъ бется
Мѣсяцъ не пуска сюда вона къ мѣнѣ прется
Дакъ я пакъ ище гѣрше хрищус молюс Богу
Якъ злякався да и назад лѣзу и къ порогу
Ажъ бачится мене за руку Хувра да и на пулъ
Дакъ у мене ис правои ногы испавъ постулъ
А дале якъ загримит якъ блисне зненацка
Дакъ то и тогди и по всіому почала рѣзачка
Ризати штурмовати колити избоку
Якъ було мнѣ осталос у кума з уроку.
Колиб бакъ хто сей снище заразомъ отгадавъ
Ябъ остатню корову перѣстую отдавъ
Лишь пакъ сподѣваюсь що Пархумъ може отгадати
Пархумъ годѣ лишь тамъ ходи лишь до хати
2. А що тамъ, іо що пакъ тамъ сонъ иди отгадай
Буцѣмъ ти не кобзуешь цур пекъ тобѣ бѣгдай

Кажиж що тамъ за сонъ а юже отгадаемъ
Бо ми ту було лихословицю було также знаемъ
1. Тилко що бувъ прикорхнувъ с працѣ хорошенко
Ажно приснився мнѣ сонъ сей да и швиденко
Бачится Янголъ з рогами прибрався до мене
Сѣпае, торкае, кличе: устань лишь Семене!
Я швиденко кинувся всюди озираюс
А тутъ що хивра хвата я не сподѣваюсъ
За руку, якъ же шпурне мною якъ мячикомъ на пулъ
Дакъ у мене ис правой ногы испавъ постул
А мѣсяць на небѣ и звѣздами бется
А одна звѣзда з неба да до мене прется
О мы сіого не кмѣтимъ якъ би отгадати
Хиба Кузюберду мусмо позвати.
Кузюбердо, га ходи сюда! чого?—Иди швидко!
3. Ужежъ бо мнѣ до васъ и ходити стало гидко
1. От чи не знаешъ сну сего отгадати
3. Атъ чортъ его знае да и чортова мати
От хиба Настя баба що вгадуе всюди
2. Алеж бо братчику вона хорошаяж юда.
1. Поидижъ ти лишь по ей да кланяися низенко
Щоб пріишла, бо пѣдемъ въ оранду швиденко.
Баба. Шамагайбѣ сподарѣ даите милостину.
Глянтес на старост который отцкіи сину.
3. Об вовку мова вовкъ тутже, и вона якъ сакомъ цала
Що мы хотѣли кликать вона якъ все знала.
2, Угадаетъ же вона сеи и сонъ що бути мае
Уже жъ нѣкого не турбуй певне угадае.
Баба. Що тамъ за сонъ дѣточки голосно кажѣте
Коли що якій зліи то и не говорѣте.
1. Оттъ бачится до мене янголѣ ходилы
Да и такъ приснилось бачится збудили
А звѣзда з неба в ротъ тилко не влетѣла
Дакъ я швидко иступивъ дакъ вонаж не вспѣла
А мѣсяцъ зъ звѣздами таке чинивъ диво
Якъ журавля нарадивъ усе небо сиво.
Баба. О сежъ вамъ идетъ на хлѣбъ на плуд да на дѣты
Будетъ за кимъ на старость споконно сидѣты.

Цы. Помагайбѣ пани чи здорови жадани
Маешъ тугу на сердцу своему
Що снилосъ во снѣ тезкови твоему
Хиба вы мнѣ дайте наибѣлшое сало
Щобъ правдивой циганцѣ за ворожку стало.
Я знаю, що до васъ ангелы и звѣзды ходили
І всяку потѣху до васъ приносили.
1 О сеж братця циганка якая изляха
На память до слова беретъ з торби якъ з мѣха.
Ци. Уже жъ бо я не змилю якъ баба от тая
Що вона брехала якъ сука старая
(*Баба*). А ти вже не слухаи тоей мантачкы сыну
Вона въ тебе зъ пазухи витягла хустину
2 Чи справди, бабочко? дакъ вона и злодѣйка
Да не згирша з неи бачу лементѣйка
Я казавъ лучше було послухати баби
Якъ вдарю по виденю дакъ чи мощъ у жабы
очи повилѣзают.
Цыган. Соля мунзже дахътъ куриче ха, ха, ха
Тацкуры намури жда истули дракури та шушкутъ
Мушкутъ нахлавде тараба цавдубѣ жиберинту
Здристиста перъдулицу линдра попардечка
На мандро наждала са що великая була в мого батка
Ковбаса ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Що тутъ панове моеи жони голосъ чути.
Хоревъ Маждала.
А тебе чи катъ унѣсъ що дѣешъ тут ты.
Чи тобѣ користь даютъ чи яку заплату
Муж. І мы не кликали еи сюда в хату
А вона пришовши да вкрала хустину
Буде и тобѣ тое негыдному сыну
Цыган. Дакъ вамъ за тее з неи наругатся
Да коли бъ не нахвативсь то бъ ви збили братця.
Муж. Ище ми и до вѣта еи суку попремо
Да и тамъ драла доброго дамо.
І в громадску колоду ногами забемо.
Цы. В нашимъ роду того не мае щобъ у колодкахъ сидѣти
Чого ваши не дождутъ и всы псѣи дѣты
Лучше би цигану не бути на свѣтѣ.

3—tium interludium

Виходитъ козакъ с пѣснею, до которого виходит лях на влови козакъ схоронится, потомъ виходят к тому жъ ляху подданніи с поклономъ.

Коз.

Мати моя старенкая, чи ти мнѣ раденкая
Моеи молодости 2.
Бувъ у турка под рукамы, а в татаровъ з каиданамы
У самои жалости 2.
Дадже правда тепера нема добра всюди
Дармо пряцуемъ виставляемъ груды
Богъ виручивъ мя оттуду, а тепер мѣсця не наиду
В дому не сидѣти
Лѣсы поля спустошенни луги сѣна покошенни
Пороспускавъ дѣты 2.
Толкож правда що треба взираты на Бога
Той всѣмъ есть въ добичи простая дорога.
Пойду знову на Сѣчъ маты, пойду долѣ внизъ шукаты
Козацкая доле 2.
Аче й буду потугою а въ москаля заслугою
Матиж моя Оле 2.
Спитаю чи не буде хочъ на низу добра
Чи не трапится де поимати лиса або бобра
Буду турковъ воеваты мечемъ слави добувати
Буду воевати 2.
Кармазини з луданамы шати драты зъ сутанамы
Совсѣмъ буду брати: з очей не спускаты 2.
Егей колиб впят якъ була козацкая слава
Щобъ роспустилась всюди якъ пѣрамы пава
І щоб зацвѣла знову якъ рожа у лѣтѣ
Якъ Богъ позволитъ побрать турецкіи дѣты
Або ляховъ на тои час трапится поиматы
І сѣмъ кіемъ козацкимъ по ребесах дати.

Ляхъ.

Ляхъ.

Padła, Padła, Padła, tu Padła kus kus hałapiur
Teraz że mam czas k memu Polowaniu
V przepiułek wraz pstrych ku łapaniu
Choc ia pstrego mam iastremba chciwa

Đo przepiuleczek nie barzo leniwa;
Jednak że żądam od poddanstwa swego
Gdyby przyniesli iastremba drugiego,
Ktoren by mogl złapac drugo albo trzecie
Albo y więcey choc do dwoch set przedzcie.
Лит. Глядзѣце жъ, якъ будзеце передъ паномъ гаварицъ,
Я васъ староцю своею магу науяицъ.
Всѣ. Харошо гуторишь, бацюхно старенкій,
Харошо 2. гето лебедзікъ беленкій.
1. Слухайце жъ всѣ братѣце якъ буду навчацъ:
А ви панове зводьце мои слова внѣмацъ,
От такъ буду гаварицъ: на здорове тобе пане
Нехай и панеи стане: і всѣмъ дзіеткамъ вашимъ
Нехай станіесе гето тут приходомъ нашимъ.
Лях. Cu ż to, chlopowie, teraz wy mniè mowicie,
A panskiego gniewu iuż nie wicie?
Лит. Нетъ моспане мы къ тобіе с поклономъ пришлѣ
І саколю мацъ до твоіеи мѣлосцѣ приніеслѣ.
Лях. Jakie ż to mnie poklony juz teraz bywaią,
Kiedy dzis mi chlopowie w oczy narzekaią.
Wez tylo chlopcze postronki drotowej. *Chopiec*: iuż gotowe.
Wez no chlopcze tylo sam woyta iak starżego.
Biy tlucz wal, pal, biy dobże tamże y drugiego.
Cu ż to za dziwo do mnie y iaka przyczyna
Chlopa zabic-ubic, iak skurwego syna.
Лит. Нужъ моспане и меніе еще прохварасцѣ,
А прохварасцѣвши та и до дому пусцѣ.
Лях. Dobrże, ydz chlopcze! day że dobrże y temu
Sto kijow odmieri, tak iak y drugiemu
Y day go Bogu iaka to chlopska odwaga,
Znać że to moskał abo kozak iemu dopomaga.
Ja poddannych wyrombam karki wszystkim do pniaka
Z Ukrainy tego kpa kozaka,
Ot tylo szlachte swoie na głowe pobudze
Po naszych tu granicach nie mieszkaią ludzie
Lecz nie tyłko w granicach także y na Ukrajnie
Niech że po wszystkich stronach połska sława słynie.

Y to moie poddanstwo w Kijowie bywało,
Gdzie byl gubernatorem szłachce załeciało;
A do Hłuchowa miasta ktore wsi należą
Y to ich mosci Guwnowie do siebie odbierżą.
To wszystko mieczem ogniem zwoiowac możemi,
A Leszczynskiego Krołа znowu odbierzemi,
A wnet zaciągnemi tu mężnego Hektora
Y na pomoc przyszle nam od swego też Dwora
Kroł Francuzki że tysiąć drugie trzecie
My się zbierżemy wkoło do sto tysiąc przedzcie
Będziemy tez woiować do samey Poltawy,
Aby odebrac pierwszy honor naszey sławy.
Mospane Zdupypadskiy, panowie Guwnowie!
Schodciesię do porady, bierżcie arme swoię,
Klaniam iegomosci panu Sraczkowskiemu,—
Ja sługa nayniższy Komputu calemu.
Co będziemy czynic? już wiełka gromada,
Tyłko ż by nie byla b z waspanstwa zrada;
Gdy kozacy będą napadać surowo,
Stoycie, nie buyciesię kładcie glowo z glowo.
Nie buysię wac (waszmosć?) gdyby tu kozacy przyszłi
My by tu ich kanczukiem w lasy wprowadziłi.

Коз. А доки жъ вы бестелюги будете звегати
Чи то ми васъ не зможемъ кіямы прогнаты.
Земку о земку швидко даваи поратунку
Ос тутъ добичи озмемъ не одну вже сунку.

Москал. Што они тебя гаспадинъ панъ казак не ругают ли?

Коз. Деж панъ не лаютъ? от такъ лают що ажъ лихо!

Мос. Дабро ти казакъ, вос ми убіеромъ ихъ тихо

Поляк. Numy też bracia chwytac do swego oręża
Aby nie utracic żadnego żołnerża.

Мос. Казакъ, пріимайся, небоися, бери з плечеи двоихъ,
А я тотъ часъ уберу далгополих от тих.
А што здезъ о рубежахъ они спаминали,
Будто ляшонки Украйну въ областях держали,—
Дабро, вотъ покажемъ рубежи кнутамы на спинѣ.

Коз І добре земочку, щобъ другій памятавъ
Да и дѣдчои своеи дитинѣ заказавъ.

4—tum interludium

Виидить мужик з жидомъ на ярмарокъ до котороіо виходят ксонзи три езуита, Крижакъ да и Барнадимъ до всѣхъ ихъ пріидеть москаль и запряжет двохъ а с третьмъ сядет и отидут.

Муж. Геи собѣ якій катъ, воле, тобѣ тепер стався
Жид. Поганяй зе свиденко, в дорозѣ не гайся,
Ну, поспѣсайся скоро в ярмарокъ, Іванце.
Муж. Сиди жъ бо коли сѣдишь, осттилій поганче
Якъ покину то озмет дяволова мати
Жид. Якъ покинес, то не дамъ твоеи заплати
Коли цѣло привезесъ я платити буду
Муж. Я из горла видеру якъ року добуду
Отъ бачишь якъ хватався на ярмарокъ дуже
Жид. Сцобъ наперед с тасою розобратись друже
Муж. Ужеж бо тутъ роспинай, олендару, ташу,
А мы вашець бика поведемъ на пашу
Жид. Скоро зъ вертаися с пасѣ будесъ глядѣть ташѣ.
Муж. А тамъ же хто будетъ доваровать кашѣ.
Отъ еще я тобѣ щось забувъ исказати
Бо Одарка велѣла дещо куповаты
Жид. Сцо жъ такое казала дай же на паперу
Муж. От же якъ тамъ еси бувъ казала и бумберу
Купити галку муштукову и перцю,
Ладану, воску калѣи и курки да и ложечку черцю
Жид. Кази зъ сцо есце треба и к васему святу
(Муж). Го люлку и чубукъ добріи купити моему свату.
Ксон. Niech będzie Iesus Christus pochwalony!
Bądzcie już zdrowy oycowie wielbiony
Жид. Prose na wudecke, prose zwołte pyty
Ксон. Day no żysiu sam na ci szostak bity
My nie taki lud iak syzma przeklęta
2. Prosze, oycze, powied, zkąd ta wiara wzięta
3. A co tut będziesz o wiarze dyszkurować
Slysze, ydzie moskał tu będzie szturmować
Мос. Што здес за шумъ што за крик да нет ли раздіоровъ
1 Ксон. Czekay no, waspan, my nie w twojm dworu

Мос. Што болтаешь скурвои синъ ти меня називаеш воромъ
Да ище хвалисся здеся своимъ дворомъ
Полно балтать мне нада дать скоро падводу.
Ксон. My mospanie iestesmy nie takiego rodu.
Мос. Какъ тіе завутъ гавари, кака въ тіе манѣта
Ксон. Ja mospanie iestem wczony jezuita.
Мос. А тебіе другъ какъ завутъ знать ли ти палякъ.
2. Dobrżes zgadnol mospanie że ja iestem Krżyżak
Мос. Тіебіе третои какъ завутъ да и ти ли з нѣмъ.
Ксон. O ja iestem połskeigo zakonu Barnadym.
(*Мос.*) Побратимъ? садись погоняй вить мніе ніе даліоко
В Броварах почту сміенѣмъ или въ Платавіе
Тамъ васъ пущу кармитця на доброй отавіе

5—tum interludium.

Виходить жид, и тужить за кобилою, що згубивъ, до которою приходить грекъ и насмѣвается жиду, до которих виходит волохъ и звелит своему хлопцю вывести кобилу; жид признается до кобили и якъ заговорят одинъ до едного незнат буде, циганъ толмачъ буде миж нимы, всѣхъ прожененть.

Жид. Охъ о вей мир якій мнѣ теперь смутокъ стався,
Сцо в дорозѣ до мене капарникъ прибрався;
Цорній год на іого голову нехай іому смутокъ,
А цим зе буде издивъ у мене хомутокъ
Капарникъ бравъ кобилу та забувъ взяти узду;
Я знаю, сцо вѣнъ пріиде, я троски позду.
Охъ мир, зал зе бо буде; хороса була кобила:
Хоцъ вѣдьки иду, то вона не зблудила
Зна и в ноцѣ оранду, цуе пахъ великій,
Сѣна не показуи, поки не дамъ горѣлки
Взе зъ тепер нѣ до Сари сцо маю цинити,
Колибъ на такую серсть кобилу купити
І на обицай така сцобъ була в дорозѣ:
Нѣ на пяд не оступит, все стоитъ при возѣ
А взе якъ дома, то з оранди не вѣдбиты
Медъ горѣлку й пиво умѣетъ було пити
Охъ о вей мир капара на мою голову стало,
Сцо моеи кобилы тепера не стало.

Грекъ Гей цорта на матара цорта заловала
Цо такъ дурна твой голова на кобилъ поклала
Цортъ пропавъ головъ цѣлъ а кобила була.
Будемъ купилъ на два червона пошелъ на Стамъбула
А ти дурна плачъ кобила грекъ купилъ не плачь
Ти копійка жаловати на кобила не трать
Гей дурна твоя головъ тако учинила
Будемъ поигалъ на Мигаила и щенка кобила купила.

Жидъ. Охъ мир! не знаешь ти мого тепер фрасунку,
Сцо за кобилою плацуци попловавъ у трунку.
А ти сце, капарнику, мене зневазаесъ,
А смутку моего не розвазаесъ.
Сцо така втѣсная то була кобила:
Вона якъ цоловѣкъ то такъ говорила.

Грекъ. Гей дѣдко кобила цорта на матара говоривъ.
Сцо такъ зал великій на кобила покладивъ
Цуза земля знаемъ поступити
Наса грекъ земля кобил твоя не хотѣлъ купити
І матара на цорта будимъ самъ пропадимъ
Така цорта многа въ ярмарка купимъ.

Жид. Узе зъ минѣ тепер нарай якого цоловѣка,
Сцобъ мене одвузъ до мѣста Олика.

Волох. Азвиць ши акултаць чинева си пера асмеяне
Буне, евціецво винде делта буне муне, каре лифостъ
Шилвъ умблатъ инъ цара руменяскіе каре де мулте
Щіевъ вестъ цара греческіе, катудевій сій пера петине
Пітева пуртадинъ цара руменяскіе пине цара турческіе.

Грекъ. Преки мъши греку тенкабе деяне дуте буне дуте туне сецхіе дебоне.

Волох. Інъ цара греческіе. *Грекъ*: акумдоя грекъ куче.
Некацъ австростъ. *Волох*: Ку карокатиця ку табакъ
Ку ле луле, ку чубуче, ку куцате, ку мстра хиде ку аче ку
Елитоне ши куфелде фелде недоць.

Грекъ. Даре мутъ ацтеръгустъ.

Волох. Осуте цинзечь делеи.

Грекъ. Фарте бѣне ацтируить румоне [1]).
Жид.) Охъ мир сцо вѣнъ казе
Ци не хоце продати
Кобили? я мусу гроси готови дати
Грекъ. Тото коли хотѣла то купила.
Жид. Охъ добрій мир годъ и моя була такая кобила
Волох. Кушъ тера девій вра евъ ну съ кушь цвой винде [2]).
Грекъ. Продала твоя тута не де инде
Коли гебреосъ добри гросѣ дала
О така кобила добра продала.
Жид. Сцо зъ вѣнъ хоце за тую кобилу я буду платив
Грекъ. Гей хорошъ кобилъ швидко грошѣ заплативъ
Волох. Петъ рубле пегасте яне [3]).

---

[1]) Такъ—какъ этотъ румынскій текстъ очень испорченъ, то мы пробуемъ возстановить его по слѣдующей догадкѣ.

Волохъ: *Азиць*] (?) ши аскултацъ, чине ва кумпера ачесто яна буна? (Обращаясь къ греку) Еу ціе цивой винде дела а та буна мына (яна), каре ау фостъ ши ау умблатъ ынъ цара руманяска, каре де мулте ци ва вести (динъ) цара греческа; ка ту ди вей кумпера пе тине тева пурта динъ цара руманеска пан ынъ царя турческа.

Вол... Послушайте, кто купитъ у меня эту хорощую кобылу?... Я съ твоей легкой руки продамъ тебѣ кобылу, которая исходила всю страну румынскую и многое можетъ сообщить тебѣ о землѣ греческой; если ты ее купишь, она будетъ везти тебя отъ Румыніи до самой Турціи.

Грекъ: *Прекумъ ти греку тенкабе де яна дуте буне дуте туне сеи хіе де бине (?)*

Грекъ: текстъ испорченъ совершенно. Вѣроятно, грекъ спрашиваетъ, гдѣ волохъ путешествовалъ и бывалъ съ кобылой.

Волох: Інъ цара греческа.
Грекъ: аминдой?

Волох: въ странѣ греческой.
Грекъ: вдвоемъ (съ сыномъ)?
Отвѣтъ волоха пропущенъ.

Грекъ: Ку че негоць ац фостъ?

Грекъ: Съ какимъ же товаромъ вы были?

Волох: Ку каракатица, ку табакъ, ку лулеле, ку чубуче, ку куцыте, ку страфиде, ку аче, ку *елитоне*, ши ку фелъ де фелъ де негоцъ

Волох: Были у насъ рыба, табакъ, трубки, чубуки, ножи, винныя ягоды, иголки и разные другіе товары.

Грекъ: Даръ мултъ ацъ тыр гуитъ?
Волох: О сута чинзечь де лей.
Грекъ: Форте бине ац тыргуитъ, румыне.

Грекъ: А много вы заработали?
Волох: 150 лей (франковъ).
Грекъ: Значитъ, прекрасно торговали, румынъ.

[2]) *Волох*: Кумпера де врей, ну скумпъ цивой винде.

Волох: Покупай, если хочешь; не дорого возьму съ тебя.

[3]) *Волох*: Пять рубле не ачеста яна.

Волох: 5 рублей за эту кобылу.

Жид. Сцо зъ бо я не знаю твоей мови, пане брате!
Грекъ. Гей твоя моя жиде мины червона заплатила;
Моя добра розумѣла што онъ говорила,
Жид. Сказн зъ ему будь ласкавъ сцо за кобилу хоце
Да все нехай болсе моей голови не клопоце.
Грек. Она хотѣла квадри рубли о не.
Жид. Нехай зе сѣмъ возме пане Симеонё.
Волох. Бини бини дала твоя мини.
Жид. О тепер зе хвалю Бога сцо такую кобилу купивъ
А сце не дорого за неи заплативъ
Узе зъ тепер Сора еи не познае
Бо и вона такъ якъ тая хвостомъ кивае.
І ся бацу буде добре медокъ затинаты,
Сцобъ цигане вже ей не доздалы браты
Якъ ту кобилу сами з рукъ ухватилы
І до свого сатра очевисне всадили.
Циган: Чхаве кирики чивасе родя памелешь намуравѣ нaзе
Леной хархали намандро.
А хто тутъ бачу мене зневажае
І злодѣемъ великимъ мене називае
А в мене самого кобила пропала
Колибъ где познати то бъ и родина его памятала
Ха ха! Але бачу и жиди вже конѣ волочатъ,
Тилко бѣдних циганъ злодѣствомъ порочатъ
Ось якъ і сей жидъ власную кобилу у мене вкрав.
Жид. Я въ волосина купивъ, будесъ ти на тое брехав
Циган. А сежъ моя кобила я здамся на люде
Коли въ неи пятна под хвостомъ не буде.
Жид. Такъ сцо хоць пятно естъ? ти ходи до пана,
То мозе ти избудесъ от того зупана.
Циган. А твое око коле на циганскіе жупани
Да може насъ знаютъ лучше тебе паны:
Кому гуляти, кому веселитись съ паномъ.
А ти хочешь еще що скурати с циганомъ
Лахло, ходи ось свого злочинця зловивъ.
Жид. Бресесъ ти якъ собака есце ти мене не оходивъ
Циган. Озмы, хлопче, кобилу до шатра поведи
А я старому собацѣ урѣжу бороди
Або запряжу іого в хомутъ скурвого сина

Щоб памятала до смерти іого дитина,
Щоб вѣнъ заказавъ роду своему куповаты,
Циганскаго добра в себе не держаты.
А тепер придатку дамъ сергѣемъ по плечах,
А ти, собачій сину, щоб знався на речах.

ПАСХАЛЬНЫЯ ИНТЕРЛЮДІИ.

Виходитъ два мужика заставляти тенета, до котирих виходитъ третій для поради, оставивши тенета скріются; потомъ виходитъ литвинъ и упадетъ в тенета, и напавши мужикы литвина убютъ. Потомъ виходятъ синки шукаючи батка и знайшовшы воскресятъ. Еще к нимъ виходитъ Ксонзъ питатися що на томъ свѣтѣ дѣется и литвинъ ксонза прожене.

Interludium—1 mum.

Гай, гай, Грицку братухо, іосъ пожался Боже,
Що то за мѣсце було, от близку пригоже,
Не одного се хлѣбомъ попогодовало,
Да не за великій часъ якъ не тее стало.
Тутъ бувало стовпище лучшого звѣряти,
Якъ свѣтъ свѣтомъ такого не було видати
Бацця бъ колиб умѣло, тоб проговорило,
Що не одному паршѣ нащинцу обмило.
Першенкій Пархѣмъ Жижа, мовляла жъ Дроздиха,
Отсѣлъ схватився на ноги не з якого лиха.
Такъ же Понаскій Спаскій у злиднях купався
Ни свѣтъ, было, ни зоря той потелѣпався.
Все бувало, якъ Марко по пеклу товчется,
Гледи, той пре, ажъ у тры погибелѣ гнется,
А тепер сидитъ собѣ, якъ журавель у просѣ,
Тилко жъ що хочь говори, есть щось в іого в носѣ;
Нащож якъ и нащинецъ отъ лиха прядюе,
Що въ Бога день на ступѣ и въ жорнахъ танцюе.
А коли попадешь той осмакъ и лядскую,
Або шелягъ зламаній, копѣйку якую,
Не збагнешь куди вткнути—всіого душа хоче.

А що дай да й кождому-то таки опроче:
Жунка гризе голову, а тутъ дѣти в крики,
Хочь би вже якого, то зобютъ с полетыки;
Хиба еще и сіого хлѣба запитаю,
Коли жъ недзо, то и прощай, брате Николаю!
Жунку з дѣтми з блеску гдесь зацуприкую,
А самъ пручъ куди очи и почемчикую.
Шкода балагурити и свѣтомъ нудити—
Нумо тилко спитаймо тенета розбити;
Дававъ Богъ братця людямъ, и намъ обицався.
Я бъ таки бачця тута чогось сподѣвався.
Муж 2. Не ймимъ я грѣхъ, щобъ тутъ було що такое;
Якъ бачишь, то все от се ничого светое.
От я бъ тобѣ раявъ...
Идавъ хлѣбъ и без того, твуй батко да я маты,
Я жъ кажу, що ти скрутишь, що тобѣ без працѣ
Нащож було наперед брехат; якъ собацѣ,
Якіись тебе катъ тягнувъ сюда воловодомъ;
Мнѣ и трапилос зойтись из дурнимъ удодомъ
Чого ти за се годенъ? якъ би на лихого,—
Врернав бы до смерти, якъ фища якого.
3. Стуйте! за яку трасцю сплелися ви битись?
Плюнте на мару, згинте, покинте казитись!
2. Тху на тебе все лихо, якъ злекавъ проклятій;
Старій вже, якъ собака, да отъ глуповатій.
Тиб казавъ: бугай дурній верещить, рикае,—
3. Я бо казавъ; хто тебе в шію попирае?
1 Да де в лиха пре в шію? тут соромъ казати:
Дала мнѣ товариша Іродова мати.
Чи не мѣсцеж, от якъ бачишь, чимъ воно благее.
3. Чи еще, жъ! матчинъ сину, се хиба бъ такее.
1. От же вунъ не те човпетъ, скрутивсь да звертѣвся;
Що не верчу покинуть, да годѣ—насѣвся.
3. Чи справдѣ? ну перестань, к кату не казися!
Атъ покинувши сунку, за крило берися.
2. Етъ же, коли намоглись, дакъ и закидаймо,
Атъ закидавши, тут же и позасѣдаймо,
Бо заразъ треба глушить, тѣлко бъ що упало,
Щобъ к матерѣ спаленуй те(не)тъ не порвало.

Литвин. Хвалю ціебіе, Господзѣ, зо всіема Святога
Што даждався віесіолаго ціепіер дня такога!
Нумо жъ ми ціепіер усіе в купіе веселѣтца;
Ніехай Юда Хваришнѣкъ в піекліе засмуцѣця;
Калѣ ніе хаціевъ в ніебіе зъ Богомъ лѣковаца.
Восъпознаецъ злодзіей, якъ Бога продавацѣ!
Колѣ бъ іонъ бувъ по-мойму барцми забавлявся,
З дзіеруномъ пагуляцѣ, атуб в гіетакую біеду ніе папався;
А я ціепіер исціенно да душѣ ніе дбаю,
Пчолкѣ ужо виставляцъ часъ хароши маю.
Гдзіе поидзіешь—усяго іосць и глядзіець пригоже,
І з дзіеруномъ любо грацъ, хрест на меніе Боже.
Муж. Илку, сюда! ось щось за лихо ввертѣлось.
2. Глуд зуй по головѣ, щобъ с тенет не проилось.
3. Ступте, брашнѣ, що се ми встукали такее?
Звѣрь не звѣръ, щось такъ собѣ нѣ сее, нѣ тее.
Се ми изроду такого не видали дива:
Тамъ чорне, тамъ бѣле, голова вся сива;
Коли бъ ми от за сее в лихо не попали,—
Чомусь у мене разомъ литки задрижали
Чует духъ, що не лапшій се вже якис дѣдко.
Нумо ми въ ногы, от якъ тепер людей рѣдко.
Сынъ. Бацка во бацка, залоцянѣкъ, гдзіе ти захований?
2. Да глядзѣ, чи не к пчолкамъ на сосну взодрався!
1. Ахъ ціе мніе, штожъ вотъ гето лянщцъ за нярище,
Цѣ кошка боровая, чи цѣіо сціервище.
2. Гето жъ, бацка, хваришнѣкъ тута кулѣкаецъ;
Гдзіе, гдзіе падзіевсь, ажь вотъ іонъ гуліочки справляецъ.
1. Чи ягожъ лѣхо уніесло у гетіе сіецѣ!
Вотъ то здура не пазнавъ іонъ! казавъ, што паіецѣ
Може, на борцъ ліезцъ хацівъ. 1. Ахъ, лѣха!
Гето жъ бацка адубіевъ, ніекомъ ляжицъ цѣха;
Ци іонъ тута з якимъ дзіедкамъ барукався,
Ці іонъ зъ сосни з гетими сецмы отарвався.
2 Вот то яго дзярнула соколяя мацѣ
1. Требаж би гаспадзѣна до яго пазвацѣ,
Ачеи бис апяць к ніему духъ цѣ ніе віернувся.

2. Дай-мо лягушку, то іонъ з голоду адувся.
Бацъ. Вохъ, Христосъ аскріосъ, синки, я с ніеба ціепера.
Сынъ. Скажижъ намъ, бацюгна, цѣ бачивъ Лѣхвіера.
Бацъ. Вохъ, синки, вѣдзіавъ в ніебіе кошки баравіе.
Да такъ вжо ніе такіе усіо палавіе.
А на Божомъ гумніе святіе малоцяць,
А Пятро съ Павломъ всіо снапочки валочаць.
Калѣ жъ я пашовъ туда, гдзіе сонце заходзѣцъ,
Ажъ вот тамъ проклятая зміея с агніомъ ходзѣцъ.
Толко жъ што забачила, якъ шмаргніецъ за мною,—
Я вціеки, ажъ Кузма-Дзіемян кричиць: Богъ с табою!
Вот то мы хуціенка тамъ в кузню захавалѣсь,
А яна, ну калацѣць, штоб мы отчинѣлѣсь;
Всіо кричицъ: дай злачинцу, бо мніе его треба,
А колѣ ніе дасѣ, сапхнѣжъ яго съ ніеба.
Толка жъ што Кузма-Дзіемян мніе зъ ніеба спусцѣлѣ,
Ажъ тутъ вы з лягушкою ка мніе й загасцѣлѣ.
Благодарицъ же Бога, што вкупку спялѣся,
А то булѣ, какъ пчолки по міодъ разбрилѣся.
Ксон. Niech będzie Jesus Chrystus pochwałony, czemuś milczą, na wieki wiekom amen.
Ktoś tu dzis duchownego potrzebował w płacze?
Лит. Здоровъ паніе дзяче.
Ксон. Ktoś, mówie, Spowiednika żądał tey godziny?
Лит. Богъ дасцъ, саколъ, мы и сами іомци до бацвѣни.
Ксон. Widze... głupi ten stary niewiedziec co prawi,
Лит. Да таки вотъ ціепіера пришовъ я из навы
Ксон. Thu przepadni: nie będe juz y gadał do cibie.
Лит. Пахадзѣвъ благодарю Бога и на небіе.
Ксон. Żebis ty był na niebie? tżesz, iak niepotsciwy!
Лит. Виц же ніе хто Богъ —миеніе насѣвъ мѣласцѣвій.
Ксон. Kedy że-s był na niebie, zmów co się tam dzieie?
Лит. Брешешь ти, тамъ всіо святцѣ, то въ пієклѣ зладзіеє.
Ксон. Jak że się tam naszemu Papiżu powodzi?
Лит. Памѣнай ужо якъ звалѣ: прапавъ іонъ да и годзѣ.
Яму ніеба и ніе снѣлось ва сніе,—смажиць дошку,

Ксон. Swięty żeby był w piekłe? szczekasz ty, staruszkù
Przy nim ieszcze była łaska Chrystusowa.
Лит. Правда, правда угадав ти:
Сагнувшис, саматужки прецъ до піекла дрова,
А хваришнѣки акругъ скачуцъ и играюцъ,
Гетакимы дубцямы вотъ такъ поганяюцъ.

Виходитъ чортъ и несетъ жида за плечима, и приказует ему чинити; потомъ віидетъ циганъ и диспутуется з жидомъ, и прожене̂тъ жида циганъ.

Interludium 2—tum.

Чортъ. Се уже обрѣтохомъ сожителя сѣни,
Котораго азъ ношу на раменах нинѣ;
Се й мнѣ завсегда во всемъ послушливъ биваетъ
І всю мою заповѣдь в себѣ сохраняетъ,
І азъ его сохраню во моей державѣ,
І пребудетъ со мною во единой славѣ,
І дамъ ему владѣти огнемъ негибнущимъ,
Да явится сожител во адѣ живущимъ.
Жид. Дай зе, васецъ, писмецко, сцобъ мнѣ узе знати,
То вже не буду пана другого сукати;
А якъ росписесся, то одного буду знавъ
І сцо тѣлко приказесъ, то буду слухавъ.
Диявол. Я никогда же не ямъ, ничто же пію;
Даю и ти заповѣдь, даби хранил сію.
Жид. Охъ мир, добрій годъ на тебе звол, зе мнѣ звѣстити,
То я того не буду николи цинити.
Диявол. Яждь вся, яже суть въ мирѣ, яже держитъ море,
А хлѣба не яждь, за что будетъ тебѣ горе.
Жид. Охъ и мнѣ нѣ капара, сцо зъ буду цинити?
Сцо бъ то уже минѣ на свѣтѣ не зити.
Диявол. Не ужасайся,—азъ ти рекохъ слово;
Аще что воспросишь, будетъ ти готово. (отходитъ)
Жид. Елей, цорній годъ іому, хоце поддурити!
А я таки не хоцу, сцобъ іому слузити,
А я таки все буду тутъ оранцовати,
Горѣлку, мед, и пиво буду продавати,

Або по ярмаркахъ произдзатисъ буду
З одного да на другій съ тимъ цого не збуду;
А вунъ, капарникъ, казавъ, сцобъ хлѣба не исти
Та все горнувъ на тое, сцобъ тамъ з нимъ засѣсти.
Елей, цорній годъ, хотѣвъ мене осукати,—
Неказавъ хлѣба исти, сцобъ з свѣта зогнати.
Цорнѣ гзерѣ, нехай вунъ не зиветъ на свѣтѣ,
А я все буду исти да якъ панъ сидѣти,
Толко не буду исти одно свинини;
Ухъ, тилко сцо спомянувъ, та не вдерзу слини!

Циган. Чхаве на мурди прекуренди, на хрля вдере дати!
Диво мнѣ тимъ людамъ, що вмѣют махлюваты;
А я заховай Боже, якъ того цураюсь;
Таки бо я на тому махлярству не знаюсь
Що тилко загорую сліожнимы рукамы,
Тимъ и симъ зъ жаданкою, да и з жаданамы,
Якъ попишу симъ перомъ на клячинѣ паси,
То тутъ и ест порося, сало и ковбасы.
А ти старе, заткало, що тут пороблаешъ?
Чи витришки продаешь, чи куни мѣняешь?

Жид. Мы не того роду, сцобъ кѣнми мѣняти;
Мнѣ дай тилко напиткомъ всякимъ синковати.

Циган. А сала албо ковбас продавать не лучалось?
Коли бъ вони тепер, тоб то смаковалось!

(*Жид.*) Не кази скоромнаго, я и и слухать не хоцу.
Якъ бѣлзе будешъ казать, то навтеки скоцу.

Циган. А ти тепер не иси скоромного, жиде,
Дакъ се, якъ бачу, твѣй пост николи не зійде;
А Сергѣевой же ти не идавъ звѣрини?

Жид. Насъ равъ бо намъ приказавъ не исти свинини,
А самъ узе на той свѣтъ посовъ есце вцора;
Тамъ вѣнъ тепер истъ въ небѣ вола соробора.

Циган. Коли жъ такъ, вже й іого дѣдко къ собѣ справивъ,
Бо коли бъ вѣнъ в небѣ бувъ, небо бъ заплюгавивъ.
А и ти тута не хочешь исти кабанпни,
Дакъ мандруй з дѣдкомъ туда жъ до своей родини,
Албо иди в подводу къ царю Фараону,—
Будешь возить, якъ прежде, на собѣ кшвадрону.

Віиздитъ мужикъ на торгъ изъ сыномъ и, оставивши сина, поидет торговати, потомъ до сина пріидуть три ярши и обикрадуть сина, и скоро пріидетъ батко до сина, будетъ зѣло скорбѣти, потомъ иний ярига пріидетъ, продаючи шляпу, и за той торгъ побются.

Interludium 3—tium.

Бат. Не заиздѣмъ далеко, станмо и к дорозѣ,
Та я пойду на мѣсто, а ты сяд на возѣ.
Синъ. Добре, татку, будемо на возѣ сидѣти,
Тулко не забуд к святѣмъ де-що покупити,
Бат. А я того найбарзе, що сама казала:
Вона и благовѣсного яиця споминала.
Сѣди жъ синку да и гледи от на возѣ мѣхи.
Синъ. Казала еще мати, щоб продавъ орѣхи.
Батко. Чи не казала ще чого на мѣстѣ купити?
Синъ. К светому воскресенію чи не купишъ свити?
Бат. О то еще казала шахрану на паску.
Синъ. То то, татку, купи и запаску.
Бат. Добре, синочку, куплю, ос озму свитище.
Синъ. Ужеж заразомъ купи Солосѣ и днище,
Гребѣнъ и веретено, и люлку для Яця,
Черцю, курки, галуну покрасити яйца (к святу),
А минѣ на чоботи кармазину, тату,
Горщокъ, макутру, мяло и соли у хату.
Бат. Ну вжеж пойду на мѣсто, щоб намъ не баритись.
Синъ. Та вже тебе я знаю, що ти рад напитись.
Бат. Не буйсъ, синокъ, не тее веремя тепера.
Синъ. Та я знаю, що тее буде, якъ и вчера (Батко soluta oratione)
І о такій пяній бувъ, що в ротѣ нѣ зуба,
Що якъ вдаривъ по мармузѣ, такъ ще болит губа.
Бат. От я сіого, Пелипку, нѣчого не знаю,
Що я чиню пяній; чи бю, чи полаю.
Ну не бѣся, дитятко, не буду вже питы;
Коли бъ тѣлко до дому де-що покупиты.
Яриг. Ек ана, братъ, какіе оченъ срядни рагѣ.
Аврюха, сматри з саду вотъ в міеху перагѣ,
А мы вотъ вжо начніомъ чупруна вбѣратѣ.
Ну братъ, Кирпичовъ, с вала рагѣ та снемать!

Еехъ, срадніе рагі и намъ би здалися!
Ну—ста, братъ, Авруха за вала берися,
Да вотъ, братъ, оба рагі с вала поздемаемъ,
А снявши да поніесіомъ, в карманъ пахаваемъ.

Синъ. Що ви таке робите, не руште бичати,
Бо онъ батко на мѣстѣ,—я буду кричаты.

Ярих. Не ври многа хахол,—рожу растаскаю,
І з голови валаса всіе те позриваю.
Пріими ево харашо, блядиново сина,
Щтобъ онъ віедалъ, скурвои синъ, каковъ я детина.

Синъ. Я, моспанство, пентачка не жалую дати,
Тѣлко будте ласкавы, не руште бичати.

Ярих. Да вотъ мы сами денегъ имѣемъ даволно;
Снеми та рагі с вала,—ужо болтат полно.

Бат. А шо, синокъ, сиди жъ ти? чи не змерзъ у ногы?

Синъ. І от замалимъ з вола не пропали роги.

Бат. Що такее, синочку, з нашого бичати?

Синъ. Едъ не що, зіомочки хотѣли знѣмати.

Бат. Се ж ти, бачу, калачѣвъ не встерѣхъ на возѣ;
Я то казавъ, щоб саму и повезти небозѣ
Я сподѣвавсь на его, негѣдного сина,
Ажно воно придбало, чортова дитина.
Якъ би взявъ, щоб не влучивъ, куди утѣкати,
То б воно паметало, якъ то догледати
Отцевского доброго, а іому все смѣхи,
А того не зна, блазня, що из воза мѣхы
Пропалы, та вже сидит дѣдча собѣ тихо.
Якъ би рѣзнувъ по мурзѣ, щоб напало лихо,
Ачей би вже тетюха іого потрусила,
Тобъ дѣдча детина такъ вдруге не чинила.
Батко бѣдній товчется всюди головою,
А его воза глядѣт покинувъ з бедою,
Такъ вунъ того нѣчичиркъ, щоб того доглядѣвъ.
Лишь я куди вичакнувъ, то вѣнъ к чорту грянувъ.
Тобъ я камъ ся де подѣвъ, а воно нѣдбае;
Щоб худубки доглянувъ, того нѣгадае.
Нехай же, хотѣвъ купит и к святѣмъ шапчину
Ходиж тепер без шапки, нетецкій сину!

Ярих. Ека шлика оченъ срядна,—изволь покупати;
Ветъ такой на базаріе не мошна сискаты.
Муж. О скурви синека з блазнямъ, щасливе якое:
Нѣ гадавъ купит шъличку, а тут, акъ на тое
Чортъ принюс ис товаромъ сюда къ мнѣ ста;
Щож мусит батко с тими? отсердится въ ката.
А що дамъ, пане капраній, за сюю шапчину?
Колиб не дорожився, тоб я купивъ сину.
Ярих. Да нет, сватъ, не дарага: толко што полтина.
Муж. Ну лишне не калантир озми повъ алтина
Ярих. Да нет, што ти вріошъ, невіежа, да вет ето шляпа.
Муж. І жеб то мы купили тулко но почата: (помала)
Ярих. Какъ жя, чупрун, не купишъ ти етоей шляпы?
Муж. І пѣди, пестелюго, не видали шкапы.
Ярих. Да што ти, безтолковой, меня здесъ ругаешъ?
Какъ пападу за хихол, дакъ ти меня взнаешь.
Муж. Ось яж тебе наперед хлудиною ġречѣ!
Якъ писаночку спишу помаленку плечѣ.
Ярих. Какъ чупрунъ мне тронешъ, глаза растаскаю
І валаса з галавы всіе повириваю.
Муж На, колы хочь з денгою алтинъ за шапчину,
А придачку до копи колякою в спину.

*Виходят пиворѣзы первѣе единъ, а потомъ другій, которіи и малярство оумѣютъ; къ нимъ віидетъ мужикъ, и его отмалююmъ пиворѣзы, за которое малярство приведетъ на нихъ войта и ктитора, и прожену*m*ъ пиворѣзовъ.*

Interludium 4—tum.

Пив. Где бъ то, вашецѣ проше, мѣсце проискати:
Жившы без кондиціи, потяжко на шаты,
А и ещебъ думалось набрати тузинку,
Бо велце докучают студенти у зимку;
А приодягшис мало, поишол би въ Березну,
Но для совѣта гряду ко другу любезну,
Іже въ Претиской школѣ криласа правитель
Лѣвого, горѣлицы и бражкы любитель.
Паче бо в Коропѣ градѣ користы збиваютъ

I соборніи нашѣ тамо учащають
Всѣмъ той камен прибѣжище заяцемъ и маты,
Гдѣ братія животъ свой жаждет скончевати,
Камо и азъ шествую алчній, жаждній пити
Да животъ мой въ градѣ томъ могу кончити,
Въ немъ же мы отъ дѣтскихъ лѣтъ криличествовалы
I по шагу изъ диму рокового брали
I тамъ насъ братія соборнѣйша знаетъ
Толко туди появлюсь, то вся прибѣгаетъ
Под нашу милость, даби клиру сопричтити
I собор миж братію добре утвердиты.
Не толкожъ мы умѣемъ клиромъ управляти,
Но можемъ еще куншти разніе писати.
2 Пив. Хто здѣ таковъ хвалячся себе величаше?
Аще пріидетъ кто къ нему, нѣчого не даше.
А мы було якъ когдась на мѣсцѣ бували,
То до мене всѣ странни в школу прихождалы;
Ми бо бувало всіого подостатку маемъ
I хто прійдетъ к намъ в школу, любезно вгощаемъ.
Веліе баше число у насъ горѣлицѣ,
Полни чванцы текущы з подтрубной криницы
I всего слава Богу баше подостатку,
Що у людей, то и в насъ всякого статку
Да и тепер богати маемъ воли и телицы,
Iже купно мандрують по стѣнѣ к трубницѣ.
1. Не хвалѣтесь, бо и мы блощичного роду.
Маемо подостатку и всякого плоду
Доволствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса
Все ходячи по школѣ справляемъ труса,
Потрясши кучерами да спати лѣгаемъ,
А уставши раненько бражку попиваемъ.
Може вар(ш)ецъ ремество вмѣете робиты,
Бо и я умѣю, тоб вкупѣ сталибъ собѣ жити.
2. Скажѣть варецѣ проше окуду грядѣшы
Да и азъ ис тобою аможе идешы.
1 Грядемо мосцѣ пане з Середнои Буди
2. I мы толко що пріишли, було нас усюды
Гдеж намѣриваете нинѣ шествовати

1. Ходѣмъ до Березнои, где и дяковаты
Будемъ, бо вже давно к мнѣ присилали
Всѣ титарѣ до мене, и болшъ поступалы
Роковщины, та боюсъ, бо построивъ штукы,
Такъ щобъ не попастися прото(по)пѣ в рукы.
2. Скажѣте, пане Власе, що то тамъ такое
Сто барбаръ занесли такъ диво самое (Ей ей)
2. Перестанмо сіого, ну—мо маліоватись,
Якъ пойдемъ до Коропа добре залѣцатись
Будемъ, наперед мене зволте вмаліоваты
А потомъ мы варецѣ будемъ рисовати.
Муж. Скажѣть панове декы, мудріи вы люде,—
Чи Кавел Кавеля вбивъ кому брехня буде
Чи минѣ бъ то ис кумомъ, чи моему свату?
Все не дает просвѣтку дай же его кату
Пив. Не бойся, о нагрику, кума побѣдиши,
Аще на горѣлицу шага положишы
Муж. Мы тобѣ пане дяче и всіого потроху
Дамо крупѣвъ и солы пшона и гороху
Пив. О курвами о награ и з іого крупамы,
Або то мы без круповъ не звонимъ зубамы!
Муж. Також мы вамъ и шажокъ викинемъ до ката.
Пив. Гряди в школу для толку тамъ до номѣната (моего).
А мы свое, пане Власъ, о чомъ була мова
2. Добре варецѣ проше и фарба готова.
Муж. А ну и мнѣ компердь пердъ умалюйте дяче.
Бо що пріиду до дому, то моя и плаче
Дохна, що не купили гостинця из мѣста
Серегъ або перстеня и низки намиста.
Пив. Добре варець говоришь, мы служит охочѣ
Омалюемъ усіого, толко заплющъ очы.
Пив. От такъ ти того бре(а)те дури знишка скота,
Толкожъ дурно учинивъ не залѣпивъ рота;
Якъ пѣйде до громады да воиту искаже,
То й намъ кіямы ктитар пекарню помаже.
Муж. Що се тобѣ Артюше сталося такее,
Щеж мы вперше из роду видимо от сее
Що такъ от легкодуха терпѣтимут люде

Елже якъ не вибемо, то из насъ смѣхъ буде.
Гледи лишь, Тарасе, да стань от порога,
То мы легкобитовѣ припиляемъ рога.
И іонъ скурвій синъ поднявъ смѣхъ з нашого брата
Коли бъ що добре таки, а то шарапата.

Пив. Забівают нищету нашу, и печал нашу: обиидоша мя псы мнозы, жезлъ твой и палица твоя та мя утѣшиста; о Бозѣ моемъ прелѣзу стѣну: сонмъ лукавих обдержаша мя

Вивозитъ лях мужика въ клѣтцѣ и війдетъ до него жид и заорендует мужиковъ. Потом до них війдетъ козак и визволивши мужиковъ запряжет ляха и жида отидет.

Лях. Gdy by mnie kto takiy chłopow potargował
Zayscie syzmatyckiey krwi bym nie żałował.
Nech że kiedy iuż taka odmiana się stała
Co do tych czas wolnosc święta trwała
A teraz nasi chlopy na nas się buntuią
Y z kozacy na polskie koronę wotuią,
Zeby ią wykorżenic y wszystkie iey cnoty
Y odebrać do siebie szlachecke kleynoty.
Y takie to porade sobie wseymowali,
Zeby nasi poddani na nas y powstali.
Nie doczekaią tego żeby to tak bylo
A będziemy woiowac by szczęscie pluzyło
Poddanstwo swoię przedam już teraz nie trzeba
A u woysku gdzie kolwiek popadne szmat chleba
Y będę sam woiował poki siły stanie.

Жид. Добре васецъ говорисъ, Цердіицкій моспаніе,
А я цувъ сцо подданнихъ хоцесъ продаваты;
Не продавай зе васецъ, зволь заорандоваты

Лях. Dobrźe Żysiu powiadasz, uczynic to moge
Tylko niewim czy kupisz, bo poddanstwo droge.

Жид. А сцоб васецъ за них проп(х)авъ, я буду вистацавъ
I все от сіого разу буду гросѣ збиравъ.

Лях. Nie wiele ia, Żysiu, chce za swoie poddane.

Жид. А якъ много цирвонихъ казы васецъ пане.

Лях. Żeby się nie targowac, day, Żysiu, sto złotych

A kiedy się woyna mini, przyiade
Y żeby w ten czas byli piniędzy gotowe
Wraz czyrwonemi płacić będziesz głowe w głowe.
Жид. Ховай Боже я пане не стану за плату
коли цого не стане, я продамъ и хату.
Лях. Day że, Żysiu, zawdatek y postaw mi człeka
Жид. Насцозъ васецѣ свѣдокъ? зн-е и дейнека.
Лях. A czy wicie, chlopowie, tego oręndara?
Муж. Знаю, як була въ іого велика кошара
Овець, дакъ мы помалу те все прибирали
Чи сита, чи худенка—не перебиралы.
Жид. У ноцѣ, о вей пане, сцоб и мене не вкравъ.
То я имъ буду на ницъ руки ноги вязавъ.
Лях. Я орендаржу tobie tak y przykazuię
Niech ieden y drugi z nim związani nocuią.
Муж. А буд ласкавъ паночку змилуйся над намы,
Хочь самы мы будьмо володать рукамы.
А то несвѣцкій соромъ прійшлося терпѣты,
Несподѣване лихо ось в турмѣ сидѣти
Пріишлос, а тепер моя нещасная доле
Тилко що бувъ бичаткомъ виихавъ у поле
Ажъ ось ти пане бѣжишь до мене на ниву,
Да и казав взят у мене кобилчину сиву,
А минѣ зказалы бика запрягати,
Дакъ я вже то сюд то туд да и покинув жаты
І посовтавъ до дому, да всовстався въ лихо
Нѣкуды вже будчати тѣлко сидѣт тихо.
Козакъ. Щоб то се за причина и якъ розважати,
Що ляхы шилихвости людій продавати
Почали, да не знаю що то с того війде,
Якъ на ляха година нещаслива пріиде
За те, що хрестянску кровь жидамъ орендуютъ
Десь то на себе лихо якее вѣщуютъ.
Да ще будет имъ лихо, нехай пождутъ трохы,
Бо мы вже взнали добре ляховецкы здохы;
Тулки ихъ помаленку будемо нуздати
То вони заречутся хрестанъ продаваты.
Муж. Ей будь ласкавъ, козаче, визволь з сего лиха
Якъ пріидешъ до мене, дамъ вовса полмѣха.

Козакъ. А тебе то сеи ляшуга узавъ у кандалы?
Муж. Едже такъ, козаченку, ти(ут) и ночовалы.
Козакъ. А защо ти шевлюго людей даешь въ муку?
Лях. Jako żywo nie daie...
Козакъ. Або не чувъ гуку,
Якъ отъ тебе хрестане отсіи кричалы.
Муж. Ще ото маю: хотѣвъ заслать на каналы
Якъ на роботу, такъ іого стали мы просити
Щобъ неславъ туди, ажъ жид пришовъ щобъ купити
Насъ, а вунъ и запрягъ у ярмо Потапа,
А надо мною знучавсь собачая лапа
Да ще упер у турму, щоб тут намъ сидѣти.
Козакъ. Не буйся, чоловѣче, буде самъ вертѣти
Хвандамы, якъ будемо въ ярмо запрягати,
То вже не одважится людей продавати.
Лях. A mospanie kozacze nade mno zmiłuysię
Y takiey mey głuposci prosze nie dziwuysię
Ja y w pamięci tego nie miałem trafunku.
Жид. Едже васець и мене привѣвъ до фрасунку,
Сцо хоць людій продавати такъ я сіого не знавъ,
Я віихавъ на мѣсто так ти самъ сказавъ.
Козакъ. Дакъ ти сіого нехристе не знаешь нѣчого?
Муж. І вже заплативъ усѣ сѣмь без золотого тараля
Козакъ. Віими ляше ис турмы сіого чоловѣка
Да самъ клады и з жидомъ голову без крика.
(*Жид.*). О минѣ пане козаце треба до Олика мѣста на ярмарокъ
Лях. A bądz łaskaw mospanie na mnie swego sluge
Już dalebog nie będę tego czynic wdruge.
Козакъ Годѣ калантурит, звол шію в ярмо класты
Да поидем до мене з жидомъ овецъ пасты.

Кромѣ книгъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ при № 10 и въ дополненіи къ нему при № 11, вновь поступили въ складъ слѣдующія названія:

1 **Береженого Богъ береже.** Оповиданне про скотську чуму. Екатеринодаръ, 1896. Стр. 1—16. Цѣна 10 к.

2. **Дикаревъ.** Воронежскій этнографическій сборникъ. Изданіе Воронеж. Губернск. статистич. комитета. Воронежъ, 1891. Стр. 1—314. Цѣна 2 р.

3. Ол. **Кырпатый. На** панському обиди. (Бувальщына). Харькивъ, 1890. Стр. 1—18. Цѣна 5 коп.

4. Ол. **Кырпатый.** Чумацьке лыхо (Зъ народнихъ устъ). Оповиданне. Харьковъ, 1890. Стр. 1—27. Цѣна 5 коп.

5. **Макаровскій.** Наталя або дви доли разомъ. Поэма. Харьковъ. 1890. Стр. 1—39. Цѣна 7 коп.

6. Ѳ. И. **Уманецъ.** Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. С.-Петерб. 1897, стр. 1—455. Цѣна 2 р. 50 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LX.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.